

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I

PSlav 381.10 (1),

~~Slav 25.15~~

✓

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COGLIDGE
JULY 1 1922

С. М. СОЛОВЬЕВЪ.

Съ фотографіи Панова (1872 г.) рѣзалъ на деревѣ А. Зубчаниновъ.

Дополнено иезуромъ. С.-Петербургъ, 2 мая 1880 г.
Гравированъ А. С. Суворина. Ръдъ иезуръ А. П. П.

[The text in this section is extremely faint and largely illegible. It appears to be the main body of a document, possibly a letter or a report. Some words like 'the', 'and', 'of', and 'is' are faintly visible.]

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ, 1880).

	СТР.
Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ. Историческій разсказъ. Н. И. Костомарова.	1
Записки В. Н. Геттуна 1771—1815 гг.	26; 253; 473
Московский бунтъ 23 іюня 1648 года. Разсказъ очевидца; съ прѣдисловіемъ и примѣчаніями К. Н. Вестужева-Рюмина.	68
Сергій Михайловичъ Соловьевъ. В. И. Герье.	74
Кадетскій монастырь. Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ. Н. С. Лѣскова.	112
Декабристъ М. С. Луинъ. Д. И. Завалишина.	139
Знакомство съ Сенковскимъ. Отрывокъ изъ воспоминаній. А. П. Миллюкова.	150
Близко ли паденіе Англіи. Н. И. Куницына.	159
Императоръ Александръ I. Изъ записокъ князя Меттерниха	168
Записки Луи Шнейдера.	181; 849
Домикъ моего дѣдушки. Изъ „Очерковъ Литвы“ И. Ходзько.	191
Изъ литературы пятидесятихъ годовъ. Снятіе опалы съ славя- нофиловъ. М. И. Сухомлинова.	233
Церковно-земскій соборъ 1551 года. И. Н. Жданова.	297
Не быть по сему. Историческій разсказъ В. В. Крестовскаго.	311
Сынъ Суворова. Л. С. Маціевича.	346
Русскій ученый въ Новой Гвинее. В. Н. Майнова.	358
Записки князя Меттерниха.	374
Чартизмъ. Изъ исторіи нашего времени. Макъ-Карти.	393
Развалины Трои. Статья Р. Вирхова.	415

	СТР.
Князь С. Г. Долгорукой и его семья въ ссылкѣ. Историческій очеркъ по неизданнымъ документамъ. Д. А. Корсакова.	457
Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. А. П. Пятковского.	505; 681
Русскій демократъ въ Польшѣ. Изъ разсказовъ о трехъ праведникахъ. Н. С. Лѣскова.	533
Яганна Петрова, камеръ-медхенъ Екатерины I. Г. В. Есипова.	547
Отрывки изъ воспоминаній. I. Императоръ Александръ I въ Ижевскомъ заводѣ въ 1824 году. II. Императоръ Александръ I и капитанъ Коротковъ. Г. Утробина.	557
Национальная историографія въ Германіи. В. И. Герье.	567
О'Коннель и Ирландское движеніе. Изъ исторіи нашего времени. Макъ-Карти.	594
Записки Баролины Вауеръ.	619
Разработка Русской исторіи въ послѣдніа двадцать пять лѣтъ (1855—1880). Н. Я. Аристовъ.	666
Адамъ Мицкевичъ въ Россіи. Ф. К. Неслуховскаго. Глава I. Литва.	713
Невольный монахъ. Быль изъ послѣднихъ лѣтъ XVIII столѣтія. Вс. С. Соловьева.	732
Скопческій ересархъ Кондратій Селивановъ. Ссылка его въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь. В. Н. Майнова.	754
Университетъ и корпорація. Отрывокъ изъ воспоминаній И. В—ва	779
Записки принцессы Сальмъ-Сальмъ.	805
КРИТИКА И БИБЛОГРАФІЯ.	210; 431; 636; 867

Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ **И. Забѣлина.** Части I и II. М. 1879.—Полное собраніе сочиненій князя **П. А. Вяземскаго.** Тома I, II и III. Изданіе графа **С. Д. Шереметева.** Спб. 1879 и 1880.—*Der Zarowitch Alexei; von A. Brückner.* Heidelberg. 1880.—**Макарій,** высокопреосвященный митрополитъ Московскій. Біографическій очеркъ. Спб. 1879.—**Женская доля** по малороссійскимъ пѣснямъ. **А. Боровиковскаго.** Спб. 1879.—Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества. Тома 25 и 26. Спб. 1879.—*Un homme d'autrefois. Souvenirs recueillis par son arriere-petit-fils, le marquis Costa de Beauregard.* Paris. 1879.—*De Byzance à Moscou. Les voyages d'un patriarce.* Par **Vogué.** — Пережитое. Мечты и разказы русскаго актера **Л. Н. Самсонова.** Спб. 1880.—Историческая хрестоматія для изученія русской церковной проповѣди. Сост. **М. А. Поторжинскій.** Кіевъ. 1879.—Историческая библіотека Тверской епархіи. Томъ I. Тверь. 1879.—Престоль и монастырь. Историческій романъ изъ русскихъ лѣтописей 1682—1689. **П. Полежаева.** Спб. 1879.—Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. **С. Соловьева.** Томъ XXIX. М. 1880.—Историческій очеркъ Инженернаго управленія въ Рос-

сін. Сост. А. И. Савельевъ. Спб. 1879. — Наука и ученые люди въ Русскомъ обществѣ. П. Милославскаго. 2 изд. Казань. 1879. — Мѣсяцесловъ святыхъ всею русскою церковью или мѣстно-чтимыхъ и указатель празднествъ въ честь иконъ Божіей Матери и святыхъ угодниковъ Божіихъ въ нашемъ отечествѣ. Выпуски I и II. Тамбовъ. 1879. — Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Евгеніи Туръ. Спб. 1880.

ИЗЪ ПРОШЛАГО. 217; 444; 646; 874

Именные указы императрицы Елисаветы Петровны. — Собственноручная записка императрицы Екатерины II къ неизвѣстному лицу. — Нѣчто о бывшихъ городничихъ. — Забѣтка о Русской литературѣ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. — Прогулка маленькаго нѣмца по Невскому проспекту. Анекдотъ изъ сороковыхъ годовъ. — Судьба декабриста Петра Бестужева. — Поблажка нѣмцамъ. Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа. — Изъ исторіи Тамбовскихъ духоворцевъ. — Высочайшія повелѣнія о буквѣ „ѣ“. — Семинарское торжество 1797 года. — Одинъ изъ друзей графа Аракчеева. — С.-Петербургское вольное общество любителей прогулки и общества друзей признательности. — Шведская кухарка императрицы Елисаветы Петровны. — Предположеніе Мещовскаго дворянства о памятникѣ императору Александру I. — Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I. — Графиня Орлова-Чесменская и архимандритъ Фотій. — Къ біографіи М. Ю. Лермонтова. — Къ біографіи С. С. Ланскаго.

СМѢСЬ. 226; 451; 653; 884

Французская экспедиція въ Россіи. — Изданія Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. — Императорская Публичная Библіотека въ 1878 году. — Новый музей. — Собираніе старинныхъ книгъ и рукописей. — Городъ Владимиръ въ 1877 г. — Письма замѣчательныхъ людей. — Біографическій словарь русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей. — Дѣятельность втораго отдѣленія Академіи Наукъ въ 1879 г. — Этнографическій музей въ Парижѣ. — Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея за 1876 — 1878 г. — Румынская литература. — Федоръ Николаевичъ Глинка. — Измаиль Ивановичъ Срезневскій. — Дѣятельность г. Пуцилло. — Французскій геологъ въ Россіи. — Кіевское Историческое общество Нестора-Лѣтописца. — Описаніе рукописныхъ сборниковъ Публичной Библіотеки. — Поѣздка въ Румелію архимандрита Антонина. — Григорій Николаевичъ Геннади. — Александръ Логиновичъ Данзасъ. — Раскопки Шлимана. — Сказки вендовъ Векенштедта. — Современная венгерская народная драма.

СПИСОКЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНИЙ (на Русскомъ языкѣ), появившихся съ 1856 по 1880 годъ. Составилъ Я. П.—въ 897

Письма къ редактору **К. Н. Вестужева-Рюмина** и **В. И. Герье** 456 и 664

ПРИЛОЖЕНІЕ. Новый всемірный потопъ. Историческій романъ,
Ю. Роденберга. Переводъ съ нѣмецкаго. Части первая и вторая
и части третьей главы I и II.

РИСУНКИ: 1) С. М. Соловьевъ. 2) Н. И. Костомаровъ. 3) Князь
В. Ө. Одоевскій. 4) Адамъ Мицкевичъ. 5) Скопческій ересіархъ
Кондратій Селливановъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ I

1880

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

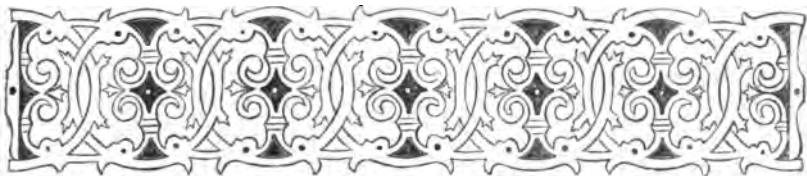
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1880

~~Slav 25.15~~

P Slav 381.10

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COLLIER
JULY 1 1922

САМОЗВАНЕЦЪ ЛЖЕ-ЦАРЕВИЧЪ СИМЕОНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

В ЗАПОРОЖСКОЙ СѢчѣ издавна сохранялось правило или укорененный обычай: всякому вольно было туда приходить и оттуда уходить по своему собственному желанію. Какъ ни домогались выдачи бѣглецовъ постороннія власти и украинскія, и московскія, и польскія, и иныхъ государствъ—запорожцы никого не выдавали по одному внѣшнему востребованію. Въ томъ и состояла ихъ старинная предковская вольность. Низовики хвалились: пока эта вольность будетъ соблюдаться, до тѣхъ поръ и славная Сѣча будетъ стоять непоколебимо! Знать не хотѣли запорожцы, хорошъ или дуренъ былъ человѣкъ къ нимъ приходившій на своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства; съ нихъ было довольно того, что пришелецъ въ Сѣчѣ искалъ пріюта. Это разумѣется не избавляло пришельца отъ подчиненія правамъ и обычаямъ, господствовавшимъ въ Запорожскомъ товариствѣ. Не всякое дурно могло безнаказанно пройти ему послѣ того, какъ онъ былъ принятъ въ Сѣчу, а только совершенное за ея предѣлами прежде могло въ ней укрыться. И не только людямъ, даже болѣзнямъ и самой страшной чумѣ открытъ былъ въ Сѣчу свободный доступъ, хотя послѣ спохватившись товариство принимало мѣры противъ ихъ распространенія на сколько умѣло. Такое несконное качество Запорожской Сѣчи рѣзко проявилось въ концѣ 1673 года. Разомъ два лиха прокрались тогда въ Сѣчу. Одно лихо была зараза. Какой-то торговый человѣкъ изъ города Каменца (тогда подпавшаго подъ власть Турціи) пріѣхалъ въ Сѣчу съ товаромъ. Запорожскій козакъ Пинчукъ купилъ у него, что ему надобно было, а черезъ три дня скоропостижно умеръ. Тотчасъ вслѣдъ за нимъ умеръ и сынъ его, отрокъ, исполнявшій въ сѣчевой церкви должность канонархиста. Черезъ два дня умерли: купецъ, привезшій товаръ въ Сѣчу и братъ его, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ. Два куреня, Шкуринь и Васуринь, овладѣли товаромъ умершихъ тор-

«Ист. вѣст.», годъ 1. томъ 1.

говцевъ и во всей Сѣчѣ сдѣлалась тревога: остальные курени стали остерегаться сношенія съ этими двумя куренями. Въ это время появилось Сѣчу другое лихо. Приѣхалъ въ Сѣчу неизвѣстный человѣкъ, одѣтый въ зеленый кафтанъ, подбитый лисьимъ мѣхомъ, изъ-подъ котораго виднѣлся китайчатый малиноваго цвѣта зипунъ. Пришелець былъ недурень собою, тонкаго стана, съ продолговатымъ лицомъ, немного смуглымъ, волосы были у него не то рыжіе, не то русые; былъ онъ молодецъ: по виду одни давали ему лѣтъ до двадцати, другіе—не болѣе пятнадцати или шестнадцати. Съ нимъ было девять человѣкъ; изъ нихъ восемь Донскихъ козаковъ, а девятый вожь. Вожь былъ необходимое лицо въ тѣ времена въ непредѣльной степи Южной Россіи: все равно что лоцманъ въ морѣ, вожь былъ путеводителемъ по степнымъ равнинамъ, зналъ всѣ примѣты, всѣ балки, рѣчки, овраги, могилы (зурганы),—все, чѣмъ нарушалось однообразіе степи; зналъ и разстояніе отъ одной примѣты до другой. Искусство вожа и опытность очень цѣнились. Вожь, приведшій неизвѣстныхъ спутниковъ въ Сѣчу, назывался Міувскій, водилъ постоянно спутниковъ между Дономъ и Запорожьемъ и многимъ товарищамъ-сѣчевикамъ былъ извѣстенъ лично.

Кошевымъ или главнымъ начальникомъ Сѣчи былъ тогда Иванъ Сѣрко, человѣкъ знаменитый въ исторіи Малороссіи. Въ продолженіе двадцати лѣтъ слишкомъ отъ смерти Богдана Хмельницкаго до своей кончины, мы безпрестанно встрѣчаемъ его въ званіи кошеваго атамана, хотя онъ носилъ это званіе не постоянно, напротивъ, нѣсколько разъ его замѣняли другія избранныя лица; даже онъ не разъ не ладилъ съ запорожцами и уходилъ отъ нихъ съ досадою, но потомъ мирился и снова былъ избираемъ въ кошевые атаманы. Мы не сдѣлаемъ ошибки, сказавши, что этотъ человѣкъ былъ истинный типъ запорожца, что онъ своею личностію какъ-бы выражалъ все свое Запорожское общество. Его свѣтлыя и темныя стороны были характерными чертами Запорожской общины. Любилъ онъ напиться, какъ и всѣ запорожцы, и въ пьяномъ видѣ показывалъ особенный задоръ, какого-бы не показалъ въ трезвомъ; дѣйствовалъ по минутному увлеченію и потому часто одумавшись поступалъ совершенно противно тому, какъ обѣщалъ прежде. Былъ онъ чрезвычайно храбръ и отваженъ на войнѣ, а каждый запорожець по своему призванію долженъ былъ отличаться этими качествами и потому Сѣрко былъ истиннымъ образцомъ для сѣчевиковъ: оттого-то его такъ и уважали и почему-нибудь не поладивши съ нимъ, все-таки снова къ нему обращались и добровольно поступали подъ его начальство. Всю жизнь свою былъ онъ заклятымъ врагомъ бусурманъ, особенно крымцевъ; много разъ водилъ запорожцевъ на Крымъ, жегъ улусы, истреблялъ безъ милосердія и старыхъ, и малыхъ и наводилъ на татаръ такой страхъ, что татарки-матери его именемъ пугали дѣтей своихъ. Наводить страхъ на бусурманъ было идеальное призваніе запорожца. На то и славная Сѣчъ существовала на свѣтѣ, чтобы бороться съ мусульманами. Всегда, когда

воевалъ Сѣрко съ татарами, выручалъ онъ изъ неволи христіанъ, которыхъ было тогда у татаръ много: и это былъ также нравственный долгъ запорожца. Не отличался Сѣрко постоянствомъ, какъ и вся Сѣчь Запорожская имъ никогда не отличалась: мы видимъ Сѣрко усерднымъ слугою то царя московскаго, то польскаго короля (впрочемъ тогда, когда московскій государь и польскій король не были между собою въ открытой враждѣ), то былъ онъ другомъ и сторонникомъ Дорошенка, выручалъ его изъ бѣды, то поддерживалъ Дорошенковыхъ соперниковъ Суховѣенка и Ханенка, а потомъ, когда этихъ соперниковъ не стало, опять сблизился съ Дорошенкомъ. Такое непостоянство всегда было въ характерѣ запорожцевъ. Политическій идеаль Сѣрко былъ исключительно запорожскій: у каждаго запорожца въ душѣ таилась мысль, что славное Запорожье должно распорядиться судьбою Украйны и поставять ей гетмановъ по тому образцу, какъ и Богданъ Хмельницкій намѣченъ былъ гетманомъ въ Сѣчѣ, и что поставленный гетманъ при всѣхъ важныхъ дѣлахъ долженъ обращаться съ желаніемъ Сѣчи. Ни одинъ кошевой не заявлялъ такъ гласно этой мысли, какъ Сѣрко при всякомъ удобномъ случаѣ. Ни съ однимъ гетманомъ не былъ онъ въ полномъ согласіи, какъ и все Запорожье, по преданію, переходившему изъ поколѣнія въ поколѣніе, считало своимъ долгомъ противорѣчить гетманамъ. Только съ Бруховецкимъ, который, какъ извѣстно, былъ креатурою Запорожской Сѣчи и поставленъ въ гетманы изъ кошевыхъ атамановъ, Сѣрко повидимому ладилъ болѣе, чѣмъ съ другими,—но и съ тѣмъ доходилъ до размолвки. Послѣ низверженія Многогрѣшнаго Сѣрку хотѣлось сдѣлаться гетманомъ и чуть было не достигъ онъ своей цѣли: ему помѣшало избраніе соперника его, генеральнаго судьи Ивана Самойловича, обязаннаго этимъ своимъ возвышеніемъ покровительству и благорасположенію боярина Ромодановскаго. И въ Москвѣ никакъ не хотѣли видѣть Сѣрка гетманомъ, а потому легко поддались требованіямъ противной ему партіи: чтобъ избѣжать волненія при избраніи гетмана, Сѣрка препроводили въ Москву, а изъ Москвы сослали его въ Сибирь. Но не пришлось долго томиться славному запорожскому герою въ отдаленной Сибири; его тотчасъ по просьбѣ запорожцевъ и по ходатайству польскаго короля, которому передъ тѣмъ Сѣрко оказывалъ услуги, освободили и отпустили въ любимую Сѣчь. Но этого не могъ забыть скоро Сѣрко. Непріязненное чувство къ Москвѣ у него нѣкоторое время оставалось, и хотя не довело его до того, чтобы чинить Москвѣ важный вредъ, но располагало поломаться надъ Москвою и подразнить ее, когда представится случай. Этотъ случай скоро представился.

Когда происходило описываемое нами событіе, Сѣрка въ Сѣчѣ не было. Онъ ходилъ съ молодиками (такъ назывались молодые запорожцы, недавно поступившіе въ Сѣчу новички) подъ Тягинъ (Бендеры) на военный промыселъ. По запорожскому обычаю новичкамъ

можно было какимъ-нибудь подвигомъ показать, что они достойны быть запорожцами и они совершали такой подвигъ подъ наблюдениемъ стараго и опытнаго товарища. Такихъ-то молодиковъ водилъ тогда кошевой Сѣрко.

Пришельцы вошли въ сѣчевой городъ. Въ объясненіе особенностей тогдашняго малороссійскаго быта надобно замѣтить, что весь Малороссійскій край былъ усѣянъ городами: это совсѣмъ было не то, что теперь называется такимъ именемъ. Тогдашнее безпокойное положеніе края, безпрестанно посѣщаемого неприятелями, требовало для населенія повсемѣстныхъ мѣръ обороны, а потому чуть не каждое большое село было тогда городомъ, то есть окружалось ровомъ, валомъ и на валу деревянною стѣною съ башнями и воротами. Многие города имѣли концентрическую форму. За предѣлами рва, вала и стѣны строились людскіе дворы, которые всѣ вмѣстѣ окружались еще ровомъ, валомъ и стѣною; за ними строились опять дворы и перѣдко и тѣ еще обводились также подобными укрѣпленіями; во многихъ мѣстахъ городъ былъ тройной, въ другихъ — только двойной: одинъ назывался большой городъ или внѣшній, другой — малый или внутренній. Внѣшній городъ былъ средоточіемъ промысловъ и торговли и назывался „местомъ“, т. е. мѣстомъ (по малороссійскому выговору звука *ь* какъ *и*, отсюда слово мѣщане). Тамъ, гдѣ былъ тройной городъ, „место“ занимала часто крайняя его часть, а иногда средняя. И Сѣча такъ же была устроена: въ ней былъ малый или внутренній городъ. Предъ концомъ своего существованія этотъ малый сѣчевой городъ, гдѣ содержалась войсковая казначейство, находился на островѣ, теперь уже поросшемъ лозою; но тамъ ли онъ былъ при Сѣркѣ, на то мы указанія не нашли. Мѣсто Сѣчи долго перемѣнялось: она въ началѣ была на островѣ Хортицѣ, потомъ ниже, на островѣ Томаковѣ, куда бѣжалъ въ нее и Богданъ Хмельницкій; потомъ на Микитиномъ Рогѣ, гдѣ нынѣ Никополь, а еще позже — еще ниже, за Чертомлыкомъ, тамъ, гдѣ впоследствии она и была разрушена, уступивши мѣсто послѣ себя селу Покровскому (такъ названному по церкви Покрова Богородицы, бывшей патрональнымъ сѣчевымъ храмомъ) и деревнѣ Копиловѣ.

За отсутствіемъ кошеваго мѣсто его по управленію всѣмъ кошемъ занималъ наказной кошевой. Въ то время эта должность въ отсутствіе кошеваго возложена была на сѣчеваго войсковаго судью. Ему дали знать о новопрішедшихъ. Судья съ другими старшинами вышелъ смотрѣть на нихъ. Вожь Миувскій сказалъ:

— Вотъ къ вамъ пришелъ царскій сынъ, важная особа, царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ, сынъ благовѣрнаго государя царя Алексѣя Михайловича!

Судья и прочіе старшины сразу изъявили сомнѣніе.

— А почему же, сказали они, мы можемъ знать, что онъ именно такая особа, какъ ты говоришь?

— У него, сказали Миувскій, на правомъ плечѣ и на рукѣ есть знаменіе видѣніемъ царскаго вѣнца. Я присягнуть готовъ, что подлинно такъ, потому что самъ видѣлъ то, о чемъ говорю; съ нимъ еще двѣ хоругви, а на нихъ написаны орлы да сабли кривыя.

— Какъ же ты съ нимъ сошелся? гдѣ узналъ его? спрашивалъ судья.

— Будучи на Дону, говорилъ Миувскій, въ рѣчкахъ, увидалъ его, что идетъ съ донскими козаками, и сказалъ онъ, что хочетъ къ вамъ на Запорожье; вотъ я и привелъ его къ вамъ, какъ онъ хотѣлъ!

Молодой человекъ, о которомъ шла рѣчь, не говорилъ ни слова и стоялъ опустья глаза и руки въ землю. Съ любопытствомъ стали осматривать его, начинали спрашивать, царевичъ ли онъ; но онъ не охотно пускался въ разговоры и объявилъ, что желаетъ говорить съ самимъ кошевымъ. Рѣшили принять его, но всякія объясненія съ нимъ отложить до возвращенія Сѣрка.

Сѣрко не замедлилъ прибыть. Наказной кошевой вышелъ къ нему на встрѣчу съ распущенными знаменами, вмѣстѣ съ другими старшинами. Съ нимъ вышелъ на встрѣчу кошевому и названный царевичъ. Былъ здѣсь же и пріѣхавшій въ Сѣчу посланецъ отъ гетмана Самойловича, по прозванію Зубъ. Сѣрко принялъ всѣхъ любезно, остановился не во внутреннемъ городѣ, а за городомъ, а потомъ поѣхалъ въ городъ на раду, на которой тогда читаны были полученныя въ Сѣчѣ письма.

По окончаніи рады Сѣрко, снова вышелъ за городъ и позвалъ къ себѣ таинственнаго человека. Сѣрко сидѣлъ въ хатѣ съ Пелехомъ, знатнымъ и вліятельнымъ товарищемъ, бывшимъ нѣкогда и кошевымъ. Сѣрко посадилъ самозванца между собою и Пелехомъ. Въ той же хатѣ были и другіе знатные товарищи. Сѣрко сказалъ самозванцу:

— Слыхалъ я отъ своего наказнаго: называешься ты царскимъ сыномъ; какого же царя ты сынъ? Скажи, Бога боячись, истинную правду; скажи намъ, нашего ли милостиваго великаго государя-царя Алексѣя Михайловича ты сынъ, или иного какого царя? потому что у нашего царя много царей пребываютъ подъ высокодержавною рукою. Говори намъ правду сущую, чтобъ мы тобою обмануты не были, какъ были уже обманываемы иными приходившими въ наше войско плутами.

Самозванецъ снялъ шапку, всталъ, поклонился и прерывающимся отъ плача голосомъ произнесъ:

— Не надѣялся я, пане Сѣрко, того, чтобъ ты меня страшити имѣлъ; вижу, что ужъ надо мною такое лихо чинится. Богъ мнѣ свидѣтель: правдивый я сынъ великаго государя царя Алексѣя Михайловича, а не иного вого.

Сѣрко, а за нимъ и другіе сняли шапки и поклонились царевичу до земли, потомъ пригласили его здѣсь же на попойку. Названный царевичъ не опустилъ „рядоваго“ возацкаго питья, но казался гру-

стенъ, ничего не говорилъ, смотрѣлъ въ землю и держалъ руки опущенными вдоль тѣла.

Послѣ того Сѣрею сказалъ о царевичѣ гетманскому посланцу Зубу и пригласилъ его посмотрѣть на царевича. Онъ снова пригласилъ къ себѣ самозванца, другихъ товарищей и гетманскаго посланца. Зубъ не рѣшался, да и не смѣлъ заявлять отъ себя какого-нибудь мнѣнія, а только сказалъ названному царевичу:

— Не изволишь ли писать къ гетману? а больше всего надобно бы тебѣ написать твоему батюшкѣ и учинить ему о себѣ вѣдомость!

— Къ гетману, сказалъ названный царевичъ, я теперь писать не стану, а вѣлю тебѣ изустно передать ему отъ меня поклонъ. Къ батюшкѣ же писать мнѣ трудно, для того что моя грамота попадетъ въ руки не къ батюшкѣ, а къ боярамъ, моимъ лиходѣямъ. Я того зѣло опасуюсь. А я повременю, пока такой человекъ изыщется, чтобъ могъ отдать мою грамоту въ самыя руки великаго государя, моего батюшки. Ты же, кошевой атаманъ, прибавилъ онъ обращаясь къ Сѣрею, — смилуйся надо мною, Бога ради никому обо мнѣ русскимъ людямъ не объявляй.

— Какъ же ты царевичъ, спрашивалъ его Сѣрею, отлучился отъ родительскаго дома и какъ попалъ сюда въ нашу сторону?

Самозванецъ говорилъ: — Сосланъ я былъ на Соловецкій островъ, а какъ туда прѣвзжалъ въ Соловецкій монастырь на богомолье Стеньга Разинъ, я тайно присталъ къ нему, и былъ съ нимъ, и въ стругѣ съ козаками на Хвалынское море ходилъ вмѣсто наемнаго гулящаго человека, и послѣ того на Дону былъ, пока Стеньгу не взяли. Войско Донское про меня не вѣдало; знали только одни атаманы. Изъ Дону же вотъ я къ вамъ на Запорожье прѣвхалъ.

— Какое-жъ у тебя намѣреніе, царевичъ? спрашивалъ Сѣрею.

— Хочу пробраться въ Кіевъ, а оттуда къ польскому королю поѣхать, — сказалъ самозванецъ.

Слышавшій эту бесѣду гетманскій посланецъ Зубъ былъ вскорѣ отпущенъ и на возвратномъ пути встрѣтилъ гетмана Самойловича надъ рѣкою Пселомъ на лугу подъ Гадячемъ, выше Криницкаго хутора. Обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ сообщилъ онъ гетману. Свидѣтельство Зуба подтвердили 22 запорожца, ѣхавшіе отъ Сѣрею въ посольство къ гетману. Самойловичъ тотчасъ послалъ донесеніе въ Малороссійскій приказъ на царское имя.

Получивши такое свѣдѣніе, царь Алексѣй Михайловичъ 12 декабря 1673 года отправилъ въ Малороссію стрѣлцаго сотника Василя Чадуева и подъячаго Семена Щеголева съ объяснительною грамотою къ гетману, въ которой сообщалось, что царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ, родившійся 7173 года, апрѣля въ 3-й день, скончался 7177 года, іюня въ 18-й день, всего четырехъ лѣтъ отъ роду, а при погребеніи его въ Архангельскомъ соборѣ кромѣ русскихъ архіереевъ присутствовали александрійскій патріархъ Паисій, всѣ царскіе бояре, думные

люди, стольники, стряпчіе и иныхъ чиновъ служилые и жилецкіе люди, и если бы царевичъ былъ теперь въ живыхъ, то ему было бы только 9 лѣтъ. Воръ, явившійся въ Сѣчѣ—плуть, самозванецъ и обманщикъ. Гетману указывалось придать къ посылаемымъ царскимъ посламъ по своему усмотрѣнію кого-нибудь изъ асауловъ или значныхъ войсковыхъ товарищей и послать ихъ съ провожатыми въ Сѣчу, потребовать отъ Сѣрка присылки вора, а съ нимъ и вожа Миувскаго къ гетману; гетманъ же долженъ немедленно отправить ихъ въ Москву. О томъ же царская грамота посылалась и къ Сѣрку.

Гетманъ Самойловичъ собирался въ походъ для военныхъ дѣйствій вмѣстѣ съ княземъ Ромодановскимъ противъ Дорошенка и на дорогѣ встрѣтился съ царскимъ посломъ въ городѣ Венригѣ Гадяцкаго полка 14 января. Получивши царскую грамоту, Самойловичъ сказалъ посламъ:

— Меня извѣстили, что Сѣрка опять нѣтъ въ Сѣчѣ, и уѣзжая онъ приказывалъ самозванцу воздавать всякую честь. Я уже посылаю въ Сѣчу пословъ, но ихъ задержали.

Исполняя царскій указъ, гетманъ тотчасъ отпустилъ московскихъ пословъ въ Сѣчу, а къ нимъ придалъ отъ себя значнаго войсковаго товарища Федора Бѣлика.

Царскіе послы и Бѣликъ пріѣхали въ мѣстечко Кереберду. Это мѣстечко близъ Днѣпра было тѣмъ замѣчательно, что въ немъ почти постоянно толкались запорожцы. Запорожская Сѣчь добивалась овладѣть этимъ мѣстечкомъ и Сѣрко не разъ хлопоталъ и передъ гетманомъ, и передъ приказомъ, чтобы царь отдалъ его запорожцамъ. Просьба Сѣрка не исполнялась благодаря гетману Самойловичу, всегда и во всемъ противодѣйствовавшему домогательствамъ своего соперника Сѣрка. И на этотъ разъ встрѣтили тамъ путешественники запорожцевъ. Между ними былъ одинъ по имени Максимъ Щербакъ, грубый и задорный, такъ что съ кѣмъ только онъ заговаривалъ, то какъ будто сейчасъ готовился драться. Пришедши къ посламъ, Щербакъ назойливо говорилъ:

— Куда это вы ѣдете, нечего вамъ туда ѣхать, а то даромъ пропадете.

Посланцы спрашивали кто онъ.

— Я Щербакъ Донскій. Знаете вы Щербака Донскаго? говорилъ Щербакъ.—Онъ знаетъ, зачѣмъ вы на Запорожье посланы! Щербакъ про все знаетъ и вѣдаетъ. На Сѣчѣ объявился царевичъ: вы его взять хотите: не отдадутъ его вамъ, оттого что это истинный царевичъ. Онъ, царевичъ, ударилъ блюдомъ дѣда своего по плоти боярина Милославскаго и оттого ушелъ изъ Москвы. Щербакъ это вѣрно знаетъ. Щербакъ самъ былъ тогда въ Москвѣ и въ тюрьмѣ сидѣлъ, а по челобитью Демкову освобожденъ. Былъ Щербакъ потомъ на Дону и на Запорожѣ, а изъ Запорожья вышелъ тому всего вторая недѣля. Такъ поэтому Щербакъ знаетъ, что на Запорожѣ дѣлается.

Бывшій при этомъ керебердинскій сотникъ сказалъ:

— Врешь, сякой-такой сынъ! Твой царевичъ воръ, плуть и обманщикъ; не царевичъ онъ, а самозванецъ!

Щербакъ пришелъ въ неистовство, сталъ на всѣхъ плевать и кричалъ: „Ротъ себѣ завяжите, а не то—даромъ пропадете!“

Царское посольство доѣхало до Кишенки 4 февраля. Провожавшій его Ѳедоръ Бѣликъ нашелъ гетманскаго посланца Ѳедора Ключко возвращавшагося изъ Сѣчи. Съ нимъ ѣхалъ запорожскій посланецъ атаманъ Грицько съ товарищами; онъ везъ отъ кошеваго Сѣрка къ гетману взятаго запорожцами въ плѣнъ татарина. Бѣликъ привелъ гетманскаго посланца къ царскимъ посламя для разспроса.

Ключко сказалъ:—Мы пріѣхали въ Сѣчу съ листомъ отъ пана гетмана къ Ивану Сѣрку и ко всему посольству. Мы Сѣрка въ кошѣ не застали: онъ уѣхалъ на морскіе разливы и намъ ждать было долго; мы прочли гетманское письмо товарищамъ безъ кошеваго, да ничего добраго отъ нихъ не увидали. Какъ только услышали они, что гетманъ требуетъ выдать вора, такъ сейчасъ захохотали и стали говорить про гетмана и про бояръ всякія непристойныя слова, а самозванца величали истиннымъ царевичемъ. Говорить, что Сѣрко приказалъ его такъ называть. Не стали они отписывать къ гетману, говорили: гетманъ-де требуетъ отъ насъ выдачи вора, а у насъ вора нѣтъ, у насъ въ Сѣчѣ правдивый царевичъ. Но самозванецъ далъ намъ письмо къ гетману и запечаталъ его печатью на подобіе царской печати. Сдѣлали ему эту печать запорожцы изъ скарбничныхъ сфимковъ вѣсомъ 30 золотниковъ, сдѣлали они ему еще и тафтяное знамя съ двоеглавымъ орломъ и платье хорошее ему справили. А какъ насъ отпускали, такъ по этому поводу собрали раду; пришелъ въ эту раду самозванецъ и всяческими словами безчестилъ гетмана. „Глушь, говорилъ онъ, вашъ гетманъ, что меня воромъ описываетъ! Еслибъ вы, посланцы, не были прѣсныя души, велѣлъ бы я васъ повѣсить! Коли гетману надобно меня знать, пусть бы прислалъ осмотрѣть меня своего обознаго Петра Забѣду, да судью Ивана Домонтовича,—узнали-бъ тогда, что съ ними учинится! Не разъ будутъ и бояре присылать за мною въ Запорожье, да я не поѣду; три года буду ходить на море въ Крымъ съ запорожцами, а тѣмъ, что за мною пріѣдутъ, даромъ это не пройдетъ!“

Царскіе посланцы потребовали отъ Ключко письмо, которое далъ имъ самозванецъ къ гетману, приказали сдѣлать съ него списокъ и отдали для врученія гетману, а подлинное письмо взяли съ собою для доставленія къ царю.

Тогда царскіе посланцы попытались заговорить съ ѣхавшимъ къ гетману атаманомъ Грицькомъ и его товарищами. Тѣ безъ зазрѣнія провозглашали самозванца истиннымъ царевичемъ. Одинъ изъ товарищей Грицьковыхъ, по имени Лука, былъ прежде челядникомъ бывшаго черниговскаго полковника Василія Многогрѣшнаго, сосланнаго съ братомъ своимъ гетманомъ Демкомъ въ Сибирь, другой—по прозвищу Мережка, былъ вмѣстѣ съ самозванцемъ на Дону и пришелъ съ нимъ въ Сѣчу. Лука сказалъ царскимъ посланцамъ:

— Не ѣздили бы вы на Запорожье, а то не избыть вамъ лиха—

не дождете: еще въ Кодакѣ встрѣтятъ васъ запорожцы и повѣсятъ, а того, кого называете воровъ и самозванцемъ, выдать и не подумаютъ.

— А ты, спросили его, знаешь самозванца?

— Многие годы жилъ при немъ, отвѣчалъ Лука, и знаю подлинно, что онъ истинный царевичъ Симеонъ. Самъ видѣлъ на тѣлѣ его природныя знаки: на плечахъ красный царскій вѣнецъ, двоголавый орелъ и мѣсяцъ со звѣздою.

— А ты что скажешь? спросили у другаго.

— Я пришелъ съ нимъ вмѣстѣ съ Дону, сказалъ Мережка, — называетъ онъ себя царевичемъ, а почему такъ называетъ, того не вѣдаю.

Но третій изъ товарищей, ѣхавшихъ съ запорожскимъ посланцемъ, по имени Игнатъ Оглобля, отступилъ отъ прочихъ и по секрету предостерегъ пословъ, что кошевой пришелъ въ Сѣчу съ морскихъ разливовъ на сырной недѣлѣ и грозилъ побить царскаго посланца, коли пріѣдетъ требовать выдачи царевича, — обзывалъ царскаго посланца собачьимъ сыномъ.

Чадуевъ и Щеголевъ сообразили, что имъ далѣе ѣхать не слѣдуетъ, не извѣстивши гетмана о томъ, что они узнали и видѣли. Они послали письмо къ гетману, который былъ тогда въ Каневѣ и указали, что надобно задержать Щербаба, Луку и Мережку до возвращенія царскаго посольства изъ Сѣчи. По этому письму гетманъ 23 февраля отправилъ въ Кишенку къ ожидавшемуся тамъ царскому посольству генеральнаго подъ-асаула Алексѣя Черняченка, приказавъ ему взять въ провозатѣ 40 человекъ изъ козаковъ Полтавскаго полка и ѣхать съ царскими послами въ Сѣчу.

1 марта выѣхали они изъ Кишенки и, доѣзжая до рѣки Томаковки, версты за десять отъ Сѣчи встрѣтили толпу запорожцевъ: тутъ были два знатныхъ товарища, бывшихъ прежде кошевыми атаманами: Шаполь и Лукьянъ Андриенко; съ ними былъ въ числѣ другихъ и вожь самозванцевъ Миувскій или Миуска. Асаулъ Черняченко завелъ съ ними бесѣду и по козацкому обычаю сталъ всѣхъ угощать виномъ съ тѣмъ, чтобы разспросить ихъ: они сказали, что выѣхали кормить лошадей, потому что въ Сѣчѣ кормить нечѣмъ, а одному изъ провожавшихъ посольство полтавцевъ вожь Миувскій сказалъ: „Напрасно ѣдете, царевича запорожцы не отдадутъ, потому что вѣрятъ ему и онъ во всемъ у нихъ воленъ, хочеть побывать въ Крыму“!

Козаки и Миувскій поѣхали далѣе вверхъ по Днѣпровскому берегу для корма лошадей, а Лукьянъ Андриенко на своей лошади присталъ къ посольству и доставилъ ему для перевоза лодку. Въ это время пріѣхалъ къ перевозу запорожецъ Иванюкъ съ одиннадцатю товарищами; они стали просить у Лукьяна вина.

— Ахъ вы, воры и разбойники! сказалъ имъ Лукьянъ, дважды уже вы царскихъ посланниковъ били и грабили, и этихъ хотите разграбить и побить! Спѣшите, спѣшите скорѣе перевозиться, — прибавилъ онъ, обратясь къ посланцамъ. а Иванюкъ съ товарищами, стоя на бе-

регу Томаковки, ругаль ихъ, потомъ завелъ ссору и драку съ Лукьяномъ, наконецъ, оставивши его, они уѣхали вслѣдъ за другими вверху по Днѣпровскому берегу.

9 марта царскіе посланцы и генеральный подь-асаулъ достигли до Сѣчи. Сѣрко въ сопровожденіи многихъ товарищей встрѣтилъ ихъ за городомъ и объявилъ, что рада рѣшила помѣстить царскихъ посланцевъ не въ городѣ, а за городомъ, на берегу рѣки Чертомлыка въ такъ называемой „греческой“ избѣ. Генеральному асаулу, какъ своему человѣку малороссіянину, дозволили помѣститься въ городѣ, въ томъ изъ куреней, въ какомъ захочетъ самъ и переходить изъ куреня въ курень.

10 марта пріѣхаль къ нимъ Сѣрко и объявилъ, что сегодня ихъ не примутъ, потому что заняты чтеніемъ взятыхъ у плѣнныхъ татаръ писемъ. — А вы скажите, сказалъ имъ Сѣрко: товариство желаетъ знать, для какихъ дѣлъ вы къ намъ пріѣхали? Слышали мы, что вы пріѣхали за царевичемъ, — не такъ ли?

Послы отвѣчали: — У васъ никакого царевича нѣтъ, а тотъ, кого вы такъ называете, есть воръ, плутъ, самозванецъ, явный обманщикъ, богоотступника Стеньки Разина ученикъ.

— Нѣтъ! сказалъ кошевой. — Это самый истинный царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ! Онъ самъ желаетъ съ вами видѣться.

— Мы, возразилъ Чадуевъ, присланы отъ великаго государя къ вамъ, кошевому атаману, и ко всему войску низовому, чтобы взять у васъ того вора и обманщика, а не затѣмъ, чтобы съ нимъ видѣться.

— Мы вамъ его покажемъ въ радѣ, сказалъ Сѣрко. — Начнете съ нимъ говорить, узнаете его и поклонитесь ему по нашему подобію, — это мы напередъ вѣдаемъ.

— Никогда, сказалъ Чадуевъ, кланяться мы не станемъ вашимъ ворами и обманщикамъ. Плутъ и воръ вашъ царевичъ, да и тотъ, кто привелъ его, вожь Міуска — такой же воръ!

Тѣмъ кончилось первое объясненіе царскихъ пословъ съ Сѣркомъ. День этотъ, какъ узнали послы, проведенъ былъ возацкими старшинами въ пьянствѣ у самозванца. Самъ Сѣрко пилъ съ нимъ, подпилъ и заснулъ. Передъ вечеромъ, часа за два до ночи, пришла къ избѣ, гдѣ помѣщались послы, пѣшая толпа запорожцевъ, человѣкъ въ триста: во главѣ ихъ были старшины, судья Степанъ Бѣлый и писарь Андрей Яковенко: съ ними пришелъ и самозванецъ, гремя саблю.

Подходя къ избѣ, кто-то изъ нихъ громко закричалъ: — Сементъ Щеголевъ! выходи сюда, царевичъ зоветъ!

Щеголевъ на зовъ не пошелъ, а вышелъ въ сѣни Чадуевъ и, отворивши наружную дверь, спросилъ: — Кто зоветъ Щеголева, для какого дѣла?

— Поди сюда ко мнѣ, ты! сказалъ самозванецъ.

— А ты что такое за человѣкъ? спросилъ Чадуевъ.

— Я царевичъ Симеонъ Алексѣевичъ! — сказалъ самозванецъ.

Чадуевъ на это отвѣчалъ:

— Страшное и великое имя вспоминаешь, великаго и славнаго монарха сыномъ называешься напрасно, затѣлять такое дѣло, что и въ разумъ человѣческой не вмѣстится. Государи царевичи по степямъ и лугамъ шататься не изволятъ. Не царевичъ ты, а сатаны и богоотступника Стеньки Разина ученикъ, б....нъ сынъ, воръ и обманщикъ!

— Ахъ вы, брюхачи, измѣнники! — закричалъ самозванецъ и рассыпался сквернословіемъ, а послы въ свою очередь отвѣтили ему тѣмъ же.

— Смотрите, смотрите, кричалъ самозванецъ запорожцамъ, какъ наши холопы намъ досаждаютъ!

Ругательства, которыя щедро сыпались съ обѣихъ сторонъ, довели самозванца до такого бѣшенства, что онъ съ обнаженною саблею бросился къ избѣ и кричалъ:—Вотъ я тебя устрою!

Чадуевъ схватилъ пицаль и прицѣлился въ самозванца, но запорожскій писарь схватилъ названнаго царевича поперекъ стана и унесъ за хлѣбную бочку, стоявшую близъ избы, а потомъ потащилъ его въ городъ. Пьяные козаки продолжали осаждать избу и собирались разламывать верхъ. — „Ахъ ты, сякой-такой сынъ! кричали они. — Такъ ты хотѣлъ государя царевича застрѣлить“! Чадуевъ вооруженъ былъ пицалью, Щеголевъ обнаженною саблею. Приѣхавшіе съ ними стрѣльцы съ мушкетами собирались защищаться до смерти; но Чадуевъ попытался обратиться къ запорожцамъ съ такимъ словомъ:

— У меня великаго государя грамота; вы должны выслушать ее въ радѣ; перестаньте озорничать, выслушайте, тогда узнаете, что тутъ написано.

— Да, сказали нѣкоторые козаки, надобно подождать до рады: поставьте у нихъ караулъ, чтобъ не ушли, а то умѣютъ эти москали изъ рукъ улизнуть.

Одинъ по одному разошлись козаки, но къ посольству присланъ былъ запорожскій полковникъ Алексѣй Бѣлецкій и козаки, вооруженные мушкетами. Они объявили, что прибыли держать караулъ и стали въ сѣняхъ, обративши дула мушкетовъ къ избнымъ дверямъ, какъ бы намѣреваясь палить.

Въ такомъ положеніи пребыло посольство до наступленія ночи, когда Сѣрко прислалъ къ посламъ судью, писаря и одного куреннаго атамана.

— Худо вы учинили, паны послы, что хотѣли было царевича застрѣлить—сказали они,—сами будучи межъ войскомъ нашимъ. Послѣ завтра, 12 марта, соберется у насъ рада, и царевичъ будетъ на этой радѣ; тамъ бы вы честно и объявили свое дѣло. А что вы хотѣли царевича застрѣлить, всѣмъ намъ то вѣдомо, и еслибы велѣтъ войску надъ вами что нибудь учинить, то войско наше — что огонь горячо: такъ бы васъ по макоу зерну разодрало. Теперь вы, послы, Василій и Семенъ, какъ придете въ раду, тотчасъ ему, царевичу, бейте че-

ломъ и кланяйтесь до земли: чаемъ, что царевичъ васъ проститъ по прошенію кошевого и судьи. Кабы Семень Щеголевъ вышелъ, какъ его вызывали, да сталъ невѣжливо передъ царевичемъ говорить, то царевичъ бы его саблею изрубилъ; а въ то время, какъ ты, Василій, грозилъ царевича застрѣлить, колибъ царевича вскорѣ въ городъ не увели, — велѣлъ бы онъ васъ побить и въ Чертомлыкѣ пометать. И казаки бы его послушали: все бы сдѣлали такъ, какъ онъ прикажетъ, потому что они его считаютъ за истиннаго царевича и вѣрятъ ему, и слушаютъ его.

Чадуевъ отвѣчалъ:

— Недобрая и небогоудная ваша поступка, не такъ вы себя ведете, какъ вѣрнымъ царскимъ подданнымъ слѣдуетъ! Именуется вы великаго государя царскаго величества слугами и милостей царскихъ себѣ просите и получаете, а, повѣря невѣдомо какому вору, плуту и обманщику, хотѣли побивать и смерти предавать присланныхъ къ вамъ отъ великаго государя пословъ. Мы къ вамъ не на смерть посланы, а затѣмъ, чтобъ объявить вамъ премногую милость его царскаго величества и тѣмъ увеселить васъ.

12 марта состоялась рада. У обоихъ царскихъ пословъ отобрали оружіе и ножи и привели ихъ въ городъ на раду какъ арестантовъ, въ сопровожденіи четырехъ караульныхъ козаковъ съ мушкетами.

Послы по наказу проговорили рѣчь и вручили кошевому Сѣрку царскую грамоту. Отъ Сѣрка получилъ ее изъ рукъ писарь и громко прочиталъ ее передъ всѣми. Тогда, обратившись ко всему собранію, кошевой Сѣрко говорилъ:

— Братія моя, атаманы молодцы и войско Запорожское низовое, Днѣпровое, — старые и молодые! Прежде сего у васъ, добрыхъ молодцовъ, въ войскѣ Запорожскомъ никогда того не бывало, чтобъ кого-нибудь выдавать! Братія! не выдадимъ этого молодика?

— Не выдадимъ, не выдадимъ, пане кошовый! раздалось въ толпѣ.

Сѣрко продолжалъ: — Братія моя милая! коли только его одного выдадимъ, тогда и всѣхъ насъ москали одинъ по одному разволочутъ. Молодикъ этотъ не воръ, не плутъ, онъ прямой царевичъ, — сидитъ какъ бѣдная птица въ клѣткѣ, никому ничего не виненъ!

— Пусть они того плута сами посмотрятъ, раздалось въ толпѣ. — Пусть узнаютъ, какой это плутъ! Они показываютъ намъ печать и письмо, будто оно царское, а царевичъ вонъ самъ сказываетъ, что у нихъ бояре все сами пишутъ и рассылаютъ безъ указа великаго государя, и еще будутъ къ намъ присылать; пора бы ихъ утопить, либо имъ руки и ноги обрубить.

Самозванецъ въ это время находился въ церкви и, самъ невидимый, видѣлъ изъ окна все, что дѣлалось въ радѣ и все слышалъ.

Сѣрко продолжалъ:

— Поберегите меня, братія; еще потерпимъ. У гетмана теперь находится много нашихъ, подержимъ этихъ посланныхъ покажѣтъ

можно своихъ освободить отъ гетмана. А карауль у нихъ, у Василя и Семена, брѣвѣй поставимъ—не уйдуть.

Потомъ стали на радѣ разсуждать о Дорошенкѣ. Тогдашній правобережный украинскій гетманъ находился въ критическомъ положеніи и метался изъ стороны въ сторону, чтобъ какъ-нибудь вывернуться. Недовольные имъ за подданство Турціи козаки отступились отъ него; правобережные полковники, сбѣжавшіе на лѣвой сторонѣ въ Переяславѣ, мимо своего гетмана отдались въ подданство царю и признали гетманомъ поставленнаго уже прежде царемъ надъ лѣвобережнымъ козачествомъ Самойловича; посполитые люди, горожане и посляне, не желая оставаться подъ властію турокъ и подъ управленіемъ Дорошенка, громадами переселялись въ царскія области. Дорошенко ухватился за послѣднее средство и сталъ искать союза съ Запорожскою Сѣчью; онъ разсчитывалъ на давнее желаніе сѣчевиковъ, чтобъ гетманъ избирался по волѣ Сѣчи и изъявлялъ запорожцамъ готовность отдать имъ въ распоряженіе свои клейноты (знаки гетманскаго достоинства). Объ этомъ начались у него тогда сношенія съ Сѣркою и объ этомъ письмо привезли тогда посланцы его въ Сѣчу. Сѣрко, прочитавши предложеніе Дорошенка, говорилъ на радѣ:

— Братія атаманы-молодцы, войско Запорожское низовое! Пошлемъ мы къ Дорошенку и скажемъ: пусть ѣдетъ къ намъ и везетъ съ собою войсковые клейноты. Меня Дорошенко послушаетъ. Онъ мнѣ кумъ. Спасибо ему за то, что по сію пору не отдалъ войсковыхъ клейнотовъ князю Ромодановскому. Мы вѣдь знаемъ, какая правда у Ромодановскаго: онъ Юраска Хмельницкаго когда-то побилъ и клейноты у него забралъ, а войску Запорожскому ихъ не отдалъ. Какъ посольство уважить? посылать ли къ Дорошенку по клейноты?

— Пошлемъ, пошлемъ, пане кошовый! закричали въ толпѣ.— Вели къ Дорошенку листы писать.

Тогда Сѣрко сталъ отпускать царскихъ пословъ изъ рады и приказывалъ писарю съ караульными козаками проводить ихъ до уважайной имъ избы. Но тутъ посольство закричало:

— Пане кошовый! вели показать имъ царевича въ радѣ: пусть они ему поклонятся и во всемъ волю его учинять, а не захотятъ—такъ побить ихъ!

Сѣрко на это возразилъ:

— Вѣдь онъ государичъ, гдѣ ему по радамъ волочиться! когда придетъ время — и безъ рады увидятъ они царевича и по волѣ его учинять. Теперь же пускайте ихъ.

Царскихъ пословъ отвели. Въ тотъ же день вечеромъ пришелъ къ нимъ судья въ сопровожденіи писаря и асаула и сказалъ:

— Царевичъ опечаленъ, что къ вамъ въ раду его не позволили. Онъ желаетъ гдѣ нибудь съ вами увидѣться и переговорить. Кошовый хочетъ васъ съ нимъ случить, чтобъ видѣться вамъ съ нимъ у Юшеваго въ куренѣ.

— Мы, сказали послы, присланы сюда отъ царскаго величества затѣмъ, чтобы взять самозвапца, а не затѣмъ чтобы съ нимъ бесѣдовать. Кошевой, имѣючи его у себя въ куренѣ съ саблею, призоветъ насъ, а воръ начнетъ озорничать! Какая это ваша правда! Мы какъ прежде не гнули шеи передъ воровъ, такъ и тогда, какъ призовутъ насъ въ куренъ, не будемъ передъ нимъ кланяться.

13-го марта призвалъ Сѣрко къ себѣ въ куренъ царскихъ пословъ. Тамъ у кошеваго въ сборѣ были всѣ куренные атаманы, нѣсколько знатныхъ товарищей и генеральный асаулъ Черныченко, приѣхавшій отъ гетмана съ царскими послами.

— Много вы поворовали, сказалъ посламъ Сѣрко: на такого великаго человѣка хотѣли руки поднять, государича убить! за это достойны вы смерти! Видите, какую милость Богъ намъ послалъ: далъ намъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень: искони вѣковъ у насъ въ Запорожьѣ такого никогда не бывало! Сказывалъ намъ царевичъ, что изъ Москвы изгнанъ онъ вотъ какимъ подобіемъ: былъ онъ, царевичъ, одинъ разъ у дѣда своего по плоти боярина Ильи Даниловича Милославскаго въ палатахъ, а въ то время у него, боярина, былъ нѣмецкій посолъ и говорили они о дѣлахъ, а царевичъ помѣшалъ имъ. Илья Даниловичъ невѣжливо отвелъ его рукою; царевичъ оскорбился, пришелъ въ царскія палаты къ матушкѣ своей блаженной памяти царицѣ Маріи Ильинишнѣ и говорилъ: „Вотъ кабы мнѣ на царскомъ мѣстѣ хоть бы три дни побыть, я бы всѣхъ нежелательныхъ бояръ перевелъ“. — Какихъ же это бояръ? спрашиваетъ царица. А царевичъ отвѣчалъ ей: „Перво всѣхъ боярина Илью Даниловича, а потомъ и иныхъ. „Царица, разсердившись, что такъ говоритъ объ ея отцѣ, кинула въ него ножомъ, и ножъ воткнулся ему въ ногу и онъ оттого заболѣлъ; потомъ царица велѣла стряпчему Савастьянову окормить его, а стряпчій Савастьяновъ вмѣсто царевича окормилъ пѣвчаго, похожаго на царевича лицомъ и возрастомъ и, снявъ съ царевича платье, надѣлъ на мертваго пѣвчаго; царевича же хранилъ три дня и нанялъ двухъ нищихъ старцевъ: одинъ безъ руки, другой безъ ноги, и далъ имъ Савастьяновъ сто золотыхъ червонныхъ. Тѣ старцы вывели царевича за городъ на малой телѣжкѣ, подъ рогожею и отдали посадскому мужику, а тотъ мужикъ свезъ его къ Архангельской пристани; царевичъ скитался не долго и ушелъ на Донъ: тамъ онъ былъ со Стенькой Разинымъ на морѣ, не сказывая про себя, кто онъ таковъ и находился у Стеньки кашеваромъ, называясь Матюшкою, а передъ тѣмъ какъ Стеньку взяли, онъ о себѣ объявилъ подъ присягою. Послѣ Стеньки оставался онъ на Дону; тогда приѣзжалъ туда отъ царскаго величества посланный съ казною, кто именно—онъ не сказывалъ; царевичъ объявилъ о себѣ этому посланному и послалъ съ нимъ письмо къ своему батюшкѣ, только бояре до царя не допустили этого письма. Царевичъ хочетъ, какъ придетъ время, послать еще письмо съ такимъ человѣкомъ, что сдумѣетъ до-

ставить его царю въ руки. Вотъ такое намъ онъ о себѣ разсказывалъ. Я самъ этому довѣрялъ мало, но въ великій постъ, какъ царевичъ говѣлъ, приказалъ я священнику на исповѣди допросить его, и царевичъ подъ клятвою сказалъ, что все то, что онъ говорилъ, истинная правда—и потомъ причастился. Нынѣ, что тамъ намъ ни пиши, что ни говори, мы ему вѣримъ; вотъ тебѣ крестъ—онъ истинный царевичъ!—При этомъ Сѣрко перекрестился и продолжалъ:—Онъ обѣщаетъ намъ выпросить у государя на 3,000 чѣловѣкъ и больше кармазинныхъ суконъ по десяти аршинъ на челоуѣка въ годъ, и денежной, и пороховой, и свинцовой казны будетъ у насъ много; и ломовыя пушки, и нарядныя ядра, и мастера, которые тѣми ядрами умѣютъ стрѣлять, и чайки,—все у насъ будетъ за его, царевичевымъ стараніемъ. Говорить намъ царевичъ, да и сами мы то знаемъ: зачѣмъ донскимъ и запорожскимъ козакамъ жалованья и пушекъ, и всякихъ воинскихъ запасовъ и чаекъ не даютъ? Великій государь многое обѣщаетъ, а бояре и малаго не даютъ.

На это Чадуевъ сказалъ:—Оставьте такія слова; выдайте вора и самозванца; пошлите къ великому государю своихъ посланцевъ хоть сто челоуѣкъ, хоть и больше, всѣ будутъ пожалованы и приплютятся вамъ сукна, пушки, ядра и мастеръ, и порохъ, и свинець, и чайки. Говорите вы, что воръ былъ у богоотступника Стеньки Разина и тотъ про него вѣдалъ; точно, во время воровства былъ у Стеньки такой воръ и самозванецъ, по его, Стенькину, наученію назывался царевичемъ; про то всѣмъ обрестнымъ государствамъ вѣдомо, какая отъ Всемогущаго Бога мечь, а отъ Великаго государя за воровство учинена казнь богоотступнику Стенькѣ Разину.

Копековой, а за нимъ и куренные атаманы разомъ закричали какъ бы въ одинъ голосъ:—Хоть бы 1,000 челоуѣкъ за нимъ прислали, не отдадимъ его, на дорогѣ отнимемъ, а до царскаго величества не допустимъ.

Сѣрко говорилъ:

— Можетъ быть по царскому указу гетманъ Самойловичъ заказать изъ малороссійскихъ городовъ возить къ намъ хлѣбныя запасы и всякую харчь, какъ Демко Многогрѣшный съ нами дѣлывалъ. Такъ вѣдь мы и тогда безъ хлѣба не остались и теперь не будемъ. Мы същемъ себѣ инога государя. Намъ дадутъ хлѣбъ и крымскіе мѣщане, да еще рады будутъ, лишь бы только мы отъ нихъ брали, такъ и во время Суховѣева гетманства присылали намъ хлѣбъ изъ Перекопа. Хану крымскому вѣдомо про этого царевича; онъ присылалъ узнавать о немъ къ намъ на кошъ и ханскій посланецъ самъ его видѣлъ. Турскій салтанъ нынѣшнею же весною хочетъ быть подъ Кіевъ и далѣе пойдетъ. Пусть цари межъ себя перевѣдываются, а мы себѣ мѣсто същемъ. Кто силенъ, тотъ намъ и государь будетъ. Ахъ какъ жаль намъ Павла Грибовича: кабы онъ подъ сіе время да у насъ былъ!

Вѣдалъ бы я какъ въ Сибирь черезъ поле засмотритъ! Узнали-бъ, каковы жолнеръ Сѣрко ¹⁾).

Сѣрко потомъ обратился къ генеральному асаулу Черныченку и говорилъ:

— Ну кому вы это гетманство дали? мужику! Онъ своихъ раззоряетъ, да и раззорять не умѣетъ: вонъ попласталъ по Днѣпру и поволочился, да ничего добраго не учиня, назадъ вернулъ! Посмотрите у васъ нынѣ разомъ четыре гетмана: Самойловичъ, да Суховѣй, да Хащенко, да Дорошенко! Ни отъ кого добра нѣтъ, только промежь себя кровь христіанскую проливаютъ за гетманство, за маестности, за мельницы! Было бы добро, кабы Крымъ раззорить и невѣрныхъ унять. Когда у васъ рада была на избраніе гетмана, князь Ромодановскій далъ гетманство Самойловичу, а войско спрашивало Сѣрка, хотѣло Сѣрку дать булаву, только Ромодановскій не по войсковому поступилъ,—Сѣрка же еще прежде въ пронасть заслалъ! Слышимъ вотъ, что той стороны Днѣпра многіе города при вашемъ гетманѣ нынѣ есть: хвалите Бога, это Лизогубъ подлизался ²⁾, только онъ какъ лизнетъ, такъ и въ пяткахъ горячо будетъ! А вотъ кабы дали гетманство Сѣрку—не то вышло бы! Да и теперь хоть бы гетманъ-поповичъ, московскій обранецъ, далъ мнѣ четыре козацкихъ полка: Полтавскій, Миргородскій, Прилуцкій и Лубенскій; увидали бы, чтобы я съ ними учинилъ: весь бы Крымъ завоевалъ.

Здѣсь Сѣрко высказался, что было истинною причиною его тогдашней селонности къ смутамъ противъ Москвы: то было оскорбленное честолюбіе, зачѣмъ его не выбрали гетманомъ; оттого у него возникла и постоянная вражда къ Самойловичу.

— У нашего государя, сказалъ царскій посоль, войска тысячъ четыреста есть вслкихъ чиновъ ратныхъ людей и съ бояриномъ, и съ гетманомъ. Шель бы ты къ нимъ, и гдѣ доведется, промыслеть бы чинилъ.

— Э, нѣтъ! не прежнее уже время! сказалъ Сѣрко. — Теперь уже меня не обмануть! Прежде отписывадь ко мнѣ царскую милость Ромодановскій на бумагѣ; я повѣрилъ и поѣхалъ къ нему, а онъ меня продалъ за 2000 червонныхъ!

— А кто-жъ эти червонные за тебя далъ? спросилъ посоль.

— Да вѣрно царское величество милосердый обо мнѣ велѣлъ Ромодановскому дать, сказалъ Сѣрко.

Здѣсь намекалъ Сѣрко вѣроятно на избирательную раду и не замѣтно выставлялъ подозрѣніе, что Ромодановскій взялъ взятку съ Самойловича, котораго предпочелъ Сѣрку, а потомъ получилъ царскую

¹⁾ Фраза эта не совсѣмъ понятна. Павелъ Грибовичъ былъ сосланъ вмѣстѣ съ Многогрѣшнымъ въ Сибирь и бѣжалъ оттуда. Самъ Сѣрко былъ въ ссылкѣ въ Сибири недолгое время и возвратился съ годъ до описываемаго событія.

²⁾ Каневскій полковникъ Лизогубъ склонилъ другихъ отстать отъ Дорошенка и признать гетманомъ Самойловича.

награду. Тогда въ Малороссіи носились слухи, что Ромодановскій изъ корыстныхъ видовъ содѣйствовалъ Самойловичу при избраніи въ гетманы.

17 марта позвали опять царскихъ пословъ къ кошевому и Сѣрко объявить имъ такъ:

— Сегодня передъ обѣдею посылали мы священника и съ нимъ одного куреннаго атамана осматривать царевича. Нашли они на немъ точно такъ, какъ сказывалъ вамъ челядникъ Василя Многогрѣшнаго Лука. На плечахъ у него подобіе царскаго вѣнца, двоеглаваго орла и мѣсяца со звѣздою; да еще нашли кромѣ того на груди у него отъ одного плеча до другаго восемь бѣлыхъ пятенъ, вотъ какъ лишаи бьвають широко и бѣло! А онъ, царевичъ, сказываетъ, будто про тѣ знаки вѣдала царица да мама его Марія, и нынѣ, говоритъ, кромѣ страпчаго Савастьянова, никто его не узнаетъ. Онъ кромѣ того никому не довѣрится, только самъ царскому величеству писать будетъ. Мы вотъ какъ усовѣтовали: васъ, пословъ, отпустить, а съ вами пошлемъ своихъ посланцевъ къ великому государю. Мы не вѣримъ тому, что у васъ въ грамотѣ написано и тому не вѣримъ, что вы намъ говорили про царевича, котораго называете самозванцемъ. Пусть наши посланцы изъ устъ его царскаго пресвѣтлаго величества самого услышать и, пріѣхавши на кошъ, намъ о томъ объявятъ: тогда у насъ свой разумъ будетъ.

На другой день, 18 марта, происходила рада. Прочитали приготовленныя грамоты къ царю и къ гетману; прочитали и письмо самозванца къ царю. Выбрали посланцевъ въ Москву: Процика Золотаря, Трофима Троцкаго и писаря Пелепелицу. Затѣмъ призвали царскихъ пословъ и объявили имъ отпускъ.

Отѣхавши отъ Сѣчи три версты, Чадуевъ и Щеголевъ остановились и дождались запорожскихъ посланцевъ, которые должны были съ ними ѣхать въ Москву. Когда эти посланцы прибыли, то сказали, что названный царевичъ написалъ къ царю письмо, но изодралъ его, разсердясь за то, что кошевой и куренные атаманы не допустили его видѣться съ царскими послами.

— Это ложь, говорили между собою Чадуевъ и Щеголевъ, запорожцы везутъ съ собою письмо самозванца, но таятся отъ насъ, потому что думаютъ передать это письмо царю по секрету; козаки подозревають, что бояре не доводятъ до царя писемъ.

4 апрѣля прибыли они въ Переяславъ и явились къ гетману Самойловичу, который былъ тогда вмѣстѣ съ Ромодановскимъ на походѣ противъ Дорошенка. Гетманъ, узнавши о продѣлкахъ Сѣрка, сообщилъ о томъ Ромодановскому, а бояринъ при царскихъ послахъ сказалъ:

— Надобно, чтобъ указалъ великій государь всѣ дома и товары Сѣрковы отписать на великаго государя, а жену его и зятьевъ держать въ крѣпости. Они у меня, въ моемъ боярскомъ полку, но я сдѣлать этого съ ними не смѣю безъ царскаго указа. Да надобно, чтобъ

отъ царя и къ гетману посланъ былъ указъ не пропускать на Запорожье изъ малороссійскихъ городовъ людей съ хлѣбомъ и харчью.

Гетманъ былъ того же мнѣнія какъ и бояринъ и присовокупилъ отъ себя:

— Пусть бы запорожцы хоть сто человекъ послали въ Москву съ своими посланцами, только надобно ихъ на Москвѣ задержать, а двухъ-трехъ отпустить на Запорожье и съ ними отписать: коли они самозванца не выдадутъ, то всѣхъ задержанныхъ въ Москвѣ предадутъ злой смерти.

8 мая пріѣхали въ Москву запорожскіе посланцы. Пріѣхалъ съ ними и подъ-асаулъ Черняченко, находившійся въ Сѣчѣ въ послѣднее время по призыванію гетмана. Черняченко-рассказалъ, что по поводу требованія царскихъ пословъ о выдачѣ вора на радѣ приговорили такъ: царевича царскимъ посламъ отдавать нельзя. Узнаемъ прежде, точно ли онъ прямой царскій сынъ. Буде окажется онъ прямой, мы его отвеземъ и будетъ за то намъ награда; а если царъ скажетъ, что онъ не прямой, то все-таки мы его сами отвеземъ, а посланцамъ отдавать не станемъ, потому что у насъ никогда никого изъ Запорожья не выдавали. Другіе же говорили: коли наши посланцы дождаются, что онъ не прямой, то мы его здѣсь на Кошѣ совершимъ, чтобы впредь такихъ воровъ у насъ на Сѣчѣ не было.

Запорожскіе посланцы объявили, что названный царевичъ находится у нихъ за крѣпкимъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока получитъ отъ царя подлинная вѣдомость; если царъ скажетъ, что этотъ царевичъ не прямой сынъ царскій, а блазень, запорожцы, оберегая государеву честь, доставятъ его во всякой крѣпости въ Москву.

Тогда посланцы представили грамоту Сѣрка отъ 25 марта съ приложеніемъ самозванцевой рѣчи, которую слышали 12 старыхъ товарищей и духовный отецъ. Въ этой рѣчи рассказываются мнимыя приключенія царевича, о которыхъ передавали запорожцы царскимъ посламъ прежде ¹⁾. Сѣрко въ своей грамотѣ извѣщалъ царя и о знакахъ, будто-бы найденныхъ на тѣлѣ названнаго царевича.

¹⁾ Единнаго времени въ царскихъ палатѣхъ изъ болръ дума была и я говорилъ великому государю: на престолѣ у его царскаго величества сѣсти-бы мнѣ на три дни, зналъ-бы я кому шею усѣчь. За то меня оттуда сведено и послѣ того спрашивала меня блаженныя памяти царица Марія Ильинишна мати моя: кому-бы ты шею отсѣкъ? Я сказалъ матери: прежде-бы дѣдушкѣ Ильѣ Даниамчу Милославскому и инымъ батюшкинымъ недругамъ. И за то меня мати отравою окормить велѣла. И который доходилъ къ намъ стряпчій Михаилъ Савостьяновъ, принесъ мнѣ отраву и заплакалъ и о томъ сказалъ; и мнѣ тое отравы не далъ и меня здрава сохранилъ въ палатахъ, а вмѣсто меня въ таковыхъ мѣстахъ, не вѣдаю гдѣ, взялъ отрока, уморилъ, и батюшку и матери сказалъ. И то тѣло погребено всѣмъ соборомъ при Никонѣ патриархѣ. Да тотъ же стряпчій меня взялъ ночью и вынесъ подъ шубою и отдалъ меня двумъ нищимъ и много имъ далъ денегъ: одинъ нищій звался Федоръ, лѣвый глазъ испорченъ, а другой—Иванъ, правая рука крива, и тѣ нищие довели меня къ Архангельской пристани. И тамъ жилъ я въ монастырѣ у чернеца у Теодора никому не вѣдомъ, именовъ звался Матвѣемъ. И три недѣли тамо пробывъ,

Подано было и письмо названнаго царевича къ царю ¹⁾:

„Бью челомъ я, сынъ твой, благочестивый царевичъ Симеонъ, который похвалился было при вашемъ царскомъ пресвѣтломъ величествѣ, батюшкѣ моему, на думныхъ боярѣ, и за то меня хотѣли уморить и не уморили, потому что я и по се время твоими молитвами, батюшка моего, живъ нынѣ на славномъ Запорожьѣ при- войскѣ Запорожскомъ, при вѣрныхъ слугахъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества. Когда, батюшко мой, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, самъ своими очами меня увидишь и вѣры поимешь, когда я предъ твоимъ царскимъ лицомъ стану и къ ногамъ паду, тогда правду мою познаешь; Богъ всемогущій вся вѣсть! И нынѣ я хотѣлъ ко батюшку моему пойти, да чтобъ на дорогѣ зла какова не было. А войско вѣрно тебѣ, батюшку моему, служить: по ихъ войсковому челобитью пожалуй, о чемъ бьютъ челомъ для дутчего промыслу надъ бусурманы, чтобъ не токмо подемъ доказывали надъ неприятели бусурманы и ихъ побѣждали, но и водою въ ихъ прямую землю проходили, и надъ ними знатную побѣду одерживали во всяко время по милосердію Божию и моленіемъ пресвятыя Богородицы, заступницы всего народа христіанскаго, и твоими праведными молитвами и счастьемъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества. Также припадаю низко, челомъ бью и жалуюсь батюшку моему, царю Алексѣю Михайловичу, на Семена на Щоголева, да на Василья Чадуева, которые, пріѣхавъ на Кошъ съ грамотами вашего царскаго пресвѣтлаго величества къ войску Запорожскому и безъ уваза вашего царскаго пресвѣтлаго величества, батюшка моего, взявъ себѣ злой замысль, хотѣли меня изъ пищали застрѣлить. И таково ихъ, Семена Щоголева и Василья Чадуева, слово было: гдѣ-бы ни есть имѣли вашего царскаго пресвѣтлаго величества сына и наслѣдника достигнути, на томъ мѣстѣ и умертвити; однако-же всемогущій Творецъ за счастіемъ вашего царскаго пресвѣтлаго величества, батюшка моего, не допустилъ мнѣ отъ нихъ злыхъ людей нагло умрети, но до котораго времени въ дѣлости меня за осторожностію войска Запорожскаго сохранилъ“.

пошелъ оттудъ съ двѣма козакъ къ Волгѣ, гдѣ Ока входитъ въ Волгу, городъ за-былъ; оттудъ пошелъ Волгою съ людьми въ Казань, а изъ Казани водою шли до Царицына, а изъ Царицына на Донъ, и на Дону жилъ съ три года въ Черкасской станціѣ у русскаго челоуѣка, у Романа Иванова, да у Якова Федорова. И пріѣхавъ съ Москвы на Донъ къ Донскому войску изъ Посольскаго приказу Гаврило, и я ему подививъ проговорился и онъ меня хотѣлъ сыскивать; для чего я съ Дону и пошелъ съ четырьма челоуѣки и пришелъ къ рѣкѣ Донцу и тамъ нашелъ Мѣвскаго и ему, Мѣвскому, извѣрялся и сказалъ все дѣло, и хотѣлъ я ити къ Києву и тамъ въ Києвѣ пожить и провѣдывать, какъ бы мнѣ къ батюшку дойти. И пришедъ къ войску Запорожскому, то разславилъ Мѣвскій. И нынѣ бью челомъ вамъ, войску Запорожскому, доведите меня къ батюшку моему, да что бы мнѣ въ дорогѣ никакого зла не было. А батюшко меня узнаетъ, какъ самъ увидитъ.

¹⁾ Акты Южн. и Зап. Россіи, т. XI, стр. 407.

13 мая запорожскіе посланцы были позваны къ самому царю. Имъ вручили царскую грамоту къ Сѣрку, гдѣ говорилось: „Сю грамоту нашу велѣли мы передъ собою вычестъ и, запечатавъ, отдать посланцамъ вашимъ для истиннаго увѣренія, чтобъ ты кошевой и все войско низовое безъ всякаго сомнѣнія были, что тотъ воръ и самозванецъ. не сынъ нашъ царскаго величества“. Затѣмъ извѣщалось, что чайки и пушки и царское жалованье сукнами уже посланы на Сѣчу съ жильцомъ Мясоедовымъ.

Какъ содержался самозванецъ въ Сѣчѣ и какъ отправили его въ Москву сѣчевики, о томъ въ сожалѣнію нѣтъ подробностей. Только 12-го августа Сѣрко писалъ Ромодановскому, что по царскому указу воръ и самозванецъ посланъ къ Москвѣ за крѣпкою сторожею. Ромодановскій, по привозѣ вора въ малороссійскіе города, приказалъ везти его къ Москвѣ съ большимъ стѣсненіемъ, а гетманъ отправилъ съ нимъ прилущагаго полковаго обознаго съ отрядомъ прилущкихъ козаковъ „для береженія, чтобъ запорожцы въ дорогѣ своеволи не чинили“. Изъ Москвы на встрѣчу вору отправленъ былъ Чадуевъ до Калуги.

16 сентября въ Дорогомиловскую слободу посланъ былъ стрѣлецкій голова со стрѣльцами; у Землянаго города противъ Смоленскихъ воротъ вора взвели на ту телѣгу, на которой нѣкогда везли Стеньку Разина: его поставили на дыбѣ, приковали руки къ дыбѣ, связали цѣпью за шею и поперекъ тѣла и повезли по Тверской улицѣ, прямо въ Земскій привазъ. Впереди его и позади слѣдовали стрѣльцы и запорожскіе казаки, которые привезли его.

Немедленно послѣдовалъ царскій указъ всѣмъ боярамъ, окольнымъ и думнымъ людямъ въ Земскомъ приказѣ допрашивать вора. пытать въ застѣнѣ и огнемъ жечь.

На первомъ допросѣ воръ далъ такое показаніе:

Породы онъ польской, рода Вишневецкихъ, звали отца его Еремѣемъ, а его зовутъ Сенькою. Вѣры отецъ его былъ лядской, жилъ въ Варшавѣ, и подъ Варшавою, поймали его, Сеньку, нѣмцы и продали на рѣкѣ Вислѣ глуховскому купцу, а тотъ купецъ продалъ литвину, а какъ зовутъ литвина—не знаетъ. Изъ Глухова съ товарищи сбѣжалъ онъ на Харьковъ и на Чугуевъ и на инья мѣста къ Донцу; изъ Донца на Донъ и пришедъ на Донъ не являлся никому, а атаманомъ былъ въ Черкасскѣ Корнило Яковлевъ. Изъ Дону пошелъ онъ съ Міувскимъ въ Запорожье, и хотѣлъ идтить къ Києву или въ Польшу, а Міувскій въ Києвъ и въ Польшу съ нимъ не пошелъ и учалъ ему говорить, чтобъ онъ назвался царевичемъ. И онъ-де назваться такимъ страшнымъ и великимъ именемъ не смѣлъ, и Міувскій хотѣлъ его убить и оттого онъ назвался, боясь смерти отъ него, и пришелъ къ нимъ въ Запороги, а тамъ наипаче Міувскаго принудилъ его къ такому страшному имени Сѣрко. Хотѣли было собрався идтить войною на Московское государство и думали бояръ побить. Вора измѣнника

Стеньку Разина онъ не зналъ, а узналъ его въ то время, какъ казаки привезли его на Донъ скованнаго, а онъ, Сенька, въ то время былъ на Дону.

Послѣ этого показанія, бояре, окольные и думные, люди приказали вести его въ застѣнокъ, поднять на дыбу и снова допрашивать. Подъ пыткою самозванецъ объявилъ:

— Я мужичій сынъ, отецъ мой жилъ въ Варшавѣ и былъ мѣщанинъ, подданный князя Дмитрія Вишневецкаго, звали его Ивашка Андреевъ сынъ, по прозвищу Воробьевъ; пришелъ жить въ Варшаву съ лѣвой стороны Днѣпра изъ Лохвицы; зовутъ меня Сенька, самозванству училъ меня воръ Миуска; на Москвѣ я никогда не бывалъ, а письмо къ царю писать писалъ, а училъ меня и рассказывалъ мнѣ тотъ же Миуска.

Два раза одинъ за другимъ подняли вора на дыбу и онъ повторялъ прежнія рѣчи, но съ нѣкоторыми отмѣнами. Онъ показалъ, что ни въ Архангельскѣ въ монастырѣ, ни въ Казани, ни въ Царицинѣ онъ не бывалъ, жилъ на Дону у казака Черкасской станицы Якова, прозвища не помнитъ, атаману Корнилу и казакамъ не являлся и про то они не вѣдали, съ Миускимъ познался на Донѣ и звалъ его въ Кіевъ и въ Польшу, гдѣ хотѣлъ жить; Миускій породю хохлачь, сбѣжалъ съ Дону давно, потому что вралъ у козавовъ коней; вмѣстѣ съ Миускимъ онъ зимовалъ на Запорожьѣ и изъ Запорожья Миускій ушелъ. А что бояре къ запорожскимъ казакамъ не добры, то затѣвалъ Миускій и ему велѣлъ такъ говорить.

Подняли вора на дыбу еще разъ и спрашивали, какою у нихъ былъ умыселъ?

— Хотѣли собрать войско, призвавъ крымскую орду идтить на Московское государство и побить бояръ,—показалъ снова воръ.

Подняли вора на дыбу въ четвертый разъ.

— Виновать предъ Богомъ и предъ великимъ государемъ, сказалъ онъ: училъ меня тому злу и воровству хохлачь Миуска, а письма писалъ писарь Андрей.

Поставили съ нимъ на очную ставку писаря Андрея. Воръ упирался на прежнемъ показаніи и сверхъ того оговорилъ одного запорожскаго казака, который къ Москвѣ былъ привезенъ скованнымъ. Поставили съ нимъ на очную ставку этого казака по имени Миколайка.

— Я, сказалъ Миколайка, былъ въ одной думѣ съ Миускимъ и находился при нихъ въ куренѣ, а русскихъ людей съ нами въ одной думѣ не было.

Послѣ этого самозванца подвергли пыткѣ огнемъ и съ огня онъ говорилъ прежнія рѣчи. По этимъ пыточнымъ рѣчамъ указалъ великій государь и свѣтлѣйшій патриархъ Московскій всея Россіи Іоакимъ, и бояре и окольные думные люди приговорили—казнить вора и самозванца такою смертію, какою былъ казненъ богоотступникъ Стенька Разинъ.

16 же сентября воръ выведенъ былъ на Красную площадь стольникомъ Андреемъ Елизаровымъ съ двумя дьяками. Одинъ изъ этихъ дьяковъ Авраамъ Кошечевъ всенародно прочиталъ такой приговоръ:

„Воръ и обманщикъ и самозванецъ“!

„Великій государь, царь и великій князь всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тебѣ вору вины твои сказать и за то свой великаго государя указъ учинить“.

„Въ прошломъ въ 182 году объявился ты, воръ и обманщикъ, на Запорожьѣ съ совѣтниками своими такими же ворами, въ которыхъ тебѣ вождь былъ Міуска. А затѣмъ ты вмѣшалъ и въ воровскихъ своихъ письмахъ писалъ самое великое и страшное дѣло, назвалъ великаго государя его царскаго пресвѣтлаго величества сыномъ блаженной памяти великимъ княземъ Симеономъ Алексѣвичемъ, и будто за то, что похвалялся на бояръ—тебя хотѣли окормить и ты отъ отравы ушелъ на Донъ, а въ то время будто вмѣсто тебя чрезъ невѣдомо какого стряпчаго, да чрезъ бабу въ таковыхъ же мѣстахъ взять невѣдомо какой ребеновъ и окормленъ. А ты на Дону съ такимъ же вормомъ богоотступникомъ и клятвopреступникомъ Стенькою Разиннымъ въ воровствѣ былъ и изъ Дону пришелъ на Запорожье, а будучи на Запорожьѣ въ намѣреніи того своего воровства и по наученію товарищей своихъ тайно хотѣлъ быть въ Кіевѣ и ѣхать въ Польшу и сказывалъ себѣ пятнадцать лѣтъ и, будучи на Запорожьѣ, посланныхъ царскаго величества, сотника Василя Чадуева и подъячаго Семена Щоголева хотѣлъ побить, а запорожскимъ козакамъ великаго государя жалованья и пушекъ и всякихъ воинскихъ запасовъ и чаекъ не даютъ для того, что царское величество до нихъ милосердь много, а бояре и малаго не даютъ“.

„А великаго государя нашего пресвѣтлаго величества сына блаженной памяти благовѣрнаго царевича и великаго князя Симеона Алексѣвича рожденіе было во 173 году, апрѣля въ 3 день, а усненіе его отъ земнаго царствія въ вѣчное блаженство во 177 году, іюня въ 18 день, о чемъ и во всѣхъ окрестныхъ государствахъ по его царскаго величества грамотамъ подлинно вѣдомо, и мощи его погребены въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ соборной церкви архистратига Михаила, при его царскомъ величествѣ, на которомъ погребеніи были святѣйшіе патріархи: папа патріархъ и судья вселенной Паисій Александрійскій и святѣйшій Іосафъ, патріархъ Московскій всея Русіи, и митрополиты и архіепископы и епископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ и его царскаго величества бояре и думные люди и стольники и стряпчие и иныхъ всякихъ чиновъ служилые и жилецкіе люди, и по рожденіи его до успенія было четыре года, а по нынѣшній по 183 годъ, если бы многолѣтствовалъ, было бы ему десять лѣтъ, а не пятнадцать. А ты, воръ и обманщикъ и самозванецъ, въ двадцать лѣтъ“.

„А на Москвѣ въ разпросѣ у пытки и съ пытки говорилъ ты, что отецъ твой служилъ въ Польшѣ князю Еремѣю Вишневецкому, самъ

былъ изъ Лохвицы, имя ему Ивашка Андреевъ сынъ, прозвище Воробей, и въ томъ во всемъ, что назывался ты воръ, затѣявъ именемъ страшнымъ и великимъ, винился и великому государю противъ писемъ своихъ вину свою страдничью принесъ, что то все помышлялъ ты воровски. Да ты-жь, воръ и самозванецъ, умышлялъ съ такимъ же воровомъ съ Миувскимъ собрать войско и, призвавъ крымскую орду, идти въ Россійское государство войною для того, чтобъ царскаго величества бояръ побить и Московское государство разорить“.

„И великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, за то твое воровство, что ты назывался такимъ страшнымъ и великимъ именемъ и за твой злой умыселъ, указалъ и бояре приговорили казнить тебя смертію“.

Тотчасъ вслѣдъ за прочтеніемъ приговора совершена была казнь: отсѣкли вору руки, потомъ ноги, а наконецъ голову, и отсѣченные члены воткнули на колья. Это дѣлалось въ 9-мъ часу дня (т. е. въ 3-мъ часу по нашему времячисленію). Члены казненнаго стояли на кольяхъ на Красной площади до 4-го часа слѣдующаго дня (до 10 часовъ утра) и перенесены съ кольями на болото „и поставленъ воръ со Стенькою Разинымъ“.

Всѣ козаки, привезшіе вора (12 старшинъ и 208 рядовыхъ козаковъ) получили приличныя награды. Сѣрко, въ своей челобитной, просилъ въ видъ милости уступить Запорожской Сѣчѣ Днѣпровскій перевозъ у Переволочной и городъ Кереберду для себя. Дана была царская грамота, по которой поручалось гетману Самойловичу выдать Сѣрку универсалъ на эти статьи. Но Самойловичъ, всегда непріязненный къ Сѣрку, долго послѣ того отклонялъ правительство отъ удовлетворенія своего соперника подъ тѣмъ предлогомъ, что владѣніе этими мѣстами будетъ вредно, потому что Сѣрко и всѣ его сторонники въ Сѣчѣ не искренно расположены къ государю и притомъ самъ Сѣрко уже имѣетъ во владѣніи своемъ городокъ Мерэфу, близъ Харькова, гдѣ проживало его семейство. Прилуцкій обозный, пріѣхавшій тогда съ запорожцами отъ лица гетмана, выпросилъ себѣ грамоту на сельца Гурбинцы и Игнатовку, на что гетманъ и выдалъ свой универсалъ, обязавшій жителей этихъ сель находиться въ повиненіи у обознаго.

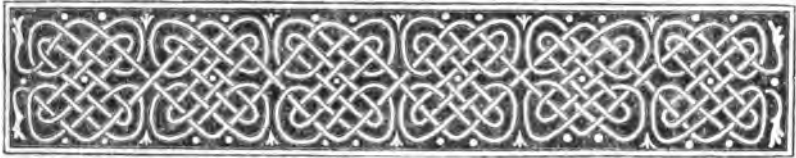
Такъ оvonчилась судьба этого самозванца, одного изъ цѣлаго ряда являвшихся въ разныхъ мѣстахъ при разныхъ случаяхъ и подъ разными именами самозванцевъ. Съ легкой руки перваго названнаго Дмитрія, который имѣлъ такой блестящій успѣхъ хотя не на долгое время, на Руси явленіе самозванцевъ стало какъ бы обычнымъ характеристическимъ признакомъ въ Русской исторіи. Самозванцевъ было такъ много, что ихъ не перечестъ, да еще многіе въ свое время являвшіеся остались до сихъ поръ неизвѣстными и какъ бы случайно изъ мрака архивовъ открываются на горизонтѣ исторіи словно асте-

роиды, безпрестанно увеличивающіе каталогъ планетъ. Надобно замѣтить, что самозванство въ своемъ основаніи лежало въ свойствахъ народнаго русскаго характера: стоить только вспомнить безчисленное множество бродягъ, показывающихъ себя передъ властію не тѣмъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ, этихъ Ивановъ не помнящихъ родства, какъ они называютъ себя, когда власти притиснуть ихъ такъ, что сочинять небылицы станеть неудобно. Назваться именемъ какого-нибудь знатнаго лица было соблазнительно для горячей мелко-самолюбивой натуры. При большой отдаленности отъ главнаго средоточія правительства народная масса находилась въ невѣдѣніи о томъ, что дѣлалось въ этомъ средоточіи и потому легко склонно было довѣрять всякому вымыслу, а между тѣмъ всегда существовали причины народнаго недовольства приемами существовавшаго порядка; всегда раздавались жалобы то на такое, то на иное стѣсненіе и недостатокъ, всегда желалось перемѣны къ лучшему. Бродяга, выставявшій себя лицомъ, имѣвшимъ родовое право на достиженіе силы и власти, заранѣе давалъ обѣщанія, щекоталъ народныя пожеланія и тѣмъ набиралъ себѣ сторонниковъ. Русскій народъ всегда питалъ безавѣтную любовь къ своему царскому дому, но не зная близко, что происходило въ нѣдрѣ этого дома, принималъ все на вѣру и готовъ былъ признавать царскими дѣтьми и родственниками всякаго, кто подъ такимъ именемъ искалъ у народа помощи и опоры. Имя особы царскаго дома въ глазахъ народа освящало всякій бунтъ, всякую противозаконную выходку. Вотъ отчего многіе предводители возстанія противъ закона прикрывались святостію званія особъ изъ царскаго дома. Такъ Стенька Разинъ, предпринявши свой мятежный походъ по Волгѣ, держалъ при себѣ мнимаго царевича, по всему вѣроятію того самаго, о которомъ теперь идетъ рѣчь; такъ Пугачевъ впослѣдствіи волновалъ народъ, раздувая его страсти и обѣщая ему свободу, а для успѣха прикрывался именемъ государя. Такъ поступали и многіе другіе, о которыхъ припоминать здѣсь не мѣсто. Какія побужденія были у самозванца Лже-Симеона выданнаго запорожцами, мы подлинно не знаемъ. Былъ ли онъ смѣлый мятежникъ, хотѣвшій заварить кашу, или слѣпое орудіе другихъ,—на это, къ сожалѣнію, извѣстія о немъ не представляютъ данныхъ, какъ равно не можемъ мы несомнѣнно рѣшить, былъ ли этотъ юноша тотъ самый, котораго выставялъ значкомъ своимъ Стенька, или этотъ бродяга былъ преемникомъ Стенькиной креатуры. Ясно только то, что имъ воспользовались запорожцы: нѣкоторые, вѣроятно по простодушному невѣжеству, дѣйствительно стали въ тупицъ, увидавши на тѣлѣ его какіе то знаки, какъ показалось ихъ воображенію. Замѣчательно, что и теперь въ простомъ народѣ у малороссіянъ существуетъ вѣрованіе, что у царей и у членовъ царской семьи есть „на плечахъ родиме пятно“. Вѣрованіе это, какъ показываетъ настоящее повѣствованіе, существовало издавна. Что касается до Сѣрка и другихъ, которые подобно Сѣрку были болѣе раз-

виты и образованны, то конечно они не придавали искренной вѣры этой баснѣ, а воспользовались ею на время только для того, чтобы подразнить Москву, противъ которой имѣли свои личныя причины неудовольствія. Сѣрко досадовалъ, что не только не сдѣлался гетманомъ, но еще и нѣсколько мѣсяцевъ пробылъ „въ московской неволѣ“. Вотъ онъ и нашель случай въ отместку за себя поднести москалямъ тертаго хрѣна, какъ говорится; но на самомъ дѣлѣ не былъ никогда расположенъ служить измѣнѣ и до конца своей жизни пребыть вѣрнымъ царю козакомъ, хотя и своенравнымъ запорожцемъ.

Н. Костомаровъ.

ЗАПИСКИ В. Н. ГЕТТУНА.

1771—1815 г.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Записки дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василя Никифоровича Геттуна обязательно переданы въ наше распоряженіе сыномъ его, инженеръ-подполковникомъ Ѳ. В. Геттуномъ, при содѣйствіи профес. К. Н. Бестужева-Рюмина. Въ запискахъ этихъ, къ сожалѣнію, не достаетъ конца: еще при жизни автора пожаръ истребилъ всѣ его бумаги и только благодаря случайности уцѣлѣла первая половина (печатаемая нами безъ всякихъ измѣненій) рукописи, озаглавленной въ подлинникѣ такъ: „Записки собственно для моихъ дѣтей“. Мы увѣрены, что читатели и безъ нашихъ указаній оцѣнятъ значеніе этого историческаго матеріала; рисуя въ живомъ, безыскусственномъ разсказѣ мало извѣстный намъ чиновничій бытъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, В. Н. Геттунъ сообщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ запискахъ чрезвычайно любопытныя и характеристическія подробности о нѣкоторыхъ выдающихся дѣятеляхъ того времени: фельдмаршалѣ графѣ М. Ѳ. Каменскомъ, любимцѣ императора Александра I, графѣ П. А. Толстомъ, генералѣ Вязмитиновѣ, князѣ Д. И. Лобановѣ-Ростовскомъ, принцѣ Георгѣ Ольденбургскомъ, и др., съ которыми онъ находился въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ. Записки Геттуна обрываются на 1815 годѣ, когда онъ былъ зачисленъ первымъ кандидатомъ на должность оберъ-прокурора Сената, а потому считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его дальнѣйшей судьбѣ. Не получивъ, по неизвѣстной причинѣ, должности оберъ-прокурора, Геттунъ былъ сдѣланъ въ 1816 г. вице-директоромъ Провіантскаго департамента Военнаго министерства, а черезъ два года, произведенный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, назначенъ правителемъ канцеляріи тогдашняго петербургскаго военнаго губернатора графа Милорадовича, по ходатайству котораго награжденъ въ 1821 г. орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Въ запискахъ упоминается, что въ 1815 г. Геттунъ былъ командированъ министромъ полиціи въ Курскую губернію для ускоре-

ніа производившагося въ Львовскомъ уѣздномъ судѣ дѣла объ убійствѣ помѣщицы Алтуховой. Дѣло это, тянувшееся нѣсколько лѣтъ, было наконецъ рѣшено тѣмъ, что убійцами Алтуховой признаны двое дворовыхъ людей помѣщика Ширкова, съ которыми она находилась въ связи. Но въ 1822 г. мать Алтуховой подала министру юстиціи жалобу, гдѣ приводила доказательства, что дочь ея убита самимъ Ширковымъ, избѣгнувшимъ законной кары лишь потому, что лица, производившія и разсматривавшія слѣдственное дѣло, допускали при этомъ разныя нарушенія закона и неправильности, именно съ цѣлью скрыть настоящаго преступника. По докладѣ этой жалобы императору Александру I, была назначена особая коммиссія для переислѣдованія дѣла. Новое слѣдствие выяснило, что убійцею Алтуховой былъ дѣйствительно Ширковъ, который и сосланъ въ каторжныя работы; лица же, принимавшія какое-либо участіе въ производствѣ перваго слѣдственного дѣла, и въ числѣ ихъ Геттунъ, уволены по высочайшему повелѣнію отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда ихъ не опредѣлять. Такимъ образомъ кончилась служебная карьера Геттуна. Онъ умеръ въ 1848 г. загадочной смертью: проживая лѣтомъ на дачѣ въ Волынкиной деревнѣ, Геттунъ отправился однажды утромъ въ Петербургъ, по обыкновенію пѣшкомъ, и болѣе уже не возвратился домой. Ни полиція, ни родные, не смотря на всѣ старанія, не могли узнать, что съ нимъ случилось.

I.

Родители и родные. — Первоначальное воспитаніе. — Пансіонъ Барлѳа. — Поступленіе на службу въ Погарскій нижній земскій судъ. — Жизнь на хуторѣ. — Повыщеніе Кунцевъ. — Производство въ чинъ губернскаго регистратора. — Глупая шутка и ея послѣдствія. — Публичный экзаменъ въ Погарскомъ судѣ. — Хлопоты о штатномъ мѣстѣ. — Переходъ на службу въ Новгородъ-Сѣверское губернское правленіе. — Самовольная отлучка въ Погаръ. — Переходъ на службу въ канцелярію прокурора. — Отношенія графа Румянцова-Задунайскаго къ подчиненнымъ. — Смерть матери. — Хлопоты о переводѣ на службу въ Погарскій судъ секретаремъ. — Губернаторъ графъ Завадовскій. — Полученіе мѣста секретаря. — Ссора съ отцомъ. — Семейство Энгельгардтъ. — Непріятности съ казначеемъ Соловьевымъ и ихъ послѣдствія. — Процессъ вдовы Энгельгардтъ съ графомъ Разумовскимъ. — Учрежденіе повѣтовыхъ судовъ и передача въ нихъ дѣлъ изъ уѣздныхъ судовъ. — Побѣдка въ Петербургѣ. — Хлопоты по дѣламъ Энгельгардтъ и Гамалѣевъ.

Родился я въ Малороссіи, Погарскаго повѣта, въ селѣ Лобкахъ, 29-го декабря 1771 года, отъ благородныхъ родителей, но бѣдныхъ.

Отецъ мой, чиновникъ XIV-го класса, Никифоръ Ивановичъ Геттунъ, имѣлъ 12 душъ крестьянъ обоюга пола, по ревизіи за нимъ написанныхъ, въ ономъ селѣ Лобкахъ домъ, гумно съ садикомъ, маленькую винокурню съ огородомъ при ней для овощей и коношляные огороды:

въ дачахъ же сего села нахотныя и сѣновосныя земли, лѣса и хуторъ Бурмаинъ, при немъ большой лѣсъ съ сѣновосомъ, а при домѣ садъ, огородъ и пчельная пасѣвка. На шестомъ году отдали меня къ лобковскому церковному дьячку учиться русской грамотѣ; но въ 1779 г., по неудовольствію на лобковского дьячка и по рекомендаціи отдали меня учиться къ дьячку церкви села Суходолья.

Въ семь селѣ были замужемъ двѣ родныя сестры отца моего; изъ нихъ у старшей я имѣлъ квартиру, и меня лѣтомъ вмѣсто ученья заставляли пасти скотъ. Обидясь симъ, я бѣжалъ, и шель пѣшкомъ до Лобковъ, околѣ 20 верстъ, голодный, босой и безъ штановъ, въ простой свитѣкъ, которою набилъ на ногахъ цыпги и, опасаясь гнѣва отца, явился къ теткѣ моей матери Маринѣ, которая меня навормила и скрыла.

Поутру пріѣхалъ въ Лобки зять и сказалъ отцу моему, что я не извѣстно куда дѣвался. Отецъ, узнавъ отъ матери причину моего побѣга и что я нахожусь у тетки, оставилъ меня дома безъ всякаго взысканія.

Тетка Марина жила въ Лобкахъ въ домѣ ея мужа, была бездѣтна, и насъ всѣхъ, т. е. дѣтей своей племянницы, любила и считала за своихъ дѣтей, ничего для насъ не щадила, и тѣмъ баловала, за что отецъ нашъ не рѣдко съ нею ссорился; но за то мы ее во вдовствѣ и старости призрѣли и она у насъ въ домѣ дожила и вѣкъ свой.

Между тѣмъ погарскій уроженецъ, кievскій студентъ Михайло Савичъ Барлуй, женился, поселился въ Лобкахъ и завелъ родъ пансіона; въ числѣ прочихъ учениковъ, съ разныхъ мѣстъ до 30-ти мальчиковъ привезенныхъ, поступилъ и я къ нему въ ученье въ 1781 году; но и въ семь пансіонѣ учили только читать и писать по-русски; даже и начальныхъ правилъ ариметики не преподавали. По матери бабка моя Авулина Наумовна управляла всѣмъ домою отца моего.

Я, какъ житель лобковскій, пріѣзжихъ учениковъ, со мною дружныхъ, нерѣдко приглашалъ въ домъ отца моего и угощалъ ихъ, какъ милость была бабки. По выходѣ изъ дому гостей бабка моя почти всегда начинала упрекать меня, что „всѣ какъ люди, а ты не читанъ буква“ мнѣ же казалось, что я ничѣмъ ихъ не хуже, но нивакъ не могъ въ томъ ее увѣрить; впрочемъ упреки сіи бабки возбуждали во мнѣ болѣе ревности къ ученью.

Сосѣдній знатный помѣщикъ подполковникъ и уѣздный погарскій предводитель дворянства Иванъ Николаевичъ Ханенко, рѣшась взять сына своего Николая въ С.-Петербургъ для записки его въ кадетскій корпусъ, по доброму своему къ отцу моему расположенію, предложилъ ему, чтобъ онъ отдалъ сына своего, т. е. меня, для записки-жъ въ корпусъ; но мать и бабка мои тому крайне воспротивились. Почему отецъ мой отмѣнилъ сіе предположеніе свое и записалъ меня въ статскую службу, сперва въ Погарскій нижній земскій судъ, а потомъ въ 1788 году и въ тамошній уѣздный судъ.

Если бы я воспитанъ былъ въ кадетскомъ корпусѣ и поступилъ въ военную службу, то судьба моя и происшества въ жизни совсѣмъ были бы другія. По запискѣ въ судѣ сначала я жилъ въ городѣ весьма мало, и то только зимою, доучивался писать дома подъ надзоромъ отца, и перемѣнялъ свой почеркъ на тотъ, который изъ даваемыхъ бумагъ мнѣ понравится, потому что у меня печатной прописи не было. Наконецъ увидѣлъ я свидѣтельство, данное отцу моему изъ Новгородско-Сѣверской дворянской комиссіи о его дворянствѣ, написанное губернскимъ секретаремъ Карпомъ Сорокою, на которомъ и онъ внизу вмѣсто канцеляриста подписался. Этотъ почеркъ мало того что мнѣ понравился, но плѣнилъ меня, и я съ того времени началъ писать во всемъ подражая оному,—отчего именно и составилъ нынѣшній почеркъ мой. Тогда стали въ судѣ давать мнѣ переписывать уже и дѣловыя бумаги, каковою перепискою занимался я только зимою, а все лѣто проживалъ дома или въ хуторѣ и помогалъ пасѣчнику стеречь пчель. Провизія пасѣчнику доставляема была изъ Лобковъ не ежедневно, а по временамъ; и отъ того намъ досталось однажды такъ, что мы кромѣ хлѣба и гречневой крупы ничего другаго не имѣли; сварили кашу безъ соли и безъ всякой другой приправы, и едва могли ѣсть ее. Къ вечеру намъ припасы подосланы, и мы оными поддѣржили себя.

Съ 1789 года началъ я и зиму, и лѣто жить въ городѣ Погарѣ и заниматься дѣлами въ судѣ. Отецъ мой просилъ и обсылалъ домашними продуктами повѣтчиковъ уѣзднаго суда гг. Макухина и Кунцева, чтобъ они за моими занятіями надзирали и приучали къ познанію дѣлъ; изъ нихъ г. Кунцевъ за неприлежность не токмо не выпускалъ меня изъ суда, но иногда даже приказывалъ разуть меня и привязать къ суножкѣ стола ногу мою, что неумолимый сторожъ къ несносной досадѣ моей и исполнялъ въ точности. Однакожъ сія щекотливая строгость наконецъ обратилась въ мою пользу.

За труды мои я отъ уѣзднаго суда представленъ былъ къ награжденію и губернскимъ правленіемъ произведенъ губернскимъ регистраторомъ. Получа сей первый малѣйшій чинъ, я былъ такъ радъ, какъ ни при какомъ другомъ впоследствии важнѣйшемъ производствѣ, и уже самъ добровольно началъ вникать и приобрѣтать познанія въ дѣлахъ.

Между тѣмъ за ветхостью казеннаго каменнаго зданія перевели уѣздный судъ въ обывательскій домъ погарскаго именитаго гражданина Грабара. Въ концѣ 1789 года велѣно помѣститься уѣздному суду въ другомъ казенномъ деревянномъ домѣ.

При переѣздѣ въ сіе мѣсто, вмѣстѣ съ прочими молодыми дворянами, находившимися при судѣ, и я былъ въ разговорѣ, чтобъ тотъ изъ насъ, кто послѣдній будетъ выходить изъ дома Грабара, нарисовалъ на стѣнахъ онаго неблагопристойныя картины, полагая, что дѣвицы - красавицы, дочери хозяина дома, прибѣгутъ туда и будутъ видѣть эту молодецкую шутку.

Но совѣтъ вышло напротивъ: меня и другихъ командировали для надзора за возами, навьюченными бумагами, и за выгрузкою оныхъ; остались только двое, Клима Синицкій и Михайло Джура, которые, не успѣвъ всего того сдѣлать, что въ общемъ совѣтѣ предположено было, рѣшились обрызгать внутри дома стѣны чернилами, что къ сожалѣнію и сдѣлали.

Хозяинъ дома г. Грабаръ обидѣлся симъ поступкомъ, принесъ судьямъ жалобу, и по оной началось слѣдствіе.

Изъ виновныхъ Михайло Джура прибѣгнулъ ко мнѣ, требуя совѣта: что дѣлать? Я совѣтовалъ ему повидаться съ Синицкимъ и уговориться, чтобъ не признаваться. Но онъ, не надѣясь, чтобъ Синицкій послушался его, выпросилъ отъ меня къ нему записку, которую не самъ вручилъ, а послалъ съ своимъ неосмотрительнымъ человѣкомъ. Сей, вмѣсто сына, вручилъ отцу его оную записку, въ которой между прочимъ къ убѣжденію Клима Синицкаго написано было, что скоро наступятъ новые выборы, и вѣрно будутъ другіе судьи; а тогда и дѣло это приметъ совѣтъ другой видъ.

Отецъ Синицкаго, по наведенному симъ сомнѣнію, исторгнувъ признаніе сына, взялъ его и представилъ лично въ судъ вмѣстѣ съ оною запискою. До сего происшествія спрашивали Джуру, и онъ ни въ чемъ не признавался; а я между тѣмъ занимался перепискою вѣдомости о колодникахъ въ уголовную палату, по обширности которой писалъ хотя чисто, но мелкимъ письмомъ; а упомянутая записка написана была на-скоро, небрежно, нехорошимъ перомъ и крупными литерами, такими, какъ Джура писалъ.

Послѣ признанія въ судѣ Синицкаго и при уликахъ его принужденъ былъ и Джура признаться, показавъ при томъ, что записку, столь оскорбительную для судей, не онъ, а я писалъ.

Я скромно просилъ сличить записку съ переписываемою мною вѣдомостью, на которую судьи взглянувъ, единогласно признали, что почеркъ руки несходенъ, и что Джура прежде въ поступкѣ своемъ запирался, но когда Синицкимъ доведенъ до признанія, то вымыслилъ вину свою въ отношеніи записки сваливать на другаго; по такому разсужденію судьи меня оправдали, а Джуру посадили подъ караулъ; но отцы Синицкаго и Джура упросили Грабара и судей, и тѣмъ это дѣло кончили.

Послѣ новыхъ выборовъ точно вступили другіе судьи, и при нихъ открылись двѣ штатныя подъ-канцелярскія вакансіи, съ жалованьемъ на каждую по 50 руб. въ годъ. Молодыхъ дворянъ находилось тогда при судѣ на собственномъ своемъ содержаніи до 24 человѣкъ, въ числѣ коихъ былъ и я.

Судья коллежскій ассесоръ Алексѣй Тимоѣевичъ Лукьяновъ, извѣстный юристъ, коего два сына въ числѣ оныхъ своекоштныхъ дворянъ также при судѣ находились, чтобы безъ всякаго лиценціята избрать изъ нихъ къ опредѣленію на сн мѣста достойнѣйшихъ, на-

значить дать имъ въ судѣ публичный экзаменъ, который произведенъ былъ такимъ образомъ: по прибытіи въ присутствіе суда всѣхъ членовъ, судья потребовалъ отъ секретаря обширное судное дѣло, велѣлъ читать оное молодымъ дворянамъ, каждому по очереди, при бытности ихъ всѣхъ. Потомъ секретарь объяснялъ присутствію обстоятельства сего дѣла и представилъ выписку приличныхъ къ оному законовъ.

За симъ начались разсужденія и диспуты между членами несогласными во мнѣніяхъ, и судья, терпѣливо выслушавъ ихъ, наконецъ спорящихся урезонилъ до того, что всѣ согласились на единогласное того дѣла рѣшеніе, каковую резолюцію судья самъ своею рукою вкратцѣ написалъ въ докладномъ реэстрѣ; а на словахъ предложилъ молодымъ дворянамъ сочинить по тому дѣлу проэктъ обстоятельнаго протокола, т. е. рѣшеніе, рассказавъ ясно и внятно всю программу онаго, и чтобъ каждый дворянинъ, не выходя изъ суда, тотчасъ самъ написалъ, и подали-бы ему на дому всѣ вмѣстѣ каждый свой проэктъ. По выходѣ изъ суда судей и секретаря, при таковомъ каждомъ сочиненіи проэкта рѣшенія, начались шалости и помѣшательства, однимъ другому разнымъ образомъ дѣлаемыя, однакожъ при всемъ томъ воля судьи исполнена, написали всѣ кто какъ могъ заданную тему, пошли вмѣстѣ толпою на домъ къ судѣ и подали ему.

Нетерпѣніе и неизвѣстность, чей проэктъ одобренъ будетъ, волновали всѣхъ; на другой день поутру собрались всѣ въ судѣ ранѣе обыкновеннаго времени, и дождались того, что судья прислалъ въ судѣ для переписки мой проэктъ, самимъ судьей слишкомъ перемаранный и поправленный; но при всемъ томъ уже по одному этому заключили, что я буду въ числѣ представленныхъ къ опредѣленію на штатное мѣсто, которое интересовало всѣхъ не важностію своею, но преимуществомъ одобренія и предпочтеніемъ передъ другими.

По пріѣздѣ-жъ судьи въ судѣ, онъ отдалъ для переписки и представленіе въ губернское правленіе, въ коемъ именно объяснилъ, что по произведенному экзамену, изъ молодыхъ дворянъ, обучающихся въ семь судѣ практическому судопроизводству, оказались достойными къ опредѣленію на открывшіяся штатныя вакансіи губернской регистраторъ Василій Геттунъ и городской секретарь Семень Джура. Для меня лестно было и то еще, что я, младшій и лѣтами и чиномъ, былъ поставленъ въ представленіи первымъ. По подписаніи и запечатаніи представленія судья вручилъ намъ оное, совѣтуя самимъ ѣхать въ Новгородъ-Сѣверскій и тамъ лично хлопотать, дабы губернскимъ правленіемъ другіе на тѣ мѣста не были опредѣлены.

Такой благой совѣтъ мы съ помощію родителей нашихъ исполнили, поѣхали вмѣстѣ въ губернской городъ Новгородъ-Сѣверскій, явились къ секретарю губернскаго правленія Козьмѣ Ильичу Григоровичу съ хлѣбомъ и солью, подали ему представленіе, и онъ велѣлъ намъ навѣдываться у него, что мы и исполняли, ходя къ нему вмѣстѣ оба.

Далѣ товарищъ мой Джура занемогъ, и я сталъ ходить къ секретарю одинъ. Секретарь наконецъ объявилъ мнѣ, что мы оба будемъ опредѣлены съ тѣмъ, что меня оставить въ губернскомъ правленіи, а Джура возвратится въ судъ.

Таковая вѣсть меня поразила, и я не удержался отъ слезъ; секретарь спрашиваетъ о причинѣ моего неудовольствія, толкуетъ мнѣ выгоды мои и предпочтеніе, а я ни чему не внимаю и представляю въ своему извиненію близость отцовскаго дома къ городу Погару и старость родителя своего, а въ самомъ существѣ была на умѣ смазливая поповна, за которую я тогда волочился; но секретарь написалъ къ отцу моему письмо, спрашивая его: на что онъ согласенъ? Съ симъ письмомъ возвратился я домой, и отецъ мой, по прочтеніи онаго письма, такъ на меня разсердился, что чуть было не прибилъ меня: тотчасъ написалъ къ секретарю отвѣтное благодарное письмо и велѣлъ везти меня подъ карауломъ обратно въ Новгородъ-Сѣверскій. Это было наканунѣ Масляной недѣли, и мать моя едва упросила отца, чтобъ онъ позволилъ мнѣ хотя одну эту недѣлю, въ которую всѣ веселятся, пожить и погулять дома.

Въ сіе время я успѣлъ съѣздить въ Погаръ и попрощался навсегда съ поповною, которая потомъ вышла замужъ за г. Храповскаго. По возвращеніи моемъ въ Новгородъ-Сѣверскій объявлено мнѣ опредѣленіе губернскаго правленія, по которому оставленъ я на службѣ въ губернскомъ правленіи съ полученіемъ жалованья въ годъ по 50 руб. изъ Погарскаго уѣзднаго суда, и я въ скоромъ времени сдѣлался помощникомъ одного изъ повѣтчиковъ губернскаго правленія г. Имшенецкаго, въ вѣдомствѣ секретаря Григоровича. Этого мало, полюбили меня даже и гг. экспедиторы, управлявшіе независимо отъ секретаря особыми экспедиціями, на которые раздѣлена была канцелярія губернскаго правленія, и тоже самое значившіе по своимъ частямъ, что и секретарь губернскаго правленія. При исходѣ 1791 года пошелъ я съ повѣтчикомъ г. Носенкомъ къ секретарю Григоровичу просить позволенія съѣздить мнѣ домой, а Носенко къ своему помѣщику Гамалѣю на праздники Рождества Христова; но мы нашли начальниа своего не въ духѣ, и онъ начисто отказалъ намъ въ просимомъ отпускѣ.

Оставаясь посему въ городѣ, наконецъ узнали мы, что секретарь Григоровичъ уѣхалъ на праздники въ гости къ одному знатному помѣщику, въ домъ котораго въ городѣ секретарь сей имѣлъ даромъ хорошую и обширную квартиру. Мы въ такомъ случаѣ наканунѣ самаго праздника обратились съ просьбою къ губернаторскому секретарю г. Пащенко. Сей для скорости переѣзда (около 70 верстъ) далъ намъ подорожную, приказавъ притомъ, чтобъ мы, во избѣжаніе всякой неприятности, возвратились къ своимъ мѣстамъ непременно поутру 7-го числа генваря.

И такъ мы, отправясь на почтовыхъ лошадяхъ вечеромъ, къ утру на самый праздникъ Рождества Христова пріѣхали въ домъ г. Гамалѣя,

состоящій въ селѣ Борщевѣ, а оттуда отправился я въ домъ отца моего, состоящій въ селѣ Лобкахъ, въ двухъ верстахъ отъ Борщева, и показалъ строгому отцу своему подорожную, прикрывъ тѣмъ самовольную отлучку отъ должности.

Нужно здѣсь замѣтить, что отецъ мой чрезвычайно былъ къ дѣтямъ своимъ строгъ и взыскателенъ, и я въ жизнь мою никого такъ не боялся, какъ гнѣва отца своего; напротивъ, мать моя была нѣжна и во всемъ къ намъ снисходительна. Отпировавъ праздники, по условію съ г. Носенкомъ, пріѣхалъ я на отцовскихъ лошадяхъ къ нему въ село Борщевъ 6-го генваря 1792 года, чтобъ въ ночь оттуда ѣхать на почтовыхъ, дабы къ утру поспѣть въ Новгородъ-Сѣверскій. Не тутъ-то было: его и меня ради праздника Богоявленія не пустили, съ тѣмъ чтобъ мы переночевали, а уже поутру отправились бы; но и на другой день удержали насъ обѣдать, а потомъ и до самаго вечера протанцовали; одна изъ г-жъ Гамалѣевыхъ, молодая барыня, увѣряла что она напишетъ къ секретарю письмо, и ничего намъ не будетъ. Но я, неопытный еще мальчикъ, не зная, какую молодая и прекрасная женщины имѣютъ надъ мужчинами власть, не повѣрилъ тому, вечеромъ ушелъ отъ нихъ къ отцу своему и признался ему во всемъ. Боже мой! въ какую я привелъ его тревогу: разбранилъ меня, выгналъ изъ комнаты вонъ, потомъ воротилъ, чтобъ бить меня,—мать до того не допустила,—приказала тотчасъ заложить въ кибитку тройку лошадей и везти меня съ верховымъ проводникомъ. Мать моя представляла ему, что на дворѣ большой морозъ, вѣтеръ и метель; но отецъ мой ничему не внялъ, и мы, помолясь Богу—я со слезами—отправился въ дорогу. Проводникъ довезъ насъ только до плотины, называемой Старая Вора. По переѣздѣ оной не успѣли мы взобраться на гору по дорогѣ въ мѣстечко Гремячъ, какъ уже и сбились съ дороги и пріѣхали въ село Дарѣвскъ. Тамъ заѣхалъ я къ знакомому дворянину Антону Ивановичу Оршавѣ; онъ былъ почти уже пьянъ, но обрадовался моему пріѣзду и пригласилъ меня отужинать у него съ тѣмъ, что онъ дастъ мнѣ верхомъ проводника до самаго Гремяча. Симъ я воспользовался и благополучно доѣхалъ до Гремяча. По выѣздѣ-жъ изъ онаго опять сбились съ дороги и плутали; наконецъ кое-какъ добрались до шинка Ковпинскаго и, тамъ остановясь, разложили въ избѣ огонь, велѣлъ я лошадей накормить и напоить, а самъ, не раздѣваясь, легъ на лавкѣ спать. Пріѣзжаетъ туда-жъ знакомый мой, Случевскій козакъ Иванъ Радченокъ, засѣдатель верхней расправы, ѣдущій въ Новгородъ-Сѣверскій къ своей должности, разбудилъ меня и мы отправились вмѣстѣ. Поутру пріѣхали мы въ городъ, переодѣлись и явились къ своимъ мѣстамъ,—но уже отлучка наша и неявка въ свое время, сдѣлались гласными. Секретарь доложилъ о томъ присутствію, меня изъ канцеляріи губернскаго правленія не выпустили, и потребовали письменнаго отвѣта, который я написалъ безъ всякой осторожности, словомъ напрямикъ, т. е. что не у кого было проситься, ибо

и самъ секретарь находился въ безгласной отлучкѣ за 25 верстъ разстоянія отъ города. Сей прямой отвѣтъ мой до крайности раздражилъ и вооружилъ противъ меня секретаря, и онъ дѣлалъ мнѣ страшныя угрозы. Но когда возвратился г. Носенко и привезъ отъ г-жи Гамалѣвой письмо къ нему, то оное магическою своею силою всю эту бѣду потушило, по невозможности одного наказать, а другаго, гораздо болѣе виновнаго, освободить отъ всякаго взысканія.

Но я послѣ этого случая, не довѣряя уже секретарю, сталъ помышлять, какъ бы убраться изъ зависимости его. Узнавъ, что въ канцеляріи прокурорскихъ дѣлъ отерывается вакансія съ жалованьемъ по 80 р. въ годъ, я обратился къ отцу моему, и онъ выпросилъ къ губернскому прокурору, коллежскому совѣтнику и кавалеру Алексѣю Астафьевичу Юзефовичу ¹⁾ отъ полковника, управлявшаго канцеляріею малороссійскаго генераль-губернатора генераль-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, Павла Григорьевича Дубовика, рекомендательное письмо, которое я лично ему подалъ, и онъ приказалъ мнѣ показать, какъ я пишу,—что я и исполнилъ. Г. Юзефовичъ, пришедъ въ секретарскую губернскаго правленія комнату, показалъ экспедиторамъ листъ и спросилъ ихъ, я ли это пишу? Они отвѣчали: „точно такъ“ и притомъ присоединили и одобреніе свое обо мнѣ. Секретарь Григоровичъ въ эту пору былъ въ судейской комнатѣ, докладывалъ дѣла, и ничего того не зналъ.

Губернскій прокуроръ, въ присутствіи губернскаго правленія, просилъ губернатора объ опредѣленіи меня въ канцелярію его, на что губернаторъ согласился и отдалъ о томъ приказаніе свое секретарю Григоровичу; а сей, обидясь тѣмъ, вышелъ изъ присутствія, началъ упрекать меня и устраивать своими угрозами; экспедиторъ же Василій Григорьевичъ Новиковъ непримѣтнымъ образомъ подкрѣпилъ меня, предувѣдомляя о всемъ, что дѣлается въ пользу мою и противъ меня.

На другой день секретарь Григоровичъ сдѣлалъ списокъ служащимъ въ канцеляріи губернскаго правленія чиновникамъ по старшинству службы каждаго, съ тѣмъ, чтобъ поступить имъ по мѣстамъ на открывшіяся вакансіи. Губернаторъ, не зная прямаго намѣренія его, утвердилъ это предположеніе, и потому мѣсто, на которое я просился, досталось не мнѣ, а г. Сосновскому, старику.

Я, слѣдуя совѣтамъ г. Новикова, поутру пошелъ къ прокурору и сказалъ ему о томъ опредѣленіи.

Прокуроръ не повѣрилъ словамъ моимъ и, пришедъ въ губернское правленіе, обратился къ секретарю, спрашивая его, подписано ли опредѣленіе о Геттунѣ. Секретарь, представилъ ему, что г. губернатору разсудилось лучше сдѣлать сіе распределеніе, и потому опредѣ-

¹⁾ Послѣ онъ былъ предсѣдателемъ гражданской палаты и волынскімъ гражданскимъ губернаторомъ.

лень къ нему, прокурору, степенный и опытный чиновникъ г. Сосновскій. Когда прокуроръ отозвался, что онъ его не знаетъ, то секретарь велѣлъ позвать къ нему Сосновскаго. Посланный возвратясь донесъ, что Сосновскій боленъ и не ходитъ къ должности.

Прокуроръ сказалъ секретарю, что ему больныхъ чиновниковъ не надобно, вышелъ въ присутственную камеру и объявилъ, что секретарь сдѣлалъ.

Губернаторъ истребовалъ подписанный журналъ, разорвалъ оный и бросилъ его въ глаза секретарю; потомъ велѣлъ позвать меня и отдалъ руками прокурору, а протоколисту Дубровъ приказалъ тотчасъ написать обо мнѣ опредѣленіе и подать къ подписанію, — чѣмъ сіе перемѣщеніе и окончено.

Находясь у прокурорскихъ дѣлъ, я научился правописанію, потому что прокуроръ строго наблюдалъ оное. Однажды поутру я подалъ прокурору полученные съ почты пакеты, при распечатаніи коихъ, по прочтеніи одного, вспрыгнулъ онъ съ кресла и началъ самъ себя драть за волосы. Я испугался и поскорѣе вышелъ изъ той комнаты. Послѣ открылось, что тому странному дѣйствию было причиною замѣчаніе, сдѣланное ему генераль-губернаторомъ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ и состоящее въ слѣдующемъ: „Государь мой Алексѣй Евстафьевичъ! Войсковой товарищъ Вальковскій жалуется мнѣ, что пакета гражданскихъ дѣлъ Новгородско-Сѣверскаго намѣстничества въ дѣлѣ его съ бунчуковымъ товарищемъ Борозднюю сдѣлала опредѣленіе на опредѣленіе. Я удивляюсь, какъ сіе обстоятельство могло миновать ваше тутъ наблюденіе? а потому я нахожу примѣтити вамъ не ради собственного своего спокойствія, но ради тѣхъ, коимъ оно по справедливости принадлежитъ, есмь впрочемъ“... Говорятъ, что графъ Румянецъ-Задунайскій, какъ бы ни сердился на кого изъ подчиненныхъ ему за неисправность по должности, но въ бумагахъ, содержащей въ себѣ выговоръ, болѣе не писалъ, какъ только, что находитъ примѣтити. Г. Юзефовичъ прежде служилъ при немъ секретаремъ, и зная то, вышелъ изъ себя по прочтеніи онаго замѣчанія.

Еще однажды прокуроръ Юзефовичъ позвалъ меня къ себѣ на домъ и велѣлъ переписать представленіе его къ губернатору. По запечатаніи пакетъ сей отдалъ мнѣ и приказалъ, чтобъ я самъ снесъ его и подалъ губернатору. Долго я дождался выхода губернаторскаго, секретарь коего предлагалъ мнѣ, чтобъ я отдалъ тотъ пакетъ ему; но я, не зная намѣренія своего начальника, дождался и подалъ самому губернатору, который, прочитавъ бумагу, усмѣхнулся, и приказалъ мнѣ сказать прокурору, что онъ проситъ его къ себѣ обѣдать. По донесеніи моемъ о семъ отвѣтъ, прокуроръ велѣлъ закладывать карету и поѣхалъ къ губернатору. Если бы я поступилъ иначе, то прокуроръ былъ бы безъ обѣда, потому что не женатъ, и не располагая оставаться дома, не приказывалъ готовить для себя кушанья; а мнѣ отъ него достался бы порядочный напрягай.

Въ одно воскресенье до обѣдни занимался я разборомъ и сообщеніемъ къ дѣламъ бумагъ. Приносятъ съ почты ко мнѣ письмо за черною печатью. Я не скоро распечаталъ оное и, взглянувъ, что мать моя умерла, бросилъ его, ругая увѣдомителя, г. Сущинскаго,—кто его просилъ съ такими вѣстями! Однакожь не могъ долѣе заниматься дѣлами, пошелъ въ церковь къ обѣднѣ, а оттуда съ окаменѣлымъ сердцемъ въ квартиру г. Радченокъ, съ которымъ я квартировалъ и держалъ столъ вмѣстѣ; замѣтивъ мою мрачность, онъ спросилъ о причинѣ тому; я ему не могъ ничего отвѣчать, но уже за обѣдомъ заплакалъ и зарыдалъ сильно и сказалъ товарищу своему, что я матери своей лишился. Долго я не могъ успокоиться; на другой день отирася, поѣхалъ я домой; пріѣхалъ вечеромъ; войдя въ комнату, гдѣ отецъ у печки кормилъ кашею дитя, двухлѣтняго своего сына, а моего брата Владимира, и увидя меня, залился слезами. Успокоивъ нѣсколько отца своего, я опять отправился въ Новгородъ-Сѣверскій къ должности.

Мать моя, Васса Степановна, урожденная Копасева, была женщина добрая и кроткая, любившая меня чрезвычайно, яко первенца. При ней я никогда не выѣзжалъ изъ дома родительскаго безъ слезъ; а по кончинѣ ея я равнодушно оставлялъ домъ отца моего.

Погарскаго уѣзднаго суда секретаря Вавравскаго сдѣлали Коронскимъ расправнымъ судьей. На мѣсто его опредѣленъ повычизъ канцеляріи губернскаго правленія Пригара. Въ то же время сего Пригары дядя, г. Гриневицъ, сдѣлался правителемъ канцеляріи генераль-губернатора Игельстрома и написалъ къ Пригарѣ, чтобы онъ испросилъ увольненіе и къ нему бы пріѣхалъ на службу. Г. Пригара по доброму своему расположенію сказалъ о томъ мнѣ заблаговременно, и я написалъ къ отцу своему, вызывая его къ себѣ поскорѣе.

Отецъ пріѣхалъ, не зная самъ для чего; я жилъ въ квартирѣ, занимаемой обще съ упомянутымъ засѣдателемъ Радченкомъ, и вмѣстѣ съ нимъ начали говорить отцу моему, чтобы онъ, пользуясь милостіями губернатора графа Якова Васильевича Завадовскаго, попросилъ бы его сіятельство о представленіи меня къ опредѣленію въ Погарскій уѣздный судъ секретаремъ, или бы позволилъ мнѣ отправиться на службу въ губерніи отъ Польши присоединенныя. Отецъ мой, по долгомъ размысленіи, ни на то, ни на другое не согласился; на первое потому, что не былъ увѣренъ, чтобы я, по молодымъ своимъ лѣтамъ, могъ исправитъ должность секретаря уѣзднаго суда; на второе же потому, что не хотѣлъ со мною разстаться. Наконецъ разными мѣрами убѣдили мы отца моего; онъ пошелъ къ губернатору и объяснилъ ему о желаніи моемъ и объ опасностяхъ его.

Губернаторъ приказалъ завтра поутру рано прислать меня къ нему. По докладѣ, губернаторъ позвалъ меня въ уборную свою и началъ спрашивать, могу ли я исправлять должность секретаря.

Я рѣшительно отвѣчалъ, что могу.

Губернаторъ спросилъ, знаю ли я законы.

Я отвѣтилъ не запинаясь, что знаю, присовокупивъ къ тому, что законы открыты, и что тотъ только ихъ не знаетъ, кто о томъ не старается.

Губернаторъ одобрилъ мысль мою; но затруднялся тѣмъ еще, что въ уѣздномъ судѣ бываютъ важныя и трудныя дѣла уголовныя и гражданскія.

Я отвѣчалъ, что въ случаѣ недоумѣнія буду искать примѣровъ въ архивѣ и прибѣгать къ совѣтамъ опытныхъ, искусныхъ въ дѣлопроизводствѣ людей.

— О! коли такъ, отвѣчалъ губернаторъ, то ты можешь быть хорошимъ секретаремъ. Скажи отцу своему, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ обѣдать.

Отецъ мой, возвратившись отъ губернатора, сказалъ: „нечего дѣлать, быть тебѣ секретаремъ“, и отправился домой. Посему я обратился съ просьбою къ секретарю губернскаго правленія, которымъ тогда былъ уже не Григоровичъ, а Гудимъ-Месенцовъ; заготовлено въ Сенатъ представленіе, поставили меня первымъ кандидатомъ, а другіе два подобраны и лѣтами, и службою младшіе меня, и я безъ всякаго особенно въ герольдіи ходатайства и просьбъ опредѣленъ въ Погаръ на оную вакансію секретаремъ съ дачею мнѣ и чина городского секретаря. Лѣтомъ 1793 года полученъ о семъ меня опредѣленіи секретаремъ указъ изъ Сената, и я въ радости тотчасъ далъ знать о томъ отцу своему, совсѣмъ не думая, чтобъ онъ пріѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій; но вмѣсто того онъ пріѣхалъ подъ видомъ благодарить губернатора за оказанную имъ мнѣ милость, а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобъ онъ не пускалъ меня въ Погаръ, а занялъ бы меня чѣмъ-нибудь у себя по канцеляріи,—что губернаторъ, къ крайнему моему неудовольствію, и сдѣлалъ, поручивъ мнѣ разсматривать и докладывать ему уголовныя дѣла, чѣмъ я занимался около полугода времени. Но губернаторъ самымъ опытомъ удостовѣривъ, что я могу исправлять должность секретаря, отпустилъ меня къ оной. Тутъ встрѣтилъ я новое противоборство отъ того, что и трехъ лѣтъ не прошло, какъ я изъ уѣзднаго суда поѣхалъ мальчикомъ служить въ губернскомъ городѣ, а назадъ возвратился начальникомъ не только надъ равными себѣ, но даже и надъ тѣми старшими повытками, у которыхъ прежде самъ въ зависимости былъ. Изъ нихъ г. Мауху опредѣлили протоколистомъ въ дворянскую опеку, а г. Кунцевъ вышелъ въ отставку. Послѣ нихъ я сформировалъ канцелярію по своему выбору людей и управлялъ ею какъ хотѣлъ, ибо судьи не мѣшались въ эту часть и имѣли ко мнѣ полную довѣренность.

По смерти Задесенскаго помѣщика Кутневскаго осталась его вдова съ двумя дочерьми-дѣвками, наслѣдницами къ его имѣнію. Къ одной изъ нихъ Надеждѣ Андреевнѣ присватался подпоручикъ Черныявскій, и мать согласилась выдать за него сію благородную дѣвицу, потому

что онъ жиховскій попovichъ; Чернявскій, подхватя мать и дочь ея, прїѣхалъ въ Погаръ просить отъ суда дозволенія на бракъ ихъ, и подали о томъ въ уѣздный судъ прошеніе, по которому я изготовилъ два проекта резолюціи: одинъ отказать, а другой позволить. Сей послѣдній судьи приняли и опредѣленіе подписали.

Призываемъ ихъ всѣхъ для объявленія судебного рѣшенія въ присутственную камеру, начинаю я читать резолюцію объ отказѣ имъ: судьи смотрятъ на меня и недоумѣваютъ, женихъ поблѣднѣлъ, а невѣста и мать пришли въ замѣшательство. Увидѣвъ сіе, я извинился, что не та бумага попалась мнѣ въ руки, взялъ со своего стола настоящее опредѣленіе и вслухъ прочелъ имъ оное.

Тогда они ободрились и обрадовались, въ благодарность же зазвали судей и меня къ себѣ обѣдать, на что мы и согласились. За обѣдомъ, какъ за свадебнымъ пиромъ, довольно подвеселились, и послѣ обѣда подсѣвъ къ невѣстѣ, между разными лестными для неї привѣтствіями, сказалъ невзначай и то, что я за счастье почелъ бы на ней жениться. Она тоже непримѣтнымъ образомъ передала эту вѣсть своей матери, и обѣ ну плавать. Судьи, узнавъ о семъ соблазнѣ, напали на меня; мнѣ же нечего было дѣлать, какъ сказать, что подшутить, не думая, чтобъ тѣмъ могъ произвестъ слезы и неудовольствіе,—и поскорѣе отъ нихъ убрался. Что далѣе у нихъ происходило, не знаю, потому что это было въ пятницу, и я уѣхалъ къ Надеждѣ Андреевнѣ, но только къ другой. Когда съ сею госпожею, по отцу Кутневскою, а по мужу Чернявскою, въ послѣдующее время случилось мнѣ видѣться, мы всегда вспоминали объ оныхъ шуткахъ и отъ чистаго сердца смѣялись; а мужъ ея морщился, но мы на его неудовольствіе не смотрѣли.

Прїѣхали въ Борщевъ гостить изъ Мглинскаго уѣзда Елена Ивановна г-жа Юрлова, и изъ села Бучекъ Евфросинія Федоровна г-жа фонъ-Людвигова, и обще съ борщевскими барынями назвались ко мнѣ въ гости. Назначили день, о которомъ я отца моего не предупредилъ. однакожь всѣмъ нужнымъ запасся къ принятію ихъ. Прїѣхали всѣ сіи барыни обще съ Иваномъ и Яковомъ Николаевичами Гамалѣями къ намъ чай пить, и напились, а кавалеры и отъ пунша не отказались. Далѣе я всѣхъ ихъ пригласилъ остаться у насъ ужинать, на что они и согласились. Отецъ мнѣ на ухо шепчетъ: „что мы ужинать будемъ“? отвѣчаю: „не безпокойтесь, батюшка“. Занялись то тѣмъ, то другимъ, а между тѣмъ и ужинъ поспѣлъ. Сѣли за столъ, начали ужинать и попивать винцо, и все шло по моимъ распоряженіямъ хорошо, какъ лучше желать нельзя. Но отецъ подвеселаясь, не утерпѣлъ показать хозяинскаго своего права: я требую подать одно, а онъ приказываетъ другое: съ торопливостію сказалъ я ему: „не мѣшайте, батюшка“, а онъ—тресъ меня по лбу ложкой. Барыни вступились за меня, а онъ ну меня бранить и ругать еще болѣе. Барыни уже симъ собственно сами обидѣлись, сказали ему, что „мы къ тебѣ никогда не поѣдемъ, а къ нему“

будемъ въ Погарь ѣздить въ гости“, бросили ужинать, подхватили меня и увезли съ собою въ Борщевъ; съ отцомъ же моимъ остался одинъ только другъ его Иванъ Николаевичъ г. Гамалѣй. Назавтра я прямо изъ Борщева проѣхалъ въ Погарь, и долго не бывалъ у отца. Онъ симъ обидѣлся и пріѣхалъ въ Погарь, остановился не у меня, а въ другомъ мѣстѣ и, пришедъ въ судъ началъ на меня жаловаться. Судьи, сами отцы взрослыхъ дѣтей своихъ, разобрали дѣло и мнѣ сказали: „проси у отца прощенія“, что я тотчасъ и исполнилъ; а ему дали почувствовать, что я уже не мальчикъ, и неприлично отцу при гостяхъ конфузить сына, угощающаго ихъ и его на свой счетъ. Я пригласилъ ихъ всѣхъ къ себѣ обѣдать, угостилъ какъ могъ, и проводилъ отца съ подаркомъ. Послѣ сего отецъ обходился со мною кротко, благосклонно и пріятно; совѣтовался со мною во всѣхъ дѣлахъ своихъ, по которымъ нужныя бумаги уже не онъ, а я писалъ, и онъ принималъ и подавалъ ихъ безъ всякой поправки. Что же собственно до меня относилось, онъ уже не приказывалъ и не настаивалъ, а только давалъ отеческія совѣты, предоставляя однакожь мнѣ самому о пользѣ оныхъ подумать и поступить, какъ я самъ для себя за лучшее найду.

Надворный совѣтникъ Псіоль и соучаствовавшіе съ нимъ два гг. Томиловскіе имѣли судное дѣло съ тайнымъ совѣтникомъ Судіенкомъ о лютомъ лѣсѣ; судьи наклонны были на сторону гг. Псіола и Томиловскихъ. Г. Псіоль упросилъ и меня, и далъ мнѣ даже проэктъ рѣшенія по оному дѣлу. Я принялъ сей проэктъ и обѣщалъ ему произвести его въ дѣйствіе. Но, сообразивъ съ дѣломъ, нашелъ, что такое-жъ рѣшеніе въ пользу сего просителя можно написать гораздо лучше, т. е. правильнѣе и основательнѣе, что я, и сдѣлавъ, не сказавъ о томъ напередъ просителю. Когда сіе рѣшеніе было подписано и начали оное формально объявлять просителю чтеніемъ его при открытыхъ судейскихъ дверяхъ, то онъ, услышавъ совсѣмъ не то начало и другія слова, противныя его проэкету, поблѣднѣлъ и подумалъ, какъ самъ послѣ признавался, что я его обманулъ. Но, разобравъ ближайшимъ образомъ основанія сего рѣшенія, былъ онымъ доволенъ гораздо болѣе, чѣмъ своимъ проэкетомъ, и чему судьи съ своей стороны отдали предпочтеніе, а надъ испугомъ г. Псіола довольно посмѣялись.

Это время, по моимъ юнымъ еще лѣтамъ и по тому уваженію, каковымъ я въ публикѣ провинціальной пользовался, было въ жизни моей самымъ лучшимъ и пріятнѣйшимъ: въ каждую пятницу, послѣ присутствія, я всегда ѣзжалъ изъ города до утра понедѣльника или къ отцу, или въ гости, куда приглашеній всякій разъ было столько, что и удовлетворить всѣхъ вдругъ невозможно было. Но болѣе всѣхъ я бывалъ или въ Борщевѣ, у гг. Гамалѣевъ, или въ Березовѣ, у г-жи надворной совѣтницы Евфросиніи Гавриловны Энгельгардтовой, урожденной Витковичевой, которая имѣла дѣтей—одного сына Илью Андреевича, почти равныхъ со мною лѣтъ, и двухъ дочерей—Надежду Андреевну

и Анну Андреевну ¹⁾). Старшая изъ нихъ, Надежда, на десяти-лѣтнемъ возрастѣ, когда мнѣ былъ 21 годъ, чрезвычайно мнѣ понравилась и тѣмъ далѣе она приходила въ возрастъ, тѣмъ болѣе, я въ нее влюблялся; словомъ, любовь моя къ сей дѣвицѣ столь была сильна, что ежели бы я былъ стихотворецъ, то прославилъ бы Надежду, подобно какъ Петраркѣ Лауру, а Березовку, какъ онъ—Валлужскій источникъ. Мать Надежды Андреевны, женщина ловкая, разумная, проницательная и хитрая, примѣтила склонность мою къ ея дочери и симъ средствомъ умѣла за-вербовать и привязать меня къ дому ихъ навсегда такъ, что я отсталъ отъ всѣхъ и всякую недѣлю въ пятницу къ обѣду прїѣзжалъ къ нимъ и оставался у нихъ до утра понедѣльника, въ которое возвращался въ Погаръ къ своей должности. Будучи съ сыномъ г-жи Энгельгардтовой на лѣтней Никольской ярмонкѣ Погарской, купили мы для сестеръ его пуховыя шляпки. Онъ хотѣлъ взять черныя, а я по моему вкусу присоветовалъ бѣлыя. Прїѣзжаемъ въ Березовку, выходятъ на крыльцо и насъ встрѣчаютъ обѣ барышни; входимъ въ залу и разлагаемъ свои покупки. Братъ сказалъ: „вотъ и вамъ, сестрицы. шляпки“,—а я за выборъ оныхъ ожидалъ отъ нихъ благодарности. Надя схватила свою шляпку, надѣла, подошла къ зеркалу и, посмотрясь въ оное, взяла мою круглую черную шляпу, надѣла ее и, посмотрясь вновь въ зеркало, съ неудовольствіемъ выговорила: „ну, братецъ, какія вы для насъ купили мерзкія шляпки“. Получивъ отвѣтъ, что не онъ, а я сдѣлалъ этотъ выборъ, она напала на меня и, оуждая мой вкусъ и неразборчивость, стала доказывать ошибку мою самымъ дѣломъ: во-первыхъ, надѣла на себя бѣлую шляпку и, смотрясь въ зеркало, пригласила и меня, чтобъ и я посмотрѣлъ; потомъ, надѣвъ мою черную шляпу и смотрясь въ зеркало, въ которое и я вытаращилъ странные взоры свои, сказала: „признайтесь, не правда-ли, что къ бѣлому лицу идетъ лучше черная шляпка“.

Я признался въ моей ошибкѣ, извиняясь тѣмъ, что присоветовалъ взять бѣлыя шляпки, думая имъ тѣмъ угодить, и заключилъ рѣчь мою изъявленіемъ своего живѣйшаго желанія, чтобъ и онъ впредь ѣздили съ нами вмѣстѣ на ярмонку, и тогда подобныхъ ошибокъ не будетъ. Сказавъ мнѣ, что и она такъ же думаетъ, но что-жъ дѣлать, когда маменька насъ въ городъ безъ себя не пускаетъ, подпрыгнула,

¹⁾ Въ Борщевѣ, у старой пани вдовы Анны Лукинишны Гамалѣевой, воспитывалась молоденькая дѣвица, внучка ея, круглая сирота и единственная къ имѣнію отца своего наследница, Авдотья Петровна Покорская, на которой, съ начала знакомства, и я самъ хотѣлъ, и отецъ мой совѣтовалъ мнѣ жениться; но наконецъ я отмѣнилъ сіе намѣреніе свое по превосходству березовской красавицы. Въ Борщевѣ, забавляя меня, пѣла мнѣ пѣсню: „Я не вижу дорогаго ни въ долинахъ, ни въ лѣсахъ“... Сею пѣснейю Авдотья Петровна изъявила чувства свои ко мнѣ; но, удостовѣрясь, что я ее совсѣмъ оставляю, вышла замужъ за г. Борука. Въ Березовкѣ же, напротивъ того, пѣла мнѣ пѣсню: „Веселая голова, не ходи мимо сада“... Но я столько безпеченъ былъ, что на существо этой пѣсни вниманія своего не обращалъ.

запѣла, вальсомъ перевернулась и мотылькомъ улетѣла изъ залы въ то самое время, когда я, воспламененный всѣми оными разглядами и зеркальными сравненіями, осмѣлился было схватить ее, прижать къ своему сердцу и расцѣловать. О! проклятая застыбчивость, ты мнѣ помѣшала все это въ свое время сдѣлать. Но и въ другіе дни, когда мнѣ случалось вмѣстѣ съ нею на-единѣ быть, когда могъ я удобно открыть ей любовь свою, объясниться съ нею и получить отвѣтъ: „да“ или „нѣтъ“, я всегда приходилъ въ робость и замѣшательство, отъ котораго не то дѣлалъ, что напередъ предпринималъ, и оставался собою недовольнымъ. Влюбленный человѣкъ хуже труса, а безразсуднѣе и безпамятнѣе паче пьянаго.

Однажды, возвращаясь въ городъ, скоро послѣ обѣда, днемъ, простился съ ними, подали лошадей къ крыльцу, и я въ передней началъ съ помощію людей одѣваться по дорожному; неожиданно пришла сюда Надя и вручила мнѣ вышитый золотомъ по бѣлому атласу бумажникъ съ сими словами: „желаю, чтобъ былъ онъ у васъ всегда наполненнымъ крупными ассигнаціями“. Не успѣлъ я опомниться и спросить: отъ кого именно получаю сей подарокъ, и кому обязанъ благодарностію, она повернулась и улетѣла отъ меня какъ молнія. Бумажникъ сей, не по изыществу своему, но по уваженію, изъ чьихъ рукъ я получилъ его, хранимъ былъ мною въ бюро до пожара, бывшаго въ 1833 году въ домѣ Никулина, въ который оное бюро мое и все бывшее въ немъ сгорѣло.

Если иногда покажусь я скучнымъ, то старуха, г-жа Энгельгардтова, дабы развеселить меня, сдѣлаетъ пуншь въ той самой чашкѣ, изъ которой въ сію минуту пила чай Надя и велитъ ей своими руками подать мнѣ. Вообразите, какъ не принять и какъ не пить! А между тѣмъ растворяются всѣ двери и въ залѣ дьякъ съ дѣвками начинаютъ пѣть пѣсни, а мы играть въ карты,—вотъ и балъ. Позволяла даже намъ зимою въ комнатахъ играть въ жмурки, а лѣтомъ отпущала насъ въ лѣски проѣздиться; но и въ сей пустынѣ я не смѣлъ привоснуть къ обожаемой мною Надѣ, а только ходилъ за нею гускомъ и напѣвалъ ей пѣсенку: „Минуло мнѣ 15-ть лѣтъ, пора теперь познать мнѣ свѣтъ“... Не знаю, понимала ли она пѣснь сію и отгадывала ли мысль мою, но то ясно было видно, что она въ сіе время обращалась со мною по-дѣтски, какъ бы съ братомъ своимъ, даже иногда сама укладывала меня послѣ обѣда спать въ спальнѣ ихъ на своей постели, а мать смотрѣла на все происходившее между нами сквозь пальцы.

Коллежскій совѣтникъ Степанъ Павловичъ Лобысевичъ пріѣхалъ изъ губернскаго города Орла, гдѣ онъ служилъ губернскимъ стряпчимъ и директоромъ народныхъ училищъ, въ Погарскій уѣздъ, и проживая въ ономъ съ семействомъ своимъ, познакомился со мною и такъ меня полюбилъ, что написалъ къ портрету моему авростихомъ слѣдующіе стихи:

«Готово сердце, мысль, душа къ Богу всегда,
 Есть совѣсть у тебя не терпяща вреда.
 Тебя произвела во свѣтъ на то природа,
 Утѣхой чтобъ ты былъ для страждуща народа.
 Не мни, чтобъ я хотѣлъ тебѣ лишь только льстить;
 Устами говорю, чтѣ сердце мнѣ твердитъ».

Отъ сего предпочтенія другіе служащіе въ Погарѣ начали мнѣ завидовать, и изъ нихъ казначей Саковичъ, поссорясь со мною, не выдавалъ мнѣ цѣлый годъ жалованья; при концѣ-жъ года хотя и выдалъ, но изорванными ассигнаціями на многіе лоскутки. Я принялъ ихъ, и, расписываясь въ книгѣ не по третнимъ статьямъ, а подъ послѣднею статью, написалъ такъ: „Жалованья мнѣ по отношеніямъ уѣзднаго суда г. казначей Саковичъ по третямъ года не выдавалъ; хотя же въ концѣ года и выдалъ, но изорванными ассигнаціями, почти къ хожденію негодными“. Увидѣвъ сіе, казначей закричалъ, что я испортилъ книгу, а я на то ничего не отвѣчая, вышелъ изъ казначейства. По донесеніи имъ о семъ казенной палатѣ, потребовали насъ въ губернской городъ обоихъ къ отвѣту. Я, зная, что казначей Саковичъ женатъ на дочери новгородско-сѣверскаго протопопа и члена тамошней консисторіи Ленковскаго и что тестъ разными происками будетъ защищать своего зятя, ѣдучи въ Новгородъ-Сѣверскій, заѣхалъ въ Стародубъ и купилъ дюжину хорошаго шампанскаго, мадеры и рейнвейну, и чрезъ камердинера предложилъ сей подарокъ губернатору,—но онъ не принялъ. Тогда я обратился къ губернаторшѣ, которая объяснялась съ самимъ губернаторомъ, представляя ему, что онъ хочетъ дать балъ, а винъ у нихъ недостаточно; но губернаторъ ничего не уважилъ, сказавъ ей, что ему стыдно отъ бѣднаго секретаря принимать подарки. „Такъ купить у него сіи вина“, продолжала она. „И того не хочу“, отозвался губернаторъ Алексѣевъ, опредѣленный на мѣсто умершаго благодѣтеля моего графа Завадовскаго. Посему я оныя вина частію подарилъ секретарямъ губернскихъ мѣстъ, а частію издержалъ на угощеніе ихъ у себя. И такимъ образомъ узналъ я отъ нихъ, что вице-губернаторъ сильно за казначея стоитъ и что хотятъ меня отдать подъ судъ. Я, отгребаясь отъ приготавливаемой мнѣ бѣды, послалъ къ женѣ упомянутаго г. Лобысевича Настасіи Ивановнѣ: ибо онъ самъ отправился въ С.-Петербургъ, а она поѣхала въ Почепъ, и тамъ выпросила отъ графини Апраксиной къ губернатору за меня письмо, и послѣшила прислать оное ко мнѣ. Я послѣ обѣда вручилъ сіе письмо лично губернатору Алексѣеву въ кабинетъ его, и онъ долго шумѣлъ на меня, выговаривая, зачѣмъ я не жаловался на казначея, вмѣсто того, чтобъ портить книгу. Я извинялся предъ нимъ, что безъ того не чѣмъ бы мнѣ было доказать поступокъ казначея; но по долгомъ переговорѣ губернаторъ смягчился и приказалъ мнѣ отправиться къ своему мѣсту, съ тѣмъ, что когда казначей въ новой книгѣ очиститъ всѣ статьи, то чтобъ и я какъ должно расписался въ оной по третнимъ статьямъ, и тѣмъ это дѣло окончить, что мы и исполнили.

Происшествіе сіе хотя тяжко и опасно для меня было, но показало въ тамошней публикѣ, что я не далъ казначею надъ собою посягаться, а потому и другіе начали со мною обходиться гораздо съ большимъ уваженіемъ.

Далѣе въ угодность г-жѣ Энгельгардтовой и въ намѣреніи достигнуть того, чтобъ мнѣ на дочери ея Надеждѣ жениться, принялъ я на себя управлять всѣми ея тяжбыми дѣлами, изъ коихъ одни были крайне запутаны, а главнѣйшее дѣло, о селѣ Карбовщинѣ и двухъ деревняхъ, Храповкѣ и Юрковѣ, съ графомъ Разумовскимъ испорчено мужемъ ея, который принудилъ ее помириться съ графомъ Разумовскимъ на десяти тысячахъ рублѣхъ тогда, когда сіе имѣніе стоило болѣе трехъсотъ тысячъ рублѣй, и по всѣмъ правамъ ей принадлежало, но графомъ самовластно отнято.

За сіе дѣло она стала съ мужемъ своимъ врозь жить, и содѣйствіемъ родственника ея поручика Витковича написана въ С.-Петербургѣ отъ нея всеподданнѣйшая жалоба и подана императрицѣ Екатеринѣ Великой, краснорѣчивѣйшая, но судебнымъ правиламъ противная, потому что оказались въ ней укорительныя слова, по причинѣ коихъ оная жалоба возвращена ей отъ генераль-рекетмейстера Терсаго по высочайшему повелѣнію съ надписью. Изъ сего случая г-жа Энгельгардтова увидѣла, что родственникъ ея взялся за то, чего самъ хорошенько не понимаетъ, и такихъ же совѣтниковъ и писателей избираетъ; начала просить, чтобъ я взялся за это дѣло и по выигрышѣ его получилъ бы отъ нея въ награду деревню Юрковку, которую она (ѣдучи водою по рѣкѣ Судости въ мѣстечко Бакланъ въ гости къ бунчуковому товарищу Николаю Никифоровичу Ноздрѣ) мнѣ указывала, примолвивъ и посмотрѣвъ на дочь свою Надю, что тутъ можно выстроить домъ, и будемъ жить въ близкомъ сосѣдствѣ. Для меня это чрезвычайно нравилось; къ тому-жъ стеклись и происшествія, заставлявшія меня помышлять о своемъ положеніи. Императрица Екатерина II скончалась, а императоръ Павелъ I взошелъ на Всероссійскій престолъ. Пошли преобразованія; изъ трехъ малороссійскихъ губерній сдѣлали только одну Черниговскую, ибо Кіевъ съ Васильковскимъ уѣздомъ отрѣзаны отъ Малороссіи, и Кіевъ сдѣланъ особою губерніею съ повѣтами, отъ польскихъ губерній къ нему присоединенными. Вскорѣ послѣ сего императору Павлу благоугодно было перевести въ Кіевъ польскіе контракты, чѣмъ доставлены обывателямъ кіевскимъ великія выгоды. И въ Малороссіи вмѣсто уѣздныхъ учреждены повѣтовые суды. Погарскій уѣздъ упраздненъ и раздѣленъ на четыре части, съ придачею оныхъ къ Стародубскому, Новгородско-Сѣверскому, Глуховскому и Мглинскому. По сему положенію мѣсть раздѣлены дѣла въ Погарскомъ уѣздномъ судѣ бывшія, и уѣздный судъ опредѣлилъ: дѣла не рѣшенныя для дачи имъ скорѣйшаго хода отослать въ тѣ повѣты при сообщеніяхъ по описямъ чрезъ почту; а въ архивѣ хранящіяся, на подводахъ подъ надзоромъ особо коман-

дированныхъ къ тому канцелярскихъ чиновниковъ,—что и приведено въ исполненіе. Я, оставшись безъ мѣста, съ сыномъ г-жи Энгельгардтовой (прежде того записаннымъ въ гвардію и по болѣзни проживавшимъ дома) отправился 10-го іюня 1797 года въ С.-Петербургъ на долгихъ; тихо ѣхали, любовались всѣми мѣстами и городами, чрезъ которые проѣзжали, а отъ того были въ дорогѣ болѣе 20-ти дней. Ночевали въ Гатчинѣ и удивлялись, что и ночью тамъ свѣтло, что безъ нужды можно читать книгу. Изъ Гатчины пріѣхали мы въ С.-Петербургъ 3-го іюля тогожь 1797 года, и я, ни мало не теряя времени, исправленное и подписанное г-жею Энгельгардтовою новое всеподданнѣйшее прошеніе положилъ въ Зимнемъ дворцѣ въ ящикъ, чрезъ который и чрезъ почту подаваемы были тогда всякія просьбы и жалобы государю императору. Прошеніе сіе по высочайшему повѣлѣнію препровождено къ генераль-прокурору князю Куракину на разсмотрѣніе.

Сдѣлавши то, что болѣе нужно было, захотѣлъ я увидѣться съ надворнымъ совѣтникомъ и секретаремъ Сената Иваномъ Антоновичемъ Пукаловымъ, съ которымъ чрезъ Степана Павловича Лобyseвича уже черезъ переписку знакомъ былъ заочно, что и случилось въ одинъ вечеръ у жены онаго Лобyseвича, Настасіи Ивановны, къ которой г. Пукаловъ и я приглашены были чай пить. Тутъ я, сойдясь съ г. Пукаловымъ, просилъ его къ себѣ обѣдать, съ тѣмъ, чтобъ онъ и другихъ, кого ему угодно, пригласилъ съ собою, дабы веселѣе было. Обѣдъ сей мы сдѣлали у Настасіи Ивановны г-жи Лобyseвичевой на мой счетъ, потому что у насъ еще не было ни посуды, ни мебели.

На другой день мы ждемъ къ обѣду гостей, проходитъ по полудни часть, второй, третій и четвертый,—мы все ждемъ: уже въ 5-мъ часу пріѣхали гости, и Иванъ Антоновичъ, извиняясь, что такъ опоздали, сказалъ, что тому причиною ваше хохлацкое дѣло, по которому сенаторы много между собою преній имѣли и ихъ задержали. Я узналъ отъ него, что это дѣло Холопецкихъ Гамалѣевъ съ генераль-майоромъ Иваномъ Николаевичемъ Римскимъ-Корсакомъ о мѣстечкахъ Симіоновкѣ и Гремячѣ съ селами и деревнями.

Хотя гг. Гамалѣи сіи, зная, что я ѣду въ С.-Петербургъ и будучи со мною въ пріязни, особенно-жь Василій Григорьевичъ, который былъ судьей первое трехлѣтіе, когда я находился секретаремъ уѣзднаго суда, и не сдѣлали мнѣ никакого отъ себя по тому дѣлу препорученія, но помогать ближнимъ своимъ есть не худое дѣло, и потому я поутру рано пошелъ къ Пукалову, во-первыхъ, поблагодарить его за посѣщеніе, во-вторыхъ, просить его о помощи Гамалѣямъ, на что онъ и согласился, взялъ изъ Сената на домъ дѣло и позволилъ мнѣ составить изъ онаго записку, которой поскорѣе написавши нѣсколько еземплярвъ, началъ я подавать сенаторамъ и просить ихъ со стороны Гамалѣевъ. Слушали дѣло въ общемъ Сената собраніи 21 сенаторъ, изъ коихъ 17 остались на сторонѣ Гамалѣевъ, присуждая

имъ имѣніе по праву ихъ наслѣдства, а 4 утверждали оное за г. Римскимъ-Корсакомъ.

Изъ нихъ одинъ сенаторъ, малороссійской породы, въ убѣжденію прочихъ въ пользу Корсака, даже и то не устыдился сказать, что ежели Ивана Николаевича, т. е. Корсака, лишитъ сего имѣнія, то онъ пропадетъ, а Гамалѣи привыкли въ рѣкѣ Судости ловить раки, то и безъ сего имѣнія жить могутъ. Со стороны Корсака былъ повѣреннымъ городской секретарь Добржанскій, но съ большею поддержкою отъ вельможъ, пріятелей Корсака, которые почти всѣхъ сенаторовъ на сторону его перетягнули, остались только два непоколебимыми: графъ Юрій Александровичъ Головкинъ и г. Поликарповъ, которыхъ никакъ не могли упросить. Но пріятель Корсака генераль-прокуроръ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе, чтобъ это дѣло исполнить по большинству голосовъ. Съ сихъ поръ принято за правило утверждать въ общемъ собраніи Сената рѣшенія, одобренныя генераль-прокуроромъ, по большинству голосовъ; а прежде и за однимъ сенаторскимъ несогласнымъ голосомъ дѣла поступали на разсмотрѣніе въ кабинетъ и океанчиваемы были именнымъ высочайшимъ указомъ.

Зная, что это дѣло рѣшено несправедливо и что при перемѣнѣ генераль-прокурора можно возобновить оное и выиграть, я предлагалъ гг. Гамалѣямъ, чтобъ они это дѣло мнѣ малороссійскимъ улитымъ правомъ уступили, что я буду вести его далѣе и далѣе своимъ трудомъ и коштомъ, и ежели выиграю и получу имѣніе въ свою собственность, то тогда заплачу имъ триста тысячъ рублей ассигнаціями, на каковой конецъ и формальное условіе между собою заключимъ, съ положеніемъ важной заруки, т. е. неустойки. Но гг. Гамалѣи, по простотѣ своей, насмѣялись надъ такимъ моимъ полезнымъ для нихъ предложеніемъ, говоря: гдѣ ему взять столь большую сумму? а о томъ и не думали, что если бы я получилъ имѣніе съ крестьянами болѣе пяти тысячъ душъ, то и миллионъ рублей заплатить былъ бы въ состояніи. Слѣдовательно справедлива та поговорка, что съ дуракомъ найти ничего не можно. Г. Добржанскій за труды свои получилъ отъ г. Корсака 300 душъ мужеска пола крестьянъ, а мнѣ гг. Гамалѣи не только издержекъ моихъ не возвратили, но даже и „спасибо“ не сказали. Богъ съ ними!

Сынъ г-жи Энгельгардтовой, получа выпускъ изъ гвардіи съ чиномъ губернскаго секретаря, не ожидая дальнѣйшихъ послѣдствій по оному матери его дѣлу, отправился по первой зимней дорогѣ домой. Долго происходила переписка по поданному мною прошенію г-жи Энгельгардтовой, потому что и графъ Разумовскій, узнавъ о семъ, отозвался къ генераль-прокурору письменно, оправдывая свою сторону. Къ тому же и графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій лично здѣсь хлопоталъ за графа Разумовскаго. Я отыскалъ знакомыхъ мнѣ Ивана и Федора Ивановичей Покорскихъ-Жоравокъ, и познакомился въ С.-Пе-

тербургѣ съ малороссійскими дворянами, служившими въ гвардіи и въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, именно: съ графами Василюемъ и Михаиломъ Васильевичами Гудовичами, Александромъ Ивановичемъ Ханенко, Михаиломъ Александровичемъ Скаруппо, Николаемъ и Ивановъ Григорьевичами Корецкими-Кулябками, Василюемъ Аванасьевичемъ Лобyseвичемъ, Фодоромъ и Александромъ Яковлевичами Бакуринскими и другими, и мы часто вмѣстѣ время проводжали, кто изъ нихъ отъ службы свободенъ былъ. Я почти каждый день ходилъ въ театръ; а на праздникахъ Рождества Христова сперва былъ при дворѣ на балѣ, думая, что всякому дворянину позволено быть на ономъ; видѣлъ тамъ короля польскаго Станислава, весь дворъ и всѣхъ вельможъ, прїѣздъ еъ высочайшему двору имѣющихъ; по окончаніи-жъ бала, вышедъ совсѣмъ на другой подѣздъ, не могъ отыскать своего человѣка съ шубою и принужденъ былъ ѡбжать въ одномъ мундирѣ, въ башмакахъ и треугольной шляпѣ, завязавши платкомъ уши, на Сѣнную, гдѣ въ Рогачевомъ переулкѣ была моя квартира; человѣкъ мой выспавшись, когда ему придворные служители растолковали, что уже изъ бывшихъ на балѣ никого нѣтъ, пришелъ домой почти предъ свѣтомъ. Потомъ въ первый день новаго 1798 года былъ я во дворцѣ и видѣлъ, какъ императоръ Павелъ I-й въ коронѣ и во всемъ царскомъ облаченіи ѡбѣдалъ съ императорскою фамиліею на тронѣ.

II.

Пропажа дѣлъ Погарскаго суда.—Поѣздка въ Малороссію и возвращеніе въ Петербургъ.—Экспедииторъ генераль-прокурорской канцеляріи Дубровицкій.—Дѣло кописта Усова.—Вторичная поѣздка въ Малороссію для отысканія пропавшихъ дѣлъ Погарскаго суда.—Возвращеніе въ Петербургъ.—Продолженіе хлопотъ по дѣламъ Энгельгардтъ и неожиданное ихъ окончаніе.—Смерть отца.—Братъ Семень.—Покорскіе-Жоравки.—Поставка въ Адмиралтейство полотенъ.—Кулець Шульгинъ и его обманные поступки.—Удачная хитрость при исполненіи поставленн.

У малороссійскаго уроженца придворнаго пѣвчаго Тимченко, съ которымъ познакомилъ меня Степанъ Павловичъ Лобyseвичъ, занималъ я деньги подъ залогъ большой серебряной табакерки съ медалью, изображающею императрицу Екатерину II, которую табакерку подарилъ мнѣ стародубскій помѣщикъ маіоръ Дмитрій Фодоровичъ Максимовичъ. Я потому о семъ упомянулъ, что вещи не худо имѣть: поелику при недостаткѣ въ деньгахъ ихъ закладывать можно и въ ломбардъ, и въ частныя руки. Живучи въ Петербургѣ, имѣлъ я при себѣ своего человѣка, хорошаго повара, и потому о малороссійскихъ кушаньяхъ совсѣмъ забылъ. Приходить ко мнѣ малороссіанинъ Дмитрій Григорьевичъ Дробинскій, недавно прїѣхавшій, и я его пригла-

силъ къ себѣ обѣдать, предоставивъ самому ему привазать повару, что для насъ изготовить. Когда за столомъ, послѣ обыкновенныхъ кушаньевъ, подали молочные голушки, то я засмѣялся, видя пристрастіе земляковъ къ сему кушанью, и съ тѣхъ поръ не забывалъ уже я о голушкахъ, и они часто у меня на столѣ появлялись.

Въ продолженіе времени получа извѣстіе, что дѣла, посланные изъ Погара въ Стародубъ, пропали, отправился я въ Малороссію разыскивать: какъ и отъ чего могло это случиться? Тамъ узналъ я, что погарскій почтмейстеръ Дяличъ показалъ вѣсомъ, по книгѣ своей, сообщеніе, при коемъ въ Стародубъ съ почтою отправлены дѣла въ 42 лота; но услышавъ о пропажѣ тѣхъ дѣлъ и снесся съ Стародубскою почтовою конторою, высоблилъ въ книгѣ своей четыре, а оставилъ только два. По симъ слѣдамъ поручилъ я двоюродному брату моему Федору Максимовичу Геттуну отыскивать оныя дѣла, а самъ опять отправился въ С.-Петербургъ, услышавъ, что князь Куракинъ отставленъ и на мѣсто его опредѣленъ генераль-прокуроромъ Лопухинъ, пожалованный потомъ простымъ княземъ, а далѣе и свѣтлѣйшимъ.

Экспедиторъ канцеляріи генераль-прокурора Федоръ Петровичъ Дубровицкій, у коего находилось въ производствѣ дѣло г-жи Энгельгардтовой, мнѣ ввѣренное, былъ уже мнѣ знакомъ, но по возвращеніи изъ Малороссіи я еще болѣе съ нимъ сошелся. Онъ захотѣлъ жениться, посватался къ дочери вдовы купчихи Анисимовой, и оную согласились за него выдать,—но съ тѣмъ, чтобъ по молодости невѣсты свадьбу совершить не прежде, какъ чрезъ полгода, на что обѣ стороны согласились и онъ даже переѣхалъ жить къ будущей своей тещѣ, жившей въ своемъ домѣ и довольно зажиточно. Я часто у него бывалъ, а отъ того съ тещею и невѣстою его познакомился. Однажды вечеромъ пили мы чай, въ продолженіе чего г. Дубровицкій занимался просматриваніемъ на-черно въ канцеляріи написанныхъ докладныхъ записокъ. Я видѣлъ, какъ онъ таковое просматриваніе дѣлалъ поверхностно и по выходѣ его на дворъ взглянулъ на лежащую на самомъ верху записку, въ которой онъ ни одного слова не переписалъ, а написалъ только на сторонѣ карандашомъ: „перечисать“.

Записка сія въ сихъ словахъ заключалась:

„По высочайшему вашего императорскаго величества повелѣнію статсъ-секретарь Трошинскій доставилъ ко мнѣ на разсмотрѣніе всеподданнѣйшее прошеніе бывшаго на Турчаниновскихъ заводахъ коפיиста Усова, жаждущагося, якобы невинно онъ наказанъ и сосланъ въ Сибирь, просить правосудія.

„По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что сей проситель Усовъ въ 1786 году по приговору Государственной Бергъ-Коллегіи за ложный доносъ наказанъ кнутаомъ тридцатью ударами и сосланъ въ каторжную работу, но потомъ по представленію мѣстнаго начальства освобожденъ на поселеніе въ Сибирь и наконецъ за доброе поведеніе

приписанъ къ городу Верхотурью въ мѣщанство, въ коемъ и донинѣ находится“.

Я, зная порядокъ, съ перваго взгляда заключилъ, что Бергъ-Коллегія не имѣла права производить судъ надъ копіистомъ Усовымъ, а должна была дѣло о немъ предоставить разсмотрѣнію и рѣшенію той уголовной палаты, въ вѣдомствѣ коей онъ преступленія учинилъ, и что Усовъ, объясняя свою невинность, просить единого токмо правосудія, а тутъ за лѣнностію и небреженіемъ къ обязанностямъ по службѣ, ни на что не смотря, ничего подробно не разсматриваютъ и не соображаются съ порядкомъ и законами. Все это чрезвычайно на меня подѣйствовало, и я не удержался по возвращеніи г. Дубовицкаго въ комнату высказать ему всего того, что въ сердцѣ своемъ чувствовалъ. Онъ мнѣ въ отвѣтъ хладнокровно сказалъ:

— Коли хочешь, возьми это дѣло и разбери его. Видишь, какая толстая изъ коллегіи прислана справа и тарабарскою рукою написана.

Я обрадовался сему случаю и хотѣлъ бѣжать домой, но хозяйка дома удержала меня ужинать, за которымъ я почти ничего не ѣлъ, все думая объ этомъ дѣлѣ. Пришедши домой, раздѣлся, легъ въ постель, а человѣку своему приказалъ приставить къ постели круглый столикъ и подать двѣ цѣлыя зажженные свѣчи. Такъ устроившись, сперва я лежучи прочелъ все прошеніе Усова, а потомъ началъ читать и справку коллежскую; но чѣмъ далѣе читалъ, тѣмъ болѣе удалялъ отъ себя сонъ. Я нашелъ, что Усовъ дѣйствительно подалъ на заводчика Турчанинова доносъ въ утайкѣ слѣдующихъ отъ него въ казну пошлинъ на многія тысячи, что откомандированными по тому доносу чиновниками произведено на мѣстѣ слѣдствіе пристрастно; но при всемъ томъ обнаружено утайки пошлинъ на 948 руб. съ копѣйками. По поступленіи сего дѣла въ заводское правленіе, оное приговорило: наказать Усова плетью за то, что онъ доносилъ о тысячахъ, а по слѣдствію оказались только сотни неумышленной со стороны заводчика утайки пошлинъ, и посадили его въ тюрьму, гдѣ онъ написалъ жалобу на рѣшеніе заводскаго правленія и чрезъ жену свою отправилъ съ почтою въ Государственную Бергъ-Коллегію, которая не смотря ни на какія его доводы, одобрила рѣшеніе правленія. Усовъ узнавъ о семъ, написалъ жалобу и на Бергъ-Коллегію въ Сенатъ и отдалъ женѣ своей для отправленія съ почтою; но ее при выходѣ изъ тюрьмы остановили, осмотрѣли и нашли жалобу, которую отъ нея отобравши, правленіе представило въ Бергъ-Коллегію съ донесеніемъ: вотъ матушка, правдуха коллегія, что негодяй Усовъ и на тебя взгородилъ. Коллегія прогнѣвалась, привела законъ, которымъ велѣно за неправильную жалобу на коллегію, кнутомъ съчъ просителя, — сдѣбалась сама въ своемъ дѣлѣ судьбою и приговорила бѣднаго и беспомощнаго Усова лишить званія копіиста, высѣчь его кнутомъ, давъ ему 30 ударовъ, и сослать въ Сибирь въ каторжную работу, отъ которой онъ по милости мѣстнаго начальства въ Сибири освобожденъ на поселеніе тамъ;

а потомъ за доброе поведеніе приписанъ къ городу Верхотурью въ мѣщанство, въ коемъ и донинѣ находится.

Не могли уснуть отъ досады на толикую кутерьму и безчеловѣчіе, я всталъ, написалъ вчернѣ въ вышеозначенномъ существѣ докладную записку, переписалъ ее на-бѣло и въ пятомъ часу пошелъ въ г. Дубровицкому. Достучавшись, разбудилъ его, рассказалъ ему обо всемъ мною найденномъ, прочиталъ ему заготовленную записку, и онъ, удостовѣрившись въ справедливости и точности, одѣлся и поѣхалъ къ генераль-прокурору, который въ шестомъ часу уже уѣзжаетъ съ докладомъ къ государю.

По прочетѣ оной докладной записки, Лопухинъ сперва не повѣрилъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ могло случиться такое безпутство, а потомъ, удостовѣрившись въ истинѣ, приказалъ справиться, кто именно подписали такое опредѣленіе, гдѣ они теперь, и ежели изъ нихъ кто есть въ С.-Петербургѣ, то послать къ нимъ записки, чтобы они завтра поутру явились къ нему въ шестомъ часу. Сіе исполнено; явились оставшіеся въ живыхъ три весьма значущіе чиновника, а четвертый находился губернаторомъ въ Казани. Когда прочли при нихъ упомянутую записку, то они зарыдали, пали къ ногамъ генераль-прокурора и, извиняясь, что не помнятъ, какъ они подписали такое опредѣленіе, умоляли его о защитѣ ихъ. Князь Лопухинъ совѣтовалъ имъ молиться Богу и быть впредь осторожными, поѣхалъ во дворецъ, доложилъ оное дѣло государю, и привезъ вотъ какую высочайшую резолюцію: „Усова признать невиновнымъ, а чтобы сіе всѣмъ было извѣстно, при барабанномъ боѣ прикрыть его публично знаменами находящихся тамъ войскъ; возвратитъ ему званіе копіиста; выдать за всѣ годы жалованье по прежнему его мѣсту; опредѣлить пенсіона въ годъ по 300 руб. и дозволить или въ службу вступить, или жить, гдѣ пожелаетъ; съ членами-жь Бергъ-Коллегии за оный поступокъ ихъ примѣрно строго должно-бъ поступить; но по состоянію многихъ милостивыхъ манифестовъ и по уваженію послѣдующей хорошей ихъ службы, находящихся здѣсь призвать въ Правительствующій Сенатъ и сдѣлать имъ въ ономъ строжайшій выговоръ, каковой объявить и губернатору казанскому въ указѣ Сената“.

Такимъ образомъ г. Дубровицкій, нечаянно узнавъ, что я могу разбирать дѣла и составлять изъ нихъ правильныя записки, завалилъ меня своими дѣлами, а я отъ нечего дѣлать обрабатывалъ ихъ, и онъ въ одинъ мѣсяцъ получилъ два чина. Еще я могъ бы быть г. Дубровицкому полезнымъ, но мнѣ нельзя было избѣгнуть поѣздки въ Малороссію, куда я отправился, а онъ, къ сожалѣнію, по нерадѣнію, происшедшему отъ сильной страсти къ пьянству, лишился своего мѣста, изъ котораго другіе поступили въ оберъ-прокуроры Сената.

По жалобѣ лицъ, коихъ дѣла посланы изъ Погара, но не получены въ Стародубѣ, Черниговское губернское правленіе отнеслось въ С.-Петербургское о высылкѣ меня въ Малороссію для отысканія оныхъ

дѣлъ. Тяжкое для меня было это время: тутъ дѣло у генераль-прокурора приближалось къ концу по особенному о томъ старанію выше-означеннаго экспедитора г. Дубровицкаго, а меня гонять и не даютъ времени дожидаться того окончанія. Я кое-какъ, то отсыломъ болѣзнію, то посредствомъ просьбъ, дождался того, что генераль-прокуроръ объявилъ черниговскому губернатору высочайшее повелѣніе, дабы онъ далъ дѣлу г-жи Энгельгардтой съ графомъ Разумовскимъ надлежащій ходъ. Получа копію съ сего повелѣнія, я отправился въ Малороссію въ январѣ 1799 года, а по прибытіи туда поѣхалъ въ Черниговъ стараться по дѣлу г-жи Энгельгардтовой и, являсь къ губернатору, просилъ его для отысканія дѣлъ нарядить на счетъ виновныхъ особую комиссію, что губернаторомъ и сдѣлано.

Комиссія сія составлена была изъ двухъ депутатовъ Черниговскаго генеральнаго суда, которые, пріѣхавъ въ Стародубъ, потребовали, чтобы всѣ судьи, секретарь, канцелярскіе служители, и даже сторожа бывшаго Погарскаго уѣзднаго суда ни мало не медля явились въ оную комиссію.

Бывшій засѣдатель Семень Гавриловичъ Ноздра, ѣдучи по сему позыву въ Стародубъ, заѣхалъ на ночь къ отцу моему, гдѣ и я случился на тотъ разъ быть. Отецъ мой за ужиномъ укорялъ меня въ неосторожности, чрезъ которую надѣлалъ хлопотъ и себѣ, и другимъ. Но г. Ноздра вступился и за меня, и за себя, утверждая, что выше-означенный распоряжокъ о разсылкѣ дѣлъ учинили всѣ съ общаго согласія и привели оный въ исполненіе прежде выѣзда изъ Погара: а потому не судъ, а почта виновата въ утратѣ дѣлъ.

По прибытіи въ Стародубъ комиссія отобрала отъ всѣхъ порознь показанія и, не находя въ нихъ ни малѣйшаго разнорѣчія, начала дѣлать къ одному мнѣ чрезвычайныя привязки, требуя представленія дѣлъ; а я на то настаивалъ, чтобы напередъ отыскивали сообщеніе, посланное съ почтою изъ бывшаго Погарскаго уѣзднаго въ Стародубскій повѣтовый судъ, каковое сообщеніе изъ Стародубской почтовой конторы принялъ канцеляристъ Немировичъ-Данченко и расписался въ почтовой книгѣ. Сей же пріемщикъ комиссіи показалъ, что оное сообщеніе онъ вмѣстѣ съ другими пакетами принесъ въ повѣтовый судъ и положилъ на столѣ въ судейской камерѣ,—но куда оно дѣвалось, не знаетъ. На дальнѣйшія требованія я твердо и рѣшительно отозвался комиссіи, чтобы искали сообщенія, и ежели оное отыскано и при мнѣ распечатано будетъ, то тамъ же и дѣла окажутся; а ежели сообщеніе будетъ уже распечатаннымъ, то я за утрату дѣлъ, при ономъ посланныхъ, ни почему отвѣчать не обязанъ и не одолжаюся. Между тѣмъ какъ сей споръ и другія пренія происходили, секретарь бывшаго Погарскаго нижняго земскаго суда Реутскій пріѣхалъ въ Мглинь, куда онъ чрезъ почту переслалъ всѣ онаго упраздненнаго суда дѣла, а его туда вытребовали для сдачи ихъ. Началь разбирать тѣ дѣла, между коими нашель большую связку, на пакетѣ которой

написано: „Изъ Погарскаго уѣзднаго суда, въ Мглинскій земскій повѣтовый судъ“; но слово „повѣтовый“ пальцемъ вытерто, безъ коего повѣтовый судъ не принялъ, а нижній земскій судъ бросилъ въ число прочихъ погарскихъ дѣлъ. Секретарь Реутскій оную связку дѣлъ представилъ при рапортѣ въ Мглинскій нижній земскій судъ, объяснивъ оному, что сіи дѣла, можетъ быть тѣ самыя, которыхъ теперь ищутъ въ Стародубѣ. По развязкѣ спорки, открылись два пакета, запечатанные; подъ низъ подложенный пакетъ, надписанъ изъ Погарскаго уѣзднаго суда въ Стародубскій земскій повѣтовый судъ, а посему то и узнали, что верхній пакетъ, на которомъ вытерто слово „повѣтовый“, принадлежитъ Мглинскому повѣтовому суду, что по его распечатаніи такъ и оказалось. Съ прописаніемъ всего того Мглинскій нижній земскій судъ при рапортѣ своемъ прислалъ принадлежащій пакетъ Стародубскому повѣтовому суду въ слѣдственную комиссію, которая, призвавъ бывшаго Погарскаго уѣзднаго суда судей и меня и по освидѣтельствованіи цѣлости печати, распечатали оный пакетъ, въ которомъ нашли то самое сообщеніе Погарскаго уѣзднаго суда, которое будто бы канцеляристъ Немировичъ-Данченко принялъ изъ Стародубской почтовой конторы, описъ и всѣ по оной дѣла въ цѣлости. Старикисудьи обрадовались, начали креститься и благодарить Бога, а потомъ съ сожалѣніемъ сказали депутатамъ: „не грѣхъ ли было вамъ, господа, нападать на насъ, а наипаче на секретаря, когда отъзвы его были очевидно справедливы и теперь подтвердились самымъ дѣломъ“. Депутаты-жъ извинялись предубѣжденіемъ, сдѣланнымъ недоброжелателями моими. Должно бы было за отрывшюся въ обѣихъ почтовыхъ конторахъ фальшь подвергнуть ихъ почтмейстеровъ суду; но они люди богатые и съ сильнымъ повровительствомъ, посредствомъ коего избѣгнули суда, а мнѣ недосугъ было съ ними тягаться, я радъ, что освободился отъ дальнѣйшихъ привязокъ и, ни мало не теряя времени, отправился въ С.-Петербургъ. Между тѣмъ молодой сынъ г-жи Энгельгардтовой умеръ, о смерти коего, какъ друга моего, я истинно скорбѣлъ и горько плакалъ; мать же его почти цѣлый годъ была неутѣшною и разстроенною. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ нашелъ я дѣло, коимъ столь много занимался, вновь, по представленію губернскаго начальства, доходящимъ до высочайшаго разсмотрѣнія. Въмѣсто князя Лопухина былъ уже генераль-прокуроромъ генераль-отъ-инфантеріи Александръ Андреевичъ Беклешовъ. Онъ далъ было правосудную резолюцію, но заступники за графа Разумовскаго не допустили привести оную въ исполненіе, и потому чрезъ газеты объявлено г-жѣ Энгельгардтовой на прошенія ея высочайшее разрѣшеніе, чтобъ она вѣдалась съ графомъ Разумоскимъ судомъ по формѣ изъ нижнихъ мѣстъ.

Я писалъ къ ней, чтобъ она, между тѣмъ какъ будетъ прискивать средства къ поправленію сего дѣла, взяла къ графу Разумов-

свому упоминательный листъ и положила-бъ оный установленнымъ порядкомъ въ спорномъ имѣннѣ, что ею и сдѣлано.

На мѣсто г. Беклешова опредѣленъ генераль-прокуроромъ генераль-провіантмейстеръ Оболяниновъ.

При семь генераль-прокурорѣ дальніе родственники г-жи Энгельгардтовой Витковичи возобновили старое дѣло, веденное ими еще съ отцомъ ея о наслѣдствѣ послѣ бригадира Степана Витковича, и успѣли исходатайствовать именной высочайшій указъ, которымъ признанъ ко всему бригадира Витковича имѣнію отецъ просителей-наслѣдникомъ, потому все имѣніе отъ г-жи Энгельгардтовой отобрано и отдано имъ во владѣніе. Этотъ случай поразилъ меня такъ сильно, что я едва живъ остался и долго не могъ опомниться. Въ семь горестномъ положеніи моемъ находилъ я нѣкоторую отраду въ бесѣдѣ со старикомъ пріѣхавшимъ изъ Стародубскихъ раскольничьихъ слободъ купцомъ Топальцовымъ, который, какъ человекъ жившій въ свѣтѣ и много всего видѣвшій, умѣлъ своими разсужденіями облегчать мою тоску. Писалъ я къ г-жѣ Энгельгардтовой, но отъ нея никакого отвѣта не получилъ. Это меня еще болѣе приводило въ печаль, хотя я не былъ ни малою причиною ея несчастія: ибо не только я, но и она сама ничего не знала объ ономъ дѣлѣ, которое еще въ 70-хъ годахъ было окончено и отдано въ архивъ. Не смотря однакожъ на молчаніе г-жи Энгельгардтовой, я собралъ всѣ необходимыя о томъ дѣлѣ свѣдѣнія, удостовѣрился совершенно въ правотѣ ея, написалъ всеподданнѣйшее прошеніе и къ оному полную со всѣми доводами записку и увѣдомилъ о томъ ея, чтобъ она съ дочерьми своими пріѣзжала сюда, но и на сіе не получилъ я никакого отвѣта. Тогда ясно увидѣлъ я мою легковѣрность, вовлекшую меня въ ошибку, чрезъ которую потерялъ нѣсколько лѣтъ золотаго для службы времени, и рѣшился приняться за службу.

Но къ сугубой горести моей въ слѣдующемъ 1800 году получила я увѣдомленіе о кончинѣ отца моего и объ оставшемся духовномъ завѣщаніи его, которымъ онъ все недвижимое а движимое имѣніе отписалъ тремъ сынамъ своимъ: мнѣ, Семену и Владиміру, а тремъ дочерямъ:—Настасіи, Харитинѣ и Еленѣ въ приданое небольшую движимость и по сту рублей деньгами каждой. Меня же, яко старшаго своего сына, сдѣлалъ исполнителемъ того завѣщанія и попечителемъ надъ всѣми дѣтьми его, а моими братьями и сестрами. Желая священную для меня волю отца своего исполнить не токмо въ точности, но сколько возможно и гораздо болѣе, ввѣрилъ я все имѣніе и домъ Семену Никифоровичу для совмѣстнаго его съ сестрами жительства, съ тѣмъ чтобъ всѣмъ имъ была тѣтка Марина вмѣсто матери и надзирательницы и чтобъ они ее слушались. А меньшаго брата велѣлъ при случаѣ выслать ко мнѣ въ С.-Петербургъ, что онъ впослѣдствіи времени и исполнилъ. Братъ мой Владиміръ находился на всемъ моемъ содержаніи и учился въ іезуитскомъ училищѣ, весьма отъ прочихъ пре-

восходномъ; потомъ записалъ я его во 2-й кадетскій корпусъ, но онъ тамъ волею Божіею умеръ. Къ брату Семену и сестрамъ выслалъ я по временамъ платья и помогалъ деньгами; въ одинъ же голодный годъ послалъ къ нему пятьсотъ рублей и въ помощь бѣднымъ нашимъ крестьянамъ сто рублей. При выходѣ сестеръ замужъ, кромѣ приданого изъ движимости, далъ я имъ изъ собственности своей деньгами, Настасіи и Харитинѣ по пятисотъ рублей, а Еленѣ Никифоровнѣ изъ сожалѣнія, что она вышла замужъ за весьма бѣднаго человека, далъ тысячу рублей. Большая Звоникова Нива въ средней мѣнѣ находилась по залогу отца во владѣніи гг. Песоцкихъ. Изъ нихъ старшій братъ Иванъ Ивановичъ Песоцкій по дружбѣ его ко мнѣ, не взялъ должныхъ покойнымъ отцомъ моимъ денегъ, закладную уничтожилъ, а Ниву возвратилъ намъ во владѣніе. Братъ мой Семенъ Никифоровичъ во-первыхъ, не слушалъ доброжелательныхъ моихъ ему совѣтовъ; во-вторыхъ, за все то, что я сдѣлалъ для него добраго, былъ ко мнѣ непризнателенъ и неблагодаренъ; напротивъ, сестрами я доволенъ. Изъ нихъ Харитина Никифоровна овдовѣла, но чрезъ годъ вступила во второй бракъ. Потомъ и сестра Настасія Никифоровна овдовѣла, и ни за что не хотѣла съ дочерью своею жить вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ, равно и онъ не хотѣлъ принять ихъ къ себѣ. Посему для жительства сестры Настасіи въ Лобкахъ, на назначенномъ мною мѣстѣ, Терехъ Конось, по моему порученію выстроилъ на мой счетъ домъ, а я требовалъ отъ брата Семена дать ей во временное владѣніе огородъ, на пенькахъ лѣсъ съ сѣнокосомъ, и пахотной земли въ каждой мѣнѣ посѣвомъ на двѣ четверти. Но братъ Семенъ не прежде таковое мое назначеніе исполнилъ, какъ тогда уже, когда я ему погрозилъ, что раздѣлюсь съ нимъ и всю свою половину имѣнія отдамъ сестрѣ Настасіи во владѣніе. Сперва сестра Елена, а потомъ и сестра Харитина бездѣтно умерли, а меня постигла великая напасть, на что не смотря, братъ Семенъ требовалъ отъ меня и себѣ, и дѣтямъ его помощи, чтобы я заплатилъ накопленную имъ казенную недоимку до восьмисотъ рублей, отъ чего я когда отказался по невозможности, то онъ началъ помышлять, какъ бы все отцовское имѣніе присвоить одному себѣ, а меня лишить наслѣдства, воображая, что онъ владѣлъ имъ болѣе двухъ десятилѣтнихъ давностей, и по моему благодѣянію пользовался всѣми съ того имѣнія доходами, а я никогда ни копѣйки не получалъ. Съ сими замыслами своими поѣхалъ онъ въ село Рѣшотки къ живущему тамъ бывшему Стародубскаго земскаго суда секретарю Полторацкому совѣтоваться, но оттолъ возвращаясь, на дорогѣ волею Божіею умеръ. Упокой Господи душу его въ царствіи небесномъ!

Отъ двухъ вышеописанныхъ приключеній находясь въ тяжелой печали, и дабы дома не задумываться, каждый день бывалъ я у гг. Пороскихъ-Жоравокъ, жившихъ въ домѣ графа Безбородка, и часто у нихъ даже и ночевывалъ.

Въ это время они были въ чинахъ—Иванъ подполковникомъ, а Федоръ майоромъ, и оба находились совѣтниками въ экспедиціяхъ Адмиралтействъ-Коллегіи. По той экспедиціи, въ которой присутствовалъ Иванъ Ивановичъ, случился подрядъ на поставку къ Адмиралтейству полотень до 150 т. руб. Архангельскій купецъ Яковъ Степановичъ Шульгинъ желая взять оный подрядъ, но не имѣя залоговъ, обратился съ просьбою къ Ивану Ивановичу, чтобъ онъ сію поставку полотень испросилъ себѣ въ комиссіи, а онъ, Шульгинъ, произведетъ ее, и барыши подѣлять между собою пополамъ. Иванъ Ивановичъ въ это время большую имѣлъ по Адмиралтейству силу, потому что близокъ былъ къ графу Григорію Григорьевичу Куселеву ¹⁾, женившемуся на племянницѣ его графинѣ Любои Ильинишнѣ Безбородковой. Шульгинъ, чтобы пустить пыль намъ въ глаза, началъ бахвалить, что это не одно будетъ дѣло, а многія, которыя совместно производить будемъ, какъ то: возьмемъ обдѣлку береговъ рѣки Мойки камнемъ, и закупимъ въ Малороссіи всю пеньку. Иванъ Ивановичъ посовѣтывался со мною, и рѣшились взять оное дѣло, при возложеніи всего на Ивана Ивановича выданому ему и денегъ впередъ 50 т. руб. Шульгинъ прежде начатія поставки полотень выпросилъ у Ивана Ивановича 10 т. руб. на задатки. Эту выдачу ему денегъ сдѣлали въ концѣ ноября, дабы въ декабрѣ по первой зимней дорогѣ могли быть привезены сюда полотна. Проходить декабрь, январь и половина февраля, а полотень нѣтъ ни куска. Шульгинъ же потчуетъ насъ одними обнадеживаніями своими, что скоро придутъ обозы съ полотнами. Я, проходя мимо Никольскаго рынка, нечаянно встрѣтился съ прикащикомъ Шульгина, вологодскимъ мѣщаниномъ Веденевскимъ, и мнѣ вдругъ пришло на мысль: нельзя-ли будетъ отъ него чего узнать повѣрнѣе о движеніи транспортъ съ полотнами. Зову Веденевскаго къ себѣ чай пить, и онъ не отказался. Напившись чаю, началъ я его потчивать пуншемъ, а потомъ водкою и закускою, за которою пили вино, мадеру и пиво. Всю эту смѣсь я для того употребилъ, чтобы Веденевскій скорѣе охмѣлѣлъ, что точно съ нимъ и случилось. Тутъ-то Веденевскій, намоча языкъ, открылъ мнѣ всю истину, что у Шульгина не было и нѣтъ ни одного куска полотна ревендуку, и что идущіе обозы на одномъ только языкѣ его вертятся, а деньги, полученные отъ насъ, онъ роздалъ по частямъ кредиторамъ своимъ, безъ чего уже давно бы за долги сидѣлъ въ тюрьмѣ. Поутру, сказавъ Ивану Ивановичу неприятную вѣсть сію, поразилъ его тѣмъ, ибо самое лучшее время къ закупкѣ полотень и привозу ихъ сюда уже упущено. Тотчасъ поѣхали мы къ Шульгину, и притворясь, что о его мошенничествѣ будто бы ничего не знаемъ, спрашиваемъ его о вѣстяхъ, какія получилъ онъ объ идущихъ тран-

¹⁾ Графъ Куселевъ въ званіи вице-президента Адмиралтействъ-Коллегіи и генералъ-адъютанта находился при государѣ и управлялъ всѣми дѣлами морскими.

спортахъ съ полотнами. Онъ одну и ту же пѣснь поеть, что идутъ, и уже близъ Новагорода.

Я на сіе сказалъ ему: „ну, поѣдемъ къ нимъ на встрѣчу“.

Шульгинъ согласился поѣхать, но только не сегодня, а завтра. Поутру пріѣзжаю къ нему по дорожному одѣтый, а онъ рассказываетъ по комнатѣ въ халатѣ съ завязанною платкомъ головою, говоря, что нездоровъ и докторъ не позволяетъ ему въ дорогу ѣхать. Я началъ настоятельно требовать отъ него къ приказчику его при обозѣ письмо, съ которыми я одинъ поѣду, но онъ и письма мнѣ не далъ. Тутъ-то я, разгорячась, началъ его ругать, называя плутомъ и мошенникомъ, а онъ, чтобы утишить меня, началъ давать мнѣ деньги, ассигнаціи, завернутыя въ бумагу,—но я этотъ пакетъ бросилъ ему въ рожу. Онъ, видя что нечего дѣлать, началъ увѣрять меня, что завтра же купецъ Суворовъ завезетъ въ Адмиралтейство знатную партію полотень и сдастъ. Я потребовалъ одного куска сихъ полотень, и онъ послалъ въ ставку Суворова, изъ которой мнѣ и дали одинъ кусокъ изъ тѣхъ полотень въ видѣ образца. Показали мы сей кусокъ въ Адмиралтейство пріемщикамъ, и они его забраковали, потому что это не ревендуеъ, а брезентуеъ. Однакожъ Иванъ Ивановичъ уприсилъ ихъ, чтобъ они всѣ сіи полотна, когда привезутъ ихъ, оставили въ пакгаузахъ, отложивъ подъ какимъ нибудь предлогомъ пріемъ ихъ до завтраго. На другой день, вмѣсто пріема, пріемщики объявили купцу Суворову, что сіи полотна забракованы и будутъ проданы съ публичныхъ торговъ для выручки казенныхъ денегъ, захваченныхъ купцомъ Шульгинымъ. Суворовъ обратился къ Ивану Ивановичу, но мы ему отказали, сказавъ, чтобъ онъ вѣдался съ тѣмъ лицомъ, которому продалъ сіи полотна, т. е. съ Шульгинымъ. Продажею съ оныхъ забракованныхъ полотень выручено до 6 т. руб., а болѣе 4 т. руб. остались за Шульгинымъ, который, догадываясь, что мы кое-что узнали объ немъ вѣрно отъ приказчика, прогналъ отъ себя Веденевскаго, а онъ обратился къ намъ, и мы ему дали жалованья гораздо болѣе Шульгина. Посоветовавшись съ симъ приказчикомъ, купили мы у серпуховскаго купца Окорова хорошихъ полотень ревендуку на десять тысячъ р. и сдали ихъ въ Адмиралтейство. Но, сдѣлавъ расчетъ противъ установленныхъ цѣнъ, увидѣли мы, что намъ должно будетъ понести убытку болѣе 10 т. р., если всѣ достальныя полотна купить по этой же цѣнѣ. Въ такой бѣдѣ мы начали искать средствъ, какъ бы избавиться отъ оной. Особенножъ я, совѣтовавшій войти въ это дѣло, метался и туда, и сюда, во всѣ стороны, и отъ знакомаго мнѣ адмиралтейскаго комиссара Нагорнаго узналъ, что есть у нихъ одинъ стародавній комиссаръ Тарасовъ, который по своей опытности можетъ дать самый лучший совѣтъ; но ежели онъ ничего добраго не придумаетъ, то уже никто не поможетъ. Я уприсилъ г. Нагорнаго, чтобъ онъ далъ обѣдъ на мой счетъ, и, зазавъ г. Тарасова къ себѣ обѣдать, познакомилъ бы меня съ нимъ, что г. Нагорный по благорасположенію своему ко мнѣ и

сдѣлать. Познакомившись съ г. Тарасовымъ, я на другой день пошелъ къ Адмиралтейству и на возвратномъ пути стерегъ его. Встрѣтившись съ нимъ какъ будто бы нечаянно, зазвалъ я его въ трактиръ водки выпить, а далѣе мы съ нимъ въ семь трактирѣ въ особой комнатѣ и пообѣдали. Напившись чаю и пуншу, я сталъ просить его, рассказалъ ему дѣло, обманъ и упущеніе нужнаго времени, и онъ, пожалѣвъ о нашей молодости и неосторожности, съ чистѣйшимъ добродушіемъ и совершенною откровенностію сказалъ мнѣ: „не покупайте болѣе полотень, а просите, чтобъ сіи вами купленныя полотна отправили въ Кронштадтъ; тамъ матросамъ, я знаю, примолвилъ онъ, балахоны не нужны, и потому выданныя имъ натурою полотна пойдутъ на рынокъ, а вы старайтесь купить ихъ дешевою цѣною и сдавайте въ тамошнее Адмиралтейство, чѣмъ единственно можете поправить свою ошибку и избавиться отъ важнаго убытка“.

Я, поблагодаривъ его какъ должно, ни мало не теряя времени, началъ съ Иваномъ Ивановичемъ приводить планъ сей въ дѣйствиіе, и по просьбѣ его отправлены наши полотна въ Кронштадтъ для раздачи матросамъ, а я съ деньгами болѣе 130 т. р. и приказчикомъ туда же отправился. Уладивши это дѣло чрезъ кронштадтскихъ адмиралтейскихъ чиновниковъ какъ для насъ лучше было, начали производить выдачу матросамъ полотна самими малыми частями, матросы-жъ принесли ихъ на рынокъ, а мы ну покупать у нихъ и опять сдавать въ Адмиралтейство кронштадскаго вѣдомства. Такимъ образомъ, съ Божіею помощію, окончили мы сію хлопотную для насъ поставку полотень, какъ будто бы самыя записныя подрядчики, и не тою безъ убытка, но еще и съ маленькою выгодною; отъ чего самымъ опытомъ удостовѣрились, что ежели бы мы сами, не связываясь съ плутомъ Шульгинимъ, это дѣло обработали въ свое время, и съ такою осмотрительностію и проницаніемъ, какъ наконецъ дѣйствовали, то могли-бъ имѣть безгрѣшный, благословенный великій барышъ, отъ коихъ подрядчики разживаются. Но слава Богу, что и такъ отдѣлались.

III.

Поступленіе на службу въ канцелярію с.-петербургскаго военнаго губернатора.— Графъ Паленъ.— Секретари Розлачъ и Покоевъ.— Генераль Свѣчинъ.— Назначеніе Покоева правителемъ канцеляріи.— Приѣздъ въ Петербургъ г-жи Энгельгардтъ съ дочерьми.— Возобновленіе хлопотъ по ея дѣламъ.— Надежда Энгельгардтъ и любовь къ ней.— Вступленіе на престолъ императора Александра I.— Ссора съ семействомъ Энгельгардтъ и отъѣздъ ихъ изъ Петербурга.— Окончаніе дѣла Энгельгардтъ и прекращеніе отношеній къ этому семейству.

Помышляя о службѣ, познакомился я съ старшимъ секретаремъ с.-петербургскаго военнаго губернатора надворнымъ совѣтникомъ Аванасіемъ Петровичемъ Покоевымъ и просилъ его принять меня къ себѣ въ канцелярію, на что онъ охотно и согласился, но съ тѣмъ, чтобъ

и отъ какого вельможи выпросилъ рекомендательное о себѣ письмо къ военному губернатору генералу отъ кавалеріи графу Петру Алексѣевичу фонъ-деръ-Палену.

Другъ мой Иванъ Ивановичъ Поворскій-Жоравко выпросилъ отъ графа Григорія Григорьевича Куселева къ графу Палену рекомендательное обо мнѣ письмо, которое я вмѣстѣ съ прошеніемъ и аттестатами моими подалъ лично графу Палену, а онъ приказалъ мнѣ придти завтра за резолюцію. На другой день, по явѣ моей, графъ Паленъ послалъ меня въ канцелярію къ секретарю своему, который объявить мнѣ резолюцію его. Въ передней канцеляріи спросилъ я у сторожа:—Гдѣ здѣсь секретарь г. Покоевъ?

Сторожъ отвѣчалъ, что Покоева нѣтъ, и онъ уже цѣлый мѣсяць не ходитъ къ должности своей, а извольте идти къ другому секретарю надворному совѣтнику Ивану Степановичу Розлачу, который объявилъ мнѣ, что у нихъ нѣтъ вакансіи и что потому графъ приказалъ возвратитъ мнѣ прошеніе съ аттестатами. Я не зналъ, что ему на это и отвѣчать,—но просилъ его оставить онны бумаги у себя до завтраго, потому что я иду не домой, а въ гости, на что г. Розлачъ и согласился. Въ этотъ день развѣдалъ я, что г. Покоевъ пьетъ запоемъ, и пока не вытрезвленъ будетъ, не явится къ должности; но все сіе графъ Паленъ терпѣлъ изъ уваженія къ его способностямъ и честности, и важнѣйшія дѣла отлагалъ до явки его. Поутру старался я подойти къ графу Палену уже тогда, когда онъ со всѣми просителями переговорить и подошелъ къ нему почти на порогѣ. Тутъ графъ и самъ сказалъ мнѣ, что у него нѣтъ вакансіи, и пошелъ по лѣстницѣ. Я, идучи возлѣ него, упрасивалъ его. Графъ остановился и сказалъ мнѣ, что и кромѣ его есть много мѣстъ и вѣдомствъ; но я все просилъ его о принятіи къ себѣ хотя безъ жалованья, добавивъ къ тому, что я и самъ не знаю, почему мнѣ хочется служить подъ начальствомъ вашего сіятельства!

Графъ остановился уже предъ самою каретою и сказалъ мнѣ:

— Неотвязный молодой человекъ, что мнѣ съ тобою дѣлать?

Я въ безмолвіи только кланялся ему, и онъ сказалъ мнѣ: „приходи завтра, я подумаю“. На другой день я пришелъ тогда, когда графъ Паленъ возвращался отъ развода домой, и сталъ у самыхъ дверей кабинета его, чтобы подойти къ нему, когда онъ окончитъ переговоры свои со всѣми просителями.

Идучи въ кабинетъ, графъ, увидѣвъ меня, сказалъ, чтобы я за нимъ въ онны вошелъ. Тутъ графъ мнѣ объявилъ, что онъ принимаетъ меня къ себѣ на вакансію отъ полиціи адъютантомъ съ жалованьемъ въ годъ по 450 руб. и квартира отводная у обывателей, но съ тѣмъ, чтобы я занимался въ канцеляріи его,—о чемъ приказалъ объявить секретарю Розлачу, дабы онъ заготовилъ опредѣленіе и сей же день подалъ къ подписанію. Я пошелъ въ канцелярію, и чуть только показался на глаза секретаря Розлача, онъ началъ возвращать мнѣ бу-

маги мои. Въмѣсто принятія оныхъ, я объявилъ ему приказаніе графа; онъ удивился, пошелъ тотчасъ къ графу и, возвратясь, сказалъ, что правда, и началъ давать мнѣ работу. Я просилъ его, чтобъ онъ уволилъ меня до обѣда, на что онъ и согласился. Послѣ обѣда пришелъ я въ канцелярію, засталъ въ оной одного только дежурнаго губернскаго секретаря Василія Степановича Кедрина, человѣка лѣтами моложе меня; но онъ, видя, что я городской секретарь, слѣдовательно онъ, яко старшій чиномъ, можетъ мною командовать, далъ мнѣ написать реэстръ разнымъ изъ губернскихъ правленій отношеніямъ для препровожденія ихъ въ полицію къ исполненію, каковою работою я безъотговорочно и занялся. Пришелъ секретарь Розлачь и, подойди ко мнѣ, спросилъ, чѣмъ я занимаюсь. Я скромно отвѣчалъ, что вотъ этотъ господиъ далъ мнѣ работу. Онъ взялъ сіи бумаги, и, посмотря, грозно сказалъ:

— Мальчишка, ты свое дѣло отдаешь другимъ! и бросилъ ему тѣ бумаги; а ко мнѣ обратясь сказалъ: — Не слушайте никого, я вамъ буду давать работу.

Въ то же время приказалъ сторожу поставить для меня въ секретарской комнатѣ особый столикъ, гдѣ прежде кромѣ стола для обоихъ секретарей, покрытаго зеленымъ сукномъ, особаго стола ни для кого другаго не было, и началъ давать мнѣ разныя бумаги съ приказаніемъ, что и куда по каждой писать. Я не могъ удержать вдругъ всѣхъ сихъ приказаній, потому что ходъ дѣлъ этихъ видѣлъ еще въ первый разъ; но чтобы сколько нибудь помочь своей памяти, я сдѣлалъ іероглифами моими четыре угла, а потому, принимая по бумагѣ отъ секретаря приказаніе, по свойству онаго, загибаю на той бумагѣ уголь, далѣ слушаю приказаніе по другой бумагѣ и загибаю на ней соотвѣтственный тому уголь,—такъ и по всѣмъ прочимъ бумагамъ. Симъ средствомъ я удачно избѣгнулъ отъ всего того, чѣмъ старался г. Розлачь сбить меня на первыхъ порахъ. Черезъ нѣсколько дней оберъ-секретарь Синода статскій совѣтникъ и кавалеръ, вышеупомянутый Иванъ Антоновичъ Пукаловъ, узнавъ объ опредѣленіи меня въ штатъ с.-петербургскаго военнаго губернатора, прислалъ поздравить меня съ симъ мѣстомъ и просилъ на завтрашній день къ себѣ обѣдать.

Прихожу я къ нему и въ числѣ прочихъ гостей нахожу тутъ-же и г. Розлача.

Пообѣдали, напились кофе, но г. Розлачь не входитъ со мною въ разговоры. Пукаловъ сіе замѣтилъ, спросилъ меня о томъ и, узнавъ, что я незнакомъ съ г. Розлачемъ кромѣ того только, что теперь съ нимъ сошелся по службѣ, г. Пукаловъ взялъ меня за руку, подвелъ къ г. Розлачу и сказалъ ему:

— Полно чиниться, знай, это нашъ землякъ, да еще добрый и мнѣ давно уже знакомый.

Не давъ г. Пукалову ничего продолжать далѣе, мы обнялись съ г. Розлачемъ, поцѣловались и съ сей минуты сдѣлались искренними

пріятелями. На завтра, по приходѣ моемъ въ канцелярію, далъ мнѣ г. Розлачь составить изъ одного обширнаго дѣла докладную записку.

Я спросилъ его: — Какъ она скоро нужна?

Отвѣчалъ: — Какъ успѣешь написать.

Сію записку написалъ я въ четыре дня; онъ ея доволенъ былъ и при докладѣ сказалъ графу, что это работа моя; графъ позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ и изволилъ изъявить мнѣ свою признательность въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ. Вскорѣ за симъ явился и г. Покоевъ и удивился, что я такъ скоро опредѣленъ и дѣйствую по дѣламъ, какъ будто-бы нѣсколько лѣтъ уже сею частію занимающийся. Примѣтивъ-же связь мою съ г. Розлачемъ, сказалъ съ усмѣшкою:

— О, хохлы уже и снюхались!—но никакого однакожь не изъявляя ко мнѣ своего неудовольствія.

Оба секретаря равно давали мнѣ работу съ своими приказаніями и даже дали мнѣ право брать изъ входящаго реэстра бумаги и писать по нимъ, что я самъ заблагоразсужу. Сему правилу соображаясь, по тѣмъ бумагамъ, даннымъ секретарями, написанныя мною черныя бумаги, отдавалъ я тому секретарю, отъ котораго ихъ получилъ; а по тѣмъ бумагамъ, кои взялъ изъ входящаго реэстра и написалъ, что самъ придумалъ, клалъ я среди секретарскаго стола, чтобъ изъ нихъ кто хочетъ, тотъ и взялъ-бы къ просмотру. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ Паленъ отставленъ и сдѣланъ военнымъ губернаторомъ генералъ отъ инфантеріи Николай Сергѣевичъ Свѣчинъ. При семъ военномъ губернаторѣ г. Розлачь былъ въ большемъ уваженіи, нежели г. Покоевъ; но я въ разсужденіи ихъ не перемѣнялъ своего вышеозначеннаго правила и всемѣрно старался обоимъ имъ равно угождать. Тутъ я изъ городовыхъ секретарей по высочайшему повелѣнію произведенъ въ 1800 году въ титулярные совѣтники. Въ сентябрѣ, по окончаніи маневровъ, при коихъ графъ Паленъ командовалъ одною арміею, а генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ другою, противною арміею, государь, оставшіеся довольнымъ обоими главнокомандующими, Кутузову пожаловалъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, а графа Палена сдѣлалъ первымъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

Г. Свѣчинъ остался вторымъ военнымъ губернаторомъ. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ графа Палена, онъ тотчасъ потребовалъ къ себѣ г. Покоева и составилъ подъ его управленіемъ свою канцелярію, въ которую пріѣхавшій съ графомъ титулярный совѣтникъ Шипеловъ опредѣленъ секретаремъ, а г. Розлачь оставленъ управлять канцеляріею втораго военнаго губернатора, къ коей и меня причислили. Чрезъ два мѣсяца второй военный губернаторъ уволенъ и мы остались ни при чемъ. Вечеромъ пошелъ я въ канцелярію графа Палена, и Покоевъ, лишь только меня увидѣлъ, сказалъ:

— Пошелъ, пошелъ отъ насъ, хохоль.

Я сталъ ему говорить:—Да дайте-жь время хоть взглянуть на васъ.

Тогда Покоевъ сказалъ:—Такъ ты не хочешь отъ насъ идти?

Я отвѣчалъ:—Насмотрюсь на васъ и пойду.

— Нѣтъ же, отвѣчалъ Покоевъ и закричалъ:—сторожь, поди сюда!

По приходѣ сторожа, г. Покоевъ приказалъ подать въ секретарскую комнату тотъ самый столикъ, за которымъ я прежде занимался дѣлами, посадилъ меня за онымъ и, давъ работу, примолвилъ:— „будь же ты съ сего времени нашимъ“! — Такимъ образомъ я уже ни отъ кого болѣе не зависѣлъ по канцелярїи, какъ отъ одного правителя канцелярїи г. Покоева и согласно во всемъ волѣ его дѣйствовалъ. Г. Розлачь пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ и по его желанію опредѣленъ предсѣдателемъ Рязанскаго ратъгауза.

Въ это время осенью прїѣхала г-жа Энгельгардтова въ С.-Петербургъ съ дочками своими, прислала ко мнѣ на квартиру человѣка своего; но онъ меня не засталъ дома. Остановились они въ трактирѣ, потребовали истопить печку, чтобъ послѣ дороги согрѣться, отъ чего угорѣли и я поутру нашелъ старуху оглохшею, а дочерей изнуренными рвотою, что все привело меня въ большую къ нимъ жалость. Доставивши имъ какія могъ средства къ облегченію ихъ болѣзни, я тотчасъ озаботился присканіемъ для нихъ квартиры, поѣхалъ къ знакомой мнѣ купчихѣ Анисимовой, тещѣ г. Дубровицкаго, и нашелъ въ домѣ ея квартиру во 2-мъ этажѣ двѣ комнаты съ кухней, договорился съ нею въ цѣнѣ и въ тотъ же день они переѣхали въ оную. Хозяйка дома Анисимова и дочь ея Дубровицкая, изъ дружбы ко мнѣ, познакомились и съ ними и стали ихъ приглашать къ себѣ для препровожденія времени. Потомъ они, оправясь, начали ѣздить къ графинѣ Безбородко и къ г-жѣ Андреевской, бывшей Лобысевичевой, яко малороссійскимъ своимъ знакомкамъ, съ которыми дочери г-жи Энгельгардтовой нерѣдко и въ театрѣ бывали.

Однажды они съ г-жею Дубровицкою, читая афишку, начали хватить назначенную на завтрашній день піесу. Я вызвался взять ложу и нанять карету. Они на то согласились и мы вмѣстѣ, съ дозволенія матери, поѣхали въ театръ. Человѣкъ мой, поставивъ въ извѣстномъ мѣстѣ карету и не взявъ извозчичьяго номера, самъ пришелъ въ ложу.

При выходѣ изъ театра пошелъ большой дождь, мы стоимъ въ передней предъ крыльцомъ комнатъ, ожидая пока человѣкъ сыщеть и приведетъ карету. Тутъ насъ увидѣлъ Иванъ Петровичъ г. Роговичъ ¹⁾, который въ Малороссїи сватался къ Надеждѣ и ему отказали, вѣрно позавидовалъ мнѣ, что они ѣздить со мною въ публичныя мѣста, ду-

¹⁾ Сей г. Роговичъ дѣйствительною службою получилъ только губернскаго регистратора. Потомъ посредствомъ отца своего сдѣлался управляющимъ имѣніа графа Ильи Андреевича Безбородка, нажилъ у него большую кучу денегъ, и графъ вывелъ его въ чины, даже въ надворные совѣтники подъ предлогомъ, коронной службы при немъ. Братъ же графа, князь Безбородко, главноуправлявшаго всѣмъ имѣніемъ его г. Суденка вывелъ въ тайные совѣтники и надавалъ ему важныхъ орденовъ, сель и деревень: какое это зло, которому и многіе другіе вельможи не чужды.

мая, что дома можетъ быть принимаютъ меня и того еще лучше. Кареты челоѣкъ мой не отыскалъ: кто нибудь по причинѣ дождя далъ дороже и извозчикъ насъ бросилъ. Почти уже все разошлись, а мы остаемся; нечего дѣлать, я, не смотря на дождь, пошелъ самъ искать какого-нибудь извозчика и захватилъ только одного дрожечнаго, который менѣе не взялъ какъ пять рублей отъ Каменнаго театра до Измайловскаго моста. На сихъ дрожжахъ посадилъ я одну барыню и двухъ барышень, укрылъ ихъ своею шинелью и отправилъ, а самъ пошелъ вслѣдъ за ними пѣшкомъ, насмѣхаясь надъ Роговичемъ, но за то измогъ до рубашки.

По перепискѣ бумагъ г-жи Энгельгардтовой, она всеподданнѣйшее прошеніе свое съ запискою подала статсъ-секретарю графу Кутайсову. Я взялъ на себя хлопотать по оному въ канцеляріи его. Но въ несчастію высочайшаго соизволенія на то прошеніе не воспослѣдовало.

Я упросилъ въ канцеляріи, чтобъ ей о томъ отказѣ не объявляли, а самъ говорилъ ей, что потому долго не докладываютъ, что выбираютъ лучшее для доклада время,—ибо еслибы она узнала объ отказѣ, то тотчасъ уѣхала-бы изъ С.-Петербурга.

Желая видѣть у себя въ гостяхъ Надежду, я подговорилъ сестру хозяйки дома, Татьяну Даниловну, жившую надъ ними вверху въ 3-мъ этажѣ, кататься съ ними и завести ихъ ко мнѣ. Она съ ними переговорила, а я нанялъ парныя сани и прислалъ къ нимъ. Мать отпустила ихъ съ Татьяною Даниловною кататься, думая, что эти сани ею для себя наняты. Они, покатавшись, заѣхали ко мнѣ. Я отъ радости самъ не въ себѣ былъ. Угощалъ ихъ, чѣмъ могъ. А Надежда, въ благодарность за сдѣланное ими мнѣ посѣщеніе, потребовала, чтобъ я на вечеръ пріѣхалъ къ нимъ, дабы разбить сколько-нибудь стуку матери. Я исполнилъ волю ея, и между нами все шло хорошо, какъ желать лучше нельзя было.

Въ сіе время письменно объяснился я въ любви своей Надеждѣ Андреевнѣ; но она письменно-жъ отвѣчала мнѣ противно тому. Я написалъ это къ застѣнчивости и дѣвической стыдливости, а потому написалъ къ матери ея письмо, въ которомъ просилъ руки дочери ея, но и мать письменно-жъ отозвалась предлогомъ тогдашняго несчастнаго ея положенія отъ удовлетворенія желанія моего. Тутъ-то и ясно увидѣлъ, что я со стороны ихъ обманутъ, и что они ласкаютъ меня всегда хорошимъ пріемомъ потому только, что я имъ по дѣламъ ихъ полезенъ и необходимъ. Хитрая мать съ гордыми дочками своими перѣехала на другую квартиру, отъ того что хозяйка дома, сестра и дочь ея были на моей сторонѣ. Я это понялъ и пересталъ у г-жи Энгельгардтовой бывать.

Тогда и она смеялась, что имъ безъ меня въ С.-Петербургѣ нечего дѣлать. Начали упрашивать меня, чтобъ я ихъ не оставлялъ; но долго ли упросить того, кто одинъ благосклонный взглядъ обожаемой имъ дѣвицы почитаетъ за неоцѣненное удовольствіе.

Пошли переговоры на счетъ интересвъ; я имъ представилъ счетъ: сколько, когда и на что именно издержалъ я по ихъ дѣламъ собственныхъ денегъ? Она дала мнѣ заемное письмо въ пять тысячъ рублей. Я принялъ его и, ласкаясь пустою надеждою, что можетъ быть мать, по возвращеніи ей отнятаго у нея имѣнія, сама согласится и дочь свою уговорить выдти за меня замужъ, началъ по прежнему заниматься ихъ дѣлами и бывать у нихъ почти каждый день. Но уже съ сего времени я не скрывалъ страсти моей къ ея дочери Надеждѣ, за которую сталъ волочиться явно и обходился съ нею откровенно и если гдѣ находилъ одну, то безъ околичностей обнималъ и цѣловалъ ее, не смотря на сопротивленіе, съ матерью-жъ оставался только тогда, когда и Надежда тутъ же находилась. Все это видя, пріѣхавшій въ С.-Петербургъ двоюродный братъ мой Ѳедоръ Максимовичъ однажды вечеромъ, возвращаясь отъ нихъ со мною домой, на дорогѣ откровенно и съ сожалѣніемъ сказалъ мнѣ, что по его мнѣнію всѣ усилія мои совершенно напрасны, потому что Надежда меня не любитъ. Это замѣчаніе его поразило меня; но я, ободрясь и не имѣя возможности преодолѣть страсти своей, отвѣчалъ ему подобно древнему философу Аристиппу, что и рыбы меня не любятъ, но я ихъ кушаю съ удовольствіемъ; довольно того, что я ее люблю, ибо и Рогнеда не любила Владиміра, даже ненавидѣла его, но при всемъ томъ имѣла отъ него дѣтей. Такъ разговоръ сей и остался между нами безъ перемѣны моихъ исканій.

По служенію и жительству моему въ домѣ с.-петербургскаго военнаго губернатора узналъ я о кончинѣ императора Павла I и о восшествіи на Всероссійскій престолъ императора Александра I ночью съ 11-го на 12-е марта 1801 года. Поутру, какъ только начало свѣтать, побѣжалъ я въ домъ г. Чеблокова, чтобъ зятья его, а моего друга Ивана Ивановича Поворскаго-Жоравку разбудить; что сдѣлавши, пошелъ я къ г-жѣ Энгелгардтовой, нашелъ ихъ еще спящими, разбудилъ и сказалъ имъ вѣсть, которая поразила и привела ихъ въ слезы. Давши имъ нѣсколько успокоиться, промолвилъ я: „молитесь Богу и благодарите благодать Всевышняго за сію перемѣну“. Они пришли въ изумленіе, устремили на меня глаза свои не зная что въ отвѣтъ сказать мнѣ. Тутъ-то я имъ объяснилъ то, что доселѣ тщательно скрывалъ, т. е. что по ихъ просьбѣ уже давно имъ отказано, что теперь отерлся благой случай, которымъ стараться будемъ воспользоваться, что у меня бумаги готовы, остается ихъ только переписать на-бѣло и подать какъ можно скорѣе. Они начали молиться Богу и благословлять сей случай, а меня обнимать и ласкать, приговаривая старуха: „другъ нашъ ¹⁾ (а мнѣ хотѣлось услышать зять), не оставь, помоги намъ получить наше достояніе, а тебѣ за то самъ Богъ воздастъ“. Мнѣ нелзя было у нихъ остаться напиться вмѣстѣ кофе, по-

¹⁾ Симъ титуломъ она всегда и въ письмахъ своихъ меня величала.

тому что не такое время было. Побѣждалъ я назадъ къ своему мѣсту и занялся отправленіемъ моею должности.

Между тѣмъ всеподданнѣйшее г-жи Энгельгардтовой прошеніе набѣло переписано и она успѣла подать его такъ скоро, какъ только желать было можно. Поступило оно въ г. Трошинскому; тамъ былъ въ канцеляріи его добрый мой пріятель Николай Никитичъ Новицкій, чрезъ воего я и могъ освѣдомляться о ходѣ и положеніи сего дѣла. Совѣтовалъ я г-жѣ Энгельгардтовой обратиться къ графинѣ Безбородко, чтобъ она за нихъ попросила г. Трошинскаго. Графиня сіе сдѣлала и по уговору между ими послали меня въ г. Трошинскому лично объяснить ему существо этого дѣла, что я со всѣмъ усердіемъ и исполнилъ; по на собраніе всѣхъ справокъ требовалось не мало времени, въ продолженіе коего пріятель мой г. Дубровицкій сказалъ мнѣ, что за Надеждою волочится молодой смоленскій помѣщикъ князь Друцкій-Соколинскій, и что и она къ нему равнодушна. Я, чтобы испытать сіе, узнавши, что г-жа Энгельгардтова съ дочерьми ея отозваны къ г-жѣ Андреевской обѣдать, и полагая, что Надежда отговорится отъ того обѣда подъ видомъ своего нездоровья, дабы проводить удобное время съ возлюбленнымъ княземъ—г. Дубровицкій, какъ доносчикъ, вмѣстѣ со мною и Ѳедоромъ Покорскимъ-Жоравкою—послѣ обѣда пошли въ квартиру г-жи Энгельгардтовой ловить ихъ.

Пришедши въ переднюю, они пошли въ гостинную комнату, а я налѣво и кругомъ чрезъ дѣвичью въ спальню, дабы никого не выпустить; но кромѣ горничной дѣвки, гладившей бѣлье, я никого тамъ не нашель, и дѣвка сія, увидя меня, испугалась раздраженнаго моего взора и сердитаго вопроса: „быль князь?“ Она отвѣчала: „быль, приходилъ одинъ разъ въ барынѣ рекомендоваться“. Мы увидѣли свою ошибку и не зная, что дѣлать, пошли къ г. Дубровицкому и тамъ начали пировать. Возвратясь домой старуха и дочки ея узнали отъ людей своихъ, что мы безъ нихъ въ повояхъ ихъ дѣлали обыскъ самый неблагопристойный и для нихъ крайне обидный, а къ довершенію сего разстройства г. Дубровицкій на другой день зашелъ къ нимъ пьяный и разсказалъ причину онаго поиска, къ великому неудовольствію моему на него,—что все свалило старуху съ ногъ и она слегла въ постель. Я, услышавъ о семъ и свѣривъсь духомъ, поѣхалъ къ нимъ. Лишь только меня завидѣли, дочери спрятались и ушли поскорѣе со двора; а меня старуха приняла, лежа больная въ постели и со слезами упрекая меня въ поступкѣ дерзкомъ и непростительномъ. Я, какъ могъ, извинялся предъ нею, сваливъ всю вину на Дубровицкаго и просилъ у нея прощенія, которымъ она меня и не замедлила наградить, съ условіемъ однакожъ впредь ее такъ жестоко не обижать. Я на все согласился, сталъ къ ней по прежнему ѣздить почти каждый день и тѣмъ поднималъ ее на ноги. Но дочки меня избѣгали какъ моровой язвы и я не находилъ средствъ къ примиренію съ ними; ибо и знакомые паши, сколько ни старались о томъ, не успѣли помочь мнѣ.

Наконецъ удалось мнѣ упробить горничную дѣвку ¹⁾, которая убѣдила дочерей г-жи Энгельгардтовой со мною увидѣться и переговорить на набережной рѣки Фонтанки, когда они предъ вечеромъ пойдутъ прогуливаться. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего случая и, идучи отъ Калининскаго моста, встрѣтился съ ними съ такимъ съ обоихъ сторонъ замѣшательствомъ, котораго я изобразить здѣсь не въ силахъ.

Послѣ привѣтствія моего имъ они нѣсколько оправились и пошли всѣ вмѣстѣ; далѣе я пригласилъ Надежду идти со мною впередъ; она на это согласилась. Тутъ я тихо, чтобъ сзади идущіе ничего не слышали, началъ предъ нею оправдываться и просить извиненія въ моемъ поступкѣ, которому причину выставлялъ величайшую къ ней любовь мою. Она такъ искусно притворилась, что я подумалъ убѣдить ее далѣе и далѣе; но она, остановивъ меня, извинилась, что уже прошли часы тѣ, на которые отпущены и пора имъ возвратиться къ матери, и чтобъ я о семъ моемъ съ ними свиданіи, яко тайкомъ, матери ихъ не говорилъ. Онѣ-жъ будутъ предъ вечеромъ по мѣрѣ возможности выходить, дабы видѣться со мною, что однакожъ къ неудовольствію моему весьма рѣдко дѣлали, а я за то въ наругу имъ рѣдко у матери ихъ бывалъ. Однажды, встрѣтись съ ними, пошли вмѣстѣ—и Надежда необыкновенно ко мнѣ привѣтлива была. Я, довольно походя съ ними и наговорясь, уже на сумеркахъ довелъ ихъ до дому, въ которомъ ихъ квартира, и Надежда неожиданно начала упрасивать меня пойдти вмѣстѣ съ ними къ матери ихъ чай пить. Я заупрямился, не удовлетворилъ ея просьбы, сдѣлавъ отзывъ, что тайное ихъ со мною свиданіе, до сихъ поръ продолжавшееся, тому препятствуетъ. Вскорѣ послѣ сего состоялся именной высочайшій указъ, которымъ повелѣно: „Указъ въ Бозѣ почивающаго государя императора Павла I отложить на сторону и независимо отъ онаго самое дѣло разсмотрѣть въ общемъ со-

¹⁾ Черезъ сію-жъ дѣвку послѣдствіи узналъ я, что Надежда хотѣла выдти замужъ или за Василія Афанасьевича Лобысевича, или за Михаила Александровича Сваруну, тогда, когда оба они, какъ сами меня лично удостовѣрили, ни мало ею не занимались; слѣдовательно участь ея была гораздо тяжче моей, потому что и по крайней мѣрѣ не скрывалъ того, что въ душѣ моей чувствовалъ и въ восторгѣ словесемъ пѣлъ:

„Ты роза, на груди прекраснѣйшей сидя,
Увянешь, прелести тамъ лучшія видя.
О! сколь судьба твоя завидна и пріятна,
Что ты тамъ можешь цѣлый день препроводить,
Гдѣ я минуто лишь желалъ бы только быть“.

Напротивъ того, она въ одной благоприсойности и дѣвической стыдливости не могла сею свободою пользоваться; а съ другой стороны не имѣла и средствъ скрыть отъ горничной дѣвки своей всего того, что въ душѣ ея происходило, потому что тайна тяжка и между домашними скоро или не скоро, а все узнано будетъ. Непонятная вещь антипатія и симпатія: я къ Надеждѣ прилѣпляюсь, а она отъ меня убѣгаетъ; но не отъ одного меня, даже и за помѣщика Михаила Ивановича Галецкаго не соглашалась выдти замужъ. Къ кому же она сердечно расположена была, тѣ ею не занимались: несносная разность чувствъ человѣческихъ!

браніи Правительствующаго Сената въ существѣ его и рѣшить какъ по обстоятельствамъ его и по законамъ слѣдуетъ“. Получивъ отъ пріятели моего г. Новицаго съ сего указа копію и промочивъ его у меня добре, я въ тотъ же день полетѣлъ въ г-жѣ Энгельгардтовой и съ великою радостію объявилъ имъ чрезвычайную вѣсть сію.

Они, прочитавъ указъ, вмѣсто радости и благодарности за стараніе съ моей стороны, изъявили мнѣ неудовольствіе свое, что все нѣтъ дѣлу конца и что они должны скитаться по чужимъ домамъ, представляя иносказательно: какъ будто бы все могло лучше быть, ежели бы я того искренно желалъ и похлопоталъ. Это меня такъ оскорбило и огорчило, что я пересталъ къ нимъ ѣздить, а мать чрезъ графиню Безбородку начала отъ меня требовать возвращенія ей векселя ея, безъ уплаты по нему мнѣ денегъ, но я съ твердостью отказалъ имъ въ томъ. Видя, что они въ семь требованіи своемъ не успѣли и жалѣя, что напрасно и затѣвали оное, по прошествіи нѣкотораго времени начали опять приглашать меня къ себѣ; но я въ томъ начисто имъ отказалъ,—сказавъ, что когда они будутъ уѣзжать изъ С.-Петербурга, то чтобъ дали мнѣ о томъ знать и я явлюсь къ нимъ проститься съ ними. Чуть уже они и карету свою дорожную снарядили и подорожную взяли, а я все не иду къ нимъ. Вечеромъ прислали челоувѣка сказать мнѣ, что они завтра поутру рано уѣзжаютъ изъ С.-Петербурга. Чуть свѣтъ я явился къ нимъ и нашель, что они улаживаются. Замѣтивъ, что мать старается остаться со мною на-единѣ, чтобъ говорить со мною, я неотступно слѣдовалъ за Надеждою: куда она, туда и я, она на дворъ и я за нею, она въ комнату и я за нею, она въ кухню и я за нею, наконецъ докладываютъ, что лошади заложены, пора молиться Богу и садиться. Пошелъ я съ Надеждою къ матери и нашель ее плачущею и жалующеюся на недостатокъ денегъ. Я сколько имѣлъ при себѣ, столько ей и отдалъ—сто рублей, извинясь, что я не зналъ о семь ихъ недостаткѣ; но, она благодаря меня за сіе пособіе и увѣряя, что достаточно теперь будетъ у нея для дороги денегъ, пригласила всѣхъ сѣсть, потомъ вдругъ всѣ встали, помолились Богу и начали прощаться. Поцѣловавшись и стоя уже у дверей, мать начала просить меня:— „Василій Никифоровичъ, не оставляйте насъ несчастныхъ, какъ вы прежде хлопотали за насъ, такъ и теперь старайтесь о полезномъ дѣла нашего окончаніи“.—Я молчу и только кланяюсь; мать опять хотѣла начать упрашивать меня, но Надежда перебила ее и съ твердостью сказавъ, что она надѣется, что я ихъ не оставлю, пошли на дворъ, сѣли въ карету и поѣхали, а я на дрожжахъ вслѣдъ за ними до Московской заставы, у которой остановились, понесли на гауптвахту прописывать подорожную, а я, отворя дверцы у кареты, началъ цѣловать руки ихъ и плакать. Возвратили подорожную, мать и Надежда въ одинъ голосъ сказали:— „Пишите къ намъ“. Я отвѣчалъ:— „Пишите и вы ко мнѣ“. Съ сими словами заперъ каретныя дверцы, карета тронулась, а они въ окошко закричали:—

„Прощайте! Прощайте!“—Такимъ образомъ поутру 8 августа 1801 года я, разставшись съ ними, съ сокрушеннымъ сердцемъ пошелъ къ Ивану Ивановичу Покорскому-Жоравѣ, жившему у тестя своего г. Чеглокова. Въ сей день онъ, т. е. тесть, былъ имянинникъ, удержали меня у себя обѣдать; собралось много гостей, за столомъ тосты развеселили меня, а вечеромъ танцы и пляски прекрасныхъ дѣвицъ и совсѣмъ выжили изъ памяти моей неумолимую Надежду. Но, возвратясь домой и проспавшись, первая мысль и первое слово было:—гдѣ-то теперь милая Надя! Написанное къ брату Ѳедору Максимовичу объ отъѣздѣ ихъ письмо, началъ я горестною пѣснею:

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ ее;
Но я вздыхалъ напрасно,
Томила, крушилъ себя.

Въ теченіе около двухъ лѣтъ ни я къ нимъ, ни они ко мнѣ не писали; но когда дѣло пришло въ Сенатъ къ слушанію, то я самъ и чрезъ пріятелей моихъ, подалъ сенаторамъ записки, просилъ секретаря и оберъ-секретаря—и дѣло, по милости Божіей, рѣшено въ пользу г-жи Энгельгартовой, возвращено ей имѣніе, въ которомъ она начала жить по прежнему, но обо мнѣ забыла. Чрезъ пріятеля моего и ея Пантелеймона Ѳедоровича г. Чернацаго я напомнилъ ей по крайней мѣрѣ объ уплатѣ мнѣ по векселю денегъ; но она не только сихъ, даже и взятыхъ въ дорогу ста рублей не отдала, отзываясь, что еще не разжилась на деньги. Чрезъ два года противники ея собрались съ духомъ и начали вновь хлопотать по сему дѣлу, нашли великую протекцію, чрезъ которую испрошено высочайшее повелѣніе: „Статсъ-секретарю Новосильцеву рассмотреть сіе дѣло и доложить“.

Я, узнавъ о семъ, написалъ къ г-жѣ Энгельгартовой, предостерегая ея, чтобъ она не плошала и, ни мало не теряя времени, приняла-бъ свои мѣры; но они или подумали, что я ихъ пугаю, или можетъ быть понадѣялись на графиню Безбородову, или на кого другаго, не отвѣчали мнѣ; а я уже самъ собою не разсудилъ за благо хлопотать и издерживаться за чужія выгоды. По докладу г. Новосильцева состоялся именной высочайшій указъ, которымъ повелѣно: „Привести въ исполненіе именной высочайшій указъ императора Павла I, въ 1800 годѣ состоявшійся“, по которому вновь отъ г-жи Энгельгартовой имѣніе отобрали и отдали противникамъ ея Витковичамъ, чѣмъ это дѣло навсегда и окончено. За неблагодарность и непризнательность г-жи Энгельгартовой мнѣ, въ это время я могъ надѣлать ей много хлопотъ, начавъ взыскивать съ нея по векселю принадлежащія мнѣ деньги, но чтобы уклониться отъ зла и сотворить благо, я бросилъ сей вексель и къ ней по оному никогда уже болѣе не отзвался. Сама старуха наняла себѣ квартиру въ Погарѣ, а дочерей своихъ отпустила къ отцу ихъ, Смоленской губерніи, въ Духовской уѣздъ. Надежда, отъѣзжая туда и прощаясь съ сосѣдними помѣщиками, жа-

ловалась имъ на меня, что я, мстя за то, что она не согласилась выйти за меня замужъ, помочь противной сторонѣ лишить ихъ всего имѣнія, но таковыя жалобы ее на меня, какъ выше значить, весьма несправедливы и для самой еѣ предосудительны.

Живя у отца, Надежда вышла замужъ за отставнаго флотскаго капитана 2 ранга Баскакова, а сестра ея Анна Андреевна дѣвицею умерла. Мать просила позволенія тѣло дочери ея перевезти Орловской губерніи, въ Чонскій монастырь и погребсти возлѣ сына ея, но въ таковой просьбѣ ей отказано. Тогда-то она уже не удержалась, и написавши ко мнѣ, просила ходатайства моего, чтобъ ей позволено было тѣло дочери перевезти въ Чонскій монастырь; но я въ отвѣтъ послалъ ей печатный экземпляръ высочайшаго указа, которымъ строго запрещено отрывать погребенныя уже тѣла и перевозить ихъ въ другое мѣсто. Послѣ сего она опять писала ко мнѣ и просила подумать: не найду-ли я какого средства возвратить ей имѣніе. Я и на сіе отвѣчалъ ей, что было время, когда я могъ что нибудь въ пользу ихъ сдѣлать, но они сами пропустили его, не хотя даже входить со мною въ сношеніе. Теперь-же къ сему предпріятію поздно уже приступать; но въ знакъ добраго моего къ ней расположенія и доброжелательства взялъ на ее счастье изъ Головинской большой лоттереи билетъ и, заплативъ за оный собственныхъ денегъ 50 руб., послалъ къ ней. Одна-кожъ она, вездѣ несчастная, и симъ билетомъ ничего не выиграла. Впослѣдствіи времени г-жа Энгельгардтова, видясь съ Анною Ивановною г-жею Гамалѣвою, чистосердечно призналась, что лучшаго жениха для дочери ея Надежды не было, какъ я. Когда-же дочь ея Надежда Андреевна овдовѣла, то она чрезъ Тимоѣя Ивановича Корейшу предлагала мнѣ жениться на ней, но я уже отъ сей измятой розы отказался и заплатилъ имъ, можетъ быть, по всей справедливости тѣмъ, чѣмъ онѣ мнѣ прежде платили и себя раззорили.

Окончивъ сію оригинальную исторію, обращаюсь къ службѣ своей.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МОСКОВСКИЙ БУНТЪ 23 ЮНЯ 1648 ГОДА.

Разсказъ очевидца.

АНГЛИЙСКИЙ ученый У. Р. Морфиль, давно и съ успѣхомъ занимающийся Русскимъ языкомъ и Русской исторіей, найдя въ Бадлеанской Оксфордской библіотекѣ между рукописями, подаренными ей извѣстнымъ антикваріемъ XVII вѣка Асмолемъ, описаніе, сдѣланное очевидцемъ, Московскихъ смуть въ 1648 г., благосклонно доставилъ въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ копію съ этого документа, печатаемую здѣсь въ точномъ русскомъ переводѣ. Исполняя желаніе редакціи, предпосылаю этому замѣчательному разсказу нѣсколько объяснительныхъ словъ.

До сихъ поръ наши свѣдѣнія о Московскомъ бунтѣ 1648 г. почерпались изъ краткаго официального извѣстія такъ-называемыхъ „Дворцовыхъ Разрядовъ“ (III, столб. 93—94; и въ изданіи Миллера: „Повсѣдн. дворцовыя ведомос. царей и в. кн. Михаила Феодоровича и Алексѣя Михайловича записки“. II, 68); изъ столь же краткаго извѣстія „Лѣтописи о многихъ мятежахъ“ (2-е изд. М. 1788, стр. 357). Эти два основныя источника не во всемъ согласны между собою (по „Дворц. Разр.“ мятежъ былъ 25-го мая, по „Лѣтописи“ 2-го іюня; по „Дворцовымъ Разрядамъ“ государь приказалъ выдать Плещеева въ первый день; „Лѣтопись“, прямо говоря: „и того дня государь не далъ ни одного“, относитъ убіеніе Плещеева ко второму дню; сверхъ того „Лѣтопись“ прибавляетъ одну не лишнюю интереса черту: „восташа чернь на бояръ, къ нимъ же присташа и служилые люди“); третій разсказъ, которымъ иногда пользовались историки (Арцыбашевъ, кн. VI, пр. 574; Берхъ, II, пр. 37), принадлежитъ Маньѣву („Ядро. Росс. ист.“, М. 1791, изд. 3, стр. 406—408), путаетъ оба бунта при Алексѣѣ Михайловичѣ и относитъ возстаніе на Морозова къ Коломенскому. Самымъ важнымъ источникомъ служилъ до сихъ поръ разсказъ Олеарія (кн. III, гл. 16; въ переводѣ г. Барсова въ „Чт. Общ. Ист. и Др. Росс.“, 1868, IV). Олеарій, уѣхавшій изъ Москвы въ 1639 г., конечно не могъ быть очевидцемъ событій 1648 г. и слѣдовательно разсказъ его—источникъ второстепенный, ибо заимствованъ имъ и при томъ неизвѣстно отъ кого. Вотъ почему печатаемый здѣсь разсказъ получаетъ значеніе источника первой важности: сдѣланный очевидцемъ по горячимъ слѣдамъ, онъ былъ тотчасъ же отправленъ въ Амстердамъ, откуда вѣроятно и былъ добытъ Асмолемъ (р. 1617 г., † 1692). Разницы между разсказомъ Олеарія и разсказомъ настоящей рукописи обозначены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ къ переводу.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Правдивый историческій рассказъ о страшномъ бунтѣ, который 22-го іюня 1648 года произошелъ въ Москвѣ, главномъ городѣ Московіи, и который былъ вызванъ невыносимо тяжелыми податями и сборами, взскиваемыми съ народа. Событіе это описано однимъ знатнымъ лицомъ, бывшимъ очевидцемъ и сообщившимъ извѣстіе объ этомъ бунтѣ одному своему другу въ Амстердамѣ.

Въ 1648 году, 2-го іюня¹⁾, по старому стилю, въ пятницу, до полудня, его величество царь всей Россіи Алексѣй Михайловичъ, вмѣстѣ съ патриархомъ и въ сопровожденіи знатныхъ бояръ, или совѣта государства или страны, равно какъ и главныхъ членовъ духовенства, торжественно совершалъ ежегодную процессію. Случаежъ этимъ воспользовался народъ, чтобы подать его царскому величеству нѣкій прошенія, по поводу невыносимо громадныхъ податей и налоговъ, которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ обремененъ, вслѣдствіе чего народъ съ женами и дѣтьми впалъ въ раззореніе; кромѣ того въ этихъ челобитныхъ говорилось о большихъ притѣсненіяхъ, ежедневно производимыхъ боярами надъ народомъ, а также и то, что люди не въ силахъ долѣе выносить этого и что они, равно какъ и жены ихъ и дѣти, согласны скорѣе немедленно умереть, чѣмъ оставаться долѣе подъ гнетомъ столь чрезмѣрнаго притѣсненія. Бояре, окружавшіе его царское величество, приняли эти прошенія и не только разорвали ихъ на клочки, но еще бросили эти клочки въ лицо просителямъ, надъ которыми издѣвались и которыхъ холопы или рабы ихъ жестоко избивали, и весьма многихъ посадили въ заключеніе²⁾. Народъ былъ взбѣленъ противъ бояръ и по окончаніи процессіи толпою явился на царскій дворъ. Тутъ стрѣльцы или тѣлохранители, состоявшіе изъ тысячи человекъ, жалованье которымъ было убавлено въ такой степени, что они не имѣли возможности содержать себя этимъ, приняли сторону народа³⁾, и затѣмъ, послѣ обѣда, и народъ, и стрѣльцы ворвались въ домъ Бориса Ивановича Морозова, главнаго послѣ его царскаго величества правителя всей Россіи, который прошлою зимою женился на сестрѣ нынѣ здравствующей царицы. Домъ этотъ былъ ими въ козецъ ограбленъ: всѣ найденныя ими драгоценныя вещи были разбиты на куски топорами и дубинами; золотыя и серебряныя чаши и блюда

¹⁾ Дату надо кажется измѣнить, тѣмъ болѣе, что въ заголовкѣ поставлено 22-е; но 22-е было въ 1648 г. не въ пятницу, а въ четвергъ, а въ пятницу было 23-е; въ этотъ же день въ Москвѣ совершается крестный ходъ изъ Кремлевскаго собора въ Стрѣтенскій монастырь; вспомнимъ, что Олеарій прямо указываетъ на этотъ монастырь, хотя и ошибается въ числѣ: 6-е іюня по н. с. будетъ 24-е. Замѣтимъ, что и русскіе источники различно показываютъ день мятежа: въ „Дворц. Разр.“ 25-е мая, а въ „Лѣт. о мног. мятежахъ“ 2-е іюня. Кажется, что 23-е іюня будетъ наиболѣе вѣрнымъ числомъ въ виду указанія на крестный ходъ.

²⁾ Олеарій также сообщаетъ, что бояре оскорбляли народъ, но рисуетъ ихъ дѣйствія чертами болѣе мягкими.

³⁾ По Олеарію стрѣльцы сдерживали народъ; но вспомнимъ свидѣтельство „Лѣтописи о многихъ мятежахъ“: „къ нимъ же присташа служилые люди“ (стр. 357).

были обезображены; жемчугъ и другіе драгоценныя каменья были превращены въ порошокъ: они попирали ихъ ногами, бросали за окна и препятствовали всякой попыткѣ вынести что-либо, неистово крича при этомъ: „то кровь наша!“ Послѣ этого, раздѣливъ между собою остальную добычу, они приступили было къ разрушенію самаго дома Морозова. Тогда его царское величество прислалъ имъ сказать, что домъ этотъ принадлежитъ ему. Услыхавъ это, бунтовщики немедленно покинули его, умертвивъ трехъ самыхъ главныхъ служителей. Наиболѣе важный изъ этихъ трехъ былъ стряпчій (Sireerpe) или факторъ, который хотѣлъ было откупиться и предложилъ имъ, дабы они пощадили его жизнь, три тысячи рублей, что равняется суммѣ 15,000 гульденовъ; однакожь это не спасло ему жизни: всѣ громко закричали: „все должно быть нашимъ“¹⁾! Самъ же Морозовъ бѣжалъ въ одну изъ комнатъ его царскаго величества, гдѣ и укрылся. Изъ дома Морозова толпа бѣшено повалила къ дому Назара Ивановича Чистова, великаго канцлера (дьяка) государства и правителя всѣхъ иностранцевъ²⁾, котораго домъ они тоже совсѣмъ разграбили и гдѣ захватили невѣроятное количество золота и серебра, такъ какъ самъ канцлеръ былъ боленъ и находился въ это время въ банѣ, ибо за два дня до этого онъ упалъ съ лошади и паденіе это, какъ оказалось теперь, послужило ему какъ бы дружескимъ предостереженіемъ и предвѣстникомъ³⁾ настоящаго. Когда онъ изъ бани возвращался домой, бунтовщики, встрѣтивъ его, избили дубинами и топорами. Первый, ударившій его топоромъ по головѣ, закричалъ ему при этомъ: „измѣнникъ, это тебѣ за соль“,—ибо именно онъ наложилъ большую подать на соль. Затѣмъ, взявъ его за ноги, они полумертваго поволотели его внизъ по лѣстницѣ и, какъ собаку, протащили такимъ образомъ черезъ весь дворъ, послѣ чего, раздѣвъ его, бросили послѣ совсѣмъ обнаженнаго на навозную кучу, гдѣ окончательно и умертвили его.

Отсюда они громадною толпою проникли во дворъ Леонтія Степановича Плещеева, городского старосты (Маур) и градоначальника⁴⁾. Домъ котораго они равнымъ образомъ совершенно разграбили; самъ же Плещеевъ бѣжалъ къ его царскому величеству. Отсюда бунтовщики яростно бросились къ дому Петра Тихоновича Траханіотова,

¹⁾ Олеарій, не упоминая о заступничествѣ царя, упоминаетъ только одного изъ служителей; подробности о предложеніи выкупа также у него не встрѣчается. Олеарій прибавляетъ еще подробности о томъ, что мятежники пощадили жену Морозова.

²⁾ Онъ былъ думный дьякъ Посольскаго приказа („Дворц. Разр.“, III, стр. 92). Вотъ почему Олеарій жалуется на его притѣсненія.

³⁾ Слова а fore runner прибавлены на полѣ рукописи послѣ. По Олеарію онъ былъ не въ банѣ, а просто спрятался подъ ворохъ вѣшниковъ и его предалъ одинъ изъ слугъ. Убийство изображено здѣсь подробнѣе, чѣмъ у Олеарія.

⁴⁾ Плещеевъ былъ судья Земскаго приказа („Дворц. Разряды“, III, 93); „а въ немъ вѣдомы—говоритъ Котошихинъ (гл. VII, § 29), московскіе посадскіе люди, и города небольшіе“.

начальника всей артиллеріи ¹⁾, который домъ они тоже разграбили и раззорили; самъ же онъ, бѣжавъ изъ города, укрылся въ одномъ монастырѣ. Послѣ этого они съ яростью врываются въ дома многихъ другихъ бояръ, гдѣ ничего имъ не оставили. А между тѣмъ время приближалось къ ночи, съ наступленіемъ которой разбой нѣсколько поутихъ ²⁾. Но съ наступленіемъ слѣдующаго дня бунтовщики снова принялись за грабежъ и разграбили дома многихъ сановниковъ, а также и дома русскихъ купцовъ, имѣвшихъ какія-бы то ни было сношенія съ боярами,—числомъ около тридцати шести.

Сдѣлавъ это, они толпою бросились къ царскому дворцу, прійдя къ которому, начали вызывать бѣжавшаго Морозова, бѣжавшаго Плещеева, равно какъ и бѣглеца Траханиотова, а также и его царское величество, требуя выдачи имъ бѣглецовъ. Тогда царь немедленно выдалъ имъ Плещеева съ приказаніемъ отрубить ему голову. Но народъ былъ черезчуръ разъяренъ и, не желая ждать приведенія въ исполненіе этого приговора, потащилъ Плещеева на торговую площадь, гдѣ его жестоко избили до синяковъ и черныхъ пятенъ, послѣ чего топорами разрубили на части, словно рыбу. Части эти, ничѣмъ не прикрытыя, были оставлены разбросанными тамъ и сямъ по площади ³⁾.

Неудовлетворенный этимъ, народъ принялся послѣ этого громко требовать выдачи Морозова и Траханиотова, и былъ чрезвычайно назойливъ въ своемъ требованіи этихъ людей. Тогда царь самъ вышелъ къ народу и, видя, что ничто кромѣ выдачи этихъ людей не удовлетворитъ народа, убѣдительно просилъ его не лишать ихъ жизни въ продолженіе еще двухъ только дней, дабы этимъ дать и ему возможность лучше обсудить дѣло, послѣ чего онъ исполнить ихъ желаніе и удовлетворить ихъ требованію ⁴⁾. Такимъ образомъ бунтъ къ полудню былъ утишенъ, и народъ разбрелся по своимъ домамъ. Что же послѣдовало за этимъ? Вдругъ послѣ обѣда въ пяти различныхъ мѣстахъ города вспыхнулъ пожаръ страшный, который въ теченіе 13 или 14 часовъ половину Москвы обратилъ въ груду пепла. Во время этого пожара, какъ насчитываютъ нѣкоторые, сгорѣло 10,000 домовъ. Если же считать и тѣ дома, которые во многихъ и различныхъ дворахъ были огнемъ превращены въ развалины, то всего-на-все погибло пятнадцать тысячъ домовъ; въ иныхъ изъ этихъ домовъ сгорѣло де-

¹⁾ Онъ сидѣлъ къ Пушкинскому приказѣ (Берхъ: „Царств. Алексѣя Михайловича“, I, 50).

²⁾ По Олеарію, призваны были въ Кремль нѣмецкіе офицеры; затѣмъ вышелъ И. Н. Романовъ уговаривать бунтовщиковъ, и тогда же послѣ ихъ требованія выданъ былъ Плещеевъ, такъ какъ Траханиотовъ бѣжалъ, а Морозова государь выдавать не хотѣлъ. Выдача Плещеева въ первый день подтверждается и „Дворц. Разр.“.

³⁾ У Олеарія разсказъ объ убійствѣ Плещеева подробнѣе: убійцею выставляется какой-то монахъ, и дополняется извѣстіемъ, что царь послалъ кн. С. Пожарскаго преслѣдовать Траханиотова, который и былъ найденъ въ 12-ти миляхъ отъ Москвы и 8-го іюля (26-го іюня) приведенъ на Земскій дворъ.

⁴⁾ Этого извѣстія нѣтъ нигдѣ.

сять человекъ, въ другихъ двѣнадцать, а въ нѣкоторыхъ и болѣе; въ числѣ сгорѣвшихъ отцы, матери, дѣти, слуги. Число людей погибшихъ отъ огня простирается приблизительно до 1700. Пожаръ начался на большомъ базарѣ, въ царскомъ водочномъ заводѣ, гдѣ всѣ видѣли обнаженный трупъ убитаго Плещеева. Нѣкоторые¹⁾ изъ бѣжавшихъ топоромъ отсѣли Плещееву голову, которую смочили въ водѣ, дабы она ярче горѣла въ огнѣ, куда и бросили ее. Другіе же изъ присутствовавшихъ, привязавъ ноги Плещеева къ веревкѣ, поволокли члены убитаго въ огонь и сожгли до тла. Во время этого ужаснаго пожара, въ кварталъ, гдѣ жили мы, иноземцы, и русскіе, пришло нѣсколько поджигателей съ твердымъ намѣреніемъ зажечь и другія части города; однакожъ этому помѣшали мы, зорко сторожившіе. Нѣкоторые изъ этихъ поджигателей были умерщвлены, другіе посажены въ заключеніе. Эти послѣдніе были подвергнуты пыткѣ, при чемъ сознались, что были деньгами подкуплены на это дѣло Морозовымъ, который хотѣлъ отмстить своимъ противникамъ²⁾. Узнавъ объ этомъ, народъ еще пуще озлобился противъ Морозова и, придя къ царю, началъ требовать выдачи этого человека, пощадить жизнь котораго усердно просилъ бунтовщиковъ царь—отчасти потому, что отецъ его на смертномъ одрѣ съ великою похвалою говорилъ ему о немъ, а частью и потому, что Морозовъ съ дѣтства воспиталъ его и училъ. Вотъ почему царь далъ народу обѣщаніе—причемъ, по обычаю русскихъ при произнесеніи какой-либо клятвы, цѣловалъ золотой крестъ, который держалъ въ рукѣ патріархъ, и призвалъ въ поручительницы Матерь Божію—удалить Морозова и послать его для принятія постриженія въ который-либо изъ монастырей, а затѣмъ съ бритой головой сослать на крайній рубежъ государства. Другой же бояринъ Петръ Тихоновичъ Траханиотовъ, бѣжавшій въ одинъ изъ монастырей внѣ Москвы, по приказанію царя былъ выданъ народу и голова его была отрублена топоромъ. А между тѣмъ, такъ какъ царь, вслѣдствіе заступничества царицы, которая приходится сестрою женѣ Морозова, медлилъ привести въ исполненіе данное имъ народу обѣщаніе относительно Морозова, то народъ снова возсталъ и готовъ былъ успокоиться только въ такомъ случаѣ, если убѣдится, что царь намѣренъ сдержать свое обѣщаніе; народъ грозилъ силою вытащить Морозова

¹⁾ На этомъ мѣстѣ бумага сильно потерта; однакожъ пропуска, какъ кажется, нѣтъ.

²⁾ Разсказъ о пожарѣ иной, чѣмъ въ другихъ источникахъ: въ нашихъ называются сгорѣвшія части: „учинился пожаръ на Москвѣ, на Петровской улицѣ, и выгорѣло Москви: Петровка, и Дмитровка, и Никитская, и Арбатъ, и Чертолы, и посады около Москвы“. „Дв. Разр.“ „Бысть пожаръ великъ, загорѣся на Трубѣ дворъ, и началъ горѣти не въ одномъ мѣстѣ, и погори отъ Неглинныя до Чертольскихъ воротъ, все бысть аки поле“. У Олеарія указываются тѣ же мѣста пожара, описывается разграбленіе кабака и сообщаются подробности о томъ, какъ бросая трупъ Плещеева въ огонь; но числовыя данныя встрѣчаются только въ настоящемъ документѣ. Извѣстія о поджигателяхъ мы тоже нигдѣ не нашли.

изъ комнаты царя и говорилъ, что если царь не будетъ крѣпокъ въ своемъ словѣ, то и онъ отказывается исполнять свои обѣщанія. Все повидимому грозило вызвать большее кровопролитіе, чѣмъ какое когда-либо было ¹⁾, и вотъ почему царь рѣшилъ положить конецъ этому дѣлу, и въ понедѣльникъ, 12-го іюня, часа за два до разсвѣта, Морозовъ былъ отправленъ въ монастырь, называемый Кирилловскимъ, находящійся въ 14-ти миляхъ за Вологдою, на рѣкѣ Шекснѣ. Вологда же находится отъ Москвы на разстояніи ста миль. Морозовъ былъ посланъ туда въ сопровожденіи 150-ти дѣтей боярскихъ или придворныхъ дворянъ, 150-ти стрѣльцовъ или тѣлохранителей и 100 сотниковъ, изъ которыхъ каждый стоитъ во главѣ сотни.

Вотъ описаніе великаго бунта, очевидцами котораго намъ не безъ ужаса и не безъ страха за свою жизнь довелось быть здѣсь въ Москвѣ. Упаси насъ Боже отъ дальнѣйшихъ подобныхъ бунтовъ и опасности, но если что еще произойдетъ здѣсь, то я при случаѣ извѣщу васъ.

¹⁾ Подробности этого новаго требованія встрѣчаются только у нашего автора; по Олеарию царь приказалъ угощать стрѣльцовъ; Милославскій началъ собирать у себя и угощать посадскихъ людей; патриархъ же поручилъ духовенству увѣщать народъ. Затѣмъ царь приказалъ собрать народъ на „извѣстное мѣсто внѣ Кремля“ (т. е. около Лобнаго мѣста), гдѣ произнесъ рѣчь къ народу, обѣщая уничтоженіе монополіи и лучшее финансовое управленіе. Когда народъ началъ благодарить царя, онъ сталъ уговаривать болѣе не требовать головы Морозова, ругаясь за то, что впредь онъ не будетъ дѣлать зла и выкажетъ свою любовь къ нему. Умиленный народъ кричалъ: „Боже, сохрани е. п. в. въ добромъ здравіи на многія глѣта! какъ угодно Богу и е. п. в., такъ и будетъ“.

СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

РЕДАКЦІЯ „Историческаго Вѣстника“ обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ написать для первой книжки новаго журнала нѣсколько словъ о покойномъ историкѣ, котораго всѣ такъ единодушно цѣнили при жизни и значеніе котораго еще болѣе выяснилось съ его утратой. Я не считалъ себя въ правѣ отказаться отъ этого предложенія. Всесторонняя и полная оцѣнка такого ученаго, какъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, конечно принадлежитъ потомству; во всякомъ случаѣ она возможна будетъ только тогда, когда напечатается его біографія. Но и то, что чувствуется современниками подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ понесенной утраты и пережитой разлуки, имѣть право быть высказано: это долгъ почтенія и любви, который мы отдаемъ покойному, — вѣнокъ, который мы опускаемъ на его свѣжую могилу.

Каждому дню его забота, каждому вѣку его трудъ; нашему времени завѣщано собрать во-едино всѣ части Русской исторіи, найти ихъ смыслъ и примирить всѣ эпохи.

Соловьевъ.

Не среди русской только исторіографіи слѣдуетъ отыскивать мѣсто, принадлежащее Сергѣю Михайловичу Соловьеву по его заслугамъ въ наукѣ. Мѣриломъ его ученой дѣятельности должно быть сопоставленіе его съ современными историками другихъ европейскихъ націй. Самое различіе, которое отероется при такомъ сопоставленіи, покажетъ намъ, чѣмъ онъ былъ для Русской исторіи, чѣмъ ему обязанъ Русскій народъ. Поставимъ прямо вопросъ, можетъ ли какойнибудь другой изъ европейскихъ народовъ гордиться въ наше время національнымъ историкомъ? Возьмемъ наприм. родину Шлецера и Нибура, колыбель исторической науки: нѣмецкіе ученые внесли свѣтъ въ исторію почти

всѣхъ другихъ народовъ, основательно разработали свою собственную исторію, но ни одного изъ нихъ не можетъ привѣтствовать Нѣмецкій народъ своимъ національнымъ историкомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ Германіи доживаетъ теперь свой славный вѣкъ патріархъ нѣмецкой историографіи, 84-лѣтній Леоп. Ф. Ранке; уже болѣе сорока лѣтъ тому назадъ молодой Грановскій, слушавшій тогда его лекціи, писалъ о немъ съ восторгомъ, что „это безспорно самый гениальный изъ новыхъ нѣмецкихъ историковъ“; и не смотря на то, что съ тѣхъ поръ выросло и успѣло состариться цѣлое поколѣніе знаменитыхъ историковъ, этотъ отзывъ о Ранке и теперь еще можетъ быть признанъ справедливымъ. Ученая дѣятельность Ранке изумительна. Въ настоящее время полное собраніе сочиненій его достигло 45 томовъ. Это великая школа, въ которой почти всѣ европейскіе народы отъ испанцевъ до сербовъ могутъ научиться своему прошедшему; Нѣмецкій же народъ найдетъ здѣсь изображеніе самой великой эпохи своей жизни, реформаціоннаго вѣка, но не найдетъ своей національной исторіи. Въ плодотворной дѣятельности Ранке выказывается универсальный и отвлеченно-научный характеръ нѣмецкой историографіи, въ которой отразился общій строй политической и духовной жизни Германіи, приведшій ее только въ наши дни къ національному единству.

Совершенно иной ходъ развитія представляетъ исторія Франціи. Здѣсь условія были гораздо благопріятнѣе для возникновенія цѣльной національной исторіи. Судьба Французскаго народа представляетъ болѣе строгое единство, болѣе органическое развитіе, лучшую такъ сказать архитектурность, и потому во Франціи чаще чѣмъ гдѣ-либо появлялись писатели, которымъ удавалось изобразить въ полномъ и связномъ разсказѣ исторію своего народа. Однако недавно еще самый талантливый изъ историковъ Франціи жаловался на то, что его народъ не имѣетъ національной исторіи ¹⁾, что у него были анналы, но не было исторіи. Говоря о „славной плеядѣ“ предшествовавшихъ ему историковъ, — Гизо, Мишле, Тьеръ, Ог. Тьеръ, — онъ указываетъ на то, что каждый изъ нихъ разсматриваетъ исторію съ какой нибудь специальной точки зрѣнія. „Одинъ занятъ вопросомъ о расѣ, другой — исторіей учреждений и пр., не замѣчая, что такой пріемъ всегда нѣсколько искусственъ, даетъ невѣрный профиль, вводитъ въ заблужденіе на счетъ цѣлаго, упуская существенное, общую гармонию“. Самъ Мишле былъ какъ будто призванъ восполнить этотъ пробѣлъ. Онъ поставилъ себѣ высокую цѣль, широко понявъ свою задачу. Онъ хотѣлъ постигнуть, охватить исторію своего народа „въ живомъ единствѣ ея составныхъ элементовъ“. Онъ говорилъ, что ему первому Франція представляется какъ живое лицо, одаренное душой (soupe une âme et une personne). Судьба благопріятствовала моло-

¹⁾ Мишле, въ предисловіи къ его „Исторіи Франціи“, изд. 1869 г.

дому историку, рано принявшемуся за то, что онъ сдѣлалъ задачей своей жизни. Онъ дожилъ до 73 лѣтъ и до послѣдняго дня владѣлъ своимъ талантомъ. Онъ оставилъ послѣ себя длинный рядъ томовъ, въ которыхъ онъ касается всѣхъ эпохъ Французской исторіи почти до нашихъ дней. Но въ этомъ замѣчательномъ трудѣ нѣтъ изображенія „великаго поступательнаго внутренняго движенія, развитія души народной“, котораго не находилъ онъ у другихъ историковъ. Крутой переворотъ, совершившійся въ исторіи Франціи въ концѣ прошлаго вѣка, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ какъ для многихъ другихъ, такъ и для Мишле, внутренній переломъ, внесъ раздвоеніе, противорѣчіе въ его возрѣвіи на исторію Франціи. Историкъ утратилъ пониманіе единства, цѣльности жизненнаго процесса, представляемаго исторіей. вмѣсто жизни онъ видѣлъ въ прошедшемъ только смерть, вмѣсто прогресса—только отрицаніе его. Онъ не только выкинулъ изъ исторіи Франціи предшествовавшіе революціи вѣка монархическаго правленія, какъ „эпоху мертвецовъ“, но и жизненное начало древнихъ вѣбовъ померело въ его глазахъ. Онъ повѣрилъ „смерти католицизма“, и церковь сдѣлалась для историка „чуждымъ міромъ, предметомъ простой любознательности, подобно луиѣ“. Когда послѣ занятій по эпохѣ революціи онъ возвратился къ Среднимъ Вѣкамъ, эта эпоха представилась ему „горделивымъ моремъ нелѣпостей“—и историкомъ, искавшимъ національной души, овладѣлъ „судорожный смѣхъ“. И потому, не смотря на свой блестящій талантъ, не смотря на свое пламенное сочувствіе національному духу, не смотря на громадныя средства, какія ему представляла французская наука,—Мишле не достигъ своей цѣли, онъ не былъ въ состояніи создать настоящую національную исторію Франціи.

. То, чего не дали своему народу первоклассные историки другихъ странъ—національную исторію, которая соединяла бы научную обработку исторіи съ творческимъ воспроизведеніемъ ея — то далъ русскимъ Сергій Михайловичъ Соловьевъ. Въ этомъ заключается великая заслуга, оказанная имъ Русскому обществу и европейской наукѣ. Но важность этой заслуги, значеніе „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ въ исторіи русской науки и русской культуры представляется намъ въ полномъ свѣтѣ, когда мы дадимъ себѣ отчетъ, въ какомъ именно смыслѣ громадный трудъ покойнаго историка заслуживаетъ названія національной исторіи, на какихъ основаніяхъ мы должны признать за нимъ право на это названіе? Ради большей наглядности мы здѣсь же укажемъ тѣ основанія, которыя мы предполагаемъ подробнѣе развить въ нашемъ очеркѣ: „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ должна быть признана національной исторіей; потому что въ ней впервые историческій матеріалъ, необходимый для такого труда, собранъ и изслѣдованъ въ надлежащей полнотѣ; эта исторія написана въ національномъ духѣ, т. е. въ ней вѣрно схвачены существенныя черты и форма историческаго развитія націи; эта

національная исторія написана въ строго-научномъ направленіи; она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ и приѣмамъ современнаго историческаго знанія и имѣетъ право на почетное мѣсто въ европейской наукѣ; наконецъ эта національная исторія, написанная при полномъ освѣщеніи современнаго европейскаго образованія, въ свою очередь стала проводникомъ его въ Русскомъ обществѣ; она проникнута гуманнымъ, общечеловѣческимъ началомъ и потому имѣетъ важное культурное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія, представляетъ собою національное произведеніе въ истинномъ, высокомъ смыслѣ этого слова.

„Когда увидимъ мы полную Русскую исторію?“ нетерпѣливо спросилъ великій Преобразователь Россіи у Теофана Прокоповича. Когда сто лѣтъ спустя смерть Карамзина прервала „Исторію Государства Россійскаго“ на 1611 году, русскіе люди повторяли, сожалея объ утратѣ историка, вопреку Петра Великаго: „когда увидимъ мы полную Русскую исторію?“—Этотъ вопросъ наконецъ нашелъ себѣ отвѣтъ въ трудѣ С. М. Соловьева, въ непрерывномъ, долготѣннемъ трудѣ его жизни. Онъ довелъ свой разсказъ о судьбахъ Русскаго народа до 1774 г.; отдѣльныя монографіи его бросаютъ свѣтъ на дѣла послѣднихъ годовъ XVIII вѣка и на царствованіе Александра I. Но подлѣ полнотой Русской исторіи слѣдуетъ разумѣть не одинъ только хронологическій объемъ разсказа. Исторія С. М. Соловьева представляетъ намъ полную Русскую исторію еще и въ другомъ смыслѣ; она заключаетъ въ себѣ замѣчательно полное собраніе, обследованіе и воспроизведеніе историческаго матеріала. Авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ долженъ былъ въ одно время организовать, строить, создавать исторію на новыхъ началахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изучать, открывать для этой исторіи непочатая богатства, хранившіяся въ архивахъ. Онъ не считалъ себя въ правѣ приступить безъ этой полноты матеріала къ созданію полной исторіи своего народа. Нужно было много самообладанія, много любви къ научному труду, много нравственной энергіи и сознанія своихъ силъ, чтобы, не увлекаясь желаніемъ быстро успѣха и не опасаясь утомленія въ преодоленіи громадной работы, идти мѣрнымъ шагомъ впередъ къ отдаленной цѣли, которая могла быть достигнута только какъ поздній плодъ долгой трудовой жизни. С. М. Соловьевъ сумѣлъ побороть въ себѣ то естественное въ историкѣ и всегда преобладающее въ публикѣ „стремленіе къ новымъ временамъ“, на которое указывалъ еще Ливій. Но у историка Россіи не было того мотива, который заставлялъ римскаго историка уходить въ глубь временъ, — желанія избавиться отъ созерцанія современныхъ золъ; имъ руководило ясное сознаніе, что только тщательнымъ изученіемъ древнѣйшихъ судебъ Русскаго народа, только документальнымъ изложеніемъ его исторіи могло быть положено прочное основаніе исторической наукѣ въ Россіи; что только этимъ путемъ Русская исторія могла быть избавлена отъ незрѣлыхъ мечтаній и фантазій дилетантовъ.

Мы мало знаем историковъ, которые до такой степени соединяли бы въ себѣ два различныхъ интереса, представляемыхъ исторіей—стремленіе къ изслѣдованію, къ обогащенію историческаго матеріала съ потребностью возстановить полный и цѣльный образъ прошедшаго, т. е. чисто научный интересъ—съ творческимъ. Постоянная, непрерывная работа надъ матеріаломъ не могла не отразиться и на трудѣ историка. Научное отношеніе къ матеріалу имѣло своимъ послѣдствіемъ документальность самаго изложенія. Это документальное изложеніе задерживало историка, утомляло читателей. Но не слѣдуетъ быть несправедливымъ къ этой существенной сторонѣ произведеній С. М. Соловьева. Она не мѣшала проявляться творческой дѣятельности историка, и среди страницъ, передающихъ намъ понятія, языкъ прошедшихъ эпохъ, мы нерѣдко встрѣчаемъ художественныя страницы, достойныя великихъ мастеровъ. Кромѣ того, значеніемъ, которое отведено источникамъ, обусловливается свѣжесть, реальность изложенія Соловьева, точность его языка. Но главный смыслъ этой документальности изложенія мы видимъ въ томъ, что только такимъ способомъ русская историографія могла быть поставлена на новый путь. Уже Карамзинъ сознавалъ новое призваніе современной историографіи. „Мы не можемъ, сказалъ онъ, нынѣ витійствовать въ исторіи; здравый вкусъ установилъ неизмѣнныя правила и навсегда отлучилъ дѣписаніе отъ поэмы, отъ цвѣтниковъ краснорѣчія“ и пр. Но въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Карамзинъ лучше предчувствовалъ, чѣмъ осуществлялъ истинныя потребности исторической науки. И вкусъ литератора, и воспитаніе, полученное имъ въ эпоху, отличавшуюся совершенно инымъ духомъ, и потребности времени, когда онъ писалъ исторію государства Россійскаго,—все это мѣшало ему слѣдовать чисто научному направленію. Карамзинъ отвернулся отъ риторическаго направленія своихъ предшественниковъ, но онъ не былъ въ силахъ отлучить отъ дѣписанія приемы и вкусы поэта. Его преемникъ имѣлъ полное право назвать въ похвальномъ словѣ Карамзину „Исторію Государства Россійскаго“ величественной поэмой, воспѣвающей государство“¹⁾. Вкусъ и потребности литературы заставляли Карамзина въ дѣятеляхъ Русской исторіи прежде всего искать „славныхъ характеровъ для исторической живописи“²⁾. Поэтическое настроеніе заставляло Карамзина относиться холодно къ прозѣ исторіи. Въ тѣхъ эпохахъ Русской исторіи, гдѣ не было матеріала для поэта, Карамзинъ „искалъ оазисовъ среди пустыни“, отыскивалъ ихъ иногда очень далеко; такимъ оазисомъ напримѣръ является у него Тамерланъ, имѣвшій мало отношенія къ исторіи Москвы. „Талантъ Карамзина требовалъ возбужденія отъ источниковъ“³⁾. Соб-

¹⁾ Рѣчи, произнесенныя въ Московскомъ университетѣ въ день Карамзинскаго юбилея, 1867 г., стр. 7.

²⁾ Сказано по поводу Іоанна Грознаго въ письмѣ Карамзина къ Тургеневу.

³⁾ С. М. Соловьевъ: Карамзинъ и его литературная дѣятельность. „Отеч. Зап.“ 1853—56 гг. Ст. VI, III, стр. 411.

ственное значеніе источника уходило такимъ образомъ на второй планъ. Нужно было послѣ Карамзина поставить источникъ на первый планъ, возстановить прежде всего его права при воспроизведеніи прошедшаго; нужно было познакомить читателей съ источниками, приучить ихъ къ трезвой правдѣ, къ простотѣ старины. Вотъ въ чемъ заключается, кромѣ научной стороны дѣла, воспитательное значеніе документальнаго изложенія. Прочтите напримѣръ у Карамзина блестящее описаніе взятія Казани,—это описаніе, такъ ласкающее, какъ сказалъ Соловьевъ, нашъ русскій слухъ, и сравните съ нимъ противопоставленный ему у Соловьева рассказъ источника, который такъ тяжелъ и сухъ, потому-что „наука имѣетъ свои требованія“,—и необходимость документальнаго изложенія въ дальнѣйшемъ развитіи русской исторіографіи будетъ ясна сама собой.

Но національный характеръ историческаго произведенія обуславливается не одной только полнотой его содержанія и обиліемъ заключающагося въ немъ матеріала, а главнымъ образомъ тѣмъ духомъ, которымъ оно пронизано, разумнѣемъ предмета и той цѣлю, которую ставить себѣ историкъ. Въ этомъ именно смыслѣ трудъ Соловьева есть вполнѣ національная исторія. Въ исторіи, какъ правильно опредѣлилъ Соловьевъ, „выражается народное самосознаніе“. Этому высоко-понятому національному интересу, выясненію народнаго самосознанія, служилъ Соловьевъ. Въ этомъ смыслѣ онъ понималъ свою задачу, и онъ обладалъ всѣми свойствами, чтобы ее осуществить.

Мы выше упомянули о Ливіи и считаемъ себя въ правѣ остановиться на этомъ сопоставленіи. При всемъ различіи между историками, при всемъ различіи эпохъ, культуръ и народовъ, къ которымъ они принадлежали, ихъ произведенія представляютъ одну общую сторону, поучительную для нашей цѣли. Эпоха Ливіи требовала отъ историка гораздо менѣе ученой работы, чѣмъ нашъ вѣкъ, и въ то же время требовала болѣе риторичности, искусственности, чѣмъ мы считаемъ совмѣстнымъ съ исторической правдой. Но не смотря на эти недостатки, на эти чуждыя намъ стороны, въ твореніи римскаго историка есть какая-то внутренняя правда, которая привлекаетъ насъ и заставляетъ довѣрять ему вопреки наивнымъ приемамъ его исторической критики и вымышленнымъ рѣчамъ его героевъ. Всякій чувствуетъ, что есть извѣстная гармонія между характеромъ Римскаго народа и книгой, въ которой рассказаны его судьбы, что историкъ инстинктивно постигъ духъ, создавшій исторію, имъ излагаемую. Ливій жилъ въ эпоху, когда пали древне-римскія учрежденія, когда исчезали политическіе идеалы, создавшіе величіе Рима, когда разлагались вѣрованія, составлявшія нравственную силу древнихъ римлянъ. Но сожалѣніе объ утраченномъ изощрило чутье римскаго историка и, желая воскресить римскую старину, онъ поступилъ совершенно правильно, вложивъ въ свой рассказъ тотъ духъ, который нѣбогда составлялъ жизненное начало предковъ—любовь къ республикѣ, подчи-

неніе закону и почтеніе къ богамъ. У римлянъ и до Ливія были свои историки, которымъ онъ обязанъ всѣмъ, что у него читаемъ; но не даромъ онъ одинъ остался національнымъ историкомъ Рима; онъ угадалъ народный духъ римлянъ и, одушевленный имъ, объяснилъ ихъ исторію. Римская исторія Ливія показываетъ намъ, какъ существенно для историка извѣстнаго народа носить въ самомъ себѣ отпечатокъ народнаго духа. Если исторія выражаетъ собою народное самосознаніе, то историкъ, чрезъ посредство котораго совершается это самосознаніе, долженъ сочувственно относиться къ существеннымъ чертамъ и сторонамъ въ историческомъ развитіи своего народа. Именно эти условия для національнаго историка соединились въ высшей степени въ С. М. Соловьевѣ. Глубоко въ его натурѣ коренились три великіе инстинкта Русскаго народа, безъ которыхъ этотъ народъ не имѣлъ-бы исторію — его политическій, религіозный и его культурный инстинкты, выразившіеся въ его преданности государству, въ его привязанности къ церкви и въ его потребности просвѣщенія.

Государство вездѣ имѣетъ великое значеніе въ народной жизни, но нигдѣ оно не играло такой преобладающей роли, какъ въ жизни Русскаго народа. Недаромъ самое пробужденіе національнаго сознанія выражается у русскихъ въ преданіи о призваніи князя, объ основаніи государства. Чрезъ государство Русскій народъ достигъ самобытности: государство было для него залогомъ всего дальнѣйшаго историческаго развитія; оно заставило преодолѣть суровую природу той области, которая сдѣлалась школой для созрѣвавшаго народа; оно побѣдило азіатскихъ кочевниковъ и сдѣлалось притягательной силой, превратившей татарскихъ князей въ покорныхъ слугъ русской власти; чрезъ государство наконецъ Русскій народъ сдѣлался европейскимъ. Политическій смыслъ, который побуждалъ Русскій народъ всегда стоять за государство, не смотря на его суровыя формы, и покорно нести тяжелое тягло, — былъ въ сильной степени прирожденъ Соловьеву; этотъ политическій смыслъ послужилъ ему вѣрнымъ руководителемъ на поприщѣ Русской исторіи. Когда складывался его умъ, когда онъ началъ писать свою исторію, онъ особенно въ немъ нуждался. Государство тогда само подвигало вѣру въ себя среди лучшихъ русскихъ людей. Оно забыло о своемъ культурномъ призваніи, его формы быстро омертвѣли подъ исключительнымъ вліяніемъ охранительнаго начала, и обществомъ овладѣло скептическое отношеніе ко всему официальному. Что среди такого отрицательнаго направленія молодой ученый сохранилъ пониманіе историческаго значенія государства, — есть ясный признакъ прирожденнаго ему призванія быть историкомъ, интересъ котораго идетъ дальше временнаго настроенія и потребности. Но не одною отвлеченною способностью ума слѣдуетъ объяснить это пониманіе государства; въ основаніи его лежитъ и нравственное начало: чувство долга, уваженіе къ возложеннымъ жизнью или добровольно принятымъ на себя обязанностямъ — свой-

ства, которыми въ рѣдкой степени былъ одаренъ покойный историкъ. Вся его жизнь, какъ частная, такъ и официальная, была проникнута сильно развитымъ чувствомъ порядка, внутреннего подчиненія отдѣльнаго лица цѣлому, сознаниемъ того „космоса“, которымъ держится нравственный мѣръ и высшимъ выраженіемъ котораго въ человѣческомъ обществѣ является государство.

Это нравственное начало въ С. М. Соловьевѣ безъ сомнѣнія находило себѣ сильную поддержку въ его религіозности. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ самобытностью, съ крѣпкой цѣлностью въ его характерѣ. Въ эпоху, когда многія религіозныя натуры, не перенесши дисгармоніи между абсолютной идеей и временными, конкретными представленіями о ней, ищутъ убѣжища внѣ всякихъ опредѣленій и формъ, С. М. Соловьевъ твердо стоитъ не только на почвѣ христіанства, но и въ предѣлахъ церковнаго ученія. Для него вѣра исключала понятіе о самостоятельности человѣка и включала необходимость откровенія. „Вѣровать можетъ человѣкъ только въ абсолютно-истинное“, а только то, что дано откровеніемъ, есть истина абсолютная, т. е. „вѣчная и неизмѣнная“¹⁾. С. М. Соловьевъ принадлежалъ по своему признанію къ „страстнымъ приверженцамъ прогресса“, но въ области религіи онъ его отрицалъ. Вѣра по его опредѣленію „обусловливается отрицаніемъ прогресса относительно вѣры“. Прогрессъ и религія (христіанская) для него были понятіями противоположными; одно означаетъ движеніе, измѣненіе, другое предполагаетъ неизмѣнность. „Если вы скажете человѣку, что то, во что онъ вѣруетъ, теперь упразднится, что будетъ религія высшая,—то кто будетъ вѣрить, кто согласится признавать извѣстное ученіе истиннымъ, будучи убѣжденъ, что спустя нѣкоторое время это ученіе будетъ опровергнуто, какъ ложное и замѣнится другимъ“. Въ приложеніи идеи прогресса къ явленіямъ религіозной жизни онъ усматривалъ „незаконное смѣшеніе области религіозной съ другими сферами человѣческой дѣятельности“. Съ религіозной точки зрѣнія самый прогрессъ представляется ему условіемъ жизни здѣшней, а потому не вѣчнымъ. Изъ различныхъ философскихъ взглядовъ онъ предпочиталъ тотъ, который наиболѣе гармонировалъ съ его религіознымъ настроеніемъ, взглядъ, уподоблявшій народы и человѣчество индивидуальнымъ организмамъ и потому усматривавшій въ жизни народовъ и человѣчества ту же смѣну возрастовъ и ту-же конечную судьбу, какимъ подчинено все органическое. Прогрессъ есть явленіе земное и „человѣчество должно одряхлѣть и умереть“. Но религія, какъ ее понималъ нашъ историкъ, не противорѣчитъ прогрессу; напротивъ, при религіозномъ взглядѣ на исторію человѣчества самый прогрессъ обусловливается религіознымъ началомъ: христіанство требуетъ отъ человѣка безко-

¹⁾ Статья „Прогрессъ и религія“, въ „Журналѣ Министер. Народнаго Просв.“. 1868 г., сентябрь.

«Ист. вѣстн.», годъ I. томъ I.

нечнаго совершенствованія. Это стремленіе къ совершенству, которое не можетъ быть достигнуто, есть причина прогресса. Прогрессъ такимъ образомъ происходитъ отъ невозможности приблизиться къ идеалу; онъ есть „произведеніе слабости человѣческихъ средствъ и высоты религіозныхъ требованій, поставленныхъ христіанствомъ; христіанство поднимаетъ человѣка на высоту, и это-то стремленіе человѣчества къ идеалу, выставленному христіанствомъ, есть прогрессъ въ мірѣ нравственномъ и общественномъ“.

Дѣло біографа выяснить, какое значеніе имѣло религіозное начало во внутренней жизни покойнаго. Ему конечно онъ былъ обязанъ тѣмъ миромъ и спокойствіемъ, которыми дышалъ весь его образъ; ему же онъ былъ обязанъ тѣми минутами „праздничнаго настроенія“, въ которыхъ онъ черпалъ новыя силы для своего неимовернаго труда. Онъ высоко цѣнилъ обрядъ, но для него обрядъ былъ выраженіемъ живаго начала. Мы касаемся здѣсь этого начала только по его отношенію къ дѣлу историка. А это отношеніе было самое близкое. Если государственными стремъ обусловливались самобытность и крѣпость Русскаго народа, то въ не меньшей степени имѣла на это вліяніе и церковь. Религіозное одушевленіе было самымъ сильнымъ нравственнымъ началомъ въ древней Россіи. Религіозное единеніе, „которое въ свое время было гораздо обширнѣе государственнаго, подготовляло и скрѣпляло политическое объединеніе русскихъ людей“. Въ тяжелую минуту, когда смута ослабила государство, „возбужденіе религіознаго интереса дало знамя, средоточіе для жителей Московскаго государства, дало имъ возможность высвободиться изъ прежней разрозненности для общаго дѣла, указало имъ единство не народное, не государственное, но религіозное—общую купель, въ которой они крестились въ православную вѣру“¹⁾. Религіозный интересъ, строгая церковность, служили такимъ образомъ гармонической связью между внутреннимъ настроеніемъ историка и господствовавшимъ въ исторіи Россіи нравственнымъ началомъ.

Но указанныхъ свойствъ было бы недостаточно, чтобы сдѣлать С. М. Соловьева національнымъ историкомъ въ полномъ значеніи этого слова. Исторія Русскаго народа не исчерпывается исторіей государства и церковнаго вліянія. Рядомъ съ ними нужно отмѣтить слабое въ началѣ, но все болѣе развивающееся стремленіе къ просвѣщенію, къ обще-человѣческому образованію. Кто не отнесется правильно къ этому стремленію, кто не отведетъ ему подобающаго мѣста въ исторіи, тотъ не можетъ написать вѣрной исторіи Русскаго народа. Въ С. М. Соловевѣ это стремленіе нашло себѣ конечно полный и искренній отголосокъ; онъ былъ человѣкъ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ европейскаго образованія. Научный интересъ и гуманное образованіе умѣряли и просвѣтляли его стремленія. Мы говорили

¹⁾ Ист. Россіи, XIII, стр. 51.

о его государственности, т. е. о прирожденномъ ему политическомъ смыслѣ; мы должны будемъ въ своемъ мѣстѣ указать на его научный и гуманный взглядъ на государство, который онъ внесъ въ свою исторію. Но прежде чѣмъ рассмотреть научную и культурную стороны его историческаго труда, мы необходимо должны указать на ту среду, подъ влияніемъ которой въ немъ развились эти стремленія.

Въ тѣ дни, когда нашъ молодой историкъ готовился къ своему призванію, вниманіе Русскаго общества занималъ вопросъ объ отношеніяхъ Русскаго народа къ другимъ европейцамъ, національнаго духа къ общечеловѣческому просвѣщенію, и различные взгляды на этотъ предметъ выразились въ литературныхъ направленіяхъ и партіяхъ. Приверженцы европейскаго, общечеловѣческаго, были названы западниками; названіе одностороннее, неправильное, потому что указывало на внѣшній признакъ явленія, упуская изъ вида его сущность; названіе несправедливое, потому что заключало въ себѣ укоръ, а укоръ могъ только относиться къ увлеченію, къ злоупотребленію новымъ принципомъ, котораго вовсе не вытекали изъ самаго принципа въ самомъ себѣ вѣрнаго. Западники 30—50 годовъ имѣли право на совершенно иное названіе. Это были русскіе гуманисты. Нѣтъ основанія приурочивать этотъ терминъ исключительно къ эпохѣ ренессанса, къ людямъ, проводившимъ тогда въ европейскомъ обществѣ греко-римскую образованность. Ихъ дѣятельность положила собственно только начало европейскому гуманизму. Идеалы гуманизма развивались и расширялись подъ влияніемъ европейской науки и европейской мысли. Самое пониманіе классическаго міра и его цивилизаціи сдѣлалось со временемъ вѣрнѣе и глубже. Итальянскіе гуманисты XV и XVI вѣковъ искали свои идеалы преимущественно въ Римѣ и здѣсь отчасти въ эпохѣ перерожденія и паденія античной цивилизаціи. Высшій цвѣтъ этой цивилизаціи былъ раскрытъ только въ XVIII вѣкѣ, когда основаніе новой эпохи гуманизма было положено Винкельманомъ. На этомъ гуманизмѣ воспитались классическіе поэты Германіи: Лессингъ, Гердеръ, Шиллеръ и Гете, которые внесли гуманистическій элементъ въ нѣмецкую литературу и этимъ подняли культуру нѣмецкую, дали ей міровое значеніе. Здѣсь гуманизмъ получилъ иной, болѣе широкій смыслъ, что выразилось уже въ самомъ измѣненіи значенія слова гуманный; классическій гуманизмъ сдѣлался лишь однимъ изъ составныхъ элементовъ европейскаго гуманизма, т. е. гуманнаго, общечеловѣческаго начала. Въ этотъ европейскій гуманизмъ стали тогда входить двѣ новыя живительныя струи — идеалистическая философія, которая внесла въ духовный міръ челоѣка пониманіе исторіи, идею законности, мирности, органическаго развитія, идею прогресса и политической либерализмъ, которому положилъ прочное основаніе переворотъ 1789 года. Этотъ обогащенный, обогороженный новыми идеями XIX вѣка гуманизмъ — продуктъ европейской общечеловѣческой цивилизаціи, — вотъ что пытались провести въ наше

общество русскіе гуманисты, такъ называемые западники сороковыхъ годовъ! Не замѣну національнаго западнымъ ставили они себѣ цѣлью, а воспитаніе Русскаго общества на европейской универсальной культурѣ, чтобы поднять національное развитіе на степень общечеловѣческаго, дать ему міровое значеніе.

Гуманизмъ XVI в. былъ отрицаніемъ исторіи; гуманисты-филологи ренессанса не понимали предшествовавшаго имъ періода; они имѣли цѣлью возродить, воскресить давно минувшую культуру: ихъ идеалы были позади. Гуманизмъ XIX в. имѣлъ великое преимущество передъ старымъ гуманизмомъ: онъ понималъ не только идею прогресса, но и идею постепеннаго, совершающагося по извѣстнымъ законамъ развитія. Поэтому требованіе реформы, идеалы жизни, которые онъ выставлялъ, были не произвольны; они находились въ связи съ предшествующимъ развитіемъ, вытекали изъ него, имѣли свои корни въ прошедшемъ. Вслѣдствіе этого гуманизмъ былъ обязанъ обращать особенное вниманіе на изученіе прошедшаго. Какъ гуманизмъ XVI в. подѣйствовало плодотворно на науки филологическія,—ибо безъ научнаго пониманія древнихъ языковъ нельзя было проникнуть въ античный міръ,—такъ гуманизмъ XIX в. благопріятствовалъ успѣхамъ наукъ историческихъ. Историческое направленіе, генетическое объясненіе явленій, сдѣлалось господствующимъ во всѣхъ наукахъ. Сама же исторія была выдвинута на степень общественной науки, руководительницы въ современныхъ вопросахъ. Это высокое призваніе ея обусловливалось тѣмъ, что ей уязанъ былъ строго-научный путь. Въ основаніе ея явленій была положена идея закономѣрнаго развитія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не было забыто гуманное сочувствіе къ человѣку, какъ къ отдѣльному лицу, такъ и къ массѣ. Вотъ какъ выразился объ этомъ С. М. Соловьевъ въ теплыхъ словахъ, посвященныхъ имъ памяти главнаго и самаго блестящаго представителя русскаго гуманизма въ то время, Т. Н. Грановскаго:

„Грановскій началъ свою профессорскую дѣятельность, когда умы молодаго поколѣнія были сильно возбуждены великимъ стремленіемъ, господствовавшимъ въ исторической наукѣ, стремленіемъ уяснить законы, которымъ подчинены судьбы человѣчества. Не смотря на непререкаемую важность, благотворность этого стремленія, и здѣсь, какъ во всякомъ дѣлѣ, во всякомъ стремленіи человѣческомъ, можно было дойти до вредной односторонности, которая дѣйствительно и обозначилась въ историческихъ сочиненіяхъ, важныхъ по своему достоинству и вліянію: имѣя въ виду общіе законы развитія человѣчества, разсматривая историческихъ дѣятелей, цѣли поколѣнія и народы только какъ орудія для достиженія извѣстныхъ цѣлей,—приобрѣтали жесткость взгляда, теряли сочувствіе къ поколѣніямъ и народамъ, къ ихъ радостямъ и торжествамъ, къ ихъ страданіямъ и надежностямъ; мало того, приобрѣтали равнодушіе, неразборчивость при оцѣнкѣ средствъ, которыми достигались извѣстныя цѣли: что нужды, если употреблялись средства

неправственныхъ, лишь бы это было во имя благодѣтельныхъ для чело-
вѣчества идей! „Идеи не суть индѣйскія божества, которыхъ возять
въ торжественныхъ процессіяхъ и которыя дають поклонниковъ своихъ,
суетвѣрно бросающихся подъ ихъ колесницы“, вотъ слова, раздавшіяся
въ аудиторіяхъ нашего университета съ появленіемъ въ нихъ Гранов-
скаго“.

Общественное значеніе русскаго гуманизма представляется такимъ
образомъ съ двоякой стороны: ставя современному обществу высокіе
общечеловѣческіе идеалы, побуждая его во имя идеи прогресса идти
впередъ по пути общечеловѣческой культуры, вселяя ему сочувствіе
къ гуманнѣмъ началамъ,—онъ въ то же время содѣйствовалъ разу-
мѣнію прошедшаго научной обработкой исторіи.

Къ этому направленію, къ западникамъ, къ русскимъ гума-
нистамъ, примкнулъ и Соловьевъ. Его привлекалъ къ нимъ прежде
всего его научный интересъ, а затѣмъ сознание, что научное ихъ направ-
леніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе національное. Научно-европей-
ское образованіе поставило его высоко надъ тѣми робкими умами, ко-
торые изъ страха перестать быть русскими боялись сдѣлаться евро-
пейцами. То, что такимъ людямъ казалось чуждымъ, ему не
было чуждо, потому что удовлетворяло глубокимъ потребностямъ его
чисто русской природы. „Здѣсь дѣло не въ подражаніи, восклицалъ
онъ,—дѣло въ томъ, что волей-неволей мы вошли въ семью европей-
скихъ народовъ, живемъ общею съ ними жизнью“. Сознаніе этой вну-
тренней связи русскаго съ общечеловѣческимъ у него выразилось сло-
вами: „Мы европейцы и ничто европейское не можетъ быть намъ
чуждо“¹⁾. Безсмертная заслуга Соловьева заключается въ томъ, что
онъ внесъ это гуманное, культурное начало въ Русскую исторію и
вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ разработку ея на строго-научную почву.
Эти два начала, проводимыя имъ въ Русской исторіи, тѣсно связаны
и обусловливаютъ собой какъ общій взглядъ его на его задачу, по-
ниманіе общаго хода Русской исторіи, такъ и отношеніе его къ от-
дѣльнымъ вопросамъ. Онъ самъ указалъ на эту связь, назвавъ свое
направленіе историческимъ и опредѣливъ сущность его тѣмъ,
что оно признаетъ начало историческое, считаетъ исторію тожде-
ственной съ движеніемъ, съ развитіемъ, тогда какъ противники этого
направленія не хотять видѣть въ исторіи прогресса или не сочув-
ствуютъ ему. Въ этомъ выражается общій принципъ, общій взглядъ
на исторію. Что же касается до отношенія къ отдѣльнымъ фактамъ,
то историческое направленіе характеризуется тѣмъ, что оно слѣдитъ
за исторіей явленія, изъ воздушныхъ пространствъ, гдѣ дер-
жатся приверженцы анти-историческаго направленія, сходитъ на твер-
дую почву дѣйствительности, отвергаетъ всякій мистицизмъ въ объ-
ясненіи и оцѣнѣ явленій.

¹⁾ Ист. письма. № III, «Русскій Вѣстникъ» 1859 г., мартъ.

Не смотря однако на взаимную связь научной и культурной стороны въ дѣятельности С. М. Соловьева по Русской исторіи, мы принуждены разсмотрѣть здѣсь каждую изъ этихъ сторонъ по возможности отдѣльно, и начнемъ съ первой.

Принципъ историческаго отношенія къ явленіямъ, задача выяснитъ „исторію явленія“ заключаютъ въ себѣ обязанность дать отчетъ о причинахъ, породившихъ его и обусловливавшихъ характеръ его развитія. Между этими причинами нужно прежде всего взять во вниманіе такъ-называемые физическіе факторы. О важности этихъ факторовъ еще недавно возвѣщалось съ большимъ шумомъ и большими притязаніями; имѣлось въ виду выдвинуть ихъ на первый планъ и произвести какой-то переворотъ въ исторической наукѣ. Приверженцы „новаго средства“ были недостаточно знакомы съ исторіей науки. Не говоря уже о прежнихъ попыткахъ проникнуть въ связь между природой и судьбой народовъ, этотъ вопросъ еще въ началѣ нынѣшняго вѣка былъ поставленъ на научную почву знаменитымъ Риттеромъ. Дѣло не ограничивалось случайными, отрывочными наблюденіями; изъ нихъ были выведены общіе законы; сложилось убѣжденіе, что исторія народовъ представляетъ видоизмѣненія одного общаго процесса. „Вездѣ, говоритъ Риттеръ, я нашелъ тѣ же самые законы, тѣ же побужденія къ переселенію, къ осѣдлости, къ земледѣлію или къ мореплаванію“. Идеи Риттера о взаимодѣйствіи между природой и человекомъ нашли себѣ рано сочувственный отголосокъ среди русскихъ ученыхъ. Онѣ произвели глубокое впечатлѣніе на Грановскаго. Въ „Исторіи Россіи“ онѣ нашли себѣ блестящее примѣненіе. Сколько свѣжести, реальности, смысла, этимъ путемъ внесено въ изложеніе Русской исторіи. Какой напр. мастерской „взглядъ на карту Европы“ брошенъ въ началѣ XIII т. для объясненія общаго характера Русской исторіи, хода европейской цивилизаціи съ запада на Востокъ „по указанію природы“. Подобными реальными, наглядными чертами и н д и в и д у а л и з и р у е т с я исторія Русскаго народа и разсѣваются туманы, напущенные мистическимъ отношеніемъ къ народному и племенному духу. Къ указаніямъ природы опять прибѣгаетъ историкъ, когда ему нужно объяснить различіе между Кіевскимъ періодомъ и слѣдующимъ за нимъ, „когда историческая жизнь отливаетъ на востокъ въ области верхней Волги“. Какъ мѣтко между прочимъ характеризуются направление исторической жизни въ этомъ періодѣ, ослабленіе связи съ Европой, съ западомъ—простымъ вопросомъ: „куда течетъ Волга, главная рѣка новой государственной области,—туда, слѣдовательно на востокъ, обращено все“. Какъ глубоко проведено различіе между западной каменной и восточной деревянной Европой! Сколько существенныхъ чертъ въ исторіи и цивилизаціи Западной Европы объяснено указаніемъ на существованіе тамъ камня, т. е. по старинному горь—политическое раздробленіе, племенная особность, аристократическій характеръ общественнаго быта, рыцарство и городъ

сь его свободой, развитіе монументальнаго искусства, общій характеръ цивилизаціи: „все прочно, все опредѣленно, благодаря камню“. Съ другой стороны, какъ пластично выступаетъ во всей исторіи Россіи противоположное вліяніе двухъ господствующихъ въ восточной равнинѣ формъ, лѣса и степи, и вытекающая отсюда борьба народонаселенія двухъ половинъ Россіи, лѣсной и степной.

Не только жизненную правду и реальность вносятъ въ исторію Россіи эти указанія природы; они имѣютъ еще болѣе важное общее значеніе. Они доказываютъ, что эта „Исторія Россіи“ строилась на прочномъ научномъ фундаментѣ. Законъ природы вездѣ одни и тѣ же; если указывается на ихъ вліяніе, это значитъ, что исторіею видятъ въ исторіи общій, единый процессъ.

Научный взглядъ на исторію еще болѣе обнаруживается у Соловьева въ томъ значеніи, которое онъ придаетъ „сравнительно-историческому методу“. Рѣдко кто обладалъ въ такой степени необходимымъ для этого условіемъ—обширною начитанностью и знакомствомъ съ исторіей другихъ народовъ. Отсюда аналогіи, къ которымъ онъ такъ любилъ прибѣгать для объясненія явленій Русской исторіи. Сколько различныхъ аналогій приводятся имъ, наприм. для того, чтобы установить правильный взглядъ на Петровскій переворотъ. Когда онъ хочетъ освѣтить „революціонный“ характеръ такъ-называемаго преобразования, онъ обращается за уясненіемъ къ сравненію съ Французской революціей. „Какъ здѣсь, такъ и тамъ, болѣзни накоплялись вслѣдствіе застоя, односторонности, исключительности одного извѣстнаго направленія; новыя начала не были переработаны народомъ на практической почвѣ; необходимость ихъ чувствовалась всѣми, но переработались они теоретически въ головахъ передовыхъ людей, и вдругъ пристулено было къ преобразованіямъ; разумѣется, слѣдствіемъ было страшное потрясеніе; во Франціи слабое правительство не устояло, и произошли извѣстныя печальныя явленія. Въ Россіи одинъ человѣкъ, одаренный небывалой силой, взялъ въ свои руки направленіе революціоннаго движенія, и этотъ человѣкъ былъ прирожденный глава государства“¹⁾.

Когда нашъ историкъ хочетъ опровергнуть взгляды тѣхъ, кто „вооружается противъ преобразованій, идущихъ сверху“, — онъ напоминаетъ обращеніе европейскихъ народовъ въ христіанство; и тутъ „дѣло обыкновенно шло сверху; принимали христіанство князь и дружина его, и потомъ уже новая вѣра распространялась въ массѣ, причемъ не обходилось безъ ожесточенной борьбы, безъ страшнаго сопротивленія со стороны народа, отстаивавшаго свою старину, вѣру отцовскую; да и послѣ принятія крещенія масса въ продолженіе вѣковъ оставалась двувѣрной, не могла забыть старыхъ боговъ“ и т. д. Когда онъ хочетъ показать, что преобразование было тѣмъ же

¹⁾ XIV т., 163 стр.

менѣе дѣломъ народнымъ, онъ чрезвычайно удачно обращаетъ вниманіе читателя на Генриха VIII, введшаго реформацию въ Англію: „Извѣстно, какое сильное сопротивленіе встрѣтилъ онъ своему дѣлу, какія сильныя возстанія вельможъ и народа долженъ онъ былъ побороть; значить ли это, что реформа, которой такъ гордятся англичане, была личнымъ дѣломъ Генриха VIII?“—Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ средне-вѣковой и новой исторіей Англій, съ духомъ Англійскаго народа, конечно убѣжденъ въ томъ, что принятіе протестантизма въ Англій было истинно-народнымъ дѣломъ.

И не только общій характеръ, духъ историческихъ явленій выясняются посредствомъ аналогій; сравненія часто помогаютъ опредѣлить конкретныя формы, размѣры явленій. Какъ истинный ученый, С. М. Соловьевъ не смущается громкими словами, общими терминами; когда онъ имѣетъ дѣло съ „городами“ у славянъ, раскинувшихся по рѣкамъ и озерамъ древней Россіи, онъ не увлекается воображеніемъ; ему не видѣются крѣпкіе города Западной Европы съ ихъ сплоченной самостоятельной буржуазіей; не рисуются города Востока съ ихъ роскошными базарами: изъ воздушныхъ пространствъ онъ сразу низводитъ читателя на твердую почву; онъ представляетъ ему какъ-бы фотографическій снимокъ съ того же самаго явленія, снятый цѣлое тысячелѣтіе спустя, но съ народовъ, находившихся на той-же ступени быта, на которой стояли древніе славяне: „въ XVII вѣкѣ, рассказываетъ онъ, русскіе военные отряды, распространяя власть русскаго государя по Сѣверной Азіи, находили туземцевъ, жившихъ отдѣльными родами каждый подъ властью своего родоначальника или князья; но обыкновенно жилища семей, составлявшихъ родъ, были укрѣплены, обнесены острожками, которые русскимъ людямъ надобно было брать иногда приступомъ. Въ острожкѣ бывало по 14 юртъ, а юрты большія, въ одной юртѣ жило семей по десяти“¹⁾.

Значеніе сравнительно историческаго метода не ограничивается тѣмъ, что наводитъ историка на аналогіи. Аналогіи, указывающія на общія черты явленій, могутъ очень содѣйствовать ихъ выясненію, но только въ изслѣдованіяхъ осмотрительнаго, трезваго ученаго, не увлекающагося быстрыми обобщеніями. Научное значеніе сравнительный методъ получаетъ тогда, когда онъ основанъ на сознаніи, что историческія явленія совершаются на общей почвѣ, управляются общими законами; что историческое развитіе народовъ при одинаковыхъ условіяхъ совершается въ тѣхъ же формахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдователь при сравненіи отмѣчаетъ различіе между аналогическими явленіями, индивидуальныя черты ихъ, видоизмѣненія и оттѣнки. Въ этомъ именно строго научномъ смыслѣ примѣняется сравнительный методъ въ трудахъ Соловьева. Благодаря этому методу значеніе родового быта въ Русской исторіи сдѣлалось неотъемлемымъ приобретеніемъ

¹⁾ XIII т., 4 стр.

русской науки. Благодаря ему-же сдѣлалось немислимымъ для образованнаго человѣка утверждать, будто община есть какое-то природное славянамъ учрежденіе, имъ однимъ принадлежащее. Но устанавливая общія родственныя европейскимъ народамъ историческія черты, С. М. Соловьевъ никогда не терялъ изъ вида особенностей, различій. Вотъ какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ историческихъ писемъ объ общинномъ бытѣ: „Что касается вопроса, составляетъ-ли община явленіе Германской или Славянской народности, то объ этомъ много говорить не нужно: всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ сравнительнымъ изученіемъ исторіи общественныхъ формъ и явленій у разныхъ народовъ, знаетъ хорошо, что общинный бытъ есть столько-же національное явленіе у славянъ, какъ у германцевъ. Вопросъ можетъ идти только объ особенностяхъ и степени развитія“.

Въ другомъ письмѣ онъ слѣдующимъ образомъ говоритъ объ исходномъ пунктѣ исторіи германскихъ и славянскихъ народовъ, о завоеваніи: „Пора бросить старыя толки о различіи нашихъ и западныхъ общественныхъ отношеній на основаніи завоеванія и незавоеванія, на томъ основаніи будто бы, что на Западѣ было завоеваніе, а у насъ его не было. И у насъ было завоеваніе: этого факта нельзя вычеркнуть изъ лѣтописей. Дѣло въ томъ, какъ происходило завоеваніе, въ какой странѣ, при какихъ природныхъ и общественныхъ условіяхъ: отъ этихъ условій и происходитъ все различіе въ общественныхъ отношеніяхъ на Западѣ и у насъ“.

Научное отношеніе къ исторіи далѣе проявляется у Соловьева въ его органическомъ пониманіи историческихъ явленій. Исторія народовъ есть органическій процессъ. Какъ въ организмѣ всѣ части и тѣни находятся во внутренней связи между собой, обуславливаютъ другъ друга, такъ и въ народной жизни различныя формы и явленія связаны между собой. Какъ жизнь организма раздѣляется на возрасты, различныя между собой, но постепенно слѣдующіе одинъ за другимъ съ извѣстною законностью, вытекающіе одинъ изъ другаго,—такъ историкъ можетъ отмѣчать извѣстныя эпохи въ исторіи народа, слѣдующія одна за другой, не только въ хронологической, но и во внутренней связи представляющія дальнѣйшее развитіе одного общаго начала. Этотъ органическій взглядъ на исторію превосходно развитъ нашимъ историкомъ въ началѣ его „Историческихъ писемъ“:

„Рядъ измѣненій, замѣчаемыхъ при развитіи живаго организма, состоитъ въ движеніи отъ простоты и однообразія устройства къ его разнообразію и сложности. Первый шагъ въ развитіи обозначается появленіемъ различія между частями; потомъ каждая изъ различившихся частей начинаетъ въ свою очередь обнаруживать различіе частей. Процессъ этотъ безпрестанно повторяется, и черезъ безконечное умноженіе такого выдѣленія частей образуется наконецъ сложная сѣть органовъ, составляющая живой организмъ въ его полномъ развитіи. Это явленіе, которое мы называемъ прогрессомъ—общее всѣмъ

организмамъ, какъ природнымъ, такъ и общественнымъ. Въ обществѣ, на низкой ступени развитія находящемся, дикарь самъ производитъ все для себя нужное; но потомъ постепенно является раздѣленіе занятій, образуются отдѣльные органы общественные. Въ обществахъ мало развитыхъ первосвященникъ и государь слиты въ одно лицо, религіозныя и гражданскія законы смѣшаны: въ силу прогресса все это мало по малу различается, раздѣляется. Но прогрессъ не состоитъ въ одномъ безконечномъ членораздѣленіи: для образованія организма необходимо, чтобы части, органы, выдѣляясь, обозначаясь, находились въ тѣсной связи между собою¹⁾.

Переносъ въ исторію понятіе, заимствованное изъ жизни природы, Соловьевъ никогда не забывалъ, что имѣетъ дѣло съ явленіями другаго, высшаго разряда: „Легко сравнивать организмъ природный съ организмомъ общественнымъ: дѣйствительно, сходство поразительно—законы одни и тѣ же; но не должно забывать, что члены общественного организма суть существа разумно-свободныя или цѣлыя соединенія такихъ существъ; что каждое изъ нихъ сначала вращается въ тѣсной сферѣ, гдѣ видитъ преимущественно только себя, что сфера эта расширяется чрезвычайно медленно; члены общественного организма медленно приходятъ къ сознанію о необходимости тѣсной связи другъ съ другомъ для поддержанія полной жизни каждаго изъ нихъ и наоборотъ, о необходимости полнѣйшаго развитія каждаго изъ органовъ для поддержанія тѣсной внутренней связи между ними, для совершеннаго развитія организма“.

Потребность органическаго пониманія исторіи заставляла часто Соловьева обращаться къ сравненіямъ различныхъ эпохъ въ исторіи съ соответствующими возрастами человѣческой жизни. Этой любимой привычкѣ историка обязаны мы нѣкоторыми изъ самыхъ характерныхъ страницъ, нѣкоторыми изъ самыхъ вѣрныхъ и живыхъ характеристикъ. Напомнимъ напр. читателямъ мѣсто, въ которомъ Русское общество въ началѣ XVIII вѣка характеризуется вѣрно-подмѣченными чертами дѣтскаго возраста: „Даровитый, воспримчивый ребенокъ начинаетъ учиться, узнаетъ много новаго, чего другіе не знаютъ: первое необходимое слѣдствіе этого въ ребенкѣ — гордость, чувство своего превосходства надъ другими, желаніе высказывать это превосходство надъ другими, хвастаться, щеголять новопріобрѣтеннымъ знаніемъ; новое, чужое, что имъ пріобрѣтено, имѣетъ для него необыкновенную прелесть; старое, свое, всѣмъ извѣстное, всѣмъ доступное — не имѣетъ никакой; ребенокъ необходимо педантъ, ибо не имѣетъ силы овладѣть новымъ предметомъ и самимъ собой при пользованіи этимъ предметомъ, и потому носится съ нимъ, всѣмъ показываетъ и хвастаетъ: отсюда страсть употреблять не кстати научныя положенія и слова, страсть употреблять

¹⁾ Пст. письма, I, „Русскій Вѣстникъ“ 1858. мартъ.

иностранныя слова вмѣсто своихъ, говорить безъ нужды на иностранномъ языкѣ, подражать иностраннымъ обычаямъ, даже и такимъ, которые ничѣмъ не лучше своихъ прежнихъ: все это мы видимъ у русскихъ людей XVIII в. и все это было необходимымъ, естественнымъ слѣдствіемъ состоянія Русскаго общества въ до-Петровское время¹⁾.

Внесеніе этого органическаго взгляда, въ Русскую исторію составляетъ очень важную сторону научныхъ заслугъ С. М. Соловьева. Благодаря этому взгляду, прежнее морализующее направленіе въ исторіи (знаменитымъ представителемъ котораго былъ Карамзинъ) уступило мѣсто научному. Какъ единый, разумный, величественный процессъ, развернулась исторія Русскаго народа въ трудѣ Соловьева, отъ первобытнаго состоянія до новыхъ временъ. Ясно, отчетливо слѣдовали другъ за другомъ въ своей жизненной правдѣ отдѣльныя эпохи, каждая понятная въ самой себѣ, и еще болѣе осмысленная тѣмъ, что представлялось естественнымъ послѣдствіемъ прежнихъ, зародышемъ грядущихъ вѣковъ. Исторія Россіи не нуждалась болѣе въ схематическомъ распредѣленіи по логическимъ категоріямъ, вытекавшимъ изъ понятія власти — „Россія основалась единоначаліемъ, гибла отъ разновластія и спаслась самодержавіемъ“. Вмѣсто этихъ трехъ-искусственныхъ періодовъ являются эпохи, опредѣленныя внутреннимъ теченіемъ исторической жизни; оттого и характеристика каждой изъ нихъ становится несравненно вѣрнѣе, и раскрывается смыслъ исторической жизни тамъ, гдѣ прежніе историки, смотрѣвшіе съ высшей точки зрѣнія на предметъ, его не находили. Интересно въ этомъ отношеніи сравнить характеристику времени Ярослава I и слѣдующей затѣмъ эпохи у Карамзина и у Соловьева. Для Карамзина правленіе Ярослава I было первымъ счастливымъ періодомъ въ исторіи Россіи: тогда Россія рожденная, возвышенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и въ гражданскомъ образованіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ. За этимъ наступилъ несчастный періодъ разновластія. Подвергая критическому разбору этотъ взглядъ своего предшественника, Соловьевъ указываетъ²⁾, что Карамзинъ не признавалъ связи между Россіей до Ярослава и послѣ него, и объясняетъ причины такого отношенія къ дѣлу: отвергнувъ мысль, что Россія до половины XI в. была государствомъ рождающимся, „признавъ это государство въ самомъ началѣ могущественнымъ и славнымъ, Карамзинъ по тому самому не призналъ въ слѣдующемъ періодѣ постепеннаго хотя труднаго и медленнаго возрастанія и окрѣпленія государства“. Совершенно иначе характеризуетъ этотъ періодъ основатель историческаго направленія въ Русской исторіи: онъ видитъ въ немъ продолженіе движенія на великой восточной равнинѣ Европы, продолженіе героическаго, богатирскаго періода Русской исторіи. „Если, говоритъ онъ, мы взгля-

¹⁾ Шлецеръ и анти-истор. направленіе.

²⁾ Карамзинъ и его литерат. дѣятельность. Ст. III, „Отеч. Зап.“ 1854 г. т. 94..

немъ на карту Россіи и припомнимъ, что должно было представлять это громадное пространство въ XI и XII вв., то понятно намъ станетъ значеніе этой постоянной передвижки, бѣготни, подъ условіемъ которыхъ поддерживались начатки исторической жизни во всѣхъ частяхъ, поддерживалось всюду сознаніе о единствѣ Русской земли. До призванія князей существовали отдѣльные племена, сходствомъ своимъ способныя принадлежать къ одной народности; съ призваніемъ князей, съ началомъ историческаго движенія, племена приводятся въ связь, преимущественно внѣшнюю, начинается переработка ихъ быта: но только благодаря явленіямъ, характеризующимъ время отъ смерти Ярославъ до конца XII в., является Русскій народъ“¹⁾).

Подобнымъ образомъ устанавливается правильная органическая связь между кievской Русью и Русью Сѣверо-Восточной. У Карамзина послѣдняя обязана своимъ возвышеніемъ единственно личнымъ достоинствамъ Андрея Боголюбскаго и нерасположенію его къ Юго-Западной Руси, которая казалась ему обителью скорби и предметомъ гнѣва небеснаго²⁾. По мнѣнію Карамзина сила Андрея Боголюбскаго заключалась единственно въ его добродѣтеляхъ, которыя давали ему превосходство надъ прочими князьями; разумъ превосходный заставилъ его стремиться къ искорененію вредной удѣльной системы. Карамзинъ правда намекнулъ объ особенностяхъ характера сѣвернаго народонаселенія; но, говоря потомъ о значеніи княженія Андреева, выразилъ сожалѣніе, что Андрей по своему личному расположенію покинулъ югъ для сѣвера, и такимъ образомъ Карамзинъ ясно высказалъ мысль, что и югъ былъ вполне способенъ къ произведенію того порядка вещей, который утвердился на сѣверѣ. Совершенно иное впечатлѣніе выносить читатель изъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Онъ какъ бы самъ присутствуетъ при зароженіи новаго порядка вещей: ему отчетливо обрисовываются причины, вызвавшія этотъ новый порядокъ, наглядно представляются условія, опредѣлившія ходъ его развитія. Историкъ реальными, правдивыми чертами характеризуетъ бытъ Киевской Руси и заключаетъ это описаніе словами, обнаруживающими глубокое пониманіе народнаго развитія: „Все здѣсь, на восточной равнинѣ, отзывается первобытнымъ міромъ, общество какъ будто еще въ жидкомъ состояніи, и нельзя предвидѣть, въ какомъ отношеніи найдутся общественные элементы, когда наступитъ время перехода изъ этого жидкаго, колеблющагося состоянія въ твердое, когда все усядится и начнутся опредѣленія“³⁾.

Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ, когда же и гдѣ именно, при какихъ условіяхъ начались эти опредѣленія? и показываетъ, какимъ образомъ несчастное положеніе юго-западной окраины заставляло часть ея жи-

1) XIII т., стр. 12—13.

2) Карамзинъ и его литер. дѣят. Ст. III п IV.

3) XIII т., стр. 19.

телей выселяться въ страны болѣе спокойныя. Эти страны были именно отдаленныя, сѣверо-восточныя волости Русскія; суровая климатою, бѣдная населеніемъ область верхней Волги, гдѣ князья, тяготясь малолюдностью, отовсюду призывали насельниковъ.

Этими условіями объясняется совершенно иной характеръ отношеній между населеніемъ и княземъ, иной характеръ княжеской власти, начало новой эпохи въ Русской исторіи. „Въ западныхъ областяхъ славяне были старые насельники, старые хозяева, князья были пришельцы; на востокѣ, наоборотъ, славянскіе поселенцы являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строить городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ. Эти-то отношенія народонаселенія къ князю и легли въ основу того сильнаго развитія княжеской власти, какое видимъ на сѣверѣ. Разумѣется, многое зависѣло здѣсь и отъ того, воспользуются ли князья своимъ положеніемъ. Явился именно такой князь, который какъ нельзя лучше воспользовался своими выгодными отношеніями къ своему народонаселенію, именно Андрей Боголюбскій. Онъ понимаетъ очень хорошо значеніе слова: мое, собственность, а не хочетъ знать юга, гдѣ князья понимаютъ общее родовое владѣніе. Андрей, какъ древній богатырь, чувствуетъ силу, получаемую отъ земли, къ которой онъ припалъ, на которой утвердился навсегда; онъ не покидаетъ этой земли, не переѣзжаетъ въ Кіевъ, когда тотъ достался ему и по родовымъ правамъ, и по правамъ побѣды. Этотъ первый примѣръ привязанности къ своему, особому, первый примѣръ осѣдлости, становится священнымъ преданіемъ для всѣхъ сѣверныхъ князей и отсюда начинается новый порядокъ вещей“¹⁾.

Такимъ же органическимъ взглядомъ проникнута у Соловьева дальнѣйшая исторія Сѣверо-Восточной Руси; такъ же естественно связана у него исторія Владимірскаго княженія съ Московскимъ. Значеніе этого взгляда особенно обнаруживается при сравненіи съ предшествующимъ. Отрицая у преемниковъ Андрея и Всеволода III стремленіе къ единовластію, Карамзинъ порвалъ „преданіе, постоянно сохранявшееся у сѣверныхъ князей, порвалъ необходимую связь явленій, вслѣдствіе чего періодъ отъ смерти Всеволода III до самаго Іоанна Калиты лишенъ у него всякаго значенія“. Усматривая въ этомъ періодѣ только безсмысленныя драки княжескія, Карамзинъ былъ принужденъ преувеличить значеніе Іоанна III, начать съ него крутой переворотъ въ исторіи Россіи, который не находилъ себѣ объясненія въ предшествовавшемъ. „Отселѣ исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной“, говоритъ Карамзинъ. Совершенно иначе выяснена исторія Московскаго великаго княжества трудами Соловьева. Соглашаясь со своими предшественниками (Щербатовъ, Карамзинъ) отно-

¹⁾ XIII т., стр. 21.

сительно высокаго значенія личности Іоанна III, Соловьевъ показываетъ намъ такъ ясно постепенный ростъ Москвы, что имѣетъ право сравнить Московское государство передъ княжествомъ Іоанна съ памятникомъ, который былъ приготовленъ, но еще не былъ открытъ: „Іоанну было суждено снять полотно, покрывавшее памятникъ“¹⁾).

Руководясь своимъ органическимъ взглядомъ на событія, своей привычкой вникать въ исторію явленія, основатель историческаго направления свелъ къ его истиннымъ размѣрамъ вліяніе монгольскаго ига, которое было слишкомъ преувеличено его предшественниками. Указавъ, что явленія, въ которыхъ хотѣли видѣть признаки монгольскаго вліянія, встрѣчаются уже въ первые годы этого ига, онъ далъ намъ право усомниться, дѣйствительно ли они слѣдствіе татарскаго ига. Историческое направленіе вмѣстѣ съ тѣмъ освободило науку и отъ самыхъ побужденій, заставившихъ прежде преувеличивать вліяніе монгольское. Еще Карамзинъ не зналъ, чѣмъ именно объяснить вонецъ княжескихъ усобицъ и установленіе единовластія и высказалъ мнѣніе, что Россія безъ монголовъ вѣроятно погибла бы отъ усобицъ.

Мы не можемъ позволить себѣ въ предлагаемомъ очеркѣ слѣдить шагъ за шагомъ, какъ проводится органическій взглядъ историческаго направленія на явленіяхъ древне-русской исторіи и потому прямо обратимся къ той эпохѣ, въ объясненіи которой проявляются особенно ярко достоинства и значеніе научнаго метода С. М. Соловьева, къ переходу отъ древней Россіи къ новой.

Въ простыхъ, но опредѣленныхъ выраженіяхъ высказана имъ сущность его взгляда: „Послѣдователи историческаго направленія тѣсно связываютъ обѣ половины Русской исторіи—до-Петровскую и послѣ-Петровскую; въ явленіяхъ послѣдней видятъ результаты явленій первой“. Не смотря на наружный контрастъ между новой Россіей и древней, эти двѣ половины Русской исторіи органически связаны между собою, онѣ связаны историческими законами. Петровское преобразование можетъ быть признано результатомъ древней Россіи въ двоякомъ смыслѣ. Необходимость преобразования, вытекавшая изъ всей предшествовавшей исторіи, представляетъ двѣ стороны: одну изъ нихъ можно назвать практической; она заключалась въ томъ, что обращеніе къ Европѣ, къ европейскимъ идеямъ и формамъ, вызывалось условіями Петровской эпохи, было лучшимъ практическимъ средствомъ, чтобы выйти изъ заблужденій, вызванныхъ несостоятельностью древне-русскаго строя: древняя Русь не могла собственными средствами удовлетворить своему исконному стремленію.

Другая сторона можетъ быть названа исторической необходимостью; она заключалась въ томъ, что весь предшествующій ходъ Русской исторіи—указанія природы, направленіе исторіи, характеръ народнаго духа, самой религіи — подготовили соединеніе съ Европой: общіе за-

¹⁾ Карамзинъ и его лит. дѣят. Ст. V.

коны развитія цивилизаціи требовали его. „Средство, употребленное новой Русью для удовлетворенія своего исконнаго стремленія, было естественно, необходимо, законно и было не ново, потому что употреблялось уже и древней Русью“.

Этотъ внутренній смыслъ Петровскаго преобразованія мастерски объясненъ историкомъ на страницѣ, которая по своей простотѣ и глубинѣ должна глубоко врѣзаться въ памяти всякаго, кто желаетъ усвоить себѣ смыслъ этого великаго явленія въ Русской исторіи. „И такъ, если человѣкъ для полноты своего человѣческаго развитія долженъ жить въ обществѣ себѣ подобныхъ, если народъ для полноты развитія долженъ жить въ обществѣ другихъ народовъ, то вопросъ рѣшенъ о значеніи Петровской эпохи, эпохи преобразованія; вопросъ рѣшенъ объ отношеніяхъ древней Россіи къ новой. Древнее Русское общество, не смотря на величіе подвиговъ, совершенныхъ имъ въ дѣлѣ внѣшняго государственнаго созиданія, въ преодолѣніи препятствій, этому созиданію противопоставленныхъ, не могло двигаться далѣе по пути нравственныхъ и матеріальныхъ улучшеній, не вступивъ въ семью европейско-христіанскихъ народовъ, да и по характеру своему не могло не вступить въ эту семью при первой возможности. Слѣдствія особой жизни такъ явны въ нашей древней исторіи, что объ нихъ не нужно много распространяться; бессознательное, суевѣрное подчиненіе обычаю, обряду, формѣ, буквѣ, ослабленіе вѣры въ духъ, который живить, слишкомъ явны. Древняя Россія именно пребывала въ формахъ быта земледѣльческаго, въ ней господствовало село, деревня; городъ не имѣлъ того значенія, которое мы теперь съ нимъ соединяемъ... Чтобъ выйти изъ состоянія застоя, оцѣпенѣнія нравственнаго, чтобъ понять себя и свое, для человѣка и для народа одно средство — сообщество съ другими людьми, другими народами; и вотъ Россія въ началѣ XVIII в. вступаетъ въ это сообщество“¹⁾.

Не смотря на все свое сочувствіе къ дѣлу преобразованія, историкъ не упускаетъ изъ вида и слабыхъ сторонъ его. Онъ указываетъ на односторонность, съ которой выступало новое начало, на неподготовленность общества къ реформѣ, которой оно само же требовало и безъ которой жизнь его пришла бы въ застой: „неготовленность какъ въ руководимыхъ, такъ и въ руководителяхъ, начиная съ главнаго, самого Петра, въ которомъ, при всемъ уваженіи къ его гению, мы должны видѣть человѣческое существо, ограниченное по своимъ средствамъ“.

Но указывая на неблагоприятныя для организма послѣдствія крутаго переворота, историкъ объясняетъ съ помощью исторіи почему этотъ переворотъ именно былъ такимъ крутымъ. Причина этого явленія заключается въ неразвитости того общества, которое требовало

¹⁾ Шлецерь и анти-ист. направленіе, 464.

реформы. Доказавши примѣромъ Посошкова, человѣка изъ народа, „непріязненнаго къ иностранцамъ“ и потому вполне безпристрастнаго свидѣтеля, что современники Петра не были въ состояніи представить себѣ улучшение „безъ разрушенія старой хранины“, историкъ говоритъ: „Эта страсть къ кореннымъ переворотамъ, къ полному отрицанію стараго и созданію новаго, есть плодъ неразвитости сознанія. Одна крайность—безсознательное подчиненіе старому, ведетъ необходимо къ другой крайности—къ безсознательному стремленію къ новому. Вообще всѣ крутые коренные перевороты, въ какомъ бы смыслѣ ни происходили и откуда бы ни шли, сверху или снизу, суть слѣдствіе неразвитости сознанія, дѣтства народнаго, и способны къ нимъ бывають обыкновенно тѣ народы, которые, при видимой возмужалости, сохраняють въ своемъ характерѣ много дѣтскаго“.

Такимъ образомъ историческое направленіе объясняетъ не только необходимость переворота, съ котораго начинается новая Россія, но и самый характеръ его; новую же Россію приводитъ въ близкую связь съ древней, видитъ въ ней прямой результатъ послѣдней. Историческое направленіе отвергаетъ два крайніе взгляда на отношеніе Петровской Россіи къ Московской, какъ тотъ, который заявляетъ, что Петромъ Великимъ Россія призвана отъ небытія къ бытію, забывая о Московской Руси; такъ и противоположный, который приписываетъ все московскимъ князьямъ, „изъ ничего воздвигшихъ державу сильную“ и видитъ въ Петрѣ простаго преобразователя государственнаго механизма¹⁾). Основатель историческаго направленія поставилъ своей наукѣ высокую задачу: онъ видѣлъ въ исторіи примирительницу вѣковъ. Онъ полагалъ, что современная наука достаточно созрѣла для этой цѣли. „Каждому дню, сказалъ онъ, его работа, каждому вѣку его трудъ; нашему времени завѣщено собрать во-едино всѣ части Русской исторіи, найти смыслъ въ древнѣйшей Киевской и Владимірской исторіи и примирить всѣ эпохи“²⁾). Этотъ великій завѣтъ нашего времени, сознанный Соловьевымъ, имъ же и осуществленъ. Благодаря его труду, Русская исторія сдѣлалась дѣйствительно органомъ самопознанія Русскаго народа: собранію Русской земли въ прошедшіе вѣка стало соотвѣтствовать собраніе частей Русской исторіи въ сознаніи народномъ, какъ оно отразилось въ произведеніи національнаго историка, собирателя Русской исторіи.

Историческое направленіе выразилось у Соловьева не въ одномъ органическомъ пониманіи Русской исторіи, не въ томъ только, что жизнь Русскаго народа представляется имъ какъ единый, изъ себя развивающійся своей внутренней жизненной силой организмъ; жизнь этого народа тѣсно связана съ жизнью другихъ европейскихъ народовъ. Судьба Русскаго народа только часть другаго великаго орга-

¹⁾ Шлеперъ и анти-ист. направленіе.

²⁾ Рѣчи и пр. въ день Карамз. юбилея.

низма, также единого и живущаго общею жизнью своихъ частей — Европы, цивилизованнаго человѣчества.

Сознаніе этой связи никогда не покидало С. М. Соловьева въ его историческихъ трудахъ. Чтобы поддерживать его въ себѣ, онъ посвящалъ столько дорогаго для него времени изученію литературы всеобщей исторіи; сознаніе этой связи побуждало его дѣлать свои наблюденія надъ исторической жизнью народовъ. Такимъ способомъ онъ развилъ въ себѣ ту широту и цѣльность взгляда, которая довершаютъ научный характеръ его исторіи Россіи. Какую струну народной жизни онъ бы ни затрогивалъ, какую особенность Русской исторіи онъ бы ни рисовалъ, историкъ никогда не теряетъ изъ вида того, что совершается въ остальной Европѣ, и преимущественно въ Славянскомъ мірѣ; такъ напр., существенная сторона Русской исторіи—борьба съ Азіей, со стихійной силой дикихъ кочевыхъ народовъ, приводится имъ въ связь съ однородными явленіями у другихъ европейскихъ народовъ, вдвигается имъ въ всемірную исторію; всѣ событія этой борьбы Европы съ Азіей, осѣдлыхъ народовъ съ кочевыми отъ пораженія „Аттилы при Шалонѣ до покоренія Крыма Екатериной Великой“ охватываются его историческимъ взоромъ, какъ одинъ общій историческій процессъ. Такимъ образомъ исторія Западной Европы сливается съ судьбою восточной ея половины; тяжелая борьба Русскаго народа за существованіе получаетъ всемірное значеніе; историческій подвигъ Русскаго народа возводится къ понятію общечеловѣческаго призванія.

Это сближеніе Русской исторіи съ Европейской занимаетъ конечно тѣмъ болѣе мѣста, чѣмъ ближе подвигается историкъ къ новымъ временамъ. Особенно важное значеніе получаетъ это сближеніе въ исторіи Петровской эпохи. Характеристика этой эпохи была бы неполная и односторонняя безъ оцѣнки европейскаго значенія ея. Такая оцѣнка составляетъ существенную черту въ трудахъ С. М. Соловьева, посвященныхъ Петру Великому. Съ этой точки зрѣнія конечно еще болѣе „возрастаетъ величавая фигура Петра“. Онъ представляется виновникомъ соединенія обѣихъ половинъ Европы къ общей дѣятельности, „на него указываетъ, какъ на великаго человѣка, послужившаго болѣе другихъ для своего народа и для человѣчества“.

Намъ остается еще для характеристики научнаго метода С. М. Соловьева привести его взглядъ на обязанности историка. Въ этомъ взглядѣ рисуется не только онъ самъ, но и превосходно выясняется научное и нравственное значеніе того направленія, которому онъ положилъ, какъ нужно надѣяться, прочное основаніе. Современный представитель историческаго направленія въ области Русской исторіи признавалъ родоначальникомъ этого направленія „знаменитаго Шлецера“. Что же онъ всего болѣе цѣнилъ въ Шлецерѣ? Въ чемъ заключаются тѣ достоинства Шлецерова труда, на которыя онъ считалъ нужнымъ обратить вниманіе, потому что „они сохранили

вполнѣ свою поучительность въ настоящее время, и имѣютъ, быть можетъ, теперь гораздо болѣе значенія, чѣмъ когда-либо прежде“. Главной заслугой Шлецера признается то, что онъ оцѣнилъ Нестора какъ „лѣтописца начального, первобытнаго общества; ученый критикъ уважалъ Нестора, потому что въ простомъ разсказѣ его не находилъ ничего, что не соответствовало бы этому первобытному состоянію“. Гласно и рѣшительно высказалось мнѣніе, что разсказъ объ извѣстномъ времени въ жизни извѣстнаго общества долженъ соответствовать этому времени во всѣхъ чертахъ своихъ... Это соответствіе выставлено главной нравственной обязанностью повѣствователя, и трудъ, отличающійся такимъ соответствіемъ, былъ названъ честнымъ.

И такъ, то, что въ объективномъ отношеніи называется наукою, въ субъективномъ называется ~~честностью~~ честностью. Историкъ имѣетъ нравственныя обязанности по отношенію тѣхъ людей, того общества, о которомъ онъ повѣствуетъ. Историкъ не долженъ ни умалять ни украшать прошедшаго; малое онъ долженъ признать малымъ, простое — простымъ. Историкъ не долженъ вносить въ прошедшее идеи другаго времени, предъявлять ему требованія, которыхъ оно не знало. „Недоразумѣнія, споры, искаженія фактовъ происходятъ отъ непрости- тельной для уважающаго науку чловека привычки навязывать на- стоящія наши воззрѣнія предкамъ“¹⁾. Историкъ долженъ соблюдать ту соразмѣрность между явленіями и интересами извѣстнаго времени, которую представляетъ дѣйствительность. „Обязанность историка показать причины, почему одно начало дѣйствуетъ на первомъ планѣ, а другія дѣйствуютъ слабо, медленно; историкъ, увлекшись какимъ нибудь сочувствіемъ, не смѣетъ перемѣшивать явленій по произволу, не смѣетъ выставить на первомъ планѣ то, что на немъ не нахо- дится“²⁾.

Эти обязанности, возлагаемыя на историка, С. М. Соловьевъ самъ, можно сказать, исполнялъ свято, и его собственный трудъ поэтому носить на себѣ всѣ черты, которыми онъ обусловливалъ признаніе историческаго труда честнымъ. Честенъ былъ первый лѣтописецъ русскій, честенъ первый историкъ, исполнившій завѣтъ Петра. Призваніе историка совпадало по его убѣжденію съ служеніемъ правдѣ, правдѣ неукрашающей и нельстящей ни лицамъ и народамъ, ни интересамъ и мнѣніямъ. Онъ понималъ науку въ самомъ высокомъ ея смыслѣ: она была тождественна для него съ исполненіемъ нрав- ственнаго долга.

Мы ограничимся этими указаніями на научную сторону въ дѣя- тельности историка и перейдемъ къ разсмотрѣнію ея культурнаго, общественнаго значенія. Уже громаднымъ трудомъ своимъ, примѣ- неннымъ къ изученію Русской исторіи, научнымъ методомъ, который

¹⁾ Шлецерь, 467.

²⁾ Ист. письма, III. Русск. Вѣстн. 1859 г., 20 т., стр. 15.

онъ внесъ въ ея обработку, добросовѣстнымъ исполненіемъ того, что онъ считалъ обязанностью честнаго историка, С. М. Соловьевъ долженъ былъ имѣть благотворное цивилизующее вліяніе на современное Русское общество; но онъ не удовольствовался однимъ этимъ косвеннымъ вліяніемъ. Онъ ставилъ исторической наукѣ высокія требованія, онъ возлагалъ на историка важныя обязанности по отношенію къ современному обществу. Наука, утверждалъ онъ, должна всѣмъ своимъ могуществомъ помогать обществу при разрѣшеніи его задачъ и „прежде всего исторія должна способствовать установленію правильного взгляда на настоящее, устанавливая правильный взглядъ на отношеніе настоящаго къ предшедшему“¹⁾.

Этой культурной просвѣтительной обязанности историка С. М. Соловьевъ служилъ съ сознаниемъ и твердостью. Изображая его заслуги въ этомъ отношеніи, мы остановимся на трехъ вопросахъ, на его борьбѣ за начало прогресса и на его взглядахъ на народность и на государство.

Историческое направленіе, т. е. научное отношеніе къ исторіи, видитъ въ исторіи движеніе, развитіе; движеніе въ прошедшемъ влючаетъ въ себѣ представленіе о продолженіи его въ настоящемъ и будущемъ. Такимъ образомъ историческое направленіе ведетъ къ признанію прогресса въ современномъ обществѣ и къ требованію дальнѣйшаго успѣха. Связь между историческимъ направленіемъ и стремленіемъ къ прогрессу наглядно обнаруживается еще въ томъ, что направленіе противоположное — анти-историческое, какъ его называлъ Соловьевъ, отрицаетъ прогрессъ, относится къ нему враждебно.

С. М. Соловьевъ вообще не любилъ борьбы, полемики съ ложными тенденціями въ наукѣ и общественной жизни. Poleмика нарушала правильное теченіе его научныхъ занятій, которое сдѣлалось для него нравственною потребностью. Только анти-историческое направленіе, оживившееся въ нашей литературѣ въ концѣ 50 годовъ, заставило его измѣнить своему обычному правилу и выступить съ нѣсколькими журнальными статьями, заслуживающими въ наше время особеннаго вниманія. Анти-историческое направленіе проявлялось главнымъ образомъ въ произвольныхъ взглядахъ на древнюю Русскую исторію. Оно, напримѣръ, отрицало родовой бытъ и этимъ ставило исторію Русскаго народа внѣ общихъ законовъ, по которымъ развивалась исторія другихъ европейскихъ народовъ. Подобно тому, какъ у западныхъ народовъ, прежде чѣмъ установилось въ исторіи научное направленіе, идеализировали вольности предковъ, такъ и въ русской литературѣ явились поклонники вѣчеваго начала, стали преувеличивать значеніе земскихъ соборовъ и для большей важности выводили московскіе соборы изъ древняго городского вѣча. Но кромѣ искаженія отдѣльныхъ сторонъ Русской исторіи, анти-историческое направленіе устанавли-

¹⁾ Истор. письма. I, стр. 11.

вало совершенно превратный взгляд на общий ход Русской истории. Съ этой точки зрѣнія Русская история представляла постоянное уклоненіе отъ истиннаго пути. Не говоря уже о мнѣніи, будто Петровское преобразование насильственно оторвало Россію отъ самобытнаго, національнаго развитія, оказалось, что роковая ошибка была сдѣлана гораздо раньше, что въ концѣ XV вѣка захотѣли по византійской формѣ опредѣлить общественную жизнь Россіи, еще искавшую тогда своего равновѣсія и что уже тогда и можетъ быть вслѣдствіе этого начался упадокъ русской образованности. „Подчинивъ развитіе общества чужой формѣ, русскій человѣкъ тѣмъ самымъ лишилъ себя возможности живаго и правильнаго возрастанія въ самобытномъ просвѣщеніи“¹⁾. Совершенно послѣдовательно былъ потомъ сдѣланъ послѣдній логическій шагъ въ воздушное пространство; упадокъ самобытности Русскаго народа начинали считать не съ конца XV в., „когда стали смѣшивать христіанское съ византійскимъ“, а съ X вѣка, когда національная религія днѣпровскихъ славянъ должна была уступить мѣсто христіанству.

Понятно, что основатель историческаго направленія въ Русской исторіи не могъ равнодушно относиться къ этому отрицанію исторіи. Но интересъ исторической науки былъ въ этомъ случаѣ тѣсно связанъ съ высшими интересами общества. Анти-историческое направленіе, отрицавшее прогрессъ въ Русской исторіи, было въ то-же время отрицаніемъ современной цивилизаціи, результата предшествовавшаго прогресса.

Противъ этого враждебнаго отношенія къ современной цивилизаціи не могъ не выступить приверженецъ русскаго гуманизма. Съ свойственною ему широтою взгляда, добытаго черезъ близкое знакомство съ общею исторіею человѣчества, онъ тотчасъ привелъ въ связь это современное отрицаніе прогресса съ подобными-же стремленіями въ другія времена. Онъ вспомнилъ, „сколько разъ человѣчество приходило въ отчаяніе отъ прогресса, протестовало противъ него, старалось остановить его, уйти отъ него“!

„Самый мягкій, самый дряблый изъ народовъ Востока, народъ Индійскій, первый наскучилъ борьбою жизни, не могъ сладить съ прогрессомъ, привести въ возможную гармонію отношенія, имъ порожденныя, и протестовалъ противъ него“.

Характеризовавши это индійское отрицаніе прогресса, выразившагося въ религіозной формѣ буддизма, историкъ указываетъ, что и греки въ концѣ своего блестящаго, но односторонняго развитія, не могли сладить съ прогрессомъ, и у нихъ явился протестъ противъ него, который преимущественно обнаружился въ политическихъ сочиненіяхъ Платона: „Здѣсь высказалось стремленіе возвратить общество къ первоначальной простотѣ и единству, остановить дальнѣйшее дви-

¹⁾ „Русская Бесѣда“ 1857 г., № 1.

женіе, развитіе личныхъ отношеній, личныхъ способностей, личныхъ средствъ; и высшимъ идеаломъ поставлено то общество, въ которомъ у человѣка отняты семейство и собственность, два могущественные двигатели при развитіи силъ человѣка“¹⁾).

И въ стремленіи буддистовъ уйти отъ жизни, и въ мечтахъ греческаго философа о преобразованіи современнаго ему строя, и въ ихъ отвращеніи отъ движенія жизни, въ ихъ неумѣннн сладить съ прогрессомъ и желаніи остановить его, возвратиться къ первоначальной простотѣ, однообразію, небытію — нашъ историкъ видѣлъ одинаковое непризнаніе достоинства человѣка, одинаковое презрѣніе къ его нравственнымъ силамъ.

Тѣ же знакомыя черты стараго буддизма С. М. Соловьевъ находилъ и въ современномъ анти-историческомъ направленіи и потому видѣлъ въ немъ не что иное, какъ новый буддизмъ.

И этотъ новый буддизмъ былъ враждебенъ прогрессу, не хотѣлъ признавать его ни въ исторіи, ни въ современномъ обществѣ, стремился уйти отъ него, искалъ свои идеалы назади, въ первобытныхъ формахъ, предшествовавшихъ исторической жизни, и потому не только искажалъ исторію, но ставилъ современному обществу ложныя задачи, манилъ его на путь, который велъ къ застою, велъ къ разрушенію результатовъ, добытыхъ исторіей. Приманка, выставленная новымъ буддизмомъ для того, чтобы увлечь современное общество къ самоуничтоженію, заключалась въ одностороннемъ представленіи о народности.

Принципъ народности былъ въ извѣстномъ смыслѣ плодомъ реакціи противъ крайности предшествовавшаго космополитическаго принципа. Это была великая идея, оказавшая могучее и плодотворное вліяніе на политическое и духовное развитіе многихъ европейскихъ народовъ. Примѣненіе ея къ исторіи также имѣло своимъ послѣдствіемъ важный успѣхъ въ наукѣ; она привела къ болѣе реальному пониманію исторической жизни народовъ, на которую не обращала вниманія отвлеченная доктрина XVIII в. Но какъ всякое новое начало, и принципъ народности не избѣгнулъ искаженія, подвергся тому, что долженъ былъ служить средствомъ для стремленій отсталыхъ и для стремленій враждебныхъ обществу, подрывавшихъ значеніе новаго начала. Въ двухъ отношеніяхъ подвергнулся искаженію смыслъ новаго принципа, одинаково вредныхъ для цивилизаціи—въ національномъ и въ сословномъ. Приверженцы перваго увлеченія сводили національное къ антагонизму противъ общечеловѣческаго, приверженцы втораго искали національное только въ массѣ народа, въ одномъ сословіи—въ крестьянскомъ. Въ русской литературѣ 50 годовъ обѣ крайности большею частью соединялись въ однихъ и тѣхъ же представителяхъ. Отвергая прогрессъ, отвергая общечеловѣческое раз-

¹⁾ Истор. письма, I.

витіе, приверженцы этого направленія искали свой идеаль въ первобытныхъ формахъ и потому видѣли отступленіе отъ идеала въ томъ, что эти формы народной жизни подверглись вліянію общечеловѣческой культуры и въ то же время идеализировали первобытный строй, сохранившійся среди крестьянства; сѣтовали на то, что отъ однообразной массы отдѣлилась извѣстная часть народа, явились другія соловія, произошло развитіе политическихъ и общественныхъ формъ.

С. М. Соловьевъ энергически возставалъ противъ этихъ увлеченій въ современномъ Русскомъ обществѣ. Во имя гуманнаго начала онъ протестовалъ противъ самозваннаго стремленія къ народности, которое обыкновенно присоединяется къ буддистскимъ стремленіямъ. Онъ приводилъ въ связь узкое представленіе народности съ „мелкой недостойной великаго народа враждой, съ завистью къ другимъ народамъ“. Онъ указывалъ, что здѣсь, какъ и вездѣ, новые буддисты видятъ миражъ, предметы представляются имъ вверхъ ногами, они не догадываются, что прогрессъ, цивилизація, не уничтожаютъ народности, а наоборотъ, могущественно развиваютъ ее.

Превосходное доказательство справедливости этого положенія представляетъ вся Русская исторія и особенно Петровскій переломъ. Петра Великаго и вообще русскихъ людей XVIII вѣка упрекаютъ за то, что они рабски подражали чужому, брали все безъ разбора, не обращая вниманія на свое, на приложеніе чужаго къ своему, но, замѣчаетъ на это историкъ, подобный разборъ, подобная разсудительность, безпристрастная оцѣнка своего и чужаго, могла быть только слѣдствіемъ развитаго сознанія,—а какъ оно могло быть развито прежде, „при безсознательномъ подчиненіи принятому, освященному вѣками? Это ясное различіе своего и чужаго, это разумное, глубокое обращеніе вниманія на себя и на свое, могло быть только плодомъ долговременной жизни народа въ обществѣ другихъ народовъ, могло быть только плодомъ долговременнаго упражненія мысли народной, плодомъ глубокаго просвѣщенія“¹⁾.

Совершенно также возставалъ С. М. Соловьевъ противъ другой стороны самозваннаго стремленія къ народности, видѣвшаго, какъ выразился нашъ историкъ, „въ деревенской избѣ единственную купель очищенія для образованнаго общества“. Вполнѣ сочувствуя тому, что было высокаго и благодѣтельнаго въ симпатіи къ судьбѣ и положенію народныхъ массъ, пробудившейся въ XIX вѣкѣ и вызвавшей въ Россіи вслѣдствіе извѣстныхъ условій особенный интересъ къ крестьянскому сословію, С. М. Соловьевъ не могъ примириться съ тѣми крайностями, которыя нарушали цѣльное понятіе о народной жизни, идеализировали застой, высокое дѣлали пошлымъ, и благодѣтельное—вреднымъ.

Его ясный умъ, достигшій въ строгой школѣ науки самообладанія

¹⁾ Шлецеръ, 465.

и зрѣлости, былъ далекъ отъ тѣхъ мистиковъ, которые „не обладаютъ предметомъ своего мышленія, но которыми этотъ предметъ обладаетъ“. Онъ хорошо сознавалъ, что прогрессъ, развитіе, расчленяютъ, ведутъ къ разнообразію формъ бытовыхъ и общественныхъ; онъ потому не могъ сочувствовать тѣмъ, которые въ бытѣ крестьянскаго сословія видѣли послѣднее слово исторіи, идеаль челоуѣческаго общежитія. Мастерски характеризовавъ крестьянское сословіе, онъ спрашивалъ: почтенныя свойства крестьянъ, какъ сословія, не могутъ быть оспариваемы, но что же если цѣлый народъ живетъ въ формѣ быта земледѣльческаго ~~сословія~~ сословія? Онъ предостерегалъ своихъ современниковъ противъ „доведеннаго до крайности взгляда на значеніе народныхъ массъ безъ должнаго опредѣленія отношенія ихъ къ своимъ историческимъ представителямъ“¹⁾. Онъ ставилъ на видъ новымъ буддистамъ, „то, чего они никакъ не хотѣли понять“, а именно— „что по общему непреложному закону развитія люди низшихъ слоевъ общества, въ которыхъ по ихъ мнѣнію сохраняется истый народный духъ, по всѣмъ понятіямъ, обычаямъ, повѣрьямъ, гораздо сходнѣе съ подобными же себѣ у другихъ народовъ, нежели члены образованнаго общества въ разныхъ народахъ, и народный духъ слѣдовательно обитаетъ по преимуществу въ образованныхъ классахъ общества, ибо здѣсь высшая, духовная область, область сознанія“²⁾. Онъ заставлялъ ихъ поглядѣть на себя въ зеркало, указывая имъ на подобныя увлеченія у сосѣдняго народа и для этого написалъ подробный критическій разборъ книги извѣстнаго нѣмецкаго писателя Рила, который также возставалъ противъ чуждаго, нехорошаго вліянія, также совѣтовалъ своимъ соотечественникамъ возвратиться въ дѣсь, также вздыхалъ о первобытныхъ, сельскихъ формахъ, восхищался цѣльностью и глубокомысліемъ древне-германскаго начала, еще не подвергшагося вліянію христіанства, и, видя въ крестьянахъ вѣрныхъ хранителей старины, прославлялъ рустичитетъ. Противъ защитниковъ рустичитета С. М. Соловьевъ выступилъ съ цѣльнымъ гуманнмъ представленіемъ о народности, которымъ онъ заключаетъ свой разборъ книги Рила: „Еслибы Риль не позабылъ многоаго, еслибы не освободился отъ науки, какъ отъ докучнаго произведенія ненавистнаго прогресса, то не былъ бы германофиломъ и не сталъ бы искать нѣмецкой народности именно тамъ, гдѣ ея нѣтъ; тогда бы онъ зналъ, что нѣмецкая народность выразилась въ твореніяхъ Шиллера и Гете, Баха и Моцарта, Канта и Шеллинга, а не въ преданіяхъ избы, однакихъ у разныхъ народовъ, въ избахъ живущихъ“³⁾.

Разборъ книги столь талантливаго, столь благонамѣреннаго писателя показывалъ, по словамъ Соловьева, ясно, „къ какому

¹⁾ Ист. Рос., XVIII т., 249.

²⁾ Ист. письма, I, 22.

³⁾ Тамъ же, I, 27.

неимовѣрнымъ странностямъ и къ какому бесплодію ведетъ анти-историческое направленіе и этотъ буддистскій протестъ противъ прогресса, это стремленіе возвратиться къ первоначальной простотѣ, этотъ матеріализмъ, невѣріе въ нравственныя силы человѣка, который по мнѣнію буддистовъ тогда только чистъ и свѣжъ, когда живетъ въ лѣсу“¹⁾). Такому взгляду на народъ, суживающему это понятіе, С. М. Соловьевъ противопоставляетъ вѣрное воззрѣніе на общественный строй: „Въ новомъ обществѣ видимъ нѣсколько общественныхъ органовъ другъ подлѣ друга, связанныхъ единствомъ народнымъ и государственнымъ, видимъ церковь, законъ, городъ, село. Правильнѣйшее опредѣленіе отношеній между общественными органами, такое опредѣленіе, при которомъ бы эти органы не враждовали, не исключали, не подавляли другъ друга, но, сознавая значеніе каждаго, поддерживали другъ друга,—такое опредѣленіе отношеній составляетъ задачу европейско-христіанскаго общества“²⁾).

Далѣе культурное вліяніе автора „Исторіи Россіи“ проявляется въ его пониманіи государства и отношеній его къ народу. Мы говорили уже о національномъ и научномъ пониманіи государства у Соловьева; намъ приходится здѣсь указать на значеніе этого взгляда, на его важность для Русскаго общества. Объясняя заслуги автора „Исторіи Государства Россійскаго“, С. М. Соловьевъ спрашиваетъ: „Что такое племя, что такое народъ безъ государства? — Матеріаль, нестройный, безформенный матеріаль; только въ государствѣ народъ заявляетъ свое историческое существованіе, свою способность къ исторической жизни; только въ государствѣ становится онъ политическимъ лицомъ съ своимъ опредѣленнымъ характеромъ, съ своимъ кругомъ дѣятельности, съ своими правами. Первое драгоценнѣйшее благо государства есть независимость, самостоятельность, потомъ возможность заявить свое существованіе въ болѣе или менѣе широкой дѣятельности, участвовать въ общей жизни значительнѣйшихъ государствъ, лучшихъ представителей человѣчества“³⁾).

Здѣсь ясно выступаетъ цѣльный взглядъ на государство по отношенію его къ народу, и на первый планъ выставляется культурное назначеніе государства. Тотъ же взглядъ проявляется въ словахъ, гдѣ обозначаются общественныя задачи государственной власти: „Но вотъ цѣльное государство мало по малу образуется, усиливается стремленіе къ единству, усиливаются средства того начала, которое блюдетъ за соединеніемъ частей для достиженія общей цѣли, блюдетъ за соблюденіемъ мира и согласія между членами, за общественной безопасностью,—начала правительственнаго“⁴⁾).

Этимъ внутреннимъ объединеніемъ однако не ограничивается за-

¹⁾ Истор. письма, I, 27.

²⁾ Тамъ же, I, 11.

³⁾ Рѣчи въ день Карамз. юб., 7.

⁴⁾ Ист. письма, I, 13.

дача правительственной власти; этотъ результатъ только средство для достиженія общечеловѣческихъ цѣлей. Описывая великую эпоху, въ которой вырабатывалось начало единенія, историкъ говоритъ: „Человѣкъ освобождался изъ тѣсныхъ замкнутыхъ частныхъ союзовъ и становился членомъ государства, опредѣлялись непосредственныя отношенія каждаго человѣка къ государству, отсюда естественнымъ, необходимымъ путемъ выработалась идея человѣчества“¹⁾).

Подтвержденіемъ и проводникомъ такого взгляда служить „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Успѣхъ русской мысли чрезвычайно ясно обрисовывается при сравненіи этого сочиненія въ „Исторіей Государства Россійскаго“. Историческое направленіе приносило съ собой органическій взглядъ на государство и не нуждалось въ монголахъ, чтобы объяснить развитіе сильной государственной власти въ Россіи. Также органически объясняло оно и самыя историческія формы этой государственной власти. У Карамзина для объясненія ихъ поставлена на первый планъ глубокомысленная политика князей московскихъ, которые не удовольствовались собраніемъ частей въ цѣлое, а связали ихъ твердо и единовластіе усилили самодержавіемъ. По мнѣнію автора „Исторіи Государства Россійскаго“ московскіе великіе князья не только дали Русскому народу самодержавіе, но дали ему и тѣ свойства, которыя требовали для Россіи самовластія. У историка „Россія съ древнѣйшихъ временъ“ формы народной жизни обуславливаютъ собой формы государственной власти, и цѣль не смѣшивается со средствомъ. „Когда, говоритъ онъ по отношенію къ централизующему значенію Москвы,— части народонаселенія, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ, живутъ особою жизнію, не связаны раздѣленіемъ занятій, когда нѣтъ большихъ городовъ, кипящихъ разнообразною дѣятельностію, когда сообщенія затруднительны, сознанія общихъ интересовъ нѣтъ, то раздробленныя такимъ образомъ части приводятся въ связь, стигаются правительственною централизаціею, которая тѣмъ сильнѣе, тѣмъ слабѣе внутренняя связь; централизація восполняетъ недостатокъ внутренней связи, условливается этимъ недостаткомъ и разумѣется благотѣльна и необходима, ибо безъ нея все бы распалось и разбредлось: это хирургическая повязка на больномъ членѣ, страдающемъ потерю внутренней связи, внутренней сплоченности“²⁾).

Всего яснѣе выступаетъ цѣльность взгляда у С. М. Соловьева на отношеніе государственной власти къ обществу въ его представленіяхъ о Петрѣ Великомъ и объ отношеніяхъ его личной дѣятельности къ Русскому народу. Историкъ, видѣвшій въ этомъ народѣ европейски-христианское общество, развивавшееся при извѣстныхъ мѣстныхъ условіяхъ и особенностяхъ, конечно долженъ былъ чрезвычайно сочувствовать тому дѣятелю, благодаря которому особенно проявился европейскій характеръ Русскаго народа. Но при этомъ, какою умѣренно-

¹⁾ Ист. письма, I, 14.

²⁾ XIII т. 27.

стью, какую историческую правдою отличается его взглядъ. Отвергая крайнія мнѣнія какъ наивныхъ поклонниковъ, такъ и порицателей Петра, историкъ заявляетъ, что не можетъ настраивать своего повѣствованія о дѣлахъ Петра Великаго на тонъ хвалебныхъ пѣснопѣній Крекшинскихъ и Ломоносовскихъ; не можетъ восклицать, что Петръ привелъ русскихъ людей отъ небытія къ бытію и проч., но и не можетъ согласиться съ людьми, которые такъ часто говорятъ о любви къ русскому, къ Русской исторіи, позволяютъ себѣ унижать Русскій народъ, низводятъ его на степень не-историческаго народа, предполагая, что одинъ человекъ могъ увлечь его на неправый путь. Нѣтъ, „историкъ очень хорошо знаетъ, что вѣкъ Петра былъ вѣкомъ не свѣта, а разсвѣта; съ разсвѣтомъ начинается движеніе, пробужденіе; но разсвѣтъ, полумракъ, мерцаніе условливаетъ также хожденіе ощупью, спотыканіе.... Величіе Петра состоитъ въ томъ, что онъ началъ великое дѣло народнаго просвѣщенія, съ юношескою силой и самоотверженіемъ отдалъ этому дѣлу всего себя и въ силу своей гениальности въ короткое время сдѣлалъ изумительно много, разумѣется во внѣшнемъ, матеріальномъ отношеніи преимущественно, ибо его призваніе было начинать, а человекъ всегда и во всемъ начинаетъ со внѣшняго.... Историческій народъ, каковъ Русскій, не допускаетъ дѣятелей, подобныхъ гунскимъ, татарскимъ, Атиламамъ, Чингисханамъ, Тамерланамъ, которые силою своей воли увлекаютъ народныя массы, передвигаютъ ихъ съ одного мѣста на другое; повинувшись увлекающей силѣ, народы эти движутся стремительно, но потомъ останавливаются, возвращаются къ прежнему образу жизни, когда вождей нѣтъ болѣе. У народовъ историческихъ великій дѣятель есть полный представитель своего народа въ извѣстную эпоху, исполнитель потребностей, чувствуемыхъ народомъ въ извѣстное время; вождь, за которымъ народъ идетъ свободно и продолжаетъ начатое дѣло, когда вождя уже нѣтъ болѣе. Таковъ былъ именно Петръ Великій, полный представитель своего народа, сынъ своего вѣка, передовой человекъ въ томъ стремленіи, которое являлось какъ необходимое“¹⁾.

Тотъ же взглядъ проводится на Петровскій переворотъ и въ „Исторіи Россіи“. Онъ называется Петровскимъ по имени главнаго дѣятеля въ немъ, но представляетъ собою дѣло народное, подготовленное исторіей народа. „Если наша революція въ началѣ XVIII вѣка, говорить историкъ, была необходимымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей нашей исторіи, то изъ этого вполне выясняется значеніе главнаго дѣятеля въ переворотѣ, Петра Великаго: онъ является вождемъ въ дѣлѣ, а не создателемъ дѣла, которое потому есть народное, а не личное, принадлежащее одному Петру“²⁾.

Съ другой стороны историческій народный характеръ переворота

¹⁾ Шленеръ, 472.

²⁾ XIV т. 104.

не долженъ помѣшать исторію оцѣнить значеніе главнаго его виновника.... „И дѣятельность Петра была приготовлена, всей предшествовавшей исторіей, необходимо истекала изъ нея, требовалась народомъ, который долженъ былъ путемъ страшнаго переворота, посредствомъ необычайнаго напряженія силъ, выйти изъ отчаяннаго положенія на новую дорогу, къ новой жизни. Но это нисколько не уменьшаетъ величія человѣка, который, при совершеніи такого труднаго подвига, подалъ мощную руку великому народу, необычайною силою своей воли напрягъ всѣ его силы, далъ направленіе движенію“¹⁾.

И такъ, подвигъ великаго царя становится вмѣстѣ съ тѣмъ подвигомъ Русскаго народа, подвигомъ, „подобнаго которому не совершалъ никогда ни одинъ народъ“. Геній Петра, по опредѣленію историка, „усматривается въ ясномъ уразумѣннн положенія своего народа и своего собственнаго, какъ вождя этого народа“; величіе его выказывается въ томъ, что онъ созналъ свою обязанность „вывести слабый, бѣдный, почти неизвѣстный народъ изъ этого печальнаго положенія посредствомъ цивилизаціи“. Такимъ образомъ Соловьевъ счумѣлъ указать въ исторіи величайшаго изъ государственныхъ дѣятелей Россіи на значеніе народа и построить на этомъ прочномъ основаніи исторію государства.

Въ этомъ же отдѣлѣ своего сочиненія историкъ имѣлъ возможность ясно высказать свой взглядъ на призваніе и значеніе государства. И въ данномъ такъ же случаѣ легко оцѣнить значеніе этихъ взглядовъ, если сопоставить ихъ съ мнѣніями, которыя высказывались въ „Исторіи Государства Россійскаго“. Идеаломъ государственнаго правителя въ глазахъ Карамзина является Іоаннъ III. Онъ возводится на высшую степень величія не только передъ другими царями до-Петровской Руси, но и сравнительно съ Петромъ. Онъ изображенъ великимъ монархомъ, „достойнѣйшимъ жить и сіять въ святилищѣ исторіи“, потому что ему суждено было совершить два великіе подвига: освободить Россію отъ татаръ и водворить единовластіе неограниченное²⁾. При такомъ взглядѣ легко могло укрыться отъ взора наблюдателя значеніе новыхъ, существенныхъ чертъ Петровскаго государства. Эти черты указаны, оцѣнены историческимъ направленіемъ. Государство, по идеѣ Петра, становится школою для народа; „народъ дѣйствительно учится, учится не одной цифири и геометріи, не въ однихъ школахъ, русскихъ и заграничныхъ; народъ учится гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности“³⁾.

Вся система Петра была направлена противъ главныхъ золъ, которыми страдала древняя Россія, противъ разрозненности силъ, непривычки къ общему дѣлу, противъ отсутствія самодѣятельности, от-

¹⁾ XVIII т., 247.

²⁾ Газаховъ. Юб. Карамзина. „Вѣстникъ Европы“ 1866, т. IV, стр. LXIII.

³⁾ XVIII т., стр. 251 и сл.

судствія способности начинать дѣло. Указавши на учрежденіе Сената, историкъ поясняетъ взглядъ Петра на это учрежденіе: „Петръ не ревновалъ. къ созданной имъ власти, не ограничивалъ ее; наоборотъ, онъ постоянно и безцеремонно требовалъ, чтобы Сенатъ пользовался своимъ значеніемъ, чтобы былъ именно правительствующимъ“. Прежде русскій человекъ, принимавшій порученіе правительства, привыкъ ходить на помочахъ; „ему не вѣрили, боялись его малѣйшаго движенія и потому спеленывали какъ ребенка въ длинный, подробный наказъ“. Отсюда привычка требовать указовъ, которая такъ сильно сердила Петра. Упомянувъ о введенныхъ Петромъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ, историкъ раскрываетъ ихъ смыслъ, показываетъ, какъ „изъ-за отдѣльныхъ лицъ выдвинулись учрежденія и надъ всѣми ими поднялось государство, о настоящемъ значеніи котораго русскіе люди услышали въ первый разъ теперь, когда должны были присягать государству..... Но, выставивъ значеніе государства, заставивъ повидимому приносить этому новому божеству тяжелыя жертвы и самъ подавая примѣръ, Петръ однако принялъ мѣры, чтобы личность не была подавлена, а получила должное, уравновѣшивающее развитіе“. На первомъ мѣстѣ здѣсь разумѣется должно быть поставлено образованіе, введенное Петромъ, знакомство съ европейскими народами.... Такимъ образомъ начертана была обширная программа на много и много лѣтъ впередъ.

Этотъ научно-гуманный духъ, который высказывается въ воззрѣніяхъ Соловьева на Петра Великаго и установленный имъ строй, проникаетъ и всѣ слѣдующіе за исторіей Петра томы великаго труда. Въ этомъ самомъ духѣ была бы конечно и окончена „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, если бы она не была прервана такъ неожиданно. Историкъ однако успѣлъ уже ясно намѣтить свой взглядъ на знаменитое царствованіе Екатерины II, когда послѣ тревожной эпохи преобразованія и переходнаго времени Елизаветинскаго царствованія явились плоды тяжелой черной работы русскихъ людей въ первую половину XVIII вѣка. Благодаря искусной и твердой правительственной рукѣ, движеніе впередъ шло безостановочно; но шло правильно, спокойно и осторожно, при ясномъ сознаніи того, откуда надобно было идти и куда стремиться. Историкъ указалъ, „какая произошла перемѣна въ основномъ взглядѣ русскихъ людей въ царствованіе Екатерины, какъ они заявили свое недовольство однимъ виѣшнимъ и требовали внутренняго, требовали „вложенія души въ тѣло“ и какъ „требованіе было удовлетворено“.

Предшествовавшія указанія дали намъ достаточно основаній для общей оцѣнки дѣятельности С. М. Соловьева, какъ историка и для опредѣленія его мѣста въ исторіи русскаго просвѣщенія. Въ исторіи выражается народное самопознаніе и историографія служитъ средствомъ для его выясненія. Въ лицѣ С. М. Соловьева русская историографія довершила задачу, которую она такъ давно стремилась выпол-

нить. Въ немъ соединились всѣ условія, необходимыя для національнаго историка въ полномъ и истинномъ смыслѣ этого слова. „Самопознаніе есть вѣнецъ знанія; можно ли было ожидать вѣнца знанія въ то время, когда знаніе еще было въ зародышѣ“? — спрашивалъ С. М. Соловьевъ по поводу историковъ XVIII вѣка. Ему было суждено поставить созидающееся зданіе русской историографіи на прочномъ основаніи, потому что этимъ основаніемъ была современная европейская наука. Но историческая наука не должна представлять только зеркало для прошедшаго, она имѣетъ культурное, общественное призваніе, и такъ понималъ свою задачу С. М. Соловьевъ. Для русской науки, какъ и для всякой другой, эта задача выполнима только въ союзѣ съ обще-европейскимъ просвѣщеніемъ, и въ этомъ отношеніи С. М. Соловьевъ направилъ русскую историографію на вѣрный путь; ни его патріотизмъ, ни его преданность православной церкви не мѣшали ему считать себя европейцемъ и требовать отъ Русскаго общества, чтобы европейское ему не было чуждо. Онъ сдѣлалъ болѣе; онъ доказалъ своей исторіей, что стремленіе къ европейской наукѣ и обще-человѣческому просвѣщенію есть исконное стремленіе въ Россіи, есть національное стремленіе. Историческіе труды Соловьева раскрыли постепенное, но непрерывное развитіе этого стремленія отъ первыхъ зародышей его въ „ревнителяхъ просвѣщенія“ въ древней Руси, отъ болѣе яснаго проявленія его въ „русскихъ исповѣдникахъ просвѣщенія“¹⁾ въ XVII вѣкѣ, до сознательнаго упроченія его въ преобразованіяхъ великаго царя. Въ рядахъ этихъ русскихъ ревнителей просвѣщенія одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ принадлежитъ русскому національному историку, основателю историческаго направленія въ Русской исторіи, такъ высоко понимавшему какъ научный характеръ, такъ и просвѣтительное призваніе русской историографіи и оставившему своимъ преемникамъ слѣдующій великій завѣтъ:

„Положительная сторона въ трудахъ по Русской исторіи обозначилась ясно: послѣдователи историческаго направленія съ глубокимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдятъ за строеніемъ великаго зданія, замѣчаютъ, какъ участвуетъ въ этой постройкѣ каждый вѣкъ, каждое поколѣніе, что прибавляетъ къ зданію прочнаго, остающагося; участіе къ строителямъ, къ передовымъ людямъ въ дѣлѣ созиданія усиливается при видѣ тѣхъ страшныхъ препятствій, съ которыми они должны были бороться; съ особеннымъ сочувствіемъ прислушиваются къ жалобѣ на недостатокъ свѣта. И вотъ наконецъ является свѣтъ, сначала слабый, потомъ постепенно распространяется; но чѣмъ болѣе распространяется онъ, тѣмъ болѣе чувствуется въ немъ нужда, требуется, чтобы все зданіе было освѣщено, чтобы всѣ работники видѣли другъ друга и тѣмъ согласнѣе могли дѣйствовать, чтобы не было темныхъ угловъ, куда бы могли укрыться и лѣнь, и зло; отовсюду слышится громкій, утѣшительный вопль: „свѣта больше, свѣта!“

¹⁾ „Русск. Вѣстн.“ 1857 г., сентябрь.

Сказавши объ историкѣ, мы должны сказать нѣсколько словъ о человѣкѣ, потому что въ С. М. Соловьевѣ обширности и глубинѣ знанія, плодотворной дѣятельности въ наукѣ, соответствовали, что не всегда бываетъ, благородный и цѣльный характеръ, высота нравственнаго бытія. Честный историкъ былъ и честнымъ гражданиномъ. Правды, которую онъ вносилъ въ исторію, онъ всегда требовалъ и въ жизни отъ себя и отъ другихъ; онъ допускалъ для осуществленія правды только чистыя средства, признавалъ только прямой и открытый путь. Онъ служилъ правдѣ не однимъ неусыпнымъ ученымъ трудомъ, не одними только убѣжденіями, а всею своею личностью. По смерти Грановскаго и Кудрявцева онъ сталъ въ университетѣ главнымъ представителемъ исходившаго отъ нихъ преданія и былъ въ немъ центромъ для людей, особенно дорожившихъ этимъ преданіемъ. Нравственная сила, поддерживаемая этимъ преданіемъ, не замедлила обнаружиться въ университетской жизни, но вслѣдствіе различныхъ неблагоприятныхъ условий не могла взять верхъ, и въ 1867 г. С. М. Соловьевъ съ пятью близкими ему лицами нашель нужнымъ выйти изъ университета. Къ счастью онъ былъ тогда возвращенъ Московскому университету и когда послѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ составѣ профессорской корпораціи, университетъ, признавая его значеніе, избралъ его въ ректоры, для этого учрежденія наступила новая счастливая пора внутренняго развитія, оправдавшая начала, положенныя въ основаніе Университетскаго устава 1863 г. Ректорство С. М. Соловьева было знаменемъ служенія однимъ только научнымъ интересамъ и широкаго пониманія задачъ университетской жизни. Но если Московскій университетъ не забудетъ времени, когда во главѣ его стоялъ С. М. Соловьевъ, то нельзя также забыть, что для него самого это было не радостное время. Только по чувству долга по отношенію къ университету онъ принялъ ректорство, отъ котораго долго отказывался, сказавъ при этомъ лицамъ убѣждавшимъ его: „Госнода, я принимаю, потому что это тяжело!“—Тяжелый для него долгъ онъ исполнялъ съ свойственной ему добросовѣстностью, съ тѣмъ миролюбіемъ и той прямою, которая отражались въ его кроткомъ и чистомъ взглядѣ. Но слова, написанныя имъ нѣкогда объ исповѣдникахъ просвѣщенія въ XVII вѣка, отстаивавшихъ права зарождавшейся въ Россіи науки, что имъ „нужно было много труда, много жертвъ и страданій“—сдѣлались какъ-бы пророческими словами для него самого. Ему опять пришлось бороться противъ недовѣрія къ наукѣ, „исходившаго отъ неумѣнья сладить съ прогрессомъ, отъ стремленія остановить его, возвратиться къ первоначальнымъ формамъ“. Но теперь дѣло шло не о литературныхъ направленіяхъ, не объ историческихъ взглядахъ, оно касалось жизненныхъ формъ русской науки, университетскаго строя. Ученый, который своею многолѣтнею всѣми признанною дѣятельностью, доказалъ, какъ онъ умѣлъ согласовать самую искреннюю, разумную преданность государственному началу съ

безкорыстнымъ стремленіемъ къ наукѣ и просвѣщенію, — могъ конечно вѣрнѣе и безпристрастнѣе многихъ другихъ судить объ истинныхъ потребностяхъ русской науки. Но ему не суждено было дать перевѣсъ тому, что онъ считалъ правымъ дѣломъ и весною 1877 г. С. М. Соловьевъ былъ принужденъ оставить ректорство и прославленную имъ катедру. Надежды людей, понимающихъ, что наука живетъ въ лицахъ, а не въ учрежденіяхъ, желаніе ихъ видѣть знаменитаго историка снова во главѣ университета, не сбылись.... 4-го октября въ день годовщины смерти Грановскаго, С. М. Соловьевъ скончался.

Говорить подробнѣе о значеніи и дѣятельности С. М. Соловьева, какъ представителя Московскаго университета, было-бы здѣсь неумѣстно. Объ этомъ скажетъ исторія Московскаго университета и должна сказать исторія русскаго просвѣщенія. Но не упомянуть объ этомъ въ характеристикѣ С. М. Соловьева значило-бы упустить изъ вида существенную сторону его жизни, цѣльность его натуры, связь свѣта и правды въ немъ; значило-бы позабыть о нравственномъ значеніи его личности для русской науки. Судьба обществъ и учрежденій зависитъ не отъ однихъ историческихъ законовъ, но и отъ успѣха въ нравственномъ развитіи, а это развитіе совершается главнымъ образомъ подъ вліяніемъ характера и нравственной высоты передовыхъ личностей. Въ этомъ отношеніи С. М. Соловьевъ можетъ имѣть благотворное вліяніе на представителей науки и просвѣщенія въ Россіи; если для нихъ не пройдетъ безслѣдно его образъ, если на нихъ отпечатлѣется этотъ чистый, благородный типъ русскаго ученаго, то они исполнять свое призваніе подобно тому, какъ исполнили свой долгъ лучшіе люди той эпохи, когда, по словамъ историка, „здоровыя силы народа должны были находиться въ крайнемъ напряженіи для того, чтобы одолѣть многочисленныя и тяжкія болѣзни, поразившія общественное тѣло, когда лучшіе люди должны были обнаружить всю свою дѣятельность, и дѣятельность ихъ требовалась на разныхъ пунктахъ, ибо вездѣ общество сильно нуждалось въ свѣтѣ и правдѣ“!

В. Герье.

КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ.

Изъ рассказовъ о трехъ праведникахъ ¹⁾.

I.

НАСЪ не переводились, да и не переведутся праведные. Ихъ только не замѣчаютъ, а если стать присматриваться—они есть. Я сейчасъ вспоминаю цѣлую обитель праведныхъ, да еще изъ такихъ временъ, въ которыя святое и доброе больше чѣмъ когда нибудь пряталось отъ свѣта. И замѣйте, все не изъ чернородья и не изъ знати, а изъ людей служилыхъ, зависимыхъ, коимъ соблюсти правоту труднѣе, но тогда были... Вѣрно и теперъ есть, только разумѣется искать надо.

Я хочу вамъ рассказать нѣчто весьма простое, но не лишенное занимательности — сразу о четырехъ праведныхъ людяхъ такъ называемой „глухой поры“, хотя я увѣренъ, что тогда подобныхъ было очень много.

II.

Воспоминанія мои касаются Перваго Петербургскаго кадетскаго корпуса и именно одной его поры, когда я тамъ жилъ, учился и сразу въявь видѣлъ всѣхъ четырехъ праведниковъ, о которыхъ буду рассказывать. Но прежде позвольте мнѣ сказать о самомъ корпусѣ, какъ мнѣ представляется его заключительная исторія.

¹⁾ Задуманные и начатые мною очерки „Трехъ русскихъ праведныхъ“ подали мысль одному почтенному престарѣлому человѣку рассказать мнѣ его школьныя воспоминанія, интересныя для характеристики времени, котораго они касаются, и очень дорогія для моей коллекціи „трехъ праведниковъ“, которую они сразу исполняютъ до избытка. Рассказчикъ желаетъ остаться неназваннымъ, но рассказъ его передавъ мнѣ при весьма извѣстныхъ и заслуживающихъ уваженія лицахъ. Я тутъ ничего не добавляю, а только записалъ и привелъ въ порядокъ. Н. Л.

До воцаренія императора Павла корпусъ былъ раздѣленъ на возрасты, а каждый возрастъ на камеры. Въ каждой камерѣ было по двадцати человекъ и при нихъ были гувернеры изъ иностранцевъ, такъ называемые „аббаты“ — французы и нѣмцы. Бывали кажется и англичане. Каждому аббату давали по пяти тысячъ рублей въ годъ жалованья и они жили вмѣстѣ съ кадетами и даже вмѣстѣ и спали, дежуря по двѣ недѣли. Подъ ихъ надзоромъ кадеты готовили уроки, и какой національности былъ дежурный аббатъ, на томъ языкѣ должны были всѣ говорить. Отъ этого знаніе иностранныхъ языковъ между кадетами было очень значительно и этимъ конечно объясняется, почему Первый кадетскій корпусъ далъ такъ много пословъ и высшихъ офицеровъ, употреблявшихся для дипломатическихъ посылокъ и сношеній.

Императоръ Павелъ Петровичъ, какъ пріѣхалъ въ корпусъ въ первый разъ по своему воцареніи, сейчасъ-же приказалъ: „аббатовъ прогнать, а корпусъ раздѣлить на роты и назначить въ каждую роту офицеровъ, какъ обыкновенно въ ротахъ полковыхъ“¹⁾.

Съ этого времени образованіе во всѣхъ своихъ частяхъ пало, а языкованіе—вовсе уничтожилось. Объ этомъ въ корпусѣ жили преданія, не позабытыя до той сравнительно поздней поры, съ которой начинаются мои личныя воспоминанія о здѣшнихъ людяхъ и порядкахъ.

Я прошу вѣрить, а лично слышавшихъ меня—засвидѣтельствовать, что моя память совершенно свѣжа и умъ мой не находится въ разстройствѣ, а такъ-же я понимаю слегка и цѣлѣе время. Я нечуждъ направленій нашей литературы: я читалъ и до сихъ поръ читаю не только что мнѣ нравится, но часто и то, что не нравится, и знаю, что люди, о которыхъ буду говорить, не въ фаворѣ обрѣтаются. Время то обыкновенно называютъ „глухое“, что и справедливо, а людей, особенно военныхъ, любятъ представлять сплошь „секалозубами“, что можетъ быть нельзя признать вполне вѣрнымъ. Были люди высokie, люди такого ума, сердца, честности и характеровъ, что лучшихъ кажется и искать не зачѣмъ:

Всѣмъ теперешнимъ взрослымъ людямъ извѣстно, какъ воспитывали у насъ юношество въ послѣдующее, менѣе глухое время; видимъ теперь на глазахъ у себя, какъ сейчасъ воспитываютъ. Всякой вещи свое время подъ солнцемъ. Кому что нравится. Можетъ быть хорошо и то, и другое, а я коротенько расскажу, кто насъ воспитывалъ и какъ воспитывалъ, т. е. какими чертами своего примѣра эти люди отразились въ нашихъ душахъ и отпечатлѣлись на сердцахъ, потому что — грѣшный человекъ — внѣ этого, т. е. безъ живаго возвышающаго чувства примѣра никакого воспитанія не понимаю. Да впрочемъ теперь и большіе ученые съ этимъ согласны.

¹⁾ Изъ краткой исторіи Перваго кадетскаго корпуса, составленной Висковатовымъ, видно, что это произошло 16 января 1797 года.

«Ист. вѣст.», годъ 1. томъ 1.

И такъ, вотъ мои воспитатели, которыми я на старости лѣтъ задумалъ хвалиться. Иду по номерамъ.

III.

№ 1. Директоръ, генераль-маіоръ Перскій (изъ воспитанниковъ лучшаго времени Перваго-же корпуса). Я опредѣлился въ корпусъ въ 1822 году вмѣстѣ съ моимъ старшимъ братомъ. Оба мы были еще маленькіе. Отецъ привезъ насъ на своихъ лошадяхъ изъ Херсонской губерніи, гдѣ у него было имѣніе, жалованное „матушкою Екатериною“. Аракчеевъ хотѣлъ отобрать у него это имѣніе подъ военное поселеніе, но нашъ старіеъ поднялъ такой шумъ и упорность, что на него махнули рукою и подаренное ему „матушкою“ имѣніе оставили въ его владѣніи.

Представляя насъ съ братомъ генералу Перскому, который въ одномяъ своемъ лицѣ сосредоточивалъ должности директора и инспектора корпуса, отецъ былъ растроганъ, такъ какъ онъ оставлялъ насъ въ столицѣ, гдѣ у насъ не было ни одной души ни родныхъ, ни знакомыхъ. Онъ сказалъ объ этомъ Перскому и просилъ у него „вниманія и покровительства“.

Перскій выслушалъ отца терпѣливо и спокойно, но не отвѣчалъ ему ничего, вѣроятно потому, что разговоръ шелъ при насъ, а прямо обратился къ намъ и сказалъ:

— Ведите себя хорошо и исполняйте то, что приказываетъ вамъ начальство. Главное, вы найдите только самихъ себя и никогда не пересказывайте начальству о какихъ-либо шалостяхъ своихъ товарищей. Въ этомъ случаѣ васъ никто уже не спасетъ отъ бѣды.

На кадетскомъ языкѣ того времени для занимавшихся такимъ недостойнымъ дѣломъ, какъ пересказъ чегонибудь и вообще искательство передъ начальствомъ, было особенное выраженіе „подъегозчикъ“, и этого преступленія кадеты никогда не прощали. Съ виновнымъ въ этомъ обращались презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не уничтожало. Такой самосудъ можетъ быть былъ и хорошъ, и худъ, но онъ несомнѣнно воспитывалъ въ дѣтяхъ понятія чести, которыми кадеты бывшихъ временъ не даромъ славились и не измѣняли имъ на всѣхъ ступеняхъ служенія до гроба.

Михаилъ Степановичъ Перскій былъ замѣчательная личность; онъ имѣлъ въ высшей степени представительную наружность и одѣвался щеголемъ. Не знаю, было ли это щегольство у него въ натурѣ, или онъ считалъ обязанностію служить имъ для насъ примѣромъ опрятности и военной аккуратности. Онъ до такой степени былъ постоянно занятъ нами и все, что ни дѣлалъ, то дѣлалъ для насъ, что мы были въ этомъ увѣрены и тщательно старались подражать ему. Онъ всегда былъ одѣтъ самымъ форменнымъ, но самымъ изящнымъ образомъ:

всегда носилъ тогдашнюю трехъугольную шляпу „по формѣ“, держался прямо и молодцевато и имѣлъ важную, величавую походку, въ которой какъ-бы выражалось настроеніе его души, пронизанной служебнымъ долгомъ, но незнавшей служебнаго страха.

Онъ былъ съ нами въ корпусѣ безотлучно. Никто не помнилъ такого случая, чтобы Перскій оставилъ зданіе, и одинъ разъ, когда его увидали съ сопровождавшимъ его вѣстовымъ на тротуарѣ,—весь корпусъ пришелъ въ движеніе, и отъ одного кадета другому передавалось невѣроятное извѣстіе: „Михаилъ Степановичъ прошелъ по улицѣ!“

Ему впрочемъ и некогда было разгуливать: будучи въ одно и то же время директоромъ и инспекторомъ, онъ по этой послѣдней обязанности четыре раза въ день непремѣнно обходилъ всѣ классы. У насъ было четыре перемены уроковъ, и Перскій непремѣнно бывалъ на каждомъ урокѣ. Придетъ, посидитъ или постоитъ, послушаетъ и идетъ въ другой классъ. Рѣшительно ни одинъ урокъ безъ него не обходился. Обходъ свой онъ дѣлалъ въ сопровожденіи вѣстоваго, такого же какъ онъ рослаго унтеръ-офицера, музыканта Ананьева. Ананьевъ всюду его сопровождалъ и отерывалъ передъ нимъ двери.

Перскій исключительно занимался по научной части и отстранилъ отъ себя фронтovou часть и наказанія за дисциплину, которыхъ терпѣть не могъ и не переносилъ. Отъ него мы видѣли только одно наказаніе: кадета лѣниваго или нерадиваго онъ бывало слегка коснется въ лобъ кончикомъ безъимяннаго пальца, какъ бы оттолкнетъ отъ себя и скажетъ своимъ чистымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Ду-ур-ной кадетъ!.. И это служило горькимъ и памятнымъ урокомъ, отъ котораго заслужившій такое порицаніе часто не пилъ и не ѣлъ и всячески старался исправиться и тѣмъ „утѣшить Михаила Степановича“.

Надо замѣтить, что Перскій былъ холостъ, и у насъ существовало такое убѣжденіе, что онъ и не женится тоже для насъ.—Говорили, что онъ боится, обязавшись семействомъ, уменьшить свою о насъ заботливость. И здѣсь же у мѣста будетъ сказать, что это кажется совершенно справедливо. По крайней мѣрѣ знавшіе Михаила Степановича говорили, что на шуточные или нешуточные разговоры съ нимъ о женитьбѣ онъ отвѣчалъ:

— Мнѣ PROVIDѢніе вѣрило такъ много чужихъ дѣтей, что некогда думать о собственныхъ,—и это въ его правдивыхъ устахъ конечно была не фраза.

IV.

Жилъ онъ совершенно монахомъ. Болѣе строгой аскетической жизни въ міру нельзя себѣ и представить. Не говоря о томъ, что самъ Перскій не ѣздилъ ни въ гости, ни въ театры, ни въ собранія,—онъ и у себя на дому никогда никого не принималъ.

няться съ нимъ по дѣлу всякому было очень легко и свободно, но только въ приемной комнатѣ, а не въ его квартирѣ. Тамъ никто посторонній не бывалъ, да и по слухамъ, разошедшимся вѣроятно отъ Ананьева, квартира его была неудобна для приемовъ: комнаты Перскаго представляли видъ самой крайней простоты.

Вся прислуга директора состояла изъ одного вышеупомянутаго вѣстового, музыканта Ананьева, который не отлучался отъ своего генерала. Онъ, какъ сказано, сопровождалъ его при ежедневныхъ обходахъ классовъ, дортуаровъ, столовыхъ и малолѣтняго отдѣленія, гдѣ были дѣти отъ четырехъ лѣтняго возраста, за которыми наблюдали уже не офицеры, а приставленные къ тому дамы. Этотъ Ананьевъ и служилъ Перскому, т. е. тщательно и превосходно чистилъ его сапоги и платье, на которомъ никогда не было пылинки, и ходилъ для него съ судками за обѣдомъ, не куда нибудь въ избранный ресторанъ, а на общую кадетскую кухню. Тамъ кадетскими же стряпунами готовился обѣдъ для бесемейныхъ офицеровъ, которыхъ въ нашеи монастырѣ какъ бы по примѣру начальника завелось много, и Перскій кушалъ этотъ самый обѣдъ, платя за него эконому такую же точно скромную плату, какъ и всѣ другіе.

Понятно, что находившись весь день по корпусу, особенно по классамъ, гдѣ онъ былъ не для формы, а имѣя хорошія свѣдѣнія во всѣхъ наукахъ, внимательно вникалъ въ преподаваніе, — Перскій приходилъ къ себѣ усталый, съѣдалъ свой офицерскій обѣдъ, отличавшійся отъ общаго кадетскаго обѣда однимъ лишнимъ блюдомъ, но не отдыхалъ, а тотчасъ же садился просматривать всѣ журнальныя отмѣтки всѣхъ классовъ за день. Это давало ему средство знать всѣхъ учениковъ ввѣреннаго ему обширнаго заведенія и не допускать случайной оплошалости перейти въ привычную лѣность. Всякій, получившій сегодня неудовлетворительный балъ, мучился ожиданіемъ, что завтра Перскій непременно его подзоветъ, тронетъ своимъ античнымъ, бѣлымъ пальцемъ въ лобъ и скажетъ:

— Дурной кадетъ.

И это было такъ страшно, что казалось страшнѣе свѣченія, которое у насъ практиковалось, но не за науки, а только за фронтъ и дисциплину, отъ завѣдыванія коими Перскій, какъ сказано, устранился, вѣроятно потому, что здѣсь нельзя было по тогдашнему обычаю обходиться безъ тѣлесныхъ наказаній, а они ему несомнѣнно были противны.

Съѣли ротные командиры, изъ которыхъ большой охотникъ до этого дѣла былъ командиръ первой роты Ореусъ.

Вечеръ свой Перскій проводилъ за инспекторскими работами, составляя и провѣряя росписанія и сѣображая успѣхи учениковъ съ пройденными частями программы. Потомъ онъ много читалъ, находя въ этомъ большую помощь въ знаніи языковъ. Онъ основательно зналъ языки французскій, нѣмецкій, англійскій и постоянно упраж-

нялся въ нихъ чтеніемъ. Затѣмъ онъ ложился немного по-позже насъ для того, чтобы завтра опять встать немного насъ пораньше.

Такъ проводилъ изо дня въ день много лѣтъ къ ряду этотъ достойный человѣкъ, котораго я рекомендую не исключить со счета при смѣтѣ о трехъ русскихъ праведникахъ. Онъ жилъ и умеръ честнымъ человѣкомъ безъ пятна и упрека; но этого мало: это все еще идетъ подъ чертою простой, хотя, правда, весьма высокой честности, которой достигаютъ немногіе, — однако все это только честность. А у Перскаго была и доблесть, которую мы, дѣти, считали своею, т. е. нашею, кадетскою, потому что Михайло Степановичъ Перскій былъ воспитанникъ нашего кадетскаго корпуса и въ лицѣ своемъ олицетворялъ для насъ духъ и преданія кадетства.

V.

По нѣкоторому стеченію обстоятельствъ мы, ребяташки, сдѣлались причастны къ одному событію декабристскаго бунта. Фасъ нашего корпуса, какъ извѣстно, выходилъ на Неву, прямо противъ нынѣшней Исакиевской площади. Всѣ роты были размѣщены по линіи, а резервная рота выходила на фасъ. Я былъ тогда именно въ этой резервной ротѣ и намъ, изъ нашихъ оконъ, было все видно.

Кто знаетъ графически это положеніе, тотъ его пойметъ, а кто не знаетъ — тому нечего рассказывать. Было такъ, какъ я говорю.

Тогда съ острова прямо къ этой площади былъ мостъ, который такъ и назывался Исакиевскимъ мостомъ. Изъ оконъ фаса намъ видно было на Исакиевской площади огромное стеченіе народа и бунтовавшихся войскъ, которыя состояли изъ баталіона Московскаго полка и двухъ ротъ экипажа-гвардіи. Когда послѣ шести часовъ вечера открыли огонь изъ шести орудій, стоявшихъ противъ Адмиралтейства и направленныхъ на Сенатъ, и въ числѣ бунтовавшихся появились раненые, то изъ нихъ нѣсколько человѣкъ бросились бѣжать по льду черезъ Неву. Одни изъ нихъ шли, а другіе ползли по льду и, перебравшись на нашъ берегъ, человѣкъ шестнадцать вошли въ ворота корпуса, и тутъ который гдѣ привалились, — кто подъ стѣной, кто на сходахъ къ служительскимъ помѣщеніямъ.

Помнится, будто все это были солдаты бунтовавшаго баталіона Московскаго полка.

Кадеты, услыхавъ объ этомъ или увидавъ раненыхъ, безъ удержа, но и безъ уговора, никого не слушая, бросились къ нимъ, подняли ихъ на руки и уложили cadaго, какъ могли лучше. Имъ собственно хотѣлось уложить ихъ на свои койки, но не помню, почему-то это такъ не сдѣлалось, хотя другіе говорятъ, что будто и такъ было. Однако я объ этомъ не спорю и этого не утверждаю. Можетъ быть, что кадеты размѣстили раненыхъ по солдатскимъ койкамъ въ служи-

тельской казармѣ и тутъ принялись оволо нихъ фельдшерить и имъ прислуживать. Не видя въ этомъ ничего предосудительнаго и дурнаго, кадеты не скрывались съ своимъ поступкомъ, котораго къ тому же и невозможно было скрыть. Сейчасъ же они дали знать объ этомъ директору Перскому, а сами межъ тѣмъ, уже сдѣлали какъ умѣли, раненымъ перевязку. А какъ бунтовщики стояли цѣлый день не ѣвши, то кадеты распорядились также ихъ накормить, для чего, построившись къ ужину, сдѣлали такъ называемую „передачу“, т. е. по всему фронту передали шопотомъ слова:

— „Пироговъ не ѣсть, раненымъ“. „Пироговъ не ѣсть, — раненымъ“...

Эта „передача“ ¹⁾ была приемъ обыкновенный, къ которому мы всегда обращались, когда въ корпусѣ были кадеты, арестованные въ карцерѣ и оставленные „на хлѣбъ и на воду“.

Дѣлалось это такимъ образомъ: когда мы выстроивались всѣмъ корпусомъ передъ обѣдомъ или передъ ужиномъ, то отъ старшихъ кадетъ-гренадеровъ, которые всегда больше знали домашнія тайны корпуса и имѣли авторитетъ на младшихъ, — „шло приказаніе“, передаваемое отъ одного сосѣда къ другому шопотомъ и всегда въ самой короткой, лаконической формѣ. Напримѣръ:

— Есть арестанты—пирогои не ѣсть.

Если по росписанію въ этотъ день не было пироговъ, то точно такой же приказъ отдавался на счетъ котлетъ, и не смотря на то, что утаить и вынести изъ-за стола котлеты было гораздо труднѣе, чѣмъ пирогои, но мы умѣли это дѣлать очень легко и незамѣтно. Да впрочемъ начальство, зная нашъ въ этомъ случаѣ непреклонный ребячій духъ и обычай, совсѣмъ къ этому не придиралось. „Не ѣдать, уносить, — ну и пускай уносить“. Худа въ этомъ не полагали, да его можетъ быть и не было. Это маленькое правонарушеніе служило къ созиданію великаго дѣла: оно воспитывало духъ товарищества, духъ взаимной помощи и состраданія, который придаетъ всякой средѣ теплоту и жизненность, съ утратой коихъ люди перестаютъ быть людьми и становятся холодными эгоистами, неспособными ни къ какому дѣлу, требующему самоотверженія и доблести.

Такъ было и въ этотъ, для нѣкоторыхъ изъ насъ, очень много-последственный день, когда мы уложили и перевязали своими платками раненыхъ бунтовщиковъ. Гренадеры дали передачу:

— „Пироговъ не есть,—раненымъ“.

И всѣ этотъ приказъ исполнили во всей точности, какъ было принято: пироговъ никто не ѣлъ, и всѣ они были отнесены раненымъ, которые вслѣдъ затѣмъ были куда-то убраны.

День кончился по обыкновенію и мы уснули, ни мало не помыш-

¹⁾ Воспитанники корпуса позднѣйшихъ выпусковъ говорятъ, что у нихъ не было слова „передача“, но я оставляю такъ, какъ мнѣ сказано кадетомъ-старцемъ. Н. Л.

лая о томъ, какое мы сдѣлали непозволительное и вредное для нашихъ товарищей дѣло.

Мы могли быть тѣмъ спокойнѣе, что Перскій, который всѣхъ болѣе отвѣчалъ за наши поступки, не сказалъ намъ ни одного слова оужденія, а напротивъ, простился съ нами такъ, какъ будто мы не сдѣлали ничего дурнаго. Онъ даже былъ ласковъ и тѣмъ далъ намъ поводъ думать, какъ будто онъ одобрялъ наше ребячье состраданіе.

Однимъ словомъ, мы считали себя ни въ чемъ невиноватыми и не ждали ни малѣйшей несприятности, а она была на чеку и двигалась на насъ какъ будто нарочно затѣмъ, чтобы показать намъ Михаила Степановича въ такомъ величіи души, ума и характера, о которыхъ мы не могли составить и понятія, но о которыхъ конечно ни одинъ изъ насъ не сумѣлъ забыть до гроба.

VI.

Пятнадцатаго декабря въ корпусъ неожиданно пріѣхалъ государь Николай Павловичъ. Онъ былъ очень гнѣвенъ.

Перскому дали знать, и онъ тотчасъ же явился изъ своей квартиры и по обыкновенію отрапортовалъ его величеству о числѣ кадетъ и о состояніи корпуса.

Государь выслушалъ его въ суровомъ молчаніи и изволилъ громко сказать:

— Здѣсь духъ нехорошій!

— Военный, ваше величество, отвѣчалъ полнымъ и спокойнымъ голосомъ Перскій.

— Отсюда Рыгѣвъ и Бестужевъ! по прежнему съ неудовольствіемъ сказалъ императоръ.

— Отсюда Румянцевъ, Прозоровскій, Каменскій, Кульневъ, — всѣ главнокомандующіе, и отсюда графъ Толь, съ тѣмъ же неизмѣннымъ спокойствіемъ отвѣчалъ, глядя открыто въ лицо государя, Перскій.

— Они бунтовщиковъ кормили! сказалъ, показавъ на насъ рукою, государь.

— Они такъ воспитаны, ваше величество, — дратья съ несприятелемъ, но послѣ побѣды призрѣвать раненыхъ, какъ своихъ.

Негодование, выразившееся на лицѣ государя, не измѣнилось, но онъ ничего болѣе не сказалъ и уѣхалъ.

Перскій своими откровенными и благородными вѣрноподаническими отвѣтами отклонилъ отъ насъ бѣду, и мы продолжали жить и учиться, какъ было до сихъ поръ. Обращеніе съ нами все шло мягкое, человѣчное, но уже не долго: близился крутой и жесткій переходъ, совершенно измѣнившій весь характеръ этого прекрасно учрежденнаго заведенія.

VII.

Ровно черезъ годъ послѣ Декабрьскаго бунта, именно 14-го декабря 1826 года, главнымъ директоромъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ вмѣсто генераль-адъютанта Павла Васильевича Голенищева-Кутузова былъ назначенъ генераль-адъютантъ генераль отъ инфантеріи Николай Ивановичъ Демидовъ, человѣкъ чрезвычайно набожный и совершенно безжалостный. Его и безъ того трепетали въ войскахъ, гдѣ имя его произносилось съ ужасомъ, а для насъ онъ получилъ особенное приказаніе „подтянуть“.

Демидовъ велѣлъ собрать совѣтъ и пріѣхалъ въ корпусъ. Совѣтъ состоялъ изъ директора Перскаго, баталіоннаго командира, полковника Шмидта (человѣка превосходной честности) и ротныхъ командировъ: Ореуса (сѣкуна), Шмидта 2-го, Эллермана и Черкасова, который передъ тѣмъ долгое время преподавалъ фортификацію, такъ что графъ Толь въ 1822 году былъ его ученикомъ.

Демидовъ началъ съ того, что сказалъ:

— Я желаю знать именно кадетъ, которые себя дурно ведутъ. Прошу сдѣлать имъ особый списокъ.

— У насъ нѣтъ худыхъ кадетъ, отвѣчалъ Перскій.

— Однако же, конечно, непремѣнно одни ведутъ себя лучше, другіе хуже.

— Да, это такъ; но если отобрать тѣхъ, которые хуже, то въ числѣ остальныхъ опять будутъ лучше и худшіе.

— Должны быть внесены въ списокъ самые худшіе и они въ примѣръ прочимъ будутъ посланы въ полки унтеръ-офицерами.

Перскій никакъ этого не ожидалъ и, выразивъ непритворное удивленіе, возразилъ со всегдашнимъ своимъ самообладаніемъ и спокойствіемъ:

— Какъ въ унтеръ-офицеры!—за что?

— За дурное поведеніе.

— Намъ ввѣрили ихъ родители съ четырехлѣтняго возраста, какъ вамъ извѣстно. Слѣдовательно, если они дурны, то въ этомъ мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажемъ родителямъ? то, что мы довоспитали ихъ дѣтей до того, что ихъ пришлось сдать въ полки нижними чинами. Не лучше ли предупредить родителей, чтобы они взяли ихъ, чѣмъ ссылать ихъ безъ вины въ унтеръ-офицеры?

— Намъ объ этомъ не слѣдуетъ разсуждать, а должно только исполнить.

— А! въ такомъ случаѣ не для чего было собирать совѣтъ, отвѣчалъ Перскій: вы бы изволили такъ сказать сначала и что приказано, то должно быть исполнено.

Результатъ былъ тотъ, что на другой день, когда мы сидѣли за учебными занятіями, классы обходилъ адъютантъ Демидова Багто-

вуть и, держа въ рукахъ списокъ, вызывалъ по именамъ тѣхъ кадетъ, у которыхъ были наихудшія отмѣтки за поведеніе.

Вызваннымъ Багговуть приказалъ идти въ фехтовальную залу, которая была такъ расположена, что мы изъ классовъ могли видѣть все тамъ происходившее. И мы видѣли, что солдаты внесли туда кучу сѣрыхъ шинелей и нашихъ товарищей одѣли въ эти шинели. Затѣмъ ихъ вывели на дворъ, разсадили тамъ съ жандармами въ заготовленные сани и отправили по полкамъ.

Само собою разумѣется, что паника была ужасная. Намъ объявили, что если еще найдутся между нами кадеты, которые будутъ вести себя неудовлетворительно, то такіе высылки станутъ повторяться. Для оцѣнки поведенія была назначена отмѣтка въ сто балловъ, и сказано, что если кто будетъ имѣть менѣе семидесяти пяти балловъ, то таковой будетъ немедленно сосланъ въ унтеръ-офицеры.

Само начальство было въ немаломъ затрудненіи: какъ располагать оцѣнку поведенія по этой новой, сто-балльной системѣ, и мы слышали объ этомъ недоумѣніи переговоры, которые окончились тѣмъ, что начальство стало насъ щадить и оберегать, милостиво относясь къ нашимъ ребячьимъ грѣшкамъ, за которые надъ нами была утверждена такая страшная кара. Мы же такъ скоро съ этимъ освоились, что чувство минутнаго паническаго страха вдругъ замѣнилось у насъ еще большею отвагою: скорбя за исключенныхъ товарищей, мы иначе не звали между собою Демидова, какъ „варваръ“ и вмѣсто того, чтобы робѣть и трястись его образцоваго жестокосердія, рѣшились идти съ нимъ въ открытую борьбу, въ которой хотя всѣмъ пропасть, но показать ему „наше презрѣніе въ нему и во всѣмъ опасностямъ“.

Случай представился къ этому немедленно же, и очень трудно сказать, до чего бы дошло дѣло, еслибы опять не подоспѣли намъ на помощь находчивый умъ и большой тактъ никогда не ходившаго за словомъ въ карманъ Перскаго.

VIII.

Ровно черезъ недѣлю послѣ того, какъ отъ насъ были отлучены и сосланы въ унтеръ-офицеры наши товарищи, намъ было приказано идти въ ту же фехтовальную залу и построиться тамъ въ колонны. Мы исполнили приказаніе и ждали, что будетъ, а на душѣ у всѣхъ жутко. Вспомнили, что стоимъ на тѣхъ самыхъ половицахъ, на которыхъ стояли наши несчастные товарищи передъ грудями приготовленныхъ для нихъ солдатскихъ шинелей, и такъ вотъ варомъ и закипитъ на душѣ... Какъ они сердечные должно быть были изумлены и поражены этою неожиданностью, и гдѣ-то и какъ они стали приходить въ себя и проч. и проч... Словомъ сказать: душевная мука,— и стоимъ мы всѣ понуривъ головочки уныло и вспоминаемъ Демидова

„варвара“, но ни капли его не боимся. Пропадать, такъ всё въ заодно пропадать, — знаете, ступень такая... освоились. И въ это-то время вдругъ отворяются двери и является самъ Демидовъ вмѣстѣ съ Перскимъ и говорить:

— Здравствуйте, дѣточки!

Всѣ молчали. Ни уговора, ни моментальной „передачи“ при его появленіи не было, а такъ просто отъ чувства негодованія ни у одного уста не раскрылись отвѣчать. Демидовъ повторилъ:

— Здравствуйте, дѣточки!

Мы опять молчали. Дѣло переходило въ сознательное упорство и моментъ принималъ самый острый характеръ. Тогда Перскій, видя, что изъ этого произойдетъ большая неприятность, сказалъ Демидову громко, такъ что всѣ мы слышали:

— Они не отвѣчаютъ, потому что не привыкли къ выраженію вашему „дѣточки“. Если вы поздороуетесь съ ними и скажете: „здравствуйте, кадеты“, они непременно вамъ отвѣтятъ.

Мы очень уважали Перскаго и поняли, что, говоря эти слова такъ громко и такъ увѣренно Демидову, онъ въ то же время главнымъ образомъ адресуетъ ихъ намъ, довѣряя себя самого нашей совѣстливости и нашему разуму. Опять, безъ всякаго уговора, всѣ сразу поняли его единими сердцами и поддержали его единими устами. Когда Демидовъ сказалъ: „здравствуйте, кадеты!“ мы единогласно отвѣтили извѣстнымъ возгласомъ: „здравія желаемъ“.

Но это не былъ конецъ исторіи.

IX.

Послѣ того, какъ мы прокричали свое „здравія желаемъ“, Демидовъ спустилъ съ себя строгость, которою началъ было набираться, когда мы не отвѣчали на его противную ласку, но сдѣлалъ нѣчто еще болѣе для насъ неприятное.

— Вотъ, сказалъ онъ голосомъ, который хотѣлъ сдѣлать ласковымъ и дѣлалъ только приторнымъ,—вотъ я хочу вамъ сейчасъ показать, какъ мы васъ любимъ.

Онъ кивнулъ вѣстовому Ананьеву, который скорыми шагами вышелъ за двери и тотчасъ же возвратился въ сопровожденіи нѣсколькихъ солдатъ, несшихъ большія корзины съ дорогими кондитерскими конфетками въ изукрашенныхъ бумажкахъ.

Демидовъ остановилъ корзины и, обратясь къ намъ, сказалъ:

— Вотъ тутъ цѣлые пять пудовъ конфетъ (кажется пять, а можетъ быть было и болѣе)—это все для васъ, берите и кушайте.

Мы не трогались.

— Берите же,—это для васъ.

А мы тоже ни съ мѣста; но Перскій, видя это, далъ знакъ сол-

датамъ, державшимъ Демидовское угощеніе, и тѣ стали носить корзины по рядамъ.

Мы опять поняли, чего хочетъ нашъ директоръ и не позволили себѣ противъ него никакой неумѣстности, но Демидовское угощеніе мы все-таки ѣсть не стали и нашли ему особое опредѣленіе. Въ то самое мгновеніе, какъ первый фланговый изъ нашихъ старшихъ гренадеровъ протянулъ руку къ корзинѣ и взялъ горсть конфетъ, онъ успѣлъ шепнуть сосѣду:

— Конфеты не есть—въ яму.

И въ одну минуту „передача“ эта пробѣжала по всему фронту съ быстротою и съ незамѣтностью электрической искры и ни одна конфета не была съѣдена. Какъ только начальство ушло, и насъ пустили порѣзвиться, мы всѣ другъ за другомъ веревочкою, пришли въ извѣстное мѣсто, держа въ рукахъ конфеты, и всѣ бросили ихъ туда, куда было указано.

Такъ и кончилось это Демидовское угощеніе. Ни одинъ малышъ не слукавилъ и не соблазнился конфетою: всѣ бросили. Да иначе и нельзя было: духъ дружества и товарищества былъ удивительный, и самый маленькій новичекъ проникался имъ быстро и подчинялся ему съ какимъ то священнымъ восторгомъ. Насъ нельзя было подкупить и задаскать никакими лакомствами: мы такъ были преданы начальству, но не за ласки и подарки, а за его справедливость и честность, которыя видѣли рѣ такихъ людяхъ какъ Михайль Степановичъ Перскій—главный командиръ, или, лучше сказать, игумень нашего кадетскаго монастыря, гдѣ онъ подѣлъ стать себѣ умѣлъ подобрать такихъ же и старцевъ.

Впрочемъ,—онъ ли ихъ умѣлъ подбирать, или они сами къ нему подѣ стать подбирались, дабы жить въ отрадномъ согласіи,—этого я не знаю, потому что мы малы были, чтобы вникать въ такія вещи: но что знаю о сподвижникахъ Михаила Степановича, то тоже расскажу.

Х.

Второй номеръ за игуменомъ въ монастыряхъ принадлежить эконому. Такъ было и у насъ, въ нашемъ монастырѣ. За Михаиломъ Степановичемъ Перскимъ по важности значенія слѣдовалъ воспитанный Рыльевымъ экономъ, въ чинѣ бригадира, Андрей Петровичъ Бобровъ.

Я ставлю его вторымъ только по подчиненности и потому что нельзя всѣхъ поставить вмѣстѣ въ первыхъ, но по достоинствамъ души, сердца и характера этотъ Андрей Степановичъ былъ такой же высоко-замѣчательный человекъ, какъ самъ Перскій, и ни въ чемъ не уступалъ ему,—развѣ только въ одной умственной находчивости на отвѣты. За то сердцемъ Бобровъ былъ еще теплѣе.

Онъ разумѣется былъ холостъ, какъ и надо по монастырскому уставу, и дѣтей любилъ чрезвычайно. Только не такъ любилъ, какъ иные любятъ,—теоретически, въ разсужденіяхъ, что молъ „это будущность Россіи“, или „наша надежда“—или же еще что нибудь подобное, вымышленное и пустяковое, за чѣмъ часто нѣтъ ничего кромѣ эгоизма и безсердечія. А у нашего бригадира эта любовь была простая и настоящая,—которую не нужно было намъ изъяснять и растолковывать. Мы всѣ знали, что онъ насъ любить и объ насъ печется, и никто бы насъ въ этомъ не могъ разубѣдить.

Бобровъ былъ низенькаго роста, толстый, ходилъ съ косицею, и по опрятности составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ Перскимъ, а былъ похожъ въ этомъ отношеніи на дѣдушку Крылова. Сколько мы его знали, онъ всегда носилъ одинъ и тотъ же мундиръ,—засаленный презасаленный, и другаго у него не было. Цвѣтъ воротника этого мундира опредѣлить было невозможно, но Андрей Петровичъ ни мало этимъ не стѣснялся. Въ этомъ самомъ мундирѣ онъ былъ при дѣлѣ и въ немъ же, когда случалось, предстоаялъ передъ старшими военными лицами, великими князьями и самимъ государемъ. Говорили, будто-бы императоръ Николай Павловичъ зналъ, куда Бобровъ дѣваетъ свое жалованье и изъ уваженія къ нему не хотѣлъ замѣчать его неряшества.

У Боброва была Анна съ брилліантами на шеѣ, которую онъ носилъ постоянно, а ужъ на какой лентѣ висѣла эта Анна, про то не спрашивайте. Лента была такъ же не распознаваема какъ цвѣтъ его воротника на мундирѣ.

Онъ завѣдывалъ всей экономическою частью корпуса совершенно самостоятельно. Безпрестанно занятый научною частью, директоръ Перскій совсѣмъ не вмѣшивался въ хозяйство, да это было и ненужно при такомъ экономѣ какъ бригадиръ Бобровъ. Къ тому же оба они были друзья и вѣрили другъ другу безгранично.

Въ вѣдѣніи Боброва было какъ продовольствіе, такъ и одежда всѣхъ кадетъ и всей прислуги безъ исключенія. Сумма расходовъ простиралась до 600,000 р. ежегодно, а за сорокъ лѣтъ его экономскаго служенія у него значить обратилось до 24 милліоновъ, но къ рукамъ пичего не прилипло. Напротивъ, даже 3 т. р. положеннаго ему жалованья онъ не получалъ, а только въ немъ росписывался, и когда этотъ денежный человекъ на сороковомъ году своего экономства умеръ,—то у него не оказалось своихъ денегъ ни гроша и его хоронили на казенный счетъ.

Я скажу въ концѣ, куда онъ дѣвалъ свое жалованье,—на какую проматывалъ его необходимую страстишку, о которой, какъ выше замѣчено, будто бы зналъ и покойный императоръ Николай Павловичъ.

XI.

По обычаю своему Бобровъ былъ такой же домосѣдъ какъ и Перскій. Сорокъ къ ряду лѣтъ онъ буквально не выходилъ изъ корпуса. Но за то постоянно ходилъ по корпусу и все учреждалъ свое дѣло, все хлопоталъ, „чтобы мошеники были сыты, теплы и чисты“. Мошеники эти были мы,—такъ онъ называлъ кадетъ, разумѣется употребляя это слово какъ ласку, какъ шутку. Мы это знали.

Всякій день онъ вставалъ въ пять часовъ утра и являлся къ намъ въ шесть часовъ, когда мы пили сбитень; послѣ этого мы шли въ классы, а онъ по хозяйству. Затѣмъ обѣдъ и всякую другую нищу мы получали непремѣнно при немъ. Онъ любилъ „кормить“ и кормилъ насъ прекрасно и очень сытно. Нашъ нынѣшній государь, въ отрочествѣ своемъ, не разъ кушивалъ съ нами за общимъ кадетскимъ столомъ, и вѣроятно еще изволить помнить нашего „старога Бобра“¹⁾. Порцій, какъ это водится во всѣхъ заведеніяхъ, у насъ при Бобровѣ не было,—всѣ ѣли сколько кто хотѣлъ. Одѣвалъ онъ насъ всегда хорошо; бѣлье заставлялъ перемѣнять три раза въ недѣлю. Былъ очень жалостливъ и даже баловникъ, — что отчасти было вѣроятно извѣстно Перскому и другимъ, но не все: водились и такія вещи, которыя Андрей Петровичъ по добросердечію своему не могъ не сдѣлать, но зналъ, что онѣ незаконны, и онъ, бригадиръ,—скрывался съ ними какъ школьникъ. Это болѣе всего касалось кадетъ, подвергнутыхъ наказанію. Тутъ онъ весь внѣ себя былъ, сдерживался, но внутренно ужасно болѣлъ,—кипятился какъ самоварчикъ, и наконецъ не выдерживалъ, чтобы тѣмъ нибудь не „утѣшить мошеника“. Всякаго наказаннаго онъ какъ нибудь подзоветъ, насупится, будто какой-то выговоръ хочетъ сказать, но вмѣсто того поглядитъ, что нибудь дастъ и отпихнетъ:

— Пошелъ, мошеникъ, впередъ себя не доводи!

Особенная же забота у него шла о кадетахъ-арестантахъ, которыхъ сажали на хлѣбъ-на-воду, въ такіе устроенные при Демидовѣ особенные карцеры, куда товарищи не могли доставить арестантамъ подаваніе. Андрей Петровичъ всегда зналъ по счету пустыхъ столовыхъ приборовъ—сколько арестованныхъ, но кадеты не опускали случая съ своей стороны еще ему особенно объ этомъ напомнить. Бывало, проходя мимо его изъ столовой, подъ ритмическій топотъ шаговъ, какъ бы безотносительно произносятъ:

— Пять арестантовъ, пять арестантовъ, пять арестантовъ.

А онъ, или стоитъ только выпуча свои глазки, какъ-будто ничего не слышитъ, или, если нѣтъ вблизи офицеровъ,—дрознится, т. е. отвѣчаетъ намъ тѣмъ же тономъ:

¹⁾ Въ „Исторіи 1 Кад. Корп.“ (1832 г.) есть упоминанія о томъ, что государь-императоръ Александръ Николаевичъ въ отрочествѣ посѣщалъ корпусъ и тамъ кушалъ съ кадетами.

— Мнѣ что за дѣло, мнѣ что за дѣло, мнѣ что за дѣло.

Но когда посаженныхъ на хлѣбъ-на-воду выводили изъ арестантскихъ на ночлегъ въ роту, Андрей Степановичъ подстерегалъ эту процессію, отнималъ ихъ у провожатыхъ, забиралъ къ себѣ въ кухню и тутъ ихъ кормилъ; а по корридорамъ во все это время разставлялъ солдатъ, чтобы никто не подошелъ.

Самъ имъ, бывало, кашу маслитъ и торопится тарелки подставлять, а самъ твердить:

— Скорѣе, мошенникъ, скорѣе глотай!

Всѣ при этомъ часто плавали,—и арестанты и онъ, ихъ кормилецъ, и сторожевые солдаты, участвовавшіе въ продѣлкахъ своего добраго бригадира.

Кадеты его любили до той надоѣдливости, что ему буквально нельзя было показаться въ такое время, когда мы были свободны. Если бывало случится ему по неосторожности попасть въ это время на плацъ, то сейчасъ же раздавался крикъ:

— Андрей Петровичъ на плацу!

Больше ничего не нужно было, и всѣ знали, что дѣлать: всѣ бросались къ нему, ловили его, брали на руки и на рукахъ несли куда ему было нужно.

Это ему было тяжело, потому-что онъ былъ толстенькій кубикъ, ворочается бывало у насъ на рукахъ,—кричить:

— Мошенники! вы меня уроните, убьете.... Это мнѣ нездорово,—но это не помогало.

Теперь скажу о страстишкѣ, по милости которой Андрею Петровичу никогда почти не приходилось получать своего жалованья, а только расписываться.

XII.

У насъ очень много было людей бѣдныхъ и когда насъ выпускали, то выпускали на бѣдное же офицерское жалованье. А мы вѣдь были младенцы, о доходныхъ мѣстахъ и должностяхъ, о чемъ нынче грудные младенцы знаютъ, у насъ и мыслей не было. Разставались не съ тѣмъ, что я такъ-то устроюсь, или разживусь—а говорили:

— Слѣдите за газетами, если только нашъ полкъ будетъ въ дѣлѣ,—на приступѣ первымъ я.

Всѣ такъ собирались, а многіе и исполнили. Идеалисты были ужасные! Андрей Петровичъ сожалѣлъ о бѣднякахъ и безродныхъ, и хотѣлъ, чтобы и изъ нихъ каждый имѣлъ что нибудь приличное, въ чемъ оно ему представлялось. Онъ давалъ всѣмъ бѣднымъ приданое,—серебряныя ложки и бѣлье. Каждый выпущенный прапорщикъ получалъ отъ него по три перемѣны бѣлья, двѣ столовыя серебряныя ложки и четыре чайныхъ, восемьдесятъ четвертой пробы. Бѣлье давалось для себя, а серебро для „общегитія“.

— Когда товарищъ зайдетъ, чтобы было у тебя, чѣмъ дать щей хлебнуть, а въ чаю могутъ зайти двое и трое,—такъ вотъ чтобы было, чѣмъ...

Такъ это и соразмѣрилось—накормить хоть одного, а чайкомъ напоить до четырехъ собратовъ. Все до мелочей и вдаль—на всю жизнь, внушалось о товариществѣ, и диво ли, что оно было? .

Ужасно трогательный былъ человѣкъ и самъ растрогивался сильно и глубоко. Поэтически могъ вдохновлять, и Рыльцевъ, какъ я сказала, написалъ ему оду, которая начиналась словами:

„О ты, почтенный экономя Бобровъ!“

Вообще любили его по-истинѣ, можно сказать до чрезвычайности. и любовь эта въ насъ не ослабѣвала ни съ лѣтами, ни съ переменною положенія. Пока онъ жилъ, всѣ наши, когда случалось быть въ Петербургѣ, непременно прѣзжали въ корпусъ „явиться Андрею Петровичу“—„старому Бобру“. И тутъ происходили иногда сцены, которыхъ словами просто даже передать нельзя. Увидить бывало человѣка незнакомаго съ знаками заслугъ, а иногда и въ большомъ чинѣ и встрѣтить официально вопросомъ: „что вамъ угодно?“ А потомъ, какъ тотъ назоветъ себя, онъ сейчасъ сдѣлаетъ шагъ назадъ и одной рукой начнетъ лобъ почесывать, чтобы лучше вспоминать, а другою отстраняетъ гостя:

— Позвольте, позвольте, говорить,—позвольте!

И если тотъ не спѣшилъ вполне открыться, то онъ ворчалъ:

— У насъ былъ... мошенникъ... не изъ нашихъ ли?...

— Вашъ, вашъ, Андрей Петровичъ! отвѣчалъ гость, или же, порываясь къ хозяину, показывалъ ему его „благословеніе“—серебряную ложечку.

Но тутъ вся сцена становилась какою-то дрожащею. Бобровъ топалъ ногами, кричалъ: „прочь, прочь, мошенникъ!“ и съ этимъ самъ быстро прятался въ уголокъ дивана за столъ, закрывалъ оба глаза своими пухленькими кулачками или синимъ бумажнымъ платкомъ и не плакалъ, а рыдалъ, рыдалъ звонко, визгливо и неудержимо, какъ первическая женщина, такъ что вся его внутренность и полная мясистая грудь дрожала, и лицо наливалось кровью.

Удержать его было невозможно, а такъ какъ это не разъ бывало съ нимъ при такихъ крайне волновавшихъ его встрѣчахъ, то деньщикъ его это зналъ, и сейчасъ ставилъ передъ нимъ на подносикѣ стаканъ воды. Больше никто ничего не предпринималъ. Истерика восторга кончалась, старикъ самъ выпивалъ воду и вставая говорилъ ослабѣвшимъ голосомъ:

— Ну... теперь поцѣлуй, мошенникъ!

И они цѣловались долго, долго, причежь многіе конечно безъ всякаго униженія или ласкательства цѣловали у него руки, а онъ уже только съ блаженствомъ повторялъ:

— Вспомнилъ, мошенникъ, старика,—вспомнилъ! и сейчасъ же усаживалъ гостя и самъ принимался доставать изъ шкафа какой-то графинчикъ, а денщика посылалъ на кухню за кушаньемъ.

Отказаться отъ этого никто не могъ. Иной бывало отпрашивается:

— Андрей Петровичъ! я, говорить, званъ и общался къ такому-то, или къ такому-то, какому-нибудь важному лицу.

Ни за что не отпустить.

— Знать ничего не хочу, говорить,—важныя лица тебя не знали, когда я тебя на кухнѣ кормилъ. Пришелъ сюда—такъ ты мой,—и долженъ изъ стараго корыта почаввать. Безъ того не выпущу.

И не выпустить.

Радей онъ никогда не читалъ, а только жилъ передъ нами и остался жить послѣ того, какъ его въ концѣ сорокавого года службы за недостаточностию на казенный счетъ похоронили.

XIII.

Теперь третій постоянный инокъ нашего монастыря—нашъ корпусный докторъ Зеленскій. Онъ тоже былъ холостъ, тоже былъ домождъ. Этотъ даже превзошелъ двухъ первыхъ тѣмъ, что жилъ въ лазаретѣ, въ послѣдней комнатѣ. Ни фельдшеръ, ни прислуга—никогда не могли себя предостеречь отъ внезапнаго его появленія у больныхъ; онъ былъ тутъ какъ днемъ, такъ и ночью. Число визитацій у него не полагалось, а онъ всегда былъ при больныхъ. Въ день нѣсколько разъ обойдетъ, а кромѣ того еще навернется иногда невзначай и ночью. Если же случался трудно-больной кадетъ, такъ Зеленскій и вовсе его не оставлялъ,—тутъ и отдыхалъ возлѣ больного на сосѣдней койкѣ.

Этотъ докторъ по опрятности былъ противоположность Перскому и родной братъ эконому Боброву. Онъ ходилъ въ сюртукѣ рѣдко вычищенномъ, часто очень изношенномъ и всегда разстегнутомъ, и цѣвтъ воротника у него былъ такой же, какъ у Андрея Петровича,—т. е. нераспознаваемый.

Онъ былъ тѣломъ и душою нашъ человекъ, какъ и два первые. Изъ корпуса онъ не выходилъ. Это можетъ быть покажется невѣроятнымъ, но это такъ. Никакими деньгами нельзя было его заставить выѣхать съ визитомъ на сторону. Былъ одинъ примѣръ, что онъ измѣнилъ своему правилу, когда пріѣхалъ въ Петербургъ великій князь Константинъ Павловичъ изъ Варшавы. Его высочество посѣтилъ одну статсъ-даму, которую засталъ въ страшномъ горѣ: у нея былъ очень боленъ маленькій сынъ, которому не могли помочь тогдашніе лучшіе доктора столицы. Она послала за Зеленскимъ, который славился отличнымъ знаткомъ дѣтскихъ болѣзней, въ коихъ имѣлъ разумѣется огромный навыкъ, но онъ далъ свой обыкновенный отвѣтъ:

— У меня на рукахъ тысяча триста дѣтей, за жизнь и здоровье которыхъ я отвѣчаю и на стороны разбрасываться не могу.

Огорченная его отказомъ, статсъ-дама сказала объ этомъ великому князю, и Константинъ Павловичъ, будучи шефомъ Перваго кадетскаго корпуса, изволилъ приказать Зеленскому поѣхать въ домъ этой дамы и вылѣчить ея ребенка.

Докторъ повиновался,—поѣхалъ и скоро вылѣчилъ больное дитя, но платы за свой трудъ не взялъ.

Одобрять ли это или не одобрять этотъ его поступокъ, но я говорю, какъ происходило.

XIV.

Зеленскій былъ докторъ отличный и,—сколько я могу теперь понимать,—вѣроятно относился къ новой медицинской школѣ: онъ былъ гигиенистъ и къ лѣкарствамъ прибѣгалъ только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ; но тогда на счетъ медикаментовъ и другихъ нужныхъ врачебныхъ пособій былъ требователемъ и чрезвычайно настойчивъ. Что онъ назначилъ и потребовалъ,—это уже чтобъ было, да впрочемъ и сопротивленія то некому было оказывать. О щипцѣ ужъ и говорить нечего: разумѣется какую порцію ни потребуй—Бобровъ не откажетъ. Онъ и здоровыхъ „мошенниковъ“ любилъ кормить до-сыта, а про больныхъ уже и говорить нечего. Но я помню разъ такой случай, что докторъ Зеленскій для какого-то больного потребовалъ вина, назначилъ его на рецептѣ словами: „такой то номеръ по преискуранту Англійскаго магазина“.

Солдатъ понесъ требованіе эконому и черезъ нѣсколько минутъ идетъ самъ Андрей Петровичъ.

— Батинька, говоритъ: вы знаете-ли, сколько этотъ номеръ вина за бутылку стоитъ?—онъ стоитъ восемнадцать рублей.

А Зеленскій ему отвѣчалъ:

— Я и знать, говоритъ, этого не хочу: это вино для ребенка нужно.

— Ну а если нужно, такъ и толковать не о чемъ, сказала Бобровъ,—и сейчасъ же вынулъ деньги и послалъ въ Англійскій магазинъ за указаннымъ виномъ.

Привожу это между прочимъ въ примѣръ тому, какъ они всѣ были между собою согласны въ томъ, что нужно для нашей выгоды, и приписываю это именно той ихъ крѣпкой другъ въ другъ увѣренности, что ни у кого изъ нихъ не было болѣе драгоценной цѣли, какъ наше благо.

Имѣя на рукахъ въ числѣ 1300 человекъ двѣсти пятьдесятъ малолѣтнихъ отъ четырехъ до восьми лѣтъ, Зеленскій тщательно наблюдалъ, чтобы не допускать повальныхъ и заразительныхъ болѣзней, и заболѣвавшихъ скарлатиною, сейчасъ же отдѣлалъ и лѣчилъ

въ темныхъ комнатахъ, куда не допускалъ капли свѣта. Надъ этой системой позже смѣялись, но онъ считалъ ее дѣломъ серьезнымъ и всегда ея держался, и отъ того ли, или не отъ того, но результатъ былъ чудесный. Не было случая, чтобы у насъ не выздоравливали мальчишъ, заболѣвшій скарлатиною. Зеленскій на этотъ счетъ немножко бравировалъ. У него была поговорка:

— Если ребенокъ умретъ отъ горячки, доктора надо повѣсить за шею, а если отъ скарлатины,—то за ноги.

Мелкихъ чиновныхъ лицъ у насъ въ корпусѣ было очень мало. Напримѣръ вся канцелярія такого громаднаго учрежденія состояла изъ одного бухгалтера Паутова—человѣка имѣвшаго феноменальную память, да трехъ писарей. Только и всего, и всегда все, что нужно, было сдѣлано, но при больницѣ Зеленскій держалъ большой комплектъ фельдшеровъ и ему въ этомъ не отказывали. Къ каждому серьезному больному приставлялся отдѣльный фельдшеръ, который такъ возлѣ него и сидѣлъ,—поправлялъ его, одѣвалъ, если раскидывается, и подавалъ лѣкарство. Отойдти онъ разумѣется не смѣлъ и подумать, потому что Зеленскій былъ тутъ же за дверью и каждую минуту можетъ выйти; а тогда, по старинѣ, много не говоря, сейчасъ же короткая расправа: зуботычина, и опять сиди на мѣстѣ.

XV.

Вѣруя и постоянно говоря, что „главное дѣло не въ лѣченіи, а въ недопущеніи, въ предупрежденіи болѣзней“, Зеленскій былъ чрезвычайно строгъ къ прислугѣ, и зуботычины у него летѣли за малѣйшее неисполненіе его гигиеническихъ приказаній, въ которыхъ, какъ извѣстно, наши русскіе люди относятся какъ къ какой-то неосновательной прихоти. Зная это, Зеленскій держался съ ними морали Крыловской басни „Котъ и поваръ“. Не исполнено, или не точно исполнено его приказаніе, — не станеть разсуждать, а сейчасъ же щелкъ по зубамъ, и пошелъ мимо.

Мнѣ немножко жаль сказывать объ этой привычкѣ скорого на руку доктора Зеленскаго, чтобы скорее на осужденіе современные люди не сказали: „вотъ какой драчунъ, или Держиморда,“ но чтобы воспоминанія были вѣрны и полны,—изъ пѣсни слова не выкинешь. Скажу только, что онъ не былъ Держиморда, а былъ даже добрякъ и наисправедливѣйшій и великодушнѣйшій человѣкъ, но былъ разумѣется человѣкъ своего времени, а время его было такое, что зуботычина за великое не считалась. Тогда была другая мѣрка: отъ человѣка требовали, чтобы „никого не сдѣлать несчастнымъ“, и этого держались всѣ хорошіе люди, а въ томъ числѣ и докторъ Зеленскій.

Въ видахъ недопущенія болѣзней, прежде чѣмъ кадетъ вводили въ классы, Зеленскій проходилъ всѣ классныя комнаты, гдѣ въ

каждой былъ термометръ. Онъ требовалъ, чтобы въ классахъ было не меньше 13° и не больше 15°. Истопники и сторожа должны были находиться тутъ же, и если температура не выдержана,—сейчасъ врачебная зубочистка. Когда мы сѣли за класныя занятія, онъ точно такъ же обходилъ роты и тамъ опять происходило тоже самое.

Пищу нашу онъ зналъ хорошо, потому что самъ другой пищи не ѣлъ: онъ всегда обѣдалъ или съ больными въ лазаретѣ, или съ здоровыми, но не за особымъ, а за общимъ кадетскимъ столомъ, и притомъ не позволялъ ставить себѣ избраннаго прибора, а садился гдѣ попало, и ѣлъ то самое, чѣмъ питались мы.

Осматривалъ онъ насъ каждую баню въ передбанниѣ, но кромѣ того производилъ еще внезапныя ревизіи: вдругъ остановить кадета и прикажетъ раздѣться до нага; осмотритъ все тѣло, все бѣлье, даже ногти на ногахъ оглядитъ—выстрижены-ли.

Рѣдкое и преполозное вниманіе!

Но теперь, оканчивая и съ нимъ, я скажу, что у этого третьяго извѣстнаго мнѣ истиннаго друга дѣтей составляло его удовольствіе.

XVI.

Удовольствіе доктора Зеленскаго заключалось въ томъ, что, когда назначенные изъ кадетъ къ выпуску въ офицеры ожидали высочайшаго приказа о производствѣ, онъ выбиралъ изъ нихъ пять-шесть человѣкъ, которыхъ зналъ, отличалъ за способности и любилъ. Онъ записывалъ ихъ больными и помѣщалъ въ лазаретѣ, рядомъ съ своей комнатой, давалъ имъ читать книги хорошихъ авторовъ и велъ съ ними долгія бесѣды о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Это, конечно, составляло нѣкоторое злоупотребленіе, но если вникнуть въ дѣло, то какъ это злоупотребленіе покажется простительно!

Надо только вспомнить, что было надѣлано съ корпусами съ тѣхъ поръ, какъ они попали въ руки Демидова, который, какъ выше было сказано, получилъ приказаніе ихъ „подтянуть“ и кажется слишкомъ переусердствовалъ въ исполненіи. Думаю такъ потому, что графы Строгановъ и Уваровъ, дѣйствуя въ то же время, ничего того не надѣлали, что надѣлалъ Демидовъ съ корпусами. Подъ словомъ „подтянуть“ Демидовъ понялъ—остановить образованіе. Теперь уже разумѣется не было никакого мѣста прежней задачѣ, чтобы корпусъ могъ выпускать такихъ образованныхъ людей, изъ коихъ при прежнихъ порядкахъ безъ нужды выбирали лицъ, способныхъ ко всякой служебной карьерѣ, не исключая и дипломатической. На оборотъ, — все шло о томъ, чтобы слюзить нашъ умственный кругозоръ и всячески понизить значеніе науки. Въ корпусѣ существовала богатая библіотека и музеймъ. Библіотеку приказали запереть, въ музеймъ не водить и наблюдать, чтобы никто не смѣлъ приносить съ собою никакой книги изъ

отпуска. Если-же откроется, что, не смотря на запрещеніе ктонибудь принесъ изъ отпуска книгу, хотя-бы и самую невинную, или еще хуже, самъ написалъ что-либо, то за это велѣно было подвергать строгому тѣлесному наказанію розгами; причемъ въ опредѣленіи мѣры этого наказанія была установлена оригинальная постепенность: если кадетъ изобличался въ прозаическомъ авторствѣ (конечно смирнаго содержанія), то ему давали двадцать пять ударовъ, а если онъ согрѣшилъ стихомъ, то вдвое. Это было за то, что Рылѣевъ, который писалъ стихи, вышелъ изъ нашего корпуса. Книжечка всеобщей исторіи, не знаю кѣмъ составленная, была у насъ едва ли не въ двадцать страничекъ и на оберткѣ ея было обозначено: „для воиновъ и для жителей“. Прежде она была надписана: „для воиновъ и для гражданъ“,—такъ надписалъ ее ея искусный составитель,—но это было кѣмъ-то признано за неудобное и вмѣсто „для гражданъ“, было поставлено „для жителей“. Даже географическіе глобусы велѣно было вынести, чтобы не наводили на какіянибудь мысли, а стѣну, на которой встарину были сдѣланы крупныя надписи важныхъ историческихъ датъ—закрасить... Было принято правиломъ, которое потомъ и выражено въ инструкціи, что „никакія учебныя заведенія въ Европѣ не могутъ для заведеній нашихъ служить образцомъ—они „уединоображаются“¹⁾.

XVII.

Можно представить какъ мы при такомъ ученіи выходили учены... А впереди стояла цѣлая жизнь. Добрый и просвѣщенный человекъ. какимъ несомнѣнно былъ нашъ докторъ Зеленскій, не могъ не чувствовать, какъ это ужасно, и не могъ не позаботиться, если не пополнить ужасающій пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ (потому что это было невозможно), то по крайней мѣрѣ хотъ возбудить въ насъ какуюнибудь любознательность, дать хотъ какоенибудь направленіе нашимъ мыслямъ.

Правда, что это не составляетъ предмета заботливости врача казеннаго заведенія, но онъ же былъ человекъ, онъ любилъ насъ, онъ желалъ намъ счастья и добра, а какое же счастье при кругломъ невѣжествѣ? Мы годились къ чемунибудь въ корпусъ, но выходили въ жизнь въ полномъ смыслѣ ребятами, правда съ задатками чести и хорошихъ правилъ, но совершенно ничего не понимая. Первый случай, первый хитрецъ при новой обстановкѣ могъ насъ сбивать и вести по пути недоброму, котораго мы не сумѣли бы ни понять, ни оцѣнить. Какъ къ этому быть равнодушнымъ!

И вотъ Зеленскій забиралъ насъ къ себѣ въ лазаретъ и подшпиговывалъ насъ то чтеніемъ, то бесѣдами.

¹⁾ См. не дѣйствующее болѣе „Наставленіе къ образованію воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній“. 24 декабря 1848 года. Сиб. Типогр. военно-учебныхъ заведеній.

Извѣстно ли объ этомъ было Перскому, я не знаю, но можетъ быть, что и было извѣстно, только онъ не любилъ знать о томъ, о чемъ не считалъ нужнымъ знать. Тогда было строго, но формалистики меньше.

Читали мы у Зеленскаго, опять повторяю, книги самыя позволенные, а изъ бесѣдъ я помню только одну и то потому, что она имѣла анекдотическое основаніе и черезъ то особенно прочно засѣла въ голову. Но говорить, человѣкъ ни въ чемъ такъ легко не намѣчается, какъ въ своемъ любимомъ анекдотѣ, а потому я его здѣсь и приведу.

Зеленскій говорилъ, что въ жизнь надо внести съ собою какъ можно болѣе добрыхъ чувствъ, способныхъ породять добрыя настроенія, изъ которыхъ въ свою очередь непременно должно вытечь доброе же поведеніе. А потому будутъ цѣлесообразнѣе и всѣ поступки въ каждомъ столкновеніи и при всѣхъ случайностяхъ. Всего предвидѣть и распределить, гдѣ какъ поступить—невозможно, а надо все съ добрымъ настроеніемъ, и разсмотрѣніемъ, и безъ упрямства: приложить одно, а если не дѣйствуетъ и раздражаетъ, обратиться благоразумно къ другому. Онъ все это изъ медицины бралъ и къ ней приравнивалъ и говорилъ, что у него, въ молодой порѣ, былъ упрямый главный докторъ.

Подходить, говорить, къ больному и спрашиваетъ:

— Что у него?

— Такъ и такъ, отвѣчаетъ Зеленскій: — весь аппаратъ бездѣйствуетъ, что-то въ родѣ *miserege*.

— *Oleum ricini* давали?

— Давали.

И еще тамъ что-то, спросилъ: давали?

— Давали.

— А *oleum crotoni*?

— Давали.

— Сколько?

— Двѣ капли.

— Дать двадцать!

Зеленскій только-было ротъ раскрылъ, чтобы возразить, а тотъ остановилъ:

— Дать двадцать!

— Слушаю-сь.

На другой день спрашиваетъ:

— А что больной съ *miserege*: дали ему двадцать капель?

— Дали.

— Ну, и что онъ?

— Умеръ.

— Однаво проняло?

— Да, проняло.

— То-то и есть.

И довольный, что по его сдѣлано, старшій докторъ начиналъ спокойно бумаги подписывать. А что больной умеръ, до этого дѣла нѣтъ: лишь бы проняло.

По скольку къ чему этотъ медицинскій анекдотъ могъ быть приложимъ,—онъ намъ нравился и казался понятенъ, а ужъ на сколько онъ кого нибудь изъ насъ воздерживалъ отъ вреднаго упрямства въ выборѣ сильныхъ, но вредно дѣйствующихъ средствъ,—этого не знаю.

Зеленскій служилъ въ корпусѣ тридцать лѣтъ и оставилъ послѣ себя всего богатства пятьдесятъ рублей.

Таковы были эти три коренные старца нашего кадетскаго скита; но надо помянуть еще четвертаго, пришлого въ нашъ монастырь съ своимъ уставомъ, но также попавшаго нашему духу подъ статью и оставившаго по себѣ превосходную память.

XVIII.

Тогда былъ такой обычай, что для преподаванія религіозныхъ предметовъ кадетамъ высшихъ классовъ въ корпусъ присылался архимандритъ изъ назначавшихся къ архіерейству. Разумѣется это большею частію были люди очень умные и хорошіе, но особенно дорогъ и памятенъ намъ остался послѣдній, который былъ у насъ на этомъ назначеніи и съ нимъ оно кончилось. Рѣшительно не могу вспомнить его имени, потому что мы звали ихъ просто „отецъ архимандритъ“, а справиться о его имени теперь трудно. Пусть этотъ будетъ такъ, безъ имени. Онъ былъ средняго возраста, небольшого роста, сухощавъ и брюнетъ, энергическій, живой, съ звучнымъ голосомъ и весьма пріятными манерами, любилъ цвѣты и занимался для удовольствія астрономіей. Изъ окна его комнаты, выходившей въ садъ, торчала мѣдная труба телескопа, въ который онъ вечерами наблюдалъ звѣздное небо. Онъ былъ очень уважаемъ Перскимъ и всѣмъ офицерствомъ, а кадетами былъ любимъ удивительно. Мнѣ теперь, да и прежде въ жизни, когда приходилось слышать легкомысленный отзывъ о религіи, что она будто скучна и бесполезна—я всегда думалъ: „взоръ мелешь, милашка: это вы говорите, только отъ того, что на мастера не попали, который бы васъ заинтересовалъ и раскрылъ вамъ эту поэзію вѣчной правды и неумирающей жизни“. А самъ сейчасъ думаю о томъ послѣднемъ архимандритѣ нашего корпуса, который на вѣки меня облагодѣлствовалъ, образовавъ мое религіозное чувство. Да и для многихъ онъ былъ такимъ благодѣтелемъ. Онъ училъ въ классѣ и проповѣдывалъ въ церкви, но мы никогда не могли его въ волю послушаться, и онъ это видѣлъ: всякій день, когда насъ выпускали въ садъ, онъ тоже приходилъ туда, чтобы съ нами разговаривать. Всѣ игры и смѣхи тотчасъ прекращались, и онъ ходилъ, окруженный

цѣлою толпою кадетъ, которые такъ тѣснились вокругъ него со всѣхъ сторонъ, что ему очень трудно было подвигаться. Каждое слово его ловили. Право, мнѣ это напоминаетъ что-то древне-апостольское. Мы передъ нимъ всѣ были открыты, выбалтывали ему всѣ наши горести, преимущественно заключавшіяся въ докучныхъ преслѣдованіяхъ Демидова и особенно въ томъ, что онъ не позволялъ намъ ничего читать.

Архимандритъ насъ выслушивалъ терпѣливо и утѣшалъ, что для чтенія впереди будетъ еще много времени въ жизни, но такъ же какъ Зеленскій онъ всегда внушалъ намъ, что наше корпусное образованіе очень недостаточно и что мы должны это помнить и по выходѣ стараться приобрѣтать познанія. О Демидовѣ онъ отъ себя ничего не говорилъ, но мы по едва замѣтному движенію его губъ замѣчали, что онъ его презираетъ. Это потомъ скоро и выказалось въ одномъ оригинальномъ и очень памятномъ событіи.

XIX.

Я выше сказалъ, что Демидовъ былъ большой ханжа: онъ постоянно крестился, ставилъ свѣчи и прикладывался ко всѣмъ иконамъ, но въ религіи былъ суевѣръ и невѣжда. Онъ считалъ за преступленіе разсуждать о религіи, можетъ быть потому, что не могъ разсуждать о ней. Намъ онъ ужасно надоѣдалъ встати и не встати приставая: „молитесь, дѣточки, молитесь, вы ангелы, ваши молитвы Богъ слышитъ“. Точно ему сообщено, чьи молитвы доходятъ до Бога и чьи не доходятъ. А потомъ этихъ же „ангеловъ“ растягивали и драли какъ сидоровыхъ козъ. Самъ же себя онъ, какъ большинство ханжей, считалъ полнымъ, совершеннымъ христіаниномъ и ревнителемъ вѣры. Архимандритъ же былъ христіанинъ въ другомъ родѣ и, при томъ, какъ я сказалъ, онъ былъ уменъ и образованъ. Проповѣди его были не подготовленныя, очень простыя, теплыя, всегда направленныя къ подъему нашихъ чувствъ въ христіанскомъ духѣ, и онъ произносилъ ихъ прекраснымъ, звучнымъ голосомъ, который долеталъ во всѣ углы церкви. Уроки же или лекціи его отличались необыкновенною простотою и тѣмъ, что мы могли его обо всемъ спрашивать и прямо, ничего не боясь, высказывать ему всѣ наши сомнѣнія и бесѣдовать. Эти уроки были нашъ бенефисъ,—нашъ праздникъ. Какъ образецъ, приведу одну лекцію, которую очень хорошо помню.

—Подумаемъ, такъ говорилъ архимандритъ: не лучше ли было бы, если бы для устраненія всякаго недоумѣнія и сомнѣнія, которыя длятся такъ много лѣтъ, Иисусъ Христосъ пришелъ не скромно въ образѣ человѣческаго, а сошелъ бы съ неба въ торжественномъ величіи, какъ божество, окруженное сонмомъ свѣтлыхъ, служебныхъ духовъ. Тогда конечно никакого сомнѣнія не было бы, что это дѣйствительно бже-

ство, въ чемъ теперь очень многіе сомнѣваются. Какъ вы объ этомъ думаете?

Кадеты разумѣется молчали. Чтò тутъ ктонибудь изъ насъ могъ бы сказать, да мы бы на такого говоруна и разсердились, чтобы не лѣзъ не въ свое дѣло. Мы ждали его разъясненія, и ждали страстно, жадно и затаивъ дыханіе. А онъ прошелся передъ нами и остановясь продолжалъ такъ:

— Когда я, сытый, что по моему лицу видно, и одѣтый въ шелкъ, говорю въ церкви проповѣдь и объясняю, что нужно терпѣливо сносить холодъ и голодъ, то я въ это время читаю на лицахъ слушателей: „хорошо тебѣ, монахъ, разсуждать, когда ты въ шелку, да сытъ; а посмотрѣли бы мы, какъ бы ты заговорилъ о терпѣніи, если бы тебѣ отъ голода животь къ спинѣ подвело, а отъ стужи все тѣло посинѣло“. И я думаю, что если бы Господь нашъ пришелъ въ славѣ, то и ему отвѣчали бы чтонибудь въ этомъ родѣ. Сказали бы пожалуй: „Тамъ тебѣ на небѣ отлично, пришелъ къ намъ на время и учишь; нѣтъ: вотъ если бы ты промежъ насъ родился, да отъ колибели до гроба претерпѣлъ, что намъ терпѣть здѣсь приходится, тогда бы другое дѣло“. И это очень важно и основательно, и для этого онъ и сошелъ босой и побрелъ по землѣ безъ пріюта.

Демидовъ, я говорю, ничего не понималъ, но чувствовалъ, что это человѣкъ не въ его духѣ; чувствовалъ, что это заправскій, настоящій христіанинъ: а такіе ханжамъ хуже и противнѣе самаго крайняго невѣра. Но подѣлать онъ съ нимъ ничего не могъ, потому что не смѣлъ открыто порицать доброе боговѣданіе и разсужденіе архимандрита, пока этотъ не далъ на себя иного оружія. Архимандритъ вышелъ изъ терпѣнія и опять не за себя, а за насъ, потому что Демидовъ съ своимъ пустосвятствомъ разрушалъ его работу, портивъ наше религиозное настроеніе и доводя насъ до шалостей, въ которыхъ обнаруживалась обыкновенная противоположность ханжества, легкомысленное отношеніе къ священнымъ предметамъ.

XX.

Демидовъ былъ чрезвычайно суевѣренъ: у него были счастливые и несчастные дни; онъ боялся трехъ свѣчей, креста, встрѣчи съ духовными и имѣлъ многіе другіе глушыя предрассудки. Мы, со свойственною дѣтямъ наблюдательностію, очень скоро подмѣтили эти странности главнаго директора и обратили ихъ въ свою пользу. Мы отлично знали, что Демидовъ ни за что не прійдетъ ни въ понедѣльникъ, ни въ пятницу, ни въ другой тяжелый день, или тринадцатаго числа; но главнѣе всего насъ выручали кресты.... Одинъ разъ, замѣтивъ, что Демидовъ гдѣ ни завидитъ крестъ, сейчасъ крестится и обходитъ, мы начали ему вскуду подготавливать эти сюрпризы: въ тѣ дни, когда можно было

ожидать, что онъ прїѣдетъ въ корпусъ, у насъ уже были приготовлены кресты изъ палочекъ, изъ цвѣтныхъ шерстинокъ, или даже изъ соломинокъ. Они дѣлались разной величины и разнаго фасона, но особенно хорошо дѣйствовали кресты въ родѣ надмогильныхъ—съ покрывечками. Ихъ особенно боялся Демидовъ, вѣроятно имѣвшій какую-нибудь скрытую надежду на безсмертіе. Кресты эти мы разбрасывали на полу, а всего больше помѣщали ихъ подъ карнизы лѣстничныхъ ступеней. Какъ бывало начальство за этимъ ни смотреть, чтобы этого не было, а ужъ мы ухитримся,—крестикъ подбросимъ. Бывало всё идутъ и никто не замѣтитъ, а Демидовъ непременно увидитъ и сейчасъ же отпрыгнетъ, закрестится, закрестится и вернется назадъ. Ни за что рѣшительно онъ не могъ наступить на ступеньку, на которой былъ брошенъ крестикъ. Тоже самое было, если крестикъ оказывался на полу посреди проходной комнаты, черезъ которую лежалъ его путь. Онъ сейчасъ отскочитъ, закрестится и уйдетъ, и намъ въ этотъ разъ полегчаетъ, но потомъ начнется дознаніе и окончится или карцеромъ для многихъ, или даже наказаніемъ на тѣлѣ для нѣкоторыхъ.

Архимандрита это возмущало и хотя онъ намъ ничего не говорилъ на Демидова; но одинъ разъ, когда подобная палость окончилась обширной раздѣлкой на тѣлѣ многихъ,—онъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Я запрещаю вамъ это дѣлать и кто меня хоть немножко любить, тотъ послушается.

И мы дали слово не метать болѣе крестиковъ,—и не метали, а рядомъ съ тѣмъ, въ слѣдующее же воскресенье архимандритъ по окончаніи обѣдни сказалъ въ присутствіи Демидова проповѣдь „о предразсудкахъ“ и пустосвятствѣ, гдѣ только не называлъ Демидова по имени, а перечислялъ всё его канжескія глупости и даже упомянулъ о крестикахъ.

Демидовъ стоялъ полотно бѣлѣе,—весь трясся и вышелъ не дойдя ко кресту, но архимандритъ на это не обратилъ никакого вниманія. Надо было, чтобы у нихъ сочинился особенный духовно-военный турниръ, въ которомъ, я не знаю, кому приписать побѣду.

XXI.

Черезъ недѣлю, въ воскресенье, слѣдовавшее за знаменитою проповѣдью „о предразсудкахъ“, Демидовъ не сманевировалъ, а прїѣхалъ въ церковь, но опоздавъ, вошелъ въ половинѣ обѣдни. Онъ до конца отстоялъ службу и проповѣдь, которая на этотъ разъ касалась вещей обыкновенныхъ и ничего остраго въ себѣ для него не заключала, но тутъ онъ выкинулъ удивительную штуку, на которую архимандритъ отвѣтилъ еще болѣе удивительною.

Когда архимандритъ, возгласивъ „благословеніе Господне на васъ“, закрылъ царскіе двери,—Демидовъ вдругъ тутъ же въ церкви гласно съ нами поздоровался.

Мы разумѣется, какъ привыкли отвѣчать, громко отвѣчали ему: — Здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство, — и хотѣли уже поворачиваться и выходить, какъ вдругъ завѣса, гремя колечками по рубчатой проволоцѣ, неожиданно отпахнулась, и въ открытыхъ царскихъ дверяхъ появился еще не успѣвшій разоблачиться архимандритъ.

— Дѣти! я вамъ говорю, воскликнулъ онъ строго, но спокойнo, — въ храмъ Божіемъ умѣстны только одни возгласы, — возгласы въ честь и славу живаго Бога, и никакіе другіе. Здѣсь я имѣю право и долгъ запрещать и приказывать, и я вамъ запрещаю дѣлать возгласы начальству. Аминь.

Онъ повернулся и закрылъ двери. Демидовъ поскакалъ жаловаться, и архимандритъ отъ насъ выѣхалъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ было сдѣлано распоряженіе, чтобы архимандритовъ впредь въ корпуса вовсе не назначали. Это былъ послѣдній.

XXII.

Я кончилъ, — больше мнѣ сказать объ этихъ людяхъ нечего, да кажется иного и не нужно. Ихъ время прошло, — нынче дѣйствуютъ другіе люди и во всему другія требованія, — особенно къ воспитанію, которое уже не „уединоображивается“. Можетъ быть тѣ, про которыхъ я рассказалъ теперь, были бы недостаточно учены или, какъ говорятъ, „непедагогичны“, и не могли бы быть допущены къ дѣлу воспитанія, но позабыть ихъ не слѣдуетъ. То время, когда все жалось и тряслось, мы, цѣлыя тысячи русскихъ, дѣтей какъ рыбы рѣзвились въ водѣ, по которой масломъ плыла защищавшая насъ отъ всѣхъ бурь елейность. Такіе люди, стоя въ сторонѣ отъ главнаго историческаго движенія, — какъ правильно думалъ незабвенный Сергій Михайловичъ Соловьевъ, — сильнѣе другихъ дѣлаютъ исторію. И если ихъ „педагогичность“ даже не выдержитъ критики, то все-таки ихъ память почтенна и души ихъ во благихъ водворятся.

Николай Лѣсковъ.

ДЕКАБРИСТЪ М. С. ЛУНИНЪ.

ИХАИЛЬ СЕРГѢВИЧЪ ЛУНИНЪ представляет неоспоримо одно изъ замѣчательныхъ явленій и по своей личности, и по необычайнымъ превратностямъ судьбы своей, и наконецъ, какъ непосредственный свидѣтель и даже участникъ важныхъ историческихъ событій. Блестящій кавалергардъ, любимецъ государя и ординарецъ его въ день ночлега на берегу Нѣмана, послѣ Фридланда, затѣмъ впадшій въ немилость за смѣлое публичное осужденіе французскаго правительства, дравшійся на дуэли съ А. Ѳ. Орловымъ и заставившій его, въ сознаніи своей неправды, ринуться въ объятія Лунина послѣ дуэли; бросившій службу и уѣхавшій за границу безъ спроса и возвратившійся такимъ же способомъ, невѣрующій ни во что и сдѣлавшійся католикомъ въ Парижѣ; навлекшій на себя вражду великаго князя цесаревича Константина Павловича смѣлымъ вызовомъ, ему сдѣланымъ, и затѣмъ пріобрѣтшій его расположеніе въ такой степени, что могъ считаться его другомъ; отправившійся въ Сибирь, когда могъ бѣжать, и вскорѣ послѣ освобожденія изъ каземата Петровскаго завода, снова заточенный въ Акатуй, гдѣ и умеръ, — Лунинъ конечно болѣе нежели кто-нибудь могъ оставить чрезвычайно интересныя записки, судя по тому, что онъ сообщалъ своимъ товарищамъ въ словесныхъ разсказахъ и что разсказывалось другими о немъ. Что такія записки существовали, это несомнѣнно, потому что онъ мнѣ самъ говорилъ, что вести правдивыя записки есть обязанность всякаго общественнаго дѣятеля; но были ли онѣ пересланы имъ къ его сестрѣ, Екатеринѣ Сергѣевнѣ Уваровой, до ареста его и отправленія въ Акатуй, или захвачены при его арестѣ и тамъ истреблены, или хранятся гдѣ нибудь, — мнѣ неизвѣстно. Но такъ какъ до сихъ поръ ни въ заграничной (на сколько я знаю), ни въ нашей печати не было ничего сказано о Луинѣ (исключая невѣрнаго отзыва Греча) и его запискахъ, и не слышно было о какихъ-либо извлеченіяхъ изъ нихъ, то я и счелъ не лишнимъ сдѣлать.

извѣстнымъ кое-что изъ того, что сохранилось по крайней мѣрѣ въ моей памяти какъ изъ разсказовъ самого Лунина, такъ и изъ разсказовъ о немъ, слышанныхъ отъ другихъ, присоединивъ къ этому и собственные наблюденія надъ нимъ въ продолженіе многолѣтняго совмѣстнаго пребыванія нашего въ казематахъ въ Читѣ и въ Петровскомъ заводѣ. Я былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Лунинымъ, потому что три раза мѣ недѣлю мы занимались часа по два у него въ номерѣ, и еще долѣе бесѣдовали по вечерамъ. Онъ учился у меня по гречески, а я, подъ его руководствомъ, переводилъ самыя трудныя мѣста съ языковъ русскаго и французскаго на англійскій для усовершенствованія себя въ послѣднемъ; по вечерамъ же предметы разговоровъ были политическіе, и особенно религіозныя, потому что онъ всегда говорилъ, что я единственный человѣкъ въ казематѣ, съ которымъ онъ можетъ бесѣдовать о религіи, такъ какъ по серьезному изученію мною источниковъ, я одинъ компетентенъ для подобной бесѣды, и потому только съ однимъ мною онъ разсуждалъ о причинахъ того, что называли его обращеніемъ въ католичество, и просилъ объяснить это его сестрѣ, если я когда нибудь съ нею увижусь. Онъ въ высшей степени интересовался моимъ переводомъ Священнаго Писанія съ подлинника и нѣкоторыми объясненіями, которыя были результатомъ моего изученія. Мнѣ давалъ онъ читать и всю свою переписку съ сестрою его и съ племянниками. Мнѣ послалъ онъ и послѣдній поклонъ и послѣднее завѣщаніе, переданное чиновникомъ, отвозившимъ его въ Аватуй и подтвержденное потомъ горнымъ начальникомъ, чтобы я непременно велъ свои записки, полагаясь на мое знаніе дѣла и на мое безпристрастіе для пользы общей, и къ своимъ, и къ чужимъ, какъ онъ имѣлъ случай убѣдиться, слыша мои сужденія о лицахъ и дѣлахъ.

Луинъ былъ видный мужчина, высокаго роста, сухоощаваго сложенія, съ продолговатымъ лицомъ; носилъ эспаньолку и напоминалъ отчасти Вандиковскіе портреты. Видѣвшіе за границею портреты герцога Альбы говорили, что въ лицѣ Лунина было сходство съ нимъ. Луинъ былъ очень богатъ по наслѣдству, получилъ считавшееся въ то время блестящимъ воспитаніе, приравненное къ тогдашнимъ требованіямъ большаго свѣта, т. е. зналъ главные европейскіе языки, хорошо ѣдилъ верхомъ, танцевалъ и владѣлъ оружіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выказывалъ страсть къ молодечеству (что было тогда общемо повальною болѣзнію) и желаніе обратить на себя вниманіе чѣмъ нибудь особеннымъ; и надо сказать, что наклонность къ этому не оставила его и въ позднихъ лѣтахъ, и много вредила ему, заставляя его впадать въ очевидныя противорѣчія. Будучи уже офицеромъ въ Кавалергардскомъ полку, онъ бился объ закладъ, что проскачетъ нагой верхомъ по Петербургу; а находясь уже въ казематѣ и видя, что я не употребляю никакой другой пищи, кромѣ овощной (что я дѣлалъ по діетическимъ причинамъ, при усиленныхъ занятіяхъ и сидячей

жизни, а отчасти по предусмотрительности, чтобы приучить себя, при небезопасности средствъ моихъ, къ лишениямъ всякаго рода, для сохраненія своей нравственной независимости), онъ захотѣлъ подражать мнѣ и сталъ пить кирпичный чай и питаться однимъ картофелемъ, но въ то же время курилъ самый дорогой табакъ, который сестра его должна была нарочно выписывать черезъ Константинополь. Солиднаго образованія Лунинъ не имѣлъ, и это глубоко оскорбляло его самолюбіе, когда ему пришлось быть въ необходимыхъ повседневныхъ сношеніяхъ съ новымъ поколѣніемъ молодыхъ, весьма образованныхъ людей... Но каковы бы ни были недостатки его научнаго образованія, принадлежащіе скорѣе его эпохѣ, нежели его личной винѣ, онъ имѣлъ неоспоримыя качества: былъ храбръ безъ бреттерства, исполнителенъ по службѣ (вслѣдствіе чего и назначался и въ конвой, и на ординарцы къ государю) и не уклончивъ, когда нужно было заступиться за правду предъ кѣмъ бы то ни было, вслѣдствіе чего за свою правдивость заслужилъ благоволеніе государя, который иногда обращался непосредственно къ нему, когда видѣлъ, что ни отъ кого не можеть добиться правды. Лунинъ заступился за товарищей офицеровъ, хотя другаго полка, которые считали себя оскорбленными цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, чѣмъ и навлекъ на себя его вражду, но былъ оправданъ государемъ.

Лунину пришлось быть на ординарцахъ у государя въ достопамятную ночь послѣ переправы черезъ Нѣманъ, по разбитіи нашей арміи подъ Фридландомъ. Вотъ какъ описывалъ онъ положеніе, въ какомъ они находились въ эту ночь.

„Всякій порядокъ, всякая дисциплина были разрушены въ эту ночь въ арміи. Измученные, измокшіе и голодные солдаты, какъ бы не замѣчали присутствія самыхъ высшихъ начальниковъ. Все вниманіе, всѣ заботы были направлены единственно къ тому, чтобы погрѣться и пообсушиться около огня и достать что-нибудь поѣсть. Все, что могло горѣть—летѣло въ огонь; цѣлыя деревни были разобраны на костры: едва могли отстоять одну избушку, чтобы было гдѣ укрыться на ночь государю. И Боже мой! что это была за избушка! Ее также начали было уже ломать; сѣни были уже отломаны, оторваны и ставни, сломаны и широкія лавки вдоль стѣнъ; не успѣли только унести шатающійся столикъ, да полки около печи для посуды; наконецъ за печью нашли мы, рассказывалъ Лунинъ, какія-то сколоченныя доски, не то на двери, не то на столешницу для стола, на которомъ катаютъ хлѣбы, и вотъ какъ мы распорядились: сняли полки и укрѣпили ихъ въ углу вмѣсто скамьи для государя и поставили тутъ столикъ. А такъ какъ теперь, когда сломали сѣни, дверь изъ избы открывалась прямо на улицу, то, чтобы защитить хотя отчасти государя отъ врывавшагося вѣтра, когда отворяли дверь,—мы приладили къ стѣнѣ, въ видѣ перегородки, найденныя сколоченныя доски; это вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы отдѣляло насъ отъ государя и меньше стѣсняло его нашимъ присут-

ствиѣмъ. Конвой помѣстился подъ выступомъ крыши, на сторонѣ противоположной вѣтру; мы также хотѣли помѣститься тамъ, но государь потребовалъ, чтобы мы оставались въ избѣ, что по правдѣ было необходимо и для него самого, такъ какъ ему трудно было бы всякій разъ вставать, отворять дверь и звать насъ, когда бы кто понадобился, а звать приходилось часто, потому что были получены тревожныя вѣсти, что французскія войска дѣлаютъ уже приготовленія къ переправѣ. и что во всякомъ случаѣ видѣли уже ихъ мародеровъ на правомъ берегу Нѣмана, и слѣдовательно можно было опасаться какого-нибудь дерзкаго покушенія въ случаѣ если бы французы узнали, гдѣ государь скрывается. Государь сидѣлъ въ глубокомъ раздумьѣ, но видно было, что онъ твердо уже остановился на какой-то мысли, судя по словамъ: „да! такъ!“, которыя вырывались у него время отъ времени, какъ бы въ забытій. Прусскій же король былъ въ полномъ отчаяніи, и то и дѣло повторялъ, что все потеряно! При этихъ восклицаніяхъ, государь, какъ бы очнувшись, наклонялся къ нему и что-то шепталъ на ухо, пожимая ему руку. Въ избу входили безпрестанно, прерывая забытѣ государя, или сами начальники, или посылаемые отъ нихъ; извнѣ доносился сильный шумъ и говоръ солдатъ, усиливаемые еще время отъ времени взрывами восклицаній; тогда посылали насъ посмотреть, что такое тамъ дѣлается? но всегда оказывалось, что это были восклицанія радости, когда вновь притаскивали что-нибудь, что могло поддержать угасающій костеръ. Наконецъ все мало по малу стало затихать, и мы, какъ ни старались бодрить себя, стали было уже впадать въ усыпленіе, или, вѣрнѣе сказать, въ какое-то оцѣпенѣніе. какъ вдругъ надъ нами раздался страшный трескъ. Мигомъ бросились мы изъ избы, чтобы узнать, отъ чего это происходитъ, и увидѣли, что наши солдаты, наши собственные солдаты, ломаютъ крышу, взобравшись на нее со стороны противоположной той, гдѣ укрывался конвой, и тащутъ доски въ костры“!

Все время, пока продолжался походъ съ 1812 по 1814 годъ, Лунинъ пользовался полнымъ благоволеніемъ государя, не смотря даже на рѣзкіе отзывы свои о нѣкоторыхъ лицахъ. Причина же, по которой онъ вмѣстѣ съ многими другими русскими впалъ въ немилость, была слѣдующая:

Присутствуя въ палатѣ перовъ, когда прочитанъ былъ смертный приговоръ (вопреки капитуляціи), Нею и Лабедойеру, всѣ русскіе (за исключеніемъ, какъ говорятъ, Чернышова), встали и закричали согласно: „*Mais c'est un assassinat juridique!*“ Всѣхъ ихъ выслали изъ Парижа. Къ этому же времени относится и дуэль Лунина съ А. Ѳ. Орловымъ. Лунинъ былъ товарищъ и по службѣ, и по великосвѣтскому кругу, Орлову, Левашову, отчасти Чернышову и пр. и былъ даже въ přátельскихъ отношеніяхъ съ обоими Орловыми. Однажды, при одномъ политическомъ разговорѣ, въ довольно многочисленномъ обществѣ, Лунинъ услышалъ, что Орловъ, высказавъ свое мнѣніе, прибавилъ, что всякій

честный человекъ не можетъ и думать иначе. Услышавъ подобное выраженіе, Лунинъ, хотя разговоръ шелъ не съ нимъ, а съ другими, сказалъ Орлову:

— Послушай, однако же, А. Ѳ.! ты конечно обмолвился, употребляя такое рѣзкое выраженіе; совѣтую тебѣ взять его назадъ; скажу тебѣ, что можно быть вполне честнымъ человекомъ и однако имѣть совершенно иное мнѣніе. Я даже знаю самъ многихъ честныхъ людей, которыхъ мнѣніе нисколько несогласно съ твоимъ. Желаю думать, что ты просто увлекся горячностью спора.

— Что-жъ ты меня провоцируешь что-ли? сказалъ Орловъ...

— Я не бреттеръ и не ищу никого провоцировать, отвѣчалъ Лунинъ, но если ты мои слова принимаешь за вызовъ, я не отказываюсь отъ него, если ты не откажешься отъ твоихъ словъ!

Слѣдствіемъ этого и была дуэль; положено было стрѣлять до трехъ разъ, сближая каждый разъ разстояніе. Всѣ знали, что Лунинъ былъ отличный стрѣлокъ. Первымъ выстрѣломъ Орловъ разнесъ перо на шляпѣ Лунина; Лунинъ выстрѣлилъ въ воздухъ; Орловъ еще болѣе разгорячился и закричалъ: „Что-жъ это ты! смѣешься, что ли надо мною“? подошелъ ближе и, долго прицѣливаясь, вторымъ выстрѣломъ сбилъ эполетъ у Лунина; Лунинъ вторично выстрѣлилъ въ воздухъ, тогда какъ не только онъ, но и плохой стрѣлокъ, если бы дѣйствовалъ только кладнокровно, а не горячился какъ Орловъ, могъ бы убить Орлова на такомъ короткомъ разстояніи. Тутъ Орловъ опомнился и, бросивъ свой пистолетъ, кинулся Лунину на шею.

По возвращеніи гвардіи въ Петербургъ, Лунинъ, будучи старшимъ ротмистромъ въ полку, долженъ былъ со дня на день ожидать производства въ полковники. Но дни шли за днями, недѣли проходили за недѣлями, наконецъ пошли и мѣсяцы за мѣсяцами, а производства все не было. Лунинъ, пользуясь большимъ расположеніемъ князя Петра Михайловича Волконскаго, тогдашняго начальника Главнаго штаба, рѣшился наконецъ спросить его, отчего это нѣтъ производства? Волконскій отвѣчалъ ему прямо:

— Всѣ изъ за тебя! Государь не хочетъ произвести тебя въ полковники, а обойти тебя нѣтъ формальнаго повода: ты аттестуешься хорошо по службѣ. Если поэтому не хочешь вредить товарищамъ, задерживая и ихъ производство, то выходи въ отставку.

Выслушавъ это, Лунинъ сѣлъ на корабль и уѣхалъ во Францію, написавъ Волконскому, что онъ вовсе не желаетъ выходить добровольно въ отставку, не имѣя на то никакой личной побудительной причины, и потому, не имѣя въ дѣйствительности ничего, чѣмъ мотивировать просьбу объ отставкѣ, онъ не можетъ соблюсти обычной формы для оставленія службы, а вынужденъ просто уѣхать, и требуетъ только, чтобъ его не считали бѣглецомъ, такъ какъ сами вынудили его удалиться, чтобъ не вредить другимъ.

Между тѣмъ Лунинъ въ это же время былъ не въ ладахъ со сво-

имъ отцомъ по семейнымъ обстоятельствамъ и не хотѣлъ просить у него содержанія, тѣмъ болѣе, что неудовольствіе отца должно было конечно усилиться еще по поводу удаленія Лунина за-границу, бросившаго службу такимъ небывалымъ образомъ. Какъ бы то ни было, Луину пришлось находить въ самомъ себѣ средства для своего существованія. Онъ отлично зналъ язьки англійскій и французскій и сдѣлался ходатаемъ по дѣламъ у англичанъ, во множествѣ проживавшихъ тогда въ Парижѣ. Подъ именемъ п-г Michel онъ помѣстился съ пятью бѣдняками въ мансардѣ одного небольшого домика, съ хозяйскимъ столомъ, у вдовы, имѣвшей взрослую дочь, но не имѣвшей средствъ держать прислугу. Изъ этихъ шестерыхъ жильцовъ г. Мишель зарабатывалъ больше всѣхъ, однако не на столько достаточно, чтобъ быть во всѣхъ отношеніяхъ независимымъ. Поэтому жильцы мансарды имѣли общіе зонтики, галоши и плащи, по двѣ каждой вещи на шесть человекъ, и могли пользоваться ими только по строго установленной очереди. Была даже и на то очередь, кому сидѣть за письменными занятіями у единственнаго полукруглаго окна.

Хозяйка, у которой они жили, была женщина добрая въ сущности, но какъ бѣдная вдова, старалась все таки по возможности извлекать экономію изъ неполнаго удовлетворенія „ненасытнаго“, по ея словамъ, аппетита своихъ жильцовъ, на который она постоянно жаловалась. Другой предметъ ея заботы состоялъ въ томъ, чтобъ дочь ея не сошлась какъ нибудь съ кѣмъ либо изъ жившихъ у ней „голяковъ“, и она при всякомъ случаѣ намекала имъ, что не отдастъ дочь замужъ ни за кого, кто не имѣетъ обеспеченнаго состоянія. Но Луинъ былъ очень доволенъ этими „голяками“, своими товарищами по комнатѣ. Они вовсе не были похожи на тѣхъ, жаждавшихъ быстро обогащенія какими бы то ни было средствами, молодыхъ людей, которыхъ, по описанію романовъ, столько развелось потомъ въ Парижѣ послѣ революціи 1830 года. Куда! у товарищей Лунина не было другой мечты, какъ заслуживать довѣріе у тѣхъ, у кого они занимались, и надѣяться на прибавку какихъ нибудь 50—100 франковъ къ годовому жалованью. Всѣ рано вставали, рано ложились, экономя свѣтъ; къ обѣду являлись съ точностію: хозяйка въ этомъ отношеніи была неумолима; отдѣльно обѣдать никому не подавали. Въ такой однообразной жизни тянулись для Лунина дни и мѣсяцы; прошли наконецъ и годы, и онъ былъ очень радъ, что за всѣми расходами скопилось у него наконецъ 50 франковъ „на всякій случай“. „И право, говорилъ онъ, я придавалъ имъ тогда больше значенія, тѣмъ когда я, въ другихъ обстоятельствахъ жизни, имѣлъ по временамъ въ запасѣ до 80,000 р. Но вотъ однажды, когда Луинъ торопился домой, чтобы не опоздать къ обѣду, увидѣлъ онъ толпящихся на крыльцѣ всѣхъ своихъ товарищей, которые, едва завидѣвъ его, дѣлали ему какіе-то знаки ругами, а лишь только онъ подошелъ

на такое разстояніе, что можно было слышать ихъ голоса, какъ они всѣ разомъ закричали, стараясь перекричать другъ друга: „m-g Michel! m-g Michel! господинъ Лафиттъ, самъ г. Лафиттъ былъ у васъ“. Надо знать, что такое былъ Лафиттъ въ то время, чтобы понять изумленіе бѣдняковъ: одинъ изъ первыхъ банкировъ Франціи, одинъ изъ главныхъ депутатовъ, одинъ изъ вожаковъ оппозиціи! И этотъ-то Лафиттъ пріѣзжалъ лично къ m-g Michel и оставилъ ему свою визитную карточку! Хозяйка была также въ изумленіи, и какъ женщина смѣтливая, обладающая особымъ чутьемъ интереса, подала на этотъ разъ такой обѣдъ, какого жильцы ея никогда еще не видали и не надѣялись когда-либо видѣть. Лунинъ конечно понялъ въ чемъ дѣло, но не показавъ вида, что знаетъ причину посѣщенія такого важнаго лица, и на вопросы о томъ сказалъ, что вѣроятно это по процессу одного англичанина съ банковской конторою Лафиттъ. Зная, что въ послѣобѣденное время конторы банкировъ уже заперты, онъ отправился, послѣ сытнаго въ первый еще разъ обѣда, къ Лафитту на домъ, или, вѣрнѣе сказать, въ его дворецъ. Лунинъ былъ немедленно принятъ, и Лафиттъ объявилъ ему, что получилъ письмо отъ петербургскаго банкира Ливіо, который просилъ извѣстить Лунина о смерти его отца, и что онъ наследовалъ имѣніе съ доходомъ въ 200,000 р., причемъ отереть Лунину кредитъ въ 200,000 франковъ. Лафиттъ при этомъ любезно объяснилъ Лунину, что контора уже заперта, но что до завтрашняго дня онъ можетъ выдать ему немедленно 20,000 франковъ, а остальные онъ получитъ завтра поутру въ конторѣ, и пригласилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лунина въ извѣстный опредѣленный день къ обѣду, когда у него собирались особенно близкіе ему люди. Когда Лунинъ возвратился домой, довольно уже поздно, то разочарованные прежнимъ сухимъ объясненіемъ его товарищи не торопились уже на этотъ разъ встрѣчать его и не предлагали болѣе вопросовъ о причинѣ посѣщенія банкира. Но каково же было ихъ удивленіе, когда на другой день Лунинъ, позвавши хозяйку, заказалъ ей особенный обѣдъ на всѣхъ, считая въ томъ числѣ и еѣ самое и дочь ея, по 10 фр. на человѣка или, какъ говорится, съ персоны, не считая вино, которое взялся закупить самъ, и заплатилъ ей деньги впередъ, *argent comptant!* при чемъ разсказалъ по какому поводу пріѣзжалъ г. Лафиттъ. Боже мой! да если бы все наследство было только въ 200,000 франковъ, то и тогда можно было бы сойти съ ума; а тутъ 200,000 ежегоднаго дохода! Съ этой минуты m-g Michel превратился въ *prince Loupîne*, потому что никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы такой богачъ русскій, былъ не князь. Хозяйка горько упрекала теперь себя, что держала своихъ жильцовъ въ отдаленіи отъ дочери; ей теперь казалось уже, что именно m-g Michel былъ неравнодушенъ къ молодой дѣвицѣ. Ахъ, если бы она была не такъ строга! почему знать! тѣмъ болѣе, что m-g Michel хотя и русскій, но ревностный католикъ. Разумѣется она дала наставленіе дочери быть за

столомъ какъ можно любезнѣе съ m-g le prince, и просила Лунина послушать иногда игру дочери на фортепіано. Увы! всё эти невинныя уловки ни къ чему уже не привели. Лунинъ торопился въ Россію. Впрочемъ онъ еще разъ угостилъ всѣхъ на славу и сдѣлалъ хозяйкѣ, ея дочери и всѣмъ товарищамъ своимъ приличные подарки на память.

Между тѣмъ во время пребыванія Лунина въ Парижѣ случилось съ нимъ одно важное событіе, подавшее поводъ къ упрекамъ ему съ разныхъ сторонъ; — это обращеніе его въ католичество, совращеніе, измѣна религіи, какъ называли иные, тогда какъ это былъ просто переходъ отъ невѣрія къ вѣрованію, а видъ или форма послѣдняго опредѣлился чистою случайностью; онъ, переходя къ вѣрованію, могъ точно также сдѣлаться и православнымъ, и протестантомъ, какъ сдѣлался католикомъ, если бы его невѣріе вообще поколебало сначала лицо православнаго исповѣданія, или протестантъ, какъ поколебали умные аббаты въ Парижѣ, съ которыми ему впервые привелось вести разговоры о вѣрѣ и невѣріи, — которые ему доказали, какъ онъ самъ говорилъ, что въ невѣріи менѣе логики, и больше нелѣпости, чѣмъ въ самой нелѣпой даже религіи. Дѣло было въ томъ, что невѣріе Лунина, какъ и всего современнаго ему высшаго общества, было слѣдствіемъ тогдашней моды и наслѣдованной привычки, а не опиралось на возбуждающія сомнѣнія ученныя изслѣдованія, и слѣдовательно не было знакомо съ тѣми аргументами, которые ученые невѣрующіе противопоставляли евангельской проповѣди; могъ ли онъ поэтому бороться противъ ученыхъ аббатовъ, имѣвшихъ притомъ практической навѣкъ въ религіозныхъ преніяхъ? Къ этому присоединилось и то еще грустное обстоятельство, что въ русскомъ духовенствѣ Лунину пришлось видѣть тогда много соблазновъ; онъ рассказывалъ, что, сопутствуя одной своей родственницѣ въ путешествіи ея по монастырямъ, видѣлъ напр. какъ въ Кіевѣ кощунственно торговали святынею, какъ даже схимонахи пьянствовали и добивались разныхъ личныхъ цѣлей, тогда какъ во Франціи, во время пребыванія Лунина тамъ, вскорѣ послѣ реставраціи, католическое духовенство, еще не вполне укрѣпившееся, держало себя очень осторожно. Можетъ быть, если бы Лунинъ по возвращеніи остался въ Россіи, то прежнія вліянія изгладили бы слѣды католицизма, но ему привелось жить въ Варшавѣ, и польское духовенство укрѣпило его окончательно въ католициствѣ.

Лунинъ возвратился въ Россію тѣмъ же манеромъ, какъ и уѣхалъ изъ нея, — не испросивши дозволенія на возвращеніе, такъ какъ не считалъ себя бѣглецомъ. Онъ сѣлъ просто на корабль, прибылъ въ Петербургъ и отправился прямо безъ доклада въ кабинетъ къ князю Волконскому, жившему въ Зимнемъ дворцѣ. Волконскій, увидѣвъ внезапно Лунина, просто остолбенѣлъ. Наконецъ, придя немного въ себя, отъ изумленія едва могъ выговорить:

— Михайло Сергѣевичъ, это ты!

— Какъ видите.

— Несчастный! Все, что я въ память прежняго расположенія могу сдѣлать,—это сказать тебѣ: какимъ путемъ пріѣхалъ, такимъ и убирайся, пока тебя кто-нибудь не увидалъ; а я тебя не выдамъ!

— Нѣтъ, подите и доложите государю, что Лунинъ возвратился и просится въ службу...

— Сумашедшій! да развѣ ты не знаешь, что тебя ожидаетъ?

— Это не ваше дѣло; а если не хотите довлѣдывать, то я пойду доложиться черезъ дежурнаго генераль-адъютанта.

Дѣлать было нечего! Волконскій по добротѣ своей согласился доложить, расчитывая, что если дѣло получить дурной оборотъ, то все же ему будетъ легче чѣмъ другому помочь Лунину своимъ заступничествомъ. Говорили, что Волконскій часто пугалъ государя всегдашнею своею привычкою начинать объясненіе неопредѣленными выраженіями, заставлявшими иногда при докладѣ о самыхъ неважныхъ дѣлахъ ожидать чего-то особенно важнаго, что въ тѣ тревожныя времена было очень естественно. Такъ случилось и при докладѣ о Лунинѣ. По рассказамъ самого Волконскаго войдя къ государю, видимо взволнованный, онъ могъ произнести только:

— Ваше величество, Лунинъ!..

— Что такое Лунинъ—спросилъ государь, обратясь быстро къ Волконскому.— Да говори же!

— Ваше величество, Лунинъ воротился!

— Какъ, гдѣ онъ?

— Ваше величество, здѣсь во дворцѣ, у меня въ кабинетѣ. Пріѣхалъ проситься въ службу.

Государь подошелъ къ Волконскому, сталъ противъ него и простоялъ съ минуту въ видимомъ недоумѣніи; затѣмъ, пройдя раза два по кабинету, сказалъ:

— Хорошо; только въ армію, и тѣмъ же чиномъ, какой имѣлъ въ гвардіи.

Волконскій принесъ отвѣтъ, что Лунинъ согласенъ.

— А! сказалъ государь, еще одно условіе: въ тѣ войска, которые находятся подъ начальствомъ цесаревича!

— И на это согласенъ, отвѣчалъ Лунинъ, и такимъ образомъ отправился въ Варшаву.

Видѣлъ ли цесаревичъ въ согласіи Лунина поступить (не смотря на извѣстную исторію между ними) подъ его начальство довѣріе къ его благородству, служебная ли исправность и знаніе дѣла Лунина, только извѣстно, что въ самое короткое время онъ пріобрѣлъ такое расположеніе цесаревича, что сдѣлался самымъ близкимъ къ нему чело-вѣкомъ, если слово „другомъ“ показалось бы преувеличеніемъ. Цесаревичъ велъ съ Луниномъ самыя интимныя разговоры, интересовался всѣми его домашними дѣлами, и когда ѣздилъ бывало въ Варшаву изъ лагеря, всегда спрашивалъ у Лунина, нѣтъ ли у него порученій;

наконецъ въ 1825 г. долго его отстаивалъ и не выдавалъ, не смотря на неоднократныя требованія слѣдственнаго комитета арестовать Лунина и прислать въ Петербургъ.

Пристрастіе цесаревича къ парадной представительности службы достаточно всѣмъ извѣстно, и однако же онъ позволялъ Лунину дѣлать возраженія противъ пожертвованія сущностію военнаго дѣла ради внѣшняго вида, картинности, такъ сказать, и однажды вотъ что случилось по этому поводу: Луинъ доказывалъ, что всѣ употребляемыя средства, чтобы достигнуть этой картинности, стѣсняють только свободное движеніе людей, и ни къ чему не ведутъ, потому что все разстраивается лишь только вступаютъ въ настоящее дѣло.

— А чѣмъ ты это докажешь? возразилъ цесаревичъ.

— А вотъ, позвольте мнѣ только десять минутъ покомандовать вашимъ уланскимъ полкомъ (считавшимся образцовымъ по отношенію къ парадности), и вы его не узнаете!

— Хорошо!

Побились объ закладъ о фунтѣ конфетъ. Многіе приняли участіе въ закладѣ, одни за цесаревича, другіе за Лунина. Привели и поставили передъ бельведеромъ взводъ уланъ. Цесаревичъ сказалъ:

— Принимать команду отъ подполковника Лунина.

Все затихло и устремило вниманіе на уланъ въ ожиданіи, что будетъ командовать Луинъ. Вдругъ раздалась команда: „Долой съ коня!“ и едва только ноги уланъ коснулись земли, какъ раздалась новая команда: „Садись!“ Мигомъ все обезобразилось; посыпалось все, что было слишкомъ туго натянута, въ обтяжку; искривилось и съѣхало съ мѣста все, что держалось не простымъ, естественнымъ, а искусственнымъ способомъ. и т. п. Цесаревичъ разсмѣялся и обратилъ все въ шутку.

— Свой братъ! сказалъ онъ, указывая на Лунина, знаетъ всѣ наши штуки.

Луинъ дѣлалъ много добра полякамъ, но не довѣрялъ имъ въ политическомъ отношеніи. Онъ предостерегалъ цесаревича и говорилъ ему, что послѣ того, какъ тотъ отказался отъ престола, ему не слѣдуетъ уже оставаться въ Варшавѣ, а надо жить или въ Россіи, или за границею и уже частнымъ человекомъ. Вотъ что рассказывалъ еще Луинъ задолго до Варшавскихъ событій о своемъ послѣднемъ свиданіи съ цесаревичемъ.

— Теперь ты пеняй на себя, Михайло Сергѣичъ! сказалъ Луину цесаревичъ, прощаясь съ нимъ; я долго тебя отстаивалъ, и давалъ тебѣ время удалиться за границу, но въ Петербургѣ я ничѣмъ уже помочь тебѣ не могу.

— Ничего, ваше высочество! бѣжать за границу, избѣгая той участи, которой подвергнутся товарищи, было бы малодушіемъ... Теперь же прошу васъ только объ одномъ: не запрещать моимъ пріятелямъ проводить меня до первой станціи; увидите, съ какимъ торжествомъ

я выѣду изъ Варшавы. А что касается до васъ, то помяните мое слово, отъ того, что вы не хотѣли послушать нашего (общаго съ Новосильцевымъ и другими), совѣта, вы не выберитесь по добру, по здоровью изъ Варшавы.

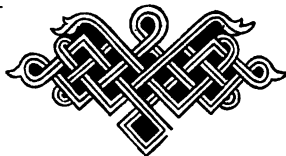
Лунинъ хотѣлъ освободить своихъ крестьянъ, но встрѣтилъ въ томъ препятствіе; онъ хотѣлъ дать имъ свободу хотя по завѣщанію, но родные оспаривали завѣщаніе, что и было причиною неудовольствія Лунина на сестру.

Въ слѣдственномъ комитетѣ Лунинъ обратилъ на себя особенное вниманіе рѣзкостью своихъ отвѣтовъ и возраженій. Принадлежа къ тому же кругу высшаго общества, какъ и большая часть членовъ комитета, будучи товарищемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и зная многое отъ цесаревича, Лунинъ зналъ, какъ говорится всю подноготную многихъ лицъ, и въ отвѣтахъ своихъ и возраженіяхъ напоминалъ инымъ о такихъ вещахъ, о которыхъ они и сами не желали бы помнить.

Въ казематахъ (какъ ихъ обычно называли) въ Читѣ и Петровскомъ заводѣ Лунинъ не принималъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, но былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ товарищами. Главныя его занятія относились къ религіознымъ предметамъ и (какъ думаю) къ составленію записокъ.

По выходѣ на поселеніе онъ писалъ къ сестрѣ своей Екатеринѣ Сергѣевнѣ Уваровой письма, въ которыхъ жестоко доставалось многимъ важнымъ лицамъ, особенно министру Уварову, которому въ молодости его Лунинъ давалъ у себя помѣщеніе и столъ. (Замѣчу здѣсь, что отзывъ Лунина объ Уваровѣ совершенно согласенъ съ позднѣйшимъ о немъ отзывомъ мнѣ В. И. Даля). Письма эти расходились въ копіяхъ по Петербургу, гдѣ очень были рады высказать чужими словами то, чего сами не смѣли сказать отъ себя. Наконецъ, по поводу нѣкоторыхъ статей, которыя Лунинъ нашелъ средства напечатать въ Англій, его арестовали и заключили въ Аватуевскую тюрьму, гдѣ содержались многіе поляки и въ числѣ ихъ Высоцкій. Тамъ Лунинъ и умеръ скоростипжно.

Дмитрій Завалишинъ.

ЗНАКОМСТВО СЪ СЕНКОВСКИМЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ВЪ ТРИДЦАТЫХЪ годахъ въ Московской гимназіи, гдѣ я тогда воспитывался, между учениками старшихъ классовъ была сильно развита любовь къ русской литературѣ. Мы покупали въ складчину замѣчательныя новыя книги, подписывались на журналы, поочередно читали ихъ, а передъ каникулами всѣ пріобрѣтенныя въ продолженіе года изданія разыгрывали обыкновенно въ лотерею. При этомъ особенно счастливымъ почиталъ себя тотъ, кому доставалась книжка „Библиотеки для Чтенія“ съ какою-нибудь повѣстью или критической статьей Барона Брамбеуса. Не смотря на обиліе талантовъ въ тогдашней литературѣ, ни одинъ писатель, послѣ Пушкина и Марлинскаго, не пользовался въ средѣ нашей гимназической молодежи такою популярностью, какъ авторъ „Фантастическихъ Путешествій“. Разказы его, теперь всѣми забытыя, читались тогда съ увлеченіемъ, забавныя выходы его затверживались на память, потѣшныя рецензіи считались верхомъ остроумія, и въ нашихъ письменныхъ журналахъ, которые издавались подъ разными замысловатыми названіями въ старшихъ и даже среднихъ классахъ, являлись статьи, навѣянныя чтеніемъ Барона Брамбеуса или прямо писанныя въ подражаніе ему.

Увлеченіе это конечно доказывало нашу незрѣлость, но оно было вполне извинительно, если вспомнить, что въ то время Баронъ Брамбеусъ былъ великимъ талантомъ въ глазахъ не однихъ дѣтей. Его „Путешествіе на Медвѣжьей Островъ“, повѣсть „Вся женская жизнь въ нѣсколькихъ часахъ“, фантастическія разказы—„Большой выходъ у Сатаны“ и „Похожденія одной ревизской души“ возбуждали горячіе толки во всей читающей русской публикѣ. Но не меньше, чѣмъ этими беллетристическими сочиненіями, мы восхищались мелкими рецензіями, которыя обыкновенно печатались въ Литературной Лѣтописи

„Библиотеки для Чтенія“ и очевидно принадлежали остроумному перу того же автора „Фантастическихъ Путешествій“. При полученіи новой книжки журнала прежде всего разрѣзывалась обыкновенно эта. Изъюпись и нерѣдко читалась въ слухъ въ самомъ классѣ въ часы свободные отъ занятій, или даже въ перемѣну между уроками. Мы хорошо знали, что не найдемъ въ этихъ рецензіяхъ правдиваго отзыва о сочиненіяхъ, но за то навѣрное встрѣтимъ какія-нибудь злыя и остроумныя выходки по поводу новыхъ, особенно плохихъ книжонокъ. А на такія выходки Баронъ Брамбеусъ былъ большой мастеръ. Выходить, напримѣръ, собраніе стихотвореній съ портретомъ автора, и вся рецензія на книгу ограничивается одной фразой: „кто прочтетъ эти стихи, тому не захочется взглянуть на портретъ поэта, а кто прежде посмотритъ на портретъ, тотъ совсѣмъ не будетъ читать стиховъ“. Въ другой разъ рецензентъ перечислялъ заглавія нѣсколькихъ новыхъ книжекъ и вмѣсто разбора ихъ писалъ: „Петрушка! снеси все на кухню: это для васъ напечатано“. Хотя въ такихъ выходкахъ и не было ничего общаго съ критикой, но онѣ нравились намъ своей оригинальностью.

Понятно, что при нашемъ увлеченіи Барономъ Брамбеусомъ прежде всего занималъ насъ вопросъ: кто же такой этотъ талантливый писатель, таинственно прикрывающійся такимъ страннымъ псевдонимомъ?

Пока извѣстны были только „Фантастическія Путешествія“, у насъ ходили въ гимназіи довольно смутныя слухи о его личности; но съ появленіемъ „Библиотеки для Чтенія“ въ Москвѣ всѣмъ было уже извѣстно, что подъ именемъ сказочнаго барона пишетъ профессоръ арабскаго языка и литературы въ Петербургскомъ университетѣ, Сенковский. Мы узнали, что онъ воспитывался въ Вильнѣ, долго путешествовалъ по Европѣ, прожилъ нѣсколько лѣтъ на Востокѣ, по происхожденію былъ полякъ, писалъ сначала по-польски и даже издавалъ на этомъ языкѣ какой-то юмористическій журналъ. Когда вышло Смирдинское изданіе „Сто русскихъ литераторовъ“, многіе изъ гимназистовъ добыли портретъ Сенковского, и одинъ изъ нашихъ доморощенныхъ художниковъ недурно самъ копировалъ его акварелью.

Не смотря на то, что выходки Барона Брамбеуса противъ Гоголя, котораго онъ называлъ хохлацкимъ сказочникомъ и русскимъ Польде-Кокотомъ, начали мало по малу колебать въ нашихъ глазахъ авторитетъ Сенковского и мы стали уже относиться къ нему критически, — онъ все еще оставался для насъ крупнымъ талантомъ, и число его горячихъ почитателей долго не уменьшалось.

Когда я пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ университетъ, Сенковский былъ уже здѣсь далеко не въ такомъ почетѣ, какъ въ Москвѣ, и „Библиотека для Чтенія“ начинала заслоняться „Отечественными Записками“, особенно когда въ нихъ стали печататься статьи Вѣдинскаго. Тутъ мы начали сознавать, что повѣсти Сенковского представляютъ не картины дѣйствительной русской жизни, а одни

легкіе и далеко не вѣрные очерки ея, переходящіе даже иногда въ карриатуру; что его критическія статьи отличаются только парадоксальной оригинальностью и самое остроуміе его такъ же искусственно, какъ натянутое остроуміе Марлинскаго. Нельзя было не замѣтить наконецъ, что при обширной и многосторонней учености, при несомнѣнномъ и оригинальномъ дарованіи, въ сочиненіяхъ Сенковскаго видно отсутствіе серьезнаго направленія и той живительной любви къ литературѣ, которая даетъ силу истиннымъ ея представителямъ. И по мѣрѣ того, какъ въ обществѣ нашемъ утверждался авторитетъ Бѣлинскаго и выяснялось значеніе Гоголя, прежняя слава Сенковскаго начала быстро померкать.

Въ бытность въ университетѣ мнѣ случалось только мелькомъ встрѣчать Сенковскаго, когда онъ пріѣзжалъ на лекціи. Съ перваго взгляда онъ показался мнѣ человѣкомъ сухимъ, несообщительнымъ и какъ-будто апатичнымъ. На лекціи ѣздилъ онъ неаккуратно и при входѣ въ аудиторію обыкновенно зѣвалъ, точно былъ утомленъ или дурно провелъ бессонную ночь. Студенты восточнаго факультета рассказывали, что на лекціяхъ былъ онъ очень вялъ и въ качествѣ профессора далеко не оправдывалъ ожиданій, какія можно было возлагать на человѣка съ такими обширными свѣдѣніями въ языкахъ и литературахъ Востока.

Личное мое знакомство съ Сенковскимъ началось въ концѣ 1847 г. Въ это время вышелъ изъ печати мой первый литературный опытъ „Очеркъ исторіи русской поэзіи“, и въ „Библіотекѣ для Читенія“ явился очень лестный отзывъ о моей книгѣ. Вскорѣ послѣ того зашелъ ко мнѣ сослуживецъ мой по учебнымъ заведеніямъ и постоянный сотрудникъ „Библіотеки“, Василій Васильевичъ Дерикеръ, впоследствии извѣстный врачъ-гомеопатъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Осипъ Ивановичъ Сенковскій самъ писалъ рецензію моей книги и желаетъ лично со мною познакомиться. Дерикеръ совѣтовалъ мнѣ ѣхать немедленно и прибавилъ, что Осипъ Ивановичъ намѣренъ предложить мнѣ какую-нибудь работу въ журналѣ.

Хотя въ это время я смотрѣлъ уже на Сенковскаго безъ того увлеченія, съ какимъ мы относились къ нему въ Московской гимназіи, но мнѣ пріятно было сблизиться съ человѣкомъ, котораго я все-таки уважалъ за его ученость и талантъ. На другой или на третій день послѣ разговора съ В. В. Дерикеромъ я пошелъ къ Сенковскому.

Осипъ Ивановичъ жилъ тогда на набережной Василевскаго острова, противъ нынѣшняго Николаевского моста, въ домѣ Усова. Онъ занималъ довольно большую квартиру въ двухъ этажахъ, которые сообщались между собою внутренней лѣстницей. Молоденькая горничная дѣвушка, очень кокетливо одѣтая, взяла отъ меня карточку и попросила подождать въ залѣ. Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась, сказала, что Осипъ Ивановичъ нездоровъ, лежитъ въ постели, но желаетъ меня видѣть и просить къ нему въ спальню. По винтообразной

деревянной лѣстницѣ, устланной ковромъ, я поднялся за моей проводницей во второй этажъ.

По серединѣ большой комнаты, съ тремя окнами на Неву, отдѣланной въ помпейскомъ вкусѣ красными въ темныхъ воймахъ четырехугольниками, стояла широкая, чуть не трех-спальная кровать краснаго дерева, покрытая пунсовымъ атласнымъ одѣяломъ, выстеганнымъ по причудливому узору въ восточномъ вкусѣ. По обѣимъ сторонамъ кровати приставлены были узкой стороной къ изголовью два стола, заваленные книгами и періодическими изданіями. На кровати, поверхъ одѣяла, лежалъ навзничъ безъ сюртука, но въ жилетѣ, галстухѣ и лакированныхъ ботинкахъ Осипъ Ивановичъ, закинувъ надъ головою руки, на которыхъ блистало нѣсколько колецъ. Въ сторонѣ, другая горничная дѣвушка, одѣтая совершенно такъ же, какъ и первая, поправляла уголья въ каминѣ.

— Извините, что такъ принимаю васъ; у меня мигрень, проговорилъ какимъ-то не то усталымъ, не то болѣзненнымъ голосомъ Сенковскій: садитесь вотъ сюда.

Одна изъ дѣвушекъ пододвинула мнѣ къ кровати табуретъ, вышитый по такому же восточному узору, какъ одѣяло. Я высказалъ опасеніе, не беспокою ли его своимъ визитомъ.

— Ничего; у меня мигрень, а на разговоръ отъ эскулаповъ запрета пока еще нѣтъ, проговорилъ онъ, морщась на каждомъ словѣ. Читалъ я вашу книжку и хотѣлъ познакомиться съ вами.

Я поблагодарилъ за благосклонный отзывъ въ „Библиотекѣ для Чтенія“ и замѣтилъ, что особенно цѣню лестный для меня приговоръ критика, который не любитъ баловать начинающихъ литераторовъ.

— Въ хорошемъ расположеніи духа былъ и похвалилъ, съ легкой улыбкой сказалъ Сенковскій. Беспокоилъ бы въ то время мигрень—можетъ быть и пожурилъ бы немножко.

— Мнѣ бы пріятно узнать, за что именно? спросилъ я.

— За идеи.

— За какія идеи?

— Да вообще. Вы, нынѣшніе молодые писатели, стараетесь проводить разныя, какъ вамъ кажется, либеральныя мысли, а общество наше пока еще не нуждается въ нихъ: ему нужно только чтеніе, которое развлекало бы его, занимало, смѣшило, а не заставляло думать, волноваться, сердиться. На идеи у насъ нѣтъ спроса, и предлагать ихъ теперь—все равно, еслибы разносчики стали кричать передъ домомъ, гдѣ всѣ спать глубокимъ сномъ.

— Стало бытъ нужно только забавлять общество?

— Только! Пишите весело, давайте то, что общественный желудокъ хорошо перевариваетъ. Отъ идей у него завалы, особенно отъ либеральныхъ.

— Но развѣ вы сами никакихъ идей не высказывали?

— Никогда, никакихъ!

— Вы шутите?

— Какія шутки! у меня мигрень.

— Но у васъ даже въ легкихъ повѣстяхъ много серьезнаго... Напримѣръ „Путешествіе на Медвѣжьей Островъ“: развѣ и тамъ нѣтъ мысли?

— Никакой, кромѣ того, что русская публика любитъ только сказки, и въ самой математикѣ можно найти для нея что-нибудь забавное. Испугались тогда кометы; боялись, какъ бы она не задѣла хвостомъ за наши магазины, театры, балы, парады — ну и надобно было ее успокоить, позабавить астрономической повѣстью... А то идеи? Напрасно вы вводите ихъ въ моду: долго не продержатся.

Не мало еще говорилъ онъ въ этомъ тонѣ, не перемѣняя положенія на кровати и только изрѣдка перекаладывалъ ногу на ногу. Потомъ повернулъ онъ ко мнѣ голову и сказалъ:—А я думаю предложить вамъ, не хотите ли работать въ „Библиотекѣ для Чтенія“? У меня часто мигрень—не могу много заниматься.

— Не знаю, съумѣю-ли угодить вамъ.

— Чтожъ тутъ угождать... не гоняйтесь только за идеями... Вотъ здѣсь нашъ послѣдній умственный урожай, продолжалъ Сенковскій, показывая глазами на одинъ изъ придвинутыхъ къ кровати столовъ: выберите, что найдете по вкусу.

Я пересмотрѣлъ и отобралъ нѣсколько книжекъ для рецензій. Мы простились.

Черезъ двѣ недѣли у меня приготовлена была небольшая критическая статья и нѣсколько мелкихъ отзыовъ о незначительныхъ книгахъ для Литературной Лѣтописи. Съ любопытствомъ ждалъ я выхода „Библиотеки для Чтенія“, чтобы посмотреть, въ какомъ видѣ явятся мои рецензій, такъ какъ Сенковскій любилъ передѣлывать и исправлять статьи сотрудниковъ, изъ-за чего между прочимъ разошелся съ Н. А. Полевымъ.

Утромъ, въ первое число мѣсяца, явился ко мнѣ разсмысленный съ книжкой „Библиотеки“ и деньгами за мою работу. Съ перваго взгляда я замѣтилъ, что денегъ прислано больше, чѣмъ я рѣсчитывалъ получить, но въ разносной книгѣ выставлена была именно присланная сумма. Когда я сталъ просматривать мои статьи, то увидѣлъ, что онѣ значительно увеличились отъ прибавокъ самого Сенковского и вставленныхъ имъ выписокъ изъ разобранныхъ книгъ, а между тѣмъ плата прислана была за все напечатанное. Что касается самыхъ передѣлокъ въ моей работѣ, то въ литературномъ отношеніи едва ли можно было жаловаться на нихъ безъ крайняго самолюбія. Правда, критическая статья отъ прибавокъ и измѣненій капризнаго редактора нѣсколько перемѣнилась въ самомъ направленіи, но мелкія рецензій положительно выиграли и приняли тотъ игривый характеръ, какимъ отличалась обыкновенно Литературная Лѣтопись „Библиотеки для Чтенія“.

Разсказываютъ, что кенигсбергскіе жители повѣряли часы по тому времени, когда Кантъ начиналъ свою утреннюю прогулку. Точно такъ же, еслибы кто-нибудь въ Петербургѣ забылъ о наступленіи перваго числа, то ему напомнилъ бы объ этомъ выходъ книжки журнала Сенковскаго. Столичные подписчики на „Библиотеку для Чтенія“ получали книжку непременно въ первый день мѣсяца, и эта аккуратность была между прочимъ одною изъ причинъ первоначальнаго успѣха журнала. Точно также аккуратенъ былъ Сенковскій въ расплатѣ съ сотрудниками: гонораръ за статьи выдавали въ конторѣ или присылали на домъ въ самый день выхода новой книжки.

Однажды, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, когда во всю Неву шель сплошной ладожскій ледъ, и всѣ мосты были сняты, поздно вечеромъ явился ко мнѣ разсылный Сенковскаго съ деньгами за напечатанныя статьи и съ новыми книгами для рецензій. Я думалъ, его послали изъ конторы, но съ удивленіемъ узналъ, что онъ прямо отъ редактора съ Васильевскаго Острова.

— Какъ ты попалъ? спросилъ я: развѣ мосты наведены?

— Какіе мосты! отвѣчалъ онъ: ледъ страсть какой валить, и на яликахъ нѣтъ перевоза. Во весь день только одинъ катеръ пробился у Чекушъ, и то чуть не затерло.

— Да чтожь тебѣ за неволя была переѣзжать?

— Хуже неволи! Осипъ Иванычъ безпремѣнно привазываютъ доставить деньги: хоть по льдинамъ шагай, а безъ того не смѣй воротиться.

Не разъ бывалъ я у Сенковскаго, и меня постоянно поражало— съ одной стороны обширность его знаній и удивительная начитанность, съ другой парадоксальность его литературныхъ мнѣній. Извѣстно, что онъ часто помѣщалъ въ журналъ иностранныя сочиненія не въ переводахъ, а въ соращенныхъ компиляціяхъ, и это дѣлалось послѣ его предварительной работы надъ ними. Онъ давалъ сотруднику нѣмецкую, англійскую, итальянскую книгу и на поляхъ дѣлалъ поправки и приписки на томъ же языкѣ, какъ и въ оригиналѣ. Иногда въ книгу, на мѣсто перечернутыхъ страницъ, владывались цѣлыя листки, исписанные рукою Сенковскаго на языкѣ подлинника. Я видѣлъ передѣланный такимъ образомъ романъ Бульвера „Послѣдніе дни Помпеи“. И такъ работалъ онъ не только надъ беллетристическими сочиненіями, но и надъ чисто учеными.

Литературныя сужденія Сенковскаго отличались по большей части странностями, совсѣмъ непонятными въ чловѣкѣ такого высокаго ума и вкуса: то онъ самымъ серьезнымъ образомъ и совершенно безкорыстно превозносилъ похвалами какую-нибудь до очевидности плохую вещь, то безъ всякаго повода унижалъ и осмѣивалъ произведеніе высокоталантливое. И трудно было угадать, зависѣло ли это отъ желанія казаться оригинальнымъ, или просто отъ расположенія духа въ известную минуту. Я замѣчалъ однако, что онъ бывалъ очень остро-

умень въ такое время, когда особенно жаловался на мигрень. Во всякомъ случаѣ его несправедливые и парадоксальные отзывы о многихъ литературныхъ явленіяхъ происходили не отъ недостатка эстетическаго вкуса или нежеланія понять значеніе этихъ явленій.

У меня остался въ памяти разговоръ о Гоголѣ, причѣмъ я заподозрилъ, что странныя выходы Сенковскаго противъ автора „Мертвыхъ Душъ“ едва ли выражали его дѣйствительное убѣжденіе. Онъ какъ-то упрекнулъ молодое поколѣніе въ пристрастіи къ реальной школѣ и замѣтилъ, что новая критика, въ главѣ которой стоялъ Бѣлинскій, неумѣренными похвалами Гоголю надѣляетъ много вреда русской литературѣ. „Бѣда не въ томъ, говорилъ Сенковскій, что вы собьете съ толку вашего кумира и заставите его считать себя величайшимъ гениемъ въ мірѣ: пускай онъ воображаетъ себя Гомеромъ и Оомою Кемпійскимъ—скорѣе допишется до абсурда. Гораздо хуже то, что ваша критика восторженными панегириками ему расплодитъ толпы маленькихъ Гоголей, которые доведутъ его жартъ до омерзительной пошлости и совсѣмъ испортятъ вкусъ публики. Вонъ и теперь уже нельзя безъ перчатокъ брать въ руки иныхъ книгъ, а скоро придется или окуривать ихъ, или выбрасывать въ помойную яму. Увидите, какая грязно-реальная школа расцвѣтетъ подъ вліяніемъ вашего хохлацкаго корифея. Вѣдь подражателямъ не удастся усвоить его природнаго юмора: они только будутъ потчивать васъ его галушками, приправленными лукомъ и конопляннмъ масломъ“.

Во время моего знакомства съ Сенковскимъ я видѣлъ, что онъ уже начиналъ тяготиться изданіемъ журнала и очевидно думалъ о передачѣ его, или по крайней мѣрѣ о прискааніи человѣка, которому могъ бы поручить главныя заботы по редакціи. В. В. Дериверъ говорилъ мнѣ, что Осипъ Ивановичъ первымъ условіемъ для своего помощника ставилъ требованіе не увлекаться новымъ направленіемъ, которое онъ называлъ студіей Бѣлинскаго. Въ началѣ моего сотрудничества онъ кажется думалъ найти во мнѣ подходящаго человѣка, но потомъ убѣдился, что я не могу быть его помощникомъ, потому что не умѣю отрѣшиться отъ идей, которыя ему не нравились. Въ самомъ дѣлѣ, я не могъ относиться къ новой литературѣ съ тѣмъ безстрастіемъ, какового требовалъ Сенковскій, и постоянно расходился съ нимъ во взглядѣ на многія явленія въ тогдашнемъ обществѣ. Это повело наконецъ къ тому, что я охладѣлъ къ журналу и началъ тяготиться моимъ сотрудничествомъ. Хотя я выбиралъ для своихъ работъ такія книги, по которымъ можно было не отказываться отъ своихъ мнѣній и не идти въ разрѣзъ со взглядами редактора, но все же мнѣ стало неприятно находить въ статьяхъ своихъ измѣненія и поправки, по моему не всегда основательныя. Мало по малу я отсталъ отъ „Библиотеки для Чтенія“, что однакожъ не мѣшало мнѣ посѣщать Осипа Ивановича и тогда, какъ онъ переѣхалъ съ Васильевскаго острова въ собственный домъ въ Свѣчномъ переулкѣ.

Въ послѣднее время, оставя редакцію „Библиотеки“, Сенковскій почти отказался отъ литературной дѣятельности и только принялъ не надолго участіе въ „Сынѣ Отечества“, гдѣ писалъ еженедѣльные фельетоны. Любимымъ занятіемъ его въ то время сдѣлалась музыка, и онъ постоянно работалъ надъ какимъ-то усовершенствованіемъ въ фортепьянахъ. Не знаю, что именно онъ придумывалъ и чѣмъ эта затѣя кончилась.

Какъ ни коротко было мое знакомство съ Сенковскимъ, но я съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ въ высокой степени честномъ и даровитомъ, хотя во многихъ отношеніяхъ странномъ человѣкѣ. Не смотря на то, что я не раздѣлялъ его литературныхъ мнѣній, мнѣ нравился его живой и остроумный разговоръ въ тѣ дни, когда онъ былъ веселъ, что впрочемъ случалось не часто: большею же частію онъ хандрилъ и жаловался на нездоровье, иногда кажется мнимое. За то, когда онъ бывалъ въ духѣ, бесѣда съ нимъ доставляла истинное наслажденіе.

Странную и вмѣстѣ поучительную роль сыгралъ Сенковскій, какъ писатель. При замѣчательномъ умѣ, многостороннемъ образованіи и несомнѣнномъ талантѣ, онъ не оставилъ по себѣ виднаго и прочнаго слѣда въ литературѣ. Въ повѣстяхъ его просвѣчиваетъ вездѣ сильное и самобытное дарованіе, въ серьезныхъ сочиненіяхъ высказано много важныхъ научныхъ выводовъ, въ критикѣ не мало дѣльныхъ замѣчаній и остроумныхъ сближеній... И что же изъ этого вышло? Сенковскій былъ еще въ полномъ развитіи силъ, а между тѣмъ его сочиненія уже не читали. Въ этомъ конечно виновата была не русская публика, которая до сихъ поръ не охладѣла къ Бѣлинскому. Сенковскій самъ погубилъ себя отсутствіемъ руководящей идеи, насмѣшкою надъ уважаемыми талантами, легкомысленнымъ отношеніемъ ко многимъ научнымъ и политическимъ вопросамъ, скептическимъ взглядомъ на дорога для общества стремленія и надежды. Постоянное глумленіе надъ тѣмъ, что вызывало въ мыслящихъ людяхъ серьезные вопросы, не смотря на всѣ діалектическія уловки и блестящее остроуміе публициста, лишило его того вліянія на общество, какое онъ могъ бы приобрести при своихъ многостороннихъ дарованіяхъ.

Преобладающимъ мотивомъ во всѣхъ литературныхъ работахъ Сенковского былъ смѣхъ. Но какъ и надъ чѣмъ онъ смѣялся?

Русское общество съ постояннымъ участіемъ прислушивалось къ смѣху Гоголя, хорошо понимая, какимъ онъ вызванъ благороднымъ чувствомъ, какая сквозитъ въ немъ свѣтлая идея и какія таятся подъ нимъ горячія слезы любви и надежды. Холодный, безсердечный смѣхъ Сенковского, безразлично направленный какъ на темныя, такъ и на свѣтлыя явленія общественной жизни, нерѣдко забавлялъ, но никогда глубоко не затрогивалъ читателя. Чуждая всякой руководящей мысли, сатира его обращалась въ простое глумленіе. Вотъ почему Сенковскій останется въ нашей литературѣ поучительнымъ до-

казательствомъ той истины, что при отсутствіи ясно сознанной идеи и любви къ обществу, никакія богатства дарованія и знаній не спасутъ писателя отъ неизбежнаго забвенія. Какъ метеоръ, ярко блеснулъ онъ въ русской литературѣ и какъ метеоръ быстро исчезъ, не оставя по себѣ никакого замѣтнаго слѣда. И это понятно и законно. Если на нашихъ глазахъ не долго прожила извѣстная теорія искусства для искусства, то могъ ли оставить по себѣ прочные слѣды тотъ, кто въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности упрямо поддерживалъ ошибочную мысль—будто смѣхъ существуетъ только для смѣха.

А. Милюковъ.

БЛИЗКО ЛИ ПАДЕНІЕ АНГЛІИ?

Для тебѣ, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ:
Блескъ твой, золото, багряница, —
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ.
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ:
Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ,
Мысли ясной благодать.

Хомяковъ.

ВОЕЮ политикою въ Восточной войнѣ Англія вызвала къ себѣ глубокую антипатію въ Русскомъ обществѣ. Во всѣхъ концахъ Россіи, съ центровъ и до далекихъ окраинъ, всюду говорятъ объ англійскомъ эгоизмѣ, о ненасытной жадѣ завоеваній, о хитрости и вѣроломствѣ, свойственныхъ сынамъ Альбіона. Излишне конечно прибавлять здѣсь, что обвиненія эти — не плодъ возбужденнаго и пристрастнаго патріотическаго чувства. Многимъ изъ народовъ приходилось испытывать непрочность англійской дружбы и глубокую несправедливость англійскихъ притязаній. Афганистанъ, зулусы, индійскіе раджи и въ настоящую минуту стоятъ на лицо, какъ самыя убѣдительныя въ этомъ отношеніи доказательства.

Одно только странно для многихъ: казалось бы, что политика, лишенная нравственной подкладки, должна была вести страну къ упадку и ослабленію. Между тѣмъ мы видимъ, что могущество Англіи и внутреннее, и внѣшнее, все болѣе и болѣе возрастаетъ и влияние ея не слабѣетъ ни мало. Она и до сихъ поръ все та же, какова была и за полсотни лѣтъ тому назадъ, когда нашъ покойный Хомяковъ предсказывалъ скорую гибель этой „грозной царицѣ морей“ — за ея лукавство, гордость и стремленіе къ мірской славѣ; и до сихъ поръ она, выражаясь его же словами, остается

Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
И счастлива, и богата,
И роскошна, и сильна.

Очевидно, что есть какія нибудь скрытыя, невидимыя силы, которыя поддерживаютъ могущество Англіи и ставятъ ее во главѣ культурнаго міра. Ужели въ самомъ дѣлѣ слѣпой случай даетъ ей въ руки и богатство, и вліяніе, и всѣ другія блага земли? Ужели одинъ капризь судьбы обезпечиваетъ колоссальное ея могущество?

Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно забываютъ, что политика далеко не исчерпываетъ собою народнаго духа, и что судить объ Англіи на основаніи лишь ея политики было-бы громадною ошибкою. Это только вѣбшняя сторона англійскаго существованія, такъ сказать декорации, на которыхъ къ сожалѣнію останавливается большинство разсуждающихъ и пишущихъ объ этой странѣ. Декорации эти некрасивы, даже способны отталкивать, но за ними кроется богато развившаяся и здоровая общественная жизнь. Британецъ въ одно и то же время совмѣщаетъ въ себѣ какъ будто бы двѣ совершенно противоположныя одна другой личности: презрительный и эгоистичный въ отношеніи другихъ народовъ, онъ во внутренней своей жизни безусловно честенъ, справедливъ, безкорыстенъ и великодушенъ. Въ этихъ-то послѣднихъ качествахъ и заключается собственно вся разгадка англійскаго могущества. Не политика, не парламентаризмъ, даже не пресловутая англійская свобода служатъ его источникомъ. Свобода — обоюдоострое оружіе; имъ можно пользоваться и во благо и во вредъ себѣ. Для парламента нужны дѣятели умные, опытные и честные. Въ эпоху Вальпола въ самой Англіи парламентъ былъ лишь ареною подкуповъ и интригъ. Учрежденія, сколь бы хороши они ни были, не создаютъ сами собою счастья людей: все зависитъ отъ отношенія къ дѣлу, отъ умѣнья пользоваться ими. Дѣйствительную силу Англіи составляютъ ея общественные идеалы и нравы. Каждый народъ, ознаменовывающій тѣмъ-либо свое существованіе, преслѣдуетъ въ жизни свой идеалъ и живучестію этого идеала опредѣляется значеніе самаго народа въ исторіи. Римъ вѣрилъ въ силу своихъ желѣзныхъ легионовъ, въ силу копыя и меча; Греція въ силу искусства, въ свой творческій гений. Англія же вѣритъ въ свои нравственныя качества. Она вѣритъ въ нихъ вѣрою полною, искреннею, совершенною, которую ничто не въ состояніи поколебать. Вотъ почему при Трафальгарѣ¹⁾ знаменитый Нельсонъ могъ сказать своимъ солдатамъ: *England expects that every man will do his duty.* Не удивителенъ ли такой краткій и сухой повидимому приказъ со стороны гениальнаго моряка въ роковую для него минуту! Предъ нимъ многочисленный флотъ прославившагося побѣдами непріятели, а онъ не предпринимаетъ никакихъ мѣръ для возбужденія отваги въ рядахъ своихъ сподвижниковъ; онъ не обращается ни къ ихъ самолюбію, ни къ воспоминаніямъ даже объ ихъ прежней боевой славѣ, а единственно къ чувству долга: „Ан-

¹⁾ 12 октября 1805 года Нельсонъ разбилъ при Трафальгарѣ соединенный Французско-Испанскій флотъ.

глія жадае, чтобы каждый исполнял свой долг". Дѣйствительно, нужно знать свой народъ и быть увѣреннымъ въ немъ, чтобы говорить такимъ образомъ.

Подобный выводъ — не натяжка и не игра діалектики. Не разъ уже обрисовывали этими же чертами характеръ Англійской націи люди хорошо ее знавшіе. Вотъ какъ напримѣръ характеризуетъ англійскіе нравы извѣстный своимъ безпристрастіемъ англійскій историкъ Робертсонъ. „Долгъ, самопожертвованіе — вотъ что чтить Англія“, — говоритъ онъ. „Правда, она способна время отъ времени увлекаться, но ничто столь глубоко не затрогиваетъ ея сердце какъ справедливость. Она некрасиво накидываетъ свою шаль, она представляетъ собою смѣшную фигуру въ концертномъ залѣ, она съ трудомъ отличаетъ шведскаго соловья отъ сороки, но — да будетъ она благословенна! — она учитъ своихъ дѣтей приносить себя въ жертву какъ слѣдуетъ истинному человѣку, безъ выставки на показъ, безъ фразъ, какъ-будто бы подобное исполненіе долга было самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Она никогда не признаетъ актера за героя и героя за актера; она узнаетъ издалева такихъ людей какъ Вордсвортъ ¹⁾ и Веллингтонъ ²⁾ и остается вѣрною имъ навсегда“ (Life and letters of Robertson, t. II, p. 157). Одно уже имя автора этихъ словъ достаточно ручается за справедливость отзыва; но чтобы кто нибудь не заподозрилъ здѣсь національнаго пристрастія, мы приведемъ отзывъ француза, — человѣка, всегда готоваго выдвинуть на первый планъ симпатичныя черты своей прекрасной Франціи. „Холодный героизмъ, — говоритъ ученый Ложель, долго и старательно изучавшій англійскія учрежденія и нравы, — скрытая энергія и сила, добродѣтель, презирающая внѣшность и на видъ даже нѣсколько суровая, — вотъ тѣ характеры, гдѣ англичанинъ узнаетъ себя съ удовольствіемъ“ (A. Laugel. L'Angleterre politique et sociale).

Этотъ высокій общечеловѣчскій идеалъ проявляется у англичанина по отношенію къ отечеству въ глубокомъ чувствѣ патриотизма. Но патриотизмъ англійскій — не громкія фразы, а тихое, спокойное и серьезное дѣло. Онъ не переходитъ въ шумный и безсодержательный шовинизмъ, не знающій ни цѣли, ни средствъ; онъ выливается въ искренномъ, осмысленномъ желаніи добра отчизнѣ и соотвѣтственномъ этому желанію образѣ дѣйствій. Англичанинъ менѣе думаетъ о себѣ, чѣмъ о цѣлой націи и забываетъ о своихъ правахъ гражданина, когда обстоятельства требуютъ отъ него исполненія долга подданнаго. Онъ находитъ величіе въ своей малости и готовъ для отечества сдѣлаться песчинкою. Вся гордость его — въ счастіи и процвѣтаніи его страны; тахішимъ его желаніемъ — уваженіе соотечественниковъ. Оно представляется для него самымъ высшимъ, неоцѣнимымъ благомъ. путеше-

¹⁾ William Wordsworth одинъ изъ замѣчательныхъ поэтовъ Англіи (1770—1850).

²⁾ Герцогъ Артуръ Веллингтонъ (1769 — 1851), знаменитый полководецъ и дипломатъ, бывшій затѣмъ министромъ въ Англіи.

ственники идутъ въ Центральную Африку, въ снѣга сѣвера, страдаютъ отъ голода и жажды, переносятъ тысячи разнаго рода мученій и считаютъ себя вполнѣ вознагражденными, если удостоятся почетнаго отзыва географическаго общества, или пожатія руки ихъ государя. Они горды сознаніемъ, что сдѣлали нѣчто для блага своей страны и что эта польза признана общественнымъ мнѣніемъ.

Тавовы идеалы и нравы Англіи по отзывамъ людей, ее знающихъ. Но къ этимъ чертамъ, составляющимъ основу развитія и процвѣтанія всякаго человѣческаго общества, слѣдуетъ присоединить и еще одну симпатичную черту въ характерѣ Англійской націи, обезпечивающую ей могущество и внутренней прочный ростъ—это уваженіе къ своему прошлому, къ своей исторіи, къ сложившимся формамъ жизни. Между тѣмъ какъ на континентѣ страсть къ переменамъ, реформамъ, заимствованіямъ, является общею почти чертою всѣхъ современныхъ народовъ, Англія стоитъ на своемъ прошломъ какъ судно на якорѣ. Всѣ законы, служащіе основою ея свободы, выходятъ изъ глубокаго тумана исторіи. Они не создаютъ новыхъ правъ, а утверждаютъ лишь права старья. Великая хартія (magna charta) не создала свободы, а формулировала лишь для нея гарантіи; она была слѣдствіемъ—а не причиною, плодомъ—а не корнемъ. Люди, которые произвели революцію 1688 года, въ то же самое время были заняты поисками большой печати, которую король во время бѣгства бросилъ въ Темзу. Тѣ, которые вызвали реформу религіозную, сохраняли, на сколько могли, старья вѣрованія. Вообще англійская жизнь походитъ на античныя, вѣковые лѣса, гдѣ не существуетъ просѣкъ и гдѣ мертвыя деревья валятся на живыя. Рутинa служитъ плодотворною почвою для прогресса. Здѣсь нѣтъ мѣста необдуманному увлеченію новою идеею, вызывающему преждевременно ломку старыхъ порядковъ. Всѣ напрымѣръ считаютъ Англію страню свободы, и вдругъ къ великому удивленію оказывается, что въ Шотландіи до 1799 года существовало рабство и что рудокобы продавались съ рудниками! Вообще Англія никогда не стѣснялась мнѣніемъ о себѣ своихъ сосѣдей и никогда не прибѣгала къ заимствованію учреждений, если учрежденія эти не составляли общей потребности, сознанной націею. „Всѣ наши учрежденія,—говоритъ одинъ англійскій писатель ¹⁾,—возникли и развились подъ вліяніемъ потребностей реальныхъ и практическихъ, живо ощущаемыхъ большинствомъ населенія,—и это составляетъ характерную черту нашей политической жизни. Осторожные и консервативные во всемъ, что касается до общественнаго благосостоянія, мы смотримъ на всякую перемену, какъ на неизбѣжное зло и по возможности отдаляемъ этотъ роковой день даже тогда, когда мы совершенно убѣждены, что день этотъ долженъ неизбѣжно наступить. Наши административныя нужды всегда предшествуютъ способамъ ихъ удовлетво-

¹⁾ D. Mackenzie Wallace. La Russie, т. 1, стр. 312.

ренія, и мы вполнѣ исчерпываемъ эти способы, коль скоро они у насъ есть. Нашъ методъ создавать эти способы или средства—точно также есть методъ своеобразный. Вмѣсто того, чтобы уничтожать совершенно и начинать съ основаній, мы пользуемся до послѣдней степени тѣмъ, что находится въ нашемъ обладаніи, прибавляя въ это только то, безъ чего безусловно нельзя обойтись. Говоря метафорически, мы поправляемъ и расширяемъ наше политическое зданіе соответственно измѣняющимся нуждамъ нашего образа жизни, не обращая большаго вниманія на абстрактные принципы и случайности отдаленнаго будущаго. Зданіе можетъ оказаться эстетическимъ монстромъ, можетъ не подходить ни подъ какой стиль изъ признанныхъ въ архитектурѣ, можетъ быть выстроено на перекоръ всѣмъ основнымъ положеніямъ, созданнымъ критиками искусства и профессорами; но оно за то вполнѣ отвѣчаетъ нашимъ потребностямъ, и каждая цель, каждый закоулокъ въ немъ непремѣнно будутъ приносить пользу“.

Само право англійское—не продуетъ философіи, а продуетъ историческаго, постепеннаго развитія жизни; оно—чисто органическое, подобно тѣлу, которое непрерывно уничтожается, измѣняется и обновляется. Оттого-то такъ стройна англійская жизнь, оттого-то такъ крѣпки и живучи всѣ ея учрежденія.

Есть впрочемъ и еще силы, которыя тоже не мало обуславливаютъ собою англійское могущество. Эти силы—партія, пресса и религія.

Всякому, знакомому съ теоріею государственнаго права, не безвѣстно конечно, что существованіе партій составляетъ необходимое условіе для процвѣтанія государства. Безъ нихъ общество впадаетъ въ состояніе атоніи; онѣ оживляютъ общественную жизнь; внося въ нее разнообразіе взглядовъ на жизненные явленія. Но и въ этомъ отношеніи Англія своеобразна. Въ другихъ странахъ принадлежность къ извѣстной партіи составляетъ своего рода прерогативу, отличіе; англійскія партіи совсѣмъ другое. Это—скорѣе школа характера, лабораторія, создающая великихъ дѣятелей. Извѣстное положеніе въ средѣ партіи обязываетъ членовъ ея къ постоянному господству надъ собою. Предводитель партіи долженъ стать въ нѣкоторомъ родѣ личнымъ: онъ долженъ безпрестанно сдерживаться, пожертвовать своимъ злопамятствомъ, своими воспоминаніями, своимъ презрѣніемъ. Главное качество его—выдержанный характеръ; его слова—суть вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣйствія. Своими рѣчами онъ не пускаетъ фейерверковъ въ воздухъ; онъ долженъ взвѣшивать ихъ, ибо долженъ внушать довѣріе къ себѣ не только своимъ друзьямъ, но и своимъ противникамъ. Онъ помнитъ, что газеты внесутъ въ свои списки всѣ его поштухи; онъ знаетъ, что за нимъ наблюдаетъ не только его партія, но и все общество. Нельзя войти въ салонъ, чтобы не найти тамъ политики рядомъ съ удовольствіемъ; она имѣетъ мѣсто и за сто-

ломъ, и на балу. Даже молодыя дѣвушки знаютъ, на какой сторонѣ въ палатѣ общинъ засѣдаютъ ихъ танцоры. Общественное мнѣніе—это самый строгій цензоръ поступковъ политическаго дѣятеля; при такомъ надзорѣ нельзя мнѣнять убѣжденія какъ платью. Въ Англии духъ партій часто бываетъ даже наследственнымъ; цѣлыя фамиліи держатся извѣстнаго принципа.

Замѣтимъ, между прочимъ, что не смотря на величайшее разнообразіе взглядовъ и убѣжденій, всѣ англійскія партіи—суть партіи правительственныя; онѣ съ глубокимъ уваженіемъ относятся къ порядкамъ своей страны, къ своимъ законамъ. Онѣ хотятъ лишь толковать ихъ, онѣ помогаютъ своими протіворѣчіями всесторонне и тщательно разсмотрѣть каждый вопросъ, но онѣ готовы поступиться и своими правами и своею свободою, коль скоро это будетъ нужно для счастья отечества.

Еще болѣе сильное орудіе англійскаго могущества составляетъ пресса. Англійскій журналъ—это своего рода барометръ страны; онъ показываетъ всѣ колебанія, движенія, безпокойства народнаго духа. Какъ мысль, смутно возникшая въ головѣ, уясняется въ словѣ, такъ и общественное мнѣніе Англии ищетъ себѣ уясненія въ словѣ печатномъ. Англійскій журналъ существуетъ не для забавы: въ немъ нѣтъ мѣста для обличеній, сплетенъ или произведеній бездарной ничтожности. Это сильная торговая и политическая машина, одѣтая въ желѣзо и сталь и не нуждающаяся въ пустыхъ украшеніяхъ. Сколько терпѣнія, искусства и такта нужно имѣть здѣсь опытному, хорошему журналисту! Онъ не гонится за лакомою новинкою, за пикантнымъ фактомъ; онъ разсуждаетъ о вещахъ всѣмъ извѣстныхъ, но долженъ все освѣтить, на все установить взглядъ, изъ всего вывести политическую мораль. Воспроизводя лишь дѣйствительные факты, журналъ дѣлается руководителемъ и воспитателемъ общественнаго мнѣнія. Онъ подготавливаетъ общество ко всевозможнымъ жертвамъ, когда онѣ необходимы, и удерживаетъ, когда онѣ бесполезны. Онъ всегда стоитъ на сторожѣ за интересы своей страны.

Англійская пресса вовсе не похожа на прессу континентальную. Англійскій журналистъ пишетъ лишь для того, чтобы его читали, а не для того, чтобы составить себѣ имя, извѣстность, состояніе. Онъ всегда—сторонникъ какой-нибудь партіи; онъ пишетъ по убѣжденію, утверждаетъ или отрицаетъ по принципу, а не во имя какихъ-либо побочныхъ соображеній. Ему нѣтъ нужды, чтобы его знали. Ему нужно лишь провести свои взгляды, и онъ дѣлаетъ это, не выдавая своего присутствія. Безличныи характеръ англійской прессы составляетъ ея могущество. Журналистъ знакомъ немногимъ, а голосъ его гремитъ не только во всей Англии, но и въ цѣломъ мірѣ, и представители его за границуе бывають иногда вліятельнѣе посланниковъ.

Въ Англии не много журналовъ,—не такъ, какъ на континентѣ, гдѣ они плодятся съ каждымъ днемъ и гдѣ всякій интриганъ, всякій афе-

ристь имѣть свой органъ. Свобода англійской прессы никогда не переходитъ въ битву гладиаторовъ, или—что еще хуже—въ драку площадныхъ шутовъ. Въ странахъ издавна свободныхъ журналы являются сильными и долготеленными созданіями, переживающими цѣлый рядъ поколѣній: они никогда не поразятъ своего читателя какою-нибудь неожиданностію, какимъ-нибудь дивимъ, нелѣпнымъ фокусомъ или пошлой шуткой. Ихъ направленіе не мѣняется какъ флюгеръ подъ вѣтромъ; они говорятъ не фразами, а убѣжденіемъ, вытекающимъ изъ знанія дѣла, изъ знанія своей страны. Если и случается имъ ошибаться, то ошибки ихъ суть ошибки цѣлой націи, или по крайней мѣрѣ той партіи, органомъ которой они служатъ. Чтобы принять на себя высокую задачу англійскаго журналиста, чтобы создать такую великую машину, какъ англійскій журналъ,—нужны громадныя средства, нужна масса времени и трудовъ. Вотъ отчего рѣдки большіе журналы въ Англии. Да и къ чему читать что-либо другое послѣ „Times“ или подобной ей газеты?

Въ довершеніе всего на помощь партіямъ и прессѣ приходитъ религія и церковь. Впрочемъ вѣрнѣе было бы сказать, что религія является существенною основою всей англійской жизни. „Тотъ не знаетъ Англии, говоритъ Ложель, кто видитъ одну только англійскую конституцію. Конституція—это видимое для всѣхъ покрывало, истасканное вѣбами, старыя лохмотья, прирывающіе душу; душа же эта есть свобода, и свобода не философская, основанная на разумѣ, а свобода религіозная, христіанская. Не наука, или философія направляетъ и совершенствуетъ нравственный идеалъ націи, а религія. Она даетъ закалъ бодрости, внушаетъ понятіе о долгѣ. Библия освободила англійскій геній и въ то же время поработила его для честности и добра. По всей странѣ царитъ густая религіозная атмосфера, которая облекаетъ собою все: литературу, филантропію, законодательство, воспитаніе, нравы. Семейная жизнь стоитъ въ Англии на такой высотѣ, на какой она не стоитъ и не стояла ни въ какой другой странѣ. Семья—это святыня для англичанина; онъ посвящаетъ ей лучшія свои минуты, онъ переноситъ на нее всю свою любовь и уваженіе, и въ этой мирной атмосферѣ, пропитанной религіознымъ влияніемъ, готовится молодое англійское поколѣніе. Первые уроки не проходятъ безслѣдно: каждое засѣданіе палаты общинъ отрывается молитвою; Уильберфорсъ своимъ значеніемъ въ парламентѣ болѣе всего обязанъ былъ своему религіозному характеру, и такихъ примѣровъ можно привести много“.

Съ другой стороны церкви въ Англии являются прекрасными школами для гражданъ. Находясь вслѣдствіе разнообразія сектъ въ борьбѣ одна съ другою и представляя собою нѣчто въ родѣ политическихъ партій, онѣ вызываютъ своихъ послѣдователей къ энергіи и дѣятельности. Великая національная церковь живетъ подъ постояннымъ ревнивымъ надзоромъ церквей диссидентскихъ. Это заставляетъ ее выхо-

дять изъ вѣковаго спокойствія и заботиться о своемъ вліяніи. Она является и въ палатѣ лордовъ, и на всѣхъ гражданскихъ собраніяхъ, она смѣшивается съ народомъ, ее видятъ и въ школѣ, и въ деревенской общинѣ, и на скамьяхъ судовъ. Вся общественная жизнь развивается подъ вліяніемъ религіознаго чувства, а религіозное чувство, какъ извѣстно каждому, есть самая устойчивая сила въ борьбѣ съ эгоизмомъ и грубыми инстинктами человѣческой природы.

Послѣ всего этого странно было-бы конечно удивляться могуществу Англіи и недоумѣвать передъ ея успѣхами. Ложель, описывая нравы и учрежденія Англіи, относитъ очень многое на счетъ прирожденныхъ качествъ Англійскаго народа, предполагая, что во всемъ этомъ большое значеніе имѣетъ скрещиваніе расъ. Въ теченіе цѣлыхъ четырехъ вѣковъ двѣ расы,—кельтическая и тевтонская, аборигены и завоеватели,—душили одна другую въ ожесточенной борьбѣ. Нашествіе слѣдовало за нашествіемъ: то саксы, то норманны, или датчане. „Великія націи, замѣчаетъ Ложель, являются всегда плодомъ соединенія нѣсколькихъ расъ; онѣ подобны хорошей бронзѣ, въ которую входитъ много металловъ“.—Съ другой стороны величію націи по его мнѣнію не мало содѣйствовала и форма территоріи: чтобы мысль объ отечествѣ господствовала надъ отдѣльными личностями, покоряла сопротивленія и воодушевляла всѣ сердца,—для этого нужно, чтобы отечество имѣло видимый образъ и идея отечества представлялась наглядно. Въ этомъ отношеніи форма острова, рѣзко очерченнаго океаномъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Близко-ли же послѣ этого паденіе Англіи? Мы видѣли обиліе факторовъ и нравственныхъ, и физическихъ, обуславливающихъ собою ростъ и силу страны. Безпристрастный опытъ исторіи учитъ, что эти факторы всегда и вездѣ обезпечивали народамъ процвѣтаніе и могущество. И пока Англія остается вѣрною своимъ идеаламъ, пока религія въ ней составляетъ могучую культурную силу, пока пресса ея служитъ истинѣ и благу родины, а не узкимъ эгоистичнымъ интересамъ, до тѣхъ поръ ей не страшны никакія потрясенія,—и роковой день ея паденія, предсказываемый между прочимъ и нашимъ поэтомъ, останется вѣроятно въ числѣ несбывшихся пророчествъ, по крайней мѣрѣ на долгое еще время.

Но при всѣхъ своихъ богатыхъ задаткахъ Англія не можетъ не считаться и со слабыми своими сторонами. Полный гражданскихъ доблестей и симпатичныхъ качествъ, англичанинъ, какъ мы уже сказали выше, является совершенно инымъ человѣкомъ въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ націямъ. Слова Коббета ¹⁾ „о презрѣніи Англіи ко всѣмъ народамъ въ мірѣ“ могутъ служить до извѣстной степени характеристикою англійскаго міровоззрѣнія. Вѣра въ свое превосходство и въ свое великое предназначеніе коренится въ каждомъ британцѣ: вотъ

¹⁾ Коббетъ (William Cobbet) англ. писатель, род. 1766, ум. 1835 г.

почему онъ часто видѣлъ и видитъ въ своихъ союзникахъ лишь орудіе для достиженія своихъ цѣлей и презиралъ своихъ друзей столько-же, сколько и своихъ враговъ; вотъ почему онъ налагалъ нерѣдко на побѣжденныхъ чисто римскія по суровости своей наказанія. .Желеть объясняетъ эту дисгармонирующую съ хорошими качествами Англійской націи черту остатками норманскаго вліянія. „Англія, говоритъ онъ, никогда не знала политики чувства; она билась за интересы, а не за идеи; эгоизмъ то смѣлый, то выжидающій, безъ слабости, безъ угрызенія совѣсти, замѣнялъ у ней мѣсто добродѣтели, и это норманское вліяніе сохранилось болѣе всего въ политикѣ, но оно незамѣтно ни въ нравахъ, ни въ литературѣ, ни въ характерѣ народа“.

Политика—это больное мѣсто Англіи; она кладетъ пятно на цѣлый народъ, и изъ цивилизатора, какимъ онъ долженъ бы быть, нерѣдко превращаетъ его въ грабителя и утѣснителя. Въ концѣ концовъ политика эта безъ сомнѣнія отзовется губительно для самой Англіи, ибо она до извѣстной степени развращаетъ народное чувство. Греція, презиравшая всѣ другіе народы, какъ варварскіе, сама сдѣлалась рабою варваровъ. Желѣзный Римъ, созидавшій свое могущество мечемъ и грабежемъ, точно также палъ подъ мечемъ и огнемъ дикарей Азіи. Венеція, основавшая свое величественное зданіе на зыбкомъ фундаментѣ торговой неправды и вѣроломства, скоро и дорого заплатилась за свое ослѣпленіе. Могущественная нѣкогда Испанія, раскинувшая свои владѣнія за предѣлы Стараго Свѣта, думала вѣроятно, что не будетъ и конца ея колоссальному могуществу. Но она забывала, что въ политикѣ ея царить безчестность, что подъ ея вліяніемъ развращаются юные народы Новаго Свѣта,—и колоссъ рухнулъ, подточенный въ самомъ своемъ основаніи. Философія исторіи учитъ насъ, что законъ вѣчной правды и возмездія господствуетъ въ мірѣ, не смотря на временныя его нарушенія. Немезида никогда не закрываетъ глазъ своихъ. Она зорко слѣдитъ за судьбами и дѣйствіями народовъ, и, по выраженію безсмертнаго Гёте, „alle Schuld rächt sich auf Erde“.

Н. Куницынъ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

Портретъ, писанный Меттернихомъ въ 1829 году ¹⁾.

НАРИСОВАТЬ образъ императора Александра—задача трудная. Самое мѣткое мнѣніе объ этомъ государѣ принадлежитъ Наполеону. Въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ, бывшихъ въ 1810 году, онъ спросилъ меня, узналъ ли я ближе императора. Я отвѣчалъ, что не имѣлъ никакихъ личныхъ отношеній къ нему, исключая времени пребыванія его въ Берлинѣ, въ 1805 году.

„Прекрасно, продолжалъ Наполеонъ, но ходъ событій можетъ еще разъ сблизить васъ съ этимъ государемъ; императоръ Александръ привлекательная личность, обладающая особеннымъ даромъ очаровывать людей, приходящихъ въ соприкосновеніе съ нимъ. Будь я человѣкомъ, способнымъ подчиняться непосредственнымъ впечатлѣніямъ, я могъ бы предаться ему всей душой. Рядомъ со столькими умственными дарованіями и съ необыкновенной обворожительностью обращенія, во всемъ его существѣ есть однако что-то неуловимое, чего даже я опредѣлить не сумѣю иначе, какъ сказавъ, что у него во всѣхъ отношеніяхъ чувствуется недостатокъ „чего-то“. И самое странное при этомъ то обстоятельство, что никогда нельзя заранѣе предвидѣть, чего именно въ данномъ случаѣ и въ данныхъ условіяхъ не хватитъ, а равно и то, что недостаивающій кусочекъ видоизмѣнчивъ до безконечности“.

Предвидѣніе, что ходъ событій приведетъ меня къ непосредственнымъ отношеніямъ съ императоромъ Александромъ, оказалось настоящимъ пророчествомъ въ устахъ Наполеона, хотя конечно онъ произ-

¹⁾ Мы получили „Записки князя Меттерниха“ слишкомъ поздно для того, чтобы начать печатаніе обширнаго извлеченія изъ нихъ съ настоящей книжки „Историческаго Вѣстника“. Отлагая это до февраля, мы помещаемъ здѣсь лишь небольшой эпизодъ, именно характеристику императора Александра I, особенно интересную потому, что она сдѣлана человѣкомъ не только близко его знавшимъ, но и имѣвшимъ сильное вліяніе на него самого и на его внутреннюю и вѣшнюю политику. *Ред.*

несъ его не сознавая, что ему суждено такое скорое осуществленіе какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Три года спустя, я вступилъ въ непосредственныя отношенія къ русскому императору. Эти отношенія продолжались тридцать лѣтъ безъ перерыва, но при постоянномъ колебаніи расположенія, начиная отъ полнаго довѣрія, до болѣе или менѣе явной холодности и даже до личныхъ и открытыхъ нападокъ. Всѣ эти фазисы доставляли мнѣ случай оцѣнить справедливость мнѣнія Наполеона объ императорѣ Александрѣ.

Но эти продолжительныя и измѣнчивыя отношенія дали мнѣ одинаково полную возможность отдать себѣ точный отчетъ въ личности этого монарха.

Въ свою очередь я не сумѣю выразить лучше мое личное впечатленіе, какъ сказавъ, что характеръ Александра I представлялъ странную смѣсь мужественныхъ качествъ съ женскими слабостями. Императоръ Александръ былъ несомнѣнно уменъ, но умъ его, тонкій и проникающій, былъ лишенъ глубины. Онъ также легко заблуждался вслѣдствіе рѣшительной склонности къ ложнымъ теоріямъ. Излюбленныя идеи всегда одерживали верхъ въ его мнѣніи; онъ усвоивалъ ихъ по внезапному вдохновенію и отдавался имъ крайне горячо; вскорѣ онѣ овладѣвали имъ на столько, что подчиняли его волю внушителямъ этихъ идей. Подобныя идеи приобретали быстро въ его глазахъ значеніе системы; при его впечатлительности и необычайной подвижности мысли, системы, которыя онъ схватывалъ, не слючивались между собою, а вытѣсняли одна другую. Увлекаясь новой, только что усвоенной системой, ему безсознательно удавалось переходить черезъ постепенныя промежуточныя ступени къ убѣжденіямъ диаметрально противоположнымъ тому, чего онъ держался непосредственно передъ тѣмъ, не сохраняя о нихъ другаго воспоминанія кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ различными представителями прежнихъ воззрѣній. Отсюда возникала тяжелая какъ для сердца, такъ и для ума государя, сѣтъ болѣе или менѣе неразрѣшимыхъ затрудненій опутывавшихъ его; отсюда частое пристрастіе къ людямъ и предметамъ самаго противоположнаго характера; отсюда же трудность понять его образъ дѣйствія для каждаго наблюдателя, не имѣвшаго случая открыть настоящихъ причинъ такихъ удивительныхъ явленій.

Жизнь императора Александра прошла въ увлеченіяхъ и разочарованіяхъ; пристрастія его были быстры и горячи—и какъ ни странно это звучитъ — подлежали извѣстнаго рода періодичности. Я приведу этому доказательства дальше.

Онъ былъ человѣкомъ своего слова, легко принималъ на себя всѣ обязательства, вытекающія изъ даннаго направленія его мысли. Проницательно умѣлъ онъ избѣгать тѣхъ, что могъ вовлечь его въ противоположное направленіе. Но такъ какъ его идеи, легко превращавшіяся въ системы, постоянно подвергались измѣненію, то вѣрность къ данному слову создавала для него затруднительныя положенія,

одинаково тяжело ложившіяся на его совѣсть, какъ и вредно отзы-
вавшіяся на государственныхъ дѣлахъ.

Весьма ошибочно многіе изъ современниковъ Александра видѣли
въ немъ страшнаго честолюбца. Въ его характерѣ не было достаточ-
ной силы для настоящаго честолюбія и было довольно слабости, чтобы
допустить тщеславіе. Онъ обыкновенно дѣйствовалъ на основаніи убѣж-
деній, а если иногда и выказывалъ притязательность, то по большей
части это касалось скорѣе мелкихъ побѣдъ свѣтскаго человѣка, чѣмъ
серьезныхъ цѣлей владыки громадной имперіи.

Его молодость совпала съ эпохою, безпримѣрною въ лѣтописяхъ
Россіи. Въ царствованіе Екатерины онъ видѣлъ великій примѣръ бле-
стящаго самодержавія, въ царствованіе Павла онъ часто былъ близокъ
къ тому, чтобы сдѣлаться жертвою деспотизма самаго мелочнаго,
даже въ выборѣ своихъ средствъ. Достаточно знать исторію Россіи
въ эти два царствованія, чтобы понять, что такой умъ какъ у Але-
ксандра, не могъ найти въ окружающей средѣ ни образцовъ, достой-
ныхъ подражанія, ни людей способныхъ стать его руководителями.
Первое воспитаніе Александра было поручено Екатериною II Ла-Гарпу.
Не удивительно послѣ этого, что фальшивыя воззрѣнія либерализма и
филантропіи одержали подъ конецъ верхъ надъ умомъ воспитанника
подобнаго учителя и что такая странная смѣсь должна были направ-
вить какъ его мышленіе, такъ и поведеніе, на ложный путь и завести
его далеко за черту, гдѣ опытъ могъ-бы придти ему на помощь.

Система воспитанія Ла-Гарпа была гораздо болѣе приспособлена
къ тому, чтобы наполнить голову ученика ложными шеольными изре-
ченіями, бессмысленными въ своемъ примѣненіи, чѣмъ положительными
знаніями. Роль монарха-филантропа такимъ образомъ представлялась
глазамъ Александра какъ долженствующая доставить ему пальму не-
увядаемой славы, — славы тѣмъ легче достижимой для монарха, что
онъ могъ сознавать себя чуждымъ опасности, возникавшей изъ его
поступковъ для другихъ троновъ и старыхъ учреждений Западной
Европы.

Съ простыми вкусами, цѣломудренный по темпераменту и съ на-
клонностями, которыя я позволилъ-бы себѣ назвать буржуазными,
Александръ былъ слишкомъ доступенъ подобнымъ коноводамъ для
того, чтобы они не воспользовались имъ для своихъ цѣлей.

Долголѣтнее изученіе нравственныхъ свойствъ этого монарха и
его политической дѣятельности привели меня къ открытію того, что
я называлъ уже выше періодичностью его воззрѣній. Періодичность
эта приблизительно имѣла пятилѣтнее теченіе. Я не могу точнѣе
передать результата моихъ наблюденій.

Императоръ усвоивалъ себѣ какую нибудь идею и немедленно
слѣдовалъ ея направленію. Въ продолженіе двухъ-лѣтняго срока идея
эта находилась въ состояніи роста и приобрѣтала въ его глазахъ
значеніе системы. Въ теченіе третьяго года онъ оставался вѣренъ.

избранной системѣ, привязывался къ ней, слушалъ съ истиннымъ наслажденіемъ сторонниковъ ея и былъ недоступенъ какому бы то ни было соображенію относительно достоинства этого воззрѣнія или опасныхъ его послѣдствій. На четвертый годъ начинала тревожить его уже оцѣнка послѣдствій. Въ пятый годъ наступала неопредѣленная смѣсь системы, близившейся къ угасанію, съ новой идеей, зарождавшейся въ немъ. Послѣдняя идея нерѣдко составляла діаметральную противоположность покидаемому воззрѣнію. Въ подтвержденіе этого замѣчанія я приведу слѣдующіе историческіе факты.

Мое первое соприкосновеніе съ императоромъ Александромъ произошло во время поѣздки моея въ Берлинъ, въ 1805 году. Я нашелъ въ немъ либерала въ обширномъ смыслѣ слова и ожесточеннаго врага Наполеона: онъ ненавидѣлъ его doubly—какъ деспота и какъ завоевателя. Въ 1807 году совершилась большая перемѣна въ его образѣ мыслей. Въ 1808 году его личныя симпатіи уже перешли на сторону императора французовъ. 1812 годъ произвелъ новый переворотъ въ его настроеніи. Если-бы Наполеонъ и не воевалъ съ Россіей, то тѣмъ не менѣе пристрастіе къ нему Александра должно было погибнуть. Старые идеалы филантропіи и свободомыслія не только поработили снова его душу, но разгорѣлись новымъ пламенемъ, за одно съ духомъ времени. Въ 1814 они достигли высшей точки своего развитія. Въ 1815 они уже уступали мѣсто религіозному мистицизму. Въ 1817 новое направленіе его мыслей опять подверглось значительному видоизмѣненію. Въ 1818 г. я встрѣтилъ императора въ Ахенѣ уже поборникомъ консервативныхъ принциповъ и открытымъ врагомъ всякаго революціоннаго направленія, и онъ уже находился на пути къ возвращенію къ мистицизму. Въ такомъ настроеніи онъ оставался до 1823 года. Тогда поднялись затрудненія, созданныя ему его совѣтниками по дѣламъ Греціи; и въ то же время онъ могъ видѣть проявленія недовольства въ собственномъ государствѣ. Всѣ эти печальныя обстоятельства глубоко печалили его и повергли въ апатію. Во время пребыванія своего въ Веронѣ, въ концѣ 1822 года, Александръ высказывалъ императору Францу предчувствіе, что онъ не проживетъ долго. Недугъ дѣлалъ постоянные успѣхи, и въ 1825 году Александръ угасъ отъ окончательнаго утомленія жизнью.

Очерчивая образъ своеобразнаго характера монарха, правильное сужденіе о которомъ будетъ весьма мудро установить свѣту, мнѣ удалось, какъ мнѣ кажется, открыть ключъ ко многимъ усложненіямъ, оставшимся бы иначе неразгаданными загадками.

Постоянство въ сердечныхъ привязанностяхъ сосредоточивалось повидимому въ душѣ Александра на его отношенія къ императору Францу. Подробности, которыя я могу сообщить касательно этого предмета, дополняютъ характеристику этого государя и бросятъ свѣтъ на мои собственные отношенія къ нему.

Оба императора въ первый разъ встрѣтились на поляхъ битвъ.

въ Моравіи, осенью 1805 года. Несчастіе, преслѣдовавшее съ самаго начала единственный походъ этой войны, благодаря жалкимъ распоряженіямъ австрійскихъ генераловъ, завершенныхъ промахами русскаго военнаго начальства—привели къ окончательной гибели злополучное предпріятіе. Императоръ Александръ, юный и неопытный въ военныхъ дѣлахъ, охотнѣе преклонялъ ухо къ громкимъ и непрактичнымъ проэктамъ, чѣмъ къ скромнымъ совѣтамъ благоразумія, которые преподавала ему строгая разсудительность императора Франца. Все, что послѣдній предвидѣлъ и предсказывалъ своему союзнику, оправдалось печальной дѣйствительностью. Этотъ фактъ вѣзался навсегда въ память императора Александра и послужилъ первой основой личнаго и полнаго довѣрія, какое онъ никогда не переставалъ питать къ своему другу.

Множество позднѣйшихъ политическихъ событій препятствовали явному доказательству чувствъ со стороны императора Александра, но въ принципѣ они существовали неизмѣнно. Событія 1814 и 1815 годовъ скрѣпили черезъ долгій промежутокъ времени прерванное сближеніе между обоими монархами и превратили подъ конецъ ихъ отношенія въ настоящій дружескій союзъ.

Дружба ихъ, устоявшая противъ всѣхъ испытаній и сохранившаяся вопреки самымъ важнымъ политическимъ интересамъ, а главное не поколебавшаяся даже глубокими различіями нравственныхъ свойствъ обоихъ друзей, безъ сомнѣнія составляетъ загадку, разрѣшеніе которой возможно лишь при помощи полнаго изученія характеровъ двухъ императоровъ.

Драгоценныя и въ высшей степени положительныя качества, соединившіяся въ характерѣ императора Франца: спокойствіе, безпристрастіе, вѣрность взгляда, постоянная ровность расположенія духа, внушали Александру чувство уваженія, которое вѣрнѣе всего можно сравнить съ сыновнимъ почтеніемъ. Это чувство еще усилилось въ послѣдствіе, благодаря особенному свойству ума Александра—придавать фактамъ поэтическую окраску. Императоръ Александръ видѣлъ въ своемъ другѣ помазанника божія, представителя божественной воли и божественной мудрости. Онъ питалъ къ нему родъ религіознаго уваженія. Въ различныхъ случаяхъ, когда императоръ Францъ становился прямо въ разрѣзъ съ личными симпатіями императора Александра, достаточно было одного заявленія мнѣнія мудраго монарха, чтобы остановить Александра отъ исполненія его намѣреній и поколебать или видоизмѣнить существенно его взгляды.

Подчиненіе вліянію императора Франца продолжалось въ Александрѣ до конца его жизни съ одинаковой силой.

Во всемъ, что касалось частной жизни, Александръ руководствовался чистыми и простыми чувствами, носившими печать изящнаго благородства. Науками онъ мало занимался, и я никогда не замѣчалъ въ немъ выдающейся склонности къ какой нибудь изъ отраслей зна-

нія. Изъ изящныхъ искусствъ онъ любилъ только архитектуру. Его близорукость и значительная глухота мѣшали ему находить наслажденіе въ остальныхъ изящныхъ искусствахъ, пользоваться которыми позволяетъ человѣку совершенное развитіе двухъ чувствъ, въ чемъ ему было отказано природой. Онъ любилъ кабинетную работу, когда она не выходила изъ предѣловъ чисто-политической сферы и деталей военного дѣла. У него было рѣшительное отвращеніе къ чисто-административнымъ вопросамъ и когда онъ занимался ими, то—какъ впрочемъ и не могло быть иначе,—всегда дѣлалъ это подъ влияніемъ политическихъ теорій, влеченіе къ которымъ было свойственно его уму. Къ этимъ наброскамъ я присовокуплю еще нѣкоторыя черты, заимствованныя изъ моихъ отношеній къ императору. Онѣ будутъ не бесполезны для установленія точки зрѣнія на исторію этой эпохи и въ то же время послужатъ подкрѣпленіемъ высказанному мнѣнію объ умѣ и характерѣ этого государя.

Начну съ установленія главной исходной точки, а именно, что ничто не могло представлять менѣе сходства между собой, какъ кругозоръ мыслей императора Александра и направленіе моего собственного образа мыслей. То же самое слѣдуетъ сказать и о симпатіяхъ нашихъ—исключая конечно извѣстнаго единства вкуса въ выборѣ общественныхъ связей: наши вкусы положительно расходились въ разныя стороны и еслибы не интересы текущихъ вопросовъ необычайной важности, вынудившіе насъ къ сближенію, то навѣрное я бы не могъ выдержать существованія тѣхъ продолжительныхъ и часто весьма тѣсныхъ отношеній, какія установились взаимно между нами.

Я уже говорилъ, что въ первый разъ пришелъ въ непосредственное соприкосновеніе съ императоромъ въ 1805 году въ Берлинѣ. Александръ прибылъ въ эту столицу съ цѣлью служенія собственной особой представителемъ Австро-Русскаго союза. Служеніе одному дѣлу быстро сближаетъ людей, какое бы различіе общественнаго положенія не раздѣляло ихъ.

Императоръ имѣлъ привычку лично вести политическіе переговоры въ важныхъ случаяхъ или, какъ онъ любилъ выражаться, быть своимъ собственнымъ министромъ. Съ этой-то минуты завязались наши прямыя отношенія, достигшія впоследствии совершенной интимности. Вслѣдствіе мира, заключеннаго въ концѣ того же года между Австріей и Франціей, когда графъ Стадіонъ, занимавшій въ то время постъ посланника при С.-Петербургомъ дворѣ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, императоръ Александръ потребовалъ, чтобы представителемъ Австріи былъ присланъ я. Особенное стеченіе обстоятельствъ привело меня въ то время къ посту посланника во Франціи. Спустя семь лѣтъ при встрѣчѣ нашей съ императоромъ на божемской границѣ, онъ былъ со мною видимо холоденъ. При его очаровательной добротѣ и сердечности, императоръ, какъ мнѣ показалось, подозрѣвалъ императора Франца въ измѣнѣ дружбы къ нему. Заклю-

ченіе союза потушило этотъ вулканъ, но настоящее довѣріе началось въ нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ только послѣ неудачи военныхъ операцій, предпринятыхъ союзниками противъ Дрездена. Тщетныя старанія мои, согласно мнѣніямъ императора Франца и фельдмаршала Шварценберга, помѣшать этой операціи, независимость моихъ объявленій относительно этого предмета наперекоръ мнѣнію Александра, а можетъ быть и оправдавшіяся фактами предсказанія мои, послужили основаніемъ къ сближенію.

Не смотря на рѣзкую противоположность взглядовъ на массу предметовъ и на множество поводовъ къ неудовольствію, естественно могущему возникать изъ этого, ничто не помрачало нашихъ взаимныхъ отношеній во все продолженіе кампаніи 1813—14 годовъ. Дѣйствительно, это были рѣдкія отношенія между повелителемъ могущественнаго государства и главой кабинета другой великой державы.

Во все продолженіе военныхъ операцій я проводилъ вечера въ обществѣ его императорскаго величества. Мы просиживали съ глазу на глазъ отъ восьми или девяти часовъ до полуночи въ непринужденныхъ бесѣдахъ. Разговоры наши касались самыхъ различныхъ сторонъ частной жизни, равно какъ великихъ нравственныхъ и государственныхъ вопросовъ, не обходя и положенія текущихъ дѣлъ. Полная свобода обмѣна мыслей по всѣмъ предметамъ придавала этимъ отношеніямъ всю прелесть непринужденности.

Я никогда не скрывалъ истины отъ императора, шла ли рѣчь о немъ самомъ или о томъ, что имѣло въ моихъ глазахъ значеніе принципа. Слишкомъ часто приходилось мнѣ оспаривать любимыя идеи, защищаемыя имъ съ особенною горячностью. Наши споры были иногда весьма жаркіе; но наши отношенія ни мало не пострадали отъ этого. и онъ продолжалъ обращаться со мною на ногѣ полного равенства и искренности до періода, наступившаго гораздо позднѣе.

Во время нашего пребыванія въ Парижѣ въ 1814 г. я имѣлъ съ Александромъ частые споры о принципахъ, какихъ слѣдуетъ держаться Людовику XVIII. Въ то же время Александръ крайне увлекался либеральными идеями, вслѣдствіе чего мы естественно должны были расходиться въ воззрѣніяхъ нашихъ относительно того, какой образъ дѣйствія наиболѣе способенъ упрочить внутренній миръ во Франціи подъ господствомъ Бурбоновъ. Послѣ подписанія Парижскаго мира я поѣхалъ въ Англію одновременно съ русскимъ императоромъ и королемъ прусскимъ. Во время пребыванія нашего въ этой странѣ отношенія мои къ императору сохраняли прежній характеръ интимности. Различныя недоразумѣнія между Александромъ и Теоргомъ IV, бывшимъ тогда принцемъ-регентомъ, ставили меня нерѣдко въ весьма исключительное положеніе не лишенное затруднительности. Пользуясь одинаковымъ расположеніемъ со стороны обеихъ государей и посвященный въ ихъ ежедневныя и личныя неудовольствія, я принужденъ былъ употреблять всѣ усилія, чтобы не дать ихъ обоюдной раздражи-

тельности разыгратъся до настоящей ссоры. Говоря по правдѣ, я находилъ, что несправедливость шла со стороны императора, щекотливость въ которомъ поддерживало вліяніе его сестры, великой княгини Екатерины, пріѣхавшей въ Англію нѣсколькими недѣлями ранѣе его. Тогдашнее поведеніе великой княгини, одаренной несомнѣнно замѣчательными качествами ума и сердца, осталось для меня вполне загадочнымъ до сихъ поръ.

Вѣнскій конгрессъ произвелъ перемѣну въ моихъ отношеніяхъ къ императору.

Созданіе королевства Польскаго, которое должно было обнимать подъ русскимъ скипетромъ всю область недавно существовавшаго герцогства Варшавскаго, и отдача королевства Саксонскаго Пруссіи, были рѣшены между императоромъ Александромъ и королемъ Вильгельмомъ III во время ихъ переговоровъ въ Калишѣ. Намъ это было извѣстно. Присоединеніе Саксоніи къ Пруссіи шло въ разрѣзъ съ самыми твердыми принципами императора австрійскаго и въ то же время повело къ прискорбнымъ разногласіямъ между Австріей и Пруссіей. Императоръ Францъ I рѣшился тотчасъ по возникновеніи этого плана оказать ему твердое сопротивленіе, считая однако разумнымъ отложить объясненія по этому предмету до заключенія мира съ Франціей и оставить это дѣло конгрессу, который долженъ былъ опредѣлить возстановленіе различныхъ державъ Европы.

Этотъ важный вопросъ повелъ къ омраченію отношеній между дворами. Каждый изъ нихъ колебался заводить о немъ рѣчь. Такимъ образомъ прошло послѣ открытія конгресса нѣсколько недѣль, и ни одна изъ сторонъ не коснулась вопроса. Первые сообщенія о немъ были сдѣланы императоромъ Александромъ лорду Кастельри. Последній немедленно увѣдомилъ меня объ этомъ. Я высказался въ пользу рѣшительнаго отказа. Нѣсколько дней спустя императоръ завелъ рѣчь о томъ же предметѣ непосредственно со мной. Я видѣлъ, что онъ немного стѣсняется. Мой категорическій отвѣтъ встрѣтилъ лишь слабый отпоръ, и онъ выразилъ подъ конецъ желаніе, чтобы я поговорилъ объ этомъ непосредственно съ прусскимъ канцлеромъ. Въ тотъ же день, когда происходила моя бесѣда съ его императорскимъ величествомъ, князь Гарденбергъ сдѣлалъ мнѣ сообщеніе, касающееся того-же предмета, которое и подтвердилъ письменно. Мои словесныя и письменныя объясненія были тѣ же самыя, которыя я уже раньше сдѣлалъ императору російскому. Князь Гарденбергъ увидѣлъ, что всѣ его расчеты разрушены и самъ онъ поставленъ въ тягостное положеніе. Вслѣдствіе ли своего раздражительнаго темперамента или быть можетъ потому, что онъ невѣрно понялъ нѣкоторыя мои слова по своей глухотѣ, или же слабая настойчивость, которую императоръ Александръ проявилъ въ разговорѣ со мной по вопросу о присоединеніи Саксоніи и о чемъ я сообщилъ князю Гарденбергу, внушила ему увѣренность, что дѣло его проиграно,—какъ бы то ни было, но

пруссійскій канцлеръ счелъ себя въ правѣ обратиться съ усовѣщиваніями къ императору, который могъ почувствовать себя оскорбленнымъ нѣкоторыми невѣрными объясненіями моихъ словъ.

Этотъ случай подалъ поводъ къ необыкновенному переполоху. На другой день послѣ моего объясненія съ прусскимъ канцлеромъ императоръ, государь мой, рано утромъ призвалъ меня къ себѣ. Его величество увѣдомилъ меня, что у него только-что былъ императоръ Александръ и имѣлъ оживленный разговоръ, въ которомъ объявилъ, что считаетъ себя лично оскорбленнымъ мною и рѣшился вызвать меня на дуэль. Императоръ прибавилъ, что онъ далъ понять Александру, какъ много страннаго въ подобномъ намѣреніи и, увидѣвъ, что все его увѣщанія бесполезны, наконецъ сказалъ ему, что если онъ настаиваетъ на своемъ намѣреніи, то я навѣрное изъявлю готовность принять вызовъ, который мой разумъ безъ сомнѣнія осудить, но чувство чести заставитъ принять. Въ заключеніе его величество сообщилъ мнѣ, что онъ настаивалъ на томъ, чтобы императоръ, прежде чѣмъ сдѣлать вызовъ, имѣлъ со мною личное объясненіе, на что Александръ согласился.

Я заявилъ его императорскому величеству, что спокойно буду ожидать шага со стороны русскаго императора. Едва я успѣлъ вернуться домой, какъ явился графъ Ожаровскій, одинъ изъ генераль-адъютантовъ Александра. Онъ сообщилъ, что его августѣйшій повелитель поручилъ ему пригласить меня сдѣлать прусскому канцлеру заявленіе, что въ моемъ сообщеніи о разговорѣ съ императоромъ Александромъ, вкратились ошибки. Я просилъ адъютанта увѣрить своего государя, что я никогда не возьму назадъ ни одного слова, за точность которыхъ ручается моя совѣсть, но что если князь Гарденбергъ не такъ понялъ меня и вслѣдствіе этого невѣрно передалъ мои слова, то я готовъ исправить ошибку, гдѣ она найдется. Графъ Ожаровскій удалился. Нѣсколько минутъ спустя его императорское величество приказалъ сказать мнѣ, что онъ не явится ко мнѣ на балъ, на который я пригласилъ въ тотъ же день всѣхъ государей и членовъ конгресса. Вечеромъ я видѣлся съ русскими министрами и разсказалъ графу Нессельроде обо всемъ случившемся. Онъ отвѣтилъ, что не получалъ относительно этого никакихъ инструкцій отъ императора. Конференціи продолжались по прежнему, какъ будто и не случилось никакого затрудненія, и результатомъ ихъ было то, что половина Савсонія осталась за ея королемъ.

Если этотъ странный случай не нарушилъ хода переговоровъ конгресса, если даже отношенія открытой дружбы, существовавшія между обоими императорскими дворами отъ этого не пострадали, то нельзя сказать того же объ личныхъ отношеніяхъ между русскимъ императоромъ и мною. Александръ, усердно посѣщавшій свѣтъ, особенно любилъ извѣстные болѣе интимные кружки, гдѣ я также часто бывалъ. Рѣдко проходилъ день, чтобы мы не встрѣтились съ нимъ

гдѣ нибудь. Мы старались притвориться, будто не замѣчаемъ другъ друга. Странность подобныхъ отношеній въ глазахъ обычныхъ посѣтителей вѣнскихъ салоновъ постепенно сгладилась привычкой. Члены русской императорской фамилии по прежнему посѣщали праздники и собранія, происходившія въ моемъ отелѣ. Только императоръ на нихъ больше не появлялся. Публика привыкла къ мысли, что его императорское величество на меня гнѣвается; но такъ какъ дѣла отъ этого не страдали, то даже безпокойное любопытство дипломатовъ не имѣло больше никакой пищи въ этомъ столь странномъ положеніи. Очень часто мнѣ намекали косвеннымъ путемъ сдѣлать шагъ къ сближенію съ его величествомъ. Но я считалъ лучшимъ предоставить времени возстановить естественный порядокъ вещей.

Разладъ длился дѣйствительно до того момента, пока невѣроятное событіе не измѣнило всѣ дѣла Европы.

Первое извѣстіе объ отъѣздѣ Наполеона съ острова Эльбы я получилъ 6 марта въ 6 часовъ утра по эстафетѣ, отправленной австрійскимъ генеральнымъ консуломъ въ Генуѣ. Донесеніе ограничивалось простымъ сообщеніемъ факта. Я немедленно отправился къ императору, моему государю. Его императорское величество повелѣлъ мнѣ тотчасъ-же передать это извѣстіе императору руссійскому и королю прусскому. Это было въ первый разъ по истеченіи почти трехъ мѣсяцевъ, что я представился русскому монарху. Онъ сейчасъ-же принялъ меня. Я сообщилъ ему извѣстіе о новѣйшемъ событіи и исполнилъ порученіе императора, моего государя. Императоръ Александръ высказался съ спокойствіемъ и достоинствомъ въ смыслѣ согласія съ его августѣйшимъ союзникомъ. Мы не долго совѣщались о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять,—рѣшеніе было быстрое и категорическое.

Уладивъ это дѣло, императоръ обратился ко мнѣ: „Между нами существуетъ личная сора. Оба мы христіане и нашъ священный законъ повелѣваетъ намъ прощать оскорбленія. Обнимемся и забудемъ, что было между нами“.

Я отвѣчалъ императору, что съ своей стороны мнѣ нечего прощать ему, но что я долженъ позабыть непріятный случай.

Императоръ обнялъ меня и отпустилъ съ просьбою быть опять его другомъ.

Въ позднѣйшія наши многократныя личныя отношенія ни разу не было рѣчи о нашей распрѣ. Наши отношенія скоро даже получили прежній довѣрчивый характеръ. Эта довѣрчивость сохранилась во время нашего пребыванія вмѣстѣ въ 1815 году и не измѣнилась и при позднѣйшей нашей встрѣчѣ въ Ахенѣ въ 1818 году.

Мнѣ остается только упомянуть объ одномъ обстоятельстве, случившемся въ 1822 году,—обстоятельстве, которое болѣе чѣмъ что-либо другое бросаетъ свѣтъ на характеръ императора Александра.

Около шести недѣль послѣ сѣзда въ Веронѣ я отправился вечеромъ къ императору поговорить съ нимъ о дѣлахъ того дня. Я за-

сталъ его въ сильномъ возбужденіи и не преминулъ спросить о причинѣ. „Я нахожусь въ странномъ положеніи, сказалъ императоръ: я чувствую потребность объясниться съ вами объ одномъ обстоятельстве, которое считаю очень важнымъ, и затрудняюсь, какъ это сдѣлать“. Я отвѣчалъ, что прекрасно понимаю, что какой-либо важный вопросъ занимаетъ его мысли, но я не вижу, какимъ образомъ, чувствуя потребность поговорить со мной объ этомъ дѣлѣ, можетъ встрѣтиться что-либо похожее на затрудненіе.

— Въ томъ-то и дѣло, возразилъ императоръ, что этотъ предметъ не относится къ области обыкновенной политики, онъ касается насъ лично, и я питаю опасеніе, что вы не совсѣмъ понимаете мои мысли въ этомъ отношеніи.“ Послѣ большихъ усилій императоръ наконецъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими достопамятными словами: „Насъ хотятъ разлучить и порвать узы, связывающія насъ; я считаю эти узы священными, ибо они соединяютъ насъ въ общихъ интересахъ. Вы хотите мира вселенной, и я также не знаю инаго честолюбія, какъ сохранить миръ; враги европейскаго мира не заблуждаются на этотъ счетъ, они не заблуждаются также на счетъ силы сопротивленія, которую ихъ возни встрѣчаютъ въ нашемъ единодушіи: имъ хотѣлось бы во что бы то ни стало устранить это препятствіе и въ убѣжденіи, что открытымъ путемъ это имъ не удастся, они бросаются въ окольные лазейки: меня осыпаютъ упреками, зачѣмъ я отказался отъ своей независимости и позволяю вамъ руководить собою“.

Я съ горячностью отвѣчалъ императору, что все то, что онъ удостоилъ меня сообщить — для меня не новость и что я не колеблюсь отвѣчать на его довѣріе признаніемъ, которое только подтвердитъ справедливость сообщеннаго имъ факта. „Васъ упрекаютъ, ваше величество, въ томъ, что вы вполнѣ подчиняетесь моимъ совѣтамъ; съ другой стороны меня также обвиняютъ въ томъ, что я жертвую интересами своей страны моимъ отношеніямъ къ вашему величеству. Одно обвиненіе своить другаго. Совѣсть вашего величества такъ же чиста какъ и моя. Мы служимъ одному и тому-же дѣлу, а это дѣло въ одинаковой степени составляетъ достояніе и Россіи, и Австріи, и всего общества. Давно уже я сдѣлался мишенью неблагонамѣренныхъ кружковъ и въ искренномъ согласіи между нашими дворами вижу единственный оплотъ, который можно еще противопоставить вторженію общаго безпорядка. Съ другой стороны изъ крайней сдержанности моего личнаго поведенія вы можете составить понятіе о важности, которую я придаю сохраненію этого интимнаго соглашенія. Не желаетъ ли ваше величество видѣть какую-либо перемѣну въ этомъ поведеніи“?

— Этого я ожидалъ отъ васъ, прервалъ меня императоръ: если я чувствовалъ нѣкоторое стѣсненіе признаться вамъ въ извѣстныхъ затрудненіяхъ моего положенія, то это происходитъ не отъ того, чтобы я не былъ твердо намѣренъ устоять противъ нихъ; но я боялся, что вы начнете колебаться.

Затѣмъ мы перешли къ подробностямъ о проискахъ одного кружка, который имѣлъ въ самой Россіи и даже среди приближенныхъ императора много сторонниковъ.

Въ заключеніе нашего длиннаго разговора онъ взялъ съ меня формальное обѣщаніе „не поддаваться никакимъ уговариваніямъ и оставаться вѣрнымъ искреннему союзу съ нимъ“, и просилъ меня „принять и съ его стороны такое же формальное обѣщаніе въ неизмѣнности довѣрія съ его стороны“.

Разстроить это согласіе, соединявшее обоихъ императоровъ и ихъ кабинеты, — въ дѣйствительности рассчитывали люди движенія, а также нѣкоторые честолюбцы и толпа русскихъ мало размышляющихъ и требовательныхъ царедворцевъ. Въ прямой связи съ современнымъ либерализмомъ эти люди повиновались его напору и сдѣлались орудіями тамъ, гдѣ думали быть вождями. Союзъ, не имѣвшій иной цѣли, какъ охраненіе истинной политической свободы,—союзъ, основанный на полнѣйшемъ уваженіи къ дѣйствительной независимости государствъ и стремящійся на пользу общаго мира и устраненія всѣхъ завоевательныхъ плановъ и замѣшательствъ,—подобный союзъ не могъ нравиться толпѣ софистовъ и честолюбцевъ.

Возстаніе грековъ было позднѣе вызвано этими самими людьми. По расчетамъ крамольниковъ оно должно было служить клиномъ, чтобы разъединить державы, а въ особенности оба императорскихъ двора; оно должно было дѣйствовать на союзъ какъ разлагающее средство. Эти расчеты были вѣрны, но они осуществились въ такомъ смыслѣ, какого не предвидѣли вожаки. Монархъ, политика котораго такъ много помогла революціонерамъ въ его собственномъ государствѣ, нравственно и физически не выдержалъ борьбы. Императоръ Александръ умеръ отъ утомленія жизнью. Обманутый во всѣхъ своихъ расчетахъ, поставленный въ необходимость наносить рѣшительные удары извѣстному классу своихъ подданныхъ, введенныхъ въ заблужденіе и сбитыхъ съ пути тѣми же самыми людьми и принципами, которые самъ онъ долго поддерживалъ,—все это сокрушало его душу, и событія, омрачившія вступленіе на престолъ его преемника, являются доказательствомъ тѣхъ горестей, которыя отравляли послѣднія минуты Александра.

Безпристрастному историку не легко будетъ составить правильное сужденіе о характерѣ этого государя. Его взоры слишкомъ часто будутъ наталкиваться на самыя рѣзкія противорѣчія, а его уму трудно будетъ остановиться на постоянной точкѣ зрѣнія, столь необходимой для того, кто чувствуетъ призваніе къ благородной задачѣ писать исторію.

Умъ и сердце этого монарха отличались такими противоположными нравственными качествами, что извѣстная сила характера, которою онъ обладалъ, была отнюдь недостаточна, чтобы держать въ равновѣсіи всѣ его наклонности.

Каждый періодъ его жизни обозначался промахами и заблужденіями на столько тяжкими, что они обращались для него самого и для общественнаго дѣла въ источники слабости. Всегда поддаваясь увлеченіямъ, всегда непостоянный въ направленіи своего ума, Александръ не пользовался ни одной минутой дѣйствительнаго покоя. У него были неопредѣлимые качества, его образъ мыслей былъ благороденъ, его слово свято,—но наравнѣ съ этими качествами были большіе недостатки. Еслибы онъ родился въ средѣ общества, его качества не выдвигались бы, но на престолѣ должно было случиться иначе. Еслибы онъ былъ властелиномъ иной имперіи, а не Россіи, то его ошибки конечно выступали бы не такъ ярко, но за то и его преимущества были бы менѣ замѣчены. Александръ существенно нуждался въ опорѣ, его умъ и сердце требовали совѣта и направленія. Всякому государю стоитъ не малаго труда найти искреннихъ, безкорыстныхъ слугъ, достаточно независимыхъ и по характеру, и по положенію, чтобы возвыситься до роли друга, а Александру это было труднѣе чѣмъ кому нибудь другому.

Царствованіе Александра — не надо этого забывать — совпало съ эпохой, переполненной безчисленными затрудненіями для всѣхъ государей, и если этой участи подвергались всѣ современники, то тѣмъ болѣе подвергался имъ и Александръ.

ЗАПИСКИ ШНЕЙДЕРА.

Записки солдата-актера-редактора. — Личность Шнейдера. — Субъективность его воззрѣній. — Содержаніе перваго тома. — Знакомство съ русскимъ императоромъ. — Вещественные знаки памяти о Николаѣ I. — Коллективный документъ Русской арміи. — Жизнь въ Шведтѣ. — Калишскіе маневры. — Миѣніе Николая I о военной службѣ. — „Другъ Солдатъ“. — Шнейдеръ въ Петербургѣ. — Слова императора о своемъ здоровьѣ и о революціи. — Петергофъ. — Смотръ въ Царскомъ Селѣ. — Солдатскія шинели. — Шлагбаумы и Русскій языкъ. — Интриги директора театровъ. — Подхѣлка афишъ. — Заботы о непродолжительности спектакля. — Сорокъ зрителей. — Государь, уничтожающій интригу директора. — Царскій подарокъ. — 1848-й годъ и сотрудничество въ „Сѣверной Пчелѣ“. — Три пруссака. — Бесѣда въ Варшавѣ. — Встрѣча въ Берлинѣ и Ольмюцѣ. — Послѣднія слова императора. — Значеніе Шнейдера и его записокъ.

В КОНЦѢ 1878 г. въ Берлинѣ умеръ семидесяти трехъ лѣтъ писатель, находившійся въ довольно близкихъ отношеніяхъ къ коронованнымъ особамъ, что, какъ извѣстно, не часто встрѣчается въ жизни и въ исторіи. Кромѣ этихъ отношеній, жизнь старика была замѣчательна многими тревоженіями, испытанными имъ въ теченіе долгаго служенія литературѣ, искусству и родинѣ, такъ какъ онъ въ одно время служилъ въ прусскомъ ландверѣ, былъ актеромъ и редакторомъ основаннаго имъ журнала для солдатъ, а въ послѣдніе годы придворнымъ чтецомъ пруссакаго короля и политическимъ корреспондентомъ русскихъ газетъ. Зная хорошо главнѣйшіе европейскіе языки, не исключая Русскаго, пруссакъ Луи Шнейдеръ былъ не разъ въ Россіи, пользовался расположеніемъ ея императора и отзывался всегда объ нихъ съ полнымъ сочувствіемъ. Всѣ эти обстоятельства дѣлають для насъ интересными и личность Шнейдера, и его записки, первый томъ которыхъ появился въ Берлинѣ уже по смерти автора, въ октябрѣ прошлаго года. Шнейдеръ успѣлъ однако вполне приготовить къ печати свои записки, бѣольшая часть которыхъ составлена подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго, — какъ говоритъ предисловіе, подтверждающее сверхъ

того, что „ничья посторонняя рука не стирала съ этихъ записокъ характера достовѣрности и откровенности; всѣ замѣтки остались неприкосновенными“. Это примѣчаніе возлагаетъ конечно на автора полную отвѣтственность за всѣ его сужденія, какъ бы ни были они пристрастны. И дѣйствительно, субъективное воззрѣніе преобладаетъ въ запискахъ, названныхъ просто „Изъ моей жизни“ (Aus meinem Leben). Авторъ постоянно ставитъ себя центромъ, вокругъ котораго группируются лица и событія, и хотя вообще отъ произведеній подобнаго рода трудно ожидать объективнаго и строго-критическаго взгляда, но нельзя не замѣтить, что у Шнейдера при оцѣнѣ людей и разсказѣ о происшествіяхъ на первый планъ выдвигается вездѣ личное „я“, со всѣми его пристрастіями и предубѣжденіями.

Нельзя сказать также, чтобы первый томъ записокъ отличался особеннымъ интересомъ даже для нѣмецкаго читателя. Описаніе первыхъ годовъ дѣтства и молодости автора, и особенно положеніе семи лондонскихъ театровъ въ 1842 году, весьма мало любопытны, а между тѣмъ занимаютъ въ сложности половину объемистаго тома въ 400 страницъ. Болѣе интересны главы, относящіяся къ изданію журнала Шнейдера „Другъ Солдатъ“ (Soldatenfreund), на который императоръ Николай I подписался въ 1830 году—на двадцать пять лѣтъ впередъ; къ придворной жизни короля Фридриха Вильгельма IV; къ Калишскимъ маневрамъ 1835 года и, наконецъ, къ пребыванію автора въ Петербургѣ въ 1847 году. Содержаніе этой послѣдней главы мы представимъ въ извлеченіи читателямъ нашего журнала для ознакомленія съ записками Шнейдера, предоставляя себѣ впоследствии возвратиться къ другимъ эпизодамъ слѣдующихъ двухъ томовъ, имѣющихъ отношеніе къ Россіи или историческое значеніе, какъ событія 1848 года, или войны 1866 и 1870—71 годовъ, въ которыхъ Шнейдеръ былъ участникомъ, состоя при главномъ штабѣ короля Вильгельма I. Главу, носящую названіе „Въ Петербургѣ“, мы изложимъ подлинными словами автора только въ болѣе рельефныхъ мѣстахъ, какъ его бесѣды съ разными лицами, ихъ характеристики и т. п., а все менѣе существенное передадимъ въ сжатомъ очеркѣ.

Глава эта, написанная въ 1864 году, начинается обращеніемъ автора къ своей супругѣ, которой онъ поручаетъ послѣ его смерти тщательно хранить вещественные знаки памяти о „незабвенномъ императорѣ Николаѣ“: его носовой платокъ, пересланный автору императоромъ Александромъ II черезъ прусскаго принца Карла; маску, снятую съ покойнаго, и письмо, подписанное 16-ю русскими генераль-адъютантами, 3-мя свитскими генералами и 12-ю флигель-адъютантами. Въ этомъ письмѣ, приложенномъ къ запискамъ, приносится благодарность Шнейдеру за помѣщеніе въ 9-й книгѣ его журнала „Другъ Солдатъ“ біографіи Николая I, въ которой, по словамъ подписавшихся, „только одна совершенная правда“. Шнейдеръ почему-то приписываетъ особое значеніе этому письму, называя его „можетъ быть первымъ

примѣромъ коллективнаго документа въ Русской арміи“. Къ этимъ драгоценностямъ авторъ присоединяетъ еще двѣ восковыя свѣчи, полученныя имъ въ церкви на панихидахъ по императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ въ 1860 году. Все это онъ проситъ сохранить въ „достойномъ этихъ предметовъ мѣстѣ“, такъ какъ Николай I относился къ нему съ уваженіемъ, а онъ считалъ императора идеаломъ истиннаго величія. Въ первый разъ Шнейдеръ увидѣлъ его въ 1833 году, въ городѣ Шведтѣ, куда берлинскій придворный театръ отправилъ своихъ актеровъ для исполненія нѣсколькихъ спектаклей во время совмѣстнаго пребыванія тамъ короля Фридриха Вильгельма III и русскаго императора. Жизнь въ Шведтѣ Шнейдеръ описалъ въ юмористическомъ тонѣ въ особой главѣ, но о Николаѣ I отзывается съ восторгомъ, называя его „красивѣйшимъ изъ всѣхъ людей“, удивляясь его „необыкновенному росту, пропорціональности всѣхъ членовъ, благородной осанкѣ, внушительному взгляду и привычѣ повелѣвать“.

Въ Шведтѣ Шнейдеръ видѣлъ русскаго вѣнценосца только въ театрѣ, да на смотру войскъ, но во время большихъ маневровъ въ Калишѣ, въ 1835 году, былъ ему представленъ и получилъ разрѣшеніе, по которому русскіе генералы и офицеры обязаны были объяснять и показывать прусскому унтеръ-офицеру ландвера Леонтію Абрамовичу Шнейдеру все, что касается обмундированія, вооруженія, довольствія и обученія русскихъ войскъ. Государь объявилъ, что ему пріятнѣе видѣть Шнейдера не въ костюмѣ актера, а за письменнымъ столомъ, когда онъ пишетъ для солдатъ.— „Я сегодня перелистывалъ вашъ Soldatenfreund“ прибавилъ Николай I: только въ арміи вашего короля и возможно такое періодическое изданіе“. Извѣстно однако, что въ скоромъ времени и для Русской арміи основанъ былъ, по образцу прусскаго, журналъ „Чтеніе для солдатъ“, существующій и до настоящаго времени.

Послѣ Калиша знакомство императора съ авторомъ возобновилось въ 1838 году, когда государь прибылъ въ Берлинъ на весенніе маневры. Тамъ, привыкнувъ видѣть Шнейдера на всѣхъ парадахъ и маневрахъ въ Пруссіи, Николай I пригласилъ его на маневры Русской гвардіи въ Красное Село, потому что онъ одинъ писалъ въ благожелонномъ духѣ о Русской арміи и знаетъ по-русски, тогда какъ иностранцы, пріѣзжающіе въ Россію, описываютъ только то, что имъ расскажутъ другіе. Каждый можетъ видѣть, что императоръ сдѣлалъ и дѣлаетъ для своихъ солдатъ, и онъ не боится никакого сужденія, но только не слѣдуетъ смотрѣть на все прусскими глазами, а надо принимать во вниманіе русскіе нравы и обычаи. Особенно много неприятнаго сообщаютъ иностранные военные писатели, но Шнейдеръ будетъ конечно говорить правду, безъ предвзятыхъ идей. Между солдатами и среди военной дѣятельности императоръ считалъ себя вполне и совершенно счастливымъ.— „Здѣсь, прибавилъ Николай I, порядокъ, строгая, безусловная законность, никакого всезнайства и противорѣчій,

все вытекает одно из другаго; никто не приказываетъ, прежде чѣмъ самъ не научится повиноваться, никто безъ законнаго основанія не становится впереди другаго; все подчиняется одной опредѣленной цѣли, все имѣетъ свое назначеніе. Тотъ человѣкъ, который сегодня отдаетъ мнѣ честь—завтра идетъ за меня на смерть. Только здѣсь нѣтъ фразъ и поэтому нѣтъ лжи, вездѣ встрѣчающейся. Здѣсь не помогаетъ ни обманъ, ни притворство, такъ какъ всякій долженъ наконецъ въ виду опасности и смерти показать, каковъ онъ на дѣлѣ. Потому-то мнѣ такъ хорошо среди этихъ людей и потому я всегда буду держать въ почетѣ званіе солдата. Въ немъ—все служба, и даже высшій начальникъ служить. Я смотрю и на всю человѣческую жизнь только какъ на службу, такъ какъ каждый служить. Многіе, правда, только своимъ страстямъ, но солдатъ не долженъ служить ни имъ, ни даже своимъ наклонностямъ. Почему на всѣхъ языкахъ существуетъ слово „богослуженіе“—это не случай, въ этомъ глубокое значеніе, такъ какъ человѣкъ долженъ исполнѣ, безъ лицемѣрія и безусловно, служить своему Богу. Если всякій въ свѣтѣ будетъ только исполнять выпавшую ему на долю службу—вездѣ будетъ царствовать спокойствіе и порядокъ, и если бы все шло по-моему—въ свѣтѣ не было бы ни безпорядковъ, ни нетерпѣнія, ни кичливости. Посмотрите: тамъ идетъ смѣна передъ обѣдомъ, который еще не готовъ, и солдаты знаютъ очень хорошо, что они не прежде будутъ ѣсть, какъ ихъ смѣнять съ караула. И между тѣмъ—ни одного слова! Они отправляютъ свою службу. Поэтому и я буду исполнять свою службу до самой смерти и заботиться о каждомъ бравомъ солдатѣ“.

— „И это было искреннее убѣжденіе монарха“, прибавляетъ Шнейдеръ и тотчасъ же переходитъ къ своему журналу „Другъ Солдатъ“, который онъ аккуратно посылалъ императору по окончаніи каждаго года въ переплетѣ, за что получалъ богатый брилліантовый перстень. „Такихъ перстней получилъ я 18 до смерти государя, который повидимому считалъ это императорской подпиской, такъ какъ объявилъ, что абонируется въ Калишѣ на 25 лѣтъ. Со смертію императора прекратился натурально этотъ родъ гонорара, но я продолжалъ постоянно высылать въ частную императорскую бібліотеку экземпляръ журнала до истеченія двадцати-пяти-лѣтняго срока“.

Въ іюнѣ 1847 года Шнейдеръ прибылъ въ Петербургъ. Путевыя издержки покрыты были разсчетливымъ нѣмцемъ изъ платы за исполненіе имъ въ Ригѣ нѣсколькихъ гастролей. Приѣхавъ онъ съ тяжелой почтой, сидя между кондукторомъ и бороатымъ купцомъ, не очень элегантными и чистоплотными, но слушающими съ удовольствіемъ рассказъ нѣмца на Русскомъ языкѣ объ ихъ странѣ и въ особенности объ ихъ арміи, о которой они не имѣли понятія. Государь принялъ его благосклонно въ тотъ же день и на замѣчаніе Шнейдера о совершенно здоровомъ и бодромъ видѣ императора, отвѣчалъ:—„Радуюсь, что вы находите это; но я уже не тотъ, какимъ былъ прежде и на-

чинаю становиться старымъ калѣвою. Грудь у меня не въ порядѣ. Мнѣ иногда надо принуждать себя, чтобы держаться прямо. Обстоятельства заставляютъ меня стариться. Но въ одномъ только случаѣ я никогда не ~~осебняюсь~~ ^{осебняюсь}—это въ борьбѣ съ революціею, которая теперь бродитъ у всѣхъ въ головѣ. Пока я живъ, она меня не пересилитъ“. Узнавъ, что Шнейдеръ явился въ Петербургъ только какъ военный туристъ и съ цѣлью составить нѣсколько статей для своего „Друга Солдатъ“, императоръ просилъ его явиться и на сценѣ, если и не въ Нѣмецкой труппѣ, которая не очень пригодна, хотя на нее не жалѣютъ денегъ, то по крайней мѣрѣ въ присутствіи государя и императрицы. Ей представился Шнейдеръ въ тотъ же день и былъ приглашенъ въ Петергофъ, гдѣ долженъ былъ происходить смотръ войскамъ. Кромѣ этого смотра Шнейдеру показали всѣ военныя учрежденія и примѣчательности въ Петергофѣ, смотръ въ Царскомъ Селѣ. На послѣднемъ смотру государь защищалъ свѣтлосѣрный цвѣтъ солдатскихъ шинелей, о которыхъ Шнейдеръ отзывался невыгодно въ своемъ журналѣ. Трехдневные биваки въ полѣ не оставляютъ никакого слѣда на этихъ шинеляхъ, тогда какъ темносѣрныя прусскія шинели не выносятъ грязи. Русскіе шинели промокаютъ наезвозъ только послѣ трехнедѣльнаго дождя. „А сколько жемѣяцевъ нужно, чтобы онѣ высохли?“ спросилъ Шнейдеръ. Отвѣтомъ на это былъ веселый смѣхъ.

Много мелвихъ и не всегда интересныхъ подробностей сообщаетъ авторъ о своей жизни въ Петербургѣ. Однажды на вопросъ государя, что ему больше всего нравится въ Россіи, онъ отвѣчалъ: „шлагбаумы; въ Германіи они почти никогда не опускаются, въ Россіи поднимаются только для пропуска проѣзжающихъ и почти всегда закрыты, и хотя открытые шлагбаумы удобнѣе, но закрытые разумнѣе“. Встрѣчаются у автора и разсужденія о Русскомъ языкѣ. Такъ онъ удивляется, почему русскій человѣкъ, желая прогнать кого нибудь, употребляетъ выраженіе: „пошелъ!“ т. е. третье лицо прошедшаго времени вмѣсто повелительнаго наклоненія: „иди! или ступай!“ Но не лишень интереса разсказъ Шнейдера объ интригахъ директора театровъ Гедеонова, характеризующій этого холоднаго, проницательнаго человѣка, не отступавшаго ни передъ чѣмъ для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей. Онъ принялъ сначала писателя и актера очень холодно и высокомерно, но потомъ, когда артисты петербургскихъ труппъ сообщили ему о заслугахъ Шнейдера: о томъ, какъ онъ былъ внимателенъ ко всѣмъ актерамъ, проѣзжавшимъ черезъ Берлинъ въ Петербургъ, какъ ссудилъ однажды для возвращенія въ тотъ городъ значительную сумму нѣмецкому комику Мору, не зная его вовсе, а только основываясь на его увѣреніи, что онъ артистъ императорской труппы; какъ чахоточный Максимовъ, лежавшій безъ помощи въ берлинскомъ отелѣ, не зная ни слова по нѣмецки, былъ принятъ Шнейдеромъ въ свое семейство, гдѣ съ нимъ обращались какъ съ роднымъ,—Гедеоновъ сначала смягчился по отношенію къ Шнейдеру

даже даль для него спектакль, составленный изъ „Горя отъ ума“, переведеннаго Шнейдеромъ на Нѣмецкій языкъ и его собственнаго водевиля „Fröhlich“, переведеннаго по-русски подъ названіемъ „Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ“. Но потомъ, узнавъ, что Шнейдеръ также знакомъ государю, который часто бесѣдуетъ съ нимъ на смотрахъ и маневрахъ; что онъ ѣздитъ въ царскихъ экипажахъ и осматриваетъ свободно всякаго рода учрежденія, всевластный директоръ вообразилъ себѣ, что Шнейдеръ вызванъ изъ Берлина для того, чтобы смѣнить его въ управленіи Нѣмецкою труппою, если не всѣми театрами. И онъ началъ опять обращаться съ актеромъ по-генеральски, а когда узналъ, что государь хочетъ видѣть игру и пьесы Шнейдера на Петергофскомъ театрѣ въ присутствіи только избранныхъ лицъ изъ высшихъ придворныхъ сановникахъ, задумалъ уронить его въ общественномъ мнѣніи, если нельзя уже измѣнить мнѣнія самого императора. Для этой цѣли онъ придумалъ слѣдующую интригу. Шнейдеръ сказалъ государю, что будетъ играть въ лучшихъ своихъ пьесахъ: „Странствующемъ студентѣ“ (Fröhlich) и жанровой сценѣ „Der Kurmörker und die Picarde“, гдѣ онъ мастерски исполнялъ роль нѣмецкаго солдата, а французская актриса Эстеръ должна была играть бойкую крестьянку изъ Пивардіи. Геденовъ разрѣшилъ репетиціи этихъ пьесъ на сценѣ Михайловскаго театра, но объявилъ Шнейдеру, что такъ какъ въ это время въ Петербургъ пріѣхала извѣстная французская актриса г-жа Вольнисъ, которую также желаетъ видѣть государь, то спектакль въ его присутствіи начнется небольшою французскою пьесою съ этою артисткою въ главной роли. Шнейдеръ ничего не могъ возразить противъ такого распоряженія, но вскорѣ же узналъ, что „небольшая“ пьеса для начала спектакля превратилась въ длинную, слезливую двухъ-актную драму Скриба „Проступокъ“ (Une faute). Чтобы не утомлять вниманія августѣйшихъ зрителей, Шнейдеръ, водевилъ котбраго „Странствующій студентъ“ былъ также въ двухъ дѣйствіяхъ, объявилъ, что съиграетъ только второй актъ пьесы, перенеся въ него изъ перваго лучшіе нумера своихъ куплетовъ и пѣсенокъ. Репетиціи шли своимъ чередомъ и въ день спектакля для ночетныхъ посѣтителей напечатаны были афиши, съ сохраненіемъ того же порядка спектакля: Une faute, Fröhlich, Kurmörker und Picarde. Но въ афишѣ для государя выставлены были только двѣ первыя пьесы. Шнейдеръ понялъ, что это сдѣлано съ цѣлью повредить его извѣстности. Государь съ императрицею оставили бы театръ послѣ второй пьесы, а Шнейдеру объявили бы, что они недовольны его игрою въ „Студентѣ“ и не желаютъ видѣть его въ послѣдней пьесѣ. Объ этомъ сообщили бы въ Германію и прежде всего въ Петербургъ, гдѣ легко было распространить какіе угодно слухи, такъ какъ цензура театральныхъ рецензій была у самого же Геденова, допускавшаго статьи въ печать съ легкими поправками: если рецензентъ писалъ, напримѣръ, что такой-то актеръ игралъ нехорошо, директоръ театровъ вычеркивалъ всего двѣ

буквы—не, и рецензія являлась въ газеты въ такомъ исправленномъ видѣ. Само собою разумѣется, что никакіе протесты и апелліаціи со стороны рецензента были немыслимы.

Геденовъ повѣлъ интригу еще дальше: онъ сообщилъ докторамъ императрицы, что назначенный спектакль (въ три пьесы) будетъ очень длиненъ и при господствовавшемъ тогда сильномъ жарѣ можетъ вредно повліять на здоровье ея величества. Доктора вполне согласились съ этимъ и посовѣтовали императрицѣ не оставаться долго въ театрѣ. Въ то же время сдѣлали распоряженіе, чтобы на спектакль роздано было не болѣе сорока билетовъ, и тѣ были распределены такъ, чтобы въ ложахъ сидѣло не болѣе двухъ лицъ, а въ партерѣ занятія мѣста были разрѣжены такъ, что въ каждомъ ряду было чуть не по одному зрителю, отъ этого скопленіе удушливаго жара въ зрительной залѣ дѣлалось невозможнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ распоряженіемъ сдѣлано было и другое, конечно негласное: Шнейдера не оставляли въ Петергофѣ ни на минуту режиссеръ Нѣмецкой труппы Гемузеусъ и чиновникъ театральной дирекціи Неваховичъ, приставленные къ актеру съ цѣлью помѣшать ему принять какія либо мѣры противъ ловко веденой интриги. Случай однако помогъ бѣдному артисту: въ самый день представленія онъ встрѣтилъ въ паркѣ государя, ѣхавшаго въ дрожкахъ и на вопросъ его: „какъ поживаете, Шнейдеръ“? отвѣчалъ: „дурно ваше величество“. Удивленный императоръ потребовалъ объясненія, и авторъ сообщилъ ему о томъ, что не будетъ имѣть счастья играть вечеромъ въ лучшей своей пьесѣ и роли, а на замѣчаніе государя, что здоровье императрицы не позволяетъ ей долго оставаться въ театрѣ, объяснилъ, что удаленіе августѣйшихъ особъ изъ театра закончить спектакль и повредить репутаціи актера. Государь не зналъ, что для приглашенныхъ напечатаны другія афиши, но вошелъ въ положеніе Шнейдера, сказавъ, что пробудетъ до конца спектакля и устроитъ такъ, что онъ останется доволенъ. Все такъ и случилось. Не смотря на то, что спектакль начался въ три четверти восьмого, а „Студентъ“ въ половинѣ десятаго, что антрактъ былъ чрезмѣрно длиненъ, что Эстеръ не хотѣла даже одѣвать своего костюма Пижарди, что по окончаніи „Студента“, въ половинѣ одиннадцатаго вся публика поднялась со своихъ мѣстъ и Шнейдеръ ждалъ каждую минуту извѣстія, что государь уѣхалъ—самъ Геденовъ вышелъ на сцену и просилъ скорѣе начинать третью пьесу. Она прошла съ большимъ успѣхомъ и доброта государя уничтожила интригу Геденова. На другой день въ Петербургѣ Шнейдеръ получилъ извѣщеніе, что государь пожаловалъ ему брилліантовый перстень, за которымъ, онъ можетъ явиться въ контору. Шнейдеръ отвѣчалъ, что онъ по утрамъ бываетъ дома и ему могутъ доставить все, что назначено. Въ слѣдующее же утро секретарь дирекціи театровъ привезъ царскій подарокъ, сопровождая передачу его самой утонченной вѣжливостью.

Съ тѣхъ поръ авторъ не видалъ больше Геденова, но по своему

добродушію отзывался объ немъ въ Шпенеровской газетѣ, какъ объ искусномъ и опытномъ директорѣ театровъ, съ чѣмъ конечно не согласится русскій читатель, да и нѣмецкій авторъ сознается, что „зная артистовъ всѣхъ труппъ, имѣлъ богатый запасъ фактовъ для осужденія дѣятельности директора“.

Петербурга Шнейдеръ не описываетъ вовсе и, оставивъ его въ началѣ іюля, переходитъ прямо къ 1848 году, когда, вслѣдствіе революціи потерявъ средства къ жизни, онъ просилъ у русскаго императора какой нибудь должности. Въ отвѣтъ онъ получилъ приглашеніе прійхать въ Россію, гдѣ объ немъ позаботятся. Обстоятельства однакоже сложились вскорѣ такъ, что ему не было необходимости оставлять отечество. Онъ принялъ на себя редакцію „Оружейной газеты“ и сдѣлался придворнымъ чтецомъ въ Сан-Суси. Въ то же время онъ сталъ писать въ „Сѣверной Пчелѣ“ письма изъ Берлина о революціи, и послѣ первыхъ же писемъ Гречъ предложилъ ему 1,200 рублей за еженедѣльную корреспонденцію. Авторъ былъ удивленъ такою щедростію, но вскорѣ же узналъ, что Гречъ представилъ государю первое берлинское письмо, изъ котораго цензура выбросила половину и государь поручилъ пригласить автора продолжать корреспонденцію, которая будетъ представляться его величеству—а вознагражденіе изъ собственныхъ суммъ. Въ 1849 году генералъ Раухъ, бывшій военнымъ прусскимъ агентомъ въ Россіи, сообщилъ Шнейдеру, по поводу этой корреспонденціи о самомъ тяжеломъ времени для Пруссіи, слѣдующее шуточное замѣчаніе государя: „Теперь всего только три добрые пруссака: я, вы, любезный Раухъ, да Шнейдеръ“. Автору пришлось еще разъ увидѣть императора въ Варшавѣ въ 1851 году. Николай I обратился къ нему съ неожиданнымъ вопросомъ: „Скажите мнѣ, какъ могъ король рѣшиться на то, чтобы вернуться въ революціонный Берлинъ“! Вопросъ этотъ содержалъ въ себѣ порицаніе поступку Фридриха Вильгельма IV, а Шнейдеръ; отвѣчавшій однажды русскому императору, что пойдетъ въ походъ вмѣстѣ съ другими и противъ него, если это прикажетъ король,—счелъ своимъ долгомъ дать слѣдующій отвѣтъ:

— Я не знаю, ваше величество, причины этого поступка, потому что у меня нѣтъ 46-ти милліоновъ подданныхъ. Я не вернулся до сихъ поръ въ революціонный Берлинъ и не думаю сдѣлать этого. Но монархъ долженъ поступать и по другимъ побужденіямъ, а не только по своему желанію. Ваше величество знаете это лучше меня, дѣлая мнѣ этотъ вопросъ—въ Варшавѣ.

— Я видѣлъ всегда, прибавляетъ Шнейдеръ, взглядъ императора пріязненный и благосклонный, передъ войсками строгій и повелительный; теперь я узналъ дѣйствительно грозное выраженіе этихъ большихъ прекрасныхъ глазъ. Императоръ бросилъ на меня взглядъ, котораго я никогда не забуду. Онъ посмотрѣлъ на меня съ головы до ногъ, какъ будто не понимая, какъ могъ кто нибудь отвѣчать ему:

такимъ образомъ и тотчасъ же сказали, дѣлая рукою жестъ уничтоженія:

— Но я въ Варшавѣ задавилъ революцію ¹⁾.

— Конечно, ваше величество. Но и у насъ, въ Пруссіи, мой всемиловѣйшій государь справится съ нею. Онъ употребляетъ только для этого другое средство: лѣченіе посредствомъ отвращенія (kelkur).

— Увидимъ! отвѣчалъ императоръ.

Въ 1852 году, встрѣтивъ Шнейдера въ Берлинѣ, государь наполнилъ ему ихъ разговоръ въ Варшавѣ и сказалъ, что Шнейдеръ былъ правъ: въ Берлинѣ нѣтъ болѣе слѣда революціи; король побѣдилъ ее. — „Но моя система все таки лучше“, прибавилъ Николай I. Въ послѣдній разъ авторъ видѣлъ императора въ Ольмюцѣ въ концѣ сентября 1853 года. Государь замѣтилъ, что австрійская армія въ послѣдніе годы невѣроятно улучшилась; нѣтъ никакого сравненія съ тѣмъ, что было въ 1848 году. Шнейдеръ отвѣчалъ, что эта армія въ такомъ же переходномъ состояніи какъ прусская послѣ Наполеоновскихъ войнъ, вслѣдствіе отиѣны тѣлеснаго наказанія, развитія чувства чести въ солдатахъ, введенія между ними образованія, книгъ, газетъ, пѣнія. — „Это примѣнимо не ко всѣмъ арміямъ, отвѣчалъ императоръ. У каждой есть своя національная особенность—и она должна быть сохранена, если хотять, чтобы армія отвѣчала своему назначенію“. Императоръ надѣялся, что его армія представитъ вскорѣ случай автору дать объ ней отчетъ съ поля сраженія... „Все идетъ къ тому; чтобы „господа“ опять получили въ Россіи хорошій урокъ. Прочтите, что Пушкинъ говорить въ стихотвореніи „Клѣвникамъ Россіи“. Вы сами перевели его. Теперь прощайте! Мнѣ еще надо на службу“.

Кончина монарха поразила автора. „Въ немъ потерялъ я не только царственнаго покровителя, говорить онъ, но и послѣднюю опору моихъ политическихъ убѣжденій. Въ Европѣ не оставалось болѣе монарха, который имѣлъ вмѣстѣ съ волею и силу бороться съ революціей во всѣхъ ея формахъ и послѣдствіяхъ, и я чувствовалъ себя все болѣе одинокимъ (я) своимъ мнѣніемъ, хотя ходъ событій и ихъ развитіе съ каждымъ днемъ доказывали, что я былъ правъ“.

Оставимъ автору его убѣжденія и замѣтимъ только, что записки его интересныя по многимъ подробностямъ, относящимся до характеристики Прусскаго и Русскаго двора, и до состоянія театровъ въ описываемую имъ эпоху, много выиграли бы, еслибы Шнейдеръ не придавалъ слишкомъ большаго значенія разнымъ ничтожнымъ мелочамъ и своимъ собственнымъ сужденіямъ и выводамъ. На каждой страницѣ записокъ видно, что авторъ считаетъ гораздо важнѣйшими свои сношенія съ высокопоставленными лицами, чѣмъ свои литературныя и сценическія заслуги. Этотъ актеръ прежде всего хочетъ быть великимъ стратегомъ, писатель считаетъ себя тонкимъ дипломатомъ. Огра-

¹⁾ Слова эти приведены по русски, въ текстѣ.

ничья онъ ролью редактора журнала для солдатъ и поставщика народныхъ водевилей, разработывая свое дарованіе въ этомъ направленіи—онъ сталь бы еще ^ивысше, да и теперь, въ этихъ двухъ званіяхъ, займетъ мѣсто въ исторіи литературы, хотя и не особенно блистательное. Но онъ заявилъ претензію на титулъ „друга императоровъ и королей“ и оказался только—выражаясь не дипломатически—ихъ прихвостнемъ. Это не мѣшаетъ конечно тому, что въ запискахъ его разбѣяно много чертъ и анекдотовъ, характеризующихъ его эпоху, и мы выбрали изъ первой части ихъ все, что было интереснаго по отношенію къ Россіи. По выходѣ слѣдующихъ томовъ, мы не замедлимъ познакомить съ ихъ содержаніемъ нашихъ читателей.

В. З.

ДОМИКЪ МОЕГО ДѢДУШКИ ¹⁾.

ПРИБЛИЖАЮСЬ въ домику моего дѣдушки, въ которомъ я не былъ со дней моего дѣтства; въ немъ все осталось по прежнему, только все склонилось болѣе къ старости, все подъ тяжестью времени осѣло и пошатнулось: та же поросшая мохомъ крыша, то же крыльцо съ двумя скамейками, тѣ же тропинки, ведущія въ разныя отъ крыльца стороны и та же громадная, каменная плита съ крестомъ и Распятіемъ, осѣненная липами, подъ которыми вечеромъ собиралась вся семья, чтобы насладиться вечернею прохладой, послушать разсказовъ дѣдушки и вмѣстѣ съ нимъ помолиться передъ Распятіемъ.

Матвѣй Видмонтъ—такъ звали дѣдушку,—наслѣдовалъ отъ прадѣда не только домикъ съ усадьбою, но и званіе скарбника—хранителя короннаго достоянія. Неизвѣстно, какіе общественные труды лежали на прадѣдѣ, получившемъ отъ короля патентъ на это званіе, но положительно извѣстно, что его потомки умѣли лишь оберегать свою трудомъ нажитую копѣйку; но такъ уже велось съисеони, что сынъ вмѣстѣ съ имѣніемъ наслѣдовалъ и званіе отца, безъ всякаго впрочемъ официальнаго значенія. Дѣдушка въ юности при жизни отца пользовался титуломъ скарбниковича, а послѣ смерти его, по милости сосѣдей и знакомыхъ, сдѣлался уже настоящимъ скарбникомъ.

Видмонты принадлежали къ истой, домовитой шляхтѣ (szlachcie na Zagrodzie), рѣзко отличающейся отъ шляхты околичной, этой голутвенной толпы, которая шаталась по дворамъ магнатовъ ради хлѣба и наживы. Правда, и околичная шляхта владѣла надѣломъ, но она избѣгала жизни трудовой и осѣдой и, въ ожиданіи сеймивовъ и конфедерациі, предавалась праздности, пьянству и мотовству.

Домовитая шляхта жила въ своихъ скромныхъ усадьбахъ, вдали отъ бурь политической жизни, сохраняя патриархальную простоту нравовъ, неподкупную честность, чистосердечіе, преданность рели-

¹⁾ Съ польскаго, изъ «Очерковъ Литвы», Игнатія Ходзько.

ги, отличаясь притомъ бережливостію и трудолюбіемъ. У очага этой домовитой шляхты сохранялись черты народнаго характера и быта, всѣ добродѣтели и предрасудки предковъ. Послѣ денныхъ трудовъ и заботъ къ вечеру собирались вокругъ очага члены семьи, челядь, ближайшіе, приуроченные къ дому жильцы и слуги, и велись въ длинные зимніе вечера разнаго рода бесѣды: о жизни и дѣлахъ предковъ, сообщались преданія и вѣрованія, рассказывались сказки, причемъ главную роль играли чудеса, знаменія, привидѣнія, словомъ все, что кому пришлось видѣть, слышать и испытывать, все это вносилось въ складъ домашнихъ вѣрованій и преданій. Такъ складывался цѣль семейныхъ и родовыхъ вѣрованій и преданій, которыя составляли такъ сказать религію и эпопею дома.

Не много нужно было употребить труда, чтобы осмотрѣть владѣнія дѣдушки: около полусотни десятинъ земли, нѣсколько деревенскихъ избышекъ, роща съ пчельникомъ, домигъ съ примыкающими строеніями,—составляли все его состояніе. Дѣдушка вполне былъ доволенъ своею судьбою, ни въ чемъ не нуждался и не разъ выручалъ изъ бѣды другихъ. Въ хозяйствѣ дѣдушка держался вѣрно правила, завѣщеннаго предками, которое обратилось въ поговорку:

„Pszczółka, klaczka ipszenica
„Wyprowadza z nędzy szlachcica“.

„Пчела, кобылка и пшеница выручать изъ бѣды шляхтича“.

Усадьба Матвѣи Видмонта удовлетворяла всѣмъ этимъ требованіямъ. Она утопала въ зелени двухъ садовъ, полныхъ ягодныхъ кустарниковъ, отличныхъ качествъ плодовыхъ деревьевъ и раскидистыхъ липъ, вокругъ которыхъ жужжали рои пчелъ, высасывая изъ цвѣтовъ сокъ для сотовъ. По лугу рѣзвилось нѣсколько штукъ жеребятъ, правда невысокой породы, но способныхъ, какъ тогда выражались, таскать воду и воеводу; на тщательно вспаханыхъ поляхъ колосилась сандомірская пшеница, которую не разъ самъ стражникъ сплавлялъ въ Гданскъ и возвращался съ кожаными мѣшечкомъ, туго набитымъ червонцами; на небольшой, но быстро-текущей рѣчкѣ работала мельница, дымился небольшого размѣра винокуреннй заводъ, на которомъ заготавливалась водка, пиво и барда.

Водка, съ помощью особаго ухода со стороны хозяина, доведена была до высокой степени совершенства и до сихъ поръ, подъ именемъ „старой водки“, имѣетъ всеобщую извѣстность; изъ домашнихъ ягодъ изготовлялись чудныя наливки, медъ-дубнягъ, который билъ не въ голову, а въ ноги; барда шла въ кормъ лошадямъ, коровамъ и безрогимъ, изъ которыхъ опытная хозяйка изошрялась въ приготовленіи разнообразнаго вида и вкуса ветчины, подъ именемъ литовской, до сихъ поръ счастливо соперничающей съ нѣмецкими колбасами и вестфальскими окороками. Часть сандомірской пшеницы, смелотой подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого хозяина, посту-

пала въ распоряженіе хозяйки дома, и на столѣ являлись знаменитыя польскія бабы, мазурки, сухари и т. д., до сихъ поръ пользующіеся заслуженною извѣстностью. Словомъ, домъ былъ полною чашею и все это дѣлалось изъ домашнихъ средствъ, безъ лишнихъ расходовъ; хозяйство велось разумно, бережливо и постепенно совершенствовалось. Домашній бытъ создавался не въ домахъ околичной шляхты, не въ домахъ магнатовъ, а въ домахъ домовитой шляхты. Они не чуждались политической жизни, но и не гонялись за нею; не разъ приходилось видѣть, какъ къ крыльцу скромнаго домика подъѣзжала коляска, изъ нея высаживался одинъ изъ тузовъ, въ надеждѣ склонить на свою сторону домовитаго шляхтича или признать деньжонокъ за проценты. Классъ этой домовитой шляхты былъ значителенъ, и онъ составлялъ ядро народной жизни и домашняго быта. Она жила свободно и независимо и къ ней-то относилась пословица: *Szlachiu na Zagrodzie, Rowny Wojewodzie.*

У дѣдушки на черный день сберегалась не одна копѣйка; въ его спальнѣ, въ темномъ углу альеова, стоялъ крѣпко окованный желѣзомъ ларчикъ, изъ котораго дѣдушка доставалъ польскіе золотыя, прусскіе талеры и голландскіе дукаты. Обыкновенно открывая и закрывая ларчикъ, дѣдушка повторялъ про себя въ видѣ назидательнаго memento:

„Pamiętaj przychodzie,
Zyj z voschodem wzgodzie“.

„Помни, господинъ, приходи; живи въ согласіи съ расходомъ“!

Домикъ дѣдушки состоялъ изъ двухъ комнатъ пріемныхъ и двухъ жилыхъ; первыя двѣ служили для пріема гостей и открывались только въ торжественные и семейные праздники. Въ первомъ покоѣ на стѣнѣ висѣлъ образъ Богородицы въ окладѣ, украшенномъ бисеромъ; къ нему примыкалъ искусной работы ларчикъ съ различными священными предметами и тутъ-же находился, изъ Лореты, лорестанскій колокольчикъ, охраняющій будто-бы усадьбу отъ громоваго удара, и въ случаѣ грозы, бури или града, хозяинъ дома выходилъ на крыльцо, звонилъ на четыре стороны, глубоко вѣруя, что гроза пройдетъ мимо дома и полей. Въ слѣдующей для пріема комнатѣ замѣчалась нѣкотораго рода претензія на комфортъ: стѣны были обиты обоими, расписанными въ цвѣты; диваны, табуреты и кресла прикрыты были коврами; одинъ изъ полированныхъ столиковъ былъ разрисованъ въ квадраты для игры въ шашки; на другомъ лежала колода картъ и стояла чашка съ фасолью, служившею вмѣсто мароевъ. Панъ скарбникъ любилъ иногда поиграть въ карты съ женою, или хорошимъ знакомымъ, въ марьяжъ — что-то въ родѣ нашихъ дурачковъ; а при болѣе численномъ собраніи устраивалась игра въ цывикъ. О! въ какой азартъ приходило все общество, когда ставка достигала до двухъ польскихъ золотыхъ!

Дѣдушка медленно тасуетъ карты, сдаетъ ихъ съ должнымъ вниманіемъ и открываетъ козырь; изъ-подъ колоды соблазнительно выглядываетъ козырной тузъ. Первый голось принадлежитъ дѣдушкѣ, какъ сдающему; остается рѣшить вопросъ: подмѣнить ли туза и объявить игру, или отказаться отъ покупки въ пользу сосѣда, отца Павла? Но тузъ дѣло соблазнительное и по этому поводу для дѣдушки наступаетъ рѣшительная минута въ родѣ Гамлетовскихъ сомнѣній: „быть или не быть“? Дѣдушка повторяетъ про себя: „братъ, не братъ“?

— Берите, дѣдушка, берите! кричитъ вся семья отъ малаго до великаго, стараясь воодушевить его на такой рѣшительный подвигъ.

— Такъ-то такъ,—замѣчаетъ будто бы про себя отецъ Павелъ: но ставка велика и риску много.

Рѣчь эту ведетъ отецъ Павелъ будто бы изъ доброжелательства, а на самомъ дѣлѣ изъ желанія, чтобы дѣдушка отказался и право покупки перешло къ нему.

Дѣдушка владетъ карты, закрываетъ глаза и начинаетъ ворожить пальцами—братъ или не братъ: разъ, два, три!—палецъ попадаетъ въ палецъ.

— Покупаю, — заявляетъ рѣшительнымъ тономъ дѣдушка и затѣмъ подмѣниваетъ туза и размѣщаетъ козыри по чинамъ подъ большимъ пальцемъ.

Играющіе съ нетерпѣніемъ ожидаютъ объявленія игры и шепчутъ промежъ себя: „ремизъ, непремѣнный ремизъ“!

— А! вскрикиваетъ съ мужествомъ дѣдушка: что будетъ, то будетъ; Богъ милостивѣ всендза Рымши ¹⁾! Играю! Кто вистъ?

Послѣ столь рѣшительнаго шага со стороны дѣдушки настаетъ минута всеобщаго молчанія. Ксендзъ Павелъ владетъ карты, закрываетъ глаза и начинаетъ ворожить пальцами, а между тѣмъ, забросивъ незамѣтнымъ образомъ зѣницу ова въ карты дѣдушки, видитъ: стоятъ въ подрядѣ, какъ воины, готовые къ атакѣ, козырной тузъ, король и дама. Отецъ Павелъ молча владетъ на столъ карты.

— Кто вистъ? спрашиваетъ дѣдушка.— Кто? повторяетъ онъ съ натискомъ на струсившаго непріятеля.— Таеъ нѣтъ охотниковъ! заключаетъ торжественнымъ голосомъ дѣдушка, и, развернувъ карты, забираетъ ставку въ 2 злотыхъ.

Начинается всеобщій восторгъ, поздравленія, поднимается споръ, кто совѣтовалъ подмѣнить туза—спорамъ нѣтъ конца; дѣти бѣгаютъ кругомъ стола и бьютъ въ ладоши. Всѣ наконецъ рѣшаютъ вопросъ, что дѣдушка мастеръ играть въ цѣвикъ, хотя игрокъ слишкомъ азартный. Отецъ Павелъ сумрачно сдаетъ карты, впрочемъ поздравляетъ скарбника съ выигрышемъ; но всю досаду срываетъ на мальчикѣ, хлопающемъ въ ладоши подъ самымъ ухомъ патера.

¹⁾ Мѣстная поговорка.

— Убирайся, соплякъ, отсюда,—ворчитъ сквозь зубы всендѣ Павелъ: куда конь съ копытомъ, туда ракъ съ клешней—убирайся!

Иначе проводилось время въ будничные дни въ двухъ жилыхъ комнатахъ. Мы не заглянемъ въ комнату съ альковомъ—эта комната исключительно семейная, комната дѣдушки; вторая, угловая комната, была самая большая въ домѣ; на первомъ планѣ красовался постоянно пылающій каминъ, къ нему примыкала огромной величины печь, которая раздѣляла угловую на двѣ неравной величины комнаты,—меньшая, лежащая за печью, служила обителью для дѣтей, приживалокъ, нянки, мышей и таракановъ; вокругъ стѣнъ большой комнаты стояли скамьи, а передъ ними громадный столъ. Тутъ-то, предъ пылающимъ каминомъ, разыгрывалась драма семейной жизни со всѣми чертами родового быта, напоминающими времена Крива-Кривейта, зажигающаго огонь предъ алтаремъ Знича, или родоначальника, приносящаго жертву на очагѣ духамъ усопшихъ предковъ.

Каждый день утромъ и вечеромъ дѣдушка, окруженный семьею, прислугою и челядью, громко читаетъ утреннія и вечернія молитвы; затѣмъ, за утреннимъ кофе — для болѣе почетныхъ лицъ, и грѣтмъ молокомъ для младшихъ членовъ семьи, велась рѣчь о видѣнныхъ ночью снахъ и объяснялся ихъ смыслъ и значеніе. Вечеромъ шли толки о привидѣніяхъ, уныряхъ, о заколдованныхъ дѣвицахъ и кладахъ. Дѣдушка принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ толкахъ и всему этому вѣрилъ въ душѣ, но, вспоминая при этомъ невольно о поученіяхъ въ школѣ, въ костелѣ и на исповѣди, старался замать разговоръ болѣе рациональнымъ поученіемъ.

— Такъ оно, такъ, мои дѣтки, бываетъ иногда, бываетъ, но на все воля Божія, безъ Его воли волосъ не упадетъ съ головы,—замѣчалъ уходя дѣдъ.

Въ длинные зимніе вечера засѣданіе принимало иногда болѣе продолжительное и болѣе серьезное направленіе. По разставленнымъ около стѣнъ скамьямъ сидѣли почтенныя матроны съ чулками въ рукахъ, или опципывали перья съ убитой птицы; тутъ же жужжули самопрялки и веретена въ рукахъ пригожихъ дѣвицъ, а панна Марина, дочь умершаго эконома, какъ безпріютная сирота, причисленная къ семьѣ, сидя около печи, распѣвала въ угоду почтенной публики различныя пѣсни. Иногда при болѣе веселомъ настроеніи, панна Марина запѣвала, а хоръ ей подхватывалъ:

Ловилъ бацько сойку,
Ловила маці сойку.
Ловила маці, ловили дѣти,
Да уже сойцѣ не леціци.

Тутъ хоръ подхватывалъ:

Гей, сойка, погуляци,
Да уже сойци не летати,
Гей, сойка, гей.

Иногда дѣдушка, сидя предъ каминомъ, скучивалъ распавшіяся головешки, подкладывалъ дрова, сгребалъ жаръ и устроивъ все какъ слѣдуетъ, слѣдилъ за пылающимъ пламенемъ, какъ жрецъ, приносящій жертву священному огню; тутъ у дѣдушки являлась въ особенности охота пускаться въ воспоминанія; но въ его мирной, семейной жизни всѣ воспоминанія вертѣлись по преимуществу вокругъ семейнаго очага, какъ ласточки постоянно вьются около гнѣздъ своихъ.

— Въ такомъ-то году былъ отличный урожай, а въ такомъ-то году холода поморозили всѣхъ пчелъ; тогда-то появилось на небѣ знаменье, затѣмъ послѣдовала война, а за войною голодъ и моръ на людей; въ такомъ-то году пришлось мнѣ принять участіе въ сеймикѣ; шли въ кандидаты на сеймъ Елинскій и Хорватъ; вижу, что Хорватъ привлекаетъ на свою сторону шляхту, — а Елинскій даже мнѣ не сказалъ ни слова, — тогда я *volens-nolens*, являюсь на сеймики *pro publico bono*. Шляхта шумитъ, — а я ей: Елинскій-то панъ — отъ вѣка вѣковъ шляхтичь, а что такое вашъ Хорватъ? — Не знаемъ, отвѣчаетъ шляхта. — А я такъ знаю: дѣдъ его пришелъ изъ Венгріи и торгуя пластырями, разными маслами и каплями, скопилъ деньги; сынъ, яхшаясь съ жидами, увеличилъ разнаго рода гешефтами состояніе, не одного честнаго шляхтича пустилъ по міру, добился происками шляхетства, а теперь внукъ его, дурной сосѣдъ, тиранъ для своихъ подданныхъ, вздумалъ утереть носъ Елинскому; стыдно вамъ! не дадимъ въ обиду нашего земляка, родовитаго шляхтича, съ отцами и прадѣдами котораго стояли за-одно наши отцы и прадѣды. *Vivat*. Елинскій. — Вся шляхта пошла за мною, и Хорвата спустили какъ по маслу.

Горизонтъ міровоззрѣнія дѣдушки, какъ и всѣхъ воспитанниковъ отцовъ иезуитовъ, былъ узокъ и одностороненъ. Никакіе философскіе и соціальные вопросы не затрогивали ихъ умъ, никакія религіозныя сомнѣнія не волновали ихъ сердца. Умъ втиснуть былъ въ рутину, въ которой вращался какъ бѣлка въ колесѣ. Образование, которое получалось въ школахъ, было чисто формальное; изученіе латинскаго языка и его литературы считалось альфой и омегой человѣческой мудрости; но латинская литература, какъ по художественности формъ, такъ и по глубинѣ мысли и чувствъ, уступаетъ другимъ классическимъ литературамъ и по этому одному она уже не могла быть признана за главный источникъ воспитанія христіанскихъ народовъ; какіе же скудные результаты могло дать одно формальное и отрывочное изученіе мертваго языка и небогатой по содержанію литературы?

Дѣйствительно, воспитанники иезуитскихъ школъ писали прекрасно латинскіе стихи, говорили на латинскомъ языкѣ краснорѣчивыя рѣчи, такъ что по свидѣтельству Де-Ту, когда польское посольство явилось во Францію для приглашенія на престолъ Генриха III, то парижская публика была поражена знаніемъ поляками латинскаго языка и ихъ латинскими рѣчами; но одно формальное изученіе мертваго языка и

нѣкоторыхъ наукъ, преподаваемыхъ въ схоластическомъ духѣ, не расширило горизонтъ народнаго ума, не подняло народный духъ, а скорѣе сжало его, опутало и понизило. Иезуитская школа со своимъ альваромъ была для воспитанія польскаго народа тѣмъ, чѣмъ Талмудъ для евреевъ. Воспитанникъ, разставшись со школою, вмѣстѣ съ тѣмъ разставался съ наукою, сохраняя лишь въ памяти латинскія изреченія, стихи и поговорки, которыя цитировались на каждомъ шагѣ и исказали чистоту языка и эстетическое чувство. Но какъ ни опутывала школьная наука народный умъ, она не могла убить окончательно жизненныя силы, и природный умъ успѣлъ находить себѣ болѣе естественную и здоровую пищу въ родникахъ народной жизни не догашенной школою.

Прослѣдимъ за умственною дѣятельностію дѣдушки и по ней составимъ понятіе объ умственномъ горизонтѣ людей этой эпохи.

Библиотека дѣдушки состояла изъ двухъ сочиненій: изъ Ветхаго и Новаго Завѣта на польскомъ языкѣ и изъ полнаго собранія сочиненій Бохановскаго, перваго народнаго польскаго поэта. Дѣдушка всю жизнь читалъ эти два произведенія и почти зналъ ихъ наизусть. Дѣдушка любилъ молиться; онъ молился обыкновенно долго, громко, въ уединеніи, на зарѣ или ночью, и былъ настоящимъ поэтомъ въ своихъ молитвахъ; нельзя было не придти въ умиленіе отъ этого восторга души, отъ этой глубины чувствъ, которыя выражались въ молитвѣ у дѣдушки; но чуть бывало онъ замѣтитъ, что кто нибудь подслушиваетъ его, немедленно перестанетъ молиться и удаляется въ комнаты. Чтеніе и молитвы питали умъ его, сердце и воображеніе. Это пробужденіе народнаго духа поддерживалось цикломъ народныхъ вѣрованій, преданій, сказокъ и легендъ религіознаго и историческаго содержанія. Вся умственная атмосфера пропитана была духомъ народныхъ суевѣрій и предрасудковъ, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ ученія католическихъ монаховъ, поддерживающихъ фанатизмъ, суевѣріе и мистицизмъ, частью по невѣжеству, а частью по расчету. Таковъ былъ горизонтъ міровоззрѣнія поляковъ этой эпохи вообще и въ частности героя этого разсказа.

— Какая милость Господня къ намъ, — говорилъ въ одинъ изъ вечеровъ дѣдушка всѣмъ окружающимъ, — что такъ близко отъ насъ храмъ Божій! Ежедневно утромъ, пѣшемъ можно пойти и прослушать обѣдню. Помолиться можно и теперь; но не то теперь, далеко не то въ обители и святомъ храмѣ, что было прежде, когда все находилось въ рукахъ отцовъ иезуитовъ, — все было иначе и все было лучше. Не видать теперь намъ болѣе ни здѣсь — да и нигдѣ этихъ торжественныхъ богослуженій, этихъ процессій и поученій! Видите эти опустѣлыя, полуразрушенныя домики вокругъ костела, здѣсь жили прежде отцы иезуиты; ихъ было немного, — человекъ восемь; въ одномъ изъ этихъ домиковъ жилъ всендѣзъ Облачимскій; былъ онъ моимъ профессоромъ риторики въ школѣ. Окончилъ я школу и на тридца-

томъ году жизни наслѣдовалъ послѣ смерти отца эту усадьбу; женился, жилъ мирно, счастливо, занимался хозяйствомъ; такъ прошло пять или шесть лѣтъ, какъ вдругъ слышу, что назначается настоятелемъ въ нашу обитель ксендзъ Облачимскій. Радость моя была велика! Облачимскій посѣтилъ домикъ мой, благословилъ его и съ тѣхъ поръ видѣлись мы съ нимъ ежедневно. Во-истинну говорю вамъ, что Облачимскій былъ святой и ученѣйшій человекъ; но кромѣ того онъ имѣлъ даръ свыше—даръ исцѣлять одержимыхъ нечистою силою, изгонять ее изъ человека. Со всѣхъ концовъ Литвы свозили къ нему одержимыхъ нечистою силою и всѣ получали исцѣление,—сколько разъ я самъ былъ этому свидѣтелемъ!

Всѣ стѣснились вокругъ дѣдушки и просили его разсказать, какъ ксендзъ изгонялъ изъ человека чорта! Дѣдушка радъ былъ случаю побесѣдовать и при глубокой тишинѣ, прерываемой только трескомъ и шумомъ пылающаго камина, приступилъ къ разсказу.

— Часто, упаси насъ Господи,—тутъ дѣдушка и всѣ присутствующіе перекрестились,—нечистая сила вселяется въ бабу, а иногда и въ мужчину, — но рѣже, и овладѣваетъ ихъ тѣломъ и душою. Съ этой минуты—это уже болѣе не бабу, а чортъ въ видѣ бабы—творитъ непостижимыя дѣла: кричить, стонеть, пляшетъ, богохульствуетъ, говоритъ на разныхъ языкахъ: по-латыни, по-нѣмецки и на такомъ языкѣ, котораго никто не понимаетъ. Одержимый нечистою силою ненавидитъ людей, а паче всего духовныхъ. Бывало какъ только Облачимскій отслужить обѣдню, покажется въ эпитрахили съ крестомъ, кропильномъ и святою водою, чортъ сейчасъ угадывалъ въ чемъ дѣло и осыпалъ пастыря бранью: „ахъ ты сякой-такой погъ, что тебѣ отъ меня нужно“? Тутъ обыкновенно начиналась брань, богохульство, нечистый бросался на ксендза, грозилъ, плевалъ—все напрасно. Облачимскій былъ твердъ, серьезенъ, непоколебимъ. Прежде всего, окропивъ порядочно бабу святою водою, прикрывалъ ее эпитрахилью, клалъ крестъ на голову, связывалъ руки ораремъ, а самъ между тѣмъ читалъ, да читалъ молитвы наизусть—а какія то были молитвы, какія слова?—это извѣстно одному ксендзу Облачимскому! Благодать Господня, непостижимая сила заключалась въ нихъ! Каждое слово жгло чорта,—даже стихъ *Виргилія*, какъ мнѣ удалось подслушать, прожигалъ чорта до костей.

Чортъ, видя, что дѣло плохо, что угрозами и бранью ничего не возьмешь, принимался убаживать пастыря и соблазнять его:

— Отче, отче! восклицалъ дьяволъ, не терзай, не мучь меня бѣднаго, я уважу тебѣ мѣста, гдѣ зарыты громадныя сокровища; я разскажу тебѣ, что дѣлается на томъ свѣтѣ, что будетъ съ тобою послѣ смерти; я выучу тебя, какъ счесть звѣзды, какъ вылѣчить болѣзнь и какъ можно сдѣлаться папою?

— Ничего, ничего мнѣ не нужно, отвѣчалъ Облачимскій: изуди, нечистая сила!—и продолжалъ кропить водою, читать молитвы и творить заклинанія.

— Ну, постой, хоть на минуту остановись, кричалъ чортъ: сейчасъ выйду, — ну куда же мнѣ дѣться, позволь, достопочтеннѣйшій отче, переселиться въ жирнаго борова, который недалеко отъ насъ.

Мы всё смотримъ кругомъ, никакого борова нѣтъ, а идетъ по монастырскому двору нашъ толстякъ органистъ сильно выпившій. Облачимскій понялъ лукавство дьявола.

— Нѣтъ! сказалъ ксендзъ,—иди въ мѣста, куда ты свергнуть въ началѣ міра десницею Всевышняго!

— Въ адъ? спросилъ дьяволь, сидя упорно въ бабѣ.—Ни за что не пойду въ адъ! А вотъ что, позволь мнѣ помѣститься въ гнилой колодезь, которая лежитъ на пути изъ мѣстечка?

— О, искуситель, сказалъ Облачимскій: въ мѣстечкѣ ярмарка; кто нибудь изъ подгулявшихъ, возвращаясь домой, заснулъ подъ колодою и ты туда мѣтишь, лукавый! и पुще прежняго принялся кропить святою водою и творить молитву, такъ что крупный потъ выступилъ на лицѣ почтеннаго патера.

— Отгадалъ, отгадалъ, проклятый попъ! закричалъ дьяволь. Хорошо, уйду, но чрезъ годъ.

Ксендзъ молчалъ и продолжалъ святое дѣло.

— Ухожу! сказалъ протязно дьяволь, — дѣйствительно баба лежала безъ движенія.

Ксендзъ Облачимскій зналъ всё лукавства нечистой силы; онъ сейчасъ догадался, что чортъ притаился, въ надеждѣ, что его оставить въ покоѣ, повѣривъ словамъ его. Ксендзъ внимательно смотрѣлъ на бабу; она лежала какъ мертвая, только лѣвый глазъ изрѣдка подергивало. Ксендзъ произнесъ какое-то слово, сильно брызнулъ въ глазъ святою водою, чортъ взвизгнулъ.

— Ну хорошо, ладно, будетъ по твоему—ухожу, но только позволь мнѣ выйдти чрезъ глазъ или пальцы?

— Конечно, продолжалъ дѣдушка, будь кто другой, а не Облачимскій, непременно бы согласился на эти условія: баба избавилась бы отъ чорта, но осталась бы безъ глазъ или пальцевъ; на всё эти лукавства пастиръ вознесъ глаза къ небу, помолился и произнесъ громко:

— Ego te exorcise, spiritus immunde! т. е. „Я тебя проклиная, нечистый!“ Чортъ пуще всего боится латыни, хотя самъ знаетъ ее отлично.—Чуть произнесъ эти слова ксендзъ Облачимскій, чортъ вышелъ для насъ незамѣтнымъ образомъ, но предъ нами поднялся сильный вихрь, взвился вверхъ высокой песчаный столбъ и съ визгомъ понесся вдаль; у ногъ Облачимскаго лежала баба безъ всякихъ чувствъ, мы всё стали на колѣна и прочитали молитву, — баба привстала и пошла домой.

— Разъ, продолжалъ дѣдушка, изъ весьма далекихъ мѣстъ привели къ Облачимскому одержимаго нечистою силою. Утверждали, что это былъ человекъ знаменитаго шляхетскаго рода, побывавшій на поклоненіи въ Римѣ и Іерусалимѣ и что въ немъ поселился самъ Лю-

циферъ—простой чортъ не могъ проникнуть въ столь благочестиваго челоуѣка. Ксендзь Облачимскій тщательнѣ чѣмъ когда нибудь подготавлился къ предстоящей борьбѣ съ нечистою силою—молитвою, постомъ, чтеніемъ житій св. угодниковъ; кромѣ того онъ по цѣлымъ ночамъ читалъ какую-то таинственную книгу. Всѣхъ насъ, присутствующихъ, Облачимскій заставилъ стать на колѣна и творить молитвы; органиста, какъ пьяницу, удалилъ совсѣмъ отъ церемоніи. Борьба была упорная и продолжительная, наконецъ Облачимскій, хотя съ большимъ трудомъ, но преодолѣлъ чорта,—но тутъ дѣдушка вздохнулъ и продолжалъ говорить съ грустью: чортъ, выходя изъ челоуѣка, сказалъ Облачимскому:

— Изгоняешь меня! Ухожу, но помни іезуитъ, скоро и очень скоро изгонять тебя и всю братію твою изъ монастырей, лишать васъ богатства, снимутъ съ васъ рясы и облаченія, разсѣять васъ по лицу земли и возненавидятъ васъ. Іезуитъ! вспомнишь ты слова мои!

— Провались въ преисподнюю, а съ тобою вмѣстѣ и всѣ лживыя твои предсказанія, сказалъ Облачимскій, — а мы всѣ прибавили: аминь.

— Прошло послѣ этого, продолжалъ дѣдушка, два года. Въ одно раннее утро, когда мы совершали утреннюю молитву, неожиданно входитъ ксендзь Облачимскій. Появленіе его въ столь раннее время встревожило меня; я прекратилъ было молитву, но ксендзь заставилъ продолжать ее и самъ съ нами помолился. Послѣ молитвы мы остались вдвоемъ, и ксендзь Облачимскій сказалъ:

— А помнишь, что мнѣ предсказывалъ чортъ?

— Помню, отче! отвѣчалъ я.

— Предсказанія нечистаго сбылись: нѣтъ болѣе святаго ордена. Папа Климентъ XIV уничтожилъ братство Іисуса. Завтра торжественно послѣ обѣдни будетъ прочитана булла св. отца: нашъ монастырь поступаетъ въ веденіе блага духовенства, — а мы, какъ предсказалъ чортъ, „будемъ разсѣяны и возненавидятъ насъ“. Прихожу къ тебѣ съ просьбою: приюти меня старика, дай уголь и кусокъ хлѣба, не въ силахъ я шататься по міру, хочу здѣсь сложить свои кости.

— Съ тѣхъ поръ поселился у меня бывший мой учитель, другъ и отецъ духовный. Онъ умеръ на моихъ рукахъ. Вотъ этотъ песчаный холмъ, покрытый соснами, былъ избранъ и обращенъ въ кладбище покойнымъ Облачимскимъ. Онъ самъ освятилъ мѣстность и указалъ гдѣ похоронить его. Воля его исполнена... Тутъ же скороните и мои кости, вблизи могилъ дорогихъ мнѣ лицъ. Дѣдушка прослезился и умолялъ; пѣтухъ возвѣстилъ полночь, всѣ перекрестились и разошлись по своимъ мѣстамъ.

Въ домѣ дѣдушки сначала гостилъ часто, а потомъ сдѣлался постояннымъ его сожителемъ нѣкто Яковъ Пуцятю. Онъ принадлежалъ къ разряду лицъ, извѣстныхъ въ Литвѣ подъ именемъ резидентовъ.

Они жили въ домѣ безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, пользуясь хозяйскимъ угломъ и хлѣбомъ. Подобнаго рода людей могъ выработать только общественный строй Рѣчи-Посполитой и славянское гостеприимство.

„Гость въ домъ—Богъ въ домъ“, говаривалъ обыкновенно дѣдушка и всѣ его сверстники, жившіе въ это старое доброе время. Дѣйствительно, гостеприимство было догматомъ жизни, священною обязанностію каждаго домохозяина. Лучшій кусокъ изъ запасовъ въ кладовой, лучшая бутылка въ погребѣ, приберегались для гостя—не изъ тщеславія только, а по внутреннему убѣжденію, перешедшему въ поговорку: „Гость въ домъ—Богъ въ домъ!“

Человѣческая природа такъ уже создана, что ни одно свѣтлое явленіе въ ней не обойдется безъ пятенъ. Какъ въ ульѣ, среди пчелъ, заводятся трутни, такъ въ литовскомъ домѣ явились тунеядцы, которые подобно саранчѣ, расплозились по всей Литвѣ. Старый или хорошо потоптанный холостякъ, бездѣтный вдовецъ при скудныхъ средствахъ для жизни или вовсе безъ оныхъ, но при нѣкоторыхъ умственныхъ дарованіяхъ, при сильномъ желаніи хорошо, но безъ труда пожить,—пускался въ резиденты.

Каждый изъ этихъ резидентовъ имѣлъ своего рода специальность, въ которой иногда достигалъ извѣстнаго рода совершенства, а буде силъ на это не хватало, то, не задумываясь долго, прибѣгалъ къ плутовству и шарлатанству.

Не смотря на специальность каждаго изъ резидентовъ, всѣ они имѣли общія черты, въ силу которыхъ составляли какое-то братство, какой-то особаго рода цѣхъ.

Каждый изъ нихъ кое-какъ умѣлъ сыграть на скрипкѣ, пропѣть подъ аккомпаниментъ гитары сантиментальный романсъ, разгульную или скандальнаго свойства пѣсню; всѣ они любили шататься изъ дома въ домъ пока служили собственныя или подаренной лошади ноги; всѣ одинаково чувствовали отвращеніе къ труду и усидчивымъ занятіямъ, всѣ любили на чужой счетъ поѣсть, а по преимуществу выпить.

Резидентъ съ перваго же шага старался стать въ домѣ на фамиліарную ногу, втереться въ дружбу и сдѣлаться въ домѣ не гостемъ, а своимъ челоуѣкомъ. Жизнь въ то время въ Литвѣ была однообразная и скучная: города были рѣдки, усадьбы разсыяны, пути сообщенія затруднительны, а въ иное время, какъ напр. весною, вовсе невозможны.

Помѣщики были въ полномъ смыслѣ слова домосѣды, только крайность заставляла ихъ оставить домъ, чтобы посѣтить городъ или пріятеля и знакомаго. Выѣздъ изъ дома составлялъ въ этой мирной и однообразной жизни особеннаго рода происшествіе, къ которому готовились и собирались цѣлые дни и недѣли.

Газеты не получались, и потому никто ничего не зналъ, что дѣлается въ Вильнѣ, Варшавѣ и за-границею. Развлеченія, которыя могла

создать самая изобрѣтательная фантазія изъ домашнихъ средствъ, не удовлетворяли членовъ семьи, особенно женской ея половины. При такихъ условіяхъ жизни появленіе въ домѣ чужаго человѣка, съ запахомъ разнаго рода новостей, было столь же радостное явленіе какъ находка для нищаго.

Хозяинъ дома съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ рассказы о политическихъ партіяхъ, освѣдомлялся о ходѣ хозяйства у извѣстныхъ своею опытностію въ этомъ дѣлѣ землевладѣльцевъ, по очереди доходило дѣло и до политики; резидентъ не затруднялся въ отвѣтахъ, высипалъ новость за новостью, какъ горохъ изъ кармана, перечислялъ событіе за событіемъ, переплетая ложь съ истиною и разнообразными анекдотами и остротами. Всѣ слушали рассказы пришельца съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ дворъ Дидоны повѣсти Энея о разрушеніи Трои.

Хозяинъ дома резидентъ торопился сообщить новости болѣе пикантнаго свойства и, похваливъ красоту любимой дочери, непременно прибавлялъ, что для такой красавицы есть у него и женихъ на примѣтѣ. Заручившись всеобщимъ расположеніемъ, гость помѣщался въ домѣ безъ всякой церемоніи, критически относился къ кушаньямъ и напиткамъ и на столѣ являлось все, что было лучшаго въ домѣ; а между тѣмъ резидентъ разживался старою бекешою хозяина, подчасъ талеромъ и лошадкою, а у хозяйки штуюю ткацкаго полотна и товаромъ на сапоги.

Резиденты по своей профессіи раздѣлялись на рыболововъ, охотниковъ, а третью группу составляли лица, которыхъ занятія не выходили изъ предѣловъ дома.

Резидентъ третьей группы зналъ всѣ семейные праздники и къ каждому спѣшилъ устроить сюрпризъ или поднести стихи собственнаго произведенія. Онъ умѣлъ посодѣйствовать хозяину въ продажѣ мѣстныхъ произведеній, принять дѣятельное участіе въ покушкѣ товаровъ у явившагося въ домъ купца, промѣнять лошадь, заглянуть въ конюшню и скотный дворъ, сосплетничать на прислугу, заговорить боль зубовъ и сыграть роль ветеринара; во всѣхъ этихъ операціяхъ резидентъ имѣлъ въ виду отчасти интересъ хозяина, а болѣе всего собственныя выгоды и нельзя было вполнѣ положиться на его клятвы, которыя давались щедро. Нѣкоторые изъ резидентовъ принимали на себя роль садовниковъ и педагоговъ, но нельзя было рассчитывать ни на продолжительность, ни на основательность ихъ занятій,—все дѣлалось какъ бы мимоходомъ, спустя рукава.

Каждый литовець въ душѣ охотникъ, къ чему располагаетъ его самая природа страны; конечно найдутся въ Литвѣ лица, которыя вовсе не занимаются охотою, но я не вѣрю, чтобы истинный сынъ Литвы не любилъ охоты; у нѣкоторыхъ она переходила въ страсть, а у людей богатыхъ охота принимала громадныя размѣры и поэтическій характеръ; не даромъ Карлъ де Нассау, гонявшійся за львами и

тиграми въ Азіи и Африкѣ, плѣнялся охотою въ лѣсахъ литовскихъ. Охота въ Литвѣ, можно сказать, обращалась въ науку и искусство¹⁾, поэтому-то специалистъ дѣла являлся для любителей охоты дорогимъ гостемъ; таковымъ былъ резидентъ по ремеслу охотникъ. Никто лучше его не могъ открыть логовище звѣря, указать на мѣсто, гдѣ протянуть цѣпь, гдѣ разставить охотниковъ, когда и съ какой стороны запустить собакъ, словомъ, воодушевить охоту и дать ей правильный и рациональный ходъ и направленіе.

Послѣ охоты, когда въ лѣсу запылають костры, закипятъ котлы, снесутся закуски, и охотники, усѣвшись вокругъ костровъ, при круговой чашѣ, заведутъ рѣчь объ охотѣ и разныхъ случаяхъ, удачахъ и неудачахъ—тогда-то резидентъ-охотникъ дѣлается душою общества. „Вреть какъ охотникъ“, говоритъ пословица. Если охота содѣйствуетъ развитію фантазіи вообще, которая въ свою очередь создаетъ артистовъ лжи, то резидентъ-охотникъ являлся поэтому лжи въ области охотничьихъ предпріятій и приключеній. Дѣйствительно, онъ умѣлъ увлечь и воодушевить своими разсказами все общество.

Обласканный и щедро одаренный, резидентъ-охотникъ оставлялъ домъ; его манили новые лѣса, новые люди, новыя приключенія; но вслѣдъ за его отбѣздомъ оказывалось, что изъ псарни исчезла лучшая собака, и только спустя нѣкоторое время доходили слухи, что пропавшій песъ гонялъ звѣря въ отдаленныхъ углахъ Литвы. Нерѣдко молодой, неопытный магнатъ, заплатившій за ружье большія деньги, промѣнивалъ его резиденту на воскваленную имъ винтовку, которая, не смотря на всѣ его увѣренія и клятвы, оказывалась никуда негодною. Послѣ этихъ проказъ резидентъ обыкновенно долго не являлся, но всѣ по немъ скучали и при появленіи его все предавалось забвенію, всѣ радовались его пріѣзду.

Резидентъ-рыболовъ по самому уже ремеслу своему былъ честиѣе своихъ коллеговъ; хотя и онъ не стѣснялся очистить чужія мережи, признаться съѣтъ, общая богатый уловъ, который раздѣлать съ владѣльцемъ сѣти пополамъ, но въ результатѣ выходило, что владѣльцу не доставалось ни одной рыбки, а сѣтъ или пропадала, или возвращалась порванною. Къ числу такихъ резидентовъ принадлежалъ панъ Яковъ Пуцато.

Пока панъ Яковъ былъ помоложе и покрѣпче здоровьемъ, онъ, подобно своимъ собратамъ, шатался изъ дома въ домъ, но почему то зиму всегда проводилъ у дѣдушки. Доживши до шестидесяти лѣтъ, панъ Яковъ подарилъ свою лошадку монаху, собирающему милостыню на монастырь, и поселился у дѣдушки. Онъ не отказывался помочь

¹⁾ Охотника въ Литвѣ называютъ «мысливымъ», отъ слова мыслить, думать. Слѣдовательно въ понятіяхъ литовскаго народа мысливый былъ не только любителемъ развлеченій въ лѣсахъ за звѣрями, не только промышленникомъ въ цѣляхъ наживы, но онъ обращалъ свои занятія въ систему, слѣдовательно въ своего рода науку и искусство.

кое-чѣмъ въ хозяйствѣ, если работа была срочная и необременительная, аккуратно являлся къ молитвѣ, къ обѣду и на вечернія бесѣды, составлялъ партію при игрѣ въ карты, но проигравшій уплачивалъ не деньгами, а рыбою, и хотя отецъ Павелъ считалъ пана Якова должникомъ по игрѣ въ карты, но играть съ нимъ не отказывался, словомъ резидентъ сдѣлался членомъ семьи и необходимымъ членомъ въ домѣ. Много сходило съ рукъ пану Якову; дѣдушка равнодушно относился, когда панъ Яковъ не только отказывался исполнить возложенное на него порученіе, но еще принимался ворчать на дѣдушку за дѣлаемые ему притѣсненія, какъ гостю, или когда панъ Яковъ возвращался изъ мѣстечка, сильно выпивши и выписывая мысленно по двору, пѣлъ громко, прицеливая пальцами:

Самъ себѣ панъ,
Самъ себѣ господинъ,
Все мнѣ ни дочемъ,
Бромъ, бромъ—ура! нашъ стражникъ!

Жизнь дѣдушки шла какъ заведенная машина, текла какъ ручей по разъ проложенному руслу. Время уносило силы, организмъ постепенно истощался, но дѣдушка не чувствовалъ ни болѣзней, ни страданій: смерть приближалась путемъ естественнымъ и подталкивала въ могилу такъ незамѣтно, какъ усталость приближаетъ чело-вѣка къ постели, чтобы онъ склонилъ голову къ подушкѣ и уснулъ спокойно. Такое мирное шествіе къ предѣлу жизни не волнуетъ и не тревожитъ чело-вѣка; могила является цѣлью послѣднихъ стремленій, смерть не роковымъ ударомъ, а естественнымъ переходомъ изъ жизни временной въ жизнь вѣчную. Съ такими чувствами и мыслями шелъ къ могилѣ дѣдушка, сводя счеты съ грѣхами прошедшей жизни и съ глубокою вѣрою въ милосердіе Божіе—въ будущей. Дѣдушкѣ исполнилось восемьдесятъ шесть лѣтъ.

Приближался одинъ изъ годовыхъ праздниковъ, къ которому собирались всѣ родные и близкіе знакомые; это былъ обычай, обратившійся уже въ правило, но не смотря на это, дѣдушка на этотъ разъ безпокоился и даже прибѣгалъ къ гаданію пальцами и хотя по гаданію и выходило, что внукъ пріѣдетъ, дѣдушка рѣшилъ:

— Лучше пошлю, можетъ быть это будетъ послѣднее мое съ нимъ свиданіе,—и послалъ нарочнаго за внукомъ.

Дня за два до праздника дѣдушку окружали уже внуки и ожидаемые гости. Вечеромъ всѣ сидѣли подъ липою и бесѣдовали. Жизнь дѣдушки такъ тѣсно была связана съ обрядами и постановленіями церкви, что онъ всѣ важнѣйшіе случаи въ своей жизни обозначалъ не годами и мѣсяцами, а важнѣйшими церковными праздниками.

— Покойный отецъ, говорилъ дѣдушка, умеръ въ глубокой старости въ день Успенія Богородицы, вѣроятно Богъ взялъ его душу въ этотъ день потому, что онъ съ дѣтства ежедневно читалъ аба-

оистъ Божіей Матери. Дня смерти моей матери не помню: она умерла, когда я былъ еще въ колыбели. Въ Духовъ день, какъ сегодня помню, въ первый разъ я встрѣтилъ въ домѣ введоды Смоленскаго его племянницу и почувствовалъ къ ней влеченіе; дѣло, начавшееся въ столь великій праздникъ, пошло такъ удачно, что въ день святаго Крещенія мы уже были обвѣнчаны; въ день Благовѣщенія родилась у насъ дочь, почему наречена была Марією.

Тутъ дѣдушка остановился, въ умѣ его мелькнули самыя грустныя минуты жизни: смерть первой жены; неудачная женитьба на другой, смерть ея и смерть любимой дочери. Дѣдушка прервалъ нить разсказа и послѣ минутнаго молчанія прибавилъ:

— Скоро въ списокъ умершихъ внесете и мое имя, молю Всевышняго, чтобы смерть постигла...

Въ эту минуту въ монастырѣ, какъ наканунѣ праздника, заблаговѣстили во всѣ колокола къ вечернѣ. Дѣдушка приподнялъ руку, чтобы перекреститься—и остановился; прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи; затѣмъ дѣдушка освѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ, вздохнулъ и сказалъ спокойно:

— Завтра я оставляю васъ, завтра умру.

Всѣ молчали и не могли придумать, что сказать, что дѣлать,—но въ это время приблизился панъ Яковъ, держа въ рукахъ трепещущую щуку, и прервалъ эту грустную сцену:

— Вотъ вамъ къ завтрашнему дню, говорилъ резидентъ, поднимая вверхъ огромную рыбу.

— Не къ завтраму, сказалъ дѣдушка,—завтра четвергъ.

— Ахъ, да! впрочемъ все равно, къ пятницѣ словимъ другую, а эту съѣдимъ завтра за ваше здоровье.

— Прибавьте, замѣтилъ дѣдушка, если будемъ живы. Что касается до меня, то дни моей жизни сочтены—въ пятницу я уже не буду съ вами.

— Фантазіи, фантазіи! сказалъ панъ Яковъ.—Вы слава Богу здоровы! Завтра съѣдите щуку, а къ пятницѣ принесу карасиковъ.

— Что будетъ—увидитъ, кто останется живъ. Теперь скажу вамъ, панъ Пуцятю, что прожили мы съ вами неразлучно болѣе десяти лѣтъ, въ моемъ завѣщаніи вы не забыты, будете имѣть до конца жизни уголь и кусокъ хлѣба, а теперь исполните мою послѣднюю просьбу: сходите къ отцу Павлу и попросите его, чтобы пожаловалъ завтра меня исповѣдывать и причастить на дому, въ церковь идти я буду не въ силахъ; а теперь проводите меня въ амбаръ.

Вшедши въ амбаръ, дѣдушка попросилъ пана Якова отправиться наверхъ и, отыскавъ тамъ гробъ, высыпать изъ него хлѣбъ и спустить внизъ. По обычаю того времени хозяинъ дома заблаговременно приготавливалъ себѣ гробъ, наполнялъ его хлѣбомъ и ставилъ въ уединенное мѣсто; никто не долженъ былъ въ него заглядывать, или тро-

гать, вѣруя, что гробъ съ хлѣбомъ содѣйствуетъ урожаю и что ко дню смерти хозяина хлѣбъ самъ собою вытечетъ изъ гроба.

Панъ Яковъ отыскалъ гробъ, открылъ крышку и увидя, что въ немъ нѣтъ хлѣба, всплеснулъ руками и невольно вскрикнулъ: „Увы!“ но тутъ спохватился и прибавилъ:

— Все это фантазіи!

— Не фантазіи, отвѣчала дѣдушка, зерно за зерномъ высыпалось изъ гроба, и жизнь моя изсыкала съ каждымъ днемъ и минутою; зерно все ушло изъ гроба, чтобы очистить въ немъ мѣсто для своего жильца.

Солнце склонилось къ заката, дѣдушка сидѣлъ на крыльцѣ. Вдали, изъ-за лѣса блестялъ куполь костела Буцлавскаго монастыря ¹⁾.

— Никогда не рассказывалъ я вамъ, спросилъ дѣдушка окружавшихъ его, исторію основанія этого монастыря?—это будетъ послѣдній мой рассказъ. Было это давно, когда еще великимъ княземъ литовскимъ былъ Александръ Ягеллоновичъ. Былъ онъ человѣкъ благочестивый и набожный. Монахи Виленскаго Бернардинскаго монастыря просили князя отвести имъ лѣса для топлива и другихъ монастырскихъ нуждъ, въ мѣстностяхъ, о границахъ которыхъ не могло бы быть никакого спора, такъ какъ изъ-за границъ въ то время, какъ и теперь, постоянно возникали тяжбы и споры; благочестивый князь обѣщалъ подумать и спустя нѣсколько времени отвелъ для монастыря лѣсу приблизительно десятины двѣсти. Это былъ островъ, образовавшійся отъ слиянія трехъ рѣчекъ: Сервега, Трекана и Зуи, въ разстояніи отъ Вильно миль на двадцать. Разстояніе отъ монастыря далекое, но отцы бернардины не унывали; такъ какъ Сервегъ впадаетъ въ Вилію, то весною при разлитіи рѣкъ, лѣсъ заготовленный зимою сплавался въ Вильно и его доставало не только на отопленіе монастыря, но излишекъ продавался для покрытія другихъ нуждъ. Естественно, что для вырубki лѣса зимою и для сплава весною требовался надзоръ и уходъ; съ этою цѣлью отправленъ былъ одинъ монахъ и нѣсколько братчиковъ; въ лѣсу построена была часовня и нѣсколько досчатыхъ будокъ для жилья.

Одинъ изъ братчиковъ, обходя лѣсъ зимою, запоздалъ и заблудился. Ночь была темная, поднялась мятель и вьюга; братчикъ шель куда глаза глядятъ, выбился изъ силъ, весь промерзъ, кругомъ слышенъ вой рыскающихъ волковъ,—смерть была неизбѣжна. Братчикъ помолился и, положившись на волю Божію, побрелъ впередъ; вдругъ онъ видитъ въ лѣсу сіяніе, усилить шагъ, шель долго или коротко, не знаю, только видитъ передъ глазами часовню, а надъ нею въ сіяніи образъ Божіей Матери, точь въ точь, какъ одинъ изъ образовъ въ Виленскомъ Бернардинскомъ костелѣ. Братчикъ сообщилъ о видѣніи монаху; видѣніе повторилось нѣсколько разъ; тогда донесли настоя-

¹⁾ Буцлавъ, мѣстечко Минской губерніи, Вилейскаго уѣзда.

телу монастыря, который, убѣдившись въ дѣйствительности явленія, рѣшился перенести образъ изъ монастыря въ часовню.

Слухъ о чудесномъ явленіи распространился по всей Литвѣ, народъ устремился туда на богомолье, начались пожертвованія и вклады; глѣсъ былъ вырубленъ и на мѣстѣ, гдѣ стояла часовня, построены каменный, существующій теперь костель, а вмѣсто прежнихъ будокъ возникъ монастырь, а потомъ мѣстечко, которое и называли сначала Будславъ, отъ буды и слова, а потомъ стали называть Буцлавъ.

Дѣдушка хотѣлъ говорить что-то дальше, но тутъ изъ монастыря вернулся панъ Яковъ и прервалъ нить разсказа.

— Завтра прибудетъ отецъ Павелъ, а съ нимъ и викарій Буцлавскаго монастыря, пріѣхавшій къ намъ для принятія участія въ богослуженіи по случаю праздника и для произнесенія проповѣди. Отецъ викарій посылаетъ вамъ поклонъ, но мы съ нимъ разстались не совсѣмъ-то ладно.

— Что же такое случилось? спросилъ дѣдушка.

— Очень просто. Онъ ни съ того, ни съ сего вмѣшался въ нашъ разговоръ съ отцомъ Павломъ: „я, говоритъ, буду сопровождать тѣло покойника и скажу надъ прахомъ скарбника надгробное слово“. А я ему въ отвѣтъ: „убирайтесь съ вашими проводами и проповѣдями, поберегите ваше краснорѣчіе для другаго случая! Если скарбникъ желаетъ исповѣдываться и причаститься, то это еще не значитъ, что онъ умираетъ!“ Но онъ не унялся, пошелъ доказывать, что панъ скарбникъ долженъ быть похороненъ не въ мундирѣ, а въ рясѣ отцовъ бернардиновъ, такъ какъ сопричисленъ номинально къ святому братству. „Фантазія!.. сказалъ я. Скарбникъ отъ отцовъ и прадедовъ шляхтичъ и будетъ похороненъ въ мундирѣ своего воеводства, а не въ поповской рясѣ“. Слово за слово, пощъ кричитъ „въ рясѣ“, я— „въ мундирѣ“; дошло до того, что монахъ разсердился и сказалъ мнѣ: „убирайся, пьяница!“ а я ему въ отвѣтъ: „смѣялся лысый надъ плѣшивымъ!“—затѣмъ хлопнулъ дверьми да и ушелъ!

— Напрасно такъ поступили, сказалъ дѣдушка. Отецъ викарій благочестивый человекъ и все что совѣтовалъ, хорошо совѣтовалъ. Онъ зналъ, что я, какъ христіанинъ, смерти не боюсь; что же касается до похоронъ, то мною сдѣлано распоряженіе, которое найдете въ моемъ духовномъ завѣщаніи.

— Я пошлю за докторомъ, сказалъ панъ Яковъ.

— А зачѣмъ докторъ? Я здоровъ, никакой болѣзни во мнѣ нѣтъ, прищелъ только конецъ жизни, а отъ смерти лѣкарства нѣтъ.

— Нѣтъ, вы не умрете, говорилъ сквозь слезы панъ Яковъ, не умрете! А если умрете, то и я умру; а если не умру, то пойду въ въ Іерусалимъ, чтобъ помолиться за упокой души вашей.

— Зачѣмъ такъ далеко идти, замѣтилъ дѣдушка: помолиться и здѣсь можно—и объ этомъ прошу тебя, другъ мой!

— О, вы будете на небѣ, вы праведникъ; но если на томъ свѣтѣ

душа ваша будетъ нуждаться въ молитвахъ, явитесь ко мнѣ на яву, я не испугаюсь, или во снѣ,—продамъ свой послѣдній кунтушь и отслужу панихиду за упокой души вашей. Увидите, что все это исполню!

— Ну, довольно, довольно, сказалъ дѣдушка: помогите мнѣ дойти до постели, силы ослабѣли, чувствуя ознобъ.

Дѣдушку уложили въ постель.

Вся окрестность, въ которой лежала усадьба дѣдушки, представляла равнину, засѣянную разнаго рода хлѣбомъ, по которой раскинуты группы деревьевъ, какъ бы острова среди хлѣбнаго моря. Среди поля пролегла большая почтовая дорога, усаженная съ двухъ сторонъ тѣнистыми березами. Вправо отъ дороги возвышалась гора, на которой стоялъ каменный костель и нѣсколько деревянныхъ келій. У подошвы горы лежала усадьба дѣдушки. Мѣстность, какъ удаленная отъ городовъ, была неоживленна; изрѣдка по большой дорогѣ протянется бывало длинный обозъ русскихъ возовъ или проскачетъ почтовая тройка.

Всегда тихая и спокойная окрестность въ одинъ изъ іюльскихъ дней представляла весьма разнообразную и оживленную картину.

По всѣмъ дорогамъ, сходящимся къ монастырю, какъ радусы къ центру, шли толпы народа обоого пола и возраста, тянулись телѣги, брички и экипажи,—все это спѣшило къ слушанію обѣдни въ день праздника Тѣла Христова. Католическая церковь празднуетъ этотъ день съ особенною торжественностію, которая между прочимъ состоитъ въ томъ, что крестный ходъ направляется въ близкія мѣстности или дома, при которыхъ благочестивые люди устраиваютъ алтари съ обстановкою, сообразною со средствами и вкусомъ.

День восьмага іюля—праздникъ Тѣла Господня—былъ послѣднимъ днемъ жизни дѣдушки. Ночь провелъ онъ въ забытіи; утромъ шло богослуженіе, по окончаніи котораго раздался звонъ колоколовъ, что означало начало крестнаго хода.

Дѣдушка открылъ глаза и спросилъ, устроенъ ли алтарь вокругъ Распятія? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ попросилъ помочь ему привстать и одѣться. Поддерживаемый подъ руки, онъ вышелъ на встрѣчу процессіи къ алтарю. Все богослуженіе и чтеніе св. Евангелія дѣдушка выслушалъ стоя на колѣняхъ; когда процессія тронулась, онъ протянулъ руки и сдѣлалъ движеніе, какъ-бы желая слѣдовать за процессіею, но силы измѣнили ему, и онъ упалъ на землю; затѣмъ былъ посаженъ на кресло и отнесенъ домой.

Духовенство, окончивъ богослуженіе, пришло въ домъ, чтобы напутствовать больнаго. Обрядъ соборованія окончился. Дѣдушка обвелъ глазами присутствующихъ, подозвалъ къ себѣ внука и пожелалъ видѣть всѣхъ своихъ слугъ и подданныхъ. Комната больнаго мигомъ наполнилась народомъ. Дѣдушка благословилъ всѣхъ и сказалъ внятно:

— Благословляю васъ, дѣтей вашихъ, домики ваши и все достояніе ваше; благодарю за труды ваши и прошу прощенія, если кого либо невольнo обидѣлъ. Завѣщаю наслѣднику моему заботиться о васъ и не обижать, въ чемъ потребую у него отчета въ день Страшнаго суда.

Сказавъ это, дѣдушка положилъ руку на голову колѣнопреклоненнаго внука и молча освѣтилъ его крестомъ. Отецъ Павелъ далъ въ руки умирающему зажженную свѣчу, а викарій громко произнесъ: „Изыде къ Богу душа христіанская“. Отецъ Павелъ приложилъ ухо къ груди дѣдушки и творилъ молитву, пока не прекратилось дыханіе; при послѣднемъ вздохѣ потушилъ свѣчу и произнесъ:

— Вѣчный покой усопшему, подай Господи.

— Аминь,—повторили присутствующіе.

Унылый звонъ колокола возвѣстилъ о смерти дѣдушки.

На его могилѣ до сихъ поръ лежитъ камень, на которомъ съ трудомъ можно еще прочесть слѣдующую надпись:

„Жилъ честно, вѣрилъ, не мудрствуя, умеръ спокойно“.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Исторія Русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Ив. Забѣлина, ч. I. М. 1876 г., ч. 2. М. 1879 г.

МНОГІЕ конечно успѣли уже ознакомиться съ этимъ началомъ труда, задуманнаго въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и съ необыкновенною глубиною. Смѣло можно сказать, что мы не видали еще ничего въ этомъ родѣ. Это дѣйствительно исторія нашей жизни, такъ какъ бытовья явленія, выставляемая авторомъ въ историческомъ ихъ развитіи съ древнѣйшихъ временъ, уже и въ самыя эти древнѣйшія времена представляются у него настоящею *жизнію*. Такъ ярко освѣщать прошедшее можно только при выдающемся дарованіи. Для читателей г. Забѣлина его дарованіе конечно уже не новость, но замѣчательно, что оно до сихъ поръ развивается и крѣпнеть.

Указывали прежде, будутъ конечно указывать и теперь въ этомъ новомъ трудѣ и на нѣкоторые промахи, увлеченія. Но ихъ нѣтъ только тамъ, гдѣ не оказывается зато и ничего живаго. Къ числу увлеченій быть можетъ должно быть отнесено и то, что авторъ (въ этомъ случаѣ вслѣдъ за многими другими) считаетъ нужнымъ погружаться въ бездонную пропасть Варяжскаго вопроса съ цѣлью опровергнуть скандинавизмъ и доказать славянство (Балтійское) нашихъ первыхъ князей и ихъ дружины. Если бы и можно было считать это у него доказаннымъ, то не въ этомъ конечно его заслуга. Заслуга его въ томъ, что, независимо отъ вопроса о происхожденіи варяговъ, въ изложеніи автора и до прихода ихъ къ намъ не оказывается у насъ того *пустого мѣста*, которое представлялось чѣмъ-то безспорнымъ столькими другими изслѣдователями. Призваніе князей признается авторомъ за фактъ, а не за историческій мнѣ. Примыкая къ длинному ряду послѣдователей Ломоносова въ смыслѣ оспариванія Скандинавской теоріи (и въ этомъ едва ли не увлекаясь подобно другимъ), г. Забѣлинъ возстаетъ противъ нашихъ нѣмцевъ XVIII ст. (Байера, Миллера, Шлецера) и въ совершенно особомъ смыслѣ. Проводя свой скандинавизмъ, они, по выраженію нашего автора, „разрисовали Рюрика полнымъ феодаломъ, владѣтелемъ неограниченнымъ, основателемъ Русской монархіи, который, какъ норманнъ, ввелъ даже феодальные порядки, раздавши своимъ мужамъ города и области“. Откуда бы ни былъ Рюрикъ съ его дружиной, но феодализма въ нашей жизни не оказалось, потому что въ преобладающей стихіи славянской вскорѣ распустилась у насъ стихія варяжская (будь она

скандинавская, или же балтійско-славянская, съ тою сильною примѣсью германизма, которая, какъ известно, сказывалась у балтійскихъ славянъ). Заслуга г. Забѣлина, повторяю, не въ стремленіи вслѣдъ за многими другими выставить варяговъ — славянами, а въ оспариваніи пущенной въ ходъ учеными нѣмцами „изумительной идеи о добровольномъ призваніи самовластія, и именно самовластія, а не порядка“. Идея эта, по его мнѣнію (не безъ вліянія разумѣется тѣхъ же нѣмцевъ), „принимала большое участіе если не въ развитіи, то въ оправданіи внутреннихъ крѣпостныхъ отношеній государства на всѣхъ путяхъ его дѣйствій“. Вспомнимъ хоть „Записки о Русской исторіи“ въ Екатерининскомъ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“, составленныя по лѣтописямъ, но умышленно вычеркивающія изъ нихъ все то, въ чемъ подчасъ такъ ярко сказывается земская жизнь древней Руси, — и мы выольнѣ оцѣнимъ замѣчаніе г. Забѣлина. „Изображаемое исторіею глупое младенчество народа, продолжаться оное, давало людямъ, почитавшимъ себя возрастными, широкое основаніе и такъ сказать философскую точку опоры поступать съ народомъ, какъ съ младенцемъ, держать его вѣчно въ люлькѣ, то есть въ границахъ безотвѣтнаго владычества надъ нимъ и вѣчно водить его на помочахъ. Въ особенной силѣ это ученіе поддерживалось нѣмецкими феодальными идеями, приходившими просвѣщать и преобразовывать нашу варварскую страну“ (ч. II, стр. 94). Пусть это намотаютъ себѣ на усъ всѣ тѣ, что съ такой, повидимому либерально-просвѣтительной точкой зрѣнія любятъ распространяться о нашемъ варварствѣ, о „пустомъ мѣстѣ“ въ нашей древней, чисто „глуповской“ жизни, не понимая, какииъ темными попятнозвеніямъ невольно подслуживаются они!

Варяги пришли, утверждаетъ г. Забѣлинъ, „какъ ихъ звали—судить и радить по праву и по ряду, т. е. пришли владѣть и княжить не иначе, какъ по договору съ землею, что дѣлать и чего не дѣлать, иначе лѣтописецъ не поставилъ бы здѣсь такихъ словъ, какъ *право* и *рядъ*, всегда въ древнемъ языкѣ означавшихъ правду и порядокъ уговора или договора“. Что призывавшіе варяговъ не были „глуповцами“, какъ выражается сатира, или „варварами“, какъ не перестала еще выражаться историческая наука, это оказывается у г. Забѣлина преимущественно изъ Олегова договора съ греками, бывшаго, по выраженію автора, „только увѣнчаніемъ очень древняго развитія купеческой промышленности по всей странѣ, между Балтійскимъ и Чернымъ морями“. „Каждый древній памятникъ, говоритъ г. Забѣлинъ по поводу этого договора, есть отрывокъ нѣкогда дѣльной жизни. Ограничиваясь критикою словъ и буквъ и не обращая въ то же время вниманія на критику дѣлъ, невозможно читать и объяснять правильно даже самыя слова“. Примѣняя къ нашимъ договорамъ съ греками именно эту критику внутреннюю, г. Забѣлинъ замѣчаетъ въ нихъ между прочимъ предложеніе грекамъ услугъ въ несчастныхъ случаяхъ мореплаванія—безъ малѣйшаго вознагражденія, но напротивъ, съ отвѣтственностію за всякую обиду пловцамъ. „Такия развитыя общественныя и международныя новыя, по мнѣнію автора, могли возродиться только въ землѣ, съ давнихъ вѣковъ промышленявшей не разбоемъ, а торгомъ, и потому искавшей повсюду всякихъ льготъ и охранъ для водворенія дружескихъ, миролюбивыхъ сношеній съ сосѣдями“ (II, 133). Съ другой стороны купеческая Русь по договору оказывается и готовою мстить за малѣйшее оскорбленіе, и вотъ въ этомъ то и заключался „ея страшный разбойничій обликъ, который и до сихъ поръ въставляется какъ бы существеннымъ качествомъ ея древняго политическаго бытія“... „Хартія Олега, доказываетъ далѣе г. Забѣлинъ, раскрываетъ, что Русская земля еще до призванія князей „выработала *городъ*—особое земское общество, которое и съ призваніемъ князей не измѣняетъ своихъ дѣлъ и стремленій и ведетъ самого князя къ тѣмъ же старозавѣтнымъ дѣламъ. По прежнему, хотя и съ новыми силами, Русь является только дружнюю городовъ, гдѣ были старшіе и младшіе, но еще не рождалось и помышленія о государѣ въ смыслѣ норманнскаго феодала, или греческаго самодержца. Съ призваніемъ

князей только съ большею самостоятельностью выдѣляется военное сословіе и дѣйствуетъ какъ передовая, главная общественная сила подъ именемъ князей *дружины*“ (II, 141). Авторъ рѣшительно не признаетъ, чтобы эта же дружина явилась у насъ и основательницей городовъ. „Она строила, говоритъ онъ, крѣпости для защиты опасныхъ мѣстъ, но создать городъ, какъ связь промысловой и торговой жизни, могло только время и самъ народъ. Дружина въ такомъ городѣ и сама явилась какъ пособіе, какъ потребность, для защиты, съ какою крѣпью и была призвана даже изъ-за моря“. Объясняя значеніе города, авторъ касается и когда-то заѣзженнаго у насъ конька—родоваго быта (въ былое время не мало послужившаго, правду сказать, и самому г. Забѣлину). „Городъ, говоритъ онъ, какъ форма народной жизни, не есть родовая форма. Это уже община и притомъ община весьма разнороднаго состава, населенная разными людьми не только отъ разныхъ родовъ, но и отъ разныхъ племенъ, столько же и отъ инородцевъ“. Изъ всего этого авторъ заключаетъ, что „родовой бытъ мы должны удалить на извѣстное или неизвѣстное разстояніе отъ начала нашей исторіи и начинать ее не родовымъ, а городовымъ бытомъ“ (стр. 351). Онъ такимъ образомъ окончательно пришелъ къ тому, что давно утверждалъ К. Аксаковъ и что съ своей стороны развивалось потомъ В. И. Сергѣевичемъ.

Дойдя до крещенія Руси, авторъ, согласно съ общимъ колоритомъ рисуемой имъ бытовой картины, выставляетъ это великое дѣло послѣдствіемъ вовсе не „единоличнаго княжескаго насилія и принужденія“. Какъ призвъ князей, такъ и избраніе вѣры, является у г. Забѣлина вовсе не историческою легендою. Способъ этого избранія, по его мнѣнію, былъ „такимъ же дѣйствіемъ русскаго обычая, какимъ было избраніе варяговъ Руси. „Поищемъ себѣ князя, говорили новгородцы, который бы владѣлъ и судилъ по праву“. „Испытаемъ гораздо, говорили кіевляне, какъ кто служитъ Богу, чтобы рѣшить разъ навсегда въ какую вѣру идти всѣмъ людямъ“ (II, 421). Не предписанная княземъ, а избранная людьми русскими, христіанская вѣра запала въ душу народа самою сущностію своего нравственнаго ученія, найдя къ тому же и подготовленную почву въ понятіяхъ, возникшихъ изъ основъ его собственнаго быта. Встрѣтивъ въ одномъ древне-русскомъ сборникѣ широкое толкованіе притчи о фарисей и мытарѣ, г. Забѣлинъ говоритъ: „Русскій народъ стремился внести смыслъ этой притчи и въ свои общественныя и даже политическія отношенія; этою же мѣрою онъ старался мѣрять всякое дѣяніе своей исторіи, всякій подвигъ своихъ героев, и успѣлъ возсоздать для насъ такой идеалъ для общественнаго дѣла, по которому личность, хотя бы и явный руководитель этого дѣла, почтала большимъ грѣхомъ высунуть себя впередъ на показъ людямъ“ (II, 476—477). Это и есть та черта, которая нѣкоторымъ изслѣдователямъ представлялась, подъ вліяніемъ германскихъ понятій о личности, отсутствіемъ ея въ нашей исторіи. Нашему автору, какъ видно, дѣло представляется въ иномъ совершенно свѣтѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, добросовѣстное изученіе нашей исторической жизни привело его къ полнѣйшему соглашенію съ Аксаковымъ, Хомяковымъ, Самаринымъ...

Варварская Русь, какъ ее называли, успѣла наконецъ обзавестись варягами и, крестившись по ихъ предписанію и получивъ черезъ нихъ отъ грековъ первыя задатки письменности,—вдругъ заявляетъ себя живымъ и многостороннимъ лѣтописаніемъ, отъ котораго приходилъ въ изумленіе, чуть не въ восторгъ, одинъ изъ нашихъ ученыхъ нѣмцевъ — Шлецеръ. При томъ взглядѣ на нашу старину, коего держится г. Забѣлинъ, блестящее развитіе у насъ лѣтописанія объясняется очень просто. Оно связывается опять таки съ выставленною имъ основою нашего быта—городомъ. „Мысль написать „повѣсть временныхъ лѣтъ“, говоритъ онъ, была возбуждена не въ монастырѣ, а въ городѣ, и оттуда получала постоянную поддержку, подкрѣпленіе и всѣ надобные матеріалы. Въ монастырѣ она была исполнена по неизбѣжной причинѣ, потому что тамъ жили люди, ольше и лучше другихъ разумѣвшіе книжное дѣло, люди, ни чѣмъ другимъ не

заняты, которымъ ничто не препятствовало вести непрерывную бесѣду о временахъ и дѣлахъ... Первый русскій монастырь для тогдашняго общества былъ въ своемъ родѣ первымъ университетомъ, живою душою просвѣщенія общественнаго. Такимъ именно значеніемъ пользовался въ XI вѣкѣ монастырь Печерскій. Съ городомъ Кіевомъ онъ жилъ одною душою, служа средоточіемъ для всѣхъ его умственныхъ и нравственныхъ стремленій и спросовъ. Монастырь Печерскій какъ своихъ братьевъ любилъ кіевскихъ горожанъ. Здѣсь сосредоточилось все лучшее передовое общество земли, весь ея умъ и весь опытъ и бывалость ея жизни. Нерѣдко въ кельяхъ монастырскихъ предъ лицомъ братіи разрѣшались междукаяжескія важныя дѣла, развязывались спутанные и запутанные узлы ихъ отношеній. Исторія стало быть живьемъ проходила по самымъ монастырскимъ кельямъ... Какъ естественно было здѣсь же ей и народиться въ образѣ первичной литературной обработки прежнихъ хронологическихъ книжныхъ замѣтокъ и теперешнихъ устныхъ разсказовъ“ (ч. I, 487—498). Связью между *монастыремъ* и *городомъ* и объясняются тотъ *земскій характеръ* нашей лѣтописи, котораго не усматривали въ ней только люди, или прямо хотѣвшіе его скрыть, или неумѣвшіе замѣтить его сквозь сгущенный слой всевозможныхъ житейскихъ и ученыхъ предубѣждений.

Вѣрность взгляда на нашу лѣтопись г. Забѣлина становится еще болѣе очевидною при сопоставленіи ея съ безжизненными, чисто риторическими лѣтописями сербскими, писавшимися въ монастыряхъ, которые ютились у Аеоиской горы, т. е. вдали отъ центра народной дѣятельности, и лишены были чрезъ то общенія съ живою струею текущей жизни. Наша же древняя обитель, хотя и пещерная, но основанная подъ самымъ столярнымъ городомъ древней Руси, вполне сохраняла связь съ родною землею, и это отразилось въ земскомъ характерѣ нашей лѣтописи.

Пожелаемъ автору, пока доведшему трудъ свой только до введенія у насъ христіанства, довести его до конца съ тѣмъ же самымъ отношеніемъ къ *русской жизни*, т. е. при томъ же стремленіи уловить ея настоящій образъ. Тогда всецѣло обозначится передъ нами и собственный образъ автора—этотъ выдающійся образъ даровитаго, умнаго и хорошаго русскаго человѣка.

Ор. Миллеръ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томы I и II. 1878—79 гг.

Въ двухъ первыхъ томахъ роскошнаго изданія сочиненій покойнаго князя П. А. Вяземскаго собраны въ хронологическомъ порядкѣ литературныя, критическія и біографическія статьи, писанныя въ продолженіе слишкомъ сорока лѣтъ, съ 1810 до 1851 года включительно. Чтеніе этихъ статей представляетъ несомнѣнный интересъ для тѣхъ, кто жаждетъ уяснить себѣ ходъ Русской литературы въ настоящемъ столѣтіи. Это не значитъ, чтобы идеи и взгляды князя Вяземскаго могли вполнѣ удовлетворить кого-нибудь въ наше время, чтобы его отзывы и замѣчанія о литературныхъ и общественныхъ явленіяхъ пережитой имъ эпохи отличались безусловной вѣрностью и могли вызвать сочувствіе въ нашемъ поколѣніи. Прозанческія статьи маститаго поэта любопытны и важны въ другомъ отношеніи. При чтеніи ихъ мы переживаемъ цѣлый періодъ русской литературной и общественной дѣятельности и видимъ, какъ различныя явленія ея отражались на этомъ замѣчательномъ человѣкѣ, столько же твердомъ въ своихъ убѣжденіяхъ, сколько и чуткомъ ко всему живому.

Любопытно слѣдить за писателемъ, который по своему уму и характеру легко поддается вліянію времени, измѣняетъ свои взгляды подъ напывомъ

новыхъ идей и впечатлѣній. Но еще любопытнѣе полувѣковая литературная дѣятельность даровитаго человѣка съ твердыми убѣжденіями, не скоро поддающагося вліянію авторитетовъ, неспособнаго ни притворяться, ни принять на вѣру чужаго мнѣнія, всегда искренняго въ своихъ взглядахъ, хотя бы они шли въ разрѣзъ съ господствующими понятіями, и не боящагося упрековъ съ одной стороны въ либерализмъ, съ другой въ отсталости. Вотъ въ этомъ-то отношеніи мы находимъ важнымъ полное собраніе прозаическихъ произведеній князя П. А. Вяземскаго. При чтеніи его сочиненій вы ясно видите, какъ этотъ умный и высокообразованный человѣкъ умѣлъ сохранить до послѣдняго времени много взглядовъ и понятій, приобретенныхъ въ ранней молодости, не смотря на противорѣчіе ихъ съ настроеніемъ позднѣйшаго общества, и какъ съ такою же искренностью отказался онъ отъ идей и убѣжденій, которыя долго были ему дороги, но не могли сродниться съ поступательнымъ ходомъ мысли и науки. Его умъ и поэтическая чувствость не позволяли ему ни отказаться отъ того, что порипалось только подъ вліяніемъ какаго-нибудь моднаго взгляда, ни принять на вѣру новаго кумира, которому временно поклонялось общество.

Съ самыхъ первыхъ статей князя П. А. Вяземскаго мы встрѣчаемъ у него высокое мнѣніе о литературномъ значеніи и заслугахъ Озерова, Ватюшкова, Жуковскаго, и онъ не измѣнилъ своего взгляда до позднѣйшаго времени, когда эти поэты замѣнены были новыми авторитетами и скрывались за ними въ глазахъ большинства нашего общества. И это происходило не отъ личнаго расположенія къ нимъ, не отъ свойственной старикамъ привязанности къ тому, что увлекало ихъ въ молодости, но отъ той прѣкрасной натуры князя Вяземскаго, которая не позволяла однажды сознанный правдѣ заглухнуть или даже потускнѣть подъ наслоеніемъ новыхъ идей и впечатлѣній. Такое глубокое уваженіе къ писателямъ Карамзинской школы не мѣшало однакожъ ему при самомъ появленіи Пушкина признать его великій талантъ, а потомъ такъ же горячо отстаивать Гоголя, который въ первое время встрѣтилъ много враговъ въ разныхъ слояхъ общества. Князь Вяземскій съ негодованіемъ отвергаетъ обвиненіе автора „Ревизора“ въ либерализмъ и безравственности и остроумно смѣется надъ литературными ханжами, которые плакались особенно на то, что въ комедіи нѣтъ ни одного добродѣтельнаго человѣка.

Слѣдя хронологически за отзывами критика и публициста, внимательнаго ко всѣмъ крупнымъ явленіямъ нашей литературы, вы въ лицѣ его наглядно видите борьбу искусственной теоріи французскаго классицизма, на которой онъ былъ воспитанъ, съ наплывомъ идей и понятій, выработанныхъ позднѣйшею наукою. Предѣлы краткой рецензій не позволяютъ намъ развить этого вопроса, но онъ невольно обратитъ вниманіе самихъ читателей, когда они слышатъ первые критическіе отзывы князя Вяземскаго съ послѣдними его замѣчаніями. Такъ въ раннихъ статьяхъ его вы находите похвалы „прекраснѣйшимъ стихамъ“ Магницкаго и Востокова, а потомъ встрѣчаете умную и точную оцѣнку Язковца, Пушкина. Какой неизгладимый шагъ отъ мысли, будто трагикъ позволительно измѣнять исторію и „по желанію переносить героя за двадцать лѣтъ впередъ или назадъ“, до тѣхъ свѣтлыхъ понятій, какія высказываетъ потомъ князь Вяземскій объ исторіи и драмѣ. И повторяемъ, что это зависѣло не отъ измѣнчивости его убѣжденій, но отъ врожденной ему чуткости въ дѣлѣ искусства.

Въ первомъ томѣ помѣщена довольно обширная и чрезвычайно интересная автобіографія князя П. А. Вяземскаго, а во второмъ томѣ она пополнена еще отрывкомъ, найденнымъ при разборѣ бумагъ покойнаго. Изъ всего собранія прозаическихъ сочиненій его это едва ли не самая любопытная статья, какъ живая характеристика не только его личности, но и многихъ сторонъ пережитой имъ эпохи.

Нельзя не благодарить графа С. Д. Шереметева, которому наша публика обязана этим прекрасным изданіемъ всѣхъ литературныхъ трудовъ маститаго поэта и критика. Когда-то другіе наши писатели будутъ напечатаны такъ умно и внимательно!

А. Миллюковъ.

Der Zarewitsch Alexei (1690—1718), von A. Brückner. Heidelberg, 1880.

А. Г. Бригнеръ, профессоръ Русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, принадлежитъ, какъ извѣстно всѣмъ занимающимся Русскою исторіею, къ числу самыхъ ревностныхъ и полезныхъ работниковъ. Его неутомимое трудолюбіе, его подготовка, не общая нашимъ филологическимъ факультетамъ (какъ напр. близкое знакомство съ политической экономіей и ея литературою, знаніе Шведскаго языка и его литературы) придаютъ его трудамъ весьма вѣское значеніе. Заявившись въ недавнее время Посошковымъ, онъ сумѣлъ сдѣлать цѣнный вкладъ не только въ литературу Русской исторіи, но и въ исторію развитія экономическихъ идей. У этого почтеннаго дѣятеля существуетъ хорошая привычка: работая много для русской публики, онъ часто ту же работу переноситъ для публики нѣмецкой; нерѣдко статьи его объ одномъ и томъ же предметѣ появляются заразъ и въ русскихъ и въ нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ (напр. *Russische Revue*, *Siebel's Zeitschrift*). Въ настоящее время онъ началъ печатать въ большомъ сборникѣ пр. Онкена „*Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen*“ исторію Петра Великаго и общааетъ также помѣщать исторію Екатерины.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что нѣмецкая литература давно нуждается въ трудахъ по исторіи Россіи, которые были бы основаны на знакомствѣ съ источниками и всею литературою пособій. Таковъ именно характеръ нѣмецкихъ сочиненій пр. Бригнера; нельзя не замѣтить также, что изложеніе ихъ живо и интересно. Оставляя до окончанія исторіи Петра свое сужденіе объ этомъ трудѣ, обращаюсь къ только что появившемуся эпизоду этой исторіи, монографіи „Царевичъ Алексій“, которая въ самой исторіи найдетъ мѣсто, какъ кажется по началу, лишь въ извлеченіи.

До 1859 г. дѣло царевича Алексія было извѣстно только по Голиову, документамъ, изданнымъ самимъ Петромъ, сборнику писемъ, изданному въ 1849 г. Н. Н. Мурзакевичемъ и кой-какимъ извѣстіямъ иностранцевъ-современниковъ, преимущественно тѣмъ архивнымъ извѣстіямъ, на которыхъ строилъ свое изложеніе пр. Германъ. Въ 1859 г. вышелъ 6-й томъ „Исторіи Петра В.“ Н. Г. Устрялова, внесшій заразъ въ обращеніе массу новаго матеріала, найденнаго имъ въ русскихъ архивахъ, а также и въ Вѣнскомъ архивѣ. Это сообщеніе новаго матеріала повело къ оживленію интереса къ трагической исторіи царевича. М. П. Погодинъ, всегда интересовавшійся этимъ дѣломъ, перепечатавшій въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ акты, изданные при Петрѣ, написавшій трагедію „Петръ В.“, въ которой является дѣло Алексія, на основаніи документовъ, найденныхъ Г. В. Есиповымъ, — прочелъ публично и послѣ напечаталъ въ „Русск. Бесѣдѣ“ обвинительную рѣчь противъ Петра, а въ особенности противъ Меншикова и Екатерины. Эта блистательная прокурорская рѣчь произвела въ свое время сильное впечатлѣніе, едва-ли много ослабленное пресоходными, глубокообдуманными, но далеко менѣе популярными страницами „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Вслѣдъ затѣмъ въ журналахъ начали появляться разборы книги Устрялова, изъ которыхъ нѣкоторые (П. П. Пекарскаго въ „Современникѣ“, М. И. Семевскаго въ „Русскомъ Словѣ“) вносили или новые факты или новыя соображенія; въ послѣднее время интересъ публики къ этому дѣлу снова возбудила картина Н. Н. Гэ и появившаяся по поводу ея статья Н. И. Костомарова, ярко рисующая неспособность Алексія.

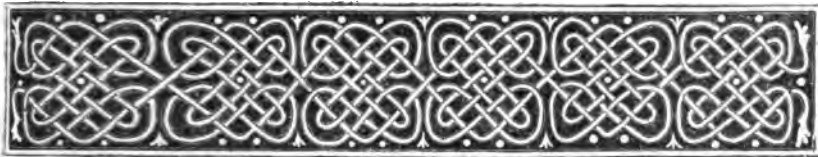
Объективнаго, безстрастнаго изъясненія дѣла все еще не было. Дать такое изложение поставилъ своею задачею пр. Брикнеръ.

Воззрѣнiе, высказанное почтеннымъ профессоромъ, богѣ или менѣе принято всѣми: подобно большинству занимающихся, онъ видитъ въ столкновѣнiяхъ Петра съ Алексѣемъ нѣчто роковое, условленное различiемъ ихъ характеровъ и мiросозерцанiй; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ ясно понимаетъ нравственную отвѣтственность, падающую въ этомъ случаѣ на Петра: „Еще недавно указано было (Костомаровымъ)—говорить авторъ—на тѣсную связь катастрофы Алексѣя съ изгнанiемъ Евдокии, совершившимся за 20 лѣтъ передъ тѣмъ. Насилiе надъ женою, сдѣланное въ 1698 г. побуждало Петра къ насилiю надъ сыномъ въ 1718 г.: одинъ грѣхъ породилъ другой“. Ясное сознанiе и той и другой стороны вопроса послужило въ пользу г. Брикнеру: онъ не является въ своемъ пересказѣ жизни царевича ни панегиристомъ его, ни панегиристомъ Петра; понимая такъ же, какъ Соловьевъ, какъ мало было общаго между Петромъ и Алексѣемъ и какъ много было общаго, наоборотъ, между этимъ послѣднимъ и его дѣдомъ, нашъ авторъ не считаетъ Алексѣя совершенно неспособнымъ человѣкомъ, хотя и не видитъ въ его характерѣ и образѣ дѣйствiй ничего героическаго. Признавая за началомъ дѣла нѣкоторый характеръ временнаго расчета на случай рожденiя отъ Екатерины царевича, который могъ бы быть наследникомъ, авторъ однако не идетъ за Погодинымъ въ его утверждѣнiяхъ цѣлаго заговора Екатерины и Меншикова. Мнѣ кажется, что вообще въ этомъ вопросѣ мало обращено вниманiя на одно обстоятельство: наследственнаго права на престолѣ не существовало, а былъ утвердившiйся временемъ обычай назначать наследникомъ старшаго, который и „объявлялся народу“. Слѣдственно царь могъ бы сказать, какъ нѣкогда говорилъ в. князь Иванъ Васильевичъ: „развѣ я не воленъ въ своемъ вукѣ и своихъ дѣтяхъ: кому хочу, тому и дамъ княжество“. Изданiемъ „Правды воли монаршей“ Петръ только узаконилъ тотъ порядокъ дѣла, который уже существовалъ. Слѣдовательно въ дѣлѣ Алексѣя представлялось не принципиальное, а чисто практическое затрудненiе: Алексѣй становился знаменемъ для недовольныхъ, Петръ считалъ нужнымъ сбить это знамя.

Главное достоинство книги пр. Брикнера заключается въ томъ, что, изучивъ литературу предмета, онъ передалъ въ оживленномъ разсказѣ, не обременя читателя излишними подробностями, то, что положительно все уже извѣстно въ русской наукѣ. Нельзя не прибавить однако, что самое собранiе является заслугою не только передъ нѣмецкою публикою, совершенно незнакомою съ этимъ дѣломъ, но даже передъ публикою русскою, отъ которой могло многое ускользнуть. Такъ напримѣръ, много интересныхъ и важныхъ сообщенiй заключается въ книгѣ „Die Kronprinzessin Charlotte“ (Bonn, 1875), мало у насъ распространенной. Иногда авторъ къ сожалѣнiю скучитъ на подробности, такъ напр., хотѣлось бы видѣть характеристическiя частности отряженiя князь-игумена Ржевской для присутствованiя при разрѣшенiи кроунъ-принцессы отъ бремени, которыя ближе бы познакомили съ недоумѣнiями, возникавшими въ умѣ Шарлоты. Вообще книга оставляетъ прiятное впечатлѣнiе и нельзя не пожелать появленiя ея и по-русски.

К. Востужевъ-Рюминъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Именной указъ императрицы Елисаветы Петровны.

И ИМПЕРАТОРСКОЕ величество изволила указаль имяннымъ своего императорскаго величества указомъ: завтрашняго числа. то-есть сея Страстныя седмицы въ пятницу, также и впредь повсегодно, въ оный день, при дворѣ ея императорскаго величества на всѣхъ кухняхъ, ни для кого кушанья не приготавливать и для того столовыхъ припасовъ, какъ на кухни, таеъ въ порцію, потомуъ и питей еъ поставцамъ и въ комнаты и въ другія мѣста, на тотъ день ничего въ отпускъ не производить, и на кухняхъ, въ кофипенкахъ и въ другихъ мѣстахъ огня и дровъ не имѣть, а на погреба никому неходить и однимъ словомъ ни для кого ничего не отпускать“.

Апрѣля 12 дня; 1760 г.

Сообщено М. Д. Хмыровымъ.

Собственноручная записка императрицы Екатерины Второй къ неизвѣстному лицу.

„По случаю исканія *сujet'a* для составленія комедіи, мнѣ пришло на умъ, что *сujet* добрый для комедіи быть можетъ: *embaigas*, автора въ исканіи *сujet'a*.—Въ пяти, въ трехъ, въ одномъ актѣ, все равно. Напримѣръ расположеніе быть можетъ:

„Ищеть въ своей головѣ *сujet'a*; тутъ всякой вздоръ ему взбредеть на умъ. *comme par exemple: La mort de Viscerphale* или подобное. Потомъ совѣтуютъ съ друзьями. Услышавъ о Мольерѣ, что совѣтовалъ съ служанкою, пойдетъ совѣтовать съ своими или съ чужими слугами, съ своею или съ чужою любовницею.

„Прочее само по себѣ матерію поведеть во время писанія. Первому же персонажу дать можно характеръ какъ вздумается забавнѣе. Опять расположеніе комедіи можетъ подавать случай къ разнымъ играмъ или шуткамъ, и буде мнѣ покажете то охотно помогать, тогда представляю готовность, буде же сей сюжетъ не понравится, то возвратите мнѣ сей лоскутокъ и я сама когда нибудь за него примусь можетъ быть.“

Сообщено Г. В. Есиповымъ.

Нѣчто о бывшихъ городничихъ.

22 марта 1801 года борисоглѣбскій городничій Рудниковъ прислалъ тамбовскому губернатору Бахметеву рапортъ, въ которомъ выражалъ жалобу на борисоглѣбскихъ священниковъ, что они „во время случившагося Великаго поста отказывались исповѣдать и причащать католиковъ и татаръ городской иптатской команды“. Въ заключеніе городничій испрашивалъ указанія: какъ ему впредь поступать въ подобныхъ случаяхъ? И не будетъ ли онъ отвѣчать за вышеозначенныхъ инвалидовъ, если тѣ не исполнять закона относительно исповѣди и св. причастія, особенно въ случаѣ тяжкихъ болѣзней?

На этотъ оригинальный рапортъ Бахметевъ отвѣчалъ слѣдующимъ ордеромъ:

„Получивъ вашъ рапортъ, коимъ вы, къ крайнему моему удивленію, протестуете противъ священниковъ, что они не исповѣдуютъ и не приобщаютъ св. таинъ состоящихъ въ вашей командѣ католиковъ и татаръ, просите разрѣшенія, какъ вамъ поступить въ разсужденіи сего при случаѣ ихъ болѣзни (а также гдѣ и кому погребать на случай смерти), долженъ вамъ сказать, чтобы вы впредь съ такими нелѣпыми представленіями входить не осмѣливались, и когда вы, будучи христіанинъ, не знаете правилъ церкви, воспреещающихъ иновѣрцевъ сподоблять приобщенія св. таинъ, то обязаны были, не относясь ко мнѣ, попросить тѣхъ самыхъ священниковъ, на коихъ вы представляете, чтобы они преподали вамъ христіанское наставленіе“.

Сообщено И. И. Дубасовымъ.

Замѣтка о рукописной литературѣ въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Чѣмъ сильнѣе была стѣснена цензурою гласность въ двадцатыхъ годахъ подъ вліяніемъ иностранныхъ внушеній господствовавшей тогда Меттерниховской политики, тѣмъ сильнѣе развивалась рукописная литература и являлась въ крайній направленію по всѣмъ разрядамъ литературныхъ произведеній, особенно поэтическихъ. Много ума и литературнаго таланта было издержано въ упражненіи надъ такими произведеніями, которыя несомнѣнно были бы замѣнены лучшими, при меньшемъ стѣсненіи печати.

Главный разрядъ составляли конечно политическія и сатирическія произведенія. Наибольшую извѣстностію пользовались Пушкинскіе; почти всѣ они были самаго крайняго направленія, дойдя до восхваленія Занда (напечатанное загранично издание подобныхъ произведеній Пушкина далеко еще не полно). Эротическія произведенія, изъ которыхъ особенно славилась принадлежавшій Языкову, преисполнены были самыхъ циническихъ выраженій, а мнимо-философскія, думавшія подражать Вольтеру въ борьбѣ съ суевѣріемъ, доходили до кощунства; а между тѣмъ по легкости языка, изяществу образовъ и мѣткости выраженій, они были весьма замѣчательны и привлекали къ себѣ не однихъ молодыхъ людей, показывая, что многіе изъ авторовъ этихъ произведеній были способны создать такія творенія, которыя увѣковѣчили бы ихъ имя въ литературѣ.

Кромѣ этого сильно были развиты въ то время, хотя и болѣе невинныя по содержанію, но также не находившія мѣста въ печати — пародіи, которыя являлись во множествѣ на всякое новое замѣчательное литературное произведеніе; было много также передѣлокъ народныхъ пѣсень. Всѣ онѣ относились правда больше къ личностямъ, но бывали между ними также нѣкоторыя и нелишенные политическаго оттѣнка, какъ напр., относившіяся къ извѣст-

ному Стурдзѣ ¹⁾. Особенно много было пародій на самыя модныя тогда произведенія Пушкина: „Черная шаль“ и „Бахчисарайскій фонтанъ“. Въ великосвѣтской публикѣ Пушкинъ конечно былъ въ то время болѣе извѣстенъ по „Пѣснѣ Цыганки“, и по „Черной шали“, чѣмъ по какимъ либо другимъ произведеніямъ его. Будучи положены на музыку, онѣ распѣвались вездѣ. Булаховъ, который особенно хорошо пѣлъ „Черную шаль“, приглашался для этого и въ великосвѣтскія гостинныя. Одна изъ самыхъ удачныхъ пародій на „Черную шаль“ принадлежала гвардейскому офицеру Офросимову (бывшему впоследствии послѣднимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ въ Москвѣ, такъ какъ послѣ него былъ назначенъ только просто „генералъ-губернаторъ“, а военная часть была отдѣлена); пародія эта начиналась такъ:

Гляжу какъ безумный на кончикъ носка,
И хладную душу терзаетъ тоска!
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Военную службу я страстно любилъ!
Неопытны лѣта, тщеславье вина,
Мундиръ, эполеты прельстили меня.
Привѣтныя ласки родныхъ и друзей
Смѣнялъ на педанство... и пр.

Описывая затѣмъ свои трибуладіи и неудачи по фронтовой службѣ, за то, что его рота худо вытягивала носки, и упреки начальника:

„Какой вы начальникъ, какой капитанъ!
У васъ погоняетъ болваномъ—болванъ“,

онъ кончаетъ такъ:

Меня потащили тотчасъ подъ арестъ.
Съ тѣхъ поръ я по службѣ не справлюсь никакъ!
Хоть какъ ни стараюсь, клентся не такъ!
Гляжу какъ безумный на кончикъ носка,
И хладную душу терзаетъ тоска!

Забавна также была пародія на „Бахчисарайскій фонтанъ“. Она написана была кн. М. М. Г. ²⁾ на своего роднаго брата, кн. А. М. оберъ-квартирмейстера гвардейскаго корпуса, всегда показывавшаго видъ очень занятаго чело-вѣка (*un homme très affairé*), вѣчно съ кучей бумагъ, торчащихъ изъ-подъ мундира, даже и въ гостяхъ, всегда съ отговоркою или извиненіемъ, что онъ прямо изъ штаба или спѣшить въ штабъ, безпрестанно записывавшаго что-то карандашомъ и въ чужихъ домахъ, показывая видъ, что онъ боится забыть что нибудь очень важное. Онъ былъ начальникомъ топографовъ и обременялъ ихъ кучею плановъ разнообразныхъ проэктовъ маневровъ, требуемыхъ всегда будто бы къ спѣху, хотя обыкновенно бросаемыхъ главными начальниками. Но чѣмъ больше онъ придавалъ себѣ важности, тѣмъ больше подвергался насмѣшкамъ брата.

Вотъ какъ начиналась эта пародія:

„Андрей сидѣлъ, потупя взоръ,
Свинецъ ³⁾ въ рукахъ его тупился.
Безмолвный топографовъ сборъ

¹⁾ Ахъ скучно мнѣ или: Вокругъ Стурдзы хожу (2 раза)
На чужой сторонѣ, Я мистическаго, Германияческаго
Все не мило, все постыло, Я на Стурдзу гляжу (2 раза)
Коцебу со мною нѣтъ! и т. д. На мистическаго, деспотическаго.

²⁾ Этотъ кн. М. М. Г. извѣстенъ былъ своими остротами и своимъ самолюбіемъ и считалъ себя совершенствомъ красоты. Однажды, находясь въ большомъ обществѣ, онъ, какъ замѣтили, безпрестанно водилъ пальцемъ по своей профили, и когда его спросили: „Que faites vous, mon prince?“ онъ отвѣчалъ: „J'admire le Créateur dans sa créature“.

³⁾ Карандашъ.

Вокругъ полковника толпился.
 Во временномъ его дворцѣ ¹⁾
 Въ недоумѣннѣ всѣ читали,
 Примѣты гнѣва и печали
 На сумрачномъ его лицѣ;
 Но вдругъ полковникъ горделивыи
 Махнулъ рукой вѣтерпѣливой,
 И всѣ съ почтеньемъ идутъ вонъ.
 Одинъ въ своей избушкѣ онъ,—
 Свободнѣй грудь его вздыхаетъ,
 Живѣе строгое чело
 Волненіе сердца выражаетъ.
 Что движетъ гордою душою?
 Какою мыслью занятъ онъ?
 На Роншу-ль ²⁾ вновь идетъ войною?
 Готовитъ новый ли законъ
 На зло топографамъ лукавымъ,
 Открывъ межъ ними заговоръ?
 Не исказилъ ли свѣтлыхъ горъ
 Неосторожною рукою,
 Покрывъ ихъ краскою густою?
 Топографы же, какъ нибудь
 Желая время протянуть,
 До вѣтра ходятъ за заборы,
 Заводятъ игры, разговоры,
 Но все напрасно,—и тиранъ
 Ко сроку требуетъ съ нихъ планъ и пр.

Было не мало пародій и на баллады Жуковскаго. Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ была на балладу: „Смальгольмскій баронъ“ и относилась къ литератору и издателю журнала Измайлову, описывая его возню и борьбу съ цензурою:

„И летитъ въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бирюковъ ³⁾
 Оттопыренъ карманъ,—
 Въ немъ лежитъ какъ чурбанъ,
 Двадцати-фунтовая тетрадь“.

Наконецъ при талантливости тогдашняго молодого поколѣнія было огромное количество блестящихъ импровизацій ⁴⁾, конечно безвозвратно потерянныхъ нынѣ для Русской литературы. Правда, многія были тогда записываемы, но неизбѣжно затеривались, не будучи сохранены въ печати въ то время, тогда какъ теперь попадаютъ въ печать, и даже съ избыткомъ, многія совершенно пустыя вещи.

Весьма поэтому и было бы желательно, чтобы кто нибудь занялся изслѣдованіемъ рукописной литературы тогдашняго времени. Можетъ быть кое-что и уцѣлѣло еще, и притомъ такое, что по нынѣшнимъ цензурнымъ правиламъ не встрѣтило бы препятствія въ печати. Кромѣ того, нѣтъ сомнѣнія, что въ рукописныхъ произведеніяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, нашлось бы многое еще и такое, что по крайней мѣрѣ въ отрывкахъ, или съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ, только выраженій, заслуживало бы быть сохраненнымъ для Русской литературы въ печати.

Сообщено Д. И. Завалишнымъ.

¹⁾ Дѣйствіе происходитъ на маневрахъ.

²⁾ Маневры производились около Ронши.

³⁾ Цензоръ.

⁴⁾ Особенно плодотворъ былъ на импровизаціи вкругъ, собиравшейся у одного гвардейскаго офицера Нелидова, гдѣ постоянно бывалъ Баратынскій, часто Дельзигъ, иногда и Пушкинъ (Александръ) и куда прежде всѣхъ братъ Пушкина (Левъ) привозилъ самыя новыя произведенія своего брата.

Прогулка маленькаго нѣмца по Невскому проспекту.

(Анекдотъ изъ сороковыхъ годовъ).

Находящееся подъ вѣдомствомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Строительное училище было организовано въ сороковыхъ годахъ на военную ногу. Воспитанники его, строго подчиненные графу П. А. Клейнмихелю, раздѣлялись на роты; лучше по усилкамъ и поведенію ученики исполняли обязанности фельдфебелей; утромъ молодыхъ людей будилъ громогласный барабанъ. Будуще зодіе, слѣдовательно люди съ эстетическими наклонностями, должны были исполнять нисколько не эстетическіе ружейные приемы, маршировать и т. п. Однимъ словомъ, вся училищная обстановка имѣла характеръ военного заведенія (что, замѣчу въ скобкахъ, послѣ старались привить и въ гимназіямъ: мы, гимназисты пятидесятихъ годовъ, маршировали чрезвычайно усердно, собираясь защищать Севастополь).

На скамьи Строительнаго училища иногда попадали дѣти ранняго возраста. Составъ ихъ отличался разноплеменностью: были, кромѣ русскихъ, поляки, казаки, остзейскіе нѣмцы и т. д. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ нѣкто Т***, хорошенькій мальчуганъ лѣтъ 11—12, съ которымъ въ указанное выше время и на указанномъ выше мѣстѣ случилась слѣдующая курьезная исторія.

Нужно замѣтить, что Т*** (теперь уже, благодаря долговременному пребыванію въ одной изъ приволжскихъ губерній, достаточно, если не совершенно обрусѣвшій инженеръ-архитекторъ) поступилъ въ Строительное училище съ самымъ скуднымъ запасомъ знанія Русскаго языка; при томъ же, какъ лютеранинъ, онъ не имѣлъ понятія о праздникахъ нашей Православной церкви.

Случился храмовой праздникъ въ Строительномъ училищѣ. По этому случаю воспитанники его, освобожденные отъ классныхъ занятій, отправились—кто къ знакомымъ и роднымъ, кто—погулять по Невскому. Каждый отпускомъ получилъ билетъ, за подписью ротнаго командира и прочаго начальства, съ обязательствомъ возвратиться въ училище вечеромъ—къ указанному сроку. На основаніи введеннаго гр. Клейнмихелемъ порядка этотъ кратковременный паспортъ долженъ былъ находиться на видномъ мѣстѣ, между второй и третьей пуговицами мундира, съ тою цѣлью, чтобы начальство, встрѣтивъ гуляющаго ученика, могло убѣдиться какъ въ его личности, такъ и въ томъ, что онъ не манкируетъ, а пользуется законною свободой. Разумѣется генералитетъ, даже и неимѣвшій ничего общаго съ Строительнымъ училищемъ, пользовался правомъ на отданіе со стороны воспитанниковъ военной чести: мальчики вытѣгивались во фронтъ и отдавали честь очень ловко, не хуже гвардейскихъ солдатъ.

Маленькій нѣмецъ Т*** отлично зналъ эти порядки: билетъ торчалъ у него на законномъ мѣстѣ; ноги и руки прекрасно выполняли должный „решпектъ“ при встрѣчѣ съ генералами. Нѣмецъ спокойно шелъ по Невскому проспекту, засматривался по временамъ въ окна безчисленныхъ магазиновъ съ ихъ заманчивыми и разнообразными выставками. Вдругъ онъ услышалъ громкій голосъ:

— Стой!

Нѣмецъ обернулся и увидѣлъ предъ собою генерала высокаго роста и величественной наружности. Т*** вытянулся въ струнку. На сурово-благородномъ лицѣ генерала показалась улыбка.

— Ты изъ Строительнаго училища? спросилъ онъ.

— Та, тошно такъ, отвѣчалъ мальчикъ, выдавая акцентомъ свое остзейское происхожденіе.

— Я встрѣтилъ множество твоихъ товарищей. Что у васъ за гулянье сегодня? Вѣрно праздникъ? Каковъ?

— Похъ имянинникъ, отвѣтилъ наивно мальчуганъ.

— Что? что такое? Богъ имянинникъ?

— Точно такъ, имяинникъ, потому насъ и отпустили...

— Ты нѣмецъ? лютеранинъ? спросилъ генералъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ, потребовалъ отъ Т*** его отпускной билетъ. Прочитавъ его и удостоверившись, что мальчишъ не жетъ, генералъ положилъ билетъ въ свой карманъ и ласково сказалъ:

— Ну, слушай, да хорошенько слушай, и пойми, что я скажу тебѣ. Ты можешь гулять до указаннаго въ билетѣ времени. Гуляй, непременно гуляй! Билетъ же твой останется у меня и если тебя спросятъ, куда ты дѣвалъ его, отвѣчай: „отдалъ государю“.

— Понялъ! флегматически отвѣчалъ нѣмчикъ, удостоенный разговоромъ съ императоромъ Николаемъ I.

Государь удалился, а Т*** съ аккуратностью, свойственною нѣмцу, все гулялъ да гулялъ и явился въ училище не прежде, ни послѣ назначеннаго срока. На вопросъ фельдфебеля, гдѣ билетъ, Т*** отрапортовалъ, что билетъ у государя-императора и рассказалъ всѣ подробности своей прогулки по Невскому. Разумѣется фельдфебель счелъ долгомъ сообщить объ этомъ приключеніи ротному командиру, ротный командиръ донесъ своему ближайшему начальству; сіе послѣднее, не смотря на позднее время, обезпokoило болѣе высшее начальство и т. д. Произошелъ страшный переполохъ. Всѣ смугились, всѣ торопливо объясняли нѣмчину его ошибку и укоряли, что онъ не понимаетъ значенія жѣстнаго праздника; всѣ со страхомъ ожидали, чѣмъ разразится гроза, если узнаетъ гр. Клейнмихель о встрѣчѣ государя съ маленькимъ волтеріанцемъ.

Но никакой грозы къ счастью не послѣдовало. Получена была черезъ день послѣ описанной исторіи бумага, изъяслявшая волю императора, чтобы ученые-лютеране, пользующіеся полною свободой совѣсти, все-таки были ознаменены съ значеніемъ главнѣйшихъ праздниковъ Православной церкви, „дабы впредь не отвѣчали на высочайшій вопросъ такъ странно: — „Богъ имяинникъ“!—Билетъ Т-на былъ возвращенъ за императорскою печатью.

Сообщено Л. Н. Трефоловымъ.

Судьба декабриста Петра Вестужева.

Случай доставилъ въ наше распоряженіе подлинный документъ, въ которомъ находятся не лишеныя интереса свѣдѣнія о печальной судьбѣ одного изъ декабристовъ, — Петра Александровича Вестужева. Документъ этотъ есть указъ Петербургскаго губернскаго правленія на отношеніе физиката, отъ 22 іюля 1840 года, „объ освидѣтельствovanіи отставнаго унтеръ-офицера изъ дворянъ, Петра Вестужева, въ умственныхъ способностяхъ“.

Вестужевыхъ было пять братьевъ. Всѣ они, какъ извѣстно, были замѣшаны въ событіяхъ 14 декабря 1825 года и сосланы въ Сибирь, или на Кавказъ. Петръ Вестужевъ, четвертый изъ братьевъ, родился въ 1806 году и получилъ образованіе въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Выпущенный оттуда въ 1820 году мичманомъ въ Балтійскій флотъ, онъ жилъ постоянно въ Кронштадтѣ, гдѣ исполнялъ должность адъютанта при главномъ командирѣ Кронштадтскаго порта, вице-адмиралѣ Моллерѣ.

Петръ Вестужевъ, по свидѣтельству его брата Михаила ¹⁾, былъ нрава дръзкаго, флегматичнаго, и до страсти любилъ чтеніе серьезныхъ сочиненій. Братья, щадя его молодость, избѣгали говорить при немъ о своихъ планахъ, но онъ проникъ въ ихъ замысль, неожиданно явился 14 декабря на Сенатскую площадь и примкнулъ къ заговорщикамъ.

¹⁾ „Русская Старина“ 1870 г., т. I, стр. 522.

Осужденный служить на Кавказѣ солдатомъ, Петръ Бестужевъ участвовалъ въ Персидской и Турецкой кампаніяхъ и былъ раненъ при штурмѣ Ахалциха. Тяжелая служба, и притомъ подъ командою челоуѣка необразованнаго, требоваельнаго и жестокаго, гибельно повліяла на его слабое здоровье и онъ сошелъ съ ума. Получивъ вслѣдствіе этого отставку, несчастный Бестужевъ былъ отправленъ къ матери, въ деревню, въ Новоладожскій уѣздъ. Всѣ старанія родныхъ возвратить ему разсудокъ остались напрасными: болѣзнь постепенно развивалась и наконецъ возросла до ужасающихъ симптомовъ. Опасеніе за его жизнь, а также за жизнь близкихъ; боязнь сгорѣть въ пожарѣ дома, который онъ неоднократно пытался поджечь, принудили мать обратиться къ правительству съ просьбою помѣстить его въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ. По распоряженію С.-Петербургскаго гражданскаго губернатора Бестужевъ былъ освидѣтельствованъ въ физикатѣ въ умственныхъ способностяхъ и на основаніи этого освидѣтельствованія состоялся указъ С.-Петербургскаго губернскаго правленія, который мы приводимъ здѣсь въ подлинникѣ:

„1840 года, іюля 23 дня, по указу его императорскаго величества, с.-петербургское губернское правленіе слушало: отношеніе здѣшняго физиката, полученное 22 іюля, за № 1223, при которомъ препровождается протоколъ объ освидѣльствованіи въ умственныхъ способностяхъ отставнаго изъ дворянъ унтеръ-офицера Бестужева,—просить возвратить оный по минованіи надобности. Означенный протоколъ слѣдующаго содержанія:

„15 сего іюля физикатъ свидѣльствовалъ въ умственныхъ способностяхъ, на основаніи 224 ст. X т. Св. Зак., отставнаго изъ дворянъ унтеръ-офицера Петра Бестужева и оказалось: войдя въ присутственную камеру съ полупоникшею головою, приподнял оную, не кланяясь, подходя къ столу, пристально смотрѣлъ на присутствующихъ. Роста онъ средняго, тѣлосложенія худощаваго, черты лица его и томный взглядъ изображали задумчивость и мрачность души его. На предложенные ему вопросы отвѣчалъ слѣдующее:

- Кто вы таковъ, есть-ли у васъ родственники и гдѣ они?
- Есть матушка и сестры, живутъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ, недалеко отъ города.
- Гдѣ же вы живете?
- У матушки.
- Вы теперь нигдѣ не служите?
- Я съ 1830 года уже не служу, а съ 1825 назначенъ на Кавказъ.
- Вы тамъ были въ походахъ и сраженіяхъ и не были ли ранены?
- Былъ въ походахъ и трехъ сраженіяхъ, раненъ пулею навывлетъ въ правую руку и голова у меня ушиблена.
- Чѣмъ?
- Также, кажется, контузія.
- Не болитъ ли у васъ отъ этого голова?
- Нѣтъ, головная боль бываетъ отъ другихъ, прочихъ обстоятельствъ, или вслѣдствіе деревенскаго воздуха.
- Чѣмъ вы занимаетесь въ деревнѣ?
- Чтеніемъ.
- Какія же вы читаете книги?
- Обыкновенною литературою; впрочемъ, не отъ моего выбора зависитъ, я не имѣю на то состоянія, читаю большею частью современные журналы.
- Гдѣ вы воспитывались?
- Въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.
- Давно оттуда вышли и куда поступили на службу?
- Я выпущенъ въ 1820 году въ Балтійскій флотъ; назначенъ былъ въ Свеаборгъ, но послѣ перемѣнили въ Кронштадтъ.
- Зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ?

- Я прѣхалъ лечится; говорятъ, что въ первой части полиціи хорошій докторъ; онъ меня смотрѣлъ.
- Не имѣете ли вы въ вашемъ семействѣ неприятностей?
- Случается раздоръ отъ несходства въ характерахъ.
- Отчего же вы оставили службу на Кавказѣ?
- Въ 1826 и 1827 годахъ я рѣшилъ мои страданія и тутъ началось гоненіе, и я службу оставилъ по волѣ государя.
- Въ которомъ полку вы служили и кто былъ полковымъ командиромъ?
- Въ Ширванскомъ, которымъ командовалъ Ковалевъ; онъ умеръ, а Бородинъ убитъ въ сраженіи, когда я раненъ.
- Вы не скучали вашей службой?
- Нѣтъ; но при дурной погодѣ тамъ походы тяжелы.
- Кто при васъ теперь есть?
- Есть у меня люди, но какъ будто все хуже и я въ чужой землѣ; люди меня оставили, уѣхали.
- Отчего вы такъ о себѣ думаете?
- Я думаю потому, что меня вездѣ преслѣдуютъ.
- Кто же васъ преслѣдуетъ?
- Можеть быть цѣлый народъ, или поколѣніе; все требуютъ формы, какъ въ лѣченіи, такъ и въ гражданской жизни.
- Не можете ли вы показать тѣхъ лицъ, которыя васъ преслѣдуютъ?
- Онѣ слишкомъ меня преслѣдуютъ, они видны между народомъ вездѣ, ихъ отличная фізіономія.
- Какимъ же образомъ они васъ преслѣдуютъ?
- Изыскиваютъ средства повредить моему здоровью; а дѣлаетъ боль въ головѣ то, что сгущаетъ ихъ и онѣ являються.
- Какая же этому причина?
- Причина моя и враждебное вліяніе людей.
- Когда они васъ беспокоять?
- Ночью болѣе, стараются освободить меня отъ земли.
- Вы ихъ видѣли?
- Да, на нихъ смертный видъ.
- Когда же вы ихъ видѣли?
- Когда воображеніе, или опытъ представляетъ ихъ видъ, они олицетворяются.
- Долго ли вы были на Кавказѣ?
- Шесть лѣтъ.
- Какая служба вамъ болѣе нравилась?
- Флотская; тамъ я самобытнымъ былъ, а на Кавказѣ подчиненнымъ.
- Не чувствуете ли вы тоски?
- Чувствую грудные припадки, два года былъ близокъ къ смерти; всѣ меня оставили, а прежде я не бывалъ боленъ.
- Вы не женаты и не влюблены?
- Не женатъ и не влюбленъ, потому что не нашелъ достойнаго предмета.
- Одобряете ли вы любовь?
- О! это благороднѣйшая страсть.
- Куда вы отсюда отправитесь?
- Мнѣ хотѣлось нанять квартиру.
- А если отъ правительства дадутъ вамъ помѣщеніе?
- Я очень благодаренъ и радъ буду, лишь бы только устранены были тѣ ужасныя лица.
- Гдѣ вы теперь находитесь?
- Въ губернскомъ правленіи.
- Зачѣмъ?
- Чтобы отвѣчать.

- Гдѣ вы желаете, чтобы васъ помѣстили: въ городѣ или внѣ оного?
- Внѣ города безопаснѣе для общества.
- Отъ кого?
- Лично отъ меня.
- Почему же отъ васъ?
- Извѣстно, меня преслѣдуютъ.

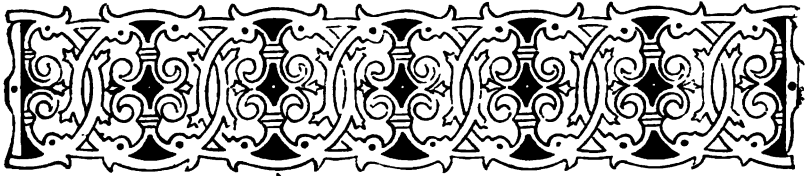
„Послѣ этого поклонился и вышелъ изъ присутствія. Изъ наружнаго вида и вышенложенныхъ отвѣтовъ отставнаго унтеръ-офицера изъ дворянъ Петра Бестужева присутствующіе замѣтили, что онъ при высшей степени задумчивости (melancholia) имѣетъ помѣшательство въ умственныхъ способностяхъ, основанное наиболѣе на ложно-представляемомъ преслѣдованіи его и оскорбленіи (misanthropia) и наичаще оканчивающееся прекращеніемъ собственнаго бытія, а потому полагаютъ необходимымъ для отвращенія такового послѣдствія помѣстить его въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ.

„Приказали: о произведенномъ Бестужеву освидѣтельствованіи донести г. военному генералъ-губернатору и просить на дальнѣйшее по сему дѣлу дѣйствіе въ разрѣшеніе предписанія, а въ канцелярію г. гражданскаго губернатора передать копію съ сего протокола“.

Получивъ отъ губернскаго правленія приведенную здѣсь бумагу, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Эссенъ предписалъ гражданскому губернатору отправить Бестужева въ больницу Всѣхъ Скорбящихъ, куда онъ и былъ отправленъ 3 августа 1840 года. Провидѣніе скоро сжалилось надъ несчастной жертвой юношескаго увлеченія. 22 августа того же года контора больницы донесла губернатору, что Петръ Бестужевъ умеръ отъ изнурительной лихорадки и погребенъ на Тентелевскомъ кладбищѣ, при церкви св. Митрофанія.

Сообщено И. Г. Мартыновымъ.

СМѢСЬ.

ФРАНЦУЗСКАЯ ученая экспедиція въ Россію. Французское министерство народного просвѣщенія ассигнуетъ ежегодно довольно значительную сумму (200—250 тыс. франк.) на снаряженіе нѣсколькихъ экспедицій съ тою или другою цѣлю. Въ настоящее время выходитъ объемистый отчетъ одной изъ такихъ экспедицій, предпринятой еще въ 1876 г. преподавателемъ финскихъ языковъ и географіи Азіи въ Парижской Школѣ Восточныхъ Языковъ, Карломъ Уйфальви. Уйфальви явился въ Петербургъ вмѣстѣ со своею женою, вооруженный цѣлою массою рекомендабельныхъ писемъ, но безъ знанія языка, а такъ какъ онъ скоро понялъ, что, не говоря по-русски, ему придется довольствоваться лишь тѣмъ, что ему соблаговолятъ сообщить интеллигентные администраторы, то онъ и принялся учиться русскому языку. Человѣку, не имѣвшему до той поры никакого понятія о сообщеніяхъ въ Россіи, передъ отъѣздомъ въ Туркестанъ слѣдовало хотя нѣсколько испробовать свои силы, а потому Уйфальви и рѣшился сдѣлать пробное путешествіе въ Олонецкую губернію, въ Лодейнопольскій уѣздъ, въ ту мѣстность, гдѣ и до сихъ поръ живутъ еще остатки Несторовой вѣси или вѣсовъ, какъ ихъ называютъ финскіе ученые. Здѣсь нашему путешественнику удалось сдѣлать подробныя антропологическія наблюденія надъ 23 живыми субъектами, но къ сожалѣнію зима не дозволила дѣлать раскопки въ древнихъ несомнѣнно вѣсскихъ владѣнціяхъ по рр. Ояти, Ладвѣ и другимъ. Какъ лингвистъ, и притомъ преимущественно финнологъ, Уйфальви дополнилъ изданный имъ еще въ Парижѣ словарь вѣскаго языка, исправилъ свою грамматику этого языка и собралъ нѣсколько преданій для предполагаемой имъ къ изданію хрестоматіи; удивленные весяне не знали, что и подумать о человѣкѣ, пріѣхавшемъ изъ Нѣмецкой земли (Готалайне) и говорящемъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Крайне довольный результатами своей пробной поѣздки, французскій ученый вернулся въ Петербургъ и все время свое посвятилъ на изученіе русскаго языка и на подготовительныя къ экспедиціи работы. Въ январѣ Уйфальви тронулся въ путь, но въ виду особаго интереса, представляемаго для него башкирами, остановился въ Оренбургѣ для того, чтобы возможно лучше изучить этотъ народъ. Дѣло въ томъ, что еще арабскіе историки и географы считали народъ башкурдъ однимъ изъ трехъ народовъ, составлявшихъ Приволжскую Болгарію; до сихъ поръ еще среди башкиръ можно встрѣтить нѣсколько сотенъ семействъ, которыя сознательно называютъ себя болгарамъ, какъ оказалось изъ послѣд-

нихъ изслѣдованій г. Нефедова, сдѣланныхъ имъ для московской антропологической выставки; наконецъ въ самомъ этническомъ типѣ башкиръ встрѣчаются такія особенности, которыя не допускаютъ возможности причислить ихъ къ Турво-Монгольской отрасли Алтайскаго племени. Все это вмѣстѣ взятое не могло не заинтересовать нашего французскаго ученаго, который одною родомъ надьяръ, и побудило его заняться въ Оренбургѣ изученіемъ башкиръ въ антропологическомъ отношеніи. Измѣривши нѣсколько сотъ субъектовъ, Уйфальви пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) замѣченная профессоромъ Казанскаго университета Маліевымъ разница между луговыми и гѣсными башкирами существуетъ въ дѣйствительности и притомъ въ крайне рѣзкой степени; 2) гѣсные башкиры, сохранившіе лучше остальныхъ свои характеристическія особенности, благодаря своему болѣе изолированному положенію, представляютъ собою всѣ антропологическіе признаки чисто урало-алтайскаго типа и слѣдовательно могутъ быть признаны дѣйствительно однимъ изъ трехъ болгарскихъ союзныхъ народовъ; 3) луговые башкиры, тебтары и мецераки являются продуктомъ послѣдовательныхъ помѣсей между финскими старожилыми и тюрко-монгольскими пришельцами. Наконецъ, снабженный всевозможными открытыми листами и рекомендаціями, Уйфальви отправился въ Туркестанъ. Въ виду того, что главною цѣлью нашего путешественника было изучить этнической составъ населенія русской части Центральной Азій, мы не будемъ останавливаться на перипетіяхъ его путешествія и на его трудахъ по археологій и собиравшимъ здѣсь лишь тѣ результаты, которые онъ добылъ по отношенію къ народамъ Средней Азій. Нѣтъ кажется вопроса болѣе запутаннаго, нежели вопросъ о происхожденіи народовъ, населяющихъ эту страну, и исторія рѣшительно не можетъ разсвѣять этотъ мракъ заявляя лишь, что со временъ глубочайшей древности восточные склоны Памира, Фергана и верхній бассейнъ Окса были населены народами иранскаго происхожденія. Если не доказано еще, что эти иранцы были аборигенами страны, то Уйфальви доказываетъ, что они являются, по крайней мѣрѣ древнѣйшими ея обитателями. По обоимъ склонамъ Памира осыло по всѣмъ вѣроятіямъ это иранское населеніе, тогда какъ въ Дзюнгарию, которая служила съ давнихъ поръ входными воротами для всѣхъ эмиграцій изъ Центральной Азій, въ то же время обитали уже народы монгольскаго происхожденія. Слѣдуетъ думать однако, что эти монгольскіе обитатели не были калмыки, пришедшіе туда позднѣе, вмѣстѣ съ монгольскими завоевателями. Всѣ народы, въ родѣ саковъ, юэ-тиши, хунгь-ну, уйгуровъ и друг. должны были въ миграціонномъ движеніи своемъ пройти черезъ Туркестанъ и, гоня одинъ другаго, несомнѣнно должны были оставить въ странѣ признаки своего хотя и кратковременнаго въ ней пребыванія; въ силу этого нѣмнѣе населеніе Туркестанскаго оазиса по словамъ Рихтгофена представляетъ собою результатъ постоянныхъ и послѣдовательныхъ наслоеній различныхъ народностей на чисто иранской основѣ. Тотъ же потокъ народовъ наводнилъ и Дзюнгарию, гдѣ, быть можетъ вслѣдствіе лучшихъ почвенныхъ условій, пришельцы оставались иногда на болѣе продолжительные сроки; во всякомъ случаѣ новѣйшія изслѣдованія Жирара-де-Риалля и другихъ доказываютъ, что если мы встрѣчаемъ какой нибудь народъ въ Восточномъ Туркестанѣ, то предшестующій ему народъ слѣдуетъ въ тотъ моментъ искать въ Дзюнгарию. Въ настоящее время населеніе этой послѣдней страны все цѣликомъ новѣйшаго происхожденія; такъ напримѣръ таранчи были переселены китайцами всего лишь полтора вѣка тому назадъ; сибо представляютъ собою помѣсь китайцевъ съ калмыками, солоны — потомки китайскихъ военныхъ колонистовъ, а кара-киргизы и киргизъ-кайсаки являются прямо новѣйшими эмигрантами. Ничего положительнаго неизвѣстно лишь о времени поселенія дунганъ, но Уйфальви думаетъ, что они-то и представляютъ собою остатки бывшихъ миграцій, происшедшихъ въ давнія времена, причемъ они конечно уже въ старину смѣшались съ калмыками, монголами, китайцами, таранчами и кашгарцами и

конечно должны были значительно измениться во внешности под влиянием этих скрещиваний. Касательно населения Туркестана результаты исследования Уйфальви не менее интересны. Прежде всего по его мнению иранцы Центральной Азии разделяются на две этнические ветви как в чисто этнографическом, так и в строго антропологическом смысле; к одной из ветвей следует причислить: гальчей, каратегинцев и некоторые другие народы, а к другой—равнинных таджиков. Гальчи и остальные горные таджики являются самыми чистыми представителями иранского типа в Центральной Азии; они бывают обыкновенно среднего роста, с волосами темно-русого оттенка и с очень коротким черепом, имющим почти круглую форму. Все заставляет предполагать, что иранцы Центральной Азии в весьма отдаленную эпоху смешались с какою то блюкурою народностью, обладавшею повидимому длинным черепом; что это была за народность, при теперешнем состоянии научных сведений, решить еще невозможно, хотя Агри Мартенс и Топинар и указывают на то, что этими блондинами могли быть или кельты, или славяне; само собою разумеется, что скрещивание совершалось чаще, удобнее и сильнее по последствиям среди иранцев равнинных, которые уже по почвенным условиям были более обречены на подобныя скрещивания, нежели их сородичи, обитавшие на неприступных склонах Памира. Среди горных иранцев это скрещивание происходило лишь на западном склоне Памира, тогда как население восточного склона осталось вполне неприкосновенным; так например кашгарцы, являющиеся продуктом скрещивания иранских народов с громадным количеством народов иного корня, вовсе не выказывают влияния этого блюкурога элемента. Кашгарцы, как и таранчи, приближаются по росту к гальчам и сильно отличаются от тюрко-монголов; они представляют собою помесь иранского основного народа с тюрко-татарским элементом. Что касается до киргиз-вайсаков Туркестана и кара-киргизов, то они принадлежат к числу народов чисто Тюрко-Монгольского племени, тогда как узбеки, считавшиеся до сих пор именно таковыми, выказывают признаки скрещивания с туземными иранцами. Результаты своей экспедиции Уйфальви напечатал у Леру в Париже под заглавием „Научная французская экспедиция в Россию, Сибирь и Туркестанъ“. Все сочинение будет состоять из шести томов, из которых четыре уже появились в продажѣ.

Издания Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранных Дѣлъ. Нельзя сказать, чтобы мы были бѣдны книгохранилищами, но бѣда наша состоит в томъ, что большинство нашихъ библиотекъ нисколько не думаетъ о томъ, чтобы сдѣлать свои сокровища общедоступными и заинтересовать ими публику. Тѣмъ пріятнѣе намъ пріѣтствовать здѣсь цѣлый рядъ библиографическихъ изданій, предпринятыхъ Московскимъ Главнымъ Архивомъ ради распространенія сведений о богатствахъ, заключающихся въ его библиотекѣ. До сихъ поръ подъ наблюдениемъ барона Бюлера и трудами молодого и многообщающаго библиотекаря архива г. Токмакова издано нѣсколько библиографическихъ трудовъ, составляющихъ богатый вкладъ въ русскую библиографію и дѣлающихъ наконецъ известными тѣ сокровища, которыя до сихъ поръ оставались сокровенными для публики. Прежде всего было издано „Обзорніе библиотеки Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“, составляющее нѣчто въ родѣ общаго путеводителя по библиотекѣ; авторъ сообщаетъ здѣсь въ сжатомъ очеркѣ сведения о томъ, какимъ образомъ составилась эта библиотека, а затѣмъ перечисляетъ ея главнѣйшія рѣдкости и замѣчательнѣйшія изданія по главнымъ отдѣламъ. Изданный библиотекою „Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати съ 1517—1821 годъ“ имѣетъ весьма серьезное значеніе и можетъ доставить не мало новыхъ оставшихся еще неизвѣстными сведений по исторіи Православной церкви и Славянскій литературы. Брошюра эта сопровождается предисловіемъ, которое представляетъ значительный интересъ

въ томъ отношеніи, что заключаетъ въ себѣ указанія на старинныя описи такихъ старопечатныхъ книгъ, которыя затерялись и совершенно неизвѣстны въ настоящее время. Тутъ постоянно попадаются уники и очень рѣдкія сочиненія въ родѣ „Библии Скоринды“, „Апокрисиса“, „Антиррисиса“ и т. п. при чемъ молодой бібліотекаръ не ограничивался указаніями на лицъ, занимавшихся изслѣдованіями относительно старопечатныхъ книгъ, вышедшихъ изъ западно-русскихъ и велико-русскихъ типографій, но указываетъ на списки рукописнаго отдѣла бібліотеки и на дѣла архива, имѣющія какое-либо отношеніе къ извѣстной старопечатной книгѣ; вслѣдствіе этого означенный каталогъ гораздо интереснѣе и богаче другихъ и отличается болѣе полною бібліографическою системою, нежели каталоги Сопикова, Строева и другихъ, которымъ каталогъ Токмакова служить какъ бы дополненіемъ и продолженіемъ. Особенною чертою этого каталога является его цѣнность для старообрядства. „Каталогъ рукописямъ по юриспруденціи съ XIII столѣтія“ замѣчательнѣе тѣмъ, что каждая рукопись, обозначенная въ каталогѣ, сопровождается краткими указаніями на содержаніе и историческое значеніе памятника, что, несомнѣнно весьма важно для лица, дѣлающаго справку. „Каталогъ книгамъ по медицинѣ съ 1597 по 1870 годъ“ составляетъ рѣшительно кладъ для занимающагося теоріею медицины въ Россіи. „Каталогъ рукописямъ, относящимся до Москвы, Московской губерніи, ихъ церквей и монастырей“, несомнѣнно важенъ для каждаго, желающаго изучить исторію Москвы. Кромѣ этого нельзя не упомянуть о „Резервѣ географическимъ атласамъ, картамъ, планамъ и остратмъ войнъ“, имѣющемъ громадное значеніе для занимающихся исторіею картографіи и историческою географіею, а также и о „Дѣлахъ и Рукописяхъ Аптекарскаго приказа“, начинающая съ XV вѣка, гдѣ изслѣдователь можетъ найти не мало интересныхъ указаній для исторіи цивилизаціи въ Россіи.

Императорская Публичная Библиотека въ 1878 году. Это почтенное учрежденіе существуетъ сравнительно на весьма ограниченныя средства, изъ которыхъ половина (30 т. р.) употребляется на приобрѣтеніе, переплетъ и каталогизацію рукописей и книгъ; тѣмъ не менѣе, благодаря крайней экономіи, а также и частнымъ пожертвованіямъ, съ году на годъ обогащается. Въ числѣ приобрѣтеній, сдѣланныхъ бібліотекою въ 1878 году, слѣдуетъ упомянуть о цѣлой коллекціи рукописныхъ сборниковъ, хронографовъ и лѣтописцевъ, поступившихъ изъ Археологической комиссіи, гдѣ они находились для просмотра, а принадлежали Н. М. Карамзину и подарены бібліотекѣ его сыновьями. Кромѣ крайне интересныхъ статей: „Вѣдомость о Китайской землѣ і о глубокой Индѣи“, сочиненной 1669 году, а также „Оеонасія, иерусалимскаго мнха о наузахъ і о струлѣхъ громной“ и „А се имена всѣмъ градомъ російскимъ, дальнимъ и ближнимъ“ и многихъ другихъ, помѣщенныхъ въ этихъ сборникахъ, обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія рукописныя уники: „Verzeichniss von 103 in beglaubigter Abschrift hiebei anliegenden die mittlere Geschichte Russlands betreffenden Acten-Stücken aus dem grossherzoglich Meklenburgischen Haupt-Archiv zu Schwerin aus den Jahren 1498, 1558 bis 1680 und 1625, nebst einer Schilderung Jwans 2 Czars und Grossfürsten von Russland, von zwey in seinen Diensten gewesenen, ihm abtrünnig gewordenen Rätthen und Statthaltern in Ziefeland aus dem Jahre 1572“; само собою разумѣется, что и акты, касающіеся внутренней исторіи Россіи и донесенія обоихъ намѣстниковъ представляютъ громадный интересъ. Другая уника есть сборникъ актовъ, касающихся Россіи и хранящихся въ Бременскомъ архивѣ. Не менѣе представляетъ интереса и принесенное г. Вагнеромъ въ даръ собраніе документовъ и бумагъ, имѣющихъ частію историческій, частію литературный интересъ. Тутъ есть рукописи А. Н. Муравьева, Инноцентія, епископа Херсонскаго, и другихъ дѣятелей нынѣшняго столѣтія, и въ особенности много массонскихъ умствованій. Достоинно вниманія анонимное письмо В. Н. Каразина къ императору

Александрѣ I въ десятый день по восшествіи его на престолъ. Авторъ прибавилъ впоследствии къ этой рукописи нелишнее интереса примѣчаніе которое мы не можемъ не помѣстить здѣсь *in extenso*. „Бумага сія (содержащая почти все политическое вѣроисповѣданіе автора) была безъ подписанія. Государю угодно было немедленно по прочтеніи ея поручить графу Палену и Д. Пр. Троицкому отыскать виновника. 11 апрѣля 1801 года послѣдній по нѣкоторымъ догадкамъ, призвавъ автора къ себѣ, требовалъ, чтобы онъ открылъ ему истину. Онъ признался. И вотъ источникъ личнаго, особливѣйшаго благоволенія его величества къ сему послѣднему, и повелѣнія, даннаго ему, писать съ подобною же откровенностію. Но *tempora mutantur*—и что правилось и поощрялось въ 1801, весьма разсердило императора въ 1808, такъ какъ въ этомъ же собраніи мы находимъ другую рукопись того же Каразина съ припискою: „Омега. Пбслано чрезъ почту въ 1808 году, предъ отъѣздомъ его величества въ Эрфуртъ, но получено по возвращеніи. Сіе письмо имѣло несчастное то дѣйствіе, что указомъ, объявленнымъ слободско-украинскому губернатору чрезъ статсъ-секретаря Молчанова, повелѣно: „статскаго совѣтника и кавалера Каразина, за нелѣпыя его разсужденія о дѣлахъ, которыя до него не принадлежатъ и ему извѣстны быть не могутъ, взявъ изъ деревни его подъ карауломъ, посадить на харьковскую гауптвахту на восемь дней. Послѣ чего истребовать отъ него подписку, чтобы онъ, подъ опасеніемъ жесточайшаго наказанія, не отважился болѣе безпоконтъ его величество“. Книгопродавецъ М. О. Вольфъ принесъ библиотекѣ въ даръ собраніе автографовъ нашего знаменитаго проповѣдника Иннокентія Херсонскаго и Таврическаго; среди этихъ рукописей особеннаго вниманія заслуживаютъ работы, составленныя Иннокентіемъ въ то время, когда онъ заставлялъ въ особомъ комитетѣ въ раскольническимъ дѣламъ, который затѣмъ былъ переформированъ въ постоянное „Раскольничье отдѣленіе“ при Департаментѣ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Какъ и большая часть духовныхъ лицъ, Иннокентій не отличался особенно христіанскими воззрѣніями на расколъ, но все же шелъ всегда наперекоръ тѣмъ изъ членовъ комитета, которые рекомендовали самыя суровыя мѣры. Иннокентій прямо высказался противъ раззоренія монастырей и скитовъ, на которомъ настояли однако прочіе члены, и рекомендовалъ проповѣдь, словопренія и миссіонерство. Къ числу крайне интересныхъ также пріобрѣтеній, сдѣланныхъ библиотекѣ, слѣдуетъ несомнѣнно отнести и переданное министерствомъ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаремъ Маковымъ собраніе 532 фотографій разнаго формата, представляющихъ русскій и инородческій народный костюмъ, лѣтній и зимній, со всеми его принадлежностями, во всѣхъ губерніяхъ Россійской имперіи. Снимки эти сдѣланы были для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ то время, когда установлена была общая воинская повинность и имѣлось въ виду составить прозекъ формы обмундированія для государственнаго ополченія. Коллекція превосходна и вполне можетъ служить научнымъ цѣлямъ, такъ какъ каждый снимокъ снабженъ на оборотѣ подробнымъ объясненіемъ, губерніи и уѣзда, гдѣ носятъ этотъ костюмъ, матеріала, изъ котораго шьется костюмъ и мѣстныхъ названій костюма. Еще болѣе замѣчательна купленная библиотекѣю коллекція фотографическихъ снимковъ съ историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ собраній Британскаго музея въ 12 томахъ (1041 листъ) съ текстомъ, составленнымъ преимущественно консерваторомъ музея Франксомъ, котораго однако „Отчетъ“ почему-то называетъ „Франкомъ“. Изъ печатныхъ пріобрѣтеній слѣдуетъ отмѣтить весьма значительную коллекцію крайне курьезныхъ изданій, которыя могли появиться лишь при нашихъ условіяхъ. Для примѣра возьмемъ хотя бы „Большой канонникъ. Напечатанъ въ типографіи почаевской. Нынѣ же перепечатанъ съ перевода в г. Яссахъ“. Иной, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ подумаетъ, что книга напечатана въ Яссахъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было. Существуютъ у насъ милліоны старообрядцевъ разныхъ толковъ, которымъ требуются священныя книги; а

между тѣмъ существуютъ у насъ также и особыя крайне стѣснительныя типографскія правила и притомъ въ особенности по отношенію къ раскольническимъ книгамъ, а потому и приходится нашимъ старовѣрамъ пускаться на выдумки и дерекхитрять инспекторовъ типографій. Что хитрости эти удаются — шлоуиъ и что законъ обходится крайнѣ ловко — тому доказательствомъ можетъ служить именно только что прибрѣтенная бібліотекою коллекція старопечатныхъ книгъ; такъ напримѣръ, оказывается, что вышеупомянутый „канонникъ“ въ дѣйствительности напечатанъ въ Москвѣ, въ 1876 году, въ количествѣ 900 экземпляровъ Алексѣемъ Авчинниковымъ; „Цвѣтникъ“ почаевскій напечатанъ близъ города Гжатска, Смоленской губерніи въ 1875 году, крестьяниномъ Журавлевымъ; „Псалтырь“ тоже почаевская — въ селѣ Таракановкѣ, Медвѣнскаго уѣзда, Калужской губерніи, въ 1878 году, крестьяниномъ Тимоѣемъ Васильевымъ; „Исторія о отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ“ — близъ города Плеса, Костромской губерніи, старообрядцами Страннической секты въ количествѣ 1280 экземпляровъ и т. д.; нѣкоторыя изданія напечатаны въ числѣ 4000 экземпляровъ. Наконецъ отмѣтимъ еще одно крайне цѣнное прибрѣтеніе, сдѣланное у Ашера въ Берлинѣ; книга эта называется: „Relation de tout ce que regardé la Moscovie, ses habitants et leur Grand-Duc, tirée des meilleurs Auteurs qui en ont parlé jusqu'a présent. Azyon, au Mercure-Galant. 1688“. Книга эта составляетъ бібліографическую рѣдкость, а главное — до сихъ поръ была совершенно неизвѣстна нашимъ историкамъ.

Не безынтересны и цифры, сообщаемыя отчетомъ; цифры эти показываютъ годовое обогащеніе бібліотеки на 23,018 томовъ, да кромѣ того прислано цензурными комитетами и отдѣльными цензорами 8,221 томъ. Больше всего прислано цензурное вѣдомство петербургское, затѣмъ идетъ Москва, Варшава, Рига, Кіевъ, Вильна, Одесса, Ревель, Дерптъ, Тифлисъ и наконецъ Казань. Бібліографическими работами въ бібліотекѣ занимались помощникъ директора А. Ѳ. Бычковъ, издавшій первый выпускъ составляемаго имъ „Описанія славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ“, и бібліотекаръ Гарваи, продолжавшій свои розысканія въ рукописяхъ знаменитаго собранія Фирковича. Г. Гарваи удалось между анонимными рукописями этого собранія найти нѣсколько весьма важныхъ сочиненій и отрывковъ, считавшихся до сихъ поръ утерянными для науки; понятно, что заинтересованный древнею Караимскою и Арабскою литературами по отношенію ихъ къ разъясненію древней исторіи Россіи, почтенный гебраистъ обращалъ особенное вниманіе на такія сочиненія, которыя могли уяснить что-либо изъ исторіи болгаръ, приволжскихъ или хозаръ. Въ теченіе 1878 года каталогизировано до 29,000 сочиненій и 25,000 рукописей, что доказываетъ усиленную дѣятельность бібліотечарей.

Новый музей. Недавно опубликовано распоряженіе объ учрежденіи при Императорской Академіи Наукъ особаго музея по антропологіи и этнографіи. Давно уже ощущалась необходимость такого музея въ Петербургѣ, но частныя средства отдѣльныхъ ученыхъ петербургскихъ обществъ были слишкомъ незначительны для осуществленія этого полезнаго дѣла. А между тѣмъ создать такой музей правительству гораздо легче, нежели кому бы то ни было и по той весьма простой причинѣ, что въ разныхъ правительственныхъ же учрежденіяхъ подобнаго рода существуютъ уже прекрасныя матеріалы, которые, будучи сгруппированы вмѣстѣ, представили бы прекрасное и богатое ядро будущаго Центрального музея. Мы знаемъ очень хорошо о существованіи богатѣйшихъ этнографическихъ коллекцій въ Московскомъ архивѣ, но до сихъ поръ никто ни не пользовался, и они существовали лишь для счета; громадная краниологическія коллекціи Медицинской академіи, будучи перенесены въ новый музей, могли бы съ перваго же дня его существованія поставить его на ряду съ богатѣйшими музеями Европы. А сколько валяется несомнѣнно цѣнныхъ матеріаловъ въ сѣняхъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ? Куда дѣвалась

изумительная коллекція изъ Мерянскихъ кургановъ графа Уварова? Кому приноситъ пользу превосходная коллекція Бэра, хранящаяся въ фзіологическомъ кабинетѣ Академіи Наукъ? А между тѣмъ если бы централизовать эти коллекціи, то музей, несомнѣнно, съ перваго же дня явился бы богатѣе и полезнѣе для дѣла.

Собираніе старыхъ книгъ и рукописей, а также старинныхъ вещей, сдѣлано въ послѣднее время въ нашемъ обществѣ значительные успѣхи; число собирателей все болѣе и болѣе увеличивается, и въ частныхъ рукахъ собираются очень любопытныя коллекціи, по нѣкоторымъ частямъ болѣе богатя, чѣмъ тѣ, что находятся въ казенныхъ бібліотекахъ и музеяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ частныхъ коллекцій состоятъ между прочимъ изъ предметовъ, относящихся исключительно къ XVIII вѣку и первой половинѣ текущаго столѣтія. Такъ, въ Петербургѣ намъ известна въ рукахъ одного частнаго лица, человѣка съ большимъ образованіемъ и вкусомъ, прекрасная коллекція русскихъ портретовъ на кости, у другаго почтеннаго собирателя и знатока — коллекція русскихъ портретовъ, гравированныхъ и литографированныхъ, еще у одного лица — богатая коллекція русскихъ автографовъ и т. д. И должно сказать, что коллекціи эти составлены преимущественно на такъ-называемомъ Толвучемъ рынкѣ и въ лавкахъ петербургскихъ букинистовъ. Эти столь невзрачныя по виду склады старины и до сихъ поръ служатъ богатѣе полемъ для поисковъ нашихъ собирателей. Такъ, въ числѣ самыхъ недавнихъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ у нихъ разными лицами, мы можемъ назвать слѣдующія:

- 1) полная рукопись камеръ-фурьерскаго журнала одного изъ 70-хъ годовъ прошлаго вѣка, пополняющая собою коллекцію этихъ дневниковъ, хранящуюся въ придворномъ вѣдомствѣ;
- 2) подлинныя письма И. И. Дмитріева къ П. П. Свиньину;
- 3) тетрадь, писанная А. С. Шишковымъ и содержащая въ себѣ часть его дневника, ту именно часть, которой не достаетъ въ берлинскомъ изданіи записокъ и писемъ этого известнаго адмирала;
- 4) отрывки изъ записокъ стариннаго литератора Ильинскаго (изъ временъ Александра I);
- 5) нѣкоторыя бумаги изъ портфеля известнаго статсъ-секретаря Екатерины Второй А. В. Храповицкаго, представляющія любопытныя комментаріи къ его запискамъ;
- 6) автобіографія М. И. Антоновскаго, писателя конца прошлаго вѣка изъ кружка массоновъ.

Съ нѣкоторыми изъ этихъ памятниконъ старины мы надѣемся познакомить читателей „Историческаго Вѣстника“.

НОВЫЙ ВСЕМІРНЫЙ ПОТОПЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Ю. РОДЕНВЕРГА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

ПРИЛОЖЕНІЕ
НЪ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР. Д. № 11—2

1880

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

Миссъ Дальримпе становится леди.

В ВОСЬМИДЕСЯТЫХЪ годахъ прошлаго столѣтїя, за столомъ достопочтеннаго эсквайра Гева Дальримпе собралось однажды вечеромъ веселое общество. Гевъ Дальримпе весело проводилъ жизнь, любилъ вино и женщинъ. — за исключенїемъ впрочемъ своей законной жены, которая разсталась съ нимъ послѣ трехъ-четырехъ лѣтъ самой несчастной супружеской жизни.

М-ръ Дальримпе происходилъ изъ почтенной старо-католической шотландской фамилии и занималъ видное мѣсто въ обществѣ, благодаря счастью и своимъ недюжиннымъ способностямъ. Какъ младшій въ семьѣ, Дальримпе занялся адвокатурой и скоро приобрѣлъ громадную извѣстность защитой одного дѣла, которое въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтїя обратило на себя вниманїе всего тогдашняго фешенебельнаго общества. То былъ знаменитый процессъ Гамильтонъ-Дугласовъ, веденный герцогинею Аргилль, вдовою герцога Гамильтона, за своихъ несовершеннолѣтнихъ сыновей отъ перваго брака, противъ наслѣдниковъ послѣдняго герцога Дугласа. Дальримпе выступилъ въ качествѣ адвоката герцогини и, выигравъ дѣло, доставилъ фамилии Гамильтонъ маркизатъ Дугласовъ и 17,000 фунт. стерл. годоваго дохода съ Дугласовскихъ помѣстій. Эта удача на столько прославила талантливаго адвоката, что правительство съ своей стороны сочло нужнымъ отличить Гева Дальримпе и назначило его короннымъ стряпчимъ острова Гренады (англійской колонїи въ Вестъ-Индіи). Однако не задолго передъ отъѣздомъ новаго короннаго стряпчаго изъ Шотландїи миссъ Дальримпе, какъ мы уже упоминали выше,

*

разсталась съ нимъ или, лучше сказать, мужъ бросилъ ее,—и она, опечаленная, вернулась къ своимъ родителямъ, гдѣ, произведи на свѣтъ дочь, вскорѣ умерла. Впослѣдствіи, эта единственная дочь по желанію отца была отправлена на воспитаніе въ одинъ французскій монастырь въ сопровожденіи вѣрной служанки.

По прошествіи десяти лѣтъ и не задолго до того времени, съ котораго начался нашъ романъ, достопочтенный коронный стряпчій вернулся изъ Гренады на родину съ весьма значительнымъ состояніемъ и съ похвальнымъ намѣреніемъ—насладиться имъ наилучшимъ образомъ въ кругу друзей и вдали отъ дѣлъ. Едва водворившись въ Единбургѣ, онъ выписалъ свою дочь изъ французскаго монастыря, чтобы вывезти ее въ свѣтъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Тогда сѣверные Аѳины далеко не отличались такимъ ригоризмомъ въ нравахъ, какъ въ настоящее время; единбургскіе мудрецы были усердными послѣдователями школы Эпикура и придавали большое значеніе веселой пирушкѣ, полному кубку и гостепримному столу. Нужно замѣтить, что столъ короннаго гренадскаго стряпчаго былъ одинъ изъ самыхъ богатыхъ и изысканныхъ въ Единбургѣ и въ добавокъ имѣлъ еще то преимущество, что гости не были стѣснены въ рѣчахъ и обращеніи присутствіемъ хозяйки дома. Благодаря этому, тогдашніе единбургскіе кутилы особенно охотно посѣщали Гева Дальримпе и званый обѣдъ у эсквайра былъ всегда пріятнымъ событіемъ для веселой братіи.

Такимъ обѣдомъ угощаль эсквайръ своихъ гостей въ описываемый нами вечеръ; въ столовой его возсѣдало почтенное общество, состоящее изъ шести дородныхъ господъ, плѣшивыя головы которыхъ по тогдашнему обычаю были прикрыты париками съ косичками.

Эти достойные мужи не оставили безъ вниманія ни одного изъ подаваемыхъ блюдъ. Прежде всего поданъ былъ національный шотландскій супъ, или такъ называемый „mutton-broth“, который всего менѣе походилъ на супъ, и скорѣе напоминалъ любое изъ произведеній кулинарнаго искусства, такъ какъ совмѣщаль въ себѣ чуть ли не цѣлый обѣдъ и въ добавокъ сильно отзывался бараниной. Но шотландцы предпочитаютъ этотъ супъ всѣмъ кушаньямъ на свѣтѣ,—онъ подается у нихъ при всякомъ званомъ обѣдѣ; затѣмъ поданъ былъ громадный лосось изъ рѣки Тай, особенно славящейся этой рыбой. Соусъ былъ приправленъ капорцами; но гостямъ предоставлялось прибавить къ нему анчоусовой или шампиніонной сои, чтобы придать ему еще больше вкуса или, выражаясь словами сэра Джона Эліотта, „чтобы испортить его“, такъ какъ достопочтенный сэръ держался того мнѣнія, что всѣ пикантныя приправы только портятъ вкусъ хорошихъ кушаньевъ, ничуть не поправляя дурныхъ. Но самымъ изысканнымъ блюдомъ и украшеніемъ обѣда было филе козули изъ Ланаркшира, которая была послана эсквайру гамилтоповскимъ лѣсничимъ въ знакъ особеннаго уваженія. Это жаркое оказалось на столько нѣжнымъ

и сочнымъ, что гости должны были сознаться, что никогда не ѣдали ничего подобнаго въ своей жизни.

— Я вполне убѣжденъ, воскликнулъ сэръ Джонъ Элиоттъ, считавшійся у своихъ друзей оракуломъ кулинарнаго искусства, что люди изъ одного только фатовства расхваливаютъ „haut goût“ испорченной дичи. Подаютъ вамъ прокислое вино и говорятъ, что это первый сортъ, угощаютъ протухлою дичью и хотятъ увѣрить васъ, что лучшаго кушанья и на свѣтѣ нѣтъ. Все это предразсудки и выдуманно французами, чтобы надувать людей. Да, милостивые государи, наши приятели по ту сторону пролива такъ же плохо распоряжаются своими лѣсами, какъ и дичью, и должны добывать себѣ жаркое Богъ вѣсть изъ какихъ далекихъ мѣстъ, иногда за нѣсколько дней пути, такъ что они по-неволѣ возвели въ достоинство то, что дѣлается по необходимости, и даже придали новое названіе запаху гнилой дичи. Но придетъ время, когда французская знать убѣдится наконецъ, что гнилое мясо козули такъ же не годится для ѣды, какъ гнилая баранья нога. Намъ конечно не придется дожидаться этого времени, потому что мы и теперь имѣемъ возможность получать свѣжую дичину изъ нашихъ лѣсовъ,—и мнѣ остается только добавить: „да здравствуетъ шотландская дичина“!

— Да здравствуетъ ланарскій лѣсничій, приславшій козулю нашему почтенному хозяину!.. воскликнулъ другой гость, поднимая бокаль съ шампанскимъ,—этотъ процессъ Гамильтонъ-Дугласовъ былъ истиннымъ божьимъ благословеніемъ, такъ какъ онъ составилъ счастье нашего друга. Дай Богъ, чтобы онъ подольше лакомился дичиной изъ Ланаршира! Господа, я пью за здоровье нашего друга!

— Принимаю вашу тостъ въ надеждѣ, что и вы будете лакомиться вмѣстѣ со мною вкусной дичиной, и въ свою очередь пью за здоровье моихъ гостей! отвѣтилъ съ поклономъ м-ръ Дальримпе при громкихъ крикахъ одобренія присутствующихъ.

Вслѣдъ затѣмъ вошелъ старый слуга и, снявъ со стола скатерть, подалъ десертъ на темнокоричневомъ подносѣ: двѣ тарелки лѣсныхъ орѣховъ, два большихъ графина съ рубино-краснымъ старымъ портвейномъ и тонкіе хрустальные стаканы. За десертомъ принято вообще рассказывать такъ называемыя „занимательныя исторіи“ и потому одинъ изъ гостей тотчасъ же началъ свое повѣствованіе, а остальные слушали его, потягивая вино и щелкая орѣхи. Однако рассказъ былъ скоро прерванъ самымъ неожиданнымъ образомъ: кто-то постучался въ дверь, хотя такъ тихо, что сначала только двое изъ собесѣдниковъ разслышали стукъ. Но когда стукъ повторился громче прежняго, собесѣдники съ удивленіемъ переглянулись между собою, а м-ръ Дальримпе вскопчилъ съ мѣста.

— Чортъ возьми, воскликнулъ онъ, кто смѣетъ являться сюда, когда уже снята скатерть!

Въ то самое время, когда веселое общество возсѣдало за столомъ гостеприимнаго хозяина, въ верхнемъ этажѣ того же дома сидѣла молодая дѣвушка и думала о томъ, чѣмъ бы ей наполнить длинныя, томительныя часы.

Бѣдняжка во всю свою жизнь не испытывала такого одиночества какъ въ послѣдніе дни и правду сказать никогда еще не чувствовала такой скуки. Здѣсь не было ничего такого, что могло бы развлечь или занять ее: ни болтовни подругъ, ни обычныхъ посѣтителей въ пріемные дни, ни того поддразниванья или мелкихъ интригъ, которыя неизбѣжны во всякомъ женскомъ пансіонѣ. Она даже была лишена невиннаго удовольствія разсердить при случаѣ настоятельницу монастыря, или завести споръ съ учителемъ, или аббатомъ.

Что получила она въ замѣнъ всего этого? Свободу, которой она не пользоваться не умѣла, да еще общество старой служанки, вѣрнаго и преданнаго существа, но невыносимо скучнаго.

— Чего вамъ не достаетъ, миссъ? наконецъ спросила ее служанка. цѣлый день убиравшая вещи своей молодой госпожи, за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхавшей вмѣстѣ съ нею изъ Франціи.—Что же дальше будетъ, если вы уже теперь соскучились! Подойдите-ка сюда. сказала она, поднимая окно, взгляните на нашъ Эдинбургъ, на эту землю, эти горы и порадитесь, что вы опять на родинѣ!

Домъ м-ра Дальримпле находился на самомъ высокомъ мѣстѣ улицы High-Street, возлѣ знаменитаго Эдинбургскаго замка, и изъ оконъ его открывался роскошный видъ на тысячи старомодныхъ фронтоновъ, крышъ и зданій, на терассообразныя улицы и площади города и на море, видѣвшееся вдалькѣ узкой золотистой полосой, освѣщенной лучами заходящаго солнца.

— Взгляните на этотъ чудный городъ, миссъ, продолжала съ воодушевленіемъ служанка.—Подойдите поближе! Эдинбургъ видѣнъ отсюда изъ конца въ конецъ... Вотъ скала Артура, а тамъ, гдѣ эти голубоватыя горы,—Ламмермуръ... Другой такой страны нѣтъ въ цѣломъ мірѣ! Развѣ Франція и Парижъ могутъ сравниться съ нею? А этотъ здоровый горный воздухъ! Да вы нигдѣ не найдете такого воздуха. Господь да благословитъ тебя, моя дорогая Шотландія и дай, Боже, мнѣ никогда не покидать тебя!...

Но молодая дѣвушка почти не обратила вниманія на эти слова.

— Слышишь, сказала она, приложивъ палецъ къ губамъ, какъ имъ весело внизу.

Въ эту минуту въ столовой послышался дружный громкій хохотъ, нарушившій тишину дома.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось пойти къ нимъ, продолжала миссъ, стоя въ нерѣшимости въ полуотворенныхъ дверяхъ.

— Еще этого не доставало! воскликнула съ ужасомъ служанка.—Вы вдоволь проказничали въ монастырѣ—но теперь, слава Богу, вы уже не въ монастырѣ, а въ Эдинбургѣ. Пожалуйста, миссъ Грэсъ, отой-

дите отъ двери, будьте доброй дѣвушкой, сядьте здѣсь и смотрите изъ окна, или возьмите книгу... Подождите, я вамъ принесу отличную книжку.

— Бекки! воскликнула миссъ Грэсъ тономъ, въ которомъ слышался гнѣвъ и слезы.

— Только не плачьте, продолжала служанка, я отыщу въ сундукѣхъ ту красивую книгу, которую вамъ подарила настоятельница на прощанье—въ сафьянномъ переплетѣ съ золотомъ.

— Басни Лафонтена! рыдая произнесла Грэсъ. — Нѣтъ это невыносимо!

Между тѣмъ Бекки отправилась въ сосѣднюю комнату и начала рыться въ сундукахъ и ящикахъ, напѣвая свою старинную пѣсню, которая окончателно привела въ отчаяніе миссъ Грэсъ, такъ какъ она слышала эту пѣсню чуть ли не съ колибели.

Наконецъ Бекки отыскала „большую, красивую книгу въ сафьянномъ переплетѣ съ золотомъ“ и понесла ее своей молодой госпожѣ; но миссъ уже не оказалось въ комнатѣ. Она воспользовалась отсутствіемъ Бекки, чтобы сбѣжать съ лѣстницы,—и это незначительное обстоятельство, какъ мы видѣли выше, произвело немалый переполохъ между почтеннѣйшими джентльменами, занятыми портвейномъ и поучительной бесѣдой.

М-ръ Дальримпе вскочилъ съ мѣста, чтобы узнать причину неожиданной помѣхи. Но едва онъ пріотворилъ дверь, какъ въ комнату убѣжала съ громкимъ смѣхомъ молодая, 15-ти или 16-ти лѣтняя дѣвушка, полудитя, но уже съ роскошно-развитыми формами и лицомъ очаровательнымъ по своей миловидности. Это нѣжное и миниатюрное личико съ прекрасными темно-карими глазами, тонкими бровями и длинными рѣсницами, окаймленное темно-каштановыми напудренными волосами, было особенно прелестно, когда молодая дѣвушка, слегка откинувъ назадъ свою лебединую шею, съ веселымъ смѣхомъ прижалась къ груди м-ра Дальримпе.

— Ахъ, папа, до чего смѣшно! Ты очень сердитъ на меня? Прости папа! Мнѣ было такъ скучно наверху, въ моей комнатѣ! Когда я услышала, что вы стучите стаганами и со смѣхомъ провозглашаете тосты, я подумала, что съ вами мнѣ будетъ гораздо веселѣе; я убѣжала отъ Бекки и постучала къ вамъ въ дверь, чтобы вы приняли меня въ свое общество.

— Вотъ такъ славная дѣвочка! сказалъ мистеръ Дальримпе, которому видимо поправилась выходка дочери.—Вижу теперь, чему тебя научили во французскомъ монастырѣ, а я въ простотѣ душевной былъ увѣренъ, что ты пріѣдешь ко мнѣ настоящей монахиней.

Нужно замѣтить, что французскіе монастыри въ тѣ времена далеко не отличались святостію. Они служили мѣстомъ rendez-vous для фешензбельнаго общества, которое безъ всякихъ стѣсненій навѣщало въ монастыряхъ своихъ родственницъ и ихъ подругъ. Кардиналъ Лека-

мюзъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія пробовалъ было измѣнить такой порядокъ вещей и напомнилъ монахинямъ, что, если онѣ отрѣклись отъ свѣта, то не должны продолжать съ нимъ сношеній. Но голосъ этотъ былъ заглушенъ громкими оргіями регентства и въ монастыряхъ продолжали жить лица, всего менѣе пригодныя для монашеской жизни. Однимъ изъ худшихъ монастырей въ этомъ отношеніи былъ Августинскій женскій монастырь въ Монфлѣри, пользовавшійся особеннымъ покровительствомъ высшаго парижскаго общества. Въ этомъ-то монастырѣ и воспитывалась дочь м-ра Дальримпе. Здѣсь она впервые увидала герцога Луи-Филиппа Орлеанскаго, который тогда кружилъ голову всему Парижу. Герцогъ довольно часто посѣщалъ монастырь, не столько для монахинь, сколько для молодыхъ воспитанницъ отъ 14 до 17 лѣтъ, которыхъ монахини обучали всѣмъ тонкостямъ свѣтскаго обращенія.

Понятно, что дочери м-ра Дальримпе, вернувшейся изъ такого веселаго монастыря въ однообразный по ея понятіямъ Эдинбургъ, не понравилось сидѣть одной въ своей комнатѣ, и что у ней явилось желаніе пойти въ столовую, гдѣ слышался звонъ стакановъ. Съ чисто парижской граціей и изяществомъ поклонилась она каждому изъ гостей, которымъ по очереди представилъ ее отецъ, повторяя одну и ту-же фразу: „миссъ Грэсъ Дальримпе—моя дочь“!

Всѣ джентльмены поднялись при этомъ съ своихъ мѣстъ, но сэръ Джонъ Эліоттъ первый отвѣтилъ на изящный поклонъ миссъ Дальримпе.

Сэръ Джонъ Эліоттъ происходилъ изъ древней, довольно значительной шотландской фамиліи. Это былъ человѣкъ умѣвшій хорошо пожить въ полномъ значеніи этого слова, считавшійся знатокомъ кулинарнаго искусства, извѣстный своимъ любезнымъ обхожденіемъ съ женщинами. Тѣмъ не менѣе его изысканная вѣжливость отличалась нѣсколько старосвѣтскими формами и напоминала времена Помпадуръ, за которой онъ приударялъ въ былые годы, во время своихъ поѣздокъ на континентъ, такъ какъ сэръ Джонъ былъ не первой молодости и лѣтъ на десять старше отца Грэсъ.

Но сэръ Джонъ, какъ человѣкъ не женатый, все еще имѣлъ претензію казаться молодымъ въ обращеніи и въ туалетѣ. Однѣ только ноги плохо слушались его, такъ какъ этотъ почтенный джентльменъ, предпочитая излишество діэтѣ и вино водѣ, испытывалъ иногда сильнѣйшіе приступы подагры. Когда это случалось съ нимъ, то сэръ Джонъ Эліоттъ прятался отъ своихъ знакомыхъ и не пускалъ къ себѣ даже близкихъ друзей. Появляясь снова въ обществѣ послѣ испытанныхъ имъ мученій, онъ тщательно скрывалъ свою настоящую болѣзнь и говорилъ всѣмъ, что мучился „зубной болью“. Эта „зубная боль въ ногахъ“, какъ ее называли друзья сэра Джона, вошла у нихъ въ разговорку и служила вѣчнымъ поводомъ къ разнымъ шуточнымъ замѣчаніямъ, которыя не особенно нравились сэру Джону. Но онъ терпѣливо

выносить всё эти замѣчанія и кротко отвѣчалъ насмѣшникамъ:—Погодите, братцы, со всѣми вами тоже будетъ рано или поздно!

Что же касается туалета сэра Джона, то онъ всегда одѣвался по послѣдней лондонской модѣ. Въ описываемое время онъ носилъ голубой фракъ съ пуговицами изъ желтой меди, замшевую жилетку, треугольную шляпу и парикъ съ косичкой, скрывавшій его голый черепъ, на которомъ уже не было ни одного волоска.

Не смотря на сильно измѣнившуюся фигуру и годы, сэръ Джонъ сказалъ молодой дѣвушкѣ почти то же привѣтствіе, съ какимъ нѣкогда обратился къ маркизѣ Помпадуръ, и чинно довелъ ее до стола. Затѣмъ, усѣвшись рядомъ съ миссъ Дальримпе, онъ подалъ знакъ остальнымъ гостямъ, что молодая хозяйка приглашаетъ ихъ вернуться къ своимъ мѣстамъ и стаканамъ.

Никто повидимому не былъ болѣе доволенъ въ эту минуту, какъ бывшій боронный страпчій. Онъ искренно любовался красотой своей дочери и до извѣстной степени гордился ею, замѣчая впечатлѣніе, какое она произвела на его компанію, мнѣніе которой было для него важно во многихъ отношеніяхъ. Онъ подлил вина своимъ гостямъ и тѣ не замедлили воспользоваться случаемъ, чтобы провозгласить тостъ за здоровье молодой хозяйки. Хотя м-ръ Дальримпе и его гости вѣроятно выпили бы достаточное количество вина и безъ присутствія Грэсъ, но теперь они выпили вдвое больше, потому что каждый оживился по своему, благодаря обаянію ея блестящихъ карихъ глазъ и милого улыбающагося рта.

Но сэръ Джонъ Эліоттъ, сидѣвшій рядомъ съ молодой дѣвушкой, противъ своего обыкновенія пилъ очень мало. Быть можетъ онъ уже черезчуръ былъ поглощенъ ролью галантнаго кавалера, такъ неожиданно выпавшей ему на долю. И наконецъ какой же свѣтскій чело-вѣкъ, не лишенный вкуса, будетъ сидѣть равнодушно возлѣ дѣвушки подобной Грэсъ, которая не смотря на свои пятнадцать лѣтъ представляла собою совершенство женской красоты и граціи, не только своей очаровательной наружностью, но и прелестью обхожденія и удачнымъ выборомъ туалета. Тогдашняя мода, отбросивъ прежніе чудовищные головные уборы и башмаки съ высочими каблуками, уже до извѣстной степени перешла къ простотѣ послѣдующаго періода, сохранивъ еще богатство красокъ и матерій прошлыхъ временъ.

Талія не была такъ длинна какъ прежде и ширина юбокъ сдѣлалась умѣреннѣе; но въ складкахъ сохранилась прежняя красота линий; рука еще не была стѣснена узкимъ, безобразившимъ ее рукавомъ. Въ это время, хотя подготавлился разрывъ съ Франціей и, начиная съ моды, въ Англіи уже стали отвергать все французское или вывезенное изъ Франціи, однако на миссъ Грэсъ было платье, которое она одѣвала въ Монфлѣри, когда представлялась герцогу Орлеанскому—красное съ золотыми нитками, съ боку отороченное бѣлымъ и

приподнятое розетками, съ низко вырѣзаннымъ лифомъ и короткими рукавами.

— И такъ, сударыня, спросилъ сэръ Джонъ,—называвшій по обычаю сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтїя „сударыней“ всякую молодую дѣвушку, съ которой ему приходилось говорить—вы представлялись герцогу? И вы дѣйствительно знакомы съ нимъ, и онъ говорилъ съ вами, сударыня?

— Да, сэръ Джонъ, отвѣтила Грэсъ: его королевское высочество былъ такъ милостивъ, что говорилъ со мною о моей родинѣ и сказалъ, что охотно гостить въ Лондонѣ у своего друга, его королевскаго высочества принца Уэльскаго и что Лондонъ не хуже Парижа. И разумѣется не могу судить объ этомъ, потому что не видала Лондона, хотя очень желала бы побывать въ немъ; но я уже убѣдилась въ одномъ, что здѣсь, въ Эдинбургѣ, невыносимо скучно и что я умру отъ тоски по Парижу, если мнѣ придется еще долго просидѣть въ комнатѣ, которую назначилъ мнѣ папа!

— Но что же дѣлаютъ ваши парижскїя подружки, сударыня? Чѣмъ же онѣ разнообразяютъ свою жизнь?

— Что онѣ дѣлаютъ? Eh bien... онѣ выходятъ замужъ!

Сэръ Джонъ съ такимъ умиленіемъ взглянулъ на молодую дѣвушку, говорившую съ такою очаровательною наивностью, съ какимъ не глядѣлъ ни на одно женское существо въ послѣднія десять-двадцать лѣтъ своей жизни. Но онъ и не встрѣчалъ въ теченіе этого времени ни въ одной женщинѣ такого счастливаго сочетанїя молодости и красоты.

— Вы не путя ожидаете счастья отъ супружества?

— Разумѣется, отвѣтила миссъ Грэсъ.—Для молодыхъ дѣвушекъ большое счастье выйти замужъ. Тогда чувствуешь по крайней мѣрѣ, что не хуже другихъ: можно наряжаться, ѣздить въ экипажѣ, бывать на балахъ, танцовать, — enfin можно веселиться сколько угодно. Вы представить себѣ не можете, какъ мнѣ было стыдно, когда я уѣзжала изъ монастыря, ни съ кѣмъ не помолвленная! Во Франціи дѣвушка выходитъ изъ монастыря только для того, чтобы выйти замужъ. Даже подруга моя Натали де Бургиніонъ, которая моложе меня, уѣзжая изъ монастыря, сказала мнѣ одной, по секрету, что отецъ ея (богатый откупщикъ) уже приготовилъ ей жениха и что она недѣли черезъ двѣ будетъ „madame de St. Malo“.

Вся эта рѣчь, произнесенная серьезнымъ тономъ и сквозь слезы произвела глубокое впечатлѣніе на почтеннаго сэра Джона.

— Значитъ, вы охотно вышли бы замужъ? спросилъ онъ.

— Еще бы! отвѣтила она, видимо недовольная тѣмъ, что сомнѣваются въ искренности ея желанїя, выраженнаго такимъ опредѣленнымъ образомъ.

— Могу ли я спросить васъ, что вы требуете отъ своего будущаго мужа?

Глаза Грэсъ заблестѣли.

— Прежде всего я требую, сказала она, чтобы онъ былъ богатъ,— и начала пересчитывать по пальцамъ всѣ свои требованія,— чтобы онъ позволилъ мнѣ танцовать, сколько мнѣ вздумается... чтобы онъ не бранился со мной третье условіе... и... чтобы онъ поѣхалъ со мной въ Лондонъ, гдѣ даютъ еще лучшіе и болѣе блестящіе балы, чѣмъ въ Парижѣ, какъ мнѣ сказалъ герцогъ Орлеанскій...

— А молодость... наружность... фигура вашего будущего супруга? спросилъ сэръ Джонъ нерѣшительнымъ голосомъ.

— Ну это меня нисколько не интересуетъ! воскликнула Грэсъ съ невинностью ребенка,— это его дѣло!

Легкій румянецъ разлился по тучному лицу сэра Джона и даже по черепу, покрытому парикомъ съ косичкой.

— Если вы серьезно желаете выйти замужъ, сударыня, то я могу представить вамъ жениха, который вполне можетъ исполнить всѣ ваши требованія и сдѣлаетъ это съ величайшею готовностью.

— А онъ навѣрно свезетъ меня въ Лондонъ? спросила она, и нѣжное личико ея покраснѣло отъ волненія.

— Ручаюсь вамъ, что онъ это сдѣлаетъ! Это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ сэръ Джонъ Эліоттъ и что я шотландскій баронетъ. Вотъ вамъ моя рука, сударыня — отъ васъ зависитъ побывать въ Лондонѣ, если вы этого желаете... примите только эту руку и кольцо!

— Въ самомъ дѣлѣ и вы не шутите? воскликнула миссъ Грэсъ. не помня себя отъ радости.— Можетъ быть вы принимаете меня за ребенка и насмѣхаетесь надо мною?

— Нѣтъ, я говорю отъ чистаго сердца. Я предлагаю вамъ мою руку и...

— Значить дѣло рѣшенное! воскликнула молодая красавица, надѣвая на свой палецъ рубиновое кольцо, и при этомъ такъ крѣпко ударила своей ручкой по рукѣ, протянутой сэромъ Джономъ, что сидѣвшіе за столомъ джентльмены оглянулись.

Сэръ Джонъ приподнялся съ мѣста и просилъ своихъ друзей дозволить ему сказать нѣсколько словъ.

— Слушайте, слушайте! воскликнуло разомъ веселое собраніе джентльменовъ, которые до этого на столько шумѣли, что никто изъ нихъ не слышалъ разговора между сэромъ Джономъ и миссъ Грэсъ.

— Съ дозволенія нашего достойнаго друга м-ра Гева Дальримпе, представляю вамъ мою невѣсту— миссъ Грэсъ Дальримпе.

Общій возгласъ удивленія прервалъ рѣчь сэра Джона, но онъ попросилъ своихъ друзей удостоить его еще минутой вниманія.

— Вамъ извѣстно, мой достопочтенный другъ, сказалъ онъ, обращаясь къ хозяину дома, что я шотландскій баронетъ и владѣю независимымъ помѣстьемъ, приносящимъ 10.000 ф. стерл. ежегоднаго дохода; такъ какъ все остальное должно быть улажено между жинихомъ и не-

вѣстой, то, я надѣюсь, мой достопочтенный другъ, что у васъ нѣтъ причины отказать мнѣ въ рукѣ вашей дочери.

— Я не имѣю ничего противъ этого, отвѣтилъ м-ръ Дальримпе,— и если моя дочь согласна...

— Она согласна и желаетъ этого! громко проговорила миссъ Грэсъ.— Ну, теперь мнѣ нечего будетъ завидовать Натали С. Мало,—добавила она вполголоса, любуясь рубиновымъ кольцомъ.

— Теперь, господа, продолжалъ сэръ Джонъ, мнѣ остается только пригласить васъ на мою свадьбу, которую мы отпразднуемъ недѣли черезъ двѣ.

— И мы тотчасъ же поѣдемъ въ Лондонъ? спросила Грэсъ.

— Нецрѣмѣнно! отвѣтилъ сэръ Джонъ.

Дѣйствительно недѣля черезъ двѣ миссъ Грэсъ Дальримпе сдѣлалась „леди Грэсъ Дальримпе Эліоттъ“, и вслѣдъ затѣмъ молодые отправились въ Лондонъ,—она пятнадцатилѣтняя дѣвочка, а онъ—старый шестидесятилѣтній джентльменъ.

Г Л А В А II.

Молодая леди въ Лондонѣ.

Лондонъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія представлялъ собою своеобразное зрѣлище шумныхъ удовольствій, сильнѣйшей борьбы партій и всеобщаго напряженія. Въ это время только-что кончилась американская война за независимость, а вдали уже мерещилась французская революція съ ея потоками крови и грудями непла отъ пожарницъ. Между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ появилось новое свѣтило въ лицѣ наслѣднаго принца Уэльскаго, который тогда впервые выступилъ на сцену общественной жизни и поглотилъ собою вниманіе публики. Уже не разъ было замѣчено, что народъ съ мыслью о наслѣдникѣ престола связываетъ большія ожиданія, и это вполнѣ естественно. Надежда—такое-же прирожденное свойство человѣческой природы, какъ и недовольство: и то, и другое подобно приливу и отливу приводитъ въ движеніе волны общественной жизни, какъ-бы для того, чтобы эти волны опять пришли въ равновѣсіе въ установленныхъ для нихъ предѣлахъ.

Въ прошломъ столѣтіи принцы Уэльскіе неизмѣнно держались оппозиціи, не столько изъ убѣжденія, сколько изъ вражды къ своимъ отцамъ, королямъ Англій. Первый принцъ Уэльскій изъ Ганноверскаго дома жилъ въ открытой враждѣ съ Георгомъ I и сдѣлавшись въ свою очередь королемъ, изгналъ своего наслѣдника въ С.-Джемсъ, и Лей-

ситерь-сквэръ сдѣлался мѣстомъ сборища тори и противниковъ короля-вига Георга II. Упомянутый нами принцъ Уэльскій, возбуждавшій такія надежды въ англійскомъ обществѣ восьмидесятыхъ годовъ, напротивъ того, держался партіи виговъ, такъ какъ его отецъ Георгъ III, былъ тори. Онъ тотчасъ-же окружилъ себя людьми, стоявшими во главѣ оппозиціи, и приверженцами американской независимости; Фоксъ, Шериданъ, Бурке были первыми участниками его пировъ: съ ними онъ пилъ красное вино и игралъ въ карты. Придворные любили его за веселость и въ тѣ дни имя принца Уэльскаго было самое популярное въ Англій. Даже первая случившаяся съ нимъ любовная исторія еще болѣе увеличила его популярность. Эта исторія имѣла крайне романическій характеръ, такъ какъ въ ней вполне высказались поэтическія воззрѣнія восемнадцати-лѣтняго юноши, который увлекшись страстью, забылъ и свое высокое происхожденіе, и свое положеніе въ свѣтѣ.

Молодая двадцати-двухъ-лѣтняя актриса м-съ Мэри Робинзонъ плѣнила впервые легко воспламеняемое сердце юнаго принца, благодаря талантливому исполненію роли пастушки въ Шекспировской комедіи „Зимняя сказка“.

Миссисъ Мэри Робинзонъ, изъ приморскаго города Бристоля, была дочерью флотскаго капитана, по имени Дерби. Отецъ ея, находясь въ счастливыхъ условіяхъ жизни, далъ ей порядочное воспитаніе. Но наука не особенно далась живой дѣвочкѣ, хотя ея воспитательницей была извѣстная въ то время миссъ Ганна Моръ, написавшая нѣсколько нравственныхъ книгъ, которыя и до сихъ поръ читаются въ англійскихъ пансіонахъ. Между тѣмъ денежныя обстоятельства отца Мэри измѣнились къ худшему; онъ задался дикимъ и несбыточнымъ предпріятіемъ цивилизовать эскимосовъ и съ помощью ихъ устроить житловый промыселъ на берегу Лабрадора. Такая филантропическая затѣя разумѣется скоро довела капитана Дерби до полного разоренія: и этотъ человѣкъ, мечтавшій о благѣ всего человѣчества и забывшій собственную семью, кончилъ тѣмъ, что бросилъ жену и дочь и умеръ на русской службѣ, на одномъ военномъ кораблѣ, которымъ онъ командовалъ. Мать и дочь должны были кормить себя собственнымъ трудомъ и съ этой цѣлью переѣхали въ Лондонъ. Здѣсь Мэри занялась даваніемъ уроковъ и, считая свое образованіе недостаточнымъ, употребляла часть заработанныхъ денегъ на то, чтобы усовершенствоваться въ пѣніи и танцахъ. Въ это время случай свелъ ее съ знаменитымъ тогдашнимъ актеромъ Гаррикомъ, который былъ такъ очарованъ красотой и голосомъ молодой дѣвушки, что началъ уговаривать ее сдѣлаться актрисой и взялся самъ приготовить ее для сцены. Съ этою цѣлью онъ прорепетировалъ съ нею роль Корделии въ „Королѣ Лирѣ“, въ которомъ самъ исполнялъ роль короля съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ. Но къ несчастью не задолго до того вечера, когда былъ назначенъ первый дебютъ миссъ Дерби, она познакоми-

лась съ однимъ молодымъ адвокатомъ, м-ромъ Робинзонъ; послѣдній до безумія влюбился въ нее и сдѣлалъ ей предложеніе, хотя ничего не имѣлъ за душою, кромѣ молодости, легкомыслія, бѣдности и любви. Всего этого разумѣется было недостаточно, чтобы обезпечить хозяйство и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ молодые супруги надѣлали столько долговъ, что должны были пропутешествовать въ тюрьму. Это обстоятельство подѣйствовало на нихъ отрезвляющимъ образомъ и они сочли за лучшее разстаться такимъ-же быстрымъ и рѣшительнымъ способомъ, какимъ соединились. Разводъ состоялся и у двадцатилѣтней Мэри ничего не осталось отъ супружества, кромѣ имени. Теперь уже крайняя нужда заставила ее поступить на сцену; и она сдѣлалась актрисой съ твердою рѣшимостью прославиться. Однако первый дебютъ былъ неудаченъ, и ея роль Джульетты въ Шекспировской трагедіи „Ромео и Джульетта“ прошла незамѣченною. Вслѣдъ затѣмъ м-съ Робинзонъ выступила въ незначительной роли пастушки въ „Зимней сказкѣ“ и произвела положительный фуроръ въ публикѣ, благодаря своей красотѣ и граціи.

Весь городъ заговорилъ о миловидной пастушкѣ, которая въ концѣ пьесы овазывается королевской дочерью и выходитъ замужъ за своего вѣрнаго Флорицеля, сына богемскаго короля. „Зимняя сказка“ дана была пять разъ сряду и всякій разъ съ одинаковымъ успѣхомъ. На шестое представленіе принцъ Уэльскій, который былъ такъ-же молодъ и привлекателенъ, какъ богемскій принцъ, хотя и не отличался такимъ постоянствомъ, посѣтилъ Друриленскій театръ, чтобы взглянуть на красивую пастушку. Театръ былъ полонъ, король и вся королевская фамилія также появились въ своей ложѣ. Туалетъ м-съ Робинзонъ въ этотъ вечеръ былъ необыкновенно эффектенъ и такъ шелькъ ей, что когда она появилась изъ уборной въ своемъ фантастическомъ бѣломъ нарядѣ, съ голубой обшивкой и въ золотыхъ сандаляхъ, то актеръ Шмитъ, исполнявшій роль короля Леонтеса, встрѣтилъ ее восклицаніемъ: „Клянусь Іеговой! вы одержите сегодня блистательную побѣду! Я никогда не видалъ васъ такой хорошенькой!“

Предсказаніе Шмита исполнилось: едва молодая актриса показалась на сценѣ, какъ его королевское высочество принцъ Уэльскій пришелъ въ неописанный восторгъ и приказалъ позвать къ себѣ въ ложу знаменитаго Шеридана, бывшаго тогда директоромъ театра. — „By Gad! воскликнулъ принцъ, который, не смотря на свою молодость, божился чуть ли не при всякомъ словѣ, по привычкѣ, усвоенной имъ въ С.-Джемсѣ, — у васъ на сценѣ очаровательная пастушка! Скажите ей, что принцъ Уэльскій въ восхищеніи отъ ея игры!“ Въ слѣдующемъ актѣ его королевское высочество, высунувшись изъ своей ложи, аплодировалъ едва ли не громче всѣхъ, и когда спустили занавѣсъ, участь принца была рѣшена: у него явилось твердое намѣреніе сдѣлаться Флорицелемъ прекрасной пастушки.

Принцъ изъ театра вернулся въ свой уединенный замокъ Кевъ,

окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, гдѣ онъ жилъ въ то время и, удалившись въ свою комнату, изъ открытаго окна которой доносился до него запахъ цвѣтущихъ липъ и пѣніе соловья, онъ въ ту же ночь написалъ слѣдующее посланіе на листкѣ бумаги, украшенной его гербомъ:

„Милая!

„Я не могу принадлежать и самому себѣ, не только кому другому, если не буду твоимъ. Это рѣшеніе неизмѣнно ¹⁾!

Флорицель“.

Посланіе это, выписанное цѣликомъ изъ Шекспировской комедіи, было передано графомъ Эссексомъ (а по другимъ свѣдѣніямъ его сыномъ, виконтомъ Мадденомъ), по слѣдующему адресу:

„Миссисъ Мэри Робинзонъ, Друриленскій театръ, Лондонъ“.

Въ отвѣтъ на это принцъ получилъ слѣдующія строфы изъ той-же комедіи:

„Ваша рѣшимость, принцъ, не выдержитъ,
„Когда столенется съ властью короля“.

Велѣдъ затѣмъ принцъ отправилъ второе письмо:

„Милая! Прошу, не омрачай свѣтлаго праздника такими опасеніями; я твой, а не отца моего“.

Эти строки были посланы вмѣстѣ съ миниатюрнымъ портретомъ Флорицеля-Георга, нарисованнымъ художникомъ Мейеромъ. Въ медаліонѣ, въ который былъ вставленъ этотъ портретъ, положено было сердце, вырѣзанное изъ бумаги; на одной сторонѣ его была французская надпись: „Je ne change, qu'en mourant“, а на другой сторонѣ было написано по англійски:

„Твой вѣрный Флорицель на всю жизнь“.

Наступила одна изъ чудныхъ лунныхъ ночей, послужившихъ богатой темой романтикамъ позднѣйшихъ временъ. Темза блестѣла въ серебристомъ полусвѣтѣ іюльской ночи и тихо шумѣли старія деревья, окружавшія королевскій замокъ Кевъ. Около полуночи къ мраморной лѣстницѣ, ведущей въ паркъ, причалила лодка; изъ нея вышла богемская настушка, и принцъ подобно принцу „Зимней сказки“ подаль ей руку...

Съ этой ночи миссъ Мери Робинзонъ сдѣлалась открыто любовницей принца Уэльсаго. Онъ назначилъ ей содержаніе въ 20,000 ф. ст. (хотя она не получила изъ него и десятой доли) и устроилъ ей роскошное помѣщеніе въ Cork-Street'ѣ, самой фешенэбельной улицѣ тогдашняго Лондона.

Эта исторія, встрѣтившая такое сочувствіе со стороны англійскаго общества, продолжалась около года. Время быстро промелькнуло для влюбленныхъ среди баловъ, празднествъ и веселыхъ ночей съ виномъ

¹⁾ См. переводъ „Зимней сказки“, Кетчера, изд. 1866 г., стр. 60.

Примч. переводч.

и пѣніемъ, но когда вслѣдъ затѣмъ родился первый ребенокъ, то молодой принцъ былъ сильно смущенъ, — о ребенкѣ, который могъ быть уликой для отца (такъ какъ сильно походилъ на него), запрещено было упоминать, и самое существованіе его должно было остаться тайной.

Тогдашній Лондонъ вовсе не походилъ на нынѣшній, и общество его было совсѣмъ другое: глубоко испорченное, легкомысленное, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое веселое, какъ мы теперь и вообразить себѣ не можемъ. Лондонъ самъ по себѣ какъ бы вмѣщалъ цѣлый міръ; онъ выплясывалъ послѣдній танецъ передъ великой революціей, которая должна была поглотить устарѣвшее столѣтіе со всей его безумной веселостью и заблужденіями.

Въ это время общаго оупьяненія, когда въ Лондонѣ всюду раздавалась музыка, смѣхъ и веселый говоръ пирующихъ, прибыль въ столицу сэръ Джонъ Эліоттъ съ своей супругой леди Грессъ Дальримпе Эліоттъ. Какъ радовалась ея шестнадцатилѣтнее сердце, когда она увидѣла длинныя улицы, огромные дома, великолѣпныя кареты и тяжелые портшезы. Въ воображеніи ея проносился длинный рядъ ожидавшихъ ее баловъ и великолѣпныхъ балныхъ платьевъ; и она почти не замѣчала своего толстаго неповоротливаго мужа, сидѣвшаго рядомъ съ нею въ прекрасномъ портшезѣ, обитомъ красной матеріей, въ которомъ несли ихъ черезъ Bond-Street.

Портшезы не были еще окончательно вытѣснены изъ улицъ столицы; они замѣняли собою нынѣшніе наемные фіакры, кэбы и кареты и нанимались людьми не имѣвшими собственныхъ экипажей. По тогдашнимъ понятіямъ о приличіи, лица принадлежавшія къ дворянству и принятія въ „обществѣ“, должны были имѣть свой собственный экипажъ и только пріѣзжимъ дозволялось отступать отъ этого правила. Что же касается сэра Джона, то онъ предпочиталъ портшезъ всякому экипажу, потому что онъ избавлялъ его отъ толчковъ тряской мостовой фешенебельныхъ лондонскихъ улицъ. Одной изъ такихъ улицъ для моды и магазиновъ была въ тѣ времена Bond-Street, какъ теперь Regent-Street.

На Bond-Street'ѣ находился знаменитый магазинъ м-ра Карра, снабжавшій всю тогдашнюю знать шелковыми платьями и французскими модными матеріями. Передъ этимъ магазиномъ, который казался леди Грессъ, если не раемъ, то преддверіемъ его, остановился портшезъ сэра Джона. Одинъ изъ носильщиковъ отворилъ дверцы и изъ портшеза вылѣзъ съ нѣкоторымъ трудомъ почтенный джентльменъ въ своемъ неизмѣнномъ голубомъ фракѣ съ пуговицами изъ желтой мѣди. „Голубой цвѣтъ и цвѣтъ латуни“ какъ тогда говорили, были цвѣтами американскихъ инсургентовъ и англійскихъ виговъ, составлявшихъ оппозицію противъ короля Георга III и были введены кружкомъ принца Уэльскаго, дававшимъ тонъ обществу. Сэръ Джонъ съ возможною для него ловкостью подаль руку молодой дамѣ, которая быстро выпрыгнула

изъ портшеза, и повелъ ее въ магазинъ. Правду сказать такого рода любезности не только стоили большаго труда почтенному джентльмену, но даже причиняли ему не малую боль, потому что, благодаря безчисленному количеству тостовъ, на которые ему приходилось отвѣчать въ радостные для него дни между помолвкой и свадьбой, онъ уже начиналъ чувствовать первые приступы обычной „зубной боли въ ногахъ“, которая всегда безощадно наказывала его за всякое излишество.

Не смотря на теплое майское солнце, которое свѣтило на Bond-Street'ъ и другихъ улицахъ, сэръ Джонъ, выйдя изъ магазина, велѣлъ положить въ портшезъ большой мѣховой мѣшокъ, которымъ тщательно прикрыть свои бѣдныя ноги, между тѣмъ какъ его жена съ веселымъ смѣхомъ закутывалась въ легкой развѣвающійся газовый шарфъ, который былъ собственноручно накинута на нее щеголеватымъ м-ромъ Карромъ.

Новобрачная чета случайно наняла себѣ квартиру на Cork-Street'ъ, — на той самой улицѣ, гдѣ находился домъ миссисъ Мэри Робинзонъ. Теперь это мѣсто совсѣмъ оставлено знатью, но до сихъ поръ оно сохранило какъ бы обаяніе своего прежняго величія, и на немъ замѣтенъ особенный отпечатокъ изящества. Здѣсь находятся „Бурлингтонскія аркады,“ родъ Парижскаго пассажа съ разными французскими издѣліями: цѣпками, перьями, поддѣльными драгоценностями, париками, раскрашенными картинами, нотами и т. п. Налѣво—громадный модный магазинъ Аткинсона съ нескончаемымъ фасадомъ, отъ котораго далеко разносится одуряющій запахъ всевозможныхъ духовъ, наполняющій уединенныя безжизненныя аллеи Бурлингтонскаго сада, а направо, за высокими, темными стѣнами выдѣляются старыя развѣсистыя деревья Бурлингтонъ-гауза, — эти живые и безмолвные свидѣтели прошлаго, которые могли бы многое рассказать о томъ, что дѣлалось тутъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Сюда-же выходитъ и небольшая улица Cork-Street, въ настоящее время почти совершенно заброшенная, съ маленькимъ, невзрачнымъ домомъ на правой сторонѣ, который вѣроятно нѣкогда былъ роскошно и комфортабельно убранъ и за которымъ до сихъ поръ красуется тѣнистое дерево, уже наклонившееся къ землѣ отъ лѣтъ. Этотъ именно домъ и былъ нанятъ на лѣтній сезонъ сэромъ Джономъ Элиоттомъ, пріѣхавшимъ въ Лондонъ съ своей молодой женой.

Бѣдный джентльменъ на слѣдующій же день послѣ своего прибытія въ столицу заболѣлъ обычною болѣзнію. Онъ безропотно переносилъ свои страданія, считая ихъ должнымъ возмездіемъ за послѣднія двѣ недѣли, проведенныя имъ въ Единбургѣ. Но молодая леди, которой только что минуло шестнадцать лѣтъ, отнеслась нѣсколько иначе къ ниспосланной карѣ. Солнечные весенніе дни и теплые вечера проходили одинъ за другимъ; Лондонъ со всеми его увеселеніями красовался передъ нею; вотъ принесены и бальные платья — а неумолимая

судьба мѣшаетъ ей воспользоваться всѣмъ этимъ. Газеты каждое утро докладывали ей о празднествахъ предыдущаго дня въ Ольмагѣ, Рэнлагѣ, Воксалѣ и въ другихъ увеселительныхъ мѣстахъ тогдашняго Лондона — а она не участвовала въ этихъ празднествахъ! Ей оставалось одно развлеченіе — слѣдить изъ окна за тѣмъ, что дѣлалось въ противоположномъ домѣ, гдѣ жила миссисъ Мэри Робинзонъ. Въ это время мудро было жить въ Лондонѣ и ничего не слышать о миссисъ Робинзонъ; и все, что слышала о ней леди Грэсъ, въ высшей степени заинтересовало ее, такъ-что она не только съ любопытствомъ, но даже съ своего рода завистью смотрѣла изъ окна, какъ миссисъ Робинзонъ выѣзжала ежедневно изъ дому въ своей великолѣпной каретѣ съ вензелемъ на дверцахъ, надъ которымъ была вычеканена маленькая корзинка цвѣтовъ, очень похожая издали на княжескую корону. Говорили тогда, что принцъ заплатилъ за эту карету 900 гиней — или, вѣрнѣе, задолжалъ эту сумму, потому что тогда уже въ Англии существовала поговорка: „дѣлать долги, какъ принцъ Уэльскій“. Но мотовство само по себѣ никогда не мѣшало популярности какой бы то ни было высокопоставленной особы; не повредило оно въ общественномъ мнѣніи и принцу Уэльскому при его вступленіи въ свѣтъ. Напротивъ того, щедрость его ставилась ему въ похвалу; всѣ считали этого принца великодушнымъ, благороднымъ и гениальнымъ, тѣмъ болѣе, что въ его характерѣ были нѣкоторыя дѣйствительно прекрасныя и благородныя черты. Не разъ въ это время молоденькая леди Грэсъ вздыхала о принцѣ Уэльскомъ и у ней вырывалось необдуманное восклицаніе: „Ахъ какъ бы мнѣ хотѣлось взглянуть на него!“

ГЛАВА III.

Воксаль восьмидесятихъ годовъ.

Проходили недѣли и наступила середина лѣта; нетерпѣніе леди Грэсъ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Сэръ Джонъ, чтобы успокоить ее, долженъ былъ дать торжественное обѣщаніе отправиться съ нею въ Воксаль въ первый же вечеръ, какъ только онъ почувствуетъ нѣкоторое облегченіе и будетъ въ состояніи передвигать ноги. Этотъ вечеръ наконецъ наступилъ; молодая женщина начала свой туалетъ тотчасъ послѣ обѣда и кончила его гораздо раньше, чѣмъ было нужно. Она надѣла на себя роскошныя вещи, купленныя ею у Карра, которыя были особенно эффекты на шестнадцатилѣтней красавицѣ, не даромъ изучавшей законы изящнаго вкуса въ Монфлэри.

Въ сумерки подъѣхала карета и унесла въ сады Воксала это очаровательное, молодое существо по безконечному лабиринту необъятнаго города.

Мы сами видали въ молодости сады Воксала, въ которыхъ дѣдушки и бабушки нынѣшнихъ англичанъ проводили въ танцахъ много веселыхъ ночей. Разумѣется въ это время уже совсѣмъ другое общество гуляло по его опустѣвшимъ аллеямъ и отдыхало въ уединенныхъ бесѣдкахъ; но все-таки многие пожалѣли, когда въ одно прекрасное июльское утро 1859 года разнеслась вѣсть объ уничтоженіи Воксала. Въ предшествовавшую ночь, при замирающихъ звукахъ національнаго гимна, вмѣсто прежнихъ ярко освѣщенныхъ арокъ въ Воксалѣ появились огромные транспаранты съ крупною надписью: „Исчезни на вѣки!“ Съ этой ночи навсегда погасли огни въ саду, павильоны и танцевальныя залы были разрушены до основанія, старыя деревья срублены, а на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ Воксаль, построена церковь и шеола.

Но въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія Воксаль былъ въ полномъ блескѣ. Онъ считался самымъ приличнымъ изъ всѣхъ увеселительныхъ мѣстъ тогдашняго Лондона и досѣщался больше всѣхъ; здѣсь бывали знатные лорды и леди, военные, а также люди всякихъ профессій и всякаго возраста: Леди Грессъ еще въ Эдинбургѣ слышала не мало разсказовъ о Воксалѣ и потому не удивительно, что ея сердце сильно забилося, когда она увидѣла издали цѣлое зарево свѣта надъ волшебнымъ садомъ. Начиная съ Вестминстерскаго моста до входа въ Воксаль, вся дорога была увѣшана разноцвѣтными фонарями, а по обѣимъ сторонамъ ея выстроились всадники для защиты поздно возвращавшихся посѣтителей отъ разбойниковъ, которые въ то время постоянно безчинствовали не только въ окрестностяхъ, но и въ самомъ городѣ. Карета за каретой подъѣзжала къ ярко освѣщенному порталу, гдѣ нѣсколько лакеевъ въ бѣлыхъ перчаткахъ, бѣлыхъ панталонахъ и красныхъ бархатныхъ фракахъ съ золотомъ, отворяли дверцы и высаживали богато одѣтыхъ дамъ и кавалеровъ. Маленькая леди Эліоттъ не могла дожидаться, когда дойдетъ очередь до ихъ кареты и вѣроятно выпрыгнула бы изъ нея раньше времени, еслибы не боялась испортить свои прекрасные атласные башмаки. Но теперь, когда она вошла въ огненную арку портала и ее разомъ окружилъ блескъ высшаго Лондонскаго общества,—когда на встрѣчу ей грянула музыка громкими аккордами и она увидѣла тысячу свѣчей на деревьяхъ и тысячи великолѣпныхъ туалетовъ, то невольно воскликнула: „Ахъ, какъ хорошо! я не ожидала ничего подобнаго!“

Сэръ Джонъ постѣшилъ подать руку молодой леди, которая торопливо шла впередъ и едва не затерялась въ толпѣ. Этотъ достойный джентльменъ, въ первый разъ являясь въ обществѣ съ своей женой, нарядился самымъ тщательнымъ образомъ. Однако сегодня

онъ въ первый разъ почувствовалъ разницу ощущеній шестнадцатилѣтняго и шестидесятилѣтняго сердца!

Они шли за толпой по „Большой аллеѣ“, между высокими деревьями и кустами душистой жимолости, которые освѣщались сверху разноцвѣтными стеклянными лампами. Эта аллея, имѣвшая девятьсотъ футовъ длины, выходила въ поле, на прекрасный лугъ съ обелискомъ, которымъ заканчивался садъ. Но они не прошли и половины аллеи, какъ сэръ Джонъ съ самою изысканною вѣжливостію обратился къ своей женѣ.

— Миледи, сказалъ онъ, не мѣшало бы намъ занять мѣсто въ которой-нибудь изъ этихъ бесѣдокъ! Концертъ кажется кончился.

Дѣйствительно, въ этотъ моментъ послышался послѣдній величавый аккордъ симфоніи, звуки которой, постепенно замирая, разносились изъ середины сада до самыхъ далекихъ и уединенныхъ аллей.

Но леди Грессъ съ нетерпѣніемъ выслушала его. „Какъ! воскликнула она,—неужели мы будемъ сидѣть, когда всѣ прогуливаются? Вы вѣрно сказали это въ шутку! Мы вѣдь и половины сада не видали... а тамъ, слышите!—что это такое?“

Въ эту минуту, вблизи послышался колокольчикъ и изъ всѣхъ аллей и бесѣдокъ хлынула толпа. Сэръ Джонъ долженъ былъ послѣдовать за женой въ боковую аллею, гдѣ за красной шелковой веревкой на извѣстномъ разстояніи видѣлся гротъ, отверстіе котораго было завѣшано занавѣсью. Когда набралось достаточно публики, то занавѣсъ подняли и въ глубинѣ грота передъ глазами удивленныхъ зрителей открылся прелестный ландшафтъ. Въ дали видѣлась холмистая мѣстность съ домомъ мельника и водяной мельницей, а на первомъ планѣ красовался искусно сдѣланный водопадъ, который трудно было отличить отъ настоящаго, такъ какъ вода съ шумомъ и пѣной неслась съ уступа на уступъ въ медленно текущую рѣку.

Леди Грессъ овѣмѣла отъ удивленія и не могла оторвать глазъ отъ идиллической картины и шумящаго водопада; но черезъ нѣсколько минутъ занавѣсъ опустился и картина исчезла.

Вслѣдъ затѣмъ въ отдаленіи послышались веселые звуки балльной музыки, и публика устремила въ середину сада.

Теперь уже не было никакой возможности сдержать молодую леди. Не обращая никакого вниманія на кисло-сладкую мину своего степеннаго супруга, она потащила его за собою въ толпу, окружавшую красивую ротонду, построенную въ китайскомъ вкусѣ на подобіе храма и ярко освѣщенную разноцвѣтными фонарями. На верху, подъ куполообразной крышей, сидѣли музыканты въ треугольныхъ шляпахъ со своими нотами, копитрами и инструментами, а внизу, на открытой со всѣхъ сторонъ платформѣ, происходили танцы. Щеки леди Грессъ покраснѣли отъ волненія при видѣ этого веселаго зрѣлища.

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось потанцевать! воскликнула она, взглянувъ съ полумольбой и упрекомъ на своего мужа, который въ

этотъ моментъ, стоя на сырой землѣ, гораздо больше думалъ о томъ, какъ бы предостеречь себя отъ простуды, чѣмъ объ удовольствіи своей маленькой жены.

— Всѣмъ извѣстно, миледи, сказалъ онъ, что сэръ Джонъ въ свое время былъ однимъ изъ самыхъ ловкихъ танцоровъ. Но танцы такое глупое удовольствіе, и я немного поумнѣлъ съ тѣхъ поръ...

— Да, очень! пробормотала Грѣсъ, отворачиваясь отъ него, — но я желала бы имѣть мужемъ дурака, который бы танцевалъ со мной.

Супруги, занятые своимъ разговоромъ, не замѣтили двухъ офицеровъ въ гусарскомъ мундирѣ, которые внимательно наблюдали за ними.

— *By Gad!* воскликнулъ младшій изъ нихъ, я не видывалъ такой хорошенькой Еввиной дочки, съ тѣхъ поръ...

— Тсс... шепнулъ его спутникъ, который казался вдвое старше. Осторожность никогда не мѣшаетъ. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, мы сегодня не одни. Она въ саду...

— Будь она проклята! возразилъ юноша съ досадою; я уже ей достаточно ясно сказалъ, что она не должна преслѣдовать меня! Я разлюбилъ ее, и мнѣ она больше не нужна! *By Gad!* труднѣе отвязаться отъ женщины, чѣмъ приобрести ее. Это ты замѣть, другъ Горацио.

— Благодарю за добрый совѣтъ! Посмотримъ, будемъ ли мы ему слѣдовать!

— *Ça dépend* — нужно только удалиться отъ соблазна. Но когда встрѣтишь такое молодое, прелестное, очаровательное существо, какъ эта леди, развѣ есть какая-нибудь возможность устоять противъ искушенія. *By Gad!* я не виноватъ въ этомъ, Горацио! Отвѣтственность должна падать на созвѣздіе, подъ которымъ я родился! Какъ бы я желалъ знать, кто этотъ неповоротливый, мучной мѣшокъ въ мужскомъ платьѣ, который стоитъ рядомъ съ нею.

— Одно могу сказать, что, судя по фигурѣ, онъ вполне годился бы въ нашу кампанію и ни отъ кого не отсталъ бы въ пирушкѣ. Въ добавокъ, видно по его голубому фраку и пуговицамъ, что онъ вигъ и слуду слѣдитъ за модой. Однако хотѣлось бы мнѣ взглянуть ему въ лицо.

Сэръ Джонъ и леди Грѣсъ въ эту минуту отошли отъ платформы и повернули въ полусвѣщенную аллею. Оба кавалера послѣдовали за ними.

— Если бы я только зналъ, шепнулъ младшій изъ нихъ своему спутнику, кого изображаетъ изъ себя этотъ слонъ: отца, брата или мужа?

— Я готовъ держать пари, что это мужъ, отвѣтилъ другой. На сколько я знакомъ съ естественной исторіей, братъ такого изящнаго существа никогда не достигъ бы такихъ чудовищныхъ размѣровъ, а съ другой стороны отецъ не сталъ бы любезничать такимъ образомъ съ дочерью.

— Тѣмъ лучше, сказалъ молодой офицеръ. Ты мнѣ всегда говорилъ, что нѣтъ болѣе уродливаго явленія, какъ неравное супружество. Ты долженъ это лучше знать, Гораціо; на твоей сторонѣ опытъ, котораго мнѣ не достаетъ. Посмотримъ, старый дружище, не удастся ли намъ привести въ равновѣсіе нарушенные законы природы...

Между тѣмъ супружеская чета вышла изъ полумрака и направилась къ ярко освѣщенному гроту изъ раковинъ, въ глубинѣ котораго виднѣлся фонтанъ съ бѣлыми мраморными фигурами. Изъ открытой пасти дельфиновъ струилась вода, освѣщенная снизу зеленоватымъ огнемъ; на спинахъ звѣрей сидѣли Олимпійскія божества съ надутыми щеками, державшіе во рту рогъ изобилія, изъ котораго время отъ времени показывалось тучнокрасное пламя. Тутъ же стояли двѣ прекрасныя статуи: Аполлона и капельмейстера Генделя (изображеннаго въ видѣ Орфея), работы знаменитаго Рубильяка. Статуи эти отъ разнаго освѣщенія казались то красными, то зелеными; той же метаморфозѣ подверглось тучное лицо достойнаго сэра Джона, которое на одну секунду приняло такой странный оттѣнокъ, что ни одинъ смертный не позавидовалъ бы ему. Но этого момента было достаточно, чтобы старшій изъ офицеровъ узналъ въ немъ стараго пріятеля: „Да это сэръ Джонъ Эліоттъ! воскликнулъ онъ. — Клянусь Іеговой, это Эліоттъ!“ и, оставивъ своего молодаго товарища, онъ поспѣшилъ къ гроту.

Встрѣча обоихъ джентльменовъ была самая дружеская: „Мой добрый, старый другъ! Вы ли это?“— „Какъ вы очутились здѣсь, мой милый Джонъ Гораціо?“.. въ свою очередь воскликнулъ сэръ Джонъ, пожимая руку лорда Колмондлея.

— Да, какъ видите, мой старый дружище! отвѣтилъ лордъ, прерывая его.

— Вотъ не ожидалъ встрѣтить стараго пріятеля въ этомъ проклятомъ сырмъ саду!... продолжалъ сэръ Джонъ. Я пріѣхалъ сюда только для миледи... Ахъ, кстати, чуть было не забылъ представить вамъ мою жену. Миледи Грэсъ Дальримпе Эліоттъ... Его сіятельство Георгъ Гораціо, маркизъ и лордъ Колмондлей, графъ Роксаваге, виконтъ...

Но обладатель всѣхъ этихъ титуловъ вторично прервалъ своего пріятеля:

— Вы кажется хотите прочесть намъ цѣлую лекцію о титулахъ великобританскихъ перовъ, сэръ Джонъ! Но прежде позвольте мнѣ поздороваться съ миледи!

Онъ приложилъ руку къ своей треугольной шляпѣ въ видѣ поклона и сдѣлалъ это такъ изящно, что леди Грэсъ пришла въ полный восторгъ.

Но сэръ Джонъ не далъ выговорить своему пріятелю ни одного слова. Помимо радости, которую ему доставила встрѣча съ старымъ товарищемъ, онъ совершенно ожилъ отъ надежды провести остатокъ вечера болѣе пріятнымъ образомъ, чѣмъ въ обществѣ морскихъ боговъ.

— Ура! воскликнулъ онъ. — Теперь по случаю нашей встрѣчи нужно выпить бутылку бордо. Только пойдете въ какую нибудь бесѣдку, подалее отъ этихъ мраморныхъ чудовищъ и всей этой сырости; мы прикажемъ накрыть столъ и... Съ этими словами онъ подавъ руку леди Грэсъ и пригласилъ лорда Колмондлея слѣдовать за ними,—но тотъ остановилъ его.

— Мой дорогой сэръ, сказалъ онъ, я счелъ бы за величайшую честь и удовольствіе выпить бутылку вина въ обществѣ миледи, но я здѣсь не одинъ, а въ обществѣ молодого друга, который порученъ моему надзору. Сами согласитесь, могу-ли я по совѣсти оставить его въ этомъ саду, гдѣ столько искушеній для молодости и невинности...

— Молодость и невинность! повторилъ съ усмѣшкой сэръ Джонъ.— Правду сказать, нашли что беречь! Ну, дѣлать нечего, приведите сюда вашего мальчику, милордъ, будемъ вмѣстѣ опекать его, чтобы вино и любовь не вскружили ему голову.

Нѣсколько секундъ спустя, лордъ Колмондлей вернулся съ своимъ другомъ, котораго сэръ Джонъ такъ безцеремонно назвалъ мальчишкой. На послѣднемъ былъ гусарскій мундиръ, напудренный парикъ и солдатская шляпа, которые очень шли къ его привлекательному женственному лицу. Лордъ Колмондлей представилъ своего друга леди Грэсъ, а затѣмъ ея супругу подъ именемъ барона Ренклефа. Никто не замѣтилъ взгляда, который молодой баронъ бросилъ на супругу сэра Джона, кромѣ самой миледи. Пристальный пожирающій взглядъ его красивыхъ глазъ сразу проникъ въ ея душу—эту маленькую душу, которая во все свое шестнадцатилѣтнее земное странствованіе оставалась чиста какъ зеркало, потому что чувство еще не успѣло затронуть ее. Къ сожалѣнію она не первая и не послѣдняя женщина, у которой чувство и развратъ идутъ рука объ руку.

— Отлично сдѣлали, что пожаловали, молодой человекъ, сказалъ сэръ Джонъ, слегка хлопнувъ по плечу молодого офицера. Пожалуй-ста безъ церемоній. Увидимъ, какъ-то на васъ подѣйствуетъ стаканъ бордо! А тамъ мы выпьемъ по рюмкѣ мадеры. Ну, да вы не беспокойтесь, мы присмотримъ за вами... Дайте вашу руку леди Эліоттъ. Можетъ быть вамъ и не случалось идти подъ руку съ дамой! Вотъ такъ! А вы, милордъ, добавилъ онъ, обращаясь къ лорду Колмондлею, дайте мнѣ свою руку. Будь прокляты всѣ ноги на свѣтѣ, которыя не выносятъ сырости! Говоря откровенно, мнѣ пріятнѣе сегодня, когда меня самого ведутъ, чѣмъ вести подъ руку даму.

Лордъ Колмондлей и сэръ Джонъ составили собою авангардъ. При этомъ лордъ замѣтно избѣгалъ освѣщенныхъ аллей и многолюдства.

— Вы уже предоставьте мнѣ, сэръ Джонъ, быть вашимъ проводникомъ, сказалъ онъ. Я знаю этотъ садъ лучше, чѣмъ кто-либо изъ лондонскихъ жителей. Въ добавокъ я обещаю угостить васъ такимъужиномъ и виномъ, какихъ вы не найдете въ цѣломъ королевствѣ.

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ! отвѣтилъ сэръ Джонъ.

Если васъ когда нибудь судьба опять занесетъ на сѣверъ, въ нашъ Эдинбургъ, то я отвѣчу вамъ тѣмъ-же гостепріимствомъ, милордъ.

Сэръ Джонъ, не смотря на свою увеличивающуюся хромоту, бодро шель съ своимъ слутникомъ, показывая собою примѣръ рѣдкаго самоотверженія. Онъ опять чувствовалъ невыносимую боль въ ногахъ и вполне сознавалъ, что всему виною его любезность, которая прямо съ постели привела его въ этотъ садъ, къ этимъ морскимъ чудовищамъ, обрызгавшимъ кругомъ себя всю землю. Но тѣмъ не менѣе онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало воспользоваться предстоящимъ угощеніемъ, и только время отъ времени изъ его груди вырывался полуподавленный стонъ.

За обоими пріятелями слѣдовала молодая пара, составлявшая съ ними рѣзкую противоположность. Она шла легкою юношескою поступью. Видно не все равно съ кѣмъ идти подъ руку! И разговоръ не тотъ... Сердце усиленно билось у обоихъ, разгорѣлись щеки...

— Я долженъ вамъ признаться, миледи, началъ баронъ Ренклефъ, что уже успѣлъ познакомиться съ вами. Съ того дорогаго для меня момента, какъ вы вошли въ садъ, мой взглядъ рабски слѣдилъ за вами. Теперь я возлѣ васъ и потому дозвольте почтительно выразить вамъ мои чувства, прекрасная повелительница моего сердца!

— Эти фразы знакомы мнѣ! прервала его леди Грэсъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. Онъ напомнили мнѣ его королевское высочество герцога Орлеанскаго.

— Вы знаете герцога? съ живостью спросилъ баронъ.

— Три мѣсяца тому назадъ герцогъ Орлеанскій, прощаясь со мною въ монастырѣ Монфлѣри, сказалъ мнѣ на прощанье: „если вы когда нибудь поѣдете въ Лондонъ и вамъ удастся познакомиться съ моимъ кузеномъ, принцемъ Уэльскимъ, то передайте ему мой сердечный привѣтъ“.

— Такъ онъ велѣлъ вамъ передать это? задумчиво проговорилъ баронъ. Какъ это странно... Но скажите пожалуйста, миледи, знакомы ли вы съ принцемъ Уэльскимъ? Имѣли ли вы случай видѣть его?

— Нѣтъ, милордъ, но я охотно отдала бы это рубиновое кольцо, если бы мнѣ удалось хотя разъ увидѣть этого милаго, великодушнаго молодого принца Уэльскаго.

— Кольцо съ вашего пальца! воскликнулъ съ восторгомъ юноша. Отдайте мнѣ его миледи Грэсъ, прелестнѣйшая изъ грацій. Клянусь честью, я доставлю вамъ случай видѣть принца Уэльскаго, говорить съ нимъ... Отдайте мнѣ ваше кольцо!

Онъ говорилъ съ такимъ увлеченіемъ, что леди Грэсъ вѣроятно уступила бы его просьбѣ, но въ это время въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ послышался какой-то шорохъ.

Оба джентльмена, за которыми слѣдовали молодые люди, должно быть также услышали этотъ шорохъ, потому что сразу остановились

и лордъ Колмондлей, вырвавъ свою руку изъ-подъ руки сэра Эліотта, въ одну секунду очутился возлѣ своего друга и леди Грэсъ.

Изъ кустарника выступила неожиданно женская фигура; но темнота мѣшала разглядѣть ея лицо. Длинныя складки бѣлаго платья на стройной фигурѣ придавали ей сходство съ привидѣніемъ. Она подняла руку съ угрожающимъ жестомъ и только присутствіе лорда Колмондлея помѣшало ей подойти къ молодой парѣ на болѣе близкое разстояніе. Затѣмъ она медленно удалилась и ея бѣлое платье мало по малу исчезло между деревьевъ. Но среди ночной тишины ясно послышались таинственныя слова: „Флорицель, тѣнь твоей возлюбленной будетъ всюду преслѣдовать тебя“.

Баронъ Ренклефъ былъ сильно потрясенъ появленіемъ бѣлой женщины. Онъ такъ дрожалъ, что даже леди Грэсъ замѣтила это.

Но лордъ Колмондлей громко смѣялся.—Вѣроятно это какая нибудь актриса вздумала подшутить надъ нами,—сказалъ онъ: и правду сказать, сыгранная ею комедія вполнѣ удалась ей.

— Однако, какъ поблѣднѣлъ нашъ молодой другъ, добродушно замѣтилъ сэръ Джонъ, когда баронъ и леди Грэсъ подошли къ нему. Стоитъ ли такъ принимать къ сердцу шутку какой-нибудь актрисы. Вы вѣроятно вообразили, что появилась леди Макбетъ. Но я уроженецъ Шотландіи и могу увѣрить васъ, что на моей родинѣ, ни королевы, ни простыя смертныя не встаютъ изъ могилъ. Мы защитимъ васъ и отъ привидѣній, и отъ живыхъ людей. Не бойтесь, идите за нами, мы дадимъ вамъ стаканъ вина, и вы сразу оправитесь отъ вашего испуга.

Съ этими словами сэръ Джонъ опять взялъ подъ руку лорда Колмондлея и пошелъ дальше.

Молодой баронъ скоро пришелъ въ себя, но теперь онъ уже не имѣлъ никакой надежды получить кольцо, тѣмъ болѣе, что леди Грэсъ видимо поддразнивала его:

— Вы надѣетесь, что я отдамъ вамъ мое кольцо — сказала она. Нѣтъ, вы его никогда не получите, милордъ, я общала слишкомъ много—это невозможно!

— Такъ вы не хотите исполнить своего обѣщанія! воскликнула дююша. Черезъ недѣлю назначенъ придворный балъ по случаю открытія новаго дворца Карлтонъ-гаузъ, который отданъ королемъ принцу Уэльскому. Дворъ и вся публика съ нетерпѣніемъ ждутъ этого бала. Вотъ вамъ самый удобный случай представиться принцу.

— Балъ въ Карлтонъ-гаузъ! воскликнула шестнадцатилѣтняя леди, которая при одной мысли о придворномъ балѣ, тотчасъ же забыла о своей рѣшимости не отдавать кольца.—Вы насмѣхаетесь надо мною. Какъ могу я попасть на этотъ балъ?..

— У меня есть связи во дворцѣ принца и я надѣюсь, что мнѣ не трудно будетъ получить пригласительный билетъ для сэра Джона Эліотта и его супруги.

Въ это время они опять подошли къ самой освѣщенной части сада, гдѣ было зажжено до 15,000 разноцвѣтныхъ фонариковъ и играла музыка. Здѣсь противъ оркестра находился большой павильонъ въ римскомъ вкусѣ, а не далеко отъ него огромная площадь съ полукруглымъ буфетомъ, построеннымъ въ видѣ храма, съ боковыми входами. Этотъ буфетъ былъ замѣчательнѣе тѣмъ, что здѣсь можно было получить самую отборную ѣду и вино и онъ могъ удовлетворить одновременно до 16,000 человекъ, которые собирались здѣсь иногда во время сезона. За этимъ центромъ сада и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него слѣдовали мелкіе павильоны различной величины, „ложи“ и отдѣльныя комнаты, украшенныя стѣнной живописью работы Гогарта и Гэймана (послѣдній бралъ сюжеты изъ твореній Шекспира).

Лордъ Колмондлей повелъ своихъ гостей къ самому отдаленному изъ маленькихъ павильоновъ, но роскошно убранному внутри. Столъ уже былъ накрытъ и лакеи съ золотыми шнурами, обвитыми вокругъ руки, стояли на-готовѣ, чтобы подать ужинъ. Этотъ ужинъ вышелъ такой веселый и подано было такое количество вина и шампанскаго, что сэръ Джонъ Эліоттъ клялся нѣсколько разъ, что онъ не выйдетъ изъ павильона до „дневнаго свѣта“. Но задолго еще до разсвѣта почтенный джентльменъ, не смотря на привычку къ вину, настолько опьянѣлъ, что не видѣлъ, какъ баронъ прижималъ къ сердцу и губамъ нѣжныя ручки миледи и не слышалъ, какъ лордъ Колмондлей хлопалъ его по плечу и говорилъ: „Мой милѣйшій сэръ Джонъ, твоя подагра будетъ нашей союзницей“.

Веселая компанія вышла изъ сада передъ самымъ разсвѣтомъ; сэра Джона замертво унесли въ карету, которая благополучно доставила супружескую чету въ Cork-Street. Леди Грэсъ, вернувшись домой, имѣла еще вдоволь времени, чтобы заснуть и видѣть во снѣ барона Ренклефа, принца Уэльскаго и балъ въ Карлтонъ-гаузѣ.

Былъ уже полдень, когда Бекки, вбѣжавъ въ спальню леди Грэсъ, разбудила ее и объявила, что принесли „большое письмо съ большою печатью!“

Леди Грэсъ поспѣшила видти въ столовую и увидѣла сэра Джона, сидящаго въ креслѣ, съ ногами, обвязанными ватой, выше колѣнъ. Онъ держалъ въ рукахъ большое письмо съ печатью дворцоваго управления его королевскаго высочества принца Уэльскаго:

„Оберъ-гофмаршалъ его королевскаго высочества принца Уэльскаго (прочелъ сэръ Джонъ) имѣетъ честь пригласить сэра Джона и леди Грэсъ Эліоттъ на балъ его королевскаго высочества, по случаю открытія Карлтонъ-гауза“.

— Чортъ бы побралъ всѣ балы на свѣтѣ! воскликнулъ съ досадою сэръ Джонъ.— Должно быть у меня опять разболится „зубы“.

ГЛАВА IV.

Еще нѣсколько словъ о принцѣ Уэльскомъ.

Баль въ Карлтонъ-гаузѣ былъ великимъ событіемъ, о которомъ толковалъ весь городъ. Людей высшаго круга чрезвычайно занималъ вопросъ, кто изъ нихъ получилъ приглашеніе, кто нѣтъ; м-ръ Карръ въ Бондъ-Стритѣ работалъ день и ночь, изготовляя туалеты дамъ, а м-ръ Штульцъ, придворный портной принца Уэльскаго, долженъ былъ одѣть всѣхъ мужчинъ для предстоящаго празднества. Заранѣе уже разсказывались чудеса о балѣ, который долженъ былъ превзойти всѣ прежнія придворныя торжества, хотя такая похвала ничего не выражала, потому что балы и празднества при дворцѣ устарѣвшаго короля Георга III и его набожной супруги Шарлотты были всегда крайне скучны и отличались бѣдной обстановкой. Всѣ разумѣется были въ правѣ ожидать нѣчто лучшее отъ молодаго принца Уэльскаго, наслѣдника престола, будущаго короля, который давалъ тонъ обществу своими манерами, туалетомъ, упряжью и „благородными увлеченіями“ и не даромъ заслужилъ названіе „самаго безукоризненнаго джентльмена въ Европѣ“.

Карлтонъ-гаузъ находился на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣшняя площадь Ватерлоо примыкаетъ къ Польш-Моллю, противъ С.-Джемскаго парка. Домъ этотъ былъ построенъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія барономъ Карлтономъ и купленъ тогдашнимъ принцемъ Уэльскимъ, отцомъ короля Георга III. Ионическій шпиль Карлтонъ-гауза и его коринтскій портикъ считались архитектурными достопримѣчательностями тогдашняго Лондона. Но въ настоящее время этотъ дворецъ уже не существуетъ; колонны прежняго портика поддерживаютъ „національную галерею“ Трафальгаръ-сквера, а на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ Карлтонъ-гаузъ возвышается домъ Прусскаго посольства.

Леди Грессъ провела въ большой тревогѣ всю недѣлю передъ баломъ. Ея маленькое сердце то наполнялось самыми безумными надеждами, то у ней являлось опасеніе, что болѣзнь сэра Джона разрушитъ всѣ ея мечты. Но противъ ожиданія здоровье почтеннаго джентльмена быстро поправилось, быть можетъ отъ тщательнаго употребленія лекарствъ, или же вслѣдствіе удовлетвореннаго тщеславія. Помимо удовольствія отъ такого неожиданнаго приглашенія, сэръ Джонъ было особенно польщенъ тѣмъ, что попадетъ ко двору принца Уэльскаго, такъ какъ искренно уважалъ молодаго принца, благоговѣлъ передъ нимъ, считалъ его своимъ учителемъ во всемъ, что касалось моды и вкуса, и нарядился въ голубой фракъ съ пуговицами изъ желтой мѣди еще въ то время, когда возможность личной встрѣчи ему и въ голову не приходила.

— Замѣьте, миледи, сказалъ онъ своей женѣ, что значить имѣть связи въ свѣтѣ! Держу пари, что мы получили это приглашеніе благодаря моему доброму старицному другу, лорду Колмондлею.

— Весьма вѣроятно,—отвѣтила леди Грэсъ, хотя она и еще кто-то могли сообщить объ этомъ болѣе точныя извѣстія.

Но въ это время, когда радость и ожиданіе наполняли веселіемъ маленький домъ Эліоттовъ въ Cork-Street'ѣ, совсѣмъ иное настроеніе господствовало въ противоположномъ большомъ домѣ, гдѣ жила возлюбленная принца Уэльскаго, Мэри Робинзонъ, или, вѣрнѣе сказать, его бывшая возлюбленная. Онъ разлюбилъ ее и отъ прежняго величія и счастья у ней осталось только печальное унижительное сознаніе, что для удовлетворенія его кратковременной страсти она пожертвовала всѣмъ, что имѣла: добродѣтелью, честнымъ именемъ, красотой. Еще такъ недавно онъ осыпалъ ее ласками и окружающая его толпа лакейскихъ душъ преклонялась передъ ней, а теперь онъ и знать ее не хочетъ и вся прежняя раболѣпная толпа презираетъ ее. Бѣдная женщина ясно видѣла, что солнце ея величія на закатѣ. Когда она отдалась ему въ ту памятную для нея ночь въ замкѣ Кевъ, она думала, что это сближеніе еще больше скрѣпитъ ихъ любовь, но вышло иначе: вѣтренный принцъ охладѣвалъ къ ней со дня на день. Напрасно она отыскивала причину этого охлажденія, предметъ для ревности. Дѣло въ томъ, что принцъ, который клялся ей въ вѣчной вѣрности, разлюбилъ ее черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Отъ всѣхъ нельзя требовать постоянства и вѣрности, а принцъ Уэльскій и помимо этихъ качествъ заслужилъ славу „самаго безукоризненнаго джентльмена въ Европѣ“. Мэри Робинзонъ, подобно многимъ женщинамъ, въ этихъ случаяхъ надѣялась разбудить въ принцѣ прежнюю страсть постоянными попытками видѣться съ нимъ—и своею навязчивостью окончательно опротивѣла ему. Но бѣдняжка уже не владела собою и даже едва понимала, что дѣлала. По обращенію придворныхъ она чувствовала, что барометръ понижался со дня на день и не могла помириться съ этимъ. Поведеніе лицъ, окружающихъ принца, едва ли даже не болѣе огорчало ее, чѣмъ его обращеніе съ нею. Однако и между ними нашелся человекъ, который относился къ ней съ прежнею почтительностью. Это былъ полковникъ Тарлетонъ, одинъ изъ самыхъ красивыхъ кавалеровъ въ свитѣ принца, отличившійся въ Американской войнѣ, гдѣ онъ лишился правой руки. Тарлетонъ познакомился съ нею раньше принца, когда она только что вступила на сцену Друриленскаго театра и привязался къ ней всей душой. Но она съ насмѣшкой выслушала его признанія, а когда онъ снова встрѣтилъ ее, она была уже любовницей принца. Теперь это былъ единственный человекъ, который отнесся съ состраданіемъ къ ея печальному положенію; чтобы развлечь ее, онъ сообщалъ ей самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось при дворѣ принца, объ его поѣздкахъ и наконецъ объ его друзьяхъ и удовольствіяхъ. Эти рассказы до извѣстной

степени успокаивали ее, потому что изъ словъ Тарлетона она ясно видѣла, что у ней нѣтъ соперницы. Но однажды она сама захотѣла убѣдиться въ этомъ и, узнавъ, что принцъ отправился инкогнито въ Воксаль, въ сопровожденіи одного оберъ-гофмаршала лорда Колмондлея, послѣдовала за нимъ. Здѣсь она лишилась и послѣдняго своего утѣшенія. Она была свидѣтельницей сцены между принцемъ и одной молодой леди, полуробенкомъ, но поразительной красоты; она слышала отдѣльныя фразы и пришла въ такую ярость, что если-бы лордъ Колмондлей не остановилъ ее во время, она вѣроятно не ограничилась бы одной угрозой преслѣдовать принца! Она не знала, кто эта леди, откуда она и какъ называется. Тарлетонъ также не могъ сообщить ей никакихъ свѣдѣній, но она рѣшила удовлетворить свое любопытство во что-бы то ни стало.

Между тѣмъ уже близокъ былъ день, назначенный для бала, который Мэри Робинзонъ ждала съ такимъ страхомъ и тревогой. Вчера она встрѣтила принца въ Гайдпаркѣ, но онъ даже не поклонился ей. Можетъ быть онъ и въ самомъ дѣлѣ не замѣтилъ ее! Надежда никогда не оставляетъ человѣка, даже въ тѣ минуты, когда онъ самъ знаетъ, что для него все кончено. То же было и съ Мэри Робинзонъ. Ей не вѣрилось, что принцъ рѣшится исключить ее изъ придворнаго бала въ Карлтонъ-гаузѣ,—ее, съ которой онъ открыто являлся до сихъ поръ въ маскарадахъ, на балахъ, на королевской охотѣ въ Виндзорѣ, и даже на парадахъ въ присутствіи короля и которую онъ еще за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ сажалъ рядомъ съ собою въ своей ложѣ. Нѣтъ, онъ не сдѣлаетъ этого; онъ не можетъ унижить ее такимъ образомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ!

Однако онъ сдѣлалъ это. На имя миссисъ Мэри Робинзонъ пришло письмо съ печатью принца Уэльскаго; но это письмо не заключало томительно ожидаемаго ею приглашенія на балъ, а только короткую фразу: „Me must meet no more“! (Мы не должны больше встрѣчаться)... Только эти слова... Съ крупною подписью: Георгъ II.

Внѣ себя отъ гнѣва, стыда, глубоко оскорбленная, она сміяла письмо руками.

— Я все-таки поѣду на этотъ балъ!—воскликнула она съ яростью, и, разорвавъ письмо, бросила его на полъ.

ГЛАВА V.

Достопочтенный сэръ Джонъ и леди Эліоттъ при дворѣ принца.

Передѣлки въ Карлтонъ-гаузѣ были окончены; парадныя комнаты заранѣе приготовлены для предстоящаго праздника. Наконецъ наступилъ и давно ожидаемый день бала его королевскаго высочества.

Въ Лондонѣ уже давно не видѣли такого длиннаго ряда экипажей, какъ въ этотъ вечеръ. Паркъ и всѣ прилегающія улицы были сплошь заставлены каретами титулованнаго дворянства и джентри трехъ соединенныхъ королевствъ. Земляничные листья короны и коронки, окованные тяжеловѣснымъ серебромъ и богато украшенные золотомъ, блестяли на дверцахъ каретъ и на парадныхъ пополахъ, которыми были покрыты лошади. Лейбъ-гвардейцы верхомъ съ обнаженными шпагами, въ красныхъ мундирахъ съ золотомъ и голубыми отворотами, стояли на часахъ передъ главнымъ входомъ между коринтскими колоннами портика, и „толстый Бэнъ“, колоссальный привратникъ принца Уэльскаго, въ этотъ достопамятный вечеръ въ первый разъ вступилъ въ отправленіе своей должности, на удивленіе лондонскихъ жителей, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Яркій свѣтъ, падающій изъ оконъ и воротъ, казался особенно эффектнымъ среди мрака наступающей ночи. Въ богато убранныхъ комнатахъ Карлтонъ-гауза все дышало довольствомъ жизни и веселіемъ. Тяжелые дорогіе ковры умѣряли шумъ шаговъ; вызолоченные канделябры, висѣвшіе за мраморными колоннами, освѣщали матовымъ бѣлымъ свѣтомъ входъ и великолѣпно убранную лѣстницу. Все, что только могъ избрѣсти самый утонченный вкусъ относительно формъ и богатства красокъ встрѣчало гостей у самаго порога этого волшебнаго жилища, гдѣ красота и богатство въ своемъ гармоническомъ сочетаніи производили поражающее впечатлѣніе.

У леди Грессъ едва не закружилась голова, когда передъ нею открылись двери въ „парадныя комнаты“ и она увидѣла все это смѣшанное великолѣпіе свѣта, золота, аромата и музыки, искрящихся брилліантовъ и драгоценныхъ камней, всѣ эти богатые наряды, оживленные лица... У ней на минуту явилось желаніе закрыть себѣ глаза своей маленькой ручкой, потому что они отказывались вѣрить въ дѣйствительность этой отуманивающей картины. Но вслѣдъ затѣмъ ею овладѣло странное чувство какой-то неопредѣленной грусти, зависти и недовольства собою, когда она вошла подъ руку со своимъ парадно напудреннымъ супругомъ въ ярко освѣщенную залу. Какой ничтожной казалась она себѣ передъ всѣмъ этимъ королевскимъ вели-

чемъ и блескомъ. Какъ невзраченъ и бѣденъ показался ей собственный ея туалетъ, сравнительно съ блескомъ и роскошью другихъ туалетовъ. Но въ послѣднемъ она положительно ошибалась, потому что тогдашній придворный костюмъ французскаго регентства необыкновенно шель къ ея изящной головкѣ и ко всей ея пропорціональной и граціозной фигурѣ. Высоко приподнятые наудренные волосы рельефно отгѣняли ея черные глаза и правильныя линіи очаровательнаго лица. Не менѣе эффектно было ея пышное платье въ буфахъ изъ синяго атласа, затканное бѣлымъ шелкомъ и золотомъ и бѣлыя атласныя башмаки съ брилліантовыми аграфами, сверкавшими при ходьбѣ. Кавалеры съ восхищеніемъ смотрѣли на леди Грэсъ, когда она проходила около нихъ подъ руку съ сэромъ Джономъ, и спрашивали другъ друга: кто эта новая красавица? Но она была такъ погружена въ свои мысли, что не слыхала этого. Глаза ея кого-то искали въ толпѣ. Но кого? Барона Ренклефа или принца Уэльскаго? Она и сама этого не знала. Въ ея глупомъ маленькомъ сердцѣ происходила странная борьба, и еслибы отъ нея потребовали немедленнаго рѣшенія, то неизвѣстно, на чью сторону склонился бы ея выборъ. Тщеславное, легкомысленное сердце! Думало ли оно о нравственномъ долгѣ, добродѣтели или по крайней мѣрѣ о любви? Нѣтъ, оно стремилось только къ наслажденію, къ блестящему, хотя бы кратковременному существованію; и въ эту минуту подъ опьяняющимъ впечатлѣніемъ окружающей ея пышности леди Грэсъ вѣроятно отдала бы предпочтеніе принцу передъ барономъ Ренклефомъ. Бѣдный баронъ Ренклефъ! Однако глаза ея не находили ни того, ни другаго.

Послѣ всего сказаннаго нами о леди Грэсъ читатель можетъ себѣ задать вопросъ: стоитъ ли внимательнаго и подробнаго изученія такое слабое и легкомысленное существо, не имѣющее другихъ качествъ, кромѣ красоты и вѣбшнихъ преимуществъ? Само собою разумѣется, отвѣтимъ мы, что прекрасная Грэсъ Дальримпе Эліоттъ никогда не сдѣлалась бы героиней нашего романа, если бы мы ничего лучшаго не могли рассказать о ней какъ то, что она изъ объятій мужа перешла къ другому. Нѣтъ, наша задача совсѣмъ иная! Мы бы не слѣдили за ней черезъ длинный рядъ соблазновъ, заблужденій и ошибокъ, еслибы судьба по какому-то странному капризу не выбрала ее орудіемъ для достиженія своихъ высокихъ цѣлей, а затѣмъ, разрушивъ своими желѣзными руками мечту всей ея жизни и бросивъ ее одну среди груды развалинъ, не привела бы ее къ раскаянію и раздумью.

Однако вернемся къ нашему разсказу. Леди Грэсъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ. Не видно было ни одного изъ кавалеровъ, занимавшихъ ея голову и сердце. Супруги Эліоттъ дошли наконецъ до послѣдней изъ комнатъ, отведенныхъ для гостей, за которой слѣдовала длинная амфилада внутреннихъ покоевъ его королевскаго высочества. Эта комната была обита шелковой матеріей оранжеваго цвѣта, а потолокъ разрисованъ эмблематическою живописью, гдѣ виднѣлись

граціи и музы, Юпитеръ, Меркурій, Аполлонъ и Парисъ. Но лучшимъ украшеніемъ комнаты служили три большихъ одинаковыхъ канделябра удивительной работы, сдѣланные изъ чистаго золота и мозаики въ видѣ пальмы, съ пятью развѣтвленіями, въ которыхъ были вставлены восковыя свѣчи; на пьедесталѣ стояла прекрасная фигура нимфы, обвивавшей стволъ дерева гирляндами цвѣтовъ. Надъ мраморнымъ каминомъ висѣло огромное зеркало, въ которомъ отражался рядъ великолѣпныхъ залъ съ ихъ роскошными обоями и живописью, сотни свѣчей, зажженныхъ въ хрустальныхъ люстрахъ, туалеты и лица гостей, перья, брилліанты, золото и шелкъ. Въ это время изъ большой залы раздавалась величественная Генделевская музыка и слышался шумъ шаговъ и шелестъ шлейфовъ. Но балъ не начинался, такъ какъ принцъ еще не выходилъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ. Изъ С.-Джемскаго дворца никто не присутствовалъ. Король не любилъ никакихъ празднествъ; его угрюмое настроеніе духа въ это время было уже предвѣстникомъ болѣзни, затмившей конецъ его жизни; королева Шарлотта, эта вѣрнѣйшая и самая преданная изъ женъ, никогда не выѣзжала одна; принцессы были еще слишкомъ молоды для посвщенія баловъ, а двухъ принцевъ: Йоркскаго и Кларенсъ не было въ Лондонѣ.

Наконецъ послѣ долгаго и напраснаго ожиданія отворились двери и въ комнату вошелъ принцъ Уэльскій въ сопровожденіи своего адъютанта полковника Тарлетона, оберъ-гофмейстера герцога Монтэгъ и своего друга королевскаго оберъ-гофмаршала лорда Колмондлея.

Принцъ Уэльскій былъ тогда въ полномъ цвѣтѣ молодости и красоты: статный, высокій, хорошо сложенный, съ открытымъ и пріятнымъ выраженіемъ лица. Общительный по природѣ, любезный и привѣтливый въ обращеніи, онъ могъ блистать въ обществѣ и своими знаніями, такъ какъ получилъ основательное образованіе и читалъ въ подлинникъ греческихъ и римскихъ классиковъ, поэтовъ и историковъ. При всѣхъ этихъ преимуществахъ онъ еще недурно игралъ на скрипкѣ, превосходно пѣлъ, былъ лучшимъ наѣздникомъ, лучшимъ танцоромъ, имѣлъ самыя изящныя манеры и отличался рѣдкимъ вкусомъ въ туалетѣ. Хотя впоследствии туалетъ сдѣлался для него первымъ вопросомъ жизни и въ немъ обнаружился и другіе не совсѣмъ привлекательныя свойства, но въ данное время публикѣ были извѣстны только его хорошія стороны, и она относилась къ нему съ самымъ искреннимъ расположеніемъ. Когда принцъ появился среди своихъ гостей, его встрѣтилъ общій, едва сдержанный возгласъ радости.

Туалетъ принца въ этотъ достопамятный вечеръ отличался особеннымъ изяществомъ. На немъ былъ шелковый кафтанъ блѣднокраснаго цвѣта съ бѣлыми обшлагами и бѣлый шелковый жилетъ, богато вышитый разноцвѣтными шелками. Шляпа его была украшена двумя рядами стальныхъ бусъ съ аграфомъ и кольцомъ изъ того же металла.

Принцъ вошелъ въ шпалеръ и по установленному придворному этикету только слегка прикасался къ ней пальцами въ видѣ поклона, проходя мимо двойнаго ряда почтительно привѣтствовавшихъ его кавалеровъ и дамъ, которые стояли шпалерой до самыхъ дверей средней залы, гдѣ было устроено подобіе трона на возвышеніи, украшенное золотомъ и обитое красной каймой. У ножекъ его были придланы львинія головы, какъ эмблема силы и могущества, а вокругъ нихъ обвивались золотыя змѣи — эмблемы мудрости. Надъ трономъ красовался шлемъ, а надъ окнами этой „тронной залы“ изображена была слава въ видѣ св. Георгія, покровителя Англіи, голова котораго была окружена сіяніемъ.

Принцъ, подойдя къ трону, поднялся на его ступени, и теперь, когда онъ былъ видѣнъ всему обществу, снялъ свою шляпу и привѣтствовалъ своихъ гостей легкимъ поклономъ. Затѣмъ принцъ, сойдя съ возвышенія, присоединился къ остальному обществу.

Въ числѣ гостей была одна дама, у которой сердце билось все сильнѣе и сильнѣе, съ самой той минуты, какъ вошелъ принцъ. Она тотчасъ узнала его. Но узнаетъ ли онъ ее? При этой мысли вѣжныя щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ и по тѣлу пробѣжала дрожь.

— Что съ вами, миледи? спросилъ сэръ Джонъ, замѣтивъ волненіе своей жены, но не подозрѣвая причины, такъ какъ онъ самъ, вслѣдствіе ли плохаго зрѣнія или неудобнаго мѣста за спиной одного лорда, только мелькомъ видѣлъ принца и не могъ разглядѣть черты его лица.

Но леди Грессъ не успѣла отвѣтить на вопросъ сэра Джона. Едва оправилась она отъ перваго сильнаго впечатлѣнія, какъ снова кровь бросилась ей въ голову. „Онъ идетъ!“ воскликнула она, боязливо прижимаясь къ своему мужу.

Принцъ дѣйствительно былъ уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ. Дамы, согласно этикету почтительно разступались съ обѣихъ сторонъ, чтобы дать дорогу его королевскому высочеству, который прямо подошелъ къ маленькой леди Грессъ, въ сопровожденіи лорда Колмондлей, слѣдовавшаго за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Теперь и сэръ Джонъ узналъ своихъ веселыхъ товарищей Воксала.

Леди Эліоттъ была сильно смущена, когда принцъ подошелъ къ ней, но принцъ Георгъ благосклонно улыбался.

— Миледи, сказалъ онъ ей, баронъ Ренклефъ пришелъ, чтобы исполнить данное имъ слово и напомнить вамъ объ одномъ обѣщаніи. Онъ имѣетъ честь представить вамъ принца Уэльскаго!

Лордъ Колмондлей воспользовался этой минутой, чтобы подойти къ сэру Эліотту, который въ душѣ сильно струсилъ при одномъ воспоминаніи о ночи, проведенной въ Воксалѣ.

— Сэръ Джонъ! — сказалъ ему торжественнымъ тономъ оберъ-гофмаршалъ, хотя на лицѣ его показалась едва замѣтная плутоватая улыбка, — передъ вами его королевское высочество наследный принцъ

Великобританіи, кронпринцъ Брауншвейга, Люнебурга, герцогъ Корнуэльскій и Ротсай, графъ Каррикъ, баронъ Ренклефъ (при этомъ оберъ-гофмаршалъ едва не засмѣялся самымъ безцеремоннымъ образомъ), владѣтель и оберъ-сенешаль Шотландіи, принцъ Уэльскій!

При каждомъ новомъ титулѣ сэръ Джонъ отвѣшивалъ низкій поклонъ тѣмъ старомоднымъ способомъ, какой нѣкогда усвоилъ себѣ въ салонѣ маркизы Помпадуръ. Мало по малу страхъ смѣнился въ немъ чувствомъ довольства, что онъ находится въ присутствіи боготворимаго имъ принца, и тучное лицо его засіяло выраженіемъ полного блаженства.

— Мы кажется знакомы, сэръ Джонъ, сказала принцъ ласковымъ, но сдержаннымъ тономъ высокопоставленнаго лица, составлявшимъ совершенную противоположность съ веселымъ и безцеремоннымъ обращеніемъ барона Ренклефа въ Воксалѣ.

— Точно такъ, ваше королевское высочество, отвѣтилъ сэръ Джонъ,—но могъ ли я предположить, что такое инвюгнито...

— Однако дворнягиня и вѣрный подданный его величества, замѣтилъ принцъ, долженъ бы лучше знать титулы британскихъ перовъ и помнить, что титулъ барона Ренклефъ издавна принадлежитъ принцу Уэльскому.

Сэръ Джонъ былъ сильно смущенъ этимъ неожиданнымъ для него упрекомъ и не зналъ, что отвѣтить, но, по счастью, въ это время раздались звуки трубы, что служило знакомъ начинающихся танцевъ.

Его королевское высочество милостиво подаль руку леди Грэсъ.

— Милордъ, сказала онъ при этомъ, обращаясь къ лорду Колмондлею, передаю на ваше попеченіе нашего общаго друга сэра Джона. постарайтесь занять его.

Сэръ Джонъ былъ въ восхищеніи отъ любезности принца и окончательно просіялъ, когда его старый пріятель, лордъ Колмондлей увелъ его изъ духоты и шума въ болѣе прохладную боковую комнату, гдѣ стоялъ накрытый столъ съ самыми отборными блюдами и винами. Оберъ-гофмаршалъ такъ усердно угощалъ достопочтеннаго джентльмена, что тотъ скоро окончательно опянѣлъ и уже не былъ въ состояніи выйти изъ-за стола.

Принцъ повелъ свою даму въ бальную залу, гдѣ уже раздавались аккорды полонеза. Никто изъ присутствующихъ не зналъ имени хорошенькой леди, которая удостоилась вниманія его королевскаго высочества и завидной чести танцевать съ нимъ первый танецъ. Наводить справки уже было поздно: по данному сигналу пары одна за другой выступали въ полонезъ; впереди всѣхъ былъ принцъ Уэльскій, который открылъ знаменитый балъ въ Карлтонъ-гаузѣ съ леди Грэсъ Дальримпе Эліоттъ.

ГЛАВА VI.

Гдѣ говорится о кольцѣ и на сцену является пажъ.

Уже было далеко за полночь и танцы кончились. Гости разбрелись по великолѣпнымъ заламъ, любуясь ихъ убранствомъ, картинами, обоями, золотыми канделябрами, зеркалами и обоями... Появились лакеи въ богатыхъ ливреяхъ и напудренныхъ парикахъ и изящные пажи, разносившіе десертъ на золотыхъ подносахъ.

Принцъ увелъ прекрасную леди Грѣсъ въ нишу тронной залы, гдѣ онъ могъ на свободѣ бесѣдовать съ нею, такъ какъ гости, не желая стѣснять его королевское высочество, мало по малу удалились. Но тѣмъ не менѣе всѣмъ хотѣлось узнать имя неизвѣстной красавицы, и она сдѣлалась чуть ли не единственнымъ предметомъ разговоръ въ этотъ вечеръ. Въ тронной залѣ остался одинъ пажъ, который стоялъ въ отдаленіи и не сводилъ глазъ съ своего повелителя. Этотъ пажъ казался моложе своихъ товарищей; его ноги, плотно обтянутыя шелковыми чулками, отличались такою округленностью и изяществомъ линий, что обратили бы на себя вниманіе любого скульптора. Красивое лицо матово-прозрачной бѣлизны казалось еще нѣжнѣе отъ небольшихъ, черныхъ какъ смоль усовъ, пунцовыхъ губъ и напудренныхъ лобновокъ; одни только живые сѣрые глаза были слишкомъ выразительны и серьезны для такого молодого лица. Если бы принцъ обращалъ вниманіе на что-нибудь кромѣ своей дамы, то вѣроятно отъ него не ускользнуло бы то выраженіе ненависти и презрѣнія, которое по временамъ появлялось въ этихъ глазахъ, такъ пристально смотрѣвшихъ на него. Но принцъ ничего не видѣлъ кромѣ маленькой леди Грѣсъ, которая казалась еще очаровательнѣе въ розовомъ полусвѣтѣ ниши.

— Я помню, бормотала она, потупивъ глаза и краснѣя отъ стыда и смущенія, — что обѣщала отдать вамъ кольцо... Но я никогда не дала бы такого обѣщанія, еслибы знала, что баронъ Ренклефъ... Я не могу понять, почему ваше королевское высочество придаетъ такое значеніе моему нелѣпому обѣщанію и хочетъ заставить меня выполнить его, зная, какія изъ этого могутъ быть послѣдствія.

— Не ожидалъ я слышать это отъ моей милой Грѣсъ, съ живостью возразилъ принцъ. — Можетъ ли моя Грѣсъ сомнѣваться въ томъ, что она теперь дороже для меня всего на свѣтѣ? развѣ она не видитъ, что я боготворю ее, поклоняюсь ей, люблю до безумія? Могу ли я равнодушно относиться къ тому, что служить вещественнымъ знакомъ взаимной привязанности. Горе мнѣ, если ея сердце допускаетъ это!

Леди Грѣсъ молчала; лицо ея покраснѣлось и она едва не заплакала, но черезъ секунду овладѣла собою и сказала:

— Вы кажется забыли, ваше королевское высочество, что я связана съ другимъ челоѡкомъ и что счастье быть удостоенной вашего высокаго вниманія покупается слишкомъ дорогой цѣной и мнѣ придется изъ-за этого потерять лучшее достоянiе женщины.

— Желалъ бы я знать, что вы называете лучшимъ достоянiемъ женщины.

— Ея честь, ваше королевское высочество, отвѣтила довольно рѣшительно леди Грэсъ и въ ея простодушной душѣ можетъ быть въ первый разъ въ жизни проснулось сознанiе какого-то долга. Это сознанiе сразу превратило ее въ женщину изъ наивнаго и беззаботнаго ребенка, какимъ она была до сихъ поръ. Она видѣла передъ собою двѣ дороги и чувствовала, что на нее падетъ отвѣтственность за выборъ. Повязка сорвана была съ ея глазъ, и она понимала, чѣмъ должно кончиться ухаживанье принца при малѣйшемъ поощренiи съ ея стороны.

Но его королевское высочество насмѣшливо смотрѣлъ на прелестное лицо, которое въ эту минуту было выразительнѣе и прекраснѣе чѣмъ когда-либо.

— Честь! воскликнулъ принцъ Уэльскiй съ саркастическимъ смѣхомъ.—Только это останавливаетъ васъ! Сдѣлайте одолженiе, миледи, объясните мнѣ, что это за вещь—честь?

— Остаться вѣрной своему слову, хотя оно дано было необдуманно; не обманывать мужа, съ которымъ связала судьба передъ Богомъ и людьми, хотя сердце быть можетъ осталось чуждо этому союзу; подавить безумное чувство, которое не можетъ быть удовлетворено; не давать повода для упрековъ совѣсти. Вотъ что я называю честью, ваше высочество.

Принцъ нахмурился.—Вы говорите не хуже кэнтерберiйскаго архіепископа, сказалъ онъ. Но объясните мнѣ, миледи, гдѣ вы научились всему этому. Не въ монастырѣ ли Монфлѣри? *By gad!* я запретилъ бы англiйскому дворянству отдавать своихъ дочерей въ французскiе монастыри. Не могу же я себѣ представить, чтобы мой кузень герцогъ Орлеанскiй набилъ вамъ голову такимъ вздоромъ. Не будьте же такая злая, добавилъ онъ уже болѣе ласковымъ голосомъ. Вы должны быть благоразумнѣе, Грэсъ. Что связываетъ васъ съ этимъ простодушнымъ и вѣчно пьянымъ челоѡкомъ, съ этимъ щеголеватымъ подагрикомъ, который называется вашимъ мужемъ!..

— Ваше высочество!.. — отвѣтила только леди Грэсъ, съ такимъ достоинствомъ и такимъ высокомернымъ тономъ, какого принцъ никогда не ожидалъ отъ нея.

— Однако, миледи, продолжалъ онъ, нѣсколько опомнившись, вы не можете отвергать, что васъ ожидаетъ печальная жизнь съ такимъ мужемъ, жизнь, лишенная всякихъ радостей, стремленiй, всего, что насъ заставляетъ дорожить ею. А вы еще такъ молоды, Грэсъ,—подумайте объ этомъ.

Грэсъ ничего не отвѣтила. Она стояла передъ нимъ, потупивъ глаза, только легкой вздохъ помимо ея воли вырвался изъ ея груди.

— Такое существованіе, сказалъ принцъ, не можетъ 'удовлетворить васъ, милая Грэсъ. Васъ прельщаетъ блескъ, веселіе, шумъ. Иначе и быть не можетъ—вы должны любить это. Что станется со свѣтомъ, если молодость и красота отрекутся отъ него! Развѣ молодость и красота созданы не для того, чтобы наслаждаться и доставлять другимъ наслажденіе? Отъ васъ зависитъ выборъ, Грэсъ: тамъ васъ ждетъ неизвѣстность, пустота, одиночество, а здѣсь — все, что только есть хорошаго и прекраснаго въ жизни, здѣсь веселіе и любовь, роскошный пиръ молодости, престолъ въ будущемъ. А что такое честь! Слава выше чести. Рѣшайтесь же скорѣе, Грэсъ — выберите...

— Мой выборъ уже сдѣланъ! вырвалось изъ взволнованной груди Грэсъ. Я связана...

— Вы связаны! Развѣ можетъ быть рѣчь о какихъ-либо оковахъ. Если принцъ Уэльскій пожелаетъ, то онъ разорветъ ихъ! Грэсъ, я люблю тебя и, by Gad, ты будешь свободна!

— Слишкомъ поздно!—отвѣтила измученная женщина едва слышнымъ голосомъ.

— Оковы эти разорваны, ихъ нѣтъ! воскликнулъ принцъ, увлеченный страстью и забывая, гдѣ онъ. — Стоитъ ли послѣ того быть наслѣднымъ принцемъ Англіи, если мнѣ отказано въ счастіи, которое слѣпой случай отдалъ въ руки ничтожнѣйшему изъ моихъ подданныхъ. Случай всегда слѣпъ, и я хочу доказать, что онъ безсиленъ. Ты должна быть моею, Грэсъ, хотя бы противъ твоего собственнаго желанія. Неужели властелины этого міра имѣютъ только власть надъ жизнью и смертью своихъ подданныхъ и не могутъ побѣдить упорное сердце женщины!

— Сжальтесь надо мной! пощадите!.. рыдая проговорила Грэсъ. Слезы текли по ея щекамъ, какъ бы свидѣтельствуя о тяжелой вынесенной ею борьбы.

— Поощажу тогда, когда ты отдашься мнѣ!—воскликнулъ принцъ со всѣмъ пыломъ страсти, между тѣмъ какъ всѣ жилы налились кровью на его лбу.—Если ты не отдашься мнѣ добровольно, то я возьму силою залогъ твоей любви; онъ мой и долженъ быть моимъ! Это такъ же вѣрно, какъ то, что я наслѣдный принцъ трехъ королевствъ.

Съ этими словами, уже не владѣя собой, онъ схватилъ руку леди Грэсъ. Но срывая кольцо, онъ замѣтилъ, что несчастная женщина пошатнулась и поблѣднѣла какъ полотно; она видимо начинала терять сознаніе; дыханіе ея остановилось, глаза закрылись.

— Воды! воды!—закричалъ принцъ, который только теперь вспомнилъ, гдѣ онъ, и счелъ необходимымъ скрыть отъ общества несчастное приключеніе.

Пажъ, стоявшій въ это время почти у самой ниши, тотчасъ же подбѣжалъ съ своимъ подносомъ.

Принцъ былъ такъ взволнованъ, что не замѣтилъ, какъ исказилось лицо красиваго пажа, когда онъ увидѣлъ рубиновое кольцо на рукѣ его королевскаго высочества. На этомъ лицѣ моментально выразились одно за другимъ почти всѣ формы человѣческой страсти: горькое презрѣнiе, ненависть, любовь, гнѣвъ, ревность...

Принцъ постѣпно взялъ съ подноса кусокъ льда и приложилъ его къ вискамъ леди Грэсъ, которая почти тотчасъ же опомнилась; только лицо ея оставалось блѣднымъ, и она была видимо измучена и обезсилена.

— Отведите меня къ моему мужу, сказала леди Грэсъ слабымъ, но рѣшительнымъ голосомъ. — Мнѣ хочется уѣхать отсюда!

Долго искали сэра Джона и наконецъ нашли его совершенно пьянымъ, въ той самой комнатѣ, куда увелъ его лордъ Колмондлей въ началѣ вечера. Онъ едва держался на ногахъ, когда его привели въ залу, гдѣ принцъ Уэльскій сидѣлъ на диванѣ, возлѣ своей дамы.

— Вотъ настоящій джентльменъ! воскликнулъ сэръ Джонъ, обращаясь къ своей женѣ и указывая на лорда Колмондлея, который велъ его подъ руку. — Настоящій джентльменъ! онъ васъ угощаетъ лучшимъ шампанскимъ и устраиваетъ дѣло такимъ образомъ, что вы можете пить его спокойно, зная, что ни одна дама не потревожитъ васъ... Ура!.. пью за здоровье принца Уэльскаго, самаго безукоризненнаго джентльмена въ Европѣ... кто будетъ спорить противъ этого тотъ п.....

У блѣдной леди Грэсъ опять павернулись слезы на глазахъ, когда она увидѣла своего мужа въ такомъ состоянiи. Принцъ Уэльскій велѣлъ подать придворную карету, и сэръ Джонъ подъ руку съ лордомъ Колмондлеемъ, а леди Грэсъ съ принцемъ медленно вышли изъ залы.

Пажъ, бывшій единственнымъ свидѣтелемъ предшествовавшей сцены, постѣпшилъ выбраться изъ толпы, тотчасъ же нахлынувшей въ залу послѣ ухода принца. Но въ эту минуту пажъ почувствовалъ, что кто-то слегка прикоснулся къ его плечу, и съ испугомъ оглянулся. Это былъ полковникъ Тарлетонъ, который при составленiи новаго штата принца Уэльскаго назначенъ былъ его адъютантомъ.

— Однако, миссисъ Робинзонъ, шепнулъ онъ пажу, вы положительно неузнаваемы въ этомъ костюмѣ! Держу пари, что принцъ не замѣтилъ васъ.

— Не задерживайте меня, другъ мой, отвѣтилъ мнимый пажъ. Мнѣ дорога каждая минута. Теперь я должна узнать во что бы то ни стало, кто эта женщина, которая отняла у меня сердце принца... Я узнаю это, хотя бы мнѣ пришлось проѣхать нѣсколько миль. Но кстати... Она дала ему свое кольцо... Не можете ли вы достать мнѣ это кольцо — тогда полковникъ, тогда... Она взглянула на него своими большими сѣрыми глазами, въ которыхъ гнѣвъ смѣнялся выра-

женіемъ нѣжности. Взглядъ этотъ общалъ многое и имѣлъ всемогущую власть надъ влюбленнымъ Тарлетономъ.

— Я не знаю, удастся ли мнѣ это, отвѣтилъ Тарлетонъ, между тѣмъ какъ миссисъ Робинзонъ тотчасъ-же исчезла.

Въ корридорѣ она быстро накинула на себя плащъ и шляпу, и прежде чѣмъ сэръ Джонъ и леди Грэсъ добрались до портала, она уже стояла тутъ и, внимательно разглядѣвъ карету, въ которую они сѣли, погналась за нею.

Слѣдовать за этой каретой было не трудно, такъ какъ за Поль-Моллемъ она тотчасъ повернула въ Cork-Street,—въ ту самую улицу, гдѣ жила сама миссисъ Робинзонъ, и остановилась у маленькаго дома на правой сторонѣ. Супруги вошли въ домъ и карета уѣхала. Миссисъ Робинзонъ очутилась одна на улицѣ, гдѣ не видно было ни одной души, и около своего собственнаго дома.

Она знала теперь, что черезъ улицу отъ нея, въ противоположномъ домѣ, живетъ ея соперница, овладѣвшая сердцемъ принца.

— Побѣда! воскликнула она, теперь я могу приняться за свое дѣло.

ГЛАВА VII.

Ея сіятельство маркиза Гертфордъ приказываетъ доложить о себѣ.

На слѣдующій день сэръ Джонъ былъ опять боленъ, больнѣе чѣмъ когда либо, и въ сквернѣйшемъ расположеніи духа. Онъ видѣлъ, что на этотъ разъ у него не на шутку „разболѣлись зубы“ и что онъ не легко и не такъ скоро отдѣлается отъ болѣзни.

— Будь проклято это шампанское, воскликнулъ онъ тономъ чело-вѣка, получившаго кровную обиду,—пусть меня повѣсятъ, если я еще когда нибудь буду пить на пари съ лордомъ оберъ-гофмаршаломъ его величества.

Затѣмъ съ покорностію мученика, страдающаго за правое дѣло, онъ приказалъ укутать себѣ ноги ватой выше колѣнъ и легъ въ постель на которой ему было суждено лежать теперь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль.

Трудно передать то, что испытывала леди Грэсъ, сидя у постели своего больнаго мужа. Къ воспоминаніямъ прошлаго вечера, отъ которыхъ и теперь лицо ея по временамъ покрывалось яркимъ румянцемъ, примѣшивалось чувство глубокаго презрѣнія къ мужу, который, забывая собственное достоинство, вслѣдствіе своей неумѣренности

могъ ежеминутно сдѣлать и себя, и ее посмѣшищемъ цѣлаго общества.

Развѣ принцъ не былъ правъ? Каждое связанное имъ слово жгло ее сердце. Дѣйствительно, что привязывало ее къ этому пьяницѣ кромѣ внѣшней связи, которую было такъ же легко порвать, какъ легко была заключена. Зачѣмъ она навязала его себѣ на шею? Зачѣмъ она вышла за него замужъ? Только теперь для нея выяснилась настоящая причина: она хотѣла избавиться отъ неизбѣжныхъ стѣсненій въ родительскомъ домѣ, отъ однообразія роднаго города, гдѣ не было ни двора, ни блестящаго общества, ни великолѣпныхъ баловъ. По дѣтскому легкомыслию она стремилась къ тому, чего достигла теперь; дѣйствительность превзошла все, что могла создать ее фантазія: но она не радовала ее. Передъ ней какъ призракъ являлось сознание грозящаго ей паденія. Она жалѣла о томъ, что утратила прежнюю безопасность и что не можетъ безъ упрековъ совѣсти слушать рѣчи того, которому она поклонялась, не зная его, и котораго полюбила всей душой чуть ли не съ той минуты, какъ увидѣла его. Напрасно слабый разумъ говорилъ ей противъ этой любви; она въ то-же время старательно припоминала всѣ его слова. Что значилъ въ его разговорѣ—спрашивала она себя—намекъ на престоль „въ будущемъ“? Хотѣлъ ли онъ сказать этимъ, что современемъ... При этой мысли она улыбнулась, грустно покачала головой и, подойдя къ окну, взглянула на противоположный домъ, гдѣ жила миссисъ Мэри Робинзонъ. Теперь домъ этотъ показался ей мертвымъ и мрачнымъ, занавѣси въ окнахъ перваго этажа были гдѣ подняты, гдѣ полуопущены, какъ будто живущимъ въ этомъ домѣ было все равно, темно или свѣтло въ комнатахъ... Развѣ принцъ не любилъ этой женщины? однако онъ бросилъ ее! Кто можетъ поручиться, что съ нею не случится тоже самое... Боже мой! быть покинутой имъ!.. Ей сдѣлалось страшно, она закрыла лицо руками; но слезы такъ и лились изъ ея глазъ.

— Лучше никогда не знать счастья быть любимой имъ, чѣмъ испытать такой позоръ!—промелькнуло въ ея головѣ. Но что значить гордость женщины въ борьбѣ со страстью, а тѣмъ болѣе такого слабаго и избалованнаго ребенка, какимъ была леди Грэсъ! Это все равно, что выйти противъ врага съ неравнымъ оружіемъ или тупымъ мечемъ. Подобную борьбу можно скорѣе назвать постепенной сдачей, такъ какъ тутъ главную роль играетъ кровь и случай. Леди Грэсъ отошла отъ окна съ заплаканными глазами.

— О чемъ это вы плакали, миледи? спросилъ заботливо сэръ Джонъ слегка приподнимаясь съ дивана, на которомъ онъ лежалъ, изображая изъ себя скорѣе тюкъ ваты, нежели человѣка.—Васъ вѣрно огорчаютъ мои страданія? Дѣйствительно, одному Богу извѣстно, какъ я мучусь. Но во всемъ виноватъ лордъ Колмондлей! Я ему докладывавалъ чуть ли не за каждымъ стаканомъ, что шампанское для меня ядъ; но что остается дѣлать джентльмену, когда тостъ слѣдуетъ за тостомъ.

Однако, будьте увѣрены, миледи, что это послужить мнѣ урокомъ. Пусть меня повѣсятъ, если я опять отправлюсь въ этотъ дворецъ, гдѣ...

Сэръ Джонъ остановилъ потокъ своего краснорѣчія, такъ какъ въ эту минуту послышался грохотъ экипажа, подъѣхавшаго къ ихъ дому, и вслѣдъ за звонкомъ вошла Бекки.

— Ея сіятельство маркиза Гертфордъ! доложила горничная.

Яркая краска выступила на блѣдномъ и заплаканномъ лицѣ леди Эліоттъ. Маркиза Гертфордъ была одна изъ самыхъ знатныхъ дамъ высшаго Лондонскаго общества, супруга лорда оберъ-камергера его величества и пользовалась особеннымъ довѣріемъ принца Уэльскаго, который называлъ ее своей „пріятельницей“ и подъ этимъ именемъ представилъ вчера леди Грессъ.

Сэръ Джонъ, какъ вѣрный англійскій подданный, былъ очень польщенъ визитомъ такой высокопоставленной особы, хотя за минуту передъ тѣмъ общалъ никогда не бывать въ Карлтовъ-гаузѣ.

— Миледи, сказалъ онъ, обращаясь къ своей женѣ, вы должны принять маркизу и извиниться за меня, что я не могу выйти въ гостинную.

Леди Эліоттъ была въ нерѣшимости. Ей не хотѣлось показаться маркизѣ съ покраснѣвшимъ лицомъ и заплаканными глазами. Она еще была на столько неопытна въ свѣтской жизни, что не обладала искусствомъ притворяться; ей было тяжело изображать изъ себя одну изъ тѣхъ маріонетокъ, которыя по данному знаку являютъ и сходять со сцены во всякое время. Она не могла сразу овладѣть собою и не умѣла сдѣлать изъ заплаканнаго лица—улыбающееся, изъ огорченнаго—веселое, изъ взволнованнаго—равнодушное, какъ это дѣлають многія свѣтскія женщины, и при этомъ съ такою быстротою, которая поражаетъ всякаго посторонняго человѣка.

Но долше медлить не было возможности. На лѣстницѣ послышался шорохъ тяжелаго дорогаго платья, и вслѣдъ затѣмъ одна за другой отворились двери перваго этажа.

— Миледи, сказала съ нетерпѣніемъ сэръ Джонъ, неловко заставлять ждать ея сіятельство. Хотя вполне похвально, что васъ огорчаютъ страданія вашего мужа, но свѣтская женщина должна владѣть собою.

— Не сердитесь, воскликнула шестнадцатилѣтняя супруга сэра Эліотта, прижимая носовой платокъ къ глазамъ и подходя къ двери.

Она еще минуту постояла на порогѣ, какъ будто въ раздумьѣ, и затѣмъ исчезла, тихо затворивъ за собою дверь.

— Она еще совсѣмъ незнакома съ свѣтскимъ обращеніемъ, рассуждалъ про себя сэръ Джонъ, оставшись одинъ въ комнатѣ.—Ей недостаетъ представительности и вообще тѣхъ качествъ, которыя необходимы для жены дворянина. Она должна чаще посѣщать хорошее общество.... По всему видно, что воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ въ

французскихъ монастыряхъ нѣсколько запущено въ настоящее время. Совсѣмъ другіе были нравы въ кружкахъ маркизы Помпадуръ.

Но въ тотъ моментъ, когда сэръ Джонъ въ своихъ воспоминаніяхъ коснулся этой любимой имъ темы, размышленія его были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ.

Онъ услышалъ, что кто-то отворилъ дверь въ его комнату. Неужели это леди Грэсъ? спрашивалъ себя сэръ Джонъ. Нѣтъ, она только что сошла съ лѣстницы.... Кто нибудь изъ гостей? Но въ такомъ случаѣ слуга доложилъ бы ему объ этомъ.

Однако на порогѣ дѣйствительно показался гость, и въ добавокъ совершенно незнакомый сэру Джону.

ГЛАВА VIII.

Сэръ Джонъ принимаетъ неожиданнаго гостя.

Гость былъ молодой, красивый юноша, почти мальчикъ, одѣтый пажомъ, въ красномъ платьѣ съ золотомъ, въ бѣлыхъ чулкахъ, изящныхъ башмакахъ и съ маленькой треугольной шляпой подъ мышкой.

Прежде всего въ дверяхъ показалась курчавая голова съ золотисто-свѣтлыми волосами, слегка покрытыми пудрой, и послышался веселый, почти дѣтскій смѣхъ.

Сэръ Джонъ оглянулся и тотчасъ же узналъ по цвѣту и покрою платья пажа его королевскаго высочества принца Уэльскаго. Хотя такой способъ знакомиться не особенно нравился почтенному джентльмену, но онъ рѣшилъ, что съ пажей выскивать нечего и рѣзвость еще не такой порокъ, тѣмъ болѣе, что пажи тѣ же дѣти, и дѣти самыхъ знатныхъ англійскихъ домовъ.

— Я только не могу понять, замѣтилъ сэръ Джонъ, дѣлая знакъ, чтобы пажъ подошелъ поближе, какъ вы очутились здѣсь, не постукавшись, безъ звонка и такъ незамѣтно, что никто не успѣлъ доложить о васъ.

Гость вмѣсто отвѣта засмѣялся громче прежняго и, войдя въ комнату, осторожно заперъ за собою дверь.

— Ну, ну! воскликнулъ сэръ Джонъ съ нѣкоторой досадой.—Съ которыхъ это поръ вы отвѣчаете смѣхомъ, когда съ вами говорятъ настоящимъ англійскимъ языкомъ.

Маленькій пажъ скорчилъ серьезную мину и, подойдя къ дивану, на которомъ лежалъ больной, подаль ему свою маленькую руку въ кружевной манжетѣ. Сэръ Джонъ вопросительно смотрѣлъ на пажа и

не шевелился; но гость нисколько не смутился этимъ и, наклонившись къ больному, шепнулъ ему на ухо:

— Давай руку, старый дружище,—только не говори такъ громко!

Почтенный джентльменъ имѣлъ сильное поползновеніе спроводить навязчиваго пажа не совсѣмъ церемоннымъ способомъ, однако воздержался, когда тотъ многозначительно указалъ ему на потолокъ, приложивъ тонкій палецъ къ губамъ.

— А, понимаю, сказалъ сэръ Джонъ, слегка понизивъ голосъ,—ты принадлежишь къ штату ея сіятельства?...

Маленькій пажъ отрицательно покачалъ головой.

— Ну такъ къ ч....

— Тсс!

— Значить, ты не изъ свиты маркизы?...

— Я не принадлежу ни къ чьей свитѣ, гордо отвѣтилъ маленькій пажъ, а состою при его королевскомъ высочествѣ, несравненномъ Георгѣ, принцѣ Уальскомъ! Но тѣмъ не менѣе вы можете считать меня своимъ другомъ, сэръ Джонъ!

— Это похвально, сынъ мой! отвѣтилъ покровительственнымъ тономъ лежавшій на диванѣ мученикъ.—Но объясни мнѣ, пожалуйста, что побудило тебя осчастливить меня своимъ посѣщеніемъ.

— Видите ли, сэръ Джонъ, я былъ въ передней Карлтонъ-гауза, когда ея сіятельство маркиза вышла изъ кабинета его королевскаго высочества, и слышала, какъ переданъ былъ ея кучеру приказъ ѣхать къ сэру Джону Эліоттъ... Дѣлать мнѣ было нечего, вотъ я и рѣшилъ посѣтить моего друга, вѣдь я вашъ другъ, сэръ Джонъ!

— И?

— И.... вотъ изъ дружбы къ вамъ я вскочилъ на лавейское мѣсто и никѣмъ незамѣченный пріѣхалъ сюда, проврался за ея сіятельствомъ въ этотъ домъ, а затѣмъ по лѣстницѣ наверхъ... Я только хлопоталъ о томъ, чтобы маркиза меня не замѣтила, потому что она злая женщина, сэръ Джонъ, и зорко слѣдитъ за поведеніемъ пажей. Хотя ей вовсе не слѣдовало бы заботиться о пажахъ его королевскаго высочества. Впрочемъ эти дамы всѣ таковы; но мы особенно остерегаемся маркизы Гертфордъ.

— Такъ, такъ, одобительно замѣтилъ больной, который съ видимымъ интересомъ слушалъ болтовню пажа.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ маленькій болтунъ, что маркиза пріятельница его королевскаго высочества, между тѣмъ какъ ея супругъ, маркизъ Гертфордъ, больше придерживается стариковъ... Ахъ, сэръ Джонъ, если бы вы знали, какая сжука въ сентъ-Джемсъ!... Только и слышишь псалмы и проповѣди: нѣтъ ни баловъ, ни музыки, кромѣ Генделевской; и можно умереть съ тоски, когда заиграетъ органъ и всѣ эти трубы... Ея сіятельство маркиза молода и хороша собой; она конечно предпочитаетъ веселый Карлтонъ-гаузъ и нашего

принца.... Но я хотѣлъ бы скрыть отъ маркизы.... потому что видите ли, сэръ Джонъ, я желаю вамъ добра!

— Успокойся, малютка, отвѣтилъ баронетъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто намѣревался взять подъ свое покровительство весь веселый штатъ принца, включая и маленькаго пажа.—Успокойся, сынъ мой, съ тобой ничего не случится. Лучше расскажи мнѣ, какимъ образомъ приобрѣлъ я твою дружбу?

— Какъ будто вы не знаете этого, отвѣтилъ пажъ съ упрекомъ. Вчера на балу въ Карлтонъ-гаузъ я два раза поднял вашу шляпу, когда вы вышли изъ маленькой комнаты съ лордомъ Колмондлеемъ... Неужели вы и въ самомъ дѣлѣ забыли, что поклялись мнѣ въ вѣчной дружбѣ, когда я вамъ модалъ руку въ тотъ моментъ, когда случилось неприятное приключеніе съ леди Эліоттъ, и вы....

Сэръ Джонъ ничего не зналъ и рѣшительно ничего не помнилъ. Но все это могло быть.

— Можетъ быть, отвѣтилъ онъ, и въ головѣ его въ этотъ моментъ мелькнуло смутное воспоминаніе о томъ, что онъ едва не упалъ на гладкомъ паркетѣ залы, гдѣ его королевское высочество находился вмѣстѣ съ леди Грэсъ.—Да, да, это могло быть! добавилъ онъ.

— Ну вотъ я и вздумалъ провѣдать моего друга, продолжалъ пажъ, и узнать объ его здоровьѣ и леди Эліоттъ послѣ вчерашняго бала. Къ тому-же вы меня совсѣмъ очаровали, сэръ Джонъ. Вы держали себя вчера и пили какъ настоящій джентльменъ; у васъ походка, обращеніе и манеры вполне джентльменскіе; я это замѣтилъ съ перваго взгляда. Когда я выросу, то постараюсь быть такимъ же джентльменомъ какъ вы, сэръ Джонъ.

Тотъ, къ кому была обращена эта лживая рѣчь, самодовольно улыбнулся и бросилъ благосклонный взглядъ на своего собесѣдника, который еще разъ заботливо освѣдомился о здоровьѣ сэра Джона и леди Эліоттъ.

— Правду сказать, мое здоровье не совсѣмъ хорошо, отвѣтилъ сэръ Джонъ, а ваше шампанское никуда не годится....

— Однако.... сэръ Джонъ, прервалъ его маленький пажъ, какъ будто обидѣвшись.

— Или я уже слишкомъ много выпилъ его, замѣтилъ достойный мужъ, вполне довольный почтеніемъ, какое выказывалъ ему маленький пажъ.

О тщеславіе! Но кто не грѣшенъ въ немъ. Мы удивляемся, когда ребенокъ радуется новому банту на своей шляпѣ или когда лакей съ гордостью надѣваетъ на себя новую ливрею съ блестящими пуговицами—эту вывѣску его зависимости; но развѣ не то же ребяческое тщеславное чѣство руководить людьми взрослыми и сравнительно развитыми, когда они радуются новому ордену, чину, титулу. Наконецъ мы всѣ тщеславны: дѣти и взрослые. господа и слуги; мы всѣ

болѣе или менѣе равнодушны къ лести, хотя бы она проявлялась въ самой грубой формѣ, и испытываемъ особенное удовольствіе. если встрѣтится человѣкъ, который будетъ удивляться или поклоняться намъ.

Немудрено, что и сэръ Джонъ былъ въ полномъ восхищеніи отъ своего маленькаго друга и, удовлетворивъ его любопытство относительно своего собственного здоровья, добавилъ, что леди Эліоттъ чувствуетъ себя хорошо.

— Леди Эліоттъ, прервалъ его съ восторгомъ маленькій пажъ, приложивъ пальцы къ губамъ, какъ бы для поцѣлуя,—самая красивая изъ всѣхъ придворныхъ дамъ, царица вчерашняго бала! Всѣ говорятъ это. Однимъ словомъ, леди Эліоттъ вполне подходящая супруга для такого джентльмена какъ вы.

— Ты правъ, возразилъ сэръ Джонъ, видимо польщенный послѣдней фразой,—леди Эліоттъ красивая женщина, и я радъ, что она нравится тебѣ, мой маленькій другъ.

— Нравится!... Развѣ это слово можетъ передать то чувство, какое возбуждаетъ къ себѣ такое существо, какъ леди Эліоттъ! Ахъ, сэръ Джонъ, еслибы мы жили въ другія времена, то я непременно сдѣлался бы рыцаремъ вашей супруги, надѣлъ бы ея перчатку на мой шлемъ и вызвалъ бы на состязаніе всякаго, кто осмѣлился бы сказать, что леди Эліоттъ не первая красавица въ Англіи.

— Слава Богу, что теперь наступили другія времена, проговорилъ сэръ Джонъ съ торжествующей улыбкой, и ты не рыцарь: ты пожалуй возбудилъ бы во мнѣ ревность.

— Да способны ли вы ревновать, сэръ Джонъ? Ахъ, еслибы возможно было возбудить въ васъ ревность! воскликнулъ пажъ взволнованнымъ голосомъ и съ такимъ страннымъ, не-дѣтскимъ выраженіемъ глазъ, что сэръ Джонъ вѣроятно встревожился бы не на шутку, если бы взглянулъ въ ту минуту на своего маленькаго друга. Но онъ былъ такъ занятъ своей собственной персоной, что ничего не замѣтилъ.

Пажъ тотчасъ же опомнился и, овладѣвъ собою, продолжалъ спокойнымъ голосомъ:—Вы говорите, что она нравится мнѣ. Но развѣ человѣкъ съ вашимъ положеніемъ въ свѣтѣ можетъ гордиться тѣмъ, что супруга его нравится мнѣ, мальчику, одному изъ пажей его королевскаго высочества. Я долженъ сказать вамъ, сэръ Джонъ, что она понравилась особѣ поважнѣе меня—вы понимаете, что это дѣло нешуточное.... она....

Сэръ Джонъ слегка приподнялся на своемъ диванѣ.

— Она, продолжалъ пажъ, понравилась тому, кто считается лучшимъ и самымъ тонкимъ знатокомъ женской красоты и чье ухаживанье, приводитъ въ восторгъ каждую женщину и cadaго мужа, имѣющаго красивую жену, можетъ довести до сумасшествія отъ.... отъ.... гордости....

— Однако, мой маленькій другъ, сказалъ сэръ Джонъ, надѣюсь, ты не станешь увѣрять меня, что....

— Я не намѣренъ ни въ чемъ увѣрять васъ, отвѣчалъ пажъ, понизивъ голосъ,—только вчера вечеромъ.... Но тутъ собесѣдникъ сэра Джона неожиданно остановился, видимо задрудняясь продолжать разсказъ.

Сэръ Джонъ самодовольно улыбнулся. Ему пришла счастливая мысль, что этотъ хорошенькій мальчикъ вѣроятно чувствуетъ ревность къ тому высокопоставленному лицу, о которомъ онъ только что упоминалъ.

Сэръ Джонъ былъ самъ когда-то молодъ и вполне понималъ это! вмѣстѣ съ тѣмъ его сердце наполнилось гордымъ сознаниемъ своего достоинства; онъ обладалъ женщиной, которая обратила на себя вниманіе его королевскаго высочества! Хотя никто не намекалъ ему на это, но онъ сразу догадался, что высокопоставленное лицо—принцъ Уэльскій.

Такая догадливость по мнѣнію почтеннаго джентльмена ясно показывала его остроуміе, знаніе людей и опытность въ дѣлахъ большаго свѣта и еще болѣе усилила то уваженіе, которое онъ чувствовалъ къ самому себѣ. Ему вздумалось позабавиться несчастною страстью мальчика и еще болѣе раздуть безвредное пламя любви въ его сердцѣ. Какъ старый спортсменъ онъ заранѣе радовался успѣху своей выдумки, которая такъ понравилась ему, что онъ забылъ все остальное.

— Ты сказалъ, вчера вечеромъ.... сдѣлай одолженіе сообщи все, что знаешь о вчерашнемъ вечерѣ.

— Сэръ Джонъ, отвѣтилъ рѣшительнымъ тономъ маленькій пажъ, какъ бы дѣлая надъ собою усиліе, чтобы высказать то, что у него было на душѣ,—скажите мнѣ пожалуйста, не имѣла ли ваша жена привычки носить кольцо на лѣвой рукѣ?

— Да, отвѣтилъ сэръ Джонъ,—кольцо съ рубиномъ. Я самъ подарилъ ей это кольцо.

— Ну, такъ обратите вниманіе, продолжалъ пажъ: носить ли теперь леди Эліоттъ это кольцо?

При этомъ маленькій другъ сэра Джона посмотрѣлъ на него такимъ пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ, который обратилъ бы на себя вниманіе всякаго простаго смертнаго; но опытный знатокъ человѣческаго сердца не замѣтилъ этого взгляда, тѣмъ болѣе что въ эту минуту по всему дому раздался громкій протяжный звонокъ.

Пажъ быстро соскочилъ со стула.

— Ея сіятельство собралась домой! воскликнулъ онъ съ испугомъ. Она не должна меня видѣть, она злая женщина, сэръ Джонъ. Могу ли я опять навѣстить васъ?.. Не забудьте о кольцѣ.

Съ этими словами и не дожидаясь отвѣта, пажъ моментально проскользнулъ въ дверь, сбѣжалъ съ лѣстницы и исчезъ, прежде чѣмъ маркиза успѣла сѣсть въ свою тяжелую карету, которая съ грохотомъ повалилась по мостовой маленькой улицы.

Затѣмъ опять все замолкло въ маленькомъ домѣ и въ маленькой

улицѣ; но посѣщеніе пажы привело достопочтеннаго джентльмена въ самое веселое расположеніе духа.

— У васъ явился поклонникъ, миледи! воскликнулъ онъ съ веселымъ смѣхомъ, обращаясь къ своей женѣ, которая, проводивъ маркизу, опять вернулась въ его комнату.

Теперь на лицѣ леди Грэсъ не видно было и слѣда слезъ и внутренней борьбы; оно, напротивъ того, выражало полную самоувѣренность, довольство и какъ бы твердую рѣшимость идти наперекоръ судьбѣ.

Но сэръ Джонъ не замѣтилъ этой перемены и повторилъ свою фразу: — У васъ явился поклонникъ, миледи, — и гдѣ бы вы думали? при дворѣ!

Леди Эллиотъ взглянула на мужа съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Пожалуйста не отрекайтесь, сударыня, сказала достопочтенный джентльменъ съ громкимъ хохотомъ: у меня собраны относительно этого самыя точныя и подробныя свѣдѣнія... Сдѣлайте одолженіе, покажите мнѣ вашу лѣвую руку, я желалъ бы убѣдиться, носите ли вы кольцо... съ рубиномъ?..

Леди Эллиотъ слегка измѣнилась въ лицѣ.—Милордъ! воскликнула она подувывающимъ и взволнованнымъ голосомъ, такъ какъ вопросъ мужа совершенно озадачилъ ее.

— Вы видите, продолжалъ сэръ Джонъ съ тѣмъ же хохотомъ, — который въ эту минуту особенно возмутилъ его жену, — кольцо исчезло. Теперь вы не можете отвергать, что мнѣ все передали и что я знаю все до малѣйшихъ подробностей.

Леди Эллиотъ холодно взглянула на своего мужа; ея глаза выражали полное спокойствіе и презрѣніе. Она не понимала, кто могъ сообщить всѣ эти свѣдѣнія сэру Джону?

Что значило его странное обращеніе, его смѣхъ, веселое расположеніе духа, — видно ему неизвѣстно настоящее положеніе вещей, и она можетъ быть покойна. Но вслѣдъ затѣмъ въ головѣ ея промелькнула мысль, что быть можетъ веселость сэра Джона, его шутки, не болѣе, какъ притворство и что она должна заплатить ему той же монетой. Она такъ и сдѣлала. Не даромъ говорятъ, что труденъ первый шагъ. За часъ передъ тѣмъ необходимость заставила ее сдѣлать первый опытъ въ притворствѣ: она должна была скрыть передъ другой женщиной слѣды горячихъ слезъ и тяжелой внутренней борьбы. Это вполне удалось ей. Неужели у ней не достанетъ столько власти надъ собой и смѣлости, чтобы скрыть отъ простоватаго мужа настоящую причину пропажи кольца!

— Ахъ да.... это кольцо... Я только сегодня утромъ замѣтила, что потеряла его. Должно быть я уронила его вчера на балу, когда мнѣ сдѣлалось дурно отъ жары и множества зажженныхъ свѣчей...

— Иначе и быть не можетъ, замѣтилъ сэръ Джонъ, я былъ убѣжденъ въ этомъ. Разумѣется, этотъ маленькій плутъ поднялъ кольцо и

спряталъ его на память о дамѣ своего сердца, какъ дорогой залогъ любви... ха, ха, ха!.. Каковъ ревнивецъ... самъ же все и выболталъ.

Леди Эліоттъ терлась въ догадкахъ. Въ словахъ сэра Джона было какое-то странное противорѣчіе. Неужели онъ знаетъ что нибудь! Кто могъ сказать ему о кольцѣ кромѣ его одного...

— Да, да, продолжалъ сэръ Джонъ улыбаясь, — совѣтую вамъ на будущее время выбирать поклонниковъ, которые бы не выбалтывали на слѣдующее утро то, что съ ними случилось наканунѣ.

Леди Эліоттъ была поражена.

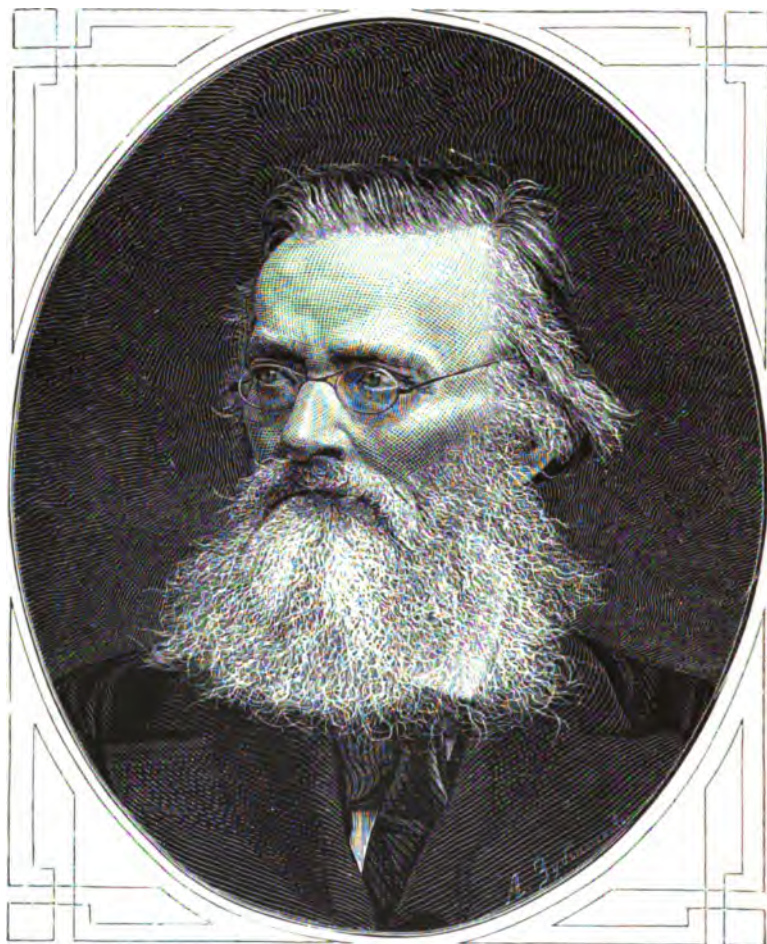
— То что случилось наканунѣ!.. — мысленно повторила она. Но все равно; она выбрала себѣ роль и должна была выдержать ее до конца.

— Бросьте эти шутки, сэръ Джонъ, сказала она. — Я должна передать вамъ порученіе отъ ея сіятельства маркизы, или вѣрнѣе отъ принца Уэльскаго, такъ какъ по его желанію маркиза устраиваетъ праздникъ въ своемъ Варвикскомъ помѣстьѣ. Этотъ праздникъ дается въ честь нѣсколькихъ господъ изъ свиты его королевскаго высочества герцога Орлеанскаго, только что пріѣхавшихъ изъ Парижа. Мы также получили приглашеніе, сэръ Джонъ.

Лицо почтеннаго джентльмена окончательно просіяло.

— Видите ли, миледи, сказалъ онъ, приподнимаясь съ трудомъ и усаживаясь на диванъ, — что значить имѣть протекцію при дворѣ! Я желалъ бы только, чтобы шампанскаго не существовало на свѣтѣ! Оно погубило многихъ честныхъ людей и да накажетъ меня небо, если я когда нибудь выпью хотя одинъ бокалъ. — Нѣтъ, милордъ Колмондлей, конечно, мы уже съ вами не будемъ больше провозглашать тостовъ!

Съ этими словами сэръ Джонъ въ изнеможеніи опустился на подушки, между тѣмъ какъ леди Эліоттъ подошла къ окну. Кольцо сильно занимало ее; она не могла допустить мысли, чтобы тотъ, кто похитилъ его, могъ проговориться... Но эта мысль неотвязчиво преслѣдовала ее, и она глядѣла изъ окна на маленькую пустынную улицу, на поблекшую зелень одинокаго дерева, освѣщеннаго блѣдными печальными лучами погаснутаго лондонскаго солнца.

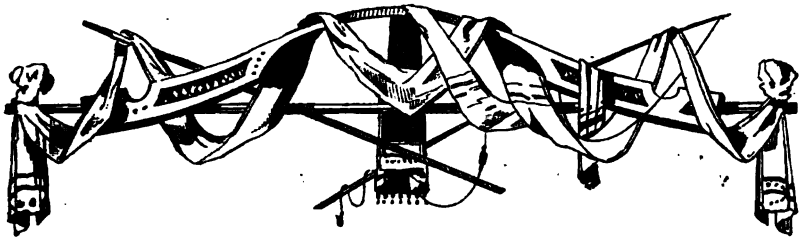

Н. И. КОСТОМАРОВЪ.

Съ фотографіи Денъера (1876 г.) рѣз. на деревѣ А. Зубчаниновъ.

Доволнено цензурою. С.-Петербургъ, 26 маѣ 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Фроловъ пер., д. 11—2.

ИЗЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Снятіе опалы съ славянофиловъ.

МНОГІЯ причины, частью довольно сложныя, частью весьма простыя, связали неразрывными узами судьбы нашей литературы съ судьбами ея неутомимой спутницы цензуры. Узы эти одна сторона находила существенно-необходимыми, благотворными и спасительными; другая — называла ихъ цѣпями, давящими все, что носить на себѣ подобіе мысли. По словамъ одного изъ умнѣйшихъ писателей нашихъ, цензурное вѣдомство и гг. цензуры представляли вѣчную точку съ запятою, задерживающую свободное движеніе литературы. „Дай намъ — говорилъ когда-то князь Вяземскій — не полную, но умѣренную свободу печатанія, сними съ мысли Алжирскія цѣпи, и въ годъ словесность наша преобразуется. Все, что плыветъ теперь на поверхности, поглотится пучиною, а сокровенное всплыветъ на воду“. Такъ смотрѣли на цензуру въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I. Подобныя же взгляды высказывались и въ самомъ началѣ царствованія его преемника, и не только въ статьяхъ литературныхъ, но и въ проэктахъ и соображеніяхъ, выработанныхъ съ правительственной точки зрѣнія и подлежавшихъ разсмотрѣнію высшей администраціи. Въ одной изъ такого рода записокъ говорится: „Совершенное безмолвіе порождаетъ недоувѣрчивость и заставляетъ предполагать слабость; неограниченная гласность производитъ своеволіе; гласность же, вдохновленная самимъ правительствомъ, примиряетъ обѣ стороны, и для обѣихъ полезна. Составивъ общее мнѣніе, весьма легко управлять имъ, какъ собственнымъ дѣломъ, котораго мы знаемъ всѣ тайныя пружины. Другая важная отъ сего польза для правительства будетъ та, что оно узнаетъ способныхъ людей. Теперь вообще жалуются на ихъ недостатокъ, на *disette d'hommes*; тогда способности всплывутъ наверхъ“.

Но какъ опредѣлить границы такъ называемой умѣренной свободы слова? Какъ слить въ одно нераздѣльное цѣлое требованія государственной, общественной и умственной жизни? Для достиженія благой цѣли, люди, имѣвшіе вліяніе на цензурныя условія нашей литературы, считали иногда полезнымъ прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія и дѣлать ему болѣе или менѣе значительныя уступки. Но на встрѣчу этимъ уступкамъ сейчасъ же шли возраженія. Слова лица, облеченнаго властью: „пустъ писатели высказываютъ свои мысли,— тѣмъ легче будетъ для власти слѣдить за ходомъ общественнаго мнѣнія“ вызвали ироническое замѣчаніе: „то есть пусть производятъ пожары,— тѣмъ легче будетъ тушить“.

Вооружаясь противъ свободы слова, защитники цензуры приводили обыкновенно тотъ доводъ, что общество наше находится на весьма невысокой степеніи образованности, вслѣдствіе чего легко поддается всякимъ вліяніямъ вообще и дѣйствію печатнаго слова въ особенности. Съ этимъ отчасти соглашались и сами писатели, говоря: „немногіе у насъ дають себѣ трудъ мыслить; еще менѣе число тѣхъ, кои мыслятъ вслухъ. Полуистины вреднѣе въ нашемъ быту, чѣмъ гдѣ-нибудь. Тамъ, гдѣ истины обнародываются множествомъ голосовъ, мнѣнія превратныя прямятся мнѣніемъ общественнымъ или заглушаются и погибають непримѣтно. У насъ же каждый нечаянный звукъ долго отзывается и пріемлетъ нѣкоторую существенность“.

Но нѣкоторые изъ составителей проектовъ представляли наше общество ужъ чрезчуръ податливымъ. „Русская публика — говорили они — читаетъ много и большею частію порусски, бдительно слѣдитъ за успѣхами словесности, и примѣчаетъ быстрый или стѣсненный ея ходъ. Просвѣщеніе нашей публики нельзя сравнить съ другими, но она имѣетъ то преимущество, что довольствуется весьма немногимъ. Не надобно большихъ усилій, чтобы быть не только любимымъ ею, но даже обожаемымъ; къ этому два средства: справедливость и нѣкоторая гласность (publicité). Нашу публику можно совершенно покорить, увлечь, привязать одною тѣнью свободы въ мнѣніяхъ“ и т. д. Шишковъ замѣтилъ на это, что одна тѣнь свободы не только никого не привлечетъ, а напротивъ того, вызоветъ общее неудовольствіе.

Въ доказательство того, что печать распространяетъ свое вліяніе и на низшіе классы народа, Шишковъ указывалъ на статьи по крестьянскому вопросу, появившіяся въ нашей литературѣ. „Извѣстно,— говоритъ Шишковъ — что въ царствованіе императора Александра I позволялось писать объ освобожденіи крестьянъ, о которомъ разсуждали и въ журнальныхъ статьяхъ, и въ отдѣльныхъ книгахъ. Обстоятельство это не укрылось отъ простаго народа, и одна взбунтовавшаяся большая вотчина представила при всеподданнѣйшемъ прошеніи книжку „Вѣстника Европы“, въ которой говорилось объ освобожденіи крестьянъ, и оправдывала себя тѣмъ, что, постушая по печатному,

она полагала, что дѣйствуетъ въ видахъ правительства, желающаго отнять власть у помѣщиковъ“.

Отношенія между литературою и цензурою, существовавшія въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, не только не улучшились въ сороковыхъ, но стали еще болѣе суровыми вслѣдствіе политическихъ событій въ Западной Европѣ. Но въ пятидесятихъ годахъ обстоятельства значительно измѣнились. Въ литературѣ обнаружилось движеніе; усилилась литературная производительность; стало появляться на свѣтъ Божій то, что лежало подъ спудомъ. Лучшая, просвѣщеннѣйшая часть Русскаго общества искренно привѣтствовала это оживленіе; только немногіе и весьма немногіе не радовались ему. Ворчали разносчики корректуръ, да люди, которымъ такъ хорошо жилось при прежнемъ затишѣ.

Для характеристики нашей литературы пятидесятихъ годовъ особенное значеніе имѣетъ появленіе статей и повременныхъ изданій славянофильскаго направленія. Образование и развитіе славянофильскихъ идей, а равно и борьба взглядовъ, вызванная ими какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ, представляютъ много любопытныхъ чертъ для исторіи нашей умственной и общественной жизни.

Первые вѣстники славянофильства явились людьми сильными убѣжденіемъ и вѣрою, вызывавшими на бой съ неправдою какъ въ области мысли, такъ и въ окружающей дѣйствительности. Какъ же отнеслись современники къ этимъ глашатаямъ новаго порядка идей и вещей? Общество пришло въ недоумѣніе отъ непривычной рѣчи, поразившей и своею смѣлостью, и оригинальностію мысли. Большинство такъ и осталось при неопредѣленномъ впечатлѣніи, не задавая себѣ труда вдумываться въ предметы, повидимому весьма отвлеченнаго свойства. Судьи болѣе храбрые и самоувѣренные произнесли приговоры весьма рѣшительные: по мнѣнію однихъ, славянофилы были фанатики, мечтавшіе о вещахъ невозможныхъ, и потому безвредные; по мнѣнію другихъ, славянофилы—опасные враги общественнаго спокойствія, и т. п. То, что всего болѣе препятствовало ясному пониманію славянофильства, заключалось въ паразитическомъ сочетаніи идей и стремленій, находящихся обыкновенно въ самой непримиримой враждѣ между собою. Съ одной стороны—духъ отрицанія и смѣлый, безпощадный протестъ; съ другой—глубокое сочувствіе къ основнымъ началамъ народности, благоговѣнное уваженіе къ тому, что освящено преданіемъ, и т. п.

Славянофилы выражали въ своихъ произведеніяхъ живую, горячую любовь къ Россіи и убѣжденіе въ ея великомъ призваніи. Въ поэтическихъ думкахъ объ этомъ призваніи звучитъ то же самое въ сущности чувство, какъ и въ словахъ, обращенныхъ къ Россіи поэтомъ, котораго никакъ нельзя упрекнуть въ умышленной идеализаціи:

Не угадать, что знаменуетъ
Твоя нѣмая тишина,

Но сердце вѣщее ликуеть,
И умиляется до дна.
Тиха, какъ сонная, наружно,
Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно,
Ты вся работаешь съ плеча.
Къ добру разумное стремленье
Животворить твоихъ дѣтей...

Чѣмъ живѣе, чѣмъ искреннѣе вѣра въ разумное стремленіе къ добру, тѣмъ менѣе возможности помириться со зломъ и тѣмъ сильнѣе возстаютъ противъ него и мысль, и слово поэта. Смѣлость и рѣзкость обличеній, исходившихъ изъ лагеря славянофиловъ, озадачивали многихъ въ томъ обществѣ, гдѣ даже наиболѣе стойкіе въ своихъ нравственныхъ правилахъ говорили о себѣ:

Но иногда пройти стороной
Въ вопросѣ грозномъ и живомъ,
Но понижать свой голосъ звонкій
Передъ вліятельнымъ лицомъ —
Увы, вошло въ мою натуру...
Я не продамъ за деньги мнѣнья,
Безъ крайней нужды не солгу;
Но гибнуть жертвой убѣжденья
Я не могу, я не могу...

Противъ этихъ-то обходовъ стороной, противъ позорныхъ сдѣлокъ съ совѣстью возставали славянофилы, указывая на высшія требованія долга и правды, на святые идеалы, завѣщанные христіанствомъ. Живое религиозное начало проникаетъ многія произведенія славянофиловъ, отъ поэтическаго изложенія библейскихъ сюжетовъ до статей по различнымъ вопросамъ, занимавшимъ въ то или другое время литературу и общество. Казалось бы, что дѣятельность писателей, на знамени которыхъ стояли христіанство и любовь къ Россіи, должны были возбуждать къ себѣ полнѣйшее довѣріе и сочувствіе. Но вышло наоборотъ. Дѣло въ томъ, что въ міросозерцаніе нѣкоторой части тогдашняго общества до того всосалась бюрократическая примѣсь, что люди, считавшіеся благомыслящими, идею религіи опутывали разными формальностями, и во всякой попыткѣ взглянуть на религію не съ консисторской точки зрѣнія готовы были подозревать опасное вольнодумство.

Такой же разладъ обнаружился и по вопросу о народности. Слово народность едва только стало пріобрѣтать право гражданства въ литературѣ, смыслъ его не былъ еще достаточно выясненъ, а между тѣмъ ему придали официальное значеніе. Въ литературныхъ кругахъ слово это толковали въ разные времена на разные лады. Иные изъ литературныхъ старовѣровъ видѣли народность въ употребленіи русскихъ словъ вмѣсто иностранныхъ, какъ' напримѣръ: прохожь, противустрастіе, буквопреложеніе, — вмѣсто: аллея, антипатія, анаграмма, и т. д. Другіе не прочь бы, пожалуй

признать образцомъ „строгой и непогрѣшительной народности“ измышленія стихотворца, который, воспѣвая событія 1812 года, заставлялъ Наполеона держать такую рѣчь: „ой, ты гой еси, храбрый маршалъ Ней“ и т. п.

Тамъ, гдѣ исчезали наивности, являлись препятствія и поводы къ недоразумѣніямъ. Какъ только славянофилы заговорили о народности, сейчасъ же было разъяснено, что понятіе о народности надо развивать умѣренно, отнюдь не допуская въ ней демократическаго начала, потому что признаніе демократическихъ началъ въ древнемъ русскомъ быту „весьма неблагоугодно по демократическому направленію общественнаго мнѣнія во всѣхъ почти европейскихъ государствахъ, кромѣ Россіи. Демократическое начало было вообще чуждо древнему русскому быту, и общинное устройство въ Новгородѣ и Псковѣ безъ сомнѣнія приписать должно раннимъ торговымъ сношеніямъ ихъ съ нѣмцами — сношеніямъ, которыя впоследствии перешли въ Ганзейскій союзъ“, и т. д.

Славянофилы, какъ извѣстно, смотрѣли на народность съ иной точки зрѣнія, доказывали преобладаніе общиннаго начала въ быту народа, и т. п. Взгляды ихъ признаны предосудительными, и славянофильство стали считать не только литературною, но и политическою партіею, членамъ которой приписывали какіе-то затаенные и опасные замыслы.

Первое извѣстіе о славянофилахъ, отозвавшееся весьма замѣтными послѣдствіями для литературной дѣятельности, относится къ 1852 году. Въ Петербургѣ было сообщено, что въ Москвѣ образовалось съ нѣкотораго времени общество славянофиловъ, цѣль котораго заключается въ томъ, чтобы произвести переворотъ въ Русской литературѣ — не подражать писателямъ иностраннымъ и для сочиненій своихъ выбирать предметы самобытные и народные. По слухамъ, которымъ придана полная вѣра, общество это первоначально состояло изъ пятнадцати членовъ; его составляли слѣдующія лица:

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ.

Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ.

Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ.

Кошелевъ, Александръ Ивановичъ.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ.

Чаадаевъ, Петръ Яковлевичъ.

Масловъ, Степанъ Алексѣевичъ.

Князь Львовъ, Владиміръ Владиміровичъ, цензоръ.

Армфельдъ, Александръ Осиповичъ, статскій совѣтникъ.

Ефремовъ, Александръ Павловичъ, отставной надворный совѣтникъ.

Свербеевъ, Дмитрій Николаевичъ, надворный совѣтникъ.

Бестужевъ, Сергѣй Михайловичъ, отставной штабсъ-ротмистръ.

Драшусова, Елизавета Алексѣевна, жена адъюкта Московскаго университета.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Эммануиль Александровичъ, студентъ университета.

Цѣль общества не заключала въ себѣ ничего незаконнаго или предосудительнаго; но тѣмъ не менѣе явились опасенія, что если во главѣ общества появятся люди неблагонамѣренные, то оно можетъ принести вредъ. Поводомъ къ подобнымъ опасеніямъ послужило прежде всего слѣдующее стихотвореніе Хомякова, помѣщенное въ первомъ томѣ „Московскаго Сборника“:

„Мы родъ избранный“ — говорили
 Сіона дѣти въ старину —
 „Намъ Божьи громы осушили
 Морей волнистыхъ глубину.
 Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
 Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
 И дымъ, и огонь, какъ Божье знамя,
 Въ пустыняхъ намъ казали путь.
 Намъ камень лилъ воды потоки,
 Дождили манной небеса,
 Для насъ законъ, у насъ пророки,
 Въ насъ Божьей силы чудеса“.
 Не терпите Богъ людской гордыни;
 Не съ тѣми онъ, кто говорить:
 „Мы — соль земли, мы — столбъ святыни,
 Мы — Божій мечъ, мы Божій щитъ“.
 Не съ тѣми онъ, кто звуки слова
 Лепечеть рабскимъ языкомъ,
 И мертвенный сосудъ живаго,
 Душою мертвъ, и спитъ умомъ.
 Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
 Животворящая струя,
 Живую душу пробудила
 Во всѣхъ изгибахъ бытія.
 Онъ съ тѣми, кто гордости лукавой
 Въ слова смиренья не рядилъ,
 Людскою не хвалился славой,
 Себѣ кумировъ не творилъ.
 Онъ съ тѣми, кто всё зоветъ народы
 Въ духовный міръ, въ Господень храмъ.

Это стихотвореніе обратило на себя вниманіе „по своей двусмысленности, могущей подать поводъ къ вреднымъ толкованіямъ“. За первымъ обвиненіемъ быстро послѣдовалъ рядъ другихъ. Стали перечитывать, статья за статью, „Московскій Сборникъ“, изданный И. С. Аксаковымъ, и почти все содержаніе его оказалось или сомнительнымъ, или явно предосудительнымъ. Стихотвореніе И. С. Аксакова „Бродяга“ осуждено за то, что „разсказываемыя въ немъ похождения бродягъ, взаимная ихъ откровенность и совѣты другъ другу, какъ избѣгать отъ рукъ правосудія, съ обѣщаніемъ въ бродяжничествѣ приволья и ненаказанности, могутъ неблагопріятно дѣйствовать на

читателей низшаго класса“. Статья, помѣщенная въ видѣ предисловія подъ названіемъ: „Нѣсколько словъ о Гоголѣ“, показала подозрительною и загадочною по отрывистымъ намекамъ и недоконченнымъ мыслямъ, по чрезвычайнымъ похваламъ Гоголю, по громкимъ возгласамъ и рѣзкимъ сужденіямъ о нашемъ обществѣ. Въ статьѣ Кирѣвскаго: „О характерѣ просвѣщенія Европы и его отношеніи къ просвѣщенію Россіи“ заставляло призадуматься выраженіе: цѣльность бытія, и какъ на бѣду, эту цѣльность бытія авторъ не только приписывалъ древней Россіи, но и желалъ, чтобы она сохранилась и въ настоящей и въ будущей Россіи. Неизвѣстно, — откровенно сознавались судьи — что Кирѣвскій разумѣетъ подъ цѣлостію бытія; но явно, что тутъ есть что-то такое неблагонамѣренное... О статьѣ К. С. Аксакова подъ названіемъ: „О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности“ и говорить нечего. Неблагонамѣренность такъ и свѣтилась въ каждой строкѣ, и самымъ яркимъ образомъ выразилась въ заключительномъ выводѣ: „Русская земля была изначала наименѣ патриархальная, наиболѣ семейная и наиболѣ общественная, именно общинная земля“...

Содержаніе и направленіе втораго тома „Московского Сборника“, представленнаго въ цензуру въ рукописи, довершило ударъ: оно вызвало энергическія мѣры противъ писателей-славянофиловъ. По разсмотрѣніи рукописи найдены въ ней и предосудительныя мысли, и недоброжелательство къ настоящему порядку вещей, и косвенное неодобреніе правительственныхъ мѣръ, и т. п. Къ числу статей, подлежащихъ строгому запрещенію, отнесены:

Хомякова: „Нѣсколько словъ по поводу статьи Кирѣвскаго“, помѣщенной въ первомъ томѣ сборника.

К. С. Аксакова: „Богатыри великаго князя Владиміра, по русскимъ пѣснямъ“.

Князя В. А. Черкаскаго: „О подвижности народонаселенія въ древней Россіи“.

И. С. Аксакова: „Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ“, и т. д.

Статья И. С. Аксакова: „Объ общественной жизни въ губернскихъ городахъ“ подверглась нареканію, а вслѣдъ затѣмъ и запрещенію вслѣдствіе „крайне неприличныхъ насмѣшекъ“ надъ обществомъ и даже надъ администраціею. Въ доказательство приводились такого рода отзвы автора:

„Въ губернскихъ городахъ есть благотворительныя дамскія общества, и общества лошадиныхъ охотниковъ, и богоугодные спектакли, и благотворительныя лотереи, и маскарады въ пользу бѣдныхъ; есть и провинціальный прогрессъ, и сильнѣйшее сознаніе помѣщичьихъ правъ, въ томъ напримѣръ, что помѣщики собираютъ порядочныя суммы съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупившихся отъ замужества; есть благородная сословная гордость, напримѣръ: дворяне, даже промо-

тавпіеся отъ благородной страсти къ игрѣ, считаютъ за безчестіе быть въ одномъ собраніи вмѣстѣ съ честными купцами, между тѣмъ какъ первые, проводя жизнь въ городѣ, исполненномъ историческихъ воспоминаній, знакомы съ ними въ тысячу разъ менѣе всякаго мѣщанина...

„Необходимо замѣтить, что большая часть провинцій смотрятъ на Москву съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, обращаясь постоянно къ Петербургу какъ подсолнечникъ къ солнцу. Едва провинція слышала объ эмансипаціи женщинъ, какъ тотчасъ же завела у себя дамскіе клубы (въ Симбирскѣ и другихъ городахъ). Пронесся слухъ о дѣтскомъ балѣ въ Петербургѣ, и въ провинціи другъ передъ другомъ соперничаютъ въ этомъ нравственномъ душегубствѣ дѣтей.

„А благотворительные балы и богоугодныя празднества? Деревни подъ рукою, и положить лишнюю тягость на крестьянъ въ пользу бѣдныхъ дамскаго общества ничего не значить. Все это дѣлается для того, чтобы не отставать отъ столицы, между тѣмъ какъ въ Москвѣ давно уже возникъ нравственный протестъ противъ этой самозванной благотворительности; на самомъ же дѣлѣ бѣдные люди содержатся изжидивеніемъ купцовъ и мѣщанъ, къ которымъ все нами до сихъ поръ сказанное нисколько не относится. Для молодаго человѣка провинція нерѣдко очень опасна: сначала онъ непріятно пораженъ тою холодною, съ какою встрѣчаютъ на службѣ его честный пылъ; постепенно утрачиваетъ онъ свои прежнія чистыя стремленія, пожимая, по закону свѣтскаго приличія, руки такимъ людямъ, при одной мысли о которыхъ краска негодованія нѣкогда видалась ему въ лицо. Хорошо, если онъ ограничить свое знакомство немногими домами, гдѣ можно еще подышать честнымъ воздухомъ; еще лучше, когда онъ вовсе откажется отъ провинціального свѣта, и посвятить свое время—если онъ служить—открытой борьбѣ съ злоупотребленіями, изученію края, сближенію съ другими классами общества.

„Его превосходительство и ея превосходительство—постоянно первыя лица въ городѣ, постоянно такъ сказать на службѣ, въ должности, какъ у себя дома, такъ и въ гостяхъ. Мы знали одного губернатора, который, желая только искреннихъ отношеній къ подчиненному ему провинціальному быту, не любилъ, чтобы внѣ службы обращались къ нему съ официальнымъ титуломъ: это требованіе сильно повредило ему во мнѣніи многихъ губернскихъ жителей.

„Но служба только одною внѣшнею стороною вошла въ жизнь губернскихъ обществъ: мундиромъ, чиномъ, жалованьемъ, мѣстомъ, грозою ревизоровъ, и проч. Чинопочитаніе въ провинціи доходитъ до забвенія всѣхъ завѣтныхъ личныхъ убѣжденій. Зато служебныя злоупотребленія не возбуждаютъ негодованія; какія нибудь странныя мечты объ общемъ благѣ не тревожатъ душу. Вспомнимъ также это всеобщее безмолвіе нравственныхъ требованій, эту снисходительность къ неправдѣ, это радушіе панибратство съ развратомъ и взяточничествомъ,

это хлѣбосолюство со всякимъ порокомъ, будь онъ только въ знатной и богатой оправѣ.

„Если бы губернскіе жители вмѣсто того, чтобы увлекаться блестящею пустотою столичной великосвѣтской жизни, пріобшились къ тому серьезному движенію мысли, которая въ послѣднее время, въ Москвѣ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе вырабатываясь, стремится сдѣлать насъ людьми изъ обезьянъ и самостоятельными дѣятелями изъ жалкихъ подражателей, то провинціализмъ могъ бы занять законное мѣсто въ разработкѣ всѣхъ особенныхъ сторонъ многосторонняго русскаго духа“...

За подобныя статьи печатаніе сборника запрещено, И. С. Аксаковъ лишенъ правъ быть редакторомъ какаго бы то ни было изданія; строгость цензурныхъ наблюдений надъ славянофильскими сочиненіями усилена до послѣдней степени. О чемъ бы ни писали славянофилы: о философіи или о хлѣбопашествѣ, объ уженьи рыбы или о корняхъ Санскритскаго языка,—все проходило двойную и тройную цензуру: всюду искали намековъ и умысловъ. Пятерымъ славянофиламъ: К. С. Аксакову, И. С. Аксакову, Хомякову, Кирѣевскому и князю Черкасскому, вмѣнено было въ обязанность представлять свои рукописи не иначе, какъ въ главное управленіе цензуры, гдѣ они разсматривались, и откуда пересылались съ тою же цѣлью въ нѣкоторыя другія учрежденія. По поводу этой мѣры Хомяковъ писалъ А. С. Норову: „Съ нѣсколькихъ сотрудниковъ „Московского Сборника“, и въ томъ числѣ съ меня, взята подписка въ томъ, что мы не будемъ впредь представлять своихъ сочиненій въ мѣстныя цензуры, но будемъ относиться прямо въ высшій цензурный комитетъ. Послѣдствія этой подписки весьма для насъ ощутительны. Маленькій лексиконъ санскрито-славянскихъ словъ и корней, мною составленный, подвергся почти годовому пересмотру, а коротенькая статейка Аксакова о русскихъ глаголахъ прошла черезъ полупеторовое мытарство“. Статья К. С. Аксакова заслужила отъ строгаго судьи, разобравшаго ее по ниточкѣ, такого рода отзывъ: „она написана превосходнымъ языкомъ, и мнѣніе автора о русскихъ глаголахъ, особенное и новое, можетъ принести существенную пользу въ отношеніи Русской филологіи“. Тѣмъ не менѣе указаны нѣкоторыя мѣста, хотя вполнѣ справедливыя и даже благонамѣренныя, но все-таки чрезчуръ рѣзкія и даже укорительныя, какъ на примѣръ: „О русскихъ глаголахъ было писано много, но вопросъ доселѣ остается нерѣшеннымъ; доселѣ пониманіе еще не уравнилось съ предметомъ, и глаголы нашего языка остаются во всей своей непокорной самостоятельности, неподдающейся теоретическимъ объясненіямъ. И русскіе, и нѣмцы пытались объяснить русскій глаголъ, но доселѣ безуспѣшно. Нѣтъ сомнѣнія, что иностранцамъ трудно постигнуть языкъ имъ чуждый; особенно нѣмцамъ трудно постигнуть языкъ Русскій. Но едва ли легче понять его русскому, руководимому иностранными воззрѣніями вообще, хотя бы онъ не былъ послѣдова-

телемъ именно того или другаго иностранца. Не въ томъ главное дѣло, иностранецъ ли по происхожденію сочинитель, а въ томъ иностранецъ ли онъ по возрѣнію“ и т. д.

Вниманіе цензуры въ отношеніи къ славянофиламъ распространялось и на ихъ ближайшихъ родственниковъ: не даромъ славянофилы горячо отстаивали семейное начало въ нашемъ быту. Отцу двухъ славянофиловъ, Сергѣю Тимофеевичу Аксакову, не разрѣшено было изданіе „Охотничьяго Сборника“. Предпринимая подобнаго рода изданіе, С. Т. Аксаковъ руководствовался, какъ самъ говоритъ, тою мыслью, что описаніе всѣхъ родовъ охотъ, столь разнообразныхъ по обширности Русскаго государства, можетъ не только служить пріятнымъ чтеніемъ для охотниковъ, но въ то же время быть источникомъ полезныхъ мѣстныхъ свѣдѣній и наблюденій по части естественной исторіи—наблюденій специалистовъ, которые одни могутъ обогатить науку драгоценными практическими знаніями, часто погибающими безгласно. Не смотря на прекрасную цѣль, возникло сомнѣніе въ томъ, обладаетъ ли С. Т. Аксаковъ достаточною благонамѣренностью для изданія какаго бы то ни было сборника, хотя бы и охотничьяго. Вопросъ рѣшенъ былъ отрицательно. Официознымъ поводомъ къ отказу послужило то обстоятельство, что разрѣшеніе какъ сборниковъ, такъ и журналовъ, зависѣло отъ высшаго начальства, а утруждать его такими маловажными предметами, какъ охотничьи статьи, признано неудобнымъ. Но есть основаніе полагать, что здѣсь дѣйствовали и другія соображенія, относящіяся къ литературной дѣятельности С. Т. Аксакова.

Не задолго передъ этимъ временемъ вышла въ свѣтъ книга Аксакова: „Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи“. Самое строгое изслѣдованіе удостовѣрило, что въ книгѣ Аксакова „не только нѣтъ ничего предосудительнаго, но даже не встрѣчается ни одной какой либо скрытой мысли, которую можно бы истолковать въ дурную сторону“. Но если не въ настоящемъ, то въ весьма далекомъ прошедшемъ—почти за четверть вѣка—нашлись улики противъ С. Т. Аксакова. Будучи цензоромъ, онъ разрѣшилъ напечатать брошюру подъ названіемъ „Двѣнадцать спящихъ будочниковъ“, а въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ помѣстилъ статейку подъ названіемъ „Рекомендація министра“. Въ статейкѣ разсказывается, какъ явился въ министру совершенно неизвѣстный ему господинъ съ письмомъ отъ вліятельной особы, и какъ министръ, питая безграничное довѣріе къ этой особѣ, рекомендовалъ съ самой отличной стороны совершенно неизвѣстнаго ему человѣка. Податель письма оправдалъ рекомендацію министра: получивъ желаемое мѣсто, усвоилъ себѣ всѣ канцелярскія добродѣтели, и, будучи отъ природы недалекимъ, приобрѣлъ репутацію очень умнаго человѣка. Въ разсказѣ Аксакова есть забавный эпизодъ. Когда министръ велѣлъ написать рекомендательное письмо, чиновникъ началъ его такимъ образомъ: „милостивый государь мой“, и поставилъ

восклицательный знакъ. Министръ велѣлъ замѣнить восклицательный знакъ простою точкою, на томъ основаніи, что ему, какъ начальнику цѣлаго вѣдомства, неприлично становиться на вытяжку передъ лицомъ, занимающимъ менѣе высокое общественное положеніе. При отправленіи статьи въ редакцію автора взяло раздумье, можно ли писать о такихъ вещахъ. Но издатель „Московского Вѣстника“ М. П. Погодинъ, не только ободрилъ автора, но и надѣялся заслужить благоволеніе начальства. Надежды свои Погодинъ основывалъ на томъ, что въ журналѣ его не помѣщается ничего, въ чемъ есть хоть малѣйшій намекъ на личности, и что примѣры злоупотребленій, выставленные въ Выжигинѣ, благосклонно приняты были начальствомъ. При всей своей прозорливости М. П. Погодинъ ошибся въ расчетѣ. И ошибка эта, какъ оказалось, не пропала безслѣдно...

Между тѣмъ время шло, и шло не даромъ, и не только для литературныхъ идей, но и для различныхъ мѣропріятій. Крымская война совершила переворотъ и во внутренней жизни Россіи. Прямая и честная, хотя бы и смѣлая рѣчь перестала быть пугаломъ, и не только среди общества, но и въ самомъ цензурномъ вѣдомствѣ, слышались голоса въ пользу большаго простора печати. Лица, облеченныя властью, признавали уничтоженіе нѣкоторыхъ стѣснительныхъ мѣръ прямою потребностью времени, ожидая отъ этой мѣры самыхъ благопріятныхъ послѣдствій. Народное самосознаніе, возбужденное ходомъ войны, стремилось высказаться; повинувась общему стремленію мыслящихъ людей, славянофилы, какъ самые ревностные борцы за идею народности, снова пытались добыть свои утраченныя права на почетное слово. На этотъ разъ желаніе славянофиловъ увѣнчалось успѣхомъ: имъ разрѣшено не только обнародованіе статей, бывшихъ долгое время подъ запретомъ, но и изданіе журнала съ ярко обозначеннымъ направленіемъ.

Починъ въ осуществленіи завѣтной мысли славянофиловъ принадлежитъ предсѣдателю Московскаго цензурнаго комитета и попечителю Московскаго учебнаго округа, В. И. Назимову. Генераль-адъютантъ В. И. Назимовъ не только далъ officialный ходъ дѣлу; но и частными письмами просилъ министра народнаго просвѣщенія и его товарища оказать всевозможное содѣйствіе предпріятію въ высшей степени полезному и даже необходимому. Изъ письма А. И. Кошелева къ А. С. Норову видно, что глава министерства заранѣе обѣщала славянофиламъ свою поддержку, и какъ бы вызывала ихъ на литературную дѣятельность. „Въ бытность мою въ Петербургѣ — пишетъ А. И. Кошелевъ министру народнаго просвѣщенія—вы упрекали москвичей въ литературномъ бездѣйствіи. Слова ваши были для насъ всѣхъ крайне ободрительны, и, на первый разъ, мы рѣшились издавать трехъ-мѣсячный журналъ подъ заглавіемъ „Русская Бесѣда“. Программа, нами представленная, содержитъ искреннее выраженіе нашихъ убѣжденій, и мы заслужимъ, думаю, полное ваше одобреніе“.

Генераль-адъютантъ Назимовъ писалъ товарищу министра народ-

наго просвѣщенія, князю П. А. Вяземскому (27 сентября 1855 года): „Москва, гдѣ въ званіи издателей журнала когда-то дѣйствовали благороднѣйшіе представители русскаго слова: Карамзинъ и Жуковский; гдѣ въ томъ же званіи съ пользою трудились: Каченовскій, Полевой, Надеждинъ и многіе другіе, гдѣ возникли и развились большая часть нашихъ талантовъ, — въ настоящее время лишена всякой литературной дѣятельности, и почти не имѣетъ журнала, въ которомъ московскіе ученые и литераторы могли бы размѣниваться своими мыслями и высказывать свои убѣжденія на пользу русскаго просвѣщенія. Я считаю излишнимъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ таковаго упадка отечественной словесности въ городѣ, гдѣ она преимущественно процвѣтала въ прежнее время. Но конечно, всѣ истинно любящіе русское просвѣщеніе пожелаютъ, чтобы наша словесность выведена была изъ этого усыпленія. Основаніе журнала въ Москвѣ, въ духѣ русскомъ, могло бы отчасти послужить къ достиженію этой благой цѣли и принести существенную пользу нашей словесности“ и т. д.

Въ высшей степени любопытно письмо В. И. Назимова къ А. С. Норову, 5 декабря 1855 года. Это—откровенная, дружественная беседа челоѣка, поставленнаго въ непосредственныя отношенія къ литературному міру, съ просвѣщеннымъ писателемъ, занимавшимъ одну изъ важнѣйшихъ должностей въ государствѣ, и поэтому нравственно обязаннымъ вникать въ самую суть дѣла, не ограничиваясь одною внѣшностью и чисто-бюрократическими соображеніями. Такого рода переписка составляетъ прямое достояніе исторіи литературы, подобно мемуарамъ, авторскимъ исповѣдямъ, автобіографическимъ замѣткамъ и т. п.

„Въ послѣднее время публичная литературная дѣятельность вслѣдствіе крайне стѣснительныхъ мѣръ цензуры у насъ замѣтно ослабѣла. Стѣсненіе мысли и умственнаго развитія неизбѣжно должно было имѣть вредныя послѣдствія, какъ для успѣховъ отечественнаго просвѣщенія, такъ и вообще для нравственного состоянія Русскаго общества. Наша публика, уже достигшая извѣстной степени образованія, не находя для себя умственной пищи въ скудныхъ произведеніяхъ отечественнаго слова, по необходимости, должна была обратиться къ источникамъ иностраннымъ, не всегда безуборизненнымъ, и въ нихъ почерпать всѣ свои насущныя свѣдѣнія.

„Между тѣмъ русская мысль и русское слово, при всѣхъ запретительныхъ мѣрахъ, не могли однако же совершенно остановиться въ своемъ развитіи; не имѣя возможности высказываться гласнымъ образомъ, они искали себѣ исхода на другомъ болѣе безопасномъ пути, и вслѣдствіе этого приняли странное и совершенно неестественное направленіе. Въмѣсто печатной, гласной литературы образовалась литература безгласная, письменная. Въ рукахъ читающей публики появились, во множествѣ списковъ, разныя сочиненія по всѣмъ современнымъ вопросамъ наукъ и словесности, и между ними, разумѣется,

нашли себѣ путь и рукописи содержанія несовершенно одобрительнаго. Но—что всего прискорбнѣе—невозможность, въ которую были поставлены наши писатели и вообще образованные люди печатно высказывать свои мысли, была, можно сказать, одною изъ главныхъ причинъ того неудовольствія и того ропота, которые съ нѣкотораго времени обнаружались въ нашемъ обществѣ. Такое неестественное положеніе представляеть явленіе крайне-неутѣшительное, и слѣдуетъ придумать, какъ бы измѣнить его къ лучшему. Всѣ стѣснительныя мѣры вызваны были, какъ мнѣ кажется, излишнимъ опасеніемъ революціонныхъ идей, волнующихъ умы въ Западной Европѣ. Пора наконецъ убѣдиться, что эти идеи, какъ совершенно намъ чуждыя и противоположныя кореннымъ началамъ Русской жизни, не могутъ имѣть дѣйствія на большинство нашего общества. Впрочемъ Русское правительство такъ сильно, что оно всегда можетъ съ успѣхомъ противодѣйствовать вторженію вредныхъ и ложныхъ началъ, не препятствуя чрезъ то правильному и неизбежному ходу просвѣщенія. И Русскому ли правительству страшиться истиннаго просвѣщенія? Оно само было воспитателемъ, образователемъ своего народа; оно было первымъ двигателемъ его на пути умственного и гражданскаго развитія. Желательно для славы и благоденствія Россіи, чтобы и на будущее время оно продолжало дѣйствовать въ томъ же духѣ.

„Въ настоящее время необходимо дать большой просторъ и движеніе нашей умственной жизни, для чего слѣдуетъ поощрять нашихъ писателей и наши таланты, обращая ихъ отъ вреднаго бездѣйствія, въ которомъ они коснѣютъ, раздражаясь только въ безплодныхъ сѣтованіяхъ, къ трудамъ полезнымъ и возвышеннымъ. Само собою разумѣется, что одною изъ первыхъ мѣръ для достиженія этой цѣли должно быть смягченіе цензурныхъ правилъ, доведенныхъ въ послѣднее время до такой степени строгой придирчивости, при которой уже невозможна никакая литература. Не входя въ подробности по этому вопросу, я скажу только, что для выхода изъ того запутаннаго положенія, въ которое поставлена наша цензура, необходимо вернуться къ коренному уставу 1828 года, отмѣнивъ всѣ послѣдующія дополнительныя постановленія, ничего существенно недополняющія и только затрудняющія прямыя дѣйствія благоразумной цензуры...

„Или полагають, что новый журналъ будетъ излишнею и даже вредною роскошью, и что для Московской публики достаточно одного періодическаго изданія? Но почему же въ тридцатыхъ годахъ въ Москвѣ одновременно издавалось нѣсколько журналовъ: „Телеграфъ“, „Московский Вѣстникъ“, „Вѣстникъ Европы“, „Атеней“? Всѣ они имѣли читателей, и однако-же вреда для общества отъ того не происходило. Неужели съ тѣхъ поръ вкусъ къ чтенію и потребность образованія у насъ уменьшились? Или этимъ правомъ могутъ безопасно пользоваться только одни петербургскіе литераторы? Я полагаю, что въ настоящее время безъ всякаго неудобства можно разрѣшать изданіе новыхъ журналовъ.

„Пора наконецъ отдать себѣ отчетъ, что такое эти славянофилы, которыхъ постоянно представляли людьми опасными и вредными? Въ чемъ же заключаются ихъ цѣль и дѣйствія? Кто принадлежитъ къ этой партіи?

„Лѣтъ двадцать тому назадъ, вслѣдствіе естественнаго развитія образованія, а также и ближайшаго знакомства съ собственною исторіею, возникло и укрѣпилось между различными славянскими народами, населяющими Европу, сознание своей національности и одноплеменности. Это сознание выработалось на почвѣ чисто-литературной, и хотя въ началѣ и не имѣло политическаго значенія, однакоже вслѣдствіе постоянного антагонизма между элементами—славянскимъ и нѣмецкимъ перешло и въ область политическихъ убѣжденій. На насъ, русскихъ, Славянской вопросъ подѣйствовалъ только со стороны литературной. Но мы не могли однако остаться равнодушными къ пробужденію Славянской національности, столь долгое время подавленной, и потому наши литераторы и мыслящіе люди отозвались сочувствіемъ къ своимъ соплеменникамъ. Образовался литературный обмѣнъ мыслей между нами и разными славянскими народностями. Всѣ эти сношенія, опять повторяю, производились внѣ области политики, въ кругу литературно-ученыхъ интересовъ. Наше правительство, не желая возбуждать неудовольствія дружественной сосѣдственной державы, не только чуждалось Славянскаго движенія, но еще не совсѣмъ благопріятно смотрѣло на людей, увлекавшихся этимъ движеніемъ. Между тѣмъ, западные народы, привыкшіе господствовать и считать себя непогрѣшимыми и первенствующими какъ въ области мысли, такъ и въ области жизни, непріязненно встрѣтили эти стремленія меньшихъ своихъ братьевъ къ самостоятельности умственной и политической. Западные публицисты сочинили слово панславизмъ, подъ которымъ разумѣли ими же придуманное стремленіе славянскихъ племенъ къ политическому слянію, провозглашая при каждомъ удобномъ случаѣ, что Россія будто бы покровительствуетъ этому стремленію въ видахъ собственныхъ интересовъ.

„Вслѣдствіе этого усилился антагонизмъ между этими народностями. Антагонизмъ этотъ еще болѣе возбудилъ въ народахъ славянскихъ любовь ко всему родному и страсть къ историческимъ изслѣдованіямъ и разработкѣ славянскихъ древностей. Это весьма естественное движеніе отразилось и на насъ. Мы въ это время изъ періода подражательнаго переходили въ пору зрѣлаго возраста и сознанія. Отрезвившись послѣ упоенія иноземными образцами, весьма понятнаго во всякой юной литературѣ, мы обращались къ изученію отечественной старины и исторіи. На этомъ благородномъ пути, нашихъ ученыхъ и литераторовъ встрѣтило одобреніе и поощреніе правительства. Лучшимъ памятникомъ этого покровительства служатъ: учрежденіе археологической комиссіи и изданіе разныхъ актовъ историческаго и юридическаго содержанія и древностей государства Россійскаго. Въ Москвѣ,

какъ въ городѣ, гдѣ сохранилось наиболѣе памятниковъ прежней русской жизни, образовался кружокъ молодыхъ литераторовъ, страстно предавшихся изученію отечественной старины и исторіи. Между ними нашлось нѣсколько пылкихъ умовъ, которые, увлекшись своимъ пристрастіемъ къ старинѣ, дошли до крайне односторонняго убѣжденія, что реформа Петра Великаго имѣла во многомъ вредныя для Россіи послѣдствія. Эти то люди названы были славянофилами. Такое крайнее воззрѣніе встрѣтило разумѣется возраженіе и противодѣйствіе со стороны литераторовъ, державшихся такъ называемаго направленія западнаго. Завязалась литературная полемика и споръ, не между партіями, которыхъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, не существовало, а между двумя различными мнѣніями. Этотъ споръ заключался въ предѣлахъ чисто литературныхъ и былъ совершенно чуждъ политическаго значенія. Къ сожалѣнію, напились люди, которые заподозрили такъ называемыхъ славянофиловъ въ какихъ-то политическихъ замыслахъ и признали ихъ людьми опасными и вредными, тѣмъ-то въ родѣ яеобинцевъ, тогда какъ это—люди весьма мирные, благочестивые отцы семейства, помѣщики, вовсе не помышляющіе о нарушеніи законнаго порядка вещей. Можно отвергать крайніе выводы ихъ мнѣнія, но нельзя вполнѣ осуждать самое направленіе, потому что оно основано на чистой любви ко всему отечественному, къ уставамъ нашей церкви, къ народнымъ нашимъ обычаямъ, къ нашему родному языку и вмѣстѣ съ тѣмъ на сочувствіи къ единоплеменнымъ и единовѣрнымъ народамъ. Люди, раздѣляющіе этотъ образъ мыслей, даже и въ его исключительности, отличаются благородными, нравственными свойствами, и не заслуживаютъ того нареканія, которому они, по недоразумѣнію, подверглись со стороны правительства. Если же обвинять всѣхъ любящихъ славянскую старину и исторію, то пожалуй можно назвать славянофилами и лучшихъ нашихъ писателей. Карамзинъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь,—любили обращаться мыслію къ древней Россіи и въ ней искать примѣровъ для нынѣшняго поколѣнія; однако же никто изъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей не почиталъ ихъ опасными и вредными писателями. Замѣчательно, что между такъ называемыми московскими славянофилами есть люди съ истиннымъ талантомъ. Приведу имена Хомякова, Аксакова, Кирѣевскаго. Если бы въ предполагаемомъ журналѣ и нашли себѣ мѣсто мнѣнія любителей славянства, то это послужило бы для самого правительства средствомъ ближе ознакомиться съ ихъ взглядами. Оно всегда имѣетъ возможность обуздать заблужденіе и своеволие мыслей, гдѣ бы оно ни обнаружилось.“

Доводы В. И. Назимова приняты весьма сочувственно,—очевидное доказательство, что они вполнѣ соответствовали духу того времени. Въ исходѣ 1855 года послѣдовало высочайшее разрѣшеніе издавать славянофиламъ журналъ подъ названіемъ: „Русская Бесѣда“.

Въ числѣ статей, предназначенныхъ для новаго журнала, были и

такія, которыя не пропущены прежнею цензурою, а именно: Хомякова—„О ходѣ просвѣщенія на западѣ и въ Россіи“ и К. С. Аксакова—„Богатыри великаго князя Владимира, по русскимъ пѣснямъ“.

Статья Хомякова очень понравилась А. С. Норову: онъ сказалъ Хомякову, что готовъ подписать статью не только какъ цензоръ, но и какъ авторъ. О впечатлѣніи, произведенномъ статьею Хомякова, на князя П. А. Вяземскаго можно судить по слѣдующему письму князя Вяземскаго къ А. С. Норову: „Всѣ эти дни чувствовалъ я себя довольно плохо. Не смотря на свои недуги, прочелъ я статью Хомякова, и это чтеніе—въ силу только здоровому. Въ литературномъ отношеніи она очень тяжела, и болѣе писана по нѣмцамъ, нежели по русски. Странные люди—вопиютъ противъ чужеземнаго, а сами рабски подражаютъ нѣмецкой фразеологіи и туманности. Въ цензурномъ отношеніи она, по моему мнѣнію, совершенно удобно-пропускаема. Что же касается до отношенія ея къ запрещенной статьѣ Кирѣевскаго, то этотъ законодательный вопросъ можно, для огражденія совѣсти, передать на рѣшеніе графа Блудова... Статью Хомякова читали мы съ Плетневымъ, и онъ одного со мною мнѣнія“. Такъ какъ статья Хомякова, представленная прежде для помѣщенія въ сборникъ, запрещена была не только цензурнымъ вѣдомствомъ, но и высшимъ правительствомъ, то признано неудобнымъ дозволить напечатать ее и въ „Русской Бесѣдѣ“. Статья же Аксакова о богатыряхъ, въ которой авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія сравнительно съ прежнею редакціею, препровождена къ членамъ главнаго управленія цензуры для предварительнаго разсмотрѣнія.

Нѣкоторые изъ членовъ главнаго управленія цензуры не дали письменнаго отзыва о статьѣ Аксакова, какъ напримѣръ: сенаторъ и бывший попечитель Петербургскаго учебнаго округа М. Н. Мушинъ-Пушкинъ и тайный совѣтникъ Валерій Валеріевичъ Скрипицынъ. Другіе ограничились законическимъ veto, безъ объявленія причинъ, именно: сенаторъ Г. П. Митусовъ и К. С. Сербиновичъ. Вообще мнѣнія раздѣлились поровну: три подано за статью, и три—противъ нея. Изъ первыхъ особенный вѣсъ имѣло мнѣніе князя П. А. Вяземскаго; изъ послѣднихъ — мнѣніе М. В. Дубельта. Леонтій Васильевичъ Дубельтъ, зорко слѣдившій за явленіями нашей литературы и даже предлагавшій писателямъ предметы, достойные ихъ пера, далъ о статьѣ Аксакова весьма краткій, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма опредѣленный и рѣшительный отзывъ: „рукопись бесполезная, отчасти бессмысленная, а между тѣмъ общее ея направленіе состоитъ въ томъ, чтобы выказать прелесть бывшей вольности“.

Въ пользу Аксакова, т. е. за напечатаніе его статьи о богатыряхъ, подали мнѣнія, вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ: д. ст. сов. Осипъ Антоновичъ Пршецлавскій и д. ст. сов. Александръ Борисовичъ Рихтеръ.

О. А. Пршецлавскій замѣтилъ: „По моему мнѣнію рукопись „Бо-

татыри времянъ великаго князя Владимира“—имѣть нѣкоторое достоинство въ историко-литературномъ отношеніи, и могла бы безъ неудобства быть напечатана, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ“.

Подобныхъ мѣстъ оказалось весьма не много, въ такомъ родѣ: „онъ ласкается къ книжнѣ, цѣлуетъ ее въ уста сахарныя; запечку задвинулся“ и т. п.

А. Б. Рихтеръ писалъ: „Позволяю себѣ изложить мнѣніе какъ о сей статьѣ, такъ и о тѣхъ, въ коихъ можетъ встрѣтиться или предполагаться направленіе такъ называемое славянофильское. Я не знаю, вредно ли оно или нѣтъ; но я убѣжденъ въ томъ, что излишняя строгость цензуры направленія мыслей не измѣнитъ, а напротивъ, придастъ имъ болѣе силы. Я направленія славянофильскаго не раздѣляю, и по сему самому считаю напечатаніе статьи о богатыряхъ скорѣе полезнымъ. Она не можетъ быть вредна уже потому, что непомѣрно скучна, и что вѣроятно подвергнется критикѣ, между тѣмъ какъ мысли, которыя принуждены укрываться, остаются безъ всякаго контроля, безъ всякаго осужденія, и тѣмъ самымъ гораздо легче могутъ сдѣлаться въ послѣдствіи опасными. Славянофильство распространилось подъ сѣнью цензуры, и не перестанетъ распространяться, пока окружено будетъ туманомъ“.

Весьма замѣчательна записка князя Вяземскаго, въ которой онъ говоритъ:

„Съ основною мыслью, изложенною въ мнѣніи г. Рихтера, я совершенно согласенъ; скажу также какъ онъ: не знаю, вредно ли, или нѣтъ, направленіе такъ называемое славянофильское. Но прибавлю къ словамъ его, что судя объ этомъ направленіи въ отношеніи чисто-литературномъ (которое одно подлежитъ нашему сужденію) не возможно, по мнѣнію моему, признавать въ немъ ничего предосудительнаго. Если же подъ литературною вывѣскою скрывается тайна политическая и вредный умыселъ, то дѣло другое. Но она уже не подлежитъ цензурѣ, а высшему правительству. Цензура же должна судить не лицо, не автора, а только представляемое имъ сочиненіе. Если совращать ее съ прямыхъ правилъ, коими руководствоваться она должна, въ силу даннаго ей устава, если требовать отъ цензуры, чтобы она иначе смотрѣла на рукопись такъ называемаго славянофила, нежели на рукопись, напримѣръ, послѣдователя такъ называемой натуральной школы, то сужденія ея будутъ неминуемо пристрастны, своевольны и слѣдовательно противозаконны.“

„Обращаясь къ прозванію славянофиловъ, нельзя не замѣтить, что это прозваніе насмѣшливое, данное одной литературной партіею другой партіи. Это чисто семейныя, домашнія клички. Лѣтъ за сорокъ предъ симъ мы же, тогда молодые литераторы Карамзинской школы, такъ прозвали А. С. Шишкова и школу его. Въ послѣднее время прозвище это воскресило, и обратили его къ нѣкоторымъ московскимъ литераторамъ, приверженцамъ старины. Изъ журнальныхъ

слетней и пересмѣшекъ возникло пугало, облеченное политическою тайнственностью. Собственно же судя о славянофильствѣ по его словопроизводству, мудроно заключить, что можетъ быть вреднаго въ любви къ славянамъ, нашимъ предкамъ и одноплеменнымъ братьямъ, и въ любви къ Славянскому языку, который былъ языкомъ нашей исторіи и есть языкъ нашей церкви? Отказаться отъ чувства любви ко всему славянскому, значило бы отказаться намъ отъ исторіи нашей и отъ самихъ себя. Государь императоръ Николай I, въ достопамятныхъ словахъ своихъ, обращенныхъ къ профессорамъ, сказалъ: „надобно сохранить то въ Россіи, что искони бѣ“. Слѣдовательно должно сохранять и родовое чувство любви къ славянскому нашему происхожденію.

„Повторяю, если гдѣ нибудь и въ комъ нибудь, подъ оболочкою славянолюбія таится нѣчто другое и вредное, то должно преслѣдовать и преграждать это другое, но нельзя преслѣдовать славянолюбія, иначе пришлось бы преслѣдовать чувство и образъ мыслей чисто русскіе и свойственные каждому изъ насъ, кому только дороги нмя русскаго и сопряженныя съ этимъ именемъ родственныя, семейныя и духовныя преданія нашей народной исторической и государственной жизни.

„Что же касается прямо до статьи о богатыряхъ, я никакъ не могу доискаться въ ней политическаго значенія, и во-первыхъ просто потому, что не могу признать автора ея сумасшедшимъ; а одному безумію можно было бы приписать намѣреніе противодѣйствовать существующему законному порядку полу-исторической, полу-баснословною картиною нравовъ, обычаевъ и повѣрій, существовавшихъ въ Россіи почти за тысячу лѣтъ до насъ. Даже и сѣтованья объ этой отдаленной эпохѣ могутъ быть также не важны и чужды всякаго политическаго умысла, какъ общія сѣтованія поэтовъ о золотомъ вѣкѣ. А потому, за исключеніемъ двухъ или трехъ мѣстъ въ цитатахъ, приводимыхъ авторомъ изъ древнихъ пѣсней, я полагаю, что статья г. Аксакова, въ теперешнемъ ея изложеніи, не можетъ по цензурнымъ правиламъ подлежать запрещенію. Нужнымъ считаю присовокупить, что и эти мѣста, сами по себѣ какъ цитаты, не предосудительны, и составляютъ выраженіе временъ давно минувшихъ, не имѣющихъ никакого соотношенія къ нашимъ временамъ; но по легкомыслію и невѣжеству многихъ читателей эти выписки могли бы для нѣкоторыхъ служить поводомъ къ соблазну, и слѣдовательно благоразуміе ихъ устранить.

„Въ дополненіе къ моимъ замѣчаніямъ позволю себѣ подтвердить ихъ общимъ заключеніемъ. Болѣе сорока лѣтъ принадлежу я къ званію писателей. Съ нѣкоторымъ самолюбіемъ и съ благодарностью замѣчу, что дѣятельности моей по этому званію отчасти обязанъ я возможностью и честію подавать нынѣ голосъ мой въ главномъ управленіи цензуры. Такимъ образомъ думаю безъ излишней гордости, что нельзя отказать мнѣ по крайней мѣрѣ въ опытности моей по этому вопросу. Руководствуясь этою опытностію и добросовѣстнымъ убѣжденіемъ,

которое, впрочемъ, раздѣляли со мною лучшіе и благонамѣреннѣйшіе наши писатели, начиная съ Карамзина и Жуковского, скажу откровенно, что всѣ многосложныя, подозрительныя и слишкомъ хитрообдуманныя притѣсенія цензуры не служатъ къ измѣненію въ направленіи мыслей, понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые по дарованіямъ своимъ могутъ быть ему полезны и нужны.

„Наконецъ эти притѣсенія, или излишнія тѣсенія, могутъ именно возродить ту опасность, отъ которой думаютъ отдѣлаться прозорливостью цензурной строгости. Они могутъ составить систематическую оппозицію, которая и безъ журнальныхъ статей и мимо сто-окой цензуры, получить въ обществѣ значеніе, вѣсь и вліяніе. Подозрѣвая такихъ и такихъ-то писателей, правительство облачаетъ ихъ въ политическій характеръ, и обращаетъ на нихъ общественное мнѣніе. Самое молчаніе ихъ полно смысла и значенія.

„При законныхъ средствахъ нашего правительства ему и намъ еще долго нечего опасаться злоупотребленій нашей литературы. Скорѣе слѣдуетъ опасаться дѣйствія и послѣдствій насильственного молчанія. Въ умѣренной свободѣ излагать свои мнѣнія, желанія, даже и тогда, когда они не буквально согласны съ общимъ порядкомъ и ходомъ дѣйствительности, выраженія эти уже и тѣмъ безвредны, что они самымъ дѣломъ выраженія испаряются, и къ тому же обезсиливаются и нейтрализуются противодѣйствіемъ другихъ мнѣній, другихъ воззрѣній, направленій.

„Въ заперти всякій протестъ, даже въ основаніи своемъ безопасный, крѣпнетъ и безмолвно вооружается. Правительство обязано заботиться не только о текущемъ днѣ и о случайныхъ явленіяхъ, съ нимъ сопряженныхъ, но еще болѣе должно пецись о будущемъ и о событіяхъ, которыя могутъ зародиться въ настоящемъ, чтобы впослѣдствіи созрѣть и осуществиться“.

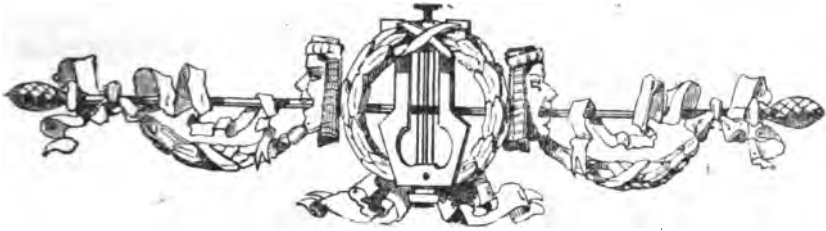
Разумность ли и убѣдительность доводовъ князя Вяземскаго, уступчивость ли со стороны Л. В. Дубельта, или другія причины привели къ тому, что опальная статья Аксакова получила возможность появиться на страницахъ славянофильскаго изданія. Въ этомъ повидимому маловажномъ обстоятельстве заключалась своего рода побѣда, виднѣлся лучъ надежды не для однихъ только славянофиловъ.

Такова была судьба славянофильства въ самую первую пору своего существованія въ литературѣ. Въ исторіи умственной и общественной жизни народа выдающіяся явленія заслуживаютъ вниманія не только въ полномъ своемъ развитіи, но и въ томъ первоначальномъ состояніи, когда, невидимо для общества, подготавливается и вырабатывается многое, что впослѣдствіи получаетъ совершенно иной видъ. И противодѣйствіе славянофильству, и сочувствіе къ нему, не было простою случайностью: и то и другое вытекало изъ настроенія общественной мысли, сложив-

шейся подъ вліяніемъ реальныхъ причинъ. При обзорѣ внутренней исторіи Россіи девятнадцатаго столѣтія, когда наступитъ время для подобнаго труда, историкъ не можетъ не остановиться на судьбѣ и значеніи славянофильства въ нашей литературѣ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ.

М. Сухомлиновъ.

ЗАПИСКИ В. Н. ГЕТТУНА.

1771—1815 г. ¹⁾

IV.

Двоюродный братъ Ѳ. М. Геттунъ. — Хлопоты о переводѣ его на службу въ Стародубскій нижній судъ. — Доброта графа Палена. — Назначеніе секретаремъ. — Столкновение съ правителемъ канцеляріи Соболевымъ. — Удавшаяся хитрость. — Назначеніе петербургскимъ военнымъ губернаторомъ фельдмаршала графа Каменскаго. — Оберъ-полиціймейстеръ Эртель. — Новый правитель канцеляріи Крупицковъ. — Секретарь Гудима, прибитый фельдмаршаломъ. — Порядокъ дѣлопроизводства, введенный графомъ Каменскимъ. — Разказы о чудачествахъ графа Каменскаго. — Увольненіе его и назначеніе военнымъ губернаторомъ графа Толстаго. — Сдача ему должности Каменскимъ. — Первые распоряженія графа Толстаго. — Служебныя замѣшательства. — Неблаговидный образъ дѣйствій секретаря Гудимы. — Производство въ чинъ коллежскаго ассесора. — Хлопоты объ аттестахъ у графа Каменскаго и полученіе ихъ.

ВТОМЪ 1800 года, двоюродный братъ мой Ѳедоръ Максимовичъ Геттунъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и опредѣлился въ Мануфактуръ-Коллегію. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ состоялось высочайшее повелѣніе, чтобъ исправники и земскихъ судовъ за сѣдатели вездѣ опредѣляемы были отъ короны, а не по выборамъ. Ѳедоръ Максимовичъ, чтобъ быть дома, началъ просить меня о ходатайствѣ, чтобъ онъ опредѣленъ былъ въ Стародубскій нижній земскій судъ за сѣдателемъ. Я обратился съ просьбою своею къ графу Палену. Онъ, давъ мнѣ къ сенатору Осипу Петровичу Козадавлеву, управлявшему Герольдіею, письмо, приказалъ лично подать оное и сказать ему отвѣтъ г. Козадавлева. Поутру рано пошли мы къ г. Козадавлеву и подали ему лично письмо графа. Онъ приказалъ донести графу,

¹⁾ Продолженіе. См. № 1 «Историческаго Вѣстника».

что воля его сіятельства будетъ имъ исполнена въ точности и насколько не медля. Я доложилъ о семъ графу.

Часу въ первомъ зовуть меня къ графу; вижу у него г. Козадавлева, и графъ сказалъ мнѣ: „не надобно начинать о томъ просить, чего сдѣлать нельзя“; а г. Козадавлевъ присовокупилъ къ сему, что вашъ братъ не имѣетъ еще оберъ-офицерскаго чина, безъ котораго никого въ засѣдатели не опредѣляютъ. Я не потерялся и смѣло доложилъ имъ, что это можно поправить.

Графъ спросилъ, какъ.

Я отвѣчалъ: „Ваше сіятельство можете, если угодно, сдѣлать въ Сенатѣ представленіе о производствѣ моего брата въ офицерскій чинъ, а они потому произведутъ и опредѣлятъ его засѣдателемъ, лишь бы до того времени ни къмъ мѣсто это не было замѣщено“.

Графъ одобрилъ сей планъ и просилъ г. Козадавлева привести его въ дѣйствиіе.

Братъ мой въ тотъ же день подалъ въ Мануфактуръ-Коллегію прошеніе объ увольненіи его отъ дѣлъ оной. На другой день его уволили и дали аттестатъ. На третій онъ опредѣленъ въ канцелярію с.-петербургскаго военнаго губернатора, а по прошествіи одной недѣли, сдѣлано объ немъ въ Сенатѣ и представленіе, о которомъ я лично предувѣдомилъ г. Козадавлева.

Такимъ образомъ братъ мой Ѳедоръ Максимовичъ произведенъ въ первый офицерскій чинъ и опредѣленъ въ Стародубъ засѣдателемъ.

Обмуддивавъ по новому мѣсту, представилъ я его лично благодарить графа, и его сіятельство тѣмъ доволенъ былъ. По выходѣ нашемъ изъ кабинета камердинеръ воротилъ меня. Графъ сказалъ, что мы дѣлали и не додѣлали и спросилъ: „кто тамъ у васъ губернаторомъ“?

Я отвѣчалъ: „Баронъ Френсдорфъ“.

Графъ: „Тотъ, который служилъ въ Измайловскомъ полку“?

Я: „Точно такъ“.

Графъ: „Ну, знакомый человѣкъ, написать къ нему отъ меня рекомендательное письмо“.

Съ симъ письмомъ, по пріѣздѣ въ Черниговъ, когда братъ мой явился къ губернатору, то сей начальникъ не зналъ, гдѣ посадить своего подчиненнаго изъ уваженія къ письму графа, ибо графъ тогда былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, главноуправляющимъ надъ всѣми въ государствѣ почтамтами, с.-петербургскимъ и рижскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ по гражданской части въ губерніяхъ Лифляндской, Эстляндской, Курляндской и Финляндской.

Послѣ кончины императора Павла I графъ Паленъ, по прошествіи съ небольшимъ трехъ мѣсяцевъ, уволенъ и при отъѣздѣ своемъ изъ С.-Петербурга въ числѣ прочихъ представилъ и меня къ чину, но сіе представленіе осталось безъ всякаго дѣйствиія.

Послѣ его сдѣланъ, въ 1801 г., с.-петербургскимъ военнымъ гу-

бернаторомъ и управляющимъ гражданскою частію въ губерніяхъ С.-Петербургской и Финляндской генераль отъ инфантеріи Михаилъ Ларионовичъ Голенищевъ-Кутузовъ и при немъ управляли: г. Покоевъ военно-губернаторскою канцелярію, а надворный совѣтникъ Соболевъ—канцелярію по гражданской части.

Въ сіе время сдѣлали меня секретаремъ и оставили въ канцеляріи по гражданской части, которая находилась въ собственномъ Кутузова домѣ, гдѣ онъ и самъ жилъ; а военно-губернаторская канцелярія въ нанятой въ домѣ г. Зотова квартирѣ, гдѣ и я имѣлъ возлѣ самой сей канцеляріи казенную квартиру.

Одинъ мой знакомый имѣлъ по гражданской части важное дѣло и упросилъ меня достать ему изъ онаго нужную копію. Я, зная, что правитель канцеляріи г. Соболевъ противъ него, взялъ оное дѣло къ себѣ на домъ, чтобы списать ту копію вечеромъ и отнестъ дѣло опять въ канцелярію, но не успѣлъ сего сдѣлать, потому что пріятели мои заѣхали ко мнѣ и взяли меня съ собою въ Красеннѣй кабацекъ, сказавъ на отговорки мои въ отвѣтъ: „важныя дѣла до завтраго“. Прошировали мы тамъ довольно долго, а отъ того я поутру поздно всталъ. Г. Покоевъ, пришедъ изъ гражданской канцеляріи, сказалъ мнѣ, сидящему за прическою головы (тогда пудрились), что тамъ происходитъ тревога, ищутъ какого-то дѣла и не находятъ его. Я смелнулъ—какого, началъ размышлять, какъ бы избавиться отъ этой бѣды. Послалъ своего человѣка позвать ко мнѣ сторожа, который и пришелъ.

Я спросилъ его, отнесъ ли онъ въ гражданскую канцелярію чистую бумагу.

Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, извиняясь задержкою его другимъ дѣломъ. Я на него за то пошумѣлъ и, пошедши съ нимъ въ сундукъ, гдѣ бумага хранится, отобралъ оной сколько надобно и, вложивъ въ средину дѣло, у меня бывшее, котораго въ той канцеляріи искали и не нашли, приказалъ ему тотчасъ нести и положить тамъ въ шкапъ, гдѣ обыкновенно таковая бумага кладется. По возвращеніи сторожа спросилъ я его, отнесъ ли онъ бумагу.

Онъ отвѣчалъ, что отнесъ.

— И положилъ въ шкапъ?

Отвѣчаетъ, вытаращивъ глаза: „положилъ, говоря съ удивленіемъ: да развѣ я въ первый разъ это дѣлаю“?

Сказавши: „ну, хорошо“, я пошелъ въ гражданскую канцелярію, которая помѣщалась въ одной большой комнатѣ.

За первымъ длиннымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, на одномъ концѣ сидѣлъ правитель канцеляріи г. Соболевъ, а на другомъ противъ его я—секретарь. За другимъ и третьимъ столами сидѣли канцелярскіе чиновники, а за четвертымъ казначей, выдающій подорожныя, съ помощникомъ его. Шкапъ стоялъ у стѣны въ

углу, близъ дверей. Я, вошедши въ шубѣ, скинулъ оную и положилъ на казначейскій сундукъ.

Вижу, что г. Соболевъ пересталъ писать и пристально смотреть на меня. Поклонившись, когда я сѣлъ на свое мѣсто, онъ тихо спросилъ у меня: „гдѣ такое-то дѣло“?

Я отвѣчалъ въ швапу, гдѣ и всѣ прочія дѣла.

Соболевъ продолжаетъ, что „его безъ васъ искали и не нашли“.

Я, сказавши хладноравно: „не знаю, почему они его не нашли“, въ ту-жъ минуту, вставъ съ своего мѣста, пошелъ, отворилъ шкапъ, началъ рыться въ дѣлахъ, и, зная, гдѣ дѣло лежитъ, не долго попался, отыскалъ дѣло и подаль г. Соболеву. Онъ сперва изумился, а потомъ началъ ругать того чиновника, которому поручилъ отыскать это дѣло; а чиновникъ, вытаращивъ глаза, плюётъ и крестится: я же, ни во что это не вмѣшиваясь, сѣлъ на свое мѣсто и началъ писать то, чего вчерашній день не могъ окончить. Возвратясь въ квартиру свою, позвалъ сторожа и далъ ему цѣлковый серебряный рубль. Онъ, смотря мнѣ въ глаза, спрашиваетъ: кому?

Отвѣчаю: тебѣ.

— Да за что?

— Ты заслужилъ сію награду, а чѣмъ, послѣ скажу.

Онъ, поклонясь, пошелъ съ радостію, что получилъ карбованецъ и самъ не зная за что.

Когда занемогъ г. Соболевъ, то я исправлялъ его должность, за что г. Кутузовъ приказалъ Соболеву, по явѣ сего любимца своего, объявить мнѣ его высокопревосходительства начальничью признательность. Г. Покоевъ по собственному его желанію поступилъ совѣтникомъ въ С.-Петербургскую палату гражданскаго суда, а надворный совѣтникъ Купріяновъ опредѣленъ секретаремъ по канцеляріи военно-губернаторской; по обѣимъ же канцеляріямъ сдѣланъ правителемъ оныхъ г. Соболевъ съ нечистыми руками.

Въ 1802 г. по вызову для маневровъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ генераль-фельдмаршалъ графъ Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій и успѣлъ сдѣлать то, что Кутузовъ впалъ при дворѣ въ немилость, и подъ видомъ болѣзни пересталъ выѣзжать изъ своего дома. Въ сіе время сдѣланъ генераль-адъютантомъ графъ Комаровскій, выше оберъ-полиціймейстера и ниже военнаго губернатора для управленія городомъ. Я, въ качествѣ секретаря военнаго губернатора, командированъ управлять канцелярією графа Комаровскаго. Вскорѣ послѣ того Кутузовъ отставленъ и сдѣланъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ выше означенный фельдмаршалъ графъ Каменскій. Потомъ и оберъ-полиціймейстеромъ, на мѣсто г. Осова, опредѣленъ генераль-маіоръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Эртель, къ коему я по увольненіи графа Комаровскаго поступилъ со всѣми дѣлами. До тѣхъ поръ управляя я канцелярією г. Эртеля, пока онъ былъ въ ладахъ съ графомъ Ка-

женскимъ. Старость и взыскательность г. Эртеля чрезвычайны, но все подъ начальствомъ его служить можно не лѣнясь и честно. Видя-жь, какъ фельдмаршалъ графъ Каменскій съ подчиненными ему поступаетъ, нельзя не ужаснуться. По явкѣ къ нему правителя канцелярїи Соболева, онъ его обругалъ и толкалъ кулаками своими подъ бока, такъ что Соболевъ козлинымъ голосомъ вопіялъ до небесъ и по возвращенїи домой занемогъ. Фельдмаршалъ отставилъ его и испросилъ высочайшее повелѣніе министру юстиціи Державину, чтобъ онъ выбралъ для него правителя канцелярїи.

Явился къ г. Державину охотникъ, коллежскій совѣтникъ Крупниковъ, коего г. Державинъ и прислалъ при своемъ отношенїи къ фельдмаршалу.

По надлежащемъ опредѣленїи г. Крупникова правителемъ канцелярїи фельдмаршалъ самъ ѣздилъ съ нимъ въ Сенатъ и тамъ привелъ его къ присягѣ; а потомъ поручилъ ему принимать дѣла отъ Соболева, чѣмъ онъ занимался болѣе, все сваливая вину на Соболева, а самъ ѣздилъ съ фельдмаршаломъ по гостямъ, гдѣ фельдмаршалъ рекомендовалъ его своимъ водителемъ. Занимаясь съ секретаремъ Куряиновымъ, и сего чрезъ недѣлю прогналъ, опредѣля на мѣсто его секретаремъ коллежскаго ассесора Гудиму, бывшаго до того въ канцелярїи военнаго губернатора переводчикомъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ фельдмаршалъ сего новаго секретаря своего Гудиму прибилъ, но не прогналъ отъ себя и Гудима снесъ только обиду. Далѣе фельдмаршалъ потребовалъ, чтобъ я явился къ своей должности; г. Эртель уговаривалъ меня ѣйти и остаться у него, обѣщая мнѣ испросить разныя награды; но я, чтобъ не подпасть подъ гнѣвъ примаго своего начальника, толико грознаго, бросилъ всѣ бумаги въ канцелярїи оберъ-полицеймейстера на рукахъ у меня бывшія, потому что сдавать ихъ некому было, явился къ фельдмаршалу и донесъ ему о томъ. Онъ одобрилъ мой поступокъ и никакихъ протестовъ г. Эртеля противъ меня не уважилъ.

Порядокъ производства дѣлъ у фельдмаршала былъ таковъ: всѣмъ входящимъ бумагамъ — реестръ одинъ; но исходящихъ журналовъ столько, сколько лицъ, съ коими онъ имѣлъ сношенїя. Это военный порядокъ, въ гражданскомъ же онъ совсѣмъ неудобенъ и весьма затруднителенъ. Съ утра начиналъ исполнять дѣла по высочайшимъ повелѣніямъ, потомъ по указамъ Сената, далѣе по сообщенїямъ и рапортамъ, а наконецъ уже по просьбамъ. Рѣдко что начерно писалъ самъ, или другому кому поручалъ, а все диктовалъ, и одинъ на-бѣло бумагу писалъ, а другой въ то же время записывалъ ее слово въ слово въ исходящій журналъ. По подписанїи бумаги фельдмаршалъ и въ исходящемъ журналѣ отмѣчалъ своею рукою, что бумага та имъ подписана. Дѣлъ не было, а связывались бумаги по номерамъ и числамъ полученїя ихъ съ отмѣтками, куда и о чемъ по нимъ писано было. Въ тотъ же день, когда я явился, фельдмаршалъ самъ началъ

записывать въ исходящій журналъ, а мнѣ велѣлъ по диктовкѣ его писать на-бѣло предписаніе Управѣ Благочинія.

Вопервыхъ, онъ пишетъ чрезвычайно скоро, во вторыхъ я еще не привыкъ къ нему, и опасаясь, чтобъ не ошибиться, я едва успѣвалъ писать за нимъ; однакожь удалось мнѣ написать и чисто, и безъ ошибки. Фельдмаршалъ похвалилъ меня и, вынувъ изъ карманной своей книжки 25 р. ассигнацію, далъ мнѣ, сказавъ, что это мой собственный тебѣ подарокъ, и повелъ меня черезъ корридоръ въ комнату, которую назначилъ мнѣ для жительства моего, чему всему я и повиновался, хотя наемную квартиру оставилъ за собою. Изъ случаевъ достопримѣчательнѣйшихъ суть слѣдующія:

1) По окончаніи принятія дѣлъ отъ Соболева Крупениковъ явился къ своей должности. Фельдмаршалъ потребовалъ списки всѣмъ чиновникамъ, канцелярію его составляющимъ, и назначилъ изъ нихъ семь человекъ отослать въ Герольдію, сказавъ, что мнѣ не нужна столь обширная канцелярія. Объ отсылаемыхъ чиновникахъ въ Герольдію заготовлено къ министру юстиціи отношеніе и послужной ихъ списокъ, который самъ Крупениковъ считывалъ съ тѣмъ чиновникомъ, который переписывалъ, и самъ же Крупениковъ по листамъ въ вѣрности скрѣпилъ. Пошелъ къ фельдмаршалу и доложилъ о сихъ бумагахъ. Фельдмаршалъ, прочитавъ отношеніе, подписалъ его; а списокъ бѣлый далъ Крупеникову читать, самъ же смотрѣлъ въ тотъ, изъ котораго бѣлый написанъ; читали, читали, наконецъ Крупениковъ остановился и сказалъ: все! а фельдмаршалъ, перевернувъ у себя листъ, видитъ, что не всё написано въ бѣломъ, который взявъ отъ Крупеникова и удостовѣривъ въ невѣрности, началъ ему говорить: „какъ же ты могъ скрѣпить его“? Крупениковъ извиняется и доказываетъ, что это неумышленная ошибка; а фельдмаршалъ возразилъ, что подъ предлогомъ неумышленныхъ ошибокъ Богъ знаетъ что надѣлать можно; ежелижъ мнѣ самому смотрѣть за всѣмъ, чтобъ неумышленныхъ ошибокъ не было, то мнѣ таковой водителъ не нуженъ, и тотчасъ прогналъ его; а мнѣ приказалъ заступить его мѣсто, и подать реэстръ, у кого какія дѣла на рукахъ.

Въ семь реэстрѣ фельдмаршалъ при чтеніи онаго, почти противъ каждого отмѣтилъ частныя названія, напримѣръ: краснощекій, латынщикъ, долгій носъ, петить-визажъ, густобровый и другія разныя названія, а противъ меня отмѣтилъ: спорщикъ. Когда нужно писать къ министру внутреннихъ дѣлъ, кричитъ: „подай Кочубея“! т. е. исходящій журналъ переписки съ нимъ, такъ же и другихъ. На вопросъ мой: „къ кому какъ отправлять пакеты“? отвѣчалъ: къ великому князю цесаревичу съ старшимъ адъютантомъ, къ канцлеру графу Александру Романовичу Воронцову съ младшимъ адъютантомъ, а къ Кочубею, Державину и другимъ съ ѣздовымъ, и требовать въ полученіи росписокъ, которыя онъ называлъ: „квитокъ“. Собираетъ ихъ и хранитъ въ канцеляріи наизванными на нитку.

2) Приказано мнѣ поутру приходить къ фельдмаршалу въ 8-мъ часу, какъ скоро чай откушаетъ, а тамъ далѣе и всѣмъ собираться; когда же придетъ время къ обѣду, закричить „шабашъ“, и тогда въ одинъ мигъ чтобъ убранны были со стола бумаги.

Когда оставлялъ всѣхъ у себя обѣдать, говорилъ: „пообѣдаемъ безъ чиновъ“. Въ первый разъ, когда оставилъ всѣхъ насъ у себя обѣдать, то говоря: „я не знаю раздѣленія классовъ регистраторскихъ чиновъ, и губернской, и коллежской, и сенатской, и синодской, и Богъ знаетъ сколько этихъ регистраторовъ“, обратясь ко мнѣ и указавъ на губернскаго регистратора Васильева, спросилъ: „а онъ можетъ ли съ нами обѣдать“? Я отвѣчалъ: „дворянинъ, можетъ“—и сѣли всѣ за столъ по чинамъ.

Однажды упомянутый г. Васильевъ ¹⁾ послѣ обѣда былъ въ банѣ, и опоздалъ придти къ своей должности. Фельдмаршалъ встрѣтилъ его пощечиною, сказавъ при томъ: „я мало того, что нарумяню тебѣ щеки, но приму еще и въ палецъ: ибо я узналъ, что ты хотя и регистраторъ, но не офицеръ“.

3) Будучи у фельдмаршала свойственникъ его дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ Сергѣй Петровичъ Хитрово, и видя, что онъ подписываетъ написанныя уже подорожныя, а не бланкеты, сталъ ему говорить: „почему вы, графъ, сами себя часто беспокоите, не подписывая бланкетовъ подорожныхъ, вѣдь всѣ подписываютъ, даже и самъ государь, когда былъ великимъ княземъ и с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, изволилъ подписывать бланкеты подорожныхъ. Фельдмаршалъ съ сердцемъ отозвался ему: „не твое дѣло, я то знаю, почему бланкетовъ не подписываю и подписывать не буду“.

4) Фельдмаршалъ училъ меня, какъ дѣла читать и разбирать ихъ, ибо записокъ изъ дѣлъ не любилъ, потому что онимъ не вѣрилъ. Сказалъ, читай самъ, имѣя въ рукахъ карандашъ и листъ бѣлой бумаги, отмѣчай на сторонѣ, что нужно въ дѣлѣ, и записывай на бумагѣ, указывая цифрою на листъ въ дѣлѣ. Тогда ты одинъ разъ прочитавши дѣло, не будешь имѣть надобности читать его все въ другой разъ, и удобно можешь докладывать и объяснять его своему начальнику. Ту же бумагу, на которой отмѣтки руки твоей будутъ, уничтожай, а оставляй въ дѣлѣ для того, что ежели оно черезъ нѣкоторое время опять потребуетъ, то ты, взглянувъ на свои въ дѣлѣ отмѣтки и повѣривъ ихъ съ оною бумагою, не будешь имѣть надобности читать вновь все дѣло. Таковое правило я не только принималъ и исполнялъ его въ точности, но и послѣ держался и держусь оного безъ малѣйшаго измѣненія; отъ чего сдѣлалось со мною то,

¹⁾ Онъ изъ титулярныхъ совѣтниковъ въ 1806 году пошелъ въ военную службу корнетомъ, и будучи въ С.-Петербургѣ плацъ-адъютантомъ, дослужился до полковника, былъ старшимъ полиціимейстеромъ, статскимъ совѣтникомъ, тульскимъ вице-губернаторомъ, и въ 1833 году пожалованъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ.

что я чтеніемъ подлиннаго дѣла гораздо скорѣе и точнѣе разберу и пойму прямое существо онаго, нежели изъ записки.

5) Однажды во время занятія дѣлами фельдмаршалъ разсердился и бросился было съ кулаками бить меня; но я, схватя стулъ и поднявъ, громко сказалъ ему: „я не Гудима, лишь только тронъ, то и я пушу стулъ“. Онъ отскочилъ и началъ меня ругать; а я ему отвѣчалъ: „Словами какъ хочешь изливай гнѣвъ свой, а рукамъ простору не давай“.

6) Фельдмаршалъ при подачѣ просьбъ всегда податчива напередъ спрашивалъ, о чемъ просьба. Входитъ рослый дородный италіанецъ въ шинели, ибо фельдмаршалъ жилъ въ трактирѣ „Лондонъ“, гдѣ вмѣсто передней—корридоръ, раздѣляющій комнаты на обѣ стороны, т. е. на улицу и на дворъ, спрашиваетъ:

— Гдѣ фельдмаршалъ, графъ, военный губернаторъ?

Фельдмаршалъ, имѣвшій на себѣ вмѣсто халата толстаго солдатскаго темнозеленаго сукна шинель, отвѣчаетъ италіанцу:

— Я и графъ, и фельдмаршалъ, и военный губернаторъ.

Италіанецъ съ благоговѣніемъ спустилъ съ себя на полъ шинель свою, и поклонясь, подаетъ просьбу.

Фельдмаршалъ спросилъ его, о чемъ просьба.

Италіанецъ отвѣчаетъ: „Прочитай“, и подаетъ.

Фельдмаршалъ не принимаетъ, а италіанецъ не говоритъ, о чемъ.

Наконецъ фельдмаршалъ толкнулъ отъ себя италіанца, а италіанецъ сказалъ: „Устою!“

Фельдмаршалъ закричавъ: „врешь, противъ меня и турки не устояли“, вытолкалъ италіанца изъ комнаты съ просьбою его въ корридоръ, куда и шинель его выбросилъ.

7) Поутру, когда занимались дѣлами, входитъ жидъ и подаетъ просьбу.

Фельдмаршалъ спрашиваетъ: „о чемъ“?

Жидъ отвѣчаетъ: „по дѣлу объ убитомъ лѣтомъ на Рожжѣ еврей“.

Фельдмаршалъ спрашиваетъ: „ты его родственникъ?“

— Нѣтъ повѣренный.

— О! когда такъ, то ты долженъ знать порядокъ и законы, по которымъ давно уже можетъ быть о томъ убійствѣ произведено на мѣстѣ происшествія слѣдствіе и поступило въ судъ на разсмотрѣніе; слѣдовательно просьба твоя ко мнѣ не принадлежитъ, потому что я гражданскою частію не управляю.

Жидъ утверждалъ, что принадлежитъ.

Фельдмаршалъ принялъ отъ него просьбу и прочитавъ ее, потребовалъ дѣло и оное просмотрѣлъ. Увидѣвъ же, что это дѣло изъ полиціи давно уже отослано въ 1-й департаментъ С.-Петербургскаго надворнаго суда, сказалъ ему:

— Какъ же ты смѣлъ лгать и заставить меня тратить напрасно время, нужное для важнѣйшихъ дѣлъ?

Жидъ что-то буркнулъ, а фельдмаршалъ схватилъ его за бороду, повалилъ на полъ, и ну его бороду драть на-двое на колѣно. Жидъ закричалъ не своимъ голосомъ и, какъ-то вывернувшись, побѣжалъ опрометью, оставивъ и просьбу, и шубу свою, которыя выбросили въ корридоръ, а солдатъ, догнавъ жидъ, отдалъ ему ихъ.

8) Однажды фельдмаршалъ приказалъ, чтобъ членъ Управы Благочинія статскій совѣтникъ и кавалеръ Соколовскій послѣ обѣда явился къ нему.

Фельдмаршалъ рано обѣдалъ, а потому вечеромъ и чай рано пилъ, самъ онъ въ чашки разливая. Собираясь въ театръ, одѣлся и началъ пить чай. Въ другую комнату изъ корридора вошелъ г. Соколовскій и сонитъ. Я доложилъ фельдмаршалу, что пришелъ членъ Управы, котораго изволили требовать. Велѣлъ позвать его.

Соколовскій большаго росту и толстъ собою, вошелъ и началъ кланяться.

Фельдмаршалъ приказалъ ему сѣсть и спросилъ: „не хочешь ли чаю“?

Соколовскій поклонясь сказалъ: „очень хорошо“.

Фельдмаршалъ налилъ чашку, а я поднесъ.

Соколовскій выпивши, не опрокинулъ чашки. Фельдмаршалъ налилъ другую и третью, на силу Соколовскій чашку опрокинулъ.

Фельдмаршалъ спросилъ: „не хочешь ли пуншу“?

Соколовскій промолвилъ: „не худо“, думая, что заванъ въ гости. Тоже и пуншу выпилъ три чашки, чѣмъ фельдмаршала вывелъ изъ терпѣнія, потому что пора уже было ѣхать ему въ театръ.

Началъ спрашивать Соколовскаго о дѣлѣ, онъ замаялся, а фельдмаршалъ и ну его гвоздить въ толстое брюхо палкою, съ которою тогда всѣ военные ходили, приговаривая: „вотъ тебѣ и чай, и пуншъ“!

Соколовскій бросился бѣжать, а фельдмаршалъ ну ему сзади давать киселя и послѣ всего сего смѣшнаго приключенія поѣхалъ въ театръ.

9) Однажды, въ числѣ просителей, были двѣ женщины красавицы. Фельдмаршалъ принялъ отъ нихъ просьбы благосклонно и, поцѣловавши ихъ, сказалъ предстоящимъ:

— Вотъ говорятъ, зачѣмъ фельдмаршалъ пошелъ служить губернаторомъ, а того и не знаютъ, что ежели бы я не былъ губернаторомъ, то и красавицы ко мнѣ не заходили-бъ.

10) Обѣдая со мною вдвоемъ, предъ окончаніемъ стола сказалъ:

— Ну, я тебя попотчую неожиданнымъ блюдомъ,—и велѣлъ подать устриць.

Наклатъ ихъ и себѣ, и мнѣ полныя тарелки.

Я молчу, потому что ежели онъ самъ что наливаетъ и скажешь много, то онъ еще болѣе нальетъ и заставитъ выпить.

Спрашиваетъ меня, почему я не ѣмъ.

Я отвѣчаю, что никогда не ѣлъ и не намѣренъ когда либо ихъ употреблять.

Онъ сталъ говорить: „сегодня съѣшь одну, завтра другую, а тамъ далѣ и охотникомъ сдѣлаешься въ нимъ“.

Я рѣшительно и твердо отвѣчалъ, что никогда не буду ихъ ѣсть.

Онъ тотчасъ спросилъ меня: „откуда ты родомъ“?

Я отвѣчалъ: „изъ Малороссіи“.

Онъ возразилъ: „я вашу Хохландію всю и вдоль и поперекъ знаю.

Тогда я сказалъ: „изъ Стародубскаго повѣта“.

— Ну, воскликнулъ онъ, ты раскольникъ, сущій раскольникъ, коли того не ѣшь, что другіе ѣдятъ. Тамъ 9 большихъ раскольниковыхъ слободъ и каналы принимаютъ бѣглыхъ нашихъ крестьянъ.

А я присовокупилъ: „и подъ именами своихъ мертвыхъ отдаютъ принимаемыхъ ими бѣглыхъ въ рекруты“.

Онъ, обратясь къ своимъ людямъ, тутъ же за стульями стоявшимъ, и ударивъ кулакомъ по своей ладони, сказалъ: „такъ вамъ и надобно“.

11) Когда разсердится на меня, но милостивъ, то и начнетъ упрекать: „не быть тебѣ ни Безбородкою, ни Завадовскимъ, ни Тропчинскимъ и тѣ хохлики, также какъ и ты, тердись около фельдмаршалавъ и попали въ министры.

12) Вечеромъ пріѣхалъ къ нему генералъ отъ кавалеріи Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, начали чай пить и разсматривать карту военныхъ дѣйствій въ Италіи генералиссимуса князя Италійскаго графа Александра Васильевича Суворова-Рымнинскаго ¹⁾. Фельдмаршалъ сталъ указывать мѣста на картѣ и толковать Михельсону:

— Видишь, Суворовъ далъ тутъ правильное сраженіе и чтожъ выигралъ, пустяки. Потому Александръ Васильевичъ взбѣсился, пошелъ

¹⁾ Каменскій, въ чинахъ генеральскихъ былъ старше Суворова. Кто-то изъ недоброжелателей Суворова сказалъ императрицѣ Екатеринѣ Великой, что Каменскій лучше Суворова знаетъ тактику. Императрица за столомъ сказала Суворову: „такой-то увѣрялъ меня, что Михайло Ѳедотовичъ будто бы лучше васъ знаетъ тактику. Суворовъ отвѣчалъ: „это правда, Михайло Ѳедотовичъ лучше меня знаетъ тактику, а я знаю практику.—Разсказчикъ же не знаетъ ни тактики ни практики: какъ же онъ можетъ судить объ этихъ дѣлахъ“! Когда умеръ князь Потемкинъ Таврическій, то за столомъ у графа Румянцова-Задунайскаго разсуждали о томъ: кому быть послѣ его фельдмаршаламъ. Герой Задунайскій сказалъ: „первый кандидатъ Каменскій, но онъ, къ несчастію такъ золъ, что если разсердится, то однимъ глоткомъ полъ-арміи проглотить; второй князь Репнинъ, но пока онъ обдумаетъ планы свои, выйдетъ изъ кабинета и запретъ оный, то полъ-арміи разобьютъ; третій Суворовъ загадка, коли дать волю, за третью облака залетитъ. Его должно держать на уздѣ, потому что онъ или прославитъ Россію болѣе всѣхъ, или погубитъ ее“.

Къ счастью случилось первое, и когда ему пожалованъ чинъ фельдмаршала за покореніе Польши, то онъ три дня не шелъ къ присягѣ, спрашивая: „А Михайло Ѳедотовичъ? Когда же повели его почти неволею къ присягѣ, тогда онъ перекрестится и поглядитъ по боргамъ мундира шитымъ золотомъ, сказалъ: „Ну Михайло Ѳедотовичъ, догоняй уже ты меня“.

опрометью безъ всякой осторожности, напалъ на непріятеля и разбилъ его на голову. О, Боже! о, чудо! вѣчная память ему. Французы какъ будто бы одурѣли и ослѣпли. Они могли вотъ то и то сдѣлать, и Суворову ранкенъ бы былъ.

При чемъ и много другихъ ихъ по дѣламъ военнымъ разсужденій было, изъ которыхъ замѣтилъ я, что фельдмаршалъ графъ Каменскій имѣлъ ревность къ генералиссимусу князю Суворову и я самъ своими глазами видѣлъ, какъ фельдмаршалъ графъ Каменскій въ 1802 году, пріѣхавши въ С.-Петербургъ и ходя самъ одинъ въ Лѣтнемъ саду рано послѣ обѣда, когда гуляющихъ въ ономъ почти никого не было, идучи по канавкѣ отъ Дерibasова дома вверхъ къ Михайловскому замку, чрезвычайно всматривался въ великолѣпную статую, только что на Царицынскомъ дугу тогда выставленную и блестящую, и ужимками и взмахиваніемъ рукъ явно и ясно показывалъ зависть свою къ этому герою.

13) Фельдмаршалъ, по видамъ какіе тогда имѣлъ, вызвалъ къ себѣ сына своего генералъ-маіора графа Николая Михайловича Каменскаго который имѣлъ уже орденъ св. Анны 1-й степени и заставлялъ его упражняться въ дѣлахъ, при чемъ часто и толчки ему давалъ, приговаривая: „Маменькинъ сынокъ“.

Графъ Николай Михайловичъ большею частію на мнѣ выѣзжалъ, т. е. безъ меня не ходилъ къ отцу, а тогда уже все мнѣ отъ него доставалось.

14) Фельдмаршалъ приказалъ послать за гласнымъ Городской Думы Вечерухинымъ, который на Сѣнной площади наблюдалъ за перекупомъ. Вечерухинъ послѣ обѣда почти предъ вечеромъ явился.

Фельдмаршалъ потребовалъ отъ него инструкціи, по которой онъ на Сѣнной мужиковъ гоняетъ. Вечерухинъ подалъ предписаніе отъ Городской Думы ему данное, которое фельдмаршалъ возвратилъ и велѣлъ ему читать.

Вечерухинъ слабъ глазами, къ тому-жъ почти въ потьмахъ, началъ читать запинаясь и ерѣвко всматриваясь.

Фельдмаршалъ закричалъ: „такъ такъ-то ты свою инструкцію знаешь“, и началъ его бить по щекамъ, а Вечерухинъ ну бѣжать и ушелъ.

15) Оберъ-полиціймейстеръ Эртель самъ собою до семидесяти чиновниковъ выгналъ изъ полиціи. Фельдмаршалъ, объ этомъ узнавъ, потребовалъ отъ него отвѣта, и завязалась между ними ссора. Пошли оба пѣшкомъ во дворецъ къ государю и оттолъ скоро фельдмаршалъ возвратился и пошелъ въ свою спальню. Эртель пришелъ и бросился въ ту комнату, гдѣ находился фельдмаршалъ; долго они тамъ шумѣли. Наконецъ фельдмаршалъ идетъ въ залу къ намъ и Эртель возгъ него, спрашивая приказанія на счетъ мостовъ. Фельдмаршалъ сказалъ:

— Ты сюда явился не за приказаніями моими, а просить прощенія у меня.

Эртель почтительно поклонился и началъ просить: „простите мнѣ. ваше сіятельство, мою горячность“.

А фельдмаршалъ началъ выговаривать ему: „то-то, братецъ, не надобно забываться, у меня дѣти есть постарше тебя; но Богъ тебя проститъ“, и Эртель послѣ этого поѣхалъ домой.

16) Въ одно воскресенье, видно по неудовольствію, фельдмаршалъ сказался больнымъ и остался дома. Мимо окошекъ его для большаго развода былъ вытянутъ фронтъ солдатъ. Онъ, отворя форточку въ окнѣ, смотрѣлъ на нихъ въ нее; но когда услышалъ, что государь изволилъ выѣхать на площадь, то подозвалъ меня и поставилъ у форточки, а самъ, когда государь ѣхалъ около фронта солдатъ, смотрѣлъ изъ-за меня; по возвращеніи же государя на Дворцовую площадь онъ почти высунулся въ форточку и смотрѣлъ на идущихъ солдатъ. Потомъ, увидя пирожника, спросилъ меня:

— Бывалъ ли ты когда въ арміи?

Я отвѣчалъ, что не былъ.

— Ну, такъ ты и генеральскихъ пироговъ не ѣдалъ; вели позвать маркитанта, который бы въ арміи бывалъ и пироги генеральскіе пекалъ.

Привели маркитанта.

Фельдмаршалъ спросилъ: „бывалъ ли ты въ арміи“?

Маркитантъ отвѣчалъ: „былъ тамъ-то и тамъ, и когда ваше сіятельство взяли турецкую крѣпость такую-то“.

Фельдмаршалъ: „стало быть и пироги генеральскіе пекалъ“.

Маркитантъ отвѣчалъ, что пекалъ.

Фельдмаршалъ: „ну, спекижь мнѣ теперь генеральскій пирогъ, и принеси,—знаешь какъ...“

Маркитантъ: „знаю, ваше сіятельство, на сковородѣ, чтобъ шипѣло“.

Маркитантъ пошелъ, а фельдмаршалъ велѣлъ мнѣ его воротить.

По возвращеніи маркитанта фельдмаршалъ спросилъ его:

— Какая цѣна пирогу?

Маркитантъ: „восемь гривенъ, ваше сіятельство,“.

Фельдмаршалъ: „а пять алтынъ“?

Маркитантъ: „нѣтъ, ваше сіятельство, давно уже были такія цѣны“.

Фельдмаршалъ: „восьми гривенъ не дамъ“.

Маркитантъ: „да что съ вашимъ сіятельствомъ торговаться: за полтину спеку хорошій пирогъ“.

— Фельдмаршалъ: „ну пеки и поскорѣй принеси“.

Проводивши маркитанта, фельдмаршалъ началъ рассказывать по комнатѣ и говорить мнѣ: „ну, я тебя сегодня буду потчивать водкою и закускою, какъ будто бы въ арміи“.

Отворяются двери и входитъ адъютантъ цесаревича, великаго князя

Константина Павловича полковникъ Опочининъ, говорить, что великій князь послалъ его навѣдаться о здоровьѣ вашего сіятельства.

Фельдмаршалъ, благодаря великаго князя за его милость къ нему, сѣлъ въ Опочининимъ на софу и заговорился.

Я, не забывая о пирогахъ, сталъ противъ нихъ у дверей той комнаты, изъ которой подавать будутъ пироги.

Какъ только услышалъ я, что ѣтъ оную комнату внесень пирогъ и на сковородѣ шипитъ, ту же минуту хлопнулъ дверьми и не пустилъ маркиганта. Опочининъ вспрыгнулъ съ софы и началъ откланиваться; а фельдмаршалъ не удерживая, провожать его; проводивши же заперъ двери, говоря: „не дадутъ и вздохнуть“, а мнѣ приказалъ впустить маркиганта. Принявъ отъ него пирогъ и заплативъ ему деньги, — „сковороду, сказалъ, пришлю послѣ“. Выпивши по рюмкѣ воды, фельдмаршалъ разрѣзалъ съ рыбою пирогъ на четыре части и, давъ мнѣ одну часть, другую самъ началъ кушать, выхваляя тотъ пирогъ, а я не могъ ѣсть его и по крошкамъ разбросалъ кое куда.

Фельдмаршалъ, увидя, что уже у меня въ рукахъ нѣтъ пирога, спросилъ: „ты сѣлъ“?

Отвѣчаю, „сѣлъ“, промолвивъ: „да какъ этого чудеснаго пирога не ѣсть!“

Фельдмаршалъ: „ну тебя можно приучить къ жизни бытью въ полѣ, въ арміи, выпьемъ же по другой рюмкѣ воды и доѣдимъ пирогъ“.

Выпили еще воды, и получилъ я изъ рукъ фельдмаршала, какъ милость какую, остальной кусокъ пирога.

Возился я съ нимъ долго, и когда фельдмаршалъ понесъ въ спальню свою воду, то я недоѣденный кусокъ пирога бросилъ въ форточку за окно.

Фельдмаршалъ началъ благодарить меня за предосторожность, что не пустилъ маркиганта, примолвивъ, что этотъ молокососъ разсказалъ бы о пирогахъ нашемъ великому князю, и тамъ изъ меня смѣхъ бы сдѣлалъ; а когда сами побываютъ въ арміи во время дѣйствій съ неприятелемъ, и дня три или четыре будутъ безъ горячей пищи, то тогда съ жадностью этотъ горячій пирогъ сожралибъ и пальчики облизалибъ; тѣмъ этотъ случай и кончился.

17). Въ субботу отпросился я у фельдмаршала на вечеръ, и пошелъ съ моимъ пріятелемъ въ танцевальный клубъ. Тамъ полиційстеръ Аничковъ, встрѣтисъ со мною, взялъ меня за руку и повелъ въ особую комнату, куда и моего пріятеля пригласилъ.

Потребовавъ бутылку шампанскаго, началъ насъ потчивать.

Я спросилъ: „да что за причина“?

Полиціймейстеръ отвѣчалъ: „выпьемъ и скажу“. Далѣе началъ поздравлять меня съ новымъ начальникомъ, сказавъ при томъ, что фельдмаршалъ поѣдетъ домой. Отъ радости и я спросилъ бутылку шампанскаго, которую тутъ же вмѣстѣ и выпили.

Придя поздно въ казенную квартиру, легъ я спать. Нѣсколько минутъ спустя, входитъ въ мою комнату фельдмаршалъ съ зажженной свѣчю. Я притворился спящимъ, онъ постоялъ у моей кровати, перекрестилъ и пошелъ вонъ.

Полутру рано далъ мнѣ на-черно написать рапортъ на указъ Сената, и чтобъ къ тому времени, какъ фельдмаршалъ отъ развода возвратится домой, готовъ былъ. Нечего дѣлать, хотя отъ вчерашняго шампанскаго голова и болить, а надобно писать; поругавъ мысленно г. Аничкова за обманъ, принялся я за работу и едва успѣлъ окончить къ означенному времени.

Возвратился фельдмаршалъ, раздѣлся и принялся марать написанный мною начерно рапортъ въ Сенатъ, браня меня при всякой поправкѣ онаго, а я въ мысляхъ своихъ все ругаю Аничкова, потому что ежелибъ голова моя была здоровѣе, то вѣрно лучшебъ написалъ и не былъ бы браненъ.

Отворяется дверь и входитъ генералъ въ бѣломъ кавалерійскомъ мундирѣ и красной чрезъ плечо лентѣ, подходитъ къ фельдмаршалу, который не привставая садитъ его возлѣ себя, и начинаетъ продолжать марать написанный мною въ чернѣ рапортъ въ Сенатъ, и меня по прежнему бранить. Когда фельдмаршалъ кончилъ сію работу и отдалъ переписывать на-бѣло, тогда пришедшій генералъ, оказавшійся графомъ Петромъ Александровичемъ Толстымъ, привставши, сказалъ фельдмаршалу: „что высочайшая воля есть государя императора, чтобъ я принялъ на время должность с.-петербургскаго военнаго губернатора“.

Фельдмаршалъ, вскочивъ съ своего мѣста и перекрестясь, сказалъ:

— Мнѣ ли старику заниматься этою хлопотнею и безпокойною должностію, извольте принимать, и съ чего вамъ, графъ, угодно начать этотъ приемъ.

Графъ Толстой отвѣчалъ: „съ чего вашему сіятельству угодно“.

— О! когда таѣ, начнемъ съ денегъ,—и потребовалъ, чтобы казначей Отрокъ подаль имъ объ онѣхъ вѣдомость.

Казначей сей, бывшій тогда въ чинѣ титулярнаго совѣтника и имѣвшій отъ роду около 30 лѣтъ, подаль имъ вѣдомость.

Смотрять на итогъ и видать, что всѣхъ денегъ у него должно быть 21 т. р. съ сотнями.

Графъ Толстой спрашиваетъ у казначая: „всѣ-ли эти деньги цѣлы и на лицо и гдѣ находятся“?

Казначей доноситъ, что всѣ цѣлы и на-лицо, находятся въ сундукѣ въ канцеляріи; а фельдмаршалъ, подтвердивъ слова его, присовокупилъ:

— Правда, я ему позволилъ счесться копѣечками на калачи, а рубли, Боже сохрани, чтобъ цѣлы были.

Графъ Толстой усмѣхнулся.

Пошли въ канцелярію, пересчитали деньги и нашли ихъ всѣ до копѣйки въ цѣлости.

Потомъ фельдмаршалъ началъ говорить графу Толстому: „у меня

есть водитель; но я, увидѣвъ, что онъ плохъ въ дѣлахъ, оставилъ его безъ занятія, а поручилъ должность его исправлять вотъ этому чиновнику“—и указалъ на меня.

Я поклонился графу Толстому, а фельдмаршалъ продолжалъ: „онъ же (т. е. я) представитъ вамъ и всѣ отчеты по дѣламъ“.

— Повѣрьте, графъ, прибавилъ фельдмаршалъ, вѣдь у васъ есть староста деревенскій имѣвши деревни?

— Нельзя не имѣть старосты, отвѣчалъ графъ Толстой.

Фельдмаршалъ: „я не то сказалъ, чтобъ въ вашихъ деревняхъ не было старосты, а то, что всякій деревенскій староста смилшенѣе и дѣльнѣе, чѣмъ водитель Крупениковъ; вотъ какого молодца министръ Державинъ выбралъ мнѣ въ водители. Но что мнѣ толковать о семъ, вы сами его увидите, и испытаете, и удостовѣритесь, правду ли я вамъ сказалъ“; вмѣстѣ съ симъ фельдмаршалъ, взявъ графа Толстого за руку, повелъ его въ другую комнату, и по переговорѣ тамъ на-единѣ, вышли; и сперва графъ Толстой приказалъ мнѣ приготовить къ вечеру вѣдомости о нерѣшенныхъ дѣлахъ и обо всемъ, что нужно ему знать; а потомъ и фельдмаршалъ приказалъ мнѣ къ вечеру же приготовить всѣ очистки и отчеты, и быть во всемъ исправнымъ, распрошались и уѣхали.

А я съ другимъ секретаремъ г. Гудимовъ и канцелярскими чиновниками въ трактирѣ не много пофриштыкали и занялись въ канцеляріи дѣломъ, приготовилъ къ вечеру всѣ вѣдомости и отчеты.

Прежде пріѣхалъ фельдмаршалъ съ сыномъ; я ему показавъ все, что для графа Толстаго приготовлено, и что для него, и онъ, пересмотрѣвъ все, остался доволенъ.

Наконецъ потребовалъ „квитка“, т. е. росписки въ полученіи посланнаго по утру къ министру юстиціи отношенія. Побѣждалъ я въ канцелярію, спрашиваю сей росписки у дежурнаго, каковымъ тогда былъ нерасторопный и лѣnivный малороссіянинъ Гришпановскій; онъ искалъ-искалъ ее и не нашелъ; а фельдмаршалъ спрашиваетъ меня, торопяся ѣхать.

Принужденъ я былъ доложить, что росписка сія получена, но нѣтъ теперь въ канцеляріи того чиновника, у котораго она находится; фельдмаршалъ разсердился и началъ насъ по своему хлыстать, говори: „служили, служили, а наконецъ одну бумагу и сами не знаютъ куда дѣли“.

Я началъ увѣрять его, что „квитокъ“, въ полученіи министромъ юстиціи онаго отношенія непременно завтра по утру представлю; но фельдмаршалъ ничему не внимлетъ, и ни чему не вѣрять, пошелъ сердясь.

Я остановилъ его и началъ просить объ аттестатахъ; но онъ и слышать не хочетъ, сказавъ: „вѣдь я васъ въ посланныхъ въ Сенатъ спискахъ аттестовалъ, чего жъ вамъ еще больше“—съ тѣмъ и уѣхалъ; а людямъ своимъ приказалъ перебираться въ верхъ въ другую квар-

тиру, что они тотчасъ и начали дѣлать. Послѣ сего пріѣхалъ и графъ Толстой.

Хотя мнѣ одному поручено составить и подать вѣдомости, но я пошелъ къ новому начальнику вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, секретаремъ Гудимою; подали ему вѣдомости; графъ Толстой, просмотрѣвъ ихъ немного, положилъ на столъ и началъ спрашивать у насъ о порядкѣ, какимъ дѣла шли при Кутузовѣ и при фельдмаршалѣ.

Мы всё подробно ему объяснили и спросили: „какой угодно будетъ вашему сіятельству порядокъ принять“?

Онъ отвѣчалъ: „тогъ какой былъ при Кутузовѣ“.

Спросили о подорожныхъ, онъ позвалъ и велѣлъ принести экземпляры подорожныхъ, изъ коихъ нѣсколько подписалъ бланкетовъ, и отдалъ, дабы въ выдачѣ подорожныхъ никакой остановки не было.

По выходѣ нашемъ отъ графа Толстаго явился къ нему правитель канцеляріи г. Крупениковъ и началъ жаловаться на фельдмаршала и на насъ, что онъ безвинно лишенъ правъ его.

Графъ Толстой изъявилъ ему свое согласіе, чтобъ онъ вступилъ при немъ въ отправленіе должности своей, — позвалъ насъ и намъ обоимъ о томъ объявилъ; причемъ и поданныя нами ему вѣдомости отдалъ г. Крупеникову, съ приказаніемъ, чтобъ онъ просмотрѣлъ ихъ и доложилъ бы ему съ замѣчаніями своими, послѣ чего и уѣхалъ; а за нимъ и г. Крупениковъ, будучи доволенъ разрѣшеніемъ и довѣренностію новаго своего начальника, домой же отправился.

Мы съ Гудимою повѣсили носы, пошли въ канцелярію и занялись приготовленіемъ къ завтраму бумагъ для представленія графу Толстому къ подписанію.

По заготовленіи бумагъ уговорился я съ Гудимою, чтобъ оныхъ не отдавать Крупеникову, „а пойдемъ сами съ ними къ графу, и для того завтра придти въ канцелярію поранѣе“.

По утру я пришелъ, а Гудимы нѣтъ. Пріѣзжаетъ Крупениковъ, сходилъ къ графу Толстому и, возвратясь въ канцелярію, требуетъ отъ меня бумагъ, какія приготовлены къ докладу. Я ему ихъ не отдалъ, а самъ пошелъ съ тѣми бумагами къ графу. При входѣ моемъ въ кабинетъ явился и г. Крупениковъ и началъ на меня жаловаться, что я ему не отдалъ бумагъ, которыя держу въ своихъ рукахъ.

Графъ Толстой спросилъ меня, почему я сихъ бумагъ не отдалъ начальнику своему правителю канцеляріи г. Крупеникову.

Я отвѣчалъ (смѣло и не теряясь), потому, что г. правитель Крупениковъ до нынѣшняго утра не былъ въ канцеляріи, не занимался приготовленіемъ сихъ бумагъ, и не зная существа ихъ, слѣдовательно не можетъ, какъ должно, доложить и объяснить.

Графъ Толстой, по нѣкоторомъ размышленіи, принявъ отъ меня бумаги, отдалъ ихъ при мнѣ г. Крупеникову, съ тѣмъ, чтобъ онъ ихъ просмотрѣлъ и доложилъ бы ему; а ко мнѣ обратясь, сказалъ:

— Я хочу, чтобъ во всемъ былъ порядокъ, котораго не можетъ

быть, если подчиненные не будут слушать своего начальника и во всем ему повиноваться съ симъ моимъ приказаніемъ и съ обязанностію вашею по должности своей, и ничего самопроизвольно не дѣлать.

Я сказалъ: „слушаю“—и поклонясь вышелъ изъ кабинета, а Крупниковъ тамъ остался. Прихожу въ канцелярію и нахожу въ ней г. Гудима. Онъ начинаетъ предо мною извиняться и объяснять свои причины, по которымъ не могъ придти ранѣе.

Я ему отвѣчалъ: „одинъ разъ испытавъ васъ, и ясно вида, что вы меня выдали, не могу уже впредь имѣть съ вами ничего общаго; а будемъ каждый играть на свои козыри безъ виста“.

Послѣ того занялся разыскиваніемъ вчерашней росписки, и нашелъ ее заброшенною за казначейскій сундукъ. Я пошелъ къ фельдмаршалу и вручилъ ему новую росписку.

Какъ ни благосклонно принялъ меня фельдмаршалъ, но все не повѣрилъ словамъ моимъ, и послалъ ту росписку въ канцелярію министра юстиціи для повѣрки, откуда отвѣчали ему, чтобъ онъ не сомнѣвался; чѣмъ это неприятное со стороны его подозрѣніе и прекратилось.

Возвратясь отъ фельдмаршала, увидѣлъ я чрезвычайную въ канцеляріи кутерьму, произведенную г. Крупниковымъ реформою оной по своему вкусу. Наконецъ всѣ столы и стулья уставлены, и мы усѣлись.

Гудима, втупивъ носъ свой въ бумаги, казался пишущимъ, а я сижу сложа руки.

Крупниковъ спрашиваетъ меня: „что же вы ничѣмъ не занимаетесь“?

Я отвѣчаю: „ничѣмъ заняться“!

Онъ возразилъ: „какъ ничѣмъ, видите сколько дѣлъ и бумагъ“.

Я отвѣчалъ: „не получивъ ни по одной никакого приказанія, ничего мнѣ и дѣлать“.

Вотъ онъ и началъ разбирать бумаги и отдавать ихъ мнѣ, сказавъ: „разсмотрите и пишите что слѣдуетъ“.

Отвѣтъ мой: „я разсмотрю и доложу вамъ о существѣ бумаги, а что слѣдуетъ по ней сдѣлать, это должно вамъ доложить г. военному губернатору и объявить мнѣ его приказаніе, тогда я и напишу“.

Въ сихъ спорахъ проходитъ день, другой и третій, бумаги накаплиются, а отъ насъ почти ничего не исходитъ; просители же беспокоятъ графа.

Такое положеніе вещей не могло продолжаться долго и само собою обнаружилось.

Призываетъ графъ къ себѣ правителя канцеляріи и обоихъ секретарей.

Спрашиваетъ насъ: „почему остановился ходъ дѣлъ“?

Крупниковъ доноситъ: „секретари не хотятъ ничего дѣлать“!

А мы оба секретаря въ одинъ голосъ доложили, что отъ прави-

теля канцеляріи не получаемо никакого разрѣшенія; сами жъ собою не смѣемъ ничего дѣлать.

Симъ противорѣчіемъ нашимъ Крупениковъ приведенъ былъ въ величайшую запальчивость и хотѣлъ было поднять съ нами нескончаемый споръ; но графъ остановилъ его и сказалъ:

— Полно спорить, пора приняться за дѣла, и вотъ какъ ихъ производить: что необыкновенное и требующее особеннаго моего разрѣшенія, о томъ ни мало не медля докладывать мнѣ; а что обыкновенное, то каждый секретарь, по собственному понятію своему правилъ законами установленныхъ и порядка въ дѣлопроизводствѣ, начерно напиши и подай на просмотрѣніе. Правителю канцеляріи, по просмотрѣніи же имъ переписывать на-бѣло, и такимъ образомъ заготовленныя исходящія бумаги представлять ко мнѣ чрезъ правителя канцеляріи къ подписанію, вложая въ средину и подлинную бумагу, или дѣло и черную, изъ чего я буду видѣть: кто, что дѣлаетъ, и то ли дѣлаетъ, что слѣдуетъ.

Мы отъ него возвратились въ канцелярію и принялись за работу каждый по своей части.

Моихъ бумагъ правитель канцеляріи при просмотрѣніи почти не маралъ, а отъ того выходило ихъ каждый день гораздо болѣе, нежели г. Гудимы; а бумаги г. Гудимую начерно написанныя, правитель канцеляріи крѣпко маралъ, и отъ того ихъ долго задерживалъ у себя; да и поправленными правителемъ канцеляріи г. Гудимы бумагами графъ былъ недоволенъ, и принужденнымъ находился самъ поправлять ихъ.

Отъ сего произошла между правителемъ канцеляріи Крупениковымъ и секретаремъ Гудимую ссора, кончившаяся тѣмъ, что г. Гудиму причислили къ Герольдіи, а на мѣсто его опредѣленъ прежде бывший секретарь г. Купріяновъ, человекъ дѣловой и прилежный, имѣвшій тотъ только порокъ, что любилъ по вечерамъ заниматься дома Бахусомъ.

Послѣ сей реформы дѣла шли какъ должно и съ успѣхомъ, и я по представленію графа Толстаго по высочайшему повелѣнію произведенъ въ чинъ коллежскаго ассесора.

Чиновники канцеляріи неотступно просили меня исходатайствовать имъ отъ фельдмаршала аттестаты; а я отвѣчалъ: „подождемъ благопріятствующаго къ тому случая“—который скоро послѣ того и представился.

По утру, часу въ 11-мъ, фельдмаршалъ призываетъ меня къ себѣ.

Прихожу къ нему и застаю у него старика Хитрово.

Фельдмаршалъ начинаетъ мнѣ говорить:

— У васъ въ дѣлахъ остался указъ Военной Коллегіи о принятіи меня накі въ службу, безъ котораго комиссаріатъ не выдаетъ мнѣ ни жалованья, ни раціоновъ: можешь ли ты самъ отдать мнѣ оный

указъ, потому что онъ не принадлежитъ къ дѣламъ военнаго губернатора, или должно мнѣ просить о томъ графа Толстаго.

Я отвѣчалъ: „могу“.

— Ну принеси.

Сходивъ въ канцелярію, приношу указъ.

Фельдмаршалъ говоритъ: „ну отдай же“.

А я говорю: „нѣтъ, напередъ извольте росписаться во входящемъ реестрѣ въ полученіи того указа“,—и стою держа въ рукахъ бумаги.

Онъ, обратясь къ г. Хитрово' и ударивъ кулакомъ въ ладонь свою, сказалъ: „каковожъ, не вѣрять и фельдмаршалу, вотъ какъ я ихъ вышколил“.

Подаль я ему реестръ, онъ росписался, послѣ чего отъ меня и указъ получилъ.

Я началъ откланиваться, а онъ меня удержалъ и приказалъ подать водку и закуску.

Въ продолженіе завтрака фельдмаршалъ началъ говорить г. Хитрово, что онъ такую сформировалъ канцелярію, съ которою всю Европу описалъ бы.

Я, воспользовавшись сею его канцелярію похвалою, началъ представлять ему, что мы имѣли честь служить при знаменитѣйшемъ фельдмаршалѣ, извѣстномъ не только въ Европѣ и Азій, но въ цѣломъ свѣтѣ, и не имѣли счастья получить отъ него одобренныхъ аттестатовъ.

Онъ тотчасъ возразилъ: „а развѣ то не одобреніе мое вамъ, что я отгѣтилъ своею рукою аттестацію въ посланныхъ въ Герольдію спискахъ“.

— Сіи списки, объявилъ я, сгніють въ кипахъ архивныхъ бумагъ, и никто ихъ видѣть не будетъ; а мы просимъ ваше сіятельство дать намъ аттестаты, которые были бы въ рукахъ нашихъ и потомкамъ нашимъ достались бы.

Но фельдмаршалъ все не соглашался.

Вотъ тутъ то вступился за насъ престарѣлый сенаторъ Хитрово, и началъ выговаривать ему:

— Ты все по своему по военному думаешь, а нашего гражданскаго ни чего не уважаешь. Я присутствую въ Сенатѣ по уголовному департаменту, и ежели бѣдный чиновникъ попадаетъ подъ судъ, то мы требуемъ отъ него аттестатовъ: гдѣ и какъ онъ служилъ? не представъ же аттестатовъ—и пропасть, засудимъ.

Фельдмаршалъ, прервавъ его, сказалъ мнѣ: „ну, никогда и никому не давалъ я аттестатовъ, а вамъ дамъ,—напишите“.

Я поклонился и, поблагодаря его сіятельство за милость, пошелъ въ канцелярію и объявилъ чиновникамъ объ обѣщаніи фельдмаршала, приказавъ написать сіи аттестаты самые скромные и безъ всякихъ излишествъ. Чиновники понуждаютъ меня, чтобы я шелъ къ фельд-

маршалу съ сими аттестатами поскорѣе, а я отъзываюсь, что надобно выбрать время.

Случилось, что фельдмаршалъ позвалъ меня къ себѣ еще за чѣмъ-то, и я осмѣлился припомнить ему объ аттестатахъ. Онъ благосклонно отозвался: „послѣ, послѣ, я самъ скажу“.

Наканунѣ выѣзда своего изъ С.-Петербурга фельдмаршалъ прислать за мною: „свободенъ ли ты теперъ“?

Я отвѣчаю: „свободенъ“.

— Ну принеси же аттестаты и роспись, у кого какія на рукахъ дѣла были.

Я принесъ и подалъ ему.

Онъ велѣлъ камердинеру поставить столы у кровати его и подать чернильницу съ перьями. Усѣвшись, прочиталъ мой аттестатъ, написанный въ качествѣ секретаря, и подписалъ его; подъ низомъ же своею рукою написалъ:

(пропускъ въ рукописи)

и положилъ на кровать, ибо фельдмаршалъ не любилъ засыпать пескомъ подписи своей, а оставлялъ, чтобъ чернила сами высохли. Потомъ взялъ аттестатъ, заготовленный секретарю Гудимѣ, и перемаралъ его, составивъ оный въ сихъ словахъ:

„Аттестатъ г. коллежскому ассесору Гудимѣ въ томъ, что онъ поступилъ ко мнѣ отъ предмѣстника моего въ званіи переводчика канцеляріи с.-петербургскаго военнаго губернатора, и должность сію отправлялъ усердно и добропорядочно; а по открытіи ваканціи, какъ старшій опредѣленъ секретаремъ“.

Послѣ сего всю написанную секретарю похвалу вычеркнулъ, потому что онъ побилъ Гудиму въ бытность его уже секретаремъ.

Казначей и прочимъ чиновникамъ аттестаты подписалъ, прибавивъ внизу послѣ подписи на каждомъ своею рукою: „какія ето изъ нихъ имѣлъ на рукахъ своихъ дѣла и ето чѣмъ занимался“.

Трехъ аттестатовъ, заготовленныхъ архиваріусу Цимбалистову ¹⁾, помощнику казначея Корейшѣ и вышеупомянутому чиновнику Гришпановскому не подписалъ.

¹⁾ Герасимъ Алексѣевичъ Цимбалистовъ въ канцеляріи военнаго губернатора дослужился до коллежскаго ассесора. Когда меня сдѣлали начальникомъ отдѣленія Исполнительнаго Департамента Министерства Полиціи, то и онъ, по приглашенію моему, пошелъ служить въ сіе отдѣленіе столоначальникомъ, гдѣ по моему представленію произведенъ надворнымъ совѣтникомъ. Когда меня сдѣлали вице-директоромъ Провіантскаго Департамента Военнаго Министерства, то и онъ, по приглашенію жъ не токмо моему, но и генераль-провіантмейстера Абакумова пошелъ служить въ сей департаментъ начальникомъ отдѣленія; здѣсь получилъ чины 6, 5 и 4-го классовъ, ордена 4 и 3 степени св. Владимира и св. Анны 2 и 1 классовъ, былъ вице-директоромъ, а потомъ генераль-провіантмейстеромъ.

Когда я начал выхвалять способности и достоинства г. Цимбалистова, то онъ, остановивъ меня, сказалъ:

— Я самъ Цимбалистова не хуже тебя знаю; но чортъ знаетъ, какова его архива. Корейша естественный дуракъ; а Гришпановскій мерзавецъ, могу ли имъ дать аттестаты, когда я хотѣлъ Гришпановскаго посадить въ чемоданъ, запечатать и отправить съ почтою обратно въ Малороссію, дабы этотъ выродокъ здѣсь вашу братью малороссіянъ не маралъ.

Отдалъ мнѣ мой аттестатъ, велѣлъ послать и прочихъ.

Прочитавши каждому и спросивъ: „правда ли“? роздалъ имъ своими руками. Симъ кончились занятія мои съ генераль-фельдмаршаломъ графомъ Каменскимъ.

ГЛАВА V.

Придворный маскарадъ. — Назначеніе барона Будберга петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. — Вторичное назначеніе на эту должность графа Толстаго. — Порядокъ дѣлопроизводства при немъ. — Увольненіе Круеникова отъ должности правителя канцеляріи. — Благоволеніе графа Толстаго. — Производство въ чинъ надворнаго совѣтника. — Неудачная попытка жениться. — Замѣчательныя дѣла во время генераль-губернаторства графа Толстаго. — Вольскій именитый гражданинъ В. А. Злобинъ. — Случай изъ жизни графа Толстаго. — Князь П. И. Багратионъ. — Купецъ Торговановъ и его прозекъ подводнаго тоннеля. — Адъютантъ Вольмаръ. — Оберъ-полиціймейстеръ Эртель; ссора съ нимъ и примиреніе. — Купецъ Гусевъ. — Московскій военный губернаторъ Беклеповъ. — Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей и его столкновенія съ графомъ Толстымъ. — Благотворенія и характеръ графа Толстаго. — Производство въ чинъ коллежскаго совѣтника.

Въ 1-й день новаго 1803 года былъ я въ придворномъ маскарадѣ, одѣтый въ мундиръ, домино, съ рогатою шляпою и въ башмакахъ. При выходѣ встрѣтился съ знакомыми дамами, которыя просили достать имъ поскорѣе ихъ экипажъ. Морозъ былъ большой, я распотѣвши побѣжалъ въ семь облаченіи просить знакомыхъ полицейскихъ чиновниковъ, посредствомъ коихъ успѣлъ угодить барынямъ, но за то самъ крѣпко простудился и занемогъ, болѣе мѣсяца лѣчился, не выходя изъ дому.

Послѣ сего приключенія впервыхъ ходилъ я зимою въ придворныя маскарады въ видѣ купца, т. е. во фракѣ, въ домино, круглой шляпѣ и сапогахъ; во-вторыхъ, отъ знакомыхъ дамъ убѣгалъ, дабы не имѣть отъ нихъ никакихъ препорученій.

Пріѣхалъ въ С.-Петербургъ генераль отъ инфантеріи баронъ Будбергъ и опредѣленъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. А графъ Толстой, будучи Выборгскимъ военнымъ губернаторомъ, отпра-

вился туда къ своей должности. При отъздѣ предлагалъ мнѣ быть правителемъ его канцеляріи.

На сіе я согласился съ условіемъ, ежели отпустить новый мой начальникъ.

Графъ объяснился съ барономъ Будбергомъ; но сей не согласился меня отпустить.

Баронъ Будбергъ и двухъ мѣсяцевъ не былъ военнымъ губернаторомъ, потому что тяжело занемогъ и вышелъ въ отставку.

На мѣсто его опредѣленъ снова с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ выше упомянутый графъ Толстой.

Онъ по прибытіи въ С.-Петербургъ потребовалъ меня къ себѣ и приказалъ, чтобы мы оба секретаря, каждый по своей части, съ бумагами приходили къ нему и докладывали.

Хотя вмѣстѣ съ нами ходилъ и правитель канцеляріи г. Крупениковъ, но графъ съ нимъ не говорилъ; а все обращался ко мнѣ не тоюмо по моей части, но и по части товарища моего секретаря Куприянова.

Неодобренные графомъ бумаги отдавалъ мнѣ съ приказаніемъ переправить ихъ, или вновь написать. Симъ г. Крупениковъ обидѣлся и пересталъ ходить, являясь въ канцелярію по третямъ года только за полученіемъ жалованья.

По простествіи около девяти мѣсяцевъ Крупениковъ по утру пришелъ въ канцелярію и началъ требовать бумагъ.

Я ему ничего не далъ; а онъ пошелъ къ графу; требуютъ и меня туда; по приходѣ моемъ въ кабинетъ графа нашель ихъ ссорющихся, и уже при мнѣ Крупениковъ сказалъ графу:

— Вы меня безъ именнаго высочайшаго повелѣнія не можете удалить отъ моей должности.

Графъ спросилъ меня: „кому о семъ объявить высочайшее повелѣніе“?

Я отвѣчалъ: „г. Крупеникова избралъ въ сію должность министръ юстиціи Державинъ, то къ нему же можно и написать объ немъ“.

Графъ приказалъ мнѣ сѣсть за столъ и по диктовкѣ его писать, а Крупениковъ стоитъ и слушаетъ. Написали, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: правителя канцеляріи с.-петербургскаго военнаго губернатора коллежскаго совѣтника Крупеникова уволить отъ сей должности. Каковую высочайшую волю графъ и объявляетъ къ надлежащему исполненію.

По подписаніи Крупениковъ ушелъ, а графъ приказалъ запечатать и отправить, при чемъ велѣлъ мнѣ вступить въ отправленіе должности правителя канцеляріи.

Г. Крупениковъ подалъ государю жалобу на графа; но ему высочайше повелѣно объявить, что служба его государю не угодна.

Чѣмъ долѣе служилъ я при графѣ Толстомъ, тѣмъ болѣе онъ былъ мною доволенъ.

Генераль отъ кавалеріи Александръ Петровичъ Гормасовъ¹⁾, отъѣзжая въ Кіевъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частію, приглашалъ меня быть правителемъ канцеляріи его, и мнѣ самому хотѣлось служить при немъ въ природномъ климатѣ. Но графъ Толстой меня не отпустилъ и скоро исходатайствовалъ мнѣ въ 1804 г. чинъ надворнаго совѣтника.

Въ это время мнѣ много предлагали невѣсты, но ни одна изъ нихъ лично мнѣ не понравилась, отъ чего я не могъ жениться, какъ говорить, на козѣ, потому только, что у нея рога золотыя или брилліантовыя.

Въ Духовъ день, будучи на гуляньѣ въ Лѣтнемъ саду, увидѣлъ я молоденькую дѣвицу г-жу Петрову, которая съ перваго взгляда моего на нее понравилась мнѣ. Въ продолженіе времени я указывалъ ее брату Федору Максимовичу, который ничего мнѣ на то не сказалъ, а только смѣялся, что я, встрѣтаясь съ нею, шедшею по Дворцовой набережной,—вскрикнулъ, дабы онъ не пропустилъ взглянуть на занимающій меня предметъ; и чѣмъ долѣе и ближе всматривался я въ сію дѣвицу, тѣмъ болѣе влюблялся въ нее, отъ чего воображеніе мое обней столь было сильно, что она, вытѣснивъ изъ головы моей всѣ помышленія о непреклонной Надеждѣ, наконецъ сама въ сердцѣ моемъ заняла первое мѣсто, такъ что я располагался уже начать сватать ее за себя.

Въ придворномъ маскарадѣ я не упускалъ ее изъ виду и вездѣ ходилъ за нею, не могли на нее довольно насмотрѣться и налюбоваться ею. Далѣе въ томъ же маскарадѣ встрѣтился я съ пріятелемъ моимъ Алексѣемъ Павловичемъ Кремянскимъ; онъ меня влечетъ за руку въ одну сторону, а я въ другую тяну его, признавшись ему, что я волочусь за дѣвицею, которую указалъ ему, и что хочу на ней жениться.

Г. Кремянскій долго всматривался въ нее и сказалъ, что совершенная красавица во всѣхъ статьяхъ, но вотъ бѣда, какъ медикъ, замѣтилъ онъ мнѣ: „хорошо ли будетъ тебѣ имѣть жену съ зобомъ?“

До сего времени я не только не зналъ сей проклятой болѣзни, но даже и не слышалъ объ ней.

Онъ мнѣ объяснилъ, въ чемъ она заключается, и что у г-жи Петровой теперь сія болѣзнь, по весьма молодымъ ея лѣтамъ едва приметна, но чѣмъ далѣе, тѣмъ зобъ болѣе роста будетъ.

Я вздохнулъ, пожалѣлъ объ ней, отмѣнилъ намѣреніе жениться на ней, и съ сего же дня сталъ удаляться отъ встрѣчи съ нею, дабы забыть ее на всегда въ чемъ и успѣлъ въ продолженіе однакожъ не малаго времени.

Обращаясь къ службѣ. Примѣчательнѣйшія дѣла, во время военнаго губернаторства графа Толстаго совершившіяся, суть:

¹⁾ Онъ послѣ пожалованъ графомъ и былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

1) По проекту оберъ-полиціймейстера Эртеля вновь учреждена пожарная команда съ заливыми разныхъ калибровъ трубами, и сдѣланъ новый штатъ С.-Петербургской полиціи, съ особымъ новымъ въ ней распорядкомъ.

2) Введены новые фонари для освѣщенія города такимъ образомъ: французъ Отье привезъ изъ Парижа образецъ онаго фонаря и представилъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею. Онъ поручилъ комитету объ уравниеніи городскихъ повинностей рассмотреть сей проектъ. По образцу с.-петербургскими мастерами сдѣлано 50 новыхъ фонарей и освѣтили ими часть Литейной улицы.

Дѣйствительно, оказалось сіе новыми фонарями освѣщеніе улицъ гораздо лучшимъ отъ прежняго, а потому и одобренъ проектъ. Комитетъ условился съ прожекторомъ Отье, чтобъ отдать ему освѣщеніе города сими новыми фонарями на 12 лѣтъ съ платежомъ отъ городской думы оному французу Отье въ каждый годъ по 120 т. р.

Когда о семъ министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ съ докладомъ, то государь изволилъ спросить его: почему тутъ нѣтъ мнѣнія военнаго губернатора, яко хозяина въ городѣ.

Министръ отвѣчалъ, что это производилось мимо военнаго губернатора чрезъ комитетъ объ уравниеніи городскихъ повинностей. Государь приказать изволилъ послать это дѣло къ военному губернатору, и доложить вмѣстѣ съ его мнѣніемъ.

Какъ скоро Отье о таковомъ оборотѣ дѣла узналъ, то тотчасъ отъ него пришелъ ко мнѣ грекъ надворный совѣтникъ Ярій, и предлагалъ въ подарокъ за помощь Отье въ семъ дѣлѣ 15 т. р. Но я ему на-чисто отказалъ и выгналъ его вонъ изъ своей квартиры.

Графъ Толстой и самъ думалъ и меня спрашивалъ, какъ бы лучше это дѣло уладить? Видя-жь, что когда русскіе мастера умѣли сдѣлать 50 сихъ новыхъ фонарей, то могутъ и тысячи сдѣлать, а потому желая, чтобъ и въ семъ дѣлѣ былъ подрядчикъ не иностранецъ, а русскій, и деньги въ Россіи остались бы, графъ доложилъ государю о сей мысли своей, и получилъ высочайшее разрѣшеніе: вызвать чрезъ газеты желающихъ и дать въ городской думѣ торги.

Явились къ торгамъ двѣ компаніи с.-петербургскихъ купцовъ, изъ коихъ одной былъ главою купецъ Шуйскій, а другой купецъ Варлаамъевъ, дали между ними торги, и понизили цѣну до ста тысячъ рублей, слѣдовательно выторговали уже 20 т. р. въ годъ противъ комитетской цѣны. Графъ еще хотѣлъ какъ нибудь стараться о пониженіи цѣны и далъ о томъ привязаніе городскому головѣ Щербакову; но онъ донесъ ему, что нѣтъ къ тому никакихъ средствъ, потому что другая компанія отъ дальнѣйшихъ торговъ съ первою отказалась, и никого другаго въ виду нѣтъ.

Тогда графъ ко мнѣ обратился и, я взялся похлопотать о томъ. Приѣзжаю къ вышеупомянутому знакомому мнѣ архангельскому купцу Шульгину и, зная его порывы къ честолюбію, говорю ему:

— Хочешь ли получить чинъ надворнаго или коммерціи совѣтника?
Отвѣчаетъ: „какъ не хотѣть“.

Продолжаю: „я могу доставить тебѣ къ тому самый вѣрный случай“.

— Кланяется и проситъ: „батюшка, помоги“.

Вотъ я разсказаль ему, въ чемъ заключается дѣло, за которое онъ обѣими руками ухватился и по многомъ послѣ того толкованіи, вышло что ему къ сему дѣлу приступить безъ залога на сто тысячъ рублей или по крайней мѣрѣ надежнаго поручительства никакъ не возможно: а у него есть желаніе, но нѣтъ ни залога, ни поручительства.

— Опять проситъ: „батюшка, помоги“.

Вотъ я и началъ метаться то къ тому, то къ другому, прося для него залоговъ, но нигдѣ не могъ выпросить оныхъ, по худой репутаціи Шульгина.

По обыкновенію, въ воскресенье, послѣ обѣда, поѣхаль я гулять на Строганову дачу, гдѣ тогда стекалась самая лучшая публика.

Встрѣтился съ вольскимъ именитымъ гражданиномъ Василиемъ Алексѣвичемъ Злобинимъ и надворнымъ совѣтникомъ Михаиломъ Алексѣвичемъ Кусовниковымъ, который, будучи членомъ комитета о построеніи казармъ, за мною волочился, но я отъ него удалялся. Злобинъ послалъ взять изъ кареты своей бутылку шампанскаго, а Кусовниковъ купилъ фруетовъ, и мы, оставя гуляющую публику, расположились въ уединенномъ мѣстѣ, на усѣяномъ цвѣтами лужку, пировать. Кончивши сію пирушку, Кусовниковъ проситъ меня къ себѣ обѣдать, а я отказываюсь. Вмѣшался Злобинъ и самовластно распорядился: „завтра пообѣдаемъ у меня, а послѣ-завтра вмѣстѣ со мною и къ тебѣ (т. е. къ Кусовникову) пріѣдемъ обѣдать“.

Я противъ сего не спорилъ, потому что мнѣ тотчасъ пришло въ голову, авось подъ веселый часъ, не выпрошу ли у Злобина залоговъ. Согласились и разошлись.

Въ условленное время пообѣдали у Злобина, назначили и у г. Кусовникова обѣдать, только не въ тотъ, а въ другой день, въ который случилось быть празднику, дабы мнѣ не мѣшала служба.

Шульгинъ вѣзъ былъ въ домъ Кусовникова и я ему сказалъ, чтобъ онъ послѣ обѣда къ вечеру пріѣхаль туда ловить Злобина, что онъ и сдѣлалъ.

День былъ лѣтній, тихій и прекрасный, мы въ саду г. Кусовникова гуляли, играли въ вѣгли, а потомъ съ дочерьми хозяйскими бѣгали въ запуски, рѣзвились и забавлялись, попивая отъ жару шампанское съ холодною сельтерскою водою. Наконецъ остановилъ я г. Злобина и сказалъ ему, указывая на Шульгина:

— Вотъ этому молодцу нужны залого на сто тысячъ рублей; не можете ли вы изъ дружбы ко мнѣ снабдить его оными.

Г. Злобинъ отвѣчалъ: „душою радъ сдѣлать вамъ удобное, но право не могу, потому что у меня нѣтъ теперъ на лицо залоговъ; а

ежели дѣло можетъ потерпѣть мѣсяць, другой, то я выпишу залого и дамъ ихъ подъ ваше поручительство Шульгину“.

Я отозвался, что дѣло не токмо мѣсяца, но и одной недѣли, терпѣть не можетъ.

Г. Злобинъ, сказавъ: „нечего дѣлать—на нѣтъ и суда нѣтъ“—хотѣлъ было идти, но я его остановилъ и не много подумавши сказалъ ему:

— Не можете ли вы дать Шульгину, вмѣсто поручительства, кредитнаго аттестата на сто тысячъ рублей.

Г. Злобинъ возразилъ: „не примуть“.

А я удостовѣрять сталъ, что испрошено будетъ высочайшее повелѣніе о принятіи, и я самъ заботиться буду объ отвращеніи всякихъ для васъ хлопотъ.

— О! когда такъ, извольте, сказалъ г. Злобинъ, напишите какой вамъ угодно аттестатъ, я оный подпишу и приложу свою гербовую печать—что онъ на другой день дѣйствительно и исполнилъ.

Графъ послѣ сего, поговоривъ лично съ Шульгинимъ, доложилъ государю и объявилъ городской думѣ высочайшее повелѣніе: принять Злобина аттестатъ вмѣсто залога и допустить Шульгина къ торгамъ, по дачѣ которыхъ еще снесли въ каждый годъ по 6 т. р., но послѣдняя цѣна осталась за Шульгинимъ, чего намъ не хотѣлось.

Это было наканунѣ Петергофскаго гулянья. Я совѣтовалъ графу отложить переторжку, чтобъ дать ее послѣ Петергофскаго праздника, и не въ городской думѣ, а въ домѣ графа, въ присутствіи его, городского головы, и двухъ членовъ думы. Графу хотѣлось довести цѣну до 91 т. р., во что обходилось ежегодно освѣщеніе города старыми фонарями, но хотѣлъ также и того, чтобъ подрядъ сей остался не за Шульгинимъ, а за компанією пяти богатыхъ кушцовъ.

На сей конецъ присовѣтовалъ я графу такъ сдѣлать, что ежели цѣна въ 91 т. р. въ годъ останется за компанією кушцовъ, то, не давъ Шульгину и рта разинуть, тотчасъ позвать его въ кабинетъ, и наединѣ рѣшительно сказать ему, чтобъ онъ пересталъ торговаться, или бы представилъ залогъ, какой по законамъ надлежитъ. Такимъ точно образомъ сіе дѣло и окончено.

Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, сконфуженный толкима, вопреки предположеній его, успѣхомъ на пользу казны, отнесся къ военному губернатору графу Толстому о выдачѣ французу Отье за прожектъ его въ награду 30 т. р.

Но графъ Толстой болѣе 5 т. р. дать ему не соглашался. Однакожь я убѣдилъ графа Толстаго, удовлетворить желаніе графа Кочубея, дабы избѣгнуть его собственно на меня негодованія, но не избѣгнулъ, какъ это впоследствии времени открылось.

Шульгинъ точно получилъ бы желаемый имъ чинъ, ежели бы онъ въ другихъ дѣлахъ, взятыхъ имъ по городскому вѣдомству, не запутался, и не пришелъ въ упадокъ.

3) Государь изъявилъ высочайшее свое соизволеніе, чтобы графъ Толстой принялъ на себя управление и гражданскою частію въ С.-Петербургской губерніи. Но графъ не иначе на то соглашался, какъ когда будутъ сдѣланы для всѣхъ судебныхъ и присутственныхъ мѣстъ новыя штаты, и въ нихъ назначено будетъ чиновникамъ и канцелярскимъ служителямъ такое жалованье, изъ коего они могли бы имѣть по крайней мѣрѣ самонужнѣйшее пропитаніе, квартиру и одѣяніе, дабы онъ могъ строго требовать отъ нихъ правосудія и скорого дѣла управленія.

Поеликужъ сего исключительно для одной губерніи сдѣлать было неудобно, то потому оное предположеніе и не приведено въ исполненіе. При семъ случаѣ графъ Толстой, проворчавъ себѣ подъ носъ, что его хотятъ сдѣлать палачемъ, разсказалъ мнѣ, какъ онъ впалъ было въ немилость императора Павла I и велѣно ему выѣхать изъ С.-Петербурга въ три дня. По сему онъ съ семействомъ своимъ, собираясь въ дорогу, продалъ собственный домъ греку Калержи за 60 т. р., изъ коихъ отдалъ дворецкому 25 тр. на уплату мелочныхъ долговъ.

О скорѣйшемъ же совершеніи купчей ерѣпости въ палатѣ взялся хлопотать дѣйствительный статскій совѣтникъ Арсеньевъ.

Проходитъ день, и на другой пріѣзжаетъ г. Арсеньевъ къ графу обѣдать, а купчей нѣтъ. Изъ сего графъ замѣтивъ, что г. Арсеньевъ иногда доведетъ его до того, что онъ не успѣетъ въ 3-й день совершить купчей ерѣпости и выѣхать изъ города, отъ чего можетъ подвергнуться большимъ неприятностямъ, и усадивъ гостей, въ томъ числѣ и г. Арсеньева, въ карты играть, самъ пошелъ въ кабинетъ и спросилъ своего камердинера, знаетъ ли онъ, гдѣ купчія ерѣпости совершаются.

Камердинеръ отвѣчалъ: „знаю“.

Графъ: „а кто тамъ симъ дѣломъ занимается“?

Камердинеръ: „кажется надсмотрщикъ“.

Графъ: „ну, возьми мою карету, поѣзжай въ палату, тамъ узнай, гдѣ надсмотрщикъ живетъ, оттуда поѣзжай на домъ къ надсмотрщику и упроси его, чтобы онъ ко мнѣ на минуту пріѣхалъ; и когда привезешь надсмотрщика, то оставь его въ кабинетѣ и мнѣ о томъ дай знать непримѣтнымъ образомъ, разумѣется, чтобы никто объ этомъ не зналъ“.

По пріѣздѣ надсмотрщика графъ спросилъ его:

— Почему совершеніе моей купчей ерѣпости медлится?

Надсмотрщикъ: „собираемъ справки о запрещеніяхъ на имѣніе вашего сіятельства“.

Графъ взялъ домашнюю свою книгу и показалъ надсмотрщику, въ которой записаны всѣ его долги казнѣ и частнымъ лицамъ.

— Надсмотрщикъ: „мы и сами знаемъ, что нѣтъ никакого препятствія, но волочимъ вашего стряпцаго“.

Графъ: „и дѣльно, сухая ложка ротъ деретъ“.

Вынимаетъ деньги и даетъ ему ассигнаціями 200 р. Надсмотрщикъ пересчиталъ, оставилъ у себя 100 р., а сто возвращаетъ. Графъ не принялъ, а просилъ его, чтобъ онъ завтра до обѣда къ 1-му часу кончилъ купчую крѣпость, и привезъ бы къ нему ее съ книгою расписаться, стряпчаго-жъ провель, показалъ ему готовую уже купчую и увѣрилъ его, что тотчасъ послѣ обѣда всенепременно привезетъ оную.

Такъ все это и сдѣлано.

Графъ по полученіи купчей, еще даль надсмотрщику 200 р. за то только, что мастерски одурачилъ г. Арсеньева.

На третій день приходитъ г. Арсеньевъ обѣдать, а крѣпости нѣтъ, и онъ увѣряетъ графа, что крѣпость готова, и привезутъ ее такъ рано, что не успѣетъ еще и отобѣдать. Пообѣдали, а крѣпости не везутъ. Графъ напоминаетъ о томъ г. Арсеньеву, а сей упрекаетъ графа нетерпѣливемъ. Уже заложили лошадей, одѣлись по дорожному и пора садиться въ экипажи, а крѣпости не везутъ.

Вотъ тутъ-то г. Арсеньевъ взбѣсился, схватилъ шляпу и хотѣлъ бѣжать къ надсмотрщику драться съ нимъ.

Графъ удержалъ его и открылъ ему, какъ онъ изъ предосторожности эту шутку сыгралъ съ нимъ.

По окончаніи сего, открылось другое затрудненіе къ выѣзду. Разносчики и лавочники приступили къ графу, требуя уплаты долга. Ищутъ дворецкаго и нигдѣ его не находятъ. Нечего дѣлать, графъ принялся за свой ларчикъ съ деньгами, и самъ съ сими мелочными кредиторами разсчитался и расплатился.

Причина-жъ побѣга дворецкаго, вольнаго человѣка, открылась послѣ. Онъ всѣ данныя ему на уплату долговъ деньги ночью проигралъ въ карты. Такимъ образомъ деньги пропали и графъ не преслѣдовалъ его по уваженію, что сей человѣкъ женатъ былъ на любимой супруги его сятельства горничной дѣвкѣ.

4) Военный судъ приговорилъ солдата за убійство, вмѣсто смертной казни, къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ Сибирь въ каторжную работу. По исключеніи-жъ сего солдата изъ военнаго вѣдомства отослать его въ губернское правленіе для приведенія того приговора въ исполненіе. Но с.-петербургскій гражданскій губернаторъ Пасевьевъ остановилъ исполненіе по оному приговору, заключая, что военные суды могутъ присуждать военныхъ преступниковъ къ наказанію только шплицъ-рутенемъ, а не кнутомъ, что будто бы зависитъ единственно отъ гражданскихъ уголовныхъ судовъ.

Графъ Толстой, будучи противнаго мнѣнія, доложилъ объ ономъ государю, и по надлежащемъ сего предмета разсмотрѣніи, сдѣлано губернатору Пасевьеву за недѣльное его толкованіе высочайшее замѣчаніе.

5) Сдѣланъ лучшій распорядокъ о трактирахъ и кухмистерскихъ столахъ.

6) Выстроены на Петербургской сторонѣ обширныя каменные казармы самымъ прочнымъ и выгоднымъ образомъ по распоряженію военнаго губернатора графа Толстаго и подъ собственнымъ его надзоромъ. Членъ комитета о построении сихъ казармъ купецъ Шаровъ давалъ мнѣ шесть тысячъ рублей за то, чтобъ не препятствовать ему участвовать въ поставкѣ къ тѣмъ казармамъ матеріаловъ; но я отъ него денегъ не взялъ и сказалъ о томъ графу, за что отъ него досталось Шарову, и за приемомъ матеріаловъ усугубленъ былъ самый строгій надзоръ.

7) Отеушники, славивъ съ полицією, давали презнему правителю канцеляріи въ годъ по 15 т. р. и отъ того, что хотѣли, то и дѣлали, не смотря на доносы на нихъ.

Я отказался отъ сей лихвы, и заведенія ихъ сосчитали, а лишнія уничтожили, за качествомъ же питей учредили строгій надзоръ посредствомъ физиката и другихъ особо-наряжаемыхъ по временамъ чиновниковъ.

8) Злобинъ искалъ случая познакомиться съ графомъ Толстымъ и просилъ меня доставить ему къ тому случай.

Я обѣщаль стараться сдѣлать ему удобное.

По торгамъ въ конторѣ правленія С.-Петербургскихъ Запасныхъ Магазиновъ на поставку въ оныя ржаной муки состоялись высокія цѣны. Какія графъ ни прилагалъ старанія къ пониженію оныхъ, но не могъ достигнуть своей цѣли, а время уходило.

И въ семь случаевъ угодно было графу обратиться ко мнѣ.

Я обѣщаль ему подумать. Приѣзжаю къ Злобину и предлагаю ему о томъ, ежели только онъ можетъ сколько нибудь понизить цѣны, выпрошенныя въ конторѣ подрядчиками.

Злобинъ, сообразивъ оныя цѣны съ своими расчетами, объявилъ мнѣ, что можетъ сдѣлать важную уступку, ежели только графъ самъ съ нимъ торговаться будетъ.

Я доложилъ о семъ графу, и онъ съ удовольствіемъ согласился.

Послали къ Злобину повѣстку и онъ на другой день часу въ 1-мъ пополудни явился богато одѣтымъ. Случился у графа быть извѣстный и храбрый генералъ князь Петръ Ивановичъ Багратионъ, и хотѣлъ ѣхать домой, но графъ его удержалъ и просилъ помочь ему убѣдить богача Злобина сдѣлать пониженіе цѣны на хлѣбъ, заготовляемый въ помощь бѣднымъ.

Князь Багратионъ остался, и позвали въ кабинетъ Злобина.

Послѣ его поклоновъ графу и князю, и послѣ обыкновеннаго съ ихъ стороны привѣтствія, начался разговоръ о цѣнахъ на хлѣбъ.

Злобинъ сказалъ, что по полученнымъ имъ изъ низовыхъ губерній свѣдѣніямъ цѣны на хлѣбъ дѣйствительно возвысились, и что выпро-

шенныя въ конторѣ подрядчиками цѣны, судя по нынѣшнимъ низовымъ цѣнамъ, не дороги.

Графъ: „какъ, и понизить ихъ уже нельзя“?

Злобинъ отвѣчалъ: „трудно, ваше сіятельство, развѣ возложите эту комиссію на находящагося здѣсь нижегородскаго губернатора г. Руновскаго, то онъ не сыщеть ли какихъ средствъ къ пониженію“.

Графъ: „плохая надежда“, — и при семъ объяснилъ, что онъ уже о семъ съ нимъ по высочайшей волѣ объяснился, но губернаторъ удаляется отъ сего дѣла; затѣмъ графъ сказалъ, что „никому лучше дѣла сего рода не извѣстны, какъ вамъ, г. Злобинъ, то вы не можете ли сдѣлать какой нибудь уступки для бѣдныхъ, — подумайте хорошенько и рѣшитесь“.

— Не хотѣлось бы мнѣ ввязываться въ это дѣло, отвѣтствовалъ Злобинъ, но если вашему сіятельству угодно, нечего дѣлать.

Графъ: „прошу васъ“.

Злобинъ сказалъ: „извольте, съ куля уступаю по 10 коп.“

— Очень хорошо, это для бѣдныхъ, промолвилъ графъ, уступитежъ еще что нибудь и для меня.

Злобинъ: „ну и для вашего сіятельства уступаю 10 коп.“

Тогда князь Багратионъ, возвыся голосъ, сказалъ: „а для меня, Василій Алексѣевичъ“.

— Какъ, ваше сіятельство, не уважить васъ, уступаю и для васъ 10 коп.

Послѣ того оба графъ и князь, вставши и приступя къ Злобину, начали говорить ему, что никто въ городѣ больше тебя хлѣба здѣсь не ѣсть, потому что ты всѣхъ приходящихъ къ тебѣ кормишь, надобножъ и за это что нибудь уступить.

Злобинъ: „нечего дѣлать, въ штрафъ себѣ и за это уступаю 10 коп.“

Графъ, благодаря Злобина за всѣ сдѣланныя уже имъ уступки, примолвилъ: „надобножъ не забыть и царя“.

Злобинъ поднялъ руки вверхъ и прося у Бога государю здоровья и побѣды на враговъ, уступилъ еще 10 коп., и такъ составилось уступки съ куля 50 коп.; а по количеству кулей всей уступки въ пользу казны болѣе ста тысячъ рублей.

Откланявшись имъ и вышедъ изъ кабинета, Злобинъ зашелъ въ канцелярію и тамъ дождался меня.

Я ему объявилъ, что по приказанію графа тотчасъ займусь изготовленіемъ предписанія конторѣ о сдѣланной уступкѣ, и чтобъ контора ни мало не медля приступила къ заключенію контракта.

Г. Злобинъ просилъ меня включить въ предписаніе, чтобъ ему при заключеніи контракта выдали впередъ 200 т. р. подъ поручительство надворнаго совѣтника Чеблкова и пензенскаго купца Очгина.

Я, желая угодить ему, написалъ два предписанія конторѣ: одно, какъ приказано отъ графа, а другое со включеніемъ итога, чтобъ

Злобину выдать впередъ двѣсти тысячъ рублей подъ поручительство Чеблкова и Очгина.

Когда о семъ доложилъ я графу, то графъ спросилъ меня:

— Не будетъ ли какой опасности?

Я отвѣчалъ: „кажется никакой, потому что Злобинъ самъ миллионщикъ, и двухъ миллионщиковъ же поручителями по себѣ представляеть“.

Графъ подписалъ то предписаніе, въ коемъ сказано и о выдачѣ 200 т. р. денегъ.

Злобинъ окончилъ всю сію поставку хлѣба въ одно лѣто, и графъ остался доволенъ.

9) Прекращена раздача даромъ лежащихъ въ городѣ пустопорожнихъ мѣстъ, а велѣно продавать ихъ желающимъ строиться съ публичныхъ торговъ.

10) Въ Гостинномъ дворѣ хозяева лавокъ по галлерей наставили шкаповъ и отдавали въ наймы лавку одному, а шкапы другимъ. Наемщики лавокъ, терпя подрывъ отъ сихъ шкаповъ въ торговлѣ своей, подали на хозяевъ лавокъ военному губернатору жалобу, о которой хозяева лавокъ узнавъ, приходили ко мнѣ, просили и давали мнѣ 25 т. р., чтобъ только упомянутымъ наемщикамъ лавокъ въ просьбѣ ихъ отказать; когда же я не принялъ денегъ и имъ отказалъ, то они разными происками преклонили графа на свою сторону. При докладѣ мною жалобы сей вечеромъ, я доказываю правильность оной, а графъ велеть отказать.

Споръ между нами дошелъ до того, что и графиня, бывши тутъ, вмѣшалась и заступалась мою сторону, говоря, что она однажды въ Гостинномъ дворѣ, идучи по галлерей, зацѣпилась платемъ за гвоздь въ шкапъ и разорвала оное; но графъ ничему не внемлетъ.

Я наконецъ сказалъ твердо графу, что ежели вы сами, подъ предлогомъ права собственности, не рѣшаетесь удовлетворить просьбы наемщиковъ лавокъ, то по крайней мѣрѣ по подразумѣванію, что галлерей, бывъ устроена для проходящихъ, считается наравнѣ съ улицей и не должна быть ничѣмъ загромождаема, доложите споръ сей государю; что графъ на другой день по утру сверхъ чаянія моего и сдѣлалъ.

Государь соизволилъ повелѣть: „оставить только тѣ шкапы, которые на углахъ противъ лавокъ устроены въ стѣнахъ и не мѣшаютъ проходу, а прочіе всѣ снять ни мало не медля, галлерей очистить и впредь ее ничѣмъ не загроможживать“. При приказаніи написать бумагу съ объявленіемъ оной высочайшей воли оберъ-полиціймейстеру къ надлежащему исполненію, графъ благодарилъ меня за стойкость; а я открылъ ему, что лучше мнѣ было принять отъ хозяевъ лавокъ 25 т. р., нежели спорить съ нимъ.

Тогда графъ призадумался и вѣрно заключилъ, что ходатаи за хозяевъ лавокъ не даромъ убѣждали его въ пользу ихъ.

11) Мѣщанинъ Торговановъ подалъ графу прожектъ, какъ можно устроить проѣздъ съ Адмиралтейской стороны на Васильевскій островъ подъ Невою, ни мало не мѣшая оной теченію.

Графъ прочитавъ сію бумагу, сказалъ Торгованову, что онъ пустяки затѣваетъ.

Торговановъ возразилъ, что это можетъ быть славнымъ дѣломъ достойнымъ Россіи, и я самъ на себя беру устройство такового подъ водкою проѣзда, а за то, что сдѣлаю, головою своею отвѣчаю.

Графъ: „не спорю, что ты можетъ быть и сдѣлаешь, но кто согласится въ сію пору идти или ѣхать; развѣ ты, накинувъ кому арканъ на шею, потянешь его туда?“

Но Торговановъ всеусильно началъ просить графа о семъ его прожектѣ доложить государю хотя изъ курьезу.

Графъ доложилъ и привезъ высочайшее повелѣніе: „выдать Торгованову изъ кабинета 200 р. и обязать его подпискою, чтобъ онъ впредь прожекетами не занимался, а упражнялся въ промыслахъ, состоянію его свойственныхъ“.

12) Адъютантъ Вольмаръ служилъ у графа въ родѣ лягавой собаки, ибо съ утра до вечера сидѣлъ безсмынно предъ кабинетомъ, и симъ сидѣньемъ вбилъ въ милость и довѣренность со стороны графа, такъ что по ходатайству графа за отличіе произведенъ Вольмаръ ранѣе другихъ въ подполковники.

Далѣе г. Вольмаръ, услышавъ, что мнѣ за отъездъ въ просьбѣ давали хозяева лавокъ 25 т. р., вздумалъ имѣть вліяніе на разрѣшеніе просьбъ; и для того уговорилъ графа, чтобъ онъ, принимая просьбы, отдавалъ ихъ ему, а онъ будетъ дѣлать изъ нихъ краткія выписки, противъ коихъ графъ будетъ своею рукою отмѣчать резолюціи, а канцелярія должна будетъ только исполнять по нимъ. Вотъ такъ они и давали резолюцій.

Прихожу я и докладываю графу, что большая часть изъ оныхъ резолюцій суть такія, которыхъ нельзя исполнить потому и потому; а г. Вольмаръ успѣлъ уже объявить просителямъ тѣ резолюціи.

По оному моему доводу, основанному на точныхъ и ясныхъ доводахъ, съ разрѣшенія графа даны предписанія противныя прежнимъ резолюціямъ.

Г. Вольмаръ, узнавъ о семъ, измѣнился въ лицѣ, а просители начали приносить графу жалобы на канцелярію за неисполненіе данныхъ по ихъ просьбамъ резолюцій.

Графъ, зная, что имъ самимъ отмѣнены тѣ резолюціи, отказалъ просителямъ, и принимая отъ просителей просьбы, началъ по прежнему отдавать ихъ мнѣ.

Вольмаръ въ досадѣ и не находя средствъ къ продолженію меня, уговорилъ опять графа, чтобъ онъ отмѣчалъ резолюціи при бытности моей. Вѣрно мнѣ для сего явится послѣ обѣда къ графу.

Когда я пришелъ, то о томъ дали знать графу, и онъ пришелъ

сверху, гдѣ у него гости и въ карты играютъ, началъ при Вольмарѣ и мнѣ самъ читать выписки изъ просьбъ, а прочитавши спрашиваетъ у меня: „какую отмѣтить резолюцію“?

Я говорю: „сообразить съ дѣломъ и законами и потомъ доложить“.

Вольмаръ возразилъ, что эта резолюція ничего не значить.

Я отвѣчаю: „пишите какую хотите, ибо надобно еще повѣрить и самую выписку: сходна ли она съ существомъ просьбы“?

Начали повѣрять выписку съ просьбою, и нашли ее во многомъ слишкомъ краткою, а потому несходною и неясною.

Графъ, бросивъ тѣ выписки, отдалъ мнѣ всѣ просьбы, сказавъ: „исполняйте по прежнему“, а самъ пошелъ на верхъ къ гостямъ своимъ.

Мы, оставшись съ Вольмаромъ, начали грызться и упрекать одинъ другаго въ притязаніяхъ; причемъ я ему сказалъ, что ежели онъ еще станетъ вымышлять подобныя затѣи, то я брошу служить при графѣ по сей единственной причинѣ.

13) Пришелъ къ графу купецъ и со слезами началъ жаловаться, что полиція у него остановила каменное строеніе, доведенное уже до 3-го этажа, а онъ долженъ будетъ платить рабочимъ людямъ прогульныя деньги. Графъ послалъ старшаго городского архитектора Паульсона узнать причину той остановки и ни мало не медля довести.

Архитекторъ донесъ словесно, что остановлено полиціею строеніе потому, что оное выдалось почти на аршинъ въ улицу; но это сдѣлано въ сообразность каменнаго дома на другомъ углѣ той же линіи стоящаго, и что и всѣ прочія деревянныя строенія между сими двумя каменными домами находящіяся, при перестройкѣ ихъ, должны будутъ подвинуться на назначенную линію, которой улицѣ и домамъ въ ней въ нынѣшнемъ ихъ положеніи и планъ представилъ. При семъ разборѣ были у графа генералы: князь Багратіонъ, Пашковъ и Вердеревскій и всѣ приглядывали линейку, посредствомъ которой удостоверились, что оное новое строеніе начато строить точно на назначенной чертѣ.

Графъ послалъ адъютанта своего полковника Шнейдера тотчасъ разрѣшить продолжать строеніе и дать знать о томъ въ часть. Послѣ всего сего пріѣзжаетъ оберъ-полиціймейстеръ Эртель и докладываетъ графу, что онъ остановилъ то строеніе, а частнаго пристава и квартальнаго надзирателя арестовалъ, и что канцелярія графа не наблюдаетъ порядка, по которому должно было напередъ противъ просьбы купца истребовать отъ полиціи объясненіе, и не инако, какъ чрезъ него, оберъ-полиціймейстера, сдѣлать купцу разрѣшеніе для сохраненія отъ обывателей должнаго къ полиціи уваженія и послушанія.

Зовутъ меня, и по приходѣ въ кабинетъ графъ спрашиваетъ у меня: „почему не истребовано противъ жалобы таково-го купца объ

остановленномъ строеніи, отъ полиціи объясненія и разрѣшеніе сдѣлано мимо г. оберъ-полиціймейстера“?

Я, примѣтивъ, что графъ притворился, будто бы ничего о семь дѣлѣхъ незнающимъ, отвѣчалъ:

— Ради скорости, дабы обыватель отъ неосмотрительнаго, или можетъ быть еще и умышеннаго, полиціи дѣйствія не терпѣлъ напрасныхъ убытковъ и не жаловался на главнаго въ городѣ начальника въ послабленіи и потворствѣ полиціи.

Оберъ-полиціймейстеръ вскипѣлъ, началъ со мною ругаться, а я ему не поддаваться.

Графъ же ни словомъ между нами не мѣшается, и далъ намъ волю хорошенько одинъ другаго задѣть.

Послѣ сей стычки г. Эртель пересталъ со мною говорить, и при встрѣчахъ началъ отворачиваться отъ меня, а я отъ него, и по дѣламъ сталъ давать ему чрезъ своего начальника частныя и порядочныя нахлобучки.

Прошло симъ между нами неладамъ довольно времени, въ теченіе коего мы оба одумались и открыли причину, для которой графъ свелъ насъ къ ссорѣ, но оба не приступаемъ къ примиренію.

Наконецъ г. Эртель, увидѣвъ одного меня въ Лѣтнемъ саду прохаживающимся по уединенной аллеѣ, съ поспѣшностію догналъ меня, я думалъ для начатія новой брани, напротивъ того, онъ усмѣхнулся и подаль мнѣ руку, говоря:

— За что мы съ тобою поссорились и продолжаемъ ссориться?

Отвѣчаю: „я и самъ тоже думаю, чего мы не подѣлили? Кажется графъ по своей политикѣ нарочно насъ поссорилъ, дабы мы ему одинъ на другаго высказывали все, что узнаемъ“.

Г. Эртель отвѣчалъ, что и онъ также думаетъ по всѣмъ наблюденіямъ, какія до того сдѣлалъ. Послѣ сего сказалъ мнѣ:

— Ну, полножь сердиться, и будемъ пріятелями. Прошу васъ завтра ко мнѣ за-просто пообѣдать.

Я поблагодарилъ его за предложенную мнѣ честь; но при томъ замѣтилъ, что для насъ кажется, гораздо лучше будетъ одинъ у другаго не бывать и продолжать казаться будто бы между собою ссорющимися.

Г. Эртель, немного подумавъ, сказалъ: „точно это лучше для насъ; будемъ же продолжать носить личину, противную доброму обоюдному одинъ къ другому расположенію“—что и сдѣлалъ.

Съ сего времени я много чрезъ г. Эртеля моимъ пріятелямъ и знакомымъ дѣлалъ добра, и опредѣлялъ чиновниковъ въ полицію на лучшія мѣста.

Г. Эртель и вышедъ изъ оберъ-полиціймейстера, и даже получа чинъ генерала отъ инфантеріи, не преставаъ быть со мною до самой кончины его, въ искреннѣйшей пріязни.

14) Въ выстроенныхъ въ 3 Адмиралтейской части близъ Гостиннаго

двора по Чернышову переулку, на землѣ, принадлежащей Капитулу Россійскихъ Орденовъ, каменныхъ лавкахъ хозяева оныхъ, купцы, самовольно начали производить торгъ мясомъ и коренною рыбою, каковой торгъ законами предоставленъ единственно частнымъ рынкамъ.

Завязалась о семъ торгѣ тяжба между хозяевами лавокъ въ частныхъ рынкахъ, и хозяевами лавокъ въ упомянутомъ Чернышовомъ переулкѣ. Исслѣдовано дѣло о семъ и рѣшено въ пользу частныхъ рынковъ всѣми мѣстами и даже Правительствующимъ Сенатомъ, коего докладъ высочайше конфирмованъ въ маѣ мѣсяцѣ 1805 года, вслѣдствіе чего запрещенъ торгъ мясомъ и коренною рыбою въ лавкахъ по Чернышову переулку.

Въ семъ мѣстѣ оныхъ лавокъ купецъ Гусевъ имѣлъ 42, и естественно понесъ большую потерю. Приходитъ ко мнѣ и даетъ 25 т. р., чтобы я посредствомъ начальника своего графа Толстаго оное дѣло поправилъ.

Я отказался отъ принятія сихъ денегъ, чистосердечно сказавъ Гусеву, что хотя бы онъ и все богатое состояніе свое отдалъ мнѣ, то и тогда я желанія его не удовлетворилъ бы, потому что считаю это дѣло уже разобраннымъ и рѣшеннымъ, съ тѣмъ, чтобъ нигдѣ въ городѣ въ частныхъ лавкахъ не позволять торгова мясомъ и коренною рыбою, а предоставлено вновь устроить въ удобныхъ мѣстахъ другіе частные рынки на общихъ о частныхъ рынкахъ постановленіяхъ, чѣмъ споръ сей совершенно уже и оконченъ.

Старикъ купецъ Гусевъ, будучи увѣренъ, что большими деньгами все можно сдѣлать, съ неудовольствіемъ сказалъ мнѣ:

— Коли ты не хочешь воспользоваться симъ порядочнымъ кушемъ, такъ я и безъ тебя обойдусь, найду другихъ и оное дѣло передѣлаю по своему.

Я ему пожелалъ добраго въ томъ успѣха.

Послѣ сего старикъ Гусевъ жертвуетъ тридцать тысячъ рублей въ пользу богоугодныхъ заведеній, состоящихъ въ вѣдомствѣ вдовствующей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня приняла сіе пожертвованіе его, и притомъ соизволила изъявить желаніе свое быть и ему при случаѣ полезною. Сего только ему и хотѣлось.

Спустя для благовидности нѣкоторое время, Гусевъ подаетъ на высочайшее государя имя всеподданнѣйшее прошеніе, и проситъ ея величество вручить оное государю императору. Императрица Марія Ѳеодоровна желаніе его исполнила; а государь просьбу сію купца Гусева отдать соизволилъ военному губернатору графу Толстому, сей же мнѣ.

Я составилъ самую краткую записку, когда и какъ это дѣло уже окончено.

Графъ подавъ эту записку государю, а его величество государынѣ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, съ отзвонъ, какъ я отъ графа Толстаго слышалъ, что это дѣло во-первыхъ уже окончено; во-вторыхъ,

такъ окончено, какъ лучше желать нельзя, и что проситель Гусевъ есть монополистъ.

Императрица за всёмъ тѣмъ, по благодати своей, желая, чтобы купецъ Гусевъ, за пожертвованіе его въ пользу богоугодныхъ заведеній, не остался безъ всякой награды, соизволила испросить ему отъ монаршихъ щедротъ золотую медаль для ношенія на шеѣ на голубой лентѣ.

Старикъ Гусевъ, яко раскольникъ, спрятавъ оную медаль въ карманъ, опять пришелъ ко мнѣ съ упреками, что я ни денегъ не взялъ, ни помочь ему другихъ не допустилъ шероховатую своею запискою, и въ досадѣ наконецъ сказалъ:

— Во что бы ни стало, и все это дѣло обработаю.

Я вновь пожелалъ ему добраго успѣха, и мы разстались.

Послѣ чего, чрезъ мѣсяцъ или полтора, состоялся подписной высочайшій указъ на имя военного губернатора графа Толстаго, контрастированный министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Кочубеемъ, чтобъ купеческому сыну такому-то въ лавкахъ Щукина двора, по Чернышову переулку состоящихъ, взятыхъ имъ на четыре года въ содержаніе отъ училищнаго вѣдомства, въ уваженіе сдѣланнаго имъ пожертвованія по четыре тысячи въ годъ, въ теченіе онаго четырехлѣтняго срока въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія, дозволить производить торгъ мясомъ и коренною рыбою.

Графъ Толстой призываетъ меня къ себѣ, отдаетъ мнѣ указъ и спрашиваетъ меня:

— Не въ томъ ли это мѣстѣ сдѣлано разрѣшеніе торговать мясомъ и рыбою, гдѣ прежде сдѣлано запрещеніе?

Я отвѣчалъ, что запрещеніе сдѣлано торговать мясомъ и коренною рыбою по одной сторонѣ Чернышова переулка, а сіе разрѣшеніе сдѣлано по другой сторонѣ того же самаго Чернышова переулка.

Графъ сказалъ: „какъ же это можетъ быть, одного и того же переулка по одной сторонѣ нельзя торговать, а по другой можно? Это слишкомъ неблаговидно и для правительства предосудительно“.

Я при семъ разсказалъ графу всё отпошенія и убѣжденія, какія ко мнѣ имѣлъ купецъ Гусевъ и что лицо, на которое сдѣлано разрѣшеніе, есть родной его племянникъ, выставленный для прикрытія происковъ и имени самого Гусева.

Разсуждая же, что сіе разрѣшеніе сдѣлано не просто, а изъ уваженія къ пожертвованію, графъ спросилъ меня:

— Не дастъ ли кто другой болѣе?

Я отвѣчалъ, что тотчасъ дадутъ вдвое, а ежели вызвать желающихъ и дать между ними торги, то и того еще болѣе дадутъ за исключительный торгъ мясомъ и коренною рыбою внутри города и близъ Гостиннаго двора въ самомъ лучшемъ, многочислѣннѣйшемъ мѣстѣ.

Графъ, принявъ все сіе въ уваженіе, а равно и тѣ причины, по которымъ въ лавкахъ на другой сторонѣ Чернышова переулка сдѣ-

лано запрещеніе торговать мясомъ и коренною рыбою, сказалъ: „не бывать же этому успѣху Гусеву“, и приказалъ мнѣ оный указъ положить въ портфель, въ которомъ находятся дѣла, полученныя отъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея и остановленныя графомъ Толстымъ, по несогласію его въ мнѣніяхъ и распоряженіяхъ съ графомъ Кочубеемъ.

Въ сіе время былъ у графа Толстаго другъ его генераль-адъютантъ князь Петръ Петровичъ Долгорукій.

Они, бывая вмѣстѣ и ни мало меня не опасаясь, критиковали всѣ системы и дѣйствія графа Кочубея. Даже сей князь Долгорукій рассказывалъ, какъ въ Москвѣ тамошній военный губернаторъ, генераль отъ инфантеріи Беклешовъ, имѣетъ обыкновеніе голову свою чесать въ залѣ, кудажь къ нему всѣ прїѣзжающія изъ первыхъ классовъ особы имѣютъ невозбранный входъ, а секретари его распечатываютъ пакеты и читаютъ вслухъ получаемыя бумаги: пришедшій такимъ образомъ къ г. Беклешову сенаторъ князь Кольцовъ-Мосальскій слушаль-слушаль читаемыя секретарями бумаги и наконецъ сказалъ:

— Какъ мило и пріятно слушать бумаги молодого министра графа Кочубея.

Г. Беклешовъ на сіе съ досадою отвѣчалъ:

— Да, этотъ министръ шипеть такъ, какъ напримѣръ, навозная куча, прикрытая розовыми цвѣтами, если на нее издали смотрѣть, то пріятно, а подойди ближе и копни, то и завоняетъ.

Князь Кольцовъ-Мосальскій, выслушавъ эту старика государственнаго мужа откровенную рецензію, схватилъ свою плюмажную шляпу и поскорѣе убрался изъ залы, а Беклешовъ началъ смѣяться.

Сей г. Беклешовъ при императрицѣ Екаторинѣ Великой былъ орловскимъ и курскимъ генераль-губернаторомъ. При императорѣ Павлѣ I кievскимъ военнымъ губернаторомъ и малороссійскимъ генераль-губернаторомъ, а при императорѣ Александрѣ I генераль-прокуроромъ до самаго учрежденія министерствъ, и такъ какъ онъ не согласился быть министромъ юстиціи, то и назначенъ московскимъ военнымъ губернаторомъ.

8 іюля 1805 года въ вечеру графъ Толстой, призвавъ меня къ себѣ, отдалъ мнѣ портфель, наполненный остановленными имъ дѣлами, въ числѣ коихъ и вышеозначенный именной указъ находился, и велѣлъ мнѣ сдѣлать имъ реэстръ, и завтра съ симъ портфелемъ и дѣлами по утру прїѣхать на казенную дачу, занимаемую графомъ Кочубеемъ на Аптекаревскомъ островѣ, и тамъ его ожидать.

По прїѣздѣ на сію дачу пошелъ я къ земляку и пріятелю моему секретарю онаго министра графа Кочубея, Николаю Никитичу Новицкому, который предложилъ мнѣ выпить водки и закусить; но я прасиль его отложить этотъ фриштитъ до того времени, какъ я отъ графа отдѣлаюсь. Въ ожиданіи прїѣзда обоихъ графовъ пошли мы въ садъ, и тамъ, выбравъ пріятное мѣсто, сѣли и заговорились.

Между тѣмъ съ Каменнаго острова отъ государя пріѣхали оба графа, Кочубей и Толстой, и удостовѣрясь отъ кучера моего, что я здѣсь, приказали курьеру отыскать меня. Курьеръ бѣгалъ, бѣгалъ, на силу могъ меня отыскать и я, взявъ портфель съ дѣлами, пошелъ въ домъ, графомъ Кочубеемъ занимаемый. По приходѣ въ залу, нашелъ я въ оной знакомыхъ мнѣ директора училищъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ивана Ивановича Ростовцева и начальника отдѣленія статскаго совѣтника Дмитрія Семеновича Серебрякова; первый изъ нихъ отдалъ упомянутыя лавки въ Чернышовомъ переулкѣ въ наемъ племяннику Гусева и представилъ о сдѣланномъ имъ въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія пожертвованіи, а послѣдній производилъ это дѣло въ департаментѣ министерскомъ.

Оба графа у графини Кочубей пьютъ водку и закусываютъ, послали и къ намъ водки, вина и закуски и мы выпили понемножку и закусили. Наконецъ прибѣгаетъ камердинеръ, схватилъ ломберный столікъ, поставилъ на срединѣ комнаты и развернулъ его.

Выходятъ оба графа, взявшись за руки и по приходѣ графъ Кочубей сталъ за столикомъ; а графъ Толстой пришедъ ко мнѣ взялъ отъ меня реестръ дѣламъ, и началъ требовать оныя.

Я ему одно за другимъ подаю, а онъ входитъ по каждому въ диспуты съ графомъ Кочубеемъ, и чѣмъ сіи свои споры окончатъ, велитъ мнѣ записать, дабы по онымъ такъ поступить.

Наконецъ подалъ я ему и указъ.

Графъ Толстой отдаетъ сей указъ графу Кочубею, а онъ его не принимаетъ, и говоритъ графу Толстому, что оный указъ долженъ быть исполненъ, потому что подписанъ самодержавнымъ государемъ; а графъ Толстой отвѣчаетъ, что онъ потому не исполнитъ того указа, что любить сего самодержавнаго государя и дорожить его славою, и опять отдаетъ указъ графу Кочубею.

Что-то выговорилъ г. Ростовцевъ; но графъ Толстой, разсердясь, сталъ упрекать его злоупотребленіемъ въ семъ дѣлѣ; а графъ Кочубей велѣлъ ему замолчать. У бѣднаго Ростовцева отъ всего того брюхо затряслось, покраснѣлъ и потъ на лицѣ его выступилъ; вотъ каково, если нашъ братъ въ споръ вельможъ вмѣшается.

Наконецъ продолжительное ихъ преніе по сему предмету окончено тѣмъ, что графъ Кочубей попросилъ графа Толстого, дабы онъ упомянутый именной указъ возвратилъ къ нему при отношеніи своемъ, на что и графъ Толстой согласился.

Опять взялись за руки, и какъ будто бы между ними никакой размолвки не было, пошли во внутренніе покои къ графинѣ Кочубей.

А я, взявши портфель, возвратился къ г. Новицкому и съ душевнымъ сокрушеніемъ разсказалъ ему о происходившихъ между обоими графами спорахъ. При чемъ г. Новицей замѣтилъ мнѣ, что сколько ему извѣстно, графъ Кочубей во-первыхъ считаетъ графа Толстаго простакомъ, уважаетъ же его единственно по фавѣру у двора; во-вторыхъ

мстительнѣ, и скоро или не скоро не упустишь показать мнѣ злопамятство свое.

— Ну, сказалъ я: русскіе и въ радости, и въ горѣ все равно пьютъ водку, подавай же и ты свою.

Лишь только мы за рюмжу, прибѣгъ курьеръ и зоветъ меня къ графу Толстому.

Я, схватя портфель, побѣжалъ, вижу у крыльца стоитъ карета, въ которой сидитъ графъ Толстой, а на крыльцѣ стоитъ графъ Кочубей съ женою своею, провожаетъ его.

Я въ отворенные каретныя дверцы подаю графу Толстому портфель, а онъ велитъ мнѣ самому въ карету садиться. Я попросилъ курьера сказать моему кучеру, чтобъ одѣ взялъ у г. Новицкаго мою шинель, ѣхалъ бы вслѣдъ за каретою. Поровнявшись съ строеніемъ казармъ на Петербургской сторонѣ графъ Толстой закричалъ: „Стой!“ Вышли изъ кареты и пошли ходить по строеніямъ.

Тутъ-то я началъ говорить графу, зачѣмъ онъ бралъ меня съ собою, и тѣмъ вооружилъ графа Кочубея противъ меня.

Графъ Толстой съ примѣтнымъ неудовольствіемъ спросилъ меня:

— Кому ты служишь, государю, или Кочубею? и чего тебѣ его бояться?

Я отозвался графу: „это вамъ можно только такъ думать и ничего не опасаться, а съ нашимъ братомъ сильный вельможа что захочетъ, то и сдѣлаетъ“—что впоследствии дѣйствительно и случилось.

Приѣхали въ городъ, пообедали и пошли въ кабинетъ. Графъ Толстой приказываетъ мнѣ написать отношеніе къ графу Кочубею съ возвращеніемъ указа, а я отказываюсь отъ того.

Онъ разсердился на ослушность мою; но далѣе, выслушавъ причины, мною ему представленныя, и самъ согласился со мною, взялъ почтовой листъ бумаги и собственноручно написалъ письмо къ графу Кочубею, при которомъ возвратилъ къ нему тотъ указъ, который потомъ гдѣ дѣвался Богъ знаетъ; но только то мнѣ извѣстно, что сей подписной именной высочайшій указъ остался неисполненнымъ.

Послѣ сего какіе исходили по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ на имя с.-петербургскаго военнаго губернатора графа Толстаго именныя указы, оные графъ Кочубей присылалъ къ графу Толстому, а сей подносилъ ихъ къ высочайшему подписанію.

Вѣроятно на то была особенная воля государя въ отвращеніе впредь подобныхъ между ними споровъ.

15) Комитетъ о уравниеніи повинностей положилъ отдать рыбныя ловли на откупъ въ пользу городскихъ доходовъ. Когда потребовали отъ графа Толстаго его по сему предмету мнѣнія, то онъ отвѣчалъ, что рыба принадлежитъ къ числу первой потребности для продовольствія столицы, и что закономъ дано право вольнаго рыболовства, начиная отъ Шлиссельбурга и до Березовыхъ острововъ. А потому онъ

полагаетъ оставить сію часть на прежнемъ основаніи. Съ чѣмъ и государь изволилъ согласиться.

Благотворенія графа Толстаго:

1) Коллежскій ассесоръ Калиновскій, находившійся въ Мануфактуръ-Коллегіи въ числѣ канцелярскихъ чиновниковъ, упраздненіемъ оной лишился службы. Послѣ того долгое время оставаясь безъ мѣста, прожился, занемогъ и отъ того впалъ въ сильную меланхолію, въ которой будучи, зашелъ въ Зимній дворецъ, гдѣ его взяли и представили къ военному губернатору.

Графъ Толстой вошелъ въ бѣдное и болѣзненное сего чиновника состояніе и исходатайствовалъ ему пенсіонъ по триста рублей въ годъ и нужное число денегъ на проѣздъ въ городъ Стародубъ, откуда онъ родомъ; а мнѣ поручилъ снарядить и выпроводить его въ дорогу пріятельскимъ образомъ, что мною въ точности и исполнено.

Вскорѣ г. Калиновскій снова пріѣзжаетъ въ С.-Петербургъ и является къ графу съ просьбою о доставленіи ему по его чину мѣста съ сохраненіемъ пенсіона.

Графъ изъ сего увидѣвъ не нужду, а прихоть сего чиновника, сказалъ ему, что такіа милости дѣлають не иначе, какъ по ходатайству главныхъ начальниковъ, коимъ подобныя чиновники нужны, совѣтовалъ ему возвратиться домой, и тамъ, до присканія благопріятствующаго начальника, заниматься, чѣмъ можно; а иначе (погрозилъ ему) отправленъ будетъ туда съ нарочнымъ полицейскимъ служителемъ, чего г. Калиновскій, испугавшись, поскорѣе убрался во-свои, и болѣе уже въ столицу не возвращался.

2) Графъ приходящимъ къ нему бѣднымъ женщинамъ давалъ въ подаяніе отъ 5 до 25 руб. собственныхъ денегъ, смотря по званіямъ ихъ. Одна изъ сихъ бѣдныхъ женщинъ штабъ-офицерша, заключивъ, что графъ даетъ имъ деньги не свои, а отъ государя, на сей предметъ ему отпущенныя, вошла съ нимъ въ споръ, что онъ мало ей даетъ, жалѣя чужихъ денегъ.

Графъ оскорбился такимъ напраснымъ упрекомъ, и потому, дабы отклонить женщинъ отъ прихода къ нему, приказалъ давать имъ каждой по рублю, и чтобъ онѣ въ полученіи росписывались съ обозначеніемъ, что это деньги его собственныя. Женщины сіи, видя ошибку спорщицы, лишившую ихъ прежнихъ щедротъ графа, мало по малу перестали приходять за опредѣленною имъ графомъ милостинею, потому что иная на пріѣздъ должна была употребить болѣе на извозчика.

3) Графъ Толстой, будучи с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, былъ въ одно и то же время и командиромъ гвардейскаго корпуса. По сему гвардейскіе солдаты иманинники приходили къ нему по утрамъ толпою, а онъ имъ каждому давалъ по рублю серебряному цѣлковому, а унтеръ-офицерамъ по два.

Князь Багратіонъ, старшій въ гвардіи генералъ, представлялъ ему

во-первыхъ, что онъ даетъ солдатамъ имянинныхъ денегъ болѣе государя, ибо отъ государя опредѣлено каждому по рублю мѣдью, и выдаются при выдѣтѣ жалованья; во-вторыхъ, что иные приходятъ къ нему по два и по три раза, то не прибавятъ ли давать имъ ярлыки.

Графъ подумавъ сказалъ: „оставить это по прежнему, дабы солдаты не подумали чего противнаго доброму расположенію его къ нимъ“.

Характеръ графа Толстаго:

1) Жена его ни объ чемъ не просила, потому что онъ ничего по себѣ не дѣлалъ.

2) Когда на раздачу солдатамъ не достало денегъ, то онъ заложилъ въ ломбардъ всѣ жены своей брилліанты съ согласіемъ ея. Зовутъ его съ женою къ князю Бѣлосельскому на балъ, на которомъ будетъ и высочайшая фамилія. Въ вечеру при мнѣ графиня начала говорить графу:

— Какъ же ты далъ слово ѣхать къ князю Бѣлосельскому на балъ. а брилліанты мои въ ломбардѣ? Пошли къ Саблукову, неужели онъ не повѣритъ ихъ намъ на два дня!

Графъ на сіе согласился, послалъ адъютанта, и поутру г. Саблуковъ прислалъ съ ломбардскимъ чиновникомъ оныя брилліанты; но графъ уже перемѣнилъ свои мысли и не принялъ брилліантовъ; а графиня сказала:

— Ты меня ввела было въ шарлатанство: какъ можно украшаться брилліантами, которые заложены и которыхъ мы прежде уплаты занятыхъ денегъ получить не должны.

Графиня: „какъ же мнѣ ѣхать на балъ“?

Графъ: „такъ какъ Богъ далъ, одѣнься просто, никто того не осудитъ, и никто твоего мѣста не займетъ“.

Она безпрекословно исполнила волю его.

3) Однажды при мнѣ комендантъ Башуцкій шепчетъ графу на ухо, что они въ распоряженіяхъ своихъ по фронтовой части сдѣлали ошибку, и какимъ образомъ оную скрыть отъ государя можно.

Графъ громко ему отвѣчаетъ:

— Вы учите меня обмануть государя?

Комендантъ: „это малость“.

Графъ: „когда мы станемъ въ малости обманывать государя, то покусимся и на большее. Я взялся служить моему государю по правдѣ, и ничего дурнаго или предосудительнаго съ намѣреніемъ не сдѣлаю, но какъ человѣкъ, могу ошибиться, въ чемъ всегда предъ государемъ и признаюсь, пускай хоть палкой меня поколотить“.

4) На маневрахъ лошадь ушибла ногу графа и его на телѣгѣ привезли въ Красное село на квартиру, гдѣ и былъ съ бумагами военно-губернаторскими.

Лейбъ-мѣдникъ Вилліе сказалъ, что нужна для примочки французская вода.

Графъ велѣлъ послать во дворецъ къ Броту, а я подалъ свою, которую тотчасъ и употребили.

За сія маневры государь въ числѣ прочихъ и графу пожаловалъ орденъ св. Александра Невскаго.

По утру, когда графъ былъ еще въ постели, фельдъегерь привозитъ большой пакетъ и вручилъ оный графу, думая получить отъ него порядочный подарокъ; но вмѣсто того графъ, распечатавъ пакетъ, и по прочтеніи рескрипта опять запечаталъ и отдалъ оный фельдъегерю, съ тѣмъ, чтобъ онъ везъ назадъ, и что графъ самъ вслѣдъ за нимъ явится.

Одѣлся, одну ногу обулъ въ сапогъ, а другую въ башмакъ, и поѣхалъ.

Государь съ неудовольствіемъ сказалъ графу, что ты не принялъ ордена, думая, что я пожаловалъ тебѣ оный за маневры, а я тебѣ пожаловалъ оный за устройство Преображенскаго полка, котораго графъ былъ шефомъ.

Графъ отвѣчалъ, что онъ еще такъ новъ въ семъ полку, что не успѣлъ его ни разстроить, ни поправить, и что все хорошее и худое относится къ предмѣстнику его графу Татищеву.

По возвращеніи въ городъ графъ занемогъ. На третій день приѣхалъ къ нему цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ; по переговорѣ съ нимъ графъ одѣлся и поѣхалъ во дворецъ.

Возвратясь изъ дворца, показалъ мнѣ богатую съ портретомъ брилліантами осипанную, пожалованную ему табакерку и сказалъ при томъ:

— Какъ можно за маневры давать ордена! Чѣмъ же будутъ награждать за дѣйствительныя военныя дѣла?

Дочь графа Татищева пожалована въ фрейлины вслѣдствіе вышезначающагося отзыва графа Толстаго; за что старикъ графъ Татищевъ, со всѣмъ семействомъ своимъ приѣхалъ благодарить его и сказалъ:

— Другіе все хорошее предмѣстниковъ своихъ выставляютъ дурнымъ, а ты, графъ, противно тому поступаешь.

5) Государь хотѣлъ графа Толстаго во время его военно-губернаторства пожаловать генераломъ отъ инфантеріи. Но графъ отклонилъ сіе пожалованіе, отзываясь, что этотъ чинъ весьма значителенъ, для полученія коего мало одной благосклонности государя и многолѣтняго нахожденія въ чинѣ генераль-лейтенанта, и надобно показать отечеству важныя заслуги.

6) Графъ Толстой, узнавъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей мимо его далъ приказаніе свое оберъ-полиціймейстеру, написалъ къ нему собственноручное письмо съ замѣчаніемъ, что онъ не въ правѣ былъ того дѣлать и проч.

Графъ Кочубей противъ сего извинялся собственноручнымъ же письмомъ, написаннымъ кругомъ цѣлаго почтоваго листа, которое заключилъ, что никто болѣе его не знаетъ того, какъ должно уважать особъ, облеченныхъ монаршею довѣренностію.

7) При отправленіи въ 1805 году графа Толстаго за границу на корабляхъ съ десантнымъ корпусомъ войскъ государь хотѣлъ доплатить долги его, говоря, что другіе, находясь въ службѣ, наживаются, а ты прожился.

Графъ и отъ сей милости отказался, представивъ, что не хочетъ быть примѣромъ для другихъ мотовъ, что его дѣти еще малы и не требуютъ большаго содержанія, и что онъ до тѣхъ поръ служить, пока его состояніе позволяетъ; оставивъ же службу и поживя въ деревнѣ, онъ скоро самъ всѣ долги свои уплатить.

8) По назначеніи графа Толстаго главнокомандующимъ отдѣльнаго десантнаго корпуса были при немъ: дежурнымъ генераломъ генераль-маіоръ Вердеревскій и управляющимъ военною его канцелярію гвардіи капитанъ графъ Михайлъ Семеновичъ Воронцовъ.

Однажды вечеромъ графъ Воронцовъ, окончивъ докладъ свой, пошелъ въ канцелярію, а я началъ докладывать дѣла по своей части. Въ сіе время пришелъ г. Вердеревскій и началъ жаловаться графу Толстому на самовольныя дѣйствія графа Воронцова.

Графъ Толстой, немного подумавъ, сказалъ г. Вердеревскому:

— Сдѣлай мнѣ одолженіе, уступи графу Воронцову и не ссорься съ нимъ. Я предчувствую, что сей молодой человекъ современемъ будетъ значительною особою.

И въ самомъ дѣлѣ такъ случилось: г. Вердеревскій умеръ генераль-лейтенантомъ, а графъ Воронцовъ дослужился генерала отъ инфантеріи, получилъ всѣ ордена и въ званіи генераль-губернатора новороссійскаго и бессарабскаго управлялъ всѣмъ краемъ ¹⁾.

9) Отъ чего графа Толстаго нѣкоторые считаютъ простакомъ? Отъ того, что онъ отъ природы тупъ, и яко знатный баринъ лѣнивъ, не вдругъ обнимаетъ и понимаетъ вещи. Но если примется за дѣло, разбереть его подробно и пойметъ оное, то тогда и писать, и на словахъ можетъ совершенно объяснить то, что къ уваженію и разрѣшенію подлежитъ, и уже послѣ сего никто его не собѣтъ. Любилъ правду, а потому ни для кого и ни за что въ свѣтѣ не былъ пристрастнымъ; къ подчиненнымъ же своимъ милостивъ и щедръ при наградахъ ихъ.

10) По заключеніи въ 1807 году мира въ Тильзитѣ графъ Толстой не принялъ отъ Наполеона ордена Почетнаго Легіона.

Когда Наполеонъ спросилъ его, почему онъ не принялъ ордена его,—то графъ отвѣчалъ, что не заслужилъ.

Наполеонъ: „ну впередъ сойдемся“.

Графъ: „не надѣюсь“.

Послѣ сего Наполеонъ отошелъ отъ него съ неудовольствіемъ.

Это было въ присутствіи государя.

11) Государь, зная, что графа Толстаго ни упрямить, ни подкупить

¹⁾ Потомъ намѣстникъ кавказскій, князь и фельдмаршалъ.

невозможно, послѣ Тильзитскаго мира послалъ его въ Парижъ чрезвычайнымъ полномочнымъ посломъ. И когда назначено свиданіе государя съ Наполеономъ въ 1808 году въ Эрфуртѣ, то Наполеонъ приказалъ не давать графу Толстому ни почтовыхъ, ни вольнонаемныхъ переѣзжныхъ лошадей, безъ которыхъ графъ на своихъ лошадяхъ не скоро прибылъ въ Эрфуртъ, чѣмъ государь недоволенъ былъ.

А графъ, чувствуя свою невинность, оставилъ службу и поѣхалъ къ семейству своему домой, гдѣ жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ своей, Тульской губерніи, а иногда и въ Москвѣ, пока дворянствомъ замосковныхъ губерній въ 1812 году избранъ главнокомандующимъ ополченія ихъ противъ французовъ, съ которымъ онъ и пошелъ за границу.

12) По окончаніи съ французами войны, въ которую графъ Толстой командовалъ замосковныхъ губерній ополченіемъ, и за заслуги его въ сію кампанію, пожалованъ генераломъ отъ инфантеріи, прибылъ онъ въ С.-Петербургъ, а къ нему явился для исполненія долга моего особеннаго къ его сіятельству почтенія.

Графъ принялъ меня благосклонно, и между разговорами сказалъ мнѣ съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія, что всѣ молодые господа, служившіе подъ его начальствомъ офицерами и въ продолженіе войны съ шведами, турками и французами выслужившіеся въ генералы, не забыли его, старика, и посѣтили съ изъявленіемъ ему признательности и почтенія своего. Это имъ дѣлаетъ честь.

Графъ Толстой при отъѣздѣ за границу на корабляхъ моремъ съ десантнымъ корпусомъ, разставаясь съ нами, предложилъ г. Вольмару и мнѣ, чего мы хотимъ? Мы попросили: Вольмаръ аренды, а я чина коллежскаго совѣтника, и намъ ихъ дали.

(Окончѣніе въ слѣдующей книгѣ).

ЦЕРКОВНО-ЗЕМСКІЙ СОБОРЪ 1551 ГОДА.

I.

В ФЕВРАЛѢ 1551 года въ Москвѣ, въ „царскихъ палатахъ“, собрались представители Русской земли и Русской церкви. Соборъ открытъ былъ рѣчью царя Ивана Васильевича. Въ Стоглавѣ замѣчено, что царь говорилъ, „возставъ съ престола своего, свѣтлымъ воззрѣніемъ и веселымъ лицомъ“ ¹⁾. Затѣмъ предложено было собору царское посланіе. Иванъ Васильевичъ писалъ въ немъ о тѣхъ „законопреступленіяхъ“, безурядицахъ и бѣдствіяхъ, которыя пришлось испытать Русской землѣ во время его дѣтства и ранней молодости. Для исправленія зла требовалась усиленная работа. Царь приглашалъ къ этой работѣ всѣхъ членовъ собора: онъ обращается къ митрополиту и „всему освященному собору“, а также къ князьямъ, боярамъ и „воинамъ“ ²⁾. Вмѣстѣ съ посланіемъ собору переданъ былъ списокъ тахъ называемыхъ царскихъ „вопросовъ“, т. е. предположеній и законопроектвъ. Эти законопроекты касались церковныхъ безпорядковъ и „земскихъ нестроеній“.

Какъ велись прѣвнія на соборѣ, какъ выработывались постановленія, объ этомъ мы не имѣемъ свѣдѣній. „Дѣяній“ собора, т. е. протоколы его засѣданій, до насъ не дошли. Въ одномъ изъ царскихъ „вопросовъ“ указана правда одна подробность того обряда, который долженъ былъ наблюдаться при соборныхъ работахъ. „Говорити передъ государемъ и передъ митрополитомъ, и передъ владыки, и передъ всѣми бояры дьяку, какъ было при вел. князѣ Иванѣ Васильевичѣ, при дѣдѣ, и при отцѣ моемъ, при вел. князѣ Василѣ Ивановичѣ, всякіе законы, тако бы и нынѣ устроити... и на чемъ святители и

¹⁾ Стогл., гл. 2.

²⁾ Тамъ же, гл. 3.

царь, и всё приговоримъ и уложимъ, кое бы было о Бозѣ твердо и неподвижно въ вѣки“¹⁾. „Передъ владыки и передъ всѣми бояры“... опять встрѣчаемся съ опредѣленнымъ указаніемъ на свѣтскихъ членовъ собора.

II.

Посланіе царя, предъявленное на соборѣ 1551 года, связываетъ дѣятельность этого новаго собранія церковно-земскихъ представителей съ дѣятельностью предшествовавшихъ соборовъ. Упоминаются соборы 1547 и 1549 г.г. Это — церковные соборы, которые заняты были собираніемъ и разборомъ сказаній о русскихъ святыхъ. Затѣмъ въ посланіи царя приводится указаніе еще на какой-то предшествовавшій соборъ. Узнаемъ, что на этомъ соборѣ состоялось примиреніе царя и земли, что тогда же рѣшено было пересмотрѣть и исправить Судебникъ. „Въ прешедшее лѣто (или: въ преидущее лѣто) былъ есми вамъ челомъ и съ бояры своими (о своемъ согрѣшеніи), и бояре, такожде и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили“. „Тогда же (или: „тогожде лѣта“), продолжаетъ царь, „благословился я у васъ исправить Судебникъ“. Теперь Судебникъ исправленъ, составлена также Уставная грамота. Соборъ долженъ пересмотрѣть и утвердить оба эти документа. Экземпляры Судебника и Уставной грамоты, утвержденныя надписями членовъ собора, должны будутъ храниться „въ казнь“.

На упоминаніи собора „прешедшаго лѣта“ стоитъ нѣсколько оставаться.

Въ посланіи царя, занесенномъ въ Стоглавъ, мы имѣемъ прямое указаніе на то, что Судебникъ утвержденъ или по крайней мѣрѣ долженъ былъ получить утвержденіе въ 1551 году. Между тѣмъ въ началѣ Судебника находится такая дата: „лѣта 7058 (1550) июня царь и в. князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи съ своею братьею и бояры сесь Судебникъ уложилъ“²⁾. Тутъ есть повидимому противорѣчіе. Но это противорѣчіе въ словахъ, а не въ дѣлѣ. Свидѣтельство царскаго посланія въ Стоглавъ ясно и несомнѣнно. Къ открытію собора Судебникъ былъ пересмотрѣнъ и написанъ; соборъ долженъ былъ его утвердить, Изъ даты Судебника мы узнаемъ, когда именно исполнены были работы по пересмотру и исправленію Судебника. Въ іюнѣ 1550 года, т. е. за полгода еще до открытія земско-церковнаго собора 1551 года, царь и бояре „уложили“ Судебникъ, т. е. выработали ту его редакцію, которая предъявлена была потомъ на соборѣ. И такъ Судебникъ царя Ивана Васильевича составленъ въ 1550 году, утвержденъ въ 1551 г.

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г., июль, стр. 54.

²⁾ Акты Ист., т. I, стр. 220.

Относительно соборнаго примиренія царя и земли есть упоминанія не въ одномъ только посланіи, занесенномъ въ Стоглавъ. Объ этомъ примиреніи говорится и въ посланіи Ивана Васильевича къ Курбскому. „Потомъ же собрахомъ вся архіепископы и весь священническій соборъ Русскія митрополіи, и еже убо въ юности нашей еже намъ содѣянная, на васъ, бояръ нашихъ, наши опалы, та же и отъ васъ, бояръ нашихъ, еже намъ сопротивное и проступки, сами убо предъ отцемъ своимъ и богомольцемъ, предъ Макаріемъ, митрополитомъ всеа Русіи, во всемъ томъ соборне простихомся, васъ же, бояръ нашихъ, и всѣхъ людей своихъ въ проступкахъ пожаловаль и впредъ того не воспоминаѣти“¹⁾. Въ одномъ изъ списковъ Степенной книги приведена рѣчь царя Ивана Васильевича къ митрополиту и народу, сказанная на Лобномъ мѣстѣ. „Повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякаго чина, и въ день недѣльный изыде со кресты на Лобное мѣсто и совершивъ молебная, нача рѣчь говорити къ митрополиту: „Молю тя, св. владыко, да будеши помощникъ намъ и любви поборникъ“ и т. д. „И всѣмъ поклонися на всѣ страны и глагола: „Людіе Божіи и намъ дарованіи Богомъ! Нынѣ вашихъ обидъ и раззореній и налогъ исправити невозможно замедленія ради юности моея“²⁾ и проч. Это свидѣтельство Степенной книги о собраніи народа на Лобномъ мѣстѣ и о рѣчи царя справедливо сопоставляютъ съ тѣми указаніями на соборное примиреніе, которыя приводятся въ посланіяхъ Ивана Васильевича къ собору 1551 года и къ князю Курбскому. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ хронологическимъ затрудненіемъ, подобнымъ тому, которое представилось намъ при сличеніи даты Судебника съ показаніемъ Стоглава. Соборъ на Лобномъ мѣстѣ относятъ обыкновенно къ 1550 году. Основаніемъ служить при этомъ замѣтка, помѣщенная въ Степенной книгѣ передъ упомянутой выше рѣчью царя: „егда же государь царь и великій князь Иванъ Васильевичъ бысть в возрастѣ 20 году, виде государство свое в велицѣи тузѣ и печали отъ насилія сильныхъ и отъ неправдъ, умысли смирити всѣхъ въ любовь... повелѣ собрати свое государство изъ городовъ всякаго чину“³⁾. И такъ, Иванъ говорилъ рѣчь на Лобномъ мѣстѣ въ то время, когда ему шелъ 20-й годъ. Иванъ родился въ 1530 (7038) году, августа 25; слѣдовательно двадцатый годъ его жизни обнимаетъ время отъ 25 августа 1549 г. по 24 августа 1550 г. Это показаніе хорошо совпадаетъ со свидѣтельствомъ царскаго посланія, помѣщеннаго въ Стоглавъ: „въ прошедшее лѣто билъ есми вамъ челомъ...“ „Прошедшее лѣто“—это 7058 годъ, т. е. время отъ 1 сентября 1549 года по 31 августа 1550 года,—время, когда Иванъ

¹⁾ Сказан. Курбскаго. изд. 3, стр. 163.

²⁾ Карамзинъ, И. Г. Р., VIII, прим. 182. Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. II, № 37, стр. 45.

³⁾ Собр. г. гр. и дог., II, стр. 45.

Васильевичъ „бысть въ возрастѣ 20 году“¹⁾. Но нельзя ли ближе опредѣлить, къ какой именно порѣ 7058 года долженъ быть отнесенъ соборъ примиренія, т. е. къ мѣсяцамъ ли (январь — августъ), отвѣчающимъ 1550 году (какъ обыкновенно признается), или же къ мѣсяцамъ, соответствующимъ 1549 году (сентябрь — декабрь)? Припомнимъ прежде всего, что дата Судебника обязываетъ утверждать, что соборъ примиренія состоялся ранѣе іюня 1550 года. Остается такимъ образомъ время отъ 1 сентября 49 г. по май 50 г. Вычтемъ отсюда время, нужное для предварительныхъ работъ по исправленію Судебника. Допустимъ, что эти работы заняли весну 1550 года. Отдвигается сообразно съ этимъ и время созванія собора. Затѣмъ: въ лѣтописи находимъ извѣстіе, что отъ 24 ноября 1549 г. до 23 марта 1550 года царя не было въ Москвѣ: онъ былъ въ это время въ по-

¹⁾ Карамзинъ не находилъ возможнымъ принять показаніе Степенной книги. Онъ замѣчаетъ: „въ сей Степенной книгѣ (въ которой сохранился рѣчь царя на Лобномъ мѣстѣ) сказано, что Іоанну было тогда 20 лѣтъ: не 20, а 17, если онъ говорилъ эту рѣчь скоро послѣ бывшаго пожара (И. Г. Р. VIII, примѣч. 182). Выказывается такимъ образомъ предположеніе, что соборъ примиренія могъ быть въ 1547 или 1548 г., не позже. Въ посланіи царя, предъявленномъ на Стоглавомъ соборѣ, можно найти нѣкоторое кажущееся подтвержденіе этого предположенія. Дѣло въ томъ, что кромѣ приведеннаго уже выше мѣста („Въ прошедшее лѣто билъ еси вамъ челомъ и съ боляры своими... Да благословилися еси и васъ того же лѣта: Судебникъ и исправити“), въ посланіи царя къ собору читается еще слѣдующее: „Посла на ны Господь тяжкія и великія пожары, и тѣми вся злая наша собравшія потреби и прародительское благословеніе огонь поиде... И отъ сего убо вниде страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости моя, и смирился духъ мой, и умалился, и познахъ моя согрѣшенія. И прибѣгохъ ко святой соборѣй апостольскѣй церкви... и ко твоему первосвятительству и всѣмъ, иже съ тобою, святителемъ... и Божья великія ради милости получилъхъ отъ васъ миръ и благословеніе, прощеніе о всемъ, еже содѣяхъ, злѣ; тогда же убо и азъ всѣмъ своимъ княземъ и боляромъ по вашему благословенію, а по ихъ обѣщанію на благовореніе подахъ прощеніе въ ихъ къ себѣ прегрѣшеніяхъ“ (Стогл., лонд. изд., стр. 10). Нельзя не видѣть, что два приведенныя мѣста царскаго посланія говорятъ объ одномъ и томъ же событіи. Но въ первомъ изъ нихъ соборъ примиренія относится къ „прошедшему лѣту“, во второмъ — соборъ этотъ ставится въ связь съ большими московскими пожарами 1547 года. Тутъ, въ этихъ двухъ отрывкахъ царскаго посланія, нѣтъ, мнѣ кажется, противорѣчій, есть только разница въ опредѣленности. Изъ втораго отрывка мы узнаемъ только, что соборъ примиренія былъ послѣ большихъ московскихъ пожаровъ 1547 г.; сколько времени прошло между пожарами и соборомъ, не указывается. Выраженіе: „отъ сего убо вниде страхъ въ душу мою... и прибѣгохъ ко святей... церкви“ не обязываетъ предполагать, что соборъ примиренія состоялся очень скоро послѣ пожаровъ. Что же касается перваго отрывка изъ царскаго посланія („Въ прошедшее лѣто“ и т. д.), то важно обратить вниманіе на то, что онъ помѣщенъ послѣ упоминаній о соборахъ 1547 и 1549 г. Тутъ замѣчается нѣкоторая послѣдовательность: „въ седьмое-на-десять лѣто возраста“ Ивана—соборъ 1547 года; „въ девятое-на-десять лѣто“ — соборъ 1549 г.; наконецъ „въ прошедшее лѣто“ (въ Степ. книгѣ: „егда... бысть въ возрастѣ 20 году“) — соборъ примиренія. При этомъ нужно однако замѣтить, что въ нѣкоторыхъ спискахъ Стоглава передъ словами: „въ прошедшее лѣто билъ еси вамъ челомъ“ и т. д. находится особое заглавіе: „царь глаголетъ къ собору“ (Стоглавъ, изд. Кожанчикова, стр. 38).

ходѣ на Казань ¹⁾. Нужно такимъ образомъ допустить, что соборъ примиренія состоялъ въ самомъ началѣ 7058 года, т. е. въ продолженіе времени отъ 1 сентября по 23 ноября 1549 года. Замѣтимъ, что къ этому же времени относится уговоръ о мѣстничествѣ. „Нарежался есми х Казани со всѣмъ христоролюбивымъ воинствомъ и положилъ есми совѣтъ своими боляры... о мѣстѣхъ въ воеводахъ и въ всякихъ послѣгахъ въ всякомъ разрядѣ не мѣстничатися, кого с кѣмъ куды ни пошлютъ, чтобы воинскому дѣлу въ томъ поруки не было, и всѣмъ бояромъ тотъ былъ приговоръ любъ“²⁾. Приговоръ о мѣстничествѣ былъ только одною изъ подробностей того общаго земскаго примиренія, о которомъ говорится въ посланіи царя къ Стоглавому собору. Надо только прибавить, что примиреніе, выразившееся въ уговорѣ о мѣстничествѣ, было непрочно. Во время похода начались въ войскѣ счеты мѣстами, неудовольствія, вражда. Чтобы устранить начавшуюся разладицу, прибылъ къ войску (во Владимірь) митрополитъ Макарій. Онъ говорилъ рѣчи: „вы бы служили, сколько вамъ Богъ поможетъ, а розни бы и мѣсть никакоже межъ вами не было, но свяжитесь любовію нелицемѣрною противу враговъ стати мужественно“²⁾ и т. д. Воеводы выслушали рѣчь митрополита, но любовію нелицемѣрною не связались. „Какъ пріѣхали х Казани, рассказываетъ царь Иванъ Васильевичъ, и съ кѣмъ кого ни пошлютъ на которое дѣло, ино всякой размѣстничается на всякой посылкѣ и на всякомъ дѣлѣ, и въ томъ у насъ вездѣ бываетъ дѣло не крѣпко; и отселе куды кого с кѣмъ посылаю безъ мѣсть по тому приговору, никако безъ кручины и безъ вражды промежъ себя некоторое дѣло не минетъ, и въ тѣхъ мѣстѣхъ всякому дѣлу помѣшка бываетъ“. Такъ писалъ царь Иванъ Васильевичъ въ одномъ изъ своихъ „вопросовъ“ Стоглавому собору. „О семъ посовѣтуйте, продолжаетъ царь, всѣ крупѣ и уложите, какъ впередъ тому дѣлу быть безъ вражды и безъ кручины и полюбовно, чтобы воинскому дѣлѣ въ томъ нѣкоторые споны не было, а мнѣ бы о томъ кручины не было“³⁾.

III.

Когда Иванъ Васильевичъ говоритъ о всенародномъ прощеніи и примиреніи, когда онъ упоминаетъ объ исправленіи Судебника, онъ обращается къ митрополиту и всему освященному собору. У этого собора благословился онъ исправить Судебникъ, ему онъ билъ челомъ о своихъ согрѣшеніяхъ. Церковный соборъ заслоняетъ земское дѣло. Только изъ другихъ источниковъ узнаемъ мы, что челобитьемъ передъ

¹⁾ Никон. лѣт., VII, 67 и 70.

²⁾ Тамъ же, VII, стр. 68.

³⁾ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876, июль, стр. 54—55.

освященнымъ соборомъ дѣло не ограничилось: было народное собраніе, передъ этимъ собраніемъ царь держалъ рѣчь.

Нѣчто подобное приходится замѣтить и относительно собора 1551 г. Стоглавъ—памятникъ церковнаго законодательства. Онъ лишь кое-гдѣ сохранилъ указанія на то, что на соборѣ 1551 года должны были разбираться и „земскія нестроенія“, что членами собора были не одни только духовныя лица. Только невошедшіе въ Стоглавъ царскіе вопросы, которые сохранились въ одной рукописи XVI вѣка ¹⁾, даютъ намъ съ ясностью видѣть, что такое былъ Стоглавый соборъ, о чемъ предлагалось ему разсуждать. Убѣждаемся, что соборъ 1551 года не былъ только церковнымъ соборомъ. Сопоставляемъ это наблюдение съ тѣми извѣстіями о соборѣ примиренія, которыя приведены были выше. Видимъ, какъ о бокъ съ церковнымъ соборомъ создается новое учрежденіе; видимъ, какъ въ исторіи Московскаго государства появляется новый дѣятель. Это новое учрежденіе—земскій соборъ, этотъ новый дѣятель—народное представительство.

Правленіе бояръ во время малолѣтства Ивана IV, — правленіе безтолковое и удовлетворявшее только корыстолюбію правителей,—произвело общую государственную разладицу. Чтобы уничтожить эту разладицу, нельзя было придумать инаго средства, какъ только обратиться къ собранію представителей земли. Церковныя неурядицы разбирались и исправлялись соборами церковными. Нестроенія государственныя долженъ былъ исправить соборъ народныхъ представителей. Такова была ближайшая причина появленія земскихъ соборовъ въ началѣ царствованія Ивана IV ²⁾. Въ 1549 году состоялся соборъ примиренія; въ 1551 году созванъ былъ соборъ, который долженъ былъ стать соборомъ земскаго устроенія.

IV.

Земскій соборъ появляется въ Московскомъ государствѣ какъ будто незамѣтно. Учрежденіе это выростаетъ на одномъ стволу съ соборомъ церковнымъ. Нетрудно объяснить причины такого явленія. Церковный соборъ—учрежденіе древнее, усвоенное Русью вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Исторія Русской церкви указываетъ цѣлый рядъ соборовъ въ Кіевѣ, Владимірѣ, Москвѣ. Извѣстно, что церковнымъ соборамъ приходилось иногда разсуждать и о вопросахъ государственныхъ. Еще Владиміръ совѣтовался съ епископами о казни разбойниковъ. Обстоятельства Московской государственной исторіи съ особенной си-

¹⁾ Вопросы эти напечатаны въ статьѣ: „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора“. См. предшеств. примѣч.

²⁾ О Земскихъ сборахъ вообще, см. статью проф. Сергіевича въ „Сборн. Госуд. Знаній“, т. 2.

лой выдвинули дѣятельность церковныхъ соборовъ, вывели ихъ далеко за предѣлы чисто-религіозныхъ интересовъ. Соборы духовенства получаютъ важное государственное значеніе. При этомъ слѣдуетъ особенно припомнить соборъ 1503 года.

Соборъ 1503 года разсуждалъ о монастырскихъ земляхъ. Вопросъ о духовныхъ вотчинахъ въ объединившейся Руси возбудился съ значительной силой. Выступили съ одной стороны противники монастырскаго землевладѣнія, съ другой—горячіе защитники его ¹⁾. Партизаны той и другой стороны ведутъ между собой оживленную, страстную полемику. Говорятъ о приличіи или неприличіи монахамъ владѣть землями, ссылаются на церковные каноны, на святыхъ отцовъ. Но за разсужденіями такого рода скрываются инныя побужденія, инныя цѣли. Въ вопросѣ о монастырскихъ вотчинахъ замѣшанъ былъ важный государственный интересъ.

Кн. Курбскій говорилъ, что отдача многихъ земель въ монастыри „воинскій чинъ каликъ худши учинила“ ²⁾. Воинскій чинъ—это, говоря иначе, служилые люди, служилое сословіе. Разросшееся Московское государство стало лицомъ къ лицу съ многочисленными и сильными противниками: Казань, Крымъ, Польша. Приходилось быть постоянно на-готовѣ, нужно было зорко оберегать государственную границу, обширную и плохо защищенную, открытую для набѣговъ безпоясанныхъ сосѣдей. Москвѣ нуженъ былъ многочисленный и хорошо устроенный „воинскій чинъ“. Но чтобы содержать служилыхъ людей, чтобы обезпечить ихъ и заставить хорошо служить, нужно было имѣть въ запасѣ значительное число земельныхъ участковъ, годныхъ для раздачи служилымъ людямъ, для устройства помѣстій. Государству нужна была земля, которая бы „изъ службы не выходила“. Таковой земли было мало, но крайней мѣрѣ не достаточно для нуждъ государства. Московское государство разрослось сильно и быстро. Разростался при этомъ и его „воинскій чинъ“. Служилые люди удѣльныхъ князей охотно переходили на службу къ сильному московскому князю. Сами удѣльные князья теряли мало по малу свою самостоятельность, становились слугами московскаго князя. Но теряя свою самостоятельность, князья удѣльные и ихъ потомки не лишались правъ на свои земли, какъ вотчинные владѣльцы. Тутъ таился источникъ затрудненій для Московскаго государства. Въ его предѣлахъ была масса вотчинъ монастырскихъ, масса же вотчинъ княжескихъ. Оказывалось несоотвѣтствіе между потребностью государства въ полезныхъ служилыхъ людяхъ и количествомъ находившейся въ его распоряженіи свободной земли, удобной для помѣстныхъ надѣловъ. Чтобы увеличить количество служилой земли,

¹⁾ Весь ходъ этой борьбы по вопросу о монастырскихъ вотчинахъ обстоятельно изложенъ въ соч. проф. Павлова: «Историч. очеркъ секуляризаціи церк. земель въ Россіи». Одесса, 1871.

²⁾ Опис. рукоп. Румянц. муз., стр. 244.

не представлялось иного средства кромѣ уменьшенія вотчинъ. Но какія именно вотчины должны быть уменьшены, кто долженъ будетъ поступиться своими правами въ пользу государства?

Прежде всего заходить рѣчь о вотчинахъ монастырскихъ. Для свѣтскихъ вотчинниковъ было бы истиннымъ счастьемъ, если бы вопросъ о земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ, разрѣшился въ благопріятномъ для государственныхъ потребностей смыслѣ, если бы секуляризиція этихъ земель совершена была въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ. Но этого не случилось. Монахи, эти „презлые іосифляне“, сьумѣли зацитить свое добро. Они ловко и смѣло связали свои интересы съ интересами московской государственной власти. Іосифъ Санинъ вступаетъ въ открытую ссору съ новгородскимъ архіепископомъ, къ округу котораго принадлежалъ Волоцкій монастырь. Іосифъ не хочетъ знать Новгорода, онъ знаетъ только Москву. Передъ смертью волоцкій игумень отдаетъ свой монастырь подъ защиту „державнаго“¹⁾. Митрополитъ Данииль, іосифлянинъ, не задумывается развести Василья Ивановича съ нелюбимой женой, вѣнчаетъ его съ Еленой. Припомнимъ еще дѣло Василья Шемячича. Этотъ несчастный сѣверскій князь позванъ былъ въ Москву (1523 г.); ему присланы были при этомъ „опасныя „грамоты отъ князя и митрополита. Шемячичъ прибылъ въ Москву. Его схватили и бросили въ тюрьму. „Митрополитъ позабылъ, говорилъ бояринъ Берсень-Беклемишевъ, что самъ писалъ къ Шемячичу грамоту и приложилъ къ ней свою руку и печать и взялъ его на образъ Пречистыя и чудотворцевъ да на свою душу“²⁾. Отобраніе монастырскихъ земель измѣнило бы конечно отношеніе монаховъ къ Москвѣ, оно лишило бы московскихъ государей такихъ добрыхъ и рѣшительныхъ союзниковъ, какими обазались іосифляне. Такимъ образомъ очередь удовлетворенія потребности государства въ служилой землѣ переходила на вотчины свѣтскихъ владѣльцевъ. При Иванѣ IV принимаются нѣкоторыя мѣры къ ограниченію вотчинныхъ правъ князей³⁾. За знаме-

¹⁾ Хрущовъ, Исслѣд. о соч. Іосифа Санина, стр. 203 слѣд., 252.

²⁾ Макарій, И. Р. Ц. VI, стр. 171.

³⁾ Въ указѣ 1562 (7070) г. читаемъ: „которыя вотчины за князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Суздальскими, за Тверскими, за Оболенскими, за Бѣлозерскими, за Воротянскими, за Мосальскими, за Трубецкими, за Одоевскими и за иными служилыми князьими вотчины старинныя, и тѣмъ княземъ вотчинъ своихъ не продавати, и не мѣнати, и за дочерьми своими и за сестрами въ приданое не давати, а котораго князя бездѣтна не станеть, и тѣ вотчинны имати на государя. А которой князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной своей сестрѣ, и душу свою напишетъ съ тое вотчинны стронти, и тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданна не давати, а отдавати въ приданна и душу тѣхъ вотчичевъ поминати изъ животовъ ихъ; а у котораго князя живота его, въ приданое что за дочерью или за сестрою его дати и чѣмъ душа поминати, столю не будетъ, и государь разсудя по вотчинѣ, что кому дати пригоже, велитъ дати изъ своея казны, а тѣ вотчинны велитъ государь имати на себя“.... Далѣе о долгахъ: „а на которомъ князѣ останется долгъ великъ, а будетъ того вотчину велитъ государь взять на себя, и государь,

вѣтными „казнями“ Ивана также часто скрывалось стремленіе къ увеличенію государственныхъ земель. Курбскій замѣчаетъ на примѣръ: „внѣжати Прозоровскихъ и Ушатыхъ погубилъ всеродне, понеже имѣли отчины великія: мною, негли изъ того ихъ погубилъ“ ¹⁾. „Казнь“ лица сопровождалась конфискаціей его имѣнія. При этомъ кстати будетъ упомянуть о синодикахъ царя Ивана. Слѣдуетъ думать, что синодики эти,—если не вполне, то значительной частью своей,—стоятъ въ связи съ конфискаціями княжескихъ и боярскихъ вотчинъ. Синодики являются памятниками нѣкоторыхъ юридическихъ отношеній. Дѣло въ томъ, что въ старой Руси было правило, по которому тотъ, кому доставалась вотчина или имущество другаго, принималъ на себя обязанность „строить душу“ прежняго владѣльца и его родственниковъ. Это—нѣчто похожее на переводъ долга. Долговъ этого рода, при множествѣ отобранныхъ вотчинъ, много накопилось на царѣ Иванѣ ²⁾. Отказаніе отъ обязанности „строить душу“ опальныхъ и казенныхъ онъ не могъ, да едвали и желалъ: исполненіе священной обязанности по отношенію къ имуществу другаго давало видъ, что новый владѣлецъ пользуется имуществомъ правильно, что отчужденіе этого имущества отъ прежняго владѣльца совершенно законно, съ соблюденіемъ утвержденныхъ общепризнанныхъ обычаемъ требованій. Вотчинникъ, обвиненный въ чемъ нибудь, не могъ оставаться фактическимъ владѣльцемъ своего имѣнія, онъ лишался своихъ земель, но при этомъ ему, его душѣ, обезпечивалась нѣкоторая посмертная рента, церковное поминаніе ³⁾. Что записыванье въ синодики считалось вообще нѣкотораго рода платой, это всего лучше подтверждается однимъ извѣстіемъ Московской лѣтописи. Въ 1541 (7049) году, передъ ожидавшимся нападениемъ крымскаго хана, послана была отъ имени Ивана Васильевича грамота къ войску, собравшемуся на берегахъ Оки. Въ этой грамотѣ читалось: „и выѣ за святыхъ церкви и за хрестіанство вѣрѣно пострадали, съ царемъ дѣло дѣлали, сколько вамъ Богъ поможетъ; а азъ не токмо васъ радъ жаловати, но и дѣтей вашихъ; а котораго васъ Господь Богъ возьметъ, и азъ велю того въ книги животныя написати,

разсуда по вотчинѣ и по долгу, за ту вотчину велить долгъ платить изъ своей казни“... (Акты Историч. т. I, № 154, XVIII, стр. 268—269).

¹⁾ Сказан. Курбск. изд. 3, стр. 85.

²⁾ Ср. предш. примѣч.

³⁾ Въ спискахъ Ивановыхъ синодиковъ надъ многими именами приписаны сверху поясненія, въ которыхъ указывается то фамилія, то званіе покойника. Поясненія эти подали поводъ издателю синодиковъ (Сказан. Курбск., изд. 3, стр. 372) сдѣлать такое замѣчаніе: „сіи поясненія, по всѣмъ признакамъ, писаны также по приказанію Іоанна: вѣроятно, угрызаемый совѣстью, при воспоминаніи многочисленныхъ жертвъ своихъ, онъ думалъ, что одни имена ихъ будутъ недостаточны къ умилостивленію Судіи Всевышняго (!)“ Но между этими поясненіями попадаются такія: „Марія“, сверху приписано: „ведунъ-баба“ (стр. 382). Уже и это замѣчаніе понадобилось для лучшаго умилостивленія Судіи Всевышняго?... Появленіе пояснительныхъ замѣтокъ въ Ивановыхъ синодикахъ должно конечно имѣть другое объясненіе. Ср. слѣдующее примѣч.

а жены и дѣти жаловати“¹⁾). Записыванье имени умершаго въ синодикѣ ставится рядомъ съ обезпеченіемъ его жены и дѣтей. Прибавимъ, что приведенное мѣсто изъ грамоты 1541 года представляетъ древнѣйшее свидѣтельство о синодикахъ царя Ивана Васильевича²⁾).

V.

Дѣятельность собора 1551 года, какъ собора церковно-земскаго, должна была отвѣчать этому двойственному его характеру. Членамъ собора 51 года приходилось работать въ области и церковнаго и земскаго законодательства. Что касается перваго, т. е. церковнаго законодательства, то дѣятельность собора по отношенію къ нему достаточно ясна и опредѣлена. Памятникомъ церковно-законодательныхъ работъ собора остался Стоглавъ, который по составу своему представляетъ ничто иное, какъ извлеченіе изъ соборныхъ дѣяній, — извлеченіе, послужившее основой для ряда грамотъ и наказовъ, изданныхъ потомъ отъ имени царя и митрополита. Менѣе извѣстна, или вѣрнѣе — совсѣмъ почти не извѣстна земско-законодательная дѣятельность собора 1551 года. Для изученія этой дѣятельности мы не имѣемъ памятника, подобнаго Стоглаву, въ которомъ были бы изложены соборные „отвѣты“. По дошедшимъ до насъ царскимъ вопросамъ мы можемъ, правда, судить о томъ, на что именно, на какия земскія нужды приходилось собору обратить вниманіе. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ важнѣйшимъ государственнымъ вопросомъ того времени, — съ вопросомъ объ устройствѣ служилаго сословія, о лучшемъ распредѣленіи служилой земли. Царь обращалъ вниманіе собора на неравномѣрное и неправильное

¹⁾ Никон. лѣтоп., VII, стр. 25.

²⁾ Ср. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. Росс. 1868 г., кн. I, отд. V, 1—8. Здѣсь помѣщены свидѣнія о синодикѣ 1552 года. Узнаемъ, что составлялись списки лицъ, получавшихъ право на казенное поминанье. При этомъ не всегда успѣвали узнавать имена всѣхъ умершихъ: „а которые въ семь сенникѣ не имени писаны, прозвища, или въ которомъ мѣстѣ писано 10 или 20 или 50, ино бы тѣхъ поминали: „Ты, Господи, самъ вѣси имена ихъ“. Вотъ эти-то „прозвища“ и послужили первымъ основаніемъ для поясненій, приписанныхъ въ синодикахъ надъ именами покойниковъ. Быть можетъ, списки умершихъ разсылались черезъ извѣстное время по монастырямъ и монахи сами уже должны были составлять на основаніи этихъ списковъ дополненія къ царскимъ синодикамъ. Въ старинныхъ синодикахъ покойники распредѣлялись обыкновенно по родамъ: родъ Языкова, родъ Устинова и т. под. (Буслаевъ, очерки, I, 623 слѣд.). Въ спискахъ умершихъ, поминанье которыхъ принималось на счетъ государевой казны, могъ наблюдаться подобный же порядокъ. Но въ монастыряхъ, при разновременномъ и разнообразномъ пополненіи царскихъ синодиковъ, сохранить порядокъ родовъ было трудно, да и не было нужно (потому что, не смотря на разницу родовъ, плата за всѣхъ покойниковъ шла изъ одного и того же источника). Имена записывались подъ рядъ, а прозвища любознательный переписчикъ могъ приписывать сверху, какъ поясненія, замѣтки для памяти. При этомъ нельзя впрочемъ устранить и того предположенія, что во многихъ случаяхъ приписки сверху могли быть сдѣланы просто по догадкѣ или по слуху. Вспомнимъ опять приписку: „ведунъ-баба“.

распределение вотчинъ, помѣстій и кормленій. Онъ спрашивалъ: „и о томъ, что приговорити и недостанныхъ какъ пожаловати?“—„А у которыхъ отцовъ было помѣстья на сто четвертей, ино за дѣтьми нынѣ втрое, а ино и голоденъ..... и то бы приговоръ, да поверстати по достоинству безгрѣшно, а у кого лишекъ, ино недостаточно пожаловати“.

Предлагалось затѣмъ устроить „вотчинныя книги“, чтобы „вѣдомо было, за кѣмъ сколько прибудетъ и убудетъ, и по вотчинѣ и служба знать“; говорилось о межеваніи земель, объ обезпеченіи вдовыхъ боярынь и т. под.

Что сдѣлалъ соборъ по всѣмъ этимъ пунктамъ царскихъ предложеній? Проявилась ли хоть въ чемъ нибудь его земско-устроительная дѣятельность? Было бы слишкомъ смѣло сказать, что соборъ 1551 г. не сдѣлалъ въ этомъ направленіи ничего. Подъ 1556 годомъ въ лѣтописи замѣчено: „государь имъ (служилымъ людямъ) уравненіе творяше въ помѣстьяхъ землемѣремъ: комуждо что достойно, такъ устроиша, преизлиши же раздѣлиша неимущимъ. А съ вотчинъ и съ помѣстья уложившую службу учиниша: со 100 четвертей добрыя угодіе земли человекъ на конѣ и въ доспѣсѣ въ полномъ, а въ дальней походѣ— о дву конь“¹⁾.

Быть можетъ постановленіе это, отвѣчающее на одинъ изъ вопросовъ, предложенныхъ на соборѣ 1551 года, сдѣлано было согласно съ недошедшимъ до насъ рѣшеніемъ собора,—сдѣлано было послѣ того, какъ окончено было межеваніе земель, начатое въ 1551 году. („Да приговорилъ есми писцовъ послати во всю свою землю“, говорится въ одномъ изъ царскихъ „вопросовъ“).—Замѣтимъ, что и постановленія Стоглава тоже не сразу приводились въ силу. (Каргопольскій наказъ 1553 года).—Въ указѣ 1558 года находимъ указаніе на вотчинныя книги. Это указаніе опять стоитъ въ связи съ однимъ изъ вопросовъ 1551 года: „а у кого вотчины, ино вотчинныя книги устроить“ и т. д.

Такимъ образомъ нѣкоторые слѣды земско-законодательной дѣятельности собора 1551 года могутъ быть находимы или по крайней мѣрѣ угадываемы. Нужно только сознаться, что слѣдовъ этихъ мало, да и тѣ, которые отыскиваются, довольно неопредѣленны. Нельзя поэтому предполагать, что земская дѣятельность собора 1551 года была вполне успѣшна. Доказать, что соборъ 1551 года сдѣлалъ опредѣленныя постановленія по всѣмъ тѣмъ вопросамъ касательно земскаго устройства, которые предлагались его вниманію, едва ли возможно.

VI.

Чѣмъ объяснить малоуспѣшность собора 1551 года по вопросамъ земскаго устройства? Отвѣчать на это можно только предположеніями.

¹⁾ Никон. лѣт., VII, стр. 261.

Немаловажное конечно значеніе имѣло при этомъ то разнообразное противодѣйствіе, то сильное недоброжелательство, съ которымъ многіе должны были отнестись къ предложеннымъ собору вопросамъ. Вопросы эти затрогивали слишкомъ много разнообразныхъ интересовъ: говорилось о земляхъ, незаконно захваченныхъ и потому подлежащихъ отобранію, объ отгнѣнъ мѣта, о неправильно возобновленныхъ слободахъ и т. под. Нужно догадываться, что всѣ такія предположенія вызвали во время соборныхъ засѣданій упорную и оживленную борьбу. Но на одну эту борьбу едва ли было бы справедливо сваливать всю вину того малаго успѣха, каковой имѣла дѣятельность собора 1551 года. Значительнѣйшая доля вины падаетъ тутъ на очевидное несовершенство въ самой организаціи собора. Соборъ 1551 года былъ прежде всего соборомъ церковнымъ; земскій отдѣлъ его являлся какимъ-то придаткомъ, недостаточно опредѣленнымъ и потому безсильнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть основаніе утверждать, что дѣятельность свѣтскихъ членовъ собора, представителей земства, не получила на соборѣ 1551 года достаточно простора и самостоятельности, какъ бы то слѣдовало для пользы дѣла.

На соборѣ 1551 года мы видимъ многочисленныхъ представителей церковной іерархіи: митрополита, архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ. Они образовали на соборѣ самостоятельную группу, тѣсно сплоченную единствомъ положенія, единствомъ интересовъ. За этой группой — авторитетъ священнаго сана, авторитетъ въ которой самостоятельной власти; за этой группой вѣковая традиція: „освященный соборъ“ издавна привыкъ собираться, принимать участіе въ дѣлахъ управленія и законодательства. Этого мало. Смѣшанность вопросовъ, предложенныхъ на разсмотрѣніе собора, выдвинула съ особенной силой дѣятельность духовныхъ членовъ, придавала этой группѣ преобладающее значеніе. Дѣло въ томъ, что на разсмотрѣніе собора предложено было множество вопросовъ чисто-церковнаго свойства: объ управленіи духовенства, объ обрядахъ. Вопросы эти вполнѣ конечно принадлежали одному только „освященному собору“. Дѣятельность земскаго отдѣла тутъ не могла имѣть мѣста. Слѣдуютъ затѣмъ вопросы другого рода, вопросы, касавшіеся государственныхъ нуждъ. Что же дѣлаетъ соборъ? Отдѣляетъ ли онъ способъ разработки первыхъ вопросовъ, церковныхъ, отъ способа разработки вопросовъ другого рода, вопросовъ земскаго устроенія? Какъ посмотрѣли духовные члены собора на эти послѣдніе вопросы? Какъ сознавали они цѣль и задачу того собранія, въ которомъ принимали участіе? Въмѣсто отвѣта на эти вопросы приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Стоглава. Собору предлагается вопросъ о скоморохахъ, которые ходятъ большими ватагами, изъ клѣтѣй животы грабятъ и по дорогамъ людей разбиваютъ. Рѣчь идетъ объ одномъ изъ земскихъ нестроеній. Соборъ дѣлаетъ такое постановленіе: „благочестивому царю свою царскую заповѣдь учинити, яко самъ вѣсть, чтобъ отъ нихъ впредь такое насильство и безчиніе

не было никогда“¹⁾. — Предлагается затѣмъ вопросъ о дѣтяхъ боярскихъ, которыя зернью играютъ, пропиваются и службы не служатъ, крадутъ и разбиваютъ и души губятъ. Соборъ опять отвѣчаетъ: „благочестивому царю въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градомъ свою царскую заповѣдь учинити“ и т. д.²⁾ Едва ли можно сказать, что члены собора, дававшіе такія постановленія, сознавали себя членами не церковнаго только, но и земскаго собора. Все, что касается дѣлъ земскихъ, они, какъ представители церкви, предоставляютъ полной волѣ царя: вотъ и все. Возможно ли, спрашивается, предположить, чтобы могла имѣть мѣсто эта формула соборнаго отвѣта: „благочестивому царю свою заповѣдь учинити, яко самъ вѣсть“, еслибы вмѣстѣ съ дѣятельностью церковнаго собора, рядомъ съ ней, правильно и свободно развивалась дѣятельность представителей земства? Вѣдь имъ-то, т. е. членамъ собора, какъ представителямъ земли,—имъ-то и предлагалось сдѣлать постановленія, касающіяся разнаго рода земскихъ нестроений. Умѣстна ли тутъ была формула: „яко самъ вѣсть“? Еще примѣръ. Собору предъявляется вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ. Соборъ рѣшаетъ: „тѣхъ всѣхъ плѣнныхъ откупати изъ царевы казны..... и изъ царевы казны сколько годомъ того плѣннаго окупа разойдется, и то раскинуть на сохи по всей земли, чей кто ни буди, все равно, зане такое искупленіе общая милостыня нарицается“³⁾. Ясно, что въ этомъ постановленіи мы слышимъ голосъ влира; только влира. Мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство, что постановленіе собора о выкупѣ плѣнныхъ вызывало недовольство, что въ немъ видѣли чрезвычайное обремененіе для крестьянства, и безъ того отягощеннаго податями. Но что это за свидѣтельство? Чей голосъ поднялся противъ налога, названнаго „общей милостыней“? Голосъ бывшаго митрополита Іоасафа, на разсмотрѣніе котораго послана была „соборная книга“. („Окупъ бы взяти изъ митрополичей и изъ архіерейской тягли и изо всѣхъ владыгъ казны, и съ монастырей со всѣхъ, кто чего достоинъ, какъ ты, государь, пожалуешь, на комъ что повелишь взяти, а крестьяномъ царь государь и такъ твоего много въ лѣтѣхъ тягла въ своихъ податехъ“⁴⁾). Обстоятельство это не можетъ не казаться страннымъ. Протеста противъ обременительности „общей милостыни“ всего естественнѣе было бы ожидать отъ представителей земли. Но видно голосъ этихъ представителей не былъ на столько силенъ, чтобы остановить постановленіе „освященнаго собора“. Понадобился голосъ бывшаго митрополита. Есть основаніе утверждать, что участіе Іоасафа въ соборной дѣятельности состоялось подъ вліяніемъ Сильвестра. (Сильвестръ отвозилъ „соборную книгу“ на просмотръ къ Іоасафу, который жилъ въ Троице-Сер-

1) Стогл. гл. 41, вопр. 19.

2) Тамъ же, гопр. 20.

3) Тамъ же, гл. 72.

4) Тамъ же, гл. 100.

гѣвскомъ монастырѣ). А за Сильвестромъ стояла группа его друзей, группа земскихъ дѣятелей.

И такъ, сознаться нужно, что дѣятельность собора 1551 года, какъ собора земскаго, не была значительна и успѣшна. Опытъ совмѣщенія соборовъ церковнаго и земскаго оказался неудачнымъ. Церковный соборъ заслонилъ собою соборъ земскій. Дѣятельность представителей земли не была хорошо организована, не получила надлежащей самостоятельности и силы, а потому и не могла дать важныхъ и полезныхъ плодовъ.

VII.

Соборъ примиренія, соборъ 1551 года были первыми опытами государственныхъ земскихъ собраний въ объединившейся около Москвы Руси. Путь для рѣшенія земскихъ вопросовъ былъ найденъ вѣрный— обращение въ народному представительству. Но чтобы разработывать этотъ путь шире и дальше, чтобы твердо вести по этому пути законодательное дѣло, государственнымъ людямъ временъ царя Ивана не доставало либо умѣнья и силы, либо рѣшимости и доброй воли.

До 1566 года мы не встрѣчаемъ указаній на созваніе земскаго собора. Въ 1566 году обстоятельства Польско-Ливонской войны побудили царя Ивана Васильевича снова собрать представителей Русской земли. Соборъ этотъ былъ организованъ уже значительно лучше, чѣмъ церковно-земскій соборъ 1551 года. Мы знаемъ, что на немъ присутствовали и подавали голоса духовенство (всего 32 чел.), бояре, окольничьи, дьяки, дворяне и дѣти боярскія первой и второй статьи, купцы московскіе и пр. (всего 339 чел.)¹⁾

„Собраніе имѣло видъ торжественный, и народъ съ благоговѣніемъ видѣлъ Іоанна же среди опричниковъ ненавистныхъ, а въ истинномъ величіи государя, внимающаго гласу отечества изъ устъ россиянъ знаменитѣйшихъ: явленіе, достойное лучшихъ временъ Іоаннова царствованія!“²⁾

Такимъ замѣчаніемъ сопровождается Карамзинъ свой рассказъ о соборѣ 1566 года. Замѣчаніе это, высказанное больше чѣмъ полвѣка назадъ, часто конечно вспоминаетъ каждый, кто только рѣшается наблюдать судьбы нашего отечества. Среди ряда явленій печальныхъ и отвратительныхъ, жалкихъ и ужасныхъ, съ невольнымъ наслажденіемъ останавливаешься на этихъ хотя не полныхъ, но здоровыхъ проявленіяхъ правильнаго государственнаго быта, на этихъ земскихъ соборахъ, гдѣ раздавался „гласъ отечества“, голосъ представителей Русской земли.

Иванъ Ждановъ.

¹⁾ Собр. госуд. грам. и дог., т. I, № 192, стр. 545—556.

²⁾ И. Г. Р., IX, стр. 68 (изд. Эйперлинга).

НЕ БЫТЬ ПО СЕМУ!

Историческій разсказъ.

ЛУЧИЛОСЬ это въ Петербургѣ, въ 1790 году.

Въ церкви Андрея Первозваннаго, что на Васильевскомъ островѣ, благовѣстили къ вечернѣ, когда у калитки одного изъ одноэтажныхъ домиковъ 7-й островской линіи постучался пожилой человекъ, по виду, изъ помѣщичьихъ дворовыхъ людей. Въ рукахъ его былъ клочекъ бумажки съ чѣмъ-то адресомъ.

— Здѣсь, что ли, стоитъ Сената канцеляристъ господинъ Бродниковъ? спросилъ онъ у отворившей ему пожилой женщины, читая по своей бумажкѣ.

— А вы отъ кого будете? отозвалась та въ раздумчивомъ сомнѣннѣ.

— Да ужъ это иная статья, а только пытаю—здѣсь ли?

— Здѣсь-то здѣсь, да чего вамъ надоть?

— Господина Бродникова. Что тутъ, тетка, дарма-то толковать! Указывай, знай, куда здѣсь ходъ къ нему.

— А вотъ на энто крылечко, — тутъ анъ и будетъ. Постой, собака придержу—онъ у насъ злыя.

— Ладно!

И дворовый постучался въ указанную ему дверь. Въ небольшой прихожей, куда онъ вошелъ теерь, встрѣтилъ его молодой человекъ лѣтъ двадцати-трехъ, безъ пудры, въ одномъ камзолѣ.

— Здравствуйте, сударь Максимъ Степанычъ. Аль не признали?

— Господи Боже мой! удивленно развелъ молодой человекъ руками:—Захарычъ!.. Да ты ли это?!.. Какими судьбами?

— А вотъ, позвольте доложить вашей милости, началъ гость съ методичностью стараго барскаго слуги, что барыня моя, госпожа Москотиньева, Марья Даниловна, съ барышнею Анной Константиновой, шлютъ вамъ свой усердный поклонъ и велѣли сказать вашей ми-

лости, что сегодня утромъ онѣ изволили прибыть въ Питербурхъ и пристали на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста, въ стояломъ домѣ, въ нумерахъ, и очинно желаютъ видѣть вашу милость.

Молодой человекъ радостно бросился на шею Захарычу и отъ души расцѣловалъ его. Мигомъ одѣлъ онъ кафтанъ, епанчу, трехуголку и чуть не опрометью выбѣжалъ на улицу, громко влича извозчика. Черезъ минуту сидя на дрожжахъ-долгушкахъ, спина къ спинѣ съ Захарычемъ, онъ уже ѣхалъ къ Семеновскому мосту, а черезъ полчаса радостно и почтительно подходилъ къ ручей Марьи Даниловны Москотиньевой.

— Здравствуй, Максюша, здравствуй дружокъ! Садись!.. Сколь рада я тебя видѣть, и сказать не знаю, говорила растроганнымъ голосомъ и нѣсколько въ минорномъ тонѣ пожилая высокая дама, въ бѣломъ чещѣ и черномъ шерстяномъ платьѣ. — Аннушка! влинула она у запертой двери смежной горницы: прибирайся-ка, сударыня, скорѣе! Максюша здѣсь уже!

Спустя нѣсколько времени, въ комнату вошла двадцати-лѣтняя красивая дѣвушка, и лицомъ, и ростомъ, и складомъ похожая на мать. При первомъ обоюдномъ взглядѣ другъ на друга молодые люди нѣсколько смутились, — обоимъ было и радостно, и неловко какъ-то. Впрочемъ, Максимъ Степанычъ Бродниковъ, какъ столичный кавалеръ и притомъ сенатскій, отменно знающій „вѣжливыя обхожденія“, принятыя въ хорошихъ обществахъ, первый преодолѣлъ свое чувство смущенія и, по обычаю, развязно подошелъ къ дѣвушкѣ сдѣлать ей надлежащій „без-мень“. Они были дальніе родственники и сосѣди по имѣнницу. Годъ съ небольшимъ тому назадъ пріѣзжалъ Бродниковъ въ отпускъ на побывку къ своей матери, и тогда-то, по сосѣдству, часто выдаясь съ Аннушкой, онъ и она впервые почувствовали другъ къ другу то чувство, которое подало поводъ ихъ матерямъ, большимъ пріятельницамъ между собою, строить самые свѣтлые планы на счетъ будущности Максюши и Аннушки; старухамъ казалось, что надо только подождать еще годикъ-другой, когда Максюшу произведутъ въ чинъ сенатскаго секретаря, что-уже дастъ ему возможность занять въ провинціи не послѣднюю должность въ службѣ по выборамъ—а тогда уже можно честнымъ пиргомъ да и за свадебку. Но—увы!.. въ теченіе этого года надъ вдовою Москотиньевой стряслась неожиданная бѣда, которая и привела ее теперь въ Петербургъ, наваливъ на ея плечи массу заботъ, хлопотъ и непріятностей.

— Видишь ли, дружокъ, въ чемъ наше горькое дѣло, объясняла она Бродникову, усадивъ его къ столу, на которомъ уже появился пузатый самоваръ со всѣмъ чайнымъ приборомъ: имѣннице-то наше, Москотиньевка, родовое, кровное—вѣдь оно намъ, „ахъ-ти—прости“ сказано!

— Какъ такъ? всплеснулъ руками, изумившійся Бродниковъ.

— Да такъ, что теперь уже не наше, а Zubовское. Все это Зу-

бовъ, Александръ Николаичъ, фаворитовъ отецъ, устроилъ, и такъ-то хитро, что не точію кто-либо, а и сама-то я узнала лишь въ ту секунду, какъ явились судейскіе вводъ его во владѣніе учинять.

— Но, Богъ мой праведный! Какими же то судьбами могло приключиться? вскричалъ взволнованный Бродниковъ.

— А вотъ возьми терпѣнія малость, выслушай. Вѣдь у насъ въ Володимирскомъ уѣздѣ—самъ, чай, знать изволишь—продолжала хозяйка, Москотиньевскія-то земли межа обѣ межу приходится съ деревнями фаворитова отца. Ну, вотъ, отселева-то, съ этого самаго ближняго сосѣдства и зачалось все дѣло. Еще муженекъ мой, покойникъ—дай Богъ царство небесное!—заложилъ Москотиньевку въ Воспитательномъ Домѣ — потому, такъ ужъ тогда крутыя такія обстоятельства намъ приключились—гусарскіе долгишки его платить пришлось,—ну, и заложили, по необходимости, шестьсотъ душъ за сорокъ тысячъ рублевъ,—деньги не малыя! И долги расплатили, а остатки все въ имѣньишко же пошли, на разныя хозяйскія улучшенія и придатки. И ежегодные взносы процентовъ и въ погашеніе сама я преаккуратно каждый годъ послѣ того въ Воспитательный Домъ производила, но только за прошлогоднимъ неурожаемъ единожды за все время просрочила. Однако же впоследствии кое-какъ извернулась, приобщила себѣ деньжонокъ нужную сумму и уже готовилась отсылать этотъ самый процентный взносъ, какъ вдругъ узнаю, что моя Москотиньевка уже приобрѣтена фаворитовымъ отцомъ. Вообрази себѣ, дружокъ мой, что приключилося! — Старый Зубовъ-то, Александра Николаичъ, въ расчетъ на всемогущество у престола сына своего Платона, свѣдавъ о моей просрочкѣ, взялъ да потайно, и не токмо что безо всякаго права, безъ всякой довѣренности, но даже безъ моего собственнаго о томъ вѣдома, и въ противность самымъ законамъ Воспитательнаго Дома, а по единственному своему могуществу,—взялъ да и взнесъ въ казну всю остаточную сумму, въ какой имѣньище еще числилось въ залогъ. Ну, конечно получилъ затѣмъ изъ Воспитательнаго Дома оправданную закладную себѣ на руки, предъявилъ ее въ Гражданскую Палату, а Палата-то эта, тожъ безъ всякаго разбирательства и права, и укрѣпила мое имѣніе за взносчикомъ долга, да и сообщила о томъ Намѣстничью Правленію, а Намѣстничье Правленіе возьми да и введи фаворитова отца въ дѣйствительное владѣніе, а меня съ дочкой вытолкало изъ дому, отнявъ все наше въ немъ движимое имущество въ пользу Зубова. Вотъ какое дѣло-то справедливое! И теперь, — заключила свой грустный рассказъ Марья Даниловна: на остатніе гроши, вотъ, кое-какъ притащились сюда съ дочкой, да съ Захарычемъ (благо покойникъ успѣлъ его вольною наградить!), будемъ искать правды у матушки-царицы. Хоть и фаворитовъ отецъ, а потягаемся!

Бродниковъ молча опустилъ голову на ладонь своей облокоченной на столъ руки и задумался.

— Мудреное это дѣло, проговорилъ онъ наконецъ со вздохомъ,

«ист. вѣстн.», годъ 1, томъ 1.

и крайне мнѣ сумнительно, чтобы удалось вамъ превозмочь толико сильнаго противника... Вѣдь Платонъ Zubovъ — шутка-ль сказать! — какія роли у насъ онъ нынѣ отыгрываетъ!.. Вѣдь на его сторонѣ всѣ, всѣ рѣшительно, и сенаторы, и самъ генераль-прокуроръ: взметнетъ милостиво взоромъ — и осчастливленъ человекъ, а нахмуритъ бровь, или подмахнетъ перомъ — и пропалъ человекъ на-вѣки... Онъ всемогущъ теперь, и даже самъ Таврическій чувствуетъ, что онъ почти ничто предъ Платономъ Александровичемъ.

— Такъ по твоему что-жъ? досадливо нагнулась на него Марья Даниловна, такъ и бросить это дѣло? Такъ и помириться на томъ, что тебя наклонѣ дней твоихъ, какъ собаку, вмѣстѣ съ дочерью взяли да и вытолкали безправно изъ родоваго гнѣзда?.. Такъ ужъ, значить, и правды нѣтъ болѣе въ нашей имперіи?

— Правда-то есть, возразилъ Бродниковъ, правда сыщется, лишь бы только довести дѣло до императрицы. Она, не взирая на весь фаворъ къ Zubovu, не допуститъ, чтобы въ ея монархіи, подъ ея скипетромъ, учинялись столь низкія дѣйства! Но вопросъ въ томъ, какъ довести-то все сіе до монаршаго возрѣнія? Кто возьметъ на себя доложить такое дѣло въ противность Zubovымъ? Вотъ что!

— Не знаю ужъ, что выйдетъ, сказала Москотиньева, а только сосѣдъ нашъ Алфузовъ, — чай, помнишь? — бригадиръ-то въ отставку, — снабдилъ меня одною цидулкой, къ одному тутъ чиновнику, что при Безбородкѣ служить.

— Что за чиновникъ такой? спросилъ Бродниковъ.

— Чиновникъ-то маленький, Отстѣпенскимъ прозывается, но человекъ-то онъ — сказывалъ Алфузовъ — въ силѣ у Трощинскаго, который тоже при Безбородкѣ состоитъ, потому что этотъ самый Отстѣпенскій женатъ, будто бы, на одной изъ прежнихъ метресокъ не то Трощинскаго, не то самого Безбородки, и дѣлецъ при томъ; ну, и можетъ протекцію оказать у Безбородки.

— Слыхалъ я про этого Отстѣпенскаго, замѣтилъ Бродниковъ, — и слыхалъ въ такомъ родѣ, будто онъ скотина преизрядная.

— Какъ такъ?!.. Возможно-ли?! оторопѣла Москотиньева.

— Да такъ. Ужъ, это вѣрно. Потому, сказываютъ, любить онъ хабару содрать и съ живаго, и съ мертваго, а при милостивцахъ своихъ состоитъ, какъ слышно, не столько для дѣлъ, до пользы службы касающихся, сколько по такой приватной части, что и поименовать ее конфузно, особливо при благородной дѣвицѣ, какъ Анна Константиновна, къ примѣру.

— Но Алфузовъ завѣрялъ меня, горячо вступилась Марья Даниловна, что онъ старинный ему пріятель и что этотъ Отстѣпенскій, по его письму, сдѣлаетъ все, что лишь будетъ въ силѣ его возможности.

— Не смѣю спорить. Можетъ быть! пожалъ плечами Бродниковъ.

— Тутъ главная сила въ томъ, чтобы дойти до самого Безбо-

родка, пояснила Москотиньева а ужъ Безбородко, конечно, не откажетъ, возьмется доложить государынѣ... Для него это чтò!—Плевое дѣло!

— Н-да, коли-бы тутъ не фамилія Зубовыхъ замѣшалась!.. Впрочемъ,—поспѣшилъ Бродниковъ успокоить Марью Даниловну, дѣйствительно, если еще и можетъ кто пособить вашему дѣлу, то это, конечно, одинъ только Александръ Андреевичъ Безбородко. Онъ вѣдь окромя того, что состоитъ при государынѣ у принятія прошеній, а еще и докладываетъ ей почти по всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, особливо же по тяжбынымъ объ имѣніяхъ.

— Ну, вотъ, вотъ, про то-то я и разумѣю! А Троцинскій, сказываютъ, и всѣ высочайшіе указы по такимъ дѣламъ заготовляетъ? Таеъ ли?

— Таеъ-то таеъ, да только...

— Чево такого „только“? Чтò ты заннулся, мой батюшка?

— Не заннулся я, а вотъ чтò! рѣшительно поднялся съ мѣста Бродниковъ—вы, Марья Даниловна, конечно, хлопчите, пока станеть возможности; за свое постоять и Богъ велить. Но... ежели бы, паче вашего чаянія, оправдалась пословица „съ сильнымъ не борись“ и дѣло ваше вы проиграли бы, то и въ такомъ разѣ особенно кручиниться вамъ нѣтъ чего!

— Что же, по твоему? Съ рукой идти по-миру? Христорадничать приеажешь, что ли?

— Фуъ, что вы! вскрикнулъ Бродниковъ, къ чему такое неподобное мыслить изволите!.. Нѣтъ, вы присядьте и выслушайте меня съ хладнокровностію, можетъ я что и не вовсе глупое измыслить.

— Изволь, батюшка, пожалуй!.. Сіжу и слушаю! согласилась Москотиньева, отмахнувъ назадъ разлетѣвшіяся сгоряча ленты своего чепчика.

— Вотъ видите ли, началъ не безъ внутренняго волненія молодой человекъ, расположеніе сердца моего какъ къ вамъ, такъ и къ Аннѣ Константиновнѣ вамъ давно уже и доподлинно извѣстно, и я неоднократно подтвердилъ предъ нею страсть мою. Не по одному только виду ея прелестному, но и по своему здравому разсужденію она мнѣ нравится, а еще болѣе тѣмъ, что ни минуты не сидитъ безъ работы праздною. Другія, желая показать остроту свою и умѣнье жить въ большомъ свѣтѣ—пялятся, махаются, судачать, а она нѣтъ! Она, какъ искусная рукодѣльница, либо пейзажи и цвѣты рисуетъ, либо узоры по соломѣ вышиваетъ, либо иное что, и такъ какъ мысли мои въ разсужденіи Анны Константиновны ей извѣстны, а равно и сами вы чрезъ мою матушку давно уже извѣстны о моемъ исканіи, то что-жъ тутъ! Изъяснимся на чистоту! Ежели бы вы и проиграли ваше дѣло, то—слава Тебѣ, Господи—у матушки и у меня есть еще достаточно, чтобы прожить кое-какъ съ женой и тещею. И отъменно, я вамъ скажу! По крайней мѣрѣ, заживемъ всѣ вмѣстѣ, однимъ домкомъ, одною семьею! И пречудесно, право...

Но увы!—это предложеніе, вопреки ожиданіямъ молодаго человѣка, вовсе не произвело на Москотиньеву того дѣйствія, на какое онъ рассчитывалъ. Напротивъ, ему показалось, что она какъ будто даже обидѣлась.

Выпрямясь во весь ростъ и вся какъ-то подобралвшись, да вдобавокъ еще закусивъ губу и нѣсколько наморщивъ брови, она отвѣтила ему дружескимъ, но серьезнымъ и очень вѣсскимъ тономъ:

— Благодарю тебя, дружокъ, начала она, за твое предложеніе; я знаю, что идетъ оно отъ сердца, и конечно, при моей старой дружбѣ съ твоею матерью, инаго зятя мнѣ и желать не надо. Скажу тебѣ болѣе: разъ выиграю я мое дѣло, то завтра же сама стану настаивать предъ твоею матерью о свадьбѣ. Но... если дѣло будетъ проиграно, то скажу тебѣ ясно и прямо теперь же, что никогда Аннушка не будетъ твоею женою. Москотиньевы пока еще на чужихъ хлѣбахъ не живали—нужды нѣтъ; хотя бы и на дружескихъ, хотя бы и на родственныхъ, а не пойдемъ мы въ нахлѣбницы. И безприданницу я за тебя не выдамъ. Нѣтъ на то и не будетъ моего благословенія! Ужъ если такъ суждено намъ быть заѣденными Зубовымъ, то скорѣе же въ монастырь пойдемъ мы съ нею обѣ и въ кельѣ скоротаемъ жизнь, чѣмъ примемъ чужой хлѣбъ изъ милости. Горды мы съ нею для этого! Вотъ тебѣ и сказъ мой.

Опѣшившій Бродниковъ съ жаромъ началъ-было увѣрять и доказывать противное, но Марья Даниловна остановила его наиположительнѣйшимъ образомъ.

— Другъ мой, сказала она:—продолжая объ этой матеріи, мы съ тобою только задаромъ станемъ тратить наши слова. Что мною сказано, то вѣрно, и слѣва своего я не перемѣню. Ну, и кончено! А при совѣтуй-ка лучше ты мнѣ, какъ бы и гдѣ бы это намъ розысвать здѣсь поскорѣе этого господина Отстепенскаго?

Бродниковъ обѣщалъ не позже завтрашняго же послѣ-обѣда сообщить его подробный адресъ.

Уѣзжая отъ Москотиньевыхъ, онъ чувствовалъ себя далеко не въ веселомъ расположеніи духа: отвѣтъ Марьи Даниловны на его предложеніе не оставилъ въ немъ ни малѣйшихъ сомнѣній, что эта твердо-характерная женщина поступитъ именно такъ, какъ она разъ сказала, а между тѣмъ надежда на разрѣшеніе дѣла въ ея пользу казалась ему болѣе чѣмъ сомнительною—почти невозможною. Тѣмъ не менѣе, явившись на другой день около вечера, онъ привезъ ей самый подробный адресъ господина Отстепенскаго. Оказалось, что этотъ господинъ Отстепенскій, Лука Марковичъ, коллежскій ассесоръ и кавалеръ, живетъ на Почтамтской улицѣ, въ самомъ домѣ Безбородко, занимая тамъ гдѣ-то во дворѣ даровую квартиру. Марья Даниловна поѣхала къ нему на слѣдующее же утро, вмѣстѣ съ Аннушкой, захвативъ съ собою и письмо Алфузова.

— Ну, вотъ Максюша! съ легкою укоризною говорила она вече-

ромъ Бродникову:—ты Луку-то Марковича описать мнѣ такими черными красками, что даже презрѣдною скотиною назвалъ; а онъ оказалъ себя вовсе не таковымъ. Нѣтъ, сударь, далеко не скотина! Напротивъ, прекраснѣйшій человѣкъ, сколько разумѣть могу. Принялъ насъ съ Аннушкой отменно мягко и ласково, усадилъ въ кресла, внимательно сталъ честь Алфузовскую цидулу и такъ подробно разспросилъ обо всемъ, и объ Аннушкѣ встать; выслушалъ все дѣло и обѣщалъ даже самъ ко мнѣ побывать.—„Позвольте, говорить, сударыня, быть въѣзжу къ вамъ въ домъ, потому, говорить, визиту вамъ возвратить хочу и поближе познакомиться какъ съ нами, такъ и съ вашею прелестною барышнею“. Комплименту даже моей Аннушкѣ сдѣлалъ!

Послѣднее обстоятельство не больно-то понравилось Бродникову, но онъ предпочелъ на этотъ разъ смолчать, не желая безъ особой надобности разстраивать то радужно-свѣтлое и полное надеждъ настроеніе, въ какомъ обрѣталась въ этотъ вечеръ Марья Даниловна, польщенная своимъ первымъ и столь легко ей доставшимся успѣхомъ въ столицѣ.

Черезъ день Лука Марковичъ заѣхалъ къ Москотиньевымъ. Онъ простеръ свою любезность до того, что вызвался самолично составить прошеніе на высочайшее имя, подъ единымъ лишь условіемъ, чтобы это обстоятельство для всѣхъ и навсегда оставалось подъ покровомъ глубочайшей, мертвой тайны,—„а то, бороди Боже, провѣдаютъ какъ-нибудь Зубовы, что авторъ прошенія—онъ, Отступенскій, то и не уявился бо что будетъ и что можетъ произойти изъ такого казуса“. Все это было сказано конечно не безъ того расчета, чтобы Марья Даниловна поняла и оцѣнила весь рискъ, а стало быть и всю великость жертвы, столь великодушно и безкорыстно приносимой ради ея господиномъ Отступенскимъ. И Марья Даниловна разумѣется вполне прониклась чувствомъ не только простой, но даже благоговѣйной благодарности къ этому „благороднѣйшему человѣку“. Лука Марковичъ забралъ у нея всѣ наличные документы, справки и свѣдѣнія по ея дѣлу, съ тѣмъ чтобы на основаніи ихъ пообстоятельнѣе составить прошеніе. На этотъ разъ онъ еще болѣе оказалъ Аннушкѣ „особливой аттенціи и комплиментовъ“, приглашая ее не конфузиться, такъ какъ, сравнительно съ ея возрастомъ, онъ ей можетъ развѣ въ отцы годиться. Марья Даниловна осталась въ полномъ восторгѣ отъ этого „самимъ небомъ ниспосланнаго ей спасителя“ и, строго держа данное обѣщаніе, ни единымъ словечкомъ не обмолвилась Бродникову, что составить прошеніе на высочайшее имя взялъ на себя самъ Лука Марковичъ, да и Аннушкѣ строго-на-строго наказала о томъ же. Бродниковъ продолжалъ бывать у нихъ по прежнему каждый вечеръ. На вопросъ его—былъ ли у нихъ Отступенскій, ему кратко отвѣчали, что былъ, молъ, сегодня и обѣщалъ при первой возможности доложить о дѣлѣ Александрю Андреевичу. Впрочемъ, Максюша, по преж-

нему влюбленный въ Аннушку, болѣе искалъ поводовъ къ разговорамъ съ нею „объ изящныхъ чувствахъ“, чѣмъ о дѣлахъ, и восторженно декламировалъ модные въ то время „любовные стихи“ Гавріила Романовича Державина:

„Цари! вы свѣтомъ обладайте,—
Мнѣ не завидна ваша часть;
Сто кратъ мнѣ лестнѣе, вы знайте,
Надъ вѣчнымъ сердцемъ сладка власть;
Деритесь, славьтесь, устрашайте,—
А я подъ тѣнью миртѣ стою
И Анниньку мою пою!“

Между тѣмъ дня черезъ три господинъ Отспенскій опять посѣтилъ Москотигиныхъ и на этотъ разъ привезъ Марьѣ Даниловнѣ ея прошеніе, уже на-чисто перебѣленное, такъ что ей оставалось только „къ сему прошенію руку приложить“.

— Ну, вотъ, государыня моя, самодовольно говорилъ ей Лука Марковичъ:—стараніемъ моимъ дѣло ваше, могу сказать, на мази! Вечоръ я въ удобную минуту доложилъ о васъ ихъ высокопревосходительству Александру Андреичу, и о томъ равно, что просьбицу имѣете повергнуть чрезъ ихъ посредство на высочайшее воззрѣніе; и Александръ Андреичъ соблаговолили выразить, что охотно-де согласны приять васъ у себя завтра въ пріемные часы, и даже вмѣстѣ съ дочерью вашей—потому что я имъ и о вашей барышнѣ прелестной тоже доложилъ. Ну, вотъ, вы и поѣзжайте завтра утречкомъ съ барышней, а я уже буду тамъ—встрѣчу и препровожу васъ. А вы, барышня, прибавилъ Отспенскій, обратясь къ Аннушкѣ,—ежели бы, паче чаянія, ихъ высокопревосходительство обратились къ вамъ съ милостивымъ воззрѣніемъ, или съ ласковымъ словомъ какимъ, то вы сему не конфузьтесь, а напротивъ, тому потщитесь пріятно улыбнуться, реверанцъ ему сдѣлайте; они неравно вздумаютъ васъ и по щечкѣ вашей аленькой потрепать, и за подбородочекъ взять, или за ушко легонько ущипнуть,—то и симъ не смущайтесь, потому это они не точію въ серьезъ, но ради шутки токмо, для того что они у насъ женской красоты и прелести большой цѣнитель, ну, и ничего обиднаго для васъ изъ этого воспослѣдовать не можетъ, а улыбкой своею пріятною и глазками можете только еще болѣе расположить Александра Андреича въ пользу вашего дѣла.

Марью Даниловну внутренно немного покорило, но она и виду не показала, а только рѣшилась со всевозможною деликатностію, какъ бы совѣтуясь, спросить у Отспенскаго — не лучше ли будетъ на первый разъ поѣхать къ Безбородкѣ ей одной, а Аннушку прихватить съ собой уже тогда, когда надо будетъ поблагодарить его за оказанную имъ милость и содѣйствіе?

— Государыня моя! слегка поморщился Лука Марковичъ:—ужъ если я взялся за ваше дѣло, то и слѣдуйте моимъ совѣтамъ непрекословно. Я знаю, что говорю и, повѣрьте, на дурное васъ не наставлю.

Кралечки вашей съ того не убудеть, если вельможа слегка ее по щечкѣ потрешлетъ, а вамъ же къ пользѣ. А впрочемъ, какъ угодно; дѣйствуйте по собственному разуму, безъ моего посредства, коли находите такъ за лучшее.

Марья Даниловна испугалась въ душѣ, что можетъ столь легко утратить содѣйствіе и благосклонность своего единственнаго пока покровителя въ этомъ дѣлѣ и потому поспѣшила завѣрить Луку Марковича, что онъ не такъ ее понялъ, что, напротивъ, она и Аннушка готовы безпрекословно исполнять всѣ его благіе совѣты и указанія. На томъ у нихъ это дѣло и кончилось, и разстались они съ господиномъ Отступенскимъ, безусловно вѣруя въ силу его ума, опытности, въ знаніе дѣла и свѣта, а наиболѣе въ силу его добраго расположенія къ нимъ, благодаря чудотворному письму бригадира Алфузова.

На слѣдующее утро къ назначенному часу обѣ Москотиньевы, помянувъ про-себя „царя Давида и всю кротость его“, вступили въ богатяя сѣни Александра Андреевича Безбородки. Въ этихъ сѣняхъ и на площадахъ широкой мраморной лѣстницы стояли и дожидались чего-то разные ординарцы, сенатскіе курьеры, почталіоны, ливрейные распудренные лакеи, какіе-то бритоголовые хохлы съ чубами и въ жупанахъ, вѣстовые гусары, дежурные мелкіе чиновники и тому подобный людъ, составлявшій неизмѣнную принадлежность громадной дворни и канцеляріи богатаго, сановнаго вельможи. Москотиньевой съ непривычки даже жутко стало, такъ что она не знала ужъ и подниматься ли ей даверхъ мимо всего этого „скрозь-строю“, какъ вдругъ обязательный Лука Марковичъ, примѣтивъ ее съ дочкой съ верхней площадки, самъ сбѣжалъ къ нимъ внизъ и любезно препроводилъ до пріемной, усадилъ ихъ у стѣны на стулья, приободрилъ, полюбезничалъ и вдругъ юркнулъ куда-то во внутренніе покои. Пріемная была полна самыми разнообразными, разношерстными просителями. У одной изъ внутреннихъ дверей молча торчали другъ противъ друга два ливрейные гайдука, важные, неподвижные, гладко выбритые, раззолоченные, оберегая словно аргусы входъ въ это сокровенное святилище, а чиновники и домашняя прислуга ходили по пріемной на цыпочкахъ и разговаривали тише чѣмъ въ полголоса—все это лишь увеличивало въ душѣ Марьи Даниловны робость и чувство благоговѣнія къ величію того мѣста, гдѣ она теперь находилась. Отродясь еще не видывала она подобныхъ палатъ и такой пышности во всей обстановкѣ Екатерининскаго вельможи-дѣльца, хотя эта обстановка предстала ей глазамъ однимъ лишь маленькимъ краешкомъ, однимъ уголькомъ всего своего многосторонняго и разнообразнаго великолѣпія. — „Ужъ если эти холопы, хамы, халдеи, что стоятъ у дверей, столь важны и горды, что къ нимъ, кажись, и подступу нѣтъ, то скольми-паче самъ-то... каковъ же самъ-то долженъ быть!“ думалось Москотиньевой. Вотъ прошелъ черезъ пріемную какой-то важный напудренный чиновникъ, со звѣздой на груди и съ кипкою бумагъ подъ мышкой, одѣтый въ рос-

кошнѣй французскій кафтанъ. Каковъ онъ изъ-себя, Марья Даниловна даже и не разглядѣла, потому что вниманіе ея въ эту самую минуту смятенно было развлечено всеми группами лѣжившихся у стѣнъ просителей, которые вдругъ разомъ поднялись съ мѣстъ и молча отвѣшивали проходившему чиновнику почтительные поклоны; она почему-то успѣла только замѣтить жирныя трисушіяся нѣры этого чиновника, облеченнаго въ тончайшіе французскіе шелковые чулки, да видѣла еще, какъ одинъ изъ гайдуковъ предупредительно, но безъ особой впрочемъ почтительности, растворилъ передъ нимъ одну половинку дверей, въ которыя очень ловко и безшумно проскользнуть произведшей „толикую сенсацію“ чиновникъ.

— Кто таковъ?... Ужъ не самъ-ли? шепотомъ освѣдомилась Марья Даниловна у своего ближайшаго сосѣда.

— Какое самъ, матушка!.. отвѣчалъ тотъ:—Это только Трощинскій, не больше.

„Господи!.. Каковъ же самъ-то долженъ быть! Самъ-то!“ жутко подумала про-себя Москотиньева — и въ ея воображеніи вельможный сановникъ представился чѣмъ-то молніеносно грознымъ, ослѣпляющимъ, блестяще великимъ и юпитеровски подавляющимъ каждаго простаго смертнаго.

Вотъ къ подъѣзду подкатила „въ полномъ парадѣ“, шестеркою цугомъ, четырехмѣстная, раззолоченная „восьмистекольчатая“ карета — и большая часть просительской публики сейчасъ же обернулась къ окнамъ посмотрѣть на это своего рода дивное произведеніе искусства. Москотиньевы повернулись туда же, вслѣдъ за прочими. Великолѣпные свѣтло-сѣрые рысаки были изукрашены блестящими и букетами страусовыхъ перьевъ пасть чолками; этихъ дивныхъ коней еле сдерживали фореиторъ и пѣшіе конюхи; напудренный и раззолоченный кучеръ съ бичемъ сидѣлъ какъ на тронѣ на высокихъ козлахъ, украшенныхъ золотою бахромой, кистями и расшитыми гербами Безбородки. Двое скороходовъ, зашитыхъ въ бархатъ и позументы, со страусовыми перьями на шапкахъ и съ „булавчатыми“ тростями въ рукахъ, стояли на-готовѣ по бокамъ передней пары лошадей; два гайдука держались за тяжи на запяткахъ, а шесть конныхъ выѣздныхъ гусаровъ выстроились позади этого пышнаго экипажа.

— Эге, значить Безбородко нынче во дворецъ, къ матушкѣ-царицѣ ѣдетъ, замѣтилъ Москотиньева ея ближайшій сосѣдъ:—стало быть, и къ намъ скоро выйдти изволить, а не то чрезъ секретаря вышлетъ сказать отказъ приему.

Но не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ невѣсть откуда, словно изъ-подъ земли, полившійся дежурный чиновникъ вылинулся вдругъ: „ихъ высокопревосходительство идти изволить!“ — и вся кучка просителей, глазѣвшихъ у оконъ на карету, мигомъ очутилась на своихъ мѣстахъ. Настала тишина абсолютная, и Марья Даниловна струнула еще болѣе.

Два гайдука, словно бы по командѣ разомъ распахнули обѣ половинки дверей—и въ приемную, какъ бы съ трудомъ передвигая толстыя, полѣбнообразныя ноги, вступилъ Безбородко. Звѣзды, ордена, погоня для ленты, пуговицы камзола, пуговицы кафтана, эфесь небольшой шпаги, башмачныя пряжки,—все это было у него изъ брилліантовъ, все это искрилось и сверкало, производя на Москотиньеву впечатлѣніе чего-то волшебнаго. Сановникъ, въ сопровожденіи секретаря, дежурнаго чиновника и господина Отстененскаго, сталъ по порядку обходить просителей, кратко выслушивая ихъ заявленія, принимая и тутъ же передавая секретарю ихъ бумаги, а иногда и удостоивая ихъ кое-какими вопросами. Въ это-то время Марья Даниловна, успѣвшая уже внутренно оправиться, устала на него, что называется, во всѣ глаза: „дай, дескать, пока не дошла до насъ очередь, разсмотрю-ка я его хорошенько, какіе такіе сановники бываютъ“?

Но первое, крайне изумившее ее обстоятельство, было то, что сановникъ съ обличья и по манерамъ вовсе не походилъ на барина, такъ что, въ сравненіи съ нимъ, фізіономіи его обоихъ придворныхъ гайдуковъ являли собою неизмѣримо болѣе осанистой представительности и даже барственнаго величія. Поэтому Марья Даниловна пришла къ заключенію, что иной простякъ скорѣе въ правѣ былъ бы подумать, что тамъ, у дверей—Безбородки стоятъ, а тутъ около просителей, добрый гайдукъ какой-то ходитъ, но Марья Даниловна въ деревенской простотѣ своей души и не подозрѣвала, что это такъ и слѣдуетъ настоящимъ лакеямъ большаго барскаго дома. Однимъ словомъ, Александръ Андреевичъ Безбородко показался ей очень простымъ человѣкомъ — „ну, вотъ совсѣмъ какъ свой братъ, заурядный дворянинъ смотреть-себѣ, право!“ — На взглядъ это былъ мужчина около пятидесяти лѣтъ, ростомъ выше средняго, дородный и пѣсколько неуклюжій, съ нескладнымъ, стапомъ и толстыми ногами, на которыхъ очень плохо держались и морщились складками бѣлые шелковые чулки, чуть не вовсе сползая внизу. Его продолговатое коротколобое лицо съ прямымъ широкимъ носомъ и разинутымъ ртомъ дышало добродушіемъ и веселостію, а взглянувъ на эти сѣрые, совсѣмъ незначительные глаза, Марья Даниловна—не знай она зранѣе, кто онъ таковъ—и не подумала бы, что предъ нею стоитъ не только сановникъ, но одна изъ самыхъ свѣтлыхъ и дѣловитыхъ головъ своего времени.

Обходя по очереди просителей, наконецъ и къ ней приблизился Безбородко.

— Ваше высокопревосходительство! почтительно засеменилъ вдругъ сбоку и самъ весь какъ-то бокомъ изогнувшись чуть не въ три погибели, господинъ Отстененскій:—это тѣ самыя госпожи Москотиньевы, о коихъ я онамедни имѣлъ честь докладывать вашему высокопревосходительству.

— А! знаю... помню! съ ласковою улыбкой вивнулъ сановникъ голову обнимъ дамамъ.—Прошеніе заготовили? спросилъ онъ съ отѣвкомъ малороссійскаго выговора.

Марья Даниловна трепещущею рукою подала ему бумагу.

— Въ слѣдующую очередь доложу императрицѣ, какъ бы мимоходомъ сообщить ей Безбородко, передавая прошеніе Отстепенскому:— резолюція, конечно, будетъ зависѣть отъ воли ея величества, но ежели дѣло правое, то можете надѣяться... Съ своей стороны потщусь быть вамъ полезнымъ.

Сказалъ—и пошелъ далѣе, а черезъ минуту его уже провожала полѣстницѣ къ снѣжамъ стоя только что выслушанныхъ просителей, дежурныхъ, курьеровъ и почтальоновъ. Ровно въ десять часовъ утра Александръ Андреевичъ уѣхалъ съ докладомъ къ императрицѣ.

Марья Даниловна могла теперь почитать себя уже у преддверія самаго рая, почти на высотѣ исполненія своихъ надеждъ, а Лука Марковичъ Отстепенскій въ ея глазахъ сдѣлался чуть не самымъ великимъ и сильнымъ человѣкомъ на свѣтѣ.— „Все-то онъ знаетъ, все-то онъ можетъ, и все-то вѣдь это онъ мнѣ устроилъ, и Безбородку предупредилъ, и аудіенцію съ самимъ—шутка ль сказать!—съ самимъ предоставилъ, и расположилъ-то его въ нашу пользу... Господи! Да что же это за высокая душа!.. Какой честнѣйшій, добросердечнѣйшій человѣкъ! И какое безкорыстіе при этомъ! Изъ-за одного лишь письма Алфузова!.. И этакого-то неподобнаго человѣка, есть же люди, кои, чортъ знаетъ въ какихъ мерзостяхъ подозрѣваютъ, презрительно скотиною чествуютъ!.. И гдѣ только стыдъ въ глазахъ, гдѣ совѣсть у людей, гдѣ страхъ-то Божій“?!

Очарованная Марья Даниловна въ эту восторженную минуту почувствовала даже нѣкоторое негодованіе противъ Максюши, сколь ни былъ ей этотъ Максюша и милъ, и сердечно дорогъ.— „Нѣтъ, не хорошо! Право же, не хорошо! Такъ-таки и скажу ему все это прямо въ глаза, что вовсе не хорошо полагать столь легкомысленныя аттестаціи о такомъ почтенномъ и, можно сказать, святомъ человѣкѣ“.

Одно только обстоятельство стояло нѣсколько темноватымъ вопросомъ въ лучахъ сего радужнаго настроенія Марьи Даниловны: зачѣмъ это Отстепенскому непременно занадобилось, чтобы при оной аудіенціи присутствовала и Аннушка, тогда какъ самъ-то на Аннушку почти и вниманія не обратилъ и—слава Богу!—ни по щецкѣ ее не потрепалъ, ни за ушко не подергалъ, — напротивъ, все это вышло такъ солидно, благочинно, что въ Аннушкиномъ присутствіи, кажись, и надобности-то вовсе никакой не было. — „Впрочемъ, ему о томъ лучше знать!“ порѣшила сама съ собою этотъ вопросъ Москотиньева.

Когда въ этотъ же самый день, вечеромъ, она, передавая всѣ свои впечатлѣнія Бродникову, сообщила, что Безбородко самъ общалъ ей доложить ея просьбу въ первую же очередь, то Максюша радостно воскликнулъ:

— Ну, и слава тѣ, Господи! Стало быть, это совершится не далѣе, какъ завтра, а много-много, коли послѣ-завтрева: вѣдь Безбородко

имѣть у государыни докладъ ежедневно; каждое утро въ десятомъ часу ѣзжаетъ туда.

Но прошло и завтра, прошло и „послѣзавтрево“, а результатъ доклада не былъ еще извѣстенъ Москотиньевымъ. За то Лука Марковичъ повадился ѣздить къ нимъ чуть не каждый день въ предъобъденное время. Каждый разъ онъ то коробку „конфектовъ“, то „пукетець“ свѣжихъ цѣтовъ привезетъ съ собою „барышнѣ-очаровательницѣ“, и любезничаетъ, любезничаетъ съ нею безъ конца, ручки цѣлуетъ, даже по щечкѣ „потрепетать“ разъ какъ-то позволилъ себѣ, и когда при этомъ Аннушка вслихнула и смутилась, то Лука Марковичъ поспѣшилъ успокоить ее:—„вы, дескать, милая барышня, не бойтесь меня, стараго селадона, и не сумлевайтесь: вѣдь я вамъ въ отцы гожусь; я вѣдь не то что какой нибудь иной вертопрашный шематонъ-ферлакурнигъ, что изъ молодыхъ да ранній, — я вѣдь все это такъ только, безкорыстно, ради того лишь, чтобы вамъ же нѣкоторое удовольствіе доставить!“—Предлагалъ Лука Марковичъ Москотиньевымъ и ложу даровую въ театръ, и билеты въ „Эрмитажную маскераду“, но онѣ должны были отказаться и отъ того, и отъ другаго,—„такъ какъ уборовъ и костюмовъ надлежащихъ съ собою нѣтъ, а хуже иныхъ прочихъ быть имъ, какъ родовымъ дворянкамъ, не приходится“, да и притомъ „въ толикихъ горькихъ обстоятельствахъ и несносныхъ приключеніяхъ“ обѣимъ имъ пока еще вовсе не до веселья, — „а вотъ ужъ развѣ, какъ выйдетъ отъ государыни благополучное разрѣшеніе,—ну, тогда иное дѣло!“—Но, къ удивленію Бродникова, рѣшеніе все еще не выходило, а Лука Марковичъ, на всѣ разспросы Марьи Даниловны о сей „деликатной матеріи“, отвѣчалъ кратко и нѣсколько уклончиво, что „очередь-де пока еще не наступила“.

Бродниковъ въ разговорахъ объ этой очереди съ Марьей Даниловной только плечами пожималъ отъ удивленія: „какъ-де не наступила, коли самъ сказалъ вамъ, что въ первую же очередь доложить?! Вѣдь эти слова его вы сами своими ушами доподлинно слышали?... Такъ какъ же такъ? Вѣдь первая-то очередь это значитъ на слѣдующій же день, а стало быть вашъ Лука Марковичъ тутъ что нибудь вретъ, кривить душою да путаетъ,—знать, хабару съ васъ какую ни есть слушать ему хочется!“

Но это послѣднее предположеніе каждый разъ возмущало Марью Даниловну до того, что, начиная горячо вступаться за честнѣйшаго Луку Марковича, она не могла воздержаться и отъ нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній самому Максюшѣ, прося его впрочемъ въ концѣ концовъ извинить ее по родственному и какъ старую пріятельницу его матери. Максюша не сердился, но все-таки оставался при своемъ недоумѣніи и подозрѣніи на счетъ господина Отстепенскаго. Болѣе всего казались ему подозрительными эти конфекты, букеты и билеты, о которыхъ умалчивать передъ нимъ не считали нужнымъ Моско-

тиньевы.— „Ужь что нибудь да замышляетъ эта гадина! Ужь это не спроста!... Только вопрошь: для себя, или для „милостивцевъ“ все это дѣется“? мучительно думалось порою Бродникову. Досаднѣе всего ему было то, что никакъ не могъ онъ привыкнуть такимъ образомъ, чтобы понасть къ Москотиньевымъ одновременно съ Отстепенскимъ. Словно, какъ нарочно, всегда выходило такъ, что Отстепенскій заѣзжалъ къ нимъ въ предъ-обѣденное время, когда Бродниковъ волея-неволей долженъ былъ проводить за канцелярскимъ столомъ въ Сенатѣ. А Лука Марковичъ при этихъ своихъ посѣщеніяхъ и не подозревалъ, что у него такой „риваль“ существуетъ на свѣтѣ и самонадѣянно жнилъ себѣ, что сердце „барышни-очаровательницы“ вполне свободно.

Спустя около двухъ недѣль послѣ подачи прошенія Безбородкѣ, получаетъ однажды Марья Даниловна записку отъ Отстепенскаго, гдѣ онъ проситъ ее „неумедленно пожаловать къ нему, для сообщенія ей наипервѣйшей важности результата объ интересномъ для нея дѣлѣ; а барышнѣ шлю-де усердный поклонъ, въ надеждѣ свидѣться съ нею завтра“. Изъ этой послѣдней прибавки Марья Даниловна поняла, что ѣхать къ Лукѣ Марковичу надо ей одной, безъ дочери, и такъ какъ въ запискѣ стояло „неумедленно“, то она тотчасъ же одѣлась, взяла извозчика и поѣхала въ Почтамтскую.

Господинъ Отстепенскій принялъ ее не въ гостинной, а прямо въ своемъ кабинетѣ и притомъ съ самодовольно-радостною, торжествующею миною; но прежде чѣмъ сообщить ей что-либо, онъ весьма тщательно и даже не безъ таинственности наглухо притворилъ въ кабинетѣ всѣ двери, и только тогда уже, подойдя къ письменному столу и доставъ изъ папки бумагу, приступилъ къ настоящему дѣлу.

— Н-ну-съ, дорогая моя! началъ онъ съ нѣкоторымъ отѣнкомъ покровительственной фамиллярности:—высочайшая резолюція по вашему прошенію нынче наконецъ получена!

Марья Даниловна въ понятномъ волненіи даже нѣсколько поблѣднѣла.

— Да вы не пугайтесь! Пока еще все идетъ прекрасно! успѣшили успокоить ее Отстепенскій.

— Какъ, то есть это вы говорите „пока еще“? озабоченно спросила Москотиньева:—развѣ высочайшею резолюціею не полагается конецъ всему дѣлу?

— Эге! какая вы прыткая!.. Конецъ!—Конецъ будетъ отъ насъ съ вами, и тоѣмо отъ насъ однихъ зависѣтъ. Что вы на меня смотрите такими удивленными глазами!.. Не сумлевайтесь! Это я говорю вѣрно, именно отъ насъ съ вами!

Марья Даниловна домекнулась, что ужъ не на „благодарность“ ли намекаетъ почтеннѣйшій Лука Марковичъ, и потому успѣшила завѣрить его, что какъ только дѣло получитъ окончательное рѣше-

нѣ, то она съумѣетъ быть вполне ему благодарною за всѣ его труды и хлопоты.

— То есть это вы на счетъ взятки? такъ-таки нагло и спросилъ ее въ глаза господинъ Отстепенскій.—Нѣтъ, государыня моя, взятку съ васъ зачѣмъ же!.. Взятку мнѣ и другіе дадутъ, да не на всякую взятку я-то еще и польщусь. Нѣтъ, мы безъ взятокъ, а на взаимномъ, такъ сказать, удовольствіи все это дѣло покончимъ.

Послѣ этого заявленія Марья Даниловна уже окончательно сбѣ-лась съ толку и никакъ не могла понять, чего же собственно хотеть отъ нея господинъ Отстепенскій.

— Ну, да на счетъ сей матеріи послѣ! махнувъ рукою, продолжалъ Лука Марьковичъ:—а теперь наипаче всего надо вамъ ся императорскаго величества резолюцію показать.

И онъ внушительно похлопалъ рукою по бумагѣ.

— Вотъ она!.. Подлинная-съ!.. Извольте взглянуть сами. Изображено здѣсь тако (Лука Марьковичъ сталъ читать, истово отчеканивая каждое слово и вода указательнымъ перстомъ подъ строками):

„Передать генераль-прокурору для наискорѣйшаго изслѣдованія и, по соображеніи съ законами, заготовить для подписанія указъ Сенату“.

— То есть, что же это значитъ? Въ какомъ разумѣ понимать это надо? спросила оторопѣвшая Москотиньева.

— А въ такомъ и понимать, что эту самую бумажку завтра же мы переправимъ въ Сената канцелярію къ князю Вяземскому, съ документальными конечно приложеніями, по коимъ князь Вяземскій и произведетъ надлежащее разслѣдованіе дѣлу и, смотри по тому, что тамъ изъ дѣла окажется, въ сообразности съ законами, въ таковомъ разумѣ и высочайшій указъ Сенату будетъ заготовленъ.

— Значить, теперь пойдетъ еще слѣдствіе?! упавшимъ голосомъ спросила совсѣмъ разочарованная Москотиньева.

— Всенепремѣннѣйше! подтвердилъ Отстепенскій.—Безъ изслѣдованія развѣ возможно? Этакое дѣло!.. Помилуйте!.. Вѣдь учини его не Зубовъ, а простой смертный, такъ таковаго бы—съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія да на каторгу! И безъ разговоровъ!.. Какъ же тутъ безъ изслѣдованія!

— Но... вѣдь слѣдствіе, пожалуй, затянется? робко спросила Марья Даниловна, уже заранѣе утрашалась предстоющею перспективою вслѣдствіи „воловить“, „хожденій“, дразгъ, вымогательствъ, поклоновъ, пресмыканій по переднимъ да по сенатскимъ „присутствіямъ“, этою ужасною перспективою томительныхъ ожиданій и прожизнательства въ столицѣ Богъ-вѣсть сколько времени, безъ средствъ и въ полной невѣстности.

— Мм... н-нѣтъ, затянуться не можетъ, раздумчиво-авторитетнымъ тономъ успокоилъ ее Отстепенскій: и даже никакъ не можетъ,

ибо въ резолюціи ясно сказано: „для наискорѣйшаго изслѣдованія“, а высочайшую волю затягивать нельзя. Напротивъ, постараются изслѣдовать и рѣшить какъ можно скорѣе.

— А слѣдовать будетъ кто? Самъ Вяземскій? спросила, оживляясь, Москотиньева.

— Ну, гдѣ самому!.. Вѣдь это, матушка моя, персона!.. У него этихъ дѣлъ-то цѣлые коробы! Одному не разорваться! А вѣрнѣе, что препоручить секретарю, который по этой собственной части, — тотъ и разсмотреть, и доложить, и прожектецъ указа заготовить. Однимъ словомъ, все это дѣло теперь какъ есть въ нашихъ рукахъ, благо секретарь-то человѣкъ знакомый, пріятель мой: въ какомъ разумѣ, значить, я теперь это дѣло направлю и какъ попрошу его, такъ и будетъ исполнено.

— Ахъ, Лука Марковичъ! Благодаритель мой! Вы меня просто воскрешаете! восликинула умиленная Марья Даниловна.

— Однимъ словомъ, продолжалъ Отстепенскій:—дѣло ваше можетъ быть рѣшено и такъ, и этакъ... Это все отъ взгляда значить зависить... Какъ взглянуть...

Марья Даниловна опять вытянула встревоженно-испуганную физиономію.

— Лука Марковичъ!.. Батюшка!.. Не пугайте!

— Зачѣмъ пугать! Я истинно говорю. Одно изъ двухъ: либо полное удовлетвореніе, либо полнѣйшій отказъ.

— Но вѣдь вы же сказываете, что это собственно отъ васъ теперь будетъ зависѣть.

— Отъ меня-съ. Это вы вѣрно понимать изволите. Отъ меня-съ, или вѣрнѣе сказать, отъ насъ обоихъ, то-есть, отъ меня и отъ васъ самихъ: какъ вы пожелаете, такъ мы и учинимъ. Понимаете?

— Виновата, благодаритель! Не понимаю... какъ есть, ничего не понимаю... Гдѣ ужъ мнѣ съ бабимъ-то умишкомъ!.. Вразумите!

— Охотно, сударыня, охотно. Изъяснимтесь. Я человѣкъ прямой и откровенный, дѣйствовать люблю на чистоту и, какъ сами вы имѣли случай уже замѣтить и на себѣ испытать, человѣкъ не безъ связей,—могу сказать, и не безъ вліянія, а потому приступлю къ дѣлу прямо: желаете вы счастья вашей дочери?

Москотиньева опять оторопѣла отъ этого совѣмъ уже неожиданнаго вопроса, которымъ Отстепенскій, какъ говорится, прямо въ лобъ ее ошарашилъ.

— Я мать, Лука Марковичъ, пробормотала она, глядя на него недоумѣлыми глазами:—какъ же не желать-то!.. Она вѣдь у меня одна.

— Ну, вотъ то-то же и есть!.. Одна!.. Поэтому и Богъ велитъ о счастья дѣтища своего попещися. Это священный долгъ матери. Такъ, стало быть, желаете?

— Разумѣется, желаю.

— Ну, и прекрасно. Теперь спрошу я васъ вотъ что: желаете

вы, чтобы она вышла замужъ за человѣка съ карьерой, отличаемаго начальствомъ, ласкаемаго вельможами, которые властны все счастье жизни, какъ его, такъ и дочери вашей, составить и наградить ее могутъ такъ, что вамъ и во снѣ даже не снилось!.. Желаете?

— Всѣмъ сердцемъ благодарна вамъ, но... у Аннуши уже есть женишокъ.

Отстепенскій поморщился.

— Каковъ таковъ? Чай, изъ сосѣднихъ помѣщичьихъ лоботрясовъ, или гарнизонный прапорщикъ? ась?

— Нѣтъ, онъ хотя и небольшой помѣщикъ, однако не лоботрясъ а служить здѣсь, въ Сенатѣ.

— Гм... въ Сенатѣ... А чинъ каковъ? великъ ли?

— Н-нѣтъ, чинишко-то маденькій... Онъ тамъ канцеляристомъ...

— Ну! это значить можно и по боку! перебилъ Отстепенскій. Это не женихъ нашей краличкѣ! Нѣтъ!.. Мы ей найдемъ другаго!.. Штатской генеральшей современемъ будетъ! Столичною модною дамой сдѣлается! Вотъ какъ!

— Да вѣдь они любятъ другъ друга...

— Пустое, сударыня! Пустое! Вы этому строкулисту сенатскому откажите отъ дому — вотъ и всей любви ихъ конецъ! А мы тѣмъ временемъ закружимъ краличку въ вихрѣ свѣтскихъ пріятствъ и развлеченій, такъ что она и сама не замѣтитъ, какъ любовь ея остынетъ. Игры, дели, смѣхи, зефиры и все прочее это, знаете, чего въ деревнѣ-то и не увидишь, а тутъ оно все на яву, да какъ станеть барышня-то наша въ вельможномъ кругу порхать по цвѣтамъ удовольствій, вся въ брилліантахъ, въ шелкахъ да въ бархатахъ, такъ и что тутъ твоя сенатская любовь!

— Да ради кого это вы такъ хлопочете? спросила замѣтно смущенная Москотиньева.

— Гм... Предположимте, что ради самого себя, отрѣзалъ вдругъ Отстепенскій, съ наглою улыбкой.

— Какъ ради себя?! вся вспыхнувъ, удивленно замѣтила Марья Даниловна.—Я не разумѣю васъ... Вѣдь вы же женаты?

— Женать, сударыня, женать. Я и не утверждаю, что холостъ. Скажу вамъ болѣе: мразь я былъ, червь ползучій, въ родѣ вашего строкулиста, а вотъ, благодаря супругѣ и ея покровителямъ, въ люди вышелъ: штабъ-офицерскій рангъ приобрѣлъ; орденъ святаго Владимира четвертыя степени, въ дворянскомъ достоинствѣ меня утверждающій, имѣю; лестнымъ знакомствомъ вельможныхъ тузовъ пользуюсь, штатскимъ генераломъ по почтовому вѣдомству современемъ буду, и не глядите, что я этакимъ скромникомъ на сей вотъ даровой квартиришкѣ, на заднемъ дворѣ проживаю, а спросите-ка лучше, сколько у меня капитала въ банкѣ лежитъ? — Такъ я вамъ скажу, что за супругою мнѣ дано полтораста тысячъ, да самъ я уже собственнымъ трудомъ и умѣньемъ пятьдесятъ сколотилъ, и того—двѣсти! А супруга

моя такая же бѣдная дворяночка была, какъ и ваша дочка; но съ умомъ да съ пригожимъ личикомъ въ здѣшней столицѣ—ухъ, какую карьеру можно сдѣлать!

Марья Даниловна въ отвѣтъ на это не проронила ни слова; только грудь ея взволнованно дышала, да глаза съ нѣмымъ ужасомъ уставились въ Отспенскаго, который впрочемъ увлекся до такой степени, что на первыхъ порахъ и не замѣтилъ эффекта, произведеннаго на собесѣдницу его словами.

— Скажу напрямки: мнѣ ваша дочь нравится, продолжалъ онъ:— а впоследствии, не сумлеваюсь, при случаѣ она можетъ понравиться и комунибудь иному, не въ примѣръ повыше меня. И не думайте, чтобы я позволилъ себѣ какънибудь опорочить ее;—нѣтъ, мы ее тотчасъ же замужъ выдадимъ за человѣка, который у меня уже на примѣтѣ; а ужъ съ будущимъ муженькомъ ея поладить и устроиться—это будетъ мое дѣло. Вы мнѣ помогите только краличку-то на первыхъ порахъ маленько урезонить, а ужъ я вамъ въ благодарность за это и самое-то Аннушку чрезъ благодѣтелей моихъ осчастливлю, озолочу, да и дѣло ваше къ наиблагополучнѣйшему окончанію доведу. Хотите?

Вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ Отспенскій протянулъ Москотиньевой руку, въ полной увѣренности, что она пожметъ ее въ знакъ согласія, но, вскинувъ на нее глаза, и самъ изумился эффекту своихъ словъ. А эффектъ вышелъ полный, и для него совсѣмъ неожиданный.

Гордо поднялась съ мѣста негодующая, оскорбленная женщина.

— Господинъ Отспенскій, вы ошиблись, сказала она ему едержаннымъ, но дрожащимъ голосомъ—я пріѣхала сюда искать справедливости и защиты, а не торговать моею дочерью.

Но господинъ Отспенскій ни мало не смутился.

— Позвольте, сударыня, остановилъ онъ ее:—успокойтесь. Меня вы ничѣмъ не удивите, и притомъ же мы не на театръ и не предъ придворною публикою, чтобы намъ возвышенныя трагедіи разыгрывать; мы вѣдь изъясняемся съ глазу на глазъ, на чистоту. Вы, сударыня, подумайте-ка лучше! Вѣдь отъ вашего рѣшенія зависитъ вся судьба вашего дѣла! Взвѣсьте и то, что вамъ предлагаютъ ни болѣе, ни менѣе, какъ завидную фортуна для вашей дочери, счастье всей жизни ея. Прикиньте-ка въ умѣ! Да и что тутъ фордыбачиться!.. Чай, знаете пословицу: „что и честь, моли нечего ѣсть“.

— Я васъ попрошу отпустить меня отсюда, сухо проговорила Москотинцева:—я считаю, что всѣ наши разговоры уже окончены.

— Эй, подумайте!.. Какъ бы не пришлось вамъ покаяться, да ужъ поздно будетъ!

— Я покорнѣйше прошу васъ еще разъ — не удерживать меня долѣе.

— Такъ это ваше послѣднее слово? ..

— Послѣднее, господинъ Отспенскій.

— Ну, какъ знаете! Вольному воля, спасенному рай! съ прони-

чекимъ поклономъ обиженно подфиркнулъ онъ себѣ подъ носъ и затѣмъ прибавилъ въ совершенно сухомъ и строго оффиціальномъ тонѣ:— „въ такомъ разѣ, сударыня, прошу ко мнѣ болѣе не являться, а окончательное высочайшаго имени по дѣлу рѣшеніе будетъ вамъ чрезъ сенатскаго курьера объявлено своевременно“.

И онъ съ досадою громко захлопнулъ кабинетную дверь за удалившеюся Москотиньевою.

Съ болью и тоскою безнадежнаго отчаянія въ своемъ глубоко-оскорбленномъ и возмущенномъ сердцѣ возвращалась къ себѣ домой Марья Даниловна. „О! будь же вы прокляты всѣ—всѣ вы, крапивное сѣмя!“ безъ словъ вопіяла она въ глубинѣ души, ѣдучи на плохенькомъ извозчикѣ:— „какая все это гадость! фавориты и фаворитовы отцы, сановники и чиновники—нѣтъ на васъ втораго Пугачева, погубители Россіи! Будь вы прокляты!“ И жгучія слезы спазматически душили горло несчастной женщины. Она лишь съ большимъ трудомъ могла воздержаться отъ рыданій. Быть можетъ, Марья Даниловна сильно преувеличивала; быть можетъ, она черезчуръ много и несправедливо обобщала такимъ образомъ свой гнѣвъ на всѣхъ и на вся; но на мѣстѣ женщины, беззащитной вдовы, вопіющимъ образомъ ограбленной жаднымъ родителемъ временщика-фаворита, почитаемаго всесильнымъ, всемогущимъ—на мѣстѣ матери, только что оскорбленной столь подлымъ образомъ—какое обобщеніе, какое преувеличеніе не станетъ понятнымъ и простибельнымъ!..

Впрочемъ, Марья Даниловна была изъ числа натуръ достаточно сильныхъ. Зная, что рассказъ о гнусныхъ предложеніяхъ Отстенскаго можетъ возмутить и огорчить Аннушку пожалуй еще болѣе, чѣмъ ее самоѣ, она рѣшилась скрѣпитъ, подавить въ душѣ свое великое горе и промолчать до поры до времени о его причинахъ. Подъѣзжая къ Семеновскому мосту, Москотиньева уже на столько успѣла побороть себя, возобладать надъ своими чувствами, что могла по крайней мѣрѣ переступить порогъ своего номера съ увѣренностію, что не разрыдается передъ дочерью и не выскажетъ ей того, что заставило надрываться ея сердце.

На вопросъ Аннушки, зачѣмъ звалъ ее къ себѣ Отстенскій,—она кратко объяснила ей, за тѣмъ, молъ, чтобы показать резолюцію, по которой дѣло должно поступить теперь къ генераль-прокурору для разслѣдованія.

Подъ вечеръ пришелъ по обыкновенію Бродниковъ, но и ему сообщила Марья Даниловна не болѣе того, что и дочери; только при прощаньи, уже въ одиннадцатомъ часу ночи, провожая его, вышла она вмѣстѣ съ нимъ въ теплый корридоръ и, притворивъ за собою дверь, сказала ему тихо:

— Ну, дружокъ мой Максюшка, прости меня! Вижу теперь, что правъ ты былъ, когда называлъ этого Отстенскаго презрительною ско-

тиной. Этого мало сказать, что скотина, это—премерзавѣйшая гадина, съ которой и врагу своему не пожелаю встрѣтиться!

— А что такъ? съ любопытствомъ спросилъ Бродниковъ.

— Долго рассказывать. Послѣ расскажу какъ-нибудь, на досугѣ... А что касается дѣла нашего, то теперь надежда уже не на князя мірстѣи, а на единого лишь Бога!.. Дѣло, вѣжись, плохо, но... Его святая воля!

— Марья Даниловна! Голубушка! горячо схватилъ ее за руки Бродниковъ:—если такъ, то еще разъ повторяю вамъ и прошу: не крушитесь! Выдавайте Аннушку за меня; у насъ съ матерью про всѣхъ насъ хватитъ!

— Нѣтъ, милый! отрицательно и грустно покачала она головою:— что сказано, то свято: Москотиньевы на чужихъ хлѣбахъ не живали и безприданницу я за тебя не выдамъ. Прощай, голубчикъ! Господь съ тобою!

Бродниковъ поцѣловалъ ея руку и ушелъ съ тяжелою кручиною на сердцѣ. Умомъ онъ понималъ, на сколько безразсудно надѣяться на успѣшный исходъ борьбы со всеильными Зубовыми, но въ сердцѣ его смутно гнѣздилась какая-то, самому себѣ почти непонятная, надежда и вѣра, что Богъ всеильнѣе Зубовыхъ, и что этотъ Богъ справедливый, да и его помазанница не попуститъ совершиться таковой вопиющей неправдѣ и насилію.

Прошло дней восемь, девять. Канцеляристъ Бродниковъ въ этотъ послѣдній день былъ по очереди дежурнымъ въ Сенатѣ.

Правительствующій Сенатъ въ то время былъ далеко не то, что впоследствии, когда наконецъ и это мѣсто злочно и прохладно отчасти коснулась рука реформы, хотя и вѣшней по преимуществу, но все-таки достаточно благодѣтельной для имѣвшихъ несчастье вѣдаться съ симъ учрежденіемъ по дѣламъ различныхъ гражданскихъ тяжбъ и прошеній. Слякоть на темныхъ лѣстницахъ и закорузлая грязь на полу, копотъ на потолкахъ и сальные пятна на стѣнахъ отъ головъ и спинъ прислонявшихся къ нимъ просителей, сальные огарки въ бутылкахъ вмѣсто подсвѣчниковъ, помадные банки вмѣсто чернилницъ — таковъ былъ вѣшній видъ сенатской канцеляріи. Въ залахъ сенаторскихъ засѣданій и въ особенности въ залахъ „общаго присутствія“ было конечно иначе: колонны, паркетъ, покойныя кресла, столъ съ зеркаломъ, покрытый краснымъ сукномъ съ золотою бахромой и вистами, массивные портреты императоровъ и императрицъ всероссійскихъ въ массивныхъ золоченыхъ рамкахъ — все это если и подернулось копотью отъ времени, то все же сохраняло еще на себѣ признаки нѣкотораго вѣшняго благообразія. За то большинство сенатскихъ чиновниковъ, грубыхъ, неовратныхъ, похмѣльныхъ, являлось истиннымъ бичемъ Божиимъ для несчастныхъ просителей, съ которыхъ эти „дѣльцы“ вымогали „елико возможно“ послѣдній грошъ, душили взятки безъ зазрѣнія совѣсти, въ самой канцеляріи,

при всѣхъ, не только открыто торгуясь о всякой малѣйшей справкѣ и „вымѣтѣ“ изъ дѣла, но даже просто на-просто шаря по просительскимъ карманамъ, къ общему удовольствію остальныхъ своихъ сослуживцевъ. Нѣсколько молодыхъ и достаточно образованныхъ людей, къ числу которыхъ принадлежалъ и Бродниковъ, были нарочно опредѣлены въ Сенатъ по распоряженію генераль-прокурора, съ цѣлю придать посредствомъ ихъ болѣе приличный характеръ канцеляріи. Эта молодежь чуждалась подобныхъ нравовъ и потому чуть не ежедневно подвергалась презрительному осмѣянію и всяческому каверзамъ со стороны своихъ старшихъ, закорузлыхъ и наглыхъ товарищей. Тяжело, а подъ часъ и невыносимо было порядочному человѣку служить въ этой сенатской канцеляріи, и если Бродниковъ еще тянулъ въ ней свою ляжку, то единственно лишь въ ожиданіи чина сенатскаго секретаря, что открывало бы ему въ провинціи уже сносную служебную карьеру.

И такъ, онъ былъ дежурнымъ.

Было около двухъ часовъ дня. Присутствіе только что кончилось, и генераль-прокуроръ уже выходилъ изъ залы, какъ вдругъ въ эту самую минуту курьеръ подаль ему пакетъ.

Князь Вяземскій приостановился, взломалъ конвертную печать и, наскоро пробѣжавъ глазами бумагу, содержаніе которой очевидно было уже ему извѣстно заранѣе, положилъ ее до завтрашняго утра подъ суево своего стола и вышелъ изъ присутствія.

Въ половинѣ третьяго часа въ Сенатѣ, за исключеніемъ дежурнаго сторожа да дежурнаго канцеляриста Бродникова, уже ни души не осталось—и Максимъ Степановичъ, въ полномъ уединеніи и безмолвіи, могъ себѣ свободно разгуливать теперь по всѣмъ сенатскимъ заламъ, садиться на предсѣдательскія кресла, разсматривать портреты, читать извѣстные указы на зеркалахъ, напѣвать и насвистывать вволю, прислушиваясь къ гулкому резонансу пустыхъ громадныхъ комнатъ; но такъ какъ все это приходилось ему аккуратно испытывать въ каждое свое очередное дежурство, то поэтому онъ рѣшительно пропадалъ отъ скуки. Сторожъ принесъ ему изъ ближайшаго трактира обѣдъ, съ которымъ Максюша управился быстро и затѣмъ отъ нечего дѣлать завалился спать на жесткомъ кожаномъ диванѣ, нарочно существовавшемъ въ Сенатѣ ради дежурныхъ чиновниковъ. Такъ проспавъ онъ до вечера, пока не разбудилъ его тотъ же сторожъ, внеся въ комнату зажженную свѣчку.

— Который часъ? спросилъ его Бродниковъ.

— Да ужъ восьмой въ началѣ.

— Можеть ли быть?! Экъ, какъ заспался-то однако!.. Чайку теперь хорошо бы... А?.. Макаровъ?.. Ты какъ на счетъ сего думаешь?

— Чтожь, я самоваръ наставлю... чай и сахаръ у васъ свой?

— Въ епанчѣ у меня, въ карманѣ, тамъ тюричекъ лежитъ.

— Ладно! Въ секундъ будетъ готово.

Но этотъ „секунтъ“ на дѣлѣ оказался добрымъ часомъ, такъ что въ промежутокъ этого времени Максюша успѣлъ не только вдоволь и назваться, и потяготю насладиться, но и неоднократно послать къ чорту свое положеніе, вынуждающее его торчать глупою пѣшкой на сенатскомъ дежурствѣ, въ то время какъ у Семеновскаго моста, въ нумерахъ, его милая Аннушка скучаетъ нынѣшній вечеръ въ одиночествѣ. Не видѣться хотя бы и одинъ день съ этою дѣвушкой стало для него уже серьезнымъ лишеніемъ, такъ какъ за время пребыванія Москотиньевыхъ въ Петербургѣ, бывая у нихъ каждый вечеръ, онъ успѣлъ еще болѣе привязаться къ Аннушкѣ, еще сильнѣе полюбить ее. Но помышляя ежедневно о своемъ „предмѣтѣ“, не могъ онъ въ то же время не сознаваться самому себѣ, съ болью и горечью въ сердцѣ, что его мечтаемое счастье крайне отъ него далеко, что у старей Москотиньевой фамильной гордости и самолюбія болѣе тѣмъ жалости къ нему и къ своей влюбленной дочкѣ, а дѣло съ фаворитовымъ отцомъ... „Дѣлу этому, разумѣется, надо сказать прости-прощай, такъ какъ глупо же вразравду надѣяться на возможность его благополучнаго разрѣшенія!—развѣ Богъ, одинъ лишь Богъ всемогущій, перевернетъ его по своему. Но тогда это уже будетъ чудо!.. А въ нынѣшнемъ восемнадцатомъ вѣкѣ люди въ чудеса болѣе не вѣрятъ, да и чудесъ-то не является,—развѣ что одни только Зубовы еще творятъ ихъ въ свою пользу“.

Думалъ такимъ-то образомъ Максюша объ Аннушкѣ и о своемъ горькомъ положеніи „въ разсужденіи чувствъ своихъ и стремленій“, а скука среди бездѣйствія, тишины и одиночества одолевала его между-тѣмъ своимъ порядкомъ. Взялъ онъ свѣчу и пошелъ опять бродить по заламъ присутствія, и подсѣлъ къ генераль-прокурорскому столу, въ надеждѣ найти тамъ что нибудь любопытное, въ утѣшеніе своей скукѣ, такъ какъ онъ зналъ, что подъ сукномъ этого стола князь Вяземскій оставляетъ иногда кое-какія просьбы, рѣшенія, указы, еще подлежащіе исполненію и нерѣдко заключающія въ себѣ что нибудь интересное.

На этотъ разъ поискъ Бродникова былъ не безуспѣшенъ. Приподнявъ полу краснаго сукна, онъ увидѣлъ подъ нимъ бумагу, вынулъ ее оттуда, развернулъ и сталъ пробѣгать глазами.

Но по мѣрѣ чтенія лицо его становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, искажаясь чертами боли, ужаса и негодованія; руки тряслись, и самъ онъ наконецъ задрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Глаза его почти бессмысленно стали бѣгать по строкамъ бумаги, возвращаясь отъ конца къ серединѣ, отъ середины къ началу и опять къ концу, опять къ серединѣ,—онъ какъ будто пересталъ понимать смыслъ читаемаго,—и наконецъ, уронивъ на столъ бумагу, хлопнулся на него какъ бы обезсиленными руками, опустилъ на нихъ голову и зарыдалъ—зарыдалъ глухо, тяжело, отчаянно... Съ такими душевными ощущеніями

только осужденный могъ бы впервые прочитатъ свой собственный смертный приговоръ.

И дѣйствительно, въ этой бумагѣ значился своего рода приговоръ Максиму Бродникову.

То былъ указъ Сенату по дѣлу дворянки Маріи Москотиньевой, — указъ, безусловно и окончательно рѣшавшій это дѣло въ пользу Александра Зубова. И подъ этимъ указомъ чернѣлись роковыя слова:

„быть по сему“.

„Екатерина“.

Словно обезумѣвъ отъ горя, вскочилъ несчастный съ генераль-прокурорскаго кресла и, ломая руки, сталъ шагать изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Рыданія все еще продолжали душить его, и въ этихъ рыданіяхъ хоронилъ онъ всю свою любовь, всѣ свои золотыя надежды.

Странное дѣло!—вѣдь и до этого указа онъ былъ почти увѣренъ, что инаго рѣшенія не будетъ, да и быть не можетъ, а между тѣмъ, когда довелось ему наконецъ прочесть роковую подпись своими собственными глазами — это безповоротное рѣшеніе поразило его какъ нѣчто новое, совсѣмъ неожиданное.

— Господи! Гдѣ же Ты?... Гдѣ же Твоя справедливость?!.. Точно ли Ты существуешь послѣ этого?! мысленно взывалъ онъ къ Богу въ своемъ ропщущемъ и негодующемъ сердцѣ.

Въ такомъ-то положеніи засталъ его старикъ Макаровъ, принесшій ему на подносѣ стаканъ и два чайника.

— Сударь! возрился онъ на Бродникова недоумѣвающими глазами. — Сударь, да что это съ вами?.. Никакъ вы плачете?

Максимъ Степановичъ словно бы и не слышалъ обращеннаго къ нему вопроса. Ломая руки, съ выраженіемъ безнадежнаго отчаянія въ лицѣ, продолжалъ онъ растерянно ходить по комнатѣ.

— Сударь!... Я чайку вамъ принесъ... Очнитесь!

И поставивъ подносъ на столъ, Макаровъ подошелъ къ Бродникову и взялъ его за рукавъ.

— Очнитесь, сударь... Вы на себя не похожи стали... Господи помилуй! Съ чего это вдругъ?... Аль заболѣли?

— Нѣтъ, ничего, Макаровъ, проговорилъ черезъ силу канцеляристъ: я здоровъ... я ничего... Оставьте меня...

— Да какъ „оставь“!.. Помилуйте! На васъ лица вѣдь нѣту... слезы вонь... Что съ вами?

— Ахъ, Макаровъ, горе!... Не спрашивай!... Великое горе... Тоска несносная!

И молодой человѣкъ, опусясь на кресло, въ отчаяніи закрылъ лицо руками.

— Да какое горе-то?... Въ чемъ горе? — приставалъ межъ тѣмъ къ нему сторожъ. — Все было какъ надоть, въ покоѣ, и никакого горя не было; не успѣлъ на полчаса отлучиться, — ань тутъ вдругъ горе!...

Да вы его по боку, горе-то это!... Право!... Давайте-ка лучше, я вамъ чайку налью, — испейте себѣ съ Богомъ, и горю конецъ!... Просто, попритчилось вамъ съ чего-то!

— Ахъ, Макаровъ, что толковать-то!... Не знаешь ты... Теперь мнѣ развѣ только изъ пистолета застрѣлиться—и вся недолга!

— Изъ пистолета!... Эво-на! мотнулъ головой сторожъ.—Полноте, глупости какія! Кабы всякъ-то изъ пистолетовъ рѣшалъ себя изъ-за всякаго горя, то и людей на землѣ давно бы не было!... Мало ли горей-то на свѣтѣ! Такъ нешто каждому горю такъ-таки въ зубы смотрѣть, такъ и поддаваться?... А вы, сударь, лучше вотъ что: дайте-ка мнѣ рублишко; погребки пока еще не заперты, — я мигомъ смахаю да принесу вамъ рому ямайскаго, а вы себѣ съ чайкомъ его выкушайте, пунштикъ сдѣлайте—и все горе ваше сразу какъ рукой сниметъ! Право!... По себѣ знаю!... Хотите, что-ли?... За одно-то ужъ и меня бы, старика, пуншикомъ угостили... Пречудесно будетъ!

Бродниковъ не отвѣчалъ и продолжалъ сидѣть въ генераль-прокурорскомъ креслѣ, туло уставясь глазами въ какую-то неопредѣленную точку.

— Э, сударь! Съ вами, какъ видно, не сговоришь пока! ухмыльнулся сторожъ:—семь-ка, я самъ-по-себѣ сбѣгаю да на свои куплю, а вы мнѣ все равно потомъ отдадите, да еще какое спасибо-то скажете!... Баринъ-то вы у насъ хорошій,—жалъ васъ.

И Макаровъ, не дожидаясь согласія канцеляриста, побѣжалъ въ сосѣдній погребокъ, на Галерную. Черезъ десять минутъ онъ вернулся и торжественно поставилъ на подносъ передъ Бродниковымъ откупоренную бутылку рому.

— Кушайте, сударь, на здоровье! Я вамъ мало что этого самаго напитку, а еще и пряничковъ мятныхъ на закуску принесъ.

— Пей-себѣ съ богомъ... Я не хочу пока... Я потомъ... потомъ, можетъ быть! пробормоталъ въ отвѣтъ ему Бродниковъ, съ трудомъ выходя на мгновеніе изъ своего убитаго и¹ какъ бы остолбенѣлаго состоянія.

Макаровъ не заставилъ повторять себѣ просьбу, принесъ другой стаканъ, сдѣлалъ пуншъ и выпилъ „за здоровье его милости Максима Степаныча“.

Затѣмъ, видя, что съ „его милостію“ сегодня „ваши не сварись“ и ни на какую бесѣду не расшевелишь его, сторожъ предпочелъ избрать себѣ благую часть и завалился спать къ курьерской комнатѣ.

Бродниковъ остался одинъ, а часы вечера межъ тѣмъ летѣли и летѣли,—было близко уже къ полуночи. Отъ переиспытанныхъ за этотъ вечеръ ощущеній горя и волненія у него пересохло во рту, и внутри все ныло и горѣло, возбуждая сильную жажду. Въмѣсто того, чтобы налить себѣ простывшаго чая, онъ полусознательно налилъ полный стаканъ рому и выпилъ его залпомъ. Съ непривычки ему обожгло и ротъ, и глотку; онъ поперхнулся, закашлялся до слезъ, но

перемогъ себя.— „Гадко, да все равно,—привыкають люди и къ этому.“ подумалось ему въ ту минуту, и онъ опять принялся ходить по комнатамъ, а между тѣмъ ромъ, въ началѣ исподволь, незамѣтно, но потомъ все болѣе и болѣе начиналъ оказывать свое дѣйствіе на непривычную къ хмѣлю голову Бродникова, такъ что минутъ двадцать спустя послѣ этого приѣма, онъ уже былъ пьянъ совершенно и, чувствуя головокруженіе, снова усѣлся въ генераль-прокурорское кресло.— „Выпить еще развѣ?... Можетъ легче будетъ! мелькнула ему смутная мысль:—Макаровъ сказывалъ, легче... Онъ знаетъ... Пряничковъ мятныхъ принеси... Закусишь... Все равно!... Чего тутъ! Выпьемъ!“ И онъ хватилъ еще три-четыре хорошихъ глотка и закусилъ мятнымъ пряникомъ. Дѣйствительно, на первыя минуты показалось ему, какъ будто и полегчало; но съ новою дозою алкоголя хмѣль пошелъ работать быстрее и сильнѣе. Бродникова совсѣмъ уже, что называется, рѣзало. Покачиваясь въ креслѣ и блуждая по столу посоловѣлыми глазами, наткнулся онъ взоромъ на высочайшій указъ, полусознательно перечелъ его снова и, дойдя до словъ „быть по сему“, вдругъ пришелъ въ необычайную ярость. Подъ вліяніемъ этого чувства, не давая себѣ отчета въ своихъ намѣреніяхъ и почти не понимая самъ, что дѣлаетъ,—схватилъ онъ лежавшее на бронзовой чернильницѣ гусиное перо, обмокнувъ его и подъ самую подпись имени императрицы, съ какимъ-то злораднымъ неистовствомъ началъ быстро строчить:

Анъ не быть по сему! Не быть!

Нѣтъ! Нѣтъ, не быть по сему!

Канцеляристъ Максимъ Бродниковъ.

И расчеркнулся такъ энергически, что изъ-подъ пера полетѣли на бумагу чернильныя брызги. Но не довольствуясь и этимъ, Максюша уже подъ своимъ собственнымъ именемъ прибавилъ одно новое и крупное

НЕ БЫТЬ!!!

съ тремя восклицательными знаками.

Совершивъ, ничто же сумняся, все это необычайное „дѣйство“, Бродниковъ осовѣлъ и ослабѣлъ уже окончательно. Дикая вспышка моментально пробудившейся въ немъ хмѣльной энергіи почти вдругъ угасла, чуть ли не съ его послѣднимъ восклицательнымъ знакомъ. Тяжело и хрипло дыша, неподвижно устался онъ мутными безмысленными глазами на пламя догоравшей свѣчи, едва ли имѣя еще хоть слабый проблескъ сознанія о своемъ поступкѣ, едва ли даже и помня то, что сдѣлано имъ за минуту назадъ. Въ глазахъ у него мутилось; колеблющееся пламя огарка превратилось вдругъ въ какіе-то огненные круги и колеса; вся комната—стѣны и портреты, мебель, чернильница и зеркало, бутылка и чайники—все это какъ будто ожило, завертѣлось, закружилось около него большими плавными кругами... Онъ попытался было подняться, но уже не могъ и грузно рухнулъ въ кресло, уткнувшись головою въ его мягкую спинку, а черезъ нѣ-

сколько мгновений впалъ въ тяжелый, мертвый сонъ человѣка, отравленнаго алкоголемъ.

То былъ сонъ безъ видѣній и грезъ, безъ чувствительности органовъ и безъ легкихъ пробужденій,—сонъ въ родѣ обморока, поглощающій въ себѣ все сознание и память человѣка о томъ, что было на яву въ минуты, предшествовавшія сну. Но первое ощущеніе, смутно почувствованное Бродниковымъ, было что-то въ родѣ толчевоу и тряски. Не понимая, гдѣ онъ и что съ нимъ, и кто и зачѣмъ его толкаетъ, съ трудомъ раскрылъ онъ наконецъ глаза и первое, что увидѣлъ, была фізіономія сторожа Макарова, который уже нѣсколько времени тщетно пытался растолковать заспавшагося канцеляриста.

— Вставайте, сударь! Вѣдь ужъ день на дворѣ... Эхъ вы заспались-то какъ! И не добудишься! Здорово, знать кулигнули... Хе-хе!... Да прочухайтесь же!—Вѣдь ужъ присутствіе—гляди—сейчасъ начнется... чиновники чуть не всѣ на-лицо, скоро господу сенаторы станутъ съѣзжаться... Эхъ, вы!

Бродниковъ смутно оглядѣлся вокругъ,—дѣйствительно, комната была полна дневнымъ свѣтомъ, но какъ онъ попалъ въ эту комнату, какимъ образомъ могъ въ ней очутиться,—этого, хоть убей, не могъ онъ припомнить! Голова его трещала отъ боли, во рту сказывалось что-то терпкое, сухое, члены отяжелѣли, и во всемъ тѣлѣ чувствовалась какая-то разбитость, дрожь и ломота.

— Фу, какъ мнѣ не хорошо! пробормоталъ онъ, кисло морщась и хватаясь за голову.

— Еще-бъ тѣ хорошо было! ухмыльнулся Макаровъ. — Чай, трещить не на шутку? Это ужъ какъ водится!... Пойдемъ, говорю, живѣй отсюда, пока не застали,—благо, я ужъ загодя убралъ и чайники, и бутылку, а то бѣда бы!...

— Куда идти-то? спросилъ Максюша, хлопая на сторожа недоумѣлыми глазами.

— Ну, вотъ тѣ, куда! Пойдемъ ко мнѣ въ подваль, въ сторожовскую... Первымъ дѣломъ помыться надо, ведро воды на голову вылить, а затѣмъ и опохмѣлиться не мѣшаетъ—рюмочку хватите, да коли къ этому еще кисленькой капусткой заѣсть—вотъ и поправитесь... У меня найдется! Пойдемъ-ка!

И Макаровъ по одной изъ черныхъ лѣстницъ подъ руку свелъ все еще нетвердаго въ походкѣ Бродникова въ свое подвальное обиталище, гдѣ у него дѣйствительно нашлась и рюмка водки, и капуста, и все что нужно для умыванья.

При усердной помощи этого самаго Макарова и по его рецепту, вся процедура освѣженія и „поправки“ была наконецъ исполнена, такъ что, спустя около часу, Максюша почувствовалъ себя уже значительно легче, свѣжѣе, и на столько бодрѣе, чтобы быть въ состояніи подняться на верхъ и усѣсться на свое обычное мѣсто.

Но, Боже, что за кутерьма, что за смятеніе поднялось тамъ наверху въ теченіе этого часа, употребленнаго имъ на „поправку“!..

Въ обычное время прїѣзжаетъ князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій, садится за свой генераль-прокурорскій столъ и вдругъ съ удивленіемъ видитъ на немъ какую-то бумагу. Что такое?—Взглянулъ и онѣмѣлъ отъ ужаса, словно столбнякомъ пораженный. Присутствіе было уже почти въ полномъ сборѣ; сенаторы глядятъ на Вяземскаго, и понять не могутъ, что съ нимъ вдругъ приключилось.

— Господа Сенатъ! Прошу быть свидѣтелями! собравшись съ мыслями, обратился онъ наконецъ къ присутствующимъ.—Здѣсь учинено небывалое, неслыханное, государственной важности преступленіе.

Сенаторы въ крайнемъ удивленіи поднялись со своихъ мѣстъ и одинъ за другимъ любопытно обступили столъ генераль-прокурора.

— Указъ Сенату, продолжалъ Вяземскій,—вчерашняго числа государыней императрицею данный, но полученный уже по окончаніи присутствія и потому положенный мною пока подъ суепо, я нахожу на моемъ столѣ исписаннымъ чьею-то дерзновенною рукою, опровергающею смыслъ высочайшей резолюціи, подъ самую подпись имени ея величества.

И генераль-прокуроръ показалъ сенаторамъ бумагу. Поднялось между ними оживленное движеніе, всѣ потянулись къ указу, всѣ нагнулись надъ нимъ,—кто съвозь очки, кто въ лорнетъ, кто съ ужазомъ, а кто съ простымъ любопытствомъ; разглядываютъ его со всѣхъ сторонъ, рассматриваютъ резолюцію, читаютъ высочайшую подпись и постороннюю приписку подъ нею. Говоръ недоумѣнія и негодованія пошелъ между сенаторами:

— Не быть по сему. Канцеляристъ Максимъ Бродниковъ: — Что такое? Что за диковина? Какая дерзость!.. Да полно, точно ли сіе въ явѣ? Ужъ не чудится ли намъ чепуха такая?.. Да что это за Бродниковъ? Кто таковъ?.. Канцеляристъ Бродниковъ... Съумасшедшій вѣрно? Гдѣ этотъ Бродниковъ? Откуда взялся таковой?

Генераль-прокуроръ позвонилъ въ колокольчикъ.

— Просить сюда оберъ-секретарей и позвать эзекутора! приказалъ онъ вошедшему курьеру.

Предстали и оберъ-секретари, предсталъ и сенатскій эзекуторъ предъ грозныя очи генераль-прокурора.

— Кто былъ вчера очереднымъ дежурнымъ по канцеляріи? сурово спросилъ князь Александръ Алексѣевичъ.

— Канцеляристъ Бродниковъ, почтительно доложилъ эзекуторъ.

— Бродниковъ?.. Такъ вотъ оно кто Бродниковъ! пошелъ разговоръ между сенаторами.—Вѣрно съ ума спятилъ, бѣдняга... Аль съ пьяну... Это не иначе!

— Подать его сюда въ сію минуту! крикнулъ Вяземскій.

Эзекуторъ и нѣсколько секретарей сразу бросились исполнять его приказаніе.

И вотъ тутъ-то и пошелъ по Сенату переполохъ съ вутерьюю. Кинулись за Бродниковымъ въ канцелярію: — „Бродниковъ!.. Канцеляриста Бродникова къ его сіятельству!.. Живѣ!.. Гдѣ Бродниковъ?.. Нѣтъ въ канцеляріи Бродникова!.. Отыщите Бродникова! Куда онъ исчезъ? Найдти въ сію секунду!“ — Поднялась бѣготня, смятеніе; чиновники въ ужасѣ и недоумѣніи шушукуются между собою, не зная еще толкомъ въ чемъ дѣло, но догадываясь, что стряслась какая-то бѣда, и—кто во что гораздъ—пускаются въ разныя догадки о причинахъ переполоха. А Вяземскій межъ тѣмъ неотступно требуетъ подать ему какъ можно скорѣе Бродникова. Пустились розыскивать Максюшу по всѣмъ отдѣленіямъ, по всѣмъ корридорамъ, угламъ и закоулкамъ—нигдѣ нѣтъ Бродникова!.. Кинулись въ сѣни, къ швейцару—не ушелъ ли, молъ? — „Нѣтъ, не уходилъ; епанечка здѣсь виситъ“. — Что за притча такая! Чиновникъ пропалъ вдругъ!.. И куда-бъ это онъ могъ запропасться!?

И вотъ въ разгарѣ этого самаго переполоха, поднявшись вверхъ по той же черной лѣстницѣ, входитъ въ канцелярію Максюша.

— Гдѣ васъ чортъ носитъ, шелопаи вы этакой! накинулся на него столоначальникъ: — Генераль-прокуроръ васъ требуетъ! Цѣлый часъ ожидаетъ!—Бѣгите живѣ!

У Бродникова упало сердце и лицо мгновенно поблѣднѣло. Хотя въ этотъ моментъ онъ менѣе всѣхъ могъ знать, въ чемъ дѣло и ради чего его требуютъ, но смутнымъ инстинктомъ догадался, что должно быть нѣчто не ладное, даже очень скверное... И съ такимъ-то тревожнымъ инстинктивнымъ убѣжденіемъ явился онъ предъ генераль-прокуроромъ.

— Это ты, сударь, былъ вчера дежурнымъ? сдержанно спросилъ его Вяземскій.

— Такъ точно, ваше сіятельство, почтительно поклонился Максюша.

— По окончаніи вчерашняго присутствія, продолжалъ князь:—появлялся кто нибудь въ Сенатъ, изъ своихъ или постороннихъ?

— Никого, ваше сіятельство.

— А самъ ты не входилъ въ эту комнату?

— Входилъ, ваше сіятельство.

— Въ такомъ разѣ, подойди-ка сюда, любезный... Ближе!.. Ближе! Еще ближе! Къ самому столу ступай!

Бродниковъ приблизился вплотную къ краю стола, и тутъ Вяземскій придвинулъ къ нему уже извѣстную бумагу.

— Это твоей руки писанье? строго, но все еще сдержанно спросилъ онъ.

Максимъ Степановичъ взглянулъ на бумагу, узналъ въ ней вчерашній указъ, повергшій его въ такое отчаяніе, и вдругъ, къ величайшему своему изумленію и ужасу, сталъ читать подъ именемъ императрицы: „Анъ не быть по сему! Не быть! Нѣтъ! Нѣтъ, не быть по сему! Канцеляристъ Максимъ Бродниковъ. Не быть!!!“

Бѣдный Максюша даже собственнымъ своимъ глазамъ не повѣрилъ. Что такое?— „Не быть“?!.. Какъ могли появиться такія слова?.. Неужели онъ самъ это сдѣлалъ?.. Возможно ли?!.. Но тутъ стоитъ его имя.—Что за притча такая?.. Какъ?.. Когда это?.. Точно ли мною?“

Онъ пристальнѣй взглянулся въ почеркъ: писано размашисто, хотя и не совсемъ твердо, но несомнѣннѣйшимъ образомъ его собственною рукою.

— Отвѣчай! еще строже приказалъ Вяземскій:—ты писалъ это?

— Рука моя, ваше сіятельство, упавшимъ голосомъ проговорилъ Бродниковъ.

— Несчастный! крикнулъ князь:—И ты осмѣлился?!.. На императорскомъ указѣ?!.. На подлинномъ?! Ты... ты...

Губы князя дрожали и все лицо его пылало величайшимъ гнѣвомъ.

Бродниковъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не понимая, какъ могло это случиться, но... „видно ужъ такъ, въ самомъ дѣлѣ, случилось! Это не миражъ, не сонъ, это точно писано его рукою.—Знать, Богу такъ было угодно!.. Его святая воля! подумалось ему.—Чтожъ, пропадать, такъ пропадать!.. Все равно, что смолчавъ пропадешь, что высказавши все, на чистоту... Господи! вразуми и поддержи меня!“

И онъ рѣшился твердо, безповоротно.

— Ваше сіятельство! перебилъ онъ Вяземскаго:—это точно сдѣлалъ я и готовъ за то принять жестокую кару. Я знаю доточно все это дѣло, и вижу, что рѣшено оно не по истинѣ, не по справедливости, а въ угоду сильному... Это „быть по сему“ можетъ лечь безславнымъ пятномъ на имя нашей великой государыни. Я не хочу этого! Вотъ почему учинилъ я сіе. Казните!

— Какъ!? Что?! завопилъ князь въ величайшей ярости:—Осуждать священную царскую волю?!.. Критиковать высочайшія рѣшенія?!.. И это здѣсь, предъ лицомъ Сената!.. Мальчишка... дерзновенный!.. Щенокъ!.. Господинъ экзекуторъ! обратился онъ къ пожилому чиновнику, стоявшему позади Бродникова:—арестовать его въ сей часъ же при сенатской гауптвахтѣ! Въ карцерь! Въ темную! Кандалы набить, яко государственному величайшія важности преступнику... Прочь съ глазъ моихъ, негодный!

Экзекуторъ взялъ Бродникова за рукавъ и вывелъ его изъ залы присутствія, а черезъ пять минутъ убитый горемъ, раздавленный своею судьбою Максюша уже сидѣлъ въ одиночной арестантской камерѣ сенатской гауптвахты.

Но... какъ ни какъ, а генераль-прокурору надо было, какими ни на есть судьбами поправить это дѣло, возстановить высочайшій указъ во всей его чистотѣ и первоначальной силѣ. Посовѣтовавшись съ сенаторами, онъ порѣшилъ—немедленно же отдать приказаніе „перебѣдить“ бумагу и, какъ только будетъ готова, тотчасъ же ѣхать съ

нею во дворецъ, тѣмъ болѣе что уже приближался часъ его обыкновеннаго четверговаго доклада государынѣ ¹⁾).

Черезъ четверть часа указъ былъ переписать, но генераль-прокуроръ, сильно встревоженный всѣмъ этимъ случаемъ, тѣмъ болѣе что по пріятельству съ Платономъ Зубовымъ онъ и самъ былъ не противъ уже положенной резолюціи,—отправляясь во дворецъ съ докладомъ, не захватилъ съ собою испорченнаго указа, а взялъ одну только новую съ него копію. Сдѣлалъ онъ это изъ тайнаго опасенія, чтобы государыня, увидя подлинникъ, не вознегодовала на распущенность сенатскихъ чиновниковъ, которой генераль-прокуроръ, какъ ближайшій начальникъ сенатской канцеляріи, конечно, есть первый потатчикъ и попуститель. Однимъ словомъ, князь Александръ Алексѣевичъ боялся „сугубой головомоки“.

Императрица въ это время года жила еще въ Зимнемъ дворцѣ. Собственное ея помѣщеніе находилось въ среднемъ этажѣ, подъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго Брюссовскаго ²⁾ дома, и помѣщеніе это было довольно ограниченное. Поднявшись по малой лѣстницѣ, генераль-прокуроръ вошелъ въ комнату, выходившую окнами на малый дворикъ, въ которой обыкновенно находились дежурныя при государынѣ лица и гдѣ за ширмами стоялъ письменный столъ съ приборомъ для статсъ-секретарей и другихъ дѣловыхъ особъ, на случай экстреннаго отправленія какихъ-либо приказаній ея величества. Здѣсь въ десяти часамъ утра ежедневно собирались санктъ-петербургскій оберъ-полиціймейстеръ съ дневнымъ рапортомъ, а также статсъ-секретари и министры, имѣвшіе въ тотъ день очередные доклады. Впрочемъ, князь Безбородко пріѣзжалъ въ одиннадцатомъ часу утра, а генераль-прокуроръ, смотря по дѣламъ, иногда и еще позднѣе, такъ какъ государыня обыкновенно продолжала заниматься докладами ровно до полудня. Изъ „дежурной комнаты“ одна дверь направо вела въ „бриллиантовую комнату“, а другая налево—въ спальную, гдѣ государыня и принимала всегда доклады. Здѣсь, почти у самыхъ дверей изъ уборной, стояли два выгибные столика, обращенные своими впадинами одинъ къ стулу императрицы, стоявшему у самой стѣны, а другой въ противоположную сторону, и предъ этимъ послѣднимъ столикомъ тоже находился стулъ—для докладчика.

Князь Вяземскій, въ ожиданіи окончанія доклада одного изъ статсъ-секретарей, приказалъ дежурному камердинеру, всегда безотлучно стоявшему въ это время у дверей спальни, доложить о себѣ ея величеству, какъ только она обычнымъ звонкомъ дастъ ему знать, что входитъ къ ней свободенъ.

¹⁾ Для докладовъ генераль-прокурора въ царствованіе Екатерины назначенными днями были понедѣльникъ и четвергъ.

²⁾ Гдѣ нынѣ штабъ войскъ гвардіи и Петербургскаго округа и музей Министерства Государственныхъ Имуществъ.

И вотъ, менѣ чѣмъ черезъ полчаса дежурный камердинеръ по-дошелъ къ генераль-прокурору, почтительно промолва: „пожалуйте!“

Князь Александръ Алексѣевичъ, переступя за порогъ спальни, отдать государынѣ глубокой и низкій поклонъ, въ отвѣтъ на который она милостиво протянула ему для поцѣлуя свою бѣлую, прекрасно-созданную руку. На ея головѣ въ эти часы по обыкновенію надѣтъ былъ бѣлый флеровой чепецъ, сбитый нѣсколько на лѣвую сторону, а на себя накинута бѣлая же гродетуровый плафрокъ. Не смотря на шестидесяти-однолѣтній возрастъ, императрица сохраняла еще достаточную свѣжесть лица, прекрасный бюстъ и руки; всѣ ея зубы были еще въ полной цѣлости и потому она говорила твердо, безъ старческаго пришипетыванья, только нѣсколько грубоватымъ, какъ бы мужскимъ-голосомъ.

Вяземскій засталъ ее по обыкновенію въ очкахъ, которыя она подъ старость стала надѣвать въ случаѣ необходимости писать или читать что-либо, причемъ для этого послѣдняго занятія, кромѣ очковъ, употребляла еще и большое увеличительное стекло, оправленное въ бронзовый ободокъ съ такою же ручкой. Доложивъ ея величеству всѣ свои наличныя дѣла, князь однако же не поднялся съ мѣста, а только приложивъ и, потупивъ глаза и голову, какъ бы замаялся въ какой-то нерѣшительности.

— Есть у васъ, князь, до меня еще что нибудь? спросила Екатерина.

— Есть, ваше величество, объявилъ онъ смущеннымъ голосомъ: но только, право, не знаю, какъ ужъ и доложить вамъ объ этомъ.

— А что такое? Я готова слушать! со снисходительною улыбкой поощрила его государыня.

— Да вотъ... вчерашній вашего величества указъ Сенату по дѣлу Москотиньевой съ Зубовымъ...

— Что-жъ такое?... Я уже подписала его.

— Да, но онъ... онъ, ваше величество—простите!—нечаянно облить чернилами, такъ что даже резолюція вашей руки и подпись высочайшаго имени залиты окончательно до такой степени, что оныхъ и разобрать теперь невозможно.

— Неужели?.. Какой однако случай! удивленно подняла Екатерина свои брови.

— Наиприскорбнѣйшій случай, ваше величество... разводя руками, вздохнулъ генераль-прокуроръ:—и учинилось это по неосторожности токмо и недовкости одного молодого канцеляриста, а потому (при этомъ князь досталъ изъ портфеля перебѣленную бумагу) приѣмлю смѣлость представить вашему императорскому величеству доточный списокъ съ того указа и всеподданнѣйше прошу—не благоугодно ли будетъ подписать его снова?

Екатерина нѣсколько поморщилась и отвѣтила не сразу.

— Да гдѣ же прежній? спросила она, подумавъ.

— Ваше величество! опять разводя руками и почтительно склоняясь головой и корпусомъ, заговорилъ князь Вяземскій:—прежній указъ столь много испачканъ, что я не осмѣлился... не почелъ приличнымъ представить его на воззрѣнiе вашего величества.

— Напрасно, князь, совершенно напрасно. Слѣдовало бы и его захватить съ собою; нужды нѣтъ, что испачканъ.

— Да, но что-жъ дѣлать, государыня!.. Простите, не дерзнулъ, тѣмъ болѣе, что случай столь необычайный... Такъ вотъ, ваше величество, слегка вздохнулъ генераль-прокуроръ, подвигая къ государынѣ бумагу:—соблаговолите.

— Нѣтъ, Александръ Алексѣевичъ, рѣшительно возразила Екатерина, —я хочу видѣть прежній, и пока не увижу его, до тѣхъ поръ не подпишу вамъ вторично.

— Но, ваше величество...

— Безъ всякихъ „но“, любезный князь!.. Это моя воля, мой капризъ пожалуй, — считайте какъ хотите, но я уже такъ рѣшила себя это.

— Въ такомъ случаѣ,—поднялся съ мѣста Вяземскій:—разрѣшите, государыня, я въ сію же минуту поѣду и привезу его.

— Мм... Зачѣмъ же это? Къ чему самимъ вамъ трудиться!.. Это и простой курьеръ можетъ исполнить.

— Все равно, государыня...

— Нѣтъ, князь, рѣшительно возразила Екатерина:—я желаю, чтобы вы оставались здѣсь: мнѣ надо еще кое о чемъ переговорить съ вами, а вы вотъ пока пожалуйста, распорядитесь сейчасъ же послать въ Сенатъ курьера.

Нечего дѣлать! Сколь ни не хотѣлось князю, а пришлось повиноваться,—и менѣе чѣмъ черезъ двадцать минутъ прежній указъ уже былъ врученъ дежурнымъ камердинеромъ генераль-прокурору.

— И такъ, позвольте мнѣ его сюда! протянула императрица руку.

Князь Александръ Алексѣевичъ крайне смутился, и хотя при этомъ немножко поперхнулся и откашлялся, но учинилъ это ровно на столько, чтобы побороть свое смущеніе, овладѣть собою.

— Всемиловѣйшая государыня! заговорилъ онъ, покорно склонивъ свою голову,—я виноватъ передъ вашимъ величествомъ, что, желая спасти чиновника отъ справедливаго вашего гнѣва и принявъ въ разсужденіе токмо его молодость и неразуміе, я не со всею точностію осмѣлился доложить вамъ объ этомъ случаѣ: указъ вашего величества не чернилами облить, а исписанъ продерзкимъ и безумнымъ челоуѣкомъ. Вотъ онъ.

И генераль-прокуроръ почтительно подаль ей бумагу.

Съ изумленіемъ взглянула Екатерина на слова: „анъ не быть по сему“—и задумалась.

Вяземскій межъ тѣмъ съ нѣкоторою душевною истомой ожидалъ ея рѣшающаго слова или дѣйствія.

— Можетъ ли быть, заговорила наконецъ государыня, — чтобы человекъ добровольно сталъ искать себѣ погибели? Подумайте, откуда въ ничтожномъ бѣднякѣ взялось столько духа, чтобы пререкать мой приговоръ?!

— Дерзость и безуміе!.. вымолвилъ князь, какъ бы въ поясненіе — откуда.

— Гм... Такъ вы находите въ семъ случаѣ только дерзость и безуміе? переспросила его государыня: — ну, а я вижу въ немъ гораздо болѣе.

При этихъ вѣсскихъ словахъ, произнесеннымъ вдобавокъ весьма внушительнымъ тономъ, князь Александръ Алексѣевичъ, что называется, „смялъ маленько сердцемъ“ и смутился: ему уже показалось, что вотъ-вотъ начнется грозный выговоръ за потворство, потатчество, попустительство и небреженіе со стороны собственно его, господина генераль-прокурора. Поэтому онъ уже заранѣе покорно склонилъ предъ государыней свою повинную голову.

— Признаюсь вамъ, продолжала межъ тѣмъ Екатерина, — я сдалась на доказательства вашего доклада, я согласилась съ толкованіемъ извѣстныхъ пунктовъ закона господами Сенатомъ, но... знайте, князь, что въ глубинѣ души моей я не была довольна рѣшеніемъ этого дѣла. Признайтесь откровенно, кто сочинялъ этотъ докладъ?

— Одинъ изъ моихъ секретарей, государыня.

— Вы сами при этомъ хорошо прослѣдили все дѣло по документамъ?

— Ваше величество, виновать!.. При толикомъ множествѣ моихъ работъ и разнообразныхъ занятіевъ, — какъсь, не успѣлъ съ должнымъ вниманіемъ просмотрѣть его.

Екатерина съ мягкою укоризной покачала на него голову.

— То-то, Александръ Алексѣевичъ; оно и видно, что не чель сего дѣла, замѣтила императрица: — а прочетши, какъ несумнительно честный человекъ, увѣрена, что ты не пропустилъ бы ко мнѣ подобнаго доклада и проекта такого указа Сенату. Я не только, можетъ быть, хитростями разума, искуснаго въ законахъ, сколько простымъ бабьимъ сердцемъ своимъ чую, что въ этомъ дѣлѣ пункты закона, можетъ быть, и на вашей сторонѣ, но истина и справедливость едва ли. И вотъ, мой милый, случай, повидимому продерзостный, гдѣ однако же персть Божій ясно указываетъ мнѣ мое неправосудіе. Въ сущности, я даже очень благодарна твоему канцеляристу. Пожалуй-ста, князь, приказала она въ заключеніе, — распорядитесь немедленно прислать ко мнѣ все это дѣло сполна, со всѣми его документами, — я съ нарочитымъ вниманіемъ сама его перечитаю.

Воля государыни была исполнена, и черезъ трое сутокъ Екатерина вручила генераль-прокурору совершенно иное рѣшеніе. Восторжествовалъ не Зубовъ, а дворянка Москотиньева.

— Кстати, князь, сказала при этомъ государыня Вяземскому, — какъ распорядились вы съ этимъ канцеляристомъ вашимъ?

— Ваше величество, онъ тотчасъ же былъ подвергнуть мною строгому аресту на сенатской гаутвахтѣ, а нынѣ уже преданъ суду.

— Нѣтъ, князь! съ живостію и участіемъ сказала императрица, — Бога ради, нѣтъ!... Я не хочу этого. Освободите его сегодня же отъ всякаго слѣдствія и суда, предавъ поступокъ его забвенію.

— Государыня, возразилъ генераль-прокуроръ:—поступокъ оный успѣлъ уже получить по всему Сенату толикую огласку, что оставить чиновника сего на его должности почитаю невозможнымъ, тѣмъ паче, что, какъ оказалось, прoderзость его была учинена въ пьяномъ состояніи, на дежурствѣ.

— Ну, хорошо, согласилась императрица, — дабы напередъ и другимъ не повадно было пререкать своими подписями наши указы, ты можешь въ наказаніе исключить канцеляриста изъ службы, съ тѣмъ чтобы напередъ по статскимъ дѣламъ его не опредѣлять вовсе, но и только.

Вяземскій поклонился въ знакъ согласія, и воля государыни была исполнена, а на слѣдующій день Марья Даниловнѣ Москотиньевой официально врученъ высочайшій указъ по ея дѣлу, уже отпечатанный въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“.

Кто изобразить, какой носъ неожиданно былъ наклеенъ всѣмъ законникамъ, изъ угодовности къ Платону Зубову порѣшившимъ дѣло въ пользу его отца, какъ вознегодовалъ и возроптавъ этотъ отецъ на государыню, — „отъ коей, признаюсь, не ожидалъ такого себѣ affrontу“, — какой скрежетъ зубовой поднялъ господинъ Отстепенскій, въ сущности, главный орудователь, который и подвелъ-было всю эту каверзу съ первоначальнымъ рѣшеніемъ дѣла; господинъ Отстепенскій грызъ себѣ ногти отъ злости и „конфуза“ на то обстоятельство, что, желая показать себя въ глазахъ Москотиньевой вліятельною особой, онъ оказался жалкимъ нулемъ и каверзникомъ, и все это благодаря „не бытъ по сему“ какого-то канцеляриста Бродникова!...

Но за то какая радость, какое ликованіе, какія слезы и молитвы благодарности и благословенія имени справедливой государыни наполнили одну изъ комнатъ въ „стоялыхъ нумерахъ“ у Семеновскаго моста, когда въ этой комнатѣ сошлись Марья Даниловна съ дочерью послѣ объявленія имъ высочайшаго указа и Максюша Бродниковъ послѣ освобожденія его изъ-подъ ареста!

— Ну, вотъ, Максюша, теперь, пожалуй, женись на Аннушкѣ! — говорила ему Москотиньева, — и хотя ты не достигъ до чина сенатскаго секретаря, а напротивъ тому, даже исключенъ изъ службы, но ей-Богу, я даже радуюсь этому обстоятельству: по крайней мѣрѣ, уѣдемъ во свояси и заживемъ всѣ вмѣстѣ, въ любви да въ согласіи! Радуюсь и тому, что ты не принадлежишь болѣе къ этому сословію, къ этому гнусному красивому сѣмени; теперь ты къ землѣ возвращаешься и держись же, голубчикъ, за землю — кормилицу нашу, да и сыновей твоихъ, коли Богъ благословитъ, не пускай по штатской, а наипаче

по судейской, а уж пусть они, какъ и отцы ваши, служатъ въ военномъ фронтѣ,—по крайности, хоть лобъ свой честно будутъ подставлять за царя и отечество!

Исполнились современемъ и всѣ эти желанія почтенной Марьи Даниловны: Максюша женился на Аннушкѣ—и черезъ годъ обѣ бабушки-приятельницы уже нянчили своего перваго внука, а двадцать два года спустя, этотъ внукъ дрался подъ Бородинымъ и Тарутинымъ, а въ послѣднюю нашу войну, въ одинъ изъ ненастныхъ осеннихъ вечеровъ, въ офицерской землянкѣ, на позиціи подъ Плевной, молодой внукъ этого внука рассказывалъ автору всю эту исторію, какъ завѣтное семейное преданіе, свято сохранившееся въ родѣ дворянъ Бродниковыхъ.

Всеволодъ Крестовскій.

СЫНЪ СУВОРОВА.

ВЕЛИКАГО Суворова былъ единственный сынъ Аркадій Александровичъ. Онъ не оставилъ по себѣ такого замѣтнаго слѣда въ Русской исторіи, какъ его отецъ. Личность его едва только мелькнула на исторической сценѣ и—исчезла... Суворовъ-сынъ умеръ въ цвѣтъ возраста и силъ. Но какъ и гдѣ умеръ?... Въ преждевременной смерти его есть нѣчто загадочное, есть какая-то особенная историческая случайность. Она служитъ какъ бы эпилогомъ бурной, исполненной отваги, всевозможныхъ воинскихъ тревогъ и опасностей, жизни Суворова-отца... Нельзя закончить біографіи Суворова-отца, не сказавши ничего о смерти Суворова-сына... Цѣль настоящей исторической замѣтки и состоитъ именно въ томъ, чтобы сообщить подробности объ этой смерти, на основаніи документальныхъ данныхъ, до сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ кажется неизвѣстныхъ. Но предварительно считаемъ нелишнимъ свести во-едино и всѣ вообще біографическія черты Суворова-сына, какія только намъ удалось собрать изъ печатныхъ источниковъ.

Сынъ Суворова родился въ 1780 г. ¹⁾ Съ юныхъ лѣтъ конечно онъ испытывалъ на себѣ вліяніе оригинальнаго нравственнаго характера своего отца. Вотъ напр. какой анекдотъ относительно этого разсказанъ извѣстнымъ германскимъ поэтомъ-патріотомъ Эрн. Мор. Арндтомъ въ его „Воспоминаніяхъ о пребываніи въ Россіи“. Когда единственному сыну Суворова минуло 17-ть лѣтъ, отецъ захотѣлъ представить его императрицѣ Екатеринѣ ²⁾. Онъ вошелъ съ нимъ въ прихожую, наполненную ожидающими и прислужниками. Всѣхъ поразилъ костюмъ юноши. Отецъ одѣлъ его такъ, какъ одѣвали пажей во вре-

¹⁾ См. Родословіе Суворовыхъ въ „Русской Старинѣ“ 1872 г., т. VI, стр. 409.

²⁾ Здѣсь—въ показаніи лѣтъ Суворова-сына (17 л.)—какая-нибудь ошибка. Если онъ родился въ 1780 г., то по исполненіи 17 лѣтъ онъ не могъ уже видѣть Екатерины, такъ какъ она умерла еще въ 1796 г.

мена Петра Перваго. Старики, имѣвшій всегда свободный доступъ къ императрицѣ, по привычѣ своей болѣе бѣгать чѣмъ ходить, проскочилъ сквозь разступившуюся толпу вмѣстѣ съ сыномъ и схватился за ручку двери, какъ будто хотѣлъ войти къ государынѣ. Но вдругъ онъ столь же быстро побѣжалъ назадъ на середину залы, простоялъ тамъ нѣсколько мгновений, какъ будто въ раздумьи, и затѣмъ цѣлый часъ водилъ своего сына вокругъ комнаты, заставляя его влаться всѣмъ присутствовавшимъ. Онъ началъ съ самыхъ знатныхъ, при чемъ собственноручно и лишь весьма немного наклонялъ голову сына; онъ все увеличивалъ поклоны, по мѣрѣ того какъ переходилъ къ лицамъ менѣе чиновнымъ и, дошедши наконецъ до истопника, разводившаго огонь въ каминѣ, онъ наклонилъ голову юнши до самой земли. Затѣмъ онъ поднялъ его и сказалъ торжественно и громко, такъ что это было слышно во всей залѣ: „сынъ мой, ты сегодня начинаешь жить самостоятельно; не забывай великаго урока, который я пожелалъ тебѣ дать. Смотри! эти господа (указывая на знатнѣйшихъ) уже стали всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могли сдѣлаться, тѣ же еще могутъ всего достигнуть“¹⁾!. Такъ-то училъ своего сына Суворовъ великой истинѣ уважать людей самаго повидимому низшаго разряда—училъ, приспособлялъ къ духу и обычаямъ своего времени, когда была такая обширная арена для случайныхъ людей, училъ съ обыкновенною своей шутовской манерой...

На двадцатомъ году жизни, сынъ Суворова получилъ возможность видѣть и, такъ сказать, непосредственно воспринимать и военный гений своего великаго отца. Въ эту пору воинскій талантъ, а вмѣстѣ съ нимъ и воинская слава знаменитаго русскаго полководца, достигли высшей точки своего развитія. Въ февралѣ 1799 года, семидесятилѣтній, но еще полный воинскаго жара, Суворовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ русскихъ и австрійскихъ войскъ въ Итальянскомъ походѣ противъ французовъ. Опять начались Суворовскіе подвиги, неразлучныя съ именемъ Суворова побѣды... Французскіе генералы Моро и Серрюрье были разбиты—одинъ при Лекко и Треццо, а другой—при Вердеріо. Императоръ Павелъ, получивъ извѣстіе объ этихъ побѣдахъ, велѣлъ диакону возгласить въ концѣ благодарственнаго молебна: „высокоповелительному фельдмаршалу графу Суворову-Рымникскому многая лѣта!“ и послалъ побѣдителя свой портретъ. Сынъ Суворова былъ въ это время камеръ-юнкеромъ при дворѣ. Государь ради заслугъ отца сдѣлалъ его генераль-адъютантомъ и отправилъ его къ отцу—въ Италію. На прощаньи государь сказалъ ему: „поѣзжай и учись у него, лучше примѣра тебѣ дать и въ лучшія руки отдать не могу“²⁾. Такимъ образомъ юный сынъ

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 0108—0109.

²⁾ „Послѣднее четырехлѣтіе жизни Суворова“—статья М. Д. Хмырова, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1871 г., стр. 1759—60. Въ „Исторіи Суворова“ покойнаго Н. По-

Суворова былъ при отцѣ до окончанія Итальянскаго похода, а вслѣдъ затѣмъ участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ и въ походѣ въ Швейцарію—и переходилъ значить вмѣстѣ съ отцомъ Альпы... Дѣйствительно, лучшей воинской школы онъ пройти не могъ...

Въ 1809 году мы встрѣчаемъ сына Суворова начальникомъ дивизіи въ корпусѣ русскихъ войскъ, назначенномъ дѣйствовать противъ Австріи, на помощь Франціи, по условію, заключенному между императоромъ Александромъ I и Наполеономъ въ Эрфуртѣ. Отъ этого времени мы имѣемъ „Памятныя записки“ графа Павла Христофоровича Граббе, напечатанныя въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 года. Благодаря воспоминаніямъ Граббе, мы имѣемъ возможность поближе познакомиться съ личностью Суворова-сына — почти наканунѣ его смерти.

„Дивизія князя Аркадія Александровича Суворова, сына безсмертнаго Суворова, къ которой мы принадлежали, — такъ рассказываетъ Граббе, — назначена была въ дѣйствующій корпусъ войскъ, подъ предводительство князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына вѣрренный. Но Ермоловъ (извѣстный А. П., у котораго Граббе былъ адъютантомъ) оставленъ былъ съ кадрами корпуса для сформированія резерва. Квартира его перенесена была въ Кіевъ (изъ Любара на Волни). Кадръ нѣкоторыхъ полковъ были оставлены въ большомъ безпорядкѣ. Нужны были объясненія съ командирами полковъ, выступавшихъ въ Галицію. Я былъ отправленъ туда. Въ Тарновѣ я догналъ главную квартиру и засталъ Суворова. Связанный дружбою съ Ермоловымъ и вообще очень доступный, онъ принялъ меня съ простодушною ласкою и тотчасъ повелъ къ главнокомандующему, князю Голицыну. Приѣмъ его былъ пріятный. Меня оставили обѣдать. За столомъ сидѣло чело-вѣкъ сорокъ, и военная свобода съ приличіемъ оживляла общество, свидѣтельствуя объ умномъ радушіи вельможи хозяина. Послѣ стола князь Суворовъ ввелъ меня въ болѣе близкое общество, въ небольшую гостинную главнокомандующаго. Также ободрительная пріятность встрѣтила меня и тамъ. Изъ Тарнова я отправился вмѣстѣ съ кн. Суворовымъ въ Величку, гдѣ была его квартира. Пробѣдомъ черезъ Бохнію спускались мы въ соляныя копи, уступающія важностью Величкѣ, но весьма замѣчательныя. Въ Величкѣ я жилъ у князя и былъ свидѣтелемъ безпорядочной, солдатской его жизни.

левого это обстоятельство рассказано такъ: „При благодарственномъ молебствіи въ Петербургѣ по повелѣнію императора провозглашено было многогѣтіе высокопоставленному фельдмаршалу графу Суворову-Рымнинскому. Сынъ Суворова, бывшій въ церкви, заплакалъ и упалъ на колѣни предъ императоромъ, говоря: „Простите, величество!“ — „Хваляю за любовь къ отцу“, отвѣчалъ императоръ. Изъ камеръ-юнкеровъ былъ онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты и посланъ въ Италію. „Сыну героя неприлично быть въ придворной службѣ“, писалъ императоръ Суворову. — „Учись у отца побѣждать враговъ!“ сказалъ онъ юному Суворову на прощаньи (стр. 2 и 3).

Князь Суворовъ былъ высокаго роста, бѣлокурый, примѣчательной силы и одинъ изъ прекраснѣйшихъ мужчинъ своего времени. Съ природнымъ, яснымъ умомъ, пріятнымъ голосомъ и мѣткимъ словомъ, съ душою, не знавшею страха ни въ какомъ положеніи, съ именемъ безсмертнымъ въ войскѣ и народѣ, онъ былъ идоломъ офицера и солдата. Воспитаніе его было пренебрежено совершенно. Онъ кажется ничему не учился и ничего не читалъ. Страсть къ игрѣ и къ охотѣ занимала почти всю его жизнь и въ конецъ разстроила его состояніе. Но таковы были душевная его доброта и вся высокая его природа, что невозможно было его не уважать и еще менѣе не полюбить его. Краковъ былъ занятъ авангардомъ дивизіи кн. Суворова подъ начальствомъ графа Сиверса. Онъ посѣлъ туда прежде польскихъ войскъ и, хотя въ союзѣ съ ними, рѣшено было кажется не впускать ихъ въ городъ; но князь Іосифъ Понятовскій требовалъ непремѣнно и даже угрозительно быть впущеннымъ. Наши войска были готовы, не смотря на свою малочисленность, по ненависти къ полякамъ, отразить ихъ оружіемъ и умоляли графа позволить имъ открыть огонь. Но онъ не рѣшился на то, и послѣ короткихъ переговоровъ польскія войска вступили въ Краковъ и заняли его совмѣстно съ нашими. Взаимная народная ненависть стала обнаруживаться ежедневными дуэлями между офицерами, даже между солдатами. Караулы были обоюдны, гауптвахта противъ гауптвахты и разъ одна атаковала другую. Были убиты и ранены. Зачинщиками были наиболѣе поляки, которыхъ дисциплина была слабѣе нашей. Положеніе графа Сиверса было невыгодно въ присутствіи князя Іосифа Понятовскаго, блистательнаго, любимаго, среди народа ему преданнаго. Князь Суворовъ для прекращенія всѣхъ безпорядковъ и недоразумѣній рѣшился самъ перенести свою квартиру въ Краковъ. Мы отправились туда верхомъ. Помню этотъ вѣздъ къ Краковъ. На всѣхъ лицахъ видно было сильнѣйшее возбужденіе. Одной искры было бы достаточно, чтобы зажечь общій пожаръ и залить кровью улицы города. Время было пріѣхать самому Суворову и своимъ грознымъ хладнокровіемъ успокоить волненіе. Князь Понятовскій первый посѣтилъ его, и я былъ свидѣтелемъ свиданія довольно страннаго. Суворовъ принялъ его въ одной рубашкѣ, сидя, потому что надѣвалъ въ это время панталоны. Умный и ловкій Понятовскій нисколько такимъ пріемомъ несмѣшанный, принялъ тотчасъ пріязненный тонъ, такъ что они разстались и потомъ остались на дружественной ногѣ. Все враждебное стихло по наружности въ Краковѣ, началась бѣшеная игра, веселости, волокитство, въ которомъ побѣда, тамъ гдѣ было между ими совмѣстничество, осталась за Суворовымъ. Сію минуту пришли мнѣ на память слова князя Суворова еще въ Величкѣ, при полученіи послѣднихъ одно за другимъ тревожныхъ извѣстій, часто для насъ уничтожительныхъ изъ Кракова. Обратившись ко мнѣ: „я хотѣлъ,—сказалъ онъ,—поручить авангардъ А. П. Ермолову, а не графу Сиверсу, и

тогда не знаю, что бы было, а было бы не то. Скажи это ему отъ меня". Наша кампанія была окончена. Австрійцы занимали Подгурже, и аванпосты стояли мирно одни противъ другихъ. Съ нетерпѣніемъ ожидались вѣсти изъ Вѣны съ берега Дуная, гдѣ рѣшался жребій войны между Наполеономъ и эрцъ-герцогомъ Карломъ. Аспернскій бой, бѣдственный для перваго, послѣдствія котораго могли бы казаться быть рѣшительнѣе, обрадоваль насъ и навелъ уныніе на поляковъ, ненавистныхъ нашихъ союзниковъ; но шесть недѣль позже Ваграмское сраженіе дало войнѣ привычный тогда побѣдный оборотъ Наполеону. Поляки торжествовали. Въ промежуткѣ я попросился у князя Суворова съ нѣкоторыми офицерами взглянуть на аванпосты австрійцевъ предъ Подгуржемъ. Мы подѣхали къ нимъ такъ близко, что привели ихъ въ движеніе. Офицеръ, ими командовавшій, подѣхалъ къ намъ спросить, чего мы хотимъ. Я отвѣчалъ, что желаемъ взглянуть на сѣрные ключи Подгуржа. Онъ послалъ спросить приказанія старшаго, и насъ чрезъ нѣсколько минутъ ожиданія вѣжливо пригласили въ Подгурже. Насъ приняли обязательно, и мы въ тотъ же вечеръ возвратились въ Краковъ. Эта выходка не совсѣмъ понравилась князю Суворову, нехотѣвшему податъ полякамъ явнаго повода упрекать насъ въ доброжелательствѣ австрійцамъ. Ни времени, ни обстоятельство возвращенія моего въ Кіевъ не припомню. Я жилъ съ А. П. Ермоловымъ во флигелѣ дома Оболенской, въ то время одного изъ лучшихъ въ Кіевѣ. Хозяйка, сама занимавшая домъ, не могла намъ доставить собою пріятнаго общества; развѣ забавлять своими странностями, дошедшими впослѣдствіи до помѣшательства. Обращусь опять къ князю Суворову, съ которымъ и въ воспоминаніи расстаюсь не охотно. Возвращаясь съ нимъ послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Краковѣ опять въ Величку, въ мѣсячную ночь, верхомъ, я ѣхалъ рядомъ съ нимъ; другіе, отставши, по-одаль. Мы разговаривали о разгульной жизни въ Краковѣ, не смотря на взаимную вражду нашу съ поляками; и я, предаваясь совершенно откровенности съ чело-вѣкомъ искренно мною любимымъ, сказалъ между прочимъ, какъ невыгодно и даже вредно должно было быть для насъ въ глазахъ поляковъ поведеніе нѣсколькихъ старшихъ нашихъ генераловъ, напри-мѣръ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго и другихъ, дни и ночи проводившихъ въ карточной игрѣ, пирахъ и разгульѣ. Тогда только вспомнилъ я, что попалъ, какъ пословица говорить, „не въ бровь, а прямо въ глазъ". Я взглянулъ на князя и замѣтилъ легкую краску на его прекрасномъ лицѣ, безъ малѣйшаго выраженія неудовольствія. Обращеніе его со мною до конца осталось по прежнему самое обязательное. Не прошло двухъ лѣтъ послѣ этого, какъ переведенный въ Молдавскую армію, этотъ молодой герой, полный надеждъ, всѣми любимый, переѣзжая (не смотря на убѣжденія въ невозможности переѣзда), по привычному безстрашію, въ коляскѣ съ генералъ-маіоромъ Удомомъ, Рымникъ (ничтожный ручей, но тогда надувшійся отъ навод-

нея), былъ опрокинутъ и увлеченъ быстротою. Удомъ былъ спасенъ, а Суворовъ отыскавъ уже трупомъ въ той же рѣкѣ, которой славное названіе Римникскаго онъ наследовалъ отъ отца, въ память безсмертной побѣды. Горестъ арміи была общая, и стѣны церкви въ мѣстечкѣ Римникѣ еще въ 1828 году были покрыты изъявленіями въ стихахъ и прозѣ участія многихъ русскихъ въ общей потерѣ. И это передъ 12-мъ годомъ, въ которомъ бы онъ вѣрно занялъ важное и славное мѣсто. Послѣ него два сына носить это трудное имя ¹⁾“.

Вотъ объ этой-то странной по своей случайности и по нѣкоторому чрезвычайному совпаденію смерти сына Суворова, „молодаго героя, полнаго надеждъ“, мы и хотимъ теперь сообщить документальныя подробности. Сколько намъ извѣстно, онѣ не были еще нигдѣ разсказаны. Кромѣ краткаго извѣстія въ „Исторіи Суворова“ Николая Полеваго, да только-что приведенныхъ нами строкъ изъ воспоминаній Граббе, мы нашли упоминаніе объ этомъ фактѣ въ письмахъ Кутузова къ женѣ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1872 г. Кузузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Молдавской арміи, послѣ графа Николая Михайловича Каменскаго, тоже молодого героя, блистательно заявившаго себя въ недавно передъ этимъ бывшей Финляндской войнѣ, въ высшей степени успѣшно начавшаго было вести войну противъ турокъ, по назначеніи въ 1810 году главнокомандующимъ Молдавской арміи послѣ Багратіона, но скоро, именно въ началѣ 1811 года, сраженнаго какою-то неразгаданною болѣзнію, постигшею его въ Яссахъ. Въ письмѣ къ женѣ изъ Бухареста, отъ 15-го апрѣля 1811 г., Кутузовъ извѣщаетъ о предсмертной болѣзни одного молодого русскаго героя, и о смерти другаго. Вотъ что онъ пишетъ:

„Сегодня ѣдетъ адъютантъ Каменскаго въ Петербургъ... Кромѣ болѣзни бѣднаго Николая Каменскаго (котораго я очень люблю и жалѣю)... здѣсь все хорошо. Только сдѣлалось печальное приключеніе третьяго дни: князь Суворовъ былъ въ Бухарестѣ, гдѣ стоитъ его дивизія, пріѣхалъ къ рѣкѣ Римнику, которая такъ, какъ здѣшнія рѣки, вдругъ наводнилась. Всѣ тутъ бывшіе, вида невозможность, уговаривали не ѣхать въ бродъ; но онъ по упрямству никого не послушался и поѣхалъ; коляску оборотило вверхъ дномъ, три человекъ спаслись, а онъ утонулъ. Съ симъ адъютантомъ посланъ рапортъ. Замѣчательно то, что на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ отецъ его побѣдилъ и названъ Римникскимъ, онъ прежде переломилъ руку, а послѣ утонулъ. Былъ добрый человекъ и всѣми здѣсь любимъ“ ²⁾.

Въ архивѣ Кишиневскаго губернскаго правленія есть „Дѣло о смерти генераль-лейтенанта графа Суворова-Римникскаго и объ описаніи имѣ-

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1873 г.: „Изъ памятныхъ записокъ графа П. X. Граббе“, стр. 831—836.

²⁾ „Русская Старина“ 1872 г., т. V, стр. 262.

ніа его, тутъ же и о перевезеніи тѣла его Московской губерніи въ Воскресенскій монастырь—19-го апрѣля 1811 г.—на 37-ми листахъ.“ Дѣло это находится въ разрядѣ „Дѣлъ гг. сенаторовъ, предсѣдательствовавшихъ въ диванахъ Молдавіи и Валахіи“ во время занятія ихъ Русскою арміею въ Турецкую войну 1808—1811 г. ¹⁾ Изложимъ содержаніе этого дѣла, причѣмъ наиболѣе интересныя въ настоящемъ случаѣ документы приведемъ цѣликомъ.

17-го апрѣля 1811 года, рымникскій исправникъ Дмитрій Николеско послалъ изъ Фокшанъ сенатору, предсѣдательствующему въ диванахъ Молдавіи и Валахіи, тайному совѣтнику Василю Ивановичу Красно-Милашевичу, слѣдующее увѣдомленіе:

„Изъ приложенной при семъ увѣдомительной копіи, полученной мною отъ капитана города Рымника... подробно сдѣлается вашему превосходительству извѣстнымъ о несчастномъ привлеченіи съ утонувшимъ графомъ Суворовымъ. Въ ту минуту, какъ получилъ я это увѣдомленіе, немедленно отправился туда лично, чтобы распорядиться объ отысканіи тѣла его сіятельства, и о всѣхъ подробностяхъ этого несчастія я со всею полнотою донесу вашему превосходительству. Въ настоящую же минуту не могу по обязанности своей доставить вамъ полного увѣдомленія“.

Вотъ копія съ донесенія капитана города Рымника, которое получилъ исправникъ Николеско ²⁾:

„Съ почтеніемъ кланяясь, цѣлую честную руку вашего высокоблагородія. Сегодня, въ четвергъ, въ 6-мъ часу дня, такъ какъ съ утра сильно прибывала вода въ Рымникѣ, я поставилъ сандула... наблюдать на берегу Рымника, чтобы, если прибудетъ ктонибудь со стороны Бузео или съ другой стороны, дать знать, что, такъ какъ вода большая, никто пусть не входитъ въ воду, чтобы не случилось какого несчастія,—каковаго обычая (т. е. ставить при рѣбѣ челоуѣа) до сихъ поръ не существовало. Случилось, что пріѣхала изъ Бузео будеа на почтовыхъ лошадяхъ. Сандуль... сталъ кричать, что вода большая; пусть никто не входитъ. Случилось, что пріѣхала одна маркитантская повозка еще прежде будеи и какъ скоро вошла въ воду повозка эта, тотчасъ вода унесла ее и опрокинула. Увидѣли бывшіе въ будѣ, что претерпѣла повозка и все-таки вошли въ воду. Сандуль... началъ кричать на извощиковъ: „что вы дѣлаете? Развѣ вы не видите, что претерпѣли маркитанты съ каруою своею?“ Извощики (сураджи) отвѣчали: „что намъ дѣлать, когда насъ бьютъ!“ И сидѣлъ одинъ изъ

¹⁾ Связка 76-я, № 2697.

²⁾ Эта копія, равно какъ и донесеніе исправника Николеско, при которомъ (донесеніи) она приложена, писаны на Молдавскомъ языкѣ. Документы эти переведены, по нашей просьбѣ, на русскій учителемъ Кашиневской дух. семинаріи священникомъ о. Емельяномъ Гепецкимъ, за что приносимъ ему искреннѣйшую благодарность.

офицеровъ на возлахъ, съ плетью въ рукѣ, ударяя сураджіевъ, чтобы они вошли. Сураджіе перекрестились и вошли въ воду. И какъ скоро вошли, — тотчасъ опрокинулась будка, бывъ унесена быстротою воды. Сталь сандуль кричать—и бросились мы всѣмъ городомъ бѣжать на берегъ къ рѣкѣ Римнику, — но не было возможности никому войти туда — ни верхомъ, ни пѣшкомъ. Мы привязали веревкою нѣкоего Христи Бекала—и онъ бросился влავъ, и унесла его вода—не могъ перейти, и мы притащили его тотчасъ назадъ. Дѣлали—что дѣлали, и нашли одного способнаго человѣка съ конемъ, и онъ достигъ влавъ до будки, гдѣ она остановилась опрокинувшись, и гдѣ былъ одинъ офицеръ помоложе и одинъ гусаръ и одинъ солдатъ, которыхъ мы по одиночѣ и вытащили на берегъ со стороны Топичены; но одного унесла вода и потащила его до дороги Бордакъ — съ плащемъ въ рукѣ. Мы, горожане — всѣ побѣжали за нимъ и онъ остановился на мели между двумя протоками рѣки. Мы не знали, кто находился въ будкѣ и кого унесла вода, такъ какъ человѣкъ, похвавшій верхомъ до будки, не могъ уже болѣе воротиться назадъ, чтобы сказать; онъ вѣрно пошелъ въ Топичены съ тѣми тремя, которыхъ вытащили. Мы, горожане, употребляли всѣ возможныя средства четыре часа и наконецъ вытащили того одного изъ воды и отнесли его на квартиру въ гостиницу, гдѣ, послѣ того какъ онъ обогрѣлся и пришелъ въ себя, мы спросили: съ кѣмъ онъ былъ еще тамъ въ будкѣ и кто они таковы? И сказалъ онъ намъ, что былъ онъ съ княземъ Суворовымъ, а что онъ—генераль-маіоръ Удомъ. Когда услышали мы о Суворовѣ, то всѣ пришли въ ужасъ. Мы послали верховаго въ Топичены, чтобы узнать, не было ли и Суворова въ числѣ тѣхъ троихъ, которые спаслись, но „его тамъ не было,—сказали,—а то были его слуги, — самъ же Суворовъ утонулъ, а гдѣ, — не знаемъ“. Мы спросили генерала Удома, отчего они не послушались, когда сандуль сталъ кричать, чтобы они не входили въ рѣку. Генераль отвѣчалъ, что онъ самъ просилъ не входить, но что его Суворовъ не послушалъ—вошелъ и утонулъ. Мы послали еще верховыхъ людей на берегъ Римника исзвать, не выброшенъ ли онъ на какую нибудь отмель, но до сихъ поръ не отыскался. А будка посреди рѣки остается до сихъ поръ опрокинутою, гдѣ мы и поставили караулъ беречь ее, потому что дойти до нея никому нельзя было съ этой стороны. Случился здѣсь одинъ офицеръ, который прибылъ. Онъ видѣлъ наше усердіе и нашу опасность. И, какъ мы уже сказали прежде вашему высокоблагородію, Суворовъ дѣйствительно утонулъ, — о чемъ я нужнымъ счелъ извѣстить вамъ—и со всѣмъ почтеніемъ остаюсь покорнымъ слугою Парапашъ Чаушъ“.

Исполняя данное сенатору Красно-Милашевичу обѣщаніе, исправникъ Николеско съ своей стороны послалъ ему въ Яссы новый рапортъ (на русскомъ уже языкѣ) отъ 15-го апрѣля 1811 года — изъ мѣстечка Римника:

„Сего апрѣля 13 числа по полуночи, ѣдучи изъ Букареста, его сіятельство господинъ генераль-лейтенантъ и кавалеръ графъ Суворовъ, пріѣхалъ къ рѣкѣ Рымнику, которая наполнена была большимъ количествомъ водою; бывшіе же на берегу молдаваны и ѣдущіе съ нимъ сураджіи (кучера) единогласно сказывали, что „ваше сіятельство, невозможно переѣхать“. Онъ даже и въ своихъ глазахъ видѣлъ: впрѣдъ поѣхалъ маркитантъ, котораго съ повозкою совсѣмъ опрокинула вода. Вдругъ онъ закричалъ: „поѣзжай! ничего не будетъ!“ Сураджіи прируждены были ѣхать. Отѣхавши отъ берега, опрокинуло коляску и кто былъ тамъ, то въ силу спаслись, а его сіятельство, какъ изъ коляски хотѣлъ выскочить, то вода подбила подъ лошади, и лошадь на него впала, изъ подъ которой лошади взяли уже мертвымъ. Бывшій при немъ малый турчоногъ тоже втонулъ и тѣла невозможно было отыскать. И будучи я въ городѣ Фокшанахъ, увѣдомленъ бывъ тогожъ дня о случившейся таковой причинѣ, далъ знать тамошнему коменданту маіору Отрѣшкову, который отправилъ вмѣстѣ со мною штаб-лѣкаря и городского плацъ-адъютанта; для узнанія послѣдовавшей причины спрашиваемы были нами бывшіе при его сіятельствѣ и молдаваны, которые не совѣтовали переѣзжать рѣку, покуда вода не ушла бы; всѣ единогласно показали, что съ воли его сіятельства то было. Тѣло-жъ внесено въ церковь до разрѣшенія начальства. И какъ господинъ генераль Удомъ былъ вмѣстѣ съ его сіятельствомъ потопаемъ, получилъ спасеніе и нынѣ находится въ Рымникѣ, послалъ отъ себя курьера въ Букарештъ сего апрѣля 14 числа пополудни въ 6 часовъ съ донесеніемъ, о чемъ вашему высокопревосходительству донести честь имѣю. Пахарникъ Дмитрій Николеско“.

Пока тѣло князя Суворова лежало въ монастырской церкви мѣстечка Рымника, началось дѣло объ описи бывшего съ нимъ въ походъ его имущества. Получивъ извѣстіе о смерти Суворова, главнокомандующій Молдавскою арміею Кутузовъ черезъ нарочнаго курьера послалъ изъ Букарешта отъ 19 апрѣля 1811 года ясскому коменданту подполковнику Выходцевскому повелѣніе описать имущество Суворова въ общемъ присутствіи шефа 10-го Егерскаго полка полковника Иванова и назначеннаго со стороны сенатора Красно-Милашевича чиновника и одну изъ описей оставить при имуществѣ, а другую доставить главнокомандующему. Получивъ увѣдомленіе отъ Выходцевскаго, а также письмо отъ самого Кутузова, Красно-Милашевичъ съ своей стороны для описи имущества назначилъ изъ штата предсѣдательствующаго въ диванахъ ревизора подполковника Анастасьева и отъ 25 апрѣля увѣдомилъ главнокомандующаго, что опись составлена и препровождена ему. Затѣмъ въ дѣлѣ слѣдуетъ „Опись, что осталось послѣ покойнаго господина генераль-лейтенанта и кавалера князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго изъ вещей и прочаго“. Было бы любопытно привести всю эту опись цѣликомъ для того, чтобъ можно было видѣть весь инвентаръ тогдашняго русскаго вельможи на походъ. Но

опись слишкомъ длинна, вещей у Суворова на походъ и разной хозяйственной рухляди было очень много. Перечисленіе одного лишь званія вещей займетъ довольно мѣста: иконы, ордена, звѣзды, ленты къ орденамъ, кивера, шляпы, султаны, мундиры, эполеты, сюртуки, венгерки, шаровары, рейтузы, панталоны, жилеты, шапки, портреты (здѣсь значатся: покойной княгини его матери ¹⁾ и княгини его супруги ²⁾), въ золотомъ футлярѣ на чашлѣ, печати, пороховница, футлярчикъ золотой съ вырѣзаннымъ крестомъ со вложенными волосами, шкатулки, шпаги, сабли французскія, турецкія, ножи турецкіе, португеи, шпоры, пистолеты—арнаутскіе и венеціанскіе, чубуки, кисеты, бѣлье, серебряное столовое (здѣсь между прочимъ: чашка чайная, фарфоровая, покойнаго отца его съ блюдечкомъ), кухонная посуда, лошади верховныя, упряжныя, разгонныя (всѣхъ лошадей показано 35), брыки, упряжи съ принадлежностью, верховный уборъ. Далѣе въ описи слѣдуетъ: „ящикъ съ книгами“, и перечисляются всѣ книги. Перечислимъ и мы ихъ уже въ виду одного вышеприведеннаго заявленія въ запискахъ Граббе, что будто бы сынъ Суворова ничему не учился и ничего не читалъ. Оказывается, что онъ не только имѣлъ книги, но даже возилъ ихъ съ собою въ походъ и, конечно, ихъ читалъ. Изъ перечисленія книгъ сына Суворова видно будетъ также нѣсколько и направленіе умственнаго его развитія. Вотъ какія книги оказались въ ящикѣ: 1) Историческая картина кампаніи Неаполена (sic) въ Италію, 1 ч. 2) Атласъ исторіи, генеалогіи, хронологіи и географіи, 1 ч. 3) Географическая карта, служащая въ Молдавіи—1 ч. 4) Жизнь славныхъ людей и военная галлерей господина Бобре и Бомонта—18 ч. 5) Исторія Россіи господина Левескѣ—8 ч. 6) Беласора, господина Денегинеръ—2 ч. 7) Садъ въ стихахъ—1 ч. 8) Прибавка до сбору писемъ господина Волтера—2 ч. 9) Атласъ до науки штукъ военныхъ—3 ч. 10) Путешествіе молодого Анахарсиса въ Греціи, 6 ч. 11) Наука военнымъ дѣламъ—2 ч. 12) Планы о маневрахъ инфантеріи—1 ч. 13) О науцѣ военнымъ дѣламъ — 1 ч. 14) Спектаторъ французскій — 3 ч. 15) Георгіки Виргиліуса, 1 ч. 16) Дѣла Салюстіума, господина Дюроделамеснѣ—1 ч. 17) Объ конной ѣздѣ, господина Бартолоци—1 ч. 18) Дѣла Якуба Делалле, 1 ч. 19) Софія Делистенъ—4 ч. 20) О службѣ конной—1 ч. 21) Иліяда Омера—2 ч. 22) Ученье и маневры конные—1 ч. 23) Ученье и маневры пѣхоты—1 ч. 24) Пятаго (sic) Курція—1 ч., 25) Твореніе Хераскова 1 ч. Затѣмъ въ описи слѣдуетъ „Имянной списокъ крѣпостнымъ людямъ князя Суворова, находящимся въ Яссахъ“. Считаемо нелишнимъ привести вполнѣ и этотъ списокъ: 1) камердинеръ—Николай. Офиціанты: 2) Григорій 1-й; 3) Степанъ;

¹⁾ Мать Суворова-сына Варвара Ивановна, урожденная княгиня Прозоровская.

²⁾ Суворовъ-сынъ былъ женатъ на дочери Александра Львовича Нарышкина—Еленѣ Александровнѣ. Свадьба ихъ была въ юлѣ 1800 г.

4) Никита; 5) Григорій 2-й; 6) Демьянъ—берейторъ; 7) Михайло—кучеръ; 8) Степанъ—фалъйтеръ; 9) Федотъ—поваръ; 10) Ѳедоръ—взвонецъ; 11) Максимъ. Охотники: 12) ловчій Фома, у коего въ вѣдѣніи 21 борзая собака; 13) Григорій; 14) Яковъ; 15) Спиридонъ. У нихъ въ вѣдѣніи гончія собаки: всего 14.

Послѣ описи имущества слѣдуетъ въ дѣлѣ: „Вѣдомость, какое число отпущено комиссаріатскимъ комиссіонерствомъ на жалованье генераль-лейтенанту графу Суворову-Рымникскому за генварскую треть и куда оно употреблено“. Вѣдомость подписана оберъ-аудиторомъ Метлинскимъ. Въ ней значится: окладнаго съ инспекторскими и раціонами—за вычетомъ комиссіонерствомъ на уплату долговъ коллежскому регистратору Ярцеву и купеческому сыну Пискареву 1,280 р., достального серебромъ 1,052 р. 26 коп., ассигнаціями 612 р. 49 коп. По собственному его генераль-лейтенанта употреблено изъ онаго:

Дано барабанщикамъ и музыкантамъ полевыхъ Московскаго гренадерскаго, 10-го и 38-го Егерскихъ, каждымъ по 50 р. асс., итого	150 руб. асс.
Штабсъ-капитану Кожухову	200 " "
За отправленіе въ Фокшаны и Никополь унтеръ-офицеровъ	64 " "
Дано на расходы прапорщику Макарову	150 " "
Заплачено за ленту	36 " "
Итого	600 руб. асс.
На отправленіе съ приказами въ козачьи полки	21 р. 65 к. сер.
На канцелярскіе расходы	100 " — " "
Генераль-маіору графу Воронцову	666 " — " "
Дано прапорщику Макарову на расходы	26 " — " "
По письму генераль-маіора Удома отправлено къ нему въ Рымнигъ съ прапорщикомъ Стержинскимъ	238 " — " "
Итого	1,051 р. 65 к. сер.

Затѣмъ остается ассигнаціями 12 р. 49 к., серебромъ 61 к. ¹⁾

Между тѣмъ родственники Суворова начали хлопотать о перевезеніи тѣла его изъ Молдавіи въ Россію для погребенія. Государь, снисходя на всеподданнѣйшее прошеніе родственниковъ, изъявилъ соизволеніе на перевезеніе тѣла Суворова Московской губерніи въ Ставропитальный Воскресенскій монастырь, Новый Іерусалимъ именуемый ²⁾. Объ этомъ министръ полиціи Балашовъ увѣдомилъ отъ 11 августа 1811 года сенатора Красно-Милашевича, предсѣдательствующаго въ диванахъ Молдавіи и Валахіи. Красно-Милашевичъ съ

¹⁾ Далѣе въ дѣлѣ слѣдуетъ письмо генерала Сергія Ермолова къ Красно-Милашевичу отъ 5 мая 1821 г., съ извѣщеніемъ, что Кутузовъ поручилъ ему, Ермолову, войска 9-й дивизіи, по смерти командира ея Суворова.

²⁾ Здѣсь погребена была въ 1806 г. мать Суворова.

своей стороны отнесся прежде всего къ молдо-влахійскому экзарху митрополиту Гавріилу, прося его сдѣлать зависящее распоряженіе по духовной части, касательно вывоза изъ Рымника тѣла Суворова и слѣдованія его до Россійской границы. Митрополитъ Гавріиль отвѣчалъ, что еще раньше, вслѣдствіе полученнаго имъ отношенія отъ оберъ-прокурора св. Синода князя А. Н. Голицына, онъ далъ съ своей стороны соотвѣтствующее „предписаніе епархіальному преосвященному Констанцію, въ коего епархіи состоитъ мѣстечко Рымникъ, гдѣ находится въ монастырѣ гробъ покойнаго“. Красно-Милашевичъ затѣмъ свезъ съ сѣмъ слѣдуетъ по гражданской и военной части (съ диваномъ Молдавскимъ и съ генераль-маіоромъ Иваномъ Ивановичемъ Штеттеромъ) относительно „безпрепятственнаго слѣдованія тѣла до границы Россійской съ тѣми людьми, кои для взятія онаго присланы будутъ отъ наслѣдниковъ покойнаго“. Родные Суворова поручили взять его тѣло и слѣдовать съ нимъ къ Россію отставному прапорщику Бенжаминъ-Елисъ, и этотъ послѣдній 22 ноября 1811 г. въ Яссахъ получилъ отъ Красно-Милашевича открытый листъ, чтобы ѣхать въ Рымникъ и исполнить возложенное на него порученіе.

Смерть молодого сына Суворова совпала, какъ мы уже замѣтили выше, съ смертью другаго молодого русскаго героя, графа Николая Каменскаго. Эти двѣ смерти произвели на Русское общество тяжелое впечатлѣніе... Оно выразилось въ одномъ современномъ письмѣ. Вотъ что писалъ между прочимъ Сергій Сем. Уваровъ къ Жуковскому отъ 5 мая 1811 г., значить скоро по полученіи въ Петербургъ извѣстія о двухъ смертяхъ: „Развѣ смерть графа Каменскаго и князя Суворова не дѣйствуетъ надъ музою вашей? Вотъ прекрасный случай употребить въ нашей поэзій нѣсколько тѣхъ мыслей, которыя Шиллеръ представилъ въ одномъ стихѣ:

Es ist das Loos des Schönen auf der Erde ¹⁾.

¹⁾ Таковъ удѣлъ прекраснаго на землѣ! См. Русскій Архивъ, 1871 года, стр. 159.

Левъ Маціевичъ.

РУССКІЙ УЧЕНЫЙ ВЪ НОВОЙ ГВИНЕѢ.

ЕЩЕ НЕДАВНО вся читающая Русская публика была взволнована грустными извѣстіями, пришедшими через посредство иностранныхъ газетъ, о бѣдственномъ положеніи нашего успѣвшаго уже прославиться въ Европѣ путешественника Н. Н. Миклухи-Маклая; общество Русское, отзывчивое на помощь всякаго рода, конечно, тотчасъ же пришло на помощь и нашему ученому и тѣмъ болѣе хорошо былъ въ немъ этотъ благородный порывъ, что въ силу особеннымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ оно едва знало, кто такой этотъ Миклуха-Маклай, а главное—что онъ сдѣлалъ таковаго, что заслуживало бы поддержки. Цѣлыхъ десять лѣтъ, какъ этотъ фанатикъ науки повинулъ родину для того, чтобы посвятить свою жизнь изученію первобытныхъ народовъ Австраліи, Полинезій и Малайскихъ острововъ Азіи. Обладая самими ничтожными матеріальными средствами, онъ изучилъ однако свой предметъ такъ, что имя его произносится съ уваженіемъ вездѣ, во всемъ мірѣ, и мало извѣстно лишь въ Россіи; вооруженный лишь человѣчностью, этотъ энергическій человѣкъ проникъ въ такія трущобы дикаго міра, куда до него не рѣшался ступить ногою ни одинъ европейскій путешественникъ. Но въ то же время отдаленный отъ своей родины и разобщенный съ нею по-неволѣ, по неимѣнію нашихъ морскихъ станціонеровъ въ тѣхъ водахъ, которыя были облюбованы имъ для своихъ изслѣдованій, а также зная, что открытія его станутъ болѣе извѣстными, если онъ сообщитъ ихъ не въ Россію, гдѣ они будутъ напечатаны въ нигѣмъ нечитаемыхъ „Извѣстіяхъ“ Географическаго Общества, Миклуха-Маклай всѣ плоды своихъ изслѣдованій принужденъ былъ печатать частью въ Голландскихъ, а частью въ Германскихъ и Англійскихъ ученыхъ изданіяхъ. Всякое сообщеніе, подписанное нашимъ путешественникомъ, съ восторгомъ принималось за границею, имя его сдѣлалось извѣстнымъ всюду, но къ сожалѣнію никто изъ нашихъ русскихъ дѣятелей не нашель нужнымъ обработать для Русской пуб-

лики труды Маклая, появившіеся въ значительномъ количествѣ на иностранныхъ языкахъ. „Миклуха въ бѣдственномъ положеніи“, сказали этой публикѣ, и никто не сказалъ, каковы же заслуги этого человека передъ Россіей, за что эта публика несетъ нравственную обязанность поддержать своего сородича.

На дняхъ извѣстный англійскій психологъ и социологъ Джемсъ Гальтонъ напечаталъ цѣлый рядъ статей, выясняющихъ конечные результаты изслѣдованій Миклухи-Маклая, и мы полагаемъ нелишнимъ передать здѣсь вкратцѣ содержаніе статей Гальтона, чтобы по этому извлеченію дать хотя нѣкоторую возможность судить, что дѣлаетъ вообще нашъ русскій ученый и главное, какъ дѣлаетъ, т. е. до какихъ мельчайшихъ подробностей изучилъ онъ интересовавшіе его народы.

Главнымъ образомъ Н. Н. Миклуха-Маклай интересовался Новою Гвинеею и населяющими ее папуасами, о которыхъ въ наукѣ существовали самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія; только впоследствии обратился онъ къ изученію той же расы на другихъ островахъ Полинезіи и Азіи и къ изслѣдованію остатковъ тѣхъ народовъ, которые были по всѣмъ вѣроятіямъ одноплеменниками съ папуасами и населяютъ до сихъ поръ горы и лѣса полуострова Малакки. Сжившись съ папуасами, любимый ими, Миклуха нѣсколько разъ возвращался въ Новую Гвинеею и имѣлъ такимъ образомъ полную возможность изучить въ совершенствѣ и языкъ туземцевъ, и ихъ бытъ, представляющій очень много крайне интересныхъ чертъ для сравнительной народной психологии. Этою-то стороною работъ нашего ученаго мы и ограничимся, не вдаваясь въ чисто спеціальную область его многолѣтнихъ изслѣдованій.

Недовольные дарованнымъ имъ отъ природы цвѣтомъ кожи, папуасы стараются украсить себя подѣ-стать своему вкусу; при этомъ однако не всѣ гонятся за однимъ и тѣмъ же цвѣтомъ и то, что считается подходящимъ для молодежи, признается повидимому слишкомъ рѣзкимъ для людей почтеннаго возраста; въ силу этого молодежь росписываетъ себѣ лицо красною и черною красками съ значительнымъ преобладаніемъ краснаго цвѣта, а старики даютъ болѣе просторъ черному. Модники изъ молодежи раскрашиваютъ себѣ и остальные члены, выводя на нихъ весьма разнообразныя узоры. Въ обыкновенные дни они вовсе обходятся безъ раскраски, или же ограничиваются лишь чертами вокругъ глазъ и на носу, безъ которыхъ считается какъ бы невольнымъ показаться въ обществѣ; въ торжественныхъ случаяхъ все лицо густо покрывается краскою съ черными и бѣлыми полосками; иногда цѣлая половина лица выкрашивается въ черный цвѣтъ, тогда какъ другая покрывается густымъ слоемъ красной краски, что придаетъ дикарямъ какой-то вовсе несвойственный имъ звѣрскій видъ. „Тамо“, или люди немолодые, никогда не употребляютъ яркихъ цвѣтовъ и чаще всего употребляютъ черную краску; въ особенныхъ, изъ ряда вонъ выходящихъ случаяхъ, а именно во

время похоронъ какого-нибудь извѣстнаго война, папуасы закрашиваютъ въ черный цвѣтъ все свое тѣло и притомъ такъ искусно, что цвѣтъ этотъ можно принять за природный цвѣтъ кожи. Женщины „Маклаева берега“¹⁾ рѣдко украшаютъ себя росписываніемъ своего тѣла, а если иногда и случается это, то далеко не такъ искусно и замысловато, какъ мужчины. Въ особенности интересны свѣдѣнія, сообщаемыя Миклухою о прическѣ. До прибытія нашего путешественника въ Новую Гвинею бамбуковые ножи и куски кремня употреблялись для сбритія волосъ, но едва увидали дамы богатства, привезенныя „бѣлымъ страннымъ человѣкомъ“, какъ мѣстная мода измѣнилась, и модницы стали тщательно подбирать осколки бутылокъ, которые Миклуха выбрасывалъ изъ окна. Другой методъ употребляется для того, чтобы выдергивать отдѣльныя волоски; хотя операція и была всегда весьма мучительна, но папуасы охотно подвергались ей въ теченіе нѣсколькихъ часовъ къ ряду безъ малѣйшаго слѣда боли или непріятнаго ощущенія. Хотя папуасы въ этихъ мѣстахъ незнакомы съ искусствомъ татуировки, они имѣютъ однако обыновеніе выжигать у себя полосы на тѣлѣ; производится эта операція слѣдующимъ образомъ: желающій украситься ложится на спину или ничкомъ, а въ это время ему къ разнымъ мѣстамъ пріятель прикладываетъ кусокъ раскаленнаго жельза; понятно, что въ этой операціи требуется немалое терпѣніе и французская поговорка „pour être beau, il faut souffrir“ нигдѣ такъ не у мѣста, какъ здѣсь. Женщины гораздо менѣе мужчинъ занимаются украшеніемъ своего тѣла, и костюмъ ихъ зачастую бываетъ доведенъ до возможнаго минимума стѣсненія; въ Билли-Билли Маклау удалось видѣть дѣвушку въ самомъ странномъ костюмѣ, который ограничивался одною лишь раковиною изъ рода „Сургаеа“.

Мужчины употребляютъ отъ четырехъ до пяти часовъ на приведеніе въ порядокъ своихъ волосъ и вообще на туалетъ; они умащаютъ волосы отваромъ изъ плода „субари“ (*caiorhyllum inophyllum*), украшаютъ ихъ цвѣтами и перьями и наконецъ росписываютъ свои лица и спины. Съ одной стороны единственными украшеніями, которыя употребляютъ въ торжественные дни женщинами, слѣдуетъ признать темную краску, которою онѣ смазываютъ себѣ волосы, щеки и лобъ, и цѣлую массу ожерелій, красиво подобранныхъ изъ раковинъ разныхъ величинъ и разноцвѣтныхъ плодовыхъ косточекъ.

Что касается до соціального положенія женщины, то, хотя папуасы Маклаева берега и плохо обращаются со своими женами и эти послѣднія не имѣютъ ровно никакого вліянія на мужчинъ, тѣмъ не менѣе никогда не случается, чтобы женщина играла меньшую роль въ какомъ нибудь дѣлѣ, нежели мужчина; несомнѣнно женщина трудится гораздо болѣе мужчины, такъ какъ ей работа всегда найдется

¹⁾ Такое наименованіе признано всѣмъ ученымъ міромъ за сѣверо-западною частію Новой Гвинеи въ честь нашего ученаго.

въ избыткѣ, тогда какъ мужчина, поработавъ усиленно нѣсколько недѣль надъ обработкою земли и засадвою плантаціи, три четверти года наслаждается ничего недѣланіемъ. Женщина кромѣ того и пытается хуже мужчины, такъ какъ она не смѣетъ ѣсть вмѣстѣ съ мужьями, отцами и братьями; понятно, что не приходится ей такъ и украшаться, не приходится и принимать участія въ общихъ пиршествахъ и празднествахъ.

Ни бракъ, ни нарожденіе новыхъ гражданъ не празднуется особеннымъ образомъ и только обрѣзаніе является отчасти нѣкоторымъ подобіемъ торжества. Производится обрѣзаніе на двѣнадцатомъ году отъ рожденія, въ лѣсу, на нѣкоторомъ разстояніи отъ селенія, при помощи очень остро-отточенного кремневаго ножа; послѣ операціи неофита провожаютъ въ селеніе съ пѣснями и радостными квивами; на него уже не смотрятъ какъ на мальчика, а какъ на достигшаго возмужалости и имѣющаго воспользоваться многими преимуществами, которыхъ дѣти не имѣютъ.

Манера привѣтствовать другъ друга крайне лаконична и своеобразна. Когда кто нибудь изъ сосѣдняго селенія входитъ въ деревню, то дѣтямъ онъ кричитъ: „э-вау!“, т. е. эй, дѣти! тогда какъ мужчина и женщина привѣтствуютъ другъ друга словами: „э-нангели!“ и „э-мемъ!“, т. е. эй, женщина! и эй, отецъ! Тамо привѣтствуютъ другъ друга словами: „э-аба“, что значитъ—эй, братья! Тѣмъ не менѣе не принято вовсе, чтобы знакомые, а тѣмъ болѣе друзья, привѣтствовали какъ нибудь другъ друга; въ особенности избѣгаютъ поклоновъ. Папуасы подають другъ другу руки, но никогда не пожимаютъ ихъ. Уходя изъ дома, гость говоритъ обыкновенно: „я ухожу“, на что хозяинъ и остальные отвѣчаютъ: „э-аба“ или „э-мемъ“, на что и гость долженъ отвѣтить въ соответствующихъ выраженіяхъ; затѣмъ хозяинъ говоритъ: „такъ уходи“ и провожаетъ гостя до выхода изъ селенія, неся за нимъ подарки и остатки кушаньевъ, принадлежащіе всегда гостю. Когда приходятъ они къ околицѣ, гость замѣчаетъ обыкновенно: „оставайся здѣсь, я пойду“. Если уходящій обладаетъ особенною чувствительностью, то онъ прижимаетъ хозяина къ лѣвой сторонѣ своей груди, обнимая его одною рукою, а другою ласково треплетъ его по затылку.

Обычай мѣняться именами чрезвычайно распространенъ по всему берегу, и Маклая часто просили перемѣниться именами тѣ туземцы, которымъ онъ въ особенности полюбился. Но для того, чтобы избѣжать недоразумѣній, онъ постоянно отказывался отъ этой чести и соглашался лишь на то, чтобы новорожденнымъ давали имя Маклая, если отцы ихъ находились съ нимъ въ особенно дружественныхъ отношеніяхъ. Часто просили его подписывать подходящее къ его вкусу имя для юныхъ папуасовъ, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, и потому не слѣдуетъ удивляться, если будущій путешественникъ встрѣтитъ здѣсь со временемъ Николаевъ, Ивановъ и Марій.

Что касается до похоронныхъ обычаевъ, то прежде всего извѣстiе о смерти какаго нибудь война подается окрестнымъ селенiямъ извѣстнаго рода ударами въ „барумъ“. Въ тотъ же или на другой день все мужское населенiе собирается по близости селенiя въ полномъ вооруженiи; руководимые звуками барума, они входятъ затѣмъ въ селенiе, подходятъ къ той хижинѣ, которую посѣтила смерть и здѣсь встрѣчаютъ другую, тоже вполне вооруженную толпу мѣстныхъ жителей. Послѣ недолгой остановки присутствующiе раздѣляются на двѣ партiи и исполняютъ пародiю боя; при этомъ, хотя они и не пускаютъ въ дѣло своихъ копiй, однако дѣло оканчивается довольно серьезно; дюжины стрѣлъ пускаются съ обѣихъ сторонъ, и многiе изъ разыгрывающихъ эту странную комедiю, оказываются довольно серьезно ранеными. Въ особенности сильно волнуются и выказываютъ всѣ признаки помѣшательства знакомые и друзья покойнаго. Когда всѣ натѣшатся вдоволь и вдосталь устанутъ, когда всѣ стрѣлы выпустятъ, мнимые враги садятся въ кружокъ и вступаютъ другъ съ другомъ въ самые дружественные разговоры. Ближайшiе родственники покойнаго приносятъ тогда пару циновокъ и кучу пальмовыхъ листьевъ и раскладываютъ все это посреди круга. Затѣмъ выносятъ изъ дома тѣло усопшаго, которому заблаговременно успѣли придать согнутое положенiе, такъ что подбородокъ покоится на колѣняхъ, а руки обхватываютъ ноги. Подлѣ тѣла кладутъ его имущество, подарки его сосѣдей и пару горшковъ съ только-что сваренною пищею; мужчины сидятъ вокругъ покойнаго, а женщины, да и то самыя близкiя къ нему, могутъ лишь созерцать его издали. Наконецъ съ особеннымъ искусствомъ тѣло заворачивается въ циновки и пальмовыя листья и связывается множествомъ лiанъ и веревокъ, такъ что въ концѣ концовъ покойный важется какимъ-то артистически упакованнымъ кулемъ; потомъ тѣло привязываютъ къ длинной жерди, вносятъ на ней въ избу и подвѣшиваютъ подъ потолкомъ. Когда все справлено, подарки, имущество и пища собраны вокругъ покойника, гости покидаютъ хижину и возвращаются по домамъ.

По прошествiи нѣсколькихъ дней, когда тѣло подвергнется значительному разложенiю, его погребаютъ въ самой хижинѣ, что однако нисколько не мѣшаетъ семьѣ его обитать въ той же хижинѣ. Черезъ годъ снова разрываютъ могилу и отдѣляютъ отъ туловища голову, затѣмъ очищаютъ одну лишь нижнюю челюсть и блюдутъ ее пуще зеницы, причеиъ самый близкiй родственникъ покойнаго постоянно таскаетъ это дорогое воспоминанiе въ особомъ плетеномъ мѣшечкѣ или же дѣлаетъ себѣ изъ него браслетъ. По всѣмъ вѣроятiямъ обычай здѣсь уже испорченъ, такъ какъ другiе народы носятъ съ собою прямо весь черепъ. Тасманiйцы дѣлаютъ изъ костей своихъ близкихъ ожерелья, а минкопи на Андаманскихъ островахъ, какъ племя, сохранившееся до сихъ поръ въ полнѣйшей чистотѣ, требуютъ, чтобы вдова,

при посредствѣ весьма искусно сплетенной веревки, постоянно носила за спиною полный черепъ своего покойнаго мужа.

Только послѣ долгихъ увѣщаній, причемъ были пущены въ ходъ самые роскошные подарки, въ родѣ ножей и зеркалъ, удалось Миглухѣ раздобыть нѣсколько череповъ, да и то лишь подѣ условіемъ полнаго секрета. Понятно, что женщины и дѣтей хоронятъ безъ всякихъ особенныхъ обрядовъ, и случаевъ достать женскій черепъ представляется сколько угодно, такъ какъ ни мужъ, ни братъ, ни отецъ не дорожатъ особенно останками когда-то любимаго существа; бывають конечно случаи, что особенно любящій мужъ оставитъ себѣ на память нижнюю челюсть своей бывшей подруги, но это далеко не въ обычаѣ и скорѣе представляется нѣсколько страннымъ въ глазахъ его соотечественниковъ, нежели фактомъ, достойнымъ подражанія.

Полны интереса тѣ наблюденія, которыя сдѣлалъ нашъ ученый касательно языка и діалектовъ; понятно, что наблюденія эти были сопряжены съ громадными трудностями, такъ какъ не было человѣка, который зналъ бы два языка и могъ бы служить переводчикомъ; приходилось указывать на извѣстный предметъ и называть его, а затѣмъ прислушиваться, какъ назовутъ его туземцы, или же объяснять вопросъ свой знаками. Обѣ системы оказались несостоятельными и во многихъ случаяхъ вели къ цѣлому ряду ошибокъ и недоразумѣній, такъ какъ мимика иногда не понималась ни тою, ни другою стороною, да и кромѣ того приходилось записывать по нѣскольку названій для одного и того же предмета, такъ какъ названія эти сообщались ему на нѣсколькихъ діалектахъ, что вело къ цѣлымъ недѣлямъ разслѣдованій, какое же именно названіе слѣдуетъ считать первобытнымъ и наиболѣе правильнымъ. Для примѣра такихъ недоразумѣній, мы расскажемъ здѣсь слѣдующее: зачастую Миглуха-Маглай показывалъ туземцамъ листь, желая узнать его туземное названіе; дикарь сообщалъ какое-то слово, которое и записывалось въ записную книжку; другой папуасъ указывалъ однако на другое слово для того же самаго предмета; третій, четвертый и пятый давали каждый свое названіе тому же листу. Предстояло рѣшить крайне трудный вопросъ, какое же слово изъ всѣхъ записанныхъ слѣдуетъ считать настоящимъ. Когда путешественникъ нашъ обжился нѣсколько въ Новой Гвинее, ему удалось узнать постепенно, что первое слово всегда относилось къ роду растенія, отъ котораго листь былъ оторванъ, второе — опредѣляло его цвѣтъ, т. е. соответствовало слову „зеленый“, а третье прямо значило—дрань, негодъ, вѣроятно потому, что листь поднять былъ съ земли или же принадлежалъ такому дереву, которое ни на что не годилось въ папуасскомъ домашнемъ быту. Читатели поймутъ, какъ трудно было допытываться словъ съ абстрактнымъ значеніемъ, выразить которыя жестами не было никакой возможности. Еще больше трудностей представляли для Маглая такія понятія, какъ „другъ“ и „дружба“, такъ какъ ему никакъ не удавалось разъяснить разницу между

ними; только послѣ четырех-мѣсячнаго пребыванія на своемъ берегу ему удалось наконецъ записать подходящее слово для „зрѣнія“, а для „слуха“ такъ ему и не удалось найти мѣстнаго туземнаго выраженія. Тѣмъ не менѣе и нашъ ученый стоитъ за то, что у дикарей существуютъ слова для обозначенія разныхъ абстрактныхъ идей, но дѣло въ томъ, что абстракты всегда подводятся ими къ идеямъ реальнымъ; такъ на примѣръ, богатство выражается словами — „много раковинъ“, истина — „не двойной языкъ“ и т. д.; поверхностные наблюдатели утверждаютъ обыкновенно, что абстракты совершенно отсутствуютъ въ языкѣ первобытныхъ народовъ, но такая ошибка зачастую происходитъ лишь вслѣдствіе ихъ же собственной неумѣлости выпрашивать. Самое записываніе представляло также не малыя трудности, уже хотя бы потому, что въ Папуасскомъ языкѣ есть нѣсколько звуковъ, выразить которыя нельзя европейскимъ алфавитомъ. Маклай совершенно справедливо приписываетъ это обстоятельство весьма важнымъ различіямъ въ анатомическомъ строеніи ларинкса и всей горловой мускульной системы, а также и говорильнаго аппарата у обѣихъ расъ. Не только органъ рѣчи, но и органъ слуха играетъ здѣсь весьма значительную роль, такъ какъ Миялухъ пришлось не разъ наблюдать, что тѣ же звуки онъ и туземцы слышатъ совершенно иначе. Такъ какъ туземцы не имѣютъ одного общаго для всѣхъ произношенія, такъ какъ переводчикъ слышитъ слово при помощи своего слуховаго органа, произносить его ради провѣрки при помощи опять же своего органа рѣчи и наконецъ долженъ записать его имѣющимися въ его распоряженіи, но часто плохо приспособленными буквами, то и понятно, что записанныя путешественниками слова не всегда соотвѣтствуютъ тѣмъ, которыя употребляются въ дѣйствительности. Оказалось, что почти всякое отдѣльное селеніе Маклаева берега обладаетъ своимъ особеннымъ діалектомъ, и діалекты эти до такой степени различны между собою, что, когда Миялухъ случалось отправиться на два, на три дня пути внутрь страны, ему приходилось вести съ собою двухъ или трехъ переводчиковъ, такъ какъ самъ онъ рѣшительно ничего не понималъ въ мѣстномъ говорѣ. Только старики понимаютъ два или три діалекта и въ то же время нерѣдко можно встрѣтить юношу, который не понимаетъ нѣкоторыхъ словъ изъ своего собственнаго діалекта и обращается постоянно за разъясненіями къ старикамъ; понятно, что какъ только вымретъ поколѣніе старыхъ людей, такъ молодежь принуждена будетъ или заимствовать изъ другихъ діалектовъ, или придумать новыя слова, которыя и будутъ внесены въ мѣстный словарь. Съ другой стороны папуасы чрезвычайно способны къ изученію иностранныхъ языковъ, такъ что въ настоящее время путешественникъ крайне удивится, услышавъ отъ туземцевъ чисто русскія слова для обозначенія самыхъ обыденныхъ предметовъ, въ родѣ: иглы, ножа, топора, и т. п. Не лишено интереса то обстоятельство, что названія птицъ всѣ звукоподражательныя и взяты прямо изъ ихъ крика. Вслѣдствіе давниш-

нихъ сношеній туземный Папуасскій языкъ изобилуетъ значительнымъ числомъ словъ малайо-полинезійскаго происхожденія.

Во время своего пребыванія въ Новой Гвиней Миллуха постоянно собиралъ простѣйшіе и наиболѣе распространенные предметы, служащіе въ качествѣ украшеній, а если достать ихъ не представлялось возможности, то имѣлъ привычку тщательнѣйшимъ образомъ срисовывать ихъ; дѣло въ томъ, что до сихъ поръ еще папуасы Маклаева берега пребываютъ на той ступени культуры, которую принято обыкновенно называть „каменнымъ вѣкомъ“; скоро настанетъ время, когда этотъ періодъ человѣческаго развитія перейдетъ въ область исторіи, а потому и понятны усилія нашего ученаго сохранить для науки малѣйшія подробности этого быта. Каменные орудія, до которыхъ въ настоящее время уже додумались папуасы и которыя они производятъ съ большимъ искусствомъ, встрѣчаются въ двухъ видахъ: въ формѣ осколковъ кремня, раковинъ и костей, и обточенныхъ въ видѣ топоровъ камней. Украшенія, извѣстныя уже папуасамъ, могутъ быть подраздѣлены на три категоріи: украшенія въ строгомъ смыслѣ слова, вырѣзанныя или же нарисованныя на самомъ человѣкѣ и служащія дѣйствительно лишь для украшенія; украшенія и рисунки, показывающіе первый шагъ къ идеальному или фигуративному письму и на копецъ украшенія, гравюры и рисунки, стоящіе въ прямомъ отношеніи къ суевѣріямъ и религіознымъ идеямъ папуасовъ.

Отличительною чертою большинства папуасскихъ украшеній слѣдуетъ признать то, что всѣ они по большей части прямолинейны, такъ какъ самый матеріалъ, изъ котораго сдѣланы предметы домашняго обихода, т. е. бамбукъ и тростникъ, не поддается вырѣзкѣ на немъ круговъ и кривыхъ линій; Миллуха спрашивалъ не разъ у туземцевъ, почему они не украшаютъ свои циновки кругами, и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что это не удобно, такъ какъ приходится вырѣзать круги осколками кремня или острыми раковинами. Главнымъ образомъ искусство ихъ проявляется въ украшеніи бамбуковыхъ сосудцевъ для извести, употребляемой ими вмѣстѣ съ бетелемъ, и громадныхъ гребней, носимыхъ всѣми мужчинами. Само собою разумѣется, что тотъ стиль орнамента, который сложился у папуасовъ въ силу особыхъ свойствъ бамбука, долженъ былъ перейти и на предметы, сдѣланные изъ другаго матеріала, изъ дерева, напимѣръ, и глины; какъ видно, папуасъ похожъ въ этомъ отношеніи на остальныхъ людей, и врожденная ему косность мѣшаетъ ему попробовать составить другой рисунокъ на матеріалъ, не обладающемъ свойствами бамбука и тростника; „такъ дѣлали отцы и дѣды, да и внукамъ приказали“, повторили бы папуасы нашу родную поговорку, если бы умѣли говорить по русски. Тѣмъ не менѣе однако время сдѣлало свое и на нѣкоторыхъ деревянныхъ предметахъ можно уже увидать рисунокъ, состоящій изъ кривыхъ и круговъ; но вырѣзать подобный рисунокъ очень трудно тѣми первобытными инструментами, которыми пользуются

эти дикари. Легкій нажимъ осколка кремня совершенно свободно проводить черту на вѣшной кожицѣ бамбука, тогда какъ дерево не такъ легко поддается, и художникъ долженъ довольно долго трудиться и сврестъ, пока ему удастся вывести хотя бы самый простой и несложный орнаментъ, состоящій изъ комбинаціи нѣсколькихъ прямыхъ линий; замысловатѣе всего украшаются барабаны и лодки. Въ доказательство того, что недостатокъ разнообразія рисунка происходитъ далеко не отъ недостатка воображенія и искусства, можно привести то обстоятельство, что едва лишь туземцы нашли въ окрестностяхъ хижины Миклухи нѣсколько осколковъ бутылокъ, какъ поняли, что осколки эти могутъ съ успѣхомъ замѣнить ихъ далеко несовершенныя орудія и тотчасъ же примѣнили ихъ къ дѣлу, сѣмъли сдѣлать ими на деревѣ цѣлую массу совершенно новыхъ орнаментальныхъ комбинацій и съ той поры значительно измѣнили къ лучшему преобладающій стиль украшеній. Что касается до посуды, такъ какъ она выдѣлывается обыкновенно женщинами, а эти послѣднія почти не обладаютъ артистическимъ чутьемъ и отнюдь не заинтересованы своимъ дѣломъ, то никогда нельзя увидать никакого рисунка на горшкахъ и сосудахъ. Какъ ни горько нашему ученому признаваться въ этомъ, но женщина въ культурномъ отношеніи стоитъ у папуасовъ на значительно болѣе низкой ступени и никогда не сравняется съ мужчиною, если не выйдетъ какимъ бы то ни было образомъ изъ того состоянія приниженности, въ которомъ до сей поры обрѣтается.

Миклуха-Маклай полагаетъ, что ему удалось случайно открыть зачатки идеографическаго письма у папуасовъ; онъ замѣтилъ однажды на фасадѣ одной хижины, служившей мѣстомъ сходовъ, цѣлый рядъ щитовъ, сдѣланныхъ изъ листьевъ саговой пальмы, на которыхъ изображены были самымъ первобытнымъ образомъ фигуры рыбъ, змѣй, солнца и звѣздъ. Понятно, какъ стремился онъ узнать значеніе этихъ рисунковъ, но къ сожалѣнію долго не могъ онъ допытаться до чего либо путнаго вслѣдствіе слишкомъ еще малаго знакомства съ языкомъ; а между тѣмъ въ окрестныхъ лѣсахъ зачастую приходилось ему встрѣчать подобныя же символическіе рисунки, вырѣзанные на корѣ деревьевъ; подобный же рисунокъ увидѣлъ онъ и на лодкѣ, прибывшей съ острововъ Удовольствія. Все это чрезвычайно интриговало нашего ученаго, но загадка оставалась неразрѣшенной, пока не случился какой-то праздникъ по случаю спуска на воду двухъ новыхъ лодокъ, надъ которыми туземцы очень долго работали. При окончаніи пиршества одинъ изъ наиболѣе юныхъ гостей всталъ со своего мѣста, взялъ уголь и сталъ рисовать на близъ лежащей доскѣ цѣлый рядъ самыхъ примитивныхъ и грубыхъ фигуръ. Символическія фигуры эти были очень похожи на тѣ, которыя Маклай не разъ уже видѣлъ на лодкахъ, деревьяхъ и т. п. — и были нарисованы въ особомъ порядкѣ; прежде всего стояли изображенія только что спущенныхъ на воду лодокъ, которыя нарисованы были такимъ образомъ, что половина

ихъ была уже въ водѣ, а половина — на берегу; затѣмъ слѣдовали фигуры людей, которые тащатъ двухъ свиней; свиньи привязаны были ногами къ жердямъ и изображали вѣроятно тѣхъ самыхъ свиней, которыя только что были съѣдены за пиромъ; за этимъ слѣдовалъ рядъ горшковъ, число которыхъ соотвѣтствовало числу поданныхъ и съѣденныхъ блюдъ, и наконецъ помѣщены были: большая лодка Маклая, которую легко было узнать по ея флагу, двѣ парусныя лодки, прибывшія съ островъ Удовольствія, и наконецъ цѣлая масса мѣстныхъ лодокъ изъ окрестностей Вилли-Вилли. Группа эта, долженствовавшая представлять всѣхъ разнообразныхъ гостей, почтившихъ праздникъ своимъ присутствіемъ, была нарисована въ видѣ воспоминанія о торжествѣ, и Маклаю не разъ приходилось видѣть ее впослѣдствіи. Дальнѣйшія наблюденія привели нашего ученаго къ тому заключенію, что подобныя рисунки не могли считаться простыми изображениями или картинами, а должны быть признаны зачатками того первобытнаго идеографическаго письма, которое впослѣдствіи можетъ дойти до изобрѣтенія письменъ; дальнѣйшее пребываніе только еще сильнѣе убѣдило его въ дѣйствительности такого предположенія. Миклуха-Маклай былъ однако не мало пораженъ тѣмъ разнообразіемъ фигуръ, которыя употреблялись для обозначенія самыхъ обыденныхъ предметовъ; эта особенность символическаго письма папуасовъ конечно не могла вліять на распространеніе нарисованнаго среди населенія и лишь немногіе, часто самъ лишь рисовавшій, могли объяснить содержаніе рисунка, тогда какъ всѣ остальные могли читать его рисунокъ лишь съ оговоркою „можетъ быть“. Такъ наприимѣръ, человѣкъ изображается однимъ и тѣмъ же рисовальщикомъ то въ видѣ полной человѣческой фигуры, то въ видѣ лица съ глазами и огромнымъ ртомъ, то въ видѣ хохла съ перомъ, то наконецъ въ видѣ фаллоса; слѣдуетъ думать, что этими фигурами далеко не исчерпывается запасъ символовъ для человѣка, а потому и понятна трудность прочтенія папуасской надписи-рисунка. Кромѣ рисунковъ папуасы Маклаева берега употребляютъ многіе мнемическіе предметы, которые напоминаютъ имъ о нѣкоторыхъ выходящихъ изъ ряда вонъ обстоятельствахъ ихъ жизни; въ каждомъ селеніи можно найдти подвѣшанными къ крышамъ разные предметы, въ родѣ костей животныхъ, напоминающихъ о какомъ нибудь большомъ торжествѣ, кокосовыхъ орѣховъ и раковинъ, служащихъ для воспоминанія о небольшомъ пирѣ, для котораго не стоило убивать животныхъ, пучка сухихъ листьевъ или корзины, служившихъ для прятанья принесеннаго дорогимъ гостемъ подарка; гость давно ушелъ и оставилъ знакъ своего пребыванія либо просто для того, чтобы его не забыли, либо для того, чтобы хозяинъ дома не преминулъ отплатить ему въ свою очередь добрымъ подаркомъ. Во всякомъ общественно-жертвенномъ домѣ виситъ цѣлый рядъ нижнихъ челюстей свиней и собакъ, головы рыбы и черепа земноводныхъ, въ воспоминаніе о пиршествахъ,

устроенныхъ послѣ счастливой охоты и рыбной ловли и въ честь друзей и гостей; все это служить такимъ образомъ чѣмъ то въ родѣ календаря прошлыхъ удовольствій и удачъ.

Къ категоріи гравировки на деревѣ и рѣзбы относится главнымъ образомъ громадное количество скульптурныхъ произведеній, которыя хотя и не всегда играютъ роль настоящихъ идоловъ, но тѣмъ не менѣе всегда играютъ такую роль, которая близко сходится съ религиозными воззрѣніями папуасовъ. Эти произведенія мѣстныхъ рѣзчиковъ, извѣстныя подъ именемъ „телумъ“, нашъ ученый наблюдалъ вездѣ и всюду и собралъ ихъ рисунки изъ 21 селенія; фигурки эти до-нельзя интересны, такъ какъ представляютъ намъ скульптурныя произведенія каменнаго вѣка и вромѣ того разъясняютъ нѣкоторые вопросы объ отношеніяхъ Меланезійской расы. Телумъ состоитъ обыкновенно изъ человѣческой фигуры того или другаго пола, сдѣланной изъ дерева, или изъ глины; почти у всѣхъ прическа волосъ на головѣ носитъ какой-то особенный характеръ, а у мужскихъ фигуръ фаллосъ всегда изображенъ въ необычайныхъ размѣрахъ. Въ одномъ изъ горныхъ селеній Миялуха нашелъ телумъ съ туловищемъ человѣка, но съ головою крокодила, прикрытою щитомъ черепахи; въ томъ же селеніи найденъ былъ другой идолъ, державшій въ обычныхъ рукахъ дощечки, покрытыя цѣлымъ рядомъ символическихъ изображеній. На всѣхъ этихъ человѣческихъ фигурахъ носъ, какъ водится у окрестныхъ папуасовъ, проткнутъ, и всякій телумъ, которыхъ по нѣскольку штукъ можно найти въ каждомъ селеніи, имѣетъ свое специальное прозвище. Что касается до значенія этихъ деревянныхъ фигуръ, то Маглай не вполне еще увѣренъ въ этомъ отношеніи, хотя онъ и убѣжденъ, что онѣ стоятъ въ прямомъ соотношеніи съ религиозными первобытными представленіями папуасовъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ горныхъ селеніяхъ даже камни почитаются въ качествѣ телумовъ. Если мы посмотримъ на эти изображенія съ эстетической точки зрѣнія, то должны будемъ опять-таки признать за папуасами значительныя художественныя способности, чрезвычайную настойчивость и усидчивость въ работѣ; здѣсь именно можемъ мы видѣть воочию, какъ простыя украшенія переходятъ мало по малу въ барельефъ и изъ альторельефа въ полную скульптурную фигуру, а потому-то и интересно изученіе быта Папуасовъ.

Обычай запрета или „табу“, существующій въ Полинезіи, замѣченъ былъ Миялухой и въ Новой Гвинее, но для него не существуетъ особаго слова въ туземномъ языкѣ, хотя на каждомъ шагу приходится наткнуться на такіе обычаи, которые прямо доказываютъ существованіе запрета, въ особенности въ отношеніяхъ женщинъ къ мужчинамъ; имъ запрещено напримѣръ вступать подъ кровлю „дома совѣта“; онѣ изгнаны со всѣхъ пировъ, и всѣ блюда, изготовляемыя ими же для этихъ пировъ и въ особенности главный напитокъ — „кеу“, представляютъ собою „запретный плодъ“ для женщинъ и дѣтей; съ

другой стороны, мужскія сходы, музыка и музыкальные инструменты, даже слушаніе ихъ издали, составляетъ для нихъ запретное „табу“ и едва слышать онѣ о мужской сходѣ или музыку, тотчасъ должны спастись бѣгствомъ. Сколько ни старался Маклай допытаться, почему это несчастныя женщины лишены всѣхъ этихъ удовольствій, ему постоянно отвѣчали все одно и то же: „невозможно иначе—онѣ заболѣютъ и умрутъ иначе“.

Искусство музыкальное, игра на всякихъ инструментахъ, называемая вообще—„ай“, дозволены однимъ лишь мужчинамъ, которые одни и дѣлаютъ эти инструменты. Инструментъ — „ай-кабрай“ состоитъ изъ бамбуковой трости въ 2 слишкомъ ярда длины и въ пятьдесятъ миллиметровъ толщины; палка эта выдалбливается, вкладывается въ ротъ и затѣмъ все уже зависитъ отъ самого музыканта, такъ какъ онъ или просто дуетъ въ нее, или рычитъ, воетъ, и звуки инструмента слышны бывають на двѣ или на три мили въ окружности. Инструментъ этотъ называется „кабрай“ поимени особаго вида попугая съ звонкимъ и громкимъ голосомъ.

„Муники-ай“ представляетъ собою такой же простой и раздрающій уши инструментъ и дѣлается изъ скорлупы одного изъ небольшихъ видовъ кокосоваго орѣха (мунки), въ которой просверлены два отверстія: одно сбоку, а другое сверху; музыкантъ извлекаетъ изъ него пронзительные пищащія звуки, вдвывая воздухъ въ верхнее отверстие и то затыкая, то оттыкая пальцемъ боковое отверстие; весьма часто случается, что инструментъ этотъ украшенъ весьма вычурными и артистически выполненными рисунками.

„Холь-ай“ есть согнутый или же прямой духовой инструментъ въ родѣ трубы, сдѣланный изъ корня растенія, принадлежащаго къ семейству лагенарій.

Эти три только что описанные инструмента далеко не представляютъ собою то, что мы привыкли называть въ Европѣ духовыми инструментами, а похожи скорѣе на что-то въ родѣ морскихъ рупоровъ, такъ какъ служатъ лишь для усиленія звуковъ человѣческаго голоса, хотя и могутъ издавать весьма разнообразныя звуки.

„Орбанъ-ай“ состоитъ изъ ручки; къ которой подвѣшаны на веревкахъ съ десятокъ выдолбленныхъ скорлупъ орбановыхъ орѣховъ; когда трясуть ручку, то скорлупы ударяются другъ о друга и производятъ трещащій звукъ, похожій по временамъ на трескъ вѣтвей отъ порывовъ вѣтра, а то на шелестъ листьевъ отъ дуновенія легкаго вѣтерка.

„Окамъ“ представляетъ собою родъ барабана, сдѣланнаго изъ выдолбленнаго дерева, обтянутаго сверху кожей щитоносной ящерицы, тогда какъ снизу дыра остается незатянутою.

Для передачи сигналовъ употребляется просверленная сбоку трилоновая раковина и всякій разъ, какъ лодка покидаетъ Билли-Билли или, напротивъ того, прибываетъ въ это селеніе, даютъ знать сосѣ-

дямъ о такомъ событіи звуками этой трубы. Всѣ поименованные инструменты составляютъ ненарушимое „табу“ для женщинъ и дѣтей, такъ какъ на нихъ смотрятъ, какъ на нѣчто священное, какъ и на „телумъ“; понятно, что Маклау стоило не малыхъ трудовъ раздобыть нѣсколько экземпляровъ этихъ инструментовъ для его коллекціи.

Пѣсни папуасовъ Маклаева берега чрезвычайно просты, какъ по содержанию, такъ и по музыкальной композиціи; онѣ состоятъ обыкновенно изъ небольшого числа словъ, постоянно повторяемыхъ то однимъ голосомъ, то хоромъ; по большей части поющіе импровизируютъ свои пѣсни, которыя складываются по случаю прихода гостей, по поводу какого нибудь особеннаго занятія, или изъ ряда вонъ выходящаго событія.

Подъ обычнымъ названіемъ „ай“ понимаются вообще всѣ пиршества, празднуемая папуасами время отъ времени. Гости собираются и сзываются изъ окрестныхъ деревень извѣстнымъ количествомъ ударовъ въ общественный барабанъ, слѣдующихъ другъ за другомъ въ опредѣленные промежутки времени; въ это время юноши выносятъ изъ общественнаго дома разные музыкальные инструменты и утварь. Приносятъ ящики, наполненные до верха корнями колокаси и плодами діоскореи; часть этихъ припасовъ поставляется самими гостями, и когда гость складываетъ въ общую кучу свое приношеніе, то всѣ присутствующіе привѣтствуютъ его радостными криками. Наконецъ появляется давно ожидаемое всѣми шествіе двухъ юношей, которые тащатъ привязанную ногами къ шесту свинью, предназначающуюся для пира; шествіе встрѣчаютъ криками радости и восторга, и свинью осыпаютъ красными цвѣтами ибискуса. Жертву кладутъ на землю и одинъ изъ стариковъ обращается къ ней съ длиною рѣчью, послѣ чего и убиваетъ ее ударомъ копья подъ лѣвую лопатку. Что касается до собакъ, которыхъ папуасы ѣдятъ зачастую съ удовольствіемъ на пирахъ, то ихъ убиваютъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ: ихъ хватаютъ за заднія ноги и покрутивъ нѣсколько времени надъ головою, со всего размаха ударяютъ головою объ дерево. Куры, крысы, вускусы и другіе грызуны убиваются точно такимъ же образомъ. Когда свинья убита и опалена надъ огнемъ, ее кладутъ на толстую подстилку изъ банановыхъ листьевъ. Во всѣхъ подробностяхъ приготовленій къ пиршествамъ папуасы выказываютъ замѣчательное стремленіе къ раздѣленію труда, такъ какъ все совершается безъ шума, толкотни и суетни. Пока готовится кушанье, гости сидятъ и дѣлаютъ два мѣстныхъ напитка—„мунки-ла“ и „кеу“. Для приготовленія перваго изъ нихъ берутъ зеленые еще кокосые орѣхи и вынимаютъ изъ нихъ еще не окрѣпшее ядро съ молокомъ и съ нижней кожей, которые собираются въ большіе сосуды. Половинки орѣховъ раздаются гостямъ, которые наскребаютъ въ кокосовое молоко цѣлыя горы внутренней шкурки и орѣха, такъ что въ сосудахъ образуется бѣлосѣровая масса, которая и цѣнится крайне высоко туземцами. Второй напитокъ изготов-

ляется слѣдующимъ образомъ: свѣжіе листья растенія „кеу“ вмѣстѣ съ молодыми побѣгами, разжевываются и выплевываются въ сосуды, причемъ толстыя вѣтки и стебли растираются между камнями; молодежь играетъ при этомъ роль пережевывающихъ машинъ и челюсти ихъ обыкновенно съ усѣхкомъ выполняютъ трудную работу жернововъ. Если ктонибудь изъ жующихъ устанетъ прежде, нежели жвачка слѣдается достаточно мягкой, то жевавшій выплевываетъ жвачку на ладонь, скатываетъ ее въ шарикъ и передаетъ сосѣду съ просьбою докончить за него работу. Когда растеніе хорошо разжевано, то жидкость процѣживаютъ при посредствѣ особаго аппарата, состоящаго изъ двухъ половинокъ скорлупы кокосоваго орѣха, изъ которыхъ одна продырана, а другая приспособлена для приѣма профильтрованной уже жидкости; фильтрація производится черезъ мелко нарубленную траву. Затѣмъ въ жидкости прибавляютъ немного воды и ей даютъ хорошенько отстояться. Всякій, пьющій этотъ напитокъ, имѣетъ передъ собою свою особую посуду, которую онъ бережно носитъ всегда съ собою; посуда эта слѣлана изъ скорлупы кокосоваго орѣха, внутренняя сторона которой окрашена въ сѣро-зеленоватый цвѣтъ вслѣдствіе частаго и долгаго употребленія, такъ какъ обычай не позволяетъ мять что либо изнутри; тогда какъ снаружи скорлупа украшена самыми причудливыми рисунками.

Наконецъ изъ селенія доносятся два или три удара въ барабанъ, увѣдомляющіе гостей, что все готово для пира; любители „кеу“ усаживаются въ кружокъ, а молодежь располагается за ними въ почтительномъ отдаленіи; каждый изъ присутствующихъ втыкаетъ въ землю передъ собою свое копьѣ, а затѣмъ въ образовавшуюся отъ копьѣ ямку втыкаетъ свой сосудъ, куда „кеу“ наливается изъ общаго горшка. Предварительно пожевавъ что-нибудь и выплюнувъ жвачку въ сторону, что дѣлается ради очищенія рта, каждый по старшинству годовъ и социальнаго положенія выпиваетъ свою порцію, дѣлая самыя уморительныя гримасы, такъ какъ напитокъ чрезвычайно горекъ на вкусъ; при этомъ многіе ведутъ себя не особенно чисто, и нисколько не церемонясь, исправляютъ тутъ же свои нужды. Затѣмъ гости приступаютъ къ ѣдѣ и, когда утоляютъ свой голодъ, приступаютъ къ распиванію кокосоваго питья. Если свинья слишкомъ мала для того, чтобы ея хватило на всѣхъ, то она объявляется запретною для юношей, и только мужи могутъ ея отвѣдать, такъ какъ иначе ослушника непременно поразитъ болѣзнь или какое-нибудь несчастіе. Празднество заканчивается обыкновенно еуреньемъ и жеваньемъ бетеля и листа „сирі“. Когда, какъ иногда случается, припасовъ не хватаетъ для всѣхъ принимающихъ участіе въ пирѣ, то партія рыбаковъ отдѣляется отъ пирующихъ и налаживаетъ въ достаточномъ количествѣ рыбы. Для того, чтобы женщины и дѣти не мѣшали пирующимъ, приносятъ обыкновенно музыкальные инструменты, и начинается музыка, заставляющая прекраснѣйшій полъ собратъ

въ охапку дѣтей и поспѣшно скрыться куда-нибудь подальше. Въ концѣ концовъ на память о пирѣ и пріятно проведенномъ времени, берутъ нижнюю челюсть свиньи или собаки, служившей главнымъ угощеніемъ, и вѣшаютъ ее подъ кровлю дома для общественныхъ собраний.

Въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ, когда папуасы менѣе заняты на своихъ плантаціяхъ, устраивается цѣлый рядъ празднествъ иного рода; здѣсь первое мѣсто занимаетъ „ай-мунъ“, на которомъ дозволяется присутствовать только мужчинамъ, тогда какъ на „сель-мунъ“ являютъ и женщины, и дѣти. Во время ай-муна устраиваются крайне интересныя процессіи замаскированныхъ мужчинъ, гдѣ „айдоганъ“, пѣчто въ родѣ идола, состоящаго изъ цѣлаго ряда человѣческихъ фигуръ, вырѣзанныхъ въ одномъ кускѣ дерева, играетъ главную роль; его приносятъ изъ деревни, за-ново росписываютъ въ черныи и красныи цвѣта и торжественно вносятъ въ кругъ пирующихъ. Иногда пирующіе прямо съ пира переходятъ въ другое селеніе и тутъ разыгрывается подобіе боя съ мѣстными жителями.

Что касается до жеванія бетеля и до куренія табака, то обѣ привычки крайне распространены среди обитателей Маклаева берега. Арековая пальма весьма рѣдко встрѣчается въ странѣ, за исключеніемъ лишь острововъ Удовольствія и нѣкоторыхъ другихъ частей материка Новой Гвинеи. Самый процессъ жеванія бетеля происходитъ слѣдующимъ образомъ: сначала любители разжевываютъ слегка арековый орѣхъ, а затѣмъ смѣшиваютъ жвачку съ небольшимъ количествомъ мелкой извести, которую всякій папуасъ носитъ при себѣ въ бамбуковой бутылочкѣ; затѣмъ все это завертывается въ одинъ или два листа бетеля, кладется на зубы, и начинается жеванье. Хотя табакъ, извѣстный здѣсь подъ названіемъ „касъ“, и разводится на берегу въ большихъ количествахъ и выходитъ очень удаченъ, тѣмъ не менѣе однако жители, попробовавъ однажды американскаго прессованнаго табаку у Миллухи, не могли долго выговорить слова отъ восторга и просили потомъ нашего ученаго приносить хоть щепотку этой прелести на всѣ празднества. Обыкновенно папуасы отдѣляли листъ отъ листа, сушили ихъ надъ огнемъ, оборачивали въ зеленые высушенные листья и сворачивали въ тоненькія сигаретки; одна такая панироса обходила по нѣсколько разъ весь кругъ пирующихъ, такъ какъ папуасъ затягивается дымомъ, глотаетъ его и затѣмъ медленно выпускаетъ черезъ носъ.

Такъ какъ „кеу“ обладаетъ усыпляющими свойствами, то папуасы нашли средство поддерживать упившагоса имъ человѣка въ бодромъ состояніи; обыкновенно перепившій обращается за помощью къ своему другу, который травянымъ стебелькомъ щекочетъ ему роговую оболочку до тѣхъ поръ, пока глаза его не наполнятся слезами. Такое лѣченье продолжается до тѣхъ поръ, пока пациентъ не объявитъ, что ему больше не хочется спать; туземцы находятъ, что операція эта доставляетъ несказанное наслажденіе, но „всегда ли она удается—другой вопросъ“.

Нѣтъ возможности сконцентрировать въ небольшой статьѣ тотъ неоцѣненный и изобильный матеріалъ, который добытъ нашимъ русскимъ путешественникомъ. Каждая отдѣльная статейка его дышетъ живымъ интересомъ, блещетъ массою сообщаемыхъ имъ новыхъ научныхъ фактовъ и остается лишь пожелать, чтобы наконецъ, послѣ столькихъ неустанныхъ, но крайне плодотворныхъ трудовъ, нашъ почтенный труженикъ вернулся на родину, отдохнулъ и привелъ въ порядокъ всѣ добытые имъ матеріалы. Если насъ удивляетъ энергія Стэнли, которому было сказано: тратьте, сколько хотите! то какъ же не привѣтствовать намъ энергичнаго русскаго человѣка, который, съ грошовыми сравнительно средствами, извѣдалъ не менѣе таинственныя страны и заслужилъ уваженіе всего ученаго міра своими открытіями и добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Если намъ удалось хотя отчасти показать, какія неоцѣненныя сокровища собраны Миклухой-Маклаемъ, какъ интересны и новы его изслѣдованія, то мы полагаемъ, что достигли нашей цѣли.

В. Майновъ.

ЗАПИСКИ МЕТТЕРНИХА.

Государственный дѣятель и его система.—Его признаніе Фарнгагену фон-Энзе.—Письмо къ Гумбольдту.—Паденіе Меттерниха и его желаніе оправдаться передъ потомствомъ.—Наслѣдство, оставленное имъ сыну.—Мнѣніе Капфига.—Портретъ Меттерниха, набросанный Гервинусомъ.—Система Меттерниха.—Мирная эра.—Автобіографія.—Первые шаги на поприщѣ дипломатіи.—Посольства.—Противорѣчія между біографіей и документами.—Дипломатическая бесѣда съ Наполеономъ.—Послѣднее свиданіе въ Дрезденѣ.—Галерея современниковъ.—Официальные документы.—Знакомство съ Александромъ I.—Газета коалиціи.—Восточная конфедерація.—Раздѣлъ Турціи.—Значеніе общественнаго мнѣнія и журналистики.—Поддѣлка билетовъ Вѣнскаго банка.—Причины разрыва съ Россією.—Записки Генда о Вѣнскомъ конгрессѣ.—Отношенія державъ къ Россіи.—Значеніе записокъ Меттерниха.

ВЪ ТАКОМЪ іюня 1859 года, въ Вѣнѣ умеръ человѣкъ, около сорока лѣтъ управлявшій Австріей, имѣвшій огромное вліяніе на политику Европы, прославляемый современными дипломатами какъ идеаль государstвеннаго дѣятеля, охранителя мира и непреложныхъ, неизблѣмыхъ началъ правительственной власти. Правда, строгіе историки и серьезные мыслители, еще при жизни князя Клемент-Венцеслава Меттерниха-Винбургъ-Оксенгаузена, герцога Портеллы, называли его противникомъ всякаго прогресса, гонителемъ всякой свободной мысли, истребляемой имъ или хитростью, доведенною до нечестности, или насиліемъ, доходящимъ до безчеловѣчности. Олицетвореніе тупой, безпощадной реакціи, онъ самъ считалъ себя представителемъ непогрѣшимой, консервативной политики и не разъ излагалъ свою систему передъ дипломатами и писателями, преклонявшимися передъ его гениальностью, которая была въ сущности только ловкимъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, обходить препятствія и подавлять силою малѣйшую вспышку противорѣчія его реакціоннымъ мѣрамъ.

Въ 1834 году, желая привлечь на свою сторону прусскаго публициста Фарнгагена фон-Энзе, Меттернихъ подробно изложилъ ему свою систему управления, переданную въ томъ же году въ сочиненіи писателя: „Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften, T. VIII“. „Въ дѣлахъ, говоритъ австрійскій государственный канцлеръ, у меня нѣтъ ни ненависти, ни предпочтеній. Я выбираю людей только смотря по способностямъ выполнить мою идею. Тамъ, гдѣ все колеблется, все измѣняется, надобно чтобы гдѣ нибудь было что нибудь твердое и прочное, къ чему могли бы присоединиться люди, ищущіе опоры. Я былъ для нихъ этимъ убѣжищемъ отъ бурь и крушеній. Было время, когда Россія хотѣла моего паденія; въ другое время этого желала Франція; но обстоятельства этимъ державамъ, что я былъ дѣйствительно человѣкомъ, какой имъ нуженъ. Я чловѣкъ правды, не боюсь свѣта и могу отдать отчетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Я могу только выиграть отъ обнародованія моихъ поступковъ и охотно бы подвергнулъ ихъ обсужденію съ парламентской трибуны, если бы не ненавидѣлъ ее, какъ вредное учрежденіе. Я удивляюсь иезуитамъ, но ненавижу иезутизмъ, какъ чуму; я вѣрующій католикъ, но ненавижу шетизмъ такъ же, какъ и либерализмъ; я непримиримый врагъ послѣдняго, но могу похвалиться, что либералець— въ прямомъ значеніи этого слова“.

Цитируя эти фразы, приведенныя нами въ извлеченіи, писатель и самъ не вполне довѣряетъ ихъ правдивости. Но въ нихъ Меттернихъ еще достаточно откровененъ, хотя и рисуется передъ публицистомъ. Въ 1846 году, въ письмахъ къ Гумбольдту, онъ увѣряетъ даже, что „всегда чувствовалъ неодолимую страсть къ наукамъ точнымъ и естественнымъ и полное отвращеніе къ занятіямъ государственнымъ дѣлами. Судьба противъ воли бросила его на путь, котораго онъ не искалъ и не выбиралъ“¹⁾.

Немудрено, что этотъ дипломатъ по неволѣ, видя паденіе своей системы, столько лѣтъ преобладавшей въ Европѣ, захотѣлъ оправдать и эту систему, и свои поступки и явиться передъ потомствомъ въ лучахъ той славы, которая долгое время окружала его громкое имя. Это было тѣмъ необходимѣе, что въ послѣднія десять лѣтъ своей когда-то дѣятельной жизни онъ потерялъ всякую надежду возвратитъ не только свое прежнее значеніе, но и какое-либо вліяніе на государственныя дѣла. Правда, ему было уже 65 лѣтъ, когда Вѣнская революція 13 марта заставила его не только оставить свой высокій постъ, но съ опасностью жизни бѣжать изъ города, гдѣ онъ игралъ первую роль. Однако бывший канцлеръ былъ еще свѣжъ и бодръ; у него былъ въ 1848 году одиннадцатилѣтній сынъ отъ третьей жены, и вообще Меттернихъ рассчитывалъ на долготѣльную старость. Его не могла потрясти даже неожиданная перемѣна въ его судьбѣ и со-

¹⁾ Briefe von Alexander v. Humboldt. Leipzig, 1860.

единенныя съ нею волненія. Въ Дрезденѣ, куда онъ бѣжалъ изъ Вѣны, его приняли такъ недружелюбно, что только новое бѣгство, въ Голландію, избавило его отъ серьезной опасности. Но и тамъ онъ жилъ не долго и принужденъ былъ переѣхать въ Англію. Ему однако хотѣлось быть ближе къ своему отечеству, и въ 1849 году онъ поселился въ Брюсселѣ. Черезъ два года онъ имѣлъ уже возможность увидѣть свое великолѣпное помѣстье Йоганисбергъ, гдѣ его посѣтилъ прусскій король. Наконецъ онъ могъ вернуться и въ Вѣну. Молодой императоръ, такъ круто подавившій Венгерскую революцію, тотчасъ же сдѣлалъ визитъ старому министру, внимательно выслушалъ совѣты его, но не принялъ ихъ, а о возвращеніи его въ управленіе не было и рѣчи. Старикъ считалъ себя конечно обиженнымъ, толковалъ о неблагодарности монарховъ, осуждалъ политику своего преемника, князя Шварценберга, и съ горечью видѣлъ, что возвратъ къ старымъ порядкамъ немислимъ. Хотя ненавистная ему республика исчезла во Франціи, но тамъ возродилась Вторая имперія и власть захватилъ хотя авантюристъ, но изъ того же семейства, у котораго было торжественно отнято право когда-либо занимать какой-либо престолъ въ Европѣ. И это постановленіе Вѣнскаго конгресса было предложено самимъ же Меттернихомъ, а теперь государь его занесивалъ расположеніе втораго императора французовъ, забывъ, что старшій канцлеръ употребилъ всѣ усилія для уничтоженія Первой имперіи. Традиціонная политика Австріи была забыта, и вскорѣ Меттернихъ увидѣлъ ее униженною тѣмъ же похитителемъ трона во Франціи, объявившимъ войну главѣ дома Габсбурговъ и нанесшимъ поражение австрійцамъ на поляхъ Италіи. Меттернихъ не дожилъ однако до заключенія Виллафранкскаго мира, отторгнувшаго отъ Австріи ея лучшія итальянскія провинціи. Но всѣ эти потери не такъ сильно подѣйствовали бы на стараго реакціонера, какъ вступленіе Австріи на путь чисто конституціонной державы, по которому она съ тѣхъ поръ слѣдуетъ неуклонно.

Меттернихъ, умирая, оставилъ свои записки сыну своему отъ второй жены Рихарду, бывшему двѣнадцать лѣтъ (отъ 1859 до 1871) посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ жена его играла весьма эксцентрическую роль при эксцентрическомъ дворѣ Наполеона III. Но и Рихардъ Меттернихъ ждалъ двадцать лѣтъ, для того, чтобы обнародовать записки своего отца. Какъ умный человѣкъ, онъ понималъ, что прославленіе ретроградныхъ и анти-конституціонныхъ принциповъ неумѣстно въ наше время. Только теперь, чтобы исполнить завѣщаніе отца, приступилъ онъ къ этому изданію, вѣроятно рассчитывая, что мнѣнія канцлера возбуждять любопытство публики, какъ все, что давно позабыто. Предполагать, что записки эти измѣнять давно уже сложившееся мнѣніе о Меттернихѣ—было бы наивностью. Исторія давно уже произнесла надъ нимъ строгій, но справедливый приговоръ. Кромѣ панегиристовъ и официальныхъ или тенденціозныхъ писателей—

ниго не отзывался съ похвалою объ этомъ представитель реакціи и застою, абсолютизма и безконтрольнаго управленія. Во всѣхъ сколько нибудь серьезныхъ историческихъ сочиненіяхъ о XIX столѣтіи политика Меттерниха подвергалась часто рѣзкому, но всегда справедливому осужденію. Еще при жизни австрійскому канцлеру приходилось встрѣчать строгую оцѣнку своей системы—даже у писателей, отличавшихся снисходительностью сужденій.

Въ эпитаграфѣ, поставленномъ въ заголовкѣ своихъ записокъ, Меттернихъ жалуется на то, что его біографія, составленная Капфигомъ, очень мало схожа съ оригиналомъ и что его моральную фізіономію такъ же трудно изобразить перомъ, какъ его физическій портретъ—кистью. „Впрочемъ, такимъ образомъ пишется исторія и такъ она не должна бы писаться“, прибавляетъ канцлеръ. Все это одни фразы: и портретъ его, давно извѣстный по всѣмъ иллюстраціямъ, и біографія не представляютъ ни малѣйшей трудности; они очень рельефны и отчетливы,—а то, что объ немъ говорить Капфигъ и чего канцлеръ конечно не приводитъ въ своихъ запискахъ, совершенно справедливо. Вотъ наприимѣръ нѣсколько словъ французскаго писателя о системѣ австрійскаго канцлера: „Внутренняя политика его состояла въ удержаніи Австріи посредствомъ подозрительной полиціи, цензуры и блокады интеллигенціи—въ всякаго вліянія революціонныхъ идей, въ сохраненіи неподвижности въ государствѣ, въ удаленіи самыхъ необходимыхъ реформъ. И все-таки эта тактика не имѣла силы защитить Австрію отъ вліянія новаго духа. Подъ этою мертвящею системою правительство потеряло всякую энергію“.

Еще строже отнеслись къ Меттерниху такіе историки, какъ Тьеръ, Ланфре, Шлоссеръ, Биндеръ (Fürst Clement von Metternich, 1836), Гроссъ-Гоффингеръ (Fürst Metternich, 1846), Иосифъ Гормайръ (Kaiser Franz und Metternich, 1848) и др. Для того, чтобы установить вѣрную точку на значеніе канцлера, при разборѣ его записокъ, мы приведемъ мнѣніе объ немъ Гервинуса, высказанное въ его „Исторіи XIX столѣтія“. Сначала историкъ рисуетъ дѣятельность его на Вѣнскомъ конгрессѣ, когда Александръ I, узнавъ о возняхъ Меттерниха, съ презрѣніемъ объявилъ объ этой „подлости“ Францу II и сказалъ, что не можетъ больше вести переговоры съ его министромъ. „Но императоръ Францъ, казалось, самъ старался перещеголять въ хитрости своего министра“. Но самый вѣрный портретъ Меттерниха помѣщенъ въ главѣ „Реакціи отъ 1815 до 1820 года“, и мы извлечемъ изъ нея самыя существенныя черты этой непривлекательной личности, вздумавшей и изъ-за гроба обратить на себя вниманіе исторіи: „Меттернихъ былъ созданъ на то, чтобы наслаждаться жизнью, полною умственнаго и физическаго бездѣйствія. Многочисленная улыбка его производила самое разнообразное впечатлѣніе: маршалъ Ланнъ видѣлъ въ ней изворачивающуюся гибкость, Гормайръ—хитрость и сладострастіе, лордъ Россель—ничего незначащую привычку

и не находилъ на лицѣ уже зрѣлаго государственнаго сановника выраженія широкаго пониманія, замѣчательнаго ума и слѣдовъ широкаго размышленія. Онъ былъ ничто иное, какъ человѣкъ рутинны; знанія его и понятія были лишены всякой основательности. Онъ писалъ письма, полныя логическихъ и грамматическихъ ошибокъ и доказывавшія его поверхностное образованіе. Даже облеченная въ панегирикъ исторія рассказываетъ мало о доброспорядочной, частной жизни его, а скандальная хроника, напротивъ того, сообщаетъ очень много. Ходили безконечныя толки о подкупуности и ненасытномъ корыстолюбіи Меттерниха. Растраты, которымъ онъ подвергалъ какъ свое собственное состояніе, такъ и государственную казну, въ которой ему была предоставлена полная свобода, при смерти Франца II доросли до 13-ти милліоновъ. Разрушительное финансовое и домашнее его управленіе извѣстны всему міру. Наполеонъ назвалъ его въ лицо подкупленнымъ Англіею; онъ получалъ деньги и отъ русскаго императора какъ плату за частныя донесенія. Одни уже неопровержимыя факты, какъ полученіе милліоновъ отъ Франціи въ 1814, 1817 и 1818 г., пожалованіе званія неаполитанскаго герцога и подарковъ Іоганнисберга — свидѣлствуютъ о неизмѣримости суммъ, полученныхъ Меттернихомъ. Видя его козни на Вѣнскомъ конгрессѣ, не понимаешь, какъ имя этого человѣка могло пріобрѣсти славу. Его угнетательная политика была причиною тому, что Австрія пріобрѣла дурную славу“.

И такой человѣкъ думаетъ заинтересовать потомство своими записками, оправдать свою позорную извѣстность! Мы не можемъ не отнести этой замогильной попытки къ печальнымъ явленіямъ нашего времени; и обязанныя представить оцѣнку ея, какъ документа, имѣющаго всетаки историческое значеніе, остановимся только на самыхъ замѣчательныхъ мѣстахъ этихъ записокъ, рисующихъ событія и людей эпохи очень печальной, но которая входить въ цѣль исторіи и потому не можетъ быть пройдена молчаніемъ. Самыя грустныя картины прошедшаго могутъ служить поучительнымъ урокомъ настоящему. Бездушныя, безнравственныя реакціонеры въ родѣ Меттерниха, невозможныя въ наше время и въ Австріи, могутъ явиться въ другихъ странахъ, и знакомство съ ихъ пріемами и изворотами не бесполезно для всякаго.

I.

Вторымъ эниграфомъ къ запискамъ Меттерниха взяты его собственныя слова: „Такъ называемая Меттерниховская система—не система, а только примѣненіе законовъ, управляющихъ міромъ (Weltordnung). Революціи покоятся на системахъ; вѣчныя законы стоятъ внѣ и выше того, что по праву имѣетъ значеніе системы“. Эта запутанная фразеологія прикрываетъ самую дикую мысль, которую никогда не высказывалъ ни одинъ не только государственный, но просто мыслящій че-

ловѣе: міромъ управляетъ не прогрессъ, а застой, реакція. Опровергать подобный парадоксъ—значило бы доказывать необходимость развитія челоуѣчества, а этого закона не уничтожатъ никакіе Меттернихи въ мірѣ.

Издатель записокъ придалъ имъ названіе „Изъ бумагъ, оставленныхъ Меттернихомъ“. Бумаги эти приведены въ порядокъ и расортированы Альфонсомъ Клинковштремомъ. Сынъ канцлера предпослалъ имъ витіеватое предисловіе, въ которомъ прежде всего объясняетъ, почему двадцать лѣтъ не издавалъ записокъ: это было собственное желаніе его отца, не разъ высказывавшаго, что „необходимъ такой промежутокъ времени, чтобы бумаги созрѣли для мірачитателей“ (für die Leserwelt zur Reife gelange). Опять ходульная и ничего не объясняющая фраза, до которыхъ покойникъ былъ большой охотникъ. Далѣе сынъ приводитъ не менѣе напыщенные слова отца: „Я дѣлалъ исторію, и потому не имѣлъ времени писать ее. Не изъ самолюбія или страсти къ противорѣчію стремлюсь я сдѣлать извѣстными взгляды и чувства, носившіеся передо мною въ теченіе всей моей дѣловой жизни; чувство мое покоится на другомъ основаніи: въ немъ господствуетъ историческій элементъ и забота объ истинѣ“. Меттернихъ, заботающійся объ истинѣ, объ исторіи! Не заключается, ли въ этихъ словахъ вопіющее, невозможное сочетаніе идей? И между тѣмъ нашлись органы печати, приписывающіе и подобнымъ фразамъ и вообще запискамъ канцлера огромное значеніе. Еще задолго до появленія ихъ въ свѣтъ услужливые журналисты превозносили ихъ громадную историческую важность; одновременно съ выходомъ въ Вѣнѣ оригинала записокъ, появились переводы ихъ на французскій и англійскій языки. Громкое имя у насъ все еще производитъ сильное вліяніе на массы, привыкшія вѣрить на слово непогрѣшимости сильныхъ міра. Авторитеты часто основываются на важномъ мѣстѣ, на блестящемъ положеніи. *Jurare in verba magistri*— девизъ не одной схоластики. Давно ли исторія стала смѣло обличать ошибки и преступленія властителей? Развѣ и въ наше время разные Меттернихи не пытаются зажимать ротъ не только современникамъ, но и исторіи?

Рихардъ Меттернихъ объявляетъ далѣе, что полная исторія отца его была бы всемірной исторіею его времени, которое, по всей справедливости, должно носить названіе „эры Меттерниха“. Да, если подъ этою эрою понимать эру самой безпощадной реакціи, подавленіе всякой свободной мысли, самыхъ священныхъ правъ народовъ,—эру лжи, насилія, вѣроломныхъ поступковъ, безотвѣтной тираніи, наглыхъ обмановъ, подкуповъ и продажи убѣжденій и совѣсти. Рихардъ Меттернихъ придаетъ этой эрѣ названіе „эры мира“,—какъ будто внѣшній миръ—высшее благополучіе, какъ будто отсутствіе международныхъ войнъ въ эпоху отъ 1815-го до 1848 года доказывало внутреннее благосостояніе странъ, томившихся подъ гнетомъ Меттерниховской системы управленія? Кто же не знаетъ, какова была эта „мирная эра“ въ Греции,

гдѣ свирѣцествовали турки, во Франціи, въ Италиі, въ Испаніи, гдѣ неистовствовали Бурбоны. Революція 1830 года, низвергнувъ французскихъ Бурбоновъ, создавъ Бельгійское государство, не образумила Меттерниха, еще восемнадцать лѣтъ державшагося своей системы. Не называть „эрою мира“ эту смутную эпоху повсемѣстныхъ волненій, съ трудомъ подавляемыхъ кровавыми репрессаліями, можетъ только беззапѣчливость такихъ дипломатовъ, какъ Рихардъ Меттернихъ. Онъ не объѣзжаетъ, не представляетъ, по бумагамъ своего отца, полной картины этой эры, но представляетъ читателямъ только историческіе документы, планы, переписку, депеши и т. п. изъ бумагъ покойнаго канцлера „этого непоколебимаго борца за принципы, поддерживающіе государство. Изъ собственныхъ словъ его еще сильнѣе будетъ дѣйствовать на потомство все величіе и полное очарованіе личности великаго государственнаго человѣка“.

И подобныя фразы говорятся о министрѣ, задержавшемъ чуть не на полстолѣтія развитіе прогрессивныхъ идей во всей Европѣ и въ самой Австріи. Какими же словами исторія должна отзываться о такихъ министрахъ, какъ напримѣръ Штейнъ, содѣйствовавшій возрожденію и развитію своего отечества?

За словами сына слѣдуетъ въ запискахъ „объясненіе“ отца, писанное въ 1844 году. Въ немъ Меттернихъ называетъ свое время „переходнымъ періодомъ“, а о своихъ запискахъ говорить, что въ нихъ „по своей обязанности“ онъ не открылъ никакой государственной тайны и старался въ особенности представить императора Франца, называвшаго его своимъ другомъ, такимъ, „каковъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ“. Стало бытъ Меттернихъ беретъ оправдать не только себя, но и своего повелителя, котораго изъ лѣниваго, нерѣшительнаго, неспособнаго мыслить вѣнценосца—онъ сдѣлалъ подозрительнымъ, мстительнымъ, жестокимъ и еще болѣе вѣроломнымъ, чѣмъ самъ канцлеръ. Управляя министерствомъ, онъ не жилъ ни одного часа для самого себя и всегда слѣдовалъ девизу: „истинная сила лежитъ въ правдѣ“. Самую важную эпоху своей жизни онъ считаетъ время между 1810—1815 годами, а свои записки — необходимыми для пополненія какъ историческихъ событій, такъ и оцѣнки его личности. Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ все это справедливо.

Бумаги Меттерниха начинаются „автобіографической запиской“, обнимающей первые сорокъ два года его жизни (отъ 1773 по 1815). Въ первой главѣ онъ рассказываетъ о своемъ рожденіи въ Кобленцѣ и воспитаніи въ Страсбургскомъ университетѣ. Ничего интереснаго не сообщаетъ онъ о годахъ своего ученія и не упускаетъ только случай отозваться съ ужасомъ о Французской революціи. Онъ тогда же почувствовалъ, что „революція будетъ его противникомъ, съ которымъ ему, впоследствии, придется бороться“. Перейдя потомъ въ университетъ въ Майнцъ, онъ сошелся съ тамошними революціонерами „для

того, чтобы изучить неприятеля“, и какой-то историкъ Фогтъ, увѣрилъ молодого студента, что его „умъ и сердце идутъ по прямому пути“. Война съ Франціей прервала его университетскія занятія; онъ не принялъ въ ней участія, но написалъ, послѣ вазни Маріи Антуанеты, „Воззваніе къ арміи“ и брошюру „О необходимости всеобщаго вооруженія народа на границахъ Франціи“. Оба эти юношескія произведенія приложены къ первому тому записокъ и отличаются только напыщенностью тона и громкими фразами. Онъ присутствовалъ при взятіи Валансиенна и, въ концѣ 1794 года, отправился изъ Голландіи въ Лондонъ. Тамъ двадцатилѣтній юноша выразилъ принцу Уэльскому свое неодобреніе за то, что наследникъ англійскаго престола перешелъ на сторону оппозиціи, и тотъ, черезъ тридцать лѣтъ, сдѣлавшись королемъ подъ именемъ Георга IV, напомнилъ ему объ этомъ обстоятельствѣ, прибавивъ: „вы были тогда совершенно правы“. На сколько правды въ подобныхъ хвастливыхъ анекдотахъ, нерѣдко встрѣчающихся въ запискахъ—предоставляемъ судить читателямъ. Само собою разумѣется, что и англійскій король, и прусскій, и всѣ вѣнценосцы, съ какими сдѣлался Меттернихъ—мудрѣйшіе политики, прекраснѣйшія личности, благороднѣйшія сердца.

Женившись въ 1795 году, Меттернихъ началъ свое дипломатическое поприще на Раштадтскомъ конгрессѣ. О тогдашней нерѣшительной и безтолковой политикѣ Австріи даже онъ отзывался неодобрительно, но не высказываетъ, въ чемъ именно состояли ея ошибки, и портреты министровъ Тутута, Кобенцеля вышли у него совершенно безцвѣтны. Въ 1801 году онъ назначенъ былъ посланникомъ въ Дрезденъ, хотя и увѣрялъ императора, что неспособенъ къ этому званію. При этомъ назначеніи онъ считаетъ долгомъ высказать нѣсколько туманныхъ и запутанныхъ разсужденій о политикѣ, которую называетъ „наукою жизненныхъ интересовъ государства въ высшихъ сферахъ“. О саксонскомъ дворѣ онъ говоритъ очень мало, и пребываніе его тамъ было непродолжительно: въ 1803 году онъ былъ уже посланникомъ въ Берлинъ. Когда въ 1805 году Александръ I, чтобы побудить Пруссію присоединиться къ Австріи и Россіи, заключившимъ союзъ противъ Франціи, объявилъ, что онъ далъ приказаніе своей арміи перейти границы Восточной Пруссіи, Меттернихъ сожалѣетъ, что слишкомъ поздно узналъ объ этомъ рѣшеніи, а то бы онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы отклонить русскаго императора отъ этого опаснаго шага. Тутъ же онъ рассказываетъ невѣроятный анекдотъ о томъ, какъ русскій посланникъ въ Берлинъ графъ Алопеусъ потерялъ присланное ему письмо Александра I къ прусскому королю и только черезъ нѣсколько времени отыскалъ письмо—за обшлагомъ своего халата. Министра Гаутвица Меттернихъ обвиняетъ въ томъ, что онъ безъ согласія своего государя предложилъ Наполеону, послѣ заключенія Пресбургскаго мира, присоединить къ Пруссіи Ганноверъ. Этотъ поступокъ даже Меттернихъ называетъ нечестнымъ. Но Гаутвицъ за это потерялъ

министерскій портфель, тогда какъ за подобными поступками австрійскаго дипломата слѣдовали только награды и повышенія.

Въ 1806 году Меттернихъ былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ и приводитъ даже по этому случаю на Французскомъ языкѣ лестный отзывъ о немъ, помѣщенный въ „Сѣверной Пчелѣ“, № 23. Это точное указаніе на изданіе, появившееся въ свѣтъ только въ 1825 году, сильно заподозриваетъ и другія ссылки записокъ. Но въ Петербургѣ Меттерниху не удалось побывать: пріѣхавъ въ Вѣну, онъ былъ тотчасъ же отправленъ посланникомъ въ Парижъ. Съ неохотою отправился онъ къ своему новому назначенію и былъ безъ всякой церемоніи задержанъ въ Страсбургѣ, по приказанію Наполеона, подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ, а въ сущности для того, чтобы имѣть время кончить переговоры съ русскимъ посланникомъ Убри, съ которымъ австрійскій посоль не долженъ былъ встрѣчаться. Меттернихъ много говоритъ о „независимости своего характера“ и нежеланіи преклониться передъ Наполеономъ; но исторія давно уже опредѣлила, какую низкопоклонную роль игралъ онъ при императорѣ французовъ, только обманами, да хитростями поддерживая свое вліяніе надъ апатическимъ Францомъ II, тогда какъ Наполеонъ не стѣснялся высказывать объ немъ далеко не лестное мнѣніе. Наблюденія австрійскаго посланника въ замѣчательную эпоху войны 1806—1807 г. ограничивались одними придворными и дипломатическими извѣстіями. Онъ говоритъ только вскользь о томъ, какъ правительство преувеличивало въ бюллетеняхъ арміи побѣды Наполеона и съ какимъ равнодушіемъ относилось къ нимъ населеніе Парижа. Меттернихъ не упускаетъ однако случая распространиться о своемъ значеніи въ дипломатическомъ мірѣ и увѣряетъ, что имѣлъ большое вліяніе на русскаго посланника графа Толстаго, черезъ перваго секретаря посольства, графа Нессельроде, съ которымъ съ тѣхъ поръ Меттернихъ вошелъ въ самыя тѣсныя личныя сношенія. Послѣднее утвержденіе впрочемъ весьма правдоподобно, такъ какъ русскаго вице-канцлера не даромъ называли, въ послѣдствіи, русскимъ Меттернихомъ.

II.

Здѣсь мы должны остановиться, чтобы разъяснить читателямъ еще одну странную сторону разбираемаго нами сочиненія. Первая часть его состоитъ, какъ уже мы сказали, изъ автобіографіи Меттерниха, доведенной до 1815 года и писанной на нѣмецкомъ языкѣ; вторая часть, служащая дополненіемъ первой, содержитъ въ себѣ оффиціальныя документы, депеши, корреспонденцію—большею частью на французскомъ языкѣ, усвоенномъ дипломатіею. Такіе документы заключаютъ въ себѣ разъясненіе и подтвержденіе болѣе замѣчательныхъ фактовъ, приводимыхъ автобіографіею, и издатель, въ примѣчаніяхъ къ подобнымъ фактамъ, дѣлаетъ ссылки на относящіяся къ нимъ пояснительныя бумаги.

А между тѣмъ официальные документы очень часто не только не подтверждаютъ автобиографическаго изложенія, но противорѣчатъ ему и передаютъ событія и слова совсѣмъ при другомъ освѣщеніи и въ другомъ видѣ. Положимъ, что разница эта не важна и что въ дипломатическихъ депешахъ нигде не будетъ искать исторической истины, но читатель все таки не знаетъ, чему же вѣрить: собственному ли разсказу автора, или его письмамъ къ своему министру? Отчего эти изложенія не согласованы между собою и которое изъ нихъ вѣрно? Мы приведемъ одинъ примѣръ, лучше всего доказывающій, что запискамъ Меттерниха нельзя довѣрять, и пользоваться ихъ документами можно только съ крайней осторожностью.

15-го августа 1808 года, Наполеонъ, готовясь къ походу въ Испанію, собралъ въ Сен-Клу весь дипломатическій корпусъ и вздумалъ предостеречь Австрію, дѣлавшую военныя приготовленія, отъ вмѣшательства въ войну. Извѣстно, что въ католическихъ святцахъ до заключенія конкордата не было особеннаго дня, посвященнаго памяти святаго Наполеона, и императоръ французовъ потребовалъ отъ Пія VII, чтобы тотъ назначилъ празднованіе его тезки на 15 августа,—день вознесенія Богородицы на небо, особенно чествуемый католиками. Соединивъ такимъ образомъ свои именины съ днемъ памяти одного изъ главныхъ событій христіанства, Наполеонъ всегда съ особенною торжественностью праздновалъ этотъ день. Аудіенція дипломатовъ происходила передъ богослуженіемъ въ капеллѣ, куда императоръ отправлялся въ сопровожденіи блестящей свиты изъ членовъ своего дома, министровъ, придворныхъ чиновъ и адъютантовъ. „Послѣ нѣсколькихъ минутъ необыкновеннаго молчанія, говоритъ Меттернихъ, Наполеонъ подошелъ ко мнѣ съ разсчитанною серьезностью. Онъ остановился за два шага передо мною и сдѣлалъ мнѣ вопросъ громкимъ голосомъ, и въ торжественномъ тонѣ: „ну что же, господинъ посланникъ, чего хочешь императоръ, вашъ государь? Не думаетъ ли онъ опять призвать меня въ Вѣну?“ Это обращеніе ко мнѣ не лишило меня присутствія духа; я отвѣчалъ ему хладнокровно и не менѣе возвышеннымъ тономъ. Разговоръ нашъ, во все время пока продолжался, принималъ со стороны Наполеона все болѣе и болѣе характеръ публичной манифестаціи, и Наполеонъ возвышалъ все болѣе свой голосъ, какъ онъ дѣлалъ это всегда, когда преслѣдовалъ двойную цѣль—испугать разговаривающаго съ нимъ и произвести впечатлѣніе на слушателей. Я не перебивалъ своего тона и отражалъ оружіемъ пропіи его безсодержательные аргументы. По временамъ Наполеонъ призывалъ въ свидѣтели своихъ словъ графа Толстаго, но видя, что тотъ остается только наблюдателемъ въ непоколебимомъ молчаніи, онъ повернулся, остановившись среди разговора, и отправился въ капеллу. Эта сцена продолжалась болѣе получаса“.

Такъ разсказываетъ ее Меттернихъ, на страницѣ 67 своей автобиографіи, но вотъ какъ передаетъ онъ ее въ депешѣ своему министру

иностранныхъ дѣлъ графу Стадіону, во второй части своихъ записокъ, на страницѣ 199. Мы приводимъ только существенныя мѣста:

„Наполеонъ началъ говорить со мною о жаркомъ лѣтѣ, о здоровьи моего семейства и пр., обратился съ такими же незначительными вопросами къ моему сосѣду, поговорилъ съ графомъ Толстымъ, потомъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ тономъ, непредвѣщавшимъ наступленія грозы: „Ну, что же? Австрія сильно вооружается“?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ я: она приводитъ только въ исполненіе органическія мѣры, принятія и установленныя ею со времени Пресбургскаго мира; она слѣдуетъ только въ этомъ примѣру столькихъ сосѣдей, съ которыми должна стоять наравнѣ“. Затѣмъ идутъ обвиненія Наполеона, уже переданныя его министромъ Шампаньи и сообщенныя Стадіону. Императоръ жалуется на созваніе милиціи, на поспѣшность, съ какою дѣлаются военныя приготовленія, на оскорбленіе его консула въ Триестѣ, съ котораго онъ могъ взять 50 милліоновъ контрибуціи, но не сдѣлалъ этого, а теперь ему придется съечь городъ, если онъ возьметъ его. [Никто не хочетъ войны, но она все-таки неминуема, потому что тутъ интригуешь Англія. Россіи тоже не могутъ нравиться вооруженія Австріи, она возбуждаетъ противъ Франціи Турцію, хочетъ подчинить себѣ Сербію и проч. Меттернихъ опровергалъ всѣ эти обвиненія. „Этотъ разговоръ, прибавляетъ онъ, въ которомъ я отвѣчалъ съ чрезвычайною откровенностью и величайшимъ спокойствіемъ, продолжался пять четвертей часа. Императоръ ни на минуту не возвышалъ голоса, не оставилъ ни тона, ни выраженій самой изумительной умѣренности; онъ положительно сказалъ бы мнѣ все это гораздо болѣе энергическимъ тономъ, еслибъ мы были съ нимъ наединѣ; здѣсь мы, казалось, бесѣдуемъ просто и читаемъ курсъ политики“. Говоря о бесполезности военныхъ приготовленій Австріи, Наполеонъ прибавилъ: „Вы думаете тоже самое?—и я отвѣчалъ ему смѣясь: „Не только я думаю, какъ вы, государь, но мнѣ кажется, что я обсуждаю наши интересы съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ; до того справедливо все, что ваше величество мнѣ говорили, и наши теперешнія пренія всего менѣе походятъ на споръ между двумя державами“. Императоръ также разсмѣялся и сказалъ: „Вы видите тоже, какъ я спокоеенъ“. Я узналъ потомъ, какую важность онъ приписывалъ тому, чтобы отъ меня не ускользнулъ этотъ отглаголъ въ его образѣ дѣйствій и поступковъ“.

Прочитавъ этотъ вариантъ рассказанной выше сцены, становившися въ тупикъ: на чемъ же долженъ остановиться читатель, желающій вывести заключеніе изъ словъ Меттерниха, рассказывающаго одно и тоже событіе съ такими противорѣчивыми одно другому подробностями? Какъ отличить истину отъ преувеличенія?... Можно ли послѣ этого вѣрить запискамъ и пользоваться ими для историческихъ изслѣдованій? И къ чему былъ поднятъ въ журналистикѣ весь этотъ шумъ по поводу посмертныхъ воспоминаній человека, о которомъ всего лучше было бы

позабить?... Мы полагаемъ, что изъ приведенной нами оцѣнки ихъ читатель достаточно ознакомился съ ихъ значеніемъ, и потому приведемъ только, въ заключеніе нашего очерка, перечень главнѣйшихъ фактовъ, сообщаемыхъ этими записками.

Оставляя посланнической постъ во Франціи въ 1809 году, Меттернихъ набрасываетъ очень короткіе и блѣдные очерки нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ Наполеону лицъ: Талейрана, Фуше, Камбасереса и др. Въ томъ же году онъ былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, потомъ государственнымъ министромъ и принялъ дѣятельное участіе въ переговорахъ о бракѣ Наполеона съ Маріей-Луизою. Въ этомъ случаѣ эрцгерцогиня, по увѣренію Меттерниха, пожертвовала собою для пользы государства. Для переговоровъ по этому браку онъ ѣздилъ еще разъ въ слѣдующемъ году въ Парижъ, съ особымъ порученіемъ къ Наполеону. Съ нимъ видѣлся Меттернихъ еще разъ въ 1812 году, въ Дрезденѣ, куда императоръ французовъ пригласилъ Франца II, готовясь къ походу въ Россію. Наполеонъ мало говорилъ о политикѣ, за то высказывалъ свои мысли о формѣ правленія во Франціи, находя, что она менѣе другихъ странъ способна къ введенію представительнаго правленія. „Во Франціи, говоритъ онъ, умъ встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ—но только умъ: за нимъ нѣтъ ничего похожаго на характеръ, и еще менѣе на принципы. Всякій гоняется только за милостями (faveur), все равно кто бы ни раздавалъ ихъ—вверху или внизу. Я однако же не хочу абсолютной власти, но не хочу ни болтуновъ, ни идеологовъ, ни мишур, но у меня будетъ дѣйствительное представительство страны. Тогда Франція будетъ хорошо управляться даже лѣнивымъ монархомъ, потому что они будутъ всегда, судя по тому, какъ воспитываютъ монарховъ“. О русскомъ походѣ Меттернихъ говоритъ мало, но утверждаетъ, что предвидѣлъ печальный исходъ его для Наполеона. Последнія встрѣчи съ нимъ Меттерниха произошли въ 1813 году, въ Дрезденѣ. Въ первый разъ Наполеонъ встрѣтилъ его рѣзкою выходкою: „вы хотите войны, сказалъ онъ: хорошо, вы ее получите. Я уничтожилъ при Мозелѣ прусскую армію; русскихъ я разбилъ при Бауценѣ. Вы теперь хотите стать на очереди. Будь по вашему: мы увидимся въ Вѣнѣ. Люди несправимы,—опытъ ихъ ничему не научаетъ. Три раза я возвращалъ императору Францу его престолъ, обѣщалъ ему быть съ нимъ въ мирѣ во все продолженіе моей жизни; я женился на его дочери; тогда еще я говорилъ себѣ: ты дѣлаешь глупость, но она уже сдѣлана, и въ этомъ я сегодня раскаиваюсь“.

Послѣ этой тирады Наполеонъ показался мелочнымъ даже Меттерниху, и тотъ отвѣчалъ, что война или миръ зависитъ отъ него самого.

— Ну, хорошо, такъ чего же хотятъ отъ меня? сказалъ Наполеонъ,—чтобы я обезчестилъ себя? Никогда! Я сумѣю умереть, но ни уступлю ни пяди земли. Ваши монархи, рожденные на престолѣ.

могутъ быть двадцать разъ разбиты и всетаки вернуться въ свои резиденціи; этого не могу сдѣлать я, сынъ счастья. Владычество мое не переживетъ того дня, въ который меня перестанутъ бояться. Я сдѣлалъ большую ошибку, оставивъ безъ вниманія, что мнѣ стояла армія, лучшая изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ. Я могу сражаться съ людьми, а не со стихіями. Меня побѣдилъ морозъ. Въ одну ночь я потерялъ тридцать тысячъ лошадей. Я все потерялъ, кромѣ чести и сознанія того, чѣмъ я обязанъ храброму народу, который послѣ столькихъ неслыханныхъ бѣдствій далъ мнѣ новыя доказательства своей преданности и своего убѣжденія, что только я одинъ могу управлять имъ. Я возмѣстилъ всѣ прошлогоднія потери. Посмотрите на мою армію послѣ сраженія, которое я только что выигралъ.

— И однако же именно эта армія требуетъ мира, отвѣчалъ посланникъ.

— Не армія, а мои генералы хотятъ мира. У меня нѣтъ болѣе генераловъ. Московскій холодъ ихъ деморализировалъ. Я видѣлъ, какъ самые храбрые плакали какъ дѣти. Они были разбиты физически и нравственно. Двѣ недѣли тому назадъ я еще могъ заключить миръ, теперь я не могу этого сдѣлать. Я выигралъ двѣ побѣды и не заключу мира.

Меттернихъ отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ Европа никогда съ нимъ не сойдется, если у него и пораженія и побѣды ведутъ къ войнѣ, а миръ является всегда только кратковременнымъ перемиріемъ. Наполеонъ началъ опять увѣрять, что онъ возьметъ Вѣну; толковалъ о численности австрійской арміи, о русскомъ походѣ; Меттернихъ замѣтилъ ему, что теперь во французской арміи почти все молодое поколѣніе, что его солдаты—дѣти, что если онъ считаетъ себя абсолютно необходимымъ для націи, то и для него нужна нація. Что же будетъ если и эта армія исчезнетъ?

Наполеонъ поблѣднѣлъ и черты его исказились отъ гнѣва. „Вы не солдатъ, вскричалъ онъ и не понимаете, что происходитъ въ душѣ солдата. Я выросъ въ полѣ, и такой человѣкъ какъ я мало заботится о жизни милліона людей“. Меттернихъ прибавляетъ, что тутъ Наполеонъ употребилъ болѣе рѣзкое и грязное выраженіе, а когда тотъ выразилъ желаніе, чтобы слова его слышала Франція, императоръ замѣтилъ, что всегда падалъ французовъ, а приносилъ въ жертву нѣмцевъ и поляковъ. „Въ московскомъ походѣ, прибавилъ онъ, я потерялъ триста тысячъ человѣкъ и между ними было только тридцать тысячъ французовъ“. На это австрійскій дипломатъ будто бы замѣтилъ ему, что императоръ говоритъ съ нѣмцемъ—и тотъ, перебивъ разговоръ, сталъ опять жаловаться на то, что сдѣлалъ глупость, женившись на австрійской эрцгерцогинѣ, спрашивалъ, неужели императоръ Францъ захочетъ лишить престола свою дочь, и окончилъ бесѣду словами: „ошибка моя можетъ стоить мнѣ трона, но подъ его развалинами я похороню весь міръ“.

Этот разговор принадлежит къ самымъ характеристичнымъ въ запискахъ Меттерниха; въ какой степени онъ близокъ къ правдѣ— это другой вопросъ, на который трудно отвѣчать. Вообще двѣ послѣднія главы автобіографіи: „Къ исторіи союзовъ“ и „Наступленіе мирной эры“ принадлежатъ къ самымъ интереснымъ. Вотъ какое мнѣніе высказываетъ Меттернихъ о „Священномъ союзѣ“: „Союзъ этотъ не былъ учрежденъ для подавленія народныхъ правъ, для усиленія абсолютизма, или вообще какой-либо тираніи: онъ былъ единственно осуществленіемъ пѣтического настроенія императора Александра и примѣненія основъ христіанства къ политикѣ“. Автобіографія оканчивается краткимъ очеркомъ положенія Австріи послѣ Вѣнскаго конгресса.

III.

За автобіографіей въ запискахъ Меттерниха слѣдуетъ галерея знаменитыхъ современниковъ, состоящая изъ двухъ характеристикъ: Александра I и Наполеона. Первую изъ нихъ читатель найдетъ въ первой книгѣ „Историческаго Вѣстника“; вторую мы не приводимъ, такъ какъ портретъ Наполеона не заключаетъ въ себѣ ничего новаго и особенно рельефнаго. Нѣкоторыя мысли его довольно оригинальны, какъ на примѣръ слѣдующая: „меня называютъ счастливымъ, но я только ловокъ: слабые люди всегда обвиняютъ сильныхъ въ томъ, что они счастливы“. Нѣкоторые анекдоты весьма сомнительны, какъ тотъ, когда Наполеонъ, выброшенный однажды изъ коляски и ударившійся животомъ о камень, увѣрялъ, что пополнилъ при этомъ случаѣ опытъ надъ силою своей воли. „Когда я ударился желудкомъ, то почувствовалъ, что жизнь оставляетъ меня и едва имѣлъ время сказать себѣ, что не хочу умирать—и остался въ живыхъ; всякій другой на моемъ мѣстѣ—умеръ бы“.

Собраніе документовъ и бумагъ Меттерниха начинается двумя незначительными сочиненіями политическаго содержанія; затѣмъ слѣдуютъ холодныя и безсодержательныя письма къ женѣ. Дипломатическіе документы начинаются со второй части и заключаютъ въ себѣ депеши и бумаги, относящіяся къ его дрезденскому, берлинскому и парижскому посольству. Между ними немного замѣчательныхъ и объясняющихъ какія-либо историческія событія. Нѣсколько большій интересъ для насъ представляютъ бумаги, относящіяся къ дипломатическимъ переговорамъ о Россіи. Таковы депеши Меттерниха о генералъ-адъютантѣ Винценгероде, отправленномъ Александромъ I въ Берлинъ, въ февралѣ 1805 года, для склоненія Пруссіи приступить къ коалиціи противъ Франціи; также о вступленіи русскихъ войскъ въ прусскія области и о первой встрѣчѣ съ Александромъ I. Но при описаніи этого знакомства не очень правдоподобно, что русскій императоръ говорилъ слишкомъ много комплиментовъ Меттерниху, а о приверженцахъ Наполеона употребляетъ выраженія въ родѣ: „ce diable

de Kœckritz“, или о баварскомъ электорѣ „nous le pinceront d'importance“. Любопытно, что, негодуя на французскіе бюллетени, осыпавшіе клеветами монарховъ и народы, съ которыми Франція была въ войнѣ и на газеты, даже нѣмецкія, но сообщавшія публикѣ только то, что угодно Франціи, Меттернихъ задумалъ издавать газету подѣ покровительствомъ и подѣ редакцію державъ, вступившихъ въ коалицію противъ Наполеона. По плану дипломата новая газета должна быть „органомъ праваго дѣла, складомъ официальныхъ извѣстій союзныхъ армій, цензоромъ непріятельскихъ извѣстій“, и состоять изъ отдѣловъ политическаго, литературнаго и фельетона. Извѣстія для перваго отдѣла должны были доставлять главному редактору министры союзныхъ державъ, а извѣстія, публикуемыя непріятелемъ, должны сопровождаться разъясненіями и опроверженіями; въ этомъ же отдѣлѣ должны помѣщаться „политическія записки, способныя направлять общественное мнѣніе къ общей цѣли“. Часть литературная должна быть посвящена преимущественно разбору и оцѣнѣ политическихъ сочиненій, появляющихся во Франціи и у ея союзниковъ, указанію на хорошія сочиненія и опроверженію дурныхъ. Фельетонъ посвящается мелкимъ статьямъ, анекдотамъ и т. п. Газета должна печататься на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Это международное періодическое изданіе не состоялось точно также, какъ планъ „восточной конфедераціи“, предложенный Меттернихомъ по заключеніи Пресбургскаго мира. По этому плану Европа должна быть раздѣлена на двѣ части по линіи Везера, Саалы, Богемскихъ горъ, Инна, по границамъ Зальцбурга и Тироля, и по Тальяменто, до впаденія его въ Адриатическое море. Австрія, Пруссія и Россія заключаютъ между собою оборонительный союзъ, предоставляя Западную Европу французской гегемоніи и свое посредничество Англии, угрожая, въ случаѣ непріятія его, прерваніемъ съ нею коммерческихъ сношеній. Въ случаѣ перехода Франціи за демаркаціонную линію союза—онъ дѣлается наступательнымъ. Любопытно, что планъ этотъ гарантировалъ также цѣлость Турецкой имперіи, тогда какъ въ слѣдующемъ же году Меттернихъ соглашается съ планами Наполеона касательно раздѣла Турціи. Первоначальный планъ Наполеона состоялъ въ томъ, чтобы Франціи взять Морею и Архипелагъ, Австрію—дунайскія провинціи, Боснію, Булгарію, Россіи—Константинополь. Австрія противилась этому проеку; Талейранъ увѣрялъ, что Россія страстно (avec passion) раздѣляетъ виды Наполеона. Почему Наполеонъ пересталъ говорить объ этомъ планѣ—не видно изъ послѣдующихъ бумагъ Меттерниха, который, въ слѣдующей же депешѣ, черезъ два мѣсяца послѣ разсужденія о гигантскихъ планахъ Наполеона, называетъ его политику „коварной, разрушительной и преступной“, и подтверждаетъ, что остановить его въ честолюбивыхъ замыслахъ можетъ только война съ нимъ Австріи и Россіи, „хотя союзъ между этими державами невозможенъ въ виду ихъ моральныхъ и физическихъ настроеній“.

Въ этомъ же году Меттернихъ сообщаетъ о замыслахъ Наполеона объявить войну Австріи и сознается, что единственное средство избѣгнуться отъ опасности—заключить союзъ съ Россіей. Въ то же время онъ возвращается къ необходимости имѣть вліяніе на печать, чтобы противодѣйствовать ложнымъ извѣстіямъ франкфуртскихъ и аугсбургскихъ газетъ. „Отчего бы не сообщать имъ корреспонденцій изъ Вѣны или не подвергать ихъ цензурѣ, спрашиваетъ онъ и прибавляетъ: всѣ правительства, и наше въ особенности, дѣлають огромную ошибку, считая бесполезнымъ, несоотвѣствующимъ ихъ достоинству и даже опаснымъ—говорить съ публикою, говорить ей правду и никогда не переставать говорить... Французы подняли оружіе, которое мы бросили съ пренебреженіемъ, и употребляютъ его теперь противъ насъ. Вездѣ смѣшиваютъ употребленіе вещи съ злоупотребленіемъ, памфлетиста съ публицистомъ. Общественное мнѣніе—одно изъ самыхъ могущественныхъ средствъ и, какъ религія, проникаетъ въ самые сокровенные уголки, гдѣ административныя мѣры теряють свое вліяніе. Презирать общественное мнѣніе—также опасно, какъ презирать нравственные принципы. Потомство съ трудомъ повѣритъ, что мы считали молчаніе достаточнымъ орудіемъ противъ нашихъ враговъ. Ложное извѣстіе кажется справедливымъ, если его никто не опровергаетъ“. И эти здравыя мысли сводятся въ концѣ дѣнеши къ тому, что очень легко найдти газеты для помѣщенія въ нихъ правительственныхъ мнѣній,—„надо только, чтобы они не имѣли официальной формы и только безъ этой формы производятъ они вліяніе“. Ясно, что дипломатъ хлопоталъ не о правдивыхъ извѣстіяхъ, а о тѣхъ, которыя выгодны для правительства.

Для того, чтобы видѣть, какъ Меттернихъ понималъ дипломатію, приведемъ одинъ примѣръ: передъ Эрфуртскимъ конгрессомъ онъ предлагаетъ своему правительству, посредствомъ признанія новыхъ королей, коронованныхъ Наполеономъ, войти съ Франціей въ дружескія сношенія—для формы и, въ то же время какъ можно дольше оттягивать это признаніе, чтобы найти средство извлечь изъ этого выгоды. Извѣстно, что такая тонкая политика ни къ чему не послужила и въ апрѣлѣ 1809 года Наполеонъ объявилъ войну Австріи. Меттернихъ утѣшалъ себя въ военныхъ неудачахъ своего отечества тѣмъ, что сочинилъ проэктъ тайной придворной и государственной канцеляріи, утвержденной въ ноябрѣ императоромъ.

Къ 1810 году относится любопытная переписка о поддѣлкѣ въ Парижѣ, во время войны съ Австріей, билетовъ Вѣнскаго банка. Ихъ было выпущено на двѣсти милліоновъ флориновъ, а когда по заключеніи мира Австрія потребовала выдачи еще невыпущенныхъ билетовъ, ихъ формъ, матрицъ и т. п., министръ Шампаньи отвѣчалъ, что всѣ они уже уничтожены и что Наполеонъ, занявъ Вѣну и многія провинціи Австріи, земли которыхъ служили гипотекою банку, счелъ себя въ правѣ выпустить билеты этого банка, которые впрочемъ не

были распространены правительствомъ, а проникли въ публику только вслѣдствіе злоупотребленія нѣсколькихъ мелкихъ агентовъ. Если мы припомнимъ, что къ подобной же „финансовой операціи“ прибѣгнулъ Наполеонъ и во время похода въ Россію, наводя ея фальшивыми русскими ассигнаціями, то будемъ имѣть понятіе о нецеремонности средствъ, къ какимъ прибѣгалъ императоръ французскій въ войнѣ съ непріателемъ.

Въ этомъ же году начались неудовольствія между Франціей и Россіей. Посланникъ нашъ Румянцовъ отличался, по мнѣнію Меттерниха, измѣнчивостью мнѣній, а по словамъ Наполеона—недостаткомъ характера и разсудительности. Петербургскій кабинетъ, встревоженный провѣтками относительно Польши, предложилъ письменную конвенцію по этому предмету, на что согласился и французскій уполномоченный; но Наполеонъ не ратификовалъ ее потому, что въ ней Франція обѣщала, „что Польша не будетъ болѣе существовать“. Наполеонъ замѣнилъ эту фразу слѣдующею: „Франція не будетъ ни прямо, ни косвенно содѣйствовать востановленію Польши“. Эта переиначка доказывала, что онъ не хотѣлъ связать себя даже простою фразою, что конечно не могло быть пріятно для Россіи. Кромѣ того въ Эрфуртѣ, допустивъ занятіе дунайскихъ княжествъ, онъ потребовалъ, чтобы русскіе никогда не переходили Дуная. Въ то же время онъ соглашался, чтобы Австрія заняла Сербію.

Все это не могло утвердить прочныхъ отношеній между двумя державами. Депеши Меттерниха не разъясняютъ однако дальнѣйшаго положенія дѣлъ и въ 1811 году ограничиваются только нѣсколькими разсужденіями о положеніи Австріи во время Франко-Русской войны. Тутъ же помѣщена организація государственнаго совѣта въ Австріи, а въ 1812 году—рѣчь Меттерниха въ академіи образовательныхъ искусствъ, въ званіи ея попечителя. Къ депешамъ 1813 года принадлежитъ донесеніе о свиданіи съ Наполеономъ въ Дрезденѣ, рассказанное опять совсѣмъ иначе, нежели въ автобіографіи. Къ 1814 году относятся двѣ незначительныя депеши объ отреченіи Наполеона и прибытіи графа д'Артуа въ Парижъ.

Наконецъ, къ эпохѣ Вѣнскаго конгресса относятся три документа, изъ которыхъ одинъ, составленный Фридрихомъ Генцомъ, отличается слишкомъ развязными, хотя болѣею частью вѣрными сужденіями о лицахъ и постановленіяхъ конгресса. Онъ говоритъ прямо, что всѣ громкія фразы о цѣли конгресса: востановленіе общественнаго порядка, возрожденіе политической системы въ Европѣ и прочнаго мира, основаннаго на справедливомъ распредѣленіи силъ, „значили не болѣе, какъ дѣлежка между побѣдителями достоянія побѣжденнаго“. Державы, собравшіяся на конгрессъ, готовы были перессориться между собою изъ за добычи. „Александръ I явился въ Вѣну прежде всего для того, чтобы ему удивлялись (это его всегдашняя, первая мысль) потомъ для того, чтобы овладѣть Варшавскимъ герцогствомъ, недопустить Австрію

слишкомъ усилиться и усилить сколько можно Пруссію, чтобы сдѣлать изъ нея могущественную союзницу Россіи; также для того, чтобы вмѣшиваться во всѣ дѣла Европы и сдѣлаться распорядителемъ ея судебъ". Завистливый нѣмецъ не могъ конечно иначе выразиться о роли русскаго императора, пріѣхавшаго на конгрессъ уже почти поссорившись съ Австріей, Англійей и Франціей: съ Австріей за то будто бы, что она мѣшала ему сдѣлаться главнокомандующимъ союзною арміею. Генцъ увѣряетъ даже, что Александръ I завидовалъ политическимъ успѣхамъ Меттерниха, что онъ потерялъ много въ общемъ мнѣніи, ненавидя Меттерниха и стараясь его низвергнуть. Одно это обстоятельство показываетъ уже степень правдивости записокъ австрійскаго министра. Русскій императоръ ненавидѣлъ и Англію, но скрывалъ свои чувства къ ней и къ лорду Кастлеригу, былъ сильно нерасположенъ къ Людовику XVIII и Талейрану, къ королю баварскому и датскому, и считалъ своимъ другомъ только слабаго прусскаго короля, вполне подчинявшагося волѣ русскаго императора. Англія могла бы играть на конгрессѣ выдающуюся роль и предписывать свои законы Европѣ, но Кастлеригъ дѣйствовалъ слабо, нерѣшительно, принималъ полумѣры во всѣхъ вопросахъ и былъ единственною причиною плохихъ результатовъ, достигнутыхъ конгрессомъ. Франція играла на конгрессѣ второстепенную роль, какъ держава побѣжденная. Затруднительнѣе всего было положеніе Австріи, считавшей Россію своимъ явнымъ врагомъ и неимѣвшей друзей во всей Европѣ кромѣ Баваріи. Первые раздоры начались изъ за Варшавскаго герцогства. Меттернихъ, послѣ нѣсколькихъ частныхъ переговоровъ съ Александромъ I и одной бурной сцены, рѣшилъ, что не войдетъ болѣе съ нимъ въ прямые сношенія. Александръ въ свою очередь объявилъ, что смертельно оскорбленъ Меттернихомъ, и пересталъ посѣщать его балы. Переговоры, какъ извѣстно, кончились такъ, какъ этого желала Россія.

Когда вопросъ коснулся территоріальнаго дѣленія Германіи, ссора между державами дошла до того, что въ концѣ 1814 года всѣ стали готовиться къ войнѣ, а конгрессъ готовъ былъ закрыться. Пруссія требовала себѣ всей Саксоніи, ей давали только половину. Не обращая вниманія на саксонскаго короля, Александръ I уговорилъ прусскаго короля довольствоваться половиною и полосою владѣній на Рейнѣ съ 1,400,000 жителей. Въ утѣшеніе за потерю Лейпцига, онъ уступилъ Пруссіи Торнъ, который хотѣли сначала сдѣлать вольнымъ городомъ, какъ Краковъ. Съ Италіей церемонились еще менѣе и подѣлили государства и народы, не спрашивая мнѣній ни первыхъ, ни послѣднихъ. Любопытная записка эта, помѣченная 13 февраля 1815 года, не говоритъ конечно объ окончаніи конгресса.

Сборникъ документовъ второй части записокъ Меттерниха оканчивается мало интересными письмами его къ своей дочери о послѣднихъ событіяхъ 1815 года, начиная съ сраженія при Ватерлоо и оканчивая отравленіемъ Наполеона на островъ св. Елены.

Мы передали содержаніе всего, что интересно въ двухъ томахъ „Записокъ Меттерниха“. Изъ нашего разбора читатели могутъ видѣть сами, заслуживаютъ ли онѣ тѣ преувеличенныя похвалы, съ какими ихъ встрѣтила европейская журналистика. Очевидно, что весь шумъ, поднятый по поводу ихъ появленія, принадлежитъ къ сферѣ спекуляціи. Даже при бѣгломъ, самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ „Записками“ нѣтъ не найдешь въ нихъ ничего, что могло бы представить автора ихъ въ другомъ свѣтѣ, реабилитировать его въ глазахъ историка. И еще первая эпоха его дѣятельности—самая лучшая въ его жизни. Здѣсь онъ является только хитрымъ, ловкимъ, хвастливымъ дипломатомъ, которому ничего не стоить солгать, явно обмануть своего противника, устроить противъ него тайныя возни. Въ депешахъ его невидна ни особаго ума, ни проницательности, ни знанія людей, ни политическаго предвидѣнія, хотъ онъ и любитъ похвастаться этими качествами. Есть между этими депешами и довольно любопытныя, но понятно, что самыя интересныя изъ нихъ не вошли въ сборникъ, скрыты какъ не дѣлающія чести австрійской политикѣ. Поэтому, въ запискахъ Меттерниха нѣтъ ни правды, ни полноты, но въ нихъ все таки встрѣчаются черты рисующія эпоху, разоблачающія хотя отчасти нѣкоторыя стороны европейской политики. Это заставляетъ обратить на нихъ вниманіе и мы не замедлимъ познакомить читателей „Историческаго Вѣстника“ съ дальнѣйшими выпусками сборника, въ которыхъ интересно будетъ встрѣтиться съ эпохою конгрессовъ и народныхъ волненій, такъ усердно подавляемыхъ Меттернихомъ, пока взрывъ ихъ въ 1848 году не опрокинулъ и самого правителя Австріи и всю его правительственную систему, по которой до нашего времени вздыхаютъ Меттернихи всѣхъ націй, считая самымъ удобнымъ способомъ идти по пути реформъ и прогресса—шагъ впередъ и два назадъ.

ЧАРТИЗМЪ ¹⁾

ВЪ 1837—38 г. въ Англіи была необыкновенно сурова и бѣдственна. Много было недовольства и ропота по разнымъ причинамъ среди того класса населенія, который французскіе писатели называютъ пролетаріями. Сѣтованія еще усиливались вслѣдствіе распространившихся слуховъ, что молодая королева находится вполне подъ вліяніемъ легкомысленнаго эгоиста-министра (лорда Мельбурна), который занимаетъ ее только развлечениями, тогда какъ бѣдные умираютъ съ голоду. Нельзя думать, чтобы существовало хотя малѣйшее фактическое основаніе для подобнаго убѣжденія; тѣмъ не менѣе послѣднее очень сильно было распространено между рабочимъ классомъ и бѣднымъ населеніемъ и усиливало страданія, происходившія отъ дѣйствительной нужды, приправою горечи, вызванной воображаемымъ зломъ. На народное образованіе обращалось мало вниманія; можно даже сказать, на сколько дѣло касалось государства, что вниманія на этотъ предметъ не обращалось вовсе. Политико-экономическіе законы въ то время могли быть оцѣнены лишь немногими, и на подобныхъ людяхъ тогда вообще смотрѣли

¹⁾ Настоящій очеркъ извлеченъ изъ сочиненія Макъ-Карти „Исторія нашего времени отъ вступленія на престолъ королевы Викторіи до Берлинскаго конгресса“. Первые два тома этого сочиненія вышли недавно въ Лондонѣ двѣнадцатымъ изданіемъ. Авторъ (членъ парламента) избралъ царствованіе нынѣшней англійской королевы рамкою для разсказа о событіяхъ, происходившихъ въ Европѣ за время отъ 1837—1878 годъ. Повѣствованіе его разумѣется сосредоточивается преимущественно на Англіи, но не смотря на это, представляетъ общій интересъ не только въ политическомъ, но и въ культурномъ отношеніи. Знакома нашихъ читателей на первый разъ съ своеобразнымъ явленіемъ Англійской жизни—чартизмомъ, мы въ послѣдующихъ очеркахъ извлечемъ изъ сочиненія Макъ-Карти разсказъ объ Ирландскомъ движеніи съ связи съ голоднымъ временемъ, объ Англійской литературѣ и т. д.

такъ, какъ въ болѣе просвѣщенный вѣкъ могли бы смотрѣть на какихъ-нибудь френологовъ и послѣдователей месмеризма.

Какъ наглядный примѣръ чрезвычайнаго невѣжества, какое тогда господствовало въ народѣ, нѣкоторые писатели приводятъ исторію нѣкоего Тома и его учениковъ и придаютъ этому дѣлу большое значеніе. Томъ былъ раззорившійся пивоваръ и къ тому же человѣкъ повредившійся въ умѣ. Одно время онъ щеголялъ въ Кэнтербюри и другихъ частяхъ графства Кентъ разряженный въ фантастическій костюмъ и величалъ себя сэромъ Вильямомъ Куртене, изъ Поудергэмъ-Кэстля, мальтійскимъ рыцаремъ, іерусалимскимъ королемъ, повелителемъ цыганскихъ племенъ и т. п. Томъ называлъ себя великимъ политическимъ реформаторомъ, и ему удалось даже привлечь къ себѣ кое-какихъ приверженцевъ и защитниковъ. Затѣмъ Томъ былъ нѣкоторое время заключенъ въ домъ умалишенныхъ, а по выходѣ оттуда сталъ выдавать себя невѣжественнымъ поселянамъ за втораго Мессію. Онъ опять нашелъ много послѣдователей и вѣрующихъ среди людей еще болѣе низменнаго класса, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ увлекалъ прежде. Значительная доля вліянія Тома на бѣдныхъ кентскихъ рабочихъ объяснялась его бранью противъ новаго закона о бѣдныхъ, который тогда внушалъ къ себѣ въ народѣ неимоверную ненависть, соединенную со страхомъ. Томъ объявилъ этимъ людямъ, что пришелъ обновить вообще весь свѣтъ, а въ частности ихъ, своихъ послѣдователей, намѣренъ избавить отъ дѣйствія новаго закона о бѣдныхъ. Это послѣднее обѣщаніе, какъ болѣе существенное, служило нѣкоторою рекомендаціею первому. Собравъ толпу своихъ приверженцевъ, Томъ вздумалъ предпринять съ ними нападеніе на Кэнтербюри. Собственной рукою онъ убилъ полицейскаго, который пытался сопротивляться движенію. Изъ Кэнтербюри явились двѣ роты солдатъ, чтобы разсѣять бунтовщиковъ. Командовавшій офицеръ былъ застрѣленъ Томомъ. Тогда его приверженцы съ такимъ пыломъ бросились на неожиданныхъ этого солдатъ, что на мгновеніе между послѣдними произошло замѣшательство. Но вторая рота сдѣлала залпъ, который повергъ бездыханными на землю Тома и нѣсколько человѣкъ его послѣдователей. Этимъ положенъ былъ конецъ мятежу. Нѣкоторые изъ послѣдователей Тома были потомъ судимы за убійство, изобличены и осуждены, но изъ состраданія къ невѣжеству и заблужденію этихъ фанатиковъ они не были преданы смерти. Спустя долгое время послѣ паденія ихъ недѣльнаго героя и мнимаго святаго, многіе изъ учениковъ Тома еще вѣрили, что онъ встанетъ изъ могилы, чтобы выполнить свою обѣщанную миссію. Случай съ помѣшаннымъ Томомъ, прискорбный самъ по себѣ, характеризуетъ только невѣжество и бѣдственное состояніе народной массы въ первые годы царствованія королевы Викторіи, но не можетъ еще быть отнесенъ къ числу признаковъ опаснаго политическаго и соціальнаго состоянія тогдашняго общества: въ ту эпоху существовали опасности посерьезнѣе той, какую могъ вызвать помѣшанный

человѣкъ, нарядившійся въ фантастическую одежду. Существовали заблужденія болѣе глубокия, чѣмъ тѣ, какія могъ вызвать въ обществѣ религиозный фанатизмъ самаго низшаго типа.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ коронаціи королевы происходилъ большой радикальный митингъ въ Бирмингемѣ. На этомъ митингѣ былъ принятъ присутствующими манифестъ, извѣстный потомъ подъ названіемъ Чартистской петиціи. Съ этого времени чартизмъ сдѣлался одною изъ самыхъ безпокойныхъ движущихъ силъ въ политической жизни страны. Хотя въ наше время вліяніе этого движенія уже совершенно исчезло, но само по себѣ оно вполне заслуживаетъ имѣть свою, и даже подробную, исторію. Чартистское движеніе десять лѣтъ волновало Англію. Иногда оно, казалось, угрожало дѣйствительнымъ возстаніемъ всѣхъ пролетаріевъ противъ тогдашнихъ политическихъ и социальныхъ учрежденій страны. Чартизмъ могъ бы сдѣлаться серьезно опаснымъ, если бы государство въ то время было вовлечено въ какія-нибудь внѣшнія затрудненія. Чартистское движеніе поддерживалось какъ сильнымъ, неподдѣльнымъ энтузіазмомъ, страстнымъ увлеченіемъ его послѣдователей, такъ и нѣкоторыми своими разумными основаніями. Сильно и вмѣстѣ съ тѣмъ безъискусственно взывало оно въ духу недовольства всякаго рода, какое только гнѣздилося среди рабочихъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ чартистское движеніе представляло чрезвычайно пріятныя и удобныя условія, благодаря которымъ честолюбивые политиканы-эгоисты могли на время возвыситься и пріобрѣсти себѣ значеніе. Но это было непродолжительно: бѣшеное и порывистое пламя чартизма испытало на себѣ наконецъ, вліяніе яснаго, сильнаго и ровнаго свѣта, какой дается правильнымъ политическимъ развитіемъ и сообщается политическими реформами.

Изъ чартизма можно извлечь тотъ хорошій урокъ, что политическая агитация живетъ и даже бываетъ страшною только въ силу тѣхъ разсудительныхъ элементовъ, какіе заключаются въ ея требованіяхъ. Тысячи невѣжественныхъ и несчастныхъ людей со всѣхъ концовъ страны присоединились къ чартистской агитаціи, хотя сами конечно вовсе не заботились о существенномъ значеніи ея политическихъ требованій. Эти люди были бѣдны, замучены работой, которая худо оплачивалась, такъ что жизнь ихъ была вполне несчастною. Бѣдняки забрали себѣ въ голову дикую мысль, что народная хартія,—если только ея добиться,—доставитъ имъ лучшую пищу, лучшую заработную плату и болѣе легкій трудъ, и что именно по этой причинѣ аристократы и правительственныя лица не даютъ хартіи. Въ дѣйствительности, никакія политическія уступки не могли удовлетворить несчастныхъ. Если бы хартія была дарована въ 1838 году, то въ 1839 году они были бы столь же недовольны, какъ и всегда. Само по себѣ недовольство этихъ бѣдныхъ людей не составляло бы особой опасности для государства, если бы оно не послужило поддержкой и исходнымъ пунктомъ особой организаціи, которая въ пользу своихъ требованій могла выста-

вить нѣкоторые хорошіе и здоровые доводы. Но какъ только стали серіозно разбираться очевидныя, практическія причины недовольства страны, такъ организациа эта исчезла тотчасъ же. Неопредѣленное недовольство, какъ бы оно ни было естественно и извинительно, бываетъ страшно въ политическихъ дѣлахъ только тогда, когда способствуетъ увеличенію силы и численности людей, требующихъ какой-нибудь опредѣленной реформы, — такой, которая могла бы быть уже произведена, но почему-нибудь задерживается. Одно изъ самыхъ распространенныхъ заблужденій современной политикѣ состоитъ въ томъ, будто бы бесполезно вводить такія реформы, которыя удовлетворяютъ разсудительнымъ требованіямъ, потому только, что все-таки останутся неразумные агитаторы, а этихъ послѣднихъ разсудительныя реформы не удовлетворяютъ. Привлеките на свою сторону разумныхъ людей, и тогда нѣтъ надобности бояться неразумныхъ. Вотъ урокъ государственнымъ людямъ, представляемый чартистскимъ движеніемъ.

Человѣкъ даже самаго обыкновеннаго умственнаго уровня, безпристрастно всмотрѣвшись въ происхожденіе чартизма, увидитъ, что послѣдній составлялъ не причину, но послѣдствіе, выраженіе смутнаго недовольства, вызываемаго осязательными несправедливостями и зломъ.

Мы пережили времена политическихъ отвлеченностей: удачныя слова, которыя приводили нашихъ предковъ въ волненіе, мы только выслушиваемъ, но не придаемъ имъ почти никакого особеннаго значенія. Мы улыбаемся, слыша фразу въ родѣ „правъ человѣка“. Мы едва-ли знаемъ даже, что когда-то подѣ словомъ „народъ“ подразумѣвалась исключительно только масса личностей, обиженныхъ, неимѣвшихъ представительства и притѣсняемыхъ разными привилегіями и аристократіей. Мы рѣдко говоримъ о „свободѣ“; кто рискнетъ основать на этомъ свою теорію или даже только подекламировать на тему о предполагаемомъ лишеніи свободы, тотъ скоро очутится въ неловкомъ положеніи, такъ какъ его попросятъ дать научное опредѣленіе, что онъ понимаетъ подѣ свободой. Декламирующій о свободѣ будетъ въ такомъ же затрудненіи, въ какомъ очутились нѣкоторые англійскіе рабочіе, пожелавшіе выразить Джону Стюарту Миллю свою симпатію къ тому, что они называли на грубомъ языкѣ континентальной демократіи „революціей“. Великій либеральный мыслитель спокойно попроситъ ихъ спросить самихъ себя, что они разумѣютъ подѣ именемъ „революціи“, о какой именно революціи они говорятъ и почему ей сочувствуютъ. Но если подобныя отвлеченности не имѣютъ живаго значенія теперь, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они и никогда не имѣли значенія. Фраза, которую Милль такъ заслуженно осудилъ, услышавъ ее отъ англійскихъ рабочихъ; имѣла очень опредѣленный и понятный смыслъ, когда она впервые стала употребляться во Франціи и на материкѣ. Слово „революція“ выражало собою нѣчто ясное и дѣйствительное, столь же доступное пониманію всѣхъ слышавшихъ его, какъ для людей

нашего времени доступны понятія „свободная торговля“ или „ультрамонтанство“. „Революція“ представляла собою принципъ, который обозначалъ по всей Европѣ ниспроверженіе старинной абсолютной власти и такое понятіе выражалось этимъ словомъ вполне цѣлесообразно. Въ наши дни это слово не имѣетъ смысла потому именно, что оно было полно смысла тогда. Тоже самое произошло со словами „народъ“, „права народа“, „права труда“ и съ другими пышными фразами, которыя теперь кажутся намъ столь пустыми и лишенными смысла.

Билль о реформѣ 1832 года былъ, необходимо и вполне естественно, для своего времени дѣломъ сословнымъ. Онъ сдѣлалъ многое для конституціонной системы Англіи. Онъ предотвратилъ революцію, которая безъ какойнибудь подобной уступки вѣроятно была бы неизбежна. Билль о реформѣ рѣшилъ навсегда вопросъ, который серьезно и вмѣстѣ съ тѣмъ горячо обсуждался во время преній о реформѣ, — вопросъ о томъ, основана или не основана англійская конституція на системѣ народнаго представительства. Въ наше время многимъ показалось бы едва вѣроятнымъ, что здравомыслящіе люди могутъ отрицать существованіе представительнаго принципа. Но во время преній о реформѣ такое отрицаніе было надежнымъ опорнымъ пунктомъ для многихъ вождей партіи, противной реформѣ, включая самого герцога Веллингтона. Принципъ конституціи, — какъ серьезно доказывалось — состоитъ въ томъ, что монархъ приглашаетъ тѣ общины и тѣ интересы, какіе считаетъ нужными, послать довѣренныхъ лицъ въ парламентъ, чтобы держать съ нимъ, монархомъ, совѣтъ о дѣлахъ націи. Отъ этой идеи отдѣлялись только благодаря биллю о реформѣ. Билль уничтожилъ 56 номинальныхъ или гнилыхъ мѣстечекъ и отнялъ половину числа представителей у 30 другихъ. Изъ добытыхъ такимъ путемъ мѣстъ реформа дала 65 добавочныхъ представителей графствамъ и снабдила правомъ посылать представителей такіе крупные центры, какъ Манчестеръ, Лидсъ, Бирмингэмъ и еще 39 большихъ и цвѣтущихъ городовъ, которые прежде не имѣли представительства. До того времени (по словамъ лорда Дж. Росселя въ рѣчи, произнесенной имъ при внесеніи билля въ мартѣ 1831 г.), какаянибудь „обвалившаяся земляная насыпь“ послала двухъ представителей въ парламентъ, три углубленія въ каменной стѣнѣ — двухъ представителей; паркъ, въ которомъ вовсе не видно было домовъ, посылалъ двухъ представителей въ парламентъ и т. п. Билль далъ право голоса всѣмъ владѣльцамъ свободной поземельной собственности (фригольдерамъ), которые платили 10 фунтовъ стерлинговъ поземельной ренты, и распространилъ это право на безсрочныхъ арендаторовъ (копигольдеровъ) и фермеровъ, платившихъ ежегодно 50 фунтовъ ренты, также на горожанъ, вносявшихъ не менѣе 10 фунтовъ наемной платы за жилище. Но рабочіе классы реформа оставила почти совершенно внѣ избирательнаго права. Она не только не распространила на нихъ политическую

эмансипацію, но во многихъ мѣстахъ отняла и тѣ особыя льготы, которыя дѣлали рабочихъ избирателями. Были общины (напримѣръ, Престонъ, въ Ланкаширѣ), гдѣ существовавшая тогда мѣстная система избирательныхъ правъ создавала нѣчто подобное общей подачѣ голосовъ. Все это было сглажено биллемъ о реформѣ. На практикѣ этотъ билль сломилъ монополію, какою пользовались аристократія и крупныя землевладѣльцы, и допустилъ къ участию въ законодательной власти средніе классы. Представительство раздѣлилось между аристократіей и средними классами, вмѣсто того чтобъ быть, какъ прежде, исключительно принадлежностью первой.

Рабочій классъ, по мнѣнію многихъ самыхъ способныхъ и вліятельныхъ его представителей, былъ при реформѣ не только забытъ и исключенъ, но даже и совсѣмъ вытѣсненъ съ политическаго поля. Это производило на обойденныхъ тѣмъ болѣе раздражающее впечатлѣніе, что и самая агитація, общественное возбуденіе, при помощи которыхъ билль о реформѣ вошелъ въ силу, вопреки сильному сопротивленію консерваторовъ, поддерживались рабочими. Сверхъ того, въ эпоху билля о реформѣ сохранялся еще такъ сказать „воздухъ“ эпохи Французской революціи, а такія воспоминанія значительно горячили чувства и вліяли на сужденія даже аристократическихъ вождей реформистскаго движенія. Нѣкоторые изъ вождей реформы, напримѣръ лордъ Дургамъ, намѣревались слѣдовать по радикальному пути гораздо дальше, чѣмъ въ позднѣйшее время прошли Кобденъ и Брайтъ. Не разъ появлялись воззванія, обращенныя къ рабочимъ классамъ страны. Съ какими бы разнородными цѣлями ни задумывались подобныя воззванія, но, безъ сомнѣнія, самимъ рабочимъ они могли казаться намекомъ на то, что въ случаѣ, если билль встрѣтитъ слишкомъ продолжительное сопротивленіе, то явится необходимость испытать, можетъ ли и что именно можетъ сдѣлать на практикѣ сила народнаго возстанія. Какъ бы то ни было, но въ настроеніи большихъ массъ населенія осталось чувство горечи, когда послѣ утвержденія билля о реформѣ эти массы увидѣли себя забытыми. Справедливо или несправедливо, но они вѣрили, что политическая сила рабочихъ сохранялась въ резервѣ или въ качествѣ нѣкотораго пугала, чтобы вѣрнѣе провести билль о реформѣ; а какъ только его удалось провести, рабочихъ немедленно отгѣснили прочь тѣ самые люди, которымъ они помогали провести билль. Поэтому въ эпоху вступленія на престолъ молодой королевы рабочіе классы во всѣхъ большихъ городахъ Англіи были въ состояніи глубокаго разочарованія и недовольства, которое доходило почти до недоброжелательства къ полноправнымъ классамъ. Агитаціи въ пользу реформы начиналъ наследовать чартизмъ. Вожди реформы, происходившіе изъ рядовъ аристократіи, были удалены или удалились сами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они удалялись вполне добросовѣстно, искренно вѣря, что выполнили дѣло, за которое взялись, и что это было все, чего страна требовала. Люди, вышедшіе болѣе непосредственно изъ самого

рабочаго класса, или какимъ-либо путемъ приниженны на соціальной лѣстницѣ черезъ людей высшихъ классовъ, приняли на себя теперь предводительство народомъ.

Можно сказать, что чартизмъ окончательно былъ вызванъ къ жизни именно формальнымъ заявленіемъ вождей либеральной партіи въ парламентѣ, что они не намѣрены вести реформу сколько нибудь далѣе. Съ открытіемъ перваго парламента при королевѣ Викторіи вопросъ поставленъ былъ рѣшительно. Только двадцать членовъ подали голосъ за резолюцію, внесенную однимъ радикальнымъ членомъ въ видѣ поправки къ адресу; резолюція эта высказывалась въ пользу тайной баллотировки и сокращенія срока парламентовъ. Лордъ Джонъ Россель объявилъ себя категорически противъ всѣхъ подобныхъ попытокъ возобновить вопросъ о реформѣ; онъ прибавилъ еще, что продолжать политическую реформу было бы недобросовѣстно по отношенію къ тѣмъ людямъ, которые помогли ему разъ провести ее. Лордъ былъ съ своей точки зрѣнія правъ. Вести реформистское движеніе дальше именно тогда было бы невозможно. Въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ интересы хорошо уравновѣшиваются, всегда должно выходить такъ, что движеніе впередъ въ области политики сопровождается нѣкоторой реакціей. Парламентскіе вожди уже начинали ощущать па себѣ вліяніе этого закона англійскаго политическаго роста. Было бы безнадежнымъ дѣломъ добиваться въ подобное время согласія высшихъ и среднихъ классовъ населенія на какія-либо дальнѣйшія перемѣны значительной важности.

Но съ другой стороны заявленіе лорда Росселя не могло не быть принято съ разочарованіемъ и гнѣвомъ большими массами народа, которыя были въ полной увѣренности, что билль о реформѣ служить только средствомъ для достиженія болѣе крупныхъ перемѣнъ. Множество людей внѣ парламента смотрѣли на отказъ либеральныхъ вождей идти далѣе, какъ на поступокъ недобросовѣстный. Настроеніе бѣдняковъ, оказавшихъ существенную помощь при реформистскомъ движеніи, было, по меньшей мѣрѣ, понятно, когда они увидѣли, что результатомъ реформы была остановка именно передъ такими мѣрами, которыя только и могли оказать непосредственное вліяніе на ихъ политическое положеніе.

Почти немедленно вслѣдъ затѣмъ происходило совѣщаніе между нѣсколькими либеральными членами парламента, которые держались радикальныхъ мнѣній, и нѣкоторыми вождями рабочихъ. На этомъ собраніи присутствующіе вошли въ соглашеніе относительно программы, которая потомъ была извѣстна подъ именемъ „хартіи“, и начертали ее. Названіе „хартіи“ было дано ей впервые кажется О'Коннелемъ. „Вотъ ваша хартія“, сказалъ онъ секретарю ассоціаціи рабочихъ: „дѣйствуйте за нее и никогда не соглашайтесь ни на что меньшее“. Вообще въ политической агитаціи весьма важно найти ловкое названіе. Имя почти столь же важно для новой, зарождающейся агитаціи, какъ и для

новаго романа. Такой заголовокъ, какъ „народная хартія“, самъ по себѣ могъ бы сообщить извѣстный ходъ движенію.

„Народная хартія“, если разсматривать ее теперь спокойно, кажется не особенно страшнымъ документомъ. Порохомъ отъ нея совсѣмъ не пахнетъ. Въ хартіи было шесть „пунктовъ“. Прежде всего мужская подача голосовъ. Тогда ее называли всеобщей подачей голосовъ, но она подразумѣвала только мужчинъ, такъ какъ у вождей движенія не было и мысли настаивать на политическихъ правахъ для женщинъ. Второй пунктъ составляли ежегодные парламенты; третій—голосованіе посредствомъ закрытой баллотировки; четвертый—отгѣна имущественнаго ценза (требовавшася для выбора какого-либо члена въ парламентъ и тогда и много лѣтъ спустя). Пятый пунктъ—жалованье депутатамъ; шестой—раздѣленіе страны на равные избирательные округа. Нѣкоторыя изъ этихъ требованій были вполне основательны. Можно утвердительно сказать вообще, что въ программѣ чартистовъ не было ни одного пункта, столь безусловно неразумнаго, чтобъ онъ не заслуживалъ обсуждения со стороны дѣятелей практической политики. Три пункта, т. е. половина общаго числа пунктовъ хартіи—уже сдѣлались составными частями англійской конституціонной системы. Нынѣ существующій порядокъ на практикѣ можетъ разсматриваться почти какъ общая мужская подача голосовъ. Затѣмъ, что касается порядка баллотировки, то уже въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ голоса подавались посредствомъ написаннаго на бумагѣ бюллетеня, опускаемаго въ избирательный ящикъ.

Имущественный цензъ для членовъ парламента самъ собою исчезъ по причинѣ своей нелѣпости. Въ самомъ дѣлѣ, человѣка, по закону лишеннаго правъ, подобное условіе не могло удержать отъ вступленія въ парламентъ, а между тѣмъ само по себѣ оно служило поводомъ къ безпрерывнымъ плутнямъ. Послѣднія, конечно, считались бы позорными для людей, туда замѣшанныхъ, если бы несправедливость и неразуміе самой системы не вызывали нѣкотораго извращенія общественной совѣсти въ нужныхъ случаяхъ; народъ привыкъ считать обманъ здѣсь столь же позволительнымъ, какъ напримѣръ въ частной жизни самыя уважаемыя личности считали позволительнымъ надувать казну, носить контрабандное ожерелье или пить контрабандную водку.

Требованіе дѣленія страны на равные избирательные округа едва ли еще и теперь можетъ считаться поставленнымъ рѣшительно; но почти несомнѣнно, что рано или поздно будетъ допущено нѣкоторое измѣненіе существующей системы въ этомъ направленіи. Изъ двухъ остальныхъ пунктовъ хартіи платежъ жалованья членамъ парламента рѣшительно нежелателенъ, а годовой срокъ парламентовъ сдѣлалъ бы публичную дѣятельность почти невыносимымъ бременемъ для лицъ, принимающихъ въ ней оживленное участіе. Но все-таки ни которое даже изъ этихъ двухъ требованій нельзя считать выходящимъ изъ числа предметовъ правильнаго политическаго сужденія. Наибольшее затрудненіе въ наше время можетъ состоять развѣ въ недостаткѣ слушателей,

которые бы интересовались доводами за или противъ приведенныхъ требованій.

Чартистовъ вообще можно было раздѣлить на три класса: чартистовъ политическихъ, чартистовъ соціальныхъ, и чартистовъ неопредѣленно недовольныхъ, которые присоединялись къ движению лишь потому, что сами были чѣмъ нибудь обижены и чувствовали раздраженіе противъ властей. Первые были настоящими политическими агитаторами, которые добивались болѣе широкаго народнаго представительства; вторые побуждались къ участию въ движеніи, главнымъ образомъ, ненавистью къ „таксѣ на хлѣбъ“. Желанія этихъ двухъ разрядовъ чартистовъ были совершенно ясны; нѣкоторые изъ нихъ вполне справедливы, разумны и чужды всякой эксцентричности. Послѣдователи изъ числа простыхъ недовольныхъ, разумѣется, принимали къ тѣмъ вождямъ или отдѣламъ движенія, которые громче и пламеннѣе говорили вообще противъ законодательства и установленныхъ властей. Чартизмъ скоро обособилъ въ своей средѣ два главныхъ подраздѣленія, которыя можно назвать нравственной и физической его силами. Было бы крайне несправедливо изображать вождей и зачинщиковъ движенія просто мятежниками или эгоистами-демагогами. Нѣкоторые изъ нихъ обладали большими способностями и краснорѣчіемъ. Были тутъ и вдохновенные молодые поэты, было нѣсколько людей образованныхъ, много серьезныхъ и самоотверженныхъ фанатиковъ; притомъ всѣ или почти всѣ были людьми искренними. Даже тотъ человѣкъ, который принесъ наиболѣе вреда движению, — который сдѣлалъ себя ненавистнымъ въ глазахъ разсудительныхъ обитателей страны, Фергусъ О'Конноръ, и тотъ повидимому дѣйствовалъ искренно и самъ лично больше потерялъ, чѣмъ выигралъ отъ чартизма.

Четыре или пять лѣтъ спустя послѣ неудачи дѣятельнаго фазиса чартистской агитаціи (о которомъ будетъ сказано ниже), — подъ арками Ковентгарденскаго рынка, по утрамъ видали громаднаго роста сѣдловаго человѣка, который разсматривалъ цвѣты и плоды, иногда бралъ цвѣтокъ, нюхалъ его, и отдавалъ обратно съ улыбкой, выражавшей ребяческое удовольствіе. Это былъ нѣкогда знаменитый Фергусъ О'Конноръ, котораго въ свое время многіе боялись и ненавидѣли. За нѣсколько времени до смерти О'Коннора разумъ совершенно повинулъ его. Едва-ли можно сомнѣваться, впрочемъ, что умственная болѣзнь развивалась въ немъ уже давно, и что нѣкоторые изъ его политическихъ неистовствъ и причудъ были результатомъ возраставшаго безпорядка мозга. Въ свое время О'Конноръ былъ хорошимъ образчикомъ извѣстнаго рода демагоговъ. Онъ обладалъ повелительнымъ видомъ, большимъ ростомъ и почти исполинской силой. О'Конноръ былъ не лишень образованія, — вращался въ хорошемъ обществѣ, принадлежалъ къ старцонной фамиліи, и — не безъ нѣкотораго основанія хвалился происхожденіемъ отъ древняго рода ирландскихъ королей. О'Конноръ когда-то былъ свѣтскимъ человѣкомъ и въ молодости велъ дико-разгульную жизнь. Онъ обладалъ такого рода краснорѣчіемъ, которое дѣйствуетъ съ необычайною силою

на массу полу-невѣжественныхъ слушателей; даже такіе люди, которые вовсе не любили его и не сочувствовали его учениямъ, объявляли, что О'Конноръ былъ самый удачный уличный ораторъ, какого только они слышали. Онъ пользовался кромѣ того репутаціею неустрашимости и былъ готовъ, если нужно, проложить себѣ дорогу одинъ черезъ всю массу торійскихъ противниковъ, во время избирательной борьбы. Почтенный поэтъ чартизма, Томасъ Куперъ, въ своей автобіографіи сообщаетъ забавный случай, какъ Фергусъ О'Конноръ (который былъ тогда его героемъ) выпрыгнулъ изъ вагона, на Ноттингемскихъ выборахъ, въ самую средину толпы торійскихъ мясниковъ и только съ двумя провожатыми чартистами пробился сквозъ всѣхъ противниковъ, „сбивая съ ногъ мясниковъ, какъ бегли“. Одинъ разъ, говоритъ Куперъ, торіи сразили всѣхъ окружавшихъ О'Коннора и повалили его самаго; сердце дрогнуло; я думалъ, что они его убили. Но черезъ нѣсколько мгновений его красная голова опять вынырнула изъ людскихъ волнъ, и онъ пробивалъ себѣ дорогу по-прежнему.

Въ чартистскомъ движеніи было много людей болѣе возвышеннаго нравственнаго склада, чѣмъ бѣдный дикарь-гигантъ Фергусъ О'Конноръ. Напримѣръ, тотъ же Томасъ Куперъ, самоотверженный, страстный, исполненный поэтическихъ стремленій и обладавшій немалой долей поэтическаго вдохновенія. Генри Винцентъ — человекъ безукоризненнаго характера, нелишенный способностей, хорошій народный ораторъ, сумѣвшій сохранить за собою хотя безпритязательную, но почтенную репутацію. Эрнестъ Джонсъ, — по воспитанію джентльменъ и ученый, человекъ способный на самопожертваніе, доказавшій свою искренность въ движеніи больше дѣломъ, чѣмъ словомъ, — и наконецъ, талантъ, немного лишь недоходившій до гениальности. Много образованныхъ и способныхъ людей склонялись если не къ дѣятельному соучаствію, то къ сочувствію чартистамъ вслѣдствіе убѣжденія, что нѣкоторые изъ ихъ требованій основательны, и что бѣдствія рабочихъ классовъ, — на которыя страшно было смотрѣть, могъ уврачевать лишь парламентъ, лучше прежняго представляющій собою всѣ классы народа. Нѣкоторые изъ послѣдователей чартизма впоследствии заняли почетное мѣсто въ парламентѣ и внѣ его; иные достигли высокаго политическаго положенія.

Нужно прочесть такую книгу, какъ автобіографіи Томаса Купера, чтобъ понять, какой неподдѣльный поэтическій и политическій энтузіазмъ заключался въ самомъ сердцѣ чартистскаго движенія, и какое жестокое страданіе загнало въ его ряды многія тысячи честныхъ рабочихъ людей. Между тѣмъ, казалось бы, что рабочіе въ такой странѣ какъ Англія могутъ всегда надѣяться имѣть возможность жить своимъ тяжелымъ трудомъ, когда они сами его желаютъ. Нужно прочесть „Рифмы“ противъ хлѣбныхъ законовъ Эбенезера Эллиота, чтобъ понять, какой взглядъ на хлѣбную таксу сложился въ умахъ лучшихъ людей изъ рабочаго класса. Эта такса сдѣлалась — и исполнѣ справедливо — однозначащею со всей системой тогдашнихъ политическихъ и экономиче-

скихъ законовъ, которые считались служащими на пользу только одного класса. Въ умахъ очень многихъ людей британская конституція узаконяла собою тяжелый трудъ, соединенный съ полу-голоданіемъ.

Цѣлая литература чартистскихъ газетъ возникла для отстаиванія дѣла чартистовъ. Наибольше популярною и вліятельною между газетами была „Сѣверная Звѣзда“, издававшаяся и редактированная Фергусомъ О'Конноромъ; но чартистская печать существовала и въ каждомъ большомъ городѣ. Собирались митинги, на которыхъ иногда говорилось очень рѣзкимъ языкомъ. Сталъ входить въ употребленіе обычай собирать митинги ночью, при факелахъ; многіе отправлялись на нихъ вооруженными, а самые яростные изъ чартистовъ открыто поднимали голосъ за призывъ къ оружію. Сильный мятежъ произошелъ въ Бирмингемѣ, гдѣ власти пытались разсѣять чартистскій митингъ. Эбенезеръ Эллиотъ и другіе, сочувствовавшіе въ душѣ дѣлу чартистовъ, пытались открыть глаза самымъ крайнимъ изъ нихъ на безуміе всякихъ плановъ относительно насильственныхъ мѣръ; но въ то время чѣмъ неистовѣе былъ ораторъ, тѣмъ болѣе вѣроятности онъ имѣлъ приобрести популярность. По временамъ вліятельные чартисты пытались достигнуть соглашенія съ либералами изъ средняго сословія и съ руководителями борьбы противъ хлѣбныхъ законовъ, но всѣ такія попытки кончались неудачей. Чартисты не хотѣли отступаться отъ своей харти; многіе изъ нихъ не разставались съ надеждою видѣть ее проведенною насильственнымъ путемъ. Правительство начало преслѣдовать нѣкоторыхъ ораторовъ и вождей чартистскаго движенія. Они были арестуемы, заключаемы въ тюрьмы; вообще къ нимъ относились съ большою строгостью. Арестъ Генри Винцента въ Ньюпортѣ вызвалъ попытку освобожденія его, которая—по правдѣ—имѣла большое сходство съ проэктомъ организованнаго, вооруженнаго возстанія.

Вокругъ Ньюпорта обитаетъ многочисленное населеніе рудокоповъ, и почти всѣ рудокопы принадлежали къ чартизму, составляя конечно ту его сторону, которую мы назвали „физической“. Между ними было условлено идти тремя отрядами на назначенное сборное мѣсто, а затѣмъ, когда тамъ послѣдуетъ соединеніе всѣхъ ихъ (что должно было исполниться въ два часа послѣ полуночи), идти въ Ньюпортъ, напасть на тюрьму и выручить Винцента и другихъ заключенныхъ. Главное начальство въ этомъ предпріятіи было ввѣрено Фросту, ньюпортскому торговцу, который былъ судьей, но потомъ лишился должности за рѣзкія политическія рѣчи; это былъ до сихъ поръ человекъ безупречный и по жизни, и по характеру.

Дѣло было 4 ноября 1839. Вышли какія-то недоразумѣнія, промедленія,—какъ почти всегда бываетъ въ подобныхъ предпріятіяхъ,—и отряды маленькой чартистской арміи не успѣли соединиться въ назначенное время. Когда заговорщики явились въ Ньюпортъ, мѣстныя власти были уже вполне готовы встрѣтить ихъ. Фростъ вступилъ въ го-

родъ во главѣ только одного отряда; другой слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Третьяго совсѣмъ не оказалось у цѣли предпріятія. Произошло столкновение между бунтовщиками съ одной стороны, — солдатами и полиціей, съ другой; первые были разсыяны съ потерей десяти человекъ убитыми и пятидесяти ранеными. Во время бѣгства они встрѣтили сильно запоздавшія части другихъ отрядовъ. Фростъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ своихъ сотоварищей. Ихъ судили 6 іюня 1840 года по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Повидимому, дѣйствительно было основаніе предполагать, что экспедиція, которою предводительствовалъ Фростъ, имѣла цѣлью не только освобожденіе Винцента, но и возбужденіе большаго мятежнаго движенія, о которомъ чернорабочіе чартисты давно говорили. Чартисты сначала считали въ своихъ рядахъ до десяти тысячъ, а по другимъ свѣдѣніямъ—до двадцати тысячъ человекъ, и были вооружены ружьями, пиками, мечами, топорами и дубинами. Если бы не произошло промедленія и недоразумѣній, и всѣ заговорщики прибыли бы на сборный пунктъ въ назначенное время, то попытка эта могла повести къ весьма бѣдственнымъ послѣдствіямъ. Присяжные признали Фроста и двухъ его товарищей, Вильямса и Джонса, виновными въ государственной измѣнѣ, и судъ приговорилъ ихъ къ смерти, но такой приговоръ былъ замѣненъ пожизненнымъ заключеніемъ. Даже и это послѣднее впоследствии было смягчено. Когда чрезъ нѣсколько лѣтъ чартизмъ пересталъ волновать умы, Фросту позволено было вернуться въ Англію, гдѣ между тѣмъ явилось новое поколѣніе, и онъ былъ почти забытъ. Въ ту пору умы были заняты иной агитаціей, въ пользу отмены хлѣбныхъ законовъ, которая шла очень успѣшно. Революціонная эпоха прошла безвредно для Англіи. Время Фергуса О'Коннора миновало.

Но судъ и заточеніе Фроста, Вильямса и Джонса далеко не окончили съ чартистской агитаціей. Напротивъ, со времени попытки въ Нью-портѣ и ея послѣдствій эта агитація, казалось, нѣсколько выросла, усилилась и распространилась: такъ напримѣръ, Томасъ Куперъ до времени заточенія Фроста и его товарищей никогда не посѣщалъ чартистскихъ митинговъ и не зналъ ничего о чартизмѣ, кромѣ того, что читалъ въ газетахъ.

Со стороны правительства не было недостатка въ такъ называемыхъ энергическихъ мѣрахъ. Главныхъ чартистовъ преслѣдовали и судили по всей странѣ, буквально сотнями. Во многихъ случаяхъ ихъ присуждали на разныя сроки въ тюремному заключенію; но заключеніе только увеличивало популярность чартистскихъ вождей, служило предостереженіемъ недовольнымъ быть осторожнѣе и тѣмъ самымъ очень мало содѣйствовало достиженію цѣлей, какія правительство имѣло въ виду. Подобныя мѣры только отнимали у правительства популярность. Рабочіе классы больше и больше ожесточались противъ виговъ, которые, по ихъ словамъ, выказывали либерализмъ только для достиженія своихъ цѣлей, а на дѣлѣ были менѣе либеральны, чѣмъ сами торіи. По вре-

менамъ, когда какой-нибудь представитель чартизма, отбывъ срокъ заключенія, выходилъ изъ тюрьмы, онъ становился героемъ дня; возвратъ его къ публичной жизни служилъ сигналомъ къ новымъ демонстраціямъ чартизма. На общихъ выборахъ 1841 года огромное большинство чартистовъ, по совѣту нѣкоторыхъ изъ самыхъ крайнихъ своихъ вождей, перенесло всю свою поддержку на торіевъ и немало способствовало паденію министерства Мельбурна.

Усиленію рядовъ чартизма все еще помогало широкое и почти повсемѣстное недовольство среди рабочаго класса въ городахъ и селеніяхъ. Ткачи и чулочники въ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ городахъ были бѣдны до жалости. Заработная плата была низка повсюду. Въ земледѣльческихъ округахъ слышались ожесточенныя и страстныя жалобы на дѣйствіе новаго закона о бѣдныхъ. Хотя эти сѣтованія были несправедливы въ принципѣ, а къ тому же сопровождались чудовищными преувеличеніями и искаженіями фактовъ, тѣмъ не менѣе они послужили сильнымъ орудіемъ увеличенія численности агентовъ чартизма. Глубокое недовѣріе существовало между рабочими къ среднимъ классамъ и ихъ вождямъ. Возникавшая тогда агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ, казалось бы, должна была найти самую ревностную поддержку среди бѣдныхъ городскихъ ремесленниковъ; между тѣмъ нѣкоторые изъ чартистовъ смотрѣли на нее съ глубокимъ отвращеніемъ, другіе — прямо враждебно. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ одинъ очень умѣренный чартистскій ораторъ передалъ взглядъ свой и своихъ товарищей на это дѣло. „Мы не возражаемъ противъ отмѣны хлѣбныхъ законовъ; напротивъ. Когда мы добудемъ хартію, то отмѣнимъ хлѣбные законы и вообще всѣ дурные законы. Но если вы откажетесь отъ агитаціи въ пользу хартіи изъ-за того, чтобъ помогать приверженцамъ свободной торговли, то они никогда не помогутъ вамъ добыть хартію. Не давайте среднимъ классамъ снова вовлечь себя въ обманъ! Вы помогли имъ провести билль о реформѣ, а гдѣ теперь тѣ прекрасныя обѣщанія, которыя они вамъ дѣлали? Не слушайте же больше ихъ вздорныхъ словъ. Держитесь своей хартіи. Пока у васъ нѣтъ права голоса, вы—ни что иное, какъ рабы“.

Чартисты считали себя повинутыми своими естественными вождями. Въ ихъ среду начинали прокрадываться всякаго рода социалистическія ученія; высказывались мнѣнія дикія и нелѣпныя. Томасъ Куперъ сообщаетъ анекдотъ, прекрасно характеризующій настроеніе многихъ горячихъ умовъ среди чартистовъ-ремесленниковъ въ городахъ. Онъ и его друзья были разъ на митингѣ въ Лейчестерѣ. Одинъ бѣдный ремесленникъ, человекъ религіозный, говорилъ: „подождемъ еще немного; навѣрное всемогущій Богъ скоро поможетъ намъ“. „Не говори намъ больше о твоёмъ всемогущемъ Богѣ“, послышался яростный вопль одного изъ слушателей; „нѣтъ Его! Еслибъ онъ былъ, то не допустилъ бы насъ страдать, какъ мы страдаемъ!“ Около того же времени одинъ бѣдный чулочникъ вбѣжалъ въ домъ Купера, и, бро-

сившись на стуль, дико кричалъ: „Пусть лучше меня повѣсятъ! Я два дня жилъ однимъ только холоднымъ картофелемъ, который мнѣ давали, а сегодня утромъ—отъ голода ѣлъ даже сырой картофель. Дайте мнѣ кусокъ хлѣба и чашку кофе или я умру съ голоду“. Простое, правдивое замѣчаніе Томаса Купера объ этомъ времени какъ нельзя яснѣе рисуешь долгую исторію чартизма. „Какими пламенными сдѣлались теперь мои рѣчи въ субботніе вечера на рыночной площади“! говоритъ онъ. „Мое сердце часто горѣло негодованіемъ, которое я не зналъ, какъ лучше выразить. Я началъ съ простаго сочувствія къ несчастнымъ, а потомъ почувствовалъ стремленіе скользнуть далѣе, какъ бы по наклонной плоскости, по направленію къ крайнему образу мыслей, какимъ отличались нѣкоторые сильные, но необузданные умы между присутствующими“.

Такимъ путемъ агитація продолжалась. Въ иныхъ мѣстахъ она принимала форму промышленныхъ стачекъ, въ другихъ — социалистическихъ собраній. Чартистскій фанатизмъ часто усвоивалъ себѣ также яркій колоритъ возвышенныхъ нравственныхъ качествъ. Подъ влияніемъ дальновидныхъ вождей нѣкоторые чартисты дали обѣтъ строгаго воздержанія отъ опьяняющихъ напитковъ, въ полномъ убѣжденіи, что агитація не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока рабочіе классы, путемъ наблюденія надъ собою, не окажутся достойными блага свободы. Были и примѣры отчаянія, приводившіе къ проявленіямъ противоположнаго свойства, образчикъ которыхъ мы уже представили. Возникали частыя смуты и волненія. Правда, не было болѣе ни одного случая съ такимъ явно-мятежнымъ характеромъ, какъ предпріятіе Фроста и его товарищей, но все-таки происходили довольно серьезныя вспышки, вполне достаточныя для усиленія тревожнаго настроенія въ странѣ, а также и для того, чтобы доставить правительству поводы къ преслѣдованіямъ и арестамъ. Нѣкоторые изъ заключенныхъ подвергались безъ всякой причины суровымъ и даже жестокимъ мѣрамъ. Не легко понять, какія разумныя цѣли могло имѣть правительство, допуская со стороны тюремныхъ властей подобныя ненужныя услуги. Незаслуженныя униженія и лишенія всякаго рода причинялись такимъ людямъ, которые, каковы ни были ихъ ошибки, сами по себѣ оставались все таки людьми искренними и честными.

Подобные поступки усиливали только взаимное ожесточеніе, поводовъ къ которому и безъ того было довольно. Чартисты, составлявшіе ядро ремесленного класса въ большинствѣ крупныхъ городовъ, были убѣждены, что Англія управляется къ выгодѣ аристократовъ и милліонеровъ, вполне равнодушныхъ къ страданіямъ бѣдняковъ. Съ другой стороны, большинство такъ называемаго правящаго класса было также увѣрено, что англійскіе рабочіе, присоединившіеся къ чартистскому движенію, ни что иное, какъ кружокъ буйныхъ, неуверенныхъ, себялюбивыхъ коммунистовъ, которые, получивъ хотя не надолго въ свои руки власть, непременно испровергли бы тронъ, алтарь

и всё установленнаго въ обществѣ гарантіи безопасности. На той и другой сторонѣ господствовала безсмысленная паника. Богатые и бѣдные ненавидѣли и боялись другъ друга, по крайней мѣрѣ въ городахъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; разразилась Французская революція 1848 года. Луи-Филиппъ бѣжалъ въ Англію, и его бѣгство послужило сигналомъ къ взрыву давно-накопившихся горючихъ матеріаловъ почти по всей Европѣ. Лучше всего противостояли революціонной эпидеміи Англія и Бельгія. Но въ Англіи и Ирландіи впечатлѣніе французскихъ событій тотчасъ нашло отголосокъ. Чартистская агитація, остававшаяся одно время на второмъ планѣ, вслѣдствіе борьбы изъ-за хлѣбныхъ законовъ, а также ирландскихъ событій, сразу подняла голову. Нѣкоторые изъ чартистскихъ вождей провозгласили отрѣшеніе отъ должности тогдашняго министерства, распущеніе парламента, хартію и лозунгъ „никакой уступки“. Чартисты образовали конвентъ, который открылъ засѣданія въ Лондонѣ, подготавливая на 10 апрѣля громадную демонстрацію. Нѣкоторые ораторы открыто заявляли, что теперь вполне готовы сражаться за народную хартію. Другіе, болѣе осторожные, совѣтовали не дѣлать никакого противозаконнаго шага, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ достоверно, что народъ сильнѣе, чѣмъ сторонники существующихъ законовъ. Почти всё руководство ставили Французскую революцію въ примѣръ Англійскому народу. Курьезно то, что подъ Англійскимъ народомъ недовольные самымъ искреннимъ образомъ разумѣли лишь ту часть населенія, которая добываетъ себѣ пропитаніе заработною платою. Затѣмъ, что могли думать о проэктируемыхъ конституціонныхъ переиначкахъ классы образованные, богатые, собственники земли, владѣльцы фабрикъ, служители церкви различныхъ вѣроисповѣданій, писатели, живописцы, люди судебной, адвокатской, медицинскон профессорской, армія, флотъ,— все это считалось неимѣющимъ ровно никакого значенія для рѣшительной англійскаго „народа“. Умѣренныя люди изъ среды самихъ чартистовъ вскорѣ не могли заставить себя слушать: по всему собранію сталъ ходить лозунгъ, что „Англійскій народъ“ долженъ имѣть или хартію, или республику. Что сдѣлано было во Франціи—эти энтузіасты считали возможнымъ сдѣлать и въ Англіи.

Рѣшено было представить палатѣ общинъ необыкновенную по величинѣ петицію, съ требованіемъ хартіи. Эта петиція должна была предоставить парламенту послѣднюю возможность мирной и спокойной уступки требованіямъ народа. Предполагалось, что петицію представить особая депутація, которая пойдетъ большою процесіей до самыхъ дверей палаты. Процесія должна была сформироваться на Кеннингтонскомъ лугу, составлявшемъ тогда неогороженное пространство на южномъ концѣ Лондона, гдѣ теперь Кеннингтонскій паркъ. Тамъ чартистами принимается руководство все еще пользовавшійся довѣріемъ вождь Фергусъ О'Конноръ, и они идутъ въ военномъ порядкѣ для подачи петиціи. Трудность заключалась въ томъ, какъ собрать

такую внушительную выставку физической силы, которая утратила бы законодательную власть и правительство и наглядно показала бы невозможность отказать въ требованіяхъ, изложенныхъ въ петиціи. Мысль эта была заимствована изъ ирландской политики О'Коннелла съ его чудовищными митингами. Но многіе чартисты надѣялись на что-нибудь большее, чѣмъ простая демонстрація физической силы. Они были бы искренно рады, если бы какое-нибудь несвоевременное или опрометчивое вниманіе со стороны властей повело къ столкновенію. Въ то время еще держалась сильная вѣра въ неотразимое могущество большихъ численныхъ массъ (выражаясь тогдашнимъ пышнымъ слогомъ). Рьяные молодые чартисты, находившіеся въ той порѣ жизни, когда для людей мужественныхъ и преданныхъ дѣлу кажется все возможнымъ, а противорѣчающіе собственнымъ воззрѣніямъ факты и примѣры считаются за ничто, были вполне увѣрены, что нуженъ только первый выстрѣлъ, нужно, „чтобъ сверкнулъ первый обнаженный мечъ“, чтобъ доставить успѣхъ оружію народа (хотя бы даже одному только холодному оружію) и водворить царство свободы.

Предположенная процессія была объявлена правительствомъ незаконною, и всѣ мирные и вѣрные подданные королевы предостерегались, чтобъ не принимать въ ней участія. Но этого-то именно ожидали и желали наиболѣе пламенные чартисты. Они были въ восхищеніи, что правительство объявило процессію незаконною. Не самый ли это удобный случай рѣшительнымъ патріотамъ показать, что они представители дѣла, которое стоитъ выше деспотическаго закона? Не представляются ли имъ здѣсь какъ нельзя болѣе подходящія обстоятельства, чтобъ доказать, что народъ болѣе могущественъ, чѣмъ правители, и что эти послѣдніе должны или повиноваться, или отказаться отъ власти? Народъ рѣшаетъ, что онъ произведетъ извѣстную демонстрацію извѣстнымъ способомъ; олигархическое правительство запрещаетъ поступать такъ, но народъ стоитъ на своемъ, и разумѣется— ближайшимъ событіемъ должно быть паденіе правительства, совершенно, какъ въ Парижѣ... Мечтатели не замѣчали коренной разницы между народными демонстраціями въ Парижѣ и въ Лондонѣ, а этой разницѣ соответствовало и различіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за демонстраціями. Прежде всего чартисты вовсе не составляли въ Лондонѣ такой силы, какую либеральные депутаты французской палаты составляли въ Парижѣ. Кромѣ того Лондонъ не управляетъ Англіей и никогда не управлялъ, какъ Парижъ управляетъ Франціей. Наконецъ. Англійское правительство хорошо знало, что оно сильно общою поддержкою націи, и ни на одно мгновеніе не было расположено уступить колебаніямъ, которыя рѣшили судьбу Французской монархіи.

Между чартистами начались споры, которые привели ихъ къ расколу. Нѣкоторые настаивали во что бы ни стало на томъ, чтобъ не повиноваться распоряженіямъ властей, составить процессію и не только не избѣгать столкновенія, но даже вызвать его. На митингѣ

чартистскаго конвента, собранномъ вечеромъ предъ демонстраціей и краснорѣчиво названномъ нѣкоторыми ораторами „кануномъ свободы“, значительное число присутствующихъ стояло за вооруженное шествіе къ Кеннингтонскому лугу. Фергусъ о'Конноръ сохранилъ однакожь на столько здраваго смысла, чтобъ употребить свое вліяніе противъ подобнаго нелѣпаго плана, и настоялъ, что демонстрація должна сохранить строго мирный характеръ, какъ и было возвѣщено съ самаго начала. Отсюда пошло раздвоеніе въ чартистской агитаціи. Болѣе рьяные члены тотчасъ покинули организацію; покинули именно тѣ, которые могли въ самую послѣднюю минуту надѣлать бѣды, еслибы остались въ составѣ движенія. Такимъ образомъ чартизму оставалось быть представленнымъ лишь большимъ митингомъ, на открытомъ воздухѣ и петиціей къ парламенту,—подобно всякимъ другимъ политическимъ демонстраціямъ, какихъ столица Англій видитъ много, едва обращая на нихъ вниманіе.

Но масса публики не знала, что когти у чартизма вырваны прежде, чѣмъ онъ получилъ возможность выступить на глаза всего Лондона въ достопамятный день 10 апрѣля. Въ этотъ день Лондонъ проснулся въ большой тревогѣ. Въ самые кровожадные моменты, какіе только бывали у чартистовъ, послѣдніе никогда не приписывали себѣ и половины такой силы, какою въ это утро готовы были заподозрить у нихъ честные, но боязливые люди изъ класса лондонской буржуазіи. Во многихъ мѣстахъ столицы ходили невообразимо дикіе слухи. За долго до сбора чартистовъ на Кеннингтонскомъ лугу различные отдаленные кварталы Лондона были уже полны ужасающими вѣстями о схваткахъ между инсургентами и полиціей или войскомъ; при этомъ неизмѣнно оказывалось, что чартисты взяли верхъ и идутъ полнымъ маршемъ какъ-разъ въ тотъ именно край города, гдѣ преобладала паника. На подобные тревожные случаи Лондонъ хуже большинства другихъ городовъ. Онъ слишкомъ великъ, такъ что вѣрныя извѣстія о событіяхъ не могутъ быстро распространяться. Въ апрѣлѣ 1848 г. уличной телеграфъ еще не употреблялся для передачи городскихъ новостей, а непрерывныя изданія дешевыхъ газетъ, теперь быстро выходящія одно за другимъ въ случаѣ надобности, въ то время были неизвѣстны. Поэтому, въ дальнихъ частяхъ Лондона большую часть дня горожане оставались жертвою всякихъ ужасовъ сомнѣнія и неизвѣстности.

Однакожь не было недостатка и въ официальныхъ предосторожностяхъ противъ вспышки вооруженнаго чартизма. Герцогъ Веллингтонъ озаботился всѣми нужными распоряженіями по охраненію публичныхъ построекъ и вообще по защитѣ столицы. Онъ дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью, успокоивая разныхъ вліятельныхъ лицъ, что войска уже въ готовности вездѣ, но спрятаны до тѣхъ поръ, пока не представится въ дѣйствительности поводъ обратиться къ ихъ услугамъ. Спокойствіе и присутствіе духа угрюмаго стараго солдата хорошо видны изъ того, что когда къ нему стали обращаться вліятель-

ныя и власть имѣющія лица съ указаніями относительно защиты того или другого мѣста, то его почти неизмѣнный отвѣтъ былъ: „уже сдѣлано“, „сдѣлано два часа назадъ“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Большое число лондонскихъ жителей записались въ число специальныхъ констеблей для поддержки закона и порядка. Говорятъ, что съ этою цѣлью приняли присягу около 200,000 человекъ. Замѣчательно, что однимъ изъ такихъ волонтеровъ, пожелавшихъ взяться за оружіе для охраненія порядка, былъ принцъ Луи-Наполеонъ, жившій тогда въ Лондонѣ. Прошелъ очень небольшой промежутокъ времени съ этого дня, и тотъ самый человекъ, который изъявлялъ готовность, содѣйствовать лично, въ качествѣ констебля, охраненію Лондонскаго общества отъ нѣсколькихъ несчастныхъ сотенъ или даже тысячъ англійскаго рабочаго люда,—самъ распорядился совершить незаконное покушеніе на свободу и спокойствіе цѣлаго большаго города...

Къ счастью ходъ кривиса показалъ, что нѣтъ нужды въ подобныхъ спасителяхъ общества. Чартистская демонстрація кончилась плачевной неудачей. Разладъ между чартистами свелъ все предпріятіе ни къ чему. Митингъ на Кеннингтонскомъ лугу, далеко не достигшій значенія полумилліоннаго сборища народа, какимъ его думали выставить, вышедъ не многочисленнѣе любой сходки съ цѣлью сдѣлать демонстрацію въ пользу воздержности,—сходки, какія часто собирались на томъ же самомъ мѣстѣ. Собралось около 20 или 25,000 человекъ, и изъ нихъ по крайней мѣрѣ половина состояла, какъ говорили, изъ простыхъ зрителей, явившихся посмотреть, что будетъ, безъ всякой заботы о народной чартіи. Процессія не составила, такъ какъ самъ о'Конноръ сильно настаивалъ на повиновеніи распоряженіямъ властей. О'Конноромъ и другими произносились рѣчи обычнаго въ подобныхъ случаяхъ рода; но нѣкоторые изъ крайнихъ и—слѣдовательно—разочарованныхъ чартистовъ воспользовались случаемъ, чтобъ выразить самымъ рѣзкимъ языкомъ свое нелишенное основательности убѣжденіе, что вожди конвента были пустыми хвастунами. Дѣйствительно, все дѣло представлялось какимъ-то нелѣпымъ анахронизмомъ. Послѣдователи закона и порядка не могли и желать ничего лучшаго, какъ того, чтобъ движеніе выказалось на глазахъ у всѣхъ въ такомъ жалкомъ видѣ. Но анахронизмомъ или нелѣпостью были не самыя требованія чартистовъ. Анахронизмомъ была мысль, что проявленіе физической силы можетъ еще быть нужно или позволительно въ Англии для рѣшенія политическихъ разногласій. Нелѣпость заключалась въ томъ понятіи, что только живущіе заработною платою классы населенія составляютъ „Англійскій народъ“.

Большая чартистская петиція, которая должна была произвести глубокое впечатлѣніе на палату общинъ, оказалась такою же крупною неудачей, какъ и демонстрація. О'Конноръ, представляя этотъ объемистый документъ, хвастался, что тамъ находится круглымъ числомъ пять миліоновъ семьсотъ тысячъ подписей. Комитету о публичныхъ петиціяхъ

было поручено сдѣлать подробное изслѣдованіе документа и представить отчетъ о результатахъ палатѣ общинъ. Комитетъ, при участіи призванныхъ на помощь экспертовъ, нашелъ, что общее число подписей, какъ подлинныхъ, такъ и другихъ, было менѣ двухъ миллионъ. Но это еще не все. Комитетъ нашелъ, что во многихъ случаяхъ цѣлые листы петиціи были подписаны одной рукой, и что восемь процентовъ подписей были подписи женщинъ. Не нужно было особыхъ изслѣдованій, чтобъ доказать, что большое количество подписей не подлинныя. Имена королевы, принца Альберта, герцога Веллингтона, сэра Роберта Пила, лорда Джона Россейя, полковника Сибторпа и разныхъ другихъ публичныхъ дѣятелей того времени появлялись по нѣскольку разъ на чартистской тетради. Нѣкоторые изъ этихъ знаменитыхъ личностей повидимому простерли рвеніе къ народной хартіи до того, что подписывали свои имена неумоимо по всей петиціи. Но къ дѣлу хартіи были привлечены еще болѣе странные союзники. Читателямъ морскихъ романовъ Марриета въ то время была очень знакома личность, названная тамъ „Морякъ Чиксъ“; имя этого миѳическаго героя также появилось въ петиціи и повторялось изумительно часто. Тоже самое было съ подписью „Дэви-Джонсъ“; тоже съ разными личностями, наименовавшими себя „Плоскій Носъ“, „Приплюснутый Носъ“, „Деревянная Нога“ и другими подобными прозвищами, означающими курьезные личные недостатки. Нѣтъ надобности описывать смѣхъ и презрѣніе, вызванныя такими открытіями въ обществѣ. Впрочемъ, въ дѣйствительности тутъ нѣтъ ничего особенно изумительнаго. Петиціи составлялась въ большихъ попыткахъ и съ крайней беззаботностью. Ея листы разсылались повсюду и лежали вездѣ на случай добытія подписей. Сблазнь для школьниковъ и шутниковъ всякаго рода былъ непреодолимый. Гдѣ только нашлась насмѣшливая рука, которая умѣла держать перо, тамъ тотчасъ имя какаго нибудь лица королевской фамилии или героя романа прибавлялось на чартистскомъ спискѣ. Извѣстно, что почти на всѣхъ большихъ народныхъ петиціяхъ оказываются подобныя продѣлки въ перемежку съ серьезными подписями. Но петиція чартистовъ надѣлала такъ много шума, и все чартистское движеніе заняло такое выдающееся мѣсто въ общественномъ вниманіи, что впечатлѣніе при всякомъ открытіи, придававшемъ смѣшной характеръ великому дѣлу, было чрезвычайное. Сдѣлалось извѣстно, что число подлинныхъ подписей было крайне мало въ сравненіи съ цифрами, какія провозглашались чартистскими вождями; самая агитация, имѣвшая долгое время грозно-почтенный характеръ, вдругъ сдѣлалась посмѣшищемъ. Между тѣмъ уже тотъ фактъ, что петиція содержала въ себѣ такъ много нелѣпостей, самъ по себѣ служилъ доказательствомъ полной искренности людей, которые ее подавали. Казалось невѣроятнымъ, чтобъ они доставили своимъ врагамъ столь легкій и соблазнительный путь осмѣянія себя самихъ, если бы знали или подозрѣвали недостатокъ подлинности въ подписяхъ; не вѣроятно

и то, чтобъ они сознательно доставили столь легкое средство бросить тѣнь даже на свою правдивость, если, зная, что въ петиціи менѣе двухъ милліоновъ именъ, заявляли, что подписей пять милліоновъ. Дѣло въ томъ, что вожди чартистовъ во всѣхъ своихъ поступкахъ выказали не только недостатокъ аккуратности въ расчетахъ, необходимой для предпріятія, но даже нежеланіе и неумѣнье оцѣнить важность подобной расчетливости. Знаменитая петиція была только лишнимъ примѣромъ такой слабости, обычной вождямъ чартизма. Но она вовсе не говоритъ противъ ихъ добросовѣстности.

Какъ бы то ни было, но впечатлѣніе этой злополучной петиціи на настроеніе Англійской публики было рѣшительное. Съ этого времени чартизмъ почти никогда не представлялся обыкновенному англичанину изъ средняго класса общества иначе, какъ въ смѣшномъ видѣ. Страхъ этой агитаціи исчезъ.

Въ теченіе года не разъ дѣлались попытки нѣкоторыми изъ болѣе серьезныхъ и крайнихъ чартистскихъ вождей — возобновить агитацію въ прежней силѣ. Вспышка, произведенная приверженцами „молодой Ирландіи“, нашла многихъ сочувствующихъ среди англійскихъ чартистовъ. На 12 іюня было возвѣщено большое чартистское собраніе, и опять столица была повергнута въ минутную тревогу, впрочемъ очень различную по силѣ отъ тревоги 10 апрѣля. Опять были приняты военными властями предосторожности противъ возможнаго возстанія мятежной толпы. Но изъ этого послѣдняго проявленія силы чартизма ничего не вышло. „Times“ на слѣдующій день замѣтилъ, что изъ вчерашнихъ событій рѣшительно не о чемъ было вспоминать, не о чемъ, кромѣ крайне печальнаго ожиданія, неимовѣрно жалобной зѣвоты, болтовни и ропота разочарованныхъ слушателей, блужданія туда и сюда, и пожалуй — разогнанія по домамъ нѣсколькихъ бѣдныхъ простаковъ, которые слонялись по улицамъ въ надеждѣ на какой-нибудь невѣроятный счастливый переворотъ въ своихъ дѣлахъ. Нельзя не почувствовать состраданія къ людямъ, которые были подобнымъ образомъ обмануты; нельзя не пожалѣть о потраченныхъ напрасно надеждахъ, рвеніи, страстной, хотя и невѣжественной энергіи.

Чартизмъ еще нѣсколько времени шевелился въ нѣсколькихъ провинціальныхъ городахъ и даже въ Лондонѣ. Были чартистскіе мятежи въ Аштонѣ, въ Ланкаширѣ, была схватка съ полиціей, причѣмъ передъ схваткой убитъ одинъ полицейскій. Въ Манчестерѣ были арестованы чартисты по обвиненію въ подготовкѣ мятежныхъ движеній. Въ двухъ или трехъ лондонскихъ трактирахъ арестовано нѣсколько чартистскихъ сходокъ, причѣмъ полиція вообразила, что нашла улику возстанія, задуманнаго съ цѣлью овладѣть всей столицей. Возможно, что какіе-нибудь дикіе, бѣшеные планы подобнаго рода обсуждались и даже затѣвались нѣкоторыми изъ разочарованныхъ фанатиковъ движенія. Между ними были люди, достаточно яростные и невѣжественные для какого угодно отчаяннаго предпріятія, тѣмъ болѣе, что тог-

дашнія обстоятельства въ Европѣ могли внушать надежду на непрочность существующаго порядка и въ Англии. Всѣ подобныя безумства не имѣли другаго результата, кромѣ нѣсколькихъ арестовъ и нѣсколькихъ не особенно тяжелыхъ приговоровъ.

Въ числѣ лицъ, судившихся въ Лондонѣ по обвиненію въ простомъ мятежѣ, былъ и упоминавшійся уже нами Эрнестъ Джонсъ, приговоренный къ двухлѣтнему тюремному заключенію. Мы уже говорили, что Джонсъ былъ человѣкъ, хорошо поставленный въ обществѣ и высокообразованный. Онъ былъ поэтъ, стихотворенія котораго давали автору право претендовать на недюжинный талантъ. Джонсъ былъ, кромѣ того, и ораторомъ; рѣчи его вызывали восторженное одобреніе Брайта. Впрочемъ, онъ больше принадлежалъ къ революціонной школѣ, которая сзвалась въ „Молодой Ирландіи“, чѣмъ къ обществу бѣдныхъ, необразованныхъ рабочихъ, которые составляли передовые ряды наступательнаго движенія чартистовъ въ позднѣйшій періодъ движенія. Джонсъ пережилъ эпоху чартизма; онъ потомъ вернулся къ мирной агитаціи, держалъ публичный диспутъ съ эдинбургскимъ профессоромъ Блекки о сравнительныхъ преимуществахъ республики и монархіи и выступилъ кандидатомъ отъ одного парламентскаго мѣстечка при общихъ выборахъ 1868 года, но тогда его карьера преждевременно прервалась смертію,—преждевременно, несмотря на то, что цѣлое поколѣніе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Джонсъ въ ранней молодости погрузился въ политику, въ качествѣ приверженца чартистовъ.

Здѣсь наступаетъ не безвременный конецъ англійскаго чартизма. Обозрѣвая его исторію, мы должны воздержаться отъ порицанія тѣхъ бѣдныхъ людей, которые воображали, что хартія и правленіе такъ называемаго на ихъ жаргонѣ „народа“ сдѣлаютъ что-нибудь для обновленія ихъ собственной несчастной доли. Эти несчастные люди видѣли, что до того времени парламентъ мало дѣлалъ для нихъ. То былъ парламентъ аристократовъ и ландлордовъ; въ теченіе цѣлыхъ поколѣній онъ мало заботился о бѣдныхъ классахъ народа, изъ которыхъ пополнялъ свои ряды чартизмъ. Затѣмъ законодательная власть перешла въ руки парламента, составленнаго въ значительной мѣрѣ изъ богатыхъ среднихъ классовъ общества, но и этотъ парламентъ не выказалъ особой навлонности много тревожиться изъ-за нихъ. Почти каждая парламентская мѣра, имѣвшая цѣлю сдѣлать добро рабочимъ и вообще бѣднымъ классамъ, утверждалась уже послѣ того времени, какъ чартисты начали дѣлаться силою. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ, фабричное законодательство, санитарныя постановленія, мѣры, относящіяся до жилищъ бѣднаго люда,—все это было дѣломъ позднѣйшихъ временъ, чѣмъ тѣ, которыя породили чартистское движеніе. Но въ первое время этого движенія чартисту не трудно было бы дать отвѣтъ на упреки мудрыхъ законодателей Англии. Ему стоило бы только напомнить, что если нелѣпо думать, чтобъ хартія могла принести пользу бѣднякамъ, то и помимо хартіи не сдѣлано ничего хорошаго для нихъ и

не было даже попытки сдѣлать что-нибудь. Тогда можно было даже предложить, въ видѣ опыта, управление страной посредствомъ народнаго парламента, при помощи большинства населенія, вмѣсто парламента, составленнаго изъ меньшинства. Тогда не слишкомъ легко было бы возражать на это. Тогда въ народѣ жило слишкомъ много сѣтованій и недовольства всякаго рода, чтобы оправдать чартистскую агитацію, — возлагалось тажъ много надеждъ на предложенный чартистами планъ реформы, что не трудно было защищать и политическія сужденія теоретическаго чартизма.

Съ тѣхъ поръ чартизмъ угасъ отъ публичности, отъ своего появленія на открытомъ воздухѣ, отъ дѣятельности лиги противъ хлѣбныхъ законовъ и порожденнаго ею инаго движенія, отъ очевидной наклонности нашего времени рѣшать политическіе вопросы путемъ разумной аргументаціи... Не безъ вліянія на таковой исходъ дѣла остались и распространеніе образованія, усиленіе чувства долга среди пользующихся авторитетомъ классовъ населенія. Чартизмъ не былъ однакожъ „чудовищемъ, пораженнымъ справедливою строгостью закона“, какъ выразился одинъ ораторъ нѣсколько преждевременно, въ первый періодъ чартистскаго движенія. Десятилѣтній опытъ просвѣтилъ въ этомъ отношеніи Англійскую публику. Чартизмъ угасъ вовсе не отъ собственныхъ крайнихъ увлеченій. Онъ просто сдѣлался несвоевременнымъ; никто болѣе въ немъ не нуждался. Все, что было здраваго въ чартистскихъ ученіяхъ, утвердилось въ общественномъ сознаніи и было со временемъ введено въ жизнь законодательствомъ. Но дѣятельная или наступательная роль чартизма прекратилась съ 1848 годомъ. Исторія царствованія королевы Викторіи не представляетъ больше никакого къ нему отношенія. Съ этого года не было ни серьезныхъ разговоровъ, ни мысли о какой бы то ни было агитаціи, которая бы имѣла цѣлью утвердить въ Англии чартистскія требованія путемъ употребленія въ дѣло вооруженной силы или даже только посредствомъ выставки ея на показъ народу. Въ особенности же исторія съ чартизмомъ характерна въ томъ отношеніи, что во время потрясеній, пережитыхъ материкомъ Европы, когда кровавыя революціи свирѣпствовали въ другихъ европейскихъ столицахъ, Англія пользовалась сравнительнымъ спокойствіемъ, и Лондонъ могъ смѣяться, видя, какъ чартисты разсѣялись отъ нѣсколькихъ добровольныхъ констеблей.

Н. О. Б.

РАЗВАЛИНЫ ТРОИ.

Статья Р. Вирхова.

В НАЧАЛѢ прошедшаго года я получилъ приглашеніе Шлиманна принять участіе въ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ имъ на Гиссарлыкѣ и въ Троянской равнинѣ. Послѣ нѣкотораго колебанія я рѣшился на это дальнее путешествіе. Оно и понятно: возможно ли было устоять противъ подобнаго искушенія!

Путешествіе въ Трою! Сколько прелести уже въ одной мысли о немъ! Люди изъ самыхъ различныхъ сферъ предлагали мнѣ себя въ слутники, какъ только разнеслась вѣсть о томъ, что я собираюсь посѣтить эту пресловутую страну. А между тѣмъ дѣло шло вовсе не о поѣздкѣ въ живописную мѣстность, какъ напримѣръ въ Швейцарію, куда привлекаютъ красоты природы и манитъ мысль взглянуть на Рютли и Кюснахтъ, Земпахъ и Лауценъ, Мюртенъ и Сен-Жакобъ на Бирсѣ. Путешествіе въ Трою дѣлается ради Илиады. Образы, созданные поэтомъ, уже заранѣе носятъ въ воображеніи путника. Онъ стремится увидѣть мѣста, гдѣ происходила долгая борьба изъ-за Елены, и поклониться могиламъ, укрывшимъ прахъ героевъ, сложившихъ жизнь въ этой борьбѣ. Ахиллесъ и Гекторъ стоятъ на первомъ планѣ живой картины, ярко врѣзывающейся и теперь, какъ тысячелѣтія тому назадъ, въ душу каждаго образованнаго юноши. Понятно, что въ древности картина эта должна была дѣйствовать на людей еще опредѣленнѣе. Самъ Ксерксъ, ополчаясь на Грецію, во всеоружіи своего могущества, не могъ устоять противъ обаянія этихъ воспоминаній: въ то время, какъ армія его совершала переходъ отъ Адрамиттіа къ Абидосу, онъ свернулъ къ развалинамъ Трои и принесъ въ жертву Аѳинѣ-Палладѣ тысячу быковъ. Александръ Великій, въ свою очередь, когда побѣдоносная армія его, двигаясь на Азію, переходила Геллеспонтъ, направилъ стопы свои къ могильному холму Ахиллеса, желая почерпнуть тамъ силу и самоувѣренность для побѣды. Конечно,

подобныхъ великихъ посѣтителей мѣста эти не видали уже съ тѣхъ поръ; но тѣмъ не менѣе у каждого, попирающаго ногами Троянскую землю, шевелятся непремѣнно въ душѣ мысли, родственныя съ тѣми, какія волновали Ксеркса и Александра. Нельзя уйти отъ поэтического дуновения, вѣющаго надъ этой мѣстностью.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы одно поэтическое вѣяніе исчерпывало весь интересъ для путешественника. Еще раньше возникновенія величественныхъ преданій Иліады существовалъ цѣлый рядъ народныхъ сказаній о странствіяхъ, въ которыхъ Троя играетъ видную роль. Имя Геллеспонта связано съ одной изъ древнѣйшихъ греческихъ легендъ: Гелла и братъ ея переправились изъ Беотіи черезъ море на сѣверовостокъ и вступали на Троянскій берегъ, когда Гелла упала въ море (Понтъ); Фриксъ, братъ ея, уже одинъ достигъ далекой Колхиды, гдѣ прибилъ къ дереву золотое руно. Затѣмъ слѣдуетъ экспедиція Аргонавтовъ, издившихъ за золотымъ руномъ, а вслѣдъ за ними является великій Гераклъ (Геркулесъ), подвиги котораго на Троянскомъ берегу непосредственно примыкаютъ къ царскому роду Пріама. До сихъ поръ въ сѣверной части Безиеской бухты показываютъ крутую почти обнаженную возвышенность (пласты которой принадлежатъ къ наслоеніямъ третичной формаціи, богатой остатками раковинъ), гдѣ по преданію выставлялась царская дочь Гезіона, обреченная на жертву морскому чудовищу, пока герой не убилъ чудовища. Еще цѣль, хотя въ полуразрушенномъ видѣ, глубокій каналъ, прорытый Геракломъ прямо сквозь Сигей, на югъ отъ Деметри-Тепе, для осушенія Троянской равнины.

Отъ героевъ до боговъ Олимпа—только одинъ шагъ. Стѣны стараго города, по преданію, соорудилъ Посейдонъ, находясь временно въ рабствѣ. Ганнимедъ былъ членомъ царской династіи Трои. Анхизъ съ самою богинею красоты прижилъ Энея; а черезъ него божественное происхожденіе сообщилось и роду Юліевъ въ Римѣ. Такимъ образомъ произошли представители божественной власти, первые императоры Божіею милостью. Юліи не забывали своего происхожденія и осыпали почетомъ и льготами возобновившійся впоследствии городъ Новый Иліонъ. И наконецъ, чтобы не забыть главнаго,—споръ трехъ богинь о красотѣ—рѣшилъ Парисъ, сынъ Пріама: яблоко Париса принесло судьбу въ награду прекрасную Елену, а вслѣдъ затѣмъ навлекло гибель на него самого, на его семью и родину. Такимъ образомъ завязка Иліады соприкасается съ исторіей Олимпійскихъ боговъ.

Нельзя однако приписать одной случайности того, что такой обширный циклъ сказаній о богахъ, герояхъ и людяхъ имѣлъ почву именно этотъ край,—притомъ сказаній, по богатству внутренняго содержанія не имѣющихъ себѣ равныхъ между сказаніями какой бы то ни было другой мѣстности. Необходимо допустить, что въ самой мѣстности, въ ея естественныхъ условіяхъ, было нѣчто особенное; что тамъ существовалъ специальный мотивъ, способствовавшій дѣятельному и твор-

ческому развитію сказаній—т. е. хотимъ мы сказать, что въ самомъ мѣстоположеніи заключается поэтическое вдохновеніе. Мѣстная природа здѣсь должна обладать безспорно свойствомъ могущественно возбуждать фантазію. Никому конечно не можетъ придти въ голову, чтобы всѣ эти воспоминанія произвольно были связаны съ Геллеспонтомъ, или чтобы безъ всякаго отношенія къ дѣйствительности, въ силу какого-то географическаго каприза, именно Троя была избрана театромъ дѣйствія такого множества легендъ.

Для простаго туриста, особенно подъѣзжающаго къ этой землѣ со стороны моря, загадку эту разрѣшить трудно. Если же, напротивъ, идешь, какъ на примѣръ случилось со мною, черезъ Черное море и Босфоръ въ Дарданелламы и оттуда въ Трою сухимъ путемъ, то красота и своеобразіе ландшафта чувствуется безконечно глубже. Константинъ Великій доставилъ яркое свидѣтельство этого впечатлѣнія. Когда ему пришла въ голову идея, долженствовавшая перевернуть всемірную исторію, перенести столицу Рима на Востокъ, то прежде всего онъ подумалъ объ Иліонѣ. Уже постройка Новаго Рима была заложена на этомъ пунктѣ, когда преимущества мѣстоположенія и первѣнаго политическаго значенія Византіи, заставили его измѣнить первоначальный планъ: онъ построилъ Константинополь, а Иліонъ оставленъ былъ въ развалинахъ. Дѣйствительно, кому случится прокатиться на единственномъ пароходѣ, совершающемъ рейсы въ южной части Геллеспонта, то Троя покажется особенно въ такой день, когда даль покрыта мглою, печальной, скучной и безплодной мѣстностью. И тому, кто видѣлъ Троянскій берегъ только съ моря, вѣроятно никогда не могло бы придти на мысль избрать его сценою для великой поэмы или обширнаго цикла преданій.

Между тѣмъ ученые до сихъ поръ еще спорятъ о томъ, былъ ли Гомеръ или, говоря вообще, былъ ли творецъ Иліады на самомъ берегу. Споръ этотъ покажется страннымъ для каждаго видѣвшаго этотъ край не изъ дали, съ моря, но постранствовавшего внутри. Я скажу прямо, что мнѣ кажется просто невозможнымъ, чтобы человѣкъ, не бывавшій въ этой мѣстности, могъ написать Иліаду.

Конечно, можно сдѣлать еще и третье предположеніе. Можно допустить, что сказаніе объ Иліонѣ, такъ же какъ сказанія о Ганнимедѣ и Парисѣ, о Гезіонѣ и Гераклѣ, о Лаомедонѣ и Анхизѣ, возникли въ самой странѣ и сложились на основаніи мѣстныхъ воззрѣній и, уже въ готовой или полусложившейся формѣ, были пересказаны поэту, жившему въ далекой странѣ. Подобное предположеніе, признавая за странною вдохновительный характеръ, способствовавшій къ созданію легендъ, въ то же время сильно бы сдузило значеніе творца Иліады. Я не думаю, чтобы можно было заходить такъ далеко. Едва ли возможно было бы сохраненіе того мѣстнаго колорита, господствующаго въ этомъ произведеніи, если бы легенда была обработана заочно, иностранцемъ, никогда не видавшимъ страны.

Безъ сомнѣнiя, такiе примѣры существуютъ. Шиллеръ никогда не бывалъ въ Швейцарiи, а между тѣмъ въ своемъ Вильгельмѣ Теллѣ онъ создалъ художественное произведенiе такого совершенства, которому не могутъ отказать въ удивленiи даже урожденцы береговъ Фирвальшtedтскаго озера. Въ извѣстномъ смыслѣ, и какъ разъ относительно самой Трои, можно было бы указать такой примѣръ въ лицѣ Виргилiя. Но не слѣдуетъ забывать различiя условiй, при какихъ работали эти поэты. Шиллеръ и Виргилiй имѣли подъ рукою записанныя уже мѣстные преданiя и точныя географическiя свѣдѣнiя, на основанiи которыхъ они могли творить. Но не смотря на это, они не были однако же въ состоянiи придать своимъ поэмамъ спеціальнаго, мѣстнаго колорита, не могли обозначить мѣста дѣйствiя, гдѣ происходятъ сцены съ тою точностiю, какою отличаются повѣствованiя въ Илiадѣ. Какая громадная разница между воспоминанiями, на каждомъ шагѣ приводящими строфы Илiады на память путешественника, обозрѣвающаго Трою, и тѣми воспоминанiями сценъ изъ Вильгельма Телля, какiя возникаютъ при видѣ Фирвальшtedтскаго озера или при подъемѣ на утесистые берега его. Безспорно, творецъ Вильгельма Телля обладалъ изумительной интуитивной силой (даромъ проникновенiя), но эта пронизательность ограничивается однако воспроизведенiемъ трехъ или четырехъ пунктовъ, положенiе которыхъ легко было изучить по картѣ. Въ Илiадѣ же насъ поражаетъ съ одной стороны правдивость общаго впечатлѣнiя, и, какъ слѣдуетъ замѣтить, впечатлѣнiя, производимаго весьма обширной картиной; съ другой—вѣрность и полнота безконечнаго ряда подробностей, касающихся различныхъ и постоянно новыхъ мѣстностей страны. Я вовсе не подразумѣваю въ данномъ случаѣ того свойства Гомера, о которомъ уже такъ много говорили, я не указываю на его умѣнье мѣтко и ярко обрисовывать предметы, прибавленiемъ краткаго и характеристичнаго прилагательнаго, какъ напримѣръ, въ названiяхъ: „ручьистая Ида“, „блудящiйся Скамандръ“, „вѣтристый Илiонъ“, я говорю собственно о еще болѣе поразительномъ его знанiи метеорологiи страны, флоры, фауны ея и социальныхъ особенностей населенiя. Три тысячи лѣтъ не принесли значительныхъ измѣненiй въ этихъ условiяхъ. Облака несутся по небу тѣмъ же путемъ, какой указанъ въ Илiадѣ; грозы и понынѣ собираются на вершинахъ тѣхъ же самыхъ горъ, какъ это бывало во времена Гомера. Количество дикихъ звѣрей постепенно убавилось, правда. Верблюды и индiйскiй пѣтухъ превратились въ домашнихъ животныхъ,—но туземныя особенности видовъ не измѣнились. Цвѣты, кустарники и деревья, описанныя въ поэмѣ, растутъ и въ наше время по берегамъ рѣкъ и по склонамъ горъ. Но человекъ остался тотъ же. Одно нашествiе слѣдовало за другимъ: приходили элiйцы и римляне, пришли турки и армяне, а коренное населенiе живетъ все по-прежнему. Мало пажитей, много стадъ,—что опредѣляетъ не только социальное положенiе населенiя, но

и естественныя свойства поверхности страны. Не обладай Турецкій народъ такой неподвижностью, конечно развилась бы постепенно со-всѣмъ иная культура. Можно однако пользоваться петролеемъ для освѣщенія и оставаться Гомеровскимъ троянцемъ. Можно построить церковь или мечеть, и все-таки пренебрегать современнымъ экипажемъ и устройствомъ сносной проѣзжей дороги.

Тѣмъ не менѣе я не берусь утверждать, что авторъ Иліады былъ природнымъ троянцемъ, или что онъ критически сличалъ каждое выраженіе своей поэмы съ фактами окружающей природы или съ гражданскими учрежденіями страны. Напротивъ, я утверждаю, что во многихъ мѣстахъ Иліады есть несообразности. Тщетно ищешь, напримѣръ, двухъ источниковъ Скамандра—горячій и холодный, пересѣкающихъ равнину, по сказанію Иліады. Они находятся на Идѣ, въ разстояніи двухъ дней пути отъ равнины. Но подобныхъ неточностей встрѣчается все-таки не много, и изъ существующихъ иныя допускаютъ двойное толкованіе, а нѣкоторыя очень можетъ быть не болѣе, какъ дополнительныя вставки позднѣйшихъ переписчиковъ. Изъ-за такихъ мелочей нельзя утратить впечатлѣнія довѣрія, внушаемаго общей правдивостью всей картины. Эта правдивость заставляетъ болѣе всего убѣждаться въ томъ, что поэтъ былъ лично въ этой странѣ, хотя быть можетъ на короткое только время, но однакоже не исключаетъ возможности, того что легенда сложилась уже раньше, хотя отнюдь не въ полномъ объединенномъ пересказѣ.

Для обозрѣнія всей обширной сцены дѣйствія легенды нужно взять одинъ изъ высокихъ пунктовъ, господствующихъ надъ страной. Такой выгодной точкой является возвышенность Гиссарлыка, гдѣ происходятъ раскопки Шлиманна. Но и на западномъ береговомъ хребтѣ, идущемъ вдоль Эгейскаго моря, на предгоріи Сигея, а равно и на гребнѣ Учека находятся тоже удобныя обсервационныя пункты. Весьма выгодную точку для этой цѣли доставляетъ кромѣ того господствующая надъ обширнымъ пространствомъ вершина конусообразнаго кургана, также въ послѣднее время раскопаннаго Шлиманномъ. Этотъ курганъ расположенъ на югѣ отъ Сигея и отстоитъ отъ Безикской бухты не болѣе какъ на разстояніи одного часа ходьбы; онъ возвышается на 80 футовъ надъ высокой возвышенностью, служащей ему подножіемъ. Эта насыпь, видная съ моря издалека, извѣстна судамъ какъ сигнальный маякъ подъ именемъ Учекъ-Тепе. Съ вершины его открывается обширный кругозоръ на весь театръ дѣйствія Иліады. Прямо подъ ногами отъ берега Геллеспонта съ сѣвера и до Бали-Дага на югъ и разстилается собственно Троянская равнина, нѣкогда узкій морской заливъ (фіордъ), занесенный впослѣдствіи плодоноснымъ иломъ путемъ послѣдовательныхъ разливовъ рѣкъ, и преимущественно разливами Мендерэ, хотя конечно такой грунтъ во многихъ мѣстахъ прорѣзанъ болотистыми и песчаными участками. Главное направленіе равнины соотвѣтствуетъ теченію Мендерэ, которая лишь ниже подсту-

пасть все ближе и ближе къ западному краю равнины и впадаетъ въ Геллеспонтъ въ недалекомъ разстояніи отъ Сигейскаго предгорія. По обѣ стороны, но преимущественно по правому берегу, отъ русла Мендере развѣтвляется съѣтъ многочисленныхъ рукавовъ, совершенно пересыхающихъ въ сухую погоду и превращающихся въ самостоятельныя рѣчки при дождяхъ, принявъ въ себя избытокъ воды изъ Мендере. Въ нижней части равнины рѣки становятся глубже и шире, и отъ соѣдства морской воды Геллеспонта вода ихъ принимаетъ близъ устья болѣе или менѣ солоноватый вкусъ.

Троянская равнина, или долина, открытая со стороны Геллеспонта, замкнута съ запада и юга. На правой, восточной сторонѣ ея расположено между сосѣдними возвышенностями нѣсколько боковыхъ долинъ, изъ которыхъ двѣ, нѣсколько длиннѣ прочихъ, окружены въ своей чередѣ нѣсколькими мелкими долинками. Наибольшая изъ этихъ восточныхъ боковыхъ долинъ лежитъ параллельно Геллеспону, отдѣляясь отъ него гребнемъ, который становится все выше по мѣрѣ удаленія къ востоку. Въ этой долинѣ течетъ узкая горная рѣчка весьма скромныхъ размѣровъ, но однако же достаточно широкая для того, чтобы признать въ ней Симоисъ Иліады. Если не согласиться съ Гершеромъ, что всѣ мѣста Иліады, гдѣ упоминается Симоисъ—позднѣйшія вставки, которыя слѣдуетъ выбросить изъ расчета, то необходимо видѣть Симоисъ, вмѣстѣ съ Димитріемъ Скептикомъ и Страбономъ, въ только что описанной небольшой рѣчкѣ, носящей со времени турецкаго завоеванія названіе Думбрекъ-Чай. Это новое названіе было поводомъ къ заблужденію многихъ ученыхъ позднѣйшаго времени, видѣвшихъ въ ней благодаря созвучію именъ, Гомеровскую рѣку „Тимбрь“. При впадении Тимбра въ Сваандръ, по свидѣтельству позднѣйшихъ писателей, долженъ былъ находиться тотъ храмъ Аполлона, возлѣ котораго Парисъ нанесъ смертельную рану Ахиллѣсу, пришедшему туда на нѣжное свиданіе съ дочерью Пріама Поликсеной. Эти условія не подходятъ къ мѣстности Думбрекъ-Чая. Скорѣе можно отыскать многія подходящія топографическія черты, сообщаемыя Иліадой, въ самой южной изъ боковыхъ долинъ. По этой долинѣ протекаетъ Кимаръ-Су, признаваемый большинствомъ новѣйшихъ комментаторовъ за Тимбрь.

Тутъ кончается граница мѣстности, называемой Троянской равниной. За исключеніемъ береговой линіи со стороны Геллеспонта, протяженіемъ на одинъ часъ пути, со всѣхъ остальныхъ сторонъ равнина окружена кольцомъ горъ, поднимающихся довольно круто при незначительной высотѣ отъ 100 до 500 футовъ. Съ вершины Учекъ-Тепе видишь передъ собою почти всю эту гряду возвышенностей. Только вряжь, служащій западной границей равнины, т. е. довольно длинный и раскидистый хребетъ Сигей, идущій вдоль Эгейскаго моря до Геллеспонта, составляетъ очевидно отрогъ того же вряжа, къ которому принадлежитъ самъ Учекъ-Тепе, и лишь южнѣ этой горы мѣстность переходятъ въ холмистый ландшафтъ, который, постепенно по-

дымаясь, оканчивается — Кара-Дагомъ, — Черною горою, имѣющей 900 футовъ высоты. На востокъ, напротивъ того, соответственно вышеупомянутымъ боковымъ долинамъ, выдвигаются нѣсколько гребней, уклоняющихся слегка къ Троянской равнинѣ. Первый изъ нихъ тянется непосредственно вдоль берега Геллеспонта и рѣзко обрывается у Троянской равнины, образуя здѣсь предгоріе Ретей (Rhôteion), лежащее напротивъ Сигея. Вышній отрогъ предгорія, стоящій какъ разъ на окраинѣ равнины, представляетъ почти изолированный конусъ Инъ-Тепе, такъ называемую могилу Аякса; а съ Сигея выглядываютъ два другихъ могильныхъ вургана, Ахилла и Патрокла. За Ретейемъ, отдѣляясь отъ нея долиною Умбрека, почти параллельно берегу Геллеспонта, проходитъ другой гребень, на западной оконечности котораго стоитъ Гиссарлыкъ. Это обширный холмъ высотой въ 100 футовъ, отдѣленный отъ гребня легкой впадиною. Съ Учекъ-Тепе, если смотрѣть между Гиссарлыкомъ и Инъ-Тепе, открывается видъ на долину Умбрека: она видна отсюда отъ устья до начала. Сюда, постепенно повышаясь, сходятся нѣсколько гребней: береговой, Гиссарлыкскій и лежащіе еще далѣе къ югу, образуя родъ узла высотъ — Улу-Дагъ. Покрытая лѣсомъ вершина Улу-Дага вполне командуетъ надъ этою частью ландшафта; поэтому, по своему положенію, она гораздо болѣе подходит къ Гомеровскому описанію знаменитой своими видами Калликолонъ, чѣмъ Кара-Джуръ, — несравненно болѣе низкая и болѣе отдаленная возвышенность на восточномъ отрѣзѣ Гиссарлыка.

Только что описанная нами часть пейзажа, не только съ вершины Учекъ-Тепе, но и со всѣхъ возвышенностей Сигея представляетъ взору изображенное Гомеромъ поле сраженія въ моментъ рѣшительной битвы. Между тѣмъ какъ смертные наступали одни на другихъ въ равнинѣ, бессмертные боги на горахъ раздѣлились на двѣ отдѣльныя группы, смотря по тому, чью сторону они принимали.

Боги, покровительствующіе троянцамъ, смотрѣли на битву съ Калликолонъ; благопріятствовавшіе ахейцамъ — возсѣдали на валу Геракла на Сигеѣ.

Возвышенности, непосредственно окружающія равнину, состоятъ изъ изобилующаго остатками раковинъ известковаго камня, образованія средняго третичнаго періода. Эта порода камня должна была образоваться въ прѣсноводномъ озерѣ, въ эпоху, когда еще не существовалъ Геллеспонтъ. Лишь въ одномъ мѣстѣ, а именно въ долинѣ Думбрека, встрѣчаются породы вулканическаго происхожденія. Картина совсѣмъ мѣняется, какъ только мы переносимся далѣе.

Тутъ прежде всего встрѣчается длинная цѣпь конусообразныхъ горъ, съ притупленными вершинами, тянущихся широкою дугою отъ Улу-Дага до Кара-Дага, т. е. отъ Геллеспонта до Эгейскаго моря, оцѣпляя рамкой Троянскую равнину или, выражаясь точнѣе, всю переднюю часть Трояды. Эта цѣпь состоитъ исключительно изъ вулканическихъ породъ, или по крайней мѣрѣ вулканическія породы являются

основнымъ элементомъ ея формаций: трахитъ, базальтъ, серпентинъ и т. п. чередуются пестрыми поясами въ ея наслоеніяхъ.

Борьба смертныхъ нигдѣ въ Иліадѣ не заходитъ за предѣлы этой рамки, за исключеніемъ немногихъ подвиговъ, о которыхъ говорится мимоходомъ, какъ о давно минувшихъ событіяхъ. Если что и говорится о мѣстахъ, лежащихъ внѣ этой рамки, говорится вскользь, безъ непосредственной связи съ Троянской войной, или по поводу боговъ, ибо слѣдуетъ разъ навсегда установить тотъ фактъ, что мифологическая арена дѣйствія Иліады несравненно обширнѣе стратегическаго театра дѣйствій.

Цѣпь вулканическихъ образований, идущихъ отъ Улу-Дага до Кара-Дага, еще не составляетъ собственно Иду. Ни въ настоящее время, ни въ Иліадѣ, названіе это не приурочивается къ этимъ, сравнительно незначительнымъ возвышенностямъ. Только позднѣйшіе комментаторы приняли эти предгорія за самую Иду и внесли такимъ образомъ въ дѣло новую путаницу. Ни отсюда нельзя съ такою ясностью убѣдиться въ несходствѣ этихъ предгорій съ Идою, какъ съ высоты Учекъ-Тепе. Оттуда виднѣнъ въ цѣпи этихъ предгорій по направленію къ югу рѣзкій перерывъ, между Кара-Дагомъ направо и Фулахъ-Дагомъ налѣво. Это и есть мѣсто, гдѣ Скаандръ, смѣло извиваясь, разсѣкаетъ предгорія и прокладываетъ себѣ путь въ равнину. Надъ этимъ перерывомъ, но въ значительномъ отдаленіи — высится, рѣзко выдаваясь надъ уступами предгорій, массивная громада Иды (Кацъ-Дагъ).

Картина, развертывающаяся передъ глазами зрителя, стоящаго на вершинѣ Учекъ-Тепе, не исчерпывается нашимъ описаніемъ: она простирается далеко за предѣлы Трояды. И все, что въ дѣйствительности обнимаетъ взоръ восхищеннаго путешественника, все это передано поэтомъ. Прежде всего, по ту сторону равнины, мы видимъ длинную синюю полосу—это Геллеспонтъ, который вселяетъ въ насъ не менѣе удивленія, чѣмъ испытывали передъ нимъ древніе. Для нихъ это былъ путь, ведущій къ неизвѣданнымъ странамъ туманнаго сѣвера.

Черезъ Геллеспонтъ лежалъ путь въ страны Киммерійскія и Геперборейскія, окутанныя въ легендѣ непроницаемымъ покровомъ. Въ нашихъ глазахъ Геллеспонтъ—общій водостокъ гигантскаго бассейна; Дунай и Прутъ, Днѣстръ и Днѣпръ, Донъ и Кубань, несутъ черезъ его водоемъ свои волны въ Средиземное море. Вслѣдствіе этого, въ точномъ смыслѣ, Геллеспонтъ не простой проливъ, соединяющій два моря, а рѣка необычныхъ размѣровъ, представляющая общій истокъ гигантскаго водородѣла. Германія, Австрія, Болгарія, Румынія, Россія и Кавказъ снабжаютъ эту рѣку могучими притоками, и мыслящій наблюдатель охотно уносится мыслью къ этимъ притокамъ, чтобы воспроизвести себѣ картину великаго передвиженія народовъ, которые въ историческія и въ до-историческія времена разсѣвались по этому обширному пространству.

Кто въ силахъ противиться обаянію подобной картины! Съ незапамятныхъ временъ Гелеспонтъ служилъ не только границей, но и связующимъ звѣномъ между Азіей и Европой. Тутъ сталкивались полчища двухъ частей свѣта. То, чего тщетно пытались достигъ персы, удалось туркамъ. То, къ чему стремился Александръ—было предпринято вторично крестоносцами. Дарданеллы составляютъ ту точку, изъ которой наиболѣе доступна Азія для Европы, и наоборотъ. Но исторія поучаетъ, что азіатскій потокъ во всемъ оказался сильнѣе европейскаго. По всей вѣроятности, наши собственные предки, арійскіе выходцы, гораздо ранѣе чѣмъ была создана Иліада и гораздо ранѣе времени, когда начали записывать исторію народовъ, пришли, какъ завоеватели тѣмъ же путемъ въ Европу.

Какъ часто подобныя думы носились въ головѣ моей, когда я смотрѣлъ на маленький клочекъ Европы, который можно было видѣть изъ оконъ нашей хижины, на вершинѣ Гиссарлыка.

Жителямъ сѣвера, особенно тѣхъ странъ, гдѣ небо чаще всего скрыто густой завѣсой облаковъ, трудно представить себѣ, какъ религіозныя представленія жителей юга тѣсно связаны съ атмосферическими или, выражаясь болѣе мнѳологически, „съ небесными явленіями“. Нужно видѣть необъятную ширь и чистую лазурь Троянскаго небосклона, чтобы понять впечатлѣніе, производимое здѣсь образованіемъ и накопленіемъ облаковъ. Когда внезапно надъ спокойнымъ небомъ и землей черныя тучи собираются около верхушки Самоеракійскаго пика и, опускаясь съ каждымъ мгновеніемъ все ниже и ниже, завлакиваютъ одну за другой зубчатыя линіи утесовъ, пока наконецъ буря не волхнуетъ море, вздымая сердитымъ порывомъ почернѣвшія волны; тогда становится понятнымъ, какъ умъ человѣчскій въ періодъ дѣтскаго развитія искалъ разгадку таинственнаго явленія въ присутствіи самого бога морей въ грозныхъ облакахъ. Или, когда изъ дальняго юговостока, изъ Эллады, надъ Эгейскимъ моремъ плыветъ черная точка, разрастаясь все шире по мѣрѣ приближенія и наконецъ повиснетъ на вершинѣ Иды, гдѣ, остановившись на цѣлые часы, а иногда на цѣлыя дни, все сгущаясь и темнѣя, туча гремитъ по цѣлымъ ночамъ, озаряясь свѣтомъ лучезарной молніи, и вся природа замираетъ въ трепетной истомѣ,—то возможно ли не вспомнить описанія поэта, повѣствующаго о шествіи и отдыхѣ грознаго божества?

Съ вершины Учель-Тепе видны многіе острова Эгейскаго моря, ясно вырисовывающіеся на поверхности моря своими острыми утесами. Ближе всѣхъ, прямо противъ Безикской бухты, лежитъ обильный виномъ Тенедосъ, за которымъ таился въ началѣ похода противъ Иліона Ахейскій флотъ, готовясь къ нападенію. Далѣе, къ югу, и только при совсѣмъ ясной погодѣ, видны легкія линіи очертаній острова Лесбоса, названнаго позднѣе Митиленой. Иногда изъ моря поднимется облако и плыветъ на Лесбосъ и мысъ Баба,—называвшійся у древнихъ Лектономъ, и наконецъ, переносясь отъ вершины къ вершинѣ, достигаетъ Иды.

Облаво течеть неулыбно тѣмъ же путемъ, какии слѣдовала Гера, отыскивая своего разгнѣваннаго супруга, застигаемаго ею на Гаргарѣ, гдѣ происходитъ нѣжное примиреніе, составляющее одну изъ прелестнѣйшихъ сценъ Иліады.

Кто могъ бы устоять противъ соблазнительнаго очарованія подобныхъ воззрѣній? И кто можетъ отрицать, что великій поэтъ создалъ свои дивныя картины изъ народныхъ понятій о жизни Олимпійскихъ боговъ? Я здѣсь вовсе не думаю входить въ описаніе всѣхъ подробностей явленій Троянской природы; я отказываюсь даже отъ передачи той чарующей картины, какую видишь у подножія Иды, слѣдя за игрой поднимающагося и опускающагося покровы облаковъ. Но не могу пройти молчаніемъ, что для меня совершенно непонятно, какъ возможно покуситься на претензію затмить чуда Троянской природы свѣтомъ кабинетной лампы и оспаривать у безсмертнаго гѣвца реальную подделку его воззрѣній. По всей вѣроятности этого никогда не случилось бы, еслибы мѣстоположеніе древняго Иліона было извѣстно. Но уже во время Димитрія Свентика, ученаго троянца, жившаго до начала христіанской эры, на Троянской равнинѣ не оставалось никакихъ слѣдовъ древняго города. Прошли цѣлыя тысячелѣтія прежде чѣмъ подумали серьезно объ отысканіи мѣста, гдѣ дѣйствительно стоялъ древній городъ этой страны, рано оставшейся въ тѣни среди паденія столькихъ монархій. Съ той минуты ни одинъ влочекъ этого края не избѣжалъ различныхъ предположеній ученыхъ. Начиная отъ залива Эдремита и предгорій Лектона—всюду думали обрѣсти мѣсторасположеніе Иліона.

Александрія-Троя—развалины великой метрополи, основанной въ послѣ-Гомеровскій періодъ Антиохомъ на берегу Эгейскаго моря, а позднѣ Бунарбаши, жалкое турецкое селеніе на южной окраинѣ Троянской долины, болѣе остальныхъ сосредоточивали на себѣ вниманіе ученыхъ. Не ранѣе какъ 50 лѣтъ тому назадъ Макларенъ рискнулъ объявить холмъ Гиссарлыкъ за настоящее мѣсто, гдѣ когда-то возвышалась Троя. Другіе, какъ напримѣръ фонъ Екенбрехеръ, примкнули къ его мнѣнію,—первымъ предпринялъ раскопки Франкъ Кальверъ,—но и тѣ ограничились изслѣдованіемъ поверхности. Одному Шлиманну было суждено, послѣ неимовѣрныхъ жертвъ, когда-либо принесенныхъ частнымъ человѣкомъ для научныхъ цѣлей, отрыть путемъ глубокихъ раскопокъ, достойныхъ удивленія, остатки доисторическихъ построекъ и упрочить за Гиссарлыккомъ право возбуждать глубочайшій интересъ всего образованнаго міра.

Но разрѣшается ли этимъ окончательно вопросъ о мѣстѣ, занимаемомъ нѣкогда древнимъ Иліономъ? Противники отрицаютъ это. На какомъ основаніи? — Упревая Шлиманна за то, что онъ понимаетъ буквально текстъ Иліады, они полагаютъ разбить его доводомъ, что развалины Гиссарлыка не соотвѣтствуютъ описанію Гомера. Конечно, въ послѣднемъ они правы. Въ глазахъ Гомера священный Иліонъ

представлялся совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ то, о чемъ свидѣльствуютъ найденныя развалины. Но развѣ это основательное возраженіе? Никто не сомнѣвается въ томъ, что Иліада была создана нѣсколько сотенъ лѣтъ послѣ паденія Трои, но сколько именно позднѣе, составляетъ спорный вопросъ между сторонниками Гомера. Хотя бы только двѣсти или триста лѣтъ протекло между тѣмъ и другимъ событіемъ, всетаки очевидно, что Гомеръ не могъ уже видѣть своими глазами Трои. Иліонъ поэмы во всякомъ случаѣ долженъ быть поэтическимъ вымысломъ. Преданіе могло сохранить кое-какія подробности о древнемъ городѣ, но безъ всякаго сомнѣнія, и даже прямо безошибочно, можно сказать, что никакого точнаго описанія города или вѣрности Трои, въ томъ видѣ, каковой былъ у него до разрушенія, не могло остаться. Что же касается развалинъ, то тоже можно утверждать навѣрное, что въ эпоху Гомера все уже успѣло „порости травой“. Новые поселенцы построили себѣ жилища на старомъ пепелищѣ и очень можетъ быть, что и ихъ дома въ свою очередь лежали въ развалинахъ, когда поэтъ приступилъ къ своей поэмѣ. Сомнительно даже, чтобы онъ могъ видѣть развалины разрушеннаго города. Онъ вѣроятно видѣлъ мѣсто, гдѣ стояла Троя, но сама она была только „видѣніемъ“. Какъ Зевсъ и Гера, Посейдонъ и Афина, Арей и Афродита были образами, жившими въ его фантазіи, такъ и городъ Иліонъ былъ только „мечтой“. Никто не можетъ требовать, чтобы дѣйствительное мѣсто развалинъ соответствовало каждому соображенію поэтической фантазіи Гомера, и доводъ, что поэтъ насочинилъ многое, чего не существовало никогда, по крайней мѣрѣ на этомъ мѣстѣ, означаетъ только, что Иліада поэтическое, а не историческое произведеніе.

Тѣмъ не менѣе связь между поэмой и мѣстностью, далеко не такъ слаба, какъ это стараются доказать.

Мѣстоположеніе Гиссарлыга отвѣчаетъ въ главныхъ чертахъ топографическимъ описаніямъ Иліады. Какъ съ высоты Учекъ-Тепе, такъ и съ холма Гиссарлыгъ, видна вся передняя часть Трои. Передъ взоромъ зрителя со всей сѣтью своихъ рѣкъ и ручьевъ, съ боковыми долинами, окруженная гребнями горъ и кольцомъ вулканическихъ высотъ, раскидывается равнина, а далѣе синѣютъ Геллеспонтъ и Эгейское море. Только отсюда ближе равнина, т. е. собственно та часть ея, которая принимается вообще за поле сраженія и которая, если принять во вниманіе измѣненіе русла рѣкъ, послѣдовавшее въ теченіе вѣковъ, даже вполне соответствуетъ топографіи поля битвы, сообщаемой Гомеромъ. Всѣ отдѣльные предметы на равнинѣ ясно видны отсюда, и нѣтъ ничего невозможнаго, что Елена могла узнавать и показывать своему царственному свекру всѣхъ ахейскихъ полководцевъ. Даже далѣе видна вполне отчетливо, по крайней мѣрѣ на столько ясно, на сколько этого требуютъ описанія Иліады. Видѣнъ Оравійскій Херсонесъ, прямо передъ собою видишь Имбръ и Само-

оракію. Львівъ лежить Тенедось, а совсѣмъ въ глубинѣ, на юговостогѣ, изъ-за горъ выглядываетъ снѣжная вершина Иды. При закатѣ солнца на далекомъ западѣ, на нѣсколько мгновений показывается даже иногда на горизонтѣ пирамидальный Аеонъ.

Конечно, древній городъ не стоялъ такъ высоко, какъ вершина настоящаго Гиссарлыккаго холма, до начала раскопокъ. Шлиманну пришлось рыться очень глубоко, углубить работы на 20 и 25 футовъ ниже поверхности, прежде чѣмъ подъ слоемъ мусора позднѣйшихъ построекъ ему удалось добраться до остатковъ стѣнъ и домовъ Иліона. Но, принимая въ расчетъ и такой болѣе низкій уровень расположенія Иліона, все же онъ окажется достаточно высокъ для сохранения за городомъ господствующаго его положенія надъ мѣстностью. Дома и башни его, хотя бы они и были умѣренной вышины, навѣрное однако возвышались на столько надъ почвой, чтобы быть на одномъ уровнѣ съ чертой вершины позднѣйшаго образованія. Холмъ и тогда былъ высокой, открытой для вѣтровъ крѣпостью. Наши деревянные хижины, построенныя у подножія Гиссарлыккаго городища, ниже уровня стараго города, приходились все таки по крайней мѣрѣ футовъ на 60 надъ уровнемъ равнины, и вѣтеръ такъ сильно обвѣвалъ ихъ, что намъ часто казалось, что онъ снесетъ наши крыши и опрокинетъ наши жилища.

Гиссарлыкское городище представляло глазамъ путника ранѣе предпринятыхъ Шлиманомъ работъ, строго говоря, искусственную насыпь, которую можетъ быть вѣрнѣе всего было бы сравнить съ земляными холмами Ассирійской равнины, гдѣ вьются развалины древнихъ царскихъ дворцовъ. Только этотъ холмъ образовался не на самой равнинѣ, а на западной окраинѣ втораго третичнаго гребня, о которомъ я говорилъ выше. Онъ упирается прямо въ равнину и всегда долженъ былъ казаться очень высокимъ. Дальнѣйшее его повышение происходило вѣроятно весьма медленно. По мѣрѣ углубленія раскопокъ натапливаются на новые слои развалинъ, совершенно различныхъ между собой по характеру и принадлежавшихъ очевидно разнымъ эпохамъ. Здѣсь жило послѣдовательно много поколѣній, и каждое новое населеніе селилось на развалинахъ стараго, выравнивая мѣсто и расчищая его отъ уцѣлѣвшихъ обломковъ, и разбрасывало ихъ по склону. Такимъ образомъ естественно расширялась площадь холма и совершенно понятно, что теперѣ, когда работы нынѣшняго года подвинулись на столько, что почти окончательно обнажили всю окружность стараго города, то обширная выемка приняла видъ большой воронки, на днѣ которой тѣснится кучка сжатыхъ развалинъ Иліона. Дѣйствительно, вполне справедливо возраженіе, что этотъ Иліонъ не былъ большимъ городомъ, гдѣ бы рядомъ съ многочисленнымъ населеніемъ могла помѣститься большая армія чужеземнаго войска. Такой Иліонъ существовать только въ фантазіи поэта. Нашъ Иліонъ едва возможно назвать городомъ. Въ нашихъ странахъ подобное сооруженіе называлось бы

крѣпостной или горнымъ замкомъ. Потому-то я и предпочелъ говорить о курганномъ городищѣ (Burgberg), или горной цитадели, названіи, передающемъ вѣрно значеніе турецкаго слова „Гиссарлыкъ“. Является однако вопросъ, почему же развалины, находящіяся на днѣ воронки, непременно должны быть остатками древняго Иліона? На это я возражу, что это другой вопросъ, существовало ли вообще когда нибудь такое мѣсто, которое называлось Иліономъ. Развѣ неодинаково сомнительно, существовали ли когда нибудь Гераклъ и Аргонавты? Очень возможно, что Иліонъ, и Пріамъ, и Андромаха такія же поэтическія фікціи, какъ Зевсъ, Посейдонъ и Афродита. Но это не мѣшаетъ однако тому, чтобы на днѣ нашей воронки искать Иліона Илиады. Тамъ расположены тѣсно скученный рядъ домовъ, обнесенныхъ толстой стѣной изъ неотесанныхъ камней. Стѣны домовъ и комнатъ сохранились еще на столько, что ихъ можно нанести на планъ. Дорога, вымощенная каменными плитами, довольно круто поднимающаяся въ гору, ведетъ черезъ единственныя городскія ворота, расположенныя съ западной стороны, внутрь города. Между домами оставленное пространство образуетъ очень узкую улицу. Все это засыпано пепломъ. Огромные глиняные кирпичи, $\frac{1}{2}$ метра въ квадратъ, расплавились отъ дѣйствія страшнаго пламени и превратились въ стеклянный славъ. Кучи зерна, а именно пшеницы и бобовъ, совершенно обуглились. Остатки животной пищи, устричныя раковины и разныхъ другихъ морскихъ породъ, козлиныя и бараньи, бычачьи и свиныя кости тоже отчасти обгорѣли. Собственно древеснаго угля найдено мало, и то большею частью дубоваго. Пожаръ долженъ былъ продолжаться долго, чтобы истребить все, что было деревяннаго. Даже металлы, а именно бронза, расплавилась и перегорѣла до состоянія почти неузнаваемаго.

Видно, что эта цитадель подверглась долгому истребительному пожару, поддерживаемому до окончательнаго истребленія всего горючаго матеріала. Подобный пожаръ, какъ это и соответствуетъ разсказу Гомера, былъ здѣсь только одинъ разъ. Въ слояхъ развалинъ различныхъ поселеній Гиссарлыка встрѣчаются слѣды огня, но нигдѣ не было пожара одинаковаго характера съ бѣдствіемъ „сожженнаго города“. Подъ нимъ находятся еще слои другихъ развалинъ, въ различныхъ пунктахъ, на 10 и 15 футовъ, и еще глубже, такъ какъ „сожженный городъ“ не былъ древнѣйшимъ поселкомъ на Гиссарлыкскомъ холмѣ—но и въ этихъ древнѣйшихъ слояхъ нигдѣ не открыто слѣда таковаго истребительнаго пожара.

И только въ „сожженномъ городѣ“, между многочисленными образцами, свидѣтельствующими о развитіи ремеслъ, какъ напримѣръ весьма изящныя издѣлія горшечнаго производства, неоднократно попадались вещи изъ золота, серебра, бронзы и издѣлія изъ слоновой кости. Конечно, уже не повторялось никогда такой богатой находки, какъ „кладъ Пріама“, доставшійся г. Шлиманну на второй годъ его

успѣшныхъ раскопокъ. Но не проходило ни одного года безъ того, чтобы работы раскопокъ не принесли какой нибудь находки золотого клада. Я самъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ двухъ подобныхъ находокъ. Уже давно замолкла клевета, непостыдившаяся заикнуться о подлогѣ. Именно со времени случая съ работникомъ, присвоившимъ себѣ втайнѣ часть найденнаго имъ клада, что вызвало со стороны Турецкаго правительства запрещеніе продажи рѣдкостей древняго происхожденія, зависть принуждена была замолкнуть и ограничиться воркотней себѣ подъ носъ у домашняго очага. Съ тѣхъ поръ не только въ одной Микенѣ, но и въ другихъ греческихъ гробницахъ, найдены золотые предметы того же типа, какъ и въ Гиссарлыгѣ. Одна изъ находокъ, случившихся въ моемъ присутствіи, доставила тисненныя золотыя бляхи съ украшеніями, сходными до мельчайшихъ подробностей съ образцами, найденными въ Микенѣ.

„Сожженный городъ“ слѣдовательно былъ также „Золотымъ городомъ“. Только въ немъ одномъ отыскиваются богатые сокровища удивительнѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чуждыхъ образцовъ. Очевидно, что мы имѣемъ передъ собой не продукты мѣстнаго производства, а вещи, добытыя путемъ торговли или войны изъ чужихъ странъ. Эти произведенія въ восточномъ стилѣ, и въ немъ замѣтно выступаетъ ассирійскій элементъ. Судя по этому, „сожженный городъ“ долженъ былъ служить мѣстопробываніемъ великаго и счастливаго полководца или сына полководца, собравшаго въ свой небольшой, но крѣпкій уголь, самыя рѣдкія драгоценныя сокровища.

Главный кладъ отысканъ весь въ одномъ мѣстѣ и сберегался въ тайникѣ, похожемъ на стѣнной шкафъ. Первоначально онъ повидимому хранился въ деревянной шкатулкѣ. Нашли его въ стѣнѣ прочно сложеннаго изъ камня дома, гдѣ найдено также много лучше-сохранившейся утвари, такъ что повидимому этотъ домъ и былъ жилищемъ царя. Ни въ какомъ другомъ зданіи не найдено подобныхъ богатствъ; и въ настоящее время, когда расчищена вся площадь сожженнаго города, можно съ положительнымъ убѣжденіемъ сказать: тутъ собственно и былъ царскій домъ. Непосредственно къ нему прилегаютъ стѣна древняго города, а противъ него идетъ улица, ведущая къ единственному городскому воротамъ.

Были ли это Скейскія ворота, а этотъ домъ—былъ ли дѣйствительно онъ дворцомъ Пріама? Шлиманнъ, смущенный учеными противниками, называетъ теперь этотъ домъ просто домомъ „начальника города“. Но развѣ „начальникъ города“, обладавшій такой массой золота, въ такое время, когда золото было великой рѣдкостью, могъ не быть царемъ? И что же мѣшаетъ намъ видѣть въ немъ Пріама? Все равно, существовалъ ли Пріамъ или нѣтъ, богатый золотомъ владѣтель, жившій тутъ, такъ похожъ на Пріама Илиады, что мы не хотимъ противиться искушенію назвать открытый городъ Иліономъ. И какой можетъ произойти вредъ отъ того, что западныя городскія во-

рота (вообще единственные ворота, найденныя въ городской стѣнѣ, черезъ которыя проходить крутая дорога, поднимающаяся изъ равнины въ городъ)—мы назовемъ знакомымъ всѣмъ именемъ Скейскихъ воротъ?

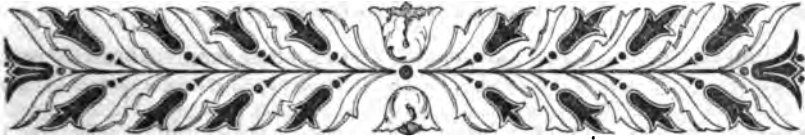
Не будемъ-же бесполезно лишать себя всякой поэзіи. Мы, сыны черстваго и во многихъ отношеніяхъ прозаическаго вѣка, удержимъ за собой по крайней мѣрѣ право возвращаться въ нашей старости къ картинамъ, такъ обаятельно волновавшимъ нашу фантазію въ юные годы. Есть что-то грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышающее душу въ чувствѣ, съ которымъ въ мѣстностяхъ, подобныхъ Гиссарлыку, имѣешь случай вычитывать изъ послѣдовательныхъ почвенныхъ наслоеній, какъ по геологическимъ формациямъ, ходъ исторіи въ томъ видѣ, въ какомъ она матеріально запечатлѣлась на осколкахъ прошлаго, на самыхъ предметахъ, служившихъ древнему человѣку. Только подъ громадною грудой развалинъ, наслоенныхъ надъ сожженнымъ городомъ, показывается первый слой, въ которомъ попадаются тесанные камни и стѣна изъ плитняка. Можетъ быть это та самая стѣна, которая была возведена, по свидѣтельству исторіи, Лизимахомъ, однимъ изъ полководцевъ Александра надъ развалинами Иліона. Во всякомъ случаѣ эта стѣна похожа на стѣны Македонской эпохи, и въ этомъ словѣ земли находятся греческія развалины. Слѣдовательно тутъ уже найдена опредѣленная граница времени. Отъ нея приходится опускаться въ глубь хронологіи, что, какъ легко видно, даетъ дѣлу оборотъ, благоприятный для Троянскихъ преданій.

Слѣдовательно, легко возможно, что не все воспѣтое Гомеромъ окажется вымысломъ. Очень можетъ быть, что въ далекую доисторическую эпоху дѣйствительно обиталъ въ горномъ замкѣ могучій и богатый царь и что противъ него вели ожесточенную войну союзные цари Греціи, а пораженіе его и взятіе замка окончилось сожженіемъ его города. Быть можетъ это былъ первый рѣшительный бой, происходившій на этомъ побережьѣ между Европой и Азіей, что тутъ произошла грубая проба силъ и, впервые юная западная культура, приобретающая мало по малу самостоятельность, доказала свое превосходство надъ изнѣженной и дряхлѣющей цивилизаціей Востока. Мнѣ кажется вѣроятнымъ, что такъ дѣло и произошло въ дѣйствительности, но само собой разумѣется, что я никому не навязываю моихъ догадокъ.

Достоверно одно, что даже древнѣйшее и первое население Гиссарлыка также принадлежало къ націи, достигшей высокой культуры. Безъ сомнѣнія, эти поселенцы употребляли еще каменное оружіе, но оно было прекрасно шлифовано и имѣло изящную форму, свидѣтельствующую о знакомствѣ съ металлами. Дѣйствительно, въ самыхъ древнѣйшихъ наслоеніяхъ встрѣчаются также слѣды металла. Слѣдовательно, какимъ образомъ эти слои не могутъ быть отнесены къ каменному періоду. Они несомнѣнно говорятъ въ пользу того, что это самое

древнѣе изъ извѣстныхъ въ передней Азіи поселеній доисторическаго народа, обладавшаго уже довольно высоко развитыми формами культуры. На основаніи этого можно смѣло сказать, что курганное городище Гиссарлыка получить прочное мѣсто въ исторіи культуры человѣчества, какъ одинъ изъ достовѣрнѣйшихъ ея памятниковъ. Эта мѣстность пріобрѣтетъ въ глазахъ будущаго поколѣнія значеніе важнаго географическаго пункта и вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе прочной исходной точки для полета фантазіи. Говорю это потому, что я твердо надѣюсь, что Иліада никогда не перестанетъ быть дорогимъ достояніемъ юности, чѣмъ бы ни окончился споръ о существованіи Иліона и Приама.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Макарій, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Московскій. Биографическій очеркъ. Спб. 1879 г.

ОСТАВИТЕЛЬ биографическаго очерка о новомъ московскомъ митрополитѣ, высокопреосвященномъ Макаріи пишетъ, что для изданія этой брошюры, онъ пользовался чѣмъ то „позволеніемъ“. Можно думать, что подъ этимъ надо подразумѣвать „позволеніе“ самого описываемаго лица, и потому въ очерку этому невольно обращаешься съ интересомъ и съ довѣріемъ. Между тѣмъ все, что мы здѣсь находимъ, есть не болѣе какъ перепечатка газетныхъ извѣстій, появившихся при назначеніи в. преосв. Макарія митрополитомъ московскимъ, а это слишкомъ недостаточно для его биографіи, и мы скажемъ, почему именно это недостаточно. О дѣтствѣ в. преосв. Макарія въ газетахъ были извѣстія самыя общія и потому сухія и скучныя, ограничивающіяся тѣмъ, что онъ рожденъ въ бѣдной семьѣ и имѣлъ неопратную головную болѣзнь, которая прошла отъ ушиба камнемъ. Этому ушибу хотя и придается нѣчто какъ-бы провиденціальное, но это сообщаетъ дѣлу мало жизненности. О дальнѣйшихъ годахъ еще суше повѣствуется, что онъ сталъ отлично учиться, былъ на лучшемъ счету, 25 лѣтъ пошелъ въ монахи, и потомъ начинается перечисленіе его служебныхъ переходовъ и литературныхъ трудовъ. Живаго лица съ живыми чертами его нрава и характера—нѣтъ нигдѣ.

Что-же касается до оцѣнки трудовъ его высокопреосвященства, то для этого брошюры перечисляетъ только литературные труды московскаго митрополита, и отмѣчаетъ живое сочувствіе митрополита наукѣ и училищамъ,—сочувствіе, большое, неограничивающееся словами, но постоянно подтверждаемое весьма капитальными пожертвованіями. Эти указанія конечно не бесполезны для справокъ. Не бесполезны также два-три мнѣнія его высокопреосвященства о наукѣ вообще, и въ частности о чистотѣ нашей родной рѣчи, подвергаемой нынче столь безпощадной порчѣ, что мы уже безъ стыда начинаемъ „эвакуировать“ и объ этомъ „скрибировать“ и „парлирывать“. Все это не бесполезно, но все это не биографія. Высокое значеніе митрополита Макарія, какъ извѣстнѣйшаго русскаго богослова и даровитаго историка, конечно стоило бы труда безъ сравненія болѣе обстоятельнаго, искуснаго и живаго,—такого труда, который оставлялъ-бы впечатлѣніе, достойное отличныхъ свойствъ нынѣшняго московскаго митрополита.

И мы желаем не невозможнаго; мы желаемъ только того, что было бы вполне достигнимо, если бы авторъ біографическаго очерка сумѣлъ воспользоваться превосходнымъ матеріаломъ, который долженъ бы ожить и заговорить подъ перомъ мало-мальски талантливаго писателя; но здѣсь, къ сожалѣнію, все способное вызывать чувства живаго уваженія къ митрополиту, замѣнено банальными фразами, утратившими смыслъ и значеніе, а иногда даже грубоватою лестью, къ которой нѣтъ нужды прибѣгать, говоря о высокопреосвященномъ Макаріи.

Покажемъ примѣры этихъ пріемовъ, какъ они начинаются съ самаго предисловія. Здѣсь уже мы читаемъ будто „ни объ одномъ (митрополитѣ) не было столь справедливыхъ отзывовъ“ какъ о в. преосв. Макаріи. Это едва-ли слова нелицемѣрной истины. Если мы припомнимъ, что прежде в. преосв. Макарія Булгакова у насъ были митрополитами Евгеній Болховитиновъ и Платонъ Левшинъ, и возобновимъ въ памяти извѣстность, которою до своего митрополитства пользовались Платонъ и Евгеній, то мы должны будемъ сознаться, что біографъ митрополита Макарія не воздастъ имъ должнаго, и дѣлаетъ это совершенно напрасно. Заслонять Евгенія и Платона совѣмъ не значитъ возвышать безъ того высокое и совершенно непосредственное значеніе митрополита Макарія, какъ автора „Догматическаго богословія“ и „Исторіи Русской церкви“. Это значить только дѣлать литературную неловкость по отношенію къ исторической истинѣ и по отношенію къ самой личности московскаго митрополита. Есть въ этой маленькой брошюрѣ и другія мѣста въ томъ же „доброхвальномъ“, но неловкомъ тонѣ. На 24 стр. сказано: „ездѣ, гдѣ ни находился в. преосв. (Макарій), онъ оставлялъ по себѣ глубокой слѣдъ любви и преданности въ сердцахъ своихъ подчиненныхъ“. Это надо бы сказать иначе. В. преосв. Макарій такой слѣдъ дѣйствительно оставлялъ, но только въ сердцахъ разсудительнѣйшихъ и благороднѣйшихъ изъ своихъ подчиненныхъ. Люди доброй совѣсти и свѣтлаго разума дѣйствительно ездѣ любили и уважали митрополита Макарія, но лучшіе люди нигдѣ не составляютъ большинства. Для людей же озлобленныхъ не тѣмъ, чтобы лучше служить, а чтобы ловчѣе выслуживаться в. преосв. Макарій никогда и нигдѣ не приходилъ по общаго. Напротивъ, всѣмъ таковымъ онъ казался начальникомъ тяжелымъ, и весьма многимъ извѣстно, что стараніями такихъ людей въ духовенствѣ на его высокопреосвященство были распускаемы весьма недостойныя клеветы, изъ коихъ одна, сколько намъ помнится, даже нашла себѣ пріютное мѣсто въ заграничной печати. Біографу довольно непростительно этого не знать. И сейчасъ бессильная злоба низкихъ людей не устаетъ работать въ томъ же недостойномъ направленіи, — что и понятно: такое умное и характерное лицо, какъ митрополитъ Макарій, не можетъ всѣмъ одинаково нравиться... Если бы это было иначе, то это была бы очень жалкая похвала для митрополита Макарія, котораго отнюдь нельзя мѣрять масштабомъ заурядной личности, одинаково пріятной и добрымъ и худымъ людямъ.

Намъ кажется, что біографъ в. преосв. Макарія могъ, да и долженъ бы, объ этомъ упомянуть, потому-что въ этомъ лучше, чѣмъ въ чемъ нибудь откривается малознакомая обществу сторона митрополита Макарія, какъ епарха. Россія и Европа знаетъ в. преосв. Макарія какъ богослова и историка; какъ проповѣдникъ онъ извѣстенъ гораздо менѣе, а какъ епархъ, — онъ обществу почти совѣмъ неизвѣстенъ. Большая европейская литературная репутація все это заслонила и не даетъ разсматривать, но біографъ могъ, да и долженъ бы знать кое-что и объ этомъ, тѣмъ болѣе, что и здѣсь есть что знать и есть что показать для людей, уважающихъ въ начальникѣ простоту, доступность и желаніе быть безпристрастнымъ. Но ничего этого въ очеркѣ нѣтъ, а взамѣнъ того встрѣчаемъ тамъ только общія мѣста объ общей любви, которой еще никто никогда не стяжалъ, да вѣроятно и не стяжаетъ.

Кромѣ того біографъ, упустивъ въ своемъ трудѣ много такого, что не надо бы упустить, поставилъ на видъ другія вещи, которыя художественное

чувство жѣры заставляло бы не усиливаться очень взбивать наружу. Такъ на-примѣръ, едва ли нужно и полезно распространяться о золотухѣ, покрывавшей въ отрочествѣ в. преосв. Макарія неопрятными струпами его голову. Это явленіе совсѣмъ не рѣдкое въ духовныхъ училищахъ стараго типа, но если объ этомъ уже сказано, то остается пожалѣть, что при этомъ недосказано. Коснувшись этой болѣзни, біографъ могъ бы уже сказать нѣчто дѣйствительно интересное въ разъясненіе того, что нѣкоторымъ представляется страннымъ въ обычаяхъ московскаго митрополита. Извѣстно, что в. преосв. Макарій иногда съ трудомъ держитъ митру и даже болѣе легкой клобукъ. Многіе это замѣчаютъ и ищутъ этому разныя причины; біографъ могъ бы имъ оказать услугу, объяснивъ, что всѣ эти причины заключаются въ тяжкихъ головныхъ боляхъ, которыя остались можетъ быть послѣдствіемъ того отроческаго недуга, о которомъ упомянуто въ біографическомъ очеркѣ.

Но гдѣ всего болѣе рѣзки и грубы недосмотры и ошибки составителя біографіи,—это въ оцѣнкѣ дѣятельности в. преосв. Макарія, какъ члена св. Синода. Здѣсь біографъ обнаруживаетъ съ одной стороны незнаніе дѣла и впадаетъ въ несогласныя противорѣчія съ самимъ собою, а съ другой—выражаетъ напрасное и совершенно неумѣстное намѣреніе руководительно намѣчать в. преосв. Макарію программу его дѣйствій въ качествѣ вліятельнаго лица высшаго церковно-правительственнаго учрежденія. Въ очеркѣ, на стр. 7, сказано, что „Москва раскроетъ своему новому митрополиту нужды и потребности христіанской Россіи и укажетъ ему тотъ путь, на которомъ пастырская дѣятельность будетъ всего плодотворнѣе, укажетъ путь своимъ прошлымъ, не тѣмъ прошлымъ, на которомъ лежитъ печать ломки церковно-религіозной жизни народа во имя канцелярскаго идеала, а тѣмъ прошлымъ, которое отмѣчено творчествомъ, зидательствомъ по началамъ свободнаго единенія общества върукопихъ, т. е. церкви и ея служителей“... Митрополитъ Макарій, можно думать, едва ли нуждается въ такихъ указаніяхъ, тѣмъ болѣе, что и самое достоинство этихъ указаній, если ихъ хорошенъко взвѣситъ,—не выдерживаетъ никакой критики.

Что такое этотъ такъ называемый „московскій церковный идеалъ“, — это извѣстно: конечно это до-синодальный порядокъ церковнаго управленія, — это патриархія, о возстановленіи которой пороку слышатся воздыханія нѣкоторыхъ благочестивыхъ мечтателей. Но серьезно желать этого и добиваться можетъ только такой слѣпой читатель религіозной старинны, который не соображаетъ никакихъ видоизмѣненій въ отношеніяхъ церкви и государства, происшедшихъ со времени упраздненія патриаршества. Чѣмъ же митрополитъ Макарій во всей своей прошедшей дѣятельности подастъ кому нибудь поводъ разсчитывать, что эти запоздалыя мечты въ его-то именно лицѣ и дождутся поборника, или даже осуществителя?.. По нашему мнѣнію къ этому нѣтъ ровно никакихъ основаній, а между тѣмъ этотъ единственный біографическій очеркъ кое-гдѣ кажется уже успѣлъ посѣять эти пустыя мысли, которымъ самъ же онъ и противорѣчитъ. Такъ на 20 стр. авторъ, начиная перечислять синодальные труды митрополита Макарія, упоминаетъ о преобразованіи духовно-судебной части въ „состязательную“ форму. Это упоминаніе очень умѣстно,—дѣятельное участіе митрополита Макарія въ переустройствѣ духовнаго суда въ самомъ дѣлѣ очень характерно и очень своеобразно, но развѣ такая судебная реформа въ „состязательной формѣ“ сколько нибудь отвѣчаетъ „идеаламъ прошлаго“ до-синодскаго порядка церковнаго управленія? Напротивъ, она скорѣе относится къ новому строю, который составитель біографіи съ ироніей называетъ „канцелярскимъ“, что и было обширно развито и доказываемо въ надѣлавшей шуму отповѣди архіепископа волынскаго Агавангела, напечатанной въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Такъ называемые „церковныя консерваторы“ въ то время безжѣрно носились съ этою статьею, которая мѣстами прямо мѣтила на в. преосв. Макарія, и они были по своему праву, т. е.—послѣдовательны и логичны. Они по крайней мѣрѣ понимали въ чемъ дѣло. Но совсѣмъ не таковыя

наш единственный биограф митрополита Макария, который, начавъ съ консерватизма, самъ выходитъ новаторомъ и противникомъ московскаго идеала. Ходъ и рѣшеніе судебныхъ вопросовъ, поставленныхъ митрополитомъ Макариемъ въ уровень насущныхъ нуждъ церкви безъ малѣйшаго нарушенія основныхъ истинъ вселенскаго православія, извѣстенъ, — „они, какъ говоритъ г. биографъ, не приведены въ дѣйствіе“. И онъ несомнѣнно сожалеетъ, что это такъ неудачно окончилось. Между тѣмъ въ качествѣ сторонника „московскаго идеала“ церковной старины, — ему бы надо было этому только радоваться... Но онъ не радуется, — онъ объ этомъ сѣтуетъ и всѣмъ ставитъ на видъ, что „черезъ это“ участіе в. преосв. Макарія нисколько не умаляется. Совершенно справедливо, но тогда остается спросить: какъ же въ этой путаницѣ уловить настоящій образъ мыслей и взглядъ митрополита Макарія на дѣла церкви? А въдъ это очень важно и очень интересно, такъ какъ онъ теперь занимаетъ весьма высокій постъ и вліяніе его на церковныя дѣла несомнѣнно и очень вѣско...

Биографія въ этомъ случаѣ не сдѣлала ничего, или лучше сказать, — для того, кто лишенъ возможности имѣть собственныя боги или менѣе основательныя понятія о дѣлахъ этого рода, — того она должна даже совсѣмъ сбить съ толку.

Впрочемъ это можно простить биографу легче, чѣмъ все остальное. Того рода дѣятельность в. преосв. Макарія, которой мы теперь коснулись, можетъ ждать безпристрастной оцѣнки только отъ позднѣйшаго историка, передъ которымъ яснѣе, чѣмъ передъ нами, обнаружатся всѣ свойства междомыслия, поставленныхъ взаимнѣй коренныхъ мѣропріятій, предлагавшихся митрополитомъ Макариемъ.

Въ заключеніе еще одно послѣднее замѣчаніе о несообразности тона, — о той, такъ сказать, случайности употребленія несоответственныхъ словъ для выраженія понятій, которая обнаруживаетъ сильное преобладаніе надъ многими влиятѣльными писателями свѣтскаго и духовнаго чина. Биографъ его высокопреосвященства на 24 стр. заключаетъ свое сказаніе тѣмъ, что „Московская епархія можетъ гордиться“ такимъ іерархомъ какъ в. преосв. Макарій... Составителю биографіи вѣроятно не извѣстно, что церкви христіанской на приличествуетъ ни чѣмъ, и ни кѣмъ гордиться... Церковь можетъ радоваться, можетъ дорожить в. преосв. Макариемъ, можетъ любить и уважать его, сколько онъ того дѣйствительно заслуживаетъ, — но она никогда не должна и не можетъ гордиться ни имъ, и ни кѣмъ другимъ. Гордость чѣмъ бы то ни было, — это не ея свойство и о несообразности примѣненія этого слова къ цѣлой церкви или извѣстной ея части, не разъ было разъясняемо желающимъ понимать церковный духъ и языкъ, какой приличенъ для разсужденій о вопросахъ касающихся церкви. Биографъ оставилъ это безъ вниманія или счелъ неважнымъ; а между тѣмъ оно важно, — особенно въ книжечкѣ, претендующей на широкое распространеніе въ различныхъ слояхъ общества, гдѣ не всѣ знаютъ, что христіанская церковь самими искупительными язвами своего Основателя не гордится, а ими только красуется...

Всѣмъ этимъ не надо бы пренебрегать, потому что соответствіе словъ предмету имѣетъ несомнѣнное значеніе, и въ этомъ-то смыслѣ никакъ не излишне, что нѣкоторые напоминали инымъ писателямъ старинный стихъ весьма стариннаго поэта: „прежде, чѣмъ станешь писать, — научись же порядочно мыслить“.

Когда въ маленькой книжечкѣ приходится указать столько существенныхъ погрѣшностей и недостатковъ, тогда трудно уже найти слово въ ея похвалу.

Н. Лѣсковъ.

Женская доля по малороссійскимъ пѣснямъ. Очеркъ изъ малороссійской поэзіи А. Ворониковскаго. Спб. 1879 г.

Небольшая изящная книжка подъ этимъ заглавіемъ воспроизводитъ то, что напечатано было еще въ 1867 г. въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ“. И авторъ прекрасно сдѣлалъ, что перепечаталъ это небольшое изслѣдованіе отдѣльною книжкой. Только теперь оно дѣлается доступнымъ не для однихъ знатоковъ, но и для простыхъ любителей народной поэзіи. И истинные любители останутся вообще довольны авторомъ: въ немъ видно не только головное вниманіе, но и сердечное участіе къ народу. Не головой, а теплымъ чувствомъ своей собственной поэтической природы постигъ авторъ, что „громада“ не только „великій человекъ“, но и „великій поэтъ“.

Авторъ находитъ, что „едва-ли въ какомъ-нибудь языкѣ есть столько нѣжныхъ словъ для выраженія любви, какъ въ Малорусскомъ“, а потому „переводить украинскія пѣсни даже на такой близкій языкъ, какъ Великорусскій, нѣтъ никакой возможности, не испортивши пѣсенъ“. Да на что и переводить, когда даже соответственные по содержанию пѣсни сербскія часто вовсе не нуждаются въ переводѣ, если имѣть въ виду мало мальски толкового русскаго читателя. Пѣсни сербскія особенно близки къ малороссійскимъ по идеальному представленію чувства любви. Но народная поэзія и вообще и, конечно, вездѣ болѣе или менѣе идеальна; она никакъ не уступитъ въ этомъ отношеніи личному творчеству, которое, именно подъ влияніемъ личности, можетъ подчасъ какъ будто-бы даже и измѣнять идеальному настроенію. Идеализмъ народной поэзіи и приводитъ, напримѣръ, къ тому, что „богатство, по замѣчанію автора, не пользуется сочувствіемъ пѣсенъ“, т. е. не пользуется въ нихъ сочувствіемъ дѣвушки. Не такъ однакоже относится къ нему въ тѣхъ же пѣсняхъ мать. „Патерпѣвшія въ своей жизни горя отъ бѣдности, она не такъ идеально смотритъ на жизнь. Желая добра своей дочери, она хочетъ выдать ее за богатаго; и если козакъ, котораго дочь любить, бѣденъ, мать препятствуетъ любви“. Это конечно, доказываетъ только, что въ народномъ творествѣ, какъ и въ личномъ, сказывается также и реализмъ, что дѣйствительность неизбежно въ немъ отражается, не смотря на стремленіе вознестись надъ нею.

Но авторъ замѣчаетъ, что въ пѣсняхъ, касающихся замужества, „почти не говорится о семейномъ счастьи“. На это, конечно, надо прежде всего замѣтить, что слово „почти“ достаточно растажило. Авторъ однакоже несомнѣнно, фактически правъ, утверждая, что даже нагайка по отношенію къ женѣ упоминается въ пѣсняхъ нерѣдко. Сказался-ли и въ этомъ неизбежный, неустрашимый реализмъ? Но какова-же должна быть дѣйствительность народнаго быта, если, даже въ идеальномъ мирѣ поэзіи „почти“ не сказывается лучей свѣта среди непрогляднаго мрака семейной жизни?..

Прислушаемся однако же внимательнѣе къ тѣмъ же пѣснямъ. Женить, замѣчаетъ авторъ, и замѣчаетъ вполне справедливо, всегда въ нихъ издалека; „мужъ увозитъ жену всегда далеко отъ роду на чужую сторону“. Значитъ-ли это, что и въ дѣйствительной жизни народа невѣста вполне отрывается отъ своихъ уже самымъ разстояніемъ, или же она очень часто преспокойно выходитъ замужъ совсѣмъ по сосѣдству, сохраняя полнѣйшую возможность постоянно и безпрепятственно видѣться со своими? Но коль скоро возможно такое противорѣчіе между пѣснью и жизнью, то въ жизни можетъ быть и нагайка не такъ часто работаетъ въ семейномъ быту, и счастье въ немъ, можетъ быть, совсѣмъ уже не такое рѣдкое исключеніе? А если такъ, то въ пѣснѣ, стало быть, жизнь можетъ рисоваться болѣе мрачною, чѣмъ въ дѣйствительности? Какъ же послѣ этого говорить объ идеализмѣ народной поэзіи?

Вопросы эти не затронуты нашимъ авторомъ, но при внимательномъ изученіи народной словесности они неизбѣжны. Не возбудивъ ихъ и не рѣшивъ, нельзя освѣтить вѣрнымъ свѣтомъ ни ея, ни народной дѣйствительности, такъ какъ невьясненность отношеній между той и другой ведетъ непремѣнно къ недоразумѣніямъ.

Дѣло въ сущности очень просто. Народная поэзія отражаетъ не только то, что есть, но и то, что когда-то было, что пережито уже давнымъ давно. Народная поэзія—своего рода живой архивъ; старина сама собою сохраняется въ ней такъ тщательно, что самые ревностные археологи не могли-бы, пожалуй, лучше предписать или заказать это. Если женихъ въ пѣснѣ непременно издадека, изъ чужаго рода,—то это значитъ только, что когда-то онъ дѣйствительно наѣзжалъ издадека со своимъ насильническимъ побѣдомъ и, говоря языкомъ Нестора, „умывалъ“ себѣ жену-полонянку. Если мать такъ склонна выдавать свою дочку замужъ на всей на своей родительской, а не на ея дочерней волѣ,—то это ярко сохранившійся отпечатокъ той поры, когда родители входили уже въ сдѣлку съ „чужаниномъ“, и выдавали ему свою дочь посредствомъ „кули“. Если семейное счастье въ пѣснѣ является какъ-бы почти невозможнымъ,—то это собственно потому, что въ пору „умывки“ или „кули“, т. е. полной не воли невѣсты, вовсе еще и не могло быть настоящей семейной жизни, потому что она возможна только при свободѣ выбора—при любви.

Между тѣмъ семья несомнѣнно является въ малороссійскихъ же пѣсняхъ (да и не въ нихъ однихъ) величайшей святыней, такъ что и добывши себѣ славу „на цѣлый свѣтъ“, казакъ стремится всею душою подъ ту же завѣтную сѣнь семейнаго крова. Не даромъ проводится въ народной поэзіи взглядъ, что родительское благословеніе со дна моря выносить. Отъ прямаго избытка семейнаго чувства сказалось наконецъ въ пѣснѣ: „тильки въ свити й правды, що ридная мати“. И эта святыня семьи сложилась уже въ отдаленныя историческія времена,—во времена, пришедшія на смѣну другимъ, еще болѣе отдаленнымъ, когда, по Несторову выраженію, не было брака и люди жили еще звѣринскимъ образомъ. Между тѣмъ и эти, такъ сказать, допотопныя времена оставили свой яркій и неизгладимый слѣдъ въ той же разновременноразносоставной народной поэзіи.

Не выяснивъ всего этого, нельзя устранить скороспѣлыхъ заключеній по пѣснѣ о народномъ бытѣ, въ которомъ, конечно, можетъ быть много неприменительнаго не только въ смыслѣ матеріальной нужды, но и въ смыслѣ убожества нравственнаго, но который однакоже далеко не вѣрно сравнивался хотя и народолобивымъ нашимъ поэтомъ „съ подземной тюрьмой безъ свѣчи“.

Нашъ авторъ, конечно, далекъ отъ такого сравненія. Но факты, которыхъ онъ не могъ, да и не хотѣлъ скрыть, но которыхъ не объяснилъ, могутъ ввести въ заблужденіе читателя. Вотъ почему ему слѣдовало бы, перепечатавая отдѣльно свое изслѣдованіе, нѣсколько пересмотрѣть его и дополнить. Тогда бы еще яснѣе стало читателю, что „громада“ не только „великій поэтъ“, но и „великій человѣкъ“. А вѣдь именно поэтому-то и надобно раскрыть передъ нею какъ можно болѣе оконъ и дверей къ свѣту—къ настоящему солнечному свѣту.

Ор. Миллеръ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы 25 и 26. Спб. 1879.

Двадцать пятый томъ Сборника Императорскаго Историческаго Общества заключаетъ въ себѣ чetyреста документовъ, касающихся исключительно служебной дѣятельности фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. Документы эти обнимаютъ послѣднія пятнадцать лѣтъ службы нашего полко-

водца, первого русского кавалера Мальтийского ордена, заслужившего чинъ фельдмаршала первою побѣдою надъ шведами. Правда, въ четырехъ-стахъ документахъ, являющихся теперь въ печати, мало такихъ, которые по интересу содержанія могли бы остановить на себѣ вниманіе не-специалиста, но все же въ этой массѣ матеріала найдется довольно указаній, дающихъ существенныя разъясненія мелкихъ обстоятельствъ. Въ общемъ эти четыреста документовъ способны навести на многое историка, а тѣмъ болѣе будущаго біографа фельдмаршала Шереметева. Для біографа, въ связи съ другими источниками, мелкія, случайныя указанія о затрудненіяхъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, или о неудовольствіяхъ по поводу слѣзныхъ и несвоевременныхъ передвиженій войскъ, также всякаго рода огорченія, испытываемыя полководцемъ, разумѣется должны имѣть большую цѣну. Приложенный къ письмамъ портретъ Петра Великаго въ ростъ, въ латахъ и съ поднятымъ мечемъ, на полосѣ котораго золотомъ насѣчкою выражена угроза шведамъ, выполненъ весьма недурно (за исключеніемъ рисунка ногъ), въ крѣпкой одебѣ, В. А. Бобровымъ. Относительно редакціи 25 тома замѣтимъ, что свѣрка списковъ съ оригиналомъ не вездѣ безупречна.

Двадцать шестой томъ сборника заключаетъ въ себѣ первую половину, удостоеннаго Академіею Наукъ преміи графа Куселева-Безбородко, обширнаго труда Н. И. Григоровича подъ заглавіемъ „Канцлеръ князь А. А. Безбородко въ связи съ событіями его времени“. Особую цѣнность и интересъ представляютъ въ этомъ трудѣ приложенныя къ нему письма Безбородко къ разнымъ лицамъ; собственно же біографія является какъ бы предисловіемъ и разъясненіемъ ихъ. Не смотря на это, авторъ вполне заслужилъ присужденную ему премію. Въ наше время къ историческому изслѣдованію предъявляются довольно широкія требованія и удовлетворить ихъ одновременно съ собраніемъ массы разбросанныхъ извѣстій о Безбородко весьма трудно. На этомъ основаніи мы придаемъ изданному теперь сборнику писемъ значеніе почтеннаго и капитальнаго труда. Мы скажемъ о немъ подробно по выходѣ въ свѣтъ второй половины сочиненія г. Григоровича, а здѣсь лишь замѣтимъ, что изъ числа 346 писемъ Безбородко, собранныхъ г. Григоровичемъ и въ первый разъ появляющихся въ печати, 135 писаны къ разнымъ дипломатамъ и имѣютъ высокой политической интересъ, а 167 писаны къ роднымъ и заключаютъ въ себѣ любопытнѣйшія замѣтки о современныхъ Безбородкѣ событіяхъ и лицахъ.

II. II.

Un homme d'autrefois. Souvenirs recueillis par son arrière-petit-fils le marquis Costa de Beauregard. 3 ed. Paris. 1879.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Парижѣ появилось третье изданіе одной семейной хроникъ, относящейся ко второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія, подъ заглавіемъ: „Un homme d'autrefois. Souvenirs recueillis par son arrière-petit-fils, le marquis Costa de Beauregard. Paris. 1879. Хроника эта, составленная на основаніи подлинныхъ писемъ, записокъ и замѣтокъ маркиза Генри Коста, свидѣтеля великихъ событій и близко знакомаго со многими дѣятелями Французской революціи и Первой имперіи, могла бы быть драгоценнымъ приобритеніемъ для историкъ, если бы правнукъ „человѣка прошлыхъ временъ“ меньше увлекался его личностью и подробностями его частной жизни и побольше обращалъ вниманія на интересъ политической и исторической. Но по мнѣнію выбора матеріала, причина этого можетъ также заключаться въ самомъ характерѣ письменныхъ документовъ, которые оставилъ послѣ себя маркизъ Генри Коста, „семьянинъ“ по преимуществу, прожившій почти всю молодость въ своемъ наследственномъ замкѣ, среди горъ родной Савойи, вдали отъ круп-

ныхъ политическихъ переворотовъ, совершившихся въ Европѣ. Такъ прожить бы онъ вѣроятно всю жизнь, счастливый и довольный, въ кругу своей семьи, еслибы ходъ военныхъ событій и чувство долга не заставили его выступить на защиту принциповъ монархизма, которому онъ поклонялся въ силу убѣжденій, привычекъ воспитаніемъ и семейными традиціями.

Такимъ образомъ онъ является какъ бы невольнымъ участникомъ въ Италіанской войнѣ 1793—1796 гг.; затѣмъ мы встрѣчаемъ его при дворѣ сардинскаго короля Карла Эммануила IV, въ числѣ немногихъ искреннихъ приверженцевъ монархизма. Но и здѣсь, хотя судьба перенесла его въ иную обстановку, среди борьбы партій онъ остается такимъ же хладнокровнымъ наблюдателемъ событій, тревожившихъ тогдашнюю Италію, какъ и въ то время, когда онъ былъ вдали отъ нихъ. Онъ не признаетъ ни политикн, ни дипломатіи, и чуждый честолюбія ненавидитъ войну и придворную жизнь. Спокойно какъ посторонній зритель разсуждаетъ маркизъ Коста о томъ дѣлѣ, которому служитъ съ такою преданностью и самоотверженіемъ; онъ ясно видитъ ошибки той или другой партіи и съ той же беспощадной критикой относится къ личности и поступкамъ короля Карла Эммануила, „который, по его словамъ, былъ слишкомъ честенъ, чтобы измѣнить французамъ и слишкомъ слабъ, чтобы принять противъ нихъ какія либо рѣшительныя мѣры“. Онъ строго порицаетъ короля за слабость его правленія, постоянныя колебанія, ненужныя уступки и желаніе быть популярнымъ во что бы то ни стало, подобно Людовику XVI. „Не хочетъ ли онъ доказать французамъ“, насмѣшливо замѣчаетъ по этому поводу маркизъ, „что онъ все таки пользуется любовью народа“.

Но Карлъ Эммануилъ не пользовался любовью народа и не сумѣлъ сдѣлаться нужнымъ французамъ, которые принудили его отречься отъ престола и удалиться на островъ Сардинію. Такимъ образомъ Пьемонтъ очутился въ рукахъ французовъ и рѣшено было его присоединеніе къ Франціи. Однако, благодаря военнымъ событіямъ, эта политическая комбинація разстроилась сама собою и дѣла въ Италіи приняли иной оборотъ послѣ Веронской битвы.

Приближеніе австро-русскихъ войскъ произвело сильную сенсацію въ Туринѣ, который находился тогда во власти французовъ. Множество значительныхъ лицъ было отправлено во Францію, въ качествѣ заложниковъ; всѣ савойцы, заподозрѣнные въ сношеніяхъ съ прежнимъ правительствомъ, были присуждены къ ссылке. Въ числѣ послѣднихъ находился Генри Коста съ сыномъ и только быстрота Суворовскаго похода спасла несчастныхъ савойцевъ отъ изгнанія.

Маркизъ Генри Коста остался въ Туринѣ, видѣлъ, какъ русскія войска вошли въ городъ, какъ взята была цитадель и даже имѣлъ случай лично познакомиться съ Суворовымъ. Поэтому замѣтки его и письма, въ которыхъ онъ сообщаетъ подробности объ изгнаніи французовъ изъ Турина и личности русскаго главнокомандующаго, крайне любопытны, какъ разсказъ очевидца, который мы и приводимъ дѣликомъ:

„Возстаніе росло съ каждымъ днемъ. Съ нѣкотораго времени въ окрестностяхъ Турина появился новый партизанъ, Бранда Лукчиони, который, командуя небольшою шайкой и дѣлая видъ, что располагаетъ значительными силами, возмущалъ крестьянъ по деревнямъ обѣщаніемъ освободить ихъ въ скоромъ времени отъ ноземнаго ига. Нѣсколько французскихъ отрядовъ, посланныхъ комендантомъ цитадели, были разбиты крестьянами, которые, такъ сказать, блокировали городъ и лишили жителей возможности знать то, что дѣлалось за извѣстнымъ райономъ. Со времени Тессинскаго перехода прекратились всѣ извѣстія объ австро-русскихъ войскахъ, и никто не зналъ, въ какую сторону они направились. Каждый изъ находившихся въ Туринѣ втихомолку предавался своимъ опасеніямъ и надеждамъ, — какъ вдругъ 25 мая, въ два часа по полудни, отданъ былъ приказъ запретить городскія ворота. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, направленныхъ противъ воротъ По и воротъ Дворца, возвѣстили жите-

лямъ, что городъ осажденъ болѣе опаснымъ непріателемъ, чѣмъ Бранда Лук-
тиони. Однако никому не приходило въ голову, что подъ стѣнами столицы на-
ходятся соединенныя войска Россіи и Австріи. Пальба возобновилась на слѣ-
дующій день въ поздній часъ утра и то съ промежутками. Истина оставалась
для всѣхъ скрытою, такъ какъ съ укрѣпленій ничего не было видно. Въ пол-
день генералъ Фиорелла ¹⁾ объявилъ въ своей прокламаціи, что намѣренъ за-
щипать городъ до послѣдней крайности, хотя всѣ знали, что онъ не въ сп-
лахъ этого сдѣлать. Дѣйствительно, едва загорѣлось нѣсколько домовъ у во-
ротъ По, какъ національная Пьемонтская гвардія бросилась на французскихъ
офицеровъ, стоявшихъ вмѣстѣ съ нею на стражѣ, обезоружила ихъ и опустила
подъемные мосты.

„Всѣ были крайне удивлены, когда въ Туринѣ появилось разомъ двадцать
тысячъ человѣкъ самаго отборнаго войска, въ парадной формѣ, подъ предво-
дительствомъ генералиссимуса князя Суворова, барона Меласа и великаго
князя Константина, брата русскаго императора; кавалерія неслась за ними
галопомъ, а затѣмъ слѣдовала пѣхота ускореннымъ маршемъ. Ихъ встрѣтили
громкими возгласами радости; такъ называемыя „деревья свободы“ (les arbres de
liberté), украшенныя демократическими эмблемами, были свергнуты какъ теа-
тральная декорация и изрублены народомъ; городскія каналы переполнились
трехцвѣтными кокардами. Австро-русскія войска явились такъ быстро и не-
ожиданно, что Фиорелла едва не былъ захваченъ въ одномъ сабѣ; гдѣ онъ на-
мѣревался написать нѣсколько приказовъ; даже цитадель могла легко попасть
въ руки непріателя. Въ городѣ было взято до пятисотъ французскихъ солдатъ
и нѣсколько офицеровъ. Изъ цитадели немедленно началась пальба; но изъ
города дали знать, что хотятъ вести переговоры,—и все утихло до двухъ ча-
совъ утра.

„Между тѣмъ Фиорелла, раздраженный изъясненіями радости, съ которыми
приняли русскихъ, приказалъ направить всѣ свои пушки противъ города, по-
клявшись превратить его въ груды развалинъ. Ему было тѣмъ легче исполнить
свое варварское намѣреніе, что уже заранѣе изъ предосторожности были сне-
сены въ крѣпость пожарныя трубы, лѣстницы, кожаныя ведра и все, что слу-
жить для тушенія пожаровъ. Ночью опять открыли огонь изъ крѣпости; сло-
рѣло много домовъ, другіе были сильно повреждены. Наконецъ въ пять часовъ
утра городъ снова изъявилъ желаніе вступить въ переговоры,—и было рѣшено,
что во все продолженіе осады только тогда будутъ стрѣлять изъ крѣпости, когда
начнется правильная атака.

„Первая атака была 14 іюня, а 21 взята была знаменитая цитадель, вы-
державшая четыре мѣсяца осады и нѣсколько приступовъ противъ арміи Лю-
довика XIV. Но теперь она продержалась всего семь дней.

„Комендантъ, — которому якобинцы дали знать изъ города посредствомъ
сигналовъ, что Суворовъ намѣревается окончить дѣло штурмомъ, — счелъ за
лучшее сдать крѣпость. Гарнизонъ, потерявшій только двѣсти сорокъ человѣкъ,
съ радостью бросилъ оружіе и вышелъ 22 іюня, унося съ собою массу воен-
ныхъ снарядовъ, не считая того, что было вывезено въ крытыхъ фурахъ, такъ
какъ это было условлено однимъ изъ пунктовъ капитуляціи. Другимъ пунктомъ
рѣшена ссылка генерала Фиорелла въ Венетію. Союзникамъ не было конечно
никакого расчета отправить его такъ далеко отъ родины; вѣроятно мѣсто
сылки было назначено по желанію самого Фиореллы, такъ какъ это могло изба-
вить его отъ преслѣдованій Директоріи, которая была сильно раздражена про-
тивъ генераловъ, потерѣвшихъ неудачи, и вскорѣ послѣ того подвергла воен-
ному суду всѣхъ комендантовъ италянскихъ крѣпостей, сдавшихъ непріа-
телю безъ серьезнаго сопротивленія.

¹⁾ Французскій генералъ, который въ это время былъ комендантомъ Туринской
цитадели.

„Австрійскій генералъ Каймъ принялъ ключи цитадели, между тѣмъ какъ главнокомандующій Суворовъ удался изъ Турина, чтобы помѣшать соединенію арміи Моро и Макдональда въ Пармскомъ герцогствѣ.

Представивъ такимъ образомъ подлинныя замѣтки маркиза Генри Коста о взятіи Турина, авторъ приводитъ два письма, изъ которыхъ одно написано самимъ маркизомъ Генри, а другое его сыномъ. Эти письма любопытны въ томъ отношеніи, что довольно живо рисуютъ своеобразную личность и обхожденіе русскаго главнокомандующаго.

„Суворовъ стоялъ лагеремъ въ Асти, когда шевадье де Ревель былъ посланъ къ нему для переговоровъ о какомъ-то дѣлѣ. Онъ прибылъ въ лагерь въ тотъ самый моментъ, когда русскій главнокомандующій, вставъ изъ-за стола, молился передъ образомъ Богородицы, повѣшенномъ на коврѣ, которымъ была украшена одна изъ стѣнъ его палатки. Но едва доложили о прибытіи де Ревеля, какъ Суворовъ вышелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: „Вы сынъ моего друга С. Андре; значить вы и мой сынъ; и этотъ титулъ навсегда останется за вами“.

„Суворовъ разговаривалъ около четверти часа, стоя, положивъ обѣ руки на плечи своего собесѣдника, и при этомъ дѣлалъ какія-то странныя тѣлодвиженія, присѣдая почти до земли, какъ будто его сводили судороги. Затѣмъ, перекрестивъ нѣсколько разъ своего названнаго сына, онъ усадилъ его на диванъ и самъ сѣлъ рядомъ съ нимъ.

„Шевадье де Ревель, котораго всѣ считаютъ умнѣйшимъ человѣкомъ, былъ въ восторгѣ отъ бесѣды съ Суворовымъ и не могъ прийти въ себя отъ удивленія, что татаринъ при такой оригинальной и шутовской наружности, можетъ имѣть такія обширныя и разностороннія свѣдѣнія и такъ хорошо выражается на Французскомъ языкѣ.

„Въ это время доложили о приходѣ нѣсколькихъ австрійскихъ генераловъ, и главнокомандующій вышелъ къ нимъ на встрѣчу. Шевадье де Ревель былъ очень удивленъ, что всѣ они стоятъ передъ нимъ на вытяжку, какъ капралы, ожидающіе приказаній отъ своего начальника. Ревель просилъ Суворова объяснить нѣкоторыя подробности въ данной ему инструкціи, но получилъ такой отвѣтъ:

„Мы вѣдъ полуоумѣшанные, мой другъ Шателеръ и я.—слѣдовательно не придерживайтесь буквально мелочей въ инструкціяхъ, которыя получаютъ изъ моей главной квартиры, а дѣйствуйте по собственному усмотрѣнію, какъ сочтете лучшимъ. Что же касается до общихъ мѣръ, то это дѣло другое, — тутъ уже ничего измѣнять не слѣдуетъ“.

„Когда Суворовъ овладѣлъ Туриномъ, пишетъ сынъ маркиза Генри Коста, и мальтійскіе рыцари рѣшили сдѣлать ему сообда визитъ, я также присоединился къ нимъ. Едва доложили о насъ, какъ главнокомандующій вышелъ къ намъ на встрѣчу и прежде всего обнялъ вомандоровъ д'Озакъ и де Коленьо. Затѣмъ они были приглашены въ залу, гдѣ стоялъ большой столъ, еще накрытый скатертью. Суворовъ самъ придерживалъ дверь, и когда мы проходили мимо него одинъ за другимъ, то онъ прикладывался къ вресу вѣлдаго изъ вомандоровъ. Войдя въ залу, онъ посадилъ возлѣ себя упомянутыхъ вомандоровъ и сдѣлалъ знакъ козакамъ, сидѣвшимъ у стѣнъ съ поджатыми ногами на подобіе турокъ, чтобы они подали стулья остальнымъ кавалерамъ. Когда всѣ заняли свои мѣста, онъ благословилъ насъ и сказалъ, что давно желалъ видѣть своихъ собратевъ, и надѣется, что это не послѣдній нашъ визитъ и мы будемъ время отъ времени посѣщать его по пріятельски. При этомъ Суворовъ замѣтилъ, что изъ всѣхъ отличій, дарованныхъ ему русскимъ императоромъ, Мальтійскій орденъ былъ для него наиболѣе лестнымъ, потому что самыя знатныя фамиліи въ Европѣ считали за честь имѣть рыцарей въ числѣ своихъ предковъ. Въ заключеніе онъ сказалъ, что къ своему великому утѣшенію видѣлъ рыцарей и бывшаго гротъ-мейстера ордена въ Триестѣ.

„Г. де Колленьо, выслушавъ эту рѣчь, поздравилъ его съ подвигами въ Италіи. На это Суворовъ отвѣтилъ ему, подымая глаза къ небу: „Господь отпустилъ намъ грѣхи и Пресвятая Богородица услышала наши молитвы объ успѣхъ нашего оружія“.

„Тотъ же командоръ сказалъ ему по поводу безпорядка, въ какомъ отступили французы: „Они блѣднѣютъ при одномъ имени вашей свѣтлости и обращаются въ бѣгство всякій разъ, какъ увидятъ русскихъ“.

„Суворовъ отвѣтилъ улыбаясь: „Они еще не знаютъ русскихъ; а о себѣ могу сказать, что я не злой человѣкъ и помню, что нужно быть вѣжливымъ съ французами“.

„Затѣмъ разговоръ перешелъ къ его дѣятельности и неутомимости въ работѣ, и онъ признался, что ничто не утомляетъ его въ такой степени, какъ кабинетная работа и онъ готовъ лучше семь часовъ сряду провести на конѣ во время битвы, чѣмъ поработать часъ со своими офицерами; но сознавая, что это необходимо, онъ пересиливаетъ себя, хотя всякій разъ послѣ такой работы, чувствуетъ такое стѣсненіе въ груди, что не въ состояніи говорить.

„Онъ также бесѣдовалъ съ нами о послѣднихъ военныхъ событіяхъ и ни разу не ошибся въ собственныхъ пменахъ. Онъ отозвался о нашемъ королѣ съ большимъ уваженіемъ и, произнося его имя, всякій разъ кланялся.

„Послѣ того Суворовъ сталъ предлагать намъ завтракъ и не смотря на нашъ отказъ, приказалъ подавать его. Но когда мы вторично отказались, то онъ больше не настаивалъ и неожиданно поднялся съ мѣста. На прощаніе онъ опять поцѣловалъ командоровъ, пожалъ руку остальнымъ рыцарямъ и, благословивъ насъ, пожелалъ всѣмъ дожить до ста лѣтъ.

„Русскій главнокомандующій немного выше средняго роста и ходитъ слегка наклонившись на бокъ, какъ будто собирается танцовать. У него вздернутый носъ, съ бородавкой на одной сторонѣ, черные живые глаза, далеко отстоящіе одинъ отъ другаго, большой ротъ съ хорошо сохранившимися зубами. Но во всей его фигурѣ особенно поражаютъ огромныя ноги и икры невѣроятной толщины. Онъ принималъ мальтійскихъ рыцарей въ коротенькой жакеетѣ изъ бѣлаго канифаса, узкихъ панталонахъ изъ той же матеріи и въ низкихъ сапогахъ безъ шпоръ. Рубашка его была грязная и измятая, хотя съ высокимъ жабо; на шеѣ его былъ одѣтъ галстухъ шириною въ два пальца, а на головѣ зеленая сафьянная каска съ густымъ плюмажемъ изъ пѣтушиныхъ перьевъ.

„Мнѣ рассказывали, что при вѣздѣ въ Туринъ онъ сидѣлъ верхомъ на маленькой татарской лошади, съ плохой уздечкой и козачинымъ сѣдломъ, которые стоили не дороже шести франковъ, и что подушка на сѣдлѣ была обита зеленымъ сукномъ. Суворовъ былъ въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ; на головѣ его красовалась всегдашняя зеленая каска, и онъ, такъ сказаты, распинался въ поклонахъ, отвѣчая на громкія привѣтствія толпы. Рядомъ съ нимъ ѣхалъ великій князь Константинъ на довольно красивой лошади, а съ другой стороны возлѣ главнокомандующаго находился его штабной священникъ.

„Суворовъ, овладѣвъ Туриномъ, тотчасъ-же отправилъ къ королю депутацию съ приглашеніемъ принять вновь бразды правленія и пріѣхать поскорѣе въ Туринъ къ освободителямъ Италіи. Онъ безпрестанно повторялъ и даже съ нѣкоторой аффектаціей, что ему отданъ приказъ водворить Карла Эммануила IV на его престолѣ; но Вѣнской дворъ не согласился на это и потребовалъ, чтобы король до новаго распоряженія оставался въ Тосканѣ, при дворѣ великаго герцога, только что вступившаго въ свои права послѣ удаленія французовъ“...

Н. Вѣловская.

De Byzance à Moscou. Les voyages d'un patriarche.

Подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ журналѣ „Revue des Deux Mondes“ за 1879 годъ статья г. de Vogué ¹⁾, въ которой описывается путешествіе патріарха Іереміи 2-го въ Москву и посвященіе тамъ перваго русскаго патріарха. Изложенная художественно, она читается легко и съ живымъ интересомъ, особенно гдѣ авторъ касается общаго состоянія дѣлъ Константинопольскаго патріархата того времени и пребыванія Іереміи въ Москвѣ. Впрочемъ для людей, знакомыхъ съ тою эпохою хотя по исторіямъ Карамзина и Соловьева, ничего новаго не сообщается авторомъ, а если что новое и найдется, такъ это сужденія о представителяхъ Восточной церкви и о плодахъ дѣятельности самого Іереміи.

Авторъ говоритъ, что „списокъ патріарховъ со времени турецкаго завоеванія до разсматриваемой эпохи есть не что иное, какъ длинный мартирологъ и, нужно сказать, мартирологъ безъ величія“, и сравниваетъ патріарховъ съ пустыми тѣнями, смѣняющими одни другихъ, какъ въ комедіи. Выраженіе „мартирологъ безъ величія“ какъ будто даетъ знать, что патріархи константинопольскіе представляютъ рядъ лицъ, бѣдствовавшихъ и страдавшихъ изъ-за мелочныхъ интересовъ личныхъ, или одной какой либо партіи, „на днѣ бездны совершающихъ свой путь молча и въ слезахъ“, какъ прибавляетъ авторъ. Очевидно взглянулъ онъ на исторію патріарховъ съ внѣшней, такъ сказать политической стороны дѣла, поставилъ на видъ порабощеніе и униженіе, оставивъ безъ вниманія свѣтлую сторону первопрестольной каеедры Востока въ проявленіяхъ животворнаго духа вѣры, въ величій подвиготъ христіанскихъ и въ дѣлахъ добродѣтели, законъ исполняющей, то есть любви, полагающей душу за другихъ. Не богатство, не власть мірская, даже не мудрость человѣческая служатъ украшеніемъ пастырей, а соблюденіе истины слова Божія, преданій и постановленій церкви, противоборство ересямъ и нечестію, терпѣніе въ гоненіяхъ и скорбяхъ, чистота жизни. И если мы сравнимъ жизнедѣятельность патріарховъ хоть съ предсѣдателями Римской каеедры, то не можемъ не признать нѣкотораго нравственнаго величія и за первыми; сами римскіе предсѣдатели удостоивали особеннаго вниманія патріарховъ и протестантскіе богословы съ почтеніемъ обращались къ нимъ съ своими запросами. Значить было же что нибудь хорошее и жизненное на Константинопольской каеедрѣ. Были, конечно, и недостойные патріархи, достигавшіе высоты положенія интригами, клеветами и другими безчестными средствами; но такихъ весьма мало. Платежъ дани не составляетъ безчестія; Турецкое правительство могло имѣть свои причины требовать дани отъ каеедры, владѣвшей поземельными имѣніями, а патріархъ могъ только заботиться о равномѣрности взносовъ. Къ чести патріарховъ нужно и то сказать, что они часто противъ собственной воли восходили на престолъ, по общему избранію, какъ и первый по завоеваніи Константинополя патріархъ Геннадій. Въ его окружномъ посланіи ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, написанномъ по отреченіи, читаемъ: „многіе въ тотъ день (паденія Константинополя) освободились людьми, которые прежде сами не знали, какъ себя освободить; а я былъ въ рукахъ враговъ бесполезною тяжестью, когда, послѣ напрасныхъ просьбъ къ друзьямъ, все предалъ волю Божіей. Я бы за великую цѣну хотѣлъ купить дозволеніе скрыться гдѣ нибудь и оплакивать общія бѣдствія и свои грѣхи. Но вотъ, когда я явлюсь въ безвѣстности, обо мнѣ доложили государю, говоря, что я именно тотъ чело-вѣкъ, которому бы слѣдовало имѣть попеченіе о душахъ ихъ... Посему я тогда же взять былъ изъ отдаленнаго мѣста“ и проч. И многіе изъ его преемниковъ были патріархами не по своей воли. О частыхъ же смѣнахъ патріарховъ нужно

¹⁾ М-г Vogué—знакомъ съ Русскою литературою и состоитъ при Французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.

сказать, что онъ зависѣли не исключительно отъ интригъ, а и отъ трудности положенія и отъ воли Турецкаго правительства; патриархи охотно уступали мѣсто достойнѣйшему по ихъ мнѣнью, могшему лучше управиться съ теченіемъ дѣлъ. А если у греческихъ и иныхъ писателей почти при всякой смѣнѣ патриарховъ упоминаются интриги, то вѣдь тогда писалось безъ цензуры, греки зорко слѣдили за своими первопрестольными, и самая мелкія, домашнія такъ сказать дѣла, оглашались и превеличивались. Чѣмъ тягостнѣе рабство, тѣмъ достойнѣйшихъ представителей желалось имѣть. И нельзя отрицать, что большинство патриарховъ были достойными своего положенія.

Авторъ, упомянувши кратко о перепискѣ Іереміи съ тюбингенскими богословами, замѣчаетъ: „любопытная корреспонденція между Тюбингеномъ и Фарнаромъ, продолжавшаяся съ 1574 по 1578 годъ, не привела ни къ какому результату“. Тутъ, во первыхъ, хронологическая неточность; переписка закончилась только въ 1581 году, а во вторыхъ — напрасно она признается безрезультатною. Конечно, она не привела къ униі, да кажется и сами протестантскіе богословы не надѣялись на это; они хотѣли узнать мнѣніе патриарха о своемъ исповѣданіи и точнѣе познать ученіе Греческой Православной церкви. Цѣль достигнута, и патриархъ въ столь щекотливомъ дѣлѣ оказался вполне на высотѣ своего призванія и не посрамилъ своего оружія. Переписка не осталась безплодною; съ одной стороны греки лучше узнали протестантизмъ, а съ другой и протестанты увѣрились, что Греческая церковь не есть какая либо устарѣвшая секта, что въ ней есть просвѣщенные пастыри, разумѣющіе истины вѣры и могущіе дать отвѣтъ о своемъ исповѣданіи. Не говоримъ уже, что посланія Іереміи составляютъ цѣнное приобрѣтеніе для православнаго богословія. Тогда же они обратили на себя вниманіе и въ католическомъ мірѣ.

Авторъ, обобщая свой приговоръ о патриархѣ Іереміи, какъ человѣкѣ слабодушномъ, вѣроятно измѣнилъ бы его, еслибъ внимательнѣе отнесся къ дѣламъ его въ Литовской Россіи, сношеніямъ съ Венеціанскою республикою по поводу календаря и самому поведенію его въ Москвѣ. Но онъ коснулся только послѣдняго и нельзя сказать, чтобъ обошелся безъ примѣси собственной фантазіи.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ еще указать на нѣкоторыя погрѣшности, находящіяся въ статьѣ. Нифонту не урѣзывать носа, какъ пишетъ авторъ, а Grégoire Borgné есть вѣроятно патриархъ Григорій 4-й, изъ митрополитовъ Амасійскихъ, занимавшій престолъ 93 дня въ 1623 году; но о его насильственной смерти греческіе писатели не говорятъ.

А. А.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Именные указы императрицы Елисаветы Петровны.

1.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ величество соизволила указать именнымъ своего императорскаго величества указомъ: въ Новомъ Зимнемъ дворцѣ въ камеръ-куперскихъ и прочихъ покояхъ отобрать до тридцати кошекъ, а ежели набрать будетъ невозможно, то хотя кушты, котормя, посади въ коробки, отвезть въ новой же Лѣтній дворецъ и, покормя недѣлю, или болѣе времени, для переводу мышей впускать въ покои ея императорскаго величества и для того отъ придворной конторы приставить особливыхъ людей, по лучшему усмотрѣнію.

Марта 12 дня 1750 г.

2.

„Ея императорское величество именнымъ своего императорскаго величества указомъ изволила указать для посаженія въ новосдѣланные при Головинскомъ ея императорскаго величества домѣ зимніе покои, набрать Дворцовой канцеляріи кошекъ до трехъ-сотъ и посади оныхъ въ тѣ новосдѣланные покои, въ немедленномъ времени прикармливать и какъ прикармлиены будутъ, то въ тѣ покои распуснуть, чтобъ оныя по прикармленіи разбѣжаться не могли, котормя набрать и покупкою исправить отъ той канцеляріи и то число кошекъ содержать всегда при дворѣ ея императорскаго величества непремѣнно, котормя для прикармья и содержанія сдѣлать отъ гофъ-интендантской конторы по близости Головинскаго дворца особливый покой.

Октября 27 дня, 1753 г.

3.

„Ея императорское величество именнымъ своего императорскаго величества указомъ изволила указать: для находящихся въ апартаментяхъ ея императорскаго величества котовъ—говядину и баранину не отпускать, а отпускать дичь. Того ради Придворная контора во исполненіе онаго ея императорскаго величества именнаго указа приказали: обрѣтающимся на коромовомъ погребу офицерамъ дать ордеръ и велѣть для помянутыхъ котовъ дичь отпускать, а вмѣсто онаго отпускать въ каждой день рячниковъ и тетеревей по одному.

Октября 16 дня, 1754 г.

Изъ бумагъ М. Д. Хмырова.

Поблажка нѣмцамъ.

Изъ дѣлъ Преображенскаго приказа.

Въ первые годы XVIII столѣтія, въ Москвѣ, какъ и во всѣхъ городахъ Россіи, не существовало еще никакой полиціи; общественное спокойствіе и благочствіе охранялись на улицахъ и площадяхъ рогаточными караулами изъ солдатъ вновь образованныхъ полковъ послѣ уничтоженія стрѣльцовъ; главный же караулъ находился въ Кремлѣ, на Красномъ крыльцѣ заброшеннаго и разрушавшагося Кремлевскаго дворца. Улицныя безобразія повторялись ежедневно во всѣхъ концахъ Москвы и особенно на Красной площади, гдѣ народъ бродилъ толпами въ рядахъ и между шалашами съ блинами, жареною рыбою и квасомъ, гдѣ производился всякаго рода мелочной, народный торгъ; часто при дракахъ обывателей и при столкновеніи съ караульными на полѣ сраженія оставались побѣдителями не караульные, но за то когда послѣднимъ удавалось одержать верхъ, то виновные наказывались строго. До какихъ размѣровъ доходила тогда разнузданность, можетъ служить примѣромъ слѣдующее происшествіе.

11-го апрѣля 1706 года, царевичъ Алексѣй Петровичъ ѣхалъ изъ Кремля черезъ Никольскія ворота въ Преображенское село; его сопровождалъ конвой отъ Криверова полка. (Въ то время полки именовались по фамиліямъ своихъ полковыхъ командировъ, кромѣ Преображенскаго, Семеновскаго и двухъ Московскихъ выборныхъ полковъ). Подъѣзжая къ Воскресенскимъ воротамъ (теперь Иверскія) на встрѣчу царевича поѣзда ѣхали двѣ телѣги съ неизвѣстными людьми; на крики конвойныхъ, чтобъ они своротили правѣе и дали дорогу царевичу, неизвѣстные люди не обращали никакого вниманія и ѣхали въ упоръ къ поѣзду царевича. Конвойные бросились къ телѣгамъ, чтобъ „поправить“ ихъ къ одной сторонѣ, но неизвѣстные люди, оказавшіеся иноземцами, отвѣчали крупною „русскою“ бранью, а одинъ изъ нихъ „зашибъ конвойнаго прутомъ по носу“, а другой иноземецъ, „вынувъ изъ телѣги пистоль, прицѣлился въ конвойнаго; но курокъ осѣкся и пистоль не выстрѣлила“. Царевичъ, разсерженный такимъ безобразіемъ, приказалъ конвойнымъ „смирить“ иноземцевъ.

Смирить и побить—были синонимы; конвойные бросились на иноземцевъ, смирили ихъ и перевязали. Царевичъ отправился въ Преображенское, а часть конвойныхъ препроводила иноземцевъ на Красное крыльцо къ главному караулу, а отсюда ихъ отвезли въ Преображенскій приказъ на судъ и рѣшеніе знаменитаго князя кесаря, князя Федора Юрьевича Ромодановскаго, которому вѣрено было Петромъ Великимъ управленіе Москвою.

Князь Федоръ Юрьевичъ началъ съ осмотра раненаго конвойнаго—у него оказалось „по носу зашибено и распухло“. Затѣмъ предстали предъ княземъ связанные по рукамъ буйные иноземцы. Изъ ихъ допросовъ оказалось, что оба они служили недавно въ Азовѣ, пріѣзжали повидаться съ своими родными въ Нѣмецкой слободѣ и возвращались опять на службу въ Азовъ. Одинъ былъ изъ Курляндской земли Максимъ Лейка, другой изъ Бранденбургской земли Яганъ Вейзенбахъ, который дѣлалъ въ Азовѣ „всякіе артиллерные припасы“. Оба жаловались князю, что конвойные первые начали ихъ бить плетью и бранить „русскою бранью“, требуя, чтобъ они своротили съ дороги правѣе. „За что-де меня бьетъ плетью, говорилъ Яганъ конвойнымъ, а буде станете меня бить еще больше, я-де васъ застрѣлю и, вынувъ изъ телѣги пистоль, уставя противъ ихъ солдатъ, держалъ въ рукѣ, а какъ буде стали бить больше и онъ бы ихъ застрѣлилъ“. Такъ рассказывалъ Яганъ князю Федору Юрьевичу.

Преступленіе иноземцевъ, а особенно Ягана, который зашибъ солдата, да еще сознавался, что пристрѣлилъ бы его, въ глазахъ Ромодановскаго заслужи-

вало смертной казни. Но князь задумался: преступники были иноземцы, Яганъ къ тому же „дѣлалъ артиллерные припасы“; Петръ въ отсутствіи, Петръ любить нѣмцевъ, а особенно служилыхъ; спустить нѣмцамъ совѣстно передъ русскимъ человѣкомъ, которому не даетъ князь пощады въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа. Какъ быть? Князь рѣшился наказать по закону и опредѣлить: „Иноземцевъ Максима Лейву и Ягана Вейзенбаха казнить смертью, отсѣчь головы и, сказавъ имъ эту смертную казнь, положить на плаху и снать съ плахи, имъ же иноземцамъ сказать, что великій государь царь Петръ Алексѣевичъ пожаловалъ, смертью ихъ казнить не велѣлъ, а велѣлъ имъ за то озорничество учинить наказанье быть кнутаомъ“.

На другой день, 12 апрѣля, въ Преображенскомъ на Генеральномъ дворѣ, рано утромъ все уже было готово къ казни. Отрядъ солдатъ окружалъ отгороженное для этого мѣсто, на которомъ палачъ Преображенскаго приказа, съ засученными руками, въ кожаномъ передникѣ, съ топоромъ въ рукахъ, ожидалъ у плахи осужденныхъ на смерть иноземцевъ. Пробилъ барабанъ... Привели преступниковъ: Яганъ и Максимъ, блѣдые какъ полотно, положили свои головы на плаху и въ мучительномъ томленіи ожидали взмаха топора. Но раздался голосъ дѣяка Преображенскаго приказа, который прочелъ рѣшеніе князя... Несчастные ожили, но съ ужасомъ увидали передъ собою другаго палача, не съ топоромъ, а съ кнутаомъ! Палачи начали раздѣвать Ягана и Максима...

„Стой!“ раздался вдругъ голосъ князя Федора Юрьевича, смотрѣвшаго на эту сцену съ крыльца Преображенскаго приказа. Палачи не слышали приказа и продолжали свои приготовленія. „Стой!“ закричалъ еще князь. Иноземцы въ трепетѣ обернулись къ нему, не зная что ожидаетъ ихъ еще.

Князь торопливо сошелъ съ крыльца, подбѣжалъ къ иноземцамъ и началъ бить ихъ тростью по спинѣ, по ногамъ... удары сыпались...

— Вотъ вамъ, заморскіе безобразники! вотъ вамъ! приговариваетъ князь съ каждымъ ударомъ. Впередъ не озорничайте!

Усталъ наконецъ князь наказывать собственноручно и крикнулъ солдатамъ: „вытолкайте ихъ на свободу!“

Что заставило князя измѣнить свое рѣшеніе? Боязнь ли получить отъ Петра упрекъ за иноземцевъ, или налетѣвшая минута мягкосердія и самодурства? Первое скорѣе.

Вытолкали солдаты избитыхъ княземъ иноземцевъ, но случай этотъ произвелъ неблагоприятное впечатлѣніе въ народѣ, который громко осуждалъ Романовскаго, говоря: русскимъ не было бы пощады, а нѣмцамъ поблажка!

Сообщено Г. В. Есиновымъ.

Къ исторіи тамбовскихъ духоборцевъ.

Утромъ 16-го апрѣля 1803 года, къ квартирѣ тамбовскаго губернатора Палицына подбѣжалъ духоборецъ—крестьянинъ Зотъ Мукосѣевъ.

— Дома ли губернаторъ? спросилъ онъ у часового, солдата Князева.

— Ихъ превосходительства нѣтъ дома—отвѣтилъ Князевъ.

— Такъ доложите обо мнѣ губернаторшѣ, продолжалъ Мукосѣевъ,—я привезъ гостинецъ.

Губернаторскій дворецкій Кузьминъ подошелъ было къ возу и хотѣлъ посмотреть, что тамъ за гостинецъ, но Мукосѣевъ отстранилъ его, распрягъ лошадей, сѣлъ на нее верхомъ и поѣхалъ, а возъ оставилъ у губернаторскаго крыльца. Разумѣется, губернаторскіе дворовые постигли раскрыть возъ и увидѣли тамъ мертвое тѣло, покрытое сине-багровыми пятнами и рубцами... То было тѣло краснодубровскаго (Тамбовскаго уѣзда) духоборца Петра Дробышова, застѣннаго чинами земской полиціи.

Мукосѣева догнали, привели въ полицію и стали допрашивать. Вотъ что показалъ онъ на этомъ допросѣ:

„13 апрѣля крестьянинъ Ермаковъ привелъ ко мнѣ роднаго брата моего Сергѣя, а за ними шло много людей, мужчинъ и женщинъ. Брата уложилъ я на полати, а Ермаковъ объявилъ мнѣ: „твой Сергѣй боленъ отъ наказанія, сдѣланнаго ему публично съ прочими нашего села 5-ю человекѣми духоборцами, а наказывалъ ихъ за вѣру засѣдатель фонъ-Меникъ“. На другой день пошелъ я провѣдывать наказанныхъ, между прочимъ зашелъ къ Петру Дробышову, а онъ ужъ былъ мертвъ. Около его тѣла сидѣлъ маленький сынъ его, а какъ звать—не помню, и плакалъ... Тогда я взялъ мертвое тѣло Дробышова и поѣхалъ съ нимъ къ губернатору просить защиты“...

По поводу этого дѣла губернаторъ Палицынъ вошелъ съ особымъ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

„Всему семейству моему, писалъ онъ,—за небытностію моею въ домѣ причинено было крайнее смятеніе, обида и великое оскорбленіе“.

По обыкновенію стали производить послѣ всего этого слѣдствіе, во время котораго обнаружилось слѣдующее:

Фонъ Меникъ наказывалъ краснодубровцевъ нещадно. Онъ принуждалъ духоборческихъ дѣвушекъ цѣловать его, заковывалъ краснодубровцевъ въ ножныя колодки и производилъ съ нихъ большіе поборы, такъ что однихъ кушакъ набралъ на 30 рублей. Но не довольствуясь этимъ, онъ потребовалъ еще 100 рублей денегъ. „А если не дадите мнѣ 100 рублей, то я жестоко,—говорилъ фонъ-Меникъ духоборцамъ села Красно-Дубравы,—буду бить васъ кнутомъ и сошлю въ ссылку“.

Краснодубровцы почему-то не могли выплатить фонъ-Менику 100 рублей. Тогда грозный засѣдатель Тамбовскаго нижняго земскаго суда дѣйствительно началъ нещадно сѣчь ихъ. Сѣкъ онъ ихъ за то, что они духоборцы. Сѣченіе производилось въ три плети и было на столько жестоко, что кромѣ Петра Дробышова умеръ отъ него еще отецъ его, Филиппъ Дробышовъ. Послѣдній умеръ на пятый день послѣ экзекуціи.

Къ слѣдствію вызванъ былъ и врачъ, по фамиліи Друговъ. Ему поручено было осмотрѣть трупы наказанныхъ и дать объ нихъ свое заключеніе. Это заключеніе выражено было въ слѣдующихъ словахъ: „наказаніе краснодубровскимъ духоборцамъ было дано соразмѣрное и умерли духоборцы вѣроятно отъ ядопринятія, отъ какого могли произойти и синебагровыя пятна и иные знаки на спинѣ и животѣ наказанныхъ“...

Результатомъ всѣхъ этихъ дѣйствій Тамбовской земской полиціи было то, что краснодубровскіе духоборцы совершенно ожесточились. „Вашего пѣнія и чтенія, говорили они чинамъ полиціи,—мы ни за что слушать не будемъ“.

Дѣло это кончилось тѣмъ, что многихъ краснодубровскихъ духоборцевъ еще высѣли плетью, а Зота Мукосѣева сослали на поселеніе въ Кольскій уѣздъ¹⁾.

Сообщено И. И. Дубасовымъ.

Высочайшія повелѣнія о буквѣ «ъ».

Въ отчетѣ своемъ по второму отдѣленію Академіи Наукъ²⁾, коснувшись спорныхъ вопросовъ нашего правописанія, я упомянулъ о судьбѣ буквы ъ и о двухъ высочайшихъ повелѣніяхъ, запрещающихъ изгнаніе этой буквы изъ печати. Привожу нѣсколько подробностей.

¹⁾ „Дѣло“ объ этомъ хранится въ архивѣ Тамбовскаго губернскаго правленія.

²⁾ Отчетъ этотъ напечатанъ въ газетѣ „Новое Время“ 31 декабря 1879 г.

Рѣшительнымъ противникомъ употребленія буквы з былъ, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, Дмитрій Ивановичъ Языковъ, имя котораго приобрѣло почетную извѣстность въ нашей литературѣ. Посвящая всѣ досуги свои научнымъ работамъ, онъ приготовилъ къ изданію нѣсколько весьма важныхъ трудовъ, а именно: переводъ сочиненія Шлецера о русскихъ лѣтописяхъ; географической словарь Ветхаго Забѣта; словарь русскихъ древностей; словарь русскихъ законовъ, и т. д. Не имѣя средствъ на изданіе своихъ сочиненій и переводовъ, Языковъ обращался съ ходатайствомъ о пособіи къ главному правленію училищъ и къ высшему правительству.

Первая часть русскаго перевода изслѣдованія Шлецера: „Несторъ или русскія лѣтописи“ поднесена была Языковымъ императору Александру I. Въ маѣ 1808 года статсъ-секретарь Молчановъ писалъ министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому: „По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію имѣю честь препроводить при семъ къ вашему сіятельству на разсмотрѣніе поднесенную его величеству первую часть толкованія русскихъ лѣтописей перевода коллежскаго ассесора Языкова, служащаго въ главномъ училищѣ правленіи“.

Графъ Завадовскій отвѣчалъ Молчанову слѣдующее: „На отношеніе вашего превосходительства, при которомъ, по высочайшему повелѣнію, препроводилъ ко мнѣ первую часть толкованія русскихъ лѣтописей перевода коллежскаго ассесора Языкова, изъясняю, что книга сія, судя по знаменитости сочинителя оной—профессора Шлецера, безъ сомнѣнія полезна для любителей отечественной исторіи. Нужнымъ только считаю замѣтить, что печатаніе оной безъ буквы з позволить не должно, ибо какъ чтеніе въ такомъ случаѣ весьма затруднительно для глазъ, такъ и исключеніе буквы з не сдѣлаетъ никакого облегченія въ русскомъ письмѣ“.

Доводы графа Завадовскаго признаны вполнѣ основательными. Высочайшимъ указомъ, объявленнымъ кабинету его императорскаго величества въ 12 день іюля 1808 года, въ отношеніи статсъ-секретаря Молчанова, повелѣно: „Рукописную книгу подъ заглавіемъ: Несторъ, сочиненіе Шлецера, переведенное на Россійскій языкъ г. Языковымъ, напечатать на счетъ Кабинета, съ предоставленіемъ вземшиларовъ въ пользу переводчика, и съ наблюденіемъ притомъ, чтобъ книга сія, писанная безъ буквы з, напечатана была съ употребленіемъ сей буквы“.

Пока производилась переписка объ изданіи труда Шлецера въ русскомъ переводѣ, Языковъ успѣлъ напечатать въ томъ же году другую книгу, сохранившая свое любимое правописаніе, т. е. безъ употребленія буквы з. Въ 1808 году Языковъ издалъ переводъ свой подъ названіемъ: „Сравненія, замѣчанія и мечтанія, писанныя, въ 1804 году, во время путешествія однимъ русскимъ“. На заглавномъ же листѣ, въ видѣ эпиграфа: „Добрый русскій народ! Не прельщайся многими пышными описаніями иноземныхъ заведеній! Не все то золото, что блестит“. Въ предисловіи говорится, что сочинитель замѣчаний — молодой русскій, воспитанный и образованный нѣмцами, и особенно прусскими, наставниками. Подлинникъ изданъ на Нѣмецкомъ языкѣ, въ Ригѣ: „Parallelen, bemerkungen und phantasien. Auf einer im jahr 1804 unternommenen reise niedergeschrieben von Anton Zailonow. Zum theil aus dem russischen übersetzt. Ruthenien. 1805. Авторъ книги, скрывшій имя свое подъ псевдонимомъ Антона Цайлонова, — Антонъ Тругартъ (Anton Truhart, 1764 — 1835), жившій и служившій въ Ригѣ и получившій образованіе въ Эрлангенѣ и въ Іенѣ.

Въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія польскій литераторъ Кшишкѣ-Жгерскій предпринялъ изданіе отдѣльными выпусками лирическихъ произведеній Державина въ польскомъ переводѣ съ русскимъ подлинникомъ. Переводъ оды „Богъ“ былъ представленъ императору Александру I при слѣдующемъ письмѣ:

„Ваше императорское величество!

„Экземпляромъ перевода на Польскій діалектъ оды Богъ, сочиненія Державина, осмѣливаюся жертвовать вашему императорскому величеству.

„Народъ Польскій, покровительствуемъ десницею отца просвѣщенія, свобода и счастья народовъ, находитъ истинное благополучіе соединяться братьскими узами съ Россійскимъ народомъ; поэзія распространяетъ оныя.

„Всеавгустѣйшее воззрѣніе вашего величества на сіе мое приношеніе пребудетъ для меня, кромя нныхъ, сильнѣйшимъ поводомъ къ переводу лиры Державина, мною продолжаемому.

„Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и безпредѣльною преданностію,

„вашего императорскаго величества

„вѣрноодданнѣйшій изъ поляковъ,

„Викентій Кипшинъ-Жгерскій.

„1 марта 1822 г.

„Вильно.

Переводъ Кипшина-Жгерскаго въ такомъ родѣ:

О ты, пространствомъ безконечный,
Живыи в движеніи вещества,
Теченьемъ времени превѣчный,
Безъ лицъ, в трехъ лицахъ Божества!
Духъ всюду сущій и единый,
Кому нѣтъ мѣста и причины,
Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ—Богъ...

Ты цѣль существъ в Себѣ вмѣ-
щаешь,

Ее содержишь и живишь;

Конецъ с началомъ сопрягаешь,
И смертію животъ даришь.

Какъ искры сыплются, стремятся,
Такъ солнца от Тебя родятся.

Какъ в мразный, ясный день зимой
Пылинка иная сверкаетъ,
Вратятся, змблются, сіяютъ:
Такъ звѣзды в безднахъ под Тобой...

O ty u przetworu głębiach niezkończony,
Żywy w cudowném istot poruszeniu,
w obiegu wieków nad czas utrwalony,
próżeń postaci w trzech osób zbrożwieniu!
Duchu obecny wszędzie,—i iedyny,
wzniesion nad okres miesca i przyczyny,
którego żaden dozeignąć nie może,
co układ swiatów w sobie obeumiesz,
mocą ogarniasz, zpaiaasz, zachowujesz,
którego wielbim: wysłowieniem—Bożel..

Łańcuch wszech istot w sobie zna-
mionujesz,
obdarszasz trwaniem i ożywiasz thnie-
niem;

koniec z początkiem w kole opisujesz,
z rozpadłych grobów śmierć wienczyasz
wzkrzeszeniem!

Jak iskry wybuchnione nieca tło ogniste,
tak ot ciebie wychodzą słońca promie-
niste.

Jako w zimowe dni rozpogodzone,
gwiazdzistych sronów atomy błyskaia,
chwiane wiatrami grę swiatła wydaią:
tak w bezdnach gwiazdy pod tobą gaa-
conel..

Брошюра Кипшина-Жгерскаго, заключающая въ себѣ переводъ оды „Богъ“, препровождена была министру народнаго просвѣщенія князю Александру Николаевичу Голицыну при слѣдующемъ отношеніи къ нему статсъ-секретаря Кипшина: „Состоящій въ должности секретаря Виленской римско-католической духовной консисторіи Кипшинъ-Жгерскій поднесъ государю императору экземпляръ перевода на Польскій языкъ оды Богъ. На всеподданнѣйшій докладъ мой о семъ его императорское величество, замѣтивъ, что подлинникъ напечатанъ безъ буквы з, высочайше повелѣть соизволилъ книгу сію препроводить къ вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы, милостивый государь, приняли мѣры къ запрещенію подобнаго печатанія, тѣмъ болѣе, что по сему предмету состоялась уже высочайшая воля, объявленная предмѣстникомъ моимъ г. управляющему Кабинетомъ его величества 12 іюля 1808 года“.

На основаніи этого послѣдовало запрещеніе печатать книги безъ употребленія буквы з, разосланное во всѣ цензурныя комитеты. По этому поводу министръ духовнаго просвѣщенія и народныхъ дѣлъ писалъ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ: „Вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія, по случаю изданной вновь состоящимъ въ должности секретаря Виленской римско-католической духовной консисторіи Кишкинымъ-Иггерскимъ книги: Ода Богъ, безъ употребленія въ оной буквы з по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ (ей) слѣдовало быть по общимъ правиламъ Россійскаго языка, предписалъ я всѣмъ цензурнымъ комитетамъ о наблюденіи, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка. О семъ долгомъ почитаю сообщить вашему сиятельству съ тѣмъ, что не изволите ли вы, милостивый государь, вслѣдствіе таковой высочайшей воли, приказать объявить чрезъ мѣстное начальство равномерно и содержателямъ типографій въ государствѣ о неотступленіи въ печатаемыхъ дѣи книгахъ отъ общихъ въ Россійскомъ языкѣ правилъ касательно употребленія з“.

Сообщено М. И. Сухомлиновымъ.

СМѢСЬ.

ГОРОДЪ Владиміръ въ 1877 году. Понятное дѣло, что жить въ странѣ, пользоваться ея благами и не знать ея—по крайней мѣрѣ постыдно, а потому и понятно, съ какимъ радостнымъ чувствомъ привѣтствовали мы брошюру г. Субботина подъ названіемъ „Городъ Владиміръ въ 1877 году. Опытъ отчизновѣднія“. Въ послѣднее время вообще чаще стали разрабатывать данныя по этнографіи и статистикѣ провинціальныхъ русскихъ городовъ, и наше „отчизновѣдніе“ должно значительно подвигнуться впередъ, если только мѣстные дѣятели, отнюдь не „жемудруствуя лукаво“, просто на-просто будутъ представлять намъ факты, не стараясь ихъ украшать. Г. Субботинъ задался, напримѣръ, прекраснѣйшею цѣлью представить намъ исторію и настоящее положеніе города Владиміра, но, увлекшись краснорѣчіемъ, наговорилъ такъ много пустяковъ, что изъ нихъ не безъ труда можно выцѣживать путное и дѣльное. Какъ бы то ни было, нельзя не привѣтствовать труда г. Субботина, который можетъ послужить подспорьемъ для тѣхъ, кто желаетъ дѣйствительно изучать Россію. Заявивши, что „Юговосточная Русь оказалась несостоятельною (?) для образованія единого, сильнаго государства“, почтенный авторъ говоритъ, что „Славянское племя, какъ племя благородное, способное къ цивилизаціи, начинаетъ отгѣснять на сѣверѣ туземцевъ финновъ, этихъ печальныхъ пасынковъ природы“. Для удобнѣйшаго ли сбора дани, или ради другихъ цѣлей, но только во всякомъ случаѣ Владиміръ былъ основанъ и „сдѣлался какъ бы ядромъ Великорусской цивилизаціи“. Такимъ образомъ изъ историческаго отдѣла труда г. Субботина мы узнаемъ впервыхъ о благородствѣ Славянскаго племени, о подлости финновъ и о существованіи какой-то Великорусской цивилизаціи. Конечно Великорусская цивилизація благороднаго Славянскаго племени могла насаждаться только подходящими людьми, а потому „въ качествѣ губернскаго города, Владиміръ и населенъ людьми благородными“. Такому благородному городу, построенному благородными славянами, и гербъ подобалъ благородный; онъ представляетъ льва и очень нравится автору. Послѣ довольно плохаго историческаго очерка Владиміра идетъ описаніе топографическое; для чего и для кого оно сдѣлано, не знаемъ. По словамъ г. Субботина, напр. до Ташвента благородный Владимірецъ можетъ долетѣть, вѣроятно, въ аэростатѣ всего лишь въ 120 часовъ, а до Иркутска въ 250 часовъ; онъ можетъ очутиться въ Воронежѣ черезъ 9 часовъ, въ Тулѣ—черезъ 4½ часа и т. д. Затѣмъ объясняется, что „человѣкъ, хотя не надолго пріѣхавшій во Владиміръ, чувствуетъ себя нѣсколько облегченнымъ отъ житейской грязи, отъ тѣхъ докучныхъ, прованчныхъ заботъ, какія преслѣ-

дуютъ его во многихъ другихъ городахъ, монотонно распланированныхъ, съ большими домами-сундуками, съ фабриками вмѣстѣ церквей, съ пристанями, ярмарками, съ неотвязной дѣловой нотой“ и т. д. Авторъ терпѣть не можетъ подобныхъ городовъ и заманиваетъ въ свой Владиміръ тѣмъ, что „здѣсь всего этого нѣтъ, здѣсь очень просто, и человекъ, погруженный въ спокойную полудремоту, является какъ-то проще, откровеннѣе, дѣшнѣе, не хочетъ знать общественныхъ смятеній, не слишкомъ беспокоится объ общественныхъ интересахъ, а живетъ себѣ потихонечку, да полегонечку“. Что за идиллическую жизнь выработала „Великорусская цивилизація“! Понятно, что описывая фізіономію своего города, сообщая очень много крайне интересныхъ и во всякомъ случаѣ новыхъ статистическихъ о немъ данныхъ, авторъ увлекается красотами Владиміра и рисуетъ поминутно „красивые виды“ то въ ту, то въ другую сторону. Понятно, что прекрасный Владиміръ и стоитъ на прекрасномъ мѣстѣ; и здорово-то это мѣсто, и красиво, и привольно и т. п. Уже чего напримѣръ свѣтъ, который г. Субботинъ называетъ „замерзшимъ дождемъ“, и тотъ идетъ здѣсь рѣже, нежели въ остальныхъ городахъ Россіи. „Гористое положеніе города способствуетъ упражненію дыхательныхъ органовъ и ходьба по горамъ вмѣстѣ съ тѣмъ препятствуетъ ожирѣнію“. Тѣмъ не менѣе народъ мретъ во Владимірѣ прекрасно и большинствомъ больныхъ страдаютъ сифилисомъ, легочными болѣзнями, страданіями дыхательныхъ путей, тифами, ревматизмами и умопомѣшательствомъ. Конечно все это не составляетъ удѣлъ „благорожденныхъ обитателей“ Владиміра (стр. 8), а господствуетъ въ слободахъ, т. е. въ „мѣстѣ жительства людей подлаго происхожденія“ (стр. 9). Какъ авторъ ни восхищается Клязьмою и примѣрною чистотою въ городѣ, все же приходится ему согласиться (на стр. 25), что „вода въ Клязьмѣ желтоватаго цвѣта, нечуждал органическихъ примѣсей, теплая и мягкая“, а чтобы понять, почему въ Клязьмѣ такая вода и откуда получаютъ владимірцы столь дорогія для нихъ органическія примѣси, мы укажемъ на слова же нашего автора, что р. Рпень „течетъ сюда владимірца... затѣмъ на задахъ инвалиднаго дома... пониже на ней бойни“... и что р. Лыбедь „извивается змѣйкою близъ больницы... берега болотисты... насыщается нечистотами“. Оно хотя и красиво, а только врядъ ли особенно чисто! Чтобы закончить съ природою Владиміра, скажемъ, что авторъ „пзъ хищныхъ животныхъ“ нашелъ во Владимірѣ „собакъ и кошекъ“. „Насѣкомыя, говоритъ онъ для полноты картины, — здѣсь тоже есть, но лучше бы ихъ не было: на первомъ планѣ клопы и блохи, дружно живущіе съ обывателями“... Ну не слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ удивляться незлобности владимірцевъ, этихъ истинныхъ чадъ „благородной Великорусской цивилизаціи“, когда они даже съ этими исконными врагами первого намека на цивилизацію, чистоплотности, ухитряются жить въ ладахъ! Приступая собственно къ наиболѣе интересной части труда г. Субботина, мы снова то и дѣло наталкиваемся на такіа несообразности и странности, что вся серьезная часть работы затмѣвается и пропадаетъ. Къ чему, напр., авторъ, описывая этническій составъ населенія Владиміра, вдругъ восклицаетъ: „здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ, и русскія привычки и крѣпкое русское слово на улицахъ“... Неужели авторъ въ самомъ дѣлѣ считаетъ „раздѣленіемъ труда“, когда заявляетъ, что граждане „воспитательную и хозяйственную часть передаютъ наемнымъ лицамъ, а себѣ оставляютъ, такъ сказать, внѣшнія сношенія, репрезентацію, туалетную часть и вывзды“. Если это претензія на остроуміе, то право ей не мѣсто хотя въ скольконибудь серьезномъ трудѣ, если же слова эти принимаются авторомъ въ серьезъ, то тѣмъ болѣе они странны. Тамъ, гдѣ являются крайне интересныя статистическія данныя, разработанныя въ сравненіи съ другими городами Россіи, вдругъ ни съ того ни съ сего авторъ начинаетъ шутить и увѣряетъ, что „владимірскій обыватель живетъ ни очень долго, ни очень коротко, а ровно столько, сколько нужно, чтобы не обременять общества“; откуда беретъ такіе выводы г. Субботинъ и что онъ хочетъ этимъ сказать—того

даже и „благородные“ жители Владиміра не знаютъ, хотя благодаря „благородному“ положенію города и живутъ въ среднемъ выводѣ на цѣлый годъ меньше, нежели вообще жители Россіи, и стараются наспиртовать себя на случай смерти. Покупаютъ владимірцы изрядно и пропиваютъ на водку 591,000 р., да на вина 1.200,000 р. и въ чаду отъ такого угощенія не прочь чогуманничать; понастроили они пріюты, поучреждали благотворительныхъ обществъ, но результаты крайне плохи; впрочемъ оно и понятно, если даже интеллигентный человѣкъ г. Субботинъ заявляетъ, что „во время пребыванія здѣсь ильвинныхъ турокъ жители не только не оскорбляли этихъ людоѣдовъ, но даже успокаивали ихъ, какъ бы понимая ихъ неполную вмѣняемость“. Благо будетъ городу Владиміру, если турки доберутся до него когда нибудь! конечно, они никого изъ его благородныхъ жителей не тронутъ „понимая и т. д.“, а г. Субботинъ прекрасно сдѣлаетъ, если займется переработкой своего труда и, выбросивъ изъ него всё нисколько неостроумныя выходки и шутки, обратитъ все свое вниманіе на серьезную сторону дѣла.

Письма замѣчательныхъ людей служатъ всегда превосходнымъ историческимъ матеріаломъ для характеристики ихъ авторовъ и современной имъ эпохи. Русская наука скоро обогатится однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ историческихъ памятниковъ,—собственноручными письмами императора Петра Великаго. Мысль объ изданіи ихъ возникла въ 1872 году и тогда же удостоилась высочайшаго одобренія. Для собранія этихъ писемъ, приведенія ихъ въ порядокъ и приготовленія къ печати, была учреждена особая коммиссія, подъ предѣлательствомъ академика А. Ѳ. Бычкова. Въ настоящее время всё подготовительныя работы этой коммиссіи приведены къ концу и въ теченіе настоящаго года будетъ приступлено къ печатанію писемъ, которыя вмѣстѣ съ необходимыми къ нимъ примѣчаніями и дополненіями, составятъ нѣсколько томовъ. Для того, чтобы сохранить во всей неприкосновенности правописаніе Петра, въ словодитиѣ II Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи заказаны особые шрифты. Письма будутъ напечатаны въ количествѣ не болѣе 1,500 экз., изъ которыхъ 200 роскошныхъ, для поднесенія царствующимъ особамъ Европы и почетнымъ лицамъ.

Биографическій словарь русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей. Въ газетѣ „Голосъ“ напечатано извѣстіе о томъ, что Императорское Русское Историческое Общество, по почину своего предѣлателя г. Половцева, предпринимаетъ изданіе „Биографическаго словаря русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей“. При этомъ газета сообщаетъ и „выработанный“ уже неизвѣстно кѣмъ планъ каталога именъ, какія должны быть внесены въ словарь.

Нельзя не отнестись съ величайшимъ сочувствіемъ къ мысли объ изданіи полнаго биографическаго словаря русскихъ замѣчательныхъ дѣятелей, тѣмъ болѣе, что участіе Русскаго Историческаго Общества въ этомъ сложномъ и обширномъ дѣлѣ служитъ ручательствомъ, что оно будетъ доведено до конца. Изъ сожалѣнія, „выработанный“ планъ словаря, сообщаемый „Голосомъ“, является не только не полнымъ, но во многихъ мѣстахъ возбуждаетъ недоумѣнія, изъ которыхъ укажемъ, для примѣра, на слѣдующія:

Перечисляя званія лицъ, долженствующихъ войти въ словарь, „выработанный“ планъ, между прочимъ, упоминаетъ: „Бояръ, полныхъ генераловъ всякаго рода войскъ, намѣстниковъ обширныхъ территорій (?), составившихъ до присоединенія къ Москвѣ самостоятельныя владѣнія, имѣвшія свою исторію“. Недоумѣваемъ, почему только одни „полные“ генералы удостоятся чести попасть въ словарь; вѣдь и среди генерал-лейтенантовъ и даже генералъ-майоровъ найдется не мало людей, подобныхъ напр. Кульневу, Слѣпцову, Черняеву и др. имена и заслуги которыхъ извѣстны всей Россіи. Не понимаемъ также, что это за намѣстники обширныхъ территорій, составившихъ и т. д. „Начальниковъ (?) московскихъ приказовъ и учреждений имъ равныхъ въ Новгородѣ, Владимірѣ и Казани“. Мы до сихъ

поръ не встрѣчали въ исторіи означенныхъ городовъ учреждений „равныхъ“ московскимъ приказамъ; если же „выработанный“ планъ имѣть въ виду какіе нибудь самостоятельные приказы въ Новгородѣ, Владимірѣ и Казани, до поступления ихъ въ составъ Московскаго государства, то почему же исключены другіе города древней Руси той же эпохи? „Посадниковъ и тысяцкихъ великаго Новгорода и Пскова, какъ равно и другихъ народныхъ управленій“. Было бы весьма желательно, чтобы составители „выработаннаго“ плана разъяснили, что именно подразумѣваютъ они подъ словами „и другихъ народныхъ управленій“, въ древней Руси. „Описчиковъ, переписчиковъ, межевщиковъ и прочихъ всякаго наименованія составителей писцовыхъ и межевыхъ книгъ, что составитъ драгоцѣнный матерьялъ для уясненія быта населенныхъ мѣстъ Московскаго государства“. Рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ биографіи описчиковъ, переписчиковъ и межевщиковъ могутъ представить „драгоцѣнный матерьялъ“, для уясненія быта населенныхъ мѣстъ? „Морскихъ (?) адмираловъ, вице-адмираловъ, сенаторовъ, ревизовавшихъ губерніи“. Является опять непонятнымъ, почему сухопутные генераль-лейтенанты изгоняются изъ словаря, а морскіе вице-адмиралы включаются въ него; почему сенаторы, ревизовавшіе губерніи, заслуживаютъ большаго вниманія, нежели сенаторы не ревизовавшіе губерніи? „Изъ архіепископовъ и епископовъ лишь тѣхъ, которые оставили по себѣ память въ исторіи“. Почему отъ архіепископовъ и епископовъ, для внесенія ихъ именъ въ словарь, требуется „память въ исторіи“, а къ полнымъ генераламъ и вице-адмираламъ такое требованіе не предъявляется? „Акторовъ и изъ переводчиковъ съ иностранныхъ языковъ особенно замѣчательныхъ по времени когда они жили“. Не понимаемъ, что это за переводчики „замѣчательные по времени“, когда они жили? „Акторовъ и актрисъ иностранныхъ, долго жившихъ въ Россіи и оставшихся и особенно любимыхъ Русскою публикой, привыкшей считать ихъ за своихъ; машинистовъ, устраивавшихъ сцену и т. д. Любопытно знать, какихъ именно иностранныхъ актеровъ составители „выработаннаго“ плана подарятъ Русскою публикѣ и заставятъ ее считать ихъ своими, а также, что это за машинисты, устраивавшіе сцену, которые заслуживаютъ благодарной памяти потомства и мѣста въ словарѣ „замѣчательныхъ“ русскихъ дѣятелей.

Дѣлая наши обглыя замѣчанія на „выработанный“ планъ словаря, мы имѣемъ въ виду лишь одну дѣль, чтобы подобный трудъ, въ которомъ давно чувствуется настоятельная потребность, былъ выполненъ со всею тщательностью, знаніемъ дѣла, полнотою и вниманіемъ, которыхъ мы въ правѣ ожидать отъ изданій Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. При этомъ, кстати напомнимъ, что въ библіотекѣ покойнаго М. Д. Хмырова, приобретенной еще въ 1874 г. для музея государя наслѣдника цесаревича, и до сего времени скрываеваемой отъ публики, находится обильный матерьялъ для всякаго рода словарей, собранный многолѣтними трудами и приведенный въ систему.

Дѣятельность втораго отдѣленія Академіи Наукъ въ 1879 году. Заимствуемъ изъ отчета по отдѣленію Русскаго языка и словесности, прочитаннаго академикомъ М. И. Сухолинновымъ на академическомъ актѣ 29 декабря 1879 года, слѣдующія свѣдѣнія о трудахъ академиковъ:

Ординарный академикъ, высокопреосвященный Макарій, митрополитъ московскій продолжалъ свои ученія работы по исторіи Русской церкви, и произнесъ весьма много словъ и рѣчей; четырнадцать изъ нихъ появились въ печати, какъ напримѣръ: при вступленіи на кафедру Московской епархіи; въ собраніи миссіонерскаго общества; при отпѣваніи С. М. Соловьева; въ собраніи комиссіи по устройству народныхъ чтеній, и многихъ другихъ. По мысли митрополита - академика предпринимается продолженіе описанія рукописей Московской синодальной библіотеки, и этотъ важный трудъ вѣрнется профессорамъ Московскаго университета: А. С. Павлову и В. О. Ключевскому.

Въ истекшемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе научной дѣятельности ординарнаго академика И. И. Срезневскаго. Въ теченіе полувѣка онъ обогатилъ науку болѣе нежели 340 сочиненіями и изданіями. Къ этому огромному количеству присоединились въ минувшемъ году слѣдующія:

1) Продолженіе свѣдѣній и замѣтокъ о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ памятникахъ. Здѣсь помѣщено между прочимъ собраніе древнихъ болгарскихъ грамотъ.

2) Записка о сборникѣ пятнадцатаго вѣка, принадлежащемъ Московскому архиву Иностранныхъ Дѣлъ.

3) Обзоръ древнихъ памятниковъ Русскаго письма и языка—въ новомъ переработанномъ изданіи.

Ординарный академикъ Я. Б. Гротъ продолжалъ печатать біографію Державина; изложеніе ея въ печати доведено до конца царствованія Павла Петровича. Сверхъ того академикъ Гротъ предпринялъ два новыхъ труда:

1) Изданіе сочиненій П. А. Плетнева—по порученію втораго отдѣленія академіи наукъ, и

2) Изданіе писемъ энциклопедиста Гримма къ императрицѣ Екаторинѣ II—по порученію Русскаго Историческаго Общества.

Академикъ Гротъ занимался также подготовкою матеріаловъ для составленной имъ Русской грамматики, и рассмотрѣнемъ труда сенатора С. И. Заруднаго: „Беккарія о преступленіяхъ и наказаніяхъ въ сравненіи съ наказомъ Екаторины II и съ современными русскими законами“. Въ переводѣ своемъ г. Зарудный замѣняетъ многія иностранныя слова русскими.

Ординарный академикъ А. Ф. Бычковъ окончилъ печатаніемъ два труда:

1) Библиологическій словарь П. М. Строева, и

2) Второй выпускъ описанія рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библиотеки. При описаніи сборниковъ академикъ Бычковъ отерылъ нѣсколько произведеній и въ числѣ ихъ историческую пѣсню, на Бѣлорусскомъ нарѣчій, о взятіи Смоленска въ 1654 году.

Академикъ А. Н. Веселовскій представилъ въ отдѣленіе Русскаго языка и словесности нѣсколько своихъ мемуаровъ, какъ-то:

1) Св. Георгій въ легендѣ и обрядѣ.

2) Розысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ.

3) Новое свидѣтельство, касающееся Ильи Муромца.

Въ истекшемъ году академія понесла невознаградимую потерю. 4 октября скончался въ Москвѣ ординарный академикъ, знаменитый историкъ Россіи Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Въ академическомъ отчетѣ сказано о немъ между прочимъ слѣдующее: „Слѣдя за ходомъ исторической жизни, Соловьевъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на тѣхъ эпохахъ и событіяхъ, когда Россіи суждено было выдерживать борьбу съ многочисленными невзгодами и бѣдствіями, и Русскій народъ долженъ былъ такъ сказать, помѣриться силами съ враждебною ему судьбою... Труды знаменитаго историка и вѣрнаго сына Россіи закладываютъ въ себѣ такую цѣльную картину минувшей судьбы нашего отечества, такое здравое разумѣніе исторической жизни Россіи, что останутся навсегда памятникомъ не только ума, таланта и учености автора, но и народнаго самосознанія, какъ проявилось оно въ убѣжденіяхъ лучшихъ просвѣщеннѣйшихъ людей современнаго намъ общества“.

Этнографическій музей въ Парижѣ. Благоденствіе, въ которомъ находится въ настоящее время Франція, дозволяетъ Французскому министерству народнаго просвѣщенія ассигновать ежегодно громадныя суммы на ученныя экспедиціи, на поддержаніе уже прежде основанныхъ и на основаніе новыхъ музеевъ. Всемирная выставка 1878 года подала между прочимъ мысль устроить въ Парижѣ этнографическій музей. За средствами не могло быть остановка, такъ какъ министерство, а затѣмъ и палата, признали такое учрежденіе „общественною пользою“ и представители народа тотчасъ ассигновали 300 ты-

сять франковъ на основаніе музея. Такъ какъ ходятъ слухи о томъ, что и у насъ будетъ свой антропознотологическій музей, то мы считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь, какъ взыскъ за это дѣло французы. Зданіе было готово, и городъ Парижъ охотно уступилъ его для столь полезнаго дѣла; зданіе это будто нарочно выстроено для музея, такъ какъ этотъ послѣдній будетъ помѣщаться въ Трокадеро. Для имени въ учредительную комиссію назначили Анри Мартена, а для дѣла — Брока и Ами. Приспособленіе помѣщенія далеко еще не готово, а въ сѣняхъ и въ разныхъ мѣстахъ стоятъ уже сотни ящиковъ съ вещами и костюми. Организуется музей совершенно оригинально; повидимому устроителямъ удастся раздѣлить отведенныя имъ залы не по частямъ свѣта, какъ это обыкновенно принято, а на основаніи дѣленій строго научныхъ: на племена, вѣтви, семейства, народы и т. д. Благодаря такой организаціи не будетъ по крайней мѣрѣ той путаницы предметовъ, которая бываетъ обыкновенно во всѣхъ этнографическихъ музеяхъ; въ Парижскомъ музеѣ бытъ каждаго отдѣльнаго племени будетъ представленъ цѣлкомъ и для обозрѣвающаго легко будетъ составить себѣ идею о той степени культурности, до которой можетъ дойти извѣстный народъ. Между прочимъ широкое мѣсто въ новомъ музеѣ отведено народамъ, населяющимъ Европейскую и Азиатскую Россію. Для того, чтобы сдѣлать этотъ отдѣлъ полнѣе, учредители запаслись фотографіями разныхъ русскихъ инородцевъ, съ которыхъ въ настоящее время дѣлаются въ Парижѣ до крайности точныя манекены, такъ какъ всѣ костюмы будутъ надѣты на подходящія манекены, а не будутъ висѣть въ видѣ тряпокъ, какъ они висятъ въ витринахъ нашего Географическаго общества. Закупка костюмовъ поставлена въ зависимость не отъ количества денегъ, а отъ количества племенъ, населяющихъ Россію, и покупка ихъ изъ первыхъ рукъ поручена г. Майнову, который уже и успѣлъ приготовить около 20 національных костюмовъ изъ Европейской Россіи и Сибири; понятно, что главное требованіе учредителей музея состоитъ въ обыденности и въ отсутствіи фантастичности костюма, такъ что праздничные костюмы покупаются только тамъ, гдѣ они составляютъ дѣйствительно нѣчто совершенно отличное отъ обыкновеннаго костюма. Фигуры будутъ составлены въ группы, причѣмъ ихъ окружатъ предметами ихъ быта и притомъ преимущественно тѣми, до которыхъ они додумались сами, а не тѣми, которые они занимались въ культурнаго народа. Изъ всего вышесказаннаго видно, что Парижскій этнографическій музей обѣщаетъ быть крайне интереснымъ не для однихъ лишь французовъ, а и для насъ, русскихъ, которые ничего подобнаго у себя дома не имѣютъ, за исключеніемъ лишь Московскаго Румянцевскаго музея, устройство котораго заставляетъ желать весьма многого.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г. Въ напечатанномъ мною въ январьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ отзывѣ о сочиненіи проф. Брикнера „Der Zarewitsch Alexei“ и, между прочимъ, упомянулъ съ похвалою о книгѣ „Die Kronprinzessin Charlotte. Vorp. 1875“, но при этомъ забылъ сказать, что названная книга есть переводъ статьи профессора Герье „Кронпринцесса Шарлота“, помѣщенной въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“, если не ошибаюсь, въ 1874 г. Я увѣренъ, что много уважаемый авторъ извинитъ мнѣ эту неумышленную забывчивость, а вы печатаете настоящія строки въ ближайшей книжкѣ „Историческаго Вѣстника“.

Е. Вестужевъ-Рюминъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Къ первой книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ мы приложили портретъ С. М. Соловьева. Считаемъ умѣстнымъ приложить къ настоящей книжкѣ портретъ другаго популярнаго и уважаемаго историка нашего Н. И. Костомарова.

ГЛАВА IX.

Стюдлей-Голль.

Леди Элиоттъ была въ нервѣнительности ѣхать ли ей, или нѣтъ, къ маркизѣ въ Стюдлей-Голль, за нѣсколько миль отъ Лондона, гдѣ принцъ Уэльскій намѣревался провести нѣкоторое время вдали отъ С.-Джемса, внѣ всякаго надзора и стѣсненія. Однако не любовь принца и не борьба между долгомъ и привязанностью беспокоили теперь леди Элиоттъ... Всѣ эти вопросы уже перестали тревожить ее. Тщеславное и увлекающееся сердце молодой женщины окончательно склонилось на сторону того, кто имѣлъ за собою всѣ преимущества внѣшняго блеска, молодости, высокаго сана; но ей было легче отказать отъ всего этого, чѣмъ принимать ухаживанье принца при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ она находилась. Она чувствовала себя глубоко униженной супружествомъ съ человекомъ, котораго не могла ни ненавидѣть, ни обманывать, потому что слишкомъ презирала его и считала слишкомъ ничтожнымъ. Бывали минуты, когда она съ ужасомъ сознавала, что готова на все, даже на преступленіе, лишь-бы избавиться отъ него тѣмъ или другимъ способомъ.

Чувство стыда и какого-то неопредѣленнаго гнета постоянно тяготило ее, не давало дышать свободно, отравляло всякое удовольствіе. У ней явилась твердая рѣшимость нигдѣ не показываться больше въ публичныхъ мѣстахъ съ сэромъ Джономъ, не столько изъ боязни насмѣшекъ, которыя были неизбѣжны при его невоздержности и неумѣнны держать себя, сколько вслѣдствіе сознанія, что она едва ли не болѣе его достойна презрѣнія, такъ какъ сама выбрала себѣ такого мужа. Появляться безъ него въ томъ кругу, который былъ теперь открытъ для нея и куда она стремилась всѣмъ сердцемъ — мѣшала самый фактъ его существованія. Каждый сочтетъ нужнымъ спросить ее, почему она одна и освѣдомиться объ его здоровьѣ! Какъ будто не достаточно того позора, что она носитъ его имя!

Наконецъ, послѣ долгаго размышленія и колебаній, леди Элиоттъ рѣшилась ѣхать въ Стюдлей-Голль безъ сэра Джона, который все еще лежалъ больной въ Cork-Street'ѣ. Въ это время въ ея душѣ явилась одна мысль, пока неуловимая, которую даже нельзя было назвать намѣреніемъ, потому что она не приняла еще никакой опредѣленной формы.

Такимъ образомъ послѣ ночи въ Карлтонъ-гаузѣ ей опять предстояло встрѣтиться съ молодымъ принцемъ, который за день передъ тѣмъ пріѣхалъ въ замокъ маркизы съ малочисленной, но избранной свитой. Леди Элиоттъ, подѣзжая къ замку, почувствовала въ воздухѣ смѣшанный запахъ цвѣтущихъ липъ, розъ и жасмина, между тѣмъ

какъ лѣтнее солнце ярко озаряло старыя стѣны замка, нормандскія башни, остроконечныя окна и массивный порталъ, на которомъ издали видѣлся щитъ, съ двойнымъ гербомъ Конуэй и Сеймуровъ, и семиконечной воронкой Гертфордовъ, украшенной девизомъ: „Fide et amore“. Золотистые лучи теплаго июльскаго солнца сверкали на гладкихъ листьяхъ плюща, обвивавшаго старыя стѣны своей могучей растительностью. Широкая тераса спускалась отъ портала въ подошвѣ холма, на которомъ стоялъ замокъ, окруженный съ трехъ сторонъ стариннымъ паркомъ. День былъ солнечный, но прохладный. Леди Эліоттъ не чувствовала никакой усталости отъ дороги, тѣмъ болѣе, что она ѣхала въ придворной каретѣ, запряженной четырьмя лошадьми, которая была послана за нею; на дверцахъ видѣлся девизъ принца съ страусовыми перьями; кучеръ и лакеи были также въ придворной ливреѣ его королевскаго высочества.

Леди Эліоттъ была такъ погружена въ свои мысли, что едва отвѣчала на болтовню сидѣвшей рядомъ съ нею Бекки, и даже не замѣтила, какъ онѣ пріѣхали въ Стюдлей-Голль. Здѣсь ее тотчасъ встрѣтили лакеи въ парикахъ, красныхъ плюшевыхъ штанахъ и въ богато вышитыхъ ливреяхъ съ Гертфордскимъ гербомъ на цуговицахъ, и бережно высадили изъ кареты, а старый гофмейстеръ маркизы предложилъ проводить ее въ замокъ.

Леди Эліоттъ, поднимаясь по ступенямъ террасы, чувствовала, какъ будто для нея наступило какое-то новое существованіе. Съ тѣмъ же чувствомъ вошла она и въ огромную высокую галерею, занимавшую почти весь нижній этажъ, стѣны которой были увѣшаны большими портретами во весь ростъ: лордовъ и леди, виконтовъ и виконтессъ, маркизовъ и маркизъ двухъ фамилій Конуэй и Сеймуръ. Готическое окно въ концѣ галереи съ разрисованными стеклами освѣщало темно-краснымъ и синимъ свѣтомъ широкую красивую лѣстницу съ колоннами, украшенную рѣзбой и убранную цвѣтами и превосходными статуями. Леди Эліоттъ поднялась по этой лѣстницѣ за гофмейстеромъ, который предложилъ провести ее въ приготовленныя для нея комнаты въ правомъ флигелѣ перваго этажа. Дойдя до тяжелой дубовой двери, онъ отворилъ ее, поднялъ портьеру и удалился съ поклономъ. Передъ леди Эліоттъ открылся цѣлый рядъ комнатъ, поразившихъ ее своей грандіозной простотой. Стѣны и потолки были тѣлеснаго цвѣта съ позолотой и черной бронзой, вездѣ видѣлись большія зеркала и шелковыя занавѣси бѣлаго и краснаго цвѣта и такіе же портьеры изъ камки. Въ полуотворенныя окна вѣяло прохладой вмѣстѣ съ запахомъ хвойнаго лѣса, цвѣтущихъ липъ и луговъ. Солнечные лучи, проходя сквозь занавѣси и освѣщая комнаты ровнымъ мягкимъ свѣтомъ, безъ тѣней и ослѣпляющаго блеска, подѣйствовали успокоительно на взволнованную душу молодой женщины.

Она съ большею увѣренностію взглянула на будущее. Какая-то невѣдомая рука оторвала ее отъ прошлаго, короткаго прошлаго, ко-

торое однако заключало въ себѣ непоправимую ошибку, грозившую испортить всю ея жизнь. Она какъ будто видѣла тяжелый, невыносимый сонъ—теперь она проснулась къ новой жизни съ сознаниемъ, что молода, прекрасна, любима... Она подошла къ окну и подняла занавѣсь. Какъ прекрасенъ показался ей Божій свѣтъ! онъ улыбался ей и манилъ ее къ себѣ! Величественныя деревья парка, слегка колеблемыя вѣтромъ, далеко бросали по луку свою трепетную зубчатую тѣнь; то тутъ, то тамъ видѣлялись среди зелени сверкающія голубоватыя озера, въ которыхъ, какъ въ зеркаль, отражались рѣзкіе абрисы береговъ съ ихъ безконечными переливами красокъ и тѣней... Леди Эліоттъ стояла какъ очарованная тишиной, блескомъ и нѣмой красотой ландшафта. Наконецъ, прійдя въ себя, она опустила занавѣсь и позвонила свою горничную, такъ какъ уже давно была пора начать туалетъ.

„Нѣтъ, пожалуйста, не это платье“, воскликнула она, обращаясь къ Бекки, которая подала ей розовое платье изъ дорогой матеріи, съ безчисленными воланами, бантами, гирляндами, рукавами въ буфахъ и низко вырѣзаннымъ лифомъ по модѣ того времени. „Оно слишкомъ богато и разукрашено, да и цвѣтъ не годится для дневнаго свѣта. Дай мнѣ лучше лиловый чехоль съ газовымъ верхомъ“, продолжала она, стоя передъ зеркаломъ изъ чернаго дерева, поставленнымъ въ углу спальни.

Эта спальня отличалась особеннымъ изяществомъ! Шелковые обои матоваго коричневаго цвѣта съ золотомъ представляли пріятный контрастъ съ блѣдными тѣнями мебели и обоевъ другихъ комнатъ. Постель была завѣшана пологомъ изъ темнаго бархата съ тяжелой золотой бахромой. Такимъ же бархатомъ были обиты стулья, кресла и кушетки изъ чернаго дерева съ рѣзбою, которые вмѣстѣ съ шкафами и столами, украшенными мозаикой, были разставлены съ тѣмъ равнодушіемъ къ симметріи, которое возможно только при богатой и роскошной обстановкѣ. Въ глубинѣ комнаты виднѣлась одна изъ картинъ знаменитаго маэстро, которыми славился Стюдлей-Голль, изображавшая Данаю подъ золотымъ дождемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказала леди Эліоттъ, примѣривъ лиловое платье и отдавая его Бекки—это не годится, я лучше одѣну бѣлое.

— Вы правы, возразила горничная, бѣлое платье убранное цвѣтами вамъ всего больше къ лицу.

— Что ты говоришь Бекки, прервала ее съ досадой леди Эліоттъ, у тебя совсѣмъ нѣтъ никакого вкуса. Это бѣлое платье совсѣмъ не идетъ ко мнѣ; оно уродуетъ меня.

— Не подать ли вамъ, миледи, зеленоватое платье? нерѣшительно спросила Бекки, наклоняясь надъ большимъ сундукомъ,—цвѣтъ этотъ очень красивъ...

Миледи чуть не расплакалась и, топнувъ ногой, воскликнула: „не хочу я этого платья, ты нарочно меня мучишь, Бекки... Ми

точно опять въ монастырѣ... вотъ выбрала время сердить меня! Ты хочешь опять нарядить меня съ такимъ же безвкусиемъ, какъ въ Единбургѣ. Пожалуйста, не напоминай мнѣ о зеленомъ платьѣ“.

Беки была въ полномъ отчаяніи. Весь запасъ нарядныхъ платьевъ леди Эліоттъ былъ истощенъ. Она опять увидѣла свою молодую госпожу въ томъ капризномъ настроеніи духа, въ какомъ она была въ тотъ достопамятный вечеръ, когда спаслась отъ ея надзора бѣгствомъ и освободилась отъ ея власти замужествомъ. Но тогда Беки отъ души простила ей, такъ какъ ничто не можетъ больше польстить самолюбію прислуги, какъ выгодное замужество ихъ госпожи. Къ тому же Беки была при леди Эліоттъ отъ самой колыбели. Она сопровождала ее въ монастырь, вмѣстѣ съ ней вернулась въ Единбургъ, послѣдовала за нею и въ Лондонъ послѣ свадьбы. Никогда она еще не разставалась съ своей госпожой. Это былъ образецъ честности и преданности, но далеко не идеаль красоты; только пара черныхъ блестящихъ какъ ньювестельскій уголь глазъ придавала нѣкоторое благообразіе ея четвероугольному лицу и низкому шотландскому лбу. Она рѣшительно не знала, какъ успокоить раздосадованную леди, тѣмъ болѣе, что ровно ничего не понимала въ туалетѣ.

Наконецъ сама леди Эліоттъ вывела ее изъ затрудненія.

— Надѣюсь, воскликнула она, ты не забыла взять мое платье... синее съ бѣлымъ?

— То, которое миледи одѣвала на балъ въ Карлтонъ-гаузъ?

— Да, я хочу одѣть его, Беки... Въ этомъ платьѣ...

— Его королевское высочество... продолжала Беки начатую фразу.

— Молчи, Беки, прервала ее леди Эліоттъ, глядя съ особенной нѣжностью на платье, вынудое Беки изъ сундука, такъ какъ съ этимъ платьемъ въ душѣ ея воскресло воспоминаніе о блаженныхъ минутахъ, пережитыхъ ею. „Да“, воскликнула она: „пусть онъ опять увидитъ меня въ этомъ платьѣ“!..

Она тотчасъ же принялась за свой туалетъ и окончила его довольно скоро (разумѣется „скоро“ въ подобныхъ случаяхъ слѣдуетъ понимать относительно).

Леди Эліоттъ, стоя передъ зеркаломъ въ полномъ нарядѣ, едва узнавала себя, до того хороша была она въ своемъ синемъ платьѣ, съ жемчугомъ на шеѣ и пышной розой въ напудренныхъ волосахъ. Она невольно улыбнулась самой себѣ, и на ея полутерятыя губахъ—которыя были свѣжѣе розы, этой любимицы лѣта и солнца, появилось выраженіе нѣги и желанія полного самозабвенія.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ гофмейстеръ съ докладомъ, что пріемъ въ гостинной марезизы начался.

Леди Эліоттъ медленно вышла изъ комнаты

ГЛАВА X.

Леди Эліоттъ встрѣчаетъ мужа своей подруги.

Леди Эліоттъ остановилась съ глубокимъ поклономъ въ дверяхъ пріемной. Это была великолѣпная зала, бѣлая съ золотомъ, съ такою-же мебелью и богатымъ краснымъ ковромъ. Вечернее солнце свѣтило въ высокія готическія окна, за которыми слышался шелестъ плюща и деревьевъ.

Въ залѣ собралось многочисленное блестящее общество; гости сидѣли группами, разговаривали, смѣялись, шутили, но вполголоса, какъ этого требовало присутствіе высокопоставленной особы, удостоившей Стюдлей-Голль своимъ посѣщеніемъ. Едва гофмейстеръ доложилъ о леди Эліоттъ, какъ разговоры разомъ умолели и взоры всѣхъ устремились на дверь. Леди Эліоттъ почти не замѣтила ту сенсацію, которую произвело ея появленіе въ гостинной маркизы; она стояла неподвижно въ дверяхъ въ той же позѣ и не рѣшалась поднять глазъ. Ея сердце усиленно билось, щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

Но тутъ на средину залы вышелъ изящно одѣтый юноша, который казался моложе всѣхъ собравшихся гостей. Онъ спокойно подошелъ къ леди Эліоттъ и, взявъ ея руку, почтительно поднесъ къ своимъ губамъ. Она низко поклонилась ему и отъ сильнаго смущенія едва разслышала, какъ онъ сказалъ ей взволнованнымъ голосомъ:

— Какъ я счастливъ, что миледи Эліоттъ удостоила Стюдлей-Голль своимъ посѣщеніемъ...

Нѣсколько секундъ стояли они молча другъ передъ другомъ, но тѣмъ краснорѣчивѣе было выраженіе ихъ лицъ и пожатіе руки. Леди Эліоттъ опомнилась первая; она быстро отняла свою руку и тихо проговорила:

— Простите, ваше королевское высочество, я не ожидала такой почетной встрѣчи...

Молчаніе, царившее въ залѣ, еще болѣе смутило ихъ: для обоихъ было ясно, что на нихъ обращено общее вниманіе.

Маркиза Гертфордъ, какъ свѣтская женщина, тотчасъ замѣтила затруднительное положеніе принца и поспѣшила занять общество. Улыбаясь проходила она отъ одной группы къ другой, любезно приглашая гостей продолжать прерванный разговоръ, и наконецъ обратилась къ одному господину, задумчиво стоявшему у окна.

— Шевалье, сказала она звонкимъ заискивающимъ голосомъ, вы вѣроятно сегодня не въ первый разъ видите леди Эліоттъ.

Тотъ, къ кому обратилась маркиза, былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ красивымъ выразительнымъ лицомъ, карими глазами и смуглымъ цвѣтомъ лица. На немъ былъ голубой мундиръ Французскаго двора съ серебромъ и лиліями и небольшимъ, но богато выши-

тымъ гербомъ Орлеанскаго дома. Фамилія этого молодаго француза была С.-Мало. Его отецъ, прадѣдъ и предки считались вассалами герцоговъ Бурбоновъ-Пентьевровъ и въ награду за вѣрную службу получили отъ нихъ дворянство, замокъ и ленное помѣстье.

Замокъ С.-Мало находился въ Верхней Бретани, недалеко отъ города С.-Мало и Ламбалль (какъ извѣстно, старшій въ родѣ Пентьевровъ носилъ титулъ герцога Ламбалль) и стоялъ на самомъ берегу моря, отдѣляющаго Францію отъ Англій. Онъ имѣлъ мрачный и угрюмый видъ средневѣковаго укрѣпленія, состоящаго изъ скаль, поднятыхъ на скалахъ, съ башнями, похожими на зубчатые утесы и съ такими-же гранитными бастіонами. Издали трудно было отличить замокъ отъ окружающихъ скаль: они какъ бы срослись между собой. Въ этомъ замкѣ родился шевалье С.-Мало, но онъ почти забылъ о немъ и только крикъ морскихъ птицъ и глухой шумъ волнъ остались единственными воспоминаніями его ранняго дѣтства. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ почти ребенкомъ въ качествѣ пажа принцессы Луизы-Маріи Бурбонъ-Пентьевръ, вступившей въ супружество съ Людовикомъ-Іосифомъ-Филиппомъ, тогдашнимъ герцогомъ Шартрскимъ. Образование, которое такимъ образомъ получилъ С.-Мало вмѣстѣ съ вліяніемъ столичной и придворной жизни, должны были изгладить изъ его памяти немногія впечатлѣнія первыхъ годовъ его жизни. Между тѣмъ эти самыя впечатлѣнія быть можетъ и были главной причиною той замкнутости и несообщительности, которыя составляли основу его характера, такъ какъ въ зрѣломъ возрастѣ вообще трудно рѣшить, что намъ дано самой природою, что пріобрѣтено потомъ и вслѣдствіе какихъ вліяній. Но каковы бы ни были причины, повліявшія на характеръ шавалье С.-Мало, онъ тѣмъ не менѣе былъ чуждымъ и непонятнымъ явленіемъ въ окружающей его придворной средѣ. Онъ невольно внушалъ къ себѣ уваженіе своимъ ровнымъ безукоризненнымъ обращеніемъ съ людьми, своею постоянною сдержанностью. Онъ умѣлъ хорошо говорить, но еще лучше умѣлъ молчать, что было большой заслугой въ тогдашнемъ высшемъ Парижскомъ обществѣ, гдѣ всѣ охотно и много болтали и не всегда встали. Быть можетъ это свойство и привлекло на него вниманіе герцога Шартрскаго, получившаго по смерти отца титулъ герцога Орлеанскаго. Герцогъ принялъ на свою службу бывшаго пажа своей супруги, сдѣлалъ его черезъ нѣкоторое время своимъ адъютантомъ и даже послалъ его съ порученіемъ къ принцу Уэльскому. Порученіе это состояло въ большомъ красивомъ письмѣ, запечатанномъ гербовою печатью герцога, которое С.-Мало долженъ былъ собственноручно передать принцу, что онъ и исполнилъ въ это утро. Сношенія между герцогомъ Орлеанскимъ и принцемъ Уэльскимъ были довольно частыя и продолжались уже нѣсколько лѣтъ, такъ какъ оба они одинаково увлекались удовольствіями, одинаково любили лошадей и женщинъ. Но герцогъ былъ вдвое старше принца Уэльскаго и славился своимъ богатствомъ, между

тѣмъ какъ принцъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Ходили слухи, что герцогъ Орлеанскій приобрѣлъ свои богатства не совсѣмъ честнымъ путемъ и что онъ намѣренно развратилъ и довелъ до преждевременной смерти брата своей жены, молодаго герцога Ламбадль, единственнаго наслѣдника дома Пентьевровъ, чтобы воспользоваться его громаднымъ состояніемъ. Молва въ этомъ случаѣ была только нѣсколько преувеличена; хотя герцогъ никогда не останавливался ни передъ какимъ дурнымъ поступкомъ, но онъ былъ слишкомъ легкомысленъ, чтобы совершить злодѣяніе съ какою нибудь опредѣленною цѣлью. Однако не смотря на тяжелое преступленіе, въ которомъ онъ обвинялся, не смотря на его безпутную жизнь и безумное мотовство, современники относились къ нему крайне снисходительно, а такъ называемое высшее общество безусловно интересовалось имъ.

Гости, собравшіеся въ Стюдлей-Голлѣ, терялись въ догадкахъ относительно цѣли таинственнаго посольства шевалье С.-Мало и содержанія переданнаго имъ письма; однако трудно было рассчитывать узнать что-либо, такъ какъ сама маркиза не имѣла относительно этого никакихъ свѣдѣній, хотя не теряла надежды собрать ихъ тѣмъ или другимъ путемъ. Разговаривая съ С.-Мало, она ограничивалась пока общими фразами и между прочимъ обратилась къ нему съ замѣчаніемъ, что онъ вѣроятно не въ первый разъ видитъ леди Эліоттъ.

— Вы правы, маркиза, — отвѣтилъ С.-Мало, взглянувъ мелькомъ на даму, съ которой разговаривалъ принцъ, — мнѣ кажется, что я уже видѣлъ эту голову, эти глаза, ротъ... но гдѣ?..

— Вы странный народъ, господа кавалеры! Какая же у васъ плохая память! — воскликнула улыбаясь маркиза. — Повѣрю ли я вамъ, шевалье, что вы могли забыть такіе блестящіе глаза, такой прелестный ротъ, существо, которому видимо суждено...

— Быть Клеопатрой! — добавилъ С.-Мало съ иронической улыбкой.

— Шевалье!.. Дамы въ Англіи еще не научились искусству распускать жемчугъ въ винѣ...

— Дамы въ Англіи не должны прибѣгать къ такому мѣраму: онѣ и такъ умѣютъ кружить намъ головы!

Маркиза поблагодарила за ловкій комплиментъ легкимъ наклоненіемъ головы.

— Но мы обязаны этимъ искусствомъ вашей націи, шевалье! — сказала она.

— Мнѣ очень лестно слышать это, маркиза... Но если я не ошибаюсь, у меня дѣйствительно плохая память и вы не даромъ упрекнули меня въ этомъ. Сдѣлайте одолженіе, маркиза, назовите мнѣ фамилію дамы, съ которой разговариваетъ его королевское высочество.

— Видно, что вы новичекъ при нашемъ дворѣ, мосье С.-Мало; иначе вы навѣрно запомнили бы фамилію леди Эліоттъ.

— Теперь я уже никогда не забуду этой фамиліи, маркиза. Положительно судьба преслѣдуетъ меня: я не могу припомнить, гдѣ я

видѣлъ ее... Я не сомнѣваюсь, что леди Эліоттъ родилась въ Англии, которая не даромъ славится своими красавицами, но улыбка ея напоминаетъ мнѣ моихъ соотечественницъ, какъ и ваша любезность, маркиза!..

— Вы льстите мнѣ, шевалье, и вмѣстѣ съ тѣмъ обижаете мою родину. Я не отрицаю, что люблю Парижъ и Францію. Мнѣ говорили, что леди Эліоттъ получила образование въ одномъ французскомъ монастырѣ и я была увѣрена, что вы не разъ видѣли ее. Герцогъ Орлеанскій часто бываетъ въ этомъ монастырѣ.

— Я не всегда имѣю честь сопровождать его королевское высочество въ подобныхъ случаяхъ. Но позвольте васъ спросить, маркиза: въ какомъ монастырѣ воспитывалась леди Эліоттъ?

— Должно быть въ Монфлери.

— Монфлери!—повторилъ С.-Мало съ нѣкоторымъ волненіемъ, но черезъ секунду лицо его приняло свое обычное выраженіе полного спокойствія и самообладанія. — Не можете ли вы, маркиза, сообщить мнѣ встать фамилію леди Эліоттъ до ея замужества?

— Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ она называлась миссъ Грессъ Дальримпе.

— Значитъ, я уже видѣлъ черты этого лица въ медаліонѣ, который моя... г-жа С.-Мало хранить какъ святыню. Обѣ онѣ воспитывались въ Монфлери и повлялись въ вѣчной дружбѣ. Вамъ разумеется извѣстно, маркиза, что такого рода клятвамъ молодня дѣвушки придаютъ большое значеніе, хотя эти клятвы также легко нарушаются, какъ и всѣ остальные... Обѣ подруги, живя въ монастырѣ, пролили не мало безпричинныхъ слезъ во время своихъ сердечныхъ изліаній, предаваясь разнымъ надеждамъ и мечтамъ, которыя на счастье ихъ самихъ не осуществились. Миссъ Грессъ Дальримпе!.. какъ часто слышалъ я это имя и какъ памяты мнѣ малѣйшія подробности... но могъ ли я ожидать встрѣтить ее здѣсь и въ такой...

— Можетъ быть вы ожидали встрѣтить ее подъ руку съ толстѣйшимъ сѣдовласымъ господиномъ, изображающимъ изъ себя квадратъ, и нашли бы это болѣе естественнымъ?

— Я нахожу вполне естественнымъ и то, что вижу теперь. Можетъ ли разумный человекъ удивляться чему бы то ни было на свѣтѣ! Но право, маркиза, когда я гляжу на леди Эліоттъ, которая въ эту минуту вся освѣщена солнцемъ, мнѣ невольно приходитъ въ голову, что г-жа С.-Мало должна благодарить небо за то, что на ея долю выпала болѣе скромная судьба! Женщина должна оставаться въ тѣни! Тоже говорится и въ Библии, чуть ли не въ псалмахъ... вѣроятно въ виду сбереженія цвѣта лица...

— Но отъ солнца трудно укрыться, моее С.-Мало!.. Если мы за навѣсимъ окно, то оно проникнетъ въ щель.

— На то намъ и даны глаза, чтобы во время замѣтить эту щель... Но я во всякомъ случаѣ очень доволенъ, что память наконецъ вы-

ручила меня; и вы сдѣлаете мнѣ большое одолженіе, маркиза, если доставите мнѣ возможность лично познакомиться съ леди Эліоттъ.

— А вы забыли, что говоритъ Библія! шутя замѣтила маркиза, приглашая его слѣдовать за собою. — Развѣ не нужно остерегаться солнца?

— Мнѣ бояться нечего! отвѣтилъ С.-Мало тономъ, въ которомъ выражалась полная увѣренность въ собственной безопасности, хотя осуждая другихъ онъ и не подозрѣвалъ, какъ мало знаетъ онъ людей и самого себя!

Маркиза и шевалье С.-Мало остановились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна, выжидая удобной минуты для представленія.

Но принцъ и леди Эліоттъ не замѣтили ихъ и продолжали свой разговоръ въ полной увѣренности, что никто не можетъ слышать ихъ словъ, такъ какъ они стояли въ глубинѣ оконной ниши, полузакрытой занавѣсами изъ бѣлаго и пунцоваго атласа.

— Грѣсъ! воскликнулъ принцъ, увлеченный страстью, которую не могъ или не считалъ нужнымъ скрывать при своемъ высокомъ санѣ—если бы ты знала, какъ я мучился все это время, сгорая желаніемъ видѣть тебя, прикоснуться къ губамъ твоимъ...

— Ваше королевское высочество... принцъ,—проговорила въ смущеніи леди Эліоттъ.

— Къ чему вся эта комедія, Грѣсъ!.. Для всѣхъ я принцъ и королевское высочество, но для тебя я готовъ отказаться отъ этихъ титуловъ, отъ всего свѣта... Называй меня Георгомъ, милая Грѣсъ, твоимъ Георгомъ!

— Ваше королевское высочество!—робко отвѣтила леди Эліоттъ: могу ли я забыть, что каждое сказанное мною слово... преступленіе!..

— Не говори этого, Грѣсъ! Если ты въ самомъ дѣлѣ убѣждена въ этомъ, то значить ты меня никогда не любила.

— Могу ли я забыть, что измѣна...

— Какая измѣна?—прервалъ ее принцъ: кто рѣшился на нее! Развѣ измѣна не та же змѣя, которую можно придавить ногой. Клянись св. Георгомъ, что...

Онъ хотѣлъ снять перчатку съ своей руки, но это не сразу удалось ему, такъ какъ его королевское высочество по своему обыкновенію носилъ очень узкія перчатки. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ сорвалъ перчатку и въ тотъ же моментъ съ руки его скатилось рубиновое кольцо и блестящей искрой упало на красный коверъ.

— Мое кольцо!—воскликнула леди Эліоттъ взволнованнымъ голосомъ и такъ громко, что многіе услышали этотъ возгласъ.

Принцъ невольно оглянулся.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна стояла маркиза съ шевалье С.-Мало; оба согласно этикету почтительно поклонились его королевскому высочеству.

Принцъ тотчасъ же опомнился.

— Здѣсь не мѣсто!.. шепнулъ онъ леди Эліоттъ: мы не одни; но я долженъ переговорить съ тобой, Грэсъ — мы не совсѣмъ понимаемъ другъ друга. Видишь ли ты эту бесѣдку подъ дубами у того озера? онъ указалъ ей рукою на густой зеленый паркъ, освѣщенный мягкими лучами вечерняго солнца.—Тамъ я буду ждать тебя въ десять часовъ. Это моя первая просьба, Грэсъ, она будетъ и послѣдней—если ты потребуешь этого.

— Мое кольцо! шепнула она въ отвѣтъ умоляющимъ голосомъ. Но принцъ уже отвернулся.

— Шевалье, сказалъ онъ, обращаясь къ С.-Мало, моя дорогая пріятельница маркиза представитъ васъ леди Эліоттъ.

Но что случилось съ кольцомъ?.. Оно покатилося по ковру и исчезло на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ полковникъ Тарлетонъ. Онъ незамѣтно прикрылъ кольцо ногой, а потомъ быстро наклонился и поднялъ его въ то время, когда маркиза подвела С.-Мало къ леди Эліоттъ.

Такимъ образомъ кольцо пропало безслѣдно; секунду спустя молодая женщина напрасно искала его глазами по ковру.

— Миледи, сказалъ ей С.-Мало, почтительно раскланиваясь передъ нею, я очень радъ, что судьба доставила мнѣ возможность передать вамъ поклонъ отъ вашей подруги, Натали С.-Мало.

— Натали! воскликнула леди Эліоттъ съ радостнымъ изумленіемъ. Имя любимой подруги было для нея какъ бы отголоскомъ дорогаго прошлаго, заставившимъ ее очнуться отъ различныхъ волновавшихъ ее, ощущеній, желаній, надеждъ. „Натали“... повторила она нѣжно, какъ будто обращаясь къ своей подругѣ. „Какъ я счастлива, продолжала она, что мнѣ наконецъ удалось увидѣть того, кому Натали отдала свое сердце... свою руку“...

При этомъ она невольно взглянула на стоявшаго передъ нею С.-Мало; но тотчасъ же съ смущеніемъ опустила глаза, чувствуя себя какъ будто виноватой и чѣмъ-то оскорбленной. На ея поблѣднѣвшемъ красивомъ личикѣ въ эту минуту мелькнуло неуловимое выраженіе, которое трудно передать словами. Было ли это сомнѣніе въ томъ: счастлива ли ея подруга? счастливѣе ли или безгрѣшнѣе ея самой? Воображеніе яркими красками нарисовало ей счастливые дни школьной жизни, тишину и мракъ монастыря; розовыя мечты, съ какими она относилась тогда къ невѣдомому для нея міру, который казался ей такимъ привлекательнымъ въ туманной дали. Вспомнила она и кроткіе каріе глаза своей подруги — эти ласкающіе любящіе глаза, полные жизни, казавшіеся ей такими загадочными и на которые она готова была смотрѣть часами...

Но всѣ эти образы, промелькнувъ передъ ея глазами, тотчасъ же исчезли; она чувствовала только устремленный на нее лукавый и насмѣшливый взглядъ С.-Мало. Хотя она только одну секунду видѣла его лицо; но оно отчетливо врисалось въ ея памяти до малѣйшихъ

подробностей. Особенно неприятно поразило ее постоянное саркастическое подергиваніе его губъ; дорого дала бы она, чтобы узнать, что думаетъ этотъ человѣкъ съ маленькими лукавыми глазами, сросшимися бровями и низкимъ лбомъ? Неужели онъ прочелъ, что дѣлается въ ея душѣ? Что же онъ нашелъ въ ней, что смотритъ на нее такъ холодно и насмѣшливо, какъ будто торжествуетъ, что сразу понялъ ее?.. Вся кровь бросилась ей въ голову при этой мысли, но развѣ она уже сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ считалъ ее мужъ Натали? и въ правдѣ ли онъ придавать такое серьезное значеніе ея желаніямъ и рѣшеніямъ, которыя быть можетъ никогда не сбудутся!.. Не подозрѣвая, что приписала другому свои собственныя мысли и ощущенія, она всею душою возненавидѣла этого человѣка и подумала съ злобною радостью, что подруга, замужеству которой она такъ завидовала въ былое время, вѣроятно ничуть не счастливѣе ея, и что рано или поздно наступитъ день, когда Натали будетъ также виновна, какъ и она.

Эта мысль, хотя не могла развеселить леди Эліоттъ, однако настолько ободрила ее, что она смѣло, почти надмѣнно, взглянула въ лицо шеваляе С.-Мало и сама взяла его подъ руку, когда въ замкѣ позвонилъ большой колоколь и гофмейстеръ, появившись въ дверяхъ, доложилъ господамъ, что поданъ обѣдъ.

ГЛАВА XI.

Даная.

На старой башнѣ уже давно пробило девять часовъ. Вечеръ, хотя прохладный по времени года, былъ наполненъ благоуханіемъ цвѣтвыхъ и кустарниковъ, освѣщенныхъ золотистымъ свѣтомъ луны, которая казалась необыкновенно яркою и прозрачною. Озеро искрилось и блестяло, принимая мѣстами то голубоватый цвѣтъ отъ отраженія неба, то серебристо-зеленый или черный отъ свѣта и тѣней окружающихъ деревьевъ.

Все было тихо въ паркѣ. Спокойно и неподвижно лежалъ свѣтъ луны на большой лужайкѣ передъ озеромъ; но за нею время отъ времени показывалась едва уловимая тѣнь женщины подъ вуалемъ. Она то стояла на мѣстѣ, то двигалась взадъ и впередъ, или опять скрывалась во мракѣ, какъ бы изъ боязни, что лунный свѣтъ измѣнитъ ея тайнѣ.

— Онъ не идетъ. Я знала, что онъ не сдержитъ своего слова, проговорила она чуть слышно. Мужчины никогда не исполняютъ своихъ обѣщаній!.. Одни только женщины умѣютъ любить и ненавидѣть...

Она вышла на лужайку и остановилась, внимательно оглядываясь по сторонамъ.

Передъ нею возвышался замокъ со своими старыми высокими стѣнами, терасой и лѣстницами, казавшійся издали какимъ-то волшебнымъ жилищемъ. Причудливо группировались части массивнаго зданія, то мрачныя и подернутыя синеватымъ туманомъ, то ярко освѣщенныя и какъ будто сотканныя изъ лучей, представляя безконечные переходы свѣта и тѣней. Рядомъ съ темными башнями и тяжелой какъ будто нависшей крышей протягивались широкія полосы свѣта по стѣнамъ, гдѣ каждый камень блестѣлъ какъ зеркало и рельефнѣе нежели днемъ обозначались изящныя линіи балконовъ. Одни окна глядѣли холодно и неподвижно какъ глаза мертвеца, другія горѣли яркимъ свѣтомъ отъ множества канделябръ, зажженныхъ въ залахъ замка.

Темная фигура въ саду внимательно прислушивалась, въ надеждѣ уловить какою нибудь признакъ жизни, шумъ или звукъ въ замкѣ. Но она ничего не слышала, такъ какъ разстояніе было слишкомъ велико... Все было тихо; тихо какъ ночь и луна на небѣ:

Только изрѣдка ударяла волна о береговой песокъ; иногда какъ будто что-то ломалось и хрустѣло въ кустахъ; конецъ вѣтки съ легкимъ шелестомъ погружался въ воду или въ листьѣ проносился легкой вѣтерокъ. Иногда на лугу слышались точно чьи-то шаги, полувоздушные какъ шаги фей, которые едва касались росы, висѣвшей въ видѣ крупныхъ блестящихъ капель на травѣ; то были серны, выходившія на опушку лѣса какъ бы для того, чтобы насладиться свѣжестью ночи, запахомъ цвѣтовъ и взглянуть хотя издали на жилище человѣка. Луна освѣщала ихъ изящныя головки съ приподнятыми ушами и умными блестящими глазами; но черезъ секунду онѣ опять исчезали въ чащѣ.

Но вотъ вдали, на пространствѣ, отдѣлявшемъ замокъ отъ озера, показалась какая то черная фигура, которая время отъ времени скрывалась за деревьями.

— Что за причина, что онъ выбралъ эту дорогу? прошептала женщина, стоявшая за лужайкой. — Онъ хотѣлъ придти сюда по дубовой аллеѣ, а не черезъ лугъ. Но все равно — онъ идетъ, онъ сдержалъ слово!

Она не ошиблась. Дѣйствительно по лугу шель какою-то чловѣкъ, который безпрестанно останавливался, оборачиваясь къ замку и видимо прислушивался къ чему-то.

— Какъ онъ тихо идетъ! — воскликнула она, — какъ будто мы, женщины, когда нибудь опаздываемъ въ такихъ случаяхъ. Могъ ли онъ думать, что я заставлю ждать себя!

Съ этими словами, не заботясь о томъ, что кто нибудь можетъ увидѣть ее, она смѣло вышла на лужайку и поспѣшила къ озеру,

такъ какъ человѣкъ, котораго она ждала съ такимъ нетерпѣніемъ, уже подходилъ къ мѣсту и могъ пройти мимо не замѣтивъ ея. Но сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она тотчасъ же отступила назадъ съ подавленнымъ крикомъ ужаса, все болѣе и болѣе погружаясь въ тѣнь деревьевъ и густыхъ кустарниковъ.

На мостъ медленно взошелъ человѣкъ,—но другой, не тотъ, котораго она ждала. Это былъ стройный юноша, средняго роста, съ красивыми и пропорціональными формами тѣла. На плечахъ у него былъ небрежно накинутъ плащъ, а на голову надѣта шляпа съ широкими полями.

Онъ снялъ шляпу и облокотился на свозныя перила моста. Луна ярко освѣщала его молодое прекрасное лицо, точно выточенное изъ мрамора, высокой лобъ, изящно очерченный носъ, слегка приподнятую губу. Стоя на мосту, линии котораго исчезали, сливаясь съ серебрянымъ свѣтомъ луны, онъ казался парящимъ надъ водою въ прозрачномъ голубомъ воздухѣ, представляя собою идеальное изображеніе юноши, любимца боговъ и женщинъ. Ни одна черта лица его не ускользнула отъ вниманія той, которая слѣдила за нимъ, скрываясь во мракѣ деревъ. Она крѣпко ухватилась за ближайшую вѣтку; колѣни ея дрожали, сердце усиленно билось.

— Не его ждала я, — говорило ея взволнованное сердце. — Это принцъ! не ко мнѣ идетъ онъ!..

Жадно слѣдила она за всѣми его движеніями. Она чувствовала мучительное наслажденіе, глядя на него, и не могла оторвать глазъ.

Но черезъ секунду злоба опять проснулась въ ней. „Вотъ удобный случай для мести“, напощивала ей какой-то таинственный голосъ. „Что мѣшаетъ тебѣ вонзить въ его сердце этотъ кинжалъ, который онъ когда-то подарилъ тебѣ шутя... Ты уже не можешь больше любить его, убей его... Чего бояться убійства, грѣха, когда не существуетъ наказанія для преступниковъ! Лучше смерть, чѣмъ такая жизнь, полная мученій, упрековъ, напрасныхъ стремленій! Лучше умереть изъ-за него— вмѣстѣ съ нимъ— вода все скроетъ и стыдъ, и преступленіе... замолкнетъ и ненависть, и любовь!..

Голова закружилась у ней и она упала на землю. Красивый кинжалъ съ позолоченной рукояткой, украшенный драгоценными камнями, который большѣ годился для сцены, чѣмъ для убійства выскользнулъ изъ рукъ ея. Вѣтки сильно захрустѣли подъ нею и дерево пошатнулось. Что могло быть причиною этого внезапнаго шума въ тихую лунную ночь? Принцъ съ удивленіемъ и видимой досадою оглянулся въ ея сторону. Теперь она ясно видѣла его лицо, обращенное къ ней съ выраженіемъ какого-то боязливаго ожиданія, это лицо, когда-то оживленное страстью и такъ нѣжно глядѣвшее на нее. Она видѣла въ немъ не принца, а своего бывшего возлюбленнаго, который стоялъ одинокій и казался такимъ же слабымъ и безпомощнымъ, какъ и всѣ смертные. Въ душѣ ея проснулась безумная

надежда, что въ эту минуту онъ быть можетъ сжалится надъ ея горемъ, которое онъ самъ причинилъ, и чтобы спасти утопленницу, нѣбогда имъ любимую, протянетъ ей руку примиренія. „Быть можетъ все опять пойдетъ по старому“, говорилъ ей обманчивый голосъ сердца. „Одинъ шагъ приведетъ тебя къ нему, ты расскажешь ему, сколько горя ты вынесла изъ-за него, онъ не знаетъ этого, ему не дали выслушать тебя. Въ этомъ виноваты злые люди и вѣроятно тотъ, кто годами добивался любви твоей... Неужели могли измѣнить эти уста, которыя когда-то клялись тебѣ въ вѣчной привязанности, это сердце, которое было полно тобою... Неужели онъ забылъ своего ребенка“!..

У несчастной помутилось въ глазахъ отъ наплыва всевозможныхъ мыслей и ощущеній. Ей казалось, что она видитъ тяжелый сонъ, не можетъ достигнуть цѣли, къ которой стремится, и падаетъ откуда-то съ высоты. Но вотъ опять послышался шумъ вѣтвей; принцъ опять оглянулся. Лицо его казалось еще болѣе взволнованнымъ, и она почти громко вскрикнула: „Иду къ нему“.

Въ эту минуту она почувствовала, что кто-то удержалъ ее за плечи. Это была сильная мужская рука... Это уже былъ не сонъ, не лихорадочная фантазія, а дѣйствительность!..

— Боже мой, Мэри! что ты дѣлаешь! проговорилъ за нею полупотомъ твердый и рѣшительный голосъ,—ты и себя, и меня погубишь!

Затѣмъ, не давая ей времени для отвѣта или сопротивленія, та же сильная рука зажала ей ротъ; ее подняли; и не успѣла она опомниться, какъ уже очутилась въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ озера, въ лѣсу, окружавшемъ паркъ, подъ высокими деревьями, которыя едва пропускали лунный свѣтъ. Тутъ ее бережно посадили на землю и она опять почувствовала себя на свободѣ.

— Это твое дѣло, Тарлетонъ! проговорила она съ яростью. — Здѣсь мы одни и я могу говорить то, что думаю! Измѣнникъ! Ты разлучилъ меня съ нимъ, ты разыгралъ всю эту оскорбительную для меня комедію, чтобы достигнуть цѣли твоихъ безнадежныхъ желаній.

— Бѣдная женщина!— печально проговорилъ Тарлетонъ ласково, положивъ ей руку на плечо.—Плохо знаешь ты мужское сердце! Неужели ты думаешь, что порванную любовь можно спить, какъ куски лентъ, или, что охладѣвшую страсть можно зажечь, какъ погасіе уголья. Вѣрь мнѣ, Мэри, что нѣтъ ничего болѣе жестокаго, какъ сердце, которое перестало любить. Но пытаться возвратить невозвратно потерянное — значить вмѣсто равнодушія возбудить къ себѣ презрѣніе.

— Не подливай масла въ огонь, хладнокровный философъ, дѣйствующій изъ одного расчета.

— Ты ослѣплена твоимъ безуміемъ, несчастная! Отъ души желалъ бы я сдѣлаться хладнокровнымъ, своекорыстнымъ философомъ! Но скажи мнѣ: можетъ ли быть эгоистомъ тотъ, котораго любовь

обратила въ безумца и заставила совершить преступленіе. Мы играемъ въ опасную игру, Мэри! Я всёмъ пожертвовалъ для тебя, даже честью... Я потерялъ ее!.. Но вотъ плата, которую ты требовала отъ меня—вотъ кольцо!

Съ этими словами онъ подаль ей кольцо, похищенное имъ нѣсколько часовъ тому назадъ въ залѣ Стюдлей-Голль.

— Возьми его, — продолжалъ онъ взволнованнымъ голосомъ: возьми это рубиновое кольцо; оно жжетъ мнѣ руку, какъ раскаленное...

— На что оно мнѣ,—равнодушно отвѣтила миссисъ Робинзонъ, на что мнѣ это жалкое орудіе клеветы и обмана, когда ты лишилъ меня возможности достигнуть давно задуманной цѣли.

— Какой цѣли? Что ты хотѣла сдѣлать, Мэри! говори ради Бога! воскликнулъ онъ съ боязливымъ предчувствіемъ чего-то недобраго.

— Я снова овладѣла-бы его сердцемъ, или убила-бы его на мѣстѣ, проговорила она чуть слышно; но слова эти, точно свинецъ, легли на душу Тарлетона.

Черезъ секунду она поднялась на ноги и проговорила, воодушевляясь все болѣе и болѣе:

— Еще время не прошло... пусти меня... прочь!.. твои руки не должны прикасаться ко мнѣ!.. У меня достанетъ силы... Я справлюсь и съ тобою!..

Она не могла продолжать. Изнемогая, какъ раненный звѣрь, преслѣдуемый охотниками, она упала подъ дубомъ на холмъ, поросшій мохомъ. Сострадательныя сумерки лѣса укрыли ее отъ всѣхъ глазъ, кромѣ печальныхъ глазъ человѣка, который глубоко любилъ ее.

Между тѣмъ принцъ, видя, что шорохъ затихъ и предполагая, что причиной его была упавшая вѣтка или лѣсной звѣрь, проскользнувшій въ кустарникѣ,—успокоился и сталъ присматриваться, въ надеждѣ увидѣть ту, которую онъ ожидалъ съ такимъ нетерпѣніемъ. Страсть съ каждой минутой разгаралась въ немъ все сильнѣе и сильнѣе, воображеніе рисовало ему картины, отъ которыхъ кровь бросалась въ голову, и онъ чувствовалъ лихорадочный жаръ.

Въ это время колоколъ на старой башнѣ Стюдлей-Голль пробилъ десять часовъ; медленно и глухо раздавались удары одинъ за другимъ, постепенно замирая въ тишинѣ голубоватой лунной ночи.

Но вотъ послышались тихіе неровные шаги, какъ шаги преступника, который крадется и вмѣстѣ съ тѣмъ боится прикоснуться земли. На лужайкѣ появилась граціозная фигура женщины подъ бѣлымъ вуалемъ, освѣщенная луннымъ свѣтомъ.

Принцъ не только видѣлъ, но и чувствовалъ ея приближеніе всёмъ своимъ существомъ. Онъ испытывалъ одну изъ тѣхъ блаженныхъ минутъ, когда у человѣка захватываетъ дыханіе отъ наплыва счастья и почти останавливается бѣненіе пульса. Съ страстнымъ порывомъ при-

нялъ онъ ее въ свои объятія и въ первый разъ прикоснулся къ ея трепетнымъ губамъ, шопотомъ называя ее „Гресь“ и заглушая едва произнесенное имя поцѣлуемъ.

Она тихо отстранила его рукою. Но въ этомъ жестѣ было что-то вызывающее, что еще сильнѣе могло возбудить томленіе увлеченнаго юноши и придать ему еще большую смѣлость.

— Принцъ... проговорила она такимъ дрожащимъ голосомъ, что слово это почти замерло на устахъ ея.

— Милая, наконецъ-то мы одни; я могу сказать тебѣ, что я твой и поцѣлуями принудить тебя къ признанію, которое уже давно готовы произнести уста твои.

— Остановитесь... принцъ... Георгъ... — шептала она, съ трудомъ вырываясь изъ его объятій: многое раздѣляетъ насъ... я не должна слушать тебя.

Сопротивляясь и вмѣстѣ съ тѣмъ покоряясь его волѣ, шла она съ нимъ по мосту, подъ тѣнью деревьевъ, и наконецъ вошла въ бесѣду, гдѣ благоухали розы и слышался тихій шопотъ каприфолій отъ легкаго дуновенія вѣтерка. Время отъ времени доносились какіе-то едва уловимые звуки; каждый листокъ, казалось, говорилъ своимъ языкомъ, каждый шелестъ имѣлъ особый таинственный смыслъ. Кругомъ весь свѣтъ словно затихъ, опустѣлъ и вымеръ; — никто не могъ подстеречь влюбленныхъ въ этомъ удлиннномъ мѣстѣ и открыть тайну ихъ перваго свиданія;—видѣть ихъ могли однѣ серны, въ лѣсу но и то въ бесѣдѣ было такъ темно, какъ въ могилѣ.

Гресь, войдя съ принцемъ, сѣла на скамью.

— Мнѣ не суждено быть твоєю! сказала она, отстраняя его отъ себя.—Ты знаешь, что меня связываетъ. Разорви мои оковы, освободи меня и тогда... Но ты долженъ избавить меня отъ позора...

Въ это время въ вѣтвяхъ пронесся шорохъ; влюбленнымъ показалось что кто-то крадется къ нимъ чуть слышными шагами. Секунду спустя, листья зашумѣли уже у самой бесѣдки и чей то голосъ шепнулъ на ухо Гресь:

— Ты нашла то, чего искала!

Гресь содрогнулась. Вслѣдъ затѣмъ она почувствовала довольно сильную боль въ боку—какъ будто что-то острое кольнуло ее.

Она невольно вскрикнула... „Что это такое?..“ съ испугомъ спросила она принца.

— Милая успокойся, это вѣтеръ; со мною тебѣ бояться нечего!.. Здѣсь храмъ нашей любви, Гресь. Здѣсь ты выслушаешь твоего вернаго и послушнаго раба, который всецѣло поклоняется твоей красотѣ отдается на твою волю... Дай мнѣ только устранить послѣднее препятствіе и ты будешь моею навсегда.

Въ вустахъ опять послышался шумъ и Гресь чувствовала, какъ будто къ ней прикоснулись невидимыя руки.

— Принцъ, воскликнула Грэсъ, видѣ себя отъ ужаса, — чьи-то руки прикоснулись ко мнѣ!

— Это розы, Грэсъ, онѣ благосклонно склонились къ тебѣ, чтобы коснуться твоего прелестнаго чела, твоей головки, которую со временемъ я украшу короной трехъ королевствъ. Да, Грэсъ! эта корона у ногъ твоихъ. Тебѣ стоитъ только наклониться, чтобы поднять ее!.. Не отвергай любви моей, дорогая моя!..

Принцъ остановился. Шумъ въ кустахъ замѣтно усиливался, уже ясно можно было различить чьи-то шаги, какъ будто борьбу, гдѣ одинъ силою удерживалъ другаго, затѣмъ какъ бы подавленный вопль ярости и стоны, которые становились все слабѣе и безпомощнѣе.

— Принцъ! прошептала Грэсъ, вскакивая съ мѣста. Слышите ли вы голоса... Это голоса духовъ!

— Чего ты такъ испугалась, Грэсъ, сказала принцъ, стараясь казаться спокойнымъ. Развѣ ты не видишь, что это серны? Слышишь ли, какъ хрустятъ вѣтки подъ ихъ ногами? А этотъ крикъ ихъ?.. Я не разъ слышалъ его ночью, въ лѣсу, во время охоты. Вотъ теперь онѣ затихли и пробираются въ чащу лѣса!.. Но тутъ послышались уже не шаги дикихъ сернь и не ихъ крикъ... Среди ночной тишины рѣзко раздался женскій голосъ. Голосъ этотъ громко прогвѣлъ:

„Мнѣ-ль тужить, душа, объ этомъ?
 „Ночью свѣтитъ блѣдный мѣсяцъ —
 „Хоть туда, сюда брожу я,
 „Все-жъ приду, куда мнѣ надо!..

— Опять духи! вскрикнула въ испугѣ Грэсъ, бросившись опрометью изъ бесѣдки черезъ мостъ и лугъ, прямо къ замку. Принцъ едва успѣвалъ за нею; онъ былъ видѣ себя отъ безпокойства за Грэсъ и бѣшенства на такую неожиданную помѣху.

Духъ, испугавшій Грэсъ, былъ хорошо знакомъ принцу; онъ тотчасъ узналъ голосъ своей бывшей возлюбленной, вспомнилъ даже стихи изъ „Зимней сказки“, которые слышалъ много разъ въ былое время, когда исполнялъ роль Флорицеля.

Теперь онъ рѣшился во что бы то ни стало избавиться отъ ненавистной женщины.

Между тѣмъ едва принцъ и леди Элиоттъ оставили бесѣдку, какъ въ ней появилась Мэри Робинзонъ, въ сопровожденіи Тарлетона.

— Ты добилашь того, чего хотѣла, безумная женщина! Чѣмъ кончится все это! Ты погубишь насъ обоихъ.

— Мы погибнемъ вмѣстѣ, значить печалиться нечего! отвѣтила она съ злобнымъ смѣхомъ. Теперь мнѣ остается окончить еще одно дѣло, и тогда... клянусь этимъ рубиновымъ кольцомъ, что бы ни случилось со мною... тогда я буду твоя на вѣки!..

— Какое еще дѣло затѣяла ты? На что тебѣ это кольцо? Что ты хочешь дѣлать съ нимъ?

— Все узнаешь со временемъ, другъ мой... Не спрашивай меня. Это кольцо также не дастъ тебѣ никакого отвѣта... Видишь, оно молчитъ...

— Боже мой, Мэри. Какъ мучаешь ты меня! мнѣ страшно за тебя... Но смотри — изъ замка свѣтъ! Фавелы уже на лугу... Они идутъ сюда.

— Не безпокойся, они не найдутъ насъ. Сама судьба соединяетъ насъ... Ты мой!.. Мы скоро увидимся.

Съ этими словами она вошла въ кустарникъ и исчезла. Тарлетонъ поспѣшно вышелъ изъ бесѣдки и вернулся въ замокъ другой дорогой.

Вѣсть о покушеніи на убійство принца Уэльскаго произвела сильный переполохъ въ Стюдлей-Голлѣ. Немедленно посланы были люди въ паркъ съ фавелами. Но они не отыскивали преступниковъ и нашли только игрушечный кинжалъ въ травѣ.

Когда его принесли принцу, то онъ тотчасъ узналъ свой подарокъ.

— Я былъ увѣренъ, что это она, сказалъ онъ. Только она и способна на такую комедію. Но пора кончить ее!

ГЛАВА XII.

Пѣсня Бекки.

Бѣдная Грѣсъ, гонимая воображаемыми духами, скоро достигла замка и вошла нигѣмъ не замѣченная, такъ какъ всѣ были заняты только что полученною вѣстью о покушеніи на жизнь принца.

Она быстро прошла рядъ отведенныхъ ей комнатъ, освѣщенныхъ луной, но, заглянувъ въ спальню, остановилась на порогѣ. Бекки развела большой огонь въ каминѣ. Уголья ярко пылали, придавая комнатѣ уютный видъ и освѣщая добродушное четырехъугольное лицо Бекки, которая сидѣла у огня на скамейкѣ, подперевъ голову обѣими руками, и пристально смотрѣла на огонь своими черными глазами. Эта мирная и идиллическая картина, представлявшая такой контрастъ съ сценой въ паркѣ, на столько поразила леди Эліоттъ, что она не рѣшилась переступить порогъ и безмолвно глядѣла на огонь, на Бекки, прислушиваясь къ ея пѣснѣ. Эту пѣсню леди Эліоттъ слышала много разъ еще во время ранняго дѣтства, а затѣмъ въ Монфлери и въ Эдинбургѣ; эту же пѣсню пѣла Бекки въ ту минуту, когда она вышла изъ комнаты, чтобы идти на роковое свиданіе. Печальная мелодія колыбельной пѣсни, сопровождаемая трескомъ и вспыхиваніемъ ловавшихся углей, показалась особенно печальною и безотрадною молодой женщинѣ: въ голосѣ Бекки ей слышалась какъ будто горькая жалоба на судьбу, тоска по родинѣ, холмамъ и болотамъ Шотландіи... Но слова были тѣ же, что и всегда. Это была пѣсня о знаменитомъ

хордѣ Аэрли и о вѣрной леди Маргаретъ, охранявшей домъ въ отсутствіи мужа; но вотъ явился великій Аргиль: онъ грозитъ разрушить замокъ Аэрли, не оставить камня на камнѣ, если леди Маргаретъ откажется поцѣловать его...

Бекки не кончила своей пѣсни. Услыхавъ шорохъ въ сосѣдней комнатѣ, она оглянулась и увидѣла въ дверяхъ свою молодую госпожу, которая казалась блѣдною и испуганною и въ своемъ бѣломъ вуалѣ походила на заблудившуюся лѣсную дриаду, потерявшую дорогу къ родному дубу. Бекки тотчасъ же соскочила со скамейки, бросилась къ леди Эліоттъ и, взявъ за руку, почти насильно ввела ее въ спальню.

— Господи! воскликнула она. Что случилось съ вами, моя милая леди? Вы блѣдны какъ луна, а руки у васъ холодны какъ ледь.

Леди Эліоттъ молчала. Ея темные испуганные глаза видимо искали чего-то въ комнатѣ.

— Моя милая, дорогая леди, скажите хоть одно словечко. Пресвятой Андрей, помоги мнѣ! Боже мой! что это съ нею? Вашъ бѣлый вуаль весь промокъ, вы дрожите всѣмъ тѣломъ. Что такое случилось съ вами, моя красавица?.. Милое дитя мое, что это сдѣлали съ тобою? Кто напугалъ тебя?..

— Я сяду у камина, отвѣтила наконецъ леди Эліоттъ, беззвучнымъ, дрожащимъ голосомъ.

— Да, моя дорогая леди, здѣсь вамъ будетъ всего лучше. Мы придвинемъ къ огню эту кушетку, растянемъ пледъ — нашъ славный шотландскій пледъ... Вотъ мы прибавимъ еще угольевъ въ каминъ, разведемъ большой огонь, чтобы онъ пылалъ и трещалъ у насъ... Теперь мы ляжемъ на кушетку, чтобы пламя свѣтило намъ прямо въ лицо... Вы правы, моя милая леди, это отличное мѣсто!

Бекки тотчасъ-же принялась за дѣло, высказывая то, что чувствовало въ это время ея простодушное, любящее и взволнованное сердце.

Она подвинула къ камину кушетку, обитую коричневымъ бархатомъ, помѣстила уголья, принесла одѣяло и, уложивъ свою леди, сняла съ нея вуаль, мокрый отъ тумана, и башмаки, отсырѣвшіе отъ росы.

— Ну, отлично! воскликнула Бекки, довольная своими хлопотами, глядя рукою изящную розоватую ногу своей хорошенькой леди и покрывая ее поцѣлуями. Теперь мы одѣнемся потеплѣе и ляжемъ какъ можно покойнѣе.

Она говорила и ухаживала за леди Эліоттъ, какъ это дѣлала въ былыя времена, когда та была маленькой дѣвочкой, и силою приводила промокшую и озябнувшую Грессъ изъ садовъ Монфлера. Въ такія минуты Бекки чувствовала себя необходимою и видѣла въ своей госпожѣ только ребенка, лишеннаго попеченій матери и всецѣло порученнаго ей. Леди Эліоттъ съ своей стороны такъ привыка къ нѣж-

ной заботливости своей вѣрной Бекки, что подчасъ невольно слушалась ея и позволяла ей распоряжаться собою.

Заботливость Бекки и на этотъ разъ оказала свое дѣйствіе. Мало по малу леди Эліоттъ начала согрѣваться и жизнь опять вернулась къ ней. Близость камина, распространяя теплоту по всему ея тѣлу, вызвала краску молодости и здоровья на ея похолодѣвшій лобъ и щеки. Біеніе пульса становилось все ровнѣе и покойнѣе. Ноги ея были покрыты пестрымъ пледомъ, который мягкими сыздаками опускался на свѣтлосѣрый коверъ; широкая бѣлая блуза придавала особенную грацію стройному стану молодой женщины. Одна рука ея, закинутая назадъ, съ тонкими пальцами, обнаженная до локтя, отличалась тою округленностью и красотою линий, которую художникъ напрасно силится передать въ мраморѣ. Роскошные капитановыя волосы, выбиваясь изъ подъ бѣлаго чепчика, красиво окаймляли прелестную головку, лежавшую на темной бархатной подушкѣ, и ярко освѣщенную красноватымъ огнемъ камина. Если бы кто нибудь кромѣ Бекки видѣлъ леди Грессъ въ эту минуту, то вѣроятно не могъ бы оторвать отъ нея глазъ и принялъ бы ее за одно изъ тѣхъ видѣній, которыя изрѣдка являются человѣку въ ночныхъ грезахъ, тѣмъ болѣе, что кругомъ царилъ полумракъ отъ коричневыхъ шелковыхъ занавѣсей и темной мебели. Всѣ контуры въ комнатѣ сглаживались и пропадали отъ слабаго свѣта лампы, висѣвшей на потолкѣ, и темныхъ картинъ на стѣнахъ, которыя отъ множества красокъ и сильнаго колорита казались совершенно стертими.

Въ комнатѣ было тихо, и только изрѣдка каминъ заявлялъ о своемъ присутствіи. Одна только Бекки болтала безъ умолку по своему обыкновенію. Но леди Эліоттъ привыкла къ ея болтовнѣ, которая также мало беспокоила ее, какъ часы, и Бекки не больше ихъ требовала отвѣта. Теперь она была занята приготовленіемъ чая и безпрестанно обращалась съ разными замѣчаніями къ чайнику, чашкамъ изъ дорогаго севрскаго фарфора, къ серебряному подносу и золотымъ ложкамъ. Наконецъ она повѣсила котелокъ съ водою надъ огнемъ въ каминѣ съ увѣщаніемъ, чтобы онъ былъ „хорошимъ котломъ“ и чтобы вода скорѣе закипѣла въ немъ.

— Моя милая леди, воскликнула Бекки, — вы не должны никогда ходить одни такъ поздно по лугу, ночью и при лунномъ освѣщеніи. Такихъ вещей не слѣдуетъ дѣлать! Но молодая дама изъ Монфлери не хотятъ никого слушать до тѣхъ поръ, пока дѣло не дойдетъ до того, что и поправить нельзя. Тоже говорить и мосье Друэ...

— Друэ? спросила леди Эліоттъ, которая въ это время думала о другомъ и только разслышала послѣднія слова Бекки. — Кто этотъ Друэ?

— Какъ, вы не знаете мосье Друэ? съ удивленіемъ спросила Бекки, поворачиваясь отъ котла, надъ которымъ она только-что наклонилась, чтобы посмотреть, кипитъ ли вода. — Развѣ вы забыли слугу Натали

де-Бургиньонъ, которая вышла замужъ за шевалье С. Мало. Я сразу узнала его.

— Да, помню,—старый лакей Натали, сказала леди Эліоттъ.

— Старый! воскликнула Бекки съ кокетливой ужимкой, которая не особенно шла къ ея неуклюжей фигурѣ.—Ну, Друэ еще не такъ старъ... Я увѣрена, что волоса его подъ парикомъ еще совсѣмъ каштановаго цвѣта и готова держать пари, что онъ будетъ отличнымъ мужемъ. Къ тому же онъ вовсе не дурень собою.

— Но скажи пожалуйста, почему ты такъ неожиданно заговорила о слугѣ Натали? спросила леди Эліоттъ довольно равнодушно, потому что отсутствіе связи въ мысляхъ Бекки не представляло для нея ничего новаго.

— Да вѣдь онъ здѣсь! моя милая леди. Онъ пріѣхалъ сюда съ мужемъ Натали,—шевалье С. Мало, и... я очень обрадовалась, когда опять увидѣлась съ нимъ; онъ также былъ очень радъ... но онъ уже совсѣмъ не тотъ, какимъ мы его знали въ Монфлери. Прежней веселости и слѣда нѣтъ.

— Что за причина такой перемены? спросила леди Эліоттъ, которая далеко не такъ интересовалась особой мосье Друэ, какъ это думала Бекки въ наивной увѣренности, которую можно встрѣтить не только въ знатныхъ дамахъ, но и въ ихъ служанкахъ, что все, чѣмъ онѣ интересуются, должно интересоваться весь свѣтъ.

— Видите ли, моя милая леди, отвѣчала Бекки, понизивъ голосъ,—у него большое горе...

— Должно быть несчастная любовь, шутя замѣтила леди Эліоттъ.

— Если бы и такъ, что же въ томъ удивительнаго! прервала ее Бекки, почти обидѣвшись за своего друга.—Онъ видный малый и можетъ влюбиться какъ всѣ люди... Однако вовсе не это огорчаетъ его, моя милая леди... Видите ли, его беспокоитъ судьба его госпожи и грозящія ей опасности.

Эти слова сильно встревожили леди Эліоттъ.—Объясни пожалуйста, въ чемъ дѣло, живо спросила она.

— Да, моя милая леди, продолжала Бекки,—это собственно и мучаетъ его. Если бы не это, то онъ могъ бы жить пригнѣваячи, безъ всякихъ заботъ. Чего ему недостаетъ, онъ всегда найдетъ себѣ жену, когда захочетъ и, судя по его словамъ, онъ скопилъ достаточную сумму денегъ и можетъ отказаться отъ мѣста, когда ему вздумается. Но онъ этого не хочетъ и потому именно, говоритъ онъ, что у нихъ въ домѣ происходятъ странныя вещи...

Леди Эліоттъ слушала съ большимъ напряженіемъ и бессознательно приподнялась съ своей кушетки.

— Бекки, воскликнула она, нахмутивъ брови,—я хочу знать, что тебѣ рассказывалъ Друэ о Натали.

— Онъ сообщилъ мнѣ не особенно радостныя вѣсти... отвѣтила Бекки, которая почти не замѣтила перемены въ лицѣ и манерахъ

своей госпожи, потому что все ея вниманіе было обращено на котелокъ, въ которомъ начала закипать вода.—Онъ говорилъ, что съ самаго начала онъ не особенно радовался замужеству своей молодой госпожи, такъ какъ не довѣряетъ шевадье С. Мало и убѣжденъ, что шевадье участвовалъ въ томъ неслыханномъ несчастіи, которое постигло молодого Бургиньона, брата Натали, и о которомъ знаетъ весь Парижъ. Оказывается также, что Натали заставили насильно выйти за него замужъ, что съ извѣстной стороны ей разставлены опасныя сѣти и, что...

Но въ этотъ моментъ, когда леди Эліоттъ съ усиленнымъ вниманіемъ слѣдила за разговоромъ Бекки, изъ боязни проронить одно слово, Бекки неожиданно замолчала, замѣтивъ, что крышка котелка поднялась и, что кипящая вода полилась въ каминъ.

— Что съ тобой? съ нетерпѣніемъ спросила ее леди Эліоттъ.

— Развѣ вы не видите, моя дорогая леди, что вода кипитъ и нужно заварить чай, спокойно отвѣтила Бекки, снимая котелокъ съ камина.

— Я не хочу чаю! рассказывай мнѣ Натали!... воскликнула леди Эліоттъ, вскакивая съ кушетки; затѣмъ, вырвавъ котелокъ изъ рукъ оторопѣвшей служанки, она бросила его на полъ, такъ что горячая вода полилась на коверъ.

— Господи, да будетъ твоя святая воля! пресвятой Андрей и всѣ святые, помогите! воскликнула Бекки, всплеснувъ руками... Что съ вами, леди!... никогда не видѣла я васъ такой, какъ теперь...

— Рассказывай, что тебѣ говорилъ Друэ!

— Боже мой, если бы я знала, что изъ этого выйдетъ, я не проинесла бы даже его имени...

— Что говорилъ Друэ?...

— Моя милая леди, успокойтесь!... что я надѣлала!... пресвятой Андрей шотландскій, я кажется ничего такого не сказала,—бормотала Бекки и съ громкимъ плачемъ упала на колѣни передъ леди Эліоттъ.

— Вставай и расскажи все, что ты слышала, сказала ей леди Эліоттъ повелительнымъ голосомъ. Никогда еще въ жизни своей она не обращалась такимъ образомъ съ своей служанкой. Но никогда еще она не была въ такомъ возбужденномъ состояніи, какъ въ эту минуту.

Бекки послушно поднялась съ колѣнъ.—Друэ думаетъ, проговорила она всхлипывая,—что господина его удалили изъ Парижа потому... что...

— Почему, Бекки? говори скорѣе...

— Потому что герцогъ Орлеанскій...

— Ну что же?... герцогъ Орлеанскій?

— Видите ли, герцогъ Орлеанскій желаетъ... остаться наединѣ... съ Натали С. Мало... и...

— Ну, что же, Бекки?...

— Друэ говорить, что его отправили сюда вмѣстѣ съ господиномъ

С. Мало изъ предосторожности, такъ какъ вѣроятно замѣтили, что онъ единственный человѣкъ, который догадывается объ этихъ отношеніяхъ...

— Отношеніяхъ, Бекки!... Какихъ отношеніяхъ?...

— Вотъ Друэ и захотѣлъ удостовѣриться въ этомъ для своего спокойствія, какъ онъ говоритъ, и въ тотъ вечеръ, когда все общество засидѣлось въ столовой, онъ отправился въ комнату принца Уэльскаго и... да проститъ ему Господь... онъ совершилъ первое воровство въ своей жизни... но онъ говоритъ, что ничего другаго не взялъ бы, хотя это стоило бы ему головы...

— Что же такое унесъ онъ изъ комнаты принца? спросила леди Эліоттъ взволнованнымъ голосомъ.

— Письмо герцога Орлеанскаго, которое С. Мало передалъ принцу Уэльскому... вотъ оно!

Съ этими словами Бекки вынула изъ своего кармана большой конвертъ съ печатью герцога Орлеанскаго.

Леди Эліоттъ сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла вырвать письмо, но пальцы ея такъ дрожали, что она опустила руку.

— Друэ увѣряетъ, что онъ не читалъ письма, потому что не хочетъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, продолжала Бекки,—я тоже не читала его, потому что, слава Богу, не умѣю читать... Чужая тайна, говоритъ Друэ, все равно что мечъ, который можетъ обратиться противъ того, кто несправедливо присвоитъ его себѣ. Но леди Эліоттъ, говоритъ онъ, давнишняя пріятельница госпожи С. Мало. Пусть она прочтетъ письмо герцога Орлеанскаго и скажетъ: основательно ли мое опасеніе или нѣтъ—она можетъ быть спасетъ мою бѣдную барыню.

— И ты такъ долго продержала это письмо! Почему ты не отдала его мнѣ?.. Даже не сказала мнѣ ни слова!.. съ досадою замѣтила леди Эліоттъ.

— Я не смѣла беспокоить васъ,—отвѣтила умоляющимъ голосомъ Бекки.—Вы были совсѣмъ больны... я забыла о письмѣ, когда увидѣла васъ такою...

— Ты права,—прервала ее леди Эліоттъ, опомнившись и принимая самый равнодушный видъ изъ боязни возбудить подозрѣніе Бекки.—Ты видишь, я теперь совсѣмъ здорова... Поблагодари мосье Друэ за его привязанность къ Натали и довѣріе ко мнѣ. Теперь дай мнѣ письмо.

Бекки подала конвертъ.

Леди Эліоттъ на минуту задумалась. Какое-то странное чувство боязни овладѣло ею, какъ будто вся будущность ея зависѣла отъ этого письма; но любопытство взяло верхъ, и она съ жадностью прочла письмо, собственноручно написанное герцогомъ Орлеанскимъ:

„Парижъ, Пале-Рояль и пр.“

„Мой дорогой кузень, вы окажете мнѣ большую услугу, если примете благосклонно подателя этого письма и постараетесь, чтобы

блескъ и разнообразіе вашего двора заставили его на время забыть Парижъ, гдѣ мы старѣмся со дня на день и ведемъ довольно скучную жизнь, благодаря нашей кузинѣ, королевѣ, которая все еще продолжаетъ играть роль пастушки въ Трианонѣ. Разумѣется пастушескія игры занимательны въ своемъ родѣ; однако втихомолку ходятъ слухи, что наша кузина уже начинаетъ жалѣть, что въ ея овчарнѣ нѣтъ волковъ. Будемъ надѣяться, что Провидѣніе, или то, что играетъ роль *fatum*'а въ этихъ буколическихъ забавахъ, по крайней мѣрѣ не оставитъ Трианонъ безъ пастуховъ.

„Говорятъ, что извѣстный господинъ, пріѣхавшій изъ Швеціи, изображаетъ роль Дамона не на одномъ только Версальскомъ театрѣ, потому что онъ хорошаго роста и отлично танцуетъ. Богъ Амуръ правитъ нами, а нашъ Юпитеръ обратился въ слесаря! Тюльери опустѣлъ, а мой бѣдный Пале-Рояль не освѣщенъ ни единымъ солнечнымъ лучемъ королевскаго благоволенія. Мы умираемъ со скуки, а наши знатныя дамы сдѣлались массонками. Каждый по своему ищетъ развлечения—и я буду очень благодаренъ вамъ, мой дорогой кузенъ, если вы, пользуясь присутствіемъ моего адъютанта, извѣстите меня обо всемъ, что касается васъ, виговъ, оппозиціи и Сѣверо-Американскихъ дѣлъ, которыя повидимому приняли теперь благопріятный оборотъ для свободы и тѣхъ принциповъ, которымъ мы оба сочувствуемъ. Америка освободится, сдѣлается республикой и мой адъютантъ явится туда изъ первыхъ и поздравитъ храбрыхъ гражданъ и достойныхъ подражанія патриотовъ съ окончаніемъ войны, которую они вели противъ вашего отечества, мой дорогой кузенъ, но не противъ нашихъ принциповъ. Кстати чуть было не забылъ сообщить вамъ, что шевалье С. Мало недавно женился на одной молодой дамѣ, такой милостивой и пикантной наружности, что никакое описаніе не дастъ о ней надлежащаго понятія, и что онъ оказывается не особенно податливымъ мужемъ. Но по счастью онъ на столько самолюбивъ, что ничего не подозреваетъ и на столько высокаго мнѣнія о себѣ, что не боится быть обманутымъ. Онъ отправится изъ Лондона прямо въ Нью-Йоркъ, какъ только будетъ заключенъ миръ. Желаю вамъ всего хорошаго, любезный кузенъ и, считая излишнимъ напоминать вамъ объ осторожности, я прошу васъ только вооружиться терпѣніемъ.

„Вашъ Луи-Филиппъ.

Леди Эліоттъ громко расхохоталась, прочитавъ письмо, но потомъ сразу затихла и приняла серьезный видъ.

— Пойди,—сказала она Бекки, и скажи своему мосею Друэ, что онъ дуракъ и въ добавокъ опасный дуракъ. Кража письма изъ комнаты его королевскаго высочества надѣляетъ не мало хлопотъ. Однако нужно будетъ какъ нибудь спасти его. Онъ сдѣлалъ все это изъ любви къ Натали, и мы позаботимся, чтобы съ нимъ чего не случилось. Оставь мнѣ письмо, Бекки, и уходи отсюда. Если увидишь Друэ, то скажи ему, чтобы онъ помалчивалъ. Мы не воспользуемся пись-

момъ и не обманемъ его довѣрія. Только онъ не долженъ болтать. Что-же ты не уходишь, Бекки?..

Бекки ушла крайне неохотно. Она не узнавала своей леди, такъ какъ никогда не видѣла отъ нея такого обращенія. Случись это прежде, она стала бы противорѣчить, но теперь сочла лучшимъ уйти, не сказавъ ни одного слова.

Едва дверь затворилась за Бекки, какъ леди Элиоттъ еще разъ прочла письмо герцога Орлеанскаго, но уже не съ равнодушнымъ видомъ, а съ лицомъ, сіяющимъ злою радостью.

Она подошла къ камину. — Можетъ быть я могла бы еще спасти ее, проговорила она глухимъ голосомъ, — я могла бы отдать это письмо мужу... Однако нѣтъ, продолжала она скомбавъ письмо. — Натали такъ же несчастлива, какъ и я, пусть же она будетъ не лучше меня!..

Въ эту минуту ей послышалось, что кто-то плачетъ вдали и какъ будто молить о помощи... „Что это такое“! воскликнула она въ недоумѣніи... „Не голосъ ли Натали“?.. „Но нѣтъ, не можетъ быть“... добавила она, какъ бы испугавшись собственной нерѣшимости, и тотчасъ же бросила въ огонь письмо, которое сразу вспыхнуло яркимъ пламенемъ, — и на стѣнѣ на секунду выступилъ изъ мрака обликъ Юпитера въ золотомъ дождѣ и Даная...

Письмо быстро превратилось въ пепель. Грѣсъ слегка вскрикнула и бросилась на постель. Немного погодя, она погрузилась въ дремоту, похожую на обморокъ, съ самыми дикими снами и видѣніями, среди которыхъ она постоянно видѣла Бекки, и ей слышалась заунывная колыбельная пѣсня:

„Я не хочу цѣловать тебя, грозный Аргиль,

„Не стану я цѣловать тебя нѣжно...“

ГЛАВА XIII.

Поѣздка сэра Джона.

Лордъ Колмондлей, занимая должность оберъ-гофмаршала при особѣ его королевскаго величества, не могъ оставить С. Джемсъ и послѣдовать за своимъ высокопоставленнымъ другомъ въ Стюдлей-Голль; но тѣмъ нетерпѣливѣе ждалъ онъ вѣстей и хотѣлъ знать, что дѣлается тамъ въ его отсутствіе. Между тѣмъ единственное письмо, полученное имъ отъ принца, вмѣсто того чтобы удовлетворить его любопытство, сильнѣе возбудило его.

Повидимому принцъ писалъ на скорую руку и письмо его, если можно такъ выразиться о высокопоставленной особѣ, было довольно

не ясно и безсвязно. Оно заключало больше намековъ и полувывраженныхъ желаній, чѣмъ приказаній; больше загадокъ, нежели строкъ. Однимъ словомъ, это было одно изъ тѣхъ писемъ, которыя иногда пишутъ знатныя особы въ отчаянію лицъ, которыхъ онѣ удоставляютъ своимъ довѣріемъ. Лордъ Колмондлей сразу догадался, что принцу угодно взвалить на его плечи всю отвѣтственность въ неблаговидномъ дѣлѣ, а самому воспользоваться результатами. Кромѣ того онъ понялъ изъ письма, что въ Лондонѣ находятся два существа: дама и господинъ, которыхъ присутствіе неудобно его королевскому высочеству и онъ желалъ быть избавленнымъ отъ нихъ, что господина, котораго зовутъ сэромъ Джономъ Эліоттъ, нужно спровадить приличнымъ способомъ, а даму во что бы то ни стало, хотя бы съ помощью угрозъ и насилія, и что эта дама—Мэри Робинзонъ, бывшая актриса Друриленскаго театра.

Лордъ Колмондлей былъ искуснымъ дипломатомъ, не только въ политическихъ, но и въ житейскихъ дѣлахъ и зналъ, что все зависитъ отъ перваго шага, такъ какъ прежде всего нужно познакомиться съ положеніемъ дѣла, а потомъ уже выбрать для себя тотъ или другой планъ дѣйствій. Въ виду этого онъ рѣшилъ сдѣлать визитъ сэру Джону и тотчасъ же отправился къ нему.

Однако гофмаршалу пришлось довольно долго ждать у подъѣзда шотландскаго баронета, пока отперли дверь его слугѣ и еще дольше, пока слуга вернулся съ отвѣтомъ и его пустили въ домъ. Въ гостиной онъ также просидѣлъ много времени въ ожиданіи хозяина дома, и началъ уже терять терпѣніе, не зная, чему приписать такое неуваженіе къ его особѣ. Наконецъ чуть ли не черезъ цѣлыхъ полчаса въ дверяхъ появилась объемистая фигура сэра Джона съ озабоченнымъ и взволнованнымъ лицомъ.

— Честь имѣю кланяться гофмаршалу его королевскаго величества, сказалъ сэръ Джонъ съ вѣжливымъ и церемоннымъ поклономъ, безъ малѣйшаго отгѣнка той фамильярности, съ которой онъ обыкновенно обращался съ лордомъ Колмондлей и которая болѣе соответствовала характеру ихъ отношеній.

— Мой дорогой и достопочтенный другъ, замѣтилъ лордъ Колмондлей нѣсколько озадаченный,—мнѣ кажется, что при нашихъ пріятельскихъ отношеніяхъ вы можете по-просту обращаться со мною, безъ всякихъ титуловъ...

Съ этими словами лордъ Колмондлей дружески протянулъ свою руку, но сэръ Джонъ едва прикоснулся къ ней.

Въ это утро сэръ Джонъ имѣлъ опять вполне приличный видъ. Онъ былъ въ своемъ парадномъ голубомъ фракѣ, замшевомъ жилетѣ съ брыжжами на груди и въ парикѣ съ косичкой на затылкѣ, которая такъ шла къ нему. На ногахъ одѣты были короткіе панталоны, длинныя чулки и башмаки съ пряжками—знакъ, что онъ окончательно оправился отъ своей недавней болѣзни. Однако не смотря на свой тор-

жественный туалетъ, сэръ Джонъ казался очень разстроеннымъ и дѣлалъ необыкновенныя усилія, чтобы овладѣть собою. Въ рукахъ онъ держалъ какую-то вещь и видимо колебался, показать ли ее лорду Колмондлею или нѣтъ, и наконецъ поспѣшно опустилъ ее въ карманъ своего жилета. Затѣмъ церемоннымъ движеніемъ руки онъ указалъ своему гостю на кресло и попросилъ его сѣсть, а самъ сѣлъ напротивъ него, на довольно почтительномъ разстояніи.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ Джонъ, объясните, что за причина, что вы принимаете такимъ образомъ своего друга? спросилъ лордъ Колмондлей удивленнымъ и нѣсколько обиженнымъ тономъ.—Вы какъ будто видите меня въ первый разъ!...

Слова эти окончателно рассердили сэра Джона.—Ну, такъ знайте же, сказалъ онъ, ударяя кулакомъ по ручкѣ кресла,—что я желалъ бы никогда не видѣть оберъ-гофмаршала, этотъ дворъ, этотъ городъ...

Такое обращеніе, далеко не соответствовавшее какому-бы то ни было этикету, еще больше озадачило лорда Колмондлей. „Должно быть сэру Джону все-что извѣстно, подумалъ онъ,—нужно только узнать, что именно передали ему и кто доносчикъ.“

— Что я слышу! воскликнулъ онъ обращаясь къ сэру Джону.— Неужели это говоритъ нашъ ревностный приверженецъ! вѣрный подданный и джентльмэнъ, одѣтый въ голубой фракъ съ мѣдными пуговицами...

— Чортъ бы побралъ голубой цвѣтъ и мѣдныя пуговицы, превралъ его разгнѣванный баронетъ.—Я назову себя подлецомъ, если буду еще носить голубой фракъ въ подражаніе подлецу...

— Сэръ Джонъ! сказалъ лордъ Колмондлей, вставая съ мѣста.— Прошу не оскорблять высочайшихъ особъ въ моемъ присутствіи.

Положеніе дипломата становилось затруднительнымъ. „Однако, подумалъ онъ,—сэръ Джонъ кажется знаетъ дѣло лучше меня. Нужно заставить его высказаться и успокоить по возможности... Я начинаю догадываться... Принцъ будетъ доволенъ мною!“

Онъ подвинулъ свое кресло и, дружески ударивъ по плечу плотнаго баронета, воскликнулъ:—Опомнитесь, другъ мой! Развѣ годится джентльмену выражаться такимъ способомъ! Если вы сердитесь на меня или на другихъ, то вы должны по крайней мѣрѣ объяснить мнѣ, что возбуждаетъ въ васъ гнѣвъ. Вы не можете сомнѣваться въ моемъ расположеніи и знаете, что я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Знаемъ мы ваши услуги! Онѣ мнѣ также противѣли, какъ и все остальное, пробормоталъ сэръ Джонъ,—не много видѣлъ я отъ васъ добра! Хороши услуги, за которыя потомъ приходится расплачиваться, да еще слишкомъ дорогою цѣною для честнаго человѣка. Такія услуги приводятъ къ полному банкротству.

— Вы говорите непонятнымъ для меня языкомъ, сэръ Джонъ, возразилъ лордъ Колмондлей.—Если вамъ угодно выражаться иносказательно, то по крайней мѣрѣ говорите такъ, какъ принято въ кругу

джентльменовъ и не употребляйте выражений, которыя приличны однимъ лавочникамъ!...

— Въ кругу джентльменовъ! прервалъ его презрительно сэръ Джонъ.—Прежде дѣйствительно бывали джентльмены, но теперь мы видимъ нѣчто другое, и тотъ, котораго величаютъ первымъ джентльменомъ въ Европѣ, оказывается едва-ли не худшимъ во всей Великобританіи!...

— Прошу васъ, сэръ Джонъ, не увлекайтесь и не употребляйте опять фразъ, которыя я не желалъ бы слышать отъ васъ. Оставьте всѣ эти намеки и приступимъ къ дѣлу. Скажите прямо, чѣмъ вы обижены и будьте увѣрены, что я самъ готовъ просить у васъ извиненія и сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы побудить другихъ дать вамъ то удовлетвореніе, какое вы потребуете.

— Какъ будто вы сами не знаете, милордъ, что на свѣтѣ бываютъ обиды, которыя только послѣдній дуракъ можетъ принять какъ милость или видѣть въ этомъ особенный почетъ и отличіе. Не мнѣ учить васъ, человѣка выросшаго при дворѣ, моднаго кавалера и джентльмена!

— Я не знаю никакихъ особенныхъ обидъ. По моему въ дѣлахъ чести существуетъ всего одинъ кодексъ.

— Но всякій объясняетъ его на свой ладъ, милордъ. Вы кажется принимаете меня за новичка, только-что вступившаго въ свѣтъ. Но вы забываете, милордъ, что я прожилъ больше чѣмъ полвѣка и имѣлъ достаточно времени, чтобы узнать и обдумать нѣкоторыя вещи.

— Мы почти ровесники, сэръ Джонъ. Года дѣлаютъ насъ подозрительными.

— Я никогда не отличался этимъ свойствомъ. Подозрѣніе является въ насъ обыкновенно или слишкомъ рано, или слишкомъ поздно... Кажется на этотъ разъ у меня слишкомъ поздно открылись глаза...

— Не знаю, на сколько я понялъ то, что вы хотѣли сказать, возразилъ лордъ Колмондлей, который до сихъ поръ искусно выполнялъ принятую имъ на себя роль, хотя безъ особеннаго успѣха,—но я замѣтилъ, что вы не сказали ни одного слова безъ какой-нибудь за-таенной мысли. Никогда я не подозрѣвалъ въ васъ такого остроумія и умѣнія говорить колкости.

— Вѣроятно потому, что вы всегда считали меня слишкомъ ограниченнымъ человѣкомъ. Но для меня остается загадкой, почему выбрали вы такой окольный путь и употребили столько стараній, чтобы провести довърчиваго стараго дурака, хотя вамъ нечего особенно гордиться своей побѣдой. Пока я живъ, вы не воспользуйтесь ею!

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ Джонъ, оставьте меня въ покоѣ, я не участвовалъ въ этой игрѣ и ровно ничего не понимаю въ ней.

— Однако вы тасовали карты! Кто же коварно воспользовался моимъ довѣріемъ, дружбою и простодушіемъ для достиженія своихъ цѣлей? Кто способствовалъ извѣстному сближенію, какъ не вы, милордъ?...

Вы считаете себя правымъ! Но я долженъ сказать вамъ, что такъ не поступаютъ джентльмены!

— Вы слишкомъ много позволяете себѣ, сэръ Джонъ!

— Скажите мнѣ также, милордъ, продолжалъ сэръ Джонъ, не слушая своего собесѣдника, кто это въ вокзалѣ представилъ мнѣ и леди Элиоттъ барона Ренклефъ, кто на балу въ Карлтонъ-гаузѣ ухитрился удалить меня изъ залы, гдѣ леди Элиоттъ вела дружескую бесѣду съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ?—Кто же до сихъ поръ держалъ меня въ самомъ постыдномъ невѣдѣніи относительно цѣли посѣщенія леди Гертфордъ. И вы еще находите, милордъ, что я слишкомъ много позволяю себѣ! У меня въ рукахъ факты...

— Но факты могутъ быть переданы не вѣрно, возразилъ лордъ Колмондлей, торжествуя въ душѣ, что ему удалось наконецъ довести сэра Джона до полной откровенности.

— Факты вѣрны, милордъ, и вотъ вамъ доказательство!—воскликнулъ сэръ Джонъ торжествующимъ тономъ, вынимая изъ своего жилета кольцо.

— Рѣшительно не понимаю, что значить это кольцо?—спросилъ лордъ Колмондлей равнодушнымъ голосомъ, внимательно разглядывая дорогой рубинъ.

— Оно значить, милордъ, что супруга одного британскаго дворянина постоянно носила его и, что тотъ, кто снялъ это кольцо съ ея пальца посредствомъ насилія или хитрости—подлецъ!.. и будь онъ...

— Сэръ Джонъ, прервалъ его лордъ Колмондлей, васъ одурачили.

— Да, меня одурачили! Вы сами признаете это, милордъ. Моя же безусловная преданность и уваженіе къ одному высокопоставленному лицу послужила для него орудіемъ, чтобы заманить мою бѣдную леди въ ловушку, гдѣ уже пропала не одна юная жертва по своей неопытности. Но теперь мнѣ открыли глаза, и я постараюсь спасти ее во что бы то ни стало, хотя бы мнѣ пришлось сказать передъ лицомъ всей націи, что тотъ, кто призванъ быть защитникомъ добродѣтели и чести въ Британіи, наизлѣйшій врагъ и того и другого...

— Врядъ ли это удастся вамъ, сэръ Джонъ! Вы только убѣдите націю, что вы величайшій дуракъ въ Англіи, который изъ-за пустаго доноса рискуетъ всѣмъ, не сознавая этого. Не мѣшало бы вамъ подумать прежде, чѣмъ вы начнете дѣйствовать.

— Мнѣ нечего обдумывать, воскликнулъ сэръ Джонъ, вскакивая съ своего кресла. Для меня уже не существуютъ какія бы то ни было разсужденія. Какая бы судьба ни ожидала меня въ будущемъ, но я воспользуюсь тѣмъ средствомъ, которое она дала мнѣ въ руки. Вы кажется сомнѣваетесь, милордъ, что это кольцо представляетъ собою вещественное доказательство. Но что вы скажете, если я приведу вамъ живаго свидѣтеля, который подтвердитъ мои слова!

Сэръ Джонъ быстрыми шагами подошелъ къ стѣнѣ и открылъ потаенную дверь, за которой было небольшое темное пространство въ

видѣ шкапа.—Здѣсь, продолжалъ онъ, одинъ изъ пажей его королевскаго высочества, который можетъ сообщить вамъ точныя свѣдѣнія объ одномъ разговорѣ въ паркѣ Стюдлей-Голля между леди Элиоттъ и...

Лордъ Колмондлей поднялся съ своего мѣста.—Вы поступаете не совсѣмъ политично, мой достопочтенный другъ! — пробормоталъ онъ про себя, подходя съ невольной улыбкой къ таинственному шкапу.

— Что вы дѣлаете, сэръ Джонъ!—проговорилъ за дверью жалобный, испуганный голосъ.—Развѣ вы не обѣщали мнѣ сохранить тайну. Такъ-то вы держите свое слово, сэръ Джонъ. Опомнитесь, что вы дѣлаете!

— Ну-же выходи, мальчуганъ, не упирайся такъ. Если у тебя хватило мужества измѣнить своему господину, то тебѣ трусить ничего! Такія вещи не могутъ остаться въ тайнѣ.

Съ этими словами сэръ Джонъ вытащилъ на средину комнаты небольшого мальчика въ красной пажеской одеждѣ съ золотомъ, который употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобы спрятаться отъ лорда Колмондлей, и закрывалъ лицо свое обѣими руками.

— Дай же намъ взглянуть на тебя!—сказалъ оберъ-гофмаршалъ, стараясь схватить руки таинственнаго пажа, которыя показались ему слишкомъ нѣжными и красивыми, чтобы ихъ можно было принять за руки мальчика. Но это долго не удавалось ему; едва успѣвалъ онъ одолѣть противника, какъ тотъ ловко вырывался отъ него или кушался такъ больно, что благородный лордъ готовъ былъ вскрикнуть отъ боли. Наконецъ послѣ многихъ усилій оберъ-гофмаршалъ одержалъ полную побѣду и, овладѣвъ своей добычей, потащилъ ее къ окну, не смотря на то, что маленький пажъ казался сильно напуганнымъ, дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, плакалъ и готовъ былъ упасть въ обморокъ.

— Это вовсе не пажъ его королевскаго высочества! воскликнулъ презрительно лордъ Колмондлей, глядявываясь въ лицо молодого противника—это Мэри Робинзонъ, бывшая актриса Друриленскаго театра!..

Скрываться долѣе было бесполезно,—и Мэри Робинзонъ гордо выпрямилась, откинувъ назадъ свои золотистые бѣлокурые волосы, рассыпавшіеся во время борьбы и падавшіе пышными локонами по ея плечамъ.

— Вы не ошиблись, милордъ, сказала она,—меня зовутъ Мэри Робинзонъ и мнѣ очень лестно, что вы не забыли меня! Въ былыя времена мы видѣлись довольно часто и хорошо знаемъ другъ друга. Не мало часовъ проводила я съ вами и еще съ однимъ... помните ли, какъ мы болтали, пили, сколько было смѣху... Но не пугайтесь, лордъ Колмондлей, я не скажу ничего лишняго; каждый изъ насъ держитъ свои тайны про себя...

— Однако на сколько мнѣ извѣстно, прервалъ ее лордъ Колмондлей,—соблюденіе какихъ бы то ни было тайнъ должно быть не входить въ ваши планы или выше силъ вашихъ...

— Къ чему вся эта комедія, милордъ! Вы, кажется, хотите меня одурачить какъ этого глупаго старика, возразила она, указывая рукою на сэра Джона, который все еще не могъ прійти въ себя отъ неожиданнаго открытія и молча стоялъ на мѣстѣ; но послѣднія слова Мэри Робинзонъ задѣли его за живое.

— Безсовѣстная женщина! воскликнулъ сэръ Джонъ взволнованнымъ голосомъ.— Чѣмъ ты хвалишься! Въ какой же омутъ обмана и лжи попалъ я, благодаря тебѣ? Гдѣ же послѣ того правда. Какъ узнать, кто правъ, кто виновенъ, когда доносы дѣлаются такими особами!

— Сэръ Джонъ, отвѣтила Мэри Робинзонъ съ саркастическимъ хохотомъ,— вамъ угодно было выдать меня, и вы будете достойнымъ образомъ навазаны за это!..

— Душевно сожалѣю, прекрасная леди, прервалъ ее лордъ Колмондлей строгимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ироническимъ тономъ,— но я помимо своей воли долженъ положить предѣлъ вашей дальнѣйшей дѣятельности на Британской почвѣ. По желанію и приказу его королевскаго высочества, принца Уэльскаго...

— Принца Уэльскаго! повторила Мэри Робинзонъ, сморщивъ брови.— Чего мнѣ бояться принца Уэльскаго. У меня въ рукахъ вѣрное средство погубить его... Мнѣ нечего щадить его... я буду носить его ребенка по улицамъ Лондона среди бѣлаго дня и буду говорить прохожимъ: „смотрите, принцъ Уэльскій бросилъ своего роднаго сына, заставилъ меня просить милостыню“!..

— Избавьте насъ отъ угрозъ, прекрасная леди, возразилъ лордъ Колмондлей съ равнодушной улыбкой.— Угрозы не доведутъ васъ до добра и въ одинъ прекрасный день мы принуждены будемъ вырвать изъ вашихъ рукъ опасное орудіе, которымъ вы пугаете насъ!

— Мое дитя! воскликнула Мэри Робинзонъ раздраженнымъ голосомъ.— Вы его не отнимете у меня...

— Мы и не думаемъ лишать васъ вашего сокровища, отвѣтилъ лордъ Колмондлей тѣмъ же безстрастнымъ голосомъ.— Отъ васъ требуютъ только, чтобы вы уѣхали изъ Лондона и даже изъ Англіи въ возможно скоромъ времени. Вамъ извѣстно, что въ одной изъ бесѣдокъ Стюдлей-Голля найденъ кинжалъ, который можетъ послужить вещественнымъ доказательствомъ того покушенія, которое было сдѣлано на жизнь принца Уэльскаго... Этого достаточно, чтобы побудить васъ къ скорѣйшему исполненію приказа его королевскаго высочества, и я долженъ предупредить васъ, что если понадобится, мы прибѣгнемъ къ помощи закона и полиціи!

Мэри Робинзонъ измѣнилась въ лицѣ.— Полиціи! воскликнула она дрожащимъ голосомъ.— Вотъ ужъ до чего дошло! Такъ сдѣлайте же одолженіе, милордъ, объявите полиціи и принцу, что Мэри Робинзонъ уѣдетъ изъ Лондона. Быть можетъ вы когда нибудь опять услышите о ней... Кто знаетъ, быть можетъ наступитъ день, когда пожалѣютъ,

что ее оттолкнули такимъ безчеловѣчнымъ образомъ... Мэри Робинзонъ уйдетъ отсюда, но ея изгнаніе не останется безъ наказанія: оно горько отзовется на одной личности, которая будетъ несчастьемъ ея самой и зарадьемъ обречена на гибель... Глупый старикъ! Почему ты, а не кто другой выдалъ меня?..

Бывшая актриса при послѣднихъ словахъ разразилась снова громкимъ и непріятнымъ смѣхомъ и, накинувъ на себя шляпу и плащъ, исчезла изъ комнаты.

Въ тотъ же день отправленъ былъ курьеръ въ Стюдлей-Голль съ письмомъ къ принцу Уэльскому. Въ этомъ письмѣ оберъ-гофмаршалъ извѣщалъ его королевское высочество о благополучномъ окончаніи возложеннаго на него порученія и о немедленномъ отъѣздѣ Мэри Робинзонъ, которая сама попалась ему въ руки, благодаря странному стеченію обстоятельствъ. — Что же касается сэра Джона, добавлялъ лордъ Колмондлей, — то повидиму, ему уже сообщили извѣстную тайну; но когда оказалось, что наша красавица провела его, на него нашло сомнѣніе и онъ рѣшился самъ отправиться въ Стюдлей-Голль. Сэръ Джонъ выѣзжаетъ изъ Лондона сегодня вечеромъ. Онъ въ наилучшемъ расположеніи духа и отъ вашего королевскаго высочества будетъ завистью успокоить его, помириться съ нимъ и наконецъ избавиться отъ его присутствія подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ...

ГЛАВА XIV.

Гоунсловскій боръ.

Мэри Робинзонъ выѣхала изъ Лондона въ крайне возбужденномъ состояніи. Наступали сумерки и темныя облака покрывали небо, когда карета бывшей возлюбленной его королевскаго высочества миновала послѣднія улицы у Primrose-Hill, которыми въ тѣ времена оканчивался городъ съ сѣверной стороны. Изрѣдка показывались еще сельскіе дома и хижины, за которыми таялись живыя изгороди, но скоро и ихъ не стало и со всѣхъ сторонъ виднѣлось теперь открытое поле. Почти совсѣмъ стемнѣло, когда карета выѣхала на большую дорогу, ведущую въ Стюдлей-Голль. Городской шумъ умолкъ мало по малу и среди ночной тишины и душливаго воздуха раздавался только глухой стукъ колесъ и мѣрный лошадиный топотъ.

Однако, что могло побудить Мэри Робинзонъ еще разъ посѣтить Стюдлей-Голль, который долженъ былъ сдѣлаться ей ненавистнымъ?

Хотѣла ли она опять обезпечить его королевское высочество своимъ присутствіемъ, пренебечь угрозами и смѣло идти на встрѣчу опасности? Нѣтъ. Мэри Робинзонъ ѣхала не въ Стюдлей-Голль; она знала, что при настоящемъ положеніи дѣлъ ея появленіе послужитъ только къ торжеству маленькой леди Эліоттъ и навлечетъ на нее цѣлый рядъ тяжелыхъ униженій. Она твердо рѣшилась уѣхать изъ Лондона, который любила какъ мѣсто, гдѣ промелькнули счастливейшія минуты ея жизни, и который былъ какъ бы нѣмымъ свидѣтелемъ ея безнадежнаго горя. Съ этимъ городомъ были связаны всѣ ея воспоминанія и, оставляя его, она чувствовала, что оставляетъ въ немъ какъ бы часть своего существованія.

По этой дорогѣ находилась небольшая деревушка, назначенная ею для rendez-vous съ полковникомъ Тарлетономъ, который въ этотъ же вечеръ долженъ былъ тайно пріѣхать изъ Стюдлей-Голля, бросивъ навсегда свою службу у принца. Отсюда они намѣрены были пробраться до ближайшаго приморскаго города, гдѣ ихъ ожидалъ пакетъ-ботъ, отправлявшійся во Францію, и гдѣ въ это время находился ея ребенокъ, котораго она послала впередъ со служанкой, такъ какъ послѣ свиданія съ лордомъ Колмондлеемъ ею овладѣлъ безумный страхъ, что у нея отнимутъ послѣднее, что она любила на землѣ.

Продолжительная дорога, мертвая тишина и мрачное небо были дурнымъ обществомъ для Мэри Робинзонъ при ея печальномъ настроеніи духа и довели ее до полнаго отчаянія. Одна мысль неотступно преслѣдовала и мучила ее, сильнѣе даже, чѣмъ воспоминаніе о потерянномъ счастьѣ и нанесенномъ ей оскорбленіи, — это была мысль, что она не можетъ отомстить за себя. Минутами она доходила до такой ярости, что все путалось въ ея головѣ, ей казалось, что она въ тюрьмѣ и бьется о желѣзную рѣшетку; въ ея воображеніи проносились самыя дикія видѣнія, небывалыя сцены и событія. Затѣмъ наступали хорошіе промежутки болѣе трезваго состоянія, гдѣ сознаніе дѣйствительной жизни опять возвращалось къ ней, но это еще болѣе усиливало ея мученія. Она представляла себѣ свою соперницу, окруженную блескомъ и великолѣпіемъ, и ненавидѣла ее тѣмъ сильнѣе, что лишена была возможности вредить ей.

Желаніе мести въ иныхъ случаяхъ имѣетъ вполнѣ законное основаніе, и благородныя природы испытываютъ его подчасъ такъ же сильно, какъ и неразвитыя личности, стояція на самомъ низкомъ уровнѣ нравственности. Но благородныя природы не поддаются всецѣло этому чувству по первому впечатлѣнію, не оплачиваютъ огорченіемъ и несправедливостью тому, кто оскорбилъ ихъ, — онѣ выше личной мести. Страсть не ослѣпляетъ ихъ и, сознавая, что причина зла лежитъ въ природѣ чловѣка, законахъ, въ государственномъ и общественномъ строѣ, онѣ могутъ возненавидѣть весь свѣтъ, но всегда готовы простить отдѣльнымъ людямъ.

Еслибы Мэри Робинзонъ была недюжинной личностью, еслибы

она дѣйствительно любила принца Уэльскаго, она, быть можетъ, простила бы его и пожалѣла ту, которая заняла мѣсто въ его сердцѣ. Но она неспособна была возвыситься до подобнаго чувства. Она любила не принца, а блескъ окружавшій его, и потеря этого блеска и связаннаго съ нимъ почета всего болѣе уязвляла ея самолюбіе, доводила до изступленія.

Погруженная въ свои размышленія, ничѣмъ незанятая кромѣ своихъ мыслей, она машинально прислушивалась къ однообразному шуму колесъ и стуку копытъ, не замѣчая окружавшей ее ночи. Дорога становилась все пустыннѣе и безлюднѣе; на далекомъ разстояніи не видно было ни одного огонька и никакихъ признаковъ жилья.

Часы проходили за часами; короткая лѣтняя ночь оканчивалась, и на темносѣромъ небѣ ясно видѣлась черная масса обширнаго Гоунсловскаго бора, за которымъ находилась та деревушка, гдѣ Мэри Робинзонъ должна была встрѣтить полковника Тарлетона. Но едва карета вѣхала въ лѣсъ, какъ Мэри Робинзонъ опять очутилась въ непроницаемой тѣмѣ. Колеса скрипѣли, медленно поворачиваясь въ сыпучемъ пескѣ; лошади шли осторожною поступью, боязливо втягивая въ себя воздухъ; но вотъ неожиданно блеснула передъ ними молнія—онѣ заржали и взвились на дыбы—раздался выстрѣлъ... въ лѣсу послышались голоса...

Испуганная лошадь рванулась впередъ; но въ ту же минуту невидимая рука остановила ихъ. „Разбойники! Разбойники!“ закричалъ кучеръ видѣ себя отъ ужаса, роняя возжи и закутываясь въ плащъ, какъ бы въ надеждѣ, что онъ защититъ его отъ пуль, которыхъ онъ боялся больше всего на свѣтѣ. Мэри Робинзонъ, выведенная такимъ неожиданнымъ образомъ изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ она находилась, наклонилась къ окну кареты, чтобы узнать причину тревоги, но тотчасъ же невольно зажмурила глаза отъ яркаго свѣта потаеннаго фонаря. Въ лѣсу слышался свистъ и между соснами мелькали факелы, освѣщая ихъ темноокраснымъ пламенемъ. Но вотъ дверцы кареты открылись и у подножки появился изящный юноша съ тонкими чертами лица, длинными локонами, одѣтый по модѣ того времени, и въ плащѣ, слегка накинутаго на плечи. Въ одной рукѣ онъ держалъ пистолеть, а другую вѣжливо подаль Мэри Робинзонъ, чтобы высадить ее изъ кареты, между тѣмъ какъ другіе разбойники, далеко не такой привлекательной наружности, распрягли карету и, стащивъ кучера съ козелъ, увели его вмѣстѣ съ лошадьми въ лѣсъ.

Гоунсловскій боръ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія былъ далеко не то, что теперь. Въ настоящее время на этой обширной полосѣ земли только кое-гдѣ уцѣлѣли прежнія сосны, придавая унылый видъ огромнымъ пустырямъ, которые мѣстами поросли верескомъ и дровомъ. Нынѣшніе лондонцы не боятся этого сосѣдства и спокойно проходятъ эти мѣста, возвращаясь вечеромъ изъ Stawberry Hill и Hampton Court. Но совсѣмъ не то было въ прошломъ столѣ-

тіи. Въ чащѣ тогдашняго Гоунсловскаго лѣса, по опушеѣ котораго проходила большая столбовая дорога, скрывались разбойники и никогда еще такъ сильно не беспокоили страну, какъ въ это время, когда погоня за остъ-индскимъ золотомъ деморализировала націю, а Сѣверо-Американская война прекратила вывозъ преступниковъ. Тюрьмы не могли вмѣщать всего количества ихъ; но и пойманнные преступники чуть-ли не ежедневно бѣгали изъ заключенія и беспокоили мирныхъ гражданъ. Особенно значительная шайка разбойниковъ собралась въ окрестностяхъ столицы, останавливая чуть ли не каждый экипажъ, проѣзжавшій черезъ Blackheath, Knightsbridge или же Гоунсловскій боръ. Не проходило дня безъ грабежа и убійства въ этихъ мѣстахъ, и всѣ газеты были переполнены извѣстіями о совершенныхъ злодѣяніяхъ и казняхъ преступниковъ. Но тѣмъ не менѣе эти „искатели приключеній“ пользовались большой популярностью въ Англїи и жертвы, повѣщенные въ Тибурнѣ, скорѣе возбуждали удивленіе, нежели страхъ въ народѣ. То были послѣдніе золотые дни романическаго разбойничества, которымъ увлекались многія горячія головы, достойныя лучшей участи, нежели смерти отъ руки палача. Сыновья уважаемыхъ родителей, дворяне, духовные, даже офицеры и члены фешензбельнаго клуба заражались модною болѣзнью и отправлялись „на большую дорогу“ какъ говорили тогда, или, выражаясь иначе, поступали въ число разбойниковъ. На „большую дорогу“ выходили почтенные отцы семейства, смотрѣвшіе на разбой какъ на одно изъ наиболѣе прибыльныхъ средствъ къ жизни, выходили и проигравшіеся игроки, потерявшіе все свое состояніе въ остъ-индскихъ и другихъ спекуляціяхъ. Такимъ образомъ вокругъ столицы образовалось своеобразное населеніе, состоящее изъ людей различнаго званія, возраста, характера и степени развитія, которое давало превосходные сюжеты писателямъ романовъ и мелодрамъ, но было далеко не безопасно для спокойствія столицы. Безчинство достигло такихъ размѣровъ, что даже такія увеселительныя мѣста какъ Воксалъ во время стеченія публики охранялись отъ разбойниковъ конной стражей; придворныя дамы боялись посѣщать королеву въ замкѣ Кевъ; и никто даже днемъ не рѣшался выѣхать изъ Лондона, верхомъ или въ каретѣ, безъ оружія, хотя бы на самое близкое разстояніе.

Но изъ всѣхъ мѣстъ, пользующихся дурной славой, наихудшимъ считался Гоунсловскій боръ, черезъ который шла большая почтовая дорога на сѣверъ къ богатѣйшимъ городамъ Англїи. Здѣсь остановлена была разбойниками не одна повозка, нагруженная богатствами кушцовъ, и ограблены одинъ за другимъ, министръ, епископъ и одинъ знатный англійскій графъ. Здѣсь же находится главный лагерь самаго смѣлаго и популярнаго изъ всѣхъ тогдашнихъ разбойниковъ Макъ-Леона, прославленнаго во многихъ пѣсняхъ, балладахъ, романахъ и драмахъ. Наружность его была вполне джентльменская и онъ велъ себя какъ настоящій джентльменъ. Дамы находили даже, что быть

ограбленной Магъ-Леонъ своего рода удовольствіе. Конечно и тогда никто не могъ отрицать, что это былъ мошенникъ въ полномъ значеніи этого слова, но мошенникъ ловкій, изящный и хорошо извѣстный въ аристократическихъ кварталахъ лондонскаго Westend'a.

Онъ родился въ Ирландіи и еще въ ранней молодости успѣлъ проиграть все свое наслѣдственное состояніе и значительное помѣстье, которое съ давнихъ поръ принадлежало его роду. Послѣ того Магъ-Леонъ переселился въ Лондонъ, гдѣ съ нимъ случилось небольшое несчастье, рѣшившее его судьбу. Однажды вечеромъ въ клубъ „Massagoni“¹⁾ онъ разомъ выигралъ пять тысячъ фунтовъ; но кости оказались поддѣльными; взбѣшенный партнеръ бросилъ ему стаканъ въ лицо и публично назвалъ его шулеромъ. „Вы совершенно правы“, отвѣтилъ ему Магъ-Леонъ, „но я не позволю никому говорить мнѣ такіа вещи въ лицо“, и съ этими словами убилъ своего противника на-поваль выстрѣломъ изъ пистолета. Магъ-Леонъ, совершивъ этотъ подвигъ, прямо отправился на „большую дорогу“ и уже не показывался больше въ кругу своихъ друзей, хотя по прежнему считалъ себя членомъ клуба „Massagoni“, носилъ длинные волосы и по прежнему нанималъ себѣ квартиру противъ С.-Джемскаго дворца, несмотря на то, что за голову его обѣщана была награда въ тысячу фунтовъ.

Карета Мэри Робинзонъ была остановлена его шайкой и передъ дверцами стоялъ Магъ-Леонъ.

— Миссиссъ, сказалъ онъ чистѣйшимъ Англійскимъ языкомъ—при другихъ обстоятельствахъ мнѣ было бы крайне неприятно прервать путешествіе молодой дамы, но на этотъ разъ я благословляю небо, что оно доставило мнѣ случай оказать гостепримство Мэри Робинзонъ.

Съ этими словами онъ наклонился къ рукѣ Мэри Робинзонъ и прикоснулся губами къ ея перчаткѣ.

— Вы знаете меня? спросила она удивленнымъ голосомъ, и равнодушная ко всему, что могло случиться съ нею, вышла изъ кареты безъ малѣйшаго сопротивленія.

— Еслибы я забылъ васъ, миссиссъ, то это было бы только доказательствомъ моего дурнаго вкуса. Сколько разъ восхищался я игрой Мэри Робинзонъ, пока она не перешла съ подмостковъ Друриленскаго театра въ ложу принца.

Этотъ намекъ приятно подѣйствовалъ на больную душу Мэри Робинзонъ, какъ отголосокъ прошлыхъ счастливыхъ дней, и польстилъ ея самолюбію. Она невольно взглянула въ лицо человѣку, который такимъ неожиданнымъ образомъ прервалъ однообразіе ея путешествія и печальный ходъ ея мыслей.

¹⁾ Клубъ этотъ былъ основанъ нѣсколькими щеголями, принадлежавшими къ высшему обществу, въ память ихъ путешествія по Италіи и названъ по имени любимаго итальянскаго кушанья.

— Сколько разъ, продолжалъ съ одушевленіемъ Магъ-Леонъ, — аплодировалъ я гордымъ нѣжно любящимъ героинямъ или граціознымъ и шаловливымъ нимфамъ, которыхъ вы изображали въ трагедіяхъ и комедіяхъ! Нивогда не забуду я тотъ вечеръ, когда я въ первый разъ увидѣлъ Мэри Робинзонъ въ роли Аманды, въ пьесѣ „Trip to Scarborough“...

— Вы Магъ-Леонъ!—воскликнула Мэри Робинзонъ, которая также не разъ видала его въ былыя времена.

Изъ всѣхъ лондонскихъ театровъ Друриленскій пользовался особеннымъ расположеніемъ членовъ клуба „Massagoni“ и изъ всѣхъ тогдашнихъ актрисъ Мэри Робинзонъ была ихъ enfant gaté. Всѣмъ было извѣстно, что еще въ то время, когда она сидѣла съ своимъ мужемъ въ долговой тюрьмѣ, къ ней нѣсколько разъ являлись разные старые джентльмены и молодые кушцы изъ Сити и хотѣли выкупить ее. Но Мэри Робинзонъ отвергла всѣ подобныя предложенія, что еще болѣе усилило то уваженіе, которымъ она пользовалась въ обществѣ и не мало способствовало ея успѣху на сценѣ. Она была въ такой славѣ, что даже знатные джентльмены считали за честь быть представленными Мэри Робинзонъ, говорить съ ней за кулисами, или въ Green Room—и этой чести всего ревностнѣе добивались члены клуба „Massagoni“. Сближеніе Мэри Робинзонъ съ принцемъ Уэльскимъ, лишившее ихъ возможности дѣлать ей визиты и аплодировать ея игрѣ, еще болѣе усилило то высокое мнѣніе, которое они себѣ составили о своей любвицѣ.

Такъ очутились ночью другъ противъ друга эти павшія звѣзды моды, окруженныя мрачнымъ боромъ! Судьба свела ихъ еще въ то время, когда оба стояли на высотѣ и занимали видное мѣсто въ свѣтѣ; теперь они опять встрѣтились, но при иныхъ условіяхъ: оба отверженные и оба изгнанники.

— Я очень благодаренъ счастливому случаю, который привелъ васъ въ мои владѣнія, миссиссъ, сказалъ Магъ-Леонъ, ведя подъ руку бывшую возлюбленную принца Уэльскаго.—Побесѣдуемъ немного, пока запрягають вашу карету. Примите мое гостепримство и позвольте мнѣ быть вашимъ рыцаремъ...

Магъ-Леонъ повелъ свою даму черезъ просѣку въ сосновую чащу, которая поросла со всѣхъ сторонъ и казалась недоступною. Передъ ними шли люди съ факелами, которыхъ пламя вырѣзало какъ бы куски изъ окружающаго мрака, ярко освѣщая древесные стволы, зелень, кустарники и землю, поросшую мхомъ.

Мрачная фантастическая обстановка и странность положенія, въ какомъ находилась Мэри Робинзонъ, произвели на нее сильное впечатлѣніе и дали иное направленіе ея мыслямъ. Ей казалось, что она опять на сценѣ и исполняетъ роль въ какой-то драмѣ, которая должна кончиться гибелью дѣйствующихъ лицъ и страшнымъ преступленіемъ.

Увѣренность въ своихъ силахъ вернулась къ ней, и она шла бодрымъ шагомъ.

— Положительно намъ недостаетъ только подмостковъ и зрителей, замѣтила она съ громкимъ смѣхомъ.— Дорого далъ бы Шериданъ, чтобы имѣть такую сцену, такія кулисы и насъ, въ качествѣ актеровъ. Я убѣждена, что прелесть новизны обезпечила бы ему по крайней мѣрѣ двѣсти представлений.

— Мое честолюбие, миссисъ, возразилъ Макъ-Леонъ—не удовлетворится той публикой, которую можетъ вмѣщать въ себѣ нашъ старинный Друриленскій театръ. Неужели мы призваны играть только для однихъ habitués, для клубовъ и обитателей Westend'a. Я болѣе высокаго мнѣнія о своемъ талантѣ и надѣюсь, что когда я въ послѣдній разъ выйду на сцену, то мнѣ будетъ аплодировать такая масса публики, какую не въ состояннн вмѣстить въ себѣ всѣ лондонскіе театры вмѣстѣ взятые.

— Вы говорите о томъ моментѣ, когда падаетъ занавѣсъ. Мы еще далеко не дошли до пятаго акта. Еще не было катастрофы, неизбѣжной въ драмахъ...

— Катастрофы, миссисъ!.. Какъ въ игрѣ, такъ и въ жизни, слѣпой случай приводитъ къ ней... Вѣтеръ, задувшій факель, осѣча при выстрѣлѣ, негодяй, который вамъ измѣнитъ—и катастрофа готова. Но и тутъ, въ интересѣ пьесы, въ которой мы участвуемъ, мы не должны слишкомъ замедлять ее, иначе публика соскучится... Вы знаете конецъ рѣшаетъ дѣло.

— Но кто же мѣшаетъ намъ перемѣнить нѣкоторыя сцены. Вы плохо знаете нашу публику, Макъ-Леонъ. Самый дурной оборотъ правится ей, если онъ является неожиданно. Публика требуетъ только, чтобы ее занимали. Исходъ пьесы долженъ обмануть самые тонкіе расчеты. Публикѣ нужно показать, что ее презираютъ, считаютъ жалкой и ничтожной и только импонируя ей, можно заставить ее удивляться себѣ.

— Мнѣ очень жаль, что мои люди на столько грубы и невѣжественны, что ничего не понимаютъ въ эстетикѣ, и безъ всякаго принципа, по одному инстинкту, нападаютъ на кареты, грабятъ и рѣжутъ горло путешественникамъ...

Въ это время они подошли къ небольшой лужайкѣ, окруженной мелкимъ кустарникомъ, въ которомъ расположились разбойники на ночлегъ и повидимому спали крѣпкимъ сномъ.

— Эй вы, черти! крикнуть имъ Макъ-Леонъ, вставайте! Давайте вина и побольше свѣту! Чего заспались! Проклятые висѣльщики! Развѣ не слышите, когда васъ зовутъ!.. Ну же, поднимайтесь!.. У насъ гости!..

Разбойники медленно поднимались одинъ за другимъ, зѣвая и потягиваясь.

— Вина!.. Чего скупитесь на огонь! еще разъ крикнулъ имъ Магъ-Леонъ, пересыпая каждое слово крупною бранью.

Въ ту же секунду со всѣхъ сторонъ зажжены были воткнутые въ землю факелы; пламя ихъ ярко освѣтило лужайку, окружающій кустарникъ и деревья своимъ мерцающимъ свѣтомъ—то темнокраснымъ, то зеленоватымъ, наполняя воздухъ густымъ чадомъ. Дивость сцены увеличивалась отъ темныхъ фигуръ сновавшихъ взадъ и впередъ людей. Магъ-Леонъ посадилъ свою даму на дерновую скамью, подъ непроницаемымъ сводомъ сосновыхъ вѣтвей и самъ сѣлъ рядомъ съ нею.

Принесли корзину съ шампанскимъ. Двое разбойниковъ тотчасъ же отшибли горлышко у нѣсколькихъ бутылокъ, такъ что пѣна полилась черезъ край на ихъ загорѣлыя руки.

— Высыпьте порошокъ изъ большой пороховницы и дайте ее сюда! крикнулъ Магъ-Леонъ и, обратившись къ Мэри Робинзонъ, извинился, что долженъ угощать ее виномъ изъ рога, такъ какъ въ его хозяйствѣ не существуетъ стакановъ. Затѣмъ онъ налилъ въ пороховницу шампанскаго и подалъ своей гостьѣ съ почтительнымъ поклономъ, говоря, что первый тостъ принадлежитъ ей.

Мэри Робинзонъ поднесла рогъ къ своимъ губамъ и выпила залпомъ до дна. Она сразу опьянѣла, и все помутилось въ ея головѣ. Прежнее изстуженное состояніе вернулось къ ней; она вся какъ будто преобразилась и напоминала собою вакханку. Глаза ея блестяли; золотистые полураспущенные волосы казались красноватыми при свѣтѣ факеловъ и эффектно выдѣлялись среди темной окружающей ее зелени.

— Теперь ваша очередь! сказала она, передавая пороховницу разбойнику, который опять налилъ въ нее вина до самыхъ краевъ.

— Позвольте мнѣ провозгласить одинъ тостъ, который вѣроятно встрѣтитъ ваше одобреніе, сказалъ Магъ-Леонъ. Я пью за здоровье того, кто можетъ служить образцомъ юношества и на кого Великобританія возлагаетъ свои лучшія надежды... Даже мы, разбойники, отверженные обществомъ, гордимся имъ, какъ долженъ гордиться каждый англичанинъ... Однимъ словомъ, я пью за здоровье принца Уэльскаго!

Слова эти поразили Мэри Робинзонъ какъ ударъ молніи. Вся кровь бросилась ей въ голову, уже сильно разгоряченную выпитымъ виномъ. Но она пересилила свое волненіе и, выждавъ моментъ, когда разбойникъ поднесъ пороховницу къ губамъ, она громко воскликнула: „Да здравствуетъ несравненный Георгъ, принцъ Уэльскій!“

Магъ-Леонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Мэри Робинзонъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ она пробормотала въ полголоса непонятныя для него слова: „Ты говорила ему въ бесѣдѣ — освободи меня... Избавь отъ позора! Разорви мои оковы... Изволь, я исполню твое желаніе, но ты дорого заплатишься за это... Ему припишутъ преступленіе, а ты будешь вѣчно упрекать себя“... Затѣмъ, взявъ подъ руку озадаченнаго Магъ-Леона, она отвела его въ сторону и спросила: „Дѣйстви-

тельно ли вы такъ преданы принцу, Макъ Леонъ? и рѣшитесь ли вы оказать ему одну услугу?

— Миссиссъ! прервалъ ее Макъ-Леонъ.

— Если вы исполните то, что я скажу вамъ, то вы заслужите благоволеніе и благодарность принца Уэльскаго; онъ будетъ вашимъ другомъ и покровителемъ...

— Хотя бы мнѣ пришлось заплатить за это головой, но я сдѣлаю все, чтобы доказать то глубокое уваженіе, которое я чувствую къ самому безукоризненному джентльмену въ Европѣ...

— Но въ этомъ дѣлѣ нужна тайна...

— Неужели Мэри Робинзонъ считаетъ нужнымъ напоминать мнѣ объ этомъ!

— Ну такъ слушайте, сказала она, положивъ свою изящную полную руку на шею разбойника и наклоняясь къ нему такъ близко, что онъ слышалъ усиленное бѣненіе ея сердца: „Вы должны, сегодня же“... И наклонившись еще ближе, она шепнула ему что-то на ухо.

— Только-то! воскликнулъ онъ съ громкимъ смѣхомъ.— Не ожидалъ я, что такъ легко заслужить благоволеніе принца! Не стоило даже просить объ этомъ. Однако будьте покойны, миссиссъ. Все будетъ сдѣлано.

Въ эту минуту въ чапѣ послышались чьи-то поспѣшные шаги.

Мэри Робинзонъ вздрогнула, а Макъ-Леонъ приложилъ свистокъ ко рту. Раздался короткій пронзительный свистъ, на который отвѣтилъ издали другой свистъ.

— Не бойтесь, миссиссъ. Это кто-нибудь изъ людей съ аванпостовъ. Посмотримъ, что такое случилось.

Шаги быстро приближались, и вслѣдъ затѣмъ изъ чащи появился разбойникъ съ извѣстіемъ, что на Лондонской дорогѣ, у самаго лѣса, остановился большой и тяжелый экипажъ, у котораго повидимому сломалось колесо; что кучеръ и лакей заняты починкой, а самъ путешественникъ, толстякъ, вышелъ изъ экипажа.

— Это онъ, воскликнула Мэри Робинзонъ.

— Осторожнѣе миссиссъ, сказалъ Макъ-Леонъ, слегка зажимая ей ротъ рукой. Не выдайте нашу тайну.

Онъ приказалъ тушить огни—и вдругъ опять наступилъ полный мракъ; исчезли въ немъ сосны, дерновая скамья, бутылки, лежавшія на землѣ, лица разбойниковъ. Мэри Робинзонъ шла по лѣсу, опираясь на руку Макъ-Леона; передъ ними несли фонарь, который время отъ времени слабо освѣщаль имъ дорогу.

— Ваша карета готова, миссиссъ, сказалъ Макъ-Леонъ своей спутницѣ. Вы осчастливили насъ своимъ присутствіемъ; никогда не забуду я тѣ минуты, которыя провелъ съ вами... Но теперь мы должны разстаться... Вы конечно не захотите принять участіе въ нашей работѣ... Но можетъ быть и вы когда нибудь вспомните о Гоунсловокомъ

лѣсъ и, если прочтете въ газетахъ, что тибурнскій палачъ и Макъ Леонъ пожали другъ другу руки, то уроните слезу сожалѣнія.

— Слезу, Макъ Леонъ!... восликинула она съ ужасомъ: отъ той, которая...

Мэри Робинзонъ не договорила.

Макъ Леонъ чувствовалъ, какъ она дрожала всѣмъ тѣломъ. Но бывшая актриса скоро овладѣла собою и неожиданно захохотала. „Лучше возьмите этотъ браслетъ, сказала она, сохраните его на память обо мнѣ. Часъ, проведенный мною въ вашемъ лѣсу, доказалъ мнѣ, что у людей, которые считаются отверженцами общества, больше рыцарства, ума и доблести, чѣмъ у признанныхъ джентльменовъ и великихъ міра сего“.

Она сняла браслетъ съ руки. Свѣтъ фонаря на секунду освѣтилъ широкій золотой обручъ, осипанный драгоцѣнными каменьями, среди которыхъ на дощечкѣ виднѣлись изящно вырѣзанныя буквы Г. П. Это былъ подарокъ принца.

— Я не въ силахъ отказаться отъ дара, который предлагаютъ мнѣ такія прелестныя ручки, сказалъ Макъ Леонъ, прижимая браслетъ къ своимъ губамъ.—Я не разстанусь съ нимъ до послѣдней минуты моей жизни! Когда я пойду на висѣлицу, онъ напомнитъ мнѣ, что я совершилъ хотя одно дѣло безъ всякихъ своекорыстныхъ цѣлей, по желанію принца и по одному слову Мэри Робинзонъ...

Бывшая возлюбленная принца Уэльскаго содрогнулась отъ этихъ словъ и, рыдая, закрыла себѣ лицо обѣими руками. „Даже разбойникъ лучше меня“, подумала она съ чувствомъ глубокаго униженія.

Они выбрались на большую дорогу и подошли къ каретѣ. Лошади стояли запряженныя и кучеръ сповойно сидѣлъ на козлахъ, такъ какъ былъ увѣренъ, что миссисъ выкупила и себя, и его, заплативъ большую сумму денегъ.

Макъ-Леонъ на прощанье поцѣловалъ еще разъ руку Мэри Робинзонъ. „Счастливой дороги, миссисъ, сказалъ онъ. — Если услышите выстрѣлъ, то знайте, что все кончено! Ну, кучеръ, трогай!“

Карета двинулась и лошади побѣжали крупною рысью. Мэри Робинзонъ горько заплакала, спрятавъ голову въ подушки.

Но вотъ послышался въ лѣсу выстрѣлъ и слабый замирающій крикъ.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! воскликнулъ кучеръ въ ужасѣ. Опять разбойники! и съ этими словами онъ погналъ лошадей во всю прыть. Карета понеслась стрѣлою.

Мэри Робинзонъ сидѣла въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

— Все кончено!... прошептала она.

ГЛАВА XV.

Завѣщаніе сэра Джона.

Печально началось утро въ Стюдей-Голлѣ: пришло неожиданное извѣстіе, что сэръ Джонъ Эліоттъ убитъ разбойниками въ Гоунсло-вскомъ лѣсу. Маркиза хотѣла было скрыть эту вѣсть отъ леди Эліоттъ, но та узнала ее отъ Бекки, которая, усѣвшись на скамейкѣ у ея постели, горько плакала, закрывъ себѣ лицо фартукомъ.

— Они хотѣли скрыть отъ васъ его смерть,—проговорила вѣрная служанка сквозь слезы.—Но это не по христіански! Онъ лежитъ въ домѣ бѣдныхъ людей и еще былъ живъ, когда уѣзжалъ посланный. Можетъ быть его уже на свѣтѣ нѣтъ!..

Леди Эліоттъ выслушала это извѣстіе молча и нахмуривъ брови. Оно поразило ее, какъ невѣроятное событіе, которое должно было имѣть рѣшающее вліяніе на ея судьбу; но она не произнесла ни одного слова, не выпронила ни одной слезы. Она сидѣла полуодѣтая на своей постели въ спальнѣ, куда напрасно силился проникнуть дневной свѣтъ черезъ опущенныя занавѣски, и только у одного окна виднѣлась узкая желтая полоска.

Наконецъ послѣ долгаго молчанія леди Эліоттъ сказала своей служанкѣ глухимъ голосомъ:— Я хочу ѣхать въ тотъ домъ, гдѣ онъ лежитъ.

Это рѣшеніе встрѣтило полное одобреніе Бекки; но когда узнали о немъ въ замкѣ, то всѣ возстали противъ этого, и маркиза Гертфордъ взялась отговорить леди Эліоттъ отъ поѣздки.

— Моя дорогая, — сказала она молодой женщинѣ, только что окончившей свой туалетъ,— къ чему вы хотите напрасно тревожить себя! Онъ умретъ, прежде чѣмъ вы успѣете доѣхать. Мы уже ничѣмъ не можемъ помочь ему... Въ подобномъ случаѣ должно дѣйствовать правосудіе, и будьте увѣрены, что пролитая кровь не останется безъ наказанія!.. Но вы должны остаться съ нами. Мы не допустимъ, чтобы вы могли увидѣть зрѣлище, которое вы не въ состояніи вынести. А здѣсь вы будете окружены дружбой, любовью и утѣшеніями... Всѣ уже распоряженія сдѣланы относительно его погребенія въ церкви св. Петра въ Лондонѣ. Нужно только дождаться окончанія слѣдствія...

— Нѣтъ! холодно отвѣтила леди Эліоттъ.— Я поѣду къ нему. Его похоронятъ въ Шотландіи, и я буду сопровождать его тѣло...

Вошелъ слуга съ докладомъ, что принцъ желаетъ видѣть миледи...

Но леди Эліоттъ не приняла его.

Она поспѣшно собралась въ дорогу и, покрытая густой вуалью, сѣла съ Бекки въ карету, которая должна была привезти ее въ крестьянскую хижину, гдѣ лежалъ сэръ Джонъ Эліоттъ. Его привезли сюда передъ разсвѣтомъ. Кучеръ и лакей были невредимы. По ихъ

разсказамъ колесо сломалось у нихъ не доѣзжая лѣса, и пока они хлопотали съ каретой, на нихъ напали разбойники: одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ упоръ въ сѣра Джона, который тотчасъ же упалъ на землю, а другіе бросились шарить по его карманамъ. Ни кучеръ, ни лакей не могли помочь ему, потому что были окружены цѣлой толпой, и только по удаленіи разбойниковъ они подняли своего господина, положили въ карету и дотащились кое-какъ съ сломаннымъ колесомъ до ближайшаго жилья.

Это была убогая хижина съ черной соломенной крышей, поросшей мохомъ, маленькими покосившимися окнами и низенькой деревянной дверью. Она находилась у самой опушки Гоунслоvsкаго бора, на разстояніи англійской мили отъ ближайшей деревни и отдѣлялась отъ большой дороги канавой, черезъ которую была перекинута широкая доска безъ перилъ вмѣсто мостика. Мрачная зелень сосенъ, окружающихъ хижину, сломанная карета у канавы съ лежащимъ около нея колесомъ въ связи съ непригляднымъ ландшафтомъ производили грустное, подавляющее впечатлѣніе.

У леди Эліоттъ сжалось сердце, когда экипажъ ея остановился противъ хижины и лакей отворилъ дверцы, чтобы высадить ее.

Кругомъ не видно было ни одной человѣческой души, кромѣ маленькой босоногой дѣвочки съ растрепанными волосами и грязнымъ лицомъ, сидѣвшей на порогѣ хижины. Крестьянинъ и его жена и слуги сѣра Джона разошлись, кто въ Стюдей-Голль, кто въ Лондонъ за докторомъ и полиціей. При умирающемъ осталась только бабушка дѣвочки, глухая и полуслѣпая старуха, которая сидѣла у печки въ низкой конурѣ, пропитанной испорченнымъ воздухомъ и почергѣвшей отъ каменнаго угля и всякой копоти. Она даже не пошевелилась въ своемъ деревянномъ креслѣ, когда въ комнату вошла дама подъ вуалью, въ сопровожденіи своей служанки, и только пробормотала чуть слышно: „онъ тамъ“, указывая своей морщинистой рукою на полуотворенную дверь.

Бекки хотѣла послѣдовать за своей госпожой, но та остановила ее и вѣрная служанка послушно сѣла на деревянную скамью.

Леди Эліоттъ вошла одна и затворила за собою дверь. Она была наединѣ со своимъ мужемъ въ крошечной комнатѣ безъ оконъ, которая тускло освѣщалась небольшою лампой, стоявшей на деревянной скамьѣ. Почти вся комната была занята широкой кроватью, на которой лежалъ теперь сэръ Джонъ Эліоттъ. Матрацомъ служили ему сухіе листья; ноги его были покрыты тяжелой подушкой; подъ головой была такая же подушка изъ толстаго холста. Онъ лежалъ на спинѣ. Обычная краснота пропала съ лица его, которое приняло сѣровато-желтый оттѣнокъ. Одна рука свѣсилась съ кровати, другая была судорожно прижата къ повязкѣ на груди, покрытой запекшеюся кровью. Сэръ Джонъ былъ уже похожъ на мертвеца, но еще дышалъ, такъ какъ въ комнатѣ раздавался его храпъ.

Леди Элиоттъ подошла къ кровати и облокотившись на нее пристально смотрѣла умирающему въ лицо. Ей казалось, что и онъ смотритъ на нее своими мутными, неподвижными глазами; но въ нихъ не видно было ни горя, ни гнѣва, — ничего кромѣ смерти. Только посинѣвшія губы сохранили грустное, страдальческое выраженіе и были сжаты какъ-бы отъ сильной боли.

Что думала леди Элиоттъ въ эту минуту и какое впечатлѣніе могло произвести на нее это печальное зрѣлище? Не припомнилась ли ей ночь въ Студей-Голлѣ, когда она сказала принцу: освободи меня!.. разорви мои оковы!.. Теперь она свободна!.. Радуетъ она, или чувствуетъ страхъ, состраданіе, раскаяніе?..

Однако лицо ея было холодно какъ мраморъ и глаза все также пристально смотрѣли на него... Она подошла еще ближе, почти наклонилась къ нему съ какимъ то непонятнымъ любопытствомъ; но тутъ едва не вскрикнула отъ ужаса, увидя на свѣсившейся рукѣ сэра Джона свое рубиновое кольцо, исчезнувшее такимъ необъяснимымъ образомъ. Оно напомнило ей Эдинбургъ, и тотъ вечеръ, когда сэръ Джонъ надѣлъ кольцо на ея палець, и Карлтонъ-гаузъ, гдѣ принцъ снялъ его съ ея руки. Оно было свидѣтелемъ ея измѣны, свидѣтелемъ гибели несчастнаго сэра Джона—и видѣть это кольцо на его рукѣ было для нея еще невыносимѣе, нежели самое зрѣлище смерти. Инстинктивно, какъ бы въ надеждѣ избавиться отъ мучившихъ ее мыслей, она рѣшилась снять кольцо съ пальца умирающаго. Но въ тотъ же моментъ холодная рука схватила ея руку и сжала сильнымъ, почти желѣзнымъ пожатіемъ. Это былъ послѣдній моментъ предсмертной агоніи, послѣднее судорожное движеніе умирающаго... Сэръ Джонъ Элиоттъ переселился въ вѣчность.

Она громко вскрикнула, вырывая руку изъ ледяной руки покойника, изо всѣхъ силъ старалась разогнуть оостенѣвшіе пальцы, но они сжимались все сильнѣе и сильнѣе. Внѣ себя отъ испуга и боли, она чувствовала какъ все помутилось въ ея глазахъ и въ изнеможеніи упала на постель.

Такъ прошло не мало времени, пока наконецъ прибылъ изъ Лондона докторъ въ сопровожденіи полиціи и представителей правосудія.

Сэръ Джонъ лежалъ мертвый, но все еще держалъ руку несчастной женщины. Только силою удалось освободить ее. Рука леди Элиоттъ была покрыта кровавыми пятнами и на ней ясно виднѣлись слѣды ногтей мертвеца.

Много было толковъ о таинственной смерти сэра Джона Элиотта, котораго всѣ жалѣли. Одни приписывали ее полковнику Терлетону, который въ эту же ночь бѣжалъ изъ Англій съ бывшей возлюбленной его королевскаго высочества. Другіе шли дальше въ своихъ предположеніяхъ и участникомъ совершеннаго преступленія считали не Терлетона, а самого принца Уэльскаго, для котораго покойникъ былъ

помѣхой въ его сердечныхъ дѣлахъ. Наконецъ, благодаря усиленнымъ стараніямъ полиціи и помощи военной силы, схваченъ былъ знаменитый разбойникъ Макъ-Леонъ, который тотчасъ же объявилъ, что онъ застрѣлилъ баронета и ничуть не жалѣеть объ этомъ. Это было его единственное признаніе; ничто не могло заставить его открыть своихъ сообщниковъ; и судья напрасно старались напасть на слѣдъ чьего нибудь участія въ убійствѣ сэра Джона. Макъ-Леонъ остался непоколебимымъ. Но по общему мнѣнію это не имѣло никакого значенія, такъ какъ буквы, вырѣзанныя на браслетѣ, достаточно показывали, по чьей инициативѣ совершено преступленіе, хотя Макъ-Леонъ настойчиво увѣрялъ, что браслетъ принадлежалъ одной дамѣ, которую онъ ограбилъ. Никто не вѣрилъ этому.

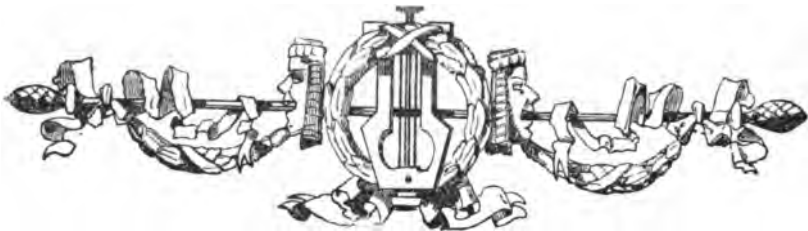
Обстоятельства самаго дѣла, тайна, связанная съ преступленіемъ, еще болѣе усилили тотъ интересъ, съ которымъ публика относилась къ знаменитому разбойнику. Количество лицъ, посѣтившихъ его въ Ньюгетской тюрьмѣ, доходило до 3000 человекъ; въ числѣ ихъ были чуть ли не всѣ члены клуба „Massagoni“, много дамъ, и даже самыя знатныя аристократки. Макъ-Леонъ принималъ всѣхъ одинаково любезно. Но всѣ попытки вывѣдать отъ него что либо остались безуспѣшными. Особенно недовольна была его скромностью маркиза Гертфордъ, которая долго разговаривала съ нимъ и очень желала узнать истину въ интересахъ принца. Макъ-Леонъ, увѣряя ее въ своей преданности и уваженіи къ принцу Уэльскому, упорно молчалъ, думая оказать этимъ услугу его королевскому высочеству.

Такимъ образомъ убійство сэра Джона Эліотта осталось неразъясненнымъ. Макъ-Леонъ умеръ, не выдавъ своей тайны и съ радостнымъ убѣжденіемъ, что сдѣлалъ угодное принцу и сдержалъ слово, данное Мэри Робинзонъ. Подаренный ею браслетъ сопровождалъ его на висѣлицу.

Между тѣмъ коронный стряпчій Гренады, узнавъ о случившемся, посѣщилъ въ Лондонъ, чтобы отдать послѣднюю честь старому пріятелю, оказать свое содѣйствіе въ отысканіи преступниковъ и наконецъ съ тѣмъ, чтобы увезти свою дочь въ Эдинбургъ. Но онъ исполнилъ только первое изъ этихъ предположеній; второе исполнилось помимо его, а отъ послѣдняго онъ отказался самъ, благодаря посредничеству лорда Колмондлея, и предоставилъ заботы о больной дочери тѣмъ высокопоставленнымъ друзьямъ, которыхъ она успѣла приобрѣсти въ Лондонѣ. Такимъ образомъ мистеръ Дальримпе прожилъ не долго въ столицѣ и уѣхалъ въ Шотландію почти вслѣдъ за похоронами сэра Джона.

Смерть почтеннаго баронета еще долго занимала Лондонское общество; трава успѣла вырости на его могилѣ и леди Эліоттъ давно оправилась отъ опасной болѣзни, бывшей прямымъ слѣдствіемъ испитанныхъ потрясеній. Но имя принца Уэльскаго потеряло прежнее обаяніе для леди Эліоттъ и различныя сомнѣнія глубоко запали въ ея душу.

Конецъ первой части.

ЧАСТЬ II.

ГЛАВА I.

ИРОШЛО нѣсколько лѣтъ послѣ трагической смерти сэра Джона. Леди Эліоттъ переселилась въ Брайтонъ, лежащій на юго-восточномъ берегу Англїи, гдѣ мы и находимъ ее лѣтомъ 1790 года.

Брайтонъ изъ небольшой деревушки, населенной рыбаками, превратился въ одно изъ самыхъ фешенебельныхъ мѣстъ, благодаря капризу принца Уэльскаго, который выбралъ его для своего мѣстопробыванія. Онъ выстроилъ здѣсь великолѣпный дворецъ, названный „Королевскимъ павильономъ“, и скоро по сосѣдству съ нимъ вмѣсто прежнихъ хижинъ появились роскошные дома, принадлежавшіе лицамъ, составившимъ „избранное общество“ принца Уэльскаго. Но домовъ было немного и выстроены они были на самомъ берегу, такъ что только узкая полоса земли отдѣляла ихъ отъ моря.

Въ одномъ изъ нихъ жила леди Эліоттъ. Это было красивое каменное зданіе, построенное на подобіе виллы во вкусъ прошлаго столѣтія съ высокими башенками, которыя могли служить бельведерами. Залы и прїемныя были устроены въ верхнихъ комнатахъ, но леди Эліоттъ постоянно оставалась въ нижнемъ этажѣ, который былъ почти на одномъ уровнѣ съ землею и гдѣ изъ оконъ въ красивыхъ клумбахъ виднѣлись азалии, золотистые ноготки, розы и множество другихъ цвѣтовъ. Отсюда видны были и голубоватая волны, въ которыхъ красиво отражались солнечные лучи, окрашивая ихъ всеми цвѣтами радуги. Но всего чаще сидѣла леди Эліоттъ въ полукруглой верандѣ съ опущенными мареизами, гдѣ былъ постоянный полумракъ и куда доносился ароматъ цвѣтовъ, смѣшанный съ прохладнымъ морскимъ воздухомъ.

Однако величественная тишина морскаго побережья, мѣрный прибой волнь и яркое лѣтнее солнце скорѣе раздражали, чѣмъ успокаивали молодую женщину. Уединеніе было для нея равносильно несчастью. Пока ее окружалъ шумъ и разнообразіе городской жизни, пока балы, празднества и различныя удовольствія слѣдовали одни за другими безконечной вереницей, она была довольна и наслаждалась жизнью. Но теперь она была одна и ее взяло раздумье.

Могла ли леди Эліоттъ скрыть отъ себя, что принцъ не тотъ, какимъ онъ былъ прежде или, вѣрнѣе сказать, какимъ она желала бы видѣть его. Она значительно развилась въ послѣдніе годы; трагическая смерть сэра Джона и тяжелое сознаніе, что она невольная причина его гибели, оставили глубокой слѣдъ въ ея душѣ и благотворно подѣйствовали на нее въ нравственномъ отношеніи. Между тѣмъ принцъ жилъ по прежнему изо дня въ день, не задаваясь никакими цѣлями и думалъ только объ однихъ удовольствіяхъ. Въ немъ осталось тоже юношеское легкомысліе, не знавшее ни въ чемъ границъ, которое въ зрѣлыя годы обращается въ безхарактерность, если выдающіяся качества ума и сердца не явятся ей противовѣсомъ. Но этихъ качествъ не было у прославленнаго денди, который умѣлъ такъ изящно завязать свой галстухъ и такъ щегольски носить свое платье. Теперь ни для кого не было тайной, что принцъ Уэльскій, который въ цвѣтущіе дни своей юности былъ окруженъ такимъ романтическимъ ореоломъ и которому прощались всѣ ошибки, представляетъ собою полное ничтожество, какъ въ нравственномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Начинала понимать это и леди Эліоттъ, и мечты ея воодушевить принца своею любовью, возвысить его и сдѣлать способнымъ на великія дѣянія, мало по малу разсѣялись какъ дымъ.

Первый годъ ихъ союза прожили они въ Лондонѣ: принцъ въ Карлтонъ-гаузѣ, леди Эліоттъ въ красивомъ домѣ Поль-Молля, который былъ подаренъ ей принцемъ. Когда же сосѣдство С. Джемса и интриги стараго двора сдѣлались для нихъ невыносимыми, они переехали въ Брайтонъ, куда послѣдовали за ними многіе изъ приближенныхъ его королевскаго высочества. Но принцъ опять долженъ былъ переехать въ Лондонъ, куда призывали его государственныя дѣла. Леди Эліоттъ, довольная тѣмъ, что необходимость наконецъ побудить его къ дѣятельности, почти радовалась его отъѣзду. Вернулись прежнія мечты, и она опять представляла себѣ его будущность въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Передъ нимъ открывалось необъятное поприще общественной дѣятельности; она съ гордостью видѣла его вступающимъ на это поприще и питала тайную надежду, что онъ и ее поведетъ съ собою. Но этой надеждѣ не суждено было осуществиться! Сначала принцъ довольно часто пріѣзжалъ изъ Лондона въ Брайтонъ для свиданія съ нею, а потомъ сталъ бывать все рѣже и рѣже; и она начала замѣчать перемѣну въ его обращеніи, которая глубоко огорчала ее. По временамъ онъ былъ холоденъ съ нею или сердился безъ

всякой видимой причины, и въ этихъ вспышкахъ было столько дѣтскаго и такая неопредѣленность, что у ней сжималось сердце. Она хотѣла видѣть въ немъ героя, но онъ не былъ имъ. Однако и тутъ она не рѣшилась осудить его и объясняла себѣ странность его обращенія затруднительными обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился.

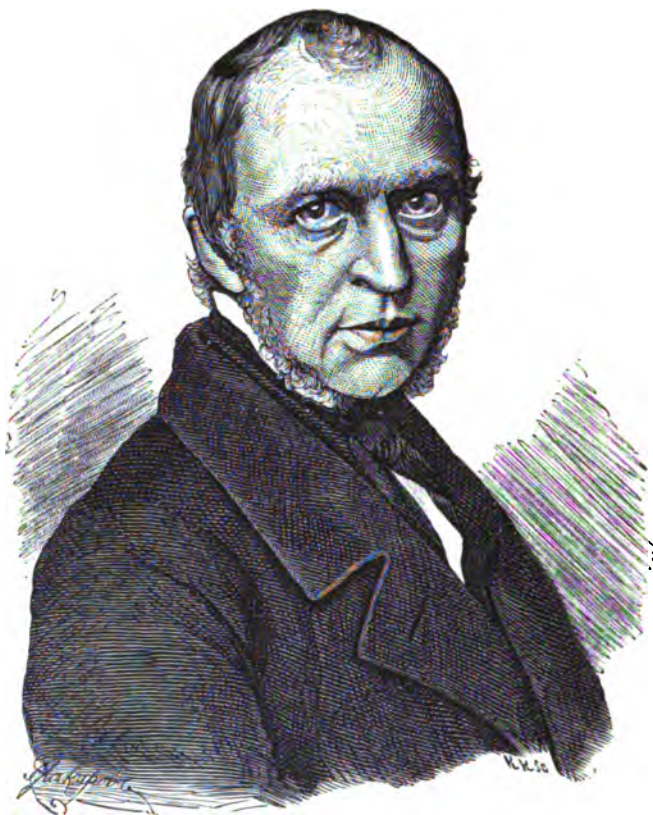
Съ Георгомъ III, тогдашнимъ королемъ Англіи, сдѣлался первый припадокъ сумасшествія. Фоксъ, Шериданъ, Бурке, принадлежавшіе къ оппозиціонной партіи виговъ, — хотѣли объявить регентомъ принца Уэльскаго. Питтъ былъ отъявленнымъ противникомъ ихъ. Онъ былъ глава тори, другъ стараго короля, и стоялъ на сторонѣ королевы. Такимъ образомъ шелъ споръ между матерью и сыномъ, кому изъ нихъ овладѣть прерогативами безумнаго короля, и Питтъ едва не остался побѣдителемъ. Между тѣмъ заболѣвшій король также неожиданно выздоровѣлъ, и приверженцы принца Уэльскаго потерпѣли полное пораженіе. Съ другой стороны перевѣсъ, приобретенный ими благодаря успѣху Американской войны за независимость и основанію республики въ Новомъ Свѣтѣ, продолжался недолго. Вслѣдъ затѣмъ наступила реакція, и Фоксъ былъ изгнанъ изъ министерства, съ которымъ онъ вступилъ теперь въ открытую борьбу, вооруженный всѣми силами своего гениальнаго крисорѣчія и съ помощію такихъ даровитыхъ людей, какъ Шериданъ и Бурке. Борьба кончилась неудачей. Фоксъ былъ гениальнѣе, а Питтъ практичнѣе; первый выступилъ во имя идеи, и требовалъ реформы; второй защищалъ существующій порядокъ вещей—status quo, и одержалъ верхъ. Оппозиція, разбитая во всѣхъ пунктахъ, должна была замолкнуть.

Но вотъ совершилось великое событіе, которое опять заставило ее поднять голову. Событіе это было—Французская революція.

Подобно тому, какъ при восходѣ солнца, наше вниманіе поглощено не однимъ только созерцаніемъ огненныхъ лучей дневнаго свѣтила, но невольно обращается на окружающій ландшафтъ, освѣщенный этими лучами, такъ и при описаніи начала революціи, мы не можемъ остановиться на ней одной, какъ бы ни были сильны ея взрывы, и для насъ не менѣе важно и любопытно знать, какъ отразилась Французская революція въ сосѣднихъ государствахъ.

Первое впечатлѣніе было безусловно въ ея пользу. Патриоты, свободномыслящіе люди и партіи всѣхъ странъ, ихъ поэты и философы восторженно привѣтствовали ее.

Въ Англіи Французская революція имѣла также своихъ искреннихъ друзей и горячихъ почитателей. Оппозиція признала ея основные принципы и громко провозгласила ихъ въ клубахъ и на трибунахъ. Многочисленный, могущественный во всей Англіи „Союзъ друзей революціи“, основанный въ память великаго переворота, даровавшего свободу Англійскому народу, спѣшилъ поздравить своихъ братьевъ съ успѣхомъ „въ великомъ дѣлѣ“. Они думали, что дѣло уже окончено,

КНЯЗЬ В. О. ОДОЕВСКИЙ.

Съ фотографіи Левицкаго, рѣз. на деревѣ К. Крыжановскій.

Доволено цензурою. С-Петербургъ. 28 июня 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Фртелевъ пер., д. 11—3

КНЯЗЬ С. Г. ДОЛГОРУКОЙ И ЕГО СЕМЬЯ ВЪ ССЫЛКѢ.

(Ихъ жизнь въ Раненбургѣ съ 1730 по 1735 г.).

Историческій очеркъ по неизданнымъ документамъ ¹⁾.

ВТОРОЙ сынъ знаменитаго дипломата эпохи Петра Великаго, — князя Григорія Ѳеодоровича Долгорукаго, князь Сергѣй Григорьевичъ — извѣстенъ гораздо менѣе всѣхъ остальныхъ своихъ родичей, принимавшихъ дѣятельное участіе въ правительствѣ Петра II и въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью юнаго императора. Между тѣмъ кн. Сергѣй Григорьевичъ, по своимъ способностямъ и по служебной дѣятельности, принадлежитъ къ числу довольно видныхъ дѣятелей эпохи и стоитъ несравненно выше бездарнаго и ограниченнаго старшаго брата его, князя Алексѣя. Молодость свою кн. Сергѣй Григорьевичъ провелъ въ западно-европейскихъ государствахъ, состоя при посольствахъ въ Парижѣ, Вѣнѣ и Лондонѣ.

Женившись впоследствии на Марѣѣ Петровнѣ Шафировой, дочери извѣстнаго знатока тогдашнихъ международныхъ сношеній, вице-канцлера П. П. Шафирова, кн. Сергѣй получилъ въ лицѣ своего тестя знающаго и опытнаго руководителя на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1721 г. онъ занялъ постъ своего отца — посланника при

¹⁾ О пребываніи кн. Сергѣя Григорьевича Долгорукаго въ Раненбургѣ напечатаны весьма неполныя извлеченія П. И. Шульгина изъ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ Государственномъ Архивѣ. Извлеченія эти помѣщены въ I т. Пам. Нов. Рус. Ист., изд. В. Каширева (отд. II, стр. 155 — 160). При сличеніи нашего очерка съ этими извлеченіями, читатели сами усмотрятъ, на сколько онъ ихъ полнѣе. Въ просмотрѣнныхъ нами дѣлахъ Государственнаго Архива къ пребыванію кн. Сергѣя въ Раненбургѣ относятся: 1) Подлинныя экстракты о ссылкѣ кн. Сергѣя Григорьевича въ Раненбургъ (отд. 6, д. № 164); 2) Процессы служителей кн. Сергѣя и рапорты капитановъ Мяснова и Зуева (*ibid.*, № 166); 3) Переписка кн. Марѣи Петровны Долгорукой съ ея сестрами и братомъ (*ibid.*).

польскомъ королѣ Августѣ. Отозванный изъ Варшавы въ 1725 году, онъ снова былъ назначенъ посломъ въ Польшу въ 1728 г. и вторично оставилъ этотъ постъ лишь по вызову своихъ родичей въ 1729 г., когда былъ ими вовлеченъ въ честолюбивые замыслы своего брата Алексѣя Григорьевича. Кн. Сергѣй былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ составленіи подложной духовной императора Петра II, по которой Русскій престолъ передавался отъ имени юнаго императора его обрученной невѣстѣ, княжнѣ Екатеринѣ Долгорукой, дочери кн. Алексѣя. Участіе въ составленіи этой духовной, первая мысль о которой принадлежала кн. Алексѣю, погубило кн. Сергѣя и всю его семью, весьма многочисленную: у него было четыре сына и три дочери²⁾. 9-го апрѣля 1730 г.—день, въ который обрушилась невзгода на всѣхъ Долгорукихъ, сенатскій указъ ссылалъ кн. Сергѣя съ женою и со всѣми дѣтьми въ дальнія его деревни на безвыѣздное житье.

Въ началѣ мая 1730 г. въ домъ кн. Сергѣя Григорьевича Долгорукаго въ Москвѣ явился гвардіи капитанъ Петръ Воейковъ, объявилъ ему указъ о лишеніи его чиновъ и, снявъ съ него польскій орденъ Бѣлаго Орла, передалъ оный канцлеру гр. Головкину. Не успѣлъ еще кн. Сергѣй Григорьевичъ доѣхать до своей муромской деревни — сельца Ѳоминокъ, какъ послѣдовалъ новый указъ Сената (12 іюня) о взятіи кн. Сергѣя и всего его семейства подъ стражу и объ отправленіи въ Раненбургскую крѣпость—мѣсто кратковременной ссылки кн. Александра Даниловича Меншикова. Съ этимъ указомъ былъ посланъ къ кн. Сергѣю гвардіи подпоручикъ Петръ Румянцевъ, въ сопровожденіи сержанта, капрала и двѣнадцати солдатъ. Инструкція, данная Румянцеву, предписывала строгій присмотръ за арестантами и походила какъ двѣ капли воды на всѣ подобнаго рода инструкціи того времени: она была точнымъ повтореніемъ инструкціи о содержаніи кн. Алексѣя Долгорукаго съ семействомъ въ Березовѣ, куда тотъ ссылался сенатскимъ указомъ того же 12 іюня. Кн. Сергѣю дозволено было оставить при себѣ изъ мужской прислуги 8 человекъ, а изъ женской 5.

Мать кн. Сергѣя, Марья Ивановна, рожденная княжна Голицына, поступила въ Московскій Страстной монастырь за нѣсколько лѣтъ до описываемыхъ происшествій: когда Долгорукихъ постигла опала, ее противъ воли постригли и назвали Маргаритою, дозволивъ слѣдовать въ ссылку за однимъ изъ ея сыновей — Алексѣемъ, или Сергѣемъ—она выбрала послѣдняго.

20 іюня Румянцевъ прибылъ въ сельцо Ѳоминки, арестовалъ кн. Сергѣя съ женою и дѣтьми, отобралъ у него всѣ вещи и въ тотъ же

²⁾ У кн. Сергѣя Григорьевича было девять человекъ дѣтей: сыновья—Николай, Василій, Петръ, Григорій и Алексѣй; дочери — Марія, Анна, Екатерина и Анастасія, родившаяся въ Раненбургѣ, 23 октября 1730 г. Сынъ Алексѣй родился тамъ же подъ конецъ заключенія кн. Сергѣя, 14 марта 1735 г.

день отправился съ арестантами въ Муромъ. На другой день ихъ повезли въ Касимовъ, а 13-го іюля доставили въ Раненбургъ, гдѣ они были сданы Румянцевымъ присланному воронежскимъ вице-губернаторомъ Пашковымъ воронежскаго гарнизона капитану Мяснову, при которомъ находились: подпрапорщикъ, капралъ и 24 солдата. На первоначальные расходы по содержанию кн. Сергѣя Долгорукаго и его семьи Мясновъ получилъ отъ Сената двѣсти рублей изъ денегъ кн. Сергѣя.

Въ инструкціи, данной подпоручику Петру Румянцеву, ни слова не говорилось о томъ, какъ поступить со старицею Маргаритою, вслѣдствіе чего до разрѣшенія этого вопроса Сенатомъ онъ оставилъ ее въ сельцѣ Ооминкахъ; 2-го іюля былъ посланъ изъ Сената особый курьеръ, Степанъ Шульцъ, съ четырьмя солдатами, для препровожденія старицы Маргариты въ Раненбургъ. Шульцъ на дорогѣ нагналъ Румянцева, которому и сдалъ ее подъ росписку. Румянцевымъ она была передана Мяснову вмѣстѣ съ кн. Сергѣемъ и его семьею для содержанія въ Раненбургѣ.

Всѣ имѣнія кн. Сергѣя были конфискованы: только 9-го ноября 1730 г. отдана ему одна Замотринская волость на „пропитаніе“, какъ сказано въ указѣ. Вмѣстѣ съ имѣніями кн. Сергѣя подверглись конфискаціи имѣнія и старицы Маргариты, которая она, поступаая въ Страстной монастырь, желала передать двумъ старшимъ дѣтямъ кн. Сергѣя—Николаю и Маріи. Въ январѣ 1731 г. она просила императрицу укрѣпить за ними эти деревни; была-ли исполнена ея просьба— неизвѣстно.

При высылкѣ изъ сельца Ооминокъ, кн. Сергѣй Григорьевичъ Долгорукой не зналъ, что его имѣнія конфискованы. 2-го іюля 1730 г. съ дороги въ Раненбургъ онъ написалъ въ свою рязанскую вотчину, село Корино, прикащику Михайлѣ Петрову слѣдующій „указъ“ о присылкѣ ему въ Раненбургъ разныхъ припасовъ:

„По полученіи сего указа прислать тебѣ въ Ранибурхъ муки арженой самой мелкой 20 четв., солоду арженаго 10 четв., крупъ грешневыхъ 5 четв., яшныхъ крупъ 1 четв., пшеничной муки 5 четв. самой хорошей, масла коровья 6 пудъ, 60 барановъ, 20 гусей, 50 куриць русскихъ, 20 утокъ. Да тебѣ-жѣ собрать со крестьянъ меду чистаго 5 пудъ, а ежели со крестьянъ запасы и столовые припасы все собраны, что надлежитъ на нынешней 730 годъ и высланы въ Москву, а противъ сего указу собрать съ нихъ, крестьянъ, показанное число въ зачетъ на предбудущей 731 г., а собравъ въ самой скорости прислать въ Ранибурхъ, не ожидая о присылкѣ вторичнаго указу, а ежели противъ вышепоказаннаго припасу чего съ нихъ, крестьянъ, не собираетца и за тѣ припасы зачетъ имъ, крестьянамъ, впредь другими зборами, а вышепоказанное число припасы собрать все и прислать въ самой скорости. Да тебѣ-жѣ какъ возможно сыскавъ купить ведро масла ареховова и прислать съ симъ обозомъ въ непродолжительномъ времени, понеже намъ имѣется во всемъ не малая нужда“.

О томъ же писалъ кн. Сергѣй въ Москву человѣку своему Ивану Чертову 12-го іюля:

„По полученіи сего указа прислать тебѣ въ самой скорости въ Ранибурхъ вялой рыбы что есть, да масла ареховава что есть, ведро или больши; да тебѣ-жъ взять у Степановны въ монастырѣ сахаръ и кофе весь и прислать къ намъ, а изъ того сахару взять голову и отдать Степановнѣ; да прислать муки крупчатой да меду кадѣу, что стоитъ въ монастырѣ; да тебѣ-жъ купить китаевъ черныхъ на 4 р., а деньги посланы съ сенацеимъ куріеромъ Степаномъ Шульцомъ, да взять въ оптекѣ алексиру горького 6 слянокъ и прислать въ самой скорости“.

Какъ видно, кн. Сергѣй очень нуждался въ средствахъ къ жизни: въ „запасахъ“ и въ деньгахъ. 23-го октября 1730 г. онъ пишетъ въ сельцо Өминки управляющему Колычеву слѣдующее:

„Писалъ я къ вамъ отъ 19 іюля, о присылке ко мнѣ запасу, на которое мое письмо атвѣтъ не получалъ; ноне паки требую по прежнему моему писму прикажите отпустить ко мнѣ запасы, въ чемъ мнѣ необходимая нужда, понеже здѣсь купить не сы(ще)шь“.

Въ январѣ слѣдующаго 1731 г. тому же Колычеву онъ пишетъ опять:

„Г. Колычевъ! Ежели есть у васъ въ зборѣ 100 рублевъ денегъ, пожалуй пришли ко мнѣ, а буде нѣтъ, то прикажи собрать за ставовые запасы 100 рублевъ и пришли ко мнѣ, а я имѣю нужду нѣкоторыхъ мелочи купить здѣсь“.

Изъ рапортовъ капитана Мяснова въ Сенатъ о количествѣ продуктовъ, полученныхъ кн. Сергѣемъ изъ его Замотринской волости съ 1731 по 1734 г., видно, что продуктовъ этихъ было доставляемо въ изобиліи, денегъ же присылалось изъ Замотрина весьма немного: въ теченіе двухъ лѣтъ—съ 15-го декабря 1730 г. по 15-е декабря 1732 г. кн. Сергѣй получилъ всего 1195 рублей.

Но не однѣ заботы о пропитаніи занимали кн. Сергѣя среди его грустной жизни въ Раненбургѣ. Онъ рассчитывалъ на улучшеніе своего положенія и имѣлъ слабую надежду даже на совершенное помилованіе.

23-го октября 1730 года онъ обращается къ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Державнѣйшая царица и самодержица всероссійская, государыня всемилостивѣйшая! Дерзая молити вашего императорского величества, яко вси приклянаяи выи молимъ Всевышняго Творца, да простретъ десницу милосердія отъ горняго жилища. Тако нынѣ всеподданнѣйшій рабъ вашего величества, премилосердая государыня, рабски припадая къ ногамъ, молю: простри десницу милосердія отъ Высочайшія державы престола своего, помилуй, помилуй погибшего и страждущаго раба своего. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ кн. Сергѣй Долгорукой“.

Голось его не былъ слышанъ.

Въ апрѣлѣ 1731 года кн. Сергѣй воспользовался предстоявшимъ празднованіемъ годовщины коронаціи императрицы Анны Иоанновны, чтобы вторично напомнить о своемъ горестномъ положеніи и просить объ улучшеніи своей участи. 21-го апрѣля этого года онъ писалъ императрицѣ:

„Вашего императорского величества, государыня всѣмъ милосердая приклоняя колѣна, всеподданнѣйше молю, сотвори съ убогимъ и послѣднимъ рабомъ своимъ божеское милосердіе: помилуй всемилостивѣйшая государыня для такъ дни великого отъ всѣхъ Творца дарованного и всему народу торжественного высочайшія коронаціи вашего императорского величества, дабы и я бѣдной и последней рабъ вашего величества въ такъ великой радости имѣлъ малое участіе и съ неизреченнымъ благодареніемъ во все продолженіе бѣдного живота моего въ пожалованной мнѣ деревнишки за высочайшее вашего императорского величества всѣмъ милосердой государыни здравіе Всевышнего Творца неусынно просилъ. Вашего императорского величества всемилостивѣйшей государыни послѣдни и всеподданейши рабъ кн. Сергѣй Долгорукой“.

Участь его все-таки не была смягчена.

Долгорукіе содержались въ Раненбургѣ въ крѣпости, ворота которой старательно охранялись часовыми. Вести переписку, притомъ исключительно о хозяйственныхъ дѣлахъ, дозволялось имъ не иначе, какъ въ присутствіи пристава капитана Мяснова, который каждый разъ долженъ былъ давать имъ бумагу, перья и чернила. Письма Долгорукихъ Мясновъ обязанъ былъ посылать или почтой, или съ особыми ѣздовыми, но не совсѣмъ точно исполнялъ онъ эту инструкцію, дѣлая значительныя послабленія вельможному арестанту, который, хотя и содержался въ крѣпости, но сохранялъ свой княжескій титулъ и, имѣя родственныя связи при дворѣ, не нынче-завтра могъ снова приобрѣсть прежнее положеніе. Приставъ сознавалъ это очень хорошо и не брезгалъ посильными даяніями опальнаго князя: въ разное время онъ получилъ отъ князя Сергѣя Григорьевича цѣнные подарки, а именно: шпагу съ серебрянымъ эфесомъ, камлоту зеленого 10 арш., кусокъ миткаля, кусокъ китайской парчи и денегъ до 120 рублей; кромѣ того брату его, Филиппу Мяснову, князь Сергѣй Григорьевичъ подарилъ лошадь. Благодаря этимъ подаркамъ, Долгорукіе писали письма не одного только хозяйственного содержанія, но вели дѣятельную переписку съ своими родными о разныхъ семейныхъ дѣлахъ и даже, какъ мы видѣли, имѣли возможность напоминать о себѣ самой императрицѣ. Письма ихъ присылались, вопреки инструкціи, съ крестьянами, привозившими имъ деньги и припасы изъ Замотринской волости, а также съ людьми сестеръ княгини Долгорукой — княгинь Гагариной, Хованской и Салтыковой. Капитанъ Мясновъ вообще не особенно бдительно наблюдалъ за арестантами: онъ позволялъ при-

слугѣ Долгорукихъ свободно выходить изъ крѣпости въ городъ для разныхъ покупокъ и даже просто къ знакомымъ, ради препровожденія времени. Самъ Мясновъ уѣзжалъ иногда изъ Раненбурга верстъ за 60 на нѣсколько дней, оставляя такимъ образомъ Долгорукихъ безъ должнаго надзора. Мы увидимъ ниже, что эти послабленія пристава повели къ отдѣльному процессу, не имѣвшему впрочемъ дурныхъ послѣдствій для Долгорукихъ.

Переписка княгини Долгорукой съ сестрами и братомъ живо изображаетъ ежедневный обиходъ Долгорукихъ, всѣ ихъ печали и радости,—но главнымъ образомъ печали, которыхъ довольно-таки было у Раненбургскихъ узниковъ³⁾.

У княгини Долгорукой было четыре сестры и братъ—Исаія Петровичъ. Старшая сестра Наталья Петровна, бывшая за-мужемъ за графомъ Александромъ Ѳедоровичемъ Головинымъ, умерла еще въ 1728 г., и Головинъ женился во второй разъ; дѣти Натальи Петровны жили у своей тетки (второй сестры Долгорукой) Анны Петровны, которая была за-мужемъ за княземъ Алексѣемъ Матвѣвичемъ Гагаринымъ, единственнымъ сыномъ казеннаго при Петрѣ Великомъ сибирскаго губернатора. При опалѣ Долгорукихъ князь Гагаринъ своеобразно воспользовался родствомъ съ ними: именнымъ указомъ 27 октября 1730 г. пожалованы ему 1493 души изъ отписныхъ вотчинъ князя Василя Лукича Долгорукаго. Третья сестра—Екатерина Петровна была за-мужемъ за княземъ Василиемъ Петровичемъ Хованскимъ. Онъ приходился роднымъ внукомъ казенному также при Петрѣ Великомъ, начальнику Стрѣльцаго приказа, боярину князю Ивану Андреевичу Хованскому, по прозванью „Таратуй“, и занималъ впоследствии должность шталмейстера. Меньшая сестра — Марья Петровна, была за мужемъ за Михаиломъ Михайловичемъ Салтыковымъ, засѣдавшимъ въ Сенатѣ при Екатеринѣ II. Всѣ сестры были очень между собою дружны, но въ особенности близка къ Долгорукой была меньшая сестра — Салтыкова. Она принимала самое горячее, сердечное участіе въ положеніи князя Сергѣя и его семьи и не смотря на то, что въ 1731 г. „почитай

³⁾ Просмотрѣнная нами переписка княгини Долгорукой заключаетъ въ себѣ 103 письма; изъ этого количества княгинѣ Долгорукой принадлежатъ 26 писемъ, княгинѣ Гагариной—21 письмо, Салтыковой—23, княгинѣ Хованской—14, князю Сергѣю Григорьевичу—8, Исаію Петровичу Шафирову—5; П. П. Шафирову, князю Гагарину и Хованскому, М. М. Салтыкову, племяннику Долгорукой—графу Головину и дѣтямъ Долгорукимъ по одному. Всѣ эти письма сохранились въ копіяхъ, которыя были представляемы въ Сенатъ капитаномъ Мясновымъ; благодаря этой жѣрѣ, уцѣлѣла полная коллекція писемъ за довольно продолжительное время, тогда какъ большая часть переписки русскихъ людей XVII и XVIII вѣковъ безслѣдно погибла. При небольшомъ количествѣ русскихъ мемуаровъ изъ XVIII вѣка, сохранившихся намъ черты быта и нравовъ эпохи, переписка княгини Долгорукой можетъ быть отнесена къ числу любопытнѣйшихъ источниковъ для исторіи русскаго быта первой половины XVIII вѣка.

25 недѣль съ постели не вставала“, т. е. пролежала цѣлыхъ полгода, она усердно хлопотала объ отправкѣ лѣкаря, цирюльника и лѣкарствъ къ больному князю Сергѣю и вела аккуратную переписку съ княгиней Марьей Петровной. Въ письмахъ княгини Долгорукой и ея сестеръ изрѣдка попадаются приписки князя Сергѣя, князей Хованскаго и Гагарина и Михаила Михайловича Салтыкова; всѣ эти приписки отличаются краткостью и заключаютъ въ себѣ поклоны и разныя благопожеланія; только разъ князь Сергѣй пишетъ княгинѣ Гагаринной большое письмо о своихъ деревенскихъ дѣлахъ.

Для образца этой переписки приводимъ 2 письма цѣликомъ: одно княгини Марьи Петровны Долгорукой, другое Марьи Петровны Салтыковой.

„Государыни мои сестрицы, княгиня Анна Петровна, княгиня Катерина Петровна, Марья Петровна, многолѣтно здравствуйте со всѣми своими. Письмо отъ васъ и посылку все въ цѣлости приняла; сожалѣю, матушка сестрица княгиня Катерина Петровна, о болѣзни вашей и князя; прошу Бога, дабы васъ уздравилъ; доношу вамъ, что князь сегодня занемогъ лихораткою, была не велика зноба, только великая ломота въ костяхъ; пожалуйста, матушка моя, попросите Будду, чтобъ проноснаго даль князю лекарства, и пришлите немедленно къ намъ, а Николай, доношу, что лихоратка отстала, только тяжело дышается. Пожалуйста пришлите рейнувейну бутылки двѣ и косякъ отласу средней руки крапивного; пожалуй, матушка моя сестрица Марья Петровна, пришли пары три рукавицъ душихъ большой руки ласенныхъ строченныхъ, да пожалуй поблагодари Кузьму за посылку, что онъ насилу вздумалъ. Остаюсь сестра ваша княгиня Марфа Долгорукова. 16 марта 1731 г.“

„Милостивая моя государыня сестрица Марфа Петровна“, — пишетъ М. П. Салтыкова — „многолѣтно государыня здравствуй купно и съ государемъ моимъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ и съ дорогими дѣтками; всепокорно васъ, матушка моя, прошу увѣдомить меня о вашемъ здоровьѣ, и о князѣ вашемъ, и о дѣткахъ вашихъ, есть ли легче Николаюшке и Катеньке отъ лихоратки; о себѣ доношу, что мы съ Михайло Михайловичемъ оба не можемъ, однако нынѣ полегче и дѣти наши здоровы слава Богу. Поворно прошу, объяви мой низайшей поклонъ государю моему князю вашему и государынѣ моей княгини Марьѣ Ивановнѣ, пожалуйста объявите низайшій поклонъ и дорогимъ вашимъ дѣткамъ, любезно пожалуйста всѣхъ за меня. Поздравляю васъ, моя матушка сестрица, и князя съ новымъ годомъ, дай Вышней пропроводить вамъ сей новый годъ счастливо и въ добромъ здоровьи. Симъ оканчаю, остаюсь всепокорная ваша сестрица Марья Салтыкова низко кланяюся. Изъ Москвы января 2 дня 1731 г.“

Изъ переписки кн. Долгорукой съ сестрами мы узнаемъ: 1) о продолжительной болѣзни кн. Сергѣя, 2) о нездоровьи кн. Марьи Пе-

тровны и дѣтей, 3) о житьѣ-бытьѣ ссыльной семьи, ея занятіяхъ и 4) о ея хозяйственныхъ потребностяхъ.

Въ концѣ октября 1730 г. кн. Сергѣй Долгорукой занемогъ болью въ груди и въ лѣвомъ боку, о чемъ немедленно увѣдомилъ своего пристава капитана Мяснова слѣдующей запиской:

„Г. капитанъ! Объявляю вамъ о болѣзни моей: безпрестанно болятъ грут(д)ъ и лѣвой бока и всегдашней слышу въ себѣ жаръ, отъ чего каровъ (т. е. кровь?) съ макротою горломъ идетъ, такоже и руки по утрамъ пухнуть; и дле той моей болезни прошу васъ, чтобъ гдѣ достать лекаря для пусканія крови“.

Болѣзнь кн. Сергѣя встревожила всю семью: въ то время въ Ратенбургѣ не было ни одного лекаря. Вслѣдъ за запиской къ Мяснову, кн. Сергѣй отправилъ слѣдующее прошеніе въ Сенатъ:

„Понеже я ныне отъ великой моей болезни чахотной въ ванечную пришелъ слабость и не чаю продолженія живота моего, покорно прошу присутствующихъ въ Правительствующемъ Сенате васъ, моихъ милостивыхъ государей, показать сомною Бога ради милость и истиннаго (?) (это слово не разобрано) христіанства должность — повелѣть 'ко мне прислать дохтура для излеченія, ежели возможно будетъ, оной тяжкой моей болезни. Повторяю, прошу васъ, моихъ государей, по сему моему прошенію сотворить со мною милость“.

Сенатъ оставилъ прошеніе кн. Долгорукаго безъ вниманія и лѣкаря ему не выслалъ. По этому кн. Марѳа Петровна хлопочетъ черезъ своихъ сестеръ и брата, Исаію Петровича Шафирова, о присылкѣ къ нимъ какого нибудь врача, или хотъ даже цирюльника, а за совѣтами относительно общаго хода болѣзни мужа обращается къ лейбъ-медику Бидло ⁴⁾, тогдашней медицинской знаменитости, — постоянно лѣчившему Долгорукихъ во время ихъ придворнаго фавора. Припоминая прежнее лѣченье Бидло, кн. Марѳа Петровна, въ ноябрѣ 1731 г., проситъ своего брата, „чтобы дохтуръ Будль (такъ называетъ она Бидло въ своихъ письмахъ) пожаловалъ далъ травъ и съ чего декохтъ варять, сиропу, что всегда ему давалъ и на Москвѣ, красныхъ порош-

⁴⁾ Николай Бидло, сынъ знаменитаго лейденскаго профессора и лейбъ-медика короля англійскаго Готфрида Бидло, родился въ Амстердамѣ и въ 1706 году поступилъ на службу къ Петру Великому. Онъ былъ начальникомъ перваго госпиталя въ Москвѣ и перваго въ Россіи анатомическаго театра; подъ его же руководствомъ образовывались русскіе медики. Вообще Бидло пользовался расположеніемъ Петра Великаго, любившаго анатомію и для своего времени весьма даже свѣдущаго въ этой наукѣ. Бидло не одобрялъ леченія Петра II братьями Блуменстростами, но не могъ уже спасти умиравшаго отрока-императора: его призвали слишкомъ поздно. Въ октябрѣ 1730 г. Бидло былъ сдѣланъ президентомъ Медицинской Коллегии, членомъ которой. въ числѣ другихъ, назначенъ и упоминаемый въ перепискѣ Долгорукихъ докторъ Тейльсъ (Тельчъ). Подробности о докторѣ Бидло см. въ книгѣ Пекарскаго, Наука и литература при Петрѣ I, т. I, стр. 132, 133, 136, 367, 368 и 433; въ „Запискахъ“ Маркевича, т. I; въ депешахъ Лефорта (Сборн. Рус. Ист. Общ., т. V, стр. 315, 341, 344, 385) и Мардефельда (ibid., т. XV, 249).

зовъ и проносныхъ лекарствъ“. М. П. Салтыкова просила Бидло прописать лѣкарство кн. Сергѣю, но онъ отвѣчалъ ей: „Я радъ написать, да не знаю обстоянія его болѣзни, что таперь ему пуще“, а затѣмъ пожелалъ имѣть слѣдующія свѣдѣнія: идетъ ли кровь изъ горла съ гноемъ, или безъ гноя, не чувствуетъ ли кн. Сергѣй колотья въ которомъ нибудь боку, постоянный у него жаръ, или нѣтъ, каковъ сонъ, аппетитъ, и давно ли князь „кровь металъ“?

Получивъ требуемыя справки, Бидло прописалъ рецепты, велѣлъ пустить кровь не менѣе двухъ разъ и далъ подробную инструкцію на счетъ ухода за больнымъ. Вслѣдъ за этимъ были посланы и лѣкарства. Въ письмахъ къ сестрамъ кн. Долгорукая весьма часто просить совѣтовъ Бидло, такъ что М. П. Салтыкова отказывается „его трудить“, увѣряя сестру, что болѣзнь князя хорошо ему извѣстна. Еще до совѣта съ Бидло Исаія Петровичъ Шафировъ обращался къ начальнику тайной канцелярїи А. И. Ушакову съ просьбою объ отправленїи врача къ кн. Сергѣю. Ушаковъ разрѣшилъ, но долго не могли найти охотника ѣхать въ такую даль, да притомъ къ опальному князю; только въ іюлѣ 1731 г. М. П. Салтыкова „уговорила“ ѣхать въ Рененбургъ одного врача, который, по ея словамъ, кромѣ того что „пускаетъ кровь изъ руки, умѣетъ пускать и пиявицъ“. Отправляя его изъ Москвы, Салтыкова дала ему „на дорогу, на пропитаніе рубль“, да наняла ему пару лошадей до Рененбурга за 5 руб. Но врачъ этотъ не доѣхалъ до Долгорукихъ: онъ заболѣлъ дорогой. Тогда Салтыкова посылаетъ (въ концѣ октября 1731 г.) цирульника, или какъ она его называетъ, „болбира“ (отъ французскаго слова — barbier — цирульникъ), крѣпостнаго человѣка кн. А. П. Гагариной. „Князь и я съ дѣтми“, пишетъ кн. Гагарина сестрѣ своей кн. Долгорукой, „пошляемъ вамъ, матушка моя, болбира, можетъ кинетъ кровь князю вашему и вамъ, а оной болбиръ мнѣ изъ ноги пуцаль, и людямъ нашимъ многимъ пуцаль; вы и сами вѣдаете, что мнѣ очень трудно пуцать кровь, а онъ хорошо очень трафилъ, только изволите приказать напередъ изъ людей кому бросить, а послѣ себя“. Цирульнику было дано на проѣздъ туда и обратно 4 р. съ „полтинникомъ“, да на харчи 2 р. 25 к.; впрочемъ Салтыкова просить Долгорукую дать ему еще, когда онъ поѣдетъ назадъ. „Болбиръ“ прибылъ въ Рененбургъ послѣ того, какъ кн. Сергѣю 2-го декабря пустили кровь, и не имѣлъ случая выказать свое искусство.

Князь Сергѣй болѣлъ очень долго; болѣзнь, то уменьшаясь, то снова увеличиваясь, тянулась до начала 1734 г. Въ январѣ 1733 г. кн. Сергѣй причастился, и весь этотъ годъ чувствовалъ себя очень не хорошо; въ ноябрѣ 1733 г. болѣзнь приняла такой оборотъ, что всѣ домашніе были убѣждены въ скорой его смерти.

Въ семьѣ Долгорукихъ былъ боленъ не одинъ князь Сергѣй,—заболѣла и Марѣя Петровна, утомленная вѣчными хлопотами и уходомъ за мужемъ; что касается дѣтей—изъ нихъ постоянно кто нибудь да

хворалъ; особенно озабочивали родителей продолжительный кашель Николашеньки и „короста“ на головѣ у годовой дѣвочки Насти. Долгорукая не безпокоила Бидло, когда дѣло шло о ней, или дѣтяхъ, обращаясь въ такомъ случаѣ за совѣтами къ двумъ другимъ врачамъ, жившимъ въ Москвѣ — къ Францу и къ извѣстному въ то время специалисту по дѣтскимъ болѣзнямъ — Тейльсу. Кромѣ того сестры пересылали ей разныя домашнія средства и имѣвшіеся у нихъ рецепты. Приводимъ одинъ изъ этихъ рецептовъ цѣликомъ:

Грудная трава.

„Грульныхъ травъ по 3 или по 4 горсти, въ четверной водѣ вари докамень половина выкипитъ, послѣ скрость полотняной платокъ процеди, и отъ тою немощи поить сколько изволитъ“.

(Въ другихъ рецептахъ говорится, какъ принимать противъ лихорадки рвотные порошки, составъ которыхъ впрочемъ неизвѣстенъ).

Любимцами родителей и тетокъ были: старшій сынъ Николаша (которому въ то время было уже лѣтъ 15) и старшая дочь Машенька лѣтъ 12—13-ти; оба они умѣли читать и хорошо писали по русски. Примеромъ ихъ грамотности можетъ служить слѣдующая приписка на письмѣ кн. М. П. Долгорукой къ кн. Гагариной и Салтыковой отъ 22 марта 1732 г. „Отдаю свой нижайшій поклонъ государынѣ тетушкѣ кн. Аннѣ Петровнѣ и Марьѣ Петровнѣ, благодарствую государыня тетушка за вашъ гостинецъ — за платокъ. Племянница ваша Марья Долгорукова нижайше государыня тетушка кланяюсь. Княгиня Анна Петровна и государыня Марья Петровна благодарствую государыня за платокъ. Остаюся князь Николай Долгорукой. Марта 27 дня 1732 г.“ Тетки интересовались ходомъ ученія своихъ племянниковъ и племянницъ и посылали для чтенія старшимъ псалтирь, а для обученія меньшихъ—азбуки.

Въ семьѣ Долгорукихъ чтеніе было мало распространено, такъ какъ инструкция объ арестѣ запрещала имъ имѣть при себѣ книги. Марья Петровна просила своего брата прислать ей при случаѣ „книги Миней Четви, или какія у него есть“, обѣщаясь возвратить ихъ по прочтеніи; „а буде у васъ нѣтъ, хоша у кого возьмите“, прибавляетъ она. Въ ноябрѣ 1731 г. Салтыкова послала ей требуемую книгу, при чемъ писала: „Посылаю къ вамъ, матушка моя сестрица, книгу минею четчею сентябрьскую четверть, взявъ у деверя своего и вы, моя матушка, пожалуйста велите беречь и какъ ненадобно, то назадъ ее извольте прислать, тогда я вамъ пришлю и другіе мѣсяцы книгу минею четчею и къ вамъ пришлю читать“. Деверь Салтыковой, отдавши Долгорукимъ свою книгу, безпокоится о ея участи, вслѣдствіе чего Салтыкова пишетъ въ мартѣ 1732 г. слѣдующее: „Книгу, которую я къ вамъ послала прежде сего, Миней Четвию, деверь мой требуетъ ее. Пришлите пожалуйста, понѣже у него три еще есть, то не хочетъ разрознить“. Въ маѣ она повторяетъ эту просьбу. Наконецъ книга возвращена, и Салтыкова посылаетъ вторую четверть (де-

кабрскую) Миней-Четій, при чемъ пишетъ: „Ежелибъ онѣ наша книга были, то-бъ мы вамъ услужили вовсе, а то нарочно взяли у девера моего, государыня, для чтенія князю вашему“. Кромѣ Четій-Миней Мих. Мих. Салтыковъ прислалъ кн. Сергѣю для чтенія книгу сочиненія Баронуса, т. I ⁵⁾, а Марѳа Петровна Долгорукая просила сестеръ прислать ей календарь на 1732 годъ.

Имянины и дни рожденія кн. Сергѣя и кн. Марѳы Петровны, а равно и ихъ дѣтей, не забываются сестрами Долгорукой; онѣ аккуратно поздравляютъ ихъ и посылаютъ подарки, хотя весьма незатѣйливыя; напр. въ июнѣ 1731 г. кн. Гагарина пишетъ своей сестрѣ: „Поздравляю васъ, государыня, съ прошедшимъ днемъ тезоименитствомъ вашимъ, посылаю вамъ, моя матушка, платочекъ, а князю намъ вашимъ ленточекъ новомотныхъ, не прогнѣвайтесь, свѣтъ мой, на большихъ гостинцахъ“. Къ этому же дню кн. Хованская посылаетъ кн. Долгорукой штуку канифасу, а дочерямъ ея—лентъ. Въ 1732 г. Салтыкова отправляетъ своимъ племянницамъ и племянникамъ слѣдующіе подарки: Машиньѣ — „платокъ рушной новой алой“, Николашеньѣ тоже платокъ „желтой“, Катеньѣ—лентъ, Петрушеньѣ—чулки, Гришеньѣ и Настеньѣ—чулки-жъ, Аннушѣ—„платокъ полосатой“, Васеньѣ—табакерку. Въ маѣ того же года она посылаетъ Долгорукимъ гостинецъ, привезенный ей мужемъ изъ Риги: мѣдный кофейникъ новый съ канфоркой и молочникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько вещей изъ своей старой посуды: 3 синія чашки и 2 цвѣтныя чашки съ блюдами. „Не прогнѣвайся, матушка моя, что разныя“, пишетъ она сестрѣ, „истинно лучшей (т. е. посуды) у меня нѣтъ, только и было цвѣтныхъ, а синія чашки вѣдаю что нехороши, только не было лучше, у меня ихъ было шесть, да разбили, матушка, три, понежъ три были спрятаны, а три употребляли“. При этомъ же письмѣ посылаетъ она гостинцы племянницамъ и племянникамъ: Машиньѣ—„ленты съ серебромъ навагодныя“, Катеньѣ и Аннушѣ по парѣ рукавовъ, а меньшимъ дѣтямъ ленты шелковыя къ рукавамъ. Сергѣю Григорьевичу посылались шейные шелковые платки и курительный табакъ, привезенный Салтыковымъ изъ Риги.

Сестры прислали кн. Долгорукой разные припасы изъ Москвы: изъ списка этихъ припасовъ видно, что потребности Раненбургскихъ узниковъ были весьма умѣренны ⁶⁾.

⁵⁾ Здѣсь слѣдуетъ разумѣть „Дѣянія церковныя и гражданскія“, русскій переводъ творенія кардинала Баронія: „Annales ecclesiastici“, изд. въ Римѣ въ 1558—1607. Переводъ этотъ напечатанъ церковно-славянскими литерами въ Москвѣ въ 1719 г. и состоитъ изъ двухъ томовъ. См. Пекарскаго, Наука и литер., т. I, с. 327—328 и т. II, с. 446—447.

⁶⁾ Вотъ напр., что было переслано сестрами кн. Долгорукой съ января по декабрь 1731 года: 1 ведро орѣховаго масла, 3 ведра маковаго масла, 1 осьмина маку, 2 четверти грецкаго гороху, 2 пуда сахару, 2 бутылки рейнвейну, 27 тетеревей и нѣсколько куръ, 2 тысячи тонкихъ свѣчъ, свѣчъ маковъхъ, безъ означенія количества, крупъ смоленскихъ и разныхъ мелкихъ крупъ для дѣтей тоже безъ ука-

Средства Долгорукихъ годъ отъ году уменьшались, заочное управление Замотринимъ было очень затруднительно; управляющій этимъ имѣніемъ — Колычевъ позволялъ себѣ поборы съ крестьянъ въ свою пользу, а Долгорукимъ весьма неаккуратно доставлялъ деревенскіе припасы и деньги. Замотринскіе крестьяне стали оказывать явное неповиновеніе Колычеву и наконецъ подали на него челобитную кн. Гагариной: въ этой челобитной они просили уволить Колычева и замѣнить его дворяниномъ Разстригинимъ. Кн. Гагарина была въ большомъ затрудненіи, какъ ей поступить, обращалась за содѣйствіемъ къ А. И. Ушакову и къ П. И. Ягушинскому, сама объяснялась съ крестьянами и писала о ихъ неудовольствіи пространныя донесенія кн. Сергѣю. Кн. Долгорукая заступалась за Колычева, утверждая въ письмахъ своихъ къ Гагариной, что крестьяне „все плутаютъ, огъискивая себѣ воли“. Наконецъ крестьяне явились съ своей челобитной въ Раненбургъ къ самому кн. Сергѣю, чѣмъ онъ былъ очень разсерженъ. „Попросите отъ меня государя моего Михаила Михайловича (Салтыкова), чтобы приказалъ ихъ (крестьянъ) гораздо наказать“, — пишетъ кн. Сергѣй кн. Гагариной въ концѣ марта 1732 г. — „и извольте ихъ отослать къ Колычеву, понеже они плутуютъ и составляютъ челобитныя, будто отъ миру напрасно на Колычева и другихъ крестьянъ возмущаютъ, а отъ ихъ ослушаній я великую имѣю скудость въ положенномъ на нихъ сборѣ“. Вслѣдствіе этого письма Гагарина призываетъ къ себѣ челобитчиковъ-крестьянъ, кричитъ на нихъ и отпускаетъ, не разобравъ дѣла. Въ 1732 г. Долгорукіе ровно ничего не получили изъ Замотрина, такъ что кн. Марѣя Петровна принуждена была просить у сестеръ займы 100 рублей. Всѣ расходы на лѣченье кн. Сергѣя и на покупку припасовъ и птицъ падали на долю сестеръ княгини Долгорукой: разъ только она послала Салтыковой 10 р. на покупку голландскихъ куръ. Сестры ея изъ своихъ же средствъ одѣвали всю семью Раненбургскихъ узниковъ, такъ какъ Марѣя Петровна часто обращалась къ нимъ съ просьбами: то купить матерій на платья себѣ и дѣтямъ, то экипировать ея раненбургскую прислугу, то наконецъ прислать для кн. Сергѣя кошачій мѣхъ на шубу и нѣмецкіе кожаные штаны. Имъ же кн. Долгорукая пересылаетъ для починки разныя вещи, которыя трудно, или почти невозможно было исправить тогда въ Раненбургѣ: разную мѣдную посуду, кофейникъ и карманные часы. По ея порученію сестры заказываютъ въ Москвѣ и пересылаютъ въ Раненбургъ 2 образа: св. Николая Чудотворца — патрона старшаго сына Николая, и Страстной Божьей Матери, къ которой они имѣли

завѣя количества. Въ мартѣ 1732 года Салтыкова посылаетъ Долгорукимъ 100 штук соленыхъ лимоновъ и 4 ф. лимонныхъ корокъ, а въ май того же года отправляетъ имъ 1/2 пуда кофе, извиняясь, что не цѣлый пудъ. „понеже“, пишетъ она, „кофе чрезвычайно дорогъ, но двадцати по восьми рублей пудъ, но очень хорошъ, я его пробовала“.

особенное уваженіе, потому что мать кн. Сергѣя, старица Маргарита, жила до ссылки въ Московскомъ Страстномъ монастырѣ.

Дворовые Долгорукихъ, оставшіеся въ Москвѣ, тоже находились на попеченіи и иждивеніи сестеръ кн. Марѣи Петровны, которая относилась къ этимъ людямъ съ большимъ вниманіемъ, заботилась о безбѣдномъ ихъ существованіи и помѣщала дѣтей нѣкоторыхъ изъ нихъ въ ученіе къ мастерамъ.

Въ 1732 г. Долгорукіе заводятъ у себя рѣдкія породы птицъ: голубей „трубастыхъ“ и „египецкихъ“, куръ голландскихъ хохлатыхъ, бѣлыхъ китайскихъ гусей и бѣлыхъ хохлатыхъ утокъ. Птицы эти присылаются имъ Салтыковой и кн. Гагариной, частью изъ имѣнія послѣдней—Селищъ, частью изъ Москвы, гдѣ впрочемъ не всегда удавалось найти породы, выписываемыя Долгорукими; напр. голландскихъ куръ Салтыкова долго безуспѣшно розыскивала по Москвѣ и добыла ихъ уже отъ своей знакомой, кн. Авдотьи Михайловны Голицыной. Птицы служили забавой Долгорукимъ и доставляли имъ не малое развлеченіе въ однообразно-скучной жизни ихъ въ Раненбургѣ.

Жизнь эта текла уныло, счастливое прошлое, казалось, скрылось навсегда, а будущее не сулило ничего отраднаго: сколько времени продлится заключеніе и чѣмъ оно закончится—никто не зналъ. Въ „суетное и опасное время“ нѣмецкаго правительства Анны Иоанновны нельзя было лечь вечеромъ въ постель въ полной увѣренности, что на другое утро проснешься у себя дома: нерѣдко арестовывали ночью—и арестантъ встрѣчалъ слѣдующій день въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости или какого нибудь острога. Кн. Сергѣй испыталъ на себѣ превратности судьбы, совершенно неожиданно очутившись въ Өоминыхъ, а затѣмъ въ Раненбургской крѣпости. Изъ Раненбурга вели дороги въ „мѣста болѣе отдаленныя“—можно было попасть въ Березовъ, Пелымъ, Енисейскъ, Охотскъ... Такъ какъ надежда свойственна человѣку, то и Раненбургскіе узники мечтали объ улучшеніи своего положенія заступленіемъ сильныхъ людей и власть имѣющихъ „патроновъ“. Въ этомъ отношеніи больше всѣхъ могъ помочь отецъ Марѣи Петровны, П. П. Шафаровъ, политическое и придворное значеніе котораго снова усиливалось. Онъ, какъ извѣстно, былъ сначала человѣкомъ очень близкимъ къ Петру Великому, но послѣдствіи подвергся его гнѣву и едва не былъ казненъ. Въ 1730 г. при погромѣ, постигшемъ всѣхъ Долгорукихъ, Шафаровъ былъ отправленъ въ благовидную ссылку—въ Гилянъ, для заключенія договора о вѣчномъ мирѣ съ персидскимъ шахомъ. Онъ исполнилъ возложенное на него порученіе, уступивъ Персіи всѣ завоеванныя у нея Петромъ Великимъ области, и возвратился въ Петербургъ въ декабрѣ 1732 г. Всѣхъ сестеръ, въ особенности же кн. Долгорукую, живо интересуется пребываніе его въ Персіи, а главное возвращеніе оттуда. Шафаровъ довольно часто писалъ кн. Гагариной, кн. Хованской и Салтыковой, почти всякій разъ вспоминая несчастную свою дочь, кн. Долгорукую,

и всё вѣсти отъ „государя-батюшки“ немедленно передавались Раненбургскимъ узникамъ. 16-го мая 1731 г. онъ пишетъ Долгорукимъ изъ Рящи отдѣльную „цыдулку“, которую кн. Хованская и пересылаетъ имъ въ копии.

Шафировъ не преминулъ замолвить словечко кому слѣдуетъ объ улучшеніи участи кн. С. Г. Долгорукаго и его семьи; но въ концѣ 1733 года въ Раненбургѣ случились нѣкоторые происшествія—мелкія и неважныя сами по себѣ, которыя однако чуть-чуть не погубили несчастныхъ узниковъ.

При Долгорукихъ было 12 человекъ прислуги: 5 лакеевъ, 2 повара и 5 женщинъ. Люди Долгорукихъ получили отъ Сената дозволеніе выходить изъ крѣпости въ городъ, въ сопровожденіи конвойныхъ, для покупки харчей; но они воспользовались этой льготой, чтобы вести себя „несмирно, дѣлать раненбургскимъ обывателямъ разныя обиды и другія продерзости и вступать съ ними въ драки“. Въ 1733 г. такия „шалости“ Долгоруковской прислуги усилились. Мясновъ неоднократно жаловался на нихъ кн. Сергѣю, но, не получивъ отъ него никакого удовлетворенія, отнесся въ Сенатъ, изъ котораго послѣдовалъ указъ такого содержанія:

„Велѣть содержать ему его князь Сергѣя Долгорукаго съ женою и съ дѣтьми и съ опредѣленными при немъ людьми по данной ему инструкціи во всемъ непремѣнно, а которые ихъ люди отпущаны были за карауломъ для покупки харчу и чинили продерзости и драки и тамошнимъ жителямъ обиды, тѣмъ за то учинить жестокое наказаніе ему капитану Мясному по своему усмотрѣнію, о чемъ было ему, имѣя подъ арестомъ своимъ, и отписываться въ Сенатъ не надлежало; и впредь ни до какихъ продерзостей не токмо людей ихъ, но и самого его князь Сергѣя и жену его и дѣтей недопускать, а ежели впредь покажутся отъ нихъ противныя данной ему Мясному инструкціи какіе проступки и продерзости, то ихъ всѣхъ держать передъ прежнимъ арестомъ жестокае и не токмо постороннихъ, но и опредѣленныхъ при нихъ людей до предбудущаго указа къ нимъ не допускать и о томъ писать въ Сенатъ немедленно, объявляя о тѣхъ ихъ поступкахъ и продерзостяхъ, именно и требовать указа; буде же отъ людей ихъ такия жъ продерзости или иные противныя поступки впредь покажутся, за то ихъ наказывать же, смотря по винамъ ихъ, ему жъ, капитану Мясному, безо всякаго пощады и о томъ писать ему въ Сенатъ немедленно, а до полученія о томъ указа тѣхъ людей изъ крѣпости не выпускать и поступать съ ними такъ, какъ по указу и по воинскимъ артикуламъ съ содержащимися подъ крѣпкимъ арестомъ колодниками надлежитъ; а что надлежитъ до покупки имъ харча и другихъ нуждъ, то исправлять съ вѣдома его, капитанскаго, караульнымъ солдатамъ; а ежели до какихъ выше тѣхъ продерзостей онъ капитанъ ихъ допустить, то взыскано будетъ на немъ; а сколь давно и съ какаго случая или въ какакой надеждѣ тѣ его Долгорукова люди

такія продерзости чинить начали, о томъ ему Мясному въ Сенатъ репортовать немедленно“.

Вскорѣ съ людьми Долгорукихъ произошли безпорядки по поводу пересылки писемъ. 23-го ноября 1733 г. служитель кн. Сергѣя, Демидъ Канищевъ, требовалъ, чтобы присланнаго изъ Замотрина конюха Якова Гачнева отправить въ Москву съ письмами и за лѣкарствами, такъ какъ болѣзнь князя приняла весьма опасный оборотъ. Мясновъ объявилъ ему, что письма въ Москву онъ пошлетъ отъ себя; Канищевъ ничего ему на это не отвѣтилъ и пошелъ къ кн. Долгорукой.

— Княгиня велѣла сказать тебѣ, обратился онъ къ приставу, вернувшись изъ барскаго дома,—что если ты не пошлешь конюха съ письмами въ Москву, то-де она прикажетъ тому конюху прямо ѣхать въ Петербургъ къ батюшкѣ (П. П. Шафирову) на тебя съ жалобою. Затѣмъ Канищевъ передалъ Мяснову слѣдующія рѣчи кн. Сергѣя: „Ежели-де хотя мало что мнѣ поможется, то-де на васъ будемъ писать въ Сенатъ во всякихъ пакостяхъ и блудняхъ“, и требовалъ, чтобы конюха допустили къ княгинѣ, но получилъ отъ пристава отказъ.

Кн. Сергѣй прислалъ къ Мяснову другаго своего служителя, Александра Кіевскаго съ тѣмъ же требованіемъ.

— Прежде я отправлялъ письма съ конюхами, а теперь не хочу, сказалъ ему Мясновъ.

— Коли такъ, отвѣчалъ Кіевскій,—то я по волѣ господь своихъ сдѣлаю сегодня же или завтра, что меня пошлютъ въ Петербургъ.

Кн. Сергѣй Григорьевичъ „для нестерпимой его болѣзни“ приказывалъ сказать на Мяснова „слово и дѣло“, вслѣдствіе чего приставъ долженъ бы былъ послать его въ Петербургъ. Кн. Сергѣй училъ Кіевскаго, что ему говорить на допросѣ въ Тайной канцеляріи, а именно: указать на тѣ взятки и подарки, которые Мясновъ бралъ съ кн. Сергѣя и на тѣ его неисправности по надзору, о которыхъ мы упоминали выше.

Когда караульный сержантъ отправилъ уже изъ Раненбургской крѣпости конюха обратно въ Замотрино, Канищевъ нагналъ его у воротъ, приказывалъ ему ѣхать въ Москву и сказать кн. Гагариной, прося ее отписать о томъ къ П. П. Шафирову, что Мясновъ хочетъ кн. Сергѣя уморить, за лѣкарствами не посылаетъ и конюховъ для посылокъ держать не велитъ. Конюхъ Гачневъ отправился въ Москву къ Гагариной, но такъ какъ онъ былъ безъ письма, то Гагарина ему не повѣрила и хотѣла его даже бить,—послѣ этого онъ уѣхалъ въ Замотрино.

Началось дѣло въ Московской Тайной канцеляріи у С. А. Салтыкова. 24-го декабря 1733 г. прибылъ въ Раненбургъ изъ Московской Тайной канцеляріи гвардіи капитанъ-поручикъ Буревъ и въ тотъ же день снялъ допросъ съ людей Долгорукихъ. Этотъ допросъ подтвердилъ всѣ вышеизложенныя подробности. Въ это самое время Салтыковъ допрашивалъ въ Москвѣ людей княгини—Гагариной и Хован-

ской и нѣкоторыхъ изъ людей Долгорукихъ о привозѣ ими писемъ въ Раненбургъ и обратно. Изъ допроса выяснилось, что хотя эти люди и возили письма, но не иначе, какъ съ вѣдома Мяснова, а въ Раненбургѣ къ Долгорукимъ не допускались и проживали въ обывательскихъ домахъ подъ карауломъ. Тѣмъ не менѣе до половины апрѣля 1733 г. Демидъ Канищевъ и Кіевскій просидѣли въ Раненбургской крѣпости подъ строгимъ карауломъ и были освобождены лишь по высочайшему указу Анны Иоанновны.

Заступничество Шафирова проявило свою силу: 7-го мая 1735 г. кн. Сергѣю и всей его семьѣ дозволено было жить въ одной изъ деревень его Замотринской волости. Въ то время приставомъ состоялъ при немъ капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка Зуевъ, а Мясновъ былъ произведенъ въ маіоры и получилъ другое назначеніе¹⁾; при выѣздѣ же кн. Сергѣя изъ Раненбурга Зуевъ былъ смѣненъ новымъ приставомъ, капитаномъ Кошелевымъ. 24-го мая кн. Сергѣй со всей семьей и съ разбитой параличемъ матерью выѣхалъ изъ Раненбурга. Капитанъ Кошелевъ принялъ у Зуева самого кн. Сергѣя, его прислугу и вещи подъ общую росписку. Въ этой роспискѣ помѣщены сначала кн. Сергѣй съ семьей, потомъ прислуга и подъ конецъ „вортинъ кн. Сергѣя съ серебряной оправою“.

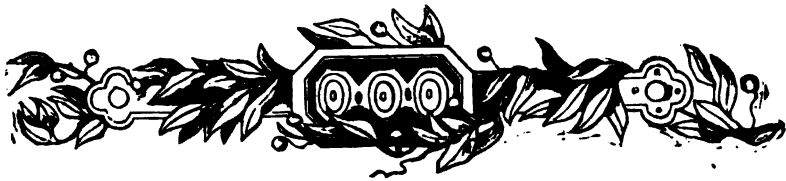
Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о послѣдующей судьбѣ кн. Сергѣя Григорьевича Долгорукаго.

Кн. Сергѣй прожилъ въ Замотринѣ слишкомъ четыре года: въ 1738 г. Анна Иоанновна помиловала его совершенно—онъ былъ вызванъ ко двору и назначенъ посломъ въ Лондонъ. Но въ то самое время, когда съ одной стороны всходила для него заря счастья и новой карьеры, съ другой надвигались грозныя тучи, исхода которыхъ кн. Сергѣй не могъ предвидѣть. 1-го марта 1739 г. умеръ его заступникъ П. П. Шафировъ; а измученный тюрьмою и пытками кн. Ив. Алекс. Долгорукой показалъ въ Шлюссельбургѣ, что кн. Сергѣй девять лѣтъ тому назадъ писалъ подложную духовную Петра II подъ диктовку кн. В. Л. Долгорукаго. Кн. Сергѣй уже совсѣмъ приготовился ѣхать въ Лондонъ, его задерживала только отпускная аудіенція Анны Иоанновны,—вмѣсто Лондона онъ попалъ въ Шлиссельбургъ, подвергся допросу, а 8 мѣсяцевъ спустя, 8-го ноября 1739 г. былъ обезглавленъ въ Новгородѣ вмѣстѣ съ двумя другими князьями Долгорукими—Василіемъ Лукичемъ и Иваномъ Григорьевичемъ.

Д. Корсаковъ.

Казань, 24 декабря 1879 г.

¹⁾ Не задолго до улучшенія участи кн. Сергѣя, 14-го марта, у него родился сынъ Алексѣй, а мать кн. Сергѣя, старица Маргарита, около того же времени заболѣла „параличною болѣзнію“—ударъ поразилъ всю ея лѣвую сторону. 5-го апрѣля 1735 г. Зуеву предписывалось высочайшимъ указомъ новорожденного сына кн. Сергѣя окрестить, а Маргариту, ежели умретъ, похоронить.

ЗАПИСКИ В. Н. ГЕТТУНА.

1771 — 1815 г. ¹⁾.

VI.

Назначеніе генерала Вязмитинова главнокомандующимъ въ Петербургѣ и поступленіе въ его вѣдѣніе канцеляріи петербургскаго военнаго губернатора. — Порядокъ дѣлопроизводства при немъ. — Характеристика Вязмитинова. — Двѣ резолюціи императора Александра I. — Постройка дома въ Петербургѣ. — Знакомство съ Чебловыми. — Неудавшееся сватовство. — Назначеніе фельдмаршала графа Каменскаго главнокомандующимъ арміею. — Его правитель канцеляріи. — Назначеніе князя Лобанова-Ростовскаго петербургскимъ военнымъ губернаторомъ. — Характеристика его. — Пожалованіе брилліантоваго перстня. — Назначеніе оберъ-полиціймейстеромъ генерала Балашова. — Увольненіе отъ должности правителя канцеляріи Петербургскаго военнаго губернатора. — Отставка князя Лобанова-Ростовскаго. — Назначеніе на должность секретаря общаго присутствія Департамента Удѣловъ. — Торги на винные откупа и возвышеніе цѣны Злобинымъ. — Назначеніе правителемъ канцеляріи къ принцу Ольденбургскому по званію Новгородскаго, Тверскаго и Ярославскаго генералъ-губернатора. — Порядокъ дѣлопроизводства, введенный принцемъ. — Великая княгиня Екатерина Павловна. — Пожалованіе орденомъ св. Анны 2 степени. — Старанія принца и великой княгини выкинуть въ дѣла. — Представленіе государю. — Разказы о великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. — Ссора съ принцемъ и увольненіе отъ должности его правителя канцеляріи.

ВОЕННЫЙ министръ генералъ отъ инфантеріи Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ ²⁾, по случаю открывшейся войны съ французами, вслѣдствіе которой государь императоръ отправился за границу въ армію свою, сдѣланъ въ 1805 году главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ; а потому я съ канцеляріею военно-губернаторскою и всѣми дѣлами, поступилъ къ нему, г. Вязмитинову, въ званіи правителя канцеляріи его.

¹⁾ Окончаніе. См. №№ 1 и 2 „Историческаго Вѣстника“.

²⁾ Онъ послѣ пожалованъ графомъ.

«Ист. вѣстн.», годъ 1, томъ 1.

Не смотря на военное время и на множество дѣлъ по объѣмъ частямъ, сей министръ каждый день бывалъ въ театрѣ, и когда я сказалъ ему о разныхъ толкахъ, слышанныхъ мною въ городѣ, касающихся до частаго имъ посѣщенія театра, онъ мнѣ въ оправданіе свое сказалъ:

— Видишь, я глубокій старикъ, рано встаю, обѣдаю въ 3 часа, сплю послѣ обѣда около двухъ часовъ, и оттого скоро проснувшись и не разгулявшись, не могу вдругъ дѣлами заниматься, пускай себѣ что хотятъ говорятъ, а я знаю что дѣлаю!

До обѣда развѣ самую нужную бумагу, не терпящую ни минуты времени, подпишетъ, а съ прочими дѣлами, какъ докладчики по военному министерству, такъ равно и я по части главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, собирались вечеромъ, и мнѣ почти всегда доставалось докладывать послѣ всѣхъ; оттого я ранѣе 2 и 3 часа по полуночи не возвращался домой.

Сей министръ, отъ природы умный и опытный въ дѣлахъ, потому что и самъ былъ секретаремъ у генералъ-фельдмаршала графа Захара Григорьевича Чернышова, предсѣдательствовавшаго въ обѣихъ военныхъ коллегіяхъ, т. е. въ Военной Коллегіи и Адмиралтейской, и съ нимъ весьма легко было отправлять дѣла, если на что нибудь не разсердится.

Когда выслушаетъ дѣло и дастъ резолюцію, то не говоритъ, какъ эту бумагу написать, а скажетъ только: „Напиши, перо лучше покажетъ, что надобно писать“.

По написаніи прочитаешь ему черную, и коли согласенъ, велитъ переписать; а ежели несогласенъ, то уже скажетъ подробную программу, какъ эту бумагу написать; буде же и за симъ не по мыслямъ его напишешь, оставитъ у себя все дѣло, и самъ напишетъ; написанную жъ имъ бумагу отдастъ напередъ мнѣ прочитатъ, и буде на оную не сдѣлаешь никакого замѣчанія, то велитъ переписать; а буде сдѣлаешь какое замѣчаніе, и онъ оно уважитъ, то поправитъ, и потомъ уже отдастъ переписать.

Вообще сей министръ былъ прозорливъ и правосуденъ, ежели какая сильная протекція не вмѣшается, которая у него, къ сожалѣнію, превозмогала правду,—а для придворныхъ онъ все дѣлалъ.

Въ дѣлахъ и дѣйствіяхъ своихъ строго наблюдалъ тайну.

Однажды, читая ему присланные изъ Комитета Министровъ для писанія журналы, видѣлъ я, что въ 1805 году было всего государственнаго годоваго въ Россіи дохода съ небольшимъ сто четыре милліона, а послѣ того въ теченіе времени возвысили государственный доходъ до пятисотъ милліонъ.

Отправление въ армию къ государю фельдъегерей было по моей части, а потому и при возвращеніи сюда фельдъегерей я же бывалъ въ кабинетѣ главнокомандующаго Вязмитинова при приѣмѣ отъ нихъ всего ими привезеннаго.

Однажды при распечатаніи привезенныхъ фельдъегеремъ бумагъ, увидѣлъ я сдѣланныя на обверткахъ бумагъ собственноручныя государя карандашомъ замѣчанія въ сихъ именно словахъ: по части военнаго министра Вязмитинова: „прошу больше заниматься дѣломъ, нежели приказною очисткою“.

По части министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея: „ваши системы вредны для государства“.

Командиръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка генераль-лейтенантъ Малютинъ далъ мнѣ изъ полковыхъ земель пустопорожнее мѣсто близъ Измайловскаго полка Троицкой церкви, на которомъ я выстроилъ для себя деревянный домъ съ каменною кухнею, и садъ насадилъ большею частью своими собственными руками. Въ сентябрѣ 1806 года перѣхалъ я въ оный свой домъ жить и завелся экипажемъ, коего собственнаго до того времени у меня не было, а когда нужно, нанималъ или бралъ у кушца Шульгина.

Съ того времени, какъ другъ мой Иванъ Ивановичъ Покорскій-Жоравко, женился на дочери откупщика надворнаго совѣтника Емельяна Андреевича Чеблокова, т. е. съ 1800 года, сталъ я вѣзъ въ домъ Чеблокова, а потомъ и самъ г. Чеблоковъ искалъ благорасположенія моего, потому что по многимъ дѣламъ своимъ имѣлъ ко мнѣ частыя отношенія, и я ему благопріятствовалъ.

Въ одно воскресенье, когда Иванъ Ивановичъ Покорскій-Жоравко съ женою своею жилъ уже въ Малороссіи, пріѣхалъ я къ г. Чеблокову обѣдать, не засталъ его дома, и гостей еще никого не было. Хозяйка дома Аграфена Ѳедоровна г-жа Чеблокова приняла меня. Послѣ краткаго разговора пригласила и повела она меня въ другую комнату, гдѣ, показавъ портретъ, списанный съ ея 17-ти лѣтней дочери, дѣвицы Марьи Емельяновны, и только что вчерашній день оконченный, спросила меня: похожъ ли онъ? Я по сему вопросу началъ всматриваться въ портретъ и хвалить какъ сходство, такъ и то, что живописецъ умѣлъ схватить у Марьи Емельяновны самую пріятнѣйшую ея мину, соединенную съ дѣвическою стыдливостію. Начавшійся пріѣздъ гостей помѣшалъ намъ, и мы опять пошли въ гостинную; скоро заснулъ и самъ г. Чеблоковъ пріѣхалъ; сѣли за столъ, и я, вмѣсто копій, началъ всматриваться въ оригиналъ, а Марья Емельяновна всматривалась и примѣчать стремленіе взоровъ моихъ на нее, далѣе пришла въ замѣшательство, соединенное съ стыдливостію и краскою въ лицѣ, или отъ того, что я съ нея почти не спускалъ глазъ, чего прежде никогда не было, или можетъ быть и мать что нибудь ей передала изъ того нашего разговора, который мы имѣли при разсмотрѣніи портрета.

Только съ сего же дня я сталъ заниматься Марьею и помышлять объ ней, какъ о дѣвицѣ, понравившейся мнѣ, а далѣе и далѣе влюбился въ нее.

Когда я сказалъ о семъ брату Федору Максимовичу, и что хочу свататься къ ней, то онъ возразилъ, представивъ мнѣ: „какую Марья имѣетъ противъ Надежды контру: Надежда блондинка съ голубыми небесными глазами, не бѣлится и не румянится; а Марья брюнетка, имѣетъ черные глаза, бѣлится и румянится, противоположность, какой нельзя не примѣтить, и какъ человѣческій вкусъ и склонности по временамъ перемѣняются“. А я, не смотря на сію противоположность, сталъ исчислять ему, чѣмъ та прежде меня занимала, и чѣмъ эта привлекла меня къ себѣ: Надежда томна и нѣжна, а Марья жива и пламенна; въ томъ же, чтобъ Марья бѣлилась и румянилась, сумнѣваюсь, поелику при всякой малѣйшей стыдливости масляные глаза ея пламенѣютъ, а все лицо покрывается натуральнымъ пріятнѣйшимъ румянцемъ; впрочемъ предположеніе мое жениться на Марьѣ я основывалъ не на одной моей къ ней склонности, но и на разсудѣ, ибо три старшія Чеблокова дочери, выданныя замужъ, жили съ мужьями своими хорошо, и Чеблоковъ давалъ за ними весьма значительное приданое.

Посему я началъ сватать Марью въ сентябрѣ 1807 года, и не смотря на все особенное отца и матери Чеблоковыхъ ко мнѣ расположеніе, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, продолжалось сіе сватовство болѣе трехъ лѣтъ; наконецъ Марья рѣшительно отказалась выдти за меня замужъ. Послѣ моего сватовства, по причинѣ случившагося въ состояніи отца ея упадка и происшедшей въ дѣлахъ его запутанности, Марья проплысала въ дѣвицахъ около восьми лѣтъ, и уже послѣ кончины отца своего при матери вышла замужъ за подполковника 1-го кадетскаго корпуса г. Кобылецкаго.

Обращаясь къ службѣ моей: по возвращеніи государя изъ-за границы приказано планы и фасады новымъ въ городѣ строеніямъ представлять на высочайшее усмотрѣніе, а потомъ для разсмотрѣнія сихъ плановъ и фасадовъ учрежденъ особый комитетъ изъ инженеровъ и архитекторовъ.

Послѣ несчастнаго Аустерлицкаго сраженія генераль-фельдмаршалъ графъ Михаилъ Федотовичъ Каменскій вызванъ въ С.-Петербургъ и назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей противъ французовъ арміи. Такъ какъ я къ нему не явился, то онъ самъ вечеромъ приходилъ въ канцелярію и у дежурнаго спрашивалъ обо мнѣ.

Поутру г. Вязмитиновъ, узнавъ о семъ, чрезъ камердинера своего пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. За столомъ началъ у меня спрашивать, былъ ли я у фельдмаршала?

Отвѣчалъ я, что не былъ.

Г. Вязмитиновъ сказалъ: „напрасно не побывалъ; онъ вчера самъ приходилъ въ канцелярію, вѣроятно чтобъ съ тобою увидѣться и пригласить къ себѣ служить“.

Я объяснилъ причины, по которымъ ни за какое благополучіе не соглашусь служить при немъ. Чрезъ три дня узналъ я отъ г. Вяз-

митинова, что служащій у него въ военномъ департаментѣ начальникъ отдѣленія статскій совѣтникъ Винтеръ согласился быть правителемъ канцеляріи фельдмаршала, и что ему на подъемъ выдана тысяча червонцевъ.

Зная, каково служить при фельдмаршалѣ, увѣрилъ я г. Вязмитинова, что Винтеръ и одной недѣли не прослужитъ у фельдмаршала. Въ самомъ дѣлѣ, г. Винтеръ, пробывъ у фельдмаршала два дня, на третій, ѣдучи къ нему, будто бы упалъ съ дрожекъ и расшибъ руку, которою якобы не могучи владѣть, отказался отъ службы, и червонцы, ему на подъемъ выданные, возвратилъ.

Послѣ сего чиновника 7 класса Фролова, служившаго Военной Коллеги въ инспекторской экспедиціи, противъ воли его, заставили находиться при фельдмаршалѣ и управлять канцеляріею его.

Но сіе управленіе не долго продолжалось. По случаю происшедшаго между фельдмаршаломъ и корпуснымъ командиромъ генераломъ отъ кавалеріи Бенигсеномъ несогласія и произведеннаго подъ Пултускомъ съ французами сраженія, фельдмаршалъ оставилъ армию и уѣхалъ домой.

По заключеніи съ Франціею въ Тильзитѣ мира и по возвращеніи государя изъ-за границы два министра уволены — графъ Кочубей и Вязмитиновъ; на мѣсто Кочубея опредѣленъ князь Куракинъ, а на мѣста, Вязмитиновымъ занимаемыя, назначены военнымъ министромъ генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, и военнымъ губернаторомъ генералъ отъ инфантеріи князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій съ управленіемъ и гражданскою частію.

Съ самаго начала поступленія моего къ сему князю, увидѣлъ я, что мнѣ съ нимъ трудно уладить; однакожь нечего дѣлать, надобно было продолжать исполнять свою обязанность.

Ни одного дня не проходило безъ того, чтобъ между нами не было чрезвычайнаго спора, отъ чего я даже и охрипъ, лѣчилъ же себя всякій вечеръ по пріѣздѣ домой топленымъ съ шалфеємъ молокомъ.

Князь сей когда разсердится, то большую часть бумагъ, не читая ихъ, перечертитъ крестами, говоря: „вотъ тебѣ и подписалъ“, а я сіи самыя бумаги опять велю въ канцеляріи переписать, и на другой день подаю ему къ подписанію.

Будучи на званомъ обѣдѣ, увидѣлся я съ тайнымъ совѣтникомъ Егоромъ Васильевичемъ Каріѣвымъ. Онъ, вышедъ со мною на балконъ, спросилъ меня: какъ я управляюсь съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ? Я отвѣчалъ, что никакъ не могу уладить съ нимъ, и остается мнѣ только убѣжать отъ него.

Г. Каріѣвъ разсказалъ мнѣ, что онъ по прежней его службѣ при генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Николаѣ Васильевичѣ Рѣпинѣ знаетъ сего князя Лобанова-Ростовскаго.

— Онъ самолюбивъ и вспыльчивъ, надобно ему льстить и не спорить съ нимъ, и у васъ пойдетъ все ладами.

Поблагодаривъ г. Карнѣва за наставленіе его, я на другой же день испыталъ планъ сей.

Прихожу къ князю съ кучею бумагъ; но прежде нежели онъ приготовился заняться дѣлами, входитъ къ нему придворный лакей и приглашаетъ его обѣдать въ вдовствующей императрицѣ.

По выходѣ лакея князь сказалъ:

— Когда мнѣ твоими бумагами заниматься, надобно бриться и одѣваться.

А я началъ просить у князя позволеніе и мнѣ поѣхать на обѣдъ въ пріятелю имяниннику съ тѣмъ, чтобъ бумаги остались у князя, и ежели онъ прежде меня возвратится домой, то чтобъ изволилъ подписать тѣ бумаги, которыя имъ найдены будутъ основательными, а прочіе отложить, и я пріѣхавши объясню ихъ.

Получивъ позволеніе, я оставилъ въ кабинетѣ князя бумаги, а самъ поѣхалъ въ гости, ни мало не думая быть вечеромъ въ канцеляріи.

Пріѣзжаю поутру, спрашиваю у дежурнаго: сослалъ ли князь подписанныя бумаги? Дежурный отвѣчаетъ: сослалъ, и подалъ ихъ мнѣ.

По разсмотрѣніи оказалось, что ни одной бумаги не забраковалъ, а всѣ подпisałъ.

Тутъ-то я удостовѣрился, что г. Карнѣвъ правду сказалъ. Соображаясь съ сею манерою, я по одному обширному дѣлу заготовилъ записку, привелъ въ ней приличные законы, и онъ, выслушавъ все спокойно, потомъ взявъ отъ меня записку, и самъ еще прочиталъ мое заключеніе. Послѣ того сказалъ: „писалъ, писалъ, да и не дописалъ“. Указываетъ мнѣ, что подъ заключеніемъ написано: Правитель канцеляріи; а я заторопясь забылъ подписать. Я взялъ перо, и тутъ же подпisałъ.

Тогда онъ сказалъ: „гдѣ рука, тамъ и голова“, взялъ перо, и противъ моего заключенія написалъ: „согласенъ“.

По сему примѣру завелъ я реестръ всѣмъ тѣмъ вновь вступающимъ бумагамъ, на которыя прежде словесно испрашивалъ отъ него резолюцій, а теперь сталъ ихъ подавать съ симъ реестромъ, князь же принялся отмѣчать въ томъ реестрѣ своею рукою резолюціи; и такимъ образомъ пошли у насъ дѣла гораздо успѣшнѣе, и не столько, какъ прежде шуму было.

По представленію князя Лобанова-Ростовскаго пожалованъ мнѣ подарокъ—перстень брилліантами украшенный; и онъ началъ приглашать меня къ своему обѣду, также и чай пить. Тутъ однажды вечеромъ необыкновенно ко мнѣ ласковъ былъ и началъ у меня вывѣдывать о всемъ, что касается до оберъ-полиціймейстера Эртеля.

Я на сіе князю рѣшительно отвѣчалъ: „если вашему сіятельству угодно, то я буду продолжать управлять вашею канцеляріею, но шпиономъ и ябедникомъ не могу быть“. Онъ съ неудовольствіемъ прервалъ эту рѣчь и завелъ совсѣмъ другую.

По личности съ г. Эртелемъ, еще въ Москвѣ происшедшей, когда тамъ въ царствованіе императора Павла I былъ г. Эртель оберъ-полиціймейстеромъ, князь нападалъ и гналъ его, но не могъ выжить, ибо государь отозваться изволилъ, что не прежде согласится отставить Эртеля, какъ тогда, когда князь на его мѣсто сыщеть если не лучшаго, то по крайней мѣрѣ не хуже его.

Посему князь Лобановъ-Ростовскій началъ приглашать въ оберъ-полиціймейстеры генераль-маіора, исправляющаго должность генераль-кригсъ-коммиссара, Александра Дмитріевича Балашова, въ чемъ наконецъ и успѣлъ разными сдѣланными имъ г. Балашову обѣщаніями.

Сдача г. Эртелемъ должности оберъ-полиціймейстера долго продолжалась по возникшимъ между нимъ и г. Балашовымъ спорамъ, которые наконецъ разрѣшены и превращены высочайшею волею; съ сего времени военный губернаторъ князь Лобановъ-Ростовскій былъ съ оберъ-полиціймейстеромъ Балашовымъ въ согласіи.

Черезъ полгода отъ вступленія въ должность военнаго губернатора князь Лобановъ-Ростовскій тяжело занемогъ, такъ что и дѣлами заниматься, и подписывать бумагъ не могъ. Посему съ высочайшаго разрѣшенія, не терпящія времени исходящія бумаги вмѣсто военнаго губернатора подписывали: по военной части комендантъ Башуцкій, а по городу оберъ-полиціймейстеръ Балашовъ.

Въ продолженіе болѣзни князя Лобанова-Ростовскаго накопилось много дѣлъ, съ которыми по выздоровленіи его, лишь только я показался къ нему, то онъ на меня и насѣлъ, и началъ со мною точно такъ поступать, какъ и при началѣ было, хотя я оному накопленію дѣлъ не былъ ни малѣйшею причиною.

Не стерпя сихъ капризовъ князя Лобанова-Ростовскаго, я ему неоднократно говорилъ, если я не гоюсь быть правителемъ канцеляріи его, то искалъ бы себѣ другаго лучшаго; но онъ сіи отзвы мои пропускалъ мимо ушей своихъ, можетъ быть принимая ихъ въ превратномъ смыслѣ.

Послѣ сего по прошествіи нѣкотораго времени, не видя конца его нападкамъ и неудобисполнимымъ требованіямъ, я утромъ, по подписаніи имъ нужныхъ бумагъ, подалъ ему формальное прошеніе объ увольненіи меня за болѣзнію отъ должности правителя канцеляріи с.-петербургскаго военнаго губернатора, для опредѣленія по выздоровленіи къ другимъ дѣламъ.

Князь Лобановъ-Ростовскій, по прочтеніи моей просьбы, пришелъ въ чрезвычайный азартъ, и сказалъ мнѣ, что онъ меня такъ уволить, что я нигдѣ мѣста не найду.

Я, обидясь сими его угрозами, не обинуясь сказалъ ему, что это княжеское дѣло, чрезъ которое много чести себѣ заслужить.

Онъ опять началъ упрекать меня тѣмъ, что я, зная, что у него нѣтъ человѣка, кѣмъ бы могъ замѣнить меня, хочу увольненіемъ своимъ привести его въ затрудненіе.

Я и на сей упрекъ отвѣчалъ ему, что я и подавши просьбу объ увольненіи, буду мѣсяцъ, другой служить при немъ, пока онъ прищеть человека, способнаго быть правителемъ его канцеляріи, и что ему г. Поповъ ¹⁾ рекомендовалъ надворнаго совѣтника Адамовича, чиновника весьма способнаго и дѣловаго.

Князь спросилъ меня, почему я его знаю.

Я отвѣчалъ: потому я г. Адамовича знаю, что онъ мой землякъ и сослуживецъ въ бывшемъ Новгородско-Сѣверскомъ намѣстническомъ правленіи, а потомъ сей Адамовичъ управлялъ канцелярією екатеринославскаго гражданскаго губернатора г. Селедзаго, чрезъ что и г. Попову сдѣлался извѣстнымъ.

Не желая служить при князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ, по причинѣ, что онъ горячъ, и я тоже, и что никакъ не могъ сносить его воровотни и пустыхъ своенравныхъ привозовъ, по знакомству заранѣе совѣтовалъ г. Адамовичу проситься на мое мѣсто, что онъ чрезъ г. Попова и сдѣлалъ; но князь Лобановъ-Ростовскій не уважилъ рекомендаціи г. Попова и чисто отказалъ Адамовичу, а меня послѣ подачи мною просьбы объ увольненіи, на другой день поутру уговаривалъ остаться при немъ служить, обѣщая испросить мнѣ у государя награды; но я за всѣмъ тѣмъ, по вышеозначеннымъ причинамъ, отказался.

И такъ онъ сперва попросилъ меня, чтобъ я представилъ ему г. Адамовича, которому я внушалъ, чтобъ онъ иначе не соглашался служить при немъ, какъ прямо вступить на мое мѣсто правителемъ канцеляріи; но когда я его представилъ, и князь сказалъ, чтобъ ему напередъ сдѣлать испытаніе, и для того поручить ему докладной реестръ, въ который бы вписывалъ вкратцѣ существо каждой бумаги, то г. Адамовичъ ни словомъ не возразилъ на то приказаніе — по тогдашнимъ тѣснымъ его обстоятельствамъ — а я повелъ его въ канцелярію и посадилъ за назначенную ему работу, сдѣлавъ надлежащее распоряженіе только объ опредѣленіи его въ число чиновниковъ канцеляріи с.-петербургскаго губернатора.

По напоминаніямъ моимъ объ увольненіи меня, князь началъ приискивать другихъ чиновниковъ и испытывать ихъ: годятся ли они быть правителемъ канцеляріи его? Болѣе десяти человекъ чиновниковъ, въ числѣ коихъ были и сенатскіе оберъ-секретари, испытывалъ онъ, и ни одного изъ нихъ не нашелъ по мыслямъ своимъ.

По неотступнымъ же просьбамъ моимъ объ увольненіи, опредѣлилъ на мѣсто мое изъ чиновниковъ сей же канцеляріи надворнаго

¹⁾ Дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ; прежде былъ правителемъ канцеляріи генералъ-фельдмаршала свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, а по кончинѣ его при императрицѣ Екаторинѣ II статсъ-секретаремъ.

совѣтника Андрея Ивановича Абакумова ¹⁾; но и его чрезъ мѣсяць отставилъ, а пригласилъ извѣстнаго дѣловаго и ловкаго человѣка, съ нечистыми руками, отставнаго генераль-маіора Ивана Ивановича Русанова управлять канцелярію его.

Сей г. Русановъ по ходатайству князя Лобанова-Ростовскаго принять въ службу и оставленъ при немъ для особыхъ порученій.

Чтожь изъ сего чрезвычайнаго выбора вышло? паденіе самого князя! Съ одной стороны отъ того, что князь въ теченіе времени болѣе года не успѣлъ, или не хотѣлъ исполнить сдѣланнаго имъ оберъ-полиціймейстеру г. Балашову обѣщанія; съ другой г. Русановъ хитрымъ умомъ властвовалъ надъ вѣрившимся ему недалководнымъ своимъ начальникомъ, и потому, что хотѣлъ, то дѣлалъ, а оберъ-полиціймейстеру нерѣдко доставлялъ нахлобучку. Князь, не зная запрещенія, по постановленію высшаго правительства и по высочайшей волѣ въ 1805 году сдѣланнаго, торговать мясомъ и коренною рыбою въ частныхъ подъ домами лавкахъ, по просьбѣ купца Конькова ²⁾ и по докладу г. Русанова, согласному съ оною, самъ собою разрѣшилъ сей торгъ ему, Конькову, одному въ лавкѣ подъ домомъ его, въ 3-й Адмиралтейской части по Апраксину переулку состоящей, а оберъ-полиціймейстеръ г. Балашовъ довелъ о томъ до высочайшаго свѣдѣнія

¹⁾ Графъ Толстой въ началѣ февраля 1808 года опредѣленъ с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, а потомъ въ май того же года сдѣланъ и корпуснымъ командиромъ всей гвардіи на мѣсто генерала отъ инфантерій графа Татищева. Съ дѣлами бывшаго корпуснаго командира поступилъ къ графу Толстому и г. Абакумовъ въ чинѣ подпоручика, и всегда сіи по военной части дѣла докладывалъ графу послѣ меня. Примѣчательно то, что графъ иногда говорилъ мнѣ: „пошли эту топорную работу“, разумѣлось, послать къ нему г. Абакумова съ заготовленными имъ по его части бумагами. По представленію графа Толстаго по высочайшему повелѣнію произведенъ г. Абакумовъ изъ подпоручиковъ въ титулярные совѣтники. По поступленіи къ главнокомандующему Вязмитинову занимался г. Абакумовъ аудиторскими дѣлами, производимыми военными комиссіями при С.-Петербургскомъ ордовансаузі; тамъ и при военномъ губернаторѣ князѣ Лобановѣ-Ростовскомъ. По представленію г. Вязмитинова получилъ онъ чинъ коллежскаго ассессора; а по представленію князя Лобанова-Ростовскаго — надворнаго совѣтника. Г. Абакумовъ старался всѣми мѣрами угождать сему князю, а потому имъ на мѣсто мое и опредѣленъ правителемъ канцеляріи. Но будучи въ сей должности, уже никакъ не могъ угодить оному князю, и потому отставленъ, каковая отставка послужила къ его счастью: ибо онъ два года проживъ дома безъ службъ и не находя приличнаго для себя мѣста, опредѣлился Военной Коллегіи по провіантской экспедиціи комиссіонеромъ; его сперва послали въ Архангельскъ, а послѣ въ армію, дѣйствующую противъ французовъ, гдѣ онъ получилъ чины 6-го и 5-го классовъ, ордена, и сдѣланъ полемымъ генераль-провіантмейстеромъ; по окончаніи же съ французами войны, опредѣленъ генераль-провіантмейстеромъ и директоромъ Провіантскаго Департамента Военнаго Министерства. Въ сей должности будучи, получилъ онъ чины 4-го и 3-го классовъ, ордена св. Анны 1-го класса и св. Владимира 2-й степени и большую аренду; наконецъ, сдѣланъ сенаторомъ и получилъ орденъ св. Александра Невскаго.

²⁾ Сей купецъ по высочайшему повелѣнію выдержанъ трое сутокъ при управѣ благочинія на хлѣбъ и водѣ за то, чтобъ не просилъ того, что запрещено.

государя. Почему оба, т. е. князь Лобановъ-Ростовскій и г. Русановъ отставлены отъ службы.

Г. Балашовъ пожалованъ генераль-лейтенантомъ и генераль-адъютантомъ, и велѣно ему исправлять должность с.-петербургскаго военнаго губернатора.

Г. Балашовъ, чрезъ коменданта Башуцкаго и чрезъ начальника Эрмитажа статскаго совѣтника Ивана Михайловича Тюльпина, предлагалъ мнѣ, чтобъ я опять и при немъ былъ правителемъ канцеляріи с.-петербургскаго военнаго губернатора; но я не иначе соглашался принять на себя оную должность, если онъ испроситъ мнѣ пенсіонъ по двѣ тысячи рублей въ годъ или аренду.

Г. Балашовъ соглашался это сдѣлать современемъ, а я требовалъ тотчасъ, почему мы и не сошлись.

Дабы не оставаться безъ службы, принялъ я въ 1808 году мѣсто, предложенное мнѣ министромъ удѣловъ графомъ Гурьевымъ, секретаря по общему присутствію Департамента Удѣловъ; но, находясь въ сей должности около году времени, я почти ничего не дѣлалъ: ибо помощникъ мой все, безъ великаго труда, успѣвалъ одинъ обрабатывать, а я только гдѣ нужно, руку свою прикладывалъ, и отъ нечего дѣлать рано выходилъ изъ департамента бродить на бульварахъ.

По пріязни моей къ дому г. Чеблкова и лично г. Злобину, былъ я посредникомъ между ними въ одномъ частномъ ихъ дѣлѣ, и ничего не успѣлъ сдѣлать по настойчивости одного и по упрямству другаго.

Г. Чеблковъ съ компаніонами его Рюминымъ, двумя Кусовниковыми и Мальшинымъ нѣсколько лѣтъ сряду держали на откупъ питейную продажу въ С.-Петербургѣ, и отъ того обогатились.

При наступленіи новыхъ торговъ на с.-петербургскій питейный откупъ, Злобинъ требовалъ, чтобы его приняли въ часть, или бы дали ему такъ между ними называемой „калмы“ сто тысячъ рублей.

Чеблковъ ни на то, ни на другое не соглашался, а Злобинъ угрожалъ, что будетъ торговаться.

Чеблковъ чрезъ меня сказалъ Злобину: пускай себѣ торгуется.

А Злобинъ, чрезъ меня же, отвѣчалъ Чеблкову, что онъ постарается исполнить его волю.

И дѣйствительно, при торгахъ никого другаго не было, кромѣ Злобина, который, торгуясь съ Чебловымъ, возвысилъ цѣну, сверхъ прежней до полумилліона рублей.

Послѣ сего опыта Злобинъ опять, чрезъ меня же, относится къ Чеблкову о исполненіи его требованія, а Чеблковъ во что бы ни стало не соглашается удовлетворить онаго.

Въ другой разъ поторговались, и опять Злобинъ возвысилъ цѣну до полумилліона рублей.

Оставалась уже только третья окончательная переторжка, къ которой Чеблковъ успѣлъ устрашить рискомъ Злобина залогодателей его, и они данные ему, г. Злобину, залоговъ отъ него отобрали.

Случай, какого Злобинъ не предвидѣлъ; но чтобы поправить сей недостатокъ, онъ успѣлъ упросить военнаго губернатора доложить государю, чтобы его величество за него поручился, а онъ при переторжкѣ еще сдѣласть важную въ пользу казны наддачу.

По объявленіи военнымъ губернаторомъ высочайшаго повелѣнія, что государь изволилъ за Злобина ручаться, Злобинъ довадь цѣну до такой крайности, что ежелибъ онъ еще хотъ малѣйшую сдѣлалъ наддачу, то прежніе откупщики, т. е. Чеблоковъ съ товарищами отъ дальнѣйшаго торга уже отказались бы.

Такимъ образомъ, Злобинъ сдѣлалъ всей прибавки къ прежней откупной цѣнѣ около полутора милліона рублей въ убытокъ Чеблокова и его компаніоновъ.

За сіе государь изволилъ пожаловать: самому г. Злобину золотую медаль, украшенную брилліантами для ношенія на шеѣ на голубой лентѣ; а сыну его, за заслуги отца, чинъ коллежскаго ассесора не въ примѣръ другимъ.

Компанія Чеблокова, и при столь возвышенной цѣнѣ нашла въ ономъ откупѣ свои выгоды потому только, что имъ все по прежнимъ опытамъ извѣстно, и заведенія ихъ не пропали.

А ежелибъ сей откупъ въ такой высокой цѣнѣ остался за Злобинымъ, то онъ по новости въ ономъ, и употребя важную сумму на заведенія, неизбежно потерпѣлъ бы раззорительный убытокъ. Вотъ какъ иногда откупщики рискуютъ.

При подобныхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ Злобинъ, къ одобренію себя, говаривалъ:

— У меня одинъ сынъ, но и тотъ философъ, наживемъ милліоны хорошо, а потеряемъ ихъ, не заплачемъ, станемъ землю пахать, подобно, какъ древній римскій патрицій Цинциннатъ, по потерянніи состоянія своего, самъ пахалъ землю, и тѣмъ себя съ семействомъ пропитывалъ.

По назначеніи къ принцу Георгу Голстейнъ-Ольденбургскому ¹⁾ статсъ-секретаря дѣйствительнаго статскаго совѣтника Федора Петровича Лубяновскаго, пригласили и меня ²⁾, подъ его начальствомъ

¹⁾ За сего принца выдана замужъ великая княгиня Екатерина Павловна и пожалованъ ему титулъ императорскаго высочества. Они жили въ городѣ Твери со всѣмъ дворомъ своимъ.

²⁾ При самомъ началѣ сего приглашенія пошелъ я къ бывшему начальнику моему старику Вязмитинову, по отставкѣ жившему въ С.-Петербургѣ частнымъ человекомъ, и, сказавъ ему объ ономъ приглашеніи, просилъ совѣта его: идти ли мнѣ къ принцу служить, или не идти? Г. Вязмитиновъ спросилъ меня: знаю ли я придворныя интриги? Я отвѣчалъ, что не знаю, да и знать ихъ не хочу, потому что я должность свою стараться буду отправлять честно, усердно и прележно. — „То-то и бѣда, возразилъ г. Вязмитиновъ, что тѣмъ ты будешь правѣе и справедливѣе во всѣхъ дѣйствіяхъ своихъ поступать, тѣмъ скорѣе наживешь враговъ и завистниковъ, которые изъ муки сдѣлаютъ слона, наобедятъ, и, оклеветавъ, испровергнутъ тебя, а, впрочемъ, самъ хорошенько одумайся, и такъ поступи, какъ за лучшее рассу-

управлять канцелярією принца генераль-губернаторскою по тремъ губерніямъ: Новгородской, Тверской и Ярославской; ибо г. Лубяновскій болѣе занимался дѣлами и образованіемъ Департамента Путей Сообщенія, надъ коимъ принцъ былъ главнокомандующимъ.

Но и полгода не прошло, какъ г. Лубяновскій впалъ въ немилость и отставленъ отъ службы. Директоромъ Департамента Путей Сообщенія сдѣланъ статскій совѣтникъ Дмитрій Семеновичъ Серебряковъ; а я остался управляющимъ канцелярією генераль-губернаторскою, завися уже отъ одного принца.

Порядокъ отправленія дѣлъ былъ таковъ, что ни одной бумаги нельзя было доложить принцу на словахъ, а по всякому дѣлу составлялась записка, въ которой приводились были приличные законы и мое мнѣніе.

На каковой запискѣ принцъ писалъ своею рукою: „согласенъ“, или въ случаѣ несогласія, резолюцію, что ему угодно сдѣлать.

Сии дѣла и заготовленныя по резолюціямъ принца исходящія бумаги посылаемы были къ принцу въ портфель, отъ котораго одинъ ключъ былъ у принца, а другой у меня; и такимъ образомъ сей портфель пересылаемъ былъ изъ канцеляріи къ принцу, а отъ него ко мнѣ ежедневно, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, по нѣсколькѣ разъ; являлся же я къ принцу для личныхъ моихъ по дѣламъ объясненій не иначе, какъ когда онъ пришлетъ за мною; а оттого я больше имѣлъ времени заниматься дѣлами.

У принца и высокой супруги его великой княгини Екатерины Павловны по праздникамъ были даваемы большіе обѣды и балы, на которые не только я, но и изъ подчиненныхъ мнѣ высшіе чиновники и изъ молодыхъ дворянъ, которые умѣли хорошо танцовать, были приглашаемы; я же и къ частнымъ ихъ высочества обѣдамъ былъ приглашаемъ самою великою княгинею.

Приглашеніе ея высочества, когда я для объясненія по дѣламъ являлся къ принцу, бывало сими точно словами: „завтра вы у меня обѣдаете“. На что нашъ братъ отвѣситъ пренизкій поклонъ, и въ назначенный день явится въ обѣденную пору во дворецъ.

Однажды за столомъ въ продолженіе обѣда великая княгиня, разговаривая со мною, изволила сказать:

— Я думаю, что разныя по дѣламъ суждѣнія мнѣнія происходятъ отъ пристрастія.

На сіе я осмѣлился доложить ея высочеству, что иногда бываютъ разныя мнѣнія отъ разныхъ убѣжденій совершенно безъ всякаго пристрастія.

дашь.“ Не доволенъ будучи занимаемымъ въ то время мѣстомъ и не имѣя въ виду другаго лучшаго, помолясь Богу, рѣшился я идти къ принцу служить, не смотря на придворныя интриги.

— Трудно этому повѣрить, возразила она, потому что и народная пословица гласить: не бойся суда, а бойся судьи.

Я, чтобъ оправдать передъ ними изъявленное мною въ пользу судей заключеніе, старался это доказать самымъ дѣломъ.

Попалось такое дѣло, которое дѣйствительно можно рѣшить двоякимъ образомъ—на которую хочешь сторону. Изложивши въ запискѣ существо сего дѣла и всѣ переходы онаго, подвелъ разнообразныя, или лучше сказать противоположныя законы, и написалъ два мнѣнія и въ ту, и въ другую сторону, сказавъ въ концѣ: предоставляю вашему императорскому высочеству избрать изъ оныхъ любое.

По отправленіи мною къ принцу сего дѣла, находилось оно у нихъ около недѣли времени, наконецъ принцъ позвалъ меня къ себѣ вечеромъ. По явкѣ моей сперва былъ между нами разговоръ по разнымъ предметамъ; когда же принцъ началъ спрашивать у меня о причинѣ упомянутаго двойнаго по одному дѣлу моего мнѣнія, то и великая княгиня, въ сей же комнатѣ сидѣвшая за другимъ особымъ столомъ и чѣмъ то занимавшаяся, подошла къ столу принца и стала въ разговоръ нашъ вслушиваться.

Я отвѣчалъ, что, желая показать не одними словами, но и самымъ дѣломъ, безпристрастіе судей при разныхъ ихъ по одному дѣлу мнѣніяхъ,—написалъ оныя два мнѣнія.

Тутъ-то великая княгиня заговорила и откровенно сказала, что сколько они ни разбирали оныя два мои по одному дѣлу мнѣнія, однакожь не знаютъ: которому изъ нихъ отдать предпочтеніе? далѣе продолжала:

— Если бы вы были генераль-губернаторъ, то которое изъ тѣхъ двухъ мнѣній приняли-бы?

Я отвѣчалъ, что правило мое въ подобныхъ дѣлахъ склоняться на ту сторону, которая бѣднѣе, и указалъ имъ въ семь дѣлъ бѣднѣйшую сторону.

Тогда великая княгиня, обратясь къ принцу, съ восторгомъ сказала:

— Не правда ли, что и я такъ же думала.

Принцъ утвердилъ мнѣніе бѣднѣйшей стороны.

При началѣ опредѣленія моего къ принцу хотѣли дать мнѣ чинъ статскаго совѣтника. Но я, видя, что мнѣ остается дослужить до срока только 6-ть дней, и чтобъ онаго производства не зачли мнѣ въ особенную милость, самъ не соглашался.

Въ теченіе жъ оныхъ шести дней состоялся указъ объ экзаменахъ, и я такимъ образомъ попался въ западню.

Принцъ, не смотря однакожь на оный указъ, представилъ меня къ производству въ статскіе совѣтники; но государь изволилъ собственноручнымъ письмомъ отозваться принцу, что не можетъ нарушить государственнаго закона, а вмѣсто чина прислалъ мнѣ орденъ св. Анны 2 класса.

Тогда-то я призналъ справедливымъ то правило, что можно сдѣлать сегодня, не отлагать того до завтраго; ибо я причиною сего упущенія вмѣсто четырехъ лѣтъ прослужилъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника около 12 лѣтъ, да и то получилъ чинъ 5 класса по особымъ правиламъ, для департаментовъ военнаго министерства изданнымъ, при опредѣленіи меня вице-директоромъ Провіантскаго Департамента.

По дѣлу за святотатство Тверская уголовная палата приговорила наказать преступника 40 ударами кнутомъ, и по постановленіи знаковь, сослать въ каторжную работу.

Принцъ, видя изъ дѣла сего, что вся кража эта оцѣнена въ 96 коп., разсердился на палату за жестокость; но я представлялъ ему нравственныя, религиозныя убѣжденія, строго въ Россіи наблюдаемыя, и что потому нельзя сей струны ослабить изъ жалости по человѣчеству къ преступнику, который, забывъ Бога и совѣсть свою, осмѣлился урвать вещи, первыи принадлежащія, то послѣ сего поступка на что этотъ человѣкъ не рѣшится.

Принцъ, принявъ все сіе въ уваженіе и разсуждая, что довольно будетъ назначить кнутомъ только шесть ударовъ, потому что не число, а образъ производства сей публичной казни устрашаетъ людей, представилъ оное дѣло въ Московскій Правительствующій Сенатъ съ своимъ мнѣніемъ, объясняющимъ причины, по коимъ онъ не согласился съ приговоромъ уголовной палаты.

Но Сенатъ, по разсмотрѣніи онаго дѣла, утвердилъ приговоръ палаты безъ всякой отмѣны. Получа о семъ указъ Сената, принцъ обидѣлся, что его мнѣнія Сенатъ не уважилъ, призвалъ меня и приказываетъ тотчасъ написать предписаніе палатѣ объ остановленіи исполненія по указу Сената.

Я докладывалъ ему, что это можетъ сдѣлать только государь или его именной указъ; а онъ говоритъ, что это нужно, пока онъ представитъ государю и получить высочайшее разрѣшеніе.

И такъ, видя усиліе принца къ остановленію на время исполненія по упомянутому указу Сената, присовѣтовалъ я ему чрезъ адъютанта своего взять изъ палаты подлинный указъ и все дѣло, безъ чего палатѣ нечего будетъ дѣлать.

Принцъ точно такъ и сдѣлалъ, и продержалъ у себя указъ и дѣло болѣе мѣсяца; но получа видно отъ государя несогласный съ его мыслями отзывъ, возвратилъ ихъ въ палату и приказалъ исполнить.

По одному дѣлу принцъ не согласился съ моимъ мнѣніемъ, и свою резолюцію написалъ на запискѣ. Я возвратилъ сію записку, съ донесеніемъ моимъ, на особомъ почтовомъ листѣ написаннымъ, о причинахъ, по которымъ оной резолюціи исполнить невозможно.

Принцъ сіе донесеніе мое оставилъ у себя, а отъ записки оторвавъ тотъ листъ, на которомъ написана была резолюція его, приказалъ переписать ту записку по прежнему, и противъ мнѣнія моего напи-

салъ „согласенъ“. На одной запискѣ моей принцъ написалъ такъ: „краткость соединена съ ясностію и силою доводовъ; весьма доволенъ“.

Въ канцеляріи занимался я вечеромъ приготовленіемъ къ завтраму разныхъ отъ принца донесеній государю.

Входитъ въ мою комнату начальникъ экспедиціи уголовныхъ дѣлъ коллежскій совѣтникъ Соколовъ и начальникъ стола братъ мой Федоръ Максимовичъ и со смѣхомъ докладываютъ мнѣ, какое Тверская уголовная палата чудо сдѣлала: приговорила по уголовному дѣлу къ тѣлесному наказанію человѣка, который не состоитъ въ числѣ подсудимыхъ и котораго даже имени въ дѣлѣ не значится.

Я по недосугу самому заняться просмотрѣніемъ онаго подлиннаго дѣла, поручилъ имъ обоимъ сіе сдѣлать, и буде не найдутъ такого имени, не только въ числѣ подсудимыхъ, но даже въ числѣ обыскныхъ людей и свидѣтелей, словомъ если нѣтъ по всему тому дѣлу онаго имени, а приговоръ палаты правиленъ, то утвердить сей приговоръ съ замѣчаніемъ палатѣ ея неосмотрительности; а буде есть гдѣ либо по дѣлу оное имя, то представить дѣло въ Сенатъ.

Они донесли мнѣ, что нѣтъ по всему дѣлу такого имени, и что приговоръ палаты хорошъ.

Я, положась на ихъ увѣреніе, написалъ мое на запискѣ мнѣніе и вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ послалъ къ принцу.

Черезъ нѣсколько дней позвалъ принцъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ:

— Какъ же вы пишете, что по всему дѣлу нѣтъ имени осужденнаго палатою человѣка, а онъ есть въ числѣ обыскныхъ людей и въ присяжномъ листѣ!—и показалъ мнѣ въ дѣлѣ. Досадно мнѣ было, да нечего дѣлать, и потому объяснилъ я принцу все то, что выше написано.

На это принцъ не сказалъ мнѣ ничего, но и дѣла съ запискою не отдалъ.

Возвратясь въ канцелярію, съ досадою выговорилъ я г. Соколову и брату, что они сдѣлали, и чѣмъ это кончится, Богъ вѣсть.

Въ тужь минуту получаю отъ принца формальное предписаніе, требующее отъ меня письменнаго объясненія.

Я написалъ сіе объясненіе въ сихъ самыхъ словахъ, какъ и принцу лично докладывалъ, заставилъ г. Соколова переписать своею рукою и подписать ему и столоначальнику, т. е. брату моему, а потомъ уже я подписалъ и послалъ.

Принцъ, видя, что я ему не солгалъ, объясненіе оставилъ у себя, а дѣло съ запискою возвратилъ въ канцелярію, по которому на вновь составленной запискѣ написалъ я мое мнѣніе уже такое, чтобъ это дѣло представить въ Сенатъ, а палату, за небреженіе ея по должности, оштрафовать, изъ чего еще болѣе принцъ удостовѣрился, что не я, а подчиненные мои сдѣлали было оную неосмотрительность, и не

исполнивъ въ точности того, что я имъ поручилъ, довели и себя и меня до неприятности.

Въ день именинъ великой княгини явился я со всѣми чиновниками¹⁾ своими во дворецъ для принесенія поздравленія. Въ приемной комнатѣ поставилъ я чиновниковъ во фронтъ въ нѣсколько рядовъ по чинамъ, а самъ сталъ впереди предъ ними.

По выходѣ великой княгини сперва я одинъ поздравилъ ея высочество и допущенъ былъ поцѣловать ея руку, а потомъ и чиновники поклонились и поздравили.

Великая княгиня, разговаривая со мною, изволила спросить:

— А гдѣжь вашъ братъ?

Я доложилъ: „здѣсь, стоитъ въ своемъ мѣстѣ“.

Она усмѣхнувшись изволила сказать мнѣ: „чтожь ты не подвинешь его впередъ“.

Я отвѣчалъ, что это можетъ сдѣлать одна только его служба,— тѣмъ и кончился разговоръ сей.

Зимою въ первый разъ изволилъ государь императоръ пріѣхать въ Тверь, и меня принцъ лично представлялъ его величеству.

Государь началъ было говорить мнѣ по французски, но я, низко поклонясь, извинился, что не знаю Французскаго языка. Тогда государь изволилъ сказать мнѣ по русски:

— Ты въ Петербургѣ при двухъ или трехъ военныхъ губернаторахъ былъ правителемъ канцеляріи?

Я отвѣчалъ: „при четырехъ“.

А принцъ добавилъ, что я имѣю аттестаты.

Государь въ милостивыхъ словахъ изволилъ сказать мнѣ:

— Чѣмъ больше, тѣмъ лучше; служи и здѣсь хорошо, и на меня надѣйся. „Послѣ сего—кого я представилъ, всѣмъ принцъ испросилъ награды чинами, орденами и подарками; самъ же я ничего не получилъ, потому что недавно пожалованъ мнѣ орденъ.“

При исходѣ 1809 года старался я, чтобы сколько возможно менѣе осталось нерѣшенныхъ дѣлъ; но Ярославская палата уголовного суда за два дня до новаго года прислала шестьдесятъ уголовныхъ дѣлъ спрятать же ихъ никакъ нельзя было, потому что почтмейстеръ всѣ пакеты приносилъ во дворецъ и лично вручалъ ихъ принцу, а отъ него уже поступали въ канцелярію записанные въ домашній его входящій реестръ съ выставленными на нихъ нумерами, подъ которыми, а не подъ другими, и во входящій реестръ канцеляріи записываемы были.

Изъ сихъ уголовныхъ дѣлъ осталось нерѣшенныхъ только 23, да гражданскихъ 31, а всѣхъ 54 дѣла, каковую вѣдомость объ остав-

¹⁾ Въ числѣ оныхъ чиновниковъ были молодые два князя Лобанови-Ростовскіе, два Кочубея и другихъ знатныхъ и богатыхъ персонъ сыновья, искавшие милостей ихъ императорскихъ высочествъ.

шихся нерѣшенныхъ отъ прошлаго года дѣлахъ подаль я принцу въ первый день новаго года поутру при поздравленіи его императорскаго высочества съ новымъ годомъ.

Въ вечеру, на балѣ великая княгиня между прочими изволила подойти и ко мнѣ и милостиво сказала мнѣ:

— Васъ можно поздравить.

Я движеніемъ изъявилъ недоумѣніе мое.

Она продолжала: „у васъ мало осталось нерѣшенныхъ дѣлъ“.

— Къ сожалѣнію весьма много, отвѣчалъ я.

Она: „какъ? только 23 дѣла“?

Я: 23 уголовныхъ дѣла, да гражданскихъ 31.

Она: „что это за дѣла“.

— Ваше высочество, отвѣтили я, дѣла гражданскія труднѣе уголовныхъ; уголовныя дѣла тогда только составляютъ затрудненіе, когда они худо произведены и неправильно рѣшены, а по гражданскимъ дѣламъ двѣ крайности: и долженъ генераль-губернаторъ вмѣшиваться и не долженъ, и потому одинъ разборъ сихъ крайностей требуетъ большой осмотрительности и проницанія, дабы не увлечься и самому генераль-губернатору въ неправильныя дѣйствія.

Она: „представьте, я въ первый разъ это слышу; а сколько въ годъ всѣхъ дѣлъ къ вамъ поступило“?

Я: „до 18 тысячъ“.

Она: „и изъ такой тѣмн дѣлъ осталось только 54; это такая малость, которая честь вамъ дѣлаетъ.“

Я поклонился, а она пошла къ другимъ. На этомъ балѣ были: генераль-фельдмаршалъ графъ Иванъ Василевичъ Гудовичъ, графы Федоръ Василевичъ Растопчинъ, Илья Андреевичъ Безбородко, Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, Аркадій Ивановичъ Морковъ, князья Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ, Грузинскій и другіе, и всѣ разговоръ тотъ великой княгини со мною видѣли, а близко стоявшіе и слышали.

Однажды за столомъ, когда была графиня Браницкая съ дочерьми своими, великая княгиня начала ей жаловаться на большое количество людей и лошадей, требующихъ на содержаніе ихъ большихъ расходовъ.

Графиня Браницкая спросила: „а сколько у вашего высочества дворовыхъ людей и лошадей“?

Великая княгиня сказала: „людей до ста человекъ, а лошадей до 80-ти“.

Графиня Браницкая: „и, ваше высочество, какъ же вамъ можно имѣть меньше сего числа прислуги, когда я, ваша крестьянка, имѣю дворовыхъ людей до трехъ-сотъ человекъ, и лошадей столько же“.

Великая княгиня: „тѣфу пропасть, на что вамъ такая толпа и людей и лошадей“.

Графиня Браницкая: „потому что я графиня и знатная пошѣщица, а мнѣ они въ годѣ не много разъ понадобятся; но когда нужно, не занимать же у сосѣдей“, чѣмъ разговоръ сей и окончился.

Великая княгиня, обратясь ко мнѣ, изволила спросить: „получаю ли я изъ Петербурга письма?“

Я доложилъ, что получаю, но не успѣваю за недосугомъ отвѣчать на нихъ.

Она: „хорошо и дѣлаете, петербургскимъ фанфаронамъ только и дѣла наряжаться и съ толстыми палками по бульварамъ таскаться“.

Принцъ опредѣлилъ въ Тверь губернскимъ прокуроромъ отставнаго маіора Дребуша, который яко нѣмецъ, всѣми пролазами началъ втираться въ милость принца, и за то что я не пишу фонъ-Дребушу, не видя, почему ему принадлежитъ фонъ, началъ противъ меня у принца дѣйствовать, а я презирать всѣ его низкія интриги.

Стало извѣстно, что государь въ другой разъ прибыть изволилъ въ Тверь. Это было въ маѣ мѣсяцѣ 1810 года. Поутру, когда я брился, пришелъ ко мнѣ экзекуторъ съ рапортомъ, что обстоитъ въ канцеляріи все благополучно. Еще у меня экзекуторъ оставался, входитъ начальникъ гражданской экспедиціи Бѣлявскій, который при экзекуторѣ началъ говорить мнѣ, что я къ приѣзду государя готовлю представленія къ наградамъ, и спросилъ: къ чему я его теперь представляю?

А я у него спросилъ: къ кому онъ пришелъ, къ правителю канцеляріи, или къ частному человѣку?

Онъ отвѣчалъ, что къ правителю канцеляріи.

Я: „какъ же ты смѣлъ требовать столь наглیمъ образомъ отъ начальника своего отчета!“ И сказалъ ему, чтобъ онъ убирался отъ меня вонъ, „а иначе прикажу тебя вытолкать въ шею“.

Онъ ушелъ, а я, одѣвшись, пошелъ въ канцелярію, нахожу въ ней всѣхъ, нѣтъ только Бѣлявскаго. Ожидаю часъ и другой, все его нѣтъ. Тогда я увидѣлъ, что это не просто случилось, а съ умысломъ, поѣхалъ къ принцу и доложилъ ему обо всемъ, между мною и Бѣлявскимъ происшедшемъ.

Принцъ приказалъ тотчасъ выключить его изъ канцеляріи; а я началъ просить принца, чтобъ его просто уволить съ хорошимъ аттестатомъ, дабы онъ искалъ себѣ мѣста гдѣ хочетъ и на меня не ропталъ.

Возвратясь въ канцелярію, рассказалъ я всѣмъ, что Бѣлявскій принудилъ меня сдѣлать. Велѣлъ написать опредѣленіе объ увольненіи его и аттестатъ ему.

Послалъ къ принцу къ подписанію съ прочими бумагами.

Прочія бумаги принцъ подписалъ всѣ и возвратилъ мнѣ, а опредѣленіе и аттестатъ Бѣлявскаго остались у него.

Изъ сего я замѣтилъ, что Бѣлявскій чрезъ прокурора, оправдывается у принца.

По возвращеніи изъ канцеляріи сѣлъ я обѣдать.

Приходитъ отъ принца адъютантъ князь Оболенскій, вызываетъ меня изъ-за стола въ другую комнату, гдѣ сказалъ, что принцъ происшедшее между мною и Бѣлявскимъ неудовольствіе считаетъ частнымъ и ни мало къ службѣ не относящимся, а потому полагаетъ все это оставить.

Я просилъ адъютанта доложить принцу, чтобы онъ о поступкѣ Бѣлявскаго принялъ отъ меня рапортъ и предалъ его по оному суду. Тамъ и окажется: кто изъ насъ правъ и кто виноватъ. Ежели же и этого не угодно будетъ принцу сдѣлать, то я не могу остаться вмѣстѣ съ Бѣлявскимъ ¹⁾ служить: кто нибудь изъ насъ долженъ выйти въ отставку; и просилъ адъютанта доставить мнѣ на сіе разрѣшеніе принца.

Братъ мой Федоръ Максимовичъ уговаривалъ меня какъ нибудь перенести эту неприятность, но я не послушалъ его.

А адъютантъ, возвратясь, сказалъ мнѣ отвѣтъ принца: кто хочеть, тотъ служи, а кто не хочеть, можетъ идти въ отставку.

Я тотчасъ пошелъ въ канцелярію, написалъ просьбу и опредѣленіе объ увольненіи меня и аттестатъ, послалъ къ принцу; а онъ подписавши, возвратилъ мнѣ, съ приказаніемъ: сдать должность свою г. Соколову, что я тотчасъ и исполнилъ, и, взявши дорожную, вечеромъ уѣхалъ въ Москву, дабы ни съ кѣмъ не видѣться и ничего не говорить, опасаясь наговоровъ и всякой на себя клеветы.

Проживъ въ Москвѣ до того времени, когда принцъ и великая княгиня изъ Твери отправились въ С.-Петербургъ, тогда и я возвратился въ Тверь, и взявъ свой багажъ, отправился въ С.-Петербургъ.

Размышляя въ дорогѣ, увидѣлъ я, что старикъ Вязмитиновъ говорилъ мнѣ правду, но я не послушалъ его. Разстройство сіе тѣмъ для меня было болѣе чувствительно, что я, располагая служить въ Твери при принцѣ, продалъ свой въ С.-Петербургѣ домъ за самую дешевую цѣну.

¹⁾ Сей Бѣлявскій родомъ изъ малороссійскаго города Новгорода Сѣверска. Первоначально служилъ въ разныхъ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ и, дослужась до чина титулярнаго совѣтника, поѣхалъ служить въ Сибирь, за что данъ ему чинъ коллежскаго ассесора. Возвратясь изъ Сибири въ Петербургъ, оставался безъ мѣста болѣе трехъ годовъ, и по просьбѣ друга моего, Николая Никитича г. Новицкаго, принятъ мною въ штатъ канцеляріи принца и опредѣленъ начальникомъ гражданской экспедиціи, получилъ по многимъ представленіямъ денежное награжденіе и чинъ надворнаго совѣтника, чему не прошло и полгода времени, а онъ хотѣлъ, чтобы я его представилъ и еще къ какой нибудь наградѣ, тогда, когда я его неспособностію и непрілежаніемъ къ должности недоволенъ былъ.

VII.

Прїѣздъ въ Петербургъ. — Картежный домъ. — Крупный проигрышъ. — Разоблаченія маіора Гарновскаго. — Его наставленія относительно картежной игры. — Назначеніе генерала Балашова министромъ полиціи. — Свиданіе съ нимъ и министромъ финансовъ Гурьевымъ. — Совѣтъ генерала Вязмитнинова. — Поступленіе на службу къ Балашову. — Занятія съ нимъ. — Назначеніе на должность начальнииа отдѣленія Министерства Полиціи. — Объясненіе Балашова съ государемъ. — Награжденіе орденомъ св. Владимира 4-й степени. — Прозѣтъ Балашова о реформѣ Сената. — Процессъ Вавравскаго. — Приобрѣтеніе половины села Крисокъ. — Богѣзнь. — Командировка въ Малороссію. — Кончина принца Ольденбургскаго. — Благосклонное вниманіе великой княгини Екатерины Павловны. — Принцъ Августъ Виртембергскій. — Письмо его къ графу Аракчееву и докладная записка. — Резолюція императора Александра I.

По прїѣздѣ изъ Твери въ С.-Петербургъ явился я къ с.-петербургскому военному губернатору Балашову, и онъ лично предложилъ мнѣ мѣсто правителя канцеляріи его; но я, помня, почему прежде отъ онаго отказался, и теперь сего мѣста не принялъ.

Въ теченіе времени около двухъ мѣсяцевъ я ничѣмъ не былъ занятъ и потому навѣщалъ моихъ прїятелей и знакомыхъ.

Одинъ изъ нихъ завезъ меня на картежную игру уже довольно виномъ разгоряченнаго.

Я тутъ увидѣлъ, что держитъ банкъ 25 т. руб. и мечетъ карты извѣстный мнѣ грекъ Полукучи, а противъ него пунктируютъ болѣе 20-ти человекъ.

У длиннаго стола, на самомъ концѣ онаго, было еще одно свободное мѣсто. Я сѣлъ и спросилъ банкюмета: будетъ ли онъ бить мою карту по рублю?

Полукучи не согласился, предлагая, чтобъ я ставилъ карту не менѣе 2 руб. 50 коп., на что я не согласился, и хотѣлъ отправиться домой; но хозяинъ квартиры г. Смагинъ меня удержалъ, повелъ въ столовую, гдѣ уже накрытъ былъ столъ и много кушанья поставлено, и просилъ меня чего нибудь покушать.

Я обогелъ кругомъ столъ, нашелъ раки и ну ихъ ѣсть, а хозяинъ принялся меня потчивать виномъ тѣмъ и семъ, а наконецъ и шампанскимъ, отъ котораго я еще болѣе охмѣлѣлъ, и вышелъ въ картежную залу, предложилъ опять банкюмету, что буду ставить карту по рублю, на что и онъ согласился, какъ будто бы изъ угожденія мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ видя меня уже совершенно пьянаго.

Я понялъ ихъ хитрость, и думаю, что они меня хотятъ обмануть, но я ихъ проведу, выиграю сто рублей и уйду. Въ семъ предположеніи моемъ началъ я пунктировать, и помаленьку да потихоньку записалъ за банкомъ 90 р., остается доиграть 10 р., я, отдѣливъ изъ выигрышу 10 р. поставилъ пе, чтобъ такимъ образомъ 20 р. выиграть, и со ста рублями уйти домой пораньше. Не тутъ-то было: банкюметъ

по возвышеніи куша, отгадалъ мое намѣреніе и убилъ мою карту. Я отдѣлилъ отъ выигрыша 30 р. и поставилъ пе, и сію мою карту убили. Тогда я на достальныя 50 р. поставилъ карту пе, но и сію мою карту убили. Видя, что изъ большихъ кушей ни одной карты не дали мнѣ выиграть, должно было оставить игру и убраться домой; но я разгорячась началъ ставить карты по 2 р. 50 к., по 7 р. 50 к. и по 12 р. 50 к., каковою возвышенною пунтировкой проигралъ 1,300 р. и возвратился домой съ тяжелою головою и пустыми карманами подъ свѣтъ.

Попутру домашніе мои увидѣли меня сердитымъ и ко всему привязывающимся, даже закричалъ и на то, что къ чаю за бѣлымъ хлѣбомъ послали. Не говоря никому о моемъ проигрышѣ, я, думая, что онъ случился отъ пьянаго состоянія и неразсчетливости моей, пошелъ еще играть въ карты въ то же мѣсто и проигралъ 1,500 р., такъ что уже у меня нисколько денегъ не осталось.

Занявши денегъ и рѣшась въ третій разъ въ карты испытать свое счастье, пообѣдавъ ранѣе обыкновеннаго, легъ спать и потомъ вечеромъ, собираясь на картежное сраженіе, приказалъ людямъ своимъ никого ко мнѣ не принимать. Уже велѣлъ лошадей заложить и сталъ одѣваться. Камердинеръ, подавая мнѣ платье, оставилъ въ передней мальчижа, который не могъ ни отговорить, ни остановить пришедшаго гостя, и я увидѣлъ вопедшаго ко мнѣ отставнаго маіора Ивана Антоновича Гарновскаго, сердился на людей своихъ и не переставая одѣваться, сухо попросилъ гостя садиться. Одѣвшись, приказываю человѣку посмотрѣть, заложена ли лошадь, дабы тѣмъ дать знать гостю, что я со двора ѣду, то чтобъ и онъ убирался; но г. Гарновскій вмѣсто того безъ околичностей говоритъ мнѣ: „бывало, у васъ и чаю дадутъ“. Я думаю про себя: какъ бы этого неотвязнаго гостя поскорѣе выжить, приказалъ однакожь подать чаю.

Напившись чаю, опять спрашиваю у человѣка: заложена ли лошадь? а г. Гарновскій говоритъ мнѣ: „бывало у васъ и стаканъ пуншу подадутъ“. Сержусь и велю поскорѣе подать ему стаканъ пуншу.

Приносятъ одинъ только стаканъ пуншу, а гость спрашиваетъ: „гдѣ же другой для хозяина“? Я извиняюсь предъ нимъ, что мнѣ нужно ѣхать въ такое мѣсто, гдѣ пьяному нельзя быть; а онъ засмѣявшись, сказалъ мнѣ: „что вамъ тамъ, куда вы теперь хотите ѣхать, нельзя быть ни пьяному, ни тверезому; развѣ вы не всѣ еще деньги проиграли“?

Я остолебенѣлъ и спросилъ его: почему онъ все это знаетъ?

Г. Гарновскій отвѣчаетъ: „потому что я самъ нахожусь въ части въ томъ банкетѣ, которому вы, къ сожалѣнію моему, два раза порядочно приплатились. Если бы я ранѣе узналъ о первомъ вашемъ проигрышѣ, то предупредилъ бы и не допустилъ до другаго; а по-сему всеусердно прошу васъ велѣть отложить свою лошадь, остаться дома и никогда не думать о томъ, чтобъ вы могли отыгратъся въ

такомъ банкѣ, гдѣ играютъ навѣрное; что уже съ воза упало, считайте, что то уже пропало; да вамъ ли заниматься азартною игрою; по вашему горячему темпераменту, вамъ и въ коммерческія игры надобно знать, съ кѣмъ и какъ играть, дабы и тутъ сверхъ мѣры не приплачиваться“.

Выслушавъ терпѣливо все имъ мнѣ сказанное и поблагодаривъ его за сдѣланную предосторожность, я велѣлъ отложить лошадь, раздѣлся и не только напился съ нимъ пуншу, но и оставилъ его у себя ужинать, за которымъ онъ, какъ игрокъ, вотъ какія преподавалъ мнѣ правила:

1) Для игры въ бостонъ, избрать опредѣлительную цѣну. Я избралъ: играть по 10 к., и обѣщаль не переиживать оной никогда и ни для кого, потому что если играючи по пяти копѣекъ выиграешь, а играючи по десяти копѣекъ проиграешь, то будешь въ наладѣ; а если все играть по 10 к., то сегодня проиграешь, а завтра выиграешь, ровно одно другимъ вознаграждается, по истеченіи же цѣлаго года, если записывать каждый проигрышъ и каждый выигрышъ, то окажется весьма умѣренный или проигрышъ, или выигрышъ.

2) Примѣчать и не садиться играть въ бостонъ съ такими игроками, которые на одинъ грошъ играютъ.

3) Первый туръ не рисковать, а примѣчать, какъ другіе играютъ, т. е. рѣзво или прижимисто, то смотря по игрокамъ, и самому такъ же располагаться въ продолженіе игры.

4) Когда нейдутъ карты, играть осторожно и не рисковать; когда же идетъ карта, тогда можно и рисковать.

5) Въ банкъ можно играть только въ честныхъ домахъ, гдѣ проигрышъ зависитъ отъ несчастья, а выигрышъ отъ счастья, такимъ образомъ: если банкометъ сдѣлаетъ банку сто рублей, пунетировавъ противъ онаго, поставить три карты не вдругъ, а одна за другою по 7 р. 50 к.; если всѣ три карты убьютъ, то поставь еще и четвертую карту въ 2 р. 50 к., когда же и сію послѣднюю карту убьютъ, перестань играть.

6) Въ другой день выиграешь и тѣмъ прежній проигрышъ свой вознаградишь. Выигрывая жъ, не усиливайся весь банкъ сорвать, если банкометъ начнетъ сряду нѣсколько картъ твоихъ бить.

Таковую предосторожность и наставленіе—гдѣ и какъ можно играть въ карты—г. Гарновскій сдѣлалъ мнѣ въ благодарность свою; ибо онъ за картежную игру высланъ былъ изъ С.-Петербурга, и проживая въ Твери, съ помощію моею чрезъ принца испросилъ разрѣшеніе возвратиться ему въ С.-Петербургъ, съ обязаніемъ его подпискою, чтобъ онъ впредь въ карты не игралъ.

Когда я по пріятельски спросилъ его: почему онъ и за данною подпискою остается участникомъ въ банкѣ? Г. Гарновскій на сіе съ сокрушеннымъ сердцемъ отвѣчалъ мнѣ, что не имѣетъ другаго средства содержать себя съ семействомъ своимъ; но что онъ въ томъ

мѣстѣ, гдѣ въ банкѣ играютъ, никогда не бываетъ, а барыши дѣлать дома безъ свидѣтелей.

Стало быть и между картежниками есть своего рода честность и одного къ другому довѣренность, безъ чего компанія ихъ не могла бы существовать.

Будучи у г. Чеблкова, отъ зятя его графа Сергѣя Петровича Салтыкова узналъ я, что г. Балашовъ сдѣланъ министромъ полиціи съ оставленіемъ его и с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ.

Понутру я одѣлся въ мундиръ и поѣхалъ поздравить г. Балашова съ новою монаршею довѣренностію. Таковыхъ поздравителей собралось множество, между коими и я ожидалъ выхода новаго министра.

Когда министръ Балашовъ вышелъ въ залу и началъ проходить между поздравителями, то и я подошелъ къ нему и поздравилъ его.

Онъ, увидѣвъ меня, какъ будто бы съ удивленіемъ сказалъ: „и ты тутъ, что жъ ты теперь подѣлываешь“?

Я отвѣчалъ: „пользуюсь правомъ свободнаго человѣка и посѣщаю пріятелей и знакомыхъ своихъ“.

Министръ: „стало быть праздно проживаешь, а тебѣ стыдно лѣниться; прежде ты у меня не находилъ для себя приличнаго мѣста, а теперь кажется можно избрать оное“.

Я попросилъ: „позвольте мнѣ три дня подумать“.

Министръ: „подумай, и послѣ того на что рѣшишься, скажи мнѣ откровенно; а я бы желалъ съ тобою по службѣ сойтись“.

Я, вышедъ изъ залы, тотчасъ поѣхалъ къ министру финансовъ графу Гурьеву, къ которому доступъ былъ весьма труденъ; но секретарь его, г. Буцкой, по пріязни ко мнѣ, сдѣлалъ такъ, что министръ сей принялъ меня въ своей уборной.

Послѣ довольнаго по разнымъ предметамъ разговора наконецъ графъ Гурьевъ спросилъ меня: „намѣренъ ли ты опять заняться службою“?

Я отвѣчалъ: „еслибы нашлось приличное мѣсто, то занялся бы службою“?

Министръ сказалъ: „у меня теперь нѣтъ мѣста, ибо дѣлаю преобразование почти всѣхъ департаментовъ, изъ коихъ нѣкоторые чрезъ мѣсяцъ или чрезъ два оконченны будутъ. Тогда у меня будутъ хорошія мѣста, и я могу дать тебѣ любое, коли хочешь подождать“.

Я, поблагодаривъ его за милость ко мнѣ и помня ошибку мою, происшедшую отъ того, что я не внялъ опытнаго старика г. Вязмитинова совѣту, поѣхалъ къ нему, рассказалъ о предложеніи, двумя министрами мнѣ сдѣланномъ, и просилъ его благотворнаго себѣ совѣта: на что мнѣ рѣшиться. Г. Вязмитиновъ, благосклонно выслушавъ все это, всталъ, и походя по кабинету своему, въ размышленіи сказалъ:

— Вотъ мое тебѣ замѣчаніе. Балашовъ хочетъ тебя занять тотчасъ, а Гурьевъ — когда-то та улита ѣдетъ, когда-то она будетъ! ты

самъ смысленный человекъ; подумай хорошенько, и зная по прежней твоей службѣ обоихъ сихъ министровъ, сообрази, съ которыми изъ нихъ служить тебѣ будетъ лучше, послѣ чего, помолясь Богу, рѣшись на то, что самъ для себя выберешь за лучшее и выгоднѣйшее“. Точно такъ я и поступилъ.

На третій день поѣхалъ я къ г. Балашову и объявилъ ему, что я могу принять во вѣренномъ ему министерствѣ мѣсто не ниже однакожъ начальника отдѣленія.

Онъ, говоря: „что я никогда не думалъ унижать тебя, но что теперь нѣтъ еще такого вакантнаго мѣста, а кажется скоро откроется оное послѣ графа Зотова, поѣхавшаго съ тестемъ своимъ княземъ Курявнымъ въ Парижъ поздравлять императора французовъ Наполеона съ бракосочетаніемъ его на дочери австрійскаго императора Франца, которое мѣсто я тебѣ обещаю, но въ ожиданіи открытія такового мѣста, мнѣ бы хотѣлось занять тебя при себѣ съ завтрашняго жъ дня“, на что я и согласился.

По прибытіи моемъ поутру министръ полиціи отдалъ подъ мое начальство домашнюю свою канцелярію, изъ секретарей и канцелярскихъ чиновниковъ состоявшую, по каковой принятой мною на себя обязанности должно было мнѣ каждый день быть въ канцеляріи и поутру рано (ибо г. Балашовъ вечеромъ ложился спать въ половинѣ 10-го часа, а поутру вставалъ въ 5 часовъ и исполнивши домашнія свои по хозяйству дѣла, принимался и за государственныя) и послѣ обѣда до 9-ти часовъ.

Съ дѣлами сего новаго министерства г. Балашовъ съ первымъ докладомъ поѣхалъ къ государю въ Царское-Село, а мнѣ велѣлъ послѣ обѣда дожидать его въ Лѣтнемъ саду во дворцѣ, который онъ, съ высочайшаго дозволенія, занималъ вмѣсто дачи.

По возвращеніи г. Балашова началъ онъ въ кабинетѣ своемъ при мнѣ, на докладныхъ запискахъ, вмѣсто отмѣченныхъ карандашомъ кратно, писать перомъ высочайшія резолюціи, обстоятельно занимаясь при всемъ томъ со мною и разговорами.

Замѣтивъ мое удивленіе (ибо г. Балашовъ имѣетъ взоръ весьма быстрый и проницательный), спросилъ меня: чему я удивляюсь?

Я отвѣчалъ, что г. Вязмитиновъ, когда съ докладными бумагами возвратится отъ государя и начнетъ въ кабинетѣ своемъ писать на запискахъ высочайшія резолюціи, то въ то время не токмо никого въ его кабинетѣ не бываетъ, и кабинетъ его находится за большою комнатою, отдѣляющею ту комнату, въ которую докладчики приходятъ съ заготовленными ими бумагами и ожидаютъ его позыва, часто высылаютъ къ намъ своего камердинера съ привязаніемъ, чтобъ мы не ходили, и между собою говорили потише.

Г. Балашовъ сказалъ мнѣ на сіе: „во первыхъ г. Вязмитиновъ старикъ, ему уже за 70 лѣтъ, а мнѣ не съ большимъ 40 лѣтъ; во вторыхъ г. Вязмитиновъ любитъ писать резолюціи слишкомъ обстоя-

тельныя, словомъ подробныя; а я считаю это дѣломъ вашимъ, по соображеніи вратцѣ отмѣченной на запискѣ резолюціи съ подлиннымъ дѣломъ“.

Я отвѣчалъ: „правило ваше основано на благоразумной осторожности и легче для министра“.

Окончивъ всѣ бумаги, отдалъ онъ мнѣ ихъ съ тѣмъ, чтобъ я поутру, разобранныя по департаментамъ, подалъ ему, когда явятся гг. директора, что я и исполнилъ.

При врученіи министромъ оныхъ бумагъ господамъ директорамъ Пшеничному и Политковскому, они изъявили чрезвычайное свое удивленіе, говоря, „что то, что вы въ одинъ докладъ успѣли сдѣлать, министръ князь Куракинъ и въ цѣлый мѣсяцъ не успѣлъ бы ихъ доложить“.

Г. Балашевъ сказалъ имъ на сіе: „не удивляйтесь, господа, сей скорости, и будьте увѣрены, что за мною не будетъ остановки, лишь бы вы успѣвали поскорѣе обрабатывать дѣла. Я, по званію военнаго губернатора, имѣю доступъ къ государю ежедневно и поутру, когда государь еще ничѣмъ не занятъ, и не встревоженъ; а министръ съ собою докладомъ своимъ пріѣзжаетъ въ назначенные дни и часы, въ которые государь по разнымъ занятіямъ, а иногда и по непріятностямъ, и принять не можетъ; отъ того-то министры и возятся долго съ своими бумагами“.

Прослуживъ въ сей должности болѣе двухъ мѣсяцевъ, наскучило мнѣ бѣгать въ канцелярію каждый день и послѣ обѣда. Я началъ отлынивать, т. е. иногда не бывать послѣ обѣда; министръ это замѣтилъ и началъ говорить о назначеніи мнѣ жалованья, котораго я не получалъ.

Я откровенно признался министру, что не жалованье, которое я получать буду по поступленіи на обѣщанное имъ мнѣ мѣсто, но обязанность по сему мѣсту бывать ежедневно въ канцеляріи не только поутру, но и послѣ обѣда тяготитъ меня.

Министръ просилъ меня заниматься этою должностію только до того времени, пока пріѣдетъ изъ Москвы извѣстный ему чиновникъ, по прибытіи коего, если не откроется мѣсто начальника отдѣленія, то онъ дастъ мнѣ другое занятіе.

И дѣйствительно, по пріѣздѣ изъ Москвы коллежскаго совѣтника Трофимова, поступившаго на мое мѣсто, министръ поручилъ мнѣ секретныя дѣла, которыми я и занимался до опредѣленія меня въ Хозяйственный Департаментъ начальникомъ отдѣленія.

При семъ опредѣленіи, когда министръ поднесъ обо мнѣ указъ государю къ подписанію, государь соизволилъ отозваться, что онъ лично меня знаетъ и съ хорошей стороны, но только я дурно съ принцемъ разошелся.

Когда министръ доложилъ государю всю подробность онаго разставанья, то государь сказалъ:

— Принцъ самъ причиною?—и изволилъ подписать указъ о бытїи мнѣ начальникомъ отдѣленія.

Послѣ сего министръ доложилъ государю, что я у него полгода занимался безъ жалованья, то чтобъ дать особый указъ министру финансовъ о выдачѣ мнѣ по настоящему мѣсту полугодоваго жалованья. Государь сказалъ: „Я тѣмъ болѣе на сіе соизволяю, что Геттунъ ничего отъ прежнихъ мѣстъ не нажилъ и бѣденъ“, подписалъ и оный отдѣльный указъ.

Когда я благодарилъ министра, то онъ мнѣ сказалъ:

— Видишь, что я не такъ какъ другіе, люблю свое слово сдержать; но это не столько важно, какъ то, что я объяснилъ государю невинность твою передъ принцемъ, и рассказалъ мнѣ весь разговоръ, при подписаніи оныхъ указовъ бывшій.

Графъ Зотовъ ни самъ еще изъ Парижа не возвратился, ни просьбы объ увольненіи его не прислалъ, почему министръ, будучи недоволенъ начальниками столовъ сего отдѣленія, поручилъ мнѣ же управлять и симъ отдѣленіемъ.

И такъ я болѣе полугода времени управлялъ двумя отдѣленіями, изъ коихъ одно въ Хозяйственномъ, а другое въ Исполнительномъ Департаментахъ, занимаясь дѣлами одного отдѣленія до обѣда, а другого послѣ обѣда.

Когда же графъ Зотовъ прислалъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности начальника отдѣленія, то министръ спросилъ меня: изъ оныхъ двухъ департаментовъ въ которомъ я хочу остаться начальникомъ отдѣленія?

Я отвѣчалъ, въ томъ, гдѣ угодно будетъ ему, министру, меня оставить.

Посему я по назначенію министра переведенъ въ Исполнительный Департаментъ начальникомъ таковаго отдѣленія, которое есть многодѣльнѣйшее и труднѣйшее. А за то, что я управлялъ двумя отдѣленіями болѣе полугода времени, министръ испросилъ мнѣ орденъ св. Владиміра 4-й степени.

Впоследствии увидѣлъ я ошибку свою, что при вопросѣ министра: гдѣ хочу остаться начальникомъ отдѣленія? не подумалъ и не обратилъ вниманія на нравственность директоровъ.

Въ Хозяйственномъ Департаментѣ былъ тогда директоромъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Дивовъ, человѣкъ кроткій и добродушный; а въ Исполнительный Департаментъ опредѣленъ директоромъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Лавровъ, человѣкъ самонаправный, упрямый и недоброжелательный, съ которымъ трудно было ладить.

Сверхъ того г. Дивовъ скоро вышелъ въ отставку, и на его мѣсто опредѣленъ директоромъ г. Стогъ, тотъ самый, который по моей рекомендаціи изъ столоначальниковъ исполнительнаго департамента поступилъ въ Хозяйственный Департаментъ на мое мѣсто начальни-

комъ отдѣленія; слѣдовательно я, чрезъ переходъ изъ Хозяйственнаго въ Исполнительный Департаментъ, потерялъ мѣсто директора.

Лѣтомъ 1811 года министръ полиціи Балашовъ далъ мнѣ прочесть проектъ, поданный государю императору о томъ:

1) Чтобы Комитетъ Министровъ упразднить, а всѣ дѣла онаго передать въ 1-й департаментъ Сената, который одинъ только назывался-бъ Правительствующимъ Сенатомъ, а прочіе судными, и симъ суднымъ департаментамъ, кромѣ Московскихъ и С.-Петербургскихъ, быть и въ Кіевѣ.

2) Чтобы во всѣхъ департаментахъ Сената быть предсѣдателямъ.

3) Чтобы рѣшать дѣла по вопросамъ, которые изъ дѣлъ составлять референдаріямъ обще съ министромъ писмоводства въ Сенатѣ.

4) Чтобы по резолюціямъ сенаторовъ составляемые приговоры отдавать прежде подписанія оныхъ на просмотрѣніе и соображеніе съ дѣлами министру писмоводства, и

5) Чтобы выбирать на каждые три года изъ губерній депутатовъ, которымъ присутствовать въ Сенатѣ и Государственномъ Совѣтѣ.

Когда министръ спросилъ меня: какъ я о сихъ новыхъ законахъ думаю? отвѣчалъ я, что императрица Екатерина Великая, послѣ собранія изъ всего государства и отъ всѣхъ состояній депутатовъ и совѣщанія съ оными, составивъ новые законы, прежде выпуска ихъ желала напередъ узнать мнѣніе прусскаго короля Фридриха Великаго, и о томъ отнеслась къ славнѣйшему философу Волтеру.

На вопросъ Волтера король отвѣчалъ, что мало того, чтобы написать законы, а нужно еще выбрать людей, которые исполнили-бъ оные, ибо многими опытами удостовѣрился, что дурные законы въ хорошихъ рукахъ исполнителей, хороши; а самыя лучшіе законы въ рукахъ дурныхъ исполнителей, вредны.

Дворянинъ Степанъ Ивановичъ Еммантовскій имѣлъ судное дѣло съ помѣщиками Марковичами о принадлежащемъ ему по наслѣдству селѣ Крискахъ. По переносѣ онаго дѣла въ Сенатъ, г. Еммантовскій, самъ не имѣя возможности доходить до окончанія онаго, уступилъ половину того села улитымъ правомъ коллежскому ассесору Ивану Павловичу Вавравскому съ тѣмъ, чтобы онъ своимъ трудомъ и коштомъ привелъ оное дѣло къ окончанію.

Г. Вавравскій пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и, проживъ въ ономъ довольное время, ни въ чемъ не успѣлъ.

Въ сей крайности прибѣгнулъ онъ ко мнѣ съ просьбою, чтобы я взялся хлопотать по упомянутому дѣлу, за что онъ изъ своей половины уступилъ мнѣ половинужъ, т. е. четвертую часть села Крисокъ.

По выѣздѣ изъ С.-Петербурга г. Вавравскаго пріѣхалъ изъ Твери вышедшій изъ службы съ пенсіономъ въ отставку двоюродный братъ мой Ѳеодоръ Максимовичъ Геттунъ.

Я ему предложилъ купить у Еммантовскаго и другую половину села Крисокъ, которую я съ нимъ послѣ раздѣлю пополамъ же; въ

чемъ мы съ нимъ письменно и условились, чтобъ ему по сему дѣлу хлопотать въ Малороссіи, а мнѣ въ С.-Петербургѣ.

По окончаніи покушки у Еммантовскаго другой половины села Крисокъ началъ я хлопотать въ Сенатѣ о рѣшеніи дѣла, которое по разногласію сенаторовъ изъ 3-го департамента поступило въ общее собраніе Правительствующаго Сената, гдѣ также произошло разногласіе, только на моей сторонѣ было большинство голосовъ, и послѣ консультаціи г. министръ юстиціи Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ согласился съ большинствомъ голосовъ, чѣмъ дѣло сіе окончательно рѣшено и намъ имѣніе село Криски во владѣніе отдано, а о доходахъ предоставлено развѣдаться съ Марковичами особо. Сначала мы всѣ владѣли селомъ Крисками; а по раздѣлѣ онаго я остался съ Оедоромъ Максимовичемъ и устроили винокурню, которая не дешево намъ обошлась и въ которой въ зиму выкуривали пѣннаго горячаго вина до семи тысячъ ведръ.

Такъ какъ Оедоръ Максимовичъ худо высылалъ ко мнѣ доходы, и нѣсколько лѣтъ по его имѣніемъ моимъ управленію не давалъ мнѣ отчетовъ, — я чрезъ друга моего Захарія Григорьевича Косача устранилъ Оедора Максимовича отъ завѣдыванія половиною села Крисокъ мнѣ принадлежащею, поставилъ въ оной приказчикомъ лобовскаго козака Тереха Копоса.

Въ 1812 году возгорѣлась опять война съ французами. Государь, отправляясь въ армію, сдѣлалъ главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ старіеа Вязмитинова, и ему же поручилъ управлять и Министерствомъ Полиціи.

А г. Балашовъ отправился съ государемъ въ армію.

Весною 1815 года сильно простудился я, отъ чего охрипъ и съ трудомъ едва могъ говорить. Лѣчилъ меня лейбъ-медикъ Осипъ Кирилловичъ Каменецій, много употреблялъ врачебныхъ средствъ, но при всемъ томъ не могъ меня совершенно вылѣчить. Присовѣтовалъ мнѣ лѣтомъ съѣздить въ Малороссію и тамъ пожить мѣсяць, полагая, что въ природномъ климатѣ могутъ лучше подѣйствовать предписанныя имъ мнѣ лѣкарства.

Я, дабы не быть въ отпуску и на казенный счетъ съѣздить, просилъ командировать меня въ Орловскую губернію для исполненія требованія министра юстиціи по дѣлу помѣщика Миловова, яко-бы объ отравленіи крестьянами сына его.

Г. главнокомандующій Вязмитиновъ не только эту комиссію поручилъ мнѣ, но предписалъ, чтобъ я, по исполненіи въ Орловской, отправился и въ Курскую губернію по дѣлу, производившемуся въ Львовскомъ уѣздномъ судѣ объ убійствѣ дворянки дѣвицы Алтуховой, для скорѣйшаго дополненія всего того, что еще уѣзднымъ судомъ въ производствѣ его по оному дѣлу не было сдѣлано.

Отправляя меня г. главнокомандующій Вязмитиновъ на словахъ далъ мнѣ позволеніе, что я, по исполненіи обѣихъ оныхъ комиссій,

возвращаясь чрез Малороссію въ С.-Петербургъ, могу дома прожить одинъ мѣсяцъ для пользованія себя, что мною и сдѣлано.

Возвратясь въ С.-Петербургъ, подалъ я г. главнокомандующему Вязмитинову два рапорта по каждому дѣлу особо, которые препровождены имъ къ министру юстиціи, и оныя дѣла по переходѣ чрезъ всѣ узаконенныя инстанціи, по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената, утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и высочайше конфирмованнымъ, совершенно окончены.

Между тѣмъ въ декабрѣ 1812 года принцъ Георгъ Гольштейнъ Ольденбургскій умеръ.

Великая княгиня Екатерина Павловна съ двумя малолѣтними сыновьями осталась вдовою, была за границею, отсюда въ началѣ 1816 г. возвратилась въ С.-Петербургъ.

По кончинѣ принца, по волѣ ея высочества, наряжена была комиссія для разбора дѣлъ губернской канцеляріи и управленія оною.

Комиссія сія, окончивъ оное порученіе и разславъ неоконченныя дѣла по принадлежности въ губернскія присутственныя мѣста, донесла ея высочеству, что означенная канцелярія, во время существованія ея, имѣла трехъ одинъ за другимъ правителей, изъ коихъ лучше всѣхъ было управленіе мое.

По поводу такового неожиданнаго отъ комиссіи одобренія другой дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Деомидовичъ Мясининъ, управляющій придворною конторою ея высочества, объяснилъ ей причину выхода моего изъ вѣдомства принца.

Великая княгиня соизволила изъявить милостивое желаніе свое меня увидѣть; а бывшаго тверскаго губернскаго прокурора Дребуша, который интриговалъ противъ меня, приказала не принимать.

Я представленъ былъ одинъ; великая княгиня, вышедъ въ пріемную комнату, въ коей я находился, съ статсъ дамою княгиною Александрою Николаевною Волконскою, первое слово сказала мнѣ:

— Кто старое вспомнеть, тому глазъ вонъ.

Я низко поклонился, подошелъ къ рукѣ ея и поцѣловалъ оную. Ея высочество изволила милостиво разспрашивать: какъ я служу, и гдѣ служу; весь же разговоръ изволила заключить тѣмъ, что она съ удовольствіемъ можетъ быть для меня полезнаю, если къ тому случай представится.

Начали докладывать о другихъ пришедшихъ, и я, принеся ея высочеству благодареніе мое и поцѣловавъ ея руку, вышелъ изъ пріемной комнаты, въ которую начали входить другія знатныя особы.

Послѣ сего пріема чрезъ г. Мясинина подалъ я ея высочеству просительное письмо о томъ, что по представленію принца не получилъ я чина и о мѣстѣ. Заготовлена докладная записка, чтобъ мнѣ дать чинъ статскаго совѣтника и мѣсто губернатора или оберъ-прокурора въ Сенатѣ.

Сама по сей запискѣ великая княгиня не успѣла доложить государю, потому что пріѣхалъ наслѣдный принцъ Виртембергскій, за котораго, еще будучи въ чужихъ краяхъ, она сговорена, а по пріѣздѣ его сюда вышла за него замужъ, и вскорѣ изволили отправиться въ свое государство.

При отъѣздѣ великая княгиня, по волѣ государя, въ числѣ прочихъ и обо мнѣ записку передала родному брату покойнаго, принцу Августу, наслѣдному принцу Гольштейнъ-Ольденбургскому, который былъ ревельскимъ военнымъ губернаторомъ и находился тогда въ С.-Петербургѣ.

Сей принцъ пожелалъ увидѣть меня; когда же я былъ къ его свѣтлости представленъ, то онъ, вышедъ въ пріемную комнату, обнялъ меня и поцѣловалъ, посадилъ съ собою на диванъ и говорилъ мнѣ, что братъ его до самой кончины своей жалѣлъ, что коварные люди удалили меня отъ него.

Такъ какъ государь изволилъ сказать принцу, что его величество избересть свободное время и назначить день, въ который бы принцъ доложилъ по онымъ великою княгинею оставленнымъ запискамъ; но сего назначенія въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не было, и потому я много разъ бывалъ у принца Августа и пользовался всегда милостивымъ его пріемомъ.

Наконецъ сей принцъ получилъ отъ отца своего великаго герцога Гольштейнъ-Ольденбургскаго письмо, требующее, чтобы онъ немедленно возвратился въ свое отечество.

Принцъ о семь, и что у него остаются записки не доложенными, донесъ государю императору, и его величество поручить ему изволилъ передать оныя записки для доклада графу Аракчееву, и чтобъ принцъ, при свиданіи съ великою княгинею, увѣрилъ ея высочество, что желаніе ея будетъ исполнено.

Вслѣдствіе чего принцъ записку обо мнѣ послалъ къ графу Аракчееву при особомъ своемъ рекомендательномъ письмѣ, которое и записки, заключались въ сихъ словахъ:

„Принявъ въ уваженіе отличную при покойномъ братѣ моемъ службу коллежскаго совѣтника Геттуна, сдѣлавшуюся мнѣ извѣстною посредствомъ ревизіи комиссіи для разбора и окончанія генералъ-губернаторской канцеляріи его высочества по тремъ губерніямъ, и находя, что онъ еще въ 1809 году былъ представленъ въ статскіе совѣтники, но доселѣ остается въ одномъ и томъ же чинѣ; между тѣмъ какъ не только сверстники, но даже нѣкоторые изъ младшихъ предъ нимъ превзошли его по службѣ,—я намѣревался доложить о Геттунѣ государю императору на всемилостивѣйшее къ трудамъ его воззрѣніе. Но какъ испрошеніе дальнѣйшихъ высочайшихъ разрѣшеній по упомянутой комиссіи его императорскому величеству благоугодно было нынѣ представить вашему сіятельству, то я, отдавая при семъ случаѣ всю справедливость службѣ г. Геттуна, котораго узналъ я

лично съ наилучшей стороны, и препровождая у сего записку въ высочайшему докладу приготовленную, покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, принять его въ ваше покровительство, имѣю честь быть и пр.⁴⁾

„Записка о Геттунѣ, исправлявшемъ должность директора канцеляріи покойнаго принца Георгія Гольштейнъ-Ольденбургскаго.

„Коммиссія, по высочайшему вашему императорскаго величества повелѣнію учрежденная въ мартѣ 1813 г., ревизовала всѣ дѣла канцеляріи его императорскаго высочества покойнаго принца Гольштейнъ-Ольденбургска, начиная со дня вступленія въ управление трехъ губерній по самую его кончину, т. е. съ мая 1809 по 15 декабря 1812 года.

„Такъ какъ канцелярія сія сряду состояла подъ начальствомъ разныхъ управляющихъ, то коммиссія, обревизовавъ каждое управление, въ особенности не могла не остановиться на управленіи коллежскаго совѣтника Геттуна, тѣмъ болѣе, что труды сего чиновника сдѣлались извѣстными его высочеству еще въ 1809 году.

„Отличное усердіе къ службѣ, съ какимъ Геттунъ, удовлетворяя ожиданіямъ его высочества, проходилъ свое званіе, особенно по столь обширному управленію, каковое заключала въ себѣ генераль-губернаторская канцелярія принца, и болѣе, нежели пятилѣтнее служеніе его правителемъ канцеляріи при военныхъ губернаторахъ здѣсь, въ столицѣ, убѣдили принца еще въ сентябрѣ 1809 года представить вашему императорскому величеству о пожалованіи Геттуна въ статскіе совѣтники, потому больше, что и искусное исполненіе поручаемыхъ ему дѣлъ доказываетъ его знанія, для успѣшнаго производства оныхъ существеннѣйшія, хотя и не имѣетъ онъ университетскаго аттестата, и хотя въ Твери нельзя было иначе подвергнуть его экзамену, какъ отлуча отъ должности, отчего однакоже и самыя дѣла потерпѣлибъ не мало.

„Но на представленіе таковаго высочайшаго разрѣшенія тогда не послѣдовало; а впослѣдствіи времени произведены въ статскіе совѣтники нѣкоторые изъ младшихъ противъ Геттуна, и такъ же какъ онъ университетскаго аттестата неимѣющіе, какъ-то: коллежскіе совѣтники Баталли, Бутовичъ, Сухопрудскій и Морозъ.

„Между тѣмъ Геттунъ, служа нынѣ въ Министерствѣ Полиціи начальникомъ отдѣленія и бывъ по оному отъ главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ представленъ въ слѣдующій чинъ, остается и доселѣ коллежскимъ совѣтникомъ болѣе десяти лѣтъ.

„По всѣмъ такимъ причинамъ, и по уваженіи 34-лѣтней безпорочной службы Геттуна, а особенно честнаго служенія его при покойномъ принцѣ съ самаго начала управления, еще въ 1809 году ва-

⁴⁾ Такое подлинное отношеніе и записка находятся въ дѣлахъ собственной канцеляріи въ Бозѣ почивающаго императора Александра I-го.

шему императорскому величеству отлично засвидѣтельствованнаго, осмѣливаюсь испрашивать всемилостивѣйшаго соизволенія:

„1) По примѣру Баталли и прочихъ произвести Геттуна въ статскіе совѣтники со старшинствомъ съ начала выслуги въ настоящемъ чинѣ узаконенныхъ лѣтъ.

„2) Определить его на первую вакансію гражданскимъ губернаторомъ, или оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ, каковыя мѣста давно уже получили не только сверстники Геттуна, но и младшіе предъ нимъ“.

На сей докладъ послѣдовала высочайшая резолюція: определить Геттуна оберъ-прокуроромъ въ Сенатъ на первую вакансію.

КНЯЗЬ В. Ө. ОДОЕВСКІЙ.

Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями.

I.

Нѣсколько словъ отъ автора.—Наше обидное равнодушіе къ жизни и дѣятельности замѣчательныхъ русскихъ людей.—Причины, замедлившія появленіе этой статьи.

ВЪ ДОЛГУ передъ памятью князя Одоевскаго... Его искреннее, сердечное расположеніе ко мнѣ, обнаруженное имъ съ первыхъ шаговъ моей литературной дѣятельности и затѣмъ не прерывавшееся въ теченіе многихъ лѣтъ, его откровенность въ бесѣдахъ со мною о разныхъ литературныхъ и общественныхъ вопросахъ,—откровенность, дополнявшая, такъ сказать, для меня нѣкоторые пробѣлы и умолчанія его публичной дѣятельности, наконецъ имѣющіеся въ моихъ рукахъ ненапечатанные матеріалы для его біографіи,—все это давно уже обязывало меня присоединить и мой слабый голосъ къ хору добрыхъ воспоминаній, которыя съ различныхъ сторонъ стеклись на его дорогой могилѣ. Русскій пантеонъ богатъ ложными святынями; громадное большинство нашего общества до сихъ поръ, сознательно или безсознательно, по преданію или въ силу ложнаго направленія своей собственной мысли, преклоняется предъ такими личностями, подвиги которыхъ не имѣютъ почти ничего, или очень мало, общаго съ дѣйствительными интересами народной жизни, съ несомнѣнными приобрѣтеніями умственного развитія; мы даже большіе охотники украшать этотъ отечественный пантеонъ все новыми и новыми приобавленіями, „числомъ побольше, цѣною подешевле“, и наша щедрая неразборчивость въ этомъ отношеніи можетъ сравняться только съ нашей убойственной апатіей къ истиннымъ, кровнымъ жертвамъ на попріищѣ общественной жизни и научнаго труда. Не странно ли въ

самомъ дѣлѣ, что въ то время, какъ каждая полковая исторія, каждая юбилейная хроника казеннаго учрежденія пытаются внести въ „передній уголъ“ нашихъ воспоминаній все новые и новые лики, предъ которыми должны пылать „неугасимыя лампы“ общественнаго сочувствія,—въ то же самое время наиболѣе крупныя свѣтила нашей литературной и политической исторіи, безъ различія ихъ направленій, все еще ожидаютъ своихъ подробныхъ біографій, да едва-ли когда нибудь и дождутся ихъ? Можно ли сказать, что мы имѣемъ біографіи Ломоносова, Посошкова, Бецкаго, Радищева, Мордвинова, Карамзина, Уварова, Гоголя, Полеваго и Бѣлинскаго? Многіе ли знаютъ даже имена Пнина и Куницына? Біографія Сперанскаго, написанная графомъ М. А. Корфомъ и имѣющая большія литературныя достоинства, не полна безъ разсмотрѣнія всѣхъ преобразовательныхъ плановъ знаменитаго реформатора, а этихъ-то плановъ, по крайней мѣрѣ существенной ихъ части, и нѣтъ въ книгѣ графа Корфа, такъ что любознательному читателю приходится отыскивать ихъ въ извѣстномъ сочиненіи Н. И. Тургенева, напечатанномъ за границею, и притомъ не на Русскомъ языкѣ. Мнѣнія (или „голоса“) Мордвинова, поданныя имъ въ государственномъ совѣтѣ, далеко не всѣ извѣстны были его біографу, г. Иконникову. Переписка Бецкаго, безъ знакомства съ которой нельзя и приступить къ оцѣнкѣ дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка, чуть не сто лѣтъ мирно покоилась въ архивныхъ подвалахъ, и счастье наше, что ея не коснулись за это время ни крысы набѣги, ни московскій пожаръ 12 года, ни истребительныя распоряженія безучастныхъ „псевдо-хранителей“. Знаемъ ли мы вполнѣ настоящія, подлинныя отношенія Пушкина къ Русскому двору и не слишкомъ ли мы преувеличиваемъ тѣ выгоды придворнаго званія, ради которыхъ, по ходячему мнѣнію, великій поэтъ пожертвовалъ будто бы всѣми убѣжденіями и симпатіями своей первой молодости? Между тѣмъ, благодаря нашей невнимательности къ судьбѣ дѣйствительныхъ подвижниковъ русской жизни,—невнимательности, соединенной еще съ какою-то странной боязнью предъ разработкою данныхъ, получившихъ почти архаическое значеніе,—тускнѣютъ мало по малу, свѣтлыя имена нашего прошлаго, исчезаютъ окончательно изъ памяти всѣ живые слѣды когда-то блестящей и плодотворной дѣятельности, и тѣма недоразумѣній, сомнѣній, наконецъ, просто равнодушія,—котораго намъ не занимать стать,—закутываетъ непроницаемой пеленою всѣ выдающіяся явленія нашей и безъ того небогатой исторіи. Но принявъ на себя долю вины въ нашей общей невнимательности къ судьбѣ выдающихся русскихъ дѣятелей, я долженъ по справедливости указать и на то „смягчающее обстоятельство“, которое сильно говоритъ въ мою пользу и сокращаетъ до minimum'a мою нравственную отвѣтственность. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе годы своей жизни князь Одоевскій задумалъ было издать вновь свои прежнія сочиненія, и съ этою цѣлью вступалъ въ

переговоры съ однимъ петербургскимъ книгопродавцемъ; г. Бартеневъ видѣлъ даже у покойнаго князя (см. „Русскій Архивъ“ 1874 г., № 2, стр. 311) печатный экземпляръ стараго изданія его сочиненій съ проложенными въ немъ бѣлыми листами, на которыхъ авторъ началъ было писать дополненія и поправки. Въ бумагахъ князя Одоевскаго (см. тамъ же) сохранилось вполне обработанное предисловіе, которое намѣревался онъ приложить къ новому изданію своихъ сочиненій и въ которомъ, съ обычнымъ умомъ и тактомъ, разъяснялъ многіе фазисы своей умственной жизни. Вотъ этого-то изданія и дожидался я съ большимъ нетерпѣніемъ, рассчитывая по поводу его поговорить о всей литературной и общественной дѣятельности человѣка, котораго счастливый случай помогъ мнѣ узнать ближе и лучше, чѣмъ могли знать его другіе цѣнители. Но ожиданіямъ моимъ едва ли суждено осуществиться въ скоромъ времени: со смертію князя Одоевскаго замолкли слухи и о новомъ изданіи его сочиненій; отпразднованная съ почетомъ его тризна въ засѣданіи „Общества любителей Россійской словесности“ принесла съ собою не это ожидаемое изданіе трудовъ покойнаго, а довольно тощую брошюрку подъ названіемъ: „Въ память о князѣ Владимірѣ Өодоровичѣ Одоевскомъ“; нѣкоторыя статьи и наброски, оставшіяся въ кабинетѣ умершаго писателя, переданы его вдовою (тоже скончавшеюся вскорѣ по смерти мужа) въ распоряженіе редакціи „Русскаго Архива“, которая и начала уже знакомить съ ними публику. Значить, судя по всему, трудно и надѣяться на выходъ новаго изданія сочиненій князя Одоевскаго, тѣмъ болѣе, что вкусы современной читающей массы и стремленія угождающей имъ книжной торговли тянутъ вовсе не въ сторону серьезнаго размышленія надъ философскими вопросами, составляющими основную канву произведеній Одоевскаго. При господствующемъ теперь настроеніи, — камертонъ котораго звучитъ слишкомъ явственно, намъ понадобится, можетъ быть, изъ прежней литературы вытащить на свѣтъ Божій казенный патриотизмъ Кувольника, газрство барона Брамбеуса, пожалуй даже „нравственную сатиру“ Булгарина; но мы едва ли найдемъ много интереснаго въ томъ неустанномъ, глубокомъ анализѣ существующаго, въ тѣхъ широкихъ захватахъ всеиспытующей мысли и философскаго обобщенія, въ которыхъ обыкновенно выражалась авторская индивидуальность князя Одоевскаго. Такимъ образомъ давнишнее желаніе мое — сказать свое слово о высокоцѣнномъ писателѣ и человѣкѣ—не можетъ уже болѣе рассчитывать на лучшія условія для своего выраженія и должно довольствоваться условіями наличными: то есть старымъ (далеко неполнымъ) изданіемъ сочиненій князя Одоевскаго, 1844 г., и разбросанными по разнымъ источникамъ біографическими матеріалами, съ которыми я стараюсь связать въ одно цѣлое мои личныя воспоминанія о покойномъ дѣятелѣ.

II.

Обученіе князя Одоевскаго въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ.— Вліяніе профессоровъ М. Г. Павлова и А. Ѳ. Мерзлякова.—Какими вопросами увлекалась тогда университетская молодежь?—Кружокъ Веневитинова и его мнѣнія по вопросамъ искусства.

Князь Владиміръ Ѳеодоровичъ Одоевскій, — послѣдній потомокъ древнѣйшаго на Руси княжескаго рода Рюриковичей, угасшаго съ его смертію,—родился 30 іюля 1803 г. и получилъ образованіе въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, гдѣ окончилъ курсъ съ золотою медалью въ 1821 г., оставивъ свое имя на почетной доскѣ этого заведенія вмѣстѣ съ именами Жуковскаго, А. И. Тургенева, Дашкова и др. Направленіе учебнаго курса въ университетскомъ пансіонѣ было по преимуществу литературное, и развитіе изящнаго вкуса и хорошаго слога между учениками являлось главною задачею воспитателей. Съ точки зрѣнія современной педагогики, такое направленіе, конечно, должно быть признано одностороннимъ, ибо оно придавало слишкомъ мало цѣны положительнымъ знаніямъ, безъ которыхъ однако невозможна систематически-правильная культура умственныхъ способностей; но въ свое время это господство литературнаго элемента въ школѣ имѣло большое значеніе и сослужило свою долю службы Русскому обществу, расширяя постепенно кругъ литературнаго вліянія и выработывая нашъ языкъ, какъ орудіе духовной жизни, нынѣ послушно передающее всѣ неисчислимые обороты мысли и отѣнки чувства. На этой почвѣ, за отсутствіемъ всякой другой, выросло у насъ развитіе Фонъ-Визина, Карамзина, Пушкина, даже Бѣлинскаго, и всѣхъ вообще создателей русскаго слова, возведшихъ его на степень европейскаго діалекта, пригоднаго къ выраженію всѣхъ сложныхъ запросовъ умственнаго развитія. Въ этой же школѣ получилъ первоначальныя возбужденія и замѣчательный талантъ князя Одоевскаго. Директоръ университетскаго пансіона А. А. Прокоповичъ былъ въ то же время предсѣдателемъ Общества любителей Россійской словесности, засѣданія котораго происходили обыкновенно въ пансіонской залѣ и привлекали въ равной мѣрѣ какъ студентовъ университета, такъ и старшихъ воспитанниковъ пансіона. Эти послѣдніе часто исполняли, по назначенію директора, обязанности распорядителей въ засѣданіяхъ. „Какъ теперь—говоритъ по этому случаю г. Погодинъ—помню я Одоевскаго: стройненькій, тоненькій юноша, красивый собою, въ узенькомъ фракѣ темно-вишневаго цвѣта, съ сенаторскою важностью, которою и тогда уже отличалась привлекательная его наружность, разводилъ онъ дамъ, почтительно указывая имъ назначенныя мѣста, и потомъ останавливался съ краю фланговымъ наблюдателемъ порядка во время чтенія“. Благоговѣнно выслушивали юноши и эстетическія разсужденія профессора Мерзлякова (особенно цѣнимаго

своими слушателями), и священные псалмы „въ преложениі“ Шатрова, трагически произносимые Кокошкинымъ, и басни В. А. Пушкина, и сказки Жуковскаго, а по окончаніи чтенія много спорили и разсуждали о всемъ прослушанномъ. Нѣтъ сомнѣній, что горячія бесѣды и діалектическія схватки по поводу различныхъ литературныхъ явленій,—которыя долгое время были у насъ единственнымъ полемъ, открытымъ для свободной критики,—приносили уже пользу молодымъ собесѣдникамъ и диспутантамъ; но съ одними этими спорами и толками, не систематизированными никакою опредѣленною точкою зрѣнія на задачи искусства, поэзіи и другіе вопросы отвлеченнаго мышленія, пансіонскіе юноши все-таки не ушли бы далеко впередъ, еслибы не подхватило ихъ своею волною философское движеніе, зашедшее къ намъ на ту пору изъ Западной Европы. Профессоры Московскаго университета М. Г. Павловъ и Ив. Ив. Давыдовъ (исправлявшій должность инспектора въ Университетскомъ пансіонѣ), явились горячими приверженцами и проповѣдниками философской системы Шеллинга, и новое ученіе успѣло, благодаря имъ, взволновать умы всей университетской молодежи. Павловъ считался, собственно говоря, профессоромъ физики и сельскаго хозяйства, но и специальность его предмета не могла представить преграду силъ его философскихъ увлеченій. Хотя по словамъ одного современника, еще заставшаго въ университетѣ слѣды вліянія Павлова, „физикѣ трудно было научиться на его лекціяхъ, сельскому хозяйству—невозможно“; но Павловъ необыкновенно возбуждалъ теоретическую мысль своихъ слушателей и въ дверяхъ физико-математическаго факультета ставилъ передъ каждымъ входящимъ коренной вопросъ всякаго научнаго изученія: „что значитъ познать природу? что значитъ познать самого себя“? Этотъ вопросъ, настойчиво поднимаемый на каждой лекціи даровитаго профессора и разрѣшаемый сообразно съ духомъ и діалектическими приѣмами новой философіи, заставлялъ волей-неволей задумываться молодыхъ искателей науки и ложился въ основу всего ихъ послѣдующаго философскаго развитія.

Въ то время, какъ Павловъ двигалъ умы, увлекая ихъ возможностью такой широкой философской формулы, которая обнимала бы собой и жизнь духа, и явленія природы, совмѣщая ихъ въ одномъ цѣльномъ, неразрывномъ представленіи,—Давыдовъ, ограничивая свою задачу болѣе тѣсными предѣлами, старался внести въ сферу изящнаго искусства новую систему взглядовъ и понятій, противоположную старой псевдо-классической теоріи, представителемъ и защитникомъ которой являлся тогда въ университетѣ извѣстный профессоръ Мерляковъ. Псевдо-классическая теорія, опираясь на авторитеты Буало и Лагарпа, разсматривала искусство, какъ подражаніе природѣ, и слѣдовательно лишала его внутренней самостоятельности, сводя на степень простой копировки дѣйствительности, и притомъ копировки, не имѣющей даже достоинства точности, такъ какъ за копировщикомъ, или

поэтомъ, оставалось право украшать (embellir) природу, т. е. копировать явления. Наоборотъ, эстетическая теорія шеллингистовъ, указывая для искусства глубокой внутренней источникъ въ душѣ человѣка, стремилась эмансипировать его отъ всякаго внѣшняго вліянія и найти для него законы въ томъ актѣ самовоззрѣнія и самоуглубленія, который составлялъ отправную точку философіи Шеллинга и изъ котораго можно было, по ученію этой философіи, конструировать, т. е. возсоздать всѣ явления внѣшняго міра. Такимъ образомъ, одно изъ крайнихъ этихъ воззрѣній поработало въ искусствѣ элементъ творчества, стѣсняя его въ узкія рамки подражательности и ставя въ непремѣнную зависимость отъ свойствъ предлагаемаго образца; другое же—лишало это творчество почти всякой реальной подделки, въ видѣ наблюденія и изученія окружающаго міра, но за то открывало ему полный просторъ во имя свободы и независимости человѣческаго духа. Крайности должны были столкнуться и вступить въ борьбу, которая извѣстна въ Русской литературѣ подъ именемъ „борьбы классицизма и романтизма“. Послѣдній, сражаясь въ этой битвѣ подъ знаменемъ освобожденія мысли и отрицанія старыхъ авторитетовъ, прослылъ въ то же время, „парнасскимъ атеизмомъ“, по выраженію Пушкина, такъ что назваться романтикомъ значило—получить плохой аттестатъ по части литературной и всякой иной благонадежности. На этомъ же основаніи, къ слову „романтизмъ“ часто пристегивалась кличка „фармазона“, что указывало уже, въ самомъ неопредѣленномъ и тягучемъ смыслѣ, на присутствіе въ человѣкѣ затаенныхъ общественныхъ стремленій не консервативнаго оттѣнка.

„Всѣ изящныя искусства — утверждалъ Мерзляковъ, сообразно съ своей основной точкой зрѣнія,—обязаны своимъ началомъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человѣческому. Мудрая учительница наша природа явила себя намъ во всемъ своемъ великолѣпнн, красотѣ и благахъ неисчетныхъ, возбудила подражательность и передала милое чадо свое на воспитаніе нашему размышленію, наблюденіямъ и опыту“. А слушатель Мерзлякова, но послѣдователь романтизма, Веневитиновъ, возражалъ на это: „Поэтъ, безъ сомнѣнія, заимствуетъ изъ природы форму искусства, ибо нѣтъ формы внѣ природы; но и подражательность не могла породить искусства, которое проистекаетъ отъ избытка чувствъ и мыслей въ человѣкѣ и отъ нравственной его дѣятельности“.

Примѣняя свой теоретическій взглядъ къ развитію греческой трагедіи въ частности, Мерзляковъ приурочивалъ ея возникновеніе къ исторіи козла, убитаго Икаримъ, и получалъ отъ романтиковъ слѣдующее замѣчаніе: „Въ семь разказѣ не заключается ничего особеннаго. Онъ находится во всѣхъ теоріяхъ, которыя, не объясняя постепенности существеннаго развитія искусствъ, облачаютъ въ забавныя сценочки исторію ихъ происхожденія... Замѣтимъ, что при нынѣшнихъ

успѣхахъ эстетики мы ожидали въ исторіи трагедіи болѣе занимательности. Для чего не показать намъ ея развитія изъ соединенія лирической поэзіи и эпопей? Для чего не намекнуть на общую коллибель сихъ родовъ поэзіи? Изъ подобныхъ замѣчаній внимательный читатель заключилъ бы, что они неотъемлемо принадлежатъ человѣку, какъ необходимыя формы, въ которыя выливаются его чувства. Мы бы объяснили себѣ, отчего находимъ слѣды ихъ у всѣхъ народовъ; увидѣли бы, что не стремленіе къ подражанію править умомъ человѣка, что онъ не есть въ природѣ существо, единственно страдательное“.

Говоря о современномъ ему переворотѣ въ области поэзіи, Мерзляковъ писалъ, что „соблазняемые, къ несчастію, затѣйливымъ воображеніемъ нашихъ романтиковъ, мы теперь увлекаемся быстрымъ потокомъ весьма сомнительныхъ временныхъ мнѣній“, и видѣлъ въ этомъ обстоятельстве „судьбу изящныхъ искусствъ, склоняющихся уже къ униженію“.

Веневитиновъ же энергически протестовалъ противъ такого пессимизма въ блестящихъ словахъ: „Я осмѣлюсь вступить за честь нашего вѣка. Новѣйшія произведенія, безъ сомнѣнія, не могутъ сравниться съ древними въ разсужденіи полноты и подробнаго совершенства. Въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому. Я съ этимъ согласенъ. Но законы частей не опредѣлятся ли сами собою, когда цѣлое направлено къ извѣстной цѣли. Нашу поэзію можно сравнить съ сильнымъ голосомъ, который, съ высоты взывая къ небу, пробуждаетъ со всѣхъ сторонъ отголоски и усиливается въ своемъ порывѣ. Поэзія древнихъ плѣняетъ насъ, какъ гармоническое соединеніе многихъ голосовъ. Она превосходитъ новѣйшую въ совершенствѣ соразмѣрностей, но уступаетъ ей въ силѣ стремленія и въ обширности объема. Поэзія Гёте, Байрона есть плодъ глубокой мысли, раздробившейся на всѣ возможныя чувства. Поэзія Гомера есть вѣрная картина разнообразныхъ чувствъ, сливающихся какъ бы невольно въ мысль полную... Каждый вѣкъ имѣетъ свой отличительный характеръ, выражающійся во всѣхъ умственныхъ произведеніяхъ: на всѣхъ равно распространяется наблюденіе истиннаго философа, и замѣтимъ, что науки и искусства еще не близки къ своему паденію, когда умы находятся въ сильномъ броженіи, стремятся къ цѣли опредѣленной и дѣйствуютъ по врожденному побужденію къ дѣйствию. Гдѣ видны усилія, тамъ жизнь и надежда. Но тогда имъ угрожаетъ неминуемая опасность, когда всѣ порывы прекращаются, настоящее тянется работливо по слѣдамъ минувшаго, когда холодное безстрастіе возсѣдаетъ на памятникахъ сильныхъ чувствъ и самостоятельности, и цѣлый вѣкъ представляетъ зрѣлище безнадежнаго однообразія“¹⁾.

¹⁾ Полн. собр. соч. Веневитинова, изд. подъ моею редакціею, стр. 184—5.

Самъ Одоевскій, разсуждая о живописи, какъ объ одномъ изъ видовъ изящнаго искусства, наиболѣе поддающемся теоріи „подражательности“, выражалъ такую мысль: „живописцы подвергаются оптическому обману, если думаютъ, что они въ своихъ картинахъ копируютъ природу: живописецъ, срисовывая съ природы, лишь питается ею, какъ человѣческій организмъ питается грубыми произведеніями природы. Но какъ происходитъ этотъ процессъ? Вещества, принимаемая нами въ пищу, подвергаются живому броженію; лишь тончайшія ихъ части остаются въ организмѣ и проходятъ чрезъ нѣсколько живыхъ превращеній прежде, нежели обратятся въ нашу плоть; для большаго, и еще менѣе для мертваго организма, пища бесполезна; живой организмъ долго можетъ обходиться безъ пищи и жить собственной силой, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ совершенно могъ безъ нея обойтись. Все дѣло въ хорошей переварѣтѣ, которой первое условіе—жизненная сила“¹⁾).

Всѣ цитаты, приведенныя нами, относятся хронологически къ нѣсколько позднѣйшему періоду въ жизни кн. Одоевскаго, но идеи, въ нихъ выражаемыя, характеризуютъ именно то время, о которомъ говоримъ мы, и ту умственную атмосферу, въ которой вращались питомцы Московскаго университета и Университетскаго пансіона въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Не только между собою, въ своихъ дружескихъ кружкахъ, но и на литературныхъ бесѣдахъ, которыя приватно устраивалъ Мерзляковъ для всѣхъ слушателей, университетскіе юноши горячо занимались вопросомъ объ искусствѣ въ теоретической его постановкѣ и, сомнѣваясь уже въ положеніяхъ, защищаемыхъ краснорѣчивымъ профессоромъ, представляли свои доводы, свои возраженія въ пользу гонимаго романтизма. Въ свою очередь и Мерзляковъ не щадилъ „лжеученій“ ни съ теоретической стороны, ни въ лицѣ ихъ представителей въ Русской литературѣ. Жуковскаго, напр., онъ сравнивалъ съ „арабскимъ конемъ, который ударился въ каменную степь и хромаетъ на всѣ четыре ноги“,—хотя этотъ не совсѣмъ лестный отзывъ не мѣшалъ „арабскому коню“ заѣзжать по временамъ и въ счастливый оазисъ Общества любителей Россійской словесности, подъ бокъ къ самому строгому критику. Произведенія Пушкина отражались двойственнымъ образомъ на Мерзляковѣ: какъ послѣдователь извѣстной доктрины, онъ долженъ былъ осуждать ихъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ больше соблазна представляли они для литературныхъ неопитовъ, но какъ человѣкъ съ развитымъ чувствомъ и вкусомъ къ изящному, онъ, говорятъ, тайнѣ, читалъ ихъ съ увлеченіемъ и даже проливалъ слезы непритворнаго восторга. „Онъ чувствовалъ,—объясняетъ намъ г. Шевыревъ,—что это прекрасно, но не могъ отдать себѣ отчета въ этой красотѣ, и безмолвствовалъ“²⁾. Но

¹⁾ Сочин. Одоевскаго, т. I, стр. 202.

²⁾ Біографич. словарь профессоръ Московск. универс., ч. II.

покуда Мерзляковъ упорствовалъ въ своихъ традиціонныхъ критическихъ взглядахъ и только урядкой дозволялъ себѣ предаться порыву свободнаго восхищенія,—значительная часть его слушателей и вся образованная публика открыто, предательски измѣнила Ломоносовской традиціи, чуя въ Пушкинѣ какую-то новую могучую силу, призванную совершить коренной переворотъ въ Русской литературѣ, и заучивала наизусть его великолѣпныя строфы, не справляясь даже о томъ, законно или нѣтъ подобное увлеченіе по приговору тогдашнихъ аристарховъ. Непосредственное чувство предупредило рѣшеніе анализирующей мысли, и сколько въ этомъ фактѣ было выгоднаго для успѣховъ новой поэзіи, столько же было въ немъ огорчительнаго для тѣхъ немногихъ мыслителей, которые въ своемъ философскомъ увлеченіи желали только осмысленныхъ побѣдъ, а не работѣннаго слѣдованія толпы за „волесницей любимаго автора“. Веневитиновъ былъ правъ, когда говорилъ: „...Освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ (ложнаго классицизма) было бы торжествомъ ея, еслибы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но къ несчастію оно не произвело значительной пользы, ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. Мы отбросили французскія правила не отъ того, чтобы могли ихъ опровергнуть какою-нибудь положительною системою; но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя поэтическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ искусствъ. Первое чувство никогда не творить и не можетъ творить, потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ и тогда уже, снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ были глубокими мыслителями, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія. У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство нѣкоторымъ образомъ освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли усовершенствованія“.

Такой строгій отзывъ о наплывѣ стихотворной болтовни, ознаменовавшемъ собой появленіе Пушкина,—отзывъ, подкрѣпленный психо-

логическимъ анализомъ и указаніемъ на исторію поэзіи,—показываетъ достаточно убѣдительно, что въ кружкѣ лицъ, къ которому примыкалъ кн. Одоевскій, собственно стихотворная форма, независимо отъ силы чувства и достоинства мыслей, въ ней выражаемыхъ, не возбуждала къ себѣ ни малѣйшаго поклоненія, и въ этомъ обстоятельстве, кажется, слѣдуетъ искать объясненія того факта, что кн. Одоевскій, вопреки господствовавшему обычаю, не увлекся рифмою и не началъ ею своего литературнаго поприща. То же критическое отношеніе къ умственному и нравственному содержанію поэзій помогло нашимъ юношамъ „не сотворить себѣ кумира“ и изъ Пушкина, но разглядѣть ту тѣсную связь, которая соединяла его съ Байрономъ,—этимъ законнымъ властелиномъ думъ своего вѣка,—и оцѣнить ту степень самостоятельности, которая могла быть признана за русскимъ поэтомъ. По крайней мѣрѣ, Веневитиновъ даже и по выходѣ первой пѣсни „Евгенія Онѣгина“,—когда идолопоклонствующая критика поспѣшила провозгласить Пушкина новымъ Байрономъ, а его поэму „честью своего вѣка“,—не измѣнилъ критическому безпристрастію и среди безусловныхъ похвалъ восторженной публики довольно храбро напомнилъ о дѣйствительномъ разстояніи, отдѣлявшемъ двухъ поэтовъ. „Всѣ произведенія Байрона, писалъ онъ въ отвѣтъ Полевому,—носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли,—мысли о человѣкѣ въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предразсудками, врѣзавшимися въ его сердца, въ противорѣчій съ своими чувствами. Говорятъ: въ его поэмахъ мало дѣйствія. Правда, его цѣль не рассказъ; характеръ его героевъ не связь описаній; онъ описываетъ предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить рядъ картинъ, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣніе ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену. Мысль истинно поэтическая, творческая!... Пѣвецъ „Руслана и Людмилы“, „Кавказскаго плѣнника“ и проч. имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ соотечественниковъ, обогативъ Русскую словесность красотами, доселѣ ей неизвѣстными, но, признаюсь, что я не вижу въ его твореніяхъ приобрѣтеній, подобно Байроновымъ, „дѣлающихъ честь вѣку“. Лира Альбіона познакомила насъ съ звуками, для насъ совсѣмъ новыми. Конечно, въ вѣкѣ Людовика XIV никто бы не написалъ и поэмъ Пушкина; но это доказываетъ не то, что онъ подвинулъ вѣкъ, но то, что онъ отъ него не отсталъ... Мы не утверждаемъ такъ опредѣлительно, чтобы нашъ стихотворецъ заимствовалъ изъ Байрона планы поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Байронъ оставляетъ въ его сердцахъ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ“. Мышля эти, повторяемъ, не принадлежали одному Веневитинову, но выработывались, при его участіи, цѣлымъ кружкомъ избранной университетской молодежи,—какъ объ этомъ уже было говорено мною въ статьѣ, приложенной къ полному собранію сочиненій Веневитинова. Очень видное мѣсто въ этомъ

кружкѣ, собиравшемся по вторникамъ въ домѣ Веневитиновыхъ, занималъ кн. Одоевскій, которому пришлось сблизиться съ молодымъ потомъ-философомъ, кажется, въ послѣдній годъ своего ученія въ Университетскомъ пансіонѣ.

III.

Какъ отразилось вліяніе университетскаго кружка на всемъ нравственномъ характерѣ и умственной дѣятельности кн. Одоевскаго?—Переходъ отъ метафизическихъ увлеченій къ положительному направленію.—Взглядъ Одоевскаго на авторитеты въ наукѣ.—Довѣріе къ прогрессивному движенію критической мысли въ человѣчествѣ.—Уваженіе и любовь къ литературѣ, какъ къ могущественному средству общественнаго развитія.

„Моя юность — писалъ кн. Одоевскій въ послѣдніе годы жизни, пробѣгая мысленно весь прошлый трудовой путь свой—протекала въ ту эпоху, когда метафизика была такою же общою атмосферою, какъ нынѣ политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы построить всѣ явленія, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной жизни, которая бы вполне удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка. Можетъ быть, дѣйствительно, и такая теорія, и такая форма будутъ когда нибудь найдены, но *ab posse ad esse consequentia non valet* ¹⁾ Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ, которые рылись въ грубой матеріи ²⁾. Изъ естественныхъ наукъ лишь одна казалась намъ достойною вниманія любознателя — анатомія, какъ наука о человѣкѣ, и въ особенности анатомія мозга. Мы принялись за анатомію практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера, у котораго многіе изъ насъ были любимыми учениками ³⁾. Не одинъ кадаверъ мы искрошили; но анатомія естественно натолкнула насъ на физиологію,—науку, тогда только что начинавшуюся и которой первый плодovitый зародышъ появился, должно признаться, у Шеллинга, впоследствии у Окена и Каруса. Но въ физиологіи естественно встрѣтились намъ на каждомъ шагѣ вопросы, необъяснимые безъ физики и химіи, да и многія мѣста въ Шеллингѣ (особенно въ его „Veltseele“) были темны безъ естественныхъ знаній. Вотъ какимъ образомъ гордые метафизики, даже для того,

¹⁾ Т. е. непослѣдовательно заключать отъ возможнаго къ существующему.

²⁾ Курсивъ въ подлинникѣ.

³⁾ Веневитиновъ былъ вмѣстѣ съ Одоевскимъ въ числѣ добровольныхъ слушателей Лодера.

чтобы остаться вѣрными своему званію, были приведены къ необходимости запастись колбами, реципиентами и тому подобными снадобьями, нужными для грубой матеріи. Въ собственномъ смыслѣ, именно Шеллингъ,—можетъ быть, неожиданно для него самого,—былъ истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашѣмъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ въ Германіи и въ Россіи. Въ этихъ земляхъ, лишь по милости Шеллинга и Гете, сдѣлались посписходительнѣе къ французской и англійской наукѣ, о которой прежде, какъ о грубомъ эмпиризмѣ, мы и слышать не хотѣли¹⁾.

Это замѣчательное автобіографическое показаніе заслуживаетъ всей нашей внимательности: изъ него наглядно выясняется, какъ органически-послѣдовательно вырастаетъ въ однажды возбужденномъ умѣ потребность знанія и какъ далеко можетъ отвести дальнѣйшій мыслительный процессъ отъ первоначальной точки своего отправленія. Метафизика и анатомія мозга, невидимая „субстанція“ и осязательные мускулы и нервныя нити: какое сближеніе, казалось, могло бы найтись между этими разнородными сферами изученія, а между тѣмъ такое сближеніе, такой переходъ изъ одной сферы въ другую состоялись легко и просто, благодаря тому общему критическому настроенію мысли, которое не даетъ ей успокоиться на одной добытой формулѣ, пробуждая все къ новымъ и новымъ изысканіямъ. Такимъ-то образомъ кн. Одоевскій началъ въ юности съ горячаго увлеченія абсолютными идеями, конечными цѣлями природы, превозносилъ „самобытное, свободное самовозрѣніе души“ надъ всякимъ чувственнымъ опытомъ²⁾ и даже ставилъ въ особенную заслугу Шеллингу именно то, что онъ „призналъ основу всей философіи во внутреннемъ чувствѣ и назвалъ первымъ знаніемъ—знаніе того акта нашей души, когда она обращается на саму себя и есть вмѣствѣ и предметъ, и зритель“; а въ зрѣлыхъ годахъ онъ же оцѣнилъ Шеллинга совершенно иначе и, посвятивъ себя съ любовью изученію опытныхъ наукъ, отрѣшился и отъ прежнихъ своихъ взглядовъ на конечныя цѣли и абсолюты. „Цѣль природы (пишетъ онъ въ своей памятной тетради, въ которую имѣлъ обыкновеніе заносить весь результатъ своей умственной работы) объясняется довольно трудно: съ одной стороны мы видимъ чрезвычайную заботливость о сохраненіи породъ, о поддержаніи существованія каждаго индивидуума, съ другой—такую же заботливость о томъ, чтобы это существованіе было связано съ страданіемъ, смертью, вообще истребленіемъ другихъ породъ... (Замѣтимъ, что гораздо раньше появленія трудовъ Дарвина Одоевскій вполне самостоятельно указывалъ на существованіе въ природѣ „родоваго подбора“ и „борьбы за существованіе“). Какъ объяснить это явное противорѣчіе между дѣй-

¹⁾ См. Русск. Арх. 1874 г., № 2, проэкты предисловія къ новому изданію сочиненій кн. Одоевскаго, стр. 316—17.

²⁾ Сочин. кн. Одоевскаго, т. I, стр. 283—4.

ствіями природы? Поборники конечныхъ цѣлей отвѣчаютъ: что еслибы животныя не истребляли другъ друга, то они бы сжили человѣка съ земнаго шара... Справедливо, но не было ли бы простѣе и, такъ сказать, снисходительнѣе,—не усиливать способности размноженія животныхъ, питать ихъ не живыми системами чувствительныхъ и слѣдовательно страдающихъ нервъ, а образовать для нихъ пищу, если угодно, изъ тѣхъ же газовъ, но прямо, не проводя ихъ черезъ лабораторію живаго тѣла. Эти вопросы идутъ въ безконечность и приводятъ къ безднѣ: не знаю! Да умѣрится же наше нетерпѣніе, пока наука не разработаетъ подробнѣе этихъ вопросовъ... Не будемъ залетать въ область фантазій, не имѣя подъ рукой надежныхъ наблюдений, но не будемъ и малодушно ссылаться на ограниченность человѣческаго разума, чтобы имѣть право сложить руки⁴.

Въ той же самой тетради, обсуждая метафизическое понятіе объ абсолютѣ, Одоевскій приноситъ въ жертву всѣ преданія своей юности и чрезвычайно остроумно, а съ тѣмъ вмѣстѣ и глубокомысленно (въ его дарованіи счастливо соединялись оба эти качества) распутываетъ Гордіевъ узелъ сложнаго вопроса.

„Найти абсолютъ въ наукѣ и искусствѣ—разсуждаетъ онъ,—т. е. абсолютную красоту, абсолютное равенство, абсолютное правосудіе, абсолютную истину и т. п., долго занимало умы людей, духъ которыхъ не могъ успокоиться, не имѣя въ своей власти абсолютной аксіомы, аксіомы аксіомъ. Языкъ математическій и такъ называемыя математическія аксіомы были въ этомъ случаѣ весьма обольстительны. Разсуждали: изъ того, что $2 \times 2 = 4$, можно вывести всю математику; если въ математикѣ есть такая общая формула, то почему ей не быть во всѣхъ наукахъ? Это логически вѣрно, но позабыто одно, что аксіома $2 \times 2 = 4$ отнюдь не упала съ потолка, и что эта аксіома есть не иное что, какъ сокращенная формула опытнаго наблюденія надъ тѣмъ, какъ образуется число четыре. Человѣкъ соединилъ два предмета по нуждамъ своего организма и это явленіе назвалъ числомъ два; повторилъ это соединеніе и полученный имъ результатъ назвалъ числомъ четыре; наконецъ весь произведенный имъ опытъ выразилъ сокращенною формулою (зн. Одоевскій приводитъ для примѣра нѣсколько такихъ формулъ), такъ что знаменитая аксіома и всѣ выведенныя изъ нея слѣдствія суть не иное что, какъ родъ микроскопической фотографіи сдѣланнаго наблюденія, условное означеніе результата опыта, мнемотехнической знакъ, собирательное слово. Собирательныя слова играли и играютъ удивительную роль въ мірѣ. Весь Гегель состоитъ въ игрѣ такими словами. Такъ напр., явленіе пересѣченія линій люди назвали точкою, которая, по условію задачи, должна быть безтѣлесною, ибо какъ скоро мы придадимъ точкѣ какое либо пространство, она уже сдѣлается тѣломъ, а не мѣстомъ пересѣченія линій. Гегель же утверждаетъ, что математикою въ существованіи точки убѣдиться нельзя; что точка есть идея, которая осуществляется пересѣченіемъ линій,

что математика не дает никакого понятія о сущности центра. Въ примѣръ, Беръ, послѣдователь Гегеля, приводитъ то, что отъ относительнаго положенія Юпитера и Сатурна центръ тяготѣнія въ солнцѣ то находится внутри солнца, то внѣ его. Но что доказывается этимъ явленіемъ? Что слово центръ не есть что либо дѣйствительно существующее, какъ напр. само солнце, но лишь условное выраженіе явленія, происходящаго въ данный моментъ, — не болѣе... Утвержденіе Канта о томъ, что идеи не имѣютъ реальной объективности, ибо не могутъ быть доказаны вполнѣ опытомъ, остается непоколебимымъ, несмотря на всѣ усилія Гегеля опровергнуть его. Иначе и быть не можетъ: въ насъ нѣтъ идей самобытныхъ или, лучше сказать, онѣ находятся въ насъ лишь въ возможности, какъ въ тѣлахъ скрытая теплота, какъ звукъ въ звучащемъ тѣлѣ. Нѣтъ толчка извнѣ—нѣтъ ни тепла, ни звука, ни идеи. То, что мы называемъ идеей, есть выводъ изъ понятій, которыя въ свою очередь суть выводъ (приведеніе къ одному знаменателю) изъ разныхъ ощущеній. Такимъ образомъ всякая идея есть общая формула нѣсколькихъ величинъ въ количествѣ ограниченномъ. Хотѣть, чтобы идея была вполнѣ доведена объективно—тоже, что желать пуды измѣрять аршинами... Такъ и во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія: ряду наблюденій и опытовъ мы присваиваемъ какое либо имя. Часто люди забываютъ, что это имя есть не что иное, какъ условная формула замѣченнаго нами явленія и этому имени придаютъ произвольно такое значеніе, котораго въ немъ просто нѣтъ, — значеніе начала, принципа, того, что схоластики называли субстанціей. Все хорошо, пока мы не встрѣчаемся съ предметами несоизмѣрими, безконечно-великими, безконечно-малыми. Здѣсь уже принятая нами за аксіому формула недостаточна: $\frac{4}{2} = 2$, ибо $2 \times 2 = 4$; эти двѣ формулы служатъ другъ другу повѣрью; — но $\frac{2}{3}$ представляетъ нѣчто совсѣмъ иное. Сколько бы мы ни дѣлили 2 на 3, всегда получимъ лишь 0,666... и, наоборотъ, сколько бы мы ни множили 0,666... на 3, мы никогда не получимъ числа 2, а лишь приближеніе къ нему (0,999...). Такъ что собственно мы не имѣемъ никакихъ средствъ повѣрить въ точности это дѣленіе умноженіемъ, ни умноженіе дѣленіемъ. Это явленіе мы называли безконечностью, несоизмѣримостью. То же самое встрѣчается во всемъ, гдѣ человѣкъ вмѣсто прямого опытнаго наблюденія долженъ прибѣгать къ теоріи наведенія и сопряженной съ нею теоріи вѣроятности. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что абсолютная истина можетъ находиться лишь въ опытномъ наблюденіи или, если угодно, въ формулѣ, которою это наблюденіе выражается. Все, что внѣ этой сферы, принадлежитъ къ явленію, которому мы дали имя приближенія, т. е. къ истинѣ неполной... Мы бы назвали нелѣпымъ того, кто бы принялся отыскивать дѣйствительное частное, происходящее отъ дѣленія 2 на 3, а между тѣмъ сколько людей, которые требуютъ, чтобы имъ показали конечную причину

вещей, отчего лѣто слѣдуетъ за зимою и пр. Человѣчество сдѣлаетъ великій шагъ, когда увѣрится во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности, что формула $\frac{2}{3}$ есть лишь условный знакъ дѣленія 2 на 3, но не дѣйствительное искомое частное. Тогда, при убѣжденіи въ этой истинѣ, выведенной изъ разсмотрѣнія столь всѣмъ доступнаго явленія, руются безвозвратно всѣ схоластическія разглагольствованія объ абсолютныхъ идеяхъ, о врожденныхъ идеяхъ, а равно и ожиданія, что когда либо, напр. при большемъ усовершенствованіи человѣчества, эти абсолютныя идеи упадутъ къ намъ съ потолка и 0,666... вполнѣ сольется съ $\frac{2}{3}$. Этого приближенія весьма достаточно во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго быта; но не должно забывать, что приближеніе есть только приближеніе, и формулу, выражающую это приближеніе, не почитать за выраженіе абсолютной истины. Вообразите, что бы случилось съ математикомъ, еслибы онъ убѣдился, принялъ на вѣру, что $\frac{2}{3}=0,666\dots$, т. е. $\frac{2}{3}=\frac{6}{10}$, и смѣло бы употребилъ эту формулу, забывая о ея невѣрности. Въ большихъ вычисленіяхъ (напр. въ астрономическихъ) разница между $\frac{6}{9}$ и $\frac{6}{10}$ весьма чувствительна. А такъ мы поступаемъ почти на каждомъ шагу въ наукѣ. Въ томъ и ошибка схоластиковъ, что они несоизмѣримыя величины трактуютъ, какъ будто бы онѣ были соизмѣримы“.

Но и поставивъ такъ высоко методъ опытнаго наблюденія, точный и подробный анализъ всѣхъ явленій природы, Одоевскій никогда не отрѣшался отъ своего обычнаго стремленія къ философскому синтезу, который долженъ былъ, по его мнѣнію, слѣдовать за опытомъ и возводить въ систему разбросанныя, частичныя пріобрѣтенія мелкаго анализа. Раздробленность и разрозненность специальныхъ наукъ, отмежевавшихъ себя, въ одиночку, узенькія дорожки человѣческаго знанія,—эта умственная черезполосица, искусственно разобщающая наиболѣе смежныя области мысли, не могла удовлетворить ни его философской пытливости, ни эстетическаго чувства, искавшаго въ наукѣ, какъ и въ жизни, стройности и гармоніи. За это многие обвиняли Одоевскаго въ энциклопедизмѣ, или, другими словами, въ диллетанствѣ, въ поверхностномъ отношеніи къ наукѣ. Оправдываясь отъ этого упрека,—который въ его глазахъ былъ „напраслиной“,—Одоевскій объяснилъ весьма убѣдительно, что диллетантомъ можно называть только человѣка, котораго умственная дѣятельность разорвана и черезъ нее не прошло живой, органической связи, но что эта едичка не можетъ имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда одно дѣло, одно умственное занятіе вырастаетъ изъ другаго органическимъ путемъ, какъ изъ корня вырастаютъ листья и плоды. „Я хватаюсь — говорить онъ—за весьма небольшое, но, правда, придерживаюсь за все, что попадется подъ руку. Этому искусству научила меня жизнь.... Я оцѣнилъ вполнѣ важность моей разносторонности знаній, когда, по обстоятельствамъ жизни, мнѣ пришлось заниматься съ дѣтьми. Дѣти были лучшими моими учителями и за то до сихъ поръ сохранилъ я

къ нимъ глубокую привязанность и благодарность. Дѣти показали мнѣ всю скудость моей науки. Стоило поговорить съ ними нѣсколько дней сряду, вызвать ихъ вопросы, чтобы убѣдиться, какъ часто мы вовсе не знаемъ того, чему, какъ намъ кажется, мы выучились превосходно. Это наблюдение поразило меня и заставило глубже вникнуть въ разныя отрасли наукъ, которыми, казалось, я обладалъ вполне. Это наблюдение убѣдило меня въ новости тогда неожиданной, а именно — какъ искусственно, какъ произвольно, какъ ложно дѣленіе человѣческихъ знаній на такъ называемыя науки. Въ обширномъ каталогѣ наукъ собственно нѣтъ ни одной, которая бы давала намъ опредѣлительное понятіе о цѣльности предмета. Возьмите человѣка, животное, растеніе, малѣйшую пылинку; науки разорвали ихъ на части: кому досталось ихъ химическое значеніе, кому идеальное, кому математическое и пр., и эти искусственно-разорванные члены названы спеціальностями. Говорятъ, что у насъ были когда-то, въ незапамятныя времена, профессора перваго тома, втораго. Для того, чтобы составить цѣльное понятіе о каждомъ изъ сихъ предметовъ, необходимо собрать всѣ ихъ разорванныя части, доставшіяся на долю разнымъ наукамъ. Для свѣжаго, неиспорченнаго никакою схоластикою дѣтскаго ума нѣтъ отдѣльно ни физики, ни химіи, ни антропологіи, ни грамматики, ни исторіи и пр. и пр. Ребенокъ не будетъ васъ слушать, если вы заговорите самымъ систематическимъ путемъ отдѣльно объ анатоміи лошади, о механизмѣ ея мускуловъ, о химическомъ превращеніи сѣна въ кровь и тѣло, о лошади, какъ движущей силѣ, о лошади, какъ эстетическомъ предметѣ. Дитя — отъявленный энциклопедистъ: подавайте ему лошадь всю, какъ она есть, не дробя предмета искусственно, но представляя его въ живой цѣльности, — въ томъ вся задача педагогіи... Чтобы удовлетворить этому строгому, неумолимому требованію, мало отрывочныхъ, такъ сказать, литературныхъ или неправильно называемыхъ общихъ знаній, а надобно, какъ говорятъ французы, *mettre la main à la pâte* ¹⁾ и только тогда можно говорить съ дѣтьми языкомъ, для нихъ понятнымъ. Вотъ вся разгадка моего мнимаго энциклопедизма, который, можетъ быть, невольно отразился въ моихъ сочиненіяхъ. Но здѣсь не моя вина: здѣсь вина вѣка, въ который мы живемъ, и который если не нашелъ, то по крайней мѣрѣ ищетъ воссоединенія всѣхъ разорванныхъ частей знанія. Если съ такимъ самоотверженіемъ нисходить въ подробности, творить особыя науки подъ названіемъ: энтомологіи, ихтиологіи, то лишь для того, чтобы найти точку соединенія между венами и артеріями человѣческаго разумія. Пока еще не образовалась наука общечеловѣческая, необходимо, чтобы каждый человѣкъ, отбросивъ схоластическія пеленки, образовалъ для себя, для круга своей дѣятельности, соразмѣрно пространству своего разумія, свою особую науку

¹⁾ По русски это можно перевести такъ: „замѣсить тѣсто собственными руками“.

безымянную, которую нельзя подвести ни подъ какую условную рубрику. Объ этой наукѣ, признаюсь, я позаботился“¹⁾). Развивая ту же мысль о вредѣ научной односторонности, въ первомъ томѣ своихъ сочиненій²⁾), Одоевскій сравнивалъ всякую узкую специальность съ камеръ-обскурю, которая вѣчно наведена на одинъ и тотъ-же предметъ и цѣлые годы отражаетъ его безъ всякаго сознанія о томъ, зачѣмъ, для чего существуетъ и въ какой связи находится этотъ предметъ съ другими? Сами же специалисты, вдавшіеся въ такую односторонность и упорно отгазываются отъ еретической солидарности съ иными отраслями знанія, напоминаютъ, по его мнѣнію, тѣхъ несчастныхъ фабричныхъ, которые всю жизнь свою дѣлаютъ одни винты и ничего кромѣ этихъ винтовъ не знаютъ, да и не желаютъ знать.

Понятно, что съ такимъ критическимъ настроеніемъ несовмѣстимо раболѣпство предъ научными авторитетами, предъ установившимися формулами, заграждающими путь дальнѣйшаго изслѣдованія въ силу старинной провербы: *magister dixit*. „Какъ только наука—говорить по этому вопросу кн. Одоевскій — начинаетъ подчиняться какому-либо авторитету, кромѣ авторитета фактовъ, выработанныхъ добросовѣстнымъ наблюденіемъ, такъ она становится бесплодною. Астрономія не сдѣлала ни шагу съ I-го столѣтія до начала XVI-го, пока во главу угла ставила авторитетъ Птолемея. Этимъ авторитетомъ было убито всякое изысканіе объ обращеніи планетъ вокругъ солнца, предчувствованное Пифагоромъ. Достигнуть отрицанія вообще: отрицанія ли голословнаго авторитета, авторитета-ли недостаточно выясненныхъ фактовъ, есть дѣло великое, къ которому способны лишь гении, и есть первое условіе успѣховъ науки. Лишь смѣлымъ отрицаніемъ Коперника двинулась астрономія и достигла настоящаго своего предвѣднія, предъ которымъ преклоняется всякій авторитетъ“³⁾).

Изъ того же глубокаго довѣрія къ прогрессивному и благодѣтельному для общества движенію критической мысли возникло у кн. Одоевскаго его неизмѣнное, искреннее уваженіе къ литературной дѣятельности вообще. Литературу онъ ставилъ чрезвычайно высоко, считая ее необходимымъ дополненіемъ и даже какъ бы коррективомъ и указателемъ для государственной практики, для законодательныхъ постановленій. „Законы — разсуждаетъ гр. Рельскій въ пьесѣ „Хорошее жалованье и проч.“, очевидно выражая мнѣніе автора, — законы достигаютъ порока тогда, когда порокъ оплошаль, когда съ него свалилась личина. О, тогда ему нѣтъ пощады! Но до того? У безстыд-

¹⁾ Русск. Архивъ 1874 г., № 2. Предисловіе къ сочиненіямъ.

²⁾ См: I томъ сочин. кн. Одоевскаго, стр. 346.

³⁾ Русск. Арх. 1874 г., № 2, стр. 334.

наго корсара множество флаговъ на-готовѣ—подниметь какой угодно; въ трюмѣ запрятаны пушки, топоры и живое мясо; спросите: куда онъ? зачѣмъ? — за прѣсной водой. Не оскорбляйте почтеннаго негодянта подозрѣніемъ: вѣдь онъ отецъ семейства; вы смутите его, вы ему помѣшаете; тамъ далеко, въ подводной части, еще не всѣ жертвы ограблены, еще не всѣ изуродованы... Честная литература точно брандвахта, аванпостная служба посреди общественнаго коварства... Она смотритъ въ подзорную трубку, она говоритъ: „остерегайтесь, здѣсь корсары; не вѣрьте флагу“... Въ тиши домашняго крова, съ сладкою нравственною рѣчью на устахъ, порокъ спокойно припадаетъ къ самому корню святости, подтачиваетъ, сосетъ его и заражаетъ юныя отрасли на нѣсколько поколѣній. Приходитъ время, предъ очи людей предстаютъ неожиданныя преступленія! Съ изумленіемъ спрашиваютъ: гдѣ былъ зародышъ зла? какъ скрылось оно подъ благовидной личиной? Кто научилъ человѣка художеству лицемерія и притворства?.. Но когда порокъ преду-прежденъ отважнымъ прорипаніемъ... тогда порокъ обезсиленъ; онъ почувалъ, что завѣтная тайна его открыта, что всѣ силы, всѣ блага міра, всѣ живыя рѣчи не смыли съ него печати отверженія“.

На ту же тему и въ „Русскихъ ночахъ“ встрѣчается такое размышленіе: „Печать дѣло великое; это оселовъ и весьма вѣрный! Сколько людей считались умными въ свѣтъ, даже гениями; казалось, они проглотили всю земную мудрость, но ихъ личина спадала при первыхъ строкахъ, ими напечатанныхъ. Нежданно открывалось, что предполагаемая глубокія мысли не что иное, какъ пара ребяческихъ фразъ, остроуміе—натянутый наборъ словъ, ученость ниже гимназическаго курса, а логика—хаосъ“.

Всѣ эти разумныя взгляды и честныя сознательныя стремленія даны были въ зародышѣ тѣмъ философско-литературнымъ кружкомъ, въ которомъ получилъ кн. Одоевскій свой умственный закалъ и свои первыя эстетическія и нравственныя впечатлѣнія. Дальнѣйшее развитіе этихъ добрыхъ, плодотворныхъ задатковъ зависѣло уже отъ времени, отъ личной даровитости самого писателя и отъ большихъ или меньшихъ успѣховъ его на поприщѣ неустаннаго, систематически направленнаго научнаго труда.

IV.

Начало литературной дѣятельности кн. Одоевскаго.—Статьи въ „Вѣстникѣ Европы“.—Журналъ „Мнемозина“.—Характеръ этого журнала.—„Старички острова Панхан“.—Полемика съ Булгаринымъ.—Прекращеніе журнала.—Арестъ Кюхельбекера и подозрѣнія, павшія на кн. Одоевскаго.—Переѣздъ въ Петербургъ и поступленіе на службу.—Участіе въ составленіи цензурнаго устава 1828 г.—Литературные вечера кн. Одоевскаго и ихъ общественное значеніе.—Сочувствіе Одоевскаго ко всѣмъ проявленіямъ ума и таланта.—Отношеніе его къ высшему Петербургскому обществу.

Съ такими взглядами и склонностями, какіе вынесъ князь Одоевскій изъ университетскаго кружка, литературная дѣятельность естественно представлялась ему наилучшимъ исходомъ для всѣхъ его духовныхъ стремленій. Кромѣ того, занятіе литературою представляло въ то время единственный путь въ Россіи, на которомъ начинающій дѣятель могъ чувствовать себя сколько нибудь независимымъ въ выраженіи своихъ взглядовъ, своихъ симпатій и антипатій. Всѣ другія дороги въ жизни надо было уже проходить подъ такимъ постояннымъ и неослабнымъ наблюденіемъ чуждыхъ лицъ, что и скромная доля самостоятельности, предоставленная литературѣ, казалась тамъ неумѣстной и нежелательною.

Первые литературные опыты кн. Одоевскаго начали появляться въ 1822 г. въ „Вѣстникѣ Европы“, который служилъ тогда въ Москвѣ единственнымъ пристанищемъ для новобранцевъ словесности. Въ этихъ опытахъ главною темою было обличеніе пустоты большого свѣта, его воспитанія, образа мыслей, приличій, условій, его суеты или „дѣятельнаго бездѣйствія“, какъ выразился молодой авторъ. Эти мысли, вполнѣ обратившіяся въ общія мѣста, тогда были еще довольно новы, хотя конечно едва-ли кого исправили и навели на путь истинный. Но для насъ важенъ не успѣхъ проповѣди и даже не форма ея выраженія, а та струя недовольства и обличенія, которая пробивалась уже въ „Письмахъ къ Лужницкому старцу“. Тогда же вступилъ кн. Одоевскій въ одно частное литературное общество, которое собиралось у извѣстнаго переводчика Тассова „Іерусалима“ — С. Е. Раича. Тамъ прочелъ онъ переводъ первой главы изъ натуральной философіи Окена; тамъ же поднимался вопросъ объ изданіи новаго журнала, для котораго Одоевскій собирался написать повѣсть. Та увѣренность, съ какою молодой писатель давалъ свое обѣщаніе, сильно подѣйствовала, по свидѣтельству очевидца, на всѣхъ его сотоварищей: „каковъ Одоевскій!“ подумали они: „такъ-таки прямо и говорить, что напишетъ повѣсть—стало быть надѣется на себя“. Журналъ этотъ впрочемъ не состоялся. Полевой, при сотрудничествѣ кн. Вяземскаго, задумалъ уже свой „Телеграфъ“, а Одоевскій, знакомясь съ Вильгельмомъ Кюхельбекеромъ, предпринялъ изданіе „Мнемозины“,—альманаха въ 4-хъ кни-

гахъ, изъ которыхъ первыя 3 вышли въ 1824, а послѣдняя (4-ая книга)—въ 1825 г. Въ „Мнемозинѣ“ было напечатано нѣсколько произведеній Пушкина, Языкова, Грибоѣдова, Дениса Давыдова, кн. Шаховскаго и др., но не въ беллетристическомъ отдѣлѣ заключалась вся сила этого любопытнаго изданія. „Мнемозина“ была первымъ русскимъ журналомъ, въ которомъ серьезно трактовались различные философскіе и теоретическіе вопросы; въ ней впервые послышался голосъ научнаго изслѣдованія въ примѣненіи къ литературѣ и публицистикѣ. Князь Одоевскій выступилъ здѣсь не только съ аллегоріями и апологами, въ которыхъ выражались въ образной формѣ взгляды автора на явленія общественной жизни, доступныя литературному обсужденію, но помѣстилъ также нѣсколько статей о философіи, отличавшихся ясностью изложенія и полнымъ знакомствомъ съ избраннымъ предметомъ. Не ограничиваясь отвлеченною постановкою философскихъ вопросовъ, Одоевскій рѣшился открыто вооружиться противъ господствовавшихъ тогда въ литературной критикѣ теорій и взглядовъ Мерзлякова и противопоставилъ имъ свою систему понятій, заимствованную изъ философіи Шеллинга. Въ полемикѣ, возбужденной появленіемъ „Горя отъ ума“, Одоевскій стоялъ на сторонѣ почитателей Грибоѣдова. Въ „Мнемозинѣ“ же началась литературная война Москвы съ Петербургомъ, въ которой Булгарину и Гречу—представителямъ официозной журналистики—кѣрпико доставалось отъ кн. Одоевскаго. Вообще весь этотъ журналъ составлялъ новое и необыкновенное явленіе въ нашей журналистикѣ, служа органомъ только что возникавшаго философскаго направленія въ Русской молодежи. Въ своихъ апологахъ Одоевскій отстаивалъ съ глубокимъ убѣжденіемъ правъ мысли и науки въ ихъ тяжелой борьбѣ съ господствующимъ обскурантизмомъ; онъ осмѣивалъ тѣхъ выжившихъ изъ ума старичковъ, которые, по своему невѣжеству или слабоумію, враждовали со всякою научной и общественной новизной. Между этими апологами особеннаго вниманія заслуживаетъ рассказъ: „Старики или Островъ Панхай“. Здѣсь идетъ рѣчь объ одномъ цвѣтущемъ аравійскомъ оазисѣ, о которомъ говоритъ Діодоръ Сицилійскій и гдѣ будто-бы протекали чудотворныя воды, имѣвшія свойство молодить человѣка и дѣлать его безсмертнымъ въ возрастѣ юности. Но тотъ, кто хотѣлъ сразу помолодѣть,—тотъ молодѣлъ постоянно и умиралъ младенцемъ. Вотъ этихъ-то старичковъ-младенцевъ и изображаетъ Одоевскій въ своемъ апологѣ. Старики занимаются свѣтскими разговорами, свѣтскимъ воспитаніемъ, искусствомъ „подавать совѣты“; они пріобрѣтаютъ почести безъ заслугъ и скрываютъ подъ мишурою пышныхъ словъ вялое слабоуміе. „Теперь слышу-ль я старика, порицающаго ученость, потому что самъ не имѣетъ ея, порицающаго всякую новизну за то, что она новизна: ихъ невѣжество и слабоуміе не возмущаютъ меня болѣе; я вспоминаю о моемъ видѣніи и спокойно говорю себѣ: это старикъ-младенецъ“. Этими старичкамъ-младенцамъ авторъ аполога противопоставляетъ вѣчно юныхъ

старцевъ, у которыхъ, наоборотъ, мысль никогда не дремлетъ и душевная дѣятельность пылаетъ во всѣхъ чертахъ лица. „Друзья!“ такъ заключаетъ авторъ свой аллегорическій рассказъ: „улыбку старикамъ-младенцамъ и на колѣни предъ вѣчно-юными старцами!“ Въ другомъ апологѣ разсказывается, какъ Алогій хотѣлъ погасить въ храмѣ лампаду Эпименида, но пламя еще болѣе возгорѣлось, охватило всю храмину и въ прахъ обратило самого ничтожнаго гасителя. „Невѣжды-гасильщики!“ восклицаетъ авторъ аполога: „ужели ваши незаконныя усилія погасятъ божественный пламень совершенствованія!“ Полемическія статьи противъ Булгарина, въ которыхъ Одоевскій справедливо видѣлъ одного изъ гасителей русскаго просвѣщенія, отличались, какъ мы уже сказали, даже рѣзкостью тона, совсѣмъ необычною въ литературныхъ приемахъ Одоевского, всегда сдержаннаго и изящнаго въ спорѣ. Одна изъ этихъ статей носитъ, напримѣръ, такой эпиграфъ: „хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого ужъ нѣтъ стыда въ глазахъ“. Въ другой статьѣ Одоевскій категорически объявляетъ Булгарину, что не нуждается въ его похвалахъ, не обижается его бранью и не намѣренъ болѣе вступать съ нимъ въ какія-нибудь препирательства, такъ какъ Булгаринъ „разсуждать не въ состояніи, а шутокъ не понимаетъ и не стоить“. Отвѣчая на задиральства своихъ журнальныхъ собратьевъ, подтрунивавшихъ надъ неизвѣстностью и посредственностью „Мнемозины“, Одоевскій писалъ: „мы не имѣемъ понятія объ истинной знаменитости и о способахъ, которыми пріобрѣтаютъ ее; мы стараемся болѣе учиться, нежели блистать ложными знаніями, объявляемъ свои мнѣнія безпристрастно о другѣ и недругѣ, объ извѣстномъ писателѣ и о неизвѣстномъ“ и пр. Самихъ-же многоглаголивыхъ журналистовъ Одоевскій сравниваетъ со своими старымъ дядькою, который „хотя ничего не смыслить и не читаетъ, но о всемъ судить любить и почитаетъ себя весьма ученымъ, потому что много на своемъ вѣку разрѣзалъ листовъ въ чужихъ книгахъ“. Понятно, что петербургскіе журналисты не влюбились „Мнемозину“ и, не имѣя силъ бороться съ ея мнѣніями, старались, что называется, „замолчать“ ее, убить своимъ пренебреженіемъ или дешевыми насмѣшками. Такимъ образомъ „Мнемозина“, не встрѣчая ни поддержки въ журналистикѣ, ни сочувствія въ публикѣ, непривыкшей къ серьезному чтенію, должна была прекратиться на четвертой книжкѣ. Въ этой послѣдней книжкѣ, характеризуя цѣль и значеніе своего журнала, Одоевскій говорилъ на прощаніе съ читателями: „Наше изданіе расшевелило маленькое самолюбіе маленькихъ людей, считающихъ себя великими; вполнѣдствіи времени, объявивъ войну почти всѣмъ русскимъ журналамъ, почти всѣмъ старымъ предразсудкамъ, оно необходимо должно было навлечь на себя негодованіе.... должно было испытать всю силу смѣшнаго журнальнаго мщенія; издатели предвидѣли это, знали участь, которая ожидаетъ всякаго, осмѣливающагося издѣваться надъ закоренѣлыми заблужденіями,—и заранѣе презирали

ничтожный крикъ самолюбиваго невѣжества..... „Литературные Листки“, „Сынъ Отечества“, „Сѣверный Архивъ“, нападая на „Мнемозину“, списывали и теперь еще списываютъ изъ нея сужденія о Французской словесности, о необходимости народной поэзи; даже въ „Литературныхъ Листкахъ“ „Мнемозина“ заставила толковать о Шеллингѣ и Окенѣ, хотя и на изворотъ; заставила журналистовъ говорить о нѣмецкихъ мыслителяхъ такъ, что иногда подумаешь, будто-бы наши критики въ самомъ дѣлѣ читали сихъ послѣднихъ. Знаешь добрый! Можетъ быть не далеко уже то время, когда сужденія, основанныя на законахъ непремѣняемыхъ, произведенія, блистающія порядкомъ и свѣтлостью мыслей, займутъ мѣсто нашихъ обыкновенныхъ, пустыхъ, сбивчивыхъ журнальныхъ теорій и литературныхъ уродовъ; когда истина восторжествуетъ надъ заблужденіями и умоленутъ наши ничтожные судіи въ наукахъ..... Ни одно изъ нашихъ мнѣній не было опровергнуто, а вмѣсто того наши противники прибѣгли къ обыкновенному орудію безсилія: они стали толковать о вредѣ отъ излишней учености, стали укорять насъ въ хвастовствѣ знаніями; однимъ словомъ, отвѣчали намъ тономъ, который обыкновенно употребляютъ простолюдины, говоря: „мы люди неученые“. Вѣримъ! Въ концѣ этого объясненія издатели „Мнемозины“, сообщая о прекращеніи своего журнала, обѣщали возобновить его „при благоприятныхъ обстоятельствахъ“. Но этимъ благоприятнымъ обстоятельствамъ не суждено было наступить, такъ какъ послѣдовавшія вскорѣ событія унесли изъ Русской литературы и общества много живыхъ, дѣятельныхъ силъ. Событія 14 декабря, произведшія такое опустошеніе въ рядахъ тогдашней нашей интеллигенціи, отразились ближайшимъ образомъ на судьбѣ „Мнемозины“. Сотоварищъ Одоевского по изданію, Вильгельмъ Кюхельбевьеръ, исчезъ съ литературной арены, и на самого Одоевского легла нѣкоторая тѣнь подозрѣнія, хотя онъ, сочувствуя многимъ идеямъ участниковъ Декабрьскаго движенія, былъ чуждъ практической стороны ихъ замысловъ. Это былъ тяжелый моментъ въ жизни Одоевского: на его глазахъ, возлѣ него, разыгрывались тяжкія послѣдствія кровавой драмы, и въ дѣло запутаны были даже и такія личности, которыя провинились только частыми встрѣчами или дружескими связями съ признанными виновниками движенія. Событію постарались придать искусственно—широкіе размѣры; къ отвѣтственности за него хотѣли привлечь и еле-дышавшую журналистику, и мнимую „свободу преподаванія“ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Подняли голову всякіе Скалозубы, уже давно собиравшіеся замѣнить Вольтера фельд-фебелемъ; громче заговорили они о вредныхъ результатахъ просвѣщенія, забывая, что просвѣщеніе только тогда и враждуетъ съ общественнымъ строемъ, когда этотъ строй не хочетъ подчиниться требованіямъ естественнаго развитія и своею неуступчивостью поддразниваетъ на битву критическую мысль..... Для Скалозубовъ все было просто; они не задумывались ни надъ какими сложными вопросами и

готовы были смахнуть, какъ паутину, все то, что не укладывалось въ прямолинейныя рамки ихъ Аракчеевскихъ идеаловъ.

На Одоевскаго покосились, — и по счастью тѣмъ дѣло и кончилось; вѣроятно молодому человѣку помогъ въ этомъ случаѣ и тотъ образъ жизни, который онъ велъ въ Москвѣ, погруженный въ свои философскія изслѣдованія. Въ это время онъ жилъ въ Газетномъ переулкѣ, противъ нынѣшней гостиницы Шевалье, въ домѣ своего родственника, князя Петра Ивановича Одоевскаго, извѣстнаго тѣмъ, что онъ большую часть своего состоянія пожертвовалъ на учрежденіе богадѣльни въ окрестностяхъ Москвы и устроилъ въ самой Москвѣ Дарвинскій пріютъ, въ память о своей дочери, бывшей замужемъ за графомъ Кенсона. Племянница-же Одоевскаго, Варвара Ивановна, была замужемъ за Сергѣемъ Степановичемъ Ланскимъ (впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ), на сестрѣ котораго, Ольгѣ Степановнѣ, вскорѣ женился Владиміръ Ѳедоровичъ. Помѣщеніе, отведенное молодому князю въ домѣ его родственника, не отличалось большимъ просторомъ и вдобавокъ было завалено книгами — фолиантами, квартантами и всякими октавами, на столахъ, подъ столами, на стульяхъ, подъ стульями, во всѣхъ углахъ, — такъ что пробираться между ними было мудрено и опасно. На окошкахъ, на полкахъ, на скамейкахъ, — вездѣ красовались стеллянки, бутылки, банки, ступы, реторты и всякіе иные приборы и инструменты. Въ переднемъ углу помѣщался человѣческой скелетъ, съ надписью: *sapere aude*. „Къ какимъ ухищреніямъ должно было прибѣгнуть, чтобъ помѣстить въ этой тѣснотѣ еще фортепіано, хоть и очень маленькое, — говорить одинъ изъ старыхъ знакомыхъ Одоевскаго, посѣщавшій его въ этой квартирѣ, — теперь мудрено уже и вообразить! Это могъ сдѣлать только Одоевскій со своими изобрѣтательными способностями въ этомъ родѣ. Короче, каморка его была миниатюрою того послѣдняго кабинета, обширнаго, но еще болѣе загроможденнаго, въ которомъ мы всѣ проводили по пятницамъ, вечеромъ, столько пріятныхъ и добрыхъ часовъ въ гостяхъ у любезнаго хозяина, уже престарѣлаго“.

Въ 1826 г. Одоевскій переѣхалъ на житье въ Петербургъ и, женившись тамъ, началъ свою служебную дѣятельность во II Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, подъ начальствомъ графа Блудова. Въ это время, во II Отдѣленіи выработывался новый цензурный уставъ взаимѣнъ того „чугуннаго устава“ (по выраженію С. Н. Глинки), который возникъ подъ вліяніемъ Магницкаго и другихъ подобныхъ ему радѣтелей просвѣщенія, и отличался такими свойствами, что строгое примѣненіе его равнялось положительному изгнанію литературы изъ государства. Такъ напримѣръ, по силѣ этого устава, безусловно воспрещалось всякое участіе литературы въ обсужденіи правительственныхъ вопросовъ, а кромѣ взысканій съ цензоровъ за упущенія, узаконялось также взысканіе съ самихъ авторовъ, на томъ странномъ основаніи, что „цензурный уставъ имъ долженъ

быть извѣстенъ“,—какъ будто бы положенія этого устава составляли какія нибудь неизбѣжныя нравственныя аксіомы, запечатлѣнныя въ сердца каждого человѣка... Въ случаѣ отобранія вреднаго сочиненія, пропущеннаго по недосмотру цензуры, издателю предоставлено было право взыскивать убытокъ съ автора. Истолкованіе статей въ невыгодномъ для автора смыслѣ возводилось, такъ сказать, въ принципъ. „Не позволяется пропускать къ печатанію—гласилъ § 151 этого устава—мѣста въ сочиненіяхъ и переводахъ, имѣющія двоякій смыслъ, ежели одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ“. Преслѣдованія устава простирались даже на знаки препинанія: многоточія, посредствомъ которыхъ обнаруживались иногда цензурныя помарки, были прямо воспрещены. Отъ критики требовалось безпристрастіе, степень котораго опредѣлялась цензурою. Сочиненія, въ которыхъ была нарушена „чистота Русскаго языка“, не допускались къ печати; а подобнымъ нарушеніемъ въ глазахъ Шишкова, подъ редакціей котораго вышелъ этотъ уставъ, была, какъ извѣстно, даже Карамзинская реформа литературнаго слога. Историческія изслѣдованія, трактаты по философіи и логикѣ должны были обращать на себя особенно строгое вниманіе цензуры ⁴⁾. Однимъ словомъ, цензоръ Глинка былъ вполне правъ, когда говорилъ, что, руководствуясь этимъ уставомъ, „можно и „Отче нашъ“ перетолковать яеобинскимъ нарѣчіемъ“. Въ предѣлахъ этого-то устава, съ цѣлью предоставить литераторѣ хоть какою нибудь возможность дальнѣйшаго развитія, принималъ участіе, по оффиціальному порученію, князь Одоевскій вмѣстѣ съ Дашковымъ. Результатомъ этихъ работъ, которыя впрочемъ подверглись измѣненію въ окончательной редакціи, было появленіе цензурнаго устава 1828 г., считавшагося въ свое время довольно льготнымъ для Русской печати, въ особенности послѣ Дравоновскихъ постановленій въ духъ Магницкаго. Въ своей дальнѣйшей служебной дѣятельности князь Одоевскій, на сколько было то возможно при нашемъ тогдашнемъ политическомъ направленіи, всегда избиралъ такіе пути, гдѣ онъ могъ бы принести хотя маленькую пользу развитію Русскаго просвѣщенія. Въ такомъ направленіи дѣйствовалъ онъ, какъ членъ ученаго комитета въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ, только что образовавшемся подъ управленіемъ П. Д. Киселева; какъ помощникъ директора Императорской Публичной Библиотеки, какъ директоръ Румянцевскаго музея и какъ завѣдывавшій, по особой довѣренности великой княгини Елены Павловны, нѣкоторыми изъ ея полезныхъ учреждений. Кромѣ того близость Одоевскаго ко двору Елены Павловны,—высоко цѣнившейся въ немъ и благородныя личныя качества, и возвышенный образъ мыслей,—давала ему возможность если не прямо, то посредственно, имѣть вліяніе въ тѣхъ высшихъ сферахъ, откуда исходили тѣ или

⁴⁾ Подробности о возникновеніи этого устава можно найти въ I т. моихъ историческихъ монографій, въ статьѣ: „Цензурный проектъ Магницкаго“.

другія административныя мѣры и предположенія. Нечего и говорить, что вліяніе это было всегда согласно съ интересами нашего общественаго развитія. Можно сказать безъ преувеличенія, что участіе, которое обнаруживала Елена Павловна къ судьбамъ Русской литературы и науки, во многомъ объяснялось этою близостію князя Одоевскаго, умѣвшаго заинтересовать великую княгиню всѣми наиболѣе выдающимися явленіями русской мысли и таланта. Ни одна серьезная книга, ни одно любопытное научное изслѣдованіе, ни одно талантливое беллетристическое произведеніе не проходили въ нашей литературѣ безъ вниманія со стороны князя Одоевскаго, спѣшившаго тотчасъ же познакомиться съ ихъ содержаніемъ весь кругъ своихъ великосвѣтскихъ знакомыхъ. Но, не смотря на свое аристократическое имя, на свои вліятельныя связи и знакомства въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ, князь Одоевскій до конца своей жизни не искалъ и не занималъ никакихъ важныхъ административныхъ мѣстъ, ограничиваясь любезною ему сферою ученой и благотворительной дѣятельности, хотя его сверстники и друзья могли бы, при его желаніи и при нѣкоторыхъ нравственныхъ уступкахъ съ его стороны, выдвинуть своего товарища на одинъ изъ такихъ вліятельныхъ постовъ. Но „ученый чудакъ“ (какъ его величали въ нѣкоторыхъ придворныхъ кружкахъ) самъ не добивался такого возвышенія, не дорожилъ имъ, не стремился никого увѣрить въ своей незаменимости для того или другаго мѣста, въ своей способности „подтянуть“, „укротить“ и проч., и предпочелъ весь вѣкъ свой занимать второстепенныя должности, на которыхъ онъ могъ приносить дѣйствительную пользу, сообразную съ его взглядами и понятіями объ общественномъ благѣ. Только въ послѣдніе годы своей жизни онъ назначенъ былъ сенаторомъ, да и то поспѣшилъ сейчасъ же перевестись въ Москву, вопреки настояніямъ своихъ друзей и доброжелателей, сулившихъ ему въ Петербургѣ болѣе крупное назначеніе—членомъ государственнаго совѣта. Но престарѣлый уже „чудакъ“ уперся на своемъ: въ его усталой душѣ заговорило желаніе успокоиться совершенно отъ житейскихъ тревоженій и провести мирно остатокъ своихъ дней въ томъ мѣстѣ, гдѣ протекла его первая молодость и куда влекли его старыя, неугасшія симпатіи.

Не гоняясь за служебными успѣхами и административною карьерой, не принося имъ въ жертву своихъ завѣтныхъ стремленій и сочувствій, Одоевскій тѣмъ свободнѣе могъ отдаваться своимъ научнымъ занятіямъ, тѣмъ независимѣе могъ выбирать себѣ кругъ ближайшихъ друзей и знакомыхъ. Его домъ составлялъ въ Петербургѣ совершенно особый центръ, въ которомъ сходились и сближались между собою самыя разнообразныя элементы тогдашняго Петербургскаго общества. Все талантливое, образованное и нравственно-порядочное, все, что выдвигалось такъ или иначе надъ уровнемъ обыденной пошлости и мелкихъ страстишекъ,—все это охотно появлялось въ скромной квартирѣ князя Одоевскаго, блиставшей не роскошью, но необыкновенною

симпатичностью и привѣтливостью своего хозяина. „Въ этомъ безмятежномъ святилищѣ знанія, мысли, согласія, радушія — говоритъ графъ В. А. Сологубъ—сходился весь цвѣтъ Петербургскаго населенія. Государственные сановники, просвѣщенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, свѣтскія образованныя красавицы встрѣчались тутъ безъ удивленія, и всѣмъ этимъ представителямъ столь разнородныхъ понятій было хорошо и ловко; всѣ смотрѣли другъ на друга привѣтливо, всѣ забывали, что за чертой этого дома жизнь идетъ совсѣмъ другимъ порядкомъ. Я видѣлъ тутъ, какъ Андреевскій кавалеръ бесѣдовалъ съ ученымъ, одѣтымъ въ гороховомъ сюртукѣ; я видѣлъ тутъ измученнаго Пушкина во время его кровавой драмы... Имъ нужно было имѣть тогда точку соединенія въ такомъ центрѣ, гдѣ бы Андреевскій кавалеръ зналъ, что его не встрѣтитъ низкопоклонство, гдѣ бы гороховый сюртукъ чувствовалъ, что его не оскорбятъ пренебреженіемъ. Всѣ понимали, что хозяинъ, еще тогда молодой, не притворялся, что онъ ихъ любитъ, что онъ ихъ дѣйствительно любитъ, любить во имя любви, согласія, взаимнаго уваженія, общей службы образованію, и что ему все равно, кто какой кличкой бы ни назывался и въ какомъ бы платьѣ ни ходилъ. Это прямое обращеніе къ человѣчности, а не къ обстановкѣ каждаго, образовало ту притягательную силу къ дому Одоевскихъ, которая не обусловливается ни роскошными утонченіями, ни краснорѣчіемъ лицемѣрнаго сочувствія“.

„Въ домѣ князя Одоевского, — говоритъ другой изъ посѣтителей этого дома, — и въ особенности въ его завѣтномъ кабинетѣ, всѣ были равны въ буквальномъ смыслѣ этого слова: вельможи и артисты, ученые и художники, старики и молодые — всѣ одинаково поддавали немедленно подъ безпристрастный уровень его радушія и доброжелательнаго вниманія. Всѣ чувствовали себя какъ дома, даже часто лучше чѣмъ дома, потому что всѣ ихъ отличительныя свойства, ихъ таланты, познанія, дарованія вызывались наружу, оцѣнялись по достоинству и заслуживали одобреніе и нравственную поддержку. Преклоняясь самъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, съ какимъ-то почти ребячески-восторженнымъ увлеченіемъ передъ всякимъ явленіемъ науки и творчества, передъ малѣйшимъ новымъ открытіемъ, къ какой бы области мышленія оно ни принадлежало, князь Владиміръ Федоровичъ съ такимъ же чувствомъ чистой радости привѣтствовалъ подобное настроеніе и въ другихъ, къ какому бы сословію или слою общественному ни принадлежалъ этотъ собратъ его по мысли и чувству. Если еще можно было подчасъ уловить какой-либо отгѣнокъ въ его обращеніи съ людьми, то онъ склонялся въ пользу тѣхъ, кто, по мнѣнію его, заслуживалъ большихъ правъ на званіе ч е л о в ѣ к а, какъ ученый или художникъ, или даже просто какъ специалистъ по какому бы то ни было особому занятію. Тогда онъ съ невинною и простодушною хитростью выпроваживалъ въ гостинную и безучастныхъ вельможь, и

свѣтскихъ знакомыхъ, съ наслажденіемъ возвращался въ свой кабинетъ, къ своимъ любимцамъ-труженикамъ, и съ юношескимъ жаромъ предавался съ ними наукамъ, искусствамъ, всякимъ опытамъ и наблюденіямъ. Пытливость его ума, жажда знанія, вѣра въ науку и во всеобъемлющую силу ума человѣческаго были по-истинѣ непостижимы: все его интересовало, заботило и увлекало. Кабинетъ его носилъ рѣзкій отпечатокъ этой особенности его натуры; его можно было назвать скорѣе какимъ-то музеемъ, чѣмъ обыкновеннымъ пріютомъ отдохновенія и комфорта“.

Самого же хозяина этого оригинальнаго пріюта,—пріюта, какихъ теперь нѣтъ уже и въ поминѣ,—всего лучше можно было охарактеризовать его же собственными словами изъ одной повѣсти. „Въ Москвѣ,—разсказываетъ князь Одоевскій въ своей повѣсти „Эльса“,—жилъ былъ у меня дядюшка, человѣкъ не молодой, но съ умомъ, сердцемъ и образованностью,—а въ этихъ трехъ вещахъ, говорятъ, скрывается секретъ никогда не старѣться. Дядюшка не выживалъ изъ ума, потому что не выживалъ изъ людей; три поколѣнія прошли мимо его и онъ понималъ языкъ каждаго; новизна его не нугала, потому что ничто не было для него ново; постоянно слѣдя за чудною жизнью науки, онъ привыкъ видѣть естественное развитіе этого огромнаго дерева, гдѣ безпрестанно изъ открытія являлось открытіе, изъ наблюденія—наблюденіе, изъ мысли выростала другая мысль, которая, въ свою очередь, выводила изъ земли первоначальную. Оттого разговоръ его былъ привлекателенъ, хотя страненъ; въ немъ не было этихъ сужденій, давно вымоченныхъ и выдавленныхъ, какъ старая свекловица на сахарномъ заводѣ“¹⁾. Этимъ драгоценнымъ качествомъ никогда не старѣть и чутко слѣдовать своимъ умомъ за движеніемъ времени, чутко отзываться на каждое новое требованіе общественной жизни, отличался кн. Одоевскій во всей своей дѣятельности и, благодаря этому качеству, ему ни разу не пришлось становиться въ разрѣзъ съ лучшими стремленіями какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего молодаго поколѣнія.

Но за то ему нрѣдко приходилось идти въ разрѣзъ съ чувствами и поведеніями того великосвѣтскаго общества, къ которому примкнула его судьба. Въ своей повѣсти „Княжна Мими“ Одоевскій съ большою силою и ѣдкостью выставилъ въ лицѣ героини повѣсти всю внутреннюю пустоту и ядовитое злорѣчіе нашихъ представительницъ свѣтскаго круга. Княжна Мими, по словамъ автора, принадлежала къ тому „безыменному обществу“, которое держитъ въ своихъ рукахъ бразды свѣтскаго режима. „Оно ничего не боится: ни законовъ, ни правды, ни совѣсти. Оно судитъ на жизнь и смерть и никогда не перемѣняетъ своихъ приговоровъ... Членовъ сего общества вы легко можете узнать по слѣдующимъ примѣтамъ: другіе играютъ въ карты,

¹⁾ Соч. кн. Одоевскаго, ч. II, стр. 218—219.

а они смотрятъ на игру; другіе женятся, а они прѣзжаютъ на свадьбу; другіе пишутъ книги, а они критикуютъ; другіе даютъ обѣдъ, а они судятъ о поварѣ“.

Изобразивъ яркими красками всю духовную сущность этой великосвѣтской сплетницы и мегеры, готовой растерзать на части (конечно, въ моральномъ смыслѣ) всякую непріятную ей личность, всякую выходящую изъ ряда вонъ оригинальность,—князь Одоевскій говоритъ: „Смотря на нее, я рядилъ ее въ разныя платья, т. е. логически развивалъ ея мысли и чувства, представлялъ себѣ, чѣмъ бы могла быть такая душа въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, и прямехонько дошелъ... до костровъ инквизиціи“. Великосвѣтскіе пересуды разныхъ княженъ Мими касались иногда и самого князя Одоевскаго, и ихъ уколы дѣйствовали раздражительно даже на его спокойную и самообладающую натуру. Его литературныя произведенія (какъ онъ не разъ говорилъ мнѣ) также подвергались въ этомъ ареопагѣ язвительной критикѣ и перетолкованію, отъ которыхъ ему приходилось защищаться...

А. Пятковскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

РУССКІЙ ДЕМОКРАТЪ ВЪ ПОЛЬШѢ.

Изъ рассказовъ о трехъ праведникахъ.

ТО — маленькая исторійка, но я думаю, что ее тоже пожалуй можно примѣнить къ рассказамъ о трехъ праведникахъ“. Такъ говорилъ мнѣ почтенный старецъ, со словъ котораго я записалъ рассказъ объ инокахъ Кадетскаго монастыря ¹⁾, и теперь въ видѣ *post-scriptum* записываю еще одно послѣднее сказанье.

I.

Я поступилъ на службу прямо по выходѣ изъ корпуса въ канцелярію главнокомандующаго дѣйствующею арміею генераль-фельдмаршала князя Паскевича. Это было въ тридцать второмъ году, въ январѣ мѣсяцѣ, — значитъ вскорѣ послѣ покоренія Варшавы, которая взята въ августѣ тридцать перваго года. Директоромъ этой канцеляріи былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій, про котораго и пойдетъ моя рѣчь. Его позабыли, и исторія о немъ умалчиваетъ, а онъ былъ человѣкъ замѣчательный и, по моему мнѣнію, даже историческій.

Самбурскій былъ малороссъ и имѣлъ репутацію человѣка необыкновеннаго ума и способностей, а также отличался честностью и непреклонностью убѣждений. Тогда еще на службѣ такими людьми иногда дорожили, и если не всегда, то хоть изрѣдка о нихъ вспоминали и думали, что безъ нихъ не хорошо, — что они нужны. При томъ же Иванъ Ѳомичъ былъ невообразимо дѣловитъ: буквально—не было занятія, къ которому онъ былъ бы неспособенъ и взявшись за которое оказался бы не на своемъ мѣстѣ. О честности же, разумѣтся, и го-

¹⁾ См. мой рассказъ „Кадетскій монастырь“, въ № 1 „Историческаго Вѣстника“.

ворить нечего—на однихъ комиссіонерахъ и интендантахъ милліоны могъ нажить, а онъ ничего не наживалъ и для всѣхъ воровъ былъ бичъ и терзатель. Это было извѣстно, и потому при назначеніи Ивана Омича въ директоры канцеляріи ему было положено двойное жалованье.

Обязанности директора канцеляріи были очень большія и чрезвычайно разностороннія. По взятіи Варшавы тутъ сосредоточивалась и военная и гражданская переписка по всему царству Польскому; онъ долженъ былъ возстановить русское правленіе вмѣсто революціоннаго, привести въ извѣстность статьи доходовъ и образовать правильный приходъ и обращеніе финансовъ. Вообще, требовалось организовать дѣло, которое послѣ военнаго разгрома представляло обыкновенный въ такихъ случаяхъ хаосъ.

Это трудъ огромный и почтенный, но неблагодарный. Онъ требуетъ человѣка выше обыкновенныхъ способностей и поглощаетъ его всего; а между тѣмъ дѣятельность его не видна и остается почти незамѣчаемою, такъ сказать черною работою, въ родѣ уборки чего-то въ тылу.

Нынче можетъ быть это еще лучше, потому что теперь о тылѣ располагаютъ совсѣмъ иначе, но тогда вся слава и честь почиталась быть на виду — впереди, въ опасности. Въ тылу тогда бывало остаются не иначе какъ плачущи. Ну, а уже что при такомъ взглядѣ могла значить канцелярская ерыса, — это понять не трудно. Штатскіе впрочемъ тогда и повсемѣстно мало что и за людей были почитаемы. Такое время было, и за это нечего сердиться. У всякаго времени свои странности, а одна изъ тогдашнихъ странностей была пренебреженіе ко всѣмъ не военнымъ занятіямъ. Исключеніе дѣлали для одного графа Сперапскаго, но и то ставили это себѣ за неприятную необходимость. Удивительно вспомнить, какъ люди бывало съ особенною серьезностію внушали, что „Россія государство не торговое и не земледѣльческое, а военное и призваніе его быть грозой свѣта“... Хомяковъ сказалъ: „мы долго вѣрили среди восточной лѣни и грязной суеты“ и проч.,—и дѣйствительно вѣрили. Такъ часто тогда повторялось это мудрое изрѣченіе, что бывало наслушаешься и начнешь вѣрить. Крымская война это поисправила, а то мѣры не было вздорамъ. Ходили напримѣръ какіе-то полудикіе анекдоты, какъ пришли два офицера въ трактиръ и, видя двухъ штатскихъ, говорятъ лакею: „подай намъ двухъ титулярныхъ совѣтниковъ!“ Тотъ недоумѣваетъ, а они ему объясняютъ вслухъ, что титулярные совѣтники — это рябчики. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ штатскихъ говоритъ: „а намъ, братецъ, дай двухъ поручиковъ подь хрѣномъ“. Лакей опять недоумѣваетъ, а штатскій изьясняетъ ему гласно, что поручики — это поросата. Этотъ глупый анекдотъ выражалъ настроеніе.

Я самъ помню, какъ разъ вечеромъ, на томъ мѣстѣ Казанской площади, у садика, гдѣ теперь часто стоитъ телѣжка чухонца съ вы-

боргскими кренделями, иду я домой, а передо мною идутъ два офицера и говорятъ:

— Видишь штафирку?

Другой отвѣчаетъ: вижу.

И указываютъ другъ другу на чиновника, который покупаетъ крендельки и завязываетъ ихъ въ платочекъ. Вѣрно человѣкъ бѣдный былъ, потому-что шляпка на немъ рыженькая, и самъ онъ тощій, заморенненькій, а на немъ шинелька суконная, ветхая, подолъ подтрепанъ и разрѣзъ сзади—какъ это дѣлалось.

Одинъ офицеръ говоритъ: давай, разорвемъ его.

Другой отвѣчаетъ: давай.

И тутъ же, на моихъ глазахъ, взяли его за край шинельнаго разрѣза, потянули въ разные стороны и располосовали пополамъ до самаго воротника. Только пыль изъ стараго суконца посыпалась, и крендельки онъ свои, бѣднякъ, разронялъ. А все это совершенно ни за что, да и безъ злобы, а такъ, можно сказать, по глупой манерѣ носились сами съ собою въ какомъ-то священномъ восторгѣ и какъ зычливые телята брыкались. Я же вамъ объ этомъ упоминаю для того, чтобы показать, какой былъ духъ времени и какое царствовало неблагоприятное для гражданской дѣятельности настроеніе — особенно въ кругу тѣснаго соприкосновенія съ людьми военными.

II.

Самбурскій съ его правильнымъ умомъ конечно отлично понималъ свое время и потому, идучи въ директоры канцеляріи къ Паскевичу, съ нимъ поторговался. Онъ позаботился не только о деньгахъ, которыхъ у него не было и на которыя онъ естественно имѣлъ право, принимая на себя трудъ большой и чрезвычайно отвѣтственный, но онъ выговорилъ себѣ и такое положеніе, чтобы ему не быть пѣшкой. Онъ не хотѣлъ быть слѣпымъ исполнителемъ чьихъ либо случайныхъ фантазій, а желалъ имѣть необходимую для пользы службы свободу выбора людей и плана дѣйствій, равно какъ и средствъ къ ихъ исполненію. Съ княземъ Иваномъ Федоровичемъ это было необходимо, въ виду очень многихъ свойствъ его характера и манеры распоряжаться такъ, что инья изъ его распоряженій бывало не только неудобно исполнить, но даже иногда нельзя и понять. И къ чести Паскевича, онъ за этимъ не постоялъ,—и сошелся съ Самбурскимъ на всѣхъ его условіяхъ.

Я не знаю, какъ понималъ Паскевичъ въ тонкость огромныя способности Самбурскаго, на мой взглядъ представляющіяся необычайными; не знаю и того, на сколько онъ въ душѣ цѣнилъ его превосходную честность; но мнѣ извѣстно, что онъ былъ прельщенъ однимъ анекдотомъ, который относился къ юношескимъ годамъ Ивана Фомича и заключался въ слѣдующемъ.

Самбурскій былъ бѣдный человѣкъ и нуждался въ работѣ. Работать онъ могъ разумѣться только перомъ, къ чему имѣлъ счастливый даръ прекраснаго изложенія мыслей спокойно, плавно и вразумительно. Когда хотѣлъ тронуть или обличить и доказать несправедливость, — былъ неподражаемъ. Съ этой стороны онъ сдѣлался извѣстенъ по поводу прошенія, написаннаго имъ для одной бѣдной мелкопомѣстной дворянки, тяжело оскорбленной богатымъ сосѣдомъ. Прошеніе это, поданное императору Александру Павловичу въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, растрогало его величество до слезъ, и государь спросилъ: „Кто это писалъ?“ Вдова назвала Самбурскаго. И это обратило на него вниманіе многихъ. Что же касается самаго предмета просьбы, то императоръ велѣлъ переслѣдовать неправильно рѣшенное дѣло, и вдова послѣ многихъ лѣтъ обидъ и страданія была восстановлена въ своемъ правѣ. Самбурскій писалъ мастерски можетъ быть отчасти потому, что онъ превосходно чувствовалъ, вдохновенно проникалъ справедливость и любилъ постоять за нее безъ страха.

Все это у него шло свободно, вольно, натурально, съ какою-то поэтической отвагою типичнаго хохла. Глядя на него, бывало не разъ вспоминаешь чье-то вѣрное замѣчаніе о малороссахъ, что между ними очень рѣдко встрѣчается середина въ правдивности. Нигдѣ натуры не бываютъ цѣльнѣе и даже отчасти прямолинейнѣе, какъ въ Малороссіи. Тамъ если честный человѣкъ, такъ ничѣмъ его не своротишь, а негодяи если задаются, такъ тоже бываютъ ничѣмъ неисправимы. Самбурскій разумѣется былъ изъ хохловъ перваго сорта.

Но я отбиваюсь отъ анекдота, который располагалъ къ Самбурскому Паскевича и едва ли не былъ можетъ быть единственнымъ поводомъ, почему фельдмаршалъ уважалъ его.

Былъ какой-то ученый какой-то трудной специальности, говорили будто астрономъ. Ему надо было написать ученое сочиненіе на какую-то степень по этому предмету, который онъ хорошо зналъ, но былъ совершенно бездаренъ. Сидѣлъ, сидѣлъ этотъ ученый, мучился, и пришелъ въ отчаяніе, а Самбурскій былъ къ нимъ вхожъ и въ домѣ друженъ. Видитъ онъ это горе, день, два, мѣсяцъ, давалъ совѣты, обѣщаль помощь и наконецъ разсердясь говорить:

— Да расскажи ты мнѣ все, что тебѣ надо написать.

Тотъ отвѣчаетъ: это нельзя, — это цѣлый предметъ.

— Ну и рассказывай цѣлый предметъ.

Принудилъ рассказать, выслушалъ, а черезъ недѣлю приносить написанную диссертацию.

Можетъ быть тутъ что нибудь раздуто и преувеличено, я не знаю, но дословно такой анекдотъ ходилъ о Самбурскомъ, а Паскевичъ его передавалъ даже едва ли не такъ, что Иванъ Ѳомичъ не зналъ астрономіи но всю ее проникъ одною силою своего ума.

Изъ этого однако можно видѣть, что такъ или не такъ, фельдмаршалъ считалъ своего директора за человѣка необыкновеннаго, ко-

того надо было уважать; но тѣмъ не менѣе это не помѣшало имъ разойтись довольно смѣшно и такъ сказать анекдотически. Поводомъ къ этому послужило ихъ несогласіе въ оригинальномъ вопросѣ о самоварахъ, которымъ Иванъ Ѳомичъ Самбурскій надумалъ дать государственную роль въ исторіи.

III.

По благородной простотѣ характера Ивана Ѳомича у насъ канцелярія была будто его семья. Она вся была небольшая, состояла человекъ изъ десяти; но какъ въ ней составлялись бумаги самаго секретнаго содержанія, то въ ней люди были собраны съ большою осторожностію и по самымъ надежнымъ рекомендаціямъ. Но разъ, какъ человекъ былъ принятъ, Иванъ Ѳомичъ терпѣть не могъ показывать, что онъ его остерегается или имѣетъ къ нему неполное довѣріе. Эта дрянная хотя весьма распространенная манера душъ мелкихъ и подозрительныхъ была чужда его благородному и дальновидному уму. Самбурскій зналъ, что единодушіе ничѣмъ такъ не достигается, какъ любовью, и имѣлъ благоразуміе дорожить сердечными чувствами своихъ младшихъ сотрудниковъ. Молодыхъ людей онъ старался знать со стороны ихъ способностей и въ минуты своего небольшого отдыха всегда съ нами бесѣдовалъ о чемъ приходило ему въ голову. Этимъ способомъ онъ всегда зналъ настроеніе нашихъ мыслей и силу сообразительности. Бывало поговорить, поговорить, да смотришь и дасть работу, изъ назначенія которой видишь, что онъ тебя уже совсѣмъ и смѣрилъ. Такого начальника разумѣется мудро не любить и не цѣнить, и мы всѣ были къ нему очень привязаны.

Правая рука его у насъ былъ начальникъ отдѣленія Лахтинъ, очень образованный человекъ, съ которымъ Самбурскій любилъ посоветоваться. Но и совѣты совѣщалъ онъ не по официальному, а по семейному, т. е. не наединѣ, „при закрытыхъ дверяхъ“, въ насмѣшку надъ которыми тайны за ними сказанныя очень быстро разносятся, а Самбурскій говорилъ прямо при насъ, молодыхъ людяхъ, какъ бы приучая тѣмъ насъ къ скромности на всякъ часъ, безъ особыхъ предупрежденій.

Однажды, когда мы такимъ образомъ всѣ были въ сборѣ за своимъ дѣломъ, Самбурскій поднялъ голову отъ бумагъ, назвалъ Лахтина по имени и отчеству и спросилъ его: очень ли онъ занятъ,—что онъ хотѣлъ бы съ нимъ поговорить.

Лахтинъ отвѣчалъ, что у него въ эту минуту особенныхъ занятій нѣтъ и онъ готовъ его слушать.

Самбурскій и говоритъ:

— Давно я думалъ объ одномъ предметѣ, а нынче безсонною ночью, ворочая его со стороны на сторону, кажется додумался до

чего-то похожего на дѣло. Не знаю, каковъ будетъ объ этомъ вашъ судъ, но мнѣнiе ваше знать очень желаю.

Лахтинъ отвѣчалъ, что онъ слушаетъ со вниманiемъ и откинулся къ спинкѣ кресла, сложивъ на груди руки. Мы же оставались, какъ всегда бывало, при своихъ мѣстахъ.

IV.

— Каждое царствованiе, началъ Самбурскiй, мы ведемъ здѣсь побойща съ поляками, но самое огромное побойще было теперь; оно стоило денегъ двѣсти миллионовъ, а человѣческихъ жертвъ шестьдесятъ тысячъ. Это меня приводитъ въ ужасъ. Сколько вдовъ, сиротъ и стариковъ, которыхъ кормить некому послѣ такой побѣды? За это надо отвѣтъ дать Богу, а между тѣмъ мы отъ своей роли въ Польшѣ отказать не можемъ, потому что они намъ не дадутъ покоя... Непремѣнно надо на будущее время сдѣлать невозможными такiя кровопролитiя; а если вести дѣла такъ, какъ они ведутся, то нѣтъ никакихъ основанiй предполагать, что это когда нибудь кончится. Усмиримъ мятежъ, подсѣчемъ старые корни, а молодые побѣги опять отрыгнутъ, и черезъ нѣсколько лѣтъ снова готова такая же исторiя.

Лахтинъ качнулъ въ знакъ согласiя головою и сказалъ:

— Это иначе и быть не можетъ.

— Да; это очень естественно, согласился Самбурскiй: если прилагать къ нашимъ расправамъ съ Польшею одинъ узкiй масштабъ военныхъ занятiй края, то это не можетъ быть иначе. Пушки и ружья по моему мнѣнiю, не имѣютъ того влiянiя, какое нужно, чтобы Польшу разъ навсегда отбучить отъ возстанiй. Нужно еще особое орудiе.

— Какое же?

— А вотъ отгадайте.

— Не могу, отвѣчалъ Лахтинъ.

Самбурскiй улыбнулся и сказалъ:

— Это орудiе — самоваръ.

— Что-о такое?!

— Самоваръ-съ, самоваръ, Николай Андреичъ, — простой русскiй самоваръ.

Тутъ уже и мы, „молодшiе люди“, слыша, что наши набольшiе договорились до такихъ странностей, перестали работать и подняли головы съ недоумѣнiемъ, чѣмъ это разъяснится: серьезнымъ дѣломъ или шуткою.

— Приходило ли вамъ когда нибудь на мысль положенiе престарѣлаго офицера? продолжалъ Самбурскiй.

— Очень много разъ приходило, отвѣчалъ Лахтинъ.

— Вотъ видите! Значить у кого есть нѣкоторый жаръ въ сердцѣ и любовь къ человѣчеству, ко всякому такому этотъ вопросъ бьется.

Это не даромъ: въ чье нибудь сердце онъ хочетъ достучаться. Теперь посмотрите дальше, сколько у насъ въ арміи изъ офицеровъ людей женатыхъ, особенно вверхъ отъ капитанскаго чина... Это уже настоящія страстотерпицы: служатъ, служатъ, а совершенно имъ нѣтъ никакой радости, да и угла, гдѣ голову приклонить подъ старость, не предвидится. Хорошо, который куда нибудь городничимъ попадетъ, да будетъ морковью или потрохами на базарѣ взятки брать, или у арестантовъ изъ трехкопѣчнаго содержанія часть воровать. Но вѣдь это немного такихъ счастливецъ, которымъ такая карьера выпадетъ, а то жаль смотрѣть чѣмъ занимаются...

Лахтинъ отозвался: это правда!

— Да какъ же не правда! продолжалъ Самбурскій. Цова молодъ да легкомысленъ, онъ и въ восторгѣ: его занимаетъ, что и шпоры звенять, и эполеты блестятъ, а какъ съ лѣтами въ разумъ начнетъ приходить, такъ вѣдь,—сдѣлайте вашу милость... мишура-то слетитъ и очень горько станетъ.

— Ропшутъ, молвилъ Лахтинъ.

— Да; ропшутъ, но очень мало ропшутъ, отвѣчалъ продолжая матерію Самбурскій: удивительные люди, — праведники. Иной бы поди какого шума надѣлалъ и цѣлый бы вѣкъ все визжалъ, а нашъ съ сардцовъ за чаркой зелена вина гдѣ нибудь выругается, а потомъ завьезетъ горе веревочкой, да такъ всю жизнь съ обрывкомъ и ходить. Только не дергай его за этотъ узелокъ, потому-что у него тутъ большое мѣсто завязано. Все, все простить ему надо, и даже свѣчку поставить. Служилъ, какъ слѣдуетъ, сколько разъ его могли убить и изувѣчить, а другой можетъ быть и изувѣченъ, а между тѣмъ,—война кончится, составъ войскъ введется на мирное положеніе и тысячи этихъ добрыхъ слугъ отечества идутъ въ запятъ. Разумѣется, это въ порядкѣ вещей, да смотрѣть-то на нихъ жалко въ этомъ положеніи. Хорошо который куда нибудь на частную должность применеть къ откупу, или къ какой конторѣ... Разумѣется, не особенно высокоблагородно, но по крайней мѣрѣ спрятанъ отъ когтей нужды и питается; а то на выдумки идутъ: янтарьки продаютъ, просьбы по постояннымъ дворамъ пишутъ, въ трактирахъ фокусы показываютъ,—всего и не перечесть.

— И не дай Богъ, вставилъ Лахтинъ.

— Именно не дай Богъ, а между тѣмъ во всемъ этомъ печальномъ исходѣ нѣтъ никакой необходимости. Если объ этомъ хорошенько подумать, то есть даже средство не только оказать военнымъ людямъ высшую справедливость; но и отечество выставить благодарнымъ къ своимъ слугамъ,—и въ то же время, за одинъ пріемъ, достигнуть высшаго государственнаго плана—пресѣчь возможность повторенія безпощадной и изнурительной крамолы. Вотъ въ чемъ дѣло: вамъ какъ и мнѣ извѣстно количество конфискованныхъ магнатскихъ земель на Литвѣ и въ Польшѣ. Ихъ не очень много,—не столько, сколько бы стоило взять, но за то они огромныя. Казнѣ они не принесутъ дохода,

все съѣсть администрація, а отдать ихъ въ частныя руки будетъ выгодноѣ. Я сообразилъ и расчелъ, что изъ нихъ можно накропить двадцать пять тысячъ небольшихъ помѣщичьихъ имѣній, изъ коихъ каждое можетъ приносить отъ пяти до десяти тысячъ рублей годоваго дохода.

— Я думаю, вы не ошиблись, сказалъ Лахтинъ.

— Расчетъ мною сдѣланъ вѣрно. Необходимо только, чтобы всѣ эти земли явились въ русскихъ рукахъ, и именно въ рукахъ офицеровъ, поработавшихъ для водворенія здѣсь русскаго владычества. Офицеры въ правахъ и въ исторіи малосвѣдущи, но они хорошо знаютъ чего имъ стоило усмирить разыгравшійся здѣсь мятежь, и потому оцѣнять все настоящимъ образомъ, безъ фантази. Притомъ же это будетъ имъ справедливымъ вознагражденіемъ, за которое они будутъ правительству благодарны и усугубятъ ему преданность. А чтобы и казна своего не теряла — даромъ ничего давать не нужно, даровое оно и слабо цѣнится. А надо благоразумно перевести эти земли изъ непродуцательнаго казеннаго управленія въ частныя руки, и для этого есть средства. Стоитъ только образовать банкъ или другое какое кредитное учрежденіе съ спеціальною цѣлью помочь пріобрѣтенію этихъ земель русскими воинами на льготныхъ для выплаты условіяхъ, и цѣль эта будетъ исполнѣ достигнута. А когда на двадцати пяти тысячахъ мѣсть станутъ двадцать пять тысячъ русскихъ помѣщичьихъ домовъ, да въ нихъ передъ окнами на балкончикахъ задымятся двадцать пять тысячъ самоваровъ и поѣдетъ сосѣдъ къ сосѣду съ семействомъ на тройкахъ, заложенныхъ по-русски, съ валдайскимъ колокольчикомъ подъ дугою, да съ бубенцами, а на козлахъ отставной деньщикъ въ тверскомъ шлякѣ съ павлиньими перьями заведетъ „Не одну во полѣ дороженьку“, такъ это будетъ уже не Литва и не Польша, а Россія. Единовѣрное намъ крестьянское населеніе какъ слышитъ пыхтѣнье нашихъ веселыхъ тульскихъ толстопузиковъ и разстилающійся отъ нихъ дымъ отечества, — сразу пойметъ, кто здѣсь настоящіе хозяева, да и поляки увидятъ, что это не шутка и не „збуйство да здрайство“, какъ они величаютъ наши нынѣшнія военныя нашествія и стоянки, а это тихое, хозяйственное заселеніе на всегдашнія времена, и дѣло съ востаніями будетъ покончено.

Лахтинъ вскричалъ:

— Это великолѣпно!

— Вы одобряете?

— Великолѣпно, Иванъ Ѳомичъ, великолѣпно!

А мы, — хотя насъ не спрашивали, — подъ вліяніемъ проникшаго насъ горячаго чувства, всѣ встали, поклонились Ивану Ѳомичу и безъ уговора сказали ему:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь!

Онъ откланялся намъ жестомъ руки и сказалъ:

— Отъ души благодарю, господа, — ваше сочувствіе мнѣ дорого и

дай Богъ, чтобы наше—какъ вижу, общее желаніе, исполнилось ко благу нашей родины. А чтобы не оставаться долго на этотъ счетъ въ томительной нерѣшимости,—я сейчасъ отправляюсь къ фельдмаршалу и сейчасъ же представлю ему мою мысль.

Онъ всталъ, перекрестился, сказалъ: „Господи благослови!“ — и вышелъ.

Мы, провожая его глазами, желали ему удачи. И хотя все это происходило въ канцеляріи, гдѣ торжественныхъ минутъ сердечнаго восхищенія до штатамъ не полагается, но тутъ оно было. Мы чувствовали, какъ сердца наши въ насъ горѣли при мысли, что цѣлыя двадцать пять тысячъ семействъ нашихъ военныхъ трудниковъ разведутъ себѣ по домамъ и на полянкахъ свои самовары и станутъ попаривать своимъ чайкомъ свои восточки, подъ своею же кровлею, которую дало имъ за ихъ кровную службу отечество.

Конечно, можетъ быть теперь за это ктонибудь и осудить, но надо было быть ближе къ тому времени, котораго это касается и видѣть во-очію мужественныхъ людей, судьбу которыхъ по оставкѣ просто и трогательно намъ вспомнулъ Иванъ Ѳомичъ. Тогда станетъ понятно то чувство, какое мы испытывали, и оно было дѣйствительно патріотическое чувство, хотя и родилось въ канцеляріи.

V.

Вечеромъ мы въ своихъ кружкахъ думали и гадали: каковы могутъ быть послѣдствія смѣлаго и, какъ намъ казалось, — геніальнаго по своей простотѣ предложенія Ивана Ѳомича? Намъ казалось невозможнымъ, чтобы фельдмаршалъ не внялъ его представленіямъ и не позволилъ изыскать средства къ ихъ осуществленію.

Одинъ только,—былъ у насъ другой начальникъ отдѣленія, Ивашичъ, съ русской фамиліею, но хохоль, онъ былъ грубоватъ и выражался не изысканно,—такъ онъ не то что сомнѣвался, но не отрицалъ возможности сомнѣнія, и тѣмъ насъ огорчалъ. Онъ лѣниво цѣдя слова сквозь зубы, сказалъ:

— Перестаньте угадывать и ждите утра: не угадаете; можетъ случиться и то, чего не можетъ быть. Совершенно невозможно на свѣтѣ только одно,—козырнаго туза покрыть, этого уже никакой чудотворецъ не сдѣлаеть.

Добрѣйшій Яковъ Ѳомичъ (такъ звали Ивашина) былъ и умникъ и дѣлецъ, и характера самаго достойнаго, но любилъ къ своему наследственному гадячскому или кролевецкому остроумію подпустить благопріобрѣтеннаго волтеріанства. Особенно онъ лихъ былъ насчетъ чудесъ, которыя имѣлъ слабость считать личною для себя обидою, онъ всегда имѣлъ при себѣ на-готовѣ этого козырнаго туза, котораго по его словамъ „никакой чудотворецъ не покроеть“.

Но ночь прошла въ мирномъ снѣ, или, кому спать не хотѣлось,— въ другихъ какихъ либо занятіяхъ, а на утро приходитъ въ канцелярію Лахтинъ и говорить:

— Свиданіе Ивана Ѳомича съ фельдмаршаломъ было какъ нельзя больше благопріятно. Больше ничего вамъ сказать не могу, но Иванъ Ѳомичъ самъ все разскажетъ.

Самбурскій какъ пришелъ, подписалъ заготовленные къ этому дню бумаги и потомъ говорить:

— Поздравляю всѣхъ васъ, господа, съ радостною работою. Фельдмаршалъ, выслушавъ мои соображенія, о которыхъ здѣсь вчера было говорено, изволилъ выразить этому дѣлу свое сочувствіе и желаетъ, чтобы были составлены самыя точныя и полныя свѣдѣнія съ возможно подробнымъ кадастровымъ описаніемъ, по которому можно было бы судить о достоинствѣ и стоимости имѣній. Это работа сложная и трудная, потому что мало данныхъ; но тѣмъ болѣе чести ее исполнить, и я надѣюсь, что тутъ мы себя покажемъ достойными его довѣрія и исполнимъ все какъ только возможно и съ большою радостію.

Дѣйствительно, работали съ радостію. Откуда только что возможно было выбрать—все собрали. А самъ Иванъ Ѳомичъ въ это время изготавилъ свой проэктъ, который, какъ все имъ писанное, былъ изложенъ мастерски и пошелъ въ ходъ. Прежде чѣмъ готовы были наши кадастры и смѣты, потребныя уже къ заключительному дѣлежу и разсадкѣ двадцати пяти тысячъ нашихъ воиновъ, которые должны были поставить свои самовары и напустить здѣсь пріятнаго намъ отечественнаго дымку, князь былъ введенъ Самбурскимъ во всѣ его соображенія.

Все остальное дѣлалось скоро, мы спѣшили изготавить дѣло къ поѣздкѣ фельдмаршала въ Петербургъ, и изготавили такъ благовременно, что онъ могъ до отъѣзда изучить и детали дѣла. Это было необходимо для обстоятельнаго объясненія на каждый могущій возникнуть въ Петербургѣ вопросъ. Самбурскій былъ очень доволенъ, что князь вникаетъ въ дѣло внимательно и даже дѣлаетъ себѣ отѣтки о земляхъ.

Послѣднее было тѣмъ радостнѣе, что Иванъ Ѳомичъ, имѣвшій на рукахъ кучу дѣлъ, не могъ оставить Варшавы и не сопровождалъ фельдмаршала. Стало быть очень важно было, чтобы онъ все зналъ и могъ все повершить, не требуя какихъ нибудь частныхъ разъясненій.

Самбурскій и не ошибался: фельдмаршалъ дѣйствительно вполне овладѣлъ предметомъ и зналъ, какъ имъ надо было распорядиться.

VI.

Паскевичъ уѣхалъ, а мы въ это время въ своей канцеляріи все возились съ эмеритурою и вообще уравненіемъ русскихъ чиновниковъ въ выгодахъ службы съ чиновниками изъ поляковъ, которые имѣли

многія преимущества. У насъ это дѣло поднималъ и горячо, но безуспѣшно разработывалъ Ивашинъ, а мы всё ему помогали, только безъ пользы. Это отсрочилось до новыхъ исторій, когда насъ тамъ уже не было. При насъ, какъ ни горячился Ивашинъ, русскіе чиновники военнаго министерства все получали за выслугу 35 лѣтъ 150—200 р. пенсіи, а чиновники царства Польскаго изъ поляковъ по той же должности получали за выслугу 25 лѣтъ по 6,000 злотыхъ эмеритальнаго пенсіона. Ивашинъ представилъ это Паскевичу, что тотъ нашелъ неправильнымъ и позволилъ открыть переписку съ разными вѣдомствами. Всѣмъ намъ хотѣлось упорядочить это иначе,—чтобы русскимъ не обидно было противъ поляковъ, но не вышло по нашему. Свѣдѣнія о штатахъ доставлялись плохо, и это намъ причиняло много хлопотъ, за которыми мы и не замѣтили, какъ прошло время отъѣзда свѣтлѣйшаго и онъ снова вернулся въ Варшаву.

Передъ возвращеніемъ князя ни снова никто не видалъ, ни мыши изъ норъ не выходили, ни невидимая нѣжить тяжелой ступнею по полу не расхаживала и не трещала половицами, словомъ, ничто никого не выживало, а между тѣмъ для всѣхъ насъ былъ готовъ ударъ самый неожиданный и очень вредный для дѣла, но отчасти и нелюбезный комизма, или, лучше сказать, горькой ироніи.

Самбурскій видѣлся съ фельдмаршаломъ по его возвращеніи не изъ первыхъ, и притомъ не съ глаза на глазъ, а на официальномъ выходѣ.

Иванъ Ѳомичъ не былъ самолюбивъ въ дурномъ смыслѣ этого слова, да и укола въ этомъ его самолюбію не было, но было другое, чего онъ имѣлъ причины не желать и опасаться. Было замѣтно, что свѣтлѣйшему какъ будто неловко или по крайней мѣрѣ непріятно что-то сообщить своему директору, котораго умомъ и соображеніями онъ самъ гордился, а честность его уважалъ.

Но конечно этого нельзя было тануть долго: при первомъ же докладѣ, будетъ ли, не будетъ ли рѣчь о томъ, что фельдмаршалу непріятно,—Самбурскій съ его прозорливостью прочтетъ князя; да и самому князю, который никого не боялся—нескладно же такъ институтски конфузится лица ему подчиненнаго, какимъ былъ Самбурскій.

Паскевичъ конечно все это зналъ и не могъ поступить иначе, какъ поступилъ.

VII.

Самбурскій возвратился съ доклада князю не скоро, но вошелъ въ канцелярію спѣшными шагами,—былъ красенъ и разстроенъ.

Онъ роздалъ начальникамъ отдѣленія Ивашину и Лахтину принесенныя съ собою бумаги и, поослабивъ пальцемъ галстукъ, сказалъ: — Господа! я съ вами прощаюсь.

Услыхавъ это, мы всё вскочили съ мѣстъ и, забывъ всякую дис-

циплину, бросились къ нему и осыпали его вопросами: что, какъ и для чего?

— Я подалъ въ отставку.

Всѣ опять заговорили:

— Для чего, Иванъ Ѳомичъ, для чего?

Онъ отвѣчалъ: представленіе мое исказили: Паскевичъ имѣеть маіоратъ, который долженъ приносить 200,000 р.; нѣсколько другихъ лицъ получили меньшіе участки съ доходами тысячъ до 60, и т. д. вмѣсто многихъ маленькихъ русскихъ осѣдлыхъ помѣщиковъ будетъ только очень немного крупныхъ, и притомъ такихъ, которые никогда въ своихъ деревняхъ не сидятъ, — самоваровъ на столъ не ставятъ и за чаемъ по-русски не говорятъ. Такого оборота я не ожидалъ и не могъ предвидѣть, но эта игра не стоитъ свѣчь. Еслибы я зналъ, что это случится, то я задушилъ бы въ себѣ эту мысль, которую столько времени носилъ и въ значеніи которой для Россіи и для Польши не сомнѣваюсь. Но теперь она совершенно испорчена и чтобы ее поправить, надо ожидать новаго возстанія и новыхъ конфискацій... Безъ этого и не обойдется, но одно воображеніе объ этомъ меня угнетаетъ. Я этого снести не могу.

Мы заговорили: ну, что Иванъ Ѳомичъ, — все можетъ измѣниться: фельдмаршалъ васъ уважаетъ и любитъ...

— Да; благодарю его, перебилъ Самбурскій: — онъ меня не забылъ, — мнѣ тоже предложено выбрать себѣ маіоратъ, но я этимъ не воспользуюсь, — я отъ него отказался. Передо мною была открыта возможность полнѣйшей оцѣнки всѣхъ земель и угодій вовсе не за тѣмъ, чтобы я могъ выбрать себѣ лучшее. Служить каждому правительству нужно честно, а тѣмъ болѣе правленію монархическому, гдѣ государь одинъ править, и потому кому онъ вѣритъ, тому грѣхъ и стыдъ не хранить и не беречь его довѣрія, а о себѣ думать. Отъ этого падаетъ уваженіе ко всѣму правительству. Въ разговорѣ со мною сейчасъ было употреблено слово „демократъ“. Оно шло очевидно по моему адресу... Что же, — я принимаю и не обижаюсь; демократъ не домогаго. Быть демократомъ значить желать счастья возможно большаго числа людей и привлеченія всѣхъ ихъ къ служенію родинѣ. По моему въ томъ нѣтъ ничего дурнаго. Аристократія желаетъ противоположнаго — господства своего меньшинства, я и ее не осуждаю: это тоже такой взглядъ, но только я его не раздѣляю. Мѣсто аристократіи въ Англій и тамъ я ее понимаю, хотя и не считаю ни справедливымъ, ни должовѣчнымъ; роль аристократизма въ Польской исторіи вижу только губительную, а въ Русской исторіи никакого мѣста ему не нахожу, ибо строй нашей монархіи демократическій. Въ другія начала не вѣрю и служить имъ не могу. У меня есть хлѣбъ, — пенсіонъ, который я выслужилъ, а у жены моей въ Петербургѣ на Воскресенской набережной есть домикъ, въ которомъ мы и можемъ дожить нашу старость. Прощайте; служите честно, а меня не уговаривайте остаться. При

этомъ онъ горько удивнулся и, обратясь съ шутливою ироніею къ Ивашину, добавилъ:

— Ваше взяло, Яковъ Ѳомичъ, — козырнаго туза дѣйствительно ни чѣмъ же покроешь, а мои самоварчики заглохли и съ тѣмъ роль моя кончена.

Такъ оно и было для него кончено. Онъ выѣхалъ изъ Варшавы, имѣя тѣ же ограниченные достатки, съ какими пріѣхалъ. Поляки были чрезвычайно рады паденію Самбурскаго. Его планъ о двадцати пяти тысячахъ самоваровъ сдѣлался имъ извѣстенъ черезъ закрытыя двери Петербурга или Варшавы и напугалъ ихъ хуже самыхъ большихъ пушекъ. Они ужаснулись этого плана, вредоносность котораго для всѣхъ ихъ затѣй была такъ очевидна по его необыкновенной простотѣ и органической прочности. Отдача конфискованныхъ земель большими маіоратами въ сравненіи со страшнымъ планомъ о самоварахъ, казалась легкою и сравнительно совсѣмъ не опасною для польскаго патриотизма, — что и оправдалось.

Самбурскій выѣхалъ скоро; съ фельдмаршаломъ они прощались въ палаткѣ, которая стояла у Паскевича въ комнатѣ. Разлука вѣроятно была теплая, потому что Самбурскій, выйдя, казался растроганнымъ. На виду предъ всѣми они еще поцѣловались, а когда Иванъ Ѳомичъ возвратился домой, прислуга, убиравшая его плащъ, нашла въ его карманѣ и подала Самбурскому паветиенъ, въ которомъ оказалась записочка на Польскомъ языкѣ. Это было нѣчто въ родѣ шутовскаго диплома, выданнаго „дѣйствительному русскому демократу Самбурскому“ на званіе „государственнаго самовара“ (samowara państwa).

Надъ этой польскою шуткою, которую не мудрено было устроить въ многолюдной лакейской, конечно только и оставалось посмѣяться.

VIII.

Вмѣсто Самбурскаго директоромъ канцеляріи былъ назначенъ Я—чъ, человекъ совсѣмъ другаго сорта и другихъ правилъ. Онъ на первыхъ же порахъ столкнулся съ Ивашинимъ, который все еще продолжалъ хлопотать объ эмеритурѣ для русскихъ чиновниковъ. Повздоривъ съ начальникомъ отдѣленія, новый директоръ сказалъ ему:

— Я не могу съ вами служить.

— И мнѣ тоже это очень неприятно, отвѣчалъ Ивашинъ: — просите себя перемѣщенія, или выходите въ отставку.

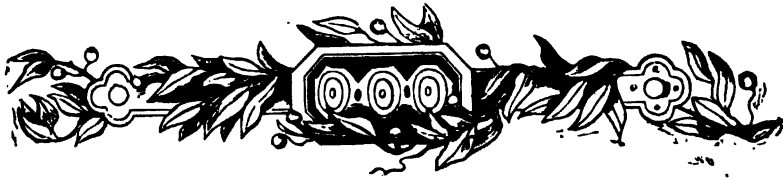
Того это страшно обидѣло и онъ пожаловался Паскевичу.

— Ты ничего не понимаешь, и долженъ цѣнить людей, которыхъ тебѣ оставилъ Самбурскій, отвѣчалъ фельдмаршалъ. — А докучное дѣло объ уравненіи служебныхъ выгодъ, приносившее много хлопотъ по сношеніямъ, приказалъ „бросить“.

Всему этому надо было долежаться до позднѣйшаго времени и до другихъ русскихъ дѣятелей, которымъ удалось сдѣлать въ этихъ вопросахъ болѣе того, что могъ сдѣлать Самбурскій. Чести ихъ это разумѣется ни мало не уменьшаетъ, но для исторической вѣрности и справедливой оцѣнки событій, можетъ быть не лишне знать, что идеи князя Владимира Александровича Черкаскаго гораздо прежде его трудовъ въ Польшѣ имѣли перваго дальнозоркаго, дѣятельнаго и притомъ самоотверженнаго и безкорыстнѣйшаго представителя въ лицѣ Ивана Омича Самбурскаго. Такихъ людей достойно знать и въ извѣстныхъ случаяхъ жизни подражать имъ, если есть сила вмѣстить благородный патріотическій духъ, который согрѣвалъ ихъ сердце, окрылялъ слово и руководилъ поступками.

Н. Лѣсковъ.

ЯГАННА ПЕТРОВА,

камеръ-медхенъ Екатерины I-й.

АВОРЪ императрицы Екатерины I-й при жизни Петра Великаго отличался особенною простотою и отсутствиемъ всякой роскоши. Причинъ этому было много. Находясь въ постоянныхъ разъѣздахъ — то на войнѣ, то на марціальныхъ водахъ, то за-границею, Петръ не любилъ брать съ собою большой свиты и былъ скупъ на пустые расходы. Екатерина, сопровождавшая его всюду, должна была по необходимости держаться того же правила. Кромѣ того, около Екатерины не группировались жены бояръ и стольниковъ, не было при ней и дворцовыхъ боярышенъ. Весь ея придворный женскій штатъ состоялъ изъ нѣсколькихъ нѣмозъ-прислужницъ, носившихъ прозванія камеръ-медхенъ и камеръ-фрау, а изъ русскихъ приближенныхъ были неотлучно при Екатеринѣ только двѣ женскія персоны: старая дворцовая боярышня дѣвица Анисья Толстая, и новая дворцовая боярыня, а къ тому и шутиха, княгиня Настасья Петровна Голицына. Обѣ онѣ пользовались особеннымъ расположеніемъ императрицы, но не имѣли никакого особеннаго вліянія, ни лично на государыню, ни на ея домашнее хозяйство. Ни Толстая, ни Голицына не вмѣшивались въ придворныя интриги, и не ловили рыбы въ мутной водѣ, пользуясь вліяніемъ Екатерины на Петра Великаго. Но за то нѣмки, особенно три: дѣвица Крамеръ, Устинья Петровна Гринвальдъ и Яганна Петрова широко эксплуатировали расположеніемъ къ себѣ Екатерины и были вліятельными личностями. Дѣвица Крамеръ занималась придворными интригами въ высшемъ кругу тогдашняго общества, а Гринвальдъ и Яганна втихомолку, черезъ Екатерину, помогали тѣмъ, кому грозила какая нибудь бѣда отъ гнѣва или неудовольствія Петра. Сверхъ того Яганна Петрова распорядилась карманными деньгами

Екатерины, а такъ какъ Петръ не давалъ ихъ много, то случилось, что Яганна платила свои деньги за императрицу. Изъ этого трио Анна Крамеръ поплатилась дорого за свои интриги еще при жизни Петра: была сослана; а Устинья и Яганна послѣ кончины Екатерины перешли съ прочею прислугою императрицы къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Судьба Устиньи Гринвальдъ остается неизвѣстною, а Яганна Петрова испытала въ царствованіе Анны Иоанновны бѣду неожиданную, о которой сохранилось извѣстіе въ архивныхъ документахъ.

Возведеніе на престолъ Анны Иоанновны партією Голицыныхъ и Долгорукихъ, въ видахъ ограниченія самодержавія, было встрѣчено большинствомъ русскихъ во всѣхъ слояхъ народа не сочувственно. Большинство общества и особенно народъ, желали видѣть императрицею дочь Петра Великаго Елизавету. Мечты эти не осуществились, и Анна Иоанновна, уничтоживъ условія ограниченія самодержавія, подарила Россію Бирономъ. Понимая очень хорошо, что русскіе люди не могли добровольно и искренно подчиниться ему, нѣмцу, сомнительнаго происхожденія, Биронъ смотрѣлъ на всѣхъ и на все подозрительно и только въ жестокихъ мѣрахъ и преслѣдованіяхъ находилъ возможность удерживать за собою власть. Началась та эпоха, которая сохранилась въ преданіяхъ подъ названіемъ „бироновщины“. Тайная канцелярія, учрежденная Бирономъ въ 1732 году и отданная подъ начальство прежняго дѣятеля по этой части Андрея Ивановича Ушакова, была завалена дѣлами, въ которыхъ ясно выражались негодованіе и презрѣніе Русскаго народа къ пришельцу-временщику. Сверхъ того, въ этихъ преступныхъ, по мнѣнію Бирона, толкахъ, безпрестанно проговаривался Русскій народъ о своемъ сочувствіи къ Елизаветѣ. Биронъ съ Ушаковымъ, немилосердно пытая, ссылая и казня „преступниковъ“, въ то же время старались возстановлять императрицу противъ Елизаветы.

Началось ссылкою въ Сибирь прапорщика Шубина, перваго, по преданіямъ, любимаго Елизаветы—его сослали такъ ловко, что когда Елизавета вступила на престолъ, то посланные за нимъ курьеры два года отыскивали его въ Сибири и наконецъ нашли гдѣ-то около Камчатки. Биронъ слѣдилъ зорко не только за самою Елизаветою, но и за ея прислугою. Вездѣ были подсланы шпионы, доносчики... Въ ихъ руки попала и преданная Екатеринѣ старая ея камеръ-медхень Яганна Петрова.

27 іюня 1735 года, въ Тайную канцелярію приведена была неизвѣстная женщина, съ приказаніемъ отъ Андрея Ивановича Ушакова содержать ее подъ карауломъ до его пріѣзда.

Андрей Ивановичъ не заставилъ себя долго ждать и пріѣхавши, тотчасъ приступилъ къ допросу. Секретарь Тайной канцеляріи, въ присутствіи Ушакова, записывалъ показанія неизвѣстной женщины:

„Зовутъ ее Мете Вестенгардта, вольная дѣвка, иноземка, лотеранской вѣры; прежде сего жила при домѣ Меншикова, а тому назадъ два года и семь мѣсяцевъ, передъ праздникомъ св. Андрея Первозваннаго за два дня, была въ гостяхъ у мадамъ Яганны Петровой, которая при домѣ государыни цесаревны Елизаветы Петровны, и въ то время у Яганны была дѣвица Лизаветъ, которая государыню цесаревну убираетъ, и она, Яганна, говорила дѣвицѣ Лизаветѣ о ея императорскомъ величествѣ, да про оберъ-камергера графа фонъ-Бирона нѣкоторыя великія непристойныя слова и дѣвица Лизаветъ говорила Яганнѣ: „Пожалуй, для Бога, о томъ помолчи“. Долго она, Вестенгардта, не доносила потому, что не знала кому, а наконецъ рѣшилась рассказать подполковнику Траутфетеру, который послалъ ее къ Андрею Ивановичу Ушакову, а отъ него прислана въ Тайную канцелярію; по-русски не умѣетъ рассказать, какія именно слова говорила тогда Яганна Петрова“.

Андрею Ивановичу было ясно, что Траутфетеръ, любимецъ и креатура Бирова, вывѣдалъ уже все отъ вольной дѣвки иноземки Вестенгардтъ, пересказалъ все герцогу и конечно герцогъ имѣетъ въ виду особенную цѣль, враждебную Елизаветѣ Петровнѣ, поручивъ Траутфетеру предать доносчику въ руки Тайной канцеляріи. Уклончивость Вестенгардтъ рассказать свой доносъ по русски, не затруднила нисколько Андрея Ивановича. Онъ могъ, какъ это обыкновенно дѣлалось, прямо пострадать вольную дѣвку пыткой и развязать ей языкъ. Но Вестенгардтъ принадлежала къ средѣ придворной прислуги, можетъ пересказать со страху чтонибудь такое, что хотя и извѣстно было Андрею Ивановичу, старому хранителю придворныхъ тайныхъ сплетенъ и интригъ, но что неудобно записывать въ лѣтописи Тайной канцеляріи, и Андрей Ивановичъ приказалъ отвести Вестенгардтъ подъ караулъ и очень кротко посовѣтовалъ ей подумать, не вспомнить ли она русскими словами рассказать, что говорила Яганна Петрова.

Совѣтъ и подкараульное содержаніе подѣйствовали. Въ 8 часовъ вечера Вестенгардтъ объявила секретно секретарю Тайной канцеляріи „что теперь припомнила она о словахъ мадамъ Яганны Петровой объявить по русски“.

Секретарь послалъ сказать объ этомъ Андрею Ивановичу и онъ пріѣхалъ въ Тайную канцелярію въ 10 часовъ вечера,—такъ нетерпѣливо желалъ знать Ушаковъ, что поразкажетъ Вестенгардтъ о доверенномъ лицѣ Елизаветы Петровны.

Вестенгардтъ рассказала Андрею Ивановичу:

„Яганна Петрова говорила по нѣмецки слова такія: перваго де императора одна и есть дочь, да мало ей чѣмъ жить, а колибъ государыня императрица изволила ей отдать которыя императоръ первый прибавилъ земли, то бы де довольно ей было чѣмъ жить. А послѣ того Яганна говорила: что оберъ-камергеръ очень не фамилійный человекъ и жена де его еще просто не фамиліиал, а государыня де

императрица хотѣла его курляндскимъ герцогомъ сдѣлать и я де тому дивилась. И она де, Вестенгартъ, на то сказала: какой де князь Меншиковъ былъ фамилный человекъ, да Богъ де сдѣлалъ его великимъ человекомъ, а объ оберъ-камергеръ и объ женѣ его слышала она, Вестенгартъ, что они оба фамилные и коли де Богъ изволитъ имъ что дать, то де всѣмъ намъ на свѣтѣ надобно почитать и радоваться. Яганна на это отвѣчала ей: что де за него ты стоишь? И она, Вестенгартъ, сказала: дай де Богъ, чтобъ былъ онъ герцогъ курляндскій и что онъ отъ Бога желаетъ; ко мнѣ де онъ въ Москвѣ показалъ великую милость, по поданному государынѣ императрицѣ прошенію о жалованьѣ моемъ. А Яганна на это ей сказала: а достала де ты жалованье? И она, Вестенгартъ, отвѣчала: я могу вѣрить, что императрица можетъ меня пожаловать! Яганна говорила еще: когда де онъ будетъ герцогомъ курляндскимъ, то де жену свою отдастъ въ вляшторъ, а государыню де императрицу возьметъ за себя. И она, Вестенгартъ, сказала Яганнѣ: это неправда и не можно того сдѣлать и не могу о томъ вѣрить, что это у насъ не манерь. При всѣхъ этихъ словахъ была и слышала дѣвица Лизаветъ, которая трижды говорила Яганнѣ: ради Христа, о томъ ты не говори, окны де низки, могутъ люди услышать. Еще припомнила, что Яганна говорила, будто ея императорское величество въ Москвѣ говорила, что не хочетъ фаворитовъ у себя держать, а она, Вестенгартъ, отвѣчала: всякій де цезарь и король фаворитовъ у себя держать“.

Разказавши всю эту сплетню, Вестенгартъ просила Андрея Ивановича, въ случаѣ заpiresательства Яганны — поставить ее на очную ставку съ дѣвицею Лизаветъ.

Какая причина побудила Вестенгартъ сдѣлать слишкомъ черезъ два года доносъ на Яганну? Личная ли вражда, или неудача можетъ быть пристроиться къ Елизаветѣ Петровнѣ, или она хитро направлена была на это агентами Бирона—остается неизвѣстнымъ, потому что Андрей Ивановичъ не нашелъ нужнымъ очень преслѣдовать Вестенгартъ допросами. Ему, для угожденія Бирону, нужна была Яганна—бывшая при Елизаветѣ Петровнѣ съ ея дѣтства, старуха, передъ глазами которой, съ первыхъ годовъ связи Екатерины съ Петромъ, прошла вся эта вереница людей, подслуживавшихъ и Екатеринѣ, и цесаревнѣ Елизаветѣ, особенно когда къ послѣдней такъ расположенъ былъ покойный молодой императоръ Петръ II; подслуживался тогда къ цесаревнѣ и Андрей Ивановичъ — а теперь онъ обернулся къ ней спиной, и конечно Яганна Петрова должна была быть неприятна не одному Бирону, но и самому Андрею Ивановичу.

Бѣдная Яганна! старая и преданная слуга Екатерины и Елизаветы. Въ своемъ скромномъ, одноэтажномъ домикѣ, на Адмиралтейской площади, недалеко отъ дворца, подаренномъ ей Екатериною, забытая всѣмъ настоящимъ придворнымъ кружкомъ, она не ожидала висѣвшей надъ ея головою бѣды.

На другой день, 28 іюня 1735 г., въ домъ Яганны явились солдаты и подъячій Тайной канцеляріи. Бѣдную старуху повели въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ помѣщалась тогда Тайная канцелярія. Андрей Ивановичъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ своей жертвы. Онъ удостоилъ ее допрашивать лично.

Первый вопросъ и для чего, непонятно: какой вѣры мадамъ Яганна?

— Католической вѣры.

— Какъ знакома съ дѣвицею Вестенгардтъ?

— Тому слишкомъ два года, жила она у меня въ домѣ, нанимала для себя комнату.

Затѣмъ секретарь прочелъ Яганнѣ доносъ Вестенгардтъ.

— Ни одного такого слова, какъ показываетъ Вестенгардтъ, ни на-единѣ, ни при Лизабетѣ, не говорила—былъ отвѣтъ Яганны.

Андрей Ивановичъ послалъ за дѣвицею Лизабетъ, которая уби-рала цесаревну въ ея дворцѣ. Какое униженіе для бѣдной, загнанной цесаревны—въ ея домѣ явились солдаты и увели въ Тайную канцелярію дрожавшую отъ страха и стыда дѣвушку.

Опять странный вопросъ о религіи.

— Лютеранской вѣры, отвѣчала Лизабетъ.

Прочли ей доносъ вольной дѣвки.

— Ничего, никогда не слыхала такихъ словъ отъ Яганны, отвѣчала честная нѣмка.

Андрей Ивановичъ поставилъ „очи на очи“ Лизабету съ Яганною. Обѣ не подтвердили доносъ.

Съ другими подсудимыми Андрей Ивановичъ не поцеремонился бы и прямо приступилъ бы къ пыткѣ, но въ настоящемъ случаѣ какъ ни преслѣдовала Бироновская шайка цесаревну, извѣстная Ушакову привязанность народная къ цесаревнѣ и еще неохладѣвшее уваженіе къ памяти Петра Великаго въ лицѣ его дочери, заставили Андрея Ивановича измѣнить обыкновенные приемы Тайной канцеляріи: дѣвицу Лизабетъ отпустили въ домъ цесаревны, но обязали ее подпискою: что если она кому-нибудь скажетъ о чемъ ее спрашивали въ Тайной канцеляріи, то она будетъ казнена смертью.

Трудное и опасное дѣло для Андрея Ивановича. По закону надо пытать сперва Вестенгардту, а потомъ и Яганну. Въ подобныхъ дѣлахъ съ другими онъ не стѣснялся, и безъ доклада императрицѣ Тайная канцелярія дѣлала свое дѣло. Но теперь приходилось пытать сперва Вестенгардтъ, выказавшую такую преданность Бирону, а потомъ старую слугу и довѣренное лицо Екатерины. Поэтому Ушаковъ счелъ нужнымъ прежде передать императрицѣ существо доноса Вестенгардтъ.

По докладу Ушакова, Императрица приказала:

„Объявить Вестенгардтъ и Яганнѣ, что они по государственнымъ правамъ дошли до розыску; того ради чтобъ не допуская себя до того, сказали сухую правду, а ежели и потомъ будутъ утверждаться каждая

на своемъ показаніи, то привести ихъ въ застѣнокъ и разспросить объ ономъ на-крѣпко, и буде въ застѣнкѣ утвердятся на прежнемъ своемъ показаніи, то для увѣщанія и изысканія правды допустить ихъ вѣры пасторовъ, которые бы ихъ, а также и дѣвицу Лизаветъ увѣщевали на-крѣпко, чтобъ объявили истину, не скрывая ничего, только имено о непристойныхъ словахъ ихъ пасторамъ не спрашивать и имъ, Вестенгардтъ и Яганнѣ и Лизаветѣ, пасторамъ говорить не велѣтъ, и что потомъ будетъ учинено, о томъ доложить ея величеству“.

Нѣтъ сомнѣнія, что это рѣшеніе, нарушавшее въ Тайной канцеляріи порядоковъ для разслѣдованія подобнаго рода дѣлъ, было продиктовано Ушаковымъ, по совѣту съ Бирономъ; это рѣшеніе объясняетъ странные вопросы Ушакова подсудимымъ о томъ, какой они вѣры и доказываетъ всю изворотливость и хитрость этого придворнаго палача первой половины XVIII столѣтія. Только благодаря этой хитрости, Ушаковъ выплылъ безвредно изъ того омута ссылокъ, которымъ подверглись Толстой, Девиеръ, Скорняковъ-Писаревъ, Меншиковъ, Остерманъ, Бестужевъ-Рюминъ, Минихъ и др. Неспособный и неумѣлый въ дѣлахъ государственнаго управления, Ушаковъ, подъ всѣми грозами придворныхъ интригъ, сумѣлъ однакоже сберечь свое положеніе начальника страшной Тайной канцеляріи почти до Екатерины Великой...

30-го іюня Андрей Ивановичъ пріѣхалъ изъ дворца въ Тайную канцелярію и объявилъ Вестенгардтъ и Яганнѣ рѣшеніе императрицы.

Вестенгардтъ поддерживала свой доносъ, Яганна не признавалась, а только сказала Андрею Ивановичу, „что она теперь припоминаетъ, что она слышала отъ кого-то, но отъ кого—не помнитъ, что послѣ коронаціи императрица говорила, что все управлять будетъ сама и фаворитовъ при себѣ имѣть не будетъ“.

— Ну, вотъ и память понемногу приходитъ, отвѣчалъ съ улыбкою Андрей Ивановичъ,—вспомнишь и побольше, мадамъ Яганна. Ответите-ка ихъ въ застѣнокъ! прибавилъ онъ.

Страшное дѣло—допросъ на-крѣпко въ застѣнкѣ, у дыбы, возлѣ которой стоитъ палачъ, готовый по мановенію руки Ушакова вздернуть на виску...

— Говори правду, мадамъ Яганна, говори: не вспомнишь-ли еще чего? спросилъ Ушаковъ старуху.

Секретарь Тайной канцеляріи записывалъ показаніе Яганны.

„Говорила она Вестенгардтъ, но когда—не упомнить, что въ домѣ у нея, Яганны, поставлено было много солдатъ и какъ де-фельд-маршалъ фонъ-Минихъ былъ у государыни цесаревны, то она-де, Яганна, просила его, чтобы со двора ея солдатъ свести, и оной фонъ-Минихъ приказалъ подать челобитную, и она-де, Яганна, какъ съ челобитною къ тому фонъ-Миниху пришла, то-де ее передъ собою не пустилъ и притомъ-де она, Яганна, про того фонъ-Миниха говорила: „въ старне-де годы я фонъ-Миниху служила и онъ-де называлъ меня благодѣтельницею, а онъ-де не очень изъ великой фамиліи, а

нынѣ-де великъ, и фельдмаршалъ сталъ, и спѣсивъ и нынѣ-де меня бѣдной не знаетъ“. Вестенгардша, когда-то ей, Яганнѣ, говорила, что слышала будто государыня императрица пожаловала цесаревнѣ тридцать тысячъ рублей и теперъ цесаревнѣ есть чѣмъ жить, а на это она, Яганна, говорила Вестенгардшѣ, что отъ государыни императрицы цесаревнѣ такихъ денегъ не пожаловано, а цесаревнѣ было-бы-де чѣмъ жить, когда-бы-де покойная императрица Екатерина Алексѣевна собственныхъ своихъ деревень не отдала фамиліи своей“.

— Больше ничего не помнишь? спросилъ Андрей Ивановичъ.

— Больше ничего не помню—отвѣчала старуха.

— Говорила бы ужъ все съ разу, мадамъ Яганна, сказалъ съ досадою Андрей Ивановичъ, время только тянешь.—Смотри попадешь къ нему въ руки—прибавилъ онъ, указывая на заплечнаго мастера.

На другой день, 1-го іюля, вызвали опять изъ дома цесаревни дѣвицу Лизаветъ и пригласили въ Тайную канцелярію лютеранскаго пастора Націуса. Андрей Ивановичъ объявилъ ему приказаніе императрицы, чтобъ онъ увѣщевалъ Вестенгардтъ и дѣвицу Лизаветъ сказать правду, но чтобы при увѣщаніи онъ о тѣхъ дѣлахъ, о чемъ Вестенгардтъ доноситъ, ихъ не выспрашивалъ.

„И потомъ оной пасторъ Націусъ (такъ записано въ дѣлѣ), съ означенною Лизаветою говорилъ по-нѣмецки довольно, и послѣ того оной пасторъ Націусъ его превосходительству донесъ словесно порусски, что онъ помянутую Лизаветъ, какъ по ихъ вѣрѣ надлежитъ, въ означенномъ увѣщевалъ на-крѣпко. И оная-де Лизаветъ сказала, что о чемъ была она, Лизаветъ, допрашивана, о томъ-де ни о чемъ стъ Яганны Петровой никогда она не слыхала, также и сама она, Лизавета, словъ, какъ показываетъ Вестенгардша, никогда ни къ чему оной Яганнѣ не говорила и въ томъ де передъ нимъ, Націусомъ, накрѣпко утверждаетъ“.

Лизавету отпустили.

Принялся пасторъ увѣщевать Вестенгардтъ; она подтвердила, что говорила истинную правду.

Андрей Ивановичъ послалъ секретаря объявить Яганнѣ, что Вестенгардтъ утверждается въ своемъ доносѣ, и внушить ей, что она можетъ довести себя до пытки.

Секретарь возвратился и доложилъ Андрею Ивановичу, что Яганна желаетъ говорить съ его превосходительствомъ секретно.

— Какой тутъ секретъ? закричалъ Андрей Ивановичъ: приведите ее и пусть она при Вестенгардшѣ говорить всю правду, — а то еще очныя ставки, бабѣ вранье, да заpiresательство. Приведите ее!

Андрей Ивановичъ видимо щадилъ Вестенгардтъ въ угоду Бирону.

Бѣдная старуха Яганна, измученная страхомъ, изнуренная трехдневнымъ содержаніемъ подъ карауломъ, предстала предъ грознаго Андрея Ивановича и начала рассказывать все, что только могла вспомнить изъ своихъ разговоровъ съ Вестенгардтъ.

„Когда въ домѣ у нея жила Вестенгардша, то когда-то, не упоминать, Вестенгардша ей говорила: слышала она, что Варвару Арсеньеву велѣно взять сюда въ Санктпетербургъ¹⁾). И она, Яганна, спросила, почему она о томъ вѣдаетъ? и Вестенгардша отвѣчала, что императрица писала, чтобъ ей быть; „чаю-де, что скоро будетъ“. Яганна спросила: а гдѣ будетъ она жить? Вестенгардша отвѣчала: „можетъ де быть, что будетъ де при государынѣ или при княжнѣ Меншиковой жить²⁾). На это Яганна говорила: „Вотъ-де какія вины были, да прощены, что хотѣла-де оная Варвара, чтобъ князь Меншиковъ былъ герцогомъ. „Теперь де можно и оберъ-камергера сдѣлать герцогомъ и можетъ-де онъ на императрицѣ жениться“. Вестенгардша отвѣчала: „У него-де жена есть“. Яганна на это сказала: „Жена его больна и можетъ ее въ вляшторъ отдать“. Но одумався, что она, Яганна, дурно говорила, тотчасъ сказала Вестенгардшѣ: „Теперь де можешь мнѣ бѣду сдѣлать!“ А Вестенгардша божилась и говорила, что о томъ никому не скажетъ. А во время этихъ разговоровъ дѣвицы Лизаветъ и другихъ никого не было, а говорили онѣ между собою одни“.

Старуха замолчала.

— Только и всего? спросилъ Андрей Ивановичъ—а объ цесаревнѣ-то, что нечѣмъ ей жить? а объ оберъ-камергерѣ?

— Не помню, отвѣчала Яганна.

— Авось вспомнишь, сказалъ Андрей Ивановичъ—отведите подъ караулъ!

Опытъ научилъ Андрея Ивановича, что подкараульное содержаніе, въ виду застѣнка, часто развязывало языки людей, попадавшихъ въ Тайную канцелярію.

Прошло два дня, томительные для старухи. Чего отъ нея хотятъ? за что преслѣдуютъ? Она не понимала, что въ ея болтовнѣ Андрею Ивановичу нужно было уловить то, что могло усилить нерасположеніе императрицы и Бирона къ цесаревнѣ.

3 іюля Андрей Ивановичъ опять потребовалъ Яганну къ допросу.

— Что же? вспомнила о цесаревнѣ? спросилъ онъ.

— Чего вспоминать? почти вскрикнула на Ушакова преданная цесаревнѣ старуха. Говорила я всегда, говорю и теперь, что государыня цесаревна немного упряма, а когда бы у государыни императрицы искала, то бы оставлена не была. И когда Вестенгардша мнѣ говорила, что императрица пожаловала цесаревнѣ тридцать тысячъ рублей, я говорила ей: „Это-де не великое дѣло! батюшка-де цесаревинъ императоръ Петръ Первый многія земли прибавилъ и много-де сдѣлалъ, можно ей земли дать!“

¹⁾ Варвара Арсеньева, свояченица князя Александра Даниловича Меншикова, при его ссылкѣ въ Березовъ была заключена въ монастырь.

²⁾ Дѣти Меншикова были возвращены изъ ссылки послѣ его смерти императрицею Анною Іоанновною.

Какъ много въ этихъ словахъ раздраженной старухи теплою преданности и высокаго уваженія къ Петру Великому! Онъ многія земли прибавилъ, онъ много сдѣлалъ,—можно его дочери земли дать! Нѣмка бросила этотъ страшный упрекъ челоуѣку, и притомъ русскому, обязанному всѣмъ своимъ счастіемъ Петру. Сконфузился Андрей Ивановичъ, но глаза его сверкнули злоуѣщимъ огнемъ.

Старуха испугалась своей смѣлости и постѣшила оговориться:

— Не о земляхъ, чтобъ дать цесаревнѣ говорила, а говорила, что деньгами или другимъ чѣмъ можно бы государынѣ императрицѣ цесаревну пожаловать... ну да не упомяну, какъ и что объ этомъ говорила.

— Ну, а объ оберъ-камергерѣ что ты говорила? спросилъ Ушаковъ.

— Что оберъ-камергеръ очень нефамилный челоуѣкъ и жена-де его еще просто нефамилная, я не говаривала, а только говорила Вестенгардшѣ, что оберъ-камергеръ бѣдный былъ дворянинъ, да и жена де его не изъ богатой фамилии была.

На другой день, 4 іюля, Андрей Ивановичъ, довольный, что можетъ угодить Бирону, доложилъ императрицѣ всѣ показанія Яганны, подтверждавшія справедливость на нее доноса вольной дѣвки иноземки Вестенгардтъ. Въ тотъ же день императрица приказала „за правый доносъ Вестенгардши на Яганну дать ей награжденіе двѣсти рублей“.

По установленному и законному тогда порядку, Яганна подлежала сперва пыткѣ, а потомъ смертной казни.—Но заговорила ли въ Андрей Ивановичѣ совѣсть, или подѣйствовала на него вспышка Яганны и убѣжденіе, что въ ея лицѣ въ сообщничествѣ съ Бирономъ онъ преслѣдуетъ дочь своего благодѣтеля, того, который такъ много сдѣлалъ, только онъ предварительно составленія экстракта изъ всего дѣла и заключенія по немъ, подалъ императрицѣ слѣдующее мнѣніе:

„Не благоугодно ли будетъ по милосердію вашего величества, вмѣсто пытки и смертной казни учинить оной Яганнѣ жестокое наказаніе кнутомъ и сослать въ Сибирь въ дальній монастырь и содержать ее въ томъ монастырѣ неисходно и пищу давать противъ того монастыря монахинь“.

12 іюля, изготовленный экстрактъ, при письмѣ отъ себя на имя императрицы, въ запечатанномъ пакетѣ, Андрей Ивановичъ послалъ съ секретаремъ Тайной канцеляріи Хрущовымъ въ Петергофъ и велѣлъ отдать оберъ-камергеру Бирону.

Двѣ недѣли не было отвѣта — наконецъ 26 іюля экстрактъ былъ возвращенъ Андрею Ивановичу съ слѣдующею резолюціею за собственноручнымъ подписаніемъ императрицы:

„Вмѣсто кнута бить плетьюми, а въ прочемъ быть по вашему мнѣнію“.

„Анна“.

2 августа 1735 года, Яганна Петрова по учиненіи наказанія отправлена была въ Енисейскій Рождественскій монастырь.

Прошло шесть лѣтъ: Биронъ сошелъ со сцены со всѣми своими клезретами, но Андрей Ивановичъ Ушаковъ уцѣлѣлъ, и по приказанію правительницы Анны Леопольдовны, желавшей угодить цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 17 февраля 1741 года, онъ же, Андрей Ивановичъ, подписалъ указы въ Сибирскую губернскую канцелярію, и въ Синодъ о возвращеніи изъ ссылки Яганны Петровой въ Санктпетербургъ.

Въ списокѣ женской прислуги двора императрицы Елизаветы Петровны 1742 года мы находимъ опять мадамъ Яганиу Петрову; ей назначено въ годъ жалованья 200 р. Въ 1746 году она жила въ Зимнемъ дворцѣ, съ нею жили двѣ фрейлины: Авдотья Разумовская и Ефимовская, малолѣтнія дѣвицы Будакова и Козлова и четыре племянника графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго. Мадамъ Яганна получала столъ отъ Двора наравнѣ съ фрейлинами и сверхъ того ежедневно: полпива по 6 бѣтылокъ, меду и пива по 4 бутылки; рейнвейну и краснаго по 1 бутылкѣ; каждые два дня: водки поддѣльной изъ простаго вина по $\frac{1}{2}$ кружки; каждые двѣ недѣли: водки гданской по одному штофу; ежемѣсячно: чаю четверть фунта, кофе три фунта, сахару венарскаго десять фунтовъ. Мадамъ Яганна доживала спокойно остатокъ своихъ дней при своей благодѣтельницацѣ Елизаветѣ Петровнѣ.

Г. Есиповъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

I.

Императоръ Александръ I въ Ижевскомъ заводѣ въ 1824 году.

ВЪ 1824 ГОДУ, какъ извѣстно, проѣзжалъ чрезъ ¹ Сарапульскій уѣздъ, и вообще черезъ Вятскую губернію, блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ. Въ Ижевскомъ оружейномъ заводѣ онъ былъ въ октябрѣ мѣсяцѣ, равно и въ г. Вятѣ, а я, возвращаясь изъ Московской духовной академіи черезъ Москву, Владиміръ, Нижній и Казань, прибылъ въ Вятку уже въ ноябрѣ, потому нигдѣ не имѣлъ счастья видѣть государя. Но воспоминаніе о его проѣздѣ черезъ Вятскую губернію въ то время, т. е. въ концѣ 1824 года и въ началѣ 1825, такъ было свѣжо въ памяти всѣхъ и cadaго, кто имѣлъ счастье насладиться лицезрѣніемъ монарха, что, слушая эти воспоминанія, всякій могъ живо воспроизводить въ своемъ воображеніи, какъ и что было при его проѣздѣ.

Нѣкоторыя изъ этихъ воспоминаній рѣзко запечатлѣлись въ моей памяти, въ особенности же разсказъ о пребываніи государя въ Ижевскомъ заводѣ, который я слышалъ отъ моей матушки, умершей въ 1860 году, лично видѣвшей государя императора.

— О проѣздѣ государя чрезъ Ижевскій заводъ, разсказывала она, у насъ (т. е. въ селѣ Нечкинскомъ, Сарапульскаго уѣзда, въ 50 верстахъ отъ Ижевскаго завода), пронесся слухъ почти съ Семенова дня, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, когда это будетъ. Вѣстимо, всѣмъ хотѣлось видѣть царя: вѣдь въ нашихъ краяхъ и слухомъ не слы-

¹⁾ Авторъ воспоминаній, изъ которыхъ мы печатаемъ эти отрывки, о Григорій Утробинъ, род. въ 1803 г., учился въ Вятской семинаріи и по окончаніи здѣсь курса въ 1824 г., былъ посланъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ Неволлинымъ, въ Московскую духовную академію, которую однако вскорѣ оставилъ по случаю болѣзни. Съ 1826 г. до кончины своей, послѣдовавшей въ 1874 г., о. Григорій занималъ должность сперва священника, а потомъ протоіерея Сарапульскаго Вознесенскаго собора. *Ред.*

хоть, что вотъ-де черезъ наше мѣсто можетъ поѣхать царь; даже многіе не вѣрили этому слуху. Но вотъ послѣ Вздвиженья слухи о царѣ начали раздаваться пуще и пуще; стали даже изъ нашихъ деревень выбирать ямщиковъ и лошадей подъ свиту государя и приучать къ дружной ѣздѣ; раскладывали, примѣрно, огни вдоль дороги и проѣзжали въ ночное время на этихъ лошадяхъ при крикѣ народа, чтобы лошади привыкли не пугаться. Для всѣхъ это было большимъ дивомъ. Наконецъ видимъ, что изъ разныхъ мѣстъ—даже изъ Елабуги и изъ-за Камы—стали проѣзжать повозки съ народомъ, спѣшившимъ ко встрѣчѣ государя, а изъ нашего Нечкинскаго села вытребовали напрестольный крестъ: въ Ижевскомъ-де соборѣ хорошаго креста не оказалось ¹⁾. Вотъ поѣхали и мы съ матушкою (моею бабушкою, старушкою лѣтъ 80-ти) въ Ижевскій заводъ и остановились у зятя-пономаря Василя Захаровича Ардашева. Здѣсь застали мы, тоже пріѣхавшихъ къ встрѣчѣ государя, брата, Илью Матвѣевича и о. Стефана Дьяконовыхъ. (Подзаводскіе священники обязательно должны были явиться не только для встрѣчи государя, но и для представленія ему). На другой день, т. е. въ день пріѣзда государева, народу видимо-невидимо толпилось на плѣщади предъ соборомъ и предъ квартирою, назначенною для государя. Вотъ пришли на площадь солдаты и выстроились въ ряды. Наконецъ на площади показался на конѣ самъ начальникъ завода, генераль Гренъ, началъ разѣзжать среди народа и учить, какъ встрѣчать государя. „Лишь-де появится коляска государева, говоритъ онъ, кричите „ура!“ и бросайте шапки вверхъ!“—„Слушаемъ!“ кричитъ народъ, а у всѣхъ такъ и выскочить хочетъ сердце изъ груди. Вотъ наконецъ звонъ въ одинъ колоколъ превратился, ударили во всѣ колокола. — „Ѣдетъ, Ѣдетъ!“ кричали въ народѣ; тотчасъ очистили дорогу къ церковному крыльцу; по ту и другую сторону стали солдаты; въ дверяхъ церковной паперти показался протоіерей З. Летушевичъ, за нимъ діаконъ со св. водою и кропидломъ, затѣмъ священники всѣ въ полномъ облаченіи. Прошло этапъ съ четверть часа; глядимъ, показались царскія коляски, звонить перестали, и въ народѣ сдѣлалась такая тишина, что муха пролетитъ, такъ слышно. Вдругъ въ толпѣ народа что-то, видно смѣльчакъ, закричалъ: ура! „Ура!“ загремѣло по всей площади, точно громъ раздался,—и шапки полетѣли вверхъ. Между тѣмъ государь ѣхалъ среди народа тихо, ласково кивая головою на обѣ стороны.

¹⁾ Въ Нечкинской Богоявленской церкви по сіе время находится этотъ напрестольный серебряный позлащенный крестъ, на ручкѣ котораго съ исподней стороны привинчена серебряная позлащенная дощечка съ слѣдующею вырѣзанною на ней надписью: „Сей св. крестъ 1824 года во время высочайшаго пріѣзда государя императора Александра Павловича въ Ижевскій заводъ какъ при встрѣчѣ его величества у тамошняго собора, октября 4 дня, такъ и на другой день при входѣ къ литургіи, и при отъѣздѣ изъ завода, былъ подносимъ для цѣлованія. Представлялъ сей крестъ на тотъ случай нечкинскій благочинный Евдокимъ Теофилаковъ.“

Передъ церковнымъ крыльцомъ коляска остановилась, сначала вышелъ какой-то генералъ и помогъ государю выйти изъ коляски. Быстро вошелъ онъ на крыльцо, истово перекрестясь, приложился ко кресту и окропилъ себя св. водою, затѣмъ вслѣдъ за протоіереемъ и священниками вошелъ въ церковь. Мы съ матушкою, по ходатайству нашего дядьча, стояли близко паперти церковной и явственно разсмотрѣли государя. Какой же онъ былъ красавецъ, дай Богъ ему царство небесное! и высокъ, и статенъ, и румянъ, а лицо какое доброе и милостивое,—что и сказать не сказать! настоящій земной царь! Всѣ стоявшіе съ нами плакали отъ умиленія, плакали и мы. Да и какъ было не плакать съ радости? удостоились и мы — люди малые и темные — увидѣть царя земнаго — красное наше солнышко! Эту радость, эти слезы и въ могилу я съ собой унесу, прибавляла матушка. (Дѣйствительно, покойная всегда плакала, когда только у ней заходила рѣчь объ этомъ событіи).

— Вышедъ изъ церкви, продолжала она рассказывать, государь на нѣсколько времени остановился на крыльцѣ, ласково посмотрѣлъ на народъ, сѣлъ въ коляску и отправился въ квартиру. Вечерѣло. Изъ квартиры въ этотъ день государь никуда не ѣздилъ. Народъ долго еще толпился передъ дворцомъ, какъ тогда называли квартиру государеву, и наконецъ тихо разошелся по заводу. На другой день народъ опять съ ранняго утра собрался на площади и ожидалъ выѣзда государева къ обѣднѣ. Мы со сватьею Лаврентьевною (это была мать нашего зятя дядьча, старушка весьма оригинальная) не пошли въ церковь, да и попасть туда за тѣсною было невозможно. Куда намъ старухамъ! И потому радешеньки, что сподобились видѣть государя. — „Пойдемъ, говоритъ Лаврентьевна, посмотримъ-ка, какъ стряпаютъ обѣдъ для государя“—а кухня была не далеко и окнами выходила на площадь. Пошли, и подошли къ самымъ окнамъ, а окна были низко и притомъ открыты. Смотримъ, нѣсколько молодцовъ въ бѣлыхъ фартукахъ хлопочутъ около блюдъ, кастрюлей и жаровень, а одинъ, видно начальникъ—досматриваетъ за ними, и серебряною ложкою отвѣдываетъ кушанья то изъ того, то изъ другаго блюда.

— Что вамъ надо, старушки, закричалъ онъ?

— Да вотъ, батюшка, пришли посмотрѣть, какъ царю-то кушанье готовить, отвѣчаетъ Лаврентьевна.

— Да такъ же, какъ и вы дома стряпаете обѣдъ для себя.

— Ну гдѣ же такъ! ужъ ты позволь намъ посмотрѣть.

— Съ кѣмъ ты разговариваешь? вдругъ спросилъ его какой-то вошедшій баринъ, такой важный изъ себя.

— Да вотъ пришли какія-то старушки и желаютъ посмотрѣть, какъ готовится кушанье для государя.

— Э! и въ самомъ дѣлѣ старушки, сказалъ онъ, взглянувъ въ окно. Кабы пришли молоденькія, такъ мы не только позволили бы

имъ посмотреть въ окно, но и допустили бы сюда, сказалъ онъ и засмѣялся.

— Пойдемъ скорѣе, сватья, сказала я Лаврентьевнѣ, дернувъ ее за рукавъ. Видишь, насъ старухъ здѣсь не любятъ, и ушли.

Послѣ обѣдни государь прямо отправился въ заводскія оружейныя фабрики. Народъ кинулся туда же, и вскорѣ вся плотина покрылась народомъ. Пришли и мы со сватьею туда же, и пробрались до самой коляски государевой. Илья Ивановичъ (всѣ твердо знали, какъ зовутъ кучера государева) ходилъ вокругъ коляски въ какомъ-то глянцевиномъ кафтанѣ и такой же шляпѣ и бѣлымъ полотенцомъ отиралъ прильнувшую къ колясѣ пыль. Сватья моя опять не утерпѣла, подошла къ колясѣ, стала ощупывать ее руками и даже прикладывала къ ней свою щеку, какъ бы цѣлуя ее.

— Что ты, старуха, пачкаешь коляску, сказалъ довольно сердито Илья Ивановичъ; смотри смотри, а для чего пачкать? и спокойно сѣлъ на козла. Опѣшила моя сватья и со стыдомъ отошла отъ коляски.

Долго государь пробылъ въ фабрикахъ, потомъ проѣхалъ въ заводское правленіе, наконецъ въ арсеналъ; народъ повсюду бѣгалъ за нимъ, и то и дѣло кричалъ: „ура! ура!“—весело было слушать! Мы со сватьей опять доплелись до дворца и стали дожидать возвращенія государева. Наконецъ онъ воротился. Примѣтно начали собираться на столъ, начали бренчать тарелками и приборами, выносить изъ кухни черезъ дворъ блюда и проч. Вдругъ на крыльцѣ показался заводскій генералъ въ красной лентѣ черезъ плечо и со звѣздой на груди. „Эй! молодцы оружейники!“ сказалъ онъ стоявшимъ передъ крыльцомъ жалованнымъ въ кафтаны мастерамъ оружейникамъ,—государь доволенъ вашими работами, и выслалъ меня къ вамъ сказать вамъ свое царское спасибо! а меня, вотъ глядите, пожаловалъ за васъ этимъ царскимъ орденомъ—и указалъ на свою грудь. „Ура! ура!“ рады стараться“—закричали въ одинъ голосъ всѣ мастеровые, а за ними и весь народъ на площади. Затѣмъ должно было начаться обѣда.

Народъ не расходился; забыли всѣ и объ ѣдѣ. Всѣмъ извѣстно было, что государь вскорѣ послѣ обѣда отправится въ путь, и потому всѣмъ хотѣлось еще разъ поглядѣть на государя. И мы со сватьей тоже остались около дворца, хотя и устали до-нельзя и проголодались. Наконецъ стали подѣзжать къ крыльцу коляска за коляскою, и уѣзжали. Вышелъ и государь, спокойно, милостиво посмотрѣлъ на народъ, сѣлъ въ коляску съ какимъ-то небольшого роста генераломъ, и тихо-тихо двинулся среди толпы народа къ выѣзду изъ завода. Ударилъ въ колокола, загремѣло „ура!“, и чрезъ нѣсколько минутъ коляска скрылась изъ вида. Съ отѣздомъ государя какъ будто всѣ что-то потеряли. Стало грустно! Всѣ стали расходиться. Поплелись и мы со сватьею Лаврентьевной домой. Приходимъ и видимъ, что наша старушка матушка (мать моей матери, о которой было упомянуто выше) куда-то собирается идти и надѣваетъ шубу.

— Куда ты собираешься, матушка?

— Да провожать царя-то.

— Да вѣдь его ужъ проводили, давно уѣхалъ!

— Ахъ, я грѣхородница старая! ахъ я окаянная! что я надѣлала— стала убиваться наша старушка.— Все это виновата ты, Лиза, обратилась она къ хозяйкѣ дома, своей внучкѣ, подожди, говорить, бабушка, скоро выйдутъ изъ печи рѣнные пироги; закуси, говорить, да пойди провожать царя, а я старая дура и развѣсила уши. Вотъ-те и рѣнные пироги, царя-то и проглядѣла. Эко ты дѣло! Эко дѣло!

Долго еще ворчала про себя наша старушка, а намъ было любо подтрунивать надъ ней.— Вѣдь любое было взять, говорили мы, либо рѣнные пироги ѣсть, либо царя провожать!

— Замолчите вы, трещотки, говорить, безъ того мнѣ горько и досадно, а они тутъ же еще подсмѣхаются!...

Прошелъ наконецъ смѣхъ, и намъ, невѣвшимъ цѣлый день, захотѣлось отвѣдать рѣнныхъ пироговъ, и мы дождались только прихода своихъ поповъ, которые, какъ мы узнали, вызваны были во дворецъ для представленія государю, какъ служащіе въ вѣдомствѣ заводскомъ. Пришли и они.

— Ну что, какъ принялъ васъ государь? что говорилъ съ вами?— забросали мы ихъ нашими вопросами.

Наши попы молчать и только задумчиво похаживаютъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да что это, языкъ что ли у васъ отнялся? говорить матушка, какъ старшая изъ всѣхъ насъ.

— Небось отнимется языкъ у того, чью руку поцѣловалъ самъ государь, сказалъ Стефанъ Димитріевичъ, садясь на стулъ, и слезы потекли у него изъ глазъ.

— Ужели въ самомъ дѣлѣ цѣловалъ ваши руки царь? кричали мы.

— Въ томъ-то и дѣло, что царь, принимая благословеніе, у всѣхъ священниковъ цѣловалъ руки; такъ не скоро опомнишься и придешь въ себя!

Выслушавъ это, всѣ мы въ какой-то непонятной радости кинулись цѣловать руки священниковъ, желая черезъ то какъ бы насладиться цѣлованіемъ самого государя. Долго еще послѣ этого передавали мы другъ другу, кто и какъ видѣлъ царя, что чувствовалъ при встрѣчѣ его и проч. и проч. и тогда уже принялись за рѣнные пироги. Такъ-то мы сподобились видѣть батюшку нашего царя государя! Дай Богъ ему царство небесное! Вѣдь онъ послѣ этого недолго жилъ на бѣломъ свѣтѣ!—обыкновенно такъ заканчивала свой рассказъ матушка.

II.

Императоръ Александръ I и капитанъ Коротковъ.

По возвращеніи изъ Московской духовной академіи въ 1825 году опредѣлился я учителемъ въ Сарапульское духовное училище. Жалованья по моей должности положено было 85 руб. сер. или 300 руб. асс. Хотя въ то время всѣ жизненные потребности были крайне противъ нынѣшняго времени дешевы (исключая впрочемъ сахару и чаю), однако такая ограниченная сумма и въ то время была недостаточна для приличнаго содержанія. Потому мы, учителя, вынуждены были искать на сторонѣ средствъ въ прибавку къ своему скудному жалованью, именно прибѣгали къ такъ называемымъ кондиціямъ, т. е. къ обученію дѣтей въ частныхъ домахъ. Сначала я занималъ кондицію у военнаго надзирателя, подполковника Соловьева, но онъ скоро выбылъ изъ нашего города, и я занялъ кондицію у инвалиднаго начальника, капитана Короткова, у котораго обучалъ двухъ малолѣтнихъ дочерей Русской грамматикѣ и ариметикѣ. Капитанъ этотъ былъ человекъ весьма замѣчательный въ нашемъ городѣ, достаточный, имѣвшій собственный очень хорошій домъ. Старикъ былъ роста высокаго, съ большими сѣдыми бавенбардами, съ громкимъ басистымъ голосомъ, но весьма добродушный и большой хлѣбосоль. Родомъ онъ былъ изъ сдаточныхъ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда. Скоро мы сошлись съ нимъ на самую короткую ногу. Бывало—старикъ ждетъ-не дождется, скоро ли я кончу лекцію съ его дѣвочками, и потомъ вводитъ меня въ свой кабинетъ, гдѣ за чаемъ и съ трубкою во рту съ наслажденіемъ рассказываетъ мнѣ о городскихъ событіяхъ, или, что болѣе всего любилъ, про свою военную жизнь. Слушалъ я рассказы его съ большимъ вниманіемъ, и тѣмъ еще болѣе подстрекалъ его, что рассказывалъ онъ весьма занимательно.

Въ одинъ осенній долгій вечеръ зашла у насъ рѣчь о посѣщеніи въ прошломъ 1824 году императоромъ Александромъ Павловичемъ нашего Ижевскаго оружейнаго завода.

— Жалко, сказалъ Коротковъ, что тогда мнѣ не довелось быть въ заводѣ и представиться государю! затѣмъ задумался, и медленно выпускалъ дымъ изъ своей стариковской пѣнковой трубки. — За то я посылаю туда, добавилъ онъ, свою жену, и она получила отъ монаршихъ щедротъ 2000 руб. асс. Я написалъ съ ней письмо къ Дибичу, и онъ представилъ ее государю императору.

Слушая такую рѣчь, съ удивленіемъ смотрѣлъ я на старика и почти не вѣрилъ своимъ ушамъ. Инвалидный капитанъ, живущій въ нашемъ уѣздномъ захолустьѣ, думаю я, будто бы лично извѣстенъ государю императору, переписывается съ Дибичемъ, и получаетъ, Богъ знаетъ за что, такую значительную сумму.

— Ужели это правда, Михайло Матвѣевичъ,—спросилъ я? Вы не шутите?

— Какая шутка, возразилъ онъ. Да вѣдь жена моя жива—доказательство. Эй, Катерина Ивановна! пожалуй-ка сюда, другъ мой!—кричитъ онъ, отворивъ дверь своего кабинета.

Приходитъ Катерина Ивановна.

— Вотъ молодой-то человекъ не вѣритъ, что въ прошломъ году ты представлялась въ Ижевскомъ заводѣ государю и получила отъ него награду 2000 руб. Увѣрь его!

— Точно, я имѣла счастье быть на уединенціи у государя, отвѣчала Екатерина Ивановна, усаживаясь на стулъ вмѣстѣ съ нами.—Мужъ написалъ письмо къ Дибичу. Дибичъ лишь только прочиталъ письмо мужа, и спрашиваетъ: такъ ты жена г. Короткова? Какъ здравствуетъ твой мужъ? Какъ вы поживаете, и довольны ли своимъ положеніемъ? и проч. Такъ какъ въ письмѣ было выражено желаніе, чтобы я была представлена государю, то онъ тотчасъ же пообѣщавъ доложить обо мнѣ его величеству. Вскорѣ ввели меня въ его присутствіе. Конечно я крайне оробѣла, и едва-едва нѣсколько успокоилась, видя ласковое лицо государя. Вотъ, сколько припомню, мой съ нимъ разговоръ:

— Такъ ты жена Короткова?

— Точно такъ, ваше величество.

— Здравствуетъ ли твой старикъ, и почему онъ самъ не явился ко мнѣ?

— Здравствуетъ, а не явился потому, что не приказано никому изъ служащихъ отлучаться отъ мѣста своей службы.

— Жаль, а хотѣлось бы его видѣть. У васъ есть семейство, дѣти?

— Есть, ваше величество: два сына и двѣ дочери.

— Гдѣ же они? при васъ?

— Сыновья обучаются въ корпусѣ, по милости вашего величества, а дочери малолѣтнія при насъ.

— Хорошо. Я не оставлю ихъ. Прощай. Скажи мужу, что видѣла меня, и что я его помню.

Съ тѣмъ я вышла отъ него, а въ слѣдъ затѣмъ мнѣ выслали отъ государя пачку, въ которой было 2000 руб. асс.

— Ну, что теперь вѣришь моимъ словамъ? спросилъ старикъ-капитанъ съ какою-то торжественностію въ своемъ лицѣ.

— Вѣрю. Но мнѣ все-таки непонятно, какимъ образомъ вы въ капитанскомъ чинѣ лично извѣстны государю и его приближеннымъ, напр. Дибичу?

— Э! да ты вѣдь не знаешь подробностей моей жизни. Вотъ я поразскажу тебѣ, такъ не будешь удивляться.

Изъ послѣдовавшаго разсказа оказалось, что г. Коротковъ поступилъ въ военную службу безграмотнымъ изъ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, и притомъ добровольно за старшихъ своихъ братьевъ, которые были уже женаты и имѣли дѣтей.

Какъ рослый, статный и бравый рекрутъ, онъ немедленно былъ выбранъ въ гвардію. Это было, по его словамъ, въ концѣ царствованія Екатерины II. Въ шведскую войну онъ былъ вмѣстѣ съ гвардейскими полками въ десантѣ на флотѣ и участвовалъ въ морскомъ сраженіи при Красной горѣ; въ другихъ кампаніяхъ не бывалъ. „При Матушѣ Екатеринѣ, говорилъ онъ, служба въ гвардіи была весьма легка, — знай только свое дѣло, а дѣло-то все состояло въ караулахъ, да парадахъ, такъ что мы, гвардейцы, жили, что называется, приѣлками“. Вскорѣ въ гвардейскихъ казармахъ онъ выучился грамотѣ самоучкой, такъ что могъ читать и писать. Но служба пошла совсѣмъ другая, когда вступилъ на престолъ блаженной памяти государь Павелъ Петровичъ. „Тогда, говорилъ Коротковъ, не только мы, солдаты, но и офицеры, и генералы, и даже великія князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ трепетали за каждый парадъ и за каждое ученіе. Отъ всѣхъ требовалось знаніе фронтовой службы въ строгой точности. Я, какъ отличный солдатъ, въ то время и деньгу нажилъ, и познакомился со многими дворянчиками, которые сами вызывались учиться у меня фронтовой службѣ, и, какъ люди богатые, не жалѣли денегъ. Такъ между прочимъ познакомился я и съ Дибичемъ, который въ то время былъ въ маленькихъ чинахъ. Онъ очень меня любилъ и до сихъ поръ, несмотря на свой высокой чинъ, меня не забываетъ. Дай Богъ ему здоровья!“

— А какъ же васъ узналъ лично великій князь Александръ Павловичъ? спросилъ я.

— Да по той же фронтовой службѣ и выправкѣ. Государь Павелъ Петровичъ, какъ я уже сказалъ, строго требовалъ знанія фронтовой службы отъ всѣхъ, а отъ великихъ князей въ особенности. Вотъ меня, какъ отличнаго солдата, опять повторю не хвастаясь, и опредѣлили къ великому князю дядькою для обученія ружью. Должность у него при родителяхъ была самая безпокойная: онъ былъ опредѣленъ генералъ-губернаторомъ С.-Петербурга и безпрестанно долженъ являться къ государю съ рапортами. Такъ чуть бывало удосужится и требуетъ къ себѣ на половину Короткова. Возьметъ въ руки ружье. „Командуй!“ — говорить. Я и команду, то хвалю, то поправляю его приемы. Не то вытребуешь барабанщика и начнетъ маршировать. И это дѣлалось почти каждый день. Такъ какъ же ему не знать меня лично? Однажды, помню, я чрезвычайно его удивилъ. Кто-то изъ приближенныхъ ему сказалъ, что я могу сдѣлать всѣ ружейные приемы, и не пролить капли воды изъ стакана, который мнѣ будетъ поставленъ на киверъ. Дѣйствительно мы иногда съ товарищами этимъ въ досужее время занимались.

— Правда ли это, Коротковъ? спросилъ великій князь.

— Правда, ваше высочество.

И я, по его приказанію, долженъ былъ сдѣлать эту штуку.

— Bravo! молодецъ! сказалъ онъ и захопалъ въ ладоши.

— Да что и говорить! я, не хвастаясь, очень былъ знаею великимъ княземъ. Повѣришь ли, я первый изъ всѣхъ поздравилъ его высочество съ восшествіемъ на престолъ.

— Это какъ случилось? спросилъ я съ изумленіемъ.

— А вотъ я расскажу. Въ ночь, въ которую скончался государь Павелъ Петровичъ, полкъ нашъ долженъ былъ, не знаю почему—не наше было дѣло,—отправиться въ Михайловскій замокъ. Мартовская ночь была темная; стояла оттепель, скользили, падали. Ружья у всѣхъ были заряжены, и всѣ мы были снабжены патронами. По прибытіи туда, вездѣ во всемъ замкѣ, разставлены были караулы, даже у каждой двери. Мнѣ, какъ старшему сержанту, довелось стоять съ двумя рядовыми у дверей въ главной залѣ. Нѣсколько времени все было тихо, но вотъ входятъ въ залу великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, примѣтно сильно опечаленные. Никто изъ насъ тогда еще не зналъ о кончинѣ императора. Походили по залѣ, поговорили о чемъ-то. Вдругъ подходитъ ко мнѣ великій князь Александръ Павловичъ и, слегка ударивъ меня по плечу, говоритъ:

— Коротковъ! Знаешь ли, вѣдь у насъ государь померъ! А у самого такъ и льются слезы изъ глазъ. Я не сробѣлъ:—Такъ имѣемъ счастье поздравить ваше величество съ восшествіемъ на прародительскій престолъ! Ура! вскричалъ я громогласно. „Ура“—раздалось во всемъ замкѣ, по всѣмъ карауламъ. — Такимъ-то образомъ удостоился я этого счастья, заключилъ старикъ со слезами на глазахъ.

— Долго же помнить государь приближенныхъ къ нему людей, сказалъ я, выслушавъ этотъ рассказъ. Вѣдь это было въ 1801 году, а теперь уже идетъ 1825.

— Да, онъ очень памятливъ, продолжалъ капитанъ. Вотъ я расскажу тебѣ еще одинъ случай, гдѣ выказалась его памятность. Вскорѣ по восшествіи на престолъ государь пожаловалъ мнѣ чинъ офицера. Въ гвардіи, извѣстное дѣло, по своему происхожденію и воспитанію, я офицеромъ быть не могъ, а въ арміи, послѣ гвардейской службы, служить мнѣ не хотѣлось. Потому я вышелъ въ отставку, уѣхалъ на родину и женился; годъ отъ году стали у меня рождаться дѣти. Вижу—дѣло плохо. Назятія деньги расходуются, а вновь ни откуда не прибываетъ. Да сверхъ сего безъ службы и жить мнѣ наскучило. Дай поѣду въ Петербургъ и лично буду просить государя объ опредѣленіи куда-нибудь на службу. Приѣзжаю въ Петербургъ, но къ счастью моему государя тогда въ Петербургѣ не было. Онъ былъ за границею. Что дѣлать? Рѣшилъ дожидаться его возвращенія, и поселился въ какой-то убогой квартирѣ. Недѣли черезъ двѣ, или болѣе, не помню, вдругъ въ квартиру мою является жандармъ и объявляетъ, что меня требуютъ въ канцелярію военнаго министра. Что такое? думаю. Зачѣмъ? Являюсь. Меня тотчасъ представляютъ Аракчееву.

— Ты капитанъ Коротковъ?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Зачѣмъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ?

Мнѣ не хотѣлось отвѣчать ему прямо, а хотѣлось представиться лично государю, и я нѣсколько замаялся.

— Да говори скорѣе, зачѣмъ именно ты пріѣхалъ въ Петербургъ? Государь изъ-за границы предписываетъ, что, если это тотъ Коротковъ, который служилъ въ такихъ-то годахъ въ гвардіи, то спросить его, зачѣмъ пріѣхалъ, и, если о чемъ будетъ просить, то удовлетворить его немедленно и о послѣдующемъ донести при первомъ случаѣ. Въ подтвержденіе мнѣ была показана самая бумага.

— Ну такъ видишь, продолжалъ Аракчеевъ, медлить нельзя. Говори.

— Мнѣ бы хотѣлось занять какое-нибудь мѣсто въ нашемъ городѣ.

— Какое же, городничаго, что ли?

— Нѣтъ, ваше сіятельство, говорю: городничій тамъ старикъ и очень любимъ гражданами (Дуровъ—отецъ кавалериста-дѣвицы), да сверхъ сего мнѣ пріятель. Такъ мнѣ не хочется лишиться его мѣста.

— Такъ исправника, что-ли?

— Нѣтъ и исправникомъ быть не желаю: очень хлопотливая и отвѣтственная должность.

— Такъ чего же ты наконецъ желаешь? спросилъ онъ сурово и съ нетерпѣніемъ.

— Я желалъ бы занять должность инвалиднаго начальника.

— Давно такъ и сказалъ бы... Изготовить приказъ, обратился онъ къ своему секретарю, а ты приходи завтра за полученіемъ и приказа, и прогонныхъ денегъ.

— На другой день я получилъ то и другое, и вотъ съ тѣхъ поръ доселѣ команду своими инвалидами.

— Это такъ, замѣтилъ я, да не понятно мнѣ, какъ государь, будучи за границею, могъ узнать о нашемъ пріѣздѣ въ Петербургъ?

— Очень просто, батенька. Не знаю, какъ нынѣ водится, а тогда о каждомъ пріѣхавшемъ въ Петербургъ военномъ офицерѣ доводилось до свѣдѣнія государя, даже за границу, въ ежедневныхъ рапортахъ. Потому не мудрено было государю узнать о моемъ пріѣздѣ.

Коротковъ умеръ въ 30-хъ годахъ въ глубокой старости. Мнѣ, въ санѣ священника, довелось участвовать въ его погребеніи и помолиться объ упокоеніи его души. Сыновья его, при жизни матери, пріѣзжали въ Саранскъ, одинъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника, а другой—маіора. Гдѣ они находятся въ настоящее время, и живы ли, не знаю. Изъ дочерей—моихъ ученицъ—одна была въ замужествѣ за нашимъ городничимъ, маіоромъ Дуровымъ, а другая кажется поступила въ монастырь.

Г. Утробинъ.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ.

TREITSCHKE. DEUTSCHE GESCHICHTE IM XIX JAHRHUNDERT. ERSTER THEIL.
LEIPZIG, HIRZEL 1879, P. 790.

ДИНЬ изъ самыхъ образованныхъ и талантливыхъ историковъ литературы высказывалъ въ своихъ сочиненіяхъ не разъ убѣжденіе, что развитіе историографіи обусловливается ходомъ самой исторіи, т. е. всегда вызывается историческими событіями. „Историографія, говорилъ онъ, всегда зарождается, когда къ тому представляется поводъ; когда сильно бьетъ жизнь, она всегда находитъ себѣ отраженіе. Исторія такъ сказать сама создаетъ для себя соотвѣтствующее повѣствованіе. Если никто не пишетъ исторіи, то это значитъ, что ея нѣтъ; если же бы она была, то нашелся бы для нея и историкъ“¹⁾. Не трудно было бы найти въ исторіи примѣры, согласные съ выставленнымъ правиломъ, но еще чаще мнѣніе Ампера оправдывается фактами, и между прочимъ подтвержденіемъ ему можетъ послужить новая книга, указанная во главѣ нашей статьи. Совершившееся въ наши дни политическое объединеніе Германіи подъ короной Гогенцоллерновъ, неожиданный успѣхъ и блестящая дѣятельность правителей и полководцевъ Пруссіи дали толчекъ и новое направленіе нѣмецкой историографіи, самымъ замѣчательнымъ явленіемъ которой за послѣднее время безъ сомнѣнія представляется сочиненіе Трейчке.

Въ пятидесятныхъ годахъ Лейпцигская фирма Гирцеля предприняла подъ руководствомъ извѣстнаго историка и публициста Бидермана обширное изданіе „Исторіи государствъ въ новѣйшее время“, т. е. приблизительно съ Вѣнскаго конгресса. Для каждой изъ европейскихъ странъ былъ скоро присланъ среди ученыхъ Германіи свой специалистъ, и уже въ 1858 вышелъ первый томъ новаго изданія — первая часть

¹⁾ Ampère. Histoire Littéraire de la France avant le XIIe sc. T. II, p. 292. Таже мысль высказана III, p. 147 и въ другихъ мѣстахъ.

исторіи Франціи — Рохау. Съ тѣхъ поръ вышло 23 тома Гирцелевскаго изданія; Италия, Австрія, Россія, Англія, Испанія, Турція, Греція нашли своихъ болѣе или менѣе удачныхъ историковъ, и только страна, для которой предназначалось все изданіе, не находила себѣ историка. Затрудненіе конечно заключалось не въ недостатокъ людей—въ каждомъ изъ тогдашнихъ 20 нѣмецкихъ университетовъ (не считая австрійскихъ и швейцарскихъ) ежегодно читались курсы объ исторіи Германіи знаатоками дѣла, а кромѣ профессоровъ въ изданіи Гирцеля принимали участіе также и публицисты и дипломаты, знакомые съ современной исторіей. Препятствіе заключалось въ томъ, что не выработалось общаго взгляда, общепризнаннаго направленія для исторіи Германіи. Броженіе умовъ, искавшихъ формъ для осуществленія различныхъ весьма неопредѣленныхъ политическихъ идеаловъ, господствовало и въ исторіографіи. Тогда еще болѣе чѣмъ теперь правъ былъ историкъ, который жалуется въ своемъ предисловіи, что у Нѣмецкаго народа еще не развилось общаго всѣмъ образованнымъ людямъ національнаго историческаго преданія, что единодушное чувство живой благодарности, съ какимъ другія націи относятся къ своимъ политическимъ героямъ, нѣмцы питаютъ только къ славнымъ именамъ въ искусствѣ и въ наукѣ, что даже въ вопросѣ, какія событія въ пространномъ лабиринтѣ Нѣмецкой исторіи слѣдуетъ признать дѣйствительно важными, мнѣнія еще далеко расходятся.

Побѣды при Садовой и при Седанѣ, возвращеніе Эльзаса, составлявшее двухвѣковую мечту нѣмецкихъ патриотовъ, и восстановленіе Имперіи, которое не удалось взрыву народной воли въ 1848 году — положили въ извѣстной мѣрѣ предѣлы этому броженію умовъ и подготовили почву для національной исторіографіи. Въ этой области получила окончательный перевѣсъ та школа историковъ, которая отвергала романтическое преданіе о священной Римской имперіи и видѣла въ реформаціи и въ возрастаніи самаго живучаго изъ территориальныхъ княжествъ Германіи существенные факторы новой Нѣмецкой исторіи,—и такимъ образомъ порученіе написать исторію Германіи въ XIX вѣкѣ естественно перешло къ тому историкѣ, который всего рѣшительнѣе отстаивалъ въ своихъ сочиненіяхъ необходимость централизаціи власти въ рукахъ главной протестантской державы Германіи—т. е. къ Трейчке.

Вышедшій въ прошломъ году первый томъ исторіи Трейчке заключаетъ въ себѣ сжатое, но очень полное по содержанію введеніе—обнимающее исторію Германіи отъ Вестфальскаго мира до конца XVIII вѣка; затѣмъ излагается паденіе Имперіи и разгромъ Пруссіи вслѣдствіе столкновенія съ Франціей; въ третьей главѣ описывается внутреннее возрожденіе Пруссіи: въ четвертой и пятой—война за освобожденіе и походъ во Францію; въ шестой и седьмой Вѣнскій конгрессъ и вторичное низложеніе Наполеона. Трудности, которыя пришлось преодолѣть историкѣ въ этомъ томѣ, были очень значительны, но онѣ легко

укрываются отъ читателя благодаря художественной формѣ и интересу, которые авторъ сумѣлъ придать своему сочиненію. Ученая работа, предшествовавшая изложенію событій, до такой степени скрыта отъ читателя, что иногда объ этомъ даже нельзя не пожалѣть. Трейчке воспользовался уже для послѣдней части перваго тома архивами въ Берлинѣ и Карлсруэ, а также воспоминаніями и неизданными записками частныхъ лицъ, но такъ какъ ссылки на источники почти нигдѣ нѣтъ (согласно популярному характеру изданія), то не легко замѣтить, на какія именно событія историку удалось бросить новый свѣтъ. Повидимому наиболѣе выиграло изложеніе дипломатическихъ столкновеній, касавшихся установленія новаго порядка въ Германіи послѣ Парижскаго мира: старанія прусскихъ дипломатовъ, Гарденберга и Гумбольдта, дать Германіи дуалистическій характеръ, т. е. предоставить гегемонію на сѣверѣ Пруссіи, а на югѣ Германіи—Австріи; упорная оппозиція среднихъ государствъ противъ этого раздѣленія; старанія Пруссіи послѣ вторичной побѣды надъ Наполеономъ отторгнуть отъ Франціи Эльзась и Лотарингію; сочувствіе, которое находило это требованіе со стороны южно-германскихъ государствъ и ловкость, съ какою Меттернихъ сумѣлъ устранить этотъ вопросъ, не роняя популярности Австріи между нѣмцами. Но какъ бы ни былъ интересенъ новый архивный матеріалъ, внесенный авторомъ, какъ бы ни была обширна и основательна его подготовительная работа, научное значеніе перваго тома новой исторіи Германіи уступаетъ литературному достоинству ея и практическому интересу, который она возбуждаетъ. Художественный талантъ Трейчке высказался прежде всего въ его умѣнны соединить два различныхъ способа историческаго изложенія — рассказъ о событіяхъ и отвлеченное обсужденіе ихъ смысла и значенія. Если бы Трейчке захотѣлъ изложить въ занимательномъ рассказѣ исторію Германіи съ 1648 года по 1815, ему понадобилось бы для этого нѣсколько томовъ, особенно при необходимости съ политической исторіей соединить и культурную. Если же бы онъ удовольствовался только общимъ анализомъ событій, то какъ бы ни были вѣрны или оригинальны его разсужденія, книгѣ трудно было бы придать художественность и популярность. Но Трейчке оказался мастеромъ и въ томъ и въ другомъ способѣ изложенія. Его книгу прочтеть съ удовольствіемъ всякій, кто интересуется событіями, описаніемъ походовъ и дипломатическихъ переговоровъ, живой характеристикой главныхъ дѣятелей и настроенія общества; но не менѣе интереса представляетъ книга и для тѣхъ читателей, которые знакомы съ событіями и ищутъ оцѣнки ихъ, указанія ихъ связи и вліянія, руководящей нити въ сложной и постоянно дробящейся въ мелочахъ исторической жизни Германіи. Не однимъ однако литературнымъ талантомъ объясняется успѣхъ книги Трейчке—умѣньемъ живо рассказать существенное и сильно освѣтить значеніе его брошенными какъ бы вскользь, но очень вѣскими замѣчаніями. Особенную увлекательность придаетъ

этому сочиненію драматизмъ, преобладающій у Трейчке какъ въ пониманіи исторіи, такъ и въ изложеніи ея. Исторіографія для него дѣйствительно, какъ говорили въ старину, дѣписаніе, т. е. главнымъ образомъ описаніе человѣческихъ дѣйствій. Трейчке не поддастся исключительному господству того направленія, которое видитъ въ исторіи только матеріалъ для извлеченія изъ него историческихъ законовъ. „Исторіи, говоритъ онъ, не имѣетъ права, по способу естествоиспытателей, просто только выводить позднѣйшее изъ предшествующаго. Исторія творится людьми. Судьба осуществляется въ жизни народовъ только посредствомъ сознательной человѣческой воли, которая умѣетъ воспользоваться благоприятными обстоятельствами“. Въ другой разъ, по поводу закона 1814 года, установившаго въ Пруссіи всеобщую воинскую повинность, Трейчке замѣчаетъ: „этотъ законъ опредѣлилъ на цѣлыя поколѣнія нравственные и политическія возрѣнія жителей Пруссіи и проникъ болѣе глубоко во всѣ ихъ житейскія условія, чѣмъ какое либо научное открытіе или техническое изобрѣтеніе. Этотъ законъ принадлежитъ къ числу тѣхъ рѣшающихъ (entscheidend) дѣйствій законодательной власти, которыя доказываютъ съ неопровержимымъ краснорѣчіемъ, что настоящая исторія есть въ сущности политическая исторія, что исторіографія не имѣетъ задачей излагать наблюденія Вольты надъ лапками лягушекъ, или объяснять по находкамъ копателей черепковъ—усовершенствованіе ковшей и лампочекъ, но что она должна изслѣдовать дѣянія народовъ, которые выступаютъ въ исторіи какъ одаренные волею индивидуальности, какъ государства“. Никогда можетъ быть этотъ взглядъ не былъ такъ умѣстенъ, какъ относительно эпохи, описываемой въ книгѣ Трейчке—эпохи, которая видѣла въ промежутокъ какихъ-нибудь двадцати лѣтъ баснословный успѣхъ геніальнаго полководца и неожиданное паденіе его, созданіе могущественнѣйшей имперіи, какой еще не бывало въ Европѣ и разгромленіе ея соединенными силами европейскихъ народовъ, паденіе почти тысячелѣтной Германской имперіи съ ея феодальнымъ строемъ, изумительный героизмъ, обнаруженный народами сѣверо-восточной и югозападной Европы въ войнахъ за освобожденіе отечества и первое побѣдоносное проявленіе народнаго начала, идеи національности, какъ новой исторической силы.

Навонецъ важнымъ преимуществомъ разсматриваемаго сочиненія является умѣнье, съ которымъ авторъ воспользовался основной идеей своей книги для архитектурнаго построенія обширнаго историческаго матеріала, мало поддававшагося художественному единству. Исторія Германіи разбивалась на множество политическихъ центровъ; два изъ нихъ, Берлинъ и Вѣна, имѣли европейское значеніе, и исторіи Германіи былъ принужденъ постоянно раздвигать рамки своего разсказа и вводить въ него почти всѣ другія европейскія государства; затрудненіе увеличивалось тѣмъ, что богатая культурная жизнь страны представляла совершенно отдѣльную область, не связанную съ полити-

ческой исторіей. Событія недавняго прошлаго Германіи послужили Трейчке точкою опоры для того, чтобы внести единство въ хаосъ Нѣмецкой исторіи. При той группировкѣ, которую онъ далъ своему матеріалу, исторія Германіи, начиная съ реформаціи и съ Вестфальскаго мира, сначала медленно и окольными путями, но потомъ все быстрѣе и рѣшительнѣе, направляется къ цѣли, которой она теперь достигла. Основная идея, которая проводится въ книгѣ, заключается въ томъ, что теперешній политическій строй Германіи созданъ двумя историческими факторами—духовной культурой Нѣмецкаго народа и политическимъ развитіемъ Прусскаго государства, что этотъ строй есть столько же результатъ работы лучшихъ людей народа и общественнаго мнѣнія, сколько сознательный актъ правительственныхъ лицъ, приведенный въ исполненіе организованными государственными силами. Давно уже было признано значеніе литературы и науки въ дѣлѣ развитія сознанія Нѣмецкой національности и политическаго возрожденія ея въ XIX вѣкѣ. Изложеніе Трейчке имѣетъ цѣлью доказать, что факторъ этотъ былъ недостаточенъ; что только дружнымъ союзомъ общественнаго мнѣнія и національной политики главнаго Нѣмецкаго государства могло быть достигнуто созданіе новаго порядка вещей; что Нѣмецкій народъ былъ обреченъ на жалкое политическое состояніе и бесплодныя мечтанія, пока его образованіе не имѣло реальной политической почвы (*die Bildung unpolitisch war*), и пока съ другой стороны Прусское правительство относилось равнодушно или даже враждебно (при Фридрихъ-Вильгельмъ I и Фридрихъ II) къ духовнымъ интересамъ націи и къ нѣмецкой культурѣ. Первый успѣхъ былъ достигнуть, „когда подъ владычествомъ Наполеона военная гордость стараго пруссачества (*des alten Preussenthums*) и смѣлнй идеализмъ молодой Нѣмецкой литературы внезапно встрѣтились на одной и той же мысли. Тогда, говоритъ Трейчке, среди паденія старой монархіи подготовлялся великій переворотъ, опредѣлившій ходъ нашей исторіи въ XIX вѣкѣ—примиреніе Прусскаго государства съ свободой нѣмецкой культуры (*mit der Freiheit deutscher Bildung*)“. Этимъ взаимодѣйствіемъ двухъ главныхъ элементовъ Германской исторіи, изображеніемъ ихъ первоначальнаго антагонизма и постепеннаго сближенія, Трейчке сумѣлъ сообщить историческому процессу, имъ описываемому, не только живой, можно сказать драматическій интересъ, но и придать ему болѣе чѣмъ кто-либо изъ прежнихъ историковъ характеръ внутренней разумной необходимости.

Однако изъ этихъ двухъ элементовъ, согласно съ вышеизложеннымъ взглядомъ автора на исторію, на первомъ планѣ у него стоитъ элементъ политическій, т. е. развитіе Прусскаго государства. Чрезвычайно рельефно выступаютъ у него оригинальныя черты молодого государства, которыя были причиной его дальнѣйшаго роста, залогомъ его быстраго возвышенія надъ другими однородными областями Германіи. Сдѣлавшись въ началѣ XVII вѣка обладателями какъ восточ-

ной, такъ и западной окраинъ Германіи (Пруссіи и Клеве), Гогенцоллерны получили европейское значеніе, далеко превышавшее ихъ силы. Ихъ маленькое государство, замѣчаетъ Трейчке, принадлежало въ одно время къ обѣимъ системамъ европейскихъ государствъ, къ западной и сѣверо-восточной, и было вовлекаемо во всѣ ихъ распри. Чувство самосохраненія, равно какъ и честолюбіе, вызванное территориальнымъ раздробленіемъ Пруссіи, побуждали ее къ крайнему напряженію силъ и рано заставляли ее правителей возлагать на гражданъ болѣе тяжкія жертвы, чѣмъ какое-либо другое изъ современныхъ имъ государствъ. Прусскій народъ выросъ подъ суровой дисциплиной и прошелъ строгую нравственную школу. Уже „великій курфюрстъ“ сложилъ средневѣковыя вольности „сословія“ (Stände) и возвелъ уплату податей на степень общей государственной повинности; его внукъ присоединилъ къ этому кантональную (рекрутскую) и учебную повинности, и „установилъ такимъ образомъ ту тройственность общихъ гражданскихъ повинностей, которыя воспитали Прусскій народъ въ живой любви къ отечеству“. Между нравственными причинами, объясняющими быстрый и крѣпкій ростъ Прусскаго государства, не послѣднее мѣсто занимаетъ добросовѣстное отношеніе династіи къ своему призванію. „Всѣ члены ея, говоритъ Трейчке, великіе и слабые, умные и ограниченныя, обнаружили, за рѣдкими исключеніями, трезвое, разумное пониманіе суровой дѣйствительности жизни; никто изъ нихъ не брезгалъ быть великимъ въ мелочахъ и всѣ они ставили высоко свою государственную обязанность. Характеръ перваго бранденбургскаго Гогенцоллерна, который называлъ себя — *Gottes schlichter Amtmann an dem Fürstenthum*, перешелъ ко всѣмъ его потомкамъ. Онъ повторился въ великомъ курфюрстѣ съ его девизомъ: „за Бога и народъ“; онъ высказался въ лихорадочномъ служебномъ рвеніи короля-солдата, всегда сознававшаго, что онъ спасеніемъ своей души долженъ будетъ отвѣчать за благоденствіе своего народа, — онъ наконецъ нашелъ себѣ болѣе глубокое и развитое выраженіе въ словѣ Фридриха Великаго: „король есть не что иное, какъ первый слуга государства“. Вотъ почему, заключаетъ Трейчке, Гогенцоллерны были обязаны заботливому попеченію о благоденствіи массъ, а не блеску военной славы, незыблемымъ ни въ какой обѣдѣ и ни при какомъ искушеніи довѣріемъ народа къ престолу. Особенно ярко выступаютъ у Трейчке нравственныя условія успѣха Пруссіи во время войны за освобожденіе. Тогдашнее настроеніе умовъ, соединявшее въ одномъ общемъ порывѣ армию и гражданъ, правительство и народъ, лучше всего рисуется въ словахъ генерала Гнейзенау, начальника штаба Блюхера, самаго способнаго изъ вождей Прусскаго войска послѣ смерти Шарнгорста. „Только тройное превосходство оружія, государственнаго устройства (Constitution) и науки, говорилъ Гнейзенау, — только это одно можетъ поддержать насъ среди болѣе могущественныхъ сосѣдей“.

Описывая съ болѣе живымъ оживленіемъ эту войну за освобожденіе отъ

владычества Наполеона, Трейчке никогда не упускаетъ изъ вида своей задачи— доказать историческую необходимость преобладанія протестантскаго сѣвера во вновь созданной Германіи. „Какъ нѣбогда, говоритъ онъ, начало новаго государственнаго строя въ Германіи, такъ и теперь возстановленіе національной независимости,—исходило исключительно съ сѣвера. Новые политическіе и нравственные идеалы возбужденнаго юношества носили на себѣ отпечатокъ сѣверо-германскаго образованія; Богъ, къ которому они взывали, былъ Богъ протестантовъ, и всѣ ихъ дѣйствія и помыслы основывались сознательно или безсознательно на нравственной почвѣ строгаго Кантовскаго ученія о долгѣ. То, что сѣверо-германскія племена принимали дѣйствительное участіе въ лучшихъ воспоминаніяхъ новой Германіи, тогда какъ югу только два поколѣнія спустя досталось на долю счастье сражаться и побѣждать за общее отечество—все это оказало важное вліяніе на цѣлыя десятилѣтія Германской исторіи“. Національная война съ Наполеономъ даетъ Трейчке основаніе для другаго еще болѣе рѣшительнаго вывода—а именно, права Пруссіи на гегемонію или власть въ Германіи. Онъ полною рельефностью выступаетъ въ его изложеніи фактъ, что война Пруссіи съ Наполеономъ была также внутренней войной Германіи и побѣда надъ нимъ была въ то же время побѣдою надъ враждебными Пруссіи нѣмецкими государствами, или, какъ выражается Трейчке, „что Нѣмецкая война за освобожденіе была въ первой, болѣе трудной своей половинѣ, борьбой Пруссіи противъ трехъ четвертей Нѣмецкой націи, находившихся подъ властью Франціи“. Такимъ образомъ Трейчке рѣшительнѣе чѣмъ кто либо изъ предшествовавшихъ ему нѣмецкихъ историковъ старается оправдать проводимую имъ мысль, что „истинный (der berechtigte) прусскій партикуляризмъ былъ въ то же время сознательнымъ нѣмецкимъ патриотизмомъ“. Съ этой точки зрѣнія Трейчке не обинуясь раскрываетъ весь антагонизмъ, существовавшій особенно въ прошломъ столѣтіи между Германіей и Пруссіей, которую тогда въ насмѣшку называли „песочницей священной имперіи“. Еще Лессингъ, современникъ Фридриха Великаго, отзывался о пруссакахъ какъ о полужудомъ народѣ и относился съ нѣкоторымъ изумленіемъ къ прирожденной этому народу храбрости. „Но постепенно, замѣчаетъ Трейчке, даже массы въ Германіи начали понимать, что Фридрихъ сражается за интересы Германіи“ и что прусскія войны были національными войнами.

Изъ этихъ уже указаній видно, что въ книгѣ Трейчке политива играетъ довольно значительную роль. Какъ всякое историческое сочиненіе, написанное о событіяхъ почти современныхъ, для того чтобы повліять на современниковъ, книга Трейчке имѣетъ въ виду опредѣленную практическую цѣль. Намѣреніе доказать правоту извѣстнаго взгляда въ области исторической науки здѣсь равносильно желанію, чтобы этотъ научный выводъ послужилъ къ оправданію извѣстныхъ фактовъ или теорій, оправданіемъ извѣстной политической программы,

Книга Трейчке въ этомъ отношеніи сама принадлежитъ къ числу тѣхъ фактовъ, изъ которыхъ сложился историческій процессъ, ея описываемый. Борьба, которая привела къ объединенію Германіи вслѣдствіе успѣховъ Прусской арміи и дипломатіи, продолжается теперь на другомъ поприщѣ, и нерѣдко для того, чтобы удержать завоеванное, нужно не меньше энергіи воли, не меньше напряженія силъ, чѣмъ было истрачено на самое завоеваніе. Эта борьба отражается на страницахъ сочиненія Трейчке и она придаетъ событіямъ и лицамъ прошедшихъ временъ всю жизненность и интересъ современности. Объединеніе Германіи подъ прусскою властью обуславливалось торжествомъ національной идеи надъ двумя враждебными силами—надъ вліяніемъ Австріи, которое поддерживалось историческимъ преданіемъ, обаяніемъ легитимизма, и во-вторыхъ надъ партикуляризмомъ, который проявлялся съ особенною живучестью въ среднихъ нѣмецкихъ государствахъ; противъ этихъ-то двухъ началъ, на сколько это позволяла его историческая рамка, и направлена книга Трейчке.

Эпоха, исторію которой онъ излагаетъ въ своемъ дѣломъ томѣ, давала ему возможность нанести особенно тяжелые удары нѣмецкому партикуляризму, ибо отталкивающія и смѣшныя черты магометанскаго султанства и эгоизмъ антинациональной политики среднихъ государствъ Германіи никогда не проявлялись въ такой наготѣ, какъ въ эпоху паденія Имперіи и Рейнскаго Союза. Талантливый публицистъ сумѣлъ вполне воспользоваться этой благодарной для него темой. Нужно при этомъ отдать справедливость нѣмецкой ученой и журнальной критикѣ, воспитанной въ хорошей научной школѣ—она единогласно отнеслась съ осужденіемъ къ этому смѣшенію исторіографіи съ публицистикой. Въ этомъ случаѣ не столько важны отзывы печатныхъ органовъ, сочувственныхъ Австріи и нѣмецкому федерализму, сколько заявленія лицъ, раздѣляющихъ политическій образъ мысли Трейчке. Не только критикъ „Историческаго Журнала“, но и „Национальной Газеты“, прямо причисляющій себя къ кореннымъ пруссакамъ, отстаиваютъ права научной или объективной исторіографіи противъ исключительно политической. „Не въ томъ только, говоритъ послѣдній, должна заключаться справедливость и безпристрастіе историка, чтобы онъ остерегался отъ ошибокъ, отъ невѣрныхъ и преувеличенныхъ сужденій; но они должны особенно проявляться въ равномерномъ распредѣленіи свѣта и тѣни“. Эту-то обязанность, по замѣчанію берлинскаго критика, и нарушаетъ Трейчке, который признаетъ совершенно правильной и законной политику Гогенцоллерновъ, бывшихъ первоначально подобно другимъ областнымъ королямъ, состоявшими подъ верховенствомъ императора, сочувствуетъ ихъ стремленію округлить, отстроить свое государство и высвободить его изъ имперскихъ узъ и въ то же самое время вооружается противъ династій Виттельбахской и Веттинской (Баваріи и Саксоніи), которыя стремились къ той же цѣли, хотя и безъ успѣха. Даже то, что Трейчке называетъ

національной измѣной, его критику представляется въ совершенно иномъ свѣтѣ. „Для южно-германскихъ государствъ, говоритъ онъ, было также необходимо примкнуть къ Франціи, какъ для Пруссіи примкнуть къ Россіи. Западная Пруссія, Данцигъ и Торнъ приобрѣтены въ союзъ съ русскими царями“... „Не слѣдуетъ предаваться самообольщенію: какъ въ нѣмецкой реформаціи, такъ и въ нѣмецкой революціи не обошлось безъ участія иноземцевъ; еще послѣдній рѣшительный шагъ былъ осуществленъ въ союзъ съ Италіей. Кто относительно этой борьбы хочетъ занять исключительную точку зрѣнія, тотъ утратить объективную почву при сужденіяхъ объ историческихъ лицахъ, и еще болѣе относительно дѣйствій противниковъ“. Мы привели это мѣсто, чтобы характеризовать благоразумное и безпристрастное отношеніе нѣмецкой критики къ патриотической книгѣ Трейчке. Конечно, противъ нѣкоторыхъ замѣчаній берлинскаго рецензента можно многое возразить. Нельзя, напр., ставить на одну доску союзъ Пруссіи съ Россіей и рабобѣгство рейнскихъ вассаловъ Наполеона, принужденныхъ проливать кровь своихъ солдатъ за Пиринейми и подъ Москвой въ интересахъ враждебныхъ Германіи; но въ общихъ чертахъ эта критика права. Упрекъ, который можетъ быть сдѣланъ Трейчке въ интересахъ исторической правды заключается въ слѣдующемъ. Историкъ можетъ объяснять прошедшее съ помощью настоящаго, но онъ не долженъ при этомъ прилагать къ прошедшему мѣрку настоящаго, ибо это бросаетъ невѣрный свѣтъ на прошедшее и открываетъ просторъ произволу. Такой приемъ можетъ быть полезенъ для политическихъ цѣлей, но онъ заставляетъ служить науку не истинѣ, а другимъ интересамъ.

Трейчке прилагаетъ къ нѣмецкому партикуляризму мѣрку, созданную событиями 1866 и 1870 годовъ; ему поэтому нѣтъ дѣла ни до историческихъ причинъ, вызвавшихъ этотъ партикуляризмъ, ни до того факта, что онъ вполне соответствовалъ вкусамъ и интересамъ отдѣльных мѣстностей и племенъ, чрезвычайно расходившихся между собой при тогдашней разобщенности жизни. Всего болѣе вооружаетъ историка противъ партикуляризма господствовавшее нѣкогда идеалистическое воззрѣніе, когда „вездѣ даже въ сочиненіяхъ самыхъ свѣдущихъ публицистовъ возвышалось какъ неопровержимая истина, что мелкія государства (die Kleinstaaterie) составляютъ красоту Германіи, самую плодородную почву нѣмецкой свободы и культуры“; „старинное злосчастное смѣшеніе понятій свободы и многовластія, замѣчаетъ по этому поводу Трейчке, повторяется въ самыхъ разнообразныхъ видахъ“. Особенно раздражаетъ его то, что подобный взглядъ на политическую организацію Германіи раздѣлялся въ эпоху Вѣнскаго конгресса вліятельными государственными дѣятелями самой Пруссіи. Только въ глазахъ Штейна централистическая организація Германіи (der Einheitsstaat) оставалась идеаломъ; Гарденбергъ же и Гумбольдтъ раздѣляли съ самымъ искреннимъ убѣжденіемъ всеобщую вѣру въ куль-

турную силу мелковластиа“. А злополучный, но игравшій видную роль въ тогдашней прусской дипломатіи, генераль Кнезебекъ, неоднократно разъяснял на свой доктринерный ладъ, что Германія способна только благодаря пестротѣ своей политической организаціи составлять центръ европейскихъ дѣлъ, и выражалъ желаніе, чтобы этотъ центръ, который долженъ былъ служить „палладіумомъ свободной ассоціаціи и сохраненія европейскаго равновѣсія, носилъ на себѣ самоѣ черты этого своего назначенія, воспроизводя эти два принципа въ своей политической организаціи“.

Трейчке было не трудно оспаривать и осмѣивать такіа воззрѣнія съ помощью фактовъ, которые представляла ему въ большомъ количествѣ безславная исторія мелкопомѣстныхъ государей Германіи въ описанное имъ время. Страницы, посвященныя въ книгѣ Трейчке исторіи нѣмецкаго партикуляризма, представляютъ самыя живыя картины историческаго жанра и принадлежать къ самымъ бойкимъ произведеніямъ энергической кисти Трейчке, руководимой политической страстью и патриотическимъ негодованіемъ. Возьмемъ напр. описаніе того, что Трейчке называетъ „княжеской революціей 1803 года“. Въ этомъ году разыгрались послѣдствія Люневильскаго мира, по которому лѣвый берегъ Рейна уступался Франціи, а нѣмецкіе князья, утратившіе черезъ это свои владѣнія, должны были получить вознагражденіе на правомъ берегу посредствомъ секуляризаціи духовныхъ княжествъ и упраздненія самыхъ мелкихъ обломковъ феодальной Священной имперіи, которыхъ тогда погибло 112. Пруссія заняла еще въ августѣ 1802 самовольно, т. е. не испрашивая согласія Имперскаго сейма, области, на присоединеніе которыхъ далъ свое согласіе Бонапарте. Не такъ-то легко было мелкимъ государямъ выхлопотать себѣ вознагражденіе на счетъ еще болѣе слабыхъ сосѣдей. Имперскій сеймъ по обычаю затягивалъ дѣло и всѣ обратились къ побѣдителю Германіи. Тогда-то насмѣшливые нарижане стали наслаждаться зрѣлищемъ государей и государственныхъ дѣятелей Священной имперіи, слѣпившихъ толпою къ столицѣ перваго консула. „Забавнѣе чѣмъ всѣ празднества и церемоніи, которыми Бонапарте потѣшалъ жадную до новыхъ развлеченій публику веселаго города—было это неслыханное зрѣлище добровольнаго самоуниженія правительствующей нѣмецкой аристократіи. Какъ часто въ тяжелую пору послѣднихъ лѣтъ бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ государей Германіи охватывало тревожное предчувствіе, что старинное величіе скоро покончится; они бѣжали и не разъ бѣжали передъ войсками революціи, обращая въ деньги все, что только было можно изъ государственныхъ имуществъ. Теперь пробилъ рѣшительный часъ: еще казалось возможнымъ спасти для дорогой династіи наследственный престоль. Подъ вліяніемъ паническаго страха исчезли всякая гордость и всякій стыдъ. То болѣе благородное пониманіе княжескихъ обязанностей, которое укоренилось при нѣмецкихъ дворахъ въ дни Фридриха Великаго, было разрушено деспотическимъ насиліемъ Бонапарте; снова

взяли верхъ помислы княжескихъ поставщиковъ солдатъ добраго стараго времени“.

„Подобно голоднымъ мухамъ набросилась высокая аристократія Германіи на кровавыя раны своего отечества. Талейранъ же открылъ съ циническимъ удовольствіемъ крупную биржевую игру, въ которой продавались люди и земли Германіи, и заявлялъ равнодушно, когда какой-либо изъ нѣмецкихъ аристократовъ еще испытывалъ проблескъ стыда: *il faut étouffer les regrets*. Высокорожденные противники революціи заискивали его милости, ухаживали за его метрессой, нѣжно носили на рукахъ его собачку, услужливо поднимались на тѣсный мезонинъ, гдѣ проживалъ его помощникъ Матье, самый хитрый изъ длинной вереницы способныхъ эльзасцевъ, рабочую силу и свѣдѣнія которыхъ Бонапарте охотно прилагалъ къ своимъ нѣмецкимъ дѣламъ. Золото маленькихъ дворовъ, котораго у нихъ никогда не было, когда имперія ихъ призывала на защиту отечества, теперь сыпалось горстями. Всякому въ дипломатическомъ мірѣ былъ извѣстенъ тарифъ французскихъ агентовъ и курсъ, по которому можно было приобрести мѣсто въ княжеской палатѣ новаго имперскаго сейма. Одинъ изъ рода князей Лёвенштейнъ, потомокъ Фридриха Побѣдоноснаго (Пфальцъ) игралъ роль маклера въ этомъ грязномъ дѣлѣ. Парижскіе плуты также воспользовались благоприятными обстоятельствами: не одинъ изъ жадныхъ нѣмецкихъ князей попался въ своей провинціальной простотѣ въ сѣти мнимыхъ агентовъ Талейрана, пока самъ Бонапарте не положилъ конца такому мошенничеству“.

„Всѣ одинаково и добрые и дурные были вовлечены въ этотъ дикій омутъ; ибо отъ Регенсбургскихъ переговоровъ ничего нельзя было ожидать и кто въ Парижѣ не успѣвалъ нахватать побольше, тотъ самъ становился жертвой жадно напиравшей толпы соперниковъ. Это соревнованіе династической жадности уничтожило сколько еще оставалось въ имперіи правды и вѣры, чувства долга и чести. Бонапарте ликовалъ; никакая нравственная связь не сдерживала болѣе старинное нѣмецкое государство“.

Не менѣе ярко и страстно характеризуетъ Трейчке правленіе султановъ Рейнскаго Союза „королей милостью Наполеона“ въ эпоху 1806 — 1813 года. Приведемъ для примѣра то, что относится къ Виртембергу: „древнее пророчество, посулившее честолюбивому маленькому Виртембергскому дому королевскую корону въ Швабін, нынѣ исполнилось; но и другой поговорѣ суждено было оправдаться, которую исконные виртембергцы повторяли съ наивнымъ самодовольствомъ: „*Unsere Fürsten sind immer böse Kerle gewesen*“. Чрезвычайно способный отъ рожденія,—вмѣстѣ съ герцогомъ Карломъ Аугустомъ Веймарскимъ можетъ быть лучшій умъ въ томъ поколѣніи нѣмецкихъ государей — король Фридрихъ рано заглушилъ въ себѣ потребность благороднаго развитія; всѣ ученые сдѣлались въ его глазахъ писаками, шулейстерами и цирюльниками; когда же онъ

послушно исполнилъ приказъ Наполеона: *chassez les bougres*, надменность самодержавца не знала болѣе никакихъ предѣловъ и въ Виртембергѣ водворилось правленіе (*ein Sündenregiment*), какого еще не сносила терпѣливая Нѣмецкая земля. Плоско и нагло подобно королевской коронѣ на крышѣ новаго Штутгартскаго замка красовался въ странѣ произволъ; король не скрывалъ, что считалъ Тарвинія и Перона своими образцами въ искусствѣ правленія. Двѣ тысячи триста рескриптовъ, исходившихъ отъ его *Sacra Regia Majestas* превратили въ мусоръ весь строй историческаго права и слили въ одну массу мѣщански-протестантскій Виртембергъ съ присоединенными къ нему духовными, городскими и дворянскими территориями. Воля короля и его 12 ландфохтовъ неограниченно господствовала какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ провинціяхъ государства — такъ гласило скромное выраженіе официального языка; всѣ общинныя власти назначались королемъ. Всѣ дрожали, когда подѣзжалъ толстый, старый грѣшникъ въ своей каретѣ въ видѣ раковины; орудія его неестественныхъ похотей и нѣсколько жадныхъ мекленбургскихъ юнверовъ составляли его постоянное общество. Посредствомъ принудительнаго набора онъ доставлялъ себѣ всѣ рабочія силы, въ которыхъ нуждался; въ одномъ только округѣ было собрано 21,000 человекъ для королевской охоты. Строгое воспрещеніе выселяться отняло у отчаявавшагося народа послѣднюю надежду. Съ особеннымъ злорадствомъ давалъ король чувствовать свою самодержавную власть свѣтлѣйшимъ членамъ имперской аристократіи; фамильные законы князей, графовъ и рыцарей были устранены однимъ почеркомъ пера; новый придворный церемоніаль указалъ имъ мѣсто позади пажей и конюшенныхъ юнверовъ, а кто не являлся ко двору, терялъ четвертую часть своихъ доходовъ. Скванная печать должна была хранить такое же молчаніе, какъ въ нѣмецкихъ областяхъ, подверженныхъ непосредственному владычеству Наполеона, гдѣ императорскіе цензора, не знавшіе по нѣмецки, не хотѣли напр. пропустить сочиненіе естествоиспытателя Тревирана объ „организаціи древесной тли“, потому что слово организація напоминала цензору — тугенд-бундъ.

Не въ лучшемъ свѣтѣ представлены бывшіе вассалы Наполеона на Вѣнскомъ конгрессѣ. Здѣсь мелкопомѣстные государи Германіи опять услужливо обступаютъ Талейрана, сдѣлавшагося теперь представителемъ королевской Франціи, — потому что этотъ великодушный человекъ энергически отстаивалъ на конгрессѣ равноправность всѣхъ участниковъ, Россіи наравнѣ съ „Шварцбургъ-Зондерсгаузеномъ“. Всѣхъ надменнѣе выступалъ „Виртембергскій Султанъ“. Какъ старѣйшему между коронованными особами, ему вездѣ уступали первое мѣсто, и съ навизымъ высокоомѣремъ нѣмецкихъ мелкихъ государей онъ въ самомъ дѣлѣ вообразилъ, что онъ самый важный изъ нихъ, всегда давалъ щедрѣе всѣхъ на чай, чтобы доказать величіе новой Швабской короны, старался подражать въ словахъ и манерахъ павшему импе-

ратору, на сколько это дозволяла необъятность его тѣла, и беззащитно обнаруживалъ въ грубыхъ гнѣвныхъ рѣчахъ свою злобу по поводу гибели прежняго лордскаго вѣща. Другой интересный представитель нѣмецкаго Kleinfürstenthum'a былъ ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій, который доказывалъ конгрессу въ многочисленныхъ нотахъ очевидную истину: что „такъ какъ всѣ сосѣднія государства увеличились“, то и Гомбургу необходимо, чтобы не снизойти съ своего историческаго положенія, присоединить въ своей державѣ деревни Оберъ-Урзелъ и Оберъ-Росбахъ. Понятно, что при такой точкѣ зрѣнія Трейчке не могъ сочувственно относиться къ реставраціи мелкихъ государей, которая вездѣ водворялась съ удаленіемъ французскихъ войскъ. Иронически описываетъ Трейчке, съ какою гордостью ганноверцы снова провозглашали себя велико-британцами и какъ они восторгались помѣшаннымъ англійскимъ королемъ, который въ теченіе полулѣтняго царствованія ни разу не удостоилъ ихъ страны посѣщеніемъ. Когда послѣ вторичнаго бѣгства короля Жерома, въ Кассель въѣхалъ „злой курфирстъ Вильгельмъ, горожане отпрягли лошадей у его кареты и съ ликованіемъ повезли отца отечества съ толстымъ зобомъ и длинной косичкой (Zopf) ко дворцу его предковъ“. Относительно его добродѣтелей, замѣчаетъ Трейчке, вѣрный народецъ правда самъ не заблуждался, но развѣ онъ не былъ природнымъ государемъ и развѣ любовь ищетъ доказательствъ? Вѣрнѣе, чѣмъ вѣрноподданинѣйшіе писатели официальныхъ газетъ выразилъ семейныя чувства этого заплещившаго мелкопомѣстнаго мірка одинъ старый крестьянинъ неопровержимыми словами: „хотя онъ и старый осель, а мы все-таки его хотимъ“, (und ob er schon ein alter Esel ist, wir wollen ihn doch wieder haben).

Конечно, въ такихъ проявленіяхъ партикуляризма есть очень комическая сторона, которая хорошо подмѣчена Трейчке; но этимъ и нарушена имъ обязанность историка, что въ его разсказѣ выступаетъ только эта сторона. Между тѣмъ въ наивныхъ словахъ гессенскаго крестьянина заключается глубокій, историческій смыслъ; привязанность мѣстнаго населенія къ своей доморощенной династии есть одно изъ выраженій племенной особенности, такъ глубоко укоренившейся у всѣхъ нѣмецкихъ племенъ и составляющей самую сущность партикуляризма. Этотъ партикуляризмъ можетъ послужить замѣчательнымъ примѣромъ живучести многихъ историческихъ явленій и національныхъ чертъ. Уже одинъ изъ первыхъ летописцевъ нѣмецкихъ саксонскій монахъ Видукинъ, писавшій 900 лѣтъ тому назадъ, вполне ясно высказываетъ это чувство племенной особенности, которое остается характеристической чертой Германской исторіи до нашего времени. Для Видукинда саксонскіе герцоги, которые въ то время носили корону Германіи, остаются его племенными князьями, которые только распространили свою власть надъ другими племенами. Онъ никакъ не можетъ подняться до понятія королевской власти, одинаково распространяющейся надъ саксами,

франками и швабами; эта власть въ его глазахъ не что иное, какъ владычество саксовъ надъ франками, швабами и пр. Точно также смотрѣли на эту власть съ другой стороны эти франки и швабы. Подобный взглядъ въ извѣстной степени господствуетъ и теперь въ Германіи; для многихъ баварцевъ и швабовъ германскій императоръ и теперь не что иное, какъ король пруссаковъ.

Другое вѣковое препятствіе національному объединенію Германіи представляли собой историческое положеніе и политика Габсбурговъ, и потому выясненіе антагонизма между Германіей и Австріей становится одной изъ главныхъ задачъ исторіи Трейчкѣ. Династія Габсбурговъ уже во второй половинѣ XIII вѣка заняла престолъ Германской имперіи, а съ начала XV занимала его непрерывно. Тѣмъ не менѣе въ глазахъ Трейчкѣ власть Габсбурговъ съ самого начала является чужевластіемъ — Fremdherrschaft. Интересъ эрцгерцоговъ Австріи съ самаго начала расходится съ интересами другихъ нѣмецкихъ областей. „Отдѣленная отъ центра Германіи сильной славянской державой въ Богеміи, древне-германская „восточная марка“ (окрайна) рано, еще въ средніе вѣка, принуждена была идти своей особенной дорогой и вживаться въ сложную политику венгро-славяно-румынскаго сочетанія народовъ въ нижне-дунайскихъ областяхъ“. Образъ дѣйствія Габсбурговъ во время реформаціоннаго періода даетъ конечно Трейчкѣ еще болѣе основанія признать политику Габсбургскихъ императоровъ чуждой Германіи и гибельной для нея. Дѣйствительно, переходъ нѣмецкой императорской династіи на Испанскій престолъ, и вытекавшій отсюда тѣсный союзъ съ папствомъ и романизмомъ болѣе всего помѣшали протестантизму распространиться по всей Германіи и внесли въ націю глубокой религіозный расколъ. Религіозный дуализмъ вызвалъ политическій и культурный антагонизмъ между нѣмецкими землями, въ которомъ Австрія начинала преслѣдовать цѣли, все болѣе и болѣе расходившіяся съ лучшими интересами большинства нѣмецкой національности. Говоря о XVII вѣкѣ Трейчкѣ имѣлъ болѣе или менѣе права характеризовать слѣдующимъ образомъ габсбургскую политику: „такимъ образомъ могущественная держава нѣмецкихъ императоровъ относилась враждебно къ протестанто-нѣмецкой культурѣ, равнодушно къ европейскимъ задачамъ нѣмецкой политики и съ континентальной узостью къ торговымъ интересамъ нашего побережья. Габсбурго-Лотарингская династія умѣла видѣть въ неопредѣленныхъ правахъ императорской власти только благоприятное средство, чтобы воспользоваться военными силами Нѣмецкой націи въ интересахъ своего дома и чтобы злоупотребленіемъ формъ имперскаго права разрѣшать важные вопросы своей династической политики. Почтенная императорская юрисдикція сдѣлалась поприщемъ влязничества, иностранная политика Германіи—азартной игрой. Имперія, то предоставленная непріятельскому нападенію, то вовлекаемая въ чуждыя ей дѣла (undeutsche Händel), должна была постоянно платить за пораженія Австріи, Голландія и Швейцарія,

Шлезвигъ и Голштинія, Померанія и Орденская Пруссія, Эльзась и Лотарингія были утрачены имперіей главнымъ образомъ по винѣ Габсбурговъ; эти невознаградимыя потери были менѣ позорны для той полужуждой державы, не умѣвшей соединить императорскія обязанности съ интересами своего дома, чѣмъ для самой Нѣмецкой націи, которая не смотря на всѣ бѣдствія чужезластія не находила въ себѣ энергіи, чтобы разорвать львиный союзъ съ Австріей“.

Войны съ Французской республикой и съ Наполеономъ представили очень удобную почву для Трейчке, чтобы провести на фактахъ вышеизложенный взглядъ на австрійскую политику. Послѣдовать за нимъ въ разсмотрѣніи этихъ событій мы не можемъ и ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Не смотря на всю страстность изложенія у Трейчке оцѣнка австрійской политики въ Наполеоновское время въ нѣкоторыхъ случаяхъ отстываетъ отъ господствовавшего прежде взгляда и напр. справедливей или благопріятнѣе для Австріи, чѣмъ въ Нѣмецкой исторіи извѣстнаго и почтеннаго ученаго Гейссера. Это произошло отъ того, что съ тѣхъ поръ обнародовано въ Вѣнѣ нѣсколько сочиненій съ документальнымъ изложеніемъ касающихся того періода фактовъ. И въ этомъ случаѣ оправдалось, что излишнее охраненіе архивныхъ тайнъ вреднѣе всего для интересовъ, которые такимъ способомъ оберегаютъ. Между архивными изслѣдованіями, бросившими новый свѣтъ на австрійскую политику, особеннаго вниманія заслуживаетъ вышедшая въ 1877 книга Адольфа Бера: „Десять лѣтъ австрійской политики 1801—1810“. Трейчке, излагая войну Австріи съ Наполеономъ, приведшую къ сраженію при Аустерлицѣ и къ Пресбургскому миру, воспользовался изслѣдованіями Бера; но въ одномъ вопросѣ расходится съ нимъ, не объясняя своихъ мотивовъ. У Бера въ первый разъ выяснено, что отреченіе императора Франца II отъ императорской короны Германіи послѣдовало вслѣдствіе сильныхъ угрозъ Наполеона; французскій императоръ грозилъ даже новымъ вторженіемъ въ Австрію, если Францъ замедлитъ исполнить желаніе своего побѣдителя. Въ изложеніи Трейчке объ угрозахъ не упоминается, но очень ярко выставлено на видъ, что „какого предки видѣли въ занятіи императорскаго престола только средство усилить могущество своей династіи, такъ императоръ Францъ думалъ только о томъ, какъ бы сдѣлать изъ отреченія отъ этого престола выгодную торговую операцію“ (Handelsgeschäft). „Моментъ къ уступкѣ императорской короны, писалъ Францъ, наступитъ тогда, когда выгоды, простекающія отъ нея для моей монархіи, станутъ перевѣшиваться вредомъ, который произойдетъ бы отъ дальнѣйшаго ея сохраненія“. Согласно съ этимъ графъ Меттернихъ долженъ былъ поспѣшить въ Парижъ, чтобы „какъ можно дороже поставить на счетъ императорскую корону, не обнаруживая никакого нежеланія къ отреченію отъ упомянутой почести, напротивъ полную готовность,—однако только подъ условіемъ приобрѣтенія важныхъ для моей монархіи выгодъ“. Вотъ съ какими помыслами, заключаетъ Трейчке, прощался послѣдній

римско-нѣмецкій императоръ съ порфирію Салійцевъ и Гогенштауфеновъ“.

Антагонизмъ между національными интересами Германіи и государственными или династическими цѣлями Австріи съ того времени еще болѣе развился и особенно обнаружился во время Вѣнскаго конгресса, хотя этого тогда и не сознавали въ Германіи. Какъ императоръ Францъ, такъ и главный государственный дѣятель Австріи, графъ Меттернихъ, относились не менѣе недовѣрчиво и недружелюбно къ взрыву національнаго чувства, тѣмъ мелкопомѣстные государи и ихъ визири, напр. первый министръ Баваріи, графъ Монжела, который приходилъ въ бѣшенство отъ того, что онъ называлъ „fatale Teutschheit“. Но и въ вопросахъ иностранной политики и международнаго положенія Германіи дипломатія Меттерниха дѣйствовала на перекоръ желаніямъ нѣмецкихъ патріотовъ. Книга Трейчке конечно изобилуетъ указаніями на это, напр. въ вопросѣ объ обезпеченіи западной границы Германіи общими силами Пруссіи и Австріи. Пруссіе государственные люди того времени были совершенно поглощены идеей дуализма, т. е. двоевластія Пруссіи и Австріи въ Германіи. Подъ вліяніемъ этой идеи они особенно хлопотали о томъ, чтобы Габсбурги снова заняли старинную родовую область своего дома—Брейсгау на верхнемъ Рейнѣ и предлагали Австріи кромѣ того приобрести Мангеймъ, какъ самый важный стратегическій пунктъ Южной Германіи. Но среди вѣнскихъ государственныхъ людей одинъ только Стадіонъ относился благопріятно къ этому проекту; онъ еще вращался въ кругу понятій швабскаго рейхсграфа и замѣтилъ Гумбольдту, что черезъ отказъ отъ своихъ верхне-рейнскихъ областей Австрія почти перестала бы быть нѣмецкимъ государствомъ. Но Меттернихъ остался твердъ и наконецъ заявилъ прусскому посланнику съ необычной опредѣленностью, что весь этотъ планъ немислимъ для Австріи. „Такимъ образомъ, заключаетъ отсюда историкъ, Австрія, по словамъ Стадіона, перестала быть нѣмецкимъ государствомъ — только по доброй волѣ своего двора, вопреки настоящему желанію Пруссіи“. Въ своемъ желаніи устранить планъ Пруссіи относительно устройства Германіи Меттернихъ даже вошелъ въ тайное сношеніе съ Талейраномъ и между прочимъ, какъ предполагаетъ Трейчке, сообщилъ представителю Франціи конфиденціальную ноту Гарденберга, въ которой были изложены прусскія требованія—„примѣръ австрійской союзной вѣрности (Bundestreue), прибавляетъ Трейчке, который потомъ не разъ повторялся въ Вѣнѣ“.

Такимъ образомъ вся книга нѣмецкаго историка постепенно подготавливаетъ читателя къ выводу, высказанному на послѣдней ея страницѣ: „Неудовлетворительность результатовъ Вѣнскаго конгресса для Германіи обуславливалась не внутреннимъ несогласіемъ нѣмцевъ, но тѣмъ, что Австрія отпала отъ Германіи (war von Deutschland abgefallen). Старинная династическая политика Габсбурговъ, которая такъ

часто предоставляла иноземцамъ имперскія земли въ замѣнъ императорскихъ наслѣдственныхъ областей, на этотъ разъ, когда не было въ виду никакого желательнаго приобрѣтенія для этого дома, попросту отреклась отъ нѣмцевъ“.

Мы не можемъ оставить Вѣнскаго конгресса, не обративъ вниманія читателей на лицо, стоящее въ центрѣ этой исторической картины. При описаніи конгресса Трейчке, вѣроятно для сбереженія мѣста, не воспользовался этимъ благодарнымъ сюжетомъ для изображенія общества и нравовъ; но онъ даетъ намъ нѣсколько очень пластическихъ характеристикъ присутствовавшихъ въ Вѣнѣ лицъ. Между ними особенно выдается характеристика императора Франца: „Не безъ искусства разыгрывалъ хозяинъ роль достопочтеннаго патриарха среди высокой аристократіи, хотя ему всего только было 47 лѣтъ. Онъ не пожалѣлъ выдавать ежедневно 50,000 гульденовъ на императорскій столъ, а на весь конгрессъ истратилъ 16 милліоновъ, въ то время, какъ его незвознагражденные инвалиды просили милостыни по большимъ дорогамъ; расчетливый хитрецъ хорошо понималъ, какою барышъ ему можно было извлечь изъ положенія хозяина. Какою трогательною представлялась свѣтлѣйшимъ гостямъ эта болѣе чѣмъ невзрачная фигура въ потертомъ синемъ сюртукѣ съ добродушнымъ мѣщанскимъ видомъ. Флорентинецъ по рожденію, Францъ уже молодымъ человѣкомъ переселился на Дунай; но маска чистосердечнаго, честно-грубаго австрійца, которую онъ тогда на себя надѣлъ, теперь сидѣла на немъ какъ прилитая къ лицу, потому что соответствовала его флегмѣ и пошлымъ наклонностямъ. Ничто въ мірѣ не было способно извлечь изъ него чувство сердечнаго расположенія; безслѣдно прошумѣли тяжелыя волны рововаго времени надъ его тупымъ эгоизмомъ. Онъ никогда не миловалъ, развѣ только когда преступникъ самъ молилъ о смерти; онъ собственной особой руководилъ мученіями политическихъ заключенныхъ, самъ опредѣлялъ для каждаго тяжесть цѣпи и количество постныхъ дней; онъ не зналъ болѣе сладкаго развлеченія, какъ чтеніе вскрптыхъ писемъ. Онъ потерялъ уже двухъ женъ и скоро долженъ былъ похоронить третью, чтобы снова съ невозмутимымъ душевнымъ спокойствіемъ обвѣнчаться съ четвертой; онъ по принципу окружалъ себя людьми съ нечистымъ прошлымъ, которыхъ онъ во всякую минуту могъ вытолкать отъ себя вонъ. Не смотря на все это и не смотря на злой взглядъ его холодныхъ, жесткихъ глазъ, не смотря на напрашивавшееся воспоминаніе о его родственникѣ по крови и по духу, о Филиппѣ II Испанскомъ, весь міръ вѣрилъ въ дѣтскую невинность бездушнаго, недовѣрчиваго деспота. Его политическая система была какъ нельзя больше проста. Послѣ всѣхъ мученій и заботъ этихъ тревожныхъ лѣтъ онъ желалъ наконецъ опять имѣть покой, желалъ какъ какой-нибудь прилежный надзорный совѣтникъ росписывать кипы бумагъ ничтожными примѣчаніями, а въ часы до-

суга играть на скрипкѣ, вырѣзывать бумагу, полировать клѣтки и предаваться прочимъ своимъ развлечениямъ (und was sonst der K. K. Ausschweifungen mehr war). Ограниченный и лѣнивый думать какъ большинство его предковъ, совершенно неспособный понять новую политическую мысль, онъ видѣлъ во всѣхъ революціонныхъ и національных идеяхъ, одушевлявшихъ наступившій вѣкъ, не что иное какъ злобу и глупость, не что иное какъ возмущеніе противъ благочестиваго эрцгерцогскаго рода. Но съ этой бѣдностью мысли въ немъ соединялась плутовская мужицкая смѣтливость (Bauernschlauheit), извѣстное грубое чутье того, что было достижимо. Императоръ очень вѣрно понималъ, что его династія уже прибрѣла почти все, что только было желательно и должна была опасаться всякой переменъ въ политическомъ строѣ Европы. Такимъ образомъ онъ сдѣлался по наклонности, по принципу и по расчету, заклятымъ врагомъ всякой новизны, рѣшительно всякой переменъ и подозрительнымъ противникомъ обѣихъ честолюбивыхъ сосѣднихъ державъ, Россіи и преимущественно Пруссіи“.

Изъ всего нами приведеннаго достаточно выясняется общій взглядъ Трейчке на внѣшнюю исторію Германіи; обратимся теперь къ его взгляду на внутреннюю жизнь страны въ описанный имъ періодъ. Въ этой области авторъ и проводимое имъ въ книгѣ воззрѣніе еще оригинальнѣе и характеристичнѣе для извѣстной части современнаго Нѣмецкаго общества. Въ изложеніи внѣшней исторіи Трейчке является продолжателемъ давно начатаго дѣла, послѣдователемъ школы историка, для которыхъ государство, Фридриха Великаго сдѣлалось центромъ новой, національной историографіи. Только у Трейчке, писавшаго послѣ того какъ цѣль была достигнута, больше твердости и увѣренности, чѣмъ у его предшественниковъ; то, что у послѣднихъ является въ видѣ пророчества, на которое уполномочиваютъ историка-гадателя факты прошедшаго, — у Трейчке представляется математической аксіомой, подтверждаемой съ очевидностью приведенными доказательствами. Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о внутренней политикѣ, книга Трейчке представляетъ собой замѣчательный поворотъ, любопытное знаменіе времени. Въ его книгѣ нельзя видѣть только личный случайный взглядъ извѣстнаго автора, — это отраженіе цѣлаго слоя общественнаго мнѣнія, рѣзко отличающагося отъ прежде господствовавшаго настроенія и обусловленнаго не только торжествомъ Прускаго правительства въ внѣшнихъ дѣлахъ, но и той внутренней соціальной борьбой, которая заставила значительнѣйшую часть либеральнаго общества въ Германіи выйти изъ оппозиціи и сознать свою солидарность съ государствомъ.

Въ этомъ именно отношеніи книга Трейчке заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ краткихъ словахъ сущность этого взгляда лучше всего характеризуется словами самого историка, сказанными имъ о Фихте: „Ihm war die Majestät des Staatsgedankens aufgegangen“. Его историческое

возрѣніе главнымъ образомъ проникнуто пробужденіемъ государственнаго начала, сознаниемъ нравственнаго значенія государства. Историкъ очевидно говорилъ отъ души, по личному опыту, когда при описаніи событій 1813 года онъ сказалъ о знаменитомъ философѣ: „Какъ бы оцупавъ собственными руками, какія тяжкія средства можетъ возложить на народъ любимая и уважаемая государственная власть, онъ привыкъ быть болѣе высокаго мнѣнія (er lernte grösser denken) о сущности политическаго союза людей и изобразилъ въ своей политикѣ государство воспитателемъ челоѣчества къ свободѣ, союзомъ, на который возложена обязанность осуществить нравственную задачу на землѣ“. Это сознательное, основанное на нравственныхъ мотивахъ поклоненіе государственному началу проходить черезъ всю книгу Трейчке и высказывается очень разнообразно и всегда очень характеристично для этого виднаго представителя національ-либеральной партіи. Прежде всего здѣсь можно указать на его монархизмъ, его пониманіе историческаго значенія монархіи въ жизни извѣстныхъ народовъ. Никто не выяснилъ такъ опредѣленно „культурную силу сознательной королевской воли“ (des sweckbewussten königlichen Willens) въ исторіи Прусскаго государства, какъ этотъ саксонецъ. „Въ немногихъ другихъ странахъ, говоритъ онъ, королевская власть такъ постоянно обнаруживала тѣ двѣ доблести, которыя составляютъ ея величіе: смѣлый, далеко впередъ смотрящій идеализмъ, который приноситъ въ жертву удобство нынѣшняго дня болѣе великому будущему, и строгую справедливость, понуждающую всякій эгоизмъ служить цѣлому. Только обширный взоръ монарха былъ въ состояніи узрѣть въ этихъ жалкихъ политическихъ обломкахъ (рѣчь идетъ о владѣніяхъ великаго курфирста) матеріалъ для созданія новой великой державы. Только въ чувствѣ долга со стороны короны, только въ монархическомъ принципѣ враждебныхъ племена и сословія, партіи и церкви, которыя заключали въ себѣ этотъ микрокосмъ нѣмецкой жизни, нашли охрану и миръ“.

Дальнѣйшее проявленіе государственнаго начала у Трейчке можно найти въ откровенномъ признаніи историческаго и національнаго значенія войны. Въ патетическомъ слогѣ Трейчке слово война получаетъ эпическое украшеніе, указывающее на ея смыслъ; она носитъ эпитетъ—созидающая народы (völkerbildend). Какое различіе между этимъ мужественнымъ тономъ и патриотическимъ одушевленіемъ этого историка и презрительнымъ отношеніемъ къ войнѣ со стороны разсудительно-прагматической школы тридцатыхъ годовъ, напр. Готтека и Шлоссера. Въ основаніи этой перемѣны взгляда главнымъ образомъ лежитъ замѣна отвлеченной доктрины о „естественномъ состояніи“, откуда напр. возникло и ученіе Канта о вѣчномъ мирѣ, болѣе живымъ и правильнымъ пониманіемъ развитія государствъ и народовъ, которое было слѣдствіемъ исторической школы. Къ этому конечно еще присоединилось глубокое впечатлѣніе, которое не могла не произвести

на восприимчиваго историка самая эпоха имъ изучаемая, а также вліяніе пережитыхъ имъ событій. Но что у Трейчке это нѣсколько восторженное отношеніе къ войнѣ не есть отголосокъ милитаризма и національнаго шовинизма, который вездѣ легко воспламеняется послѣ одержанныхъ успѣховъ или при воспоминаніи о нихъ, а гражданское чувство, основанное на сознаніи государственныхъ обязанностей,—въ этомъ можетъ убѣдить напр. слѣдующее мѣсто. Вотъ какъ описывается переворотъ въ общественномъ мнѣніи послѣ пораженія при Іенѣ и занятія Наполеономъ Берлина: „Безпощадная правда войны уничтожила фразы просвѣщеннаго суетумудрія, разрушила иллюзіи (Traumwelt) разсудка, въ которыхъ такъ охотно распыляется перерзѣлое развитіе столичной публики и снова принудила разслабленныя души ненавидѣть отъ всего сердца и любить. вмѣстѣ съ комфортомъ остроумнаго общества гостинныхъ пришло къ концу и бумажное время. Теперь, когда горе поселилось въ каждомъ домѣ и надменная цивилизація сознала мощную руку живаго Господа;—и ученый и простой человѣкъ, всѣ поняли, что такое эта загадочная жизнь безъ вѣры и что такое злосчастный человѣкъ безъ своего народа“.

Другое интересное знаменіе времени заключается въ отношеніи историка къ парламентаризму. И здѣсь книга Трейчке можетъ служить симптомомъ реакціи противъ настроенія во время „конфликта“, противъ недавно еще господствовавшей доктрины, которая видѣла во всеобщемъ, однообразномъ примѣненіи парламентаризма альфу и омегу политической мудрости, нанаею противъ всѣхъ общественныхъ золь. Многолѣтнее увлеченіе конституціонной доктриной имѣло конечно свои достаточныя основанія; оно отчасти было естественной оппозиціей противъ мелочнаго и придирчиваго бюрократизма и тупой реакціи Меттерниховскаго періода, а отчасти коренилось въ усвоенной еще въ прошломъ столѣтіи привычѣ относиться отвлеченно, чисто разсудочно, къ политическимъ формамъ; въ этомъ случаѣ либеральная школа, ведущая свое начало отъ Монтескье, не многимъ уступала радикализму послѣдователей Руссо. Обѣ эти причины были устранены теченіемъ времени; тираннія мелкопомѣстныхъ султановъ становится въ Германіи отдаленнымъ преданіемъ, а успѣхи исторической науки вселили въ образованное общество болѣе органическое пониманіе государства. Неожиданное и изумительное торжество нелиберальнаго Прусскаго правительства въ 1866—1870 годахъ и единодушное, согласное дѣйствіе общества и правительства, обнаружившееся въ Франко-Прусскую войну, заставили большинство нѣмецкихъ либераловъ цѣнить сильную государственную власть. Эта перемѣна отразилась и на самомъ языкѣ: установленный французскимъ конституціонализмомъ терминъ „исполнительная власть“ многозначительно замѣнился выраженіемъ—„воронная власть“ (Macht der Krone у Трейчке). Только въ слѣдующемъ томѣ, когда историкъ приступитъ къ описанію борьбы между парламентаризмомъ и абсолютизмомъ въ Германіи, онъ будетъ

имѣть возможность подробнѣе развить свой взглядъ на дѣло; но уже и въ этомъ томѣ проявляется новое въ нѣмецкой историографіи отношеніе къ разсматриваемому вопросу. Оно напр. ясно обрисовывается въ характеристикѣ политическихъ воззрѣній знаменитаго преобразователя Пруссіи. „Назойливому революціонному духу, который требовалъ отъ государства безпредѣльныхъ правъ человѣка, въ лицѣ Штейна противопоставлялось строгое старо-прусское чувство долга, смѣлому дилетантизму политическаго философа—знакомство умѣлаго администратора съ дѣлами и людьми, который вынесъ изъ опыта жизни убѣжденіе, что переустройство государства должно начаться снизу, и что конституціонныя формы малоцѣнны, когда подъ нихъ не подведено основаніе свободной администраціи“.

Трейчке относится безъ всякаго увлеченія къ первымъ хартіямъ нѣмецкаго парламентаризма, возникшимъ еще во время Вѣнскаго конгресса. Онъ очень реалистично рассказываетъ о ихъ происхожденіи. „Изъ самыхъ пошлыхъ мотивовъ, изъ княжескаго самомнѣнія (Souveränitätsdünkel) и партикуляристическаго страха передъ вмѣшательствомъ союзной власти, кабинеты трехъ среднихъ государствъ юга рѣшились сдѣлать неизбѣжное по собственному почину (auf eigene Faust) и даровать своей странѣ представительную систему.“

Еще яснѣе высказывается историкъ, когда касается обѣщанія, сдѣланнаго въ то же время Фридрихомъ Вильгельмомъ III—дать Пруссіи конституцію. Извѣстно, какою поводомъ къ нареканіямъ на Прусское правительство, особенно со стороны южно-германскихъ либераловъ, давало неисполненіе этого обѣщанія, каковымъ революціоннымъ ферментомъ послужило обвиненіе короля въ вѣроломствѣ. Вотъ какъ отзывается Трейчке объ этомъ дѣлѣ: „И король съ конца 1808 года былъ расположенъ въ пользу конституціонной идеи и желалъ тотчасъ дать своему вѣрному народу знакъ благороднаго довѣрія. Но съ какимъ преступнымъ легкомысліемъ поступилъ и въ этомъ случаѣ государственный канцлеръ (Гарденбергъ)! По его совѣту король обѣщаль возстановить провинціальныя собранія (сословныя), а тамъ, гдѣ давно уже не было, ввести ихъ! вновь съ тѣмъ, чтобы изъ нихъ посредствомъ выборовъ образовать всеобщее представительство страны. Такимъ образомъ онъ напередъ связаль руки абсолютной коронѣ и именно въ такой моментъ, когда онъ самъ еще не имѣлъ даже поверхностныхъ свѣдѣній о правахъ провинціальныхъ сословій въ пестромъ хаосѣ земель, вновь вошедшихъ въ Прусское государство. Общественное мнѣніе, благодарное за все, что называлось либеральнымъ, приняло королевскій зарокъ съ шумнымъ ликованіемъ, особенно поправилось соотвѣтствовавшее модному воззрѣнію обѣщаніе письменной конституціонной хартіи. Слишкомъ скоро должно было обнаружиться, что Гарденбергъ совершилъ грубую политическую ошибку, что онъ обѣщаль невозможное“.

Намъ остается еще обратить вниманіе читателей на отношеніе

нѣмецкаго историка къ литературѣ и къ общественному мнѣнію эпохи имъ описываемой. Настроеніе, которымъ проникнуто сочиненіе Трейчке, напоминаетъ намъ замѣчаніе одного талантливаго венгерскаго писателя нашего времени—Пульскаго, помѣщенное въ его мемуарахъ. Вооружаясь противъ предрасудка, „что кто умѣетъ писать, тотъ умѣетъ и думать“, Пульскій заявляетъ, что „слово часто бываетъ могилою мысли, что въ лучшемъ случаѣ слово и мысль находятся въ борьбѣ между собой, изъ которой рѣдко возникаетъ мастерское твореніе. Мысль имѣетъ только одного настоящаго сына—дѣло; слово же только пасынокъ мысли, который тѣмъ не менѣе иногда присвоиваетъ себѣ все богатое наслѣдство“. Подобное отрезвленіе отъ романтической вѣры въ силу и значеніе печатнаго слова замѣчается и у Трейчке. Общій характеръ нѣмецкой культуры, и особенно исторія Наполеоновской эпохи, давали ему достаточные поводы къ его скептицизму въ этомъ отношеніи. Но этотъ скептицизмъ выражается не въ общихъ разсужденіяхъ, а въ чрезвычайно живыхъ реалистическихъ характеристикахъ литературы и общественнаго мнѣнія въ извѣстные моменты, гдѣ очень мѣтко подхвачены ихъ слабыя стороны. Эти характеристики очевидно проникнуты прагматическою цѣлью; онѣ направлены противъ преувеличеннаго самомнѣнія (*überspanntes Selbstgefühl*), „которое осталось свойствомъ литературы XIX вѣка“; онѣ должны доказывать несостоятельность притязаній „молодыхъ поэтовъ и ученыхъ романтической школы, которые постоянно, точно такъ какъ въ послѣдствіи ораторы либерализма и писатели молодой Германіи, держались твердаго убѣжденія, что новый порядокъ вещей собственно ими созданъ, что государственные люди и солдаты только исполнили то, что они сами гораздо лучше и идеальнѣе придумали“. Въ Германіи и внѣ ея сдѣлалось общимъ мѣстомъ, что пробужденіе національнаго сознанія и идея политическаго объединенія этой страны были дѣломъ ея профессоровъ, результатомъ многолѣтнихъ трудовъ литературы и публицистики. Трейчке отзываясь на это слѣдующимъ образомъ: „Самыя роковыя послѣдствія для нашей политической жизни, которыя по сию пору не изгладились, имѣло то обстоятельство, что идея національнаго единства не созрѣвала у насъ постепенно, какъ во Франціи въ теченіе вѣковъ, не была естественнымъ плодомъ непрерывной, постоянно къ той же цѣли направленной монархической политики, но что она пробудилась внезапно послѣ долгаго сна, подъ слезами негодованія, при мечтаніяхъ о временахъ минувшихъ. Отсюда эта трогательная черта идеалистической мечтательности (*Schwärmerei*), чистосердечнаго одушевленія, которая дѣлаетъ столь симпатичными нѣмецкихъ патриотовъ слѣдующихъ поколѣній. Отсюда ихъ болѣзненное раздраженіе, ибо даже когда испарилась суровая ненависть къ французамъ той изстрадавшейся эпохи, въ „сердцахъ восторженныхъ тевтоновъ“ сохранилась глубокая злоба противъ иноземцевъ; они не могли мечтать о будущемъ величіи Германіи, не браня другихъ народовъ, которые

такъ часто и такъ жестоко обижали ихъ страну. Отсюда также изумительная расплывчивость и смутность политическихъ надеждъ у нѣмцевъ. Разогрѣтый неопредѣленными историческими образами энтузіазмъ, восторгавшійся идеей великаго отечества въ облакахъ, которое какимъ-то образомъ должно было воскресить величіе Оттоновъ и Гогенштауфеновъ—радушно пріѣхивало всякаго, кто предавался тѣмъ же жалобамъ, тѣмъ же мечтамъ, хотя бы то были люди самыхъ различныхъ политическихъ направленій, и считалъ ихъ членами своей партіи, почти не замѣчая живыхъ силъ настоящаго нѣмецкаго единства, зарождавшихся въ Прусскомъ государствѣ; — отсюда наконецъ неустойчивая слабость нѣмецкаго національнаго чувства, которое до сихъ поръ еще не достигло безошибочной вѣрности наивнаго, народнаго инстинкта“.

Съ этой точки зрѣнія станеть понятнымъ, почему Трейчке не особенно сочувственно относится къ крайнимъ и уродливымъ проявленіямъ отечественнаго патриотизма въ Наполеоновскую эпоху. Недавно еще сочли бы въ Германіи ересью пренебрежительный и насмѣшливый тонъ, съ какимъ Трейчке говоритъ о знаменитомъ патріотѣ Янѣ (основатель гимнастики Turnvater), который какъ и другіе патріоты подобнаго пошиба, между прочимъ обнаруживалъ свой патріотизмъ въ произвольномъ коверканіи роднаго языка, причемъ съ нимъ случилась бѣда; самъ того не сознавая, онъ придумалъ иностранный терминъ для своей любимой гимнастики, который такимъ образомъ и ввелъ въ Нѣмецкій языкъ (turnen). Трейчке рѣзко осуждаетъ надменную ненависть къ иностранцамъ, хвастовство, пренебреженіе къ формамъ и приличіямъ, проявившіяся въ томъ, что онъ называетъ — das polternde Treiben des wunderlichen Recken Jahn, и сожалѣеть, что нѣмецкому юношеству пришлось почитать своимъ учителемъ горластаго дикаря (lägtmender Barbar).

Такъ же разумно и безпристрастно отношеніе историка къ тогдашней журналистикѣ и къ самому вліятельному представителю ея Гёрресу, издателю Рейнскаго Меркурія. Определенное политическое направленіе, говоритъ Трейчке, высказывалось только въ полемическомъ отдѣлѣ этой газеты; Гёрресь зналъ въ сущности только то, чего онъ не желаетъ. Когда онъ бичевалъ тайныя, измѣнническія интриги князей Рейнскаго союза, или металъ свои громы противъ наемныхъ писакъ министра Монжеля, или обличалъ поверхностное культурное направленіе Аргауской газеты Цюкке, тогда старый боецъ былъ въ своей стихіи. Безпощадно, съ захватывающей правдой изображалъ онъ грѣхи, вызвавшіе паденіе старой имперіи и влагалъ въ уста низвергнутому Наполеону слѣдующія слова: „народъ безъ отечества, политическое устройство безъ единства, князя безъ характера и убѣжденій, дворянство безъ чувства достоинства и силы, все это обѣщало мнѣ легкую добычу“. Но планы Гёрреса относительно будущности Германіи были нисколько не яснѣе громогласныхъ фразъ Калишскаго призыва.

Романтикъ мечталъ о возстановленіи короны Каролинговъ и старался такъ или иначе согласовать свои мечты объ императорѣ съ дуалистическими планами, которые сообщались ему изъ прусской государственной канцеляріи; но даже этого уродливаго представленія о двойственной гегемоніи подъ Габсбургскимъ верховенствомъ онъ не былъ въ состояніи твердо держаться, и предлагалъ въ своемъ листѣ, какъ бы на выборъ, пеструю вереницу совершенно различныхъ прозетовъ устройства, по мѣрѣ того, какъ они доставлялись ему горячими патриотами. При нѣкоторой доброй волѣ правительства—это для всѣхъ было несомнѣнно—переустройство освобожденнаго отечества было игрушкой; кто въ то время счелъ бы возможнымъ возобновленіе старой борьбы изъ-за могущества между Пруссіей и Австріей, былъ бы объявленъ клеветникомъ. Съ благодарностью и радушіемъ привѣтствовалось всякое предложеніе, касавшееся организациіи политическаго будущаго Германіи, если авторъ его только очень громко толковалъ о нѣмецкомъ духѣ, о согласіи двухъ великихъ державъ, о единствѣ и свободѣ и обнаруживалъ гордую самоувѣренность, которую народъ требовалъ отъ своихъ трибуновъ.

Писавшіе въ этой газетѣ, по словамъ Трейчке, чувствовали себя представителями народа, а этотъ народъ полагалъ среди своихъ расплывшихся бредней, что уже достигъ пѣли и далеко переросъ мудрость кабинетовъ. „Нѣчто пѣльное и настоящее должно быть создано, кричалъ Геррессъ дипломатамъ, и при этомъ долженъ быть принятъ во вниманіе голосъ народа, который понятно и ясно вездѣ раздается“. И при всемъ этомъ Рейнскій Меркурій представлялъ собой лучше, чѣмъ можетъ быть газета—вѣрное зеркало современности; онъ былъ честенъ, остроуменъ, юношески восторженъ, какъ все то поколѣніе, и еще совершенно неприкосновененъ къ тѣмъ нечистымъ, побочнымъ дѣламъ, которыя пресса преслѣдуетъ въ эпохи развитаго общежитія.

„Никогда еще, говоритъ Трейчке въ другомъ мѣстѣ, способное и высокообразованное поколѣніе не вращалось въ такихъ дѣтски-смутныхъ политическихъ представленіяхъ; все, что эта эпоха думала о государствахъ, вытекало изъ чувства, изъ искренней безбрежной мечтательности, которая искала свои идеалы то въ прошедшемъ, то въ будущемъ. Совершенно наивно сливали первобытное съ новѣйшимъ; восхваляя систему народнаго ополченія Шарнгорста и уничтоженіе всѣхъ внутреннихъ таможенъ Германіи, Рейнскій Меркурій въ то же время вынесъ изъ пыли библиотекъ монархію Данте и вздумалъ врачевать страданія новаго, лишившагося центральной власти общества идеями XIII вѣка. Большинство этихъ публицистовъ еще не сознавало, что политикъ долженъ быть послѣдователенъ, долженъ стоять за свои мысли; самымъ невиннымъ образомъ каждый изъ нихъ высказывалъ на общую пользу то, чего онъ желалъ, что ему приходило на умъ, не считая это ни для кого обязательнымъ и всегда готовый и самъ усвоить противоположное мнѣніе. Арядтъ прямо объявилъ: наше время таково, что

умный человекъ долженъ только сѣять идеи—ради удовольствія, раскидывать сѣмена и вслѣдствіе сознанія необходимости шевелить все еще слишкомъ сонныя умы германцевъ. Какъ вѣрно опредѣлили Фихте своихъ современниковъ, когда онъ говорилъ, что нѣмецъ никогда не можетъ желать одной только вещи, онъ всегда при этомъ долженъ желать и противоположнаго“!

„И какое болѣзненно развитое самообольщеніе господствовало среди этой неустойчивости (Zerfahrenheit) общественного мнѣнія! Газеты безпрестанно увѣрали: за исключеніемъ мелочей вся нація совершенно единодушна и знаетъ, что ей полезно и чего она имѣетъ право требовать; съ какимъ безпредѣльнымъ презрѣніемъ толковали онѣ объ азартной игрѣ политиковъ и суетной дѣятельности дипломатовъ! Это храброе поколѣніе, освободившее отечество, могло съ справедливой гордостью похвалиться своимъ героизмомъ, и когда организація новой Германіи какъ нарочно далеко отстала отъ его смѣлыхъ ожиданій—въ націи укоренилось роковое заблужденіе, лежавшее два поколѣнія какъ проклятіе на жизни нѣмцевъ—суетное мнѣніе, что раздробленіе ихъ отечества случилось по винѣ дворовъ, какъ будто оно не обусловливалось также виною самого народа, блуждавшаго между волей и нежеланіемъ, между патриотическими мечтами и привычками партикуляризма“.

Къ этому еще присоединилось недовольство и разочарованіе вторымъ Парижскимъ миромъ, купленнымъ цѣною такихъ жертвъ. Онъ окончателно раздражилъ націю, отнесшюся вполне равнодушно къ вновь устроенному Германскому союзу. „Онъ еще болѣе содѣйствовалъ развившемуся во время войны самолюбію народа (Selbstüberschätzung); объ этомъ не было и спора, что народъ все гораздо бы лучше сдѣлалъ, чѣмъ дипломаты. Народныя массы вскорѣ отвернулись отъ всякой политики; онѣ обратились къ тяжелымъ заботамъ своего хозяйства, чтобы усердной работой исцѣлить раны, оставленныя исполнской борьбой. А кто еще сохранялъ въ сердцѣ пламенный идеализмъ войны за освобожденіе, тотъ утѣшался мыслью, что теперь именно настала часъ, когда народъ долженъ самъ взять въ руки управление Нѣмецкимъ государствомъ. Какъ пророчество борьбы и страданій грядущаго десятилѣтія раздались слова одного изъ лучшихъ среди молодаго поколѣнія историка, Дальмана, сказанныя имъ въ день празднованія побѣды—столь знаменательныя по формѣ и по смыслу для духа времени: „Миръ и радость не могутъ прочно водвориться на землѣ, пока, подобно тому какъ войны сдѣлались народными и потому стали побѣдоносными, и въ мирныя времена не будетъ принято во вниманіе и не получить должнаго почета народный духъ, пока не разольется свѣтъ хорошихъ конституцій и пока онъ не затмитъ тусклый полумракъ кабинетовъ“.

Эти заключительныя слова книги Трейчке могли бы служить эпиграфомъ и программой для слѣдующей части: онѣ бросаютъ яркій

свѣтъ впередъ на событія и ясно опредѣлять, какъ понимаетъ историкъ предстоящую ему задачу. Но эта послѣдняя страница книги собственно только выражаетъ въ сжатой формѣ общее впечатлѣніе, которое читатель выноситъ изъ всего перваго тома. Трейчке удачно выполнилъ одну изъ существенныхъ и трудныхъ обязанностей историка — выяснитъ при изложеніи извѣстной эпохи характеристическія черты слѣдующаго затѣмъ періода, обусловленныя предшествовавшимъ развитіемъ. Въ рассказѣ Трейчке объ эпохѣ освобожденія уже ясно выдѣляются будущія очертанія того періода Нѣмецкой исторіи, которому первый томъ служитъ собственно введеніемъ. Въ литературѣ и въ общественномъ мнѣніи временъ Вѣнскаго конгресса отчетливо отражается исторія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ ея идеалами, страстями и заблужденіями, и читателю книги Трейчке уже виднѣются вдали представители Нѣмецкой націи, которые безъ участія своихъ правительствъ разсуждаютъ во Франкфуртскомъ парламентѣ 1848 года о переустройствѣ своего отечества и съ наивнымъ идеализмомъ проводятъ свое время въ преніяхъ объ основныхъ правахъ (Grundrechte) народа.

Обнаруживающееся во всемъ этомъ умѣнье овладѣть историческимъ матеріаломъ и генетически объяснить его, вмѣстѣ съ указаннымъ выше драматизмомъ въ изложеніи событій, рельефностью характеристикъ и способностью схватить существенныя черты въ исторіи народа и создать изъ нея архитектурное цѣлое—возводятъ книгу Трейчке на степень первокласснаго историческаго сочиненія. Правда, какъ уже замѣчено нами, это сочиненіе принадлежитъ къ смѣшанному роду историческихъ произведеній; задача историка въ немъ слишкомъ часто отождествляется съ цѣлями политика и публициста. Пророкъ новаго царства не могъ быть въ то же время и безпристрастнымъ историкомъ. Перенесши въ прошедшее свою роль пророка, онъ бичуетъ прошлыя поколѣнія за ослѣпленіе и упрямство, съ которыми они продолжали поклоняться своимъ идоламъ, пренебрегая истиннымъ путемъ. Увлеченіе, которое въ этомъ отношеніи справедливо ставятъ въ вину Трейчке его соотечественники, конечно объясняется продолжающейся еще внутренней борьбой въ современной Германіи; но оно и тамъ создало книгъ недоброжелателей, а внѣ предѣловъ Германіи еще болѣе помѣшаетъ ея распространенію и вѣрной оцѣнкѣ ея несомнѣнныхъ достоинствъ. Между тѣмъ книга Трейчке заслуживаетъ полнаго вниманія и тамъ, гдѣ политическія симпатіи автора не могутъ встрѣтить сочувствія. Не много можно указать историческихъ сочиненій, которыя были бы проникнуты такимъ гармоническимъ настроеніемъ; читатель книги Трейчке какъ бы самъ переживаетъ одинъ изъ тѣхъ „счастливыхъ, но, говоря словами Фихте, столь рѣдкихъ въ исторіи моментовъ“, когда правительство и народъ были вполне единодушны, когда они одинаково были проникнуты одной великой идеей. Другая интересная и поучительная сторона книги за-

ключается въ слѣдующемъ: до сихъ поръ большинство историческихъ сочиненій писалось какъ бы въ назиданіе только однихъ правительствъ, — историки обличали заблужденія государственныхъ людей, промахи дипломатовъ. Критика была направлена преимущественно только въ одну сторону; чѣмъ болѣе однако въ наше время растетъ самостоятельность общества, чѣмъ значительнѣе становится роль прессы и общественнаго мнѣнія, тѣмъ болѣе историческая критика должна содѣйствовать развитію самопознанія общества, способствовать ему понимать свои задачи и обязанности, естественныя предѣлы своей дѣятельности и послѣдствія своихъ ошибокъ и увлеченій. Въ этомъ отношеніи книга Трейчке соотвѣтствуетъ одной изъ существенныхъ потребностей нашего времени. Она наглядно показываетъ въ исторіи Нѣмецкаго народа безсиліе государственной власти, которая относится равнодушно къ духовной жизни общества, не понимаетъ его настроенія, пренебрегаетъ интересами литературы и науки, а съ другой стороны — бесплодность и тщеславіе общественнаго мнѣнія, которое принуждено жить только иллюзіями искусственно созданными въ заменутой сферѣ литературы и публицистики.

В. Герье.

О'КОННЕЛЬ И ИРЛАНДСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ¹⁾.

О'КОННЕЛЬ и поднятая имъ агитація въ пользу отиѣны единенія Англійскаго и Ирландскаго парламентовъ занимали одно время видное мѣсто въ первое десятилѣтіе царствованія королевы Викторіи. Несмотря на нѣкоторыя положительныя и фактическія стороны агитаціи О'Коннеля, приводимыя ниже, его прозвѣтъ въ общемъ былъ скорѣе отрицательнаго характера. Великій агитаторъ добивался прежде всего парламентскаго отторженія (severance) Ирландіи, возстановленія стараго Ирландскаго парламента, но остерегался точнѣе опредѣлить свой планъ, частію для того, чтобъ оградить себя отъ лишнихъ нападокъ, частію чтобъ возможно менѣе тревожить ирландскихъ протестантовъ. (Современная намъ партія „Home rule“ также добивается отдѣльнаго Ирландскаго парламента, но уже приспособленнаго къ современнымъ требованіямъ и пережитымъ страной политическимъ перемѣнамъ).

¹⁾ Настоящій очеркъ, какъ и предъидущій „Чартизмъ“ (см. февральскую книжку „Историч. Вѣстника“) извлеченъ изъ „Исторіи нашего времени“, Макъ-Карти. Считаемо не лишнимъ оговорить, что авторъ нѣсколько пристрастно и даже враждебно относится къ ирландскому движению въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія, вида въ немъ только мятежныя попытки, отголосокъ европейскихъ революцій. О недостаткахъ поземельной системы въ Ирландіи авторъ упоминаетъ лишь вскользь и крайне мягко и притомъ не вполне выясняетъ причины—національную ненависть къ англичанамъ и протестантамъ,—мѣшающія мирному развитію Ирландіи, несмотря на 700 лѣтнее занятіе ея англичанами и на совершенное почти исчезновеніе Ирландскаго языка. Нужно припомнить, что на 4 милліона туземцевъ—католиковъ кельтскаго происхожденія, къ которымъ принадлежатъ ирландскіе землевладѣльцы и купцы,—приходится только милліонъ съ четвертью шотландско-англійскихъ поселенцевъ протестанскаго исповѣданія, а между тѣмъ эта четверть или треть населенія держитъ въ своихъ рукахъ почти все землевладѣніе, высшія должности, крупную торговлю и высшее образованіе. Только церковная и поземельная реформа Гладстона нѣсколько улучшили такое ненормальное положеніе дѣлъ, но и то еще далеко недостаточно.

Мы далеко отодвинулись от той эпохи, когда О'Коннель былъ идоломъ одной партіи и предметомъ ожесточенной ненависти и презрѣнія другой,—далеко не только по количеству пережитыхъ годовъ, но и по политическому развитію страны. Поэтому теперь къ великому агитатору можно отнестись спокойно и отдать ему справедливость. Едва ли кому нибудь въ тѣ времена такъ безгранично поклонялись, и едва ли кого такъ страстно проклинали. Въ наше время никто другой не служилъ предметомъ такой сильной брани въ газетахъ. Съ той бранью, какая изливалась на О'Коннеля, могла сравниться по ожесточенности и грубости только брань, которою самъ О'Коннель осипалъ своихъ враговъ. Онъ никому не давалъ и ни отъ кого не просилъ пощады.

Самый характеръ политическихъ состязаній той эпохи существенно отличается отъ нынѣшнихъ. Измѣнился самый духъ времени. Теперь мы уже признаемъ, что общественный дѣятель можетъ придерживаться мнѣній, несочувственныхъ большинству, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться вполне искреннимъ и достойнымъ уваженія. Человѣкъ можетъ разногласить съ нами даже по жизненнымъ вопросамъ и все-таки не быть ни глущомъ, ни трусомъ. Но такой взглядъ не былъ еще общепринятымъ въ эпоху великой агитаціи О'Коннеля. Какъ онъ, такъ и его враги, дѣйствовали подъ вліяніемъ той мысли, что на политическаго противника непремѣнно должно смотрѣть или какъ на человѣка тупоголоваго, или какъ на мошенника. Нѣкоторые биографы обвиняли О'Коннеля даже въ сознательномъ причиненіи вреда отечеству путемъ предпринятой имъ изъ эгоистическихъ цѣлей агитаціи. Теперь впрочемъ уже исчезла ошибочная мысль прошлыхъ временъ, будто бы человѣкъ можетъ сдѣлаться героемъ и идоломъ націи, можетъ оказывать вліяніе на большія массы народа и управлять ими, и все это посредствомъ сознательнаго лицемерія.

Отношенія О'Коннеля къ англійскому общественному мнѣнію были очень неудовлетворительны. Одной изъ главныхъ причинъ ненависти большаго числа англичанъ къ вигскому министерству Мельбурна было признанное угодничество его ирландскому агитатору. Нѣтъ ничего удивительнаго, если англійская публика тогда была мало склонна къ безпристрастной оцѣнкѣ О'Коннеля. Въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ онъ нападалъ на нѣкоторыхъ англійскихъ государственныхъ людей, возбудилъ агитацію, которая казалась непосредственно направленною къ разрыву британской государственной системы, очень недавно предъ тѣмъ завершенной актомъ уніи съ Ирландіей. О'Коннель былъ противникомъ существованія государственной церкви въ Ирландіи, ожесточеннымъ врагомъ класса ирландскихъ ландлордовъ, именно тѣхъ, которые, тѣмъ или инымъ путемъ, получили свой титулъ изъ Англій. Мало того: въ публикѣ вообще существовало убѣжденіе, что О'Коннель обогащается насчетъ бѣднаго и глупаго народа, и что поддерживаетъ агитацію только изъ-за того, чтобъ сколотить себѣ ренту.

Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнiю, что, напротивъ, онъ оставилъ превосходную адвокатскую практику для того, чтобъ успѣшнѣе вести свою агитацію, что изъ-за этой агитаціи О'Коннель гораздо болѣе потерялъ въ денежномъ отношеніи, чѣмъ выигралъ,—и что онъ умеръ въ бѣдности, оставивъ бѣдняками и своихъ сыновей. Въ цѣломъ Соединенномъ королевствѣ О'Коннель представляетъ рѣдкій примѣръ выдающагося политическаго дѣятеля, который ни разу не занималъ официальной должности.

По характеру О'Коннель былъ настоящій кельтъ. Порывистость, способность быстро мѣнять впечатлѣнiя, доходить до крайностей въ страстномъ увлеченіи какъ симпатiями, такъ и антипатiями, недостатокъ сдержанности въ выраженiяхъ, наклонность смѣшивать свои личныя впечатлѣнiя съ дѣйствительными фактами, блестящій юморъ, и другія подобныя свойства, специально характеризующія кельта, свойственны были О'Коннелю. Слушатели, къ которымъ обыкновенно обращался О'Коннель, принадлежали къ Ирландскому народу. Какъ ораторъ народныхъ собранiй, громаднхъ митинговъ, О'Коннель вѣроятно никогда не имѣлъ себѣ равнаго въ своемъ отечествѣ. Онъ обладалъ многими физическими дарованiями, которыя особенно содѣйствуютъ ораторскому успѣху: геркулесовскимъ тѣлосложенiемъ, величавой осанкой,—способностью къ быстрой игрѣ физиономiи, сообразно пережѣнамъ въ настроеніи, наконецъ обладалъ такимъ голосомъ, который, по словамъ всѣхъ слышавшихъ его, былъ почти несравненнымъ по звучности и прiятности. Сила этого голоса, его выразительность, страстность, музыкальность—восхищали даже такихъ людей, которые ненавидѣли О'Коннеля и готовы были отрицать у него всякое право на общественное вниманіе, даже по отношенію къ чисто внѣшнимъ даннымъ. О'Коннель говорилъ обыкновенно безъ приготовленiя и, разумѣется, на его рѣчахъ отражались всѣ недостатки такой системы: онъ впадалъ въ повторенiя, не заботился о постройкѣ періодовъ рѣчи, вдавался отъ поспѣшности въ преувеличенiя, иногда даже въ простую напыщенность. Но О'Коннелю также доставался и тотъ особенный успѣхъ, который вознаграждаетъ оратора, обладающаго импровизаторскимъ талантомъ. Слова его всегда шли прямо къ сердцу слушателей, не были далеки отъ ихъ пониманiя.

Въ палату общинъ О'Коннель вступилъ 54 лѣтъ отъ роду. Многие думали, что слишкомъ рѣзкіе приемы рѣчи, какіе онъ себѣ усвоилъ, обращаясь на судѣ къ присяжнымъ или воспламеняя словомъ ирландскую чернь, будутъ причиною неудачи его ораторскихъ опытовъ въ рѣчахъ къ щепетильной палатѣ общинъ. Между тѣмъ извѣстно, что О'Коннель сдѣлался однимъ изъ самыхъ успѣшныхъ парламентскихъ ораторовъ своего времени. Когда Чарльзу-Диккенсу, который былъ тогда репортеромъ парламентскихъ рѣчей (и едва-ли не самымъ лучшимъ репортеромъ), пришлось записывать рѣчь О'Коннеля по поводу ирландскихъ волненiй изъ-за десятиннаго сбора, то Диккенсъ положилъ

карандашъ, говоря, что не въ состоянїи записатьъ рѣчь, до того пораженъ ея краснорѣчіемъ. Но краснорѣчіе О'Коннеля увеличивало также и число его враговъ въ палатѣ общинъ. Онъ оставался тамъ, какъ всегда, смѣлымъ въ обвиненїяхъ своихъ противниковъ, хотя и остерегался докучать парламенту такими рѣзкими и неосновательными нападками, какія правились ирландской черни на митингахъ.

О'Коннель былъ искуснымъ и ловкимъ законовѣдомъ. Ирландскіе крестьяне, какъ и шотландскіе, большіе охотники до тяжобъ или по крайней мѣрѣ были такими охотниками въ эпоху великаго агитатора. О'Коннель нравился простымъ слушателямъ больше всего въ такихъ случаяхъ, когда говорилъ, что можетъ, по тогдашнему выраженїю, „проездить карету, запряженную шестерней“, чрезъ любой актъ парламента или что нибудь подобное. Въ глазахъ многихъ ирландскихъ крестьянъ О'Коннель былъ олицетворенїемъ дѣльца - крючкотвора, завербованнаго въ дѣло Ирландскаго народа для посрамленїя его противниковъ. О'Коннель игралъ руководящую роль, когда проводилась эмансипація католиковъ. Онъ встрѣтилъ лицомъ къ лицу и принялъ на себя опасность и отвѣтственность того, до извѣстной степени наступательнаго движенїя, посредствомъ котораго успѣхъ реформы былъ окончательно обезпеченъ. Правда, что эмансипація католиковъ, обезпечившая ирландскимъ католикамъ доступъ въ парламентъ и къ выборнымъ должностямъ, была такой реформой, которая, съ дальнѣйшимъ движенїемъ цивилизаціи, должна была неизбежно совершиться. Самые краснорѣчивые ораторы, люди философскаго склада мыслей, предусмотрительные государственные люди, всѣ отстаивали эту реформу и расчищали ей путь. Нельзя сомнѣваться, что такая реформа вскорѣ бы послѣдовала, хотя бы даже О'Коннель никогда не существовалъ. Но на дѣлѣ она совершилась все-таки благодаря смѣлой агитаціи О'Коннеля и мудрой рѣшимости торійскаго правительства не вызывать междоусобной войны. Разница между тѣмъ и другимъ случаемъ состоитъ въ томъ, что если бы эмансипація католиковъ совершилась правильно, какъ уступка однимъ требованїямъ справедливости, то еще сомнительно, чтобъ самая агитація въ пользу отмѣны ирландской уніи приобрѣла такой шумный характеръ, какимъ она ознаменовалась. Ирландскій народъ видѣлъ, да и всѣ это знали, что если бы не страхъ гражданскихъ смуть, то эмансипація католиковъ въ свое время не была бы дарована. Ирландскій крестьянинъ зналъ, что О'Коннель требовалъ упоманутой реформы и сначала получилъ рѣшительный отказъ, но когда рѣшился вынудить ее, то наконецъ она состоялась, но только какъ уступка настойчивымъ его требованїямъ. Поэтому, когда О'Коннель сказалъ, что заставитъ правительство отмѣнить унію, ирландскій крестьянинъ не могъ не вѣрить, что его національный вождь въ состоянїи сдержать свое слово.

Впрочемъ нѣтъ повода сомнѣваться, что О'Коннель самъ вѣрилъ въ возможность достиженїя своей цѣли. Въ наше время единеице

между Англійей и Ирландіей можетъ считаться учрежденіемъ, освещеннымъ давностью. Но при вступленіи О'Коннеля въ парламентъ уніа считала едва тридцать лѣтъ существованія. Въ глазахъ О'Коннеля она все еще была нововведеніемъ, въ пользу котораго ровно ничего нельзя было сказать, притомъ такимъ нововведеніемъ, которое навязано было большинству ирландцевъ посредствомъ угрозы и подкупа. Неудивительно, что О'Коннель считалъ расторженіе уніа достижимымъ, когда началъ агитацію въ его пользу. Вполнѣ понятно, что ирландскій крестьянинъ присоединился къ этому націоналистскому движенію.

Дѣло въ томъ, что англійская система управленія посредствомъ одной какой-либо партіи не имѣетъ притязанія на совершенство. Въ цѣломъ это превосходный механизмъ, но и величайшіе почитатели его скажутъ, что онъ имѣетъ свои невыгоды и оборотныя стороны. Одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что лишь сравнительно немногія реформы совершаются въ силу сознанія ихъ справедливости, большинство же реформъ является уступкою давленію массъ. По словамъ Лекки, О'Коннель вѣрилъ, что при конституціонномъ правительствѣ воля четырехъ-пятыхъ націи, мирно, настойчиво и энергически выраженная, должна рано или поздно восторжествовать. Подготавливая протестъ огромнаго большинства народа противъ уніа, именно въ интересахъ предпринятаго дѣла, О'Коннель завязывалъ связи съ различными партіями, какія быстро достигали власти въ Англии; онъ заблаговременно привѣтствовалъ торжество фритредеровъ, признавалъ постепенное возвышеніе демократіи, имѣющей—какъ онъ зналъ, свойство сглаживать даже самыя почтенныя по давности учрежденія Британской конституціи.

О'Коннель кромѣ того видѣлъ возможность образовать въ парламентѣ такую могущественную партію, которая сохраняла бы за собой свободу дѣйствовать въ случаѣ нужды сообща со всѣми различными англійскими партіями, не вступая въ постоянную коалицію ни съ одной изъ нихъ; такимъ путемъ эта особая партія держала бы въ своихъ рукахъ внутреннее политическое равновѣсіе Англии, рѣшала бы судьбы министерствъ. Дѣйствительно, если бы во время агитаціи О'Коннеля вспыхнула внѣшняя война, если бы О'Коннель прожилъ десятью годами больше и имѣлъ достойнаго преемника, если бы страшный голодъ не надломилъ бодрости въ Ирландскомъ народѣ, кто можетъ утверждать, что агитація не имѣла бы рѣшительнаго успѣха?

Отъ новѣйшихъ ирландскихъ націоналистовъ О'Коннель отличался во многомъ. Онъ былъ либераломъ въ истинномъ, лучшемъ значеніи слова. Рѣшительный противникъ торга неграми, стойкій поборникъ началъ свободной торговли, поборникъ образованія народа, но врагъ революціонныхъ крайностей, ненавистникъ стачекъ, О'Коннель былъ защитникомъ религіознаго равенства повсюду и не соглашался повиноваться распоряженіямъ Ватикана въ своей политической агитаціи. „Я католикъ, но не папистъ“ — такъ опредѣлялъ О'Коннель свое ре-

лигіозное положеніе. Онъ проповѣдывалъ агитацію строго конституціонную, объявляя, что никакая политическая реформа не стоитъ того, чтобъ изъ-за нея пролить хотя каплю крови. Оживляя и разжигая, для своихъ политическихъ цѣлей, почти угасшую ненависть между кельтами и „саксами“ (какъ онъ называлъ въ политическихъ спорахъ англичанъ), О'Коннель сохранялъ лояльныя чувства къ королевѣ этихъ „саксовъ“, а въ этихъ чувствахъ онъ вѣроятно былъ вполне искреннимъ. Революціонеромъ онъ не былъ ни въ какомъ смыслѣ этого слова. Съ раннихъ лѣтъ, со времени своего воспитанія во французской „коллегіи“, О'Коннель вынесъ ненависть къ принципамъ Французской революціи. Объ ирландскихъ мятежникахъ 1798 года онъ говорилъ съ такою же ожесточенною нетерпимостью, какъ могъ бы говорить о немъ самомъ какойнибудь до-нельзя узкій тори. Такие люди, какъ Тоны, Эмметы, Фицджеральды, которымъ многіе изъ Ирландскаго народа чуть не поклонялись, были въ глазахъ О'Коннеля „шайкой злодѣевъ“. Онъ раздражался, если замѣчалъ среди своихъ послѣдователей хотя самый малый признакъ склонности вдаваться въ разсмотрѣніе какихъ бы то ни было революціонныхъ ученій. По мысли О'Коннеля Ирландію должна была спасти диктатура, ввѣренная ему самому, причемъ орудіемъ диктатора служило бы ирландское духовенство. Авторитетъ духовенства О'Коннель поддерживалъ, но чрезъ посредство духовныхъ лицъ онъ утверждалъ и ставилъ выше ихъ собственный авторитетъ. Такимъ образомъ политическая система страны для цѣлей агитаціи должна была представлять нѣкоторую іерархію, въ которой сельскіе священники занимали бы низшую ступень, — епископы дѣйствовали въ указанномъ направленіи на высшихъ степеняхъ, а надъ всѣми возвышался бы самъ О'Коннель, какъ бы въ качествѣ первосвященника. Такого рода агитація и не могла быть ведена иначе, какъ строго мирнымъ путемъ.

Средствомъ для достиженія задуманнаго расторгненія уніи О'Коннель употреблялъ также своего рода парламентскую тактику. Обладая, по причинѣ своего вліянія, почти верховнымъ контролемъ надъ ирландскимъ представительствомъ, — онъ старался открывшееся депутатское мѣсто доставить или комунибудь изъ своихъ многочисленныхъ родственниковъ, или завѣдомому приверженцу партіи націоналистовъ. На пользу своей агитаціи О'Коннель обратилъ даже организованное скромнымъ монахомъ Матью движеніе съ цѣлью распространенія воздержности. Хотя Матью самъ по себѣ оставался чуждымъ всякой политической агитаціи и былъ скорѣе консерваторомъ по своимъ взглядамъ, но онъ не могъ отказать въ поддержкѣ О'Коннелю, который при всякомъ удобномъ случаѣ восхвалялъ стремленіе въ трезвости и побуждалъ своихъ послѣдователей присоединяться къ нему.

Но система простой парламентской агитаціи сдѣлалась въ глазахъ О'Коннеля недостаточною съ тѣхъ поръ, какъ его поддержка кабинету Мельбурна уронила послѣдній въ мнѣніи англичанъ и даже по-

служила причиною паденія этого кабинета. Тогда О'Коннель рѣшился поддерживать свою агитацію путемъ цѣлой системы громаднхъ митинговъ; съ того времени система митинговъ прочно установилась въ Англіи и стала главною составною частью всякой, имѣющей опредѣленную цѣль, политической агитаціи. О'Коннель основалъ въ Дублинѣ „ассоціацію расторженія уни“, въ которую собиралъ вокругъ себя своихъ сыновей, родственниковъ и преданныхъ послѣдователей, духовныхъ и свѣтскихъ. Однимъ изъ самыхъ удачныхъ орудій О'Коннеля была газета „Nation“, тогда еще полная молодыхъ, свѣжихъ литературныхъ силъ. Знаменитые „митинги-монстры“ обыкновенно собирались въ воскресенье лѣтній день на какой нибудь открытой мѣстности, большею частью избравшейся благодаря своей исторической репутаціи, среди живописныхъ холмовъ, прорѣзанныхъ горными потоками. Съ самаго разсвѣта приверженцы „расторженія“ тянулись къ мѣсту собранія, за цѣлыя мили, со всѣхъ концовъ окрестности. Предводительствовали и руководили пришедшими обыкновенно ихъ сельскіе священники. Всѣ они, предъ началомъ митинга, присутствовали при богослуженіи по обрядамъ своей церкви. Совмѣстное воздѣйствіе религіознаго впечатлѣнія и патріотическаго чувства еще болѣе воспламеняло впечатлительнаго, подвижнаго ирландца-кельта. На митингѣ самъ О'Коннель и другіе его избранные ораторы обращались къ толпѣ съ рѣчью о несправедливостяхъ, причиненныхъ Ирландіи „саесомъ“, — о требованіяхъ Ирландіи возвратить ей древній парламентъ въ Колледжъ-Гринѣ, и о томъ, что Ирландія его навѣрное получитъ, если только ирландцы стануть повиноваться О'Коннелю и своимъ духовнымъ пастырямъ, если будутъ соблюдать воздержность и проявятъ силу и единство. Едва-ли нужно говорить, что главнымъ ораторомъ митинговъ бывалъ всегда самъ О'Коннель.

Ирландская агитація способствовала развитію многихъ литературныхъ талантовъ среди болѣе молодыхъ, образованныхъ ея приверженцевъ, но не выдвинула ни одного человѣка, который бы могъ унаслѣдовать краснорѣчіе О'Коннеля. Мы уже говорили о благопріятныхъ для агитаціи физическихъ его дарованіяхъ. Умѣя хорошо различать всѣ отгѣнки настроенія своихъ слушателей, О'Коннель обладалъ способностью производить на нихъ магическое вліяніе: заставлялъ ихъ то заливаться смѣхомъ, то плакать, то дрожать отъ негодованія. Онъ управлялъ ощущеніями присутствующихъ, какъ искусный капельмейстеръ владѣеть оркестромъ. Каждый намекъ въ его воззваніяхъ былъ самъ по себѣ краснорѣчивъ: ораторъ пользовался случаемъ указать на окружающую природу, чтобъ восхвалить Ирландію, употреблялъ въ дѣло какое нибудь историческое воспоминаніе, соединенное съ мѣстностью, на которой происходилъ митингъ, — иногда даже нисходилъ до грубой лести своимъ слушателямъ, къ которой вообще чутка натура кельта. Столь же преувеличены были и порицанія оратора тѣмъ лицамъ, которымъ публика не сочувство-

вала. Самъ О'Коннель не могъ серьезно вѣрить своимъ словамъ, когда называлъ, напримѣръ, Веллингтона „тушымъ капраломъ“, или газету „Times“ — „безвѣстнымъ листкомъ“. Но подобныя нелѣпости заставляли хохотать невѣжественныхъ слушателей въ данную минуту, и О'Коннель достигалъ цѣли, которую на тотъ разъ имѣлъ въ виду. Вообще, риторическихъ излишествъ въ рѣчахъ О'Коннеля было много. Описывая какое нибудь избіеніе ирландскихъ вождей при королевѣ Елизаветѣ, случившееся какъ разъ на мѣстѣ митинга, онъ проклиналъ жестокость саксовъ и воспалялъ слушателей напоминаніемъ, что теперь сыны Ирландіи скорѣе умрутъ, чѣмъ допустить подобныя неистовства. Возбужденные ораторомъ, невѣжественные крестьяне-слушатели искренно вѣрили, что въ современной Англій вполнѣ возможны сцены времени Кромвеля и Елизаветы.

Толпы, присутствовавшія на этихъ громадныхъ митингахъ, являлись туда съ соблюденіемъ извѣстнаго, какъ бы военнаго порядка и не лишены были нѣкоторой выдержки и даже дисциплины. На митингѣ, который собирался на холмѣ Тара, гдѣ О'Коннель стоялъ подлѣ камня, употреблявшагося, какъ говорили, во время коронаціи древнихъ монарховъ Ирландіи, присутствовало около четверти милліона народу, судя по отзывамъ безпристрастныхъ наблюдателей. Правительство поняло значительную опасность, какая крылась въ сборищахъ такого огромнаго числа людей, выстроенныхъ почти въ боевомъ порядкѣ и безусловно подчиненныхъ руководству одного человѣка, который притомъ отерпыто заявилъ, что собралъ ихъ именно для того, чтобы показать Англій, съ какою внушительной силой должны будутъ считаться ея государственные люди, если станутъ упорствовать въ сопротивленіи требованіямъ расторженія уніи. Теперь уже несомнѣнно, что О'Коннель никогда не думалъ употреблять силу для достиженія своихъ цѣлей. Но все-таки достовѣрно, что агитаторъ желалъ наглядно убѣдить Англійское правительство, какою громадною массой людей онъ управляетъ, — вѣроятно даже хотѣлъ навести на мысль, что въ случаѣ нужды можетъ побудить ихъ къ возстанію противъ Англій. Многіе изъ самыхъ рьяныхъ поклонниковъ О'Коннеля, особенно изъ молодежи, были вполнѣ убѣждены, что рано или поздно національный вождь призветъ ихъ къ битвѣ, и были очень разочарованы, узнавъ, что у него вовсе не было подобнаго намѣренія.

Наконецъ правительство рѣшилось вмѣшаться. Въ воскресенье 8-го октября 1843 года назначенъ былъ митингъ въ Клонтарфѣ, близъ Дублина; мѣсто это получило извѣстность въ Ирландской исторіи по большой побѣдѣ, одержанной ирландцами надъ ихъ завоевателями-датчанами. Ожидали, что этотъ митингъ и по численности, и по серьезности превзойдетъ тотъ, который собирался въ Тарѣ. Какъ разъ наканунѣ назначеннаго дня лордъ-намѣстникъ выпустилъ прокламацію съ запрещеніемъ задуманнаго митинга, какъ „разсчитаннаго на возбужденіе справедливыхъ и основательныхъ опасеній“ того, что

цѣлью его было „достигнуть измѣненій въ законахъ и конституціи государства, путемъ устрашенія и демонстрацій физической силой“. Власть О'Коннеля надъ народомъ всего яснѣе сказала въ томъ, что даже въ подобную критическую минуту онъ все-таки могъ оказать сдерживающее вліяніе. Народъ уже стекался въ Клонтарфъ со всей окрестности, когда явилась прокламація лорда-намѣстника. Конечно, Ирландское правительство странно рисковало, откладывая такъ долго опубликованіе своей прокламаціи. Для народа, уже собравшагося въ громадныхъ массахъ, возможность столкновенія съ полиціей и съ солдатами, и даже возможность кровопролитія—была очень легка. Неудивительно, если О'Коннель и многіе изъ его послѣдователей выступили съ обвиненіемъ противъ правительства въ умыслѣ вызвать именно такое столкновеніе, чтобъ затѣмъ примѣрно покарать нѣкоторыхъ изъ послѣдователей націоналистскаго движенія и, такимъ образомъ, распространить ужасъ по всей странѣ. Почти несомнѣнно, что какое-нибудь столкновеніе и произошло-бы, еслибы не быстрота дѣйствій самого О'Коннеля. Онъ тотчасъ выпустилъ свою прокламацію, которая въ глазахъ населенія должна была имѣть гораздо больше значенія, чѣмъ правительственная. О'Коннель объявилъ, что распоряженіямъ лорда-намѣстника необходимо повиноваться, что митингу нельзя происходить и что народъ долженъ разойтись по домамъ. „Некоронованному королю“ (какъ называли О'Коннеля его поклонники) всѣ повиновались: митингъ не состоялся.

Однакожь съ этого времени пропало и великое обаяніе, какимъ обладала до тѣхъ поръ агитація. Правительство посредствомъ своей прокламаціи достигло большаго, чѣмъ въ то время могли и ожидать. Само того не сознавая, оно вынудило О'Коннеля раскрыть игру. Съ этого времени начался разладъ между старѣйшими и младшими членами агитаціи за расторженіе уніи. Молодые, пламенные поклонники великаго агитатора утратили всякую вѣру въ него. Во всякомъ случаѣ было невозможно долго поддерживать то напряженное состояніе, въ какомъ находилась Ирландія. Напряженіе это или должно было достигнуть высшей степени, или совсѣмъ упасть: оно упало. Всѣ внушительныя демонстраціи народной силой потеряли цѣну, какъ только сдѣлалось положительно извѣстно, что это только демонстраціи, и что изъ нихъ не должно произойти ничего рѣшительнаго. „О'Коннель пересталъ быть опаснымъ“, какъ выразился графъ Кавуръ, внимательно изучавшій въ то время состояніе Ирландіи.

Но это сознали только впослѣдствіи. Правительство послѣ Клонтарфскаго митинга рѣшилось подвергнуть судебному преслѣдованію великаго агитатора и его главныхъ сообщниковъ. Наиболее замѣтными лицами изъ нихъ были, кромѣ самого Даниеля О'Коннеля, его сынъ Джонъ, сэръ Джонъ Грей и сэръ Чарльзъ Гэвэнъ Дюффи. Они обвинились въ заговорѣ, клонившемся къ возбужденію недовольства среди подданныхъ королевы, въ возбужденіи ненависти и презрѣнія къ правитель-

ству и конституціи страны. Судъ во многихъ отношеніяхъ представлялъ собою нѣчто крайне своеобразное. Правительственный обвинитель настоялъ на устраненіи всѣхъ католиковъ, имена которыхъ были предложены въ качествѣ присяжныхъ. Между тѣмъ при самомъ составленіи списковъ присяжныхъ, по ошибкѣ шерифовъ, уже было и такъ сокращено на значительную цифру число католиковъ, имѣвшихъ право быть присяжными. Такимъ образомъ вышло, что величайшій изъ ирландскихъ католиковъ, главный дѣятель въ исторіи католической эмансипаціи, былъ судимъ такимъ составомъ присяжныхъ, въ который входили исключительно протестанты. Это совершилось въ столицѣ страны, вполнѣ католической,—страны, пять шестыхъ населенія которой были католики, притомъ по такому вопросу, который, если не прямо, то косвенно, затрогивалъ общее положеніе и права католиковъ. Судъ былъ продолжителенъ. О'Коннель защищался самъ, но его рѣчь, по общему мнѣнію, не имѣла уже той силы, какая въ былое время дѣлала неотразимою его защиту другихъ. Рѣчь эта состояла изъ здравыхъ, но нѣсколько тяжеловѣсныхъ доводовъ въ доказательство того положенія, что Ирландія не только ничего не выиграла, но даже потеряла отъ своей унии съ Англійей. Присяжные признали О'Коннеля виновнымъ, вмѣстѣ съ большинствомъ его товарищей, и онъ былъ присужденъ къ 12-ти-мѣсячному тюремному заключенію и къ уплатѣ пени въ 2,000 фунтовъ. Другіе подверглись болѣе легкимъ приговорамъ. О'Коннель апеллировалъ въ палату лордовъ, а тѣмъ временемъ обратился съ прокламаціей къ Ирландскому народу, приглашая его сохранять полное спокойствіе и воздерживаться отъ всякихъ нарушеній закона. Каждого виновника въ нарушеніи мира О'Коннель объявлялъ врагомъ какъ своимъ, такъ и всей Ирландіи. Ирландскій народъ запомнилъ эти слова и остался совершенно спокойнымъ.

Этому содѣйствовалъ и неожиданный исходъ дѣла въ палатѣ лордовъ, ожесточеннымъ врагомъ которой всегда былъ О'Коннель. Онъ всегда сильно порицалъ ея власть, обычаи, ея вліятельныхъ членовъ. Въ Ирландіи могло произойти волненіе, еслибы вопросъ чисто-юридическій былъ рѣшенъ при помощи голосовъ пэровъ противъ ихъ замятаго врага. Приговоръ, произнесенный присяжными - не католиками, былъ-бы утвержденъ не судебнымъ, но строго-политическимъ голосомъ палаты лордовъ. Одинъ изъ пэровъ, лордъ Уарнклиффъ, обратился къ своимъ товарищамъ съ убѣжденіями не рѣшаться на такой шагъ, который-бы далъ право каждому сказать, что судебное рѣшеніе палаты лордовъ было постановлено подъ вліяніемъ политическихъ или личныхъ предубѣжденій. Это воззваніе подѣйствовало, и всѣ пэры удалились, не воспользовавшись своимъ правомъ подачи голоса, какъ обыкновенно и бывало въ подобныхъ дѣлахъ, которыя предоставлялись рѣшенію исключительно лордовъ-юристовъ. Но большинство этихъ послѣднихъ было противъ утвержденія судеб-

наго приговора, основываясь преимущественно на томъ, что списки присяжныхъ были составлены неправильно, и что подобные случаи, какъ выразился одинъ изъ этихъ лордовъ, могутъ обратить законъ въ насмѣшку, въ источникъ заблужденій и даже въ ловушку. Такимъ образомъ приговоръ суда былъ отмѣненъ, а О'Коннель и его товарищи выпущены на свободу.

Впечатлѣніе отъ такого рѣшенія было самое удовлетворительное. Вѣроятно оно нѣсколько ослабило дѣйствіе собственныхъ возгласовъ О'Коннеля противъ вѣроломства и жестокости саксовъ. Освобожденіе О'Коннеля послужило поводомъ къ различнымъ національнымъ торжествамъ; были иллюминаціи, банкеты, митинги, триумфальныя процессіи, новыя заявленія вѣрности вождю и новыя удостовѣренія съ его стороны, что расторгненіе уніи близится. Но въ дѣйствительности положеніе было уже не то. Послѣ суда вліяніе О'Коннеля никогда не достигало прежней силы. Этому способствовали многія причины. Большинство писателей приписываютъ такой результатъ самому суду, который съ очевидностью доказалъ, что Англійское правительство достаточно сильно, чтобъ судить и наказывать даже О'Коннеля, если онъ зайдетъ слишкомъ далеко. Впрочемъ несомнѣно, что если бы палата лордовъ утвердила приговоръ надъ О'Коннелемъ, то по истеченіи срока заключенія онъ явился-бы популярнѣе и могущественнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Если-бы къ тому-же его политика не ограничивалась одними только рѣчами, то тогда онъ могъ-бы явиться дѣйствительнымъ вождемъ католиковъ и націоналистовъ. Теперь-же свою популярность среди молодаго поколѣнія О'Коннель погубилъ самъ. Онъ лучше молодежи понималъ силу Англій и дѣйствовалъ гораздо предусмотрительнѣе. Но молодежь не простила ему того, что движеніе, столь долго поддерживавшееся великимъ агитаторомъ, оказалось гигантской мистификаціей. Многолюдные митинги невозможно было продолжать безсрочно, не переходя къ дѣлу. Правительство не уступало, и реакція была неизбѣжна. О'Коннель становился старъ, и здоровье его было надломлено, а расколъ его партіи на два враждебные лагеря и споры съ послѣдователями „Молодой Ирландіи“ были для него тяжелымъ бременемъ... Бывшій агитаторъ, охваченный глубокой меланхоліей, рѣшился кончить жизнь въ Римѣ, но не доѣхалъ до вѣчнаго города и скончался въ Генуѣ 15 мая 1847 года, въ такую пору, когда его отечеству грозили тяжелыя бѣдствія отъ голода...

Уже съ осени 1845 года въ Ирландіи началась болѣзнь картофеля, отъ котораго безусловно зависѣло существованіе огромнаго большинства ирландскаго рабочаго населенія. На сѣверѣ Ирландіи, гдѣ населеніе было шотландскаго происхожденія, основу пропитанія еще могла составлять пища его предковъ, овсяная мука, изъ которой дѣлался родъ кашицы; но въ южныхъ и западныхъ провинціяхъ громадное число поселянъ жило только однимъ картофелемъ. Въ этихъ округахъ цѣлыя поколѣнія выросли, жили, вступали въ бракъ и уми-

рали, не имѣя понятія о мясной пищѣ. Было очевидно, что плохой урожай картофеля равнялся голоду для населенія. При такихъ-то условіяхъ пришли извѣстія, что продолжительная безсолнечная, сырая и холодная погода если не совсѣмъ уничтожила, то подвергла большой опасности пишу народа.

По всей Ирландіи громко раздавалось требованіе открыть порты для ввоза заграничнаго хлѣба. Лига противъ хлѣбныхъ законовъ требовала того же. Первый министръ, Робертъ Пиль, склонялся къ этой мысли, но герцогъ Веллингтонъ и лордъ Стэнли (будущій лордъ Дерби) противились открытію портовъ, и предложеніе объ этомъ не прошло. Кабинетъ ограничился назначеніемъ комиссіи, которая должна была принять предохранительныя мѣры противъ внезапной вспышки голода. Въ тронной рѣчи 1846 года при открытіи парламента говорилось только о намѣреніи королевы устранить нѣкоторыя запретительныя и ослабить покровительственныя пошлины. Извѣстно, что отиѣну хлѣбныхъ законовъ Пиль успѣлъ провести, но вскорѣ самъ потерпѣлъ поражение по второстепенному вопросу о принятіи принудительныхъ мѣръ для возстановленія спокойствія въ Ирландіи. Положеніе новаго кабинета лорда Росселя было крайне незавидно.

Ирландскій голодъ занималъ тогда собою общеевниманіе. Недостатокъ картофеля былъ подавляющимъ несчастіемъ для народа, почти исключительно земледѣльческаго. Въ Ирландіи очень мало большихъ городовъ, и почти не существуетъ мануфактуръ, кромѣ полотняныхъ въ сѣверной провинціи. На югѣ и западѣ народъ живетъ однимъ только земледѣліемъ. Въ силу коттерской системы, преобладавшей почти повсемѣстно въ трехъ провинціяхъ изъ числа четырехъ, земледѣлецъ за работу на собственника земли получалъ не деньги, но право обработывать небольшой участокъ, едва достаточный для скуднаго пропитанія его семейства. Крупные ландлорды большею частію отсутствовали; мелкіе ландлорды часто были погружены въ долги и потому вынуждались выжимать каждое пенни ренты со своихъ фермеровъ, занимавшихъ землю по добровольному соглашенію. Въ ихъ вымогательствахъ не было даже такой виѣшней правильности, которая могла бы по крайней мѣрѣ побудить фермера къ нѣкоторымъ навыкамъ предусмотрительности и аккуратности. Рента, какъ бы по общему безмолвному соглашенію, всегда была въ недоимкѣ; возможная доброта ландлорда состояла въ томъ, что онъ позволялъ такимъ недоимкамъ возрасти у себя больше, чѣмъ въ другихъ имѣніяхъ. Въ цѣлой системѣ существовала какая-то деморализующая неряшливость. Было общимъ правиломъ, что если фермеръ, посредствомъ усиленнаго трудолюбія, дѣлалъ обрабатываемую землю болѣе цѣнною, чѣмъ прежде, то платежъ его самого тотчасъ увеличивался. Съ другой стороны считалось тиранствомъ отнять у фермера землю, пока онъ дѣлалъ даже только обѣщанія уплаты. Эта пагубная система принижала нравственно и ландлорда и фермера.

Въ основѣ всѣхъ отношеній между ланлордомъ и фермеромъ въ Ирландіи лежали два положенія: первое — что занятіе земли было жизненною необходимостью для ирландскаго фермера; второе — что поземельная система, введенная въ Ирландіи, была вполнѣ чуждою преданіямъ, идеямъ и навыкамъ Ирландскаго народа. Весь смыслъ долгой поземельной борьбы въ Ирландіи можно уразумѣть, только припомнивъ, что ирландскій поселянинъ считалъ свое право имѣть участки земли такимъ же неотъемлемымъ, какимъ у другихъ народовъ считается право личной неприкосновенности. Онъ не могъ сохранять вѣрность такой системѣ, которая не обезпечивала за нимъ земли.

Ирландскій поселянинъ съ женой и семьей жилъ картофелемъ. Едва ли въ какой нибудь цивилизованной странѣ можно было найти другой примѣръ, чтобъ цѣлое сельское населеніе зависѣло въ пропитаніи отъ урожая одного только растенія. Когда въ картофѣль оказался недостатокъ, то весь порядокъ жизни ирландцевъ, казалось, поколебался. Сперва думали, что этотъ недостатокъ только мѣстный. Но скоро стало выясняться, что на срокъ двухъ лѣтъ по меньшей мѣрѣ, вся пища крестьянскаго населенія и городскихъ бѣдняковъ пропала. Ни одно графство въ Ирландіи не избѣгло вполнѣ болѣзни картофеля, а во многихъ южныхъ и западныхъ графствахъ вскорѣ наступилъ настоящій голодъ. Повсюду стала показываться особая форма лихорадки, называемая голодною. Въ нѣкоторыхъ округахъ народъ умиралъ ежедневно сотнями отъ лихорадки, диссентеріи или просто голодною смертью. Въ округахъ, наиболѣе бѣдствовавшихъ, приходскія власти наконецъ стали отказываться отъ привлеченія плательщиковъ податей къ уплатѣ расходовъ на гробы по причинѣ слишкомъ частыхъ смертныхъ случаевъ. Коронеры объявили невозможнымъ производить установленныя слѣдствія. Не было времени для всѣхъ подобныхъ церемоній.

Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ форма еще соблюдалась, присяжные къ своимъ вердиктамъ о смерти отъ голода присоединяли обвиненіе въ умышленномъ убійствѣ противъ лорда Джона Росселя, лорда-намѣстника или другихъ официальныхъ лицъ, предполагаемая небрежность которыхъ выставлялась причиною смерти голодающихъ. Разумѣется, невозможно было, чтобъ въ такой странѣ, какъ Ирландія, подобный гигантскій голодъ не принесъ съ собою преступленій и насилій. Поселяне всегда ненавидѣли поземельную систему; они всегда говорили, и разумѣется не безъ основанія, что она составляетъ причину всѣхъ ихъ бѣдствій; теперь они были въ твердомъ убѣжденіи, что правительство, еслибы захотѣло, могло бы ихъ спасти. Чему же удивляться, если были хлѣбные мятежи и аграрныя смуты? Неудивительно также, что при существованіи этихъ послѣднихъ правительство ввело исключительныя, репрессивныя мѣры. Но такія мѣры производили злое, тягостное впечатлѣніе на умы народа: ирландцамъ казалось, что прави-

тельство умѣть быть серьезнымъ и рѣшительнымъ только въ понудительныхъ мѣрахъ, а въ борьбѣ противъ голода выказываетъ колебанія и боязливость.

Какъ бы ни относилось въ ирландскому голоду правительство, но въ доброй волѣ Англійскаго народа нельзя было сомнѣваться. Въ каждой большой англійской общинѣ, начиная со столицы, открыта была подписка и полились весьма щедрыя пожертвованія; напримѣръ, въ Ливерпулѣ большое число мѣстныхъ купцовъ подписались каждый по тысячѣ фунтовъ. Англійскіе еваангелисты послали изъ своей среды делегацию въ ирландскіе округи, особенно пострадавшіе отъ голода, чтобы завѣдывать дѣломъ помощи. Многие другія секты и общества послѣдовали этому примѣру. Въ Англии образовывались спеціальныя ассоціаціи для устройства національной помощи. Помощь стала появляться и изъ другихъ странъ. Соединенные Штаты предоставили нѣсколько своихъ военныхъ кораблей для посылки дароваго хлѣба и другой пищи въ голодающія мѣстности. Въ одномъ ирландскомъ портѣ городскіе колокола звонили цѣлый день въ честь прибытія одного изъ такихъ судовъ съ хлѣбомъ. Даже изъ Турціи, какъ и изъ большинства другихъ странъ, явилась нѣкоторая доля пособій пострадавшимъ. Въ то же время правительственныя мѣропріятія отличались иногда замѣчательнымъ неблагоразуміемъ и даже имѣли оскорбительный характеръ. Такъ, въ Дублинѣ, съ одобренія и подъ покровительствомъ лорда-намѣстника, происходило торжественное открытіе публичной кухни, завѣдываемой моднымъ французскимъ поваромъ Соле, какъ бы съ цѣлью показать Ирландскому народу, какой крѣпительный супъ можно сдѣлать изъ самыхъ скудныхъ и дешевыхъ матеріаловъ. Такая выставка, произведенная въ спокойное время, практическимъ путемъ, могла бы еще быть умѣстна, но выполненная подъ видомъ величественной церемоніи національнаго возрожденія, подъ покровительствомъ вице-короля, съ аккомпаниментомъ оркестра и съ особою пышностью, она имѣла замѣчательно нелѣпый и даже обидный видъ. Это предпріятіе вызвало жесткія порицанія со стороны многихъ нетерпѣливыхъ молодыхъ людей изъ національной партіи въ Дублинѣ.

Между тѣмъ бѣдствіе росло. Оно было такъ велико, что самыя щедрыя пожертвованія частныхъ лицъ не могли его облегчить, а правительство, думая сдѣлать все возможно-лучшее, на практикѣ совсѣмъ растерялось. Голодающіе поселане устремлялись въ ближайшій значительный городъ въ надеждѣ найти помощь, но часто находили, напротивъ, что тамъ изсякли и послѣдніе источники благотворительности. Очень многіе, обманувшись подобнымъ образомъ, просто дожились на мостовую и тутъ умирали. По дорогамъ по всей странѣ встрѣчались группы исхудалыхъ, несчастныхъ созданій съ тусклыми взорами, одѣтыхъ въ жалкія лохмотья и безцѣльно блуждавшихъ съ неопредѣленною надеждою найти пищу. Многіе оставались въ своихъ опустѣлыхъ хижинахъ и встрѣчали тамъ смерть. Въ нѣкоторыхъ округахъ страна

казалась необитаемою на цѣлыя мили. Подъ вліяніемъ голода прежняя Ирландія перемѣнилась. Поземельная система ландлордовъ,—какая существовала ранѣе голода, никогда уже не возрождалась во всей своей прежней силѣ и съ прежними особенностями. Для ландлордовъ голодъ имѣлъ послѣдствіемъ еще учрежденіе особаго бюро для разбора дѣлъ о помѣстьяхъ, раззоренныхъ и обремененныхъ долгами: такъ какъ мелкіе фермеры и поселяне стали эмигрировать въ Америку, то большія имѣнія оставались пустыми, а ландлорды раззорялись.

По всей странѣ и въ городахъ сдѣлались нервѣдыми насилія и даже заговоры. Особеннымъ признакомъ времени была страсть ломать стекла, господствовавшая въ городахъ на югѣ и западѣ Ирландіи. Рабочіе дома были переполнены. Тамъ можно было принять и провормить только четвертую часть всѣхъ желающихъ, которые осаждали эти помѣщенія. Тогда многимъ изъ жертвъ голода пришло на мысль, что существуютъ еще тюрьмы и что тамъ нельзя отказать въ приемѣ, если сдѣлать подходящій проступокъ. Расчетъ былъ простой: отправиться въ городъ, перебить съ умысломъ окна въ какой-нибудь лавкѣ, и затѣмъ воспользоваться нѣсколькими днями заключенія въ тюрьмѣ съ достаточной пищей. Особенно часто слѣдовали такому плану молодыя дѣвушки и женщины. Спустя нѣкоторое время, судьи, приведенные въ затрудненіе многочисленностью случаевъ тюремнаго заключенія, рѣшились положить конецъ этой хитрости, отказываясь назначать наказаніе, котораго искали несчастные. Однимъ изъ первыхъ результатовъ голода и повсемѣстныхъ насилій противъ собственности было раззореніе многихъ ландлордовъ. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые изъ нихъ долгое время жили безпечно, рассчитывая на кредитъ, который съ появленіемъ неурожая подвергся тяжкому испытанію. Они не могли болѣе содержать своихъ замковъ и очень часто считали себя счастливыми, если могли сдать ихъ для употребленія въ качествѣ лишнихъ рабочихъ домовъ. Въ близкомъ сосѣдствѣ многихъ охваченныхъ бѣдствіемъ провинціальныхъ городовъ огромный домъ мѣстнаго магната становился помѣщеніемъ для нищеты, которая не могла найти себѣ убѣжища въ переполненныхъ пріютахъ, устроенныхъ на основаніи закона о бѣдныхъ.

Когда голодъ миновалъ и можно было опредѣлить его результаты, оказалось, что Ирландія потеряла около двухъ милліоновъ населенія: съ восьми милліоновъ оно сократилось до шести. Это былъ соединенный результатъ голода, сопровождавшихъ его болѣзней и эмиграціи. Долгое время послѣ того, какъ непосредственныя слѣдствія недостатка картофеля прекратились, населеніе все еще продолжало постоянно уменьшаться. За океаномъ стала возникать Новая Ирландія. Въ каждомъ городѣ Соединенныхъ Штатовъ ирландскій элементъ сталъ составлять значительную часть населенія.

Какъ ни ужасны были непосредственныя слѣдствія голода, но каждый другъ Ирландіи не можетъ не сказать, что въ цѣломъ онъ

сдѣлалъ для нея много добра. Голодь впервые указалъ на необходимость изгнать изъ страны пагубную поземельную систему, впервые неопровержимо указалъ англійскимъ государственнымъ людямъ, что изъ этой системы ничего не можетъ выйти хорошаго. Онъ же побудилъ безпечнаго ирландца искать отечества въ другомъ мѣстѣ.

Что Англійское правительство имѣло самыя лучшія намѣренія относительно Ирландіи — тому доказательствомъ служатъ израсходованныя время отъ времени большія суммы на голодающихъ ирландцевъ, преобразование ирландскихъ законовъ о бѣдныхъ, и т. п. Лордъ Бентинкъ внесъ даже билль о займѣ въ 16 милліоновъ на постройку и пополненіе ирландскихъ желѣзныхъ дорогъ. Это предположеніе было отвергнуто, несмотря на то, что послужило поводомъ къ высокопарнымъ рѣчамъ о вѣрности Ирландскаго народа, которая будетъ обезпечиваться этою мѣрою, и т. п. Потомъ выяснилось, что тутъ вопросъ шелъ не столько объ Ирландскомъ народѣ, сколько о денежныхъ классахъ, которымъ оказывалась помощь на счетъ массы населенія какъ Англійскаго, такъ и Ирландскаго.

Хотя эти и подобныя мѣры доказывали желаніе правительства сдѣлать что-нибудь для Ирландіи, но голодь все-таки вызвалъ сильное негодованіе ирландцевъ противъ англійскихъ властей, которыя обвинялись въ уклоненіи отъ изслѣдованія бѣдствій и опасностей того времени, а также въ томъ, что старались держаться буквы старыхъ экономическихъ ученій въ такую пору, когда въ Ирландіи господствовала смерть...

Мы уже упоминали о партіи молодой Ирландіи, которая образовала ассоціацію, соперничавшую съ послѣдователями О'Коннеля. Агитація О'Коннеля неизбѣжно должна была породить подобное движеніе. Не могло быть рѣчи о томъ, чтобы весь пылъ, возбужденный великимъ агитаторомъ, угасъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко и подалъ сигналъ къ отступленію. Газета „Nation“ не была уже болѣе органомъ О'Коннеля: ея молодые, хорошо образованные и много общавшіе сотрудники стояли за націонализмъ романтической и сантиментальный греческаго или французскаго образца и склонны были относиться съ насмѣшкой къ конституціонной агитаціи и — съ раздраженіемъ — къ вліянію духовенства.

Партія молодой Ирландіи получила новую поддержку со вступленіемъ въ ея ряды Вильяма Смита О'Бріена. О'Бріенъ пользовался значительнымъ вліяніемъ въ Ирландіи, обладалъ обширными имѣніями и хорошимъ положеніемъ и имѣлъ отношенія родства или знакомства со многими аристократическими фамиліями. Онъ имѣлъ основаніе вести свой родъ отъ знаменитаго ирландскаго героя и короля Бріена Бору и необычайно гордился своими претензіями на старинное происхожденіе. Обладая высокимъ личнымъ характеромъ и утонченнымъ чувствомъ чести, О'Бріенъ не имѣлъ выдающихся способностей, необ-

ходимыхъ для вождя движенія. Плохой ораторъ, — въ умственномъ отношеніи стоявшій очень немного выше обыкновеннаго сельскаго джентльмена, О'Бриенъ былъ человекъ благомыслящій, но слабый и тщеславный, у котораго наконецъ стала кружиться голова отъ поклоненія, какое воздавалось ему приверженцами ирландскаго движенія. Короче, О'Бриенъ былъ чѣмъ-то въ родѣ неудавшагося Лафайета; при самыхъ счастливыхъ условіяхъ онъ никогда не могъ сдѣлаться ничѣмъ больше удачнаго Лафайета. При всемъ томъ присоединеніе О'Бриена къ дѣлу Молодой Ирландіи сообщило движенію рѣшительный толчекъ. Положеніе въ обществѣ, легендарное происхождение, несомнѣнно рыцарскія свойства характера и чистота стремленій придали романтической интересъ появленію О'Бриена въ качествѣ признаннаго или по крайней мѣрѣ показнаго вождя движенія молодой Ирландіи.

Смитъ О'Бриенъ былъ человекъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ, чѣмъ большинство его товарищей по участию въ движеніи. Ему было около 43 или 44 лѣтъ, когда онъ сдѣлался вождемъ движенія. Томасъ Френсисъ Мигеръ, самый блестящій ораторъ партіи, — человекъ, который при другихъ условіяхъ могъ бы достигнуть высокаго отличія въ общественной жизни, былъ тогда только лѣтъ 22 или 23. Митчель и Дурффи, считавшіеся старшими среди „молодыхъ ирландцевъ“, имѣли каждый быть можетъ по 30 лѣтъ отъ роду. Въ движеніи участвовало много болѣе или менѣе выдающихся людей, которые были еще моложе Мигера. „Молодая Ирландія“ сначала имѣла характеръ литературнаго кружка и никогда не сдѣлалась истинно національнымъ политическимъ обществомъ. Она состояла, большею частію, изъ молодыхъ журналистовъ, молодыхъ ученыхъ, литераторовъ-любителей, — безвѣстныхъ еще поэтовъ, ораторовъ, слѣбленныхъ по самымъ лучшимъ образцамъ Аенія и Французской революціи, и честолюбивыхъ юношей, жаждавшихъ геройски отличиться въ глазахъ молодыхъ леди. Въ числѣ признанныхъ вождей партіи едва-ли былъ хотя одинъ, который бы нуждался въ деньгахъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли состояніе, или по крайней мѣрѣ богатыхъ родителей. Среди такихъ юношей немного могло быть опасныхъ революціонныхъ элементовъ. Въ этомъ отношеніи „Молодая Ирландія“ была прямою противоположностью Чартистскому движенію, которое пополняло свои ряды людьми, истинно бѣдными и одушевленными неподдѣльною страстью.

Формальное выдѣленіе партіи Молодой Ирландіи отъ націоналистовъ послѣдовало передъ смертью О'Коннеля. Оно произошло, какъ мы говорили, вслѣдствіе попытки О'Коннеля сдѣлать обязательнымъ для всѣхъ его заявленіе, осуждающее употребленіе физической силы или, какъ тогда высокопарно выражались, употребленіе меча въ какомъ бы то ни было патріотическомъ движеніи. Разумѣется, согласиться на такую декларацию, противную воспоминаніямъ о Леонидѣ, Мильтиадѣ и всѣхъ другихъ герояхъ, было трудно для воспитанной на классицизмѣ ир-

ландской молодежи. Мигеръ декламировалъ противъ этой мысли въ звучныхъ фразахъ, исполненныхъ поэтической риторикой. Всѣ историческіе намеки, разсыпанные тамъ, могла оцѣнить впрочемъ только группа хорошо образованныхъ молодыхъ ирландцевъ, прямо со швольной скамьи,—изучившихъ исторію своей страны по еженедѣльнымъ прозаическимъ и поэтическимъ изліяніямъ газеты „Nation“. Разумѣется, изъ этого поэтическаго движенія не произошло бы ничего особеннаго, еслибы не событія, въ подготовкѣ которыхъ „Молодая Ирландія“ не принимала никакого участія.

Революція 1848 года на Европейскомъ материкѣ внезапно превратила движеніе изъ литературной и поэтической организаціи въ мятежный заговоръ. Лихорадочное состояніе той эпохи сразу распространилось на Ирландію. Партія „Молодой Ирландіи“ вообразила, что наступилъ моментъ, когда корона должна пасть съ завоевателя сакса, какъ упала съ Луи-Филиппа. Бѣгство этого послѣдняго исполнило Ирландію надеждой и радостью. Ламартинъ сдѣлался героемъ дня. Экземпляръ его „Жирондистовъ“ находился въ рукахъ каждаго преданнаго сочлена „Молодой Ирландіи“. Мигеръ тотчасъ былъ объявленъ будущимъ Верньо Ирландской революціи. Смитъ О'Бріенъ былъ призванъ сдѣлаться ирландскимъ Лафайетомъ. Депутація „молодыхъ ирландцевъ“, съ О'Бріеномъ и Мигеромъ во главѣ, посѣтила Ламартина, но приемъ, сдѣланный имъ, отличался холоднымъ здравымъ смысломъ и сильно разочаровалъ надежды партіи. Многіе изъ „молодыхъ ирландцевъ“ приняли въ буквальный смыслъ слова Ламартина о сочувствіи новой Французской республики къ борьбѣ угнѣсненныхъ національностей за свободу, и мечтали, что республика серьезно разсматриваетъ вопросъ о возможности войны съ Англіей по просьбѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ Ирландіи, предводительствуемыхъ однимъ сельскимъ джентльменомъ и однимъ членомъ парламента. Между тѣмъ въ „Молодой Ирландіи“ возникло новое, болѣе сильное вліяніе, чѣмъ О'Бріена и Мигера. Партія сама раздробилась на двѣ, изъ которыхъ одна стояла за немедленное дѣйствіе, другая требовала осторожности и отсрочки. Во главѣ партіи дѣйствія всталъ Джонъ Митчелъ. Органомъ этой партіи сдѣлалась газета „United Irishman“, основанная Митчелемъ для противовѣса газетѣ „Nation“, которая, по его мнѣнію, являлась слишкомъ отсталою. Новая газета въ короткое время затмила „Nation“ и по распространенности, и по популярности. Цѣлью органа Митчеля было вооружить сначала правительство, а потомъ Ирландскій народъ. Планъ Митчеля былъ таковъ: возбудить народныя страсти до того, чтобъ правительство было вынуждено сдѣлать рѣшительный шагъ къ предупрежденію возстанія посредствомъ ареста нѣкоторыхъ предводителей. Тогда — разсчитывалъ Митчелъ — чернь возстанетъ на защиту и выручку своихъ героевъ, и дѣло пойдетъ въ ходъ. Ирландія будетъ вовлечена въ возстаніе, а остальное рѣшить судьба.

Теперь этот прозекъ кажется дикимъ и безнадежнымъ, какъ впрочемъ и вышло въ дѣйствительности. Но тогда, даже для людей хладнокровныхъ, дѣло вовсе не казалось отчаяннымъ. Напротивъ, это былъ единственный прозекъ, представлявшій хотя какую-нибудь вѣроятность успѣха. Подъ успѣхомъ мы разумѣемъ не независимость Ирландіи, къ которой стремился Митчель, но постановку на ноги дѣйствительнаго возстанія.

Митчель былъ единственный опасный человекъ среди заговорщиковъ 1848 года. Только онъ одинъ зналъ, чего хотѣлъ, и былъ готовъ на всякій рискъ для достиженія цѣли. Митчель былъ какъ бы отлитъ по образцу истиннаго революціонера и при другихъ обстоятельствахъ могъ бы разыграть страшную роль. Онъ происходилъ съ сѣверной части острова и былъ протестантъ-диссентеръ. (Замѣчательно, что всѣ дѣйствительно серьезные революціонеры, какихъ Ирландія производила въ новѣйшее время, — отъ Вольфа Тона до Митчеля, были протестанты). Митчель былъ человекъ съ большимъ литературнымъ талантомъ. Его ясная, смѣлая, колкая проза своей презрительной насмѣшкой была прямо въ центръ избранной цѣли. По своей рѣзкой силѣ и безжалостной ироніи нѣкоторыя сочиненія Митчеля, какъ литературныя произведенія, могутъ читаться еще до сихъ поръ. Въ своей газетѣ Митчель каждую недѣлю дѣлалъ правительству вызовы. Онъ пламенно проповѣдывалъ возстаніе и не стѣснялся никакими оскорбительными выраженіями, чтобъ только побудить разгоряченный народъ взяться за оружіе или вызвать нетерпѣливое правительство на какую-нибудь суровую репрессивную мѣру. Митчель былъ вполне готовъ пожертвовать собою, если нужно. Очень возможно, что онъ самъ себя убѣдилъ въ непремѣнномъ успѣхѣ возстанія Ирландіи противъ правительства. Но есть также хорошее основаніе думать, что Митчель былъ бы совершенно удовлетворенъ, еслибы ему удалось только какимъ бы то ни было способомъ возбудить дѣйствительное кровавое возстаніе. Каковъ былъ бы его исходъ — это уже другое дѣло, лишь бы только все предпріятіе хорошо читалось въ газетахъ и избавило ирландскихъ націоналистовъ, по мнѣнію Митчеля, отъ безчестія, такъ какъ они еще никогда не выказывали умѣнья умирать за народное дѣло. Митчель постоянно настаивалъ, чтобы народъ практиковался въ военныхъ упражненіяхъ. Каждую недѣлю газета „United Irishman“ содержала въ себѣ длинныя наставленія, какъ дѣлать пики и употреблять ихъ, какъ пускать пули, какъ дѣлать улицы опасными для копытъ кавалерійскихъ лошадей. Нѣкоторые изъ этихъ рецептовъ отличались особенно звѣрскимъ характеромъ. Въ числѣ разрушительныхъ средствъ рекомендовалось употребленіе купороса. Очень естественно, что къ Митчелю возникло отвращеніе даже у многихъ изъ тѣхъ людей, которые сочувствовали вообще его мнѣніямъ. Та часть „Молодой Ирландіи“, которую мы можемъ назвать жирондистами, нѣсколько отдалилась отъ Митчеля и съ радостію бы совсѣмъ избавилась отъ него. Правда, что

наиболѣ яростныя изъ этихъ купоросныхъ статей были написаны не самимъ Митчелемъ, и что онъ даже не зналъ о знаменитой рекомендаціи обливать враговъ купоросомъ, пока она не появилась въ печати. Однакожъ Митчель по справедливости (а также и съ технической точки зрѣнія) былъ отвѣтственъ за все, что появлялось въ газетѣ, издаваемой съ такою цѣлью, какъ „Соединенный Ирландецъ“; нельзя утверждать даже и того, что Митчель не одобрилъ бы такого употребленія купороса, еслибы своевременно зналъ о содержаніи статьи. Онъ никогда не отрекался отъ этой мысли и не взялъ на себя труда заявить, что она принадлежитъ не ему. Короче, Митчель былъ ловкій и безстрашный фанатикъ. Несомнѣнно, что еслибы въ Ирландіи было много людей его закала, то она была бы повергнута въ кровопролитную, упорную и бѣдственную борьбу противъ Британскаго правительства.

Между тѣмъ нужно было на что нибудь рѣшиться и этому послѣднему. Лордъ-намѣстникъ не могъ же всегда дозволять газетѣ дѣлать призывы къ возстанію и каждую недѣлю до мелочей описывать легчайшіе и самые вѣрные способы убійства англійскихъ солдатъ. По существовавшимъ законамъ нельзя было примѣнить къ Митчелю репрессивныя мѣры и запретить его газету. Мало значенія имѣло бы и начатіе противъ него особаго процесса въ силу общихъ законовъ, осуждавшихъ мятежныя слова и сочиненія. Впрочемъ судебныя преслѣдованія дѣйствительно были начаты противъ О'Бріена, Мигера и самого Митчеля за проступки, совершенные путемъ печати; но обвиняемые представили поручительство и продолжали между тѣмъ говорить и писать, какъ прежде, а когда дѣло стало разбираться присяжными, правительству не удалось добиться убѣжденія въ виновности подсудимыхъ. Поэтому правительство, для лучшаго огражденія правъ короны, внесло билль, по которому всякія письменныя возбужденія къ возстанію или сопротивленію закону объявлялись государственной измѣной и наказывались ссылкой. Проектъ закона быстро прошелъ всѣ установленныя фазисы разсмотрѣнія. Новый законъ уполномочивалъ правительство прекращать газеты въ родѣ „Соединеннаго Ирландца“, а всѣхъ виновныхъ въ нарушеніи закона держать въ тюрьмѣ, не дозволяя брать ихъ на поруки.

Митчель скоро далъ властямъ поводъ на самомъ себѣ испытать цѣлесообразность новаго закона. Онъ сталъ повторять призывы къ возстанію, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму. Возбужденіе въ Ирландіи достигло наибольшей степени, когда наступило время суда надъ Митчелемъ. Почти несомнѣнно, что онъ питалъ сильную надежду, что поклонники попытаются его освободить. Изъ своей тюрьмы Митчель писалъ, что каждую ночь слышитъ около стѣнъ тюрьмы шаги нѣсколькихъ сотенъ сочувствующихъ людей, „измѣнниковъ Англій по душѣ и по сердцу“. Правительство, съ своей стороны, также ожидало, что произойдетъ какое-нибудь возстаніе. Смитъ

О'Бриенъ, Мигеръ и всѣ другіе „молодые ирландцы“ на время отодвинулись на задній планъ, и глаза всей страны были обращены на тюрьму Митчеля. Будь другой Митчель внѣ стѣнъ тюрьмы, столь-же дерзкій и неустрашимый, какъ Митчель, сидѣвшій въ тюрьмѣ, — вѣроятно, произошла-бы кровавая вспышка. Но находившіеся на свободѣ вожди движенія вовсе не уяснили себѣ, какое направленіе имъ должно было избрать. Многіе изъ нихъ были вполне убѣждены въ безнадежности и неразумности всякаго революціоннаго движенія, и почти всѣ хорошо сознавали, что во всякомъ случаѣ страна именно тогда была совершенно не подготовлена ни къ чему подобному. Не мало было и такихъ, которые предполагали, что движеніе совсѣмъ не имѣло прочныхъ корней въ странѣ. Нѣкоторые завидовали внезапной популярности Митчеля и въ глубинѣ сердецъ готовы были проклинать его за тревогу, какую онъ навлекъ на всѣхъ. Но такіе люди не рѣшались открыто выразить подобныя чувства. Смѣлость и рѣшительность Митчеля ставили ихъ въ невыгодное положеніе. По отношенію къ личному вліянію онъ имѣлъ надъ ними тотъ перевѣсъ, какой опредѣленная рѣшимость всегда даетъ человѣку надъ другими людьми, не ясно сознающими, что нужно начать. Одно только могли сдѣлать недовольные, и они это именно сдѣлали. Они успѣли отклонить всякую мысль о попыткѣ освободить Митчеля. Наступилъ судъ. Митчель былъ признанъ виновнымъ. Онъ произнесъ короткую, но сильную и страстную рѣчь со скамьи подсудимыхъ, былъ приговоренъ къ 14-лѣтней ссылкѣ, — поспѣшно провезенъ подъ кавалерійскимъ конвоемъ по улицамъ Дублина, посаженъ на военный корабль и чрезъ нѣсколько часовъ находился уже на пути къ Бермудскимъ островамъ. Дублинъ остался совершенно спокоенъ; окрестное населеніе едва знало о случившемся до тѣхъ поръ, пока Митчель уже находился въ безопасномъ отдаленіи, а люди дальновидные улыбались про себя и говорили, что опасность миновала.

Такъ и вышло на самомъ дѣлѣ. Остальныя дѣйствія „Молодой Ирландіи“ имѣютъ нѣсколько комическій характеръ. Вожди ея сдѣлались демонстративнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Газета „Nation“ теперь стала открыто стоять за возстаніе, но съ тѣмъ, чтобъ оно совершилось не сейчасъ, а въ какое-то другое, непоименованное газетою время, когда Ирландія будетъ готова встрѣтить сакса. Повидимому предполагалось, что саксъ, по своей характеристической склонности къ открытой игрѣ, допустить своихъ враговъ сдѣлать всѣ какія имъ угодно приготовленія, не вмѣшиваясь самъ, а когда они объявятъ себя готовыми, только тогда, но раньше, выступить и онъ на борьбу съ ними. Смитъ О'Бриенъ объѣзжалъ страну, дѣлая смотры „конфедератамъ“, какъ называли себя „молодые ирландцы“. Правительство однакожь поступило вопреки ихъ ожиданіямъ: приостановило въ Ирландіи дѣйствіе закона о личной неприкосновенности и издало декреты объ арестованіи Смита О'Бриена, Мигера и другихъ вождей конфедератовъ.

„Молодые ирландцы“ встрѣтили извѣстіе о такомъ рыцарскомъ образѣ дѣйствій взрывомъ гнѣва и удивленія, очевидно вполне неподдѣльныхъ. Они несомнѣнно думали, что могутъ продолжать приготовленія къ возстанію сколько имъ заблагоразсудится, и были крайне смущены новымъ положеніемъ дѣлъ. Нѣкоторые изъ главныхъ вождей — Смитъ О'Бріенъ, Мигеръ, Диллонъ и другіе покинули Дублинъ и отправились внутрь страны. Не вполне ясно до сихъ поръ, имѣли ли они сначала опредѣленную цѣль возстанія. Вѣроятно заговорщики думали избѣгнуть ареста на нѣкоторое время, а между тѣмъ развѣдать, не готова ли страна слѣдовать за ними по пути вооруженнаго возстанія. Они собирали цѣлый рядъ митинговъ, которые можно разсматривать, какъ обычные митинги въ каждой агитаціи, но можно назвать и приготовленіями къ мятежу, смотря по тому, какъ толковать цѣли агитаторовъ. Такого рода дѣйствія очень скоро перешли въ открытое возстаніе. Главныя силы послѣдователей Смита О'Бріена имѣли столкновеніе съ полиціей въ мѣстечкѣ Баллинггарри, въ графствѣ Типперари. Они напали на небольшой отрядъ полицейскихъ въ домикѣ бѣдной вдовы, по имени Кормекъ. Полиція заняла самый домъ и утвердилась такъ какъ бы въ осажденной крѣпости, а заговорщики атаковали эту крѣпость со стороны знаменитаго съ тѣхъ поръ огорода. Полицейскіе сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Возставшіе также стрѣляли, но своими плохими ружьями и винтовками не убили ни одного полицейскаго. Послѣ того, какъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ было убито или ранено (достоверно не извѣстно, были-ли при этомъ убиты) — мятежная армія разсѣялась, и возстаніе было кончено. Спустя нѣсколько дней, бѣдный Смитъ О'Бріенъ былъ взятъ безъ шума на станціи желѣзной дороги въ Терлсъ, въ Типперари, въ ту минуту, когда онъ спокойно покупалъ билетъ въ Лимерикъ. Онъ не выказалъ никакого сопротивленія и повидимому считалъ все дѣло поконченнымъ. Онъ встрѣтилъ свою судьбу съ спокойнымъ достоинствомъ джентльмена и точно также держалъ себя во все остальное время, пока ему еще приходилось играть активную роль. Во время схватки съ полиціей О'Бріенъ подвергалъ себя личной опасности съ отчаянною храбростію, вопреки ходившимъ тогда неблагоприятнымъ слухамъ. Впослѣдствіи выяснилось также, что самъ О'Бріенъ — въ силу тѣхъ же рыцарскихъ свойствъ своего характера, добровольно пресѣлъ еще одинъ небольшой способъ поддержки возстанія, именно, онъ распорядился, чтобъ мятежники не дѣлали насилія ничьей частной собственности. Онъ настаивалъ, что возстаніе должно само себя оплачивать, и фонды скоро изсякли...

Мигеръ и двое его товарищей были арестованы спустя нѣсколько дней, въ то время, когда они безнадежно и безцѣльно блуждали по горамъ Типперари. Арестованные были преданы суду особой комиссіи въ Клонмелъ въ теченіе ближайшаго сентября мѣсяца. Первымъ былъ судимъ Смитъ О'Бріенъ, признанный виновнымъ. Онъ произнесъ

нѣсколько словъ съ серьезнымъ, полнымъ достоинства видомъ: онъ просто объявилъ, что попытался исполнить свой долгъ по отношенію въ родной странѣ и готовъ вынести всѣ послѣдствія. Онъ былъ приговоренъ къ смерти по старинной формулѣ, употребляемой въ случаяхъ государственной измѣны, а именно осужденъ быть повѣшеннымъ, обезглавленнымъ и четвергованнымъ. Затѣмъ былъ признанъ виновнымъ Мигеръ. Онъ возбудилъ къ себѣ общее состраданіе благодаря своей крайней молодости и краснорѣчію. Притомъ отецъ Мигера былъ человѣкъ богатый, составившій себѣ уважаемое положеніе въ парламентѣ. Нѣсколько словъ, произнесенныхъ Мигеромъ въ свою защиту, были проникнуты энергіей. Ему не въ чемъ было, какъ онъ говорилъ, сознаваться или просить прощенія, — онъ явился на судъ не для того, чтобъ цѣпляться за жизнь, которую посвятилъ независимости отечества... „Исторія Ирландіи объясняетъ и оправдываетъ мои дѣйствія“, сказалъ Мигеръ. Онъ былъ приговоренъ къ смерти съ тѣми же устрашающими формальностями, какъ и О'Бриенъ. Никто впрочемъ не вѣрилъ, чтобъ подобный приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе въ царствованіе королевы Викторіи. Смертная казнь была замѣнена пожизненной ссылкой; но даже и эта послѣдняя не осуществилась. Всѣ заключенные были отправлены въ Австралію, а нѣсколько лѣтъ спустя Митчель и Мигеръ успѣли бѣжать. Способъ бѣгства дѣлаетъ сомнительную честь плѣнникамъ, такъ какъ въ моментъ побѣга они были отпущены на честное слово. По этому вопросу происходила цѣлая полемика. Съ Митчелемъ дѣло происходило такъ, что онъ дѣйствительно пошелъ въ тотъ полицейскій судъ, въ предѣлахъ вѣдѣнія котораго находился, формально и публично заявилъ судѣ, что беретъ назадъ свое слово и приглашаетъ судью арестовать его. Но судья не былъ приготовленъ къ его приходу и не имѣлъ при себѣ на ту пору стражи. Митчель былъ вооруженъ, а также и другъ его, который сопровождалъ Митчеля и который задумалъ и осуществилъ его побѣгъ. Лошади ожидали ихъ у дверей, и какъ только бѣглецы увидели, что судья не знаетъ, что дѣлать, они вышли изъ суда, сѣли на лошадей и ускакали. Между тѣмъ подразумеваемыя условія явки арестанта, отпущеннаго на честное слово, совершенно иныя: человѣкъ, задумавшій взять слово назадъ, долженъ явиться предъ свою стражу, находясь въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ былъ отпущенъ на слово. Очевидно, что арестанта никогда не отпустить на честное слово, если онъ употребитъ свою свободу на подготовленіе средствъ къ бѣгству, а когда все будетъ готово, — явится въ распахъ къ своимъ стражамъ сказать имъ, что онъ больше не считаетъ себя связаннымъ условіями и что они могутъ захватить его сейчасъ, если имѣютъ на то средства. Таковъ былъ взглядъ Смита О'Бриена, который не согласился ни на какое участіе въ подготовкѣ побѣга, пока былъ отпущенъ на слово. Совѣтники короны предложили дать О'Бриену условное прощеніе, такъ какъ онъ велъ себя какъ истинный джентль-

менъ. О'Бріенъ получилъ прощеніе подъ условіемъ не возвращаться на Британскіе острова. Впослѣдствіи это условіе было устранено, и онъ вернулся въ Ирландію. Онъ умеръ спокойно въ Валлисѣ въ 1864 году.

Митчель поселился на время въ Ричмондѣ, въ Виргиніи, сдѣлался ревностнымъ защитникомъ рабства и страстнымъ приверженцемъ южныхъ штатовъ во время междуособной войны. Послѣ войны онъ вернулся на сѣверъ, а впослѣдствіи явился въ Ирландію, гдѣ, благодаря какому-то недостатку въ уголовномъ законѣ, не могъ быть арестованъ, такъ какъ срокъ его осужденія уже миновалъ, хотя онъ и не отбывалъ наказанія. Для извѣстнаго класса народа Митчель все еще былъ героемъ; онъ выступилъ кандидатомъ въ представители отъ одного ирландскаго графства и былъ избранъ. Однакожъ Митчеля не допустили вступить въ палату общинъ; избраніе его было объявлено недѣйствительнымъ, и назначены новые выборы. Митчель былъ снова избранъ, и по этому поводу ожидалась нѣкоторая тревога, какъ вдругъ Митчель, давно ослабѣвшій здоровьемъ, умеръ, и тѣмъ устранилъ поводъ къ спорамъ. Впрочемъ послѣдніе годы жизни были для Митчеля эпохой упадка въ сравненіи съ прежней его популярностью. Послѣдней много способствовало и поведеніе Митчеля на судѣ въ 1848 году, нелишенное достоинства и героизма и вызывавшее удивленіе даже заклятыхъ враговъ этого агитатора.

Мигеръ служилъ въ федералистской арміи, когда вспыхнула война, и выказалъ большія способности и воинскій духъ. Конецъ его былъ преждевремененъ и плачевенъ. Онъ упалъ ночью съ палубы парохода; ночь была темная; на Миссури было сильное теченіе; помощь пришла слишкомъ поздно. Неосторожный шагъ, темная ночь и грязныя волны Миссури закончили жизненную карьеру, которая обѣщала быть блестящею.

Многіе изъ замѣтныхъ членовъ „Молодой Ирландіи“ впослѣдствіи приобрѣли себѣ почетное положеніе. Чарльзъ Гаванъ Дuffers, издатель „Nation“, который два раза предавался суду послѣ неудачнаго исхода возстанія, но ни одинъ разъ не былъ осужденъ присяжными, сдѣлался членомъ палаты общинъ и впослѣдствіи переселился въ колонію Викторію, гдѣ достигъ званія министра и до сихъ поръ считается однимъ изъ главныхъ парламентскихъ вождей въ Мельбурнѣ. Томасъ Дарси Макъ-Ги отправился въ Соединенные Штаты, а оттуда въ Канаду, гдѣ былъ министромъ короны. Его безвременная смерть отъ руки убійцы оплакивалась какъ въ Англии, такъ и въ самой колоніи, которой онъ честно служилъ. Нѣкоторые изъ „молодыхъ ирландцевъ“ остались навсегда въ Соединенныхъ Штатахъ и приобрѣли тамъ хорошую репутацію; изъ вернувшихся не малое число вступили въ палату общинъ и сдѣлались ея уважаемыми членами, причѣмъ увлеченія молодости были забыты. Почетнымъ положеніемъ въ палатѣ общинъ пользовался и нѣкто Джонъ Мартинъ, не смотря на то, что онъ до

самой смерти заявлялъ себя какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его, стойкимъ и неисправимымъ противникомъ британской власти въ Ирландіи. Онъ пользовался уваженіемъ за честность и прямоту своего характера и очевидную правдивость своихъ цѣлей. Мартинъ былъ преданъ Митчелю во всю его жизнь и умеръ спустя нѣсколько дней послѣ смерти Митчеля.

Движеніе „Молодой Ирландіи“ явилось и исчезло точно призракъ. Оно никогда не имѣло въ себѣ ничего реального и существеннаго, а составляло вполнѣ результатъ литературнаго и поэтическаго вдохновенія. Это движеніе никогда ни мало не затрогивало сельскій классъ населенія и даже вообще едва касалось людей зрѣлыхъ лѣтъ. Это была красивая игра въ возстаніе, подражаніе Французской революціи, подобно тому, какъ сами жирондисты подражали патриотамъ Греціи и Рима. Но и такое движеніе имѣло возможность надѣлать вредъ, памятный надолго, еслибы продолжалась политика одного только чело-вѣка, единственнаго чело-вѣка во всемъ дѣлѣ, который затѣялъ серьезную и безстрашную игру. Исторія съ „Молодой Ирландіей“ составляетъ лишь новое доказательство того явленія, которое раньше выразилось и въ движеніи О'Коннеля, именно, что въ ирландскихъ политическихъ вспышкахъ моментъ наибольшей напряженности движенія не повторяется и возобновить его нельзя. Во всякой ирландской агитаціи есть что-то порывистое. Национальный пылъ можно раздуть до извѣстной температуры, но если на высшемъ пунктѣ, на пунктѣ кипѣнія ничего особеннаго не совершилось, то пламенное настроеніе вдругъ спадаетъ и въ этотъ разъ уже ничѣмъ нельзя его воспламенить съизнова. Агитація объ отмѣнѣ уніи достигла такого момента, когда собирался митингъ въ Клонтарфѣ; распушеніе митинга послужило концомъ всей агитаціи. Въ движеніи „Молодой Ирландіи“ крайнимъ моментомъ возбужденія былъ процессъ Митчеля. Послѣ него правительство видѣло, что бояться больше нечего. Въ 1848 году люди наблюдательные знали, что послѣ процесса Митчеля улегшіяся народныя волны на этотъ разъ больше не поднимутся...

Н. С. К.

ЗАПИСКИ КАРОЛИНЫ БАУЕРЬ.

Сердце и любовь. — Умъ и чувство на сценѣ. — Театральная искренность. — Погибшія исторіи сердца. — Разоблаченія Вельмера. — Жизнь К. Бауеръ. — Амалія Бенда. — Подруги Каролины. — Семейство герцога Кобургскаго. — Герцогъ Эрнстъ и Полина Панамъ. — Мемуары молодой гречанки. — Кузенъ Штокмаръ. — Таинственный незнакомецъ въ Гильдбургхаузенскомъ замкѣ. — Первый дебютъ на сценѣ. — Амалія Нейманъ и первая любовь. — Исторія графа Бисмарка. — Герцогъ Людвигъ Баденскій. — Вильгельмина Маасъ. — Берлинъ въ 1824 году. — Софія и Вильгельмина Шредеръ. — Прусскій дворъ. — Фридрихъ Вильгельмъ III. — Его страсть къ театру. — Фарсы и балеты. — Принцъ Мефистофель. — Принцъ Донъ-Жуанъ. — Придворный и театральныи міръ.

ИЗНЬ женщины — это ея сердце, а жизнь сердца — любовь.

Это говоритъ, въ предисловіи къ своимъ запискамъ, женщина, дѣйствительно, много любившая, но жившая всетаки не однимъ сердцемъ, потому что была въ то же время хорошей актрисой и недурной писательницей, хотя и въ тѣсной сферѣ театральныиъ воспоминаній и частной переписки. Для хорошей актрисы конечно необходимо сердце, т. е. чувство, но еще необходимѣе умъ, особенно въ такихъ роляхъ, какими прославилась составительница разбираемыхъ нами записокъ: въ серьезной драмѣ и высокой комедіи, гдѣ она въ совершенствѣ исполняла амплу великовсѣтсемихъ дамъ и кокетокъ. Нерѣдко приходится видѣть на сценѣ актрисъ, до того умно исполняющихъ свою роль, что въ нихъ почти не замѣчаешь недостатка искренняго чувства; но еще чаще видишь въ исполнительницахъ глубоко прочувствованныхъ ролей отсутствіе пониманія тонкихъ оттѣнковъ роли, т. е. отсутствіе ума. Каролина Бауеръ принадлежала къ первой категоріи актрисъ, и даже многими обстоятельствами ея жизни руководилъ часто разсчетливый умъ, а не сердечныя увлеченія. И между тѣмъ всѣ поступки своей жизни сама она ставитъ въ полную зависимость отъ своего сердца, „обѣднаго, такъ часто обуреваемаго, истомленнаго сердца, которое когда-то такъ юношески-радостно цвѣло и улыбалось, какъ веселый цвѣтокъ въ солнечномъ сіяніи, а потомъ такъ часто заблуждалось и надало, страдало и плакало“. Такими цвѣ-

тистыми фразами наполнено все введеніе къ запискамъ даривитой артистки, которая хочет очевидно порисоваться передъ читателями. Она даже прямо увѣряетъ, что никогда не знала истинной любви, что сердце ея всю жизнь напрасно искало другаго, искренно любящаго сердца, которое сдѣлало бы ее не только счастливою, но и доброю. О томъ, въ какой степени была искреннею ея собственная любовь, она конечно умалчиваетъ, и бѣдное сердце играетъ тутъ роль „козла отпущенія“, на котораго сваливаются всѣ грѣхи молодости. Она сознается только, что „ея сердце и жизнь, созданныя для счастья и для того, чтобы осчастливить другихъ, погибли въ безумной, запутанной игрѣ любви горячѣй, истомляющей страсти или въ холодномъ и умномъ расчетѣ“. Эта послѣдняя фраза о расчетѣ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ всѣ предыдущія вычурныя объясненія, чѣмъ заключительныя слова введенія, въ которыхъ она распространяется о благой цѣли своей открытой исповѣди, называя ее въ то же время своимъ покаяніемъ. Эта исповѣдь погибшей жизни потому обнародывается, что можетъ спасти хоть одну человѣческую жизнь, одно сердце, увлекаемое слабостью и искушеніемъ.

Недовѣріе не къ событіямъ жизни Каролины Бауеръ, а къ ихъ истолкованію и мотивированію еще болѣе возбуждаются при чтеніи вступленія къ этимъ запискамъ, написаннаго Арнольдомъ Велльмеромъ, которому Бауеръ, незадолго до своей смерти, въ 1874 году, оставила всѣ свои письма и рукописи, съ правомъ напечатать послѣ ея кончины мемуары ея истинной жизни. И онъ издалъ, два года тому назадъ, ея письма, подъ названіемъ: „Изъ жизни умершей. Каролина Бауеръ въ своихъ письмахъ“. Теперь вышелъ первый томъ ея записокъ подъ заглавіемъ: „Погибшія безъ слѣда исторіи сердца. Записки, оставленныя Каролиною Бауеръ“ (*Verschollene Herzensgeschichten. Nachgelassene Memoiren von Karoline Bauer*). Во вступленіи къ запискамъ Велльмеръ говоритъ прямо, что публикуетъ ихъ вовсе не изъ уваженія къ памяти покойной, такъ какъ и обнародованіе ея писемъ выставило ее не въ привлекательномъ свѣтѣ. Онъ сознается, что ошибался въ ней и слишкомъ поздно узналъ по опыту двуличіе (*Doppeltzungigkeit*) своей подруги, „умѣвшей такъ ласково и граціозно гладить васъ своею бархатною лапкою, а потомъ лукаво запускать свои когти“. Велльмеръ печатаетъ эти записки, на которыя имѣетъ право, съ психологическою цѣлью, для того чтобы изучить всѣ изгибы человѣческой души и слѣдить за ея измѣненіями отъ первыхъ дней молодости, „разсѣвая перомъ, скальпелемъ души, эту богато одаренную натуру до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ ея“. По мнѣнію Велльмера натура эта погибла отъ недостатка твердости характера и нравственной выдержанности, отъ болѣзненного тщеславія и отъ страсти ко лжи и интригѣ. Это слишкомъ рѣзкое сужденіе онъ общааетъ подтвердить самими записками. „Даже внушающіе страхъ примѣры могутъ дѣйствовать спасительно“, прибавляетъ онъ.

Ведь уже два года процессъ за обнародованіе писемъ Бауеръ съ графомъ Платеромъ, имя и титулъ котораго принадлежали ей въ послѣднее время, — Велльмеръ приводитъ не очень лестное мнѣніе нѣкоторыхъ юристовъ о ея сумасбродныхъ поступкахъ, и утверждаетъ, что записки покойницы „обработаны“ имъ, какъ и всѣ другія книги, явившіяся съ именемъ Каролины Бауеръ „Это было необходимо, представляетъ онъ, вслѣдствіе совершеннаго недостатка въ писательницѣ литературнаго знанія“. Въ какой мѣрѣ мы должны вѣрять въ этомъ другу актрисы, очевидно сильно раздраженному противъ нея — рѣшить очень трудно. Кромѣ своихъ писемъ Бауеръ издала двѣ книги, имѣвшія большой успѣхъ: „Изъ моей сценической жизни“ (Aus meinem Bühnenleben) и „Странствованія актеровъ“ (Komödiantenfahrten). Трудно представить себѣ, чтобы умная, образованная женщина, вращавшаяся въ литературномъ и высшемъ свѣтѣ, не умѣла писать даже такихъ несложныхъ вещей, какъ мемуары и письма. Но Велльмеръ увѣряетъ, что она доставила ему канву и матеріалъ, а онъ самъ уже вышивалъ и „приводилъ въ порядокъ и ясность этотъ хаосъ“. Онъ сознается однако, что она оставила ему собственноручную рукопись записокъ, сотни писемъ и наконецъ словесные рассказы, записанные имъ въ разное время. Не видѣвъ рукописей актрисы, нельзя судить о томъ, въ какой степени слѣдуетъ довѣрять показаніямъ ея издателя. Русскихъ читателей можетъ интересовать впрочемъ не форма и способъ составленія записокъ, а самое содержаніе ихъ и мы обратимся къ нимъ, рассказавъ предварительно въ нѣсколькихъ словахъ полную приключеній жизнь ихъ автора.

Каролина Бауеръ родилась въ 1807 году, въ Гейдельбергѣ, отъ драгунскаго офицера Баденскаго великаго герцогства и матери, происходившей отъ Кобургской фамиліи Штокмаръ. Отецъ Каролины палъ въ сраженіи при Аспернѣ, но дочь получила хорошее образованіе въ швейцарскомъ пансіонѣ въ Карльсруэ и, увлекаемая страстью къ театру, выступила тамъ же въ 1822 году на сцену. Ея успѣхи и быстро пріобрѣтенная извѣстность доставили ей черезъ два года ангажементъ на королевскій театръ въ Берлинѣ, гдѣ она оставалась до 1829 года любимцею публики. Оттуда она уѣхала въ Англію съ герцогомъ Леопольдомъ Кобургскимъ, съ которымъ, какъ говорятъ, была соединена морганатическимъ бракомъ. Въ Лондонѣ и Парижѣ жила она подъ именемъ графини Монгомери, но въ 1831 году, когда Леопольдъ былъ избранъ королемъ бельгійцевъ и долженъ былъ жениться на принцессѣ Луизѣ, Каролина поступила опять на сцену и до 1833 года восхищала своею игрою Петербургъ. Послѣ артистическаго путешествія по городамъ Германіи, она приняла ангажементъ въ Дрезденѣ, гдѣ слава ея достигла своего апогея и гдѣ она вышла замужъ за графа Ладислава Броэль-Платера, оставивъ сцену.

Первый томъ записокъ Бауеръ обнимаетъ первыя двадцать лѣтъ ея жизни, вонечно менѣе интересныя, чѣмъ ея послѣдующая дѣятель-

ность. Поэтому мы сдѣлаемъ только краткій обзоръ ихъ, останавливаясь на выдающихся событіяхъ и предоставляя себѣ изложить болѣе подробно факты ея пребыванія въ Лондонѣ, Петербургѣ и Дрезденѣ.

Воспоминанія Каролины начинаются съ десятилѣтняго возраста. Въ это время она начала посѣщать театръ и страстно привязалась къ актрисѣ Гейдельбергской сцены, Амаліи Бенда, которую часто посѣщала, проводя у нея цѣлые дни. По словамъ Каролины это была удивительная актриса, которая однако вскорѣ же должна была по болѣзни оставить сцену. Она играла, правда, еще нѣсколько времени въ Карльсруэ и другихъ городахъ, но умерла отъ истощенія силъ, въ Зальцбургскомъ госпиталѣ. Когда Каролинѣ было 13 лѣтъ, братъ Людвигъ помѣстилъ ее въ швейцарскій пансіонъ въ Невшателѣ, такъ какъ она предназначалась быть гувернанткой и должна была основательно изучить Французскій языкъ. О пансіонской жизни Каролина говоритъ мало и рассказываетъ подробно только исторію двухъ своихъ подружекъ—Констанціи и Виргиніи. За первую посватался блестящій французъ, оказавшійся впоследствии бѣглымъ кассиромъ и мошенникомъ. Узнавъ это, невѣста сошла съ ума, долго жила въ частной лечебницѣ душевныхъ больныхъ, но въ 1824 году Каролина Бауеръ, уже прославленная актриса, свидѣлась со своей прежнею подругою и возвратила ей разумъ и память прошлаго, пропѣвъ ей народную нѣмецкую пѣсню, которую онѣ пѣвали въ дѣтствѣ, въ пансіонѣ. Исторія эта слишкомъ романтична, чтобъ быть правдоподобною.

Братъ матери Каролины, Штокмаръ, занималъ видное мѣсто при дворѣ герцога Кобургскаго и пригласилъ къ себѣ сестру съ двумя дѣтьми. Въ 1822 году она переѣхала въ Кобургъ. Каролина подробно описываетъ всю семью Штокмаровъ и Кобургскаго герцога. Въ 1795 году герцогиня Кобургская отправилась съ тремя своими дочерьми—Софіею, Антуанеттою и Юліаною, въ Петербургъ, по приглашенію Екатерины II, желавшей выбрать невѣсту для своего внука Константина. Блестящій Русскій дворъ принималъ незначительныхъ нѣмецкихъ принцессъ насмѣшливо. Императрица послала къ нимъ своихъ портныхъ и парикмахеровъ, чтобъ одѣть и причесать ихъ по модѣ. Это весьма возможно, но далѣе въ рассказѣ начинаются преувеличенія, безъ которыхъ иностранцы никакъ не могутъ обойтись, чуть дѣло коснется Россіи. „Константинъ почти также дурно обошелся съ принцессами, какъ съ своими рекрутами, у которыхъ онъ, занимаясь обученіемъ ихъ маршировкѣ, то выбивалъ глазъ, то отрывалъ ухо“. Екатерина смотрѣла въ окно, когда во дворцу подѣхали принцессы въ новыхъ придворныхъ нарядахъ. Одна изъ нихъ, выходя изъ кареты, запуталась въ своемъ длинномъ шлейфѣ и упала на землю; другая, для сохраненія равновѣсія, должна была упереться руками въ землю и только третья, Юліана, которой едва минуло 14 лѣтъ, взяла въ обѣ руки

шлейфъ и граціозно выпрыгнула изъ кареты. „Эта будетъ женою Константина!“ сказала императрица.

И онъ дѣйствительно женился на „этой обезьянкѣ, которая хорошо танцуетъ“, какъ самъ выражался. Бракъ этотъ, какъ извѣстно, былъ несчастливъ, и великая княгиня Анна Федоровна, — какъ назвали Юліану при обращеніи въ православіе — вскорѣ же послѣ смерти Екатерины вернулась въ Кобургъ, вслѣдствіе грубаго обращенія съ нею Константина. Съ 1802 года она уже не видала своего супруга, но только въ 1820 году была формально разведена съ нимъ, когда Константинъ женился на графинѣ Грудзинской, которой далъ титулъ княгини Ловичъ.

Судьба второй дочери герцогини Кобургской, Антуанеты, была не менѣе печальна: ее выдали за герцога Александра Виртембергскаго, въ высшей степени некрасиваго и непривлекательнаго, и она умерла вскорѣ послѣ заключенія этого брака. Третья дочь герцогини, Викторія, вышла сначала за наслѣднаго принца Эмиха Карла Лейнингенскаго, потомъ за герцога Эдуарда Кентскаго — и дочь ихъ Викторія — теперь королева Великобританіи и императрица Индіи. Наконецъ, четвертая дочь, Софія, сдѣлалась женою австрійскаго ротмистра графа Эммануила Менсдорфа. Каролина рассказываетъ о брачныхъ и любовныхъ связяхъ всѣхъ своихъ родственниковъ изъ фамиліи Бауеръ, которая происходила изъ Польши и принадлежала къ отрасли Понятовскихъ. Въ половинѣ XVII столѣтія одинъ изъ членовъ этой фамиліи, преслѣдуемый на родинѣ за переходъ въ лютеранскую вѣру, переселился въ Кассель, гдѣ купилъ небольшое имѣніе и, самъ обработывая его, назвался крестьяниномъ (Baier). Вслѣдствіи ландграфъ Христіанъ VIII далъ фамиліи Бауеръ въ гербъ — крестьянина, махающаго бичемъ. Не менѣе подробно пересчитываетъ Каролина интриги герцогскаго семейства. Глава его, владѣтельный герцогъ Эрнстъ, отличался особенною влюбчивостію. Въ 1807 году, отправившись въ Парижъ на поклоненіе Наполеону, герцогъ привезъ отсюда хорошенькую Полину Панамъ, въ мужскомъ платьѣ, обѣщая, что его мать сдѣлаетъ ее придворной дамой. Но бѣдной французенкѣ скоро пришлось разочароваться въ своихъ надеждахъ. Ей запретили выходить куда бы то ни было, держали чуть не въ-заперти, заставляли являться къ своему возлюбленному подъ разными переодѣваньями, влѣзая къ нему въ окно, и за все это герцогъ обращался съ ней грубо, ревнуя ее къ своему брату Леопольду. Вдовствующая герцогиня принудила ее дать обѣщаніе, что она никогда не будетъ требовать титула официальной фаворитки герцога, а напротивъ, будетъ стараться оттолкнуть его отъ себя. Горячая сцена объясненій между матерью и возлюбленною кончилась впрочемъ миролюбиво и въ заключеніи ея герцогиня выпросила у Полины привезенное ею изъ Парижа новомодное платье (robe en soeur), чтобы, по образцу его, заказать себѣ такое же. Полина однако продолжала во всемъ нуждаться, и когда герцогъ Эрнстъ уѣхалъ въ Пе-

тербургъ, нисколько не заботясь о томъ, что она скоро сдѣлается матерью, бѣдная женщина должна была обратиться къ той же герцогинѣ за пособіемъ. Та прислала пять лудоровъ и приказаніе хранить строжайшую тайну. Принцъ Леопольдъ отъ себя прислалъ еще сто гульденовъ, сопровождая ихъ упреками въ расточительности. Въ мартѣ 1809 года, во Франкфуртъ-на-Майнѣ, Полина, въ холодной комнатѣ, безъ денегъ, безъ бѣлья, почти безъ средствъ къ дневному пропитанію, родила сына, Эрнста-Августа. Папенъка прислалъ тогда тысячу фридрихсдоровъ, но потребовалъ, чтобы она выдала себя за вдову ганноверскаго офицера, убитаго въ сраженіи. Маменька герцога пріѣхала навѣстить родильницу и надавала ей множество обѣщаній. Но обѣщаніями нельзя было жить. Полина выздоровѣвъ, явилась въ Кобургъ со своимъ ребенкомъ. Герцогъ и его мать пришли въ ужасъ. Герцогиня предложила ей отдать ребенка, а самой вернуться въ Парижъ. Мать не хотѣла разстаться съ сыномъ и поселилась въ гостиницѣ Кобурга, подъ именемъ госпожи Александръ. Придворные лакеи явились туда съ приказаніемъ выбросить ея вещи на улицу, выгнать ее изъ города и взять отъ нея ребенка. Мать объявила, что если смѣютъ дотронуться до сына герцога, она убьетъ себя. Посланные должны были удалиться ни съ чѣмъ, не рѣшаясь прибѣгнуть къ насилію. Начались переговоры. Отъ имени герцога заключено было условіе, что г-жа Александръ будетъ получать 3,000 фридрихсдоровъ, ежегоднаго пенсіона, но должна оставить Саксенъ-Кобургскія владѣнія и никогда въ нихъ не возвращаться. Полина уѣхала съ сыномъ въ Дрезденъ, но не получила ни копѣйки. Только по настоянію французскаго посланника герцогъ Эрнстъ прислалъ ей по временамъ небольшія суммы. Ей помогали также австрійскій посланникъ Эстергази и французскіе генералы. Герцогъ опять обѣщалъ увеличить ея пенсіонъ до 6,000 фридрихсдоровъ, но потомъ далъ знать, что будетъ посылать только тысячу, за то изъ милости и доброты (*par grace et par bonté*) дастъ воспитаніе ея ребенку, котораго онъ „никогда не признавалъ своимъ“.

Въ 1813 году, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, Полина уѣхала во Франкфуртъ, гдѣ встрѣтилась съ своимъ Эрнстомъ, командовавшимъ союзнымъ отрядомъ германскихъ войскъ противъ Наполеона, котораго еще недавно герцогъ называлъ своимъ идеаломъ. Эрнстъ грубо общелся съ матерью и сыномъ, и она прибѣгла подъ покровительство великаго князя Константина. Тогда у герцога явилось раскаяніе, вернулась любовь къ Полинѣ и онъ уговорилъ ее поселиться въ Вѣнѣ. По дорогѣ, по словамъ самой Полины, передавшей всю эту невеселую исторію, въ своихъ запискахъ ¹⁾, были попытки избавиться отъ ребенка, котораго однажды вытащили невредимымъ изъ подъ опрокинувшейся кареты, а въ другой разъ вылѣчили отъ какой то стран-

¹⁾ Mémoires d'une jeune Grecque. Полина была греческаго происхожденія.

ной желудочной болѣзни, носившей признаки отравленія. Въ Вѣнѣ Полина нашла въ старомъ принцѣ де-Линь защитника и, какъ говорятъ, страстнаго обожателя. Принцъ заставилъ герцога, во время Вѣнскаго конгресса, сойтись съ Полиною и назначить ей приличное содержаніе. Она играла довольно видную роль на этомъ конгрессѣ и объ ней говорятъ много современныхъ записки. Принцъ де-Линь называетъ ее красивѣйшею женщиною въ мірѣ „ангеломъ добродѣтели, только однажды въ жизни уступившей герцогу, который тоже ангелъ“. Меттернихъ предлагалъ ей взять на воспитаніе ея сына, „не изъ доброты души, прибавляетъ Полина, а въ интересахъ герцога“. Она прибавляетъ даже, что герцогъ преслѣдовалъ ее черезъ вѣнскую полицію, которая надѣлала бы ей много неприятностей, если бы у нея не были такіе покровители, какъ принцъ де-Линь, великій князь Константины, Евгенийъ Богарне, Нарышкины, милордъ Стюартъ. Въ вѣчной борьбѣ съ неприятностями, въ положеніи шаткомъ, необезпеченномъ, бѣдная женщина видѣла вездѣ покушеніе на ея жизнь и серьезно увѣряетъ, что въ эту эпоху итальянецъ Пюни шесть разъ пытался отравить ее. Написавъ, по совѣту принца де-Линь свои записки, она поѣхала въ Парижъ, чтобы тамъ ихъ напечатать. Опять начались со стороны герцога всякаго рода происки и обѣщанія—по прежнему никогда неисполняемыя—съ цѣлью помѣшать обнародованію этихъ записокъ. Эта скандальная исторія съ „молодой гречанкой“ сдѣлала однако же то, что герцогу Эрнсту было отказано въ рукѣ великой княжны Анны Павловны и онъ въ 1817 году женился на принцессѣ Луизѣ Готской.

Отъ герцога и придворныхъ Каролина Бауеръ переходитъ къ своимъ роднымъ и подробно рассказываетъ исторію своего двоюроднаго брата Христіана Штокмара, врача, секретаря, гофмаршала, казначея и довѣреннаго друга герцога Леопольда Кобургскаго. Этотъ двоюродный братъ очевидно произвелъ сильное впечатлѣніе на свою сестру, и она отзывается о немъ съ особеннымъ сочувствіемъ, приписывая его вліянію—согласіе ея матери на вступленіе Каролины на сцену. Этотъ Штокмаръ оставилъ также любопытныя записки, которыя мы представимъ современемъ читателямъ „Историческаго Вѣстника“.

Отъ перваго отдѣла своихъ записокъ, названнаго „Раемъ дѣтства“, Каролина переходитъ во второму, озаглавленному: „Древо познанія“, но передаетъ прежде исторію о таинственномъ знакомцѣ, прожившемъ 42 года инкогнито, сначала въ виртембергскомъ городѣ Ингельфингенѣ, потомъ въ Гильдбургхаузенѣ. Исторія эта подробно рассказана въ любопытной книгѣ Бюлау: „Загадочныя личности и таинственныя происшествія“, извлеченіе изъ которой было и на Русскомъ языкѣ. Поэтому мы расскажемъ въ короткихъ словахъ объ этомъ происшествіи.

Въ 1803 году, въ Ингельфингенѣ пріѣхалъ незнакомецъ, котораго считали французскимъ эмигрантомъ и называли просто графомъ. Съ

нимъ была женщина, которую онъ называлъ графинею, но не говорилъ никому, что она его жена. Онъ былъ высокъ ростомъ, красивъ собою и черты его напоминали Бурбонскій типъ. Онъ получалъ много газетъ, велъ дѣятельную переписку за границей, обнаруживалъ большія медицинскія и химическія познанія. Дама, также очеркомъ лица напоминала Бурбоновъ, была очень красива, но носила постоянно на улицѣ густую вуаль и зеленныя очки. Въ 1806 году эта пара переселилась въ Гильдбурггаузенъ, продолжая вести такую же уединенную жизнь, никого у себя не принимая, выѣзжая только на прогулку. Въ 1810 году они наняли замокъ Эйсгаузенъ, на дорогѣ между Гильдбурггаузеномъ и Кобургомъ. Тамъ имъ прислуживалъ старый лакей, ни слова не говорившій о своихъ господяхъ и, кухарка, никогда не покидавшая замка. Камердинеръ впрочемъ скоро умеръ и графъ не допустилъ къ нему священника. Для стола графъ выписывалъ лучшіе припасы и вина; жилъ онъ вообще роскошно и дѣлалъ много добра. У графини было много птицъ, кошекъ, собакъ. Герцогиня прислала однажды въ замокъ письмо съ благодарностью за благодаренія, оказываемыя графомъ жителямъ города; незнакомецъ отвѣчалъ учтиво, но сухо, и письмо было очевидно писано не его рукою, а подписи вовсе нельзя было разобрать. Въ 1814 году, во время прохождения черезъ городъ русскихъ войскъ, графъ скрылся, и говорили, что одинъ изъ начальниковъ отряда зналъ его тайну и если бы встрѣтилъ его, это могло бы измѣнить судьбу графа. Въ 1826 году, когда Гильдбурггаузенъ отошелъ къ Мейнингену, новое правительство потребовало у графа его бумаги. Онъ отвѣчалъ, что они всегда готовы къ предъявленію, но въ ту же минуту, какъ онъ представитъ ихъ, онъ навсегда покинетъ эту страну. Тогда его оставили въ покоѣ. Въ 1837 году графиня умерла, безъ врача, безъ сидѣлки, безъ духовника. Когда хотѣли внести ея имя въ книгу умершихъ, графъ объявилъ, что она не его жена и онъ никогда не называлъ ее женою. Когда же пасторъ настаивалъ на необходимости записать покойницу подъ какимъ нибудь именемъ, графъ сказалъ: „впишите Софія Ботта, незамужняя, мѣщанскаго званія изъ Вестфалии, 58 лѣтъ“. Тогда юстиція должна была приступить къ описанію имущества покойной: нашли богатый гардеробъ, тончайшее бѣлье, католическій молитвенникъ, нѣсколько сотенъ золотыхъ монетъ, но ни одного письма, ни малѣйшей записки. Все это, по оцѣнкѣ въ 1,470 гульденовъ, графъ оставилъ за собою и внесъ эту сумму въ обезпеченіе могущихъ явиться наследниковъ. Со смертію Софіи графъ велъ жизнь еще болѣе уединенную, часто хворалъ, призывалъ къ себѣ доктора, признавался ему, что у него много богатыхъ и знатныхъ родственниковъ, что онъ былъ близокъ съ Бурбонами, Лафайетомъ, Бенжаменъ-Констаномъ, со многими лифляндскими и курляндскими фамиліями, что онъ представлялся императору Александру, что „если бы одно лицо раньше умерло, то онъ вернулся бы въ свѣтъ“, что его уединеніе было вынужденное и только

къ самое послѣднее время добровольное. Въ апрѣлѣ 1845 года онъ умеръ, около 80-ти лѣтъ, но еще въ полной силѣ. Оставшееся послѣ него имущество было оцѣнено въ 15,000 флориновъ. Но драгоценнѣе всего было открытіе нѣсколькихъ писемъ Агнесы Бартельми изъ Кельна, рожденной Даниельсъ, къ Леонарду Корнелиусу фонъ-деръ-Балькъ, родившемуся въ Амстердамѣ въ 1769 году, бывшему офицеромъ, потомъ секретаремъ голландскаго посольства въ Парижѣ до 1799 года, когда онъ уѣхалъ въ Германію съ Агнесою, увезя ее отъ тирана-мужа. Относилось ли все это къ незнакомцу и его спутницѣ, осталось тайною. На нѣкоторыхъ вещахъ покойнаго былъ гербъ Бурбоновъ—три лиліи. Какое отношеніе имѣли они къ Корнелиусу? Что значило его сходство съ Бурбонами? На эти и многіе вопросы ничего не отвѣчала могла добровольнаго отшельника въ Гильдбургхаузенѣ.

Въ декабрѣ 1822 года Каролина появилась въ первый разъ на придворномъ театрѣ въ Карлсруэ, въ пьесѣ Ифланда „Старые холостки“. Она приводитъ письмо отъ матери объ этомъ представленіи, имѣвшемъ огромный успѣхъ, но сама Каролина говорить мало въ запискахъ о своей сценической дѣятельности и начинаетъ прямо рассказывать исторію любившихъ ее лицъ. Ея первую любовь былъ молодой гамбургскій студентъ, бѣдный, съ страдальческой физиономіей. Онъ подносилъ ей цвѣты, письма, стихи, вздыхалъ, но не говорилъ ни слова о любви. Объ ней узнала однако первая актриса труппы Амалия Нейманъ и отбила обожателя у своей слишкомъ юной соперницы. Эта Нейманъ славилась красотой, искусствомъ и легкимъ поведеніемъ. Объ ней отзывался съ восторгомъ Генрихъ Гейне, видѣвшій ее въ Берлинѣ, и благодарилъ судьбу за то, что „его близорукость не позволяетъ ему увлекаться выраженіемъ ея очаровательнаго лица. „Изъ любви къ ней однимъ поэтомъ овладѣла водобоязнь, и онъ пересталъ писать стихи. Одинъ гимназистъ поднесъ ей посланіе, написанное изумительнымъ каллиграфическимъ почеркомъ. Сосѣдь ея по квартирѣ, безповинный ежеминутно звонками и вопросами: не здѣсь ли живетъ госпожа Нейманъ? написалъ огромными буквами на своей двери: „Здѣсь госпожа Нейманъ не живетъ“. Эта-то опытная кокетка увлекла перваго поклонника Каролины и, понятно, вскорѣ же прогнала его. Несчастный вздумалъ вернуться къ покинутой имъ деютанткѣ въ любви и на сценѣ, но и тутъ встрѣтилъ совершенно естественный отпоръ, о которомъ однакоже Каролина сожалѣетъ въ своихъ запискахъ.

Потомъ въ шестнадцатилѣтнюю актрису влюбился сорокалѣтній графъ Фридрихъ фонъ-Бисмаркъ, извѣстный генералъ и военный писатель, виртембергскій посланникъ при Баденскомъ дворѣ и мужъ принцессы Нассау-Узингенской, которая влюбилась въ него, еще бывши невѣстою герцога Лудвига Гессенъ-Гомбургскаго. Это была такая же тайная любовь, какъ историческая страсть поручика барона фонъ-Тренка къ принцессѣ Амаліи Прусской, но Бисмаркъ былъ счастливѣе своего

товарища и любовь его не кончилась страшными казематами Магдебургской крѣпости, а потомъ гильотиною, въ Парижѣ, какъ любовь Тренка. Принцесса Нассауская принуждена была выйти за владѣтельнаго Гессенъ-Гомбургскаго герцога, не смотря на свои просьбы и слезы, но продолжала любить поручика, уѣхавшаго въ Лондонъ—служить въ Нѣмецкомъ полку англійскаго короля. Заключенный при такихъ условіяхъ бракъ не могъ быть счастливымъ, и молодая вернулась въ Биберихъ, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, расторгнутой вскорѣ потомъ и официально. Но это не соединило любящихся сердца. Герцогъ не позволилъ своей дочери заключить неравный бракъ, и Бисмаркъ продолжалъ служить въ Лондонѣ, гдѣ убилъ на дуэли своего начальника, но былъ оправданъ англійскимъ судомъ. На твердой землѣ его за это разстрѣляли бы. Только въ 1807 году герцогъ далъ наконецъ свое согласіе на тайный бракъ. Молодые не долго жили однако вмѣстѣ. Бисмаркъ со своимъ полкомъ долженъ былъ участвовать во всѣхъ Наполеоновскихъ походахъ. Подъ Бородинымъ отъ его полка легкой кавалеріи осталось всего 65 человекъ; во время занятія Москвы онъ лежалъ больной и едва могъ найти столько силъ, чтобы выбраться оттуда, вслѣдъ за арміей, начавшей свое бѣдственное отступление. Страшныя лишенія перенесъ онъ вмѣстѣ со всѣми на этомъ пути, питаясь кониною и кофе, свареннымъ въ водѣ изъ растопленнаго снѣга. За Смоленскомъ, чтобы не замерзнуть, онъ принужденъ былъ провести ночь въ деревенской избѣ, наполненной уже солдатами, и уснулъ на землѣ, положивъ голову на трупъ только что умершаго солдата. Въ другой деревнѣ онъ спасся отъ казаковъ только тѣмъ, что бросилъ имъ свои золотыя часы, деньги, верхнее платье и бѣжалъ, найдя въ избѣ платье крестьянки, въ которомъ и ускакалъ верхомъ на лошади. Но всего ужаснѣе былъ переходъ черезъ Березину, гдѣ онъ спасся только чудомъ, съ помощью двухъ солдатъ. По ту сторону рѣки онъ соединился со своимъ полкомъ, отъ котораго осталось девять офицеровъ и восемнадцать рядовыхъ. Вообще изъ 19,500 виртембергцевъ, вступившихъ въ Россію, на Прусской границѣ сошло только 1,400 человекъ, большею частью больныхъ и израненныхъ. Поправившись нѣсколько, въ 1813 году Бисмаркъ дрался еще въ войскахъ Наполеона противъ русскихъ, но послѣ Лейпцигскаго сраженія перешелъ, по приказанію своего короля, на сторону союзниковъ и въ 1814 году вступилъ съ ними въ Парижъ. Назначенный кавалерійскимъ генералъ-квартирмейстромъ и получивъ графскій титулъ, Бисмаркъ только послѣ смерти герцога Фридриха Нассаускаго былъ признанъ мужемъ его дочери.

И этотъ-то израненный, вынесшій столько невзгодъ генералъ началъ присылать молоденькой актрисѣ цвѣты, стихи, лакомства и драгоценныя камни. Изъ своей лужи онъ не спускалъ съ нея всякій вечеръ „своихъ круглыхъ, неприятно выдающихся впередъ, голубыхъ глазъ“, хотя и сидѣлъ подлѣ своей супруги. Онъ писалъ даже объ ней вос-

торженные статьи въ газетахъ, далъ ей брату мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, заплатилъ его долги. Каролина увѣряетъ, что онъ навсегда остался ея другомъ и покровителемъ, но никогда не былъ любовникомъ. Очень можетъ быть, хотя такая платоническая страсть въ такомъ положительномъ человѣкѣ весьма сомнительна, тѣмъ болѣе, что по смерти своей жены, въ 1846 году, онъ женился во второй разъ и прожилъ до 1860 года.

Другая попытка совратить съ пути чести и долга добродѣтельную актрису была сдѣлана, по ея словамъ, самимъ владѣтельнымъ великимъ герцогомъ Баденскимъ Лудвигомъ, который, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, часто мѣнялъ своихъ любовницъ, и послѣдняя изъ нихъ, Амаля Нейманъ, стоила ему очень дорого. Каролина говоритъ, что къ ней посланъ былъ съ блестящимъ официальнымъ предложениемъ отъ герцога майоръ Геннегоферъ, впоследствии сошедшій съ ума, извѣстный участіемъ въ исторіи Каспара Гаузера и подозрѣваемый въ скоропостижной смерти двухъ молодыхъ сыновей великой герцогини Стефаніи, прямыхъ наслѣдниковъ Баденскаго престола. Каролину спасло то обстоятельство, что она въ это время уже заключила условіе съ директоромъ королевскаго театра въ Берлинѣ. Великій герцогъ для избѣжанія неблагопріятныхъ толковъ не могъ удержать Каролину въ Карлсруэ, но далъ ей только временной отпускъ въ Берлинъ.

Передъ описаніемъ своихъ дебютовъ въ Берлинѣ, Каролина рассказываетъ исторію еще одной актрисы, Вильгельмины Маасъ, умершей въ молодыхъ лѣтахъ, имя которой не встрѣчается ни въ одномъ театральномъ словарѣ, хотя Гёте отзывался съ большою похвалою о ея дарованіи. Въ Берлинѣ, въ Маасъ влюбился графъ Кенигсмаркъ, родственникъ Филиппа Кенигсмарка, убитаго курфюретомъ Ганноверскимъ, впоследствии королемъ Англій Георгомъ I, за то, что онъ смѣлъ полюбить принцессу Софію Доротею. Вильгельминѣ Кенигсмаркъ предлагалъ свою руку, но актриса не хотѣла войти насильно въ отвергавшее ее знатное семейство и сдѣлалась любовницей графа. Однако онъ погубилъ и ея сценическую славу, заставляя ее играть самыя трагическія роли, несвойственныя ея дарованію, и наконецъ бросилъ ее и помирился со своимъ семействомъ. Она оставила сцену и умерла въ неизвѣстности.

Берлинъ 1824 года произвелъ сильное впечатлѣніе на Каролину, хотя въ немъ было всего 190,000 жителей, не было еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни газу, ни парламента, ни политической жизни, но была за то, въ двухъ, единственныхъ ежедневныхъ газетахъ Фосса и Шпеннера, такая строгая цензура, которая не позволяла этимъ листкамъ проносить не только о политикѣ, но даже о явленіяхъ общественной жизни сужденія, несогласныя съ мнѣніями двора и министровъ. Заграничная почта ходила разъ въ недѣлю. Въ городѣ было три театра, объ нихъ да о придворныхъ и всеневныхъ новостяхъ только и

толковали берлинцы. Прибытіе канатнаго плясуна Кольтера съestroю, скорохода Гериха—волновало весь городъ. Еще въ 1827 году Бунзенъ писалъ, что Берлинъ все свое образованіе получаетъ только въ театрѣ, что только со сцены узнаетъ онъ что нибудь и чему нибудь научается. Немудрено, что при такомъ значеніи театра, все, что на немъ происходило, составляло чрезвычайно важное явленіе, и дебюты Каролины составили въ немъ эпоху. Не обошлось конечно и тутъ безъ интригъ и ссоръ съ первой актрисой и дѣло вскорѣ дошло до того, что Каролина перешла на другой, придворный театръ, съ жалованьемъ въ тысячу талеровъ. Весь Берлинъ заговорилъ объ этомъ событіи.

Каролина рассказываетъ и здѣсь исторію нѣкоторыхъ актеровъ и актрисъ, близкихъ ей по берлинской сценѣ, но подробнѣ всего передаетъ жизнь трагической актрисы Софіи Шредеръ и ея дочери Вильгельмины. Удивляясь таланту Софіи въ роляхъ Федры, Медуи и т. п., Каролина отзывается не безъ ироніи о ея слабости играть въ 59 лѣтъ Марію Стюартъ и роли молодыхъ женщинъ, а также о ея третьемъ бракѣ съ молодымъ Вильгельмомъ Кунстомъ, даровитымъ трагикомъ, которому Николай I во время его гастролей въ Петербургѣ въ 1845 году, подарилъ за художественное исполненіе роли Оттона Виттельсбахсваго—серебряный панцирь, кромѣ другихъ значительныхъ наградъ. Кунстъ, разойдясь съ женою вскорѣ послѣ брака, пережилъ свою славу и умеръ въ 1859 году, всѣми забытый и оставленный. Въ этомъ же году Софія Шредеръ окончательно оставила сцену, но прожила еще до 1868 года, переживъ и свою дочь. Умирая глухой 87-милѣтней старухой, великая артистка постоянно перечитывала Шекспира и сожалѣла о томъ, что не родилась мужчиной и не могла никогда сыграть роли Ричарда III. Вильгельмина Шредеръ наслѣдовала драматическій талантъ своей матери, вмѣстѣ съ ея кипучими страстями, и была не только замѣчательной актрисой, но и превосходной пѣвицей. Въ началѣ своего артистическаго поприща она приводила въ восторгъ берлинцевъ исполненіемъ главныхъ ролей въ „Оберонъ“ и „Евриантъ“ Вебера, „Бѣланъ“ Боальдье, „Швейцарскомъ Семействѣ“ Вейгла, „Фрейшиуцъ“ Вебера, „Фиделио“ Бетховена, „Донъ-Жуанъ“ Моцарта. Но ея успѣхи въ любви начались еще раньше: въ Вѣнѣ, едва достигнувъ шестнадцати лѣтъ, она полюбила обожателя своей матери, живописца Доффингера, и сдѣлалась такимъ образомъ ея соперницею. Въ Дрезденѣ 18-ти лѣтъ она вышла за перваго трагика Карла Девриента, но послѣ трехлѣтняго супружества, когда у нихъ было уже четверо дѣтей, мужъ началъ противъ нея скандальный процессъ, кончившійся разводомъ, судебнымъ обвиненіемъ пѣвицы въ прелюбодѣянніи и отобраніемъ у нея дѣтей, воспитаніе которыхъ поручено отцу. Чтобы дать замолкнуть невыгоднымъ для нея толкамъ, она поѣхала въ Лондонъ, потомъ въ Парижъ. Въ послѣднемъ городѣ она пѣла въ итальянской оперѣ вмѣ-

стѣ съ Рубини, Лаблашемъ, Бордоньи, Николини и, между прочимъ, съ Малибранъ — „Отелло“ Россини, въ которомъ эта пѣвица исполняла роль Отелло, а Шредеръ—Дездемону. Впослѣдствіи она имѣла такой же успѣхъ на всѣхъ сценахъ Германіи: въ „Нормѣ“, „Весталѣ“, „Ифигеніи“, „Ромео“, наконецъ въ роли Валентины въ „Гугенотахъ“. Но жизнь великой артистки никогда не была спокойна. Пылкое сердце заставляло ее дѣлать необдуманные шаги. Никогда не отдаваясь изъ расчета или за деньги, она часто мѣняла обожателей, и, оставивъ, въ теченіе шести лѣтъ преданнаго ей, сына саксонскаго министра, Шредеръ сошлась съ поручикомъ Дерингомъ, человѣкомъ грубымъ и нечестнымъ. Онъ женился на ней въ 1847 году, заставивъ ее подписать свадебный контрактъ, котораго она не читала. Контрактомъ этимъ она обязывалась отдать мужу все, что имѣла и „все, что будетъ получать“, не исключая половины пенсіона. Супруги отправились въ Петербургъ черезъ четыре мѣсяца послѣ свадьбы. По дорогѣ, въ Ригѣ, Шредеръ пѣла „Ромео“, но изъ Дерпта бѣжала въ Берлинъ отъ своего сожителя, выказавшаго себя настоящимъ звѣремъ. Онъ поспѣшилъ не за женою, а въ Дрезденъ, чтобы, съ контрактомъ въ рукѣ, наложить запрещеніе на ея имущество. Она подала просьбу о разводѣ, и только съ пожертвованіемъ значительной суммы денегъ въ пользу негодяя, была разведена.

Въ тяжелые дни 1848 года она уѣхала въ Дрезденъ, пансіонеркой придворнаго театра, съ живописцемъ Китцомъ, нарисовавшимъ превосходный портретъ пѣвицы, погибшій впослѣдствіи, въ пожарѣ дрезденскаго театра, вмѣстѣ съ великолѣпнымъ мраморнымъ бюстомъ ея, изваяннымъ Ритчелемъ. Когда въ Дрезденъ пришло извѣстіе о революціи въ Вѣнѣ и казни Роберта Блума, близкаго друга пѣвицы, убитая этимъ извѣстіемъ, она встрѣтила однажды на Брюлевской террасѣ посланника строго-монархической державы, барона Б. Зная отношенія знаменитой пѣвицы къ знаменитому демагогу, посланникъ вздумалъ пошутиться надъ нею и спросилъ:

— Прекрасная Вильгельмина! Вы носите на шеѣ черную бархатную ленту. Не трауръ ли это по героѣ баррикадъ, Блумѣ?

— Трауръ по моему убитому другѣ я ношу въ сердцѣ, отвѣчала артистка, — но когда я узнаю, что народъ повѣсилъ васъ на фонарь — чего вы заслуживаете, — я выкажу свое удовольствіе, надѣвъ на шею ярвокрасную ленту.

Эта выходка до того поразила посланника, что онъ не нашелся ничего на нее отвѣтить, но припомнилъ ее впослѣдствіи, отправивъ къ своему двору донесеніе о крайнемъ революціонномъ духѣ пѣвицы и о недозволеніи ей проникнуть въ государство, отличающееся приверженностью къ монархизму.

Отъ политическихъ и артистическихъ волненій Шредеръ успокоилась въ 1850 году, выйдя за лифляндскаго помѣщика фонъ-Бока, большаго любителя искусствъ. Съ годъ прожила она съ нимъ въ его

имѣнни, но безпокойная натура влекла ее въ Германію. Въ Дрезденѣ ее арестовали за участіе въ майскихъ беспорядкахъ, но потомъ отдали на поруки, а вскорѣ по королевскому приказанію и вовсе прекратили слѣдственное дѣло о ней. Въ 1854 году выхлопотали ей право прибыть въ Россію, въ помѣстье мужа. Но пятидесятидвухъ-лѣтняя артистка не могла и тамъ успокоиться и въ 1856 году снова пѣла въ Берлинѣ, уже ослабѣвшимъ голосомъ, но полнымъ прежняго чувства и энергіи. Въ 1859 году она слегла въ Кобургѣ въ постель, которую не покидала уже до самой смерти, въ январѣ слѣдующаго года. И въ землѣ она не тотчасъ нашла покой. Отыскавъ въ бумагахъ покойной выраженное ею желаніе — быть похороненною въ Дрезденѣ, мужъ вырылъ ея тѣло и перевезъ на кладбище этого города.

Исторію этой высокodarовитой артистки и ея матери Каролина Бауеръ рассказываетъ съ особеннымъ сочувствіемъ, вывода изъ нея заключеніе: для того, чтобы въ совершенствѣ выражать страсти на сценѣ, надо самой испытать ихъ; а такъ какъ самая сильная страсть въ жизни женщины—любовь, то изъ этого выводится неизбѣжное слѣдствіе, что артистка должна любить сильно и много. Эту аксіому доказываетъ отчасти и жизнь самой Бауеръ.

Три послѣднія главы записокъ посвящены описанію Прусскаго двора и нѣкоторыхъ членовъ королевскаго семейства. Здѣсь Каролина пускается въ подробности, иногда слишкомъ сомнительнаго свойства и происхожденія, а портреты ея оказываются часто несхожими съ историческими данными, такъ какъ при изображеніи ихъ ею руководить не истина, а личныя отношенія и пристрастіе. Но многія стороны ея разсказа все-таки характеристичны и рисуютъ ту эпоху и дѣйствовавшихъ въ ней лицъ довольно вѣрно и рельефно. Каролина начинаетъ съ того, что приписываетъ антагементъ ея на придворный театръ желанію высокопоставленныхъ лицъ—отвлечь вниманіе короля отъ другой особы. Но сама же она сообщаетъ, что въ ту же осень 1824 года, какъ она вступила на королевскую сцену, Фридрихъ Вильгельмъ III вступилъ въ морганатическій бракъ съ графинею Августою Гаррахъ фонъ-Бишофъ-Эйлертъ, въ присутствіи кронпринца, герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго, князя Витгенштейна и другихъ четырехъ придворныхъ чиновъ и родителей невѣсты. Берлинъ пораженъ былъ этимъ бракомъ, въ особенности потому, что супруга короля была католичка, и что она, пожалуй, обратитъ короля и весь дворъ въ католицизмъ. Увеличенная въ то время такса за письма, взиманіе шоссейныхъ денегъ за дорогу въ Шарлотенбургъ и другіе налоги—все дѣлалось по общему мнѣнію для новой мачихи народа. Въ католической церкви св. Гедвиги украла большіе канделябры у алтаря, но они оказались изъ нейзильбера, а не изъ чистаго серебра—и воры возвратили ихъ на другую ночь при запискѣ, что стыдно такъ скрывать католикамъ, когда и крон-принцесса и ея мачиха—католички. Рассказывали, что прусскія принцессы все пла-

чуть, а принца Карла король посадилъ на два дня подъ арестъ за непочтеніе къ матихѣ.

Король посѣщалъ театръ аккуратно каждый вечеръ, если этому не мѣшали какія нибудь особыя препятствія. Даже изъ Потсдама, въ самые лучшіе лѣтніе вечера онъ пріѣзжалъ нарочно смотрѣть спектакль, который видѣлъ уже двадцать разъ, большею частью какой нибудь пустой фарсъ. Онъ приходилъ на сцену, болталъ съ актерами, и, случалось, заговаривался до того, что при поднятіи занавѣса зрители видѣли ноги въ брюкахъ съ лампасами, быстро уходящія со сцены. Одинъ разъ его начали поднимать къ верху на летающей колесницѣ, гдѣ онъ усѣлся въ бесѣдѣ съ машинистомъ. Чѣмъ смѣшнѣе была піеса, тѣмъ больше нравилась королю, не обращающему вниманія на глушость сюжета. Мелодрама „Робинзонъ“, въ которой Луи Шнейдеръ кривлялся въ роли „Пятницы“ и были танцы дикихъ, особенно понравилась, хотя берлинцы ошквали ее, и пьесу сняли съ репертуара послѣ втораго представленія. „Не понимаю берлинцевъ, говорилъ король, слишкомъ умна публика“. И онъ дѣйствительно не любилъ піесъ серьезныхъ, поучительныхъ, никогда не смотрѣлъ трагедій. „Въ жизни и безъ того много трагедій, замѣчалъ онъ: незачѣмъ для нихъ еще и въ театрѣ ходить“. „Разбойниковъ“, „Фіаско“, „Вильгельма Телля“, „Эгмонта“, „Донъ Жуана“, онъ не позволялъ играть, находя, что эти пьесы безнравственны и портятъ народъ. Авторъ пустой пьесы „Старый студентъ“, Мальтицъ, былъ высланъ изъ Берлина за то, что студентъ говорилъ у него въ концѣ пьесы „Vivat academia et Polonia!“ Въ „Миннѣ фонъ Барнхельмъ“ Лессинга, король разсерженный уѣхалъ изъ театра, не дождавшися конца спектакля, при словахъ актрисы: „мой вахмистръ неповоротливъ и точно деревянный, но онъ все воображаетъ себя на парадѣ, а когда солдаты маршируютъ, они кажутся точеными куклами, а не людьми“. Потребовавъ къ себѣ піесу, король собственноручно вычеркнулъ изъ нея эту тираду. Онъ не любилъ, когда со сцены раздавались и патріотическіе возгласы. Самою любимую піесю его была „Семь дѣвушекъ въ мундирѣ“. Но бережливый до крайности и требовавшій, чтобы ему клали заплаты на старые сюртуки и сапоги, онъ не жалѣлъ денегъ на постановку оперъ Спонтини и отдалъ приказъ, чтобы въ газетахъ не смѣли бранить эти оперы. Вообще рецензіи не должны были появляться раньше третьяго представленія новой пьесы. За статью о Генриетѣ Зонтагъ критикъ Рельштабъ былъ посаженъ въ крѣпость Шпандау.

Кромѣ фарсовъ король любилъ балеты и возилъ съ собою даже въ Теплицъ, гдѣ лѣчился водою, главныхъ балеринъ своего театра: Лембергъ и Гоге. Но онъ былъ чрезвычайно сдержанъ съ этими дамами и не позволялъ ни себѣ, ни другимъ ни малѣйшей вольности съ ними. Онѣ всѣ должны были отличаться безукоризненнымъ поведеніемъ. Танцовка, имѣвшая когда нибудь любовника, не могла попасть на королевскую сцену. Лембергъ должна была оставить Берлинъ,

потому что вышла за игрока и гуляку Дезаргюса. Фридрихъ Вильгельмъ былъ упоренъ въ своей страсти къ театру и напрасно возставали противъ нея духовники и проповѣдники. Пожаръ театра на Жан্দармской площади, въ 1817 году, приписали Божьему наказанію, потому что онъ былъ выстроенъ между двумя церквями. Король приказалъ возобновить театр на томъ же самомъ мѣстѣ. Любовь свою къ театру онъ объяснялъ такимъ образомъ: „Я потому хожу всякій вечеръ въ театръ, что мнѣ тамъ никто не мѣшаетъ думать. Я обдумываю все, что случилось въ этотъ день и что надо сдѣлать въ слѣдующій. Тамъ я слышу рѣчи, которыя обращены не ко мнѣ и не говорятъ для того, чтобы я ихъ слышала. Тамъ не обращаются по минутно ко мнѣ и ничего у меня не просятъ“... Въ этихъ словахъ много правды, замѣчаетъ Каролина, но вѣрнѣе всего, что король бывалъ всякій день въ театрѣ по привычкѣ и отъ скуки.

Въ противоположность своему отцу, наслѣдный принцъ не любилъ ни театра, ни актрисъ. Каролина описываетъ его и всѣхъ членовъ королевской семьи, обращая болѣе всего вниманія на романтическую сторону многихъ изъ нихъ: на любовь принца Вильгельма къ княжнѣ Радзивиль, на несчастный бракъ принца Альбрехта съ Марианною Нидерландской; на женитьбу принца Адальберта на танцовщицѣ Терезѣ Эльслеръ. Съ особеннымъ сочувствіемъ отзывается Каролина о племянникѣ короля, герцогѣ Карлѣ Мекленбургъ-Срелицкомъ. Этотъ принцъ былъ самымъ непопулярнымъ человѣкомъ въ Берлинѣ, гонителемъ всякой свободной мысли, совѣтникомъ всѣхъ реакціонныхъ мѣръ, противникомъ идеи объединенія Германіи и конституціонной Пруссіи. Все это сознаетъ Каролина и все-таки въ восторгѣ отъ герцога, потому что онъ превосходно сыгралъ Мефистофеля въ Гетевскомъ Фаустѣ—и хвалили ее за исполненіе ея ролей. Онъ написалъ также балетъ „Теа, фея цвѣтовъ“ и, съ Каролиною Фуке, романъ въ письмахъ, замѣчательный тѣмъ, что письма героя составляла Фуке, а отъ имени героини писалъ принцъ. Каролина сознается, что готова была влюбиться въ него, но онъ къ несчастью не любилъ никогда ни одной женщины. За то другой принцъ Августъ, прозванный „Принцъ Донъ-Жуанъ“, преслѣдовалъ ее своею любовью. Онъ любилъ сначала знаменитую Рекамье, потомъ сестру скульптора Вихмана, которой король далъ титулъ графини Вальденбургъ, потомъ еврейку Аренсъ, возведенную королемъ въ дворянское званіе. Послѣ неудачныхъ ухаживаній за Каролиною, принцъ Августъ завлекъ ее обманомъ, съ помощью своей старой любовницы, въ свой домъ, откуда она, избѣгая насилія, выскочила изъ окна и бросилась прямо во дворецъ съ жалобою къ королю. Дѣло нельзя было потушить, такъ какъ многіе видѣли ея прыжокъ изъ окна и бѣгство по улицѣ безъ шляпки, съ распущенными волосами; но все кончилось тѣмъ, что принца отправили, какъ артиллерійскаго генерала, сдѣлать инспекторскій смотръ

въ своемъ округѣ, а Каролина, преслѣдуемая ненавистью принца, вскорѣ принуждена была оставить Берлинъ.

На этомъ мѣстѣ прерываются записки актрисы, переносящія насъ въ странный мѣръ театральныхъ походовъ и придворныхъ интригъ, перепутанныхъ съ любовными и таинственными приключеніями. Каролина Бауеръ говоритъ, что ни въ одномъ романѣ не встрѣчается такихъ неожиданныхъ, почти невозможныхъ событій, какъ въ жизни при дворѣ. Это совершенно справедливо, но потому что придворные большею частью такіе же комедіанты, никогда не снимающіе маски и постоянно играющіе роль, требуемую обстоятельствами и условіями этого рода жизни. Театръ и дворъ близко сходятся между собою—во многихъ отношеніяхъ и обоюдное тяготѣніе ихъ одного къ другому объясняется многими причинами, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ желаніе блеснуть, затмить соперника, быть любимцемъ публики или лица, отъ котораго все зависитъ въ жизни: почеть и богатство, слава и почести. Но въ этимъ жгучимъ вопросамъ мы вернемся еще, когда авторъ разбираемыхъ намъ записокъ войдетъ въ болѣе тѣсныя отношенія съ лицами не въ фольговыхъ коронахъ и мишурныхъ мантияхъ, а съ настоящими устроителями судебъ челоуѣчества, съ героями исторіи, а не театральныхъ подмостковъ,—хотя многіе изъ этихъ историческихъ актеровъ, по словамъ поэта, смѣшны точно также

„Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
„Махающій мечемъ картоннымъ“.

В. З.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Полное собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго. Томъ III.
С.-Петербургъ, 1880 г.

В ТРЕТЬЕМЪ томѣ сочиненій покойнаго князя П. А. Вяземскаго собраны въ хронологическомъ порядкѣ стихотворенія за первыя девятнадцать лѣтъ его литературной дѣятельности, начиная съ 1808 года. Хотя это только часть произведеній поэта и талантъ его въ послѣдствіи развернулся съ большею полнотою, но и по тому, что напечатано въ этой книгѣ, можно уже составить понятіе объ отличительномъ характерѣ его дарованія. Здѣсь ясно обнаруживаются тѣ свойства, которыя опредѣляютъ его значеніе въ нашей литературѣ. Конечно, въ краткой рецензіи невозможно раскрыть вполне это значеніе, и мы только укажемъ на самыя выдающіяся стороны таланта, до сихъ поръ не достаточно оцѣненнаго нашею критикою.

Князь Вяземскій не писалъ большихъ поэтическихъ сочиненій: у него нѣтъ ни эпическихъ поэмъ, ни трагедій, ни даже тѣхъ хвалебныхъ одъ, какими въ то время дебютировали почти всѣ начинающіе поэты. Вся масса его стихотворныхъ произведеній состоитъ изъ небольшихъ, хотя и весьма разнообразныхъ пьесъ, писанныхъ какъ будто не для публики, а только изъ потребности подѣлиться съ близкими людьми своими мыслями и впечатлѣніями. Во всемъ этомъ не найдете вы ни могучей силы творчества, какою проникнуты созданія Пушкина, ни поэтическихъ образовъ и гармоническихъ звуковъ Жуковскаго, и однако стихи Вяземскаго увлекутъ васъ. Можетъ быть точнѣе сдѣлало бы назвать его не поэтомъ, а стихотворцемъ, но только стихотворцемъ съ большимъ и оригинальнымъ талантомъ.

Міровоззрѣніе князя Вяземскаго отличается тѣмъ Гораціанскимъ взглядомъ на жизнь, въ которомъ съ одной стороны выражается негодованіе ко всему низкому и пошлomu, а съ другой довольство своею чистой совѣстью и любовью къ жизненнымъ удовольствіямъ. Остроумный и подъ часъ злой сатирикъ—онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и веселый эпикуреецъ. Но колкая насмѣшка и чувственный восторгъ всегда выражается у него въ такой изящно-приличной формѣ, въ такихъ мягкихъ и граціозныхъ оттѣнкахъ ума, которые, помимо дарованія, приобращаются только отличными свѣтскими воспитаніемъ и долговременнымъ обращеніемъ въ избранномъ обществѣ. Не должно думать однакожъ, чтобъ это общество, тонъ котораго чувствуется во всѣхъ сочиненіяхъ князя Вяземскаго, повредило въ какомъ нибудь отношеніи ясности его взгляда или под-

купило его въ пользу какой нибудь блестящей пошлости. Напротивъ, онъ постоянно преслѣдуетъ мишурную свѣтскую пустоту, осмѣиваетъ барское чванство и корыстную лестъ. Прочтите его стихотвореніе „Негодованіе“, и вы увидите, что поэтъ не кадилъ никакимъ кумирамъ.

Большой свѣтъ отразился на князѣ Вяземскомъ только своей лучшей стороною и не привилъ къ нему ни одного изъ своихъ недостатковъ. Чуждый всякаго низкопоклонства передъ какими бы то ни было авторитетами, онъ обращается съ похвалою только къ тому, что дѣйствительно было достойно похвалы, и одинаково клеймитъ насмѣшкою какъ фальшивый либерализмъ, такъ и упорную отсталость. Но въ самой энергической сатирѣ у него нѣтъ и тѣни какого нибудь грубаго неприличія; даже въ негодованіи на зло — онъ наносилъ ему ударъ какъ бы въ свѣжей перчаткѣ.

Отличительныя черты таланта князя Вяземскаго — живая игра мысли, неподдѣльная веселость и неистощимое остроуміе, которое искрится постоянно въ его стихотвореніяхъ, какъ шампанское въ граненомъ хрусталѣ. Васъ невольно увлекаетъ этотъ оригинальный складъ ума, который умѣетъ сближать понятія самыя несходныя, находить тонкія отличія въ вещахъ безразличныхъ, окрашивать бездѣльные предметы въ самыя блестящія краски. Но въ этой граціозной игрѣ остроумія виднѣн не трескучій фейерверкъ, какъ напримѣръ въ раннихъ стихотвореніяхъ Бенедиктова, а свѣтлая мысль, поражающая васъ своей новостью или неожиданностью. Вотъ отчего князь Вяземскій любилъ догриффы и рондо, и отчего вы найдете у него больше тѣмъ у кого-либо изъ нашихъ стихотворцевъ, надписей и эпиграмъ, мадригаловъ и альбомныхъ стихотвореній. И трудно сказать, въ чемъ больше проявляется веселость и остроуміе автора — въ насмѣшкѣ ли его, или въ привѣтствіи, въ сатирическихъ стрѣлахъ, которыми онъ осыпаетъ пошлость и зло, или въ стихахъ, съ какими обращается къ уму, красотѣ и таланту; но во всемъ этомъ видно дарованіе сильное и самобытное. Если вообще у князя Вяземскаго есть не мало общаго съ легкими французскими поэтами прошлаго столѣтія, то онъ во всякомъ случаѣ превосходитъ ихъ чистотою убѣжденія, обиліемъ и разнообразіемъ мысли блестящимъ остроуміемъ и даже легкостью и граціей самаго стиха.

Разборомъ и классификаціей всѣхъ оставшихся послѣ покойнаго князя П. А. Вяземскаго стихотвореній, какъ видно изъ замѣтки, напечатанной при настоящемъ томѣ, занимался извѣстный литераторъ Ѡ. Н. Бергъ, и этимъ объясняется то вниманіе, съ какимъ исполнено изданіе.

А. Миллюковъ.

Пережитое. Мечты и рассказы русскаго актера А. Н. Самсонова. Спб. 1880.

Изъ всѣхъ родовъ артистической дѣятельности самая неблагоприятная какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи — дѣятельность актера. Поэтъ, живописецъ, композиторъ, даже архитекторъ находятъ поддержку въ сознани, что произведеніе его не умретъ вмѣстѣ съ нимъ, но перейдетъ въ потомство, даже можетъ быть больше будетъ оцѣнено имъ, чѣмъ современниками. Талантъ актера со смертію его исчезаетъ безслѣдно, оставляя по себѣ только смутные рассказы. Мы черезъ дѣлея вѣка хранимъ произведенія Шекспира, Рафаэля, Моцарта, Буонаротти и наслаждаемся ими также, какъ наслаждались современники ихъ. Но что, кромѣ громкихъ именъ да неясныхъ воспоминаній осталось намъ отъ Гаррика, Тальмы, Мочалова, Рашели? Мы знаемъ отзывы тѣхъ, кто видалъ ихъ, но не можемъ вполне представить себѣ таланта. И съ другой, болѣе матеріальной стороны, положеніе актера далеко ниже положенія другихъ артистовъ. Извѣстно, какимъ положеніемъ пользовались во всѣхъ слояхъ общества поэты и художники; какъ часто самыя

высокопоставленныя лица дорожили ихъ вниманіемъ и дружбою. А давно ли перестали, не только въ темной массѣ, но и въ кругу людей образованныхъ, смотрѣть на актера, какъ на лицея и газра, а въ актрисѣ видѣть не больше, какъ падшую женщину, которую нельзя принять въ порядочномъ обществѣ. Давно ли католическая церковь смотрѣла на актеровъ хуже чѣмъ на еретиковъ? Еще въ наши дни, въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, нерѣдко бывали случаи, что духовенство отказывалось совершать христіанскіе обряды при погребеніи актера и чуть не обрекало его проклятію.

Если въ наше время положеніе сценическаго артиста измѣнилось къ лучшему, если въ обществѣ не смотрятъ уже на него съ прежнимъ презрѣніемъ, то въ самой его дѣятельности остаются еще такія темныя и печальныя стороны, въ лавры самыхъ даровитыхъ и счастливыхъ людей на этомъ поприщѣ влетаются такіе колючіе терны,—что и теперь нужно много нравственной силы и горячаго призванія человѣку, который рѣшается посвятить себя этому роду искусства. Правда, поэтъ, композиторъ, живописецъ нерѣдко страдаютъ отъ пристрастія критики, отъ несправедливости или равнодушія публики; но актеру, кромѣ всего этого, достается на долю еще множество другихъ оскорбленій, не менѣе чувствительныхъ и тяжелыхъ. Свокорыстіе директоровъ и антрепренеровъ сцены, необходимость играть въ несочувственныхъ и несродныхъ таланту роляхъ, подчиняться притязательнымъ капризамъ авторовъ, зависѣть отъ прихотей разнообразной публики, встрѣчать лицомъ къ лицу ея неодобреніе—все это далеко не вознаграждаетъ артиста за разсыпавшійся ему встаты и некстаты рукописканія и подносимые иногда букеты и подарки. Ни къ кому не бываетъ толпа такъ измѣнчива, не относится такъ деспотически, какъ даже къ любимымъ актерамъ.

Но ежели карьера актера сама по себѣ тяжела и неблагоприятна, ежели положеніе его даже на лучшихъ столичныхъ театрахъ, передъ болѣе развитою публикою, представляется далеко не привлекательнымъ, то чего же послѣ этого можетъ ждать онъ, когда судьба броситъ его на провинціальную сцену? Какое въ особенности должно быть положеніе русскаго провинціального актера, когда нашъ частный театръ едва прозубаетъ при слабомъ участіи въ немъ общества? Едва ли ошибется тотъ, кто скажетъ, что положеніе это въ высшей степени печально и безотраднo. Кому оно сколько нибудь извѣстно, тотъ легко понимаетъ, что только крайняя, безвыходная нужда и неспособность во всякому другому труду или врожденное призваніе и страстная любовь къ театру могутъ заставить человѣка посвятить себя этому неблагоприятному и тяжелому занятію. Наши провинціальныя труппы представляютъ или толпы бездарныхъ посредственностей, работающихъ ради куска хлѣба и ненужныхъ ничего общаго съ искусствомъ, или немногіе примѣры талантливыхъ личностей, горячо и почти безкорыстно ему преданныхъ. Одни изъ этой послѣдней категоріи даровитыхъ артистовъ, послѣ горькихъ годовъ испытаній, становились украшеніемъ столичной сцены, какъ напримѣръ Щепкинъ, другіе всю жизнь въ проголодь кочевали изъ угла въ уголокъ Россіи, какъ недавно умершій Рыбаковъ.

Если у насъ до сихъ поръ не было еще порядочной исторіи нашего столичнаго театра, то для исторіи театра провинціального, а тѣмъ болѣе для характеристики его персонала, почти нѣтъ и матеріаловъ. Въ обществѣ существуетъ довольно смутное понятіе о бытѣ этого класса людей только по весьма немногочисленнымъ запискамъ, разбросаннымъ по разнымъ журналамъ и кое-какимъ газетнымъ корреспонденціямъ, сохраненнымъ немногими любителями. Вотъ почему мы съ большимъ любопытствомъ прочли книжку Л. Н. Самсонова, который въ качествѣ умнаго актера и горячаго любителя сценическаго искусства провелъ нѣсколько лѣтъ въ разныхъ провинціальныхъ труппахъ, переигралъ много ролей на различныхъ частныхъ театрахъ и передаетъ теперь свои впечатлѣнія, живо рисующія бытъ нашихъ кочевыхъ актеровъ.

Съ первыхъ же страницъ книжки, по какой-то нервной отрывочности языка и своеобразнымъ приемамъ въ разсказѣ автора, вы чувствуете, какъ много желчи должно было налиться въ душѣ его отъ всѣхъ тревоженій этой непривлекательной жизни. Такая видимая раздражительность въ изложеніи автора могла бы заставить читателей опасаться, не слишкомъ ли односторонне отнесся онъ къ своему предмету, не рисуетъ ли онъ пережитыя имъ впечатлѣнія слишкомъ въ темныхъ краскахъ, подъ вліяніемъ личныхъ неудачъ и огорченій. Но если это повидимому и не чуждо автору, тѣмъ не менѣ приводимые имъ факты и указанія на имена и мѣстности не позволяютъ сомнѣваться, что въ общихъ чертахъ представляемая имъ характеристика нашихъ провинціальныхъ труппъ должна быть весьма близка къ истинѣ.

Г. Самсоновъ, какъ видно изъ его записокъ, воспитывался въ Педагогическомъ институтѣ, потомъ былъ учителемъ губернской гимназіи и по страсти къ театру рѣшился бросить обезпеченное мѣсто и поступить на провинціальную сцену. На первомъ шагѣ къ этому онъ уже встрѣтилъ большія неприятности и оскорбленія. Едва стало извѣстно его намѣреніе — начальство, ученики, общество отнеслись къ нему враждебно. „Учитель гимназіи и на сцену! учитель... срамъ! позоръ! потерянный человѣкъ!“ говорили ему въ глаза со всѣхъ сторонъ. Какія же удовольствія ожидали молодого человѣка на любимомъ поприщѣ? Бродяжническая жизнь изъ города въ городъ, всевозможныя лишения въ дорогѣ и на мѣстѣ, постоянныя столкновения съ невѣжественными товарищами, интриги, сплетни и зависть, грубость чиновныхъ покровителей, эксплуатация со стороны жадныхъ антрепренеровъ, отсутствіе всякой любви къ искусству въ большинствѣ актеровъ и даже заправителей дѣла, и вообще всѣ „свѣтъ и обычаи“ одуряющей среды, въ которой онъ долженъ былъ постоянно вращаться.

Тяжело читать разсказы автора о подробностяхъ этого печальнаго быта. При нищенской обстановкѣ въ большинствѣ нашихъ частныхъ драматическихъ труппъ, подъ деспотической властью антрепренеровъ, связанные не только стѣснительнымъ, но вполне порабощающимъ контрактомъ—большинство актеровъ ведетъ жизнь невыносимую. Во многихъ театрахъ для артистовъ почти не существуетъ уборныхъ, и они принуждены одѣваться въ холодныхъ чулкахъ, рискуя заболѣть и лишиться куска хлѣба; значительная доля скуднаго заработка уходитъ на обязательный костюмъ; изъ жалованья пропадаетъ не малая часть на штрафы, обусловленные контрактомъ и неизбежныя при самомъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу; жалованье выдается несправно, часто задерживается на цѣлые мѣсяцы; а иногда антрепренеръ, вслѣдствіе неудачи или мотовства, и вовсе отказывается платить, заявляя себя банкротомъ, или просто ускользаетъ изъ города, бросая труппу на произволъ судьбы, безъ всякихъ средствъ, безъ всякой возможности уѣхать куда нибудь въ другое мѣсто и искать новаго ангажемента. Понятно, до чего такая жизнь доводитъ провинціальныхъ актеровъ, и какая должна быть обстановка этихъ перелетныхъ птицъ. Исключеніе составляютъ только весьма немногіе артисты, которые успѣли приобрести извѣстность и слѣдовательно заставляютъ уже ухаживать за собою самихъ антрепренеровъ, да еще нѣкоторыя молоденькія и красивыя актрисы, обезпечившія себя богатыми покровителями внѣ сцены. Все же большинство провинціальныхъ артистовъ и артистокъ прозябаетъ посреди бѣдности, униженія и распуцства. Мы однако же не согласны съ г. Самсоновымъ, будто господствующее въ этой средѣ пьянство зависитъ исключительно отъ одной бѣдности: между актерами встрѣчаются и люди вполне обезпеченные, даже болѣе чѣмъ обезпеченные, которые въ этомъ отношеніи мало отличаются отъ провинціальныхъ собратій. Особенно ужасно положеніе въ провинціальныхъ труппахъ людей семейныхъ. Жены актеровъ бѣдствуютъ гораздо больше мужей, а дѣти, не получая почти никакого образованія, портятся съ самыхъ раннихъ лѣтъ и увеличиваютъ массу безвѣстныхъ про-

летаріевъ. „Дѣвочка съ пяти лѣтъ, говоритъ авторъ, румянится, подрисовываетъ глаза, цѣлуется... нервы раздражены, глаза теряютъ блескъ, годы бѣгутъ, подоспѣваетъ солдатское жалованье, отчаянная борьба за кусокъ хлѣба... гдѣ тутъ удержаться отъ разврата!“

Г. Самсоновъ пишетъ однакожь, что съ нѣкотораго времени между провинціальными актерами начала все болѣе и болѣе проявляться мысль о необходимости выхода изъ этого тягостнаго, невыносимаго положенія, и что въ самой средѣ ихъ замѣтна уже нѣкоторая переимѣна къ лучшему. Одни, сознавъ въ себѣ отсутствие таланта, прискиваютъ болѣе обезпечивающія занятія, другіе же думаютъ о средствахъ освободиться изъ-подъ убійственной опеки корыстолюбивыхъ антрепренеровъ. При этомъ они конечно прежде всего напали на мысль устройству труппы на артельномъ началѣ, съ тою цѣлю, чтобы львиная доля выгоды отъ театра не попадала въ одинъ карманъ его содержателя, нерѣдко неимѣющаго никакого понятія объ искусствѣ, а дѣлилась между самими труженниками. Къ сожалѣнію первыя попытки къ осуществленію этого плана, о которыхъ рассказываетъ авторъ, оказались пока неудачными. Отсутствие согласія между артистами, недостатокъ необходимыхъ для такого дѣла капиталовъ и общая у насъ непривычка къ коллективной дѣятельности и самоуправленію не дали до сихъ поръ удовлетворительныхъ результатовъ въ этомъ дѣлѣ. Артель актеровъ распадалась отъ этихъ причинъ почти при самомъ началѣ предпріятія, и труппа разсѣивалась за поисками новыхъ ангажементовъ у тѣхъ же эксплуататоровъ.

Вообще въ книжкѣ г. Самсонова читатели найдутъ множество интересныхъ подробностей, которыя знакомятъ насъ съ мало извѣстнымъ міромъ провинціальной артистической жизни и съ организаціей нашихъ частныхъ театровъ. Впечатлѣнія свои авторъ передаетъ въ безискусственныхъ легкихъ очеркахъ, набросанныхъ имъ въ разное время, подъ влияніемъ самыхъ событій, которыхъ онъ былъ участникомъ или свидѣтелемъ. Но кромѣ того, въ книжкѣ его есть еще нѣсколько статей другаго рода, обработанныхъ въ видѣ литературныхъ рассказовъ, почерпнутыхъ впрочемъ изъ того же быта провинціальныхъ актеровъ. Хотя рассказы эти основаны на дѣйствительныхъ случаяхъ, но въ нихъ уже замѣтна примѣсь вымысла, оттого они и не представляютъ того интереса, каковымъ отличаются собственныя замѣтки автора. Во всякомъ случаѣ однакожь книжка г. Самсонова далеко не лишняя, какъ матеріалъ для будущей исторіи нашихъ провинціальныхъ театровъ.

А. Миллюковъ.

Историческая Христоматія для изученія исторіи русской церковной проповѣди. Сост. свящ. М. А. Поторжинскій, преподаватель Кіевской духовной семинаріи. Кіевъ, 1879 г.

Историческая Христоматія русскаго проповѣдничества представляетъ изъ себя продолженіе изданной тѣмъ-же авторомъ, года два назадъ, „Свято-отеческой Христоматіи“. По словамъ автора, обѣ онѣ относятся къ исторіи церковной проповѣди. „Свято-отеческая Христоматія“ назначалась въ пособіе при изученіи исторіи проповѣдничества церкви вселенской и заключаетъ въ себѣ образцы свято-отеческой проповѣди отъ времени апостольскихъ до VI вѣка включительно. Тогда началось такъ-называемое византійское направленіе церковной проповѣди, перешедшее и къ намъ въ XI вѣкѣ. „Историческая Христоматія“ назначается въ пособіе при изученіи исторіи русской церковной проповѣди и содержитъ въ себѣ проповѣди русскихъ проповѣдниковъ, которые писали ихъ подъ влияніемъ византійскихъ образцовъ (съ XI—XVI в.). Такимъ образомъ, послѣдняя начинается съ того, на чемъ остановилась первая. Въ свое время „Свято-отеческая Христоматія“ подверглась довольно строгому

суду профессора Барсова. Вѣроятно, вслѣдствіе указаній рецензента, свящ. Поторжинскій въ „Исторической Христоматіи“ отступилъ нѣсколько отъ того порядка, какому слѣдовалъ при изданіи „Свято-отеческой Христоматіи“. „Прежде мы располагали образцы, говорить онъ, только по хронологическому порядку, представляя распредѣленіе ихъ по единству направленія усмотрѣнію каждаго, пользующагося нашею книгою, теперь мы сдѣлали это сами. При отсутствіи группировки проповѣдей по единству направленія и формѣ, мы не могли помѣщать общихъ очерковъ того или другаго періода церковнаго проповѣдничества, а ограничивались только краткими біографическими свѣдѣніями о св. отцахъ проповѣдникахъ и указаніемъ отличительныхъ чертъ проповѣдничества каждаго изъ нихъ; въ настоящемъ-же изданіи, при распредѣленіи проповѣдей по группамъ, мы имѣли возможность частнымъ характеристикамъ ихъ предпослать еще общія сдѣлаго періода или извѣстнаго направленія церковной проповѣди. Въ „Свято-отеческой Христоматіи“ мы помѣщали образцы проповѣдей и въ цѣломъ составѣ, и въ отрывкахъ; въ „Исторической Христоматіи“ мы приводили ихъ, за немногими исключеніями, полностью“. Вся исторія русскаго проповѣдничества, съ XI по XVIII вѣкъ включительно, раздѣляется въ „Исторической Христоматіи“ на три періода: первый періодъ, съ XI по XVI в., обнимаетъ русскую проповѣдь подъ вліяніемъ византийскимъ; ко второму періоду относится русская проповѣдь подъ вліяніемъ латино-польскимъ, въ XVI и XVII вв., третій періодъ русской проповѣди, съ характеромъ самостоятельности, открывается Теофаномъ Прокоповичемъ и продолжается въ теченіе всего XVIII вѣка. Во всѣхъ этихъ періодахъ различаются болѣе частныя отѣнки въ направленіи русскаго проповѣдничества, независимо отъ характеристикъ каждаго отдѣльнаго проповѣдника. „Въ своемъ трудѣ, при выборѣ и характеристикѣ образцовъ, — говоритъ о. Поторжинскій, — мы пользовались всѣмъ, что есть въ Русской литературѣ относящагося къ нашему предмету. Для перваго, византийскаго періода русской проповѣди (отъ XI—XVI в.) исключительнымъ руководствомъ служила для насъ „Исторія Русской церкви высокопреосвященнѣйшаго Макарія“ (т. I—VII). Во второмъ, латино-польскомъ періодѣ (XVI в.) мы пользовались статьями г. Терновскаго и курсами исторіи русской литературы гг. Галахова и Порфирьева. Въ третьемъ-же періодѣ пособіемъ для насъ служилъ помянутый трудъ г. Галахова и его „Историческая Христоматія“ (т. I), а также отдѣльныя статьи, помѣщенныя какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ журналахъ и отдѣльныхъ изданіяхъ“.

Какъ первая, и пока единственная христоматія русскаго проповѣднаго слова, книга о. Поторжинскаго уже по этому одному заслуживаетъ полнаго вниманія и конечно принята будетъ съ благодарностію, какъ важное пособіе при изученіи исторіи русскаго духовнаго проповѣдничества. Она не только даетъ образцы проповѣднаго русскаго слова въ его послѣдовательномъ развитіи, но и сообщаетъ этимъ образцамъ извѣстное освѣщеніе. Въ этомъ отношеніи книга о. Поторжинскаго не есть собственно христоматія, но вмѣстѣ и исторія русскаго проповѣдничества. Мы можемъ только замѣтить, что напрасно авторъ не послѣдовалъ примѣру профессора Буслаева въ его христоматіи церковно-славянскаго языка и приводилъ образцы древне-русскаго проповѣдничества не въ подлинникѣ, а въ русскомъ переводѣ высокопреосвященнаго Макарія. Можно также упрекнуть автора за то, что въ своихъ характеристикахъ отдѣльныхъ проповѣдниковъ и цѣлыхъ проповѣдническихъ эпохъ онъ не указываетъ обстоятельно на источники своихъ свѣдѣній и не дѣлаетъ почти никакихъ цитатъ. Отсутствіе ихъ лишаетъ читателя возможности проверить характеристики автора и заставляетъ довѣрять имъ безусловно. А между тѣмъ есть основанія полагать, что свѣдѣнія составителя Христоматіи не вездѣ полны и не всегда стоятъ на уровнѣ современнаго развитія науки исторіи русскаго проповѣдничества. Такъ напр., въ древнемъ періодѣ русскаго проповѣдничества онъ отчисляетъ къ безымяннымъ поученіямъ—поученія

болгарскаго писателя Клімента Вѣликаго, а въ новомъ періодѣ не указываетъ вліянія на русскую проповѣдь свято-отеческихъ твореній и произведеній знаменитыхъ французскихъ проповѣдниковъ, которыя переводились въ то время на Русскій языкъ съ большимъ усердіемъ. Предоставляя подробный разборъ Христоматіи специалистамъ, пожелаемъ, чтобы авторъ окончилъ ее и, согласно обѣщанію, въ слѣдующемъ изданіи представилъ образцы проповѣдей XIX в., съ характеристиками эпохъ и отдѣльныхъ проповѣдниковъ.

Н. П.

Историческая бібліотека Тверской епархіи. Томъ первый (выпускъ 1). Тверь. 1879.

Подъ этимъ названіемъ стали печататься въ прошломъ году, въ приложеніи къ „Тверскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“, тѣ старинныя рукописныя памятники, въ которыхъ содержатся историческія и статистическія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквахъ Тверской епархіи, каковы напр. писцовыя книги, монастырскія и церковныя описи, приходорасходныя записи, жалованныя грамоты, синодичи, лѣтописцы, сказанія о нѣкоторыхъ мѣстно чтимыхъ иконахъ и проч. Многіе изъ такихъ памятниковъ имѣютъ только мѣстный епархіальный интересъ для жителей всей Тверской епархіи, но нѣкоторые—и интересъ всей Русской церкви. Въ вышедшихъ листахъ перваго тома печатаются описныя книги Старицкаго Успенскаго монастыря, на которыя обратилъ вниманіе преосвященный тверской Савва въ поѣздку свою по епархіи въ августѣ 1879 года. Рукопись представляетъ подробное и во многихъ отношеніяхъ интересное описаніе монастырскихъ церквей, иконъ, ризницы, утвари, грамотъ и вотчинъ въ самомъ началѣ XVII в., въ періодъ самозванцевъ. Въ ней есть страницы, представляющія немалый интересъ для занимающихся вообще Русскою исторіею и въ частности исторіею отечественной церкви. Таковы напр. страницы, описывающія дачу или пожертвованія въ монастырь царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, который часто проживалъ въ Старицѣ; таковы же страницы, описывающія дачу по душѣ своей и своихъ родителей святѣйшаго патріарха Іова, который родился во градѣ Старицѣ, былъ постриженникомъ Старицкаго монастыря, провелъ въ немъ послѣдніе дни свои и здѣсь скончался,—или страницы, гдѣ описывается послѣ его смерти имущество его и его вельяника. Въ этихъ же книгахъ упоминается о пожертвованіяхъ въ монастырь, сдѣланныхъ архимандритомъ Діонисіемъ, который впоследствии былъ въ лаврѣ преп. Сергія, гдѣ такъ славно подвизался за сохраненіе отечества въ бурное время самозванцевъ; пожертвованія сначала священника, а потомъ архимандрита Германа, который впоследствии былъ архіепископомъ базанскимъ и причтенъ церковью къ лику святыхъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что для большинства читателей не-специалистовъ изданіе представляется тяжелымъ и скучнымъ.

Н. П.

Престолъ и монастырь. Историческій романъ въ двухъ частяхъ, изъ русскихъ лѣтописей 1682—1689 г., П. Полежаева. Спб. 1880.

Въ историческомъ романѣ, какъ мы понимаемъ его по художественнымъ изданіямъ Вальтеръ-Скотта и немногимъ прекраснымъ образцамъ въ Русской литературѣ, поэтически созданная фабула, обставленная типическими лицами, связывается обыкновенно съ какою нибудь, болѣе или менѣе отдаленной эпохою, съ цѣлю представить въ широкой и вѣрной картинѣ общественную жизнь взятаго времени, со всею обстановкою его быта. Тутъ исторія служитъ

можно сказать только фономъ, на которомъ художникъ пишетъ свою романтическую картину. Таковы всѣ образцовыя, истинно-художественныя произведенія этого рода. Прочтите лучшіе историческіе романы Вальтеръ-Скотта: вы видите, что онъ представляетъ историческія событія въ связи съ поэтическимъ изобрѣтеніемъ, и интрига самаго романа держится у него обмановенно на лицахъ вымышленныхъ, что даетъ возможность романисту быть не сухимъ пересказчикомъ однихъ дѣйствительныхъ фактовъ, а творцомъ-поэтомъ, свободно располагающимъ своею фантазіею въ духѣ взятаго имъ времени. Историческія лица вводятся въ фабулу романа, какъ второстепенныя, только эпизодически, а оттого интрига разбивается въ немъ свободно и не стѣсняется не подходящими къ ней подробностями. Въ „Айвенго“ выведенъ король Ричардъ I, въ „Вудстокъ“ Кромвелль, въ „Квентинъ-Дорвардъ“ Людовикъ XI, но главный ходъ романа основанъ не на нихъ, а всегда на лицахъ вымышленныхъ. То же самое видимъ мы и въ лучшихъ русскихъ историческихъ романахъ: въ „Послѣднемъ-Новикѣ“ Лажечникова Петръ I и царевна Софья Алексѣевна играютъ только второстепенныя роли; Пушкинъ въ „Капитанской Дочкѣ“ вывелъ Пугачева и императрицу Екатерину, но Марья Ивановна и Гриневъ, на которыхъ сосредоточена вся интрига повѣсти, — созданія самого поэта. Нельзя не замѣтить изъ этихъ классическихъ образцовъ, что задача историческаго романа почти та же, какъ и романа изъ современнаго быта: какъ послѣдній не состоитъ изъ простаго пересказа дѣйствительно совершающихся въ наше время происшествій и знакомства съ извѣстными лицами, такъ и первый не можетъ быть сухимъ перечнемъ историческихъ фактовъ, но оба знакомятъ насъ только съ бытомъ и задачами общественной и домашней жизни въ настоящую или минувшую эпоху, и знакомятъ не въ фотографически-снятыхъ портретахъ, а въ художественныхъ картинахъ и типическихъ образахъ.

Но въ недавнее время появился во Франціи и Германіи особый родъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ подъ названіемъ историческаго романа предлагается читателю что-то въ родѣ простой хроники изъ дѣйствительныхъ событій какойнибудь эпохи. Въ сочиненіяхъ этихъ нѣтъ уже никакой поэтической фабулы, а все содержаніе ихъ состоитъ только въ послѣдовательномъ разсказѣ историческихъ происшествій, въ кругу однихъ дѣйствительныхъ лицъ, безъ всякаго участія художественнаго творчества. Рецептъ для подобныхъ издѣлій очень не замысловатъ и не требуетъ ни изобрѣтательности, ни воображенія, ни чувства. Выберите историческое событіе, само по себѣ интересное въ какомънибудь отношеніи, соберите побольше мемуаровъ, относящихся къ этой эпохѣ, разсортируйте ихъ и пересказывайте по порядку, что дѣлалось извѣстными историческими лицами, съ прибавкой кое-какихъ собственныхъ дополненій—и получите историческій романъ новаго дошиба. Понятно, что такой легкой и вехитрый родъ литературныхъ издѣлій нашелъ и у насъ дѣятели, и произведенія этой школы начали появляться и въ журналахъ, и въ отдѣльныхъ изданіяхъ. Къ такому роду псевдо-историческаго романа относится и сочиненіе г. Полежаева „Престолъ и Монастырь“. Это не что иное, какъ составленное по Устряловой исторіи Петра I, запискамъ Матвѣева и другимъ историческимъ матеріаламъ, описаніе стрѣлецкихъ бунтовъ 1682 и 1689 годовъ. Хронологическій разсказъ подробностей этихъ событій, со всѣми прикосновенными къ нимъ лицами, начиная съ царицы Софіи и царицы Натальи Кирилловны до стрѣлецкихъ десятиниковъ и дворецкихъ холопей, переданъ авторомъ съ достаточной полнотою, хотя не вездѣ по совершенно достовернымъ источникамъ. Но въ сочиненіи этомъ нѣтъ никакой завязки, никакой фабулы,—ничего, что давало-бы ему право называться романомъ. Все изобрѣтеніе нашего автора ограничивается тѣмъ, что онъ прибавляетъ къ разсказу кое-какія описанія, а историческимъ лицамъ навязываетъ подробные разговоры, о которыхъ въ источникахъ упоминается только вкратчѣ.

или какихъ они вовсе не вѣли. Вѣроятно авторъ, ограничиваясь передачею дѣйствительныхъ событій при стрѣлечныхъ бунтахъ, думалъ, что судьба царевны Софіи Алексѣевны и отношенія ея къ князю Василію Васильевичу Голицыну сами по себѣ составляютъ занимательный романъ, и потому не находилъ нужнымъ привязывать къ нему какую-либо фабулу. Но въ такомъ случаѣ пусть же эти романтическія событія передаетъ намъ сама исторія, не разсыропленная посторонней примѣсью. Впрочемъ разсказъ г. Полежаева вѣдъ бойко и непринужденно, хотя мѣстами искажается неумѣстнымъ употребленіемъ неологизмовъ; слова—манеры, комбинаціи, реальныи, сконцентрированы и т. п. встрѣчаются у него не только въ разсказѣ, но и въ разговорахъ лицъ, которыя не имѣли еще понятія объ этихъ красотахъ нашей современной рѣчи.

Нельзя не пожалѣть, что русскій историческій романъ, послѣ прекрасныхъ образцовъ Лажечникова, Пушкина, графа Толстова, выродился теперь въ такой суррогатъ искусства, который съ одной стороны служитъ отрицаніемъ поэзіи, а съ другой ведетъ къ искаженію исторіи. Сенковский, въ одной изъ своихъ критическихъ статей, назвалъ историческій романъ незаконнымъ чадомъ исторіи и фантазіи. Если эта нѣсколько странная выходка совершенно не прилагается къ созданіямъ Вальтеръ-Скотта, Бульвера, Манцони, Пушкина, графа Толстова, то едва ли можно назвать ее парадоксомъ въ примѣненіи къ пресловутымъ издѣліямъ Самарова и нашихъ доморощенныхъ его послѣдователей.

А. П. М.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. Сергія Соловьева. Томъ XXIX. М. 1879 г.

Послѣдній томъ многолѣтняго труда С. М. Соловьева состоитъ собственно изъ двухъ главъ. Въ первой изложены внѣшнія событія 1773 и 74 годовъ, во второй—внутреннее состояніе Россіи во время Первой Турецкой войны. Къ этимъ двумъ главамъ издатели приложили „Обзоръ дипломатическихъ отношеній Русскаго двора отъ Кучукъ-Кайнарджискаго мира по 1780 годъ“.

Естественно, что авторъ, и въ пору своего полного здоровья, не обращающій особеннаго вниманія на внѣшнюю отдѣлку и соразвѣрность отдѣльныхъ частей своего труда, оставилъ послѣдній томъ почти въ черновомъ видѣ. Въ концѣ второй главы этого тома (стр. 189) мы находимъ слѣдующее грустное примѣчаніе: „Послѣднія строки писаны уже ослабѣвшею отъ продолжительной болѣзни рукою автора. Все дальнѣйшее (послѣднія двѣ, три страницы второй главы) продиктованы имъ одному изъ сыновей въ нѣсколько пріемовъ 21, 22 и 24 сентября 1879 года. Онъ хотѣлъ закончить XXIX томъ вазнью Пугачева, но смерть, послѣдовавшая въ семь часовъ вечера 4 октября, прервала многолѣтній трудъ историка, думавшаго о немъ и въ послѣднія минуты своей жизни“.

Это скорбное примѣчаніе отстраняетъ всякую критику послѣдняго тома, и потому мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями, тѣмъ болѣе возможными, что о важности и значеніи труда С. М. Соловьева въ развитіи нашего самосознанія высказано довольно; для полной же и безпристрастной оцѣнки его заслугъ не настало еще время.

Въ первой главѣ посмертнаго тома „Исторіи Россіи“ находится много новыхъ подробностей о дѣятельности Штакельберга въ Польшѣ. Подробности эти, приведенныя безъ непосредственной связи съ предъидущими событіями, разсказанными въ XXVIII томѣ, конечно утомятъ обыкновеннаго читателя; но будущій историкъ ими воспользуется. Во второй главѣ, въ обзорѣ внутренняго состоянія Россіи за время Первой Турецкой войны С. М. Соловьевъ, по своему обыкновенію, выдвигаетъ рядъ любопытныхъ фактовъ, извлеченныхъ изъ архив-

вовъ; но факты эти, расположенные безъ всякой группировки съ однородными имъ фактами, въ простомъ хронологическомъ порядкѣ, рядомъ съ фактами разнородными, мало говорятъ читателю, хотя опять-таки даютъ богатый матеріалъ историку. Такъ напр., рассказывается дѣло 1769 года о яренскихъ колдунахъ, которыхъ обвиняли въ томъ, что они многихъ совращаютъ изъ православія и портятъ, наводя разныя болѣзни посредствомъ червей. Они повинились въ сношеніи съ чортомъ, который якобы передавалъ имъ означенныхъ червей; повинившихся привезли въ Петербургъ, гдѣ они показали, что взвели на себя означенное преступленіе, не стерпя мученій въ Яренской воеводской канцеляріи. Мнимыхъ чародѣевъ разумѣется освободили.

Расказавъ исторію яренскихъ колдуновъ, авторъ добавляетъ: „Въ 1772 г. Синодъ далъ знать, что посланными къ архіереямъ и прочимъ духовнымъ особамъ указами запрещено имъ вступать въ слѣдственные дѣла о чародѣйствахъ и волшебствахъ, ибо эти дѣла считаются подлежащими гражданскому суду“.

Имѣло ли Яренское дѣло, начатое по инициативѣ архіерея, влияние на этотъ указъ? Судя по хронологіи событій—должно было имѣть: Яренское дѣло начато было въ 1769 г. и не могло окончиться съ переѣздомъ мнимыхъ преступниковъ въ Петербургъ ранѣе 1771 или даже 72 года; но исторію ничего не говоритъ объ этомъ. Если оно имѣло влияние на указъ 1772 г., то черезъ это приобретаетъ немаловажное историческое значеніе.

Въ концѣ обзора о дипломатическихъ сношеніяхъ до 1780 года исторію приводитъ любопытный разговоръ французскаго дипломата Вержена съ другомъ Панина Барятинскимъ о „Вооруженномъ Нейтралитетѣ“.

Очень жаль, что исторію не успѣлъ высказать своего сужденія объ этомъ дипломатическомъ дѣлѣ, не отличающемся той предусмотрительностью, какую ему приписываютъ.

Родился этотъ актъ не въ Россіи, а въ Испаніи, которая сама испугалась захвата русскихъ кораблей,—и черезъ Францію достигъ въ Россію, гдѣ самолюбіе Панина и его желаніе противодействовать Потемкину дало ему ходъ. Екатерина II не думала этимъ актомъ огорчать Англію, союза съ которой искала и удивилась неудовольствію Гарриса, англійскаго посла. Однако британская дипломатія умѣла сдѣлать этотъ актъ безвреднымъ для себя, замедливъ присоединеніе къ Вооруженному Нейтралитету Голландіи, флотъ которой только и внушалъ Британіи опасеніе. Пока Голландія медлила, Гаррисъ успѣлъ устроить дѣло такъ, что ей отказано было вступить въ число членовъ нейтральнаго союза, послѣ чего Англія и захватила Голландскій флотъ. Такимъ образомъ русская дипломатія сыграла въ игру и нашимъ и вашимъ, непринесшую пользы никому, и менѣе всего Россіи.

Евгеній Вѣловъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Семинарское торжество 1797 года.

РОСМАТРИВАЯ одинъ рукописный сборникъ прошлаго вѣка, мы нашли въ немъ не лишенное интереса „Описание торжества музы при случаѣ всерадостнаго воспоминанія о восшествіи на престоль Его Императорскаго Величества Всероссійскаго Государя Павла I въ епархіальной Рязанской семинаріи, представленнаго 1797 года, ноября 9 дня.“ Описание это показываетъ, что въ XVIII столѣтіи питомцы семинарій не устранились начальствомъ отъ участія въ общественной жизни и что даже въ стѣнахъ самыхъ семинарій происходили торжества и увеселенія, сопровождаемыя рѣчами, музыкой, пѣніемъ, иллюминаціями и т. п., привлекавшими многочисленныхъ посѣтителей изъ разныхъ классовъ общества. Приводимъ „Описание“ безъ всякихъ измѣненій:

„На самый высокоторжественный день восшествія на престоль Его Императорскаго Величества ноября 6 дня по литургии говорилъ проповѣдь тому дню приличную самъ преосвященный Сѣмонъ, архіепископъ Рязанскій. Но чтобы болѣе ознаменовать общую для Россіи радость и всеподданническое къ Его Величеству усердіе, Его Преосвященство учредилъ въ своей Епаршеской Семинаріи быть особому торжеству и открытъ оное богословскимъ состязаніемъ и освѣщеніемъ семинарскаго двора съ представленіемъ прозрачной картины. Вслѣдствіе сего, ноября въ 9 день, по должномъ приуготовленіи и повѣстѣй, какъ собралось великое множество народа и преосвященный съ почтениѣйшими гостями, при встрѣчѣ вокальной и инструментальной музыки, вшелъ въ большую залу: то въ половинѣ пятаго часа начато словопреніе по обыкновенію, имянно: чтена ученикомъ богословія съ каедры предварительная большая рѣчь. Потомъ занимала слушателей музыка, а между тѣмъ раздаемы были листы съ положеніями богословскими. По раздачѣ оныхъ говорили ученики богословія самыя рѣчи и противоположенія; а къ ученикамъ приставали учителя по нихъ поборствующие. Напоследокъ, для большаго возбужденія великоименитѣйшихъ слушателей ко вниманію и самъ преосвященный говорилъ противоположенія. Посемъ учитель реторики читалъ съ каедры особо на тотъ случай сочиненную оду. Въ заключеніе всего говорена отъ ученика богословія благодарственная рѣчь. А какъ вышли посѣтители изъ залы, то вдругъ увидѣли весь семинарскій дворъ иллюминированъ. Учительскіе покои освѣщены были свѣчами и дворъ площадками и фонарями. На средняѣ двора

къ заднему концу онаго выставлена была новозданная картина, свѣтомъ озаренная и очеса зрителей привлекающая. При которой картинѣ для встрѣчи гостей приуготовлены были въ бѣлой одеждѣ шесть отроковъ, музъ означающіе, а седмый Аполлона. И какъ Его Преосвященство съ гостями началъ къ нимъ приближаться, то пѣты были ими особо-сочиненные къ торжественному тому дню канты, при вокальной и инструментальной музыкѣ. Обозрѣвъ оную картину съ удовольствіемъ, высокоименитые и благородные посѣтители приглашены были отъ Его Преосвященства въ архіерейскіе, что въ семинаріи, покои, гдѣ и угощаемы были по приличію торжества. Когда же почтеннѣйшіе гости шли за здравіе всеавгустѣйшаго Монарха, отечество наше возвышающаго, и всей его пресвѣтлѣйшей фамиліи: его хоры музыки воспѣвали въ покоехъ Его Преосвященства многая лѣта и канты къ тому пристойныя; а на семинарскомъ дворѣ противъ покоевъ архіерейскихъ поставленные шеренгами семинаристы возглашали: ура, ура, ура! потомъ вивать, вивать, вивать! и канты. И такимъ образомъ, при радостномъ восхищеніи зрителей, торжественное музъ празднованіе кончилось въ глубокой вечеръ и посѣтители въ дома разошлись съ немалымъ удовольствіемъ“.

Сообщено И. В. Добролюбовымъ.

Одинъ изъ друзей графа Аракчеева.

Съ воцареніемъ императора Николая I графъ Аракчеевъ оставался еще при всѣхъ своихъ должностяхъ. Въ это время при дворѣ съ особеннымъ участіемъ стали заботиться о разстроенномъ его здоровьѣ и настойчиво совѣтовали ему отправиться за границу для лѣченія. Аракчеевъ деликатно отклонялъ всѣ подобныя совѣты, ссылаясь на свою бѣдность. Изъ уваженія къ его безкорыстной службѣ и стѣсненнымъ обстоятельствамъ выдано ему было высочайшее пособіе въ размѣрѣ пятидесяти тысячъ. Скопфуженный такою неожиданностью, Аракчеевъ пожертвовалъ эти пятьдесятъ тысячъ въ Екатерининскій институтъ, а чтобы вывернуться изъ затруднительнаго и неловкаго положенія, предложилъ чрезъ министра двора купить у него за пятьдесятъ тысячъ фарфоровый сервизъ, подаренный ему императоромъ Наполеономъ I, мотивируя свое предложеніе тѣмъ, что сервизъ съ императорскимъ гербомъ неприлично имѣть въ частныхъ рукахъ. Конечно и эта претензія была удовлетворена и волей-неволей пришлось отправиться ему за границу. Но не всѣ затрудненія были побѣждены; у графа хранились очень важныя бумаги, которыми онъ дорожилъ; надо было ихъ пристроить въ надежныя руки. Изъ многочисленныхъ друзей его съ перемѣною правленія остались ему вѣрными лишь немногіе, но за то эти послѣдніе принимали въ немъ живѣйшее участіе, заботились объ немъ и даже старались о его развлеченіи въ уединенномъ Грузинѣ, гдѣ онъ, по возвращеніи своемъ изъ заграницы, одиноко проводилъ время, освобожденный отъ всѣхъ должностей и лишенный своего неизмѣннаго двадцати-пятилѣтняго друга—Настасьи. Правда, какая-то Танюша назначалась замѣнить зарѣзанную Настасью, но коварная Танюша увлеклась какимъ-то докторомъ и тайно бѣжала отъ Аракчеева. Въ это-то трудное для него время особенною заботливостью о грузинскомъ отшельникѣ отличалась игуменья Духова монастыря Максимилла Шишкина, два письма которой къ Аракчееву, сообщенныя намъ въ подлинникѣ Н. Г. Словскимъ, мы и помѣщаемъ здѣсь.

1.

„Ваше сіятельство.

„Милостивый государь!

„Графъ Алексѣй Андреевичъ.

„Отпуская мою милую Емилию, столь стѣснена была моя мысль, что я за была отдать Марьѣ Яковлевнѣ бумаги отъ вашего сіятельства, когда отправлялись въ чужіе края, мнѣ порученныя, почему у сего она прпровожаю, а также мои дѣти просили приложить ихъ письмецо къ Емилиі. Я, свидѣтельствуя вамъ глубочайшее почтеніе, желаю, чтобы Емилиа своею невинностію послужила къ вашему благоугожденію, а я навсегда съ преданностію моею остаю вашего сіятельства усерднѣйшая богомолица Игуменья Максимила Шинкина“.

20-го января 1831 г.

2.

„Не знаю, гдѣ найдете мое письмо ваше сіятельство. Я отъ васъ съ докторомъ Европеусомъ получила письмо и все хотѣлось прежде узнать: въ Бежецкѣ вы поѣхали, или въ Грузинѣ, но не получила сего и рѣшилась писать вамъ, мой благодѣтель.

„Скажу вамъ, что милая моя Емилиа не выродокъ, а обыкновенная добрая и милая дѣвушка, и откровенно вамъ скажу, что ежели вы хотите въ ней такую хозяйку, чтобы могла распорядиться всѣмъ грузинскимъ заведеніемъ, то ея способностей не достанетъ. Да, надѣюсь, вы и не будете этого желать отъ семнадцатилѣтней дѣвицы. На что вамъ это? Что она, ежели не будетъ хорошая хозяйка, то не будетъ и хорошей матерью въ благочестіи воспитанной, въ скромности и тишинѣ, безъ разсѣянія. То будетъ во всемъ хозяйствѣ. И хотя она и мать, если будетъ имѣть на сіе благословеніе Божіе, намъ съ вами это уже не нужно, и ежели вы будете въ ней искать преданную, покорную и вѣрную дочь, то я за сіе отвѣчаю, а кажется болѣе къ вашему утѣшенію и не нужно отъ нея требовать. Вы говорите, что Марья Яковлевна только что добрая женщина, и что это худой урокъ для молодой дѣвушки; напротивъ, очень достаточно быть въ обществѣ доброй женщины. Напримѣръ, въ Бежецкѣ Палагея Дмитровна не имѣетъ ни доброты, ни чистоты въ себѣ, вотъ опасный примѣръ для неопытной дѣвушки. Чему вы удивляетесь, мой любезный благодѣтель, что я прошу позволенія писать къ Танюшкѣ, это потому, что въ васъ видимо поселили сомнѣніе, что я наклоняю ее къ монастырской жизни, то я потому и просила, чтобы вы не сочли, что я буду питать симъ ея воображеніе и увлекать ее къ себѣ, но я не такова, мнѣ очень пріятно будетъ знать, что ея невинныя услуги вашему сіятельству нравятся, и что не одинъ азоръ бываетъ вашимъ товарищемъ въ скучные часы для васъ. Ежели бы я знала, что ваше сіятельство въ Грузинѣ и не поѣдете въ Бежецкъ, я непременно бы прѣехала къ вамъ, ежели опять скажу, сіе вамъ угодно. Теперь ожидаю къ себѣ брата, онъ привезетъ мнѣ полное извѣстіе, въ Грузинѣ ли вы. А я все хвораю, день хожу, а два лежу, видно скоро окончится мой день. Простите, дражайшій мой благодѣтель графъ Алексѣй Андреевичъ, съ вѣчною къ вамъ преданностію и совершеннымъ почтеніемъ на всю жизнь мою пребыть честь имѣю вашего сіятельства милостиваго государя всепокорная служанка и усердная о здравіи вашемъ богомолица игуменья Максимила Шинкина“.

„27-го января 1831 г.

Сообщено Н. Г. Словскимъ.

С.-Петербургское вольное общество любителей прогулки и Общество друзей признательности.

Собирая матеріалы для „Очерковъ общественной жизни г. Казани въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія“, я между прочимъ получилъ отъ В. В. Вальнеръ четыре документа, которые, мнѣ кажется—не лишены нѣкотораго интереса, такъ какъ они относятся къ личности ея покойнаго отца, извѣстнаго В. И. Панаева, и, вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ свѣдѣнія о существованіи въ Россіи въ 20 годахъ настоящаго столѣтія двухъ такихъ обществъ, о которыхъ—сколько мнѣ извѣстно—еще не было заявляемо въ нашей литературѣ.

Къ характеристикѣ оригинальнаго „Общества любителей прогулки“ относятся два документа: дипломъ, выданный В. И. Панаеву на званіе члена, и отвѣтъ „предводителя гуляющихъ“ г. Ястребцова на донесеніе Панаева. Оба эти документа довольно опредѣленно знакомятъ съ организаціей общества и направленіемъ его дѣятельности.

Дипломъ состоитъ изъ большаго листа толстой бумаги, середина котораго занята рукописнымъ текстомъ, а края—очень характерной акварельной виньеткой. Въ текстѣ значится: „С.-Петербургское вольное общество любителей прогулки, на основаніи устава своего и съ согласія добрыхъ и заслуженныхъ своихъ членовъ, приняло господина Владимира Ивановича Панаева въ дѣйствительные члены свои, по уваженію отлично-ревностной и неутомимой ходьбы его во всѣхъ мѣстахъ общественной прогулки и во всякое время года. Данъ въ С.-Петербургѣ, 1-го января 1824 года, за подписаніемъ должностныхъ лицъ общества. Предводитель гуляющихъ: Иванъ Ястребцовъ. Церемоніймейстеръ прогулокъ: графъ Сологубъ. Совѣтникъ общества: П. Безобразовъ. Цензоръ благочинія: Василій Соцъ. Непремѣнный секретарь: Осиповъ“. Что касается тщательно исполненной акварелью виньетки, окружающей текстъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, то она представляетъ красивую голубую рамку, почти въ вершокъ ширины, съ аллегорическими изображеніями временъ года во всѣхъ углахъ: вверху, слѣва, распустившаяся роза является эмблемою весны; три тѣнистыхъ дерева справа,—лѣта; внизу, слѣва, ржаной снопъ съ наложеннымъ на него серпомъ,—осени; справа, обнаженное дерево, окруженное снѣгами,—зимы. Но самой любопытной частью виньетки служить, несомнѣнно, середина верхней стороны описанной рамки. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе щитъ съ двумя зорко смотрящими глазами. Надъ щитомъ изображены: развернутый дождевой зонтикъ, надъ которымъ проносится съ проливнымъ дождемъ темная туча, и двѣ косвенно расположенныя трости, съ висящими на нихъ калошами; подъ щитомъ—два сапога и лорнетъ, висящій на черной лентѣ.

Отвѣтъ „предводителя гуляющихъ“ на донесеніе В. И. Панаева написанъ на листѣ, съ соблюденіемъ обычной канцелярской формы: слѣва означено—„Мин. Д. и Н. П.“). Вольное общество любителей прогулки. Въ С.-Петербургѣ. Января 31-го дня 1824 года“; а справа написано слѣдующее: „Господину дѣйствительному члену Панаеву. Съ удовольствіемъ видѣлъ я изъ донесенія вашего, что вы неослабно подвизаетесь въ дѣлѣ распространенія вкуса къ прогулкамъ въ тѣхъ губерніяхъ, куда нынѣ откомандированы, и заботитесь, елико возможно, къ учрежденію товарищества нашего общества въ Казани. Отдавая должную справедливость столь похвальной дѣятельности и пріемля въ уваженіе засвидѣтельствованіе ваше о соревнованіи почтеннаго гѣшехода казанскаго, господина Осокина,—я принялъ его въ сословіе нашего общества, въ званіи почетнаго члена, и поручаю вамъ привести его на сіе званіе къ

*) Вѣроятно Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія.
«истор. вѣстн.», годъ 1, томъ 1.

присягѣ, при чемъ объявить ему, что при первомъ донесеніи о услѣхахъ его въ учрежденіи Казанскаго товарищества, не оставлю вознаградить его титуломъ директора и нашего непосредственнаго агента въ Казани. Мнѣ пріятно при семъ случаѣ изъяснить вамъ лично за оказываемую ревность по дѣламъ общества особенную мою признательность, въ ознаменованіе коей и въ знакъ отличія отъ прочихъ пѣшиходовъ, или собственно прохожихъ, дозволяю вамъ носить лорнетъ, наблюдая впрочемъ сіе раздѣленіе, что въ буднично-рабочіе дни прогулки лорнетъ можетъ быть и въ движеніи, и въ покоѣ, по собственному вашему усмотрѣнію; но въ празднично-гулевыя дни лорнетъ долженъ, по установленнымъ законамъ движенія гулевой головы, непрестанно мотаться передъ глазами, и не прежде, какъ при возвращеніи вашемъ домой, дозволяется спустить его на черной лентѣ рыцарскаго ордена, протянутой черезъ плечо по камзолу, въ карманъ, или оставить въ видѣ триумфа на камзолѣ, въ фигурномъ положеніи. Предводитель гуляющихъ Ивалъ Ястрембовъ“.

Къ характеристикѣ втораго общества— „Общества друзей признательности“ относятся двѣ повѣстки о засѣданіяхъ, адресованныя къ Панаеву секретаремъ общества Княжевичемъ. Содержаніе ихъ заключается въ слѣдующемъ:

1) „Общество друзей признательности. Канцелярія. 6-го марта 1822 года. № 1. Господину дѣйствительному члену Общества друзей признательности Владиміру Ивановичу Панаеву. Общество друзей признательности, съ согласія господина президента онаго, назначило днемъ торжественнаго своего собранія среду, 8-го числа сего мѣсяца. По препорученію Общества имѣю честь пригласить васъ въ сіе собраніе въ означенный день, въ два часа по полудни, какъ для пріема господъ президента и посѣтителей, такъ и для предварительныхъ совѣщаній. Собраніе имѣетъ быть въ залѣ обыкновенныхъ засѣданій Общества, въ моей квартирѣ находящейся. Засѣданіе начнется въ три часа по полудни. Дѣйствительный членъ и секретарь общества А. Княжевичъ“.

2) „Господину дѣйствительному члену Общества друзей Признательности Владиміру Ивановичу Панаеву. 7-го марта 1822 года, № 8. Общество друзей признательности съ особеннымъ удовольствіемъ пріемлетъ И. О. Юферева въ число своихъ членовъ. Что касается до артиста-исполнителя, то онъ былъ бы весьма пригоденъ, если бы непреборная стихія не отдѣляла его отъ насъ. Исполнитель, на котораго Общество прежде полагало всѣ свои надежды, внезапно похищенъ отъ насъ смертію единаго изъ человекъ, коего память долженъ онъ почитать сегодня приличною трапезою. Мы уже послали отыскивать его по городу и получимъ вѣсть о немъ уже въ цензурномъ комитетѣ. Почему, по препорученію Общества, имѣю честь пригласить васъ, милостивый государь мой, въ собраніе цензурнаго комитета въ мѣстѣ обыкновенныхъ его засѣданій. Для имѣющихся свѣдѣній въ ономъ совѣщаніи не худо отобрать подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія о вновь явившемся артистѣ. Для сего поворѣйше прошу васъ, если можно, пригласить въ засѣданіе цензурнаго комитета и г. дѣйствительнаго члена И. О. Юферева. Дѣйствительный членъ и секретарь А. Княжевичъ“.

Интересуясь разъясненіемъ вопроса объ этихъ двухъ обществахъ, а равно и о „Казанскомъ отдѣленіи Общества любителей прогулокъ“, я предъявляя описанные документы въ одномъ изъ засѣданій „Казанскаго общества археологівъ, исторіи и этнографіи“, обращался затѣмъ и къ нѣкоторымъ старожиламъ г. Казани, но, къ сожалѣнію, не получилъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, нѣкоторые изъ старожиловъ, принимая во вниманіе шутивый тонъ диплома и отвѣта „предводителя гуляющихъ“, высказывали предположеніе, что документы эти—результатъ дружеской шутки.

Но подобное предположеніе представляется сомнительнымъ. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ „Обществу любителей прогулки“, можно думать, что дѣятельность его возникла на чисто гигиенической почвѣ.

Въ подтвержденіе подобнаго мнѣнія можно привести нѣсколько данныхъ, между прочимъ, и изъ исторіи казанской или вообще мѣстно-областной жизни.

Судя по „Казанскимъ Извѣстіямъ“¹⁾, мѣстные состоятельные горожане начала настоящаго столѣтія смотрѣли на прогулку исключительно съ точки зрѣнія простаго развлечения и совсѣмъ не имѣли обычая ходить пѣшкомъ. Весною они или „катались по водѣ съ пѣснями, музыкою и ружейной, и пушечной пальбою изъ малыхъ орудій“, или ѣздили на татарскій сабанъ, при чемъ „однихъ каретъ собиралось иногда до 200“; зимою—„катались на саняхъ по озеру Кабану“, а во время масленицы — по городскимъ улицамъ. „Въ воскресенье — рассказываетъ напр. мѣстный хроникеръ о масленицѣ 1811 года— дворянство въ 11 часовъ утра собралось въ клубъ на завтракъ. Послѣ чего прогуливалось по улицамъ въ разныхъ экипажахъ. Каждый старался блеснуть своимъ экипажемъ, лошадьми и платьемъ слугъ. Кареты на зимнемъ ходу, а также и лѣтнемъ, старомодныя и нынѣшняго вкуса, — составляли нѣчто особенное“.

Возникновенію обычая ходить пѣшкомъ, помимо общаго чисто пошпичьяго склада тогдашней жизни, препятствовало еще и состояніе городского благоустройства, особенно въ нашихъ провинціальныхъ городахъ, гдѣ еще не было и намека на какія нибудь мостовыя. Нужно было много самоотверженія, чтобы осенью или весною прогуляться пѣшкомъ напр. по астраханскимъ улицамъ, „когда—по словамъ мѣстнаго лѣтописца 1813 года—вся Астрахань покрывалась грязью, всѣ улицы дѣлались болотными топами. Тогда почти всякая ѣзда прекращалась. Извозчики, которые брались доставлять необходимыя потребности, дорого платили за свою отважность. Имъ приходилось иногда останавливаться и перегружаться. Многие принуждены бывали веревками вытаскивать своихъ лошадей. Даже легкія парныя дрожжи останавливались. Въ 1811 году, здѣшнія армянки, ежели хотѣлось имъ идти куда въ гости, не иначе сіе дѣлали, какъ при слѣдующемъ сопровожденіи: впереди шель армянинъ съ палкою и мѣрялъ глубину, за нимъ слѣдовалъ съ лопатою „малайва“, который по приказанію перваго долженъ былъ прочищать ступочки; потомъ уже слѣдовала гостья“. Не меньше препятствій для прогулокъ представляла въ то время и наша Казань, до такой степени утопавшая въ грязи, что „Казанскія Извѣстія“ въ 1812 году даже прямо заявляли, что „Казань, находясь на неровномъ мѣстѣ, имѣетъ и будетъ имѣть весною и осенью въ дождливое время большую грязь“.

А между тѣмъ нѣкоторые врачи того времени стали придавать пѣшеходной прогулкѣ большое значеніе; такъ напр., извѣстный казанскій профессоръ К. Ф. Фуксъ, въ своихъ медицинскихъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ „Казанскихъ Извѣстіяхъ“ за 1812 годъ, проводилъ мысль о благотворномъ гигиеническомъ вліяніи „тѣлодвиженія на воздухѣ“.

Совѣты врачей повидимому не остались безъ послѣдствій. Многие пациенты, испытавъ на себѣ цѣлебное значеніе прогулки и „тѣлодвиженія на воздухѣ“ вообще, мало по малу свыклись съ неудобствами и превратились въ тѣхъ отличныхъ ходочковъ, которые во всякую погоду, въ положенные часы, аккуратно отгѣривали пѣшкомъ по нѣскольку верстъ ежедневно. Къ числу подобныхъ личностей принадлежали напр. у насъ въ Казани: Гавриилъ Ивановичъ Осокинъ, упоминаемый въ отвѣтѣ „предводителя гуляющихъ“, и профессоръ университета Григорій Борисовичъ Никольскій. Свѣтлая личность этого замѣчательнаго ученаго и высоко-симпатичнаго человѣка памятна всѣмъ мѣстнымъ старожителямъ. Всѣ помнятъ его тулупъ, въ которомъ онъ имѣлъ обычай рубить дрова, его желѣзную трость — неизмѣннаго спутника неутомп-

¹⁾ „Казанскія Извѣстія“ — очень интересный мѣстно-областной журналъ, издававшийся въ Казани въ теченіе 10 лѣтъ (1811—1820 г.).

мыхъ прогулокъ, его несокрушимое здоровье и Геркулесовскую силу, созданныя ежедневнымъ „тѣлодвиженіемъ на воздухѣ“, давшимъ ему возможность до глубокой старости сохранить физическія и умственныя силы.

Несомнѣнно, что подобныя личности, убѣдившись на опытѣ въ значеніи „тѣлодвиженія“, стали стремиться къ „развитію вкуса къ пѣшеходнымъ прогулкамъ“ въ окружающей ихъ средѣ.

На подобной почвѣ могло возникнуть и „С.-Петербургское вольное общество любителей прогулки“. Особенно убѣждаетъ въ этомъ то обстоятельство, что „предводитель гуляющихъ“ Иванъ Ястребцовъ былъ докторъ медицины.

А такъ какъ это общество, хотя и исходило изъ вполне серьезныхъ основаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ носило частный характеръ, то и могло придать своей организаціи тотъ остроумно-шутливый тонъ, который проявляется въ дипломѣ, правилахъ ношенія лорнета и проч.

Вѣрно мое предположеніе или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ описанныя документы могутъ служить до нѣкоторой степени матеріаломъ для характеристики общественной жизни 20 годовъ настоящаго столѣтія.

Сообщено П. А. Пономаревымъ.

СМѢСЬ.

ОТЧЕТЪ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музея за 1876—1878 года походить скорѣе на отчетъ библіотеки или археографическаго хранилища, и никакъ не носитъ того характера, который долженъ бы былъ носить въ силу самаго назначенія музеевъ. Оказывается, что отдѣленіе рукописей и славянскихъ старопечатныхъ книгъ въ ущербъ остальнымъ отдѣламъ чрезмѣрно обогатилось въ этотъ промежутокъ времени, при чемъ самымъ драгоценнымъ приобрѣтеніемъ слѣдуетъ признать обширнѣйшее собраніе рукописей покойнаго проф. Григоровича. Не смотря на щедрость, съ которою почтенный профессоръ имѣлъ обыкновеніе раздаривать свои рукописи, въ музей попала добрая половина того, что ему удалось собрать во время ея странствованій на Аѳонъ, по славянскимъ землямъ и по Россіи и конечно эта половина представляетъ не мало интереснаго для спеціалиста-палеографа и занимающихся исторією славянскихъ языковъ и литературъ. Кромѣ всякихъ чисто богослужебныхъ книгъ въ собраніи этомъ имѣется также и масса книгъ отреченныхъ или апокрифическихъ, а также и разныя молитвы или пожалуй заговоры, не внесенныя въ наши позднѣйшіе требники, въ родѣ молитвъ „нежитю, на заколеніе волу и овцу, начети вино кисело“ и т. п. Изъ книгъ свѣтскаго содержанія мы отмѣтимъ описаніе Азіатской и Европейской Турціи 1648 года и исторію Болгарскаго царства конца XV вѣка, гдѣ находится много интересныхъ легендъ о „прародителѣ Словено-Болгарскаго народа Мохосѣ, о первомъ королѣ Иллирикѣ, о короляхъ Бремѣ и Болгѣ“ и т. п.

Вмѣстѣ съ этими рукописными сокровищами въ музей переданы были ученая работы и бумаги Григоровича въ подлинникахъ; тутъ особеннаго вниманія заслуживаютъ черновыя дорожныя замѣтки, которыя должны были служить матеріаломъ дополненнаго втораго изданія его путешествія. Оригиналъ этого труда, а именно экземпляръ перваго изданія, съ поправками и дополненіями на поляхъ и на особыхъ вклеенныхъ въ книгу листахъ и тетрадахъ, видѣли весьма многіе и по словамъ проф. Павлова этотъ оригиналъ по напечатанію его долженъ былъ составить довольно полное и точное томъ, который по объему былъ бы противъ перваго изданія больше примѣрно вдвое; кромѣ другихъ дополненій въ составъ оригинала 2 изданія входили также и объясненія Григоровича по поводу взведенныхъ на него несправедливыхъ нареканій относительно тѣхъ способовъ, которыми будто бы было составлено имъ принадлежавшее ему собраніе рукописей. Къ сожалѣнію мы такъ и не прочтемъ этихъ объясненій, несмотря на весь ихъ интересъ.

Кромѣ того въ музей поступила и коллекція славянскихъ рукописей и церковно-печатныхъ книгъ Одонской духовной семинаріи, вымѣненная на принадлежавшіе музеямъ дублиеты русскихъ и иноязычныхъ печатныхъ книгъ. По объясненію составителей отчета эта коллекція выдѣлена изъ переданнаго духовнымъ начальствомъ въ семинарскую бібліотеку склада книгъ и рукописей, отобранныхъ въ 1850 — 1855 годахъ у мѣстныхъ раскольниковъ. Книги, составлявшія драгоценность не малую для ихъ обладателей, относившихся къ нимъ какъ къ святыні, насильно были отняты, — посмотримъ же какъ отнеслись къ этимъ книгамъ отнявшіе. Въ отчетѣ музейевъ мы читаемъ, что, къ сожалѣнію, многіе „изъ принадлежащихъ къ названной выше коллекціи памятниковъ, очевидно вслѣдствіе хранения ихъ до передачі въ семинарію въ сырыхъ и холодныхъ помѣщеніяхъ, сильно пострадали отъ сырости“; — авось, послѣ этого тѣ, кто дорожитъ драгоценными памятниками письменности, извлекутъ и остальные рукописи изъ подваловъ архіерейскаго дома, гдѣ онѣ продолжаютъ плѣсневѣть и до сихъ поръ, благодаря нашей любви къ „запросамъ“, „отношеніямъ“ и т. п. Но не одна плѣсень и сырость бѣтъ рукописи, есть у нихъ враги и еще посильнѣе. „Изъ лучшихъ рукописей“, говорится далѣе въ отчетѣ, — „болѣе интересныя по содержанію статьи вырѣзаны и похищены какимъ-то неприванымъ собирателемъ старинны“. Изъ одной рукописи алчный на чужое достояніе ученый выхватилъ добрую половину ея, что конечно могъ замѣтить даже и самый неопытный бібліотекарь. Для скрытія своего вандализма похититель принялъ нѣкоторыя мѣры, не совѣтъ однако остроумны; такъ напримѣръ, кожаный корешокъ вдоль всей книги, подлѣ задней доски переплета былъ разрѣзанъ почтеннымъ археографомъ, и затѣмъ оставшаяся свободною часть корешка была согнута, выравнена подъ кожу той же доски и прибита къ ней гвоздиками.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ приобрѣтеніе, сдѣланное музеями покупкою у частнаго продавца и состоящее въ евангеліи - апракосѣ, писанномъ на пергаментѣ, уставомъ разныхъ почерковъ въ 1092 году и вывезенное изъ Архангельска. Составъ евангельскихъ чтеній одинаковъ со славянскими евангеліями - апракосами древнѣйшей эпохи; такъ напримѣръ, въ этомъ древнемъ памятникѣ письменности помѣщены лишь субботнія и воскресныя чтенія и нѣтъ вовсе русскихъ святыхъ, а только лишь славянскіе. Сборникъ оканчивается полувыцвѣтшимъ послѣсловіемъ писавшаго вторую половину рукописи „писца Мички“, а послѣ утреннихъ евангелій читается приписка: „кончахъ азъ поць Томии (вѣроятно: Томило) въ лѣто 660С (1092) презвитерь грѣшнѣ“. Время происхожденія рукописи, опредѣляемое припискою дополняющаго ее писца, находится въ полной гармоніи съ представляемыми ею палеографическими и художественными данными и если Остромировъ списокъ евангелія драгоцененъ для филологіи особенно потому, что изъ всѣхъ извѣстныхъ списковъ онъ сохранилъ наиболѣе особенности болгарскаго подлинника, то Томилово евангеліе, по времени написанія, второе послѣ Остромирова, имѣетъ несомнѣнную важность, какъ древнѣйшій опытъ переписи того же подлинника соотвѣтственно уже сложившимся въ то время фонетическимъ требованіямъ Русскаго языка и правописанія. — Какъ видимъ, книжноручкописный отдѣлъ пополнился въ музеяхъ и притомъ весьма роскошно, но за то остальные отдѣлы, къ которымъ повидимому сердца завѣдующихъ музеямъ лежать менѣе, не только не обогащаются, но едва существуютъ нищенскими подаваніями. Такъ напримѣръ, въ отдѣлъ доисторическихъ древностей попали счетомъ 3 бронзовыхъ браслета, да желѣзный наконечникъ копья, часть меча, да часть вѣнжала, пожертвованные Эрицовымъ изъ Тифлиса, 4 серебряныя височныя украшенія, 4 браслета, 2 подвѣски и 10 перстней изъ кургановъ Московской губерніи и наконецъ нѣсколько вещей изъ кургановъ села Черкизова на р. Клязьмѣ. Что касается до отдѣла такъ называемыхъ русскихъ древностей, то управленіе музеями усвоило на него престранный взглядъ и видимо считаетъ его отдѣломъ церковныхъ древностей. Въ отдѣлъ русской и иностранной этнографіи также

поступлений было мало, да кроме того слѣдуетъ замѣтить, что русскій этнографическій отдѣлъ благодаря довольно распространенному ложному взгляду на этнографію, рѣшительно дѣлается отдѣломъ русскаго простонароднаго костюма. Причина сравнительно ничтожнаго пополненія остальныхъ отдѣловъ, помимо рукописно-археографическаго становится для всякаго понятною, когда мы взглянемъ на балансъ расходовъ, производимыхъ ежегодно музеями; цифры эти крайне поучительны и потому мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ. Расходъ на личный составъ составляетъ около 62% всего расходнаго бюджета музеевъ, не считая жалованья архитектору по 1½ тыс. рублей въ годъ. Отдѣленіе рукописей поглотило въ три года около 4½ тыс. рублей, а отдѣленіе древностей въ тотъ же періодъ — 9 р. 80 к. Понятно, какое количество древностей можно приобрести на эту послѣднюю сумму!

Румынская литература. Рѣдко случается, чтобы литература какого нибудь культурнаго народа не испытывала на себѣ сторонняго вліянія, да къ тому же и не слѣдуетъ вообще чуждаться такого вліянія, такъ какъ оно въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказываетъ самое благотворное дѣйствіе, и великія умственные движенія однихъ народовъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ проходить безслѣдно въ исторической жизни другихъ. Нечего слѣдовательно удивляться, что и юная Румынская литература подчиняется чужеземнымъ вліяніямъ и остается лишь пожалѣть, что вліянія эти не всегда благодѣтельны.

Понятно, что прежде всего предметомъ литературы должна быть общественная и политическая жизнь народа, а начальнымъ предметомъ поэзіи — народная литература; поэзія должна постоянно черпать все новую и новую силу изъ непрерывнаго общенія съ духомъ народа. Румынскій народъ обладаетъ прекрасно развившеюся народною поэзіею, которая сохранилась до нашего времени въ сотняхъ пѣсенъ и сказаній во всей своей свѣжести и прелести; эти драгоценныя созданія румынскаго народнаго духа, благодаря трудамъ Базіля Александри и другихъ сдѣлались извѣстны всему ученому и образованному міру. Оригинальный характеръ этой народной литературы заключается именно въ томъ, что въ ней слились два могущественные элемента: древнее язычество съ его блестящею мифологіею и христіанство; ни у одного народа не можемъ мы наблюдать такъ наглядно это курьезное и плодотворное сліяніе. Какъ и всякая народная поэзія, Румынская народная литература вводитъ насъ въ заколдованный сказочный міръ, гдѣ растутъ золотыя деревья съ бриллиантовыми птицами, гдѣ намощены серебряные мосты, гдѣ блистаютъ роскошью хрустальные дворцы; міръ этотъ населенъ добрыми и злыми духами, которые олицетворяютъ въ себѣ тѣ или другія идеи и въ которыхъ мы легко узнаемъ давно знакомые намъ образы античнаго Олимпа. Живутъ въ этомъ мірѣ „урситы“, которымъ извѣстна тайна вѣчной юности и которыя признаются охранительницами новорожденныхъ; живутъ тамъ и 9 фей, напоминающія собою древнихъ музъ и подающихъ своимъ поклонникамъ даръ пѣнія и игры на музыкальныхъ инструментахъ, и похожая на нихъ „Гана“, которая, подобно сѣверной дѣвѣ, чаруетъ прохожихъ силою своей красоты и своего божественнаго пѣнія. Есть въ этомъ сказочномъ мірѣ и такая фея, которой воздаются народомъ почти божескія почести; фея эта — „Илена Консандіана“ и ведетъ свое начало отъ древней богини Діаны, которую обращенный насильно въ христіанство народъ превратилъ сначала въ Санъ-Діану, а затѣмъ подъ вліяніемъ мѣа обь Еленѣ—и въ Илену Консандіану; свиту этой феи-богини составляютъ цѣлыя толпы „инте жоколаторе“ или лѣсныхъ нимфъ, которыя съ массою другихъ сказочныхъ личностей дѣйствуютъ то во вредъ, то на пользу румыну. Рядомъ со сказаніями обь этихъ мифическихъ личностяхъ, народный духъ выразилъ свою дѣятельность въ цѣломъ рядѣ легендъ чисто уже христіанскаго пошиба, отличающихся чрезвычайною граціозностью мотива. Народныя баллады и лирическія румынскія пѣсни отличаются какъ силою выраженія, такъ и искуснымъ и необыкновенно красивымъ комбинированіемъ фактовъ.

Мы съ намѣреніемъ остановились на Румынской народной поэзіи для того, чтобы показать, что народъ этотъ обладаетъ весьма богатыми задатками поэтическаго развитія, но къ сожалѣнію поэты его какъ-то всегда отстранялись отъ народнаго мотива и вѣсть съ тѣмъ черезъ-чуръ „обевропеились“; они употребляютъ всевозможныя усилія для того, чтобы слѣпо слѣдовать европейскимъ образцамъ и оставляютъ напротивъ того въ сторонѣ всякое стремленіе къ оригинальности.

Первые намеки на Румынскую литературу относятся къ XV столѣтію, такъ какъ отъ этой эпохи сохранились такъ называемыя „старыя пѣсни“, представляющія собою баллады героическаго содержанія и трагующія о событіяхъ того времени; имя ихъ автора намъ неизвѣстно, да бытъ можетъ автора этого и не было, а вся суть старыхъ пѣсень составлена рядомъ народныхъ рифмодовъ. Послѣдующими памятниками Румынской литературы слѣдуетъ признать евангеліе 1580 года и полную біблію на Румынскомъ языкѣ, относящуюся къ 1582 году, напечатанную кириллицею и хранящуюся въ Пештскомъ музеѣ. Переводъ этой бібліи сдѣланъ седмиградскимъ епископомъ Михалу Тордасіу при помощи четырехъ ученыхъ священниковъ. За эту біблію слѣдуютъ: хроники Ариссія, конца XVI столѣтія, Мирона Костуи (1692) и сочиненія митрополита Досноея (1690) и князя Деметра Кантиміра. Изъ напечатанныхъ въ то время стихотвореній до насъ не дошло ничего, хотя этого рода литература уже процвѣтала въ тѣ времена. Первымъ стихотворцемъ, произведенія котораго были напечатаны и сохранились до сихъ поръ, былъ Миронъ Костуи. послѣ котораго наступаетъ долгій промежутокъ, не выдвинувшій ни одного имени и только въ 1820 году снова напечатаны были стихотворенія Вакареску. Тогда-то и началось то національное движеніе, которое повело къ политическому и литературному возрожденію Румыніи; отцомъ этого движенія въ отношеніи литературы былъ школьный учитель Лазарь, напечатавшій въ 1822 году томикъ своихъ крайне граціозныхъ поэтическихъ произведеній и породившій таланты Ивана Маіореску и Асаки.

Такимъ образомъ, мало по малу создалась въ Румыніи цѣлая школа поэтовъ, давшая народу цѣлый рядъ талантливыхъ произведеній, которыми онъ могъ несомнѣнно гордиться; основатели этой школы могли совершенно справедливо называть себя основателями Румынской литературы. Александри, Негруцци, Радулеску, Болячъ, Розетти, Негри и Когальничану посвятили всѣ силы своего духа на то, чтобы даровать жизненную силу начавшемуся въ 20 годахъ національному движенію, и чтобы въ народѣ не угасла та священная искра, которая вдохновила ихъ самихъ.

Больше всѣхъ поработалъ для развитія Румынской литературы Александри, который своимъ собраніемъ народныхъ пѣсень далъ совершенно новый толчекъ поэзіи и внесъ свѣжіе и дѣйствительно народные элементы туда, гдѣ до него царилъ напыщенность и псевдоклассицизмъ. Онъ издалъ свой сборникъ позднѣе и на Французскомъ языкѣ; на Нѣмецкій языкъ онъ перевелъ Коцебу, а на Англійскій— Станлеемъ. Александри писалъ и самостоятельныя стихотворенія, но всегда и всюду старался подражать въ нихъ народной простотѣ и естественности. Его „Дойне“ (пѣсни) составляютъ драгоценнѣйшее украшеніе Румынской литературы, и большинство изъ нихъ вполнѣ заслуживаютъ быть переведенными на Русскій языкъ для того, чтобы мы могли наконецъ поближе познакомиться съ тѣмъ духомъ, который живетъ въ лучшихъ людяхъ Румынской народности—этой знакомой-незнакомки для русской публики. Со времени появленія въ свѣтъ его „Пѣсней“ онъ не издалъ болѣе ни одного сборника своихъ позднѣйшихъ произведеній, хотя такое изданіе и было бы раскуплено на расхватъ его соотечественниками; дѣло въ томъ, что Александри недоволенъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и въ особенности „иноземнымъ нашествіемъ“ въ лицѣ князя Карла Гогенцоллерна, а потому онъ и не рѣшается выступить съ своею поэзіею вдохновленною любовью къ народу и непримиримою ненавистью къ иноземцамъ. Еще недавно, по случаю послѣдней Турецкой

войны, онъ написалъ нѣсколько превосходныхъ стихотвореній и между прочимъ: „Пенесь Пуряня“, которое всякій румынъ знаетъ теперь наизусть. Мы полагаемъ нелишнимъ привести здѣсь подстрочный переводъ стихотворенія Александри подъ названіемъ: „Звѣзды“.

„Между мною и тобою, о небо,
„Вѣчный свѣтъ и звѣздъ мерцае!
„Отчего-жъ мерцаютъ звѣзды?
„То вѣдь глазъ моихъ слезинки,
„Что спадаютъ по ланитамъ
„И относятся на небо,
„Также какъ къ тому же небу

„И роса цвѣтовъ стремится.
„Много слезъ пролить мнѣ надо
„За народъ и за отчизну—
„Слезъ печали, сокрушенья...
„Но бывали также слезы—
„Счастья, радости пролиты;
„Въ небѣ эти также блещутъ.

Остальные стихотворцы Румыніи принадлежатъ къ чисто романтической школѣ и напоминаютъ намъ своими произведеніями романтиковъ германскихъ съ ихъ никому ненужною восторженностью и слезливостью. Къ этой школѣ писателей слѣдуетъ отнести: Конаки, Бедмана, Валсуча, Бучанеску, Мисце, Балцеску, Доници, братьевъ Вакареску и наконецъ нѣмца по рожденію, но румына по симпатіямъ—Винтергалтера.

Особенно разностороннимъ талантомъ отличался Негрудци, который прославился какъ лирикъ, эпикъ и драматургъ. Наилучшимъ его произведеніемъ считается обыкновенно эпическая поэма „Апродулъ Пурече“, появившаяся въ свѣтъ въ тридцатыхъ годахъ. Комедіи его считаются наиболѣе популярными въ Румыніи и исполняются до сихъ поръ передъ восторгающею ими публикою, которая раскупаетъ за нѣсколько дней впередъ билеты на тотъ спектакль, когда ставится наприимѣръ его: „Муза де-ла-Бурдуени“. Александри въ предисловіи къ полному собранію сочиненій Негрудци называетъ его лучшимъ румынскимъ прозаистомъ, да и дѣйствительно, онъ вполне заслуживаетъ такой оцѣнки, если судить по собранію его прозаическихъ повѣстей и очерковъ, изданныхъ имъ подъ общимъ заглавіемъ „Грѣхи юности“. Негрудци умеръ въ 1868 году 60 лѣтъ отъ роду. Сынъ его Яковъ Негрудци былъ плодовитъ не менѣе своего отца и лишь немного уступаетъ ему въ талантливости и популярности. Въ особенности славится его идиллія „Миронъ и Флорика“ и тотъ, кто сохранилъ еще въ наше время вкусъ къ этого рода литературѣ, не разстанется съ его книгою; превосходное изображеніе простой румынской деревенской жизни, также точно, какъ и какой-то будто экзотической колоритъ, дѣлаютъ возможнымъ чтеніе его идиллій и для тѣхъ, кто не чувствуетъ никакой охоты къ чтенію сладенькихъ поэтическихъ произведеній современныхъ романтиковъ.

Другимъ интереснымъ представителемъ Румынской литературы является Негри (1813—1877), бывший во время господства Григорія Гики министромъ. Въ 1859 г. онъ былъ выставленъ кандидатомъ на княжескій престолъ Молдавіи и Валахія и навѣрное носилъ бы двойную корону, если бы на время оставилъ свою безнечность и потрудился ради достиженія престола хотя немного; но онъ ненавидѣлъ пышность и блескъ, и потому вовсе и не думалъ о томъ, чтобы сдѣлаться княземъ; престолъ занялъ Александръ Иванъ Куза, а Негри продолжалъ жить простымъ смертнымъ и не могъ безъ смѣха вспомнить о томъ, что могъ, чего Боже сохрани, сдѣлаться коронованною особою. Съ 1859 по 1864 годъ онъ жилъ въ Константинополѣ, гдѣ, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, представлялъ Румынію. Въ силу этого имя его болѣе извѣстно со стороны политической его дѣятельности, но въ то же время онъ постоянно сотрудничалъ въ разныхъ румынскихъ газетахъ и наводнялъ Ясскую „Пропозирну“ своими произведеніями. Стихи его носятъ какой-то чрезвычайно оригинальный характеръ строгой реальности съ постоянною ироніею и насмѣшкою; нѣкто лучше его не зналъ Румынскаго общества, никто горше его не издѣвался надъ этимъ обществомъ. Только на дняхъ должно выйти въ Бухарештѣ полное собраніе его сочиненій.

Александреску извѣстенъ какъ писатель балладъ и хотя уступаетъ Негри въ талантливости, тѣмъ не менѣе весьма цѣнится въ Румыніи въ виду того, что всѣ произведенія его дышатъ патріотизмомъ, толкуютъ о римскомъ происхожденіи румынъ и трактуютъ императора Траяна народнымъ румынскимъ

героємъ. Зачастую патриотизмъ Александреску сводится къ самохвалству и къ тому, что называется у насъ кваснымъ патриотизмомъ, но румыны на этотъ счетъ не взыскательны и восхищаются имъ гораздо болѣе, нежели мы восхищаемся Пушкинымъ, а нѣмцы—Шиллеромъ.

Упомянемъ еще о потрудившемся на томъ же балладномъ поприщѣ Булунтеану. Лирическая поэзія въ Гейневскомъ родѣ имѣетъ своимъ представителемъ въ Румыніи Корнеа; Кредеану извѣстенъ пѣснями патриотическаго пошиба. Геореску и Николеану славятся своими эпиграммами, а Сербанеску, Зихлеану и Вакареску любовными и слезливыми пѣсенками. Въ этомъ же родѣ писалъ и Полинтеану, который имѣетъ честь очень правиться романтической княгинѣй Елизаветѣ, которая тщательно переводитъ его пѣсни на Нѣмецкій языкъ.

Какъ видно изъ нашего весьма сжатого очерка Румынской литературы, румынскіе писатели больше всего занимались „взрощеніемъ лирическаго вертограда“ и мало обращали вниманія на то движеніе, которое въ послѣднее время произвело переворотъ въ литературахъ всѣхъ народовъ Европы. За исключеніемъ лирической поэзіи всѣ остальные роды литературныхъ произведеній находятся въ забросѣ; эпосъ не пошелъ далѣе баллады, а драма существуетъ лишь по столбу, по сколькою потрудились для созданія ея оба Негруци.

Изъ прозаиковъ слѣдуетъ упомянуть о Когальничану, извѣстномъ однако болѣе со стороны его политической дѣятельности, о Хелиадѣ-Радулеску, упражняющемся въ дидактическомъ родѣ, о Цезарѣ Боллчѣ, о Розетти — основателѣ „Романула“ и пользующемся большимъ уваженіемъ въ Румыніи. Эзарку, Урехи и Хайдены извѣстны своими историческими трудами, Тигу Майореску — какъ эстетикъ, Дуеа — какъ романистъ, а Гане, Иванъ Славіу и Одобеску — какъ новеллисты. Разказовъ пишутъ очень мало въ Румыніи, хотя жанръ этотъ пользуется большою популярностью среди читающей публики. Только безвременно умершій Лапедатъ, да Федоръ Авекси помѣщали свои дѣйствительно полные таланта и правды разказы и очерки въ газетѣ „Альбина Карпатиларъ“. Въ настоящее время только одна „Коносбириле литераре“, издающаяся въ Яссахъ Яковомъ Негруци помѣщаетъ на своихъ столбцахъ очерки и разказы, тогда какъ всѣ остальные газеты переполняются статьями чисто политическаго содержанія. Пока не утихнетъ усиленное политическое движеніе въ Румыніи, пока жизнь въ этой странѣ не войдетъ въ свою обычную колею, пока румыны не перестанутъ игнорировать свой народъ и восхищаться всѣмъ иностраннымъ, до той поры нельзя ожидать и подъема Румынской національной литературы; но едва лишь случится все это, какъ литературныя силы народятся какъ по волшебству, такъ какъ у Румынскаго народа есть всѣ задатки для блестящаго культурнаго развитія, т. е. и умъ, и нравственные силы, и талантливость.

Федоръ Николаевичъ Глинна, въ свое время извѣстный писатель, послѣдній представитель Пушкинскаго періода нашей литературы, скончался 11 февраля, въ Твери, на 93 году. Онъ родился въ 1788 г., получилъ воспитаніе въ Первомъ Кадетскомъ корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ 1803 г. прапорщикомъ въ Апшеронскій пѣхотный полкъ. Молодой офицеръ участвовалъ въ первыхъ походахъ противъ Наполеона въ 1805—1806 годахъ, состоя адъютантомъ при генералѣ Милорадовичѣ. Въ 1808 г., въ Москвѣ, вышло первое произведеніе его, тогда 20-ти лѣтняго юноши, относящееся къ этой войнѣ: „Письма русскаго офицера о Польшѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи, съ описаніемъ походовъ 1805—1806 годовъ“. Когда армія наша вернулась въ Россію, Глинка вышелъ въ отставку и, поселившись въ своей смоленской деревнѣ, занялся литературою. Первыми его произведеніями въ стихахъ были переложенія псалмовъ и другія духовныя стихотворенія. Въ 1810 и 1811 годахъ онъ путешествовалъ по Россіи, побывалъ въ Кіевѣ и на Волгѣ; но Отечественная война вызвала его снова на поприще гражданской дѣятельности. Когда непріятель приблизился къ его деревнѣ, онъ послѣдовалъ волонтеромъ за Русскою арміей отъ Смоленска до Тарутина, поступилъ опять въ офицеры, и Милорадовичъ снова взялъ его къ себѣ въ адъютанты. Въ этомъ званіи онъ оставался до окончанія

кампаніи 1814 г., а въ 1815—1816 годахъ издалъ еще восемь томовъ „Писемъ русскаго офицера“ о событіяхъ отечественной и заграничной войны. Военнымъ дѣйствіямъ были посвящены собственно шесть томовъ, не разъ потомъ перепечатывавшіеся и издававшіеся отдѣльно (послѣднее изданіе 1870 г.); въ первые же два тома вошли его прежнія письма о 1805 — 1806 г., также „Мысли, наблюденія и впечатлѣнія“, вынесенныя имъ изъ путешествія по Россіи. Въ 1815 г. Глинка, переведенный въ гвардію, состоялъ при начальникѣ гвардейскаго штаба и въ 1817 г. составилъ программу „Военнаго Журнала“, въ которомъ принималъ дѣятельное участіе до 1819 года. Въ это же время написалъ онъ народную повѣсть „Лува да Марья“ (второе изданіе 1845 года) и „Зинвій Богданъ Хмельницкій или освобожденная Малороссія“ 1819 г. Въ этомъ же году онъ поступилъ правителемъ канцеляріи къ петербургскому генералъ-губернатору Милорадовичу. Въ 1816 г., при учрежденіи „Вольнаго общества любителей россійской словесности“, онъ былъ избранъ его вице-предсѣдателемъ, потомъ предсѣдателемъ. Въ 1821 г. онъ издалъ родъ поэмы въ стихахъ „Мечтанія на берегахъ Воаги“, и тогда же вышелъ переводъ на Французскій языкъ „Писемъ русскаго офицера о военныхъ событіяхъ 1812 года“, сдѣланный братомъ автора, Сергѣемъ Глинкою. Въ 1826 году вышелъ его „Опыты священной поэзіи“, собраніе духовныхъ стихотвореній, разбросанныхъ по разнымъ журналамъ. Въ томъ же году онъ былъ сосланъ въ Олонецкую губернію по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному обществу, но вскорѣ, по удостовѣреніи въ его невинности, ему было разрѣшено поселиться въ своей деревнѣ. Въ 1830 году онъ напечаталъ описательную поэму въ четырехъ частяхъ „Карелія, или заключеніе Марыи Іоанновны Романовой“; потомъ мелкія стихотворенія его начали часто появляться въ „Сынѣ Отечества“, „Соревнователѣ“ и другихъ журналахъ, съ 1834 года въ „Библиотецкѣ для чтенія“, съ 1836 — въ „Современникѣ“, Пушкина. Въ 1837 г. вышли его „Воспоминанія о пѣтпческой жизни Пушкина“, а въ 1839 году „Очеркъ Бородинскаго сраженія“. Въ 1859 году онъ издалъ „Іова, свободное подражаніе св. книгѣ Іова“. а въ 1861 г. въ Берлинѣ, поэму въ двухъ частяхъ „Тайнственная капля“, написанную имъ вмѣстѣ со своею женою, Авдотьею Павловною, рожденною Голенщицевою-Кутузovou, и разрѣшенную вторымъ изданіемъ только въ 1871 г. Въ 1869 г. вышли также въ Москвѣ его „Духовныя стихотворенія“.

Послѣдніе годы своей жизни Глинка провелъ въ Твери, гдѣ поселился на постоянное жительство и пользовался общимъ уваженіемъ. Онъ сохранилъ до глубокой старости свѣжесть ума и интересовался всѣми современными общественными вопросами. Искренній филантропъ, Глинка былъ основателемъ и предсѣдателемъ Тверскаго благотворительнаго общества „доброхотной копѣйки“, учредившаго даровую столовую для нищихъ и ремесленную школу. Городъ, желая выразить ему признательность, выбралъ его, не смотря на старческій возрастъ, своимъ гласнымъ.

Мы приложимъ къ одной изъ слѣдующихъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“ портретъ Глинки и при этомъ постараемся сообщить о немъ болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій. Въ ночь съ 8 на 9 февраля скончался еще одинъ изъ почтеннѣйшихъ представителей русской науки, извѣстный своими трудами не въ одной лишь Россіи, но и за границею, профессоръ С.-Петербургскаго университета и академикъ Измаилъ Ивановичъ Срезневскій; полную трудовъ жизнь свою онъ окончилъ на 68 году, окруженный семьею, и умеръ такою смертію, какой позавидовалъ бы всякій. Чувствуя приближеніе смерти, Измаилъ Ивановичъ попросилъ провезти себя въ креслѣ по комнатамъ занимаемой имъ квартиры, какъ бы для того, чтобы проститься со всѣми предметами, составлявшими обстановку его обыденной жизни, затѣмъ благословилъ всѣхъ членовъ своей семьи и уснулъ... такъ думали по крайней мѣрѣ его домашніе, но на самомъ дѣлѣ этотъ безмятежный сонъ былъ не что иное, какъ смерть.

И. И. Срезневскій пользовался при жизни своей авторитетомъ какъ въ наукѣ, такъ и въ обществѣ, не только потому, что труды его касались всѣхъ

возможныхъ областей историко-филологическаго знанія, но и въ особенности потому, что подъ его руководствомъ выработались многіе изъ дѣятелей новаго поколѣнія ученыхъ по славяно-русской археологій, филологій и исторіи, извѣстныхъ русскихъ писателей, профессоровъ и т. п. Достаточно упомянуть здѣсь имена: В. И. Ламанскаго, М. И. Сухомлинова, обоихъ братьевъ Лавровскихъ, Петковича, Добролюбова, Пыпина, Мордовцева, Макушева, Писарева, Будиловича и Воскресенскаго, чтобы признать, что Срезневскій потрудился не вотьще для Россіи и усилъ дѣло ей не мало талантливыхъ людей.

Первоначальное, общее образованіе Срезневскій получилъ дома, гдѣ и подготовился къ поступленію въ Харьковскій университетъ. Какъ зачастую случается съ русскими людьми, И. И. не сразу напалъ на ту спеціальность, которая впоследствии прославила его имя, а потому мы и видимъ его въ 1829 г. окончившимъ курсъ по „этикополитическому“ факультету, который впоследствии назывался обыкновенно „камеральнымъ“; тѣмъ не менѣе уже и въ то время въ покойномъ сказывалась какъ бы нѣкоторая неудовлетворенность своею спеціальностью, а потому онъ и посвящалъ всѣ свои досуги на собираніе матеріаловъ по народной словесности и на изученіе украинской старины. Цѣлыхъ 8 лѣтъ Срезневскій оставался чуждымъ чисто научной, университетской дѣятельности, и только въ 1837 выступилъ онъ наконецъ на поприще профессуры въ качествѣ адъюкта по кафедрѣ политической экономіи и статистики въ Харьковѣ. Уже съ первыхъ дней профессорства мы видимъ, что вкусы И. И. мѣняются и завѣтнымъ для него дѣломъ является спеціальность совершенно иная, зачатки которой можно было предугадывать лишь по внѣ-академическимъ занятіямъ нашего ученаго. Не прошло и двухъ лѣтъ послѣ назначенія его адъюнктомъ, какъ И. И. отправился на три года въ славянскія земли съ цѣлью усовершенствоваться въ славянской археологій и филологій; отчеты его занятій, представлявшіеся имъ Министерству Народнаго Просвѣщенія (Журналъ Министерства 1841 — 1843 г.), полны интереса и научнаго значенія и доказываютъ, какъ широко понималъ свою задачу юный ученый и какъ усидчиво занимался онъ дорогимъ его сердцу дѣломъ. Тотчасъ же по возвращеніи въ Россію Срезневскій занялъ кафедру славянскихъ нарѣчій въ Харьковскомъ университетѣ въ званіи исправляющаго должность экстраординарнаго профессора, гдѣ и пробылъ до 1847 года; получивъ въ этомъ году степень доктора, онъ перешелъ въ С.-Петербургскій университетъ, которому и посвятилъ большую часть своей плодотворной дѣятельности.

Почти одновременно съ переѣздомъ своимъ въ Петербургъ И. И. избранъ былъ членомъ Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности и съ той поры до самой своей смерти работалъ въ этомъ учрежденіи. Такъ напримѣръ съ 1852 по 1863 годъ онъ состоялъ редакторомъ повременнаго изданія втораго отдѣленія академіи; подъ его редакціею изданы 10 том. „Извѣстій“ и при нихъ 6 выпусковъ „Матеріаловъ для изяснительнаго и сравнительнаго словаря“, одинъ выпускъ „Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности“ и кромя того семь книгъ „Ученыхъ записокъ“ этого отдѣленія. Научно-литературные труды Измаила Ивановича не ограничивались однако изданіями академическими, и, не говоря уже о пѣлой массѣ замѣчательныхъ рецензій и разборовъ въ такъ называемыхъ „Присужденіяхъ“ Демидовскихъ и Уваровскихъ премій, онъ помѣстилъ огромное число своихъ ученыхъ работъ по исторіи языковъ старославянскаго и русскаго и славянскихъ нарѣчій, по этнографіи и географіи, исторіи славянскій науки, по археологій и исторіи быта, письменности и литературѣ славянскихъ „палеографій“ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ „Вѣстникѣ Географическаго Общества“, въ „Запискахъ“ Одесскаго общества исторіи и древностей и Петербургскаго археологическаго общества, въ „Христіанскихъ древностяхъ“, въ „Трудахъ“ бывшихъ у насъ археологическихъ съѣздовъ и въ разныхъ другихъ периодическихъ научныхъ изданіяхъ. Къ сожалѣнію, слѣдуетъ замѣтить, что

смерть И. И. лишила ученый міръ возможности увидѣть оконченными два излюбленные почтеннымъ дѣятелемъ труда его, а именно: „Словарь древнерусскаго языка“ и „Славянскую палеографію“, составленіемъ которыхъ покойный занимался съ особенною любовью; быть можетъ однако труды эти доведены маститымъ филологомъ до такого состоянія, что могутъ быть изданы однимъ изъ учениковъ его, хотя бы и въ не совсѣмъ еще законченномъ видѣ.

Обладая большимъ умомъ, даровитый, живой и энергичный труженикъ и дѣятель, И. И. не могъ не дѣйствовать своимъ примѣромъ на окружавшихъ его; вліяніе его замѣчалось и на студентахъ, стоявшихъ къ нему всегда въ самыхъ добрыхъ отношеніяхъ, и на обществѣ, которое собиралось вокругъ него и состояло изъ молодыхъ русскихъ ученыхъ, чѣмъ бы они ни занимались въ области изученія славянства и Россіи. Самъ работая безъ устали, онъ постоянно возбуждалъ эту молодежь къ работѣ и несказанно радовался появленію всякаго новаго ученаго труда, всякому малѣйшему успѣху въ русскомъ научномъ мірѣ. Кругомъ Срезневскаго постоянно можно было видѣть, кромѣ его собственныхъ учениковъ и питомцевъ другихъ университетовъ, непосредственныхъ учениковъ другихъ ученыхъ,—все, что серьезно изучало славянство и Россію, находилось въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ маститымъ ученымъ, получало отъ него цѣнныя совѣты и наставленія, свѣдѣнія и указанія, и никогда никому не отказывалъ онъ подѣлиться своими знаніями и своею опытностью: для всѣхъ было у него время и во всякому умѣлъ онъ относиться радушно.

Срезневскій по справедливости можетъ считаться однимъ изъ первыхъ ученыхъ, обратившихся къ изученію славянства и, не отличался никогда нѣкоторымъ фанатизмомъ и увлеченіями истыхъ славянофиловъ, тѣмъ не менѣе онъ оставляетъ по себѣ славное имя въ ряду даровитѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ славистовъ въ Европѣ; имя его будетъ всегда пользоваться такимъ же почетомъ, какъ и имена Добровскаго, Шафарика, Востокова, Копитара, Миклошича, Григоровича и Бодянскаго. Къ апрѣльской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ мы приложимъ портретъ Срезневскаго и напечатаемъ объщанную намъ статью о его ученой дѣятельности по русской археологіи.

Дѣятельность г. Пуцилло. Намъ приходится опять говорить о дѣятельности Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, или вѣрнѣе о неутомимыхъ трудахъ служащихъ въ этомъ учрежденіи. Г. Пуцилло, секретарь комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, прежде служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при военномъ генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири и постоянно употреблялся для пограничныхъ сношеній; одно время онъ былъ командированъ для устройства Корейскихъ поселеній по берегамъ р. Суифуна, пробылъ тамъ 1½ года, и до такой степени былъ любимъ корейцами, что при его отъѣздѣ они поставили ему сразу два памятника. Хорошо ознакомившись съ Корейскимъ языкомъ, г. Пуцилло составилъ и издалъ „Русско-Корейскій словарь“, а затѣмъ поступилъ на службу въ Московскій Главный Архивъ, гдѣ и посвятилъ себя всецѣло историческимъ изслѣдованіямъ преимущественно по Сибирскимъ дѣламъ. Недавно вышелъ въ свѣтъ превосходный трудъ г. Пуцилло: „Указатель рукописямъ и картамъ, относящимся до Сибири съ 1499 года“, составляющей неопѣненное приобрѣтеніе для исторіи Русской колонизаціи края и для исторической географіи вообще.

Французскій геологъ въ Россіи. Все чаще и чаще являются къ намъ въ Россію французскіе ученые, которые пріѣзжаютъ изслѣдовать нашу родину въ томъ или другомъ отношеніи. Недавно закончилъ свою геологическую экскурсію на Кавказѣ и въ Крыму и вернулся въ Парижъ хранитель Лионскаго музея Эрнестъ Шантръ. Ученый этотъ присутствовалъ на съѣздѣ антропологовъ въ Москвѣ, а затѣмъ въ сопровожденіи кандидата естественныхъ наукъ г. Пуцилло отправился въ свою экскурсію. Его въ особенности интересуютъ вулканическія породы и главное, что его интересовало и на Кавказѣ, и на Ялтѣ, были конечно слѣды погасшихъ вулкановъ. Поѣздка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; сотни ящиковъ съ образцами разныхъ породъ уже отправлены изъ Анапы

и Потт въ Марсель къ немалому удивленію грузившихъ эти ящики на пароходы. Г. Шантръ говоритъ, что Кавказъ представляетъ столько интереснаго въ геологическомъ и петрографическомъ отношеніи, что его нельзя изучить въ 2—3 мѣсяца, а потому онъ и думаетъ по возможности скоро возвратиться на Кавказъ для того, чтобы изучить Прикаспійскую его часть и Закавказье. По послѣднимъ извѣстіямъ отъ г. Шантра, ему удалось возбудить интересъ къ минеральнымъ богатствамъ Кавказа въ средѣ французскихъ капиталистовъ, и въ настоящее время уже составила компанія для разработки сѣрныхъ мѣсторожденій въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Кіевское Историческое общество Нестора-лѣтописца. Въ собраніи членовъ этого Общества, происходившемъ 3 февраля 1880 года, членъ В. Б. Антоновичъ сообщил о дѣйствіяхъ Предварительнаго Комитета въ Москвѣ по устройству V Археологическаго съезда въ Тифлисъ въ 1881 году. Комитетъ, съ 4 января сего года, занимался разработкою матеріаловъ для будущаго Тифлискаго съезда, планомъ предстоящихъ экскурсій и составленіемъ программы занятій предстоящаго съезда. Предварительный комитетъ раздѣляется на два отдѣла—Московскій и Тифлисскій. Оба они работаютъ усердно и имѣютъ столько ученаго матеріала, какимъ не располагалъ ни одинъ изъ предыдущихъ съездовъ. Въ финансовомъ отношеніи будущій Тифлисскій съездъ обставленъ хорошо, такъ какъ его высочество намѣстникъ кавказскій, ассигновалъ на съездъ 15,000 р. с., каковыя деньги положено употребить на подготовительныя работы. Уже и теперь собрано значительное число арабскихъ и грузинскихъ рукописей и такъ называемыхъ клинообразныхъ надписей. Образованы комитеты изъ мѣстныхъ специалистовъ для собранія этнографическихъ свѣдѣній, разработки филологическаго матеріала и изученія мѣологии осетинъ и другихъ горскихъ племенъ. Будущимъ лѣтомъ, кромѣ археологической экспедиціи для раскопокъ пещеръ и т. п., предполагено снарядить еще три экспедиціи: 1) для археологическаго изслѣдованія побережья въ Каспійскаго моря; 2) для изслѣдованія бассейна р. Куры, и 3) для раскопокъ на мѣстѣ древней армянской столицы во вновь присоединенныхъ отъ Турціи владѣніяхъ. Добытый матеріалъ предполагается весь оставить въ Тифлисъ, гдѣ онъ положитъ основаніе мѣстному музею древностей. Программа V съезда въ общихъ чертахъ составлена по образцу программъ предыдущихъ съездовъ, съ нѣкоторыми отъ нихъ отклоненіями, преимущественно въ мѣстныхъ условіяхъ Закавказья. Въ программѣ прибавлены отдѣлы: древностей христіанскихъ—византійскихъ и грузинскихъ, магометанскихъ памятниковъ, языческихъ древностей горскихъ племенъ. Вообще, по числу вопросовъ и обѣщанныхъ рефератовъ, предстоящій съездъ обѣщаетъ быть обильнѣе предыдущихъ, — и весь почти матеріалъ носитъ на себѣ мѣстный, областной характеръ. По поводу этого сообщенія предсѣдатель А. А. Когляревскій замѣтилъ, что въ занятіяхъ Предварительнаго Комитета и предстоящаго съезда не видно параллельнаго изученія Кавказа съ Южною Россією. Членъ Антоновичъ заявилъ, что такому изученію мѣшаетъ бассейнъ р. Дона, представляющій важное звѣно для сравнительнаго изученія кавказскихъ древностей съ южнорусскими, но доселѣ нисколько не изслѣдованный.

Членъ В. С. Иконниковъ сдѣлалъ краткое сообщеніе о вновь вышедшихъ историческихъ книгахъ. Между ними упомянуты имъ: 1) „Семейство Разумовскихъ“, Васильчикова, т. 1; 2) „Матеріалы для исторіи русскаго раскола за первое время его существованія“, Субботина, томы 4 и 5, заключающіе челобитныя Никиты, Лазаря, дьяка Ѳеодора, Сергія и протопопа Аввакума; 3) „Исторія уфимскаго дворянства“, Новикова, представляющая мѣстный интересъ, и 4) „Исторія Великопермской епархіи“, протоіерея Попова, не представляющая почти ничего новаго.

Членъ В. П. Науменко сообщилъ объ одной малорусской пѣснѣ, составленной лѣтъ 5—6 назадъ по поводу убійства бывшаго старшины Ярмилки двоюродными братьями Томиленками и могущей уяснить приемы народнаго

творчества. Убийство совершено въ Золотоношскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, подъ пьяную руку, по наущенію сторонняго лица, и, какъ видно, произвело на народъ сильное впечатлѣніе. Убийцы сосланы въ Сибирь, на каторжную работу. Народная пѣсня не караетъ преступниковъ, а соблазняетъ ихъ, но это соблазнованіе передаетъ въ формѣ разговора между матерью и однимъ изъ осужденныхъ. Первый куплетъ пѣсни есть не что иное, какъ перифразъ извѣстной малорусской пѣсни: „Стоитъ яворъ надъ водою“. Далѣе идетъ сравненіе Томиленковъ съ лебедями, которое вообще служитъ образомъ разставанья съ свободой. Томиленковъ, по словамъ пѣсни, заковали въ кандалы и ведутъ селомъ, при чемъ пѣсня употребляетъ игру словами селомъ и сільцемъ (оковами). За однимъ изъ Томиленковъ идетъ старая мать, плачетъ и рыдаетъ, что —

„Хорошого сына породила
„Та й не оженила“.

Въ послѣднихъ словахъ, по мнѣнію референта, высказывается народное убѣжденіе, что женитба удерживаетъ человѣка отъ рѣшительныхъ шаговъ. Затѣмъ Томиленко сравниваетъ свое тяжелое положеніе преступника съ обыденными занятіями земледѣльца, напр., что лучше было бы ему косить, орать и проч., чѣмъ носить кандалы и идти въ каторжную работу, — сравненіе, котораго референтъ не встрѣчалъ въ другихъ пѣсняхъ. Пѣсня заканчивается словами матери:

„Було тобі, сыночку, горилки не пати,
„Було тобі, мій сыночку, Ярмилки не бити“.

Можетъ быть эта пѣсня съ теченіемъ времени или совсѣмъ забудется, или потеряетъ индивидуальныя черты и сольется съ массою безыменныхъ пѣсенъ, которыя можетъ быть произопли такимъ же образомъ. Предсѣдатель А. Котляревскій замѣтилъ, что подобныя выраженія, какъ напр. „Хорошого сына породила та й не оженила“ встрѣчаются и въ другихъ народныхъ пѣсняхъ и суть обломки старыхъ пѣсенъ, входящія въ новыя пѣсни чисто механическимъ образомъ, которые поэтому не могутъ быть характеристическими чертами одной какой либо извѣстной пѣсни.

Предсѣдатель А. А. Котляревскій сообщил критико-библіографическія свѣдѣнія о трехъ новыхъ книгахъ, касающихся Южной Россіи и славянской науки. Эти книги слѣдующія:

1) „Древность Малороссійскаго языка“, Мих. Красовскаго. По отзыву г. Котляревскаго, въ брошюрѣ—полное отсутствіе ученаго метода. Хотя авторъ знаетъ о сравнительномъ законовѣдѣніи, но при сопоставленіи словъ различныхъ языковъ онъ руководится первымъ впечатлѣніемъ, первымъ налетѣвшимъ чувствомъ, первымъ попавшимся сходнымъ звукомъ, но тѣмъ не менѣе произноситъ рѣшительные приговоры, бранитъ всѣхъ извѣстныхъ филологовъ и утверждаетъ, будто малорусскій языкъ есть источникъ всѣхъ славянскихъ языковъ. Усвоивши справедливую мысль, что десятичная система счисления основана на 10-ти пальцахъ рукъ, г. Красовскій примѣняетъ ее къ Малорусскому языку и отъ него производитъ исчисленіе другихъ славянскихъ языковъ. Вотъ, для примѣра, нѣсколько его объясненій: одинъ отъ малорусскаго од він (отъ него), т. е. первый палецъ отъ него—человѣка начинающаго счетъ по пальцамъ; три отъ малорусскаго тре (треть), такъ какъ третій палецъ трется о сосѣдніе; десять отъ малорусскаго досить (довольно), т. е. баста считать! Не менѣе курьезны отзывы автора о Богданѣ Хмельницкомъ, котораго онъ называетъ разбойникомъ, и о козакахъ, — этихъ нигилистахъ своего времени, жаждавшихъ неограниченной свободы для себя и угнетенія другихъ. Наоборотъ, Польская исторія представляетъ собою неимовѣрный полетъ славянскаго гения, съ доблестями, противоположными козацкимъ. Вообще, брошюра представляетъ изъ себя патологическое явленіе. Референтъ коснулся ея потому только, что г. Красовскій сдѣлалъ обществу предложеніе объ изданіи другихъ его трудовъ въ томъ же родѣ.

2) Моравскій ученый въ Брюннѣ Бада-Дудникъ издалъ въ Вѣнѣ отчетъ о своихъ занятіяхъ въ С.-Петербургской Императорской Публичной Библиотекѣ, которая въ рукописномъ своемъ отдѣлѣ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ нашъ отечественный Ватиканъ. Здѣсь Бада-Дудникъ нашелъ нѣсколько рукописей, касающихся неистощимаго вопроса о славянскихъ просвѣтителяхъ Кириллѣ и Меѳодіи. Это *Breviarium ad usum ecclesiae Moraviae*, гдѣ заключаются нѣкоторыя новыя, хотя и не важныя свѣдѣнія о пребываніи св. Меѳодія въ Велеградѣ, о намѣреніи его взять съ собою изъ Рима мощи брата своего св. Кирилла, и проч.

3) *Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej* (сборникъ свѣдѣній по мѣстной антропологии), Краковъ, т. XI, 1879 г., изд. къ юбилею польскаго писателя Крашевскаго. Кромѣ свѣдѣній о произведенныхъ раскопкахъ, въ книгѣ есть и этнографическія матеріалы, не безынтересныя для историка, какъ напр. „Записки этнографическія изъ Украины“, Эдварда Руликowskaго, „Матеріалы для этнографіи Польскаго народа“ Сярковскаго, „Этнографія при-днѣпрянскаго народонаселенія“ и др. Послѣдніе два труда довольно почтенны; но „Записки“ Руликowskaго стараются подкрасить народную рѣчь и народныя взгляды, и притомъ же иногда только перепечатываютъ то, что уже было издано самимъ Руликowskaимъ и А. Новосельскимъ.

Членъ В. В. Антоновичъ, встаетъ о польско-украинскихъ писателяхъ сообщилъ свѣдѣніе о г. Т. Стецкомъ, который съ 1864 г. сталъ издавать отдѣльными томами свое изслѣдованіе — „Волиня въ отношеніи статистическомъ, историческомъ и археологическомъ“ (*Wolyn pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym*). До настоящаго года издано было описаніе уѣздовъ Заславскаго, Кременецкаго и Луцкаго. Въ январѣ настоящаго года вышелъ въ Варшавѣ первый выпускъ очерка Ровенскаго уѣзда, въ которомъ исторія г. Ровно начинается съ 1461 года. Здѣсь представлена довольно полная генеалогія князей Несвижскихъ, происходившихъ изъ рода Данила Романовича Галицкаго, отъ коихъ между прочимъ произошла вѣтвь князей Вишневецкихъ, ошибочно производившихъ себя изъ рода Гедиминова, а также судьба г. Ровно, переходъ его отъ одного владѣльца къ другому, типы вельможъ — самодуровъ XVIII в., исторія ровенскихъ церквей и костела. Интересно въ этой брошюрѣ указаніе на бывшій Дубенскій архивъ, доселѣ почти неизвѣстный, а между тѣмъ весьма важный и необходимый для исторіи Волини. Теперь онъ находится въ м. Дермани, близъ г. Острога, Волинской губерніи.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

М. Г. Въ февральской книгѣ „Историческаго Вѣстника“ профес. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ упоминаетъ о томъ, что нѣмецкая книжка „Die Kronprinzeßin Charlotte“. Bonn. 1875, есть переводъ моей статьи, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“. Позвольте мнѣ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы объяснить одно недоразумѣніе, на которое уже было обращено вниманіе въ печати. Въ нѣмецкомъ изданіи не сказано, что это переводъ и не обозначено имя автора, а между тѣмъ въ текстѣ неизвѣстный авторъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ и смысляется на свое сочиненіе о Лейбницѣ. Проф. Брюкнеръ совершенно справедливо назвалъ это странномъ какъ въ своемъ отзывѣ о моей книгѣ въ журналѣ Зибела, такъ и еще недавно въ своемъ сочиненіи о царевнѣ Алексѣѣ. Дѣло въ томъ, что переводъ сдѣланъ съ моего согласія, но не въ Москвѣ, и мнѣ не пришлось видѣть его въ рукописи: рукопись же была отправлена издателю черезъ третье лицо, и вслѣдствіе случайности издателю осталось неизвѣстнымъ какъ имя переводчика, такъ и имя автора. Я узналъ объ этомъ, когда книга уже вышла изъ печати и была получена въ Россіи. Съ издателемъ Кономъ я не состоялъ ни въ какихъ отношеніяхъ.

В. Герье.

Поправка. Въ статьѣ Н. С. Лѣскова на стр. 544, вмѣсто 200 т. руб. слѣдуетъ читать 200 т. золотыхъ.

между тѣмъ какъ оно только что начиналось. Они не поняли сущности Французской революціи и думали, что она ограничится одной Франціей; но она охватила весь цивилизованный міръ. Этого было достаточно, чтобы „друзья революціи“ мало по малу охладѣли къ ней и сдѣлались ея заклятыми врагами. Даже въ самой оппозиціи произошло разногласіе. Однажды утромъ въ Англійскомъ парламентѣ Бурке и Фоксъ разстались другъ съ другомъ со слезами на глазахъ. Бурке перешелъ въ другой лагерь и сталъ громить Французскую революцію, импонирующею силою своего слова призывая весь свѣтъ къ оружію противъ одинокой амазонки, увлекавшей толпу своей красной шапкой и краснымъ знаменемъ.

Принцъ Уэльскій, со своими неразлучными друзьями Шериданомъ и Фоксомъ брался съ революціей, потому что она была ненавистна его коронованнымъ родителямъ. С. Джемсъ сдѣлался открыто сборнымъ пунктомъ французскихъ эмигрантовъ и оказывалъ имъ самый дружелюбный пріемъ, между тѣмъ какъ Карлтонъ-гаузъ поддерживалъ сношенія съ людьми, стоящими во главѣ революціоннаго движенія, приверженцами герцога Орлеанскаго, съ Бриссо, который въ это время жилъ въ Лондонѣ и распространялъ по всему свѣту свои памфлеты, Силлери, Лакло и пр. Принцъ Уэльскій находилъ большое удовольствіе въ ихъ обществѣ, тѣмъ болѣе что многіе изъ этихъ господъ, развлекавшихъ его своимъ блестящимъ остроуміемъ и веселостью, были также развратны и нравственно испорчены какъ онъ самъ и могли быть достойными участниками его забавъ. Между тѣмъ сближеніе принца съ французскими революціонерами не нравилось его королевской семьѣ и большинству націи и серьезно тревожило ихъ. Но это безпокойство было совершенно напрасное; то, что они принимали за чистосердечную симпатію, было не что иное, какъ своего рода забава, которая для принца Уэльскаго представляла не болѣе, какъ мимолетный интересъ новизны. Его считали заговорщикомъ, но это былъ спортсменъ, для котораго революція была такимъ же зрѣлищемъ, какъ пѣтушій бой, конскій бѣгъ, травля лисицъ и т. п.

Леди Эліоттъ совершенно иначе относилась къ дѣлу; она внимательно слѣдила за событіями и принимала въ нихъ самое живое и горячее участіе. Передъ нею открывался новый идеальный міръ, всецѣло увлекавшій ее, и Вольтеръ сдѣлался ея учителемъ. Неясныя мечты, волновавшія ее, приняли болшую опредѣленность, и ея личная жизнь отступила на второй планъ. Сознавая, что принцъ Уэльскій охладѣлъ къ ней, она готова была простить его, пожертвовать своею любовью, еслибы черезъ это онъ могъ опять пріобрѣсти любовь націи, презиравшей его за бездѣятельность, еслибы онъ мужественно выступилъ за идеалъ свободы, созданный Французской революціей. Но никакія жертвы и никакая любовь не могли воодушевить принца; міръ идей не существовалъ для него, интересы и дѣла націи всего менѣе

занимали его, и онъ со дня на день погружался все болѣе и болѣе въ омутъ пошлости и разврата.

Бѣдная леди Элиоттъ, мечтая о высокой будущности героя, созданнаго ея воображеніемъ, не знала того, что уже давно было извѣстно двору и что не было тайной для цѣлаго города—что принцъ Уэльскій прискалъ себѣ новую любовницу.

Не задолго передъ тѣмъ въ Лондонѣ появилась ловкая искательница приключеній, миссисъ Мэри Анна Фитцгербертъ, съ крайне развязными манерами и весьма сомнительнымъ прошедшимъ. Ирландка по происхожденію, она была два раза замужемъ и дважды оставалась вдовою. Послѣ смерти своего втораго мужа, мистера Фитцгербертъ, она долго странствовала по свѣту, жила во Франціи, Германіи и Италіи, наконецъ пріѣхала въ Лондонъ, гдѣ нашла себѣ неожиданный пріютъ въ Карлтонъ-гаузѣ. Миссисъ Мэри Анна была блондинка, плотнаго тѣлосложенія и хотя ей было подѣ сорокъ, но во всемъ ея существѣ было нѣчто такое, что сразу обратило на себя вниманіе принца и вполне соответствовало его теперешнимъ вкусамъ. Она сдѣлалась всемогущей въ Карлтонъ-гаузѣ, и принцъ, бесѣдуя съ пріятелями о своей новой любовницѣ, съ восхищеніемъ повторялъ: „grosse, belle et quarante ans!“

Такимъ образомъ не политика, какъ воображала себѣ леди Элиоттъ, а миссисъ Фитцгербертъ была причиною странной перемѣны въ обращеніи принца. Правда, онъ еще колебался между двумя возлюбленными, изъ которыхъ одна была въ Лондонѣ, другая въ Брайтонѣ! Часто въ послѣдніе мѣсяцы онъ пріѣзжалъ къ леди Элиоттъ съ твердымъ намѣреніемъ навсегда проститься съ нею, но въ ея присутствіи рѣшимость оставляла его, и онъ не въ силахъ былъ произнести послѣднее слово разлуки.

Наконецъ наступило одно утро 1790 года. Леди Элиоттъ по своему обыкновенію сидѣла на верандѣ съ опущенными мареизами. На колѣняхъ ея лежала большая переплетенная книга съ золотымъ обрѣзомъ. Это былъ томъ сочиненій Вольтера, и леди Элиоттъ читала его трагедію „Семирамиду“.

Что побудило ее читать эту трагедію? Она сильно взволнована, но не можетъ оторвать глазъ отъ книги...

„Семирамида велѣла умертвить своего мужа... нѣтъ, она прямо не приказывала этого... Кто же смѣетъ утверждать, что она руководила убійствомъ и что она знала кто преступникъ? Нѣтъ, ни одинъ человѣкъ не смѣлъ думать этого; ни одни уста даже не рѣшались утверждать это... Семирамида властительница міра; государства повергнуты въ прахъ у ногъ ея... Ее окружаетъ блескъ, она могущественна... Кто же станетъ обвинять ее?... Но развѣ нѣтъ угрозеній совѣсти? развѣ не мучить ее тайное сознаніе ея поступка... Что изгладить его изъ ея памяти!... Но вотъ могила колеблется подѣ ея ногами... она слышитъ стонъ“ ...

Леди Эліоттъ вскрикнула отъ ужаса и уронила книгу. Однако все было тихо; благоухали цвѣты и слышался только мѣрный прибой волнъ... Но вотъ передъ домою остановилась карета, и слуга, появившись въ дверяхъ, доложилъ леди Эліоттъ о пріѣздѣ его королевскаго высочества принца Уэльскаго.

Леди Эліоттъ тотчасъ же опомнилась. „Скажите его королевскому высочеству, что я готова принять его“, отвѣтила она слугѣ, который почтительно удалился.

Она подняла книгу и машинально пробѣжала монологъ Семирамиды, гдѣ царица говоритъ съ отчаяніемъ, что одинъ Арзасъ можетъ спасти ее, такъ какъ боги открыли ей во снѣ, что юноша искупить ея грѣхъ и она будетъ прощена.

„Арзасъ!“ воскликнула она, услышавъ шаги въ сосѣдней комнатѣ и выбѣгая на встрѣчу принцу Уэльскому.

ГЛАВА II.

Граціѣлла.

— Принцъ! мой дорогой Георгъ! проговорила леди Эліоттъ внѣ себя отъ радости, обнимая принца.

— Потихе! холодно замѣтилъ принцъ, стараясь освободиться изъ ея объятій. Дайте мнѣ опомниться. Вы видите, я съ дороги!

Онъ казался утомленнымъ; лицо его раскраснѣлось отъ жары и онъ былъ съ головы до ногъ покрытъ пылью. На немъ было красное платье спортсмена, высокіе сапоги, круглая бархатная шапка съ длиннымъ козырькомъ и желтыя перчатки; въ рукѣ онъ держалъ хлыстъ.

— Развѣ я не могу радоваться твоему пріѣзду, Георгъ! Мнѣ надоѣло быть вѣчно одной... Иногда на меня находятъ такой страхъ...

Принцъ громко расхохотался. — „Еще этого не доставало! Ей страшно, когда она остается одна! Ужъ не себя ли вы боитесь?“ Съ этими словами онъ ударилъ хлыстомъ по воздуху.

Леди Эліоттъ невольно вздрогнула.

— Кого же ты боишься? спросилъ ее принцъ.

— Никого, когда ты со мной. Не уѣзжай, Георгъ, не оставляй меня одну. Я такъ счастлива, когда вижу тебя.

Она еще вѣрнѣе прижалась къ нему.

— Я уже предупреждалъ васъ, миледи, чтобы вы были осторожныѣ. Вы запачкаете свое бѣлое платье пылью; я весь покрытъ ею.

— Не все ли равно! сказала Грѣсъ серьезнымъ тономъ. Ты не долженъ говорить такъ, Георгъ! Только любовь твоя заставляетъ меня

забывать то, на что я рѣшилась, чтобы принадлежать тебѣ. Но ты разлюбилъ меня; я вижу это по твоему обращенію, по твоимъ глазамъ... Чѣмъ я заслужила это? Неужели мало мнѣ угрызеній совѣсти, и мнѣ еще предстоитъ полное одиночество!..

Леди Эліоттъ заплакала; принцъ отвернулся съ видимымъ неудовольствіемъ.

— Ты отворачиваешься, продолжала она: я знаю, что на нашу долю выпадаетъ всегда наименѣе выгодная роль. Насъ обманываютъ, пользуясь нашей слабостью, а затѣмъ предоставляютъ сколько угодно мучиться позднимъ раскаяніемъ. Мы, женщины, большею частью на столько наивны, что воображаемъ, будто приносимыя нами жертвы, если не скрѣпляютъ любовь, то по крайней мѣрѣ, настолько возбуждаютъ симпатію тѣхъ, для которыхъ мы приносимъ жертвы, что они почувствуютъ къ намъ состраданіе въ несчастіи... Ты убѣждаешь меня въ противномъ... Можетъ быть это спасительно для меня, но такъ не поступаютъ честные люди...

Принцъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, едва сдерживая свое нетерпѣніе... Онъ неожиданно остановился.

— Будетъ ли этому конецъ! крикнулъ онъ, топнувъ ногою.

Леди Эліоттъ замолчала. Блѣдное личико ея казалось еще блѣднѣе отъ темныхъ полураспушенныхъ волосъ и бѣлаго легкаго платья съ длиннымъ шлейфомъ, перехваченнаго у талии гладкимъ золотымъ поясомъ. Глаза ея были неподвижно устремлены на него съ выраженіемъ полного презрѣнія.

— Что значить вся эта сцена? спросилъ ее принцъ тѣмъ же недовольнымъ сердитымъ голосомъ. Неужели ты думаешь привязать меня къ себѣ этимъ способомъ, когда я хочу быть свободнымъ!

— Свободнымъ! воскликнула леди Эліоттъ, холодно взглянувъ на него. Ты конечно можешь порвать любовь, которая связываетъ насъ, но вѣдь насъ связываетъ еще преступленіе, Георгъ!

• Принцъ не далъ ей договорить.— „Ты кажется хочешь во что бы то ни стало связать меня съ преступленіемъ, которое уже давнымъ давно скрыто землею и за которое отомстила висѣлица“.

— Съ преступленіемъ не такъ легко развязаться, Георгъ, продолжала леди Эліоттъ, не слушая его.

— Замолчишь ли ты, глупая женщина! крикнулъ на нее принцъ, не помня себя отъ ярости. Нужно поскорѣе прекратить эту глупую исторію! пробормоталъ онъ сквозь зубы. Нужно лишить ее возможности вредить мнѣ...

Онъ оттолкнулъ ее отъ себя и хотѣлъ выйти изъ комнаты.

— Не уходи, Георгъ! проговорила она съ мольбою. Выслушай меня. Если ты хочешь быть свободнымъ, то скажи прямо! Женщина, которую ты любилъ, еще не на столько упала, чтобы остаться тамъ, гдѣ чувство собственного достоинства говоритъ ей, что она должна уйдти. Но, Георгъ, ты не можешь... Нѣтъ, ты не бросишь меня!

Она изо-всѣхъ силъ прицѣпилась къ его руцѣ и рыдая упала къ его ногамъ.

Ты сама произнесла свой приговоръ, подумаль принцъ. Мнѣ не трудно будетъ разстаться съ тобой. Я могъ бы сдѣлать это и теперь... Нѣтъ, подождемъ немного, торопиться нечего!.. Сегодня же все будетъ кончено. Гдѣ разумъ не дѣйствуетъ, тамъ ничего не остается, какъ употребить насиліе. Неужели такъ трудно справиться съ женщиной.

Леди Элиоттъ плакала у ногъ принца, закрывъ лицо обѣими руками.

— Вставай, Гресь, сказалъ принцъ нѣсколько секундъ спустя нѣжнымъ голосомъ, хотя съ видимымъ принужденіемъ. Вставай пожалуйста, пойдемъ къ окну, а такъ давно не видалъ моря.

Гресь не шевелилась.

— Несносная тварь!.. пробормоталъ принцъ, стиснувъ зубы отъ бѣшенства... Я хотѣлъ бы... Гресь, сказалъ онъ наклоняясь и приподнявъ ея голову... пожалуйста встань. Твой Георгъ просить тебя...

Она вопросительно взглянула на него своими заплаканными глазами.

— Ты останешься со мною, Георгъ? спросила она.

— Да, Гресь! отвѣтилъ принцъ, дѣлая надъ собою усиліе.

Гресь встала и облокотилась на его плечо, такъ какъ чувствовала сильное изнеможеніе. Принцъ равнодушно и нехотя обнялъ ее и взявъ за талію подвелъ къ окну.

Начинался отливъ. Громадное голубое море, освѣщенное ослѣпительными лучами полуденнаго солнца широко разстлалось передъ ихъ глазами. Недалеко отъ берега стояла на якорѣ красивая яхта, на кормѣ которой виднѣлась крупная надпись золотыми буквами: „Граціалла“. Эта яхта представляла собою верхъ великолѣпія и изящества и была подарена принцемъ леди Элиоттъ въ день ея рожденія. Она стояла на якорѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ подарки любви переживаютъ нерѣдко самую любовь; но въ былое время принцъ часто катался на ней съ своей возлюбленной, и красивое судно было не разъ нѣмымъ свидѣтелемъ и повѣреннымъ ихъ счастья, горячихъ поцѣлуевъ, признаній, которыхъ кромѣ него, моря и неба никто не могъ ни видѣть, ни подслушать. Но море, небо, красивая яхта были на своихъ мѣстахъ, а любовь уже исчезла изъ груди принца; ему было тяжело оставаться наединѣ съ Гресь — онъ боялся новаго порыва страсти съ ея стороны.

— Какъ ты думаешь, Гресь, сказалъ онъ, не прокатиться ли намъ по морю?

Эти слова напомнили ей блаженныя минуты прошлаго.

— Да поѣдемъ, Георгъ! съ радостью воскликнула она.

Принцъ позвонилъ и велѣлъ поднять паруса на яхтѣ.

Гресь надѣла на голову желтый кашемировый платокъ и пошла съ принцемъ на берегъ.

ГЛАВА III.

Предвѣстники бури.

Лодка подвѣзла принца и леди Элиоттъ къ яхтѣ. Они взошли на палубу, и благодаря вѣтру скоро очутились въ открытомъ морѣ.

Роскошь и изящество яхты были выше всякаго описанія; фантазія какаго нибудь восточнаго принца не могла придумать болѣе дорогаго и своеобразнаго убранства. Паруса были ярко-краснаго цвѣта; бортъ, лѣстница ведущая въ каюту, даже блоки черезъ которые были пропущены канаты,—все это было изъ чернаго рѣзнаго дерева съ позолотой. Стѣны каютъ и низкіе турецкіе диваны были обиты красной еамкой и украшены рѣзными коймами изъ чернаго дерева. Рѣзные потолки и двери были такъ богато вызолочены, что казались вылитыми изъ массивнаго золота; на стѣнахъ висѣли зеркала въ широкихъ золотыхъ рамахъ и между ними стояли вызолоченныя статуи. Всѣ она были зеркальныя съ красными занавѣсами. Съ потолка каютъ спускались вызолоченныя цѣпи, какъ въ греческихъ лапмахъ, прирѣпленные къ столамъ, для поддерживанія ихъ во время бури.

Вѣтеръ былъ довольно свѣжій, и фантастическая яхта быстро неслась по волнамъ. Принцъ и леди Грэсъ сидѣли на палубѣ подъ красными парусами, ярко освѣщенными солнцемъ. Темные локоны Грэсъ и ея желтый платокъ развѣвались по вѣтру. Сердце ея радостно билось.

— Если бы я могла всегда плыть съ тобой на этой яхтѣ, сказала она, то это было бы для меня предвкушеніемъ вѣчнаго блаженства. Воздухъ — наша настоящая стихія: здѣсь живутъ наши души послѣ смерти... Не ихъ ли голоса слышимъ мы въ ревѣ бури на морѣ и въ лѣсу...

Съ этими словами Грэсъ подошла къ позолоченному борту яхты и остановилась передъ открытыми дверцами, которыя матросы забыли закрыть, отчаливая отъ берега. Она стояла надъ самой водой и вдругъ почувствовала, что кто-то толкнулъ ее сзади, такъ что она едва не упала, но та-же рука удержала ее.

Это былъ принцъ. Онъ принужденно смѣялся. — „Я только хотѣлъ испытать: дѣйствительно ли вы стремитесь къ вѣчному блаженству — и такъ равнодушны къ смерти, какъ на словахъ“...

— Не ожидала я отъ васъ такой жестокой шутки, принцъ. Но знайте, что я не стану исвать смерти, пока жизнь будетъ представлять для меня хотя что-нибудь, изъ-за чего стоило бы любить ее или выносить страданія; если она потеряетъ для меня всякую цѣну, то я не задумаюсь разстаться съ нею. Я не боюсь смерти, но я не помирюсь съ жизнью безъ опредѣленной цѣли, безъ надеждъ и будущности...

— Однако позвольте васъ спросить, какую же цѣль можетъ имѣть наша жизнь, которая такъ скучна какъ самая плохая театральная пьеса, исполняемая жалкими актерами. Какой же въ ней смыслъ, къ чему приводитъ она? Уважите мнѣ эффектныя сцены! Одинъ актъ слѣдуетъ за другимъ и все тѣ-же кулисы, тѣ-же люди. Вы правы, миледи: отсутствие опредѣленной цѣли убиваетъ насъ. Мы умремъ отъ одной скуки!

— Неужели это говорить наслѣдникъ трехъ королевствъ, Георгъ, принцъ Уэльскій, на сторонѣ котораго лучшіе люди страны, и всѣ тѣ, чье сердце когда либо билось за свободу, просвѣщеніе или мечтало о возстановленіи поправныхъ правъ народа. Цѣль вашей жизни, принцъ, выше, чѣмъ всякаго простаго смертнаго. Для васъ не существуетъ никакихъ преградъ. Вы можете смѣло встать на защиту новыхъ идей и съ ихъ знаменемъ одержать полную побѣду надъ старымъ отживающимъ міромъ, и показать націямъ, что высокій постъ занимаемый вами непоколебимъ, потому что вы вполне заслужили его и что королевская власть и любовь къ челоѣчеству совмѣстимы... Вотъ цѣль вашей жизни, принцъ, и когда вы приблизитесь къ ней, то для меня будетъ наилучшимъ утѣшеніемъ сознание, что быть можетъ я до извѣстной степени способствовала этому...

Принцъ разсѣянно слушалъ ее. Они далеко отъѣхали отъ берега, который незамѣтно скрылся изъ глазъ ихъ. Кругомъ шумѣли волны, и на ихъ темнозеленыхъ гребняхъ начала показываться бѣлая серебристая пѣна. Небо подернулось бѣловатой мглой. Порывы вѣтра становились все сильнѣе... заскрипѣли мачты.

— Мы не особенно удачно выбрали время для нашей прогулки,— сказалъ принцъ, указывая своей спутницѣ на море.

— Да, кажется приближается буря,— отвѣтила леди Эліоттъ.

Море въ то время приняло какой-то особый буровато-зеленый цвѣтъ; все выше и выше поднимались пѣнистыя волны и все быстрѣе набѣгали одна на другую, разсыпались блестящими бризгами. Солнце пока ярко освѣщало ихъ своими отвѣсными лучами, но оно вскорѣ померкло и скрылось за облаками.

Между тѣмъ на небѣ стали собираться тучи, свергнула молнія...

Принцъ отдалъ приказъ повернуть яхту къ берегу.

— Мы должны возвратиться домой, сказалъ онъ,—пока не разразилась буря... и я жду гостей. А пророс, я надѣюсь видѣть васъ сегодня вечеромъ въ Павильонѣ. Герцогъ Орлеанскій также обѣщаль почтить меня своимъ посѣщеніемъ...

— Герцогъ Орлеанскій!.. восклинула леди Эліоттъ взволнованнымъ голосомъ. Это имя вывело ее изъ восторженнаго состоянія, въ которомъ она находилась, и сознание печальной дѣйствительности опять вернулось къ ней... Вспомнила она и свою подругу, и письмо герцога Орлеанскаго...

Яхта въ это время летѣла на всѣхъ парусахъ, прорѣзая пѣнаціяся волны. Въ воздухѣ слышалась рѣзкое завываніе вѣтра и протяжные заунывные крики.

— Должно быть чайки летать, эти всегдашніе предвѣстники бури, — замѣтилъ принцъ.

— Онѣ уже здѣсь — отвѣтила леди Эліоттъ, наклоняясь черезъ бортъ и указывая на птицъ, кружившихся около яхты.

Принцъ и леди Эліоттъ молча вышли на берегъ; каждый изъ нихъ былъ занятъ своими мыслями.

ГЛАВА IV.

При закатѣ солнца.

Въ тотъ же день вечеромъ леди Эліоттъ занималась своимъ туалетомъ въ верхнемъ этажѣ своего дома, гдѣ на сторонѣ, обращенной къ Лондонской дорогѣ, находились ея спальня и будуаръ. Изъ оконъ отерывался видъ на обширную равнину, ничѣмъ незастроенную кромѣ рыбацкихъ хижинъ и нѣсколькихъ разбросанныхъ зданій болѣе нарядной наружности.

Заходящее солнце прорѣзало своими золотистыми лучами черныя тучи, которыя съ полудня стали застилать собою небо и теперь заволокли его со всѣхъ сторонъ. Рѣзкій контрастъ яркаго солнца и грозныхъ тучъ на небѣ, свѣта и тѣней на землѣ, производили странное подавляющее впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливалось глухимъ ревомъ моря и печальнымъ завываніемъ вѣтра.

При этомъ своеобразномъ освѣщеніи, гдѣ всѣ предметы принимали особый фантастическій колоритъ, тѣмъ фантастичнѣе долженъ былъ казаться таеъ называемый „Королевскій Павильонъ“, контуры котораго теперь ясно обрисовывались на темномъ фонѣ тучъ, покрывавшихъ небо. Это было великолѣпное зданіе, съ многочисленными куполами, башнями, минаретами, представлявшее собою смѣсь самыхъ разнообразныхъ стилей, начиная съ Мавританскаго и Византійскаго и кончая индійской пагодой, такъ что издали его можно было принять за одинъ изъ волшебныхъ дворцовъ, описанныхъ въ сказкахъ „Тысяча и одна ночь“. Тутъ были и дугообразныя окна съ богатыми архитектурными украшеніями и живописью на стеклахъ, и готическіе зубцы, и мавританскія крыши, мраморныя лѣстницы, ходы съ колоннами, пестрыя мозаичныя арки...

Зданіе это было видно изъ оконъ леди Эліоттъ и отдѣлялось отъ ея дома большимъ лугомъ, который въ это время назывался „the Steyne“ и гдѣ рыбаки сушили свои сѣти и починивали паруса ¹⁾).

— Слышите ли вы, миледи, какъ воетъ вѣтеръ. Помяните мое слово, что начнется непогода, прежде чѣмъ мы опомнимся! сказала Бекки, которая, одѣвая свою госпожу, безпрестанно подходила къ огню и испуганно глядѣла то на лугъ и дворецъ, по которымъ нѣзли гигантскія тѣни облаковъ, то на заходящее солнце.

— Приказано ли кучеру завладывать лошадей?

— Да, миледи.

— Я постараюсь сегодня вернуться пораньше домой. Привези кучеру пріѣхать за мной въ двѣнадцатомъ часу.

— Да, миледи, вы хорошо сдѣлаете, если вернетесь во-время. О себѣ я не хлопочу. Но вамъ не мѣшаетъ лечь пораньше въ постель. У васъ не особенно бодрый и веселый видъ.

— Неужели, Бекки? Это было бы совершенно некстати.

— Но вы не безпокойтесь, миледи! Вы отъ этого не подурнѣете. Сколько разъ я замѣчала, что вы особенно красивы въ тѣ минуты, когда вы чѣмъ нибудь огорчены. Меня собственно безпокоитъ ваше здоровье и потому мнѣ не нравится, что вы безпрестанно то блѣднѣете, то краснѣете; вѣрно у васъ опять сердцебіеніе. Но если вы вернетесь пораньше и спокойно проспите ночь, то это навѣрное пройдетъ...

— Ахъ, если бы только это одно мучило меня! отвѣтила леди Эліоттъ съ печальной улыбкой, тогда я не нуждалась бы въ румянахъ.

— Избави Богъ! воскликнула огорченная Бекки. Моя дорогая леди не нуждается въ нихъ! Неужели она станетъ портить румянами свое бѣлое, нѣжное личико...

— Давно уже я не оставляла тебя одну, Бекки, что ты будешь дѣлать сегодня вечеромъ?

— Не безпокойтесь, миледи... Мосье Друэ опять здѣсь!..

Леди Эліоттъ замѣтно поблѣднѣла.

— Значить и С.-Мало при дворѣ?.. спросила она, дѣлая надъ собою невѣроятныя усилія, чтобы казаться спокойной.

Но Бекки, занятая своей любимой темой, ничего не замѣчала.

— Да, С.-Мало конечно пріѣхалъ!

— Видѣлась ли ты съ своимъ мосье Друэ? улыбаясь спросила ее леди Эліоттъ. Воображаю себѣ, какое у васъ было трогательное свиданіе

¹⁾ Домъ леди Эліоттъ уже не существуетъ, а лугъ сдѣлался любимымъ мѣстомъ гулянья англійскаго джентри и знати, которые, слѣдуя модѣ, ежегодно посѣщаютъ Брайтонъ въ сезонъ морскаго купанья. Здѣсь же красуется и бронзовая статуя его величества короля Георга IV, „самаго безукоризненнаго джентльмена въ Европѣ“, которому Брайтонъ обязанъ своимъ возвышеніемъ.

послѣ столькихъ лѣтъ разлуки! Только я думаю, онъ уже совсѣмъ состарился!..

— Ну разумѣется онъ не помолодѣлъ. Но онъ все-таки очень видный мужчина, отвѣтила Бекки, становясь въ позу, которая по ея мнѣнію должна была изобразить величественный видъ мосье Друэ. Онъ вѣроятно казался бы еще моложе, еслибы у него не было горя, которое онъ долженъ скрывать... Всѣмъ извѣстно, что люди сдѣлать отъ горя.

— Какое горе?.. Что же ты молчишь?

— Да это старая исторія, отвѣтила Бекки. Съ тѣхъ поръ, какъ шевалье С.-Мало вступилъ въ семью, все пошло вверхъ дномъ! Мосье Друэ говоритъ, что его баринъ злой, коварный и жадный человекъ, и что стоитъ взглянуть ему въ лицо, чтобы убѣдиться въ этомъ...

— Однако это не помѣшало твоему Друэ остаться у него въ услуженіи столько лѣтъ!..

— Онъ сдѣлалъ это изъ любви къ Натали, которая просила его не оставлять ея мужа. Друэ видѣлъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что дѣло не совсѣмъ чистое, и говоритъ, что до сихъ поръ не знаетъ всей правды. Однако онъ исполнилъ то, что приказала ему Натали: онъ сопровождалъ своего барина въ Англію, затѣмъ ѣздилъ съ нимъ въ Америку, гдѣ шевалье долженъ былъ передать разныя порученія отъ герцога Орлеанскаго... Но когда они вернулись въ Парижъ, Натали С.-Мало была уже въ монастырѣ...

— Въ монастырѣ! воскликнула леди Эліоттъ.

— Да, она вернулась въ монастырѣ Монфлери, въ которомъ въ когда-то воспитывались вмѣстѣ. Никто не знаетъ, зачѣмъ она это сдѣлала, только она уже не захотѣла вернуться домой. Мужъ ея, шевалье С.-Мало, самъ пріѣзжалъ и допрашивалъ ее. Она стояла за рѣшеткой въ черномъ одѣяніи и бѣломъ платѣ, какъ настоящая монахиня...

— *Beati quorum remissae sunt iniquitates*, сказала леди Эліоттъ, невольно вспомнивъ этотъ стихъ псалма, который они не разъ пѣли съ Натали въ монастырѣ. Въ комнатѣ царила глубокая тишина, нарушаемая сердитыми порывами вѣтра и ревомъ моря, который, затихая по временамъ, превращался какъ бы въ жалобный плачь. Лучи заходящаго солнца начали потухать.

— Натали все еще въ монастырѣ? спросила леди Эліоттъ.

— Нѣтъ, она оставила его на нѣкоторое время, но мосье Друэ говоритъ, что ей уже больше не вернуться туда, потому что въ Парижѣ злые люди рѣшили уничтожить всѣ монастыри.

— Что заставило Натали опять выйти изъ монастыря?

— Видите ли, ея отецъ, откупщикъ, былъ тогда при смерти. Натали вернулась къ нему, чтобы ухаживать за старикомъ и облегчить ему послѣднія минуты. Но мосье Друэ говоритъ, что онъ не можетъ умереть!

— Не можетъ умереть!... Что ты говоришь, Бекки?

— На его душѣ тяжелый грѣхъ, который мѣшаетъ ему умереть.

— Что же онъ такое сдѣлалъ?

— Вы знаете, миледи, что въ семействѣ Бургиньоновъ былъ еще одинъ сынъ, Жильберъ...

— Да помню. Я его никогда не видала, но слышала его имя отъ Натали.

— Натали еще не знала тогда о томъ ужасномъ преступленіи, которое было совершено надъ ея братомъ. Но Божье правосудіе рано или поздно отыскаетъ такія дѣла. До тринадцати или четырнадцати лѣтъ съ мальчикомъ обращались совершенно прилично, какъ съ сыномъ дворянина. Но послѣ смерти его матери отецъ вдругъ почувствовалъ къ нему такую неестественную ненависть, что почти готовъ былъ убить его. Въ это время Натали вышла замужъ за С.-Мало, а вслѣдъ затѣмъ Жильбера отдали въ Кармелитскій монастырь съ тѣмъ, чтобы постричь его въ монахи по достиженіи совершеннолѣтія. Но молодой человекъ не захотѣлъ этого и самовольно вышелъ изъ монастыря; тогда отецъ отказалъ ему отъ дому, а С.-Мало обошелся съ нимъ еще хуже. Мосье Друэ говоритъ, что шевалье сдѣлалъ это изъ жадности, чтобы воспользоваться огромнымъ состояніемъ и имѣніемъ старика Бургиньона, такъ какъ Жильберъ былъ его единственный наслѣдникъ. Молодаго человека схватили и силою отправили въ монастырь, гдѣ монахи заперли его въ темную келью, такъ что бѣдняга едва не рехнулся съ горя. Наконецъ ему какъ-то удалось высвободиться изъ этой кельи, но его опять поймали и на этотъ разъ упрятали въ Бастилію, благодаря стараніямъ шевелье С.-Мало, который въ это время случился въ Парижѣ.

— Въ Бастилію! воскликнула леди Эліоттъ.

— Да, въ это время Натали была уже въ монастырѣ, а старикъ находился въ своемъ замкѣ въ Провансѣ, потому что столичная жизнь насучила ему. Но вотъ въ прошломъ году пошли безпорядки въ Парижѣ, и не приведи Богъ, что дѣлалось тамъ, говоритъ мосье Друэ, когда народъ разрушалъ Бастилію... Съ этихъ поръ о бѣдномъ Жильберѣ ни слуху-ни духу. Думаютъ, что онъ сгорѣлъ живьемъ въ кѣлтѣхъ, куда упрятали его злоба милыхъ родственниковъ.

— Это было бы ужасно! сказала леди Эліоттъ, закрывая себѣ лицо руками.

— На слѣдующій же день послѣ разрушенія Бастиліи, кажется это было 14-го іюля, ровно годъ тому назадъ, мосье Друэ отправился на пожарище, долго рылся между почернѣвшими балками и въ грудахъ камней ничего не могъ найти; а скоро и отыскивать было негдѣ, такъ какъ негодные парижане, которые, говоритъ Друэ, навсегда обезславили себя своими преступленіями и безбожіемъ, живо расчистили площадь, не оставивъ и слѣда Бастиліи.

Но вотъ угасъ послѣдній отблескъ дня въ темныхъ облакахъ. Зашло солнце, а вслѣдъ затѣмъ въ ночномъ мракѣ разразилась буря.

Изъ оконъ леди Эліоттъ виднѣлся только Королевскій Павильонъ, который былъ весь какъ въ огнѣ отъ тысячи зажженныхъ свѣчей и лампъ; время отъ времени среди стоновъ вѣтра и шума волнъ слышались аккорды веселой музыки.

Леди Эліоттъ сошла съ лѣстницы.—„Въ Королевскій Павильонъ!“ сказала она кучеру, садясь въ карету.

Рассказъ Бекки произвелъ на нее тяжелое впечатлѣніе, и она невольно думала о судьбѣ несчастнаго Жильбера.

ГЛАВА V.

Королевскій Павильонъ.

Карета леди Эліоттъ остановилась у главнаго входа Королевскаго Павильона.

Едва опустились за нею красныя занавѣси и она перешла порогъ ярко освѣщенной передней, какъ міръ тьмы съ его грознымъ моремъ, порывами вѣтра и сыростью исчезъ для нея и передъ нею былъ другой міръ, полный блеска, благоуханія, ослѣпительной роскоши. Леди Эліоттъ опять поддалась его обаянію: это были тѣ-же образы, краски, атмосфера, которые нѣкогда увлекали и отуманивали ее.

Она прошла въ китайскую галерею мимо толпы придворныхъ, которые почтительно поклонились ей, но она такъ была поглощена своими мыслями, что едва отвѣчала на ихъ привѣтствія легкимъ поклономъ головы.

Такъ называемая китайская галерея состояла изъ пяти комнатъ, стѣны которыхъ были покрыты китайскими изображениями и картинами, нарисованными самими яркими красками. Комнаты эти были освѣщены слабымъ красноватымъ свѣтомъ и наполнены сильнымъ запахомъ мускуса,—это были собственные апартаменты его королевскаго высочества, гдѣ онъ постоянно жилъ, когда пріѣзжалъ въ Брайтонъ. Леди Эліоттъ прошла сюда особымъ ходомъ, который предназначался только для самыхъ близкихъ лицъ, пользующихся особеннымъ довѣріемъ принца. Она сама не могла себѣ отдать отчета, для чего она это сдѣлала. Хотѣлось ли ей идти наперекоръ принцу, который быть можетъ вовсе не желалъ этого, или ей удалось увѣрить себя, что ничто не измѣнилось противъ прежняго, такъ какъ наше сердце упорно держится за то, что боится потерять; и хотя вѣра утрачена, но оно дѣлаетъ надъ собою усиліе, чтобы продолжить заблужденіе.

Какъ хорошо знала леди Эліоттъ эти комнаты, гдѣ она такъ долго была полной властительницей. Но теперь ей казалось, что она здѣсь въ послѣдній разъ, и она медленно шла по гладкому паркету. Съ тѣмъ же грустнымъ предчувствіемъ остановилась леди Эліоттъ у дверей пріемной, гдѣ за тяжелой бархатной портьерой слышался говоръ, шумъ шаговъ, громкая музыка. Наконецъ она сдѣлала надъ собою усиліе и откинувъ портьеру вошла въ залу, которая представляла громадную ротонду съ длинными боковыми галлерейми. На стѣнахъ ея виднѣлись разнообразныя ландшафты, изображавшіе роскошную природу южныхъ и восточныхъ странъ, а съ высокаго купола, украшеннаго богатыми фресками, спускались большія хрустальныя люстры, съ безчисленными восковыми свѣчами, сверкавшія всѣми цвѣтами радуги.

Въ залѣ въ этотъ вечеръ было самое блестящее и многочисленное общество, которое когда-либо собиралось въ Королевскомъ Павлионѣ. Дамы соперничали другъ передъ другомъ пестротой и богатствомъ своихъ туалетовъ. Слышался смѣшанный говоръ, покрываемый громкой музыкой, игравшей „Rule Britannia“, шуршаніе шлейфовъ, шорохъ платьевъ и вѣеровъ.

Въ это время дамы въ своихъ туалетахъ все еще придерживались своеобразной моды XVIII столѣтія, употребляли бѣлила, румяны и пудру, носили платья съ фижмами, шелкъ, бархатъ, золотую парчу и ажурные чулки. Прически ихъ представляли подобіе башенъ, украшенныхъ перьями, цвѣтами и брилліантами. Всѣ нововведенія состояли въ болѣе короткой талии и высокомъ гребнѣ, который впрочемъ носили очень немногія. Такимъ образомъ болѣе естественнымъ модамъ предшествовалъ періодъ крайней утрировки и полнаго безвкусія, тѣмъ болѣе что мода послѣднихъ лѣтъ прошлаго столѣтія украсила дамъ, принадлежавшихъ аристократіи виговъ, „лисьимъ хвостомъ“, который они носили in effigie своихъ политическихъ убѣждений. Мужчины, представлявшіе какъ всегда элементъ менѣе консервативный, скорѣе порѣшили со стариной. Пудра вышла изъ употребленія между либеральными членами Англійской аристократіи, какъ только герцогъ Норфолькъ напудрилъ голову своему груму, а герцогъ Бедфордъ—хвосты у своихъ лошадей; но тори, не желая носить прически французскихъ мятежниковъ, продолжали придерживаться пудры и косички, какъ и своихъ устарѣлыхъ принциповъ... При либеральномъ дворѣ принца Уэльскаго почти всѣ мужчины были безъ париковъ, лентъ и пудры, носили простое платье изъ голубаго сукна безъ золота и вышивокъ, но съ желтыми мѣдными пуговицами, голубые галстуки и желтые жилеты,—голубое и желтое считались цвѣтами Американской республики и, какъ извѣстно, были усвоены въ Англии прогрессивной партіей виговъ.

Леди Эліоттъ, войдя въ залу, тотчасъ овладѣла собою и на ея гордомъ красивомъ лицѣ даже самый тонкій наблюдатель не замѣтилъ бы

и тѣни смущенія. Вечеръ только-что начался, но гости уже успѣли расположиться группами. Въ одной изъ нихъ леди Эліоттъ увидѣла маркизу Гертфордъ, которая холодно поклонилась ей, такъ какъ она лучше чѣмъ кто-нибудь знала повышеніе и пониженіе температуры при дворѣ. Леди Эліоттъ отвѣтила ей еще болѣе холоднымъ и церемоннымъ поклономъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ маркизы стоялъ Фоксъ, занятый оживленнымъ разговоромъ со своимъ другомъ Шериданомъ.

Фоксъ происходилъ отъ Стюартовъ и былъ прямой, хотя незаконный потомокъ его королевскаго величества Карла II и его седьмой любовницы *Mademoiselle de Queouaille*. Происхожденіе это сказывалось въ наружности Фокса и въ характерѣ, который представлялъ собою смѣсь легкомыслія и даровитости Стюартовъ съ сильною примѣсью французской горячности. Но вообще онъ не отличался французскою щеголеватостью и явился среди блестящаго общества „Королевскаго Павильона“ въ томъ же потертомъ сюртукѣ и желтомъ жилетѣ, въ которыхъ онъ обыкновенно бывалъ въ палатѣ общинъ.

— Дошли ли до васъ слухи, спросилъ въ полголоса Фоксъ своего собесѣдника,—что третьяго дня въ С.-Джемсѣ приняли очень холодно нашего герцога Орлеанскаго?

— Да, слышала, отвѣтилъ Шериданъ.—Говорятъ, что онъ вышелъ совсѣмъ блѣдный изъ аудіенцъ-залы его королевскаго величества. Вѣроятно Питтъ заранѣе все подготовилъ, хотя вообще Орлеанскіе никогда не пользовались особенною милостію у нашихъ монарховъ.

— Ну, бывали и другія времена! сказалъ Фоксъ съ усмѣшкой.— Развѣ вы забыли, что у насъ былъ одинъ монархъ и, въ добавокъ очень веселый, котораго сестра была замужемъ за герцогомъ Орлеанскимъ и всегда пользовалась его особеннымъ расположеніемъ? Хотя правду сказать по весьма понятной причинѣ... Генріетта Орлеанская пріѣхала въ Лондонъ не одна—въ свитѣ ея всегда была какая-нибудь хорошенькая статсъ-дама...

Это былъ намекъ на его собственную семейную исторію, такъ какъ Фоксъ по своему легкомыслію иногда избиралъ ее темой для своихъ остротъ. Но это была только одна сторона его характера. Безпечный въ частной жизни, легкомысленный въ своихъ удовольствіяхъ, онъ въ то же время былъ человѣкъ желѣзной воли въ дѣлахъ, непоколебимый въ политическихъ убѣжденіяхъ, неподкупный и великій вождь партіи, гениальный ораторъ. Когда онъ начиналъ говорить, то жесткія и суровыя черты лица его оживлялись своеобразной красотой, и вся его неуелюжая, плотная фигура казалась привлекательной его восхищеннымъ слушателямъ.

Въ даровитости нельзя было отказать и Шеридану. Но по наружности онъ представлялъ полную противоположность съ Фоксомъ. Шериданъ былъ очень статенъ, высокаго роста и лицо его, хотя далеко не красивое, производило самое пріятное впечатлѣніе. Манеры его

были безукоризненны. Сначала онъ занималъ мѣсто театральнаго директора, но въ послѣдствіи слава его, какъ драматическаго писателя сдѣлала его на столько популярнымъ, что онъ попалъ въ парламентъ. Здѣсь онъ тѣсно применилъ къ Фоксу, съ которымъ связывала его не одна политическая дѣятельность, но также игра въ кости и склонность къ красному вину, что нерѣдко обращалось въ ущербъ ихъ семейнымъ отношеніямъ и подрывало репутацію обоихъ друзей между ихъ приверженцами.

Шериданъ, который и въ шуткахъ, и въ серьезныхъ дѣлахъ ни въ чемъ не уступалъ своему другу, тотчасъ же воспользовался намекомъ Фокса, чтобы слегка кольнуть его.— „Вы правы, сказалъ онъ,— мнѣ не слѣдовало распространяться о приемѣ, который былъ оказанъ герцогу въ С.-Джемсѣ. Я совершенно забылъ, что семейныя отношенія иногда мѣшаютъ свободѣ мнѣній“.

— Мой милый Шериданъ, отвѣтилъ Фоксъ съ веселой улыбкой, ударивъ своего друга по плечу,— вѣдь Стюарты умерли—у насъ теперь Ганноверцы.

— Однако по старой пріязни къ королевскому дому намъ не мѣшало бы загладить то непріятное впечатлѣніе, которое приемъ его королевскаго величества долженъ былъ сдѣлать на гостя.

— Кажется нашъ другъ, принцъ Уэльскій, уже позаботился объ этомъ, и нынѣшній вечеръ устроенъ исключительно въ честь герцога Орлеанскаго. Нашъ принцъ любезный хозяинъ и Карлтонъ-гаузъ исправитъ ошибку С.-Джемскаго дворца.

— Но какимъ образомъ мы заставимъ публику относиться дружелюбно къ герцогу Орлеанскому? Развѣ вы ничего не слышали о непріятной исторіи въ Воксаль?

— Какъ вамъ извѣстно, отвѣтилъ Фоксъ,— я на нѣсколько дней уѣзжалъ изъ Лондона и только-что вернулся...

— Ну, такъ слушайте. Въ тотъ же самый день, какъ герцога приняли такъ немилостиво въ С.-Джемсѣ, онъ вздумалъ отправиться вечеромъ въ Воксаль. Здѣсь онъ засталъ многочисленное общество, которое встрѣтило его крайне враждебно и презрительно. Всѣ стороны отъ него какъ отъ зачумленнаго, такъ что онъ поневолѣ долженъ былъ удалиться.

Фоксъ внимательно выслушалъ своего друга, и веселая улыбка исчезла на его лицѣ.— „Все это въ порядкѣ вещей, сказалъ онъ серьезнымъ тономъ“.— „Если мы могли ошибиться въ герцога, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы общественное мнѣніе также легко поддавалось обману. У народа вѣрное чутье и онъ также знаетъ своихъ руководителей, какъ лошадь своего сѣдока; левъ бросается на своего укротителя, лишь только замѣтитъ малѣйшую робость съ его стороны. Революціи нужны были другіе люди чѣмъ этотъ Орлеанскій. Недостаточно разрушать, нужно также знать, чѣмъ замѣнить уничтоженное; изъ моихъ же разговоровъ съ герцогомъ я вывелъ такое заключеніе,

что онъ никогда не думалъ о конечной цѣли революціоннаго движенія. Онъ довольствуется одними французами, что разумѣется гораздо легче. Дешевый либерализмъ подобныхъ особъ для меня невыносимъ. Онъ сказалъ мнѣ однажды: „Волноваться нечего! революція неизбежна и мы пойдемъ за нею. Но это софизмъ! Мы не можемъ ограничиться этимъ, мы должны овладѣть ею; кто стоитъ не выше революціи, тотъ погибнетъ отъ нея. Если бы у Орлеанскаго было серьезное намѣреніе ниспровергнуть Бурбонское самовластіе и основать новую династію на иныхъ началахъ, то зачѣмъ онъ прятался подъ деревьями въ Булонскомъ лѣсу въ ночь съ пятаго на шестое октября, вмѣсто того чтобы идти въ Версаль вмѣстѣ съ народомъ. Онъ воспользовался пуассардами, чтобы унижить и оскорбить непріятеля, съ которымъ не смѣлъ вступить въ открытую борьбу. Знаете ли вы, въ чемъ заключается его главная ошибка?... Въ полупризнаніи, такъ какъ въ одно и тоже время онъ бралъ и не бралъ на себя отвѣтственность за эти сцены. Но еще глупѣе было позволить сослать себя въ Англію добродѣтельному Лафайету. Какой смыслъ въ этомъ временномъ изгнаніи!... Но политическое мученичество не обходится такъ дешево! Онъ воображаетъ, что революція будетъ ждать, пока онъ веселится въ Лондонѣ. Онъ грустно ошибается! Когда онъ вернется въ Парижъ, то увидитъ, что революція уже имѣетъ другой обликъ—и она не признаетъ его“...

Лицо Фокса оживилось, его богатая фантазія представляла ему будущность Франціи въ самыхъ живыхъ краскахъ.

— Не замѣчаете ли вы,—сказалъ ему Шеридагъ, понизивъ голосъ, что каждое ваше слово цѣликомъ примѣнимо еще къ одной личности? Не поражаетъ ли васъ сходство между герцогомъ Орлеанскимъ и нашимъ...

— Къ несчастію—да, отвѣтилъ Фоксъ также въ полголоса.—Мнѣ также кажется, что мы ошиблись въ немъ... Но тѣмъ хуже для насъ, хотя конечно только для насъ однихъ, потому что его судьба, равно какъ и нашего народа, совсѣмъ иная. Нельзя сравнивать Англію съ Франціей. Британія представляетъ собою особый міръ, какъ говоритъ Шекспиръ. Англійскихъ королей охраняетъ ихъ прошлое, между тѣмъ какъ во Франціи мы видимъ обратное явленіе.

Въ этотъ моментъ они увидѣли леди Эліоттъ, которая прошла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

— Что за прелестное существо! вослихнулъ Фоксъ, который былъ тонкимъ цѣнителемъ женской красоты. Онъ былъ хорошо знакомъ съ нею, такъ какъ часто встрѣчалъ ее при дворѣ принца.

Леди Эліоттъ дошла до конца залы, гдѣ стоялъ принцъ Уэльскій, прислонившись къ колоннѣ, и разговаривалъ съ какимъ-то пожилымъ господиномъ средняго роста, съ выразительнымъ лицомъ, которое и теперь можно было бы назвать красивымъ, еслибы оно было менѣе поношено и не носило такихъ явныхъ слѣдовъ слишкомъ веселой жизни. На этомъ господинѣ былъ голубой фракъ съ стоячимъ ворот-

никомъ, желтый кисейный галстухъ и полуоткрытый жилетъ съ жабо волосы его были коротко острижены, въ рукахъ онъ держалъ треугольную шляпу. Онъ казался утомленнымъ, и глаза его разсѣянно смотрѣли на собравшуюся публику. Но едва леди Эліоттъ появилась въ залъ, какъ вся его фигура сразу оживилась, и онъ громко воскликнулъ: „*Mon Dieu! comme cette femme est belle!*“ Онъ жадно слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, любуясь роскошными формами ея тѣла, тонкими и очаровательными линиями лица.

Дѣйствительно, леди Эліоттъ была необыкновенно хороша въ этотъ вечеръ, такъ что всѣ глаза невольно обратились на нее. Гордая сознаниемъ своей красоты, она медленно шла по залъ, отвѣчая на привѣтствія кавалеровъ и дамъ легкимъ поклономъ своей прелестной головки. Темные глаза ея свѣтились торжествомъ побѣды; на щекахъ ея былъ легкой румянецъ; она привѣтливо улыбалась, хотя очаровательная улыбка ея полуоткрытыхъ пунцовыхъ губъ представляла оригинальный контрастъ съ тѣмъ выраженіемъ глубокаго страданія и ироніи, которое время отъ времени появлялось въ линияхъ рта.

Ея темные волосы, слегка приподнятые на лбу, падали пышными локонами на ея плечи и спину до самой талии. По низко вырѣзанному лифу спускалась нить большихъ красныхъ коралловъ прикрепленныхъ къ груди золотымъ щиткомъ, на которомъ виднѣлся миниатюрный портретъ принца Уэльскаго, окруженный жемчугомъ. Ея гладкое платье изъ темножелтаго атласа, обшито бруссельскими кружевами, съ большимъ шлейфомъ и длинными разрѣзными рукавами, подбитыми пунцовымъ атласомъ, было особенно эффектно среди широкихъ фижмъ, уродливыхъ и пестрыхъ туалетовъ другихъ дамъ.

Леди Эліоттъ остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ принца и почтительно поклонилась ему.

— Мой кузень, герцогъ Орлеанскій, желаетъ возобновить съ вами прежнее знакомство, миледи, сказала принцъ Уэльскій, едва отвѣчая на ея поклонъ.

Леди Эліоттъ сдѣлала глубокій реверансъ герцогу согласно французскому придворному этикету. „Я тотчасъ узнала васъ, сказала она.— Воспоминанія молодости никогда не изглаживаются изъ нашей памяти, ваше королевское высочество! Мы хранимъ ихъ какъ сокровище“...

Она чувствовала непреодолимое отвращеніе къ человѣку, котораго въ эту минуту увѣряла въ своей преданности. Она едва узнала его. Какимъ драхлымъ, отжившимъ казался онъ ей! Куда дѣвалась его сила, мужественная осанка, которыми она такъ восхищалась въ Мон-флери. Правда, образъ его напоминалъ ей лучшіе годы ея жизни; но не онъ-ли заронилъ въ ея душу первое стремленіе къ блеску, къ пустой свѣтской жизни своей тонкой лестью, своей болтовней... Не онъ ли погубилъ Натали?.. Но она сама помогла ему въ этомъ... Что побудило ее сечь его письмо?..

Однако леди Элиоттъ на столько владѣла собой, что ни въ тонѣ ея голоса, ни въ выраженіи лица, нельзя было замѣтить волновавшихъ ее ощущеній. Разговаривая съ герцогомъ, она любезно улыбалась ему.

— Вотъ уже почти десять лѣтъ, какъ вы уѣхали изъ Монфлери! сказалъ герцогъ.—Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, Парижъ совсѣмъ не тотъ, какимъ вы оставили его. Вы представить себѣ не можете, какъ теперь весело въ Парижѣ! Вы постоянно находитесь тамъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Пульсъ общественный бьется сильнѣе; разговоры сдѣлались разнообразнѣе и живѣе. Парижъ положительно помолодѣлъ!

— Иначе и быть не можетъ, ваше высочество: идеи имѣютъ живительную силу, онѣ должны были воскресить Францію...

— Вы сочувствуете имъ, миледи?

— Кто же не сочувствуетъ имъ! Идеи, которыя одушевляютъ нѣвшнюю Францію, святы и безсмертны...

— Но онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ неумолимо влекутъ васъ къ извѣстной цѣли и оставляютъ на пути своемъ кровь и смятеніе...

— Идеи не болѣе какъ оружіе, которое обращается противъ того, кто не умѣетъ дѣйствовать имъ, или кто слишкомъ легко относится къ своему дѣлу.

— Кто же послѣ того можетъ взяться за это оружіе? Развѣ каждый изъ насъ не считаетъ серьезнымъ то дѣло, которому служить, и не увѣренъ въ его правотѣ?..

— Счастливъ тотъ, кто искренно убѣжденъ въ этомъ! воспыннула леди Элиоттъ,—для того и пораженіе можетъ быть славнымъ, и смерть—торжествомъ! Развѣ страданіе и смерть за правое дѣло, за идею не высшее счастье?..

— Позвольте однако замѣтить вамъ, миледи, прѣрвалъ ее герцогъ, что вы обрекаете на участь мучениковъ всѣхъ насъ, поднявшихъ знамя свободы и равенства человѣческихъ правъ.

— Нѣтъ, ваше королевское высочество, я думаю только, что мученичество не остановитъ настоящихъ приверженцевъ новыхъ идей. Они не отступятся отъ нихъ, хотя бы имъ пришлось пасть въ борьбѣ и покрыть міръ своими трупами. Существуетъ одна свобода, и чтобы достигнуть ее, только два пути: побѣда или смерть.

— Но ей нужны не одни воины, но и жрицы. Идея свободы, какъ огонь, требуетъ поддержки. Вы должны непременно пріѣхать въ Парижъ, миледи. Наши салоны теперь изображаютъ собою преддверіе національнаго собранія; они должны сдѣлаться ареной вашей дѣятельности. Ваше сердце увлекается свободой; посвятите себя ей. Партія короля имѣетъ свою жрицу— м-ше Сталь; почему-же леди Элиоттъ не можетъ быть представительницей партіи герцога Орлеанскаго?

Леди Элиоттъ съ глубокимъ презрѣніемъ взглянула на своего собесѣдника, но тотчасъ же пересилила себя и отвѣтила улыбаясь:

— Очень благодарна вамъ за ваше милостивое предложеніе, но я не предвижу никакой возможности попасть въ Парижъ.

— Возможность явится, если вы захотите... Приѣзжайте только!.. Будьте богиней Пале-Рояля! нѣжно возразилъ герцогъ, котораго глаза снова разгорѣлись при видѣ прелестной женщины, которая казалась ему теперь еще красивѣе, такъ какъ лицо ея оживилось во время разговора и щеки были покрыты яркимъ румянцемъ.

Звуки громкой музыки, раздававшейся въ концертной залѣ, заглушили оскорбительное предложеніе герцога Орлеанскаго и презрительный отвѣтъ леди Эліоттъ. Однако, несмотря на сильное отвращеніе и едва сдерживаемый гнѣвъ, она должна была, согласно этикету, принять руку герцога и отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ залу, гдѣ гостей ожидалъ роскошный ужинъ.

ГЛАВА VI.

Шевалье С.-Мало.

Въ свѣтѣ герцога Орлеанскаго былъ шевалье С.-Мало. Развѣ леди Эліоттъ не узнала его, или не хотѣла узнать? Почему же она такъ холодно отвѣтила на его поклонъ? Между тѣмъ она хорошо помнила его и по прежнему чувствовала къ нему непреодолимое отвращеніе. Она старалась не глядѣть на него, но тѣмъ упорнѣе преслѣдовалъ онъ ее своими черными прищуренными глазами, въ которыхъ было столько скрытой насмѣшки. Леди Эліоттъ казалось, что онъ все знаетъ и презираетъ ее; она отъ души ненавидѣла этого человѣка, хотя сознавала свою вину передъ нимъ. Но леди Эліоттъ также ошибалась относительно С.-Мало, какъ и десять лѣтъ тому назадъ: она воображала, что онъ все знаетъ и слѣдитъ за нею. Но шевалье С.-Мало ничего не зналъ и думалъ только о самомъ себѣ и своихъ дѣлахъ. Честолюбіе и любовь къ деньгамъ составляли преобладающую черту его характера и цѣль всѣхъ его стремленій. Судьба долго благопріятствовала ему, но вотъ наступили другія времена, и на пути его встрѣтились подводные камни; онъ не могъ обойти ихъ и ясно видѣлъ, что рано или поздно потеряетъ все то, чѣмъ дорожилъ въ жизни и что считалъ достойной наградой своихъ трудовъ.

Шевалье С.-Мало происходилъ изъ стариннаго бретонскаго рода, который въ своихъ помѣстьяхъ пользовался широкими феодальными правами охоты, суда, пошлинъ, налоговъ, барщины и т. п. Но шевалье какъ младшій сынъ наследовалъ отъ отца своего одно только имя и долженъ былъ самъ пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ. Въ средніе

вѣка война и разбой доставляли дворянамъ вѣрныя средства къ жизни, но съ тѣхъ поръ нравы измѣнились, и С.-Мало по-неволю выбралъ себѣ другую дѣятельность. Счастливымъ случай свелъ его съ герцогомъ Орлеанскимъ, который былъ богатъ, пользовался большимъ вліяніемъ и послѣ короля считался первымъ лицомъ во Франціи. Герцогъ назначилъ С.-Мало своимъ адъютантомъ и былъ на столько милостивъ къ нему, что самъ вызвался устроить его бракъ съ дочерью откупщика де-Бургиньона, которая была одна изъ самыхъ красивыхъ и богатыхъ невѣстъ во Франціи. Правда, фамилія де-Бургиньоновъ не принадлежала къ старому французскому дворянству, и С.-Мало, прямой потомокъ древнихъ бретонскихъ рыцарей, при другихъ обстоятельствахъ быть можетъ и не рѣшился бы жениться на такой незнатной дѣвушкѣ, какъ Натали де-Бургиньонъ. Всѣмъ было тогда извѣстно въ Парижѣ, что отецъ ея былъ простой буржуа, по имени Лагэ, который благодаря счастливымъ спекуляціямъ и услугамъ, оказаннымъ Шуазелю, получилъ мѣсто откупщика и, по обычаю подобныхъ людей, въ короткое время составилъ себѣ громадное состояніе. Затѣмъ Лагэ съ помощью значительной суммы денегъ выхлопоталъ себѣ дворянство, гербъ и право носить фамилію де-Бургиньонъ по имени помѣстья Бургиньонъ, приобрѣтеннаго имъ на югѣ Франціи. Обезпечивъ себя титуломъ, онъ женился на хорошенькой 18-ти лѣтней дѣвушкѣ, дочери одного обѣднѣвшаго дворянина, пріѣхалъ съ нею въ столицу и открылъ салонъ, гдѣ герцогъ Орлеанскій, тогда еще носившій титулъ Шартрскаго, былъ однимъ изъ самыхъ частыхъ его посѣтителей. Герцогъ никогда не справлялся о родословномъ деревѣ въ тѣхъ домахъ, гдѣ могъ найти хорошій обѣдъ и красивыхъ женщинъ, и былъ всегда на столько либераленъ, что открыто покровительствовалъ разнымъ парвеню, въ противоположность своимъ двоюроднымъ братьямъ, которые строго придерживались этикета.

О молодой четѣ скоро заговорили въ Парижѣ, хотя молода была только хозяйка дома, такъ какъ самому де-Бургиньону было въ это время около пятидесяти лѣтъ. Конечно, ея присутствіе преимущественно и привлекало посѣтителей, и она скоро сдѣлалась центромъ большого и блестящаго кружка. Ходили слухи, что герцогъ былъ сильно увлеченъ красотою г-жи де-Бургиньонъ, но на это нието не обратилъ особеннаго вниманія, потому что въ Парижѣ тогда еще было спокійно, и ухаживанье за хорошенькой женщиной считалось наилучшимъ препровожденіемъ времени.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Г-жа де-Бургиньонъ постарѣла и стала часто хворать. Герцогъ все рѣже и рѣже являлся въ отелѣ, но тѣмъ чаще посѣщалъ Монфлери, гдѣ воспитывалась Натали, молоденькая дочь г-жи де-Бургиньонъ. Онъ находилъ въ дѣвочкѣ большое сходство съ матерью, только она казалась ему еще красивѣе, чѣмъ была та въ дни цвѣтущей молодости. Такимъ образомъ герцогъ, принимая самое живое участіе въ судьбѣ молодой дѣвушки, послѣшилъ выдать ее

замужъ за своего адъютанта С.-Мало, какъ только она кончила свое воспитаніе въ монастырѣ.

Мѣсяцъ спустя послѣ этой свадьбы г-жа де-Бургиньонъ умерла. Смерть ея глубоко огорчила Натали, тѣмъ болѣе что она повела къ печальной перемѣнѣ въ судьбѣ ея младшаго брата. Съ того момента, какъ г-жа де-Бургиньонъ въ послѣдній разъ позвала своего мужа и о чемъ-то разговаривала съ нимъ, онъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человекомъ. До этого онъ боготворилъ своего сына больше всего на свѣтѣ, предупреждалъ малѣйшія желанія мальчика и съ гордостью высочки называлъ его не иначе, какъ мосье де-Бургиньонъ. Теперь онъ впалъ въ другую крайность и, казалось, чувствовалъ къ сыну такую ненависть, что минутами готовъ былъ убить его. Никто не зналъ причины этого. Говорили, что г-жа де-Бургиньонъ передъ смертью открыла своему мужу какую-то тайну, и что будто бы она настаивала, чтобы сынъ ея поступилъ въ духовное званіе...

Но это были только догадки—одно было несомнѣнно, что отецъ сурово разстался съ сыномъ, единственнымъ наслѣдникомъ его имени и громаднаго состоянія, и отдалъ его въ Кармелитскій монастырь въ улицѣ de Beaugirard съ тѣмъ, чтобы онъ былъ постриженъ въ монахи по достиженіи совершеннолѣтія.

Послѣ того старикъ уѣхалъ въ свое помѣстье и рѣдко пріѣзжалъ въ Парижъ.

С.-Мало торжествовалъ. Ему и въ голову не приходила возможность удалить Жильбера или помимо его какимъ нибудь образомъ овладѣть огромнымъ наслѣдствомъ бывшаго откупщика; все устроилось само собою; дѣйствительность превзошла самыя смѣлыя его ожиданія. Онъ стоялъ у цѣли своихъ желаній, и будущность представлялась ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ.

Между тѣмъ герцогъ Орлеанскій какъ нарочно давалъ ему порученіе за порученіемъ. Сперва онъ долженъ былъ отправиться въ Лондонъ съ вышеупомянутымъ письмомъ герцога къ принцу Уэльскому. Затѣмъ его послали въ Америку съ поздравленіями отъ герцога, и разными приказами и письмами задержали его тамъ дольше, чѣмъ онъ могъ ожидать, судя по тому, что ему было сказано при отъѣздѣ. Послѣднее порученіе было ему особенно тяжело. Онъ вовсе не радовался провозглашенію республики въ Америкѣ. Ему казались совершенно неумѣстными сношенія герцога съ мятежниками и какими-то типографщиками, игравшими роль дипломатовъ. А тутъ еще его задержали въ Нью-Йоркѣ, и ему пришлось жить среди этихъ скучныхъ лавочниковъ и мѣщанъ... Наконецъ онъ вернулся въ Парижъ, но уже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ противъ герцога Орлеанскаго...

С.-Мало надѣялся, что въ Парижѣ по крайней мѣрѣ онъ отдохнетъ среди знакомой ему среды отъ испытанныхъ имъ непріятностей. Но въ Парижѣ онъ увидѣлъ чуть ли не то же, что въ Америкѣ и не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ: буржуазія подняла голову... всѣ

сословія смѣшались... говорились рѣчи... всѣ толковали о свободѣ... Наконецъ, въ довершеніе всего даже герцогъ Орлеанскій перешелъ на ихъ сторону. Въ ночь на 4 августа 1789 года онъ былъ во главѣ дворянъ, которые, забывая свое достоинство, съ возмутительнымъ единодушіемъ положили свои *lettres de noblesse* на столъ національнаго собранія и отказались безъ всякаго вознагражденія отъ своихъ вѣковыхъ правъ: отъ барщины, охоты, суда, отъ правъ имущественныхъ и поземельныхъ,—отъ всего, что дѣлало Французское дворянство такимъ могущественнымъ!..

Съ этимъ не могъ помириться С.-Мало. Первое его чувство къ революціи было равнодушіе и презрѣніе, но теперь онъ ненавидѣлъ ее отъ всей души, ненавидѣлъ минутами и самого герцога Орлеанскаго. Цѣлая пропасть раздѣляла Пале-Рояль отъ Тюльери, но С.-Мало чувствовалъ, что всѣ симпатіи его на сторонѣ послѣдняго, что для него, дворянина и аристократа, больше чести погибнуть защищая несчастнаго короля, нежели одержать побѣду за-одно совсей этой толпой...

С.-Мало сознавалъ, что служилъ герцогу не въ силу семейныхъ традицій или убѣжденій и что только случай, а затѣмъ прямой расчетъ, свели его съ герцогомъ Орлеанскимъ, но онъ тѣмъ не менѣе носилъ его шпагу, и этого было достаточно, чтобы удержать его при герцогѣ. Родъ С.-Мало имѣлъ много грѣховъ и преступленій на совѣсти, но онъ всегда стоялъ за честь или то, что считалъ своей честью; ни одинъ изъ его представителей не измѣнилъ влѣтвѣ, произнесенной на шпагѣ. Сильная борьба происходила въ душѣ С.-Мало, но онъ все-таки отказался на-отрѣзъ отъ предложеній, которыя ему были сдѣланы изъ Тюльери, утѣшая себя тѣмъ, что честь его останется неприкосновенною. Онъ не подозрѣвалъ, что его честь уже пострадала въ другомъ дѣлѣ, которое было еще щекотливѣе и очень близко касалось его. Когда онъ возвратился изъ Америки, стѣны монастыря на время скрыли отъ него печальную тайну и позоръ его жены.

Натали С.-Мало при своемъ мечтательномъ характерѣ и религіозности тяготилась шумомъ и блескомъ парижскихъ салоновъ, гдѣ ее окружали многочисленные поклонники. Она часто вспоминала мирные и счастливые дни, проведенные ею въ Монфлери и, оставшись одна послѣ отъѣзда мужа, добровольно вернулась въ монастырь, гдѣ провела ранніе годы своей молодости. Французскіе монастыри передъ революціей представляли довольно своеобразное явленіе. Они не только служили преддверіемъ неба и убѣжищемъ для людей, отказавшихся отъ свѣта и думавшихъ только о спасеніи души, но также давали временной пріютъ тѣмъ, которые искали защиты или отдыха за ихъ стѣнами. Удаленіе Натали въ монастырь никому не казалось страннымъ, такъ какъ она могла опять возвратиться въ свѣтъ, и всѣ были увѣрены, что она сдѣлаетъ это тотчасъ по возвращеніи мужа.

Но едва шевадье С.-Мало вернулся въ Парижъ, какъ Натали объявила ему о своемъ твердомъ намѣреніи постричься въ монахини

и настоятельно просила развода. Шевалье былъ сильно встревоженъ этимъ. Хотя женитьба его не имѣла другаго повода, кромѣ денежнаго разсчета, но въ его глазахъ Натали получила двойную цѣну съ тѣхъ поръ, какъ братъ ея былъ лишень наследства: онъ видѣлъ въ ней вѣрную гарантію на полученіе вѣрнаго богатства. Онъ не справлялся о томъ, что побудило стараго откупщика засадить насильно своего единственнаго сына въ монастырь, и не былъ вовсе возмущенъ его жестокимъ и неестественнымъ поступкомъ. Для С.-Мало это былъ только совершившійся фактъ, и онъ старался извлечь изъ него пользу. Просьба Натали о разводѣ была въ высшей степени неприятна для него и могла разрушить всѣ его планы; но съ другой стороны ему было нужно во что бы ни стало задержать ее въ Монфлери до окончанія одного дѣла. Онъ не далъ своей женѣ опредѣленнаго отвѣта и, оставивъ ее въ монастырѣ, уѣхалъ въ свой отель, находившійся въ улицѣ Ришелье, близъ Пале-Рояля.

Не задолго передъ тѣмъ Жильберъ де-Бургиньонъ вторично бѣжалъ изъ заключенія, и С.-Мало рѣшилъ отдѣлаться отъ него болѣе энергическимъ способомъ. Онъ зналъ, что Натали горячо любитъ своего брата и что только желѣзная воля отца заставила ее примириться съ его печальной участью; она вѣроятно и теперь заступилась бы за него, еслибы въ это время была въ Парижѣ, и помѣшала бы своему мужу исполнить его преступный замыселъ. Къ несчастію Жильбера Натали осталась въ монастырѣ, а суровый отецъ жилъ безвыѣздно въ своемъ помѣстьѣ, — ничто не стѣсняло шевалье С.-Мало... Благодаря своему обширному знакомству онъ безъ всякаго труда досталъ такъ называемый *lettre de cachet* и заперъ брата своей жены въ Бастилію. Это была едва ли не послѣдняя ея жертва. Вслѣдъ затѣмъ Бастилія была разрушена, и С.-Мало былъ увѣренъ, что Жильберъ погибъ подъ ея развалинами. Онъ считалъ себя внѣ опасности и спокойно принялъ извѣстіе, что Натали оставила монастырь и отправилась къ отцу, который въ это время былъ при смерти. Онъ ничего не имѣлъ противъ своей жены и только боялся ея присутствія, пока Жильберъ былъ на свободѣ,

„Пусть она вернется, думалъ онъ, теперь она мнѣ не мѣшаетъ. Мнѣ надоѣло одиночество“.

Онъ еще не зналъ тогда одной тайны... Но онъ долженъ былъ скоро узнать ее.

ГЛАВА VII.

Валтасаровъ пирь.

Шевалье С.-Мало вмѣстѣ съ другими гостями отправился въ столовую Королевскаго Павильона. Стѣны ея были изъ бѣлаго мрамора, а хоры, обнесенныя золотой рѣшеткой, поддерживались огромными каріатидами и колоннами съ золотыми цоколями и капителями. Сотни свѣчей ярко горѣли въ хрустальныхъ люстрахъ и золотыхъ изящныхъ канделябрахъ; издали раздавались гармоническіе звуки музыки. Великолѣпно сервированные столы сверкали золотомъ, дорогимъ фарфоромъ и хрусталемъ; тутъ были и роскошные букеты въ китайскихъ вазахъ, и акваріи съ золотыми рыбами. Съ высokaго свода на золотыхъ проволокахъ опускались колибри, и, качаясь въ воздухѣ, блестяли какъ красныя и зеленныя звѣздочки.

Общество размѣстилось за множествомъ столиковъ, накрытыхъ для двухъ, четырехъ и болѣе персонъ. Лакеи были въ старомъ придворномъ костюмѣ, напудренныхъ парикахъ и въ бархатныхъ ливреяхъ.

Герцогъ Орлеанскій и леди Эліоттъ сидѣли за особымъ столомъ.

— Не нравятся мнѣ эти испанскія вина! воскликнулъ герцогъ, отодвигая отъ себя стаканъ пурпурно-краснаго вина. Развѣ можно сравнить ихъ съ нашимъ шампанскимъ!..

— Но здѣсь наполовину пѣны, отвѣтила леди Эліоттъ съ улыбкой, вытирая кружевнымъ платкомъ капли вина, упавшія изъ бокала на ея руку.

— Вы кажется не раздѣляете моего вкуса, миледи! Но смотрите, какая игра, какъ оно искрится! продолжалъ герцогъ, поднимая свой бокалъ. — Здѣсь вы видите жизнь, какъ она есть, она льется черезъ край...

— Жизнь, которая ничего не оставляетъ за собою и исчезаетъ какъ мимолетное удовольствіе!

— Но удовольствіе всегда мимолетно, миледи. Въ этомъ вся его прелесть. Одно удовольствіе смѣняется другимъ. Когда вы погасите свѣчу, то лучше полный мракъ, чѣмъ скудный мерцающій полусвѣтъ, угасающій мало по малу. Движеніе, вѣчная переменна лучше застоя и томительнаго однообразія. Лучше смерть, чѣмъ мука... Да здравствуетъ революція!

— Блуждающіе огни также горятъ, ваше королевское высочество, но горятъ на болотѣ. Они манятъ усталаго путника, мерцаютъ и танцуютъ передъ нимъ, и исчезаютъ въ ту минуту, когда для него уже нѣтъ возврата. Они оставляютъ за собою проклятiе—и въ этомъ какъ будто ихъ назначеніе!..

— Что имъ до этого проклятiя, миледи? Что такое будущность! Намъ принадлежитъ только настоящее, и то какойнибудь моментъ. Но онъ нашъ... Все остальное—достояніе прошедшаго или будущаго!

— Но этого слишкомъ мало, ваше королевское высочество! отвѣтила леди Эліоттъ, слегка прикасаясь губами къ бокалу, который она держала въ рукѣ.

— Нѣтъ, этого достаточно, миледи! сказалъ герцогъ, пожирая глазами свою хорошенькую собесѣдницу: развѣ мы не чувствуемъ очарованія красоты? Развѣ минута наслажденія не выше пѣлыхъ вѣковъ безсмертія? Не общайте мнѣ ничего въ будущемъ — оно не принадлежитъ намъ! Дайте мнѣ взглянуть на эти прелестныя глазки, прикоснуться къ этимъ роскошнымъ устамъ и слиться съ ними въ долгомъ безконечномъ поцѣлуѣ... Не говорите мнѣ о завтрашнемъ днѣ!.. Кто можетъ знать, что будетъ завтра, или даже въ слѣдующій моментъ...

Герцогъ не окончилъ своей фразы, такъ какъ въ эту минуту слышался звонъ стакановъ и рѣзкій звукъ разбитаго стекла.

Герцогъ поблѣднѣлъ... Не почудилось ли ему, что таинственная рука двигается по стѣнѣ, какъ во время Валтасарова пира?

Нѣтъ,—это былъ только кулакъ „самаго безукоризненнаго джентльмена въ Европѣ“, которымъ онъ ударилъ по столу съ такой силой, что стаканы полетѣли на полъ. Его королевскимъ высочествомъ овладѣлъ обычный недугъ, который часто посѣщалъ его въ послѣднее время и который не рѣдкость было встрѣтить въ тогдашней Англій, даже въ лучшемъ обществѣ. Этотъ недугъ господствовалъ и между приверженцами С.-Джемса, и въ кружкахъ оппозиціи.

Принцъ Уэльскій сидѣлъ за однимъ столомъ съ Шериданомъ и Фоксомъ, которые были сильно навеселѣ; но всѣхъ пьянѣе былъ будущій глава Британскаго государства.

— Заприте всѣ двери! крикнулъ онъ слугамъ, какъ онъ это всегда дѣлалъ въ подобныхъ случаяхъ. — Всѣ должны оставаться на своихъ мѣстахъ! Если кому вздумается уйти отсюда, тотъ не отдѣлается отъ „ночнаго колпака“!

Такъ назывался особенный крѣпчайшій пуншъ, изобрѣтенный его королевскимъ высочествомъ.

Принцъ Уэльскій всталъ съ мѣста. За нимъ поднялись его собесѣдники: Шериданъ и Фоксъ. Остальное общество осталось на своихъ мѣстахъ, изъ боязни разгнѣвать его королевское высочество.

Герцогъ Орлеанскій подошелъ къ принцу Уэльскому. Леди Эліоттъ послѣдовала за нимъ, никѣмъ незамѣченная.

Что побудило ее къ этому? Она была недовольна поведеніемъ принца, почти презирала его въ эту минуту, но въ то же время среди веселаго общества, смѣха и звона бокаловъ она готова была упасть къ его ногамъ и умолять его... но о чемъ... Она сама не знала.

Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ихъ королевскихъ высочествъ, которые, удалившись отъ остальнаго общества, зашли за колонну.

— Ну, сказалъ принцъ, прикоснувшись къ плечу герцога, — какого ты мнѣнія о моемъ вкусѣ? Что ты скажешь о леди Эліоттъ?

Голосъ принца возбудилъ ея вниманіе, но услыхавъ свое имя, она стала прислушиваться съ удвоеннымъ напряженіемъ. Сердце ея сильно билось.

— Мой милый кузень, отвѣтилъ герцогъ Орлеанскій, понизивъ голосъ, я готовъ отдать половину жизни, чтобы...

— Я зналъ это... отвѣтилъ принцъ, едва ворочая языкомъ. — Понимаю, что ты хочешь сказать... Но если ты говоришь серьезно, кузень, то ты можешь получить ее болѣе дешевою цѣной...

— Никакая цѣна не дорога для меня, кузень! прервалъ его герцогъ Орлеанскій.

— Ну, хорошо!.. Ты долженъ обѣщать мнѣ, что увезешь ее съ собою во Францію и какъ можно скорѣе... Она мнѣ надоѣла и только...

Около нихъ послышался легкій какъ бы подавленный крикъ.

— Что это такое? съ удивленіемъ спросилъ принцъ.

— Вѣрно кто нибудь подслушалъ насъ, сказалъ герцогъ, озираясь кругомъ.

Но никого не было видно. Черезъ залу въ это время проходила леди Эліоттъ, величественно раскланиваясь съ гостями. Никто не замѣтилъ ее въ ту минуту, какъ она стояла у колонны и никто изъ остальнаго общества не слышалъ ея крика.

— Кажется она уходитъ! сказалъ герцогъ съ видимымъ беспокойствомъ.

— Не все ли тебѣ равно!.. Развѣ тебѣ далеко дойти до ея виллы, — возразилъ принцъ.

— Какъ! ты позволяешь?..

— Сколько угодно, только избавь меня отъ этой!..

Въ этотъ моментъ леди Эліоттъ скрылась за тяжелой бархатной портьерой. Она почти не замѣтила, какъ очутилась на луку среди глубокаго мрака. Теперь ей не нужно было сдерживать своихъ рыданій. Буря и ревъ моря заглушали ихъ.

ГЛАВА VIII.

Встрѣча обѣихъ Магдалинъ.

— Боже мой! что это!.. Неужели это были его слова? — воскликнула съ отчаяніемъ леди Эліоттъ, заливаясь горькими слезами.

Расходилась буря на безбрежномъ морѣ, ревѣла и стонала она, заглушая крики и жалобы несчастной женщины; вѣтеръ разносилъ ихъ... Наконецъ сознаніе своего полного ничтожества передъ дикимъ

величіемъ природы мало по малу овладѣло ею, и она затихла. Полу-машинально, безъ слезъ шла она по кремнистому берегу, залитому дождемъ и прибоемъ волнъ; холодная сырость охватывала ее, камни разрывали ея тонкую обувь. Вѣтеръ сорвалъ вуаль съ ея головы, путаль ея длинные волосы; нить коралловъ разсыпалась по землѣ, упалъ и драгоценный медальонъ, украшенный жемчугомъ, платье ея промочило отъ дождя.

Передъ нею раскрывался безконечный грозный океанъ. Волны бились объ утесы, какъ о прикованные титаны, и молили принять ихъ въ свое лоно; но утесы отбрасывали ихъ—онѣ подступали вновь и опять отступали, какъ будто не находя себѣ покоя.

Леди Эліоттъ бросилась на мокрый берегъ. Не сонъ ли это? Неужели вся ея прошлая жизнь не существовала! Замокъ, роскошный пиръ, люди сидѣвшіе за столами, говоръ, смѣхъ—все исчезло. Ничего не осталось, кромѣ ночи, бури и моря.

Она была одна. Волны доходили до ногъ ея, осыпая ее брызгами. Можетъ быть какая нибудь волна унесетъ ее съ собою... Отчего у ней нѣтъ достаточно мужества, чтобы броситься въ море? Стоитъ только сдѣлать два-три шага—и всему конецъ... Но что ждетъ ее тамъ? Вода такая холодная и черная!.. Не встрѣтитъ ли она въ волнахъ то, чего боялась больше смерти? Ей казалось, что она видитъ возлѣ себя тѣло убитаго мужа; черты лица были знакомы; рука его крѣпко сжимала ея руку. Она вскочила въ ужасѣ. Неужели только смерть избавить ее отъ этихъ мученій! Къ берегу опять подступили волны и, казалось, тянули ее въ пропасть.

Но вотъ среди рева бури и вѣтра она услышала, что кто-то зоветъ ее по имени. „Грѣсъ, Грѣсъ!“ слышалось ей. Это былъ голосъ любимой подруги ея дѣтства. Она узнала бы его среди тысячи голосовъ. Какъ могла очутиться Натали на этомъ пустынномъ берегу? Быть можетъ она умерла, и душа ея зоветъ ее къ себѣ?..

Голосъ то казался сильнѣе, то какъ будто слабѣлъ и удалялся отъ нея. Леди Эліоттъ остановилась въ недоумѣніи. Черезъ секунду она опять услышала: „Грѣсъ! Грѣсъ!“ Не изъ воды ли этотъ слабый крикъ?.. Нѣтъ, зовъ повторился, и очевидно на берегу. Леди Эліоттъ бросилась въ другую сторону; но было такъ темно, что въ двухъ шагахъ нельзя было ничего различить. Она долго ходила взадъ и впередъ, прислушивалась, но все напрасно—и пришла въ отчаяніе... Вдругъ она услышала за собою: „Грѣсъ! Грѣсъ!“

— Натали! — воскликнула она. Обѣ женщины бросились другъ другу въ объятія.

ГЛАВА IX.

Сватовство мосье Друэ.

Бекки не скучала въ отсутствіе леди Элиоттъ, такъ какъ съ нею былъ мосье Друэ. Они сидѣли у камина въ маленькой уютной комнатѣ нижняго этажа, дверь которой выходила въ залу.

Огонь весело горѣлъ за желѣзной рѣшеткой; только по временамъ вѣтеръ, завывавшій въ трубѣ, врываясь въ комнату, наполнялъ ее дымомъ и пепломъ.

— Нечего сказать, хороша погода! говорила Бекки при каждомъ новомъ порывѣ вѣтра, не замѣчая, что повторяетъ одну и ту-же фразу чуть-ли не въ десятый разъ.

— Ну, ну, отвѣтилъ мосье Друэ, который до этого молча покуривалъ изъ своей глиняной трубки,—если всѣмъ такъ хорошо какъ мнѣ, то еще можно жить на свѣтѣ.

Друэ казался въ наилучшемъ расположеніи духа. Въ рукахъ у него была его любимая трубка съ табакомъ, чашка чаю, налитая руками Бекки; наконецъ рядомъ съ нимъ сидѣла она сама на деревянномъ креслѣ, обитомъ кожей.

— Видите ли, миссъ Бекки, продолжалъ онъ, съ разстановкой: мое давнишнее желаніе сидѣть когда нибудь у моего собственнаго камина и имѣть возлѣ себя особу, которая пользуется хорошей репутаціей. Потому что, видите ли, миссъ, мы старѣмся со дня на день, и свѣтъ становится все хуже...

— На все воля Божія! отвѣтила со вздохомъ Бекки.

— Свѣтъ становится хуже, а мы старѣмся, повторилъ мосье Друэ. Право, я не понимаю, чего мы ждемъ...

Мосье Друэ послѣ этой фразы погрузился въ свое обычное молчаніе, которое находило на него всякій разъ, когда разговоръ касался извѣстной темы. Ни онъ, ни Бекки не могли разрѣшить вопроса: чего они ждутъ, и прийти къ желанному концу, тѣмъ болѣе что всегда случалось что нибудь неожиданное и прерывало ихъ объясненіе въ самомъ началѣ. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ и даже послѣдніе три-четыре года, когда Друэ почувствовалъ особенную склонность къ Бекки. Собственно взаимная любовь этихъ пожилыхъ людей началась въ Студей-Голлѣ, такъ какъ здѣсь, вспоминая свое старое знакомство въ Монфлери, они вели между собою долгія бесѣды и незамѣтно дошли до нѣжныхъ признаній, которыя впрочемъ никогда не переходили извѣстной границы.

Но сегодня мосье Друэ рѣшился дѣйствовать смѣлѣе и довести дѣло до конца, не смотря ни на какія препятствія.

Бекки скромно смотрѣла въ свою чашку, какъ прилично добродѣтельной дѣвицѣ; ея лобъ, уши, щеки, подбородокъ покраснѣли,

точно огонь въ каминѣ, и только глаза ея блестяли, какъ два черные уголька. Вѣроятно это сравненіе пришло въ голову и самому мосье Друэ, потому что онъ попеременно смотрѣлъ, то на огонь въ каминѣ, то на пылавшее лицо Бекки.

Наконецъ вдохновеніе посѣтило его, и онъ почувствовалъ приливъ краснорѣчія.

— Вотъ ужъ погода! мосье Друэ. Смотрите-ка, сказала Бекки, указывая ему на яркое пламя, вспыхнувшее въ каминѣ отъ сильнаго порыва вѣтра,—между тѣмъ какъ на дворѣ слышался глухой шумъ бури и прибой морскихъ волнъ.

— Да, да! отвѣтилъ мосье Друэ: погода неприятная! Но право все забываешь и на душѣ дѣлается отравно, когда видишь такое хорошее лицо, какъ ваше, миссъ Бекки. Оно можетъ согрѣть сердце лучше всякаго камина и освѣтить самое мрачное жилище... Когда я думаю о своемъ домѣ и представляю себѣ, какъ въ немъ скучно въ такую ночь, то у меня является сильнѣйшее желаніе, чтобы ваше лицо было въ моемъ домѣ. Отъ него бы сразу потеплѣло.

— Но, мосье Друэ, у васъ вѣрно есть каминъ въ домѣ!

— Разумѣется, миссъ Бекки. Но я не это хотѣлъ сказать. Дѣло не въ однихъ каминѣхъ — но около камина нужно сидѣть вдводемъ; ужъ такъ принято... Говоря откровенно, мысль, что я буду сидѣть одинъ у камина, всего болѣе мѣшала мнѣ завести собственное хозяйство, хотя у меня прехорошенькій домъ на улицѣ de Charenton, въ предмѣстьѣ С.-Антуанъ... Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ во мнѣ созрѣла рѣшимость не кончать жизни въ одиночествѣ!.. Въ молодости и такъ хорошо живется, а подъ старость мы нуждаемся въ другѣ; можно заболѣть, сдѣлаться хилымъ, хромымъ или глухимъ, какъ это часто бываетъ. Тогда ничто не можетъ быть лучше любви, миссъ Бекки!

Бекки кивнула головой въ знакъ согласія и вздохнула.

— Вѣрите мнѣ, миссъ, чужіе люди совсѣмъ не то, что близкій другъ... Вотъ я и рѣшилъ не кончать своей жизни между чужими людьми. Я скопилъ кругленькую сумму денегъ, и когда былъ въ послѣдній разъ въ Парижѣ, то купилъ себѣ домъ. Теперь это самая выгодная афера! Съ тѣхъ поръ какъ начался бунтъ, дома въ Парижѣ стали также дешевы, какъ воробьи; съ горстью луидоровъ я вамъ приобрѣту лучшей графскій отель въ С.-Жерменскомъ предмѣстьѣ. У кого луидоры въ карманѣ, тотъ въ настоящее время пробьетъ себѣ дорогу во Франціи!.. Благодаря тому, что у нихъ пущены въ ходъ грязныя бумажки, называемыя ассигнаціями, они сдѣлались также падки на золото, какъ сороки!.. Ну, старый Друэ всегда зналъ, гдѣ раки зимуютъ, и понемногу все откладывалъ деньги на черный день... Вотъ у него теперь и луидоры въ карманѣ, и свой домъ въ предмѣстьѣ!

Бекки слушала съ величайшимъ вниманіемъ своего собесѣдника, хотя его финансовыя соображенія были не совсѣмъ понятны ей. Но

двѣ вещи были для нея ясны, какъ день: во-первыхъ, что мосье Друэ необыкновенно уменъ; во-вторыхъ, что у него собственный домъ въ Парижѣ.

— Почему-же вы до сихъ поръ не переѣхали въ свой домъ, мосье Друэ?

— Я очень радъ, миссъ, что вы заговорили объ этомъ, отвѣтилъ Друэ серьезнымъ голосомъ, выпрямившись на своемъ стулѣ. Я теперь могу высказать то, что у меня на сердцѣ. Видите-ли, я усталъ раздѣлывать по свѣту съ моимъ господиномъ и въ добавокъ я не желаю больше оставаться въ его домѣ. Мнѣ собственно жаль м-ше Натали, которую я носилъ на рукахъ, когда она была ребенкомъ. Какъ подумаю о ней, такъ у меня и сожмется сердце; кажется готовъ-бы душу свою отдать за нее. Но она въ монастырѣ, мосье Жильберъ пропалъ безъ вѣсти, а старому де-Бургиньону я ненуженъ,—у него и помимо меня много слугъ. Что-же касается шеваляе С.-Мало, то чѣмъ раньше я уйду отъ него, тѣмъ лучше; не особенно-то приятно служить у него!.. Однимъ словомъ, миссъ Бекки, пора наконецъ кончить то, о чемъ я уже давно хотѣлъ сказать вамъ...

Мосье Друэ всталъ съ своего стула и торжественно подошелъ къ Бекки, которая также поднялась съ мѣста, стыдливо потупивъ глаза.

— Миссъ Бекки, мы старѣмся со дня на день, а свѣтъ становится все хуже...

Мосье Друэ опять не кончилъ своей фразы, такъ какъ въ эту минуту послышался стукъ въ наружную дверь.

Влюбленные, которые на этотъ разъ совсѣмъ готовы были протянуть другъ другу руки, остановились въ недоумѣннн.

— Господи! пресвятая Богородица! кто-же это стучится? Вѣдь это со стороны моря! Даже малый ребенокъ въ Брайтонѣ знаетъ, что главный входъ съ другой стороны. Миледи еще въ Павлионѣ, я никого не впускаю, пока она не вернется...

Стукъ желѣзнаго кольца у двери послышался еще сильнѣе.

— Господи! что мнѣ дѣлать?.. Иду... Сейчас!.. говорила Бекки. Лишь-бы не пьяный, и не привидѣннн... Съ этими словами Бекки вышла въ залу и направилась къ двери, ведущей въ переднюю.

— Ничего не выйдетъ изъ этого, проговорилъ съ досадой Друэ, отталкивая ногой кресло.—Каждый разъ, когда я начну дѣло какъ слѣдуетъ, всегда явится какая-нибудь проклятая помѣха!.. Нѣтъ, ничего не выйдетъ изъ этого!..

Онъ слышалъ, какъ его возлюбленная шла по залѣ, затѣмъ вошла въ переднюю и какъ зазвенѣла цѣпь въ ея рукахъ, когда она отодвинула тяжелый желѣзный засовъ.

Друэ не могъ спокойно оставаться на своемъ мѣстѣ и рѣшилъ удостовериться собственными глазами, не грозитъ-ли какая опасность его Бекки. Онъ вышелъ въ залу, но въ эту минуту изъ передней подулъ вѣтромъ и дверь захлопнулась съ такой силой, что онъ отско-

чиль въ испугѣ, а лампа, горѣвшая въ залѣ, слетѣла со стола и разбилась въ дребезги.

Друзь очутился въ темнотѣ. Онъ былъ въ нерѣшимости: остаться-ли ему въ залѣ, или же поспѣшить на помощь своей возлюбленной, но тутъ онъ услышалъ шумъ шаговъ и жалобный возгласъ Бекки: „Боже мой, что это?.. Пресвятой Андрей Шотландскій! Что съ вами моя дорогая миледи?.. Господи, жива-ли она?“

Друзь вышелъ въ сосѣдную комнату и принесъ свѣчу. Онъ увидѣлъ посреди залы леди Эліоттъ съ распущенными волосами и въ бальномъ нарядѣ, промокшемъ отъ дождя. Она придерживала другую женщину, въ черномъ монашескомъ платьѣ, съ бѣлымъ платкомъ на головѣ, которая была блѣдна какъ смерть и казалась въ обморокѣ.

— Боже мой! Она умерла! вскрикнула Бекки, ломая руки.

Но когда Друзь поднесъ свѣчу къ ея лицу, женщина въ черномъ платьѣ открыла свои темноглубые глаза.

— М-me С.-Мало!.. Натали де-Бургиньонъ!.. воскликнулъ съ изумленіемъ старый слуга.

Она также узнала его, и, закрывъ лицо руками, проговорила умоляющимъ голосомъ: „Пусть онъ уйдетъ, Гресь... Я не могу его видѣть!“

— Мосье Друзь, сказала Бекки, взявъ свѣчу изъ его рукъ: приходите лучше завтра утромъ. Она поправится къ тому времени.

— Давай Богъ! отвѣтилъ честный старикъ, по щекамъ котораго струились слезы. — Но все-таки, добавилъ онъ про себя, — я считаю христіанскимъ долгомъ сообщить мосье С.-Мало, въ какомъ жалкомъ состояніи я видѣлъ его жену.

Онъ вышелъ изъ дому и направился къ Королевскому Павильону, а г-жа С.-Мало, опираясь на руку леди Эліоттъ, поднялась въ верхній этажъ по лѣстницѣ, обитой коврами.

Г Л А В А X.

Исповѣдь.

— Это твой домъ, Гресь? Я у тебя? спросила г-жа С.-Мало, войдя въ большую комнату, гдѣ Бекки поспѣшила развести огонь въ каминѣ. Это были первые слова Натали послѣ ея встрѣчи съ подругой дѣтства. Она проговорила ихъ робко и въ полголоса, какъ будто боялась получить отрицательный отвѣтъ.

— Да, Натали, ты, у меня и останешься со мной, ласково отвѣтила леди Эліоттъ, дѣлая знакъ Бекки, чтобы она вышла изъ комнаты.

Бекки повиновалась, хотя ей сильно хотѣлось узнать, какимъ образомъ очутилась у нихъ г-жа С.-Мало.

Едва Бекки вышла изъ комнаты, какъ Натали бросилась на шею леди Эліоттъ и горько заплакала. „Я тебя долго искала, Грэсъ, проговорила она сквозь слезы. — Наконецъ-то Господь привелъ увидѣть тебя! На тебя вся моя надежда!“

— Я сдѣлаю все, что могу, отвѣтила леди Эліоттъ беззвучнымъ голосомъ.

— Мое сердце стремилось къ тебѣ, Грэсъ. Ты можешь спасти меня! Ты знаешь, гдѣ онъ... Наклонись, я тебѣ скажу его имя на ухо.

— Герцогъ Орлеанскій! воскликнула леди Эліоттъ, отталкивая свою подругу,—но тотчасъ же опомнилась и нѣжно обняла ее.

— Что я тебѣ сдѣлала? спросила Натали С.-Мало рыдая. — Ты тоже сердилась и обвиняешь меня?

— Нѣтъ, моя дорогая, не мнѣ обвинять тебя, печально отвѣтила леди Эліоттъ.—Я готова все сдѣлать, чтобы выручить тебя изъ бѣды...

— Это не въ твоей власти, Грэсъ... Ты назвала его имя... Онъ одинъ можетъ помочь мнѣ разрѣшить мои сомнѣнія... Вѣдь онъ не откажется сдѣлать это, Грэсъ?..

— Я не могу отвѣтить на твой вопросъ, Натали... Я не знаю, въ чемъ онъ можетъ помочь тебѣ.

— Ты сомнѣваешься... Значитъ я напрасно приѣхала сюда, и такъ долго искала тебя...

Леди Эліоттъ не рѣшалась дѣлать какихъ бы то ни было вопросовъ... „Какое безуміе ждать помощи отъ герцога Орлеанскаго“, думала она,—и при одномъ его имени кровь какъ будто застывала у ней въ жилахъ. Она живо вспомнила его разговоръ съ принцемъ въ Королевскомъ Павильонѣ, свое отчаяніе, но все-таки овладѣла собою. Забота о Натали заставила ее забыть свое личное горе. Нѣсколько минутъ передъ тѣмъ она хотѣла покончить съ жизнью, теперь она почувствовала ей цѣну. Она будетъ жить для этой несчастной женщины, съ которою судьба такъ неожиданно свела ее послѣ долгихъ лѣтъ разлуки.

— Не приходи въ отчаяніе, Натали, сказала она ласково: можетъ быть все устроится къ лучшему.

— Такъ ты думаешь, Грэсъ, что онъ не откажется сказать мнѣ то, что мучитъ меня день и ночь. Незвѣстность хуже всего... Тогда по крайней мѣрѣ я буду спокойна... Все будетъ кончено для меня...

— Но у тебя останется другъ! Дружба вѣрнѣе любви, Натали!

— Ты права, Грэсъ, мнѣ такъ хорошо съ тобою, какъ въ то время, когда мы жили въ монастырѣ... Какъ теперь вижу передъ собою образъ Божьей Матери въ Монфлери. Мы становимся передъ нимъ на колѣни... Троицынъ день, мы всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ... Раздается торжественное пѣніе, заигралъ органъ; звуки его становятся все громче и громче, доходятъ до высокихъ сводовъ... Солнечный лучъ прохо-

дять сквозь рѣшетчатыя окна... На мраморномъ полу разсыпаны цвѣты... Но что это?.. воскликнула Натали въ ужасѣ, закрывая лицо руками: ликъ Божьей Матери проливаетъ слезы... Поднимается темный столбъ дыму... Вся церковь въ пламени... „Agnus Dei, miserere nobis“!...

— Успокойся, милая, сказала леди Эліоттъ ласковымъ голосомъ. Я слышала, ты опять жила въ Монфлери... Расскажи мнѣ, долго-ли ты оставалась тамъ?

— Да, я расскажу тебѣ все, что случилось со мной въ это время, отвѣтила Натали послѣ нѣкотораго молчанія, какъ бы опомнившись отъ сна.—Ты должна выслушать мою исповѣдь. Когда я осталась одна въ Парижѣ, то сознание моей вины на столько преслѣдовало меня, что я рѣшилась вернуться въ монастырь, гдѣ провела счастливые дни моего дѣтства. Но я не долго прожила здѣсь; мой мужъ пріѣхалъ изъ Америки и сталъ настоятельно требовать, чтобы я переселилась къ нему въ Парижъ. Я умоляла его согласиться на разводъ и позволить мнѣ постричься въ монахини. Сначала онъ отказалъ на-отрѣзъ, но потомъ отвѣтилъ, что подумаетъ, и позволилъ мнѣ остаться еще нѣкоторое время въ Монфлери. Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ посланный съ извѣстіемъ, что отецъ умираетъ и зоветъ меня къ себѣ.

— Ты еще застала отца своего въ живыхъ? спросила леди Эліоттъ.

— Да, онъ еще былъ живъ. Ты знаешь, онъ давно удалился въ свой старый замокъ де-Бургиньонъ, гдѣ велъ самую уединенную жизнь, равнодушный ко всему, что дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ, хотя вѣроятно до него доходили слухи о томъ, что возстаніе со дня на день усиливается во всей Франціи и особенно въ Парижѣ. Но вотъ ненависть народа обрушилась наконецъ и на откупщиковъ. Народъ обвинялъ ихъ въ своемъ разореніи и во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ, такъ какъ во Франціи съ давнихъ поръ все было на откупъ, даже подати. Национальное собраніе въ угоду народа постановило уничтожить откупа и считать несуществующими всѣ прежнія условія, заключенныя правительствомъ. Однако эта мѣра вмѣсто того чтобы утишить бурю, еще болѣе усилила ее; народъ не довольствовался этимъ и началъ самъ расправляться съ откупщиками, выражая свою месть поджогами, убійствами и грабежомъ. Въ это время разрушенъ былъ и богатый отель моего отца въ Парижѣ. Это извѣстіе на столько встревожило его, что онъ не могъ долѣе оставаться одинъ въ своемъ мрачномъ замкѣ и послалъ за мной. Я застала его сидящимъ въ креслѣ подъ шубой, лицо у него было худое, землянаго цвѣта, щеки ввалились, глаза были неподвижны. Въ провинціи было также неспокойно; крестьяне собирались толпами и нападали на господъ; подъ нашими окнами мы не разъ слышали, какъ на насъ сыпались проклятія и раздавался грозный возгласъ: „долой откупщиковъ“! Отецъ приходилъ въ бѣшенство, поднималъ кулакъ и кричалъ своимъ хриплымъ старческимъ голосомъ: „я не отдамъ своего имущества, я заработалъ его своимъ трудомъ,

хлопотать всю жизнь "... Но вотъ однажды ночью мы опять услышали шумъ и проснулись въ испугѣ: крестьяне сломали рѣшетку, защищавшую насъ, изрубилъ деревья въ паркѣ и подожгли замокъ. Мы едва не задохлись отъ дыму...

— А старикъ отецъ? спросила леди Элиоттъ, которая съ ужасомъ слушала рассказъ своей подруги.

— Мы его вынесли на рукахъ — его старый лакей и я. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ подъ шубой и сжимая кулакъ, повторялъ ту же фразу: „я не отдамъ своего имущества“... На другой день не было и слѣда замка и помѣстья де-Бургиньонъ. Все исчезло съ лица земли...

Натали вздохнула и остановилась, но потомъ, какъ-бы собравшись съ силами, продолжала: „Мы спасли ему жизнь противъ его воли и перенесли въ хижину полѣсовщика, которая была со всѣхъ сторонъ окружена лѣсомъ. Мы, т. е. полѣсовщикъ, старый лакей и я, ни на минуту не оставляли старика; каждый шорохъ въ лѣсу пугалъ насъ, такъ какъ мы боялись, что слѣпая ярость крестьянъ и здѣсь не упадетъ умирающаго. Молча сидѣлъ отецъ на креслѣ; глаза его были почти закрыты; онъ часто засыпалъ, и мы слышали, какъ онъ вдыхалъ и звалъ по имени мать и брата. Разъ утромъ онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы я подошла къ нему поближе. Онъ дотронулся до меня своей рукой; я почувствовала, что она дрожитъ и холодна какъ ледъ. Наконецъ онъ зашевелилъ губами и сказалъ: „Натали, выслушай-меня, пока я еще въ состояннн говорить. Скажи мнѣ, любила ли ты всю мать и брата? Если да, то вырви эту любовь изъ твоего сердца“...

Натали не могла продолжать и рыдая указала леди Элиоттъ на золотой медальонъ, висѣвшій у ней на шеѣ на шелковомъ шнурѣ.

— Что значить этотъ медальонъ, съ недоумѣниемъ спросила леди Элиоттъ.

Наконецъ Натали пришла въ себя и отвѣтила взволнованнымъ голосомъ: „Отецъ передалъ его мнѣ передъ смертью и сказалъ: „этотъ медальонъ отдала мнѣ твоя умирающая мать; она не хотѣла унести съ собой въ могилу тяжелый грѣхъ, который скрывала при жизни. Въ медальонѣ портретъ человѣка, котораго она любила... отца Жильбера, который одинъ знаетъ, какъ открыть его. Она сказала мнѣ его имя, только взяла съ меня клятву не называть его до послѣдней минуты моей жизни“. Отецъ сдержалъ свою клятву, хотя она мучила его всю жизнь... Онъ оттолкнулъ отъ себя Жильбера, не имѣя права открыть ему причины... Медальонъ этотъ погубилъ моего брата; то же будетъ и со мною“!..

— Развѣ твой отецъ не назвалъ его имени? спросила леди Элиоттъ.

— Онъ хотѣлъ это сдѣлать, но губы уже не слушались его... онъ тутъ же выпрямился и умеръ... Если оправдается мое предчувствіе, Грессъ, то я самое несчастное и погибшее существо на свѣтѣ... Ты оттолкни меня тогда, чтобы мое прикосновеніе не заражало тебя...

Странное предположеніе мелькнуло въ головѣ леди Эліоттъ, но оно показалось ей на столько дикимъ, что она громко воскликнула: „Нѣтъ, это невозможно“!

Натали, занятая своими мыслями, не слышала этого возгласа. Она пристально смотрѣла передъ собой и, казалось, ничего не видѣла. Лицо ея приняло кроткое задумчивое выраженіе. „Я думала найти покой въ монастырѣ, примириться съ небомъ и съ собою... Но мы живемъ въ тяжелыя времена, Грэсъ. Дѣти платятся за грѣхи отцовъ. Давнія преступленія влекутъ за собою безконечную вереницу новыхъ преступленій... Человѣчество мститъ за свои бѣдствія отдѣльнымъ личностямъ. Не существуетъ больше ни жалости, ни прощенія, а только гнѣвъ, мечь и всюду кровь... Священники изгнаны изъ Франціи, церкви поруганы. Они не хотятъ имѣть, ни Бога, ни короля... Подъ развалинами замка Бургиньонъ я похоронила отца; когда я вернулась въ Монфлѣри—монастырѣ горѣлъ...“

— Какъ? нашъ монастырь?—спросила съ удивленіемъ леди Эліоттъ.

— Да,—отвѣтила Натали глухимъ голосомъ.—Пламя выбивалось изъ оконъ, все было полно огнемъ и дымомъ; горѣла церковь, образъ Божьей Матери. Колокола печально звонили на башняхъ; въ нихъ слышался какъ будто стонъ... Теперь все для меня кончено!.. Я лишилась послѣдняго пріюта! Свѣтъ для меня все равно что пустыня. Кругомъ мракъ... груди пепла...

Силы начали измѣнять бѣдной измученной женщинѣ, она опустилась на колѣни передъ подругой своего дѣтства.

Леди Эліоттъ хотѣла приподнять ее и посадить рядомъ съ собою.

— Нѣтъ, оставь меня,—сказала Натали, положивъ свою голову на колѣни леди Эліоттъ.—Я такъ устала, но это скоро пройдетъ...

Натали замолчала. Въ комнатѣ была мертвая тишина, только время отъ времени вспыхивалъ огонь въ каминѣ и слышался легкій трескъ падавшихъ угольевъ.

— Знаешь ли что, — начала опять Натали, которая повидимому чувствовала непреодолимое желаніе высказать подругѣ дѣтства всѣ ощущенія своего наболѣвшаго сердца—когда я сидѣла на камнѣ и смотрѣла на пылавшій монастырь, то я непременно покончила бы съ собой, если бы мысль о медальонѣ не остановила меня. Я рѣшила во что бы то ни стало узнать имя отца Жильбера и съ этой цѣлью пріѣхала въ Англию. Но его не оказалось въ Лондонѣ, и я послѣдовала за нимъ въ Брайтонъ. Ты должна свести меня къ нему, или его позвать сюда. Леди Эліоттъ измѣнилась въ лицѣ.—„Но это невозможно, по крайней мѣрѣ теперь“...

Натали не обратила вниманія на эти слова... „Когда я шла мимо освѣщеннаго дворца, то ноги отказывались служить мнѣ... Онъ тутъ, подсказывало мнѣ сердце... Мнѣ казалось, что я вижу его тѣнь у окна, слышу его смѣхъ... Если бы ты знала, какой это дурной человѣкъ, Грэсъ! Я никогда не любила его. Развѣ это любовь? Я была ребен-

вомъ и покорилась его волѣ... Помню я ту чудную лѣтнюю ночь... Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, сирень цвѣла подь окнами. Прежде я любила сирень, теперь я ее ненавижу... Моего мужа не было въ Парижѣ... Онъ обѣщаль освободить Жильбера. Я изъ благодарности поцѣловала его руку... Онъ бросился точно ястребъ на свою добычу—мнѣ сдѣлалось страшно, голова закружилась отъ запаха сирени... Онъ обманулъ меня—братъ и теперь въ монастырѣ, и если догадка моя справедлива!... Когда я пріѣхала сюда и узнала, что у принца званный вечеръ, я была увѣрена, что онъ во дворцѣ, такъ какъ онъ всегда тамъ, гдѣ шумъ, свѣтъ, веселое общество. Долго стояла я на лугу, не чувствуя ни дождя, ни бури. Нѣсколько разъ я хотѣла войти въ освѣщенную залу и не могла сдвинуться съ мѣста... Наконецъ все перепуталось въ моихъ глазахъ, и я видѣла замокъ какъ будто во снѣ—въ это время ты показалась въ дверяхъ, и я приняла тебя за неземное существо, которое должно вывести меня изъ мрака. Когда я опомнилась и узнала твое лицо, ты уже исчезла изъ глазъ моихъ, по дорогѣ къ морю. Я бросилась за тобою, звала по имени, но голосъ мой заглушался вѣтромъ и ревомъ волнъ. Я уже начала терять всякую надежду и думала, что ты не болѣе какъ видѣніе, созданное моей фантазіей... Но тутъ я очутилась неожиданно въ двухъ шагахъ отъ тебя...”

Леди Эліоттъ заплакала; Натали молча обняла ея колѣни и прижалась къ ней.

Въ комнатѣ опять воцарилась тишина, только слышны были грозные порывы бури и ревъ волнъ, которые со стономъ разбивались о песчаный берегъ. Но время отъ времени среди всего этого доносилось какъ далекое эхо однообразное тихое пѣніе—это была колыбельная пѣсня Бекки:

„Я не хочу цѣловать тебя, Аргиль —
„Я не хочу пѣжно цѣловать тебя“.

ГЛАВА XI.

Неожиданная встрѣча.

Натали закрыла глаза и скоро заснула вѣрѣннымъ сномъ. Леди Эліоттъ изъ боязни потревожить ее сидѣла неподвижно. Она пристально смотрѣла на потухающій огонь въ каминѣ, прислушиваясь къ однообразному нагѣву знакомой колыбельной пѣсни, которая смѣшивалась съ завываніемъ вѣтра и ревомъ волнъ.

Но вдругъ пѣніе неожиданно прекратилось, и леди Эліоттъ услышала на лѣстницѣ голосъ Бекки, которая съ вѣтъ-то горячо спорила:

— Вы не сдѣлаете больше ни одного шагу, а то влянусь вамъ св. Андреемъ Шотландскимъ, что я закричу на весь домъ.

— Тише, говорилъ другой голосъ,—чего ты такъ шумишь! Леди Эліоттъ не поблагодарить тебя за это.

— Не смѣйте называть мою леди, да еще въ такой поздній часъ ночи! Ея имя слишкомъ извѣстно, и нечестнымъ людямъ нечего соваться къ ней.

— Да развѣ я похожъ на вора. Возьми себѣ это и успокойся...

— Я не нуждаюсь въ вашихъ деньгахъ! Я не такая продажная душа...

— Если бы ты знала, кто я, то не стала бы тратить попусту столько словъ.

— Да я и не желаю знать, кто вы. Какъ будто не вижу, въ чемъ дѣло...

— Будетъ ли этому конецъ? Прочь съ дороги!

Послышался крикъ Бекки, который тотчасъ же затихъ, и вслѣдъ затѣмъ кто-то сталъ подниматься на лѣстницу.

Леди Эліоттъ слышала весь разговоръ и, узнавъ голосъ неожиданнаго гостя, сразу догадалась о причинѣ его ночнаго визита. Она успѣшила разбудить Натали, бережно подняла ее съ полу и увела полусонную въ сосѣднюю комнату, которая была освѣщена лампой и представляла родъ будуара.

— Подожди здѣсь, милая Натали, сказала она, поспѣшно опуская за ней тяжелую портьеру.

Шаги на лѣстницѣ слышались все отчетливѣе вмѣстѣ съ бранью и отчаянными криками Бекки.

Леди Эліоттъ взяла съ камина одинъ изъ серебряныхъ шандаловъ, зажгла свѣчи и подошла къ двери.

Верхняя площадка лѣстницы освѣтилась сразу, и леди Эліоттъ увидѣла передъ собой герцога Орлеанскаго, стоявшаго у периль. Лицо его разгорѣлось отъ кутежа, и онъ казался взволнованнымъ.

— Не сердитесь на меня, миледи, пробормоталъ онъ, немного сконфуженный внезапнымъ появленіемъ леди Эліоттъ, которая показалась ему еще прекраснѣе и соблазнительнѣе.—Вы такъ неожиданно исчезли изъ Павильона... одни въ такую ночь... я думалъ...

— Не стѣсняйтесь, ваше королевское высочество, отвѣчала она, граціозно улыбаясь.—Я очень рада, что вы пришли.

Герцогъ хотѣлъ поцѣловать у ней руку, но она вѣжливо отстранила его.

— Бекки, сказала леди Эліоттъ, обращаясь къ оторопѣвшей служанкѣ, которая въ недоумѣніи остановилась на лѣстницѣ,—не безпокойся, я ждала этого джентльмена.

Бекки не узнала герцога Орлеанскаго, такъ какъ въ Монфлери она видала его мелькомъ, и наружность его сильно измѣнилась съ тѣхъ поръ.

— Ну, это дѣло другое, съ досадой пробормотала Бекки, спускаясь съ лѣстницы.—Могла ли я думать, что миледи ожидаетъ гостей въ такую пору. Къ несчастью Друэ правъ, какъ всегда: свѣтъ со дня на день становится хуже...

Леди Элиоттъ отворила дверь своему гостю, который остался очень доволенъ ея приемомъ; хотя онъ былъ не особенно высокаго мнѣнія о женской добродѣтели, но все-таки на этотъ разъ успѣхъ превзошелъ всѣ его ожиданія. Онъ долго колебался: воспользоваться ли ему или нѣтъ позволеніемъ принца, такъ какъ боялся сильнаго отпора со стороны гордой красавицы, и наконецъ рѣшилъ, что смѣлый приступъ всего вѣрнѣе. „Женщины и крѣпости, на что вамъ добродѣтель и стѣны,—искусный полководецъ всегда справится съ обѣими!“ самодовольно повторялъ онъ, идя по луку, и только сопротивленіе Бекки и внезапное появленіе леди Элиоттъ на лѣстницѣ нѣсколько озадачили его. Но теперь онъ совсѣмъ успокоился и бодро шелъ по богатому турецкому ковру, которымъ былъ покрытъ гладкій паркетный полъ изъ чернаго дерева.

Онъ очутился въ парадно-убранной комнатѣ, едва освѣщенной свѣтомъ потухающаго камина; но тутъ ему показалось, что на противоположной стѣнѣ шевельнулась портьера и что на ярко освѣщенномъ красномъ фонѣ онъ видитъ передъ собою знакомый ему миниатюрный образъ женщины въ монашескомъ платьѣ съ миловидной хорошенькой головкой, темными волосами и большими задумчивыми глазами.

— Что это такое? воскликнулъ въ испугѣ герцогъ, у котораго вся кровь прилила къ сердцу.

Въ эту минуту вошла леди Элиоттъ съ зажженнымъ шандаломъ въ рукѣ, и видѣніе исчезло, портьера казалась неподвижною.

— Parbleu! воскликнулъ герцогъ, котораго лицо побѣлѣло отъ испуга какъ платокъ на головѣ привидѣвшейся ему монахини.—Скажите мнѣ, миледи, что вы думаете о привидѣніяхъ?

— Я не вѣрю имъ, спокойно отвѣтила леди Элиоттъ.—Иногда воображеніе рисуетъ намъ мрачныя картины, которыя проходятъ также безслѣдно, какъ тѣни волшебнаго фонаря на стѣнѣ.

— Ваше сравненіе довольно вѣрно, задумчиво замѣтилъ герцогъ.—Да, я согласенъ съ вами... такъ по крайней мѣрѣ можно объяснить...

— Я не признаю выходцевъ съ того свѣта, продолжала леди Элиоттъ, такимъ нерѣшительнымъ тономъ, какъ будто сама не вѣрила тому, что говорила.—Мнѣ кажется, что гораздо больше можно бояться живыхъ, нежели мертвыхъ людей.

— Бояться живыхъ людей! воскликнулъ герцогъ Орлеанскій. Однако это было бы слишкомъ неудобно. Въ подобныхъ случаяхъ вопросъ разрѣшается очень просто. Нужно уничтожать тѣхъ, чья жизнь мѣшаетъ нашимъ наслажденіямъ, или покончить съ своей жизнью, если мы не умѣемъ пользоваться ею.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался шумъ. Герцогъ съ безпокойствомъ оглянулся, но портьера не шевельнулась.

Герцогъ засмѣялся, думая заглушить этимъ свое тревожное состояніе духа.— Не лучше ли прекратить разговоръ о привидѣніяхъ, миледи. Они всегда появляются въ этотъ часъ, а мы еще вызываемъ ихъ.

— Я уже говорила вамъ, что не боюсь мертвыхъ, возразила леди Эліоттъ.— Мы всегда можемъ загладить наши прегрѣшенія противъ мертвыхъ, дѣлая добро живымъ людямъ.

— Нѣтъ, это невозможно! сказалъ герцогъ взволнованнымъ голосомъ,— или по крайней мѣрѣ очень трудно для тѣхъ, которые продолжаютъ грѣшить. Но противъ этого нѣтъ средствъ: развѣ я могу приказывать моему сердцу или измѣнить мою кровь! Не стоитъ жить, если нужно постоянно сводить счеты съ прошлымъ! Философы отрицаютъ будущность, а я не признаю прошедшаго — его нѣтъ! Существуетъ только настоящій моментъ, въ немъ вся наша жизнь!

Апатичное лицо герцога оживилось огнемъ страсти; онъ жадно глядѣлъ на Гресь своими сверкающими глазами.

Леди Эліоттъ окинула его съ ногъ до головы гордымъ спокойнымъ взглядомъ.

— Избавь пожалуйста и меня, и себя отъ всѣхъ этихъ прелюдій, шутливо замѣтилъ герцогъ.— Какъ будто мы не знаемъ, что женщина, которая добровольно отдалась одному или двумъ любовникамъ, не погнушается и третьимъ. Не такъ ли, моя ненаглядная красавица? Дай мнѣ поцѣловать тебя...

Съ этими словами онъ еще ближе придвинулся къ леди Эліоттъ,— но тотчасъ же отскочилъ отъ нея, такъ какъ портьера снова поднялась, и онъ опять увидѣлъ передъ собою августинскую монахиню съ бѣлымъ платкомъ на головѣ и съ большимъ серебрянымъ крестомъ на груди. Но это былъ не призракъ,—она вошла въ комнату и оставилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Герцогъ не помнилъ себя отъ злости. „Прекрасная Далила, сказалъ онъ, насмѣшливо обращаясь къ леди Эліоттъ, ты думала поймать меня, въ надеждѣ, что я такъ и попадусь въ твою ловушку. Или ты намѣревалась разыграть роль Юдифи“!..

Герцогъ не кончилъ своей рѣчи, такъ какъ въ эту минуту послышался стукъ у параднаго входа, и вслѣдъ затѣмъ рѣзкій мужской голосъ громко спросилъ: „гдѣ она? я хочу ее видѣть. Прочь!.. говорить тебѣ, Друзь! убери куда нибудь эту женщину!“

— Ради Бога, пощадите ее, просила Бекки жалобнымъ тономъ.

— Не задерживайте его, миссъ, говорилъ Друзь... Вѣдь это жена его; онъ долженъ ее видѣть...

— Пустишь ли ты меня наконецъ! проговорилъ съ нетерпѣніемъ тотъ же мужской голосъ громче прежняго.

— Шевалье С.-Мало! воскликнулъ герцогъ въ испугѣ, мѣняясь въ лицѣ. — Это игра съ подтасованными картами... Покушеніе на мою жизнь!.. Контръ-революція, и австрийцы преслѣдуютъ меня даже въ Брайтонѣ!

— Ни то, ни другое не преслѣдуетъ васъ, спокойно отвѣтила леди Эліоттъ. — Это только небольшая неприятность, которую вы сами навлекли на себя. Но пока вы въ моемъ домѣ, вамъ нечего опасаться за свою жизнь. Не угодно ли вашему королевскому высочеству пройти въ мой будуаръ.

Герцогъ тотчасъ же послѣдовалъ совѣту леди Эліоттъ, такъ какъ трусость всегда побуждала его въ первую минуту скрыться отъ врага, какія бы ни были отъ этого послѣдствія. Желая спасти себя отъ мести оскорбленнаго мужа, онъ предпочелъ остаться наединѣ съ женщиной, передъ которой онъ былъ едва ли не больше виноватъ, но которую меньше боялся и считалъ беззащитной. Онъ отправился въ сосѣднюю комнату вслѣдъ за Натали, и темная портьера опустилась за ними.

Въ это время изъ другихъ дверей вошелъ С.-Мало, который казался сильно разстроеннымъ.

— Близкая пріятельница м-ше С.-Мало вѣроятно извинитъ меня, что я рѣшаюсь беспокоить ее въ такую пору, сказалъ шевалье съ вѣжливымъ поклономъ.

— Я и домъ мой къ вашимъ услугамъ, мосье С.-Мало, отвѣтила леди Эліоттъ, подавая ему руку. Хотя она возненавидѣла этого человѣка чуть ли не съ перваго взгляда и постоянно относилась къ нему съ недовѣріемъ, но теперь она чувствовала къ нему невольное состраданіе.

— Мой слуга, продолжалъ шевалье взволнованнымъ голосомъ, сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности... Онѣ на столько удивили меня, что я до сихъ поръ не могу прійти въ себя... Онъ говорилъ, что видѣлъ м-ше С.-Мало чуть ли не умирающею, — по его словамъ она вѣроятно выброшена бурей на этотъ берегъ... но онъ не можетъ понять, какъ она очутилась въ Англіи...

— Натали жива... Это извѣстіе вѣроятно успокоитъ васъ, сказала леди Эліоттъ.

— Да, разумѣется, разсѣянно отвѣтилъ С.-Мало, который видимо ожидалъ другаго отвѣта. — Но позвольте мнѣ спросить васъ, гдѣ м-ше С.-Мало?

— Къ сожалѣнію, Натали такъ слаба, что я должна приготовить ее къ свиданію съ вами, и можетъ быть завтра...

Шевалье С.-Мало едва владѣлъ собою. Другъ въ короткихъ словахъ разсказалъ ему исторію нѣсколькихъ лѣтъ. „Продолжается ли еще связь между Натали и герцогомъ Орлеанскимъ“? — спрашивалъ онъ себя съ мучительнымъ недоумѣніемъ. „Значитъ воспользовались его отсут-

ствіемъ, чтобы обмануть его самымъ безсовѣстнымъ образомъ въ то время, когда онъ былъ поглощенъ своими честолюбивыми планами и воображалъ, что устроить свою будущность, развѣзжая по свѣту съ порученіями герцога! Вѣроятно его тайна извѣстна многимъ. Леди Эліоттъ конечно все знаетъ и дастъ ему это почувствовать“...

Отъ этихъ мыслей вся кровь бросилась въ голову С.-Мало, но онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и отвѣтилъ сповойннымъ голосомъ: „Вы правы, свиданіе было бы слишкомъ мучительно для насъ обоихъ. Я не стану распространяться о нѣкоторыхъ вещахъ, которыя должны быть извѣстны пріятельницѣ моей жены. Разумѣется, не всѣ браки совершаются по любви; но кто вступаетъ въ такой бракъ по какому бы то ни было мотиву, обязанъ по крайней мѣрѣ уважать имя, которое онъ носитъ. Фактъ на-лицо, и честь не пустое слово, миледи. Я не могу относиться хладнокровно къ этому“.

Леди Эліоттъ поняла, къ чему клонится рѣчь шевалье, и сознавала, какую тяжелую отвѣтственность она взяла на себя въ этомъ дѣлѣ. Развѣ она не оскорбила этого человѣка, скрывъ отъ него письмо, которое могло спасти его отъ позора? Права ли она и теперь, скрывая отъ него жену, когда онъ имѣлъ полное право требовать свиданія съ нею? Но желаніе избавить подругу дѣтства отъ непріятной встрѣчи взяло верхъ надъ всѣми другими соображеніями.

— Я надѣюсь, сказала она, что вамъ извѣстны наши обычаи, и вы не забудете, что домъ англійской леди можетъ вполне оградить m-me С.-Мало отъ какаго бы то ни было насилія.

Шевалье не успѣлъ отвѣтить леди Эліоттъ, потому что въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ Натали.

— Я не стану молчать... Не удерживай меня! Я знаю, что тамъ шевалье и онъ все слышитъ... Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ никогда не мучилъ меня такъ, какъ ты своей любовью... У тебя хватаетъ наглости отрицать то, въ чемъ я почти увѣрена!... Ты не уйдешь отъ меня, пока не скажешь правды. Неужели такъ трудно сказать да или нѣтъ... Я умоляю...

Натали сразу замолкла, какъ будто ей зажали ротъ, и слышно было, что кого-то волокли по полу. Затѣмъ раздался слабый крикъ, и все замолкло.

— Миледи, сказала шевалье, задыхаясь отъ злобы,—мнѣ было непріятно, что вамъ извѣстна моя тайна; но я не ожидалъ, что вы способны быть участницей гнуснаго обмана.

Съ этими словами онъ поднялъ портьеру и вошелъ въ будуаръ леди Эліоттъ, гдѣ увидѣлъ жену свою, лежащую у ногъ герцога Орлеанскаго,

Леди Эліоттъ молча послѣдовала за шевалье С.-Мало.

Герцогъ былъ блѣденъ какъ смерть и имѣлъ самый испуганный и жалкій видъ. Онъ надѣялся спастись бѣгствомъ, но это не удалось ему, и мужество орончательно оставило его.

Шевалье бросился на него съ обнаженной шпагой; но вида, что герцогъ неспособенъ оказать ему ни малѣйшаго сопротивленія, невольно опустилъ руку.

— Нѣтъ, сказалъ шевалье С.-Мало: я не стану безчестить своей шпаги и пачкать ее кровью герцога Орлеанскаго. Возьми ее себѣ... Мнѣ она больше не нужна. Онъ переломилъ шпагу и бросилъ ее въ ногамъ герцога.

— Теперь я свободенъ отъ клятвы, которая связывала меня съ тобой! воскликнулъ С. Мало.—Она давно тяготила меня, но я считалъ тебя лучше, чѣмъ ты оказываешься на дѣлѣ, потому что предполагалъ въ тебѣ остатокъ чести. Вижу, какъ я жестоко заблуждался до сихъ поръ: я поклонялся идолу и, ослѣпленный его обманчивымъ блескомъ, сдѣлался жертвой другихъ. Чтобы достигнуть богатства, влїянїя и высокаго положенїя въ свѣтѣ, я сдѣлалъ много зла и во многомъ могу упрекнуть себя; но я вѣрилъ, что существуетъ честь, и не считалъ возможнымъ, чтобы французъ могъ не признавать ее. Я никогда не измѣнялъ вамъ, ваше королевское высочество.

Герцогъ стоялъ молча, опустивъ голову.

— Вы видите, я также беззащитенъ теперь какъ и вы. Я попадаю въ васъ, хотя жизнь ваша была въ моихъ рукахъ. Но ваши поступки на столько гнусны, что мы не можемъ идти по одной дорогѣ. Я не признаю относительно васъ никакихъ обязательствъ. Безчисленныя преступленїя, совершенныя вами, давно отвратили меня отъ васъ, и я служилъ вамъ только потому, что носилъ вашу шпагу. Съ нынѣшняго дня я перехожу къ Бурбонамъ; да будутъ прокляты вѣрность, убѣжденїя... мы теперь будемъ бороться съ одинаковымъ оружіемъ... Теперь у меня будетъ одна цѣль въ жизни—отомстить Орлеанскимъ. Гдѣ соберется толпа ихъ непрїятелей, тамъ и я буду въ числѣ ихъ, все равно будутъ ли они носить бѣлую или красную кокарду. Я стану преслѣдовать васъ изо-дня въ день, пока не наступитъ моментъ, когда я буду въ состоянїи сказать: Людовикъ Филиппъ, герцогъ Орлеанскій, я считаю себя удовлетвореннымъ...

Герцогъ хотѣлъ удалиться, но С.-Мало удержалъ его.

— Вспомни мои слова, Людовикъ Филиппъ, сказалъ С.-Мало, что наступитъ день, когда ты получишь должное возмездїе за твое гнусное поведенїе относительно короля, родины народа и той несчастной, которая лежитъ у твоихъ ногъ. Ты сдѣлаешься жертвой возстанїя, которое ты раздулъ своимъ золотомъ и своимъ именемъ; люди, которые теперь пользуются тобою, отвергнутъ тебя—революція не пощадитъ твоей головы.

Съ этими словами шевалье С.-Мало вытолкнулъ герцога въ другую комнату и, наклонившись къ женѣ, сказалъ:

— Прощай, Натали, ты была виновата предо мною, но ты раскаялась—и я не имѣю больше правъ надъ тобою. Я отомщу ему и за себя, и за тѣ страданїя, которыя ты вынесла отъ него... Я прощаю

тебѣ... А васъ, добавилъ онъ, обращаясь къ леди Эліоттъ, я представляю вашей судьбѣ и суду вашей совѣсти.

Леди Эліоттъ молчала, но слова шевалье вывели Натали изъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ она находилась; она поднялась на ноги, бросила умоляющій взглядъ на своего мужа, хотѣла что-то сказать, но губы не слушались ея и она опять упала на полъ. Шевалье ушелъ. Въ эту минуту онъ чувствовалъ искреннее состраданіе къ своей женѣ, но всей душой ненавидѣлъ леди Эліоттъ.

Въ ту-же ночь онъ получилъ извѣстіе о полномъ раззореніи и смерти стараго откущика и о томъ, что Жильберъ де-Бургиньонъ живъ и находится въ Парижѣ.

Леди Эліоттъ спокойно выслушала оскорбительныя для нея слова шевалье. Пока свѣтъ имѣлъ право осуждать ее — все преклонялось передъ нею, а теперь, когда она раскаялась и готова была искупить свою вину цѣною всей жизни, къ ней относились съ презрѣніемъ. Она не чувствовала никакой злобы противъ С.-Мало; она знала, что это не послѣдній камень, который будетъ брошенъ въ нее.

Она подняла Натали и, уложивъ ее на диванъ, слѣдила за больной, съ которой сдѣлался сильный жаръ и бредъ. Леди Эліоттъ просидѣла около нея цѣлую ночь. Занялась заря. Она встала и подняла занавѣси.

Между тѣмъ въ нижнемъ этажѣ виллы произошло другаго рода событіе.

Мосье Друэ, проводивъ своего господина въ домъ леди Эліоттъ, счелъ нужнымъ подождать его. Онъ вошелъ въ маленькую уютную комнату, гдѣ нѣсколько часовъ тому назадъ онъ пилъ чай съ такими удобствами и покуривалъ трубку. Здѣсь онъ опять увидѣлъ Бекки сидящую у камина; но она казалась такою печальною и разстроенною, какъ онъ еще никогда не видалъ ее.

— Все кончено! сказала она рѣшительнымъ тономъ, когда Друэ спросилъ ее о причинѣ ея огорченія.—Я не останусь въ домѣ, гдѣ происходятъ подобныя вещи!

— Развѣ я не говорилъ вамъ, миссъ Бекки, что свѣтъ становится хуже со дня на день.

— Вы правы, мосье Друэ, и если вы хотите...

— Конечно хочу, развѣ можно спрашивать, хочу ли я...

— Ну, значить дѣло рѣшенное, я выйду за васъ замужъ...

— И поѣдете со мной въ Парижъ, въ мой домъ, на улицѣ de Charenton, въ предмѣстьѣ С.-Антуанъ!

Будущіе супруги подали другъ другу свои жесткія руки.

ГЛАВА XII.

Еще камень, брошенный въ леди Эліоттъ.

Утро было пасмурное и сырое. Буря пронеслась; но вездѣ остались слѣды ея. На всемъ берегу лежали выброшенные водоросли; море еще бушевало, но оно казалось уставшимъ и постепенно затихало. Разорванные облака неслись по небу въ неудержимомъ бѣгствѣ, какъ будто искали мѣста, гдѣ бы имъ поскорѣе укрыться отъ людскихъ взоровъ. Вдали въ лучахъ восходящаго солнца на сѣромъ горизонтѣ видѣлся одинокій парусъ.

Леди Эліоттъ долго смотрѣла на море и подняла окно, чтобы подышать утреннимъ воздухомъ, но тотчасъ же опустила его, такъ какъ на нее пахнуло сыростью и запахомъ водорослей. Она перешла въ другую комнату, гдѣ лежала Натали, и видя, что она дремлетъ, сѣла за письменный столъ, стоящій у окна, изъ котораго видѣнь былъ Королевскій Павильонъ. Здѣсь также все затихло: гости уѣхали въ Лондонъ съ наступленіемъ утра; дворецъ опустѣлъ, — безслѣдно прошла дикая оргія, продолжавшаяся тамъ всю ночь.

Леди Эліоттъ долго не рѣшалась начать письмо; печальныя думы наполняли ея голову. Она мысленно прощалась со всѣмъ, что окружало ее: съ своей виллой, цвѣтами, съ моремъ которое было нѣмымъ свидѣтелемъ ея счастливыхъ дней и послѣднихъ тяжелыхъ минутъ отчаянія. Что ожидало ее въ будущемъ? что утишить тоску ея сердца и чѣмъ наполнить она свою жизнь? Наконецъ она пересилила себя и написала слѣдующее письмо принцу Уэльскому:

„Ваше королевское высочество, я поняла васъ; вы произнесли рѣшительное слово, которое должно разлучить насъ, и сдѣлали это такимъ способомъ, который долженъ былъ убить во мнѣ всякое чувство собственнаго достоинства. Но то, что при другихъ обстоятельствахъ совершенно уничтожило-бы меня, возвращаетъ мнѣ теперь полное самообладаніе; я вижу, что сильно заблуждалась въ васъ, что во всемъ должна обвинять только себя. Прежде чѣмъ оставить виллу, поларенную вами и которую уже не считаю своей собственностью, я хочу сказать вамъ, что не чувствую противъ васъ никакой злобы. Я уѣзжаю изъ Брайтона и въ скоромъ времени навсегда оставлю Англію, чтобы избавить и себя, и васъ отъ непріятной встрѣчи. Я окончательно рѣшилась на это. Не стану писать вамъ о томъ, какія чувства волнуютъ меня. Но съ моей стороны не бойтесь ни упрековъ, ни проявленій гнѣва, ни мести. Я, напротивъ того, искренно желаю, чтобы вы опять приобрѣли любовь и уваженіе своихъ подданныхъ, чтобы ваше имя пережило васъ и перешло незапятнаннымъ къ потомству. Мое имя скоро забудется, но для вашей репутаціи имѣетъ значеніе, что

вы обманули добріе слабаго, беззащитнаго существа, которое такъ слѣпо отдалось вамъ, потому что вѣрило вашему слову, вашей чести. Вы властелинъ, но и для васъ существуетъ оцѣнка современниковъ и судь потомства. Я ничего не желаю для себя лично, кромѣ того, чтобы вы никогда не были настолько несчастны, чтобы пожелать увидѣть ту, которая никогда не вернется и которая говорить вамъ „прости“ на вѣки.

„Леди Грэсъ Дальримпе Эліоттъ“.

Натали проснулась. Леди Эліоттъ подошла къ ней.

— Милая, сказала она, пока ты спала, наступило утро новаго дня; мы тоже начнемъ новую жизнь.

Больная хотѣла привстать. Она была блѣдна и казалась въ полномъ изнеможеніи—но тутъ по лицу ея внезапно пробѣжалъ лучъ радости, и всѣ черты лица ея оживились.

Въ это время на улицѣ слышались звуки знакомой мелодіи.

Oh Richard, oh mon roi
L'univers t'abandonne...

гѣлъ свѣжій дѣтскій голосъ подъ аккомпаниментъ тамбурина.

Эта пѣсня Блонделя передъ темницей короля Ричарда—Львиное Сердце была въ большомъ ходу у французскихъ роялистовъ того времени. Ее пропѣли въ Версалѣ офицеры Фландрскаго полка и швейцарцы въ ту печальную ночь, когда Марія-Антуанетта должна была войти съ дофиномъ на балконъ по требованію собравшейся толпы.

Натали много разъ слышала эту пѣсню на родинѣ въ счастливыя минуты ея, жизни и знакомый мотивъ подѣйствовалъ на нее какъ электрическая искра. Она хотѣла что-то сказать, но не могла выговорить ни одного слова. Лицо ея покраснѣлось, все тѣло подергивалось судорогами, и она дѣлала напрасныя усилія, чтобы поднять руку. Леди Эліоттъ принесла карандашъ и листъ бумаги, но больная печально глядѣла на нее своими большими темно-голубыми глазами.

У ней отнялся языкъ и правая рука. Нервный ударъ былъ послѣдствіемъ потрясеній прошедшей ночи.

Но вотъ она опять повернула голову, какъ будто въ ожиданіи услышать еще разъ родную пѣсню.

Леди Эліоттъ постыжно открыла окно и увидѣла вдали шарманщика и стройную дѣвушку съ длинными черными косами и тамбуриномъ въ рукахъ; сзади ихъ бѣжалъ мальчикъ, напѣвая свою пѣсню.

Странствующие музыканты подходили къ Королевскому Павильону, такъ что было слишкомъ поздно, чтобы вернуть ихъ.

Немного погодя въ комнату вошла Бекки.

На ней было ея лучшее платье вишневаго цвѣта съ черными клѣточками, а на головѣ красовалась зеленая шелковая шляпа съ палевыми лентами.

Хотя Бекки любила пестрые наряды и щеголяла въ нихъ при всякомъ торжественномъ случаѣ; но день былъ будничныи, и леди Эліоттъ съ удивленіемъ взглянула на нее.

Добрая Бекки была въ сильномъ смущеніи и молча стояла передъ своей госпожой, какъ будто сознавая, что хочетъ поступить съ нею не совсѣмъ добросовѣстнымъ образомъ.

— Что съ тобой? спросила ее леди Эліоттъ. — Развѣ ты собираешься куда нибудь?

— Да! отвѣтила Бекки, краснѣя.

— Отчего ты не сказала объ этомъ заранѣе?

Бекки еще больше растерялась и молча расправляла палевыя ленты своей шляпы, какъ бы желая выставить на показъ свои свѣтло-голубыя перчатки.

Леди Эліоттъ начала терять терпѣніе. „Чего же ты молчишь“? спросила она ее суровымъ тономъ. „Ты какъ будто переродилась въ эту ночь“?

Эти слова возвратили мужество Бекки и заставили ее прийти въ себя.

— Ну, если вы требуете, чтобы я говорила, то я должна объявить вамъ, что хочу отказаться...

— Отказаться! воскликнула леди Эліоттъ, отъ чего?

— Отъ васъ, миледи!

Извѣстіе, что Бекки хочетъ уйти отъ нея такъ внезапно и въ такія тяжелыя минуты ея жизни, сильно огорчило леди Эліоттъ. Она такъ привыкла къ этому добродушному, преданному ей существу, что не могла себѣ представить жизнь безъ Бекки и была увѣрена, что ничто не разлучитъ ихъ. Съ самаго дѣтства леди Эліоттъ смотрѣла на нее, какъ на вѣрнаго друга, съ которымъ дѣлила и радость, и горе; а теперь Бекки дала ей почувствовать, что она не лучше простой служанки, которую нанимаютъ и должны отпустить, когда она заявляетъ желаніе уйти.

— Развѣ я огорчила тебя чѣмъ-нибудь? спросила леди Эліоттъ взволнованнымъ голосомъ.

— Нѣтъ! отвѣтила Бекки.

— Не нужно-ли тебѣ чего-нибудь? Я сдѣлаю все, что могу!

— Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно. Я только прошу отпустить меня.

— Значитъ ты говоришь серьезно? Объясни мнѣ по крайней мѣрѣ, почему ты оставляешь меня?

Бекки не поднимала глазъ и какъ будто стыдилась сказать причину. — „Мосье Друэ, наконецъ отвѣтила она, сдѣлавъ мнѣ предложеніе, и я уѣду съ нимъ въ Парижъ“.

— Такъ вотъ что! воскликнула леди Эліоттъ со слезами на глазахъ. — Я конечно желаю тебѣ счастья, Бекки; но я не ожидала, что ты оставишь меня въ такое время...

Неблагодарность Бекки глубоко огорчила леди Эліоттъ. Она не могла помириться съ мыслью, что Бекки послѣ столькихъ лѣтъ совмѣстной жизни равнодушно оставляетъ ее и думаетъ только о самой себѣ... Но развѣ можно разсчитывать на благодарность прислуги!.. Какъ мы наивны, воображая, что она платитъ взаимностью за наше расположеніе и довѣріе къ ней! Какое ей дѣло до нашихъ привычекъ, чувствъ и до нашего горя!

— Я не стану удерживать тебя, сказала леди Эліоттъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе. — Но хорошо-ли ты дѣлаешь, что оставляешь меня такъ внезапно. Смотри, чтобы не пришлось тебѣ раскаться въ этомъ. Она протянула руку Бекки и горько заплакала.

Бекки сама знала, что поступаетъ не совсѣмъ хорошо, но упрекъ леди Эліоттъ задѣлъ ее за живое и, силясь заглушить голосъ совѣсти, она отвѣтила: „Мнѣ раскаться нечего! За что я могу быть наказана? Развѣ за ваши грѣхи, миледи... Я что-ли привела сюда м-ше С.-Мало и устроила ей свиданіе съ герцогомъ Орлеанскимъ къ позору и стыду вашего дома?.. Вообще разсказываютъ странныя вещи, и я не желаю быть участницей во всемъ этомъ. Я долго молчала, миледи, но Друэ говоритъ, что пора положить этому конецъ... Однимъ словомъ, я не хочу дольше оставаться въ домѣ, гдѣ нѣтъ страха Божьяго, а одни только скандалы... Рано или поздно Божіе правосудіе постигнетъ его за все то, что дѣлалось и дѣлается здѣсь...“

Леди Эліоттъ едва владѣла собой. Не ожидала она слышать такія рѣчи отъ преданной ей Бекки. Но гордость проснулась въ ней, и на лицѣ появилась снисходительная—недобрая улыбка знатной дамы, потерявшей терпѣніе.

— Ты можешь тотчасъ же отправиться къ своему мосью Друэ, сказала она кроткимъ и рѣшительнымъ голосомъ, который окончательно уничтожилъ бѣдную служанку. Бекки охотно отдала бы десять разъ свою жизнь, чтобы вернуть свои жесткія слова. Но они были сказаны, и ей оставалось только уйти. Лицо ея было красно, слезы подступали къ ея глазамъ, и въ глубинѣ души она чувствовала, что напрасно оскорбила свою дорогую Гресь.

Леди Эліоттъ приказала другой служанкѣ укладывать вещи, а одного изъ слугъ послала въ Лондонъ за докторомъ и покойнымъ экипажемъ.

ГЛАВА XIII.

На берегу Темзы.

Докторъ нашелъ положеніе г-жи С.-Мало крайне ненадежнымъ, но позволилъ перевезти ее въ Лондонъ, и самъ взялся сопровождать обѣихъ дамъ.

Леди Эліоттъ отпустила большую часть своей прислуги и оставила только самую необходимую. По приѣздѣ въ Лондонъ она наняла себѣ приличное помѣщеніе въ Norfolk-Street'ѣ, маленькой уединенной улицѣ, примыкавшей къ Темзѣ. Свѣтъ не существовалъ теперь для леди Эліоттъ, ни она для него. Съ набережной слышались цѣлый день шумъ и суета городской жизни, говоръ, крики, вѣзда, шаги людей, которые глухо раздавались по каменнымъ плитамъ. Изъ оконъ видѣлась величественная рѣка, покрытая кораблями, которые то приходили и разгружались, то опять отчаливали, и на смѣну имъ являлись новыя. Сначала сосѣдство многолюдной набережной беспокоило леди Эліоттъ, но она скоро привыкла къ шуму и почти не замѣчала его. Много разъ видѣла она, какъ поднималось солнце надъ тихой рѣкой, освѣщая ее блескомъ утреннихъ лучей, которые то разсыпались искрами по водѣ, то отражались въ ней широкими золотистыми полосами. По вечерамъ при солнечномъ закатѣ картина рѣки становилась еще роскошнѣе: все русло ея зажигалось сразу, и волны отливали золотомъ и пурпуромъ. Свѣтились и темные дома на противоположномъ берегу, которые днемъ казались черными отъ копоти; даже дымъ, выходящій изъ ихъ трубъ, и зелень, которая мѣстами проглядывала между домовъ и улицъ, принимали золотистый оттѣнокъ.

Но вотъ наступила осень; солнце не показывалось иногда цѣлые дни и недѣли. На маленькой улицѣ совсѣмъ стемнѣло, и въ домѣ леди Эліоттъ царилъ теперь постоянный полумракъ; густой туманъ разстилался передъ окнами. Не видно было ни берега, ни рѣки, ни парусовъ, только по прежнему съ утра до ночи слышался шумъ и гулъ городской жизни. У леди Эліоттъ являлось по временамъ непреодолимое желаніе опять побывать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она жила прежде, взглянуть на домъ въ Cork-Street'ѣ и на одинокое дерево. Но она всякій разъ подавляла въ себѣ это желаніе и садилась у постели больной; здѣсь она скоро забывала свое горе и все, что касалось ея собственной жизни, и въ этомъ самозабвеніи она находила своего рода утѣшеніе.

Но для Натали все было кончено: медленно и безостановочно угасала ея жизнь. Приближеніе смерти не пугало ее: послѣ всѣхъ испытанныхъ потрясеній она находилась въ состояніи полной апатіи и почти постоянно дремала. Леди Эліоттъ не разъ задавала себѣ вопросъ, думаетъ ли о чемъ Натали? Видитъ ли во свѣ безоблачныя страны

вѣчнаго покоя, рисуются ли передъ ней картины прошлаго, или ея дремота чужда всего этого и на нее нашло оцѣпенѣніе близкое къ смерти. Но бывали и свѣтлыя промежутки, гдѣ сознание возвращалось къ больной: она долго глядѣла на леди Эліоттъ и въ глазахъ ея выражалось столько нѣжности и глубокой благодарности, что блѣдное лицо ея оживлялось и опять казалось красивымъ.

Такъ проходили мѣсяцы. Началь рѣдѣтъ туманъ подъ окнами и наконецъ совсѣмъ исчезъ при появленіи весенняго солнца. Снова видна была зеркальная поверхность рѣки и мрачныя дома на противоположномъ берегу.

Въ одинъ изъ такихъ солнечныхъ весеннихъ дней леди Эліоттъ сидѣла у постели Натали. Изъ открытаго окна вѣяло тепломъ и доносился съ набережной обычный неумолкаемый шумъ. Но вотъ послышались издали звуки шарманки и тамбурина; — они становились все яснѣе и наконецъ подъ самыми окнами раздался знакомый дѣтскій голосъ, который пѣлъ:

Oh Richard, oh mon Roi
L'univers t'abandonne...

Это были тѣ же странствующие музыканты, что и въ Брайтонѣ. Натали проснулась, и леди Эліоттъ, желая доставить ей удовольствіе, приказала слугѣ позвать къ себѣ маленькаго пѣвца, а шарманщика и его спутницу провести въ одну изъ комнатъ нижняго этажа.

Нѣсколько секундъ спустя въ комнату больной вошелъ красивый, хорошо сложенный восьмилѣтній мальчикъ, аристократическія манеры котораго представляли странный контрастъ съ его бѣдной одеждой.

Лицо его поразило леди Эліоттъ. „Я должна узнать, кто его отецъ и мать“, подумала она: „эти большіе сѣрые глаза съ свѣтлыми рѣсницами и бровями незнакомы мнѣ, но губы, носъ, лобъ... какое странное сходство!“

Она заговорила съ мальчикомъ по французски и спросила: „Откуда ты?“

— Изъ Парижа.

— Какъ тебя зовутъ?

— Шарлемань!

— Какое смѣшное прозвище! Ты еще такой маленькій! Ну, Карлъ Великій, не пропоешь ли ты свою пѣсню для этой больной дамы, которая также французенка.

— Съ удовольствіемъ, развязно отвѣтилъ Шарлемань и, заложивъ руки за спину, пропѣлъ всю пѣсню Блонделя своимъ звонкимъ дѣтскимъ голосомъ, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто принималъ къ сердцу каждое слово.

Натали была очень взволнована и такъ нѣжно поцѣловала маленькаго пѣвца, что тотъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Леди Эліоттъ дала ему деньги и уже хотѣла отпустить его, но видя по лицу боль-

ной, что присутствіе мальчика доставляетъ ей особенное удовольствіе, рѣшила оставить его у себя на нѣкоторое время.

— Не хочешь ли ты остаться съ нами? спросила она Шарлеманя. Я пойду къ твоему отцу и попрошу у него позволенія.

— Это не мой отецъ.

— Какъ, ты значить не сынъ этого шарманщика? Гдѣ же твой отецъ?

— Онъ далеко—онъ на небѣ!

— Бѣдное дитя! сказала леди Эліоттъ. Но зачѣмъ же твой отецъ ушелъ отъ тебя такъ далеко?

— Все это надѣлали злые люди. Мой отецъ былъ офицеръ въ красивомъ платьѣ, съ золотомъ и съ длинной саблей. Онъ былъ разъ въ Версалѣ, пришли изъ Парижа злые люди, хотѣли разграбить дворецъ; отецъ сталъ защищать короля и королеву своей саблей—и злодѣи убили его. Онъ былъ храбрый офицеръ и Delphica... какъ это... Delphica lauga... Теперь у него лавровый вѣнокъ.

— Какъ! со смѣхомъ замѣтила леди Эліоттъ, ты толкуешь о лавровомъ вѣнкѣ и знаешь латинскія слова. Откуда ты научился всему этому?

— У мосье Реаль.

— Кто это мосье Реаль?

— Мой гувернеръ—онъ жилъ у насъ.

— А твоя мать? спросила леди Эліоттъ.

— Развѣ нужно имѣть мать? У меня нѣтъ матери.

Леди Эліоттъ почувствовала искреннее состраданіе къ бѣдному ребенку, который повидимому даже не сознавалъ своего положенія. Она крѣпко обняла его и сказала:—Я буду твоей матерью! я постараюсь, чтобы тебѣ было хорошо у меня... Остайся здѣсь съ этой больной дамой... Сиди смиренно и не безпокой ее,—я тотчасъ же вернусь.

Шарманщикъ и дѣвушка съ тамбуриномъ сидѣли въ одной изъ комнатъ нижняго этажа и ждали возвращенія своего маленькаго товарища. Въсто него вошла хозяйка дома.

— Мой другъ, обратилась она къ шарманщику, я желала бы поговорить съ вами относительно мальчика... Шарлеманя... Какое у него странное прозвище!

— У нихъ былъ въ домѣ полусумасшедшій гувернеръ, который говорилъ на разныхъ языкахъ. Вѣрно онъ и далъ ему эту кличку.

— Какъ зовутъ его?

— Должно быть Шарлемъ. Навѣрно не знаю, миледи, я не отецъ его.

— Да онъ говорилъ, что отецъ его былъ офицеръ и умеръ защищая короля.

— Онъ увѣренъ въ этомъ, и я не разубѣждаю его...

— Кто же ты такой?

— Шарманщикъ, какъ вы видите, и нищій, который долженъ за-

работывать себѣ хлѣбъ чуть ли не милостыней — французскій эмигрантъ, оплачивающій свою родину.

Искренній тонъ, которымъ были сказаны эти слова, сразу расположили леди Эліоттъ въ пользу бѣдняка.

— Мой другъ, спросила она его ласковымъ голосомъ, что побудило васъ бѣжать изъ Франціи?

— Я бывшій солдатъ пѣхотнаго Фландрскаго полка его величества короля и мой капитанъ маркизь де Бариньи погибъ геройскою смертью въ ночь на 5 октября, въ Версалѣ, защищая жизнь короля и королевы. Голосъ рассказчика задрожалъ, но онъ овладѣлъ собою и продолжалъ: я видѣлъ, какъ онъ упалъ у дверей, ведущихъ въ опочивальню королевы, защищаясь одинъ противъ цѣлой толпы убійцъ; но это дало возможность королевѣ убѣжать вмѣстѣ съ дѣтьми въ покои короля... а тамъ явился Лафайетъ, этотъ мошенникъ, который командуетъ шайкой лавочниковъ и парикмахеровъ и величаетъ себя генераломъ. Но къ счастью мошенникъ всегда перебьетъ дорогу своему собрату. Лафайетъ завидовалъ герцогу Орлеанскому; — и одна армія негодяевъ должна была положить оружіе передъ другою — хорошее оружіе, нечего сказать! — сапожные ножи, ножницы, топоры, камни съ мостовой... У приверженцевъ короля были тогда ружья, пушки, пули и порохъ; мы могли бы такъ угостить ихъ, что вся эта сволочь улетѣла бы къ чорту... а намъ не позволили стрѣлять... Повѣрите ли, что многіе изъ насъ плакали какъ дѣти съ досады!

Рассказчикъ не могъ говорить отъ волненія и остановился.

— Чѣмъ же все это кончилось? спросила леди Эліоттъ.

— Кончилось тѣмъ, что они надѣли на пику голову моего дорогаго капитана, понесли въ Парижъ въ пѣніемъ и пляской и воткнули ее на площади противъ la Maison de Ville... Ну ужъ этого разумѣется я не могъ стерпѣть и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами бросился среди бѣлаго дня въ толпу пьяныхъ бабъ, которыя, взявшись за руки, выплясывали свой проклятый танецъ кругомъ мертвой головы нашего капитана и пѣли: „vive le son du canon!“ — Вотъ, погодите, будетъ по вашему, крикнулъ я и прицѣлился въ нихъ изъ ружья... онѣ струсили и разсѣялись какъ вѣдмы отъ креста. Мы сняли съ пика голову маркиза де Бариньи и снесли въ его домъ, въ С.-Жерменскомъ предмѣстьи, на углу rue de Beaune и rue de Lille. Сколько было у насъ пролито слезъ тогда! Хотя капитанъ не былъ женатъ, но прислуга любила его какъ роднаго, особенно моя сестра, которая вмѣстѣ съ дочерью завѣдывала его хозяйствомъ. Мы достали гробъ, украсили его цвѣтами и хотѣли похоронить нашего капитана съ честью, какъ христіанина. Но подъ вечеръ собралась толпа передъ домомъ, тутъ были и проклятыя торговки, которыя шумѣли, что было мочи, ломились въ дверь и кричали: „выдайте намъ слугу маркиза, а то не оставимъ камня на камнѣ!“ Чтобы спасти своихъ, я хотѣлъ самъ выйти къ нимъ и отбиваться на сколько хватить силъ, но сестра ухватилась за

меня и упрашивала не оставлять ихъ. Тогда разъяренная толпа начала пускать ракеты въ домъ,—и черезъ нѣсколько секундъ все было объято пламенемъ. Я взялъ пріемнаго сына капитана на руки и вытащилъ племянницу и сестру изъ огня. Я хотѣлъ провести ихъ садомъ въ улицу Verneuil; все шло хорошо и мы уже подходили къ калиткѣ,—какъ вдругъ сестра моя исчезла. Оказалось, что она вернулась въ домъ, чтобы спасти канарейку, которую очень любила и забыла захватить въ-торопяхъ... Она уже была на порогѣ съ клѣткой, но въ эту минуту обвалилась крыша и горящая балка убила ее вмѣстѣ съ птицей... Вотъ дочь моей сестры,—добавилъ разсказчикъ, указывая на дѣвушку съ черными, длинными косами.

— Что вамъ еще извѣстно о мальчикѣ? спросила леди Эліоттъ.

— Ничего кромѣ того, что онъ не сынъ капитана. Я слышалъ отъ сестры, что у ребенка очень знатный отецъ, который не хочетъ или не можетъ его признать, и капитанъ усыновилъ его. Нашъ капитанъ былъ такой добрый, заботился о ребенкѣ лучше роднаго отца, нашелъ ему гувернера и воспитывалъ какъ настоящаго французскаго дворянина...

— Куда дѣвался гувернеръ? спросила леди Эліоттъ.

— Я уже говорилъ вамъ, миледи, что это былъ такой чудакъ, что я всегда удивлялся, какъ можно держать въ домѣ такого учителя. Мнѣ говорили потомъ, что онъ былъ не сумасшедшій, а ученый философъ; не знаю, правда ли это, но онъ во всякомъ случаѣ не далеко ушелъ со своей философіей. Вмѣсто того, чтобы уйти изъ дому черезъ садъ, онъ бросился прямо въ толпу и—что съ нимъ случилось—одинъ Господь вѣдаетъ. Я ничего не слышалъ о немъ съ тѣхъ поръ, потому что тогда же уѣхалъ изъ Франціи вмѣстѣ съ племянницей и мальчикомъ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Пьеръ Леметръ, бывшій капраль пѣхотнаго Фландрскаго французскаго полка его королевскаго величества.

— Мосе Пьеръ, спросила его задумчиво леди Эліоттъ,—не собираетесь ли вы опять вернуться въ Парижъ?

— Нѣтъ, миледи, на это нѣтъ никакой надежды, пока нашъ король допускаетъ такое положеніе дѣлъ, которое уже длится третій годъ. Кто теперь за короля—тотъ пропалъ. У его королевскаго величества вездѣ есть друзья и въ Кобленцѣ на Рейнѣ, и въ Англіи... только не въ Парижѣ... Скоро Франція сдѣлается такой страной, что всякій порядочный человѣкъ будетъ говорить о ней съ ужасомъ. Дошло до того, что хорошіе люди должны бѣжать изъ своей родины, а безбожниковъ принимаютъ съ почетомъ. Извѣстно ли вамъ, что герцогъ Орлеанскій опять вернулся въ Парижъ.

Леди Эліоттъ не знала этого.

— Да, какъ же, продолжалъ Леметръ—и еще съ какимъ триумфомъ! Однако, добавилъ онъ съ тайнымъ злорадствомъ,—мы не разъ гѣли

подъ его окнами одну пѣсню, которая для него хуже чумы и еще въ послѣдній разъ въ Брайтонѣ...

— Мосье Пьеръ, сказала леди Эліоттъ,—скажите мнѣ, не могу ли я что нибудь сдѣлать для васъ?

— Да благословить васъ Господь, миледи! отвѣтилъ эмигрантъ, тронутый до глубины души. — Значитъ вы на сторонѣ короля и его приверженцевъ?

— Не все ли равно, отвѣтила леди Эліоттъ уклончиво,—я всегда на сторонѣ несчастныхъ. Лучше поговоримъ о нашемъ дѣлѣ. Не хотите ли вы приняться за какое нибудь ремесло, я могу дать вамъ денегъ на обзаведеніе.

— Я когда-то занимался ружейнымъ мастерствомъ, отвѣтилъ Леметръ,—и если вы дѣйствительно хотите помочь мнѣ, то я охотно возьмусь готовить ружья для тѣхъ, которые пойдутъ на защиту короля...

Леди Эліоттъ улыбнулась. „Ну, твои ружья, подумала она, — не опасны для революціи и мало принесутъ пользы королю!“ Затѣмъ, обратившись къ Леметру, она сказала: „Ну хорошо, примите себѣ мастерскую и принимайтесь за работу. Племянница ваша займется вашимъ хозяйствомъ, а ребенка я возьму къ себѣ и буду воспитывать какъ сына“.

Бѣднякъ заплакалъ отъ радости.

— Что же! отдадите ли вы мнѣ Шарлеманя?

— Могу ли я отказать вамъ, отвѣтилъ Леметръ сквозь слезы. — Возьмите его, судьба вѣроятно назначила ему лучшую участь, чѣмъ ходить по улицѣ съ шарманщикомъ и распѣвать пѣсни...

— Что вы сдѣлаете со своей шарманкой?

— Я буду хранить ее до конца моей жизни какъ святыню. Она будетъ напоминать мнѣ мою родину и все, что я потерялъ въ ней, а также ту, которая явилась ко мнѣ на помощь, какъ ангелъ съ неба...

Пьеръ Леметръ ушелъ съ своей племянницей. Леди Эліоттъ поспѣшила къ больной и застала маленькаго Шарлеманя у ея постели. Онъ сидѣлъ молча и задумчиво смотрѣлъ на блѣдное лицо Натали своими большими сѣрыми глазами.

Присутствіе ребенка освѣтило маленькій уединенный домъ въ Norfolk-Street'ѣ, какъ лучъ солнца. Съ утра до вечера слышался теперь его звонкій голосъ, смѣхъ, пѣніе. Натали, пробуждаясь отъ дремоты, съ радостной улыбкой слышала его болтовню и ласково глядѣла на него. Въ ея взглядѣ по временамъ выражалась такая безконечная грусть, что у леди Эліоттъ сжималось сердце. Ребенокъ представлялъ собою олицетвореніе жизни—Натали прощалась съ нею. Это была яркая картина жизни и смерти, печальные, потухающіе глаза умирающей представляли полный контрастъ съ блестящими, живыми глазами ребенка, полными огня и дѣтской веселости. Паденіе улад-

шихъ листьевъ осенью всегда возбуждаетъ въ насъ невольное чувство сожалѣнія, — а тутъ рядомъ была новая весна, — закатъ и восходъ солнца; прибыль и убыль въ морѣ жизни, какъ бы падающая и поднимающаяся волна...

Иногда леди Эліоттъ долго вглядывалась въ красивыя черты ребенка, отыскивая сходство, поразившее ее въ первую минуту ихъ знакомства — но это сходство казалось ей теперь неуловимымъ. Дѣтское лицо часто представляетъ собою загадку, которая можетъ разрѣшиться только съ годами, когда черты принимаютъ опредѣленный характеръ. Что составляетъ главное различіе лицъ, какъ неизвѣстное выраженіе, которое у взрослого человѣка всегда тѣсно связано съ его внутреннимъ міромъ и прошлою жизнью, тогда какъ это же различіе между дѣтскими лицами болѣе или менѣе вѣншее. Носъ и лобъ мальчика живо напоминали леди Эліоттъ знакомое лицо, но она не была убѣждена въ этомъ сходствѣ и старалась увѣрить себя, что воображеніе обманываетъ ее. Однако это не уменьшило въ ней участіе къ маленькому Шарлеманю, котораго она называла Шарлемъ. Она серьезно занялась его воспитаніемъ и нашла въ немъ природный умъ, быстрыя способности и любознательность. Аристократическое происхожденіе сказалося въ немъ, какъ только его одѣли въ приличное платье и онъ очутился въ свойственной ему сферѣ, но тѣмъ не менѣе тайна, покрывавшая прошлое ребенка, осталась неразъясненной. Для леди Эліоттъ было достаточно, что онъ круглый сирота, и она отъ всей души привязалась къ нему. Онъ платилъ ей взаимностью и называлъ матерью.

Наступилъ тихій майскій вечеръ. Темза была вся какъ въ огнѣ отъ яркихъ лучей заходящаго солнца. Фасады и окна дворцовъ Lambeth и Somerset, крыши и башни St. Mary, St. Dunstan, Темпля были покрыты розоватымъ свѣтомъ, равно какъ и вся масса безыменныхъ церквей и домовъ, которые тянулись отъ нихъ во всѣ стороны. Воздухъ былъ теплый и прозрачный; съ рѣки доносился по временамъ легкій, свѣжій вѣтерокъ.

Натали проснулась и задумчиво глядѣла на отблескъ вечерней зари, отражавшійся на стѣнахъ и потолкѣ ея комнаты. На душѣ ея становилось все свѣтлѣе и спокойнѣе, и она съ кроткой улыбкой смотрѣла на сидѣвшую около нея леди Эліоттъ.

Въ это время маленький Шарль, стоявшій у окна, громко воскликнулъ: „Посмотри, мама, какъ горитъ!“

Съ этими словами онъ указалъ на золотой крестъ на шпицѣ Темпля, который казался весь въ огнѣ и ясно обрисовывался на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба.

Больная зашевелилась. Она неожиданно приподняла правую руку и заговорила. Было ли это возвращеніе къ жизни или прощаніе съ нею? Она сняла съ шеи золотой медальонъ и подала его леди Эліоттъ: „Моему брату... въ Парижѣ!“ сказала она.

Это были ея послѣднія слова.

— Мама, крестъ погасъ, смотри, какъ стало темно! воскликнула опять Шарль.

Леди Эліоттъ подозвала его къ постели. „Молись за нее“,—сказала она.

Мальчикъ сложилъ руки и прочелъ „Отче нашъ“. Леди Эліоттъ бросилась рыдая на трупъ подруги своего дѣтства и покрывала его поцѣлуями.

— О чемъ ты плачешь, мама?

— Она умерла! воскликнула леди Эліоттъ сквозь слезы.

Нѣсколько дней спустя послѣ похоронъ г-жи С. Мало леди Эліоттъ уѣхала изъ Лондона съ своимъ пріемнымъ сыномъ.

Они отправились въ Парижъ.

ГЛАВА XIV.

Леди Эліоттъ въ Парижѣ.

Наступилъ памятный для Парижа день 11 іюля 1791 года. Это былъ день торжественнаго погребенія Вольтера въ Пантеонѣ.

Леди Эліоттъ проснулась рано утромъ отъ громкаго звона колоколовъ и открыла окно. Солнце ярко свѣтило; со всѣхъ сторонъ слышалась музыка.

Домъ леди Эліоттъ находился почти на краю города въ улицѣ *Migouéville*. Здѣсь въ предмѣстьѣ *St.-Honoré*, по близости Елисейскихъ полей, вдали отъ шума и суеты главныхъ парижскихъ улицъ поселилась она съ своимъ пріемнымъ сыномъ, — и для нея началось новое существованіе. Лондонъ, вся ея прошлая жизнь, были свѣжи въ ея памяти, но уже отошли на второй планъ, благодаря массѣ новыхъ впечатлѣній. Только они и могутъ спасти насъ отъ самихъ себя и тяжелыхъ воспоминаній и водворить миръ въ нашей душѣ. У леди Эліоттъ опять была цѣль въ жизни, — на рукахъ ея былъ ребенокъ и кромѣ того на ней лежалъ нравственный долгъ исполнить послѣднюю волю Натали.

Маленькій Шарль былъ внѣ себя отъ радости, что онъ снова въ Парижѣ, хотя и въ незнакомомъ ему кварталѣ и увѣрялъ леди Эліоттъ, что если она сведетъ его въ С.-Жерменское предмѣстье по ту сторону Сены, то ему извѣстны тамъ всѣ улицы. Еще наканунѣ онъ цѣлый день прыгалъ по всѣмъ комнатамъ, подбѣгалъ къ окнамъ, повторяя десятки разъ, что Парижъ гораздо красивѣе Лондона и что въ Лондонѣ страшно скучно, а въ Парижѣ весело. Но теперь мальчуганъ спалъ крепкимъ сномъ, не смотря на звонъ колоколовъ.

Леди Элиоттъ подошла къ нему и поцѣловала въ лобъ.

— Проснись! сказала она. — Посмотри, какъ свѣтитъ солнце. Слышишь ли ты, какъ звонятъ колокола?

— Что это такое, мама? спросилъ мальчикъ.

— Сегодня праздникъ. Ты одѣнешь нарядное платье и мы съ тобой поѣдемъ въ коляскѣ. Одѣвайся скорѣе и приходи ко мнѣ.

Маленькій Шарль соскочилъ съ постели, хлопая въ ладоши отъ радости, при мысли, что онъ надѣнетъ красное шелковое платье съ свѣтлыми пуговицами и бархатную шляпу съ перомъ.

Нѣсколько минутъ спустя онъ постучался въ дверь леди Элиоттъ и, остановившись на порогѣ, снялъ шляпу.

— Мама, экипажъ готовъ, сказалъ онъ, величественно кивнувъ ей головой, но тотчасъ же забылъ свою роль и бросившись къ ней, принялся цѣловать ей руки и платье.

— Тихе, Шарль, ты испортишь свою шляпу, сказала леди Элиоттъ, слегка отгалкивая его, потому что выраженіе лица мальчика опять напомнило ей знакомыя черты и пережитыя ею минуты невыразимаго блаженства и безконечнаго горя.

Леди Элиоттъ взяла его за руку и они вышли на улицу. Въ воздухѣ слышался оглушительный звонъ всѣхъ парижскихъ колоколовъ и издали доносился шумъ и говоръ громадной толпы народа, выпавшей изъ домовъ по случаю предстоящаго праздника. Ночью шелъ сильный дождь, но теперь все ожило, все было свѣтло и полно веселіемъ. На голубомъ небѣ сіяло жаркое лѣтнее солнце, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ и наполненъ благоуханіемъ цвѣтовъ и деревьевъ, которыми такъ богатъ Парижъ.

— Какъ здѣсь хорошо! воскликнулъ Шарль, сидя рядомъ съ леди Элиоттъ въ нарядной коляскѣ. — Посмотри, какъ скоро бѣгутъ лошади, я хотѣлъ бы имѣть такія же быстрыя ноги... Тогда... Увижу ли я домъ, гдѣ жилъ мой отецъ? спросилъ онъ нерѣшительно, и лицо его приняло печальное выраженіе.

— Мой милый, домъ этотъ вѣроятно сгорѣлъ! Но ты не долженъ вспоминать объ этомъ. Ты знаешь, у тебя есть мать; она любитъ маленькаго Шарля не меньше его отца...

— Мама, отчего въ Парижѣ такіе злые люди. Когда я вырасту, я постараюсь отомстить имъ за то, что они убили отца.

— Кто тебя научилъ говорить такія вещи? спросила леди Элиоттъ.

— Никто, я самъ придумалъ.

— Развѣ это хорошо? Ты не для того живешь на свѣтѣ, чтобы мстить и дѣлать зло другимъ!

— А они зачѣмъ такъ дѣлаютъ?

— Неужели если ты встрѣтишь мальчика, который жжетъ или ведетъ себя дурно, то и ты станешь дѣлать то же самое?

— Нѣтъ, но если онъ меня побьетъ, тогда...

— Что тогда?

— Я также постараюсь прибить его какъ можно сильнѣе...

— А если онъ окажется сильнѣе тебя и выше ростомъ?

— Это будетъ нечестно съ его стороны.

— Что же ты сдѣлалъ бы съ нимъ въ томъ случаѣ?

Мальчикъ задумался.

— Но вѣдь онъ долженъ быть наказанъ: развѣ нельзя какъ нибудь наказать его.

— Конечно можно.

— Ну такъ скажи, мама.

— Предположимъ, ты видишь, что злой мальчикъ, который обидѣлъ тебя, упалъ въ воду, неужели ты не подалъ бы ему руку, чтобы спасти его?

— Да, я это сдѣлалъ бы!

— Какъ ты думаешь, что почувствовалъ бы онъ, если бы ты спасъ его отъ смерти?

— Ему сдѣлалось бы стыдно, отвѣтилъ Шарль съ просіявшимъ лицомъ, но минуту спустя онъ опять опечалился.—А если онъ не упадетъ въ воду, тогда что?

— Всегда есть тысяча случаевъ отплатить добромъ за зло—это единственный и лучший способъ наказывать злыхъ людей. Понимаешь ли ты меня?

— Нѣтъ, я не понялъ, что ты говоришь, отвѣтилъ Шарль съ озбоченнымъ видомъ.—Но я буду дѣлать такъ, какъ ты совѣтуешь...

Коляска остановилась. Съ обѣихъ сторонъ передъ ними тянулись длинныя, необозримыя аллеи, наполненныя безчисленной нарядной толпой, которая медленно подвигалась впередъ среди говора, криковъ, музыки, колокольнаго звона. Юльское утро озаряло эту величественную картину своими яркими золотистыми лучами.

— Бульвары! бульвары! вскрикнулъ мальчикъ видя себя отъ радости. Онъ бросился къ козламъ, махая своей маленькой шляпой, на которой развѣвалось перо.

Передъ ними былъ бульваръ Madelaine. Масса народа была какъ велика, что коляска леди Эліоттъ должна была применуть къ веревницѣ экипажей, ѣхавшихъ шагомъ вдолгъ бульвара.

ГЛАВА XV.

Похороны Вольтера.

Четыре ряда деревьевъ, составлявшихъ роскошныя и тѣнистыя аллеи тогдашняго бульвара Madelaine, были украшены пестрыми гирляндами цвѣтовъ на всемъ своемъ протяженіи; вѣнки висѣли чуть ли

не на каждой вѣткѣ. Со всѣхъ крышъ, оконъ, развѣвались трехцвѣтныя знамена обновленной Франціи. Вездѣ виднѣлись радостныя, веселыя лица, праздничныя одежды, трехцвѣтныя ленты, банты, кокарды, шарфы, освѣщенные лѣтнимъ солнцемъ. Любовь къ родинѣ, гордое сознание одержанной побѣды, одинаково воодушевляли всѣхъ.

Куда дѣлись мрачныя лица, искаженныя страстью, фанатизмомъ, жаждой мести? Гдѣ палачи, наводившіе ужасъ на Версаль, убійцы де-Лонея, Флесселя и Фулона?.. Гдѣ же свирѣпая толпа рыночныхъ торговцевъ, оборванцевъ, мясниковъ... Куда дѣлась революція?

Лѣтнее солнце, весенній сонъ свободы, предстоящее торжество преобразили дивія лица актеровъ страшной драмы. Революція сложила оружіе и улыбалась.

Сегодня она перевозитъ въ Парижъ бранные остатки великаго Вольтера изъ неосвященной земли, гдѣ они были преданы забвенію въ теченіе тринадцати лѣтъ. Самовластіе въ 1778 году лишило его церковнаго погребенія, — революція отвела ему лучшую церковь въ Парижѣ для послѣдняго успокоенія. Представители французской націи рѣшили, что церковь св. Женеьевы сдѣлается „Пантеономъ великихъ людей“, и что прахъ Вольтера удостоится чести погребенія въ ней.

Прошло много времени прежде чѣмъ экипажъ леди Эліоттъ проѣхалъ бульвары въ ряду другихъ экипажей. Каждая изъ боковыхъ улицъ приносила изъ середины города новыя толпы народа въ общій потокъ, который хотя медленно, но постоянно подвигался впередъ. Наконецъ, нѣсколько часовъ спустя, они достигли площади. Наступалъ полдень. Жаръ дѣлался все сильнѣе отъ яркихъ и палящихъ лучей солнца, колокола не умолкали и глухой шумъ внизу смѣшивался съ ихъ звономъ.

Впечатлѣніе было подавляющее. Леди Эліоттъ, сидя въ коляскѣ, ничего не видѣла, кромѣ колющагося необъятнаго моря головъ, ничего не слышала кромѣ смѣшаннаго гула и говора нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ.

— Мама, воскликнулъ Шарль, взглянувъ на площадь, вотъ мѣсто, гдѣ была Бастилія.

У леди Эліоттъ сжалось сердце. Она вспомнила всѣ ужасы, которые когда-то слышала о Бастиліи, вспомнила о несчастномъ Жильберѣ. Въ такое же іюльское утро два года тому назадъ, среди криковъ разъяреннаго народа рушилась страшная тюрьма, представляя собою груды дымящихся развалинъ, и самое мѣсто ея сравняли съ землею.

— Мама, продолжалъ Шарль, — тутъ стояла прежде старая тюрьма съ толстыми черными стѣнами и темной башней; въ ней много сидѣло народу съ цѣпами на рукахъ и ногахъ. Я самъ видѣлъ эту тюрьму, башню и стѣны.

Мальчишекъ замолчалъ, но черезъ минуту онъ опять заволновался.

— Иди сюда! крикнулъ онъ одной изъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя съ тяжелыми корзинами на рукахъ пробирались сквозь толпу, чтобы достигнуть эснажей, стоявшихъ полукругомъ на площади.

— Камни Бастиліи! кричали торговки, — пятнадцать су... камни Бастиліи!

Одна изъ дѣвушекъ подошла къ экипажу леди Эліоттъ и стала раскладывать свой товаръ.

— Вотъ отличный камень, изъ самой середины тюрьмы, сказала она.— Не одинъ несчастный вздыхалъ надъ нимъ, плакалъ и проклиналъ своихъ притѣснителей... Онъ стоитъ немного дороже... двадцать пять су... Купите его, сударыня — это лучший камень изъ всей Бастиліи.

Леди Эліоттъ купила камень, но по всему ея тѣлу пробѣжала дрожь, когда она прикоснулась къ нему. Шарль также отобралъ себѣ нѣсколько камней, но тотчасъ же забылъ о нихъ и, стоя на козлахъ, весь погрузился въ созерцаніе величественнаго зрѣлища, представлявшагося его глазамъ.

— Мама, воскликнулъ онъ, — ты ничего не видишь!.. Вотъ они несутъ красивый гробъ, онъ весь покрытъ золотомъ, лавровыми вѣнками и краснымъ сукномъ... Они ставятъ гробъ на груды развалинъ— они воткнули надъ нимъ знамя съ золотыми буквами...

Громкій возгласъ толпы прервалъ слова Шарля. Сотни тысячъ голосовъ привѣтствовали гробъ и знамя. Крикъ этотъ раздался на площади какъ раскатъ грома, которому вторили крики толпы, наполнившей сосѣднія улицы, и замеръ въ воздухѣ.

Наконецъ, все стихло.

Началась торжественная музыка... Не слышно было ни малѣйшаго признака жизни въ этой громадной толпѣ, даже листья какъ будто заснули на деревьяхъ... Все замерло, только тишина и музыка чествовали память великаго человека. Но это длилось всего нѣсколько секундъ; опять зашумѣла и задвигалась народная масса. Все перемѣнилось; экипажи сѣзжались другъ съ другомъ, началась давка и толкотня.

— Что съ тобой, Шарль? спросила леди Эліоттъ.— Отчего ты не рассказываешь, что дѣлается на площади.

— Посмотри на эту женщину! отвѣтилъ мальчикъ съ испугомъ...

— Какую женщину?

— Да вотъ эту, съ большими сѣрыми глазами и разорваннымъ платкомъ... чего она такъ смотритъ на тебя? Уже сколько времени она не сводитъ съ тебя глазъ, мама... у ней такіе страшные глаза!

— Гдѣ же ты видишь ее, Шарль, спросила леди Эліоттъ, приподмаясь немного съ своего мѣста.

— Вотъ тутъ, мама... Нѣтъ, ты ее не увидишь... она скрылась въ толпѣ...

Въ это время усилившаяся давка перемѣнила размѣщеніе группъ.

Экипажи двинулись впередъ, народъ откынулъ по обѣ стороны, становясь отъ лошадей.

— Ахъ, какая страшная женщина! сказалъ Шарль... Я никогда не видалъ такихъ большихъ глазъ!...

— Не думай больше о ней. Становись лучше возлѣ меня и рассказывай, что увидишь.

— Я вижу золотую колесницу, запряженную двѣнадцатью бѣлыми лошадьми... Ахъ, какія красивыя лошади, у нихъ золотыя уздечки, а вся сбруя украшена цвѣтами; шесть человѣкъ въ красныхъ мантияхъ и съ золотыми лентами на головѣ ведутъ лошадей. Знаешь ли, мама, они одѣты точно такъ, какъ Брутъ и Кассій на картинѣ въ нашей комнатѣ. Вотъ подходятъ другіе люди, снимаютъ гробъ съ развалинъ и ставятъ на колесницу... Но въ эту минуту маленькій рассказчикъ едва не выпалъ на мостовую, такъ какъ экипажъ получалъ сильный толчекъ отъ подступившей къ нему толпы.

— Садись, Шарль, сказала леди Эліоттъ, ты и такъ все увидишь. Шествіе пройдетъ мимо насъ.

Въ это время батальонъ національной гвардіи, одѣтый въ голубое съ трехцвѣтными кокардами, очищаль мѣсто для триумфальной колесницы Вольтера. Музыка, заигравшая торжественный маршъ, возвѣстила публикѣ, что шествіе двинулось въ путь. Барабанщики съ барабанами, покрытыми чернымъ крепомъ, музыка, артиллерія и пушки открывали кортежъ. Затѣмъ слѣдовало національное собраніе въ полномъ своемъ составѣ. Леди Эліоттъ съ невольнымъ любопытствомъ и чувствомъ глубокаго уваженія разглядывала фигуры, головы и лица этихъ людей, которые ломали окостенѣвшія традиціи міра, чтобы водворить на ихъ мѣсто новыя идеи и порядки. Мирабо уже не было между ними. Этотъ гениальный ораторъ умеръ во-время, чтобы сохранить свою славу, честь и иллюзіи. Но тутъ были другіе, которыхъ леди Эліоттъ узнала по портретамъ: Сіэссъ, — смѣлый прелатъ; Лафайэтъ, герой, сражавшійся за свободу въ Новомъ и Старомъ Свѣтѣ, одѣтый въ мундиръ начальника національной гвардіи; рядомъ съ нимъ и другими представителями націи шелъ герцогъ Орлеанскій. Лицо его было спокойно, въ походкѣ замѣтна была особенная увѣренность.

Вся кровь бросилась въ голову леди Эліоттъ, и сердце болѣзненно забилося въ ея груди при видѣ этого знакомаго и ненавистнаго для нея лица.

— И этотъ между ними! невольно воскликнула она.

— Кто, мама? спросилъ Шарль.

Леди Эліоттъ ничего не отвѣтила. Лицо, взволновавшее ее, исчезло, и мѣсто его заступила торжественная колесница, которую везли двѣнадцать бѣлыхъ лошадей по четыре въ рядъ. Она представляла подобіе древнихъ римскихъ колесницъ, была вся выложена золотомъ и съ золотыми колесами. Шесть человѣкъ вели лошадей подъ уздцы; всѣ они были въ древней римской одеждѣ, въ тогахъ, сандаляхъ и съ

золотыми обручами на головахъ. Революція сочувственно относилась къ классическому міру, высоко ставила гражданскую доблесть римлянъ и подражала имъ во всемъ, даже въ одежахъ. На саркофагѣ, который былъ также сдѣланъ по древнему образцу, видѣлось мраморное изображеніе Вольтера въ лежачемъ положеніи съ короной на головѣ. За колесницей шель парижскій муниципалитетъ, магистратъ, ремесленники, коллегіи, университетъ, работники, люди, раззорившіе Бастилію, въ красныхъ волпавахъ съ добытыми тамъ цѣпами и ядрами, съ знаменемъ, которое развѣвалось нѣкогда на башнѣ Бастиліи, съ заржавленнымъ оружіемъ и пиками. Къ одной изъ нихъ былъ прикрѣпленъ листъ съ словами: „это желѣзо освободило насъ“. Пику эту несла молодая дѣвушка, одѣтая амазонкой. Въ день взятія Бастиліи она сражалась наравнѣ съ мужчинами и потому шла вмѣстѣ съ ними, сопровождая триумфальную колесницу Вольтера.

Актеры и актрисы всѣхъ парижскихъ театровъ замыкали шествіе, одѣтые въ пестрыхъ восточныхъ костюмахъ и въ классическихъ одеждахъ героическаго періода древней Греціи. Они несли пирамиду съ названіями всѣхъ произведеній Вольтера, позолоченный ящикъ съ его сочиненіями и его статую, украшенную лавровымъ вѣнкомъ. При видѣ всего этого, маленький Шарль пришелъ въ полный восторгъ и засыпалъ вопросами леди Эліоттъ, такъ что она едва успѣвала отвѣчать ему.

— Значитъ Вольтеръ былъ поэтъ, мама, и написалъ много сочиненій и прославилъ эти древніе народы. Вѣдь онъ сдѣлалъ хорошее дѣло... Зачѣмъ же его посадили въ Бастилію?

— Вольтеръ сидѣлъ въ тюрьмѣ по злобѣ своихъ враговъ, которые ненавидѣли и преслѣдовали его, потому что онъ всегда говорилъ правду.

— Неужели бываютъ такіе злые люди! Развѣ не гадво запереть когонибудь въ тюрьму за то, что онъ говоритъ правду?

— Разумѣется, это не хорошо, отвѣтила леди Эліоттъ. Но ты самъ видѣлъ, что Бастилія раззорена, и теперь уже ни одного человѣка не запрутъ напрасно въ тюрьму.

— Куда же дѣвались враги Вольтера?

— Ихъ забыли. Потомство помнить только тѣхъ, кто при жизни говорилъ правду и готовъ былъ вынести страданія, заключеніе и даже смерть изъ-за своихъ убѣжденій, сказала леди Эліоттъ, воодушевляясь все болѣе и болѣе и забывая, что говорить съ ребенкомъ. Враги Вольтера умерли безслѣдно, продолжала она, а онъ живъ. Его мысли и чувства воодушевляютъ всю эту толпу...

Маленькій Шарль съ удивленіемъ глядѣлъ на нее. Слова были непонятны для него, но оживленная рѣчь леди Эліоттъ, ея взволнованный голосъ произвели глубокое впечатлѣніе на его дѣтскую душу. Какъ хороша казалась она ему въ эту минуту!

ГЛАВА XVI.

Еще о Вольтерѣ.

Съ бульвара слышался громкій единодушный крикъ толпы, при-
вѣтствовавшей прибытіе кортежа. Всюду была музыка, хоры, пѣвшіе
торжественные гимны, и все время не умолкали пушки и колокола;
дома какъ будто ожили отъ множества знаменъ и платковъ, которые
развѣвались на крышахъ и во всѣхъ окнахъ; бульвары, улицы, пло-
щади были усѣяны народомъ. Пока процессія шла вдоль бульваровъ,
экипажи спѣшили опередить ее въ объѣздъ изъ улицы St.-Antoine
узкими переулками, которые были теперь совершенно пусты, и ми-
новавъ величественный соборъ Notre-Dame и Пале-Рояль, созданный
нѣкогда Ришелье и сдѣлавшійся очагомъ революціи, они выѣхали на
площадь Людовика XV. Тутъ опять появилось солнце и зелень. Было
уже далеко за полдень. На заднемъ фонѣ виднѣлись Елисейскія поля,
которые въ тѣ времена больше походили на лѣсъ, чѣмъ на мѣсто
прогулки, хотя и тогда существовала „большая аллея“, ведущая
изъ Longchamps къ Bois de Boulogne. Посреди площади, которая
до сихъ поръ носитъ свое прежнее названіе, стояла конная
статуя Людовика XV, а отсюда изъ-за верхушекъ каштановыхъ
деревъ дворцоваго замка виднѣлись голубовато-стальные крыши
Тюльери.

Процессія перешла площадь Людовика XV, Тюльерійскій садъ
потянулась вдоль набережной къ Pavillon de Nore и Pont-Royal'ю.
Отсюда виднѣлся Парижъ, освѣщенный вечернимъ солнцемъ, пред-
ставляя собою роскошное, волшебное зрѣлище. Ярко сверкало золото на
куполѣ Академіи; обѣ четырехъугольныя башни Notre-Dame обри-
совывались на небѣ точно скроенныя изъ облаковъ, чудно группиро-
вались сплошныя голубоватныя массы cité, университета, старыхъ квар-
таловъ Парижа съ ихъ фантастическими профилями, углами, шпицами,
среди окружающихъ ихъ куполовъ, башенъ, церквей. Сколько красокъ
въ этой картинѣ и какая удивительная тишина въ воздухѣ. Только
и слышенъ шопотъ и шумъ рѣки, протекающей черезъ городъ. Сена
лѣтомъ въ тихую погоду вся голубая; острова лежатъ на ней какъ
плавающіе букеты цвѣтовъ и мосты кажутся висящими надъ водой.

Процессія, перейдя Pont-Royal, вступила на набережную, кото-
рая съ этого дня носитъ названіе „Quais Voltaire“ и остановилась
передъ однимъ домомъ, который былъ весь покрытъ пальмовыми
листьями и розами, такъ какъ здѣсь умеръ Вольтеръ тринадцать
лѣтъ тому назадъ. Въ тотъ же моментъ изъ дому вышла молодая
женщина рѣдкой красоты, окруженная толпой молодыхъ дѣвушекъ въ
бѣлыхъ платьяхъ, и положила на гробъ Вольтера пышный розовый

вѣнокъ при торжественномъ пѣніи поставленныхъ кругомъ хоромъ. Это была дань дочери—последній подарокъ любви.

Леди Эліоттъ была растрогана до слезъ.

— Это г-жа Вольтеръ, сказала она своему маленькому спутнику.— Счастливая, ее любилъ самый великій человекъ восемнадцатаго столѣтія той высокой чистой любовью, которую можетъ чувствовать только отецъ къ дочери. На ея рукахъ скончался Вольтеръ. Умирая онъ завѣщалъ богатое наслѣдство своего ума всему міру, а сердце его всецѣло принадлежало ей одной... Видишь ли ты это. Шарль, добавила она, указывая на фасадъ дома, гдѣ среди пальмовыхъ листьевъ и розъ красовалась крупная надпись: „Son esprit est partout, et son coeur est ici“.

Но мальчикъ былъ занятъ совѣмъ другимъ.

— Мама! воскликнулъ онъ испуганнымъ голосомъ, опять эта женщина... это ея глаза... Какъ она на тебя смотритъ... кажется хочетъ пробраться къ намъ... Мама, берегись ея!“

Леди Эліоттъ посмотрѣла въ ту сторону, куда ей указывалъ мальчикъ и увидѣла въ толгѣ женщину съ большими темно-сѣрыми глазами, которые были пристально устремлены на нее. Лицо ея было худое, изнуренное, и она казалась такой несчастной, что леди Эліоттъ почувствовала къ ней искреннее состраданіе. „Вѣроятно бѣдняжка хочетъ обратиться ко мнѣ за помощью, подумала она, неужели я стану избѣгать ея.“

Леди Эліоттъ наклонилась изъ экипажа, чтобы позвать ее, но въ эту минуту процессія опять двинулась въ путь и женщина исчезла въ толгѣ.

Немного погодя шествіе остановилось передъ Théâtre Français, который въ то время находился на лѣвомъ берегу Сены по близости Люксембурга. Здѣсь пропѣты были торжественные гимны въ честь великаго человека, завѣщавшаго французскому театру свои произведенія. Недалеко отсюда по сосѣдству съ Jardin des Plantes находилась церковь св. Женевьевы, на которой во все время революціи красовалась надпись: „Великимъ людямъ—благодарная родина.— Національный Пантеонъ!“

Процессія достигла Пантеона уже при закатѣ солнца. Здѣсь прахъ Вольтера былъ торжественно снятъ съ колесницы и поставленъ подъ сводами церкви между могилами Декарта и Мирабо.

ГЛАВА XVII.

Семирамида въ театрѣ.

На слѣдующій вечеръ на всѣхъ парижскихъ театрахъ давались пьесы Вольтера. Революція, уничтожившая всѣ привилегіи, отняла ихъ у Théâtre National и Théâtre Français, которые до этого пользовались исключительнымъ правомъ представленія трагедій и такъ называемыхъ высшихъ комедій. Расинъ, Корнель, Мольеръ, Вольтеръ сдѣлались теперь достояніемъ и низшихъ театровъ, какъ общая національная собственность, которою могъ пользоваться каждый.

Леди Элиоттъ отправилась въ Théâtre Français. Маленькій Шарль остался дома.

Въ этотъ вечеръ въ Théâtre Français былъ особенно большой наплывъ народа, такъ какъ въ представленіи участвовали лучшіе артисты того времени, и вдобавокъ распространился слухъ, что королевское семейство будетъ также присутствовать тутъ. Послѣ неудачной попытки къ бѣгству король и королева въ первый разъ появились въ публикѣ и должны были опять встрѣтиться лицомъ къ лицу съ революціею и съ своими подданными. Быть можетъ и на этотъ разъ у короля было серьезное намѣреніе помириться съ народомъ, но такова уже была судьба этого несчастнаго человѣка, что онъ все дѣлалъ на половину. Для него было только два исхода: или встать во главѣ революціи, или во главѣ ея враговъ. Онъ не дѣлалъ ни того ни другаго, и постоянно колебался между революціею и контръ-революціею и самъ приготовилъ себѣ гибель благодаря своей нерѣшительности. Королева отличалась совершенно иными свойствами. Для гордой дочери Маріи Терезіи не существовало ни колебаній, ни полумѣръ,—и она была тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что несмотря на всю свою энергію могла только страдать и терпѣть. Если бы она родилась мужчиной, и была политическимъ дѣятелемъ, полководцемъ, королемъ Франціи, то революція представила бы собою совершенно иное зрѣлище. Вмѣсто случайной безобразной рѣзни свѣтъ увидѣлъ бы правильный открытый бой, гдѣ храбрости противопоставлена храбрость, принципъ противъ принципа. Но къ несчастію Марія Антуанета была женщиною, и на ея долю выпало одно мученичество, но и въ тѣхъ оковахъ, которыя связывали ее, народъ видѣлъ въ ней львицу.

Она возмущалась до глубины души, слѣдуя за невѣрными, нерѣшительными шагами короля, и все-таки слѣдовала за нимъ. Какъ должно было обливаться кровью сердце этой женщины при каждой новой уступкѣ революціи. Но она была женою и матерью, и что значило униженіе, если можно было этимъ путемъ купить жизнь мужа и дѣтей. Когда король заявилъ о своемъ рѣшеніи ѣхать въ театръ, чтобы угодить народу, чествовавшему Вольтера, королева была недовольна и охотно воспротивилась бы этому намѣренію. Но она молчала и

КОНДРАТІЙ СЕЛИВАНОВЪ
(Скопческій іересіархъ)

Съ портрета находящагося въ соч. Е. Пеликана: Судебно-
медицинское изслѣдованіе скопчества. С.П.В. 1872.

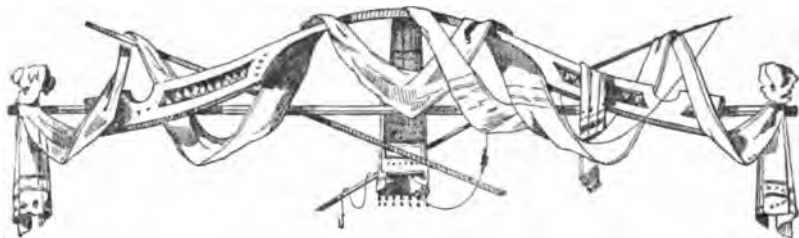

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ.

Съ гравирован. портрета Постѣмпснаго, рѣз. на дер. К. Крыжановскій.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 юня 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Фрунзевъ пер., д. 11—5.

РАЗРАБОТКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

ВЪ ПОСЛѢДНІЯ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛѢТЪ

(1855—1880).

ЧЕТВЕРТЬ столѣтія тому назадъ я былъ еще студентомъ перваго курса и живо вспоминаю, какое тяжелое время мы переживали тогда! Съ одной стороны, Севастопольская кампанія и неизвѣстность исхода неравной борьбы, почти со всею Европою, не давали намъ покоя; съ другой стороны, внутри отечества водворились строгіе формальные порядки, и канцелярская тайна тяготѣла надъ всѣмъ; отсутствие жизненныхъ ученыхъ трудовъ и интересовъ, при строгой тридцатилѣтней цензурѣ, приводили въ уныніе молодые умы.

Но вотъ съ восшествіемъ на престолъ 25 лѣтъ царствующаго Государя Императора сразу юношество расцвѣло надеждами—и не напрасно. Дорогія матеріальныя жертвы не даромъ брошены были подъ Севастополь: ихъ цѣною Россія оживила внутреннюю дѣятельность, науку и литературу, совершила цѣлый рядъ благодѣтельныхъ преобразованій.

Тихо, медленно движется улучшение умственное и матеріальное въ Россіи, да можетъ быть такъ оно и необходимо для здороваго роста 80-милліоннаго народа, при громаднѣхъ пространствахъ географическихъ: дубы тоже растутъ не быстро, но за то бываютъ крѣпки, громадны и долговѣчны. Однако для внимательнаго наблюдателя движеніе Россіи впередъ за послѣднія 25 лѣтъ весьма ошутительно, хотя горячія головы желаютъ, чтобы вдругъ свалилась съ неба райская жизнь, какъ будто адскими средствами можно купить ее,—какъ будто

усовершенствованіе русской жизни идетъ не по мировымъ, непреклоннымъ законамъ развитія, которыхъ не свернетъ съ дороги никакая сила!

Оглядываясь назадъ, я нахожу большую разницу въ движеніи отечественной науки въ послѣднія 25 лѣтъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ; особенно наука Русской исторіи замѣтно подвинулась впередъ и сдѣлала значительные успѣхи.

Въ началѣ царствованія Николая I-го завершилъ свой знаменитый трудъ Н. М. Карамзинъ и проложилъ столбовую дорогу въ Русской исторіи, по мѣткому выраженію М. П. Погодина; оставалось ученымъ идти по мелкимъ тропамъ и разслѣдовать разныя отрасли жизни нашихъ предковъ. Но на дѣлѣ вышло не то: началась разработка старинныхъ памятниковъ чисто внѣшняго характера, а скептическое время Каченовскаго останавливало вниманіе ученыхъ на мелочахъ, сдерживая обобщенія въ Русской исторіи.

Прежде на первомъ планѣ стояли библиографическія розысканія Строева, митрополита Евгенія, Калайдовича, Ундольскаго и другихъ писателей; сочиненія касались частныхъ вопросовъ и отличались механическимъ способомъ постановки и рѣшеній, хотя принесли, разумѣется, свою долю пользы для послѣдующихъ ученыхъ, облегчивъ ихъ задачи. Много писали о лѣтописяхъ и временникахъ, о Корсунскихъ вратахъ, о Тмутараканскомъ камнѣ, усердно занимались нумизматикой и пролагали помаленьку путь къ жизненному пониманію частныхъ задачъ старины. Тогда изданіе памятниковъ было позволено только до XVII стол., не исключая Археографической Коммиссіи, открытой въ 1837 г. Очевидно, что историческіе труды не могли сближаться съ современнымъ состояніемъ Россіи и имѣть жизненное вліяніе на практику. Когда одна часть ученыхъ тружениковъ корилъ надъ изданіемъ, разработкой и изслѣдованіемъ древнихъ памятниковъ, — другіе относились къ русской жизни поверхностно, стремились съ плеча рѣшать минувшія задачи русской жизни теоретически, на манеръ европейскаго склада цивилизаціи. Н. А. Полевой и удѣльную русскую систему считалъ феодализмомъ. Подъ вліяніемъ теоретически-грандіознаго возрѣнія Гегелевской философіи и германской учености, занимались рѣшеніемъ задачъ о судьбѣ минувшей русской жизни въ общихъ поэтическихъ чертахъ, расплываясь въ похвалахъ иноземному общечеловѣческому вліянію, а все самобытно-русское старались унижать. Въ это время царилъ поэтический идеализмъ нѣмецкой фантазіи на русской почвѣ.

Когда изслѣдованія разныхъ сторонъ прошедшей русской жизни выяснили отчасти ихъ особенности, тогда пришла на помощь ученымъ позитивная философія Конта и труды историческіе англійскихъ ученыхъ. Подъ ихъ вліяніемъ стали вдумываться глубже въ теченіе внутренняго склада прошлой жизни и въ старинныя судьбы Русскаго народа; на исторію стали смотрѣть болѣе жизненно. Къ тому же новая

наука требовала отъ историка знаній естественныхъ, изученія политической экономіи и проч. Вообще изученіе культуры страны и различныхъ расъ возникло въ Россіи на изслѣдованіяхъ европейскихъ ученыхъ.

Судьбы Русскаго народа связаны несомнѣнно съ жизнью другихъ народовъ и имѣютъ полное право занимать почетное мѣсто на страницахъ всеобщей исторіи, со стороны общихъ законовъ развитія великаго организма человѣческаго. Этой стороною исторіи и занимались люди подъ вліяніемъ научно-европейскаго образованія.

Прежде любили отыскивать въ жизни нашихъ предковъ иностранныя учрежденія и гордились этой находкой; потомъ эти находки потеряли всякое значеніе и сдѣлались фальшивой монетой. Хорошая сторона такихъ трудовъ сохранилась въ выработкѣ сравнительнаго метода, который нашелъ многихъ приверженцевъ между русскими историками: теперь важны не подражанія и заимствованія, а сопоставленіе законовъ развитія русской жизни съ законами историческими другихъ націй, будутъ ли они сходны или различны.

Въ наше время нельзя безнаказанно фантазировать по теоріи въ изученіи минувшей русской жизни, потому что выработался научный методъ и строго опредѣлились обязанности для изслѣдователей старины. Начало космополитизма является отжившей стариной и порожденіемъ эпохи Петра Великаго; теперь выступило на сцену другое начало народности и оказало могучее и плодотворное развитіе знаній русской жизни и прошлой и настоящей.

Когда въ концѣ XVII и въ XVIII стол. высшія сословія Россіи стали преклоняться передъ всѣми обычаями иностранными и забывать начала и преданія жизни своихъ отцовъ и дѣдовъ,—раскольники сотнями несли головы свои на плахи или сожигались за святую старину, а начетчики ихъ были единственными почти знатоками русской археологіи и библіографіи. Западная образованность на большинство русскихъ бояръ подѣйствовала развратительно: сообщивъ новыя привычки и внѣшнія формы чужія, не измѣнила ихъ деспотической души и не дала истиннаго научнаго направленія, а заставила презирать свой народъ и его старину. Только впослѣдствіи иноземная наука заронила въ душу благородныхъ людей искру любви общечеловѣческой, создала своеобразный міръ въ воображеніи, но не похожій на русскую жизнь по ея прирожденному идеалу. Мало по малу возникаетъ желаніе изучать народную жизнь, забота о страданіяхъ бѣдняковъ, участіе къ судьбѣ старины.

И вотъ являются славянофилы, которые имѣютъ громадную заслугу въ разработкѣ Русской исторіи!

Православіе, какъ семейное достояніе и преданіе славянофиловъ, спасло русскую народность, какъ у раскольниковъ отстояло старину. Когда передъ жаркими почитателями германскаго философскаго мышленія и литературы раскрылся новый своеобразный невѣдомый міръ русскаго народнаго духа и жизни, съ неизслѣдованными его тайниками,—

они съ увлеченіемъ, съ восторженной радостью привѣтствовали его, будто обѣтованную землю. Гегелева философія помогла имъ объяснить многія явленія русской жизни, хотя не разъ вводила въ заблужденіе своимъ идеализмомъ. На началахъ Гегеля они стремились построить цѣлое міросозерцаніе или систему феноменологіи русскаго народнаго духа, съ его исторіей, бытомъ и религіей.

Славянофильское направленіе и движеніе началось въ небольшомъ московскомъ кружкѣ еще въ сороковыхъ годахъ. Въ ученіи славянофиловъ сначала преобладала поэзія, философія и восторженная проповѣдь; мало по малу все это отдано было въ жертву земской народной жизни—и практическій взглядъ на прошлое Россіи выступилъ вмѣсто отвлеченнаго („Рус. Архивъ“ 1879 г., № 11). Вмѣсто чужой философіи основаніемъ ученія явилась Русская исторія. Тогда русская наука въ кругу немногихъ лицъ пошла на встрѣчу народнымъ земскимъ стремленіямъ, хотя на первыхъ порахъ смутно и ощупью; но сразу встрѣтила большой отпоръ и въ сферахъ правительственныхъ, и въ средѣ литературной братіи западнаго направленія восполитическаго.

До освобожденія крестьянъ, считали опаснымъ вольнодумцемъ образованнаго человѣка, который открыто выражалъ сочувствіе къ русской народности, кто носилъ русскую одежду, кто старался высказывать мнѣніе о необходимости принимать въ расчетъ истинные національные интересы въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики, кто осмѣливался признавать самобытность русской мысли въ наукѣ и литературѣ и т. п. („Русскій Архивъ“ 1879 г., № 11, 313). Поэтому славянофилы смотрѣли прямо на свою задачу: „Мы же должны знать, писалъ Хомяковъ въ 1845 г., что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья, есть дѣло не только русское, но и всемірное“. (Тамъ же, 315). Такимъ образомъ, въ практическихъ своихъ стремленіяхъ — поднять народное міровоззрѣніе — славянофилы встрѣтили правительственный отпоръ и литературный. Оставалась область научная, къ которой они стояли ближе; но и она не могла содѣйствовать жизненнымъ ихъ стремленіямъ и успѣхамъ по своимъ тощимъ, сухимъ и мелкимъ изслѣдованіямъ и замѣткамъ. Это было своего рода поле, усѣянное костями сухими и видѣнное пророкомъ Іезекилемъ. Славянофилы задумывались при этомъ зрѣлищѣ и спрашивали: „Оживуть ли кости сія?“ — Мы были свидѣтелями, какъ въ теченіе 25 лѣтъ составлялось тѣло отечественной науки, какъ прикладывалась кость къ кости и обростала плотью, распространялись жилы и вошелъ въ него духъ жизни, и стапа на ногахъ своихъ.

Дѣйствительно, съ восшествіемъ на престолъ нинѣшняго Царя-Освободителя, точно весна наступила въ отечественной наукѣ: историческая мысль и народное чутье воскресли и обновились, каждый сухой фактъ получилъ жизненное значеніе и практическій смыслъ. Самыхъ дѣятелей науки появилось втрое-вчетверо болѣе; во многихъ

лицахъ, ничего недѣлавшихъ, проявилась охота къ занятіямъ серьезнымъ и дѣльнымъ; сочиненія и статьи, лежавшія подѣ спудомъ, стали выступать на свѣтъ Божій; снята была опала и съ славянофиловъ, которые съ необычайнымъ рвеніемъ взялись за работу („Русскій Архивъ“ 1879 г., № 11. „Историческій Вѣстникъ“ 1880 г., № 2). Они содѣйствовали расширенію воззрѣнія ученыхъ на Русскую исторію и выяснили, что въ ней надо искать не однихъ общихъ законовъ развитія всемірной жизни народовъ, а своеобразнаго отличительнаго склада мысли и дѣла Русскаго народа, какъ въ біографіи частнаго человѣка уловить черты его личнаго характера. Отсюда стало понятно, что жизнь нашихъ предковъ есть самобытный органическій процессъ, всѣ ея явленія имѣютъ внутреннюю неразрывную связь, и настоящее положеніе дѣлъ есть логическій выводъ прошедшаго. Исторія есть основаніе для рѣшенія современныхъ общественныхъ вопросовъ, для уясненія и направленія склада и движенія мысли и дѣла.

Въ Россіи начали разсуждать отчетливо, что складъ ея прошлой жизни и міровоззрѣнія во многомъ не похожъ на судьбы западно-европейскихъ народовъ, которые не всегда могутъ служить намъ образцомъ для подражанія. Поэтому ученые историки нашего времени стали разрабатывать и изслѣдовать безпрѣздные пути проселочныя, съ ихъ извилистыми направленіями народной жизни по всей широкой Русской землѣ. вмѣсто хлопотъ о всемірномъ благѣ человѣчества, стали сознавать, что прежде надо позаботиться о своемъ Русскомъ народѣ и сдѣлать ему добро, а потомъ уже задаваться болѣе широкими цѣлями человѣколюбія. Прежде ученые занимались изслѣдованіями о русской жизни, независимо отъ современныхъ вопросовъ, безучастно смотрѣли на практическія задачи, которыя предлагала сама жизнь; теперь начинаютъ откликаться на нихъ и рѣшать эти задачи цѣлымъ рядомъ изслѣдованій, напимѣръ, по крестьянскому вопросу. А. Ив. Кошелевъ издавалъ „Сельское благоустройство“ въ 1858—9 г., при участіи Самаринныхъ, Черкаскаго и другихъ, и содѣйствовалъ разъясненію вопросовъ по крѣпостному праву, чтобы русскій человѣкъ могъ ожить умомъ и духомъ. Много было написано историческихъ сочиненій по поводу освобожденія крестьянъ и устройства ихъ быта, таковы, напимѣръ: „Крестьяне на Руси“. И. Бѣляева: „Несвободныя состоянія Россіи“, Чичерина; статьи о сельской общинѣ разныхъ лицъ и проч.

Само правительство русское для рѣшенія важныхъ преобразованій вступило на путь историческихъ изслѣдованій по каждому вопросу, изучая судьбы его въ Европѣ и въ минувшей жизни Россіи. Я изумлялся, читая громадныя печатныя кипы бумагъ Государственнаго Совѣта по вопросамъ о смертной казни въ Россіи, о народномъ образованіи, объ опекахъ и т. п. Эти ученныя историческія изслѣдованія служили почвой для рѣшенія вопросовъ путемъ практическимъ и поручались специалистамъ. Правительственныя изданія появились въ громадномъ количествѣ

и обнародовали множество историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, которыхъ тщетно стали бы мы искать въ другихъ источникахъ. Этотъ фактический матеріалъ отличается необычайной точностью, сравнительно съ частными данными по многимъ отраслямъ жизни. Канцелярская тайна, тяготѣвшая прежде надъ дорогими документами, стала слабѣе: каждое почти министерство издавало труды комиссій по разнымъ вопросамъ, отчеты о дѣйствіяхъ разныхъ лицъ и учреждений въ цѣлыхъ книгахъ. Здѣсь историкъ можетъ почерпнуть вѣрные и цѣнные факты не только для изученія характера и направленія административной и юридической дѣятельности высшихъ лицъ, но всесторонне познакомиться съ состояніемъ народной жизни, особенно за послѣднія полтора столѣтія.

Такъ палъ официальный запретъ печатать акты и вести Русскую исторію только до Петра Великаго!

Архивы русскихъ актовъ, эти своего рода святилища, куда прежде изрѣдка заглядывалъ старикъ-архивариусъ для справокъ и гдѣ козьяничали больше крысы, широко распахнули свои двери и открыли ученымъ невѣдомыя историческія сокровища. Изъ нихъ теперь уже напечатаны сотни тысячъ документовъ, и явились обстоятельныя и систематическія описанія архивовъ. (Напримѣръ: Описание архива Министерства Юстиціи, Описание архива Св. Синода, Архивъ Государственнаго Совѣта и государственной канцеляріи, Описание дѣлъ архива Морскаго Министерства и проч.).

Сама практическая жизнь и потребности улучшенія народнаго быта возбуждали историческую работу во всѣхъ отрасляхъ современной дѣятельности. Даже у М. П. Погодина подъ влияніемъ трудовъ настоящаго царствованія совершенно измѣнился взглядъ на исторію: вмѣсто подготовительной работы, вмѣсто механическаго метода, трудъ его сталъ болѣе жизненнымъ, и онъ только горевалъ о томъ, что родился рано для новой плодотворной дѣятельности. „Въ послѣднее время—выразился онъ въ 1872 г.—найдено было много новыхъ, неизвѣстныхъ источниковъ, изданы почти всѣ прежніе, провѣрено и изслѣдовано нѣсколько частныхъ вопросовъ. Въ самой наукѣ, въ общихъ понятіяхъ объ ней, произошли существенныя перемѣны: иное пренебреженное выдвинуто впередъ, а уважаемое понизилось въ цѣнѣ. Наконецъ время, въ которое живемъ, научило насъ многому и предложило вопросы, прежде неслыханные. Кто же можетъ доставить нужныя данныя, если не для положительныхъ отвѣтовъ, то хотя для полезныхъ соображеній, какъ не исторія“? (Послѣсловіе ко 2 тому „Древ. Рус. Ист.“). Какъ Погодинъ, такъ и С. М. Соловьевъ и всѣ ихъ ученики сразу оцѣнили задачи Русской исторіи въ практическомъ смыслѣ, именно: наука отечественная должна помогать обществу при разрѣшеніи современныхъ задачъ и преобразованій по всѣмъ отраслямъ жизни русской. Соловьевъ выражался такъ: „Прежде всего исторія должна способствовать установленію правильнаго взгляда на

настоящее, устанавливая правильный взгляд настоящего къ прошедшему“. („Историч. Письма“, I, стр. 11; „Рус. Вѣстн.“ 1859 г., 20). Эта живая связь настоящего состоянія Россіи съ минувшими судьбами ея теперь выяснилась обстоятельно и составляет великую заслугу современныхъ ученыхъ; эта связь—не механическая, а движение жизни по строгимъ законамъ и началамъ развитія.

Кромѣ правительственныхъ изданій старинныхъ памятниковъ, цѣлыя тысячи посыпались со стороны частныхъ лицъ, особенно изъ истории XVIII стол.; одинъ библиографическій указатель ихъ составилъ бы нѣсколько томовъ. На страницахъ журналовъ и отдѣльно издано множество важныхъ сказаній изъ XVIII стол., ранѣе совсѣмъ неизвѣстныхъ, а другія повторены вполне съ исправныхъ и оригинальныхъ рукописей. Взглядъ на важность и достоинство самихъ памятниковъ измѣнился: прежде статистическія данныя считались мало пригодными для исторіи; теперь этотъ громадный матеріалъ является драгоценнымъ и, можетъ быть, скоро настанетъ время, когда возникнетъ наука исторической статистики, которая разобьетъ въ прахъ многіе преждевременные выводы ученыхъ. Обработка громады сырыхъ матеріаловъ по всѣмъ отраслямъ прошлой жизни сдѣлалась почти невозможной: даже такіе неутомимые дѣятели, какъ С. М. Соловьевъ, хорошо понимали трудность своего положенія. Поэтому явилось раздѣленіе труда между учеными: одинъ занимался разработкой фактовъ въ одной области, другой—въ другой, и частныя изслѣдованія стали основательнѣе и разностороннѣе разъяснять ходъ историческихъ судебъ Россіи. Немного осталось въ Русской исторіи такихъ лицъ или событій, которыхъ бы не касались ученые настоящаго царствованія, начиная съ давнишняго пресловутаго вопроса о происхожденіи варяговъ. Нѣтъ нужды приводить ряды названій сочиненій и статей, потому что каждый можетъ прослѣдить за ними по библиографическимъ указателямъ.

С. М. Соловьевъ вѣрно опредѣлили современную задачу историка, надъ которой трудился цѣлую жизнь: „Нашему времени завѣщано собрать во едино всѣ части Русской исторіи, найти ихъ смыслъ и примирить всѣ эпохи“. Дѣйствительно, этому подвижнику отечественной науки удалось изслѣдовать историческій матеріалъ до 1774 г. и вѣрно схватить черты развитія жизни старинной. Соловьевъ часто откликался на жизненные современные запросы и старался представить историческое основаніе для практическаго ихъ рѣшенія, таковы, напримѣръ, статьи его: объ общинѣ, о братчинахъ, о Польскомъ вопросѣ и т. под. На многочисленныхъ томахъ „Исторіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева постепенно отражались судьбы русской жизни подъ вліяніемъ развитія идеи русской народности. Въ раннихъ томахъ онъ мало обращалъ вниманія на явленія въ жизни низшихъ классовъ общества; но чѣмъ далѣе писалъ, тѣмъ болѣе онъ сочувственно относился и къ мелкимъ явленіямъ. Конечно,

и для будущаго историка Россіи, при многочисленныхъ новыхъ матеріалахъ, труды С. М. Соловьева тоже покажутся черновыми; но за нимъ навсегда останется заслуга по точному рѣшенію отдѣльныхъ вопросовъ и по разработкѣ новыхъ матеріаловъ XVIII стол. Благодаря ему, сдѣлалась извѣстной громадная масса новыхъ матеріаловъ, и область изслѣдованія раздвинулась на цѣлыя полтора столѣтія ближе къ нашему времени, и ясна стала послѣдовательность развитія жизни и внутренняя связь явленій историческихъ.

Прежнія кропотливыя и сухія розысканія не могли составить занимательнаго чтенія для публики образованной, но неученой, и она предпочитала чтеніе историческихъ и фантастическихъ романовъ и повѣстей, изъ которыхъ и почерпала нерѣдко свѣдѣнія о своемъ отечествѣ. Но вотъ является рядъ разказовъ изъ русской прошлой жизни, привлекаетъ вниманіе читателей и возбуждаетъ интересъ къ историческимъ сочиненіямъ и распространяетъ знанія. Н. И. Костомаровъ началъ являться во многихъ журналахъ со своими статьями, монографіями и крупными учеными изслѣдованіями. Затѣмъ Семейскій, Щербальскій, Мордовцевъ, Хмыровъ и многіе другіе, останавливали вниманіе публики или по интересному выбору предмета, или же по легкости и изяществу изложенія. Кого прежде занимали историческіе романы Загоскина и Лажечникова, теперь стали предпочитать статьи по Русской исторіи и становились на почву дѣйствительной жизни, а не сочиненной въ воображеніи писателя. Когда обнаружилась любовь къ историческому чтенію, сдѣлалось возможнымъ для частныхъ лицъ издавать „Русскій Архивъ“, „Русскую Старину“, „Древнюю и Новую Россію“ и „Историческій Вѣстникъ“. Дѣло правительственнаго покровительства разработкѣ Русской исторіи и румянцевскаго меценатства, уступило мѣсто трудамъ обществъ и частныхъ дѣятелей. При всѣхъ почти университетахъ открылись общества исторіи, археологіи, этнографіи или антропологіи, которыя уже принесли большую пользу своими трудами. Кромѣ того, основались ученныя общества для изслѣдованія русской старины по почину частныхъ лицъ. Одно С.-Петербургское историческое общество издало уже 25 томовъ своего сборника. Надо упомянуть еще объ обществахъ любителей духовнаго просвѣщенія, древней письменности, древне-русскаго искусства, московскомъ археологическомъ и проч.

Въ области русской церковной исторіи прежде нельзя было печатать изслѣдованій со времени открытія Святѣйшаго Синода; въ послѣднее же время изучается религіозная жизнь до позднихъ временъ; даже учебное руководство П. В. Знаменскаго доведено до XIX столѣтія. Исторія русской церкви обогатилась прекрасными изслѣдованіями систематическими, какъ „Исторія Русской церкви“ митрополита Макарія, или частными капитальными трудами, напримѣръ „Феофанъ Прокоповичъ и его время“ Чистовича, „Церковная унія“ Бояловича, „Объ іезуитахъ“ Морошкина и т. д. Русскій народъ,

воспитанный съ дѣтства по началамъ Восточной церкви, по складу своеобразнаго характера, является съ опредѣленной личностью, и судьбы его 1000-лѣтней жизни имѣють свои отличительныя особенности. Теперь сознано, что ученіе вселенской церкви одно, но приложеніе его къ жизни въ разныя времена и у разныхъ народовъ неодинаковы и въ церковной русской исторіи слѣдуетъ предпочитать жизненныя черты, а исторія догматовъ и жизни принадлежитъ другимъ общимъ наукамъ. По этому отраднo видѣть, какъ ученые придали большое значеніе изслѣдованіямъ о вліяніи византійской культуры на Россію и о самобытныхъ чертахъ русской религіозной жизни. При такой правильной постановкѣ вопроса объ отличіяхъ религіозныхъ, естественно было заняться уклоненіями отъ православія русскихъ людей. Поэтому особенно посчастливилось въ настоящее царствованіе разработкѣ исторіи русскихъ сектъ, о которыхъ прежде и заикаться боялись. Съ открытіемъ каѳедры „Исторіи русскаго раскола“ въ 1856 г. при духовныхъ академіяхъ, стали появляться капитальные труды, и теперь образовалась громадная литература, которая хорошо извѣстна изслѣдователямъ старины.

Вопросъ о необходимости историческаго знанія русскаго права для изслѣдованія и уясненія современнаго, дѣйствующаго законодательства сдѣлался совершенно яснымъ; міросозерцаніе народа стали изслѣдовать и изучать сравнительно по памятникамъ прошедшаго и по этнографіи настоящаго времени. Поднятіе уровня самосознанія и чувство патриотизма рѣзко высказалось въ историческихъ изслѣдованіяхъ области юридической, и служило основаніемъ для преобразованій юридическаго института. Законы писанные теоритическіе начали сближать съ жизненнымъ обычнымъ правомъ и слѣдить за ними подробно въ историческомъ развитіи. Для образца можно указать на сельскіе суды. Положеніемъ 19 февраля 1861 г. вызваны были изслѣдованія о волостныхъ судахъ. Чтобы измѣненія судебныхъ произвести при знаніи характера и направленія народной жизни, необходимо было изучить минувшія судьбы рѣшеній крестьянскихъ дѣлъ на сходахъ и во времена крѣпостнаго права. Поэтому вышли „Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ“ и множество сочиненій частныхъ лицъ (Калачова, Муллова, Оршанскаго, Пахмана и друг.). Юридическія учрежденія и обычаи народныя перестали считать мужицкими судами, и замѣтили, что они глубоко кроются въ исторіи русской общинной жизни (см. „Литература русскаго правовѣднія“, Межова).

Изученіе старинной жизни нашихъ предковъ шло рядомъ съ разработкой исторіи русской литературы, которая приобрѣла драгоценныя новыя изданія памятниковъ и новыя обстоятельныя сочиненія. Изслѣдованія объ отреченной русской литературѣ и о массонахъ появились въ научномъ видѣ только въ наше время. „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“ П. П. Пекарскаго выяснила темныя

страницы исторіи просвѣщенія конца XVII и начала XVIII столѣтій.

Монографіи историческія о разныхъ учебныхъ заведеніяхъ представляютъ богатый источникъ для исторіи образованія Россіи; тутъ мы встрѣчаемъ цѣлыя ряды свѣдѣній о кадетскихъ корпусахъ, лицейхъ, духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ, университетахъ и проч. (Исторія славяно-греко-латинской академіи, Смирнова. М. 1855 г. Исторія московской духовной академіи, Смирнова. М. 1879 г.).

Въ настоящее царствованіе напечатано огромное количество жизнеописаній русскихъ дѣятелей тѣмъ-либо замѣчательныхъ въ отечественной наукѣ и литературѣ. Уваженіе къ трудамъ полезнымъ, хотя тяжелымъ и кропотливымъ, постепенно возрастало въ Россіи, и прежніе труженики на поприщѣ библиографіи заслужили почетъ. (Литературные труды П. И. Кеппена. Спб. 1868 г. Жизнь и труды П. М. Строева, Н. Барсукова 1878 г.).

Сочувствіе къ ученымъ лицамъ отечественной науки возросло сильно: недавно мы были свидѣтелями, съ какою участіемъ, съ какою скорбью всюду встрѣчено было печальное извѣстіе о кончинѣ С. М. Соловьева; а между тѣмъ одинъ Петербургъ и Москва знали о смерти Н. М. Карамзина, въ свое время смотрѣли безучастно на его потерю, исключая правительства: только симбирское дворянство, спустя долгое время, поставило своему земляку памятникъ — и то плохой. Въ наше только время оцѣнили великій трудъ Карамзина и по поводу юбилея выяснили достойнымъ образомъ его научное значеніе, написавъ цѣлыя томы изслѣдованій самыхъ серьезныхъ. Празднованіе юбилеевъ разныхъ ученыхъ умершихъ и живыхъ, вошедшее въ обычай недавно, ясно свидѣтельствуетъ, что соотечественники дорого цѣнятъ заслуги труда, ума и таланта (юбилей Кеппена, Ломоносова, Карамзина, Сперанскаго, Погодина, Соловьева, Срезневскаго и пр.).

Прежде самый матеріалъ для изученія народной поэзіи былъ незначительный и запутанный: о былинахъ извѣстно было по сборнику Кириши Данилова, объ обычаяхъ и обрядахъ народныхъ по изданіямъ Сахарова и Терещенки. Теперь собраніе былинъ напечатано въ разнообразныхъ вариантахъ Рыбникова, Кирѣевскаго и Гильфердинга; изданы духовные стихи, историческія пѣсни, легенды, причитанья, заговоры и т. п. Самыя изслѣдованія народной поэзіи получили новое направленіе: работы Ѳ. И. Буслаева, Тихонравова, О. Ѳ. Миллера, А. Афанасьева всѣмъ ученымъ хорошо извѣстны.

О нравахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ прежде историки судили весьма мелко, руководствуясь показаніями иностранныхъ путешественниковъ, часто безъ всякой критической провѣрки. Этимъ недостаткомъ отличается даже статья Н. И. Костомарова: „Очерки нравовъ Великорусскаго народа“. Теперь главнымъ руководствомъ служатъ домашніе источники и представляютъ самыя точныя свѣдѣнія. Образцовымъ изслѣдованіемъ служить „Домашній бытъ русскихъ ца-

рей и царицъ“ И. Е. Забѣлина. Для древняго бытоваго періода обстоятельное собраніе данныхъ сдѣлано В. В. Макушевымъ.

Политическая экономія, основанная на изученіи хозяйства западно-европейскихъ народовъ, не могла служить руководствомъ для русской экономической жизни, такъ какъ послѣдняя имѣла свой особенный путь развитія. Поэтому въ наше время обратили всестороннее вниманіе на историческія изслѣдованія состоянія стариннаго земледѣлія, промышленности, цѣнъ, сборовъ и налоговъ, состоянія городской жизни и развитія культуры, колонизаціи разныхъ мѣстностей, движенія народонаселенія и т. п. На эти жизненные вопросы написано было много дѣльныхъ сочиненій.

Прежде археологія служила предметомъ занятій охотниковъ и богатыхъ людей, какъ рѣдкость и развлеченіе; теперь она является съ научной обработкой и скоро принесетъ громадную пользу исторіи. Замѣчательнымъ доказательствомъ могутъ служить раскопки графа А. С. Уварова: онъ разрылъ нѣсколько тысячъ кургановъ въ Ярославской и Владимірской губерніи, на мѣстахъ жилищъ древней мери, и по остаткамъ возстановилъ бытъ этого уничтожившагося финскаго племени.—Археологическіе съѣзды ученыхъ, начавшіеся съ 1869 г., принесли уже свои плоды, потому что вышло въ свѣтъ нѣсколько громадныхъ томовъ ихъ трудовъ. Археологическій институтъ, основанный въ С.-Петербургѣ, благодаря неутомимой энергіи Н. В. Калачева, уже успѣлъ издать двѣ книги своихъ трудовъ, подъ именемъ „Сборника“, который отличается серьезнымъ направленіемъ. Недавно открытъ Археологическій музей при Кіевской духовной академіи и въ непродолжительное время обогатился драгоценнымъ собраніемъ. Музей Наслѣдника Цесаревича, сооруженный теперь въ Москвѣ, свидѣтельствуетъ о значительныхъ успѣхахъ археологіи русской и скоро можно будетъ наглядно изучать русскую исторію по стариннымъ вещественнымъ памятникамъ Россіи, собраннымъ въ этомъ музеѣ въ строгомъ научномъ порядкѣ. Заслуги графа А. С. Уварова на поприщѣ русской археологіи давно извѣстны просвѣщеннымъ ученымъ людямъ Россіи и Европы. Въ прошломъ году П. Н. Полевой началъ даже издавать „Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта“, съ цѣлью познакомить читателей съ археологической стариной въ популярныхъ разсказахъ.

Историческая Русская географія получила прочную основу въ послѣднее время, а содѣйствовалъ ей разработкѣ главнымъ образомъ Н. П. Барсовъ: его „Географическій словарь“ и „Очерки старинной русской географіи“ представляютъ образцовые труды. Новыя географическія изысканія относительно Россіи и особенно странъ Средней Азіи приняли почтенные размѣры и много данныхъ напечатано о мѣстностяхъ, прежде совершенно неизслѣдованныхъ. Въ „Запискахъ географическаго общества“ за 25 лѣтъ помѣщены драгоценные матеріалы; вышли „Списки населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи“; опи-

саніе городовъ; словарь географическій Россійской имперіи Семенова и проч.

По русской этнографіи матеріалы и сборники издавались цѣлыми массами, не говоря уже о безчисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ провинціальныхъ изданіяхъ. Между длиннымъ рядомъ этнографическихъ изслѣдованій заслуживаютъ особаго вниманія новыя сочиненія по исторіи инородцевъ, населяющихъ Россію, которыми ранѣе настоящаго царствованія почти совсѣмъ не занимались. Изученіе этнографіи, населенія Россіи приобрѣло жизненное и научное направленіе, стремясь отвѣчать на современные практическіе вопросы, а вмѣстѣ съ тѣмъ желало служить для уясненія разныхъ сторонъ минувшей жизни. (Рѣчь Н. И. Костомарова „О значеніи этнографіи“).

Народная поэзія получила смыслъ и значеніе и составляетъ большое подспорье: не только пѣсни и былины, но самыя заговоры и сказки сдѣлались достояніемъ науки; народные праздники, обряды и повѣрья послужили средствомъ въ уясненію глубокой языческой старины. М. П. Погодинъ съ грустью говорилъ на закатѣ своихъ дней, что слишкомъ поздно оцѣнилъ онъ значеніе народной поэзіи и думать не можетъ объ исполненіи задачъ историка: „Я убѣжденъ, что для первыхъ страницъ Русской исторіи источникомъ должна быть не лѣтопись, а живой языкъ, на изученіи котораго слѣдуетъ возсоздать умственное состояніе народа, складъ понятій, картину вѣрованій. Обряды, повѣрья, пѣсни, пословицы и обычаи народные послужатъ источникомъ для изученія первоначальнаго семейнаго быта, понятій о правѣ и проч.“ („Древняя Русская исторія“. 1872 г., т. II, въ концѣ).

Самые естествоиспытатели увлеклись общимъ настроеніемъ ученыхъ и обратили взоръ на мѣстныя особенности своего отечества, на русскую геологію, антропологию и проч.

Разумная мысль о необходимости разработки исторіи и литературы по областямъ безспорно принадлежитъ нашему времени и принесла уже прекрасныя плоды въ разъясненіи многихъ важныхъ вопросовъ изъ жизни минувшаго. Профес. Щаповъ и Буслаевъ особенно сильно выдвигали изслѣдованія областныя на главный планъ. „Мѣстное саморазвитіе, писалъ Щаповъ, внутренняя жизнь областей (въ исторіяхъ) оставляются въ сторонѣ, или ставятся на второмъ планѣ; а вмѣсто того на первомъ планѣ рисуется политическая дѣятельность правительства, развитіе централизованнаго устройства и быта Россіи, біографіи царей и проч. Между тѣмъ, намъ кажется, ни въ одной европейской исторіи такъ несвойственно подобное изложеніе, какъ въ исторіи обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства Русскаго. Русская исторія въ самой основѣ своей есть по преимуществу исторія областей, провинціальныхъ массъ народа, историческое развитіе и видоизмѣненіе разнообразныхъ областныхъ общинъ“. („Отеч. Записки“ 1861 г.). Руководясь подобными соображеніями, многіе изъ ученыхъ

занялись собираніемъ и разработкой мѣстныхъ историческихъ и этнографическихъ данныхъ, печатали цѣликомъ исторію края или касались по частямъ разныхъ отраслей жизни.—По случаю возстанія Польши въ 1863 г. написаны дѣльныя сочиненія и изданы акты, которые основательно разъяснили причины и цѣли неравнаго спора и вѣковой борьбы между родственными славянскими племенами. Разница вѣроисповѣданія, неодинаковый строй Россіи и Польши, права шляхетства и угнетеніе хлоповъ,—все это отразилось на русскомъ населеніи Юго-Западной Россіи подъ польскимъ владычествомъ.

О громадной исторической литературѣ отношеній Россіи къ славянамъ, разросшейся со времени Севастопольской кампаніи, я распространяться не стану, такъ какъ этотъ предметъ слишкомъ широкъ и разнообразенъ и можетъ составить цѣлую отдѣльную монографію.

Военная Русская исторія обогатилась многими капитальными трудами, особенно исторія войны 1812 г. и оборона Севастополя; кромѣ того многіе изданные дневники подробно выясняютъ ходъ военныхъ столкновеній Россіи съ разными народами.

По одному указателю статей „Военнаго Сборника“ съ 1857 г. до 1880 г., можно заключить, какая громадная масса изслѣдованій и матеріаловъ по военной исторіи помѣщена тамъ. За послѣднія 5 лѣтъ можно указать на выдающіяся статьи: „Война Россіи съ Турціею“ (1877 г.), „Русско-турецкая война въ Европейской Турціи въ 1828—1829 годахъ Шильдера (1876 г.), „Воспоминанія о Польской войнѣ 1831 г. Неелова. „Матеріалы для исторіи Венгерской войны въ 1849 г.“ Менькова (1875 г., № 6). „Дѣйствія генерала Гротенгельма въ Трансильваніи 1849 г.“ Ореуса (1877 г., № 8). Критич. статья Н. Дубровина о „Восточной войнѣ Богдановича“ 1877 г. О Турецкой войнѣ 1877—78 г. встрѣчаемъ въ „Военномъ Сборникѣ“ болѣе 40 обстоятельныхъ статей и въ добавокъ много обзоровъ событій, по официальнымъ русскимъ источникамъ. Обиліе статей по частнымъ вопросамъ военной исторіи въ указанномъ сборникѣ облегчаетъ трудъ изслѣдователя.

Исторія русской дипломатіи подвинулась къ послѣднимъ событіямъ настоящаго столѣтія—и этому содѣйствовалъ проф. Ф. Мартенсъ, издавъ 4 тома „Собранія трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“, съ подробными объясненіями историческихъ обстоятельствъ.

Теперь историки не только стали спрашивать: „Откуда есть пошла Русская земля?“, а начали допытываться: куда идетъ Русская земля съ многомиліоннымъ своимъ населеніемъ и что ожидаетъ ее въ будущемъ?.. Значитъ Русская исторія представляется въ видѣ волшебной книги, на основаніи которой можно предсказывать судьбы нашего отечества. Въ наши дни ни педагогъ, ни дипломатъ, ни юристъ, ни земскій крупный дѣлецъ, ни художникъ и мастеръ, не зная исторіи русской жизни и быта, не можетъ принести существенную пользу сво-

ему отечеству, потому что тогда онъ пойдетъ ощупью по своему практическому пути и, отыскивая начало всѣхъ началъ, пожалуй провалится въ фантастической пропасти мировыхъ воззрѣній, какъ метафизикъ Хемницера.

Такіе широкіе и блестящіе успѣхи въ разработкѣ отечественной науки главнымъ образомъ обязаны просвѣщенному воззрѣнію и содѣйствію Государя Императора. Цѣлую четверть вѣка, заботами объ усовершеніи русскаго быта, онъ вызывалъ ученые труды, которые содѣйствовали правильности практическихъ преобразованій; въ свою очередь ученые труженники расширяли свой взглядъ на Русскую исторію отъ соприкосновенія съ современными жизненными задачами. Эта великая заслуга сближенія правительственной дѣятельности съ научной въ послѣдніа 25 лѣтъ оказалась таковой жизненной и плодотворной, что изученіе отечественной науки распространило свое вліяніе въ разныхъ отрасляхъ практическихъ занятій.

Педагогическая литература по Русской исторіи, вмѣсто прежняго единственнаго учебника Устрялова, теперь можетъ насчитывать десятки книгъ съ разными обще-образовательными очерками русской жизни, популярными рассказами про старое время на Руси, съ мелкими повѣствованіями о различныхъ частныхъ лицахъ и событіяхъ, съ хрестоматіями по Русской исторіи и т. п.

Далѣе въ наше время создалась цѣлая наука „Исторія русской историографіи“, которая знакомитъ съ различными источниками или памятниками и постепенной ихъ научной разработкой (Н. И. Костомаровъ, С. М. Соловьевъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, В. И. Иконниковъ).

Наконецъ самыя лекціи по русской исторіи, вмѣсто казенныхъ фразъ, стали получать жизненный и научный смыслъ. Такіе даровитые профессора, какъ покойный Н. А. Ивановъ, читалъ весьма сухо, а нерѣдко прямо по книгѣ Устрялова и каждый разъ при чтеніи XVIII в. передавалъ по секрету либеральную замѣтку студентамъ, что императрица Анна Ивановна была немного рябовата, но необычайной красоты. Когда же занялъ его катедру въ Казанскомъ университетѣ С. В. Ешевскій, онъ отлично зналъ слабость нѣкоторыхъ профессоровъ, фразами расхваливать историческія личности, а фактами себѣ противорѣчить—и жестоко насмѣялся надъ этимъ приѣмомъ. Онъ началъ читать исторію царствованія Елизаветы такъ: „Кроткое и мирное царствованіе Елизаветы полно было самыхъ кровавыхъ происшествій“!..

Научная разработка Русской исторіи и распространеніе живыхъ рассказовъ и популярныхъ сочиненій сильно отразились на литературныхъ произведеніяхъ, появившихся во множествѣ въ настоящее царствованіе. Мы видимъ цѣлый рядъ талантливыхъ драматическихъ сочиненій гр. А. Толстаго, Островскаго, Чаева и другихъ. Историческіе романы, повѣсти и рассказы изъ русской жизни имѣютъ въ виду не подкупать только фантазію, но знакомить съ бытовыми чер-

тами минувшаго („Сынъ“ и „Кудеяръ“ Н. И. Костомарова, „Любовь и корона“ Карновича, „Мировичъ“ Данилевскаго, „Лже-Димитрій“ Мордовцева и др.).

Разростаясь глубже и шире, патріотическое направленіе въ литературѣ захватило на подмогу музыку и пѣніе народное: лучшія оперы, какъ „Рогвѣда“ Сѣрова, „Опричникъ“ Чайковскаго, „Купецъ Калашниковъ“ А. Рубинштейна, имѣють предметомъ жизнь нашихъ предковъ. Въ значительномъ количествѣ появились изданія великорусскихъ и малорусскихъ пѣсенъ, переложенныхъ на ноты, не только для взрослыхъ, даже для дѣтей. (Изслѣдованія князя В. Ѳ. Одоевскаго о церковномъ и мірскомъ пѣніи въ Россіи напечатаны въ „Засѣд. Общества Любит. Россійской Словесности“ М. 1869 г. „Церковное пѣніе въ Россіи“ Д. Разумовскаго. М. 1867 и 1868 гг.).

Архитектура и живопись, вмѣсто прежняго зауряднаго стиля и казенщины, воспользовались изученіемъ русскихъ древностей, обновились и получили оригинальный характеръ. Объ этомъ стилѣ въ архитектурѣ написалъ пѣлюю книгу недавно французъ Віоле-ле-Дюкъ и возбудилъ много дѣльныхъ статей въ русской литературѣ; особенно важень критическій разборъ французскаго сочиненія, появившійся на страницахъ „Критическаго Обзорнія“ 1879 г., написанный Ѳ. И. Буслаяемъ. (О старинной Русской архитектурѣ напечатано много дѣльныхъ изслѣдованій и замѣчаній въ „Трудахъ Моск. Археолог. Съѣзда“ 1871 г. См. „Архитектура въ Россіи до XVIII в.“ графа С. Г. Строганова).

По изслѣдованію древне-русскаго искусства, въ 1856 г. явилось сочиненіе „Исторія русскихъ школъ иконописанія до конца XVIII ст.“; но особенно большую заслугу приобрѣлъ Ѳ. И. Буслаяевъ по разработкѣ этого вопроса и В. А. Прохоровъ изданіемъ своимъ „Христіанскія древности и археологія“. Спб. 1863—65 гг.

Старинные рисунки домашнихъ вещей, украшеній или орнамента, узоровъ и вышиваній возбудили сильное желаніе держаться самобытнаго вкуса въ издѣліяхъ. (Д. Сонцовъ издалъ сочиненіе „Роспись древней русской утвари“. М. 1867 г. „Древній русскій орнаментъ“. М. 1875 г. „Описаніе одеждъ и утвари“. Савваитова. Спб. 1865 г. „Русскія историч. одежды“ Стрекалова).

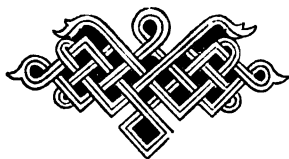
Издѣлія въ русскомъ вкусѣ поражаютъ иностранцевъ своей оригинальностью, вмѣсто рутиннаго заученнаго искусства европейскаго.

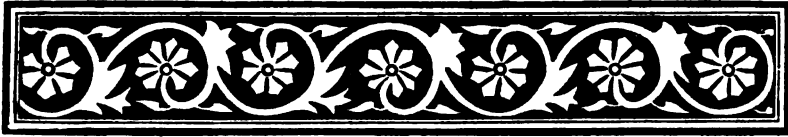
Самый характеръ поваренныхъ книгъ измѣнился: прежде предпочитали иностранныя кушанья и царило французское кулинарное искусство; теперь являются изданія, въ которыхъ рекомендуется „постный и своромный столъ“ въ русскомъ вкусѣ, приготовленіе кислой капусты, кваса, соленія грибовъ, огурцовъ и т. п. Вотъ что значить kwasной патріотизмъ.

Въ прошломъ году явилась даже докторская диссертація о гречневой кашѣ, немислимая по выбору предмета 25 лѣтъ тому назадъ...

Одно явленіе теперь представляется спорнымъ, это-перемѣна иноземнаго платья на русское и введеніе своей отечественной моды. Съ легкой руки славянофиловъ русское платье теперь не служитъ посмѣшищемъ и въ средѣ мужчинъ образованныхъ оно болѣе и болѣе распространяется. Но вотъ женщины, другое дѣло: какъ со слезами на глазахъ мѣняли при Петрѣ В. прабабушки доморощенное платье на иностранное, такъ теперь правнучки ихъ ни за что не желаютъ бросить французскія моды, которыя не подходятъ ни подъ нашъ народный характеръ, ни подъ нашъ климатъ. Но на основаніи изученія движенія бытовой жизни за послѣднее время и руководствуясь законами развитія историческаго, можно пророчить, что даже упорство женщинъ сломится теченіемъ жизни: въ непродолжительномъ времени моды будутъ русскія, а французскіе дамскіе журналы съ охотой станутъ перепечатывать модныя русскія картинки.

Н. Аристовъ.

КНЯЗЬ В. Ө. ОДОЕВСКІЙ.

Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями ¹⁾.

V.

Общій характеръ литературной и общественной дѣятельности кн. Одоевскаго.— Основаніе „Общества посѣщенія бѣдныхъ“; его краткая исторія и роль кн. Одоевскаго.— Одоевскій отказывается отъ официальной награды за труды по этому „Обществу“.

ВЪТУЩІЙ періодъ литературной дѣятельности кн. Одоевскаго относится къ 1830—1840 годамъ; въ это время были написаны всѣ важнѣйшія его произведенія, вошедшія въ изданіе 1844 г. Мы опредѣлимъ точнѣе впоследствии характеръ и значеніе этихъ произведеній въ исторіи Русской литературы (важный этотъ предметъ требуетъ для себя подробной и обстоятельной монографіи); теперъ же скажемъ только, что общій смыслъ литературной дѣятельности Одоевскаго тѣсно связывался съ характеромъ его дѣятельности общественной: какъ въ той, такъ и въ другой, мы встрѣчаемъ одинъ и тотъ же призывъ къ серьезнымъ умственнымъ занятіямъ, то же неизмѣнное стремленіе къ добру и правдѣ, ту же горячую любовь къ человѣчеству и то же строгое осужденіе невѣжества, эгоизма и умственной косности. Въ половинѣ 40-хъ годовъ литературная производительность кн. Одоевскаго значительно ослабѣваетъ, почти прекращается совсѣмъ; но не потому, чтобы онъ почувствовалъ охлажденіе къ умственной работѣ. Причину этого нужно искать въ его усилившейся практической дѣятельности, въ особенности по „Обществу посѣщенія бѣдныхъ“, которое возникло главнымъ образомъ по его инициативѣ и дѣйствовало подъ его руководствомъ во все время своего существованія. „Князь Одоевскій,—по словамъ Н. Путяты,—предался „Обществу“ отъ

¹⁾ Окончаніе. См. № 3. „Историческаго Вѣстника.“

души и въ полномъ смыслѣ былъ его душою. Онъ посвятилъ ему все оставшееся отъ служебныхъ занятій время и всѣ средства, которыми могъ располагать при весьма ограниченномъ достаткѣ своемъ. Имъ держалась внутренняя связь „Общества“, онъ соглашалъ мнѣнія, смягчалъ столкновения, все примирялъ; онъ же боролся съ напоромъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Существованіе „Общества посѣщенія бѣдныхъ“ неразрывно связано съ именемъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго“. Мысль объ учрежденіи такого „Общества“ зародилась на вечерахъ у кн. Одоевскаго и осуществленіе ея вызвано было практической необходимостью. Получаемое почти каждымъ достаточнымъ членомъ въ Петербургѣ, большее или меньшее количество просительныхъ писемъ отъ бѣдныхъ невольно приводило добросовѣстныхъ и мыслящихъ людей къ вопросу, какъ удовлетворить въ этихъ случаяхъ потребности сердца помочь ближнему: кого надѣлать по своимъ средствамъ, кому отказать, какъ отличить истинную, горькую нужду отъ привычнаго попрошайства и дерзкаго нахальства. Чтобы выйти изъ этого тяжелаго недоумѣнія, представлялся одинъ способъ: удостовѣриться личнымъ посѣщеніемъ въ дѣйствительной бѣдности просителя и въ томъ, какой видъ помощи ему особенно нуженъ; но частнымъ лицамъ, получавшимъ передъ праздниками до сотни просительныхъ писемъ, затруднительно было прибѣгать къ подобнаго рода повѣрѣ. Разрѣшеніемъ этой задачи представилось раздѣленіе труда между тѣми самыми лицами, къ которымъ обыкновенно адресуются бѣдные, и въ сосредоточеніи отдѣльныхъ благотвореній въ особомъ обществѣ. Нужно сказать, что вопросы о пролетаріатѣ, о положеніи рабочаго класса вообще, сильно занимавшіе въ то время Западную Европу, отражались и у насъ въ нѣкоторыхъ умственныхъ сферахъ. Литературныя произведенія, написанныя въ этомъ направленіи (какъ напр. романы Эжена Сю), жадно читались многими и возбуждали живой интересъ; люди той эпохи, сохранившіе свѣжесть души, томительно искали хоть какой-нибудь самостоятельной дѣятельности внѣ служебныхъ условій и казенной формалистики. Къ тому же кн. Одоевскій лично былъ весьма заинтересованъ экономическими вопросами, первый началъ затрогивать ихъ въ популярной формѣ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Правила, составленныя кн. Одоевскимъ для „Общества посѣщенія бѣдныхъ“, были высочайше утверждены 12 апрѣля 1848 г.; герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій принялъ на себя званіе попечителя этого „Общества“, а кн. Одоевскій былъ единогласно избранъ предсѣдателемъ его, что повторялось ежегодно въ теченіе девяти лѣтъ, т. е. всего существованія „Общества“. Въ числѣ 25 членовъ, съ нѣсколькими стами рублей въ сборѣ, новое „Общество“ тотчасъ же приступило къ своему дѣлу. Прямою цѣлью его, какъ уже сказано, было посѣщеніе бѣдныхъ, обращающихся съ просьбами о пособіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ, и посредничество между этими лицами и нуждающимися бѣдняками, въ томъ разчетѣ, чтобы благоотво-

реніе всегда достигало своей цѣли. Пособія полагались самыя разнообразныя. Отъ каждаго члена требовалось, чтобы онъ жертвовалъ „Обществу“ однимъ днемъ въ мѣсяцъ. По истеченіи полугодія, „Общество“ могло уже представить довольно удовлетворительные результаты своихъ трудовъ. Князь Одоевскій посвятилъ своему излюбленному чаду и всѣ свои литературныя способности. Отчетъ за первое полугодіе, составленный имъ, сразу обратилъ на себя вниманіе публики и расположилъ ее въ пользу „Общества“. Написанный живымъ, изящнымъ языкомъ (какимъ всегда писалъ кн. Одоевскій) и наполненный любопытными подробностями, отчетъ этотъ отличался искренностью содержанія и отсутствіемъ всякаго officialнаго тона. Это было тогда большою новостью. Вообще кн. Одоевскій любилъ прибѣгать къ гласности, на сколько было возможно, особенно въ отношеніи вѣраемыхъ „Обществу“ и расходуемыхъ имъ суммъ. Въ два года „Общество“ достигло быстрого развитія, и число его членовъ возвысилось до 300. Извѣщенія о бѣдныхъ семействахъ превысили въ эти два года цифру семи тысячъ; поступило же отъ благотворителей и отъ устроенныхъ „Обществомъ“ разныхъ предпріятій болѣе 60 тысячъ рублей, изъ которыхъ на пособіе бѣднымъ и на заведенія для нихъ издержано свыше 40 тысячъ рублей. Съ самаго начала своихъ дѣйствій „Общество“ убѣдилось въ необходимости не ограничиваться простою передачей пособій нуждающимся, но приступило къ устройству разныхъ благотворительныхъ заведеній. Оно устраивало ихъ временно, въ видѣ опыта, рассчитывая притомъ, чтобы нѣкоторыя изъ нихъ доставляли отчасти и средства къ ихъ содержанію. Такъ напр., „Общество“ учредило нѣсколько женскихъ руководѣнъ, въ которыхъ задѣльная плата возростала по мѣрѣ безилія и степени бѣдности работающей. Для старыхъ одинокихъ женщинъ была устроена общая квартира, впредь до возможности помѣстить ихъ въ богадѣльни или другія общественныя заведенія. Семейныя квартиры были вызваны необходимостью извлекать бѣдныя семейства изъ сырыхъ, холодныхъ подваловъ и чердаковъ и спасать ихъ отъ гибельной атмосферы. Въ двухъ дѣтскихъ ночлегахъ, для мальчиковъ и дѣвочекъ порознь, дѣти находили себѣ пристанище, откуда могли отправляться на уроки въ разныя заведенія. Учрежденія „Общества“ были вовсе неизвѣстны у насъ прежде или основаны на совершенно новыхъ началахъ, и соображенія учредителей оказались такъ вѣрны, что напр. смотрительница одной руководѣльни и по закрытіи „Общества“ продолжала поддерживать ее на свой счетъ, находя въ томъ для себя выгоду. Но успѣхи „Общества“, свидѣтельствуя о довѣрїи къ нему публики и благотворительныхъ лицъ, доставили ему также много недоброжелателей и возбудили какую-то странную, предосудительную зависть. Эти недоброжелатели, по свидѣтельству современниковъ и участниковъ въ дѣятельности „Общества“, стали внушать, что подъ покровомъ благотворительности таились часто политическіе замыслы и заговоры; что трудно повѣрить, чтобы столько

людей, большею частью занятых службою или имѣющихъ иныя обязанности, употребляли свое свободное время на отысканіе бѣдныхъ по разнымъ трущобамъ единственно изъ человѣколюбивой цѣли, безъ всякой задней мысли; что значительныя средства, которыми располагаетъ „Общество“, не имѣя никакихъ основныхъ капиталовъ, представляютъ также что-то загадочное (?) и проч. и проч. Февральская революція во Франціи и демократически-соціальныя движенія во многихъ столицахъ Европы еще болѣе усилили распускаемые про „Общество“ слухи. Видѣли нѣчто угрожающее даже въ томъ обстоятельстве, что „Общество“ имѣло у себя нѣсколько тысячъ адресовъ бѣдныхъ; въ этихъ бѣднякахъ готовы были признать ядро будущей социалистической арміи, которая вотъ-вотъ наводнитъ собою петербургскія площади и провозгласитъ *droit de travail*... „Такіе слухи, замѣчаетъ г. Путята,—какъ бы ни были они ложны и нелѣпы, не остались безъ послѣдствій. „Общество“ было заподозрѣно; надъ нимъ собиралась туча и оно ожидало своего закрытія“. Такого удара однако не произошло. Но 19 марта 1848 года послѣдовалъ на имя герцога Лейхтенбергскаго высочайшій рескриптъ, въ которомъ было изображено: „Учрежденное при благопріятномъ попечительствѣ вашемъ, „Общество посѣщенія бѣдныхъ“ сей столицы совершило многія дѣла, достойныя христіанскаго милосердія и истинной любви къ ближнему. Я вполне оцѣниваю таковыя подвиги и отдаю всю справедливость членамъ сего „Общества“, посвятившимъ свои досуги и труды на вспомошествованіе страждущему человѣку. Но дабы поставить „Общество посѣщенія бѣдныхъ“ въ предѣлы одной общей благотворительности, столь изобильной уже въ сей столицѣ и возвести его на степень, приличествующую сословію, дѣйствующему отъ моего лица, Я призналъ за благо: „Общество посѣщенія бѣдныхъ“ въ цѣломъ его составѣ присоединить къ Императорскому Человѣколюбивому Обществу, гдѣ оно, въ порядкѣ его установленія, и должно занять приличное мѣсто“ и проч. вмѣстѣ съ тѣмъ герцогъ Лейхтенбергскій назначался членомъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

„Сколь ни лестны были выраженія рескрипта для членовъ „Общества“—разсказываетъ г. Путята—содержаніе его поставило ихъ однако въ крайнее недоумѣніе. Представлялся вопросъ: какимъ образомъ два общества, учрежденныя на началахъ совершенно противоположныхъ и притомъ съ нѣкотораго рода подчиненіемъ одного изъ нихъ другому, могли дѣйствовать совокупно и согласно? Человѣколюбивое Общество имѣло опредѣленные источники дохода, состояло изъ чиновниковъ на государственной службѣ, получающихъ жалованье и награды, управлялось бюрократическимъ порядкомъ и дѣйствовало въ этомъ духѣ. Общество же посѣщенія бѣдныхъ пользовалось только добровольными приношеніями и держалось совершенно добровольнымъ содѣйствіемъ своихъ членовъ, не связанныхъ никакими формальными обязательствами. Принятая мѣра казалась „Обществу“ его

приговоромъ, и оно готово было разойтись. Князь Одоевскій удержалъ отъ этого. Онъ убѣдилъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, а посредствомъ ихъ и другихъ членовъ, что, въ доказательство чистоты ихъ намѣреній и единственной открытой цѣли „Общества“, они должны по прежнему неуклонно продолжать свое дѣло, руководствуясь тѣми же правилами, и при этомъ напряженными силами бороться до послѣдней крайности съ предстоящими затрудненіями и препятствіями. Значительная доля этой борьбы пала на него. Князь Одоевскій былъ назначенъ однимъ изъ членовъ комитета для опредѣленія отношеній „Общества посѣщенія бѣдныхъ“ къ совѣту Человѣколюбиваго Общества, и долженъ былъ сперва разрѣшать эту сложную задачу, а потомъ испытывать и всю трудность примѣненія выработанныхъ началъ на практикѣ. Борьба эта стоила ему многихъ горькихъ часовъ и бессонныхъ ночей, но онъ выдерживалъ ее неустойчиво до конца“.

Тѣмъ не менѣе, разрѣшить эту „сложную“ задачу вполне удовлетворительнымъ образомъ—было уже положительно невозможно, и дѣятельность „Общества посѣщенія бѣдныхъ“ понесла ничѣмъ не вознаградимый ущербъ. До какой степени оно было связано въ малѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ, какія неожиданныя препятствія встрѣчало оно на каждомъ шагу, сколько требовалось на всякую бездѣлицу объясненій и разрѣшеній, какъ трудно было отстаивать права „Общества“ отъ наплыва бюрократическихъ формальностей,—всего этого надобно искать въ кипахъ бумагъ, исписанныхъ тогда княземъ Одоевскимъ. „Общество“ считало гласность однимъ изъ главныхъ средствъ для поддержанія необходимаго ему довѣрія публики; теперь же, кромѣ тогдашней цензуры, обращеніе къ гласности затруднялось еще канцелярскою процедурою представленія отчетовъ. Отчеты свои „Общество посѣщенія бѣдныхъ“ должно было вносить въ совѣтъ Человѣколюбиваго Общества для включенія ихъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи, въ общій отчетъ; разрѣшеніе же на напечатаніе своего отчета отдѣльно „Общество“ получало развѣ только годъ спустя, т. е. тогда, когда онъ оказывался уже несвоевременнымъ. Весною 1849 г. началась въ Петербургѣ холера, поражая, конечно, по преимуществу бѣдныя семейства; это умножило число обращающихся въ „Общество“ за пособіями и увеличило его затрудненія. Къ счастью однако въ то же время разныя новыя приношенія доставили ему вспомогательныя средства. Городское начальство прибѣгло къ „Обществу“ для призрѣнія въ его заведеніяхъ значительнаго числа сиротъ за условленную отъ правительства плату. Петербургская дума ассигновала ежегодную субсидію. Статскій совѣтникъ Е. А. Кузнецовъ пожертвовалъ 40,000 руб. сер., что дало возможность преобразовать женскій дѣтскій ночлегъ въ женское училище на 180 воспитанницъ, названное Кузнецовскимъ. Въ то же время медикъ Фанъ-дерь-Флаасъ представилъ „Обществу“ проектъ лѣчебницы для проходящихъ и при-

исканными имъ средствами много способствовалъ къ устройству этого заведенія. Н. Ѳ. Арндтъ и Н. И. Пироговъ, какъ члены „Общества“, отнеслись особенно сочувственно къ такому учрежденію, приняли званіе консультантовъ лѣчебницы и своимъ примѣромъ привлекли въ нее извѣстнѣйшихъ столичныхъ врачей. Лѣчебница была учреждена собственно для больныхъ, состоящихъ на попеченіи „Общества“, но вмѣстѣ съ тѣмъ она была открыта и для постороннихъ лицъ, съ платою по 30 коп. за посѣщеніе. Болѣе 8,000 человекъ посѣщали лѣчебницу въ годъ; а число сдѣланныхъ ими посѣщеній, за то же время, простиралось до 27,000. Ничтожная плата за посѣщенія покрывала большую часть расхода на содержаніе этого заведенія,— одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ дѣятельности „Общества“. И такъ „Общество“, хотя и съ трудомъ, поднялось было опять на ноги и продолжало идти прежнимъ путемъ. Оно могло уже расходовать отъ 50 до 60 тысячъ рублей въ годъ, независимо отъ суммы, оставляемой въ запасъ, отъ одного года къ другому. Но среди своихъ новыхъ успѣховъ, „Общество“ понесло вдругъ чувствительную потерю. Въ половинѣ 1852 года скончался герцогъ Лейхтенбергскій, принимавшій живое, искреннее участіе въ превратныхъ судьбахъ „Общества“ и лично раздѣлявшій труды его членовъ. За нѣсколько дней до своей кончины, герцогъ въ постели принималъ князя Одоевскаго, и одна изъ послѣднихъ его заботъ принадлежала „Обществу“. Въ память его испрошено было разрѣшеніе назвать лѣчебницу для приходящихъ Максимилиановскою, и подъ этимъ названіемъ она извѣстна до сихъ поръ всѣмъ петербургскимъ жителямъ.

Вскорѣ послѣ его кончины „Общество“ потерпѣло другой ударъ. Приказомъ по военному вѣдомству запрещалось всѣмъ военно-служащимъ быть членами „Общества“, такъ какъ это признавалось несовмѣстнымъ съ обязанностями ихъ службы. Вслѣдствіе этого въ одинъ день изъ „Общества“ выбыло свыше 70 человекъ, изъ которыхъ многіе могли назваться самими ревностными и полезными его членами. Надобно было замѣстить ихъ и удвоить такимъ образомъ занятія оставшихся членовъ. 1853 годъ начался для „Общества“ благопріятнымъ событіемъ: великій князь Константинъ Николаевичъ, по ходатайству „Общества“, согласился принять на себя званіе его попечителя. Но наступившая вслѣдъ за тѣмъ Крымская война ограничила приливъ средствъ, которыми пользовалось „Общество“: благотворительныя приношенія стали обращаться преимущественно въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ воиновъ. Въ то же время значительно соизменился и личный составъ „Общества“: одни изъ членовъ оставили столицу; другіе были отвлечены усиленными служебными занятіями; нѣкоторые поступили въ ряды арміи; а прибыли новыхъ силъ нельзя было и ожидать въ тогдашнее тревожное время. „Общество“ рѣшилось прекратить свои дѣйствія и было упразднено въ апрѣлѣ 1855 года. Князь В. Ѳ. Одоевскій остался на своемъ мѣстѣ, чтобы похоронить

„Общество“ съ честью. Учрежденная подъ его предсѣдательствомъ комиссія ликвидировала вполне удовлетворительно дѣла „Общества“; всѣ обязательные платежи произведены въ точности, а оставшіяся суммы распределены такъ, что дряхлые и немощные пансіонеры „Общества“ по возможности обезпечены въ дальнѣйшемъ своемъ содержаніи; дѣти же, принаты на попеченіе,—въ окончательномъ воспитаніи. Заведенія отчасти закрыты, за исключеніемъ Кузнецовскаго женскаго училища и Максимилиановской лѣчебницы для приходящихъ, которую приняла подъ свое покровительство великая княгиня Елена Павловна, поручивъ ближайшее завѣдываніе князю Одоевскому. По закрытіи „Общества“ великій князь Константинъ Николаевичъ, признавая, что это учрежденіе „обязано князю Одоевскому большею частію тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, которыхъ оно достигло“, изъявилъ желаніе исходатайствовать ему особую высочайшую награду и съ этою цѣлью обратился по мѣсту службы князя Одоевскаго, къ директору Публичной Библіотеки барону М. А. Корфу, съ запросомъ о томъ: какую награду считаетъ баронъ Корфъ приличною для своего подчиненнаго? На этотъ запросъ директоръ Публичной Библіотеки отвѣчалъ, что, „дѣня вполне заслуги Одоевскаго по устроенію Публичной Библіотеки“, а также бывъ свидѣтелемъ того „совершеннаго самоотверженія“, съ которымъ князь трудился на пользу бѣдныхъ въ „Обществѣ“, имъ созданномъ и „въ немъ одномъ находившемъ главные элементы своей жизни“, онъ, баронъ Корфъ, считалъ бы достойнымъ наградить князя Одоевскаго чиномъ тайнаго совѣтника. Награду эту князь Одоевскій, конечно, и получилъ бы, если бы не узналъ во-время о своемъ представленіи. Но узнавъ случайно о содержаніи рескрипта великаго князя Константина Николаевича, князь Одоевскій не счелъ себя въ правѣ воспользоваться такою наградой и написалъ великому князю одно изъ такихъ писемъ, которыя, по всей вѣроятности, не часто встрѣчаются въ исторіи нашихъ официальныхъ наградъ и повышеній. „Ваше императорское высочество—писалъ этотъ оригинальный проситель объ отказѣ—приучили меня къ полной передъ вами откровенности; позвольте и теперь высказать все, что у меня на душѣ. Мнѣ, русскому человѣку, дорога всякая монаршая милость, и по моей дѣйствительной службѣ я не былъ ею оставленъ; но я всегда отклонялъ отъ себя всякую награду по благотворительнымъ учрежденіямъ; ибо въ моихъ глазахъ занятія сего рода въ сравненіи со службою—не что иное, какъ всякое другое житейское занятіе: тамъ святой долгъ, здѣсь просто добрая воля и удовлетвореніе внутреннему влеченію. То, что я сдѣлалъ, сдѣлалъ бы всякій другой при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыя я былъ поставленъ. Не припишите, ваше высочество, этихъ словъ пустому суемудрію или униженію паче гордости; я не прикрываю себя ложнымъ смиреніемъ, я знаю, что не одна случайность, но можетъ быть и нѣкоторая привычка къ дѣлу поставила меня неожиданно дѣйствующимъ лицомъ въ

этомъ учрежденіи; но было бы несправедливо полагать, что оно своими невѣроятными успѣхами въ теченіе девяти лѣтъ было обязано лишь одному мнѣ. Вашему императорскому высочеству извѣстно многосложное устройство бывшаго „Общества“: что могла въ немъ значить дѣятельность одного лица?.. Милостивое намѣреніе ваше отличить мои труды уже ставитъ меня выше всѣхъ моихъ товарищей: горячее участіе, принятое по сему поводу моимъ начальникомъ по службѣ, вообще перасточительнымъ на слова, отрадно моему сердцу и льститъ моему самолюбію; но всякая другая, отдѣльная мнѣ награда, будетъ имѣть совсѣмъ иное значеніе: сколь неоцѣнима для меня монаршая милость, но я не могу избавить себя отъ мысли, что при особой мнѣ наградѣ, въ моемъ лицѣ будетъ соблазнительный примѣръ человѣка, который принялся за дѣло подъ видомъ безкорыстія и сроднаго всякому христіанину милосердія, а потомъ, тѣмъ или другимъ путемъ, а все достигъ награды, принадлежащей лишь за заслуги по дѣйствительной службѣ. Быть такимъ примѣромъ противно тѣмъ правиламъ, которыхъ я держался въ теченіе всей моей жизни; дозвольте мнѣ, вступивъ на шестой десятокъ, не измѣнить имъ... Если ваше императорское высочество позволите мнѣ въ семь дѣлъ выразить мое мнѣніе, то я полагаю бы, что ласковое царское слово всѣмъ членамъ комиссіи для окончанія дѣлъ „Общества посѣщенія бѣдныхъ“, со внесеніемъ въ ихъ формулярные списки, было бы высокою и утѣшительною для насъ всѣхъ наградою, вмѣстѣ съ исполненіемъ извѣстныхъ ходатайствъ комиссіи“¹⁾.

VI.

Какъ встрѣтилъ князь Одоевскій нашу „эпоху возрожденія“ послѣ Крымской войны? Признаніе необходимости реформъ и возраженія обскурантамъ. — Моя первая встрѣча съ княземъ Одоевскимъ. — Его письмо ко мнѣ по поводу исторіи Русской журналистики.

Крымская война, вмѣстѣ съ военными неудачами, принесла съ собою внутреннее обновленіе Россіи, возбудила цѣлый рядъ вопросовъ первостепенной общественной важности, разрѣшеніе которыхъ не заставило себя долго ждать. Россія, извѣдавъ тяжкимъ опытомъ печальныя послѣдствія старой правительственной системы, выступала на новый путь. Одна за другой готовились и обсуждались реформы. открывавшія свободный выходъ сдавленнымъ общественнымъ силамъ. Одоевскій, живо сохранявшій въ себѣ всѣ лучшія стремленія своей молодости, точно сбросилъ съ плечъ нѣсколько десятковъ лѣтъ... Отъ

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1870 г., № 4—5; мѣста, напечатанныя курсивомъ, подчеркнуты въ подлинникѣ письма князя Одоевскаго.

всей полноты души онъ привѣтствовалъ начинавшееся возрожденіе своего отечества, выражая горячее сочувствіе и оказывая нравственную поддержку всѣмъ добрымъ предположеніямъ въ правительственныхъ сферахъ. Его сохранившійся дневникъ за это время, въ который онъ заносилъ свои отрывочныя замѣтки по поводу разныхъ слуховъ и проэктовъ, показываетъ ясно, на чьей сторонѣ стоялъ онъ и чьи интересы защищалъ тогда. Партію ретроградовъ и обскурантовъ, запугивавшихъ правительство опасными послѣдствіями реформъ, онъ называлъ стрѣлцкою партіей, которая тоскуетъ по старинѣ только потому, что не умѣетъ создать ничего лучшаго и въ общественной неподвижности и мертвечинѣ видитъ единственно-прочное политическое начало. Въ декабрѣ 1855 г. Одоевскій вноситъ въ свой дневникъ слѣдующую любопытную замѣтку: „Въ городѣ ходятъ сильныя толки о циркулярѣ ** (подъ этими звѣздочками подразумѣвается имя одного изъ тогдашнихъ министровъ,—если не ошибаемся, С. С. Ланскаго). Я никакъ не могъ достать его, но вотъ какъ рассказываютъ его содержаніе: ** цитуетъ одно рукописное письмо, въ которомъ говорится, что многосложность формъ и привычная въ отчетахъ ложь привели насъ къ настоящему бѣдственному положенію; что, судя по отчетамъ, все, хотя постепенно, но идетъ къ совершенству, тогда какъ на дѣлѣ совершенно противное; подъ блистательною наружностью—гниль, что для того, чтобы угадать истину подъ канцелярскимъ многословіемъ, надобно читать между строкъ, на что немногіе способны. За симъ ** рекомендуетъ это замѣчаніе своимъ подчиненнымъ, прибавляя, что требуетъ правды, даже непріятной, и если получить отчетъ съ междустроичіемъ, то возвратитъ его съ гласностью. Этотъ циркуляръ былъ нѣкоторыми людьми показанъ постороннимъ, говорятъ—читанъ въ Англійскомъ клубѣ, говорятъ—тамъ при прочтеніи закричали: „ура“! По городу пошелъ говоръ, который весьма огорчаетъ **. Жаль, если эта болтовня смутитъ его на правдивомъ пути. Ложь, многословіе и взятки — вотъ тѣ три піявицы, которыя сосутъ Россію; взятки и воровство покрываются этою ложью, а ложь — многословіемъ. Этотъ циркуляръ есть истинный подвигъ, больше полезный для государя и отечества, нежели взятіе Карса. Всякій благонамѣренный человѣкъ душою пристрастится къ правительству, которое наконецъ положить предѣлъ канцелярской лжи. Можно отличить человѣка честнаго отъ негоднаго по тому только: рго онъ или сонга циркуляра. Правда, послѣдніе нападаютъ на него лишь стороною, говоря напримѣръ: какъ можно называть наше положеніе бѣдственнымъ? Это не политично: что скажутъ иностранцы? Какъ будто иностранцы не знаютъ всю суть лучше нашего! Напротивъ, признать опасность своего положенія есть дѣло ума и силы. Кто знаетъ свою рану, тотъ ее залѣчитъ, если можно, а бѣлилами ея не замажешь“.

Въ другой замѣткѣ, написанной по другому поводу, князь Одоевскій говоритъ: „пожары и другіе разныя безпорядки въ Москвѣ даютъ

поводъ неблагонамѣреннымъ людямъ толковать, что эти прискорбныя явленія суть слѣдствія мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ для пре-
 кращенія вѣрнопостнаго состоянія. Здѣсь мы видимъ одно изъ самыхъ
 обыкновенныхъ средствъ, употребляемыхъ такими людьми для проти-
 водѣйствія или по крайней мѣрѣ для задержанія великаго отече-
 ственнаго дѣла. Ничего нѣтъ соблазнительнѣе, какъ при видѣ
 двухъ одновременныхъ явленій утверждать, что одно есть
 причина другаго. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ есть люди, ду-
 мающіе, что правительство откажется отъ своего преднамѣренія, что
 все будетъ по старому, что можно положить въ долгій ящикъ; а если
 будутъ волненія, то тѣмъ лучше: на то есть штыки и пушки, а по-
 томъ все пойдетъ по старому“. Такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ
 у насъ всегда поднимаются толки о необходимости репрессивныхъ
 мѣръ, и „стрѣлечкая партія“ очевидно хотѣла прибѣгнуть къ поли-
 цейскому террору, чтобы предотвратить всякія реформы, то Одоевскій
 заноситъ по этому поводу въ свой дневникъ новую замѣтку весьма
 любопытнаго и назидательнаго содержанія: „Полиція. Несостоятель-
 ность этого учрежденія въ политическомъ смыслѣ обнаруживалась не-
 однократно въ новѣйшей исторіи: при іюльской революціи, при паде-
 ніи Луи-Филиппа, въ 1848 г. во всей Европѣ, при паденіи новой
 республики, при покушеніи Орсини, наконецъ нынѣ (писано въ 1860 г.)
 въ Сициліи, гдѣ система тайной полиціи была развита въ высшей
 степени, и гдѣ на нее ничего не жалѣли... Король неаполитанскій
 надѣялся увеличить въ войскѣ духъ единства и нравственности по-
 средствомъ священниковъ, утреннихъ и вечернихъ молитвъ, исповѣди
 и проповѣди: въ результатъ оказался духъ вольнодумства, а съ тѣмъ
 вмѣстѣ полное отсутствіе всякой жизненности, деревянный механизмъ,
 негодность каждаго солдата на всякое дѣло, кромѣ грабежа. Запит-
 ники неаполитанской камарилы (журналъ le Monde, гдѣ участвуетъ
 извѣстный Venillot и который королевѣ-матѣ называетъ la sainte)
 признаетъ, что единственное войско, на которое король можетъ поло-
 житься, это—les régiments étrangers, состоящіе изъ смѣси швейцар-
 цевъ, австрійцевъ, нѣмцевъ и другихъ разнородныхъ лицъ. Такъ
 іезуитская камарилья развѣла связи между властью и на-
 родомъ! Примѣръ назидательный, ибо іезуитская камарилья дѣй-
 ствуетъ вездѣ одинакимъ образомъ: грабя страну, устрашая власть
 непокорствомъ народа, народъ—собственнымъ своимъ коварствомъ, она
 развѣдаетъ всѣ связи общественныя, дабы самой дѣйствовать
 подъ шумокъ во всемъ раздолѣ самоуправства. Когда она,
 притѣсненіями и отсутствіемъ officialнаго правосудія и частной
 справедливости, выведетъ народъ изъ терпѣнія, тогда камарилья на-
 чинаетъ утверждать, что виновата не она, а книги и журналы,
 пропитанные революціоннымъ духомъ, противъ котораго всѣ
 средства позволени. Когда власть, прорвавъ завѣсу, посредствомъ ко-
 торой камарилья скрывала отъ нея дѣйствительность, рѣшается на

преобразование, т. е. на удовлетвореніе настоятельныхъ потребностей (какъ Карлъ X или нынѣшній король неаполитанскій), тогда камарилья старается исфальшивить эти преобразованія и вмѣстѣ съ тѣмъ обвинить ихъ въ томъ злѣ, которое она съ давнихъ поръ воспитала. Къ большому прискорбію іезуитская камарилья развращаетъ народную нравственность, приучая народъ бояться не суда и закона, но случайности, и смѣшивая въ его понятіяхъ добродѣтель съ угодливостью и вывертливостью, а виновность съ несчастьемъ, отъ котораго можно отдѣлаться разными житейскими средствами. Народъ, потерявъ нравственное чувство совѣсти и слѣдуя въ этомъ примѣру высшихъ надъ нимъ лицъ, теряетъ вѣру въ добросовѣстность власти, и ея часто искреннее желаніе улучшеній, ея опасаніе—принимаетъ за политическую хитрость и ввѣряется первому встрѣчному вожаку, который и самъ не знаетъ, куда онъ идетъ и куда ведетъ. Такова печальная исторія челоувѣчества“.

Допущенная въ то время свобода литературнаго обсужденія разныхъ общественныхъ и политическихъ вопросовъ возбуждала противъ себя множество протестовъ со стороны завзятыхъ реакціонеровъ, готовыхъ придратъся къ каждому неловкому шагу только что становившейся на ноги гласности. Прислушиваясь къ этимъ враждебнымъ и насмѣшливымъ толкамъ, Одоевскій записываетъ въ своемъ дневникѣ: „многіе требуютъ отъ гласности того же, что иные больные, которые хотятъ, чтобы принятое лѣкарство тотчасъ ихъ вылѣчило. Такъ, одинъ господинъ спрашивалъ: можно ли на гласность хоть пару сапоговъ купить? Это былъ господинъ, заправляющій довольно обширнымъ кругомъ дѣятельности. Его вопросъ значить, что онъ находится въ блаженномъ невѣдѣніи о томъ, что нѣтъ денегъ безъ довѣрія и нѣтъ довѣрія безъ гласности... Впрочемъ, и то сказать, наша гласность часто напоминаетъ анекдотъ, рассказанный въ Кургановскомъ „Письмовникѣ“. Кривой, встрѣтивъ горбатаго, спросилъ его: „Такъ рано, а ты уже съ такою ношею на спинѣ“.—„То правда, что рано, остроумно отвѣчалъ горбатый: у тебя еще только одно окошко открыто“.

Наши англоманны, которыхъ довольно много развелось въ то время и которые желали бы перенести къ намъ инья, всего менѣе своиственныя русской почвѣ, англійскія учрежденія, — вызвали у князя Одоевскаго очень мѣткое сатирическое замѣчаніе: „Дикость выражается преимущественно односторонностью. Дикарь, не знавшій огня и увидѣвшій свѣчку, необходимо долженъ возвести ее на степень Бога. Арагчевъ былъ также дикарь, именно потому, что во всѣхъ дѣлахъ челоувѣческихъ видѣлъ одинъ элементъ: принужденіе, дѣятельность подъ страхомъ наказанія. Господинъ, никогда ничего порядочно не изучавшій и потому неразвитый, ѣдетъ въ Англію. Видъ просвѣщенной страны поражаетъ дикаря: точно такъ, какъ прежде онъ ее знать не хотѣлъ, теперь одну ее только и видитъ, и не хочетъ знать ничего остальнаго. Не достигая до познанія Бога, онъ останавливается

на фетишизмъ, который можетъ быть и религіознымъ, и нравственнымъ, и политическимъ. Все это—дикость на разныхъ ступеняхъ. Видѣлъ, напр., человѣкъ Оксфордскій университетъ, узналъ, что онъ — родъ монастыря, и слѣпо вѣрить, что въ томъ вся и суть, и что всѣ университеты должны быть такъ образованы. Что Оксфордскій университетъ основанъ на огромные капиталы Англійской аристократіи, что тамъ всякій студентъ имѣетъ своего тьютора, платитъ и можетъ платитъ до 500 фунтовъ стерлинговъ, это не дошло до свѣдѣнія дикаря. Дикаремъ бываетъ и человѣкъ, который прочтетъ въ жизни одну лишь книжку и ничего не хочетъ знать, кромѣ этой книжки“.

Въ этотъ періодъ нашего общественнаго движенія завязалось и мое личное знакомство съ кн. Одоевскимъ. Въ концѣ 50-хъ годовъ я задумалъ написать для сборника, издаваемого студентами здѣшняго университета, критико-біографическую статью о Д. В. Веневитиновѣ. Розыскивая матеріалы для его біографіи и узнавъ, что у покойнаго поэта есть братъ, находившійся тогда еще въ живыхъ, я обратился съ просьбою къ И. Д. Делянову (тогдашнему попечителю Петербургскаго учебнаго округа)—доставить мнѣ возможность познакомиться съ А. В. Веневитиновымъ, отъ котораго я и получилъ много интересныхъ для меня біографическихъ свѣдѣній. Статья моя, составленная по этимъ матеріаламъ, была напечатана во II-мъ томѣ студенческаго сборника. Только тогда уже, когда мой очеркъ появился въ печати, я узналъ отъ А. В. Веневитинова, что кн. Одоевскій очень заинтересовался имъ и желалъ бы лично побесѣдовать со мною объ этомъ предметѣ. Нельзя было обойти такой богатый источникъ новыхъ свѣдѣній о занимавшихъ меня вопросахъ, гдѣмъ болѣе, что личность кн. Одоевскаго, — уже извѣстная мнѣ заочно по литературнымъ его произведеніямъ,—представлялась мнѣ весьма симпатичною, и я радъ былъ случаю увидѣть его и поговорить съ нимъ. Вооружившись рекомендательнымъ письмомъ отъ А. В. Веневитинова, я отправился, лѣтомъ 1860 г., на дачу къ кн. Одоевскому въ Лѣсной корпусъ. Я не помню уже ни улицы, ни дома, въ которомъ жилъ тогда Владиміръ Ѳедоровичъ (дача была его собственная); но впечатлѣнія первой встрѣчи живо сохраняются въ моей памяти. Одоевскій принималъ меня въ своемъ кабинетѣ, на верху, куда я долженъ былъ взобраться по узенькой лѣсенкѣ. Изъ-за груды разныхъ книгъ, бумагъ и громоздкихъ фоліантовъ, на встрѣчу мнѣ поднялась небольшая фигура хозяина, олѣтаго въ какой-то оригинальный костюмъ, съ колпачкомъ на головѣ и въ большихъ старомодныхъ очкахъ, вздѣтыхъ на лобъ. Во всякомъ другомъ человѣкѣ такой нарядъ и обстановка могли бы показаться смѣшною претензіею на оригинальность; но первый же взглядъ брошенный мною на страннаго по виду хозяина, совершенно расположилъ меня въ его пользу. И нарядъ, и обстановка какъ-то шли къ нему, гармонировали вполне съ его дѣйствительно-самобытною личностью. Изъ-подъ высокаго, мыслящаго лба, на которомъ и лѣта, и

долгий умственный трудъ оставили свой замѣтный отпечатокъ, — спокойно и вдумчиво смотрѣли выразительные глаза, какъ бы лаская и ободряя собесѣдника; пріятный, тихій голосъ, — съ какою-то особою интонаціею, придававшю каждому слову вѣсъ и значеніе, — довершала впечатлѣніе обстановки и фигуры хозяина. Мнѣ показалось, что я оторвалъ этого оригинальнаго старика отъ какихъ-то серьезныхъ размышленій, которымъ онъ предавался на-единѣ съ своими любимыми книгами. Но это не помѣшало ему сейчасъ же перейти къ другому предмету и быстро овладѣть имъ во время разговора. Рѣчь шла преимущественно о значеніи того философскаго кружка, къ которому принадлежалъ Дмитрій Веневитиновъ и о которомъ, по мнѣнію Одоевскаго, очень мало и плохо говорилось въ исторіи Русской литературы. При этомъ Одоевскій высказывалъ мысль, что вообще исторія литературныхъ кружковъ съ такимъ серьезнымъ направленіемъ, какимъ отличался кружокъ Веневитинова, должна была бы входить значительнымъ элементомъ въ исторію русской мысли, которая всегда пробивалась у насъ этими узенькими дорожками, за неимѣніемъ другихъ болѣе широкихъ и открытыхъ путей. Кромѣ того, Одоевскій обратилъ мое вниманіе на ту роль, которую игралъ нѣкогда въ Русской журналистикѣ „Московскій Вѣстникъ“, задуманный Веневитиновымъ и его друзьями. Всѣми этими замѣчаніями я воспользовался впоследствии, когда передѣлывалъ и докончивалъ мою статью для отдѣльнаго изданія сочиненій Веневитинова. Отдѣльный оттискъ моей статьи (изъ студенческаго сборника) который я тогда же захватилъ съ собою, былъ удержанъ кн. Одоевскимъ и потомъ возвращенъ мнѣ, испещренный разными дополнительными замѣтками, которыя не пришли въ голову при бѣгломъ разговорѣ. Въ заключеніе этой первой бесѣды Одоевскій просилъ меня навѣщать его въ городѣ, осенью, когда онъ вернется съ дачи (онъ жилъ тогда въ зданіи Румянцевскаго музея, на набережной, у Николаевского моста). Я воспользовался его приглашеніемъ и тою же осенью успѣлъ побывать у него нѣсколько разъ, причѣмъ рамки нашихъ бесѣдъ постепенно раздвигались, захватывая въ себя не только прошлое, но и настоящее положеніе русской литературы, и не одни литературные вопросы, а также общественные и политическіе. Готовившаяся тогда крестьянская реформа поглощала все вниманіе кн. Одоевскаго, и онъ съ глубокимъ чувствомъ говорилъ о томъ обновленіи, которое внесетъ эта реформа въ русскую жизнь. Привѣтливость хозяина и его умѣнье найти въ каждомъ своемъ гостѣ хоть одну живую струну съ тѣмъ, чтобы эксплуатировать ее, такъ сказать, на пользу общую, оживляли вечера, проведенные мною въ кабинетѣ кн. Одоевскаго. Всѣхъ своихъ гостей онъ имѣлъ обыкновение знакомить другъ съ другомъ и, нивелируя ихъ общественныя положенія, всегда умѣлъ заинтересовать ихъ какимъ нибудь общимъ разговоромъ. Не смотря на всю мою провинціальную застѣнчивость, я ни разу не почувствовалъ себя неловко въ

этомъ избранномъ кругу, въ которомъ генералы, статсъ-секретари и придворные люди мѣшались съ начинающими артистами и писателями. Помню, что на этихъ вечерахъ я познакомился съ покойнымъ М. И. Сарриотти, который только-что вернулся изъ Италіи и искалъ дебюта въ Русской оперѣ. Тутъ же я встрѣтилъ впервые нѣкоторыхъ московскихъ славянофиловъ, съ которыми у Одоевского происходили часто крупные споры. Въ началѣ 1861 г., переработавъ мою статью о Веневитиновѣ, я отослалъ ее въ рукописи къ кн. Одоевскому и не позже какъ черезъ двѣ недѣли получилъ ее обратно при слѣдующемъ письмѣ, которое позволяю себѣ привести цѣликомъ: „Я передъ вами кругомъ виноватъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Александръ Петровичъ. Но что прикажете дѣлать! Я не могъ вамъ посвятить часовъ моего раздолья, т. е. ночи; ибо, не смотря на мою способность читать всевозможные почерки, я и днемъ останавливался надъ вашимъ, а при свѣчахъ онъ моимъ ослабѣвшимъ глазамъ былъ вовсе недоступенъ; а и мелкую печать я теперь по ночамъ уже съ трудомъ читаю; днемъ же вы знаете мою жизнь, которая, особенно въ январѣ и февралѣ, становится очень тяжка, по причинѣ отчетовъ разныхъ заведеній, находящихся въ моемъ завѣдываніи. Такъ, Бога ради, не взыщите за мою медленность, о которой впрочемъ я васъ предупреждалъ. Въ статьѣ вашей я сдѣлалъ кое-какія отмѣтки, что припомнилось; имѣлъ я поползновеніе придраться иногда и къ вашему языку, но легонько, ибо уважаю всякую своебытность, и не стать старику задерживать молодую прыть. Знаете, что я вамъ скажу. Работа вамъ легко дается, языкомъ владеете и рыться не лѣнитесь: что бы вамъ приняться за исторію Русской литературы и, во первыхъ, Русской журналистики, именно со временъ „Телеграфа“, съ котораго началась настоящая наша журналистика. Пишите по частямъ, печатайте въ журналахъ; пусть написанное пройдетъ черезъ критику, а вы между тѣмъ имѣйте задуманный предварительно планъ: составить изъ отдѣльныхъ частей нѣчто цѣлое. Хорошая рамка, для небольшой разумѣется книги,—у Баранта въ „Histoire de la litterature française“. Надѣюсь черезъ недѣлю нѣсколько освободиться отъ дѣлъ, и тогда выберемъ вечерокъ для толкованія объ этомъ, если хотите. Васъ душевно уважающій К. В. Одоевскій (19 февраля 1861 г.)“.

Если вспомнить ту разницу въ лѣтахъ и общественныхъ положеніяхъ, которая отдѣляла въ то время меня, начинающаго писателя-студента, отъ извѣстнаго литератора и человѣка, занимавшаго очень видное придворное положеніе, какимъ былъ князь Владиміръ Федоровичъ; если обратить далѣе вниманіе на простой, дружескій тонъ, господствующій въ этомъ письмѣ, а также на его историческую дату (день освобожденія крестьянъ),—то нельзя не признать, что, встрѣчая молодого писателя, въ которомъ онъ видѣлъ нѣкоторую способность къ литературному труду, князь Одоевскій совершенно забывалъ всѣ внѣшнія условія и, какъ товарищъ товарища, старался ободрить и

поддержатъ новичка, находя досугъ даже въ такой хлопотливый моментъ для всѣхъ лицъ высшаго круга, какъ 19-е февраля 1861 года. Тутъ не было ни малѣйшаго оттѣнка покровительственныхъ отношеній, никакого литературнаго меценатства, ни смѣшнаго самодовольства своими собственными усѣхами и значеніемъ, — самодовольства, которое нерѣдко проскальзываетъ, даже помимо ихъ воли, у заслуженныхъ и авторитетныхъ писателей. Это былъ довѣрчивый, открытый обмѣнъ мыслей между работниками одного и того же дѣла, — и тѣмъ больше уваженія почувствовалъ я къ человѣку, способному держать такой тонъ въ сношеніяхъ съ молодежью. Замѣчанія, высказанныя мнѣ кн. Одоевскимъ въ письмѣ, дали намъ пищу для нѣсколькихъ вечернихъ бесѣдъ, послѣ которыхъ я рѣшился приступить къ очеркамъ изъ исторіи Русской журналистики, начавъ ихъ съ первыхъ русскихъ вѣдомостей Петра Великаго. Князь Одоевскій согласился со мною, что появленіе „Московского Телеграфа“ было подготовлено всѣмъ предыдущимъ развитіемъ нашей журналистики, и что для полноты картины слѣдовало остановиться и на изданіяхъ Миллера, и на сатирическихъ листкахъ Новикова, и на журналахъ Карамзина, освѣтивъ всѣ эти литературные факты указаніемъ общей связывающей ихъ нити развитія. При этомъ кн. Одоевскій сообщилъ мнѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній объ эпохѣ Булгарина съ братією, которыя и вошли въ мою статью: „Журнальный триумвиратъ“.

VII.

Князь Одоевскій въ Москвѣ въ послѣдніе годы его жизни. — Служба въ Сенатѣ въ званіи первоприсутствующаго. — Претензіи Московскаго дворянства въ 1865 г. и записка князя Одоевскаго. — Заступничество за невинно-пострадавшихъ. — Взглядъ на тюремную реформу.

Вскорѣ послѣ того (дѣтомъ 1862 г.) кн. Одоевскій назначенъ былъ сенаторомъ въ московскіе департаменты Сената. Незадолго до отъѣзда въ Москву, безъ всякой просьбы съ моей стороны, онъ успѣлъ таки замолвить обо мнѣ слово великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, при опредѣленіи моемъ на службу въ Маріинскій институтъ преподавателемъ Русской словесности. Великая княгиня возбудила-было вопросъ о томъ, что я слишкомъ еще молодъ для преподаванія въ старшихъ классахъ института, гдѣ учились дѣвицы почти однихъ со мною лѣтъ; но князь Одоевскій энергически отстаивалъ меня, прибавляя шуточно, что „молодость — такой недостатокъ, который съ каждымъ днемъ проходитъ“. Не ограничиваясь этою рекомендаціею, кн. Одоевскій убѣдилъ меня составить особую записку о преподаваніи Русской литературы, которую онъ и прочелъ великой княгинѣ, какъ программу моей педагогической дѣятельности, — и великая княгиня отнеслась одобрительно ко всѣмъ взглядамъ, выраженнымъ мною въ этой запискѣ,

хотя они далеко не согласовались съ господствовавшей тогда рутинною женскаго образованія. Въ послѣднее время въ Петербургѣ Одоевскій жилъ въ Михайловскомъ дворцѣ, занимая тамъ часть флигеля, противъ Михайловскаго театра. Вечернія собранія у него продолжались и здѣсь вплоть до отъѣзда, хотя нерѣдко случалось, что любезный хозяинъ, внезапно вызванный къ великой княгинѣ, долженъ былъ на время разставаться съ своимъ обществомъ. Иногда же великая княгиня, не желая лично тревожить хозяина и отвлекать его отъ гостей, присылала къ нему за тою или другою книгою, или обращалась къ нему съ коротенькою запиской по интересовавшему ее дѣлу.

Въ Москвѣ, на службѣ въ Сенатѣ, занимая постъ первоприсутствующаго въ 8-мъ департаментѣ, Одоевскій долженъ былъ посвятить себя юриспруденціи и изучать сводъ законовъ. Московскіе друзья его не надѣялись на успѣхъ, но бывшій оберъ-прокуроръ этого департамента (нынѣ членъ Государственнаго Совѣта) К. П. Побѣдоносцевъ свидѣтельствуетъ, что Одоевскій работалъ усердно и былъ однимъ изъ самыхъ внимательныхъ и дѣятельныхъ сенаторовъ. М. П. Погодинъ рассказываетъ, что ему случилось однажды попросить Владиміра Фёдоровича по дѣлу г. Фета о какой-то мельницѣ, которую у него отнималъ или на которой запрещалъ ему молотъ привязчивый сосѣдъ, — и добросовѣстный сенаторъ, черезъ нѣсколько времени, на вопросъ о ходѣ дѣла, прочелъ цѣлую лекцію о паденіи воды и размѣрилъ вершиками, что жалоба на Фета была несправедлива. Такъ же точно поступалъ онъ и безъ всякихъ просьбъ, въ другихъ дѣлахъ: послѣ него осталось нѣсколько фолиантовъ съ собственноручными описаніями рѣшенныхъ при его участіи сенатскихъ дѣлъ, откуда видно, сколько труда полагалъ онъ на исполненіе своихъ судейскихъ обязанностей. „Каждое утро, — говоритъ г. Побѣдоносцевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о кн. Одоевскомъ, — въ десять часовъ, раньше всѣхъ являлся онъ въ Сенатъ, и вслѣдъ за нимъ являлся огромный портфель его, въ родѣ ларца или чемодана, съ дѣлами и съ записными книгами, которыя велъ онъ съ безпримѣрною аккуратностью и терпѣніемъ, отмѣчая въ нихъ ходъ каждаго производства и всѣ его особенности. Надолго еще, по окончаніи присутствія, князь оставался въ Сенатѣ, занимаясь чтеніемъ сенатскихъ журналовъ и объясненіями съ дѣлопроизводителями. Нерѣдко до вечера просиживали мы съ нимъ въ присутственной комнатѣ, прерывая иногда дѣловыя занятія пріятною бесѣдою. Князь любилъ говорить особенно о философіи, о литературѣ, о естественныхъ наукахъ“.

Съ горячимъ сочувствіемъ, съ юношескими надеждами встрѣтилъ Одоевскій первые зачатки судебной реформы и вѣрилъ безусловно въ благотворную силу основныхъ ея началъ. „Какъ онъ радовался — по свидѣтельству г. Побѣдоносцева, — когда въ Сенатѣ допущена была гласность производства со словесными состязаніями тяжущихся! Какъ

заботился приспособить внѣшнюю обстановку присутствія къ новому порядку! До послѣднихъ дней жизни, не смотря на ослабленіе силъ, оставался онъ первоприсутствующимъ въ Сенатѣ и продолжалъ свою дѣятельность съ тѣмъ же неизмѣннымъ усердіемъ и постоянствомъ, въ такую пору, когда у всякаго, кромѣ его, можетъ быть опустились бы руки. Въ московскихъ департаментахъ Сената, обреченныхъ уже на скорое упраздненіе, настала пора безлюдія и унынія, и князь не менѣе другихъ скорбѣлъ о томъ, что въ рукахъ послѣднихъ дѣятелей распадается воспитавшее ихъ учрежденіе, но онъ не терялъ духа и работалъ по прежнему, одобряя усердно послѣднихъ работниковъ“...

Проѣздомъ черезъ Москву, въ 60-хъ годахъ, я не разъ видался съ кн. Одоевскимъ и, съ своей стороны, могу подтвердить все то, что сказано о немъ его ближайшимъ сотрудникомъ по Сенату. Вообще всякая реформа, клонившаяся къ возбужденію у насъ общественнаго духа, къ сближенію сословій и уравниенію ихъ правъ передъ закономъ, возбуждала неизмѣнную симпатію кн. Одоевскаго, и эта черта была тѣмъ драгоценнѣе въ его характерѣ, что лично, по своему происхожденію, связямъ и кругу дѣятельности, онъ принадлежалъ къ высшему общественному слою въ Россіи. „Дѣла земскія, городскія, всякія общественныя, такъ живо занимали кн. Одоевскаго—сообщаетъ г. Кошелевъ, — что онъ съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ журналы этихъ учрежденій. Въ Петербургѣ онъ былъ гласнымъ общей думы (до введенія новыхъ городскихъ учрежденій), и гласнымъ, весьма много трудившимся. Здѣсь (въ Москвѣ), по его просьбѣ, городской голова присылалъ ему доклады разныхъ комиссій общей думы; онъ читалъ ихъ и даже дѣлалъ разныя замѣтки, которыя охотно сообщалъ здѣшнимъ гласнымъ. У меня онъ всегда бралъ журналы земскихъ собраний — Рязанскаго губернскаго и Сапожковскаго уѣзднаго — и никогда не возвращалъ ихъ безъ своихъ замѣтокъ“. При такихъ симпатіяхъ кн. Одоевскаго, весьма понятно, что проявившееся въ 1865 г. въ Московскомъ дворянскомъ собраніи стремленіе мѣстнаго дворянства наверстать утраченное помѣщичье право приобрѣтеніемъ какого-то политическаго протектората надъ другими сословіями, — это стремленіе, сейчасъ же подхваченное и раздутое по своему газетою „Вѣсть“, возбудило противъ себя ожесточенную оппозицію со стороны кн. Одоевскаго. Не сочувствуя ни мало такому обособленію дворянства и видя въ этомъ опасный шагъ назадъ, кн. Одоевскій немедленно по прочтеніи статьи, помѣщенной въ „Вѣсти“ (онъ пріѣзжалъ тогда на время въ Петербургъ), написалъ противъ нея сильное возраженіе, которое за многими подписями должно было появиться въ газетахъ. Вотъ дословное содержаніе этого протеста: „Въ № 4 (14 января) журнала „Вѣсть“ помѣщена статья, содержащая въ себѣ будто бы предположеніе большинства Московскаго дворянскаго собранія о разныхъ предметахъ, относящихся не до пользы и нужды одного Москов-

скаго дворянства, но до всего дворянства, и даже до всего нашего государственнаго устройства. Имѣя честь принадлежать къ Русскому дворянству, мы, нижеподписавшіеся, опасаемся, чтобы молчаніе съ нашей стороны не было сочтено знакомъ согласія на такое предположеніе, которое по его содержанію, а еще болѣе по рѣчамъ, высказаннымъ для истолкованія его смысла, мы находимъ и несвоевременнымъ, и несообразнымъ какъ съ настоящими потребностями Россіи, такъ равно съ ея исторіей, съ ея политическимъ и народнымъ бытомъ и съ ея мѣстными и естественными условіями. Посему считаемъ долгомъ заявить, что, по нашему глубокому убѣжденію, дѣло дворянства, въ настоящую минуту, состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Приложить всѣ силы ума и воли къ устраненію остальныхъ послѣдствій крѣпостнаго состоянія, нынѣ съ Божіею помощію уничтоженнаго, но бывшаго постояннымъ источникомъ бѣдствій для Россіи и позоромъ для всего ея дворянства. 2) Принять добросовѣстное и ревностное участіе въ дѣятельности новыхъ земскихъ учреждений и новаго судопроизводства, и въ сей дѣятельности почерпать ту опытность и знаніе дѣлъ земскихъ и судебныхъ, безъ которыхъ всякое, какое бы ни было учрежденіе осталось бы бесплоднымъ за недостаткомъ способныхъ исполнителей. 3) Не поставлять себѣ цѣлью себялюбивое охраненіе однихъ своихъ сословныхъ интересовъ исключительно, не исвать розни съ другими сословіями предъ судомъ и закономъ, но дружно и совокупно со всѣми вѣрноподданными трудиться для славы государя и пользы всего отечества. 4) Пользуясь высшимъ образованіемъ и большимъ достаткомъ, употреблять имѣющіяся средства для распространенія полезныхъ знаній во всѣхъ слояхъ народа, съ цѣлью усвоить ему успѣхи наукъ и искусствъ, на сколько то возможно для дворянства. Наконецъ, вообще содѣйствовать искренно и честно, съ довѣріемъ и любовью, тѣмъ благодатнымъ преобразованіямъ, которыя нынѣ уже предначертаны мудрымъ нашимъ государемъ, не нарушая ихъ естественнаго хода и постепеннаго развитія безвременнымъ и безправнымъ вмѣшательствомъ“.

Когда Одоевскій вернулся въ Москву, то онъ былъ встрѣченъ цѣлымъ градомъ сплетенъ, распространившихся на его счетъ въ бѣлованной столицѣ: его выдавали чуть не за доносчика, который хотѣлъ подслужиться правительству и затормозить общественное развитіе. Понятно, что слухи эти всего усерднѣе распускались тѣми самыми крѣпостниками, которымъ приплась не по сердцу честная оппозиція князя Одоевскаго и которые видѣли въ немъ, въ его аристократическомъ имени, очень опаснаго врага для своихъ барскихъ затѣй. Князь Одоевскій былъ крайне раздраженъ этими сплетнями и написалъ по поводу ихъ слѣдующее (нигдѣ не напечатанное) письмо къ одной дамѣ, которая пожелала узнать, изъ-за чего загорѣлся весь этотъ сыр-боръ?

„Вы хотите знать—писалъ Одоевскій—въ чемъ состоитъ мое преступленіе (подчеркнуто въ имѣющемся у меня экземплярѣ письма)

противъ феодальности, верховничества и прочихъ тому подобныхъ вещей,—по просту сказать, противъ горькой нелѣпицы,—преступленіе, совершенное мною 15 января 1865 г., т. е. на другой день послѣ появленія невѣроятной статьи, помѣщенной въ № 4 журнала „Вѣсть“, 14 января того же года. Вотъ вамъ мое преступленіе, какъ оно было и есть; въ немъ не перемѣнено ни запятой. Я съ трудомъ отыскалъ его въ моихъ бумагахъ,—такъ далеко былъ я отъ мысли, что когда-либо это мнимое преступленіе послужитъ канвою для вышивки разной бессмысленной клеветы. Какъ видите, мое преступленіе—ничто иное, какъ журнальная статья, написанная можетъ быть немножко крѣпко, но за подписью моего имени, въ которому въ печати должны были присоединиться много другихъ именъ; статья, написанная въ отвѣтъ на журнальную же, печатную статью, еще болѣе крѣпкую, ибо въ ней говорится не отъ имени того или другаго отдѣльнаго лица, а отъ имени всего Русскаго дворянства.

„Я былъ тогда въ Петербургѣ; никакія письма, никакія извѣстія изъ Москвы, — какъ о томъ распускаютъ слухъ,—не могли мнѣ служить источникомъ для моей статьи, да это было и матеріально невозможно. № 4 „Вѣсти“ вышелъ въ Петербургѣ 14 января, моя старческая кровь закипѣла при чтеніи этой хвастливой и опасной нелѣпицы; я тогда же написалъ мою статью, а 15 января она уже была отправлена по принадлежности для полученія позволенія ее напечатать. Вотъ и вся исторія.

„Весьма сожалѣю, что статья моя не была тогда же напечатана; но тому воспрепятствовали обстоятельства, отъ меня не зависѣвшія и которыхъ я не въ силахъ былъ преодолѣть. Впослѣдствіи характеръ всего дѣла измѣнился; „Вѣсть“ была запрещена, и № 4 былъ отобранъ полицією; я счелъ неприличнымъ съ моей стороны настаивать на напечатаніи моей статьи, ибо по пословицѣ: лежачаго не бьютъ. За это деликатство,—какъ то нерѣдко со мною уже случалось въ жизни,—я теперь и наказуюсь.

„Вѣдомо вамъ буди, что эта статья есть мое единственное преступленіе въ семь случаевъ; инаго я не совершалъ, ни словомъ, ни дѣломъ, ни перомъ, ни карандашомъ; но скажите тѣмъ, кого это можетъ интересовать, что я и напередки не откажусь отъ моего преступнаго поведенія, если найду то нужнымъ; можетъ быть даже, что вторичное мое преступленіе будетъ поврѣще, ибо я буду имѣть больше времени для его совершенія, а не то что 24 часа снѣшной работы.

„Мои убѣжденія—не со вчерашняго дня; съ раннихъ лѣтъ я выражалъ ихъ всеми доступными для меня способами: перомъ—на сколько то позволялось тогда въ печати, а равно и въ правительственныхъ сношеніяхъ; изустною рѣчью—не только въ частныхъ бесѣдахъ, но и въ официальныхъ комитетахъ; вездѣ и всегда я утверждалъ необходимость уничтоженія крѣпостничества и указывалъ на ги-

бельное вліяніе олигархіи въ Россіи; болѣе 30 лѣтъ моеи публичной жизни доставили мнѣ лишь новыя аргументы въ подкрѣпленіе моихъ убѣжденій. Учившись смолоду логикѣ и постарѣвъ, я не считаю нужнымъ измѣнять моихъ убѣжденій въ угоду какой бы то ни было партіи. Никогда я не ходилъ ни подъ чьей вывѣской, никому и не навязывалъ моихъ убѣжденій, но за то выговаривалъ ихъ всегда во всеуслышаніе, весьма опредѣлительно и рѣчисто, а теперь уже поздно мнѣ переучиваться. Если враги мои, въ отмщеніе за мой честный и законный протестъ, прибѣгаютъ къ безсмысленной клеветѣ,—къ этому оружію маленькихъ душонокъ,—то ихъ лепетъ не возбуждаетъ во мнѣ даже презрѣнія; я и знать не хочу, что они тамъ болтаютъ. Они не останавливаютъ моихъ дѣйствій, когда я сочту нужнымъ дѣйствовать, какъ и когда мнѣ заблагоразсудится, ибо то, что я отстаиваю, считаю дѣломъ святымъ и разумнымъ, а всѣ продѣлки въ исключительную пользу какой либо касты — источникомъ неисчисленныхъ бѣдствій для Россіи, о коихъ, кажется, и не подумали люди, находящіеся подъ вліяніемъ блестящей надежды о какомъ-то столбовомъ верховничествѣ. Званіе русскаго дворянина, моя долгая, честная, чернорабочая жизнь, не запятанная ни происками, ни интригами, ни даже честолюбивыми замыслами, наконецъ, если угодно, и мое историческое имя — не только даютъ мнѣ право, но налагаютъ на меня обязанность не оставаться въ робкомъ безмолвіи, которое могло бы быть принято за знакъ согласія, въ дѣлѣ, которое я считаю высшимъ человѣческимъ началомъ и которое ежедневно примѣняю на практикѣ въ моеи судейской должности, а именно: безусловное равенство предъ судомъ и закономъ, безъ различія званій и состояній⁴. (Письмо это помѣчено 18-мъ марта 1865 г.).

Переписанный экземпляръ протеста, предназначавшагося для помѣщенія въ газетахъ, а также копія съ вышеприведеннаго письма переданы мнѣ лично кн. Одоевскимъ при свиданіи нашемъ въ Москвѣ, лѣтомъ 1866 г. При этомъ Владиміръ Федоровичъ сказалъ мнѣ, грустно улыбаясь и какъ бы предвидя уже свою близкую кончину: „Сплетни живучи, особенно въ нашемъ обществѣ, которое живетъ и питается ими, и то, что теперь говорится обо мнѣ втихомолку, быть можетъ по смерти моеи попадетъ и въ печать. Вы вѣроятно переживете меня,—и вотъ вамъ доументы, которыми можно опровергнуть лунновъ“. Затѣмъ онъ продолжалъ, на словахъ, съ большимъ одушевленіемъ, развивать тѣ же мысли о нормальномъ развитіи Русскаго общества, о необходимости уничтоженія сословной розни, которая выражалъ и въ своемъ письмѣ.

Помню я, что въ то же время, вслѣдствіе прискорбнаго событія 4-го апрѣля, для добраго сердца князя Одоевскаго представилось новое поприще дѣятельности. Какъ всегда бываетъ у насъ въ подобныхъ тревожныхъ обстоятельствахъ, полицейская власть слишкомъ

поусердствовала и начала забирать подъ арестъ, въ Москвѣ, не только лицъ, находившихся въ связи съ виновниками покушенія, но и совсѣмъ непричастныхъ къ дѣлу, которыя, только по чьему либо усмотрѣнію, могли казаться подозрительными. Нѣкоторые изъ арестованныхъ (въ ихъ числѣ былъ и одинъ изъ знакомыхъ князя Одоевскаго) обратились къ Владиміру Ѳедоровичу съ просьбою о заступничествѣ, въ которомъ онъ, убѣдившись въ ихъ невинности, конечно и не отказалъ имъ. Не успѣлъ еще я выѣхать изъ Москвы, какъ этотъ знакомый князя, освобожденный по его ходатайству, появился у него за обѣдомъ,—и надо было видѣть, съ какою теплотою и сердечностью встрѣтилъ его радушный хозяинъ! Въ томъ-же 1866 г. князь Одоевскій, не упуская изъ виду ни одного серьезнаго государственнаго вопроса, весьма живо отнесся къ зарождавшейся тогда въ Москвѣ тюремной реформѣ. Бывшій рабочій домъ преобразовывался, подъ руководствомъ графа Соллогуба, въ исправительную тюрьму, въ которой примѣнялось уже начало исправленія арестантовъ посредствомъ правильно-организованнаго труда. Желая подвергнуть это дѣло публичному осужденію, графъ Соллогубъ написалъ статью, которую предложилъ прочесть князю Одоевскому. Не смотря на свою обязательно-срочную, ежедневную работу, Одоевскій такъ заинтересовался этою статьею, что въ два дня успѣлъ уже прочитать ее и возвратитъ автору при письмѣ, содержаніе котораго остается любопытнымъ и въ настоящую минуту, когда тюремная реформа окончательно разсмотрѣна и утверждена, въ главныхъ основахъ, особою комиссіею при Государственномъ Совѣтѣ.

„Твоя статья—писалъ князь Одоевскій графу Соллогубу—дѣлаетъ тебѣ честь, а мнѣ удовольствіе. Грустно подумать, что у насъ еще надобно доказывать необходимость труда, уничтоженіе наръ, раздѣленіе половъ и пр. т. п. Злоупотребленія, дурной выборъ людей, это особая статья, вездѣ возможная,—но что меня бѣситъ, это—наша страстная лѣнь, которая мѣшаетъ думать о вещахъ, которыя сами на думанье напрашиваются. Если-бы Фурье пожилъ у насъ, то не написалъ-бы своей системы гармонизаціи страстей, зане въ страсти лѣни, въ страсти ничего-недѣланія—онъ-бы нашелъ такой элементъ, который уничтожаетъ всѣ другіе. Я сдѣлалъ нѣкоторыя замѣтки въ твоей статьѣ. Ты ужасно небрежно пишешь; зная превосходно языкъ, ты отъ лѣни предаешься галлюцинаціямъ, недодѣланію фразъ и прочему подобному разврату. Хорошая и сильная сторона въ твоей статьѣ то, что она не выродокъ какой-либо съ потолка падающей теоріи, а выжалась фактами. Слабая—устройство администраціи тюремъ. Ты слишкомъ довѣряешься главному начальнику тюрьмы (графъ Соллогубъ предполагалъ назначить при тюрьмѣ особаго попечителя безъ жалованья), предполагая въ немъ какого-то ангела; — безмездность не спасеніе; черти служатъ сатанѣ безъ жалованья, и люди тоже. Нынѣшніе комитеты (тюремные)—вещь безобразная, но необходимъ надъ адми-

нистративною властью контроль; у насъ онъ можетъ быть изъ нѣсколькихъ лицъ по выбору отъ земства, а въ городахъ отъ думы, и съ тѣмъ, чтобы они были не ради филантропіи, какъ дамскіе комитеты, но ради препятствія администраціи: препятствія необходимы, они — нашъ лучшій наставникъ, и въ этомъ дѣлѣ больше, нежели во всякомъ другомъ. Такой комитетъ не долженъ вмѣшиваться въ администрацію, но администрація должна ему отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, хоть разъ въ годъ; члены комитета должны имѣть право входа въ тюрьму и право сообщенія своихъ замѣчаній начальству тюрьмы,—и такія замѣчанія, съ отвѣтами начальства, слѣдуетъ печатать во всеуслышаніе. Для плохаго начальства комитетъ будетъ плеткою, для хорошаго — колокольчикомъ въ обществѣ и нравственной опорой. Иногда—препятствіемъ, но, повторяю, это не бѣда. Въ концѣ статьи я бы сжалъ ее въ краткое заключеніе... Хочешь прочесть статью у меня въ едину изъ пятницъ (только не въ эту, по причинѣ вечерняго молебствія наванунѣ открытія новыхъ судебныхъ мѣстъ),—я соберу нѣсколькихъ пристовъ въ моемъ кабинетѣ; только увѣдомъ навѣрное, ибо эти люди дорожатъ временемъ и нельзя ихъ таскать напрасну. А главное, напечатать эту статью и разошли ее по всѣмъ губерніямъ. Если заведется полемика—тѣмъ лучше“¹⁾. (Письмо помѣчено 19-мъ апрѣля 1866 года).

Мы думаемъ, по нашему собственному восьмилѣтнему опыту въ званіи директора Петербургскаго тюремнаго комитета, что способъ преобразованія комитетовъ, предложенный княземъ Одоевскимъ, съ участіемъ городскихъ и земскихъ представителей,—едва ли не самый удобный и полезный изъ всѣхъ другихъ проектовъ преобразованія. „Довѣряться главнымъ начальникамъ тюремъ“,—какъ-бы они ни назывались: попечителями или инспекторами,—и устранить при этомъ всякій общественный контроль, который все же допускался, хотя и въ слабой формѣ, уставомъ попечительнаго о тюрьмахъ общества—дѣйствительно не слѣдуетъ, и „плетва“ надъ дѣйствіями администраціи, особенно въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ тюремный надзоръ, безусловно необходима, не въ видѣ начальническаго внушенія, которое можетъ и не воспослѣдовать по причинѣ отдаленности или небрежности вышшаго начальства, но подѣ условіемъ гласности и участія общественнаго мнѣнія, о чемъ хлопоталъ князь Одоевскій. Безъ этого существеннаго условія, при одномъ официальномъ наблюденіи, смотрители тюремъ могутъ обратиться въ ужаснѣйшихъ деспотовъ, и въ тюрьмахъ будутъ разыгрываться самыя отвратительныя и даже кровавыя сцены.....

¹⁾ Сообщеніемъ этого письма мы обязаны графу В. А. Соллогубу.

VIII.

Житейскія заботы кн. Одоевского въ Москвѣ; его умственные занятія и „отдыхъ“. — Взглядъ кн. Одоевского на заслуги Русской прессы въ дѣлѣ проведенія реформъ и на новый цензурный уставъ. — Последнее литературное слово кн. Одоевского: „отвѣтъ“ И. С. Тургеневу. — Кончина Владиміра Ѳедоровича.

До отъѣзда своего въ Москву и живя тамъ, кн. Одоевскій уже не принималъ активнаго участія въ Русской литературѣ, отвлекаемый отъ этого участія множествомъ официальныхъ и неофициальныхъ дѣлъ и хлопотъ. Въ душѣ его таился такой обильный, неиссякаемый источникъ любви къ человѣчеству, къ наукѣ, къ искусству; такая страстная, съ годами не угасшая привязанность къ прогрессу общественной жизни; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ былъ такъ нѣжно-добръ, такъ доступенъ всѣмъ и каждому, такъ отзывчивъ на вопль нужды, горя и обиды, — что, при всѣхъ этихъ качествахъ, онъ, понятно, не оставался празднымъ ни одной минуты, но покончивъ со своими служебными обязанностями, прочитавъ интересовавшія его книги и статьи (причемъ нерѣдко демонстрировалась на опытѣ, въ его кабинетѣ, та или другая научная теорія), — переходилъ прямо къ исполненію своего человѣческаго долга, т. е. къ практическимъ заботамъ объ улучшеніи участи разныхъ лицъ, прибѣгнувшихъ къ нему со своими просьбами и жалобами. Сотни людей, которыхъ имена кн. Одоевскій тщательно скрывалъ, испытали на себѣ его личную доброту и готовность прийти на помощь въ критическій моментъ жизни; не мало найдется и такихъ лицъ, которыя всею своею дальнѣйшею карьерою обязаны безкорыстному участію и рекомендаціи князя Владиміра Ѳедоровича, обратившаго на нихъ вниманіе „высокопоставленныхъ“ особъ. Извѣстно также, что онъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ былъ самымъ ревностнымъ покровителемъ и защитникомъ Кольцова, весьма часто нуждавшагося въ сильной защитѣ¹⁾. Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, продолжалась по прежнему эта дѣятельность кн. Одоевского на пользу ближняго. „Въ благоговѣйной памяти къ тому смиренію и той скромности, которыя всегда сопровождали его добрыя дѣла — говоритъ московскій знакомый Владиміра Ѳедоровича, г. Тимирязевъ — мы не позволяемъ себѣ поднять завѣсу, скрывающую отъ всеобщаго вѣдѣнія всѣ многочисленныя проявленія его благодѣяній и истинно-христіанскаго милосердія. Всякое благотвореніе, въ какомъ бы видѣ оно ни высказывалось, находило въ немъ постоянно усерднаго поборника и щедраго участника“. „Нужно ли было слово замолвить — подтверждаетъ ту же черту гр. Соллогубъ — поправить ошибку, под-

¹⁾ См. мою статью: „Кольцовъ въ Воронежѣ“ („Сѣв. Пчела“ 1862 г., № 39), въ которой напечатаны письма Кольцова къ кн. В. Ѳ. Одоевскому.

держатъ передъ сильными міра сего, Одоевскій уже тамъ, забываетъ, что онъ слабъ и нездоровъ, хлопочетъ, объясняетъ, ѣздитъ, проситъ и добивается своего. И, добившись своего, онъ спѣшитъ домой отдохнуть, т. е. погрузиться въ законы акустики, опредѣлить археологическую постепенность музыкальной науки, сдѣлать наблюдение надъ гальванизмомъ, вывести математическія таблицы, углубиться въ созерцаніе естественныхъ наукъ, медицины, физиологіи, философіи, педагогики и пр. Такъ отдыхалъ онъ! Затѣмъ собственно музыка была для него лакомствомъ. Онъ любилъ ее страстно, но любилъ не по одной нервной впечатлительности артиста, а какъ испытатель сочетанія звуковъ, какъ изыскатель точныхъ законовъ“. Во время такого „отдыха“ кн. Одоевскій усердно, не какъ диллетантъ, но какъ человѣкъ универсальнаго образованія, слѣдилъ за всѣми мало-мальски замѣтными произведеніями литературы и науки, — и не только слѣдилъ, но имѣлъ обыкновеніе заносить свои мысли и впечатлѣнія по поводу прочтеннаго въ особую памятную тетрадь; иногда же набрасывалъ ихъ вскользь, на поляхъ книги или газеты, подобно Евгенію Онѣгину, но, конечно, съ большимъ углубленіемъ въ сущность предмета. Этотъ рядъ „ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ,“ частію появился въ „Русскомъ Архивѣ“ (откуда мы извлекли нѣсколько любопытныхъ мнѣній и взглядовъ); другая же часть сохраняется въ бібліотекѣ покойнаго князя и еще ждетъ внимательнаго изученія.

Но и не принимая уже въ литературѣ дѣятельнаго участія (если не считать нѣсколькихъ газетныхъ статей, написанныхъ по разнымъ случаямъ), кн. Одоевскій, тѣмъ не менѣе, до конца дней своихъ видѣлъ въ себѣ, прежде всего, русскаго литератора и, конечно, имѣлъ не меньше права на этотъ почетный въ глазахъ его титулъ, чѣмъ любой присяжный дѣятель прессы, такъ какъ идеи, выраженные имъ въ литературныхъ произведеніяхъ, онъ проводилъ практически въ жизнь и такимъ образомъ не отдѣлялъ слова отъ дѣла, — чѣмъ далеко не всякій присяжный литераторъ можетъ похвастаться. Къ тому же, поставленный по своему положенію въ возможность вліять прямо или косвенно на судьбу Русской печати вообще, на измѣненіе къ лучшему ея внѣшнихъ условій, онъ и съ этой стороны оказывалъ ей серьезную услугу, ратуя всегда за предоставленіе печати возможно-широкаго права обсужденія въ дѣлахъ государственныхъ и общественныхъ. Въ тридцатыхъ годахъ кн. Одоевскій, и перомъ своимъ и живымъ, убѣдительнымъ словомъ, воевалъ противъ Булгаринской клики, противъ газетной и журнальной монополіи, состоявшей на откупѣ у нѣсколькихъ самозванныхъ „охранителей“, въ сущности разрушавшихъ своей постыдной дѣятельностью всѣ основы цивилизованнаго общества. И все это онъ имѣлъ мужество говорить и писать тогда, когда справедливая оппозиція противъ журнальной клики, — забравшей въ свои руки печатное слово и распорядившейся

имъ съ цинизмомъ торгашей и доносчиковъ,—казалась въ высшихъ сферахъ предосудительнымъ и неблагонамѣреннымъ дѣломъ, когда люди съ „государственными соображеніями“ толковали, что гораздо проще и удобнѣе имѣть одинъ или два журнала, и притомъ такихъ, съ которыми при случаѣ нечего церемониться, нежели возиться со многими и вдобавокъ непокорными; когда наконецъ одинъ изъ представителей этого сорта воззрѣній громогласно говорилъ: „vaut mieux le monopole, que des jougnaux“!! Горячій и искренній защитникъ свободы мысли и слова, свободы научнаго изслѣдованія, князь Одоевскій съ одинаковымъ привѣтомъ встрѣтилъ и новый университетскій уставъ, освобождавшій нашу научную дѣятельность отъ канцелярской и департаментской опеки, и новыя льготныя правила для печати, снимавшія съ нея отчасти иго предварительной цензуры. Князь Одоевскій любилъ сравнивать силу мысли съ силою пара: какъ паръ, не находя себѣ правильного выхода или спасительнаго клапана, рветъ котлы и портитъ машины, такъ точно и мысль, задержанная въ своемъ нормальномъ ростѣ и развитіи, перестаетъ быть созидательнымъ началомъ, но обращается на разрушеніе, на подпольную работу, уклоняется отъ прямого прогрессивнаго пути, или—по выраженію Одоевскаго.— „даетъ задній ходъ машинѣ“. Боязнь крайнихъ направленій не должна, по мнѣнію кн. Одоевскаго, останавливать и путать истинно-государственнаго человѣка; крайнія теоріи — съ одной стороны аравчеевщина, а съ другой насильственный радикализмъ—всего удобнѣе коренятся и разрастаются на почвѣ безгласности, нравственной приниженности и умственной апатіи, не встрѣчая въ обществѣ ни дѣльной, правдивой критики, ни серьезнаго отпора, такъ какъ ни то, ни другое невозможно за отсутствіемъ свободы сужденія и авторитетныхъ органовъ общественнаго мнѣнія. Половинчатая, не высказывающаяся до конца критика, свободная только въ восхваленіи существующаго порядка, не приноситъ пользы, не разоблачаетъ иллюзій, которыя именно въ этой недосказанности, въ этихъ вынужденныхъ умолчаніяхъ, и находятъ для себя точку опоры, заподозрѣвая искренность и честность опроверженій. „Вы, дескать, говорите не то, что думаете, или, по крайней мѣрѣ, не все то, что думаете“—подсмѣиваются приверженцы недозволенныхъ теорій надъ своими противниками“. И эта насмѣшка попадаетъ въ цѣль, дискредитируетъ и задачу, и приемы критики. Такимъ образомъ положительное, разумно-политическое направленіе, которое, вмѣстѣ съ критикою существующаго, указываетъ на возможные идеалы будущаго, остается какъ-бы въ загонѣ, а премію получаетъ огульное отрицаніе, которое ведетъ успѣшно свою проповѣдь полусловами и намеками, проскальзывающими сквозь самое частое цензурное сито. По глубокому убѣжденію кн. Одоевскаго, иллюзій и скороспѣлыхъ теорій опровергаются вполне лишь открытымъ путемъ, т. е. знаніями, фактами, болѣе обдуманными теоріями. Тотъ не любитъ и не уважаетъ своего народа, кто думаетъ, что весь онъ, въ

массѣ, неспособенъ слушаться голоса добра и истины, но имѣетъ какое-то фантастическое предрасположеніе къ злу и фальши; а потому истинный патриотъ долженъ заботиться не объ изобрѣтеніи новыхъ тормазовъ для развитія просвѣщенія и политическаго смысла въ народѣ, не о лишеніи общества активнаго участія въ своихъ собственныхъ дѣлахъ, не о стѣсненіи свободы мнѣній, но, наоборотъ, о наиболѣе широкомъ распространеніи образованія, преимущественно въ массѣ народа (на этомъ поприщѣ кн. Одоевскій и самъ потрудился, какъ издатель „Сельскаго Чтенія“, въ которомъ лучшія популярно-научныя статьи принадлежатъ его перу), о расширеніи гражданскихъ и общественныхъ правъ, независимо отъ различія сословій, объ уничтоженіи всякихъ олигархическихъ, исключительныхъ поползновеній, направленныхъ къ выгодѣ отдѣльныхъ лицъ и сословій. Свѣтъ свободной мысли, какъ свѣтъ солнца, истребляетъ гниль и плѣсень, гнѣздящуюся въ глухихъ и темныхъ закоулкахъ общественной жизни, лишенныхъ притока свѣжаго воздуха; этотъ Божій свѣтъ прогоняетъ призраки, страшные только въ сумеркахъ, подъ вліяніемъ разстроеннаго воображенія. Такою очистительною и въ основѣ своей зиждущею силою кн. Одоевскій считалъ свободу прессы, не смотря на случайныя уклоненія, ошибки и даже злонамѣренность нѣкоторыхъ ея дѣятелей. Злоупотребленія и профанація возможны въ самомъ святомъ дѣлѣ, но они нисколько не роняютъ достоинствъ общаго принципа; даже больше: злоупотребленія тѣмъ чаще встрѣчаются, чѣмъ ограниченнѣе кругъ дѣйствующихъ лицъ, чѣмъ больше проникнуть онъ духомъ кумовства и парціальности. Здравый общественный смыслъ только тогда вступаетъ въ свои права, когда каждый мыслящій человекъ можетъ вполне и открыто высказывать въ печати свои мнѣнія по всѣмъ интересующимъ его вопросамъ. При этомъ условіи никакое кумовство, никакая злонамѣренность не собьютъ съ толку общества, достаточно вооруженнаго для борьбы съ ними. Подтверженіе этому кн. Одоевскій находилъ въ той долѣ свободы, которая была предоставлена Русской печати съ началомъ реформъ нынѣшняго царствованія и благодаря которой наши журналы могли не только подготовить общество къ разумному воспріятію этихъ реформъ, но и установить почву для дальнѣйшихъ преобразованій. Эта важная, можно сказать государственная заслуга, принадлежащая Русской прессѣ, неизмѣримо превышала, по мнѣнію кн. Одоевскаго, всѣ ея слабыя стороны, ея промахи и увлеченія.

Придавая такое высокое значеніе прессѣ, кн. Одоевскій, какъ мы сказали, сочувственно отнесся къ дарованію ей нѣкоторыхъ льготъ въ 1865 г., но онъ не одобрялъ системы „предостереженій“, заимствованной изъ вовсе чуждой намъ обстановки Наполеоновскаго режима и, вѣруя въ справедливость и безпристрастіе новаго суда, полагалъ, что этотъ судъ надежнѣе администраціи могъ бы гарантировать насъ отъ дѣйствительныхъ злоупотребленій печатнымъ словомъ.

Судебный приговоръ, законнымъ образомъ мотивированный и гласно произнесенный послѣ всѣхъ результатовъ состязательнаго процесса, произнесенный притомъ лицами, несмѣняемость которыхъ служить порукою ихъ нравственной независимости, — такой приговоръ, быть можетъ окажется въ иныхъ случаяхъ снисходительнѣе административной кары, но за то всегда будетъ дѣйствительнѣе и правомѣрнѣе, а также и авторитетнѣе въ глазахъ общества. Съ судебными рѣшеніями легче было бы сообразоваться и прессѣ, которая нашла бы въ нихъ и законный просторъ, и твердо поставленныя ограниченія для своей дѣятельности. Только въ этомъ ясно-очерченномъ кругѣ и можетъ развиваться печать, какъ полезная общественная сила; только подъ охраною закона можетъ она цѣлѣ и крѣпнуть какъ со стороны внутренняго содержанія, такъ и матеріальнаго положенія, которое тоже представляетъ немаловажный интересъ. На изданіе, напримѣръ, ежедневной газеты или большаго литературно-политическаго журнала затрачиваются очень крупныя денежныя средства, жертвуется иногда все состояніе издателя; а потому коренная справедливость требуетъ оградить издательскую собственность, по крайней мѣрѣ не менѣе, чѣмъ всякое другое имущество, правильно приобрѣтенное или наслѣдованное законнымъ порядкомъ.

Я живо помню, какъ въ одинъ изъ моихъ пріѣздовъ въ Москву, вскорѣ по введеніи новаго устава по дѣламъ печати, князь Одоевскій, окончивъ обѣдъ у себя, въ обществѣ Н. А. Милютина, С. А. Соболевскаго, Н. П. Колюбакина ¹⁾ и другихъ лицъ, завелъ одушевленную бесѣду о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя принесетъ съ собою новый уставъ для развитія Русской публицистики. Поддерживая этотъ разговоръ, Н. А. Милютинъ замѣтилъ, между прочимъ, что административныя предостереженія, голословно даваемыя за „вредныя“ статьи, не только не убавятъ ихъ вредности, но послужатъ какъ бы ука-

¹⁾ Николай Петровичъ Колюбакинъ (бывшій кутанскій генералъ-губернаторъ, а потомъ сенаторъ въ Москвѣ) принадлежалъ въ это время къ числу ближайшихъ друзей и постоянныхъ посѣтителей кн. Одоевскаго. Г. Тимирязевъ такъ рассказываетъ о ихъ сближеніи: „На первыхъ порахъ воинственная осанка Колюбакина, его громкій голосъ, рѣзкія манеры и подчасъ слишкомъ мѣткія и откровенныя искры его нестоимаго юмора, производили въ некоторый диссонансъ съ обычнымъ серьезнымъ и мирнымъ настроеніемъ этого кружка, и женственно-нѣжная натура хозяйки тревожно прислушивалась къ этому своеобразному явленію и нѣсколько озадачивалась этими выходками. Но вскорѣ дѣйствія столь различныя по складу и темпераменту, но столь родственныя по духу личности вполне уразумѣли другъ друга, и тихій, одобрительно-доброжелательный смѣхъ кн. Одоевскаго раздавался первымъ при малѣйшей удачной юмористической всплывкѣ нашего нестоимаго генерала“. Княгиня Ольга Степановна Одоевская, умѣвшая очень тонко оцѣнивать знакомыхъ своего мужа, говорила о Колюбакинѣ: „c'est un homme de coeur et d'honneur“. Биографическія свѣдѣнія объ этой замѣчательной, рыцарски-благородной личности можно найти въ „Русскомъ Архивѣ“ 1874 г., № 11, а также въ статьѣ гр. Соллогуба, напечатанной въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1868 г., вскорѣ по смерти Колюбакина († 15 окт. 1868 г.).

зательнымъ перстомъ для публики, которая уже навѣрное прочтетъ ихъ послѣ предостереженія, а пожалуй и слѣпо согласится съ мнѣніями авторовъ... Князь Одоевскій прибавлялъ къ этому, что подобный результатъ былъ бы немислимъ, еслибы дѣйствительно-злонамѣренныя, лживыя и безчестныя статьи подвергались судебному преслѣдованію и осуждались только послѣ полного раскрытія этой лжи и злонамѣренности. Что же касается до научныхъ, философскихъ системъ и теорій, то онѣ, по мнѣнію князя Одоевскаго, отнюдь не должны вызывать ни судебного, ни административнаго преслѣдованія, и большою ошибкою было бы со стороны наблюдающей за печатью власти—нарушать такимъ вмѣшательствомъ свободу научныхъ изслѣдованій и философскаго мышленія. Оправданіе судомъ явилось бы въ такихъ случаяхъ необходимымъ коррективомъ противъ административной безтактности и полезнымъ урокомъ для самой власти. Н. А. Милютинъ (котораго Одоевскій глубоко уважалъ, какъ „истинно-государственнаго человѣка“) соглашался вполне съ этими взглядами.

Въ послѣдній разъ В. О. Одоевскій взялся за перо въ концѣ 1866 года, побужденный къ тому появленіемъ поэтическаго эскиза И. С. Тургенева: „Довольно!“ Глубоко уважая литературную дѣятельность знаменитаго писателя, Одоевскій былъ грустно пораженъ его рѣшимостью отказаться навсегда отъ этой дѣятельности, проститься со своимъ вліяніемъ на Русское общество,—и, подъ первымъ впечатлѣніемъ, написалъ „родъ отвѣта“ на поэтическую жалобу Тургенева, раздѣливъ свою статью на коротецкыя главы, соответствующія до нѣкоторой степени главамъ Тургеневскаго эскиза ¹⁾: Самая статья, какъ антитезисъ, носить названіе: „Недовольно“.

Я съ трудомъ воздерживаюсь отъ соблазна перепечатать цѣликомъ этотъ изящный, тонкій, мастерской „отвѣтъ“ стараго мыслителя-поэта новому художнику-романисту: до такой степени рельефно выразилъ Одоевскій, въ этой лебединой пѣснѣ, всѣ лучшія качества своего ума, таланта и своей высоко-нравственной личности. Какъ горячо вступается онъ за права жизни, развитія, за святиню и поэтическую красоту науки! Сколько умственной силы, душевной крѣпости и пламеннаго, неподдѣльнаго патриотизма слышится въ его призывахъ къ научному и житейскому труду на благо родины, а вмѣстѣ съ нею и всего чело-вѣчества!.. Позволю себѣ (и, надѣюсь, читатель не посѣтуетъ на меня)—привести наиболѣе характеристическія мѣста изъ этого, мало кому извѣстнаго, отвѣта.

„Довольно, потому что все извѣдано, потому что „все было, было. повторялось, повторяется тысячу разъ: и соловей, и заря и солнце.

¹⁾ Ст. кн. Одоевскаго помѣщена въ 1-й книгѣ „Весѣды Общества любителей Россійской словесности“. У меня сохраняется отдѣльный оттискъ этой статьи съ надписью: „А. П. П.—скому, на добрую память о призваніи сочинителя. Москва. 1867 г. Іюль“.

Что, еслибы какая чудодѣйственная сила потѣшила художника и, въ угоду уму, ничто бы въ мірѣ не повторялось? Соловей пропѣлъ бы въ послѣдній разъ, солнце не взошло бы завтра, кисть навсегда бы засохла на палитрѣ, порвалась бы послѣдняя струна, замолеъ бы человѣческій голосъ, наука выговорила бы свое послѣднее слово. Что же затѣмъ? Мракъ, холодъ, безконечное безмолвіе и ума, и чувства... О! тогда человѣкъ дѣйствительно получилъ бы право сказать: довольно!—то есть дайте мнѣ опять тепла, свѣта, рѣчи, тѣніа соловья, шелеста листьевъ въ полумракѣ лѣса, дайте мнѣ страданія, дайте просторъ моему духу, развяжите его дѣятельность, хотя бы въ ней была для меня отравя... Словомъ, воссоздайте неизмѣняемость законовъ природы! Пусть снова возникнутъ предо мною неразрѣшимые вопросы, сомнѣнія, пусть солнце будетъ равно отражаться и въ безбрежномъ морѣ, и въ каплѣ росы, повисшей на быліи“...

„Въ самомъ ли дѣлѣ мы когда нибудь старѣемся? Этотъ вопросъ подлежитъ еще большому сомнѣнію. То, что я думалъ, чувствовалъ, любилъ, выстрадалъ вчера, за 20, за 40 лѣтъ, не состарѣлось, не прошло безслѣдно, не умерло, но лишь преобразилось; старая мысль, старое чувство отзывается въ новыхъ чувствахъ; на мое новое слово, какъ сквозъ призму, ложится разноцвѣтный отгѣнокъ былаго... Правда, послѣ дня настаеъ ночь, послѣ борьбы усталость. Какъ мягка, какъ отрадна эта метафизическая постель, которую мы стелемъ себѣ, собираясь на покой! какъ привольно протянуться на ней, убаюкивая себя мечтами о тичетѣ человѣческой жизни, о томъ; что все своротечно, что все должно когда нибудь кончиться: и силы ума, и дѣятельность любви, и чувство истины,—все, все, и біеніе сердца, и наслажденіе искусствомъ, природою; что всему конецъ—могила. Не все ли равно—немного позже, немного раньше? Эти минуты сторожить злѣйшій изъ враговъ человѣка, хитрѣйшій изъ льстецовъ: духовная лѣнь. „Зачѣмъ же и вставать съ постели?“ говоритъ она намъ, и очень логично... „Пусть тамъ встаетъ солнце, если ему такъ хочется, что тебѣ нужды до него?.. Посмотри, на что оно похоже, посмотри, какъ оно безнравственно-равнодушно! Оно свѣтитъ сегодня, какъ вчера, и добруму и злему, грѣетъ и горлинку, и тигра, улыбается и матери съ младенцемъ, и звѣроподобной битвѣ; сними же съ него поэтическую личину, погрузись, подобно солнцу, въ созерцательное равнодушіе, отъ него одинъ шагъ къ полному, нетревожному бездѣйствію“... И злой духъ много напѣваетъ намъ такихъ тѣсенъ. Но, къ счастью, противъ злаго духа возстаеъ нашъ ангельскій хранитель: любовь! Любовь всеобъемлющая, всечующая, всепрощающая, ищущая дѣланія, ищущая всезнанія, какъ подготовки къ своему дѣланію“...

„Прочь уныніе! прочь метафизическія пеленки! не одинъ я въ мірѣ и не безответенъ я предъ моими собратіями — кто бы они ни были: другъ, товарищъ, любимая женщина, соплеменникъ, человѣкъ-

съ другаго полушарія. То, что я творю, волею или неволею, приѣмлетъ ими; не умираетъ сотворенное мною, но живетъ въ другихъ жизнью безконечною. Мысль, которую я посѣлалъ сегодня, взойдетъ завтра, черезъ годъ, черезъ тысячу лѣтъ; я привелъ въ колебаніе одну струну; оно не исчезнетъ, но отзовется въ другихъ струнахъ... Моя жизнь связана съ жизнью моихъ прапрадѣдовъ; мое потомство связано съ моею жизнью. Неужели что либо человѣческое можетъ быть мнѣ чуждо? Всѣ мы—круговая порука. Архимедовыми вычисленіями движутся смѣлыя механизмы нашего вѣка; мысль моего сосѣда, ученаго, переносится электрическимъ токомъ въ другое полушаріе; Пизагоръ измѣрялъ струны и вычислялъ созвучія для Себастьяна Баха; Бахъ работалъ для Моцарта и Бетховена; Бетховенъ для новыхъ дѣателей гармоніи. Солнечный лучъ, призванный вчерашнею наукою къ отвѣту о составѣ солнца, готовить новый міръ знаній для будущаго человѣчества, міръ нами неугадываемый; но мы теперь на каждомъ шагѣ уже можемъ прочувствовать то высокое наслажденіе, которое ощутятъ наши дальніе потомки, благодаря нашимъ трудамъ. Похорони мы эти труды въ могилѣ сознательнаго бездѣйствія, мы похоронимъ и дѣятельность, и наслажденія нашихъ будущихъ собратьевъ... Имѣемъ ли мы право на такое смертоубійство?“

„Какъ въ мірѣ науки, такъ и въ мірѣ чувства (какое бы оно ни было: сознательное или безсознательное) минуты любви, вдохновенія, слово науки, даже просто доброе дѣло не покидаютъ насъ и среди самой горькой душевной тревоги, но свѣтлою полоскою ложатся между нашихъ мрачныхъ мечтаній! Благословимъ эти минуты, а не проклянемъ; онѣ не только были, онѣ намъ присущи; онѣ живутъ въ самомъ нашемъ отрицаніи.“

„... Предположимъ невозможное: метафизики и схоластики добились до того, что всякая новая мысль, всякое ученое открытіе, всякое художественное произведеніе преслѣдуются, какъ уголовное преступленіе; новые инквизиторы жгутъ Гусса, терзаютъ Галилея, изгоняютъ Данта. Безусловный нигилизмъ торжествуетъ. Что же дѣлать? Можетъ быть; возвратятся свинцовые вѣка, можетъ быть на время порвется нить, долженствовавшая связать будущаго Гиппарха съ будущимъ Ньютономъ, Пизагора съ Эйлеромъ, Шекспира съ Гете, но не надолго; живая электрическая сила соединитъ порванные концы — и законъ природы возьметъ свое. Мѣшайте росту растенія—оно все таки вырастетъ, хоть искривленное и больное; срѣжьте—пойдетъ отъ корня; вырвите съ корнемъ — появится другое и осѣменитъ заустѣлую почву.“

„... Наукою раздвинулась область фантазій, и матеріалъ поэзій приумножился такимъ богатствомъ, какое не могло и войти въ голову Юпитера, хотя бы въ ней сидѣла Минерва. Какъ блѣдны и ничтожны всѣ декорачіи Фебовой колесницы съ ея Аврорами хоть напр. предъ страницей Гумбольдта, гдѣ говорится о солнечныхъ системахъ, не-

сущихся въ пространствѣ, какъ пыль, гонимая вѣтромъ! Что значить движеніе бровей Зевса передъ Гершелемъ, когда онъ, по его собственному живописному выраженію, вычерпывалъ звѣздныя пространства и достигалъ до звѣздъ, отъ которыхъ самый свѣтъ, на землѣ не подчиняющійся времени, доходить до насъ въ теченіе столѣтій, тысячелѣтій, такъ что звѣзда погасла тому уже сто, тысячу лѣтъ, а мы еще ее видимъ... Кто же виновать, если поэты не добываютъ своихъ сокровищъ изъ новыхъ рудниковъ?.. Мы не видимъ еще и приступа къ этой новой художественной дѣятельности. Слѣдовательно, нечего пока печалиться о Гомерахъ и Софоклахъ. Поэзія еще впереди— и въ ея мірѣ нѣтъ для насъ права на отдыхъ и успокоеніе... Недовольно! Недовольно!“

„Еще разъ— не погибаетъ ничто, ни въ дѣлѣ науки, ни въ дѣлѣ искусства; проходятъ, сокрушаются временемъ ихъ вещественныя проявленія, но духъ ихъ живетъ и множится. Правда, не безъ борьбы достается ему эта жизнь, но самая эта борьба, записанная исторіею, есть для насъ назиданіе и одобреніе... Наука выросла въ борьбѣ и даже посредствомъ борьбы. Развѣтвленіе идей—какъ развѣтвленіе растений. Возлѣ здоровыхъ листьевъ есть какъ будто больные; возлѣ цвѣтка лиліи есть прицвѣтникъ—пожелтѣвшій свертокъ, который хотѣлось бы сорвать и бросить; предъ появленіемъ плода вянуть красивые лепестки, но эти, повидимому, ненужные придатки, эти какъ будто бы уклоненія природы суть охрана развитія“...

Далѣе, на двухъ-трехъ блестящихъ страницахъ Одоевскій набрасываетъ крупными штрихами исторію научнаго прогресса и разрѣшаетъ вопросъ: виновна ли наука въ человѣческихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ? „Будетъ время—говоритъ онъ,—когда силы ума и тѣла не будутъ тратиться на взаимоистребленіе, но на взаимосохраненіе; данныя, выработанныя наукою, проникнуть во всѣ слои общества“...

Въ послѣднихъ главахъ своего „отвѣта“ князь Одоевскій обращается специально къ нашему отечеству, на служеніе которому онъ самоотверженно принесъ всѣ свои силы, всѣ помыслы и желанія.

...„Оставимъ космополитическую сферу и приложимъ нашу мысль къ тому, что намъ ближе, къ дорогой намъ всѣмъ Россіи. Скажемъ ли мы ей слово: довольно! Можетъ ли выговориться это слово теперь, когда совершаются дѣла такого порядка, что мы, современники, не въ силахъ даже измѣрить ихъ величія... Говорить ли, что съ 19 февраля 1861 г. Россія пережила по крайней мѣрѣ два вѣка. Кто этого не чувствуетъ? Всѣ силы ея подвинулись: напряжены всѣ мышцы ея могучаго организма; новая, свѣжая кровь струится въ его жилахъ; стройно дышетъ онъ вольнымъ дыханіемъ жизни. Наука, правда, у насъ развивается медленно, но все шире и шире; поселянинъ, отдохнувшій отъ барщины, начинаетъ въ свободномъ трудѣ сознать самого себя, понимать свое невѣдѣніе и необходимость изъ него выйти. Земство, какъ бы ни были трудны первые шаги его, начинаетъ про-

являть свою самобытность и прилагать здравый смысл русскаго чловѣка къ многоразличнымъ условіямъ общественнаго быта, осложненнаго вѣковыми недоразумѣніями. Наконецъ гласнымъ, независимымъ судомъ образуется опора не только для внутренняго и внѣшняго довѣрія, но и училище нравственности, всѣмъ доступное, всѣми чтимое“.

„... Но солнце не безъ пятенъ и въ семьѣ не безъ уroda... Вокругъ великаго дѣла, свершающагося въ Россіи, стоятъ Митрофанушки, Простаковы, Скотинины; съ досаднымъ изумленіемъ смотрятъ они на тружениковъ и думаютъ думу крѣпкую... Было бы ошибочно предполагать, что Простаковы и Скотинины вымерли и духа ихъ не стало—они всѣ живехоньки, только умылись и принарядились. Митрофанушка съѣздилъ въ Парижъ, воротился въ пиджагѣ и гнѣвается на мировыхъ, что заставляютъ его платить долги портному; Простакова, по прежнему, „мастерица толковать законы“, за то она въ кринолинѣ и съ великолѣпнымъ шиньономъ; Скотининъ натянулъ макинтошъ и жестоко обижается внесеніемъ своего имени въ списокъ присяжныхъ; Вральманъ развиваетъ по Гегелю теорію олигархическаго нигилизма,—но они все тѣ же; тѣ же въ нихъ полубарскія затѣи и тѣ же разсужденія и поползновенія; они все ждутъ, поджидаютъ (а въ сторонкѣ и Правдинъ), ждутъ... новаго Фонъ-Визина; ждутъ того, кто мимоходомъ, на завтрагѣ у предводителя, но такъ вѣрно подмѣтилъ разные виды нашего феодальнаго безобразія. Какое безграничное поле для комика!—неужели онъ скажетъ: довольно!“

До послѣдняго дня своей жизни, до самаго, можно сказать, предсмертнаго вздоха, кн. Одоевскій продолжалъ горячо интересоваться литературой, наукою и общественной дѣятельностью. Недѣли за двѣ передъ кончиною онъ хлопоталъ объ устройствѣ концерта въ пользу Славянскаго Комитета и самъ ѣздилъ на репетиціи; въ послѣднее воскресенье онъ былъ утромъ на публичной лекціи по физикѣ, а вечеромъ прослушалъ еще лекцію г. Безсонова о русскихъ пѣсняхъ, но почувствовалъ себя утомленнымъ. Воротаясь домой, проспалъ онъ долго. На другой день появились первые признаки болѣзненнаго разстройства (воспаленіе мозга), но еще не замѣтно было никакой опасности. „Во вторникъ и среду онъ бесѣдовалъ о любимомъ своемъ предметѣ, духовной музыкѣ“, рассказываетъ г. Погодинъ. „Икота возобновлялась. Онъ обратился по обыкновенію къ медицинскому словарю, прочелъ статью объ этой болѣзни, легъ спать спокойно. Ночью вдругъ сдѣлался бредъ; послышалось какое-то разсужденіе о музыкѣ; поутру въ четвергъ стало хуже, онъ не приходилъ въ память и въ 4 часа пополудни, 27-го февраля (1869 г.) скончался“.

Такъ мирно, тихо окончилась, тѣчно оборвалась на полусловѣ, эта святая, труженическая жизнь, достойная вѣковѣчной памяти въ лѣтописяхъ Русскаго народа и общества,—какъ лучшее выраженіе завѣтныхъ думъ и стремленій своего періода, какъ достойный пригѣръ грядущимъ поколѣніямъ...

А. Пятковскій.

АДАМЪ МИЦКЕВИЧЪ ВЪ РОССИИ.

НАСТОЯЩАЯ статья составлена по воспоминаніямъ о Мицкевичѣ, которыя мнѣ пришлось встрѣчать въ литературахъ Русской и Польской. Кромѣ того, я пользовался перепискою поэта съ друзьями и путевыми письмами А. Э. Одынца, — друга и спутника Мицкевича, во время ихъ путешествія отъ Петербурга до Женевы — изданными въ четырехъ томахъ въ Варшавѣ въ 1875—1878 годахъ.

Мицкевичъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ Польской исторіи и безспорно составляетъ отрадное явленіе въ исторической жизни народовъ Славянскаго племени. Къ нему сочувственно отнеслись лучшіе умы Славянскаго міра, его съ напряженнымъ вниманіемъ и любопытствомъ встрѣчали высшіе умы народовъ Западной Европы, какъ новое явленіе, ярко освѣтившее умственный горизонтъ народовъ сѣверо-восточныхъ, казавшійся Западу погруженнымъ въ застой и мракъ. Личность поэта и его дѣятельность заслуживаютъ полного вниманія; но при всемъ томъ въ моей статьѣ читатель не найдетъ ни біографіи Мицкевича въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ни надлежащей оцѣнки значенія и достоинствъ его произведеній. Я желалъ лишь перенести читателя въ среду, въ которой воспитывался и вращался поэтъ въ лучшій періодъ его жизни, при взаимномъ обмѣнѣ мыслей, чувствъ и воспоминаній.

Періодъ жизни Мицкевича, начавшійся въ стѣнахъ родительскаго дома, школы и университета и оканчивающійся 1829 годомъ, въ которомъ Мицкевичъ навсегда оставилъ Россію и родину, обнимаетъ тридцать лѣтъ жизни поэта и представляетъ, такъ сказать, два момента, которые тѣсно связаны съ мѣстомъ его жительства. Центромъ дѣятельности въ первый моментъ его жизни была—Литва; второю—Москва и Петербургъ.

I.

Л и т в а.

Въ эпоху молодости Мицкевича центрами умственной жизни Польскаго народа были: Кременецкій лицей, Львовъ, Краковъ, Познань, Варшава и Вильно; для нашей цѣли достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ о дѣятельности Виленскаго университета, въ которомъ окончилъ свое образованіе Мицкевичъ; но для полноты картины нельзя не коснуться эпохи дѣтства поэта, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ.

Родъ Мицкевичей искони принадлежалъ къ домовитой, осѣдлой шляхтѣ, среди которой хранились народныя вѣрованія, преданія и всѣ черты народнаго характера и быта. Адамъ Мицкевичъ родился 24-го декабря 1789 года и былъ четвертымъ и любимымъ сыномъ своихъ родителей, владѣвшихъ небольшою деревней Осовцы, въ Новогрудскомъ уѣздѣ, Минской губерніи. Изъ трехъ его братьевъ старшій явился на свѣтъ съ физическими недостатками и жилъ постоянно въ отцовскомъ домѣ, а потомъ за границей; второй служилъ военнымъ медикомъ и погибъ во время Турецкой войны въ 1829 г., третій, Александръ, былъ профессоромъ римскаго права въ Харьковскомъ университетѣ, выслужилъ пенсію и поселился въ родовой усадьбѣ въ Литвѣ; если вѣрить слухамъ, то домъ его и все имущество были разграблены повстанцами шестидесятыхъ годовъ за отказъ въ сочувствіи къ ихъ дѣлу.

По словамъ Войцицкаго, написавшаго очеркъ жизни Мицкевича, отецъ поэта былъ человекъ съ поэтическимъ настроеніемъ, пописывалъ стихи и увлекался поэтическими произведеніями Кокановскаго. Образъ жизни этой категоріи людей въ Литвѣ переноситъ насъ во времена патриархальныя; Игнатій Ходзько вѣрно очертилъ эту жизнь въ разсказѣ „Домикъ моего дѣдушки“¹⁾. Самъ Мицкевичъ, живя въ Парижѣ, любилъ, уединившись отъ столичнаго шума, переноситься мыслію въ родной домъ.

„Переношусь мыслію, говоритъ онъ, въ родной домъ и въ гѣта моего дѣтства; оно рисуется мнѣ свѣтлымъ и чистымъ, какъ первая любовь; его не омрачаютъ воспоминанія о заблужденіяхъ, порокахъ, обманутыхъ надеждахъ и роковыхъ переворотахъ; въ это блаженное время рѣдко приходилось плакать и никогда роптать или терзаться.

„Кто-же окружалъ меня въ это время? Любящая мать, братья, родные и добрые сосѣди. Если кого либо изъ нихъ постигало несчастье или смерть, о! какъ долго о немъ плакали и вспоминали. Въ странѣ, въ которой прошло мое дѣтство, слуга былъ сильнѣе прива-

¹⁾ См. № 1 „Историческаго Вѣстника“.

занъ къ своему господину, нежели здѣсь жена къ своему мужу; тамъ воинъ долѣе тосковалъ о потерѣ своего оружія, нежели здѣсь сынъ послѣ потери отца; искреннѣе и долѣе горевали о гибели вѣрнаго пса, нежели здѣсь горюють надъ гробомъ героя. Бывало, въ праздничный лѣтній день вся челядь, усѣвшись на траву, освѣщенную тѣнистою липою, слушала пѣсни о Юстинѣ, или повѣсть о Всеславѣ, а въ ненастные дни члены семьи, усѣвшись въ комнатѣ вокругъ стола, внимали поучительному чтенію и нерѣдко самъ экономъ, а не то и самъ домохозяинъ, прислушивался къ чтенію и принимался объяснять болѣе трудныя мѣста“.

Нѣтъ поводовъ сомнѣваться въ любви Мицкевича къ своему отцу; но нельзя не замѣтить, что во всѣхъ произведеніяхъ поэта мы не встрѣчаемъ ни одного стиха, обращеннаго непосредственно къ отцу; но за то онъ весьма часто обращается къ своей матери. По словамъ Войцיצкаго, мать Мицкевича была женщиной, выходящей изъ круга обыкновенныхъ женщинъ; быть можетъ, что высокія качества ея ума и сердца глубоко врѣзались въ сердце сына и онъ постоянно говорить о ней съ чувствомъ глубокой любви и преданности. Въ первыхъ стихахъ первой пѣсни поэмы „Панъ Тадеушъ“ Мицкевичъ вспоминаетъ о своей матери и описываетъ слѣдующій случай изъ своего дѣтства: его постигла тяжелая болѣзнь; мать, обливая слезами безжизненное лицо сына, молилась о спасеніи его. „Ея слезы, молитвы и обѣты, говоритъ поэтъ, умилоствовали небо; я вдругъ открылъ закатившіяся уже глаза, сталъ на ноги и отправился къ чудотворному образу Божіей Матери, чтобы благодарить Бога за чудесное исцѣленіе“. Въ одномъ мѣстѣ III части своей поэмы „Праотцы“ Мицкевичъ представляетъ себя пришельцемъ съ того свѣта подъ именемъ Густава. Воскресшій мертвецъ Упырь является въ домъ бывшаго своего учителя и между прочимъ говоритъ:

„Недавно я посѣтилъ домъ моей покойной матери; трудно было узнать его, такъ все тамъ измѣнилось: куда ни взглянешь—вездѣ видишь однѣ развалины, пустыри и раззореніе; изъ забора вырваны колья, съ пола сняты плиты, дворъ заросъ полынью и покрылся изсохшими кустарниками; повсюду царствуетъ могильная тишина; изъ многочисленныхъ слугъ, домочадцевъ и друзей, уцѣлѣло одно живое существо—домашняя собака, нѣкогда любимецъ всей семьи; она одна сторожила раззоренный и опустѣлый домъ; вѣрный песь узналъ меня, бѣжитъ ко мнѣ, воетъ, лижетъ руки, и у ногъ моихъ издыхаетъ, а въ домѣ воръ уничтожаетъ топоромъ послѣдніе признаки прошедшей жизни. Я схватилъ его за горло, сдвинулъ и глаза его выскочили изъ орбитъ.

„О! другой приемъ встрѣчалъ я въ этомъ мѣстѣ, когда послѣ кратковременной разлуки возвращался въ домъ моей матери; всѣ спѣшили ко мнѣ на встрѣчу; за чертою усадьбы встрѣчала челядь и прислуга, на дворѣ братья, сестры, сверстники и товарищи, оглушавъ

окрестность радостнымъ крикомъ: „Густавъ! Густавъ!“ Одни задерживаютъ лошадей, садятся въ экипажъ, другіе спѣшатъ къ матери моей, чтобы извѣстить ее о моемъ прїѣздѣ; она стоитъ уже на порогѣ дома, надѣляетъ вѣстниковъ пирогами, а сама ждетъ меня съ благословеніемъ и молитвою“.

Прошли дѣтскіе годы; родители отдали Адама въ новогрудскую школу отцовъ доминикановъ.

Судя по состоянію школъ въ то, и даже въ послѣдующее время, трудно предположить, чтобы методъ преподаванія наукъ въ тогдашнихъ школахъ имѣлъ благотворное вліяніе на умственное развитіе учащейся молодежи; болѣе успѣшно преподавались: Латинскій языкъ, математика и науки естественныя; весьма плохо науки политическія и словесность. Приведемъ въ подтвержденіе этого случай изъ жизни Мицкевича во время его путешествія по Германіи. Изъ города Гофъ въ Баваріи путешественники направились въ Веймаръ; зашелъ разговоръ, какъ ближе направить путь изъ Веймара въ Италію: на Вѣну или на Франкфуртъ на Майнѣ? Мицкевичъ и его спутникъ въ умѣ не могли себѣ представить мѣстоположенія этого города; пришлось прибѣгнуть къ помѣщенной при гидѣ картѣ, которая была испещрена массою надписей самаго мелкаго штрифта; начались поиски Франкфурта и оказалось, что оба прїятеля не знаютъ даже приблизительно, въ какой мѣстности лежитъ Франкфуртъ и Майнѣ; послѣ долгихъ поисковъ Мицкевичу наконецъ удалось отыскать Франкфуртъ. По этому поводу прїятеля начали вспоминать о школьной жизни и высказали слѣдующее: „всѣ школы, которыя находились въ рукахъ духовенства, удивительно похожи были одна на другую по духу и методу преподаванія наукъ: географія преподавалась плохо; карта висѣла для вида и ученики зазубривали названія городовъ и рѣкъ наизусть“.

Также плохо шло преподаваніе исторіи; даже въ позднѣйшее время переведена была съ Русскаго языка на Польскій „Исторія Кайданова“, какъ лучшій учебникъ для школъ. Болѣе успѣшно преподавались, какъ мы уже сказали, Латинскій языкъ, математика и науки естественныя; изъ нихъ Мицкевичъ особенно пристрастился къ химіи. Живя въ домѣ, гдѣ помѣщалась аптека, онъ подъ руководствомъ учителя естественныхъ наукъ дѣлалъ разные химическіе опыты. Школьные занятія Мицкевича прерваны были политическими событіями 1812 года. Школы были закрыты, и тринадцатилѣтній Мицкевичъ возвратился домой. Онъ нашелъ у родителей временно проживавшаго у нихъ легіонера, или, какъ ихъ тогда называли, варуса, т. е. челоуѣка вѣроу, душоу и тѣломъ преданнаго долгу службы.

Это былъ типъ стараго поляка, вступившаго въ польскіе легіоны подъ знамена Наполеона, въ надеждѣ воскресить погибшее отечество. Юноша всю душоу привязался къ воину, который, по словамъ пѣсни легіонеровъ того времени, мечтая спасти свою родину, проли-

валъ кровь за чуждое ему дѣло на поляхъ Италіи и въ ущельяхъ Пиренейскаго полуострова. Съ устъ легіонера, встати и не встати, постоянно срывалось имя императора, и въ рѣшительныя минуты онъ клялся какъ божествомъ, именемъ великаго Наполеона. Эта слѣпая вѣра въ человѣка, державшаго въ рукахъ своихъ судьбу народовъ, проникла въ сердце юноши, и онъ поступилъ въ польскій легіонъ; но прослужилъ въ немъ не долго, успѣвъ однакоже принять участіе въ нѣсколькихъ схваткахъ съ русскими передовыми постами.

Въ 1815 году, Мицкевичъ, окончивъ школу, поступилъ въ Виленскій университетъ по физико-математическому факультету, слѣдуя въ этомъ случаѣ не столько внутреннему призванію, сколько хорошей подготовкѣ въ этихъ наукахъ въ школѣ. Естественно, что молодой человѣкъ съ поэтическимъ настроеніемъ не могъ долго оставаться на этомъ факультетѣ и скоро перешелъ на словесный, отличавшійся блестящимъ составомъ профессоровъ. Склонность Мицкевича къ поэзій обнаружилась еще въ школѣ; на школьной скамейкѣ онъ перекладывалъ въ стихи поэму Флоріана „Нума Помпилій“ и описалъ стихами пожаръ, случившійся въ Новогрудѣ. Мицкевичу при поступленіи въ университетъ исполнилось 17 лѣтъ, и онъ съ жаромъ, свойственнымъ даровитому юношѣ, предался изученію наукъ словесныхъ, но навсегда сохранилъ любовь къ естествовѣдѣнію, которая проглядываетъ въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ; въ этомъ отношеніи Мицкевичъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ Гете. Здѣсь встаетъ будетъ сказать нѣсколько словъ о Виленскомъ университетѣ, который безспорно оказалъ вліяніе на умственное развитіе поэта.

Виленскій университетъ былъ тогда центромъ научной дѣятельности новаго направленія въ наукѣ и поэзіи. Когда въ другихъ высшихъ заведеніяхъ страны профессора слѣдовали искони сложившемуся направленію въ разработкѣ наукъ и искусствъ, въ Виленскомъ университетѣ наука освобождалась отъ оковъ схоластики, поэзія отъ правилъ псевдо-классической школы. Въ Вильнѣ обнаружилось движеніе, извѣстное подъ именемъ романтизма, понимаемое не только, какъ стремленіе къ преобразованію правилъ для формъ поэтическихъ произведеній, созданныхъ псевдо-классическою школою, но какъ стремленіе къ изученію народности и къ достиженію народнаго самосознанія. Романтическая школа прежде всего обратилась къ изученію народныхъ вѣрованій и преданій и народнаго міросозерцанія; введеніе на сцену въ первыхъ поэтическихъ попыткахъ романтиковъ духовъ, легендъ вѣрованій, такъ сильно напугавшихъ классиковъ и критиковъ, было только первымъ шагомъ къ изученію народности и созданію народной самостоятельной литературы.

Профессоръ Греческой и Римской литературы въ Виленскомъ университетѣ, Эрнестъ Гроддекъ, человѣкъ обширной учености, развившій свой эстетическій вкусъ на изученіи памятниковъ классическихъ литературъ, указывалъ своимъ слушателямъ на истинный смыслъ и

значение литературъ древнихъ народовъ; въ своихъ лекціяхъ, ученыхъ сочиненіяхъ и литературныхъ статьяхъ Гроддекъ постоянно проводилъ мысль, что Греческая и Римская литературы были вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительной жизни народа, что жизнь и искусство находились въ тѣсной связи между собою и что древніе поэты вышли изъ народа и были лучшими представителями его мысли, чувствъ и понятій: „Великій поэтъ, говорилъ почтенный профессоръ, есть олицетворенный разумъ своего вѣка, своего народа“.

Этотъ взглядъ на литературу усвоили себѣ слушатели профессора, и эта мысль сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ новой школы, лучшимъ представителемъ которой явился впоследствии Мицкевичъ въ своей эпической поэмѣ „Панъ Тадеушъ“.

Профессоръ Польской литературы, Левъ Боровскій, человекъ съ тонкимъ эстетическимъ чувствомъ, съ основательнымъ классическимъ образованіемъ, направлялъ молодые умы къ изученію памятниковъ древней Польской литературы и писателей XVI вѣка, какъ Кохановскій, конца XVIII вѣка, какъ Красицкій, Вороничъ и др. Боровскій знакомилъ молодое поколѣніе съ лучшими произведеніями всеобщей литературы черезъ переводы Люкреція, Момера, Сервантеса, Милтона и Байрона.

Профессоръ исторіи, Іоакимъ Лелевель, въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ по всеобщей и отечественной исторіи знакомилъ молодое поколѣніе съ критическимъ методомъ въ разработкѣ историческихъ памятниковъ и представлялъ въ лекціяхъ не сухой перечень фактовъ и именъ, но раскрывалъ картину судебъ прошедшей жизни народовъ, развивалъ въ слушателяхъ историческій смыслъ и живое сочувствіе къ судьбѣ человека, народа и всего человѣчества. Его сжатый, лишенный цвѣтистости и риторическихъ фразъ, слогъ, приучалъ слушателей къ простотѣ изложенія и убивалъ ту цвѣтистость и любовь къ риторикѣ, которая вѣлалась въ поэтическія и прозаическія произведенія Польской литературы.

Братья Иванъ и Андрей Снядецкіе съ успѣхомъ знакомили студентовъ съ науками естественными и математическими. Труды ихъ обогатили Польскую литературу прекрасными учебниками и капитальными сочиненіями изъ области естествовѣдѣнія и математики.

Нѣкто Казиміръ Контрымъ, занимавшій административную должность при университетѣ, при участіи Андрея Снядецаго и другихъ профессоровъ университета и бывшихъ его воспитанниковъ, началъ издавать юмористическую газету „Вѣсти съ мостовой“ (Wukowe wiadomości). Летучіе листки съ чисто народнымъ юморомъ осмѣивали общественные недостатки и пороки, ѣдкимъ сарказмомъ поражали барскую сиѣсь и старались обратить вниманіе на бѣдственное положеніе крѣпостныхъ людей. Успѣхъ газеты былъ громадный, ея листки залетали въ самыя глухія мѣста литовскихъ провинцій, ея остроты, анекдоты и сатиры читались и заучивались наизусть.

Новое направленіе общественнаго мнѣнія ясно обнаружилось въ 1817 году на губернскихъ сеймикахъ въ Вильнѣ. Сѣздъ состоялъ изъ 10-ти представителей отъ каждаго уѣзда. На одномъ изъ засѣданій внесенъ былъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но при большинствѣ одобрительныхъ голосовъ раздалось въ залѣ и старинное польское veto; сеймикъ пріостановилъ свои дальнѣйшія засѣданія, но проектъ дворянъ достигъ до престола. Императоръ Александръ I благосклонно отнесся къ большинству и потребовалъ, чтобы каждый уѣздный предводитель отобралъ поименно голоса отъ всѣхъ дворянъ уѣзда. Результатъ былъ слѣдующій: изъ 1549 голосовъ 1469 были за освобожденіе крестьянъ и лишь 80 остальныхъ за крѣпостное право.

Вокругъ профессорскихъ кафедръ группировалась молодежь, съ жадностію внимая истинамъ, сбрасывавшимъ съ поэзіи и наукъ оковы схоластики и псевдо-классицизма. Студенты университета составили кружки съ руководящими правилами. Къ несчастію, кружокъ кромѣ научныхъ и нравственныхъ цѣлей, задался и политическими, что впоследствии сдѣлалось причиною закрытія университета.

Оставивъ политическую сторону дѣятельности кружка въ сторонѣ, обратимъ вниманіе лишь на его научную и нравственную дѣятельность. Прежде всего скажемъ о теоретической сторонѣ дѣла.

Мицкевичъ, бывши еще студентомъ университета, съ своими друзьями и товарищами составилъ кодексъ правилъ какъ относительно собственнаго самоусовершенствованія, такъ и для назиданія другихъ, младшихъ собратій. Правила эти гласили слѣдующее:

„Каждое утро подумай, что ты еще молодъ и потому есть еще время для пріобрѣтенія знанія и нравственнаго самоусовершенствованія; но помни, что время летитъ быстро; кто проспитъ утро лѣтняго времени, тотъ не увидитъ лучшихъ минутъ года; кто проведетъ молодость въ праздности, тотъ не насладится благами жизни. Работай-же и трудись, пока ты молодъ.“

„Если желаешь быть просвѣщеннымъ и ученымъ, прежде всего уясни себѣ, что желаешь изучить и сведи итогъ своихъ знаній; будь увѣренъ, что этимъ однимъ ты сдѣлаешь большой шагъ впередъ.“

„Избранная наука должна соответствовать твоимъ способностямъ и призванію; безъ разумнаго плана въ занятіяхъ не будетъ послѣдовательности и успѣшныхъ результатовъ.“

„Не думай, что, нахватавъ на-лету кое-какихъ свѣдѣній и мыслей изъ словъ другихъ, или прочитавъ съ поспѣшностію нѣсколько книгъ, ты сдѣлаешься уже ученымъ.“

„Что видишь, слышишь, прочитаешь, старайся хорошо обдумать и усвоить такъ, чтобы пріобрѣтенныя свѣдѣнія обратились въ умственную для тебя пищу; схваченныя на-лету свѣдѣнія обременяютъ лишь умъ, какъ наглотанная съ жадностію пища обременитъ лишь желудокъ и не укрѣпитъ, а разстроитъ физическій организмъ человѣка.“

„Каждая наука, равно какъ всякаго рода дѣятельность, не унижаютъ достоинства человѣка.

„Сдержанность во мнѣніяхъ и сужденіяхъ, равно какъ и уваженіе къ мнѣніямъ и убѣжденіямъ другихъ, служатъ несомнѣннымъ признакомъ высокаго ума и развитія.

„Если желаешь преуспѣвать въ добродѣтели, изучай исторію и характеристики великихъ историческихъ дѣятелей на каждомъ поприщѣ жизни. Когда почувствуешь любовь къ родинѣ и ближнему, склонность къ дружбѣ, когда проявится въ тебѣ чувство самосохраненія, тогда будь увѣренъ, что ты сдѣлалъ твердый шагъ на пути нравственнаго самоусовершенствованія.

„Любовь къ родинѣ состоитъ въ любви всѣхъ членовъ общества безъ различія званія и состоянія, въ любви къ народнымъ преданіямъ, родному языку; дружба поддерживается чистосердечіемъ и искренностью; — самосохраненіе состоитъ въ заботливости объ умственномъ усовершенствованіи, въ развитіи и питаніи въ себѣ религіознаго чувства и нравственности, избѣгая разврата, картъ, пьянства, разгула“.

Изъ приведенныхъ здѣсь правилъ кодекса, составленнаго университетскою молодежью, ясно виднѣнъ духъ ее одушевлявшій; но, скажутъ, всѣ правила хороши на бумагѣ, — *verba volant*, говоритъ пословица; посмотримъ теперь на дѣла и отношенія молодыхъ людей этого кружка, когда они вышли въ свѣтъ и явились дѣятелями на поприщѣ жизни.

Начнемъ съ самого Мицкевича. Оставивъ въ сторонѣ поэта, посмотримъ на него, какъ на человѣка и общественнаго дѣятеля. Мицкевичъ былъ учителемъ въ Ковно и профессоромъ въ двухъ университетахъ. О дѣятельности его, какъ учителя, имѣется свидѣтельство начальника школы, что Мицкевичъ отличался точнымъ исполненіемъ своей обязанности, кротостью, любовью и снисходительностью къ своимъ питомцамъ. Какъ оправдалъ онъ довѣріе швейцарцевъ въ званіи профессора, видно изъ слѣдующихъ словъ швейцарской газеты „Курьеръ“: „Долго не выйдетъ изъ нашей памяти эта наука, столь строгая и вмѣстѣ увлекательная, оживленная такою благородною простотою — эта вдохновенная критика и этотъ курсъ Латинской литературы, въ которомъ соединялись всѣ литературы; эти изящныя лекціи, которыя часто были лекціями нравственности, — этотъ выдержанный стиль, носящій на себѣ печать древности; наконецъ этотъ здравый умъ, столь возвышенный, что можно принять его за самое смѣлое воображеніе, и самое воображеніе столь чистое, что оно равнялось высочайшему разуму“.

Изъ писемъ, адресованныхъ Мицкевичу отъ разныхъ лицъ, видно, какъ высоко цѣнили многіе Мицкевича, не говорю какъ поэта, но какъ человѣка. Московскіе и петербургскіе друзья его скоро забыли озлобленіе поэта, снисходительно отнеслись къ злобной рѣчи его, такъ несправедливо оскорбившей Русскій народъ, и одинъ изъ москвичей,

встрѣтившись съ Мицкевичемъ въ Парижѣ, писалъ: „Мы встрѣтились, какъ старые друзья, я не видѣлъ въ немъ озлобленнаго поляка, онъ смотрѣлъ на меня какъ на стариннаго друга и москвича, и мы остались прежними друзьями“.

На одномъ литературномъ обѣдѣ въ Москвѣ, когда имя Мицкевича не позволено было произносить публично, провозглашенъ былъ тостъ „за отсутствующаго поэта“; всѣ поняли этотъ тостъ и исполнили его молча. Когда Французское правительство лишило Мицкевича мѣста профессора, ему протянули руку помощи его московскіе друзья. Хомяковъ собралъ единственно между русскими значительную сумму и когда вручилъ ее своему польскому другу—Адамъ долго оставался безмолвенъ и рыдалъ какъ дитя. Конечно всѣ эти факты говорятъ по преимуществу въ пользу доброты русскаго человѣка, но несомнѣнно и то, что одними поэтическими дарованіями нельзя было приобрѣсть столько любви и расположенія. Байронъ, не смотря на свой поэтический гений, не пользовался ни симпатіею, ни любовью своихъ знакомыхъ. Въ Мицкевичѣ всѣ чтли поэта и любили его какъ человѣка.

Изъ этого же университетскаго кружка вышелъ Игнатій Демейко, другъ и пріятель Мицкевича, выведенный имъ на сцену подъ своимъ именемъ въ поэмѣ „Панъ Тадеушъ“. Демейко былъ ректоромъ и профессоромъ въ университетѣ Сантъ-Яго въ Чили. Ему обязана эта страна организаціею высшихъ и среднихъ училищъ, открытіемъ нѣсколькихъ кафедръ по естествовѣдѣнію, изъ которыхъ нѣкоторыя занималъ самъ ректоръ; онъ ввелъ систему рациональнаго хозяйства и разработку горнаго дѣла. Демейко написалъ нѣсколько ученыхъ и педагогическихъ сочиненій на языкѣ Французскомъ и Испанскомъ. Іосифъ Ковалевскій, бывшій профессоръ Казанскаго и Варшавскаго университетовъ, составилъ грамматику и лексиконъ Манджурскаго языка, издалъ Овидія съ комментаріями, перевелъ сочиненія Геродота и др. Іосифъ Ежескій, учитель древнихъ языковъ въ Московскомъ округѣ, издалъ Горация съ комментаріями; Верниковскій—произведенія Пиндара; Кулаковскій—Аристофана. Петрашевскій изъ надгробныхъ надписей въ Тегеранѣ и изъ языка Зендавесты выводилъ родство древнихъ персовъ съ славянами. Занъ, вдохновленный балладою Жуковскаго, написалъ первую балладу на языкѣ Польскомъ, какъ геологъ и минералогъ содѣйствовалъ усовершенствованію разработки золота въ горахъ Уральскихъ и Алтайскихъ. Іосифъ Ходзько съ вершинъ Арарата измѣрилъ высоту Кавказскихъ горъ; Кербедзь извѣстенъ какъ архитекторъ и инженеръ; Гайдатель осушалъ Пинскія болота и участвовалъ въ устройствѣ порта въ Либавѣ.

Изъ этого кружка вышло много дѣльныхъ медиковъ, изъ которыхъ Русской публикѣ извѣстенъ Мяновскій. Изъ юристовъ, Даниловичъ съ успѣхомъ занималъ кафедры въ университетахъ Харьковскомъ, Московскомъ и Кіевскомъ, участвовалъ въ комиссіи Сперанскаго для изданія свода законовъ и критически разработывалъ русскія лѣтописи.

Словомъ, во всѣхъ отрасляхъ наукъ, на разныхъ ступеняхъ дѣятельности встрѣчаемъ многихъ почтенныхъ дѣятелей, вышедшихъ изъ кружка виленскихъ студентовъ. Нѣкоторые изъ нихъ явились дѣятелями исключительно на русской почвѣ. Это были первые пионеры, которые прокладывали путь сближенія Русскаго общества съ Польскимъ, не словами, а дѣломъ, не газетными статьями и застольными рѣчами, а фактами и жизнью.

Виленскій университетъ воспиталъ цѣлую плеяду поэтовъ и литераторовъ. Изъ нихъ упомянемъ, кромѣ Мицкевича, Корсака, Одынца, Александра и Игнатія Ходзько и наконецъ Крашевскаго, какъ послѣднее звѣно этого цикла польскихъ писателей.

Не касаясь поэтической и литературной дѣятельности этого кружка, посмотримъ на взаимныя отношенія составлявшихъ его лицъ, столь поучительныя для мыслителя, педагога и историка. Во взаимныхъ отношеніяхъ этихъ людей есть что-то высоко-идеальное, платоническое, столь рѣдкое въ мірѣ дѣйствительномъ.

Прежде всего замѣтимъ, что безвѣріе, рационализмъ философіи XVIII вѣка и революціонныя идеи, вовсе не коснулись ни профессоровъ, за исключеніемъ развѣ Лелевеля, ни слушателей Виленскаго университета. Андрей Снядецкій, авторъ теоріи творенія органическихъ существъ, Иванъ Снядецкій, астрономъ и математикъ, были люди въ высшей степени религіозные. Профессора университета и ихъ слушатели противопоставили революціоннымъ движеніямъ и безвѣрію XVIII вѣка глубокую вѣру и любовь къ Богу и ближнему, уваженіе къ обычаямъ предковъ и народнымъ преданіямъ, преслѣдуя въ жизни идеалы нравственныя и духовныя.

Ома Занъ, поэтъ и минералогъ, Иванъ Чечоть, собиратель народныхъ пѣсенъ на Нѣманѣ и Двинѣ, и Пясецкій, ученый юристъ, были руководителями кружка. Подъ ихъ влияніемъ товарищи болѣе богатыя и развитыя дѣлились съ болѣе бѣдными и менѣе развитыми средствами и знаніемъ. Молодежь собиралась для бесѣдъ другъ у друга, или отправлялась въ загородныя гулянья, которыми такъ богаты окрестности Вильны. На этихъ прогулкахъ, гдѣ все угощеніе заключалось въ черномъ хлѣбѣ съ молокомъ, каждый воспѣвалъ даму своего сердца, хотя ее изрѣдка приходилось видѣть лишь въ окнахъ недоступнаго вздыхателю дома, или при выходѣ красавицы изъ костела. Эти пѣсни и увлеченія можетъ быть слишкомъ экзальтировали молодежь, но несомнѣнно, что этимъ она отвлекалась отъ карты, вина и разгула.

Молодость вообще способна къ увлеченію; особенно повинна въ этомъ молодежь Польская, какъ и вся злополучная Польская нація, если только увлеченіе можно назвать грѣхомъ и порокомъ. Молодежь университетская того времени, среди которой такъ много было людей съ поэтическимъ настроеніемъ, болѣе чѣмъ кто-либо склонна была къ увлеченіямъ; но какая-то невидимая, опытная рука старалась сдерживать порывы и руководить молодежью. Мы видѣли это въ приведен-

ныхъ выше правилахъ; еще болѣе въ томъ убѣждаемся, всматриваясь въ отношенія старшихъ товарищей къ младшимъ своимъ собратамъ. Поступившій въ университетъ юноша искалъ себѣ руководителя въ старшемъ, или послѣдній приближалъ къ себѣ симпатичнаго ему юношу и дѣлался его менторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ университетъ былъ центромъ многихъ кружковъ стройно организованныхъ. Тѣ изъ воспитанниковъ, которые окончили университетъ и оставались въ городѣ, дѣлались звѣномъ, связующимъ единицы, разбѣянные по отдаленнымъ угламъ страны—все это были круги описанные разными радіусами изъ общаго центра. Въ какихъ отношеніяхъ находился менторъ къ своему телемаку, мы лучше всего увидимъ изъ письма Чечота къ Одынцу:

„Эдуардъ! Не могу назвать тебя ни любезнымъ, ни дорогимъ, ибо ты не сдѣлалъ еще ничего, за что бы я могъ назвать тебя этимъ именемъ. Слышу, что ты не занимаешься ни латынью, ни исторією, ни наукою права и, не изучивъ классиковъ, возстаешь противъ классицизма, восхищаешься романтизмомъ, да пописываешь стишки для газетъ; не большая еще бѣда, что пописываешь стишки, хотя этимъ писаніемъ отнимаешь время у себя и другихъ, но бѣда въ томъ, что, не имѣя опытности и серьезныхъ знаній, рѣшаешься быть судьей и критикомъ. Чтобы оцѣнить трудъ другихъ, нужно прежде самому многому поучиться, много обдумать, нужно имѣть большой запасъ знанія и высокой умъ. Кажется, что ни телемакъ, ни его менторъ не имѣютъ никакого права судить другихъ; удѣлъ нашъ учиться и трудиться какъ можно болѣе, говорить и писать какъ можно менѣе. Ничто вдругъ не вырастаетъ и не расцвѣтаетъ, на все нужно время, трудъ и усидчивость. По моему лучше таскать воду или песокъ, чѣмъ писать кое-какіе стишки, да печатать ихъ въ газетахъ“.

Такъ относилось старшее поколѣніе къ младшему, и слова ихъ оставались пустымъ звукомъ, голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ высшей степени было бы интересно проникнуть въ разнообразныя кружки этой обширной семьи и уловить ихъ мысли, чувства и воззрѣнія. Какъ ни мало имѣемъ данныхъ для разъясненія этого вопроса, все-таки можно сказать нѣсколько словъ о міровоззрѣніи и идеалахъ Мицкевича и его друзей во время ихъ молодости и объ отношеніяхъ членовъ кружка, когда судьба разбѣяла ихъ по разнымъ угламъ Новаго и Старога свѣта. Въ первомъ случаѣ я буду руководствоваться многими данными, заключающимися преимущественно въ поэтическихъ произведеніяхъ самого Мицкевича; во второмъ—перепискою Мицкевича съ своими университетскими друзьями.

Въ казенномъ зданіи университета, въ которомъ помѣщались Мицкевичъ, Занъ, Чечотъ, Ежескій и Малевскій, въ одномъ съ нимъ корридорѣ жилъ сынъ профессора русской словесности, Чернявскій—юноша живой, впечатлительный и всѣми любимый. Однажды, когда товарищи собрались всѣ вмѣстѣ, вбѣжалъ къ нимъ Чернявскій, держа

въ рукахъ только что появившуюся въ печати балладу Жуковского „Людмила“. Юноша съ воодушевленіемъ прочиталъ это новое произведеніе русскаго поэта, и весь кружокъ пришелъ въ восторгъ, какъ будто новая электрическая струя озарила ихъ умъ и сердце. На другой день Занъ написалъ балладу и это была первая баллада, явившаяся въ Польской литературѣ; затѣмъ Мицкевичъ написалъ „Лилію и Свитезяну“. Такъ возникла романтическая школа въ Польской литературѣ. Занъ, занятый по преимуществу изученіемъ наукъ естественныхъ, искалъ въ поэзіи только развлечения и облекалъ свои чувства и мысли въ простыя, безыскусственныя формы. Мицкевичъ, прочитавъ эти произведенія Зана, замѣтилъ: „никогда я не думалъ, чтобы въ мелочахъ обыденной жизни могло заключаться столько сокровищъ поэзіи“. Ходзько въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: „все это было написано нами раньше, чѣмъ мы познакомились съ произведеніями нѣмецкихъ поэтовъ романтической школы“. Тоже самое говоритъ Одынецъ, но прибавляетъ: „мысль, высказанная Мицкевичемъ при чтеніи произведеній Зана, сдѣлалась руководящею нитью въ нашихъ занятіяхъ, мы искали поэзіи въ истинѣ и фактѣ, слѣдуя лишь внутреннему побужденію и влеченію“. Къ приведеннымъ словамъ можно прибавить одно, что Жуковский невидимо присутствовалъ въ этомъ одушевленномъ кружкѣ, и прочитанная въ немъ его баллада была электрическою искрою, отъ которой загорѣлся очагъ мысли и чувствъ Польской молодежи.

Какъ проводили время молодые люди, собираясь въ кружокъ, мы расскажемъ словами Мицкевича. Приѣхавъ на короткое время изъ Москвы въ Петербургъ, Мицкевичъ пишетъ: „меня принимали радушно, ежедневно я былъ приглашаемъ на обѣды и вечера, тутъ шла оживленная и искренняя бесѣда, пѣсни, импровизаціи, все это напомнило мнѣ наши собранія въ дни нашей молодости“. Нельзя впрочемъ предполагать, чтобы строгій пуританизмъ исключительно господствовалъ въ этихъ собраніяхъ, потому что самъ Мицкевичъ говоритъ въ пѣснѣ Филаретовъ:

Chwytaj i do dna chil,
Zwiastunke błogich chwil.

(Бери чару, до dna пей, она — вѣстникъ привольныхъ минутъ въ жизни).

Несомнѣнно, что въ этихъ юношескихъ бесѣдахъ, пѣсняхъ и импровизаціяхъ главную роль игралъ Мицкевичъ; но весь цѣль этихъ легучихъ произведеній навсегда утраченъ. О чувствахъ, одушевлявшихъ молодежь, о вѣрѣ ихъ въ свои силы и призваніе, мы можемъ судить по нѣкоторымъ произведеніямъ Мицкевича, написаннымъ въ молодости, или хотя появившимся впоследствии, но которыя обращены къ молодости и носятъ слѣды мировоззрѣнія молодого поколѣнія и идей ему присущихъ.

Стихотворенія Мицкевича, относящіяся къ этой категоріи, можно расположить съ логическою послѣдовательностью постепеннаго раз-

витія идей поэта въ слѣдующемъ порядкѣ: „Тосты“, „Романтизмъ“, „Ода къ Юности“, „Фарисъ“, „Импровизація“.

„Тосты“ написаны въ молодые годы, когда поэтъ находился подъ вліяніемъ занятій науками естественными. Въ „Тостахъ“, въ посланіи къ доктору, отправляющемуся на востокъ съ ученою цѣлью и въ „Фарисъ“, Мицкевичъ является не объективнымъ пѣвцомъ красотъ природы, но мыслителемъ, рисующимъ посредствомъ поэтическихъ образовъ внутреннюю связь между явленіями природы и явленіями нравственной жизни. Въ первомъ произведеніи поэтъ предлагаетъ четыре тоста: въ честь свѣта, теплорода, магнита и электричества:

„Что было бы съ міромъ и людьми, брошенными въ безпредѣльное пространство, безъ свѣта, тепла, магнита и электричества? Что было бы? Отгадать не трудно: тьма, холодъ, хаосъ полный! Но изъ нѣдръ солнца лучезарные лучи свѣта, какъ дѣти изъ лона матери, разсыпались по вселенной и разогнали тьму. И такъ да здравствуетъ свѣтъ!

„Но какая же польза изъ однихъ искръ свѣта, когда холодъ ледянымъ покровомъ сжималъ движеніе и останавливалъ біеніе человѣческаго сердца. Мертвъ міръ, когда лишено жизни человѣческое сердце! Да здравствуетъ теплородъ, пробудившій дремлющую жизнь!

„Согрѣтые огнемъ, озаренные свѣтомъ, безъ магнитной силы и взаимнаго тяготѣнія другъ къ другу, мы, атомы міра, разлетѣлись бы и исчезли въ безпредѣльномъ пространствѣ, какъ исчезаетъ песчаный столбъ при первомъ дуновеніи вѣтра; но есть магнитъ и да здравствуетъ эта могучая сила!

„Такъ слитые въ одно могучее тѣло, съ лейденскою банкою въ рукахъ, дружно грядямы: ура электричество!“

Умъ поэта, первоначально направленный къ изученію законовъ видимой природы, вскорѣ затѣмъ устремился въ область духовной жизни. Этотъ переходъ въ мировоззрѣніяхъ поэта выразился въ его стихотвореніи: „Романтизмъ“, въ заглавіи котораго поставленъ эпиграфъ изъ Гамлета: „Я вижу его глазами души моей“. Содержаніе этого стихотворенія слѣдующее. Смерть разлучила два существа, связанные узами самой искренней и горячей любви. Поэтъ рисуетъ душевное состояніе осиротѣвшей дѣвы и облекаетъ ея видѣнія въ поэтическіе образы. Она увѣрена сама и силится увѣрить другихъ, что душа умершаго живетъ за гробомъ, что смерть не разорвала связующей ихъ нити. Видѣнія дѣвы подъ кистью поэта облекаются въ осязательныя формы ласкъ, любви и нѣжности, но вдругъ нѣтухъ возвѣстилъ полночь, духъ исчезаетъ, дѣва издаетъ отчаянный крикъ, бѣжитъ въ народъ и падаетъ безъ чувствъ. Народъ въ простотѣ сердца вѣруеть, что душа умершаго являлась къ дорогому существу и начинаетъ молиться. Въ это время къ толпѣ подходитъ мудрецъ и, ссылаясь на здравый разумъ, на свои глаза и увеличительныя стекла, обращается къ толпѣ съ слѣдующею рѣчью: „Духъ, это бредъ фан-

тазиں опьянѣвшей черни, плодъ ихъ темноты и глупости. Дѣвушка несетъ вздоръ, а неразумная чернь, вопреки разума, ей вѣрить“. Въ это время подходитъ къ мудрецу поэтъ и обращается къ мудрствующему съ слѣдующими словами: „Дѣва повинуется внутреннему голосу, голосу сердца и чувства, и ея слова находятъ вѣру въ сердцахъ простаго народа; вѣра и чувство сильнѣе убѣждаютъ меня въ истинѣ, нежели глазъ и увеличительныя стекла мудреца“.

Martwe znasz prawdy, nieznanie dla ludu,
Widzisz swiat wproszku gwiazza kazdej iskercee,
Nieznasz prawd zywych nie obaczysz cudu,
Miej serce i patrzaj w serce.

(Тебѣ понятны однѣ лишь мертвыя истины, недоступныя для ума простолюдина, ты признаешь за истину свѣтъ, мерцающій въ каждомъ лучѣ и искрѣ отъ звѣздъ, въ движеніи малѣйшей пылинки, но недоступны тебѣ явленія духа, и ты не увидишь чуда; для этого нужно имѣть сердце и понимать его голосъ).

Вѣра въ духовъ, въ связь міра духовнаго съ видимымъ, въ общеніе духовъ съ людьми, вѣра во все чудесное составляла отличительную черту людей, принадлежащихъ къ романтической школѣ; этими убѣжденіями проникнуть былъ Мицкевичъ и весь кружокъ его друзей; могучая сила разума и воли отодвигались какъ бы на второй планъ; но въ то время, когда романтики бесѣдовали съ духами, человѣческій разумъ и воля стремились занять подобающее имъ мѣсто въ области наукъ и жизни. Кантъ открывалъ законы чистаго разума, вооружая человѣческій умъ мечемъ могучей логики; Гегель, Фихте и Шеллингъ видѣли въ человѣческомъ умѣ и его разумной волѣ силу творческую, стремившуюся сознать законы человѣческаго духа, подчинить ему міръ явленій и поставить человѣческое „я“ на степень равносильную божеству. Высокій умъ Мицкевича не могъ оставаться долго чуждымъ этому новому движенію мысли, хотя ему казалось, что онъ не въ силахъ понимать истинъ, проповѣдуемыхъ нѣмецкими философами и по этому поводу писалъ къ своему другу: „всѣ абсолюты нѣмецкой философіи угрожаютъ здравому смыслу“. При всемъ томъ Мицкевичъ незамѣтнымъ для него образомъ всасывалъ новыя идеи и вѣру въ силу человѣческаго разума и воли. Этотъ переходъ отъ идей, одушевлявшихъ романтиковъ къ философскимъ идеямъ начала XIX вѣка, высказался въ „Одѣ къ юности“, „Фарисѣ“ и „Импровизаціи“.

Въ „Одѣ къ юности“ поэтъ высказываетъ полную вѣру въ силу человѣческой воли. Я не берусь передать полного содержанія этого стихотворенія, поражающаго красотой поэтическихъ образовъ и глубиной чувствъ и мыслей, но постараюсь познакомить читателя съ основною идеею этого стихотворенія:

„Кто въ колыбели сорветъ голову змѣи, а въ юности задавить Центавра, тотъ въ слѣдъ затѣмъ исторгнетъ изъ ада жертвы, обреченныя на муки, и за лавровымъ вѣнкомъ устремится въ небо.“

Стремись туда, куда не достигаешь взоръ, сокрушай, что кажется несокрушимымъ для разума. О! юность,—могучь полеть твоей мысли и какъ молнія могуча сила твоей воли.

Hej ramie do ramienia, opaszmy ziemskie kolisko,
Zestrzelmy myśli w jedno ognisko
I w jedno ognisko duchy.
Dalej sposad bryto swiata
Nowemi cie pehniemy torę,
A spleśnitej zbywszy kory,
Zielone przypomnisz lato
Wnet pyrsna niezute lody
I prze sady swiatlo śmiaće,
Witaj jutrzeńko swobody,
Za toba zbawienia słonce.

(Ну же, плечо къ плечу, рука въ руку и этою цѣпью опояшемъ земной шаръ, сосредоточимъ въ одно наши мысли и чувства и двинемъ земной шаръ на новый путь вращенія. Онъ сброситъ съ себя кору застою и плѣсени и покроется майскою зеленью, сокрушится ледяной покровъ, сковывающій чувства и предрасудки, помрачающіе свѣтъ и истину, а тамъ не замедлитъ взойти заря свободы, а за нею солнце правды и счастья).

Въ „Фарисѣ“ представлена борьба человѣка съ окружающею природою. Всѣ враждебныя стихіи и явленія природы вступаютъ въ борьбу съ всадникомъ, который мчится по пустынямъ Аравіи; наѣздникъ не знаетъ тревоги, онъ непобѣдимъ въ борьбѣ съ враждебными силами природы, преодолеваетъ всѣ препятствія и, оставшись одинъ въ пустынѣ съ лежащими у ногъ его кровожаднымъ орломъ, ураганомъ, обезоруженнымъ громомъ, протягиваетъ руки отъ запада на востокъ, устремляетъ мысль въ небо и плетъ людямъ привѣтъ любви.

По мнѣнію Жоржъ-Зандъ въ Гамлетѣ олицетворены принципы свѣтлческой философіи; въ поэзіи Байрона и въ Манфредѣ по преимуществу — революціонныя идеи въ области мысли и политическихъ событіяхъ XVIII вѣка; въ импровизаціи Мицкевича — принципы нѣмецкой философіи первой четверти XIX вѣка.

Таковыми мыслями и идеями проникнуть былъ Мицкевиць и всѣ друзья его молодости.

Тѣсная связь между товарищами одного заведенія явленіе не новое, но чувства, связывающія ихъ въ стѣнахъ заведенія, при выходѣ въ свѣтъ, съ лѣтами постепенно ослабѣваютъ, здѣсь же напротивъ, ни время, ни положеніе, ни разстояніе, не разрывали тѣсно-связаннаго кружка. Эта связь и забота другъ о другѣ продолжалась до гроба. Мицкевиць пишетъ изъ Ковно:

„Что касается Канта, то невольно вспоминаю слова Снядецкаго, что Кантъ не одному умному человѣку свернулъ голову, хотя въ этомъ отношеніи мнѣ не грозитъ опасность по пословицѣ, что для извѣстнаго рода людей грабежъ не опасенъ; но все таки признаюсь, что Кантъ и Шеллингъ съ своими абсолютами для здраваго смысла люди

опасные;— правда, что я дурно распоряжаюсь деньгами, но на $\frac{3}{4}$ того, что имѣю, каждый изъ друзей имѣетъ полное право рассчитывать: посылаю 100 р., половину передай Ванѣ (Чечоту)“.

Изъ Оренбурга Ванъ пишетъ Мицкевичу:

„Странствую, вооруженный топоромъ въ видахъ защиты отъ киргиза, или чтобы очистить путь для прогулки. Болѣе жаркую часть дня посвящаю Петѣ, чтенію книгъ и пишу сочиненіе о самосознаніи. Богъ не надѣлилъ меня высокими дарованіями, и такъ какъ я не могу быть полезнымъ человѣчеству, то цѣлью моей жизни дѣлается образованіе и воспитаніе одного человѣка. Въ теченіе трехъ лѣтъ доход мой не достигалъ болѣе 400 р. въ годъ; отъ васъ получилъ 60 р.“.

Лучшимъ доказательствомъ взаимной дружбы товарищей служатъ заботы ихъ объ отправленіи Мицкевича за-границу. Мысль о поѣздѣ относится въ 1822 году; въ этомъ году предполагалось отправить Мицкевича за-границу на счетъ университета для усовершенствованія его въ наукахъ и занятія потомъ каѳедры при университетѣ. Спустя нѣкоторое время Мицкевичъ былъ вытребованъ изъ Ковно, но такъ какъ онъ не успѣлъ выдержать экзамена на магистра, то поѣздка на казенный счетъ не состоялась; между тѣмъ здоровье поэта было въ столь печальномъ положеніи, что избавить его отъ должности учителя и отправить за-границу было необходимо. Дружба нашла средства; деньги были собраны и по этому поводу вотъ что пишетъ Чечотъ въ 1823 году Малевскому, проживавшему за-границею:

„Мицкевичъ не можетъ болѣе оставаться учителемъ, иначе онъ окончательно разстроитъ здоровье; по его словамъ одинъ часъ занятія въ школѣ разстраиваетъ его на цѣлый день. Адамъ нашъ постоянно печаленъ, не спитъ по цѣлымъ ночамъ, безпрестанно курить трубку и питается однимъ кофе. Поѣздка за-границу единственное для него спасеніе, но онъ не долженъ ни учиться, ни заниматься, а гулять, гулять и гулять. Старайся удержать его какъ можно долѣе за-границею; но неволью призадуматься о его путешествіи; вручить ему деньги заразъ немисливо: или его оберутъ, или онъ самъ растратитъ деньги и очутится въ крайней нуждѣ. Онъ станетъ избѣгать людей, будетъ искать уединенія, блуждать по горамъ и долинамъ; для него нуженъ постоянный ангель-хранитель въ видѣ человѣка и друга. Оставайся подолѣе за-границей; отпустить одного Адама я не рѣшаюсь“.

Путешествіе подъ опекою Малевскаго не состоялось; Мицкевичъ попалъ подъ слѣдствіе и затѣмъ очутился въ Одессѣ, Москвѣ и Петербургѣ. Намъ остается сказать нѣсколько словъ о жизни Мицкевича въ качествѣ учителя въ Ковно и этимъ окончить очеркъ жизни поэта на родинѣ. Начальникъ училища, Добровольскій, такъ описываетъ жизнь Мицкевича въ Ковно:

„Прибылъ онъ въ Ковно въ 1820 году на должность учителя Латинскаго языка и Польской литературы. Мицкевичъ жилъ уединенно, товарищи его по службѣ видѣлись съ нимъ только въ учебные часы;

послѣ уроковъ Мицкевичъ тотчасъ же возвращался домой, запирался въ своей комнатѣ, или, удаляясь отъ людей, искалъ уединенія въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, уходилъ въ чащу лѣсовъ, укрывался въ гористыхъ обвалахъ береговъ Нѣмана. Съ тѣхъ поръ, весною-ли среди майскихъ цвѣтовъ, лѣтомъ-ли среди бурь, молній и грома, зимою, во время вьюги, долина, увѣковѣченная именемъ его, сдѣлалась для него любимѣйшимъ мѣстомъ прогулки. Однажды пришелъ я къ Мицкевичу поздъ вечеръ, засталъ его раздѣтымъ, съ растрепанными волосами съ трубкою во рту; онъ ходилъ по комнатѣ, произносилъ отрывочно слова и фразы, глаза его горѣли, лицо, обыкновенно блѣдное, приняло синій цвѣтъ; разговоръ шелъ не связно, на вопросы отвѣчалъ отрывисто, или говорилъ цѣлыя отрывки изъ стихотвореній“.

Настали каникулы, всѣ товарищи и ученики Мицкевича разъѣхались; онъ остался въ городѣ; трое его университетскихъ пріятелей пришли изъ Вильно въ Ковно пѣшкомъ.

„Въ первый же вечеръ, нилетъ Одынецъ, послѣ продолжительной прогулки въ долину, Мицкевичъ, возвратившись домой, сталъ декламировать свой переводъ изъ Байрона, прощаніе Чайльдъ-Гарольда. При первыхъ словахъ лицо его приняло выраженіе тяжелой грусти, произнося же стихи:

Czegoż mam płakać zakim i pokim,
Kiedy nik pomnie nie płacze.

(Зачѣмъ же плакать о комъ и по комъ, когда по мнѣ никто не плачетъ),—онъ вдругъ поблѣднѣлъ и упалъ безъ чувствъ, едва можно было привести его въ сознаніе, смачивая виски холодною водою; первое слово сказанное имъ, когда онъ очнулся, была просьба, чтобы не говорить никому о случившемся“.

Мицкевичъ всегда одѣтъ былъ въ одно и то же платье, которое болѣе и болѣе становилось потертымъ; у него было всего двѣ рубашки, плащъ, служившій вмѣсто одѣяла, кожанная подушка—вотъ и весь его гардеробъ; печеный картофель былъ его ежедневною пищею; единственную роскошь, которую себѣ позволялъ Мицкевичъ, былъ чай, кофе и трубка. Товарищи по службѣ считали его чудачкомъ, другіе поэтомъ, третьи влюбленнымъ; послѣдніе были совершенно правы. Мицкевичъ былъ влюбленъ и влюбленъ неудачно. Еще въ школѣ онъ сдружился съ товарищемъ по ученію Николаемъ Верещакою, родители котораго переселились въ городъ для воспитанія дѣтей; юноша сблизился съ сестрою товарища Марією. Окончивъ школу, Мицкевичъ и Верещака поступили въ университетъ, и родители Верещака переселились на жительство въ Вильно; любовь къ Маріи, можетъ быть, зародившаяся въ дѣтствѣ, овладѣла сердцемъ юноши. Сколько можно судить изъ произведеній Мицкевича, онъ пользовался взаимностью со стороны Маріи, но родители, хотя и не принадлежали къ числу польскихъ магнатовъ, но по положенію и состоянію занимали видное мѣсто и не желали выдать дочь за бѣднаго

пшляхтича, занимавшаго скромное мѣсто учителя уѣзднаго училища. Марія принуждена была выйдти замужъ за богатаго сосѣда Путкамера. Это былъ тяжелый ударъ для поэта и одна изъ главныхъ причинъ страданій, уединенной жизни и обмороковъ. Всю горечь оскорбленнаго самолюбія и страданій поэтъ изливалъ въ своихъ произведеніяхъ и долго не могъ забыть своей Маріи.

Разставшись съ товарищами, Мицкевичъ сталъ менѣе избѣгать людей, началъ посѣщать общество; говорили, что онъ трудится надъ сочиненіемъ поэмы; но все, что онъ писалъ въ это время, осталось тайною для всѣхъ. Окончился еще одинъ учебный годъ, Мицкевичъ былъ вызванъ въ Вильно, судя по времени, для экзамена на степень магистра и отправленія его за-границу; поѣздка не состоялась, и Мицкевичъ вмѣсто этого очутился подъ слѣдствіемъ за принадлежность къ обществу Филаретовъ. Объ обществѣ Филаретовъ мы имѣемъ весьма мало положительныхъ данныхъ и потому можемъ сказать о немъ весьма мало, почти ничего; несомнѣнно одно, что оно возникло въ 1818 году, по образцу тайныхъ обществъ на западѣ, по словамъ Мицкевича, въ 1823 году, за годъ до открытія слѣдственной комиссіи и прекратилось по собственному побужденію. Главою и организаторомъ общества считаютъ студента университета, товарища Мицкевича, Оому Зана; но несомнѣнно, что Занъ былъ орудіемъ, которымъ управляла болѣе сильная и опытная рука.

Многіе полагаютъ, что тогдашнія тайныя общества, начиная съ масоновъ, не имѣли никакихъ политическихъ цѣлей и преслѣдовали лишь цѣли научныя и нравственныя: но несомнѣнно, что наука и нравственность, какъ среди обществъ за границею, такъ и въ обществѣ Филаретовъ, служили средствами для пересозданія общественнаго порядка, и потому всѣ правительства приняли мѣры для превращенія ихъ дѣятельности, съ какими бы цѣлями или подъ какимъ бы названіемъ они ни являлись. Во мнѣніи поляковъ твердо укоренилось убѣжденіе, что общество Филаретовъ имѣло только одну цѣль,— поддерживать народную литературу, Польскій языкъ и народность. Быть можетъ это было такъ, но правительство имѣло основаніе смотрѣть подозрительно на дѣятельность общества. Мицкевичъ былъ убѣжденъ и убѣдилъ современное ему и даже послѣдующее поколѣніе, что Новосильцевъ инстинктивно ненавидѣлъ Польскую національность и, стремясь къ ея уничтоженію, началъ дѣло съ преслѣдованія Польской молодежи. Поэтъ убѣжденъ, что въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ воспроизвелъ всѣ сцены и дѣйствующія лица въ слѣдственномъ дѣлѣ вѣрно и безпристрастно. Что Мицкевичъ могъ думать такъ—дѣло понятно и объяснимо: онъ былъ членъ общества, содержался въ заключеніи, приговоренъ къ ссылкѣ и притомъ былъ человекъ больной, раздраженный, а потому неудивительно, что не смотря на самое гуманное обращеніе слѣдственной комиссіи, при всей снисходительности ея приговора, не могъ относиться къ дѣлу

спокойно и безпристрастно. Такъ ли было на самомъ дѣлѣ все, что утверждаетъ Мицкевичъ о дѣятельности комиссіи и Новосильцева, останется нерѣшеннымъ до тѣхъ поръ, пока слѣдственное дѣло, произведенное надъ членами общества Филаретовъ Новосильцевымъ, и архивъ Виленскаго университета не будутъ оглашены и критически разобраны. Пора кажется тронуть этотъ архивъ—свидѣтель событій, о которыхъ такъ много пущено подпольныхъ слуховъ; свѣтъ исторической критики можетъ содѣйствовать уясненію и мирному разрѣшенію такъ-называемаго Польскаго вопроса. Историческая истина успокоиваетъ страсти и примиряетъ людей съ судьбою. Какъ бы то ни было, но вѣрно одно, что Мицкевичъ, освободившись изъ заключенія, вынесъ самое враждебное чувство къ членамъ слѣдственной комиссіи. Новосильцевъ, по словамъ его, былъ ихъ „обвинителемъ, слѣдователемъ и судьей“. Выводъ изъ подобнаго рода положеній всякому понятенъ.

Пребываніе Мицкевича въ Москвѣ и Петербургѣ, какъ это увидимъ въ слѣдующей главѣ, примирило его вполне съ Русскимъ обществомъ и жизнію, и только съ удаленіемъ за границу, послѣ разгрома возстанія 1830 г., въ Мицкевичѣ, очутившемся среди эмигрантовъ, воскресли затаенныя чувства раздраженія, и тѣхотн Пупкинъ писалъ: „Боже, пошли миръ въ его озлобленную душу“.

Ф. Неслуховскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ). •

МОНАХЪ ПО НЕВОЛѢ.

Быль послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка ¹⁾.

I.

В ПОСЛѢДНИЕ годы царствованія Екатерины II, однимъ изъ любимѣйшихъ пріютовъ богатой Петербургской молодежи былъ трактиръ „Очаковъ“. Да и не одну только молодежь манилъ къ себѣ пріютъ этотъ — здѣсь можно было встрѣтить очень часто и людей почтенныхъ лѣтъ и почтеннаго ранга. Многие были рады вырваться изъ домашней прискучившей обстановки и, словно по мановенію волшебнаго жезла, перенестись на нѣсколько часовъ въ преддверіе Магометова рая.

А что трактиръ „Очаковъ“ былъ именно „преддверіемъ Магометова рая“, — въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Отворивъ извнѣ ничѣмъ незамѣчательную и даже грязноватую дверь и взобравшись по плохо освѣщенной лѣстницѣ, посѣтитель былъ встрѣчаемъ дюжиной длиннородыхъ молодцовъ въ яркихъ восточныхъ костюмахъ и съ чалмами на головахъ. Молодцы эти, хотъ и на чистомъ Русскомъ языкѣ тверскаго произношенія, но все же съ глубочайшими восточными поклонами спѣшили снять съ гости верхнее платье, распахивали передъ нимъ двери, и онъ вступалъ въ таинственный полусвѣтъ кіоска, озареннаго матовыми полосатыми фонариками. За кіоскомъ слѣдовалъ цѣлый рядъ тоже болѣе или менѣе „турецкихъ“, только уже ярко освѣщенныхъ комнатъ, уставленныхъ низкими и мягкими софами и диванами. По стѣнамъ, для пущей вѣрности колорита, были намалеваны мечети и минареты, а не то такъ семейныя

¹⁾ Разказанная здѣсь исторія въ свое время надѣлала не мало шуму, и память о ней до сихъ поръ сохранилась въ нѣкоторыхъ русскихъ семьяхъ. О ней, между прочимъ, упоминается и въ „Разказахъ бабушки“ — „Русскій Вѣстникъ“ 1879 г., № 10, стр. 640.

сцены въ видѣ чалмоноснаго турка, важно сидящаго съ кальяномъ, скрестивъ ноги, пускающаго кольца ярко голубаго дыма, и съ прильнувшей къ нему обольстительной турчанкой въ перинообразныхъ шальварахъ и въ крошечныхъ туфелькахъ съ загнутыми носками.

За исключеніемъ раннихъ утреннихъ часовъ „турецкія“ комнаты были всегда битомъ набиты посѣтителями. Тверскіе турки едва успѣвали исполнять требованія нетерпѣливыхъ и взыскательныхъ гостей, то и дѣло шмыгали по истертымъ коврамъ, разнося кушанья и вина. И тѣмъ позднѣе былъ часъ, тѣмъ „Очаковъ“ становился оживленнѣе. Въ дальнихъ комнатахъ раскрывались столы, начиналась модная игра маѳао и гаммонъ, поднимались иногда крики и ссоры довольно крупныхъ размѣровъ. А въ потаенномъ, таинственномъ отдѣленіи, куда допускался далеко не всякій, раздавались звуки клавикордъ и арфы. раздавались трели женскихъ голосовъ—и, слышавъ ихъ, избранныки бросали карты и споры и слѣшили изъ „преддверія рая“ въ самый „рай“, въ общество гурій.

Но кромѣ винъ и картъ, кромѣ таинственныхъ гурій, играющихъ на клавикордахъ и арфѣ, въ „Очаковѣ“ была еще одна диковинка и приманка—„настоящій турка изъ настоящаго Очакова“, какъ его рекомендовали тверскіе турки. Этотъ „турка“ время отъ времени торжественнымъ и мѣрнымъ шагомъ расхаживалъ по комнатамъ и когда онъ проходилъ—головы всѣхъ обращались къ нему, почти всѣ глаза слѣдили за нимъ съ любопытствомъ. Люди солидные и въ особенности провинціалы, наѣзжавшіе въ Петербургъ по дѣламъ и считавшіе необходимою осмотрѣть на ряду съ Кунсткамерой и Академіей Художествъ и „Очаковъ“, относились къ „туркѣ“ не совсѣмъ благосклонно, даже отплевывались. Но привычные посѣтители, главнымъ образомъ молодые военные и штатскіе люди, подзывали „туру“, угощали его, заводили съ нимъ бесѣду.

Турка отъ угощенья всегда отказывался, бесѣду же поддерживалъ охотно: онъ садился на мягкій диванъ, поджималъ подъ себя ноги и начиналъ говорить по турецки. Поднимался хохотъ и кончалось всегда тѣмъ, что и турка, и его собесѣдники устанавливали между собою выразительный языкъ тѣлодвиженій и всевозможныхъ гримасъ, на которомъ отлично понимали другъ друга.

II.

Въ морозный и вѣтренный зимній вечеръ извоичицы санки подъѣхали къ „Очакову“. Изъ нихъ вышелъ высокій мужчина, закутанный въ шубу и въ добавокъ съ длинной муфтой въ рукахъ. Взобравшись по лѣстницѣ и отворивъ дверь въ теплыя сѣни, онъ сбросилъ шубу на руки первому подбѣжавшему къ нему турку и сталъ оправляться передъ трюмо, обставленнымъ очень жидкими и чахлыми, но все же тропическими растеніями.

Трюмо отразило молодцеватую, красивую фигуру, одѣтую довольно тщательно и богато, но все же не по послѣдней петербургской модѣ.

Молодой человѣкъ не успѣлъ еще поправить прическу и вытереть тонкимъ надушеннымъ платкомъ свое мокрое отъ снѣгу лицо, какъ къ нему, съ низкими поклонами, подошелъ бородатый тверской турокъ.

— Батюшка, Петръ Григорьевичъ, вы ли это?! радостно ослабляясь заговорилъ турокъ.—А я было и не призналъ... давненько, сударь, къ намъ не жаловали!..

Молодой человѣкъ обернулся.

— А! это ты, Сидоръ, сказалъ онъ,—узнать, помнишь?..

— Васъ-то, сударь, да и не помнить!.. такихъ господъ да чтобы забыть!.. Въ добромъ ли все здоровьи?.. чай вѣдь годика два, а то и побольше какъ изъ Питера...

Турокъ поймалъ и громко чмокнулъ руку молодого человѣка и быстро началъ оправлять фалды его камзола.

— Ну, хорошо, хорошо, довольно!... А вотъ скажи ты мнѣ, господинъ Алабинъ здѣсь, или нѣтъ его?

— Какже, сударь, здѣсь они, часа съ два времени какъ здѣсь...

— Ну, такъ веди.

Турокъ кинулся отпирать двери кіоска и проводилъ молодого человѣка въ одну изъ дальнихъ комнатъ, гдѣ сидѣла за игрою веселая компанія молодежи.

— Елецкій! онъ, онъ!... вотъ такъ не гаданно! раздались привѣтствія.

Почти всѣ игроки, побросавъ карты, встали «на встрѣчу» новоприбывшему. Онъ быстро отвѣтилъ на дружескія рукопожатія и черезъ мгновеніе крѣпко обнималъ и цѣловалъ, такого же молодого и красиваго какъ и онъ самъ, Алабина.

— Какъ же это ты?—смущенно и радостно говорилъ тотъ,—цѣлую недѣлю я ждалъ тебя по письму твоему и ужъ не чаялъ тебя видѣть. Когда пріѣхалъ? И надѣюсь прямо ко мнѣ? У меня остановился?

— А то гдѣ же?! Въ полдень мы вѣхали въ сію Пальмиру, ну да я немного замѣшкался... долженъ былъ тутъ проводить своихъ попутчицъ, такъ къ тебѣ попалъ часу въ третьемъ. А тебя и нѣту—вылетѣла пташка изъ клѣтки! Твой Ефимъ накормилъ да напоилъ меня съ дороги, ждалъ я ждалъ, выспался даже, а все тебя нѣту. И Ефима спрашиваю: куда это, молъ, баринъ дѣлся? А онъ мнѣ въ отвѣтъ: „Доподлинно сіе неизвѣстно, а надо быть въ „Очаковѣ“ они“. Тутъ и я на себя диву дался, что дорогая память отшибло—и съ Ефимомъ нечего было совѣтовать—гдѣ же тебя съищешь, коли не въ „Очаковѣ“! Ну вотъ и пріѣхалъ... Да покажись, Андрюша, легко ли!—побольше двухъ съ половиною лѣтъ не видались... и никакой-то въ тебѣ переменны!... только это что же? гвардіи офицеръ, а въ штатскомъ платьѣ! Неужь-то отставку взялъ? Вѣдь ты мнѣ о томъ въ писъмахъ ни слова!

— Зачѣмъ отставку, отвѣтилъ Алабинъ, — а такъ свободнѣе. У насъ нынѣ и генералы, и офицеры зачастую мундиры только на службу и надѣваютъ. Съ насъ за это никакого взыску нѣту.—Однако, что же это мы!... Эй, турки! крикнулъ Алабинъ,—шипучаго, скорѣе! Выпить надо ради друга потеряннаго и вновь обрѣтеннаго!

— Еще бы! разомъ отозвались нѣкоторые изъ присутствовавшихъ.

— Вѣдь ты опять къ намъ, Елецкій, на службу? Давно пора деревню-то бросить. Здѣсь у насъ нонѣ жизнь вольная, еще вольнѣе прежняго. А мы и доселѣ твои шутки вспоминаемъ. Всѣ наши Гебы и Афродиты по тебѣ стосковались и уже въ поминанья записали „удалого Петрушу“: порѣшили, что не вернешься... запалъ совсѣмъ...

— Э, други, не тотъ ужъ я сталъ что-то;—власно какъ во снѣ та жизнь была, не влекутъ больше тѣ забавы...

— Ну, ты тамбовскимъ тетушкамъ сіи сказки сказывай, а насъ не проведешь ими! засмѣялись пріятели;—мы тебя разомъ отъ меланхоліи вылѣчимъ—и къ Ерофеичу ¹⁾ нечего будетъ навѣдываться, безъ его травъ обойдемся...

Вино было принесено. Елецкій познакомился съ тѣми изъ компаніи, кого еще не зналъ. Разстроенная игра снова началась. Вечеръ проходилъ незамѣтно. Но около полуночи Елецкій объявилъ Алабину, что съ дороги онъ чувствуетъ себя нѣсколько уставшимъ.

— А и то, сказалъ Алабинъ, играть я больше не буду, поѣдемъ домой да потолкуемъ.

Пріятели хотѣли ихъ удержать, соблазняя гуріями и клавикордами; но они настояли на своемъ и уѣхали.

III.

Алабинъ съ Елецкимъ были въ родствѣ — приходились троюродными,—и дѣтство провели вмѣстѣ въ Тамбовской губерніи, гдѣ родовыя имѣнія ихъ отцовъ находились межа съ межою. И у того и у другаго было хорошее состояніе и кой-какія связи въ Петербургѣ. Ихъ отцы еще до рожденія сыновей получили на нихъ полковныя свидѣтельства, такъ что Алабинъ и Елецкій, не появившись еще на свѣтъ Божій, числились уже въ Преображенскомъ полку солдатами. Будучи еще дѣтьми и не выѣзжая изъ отцовскихъ вотчинъ, они дослужились до сержантскаго чина, а потомъ, когда совсѣмъ подросли и отцы привезли ихъ въ Петербургъ, они явились въ Преображенскій полкъ уже офицерами.

Юноши плохо обученные и воспитанные, привыкшіе въ деревнѣ только къ охотѣ да къ подобострастному подчиненію своихъ подданныхъ,

¹⁾ Знаменитый въ то время пѣватель-самоучка. О его чудодѣйственномъ лѣченіи всевозможныхъ болѣзней сохранилось много устныхъ и письменныхъ разказовъ. Теперь единственное, что напоминаетъ о немъ, это настойка, приготовляемая по его рецепту и носящая его имя.

въ Петербургѣ они очутились среди совсѣмъ новой жизни, о которой до сихъ поръ не имѣли никакого понятія. У родителей ихъ была возможность выдавать имъ очень значительное содержаніе и они не скупились на это, такъ какъ вліятельные петербургскіе друзья и родичи убѣдили ихъ, что молодой гвардейскій офицеръ долженъ непремѣнно жить хорошо и много тратить для того, чтобы сдѣлать блестящую карьеру. Такимъ образомъ Алабинъ и Елецкій попали въ кружокъ модныхъ петиметровъ и совсѣмъ завертѣлись въ омутъ столичной жизни.

Все общество послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины утопало въ роскоши; прежняя простота и дешевизна жизни совсѣмъ позабылись. Торговцы и магазинщики то и дѣло надбавляли цѣны на свои товары. Серебро въ громадномъ количествѣ передѣлывалось на сервизы, такъ какъ становилось неприличнымъ ѣсть иначе какъ на серебрѣ. Моды мѣнялись чуть ли не ежемѣсячно. Отъ порядочнаго человека требовалась прежде всего изящная внѣшность, прическа и одежда,—и бѣднѣйшій изъ гвардейскихъ офицеровъ считалъ своей обязанностью дѣлать себѣ въ годъ по нѣскольку мундировъ, а мундиръ тогда обходился не менѣе 120 рублей.

Гвардейскіе офицеры все болѣе и болѣе отучались отъ какихъ-бы то ни было обязанностей и совсѣмъ забывали, что они находятся на дѣйствительной службѣ. Да и что это была за служба! Караульных офицеровъ иногда можно было встрѣтить спокойно разгуливавшихъ и собиравшихъ грибы по домашнему, то-есть въ халатахъ. Извѣстны случаи, когда залѣгившійся и закутившій офицеръ отправлялъ вмѣсто себя на службу свою жену. Жена надѣвала мужнинъ мундиръ и являлась офицеромъ. Кутежи и всякіе дебоши Петербургской молодежи принимали громадные размѣры. Ежедневно въ городѣ разсказывали о самыхъ разнообразныхъ скандалахъ: о выбитыхъ окнахъ, до полусмерти напуганныхъ офицерами купчихахъ, въ дребезги разнесенныхъ трактирахъ и другихъ увеселительныхъ заведеніяхъ, похищенныхъ дѣвушкахъ и такъ далѣе.

Всѣ эти разсказы о гвардейскихъ безчинствахъ, иногда конечно еще болѣе разукрашенные воображеніемъ передававшихъ ихъ, доносились въ гатчинскую тишину. Великій князь Павелъ Петровичъ вслушивалъ ихъ съ презрительной усмѣшкой, то пожимая плечами, то мрачно нахмуривъ брови и часто говаривалъ своимъ приближеннымъ:

— Смотрите, не отдавайте своихъ дѣтей въ гвардію, если не хотите, чтобы они совсѣмъ развратились... при себѣ держите — не пускайте въ Петербургъ — тамъ зараза!

Алабинъ и Елецкій до излишества вкусили отъ чаши петербургскихъ наслажденій. Ихъ имена часто встрѣчались въ исторіи самыхъ крупныхъ скандаловъ. Многія ихъ безцеремонныя и грязныя выходки, считавшіяся тогда только молодецкими, сдѣлали имъ репутацію. Въ порядочныхъ и скромныхъ семействахъ ихъ какъ огня боялись.

Но Елецкому скоро пришлось разстаться съ вольной столичной жизнью—онъ получилъ извѣстіе изъ деревни о смерти своего отца и ради устройства дѣлъ своихъ долженъ былъ ѣхать изъ Петербурга. Прощался онъ съ товарищами и знакомыми не надолго, а пропалъ почти на три года. Что съ нимъ было за это время, гдѣ онъ скрывался—никто того не зналъ. Алабинъ получалъ отъ него рѣдкія письма, то изъ деревни, то изъ разныхъ городовъ Южной Россіи.

Но вотъ онъ вернулся и хорошо знавшіе его товарищи, проведеншіе съ нимъ нѣсколько часовъ въ „Очаковѣ“, а тѣмъ болѣе Алабинъ, были поражены происшедшей въ немъ перемѣной.

Объ этой-то перемѣнѣ спѣшилъ съ нимъ поговорить Алабинъ. И только-что вернулись они домой, онъ завелъ разговоръ на эту тему.

— Скажи-ка, братецъ, что это нонѣ съ тобой—хмурый ты сталъ какой-то. Кабы горе большое было, али дѣла шли плохо, я-бы про то былъ извѣстенъ. Батюшка мнѣ еще недавно отписывалъ, что у тебя въ вотчинахъ все обстоитъ наиблагополучнѣйшимъ образомъ. Что же это съ тобой—разскажи на милость. Коли не ладно что, такъ ты посоветуй со старымъ другомъ.

Елецкій медленно подыалъ на Алабина свои черные, красивые, хотя нѣсколько воспаленные глаза; грустная усмѣшка шевельнула его губы и онъ покачалъ головою.

— Что это тебѣ такъ почудилось, братецъ, сказалъ онъ. Я все тотъ же, а видно и въ заправду усталъ съ дороги, такъ и кажусь тебѣ хмурымъ.

Но Алабинъ ясно видѣлъ, что тутъ вовсе не усталость, и что другъ отъ него нѣчто скрываетъ. Вдругъ новая мысль мельнула въ головѣ его.

— Да! а про какихъ это попутчицъ ты сказывалъ? Кто такія?

У Елецкаго при этихъ словахъ опять въ лицѣ что-то дрогнуло.

— А это я въ Москвѣ, у Синявиныхъ въ домѣ, познакомился съ Промзиной старухой, да съ дочкой ея, Вѣрой Андреевной... онѣ тульскія—можетъ слыхалъ, люди богатые. Самъ Промзинъ бригадиръ въ отставкѣ, безъ ногъ теперь почти, живетъ въ деревнѣ безвыѣздно. Всего у нихъ дѣтей двѣ дочери, старшую года съ два тому замужъ выдали, осталась на рукахъ младшая, дѣтъ ей ужъ девятнадцать никакъ, такъ вотъ ее старуха-то и привезла въ Петербургъ; жениховъ искать пора вишь, а въ деревнѣ видно подходящихъ не нашлось. Ну съ ними мы изъ Москвы вмѣстѣ и ѣхали. Старуха просила меня не оставлять ихъ однихъ въ дорогѣ: трусить, всюду ей разбойники чудятся.

Алабинъ усмѣхнулся.

— Вижу, что старуха сія тебѣ не больно по нраву, и стало не въ ней дѣло. А вотъ, братецъ, не будетъ ли вашей милости рассказать подробнѣйшимъ образомъ о дѣвицѣ, какова оная дѣвица изъ себя, какъ она вамъ показалась—заранѣе знаю, что хороша!..

И онъ опять засмѣялся.

Алабинъ покраснѣлъ и даже не особенно дружелюбно взглянулъ на „брата“.

— Смѣяться нечего, проговорилъ онъ. Дѣвица Промзина не такова, чтобы надъ нею смѣяться. Такихъ вы можете и во снѣ то въ Петербургѣ не видывали—отмѣнная красота! Какъ взглянулъ я въ первой на нее—и руки опустились: ужъ и гдѣ же такая красота уродилась?!. Отца не знаю, да и Богъ съ нимъ, а мать ровно бочка сороковая, врядъ ли и въ молодости было въ ней что путное. Ну, а Вѣра Андреевна... Эхъ, да что тутъ рассказывать—словъ нѣту, нужно ее видѣть.

Алабинъ ужъ не смѣялся. Онъ подошелъ къ пріятелю и положилъ ему на плечи руки.

— Вотъ и разгадка. Теперь во мнѣ нѣтъ уже никакого сомнѣтельнаго, вижу, что стрѣла Амура пронзила твое сердце. Ну это еще не велико горе—ему помочь можно. Какова ни была бы сія Вѣра Андреевна, не устоитъ она передъ моимъ милымъ братцемъ—какъ разсдастся. Тому не мало примѣровъ было—мы вѣдь не забыли вашихъ проказъ амурныхъ... И вѣчно-то съ благородными дѣвицами вяжется... чужихъ невѣсть портить... охота!.. А вѣдь я было испугался, думалъ что поважнѣе! такого же горя хоть еще подавай столько же—справимся!..

— Ну, не такъ то легко справишься! страннымъ, какимъ то загадочнымъ тономъ проговорилъ Елецкій.

Онъ замолчалъ и вышелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ Ефимъ давно уже приготовилъ ему постель.

IV.

Елецкій имѣлъ достаточное основаніе быть недовольнымъ старухой Промзиной. Познакомясь съ нимъ въ Москвѣ и узнавъ, что онъ собирается въ Петербургъ, она воспользовалась этимъ случаемъ, заставила его отложить поѣздку до того дня, когда ей самой вздумалось выѣхать. Во всю дорогу распорядилась имъ какъ своею собственностью, замучила его капризами непривыкшей къ передвиженію и какой либо дѣятельности, разбалованной, лѣнивой и тучной женщины; дозволила ему, по пріѣздѣ въ Петербургъ, проводить ихъ на заранѣ нанятую ими квартиру въ Измайловскомъ полку и тутъ же, не давъ ему вздохнуть, навязала ему нѣсколько неинтересныхъ порученій. Онъ долженъ былъ, не переодѣвшись съ дороги, обѣгать чуть ли не всѣ лавки Гостиннаго двора. Онъ возвратился нагруженный всякими покунками и въ благодарность услышалъ только:

— Ну, теперь я васъ не задерживаю, чай устали, а вотъ денька черезъ три, четыре, какъ мы тутъ управимся да оглядимся, навѣстите насъ.

Денька черезъ три, четыре! такъ и сказала. Слѣдовательно явиться раньше было невозможно. А между тѣмъ Елецкому эти три дня (четвертаго онъ совсѣмъ даже не допускалъ) показались необыкновенно долгими.

Тшетно Алабинъ и со всѣхъ сторонъ нахлынувшіе въ его квартиру старые пріятели старались увлечь Елецкаго въ водоворотъ петербургскихъ удовольствій,—онъ отъ всего отказался, съѣздилъ только къ портному заказать мундиръ гвардейскій, да побывалъ кой у кого изъ нужныхъ ему людей. Алабинъ не зналъ, что ему и дѣлать съ братцемъ.

Но вотъ три запретныхъ дня кончились.

Елецкій проснулся рано, тщательно занялся своимъ туалетомъ и вплоть до втораго часа по полудни только и дѣлалъ, что ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ видимомъ волненіи. Алабинъ еще спалъ. Онъ вернулся домой часовъ въ семь утра, что часто съ нимъ случалось.

Наконецъ Елецкій рѣшилъ, что пора ѣхать.

Сѣренній рысачекъ уже ждалъ у подъѣзда и мигомъ домчалъ его съ Садовой въ Измайловскій полкъ.

Промзины остановились въ одномъ изъ тѣхъ новыхъ, большихъ каменныхъ домовъ, которые въ то время уже начинали воздвигаться въ Петербургѣ. Дома эти строились не такъ какъ прежде, не для себя, а для жильцовъ; строились этажа въ три, а то такъ и въ четыре, разбивались на нѣсколько квартиръ, большихъ и малыхъ. Квартиры почти всегда отдавались въ наемъ съ мебелью и со всей обстановкой. Промзины занимали просторное и во всѣхъ отношеніяхъ приличное ихъ рангу помѣщеніе. Изъ деревни онъ навезли съ собою достаточное число прислуги.

Съ сердечнымъ замираніемъ освѣдомился Елецкій у отворившаго ему двери стараго и ворчливаго деревенскаго буфетчика — дома ли Марья Степановна. Буфетчикъ, почтительно поклонившись, объявилъ что дома и провелъ его въ гостинную, довольно пестро и безвкусно, хотя и съ претензіей на нѣкоторую роскошь, отдѣланную. Дверь во внутреннія комнаты скрипнула, отворилась и пропустила Марью Степановну.

Елецкій хоть и грубо, но совершенно вѣрно сравнилъ ее съ соровой бочкой. Она была тучна, грузна, ходила съ перевалкой и отдувалась, причежь красное, совсѣмъ заплывшее лицо ея краснѣло еще больше. Не смотря на это во всей фигурѣ Марьи Степановны сразу замѣчалось нѣчто властное и характерное; видно было, что она не изъ податливыхъ, что съ ней нужно считаться.

— Ахъ, сударь, Петръ Григорьевичъ, начала она, — спасибо, батюшка, что заглянули... Присядьте, да и я отдохну съ вами, совсѣмъ замучилась... Людишки треклятые ни до чего своимъ умомъ дойти не могутъ, все-то имъ растолкуй, покажи, всюду свой глазъ нуженъ. Легко ли — три дня маюсь, а еще многое въ беспорядкѣ.

Елецкій выразилъ свое соболѣзнованіе и спросилъ про Вѣру Андреевну.

— Да что она, отвѣчала махнувъ рукою Марья Степановна, — за нее мать мучается, а она себя спитъ да наряды примѣряетъ... известно — дѣло дѣвичье... баловницы вѣдь всѣ онѣ... Вѣрушка, поди сюда! крикнула она въ сосѣднюю комнату.

Вѣра Андреевна не заставила долго ждать себя и въ то же мгновение оказалась у дверей, разодѣтая въ свѣжее новомодное платье, хитро причесанная въ видѣ классической богини. Хороша была она, Елецкій въ этомъ не заблуждался, — хороша замѣчательно: высокая и стройная, темноволосая, съ большими, нѣжными и почти черными глазами. Она очень мило зарумянилась, здоровалась съ Елецкимъ и протягивая ему руку.

Но это что же? — Вслѣдъ за нею въ гостинную выплыла какая-то женщина неопредѣленныхъ лѣтъ, въ огромномъ чепцѣ съ яркими лентами. Эта женщина такъ и впиалась своими маленькими, быстро бѣгающими глазками въ гостя. Онъ не успѣлъ перемолвиться двумя-тремя фразами съ Вѣрой, какъ ужъ невѣдомая женщина подсѣла къ нему и заговорила на ломаномъ русскомъ языкѣ.

— А вы, господинъ молодой, здѣшній будете?

Елецкій изумленно взглянулъ на нее, а потомъ на хозяйку.

— Это Каролина Карловна, объяснила Промзина, и больше ничего не прибавила.

Ему оставалось только отвѣчать на многочисленные и разнообразныя, такъ и сыпавшіяся на него вопросы таинственной Каролины Карловны; и онъ отвѣчалъ, хотя очень неохотно. Онъ начиналъ соображать кой что. Ему съ каждой минутой становилась все противнѣе и противнѣе эта навязчивая, картавящая женщина.

Наконецъ судьба ему улыбнулась: Каролина Карловна стала прощаться, объявила, что непременно еще зайдетъ вечеромъ — и исчезла. Вслѣдъ за нею вызвали по хозяйству и Марью Степановну.

Елецкій остался наединѣ съ Вѣрой.

Онъ быстро осмотрѣлся, убѣдился, что никто ихъ не можетъ видѣть, схватилъ руку красавицы и сталъ покрывать ее поцѣлуями. Она не отнимала руки. Румянецъ то потухалъ, то еще ярче вспыхивалъ на щекахъ ея.

— Вѣра, я едва дожилъ до этой минуты, я чуть съ ума не сошелъ тебя не видя... что ты со мной сдѣлала! страстно шепталъ Елецкій.

Она ничего не говорила, только глаза ея становились нѣжнѣе и нѣжнѣе.

— Вѣра, продолжалъ онъ, скажи мнѣ, что же это у васъ такое? — Я чую недоброе. Кто сія Каролина Карловна? Зачѣмъ она? Откуда?

— Она — сваха, тихо и грустно отвѣтила Вѣра. — Какъ только пріѣхали, матушка въ тотъ же часъ за нею послала; раза по три на

день она прибѣгаетъ, и все онѣ шепчутся. А вотъ сегодня съ раняго утра она у насъ, и видъ такой противный у нея... „Какого, говорить, я вамъ жениха нашла: богатый, говорить, знатный“... Много что-то тамъ матушкѣ росписывала, я и слушать не захотѣла — ушла... Одно только и слышала, какъ матушка ей сказала, что этого человѣка давно она для меня примѣтила, давно его знаетъ.

Вѣра замолчала. На ея глазахъ навернулись слезы и она стала еще милѣе. Елецкій поблѣднѣлъ, грудь его тяжело дышала.

— Что же это такое ты говоришь мнѣ, Вѣра! развѣ то возможно? Или тамъ, вечеромъ, въ Твери обманула меня, насмѣялась... не любишь?!...

— Петръ Григорьевичъ, вы-то зачѣмъ еще меня мучаете — и такъ вѣдь тошно! Вы матушку не знаете, а я ее знаю — коли что на умѣ ей взбрело, на томъ и поставитъ... захочетъ за кого меня выдать, такъ и спрашивать не станетъ — силою выдать... такъ она и съ сестрою Анютою сдѣлала... вѣкъ не забуду, какъ сестрица тогда убивалась... Я-то васъ не обманула и хотъ почитай силою вы отъ меня то слово вырвали, а все же разъ сказала, что люблю тебя, такъ это значить не въ шутку, а на вѣки,

И вдругъ она сама быстрымъ движеніемъ припала на грудь его и вся трепетная шепнула ему:

— Голубчикъ, Петръ Григорьевичъ, коли любите, то времени терять нечего. Сговорится матушка съ Каролиной Карловной, приѣдетъ женихъ, порѣшатъ — тогда поздно будетъ.

— Да, времени терять нечего, горячо отвѣчалъ Елецкій, цѣлуя ее. Скажи одно слово, скажи, что согласна, и будемъ неразлучны на вѣки... Сегодня же вечеромъ я увезу тебя, да такъ спрячу, что никто на свѣтѣ не сыщетъ.

Вѣра отшатнулась и взглянула на него испуганными, изумленными глазами.

— Петръ Григорьевичъ, что вы такое говорите? Какъ мнѣ понять сіи слова? неужели вы и подлинно можете думать, что я способна, забывъ всякій стыдъ, бѣжать изъ дому. И видно совсѣмъ вы меня не любите, коли такъ говорите!.. Нѣтъ, лучше горе, лучше муки на всю жизнь, чѣмъ позоръ — да и зачѣмъ?! Просите руки моей, можетъ она согласится... просите сегодня... сейчасъ...

Елецкій хотѣлъ говорить и не могъ. Онъ только глядѣлъ на Вѣру, глядѣлъ какъ-то мрачно, такъ что ей жутко становилось отъ его взгляда.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались тяжелые шаги Марьи Степановны. Молодые люди постарались оправиться.

Елецкій просидѣлъ еще нѣсколько минутъ. Вѣра надѣялась; что онъ будетъ просить ея руки и нарочно вышла изъ комнаты. Но онъ не сказалъ ни слова объ этомъ Марьѣ Степановнѣ и, совсѣмъ растерянный, уѣхалъ.

V.

Алабинъ только что проснулся. Онъ лежалъ потягиваясь на кровати и вспоминалъ нѣкоторыя подробности кутежа прошедшей ночи, когда къ нему въ спальню вошелъ вернувшійся отъ Промзинныхъ Елецкій. Онъ даже привскочилъ на кровати, взглянувъ въ лицо „брата“, такъ оно было блѣдно и разстроено.

— Что съ тобою? ты на себя не похожъ. Говори сейчасъ все безъ утайки! крикнулъ онъ. Ужели это тульская невѣста такъ тебя разогорчила—стыдись, право!

Елецкій остановился передъ нимъ и началъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Говорю тебѣ еще разъ—смѣшки и шутки теперь не у мѣста. А коли точно ты другъ мнѣ, то слушай... Полюбилась мнѣ Вѣра какъ никто еще доселѣ, и съ тѣхъ поръ я самъ не свой, не успокоюсь, пока не будетъ она моею.

— Ну такъ что-же, — все это въ порядкѣ вещей... все на тебя похоже. Да ты мнѣ одно скажи: была у васъ декларация?

— Была, еще дорогой, въ Твери.

— Чего же лучше! Теперь видно за мною дѣло стало, — скрасть ее нужно — такъ, что-ли? Что-же, я готовъ. Только обдумай хорошенько... (самъ ты говорилъ—родня у нихъ большая, — пожалуй наживешь еще такихъ неприятностей, что и жизни не радъ будешь. Да и знаю я тебя—сегодня плаешь, а завтра, только добился своего, — и ужъ другой предметъ въ сердцѣ у тебя поселится.

— Ну, нѣтъ, это не то что другія, возразилъ Елецкій. — Говорю тебѣ — люблю ее, люблю, жить безъ нея не могу... вотъ что!.. Выкрасть, увезти!—на это не пойдетъ она—я ужъ пробовалъ...

И онъ рассказалъ пріятелю въ подробностяхъ все, что было передъ тѣмъ у Промзинныхъ.

— Не глупа дѣвица, проговорилъ Алабинъ, — такъ тебѣ и слѣдуетъ — попался бычекъ на веревочку! Да можетъ оно и лучше — нужно же когда нибудь жениться... Ну и женись, коли такъ любишь и такъ хороша она... партія подходящая, да и приданое, я чаю, за ней дадутъ не малое—сыновой вѣдь ты говорилъ нѣту.

— А ужели ты думаешь, что я бы не женился коли бы могъ? отчаяннымъ голосомъ почти простоналъ Елецкій.—Не могу я этого... не могу!

— Почему не можешь? Тебя не разберешь право... И люблю, и женился бы, и не могу...

— Не могу, потому что я женатъ!..

Алабинъ вытаращилъ глаза, разинулъ ротъ, да такъ и остался нѣсколько мгновений.

— Женатъ! наконецъ проговорилъ онъ, — да ты шутишь, что-ли? Никто о семъ не знаетъ, и мнѣ ни слова... Когда? какъ? Гдѣ женатъ? Что такое?!

— А ужъ почти два года, грустнымъ голосомъ и мѣряя комнату большими шагами, началъ Елецкій.—Да, сдѣлалъ сію глупость! Поѣхалъ я въ Кіевъ по дѣлу, приглянулась мнѣ дочка того самого стряпчаго, что дѣло мое обдѣлывалъ, приволокнулся за нею. Совсѣмъ было сманилъ ее обѣжать; хотѣлъ свезти съ собой въ деревню, а тутъ отецъ ея, сутяга, сущій аспидъ, жадный крючкотворецъ,—и накрылъ насъ... Эхъ, северная исторія! Конечно, можно было вывернуться, да глупость напала,—въ чувствахъ сердца своего обманулъ. И что въ ней хорошаго тогда находилъ! даже дивлюсь на себя. Обвѣнчали, братецъ, обвѣнчали, и по сіе время она въ Кіевѣ живетъ, да и не одна, а съ мальчишкой, въ твою честь и Андреемъ его назвалъ... Только такъ она мнѣ опостыла, что и подумать о ней тошно, а ужъ теперь, какъ узналъ да полюбилъ Вѣру... Эхъ, ну, что тутъ дѣлать... ну говори... посоветуй!.. а у меня самого мысли совсѣмъ спутались...

— Что же тутъ совѣтовать! одинъ мой тебѣ згадъ — забудь ты, забудь дѣвицу Прозину, будто и не зналъ ее никогда, а я тебѣ нынѣшнимъ же вечеромъ такую красоту покажу, какой ты и отродясь не видывалъ.

— Глупый человѣкъ! пойми ты, что я не могу жить безъ нея, горячо перебилъ его Елецкій. Или она, или пулю въ лобъ!

— Ну, ну поди! чай тоже самое и про супругу передъ вѣнцомъ сказывалъ.

— Нѣтъ, эта не таковская...

Алабинъ задумался.

Вдругъ плутовская улыбка мелькнула на лицѣ его.

— А въ такомъ разѣ что-же!.. братца выручать надо... и выручимъ—славную штуку я придумалъ!

VI.

Узнавъ, въ чемъ состояла штука, придуманная „братцемъ“, Елецкій значительно успокоился. Охваченный припадкомъ страсти, съ которою онъ никогда не умѣлъ, да и не видѣлъ до сихъ поръ необходимости бороться, онъ еще минуту тому назадъ считалъ положеніе свое безвыходнымъ—и вдругъ находчивость лихаго пріятеля дала ему надежду на достиженіе цѣли, представлявшейся черезчуръ заманчивой. Онъ даже и думать не хотѣлъ о томъ, что все же остается еще много препятствій,—все это пустяки, все это преодолѣть можно; лазейка найдена, а съ остальнымъ такъ или иначе онъ справится.

Въ этотъ день конечно невозможно было возвратиться къ Прозинимъ, но на слѣдующее же утро онъ поѣхалъ къ нимъ.

Алабинъ, провожая его, говорилъ:

— Ну, смотри, самъ не подгадь дѣла. Коли все не рѣшится сегодня, коли затянешь, да возбудишь подозрѣнія въ Вѣрѣ, тогда что мы подѣлаемъ?!

— Не бойся, отвѣчалъ Елецкій,—заранѣе толковать нечего—тамъ видно будетъ...

Но онъ конечно и не воображалъ, что ему удастся такъ легко уладить дѣло, какъ это случилось—ему все на этотъ разъ благопріятствовало. Онъ засталъ старуху Промзину въ гостинной и сразу по лицу ея убѣдился, что за время его отсутствія произошло что-то особенное.

Ему не долго пришлось ждать разгадки. Промзина встрѣтила его довольно вѣжливо, но съ замѣтной холодностью. Она конечно не могла не замѣтить впечатлѣнія, произведеннаго на него Вѣрой; но совсѣмъ не хотѣла смотрѣть на него какъ на жениха. Она ѣхала изъ деревни въ Петербургъ уже съ опредѣленнымъ и окончательнымъ принятымъ намѣреніемъ. Заранѣе, черезъ посредство своей родственницы, а также давно знакомой ей свахи Каролины Карловны, она высмотрѣла настоящаго жениха для дочки и именно такого, какой ей былъ нуженъ. Елецкій же былъ для нея полезнымъ и даже необходимымъ попутчикомъ—и только. Она его не опасалась, не смотря на его молодость и красивую наружность, такъ какъ твердо была увѣрена, что на глазахъ у нея ничего не можетъ случиться, и что Вѣра изъ повиновенія не выйдетъ. Однако хотя всю дорогу она очень зорко наблюдала и за Елецкимъ, и за Вѣрой, но расчеты ея, какъ и всегда почти бываетъ въ такихъ случаяхъ, оказались не надежными—она утомлялась и засыпала, а молодые люди не дремали.

По приѣздѣ въ Петербургъ она не стала откладывать своего дѣла въ долгій ящикъ. Женихъ, человекъ уже немолодой, но въ чинахъ, со связями и достаточнымъ состояніемъ, былъ заранѣе предупрежденъ. Онъ видѣлъ Вѣру года три тому назадъ, проѣздомъ черезъ Тульскую губернію, и тогда еще плѣнился ея красотой. Узнавъ отъ Каролины Карловны, что Промзины приѣхали, онъ поспѣшилъ къ нимъ явиться.

Это было наканунѣ,—послѣ визита Елецкаго. И солидный женихъ, и опытная и прагматическая мать въ два часа времени все порѣшили между собою. Вѣра по настоятельному требованію Марьи Степановны вышла къ гостю, а черезъ нѣсколько минутъ, не смотря на грозные взгляды матери, почти убѣжала въ свою спальню и заперлась тамъ. Но больше ничего и не требовалось—женихъ увидѣлъ невѣсту, убѣдился, что она не только не подурнѣла, но напротивъ, значительно даже похорошѣла въ эти три года. О томъ же впечатлѣніи, какое онъ самъ произвелъ на нее—никто конечно не подумалъ.

Бѣдная Вѣра заливалась горькими слезами. Она уже успѣла совершенно плѣниться Елецкимъ, молодымъ, красивымъ и смѣлымъ, который съ обаятельною дерзостью вырвалъ у нея первое признаніе и первый поцѣлуй. Немолодой и некрасивый женихъ показался ей отвратительнымъ. Она боялась матери, зная ея характеръ. Она ждала Елецкаго и въ то же время сознавала, что все теперь потеряно, что мать за него ее не выдастъ. Она хотѣла писать ему, но не знала, съ кѣмъ отослать письмо и по какому адресу. И ждала, ждала, не спала

всю ночь, плакала, а утромъ Марья Степановна объявила ей, что если прійдетъ Елецкій, то чтобы она къ нему выходить не смѣла.

Елецкій пріѣхалъ. Вѣра узнала это, но не рѣшалась послушаться матери. Однако вѣдь ей необходимо было его видѣть. И вотъ она рѣшилась на послѣднее средство. Она сговорила со своей горничной, надѣла шубку, незамѣтно вышла чернымъ ходомъ изъ квартиры и, обойдя домъ, стала ждать выхода Елецкаго.

А между тѣмъ Марья Степановна оканчивала свой разговоръ съ надобдливимъ гостемъ. Она положила ничего не скрывать отъ него: „авось отбѣдетъ по добру по здорову; ну, а коли не поможетъ, то пускай самъ на себя пеняетъ—принимать не стану“.

— А я вамъ свою радость скажу, Петръ Григорьевичъ, послѣ первыхъ же фразъ начала она,—вѣдь Вѣрушку-то я просватала!

Сказавъ это, она пристально - пристально стала вглядываться въ лицо его.

Елецкій не поразился. Онъ ждалъ этого извѣстія, и оно даже было ему на-руку; поэтому ему не представило большого затрудненія самымъ любезнымъ тономъ отвѣчать ей:

— Вотъ какъ! Ну, что-жь, дѣло хорошее... Позвольте васъ поздравить съ симъ важнымъ и радостнымъ для вашего материнскаго сердца событіемъ. А Вѣрѣ Андреевнѣ могу я принести свои поздравленія?

Промзина изумленно смотрѣла. Совсѣмъ не такого эффекта ждала она отъ своихъ словъ.

— Спасибо вамъ, батюшка, проговорила она... Вѣрѣ сегодня что-то нездоровится, голова что-ль тамъ, прилегла она, заснула... ну, да что же, ничего, въ другой разъ поздравите.

Елецкій смутился—дѣло начинало портиться. По тону ея голоса и нѣсколько уже зная ея характеръ, онъ видѣлъ, что теперь, на этотъ разъ по крайней мѣрѣ, ничего не добьется, что Вѣру она отъ него спрятала и ни за что не покажетъ. Неужто уходить съ пустыми руками!—конечно черезъ прислугу можно будетъ ей доставить цидулку—дѣло не новое, давно знакомое; но хлопоты, проволочки! Между тѣмъ неперемѣнно вѣдь ему нужно нынче же видѣть Вѣру. Какъ же тутъ быть? Спорить со старухой нечего и думать!...

Онъ пробовалъ было остаться, надѣясь, что Вѣра какъ нибудь найдетъ возможность выйти въ гостинную. Но Промзина не церемонилась и прямо объявила ему, что хотѣла бы оставить его обѣдать, да нынче-де у нея хлопотъ по горло и она надѣется, что онъ на сей разъ извинить ее.

Едва скрывая свое раздраженіе, Елецкій всталъ и простился. Онъ вышелъ на улицу и раздумывалъ, что бы такое теперь предпринять, какъ вдругъ передъ нимъ очутилась Вѣра.

— Радость моя! ты ли?! о, да какая же ты умница! чуть было громко не крикнулъ онъ.

— Скорѣе, времени нѣту, я заперла мою комнату... будетъ стучаться... подумаетъ, что сплю; но я должна спѣшить... Ну что, что она тебѣ говорила?... почти задыхаясь шептала Вѣра.

— Да что?!... съ хорошо сыграннымъ отчаяніемъ проговорилъ онъ.—Я пріѣхалъ просить руки твоей, но не успѣлъ и займуться о семь, какъ твоя мать объявила мнѣ о твоей помолвкѣ... Вѣра!... неужто все кончено?... ужели я долженъ разстаться съ тобою на вѣки?!...

— Что же дѣлать!? едва сдерживая рыданія проговорила она.

— Бѣжимъ, теперъ же... сію минуту...

Она пошатнулась, она чуть не упала и схватила себя за голову.

— Нѣтъ, никогда... лучше смерть...

— Никогда!... Вѣра, одумайся!... ты и себя и меня губишь. Не на позоръ я зову тебя, ты знаешь, что мать твоя непреклонна... бѣжимъ, и если не сейчасъ, такъ нынче же вечеромъ... я все приготовлю. Мы обвѣнчаемся здѣсь, въ Петербургѣ, а потомъ, этою же ночью, будемъ уже далеко...

Вѣра схватила его за руку, быстро освѣтилась лицо ея новымъ выраженіемъ и въ выраженіи этомъ уже не было прежняго ужаса, горя и муки.

— Правду ли говоришь ты? можешь ли повѣстись, что меня не обманешь? что нынче же мы будемъ обвѣнчаны?

— Такъ ты значитъ считаешь меня обманщикомъ, не вѣришь?!...

— Нѣтъ, вѣрю, вѣрю! Ахъ, что же мнѣ дѣлать?.. я не виновата... за что она хочетъ погубить меня... Милый, я согласна!

Радостно взглянула она на Елецкаго. Въ этомъ порывѣ довѣрчивой любви Вѣра была прелестна.

— Ровно въ десять часовъ я буду ждать тебя здѣсь, у этого угла, все будетъ готово—не обмани же...

Она кивнула ему головой, еще разъ взглянула, улыбаясь сквозь слезы, и быстро исчезла въ воротахъ дома.

Ея предположеніе оправдалось. Марья Степановна, въ своей близорукой самоубрѣнности, ничего не подозрѣвала. Убѣдившись, что дверь въ спальню дочери заперта и что Вѣра не подаетъ голоса, она ушла на другую половину квартиры.

„Всю ночь и все утро ревѣла, видно заснула; ну и пускай спить—успокоится... Эхъ, глупость-то дѣвичья! потомъ сама же спасибо скажетъ—знаю жѣ вѣдь я, что дѣлаю“, подумала какъ и всегда довольная собою Марья Степановна.

Довѣренная горничная поджидала Вѣру—все сошло благополучно.

VII.

Еслибы Марья Степановна была наблюдательнѣе, да не была на этотъ разъ такъ поглощена всякими хозяйственными заботами и со-

ображеніями, она конечно замѣтила бы то странное состояніе, въ которомъ находилась Вѣра. Не отчаяніе то было, не горе, а волненіе и безпокойство. Вѣра не знала, куда дѣваться, металась изъ комнаты въ комнату, поминутно подходила къ часамъ; лицо ея то блѣднѣло, то краснѣло, глаза очень часто останавливались на матери не то съ упрекомъ, не то съ мольбою. Наконецъ она не вытерпѣла, у нея мелькнула слабая надежда, что можетъ быть мать сжалится надъ нею, не принудить рѣшиться на крайній шагъ, казавшійся ей страшнымъ и въ то же время неизбѣжнымъ. Она кинулась на шею Марьѣ Степановнѣ и залилась слезами.

— Матушка, пожалѣй меня! проговорила она прерывающимся, молящимъ голосомъ,—не выдавай замужъ... женихъ мнѣ не по сердцу... я не могу... не хочу его... да и зачѣмъ ты спѣшишь такъ? Вѣдь какъ ѣхали сюда, говорила, что ѣдемъ веселиться, людей увидимъ, всю зиму проживемъ... Зачѣмъ же такъ, сейчасъ же... едва пріѣхали?... Матушка, пожалѣй меня... вѣдь я самая несчастная за нимъ буду, коли онъ мнѣ противенъ... Пожди, обживемся, знакомства сдѣлаемъ... можетъ кто и тебѣ по праву придется... найдешь лучшаго, матушка!...

Марья Степановна оттолкнула дочь и грозно на нее взглянула.

— Ахъ, ты глупая, глупая, качала она головою, вѣдь ужъ не подростокъ—двадцать лѣтъ скоро, можно было бы быть поумнѣе... Отъ добра добра не ищутъ и видно знаю я, что дѣлаю. Лучше этого жениха вѣкъ будемъ искать—не найдемъ. А что же, мнѣ тебя въ перестаркахъ оставлять, что ли? О противности его ты мнѣ и не говори лучше—это все пустое, вы дѣвки глупыя, особливо если засидитесь, въ мечтаніяхъ себѣ и ни вѣсть что представляете. Лицарей вамъ да героевъ подавай, а такихъ вотъ, вишь ты, и на свѣтъ-то нѣту! Да и всѣ-то ваши лица, вонъ что въ епанчахъ да въ красныхъ камзолахъ по улицамъ какъ угорѣлые мчатся—народъ давятъ,—все вѣдь мошенники они, безбожники, альбо въ долгахъ сидятъ по уши. Такъ за такимъ ты счастливѣе что ли будешь? Нѣтъ, мать моя, лучше помолчи; не твоего ума это дѣло, меня не переспоришь, только сердце вскипятишь мнѣ. Коли я что говорю, такъ тому и быть значить, и вотъ тебѣ мой згадъ—не ревѣть, не запыраться, отъ жениха не отвертываться, не доводить меня—тебѣ же вѣдь хуже будетъ!...

Вѣра отерла свои слезы, сѣла въ креслицѣ у окошка и долго такъ сидѣла, будто каменная, смотря въ одну точку и ничего передъ собою не видя.

„Нѣтъ, суждено! думала она, не погибать же мнѣ на всю жизнь мою, и авось Господь милостивъ—не обманетъ Петруша, не насмѣется надо мною. Онъ меня любитъ, да, любитъ“!..

Она сама любила его, а потому, хотъ и знала его безъ году недѣлю, не могла ему не вѣрить.

Между тѣмъ страшный часъ приближался. Вотъ и девять пробило. Марья Степановна, всю жизнь живя въ деревнѣ, привыкла ложиться рано и въ половинѣ десятого ушла къ себѣ въ спальню.

Мало по малу все затихло въ квартирѣ. Вѣра бросилась на колѣни передъ образами, горячо помолилась, накинула на себя шубку и неслышно проскользнула въ корридоръ, а потомъ и въ сѣни, къ выходной парадной двери. Въ двухъ шагахъ отъ нея, на ларѣ, сидѣлъ буфетчикъ. Онъ еще не ложился, но видно присѣлъ тутъ да и задремалъ. Она разслышала его мѣрное дыханіе. Маленькая лампа освѣщала сѣни.

— Что если онъ проснется, увидитъ? какъ отворить дверь? И дверь скрипнетъ, и замокъ щелкнетъ. Господи, помоги!

Она перекрестилась, быстро отперла дверь, захлопнула ее за собою и не оглядываясь, себя не помня, спустилась съ лѣстницы.

Еще мигъ—она на улицѣ, морозная лунная ночь, далекій и близкій говоръ, скрипъ полозьевъ...

— Вѣра!

Сильныя руки схватили ее. Дверца низенькой кареты на полозьяхъ захлопнулась, лошади тронули и помчались по уличнымъ ухабамъ.

Вѣра открыла глаза. Онъ, онъ рядомъ съ нею въ тѣсной каретѣ— все кончено! Радость и тоска въ одно и то же время охватили ее— она заплакала. Онъ цѣловалъ ей руки, заглядывалъ въ полутьмѣ въ глаза ея. Его успокоивающій, нѣжный голосъ шепталъ ей:

— Не плачь, моя золотая, зачѣмъ слезы... я не хочу ихъ, я беру тебя на радость, а не на горе...

— Но куда мы ѣдемъ? ты обѣщалъ мнѣ, что тотчасъ же обвиняемся, въ какой же церкви?

— Въ церкви?!. Неужели ты не знаешь, что это невозможно? или хочешь ты, чтобы насъ наерили, чтобы не дали убѣжать намъ. Можетъ тебѣ ужъ хватились. Я упростилъ знакомаго попа вѣнчать насъ дома. Онъ ужъ ждетъ...

— Какъ дома?!. съ прежнимъ страхомъ переспросила она. Развѣ на дому бывають свадьбы? я того никогда не слыхала.

— Можетъ и не слыхала, можетъ въ Тулѣ и не бывало такихъ вѣнчаній, спокойно отвѣчалъ онъ; но здѣсь у насъ зачастую на дому вѣнецъ бываетъ, когда нужно, чтобы все было тайно.

Она замолчала. Его спокойный, увѣренный голосъ на нее подѣйствовалъ.

VIII.

Наконецъ карета остановилась. Елецкій, крѣпко держа Вѣру за руку, провелъ ее въ квартиру Алабина. Она вся дрожала, но молча и покорно слѣдовала за своимъ путеводителемъ. Ефимъ отворилъ двери и на вопросъ Елецкаго, все ли готово, съ почтительнымъ поклономъ, обращеннымъ къ Вѣрѣ, отвѣтилъ, что „батюшка“ давно дожидается.

Дѣйствительно въ сосѣдней, ярко освѣщенной комнатѣ Вѣра увидѣла наложъ съ крестомъ и евангеліемъ. Въ сторонѣ, у стола, покрытаго длинною скатертью, на которомъ лежали восковья свѣчи и два вѣнца, священникъ въ полномъ облаченіи внимательно читалъ какую то книгу. При входѣ жениха и невѣсты онъ обернулся, и Вѣра увидѣла красивое лицо, обрамленное густою черною бородой. Священникъ серьезно и съ достоинствомъ поклонился, и Вѣра не замѣтила, какимъ многозначительнымъ взглядомъ онъ обмѣнялся съ Елецкимъ.

Въ это время въ комнату вошелъ Ефимъ и заперъ двери. Онъ зажегъ свѣчи, пошптался съ священникомъ, и черезъ двѣ-три минуты началось вѣнчаніе.

Ефимъ держалъ вѣнцы надъ женихомъ и невѣстой. Въ своемъ волненіи Вѣра не замѣчала, что священникъ иногда путался въ молитвахъ, говорилъ совсѣмъ не то, что обыкновенно говорится при вѣнчаніи. Онъ иногда, отходя отъ наложъ, подходилъ къ столу и заглядывалъ въ книгу, иногда же просто бралъ ее въ руки и читалъ по ней.

Бѣдная Вѣра усердно молилась; вѣнчальная свѣча дрожала и оплывала въ рукѣ ея. Вотъ вѣнчаніе окончено; священникъ поздравилъ новобрачныхъ. Елецкій, не смущаясь его присутствіемъ, страстно обнялъ и сталъ цѣловать Вѣру.

— Теперь мѣшкать нечего, говорилъ онъ, тройка уже готова, къ утру мы должны быть далеко отъ Петербурга. Вѣрушка милая, я тутъ приготовилъ тебѣ все, что нужно для дороги, только не знаю, хорошо ли, можетъ забытъ что; осмотри сама. Потому мы все это уложимъ въ сундукъ и—съ Богомъ въ дорогу!

Онъ провелъ ее въ небольшую комнату рядомъ, гдѣ стоялъ открытый дорожный сундукъ, а на большомъ турецкомъ диванѣ были разложены необходимыя для дороги вещи и въ томъ числѣ прекрасная соболья шуба, которая должна была замѣнить легкую шубку Вѣры.

Новобрачная, какъ во снѣ, стала перебирать вещи. А Елецкій между тѣмъ вышелъ, заперъ за собою дверь и бросился на шею къ священнику.

— Спасибо, братецъ, сказалъ онъ—дѣло сдѣлано, я теперь счастливъ и тебѣ обязанъ симъ счастіемъ...

— Тише, тише, перебилъ его священникъ — Алабинъ, поддерживая свою наклеенную бороду. — Вѣдь едва держится! того и ждалъ, что во время вѣнчанія отвалится. Цирюльникъ проклятый мучилъ, мучилъ, а все же путемъ наклеить не сумѣлъ... Вотъ отъ какой наипустѣйшей вещи иной разъ все зависитъ!—Ну что бы случилось, если бы борода моя да отвалилась?.. А ты, братецъ, и въ заправду счастливчикъ, весело прибавилъ онъ, — не ждалъ я, что такую красавицу женушку себѣ подцѣпишь. Я чуть было не забылъ свою роль, на нее залюбовавшись... Ну, съ Богомъ... я пока скроюсь... Тройка, слы-

пишь, готова — позвякиваетъ. Смотри же, изъ Сарскаго села безпремѣнно съ Ефимомъ пришли цидулку, да не попадись какъ нибудь, а я тутъ всячески слѣды замечать стану...

— Прощай, братецъ, спасибо, во вѣкъ не забуду твоей услуги!..

Пріятели еще разъ обнялись. Священникъ ушелъ въ спальню переодѣваться и отклеивать бороду, а Елецкій вернулся къ Вѣрѣ. Меньше чѣмъ черезъ часъ дорожная карета, запряженная тройкою сильныхъ коней, выѣхала изъ города по царскосельской дорогѣ. На козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, сидѣлъ Ефимъ кутаясь въ тулупъ и весело ухмыляясь.

„Вотъ такъ лихіе господа, думаль онъ, — много было у насъ дѣловъ разныхъ, а такого еще не случалось! И все-то имъ съ рукъ сходить... Не токмо что людей, а и Господа Бога обманываютъ, не боятся!.. А она-то, бѣдняжка, ничего-то, ничего не примѣтила... Что-то будетъ съ нею“?..

Онъ пересталъ улыбаться и задумался.

IX.

Прошло два года. Скончалась Екатерина, царствовалъ Павелъ. Петербургъ былъ неузнаваемъ. Еще такъ недавно привольная роскошная жизнь выпѣла въ нежѣ, общество жило въ свое удовольствіе, ничѣмъ не стѣсняясь; роскошь достигала баснословныхъ размѣровъ. День начинался поздно, ночь превращалась въ день и почти до самаго разсвѣта по улицамъ было большое движеніе — развѣзжали кареты, развозя съ баловъ по домамъ нарядныхъ женщинъ, мчались на рыскахъ военные и статскіе франты. Теперь печать тишины и какой-то запуганности легла на весь городъ.

Павелъ Петровичъ, въ своемъ гатчинскомъ уединеніи, слишкомъ долго слушалъ рассказы объ испорченности петербургскихъ нравовъ, слишкомъ накупѣло во время длинныхъ лѣтъ невольнаго бездѣйствія его горячее сердце. Съ первыхъ же дней царствованія онъ рѣшилъ положить конецъ „всѣмъ симъ вреднымъ порядкамъ и дебошамъ“. Онъ началъ съ распушенной гвардіи и сталъ вводить въ ней свою строгую гатчинскую дисциплину. Офицеры должны были забыть и думать о штатскомъ платьѣ, шубахъ и муфтахъ. Дорогіе, роскошные мундиры смѣнились самыми простыми. За малѣйшее послабленіе, невнимательность къ своимъ обязанностямъ — слѣдовало строгое наказаніе. Караульные офицеры уже не расхаживали въ халатахъ за грибами, не выставляли женъ своихъ въ мундирахъ передъ солдатами. Императоръ самолично производилъ ежедневно разводъ полкамъ, и всѣ полки должны были постоянно быть на готовѣ собираться по первому сигналу тревоги.

И не объ одномъ только войскѣ заботился Павелъ Петровичъ; заботился онъ и обо всемъ обществѣ. Онъ всѣми мѣрами изгонялъ

роскошь, самъ лично уговаривалъ купцовъ сбавить высокія цѣны на товары. „Какъ я живу, такъ пусть и всѣ живутъ“, говаривалъ онъ. И самъ жилъ просто и экономно. Расходы двора, огромные въ Екатеринино царствованіе, сразу значительно сократились. Всѣмъ дворцовымъ подрядчикамъ было отказано, и припасы во дворецъ покупались на рынкѣ по рыночнымъ цѣнамъ. О прежнихъ роскошныхъ дворцовыхъ балахъ забыли и думать. Царское семейство вело скромную семейную жизнь.

Императоръ вставалъ ровно въ пять часовъ утра, а въ шесть у него уже начинались доклады. Изнѣженные сановники должны были поневолѣ передѣлать весь строй своей жизни, а кто не могъ этого, тотъ долженъ былъ считать свою дѣятельность оконченною. Въ восемь часовъ утра, послѣ доклада, императора уже можно было встрѣтить на петербургскихъ улицахъ, и къ этому времени городская жизнь должна была начинаться, — спать никому не приходилось. Послѣ вечерней прогулки и чая, къ которому собиралось все царское семейство и который разливала императрица Марія Федоровна, государь ровно въ восемь часовъ ложился спать и вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ засыпать весь городъ. Фонари на улицахъ тушились, движеніе прекращалось; кому не хотѣлось спать и казалось неудобнымъ сидѣть въ потьмахъ, тотъ долженъ былъ тщательно занавѣшивать окна, чтобы снаружи не видно было свѣту.

Съ каждымъ днемъ слухи о паденіи то того, то другаго вельможи, о ссылкахъ и высылкахъ изъ города разносились всюду и тревожили общество. Новые, еще вчера совсѣмъ ничтожные люди быстро возвышались, но иногда также быстро и падали при первомъ невѣрномъ, неловкомъ шагѣ. Почти все общество, не успѣвшее еще очнуться и понять хорошенько дѣйствительность, преувеличивало свои бѣды и напасти и смущалось, пугалось, перешептывалось и негодовало. Кто могъ, тотъ выѣзжалъ изъ Петербурга, но многіе не могли этого и только дрожали отъ страха.

Было ясное весеннее утро. Императоръ окончилъ свою прогулку и верхомъ, въ сопровожденіи своихъ любимцевъ: Кутайсова, Кушелева и Аракчеева, подѣзжалъ ко дворцу. Вдругъ онъ увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя молодую, очень красивую женщину, скромно, но прилично одѣтую и съ маленькимъ ребенкомъ на рукахъ. Она видимо хотѣла говорить что-то, но языкъ ея не слушался. Она молча опустила на колѣни и застилавшимися отъ слезъ глазами глядѣла на императора.

Онъ осадилъ лошадь и ласково обратился къ молодой женщинѣ.

— У васъ ко мнѣ просьба? успокойтесь и говорите — я васъ слушаю.

— Государь! произнесла она — защитите ради моего несчастнаго ребенка... вотъ мое прошеніе!

Она поднялась, невѣрными шагами подошла къ Павлу Петровичу и протянула ему бумагу.

— Сейчас прочту, сказалъ онъ,—и ежели дѣло ваше правое, то будьте безъ сумнѣнія, что найдете во мнѣ защиту. Войдите во дворецъ, я прикажу, чтобы васъ пропустили.

Онъ проѣхалъ впередъ. Молодая женщина, нѣсколько оправившись, медленно пошла къ дворцовому подъѣзду.

Войдя въ свой кабинетъ, государь тотчасъ же вскрылъ и началъ читать поданную ему бумагу.

Это было прошеніе дочери умершаго бригадира Вѣры Андреевны Промзиной, которая подробно и откровенно рассказывала о томъ, какъ, пользуясь ея молодостью и неопытностью, гвардіи капитанъ Елецкій соблазнилъ ее и заставилъ бѣжать съ нимъ изъ дому; какъ онъ, будучи женатъ и имѣя отъ законной жены сына, вѣнчался съ нею на дому, причеиъ роль священника разыгралъ его троюродный братъ и также капитанъ гвардіи, Алабинъ; какъ въ теченіе болѣе года Елецкій жилъ съ нею у себя въ деревнѣ, въ Тамбовской губерніи, пока у нея не родилась дочь. Затѣиъ онъ ее бросилъ и скрылся, а потомъ въ деревню пріѣхала его законная жена съ сыномъ, и весь обманъ обнаружился. Обѣ женщины выслѣдили обманщика, узнали, что онъ снова въ Петербургѣ, на службѣ въ полку своемъ, узнали и объ участіи Алабина въ обманѣ и въ кощунственной комедіи. Старый слуга Алабина, бывшій всему свидѣтелемъ, не захотѣлъ болѣе выносить незаконній, чинимыхъ его господиномъ, готовъ принять наказаніе за свое долгое молчаніе и во всякое время обязался подтвердить все вышеизложенное.

Описавъ свою плачевную исторію, Вѣра Промзина обращалась къ милосердію и справедливости государя, и умоляла спасти ее и ея ребенка, десятилѣтнюю дочь, отъ позора.

Государь внимательно прочелъ прошеніе и задумался:

„Вотъ до чего довели, вотъ до чего распустили!.. столь грязныя и незаконныя дѣла творились среди бѣлаго дня и оставались безнаказанными... и они, виновники сего гнуснаго дѣла, не почитали себя преступниками... для нихъ то была забава и шутка!.. ну, такъ и съ ними пошутить надо!..“

Онъ приказалъ проводить Вѣру Промзину къ императрицѣ и самъ пошелъ туда же.

Въ семейномъ царскомъ кругу, уже собравшемся къ обѣду, который подавался ровно въ полдень, обласканная и успокоенная Вѣра, во всѣхъ подробностяхъ рассказала свою исторію и вышла изъ дворца съ твердой надеждою на лучшее будущее. Ея похудѣвшее, блѣдное и измученное лицо стало спокойнѣе. Она страстно прижимала къ груди своей тихо заснувшую дѣвочку и шептала:

„Спи спокойно, справедливый государь не дастъ тебя въ обиду злымъ людямъ и не будешь ты краснѣть за мать свою!.. есть правда

на свѣтъ! И коли государь и государыня назвали меня невиновною, то Богъ дастъ—смягчится и сердце матушки“...

Совсѣмъ неузнаваемая, будто возрожденная, вернулась Вѣра въ домъ замужней сестры своей, которая въ то время жила въ Петербургѣ и пріютила ее у себя, не смотря на проклятія и угрозы нехотѣвшей ничего слышать и ничего соображать Марьи Степановны.

Х.

Елецкій съ Алабинимъ уже нѣсколько мѣсяцевъ жили снова вмѣстѣ. Елецкій, возвратясь въ Петербургъ, очень спокойно объявилъ „братцу“, что Вѣра ему надоѣла и что онъ оставилъ ее съ ново-рожденной плаксою-дѣвченкой въ деревнѣ.

— Нѣтъ, видно не судьба мнѣ быть женатымъ человѣкомъ, сказалъ онъ; больше году никакая любовь во мнѣ не держится. Не даромъ видно шиты наименовали Амура провазникомъ—вѣчно-то онъ проказы творить надо мною... вонъ старики толкуютъ, будто съ рожденіемъ ребенка супружеская любовь утверждается, а я какъ слышу пискъ—такъ хотъ въ петлю... противно мнѣ все сіе...

— И зачѣмъ было огородъ городить,
И зачѣмъ было капусту садить?!

пропѣлъ Алабинъ.

— Къ чему тутъ разсужденіе: зачѣмъ да почему? „Довлѣетъ дневи злоба его“—и ты, отче, по своему духовному сану, долженъ знать сіе и поступать согласно сему...

Проговоривъ это Елецкій засмѣялся, засмѣялся вслѣдъ за нимъ и Алабинъ. Разговоръ о прошломъ и о Вѣрѣ былъ конченъ; пріятели зажили развеселой жизнью.

Но съ воцареніемъ императора Павла этой жизни былъ положенъ предѣлъ. Новые порядки показались „братцамъ“ жестокими и „неудобноносимыми“. Присмирѣвъ и сдержавши себя мѣсяцъ, другой, они рѣшили, что въ столь тяжелыя времена для нихъ осталось одно: выйти въ отставку, уѣхать въ деревню и постараться найти себѣ тамъ удовольствія и наслажденія нѣсколько инаго рода.

Однако пока еще отставка не была получена, они обязаны были нести службу.

На слѣдующій день послѣ разговора Вѣры съ государемъ Елецкій и Алабинъ присутствовали на разводѣ. Они на себя были не похожи въ новыхъ мундирахъ, въ огромныхъ сапогахъ и перчаткахъ, въ бубляхъ и косахъ. Они грустно перемигивались съ товарищами и съ затаенной злобой и презрѣніемъ посматривали на „гатчинцевъ“, надъ которыми до сихъ поръ всегда такъ подсмѣивались и которыхъ теперь должны были слушаться, какъ опытныхъ наставниковъ.

Но вотъ показался государь, окруженный своей свитой. Все приомкло, подтянулось, вытянулось въ струнку. Многіе читали про себя

молитву, каждый боялся шевельнуться, чтобы какимъ нибудь незначительнымъ, но неформеннымъ движеніемъ не навлечь на себя гнѣва.

Впрочемъ на этотъ разъ государь былъ повидимому въ хорошемъ расположеніи духа; онъ остался доволенъ и солдатами и офицерами и весело разговаривалъ съ окружающими.

Разводъ былъ оконченъ. Всѣ чувствовали, что гора свалилась съ плечъ—такой счастливый день былъ въ диковинку. Вдругъ государь, обернувшись оглядывая всѣхъ офицеровъ, громкимъ голосомъ спросилъ:

— Капитаны Елецкій и Алабинъ здѣсь?

Произошло движеніе; у всѣхъ упало сердце. Елецкій и Алабинъ, ни живы ни мертвы, вышли изъ рядовъ и приблизились къ государю.

— Вы? произнесъ онъ, кивнувъ Елецкому.

Тотъ сначала не сообразилъ, но затѣмъ понялъ вопросъ и, заикаясь, назвалъ себя.

Брови императора сдвинулись, на губахъ мелькнула презрительная усмѣшка.

— Ступайте домой! грозно сказалъ онъ и удалился.

Алабинъ и Елецкій стояли какъ обезумѣвшіе. Но приказъ государя слѣдовало исполнить какъ можно скорѣе. Они поспѣшили домой и, едва вошли въ свою квартиру, какъ были арестованы...

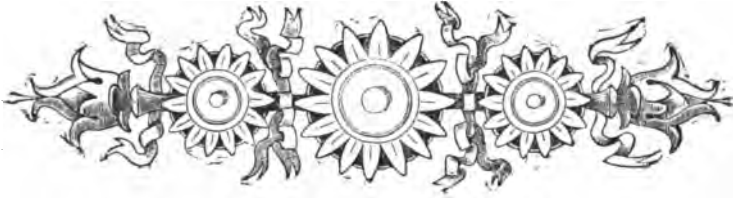
На слѣдующей же день стала извѣстна резолюція императора на прошеніе Вѣры Промзиной. Она гласила: „Похитителя дочери бригадира Вѣры Промзиной, капитана Елецкаго, не медля разжаловать и сослать куда будетъ указано. Вѣру Промзину, наравнѣ съ его законною женою, признавать имѣющею право на носеніе, буде она пожелаетъ, фамиліи соблазнителя, равно какъ и дочь ея, прижитую съ онымъ, считать законною. Что же касается до вѣнчавшаго ихъ капитана Алабина, то такъ какъ онъ имѣетъ склонность къ духовной жизни, послать его въ монастырь и постричь въ монахи“.

Въ двадцатыхъ годахъ, въ Александро-Невской Лаврѣ обращалъ на себя вниманіе пожилой монахъ необыкновенно красивой наружности. Онъ отличался смиреніемъ и строгостью жизни. Къ нему стекались со всѣхъ сторонъ за совѣтомъ и утѣшеніемъ, и приходившіе возвращались отъ него съ облегченнымъ сердцемъ. Нуждавшимся въ примѣрѣ онъ рассказывалъ, какъ долгое время самъ погрязалъ въ грѣхахъ и распутствѣ, какъ, насильно постриженный, былъ полонъ проклятіями и хулою и какъ наконецъ, черезъ нѣсколько безумныхъ лѣтъ, Господь очистилъ его сердце и просвѣтилъ его разумъ.

— Други мои, говорилъ старецъ вдохновеннымъ голосомъ и радостно блестя глазами, — только здѣсь, въ этой обители, я позналъ величайшее счастье, какого ни на мгновеніе не испыталъ въ моей свѣтской, грѣховной жизни. Велико милосердіе Божіе, коли мнѣ, прѣрѣвнѣйшему изъ грѣшниковъ, Онъ далъ вкусить сіе счастье!..

Этотъ „святой старецъ“, какъ его всѣ называли, былъ Алабинъ.

Всеволодъ Соловьевъ.

СКОПЧЕСКІЙ ЕРЕСІАРХЪ КОНДРАТІЙ СЕЛИВАНОВЪ.

(Ссылка его въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь).

АБЛУ ЖЕ сему особливой важности не придавать и трактовать оное не какъ политическое, а какъ гражданское“, — писала императрица Екатерина II въ инструкціи своей полковнику Волкову, отправлявшемуся производить слѣдствіе оскопцахъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, въ послѣдствіи высшее правительство отказалось отъ такого взгляда, придадо важность простому факту религіознаго помѣшательства, увидало опасныя политическіе замыслы тамъ, гдѣ было лишь одно невѣжество, само надѣло на главы фанатиковъ-мученическіе вѣнцы и окружило ихъ ореоломъ страдальцевъ за истину.

Чистое, неизвращенное еще фанатизмомъ своихъ прозелитовъ, христіанство требовало служенія Богу въ духѣ и истинѣ и никогда конечно не посягало на человѣческую природу ради угожденія Творцу; однако, съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ возрѣній, порожденныхъ прежними религіозными канонами, а также въ силу желанія подчинить Богу всего себя, распять „плоть со страстями и похотями“, мы начинаемъ замѣчать въ христіанствѣ совершенно неприсущее духу его теченіе, состоящее не только въ духовномъ оскотленіи себя во имя Божіе, но и въ дѣйствительномъ, сознательномъ оскотленіи, выражающемся въ извѣстной мучительной операціи. Не говоря уже о религіяхъ Малой Азіи, Финикіи, халдеевъ и т. п., даже само идеалистическое іудейство допускало оскотленіе и самъ Божественный Спаситель указывалъ на него какъ на существующій фактъ, сказавъ, что „суть скопцы иже оскопиша ся ради царствія небснаго“. При помощи строго аскетическихъ возрѣній разныхъ послѣдующихъ учителей церкви, идея спасенія черезъ оскотленіе никогда не умирала въ

¹⁾ Полн. Собр. Зак., т. XIX, № 13838.

Византии, гдѣ было завѣдомо нѣсколько епископовъ-скопцовъ, а отсюда она должна была проникнуть и въ Россію, гдѣ культъ бога Ярилы представлялъ для нея плодотворную почву.

Съ другой стороны, христіанство не могло отрѣшиться и отъ тѣхъ мистическихъ идей, которыя были до него выработаны лучшими умами того времени, а потому то тутъ, то тамъ оно вступило въ компромиссы съ этими мистическими теоріями, давъ начало павликіанству, манихейству, катарству и альбигойству съ одной стороны и такъ называемому неоплатонизму со всѣми его подраздѣленіями — съ другой. Борьба злаго и добраго начала, ученіе о Словѣ и возможность уподобиться Слову-Христу — вотъ тѣ чисто языческія теоріи, которыя самою силою вещей проникли въ христіанство и основались въ Византии и ея провинціяхъ, такъ какъ Востокъ относился всегда болѣе терпимо къ религиознымъ убѣжденіямъ, нежели Западъ христіанскаго міра. Главными носителями этихъ теорій явились катары, болгарскіе богомилы, итальянскіе патарены и южно-французскіе альбигойцы; какъ извѣстно, они не довольствовались спокойнымъ исповѣдываніемъ своего религиознаго канона, а напротивъ того, постоянно ходили на проповѣдь, искали прозелитовъ и заходили въ Россію.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ обращали слишкомъ мало вниманія именно на эти два фактора распространенія у насъ на Руси скопчества и, признавши а priori незначительность вліянія нашего язычества на позднѣйшее наше христіанство, искали причинъ этого противоестественнаго явленія тамъ, гдѣ ничего подобнаго никогда не было; понятно, что объясняемое оставалось необъясненнымъ, и появленіе христовщины съ ея ползаньемъ по холсту и исканіемъ Христа, съ цѣлымъ рядомъ ея лже-Христовъ, а въ особенности фактъ появленія ученія о необходимости оскотленія представлялись лишь „сумасброднымъ измышленіемъ подлаго народа“. А между тѣмъ, если обратиться ко всестороннему и подробному изученію не однихъ нашихъ мѣровъ, но и мѣровъ тѣхъ финскихъ народовъ, которые оказали несомнѣнно громадное вліяніе на создававшееся когда-то Великоорусское племя, еслибы изслѣдовать богомилство и его вліяніе на Россію и наше народное двоевѣріе и наконецъ присмотрѣться поближе къ остаткамъ культа Ярилы и Матери-Сырой Земли, то оказалось бы, что и христовщина съ ея религиознымъ энтузіазмомъ и экстазомъ, да и самое вытекающее изъ нея скопчество, развились у насъ на давно приготовленной и разрушенной почвѣ и не представляютъ собою ничего чудовищнаго, а являются лишь доказательствами того, что въ моментъ насажденія христіанства народъ не былъ готовъ къ его принятію цѣликомъ и безъ измѣненій, а потому и долженъ былъ передѣлать его на свой ладъ, примѣняясь къ раньше выработаннымъ имъ религиознымъ воззрѣніямъ.

Все вышеизложенное сказали мы по поводу помѣщенныхъ ниже новыхъ и крайне притомъ интересныхъ матеріаловъ, доставленныхъ

въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ г. Л. И. Сахаровымъ (при посредствѣ проф. Е. Е. Замысловскаго) и касающихся пребыванія скопческаго ересіарха Кондратія Селиванова въ заточеніи въ Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ. Мы не могли конечно вдаваться въ подробное разъясненіе намѣченныхъ нами фактовъ, такъ какъ такое разъясненіе можетъ составить предметъ особаго и весьма пространнаго изслѣдованія, и представили лишь въ намекахъ дезитерата отношенія нашего раскола.

Личность Кондратія Селиванова на столько интересна и человѣкъ-этотъ оказывалъ на столько сильное вліяніе на знавшихъ его, что нельзя не упомянуть здѣсь о явленіяхъ въ жизни русскаго раскола, подготовившихъ возможность его появленія съ проповѣдью оскопленія на устахъ, а также и той судьбѣ, которую онъ пережилъ до ссылки своей въ монастырь подъ началъ архимандрита Пареевнн.

Разъ признавъ, что богомилство съ одной стороны, а туземный мнѣологическій канонъ — съ другой оказали значительное вліяніе на внесенное въ Русскій народъ христіанство, намъ не придется уже блуждать для отысканія начала христовщины и скопчества во мракѣ и согласиться въ томъ, что христовщина должна была въ видѣ особаго богомилскаго толка появиться на Руси вмѣстѣ съ принятіемъ крещенія; конечно она не существовала въ формѣ особой рѣзко обозначившейся секты, но идеи ея жили въ народѣ до того времени, когда энергичному человѣку не вздумалось собрать вокругъ себя исповѣдниковъ этихъ идей. Конечно не фанатикъ Квирилъ Кульманъ, родившійся въ 1651 году и сожженный за ересь въ Москвѣ 4 октября 1689 года, да и не основатели поморскаго согласія безпоповщины, какъ силится доказать г. Реутскій въ своемъ трудѣ о „Людахъ Божьихъ и скопцахъ“, дали начало нашей христовщинѣ; почва была подготовлена издавна и видимо ждала лишь пахаря, который бы счумѣлъ ея воспользоваться. И вотъ въ началѣ второй четверти XVII вѣка совершается въ Стародубской волости невиданное и неслыханное чудо: Самъ Господь Саваоѣ спускается въ огненной колесницѣ на землю и принимаетъ плоть и кровь простаго крестьянина Костромской губерніи, Юрьевоцкаго уѣзда, Данилы Филипповича. Около того же времени, а именно въ 1636 году, въ той же Стародубской волости, въ Муромскомъ уѣздѣ случилось новое чудо, а именно у столѣтнихъ родителей родился сынъ Иванъ Тимоѣевичъ Сусловъ. Видимо, что Данила намѣтилъ впередъ себѣ помощника въ этомъ чудесно-рожденномъ ребенкѣ, но сошлись они только черезъ 33 года, и тутъ Сусловъ формально былъ объявленъ Христомъ. Всѣ мы, по ученію нашей церкви, должны во всемъ уподобляться Христу; понятнo слѣдовательно, почему могли явиться въ простомъ народѣ Христы, т. е. тѣ люди, которые на самомъ дѣлѣ жизнь свою „уподобились“ Христу. Ни на одну минуту конечно всѣ наши многочисленныя Христы не думали, что они составляютъ позднѣйшія вочеловѣченія Сына Божія Іисуса Христа; никогда не смѣшивали они себя съ Спасителемъ, но въ то же время считали

себя уподобившимися ему и сподобившимися вселенія въ нихъ Сына Божія, не какъ Иисуса Христа, а просто лишь какъ втораго лица Святой Троицы. Такимъ-то лже-Христомъ былъ и Сусловъ, который сошелся съ Данилою Филипповымъ и сталъ проповѣдывать христовщину повсюду, гдѣ находились слушатели. Поучая народъ, отвращая его отъ „писанія“, требуя трезвости и всевозможнаго воздержанія, возставая противъ брака и наконецъ проповѣдая необходимость поклоняться божеству подобно Давиду, скакавшему и плясавшему предъ Кивотоу Завета, дошелъ Сусловъ и до Москвы; время было смутное: нарождался расколъ въ православіи, массы недовольныхъ реформою Никона, казалось, только и искали случая попасть въ своемъ исканіи истинной вѣры въ какую-либо секту; религіозный энтузіазмъ дошелъ до крайней степени возбужденія, а потому и понятно, что скоро воеругъ Суслова собрался первый Московскій христовщинскій „корабль“. Правительство не замедлило напасть на слѣдъ новой секты, захватило ересіарха, мучило его въ застѣнкахъ и наконецъ распяло его на кремлевской стѣнѣ у Спасскихъ воротъ; но, какъ и слѣдовало ожидать, Сусловъ на третій день воскресъ, совсѣмъ уже „уподобившись“ Христу въ глазахъ своихъ многочисленныхъ учениковъ. Дорого бы обошлось московскимъ христовщинцамъ тайное спасеніе Ивана Тимофеевича, но къ счастью у царя Алексѣя Михайловича родился сынъ Петръ, а потому и рѣшено было оставить сектаторовъ въ покоѣ. Сусловъ однако далеко не отказался отъ своихъ убѣжденій и цѣлыхъ тридцать лѣтъ прожилъ въ Москвѣ, проповѣдая, поучая и устроая будущность христовщины. Только въ 1716 году „вознесся онъ духомъ на небо“, а тѣло его было погребено у церкви св. Николы на Драчахъ.

Съ той самой поры и до нашего времени то и дѣло нарождались въ разныхъ мѣстахъ на Руси новые „корабли“ или общества христовщинскія, а такъ какъ у каждаго корабля долженъ быть кормчій, то понятно, что и число лже-Христовъ достигло громадной цифры. Не разъ приходилось намъ видѣть сидящими у одного стола двухъ и даже одинъ разъ шестерыхъ лже-Христовъ, не разъ приходилось и выслушивать объясненіе такой кажущейся странности: всѣ мы сыны Божіи и отъ насъ зависитъ, чтобы молитва: „и вселися въ ны“ была услышана и исполнена—вотъ то разъясненіе, которое представляютъ обыкновенно христовщинцы сомнѣвающимся никоніанамъ: Никакой преемственности званія „Христа“ отъ Ивана Суслова не было, и всякій, кто почувствовалъ, что „уподобился“ Христу, имѣлъ всегда право объявить себя таковымъ; понятно, что администрація въ своей религіозной ревности нападала лишь на наиболѣе выдающихся лже-Христовъ, въ родѣ Андреяна Петрова, Прокопія Лупкина, Колесникова и другихъ, но въ то же время цѣлыя массы ихъ успѣвали укрыться отъ начальническаго глаза и преспокойно дѣлали свое дѣло и развивали христовщинское ученіе.

„Блуда не творите“, совѣтовала пятая заповѣдь Данилы Филипповича, и строгій запретъ этотъ приводилъ въ немалое смущеніе тѣхъ, кто не могъ „вмѣстити сего“. Тщетно руководители христовщинскихъ кораблей разсаживали на собраніяхъ розно мужчинъ отъ женщинъ—духомъ всѣ они были ерѣшкіи, да плоть была немощна. Наступалъ моментъ религіознаго экстаза, „пиво духовное“ или круженіе и приплясываніе производило свое одуряющее дѣйствіе, и „братскія о Христѣ цѣлованія“ приводили публику въ такое состояніе, что каждое радѣніе неизмѣнно оканчивалось тѣмъ, что такъ рѣшительно запрещалъ Данило. Нѣкоторые позднѣйшіе лже-Христы старались какъ-нибудь извинить и оправдать этотъ послѣдній актъ радѣнія и потому называли его „Христовою любовью“, но все это имъ не удавалось, и ортодоксальные или строгіе послѣдователи Данилы издавна должны были искать какого-нибудь выхода изъ труднаго положенія. На помощь имъ, какъ и всегда, явилось плохо понятое священное писаніе, которое, по неправильному толкованію словъ Спасителя, будто бы признавало во первыхъ существованіе скопцовъ, оскотившихъ себя ради царствія небеснаго, во-вторыхъ въ словахъ „могій вмѣстити, да вмѣстити“, какъ бы совѣтовало поступать такимъ образомъ и наконецъ въ третьихъ прямо совѣтовало отсѣчь ту часть тѣла, которая смущаетъ человѣка. Не хватало лишь энергичнаго человѣка, который бы, оскотивъ себя, явился открытымъ проповѣдникомъ спасительности самооскопленія.

Такимъ-то проповѣдникомъ и былъ Кондратій Селивановъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что даже и имя этого замѣчательнаго ересіарха въ точности неизвѣстно. Богъ вѣсть, въ силу какихъ именно соображеній г. Реутскій прямо и безповоротно называетъ его крестьяниномъ села Брасова Сѣвской округи, Орловской губерніи, Андреемъ Ивановымъ, но въ то же время не прочь видѣть въ немъ и христовщину Андреяна Петрова, прославившагося въ Москвѣ во время христовщинскихъ гоненій 1737—1745 годовъ. Г. Реутскій видимо забываетъ о томъ, что скопцы очень часто принимаютъ на себя грѣхи, а слѣдовательно и имена другихъ себѣ подобныхъ и, желая объяснить, почему Андрей Ивановъ назвался впоследствии Кондратіемъ Селивановымъ, сочиняетъ крайне натянутое хитросплетеніе; по его словамъ „фамилія Селивановыхъ была общераспространенная въ 1770—1800 годахъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ долго скитался Андрей Ивановъ, именно въ Тамбовскомъ и Моршанскомъ уѣздахъ... подъ именемъ же Кондратія долго дѣлилъ съ Андреемъ его черные дни первый другъ и вѣрный, неизмѣнный товарищъ его Мартынъ Родіоновъ“. Слѣдуетъ думать, что Кондратій Селивановъ былъ именно тѣмъ, за кого выдавалъ себя, такъ какъ всѣ скопцы знали, да и знаютъ его именно подъ этимъ именемъ; быть можетъ въ 1765 году онъ и дѣйствовалъ въ Сѣвской округѣ подъ именемъ Андрея Иванова, но интересно, что никто изъ мѣстныхъ брасовскихъ жителей, какъ видно изъ подлин-

ныхъ дѣлъ (напр. дѣло въ архивѣ Спб. Градской Полиціи № 12, 1819 г.), не призналъ въ тогдашнемъ Селивановѣ своего односельчанина.

Какъ бы то ни было, но проникнутый христовщинскими воззрѣніями и воспитавъ въ себѣ „Христа“, Кондратій Селивановъ имѣлъ достаточно силы воли для того, чтобы въ конецъ выполнить пятую заповѣдь Данилы Филиппова и вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ Мартыномъ Родионовымъ оскопился; оскопившись, онъ почувствовалъ себя какъ бы „убѣленнымъ“ и свободнымъ отъ грѣха, а потому, желая спасенія людямъ, и пошелъ на проповѣдь всеобщаго убѣленія, крещенія огненнаго или оскотленія. Долго бродили они по прежнимъ окраиннымъ губерніямъ, много народа обратили „на путь истинный“. Принялъ ли при этомъ Кондратій Селивановъ имя Андрея Иванова, или же послѣдній былъ такимъ же, какъ и онъ проповѣдникомъ оскотленія и убѣленія—вопросъ нерѣшенный, хотя первое предположеніе и представляеть гораздо болѣе вѣроятія, такъ какъ въ послѣдствіи ересиархъ съ такими подробностями рассказывалъ о судьбѣ Андрея Иванова, что не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что испыталъ все это самъ.

Не сразу „объявился“ среди скопцовъ Кондратій Селивановъ во всемъ величіи двухъ своихъ самозванствъ, а дѣйствовалъ крайне осторожно и только убѣдившись въ томъ, что всё ему повѣрятъ, благодаря собственному своему экстаическому состоянію, а также и пророчествамъ наиболѣе экзальтированныхъ и слѣдовательно наиболѣе уважаемыхъ лицъ. Сначала на всѣхъ христовскихъ сборищахъ можно было видѣть смиреннаго, истощеннаго постомъ, молитвою и другими подвигами нищаго странника высокаго роста, лѣтъ сорока пяти отъ роду, съ большими, умными глазами, продолговатымъ, скулистымъ лицомъ, длиннымъ носомъ, широкимъ ртомъ и нѣсколькими волосиками на щекахъ, подбородкѣ и верхней губѣ. Смиранный рабъ Божій сидѣлъ всегда у порога и питался мірскимъ подаеніемъ, пока наконецъ всѣми уважаемая „матушка, дорогая полковница, владычица и верховная гостыца“ Азулина Ивановна не признала въ этомъ убогомъ сосудѣ скудельномъ „осударя батюшку Петра Θεодоровича“ и бога. Вѣсть о новомъ пришествіи Бога на землю скоро распространилась по всѣмъ христовщинскимъ кораблямъ, а Кондратій Селивановъ и самъ не терялъ времени, постоянно ходилъ съ мѣста на мѣсто, бывалъ то въ Орловской, то въ Тамбовской, то въ Тульской губерніи, проповѣдывалъ „убѣленіе“ и собиралъ цѣлыя массы народа подъ свои „бѣлыя знамена“.

Дѣло шло у Селиванова неожиданно удачно, но объ этихъ успѣхахъ не могло не прознать начальство, и въ 1772 г. состоялось назначеніе полковника Волкова для слѣдствія по поводу 13 скопцовъ въ Орловской губерніи. Великая монархія поняла своимъ свѣтлымъ умомъ, что съ невѣжествомъ нельзя бороться плетью и плахою, а потому и вставила въ именной свой указъ приведенныя въ началѣ

нашей замѣтки человѣчныя и незабвенныя слова. Найти оскопителей Волкову не удалось, и дѣло окончилось сдачею оскопленныхъ въ солдаты. Черезъ три года тотъ же Волковъ посланъ былъ производить слѣдствіе о скопцахъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ ему удалось захватить Кондратія Селиванова, называвшагося тогда Андреемъ Ивановымъ. Послѣ наказанія плетью ересіархъ былъ сосланъ въ Нерчинскъ, другіе его пособники отправлены на крѣпостныя работы, и зданіе, такъ успѣшно возведенное Кондратіемъ, казалось, должно было рухнуть. Но на дѣлѣ оказалось совершенно не то. Ореолъ мученичества за истину окружилъ образъ Кондратія Селиванова, а въ самомъ народѣ слишкомъ крѣпко застѣло убѣжденіе въ спасительности „убѣленія“, чтобы его можно было вырвать батогами, плетью и каторгою; напротивъ того, эти самые каторжники, едва прибывъ на мѣсто ссылки, съ новою энергіею принялись за проповѣдь свою „на новомъ невспаханномъ еще полѣ“, и не прошло нѣсколькихъ лѣтъ, какъ въ Ригѣ, Дюнаминдѣ и другихъ мѣстахъ появились новыя скопческо-христовщинскіе корабли.

Скопчество видимо имѣло почву въ нашемъ народѣ, а потому и не только не пало подъ ударами судьбы, но при помощи всеобщаго невѣжества развилось, проникло въ монастыри, въ мелкое чиновничество и даже въ мелкопомѣстное дворянство, стараясь иногда захватить въ число „бѣлыхъ голубей“ даже и выслужившихся въ чины лицъ. Всѣ эти люди представляли широкое поле для проповѣди, такъ какъ все это было во мракѣ невѣжества и ждало лишь случая понасть въ руки болѣе хитрыхъ, нежели они сами, людей.

О житьѣ-бытьѣ Кондратія Селиванова въ Иркутскѣ, куда онъ попалъ вмѣсто назначеннаго ему Нерчинска, конечно не безъ пособія со стороны „любезныхъ дѣтушекъ“ ничего неизвѣстно; тѣ же пособники сдумѣли устроить такъ, что Кондратій разгуливалъ на свободѣ по Иркутску, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ со своими послѣдователями, жившими въ Россіи, наѣзжавшими въ Сибирь и даже вновь объявившимися въ Сибири; цѣлыя сотни посланій пересылались отъ Селиванова вѣрнымъ, читались, переписывались и входили въ составъ поучительныхъ „расгѣвцевъ“, которые поются скопцами донинѣ. Селивановъ вѣрилъ, что „жена“ не возвратитъ его изъ ссылки и что вернется онъ ко своимъ дѣтушкамъ лишь въ царствованіе „любезнаго сына своего великаго князя Павла Петровича“. Понятно, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали всѣ скопцы этой блаженной для нихъ минуты, и неудивительно, что 6 ноября 1796 года, когда императоръ Павелъ Петровичъ вступилъ на Всероссійскій престолъ, было днемъ великой радости для всѣхъ послѣдователей Кондратія Селиванова. Поскакали гонцы во всѣ корабли скопческіе, бодро принялись за дѣло богатые петербургскіе скопцы, а изъ Москвы пріѣхалъ представиться и „объявить великую тайну“ новому государю давно извѣстный при дворѣ умный скопецъ Колесниковъ, извѣстный болѣе подъ названіемъ „Масона“. Въ послѣдніе годы своего царствованія Великая Екатерина преслѣдовала масо-

новъ—достаточно было уже этого факта, чтобы представители ихъ были принимаемы милостиво въ опальной Гатчинѣ, а умный Колесниковъ съумѣлъ и кромѣ того войти въ милость у цесаревича.

27 января 1797 года Кондратій Селивановъ предсталъ предъ императора и въ тотъ же день отправленъ былъ въ домъ умалишенныхъ, находившійся при Обуховской больницѣ, гдѣ и обрѣтался вплоть до воцаренія императора Александра I. Человѣчныя воззрѣнія этого государя слишкомъ извѣстны, чтобы говорить о нихъ здѣсь, а потому мы и замѣтимъ только, что эти воззрѣнія распространились и на занимающихъ насъ фанатиковъ; Кондратій Селивановъ переведенъ былъ въ богадѣльню при Смольномъ, а остальные скопцы получили свободу. Только этого и ждали повидимому скопцы, такъ какъ съ этой поры они въ особенности отважились. Мистическое направленіе, обуявшее тогдашнее общество, какъ нельзя болѣе встати явилось на подмогу скопчеству и заполонило въ секту такихъ людей, о которыхъ не могъ сначала и помышлять Селивановъ. Съ легкой руки извѣстнаго мистика оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода князя Голицына „несчастнымъ старикомъ“ стала интересоваться почти вся Петербургская знать. Знатныя барыни, падкія на разныхъ святошѣ, начали искать случая повидать „таинственнаго старца“ и у дома Ненастьевыхъ съ ранняго утра до поздней ночи прохода не стало отъ каретъ и другихъ экипажей. Кондратій былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понравиться бездѣльнымъ и скучающимъ дамамъ и кавалерамъ тогдашняго бо-монда, и потому эти обезумѣвшіе отъ ничего-недѣланія и сытости люди уѣзжали отъ него въ восхищеніи: имъ удалось увидеть настоящаго праведника, послушать его наставленій, получить предсказаніе будущаго и какую нибудь вещьцу на память: образокъ, крестикъ, просфору, сухарикъ и т. п. Эти барыни ввели Кондратія въ моду и между своими не менѣе скучающими супругами. Стали старика навѣщать генераль-губернаторъ, оберъ-полиціймейстеръ и министры, а добрые пособники Селиванова трубили между тѣмъ по всѣмъ концамъ земли Русской, что всѣ эти почести отдаются батюшкѣ, „потому, что всѣ“ князя и бояре признали въ немъ Христа.

Только въ апрѣлѣ 1819 года разразилась надъ скопцами первая буря. Какой-то альянтъ графа Милорадовича донесъ своему начальнику на скопцовъ; произвели слѣдствіе, попались въ распространеніи секты нѣсколько незначительныхъ скопцовъ, а „сильные міра сего“ остались нетронутыми. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по высочайшему повелѣнію Селиванова посѣтили директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія Поповъ и еще другой чиновникъ, но уѣхали отъ него устыженные, пятакъ въ выходнымъ дверямъ задомъ и повторяя: „Господи! еслибы не скопчество, то за такимъ бы человѣкомъ пошли бы полки-полками“. Зачѣмъ былъ посланъ Поповъ и о чемъ онъ разговаривалъ съ ересіархомъ— неизвѣстно, но изъ этого факта мы снова видимъ, что Селивановъ былъ человѣкъ далеко не дюжинный, высоко

даровитый, обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова, а не „изувѣръ и невѣжда“, какъ желаютъ обрисовать его нѣкоторые изслѣдователи раскола.

Какъ бы то ни было, но въ силу какихъ-то обстоятельствъ въ воззрѣніяхъ правительства на скопцовъ произошелъ нѣкоторый переворотъ, и въ февралѣ 1820 года былъ высочайше учрежденъ особый комитетъ по дѣламъ о скопцахъ. Ночью, 7 іюля 1820 года, Кондратій Селивановъ былъ схваченъ, посаженъ вмѣстѣ съ слѣдственнымъ приставомъ Путвинскимъ въ коляску и высланъ изъ Петербурга...

Того же года іюля 17 дня бывшій въ то время настоятель Суздальскаго Спасо-Евѣиміева монастыря, онъ же и завѣдывающій арестантскимъ при томъ монастырѣ отдѣленіемъ, архимандритъ Пареевій получилъ отъ управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графа Кочубея секретное отношеніе отъ 7 іюля за № 140 о томъ, что „по высочайшему повелѣнію отправленъ изъ С.-Петербурга, подъ присмотръ его—архимандрита, старикъ, начальникъ секты скопцовъ, который и будетъ доставленъ отъ правящаго должность владимірскаго гражданскаго губернатора. А какимъ образомъ должно будетъ обходиться съ симъ человѣкомъ, о томъ препровождается—де у сего инструкція“.

Вслѣдъ затѣмъ архимандритъ получилъ отъ временно-управляющаго губерніею предсѣдателя Владимірскаго уголовной палаты Зузина копію съ предписанія, присланнаго къ нему графомъ Кочубеемъ отъ 6 іюля 1820 г. за № 136, слѣдующаго содержанія:

„Вмѣстѣ съ симъ отправляется подъ строгимъ присмотромъ въ Спасо-Евѣиміевскій монастырь начальникъ секты скопцовъ, именуемый себя и отъ единомышленниковъ своихъ называемый Искупителемъ и Спасителемъ.

„Архимандриту обители сія даны предписанія о доставленіи ему настоящаго помѣщенія; а какъ сей закоснѣлый въ самомъ грубомъ и вредномъ расколѣ человѣкъ требуетъ особеннаго надзора, то его императорскому величеству угодно было повелѣть мнѣ снабдить васъ, милостивый государь мой, нужными по сему случаю предписаніями. Вслѣдствіе сего я поручаю вамъ, по сношенію съ отцомъ архимандритомъ, распорядиться:

„1-е, чтобы сей начальникъ скопцовъ ни съ кѣмъ не имѣлъ никакихъ сношеній, кромѣ тѣхъ лицъ, коихъ изъ монашествующихъ архимандритъ назначить для увѣщанія его и спасительной для него бесѣды.

„2-е, чтобы не было доставляемо къ нему ни писемъ, ни посылокъ, ни подаваній; онъ долженъ быть удаленъ отъ всякаго сношенія съ людьми посторонними.

„3-е, чтобы всемѣрно сокрыто было и нахождение его въ семъ монастырѣ.

„По невѣжеству и слѣпому прилѣпленію людей сей безумной секты къ ихъ начальнику легко быть можетъ, что они стараться будутъ дойти до него и станутъ стекаться къ мѣсту его пребыванія. Вы не оставите въ такомъ случаѣ полицейскими мѣрами всѣхъ таковыхъ отсылать, строго наблюдая, чтобы они тамъ не жили. Если бы за нужное признано было вами, по сношенію съ архимандритомъ, учредить при монастырѣ особенный караулъ, вы не оставите о томъ отнестись къ командиру баталіона внутренней стражи, коему объ удовлетвореніи требованія вашего вмѣстѣ съ симъ предписано. О всѣхъ распоряженіяхъ, какія вами будутъ учинены, вы не оставите меня увѣдомить, доводя до свѣдѣнія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ каждый мѣсяць о томъ, что губернскому начальству извѣстно будетъ о состояніи сего человѣка, о движеніяхъ его единомышленниковъ, о прїѣздѣ ихъ и проч. Посылки, какаго бы роду онѣ ни были, въ деньгахъ или вещахъ, имѣютъ быть поручаемы архимандриту подъ росписку его, а реэстръ онымъ долженъ быть доставляемъ сюда по надлежашему сношенію съ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, дабы можно было сдѣлать касательно оныхъ нужное распоряженіе.

„Всѣ предписанія сіи должны быть сохраняемы вами въ тайнѣ.

„Подлинное предисаніе подписать управляющій Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ графъ Кочубей“.

Эта копія была препровождена Зузинымъ при особомъ отношеніи за № 251 къ архимандриту, гдѣ Зузинъ писалъ:

„Признаю должнымъ, дабы къ отклоненію самоалѣйшихъ поповеній единомышленниковъ арестанта въ сообщеніи съ нимъ, мѣсто, въ которомъ онъ содержится, охраняемо было карауломъ внутренней стражи по крайней мѣрѣ изъ четырехъ человѣкъ. О точномъ и безостановочномъ исполненіи по сему случаю всѣхъ требованій вашихъ дано, съ симъ вмѣстѣ, начальнику Суздальской инвалидной команды строгое предписаніе. Между же тѣмъ, обязываясь долгомъ о положеніи человѣка сего доносить господину управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ каждаго мѣсячно, я покорнѣйше прошу ваше высокопреподобіе, наблюдая за движеніемъ его, увѣдомить меня какъ въ концѣ настоящаго мѣсяца, такъ и впослѣдствіи будущаго мѣсяца, по истеченіи каждаго жъ мѣсяца, увѣдомлять, въ какомъ онъ будетъ находиться положеніи здоровья, образа мыслей и жизни, и также— не замѣчено ль будетъ вами со стороны единомышленниковъ сего человѣка какихъ либо происковъ и покушеній на счетъ открытія мѣстопробыванія его, или сообщенія съ нимъ,—при чемъ ежели бы на почтѣ или какимъ либо другимъ образомъ доставлены были ему посылки въ деньгахъ и вещахъ, въ такомъ случаѣ, удостовѣрясь, откуда и какимъ образомъ онѣ присылаемы будутъ, не оставьте ваше высокопреподобіе тогда же увѣдомлять меня о томъ со всѣми подробностями, сколь можно поспѣшнѣе для зависящихъ со стороны моей на счетъ принятія оныхъ распоряженій.

„Суздальскому городничему Макову также вмѣнено въ обязанность, наблюдая секретнѣйшимъ образомъ за движеніемъ единомышленниковъ помянутаго арестанта, за прїѣздомъ ихъ и прочимъ, сноситься обо всемъ лично съ архимандритомъ, исполнять въ случаѣ надобности требованія его и обо всемъ доносить губернатору въ концѣ каждаго мѣсяца.“

17-мъ же числомъ іюля архимандритъ Пареевѣй помѣтилъ и подписалъ къ дѣлу приводимое здѣсь въ точной копїи „Наставленіе“, написанное собственною рукою высокопреосвященнаго митрополита Михаила.

„Наставленіе

„Спасо-Евѣиміевскаго монастыря архимандриту Пареевѣю.

„По секрету.

„1) По высочайшему повелѣнію препроводится на жительство въ монастырь управленію вашему ввѣренный подъ присмотръ старикъ, начальникъ сеиты скопцовъ, именующій себя и отъ единомышленниковъ своихъ называемый Искупителемъ и Спасителемъ.

„2) По высочайшему же повелѣнію сообщается въ наставленіе ваше слѣдующее: принять его въ монастырь съ челоуѣколюбивою ласковостію, съ христіанскимъ расположеніемъ сердца изъ состраданія къ старости его, и изъ сожалѣнія о заблужденіи его, и помѣститъ его въ кельѣ, которая бы служила по уединенію своему къ спокойствію его и къ благоразмысленію, имѣя надъ нимъ такой присмотръ, какой предписанъ будетъ отъ правительства.

„3) Приставить къ присмотру и услугѣ ему людей не молодыхъ, и въ христіанскихъ правилахъ опытныхъ и постоянныхъ, дабы не могли быть совращены отъ него въ пагубное скопчество.

„4) Постороннихъ къ нему не допускать, дабы не было у него тайнаго сношенія съ единомышленниками его и чтобы онъ не могъ распространять ложнаго ученія своего.

„5) Не допуская постороннихъ видѣться съ нимъ, не принимать и не доставлять ему писемъ и присылокъ подъ видомъ милостыни и приношеній, а поступать съ ними узаконеннымъ порядкомъ, или какъ назначено будетъ отъ правительства.

„6) Вамъ по настоятельской должности и по обязанности духовнаго званія надобно часто посѣщать его и бесѣдовать съ нимъ объ истинныхъ средствахъ ко спасенію, каковы суть: живая вѣра въ Сына Божія, воплотившагося Господа Иисуса Христа, чтеніе слова Божія и частое употребленіе таинствъ, церковное покаяніе и причащеніе тѣла и крови Христовой, съ искреннимъ желаніемъ чрезъ то приобрѣсть истинное очищеніе сердца и дѣйствительное убѣленіе души.

„7) Для сего назначить ему изъ братїи духовника, челоуѣка благонаправнаго и свѣдущаго, который бы также по временамъ посѣщая его располагалъ къ чтенію слова Божія и къ молитвѣ, занимаясь самъ

съ нимъ таковымъ чтеніемъ и отправляя у него келейное монашеское правило.

„8) При употребленіи таковыхъ къ обращенію его изъ настоящаго заблужденія средствъ примѣчать какъ за наружнымъ поведеніемъ его, такъ и за внутреннимъ расположеніемъ, испытывая совѣсть его и мысли его, доводя до откровенности въ разсужденіи сердечныхъ чувствованій его благоговѣйными духовными бесѣдами съ нимъ.

„И въ какомъ положеніи онъ будетъ когда находится, по секрету доводить до свѣдѣнія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына по третямъ года.

„Михаилъ, митрополитъ новгородскій и санкт-петербургскій“.

Наконецъ, того же 17-го числа іюля, мрачные своды монастырской сторожевой башни заключили въ себя столѣтняго старика-арестанта, привезеннаго подъ присмотромъ петербургскаго слѣдственнаго пристава Путвинскаго и владимірскаго частнаго пристава Преображенскаго и сданнаго подъ росписку настоятелю.

Принявъ въ завѣдываніе свое арестанта, архимандритъ отношеніемъ отъ 23-го іюля 1820 г., за № 119, не замедлилъ съестись съ управляющимъ губерніею о высылкѣ денегъ на содержаніе вновь прибывшаго лица, вслѣдствіе чего получилъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 600 рублей съ тѣмъ, чтобы, по израсходованіи этой суммы, было представлено о новомъ ассигнованіи таковой. Изъ послѣдующей же переписки видно, что на каждый годъ высылалось по 550 рублей ассигнаціями.

Изъ дальнѣйшихъ донесеній архимандрита къ тѣмъ лицамъ, которымъ онъ обязанъ былъ давать отчетъ о нравственномъ настроеніи своего арестанта, мы увидимъ, какія мѣры вразумленія были къ нему прилагаемы и какъ онѣ воздѣйствовали на него. Такъ къ преосвященному митрополиту Михаилу, отъ 28-го іюля 1820 года, было донесено:

„О исполненіи высочайшаго повелѣнія и вашего архипастырскаго наставленія касательно сего предмета, по мѣрѣ силъ и по обязанности званія моего непремѣннымъ долгомъ считаю употребить всевозможное стараніе. Что-жъ касается до 7 пункта, въ наставленіи вашего высокопреосвященства означеннаго, относительно духовника для сего человѣка, къ сожалѣнію, милостивѣйшій архипастырь, въ братствѣ съ такими способностями не имѣется, который бы по своему знанію и благонравію могъ занять сію важную должность, почему съ согласія владимірскаго преосвященнаго поручено мною сіе дѣло судальскому благочинному священнику Петру Виноградову, яко человѣку ученому, благонравному и свѣдущему болѣе потому, что сей же самый священникъ и прочимъ арестантамъ, находящимся въ Спасо-Евѣиміевѣ монастырѣ опредѣленъ духовникомъ. Дай Богъ, чтобы сего въ заблужденіи закоснѣлаго человѣка обратить на путь истины. Я

посѣщая его почти всякій день и онъ говоритъ со мною довольно откровенно. Скопился онъ по его признанію на четырнадцатомъ году отъ рожденія своего, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны; послѣ того скопиль и другихъ болѣе ста человекъ. У исповѣди и святаго причастія восемнадцать лѣтъ не былъ; теперъ же по моему совѣту и убѣжденію рѣшился исповѣдаться и причаститься святыхъ таинъ въ слѣдующій постъ 6-го августа ¹⁾).

„Въ содержаніи его приняты мѣры строжайшія, караулъ особый приставленъ и сношеній съ своими единомышленниками имѣть ему никакъ нельзя.

„Какъ же сей старикъ будетъ себя вести въ продолженіе времени, о томъ по наставленію вашего высокопреосвященства буду доносить въ свое время г. министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю Александру Николаевичу Голицыну.

„Впрочемъ съ истиннымъ почитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть

„Вашего высокопреосвященства, благодѣтельнѣйшаго архипастыря
„всепокорнѣйшій слуга архимандритъ Пареніи“.

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, именно 25 августа, за № 141, архимандритъ писалъ къ Зузину:

„Старикъ, начальникъ секты скопцовъ, содержащейся въ Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ въ числѣ арестантовъ въ теченіе сего мѣсяца находился въ положеніи здоровья, по старости лѣтъ его порядочномъ. 8-го числа сего же мѣсяца, по моему совѣту и убѣжденію исповѣдался и причастился святыхъ таинъ, коего таинства, по собственному его признанію, не принималъ онъ осьмнадцать лѣтъ. Впрочемъ въ грубомъ и вредномъ своемъ расколѣ, какъ изъ обхожденія его видно, еще не совершенно раскаялся. Со стороны единомышленниковъ его заѣзжали въ г. Суздаль съ Магарьевской ярмарки 15-го числа сего мѣсяца с.п.-бургскій 2-й гильдіи купецъ Солодовниковъ и 20-го тамошній же 3-й гильдіи купецъ Михайловъ съ какимъ-то крестьяниномъ, кои подъ видомъ богомоленія приходили въ монастырь, просили у меня позволенія посмотреть арестантовъ и раздать имъ милостыню по рукамъ. Я замѣтилъ изъ словъ ихъ, что они хотѣли узнать мѣстопробываніе начальника скопческой секты, того же часу выслалъ ихъ вонъ изъ монастыря и г. суздальскому городничему въ то же время дано знать о высылкѣ ихъ изъ города, Присылки денегъ и вещей ни откуда не было. О чемъ извѣщая васъ, съ истин-

¹⁾ Здѣсь встаетъ будетъ замѣтить, что скопцы вовсе и не думаютъ отвергать таинствъ и обрядовъ православной церкви, и напротивъ того, даже гораздо прилежнѣе православныхъ исполняютъ всю обрядовую сторону православія: Селивановъ видимо не пріобщался лишь потому, что считалъ это для себя излишнимъ и легко согласился на убѣжденія архимандрита какъ потому, что не поступалъ при этомъ вопреки скопческімъ воззрѣніямъ, такъ и потому, что этимъ пожертвованіемъ достигалъ расположенія своего тюремщика.

нымъ высокопочитаніемъ и таковою же преданностію честь имѣю и проч.“.

Тоже самое настоятель доносилъ, 3 ноября за № 173, князю А. Н. Голицыну, мотивируя здѣсь склонность арестанта къ раскаянію такъ:

„Я по должности своей и по обязанности моего званія посѣщая его (старика-арестанта) почти всякій день и по возможности моей бесѣдуя съ нимъ о истинныхъ средствахъ ко спасенію, осмѣливаюсь надѣяться, что онъ по времени раскается въ богопротивномъ своемъ поступкѣ; доказательно сіе тѣмъ, что онъ чрезъ осьмнадцать лѣтъ не имѣвши спасительной мысли быть причастникомъ святыхъ таинствъ, нынѣ сердечно возжелалъ удостоиться оныхъ, почему августа 8 числа и приглашенъ былъ мною градскій благочинный священникъ Петръ Виноградовъ, назначенный отъ начальства для собесѣдованія, по даннымъ наставленіямъ, какъ съ нимъ, такъ и съ другими арестантами для совершения литургіи, исповѣди и святыхъ таинъ причастія“.

20-го же декабря въ донесеніи къ преосвященному митрополиту Михаилу архимандритъ Пареній выражался такъ:

„Посѣщаю его, какъ я уже и доносилъ вашему высокопреосвященству нерѣдко; увѣщанія слушаетъ со удовольствіемъ и раскаяніемъ, называя себя великимъ грѣшникомъ, и благодаритъ Бога, что остатки дней своихъ досталось ему проводить въ безмолвномъ мѣстѣ на покаяніи“.

Спустя ровно годъ послѣ переселенія Селиванова въ Суздальскую вѣрность, архимандритъ получилъ отъ министра духовныхъ дѣлъ письмо, которымъ требовалось болѣе подробное донесеніе о положеніи арестанта. Письма этого къ сожалѣнію при дѣлѣ нѣтъ; но содержаніе его становится понятнымъ по слѣдующему на него отвѣту:

„Ваше сіятельство
„милостивѣйшій государь!

„Получа собственноручное вашего сіятельства письмо отъ 11 іюля, какъ знакъ отеческаго расположенія, слѣшу, по содержанію его, покорнѣйше донести съ подробностью о всемъ томъ, что касательно извѣстнаго вашему сіятельству старика по свопческой сектѣ. Онъ въ отношеніи къ религіи повидимому усерденъ; въ первый разъ, по неоднократно моимъ внушеніямъ, а болѣе по содѣйствію благодати Господней, рѣшился принять духовника, исповѣдаться и приобщиться пречистымъ тайнамъ Искупителя нашего, а далѣе во всѣ посты, по собственному желанію, удостоиванъ былъ пріятія святыхъ даровъ Господнихъ. Время проводитъ онъ одинаково и, какъ онъ говоритъ, въ уединеніи утѣшается токмо бесѣдою съ Богомъ. Но что касается до извѣстной его ереси, то частое напоминаніе имъ о единомысленикахъ своихъ, о моленной, о надеждѣ видѣть послѣдователей своихъ и даже жить съ ними, заставляетъ сомнѣваться въ искренности его разказовъ. Объ одномъ изъ таковыхъ, хотя повидимому нелѣпомъ,

но съ большимъ плачемъ разсказанномъ имъ мнѣ, осмѣливаюсь вашему сіятельству донести слово въ слово.

„На страстной недѣлѣ въ великій пятокъ, по должности моей посѣщаль я арестантовъ, ввѣренныхъ моему надзору, въ общихъ комнатахъ; наконецъ зашедши въ комнату и сего арестанта, нашель его горько плачущаго. Вопросъ мой былъ: — „О чемъ ты, почтенный старецъ, плачешь?“ — „Плачу, сказалъ, что Христа Спасителя безвинно распяли“. Я ему сказалъ: „Такъ точно, онъ безвинно пострадалъ, единственно изъ любви къ роду человѣческому и проч.. Наконецъ говорю, мы должны плакать болѣе о своихъ грѣхахъ и очищаться отъ оныхъ истиннымъ раскаяніемъ; а паче тебѣ въ преклонныхъ лѣтахъ и во всю свою жизнь находившемуся въ заблужденіи и въ дѣлахъ, противныхъ Богу и человѣчеству. Мнѣ кажется, въ своихъ поступкахъ ты не совершенно раскаялся, часто вспоминаешь съ воздыханіемъ о своихъ единомысленникахъ, до сихъ поръ ты не можешь мнѣ сказать по справедливости, кто тебѣ былъ учителемъ и наставникомъ, чтобы сдѣлать надъ собою такой ужасный поступокъ?“ — Вздохнулъ онъ и сказалъ: — „Охъ, отецъ святой! видно пришло время сказать тебѣ всю правду. Мнѣ было явленіе во снѣ, будто бы Господь Саваоѣ явился и говоритъ: „ты имѣешь грѣхъ, и если ты его не отбросишь отъ себя, то не будешь въ царствіи небесномъ. И показаль мнѣ ножъ большой, который лежалъ въ сараѣ и былъ сильно раскаленъ, и сказалъ: возьми сей ножъ, и проведи онымъ по тѣлу своему, начиная отъ большаго пальца правыя ноги до тайнаго уда; и ежели ножъ остановится на тайномъ удѣ, то отрѣжь его, и будешь счастливъ и спасенъ“. Когда я проснулся, то пошелъ въ сараѣ и нашель тамъ ножъ, показанный мнѣ во снѣ. Взявъ его, пошелъ въ ригу, которая въ это время топилась съ хлѣбомъ для молоченія; положилъ ножъ въ огонь и раскалилъ его такъ, какъ во снѣ видѣлъ; потомъ взявши его, провелъ, начиная отъ большаго пальца, по всей ляжкѣ правыя ноги своя до самаго тайнаго уда; и какъ только до него ножомъ довелъ, то въ ту же минуту отрѣзалъ себѣ . . . и бросилъ ихъ въ огонь, который въ моихъ глазахъ и сгорѣли. Вотъ, сказалъ, сущая правда. Потомъ и надъ моими учениками такую же операцію дѣлалъ; теперъ сказалъ онъ, что уже оставилъ и давно не учитъ, и крайне, будто бы, сожалѣетъ и раскаявается въ своемъ заблужденіи и прелести“. — Сіе обстоятельство не поставлено было прежде на видъ вашему сіятельству, потому что въ инструкціи, на сей предметъ данной, не изъяснено о донесеніи въ таковыхъ случаяхъ. Нынѣ же рѣшился на таковое представленіе по требованію вашему подробнаго извѣстія о семъ старикѣ. Признанія же его, что онъ выдавалъ себя за Искупителя и принималъ отъ послѣдователей своихъ служеніе, превышающее дѣлаемое человѣкомъ, онъ по лукавству своему никакъ не сознается ни мнѣ, ни отцу своему духовному, хотя неоднократно и разными образами старались доводить до сего признанія. Объ духовникѣ для него, по

инструкціи хотя и можно назначить изъ іеромонаховъ, но по неимѣнію способныхъ для такового предмета, съ согласія начальства назначенъ изъ градскихъ священниковъ, въ каковомъ качествѣ онъ и для другихъ арестантовъ нынѣ находится. При семъ ваше сіятельство преданнически осмѣливаюсь увѣрить, что не токмо каждомѣсячно, какъ вы изволите требовать, но и при каждомъ значительномъ случаѣ касательно сего арестанта не премину обстоятельно объ всемъ увѣдомлять.

„Впрочемъ съ истиннымъ почитаніемъ и проч.“.

„16 іюля 1821 г.“.

Затѣмъ въ дѣлѣ о Селивановѣ слѣдуютъ отпуски съ третнихъ и мѣсячныхъ отъ архимандрита донесеній—большею частію однообразной формы и содержанія, что „старикъ находится въ одинаковомъ положеніи“, или: „тогда-то исповѣдался и причастился“, или: „посылкокъ къ нему никакихъ ни отъ кого не было“. Донесеніемъ же отъ 3 мая 1822 г. за № 25 министръ духовныхъ дѣлъ былъ извѣщенъ о слѣдующемъ:

„Сего мая 2 числа со стороны единомысленниковъ его (арестанта) с.петерб. купецъ Степанъ Кузнецовъ былъ въ городѣ Суздаль подъ видомъ закупки товаровъ, приходилъ въ здѣшній монастырь для любопытства и старался узнать о мѣстопробываніи начальника своей секты, спрашивалъ меня, не имѣетъ ли онъ нужды въ деньгахъ или вещахъ и просилъ меня принять на содержаніе его какую либо часть денегъ; но я отозвался на вопросъ его невѣдѣніемъ и не принялъ отъ него денегъ и немедленно выслалъ его изъ монастыря и въ то же время далъ знать о семъ суздальскому городничему Макову, прося его о высылкѣ помянутаго купца Кузнецова изъ города“¹⁾.

Хотя по вышеприведеннымъ донесеніямъ архимандрита, надзоръ за воноводомъ скопческой секты былъ въ высшей мѣрѣ бдительный, но и сквозъ желѣзныя темничныя рѣшетки, онъ, хотя изрѣдка, имѣлъ общенія съ своими приверженцами, что подтверждается нижеслѣдующею перепискою, возникшею по случаю появленія скопческой секты въ Нижнемъ-Новгородѣ. Мая 5 дня 1823 года, архимандритъ Пареній получилъ изъ Владимірской духовной консисторіи указъ за № 1711 такого содержанія:

„Присланнымъ къ его пресвященству Паренію, епископу владимірскому и суздальскому и кавалеру, отношеніемъ г. нижегородскій губернаторъ Крюковъ, изъявляя, что въ Нижегородскомъ уѣздномъ судѣ производится дѣло объ открывшейся въ тамошнемъ уѣздѣ сектѣ скопцовъ, коей участниками найдены крестьяне: экономическаго вѣдомства Ельнинской волости деревни Опалихи—Семень Игнатьевъ съ

¹⁾ Объ этомъ посѣтителѣ Кузнецовѣ, какъ видно будетъ ниже, не было упомянуто въ донесеніи министру внутреннихъ дѣлъ вѣроятно по недосмотру составившаго донесеніе.

женою, села Оедякова Василій Степановъ Балдинъ съ семействомъ, деревни Никульской Николай Григорьевъ Шипинъ, совершенно уже оскопившійся съ сестрою своею Прасковьею Григорьевою и живущими у него въ домѣ работницами, заштатнаго города Перевоза съ дѣвкою Дарьей Денисовою, ея сестрою Аक्सиньею, деревни Кузнечихи дѣвкою Аक्सиньею-жъ Михайловою, нижегородскій цѣховой Кирила Удаловъ съ женою и дочерью, о которыхъ въ изслѣдованіи между прочимъ значитъ показаніе, что они Христа Спасителя примѣняютъ къ обыкновенной твари и почитаютъ его ниже своего учителя, скопца старика, который содержится подѣ присмотромъ въ ономъ Спасо-Евѣмievѣ монастырѣ, отъ коего получили они, какъ сами говорятъ, таковыя нелѣпыя заключенія, къ которому сказанные скопцы ѣздятъ и получаютъ маленькіе финифтяные образа въ знакъ благословенія, каковой есть и у крестьянина Балдина, и какіе-то небольшіе пирожки и пряники, кои почитаютъ и употребляютъ вмѣсто просфоры; и въ знакъ мнимой сказаннаго скопца святости есть его рубаха и волосы,— требуетъ увѣдомленія, дѣйствительно ли въ ономъ монастырѣ содержится вышеупомянутый скопецъ старикъ, за что именно? и буде онъ точно есть учитель секты скопцовъ: то не замѣчено ли за нимъ распространенія таковаго ученія и въ чемъ оно состоитъ? Послѣдовавшая на ономъ отношеніи отъ его преосвященства резолюціею предписано: предписать отцу архимандриту о доставленіи потребнаго, по содержанію отношенія, свѣдѣнія и о томъ, чтобы неослабный употребляемъ былъ надзоръ за арестантомъ въ отвращеніе дальнѣйшаго распространенія его зловредной и опасной секты и проч.“

На этотъ указъ настоятель въ консисторію не отписывался, а отвѣчалъ донесеніями къ мѣстному преосвященному и министру духовныхъ дѣлъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Во время содержанія старика въ здѣшнемъ монастырѣ распространенія имъ ученія не замѣчено; да при строжайшемъ за нимъ наблюденіи и быть сего не можетъ; поелику содержится онъ подѣ самымъ крѣпкимъ карауломъ въ особой комнатѣ за замкомъ, отъ коего ключъ хранится у дежурнаго унтеръ-офицера и никто его, кромѣ духовника, дежурнаго унтеръ-офицера и одного рядоваго солдата, подающаго ему пищу, видѣть не можетъ, и другіе ни подѣ какимъ видомъ до него не допускаются. О чемъ, сверхъ личнаго и частаго мною посѣщенія и надзора, дежурными унтеръ-офицерами доносится мнѣ каждый день два раза словесно и по окончаніи недѣли, при смѣнѣ ихъ, письменно. А хотя къ открытію сего арестанта мѣстопробыванія и были отъ его единомышленниковъ покушенія, но оныя предотвращены строжайшими мѣрами. О чемъ въ то же время было куда слѣдуетъ репортовано; со стороны же лицъ, прописанныхъ въ отношеніи г. нижегородскаго гражданскаго губернатора Крюкова покушеній никакихъ не было. Маленькихъ финифтяныхъ образовъ, какъ при доставленіи его сюда, никакихъ при немъ не находилось, кромѣ имѣющагося на

немъ серебрянаго позлащеннаго креста, который и нынѣ у него имѣется, такъ и въ послѣдствіи времени онихъ, равно пирожковъ и пряниковъ не имѣлось и о передачѣ волосовъ никакого подозрѣнія не было. Что же касается до рубахи его, то какъ рубаха, такъ и прочее платье его доставлено ко мнѣ отъ препровождавшаго его сюда с.-петербургскаго слѣдственнаго пристава Путвинскаго по реэстру; хотя нѣкоторыя изъ нихъ и обветшали, но имѣются и нынѣ всѣ на лицо“.

Закончился этотъ эпизодъ слѣдующимъ (отъ 20 іюня 1824 г. за № 2423) указомъ Владимірской консисторіи на имя настоятеля архимандрита Пароенія:

„Резолюціею его преосвященства Пароенія, епископа владимірскаго и суздальскаго и кавалера, данною на указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода съ изъясненіемъ въ немъ положенія Комитета гг. Министровъ, послѣдовавшаго о возникшей въ разныхъ деревняхъ Нижегородскаго уѣзда сектѣ скопцовъ, которые получаютъ вредныя ученія отъ содержащагося въ Спасо-Евѣимьевѣ монастырѣ подъ стражею учителя и развратника Кондратія Селиванова, предписано: отцу архимандриту Пароенію предписать указомъ, чтобы принялъ всевозможныя мѣры предосторожности къ удержанію арестанта отъ распространенія вреднаго заблужденія и отъ сообщенія съ единомысленниками“.

Здѣсь мы встрѣчаемъ въ первый разъ имя Кондратія Селиванова, обозначенное такъ въ указѣ Святѣйшаго Синода. Между тѣмъ и нѣсколько ранѣе уже появляется въ дѣлѣ это имя. Такъ, въ томъ же 1824 г., 3 марта, новый владимірскій губернаторъ графъ Апраксинъ затребовалъ отъ архимандрита Пароенія слѣдующихъ о старикѣ, начальникѣ скопцовъ, свѣдѣній:

„Въ которомъ году онъ родился, какой былъ ходъ его жизни, какъ допустилъ себя признавать за Искупителя. Есть ли успѣхи въ обращеніи его къ истинѣ; исповѣдывается ли и вѣруетъ ли онъ всѣмъ догматамъ нашей церкви; отрекся ли онъ отъ названія лже-Христа, какъ онъ проводитъ время, чѣмъ занимается и что читаетъ?“

На этотъ запросъ посланъ былъ, 26 марта 1824 г. за № 22, слѣдующій отвѣтъ:

„Честь имѣю симъ донести вашему сіятельству, по собраннымъ мною въ разныя времена при разговорѣ съ нимъ (арестантомъ) свѣдѣніямъ: уроженецъ онъ Орловской губерніи, города Дмитровска изъ крестьянъ помѣщика, такъ имъ называемаго Воловскаго. Время рожденія ему не извѣстно и помнить только то, что при императорѣ Петрѣ I былъ уже лѣтъ пяти, и на четырнадцатомъ году жизни своей, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, самъ себя скопиль; почему и надобно полагать, что ему отъ роду теперь не менѣе ста четырехъ лѣтъ. За распространеніе скопческой ереси въ другихъ, изъ воихъ скоплено имъ самимъ болѣе ста человекъ, въ царствованіе императрицы Екатерины Второй былъ сосланъ въ Сибирь

гдѣ находился тридцать лѣтъ; при нынѣ царствующемъ же государѣ императорѣ (Александрѣ I) освобожденъ и по 1820 годѣ имѣлъ жителство въ Петербургѣ у своихъ единомыслениковъ и большею частію у купца Михаила Солодовникова. Въ успѣхѣ обращенія его къ истинѣ повидимому удостовѣряютъ какъ усердное его желаніе, съ каковымъ онъ принимаетъ святаго таинства покаянія и причащенія, такъ и вѣрованіе его въ догматы нашей церкви: въ бесѣдахъ со мною называетъ себя грѣшникомъ и благодарить Бога, что остатки дней своихъ досталось ему проводить въ безмолвномъ мѣстѣ на покаяніи, касательно же названія же Христа, по отзыву его, онъ никогда сего не принималъ, и сектаторы его симъ не признавали, а только почитали его, какъ старшаго брата. И сколько разъ я и духовникъ ни вызывали его на признаніе, какъ онъ выдавалъ себя за Искушителя— но не могли извлечь онаго, а часто повторялъ, что сущность секты ихъ состоитъ въ цѣломудріи и воздержаніи. Время проводить ни чѣмъ не занимаясь, по старости лѣтъ, слабости зрѣнія и по болѣзни въ ногахъ почти всегда находится въ постели; чтеніемъ же не занимается потому, что онъ выдаетъ себя незнающимъ грамоты, хотя въ разговорахъ сего марта 18 проговорился, что учился самоучкою и читывалъ. Вотъ сущность собранныхъ свѣдѣній. Относительно же дальнѣйшаго розысканія не премину воспользоваться вашимъ наставленіемъ“.

Изъ слѣдующей затѣмъ переписки въ дѣлѣ видно, что за отмѣною высшимъ правительствомъ соединенной въ одномъ лицѣ должности министра народнаго просвѣщенія и министра духовныхъ дѣлъ и за назначеніемъ отдѣльнаго синодальнаго оберъ-прокурора, князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, архимандритъ Пароеній испрашивалъ черезъ мѣстнаго преосвященнаго разрѣшенія: къ кому долженъ онъ представлять теперь ежемѣсячные рапорты о старикѣ арестантѣ, какъ то требовалось инструкціею митрополита Михаила. Новый оберъ-прокуроръ отвѣчалъ владыкѣ, что— „онъ, не отыскавъ во вѣренномъ ему отдѣленіи духовныхъ дѣлъ греко-россійскаго исповѣданія никакого производства о показанномъ старикѣ, относился къ преосвященному Серафиму, митрополиту новгородскому и с.-петербургскому о сообщеніи свѣдѣній какъ о содержаніи инструкціи, изданной по сему случаю въ іюль 1820 года, такъ и о томъ, кому именно, по мнѣнію его, долженъ отецъ архимандритъ доносить о положеніи упомянутаго старика. Но преосвященный Серафимъ отозвался, что отпуска съ таковой инструкціи не оказалось въ числѣ дѣлъ, въ походной его конторѣ находящихся“.

По этому затребованъ былъ отъ архимандрита съ вышеозначенной инструкціи засвидѣтельствованный списокъ, который и отосланъ настоятелю во Владимірскую консисторію, согласно ея указу, 26 ноября 1824 г., за № 91-мъ. Отъ 6-го же марта 1825 года, за № 609, консисторія дала знать архимандриту:

„Святѣйшаго Правительствующаго Синода г. оберъ-прокуроръ и кавалеръ князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій, на отношеніе его преосвященства Паренія, епископа владимірскаго и суздальскаго и кавалера, коимъ требовалъ увѣдомленія, кому доносить по третямъ года вмѣсто бывшаго г-на министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, о старикѣ, начальникѣ секты скопцовъ, находящемся во вѣренномъ вамъ монастырѣ подъ строгимъ присмотромъ,—таковымъ же отношеніемъ его преосвященство увѣдомило, что въ разрѣшеніе сего государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ, чтобы объ ономъ начальникѣ секты скопцовъ доставляемы были свѣдѣнія къ нему, оберъ-прокурору, точно на томъ же основаніи, какъ оныя присылались къ бывшему министру для представленія ихъ его императорскому величеству“.

Послѣ того опять начались обычнымъ путемъ и порядкомъ срочныя донесенія въ прежней формѣ; только въ одномъ изъ нихъ, именно отъ 31-го марта 1825 г. за № 22, архимандритъ писалъ нѣсколько подробнѣе, по поводу замѣтнаго сильнаго одряхленія старика:

„Арестантъ, съ 26-го марта прошлаго 1824 года доселѣ находился въ положеніи здоровья по старости лѣтъ своихъ слабомъ и зрѣнія вовсе лишился; обращенія его къ истинѣ повидимому удостоверяются усерднымъ его желаніемъ покаянія и причащенія святыхъ Христовыхъ таинъ, коихъ онъ и удостоивается во всѣ четыре поста года, такъ и вѣрованіемъ его въ догматы православныя нашей церкви; въ разговорахъ со мною признаетъ себя грѣшникомъ и благодарить Бога, что послѣдніе дни жизни своей довелось ему быть въ такомъ безмолвномъ для него мѣстѣ на покаяніи“.

Приводимъ здѣсь довольно замѣчательный случай во время нахождения арестанта въ Суздаль. Въ 1828 году, 26-го августа, архимандритъ Пареній получилъ изъ С.-Петербурга отъ сенатора Горголи слѣдующее письмо:

„Ваше преподобіе!

„Въ бытность мою у васъ и при посѣщеніи съ вами старца Селиванова осталось у меня въ памяти о нуждахъ его, а потому и прошу покорнѣйше васъ, милостивый государь, когда получите по тяжелой почтѣ подушку, двѣ пары рубашекъ, одни чулки теплые, и платокъ на шею, вручить ему оныя отъ имени моего, если то не противно правиламъ, существующимъ у васъ съ заключенными, которыя впрочемъ мнѣ неизвѣстны, и въ такомъ случаѣ мнѣ возвратить—о полученіи же оныхъ меня увѣдомить.

„Поручая себя благословенію и молитвамъ вашимъ, съ истиннымъ почтеніемъ честь имѣю быть

„Вашего преподобія,

„милостиваго государя,

„покорный слуга

„Иванъ Горголи“.

„С.-Петербургъ,
„17 августа 1828.

На самомъ-ли дѣлѣ сенатору неизвѣстны были строжайшія правила инструкціи для надзора за арестантомъ, или письмо его было только пробнымъ камнемъ устойчивости настоятеля противъ искуса, или же онъ принадлежалъ къ почитателямъ сектатора — неизвѣстно. Отвѣтъ же на приведенное письмо отъ лица архимандрита былъ такой:

„Ваше превосходительство,

Милостивый государь!

„Почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 17-го истекшаго августа я имѣлъ честь получить того-жъ августа 26-го и посылку, прописанную въ немъ для доставленія старцу Селиванову, сего сентября 2-го числа.

„При семъ вашему превосходительству честь имѣю донести, что старецъ Селивановъ, подъ именемъ неизвѣстнаго, присланъ по высочайшему повелѣнію во ввѣренный мнѣ Спасо-Евѣиміевъ монастырь за большимъ секретомъ, и данными мнѣ инструкціею и особеннымъ предписаніями строго воспрещено доставлять къ нему посылки, какого бы рода онѣ ни были, въ деньгахъ или вещахъ состояція; и потому полученныхъ отъ васъ вещей доставить помянутому старцу я никакъ не могъ. А согласно съ вашимъ желаніемъ тѣ полученныя мною съ почты вещи какъ то: подушку, двѣ пары рубахъ, одни чулки теплые и платокъ бѣлый обратно къ вашему превосходительству препровожаю. Касательно же вещей, въ коихъ старецъ Селивановъ имѣлъ нужду, оныя мною всѣ исправлены въ точности.

„Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю пребыть и проч.“

Наконецъ престарѣлому, одряхлѣвшему, слѣпому узнику Кондратію Селиванову пробилъ роковой, безъ сомнѣнія, давно желанный имъ часъ воли Божіей. 1832 года съ 19 на 20 февраля, въ 1-мъ часу по полуночи, онъ, въ послѣдній разъ удостоившись исповѣди и св. причастія, умеръ, имѣя отъ роду 112 лѣтъ, какъ донесъ о томъ подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ архимандритъ Пареевнй.

Въ числѣ нынѣшнихъ обитателей Спасо-Евѣиміева монастыря живы три старца, помнящіе похороны Кондратія. Старцы указываютъ на восточной сторонѣ Ниволаевской церкви, что при арестантскомъ отдѣленіи, могила Селиванова; это простая земляная насыпь, но только огромнаго размѣра въ длину и ширину: наматника нѣтъ никакого, тогда какъ надъ многими другими арестантскими могилами памятники существуютъ. Погребеніе совершалъ архимандритъ соборнѣй. Рассказывали, что на первыхъ порахъ послѣ похоронъ наѣзжали иногородные кушцы и въ отсутствіе архимандрита провожались послушниками къ могилѣ, у которой проводили иногда цѣлыя ночи ¹⁾.

¹⁾ Устроить памятникъ на могилѣ Кондратія Селиванова конечно скопцы не осмѣливаются, но что могила эта пользуется среди нихъ чрезвычайнымъ почетомъ, можно видѣть изъ постоянныхъ изъ года въ годъ повторяющихся богомолий ихъ

Заванчиваемъ настоящую выборку изъ Суздальскаго дѣла о Селивановѣ¹⁾ копіями съ двухъ официальныхъ бумагъ, писанныхъ чрезъ 12 лѣтъ послѣ его смерти. Владимірскою епархіею завѣдывалъ въ это время прежній преосвященный Пароеній, а монастыремъ—уже архимандритъ Іоакимъ.

„Указъ его императорскаго величества, самодержца всероссійскаго изъ Владимірской духовной²⁾ консисторіи настоятелю Суздальскаго Спасо-Евѣиміевскаго монастыря отцу архимандриту Іоакиму.

„По указу его императорскаго величества Владимірская духовная консисторія слушала отношеніе состоявшаго при Министерствѣ Внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди, коимъ объяснено, что изъ производства слѣдственнаго дѣла о с.-петербургскихъ скопцахъ видно, что бывшій ихъ учитель и наставникъ скопецъ Кондратій Селивановъ за распространеніе скопческой секты и дѣланіе зловредныхъ объ оной поученій при многочисленныхъ скопцовъ-сборищахъ, въ прошломъ 1820 году удаленъ изъ С.-Петербурга въ Суздальскій монастырь, въ коемъ, какъ по слухамъ извѣстно, впоследствии умеръ. А какъ по производимому имъ о семъ, по порученію его высокопревосходительства господина министра внутреннихъ дѣлъ слѣдствію, встрѣтилась необходимая надобность въ свѣдѣніяхъ: 1) котораго числа и мѣсяца 1820 года и при какомъ отношеніи былъ Кондратій Селивановъ въ монастырь привезенъ; 2) когда именно онъ умеръ и гдѣ погребенъ; 3) не сооружено ли ему и гдѣ именно надгробнаго памятника и въ какомъ видѣ; 4) не отправляется ли о поминовеніи его какихъ службъ и панихидъ, и отъ какихъ именно лицъ на сей предметъ сдѣланы въ Суздальскій монастырь денежные вклады и пожертвованія и въ какой суммѣ; 5) одежда, которую при жизни

въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь. Въ могильной насыпи продѣланы какія то дырочки, куда богомольцы опускаютъ принесенные съ собою бублики, которые послѣ этого считаются освященными. Тоже самое творится и на могилѣ главнаго пособника и „Предтечи“ Селиванова, Александра Ивановича Шилова, похороненнаго на Преображенской горѣ, близъ Шлиссельбурга. Крайне интересно, что объ могилки посѣщаются не одними лишь скопцами, но и православными, при чемъ послѣдніе относятся къ знаменитымъ покойникамъ отнюдь не съ меньшимъ почтеніемъ, нежели ихъ слѣдователи. Зачастую приходилось намъ и въ Шлиссельбургѣ, и въ Суздальѣ слышать о „чудесныхъ могилкахъ“ и о „Божьихъ“ людяхъ, погребенныхъ въ нихъ, а въ Шлиссельбургѣ, такъ на вопросъ нашъ: „Зачѣмъ въ могилѣ дырочки продѣланы?“ мы получили прямо слѣдующій отвѣтъ: „Народъ это продѣлалъ, много разъ зарывали и закладывали дырочки отъ начальства, да все раскапываютъ“.— „Кто же?“ спрашиваемъ. „Да народъ-отъ здѣшній. Опускаютъ туда хлѣбъ и иную пищу—отъ болѣзней помогаетъ... угодила Господу Богу этотъ блаженный!“.. Предоставляемъ читателю судить, на сколько тутъ цѣлесообразны мѣры строгости.

¹⁾ Дѣло подъ № 108 „О старикѣ, начальникѣ секты скопцовъ, по имени неизвѣстномъ, присланномъ при отношеніи графа Кочубея“—такова надпись на оберткѣ; хранится оно въ архивѣ Суздальскаго Спасскаго монастыря, гдѣ оно попало въ г. Сахарову въ 1869 году при разборѣ матеріаловъ, послужившихъ къ составленію „Историческаго описанія“ монастыря (1 изд. въ 1870 году). Тогда же извлечены были изъ дѣла и печатаемыя здѣсь нынѣ точныя выписки.

въ монастырѣ носилъ скопецъ Селивановъ, не выпрошена ли и кѣмъ именно изъ скопцовъ; 6) во время его жизни имѣли ли прїѣздъ и съ нимъ свиданіе скопцы, въ какомъ числѣ лицъ и изъ какихъ большею частію мѣсть; 7) послѣ смерти же Селиванова, равнымъ образомъ, не прїѣзжаютъ ли изъ какихъ мѣсть скопцы для совершенія поминовенія надъ его могилою, а при таковыхъ случаяхъ, въ какой степени замѣтна ихъ къ умершему Селиванову чтиность, что они объ немъ рассказываютъ и какіе слухи носятся и 8) изъ числа старо-служащихъ доселѣ монашествующихъ въ Суздальскомъ монастырѣ лицъ, не извѣстны ли кто либо о смыслѣ поученій, дѣланныхъ Селивановымъ скопцамъ, его посѣщавшимъ и не могутъ ли сообщить какихъ подробностей о келейной его жизни, просить таковыя свѣдѣнія вмѣстѣ съ копіею подлиннаго отношенія, при коемъ Селивановъ въ монастырѣ былъ присланъ, доставить къ нему въ наивозможной поспѣшности. Приказали и его высокопреосвященство Пареній, архіепископъ владимірскій и суздальскій и кавалеръ, утвердилъ: съ прописаніемъ отношенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди къ вамъ, отцу архимандриту, послать указъ и велѣть съ первою почтою противъ онаго отношенія прислать въ консисторію требуемое свѣдѣніе и вмѣстѣ съ тѣмъ засвидѣтельствованную копію съ отношенія, при коемъ присланъ былъ въ монастырѣ Селивановъ, мая 31 дня 1844 года.“

Въ отвѣтъ на этотъ указъ архимандритъ Іоакимъ прислалъ, 3 іюня, 1844 г., за № 126, слѣдующее донесеніе:

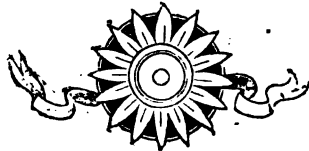
„Во исполненіе указа Владимірской духовной консисторіи отъ 31-го минувшаго мая, № 82, секретно мнѣ предписаннаго по отношенію производящаго о с.-петербургскихъ скопцахъ слѣдствіе г. состоящаго при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Липранди, честь имѣю къ вашему высокопреосвященству, милостивѣйшему архипастырю, о находившемся въ Спасо-Евѣиміевомъ монастырѣ на увѣщаніи лже-учителѣ и начальникѣ секты скопцовъ Кондратѣ Селивановѣ нижайше представить слѣдующее:

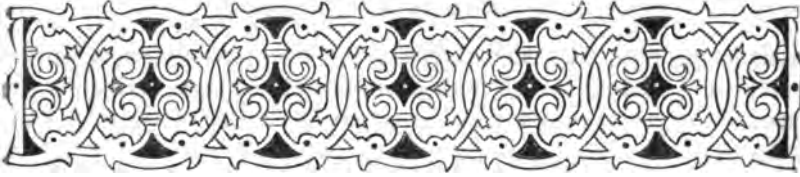
„1) Старикъ, какъ вездѣ въ дѣлѣ о немъ сказано, по имени неизвѣстный и впослѣдствіи настоятелю Спасо-Евѣиміева монастыря о. архимандриту Паренію о себѣ открывшійся, что его зовутъ Кондратіемъ Селивановымъ, изъ С.-Петербурга присланъ въ монастырѣ 1820 года іюля 17-го дня, при секретномъ отношеніи графа В. Кочубея къ нему, о. архимандриту, послѣдовавшемъ отъ 7-го іюля того же 1820 года за № 140. 2) Умеръ 1832 года, мѣсяца февраля, съ 19-го на 20-е число, и погребенъ въ монастырѣ близъ Николаевской церкви въ саду. 3) Надгробнаго памятника надъ нимъ никакого нѣтъ и не было. 4) О поминовеніи его никакихъ службъ и панихидъ не отправляется и не отправлялось, также денежныхъ вкладовъ ни отъ какихъ лицъ на сей предметъ въ монастырѣ пожертвовано не было. 5) Чтобы одежда, которую при жизни въ монастырѣ носилъ скопецъ

Селивановъ, была кѣмъ либо изъ его послѣдователей выпрошена,—о томъ и изъ дѣла не видно, и старослужащіе монахи не только этого не знаютъ, но и никакихъ по увѣренію ихъ слуховъ о томъ никогда не было. 6) Въ дѣлѣ между прочимъ значится, что во время пребыванія его въ монастырѣ, со стороны соумышленниковъ его, заѣзжали въ г. Суздаль съ Макарьевской ярмарки 1820 года 15-го августа.-петербургскій 2-й гильдіи купецъ Солодовниковъ и 20-го тамошній-же 3-й гильдіи купецъ Михайловъ, съ какимъ-то крестьяниномъ и желали съ Селивановымъ имѣть свиданіе; но настоятелю монастыря къ такому свиданію допущены не были, а кромѣ сихъ лицъ, чтобы кто изъ скопцовъ къ свиданію съ нимъ уже покушался,—о томъ извѣстій нѣтъ и изъ дѣла не видно. Также 7) послѣ смерти его ни изъ какихъ мѣстъ скопцы для совершения поминовенія надъ его могилою не пріѣзжали, и 8) о смыслѣ поученій келейной жизни этого же-учителя старослужащая братія не знаетъ, а знаетъ только то, что онъ въ своихъ заблужденіяхъ оказалъ раскаяніе съ сожалѣніемъ и тугою о грѣхахъ своихъ, и умеръ по долгу христіанина православной церкви исповѣданный и св. таинъ причастія сподобленный.

„Донося о семъ, честь имѣю приложить точную, за моимъ засвидѣтельствомъ, копію съ отношенія графа Кочубея, при какомъ оный наставникъ скопцовъ въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь былъ присланъ“.

В. Майновъ.

УНИВЕРСИТЕТЪ И КОРПОРАЦІЯ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній.)

СЕГОДНЯ мнѣ исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, и сегодня же совершенно случайно я взялся за перо, чтобы продолжать свой дневникъ. Въ пятьдесятъ лѣтъ приходится вспомнить о самомъ свѣтломъ, отрадномъ періодѣ жизни! Приятная случайность! По крайней мѣрѣ забудусь на нѣсколько часовъ отъ нависшихъ на плечахъ тяжестей пережитыхъ долгихъ, долгихъ лѣтъ; забудусь тогда, когда жизнь уже покатилаь подъ гору, когда, по словамъ нашего великаго Пушкина—

Катить по прежнему тельга,
Подъ вечеръ мы привыкли къ ней,
И дремля ѣдемъ до ночлега,—
А время гонить лошадей.

По окончаніи курса въ гимназіи въ 18.. году, я, девятнадцатилѣтнимъ юношей, поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ по чисто юридическому факультету, ибо въ наше время былъ и смѣшанный факультетъ—камеральный, въ которомъ рядомъ съ различными правами — уголовнымъ, гражданскимъ и другими какъ-то уживались и химія, агрономія, технологія. Факультетъ этотъ составлялъ такое *mixtum compositum* ¹⁾, котораго ни профессоры, ни студенты не могли разобрать.

Молва о прелестяхъ студенческой свободной жизни еще задолго до выхода нашего изъ гимназіи доходила до насъ. Бывало идешь по улицѣ совершенно спокойно, но вдругъ сердце забьется, чувствуешь не то холодъ, не то жаръ, словомъ что-то совершается въ организмѣ и начинаешь ускорять шаги. Оказывается, что глаза за-

¹⁾ Смѣшеніе, каша.

видѣли студента. И непременно догонишь его, оглядишь со всѣхъ сторонъ и долго, долго потомъ оборачиваешься назадъ на студента, бывшего для насъ идеаломъ всего лучшаго, дорогаго, достойнаго глубокаго уваженія.

Особенно необыкновенно сильно возбуждала насъ встрѣча съ цѣлой ватагой студентовъ, шедшихъ съ громкимъ говоромъ, нерѣдко съ пѣснями. Господи! такъ бы и влетѣлъ въ ихъ среду, такъ и расцѣловалъ бы ихъ всѣхъ!

5-го іюня портной принесъ студенческую форму. Шляпа, шпага и фуражка были куплены еще мѣсяца за два до конца гимназическихъ экзаменовъ. Радости и торжества при видѣ студенческой формы не берусь описывать. Помню только, что черезъ полчаса я былъ уже одѣтъ и на улицѣ. „Прежде всего заверну въ гимназію, поважусь бывшимъ одновашникамъ. Пускай полюбуются и позавидуютъ“. Гимназисты не только смотреть, но даже щупаютъ платье, шляпу и шпагу. Помню, что на вопросъ ихъ: буду ли ходить въ фуражкѣ, я отвѣчалъ: „еще бы не ходить! Развѣ студентъ посмотреть на то, что фуражка запрещена въ городѣ. Ну, посадятъ подъ арестъ. Велика важность!“ На другой же день (важусь, съ оглядкой и не безъ страха, чтобы не попасть вѣ глаза инспектору университета или субинспекторамъ, изъ которыхъ ни одного еще ни разу не видалъ), на другой день, вечеромъ, въ сумерки, я гулялъ по Англійской набережной въ фуражкѣ, ухарски заломивъ ее на бокъ. Въ то время непремѣннымъ условіемъ настоящаго студента было ношеніе фуражки не стоячей, а блиномъ, чтобы ее можно было загнуть, заломить. Лѣто прошло, какъ сонъ, чудесный, свѣтлый сонъ, воспоминаніе о которомъ въ состояніи вызвать самую отрадную улыбку въ минуты самыхъ тяжелыхъ душевныхъ болей, въ состояніи пахнуть счастьемъ даже теперь, въ пятьдесятъ лѣтъ моей жизни.

Гимназія, съ своими тяжелыми воспоминаніями, осталась позади, — впереди студенчество, такое свѣтлое, радужное, деревня, ласки отца и первая любовь, первая проба сердца двадцатилѣтняго юноши въ стремленіи любить женщину, юноши, сохранившаго чистоту тѣлесную и душевную, все это было въ состояніи обратить жизнь въ чудный, прекрасный рай! Въ концѣ августа пришлось сказать горячее прощаніе всѣмъ упомянутымъ радостямъ; пришлось даже поплакать при мысли о разлукѣ съ первымъ предметомъ моей любви. Слезы эти не помѣшали забыть ее, дорогую Катю, уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, въ чадѣ студенческой жизни.

Получивъ отъ инспектора свидѣтельство на званіе студента и при немъ надлежащія правила о поведеніи и отвѣтственности за тѣ или другіе проступки, съ грѣхомъ пополамъ заплативъ за мѣсяцъ впередъ за квартиру, ибо, не смотря на хорошую помощь отца, деньги держались въ рукахъ очень плохо, я началъ ходить въ университетъ, но не на лекціи, а къ булочнику Василю, который каждый день являлся

въ шинельную съ различными принадлежностями для ѣды. Какъ живой и теперь стоитъ предо мною этотъ умный, хитрый Василий, вѣрившій въ долгъ и записывавшій въ сальной книжкѣ долги своихъ клиентовъ. Обезпеченный дипломомъ, который рано или поздно придется получать студенту по окончаніи курса, онъ совершенно спокойно записывалъ подъѣдаемые булки и пирожки. Эта-то шинельная и была мѣстомъ нашего сборища, нашимъ форумомъ; здѣсь составлялись компаніи для кутежей и шли толки (по преимуществу частые) о добываніи денегъ, о закладѣ различныхъ вещей, чтобы разжиться какими нибудь двумя или тремя рублями. Здѣсь-же многие изъ насъ, совершенно помимо мертвыхъ профессорскихъ лекцій, получили и первые толчки къ умственному движенію; здѣсь юности-студенты, только что оставившіе гимназическую скамейку, узнавали о литературныхъ и другихъ живыхъ новостяхъ, на которыя такъ чутка молодежь. Въ шинельной я получилъ предложеніе вступить въ корпорацію Рутенію (Русскую), на что, разумѣется, съ величайшей радостью изъявилъ полное согласіе. Черезъ три дня послѣ этого мнѣ дали знать, что конвентъ ¹⁾ для принятія студентовъ въ корпорацію назначенъ въ извѣстный день на квартирѣ одного изъ товарищей. Съ какимъ-то трепетомъ, съ чувствомъ самаго горячаго ожиданія я думалъ о днѣ конвента. Мысль о томъ, что корпорація и ея собранія составляютъ запрещенный плодъ, ибо они преслѣдовались начальствомъ, еще болѣе возбуждала нетерпѣливое ожиданіе. Наконецъ, желанный день насталъ: въ урочный часъ я былъ на мѣстѣ, гдѣ собралось до 40 человекъ студентовъ, которые курятъ, говорятъ, смѣются. Въ молодыхъ студентахъ каждая косточка, какъ говорится, ходитъ. Одинъ изъ старыхъ студентовъ прокричалъ: *silentium* („тихо“—обычный терминъ для призванія къ порядку) и пригласилъ всѣхъ садиться. Въ короткихъ словахъ онъ объяснилъ значеніе корпораціи, которая имѣетъ цѣлью соединить студентовъ, дать имъ возможность сообщаться; имѣетъ цѣлью наблюдать, чтобы студенты не позволяли себѣ поступковъ, недостойныхъ честныхъ людей, напримѣръ оскорбленія женщины, обмановъ, словомъ всего, чего не долженъ дѣлать всякій, кто хочетъ сохранить свою честь безъ пятна и укора. Если явится подобный поступокъ, то студентъ подлежитъ суду чести (*Ehrengericht*), каковой судъ имѣетъ право наложить на виновнаго или временное исключеніе изъ общества студентовъ или, въ случаяхъ болѣе важныхъ, и окончательное исключеніе изъ университета. Корпорація имѣетъ цѣлью развить духъ товарищества между студентами, духъ братства до такой степени, чтобы студентъ за студента стоялъ до послѣдней крайности и чтобы это братство переходило во всю послѣдующую жизнь, до какой бы степени ни было различно общественное положеніе бывшихъ товарищей.

¹⁾ Сходка.

Не берусь рѣшать, на сколько нынѣшніе студенты болѣе удовлетворяютъ своему назначенію, какъ студенты, т. е. какъ учащіеся юноши, для которыхъ наука должна составлять все; по всей вѣроятности, принимая въ соображеніе, что поколѣнія должны постоянно совершенствоваться въ развитіи своихъ духовныхъ силъ, они въ этомъ отношеніи лучше насъ; но могу сказать одно, кажется, безъ ошибки, что наша товарищеская связь можетъ служить для нихъ примѣромъ подражанія. За доказательствами у меня дѣло не станетъ: черезъ 26 лѣтъ по выходѣ изъ университета, обстоятельства заставили меня вспомнить объ одномъ высокопоставленномъ товарищѣ, который носить графскій титулъ. Сознавая, что онъ много можетъ сдѣлать для меня добраго и вмѣстѣ съ тѣмъ боясь, что 26 лѣтъ могли измѣнить его, т. е. могли обратить студента въ графа, мало доступнаго для обыкновенныхъ смертныхъ, я долго не рѣшался на визитъ къ нему. Наконецъ необходимость взяла свое: я отправился по указанному адресу. На мою карточку послѣдовалъ немедленный выходъ графа, который шелъ ко мнѣ съ поднятыми руками и самымъ привѣтливымъ лицомъ. Я было началъ: „Графъ, позвольте напомнить“... какъ съ его стороны послѣдовало такое возраженіе: „Какъ не стыдно старому буршу говорить такимъ языкомъ, какъ не стыдно забывать, что мы старые студенты, обѣщавшіеся всегда быть товарищами“. Разумѣется, на такое привѣтствіе оставалось отвѣчать только поцѣлуемъ и старымъ дорогимъ „ты“. Я не буду говорить подробно о всемъ, что онъ сдѣлалъ для меня, но упомяну только, что едвали братъ могъ болѣе хлопотать по моему дѣлу, чѣмъ онъ, успокоившійся лишь тогда, когда достигъ цѣли.

И въ настоящее время нѣтъ такого добраго и честнаго дѣла, содѣйствовать которому отказался бы хотя одинъ изъ насъ, принадлежавшихъ къ корпораціи; нѣтъ случая, когда ктонибудь изъ насъ отказался бы помочь другъ другу, не смотря на огромную разницу въ общественномъ положеніи. Вотъ почему мнѣ и приводилось въ жизни оказать помощь многимъ хорошимъ людямъ. Помощь эта только и была возможна при содѣйствіи товарищей. Не буду приводить другихъ примѣровъ, которыхъ много, очень много, вполне подтверждающихъ, что въ наше время студенты корпоранты были братья и остались братьями. Въ Дерптскомъ университетѣ подобные примѣры до сей поры не умерли, благодаря корпоративному духу.

Такъ какъ пишу дневникъ, который станутъ читать тогда, когда меня не будетъ на свѣтѣ (исключая настоящей главы), то безъ сомнѣнія я долженъ желать и хочу быть безпристрастнымъ цѣнителемъ пережитыхъ фактовъ, вслѣдствіе чего въ концѣ настоящей главы укажу и на слабыя стороны вообще корпоративнаго начала и нашей корпораціи въ особенности. На сколько возможно для человѣка я употреблю всѣ усилія быть на страницахъ этого дневника безпристрастнымъ цѣнителемъ даже самого себя, своихъ душевныхъ движеній и побужденій.

Обращаюсь къ конвенту, о которомъ началъ рѣчь. Послѣ ознакомленія съ существомъ значенія корпораціи, носившей, какъ мы сказали, названіе Рутеніи, было приступлено къ выборамъ, т. е. избрали сеньора (предсѣдателя) фукс-ольдермана (начальника фуксовъ; фуксы—молодые только-что поступившіе въ университетъ студенты), казначея. Затѣмъ, всякій вновь поступившій въ корпорацію долженъ былъ подписаться въ книгѣ избраннымъ имъ псевдонимомъ въ томъ, что онъ свято будетъ исполнять всѣ постановленія комана, т. е. корпоративнаго устава, въ которомъ находились не только главныя существенныя правила корпораціи, но и всѣ мелкія правила относительно комерсовъ (большой праздникъ корпораціи, и, конечно, большая попойка), кнейповъ (маленькіе праздники, маленькія попойки, на которыя сходились болѣе отдѣльными кружками, между тѣмъ какъ на комерсахъ участвовали всѣ члены корпораціи), правила дуэлей, бывшихъ въ ходу въ мое время между членами корпораціи, носившихъ нѣмецкое названіе шеандаловъ. Вызвать на шеандалъ—значило вызвать на дуэль.

Всѣ эти названія, какъ видитъ читатель дневника, нѣмецкія и по причинѣ очень простой: идею о корпораціи, всѣ правила, постановленія и обычаи вывезъ изъ Дерпта одинъ изъ русскихъ студентовъ, увлекшійся духомъ студенческой нѣмецкой жизни.

Первая корпорація, цѣликомъ взятая съ нѣмецкихъ корпорацій, была учреждена въ нашемъ университетѣ, сколько помнится, лѣтъ за пять до моего поступленія въ университетъ. Въ какой степени привился нѣмецкій духъ, нѣмецкое корпоративное начало къ русской натурѣ мы увидимъ впоследствии. Я избралъ псевдонимъ Сибиряка, ибо родомъ изъ Сибири. Подъ этимъ именемъ и былъ извѣстенъ въ корпораціи до конца пребыванія въ ней. Разумѣется, должныя имена избирались на случай печальный: если книга попадетъ въ руки начальства. Новое званіе фукса, официально данное мнѣ корпораціею, было для меня не менѣе приятно, чѣмъ и званіе студента. Съ большою радостью я вышелъ изъ конвента, въ концѣ котораго послѣдовалъ кнейпъ. Искренно сознаюсь, что учились мы мало, а жили бойко, на столько бойко, что мы не замѣчали дней, не видали времени. Безденежье, голодъ и другія лишенія не бросали ни малѣйшей тѣни на свѣтлую сторону нашей жизни, которая кипѣла ключемъ, горѣла яркимъ свѣтомъ.

Трудно было винить насъ за наше равнодушіе къ ученью; трудно потому, что въ наше время, во многихъ отношеніяхъ тяжелое время, мы не слышали живаго слова съ кафедръ различныхъ факультетовъ. Ходили студенты на лекціи къ двумъ братьямъ; одинъ изъ нихъ былъ естествоиспытатель, другой историкъ, посѣщали еще лекціи профессора Международнаго права, который читалъ и Государственное право европейскихъ державъ, и лекціи профессора технологіи. Математическій факультетъ отличался лучшимъ составомъ, чѣмъ другіе факультеты.

Молодость необыкновенно чутка къ истинѣ и необыкновенно скоро отзывается на всякое живое слово, но что же дѣлать, если она вмѣсто истинѣ науки слышитъ наборъ словъ и фразъ, вмѣсто живаго преподаванія сухое, мертвое чтеніе изъ года въ годъ повторяющихся записокъ.

Намъ были не чужды многіе общественные интересы, но стремленіе къ нимъ и вообще къ анализу явленій жизни и природы мы приобретаемъ, какъ я уже замѣтилъ, въ шинельной, на своихъ частныхъ бесѣдахъ и въ своихъ кружкахъ. Бывали вечера, когда мы проговаривали за полночь, довольствуясь однимъ чаемъ, что, впрочемъ, (*amicus Plato, amicus Cicero, sed vero magis amicus veritas*¹⁾), въ большинствѣ случаевъ, происходило отъ неимѣнія денегъ, которыя текли у насъ, какъ вода, т. е. я говорю объ отсутствіи вина во время бесѣдъ. Впрочемъ, бесѣды живыя, задушевыя, дававшія толчки нашему умственному развитію, шли горячо и за виномъ, и безъ вина. Конечно, въ этихъ бесѣдахъ и кружкахъ господствовали отдѣльныя личности, дававшія толчки умственной дѣятельности менѣе умственно развитыхъ юношей.

Иные споры и пренія длились цѣлыя мѣсяцы, и могущественное вліяніе ихъ на нашъ умственный ростъ не могло подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Замѣчу также, что изъ общественныхъ вопросовъ насъ мало интересовали вопросы политическаго характера, ибо условія жизни были совершенно другія. Говорю искренно, что въ послѣдствіи мы были очень благодарны подобному малому сочувствію къ упомянутымъ вопросамъ, ибо поняли, что развитіе наше въ этомъ отношеніи шло хотя и медленно, но вѣрнѣе и безъ всякихъ увлеченій. Много содѣйствовала такому отношенію и корпоративная жизнь, которая съ своими комерсами, фехтбоденами, конвентами брала много времени, направляя наши чувства и стремленія по преимуществу къ радостямъ и наслажденію.

Мы, юристы, время отъ времени, для потѣхи, для разнообразія, заходили на лекціи къ профессору одного права, большому законнику и большому оригиналу, но который былъ не въ силахъ толкомъ распорядиться массой своихъ знаній.

Въ его фигурѣ, въ движеніяхъ, въ его своеобразной манерѣ читать лекціи было то, что вносило хотя какое нибудь разнообразіе въ скучное и мертвое чтеніе лекцій большинства нашихъ профессоровъ.

Придешь, бывало, въ шинельную и поджидаешь пріятелей, товарищей. За однимъ является другой, за другимъ третій. Всѣ сидятъ и курятъ около Василя. До обѣда еще далеко, утро, что дѣлать? Вечеромъ гдѣ нибудь соберемся, но что дѣлать теперь, въ полдень?

— Господа! скажетъ кто нибудь, не пойти ли къ Петру Николаевичу? онъ теперь читаетъ. Говорятъ въ послѣдній разъ вся аудиторія такъ и покатывалась со смѣху.

¹⁾ Другъ—Платонъ, другъ—Цицеронъ, но дороже всего правда.

— Идемте, отчего не пойти, отвѣчаютъ другіе. Вѣдь все равно — тоска смертная.

Гурьбой, человѣкъ въ 5, 6, а иногда и до десятка, мы отправляемся къ Петру Николаевичу и натѣаемся на лекцію въ родѣ слѣдующей:

„Знаете ли вы, господа, что такое власть, какъ понятіе юридическое, на которомъ строится весь порядокъ, вся жизнь государства? Вы скажете: знаемъ, Петръ Николаевичъ, знаемъ и безъ твоихъ толкованій. А я вамъ скажу: нѣтъ, не знаете, никакого понятія не имѣете. Представимъ себѣ, что будочникъ ведетъ въ университетѣ студентика, который гдѣ нибудь подгулялъ и учинилъ какое ни на есть нарушеніе закона. Студентикъ впереди, будочникъ за нимъ. Идетъ имъ на встрѣчу другой студентикъ, конечно не ко мнѣ на лекцію, а для прогулки, напримѣръ, на Петровский островъ“...

Само собой понятно, что въ аудиторіи раздастся гомерическій хохотъ, по окончаніи котораго Петръ Николаевичъ продолжаетъ:

„Думаетъ студентикъ: дать развѣ хорошаго туза будочнику, а товарищъ и я убѣжимъ. Ну, что, господа, еслибы онъ далъ туза будочнику, что онъ совершилъ бы? Онъ совершилъ бы преступленіе противъ власти, не смотря на то, что будочникъ послѣдняя спица въ колесницѣ, ибо ниже будочника нѣтъ власти, но въ его лицѣ хотя и маленькая, всетаки оскорблена власть, а оскорбленная власть требуетъ наказанія виновному“.

Таковъ былъ невинный характеръ лекцій Петра Николаевича, котораго зналъ весь университетъ и къ которому мы относились съ любовью за его мягкость и съ уваженіемъ за его фактическія свѣдѣнія, не смотря на то, что эти свѣдѣнія доставляли намъ по преимуществу веселые часы. Былъ у насъ очень умный, высоко образованный и ученый профессоръ, но не хватало человѣческихъ силъ живой, горячей молодости помириться и выносить его убійственно сухое, до послѣдней степени однообразное преподаваніе. Гнусить, тянетъ чтеніе, не измѣняя голоса ни на одну ноту. На экзаменахъ мы его страшно боялись, ибо онъ требовалъ самой строгой точности въ отвѣтахъ, самаго отчетливаго пониманія всего имъ прочитаннаго. Объ его точности и необыкновенной, чисто юридической опредѣленности въ тѣхъ или другихъ юридическихъ положеніяхъ, ходила масса анекдотовъ, очень потѣшныхъ, конечно выдуманныхъ студентами.

Къ декабрю мѣсяцу моя корпоративная жизнь вошла въ полный фазъ своего развитія. Утро, въ большинствѣ случаевъ, посвящалось фехтбоденамъ (уроки фехтованія), на которыхъ старые студенты и хорошіе бойцы на эспадонахъ, учили молодыхъ. По отношенію къ намъ, фуксамъ, эту обязанность учителя исполнялъ нашъ начальникъ—фуксольдерманъ. Иногда крѣпко доставалось на этихъ фехтбоденахъ: исполосуютъ такъ, что помнишь нѣсколько недѣль. Но такіе уроки принесли не мало и пользы для насъ: они были хорошей гимна-

стикой, которой въ наше время такъ мало давали педагогическаго значенія, и научили насъ хорошо владѣть оружіемъ, которымъ, смѣю думать, и теперь съумѣю защититься; для товарищей же, поступившихъ, по выходѣ изъ университета, въ военную службу, они оказали мнѣ очень, очень пригодными, что мнѣ удавалось слышать отъ нихъ самихъ. Во всякомъ случаѣ, эти уроки полезно занимали наше время, котораго, за рѣдкими хожденіями на лекціи, у насъ было вдоволь.

Какъ фуксъ, я обязанъ былъ на внейпахъ, комерсахъ исполнять приказанія старшихъ студентовъ-бурсаковъ или буршей: долженъ былъ набивать имъ трубки, наливать вино, исполнять различныя порученія по дѣламъ корпораціи. По частнымъ своимъ дѣламъ бурши не имѣли малѣйшаго права распоряжаться фуксомъ. Еслибы вы, читатель, знали, съ какимъ, не только удовольствіемъ, но даже наслажденіемъ исполнялись всѣ эти порученія и приказанія! Бывало ногъ не слышишь подъ собой, когда бѣжишь куда бы то ни было по распоряженію бурша. Бурши были простые и, такъ называемые, корь-бурши. Послѣдніе стояли выше, ибо они, по приговору конвента, обусловленному большинствомъ голосовъ, получали право носить цвѣтную фуражку, состоявшую изъ русскихъ цвѣтовъ: бѣлаго, оранжеваго и чернаго. Сколько помню — самая фуражка оранжевая, околышекъ бѣлый, крестъ на фуражкѣ черный. Цвѣтныя фуражки носились иными постоянно, но конечно подъ чахлою обыкновенной студенческой фуражки, что нерѣдко соединялось съ большимъ рискомъ, еслибы чахоль случайно слетѣлъ и такимъ образомъ открылъ бы цвѣтную фуражку, ибо начальство видѣло въ нашихъ корпораціяхъ Богъ знаетъ какіе ужасы, между тѣмъ какъ въ существѣ и корпораціи и всѣ нѣмецкія штуки были самой невинной забавой. Необходимо замѣтить, что при назначеніи въ корь-бурши принимались въ соображеніе исключительно душевныя свойства студента, его честныя правила и незамаранная никакимъ пятномъ жизнь. Случалось, что нѣкоторымъ по три раза отказывали въ цвѣтахъ, а нѣкоторые съ тѣмъ и вышли, что не добились ихъ. Чисто бурсація свойства — способность много пить, гулять, хорошо драться на фехтбоденахъ не играли при этомъ ни малѣйшей роли. Нерѣдко студенты самые скромные, умѣренные во всѣхъ удовольствіяхъ, не умѣвшіе взять эспадона въ руки, получали цвѣта, какъ говорилось на нашемъ языкѣ, и именно за свою твердую волю, ясно обозначившуюся честною природою, за свое умственное вліяніе на другихъ. Въ этомъ отношеніи наша корпорація, хотя и устроенная на нѣмецкій ладъ, составляла рѣзкое отличіе отъ нѣмецкихъ корпорацій, въ которыхъ первыми буршами по преимуществу бывають первые пѣтухи на попойкахъ и дуэляхъ. Въ своемъ подражаніи нѣмцамъ мы не дошли ни до Bier-Orden, ни до Bier-Taufe (пивное крещеніе), совершающихся въ германскихъ университетахъ надъ молодыми студентами-фуксами. Не имѣли у себя и Bier-König'a (пивнаго короля). Въ германскихъ университетахъ студентъ, отличающійся лю-

бовью къ дуэлямъ и питью, получаетъ отъ Bier-Staat'a кресты, звѣзды изъ фольги или стекла, и самый главный орденъ — большое изображеніе пивной кружки, которое посреди всѣхъ другихъ орденовъ, красуется на цвѣтной лентѣ. Такія потѣхи конечно не могли отвѣтить нашимъ стремленіямъ и нашимъ взглядамъ на веселую жизнь. Нѣтъ такого русскаго человѣка, который могъ бы съ увлеченіемъ и долго отдаваться различнымъ мелочнымъ формальностямъ, столь дорогимъ для нѣмцевъ. Въ этомъ случаѣ весь вопросъ въ природѣ той и другой національности.

Не прайдю молчаніемъ также обстоятельство большой важности, доказывающаго, что товарищество, не смотря на свою молодость, является необыкновенно вѣрнымъ судьей въ опредѣленіи степени развитія добрыхъ и честныхъ душевныхъ свойствъ того или другаго юноши. Искренно говорю, что я не видывалъ суда болѣе вѣрнаго, болѣе безпристрастнаго, какъ упомянутые выборы въ нашемъ конвентѣ: бывало при выборѣ не можешь дать себѣ отчета вполне яснаго и опредѣленнаго о душевныхъ свойствахъ того или другаго товарища, но рука невольно пишетъ несогласіе, котораго, еслибы потребовали доказательствъ, никакими данными оправдать былъ бы не въ силахъ, а всетаки внутреннее чутье говоритъ, что такой-то не долженъ получить цвѣтовъ. Впослѣдствіи, въ жизни, это бессознательное движеніе, это чутье находили полное оправданіе. Вѣроятно молодость, если и не имѣетъ опыта, то имѣетъ особенную силу, заключающуюся въ множествѣ добрыхъ задатковъ, могущихъ поспорить съ опытомъ жизни и логикой.

Точно также и фуксы раздѣлялись на корь-фуксовъ и простыхъ фуксовъ и точно также въ корь-фуксы назначались по выбору конвента. Въ концѣ года и я удостоился этой чести.

Какъ корь-фуксы, такъ и простые фуксы посвящались въ эти званія особеннымъ образомъ, который могъ имѣть мѣсто только на комерсѣ, т. е. на большомъ торжествѣ. Обрядъ этотъ заключался въ слѣдующемъ: вновь посвящаемый (если корь-фуксъ, то въ цвѣтной шапкѣ, если не корь-фуксъ, то въ простой студенческой) входилъ въ кругъ старыхъ студентовъ, держа въ одной рукѣ эспадонъ и пѣлъ:

Мечъ, что блещешь предо мною
Неизмѣнчивымъ клинкомъ,
Шапку я колю тобою,
Клятвой я клянусь святою
Быть достойнымъ бурсакомъ.

При словахъ: „Шапку я колю тобою“ онъ долженъ былъ проколоть шапку насквозь. По дырамъ на шапкѣ,—ибо обрядъ этотъ повторялся на каждомъ комерсѣ,—впослѣдствіи вели счетъ количеству пережитыхъ комерсовъ. Когда посвящаемый кончалъ пѣть приведенныя слова, то одинъ изъ корь-буршей, по преимуществу Сеньоръ корпораціи, держа надъ головой посвящаемаго эспадонъ, пѣлъ:

Твое чело теперь я покрываю
 И сталью осѣняю.
 Да здравствуетъ нашъ братъ (такой-то) (два раза)
 Будь проклять, кто тебѣ вредитъ (три раза).
 Тебѣ на вѣкъ мы други,
 Будь братомъ въ нашемъ кругѣ!
 Да здравствуетъ нашъ братъ (такой-то).

Затѣмъ пѣли хоромъ:

Да гремитъ надъ тѣмъ проклятье,
 Кто унижится изъ насъ,
 Да не знаетъ онъ объята,
 И да глухи будутъ братья
 На его призывный гласъ.

Кончивъ послѣднее слово, посвящаемый залпомъ выпивалъ стаканъ вина, который ему подавалъ сенборъ.

Я пишу о дѣлахъ давно минувшихъ дней, очень давно минувшихъ, но и теперь, при одномъ воспоминаніи о пережитыхъ впечатлѣніяхъ во время этого обряда, нервная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Помню, какъ, кончивъ пѣніе, я истерически плакалъ. Такія хорошія слова слетали съ устъ! Кровь кипѣла и въ эти минуты такъ горячо чувствовалось, что хорошо быть хорошимъ, честнымъ человѣкомъ! Снептики можетъ быть истерику и слезы объясняютъ достаточнымъ количествомъ выпитаго вина; но могу увѣрить, что до обряда не пили ни одной капли вина, которое вступало въ свои права послѣ обряда. Нѣтъ, хорошія минуты, лежавшія на днѣ души, добрыя сѣмена, свойственныя лишь молодости, вызвали упомянутыя, безцѣнная слезы, о которыхъ съ такимъ чувствомъ вспоминаю и теперь. Такими слезами мнѣ уже болѣе ни разу въ жизни не удавалось плакать.

Развѣ мыслимо, возможно для честной юности, не потерявшей идеаловъ прекраснаго и любви, и вѣры къ людямъ, не плакать при такихъ словахъ пѣсни:

Братья, кубокъ благородный
 За того мы осушимъ,
 Кто съ отвагою свободной
 Чести не влачилъ народной
 Въ жертву идоламъ земнымъ.

Такія дни радости и веселья, такія пѣсни дали намъ возможность сберечь святыя идеалы, которые поддерживаютъ насъ и теперь, на закатѣ дней нашихъ.

Замѣтятъ иные, что всѣ подобныя студенческіе корпоративные обряды—игрушка, дѣтская забава и достойно сожалѣнія, что юноша тратитъ на нихъ время. Такъ или иначе, но все-таки скажемъ, что можетъ быть подобныя игрушки избавили насъ, впоследствии, въ жизни, отъ многихъ грѣховъ противъ духа, каковыя грѣхи прибавились бы уже къ совершеннымъ въ жизни. Кто разгадаетъ тайну души человѣческой, тайну души юноши, воспринимающей

извѣстныя впечатлѣнія въ самые живые и воспримчивые года, т. е. тайну переработки тѣхъ или другихъ чистыхъ, прекрасныхъ впечатлѣній? Можетъ быть я лично обязанъ упомянутымъ слезамъ, упомянутымъ словамъ пѣсни, всей игрушечной обстановкѣ, что пошелъ въ жизни по пути, который не привелъ меня къ нравственной гибели, сдѣлалъ изъ меня человѣка не бесполезнаго для общества. Неужели такія минуты высокаго наслажденія не имѣютъ ни малѣйшаго значенія для развитія психическихъ свойствъ юноши, хотя бы это наслажденіе и было обставлено ребячески? Нѣтъ, господа, кромѣ вашей книжной психологіи, я признаю еще другую, живую психологію, первыхъ строкъ которой не коснулись даже и великіе теоретики-философы; признаю психологію, доступную лишь очень немногимъ избраннымъ воспитателямъ, которые всю свою жизнь посвятили на наблюденія совершающихся, подъ вліяніемъ жизни и природы, подъ вліяніемъ всего того, что мы обыкновенно называемъ мелочами, перерожденій, измѣненій въ душѣ ребенка и юноши. И, Боже мой, какъ мало въ мірѣ такихъ воспитателей! И какъ много такихъ, которые всѣ явленія природы дитяти или юноши стараются подвести подъ одну заранѣ сочиненную ими мѣрку. Подходить юноша подъ мѣрку, значитъ—хорошій юноша; не подходитъ—плохой. Имъ не растолкуешь, что надобно радоваться, если юноша плачетъ отъ наплыва добрыхъ, честныхъ чувствъ; если онъ не ко всему относится одинаково, если онъ привыкаетъ любить то, что вызываетъ глубоко лежащее на днѣ души его все доброе и хорошее. Хотите узнать, каковъ юноша по своимъ душевнымъ свойствамъ, то дайте возможность развернуться этимъ свойствамъ, проявиться въ той или другой формѣ. Иначе онъ вѣчно останется для васъ неразгаданнымъ, и вы никогда не поймете его, какъ онъ не пойметъ васъ.

Наша корпорація, со своими правилами, основанными на идеяхъ добра и чести, давала выходъ душевнымъ силамъ и такимъ образомъ укрѣпляла насъ на добромъ пути, ибо помощь студенту считалась долгомъ самымъ обязательнымъ со стороны всякаго студента корпораціи. Въ этомъ отношеніи мы смотрѣли очень широко: всякій членъ корпораціи долженъ былъ помочь всякому студенту, принадлежалъ ли онъ къ корпораціи или нѣтъ. Укрѣпившись въ обязательствахъ относительно товарищей, мы впоследствии, въ жизни, съ большимъ умственнымъ развитіемъ, легко перешли отъ идеи о помощи страдающимъ и бѣднымъ студентамъ къ идеѣ о помощи всѣмъ людямъ. Подобный ходъ развитія чувства любви къ людямъ совершенно естественъ и понятенъ. И онъ тѣмъ болѣе проченъ, что его на пути развитія искусственно не подталкивали, не форсировали никакія соціальныя теоріи, въ то время совершенно недоходившія до насъ. Были временныя толки о Фурьѣ, только-что народившіяся въ 40-хъ годахъ, но они скользнули по нашимъ головамъ и пролетѣли безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, ибо жизнь чувствомъ, стремленіе взять отъ жизни

какъ можно болѣе радостей поглощали насъ всецѣло и не допускали холоднаго, критическаго анализа ума по отношенію къ совершавшимся вокругъ насъ явленіямъ. Въ результатѣ получилось въ года зрѣлые: отсутствіе обскурантизма во взглядахъ и мнѣніяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе всякихъ крайнихъ воззрѣній на жизнь и ея явленія.

Мы живо помнимъ нашъ судъ чести, о которомъ упомянули выше; помнимъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на насъ, когда на немъ, не хуже, чѣмъ въ настоящее время въ любомъ гласномъ судѣ, разбирались всѣ самыя мелкія движенія души при совершеніи товарищемъ того или другаго неблаговиднаго поступка. Неужели такой судъ, такая дѣятельность не воспитывала насъ въ правилахъ чести? Результатомъ такого суда были иногда случаи исключенія изъ университета. Само собой понятно, что нашъ судъ равнымъ образомъ не былъ признанъ официально начальствомъ, что однако не мѣшало намъ добиваться, чтобы его опредѣленія приводились въ исполненіе.

Многіе студенты роптали на подобный захватъ власти корпораціею, но до поры до времени подчинялись суду. Всякій протестъ зрѣетъ медленно, оппозиція не создается въ нѣсколько дней. Она проявляется только тогда, когда наберется силы, что случилось и въ исторіи нашей корпораціи, какъ увидимъ ниже.

Такъ какъ начальство относилось очень не сочувственно къ корпораціи, комерсамъ, конвентамъ и ко всему, что было связано съ корпоративнымъ устройствомъ, то, безъ сомнѣнія, намъ приходилось устраивать наши собранія, комерсы и скандалы (дуэли) въ величайшей тайнѣ, что, впрочемъ, не всегда спасало отъ зоркихъ глазъ полиціи. Такъ, однажды комерсъ, устроенный на Васильевскомъ островѣ, былъ открытъ полиціею, и мы принуждены были, послѣ неизбежнаго столкновенія съ представителями полицейской власти, разбѣжаться ночью, инне въ однихъ сюртукахъ.

Если-бы не благороднѣйшій попечитель нашъ, память о которомъ мы сохраняемъ до настоящихъ дней, то вся эта исторія могла-бы имѣть очень гибельныя для насъ послѣдствія, ибо изъ латинскихъ пѣсенъ въ донесеніи полиціи вышли польскія пѣсни; изъ русскихъ цвѣтговъ, которыми были украшены стѣны комнаты и которые врасовались на нашихъ головахъ, вышли какія-то польскія конфедератки, словомъ, дѣло было представлено въ самомъ неблагопріятномъ для насъ видѣ. Повторяю, что благороднѣйшій попечитель, прекрасно понимавшій и знавшій все существо нашего праздника, понимавшій, что мы составляли невиннѣйшее изъ невинныхъ обществъ, чуждое не только политическихъ цѣлей, но и всякихъ, какихъ бы то ни было вредныхъ для правительства стремленій, успѣлъ, какъ говорится, затушить дѣло въ самомъ началѣ, безъ несчастныхъ для насъ послѣдствій.

Вспоминаю я, какъ улепетывалъ въ эту памятную для всѣхъ насъ ночь, которая, въ счастію, была тепла. Шапка заломлена, сюртукъ въ

рукахъ, страхъ подгоняетъ, а на устахъ все-таки недопѣтая отечественная пѣсня. Съ хохотомъ, гамомъ мы собрались на квартирѣ одного изъ товарищей, гдѣ вся ночь пролетѣла въ бесѣдѣ и предположеніяхъ о могущихъ быть послѣдствіяхъ упомянутого погрома. И какими мы героями представлялись сами себѣ!

Много комическихъ сценъ вспоминается также во время этого бѣгства въ свѣтлую лѣтнюю ночь по улицамъ острова. Какъ нравились всѣ подобныя опасности, какъ горячо билось сердце, какъ хотѣлось больше и больше переживать ихъ и какъ красна была ими жизнь! Но подобныя случайности и опасности имѣли для насъ не малую пользу въ томъ отношеніи, что выработывали въ насъ духъ товарищества, честныя правила и убѣжденія, такъ, напримѣръ, вѣчный позоръ тому, кто броситъ товарища во время какой бы то ни было для него опасности. Какому педагогу неизвѣстно, что всѣ нравственныя правила и указанія остаются пустыми словами, если молодой человѣкъ только слышитъ о нихъ, но не практикуетъ ихъ въ жизни. Только при послѣднемъ условіи, они обращаются въ плоть и кровь. Нѣтъ, какъ я уже сказалъ, намъ приводилось не разъ оправдывать упомянутыя правила на самомъ дѣлѣ, непосредственно прилагать ихъ въ жизни. Въ этомъ отношеніи наши правила были такъ строги, что даже несправедливый поступокъ товарища, его полная виновность въ данномъ случаѣ не давали намъ права оставить его на произволъ судьбы, и каждый изъ насъ долженъ былъ перенести всѣ мытарства, соединенныя съ какимъ бы то ни было полицейскимъ нарушеніемъ, но не смѣлъ бросить товарища. Мы не знали, что значать слова: „заварилъ кашу, самъ и расхлебывай“. Послѣ, по окончаніи исторіи, мы отдавали товарища суду чести и онъ за свой безобразный поступокъ, навлекшій непріятности и на другихъ, ни въ чемъ неповинныхъ, подвергался взысканіямъ корпораціи. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно, если проступокъ объяснялся болѣе минутною забывчивостью, происшедшею отъ излишнихъ винныхъ паровъ, чѣмъ прямымъ отсутствіемъ чести и нравственности въ виновномъ, послѣдній подвергался временному исключенію изъ среды студентовъ, т. е. онъ оставался студентомъ, но товарищи не имѣли права кланяться ему и говорить съ нимъ въ продолженіе опредѣленнаго времени. По жману, виновный, по истеченіи срока наказанія, входилъ въ обычныя условія жизни и все прошлое предавалось забвенію.

За проступки большей важности съ нравственной стороны, но все-таки не на столько важные, чтобы виновному предложить выходъ изъ университета, т. е. лишить его возможности кончить высшее образованіе, виновный подвергался вѣчному изолированному положенію, т. е. до окончанія курса его въ университетѣ никто изъ членовъ корпораціи не смѣлъ ни говорить, ни кланяться съ нимъ, ни вступать въ какія-либо сношенія. Желавшій выдти изъ этого, дѣйствительно тяжелаго положенія, могъ просить, чтобы дали ему воз-

возможность очиститься отъ грѣховъ кровью, иначе сказать—онъ могъ драться съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ корпораціи, причемъ, если конвентъ находилъ, что его просьба можетъ быть исполнена, назначалъ ему противника, который избирался корпораціей по жребію. Такой жребій и палъ разъ на моего брата. Чѣмъ-бы ни кончился шкандалъ, т. е. кто бы ни остался побѣдителемъ, но, во всякомъ случаѣ, исключенный изъ круга товарищей, принимался въ среду членовъ корпораціи и о прошломъ не было помина.

Само собой разумѣется, что бывали случаи и отказа въ упомянутомъ очищеніи и бѣднякъ съ тѣмъ и переходилъ въ жизнь, что усиливъ съ собой отчужденіе товарищей. Можетъ быть подобный взглядъ на дѣло былъ довольно жестокъ, но кодексъ нашихъ правилъ соблюдался строго, безъ чего всѣ правила и постановленія не имѣютъ смысла. Вѣдь тоже самое представляетъ и жизнь, гдѣ дѣйствуютъ не юноши, а мужи зрѣлые опытомъ и знаніями. Впрочемъ, подобный примѣръ суроваго наказанія, если память мнѣ не измѣняетъ, былъ одинъ во время всего моего пребыванія въ университетѣ и въ корпораціи.

Шкандалы (дуэли) составляли, какъ теперь въ Дерптскомъ университетѣ и вообще германскихъ университетахъ, почти обычное явленіе среди членовъ нашей корпораціи. Ихъ сохранилось не мало въ моей памяти. На шкандалахъ у каждаго противника было по секунданту; затѣмъ, избирался особый *uparteischer* (посредникъ), который обязанъ былъ считать удары противниковъ, наблюдать, чтобы удары были правильны, т. е. согласны съ правилами комана (устава о дуэляхъ); напримѣръ, не позволялось колотъ эспадономъ, а только рубить; не позволялось выпадать (наносить) удары ранѣ команды посредника, который открывалъ поединокъ. Многихъ подробностей я не могу припомнить, хотя не мало поединковъ прошло передъ моими глазами. Дрались обыкновенно до первой крови, потечетъ ли эта кровь изъ большой раны или изъ маленькой, хотя бы послѣдняя и была не болѣе царапины.

Съ какимъ бывало интересомъ услышишь, что такой то такому то послалъ дурака, что означало вызовъ на шкандаль. Фукс-ольдерманъ, получивъ извѣщеніе о шкандалѣ, немедленно поручалъ одному изъ фуксовъ озаботиться поѣздкой къ оружейному мастеру (жившему въ то время на Мѣщанской) для заказа отточенныхъ клинковъ эспадоновъ. Бывало ѣдешь въ Мѣщанскую ночью, за полученіемъ 4 клинковъ—двухъ для самаго шкандала и двухъ запасныхъ,—тихонько пробираешься по двору, условленными знаками стучишь въ дверь, покупаешь клинки и съ величайшей осторожностью выносишь ихъ на улицу, гдѣ уже ждетъ извозчикъ. Надобно было устроить шкандаль такимъ образомъ, чтобы ни университетское начальство, въ лицѣ инспектора и субинспекторовъ, ни полиція не могли накрыть насъ на мѣстѣ. Разумѣется, нанять помѣщеніе было не легко, ибо не пред-

ставлялось возможности скрыть процессъ поединка. Наконецъ все устроено, дано знать о часѣ шкандала врачу—старому дерптскому студенту, который съ охотой являлся по нашему зову; для кнейпа, всегда сопровождавшаго шкандалы, также все приготовлено.

Шкандалы, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, исполнялись буквально по нѣмецкому уставу: на голову надѣвалась кожанная каска, на шею волосяной галстухъ, на руки, до самаго изгиба, перчатки, на животъ волосяной набрюшникъ. Оставались открытыми лицо и грудь, верхнія части рукъ и бока. Во всякомъ случаѣ, какъ видитъ читатель, нѣмецкое благоразуміе предвидѣло опасные удары и сумѣло предупредить особенно трагическія послѣдствія, хотя и при подобной осторожности бывають исходы плачевные, т. е. дѣло кончается смертельной раной. Впрочемъ, въ исторіи дуелей нашей корпораціи мы такого страшнаго исхода не помнимъ; въ нашей памяти сохранилась только одна очень опасная рана, которая, благодаря Бога, разрѣшилась благополучно. Противники встали на мензур (черта, далѣе которой отступать нельзя, исходный пунктъ выпаденій), раздалась команда: становись! скрести клинки! бей! Поединокъ начался. Хорошій боецъ кончаетъ дѣло въ какихъ нибудь пять минутъ. Раздается команда посредника: стой! кровь! Рана свидѣтельствуется, и затѣмъ врачъ принимаетъ раненаго на свои руки.

По окончаніи шкандала противники сходятся и цѣлуются въ знакъ полнаго примиренія и забвенія прошлаго. Шкандалъ конченъ, принадлежности всѣ убраны подалѣе отъ непрошенныхъ глазъ. Начинается кнейпъ съ своими пѣснями, смѣхомъ, съ своею безавѣтною радостью.

Вспоминаются мнѣ оригинальные случаи изъ исторіи комерсовъ. Во время существованія корпораціи „Рутенія“ существовала и корпорація нѣмецкая, носившая название „Балтики“. Какъ-то пришла намъ мысль сдѣлать съ нѣмцами общій комерсъ. Нѣмцы согласились. Необходимо замѣтить, что по уставу нѣмецкому, которымъ, какъ уже извѣстно читателю, руководствовались и мы, извѣстная пѣсня поется въ извѣстное время и при этомъ выпивается извѣстное вино, даже въ опредѣленномъ количествѣ, такъ что нѣмецъ можетъ напередъ сказать, въ которомъ часу онъ будетъ уже совершенно неспособенъ ни къ дальнѣйшему пѣнію, ни къ дальнѣйшему питью. Наши комерсы обыкновенно начинались очень систематично, но уже далеко до половины пѣра начинали раздаваться пѣсни, не входившія въ составъ указанныхъ уставомъ пѣсенъ: раздавались, на примѣръ, недумано-негаданно, „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“ или „Во лузяхъ, лузяхъ зеленыхъ“. Еще далеко до половины вечера иные студенты, забывая всѣ правила и постановленія, всю нѣмецкую дисциплину, снимали сюртуки и оставались въ однихъ рубашкахъ. Взгромоздившись на столъ, они посреди пирующихъ произносили рѣчи, неизвѣстно кому и неизвѣстно о чемъ. Поднимался, какъ говорится,

дымъ коромысломъ. Все это повторилось и на общемъ съ нѣмцами комерсѣ. Ни удары сеньора (также перешедшаго предѣлы веселья, положеннаго по уставу) эспадономъ по столу, ни его крики: *silentium, ad loca* ¹⁾! не помогали: все пѣло, шумѣло, кричало безъ малѣйшаго удержа; иные цѣловались, пили брудершафтъ ²⁾, обнимались; иные перебранивались. Нѣмцы, строго державшіеся устава, по которому оставалось еще много пѣсенъ и вина до безшабашнаго веселья, были внѣ себя отъ злости за наши отступленія отъ устава и дали себѣ клятву никогда вмѣстѣ съ нами на комерсѣ не участвовать, о чемъ мы ни малѣйшимъ образомъ не сожалѣли.

Въ этотъ комерсъ произошелъ случай, особенно запечатлѣвшійся въ моей памяти: были у насъ два фукса, закадычные пріатели еще съ гимназической скамейки и, какъ пріатели, разумѣется относились другъ къ другу безъ малѣйшаго стѣсненія въ выраженіяхъ, особенно сильныхъ у русскаго человѣка въ минуты разгуга и безшабашнаго веселья, когда вино развязываетъ языкъ и выворачиваетъ душу, чего нѣмцу въ вѣкъ не понять. Обнимаясь и цѣлуясь, одинъ изъ упомянутыхъ пріателей самымъ дружескимъ, задушевымъ голосомъ сказалъ другому: „какая же ты свинья, Павлушка! Экая ты дурачина!“ Стоявшій вблизи нѣмецъ студентъ, услышавъ упомянутыя выраженія, передалъ своимъ товарищамъ, что оба пріателя наговорили другъ другу такихъ словъ, послѣ которыхъ они должны непременно драться. На другой день исторія дошла до всѣхъ русскихъ, принадлежавшихъ къ корпораціи. Толковали уже о томъ, что нѣмцы проводятъ мысль, до какой степени недостойно студента даже въ шутку употреблять подобныя выраженія, что если подобное выраженіе слетѣло съ языка, то скандалъ неизбѣженъ. Мы рѣшили собрать конвентъ, чтобы обсудить криминаль, совершенный нашими пріателями-товарищами.

Я пишу эти строки и чувствую, что улыбка не сходитъ съ моего лица при воспоминаніи о тревогѣ, разговорахъ, сужденіяхъ, пережитыхъ нами по поводу упомянутой исторіи; но тогда мы относились къ этому вопросу необыкновенно серьезно и строго. На конвентѣ одинъ изъ пріателей-студентовъ, о проступкѣ которыхъ идетъ рѣчь, доказывалъ очень основательно, что драться съ Павлушкой для него дѣло немислимое, ибо они друзья закадычные и привыкли обращаться другъ съ другомъ безъ всякихъ церемоній или стѣсненій. Павлушенька также доказывалъ свое сердечное расположеніе къ пріателю и серьезно увѣрялъ, что на друга у него не поднимется рука. Хохоту, конечно, было не мало, но все-таки конвентъ, имѣя въ виду всегдашнюю готовность нѣмцевъ очернить русскую корпорацію и вообще злорадство ихъ по отношенію къ русскимъ, рѣшилъ, что скандалъ долженъ состояться. И дѣйствительно, сколько помню, онъ со-

¹⁾ Тѣше, молчаніе! на мѣста!

²⁾ Всѣ обязаны были пить брудершафтъ, послѣ чего и говорили другъ другу „ти“.

стоялся, кончившись небольшою парашюной, полученной Павлушенькой. Но все-таки, не смотря на нѣмцевъ, отношенія двухъ пріятелей остались прежнія, и они во взаимныхъ ласкахъ по прежнему прибѣгали къ выраженіямъ, которыя такъ не по сердцу приплысь щепетильнымъ германцамъ. Нельзя же было заставлять драться двухъ пріятелей по десяти разъ на день. Даже, сейчасъ послѣ скандала одинъ изъ нихъ называлъ другаго въ припадкѣ нѣжности свинтусомъ.

Встаетъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ добрѣйшій инспекторъ, о которомъ всѣ мы сохранили самую свѣтлую память; встаетъ онъ въ памяти при воспоминаніи о скандалахъ и разныхъ нашихъ собраніяхъ, которыя такимъ тяжелымъ камнемъ ложились на его душу и отъ которыхъ онъ, конечно, долженъ былъ много страдать. За все отвѣчай, все предупреди, отвѣчай очень строго даже за нарушение студентами формы, напримѣръ ношеніе фуражки. Только теперь, въ года зрѣлые, мы оцѣнили вполне все, что онъ для насъ дѣлалъ, на сколько снисходилъ къ намъ и на сколько много мы доставляли ему горя. Да будеть ему легка могила!

Помню я чудесный лѣтній вечеръ, столь рѣдкій въ Петербургѣ. Довольный, счастливый подъ влияніемъ пережитыхъ бесѣдъ съ моею Олей, моею второй чистой любовью,—Олей, о которой думалъ и въ самыя тяжелыя, и самыя счастливыя минуты жизни,—о которой думалъ въ минуты поединка, мысленно прощался съ ней, хотя и было мало вѣроятности, что я паду въ честномъ бою,—счастливый шелъ я по Исакиевскому мосту, находившемуся въ то время ближе къ университету, чѣмъ онъ отстоитъ теперь. Сюртукъ у меня разстегнуть, шпага въ рукахъ вмѣсто трости, шляпа на затылкѣ, словомъ, видно, что всѣ правила нарушены и что идетъ не военный челоуѣкъ. Подхожу къ концу моста и вижу инспектора, который ускорялъ шаги, боясь, конечно, чтобы я не ускользнулъ, что не рѣдко бывало со студентами, которые крѣпко стояли на другой день на томъ, что Александръ Ивановичъ ошибся, ибо онъ, обвиняемый въ нарушении формы, въ тотъ часъ и день и не думалъ выходить изъ дому. Приложившись къ шляпѣ, конечно безъ перчатокъ, я ждалъ грозной рѣчи и приглашенія явиться завтра утромъ къ нему, инспектору.

— Г. Б—ъ, началъ инспекторъ тономъ искусственно-раздраженнымъ, ибо еслибы онъ дѣйствительно каждый разъ раздражался отъ подобныхъ встрѣчъ, то ему давнымъ-давно пришлось бы лежать въ могилѣ,— Г. Б—ъ, вы въ такомъ возмутительномъ видѣ! И вамъ не совѣстно?

Все кончилось бы благополучно, ибо я зналъ, что Александръ Ивановичъ совершенно пасуетъ, когда студентъ безъ всякихъ увертокъ сознавался въ своей винѣ и просилъ извиненія. Не было примѣра, чтобы онъ арестовалъ покаившагося грѣшника. Но меня нелегкая толкнула возразить: „Какой же у меня возмутительный видъ? Я въ шляпѣ, а если держу шпагу въ рукахъ, то послѣ пробитія зари это позволяется“.

— А, такъ вотъ какъ вы изволите разсуждать, сказалъ Александръ Ивановичъ уже дѣйствительно раздраженнымъ голосомъ: по вашимъ правиламъ послѣ пробитія зари позволяется употреблять шпагу вмѣсто тросточки. Не слыхалъ я такихъ правилъ, хотя и служилъ въ гвардіи. Оригинальное правило. Потрудитесь завтра пожаловать ко мнѣ. Я разъясню вамъ всѣ правила, какъ военныя, такъ и наши университетскія.

Такое приглашеніе ясно означало, что я буду посаженъ подъ арестъ, что дѣйствительно и случилось. Подъ арестомъ, въ аудиторіи, Александръ Ивановичъ продержалъ меня ровно 3 дня за разсужденія и непокорность, какъ онъ выразился. Впрочемъ, арестъ въ аудиторіи не составлялъ для насъ особеннаго несчастія, потому что чуть не каждый день сидѣли подъ арестомъ человѣкъ пять, а иногда и болѣе, по преимуществу нарушители формы, которыхъ инспекторъ и его помощники обыкновенно ловили на разныхъ общественныхъ гуляньяхъ. Бывало, подъ вечеръ, Александръ Ивановичъ выходитъ изъ квартиры, а Савельичъ, историческій нашъ швейцарь, служившій съ самаго основанія университета, говоритъ про себя: „Ну, пошелъ на охоту. Къ ночи-то оиѣтъ натаскаетъ“. Такимъ образомъ арестованные студенты составляли, какъ видитъ читатель, довольно большое общество.

Всѣ ждутъ, когда Александръ Ивановичъ отправится на упомянутую ловлю. Наконецъ солдатъ сообщаетъ, что ушелъ. Тогда арестованные въ разныхъ аудиторіяхъ соединяются вмѣстѣ, посылаютъ за виномъ, и время проходитъ какъ нельзя болѣе пріятно и весело. Карцеръ конечно не представлялъ такихъ удобствъ.

Въ „Дневникѣ“ моемъ значится между прочимъ слѣдующая записка: „22 января 184— г. До экзамена не далеко. Скверно, если не выдержу, тѣмъ болѣе, что далъ слово отцу среди гульбы поминуть о переходѣ во 2-й курсъ. Не пора ли засѣсть?“ Но засѣлъ я только въ февралѣ и засѣлъ такъ, что рѣдко отрывался отъ записокъ. Точно также поступали и всѣ студенты, т. е. съ февраля по май (въ май начинались экзамены), студенты корпораціи и большинство дикихъ (непринадлежавшіе къ корпораціи) принимались готовиться къ экзаменамъ. Въ этотъ періодъ времени наши сходы, попойки и различныя праздники, если не прекращались совершенно, то, во всякомъ случаѣ, уменьшались очень значительно. Студенты бѣгали по товарищамъ и добывали записки, книги. Въ май мѣсяцѣ начались мои экзамены, которые и кончились наиблагополучнѣйшимъ образомъ: я перешелъ во 2-й курсъ. Одинъ изъ профессоровъ, экзаменуя меня, выразилъ удивленіе, что я кристъ, ибо не помнилъ, чтобы я бывалъ на его лекціяхъ, а если и бывалъ, то очень рѣдко. Вслѣдствіе этого экзаменовалъ меня, какъ говорится, до седьмого пота; но все-таки поставилъ четыре. До какой степени были молоды наши студенты, (даже и теперь гимназисты слишкомъ молодыми кончаютъ курсъ, что, по нашему мнѣнію, рѣшительно не выдерживаетъ критики въ педагогиче-

скомъ отношеніи) лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующій фактъ, совершившійся на моихъ глазахъ: одинъ мой землякъ, студентъ физико-математическаго факультета, оборвавшись на экзаменѣ изъ 1-го курса во 2-й, рѣшилъ перейти въ другой факультетъ; но вопросъ о томъ, въ какой именно, нашелъ самымъ удобнымъ разрѣшить жребіемъ. Были написаны бумажки съ названіемъ факультетовъ, кромѣ, конечно, математическаго, положены въ шапку, и мой землякъ вытащилъ изъ фуражки записку съ юридическимъ факультетомъ. Такимъ образомъ онъ и сдѣлался юристомъ. Вообще факультеты избирались какъ-то машинально, на-обумъ, безъ малѣйшаго соображенія о своей склонности къ той или другой наукѣ. Ничего другаго и нельзя требовать отъ юношей, только что перешедшихъ изъ отроческаго возраста. Безъ сомнѣнія, исключенія, но очень немногія, всегда и вездѣ бывали и бываютъ.

Перехожу къ описанію интереснаго въ моей жизни факта, а именно, къ описанію шкандала, который я имѣлъ съ однимъ изъ лучшихъ и близкихъ моихъ пріятелей, студентовъ. Нѣтъ необходимости говорить, что поединкомъ съ такимъ близкимъ человѣкомъ могъ совершиться только въ жизни юношей, способныхъ, подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія, на всякій рѣшительный поступокъ. На какомъ-то кнейгѣ я и мой упомянутый товарищъ заспорили о такихъ пустякахъ, о которыхъ въ сущности не стоило и говорить. Слово за слово, шире да дальше, наконецъ мой пріятель въ разгарѣ спора выразился: „Ты стоишь того, чтобы тебѣ послать дурака“. Я безъ малѣйшаго замедленія отвѣчалъ: „Я стою послышки дурака, какъ ты говоришь, а я прямо посылаю тебѣ дурака. Кушай его на здоровье“. Исторія живо разнеслась, и тутъ же было рѣшено, что между нами долженъ состояться шкандаль. Не откладывая въ даль, я на кнейгѣ же выбралъ секунданта, павшаго впоследствии подъ Карсомъ, когда въ Азіи дѣйствовалъ Муравьевъ. Мой противникъ также нашелъ секунданта, который на кнейгѣ же и принялъ мой вызовъ, переданный моимъ секундантомъ. Считаю необходимымъ сказать, что мой противникъ Нефедовъ жилъ вмѣстѣ со мной на одной квартирѣ. Три дня, прошедшіе до шкандала, мы вмѣстѣ ѣли и спали въ одной комнатѣ.

Такъ какъ я уже имѣлъ случай заявить, что хочу быть правдивымъ историкомъ, то и не скрою, что состояніе своего духа предъ поединкомъ не могъ назвать совершенно покойнымъ: неволью приходила въ голову мысль, что смертельный ударъ, хотя и очень рѣдкій, но все-таки возможенъ. Студенты толковали, что я изрублю своего противника въ котлетку, ибо я дрался очень хорошо; нѣкоторыхъ ударовъ моихъ, мною созданныхъ, не всегда могли парировать лучшіе бойцы; между тѣмъ какъ мой пріятель положительно не владѣлъ эспадономъ и только послѣ моего вызова началъ учиться. Дошла до меня молва, что онъ намѣренъ рубить плеча, безъ всякихъ правилъ. Въ день поединка мы въ одной и той же комнатѣ надѣли чистыя

рубахи, одѣлись и вмѣстѣ вышли изъ квартиры. Оставалось только вмѣстѣ ѣхать на одномъ извозчикѣ, чего впрочемъ не сдѣлали.

Совершился обрядъ одѣванія всѣхъ принадлежностей шкандала; секунданты отдѣлили намъ, какъ древнимъ рыцарямъ на турнирахъ, свѣтъ и воздухъ; провели mensur'у, т. е. границу, на которой должны стоять каждый изъ противниковъ. Мы, временные враги, стояли на mensur'ахъ и ждали команды unparteischer'a (посредника). Наконецъ его голосъ раздался: „Становись!“

Мы приняли боевое положеніе.

— Скрестись! раздался вторично голосъ посредника.

Мы скрестили клинки.

— Выпадай! раздается новая команда.

Мой противникъ сдѣлалъ первый ударъ. Не успѣлъ я порядочно отпарировать его удара, какъ безъ всякаго толку, помимо всѣхъ правилъ, съ необыкновеннымъ азартомъ, посыпались его удары. Я растерялся, говори по просту, т. е. называя всякую вещь ея именемъ, струсилъ, попытлся назадъ, затѣмъ сдѣлалъ еще шагъ назадъ. Мой секундантъ шепнулъ мнѣ: „Что ты дѣлаешь, стыдъ! Вѣдь ты отступилъ уже за мензурю“. Слово стыдъ подѣйствовало на меня электрически; заговорило самолюбіе, заговорило тѣмъ болѣе сильнѣе, что я самъ сознавалъ свою робость, свой страхъ предъ смѣлымъ натискомъ противника.

— Смотри, какъ онъ отерывается, продолжалъ шептать мой секундантъ.—Бей его въ открытое мѣсто.

Вставъ опять на мензурю и вполнѣ собравшись съ духомъ, я сдѣлалъ ложный ударъ (финту) и затѣмъ нанесъ ему въ животъ одинъ изъ тѣхъ ударовъ, отпарировать который могли немногіе. И теперь, спустя много лѣтъ, я мысленно возношу благодарность предусмотрительности нѣмцевъ, у которыхъ опасныя части тѣла, какъ мы говорили выше, защищаются очень солидно. Мой ударъ былъ такъ силенъ, что прорубилъ не только замшу, но довольно глубоко и самый волосъ, бывшій въ брюшникѣ. Докторъ, находившійся при шкандалѣ, пришелъ въ ужасъ при мысли, что подобный ударъ могъ бы быть данъ по животу незащищенному и тогда, по всѣмъ соображеніямъ, исходъ былъ бы самый печальный. Юношеское увлеченіе, юношеская необдуманность могли наложить на мою совѣсть вѣчный, страшный укоръ. Благодарю Бога отъ всего сердца за такой счастливый исходъ.

Шкандалъ кончился тогда, когда мой противникъ отрубилъ мнѣ часть большого пальца лѣвой руки и надрубилъ лежавшій съ нимъ палецъ. Отрубленная часть была немедленно поднята врачомъ съ пола, обмыта въ теплой водѣ, приложена къ мѣсту и перевязана. Черезъ нѣсколько недѣль, вопреки ожиданіямъ врача, часть пальца совершенно приросла, что въ медицинской практикѣ составляетъ явленіе не всѣмъ обычное. Доказательство, т. е. рубецъ, очень ясно обозначен-

ный, сохранилось до сей поры. Послѣ удара, мною нанесеннаго, я, подъ вліяніемъ могущихъ быть печальныхъ послѣдствій, былъ совершенно парализованъ и боялся, чтобы не нанести вторичнаго подобнаго удара, слѣдовательно дрался болѣе механически, чѣмъ съ сознаниемъ. Только благодаря этой случайности моему противнику удалось кончить дѣло побѣдой.

Такъ какъ я во время упомянутаго поединка находился подъ вліяніемъ теплой и чистой любви къ Олинкѣ, только что выпущенной институтѣ, то и не могу не вспомнить, до какой степени ея образъ носился предо мной со времени вызова до конца шкандала. Воображеніе гуляло на просторѣ: я представлялъ себя раненымъ на смерть, представлялъ ее у моей смертной постели, съ поднятыми руками и съ горячей молитвой на устахъ, чтобы Господь помиловалъ меня и даровалъ мнѣ жизнь. Представлялъ себѣ, то свои похороны и ее идущую за гробомъ, убитую горемъ; то свое выздоровленіе, ея радость и ухаживанье за мной. Какія свѣтлыя и вмѣстѣ съ тѣмъ теперь, въ 53 года жизни, какія вызывающія невольную улыбку воспоминанія! Гдѣ она и что съ ней теперь? Можетъ быть она прочитаетъ эти строки и также улыбнется со вздохомъ, какъ улыбаюсь я въ настоящія минуты.

Наканунѣ шкандала я былъ на небольшомъ кнейгѣ. Разумѣется, пѣли. Сколько бы я ни прожилъ, но все-таки буду хранить въ памяти этотъ вечеръ. Когда запѣли пѣсню:

Для дѣвъ хранимъ мы сердце молодое
И пьемъ за здоровье ихъ,
Да здравствуетъ веселье удалое
Студентовъ молодыхъ (три раза),

то я пѣлъ съ невыразимымъ наслажденіемъ и увлеченіемъ. Предстоящій поединокъ, кругомъ горячая жизнь юношей, изъ которыхъ не было ни одного старше 22 лѣтъ, Олинка, шестнадцатилѣтняя, съ своими кроткими, голубыми глазами, моя любовь къ ней и ея, полныя нѣжности и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтской простоты рѣчи, все это било по струнамъ души, готовой разорваться, улетѣть куда-то, уничтожиться. Да, господа современные юноши, вы и понятія не имѣете о тѣхъ чудныхъ дняхъ, которые переживали мы; понятія не имѣете, что такое юность — эта поэзія и рай жизни. Для васъ она мѣка и страданіе.

Трудно сказать, что дѣлалось съ нами во время круговой пѣсни:

Наливъ бокалы всѣ полнѣй,
Вокругъ тебя мы встанемъ
И въ честь красавицы твоей
„Да здравствуетъ“ мы грянемъ,
Какъ, братъ, красу твою зовутъ?

Въ отвѣтъ выкрикивались дорогія, завѣтные имена. И какъ выкрикивались! Бывало отъ моего крика: „Оля!“ сосѣди затыкали уши и говорили: „лопнетъ у тебя когда нибудь горло отъ твоей Оли“.

Выслушавъ имя, всѣ студенты отвѣчали хоромъ:

Да здравствуетъ же Оля (два раза),

Да здравствуетъ она!

Говорить о дальнѣйшемъ продолженіи моего университетскаго курса совершенно бесполезно, ибо значило бы повторять уже то, о чемъ мы говорили не мало. Комерсы, конвенты, скандалы, періодическія занятія для экзаменовъ, все это смѣнялось своимъ чередомъ, съ тою лишь разницею, что многіе изъ насъ значительно двинулись впередъ по пути умственнаго развитія: вошли въ интересы литературы, театра, толковали о политическихъ событіяхъ въ Европѣ. Помню, какъ мы зачитывались „Кто виноватъ?“ и вообще всѣмъ, что въ то время составляло вопросъ дня. Искандера, какъ писателя, мы ставили высоко. Бѣлинскому поклонялись, и онъ имѣлъ огромное вліяніе на наше развитіе. Дѣйствительно, этотъ критикъ воспиталъ цѣлыя поколѣнія. Мы болѣе чѣмъ послѣдующія поколѣнія поняли его значеніе въ исторіи нашей цивилизаціи, ибо его сверстники.

Разскажу въ заключеніе о протестѣ противъ корпораціи, который проявился во всей силѣ со стороны дикихъ, т. е. студентовъ принадлежащихъ къ корпораціи, въ концѣ моего курса, когда я находился въ университетѣ четвертый годъ. Протестанты выбрали своихъ представителей съ тѣмъ, чтобы допустить послѣднихъ на конвентъ, гдѣ они заявлять нѣкоторые свои взгляды по отношенію къ корпораціи. Мы согласились на упомянутое допущеніе дикихъ въ конвентъ, который оставилъ по себѣ память въ исторіи корпораціи.

Упомянутые депутаты заявили, что они отъ лица большинства студентовъ протестуютъ противъ права корпораціи призывать къ своему суду студентовъ, принадлежащихъ къ корпораціи; противъ захвата власти, которой корпораціи никто не давалъ. Начались споры, отвѣты съ нашей стороны, начались обоюдныя остроты, пикировки. Наконецъ депутаты, увлеченные споромъ, коснулись и устройства корпораціи, до чего имъ собственно не было никакого дѣла. Они могли не принимать участія въ корпораціи, не признавать ея права судить дикихъ; но изъ этого не слѣдовало, чтобы они имѣли право мѣшать намъ устроить корпорацію съ формальностями, съ которыми мы хотѣли ее устроить. Депутаты начали доказывать, что всѣ эти нѣмецкія штуки болѣе чѣмъ смѣшны, что учрежденіе фуксовъ, обязанныхъ исполнять лакейскія услуги, просто возмутительно; что всѣ наши шапки, цвѣта, обряды не болѣе какъ игрушки; что дуэли — безобразіе, съ которымъ не можетъ помириться ни одинъ умственно развитый человѣкъ. Въ концѣ конвента нѣкоторые даже изъ нашихъ, покоряясь силѣ доводовъ новыхъ для нихъ взглядовъ, о которыхъ они до сей поры и не думали, пристали къ депутатамъ и отреклись

отъ своей корпораціи. Совершился значить расколъ — первый и осязательный признакъ, что дни учрежденія сочтены. И дѣйствительно, корпорація начала послѣ этого конвента распадаться, а послѣ нашего выпуска умерла окончательно.

Что касается до меня, то долженъ сознаться, что я не поддавался никакой логикѣ, никакимъ доводамъ и крѣпко стоялъ за малѣйшую нашу формальность, за самый незначительный нашъ обычай. Безъ сомнѣнія, подобную свою стойкость я могу объяснить лишь своимъ недоразвитіемъ, непониманіемъ силы означеннаго протеста, въ которомъ была и правда, и были свѣжія, новыя мысли. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по выходѣ изъ университета, когда я отрезвился отъ угара корпоративной жизни, то очень хорошо понялъ справедливость въ извѣстной степени доводовъ упомянутыхъ протестантовъ-студентовъ; но до сей поры не соглашаюсь съ ними по отношенію къ суду чести, значеніе котораго они не признавали, какъ нашего учрежденія, но между тѣмъ не хотѣли ввести въ него и своихъ депутатовъ. Въ то время намъ слѣдовало крѣпко отстаивать судъ чести и слѣдовало употребить всѣ усилія, чтобы расширить его значеніе; но, къ сожалѣнію, мы болѣе отстаивали нашу корпорацію съ ея обрядами и формами, чѣмъ судъ чести, — лучшее доказательство незрѣлости нашихъ мыслей и взглядовъ на вопросы общественные. Въ хорошихъ сторонахъ корпораціи читатель имѣлъ случай убѣдиться изъ описанія моей жизни и всего корпоративнаго строя; дурная же сторона корпораціи заключалась прежде всего въ томъ, что мы получали слишкомъ узкій взглядъ на другія сословія, неизмѣвшія отношенія къ университету. Даже дикіе, хотя и студенты, не были вполне студентами по нашимъ понятіямъ. О другихъ сословіяхъ не могло быть и рѣчи, ибо мы считали ихъ людьми, стоящими внѣ критики, сохраняя убѣжденіе, что честнѣе, лучше, во всѣхъ отношеніяхъ умнѣе, справедливѣе студента не можетъ быть и человѣка на бѣломъ свѣтѣ. Подобный взглядъ на столько въѣлся въ нашу природу, что даже и теперь, знакомясь съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, я, и безъ сомнѣнія многіе изъ моихъ товарищей, прежде всего интересуюсь узнать: студентъ онъ или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ смотришь на него какими-то подкупленными глазами. Встрѣтить русскаго студента, бывшаго въ корпораціи, не представляется возможнымъ, ибо сколько извѣстно, въ русскихъ университетахъ существовала только наша корпорація, вслѣдствіе чего мы свою любовь къ студентамъ-буршамъ по-неволѣ должны были перенести на всѣхъ студентовъ всѣхъ университетовъ, какъ такихъ людей, которые въ нашемъ идеалѣ человѣка стоятъ все-таки ближе, чѣмъ всѣ остальные смертные. Если бы въ наше время юноши различныхъ специальныхъ учебныхъ заведеній получили право называться студентами, какъ они называются теперь, то мы были бы подавлены горемъ и удивленіемъ, что подобное званіе могутъ носить какіе бы то ни было юноши, кромѣ студентовъ

университета. За то съ другой стороны даже и въ настоящее время меня крѣпко печалитъ всякая молва, всякое извѣстіе о безнравственномъ дѣйствіи человѣка, вышедшаго изъ университета. Много корпоративная жизнь вредила и нашимъ занятіямъ, поглощая своимъ интересомъ почти все наше время. Худы-ли, хороши-ли были профессора, но дѣло въ томъ, что непринадлежавшіе къ корпораціи посѣщали лекціи несравненно усерднѣе, чѣмъ мы.

До сей поры мы, бывшіе студенты-бурши, собираемся разъ въ годъ, въ день учрежденія корпораціи и вспоминаемъ наши свѣтлые юношескіе годы. Надобно ли прибавлять, что ряды наши рѣдѣютъ и рѣдѣютъ.

Они (друзья) разбросанные спятъ
Кто здѣсь, кто тамъ на ратномъ полѣ
Кто дома, кто въ землѣ чужой;
Кого недугъ, кого печали
Свели во мракъ земли сырой;
И всѣхъ мы братски поминали. (Пушкинъ).

Волей-неволей моя университетская жизнь, которую я передалъ здѣсь читателямъ, заставляетъ меня мысленно перенестись къ современнымъ юношамъ.

Наша юность стоитъ уже далеко позади насъ, современные юноши живутъ на нашихъ глазахъ. Да, дорогіе юноши, мы забавлялись игрушками, мы шалили и мало занимались дѣломъ, т. е. непосредственнымъ своимъ дѣломъ—наукой; мы были чужды многихъ вопросовъ, которые поглощаютъ вашу жизнь; мы мало жили умомъ, а больше чувствомъ. Да, правда, повторяемъ—правда. Но говорю вамъ искренно, какъ можетъ говорить человѣкъ на закатѣ дней своихъ, что мы не отдадимъ своей юности за вашу. Мы не возьмемъ вашихъ думъ, вашихъ стремленій, заставляющихъ склонять голову предъ дѣйствительностью, убивающихъ свѣжесть и поэзію жизни, перерождающихъ васъ, двадцатилѣтнихъ, въ старцевъ, для которыхъ нѣтъ идеаловъ, разбитыхъ вами безошадно тогда, когда только и можно жить идеалами; не возьмемъ всего этого, вамъ принадлежащаго, за свои пѣсни, за свои чудныя ночи, за свою свѣжесть, за свои чистыя, золотыя мечты, за свою поэзію. Вы, въ 17, 20 лѣтъ жизни нерѣдко разрѣшаете накипѣвшіе на днѣ вашихъ душъ вопросы и задачи выстрѣломъ въ лобъ, а мы въ ваши годы жили всѣми малѣйшими фибрами тѣла и души; мы хватились за жизнь всѣми своими чувствами, дорожили жизнью, ибо видѣли въ ней не мученіе, а высокое наслажденіе. Рѣшайте сами: мы ли, юноши 40-хъ годовъ, жили, или вы, современные юноши, живете болѣе согласно съ закономъ природы, въ которой есть свои весна, лѣто, осень, зима! Мы были въ свое время молоды и теперь, въ свое время, старики; мы спасли, хотя и не цѣлые, а все-таки остатки нашихъ идеаловъ; мы, на закатѣ дней, оглядываемся на свѣтлую полосу юношеской жизни и находимъ въ этой свѣтлой полосѣ утѣшеніе среди пере-

живаемыхъ невзгодъ и всяческихъ душевныхъ страданій. Но гдѣ ваше утѣшеніе, которое понадобится вамъ въ будущемъ? Гдѣ у васъ эта свѣтлая полоса, о которой и теперь мы вспоминаемъ съ радостной улыбкой?

Часто встають въ воспоминаніи образы и сцены. Ты, нашъ маленький, подвижной, какъ ртуть, товарищъ, во весь ростъ рисуешься предъ моимъ умственнымъ взоромъ. Я вижу тебя, слышу твой дѣтски-чистый смѣхъ въ то время, когда наступаетъ твоя очередь надѣть единственный нашъ сюртукъ, ибо остальные три сюртука, принадлежавшіе мнѣ и товарищамъ, уже давно заложены; вижу, какъ ты дѣлишь полученные отъ бѣдняка-отца 10 рублей и съ истиннымъ наслажденіемъ отдаешь ихъ въ общую артель, незнавшую словъ: мое и твое.

Видю и тебя, вѣчный путешникъ и каламбуристъ, какъ ты, съ какой-то торжественностью разставляешь силки на окнѣ и съ трепетомъ ждешь, забывая все и всѣхъ на свѣтѣ, но помня лишь о томъ, что у всѣхъ насъ 12 копѣекъ капитала; ждешь прилета голубей, чтобы поймать ихъ и сварить супъ, изжарить жаркое. Наконецъ голуби пойманы, супъ и жаркое готовы, и мы уничтожаемъ ихъ съ наслажденіемъ молодости, съ наслажденіемъ, непонятнымъ даже богачу за его роскошнымъ обѣдомъ. Помню покушкѣ чаю, сахару на какія-нибудь 15 копѣекъ; помню холодъ отъ нетопленныхъ печей и, наконецъ, какъ теперь вижу наше торжественное шествіе изъ квартиры по приглашенію хозяина, съ единственной собственностью—исторической этажеркой,—хозяина, просившаго не о деньгахъ, но лишь объ одномъ, чтобы мы съ миромъ отправились отъ него и обрѣли бы себѣ другое пристанище. Помню и тебя, Коля, торжественно выступающаго въ этомъ шествіи въ женской кацавейкѣ, за неимѣніемъ шинели и въ студенческой шапкѣ, ухарски загнутой на бокъ; помню и приходъ нашъ на квартиру къ товарищу, котораго мы застали лежавшимъ въ темнотѣ за неимѣніемъ свѣчей, вслѣдствіе чего съ нетерпѣніемъ ждали дневного свѣта, появленія той свѣчи, которая одинаково свѣтитъ и бѣднымъ, и богатымъ. Помню всѣхъ васъ, дорогихъ братьевъ, готовыхъ отдать послѣднюю рубашку товарищу, сердечно отзывавшихся на всякое чужое горе и страданіе. Привѣтъ живымъ изъ васъ, миръ и покой лежащимъ въ могилахъ! Васъ послѣднихъ мы до сей поры поминаемъ въ нашей завѣтной грѣснѣ:

Умчится-ль кто изъ дружескаго круга
Харона быстрою ладьей,
Товарищи, поплачемъ въ память друга,
Да мирно спать онъ подъ землей!
Слезы смѣшася съ кипучимъ виномъ,
Пусть непробуднымъ почіетъ онъ сномъ!

Но въ то далекое время мысль о смерти не долго тяготѣла надъ нашими молодыми душами. Жизнь юная и горячая брала свое. Мы гѣли:

Товарищи! пока угодно небу,
 Да будетъ жизнь въ отраду намъ!
 Придетъ пора: поклонъ прощальный Фебу,
 И въ пристань пустимся къ отцамъ.
 Други! смѣшаемъ торжественный гласъ
 Со звономъ стакановъ въ сей радостный часъ.

Изъ цѣлаго ряда воспоминаній встаетъ прощальный вечеръ, когда мы покидали университетъ, по окончаніи курса. До мелкихъ подробностей воскресаетъ въ памяти этотъ незабвенный вечеръ, открывшій намъ двери жизни общественной, стоявшій на порогѣ юности и сопряженныхъ съ нею радостей и лѣтъ возмужалыхъ, съ ихъ опытомъ и невзгодами.

Въ послѣдній разъ приволье жизни братской
 Товарищи, вкушаю среди васъ.
 Сей говоръ чашъ, свободный дружбы гласъ,
 Сей крикъ и шумъ—разливъ души бурсацкой—
 Привѣтствуютъ меня въ послѣдній разъ.
 Могучій Богъ ведетъ меня далече
 Отъ васъ, моихъ согражданъ бурсаковъ.
 Найду ли гдѣ поэзію трудовъ,
 Нашъ дивный бытъ и пламенное вѣче,
 Живую рѣчь и мысли безъ оковъ.

И сколькихъ изъ тѣхъ, съ которыми я проводилъ послѣдній вечеръ студенческой жизни, уже нѣтъ между нами. Они давно послали, по словамъ гѣсни, поклонъ прощальный Фебу. Когда-то мой чередъ? Простите, господа, что началъ за здравіе, а свель за упокой, ибо говорю не я, а законъ природы. Всякому возрасту свое: одному жизнь, другому смерть. Я стою на томъ рубежѣ жизни, съ котораго виднѣется, хотя еще въ туманѣ, шествующая смерть, такъ что я могу протянуть ей руку и не особенно долго ждать, что она подастъ свою холодную и, во всякомъ случаѣ, страшную руку, хотя смерть, какъ говоритъ Сенека, есть порогъ жилища спокойствія.

И. В—ъ.

ЗАПИСКИ ПРИНЦЕССЫ САЛЬМЪ-САЛЬМЪ ¹⁾.

ЗАПИСКИ принцессы Сальмъ-Сальмъ, женщины замѣчательной тѣмъ, что она сдѣлала три кампаніи, хотѣла помочь императору Максимилиану бѣжать изъ Мексики и вообще проявила энергію, несвойственную ея полу, не представляя особенно цѣннаго историческаго матеріала, не лишены однако интереса, какъ бытовая картинка нравовъ. Этими картинками, съ ихъ мелкими эпизодами, съ набросанными на скорую руку портретами и тѣнями великихъ и маленькихъ людей, ни въ какомъ случаѣ пренебрегать не слѣдуетъ. Въ нихъ отражается жизнь общества и можно только пожалѣть, что ихъ появляется слишкомъ мало. Кто нишетъ безъ всякой предвзятой мысли, съ единственной цѣлью рассказать то, чему онъ былъ свидѣтелемъ, всегда найдетъ случай сказать что нибудь интересное.

Объ Америкѣ писали у насъ не мало, но именно та эпоха, которой коснулась принцесса, т. е. время междоусобной войны, знакома менѣе другихъ, и всякая новая подробность, которую сообщить намъ очевидецъ, будетъ нелишнею въ исторіи этой великой борьбы. То же можно сказать и о Мексиканской кампаніи, или вѣрнѣе о судьбѣ Максимилиана, въ которой авторъ записокъ принималъ живое участіе. Притомъ личность самого автора на столько интересна, что ради ближайшаго знакомства съ нимъ стоитъ остановиться на его воспоминаніяхъ.

I.

Начало междоусобной войны въ Америкѣ.—Сраженіе при Буль-Ронѣ.—Паника въ Нью-Йоркѣ.—Энергія американцевъ.—Военные смотры и ученья.— Принцъ Сальмъ-Сальмъ.—Полковникъ Корвинъ.

Принцесса Сальмъ-Сальмъ не говоритъ ни слова въ запискахъ о своей ранней молодости и происхожденіи; она начинаетъ ихъ съ

¹⁾ Zehn Jahre aus meinem Leben. Von Prinzessin Felix zu Salm-Salm. 1875.

прїѣзда своего въ Нью-Йоркъ въ тѣ дни, когда только что возгорѣлась великая междоусобная война въ Америкѣ. Первое большое сраженіе при Буль-Ронѣ было проиграно федералистами и послѣдующее отступление ихъ произвело панику въ городѣ. Въ обществѣ говорили, что сраженія не было, а было только бѣгство. Такъ какъ нужно было свалить на кого нибудь всю вину и этимъ успокоить общество, то все свалили на генерала Макъ-Дуэля, который былъ виноватъ лишь въ томъ, что помнилъ свои обязанности подчиненнаго и буквально исполнилъ приказанія начальства, въ нелѣпости которыхъ самъ былъ твердо убѣжденъ. Когда онъ доносилъ начальству, требовавшему отъ него немедленныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій, о неопытности своего войска, ему отвѣчали:

— Вы неопытны, это правда; но и непріятель тоже неопытенъ, — вы оба неопытны.

Послѣ такого отвѣта ему ничего больше не оставалось, какъ покориться и исполнять всѣ получаемыя приказанія съ такимъ же усердіемъ, какъ бы онъ рассчитывалъ на ихъ успѣхъ. А между тѣмъ никто лучше его не зналъ, что съ такимъ войскомъ, какое было у него, сраженій не выигрываютъ. Кромѣ батальона пѣхоты и нѣсколькихъ батарей кавалеріи и эскадроновъ кавалеріи, принадлежавшихъ къ такъ называемой регулярной, т. е. постоянной арміи Соединенныхъ Штатовъ, все остальное войско состояло изъ новобранцевъ. Самыми опытными изъ нихъ были тѣ, которые обучались 2½ мѣсяца; но за то черезъ двѣ недѣли кончался срокъ ихъ службы и они имѣли право разойтись по домамъ, чѣмъ многіе изъ нихъ потомъ и воспользовались. Были примѣры, что солдатъ уходилъ наканунѣ сраженія, такъ какъ именно въ этотъ день истекалъ срокъ его службы. Тѣ же, которые явились уже во второй призывъ и поступили на три года, были рѣшительно незнакомы съ военнымъ дѣломъ. Нужно замѣтить, что тогда не было еще генеральнаго штаба (сенатъ былъ всегда противъ него, говоря, что ему нужны фронтные офицеры, а не штабные молодчики), а сами офицеры и командиры полковъ, прямо изъ адвокатовъ, купцовъ и землевладѣльцевъ, призванные командовать отдѣльными частями, не были знакомы не только съ тактикой или стратегіей, но даже и съ дисциплиной.

Все это зналъ отлично генералъ Макъ-Дуэль, но не знало или не хотѣло знать Вашингтонское правительство, требовавшее быстроты и натиска. Быстрые успѣхи генерала Макъ-Клелана и его восьмидневное триумфальное шествіе по Виргиніи, гдѣ онъ однимъ ударомъ раздавилъ врага, давали поводъ думать, что ничего нѣтъ легче, какъ побѣдить южанъ. На сѣверѣ вообще полагали, что война продлится не долѣе года. Уступая давленію свѣше, Макъ-Дуэль далъ сраженіе и проигралъ его.

Пораженіе оказалось, какъ это нерѣдко бываетъ, полезнѣе побѣды. Оно удвоило энергію американцевъ. Всюду съ лихорадоч-

ною дѣятельностью работали рекрутскія депо, открытыя не только по городамъ, но и въ самыхъ послѣднихъ деревушкахъ. Волонтеры являлись толпами и люди съ состояніемъ и съ положеніемъ въ обществѣ записывались простыми солдатами. Частныя лица на свой счетъ набирали роты, полки, иногда цѣлую бригаду. Гигантскія афиши, прибитыя къ стѣнамъ или повѣшенныя поперекъ улицъ, то исчисляли разныя выгоды полка, звавшаго въ свои ряды охотниковъ, то представляли на полотнѣ въ дыму и сватѣхъ какой нибудь геройскій подвигъ и приглашали ему подражать. Новобранцевъ посылали ходить по улицамъ, чтобы привлечь и поразить публику блескомъ формы.

Военные смотры и ученья—вещь до тѣхъ поръ почти незнакомая въ Америкѣ,—стали привлекать массу зрителей. Посѣщеніе Вашингтонскаго лагеря вошло въ моду въ такъ называемомъ порядочномъ обществѣ. Туда стали устраиваться увеселительныя поѣздки, пикники, parties de plaisir. Дамы, имѣвшія знакомыхъ среди офицеровъ и генераловъ въ арміи, ѣхали туда цѣлой компаніей, въ сопровожденіи своихъ кавалеровъ, и генералы угощали ихъ въ палаткахъ, которыя украшались на этотъ случай зеленью, декорировались полковыми знаменами. При этомъ выпивалось не малое количество шампанскаго и рейнвейну.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ принцесса познакомилась въ лагерѣ съ своимъ будущимъ мужемъ. Принцъ Феликсъ Сальмъ-Сальмъ былъ младшій сынъ маленькаго владѣтельнаго князька, одного изъ тѣхъ безчисленныхъ нѣмецкихъ князьковъ, которые составляли отчаяніе всѣхъ учившихъ въ дѣтствѣ географію, а нынѣ, поглощенные великой Германской имперіей, забыты даже и географіей. Сама принцесса послѣ слабой попытки объяснить, какимъ именно княжествомъ владѣлъ отецъ ея мужа, отсылаетъ читателя къ альманаху Готы. Младшіе сыновья такихъ князьковъ вмѣстѣ съ громкимъ титуломъ получаютъ отъ 50 до 100 талеровъ ежемѣсячнаго содержанія и неограниченное право дѣлать долги, чѣмъ принцъ и не преминулъ воспользоваться. Долги его скоро возросли до такой цифры, что въ Европѣ ему стало отъ нихъ тѣсно и онъ счелъ за лучшее бѣжать въ Америку.

Учился онъ въ кадетскомъ корпусѣ и служилъ сначала въ Прусской, потомъ въ Австрійской арміи. У нѣмецкихъ князьковъ было въ обычаѣ посылать своихъ сыновей попытать счастья въ большихъ арміяхъ и нерѣдко случалось, что одинъ сынъ служилъ Пруссіи, а другой Австріи, или, какъ мы видѣли сейчасъ, попеременно то той, то другой. Принцъ былъ, что называется, военная косточка, а на дипломатію былъ не мастеръ. Вездѣ, гдѣ нужны были дипломатическіе переговоры, онъ выдвигалъ впередъ жену. Просить, кланяться, хлопотать,—вещь ему совершенно незнакомая; онъ могъ только брать—и брать съ бою. Деньгамъ онъ цѣны не зналъ, выдавалъ векселя на право и налѣво и подписывалъ ихъ не читая.

Познакомившись въ лагерѣ съ своей будущей женой, онъ долженъ былъ объясняться съ ней знаками и взглядами, такъ какъ, увы! она не знала по нѣмецки, а онъ не говорилъ по англійски, что впрочемъ не помѣшало имъ очень скоро понять другъ друга. Подъ шумокъ лагерной жизни они тайкомъ обвѣивались. Принцъ боялся, чтобы женитьба эта не повредила его карьерѣ и ради династическихъ интересовъ нашелъ нужнымъ скрывать ее. Онъ зналъ, какъ ревниво охраняются княжескія традиции въ томъ далекомъ уголкѣ Вестфалии, гдѣ жилъ его владѣтельный братъ. Но скоро стали ходить такіа слухи по поводу его отношеній къ женѣ, что было необходимо положить имъ конецъ. Это взялъ на себя ближайшій другъ принца, корреспондентъ „Таймса“ и „Аугсбургской Газеты“, полковникъ Корвинъ. Онъ былъ свидѣтелемъ на его свадьбѣ и выведенный изъ себя злословіемъ нѣкоторыхъ дамъ, неожиданно объявилъ имъ, что принцъ женатъ. Съ этихъ поръ молодые супруги могли уже не стѣсняясь жить вмѣстѣ, что въ Американской арміи не было исключеніемъ, такъ какъ тамъ было много женатыхъ офицеровъ. Война какъ профессія, съ ея казармами и строгимъ кодексомъ, американцамъ не знакома.

II.

Генераль Бленкеръ и его характеристика. — Офицеры его штаба. — Авантюристы въ арміи. — Генераль по протекціи.

Дивизія, въ которой служилъ тогда принцъ, состояла изъ нѣмцевъ и находилась подъ начальствомъ генерала Бленкера. Біографія его, какъ и всѣхъ почти американскихъ генераловъ, блещетъ своей оригинальностью. Въ 1848 г., во время революціи въ Баваріи, онъ сражался въ рядахъ республиканцевъ за права Баварскаго народа; затѣмъ служилъ въ Греціи, былъ виноторговцемъ въ Германіи и фермеромъ въ Америкѣ. Когда началась война, онъ сформировалъ отрядъ и взялъ его подъ свою команду.

Въ то время, какъ познакомилась съ нимъ принцесса, онъ былъ статный 50-лѣтній мужчина, сохранившій еще слѣды своей прежней красоты, имѣлъ прекрасные голубые глаза, носилъ длинные усы и стригъ подъ гребенку свои темные сѣдѣющіе волосы. Держалъ онъ себя съ достоинствомъ, даже нѣсколько театрално, что вызывало невольную улыбку; съ дамами былъ изысканно вѣжливъ, но съ офицерами, особенно съ своими адъютантами, грубъ до невозможности. Слова „свинья“ и „осель“ не сходили у него съ языка. Когда онъ бывалъ взбѣшенъ, то метался какъ звѣрь въ клеткѣ и только отдувался. Демократъ по убѣжденіямъ, онъ однако чувствовалъ нѣкоторую слабость къ аристократамъ и съ офицерами знатнаго происхожденія былъ почти такъ же вѣжливъ, какъ съ дамами. Но всѣ его странности охотно прощались ему: онъ былъ человекъ честный, благородный и на все готовый для друзей.

Военными знаниями онъ не отличался; ни въ тактикѣ, ни въ стратегіи ничего не смыслилъ, но былъ необыкновенно храбръ и умѣлъ окружить себя военной помпой. Тайны этого искусства, вывезеннаго имъ изъ Европы, онъ постигъ въ совершенствѣ и представлялъ что-то среднее между прусскимъ генераломъ и турецкимъ пашою.

Грубость его обращенія усиливалась еще тѣмъ, что онъ плохо говорилъ по англійски и не всегда находилъ подходящее выраженіе. Много разныхъ слуховъ ходило про него; его обвиняли и во взяточничествѣ и чуть ли даже не въ воровствѣ, но принцесса съ негодованіемъ опровергаетъ эти обвиненія. Лучшимъ доказательствомъ ихъ нецѣлности служить по ея мнѣнію то, что онъ умеръ бѣднякомъ, и его друзья собирали деньги по подпискѣ, чтобы похоронить его. Но слухи имѣли свои основанія: если не бралъ самъ генераль, то бралъ его квартирмейстеръ д-ръ Шитте. Этотъ человѣкъ былъ его злымъ духомъ. Онъ былъ и умнѣе и во многихъ отношеніяхъ выше своего генерала, и дѣлалъ у него, что хотѣлъ. Онъ-то и бросалъ тѣнь на его имя.

Не одинъ Шитте отравлялъ жизнь старику. Въ числѣ его офицеровъ былъ нѣкто Струве, журналистъ и ученый, прекраснѣйшій человѣкъ, но почему-то считавшій своей обязанностью показывать генералу всѣ бранныя статьи, печатавшіяся противъ него въ газетахъ, и потомъ писать на нихъ опроверженія. Этими статьями и опроверженіями онъ не мало крови попортилъ пылкому генералу.

Но не всѣ офицеры были такого безпокойнаго характера. Находились между ними и такіе, которые больше всего заботились о представительности и о фасонѣ своего платья. Самымъ типичнымъ изъ нихъ былъ графъ Валентино, бывший адъютантъ какого-то австрійскаго принца или графа. Этотъ человѣкъ такъ кажется и родился адъютантомъ. Состоять при какой нибудь особѣ само по себѣ уже доставляло для него высокое наслажденіе. Длинный, сухой, всегда изысканно вѣжливый, онъ напоминалъ облагороженнаго Донъ-Кихота. Своими безъ-менами, своей услужливостью и почтительностью, онъ пріятно щекоталъ демократическое самолюбіе Бленвера. Принцесса замѣчаетъ въ скобкахъ, что ея личное знакомство съ демократами убѣдило ее въ томъ, что всѣ они дома, въ своемъ кругу, чистые паша.

Графъ всегда тщательно одѣвался и имѣлъ одну маленькую слабость, надъ которой не мало трунили офицеры: это была слабость къ узкимъ сапогамъ. Чтобы безъ особенныхъ мученій пріучить себя къ этому орудію пытки, онъ поступалъ такимъ образомъ: сначала онъ надѣвалъ сапоги, которые были ему въ пору; потомъ другіе, поуже, и такъ постепенно доходилъ до такихъ, которые едва можно было надѣть. Къ войнѣ онъ собственно призванія не имѣлъ и подъ Буль-Рономъ преспокойно бѣжалъ съ поля сраженія. Въ Вашингтонѣ онъ попалъ однако въ руки комиссіи, учрежденной тамъ военнымъ министромъ съ спеціальной цѣлью ловить праздношатающихся офицеровъ.

Графъ не говорилъ по англійски, а предсѣдатель комиссіи другаго языка не понималъ, и когда графъ крикнулъ ему: *Je suis ici par le plaisir de mon général!* онъ понялъ только слово „*plaisir*“ и объяснилъ его такъ, что онъ ушелъ для собственнаго удовольствія, и бѣдному адъютанту стоило большихъ трудовъ отстоять свою свободу. Онъ едва-едва ушелъ отъ нихъ и ничего лучшаго не нашелъ, какъ уѣхать опять въ Европу. Такихъ оригиналовъ, какъ Бленкеръ и его адъютанты, было тогда не мало въ арміи, которая въ значительной степени пополнялась разными неудовлетворенными самолюбями, потерпѣвшими крушеніе въ Европѣ. Замѣчательно, что въ этой войнѣ участвовало очень много лицъ, замѣшанныхъ въ революціи 1848 года. Тотъ годъ, богатый политическими бурями, много горячихъ головъ выбросилъ къ берегамъ Америки. Въ числѣ ихъ было не мало людей талантливыхъ, были разумѣется и авантюристы. Всѣ эти остатки европейскіхъ крушеній съ ихъ хотя и необширной, но все же хоть какой нибудь военной опытностью, оказались драгоцѣннымъ подспорьемъ для неопытныхъ въ этомъ дѣлѣ американцевъ. Служившіе въ Пруссіи простыми солдатами и унтеръ-офицерами тутъ сразу производились въ офицеры и легко могли достигнуть высшихъ военныхъ должностей.

Если война заставляла ихъ приказчиками въ торговыхъ конторахъ, угольными торговцами, маркерами и кельнерами въ гостинницахъ, это нисколько не мѣшало ихъ военной карьерѣ. Начальникъ штаба у генерала Фримона нѣсколько лѣтъ возилъ тачку съ угольями. Бригадный генералъ баронъ Гильза, бывшій капитанъ прусской службы, эмигрировалъ въ Америку, гдѣ сначала мелъ полы въ лавкѣ, а потомъ игралъ и пѣлъ по ресторанамъ.

Въ числѣ полковыхъ командировъ были и такія темныя личности, какъ полковникъ Дютасси, проживавшій прежде подъ чужой фамиліей въ Константинополь, гдѣ былъ, говорятъ, побитъ однимъ офицеромъ, — маленькая, юркая личность съ одной изъ тѣхъ фizioномій, которая особенно интересуютъ агентовъ сыскной полиціи. Онъ носилъ какой-то пестрый фантастическій мундиръ, говорилъ на семи языкахъ и кончилъ тѣмъ, что изъ полковыхъ командировъ попалъ прямо въ смирительный домъ, не переставая впрочемъ увѣрять всѣхъ, что онъ жертва грубой ошибки.

Рядомъ съ такими богачами, какъ генералъ Фримонъ, который жилъ совсѣмъ по-царски и кромѣ блестящаго штаба имѣлъ даже собственную лейбъ-гвардію, были бѣжавшіе отъ долговъ офицеры, сыновья разныхъ прусскихъ и иныхъ генераловъ, все спустившіе на родинѣ, повисоавшіе изъ своихъ маменекъ и тетусекъ все, что только возможно, и теперь искавшіе случая какъ нибудь поправить свои дѣлишки.

Какіе элементы вторгались иногда въ армію и какимъ людямъ довѣрялись судьбы цѣлыхъ отрядовъ, покажетъ слѣдующій разсказъ.

Когда Линкольнъ сдѣлался президентомъ, всѣ его друзья, знакомые и даже просто люди, сидѣвшіе съ нимъ за однимъ столомъ въ ресторанѣ, атаковали его своими просьбами о мѣстахъ. Всѣ добивались мѣста консула или посланника. Въ числѣ этихъ алчущихъ и жаждущихъ находился и старый пріятель Линкольна Прентисъ, которому хотѣлось получить тепленькое мѣстечко консула.

— Что дѣлать, дружище, сказалъ Линкольнъ,—ты поздно пришелъ. Всѣ хорошія мѣста заняты. Я ужъ право не знаю...

Линкольнъ задумался.

— Знаешь что! нашелся онъ вдругъ. Я сдѣлаю тебя генераломъ!

Прентисъ прежде освѣдомился, сколько генераль получаетъ, и затѣмъ объявилъ, что согласенъ.

Производство не заставило себя ждать, и онъ въ качествѣ генерала отправился въ дѣйствующую армію. О томъ, каковы были его военныя способности, скоро узнали въ одномъ сраженіи (при Питсбургѣ), гдѣ онъ командовалъ авангардомъ. Войска южанъ съ генераломъ Джонстономъ цѣлыя сутки простояли въ какихъ-нибудь ста саженьяхъ отъ него, чего онъ даже и не подозрѣвалъ. Все это кончилось тѣмъ, что на разсвѣтѣ было сдѣлано на него неожиданное нападеніе, и всѣ его люди перерѣзаны въ палаткахъ. Самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ, а армія Гранта, которую онъ долженъ былъ прикрывать, чуть было не погибла: ее спасла ночь, смерть Джонстона и случайное появленіе двухъ канонирокъ на Миссисипи.

III.

Отставка и кончина Бленкера. — Принцъ Сальмъ-Сальмъ получаетъ полкъ. — Опасная дорога. — Непріятности въ полку.

Бленкеръ не долго оставался въ дѣйствующей арміи. Непріятности съ военнымъ министромъ скоро заставили его выйти въ отставку. Тогдашній военный министръ Стантонъ былъ по профессіи адвокатъ и въ военномъ дѣлѣ понималъ не много, но онъ былъ деспотъ, человекъ рѣшительный, нелюбившій противорѣчій, а въ то время, говорить принцесса, такой человекъ былъ нуженъ.

Стантонъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о трудностяхъ, съ какими соединена организація арміи. Онъ требовалъ во что бы то ни стало рѣшительности и быстроты, хотѣлъ, чтобы возстаніе было подавлено въ самомъ началѣ, и былъ недоволенъ Макъ-Клеланомъ, который по его мнѣнію долженъ былъ не медля атаковать Ричмондъ и не терять времени на обученіе арміи. Макъ-Клеланъ предложилъ собрать военный совѣтъ. Мнѣнія на совѣтѣ раздѣлились; Бленкеръ подаль голось за Макъ-Клелана, чѣмъ навсегда повредилъ себѣ. Съ этихъ поръ военный министръ сдѣлался его врагомъ. Сначала онъ только игнорировалъ его дивизію и довелъ ее до того, что она просто го-

лодала. Положеніе Бленкера было незавидно, тѣмъ болѣе, что и генералъ Фримонъ тоже не благоволилъ къ нему. Ему дѣлали неприятности на всякомъ шагу; если онъ былъ въ дѣлѣ, о немъ не упоминалось въ реляціяхъ. Наконецъ Фримонъ взялъ у него самовольно нѣсколько полковъ и сформировалъ изъ нихъ бригаду для другаго генерала. Терпѣніе старика лопнуло. Онъ поѣхалъ въ Вашингтонъ для личныхъ объясненій, но былъ очень холодно принятъ; тамъ было не до него. Большой отъ простуды и неприятностей, старикъ шумѣлъ, сердился и пригрозилъ наконецъ отставкой, на что ему очень спокойно возразили, что никто его и не держитъ. Дѣлать было нечего! Самолюбіе не позволило взять свое слово назадъ, и бѣднякъ долженъ былъ уѣхать къ себѣ на ферму. Онъ жилъ не долго. Разстроенное здоровье больше не поправлялось, и Бленкеръ умеръ, не дождавшись конца войны.

Съ выходомъ Бленкера въ отставку штабъ его упразднился. Офицеры другихъ полковъ, только на время прикомандированные къ нему, возвратились въ свои полки. Тѣ же, которые состояли лично при генералѣ, остались теперь въ полномъ распоряженіи военнаго министра: онъ могъ уволить ихъ или дать имъ новое назначеніе. Въ числѣ ихъ былъ и принцъ. Какъ лицо близкое къ Бленкеру, онъ не могъ рассчитывать на расположеніе военнаго министра. И дѣйствительно, одинъ изъ знакомыхъ скоро сообщилъ ему, что его отставка дѣло рѣшенное и не нынче—завтра будетъ подписана министромъ. Ему оставалось только одно—достать себѣ полковничій патентъ отъ любого губернатора, но сдѣлать это немедленно, пока еще не получена официальная отставка ¹⁾. За это взялась его жена, ибо принцъ, какъ мы говорили, не мастеръ былъ просить и ходить по канцеляріямъ.

Надо было ѣхать въ Вашингтонъ, переполненный тогда народомъ, чающимъ движенія воды. Конгрессъ и Сенатъ были тѣмъ источникомъ, изъ котораго каждый спѣшилъ зачерпнуть. Около нихъ толпилось все алчущее милостей и мѣстечекъ и въ тотъ числѣ не мало особъ прекраснаго пола, пріѣзжавшихъ просить, если не за себя, то за мужа, брата, отца... Многія изъ нихъ сдѣлали себѣ изъ этого профессію и хлопотали уже не за родныхъ, а за постороннихъ, разумѣется не даромъ. Роль, которую играли тогда дамы въ политическихъ дѣлахъ Союза, была какъ видно не послѣдняя. Онѣ назначали и смѣняли генераловъ; пользуясь своимъ вліяніемъ въ Сенатѣ, онѣ раздавали чины, прямо объявляя, что если такой-то не будетъ произведенъ, то не будетъ произведенъ и другой. Самъ военный министръ оказывался передъ ними бессильнымъ; одинъ изъ его протезѣ только тогда могъ получить чинъ генералъ-маіора, когда какой-то миссъ Чазе, пользо-

¹⁾ Во всѣхъ штатахъ губернаторъ есть главнокомандующій мѣстной арміи (какъ президентъ—главнокомандующій всей федеральной арміи) и назначаетъ командировъ на всѣ посты мѣстныхъ войскъ.

вавшейся вліяніемъ въ Сенатѣ, было обѣщано, что и ея кандидатъ будетъ произведенъ въ тотъ же чинъ.

Принцесса, хотя и новичекъ въ этихъ дѣлахъ, устроила однако свои дѣла недурно. Мужъ ея получилъ все, что нужно: и польза, и патентъ на званіе полковаго командира.

Онъ отправился съ полкомъ въ Виргинію; она также спусти нѣскольکو времени поскакала туда же, въ сопровожденіи полковника Корвина и какого-то фермера. Бадила она отчаянно и умѣла справляться съ такой лошадей, на которой не могъ усидѣть ни одинъ изъ офицеровъ нѣмецкой дивизіи. Дорога была не совсѣмъ безопасна, такъ что разъ они чуть не попали въ лагерь конфедератовъ къ генералу Джаксону. Только присутствіе духа одного изъ ея спутниковъ спасло ее отъ этого неприятнаго визита. Посланный впередъ на развѣдку фермеръ наткнулся въ лѣсу на чей-то домъ. Изъ окна выглянула старуха и спросила:

— Вы отъ генерала Джаксона?

Онъ не потерялся и отвѣтилъ утвердительно. Потомъ съ вытянутымъ лицомъ вернулся къ своимъ и объявилъ, что они ѣдутъ прямо къ неприятелю, что они впрочемъ и сами давно подозрѣвали. Встрѣтившаяся имъ дорогой дѣвочка подтвердила это, прибавивъ, что неприятельская кавалерія стоитъ на опушкѣ лѣса, въ какихъ нибудь двухъ-стахъ шагахъ отъ нихъ. Бѣдный фермеръ поблѣднѣлъ отъ ужаса и объявилъ, что все кончено, что они его знаютъ и тутъ же на мѣстѣ повѣсятъ. Полковникъ взвелъ куремъ и поѣхалъ впередъ на рекогносцировку. Но благодаря указаніямъ старухи, которая такъ любезно объяснила имъ дорогу къ генералу Джаксону, они на этотъ разъ отдѣлались благополучно.

Въ полку принца ожидало много неприятностей. Большинство офицеровъ встрѣтило его враждебно. Одна вѣсть о назначеніи его къ нимъ подняла цѣлую бурю, и они подали губернатору коллективный протестъ, который поддержали съ своей стороны бригадный и дивизионный генералы. Губернаторъ не принялъ протеста въ уваженіе, на томъ будто бы основаніи, что бывший командиръ, за котораго просили офицеры, сильно выпивалъ и не умѣлъ внушить уваженія солдатамъ. Многіе были противъ Сальма уже потому, что онъ принцъ, и одинъ изъ офицеровъ подалъ даже по этому случаю въ отставку. Такое начало не обѣщало ничего хорошаго. Къ недовольству подчиненныхъ скоро присоединилось и недовольство начальства. Принца видимо посадили на шею всѣмъ. И за это ему пришлось поплатиться неприятными минутами.

Въ первую же ночь послѣ пріѣзда его жены, которой онъ нанялъ комнату по близости, бригадный генералъ баронъ Гильза, проходя мимо его палатки, громко спросилъ, гдѣ полковой командиръ. Когда ему сказали, что принцъ у жены, онъ такъ же громко замѣтилъ, что это подаетъ дурной примѣръ другимъ.

На слѣдующее утро онъ черезъ своего адъютанта приказалъ принцу очистить комнату, нанятую имъ для жены, такъ какъ помѣщеніе это нужно ему для его канцеляріи. Дѣлать было нечего! Принцесса очистила комнату и наняла другую, немножко подальше. Только что она расположилась тамъ, какъ пришелъ приказъ очистить и эту комнату, будто бы потому, что ждутъ на дняхъ начальника дивизіи и займутъ ее для него. Такъ какъ въ томъ же домѣ были еще пустыя комнаты, то принцесса рѣшительно объявила, что не выѣдетъ, а будетъ ждать начальнива дивизіи и объяснится съ нимъ сама. Въ довершеніе всего она узнала, что комната, изъ которой ее выгнали, была занята не канцеляріей, а женой бригаднаго генерала.

Чтобы положить конецъ непріятностямъ, она переселилась въ палатку мужа. Пришлось жить по-цыгански, спать на соломѣ и на доскахъ, и ѣсть солдатскіе сухари и солонину, но это ее не тревожило: цыганская жизнь имѣла для нея свою прелесть.

IV.

На зимнихъ квартирахъ.—Почта.—Корреспонденты.—Спиртные напитки.—Характеристика генерала Гранта. — Спившійся съ кругу сенаторъ. — Развлеченія въ лагерь.

1¹ Зима испортила дороги. Солдаты вьзли по-колѣбно въ грязи, обозы едва двигались, объ орудіяхъ нечего и говорить, ихъ нельзя было тронуть съ мѣста. Военныя дѣйствія сами собой прекратились и войска расположились на зимнихъ квартирахъ.

На мѣстѣ лагеря выросъ цѣлый городъ,—городъ въ буквальномъ смыслѣ, населенный не одними солдатами, но и ихъ женами и дѣтьми. Американцы разсудили, что если ужъ отдыхать, такъ отдыхать съ комфортомъ. Каждый хотѣлъ имѣть свой уголокъ у камина, хотя бы этотъ каминъ представлялъ не что иное, какъ глиняную яму съ трубой, составленной изъ бочекъ, нагроможденныхъ одна на другую. Траншея, прорытая во всю длину палатки, покрытая большими камнями, сохраняющими тепло, и соединенная съ глубоко врытымъ въ землю очагомъ, образовала превосходный калориферъ. Если это и не было послѣднимъ словомъ искусства, то было за то тепло, а больше пова и не требовалось.

У всякаго солдата можно было найдти въ ранцѣ библію, которую онъ читалъ по вечерамъ, нѣсколько другихъ книгъ, чернильницу, почтовую бумагу и конверты. Всѣ письма солдатъ пересылались даромъ. Огромный ковровый мѣшокъ, привѣшенный къ палаткѣ адъютанта, въ каждомъ полку, служилъ почтовымъ ящикомъ. До какой степени доходила страсть американцевъ къ писанію писемъ, доказываетъ примѣръ 11-го Массачусетскаго полка, гдѣ каждый человекъ писалъ отъ 5 до 6 писемъ въ недѣлю. Время прихода и отхода почты

играло весьма видную роль въ лагерной жизни. Вмѣстѣ съ корреспонденціей почта привозила огромные токи газетъ и журналовъ, которые мальчишки пѣшкомъ и верхомъ развозили въ самыя отдаленныя стоянки. Часто случалось, что они пробирались на самое поле сраженія и тамъ выкрикивали названія газетъ, продавая ихъ раненымъ. Въ каждой палаткѣ послѣднія новости „Herald“ или „Tribune“ прочитывались вечеромъ и горячо обсуждались, а часовые, когда бывали увѣрены, что ихъ никто не видитъ, прогуливались на посту, держа въ одной рукѣ ружье, а въ другой газету.

Корреспонденты составляли особый штабъ и пользовались въ арміи самыми широкими правами. Правительство требовало отъ нихъ только одного: общанія умалчивать о томъ, что было необходимо скрыть отъ непріятеля. Изъ этого не слѣдуетъ однако, что путь ихъ устланъ былъ розами. Не разъ приходилось имъ прибѣгать къ хитрости, чтобъ обойти приказъ какого нибудь раздраженнаго генерала. Такъ Шерманъ прогналъ разъ изъ своей арміи всѣхъ корреспондентовъ. Они уѣхали, но черезъ мѣсяцъ всѣ вернулись.

На зимнихъ стоянкахъ жизнь въ лагерѣ была не только удобнѣе, но и веселѣе. Ни одного дня почти не проходило безъ какой нибудь увеселительной поѣздки, обѣда или даже танцевальнаго вечера, причемъ не забывали и солдатъ. Были ужины на двѣсти персонъ съ выписанными для этого специально изъ Нью-Йорка поварами, винами, столовыми серебромъ и посудой. Случись что нибудь подобное въ Германіи, замѣчаетъ принцесса, нечего и говорить, что объ этомъ затрубили бы всѣ газеты, толкамъ и пересудамъ не было бы конца и что вообще это произвело бы не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе въ обществѣ. Здѣсь же напротивъ, такая пышность нравилась американцамъ. На скупаго генерала они посмотрѣли бы косо; но генераль, задающій ужины цѣлому полку, могъ быть увѣренъ, что никто не станетъ добиваться, откуда онъ беретъ на это средства.

Всѣ знали, что правительство не жалѣетъ денегъ на армію, что кромѣ того масса богатыхъ людей или служатъ въ ней лично, или помогаютъ ей своими деньгами. Никакой экономіи насчетъ солдата не допускалось, никакихъ вычетовъ изъ его жалованья не дѣлалось. Принимая во вниманіе всѣ издержки войны, каждый солдатъ стоилъ государству тысячу долларовъ въ годъ.

Стараясь доставить арміи всевозможныя матеріальныя удобства, правительство не допускало только одного: употребленія спиртныхъ напитковъ. Принцесса объясняетъ это тѣмъ, что въ рядахъ арміи было не мало ирландцевъ, народа, какъ извѣстно, не отличающагося воздержностью. Впрочемъ и сами янки, какъ она могла убѣдиться изъ собственныхъ наблюденій, трезвостью не отличались.

Весьма характеристично то, что при всякой борьбѣ партій, при выборѣ президента напрімѣръ, или даже просто депутата въ конгрессъ, самымъ обыкновеннымъ обвиненіемъ, которымъ встрѣчали кандидата

противной партіи, было обвиненіе въ пьянствѣ. Изъ общественныхъ дѣятелей можно указать на Гранта, которому въ этомъ отношеніи особенно посчастливилось. Когда онъ командовалъ западной арміей, нѣкоторые весьма вліятельныя лица, которымъ желательно было бы его удалить, послали къ Линкольну депутацію просить, чтобы онъ смѣнилъ Гранта за его невоздержность въ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Депутація эта, на ихъ бѣду, явилась въ Вашингтонъ вмѣстѣ съ извѣстіемъ о послѣдней побѣдѣ Гранта. Говорятъ, будто Линкольнъ, выслушавъ депутатовъ, неожиданно поразилъ ихъ такимъ вопросомъ:

— Пожадуйста, господа, не будете ли вы такъ добры, дать мнѣ адресъ той лавки, гдѣ генералъ Грантъ покупаетъ себѣ вино?

Тѣ отъ удивленія не знали, что и сказать, но полюбоществовали узнать, на что это нужно президенту.

— Видите ли, отвѣчалъ онъ улыбаясь, мнѣ бы хотѣлось послать всѣмъ нашимъ генераламъ по бутылочкѣ такого вина; не оважетъ ли оно и на нихъ такого же дѣйствія!

Кстати будетъ сказать тутъ, что принцесса почему то очень недружелюбно относится къ Гранту, въ которомъ отрицаетъ даже военный талантъ. Всѣми своими успѣхами онъ, по ея мнѣнію, обязанъ тому, что ни во что не ставилъ чужую жизнь и велъ солдатъ на убой, зная хорошо, что убыль въ рядахъ будетъ пополнена. Всѣ его стратегическія соображенія основывались на ариметическихъ расчетахъ: онъ зналъ, что Сѣверъ богаче Юга и деньгами, и народомъ, что казна южанъ уже сильно поистощилась, и армія, которую они могли ему противопоставить, была ихъ послѣдней арміей. Онъ же по его расчетамъ противъ каждаго ста чело-вѣкъ могъ выставить тысячу. Стоило ли послѣ этого жалѣть солдатъ! И вотъ онъ въ нѣсколько сраженій теряетъ около 80 тысячъ чело-вѣкъ. Расчетъ былъ вѣрный. Изъ 700 тысячъ 80 тысячъ можно по-жертвовать, тогда какъ 20 тысячъ потерянныхъ южанами, не смотря на весь талантъ ихъ предводителя (генерала Ли) и на геройскія усилія солдатъ, открыли у нихъ такую брешь, которую исправить было невозможно. Конецъ извѣстенъ—задавленные массою, они сложили оружіе, и Ричмондъ палъ.

Отрицая въ Грантѣ военный талантъ, принцесса отрицаетъ въ немъ и вообще всякія способности. Счастливая звѣзда и умѣнье во-время молчать, а вовсе не личныя дарованія сдѣлали его президентомъ, говоритъ она. Болтуны и крикуны такъ надоѣли народу, что онъ радъ былъ случаю протянуть руку генералу, умѣвшему одерживать побѣды и не кричать о нихъ на всѣхъ перекресткахъ. „Его молчаливость дѣлала его умѣе, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности и люди, хорошо его знавшіе, говорили о немъ: онъ крѣпко запираетъ свой сундукъ, чтобы никто не зналъ, что тамъ ничего нѣтъ“.

Возвращаясь къ вопросу о неумѣренномъ поклоненіи Бахусу нѣ-

которыхъ изъ государственныхъ людей Америки, часто людей весьма талантливыхъ, принцесса указываетъ, какъ на одного изъ самыхъ знаменитыхъ пьяницъ, на сенатора Макъ-Дугала, представителя штата Калифорніи. Это былъ маленький, худощавый человѣкъ съ длинными, сѣдыми волосами и умнымъ, смѣлымъ взглядомъ, въ старомодномъ синемъ фракѣ съ золотыми пуговицами, въ бѣломъ жилетѣ, бѣломъ галстухѣ—всегда грязномъ и въ шляпѣ съ широчайшими полями. Подъ этой странной оболочкой скрывалось остроумнѣйшее и талантливѣйшее существо, извѣстное своими мѣткими отвѣтами и своими ораторскими способностями. Страсть къ вину стубила его. Въ Сенатѣ онъ спалъ, и когда нуженъ былъ его голосъ, сосѣдъ долженъ былъ предварительно растолкать его. Въ Капитоліи запрещено было держать въ ресторанахъ водку, и Макъ-Дугаль иначе не являлся, особенно на вечернія засѣданія, какъ съ бутылкой коньяку въ карманѣ. Разъ онъ публично въ ресторанѣ проплясалъ джигъ; принцъ былъ свидѣтелемъ этого и, хотя самъ человѣкъ не особенно строгой нравственности, былъ однако страшно изумленъ тѣмъ, что сенаторъ пляшетъ въ общественномъ мѣстѣ.

Конецъ его былъ печальный: онъ умеръ отъ пьянства и заставилъ этимъ призадуматься многихъ сенаторовъ. Смерть Макъ-Дугала навела ихъ на размышленія; они кончили тѣмъ, что дали объѣтъ трезвости.

Законъ, недопускавшій употребленія водки въ полку, имѣлъ конечно свою хорошую сторону, но имѣлъ и дурную: запрещая солдату упиваться водкой, онъ оставлялъ полную свободу офицеру упиваться виноградными винами. Принцесса очень добродушно рассказываетъ о томъ, какъ они пировали. Исторія этихъ пировъ попала даже въ газеты, ибо корреспонденты, когда имъ нечего было писать другаго, описывали ихъ ширь.

Днемъ ходили на охоту, вечеромъ играли въ вистъ и варили себѣ пуншъ. На охотѣ принцесса не отставала отъ мужчинъ и, вооружившись двустволкой, стрѣляла дичь. Какъ мило иногда шутили за картами офицеры, можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Какъ-то разъ принцесса, желая сказать какую нибудь любезность своему партнеру, артиллерійскому генералу Бранону и желая въ то же время блеснуть своимъ знаніемъ Нѣмецкаго языка, котораго она въ сущности не знала, имѣла неосторожность повторить то, что ей подсказалъ одинъ изъ подеутившихъ офицеровъ. Обратившись къ генералу, она съ самой любезной улыбкой сказала ему:

— General Brannon, du bist ein grosser Esel ¹⁾.

На что генераль, ни слова непонимавшій по-нѣмецки, отвѣтилъ ей самой пріятной улыбкой. Всѣ присутствовавшіе разразились захо-

¹⁾ Генераль, ты большой оселъ!

томъ, такъ какъ бѣдный генералъ вообще былъ извѣстенъ въ полку за человека, который пороку не выдумаетъ.

Когда весь мени удовольствій былъ исчерпанъ, изобрѣтали что нибудь необыкновенное, напримѣръ брали приступомъ свой собственный блокгаузъ. Иногда приглашали дамъ въ сосѣдній лагерь на пикникъ и тогда по ихъ просьбѣ высылали за ними локомотивъ. Такой способъ сообщенія, не совсѣмъ безопасный въ то время, когда бродившіе кругомъ шайки гверильсовъ останавливали на пути поѣзда, дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на нервы, и принцесса повидимому предпочитала его всѣмъ другимъ. Все это счастливо сходило ей съ рукъ, хотя не было ничего легче, какъ наткнуться напримѣръ на какой нибудь пущенный непріателемъ на удачу встрѣчный локомотивъ. Такие локомотивы, — дикіе, какъ ихъ называли въ лагерь, мчались иногда по пути. Да и самые пути были такого рода, что невольно вызвали на размышленіе. Особенный ужасъ наводили мосты. Принцесса долго не могла забыть одного изъ нихъ: выстроенный на-скоро солдатами и представлявшій изъ себя трех-этажную, рѣшетчатую громаду, онъ весь качался, когда поѣздъ шель по немъ.

Устои такихъ мостовъ дѣлались обыкновенно изъ необтесанныхъ древесныхъ стволовъ и имѣли видъ много-этажныхъ лѣсныхъ дворовъ, они поддерживали лѣсное полотно, построенное изъ тѣхъ же матеріаловъ. Все вмѣстѣ составляло однако довольно прочную постройку, не смотря на кажущуюся хрупкость. Солдаты Шермана выстроили такимъ образомъ меньше чѣмъ въ пять дней мостъ вышиною въ 30 и длиною въ 300 метровъ.

V.

День св. Патрика.—Безденежье.—Президентъ Линкольнъ и его жена.—Покушеніе на жизнь министра Сьюарда.

Такъ какъ въ арміи было много ирландцевъ, то день св. Патрика праздновался съ особой торжественностью. Это былъ настоящій солдатскій праздникъ. Въ этотъ день устраивались народныя игры и скачки съ препятствіями. Въ числѣ другихъ забавъ была одна, совершенно оригинальная. На особо устроенную и огороженную арену выпускали нѣсколько свиней, предварительно раздраживши ихъ и намазавши уши и хвостъ жиромъ. За ними пускали въ догонку солдатъ съ тѣмъ, что каждый, кому удастся поймать свинью, получаетъ ее въ свою собственность. Это было не такъ легко, какъ кажется, и среди визга, гама и хохота охота продолжалась довольно долго. Но настоящимъ праздникомъ въ полку былъ тотъ день, когда привозили жалованье. Приѣздъ казначея былъ событіемъ. Были полки, которые по восьми мѣсяцевъ не получали жалованья. Въ какой нибудь отдаленный отрядъ попасть было нелегко: дороги были не безопасны и съ деньгами пускаться туда на удачу не рѣшались. Поэтому пре-

обладающей болѣзью въ лагерѣ было безденежье. Какъ солдаты, такъ и офицеры, не выходили изъ долга у маркитантовъ и тѣ, не смотря на то, что сами носили мундиръ, брали съ живаго и съ мертваго, продавая по нѣскольку долларовъ бутылку вина, въ которой не было самаго главнаго, т. е. вина, а вмѣсто него какое-то полосканье, всегда впрочемъ съ великолѣпнымъ ярлыкомъ. Солдатамъ они выдавали подъ залогъ ихъ будущаго жалованья вмѣсто денегъ марки собственнаго изображенія, за самыя жидовскіе проценты. Кромѣ маркитантовъ этимъ промышляли еще особые агенты, сдѣлавшіе своей профессіей выдачу ссудъ подъ залогъ офицерскаго жалованья. Командиры полковъ пробовали бороться съ этимъ, но всегда безуспѣшно, притомъ и у нихъ обстоятельства были иногда такого рода, что по-неволѣ приходилось на многое смотрѣть сквозь пальцы.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ событій въ полку было посѣщеніе его президентомъ Линкольномъ. Когда только дошли слухи, что президентъ собирается къ нимъ вмѣстѣ съ женой, одинъ изъ офицеровъ предложилъ назначить къ мистриссъ Линкольнъ особую свиту изъ почетныхъ штатсъ-дамъ; но предложеніе это не встрѣтило сочувствія среди американокъ, такъ какъ каждая изъ нихъ считала себя равной женѣ президента.

Притомъ, что такое была мистриссъ Линкольнъ? Провинціалка, жена какого-то адвоката, совершенно неожиданно попавшая въ высшее общество, женщина среднихъ лѣтъ, некрасивая и совсѣмъ немѣвшая держать себя. Нельзя было не посмѣяться, глядя на ея тщетныя усилія держать себя тонко и съ достоинствомъ. Желаніе быть важной дамой грызло ее постоянно. Особенно это было замѣтно на торжественныхъ приѣмахъ, гдѣ, не зная, что съ собою дѣлать, она являлась даже съ букетомъ цвѣтовъ въ рукахъ, что подало поводъ одному господину замѣтить, что пучекъ петрушки былъ бы тутъ гораздо болѣе у мѣста.

Въ обществѣ ходили слухи, что мужъ у нея подъ башмакомъ, чему всѣ охотно вѣрили, глядя на ея недовольное, грубое лицо, къ которому улыбка совсѣмъ не шла. Насчетъ семейной жизни президента вообще ходило много анекдотовъ. Линкольнъ былъ человѣкъ очень общительный и въ обществѣ веселый. Онъ былъ всегда не прочь провести вечеръ гдѣ нибудь въ компаніи, къ великой досадѣ своей супруги, грозившей ему, что не будетъ пускать его домой, если онъ будетъ такъ поздно возвращаться.

Передъ выборомъ въ президенты онъ сталъ особенно часто пропадать и почти не жилъ дома. Мистриссъ Линкольнъ потеряла терпѣніе и рѣшила привести свою угрозу въ исполненіе. Какъ-то разъ, когда онъ вернулся домой послѣ 12 часовъ, дверь оказалась запертою. Онъ попробовалъ стучать, — отвѣта не было. Онъ назвалъ жену по имени. Та взглянула въ окно и объявила ему, что онъ можетъ почевать, гдѣ ему угодно: домой она его не пустить.

— Постой-ка, постой, мистриссъ Линкольнъ! крикнулъ онъ,—я не могъ раньше придти, я получилъ телеграмму, въ которой меня извѣщаютъ, что я выбранъ президентомъ!

— Какъ тебѣ не стыдно!—крикнула она съ негодованіемъ. Хорошо президентъ! нечего сказать. Ты просто пьянъ. Ступай-ка, батюшка, проспись... Домой я тебя не пушу.

Ему стоило немалыхъ трудовъ убѣдить ее въ томъ, что онъ дѣйствительно президентъ.

Новое званіе вскружило ей голову. Особенно досадно было ей то, что у мужа бываетъ столько народу и даже дамы, а она не можетъ присутствовать. Дамы не давали ей покоя: она была ревнива. Одну изъ нихъ, жену какого-то художника, она рѣшительно запретила пускаться и отдала на этотъ счетъ строжайшія приказанія швейцару. Швейцарь, невозмутимый нѣмецъ, служилъ уже не первый годъ и не первому президенту. Линкольну онъ былъ преданъ, но жену его терпѣть не могъ. Какъ только жена художника явилась, онъ ее преспокойно впустилъ. Мистриссъ Линкольнъ прибѣжала, подняла крикъ, грозила, что откажетъ ему отъ мѣста; онъ вышелъ изъ терпѣнія и самъ на нее крикнулъ:

— Это половина вашего мужа! а вы сидите у себя!

Такия сцены повторялись не разъ.

Послѣ смерти мужа она вела себя самымъ недостойнымъ образомъ. Она никакъ не могла помириться съ мыслью, что пришелъ конецъ ея царству и ни за что не хотѣла выѣзжать изъ Блага Дома, такъ что ее насильно, чуть не черезъ полицію, должны были выпроводить отсюда. Говорятъ еще, что она вывезла много казенныхъ вещей. Дѣло это потушили изъ уваженія къ памяти ея мужа.

Наружность Линкольна хорошо извѣстна: онъ былъ некрасивъ. Но безконечная доброта его выраженія, говоритъ принцесса, придавала какую-то особую, духовную красоту его чертамъ. Въ его глазахъ было что-то усталое, меланхолическое, что, говорятъ, замѣчаютъ въ выраженіи лицъ, отмѣченныхъ судьбою,—лицъ, кончающихъ трагически. И со всѣмъ тѣмъ въ этихъ глазахъ свѣтился тонкій юморъ и придавалъ что-то добродушно-насмѣшливое очертаніямъ его рта.

По поводу его наружности принцесса приводитъ слова одного нѣмецкаго писателя, который утверждаетъ, что мы только тогда можемъ искренно любить человѣка, когда рядомъ съ своими несомнѣнными достоинствами, онъ имѣетъ какую нибудь слабость, какія нибудь смѣшныя стороны. Совершенство возбуждаетъ въ насъ удивленіе, но не можетъ пробудить того теплаго чувства, той привязанности, которую мы чувствуемъ къ человѣку, который не разъ заставитъ насъ улыбнуться надъ своими странностями. Таковъ именно былъ Линкольнъ.

Высокій, худой, съ непомерно-длинными руками и ногами, онъ представлялъ изъ себя довольно комичную фигуру. Надо прибавить къ этому полнѣйшее неумѣнье одѣваться: платье сидѣло на немъ такъ,

что было какъ будто шито не на него, а на его старшаго брата или вообще на человѣка, который выше его ростомъ. Лѣтомъ онъ одѣвался въ какую-то легкую черную матерію и выглядѣлъ совсѣмъ школьнымъ учителемъ. Особенно смѣшны были его добродушно-торчавшія уши; когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, говорить принцесса, такъ и казалось, что вотъ-вотъ онъ похлопаетъ ими.

Таковъ былъ человѣкъ, сдѣлавшій внушить самую безграничную любовь своему народу. Онъ былъ популярнѣйшій изъ всѣхъ президентовъ, не исключая даже и Вашингтона. Когда его хоронили, многіе пріѣзжали за нѣсколько сотъ верстъ только для того, чтобы въ послѣдній разъ поклониться его праху.

Исторія его смерти слишкомъ извѣстна, чтобы здѣсь повторять ее; принцесса хотя и была въ то время въ Вашингтонѣ, но упоминаетъ о ней вскользь. Нѣсколько подробнѣе рассказываетъ она о совершившемся одновременно покушеніи на жизнь министра иностранныхъ дѣлъ Сьюарда.

За нѣсколько дней до этого Сьюардъ упалъ изъ кареты и сломалъ себѣ челюсть, вслѣдствіе чего и слегъ въ постель. Этимъ случаемъ воспользовался убійца, нѣкто Пэнъ, чтобы войти въ домъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ присланъ изъ аптеки съ лѣкарствомъ; онъ громко требовалъ, чтобы его допустили къ больному. На шумъ вышелъ къ нему сынъ Сьюарда, но былъ тутъ же ошеломленъ прикладомъ пистолета по головѣ и упалъ замертво. Убійца бросился въ комнату больного. Тамъ схватилъ его сидѣвшій у кровати инвалидъ, исправлявшій должность сидѣлки, и вступилъ съ нимъ въ борьбу. Инвалидъ получилъ нѣсколько ударовъ ножомъ и, все-таки не выпуская его, протаскался съ нимъ до кровати. Самоотверженіе этого человѣка спасло министра. Раны, нанесенныя ему, оказались тяжелыми, но не смертельными: онъ былъ раненъ въ щеку и шею.

Въ домѣ поднялась тревога, но убійцѣ удалось уйти, причѣмъ онъ ранилъ на лѣстницѣ еще нѣсколькихъ человѣкъ. Гдѣ-то по близости ждала его лошадь, и прежде чѣмъ успѣли опомниться, онъ ускакалъ. Въ домѣ между тѣмъ выбѣжала на шумъ дочь Сьюарда и бросилась къ отцу, котораго нашла на полу: онъ запутался въ простыняхъ и упалъ съ кровати. Видъ ея брата, лежавшаго замертво на порогѣ и окровавленнаго отца на полу такъ поразилъ ее, что она чуть не сошла съ ума и черезъ нѣсколько дней умерла.

Когда впослѣдствіи спросили Сьюарда, что онъ думалъ въ ту минуту, когда увидалъ занесенный надъ собой ножъ, онъ сказалъ:

— Я смотрѣлъ прямо въ лицо убійцѣ и думалъ: какой красивый мужчина!

Это можно только объяснить его болѣзненнымъ состояніемъ. Равнодушіе къ жизни и тупое удивленіе передъ тѣмъ, что совершалось, могло быть результатомъ его прежней раны и паденія съ лошади.

Пэнъ былъ впослѣдствіи пойманъ и повѣшенъ вмѣстѣ съ тремя

другими лицами, въ числѣ которыхъ находилась иъето м-ше Сюра, женщина извѣстная всему Вашингтону. Говорятъ, что это была первая женщина, повѣшенная въ Соединенныхъ Штатахъ.

VI.

Тяжелыя времена.—Предложеніе принца о наборѣ солдатъ въ Европѣ.—Бунтъ въ Нью-Йоркѣ.—Кровавыя сцены.—Смерть полковника О-Бриена.

Мы уже упоминали о томъ, что въ началѣ войны никто не ждалъ, чтобы она продлилась болѣе года. Всѣ волонтеры записывались поэтому на небольшіе сроки. Въ полку, которымъ командовалъ принцъ, срокъ службы солдатъ истекалъ весною, и они самымъ рѣшительнымъ образомъ заявили о своемъ желаніи разойтись по домамъ. Принцу ничего больше не оставалось, какъ опять пуститься на поиски за полкомъ.

Въ то время было не мало людей, находившихся въ такомъ же положеніи, какъ и онъ, и все, что могло сдѣлать для нихъ правительство — это дать имъ право самимъ набирать себѣ полки. Людей оно имъ дать не могло, ибо само ихъ не имѣло. Армія таяла, какъ снѣгъ. Какъ прежде толпой валили волонтеры, такъ теперь толпами ходили агенты, стараясь на перерывъ заманить къ себѣ солдата и съ каждымъ днемъ, набивая ему цѣну. Кромѣ жалованья ему предлагали особую премію въ 300 долларовъ и даже больше, и сверхъ того еще премію земель: по окончаніи войны правительство обязывалось дать ему безвозмездно участокъ земли. Но времена были не тѣ. Страшныя потери понесенныя войсками Макъ-Клелана, трудности походовъ и стоянка въ болотахъ, неспособность генераловъ и наконецъ варварское обращеніе съ солдатами значительно поохладили энтузіазмъ волонтеровъ. Общанныя правительствомъ преміи расплодили только ростовщиковъ, которымъ солдатъ заранѣе продавалъ свое право на премію. Явилась масса темныхъ личностей, выдававшихъ себя за волонтеровъ, чтобы надуть не только правительство, но и ростовщиковъ, и, получивши деньги въ счетъ будущихъ благъ, неизвѣстно куда скрыться. Набирать полки при такихъ условіяхъ стало чисто работою Сизифа. Можно было имѣть сто человекъ въ спискахъ и только десять на лицо. Принцу блеснула счастливая мысль: вызвать желающихъ изъ Европы. Обратившись за разрѣшеніемъ къ Линкольну, онъ предлагалъ, въ случаѣ его согласія, нанять такимъ образомъ не только полкъ, но цѣлую армію. Линкольнъ отвѣтилъ уклончиво.

— Дайте намъ людей! говорилъ онъ; вы знаете, какъ они намъ нужны; а мы ужъ не будемъ спрашивать, откуда вы ихъ взяли.

Но этого было мало. Чтобы имѣть людей, нужны были деньги, а ихъ ни одинъ банкиръ не далъ бы безъ подписи президента. Въ этой подписи онъ однако отказалъ. Не помогла даже и взятка въ 20 ты-

сячь долларовъ, которую принцъ обѣщалъ одному изъ высокопоставленныхъ лицъ.

Что именно заставило Линкольна такъ поступить, трудно сказать; вѣроятно ходившіе уже и тогда слухи о томъ, что войну ведутъ не американцы, а наемныя войска,—слухи совершенно лишены основанія, такъ какъ иностранцы составляли въ арміи незначительный процентъ.

Поставленное въ безвыходное положеніе правительство, должно было прибѣгнуть къ такой мѣрѣ, которая всѣхъ противъ него вооружила, а въ Нью-Йоркѣ подняла цѣлый бунтъ: военная служба была объявлена обязательной. Что дѣлало особенно ненавистнымъ этотъ законъ—это то, что онъ всей своей тяжестью обрушился на бѣдняковъ. Кто могъ внести за себя 300 долларовъ, тотъ былъ объявленъ свободнымъ.

Бунтъ ирландцевъ въ Нью-Йоркѣ принцесса объясняетъ происеами демократической партіи, которая будто бы воспользовалась этимъ, чтобы подставить негу правительству. Гораздо проще объяснить его тѣмъ, что ирландцы составляли бѣднѣйшій классъ населенія и что невозможность внести за себя 300 долларовъ чувствовалась ими особенно сильно.

Ярость ихъ обратилась главнымъ образомъ противъ негровъ, такъ какъ въ нихъ они видѣли прямыхъ виновниковъ войны. Кромѣ того негры были имъ конкурентами на рабочемъ рынкѣ, занимали мѣста лакеевъ, кельнеровъ и вообще домашней прислуги, мѣста очевидно болѣе привлекательныя для ирландца, чѣмъ военный мундиръ въ союзной арміи. Чернокожую прислугу держали охотнѣе, потому что она отличалась своей трезвостью. Пьяный негръ былъ такой же рѣдкостью, какъ трезвый ирландецъ.

11-го іюня былъ объявленъ наборъ, а 13-го вспыхнулъ бунтъ. Войска въ городѣ не было, да и самая полиція была весьма немногочисленна.

Бунтъ начался съ того, что сожгли домъ, въ которомъ находилось рекрутское бюро. Затѣмъ волненіе какъ пожаръ охватило весь городъ. Ирландцы неистовствовали, истребляя не только чиновниковъ, производившихъ наборъ, но и ненавистныхъ имъ негровъ и наконецъ уже не разбирая, кого попало. Политическая окраска возстанія уступила мѣсто повальному грабежу и убійству. Замѣчательно, что женщины, какъ и всегда почти въ такія крайнія минуты народнаго возбужденія, своей жестокостью превосходили мужчинъ. Ирландки съ особеннымъ удовольствіемъ вонзали ножъ въ трепещущее тѣло негра. Приютъ, въ которомъ были сотни чернокожихъ дѣтей, былъ сожженъ, и дѣтей тутъ же бросали въ огонь.

Четыре ужасныхъ дня и четыре ночи длился этотъ терроръ. Ни одинъ прилично одѣтый человекъ не смѣлъ показаться на улицѣ. Принцесса иначе не выходила, какъ въ платьѣ своей горничной, красивой ирландки, служившей ей надежной охраной.

Она винить губернатора въ томъ, что, не желая потерять своей популярности среди ирландцевъ и притомъ лично не одобряя новаго закона, онъ не принималъ никакихъ мѣръ противъ возстанія. Большой ошибкой было, по ея мнѣнiю, то, что въ народъ стрѣляли холостыми зарядами. Такія полумѣры ни къ чему не ведутъ и только напрасно раздражаютъ толпу. Съ этимъ нельзя не согласиться, но съ другой стороны, что могла сдѣлать горсть солдатъ противъ опьяненнаго бѣшенствомъ народа? Принцесса утверждаетъ, что нѣсколькихъ выстрѣловъ картечью было бы достаточно, чтобы разсѣять чернь. Нѣсколько орудій, во-время пущенныхъ въ дѣйствіе, были въ ея глазахъ такимъ аргументомъ, противъ котораго мятежники не могли устоять...

Одною изъ жертвъ возстанія пало лицо, чрезвычайно популярное между ирландцами—полковникъ О-Брiенъ. Ошибка его состояла въ томъ, что онъ понадѣялся на самое ненадежное оружіе—на силу разумнаго слова въ такія минуты, когда отвѣтомъ на все служила висѣлица и ножъ. Въ самый разгаръ бунта онъ выступилъ съ воззваніемъ къ порядку и благоразумію, забывая, что висѣлица и благоразуміе ничего общаго между собой не имѣютъ. Онъ думалъ своимъ голосомъ покрыть пистолетные выстрѣлы, но исторія доказала не разъ, что есть минуты, когда пуля говорить убѣдительнѣе.

Онъ погибъ мучительной смертію. Истерзаннаго, но еще живаго, его таскали по улицамъ цѣлыя сутки. Никакія мольбы жены и дѣтей не могли спасти его.

Бунтъ усмирили призванныя изъ Пенсильваніи войска, которыя стрѣляли ужъ не холостыми, а боевыми зарядами. Рвзня на улицахъ была ужасная; потери съ обѣихъ сторонъ значительныя. Наконецъ порядокъ былъ восстановленъ; наборъ пошелъ своимъ чередомъ и Нью-Йоркъ принялъ свой прежній видъ.

Принцесса говоритъ, что сцены, происходившія въ эти кровавые дни, могли сравниться развѣ только съ сценами парижской коммуны.

VII.

Спириты.—Сеансы и скандалы.—Благотворительные базары.—Санитарныя коммиссіи.—Помощь раненымъ и уваженіе къ мертвымъ.—Бальзамированіе группъ.

Но все на свѣтѣ забывается! Такъ же было забыто и возстаніе, и нью-йоркскія дамы самымъ серьезнымъ образомъ занялись... спиритизмомъ.

Спиритизмъ тогда свирѣпствовалъ въ Америкѣ. Вертящіяся столы и меліумы не давали никому покоя. Ни на одинъ стулъ, говорить принцесса, нельзя было сѣсть съ увѣренностью въ томъ, что онъ не застучитъ и не поднимется вмѣстѣ съ вами на воздухъ.

Сама она въ это не вѣрила, но въ числѣ ея знакомыхъ дамъ было столько вѣрующихъ, что она волей-неволей должна была присутство-

вать на ихъ сеансахъ. Дамы-спиритки были одержимы какимъ-то бѣшеннымъ желаніемъ обращать невѣрующихъ. Одна изъ нихъ сдѣлалась въ послѣдствіи даже знаменитою въ этомъ родѣ. Она поѣхала въ армію и стала тамъ обращать солдатъ, чѣмъ и надѣлала такой кутерьмы, что потерявшіе терпѣніе генералы попросили ее выѣхать вонъ.

Въ одномъ знакомомъ домѣ принцессѣ были представлены извѣстные медіумы. Тогда, какъ и теперь, они раздѣлялись по роду своихъ занятій: были медіумы стучащіе, вертящіе, пишущіе... Чтобы убѣдить ее, они выдѣлывали передъ ней всевозможные фокусы. Въ темнотѣ вспыхивали огни, хватили ее невидимыя руки, дулъ ей въ лицо холодный вѣтеръ, осыпая ее чѣмъ-то мелкимъ, какъ песокъ. По ея желанію раздавались стуки въ разныхъ концахъ комнаты, и когда она пожелала, чтобы стукнули на потолокъ, то раздался такой ударъ, что всѣ вскрикнули, нѣкоторые упали въ обморокъ. Принцесса соглашалась, что все это очень удивительно, но въ духовъ все таки не вѣрила. Тогда, чтобы поразить ее, объявили ей, что она тоже медіумъ и даже опредѣлили, какой именно медіумъ—ясновидящій. „При всемъ моемъ желаніи что нибудь увидать, говорить она, я ничего однако не видѣла, но не желая огорчить ихъ, сказала, что вижу, и даже стала рассказывать, какія мнѣ были видѣнія. Шутка эта однако открылась: духи объявили себя обиженными, и сеансъ прекратился“.

Если сеансъ не удавался, то это объясняли вліяніемъ злыхъ духовъ, и силою магнетизма старались удалить ихъ. Одинъ изъ медіумовъ, вступая въ общеніе съ духами, приходилъ въ изступленіе и падалъ въ конвульсіяхъ, причемъ сами собой, неизвѣстно какимъ образомъ, являлись на клочкѣ бумажки письменные отвѣты духовъ.

Не всѣ невѣрующіе были такъ тверды, какъ принцесса. Одну изъ нихъ, жену извѣстнаго миллионера и издателя „New-York-Herald“, Бенета, духи очень скоро довели до обморока. Сеансъ былъ въ домѣ какого-то извѣстнаго спирита, въ одной изъ его гостинныхъ. Двери въ другую гостинную были затворены и свѣтъ лампъ сильно убавленъ. М-съ Бенетъ пожелала, чтобы духи подали ей толстую тетрадь, которая, какъ ей извѣстно, лежала въ другой гостинной на этажеркѣ и притомъ въ самомъ низу, подъ цѣлой кипой нотъ. Едва успѣла она это пожелать, какъ нотная тетрадь съ громомъ упала передъ ней на столъ. Вслѣдъ за ней упала и сама м-съ Бенетъ. Съ этихъ поръ она дала зарокъ никогда больше не присутствовать на сеансахъ.

Мы не будемъ рассказывать всѣхъ чудесъ, которыя дѣлали духи для обращенія принцессы. Они дошли даже до того, что подпилили ножку массивнаго орѣховаго стола, за которымъ она сидѣла. Пилили долго, съ полчаса, что она могла слышать по звуку, производимому пилкой въ потѣмахъ.

Случались иногда и скандалы. Такъ разъ одного вертящаго медіума уличили въ томъ, что, играя на рояли, онъ колѣномъ приподнималъ ее снизу.

Улучилъ его въ этомъ принцъ, который тутъ же при всѣхъ повторилъ эту штуку. Медіуму заплатили пять долларовъ за сеансъ и со стыдомъ изгнали.

Кромѣ спиритизма дамы занимались устройствомъ благотворительныхъ базаровъ въ пользу раненыхъ. Въ Нью-Йоркѣ были базары, продолжавшіеся по 6 недѣль и приносяшіе миллионы. Дамы большого свѣта постигли тутъ въ совершенствѣ искусство обирающаго мужчинъ съ благотворительною цѣлью. И хотя всякій, кто туда шелъ, зналъ заранее, какая судьба его тамъ ожидаетъ,—не идти было нельзя. Любопытно было посмотреть, какъ тамъ очищали карманы какому-нибудь финансовому тузу, заставляя его за одну туфлю платить столько, сколько стоилъ цѣлый бабшачный магазинъ. Говорятъ, что на этихъ базарахъ продавались даже подѣлуи, конечно съ благотворительною цѣлью. Чего впрочемъ тамъ не продавалось? Начиная съ клубка шерсти, найденнаго въ карманѣ убитаго солдата и кончая мѣрой картофеля, „посаженнаго, окопаннаго и собраннаго шестью молодыми леди изъ Илинойса“. Пять мѣръ такого картофеля были проданы за большаго денеги.

Доставляя случай молодымъ леди вывернуть съ благою цѣлью карманы молодыхъ и немолодыхъ джентльменовъ, эти базары давали солдату кое-что болѣе существенное: они давали ему увѣренность, что больной или раненый онъ не будетъ валяться безъ призора подъ открытымъ небомъ или въ грязномъ вагонѣ, служившемъ для перевозки скота, какъ это къ сожалѣнію случалось во время Франко-Прусской войны. Устройство санитарной части въ Америкѣ почти не оставляло желать ничего лучшаго. Двѣ комиссіи— „Санитарная“ и „Христіанская“,— не жалѣли денегъ для этого: не только полезныя, но даже и бесполезныя вещи присылались съ щедростью изумительной. Агенты этихъ комиссій не ревизовали правда госпиталей съ моноклемъ на носу и не подносили къ лицу надушенныхъ платковъ, но не гнушались никакимъ трудомъ, и руки, привыкшія къ лайковымъ перчаткамъ, таскали токи и ящики. При этомъ не имѣлось въ виду ничего, ни даже малѣйшаго орденочка, ибо таковыхъ не было совсѣмъ въ Американской арміи, не только для санитаровъ, но даже для солдатъ и офицеровъ.

Въ каждомъ батальонѣ были удобныя носилки и повозки для раненыхъ. Не было почти примѣра, чтобы раненыхъ везли, какъ скотъ, на простой телегѣ. Нужно сознаться, что большимъ подспорьемъ служили въ этомъ случаѣ американцамъ ихъ водяныя сообщенія. Цѣлыя транспорты раненыхъ двигались по этимъ живымъ дорогамъ. Кто напримѣръ слышалъ о такихъ рѣкахъ, какъ Рапиданъ или Матапанъ, а между тѣмъ онѣ величиной превосходятъ Рейнъ и поднимаютъ не только простыя военныя суда, но даже и броненосцы, — и такихъ рѣкъ было не мало.

Что было возмутительно во время Франко-Прусской войны, говорить принцесса, это варварское обращеніе съ мертвыми. Конечно, прибав-

ляетъ она, наукой замѣчено, что чѣмъ ниже стоитъ народъ на ступеняхъ цивилизаціи, тѣмъ онъ больше почитаетъ и ублажаетъ своихъ мертвыхъ, но все же какъ ни высоко развитіе нѣмцевъ и французовъ, я не думаю, чтобы ихъ матерямъ было все равно, какъ поступать съ ихъ погибшими сыновьями и будутъ ли ихъ валить, какъ скотъ въ одну общую яму. Въ Европѣ это дѣлалось, въ Америкѣ — никогда. Для каждаго солдата рыли особую могилу и въ головахъ ставили дощечку съ его именемъ, названіемъ полка и того штата, откуда онъ былъ родомъ, чтобы впослѣдствіи родные могли отыскать его и привезти на родину.

До чего доходила любовь американцевъ къ своимъ покойникамъ, доказываетъ существованіе такого учрежденія, какъ агентство для бальзамированія труповъ. Въ лагерѣ было не рѣдкостью увидать палатку съ такой вывѣской: „Браунъ и Александръ, правительственные агенты для бальзамированія труповъ“. И господа эти не сидѣли безъ дѣла! они бальзамировали покойниковъ тысячами, простыхъ солдатъ за 40, офицеровъ за 80 долларовъ. Набальзамированный трупъ одѣвали въ мундиръ, запаковывали въ ящикъ, на крышкѣ писали имя и адресъ покойника и отправляли по назначенію.

VIII.

Принцъ производится въ генералы, а принцесса въ капитаны.—Выгодная нажива.—Дисциплина въ полку.—Причины междоусобной войны.

Благодаря своему обширному знакомству и связямъ, принцесса не только доставила мужу полкъ, но и произвела его въ генералы. Никакіе хлопоты, просьбы и визиты къ высоко-поставленнымъ лицамъ не могли ее испугать. Она скакала изъ Нью-Йорка въ Вашингтонъ и обратно, чтобы поймать какого-нибудь нужнаго ей сенатора, и посылала свои визитныя карточки къ министрамъ и губернаторамъ. И занятые по-горло министры принимали ее. Принцъ былъ для нея центромъ, около котораго вращалось все въ Америкѣ. Пока онъ не былъ произведенъ и не имѣлъ полного комплекта людей въ отрядѣ, она не была спокойна. Минутный отдыхъ наступилъ для нея только тогда, когда она отправила къ нему письмо, на которомъ въ первый разъ могла написать: „Его Превосходительству“. Правда, она и сама получила чинъ капитана и соответствующій этому окладъ, но это не такъ занимало ее, какъ генеральство ея мужа. Офицерскій окладъ былъ ей данъ, говоритъ она, въ вознагражденіе за издержки, сдѣланныя ею для раненыхъ.

Любопытны ея отзывы о томъ, какъ въ то время наживались люди, имѣвшіе знакомство въ правительственныхъ сферахъ. Масса спекуляцій дѣлалась тогда съ хлопчатой бумагой, конфискованной въ южныхъ штатахъ. Спросъ на хлопчатую бумагу изъ Европы былъ громадный,

а между тѣмъ отпуска не было: только правительственные склады были завалены тюками, конфискованными на югѣ. Кто имѣлъ связи и зналъ дорогу въ министерство, тотъ могъ купить ее у казны за бездѣнокъ и потомъ съ большимъ барышомъ продать. Говорятъ, что многіе изъ генераловъ дѣйствующей арміи нажили такимъ образомъ громадныя состоянія. Частныя лица обращались прямо въ министерство финансовъ и оттуда уже получали разрѣшеніе взять изъ казенныхъ складовъ столько-то тюковъ по казенной цѣнѣ.

Разсказывать здѣсь всѣ подробности дальнѣйшей кампаніи и разныхъ стоянокъ принца и его жены въ лагеряхъ было бы утомительно. Изъ воспоминаній принцессы объ этомъ времени интересно, что она разсказываетъ о дисциплинѣ. Не знаю, говоритъ она, были ли въ сводѣ военныхъ постановленій всѣ тѣ мѣры наказаній, которыя примѣнялись въ войскахъ; думаю, что нѣтъ, потому что обращеніе съ солдатами часто было варварское и ни мало не соответствовало общему духу американскихъ законовъ. Палокъ правда не было, но были вещи хуже палокъ. Если солдатъ напился пьянъ и вообще въ чемъ нибудь провинился, его привязывали къ дереву и притомъ самымъ варварскимъ образомъ, владывая ему въ ротъ штыгъ или лошадиный мундштукъ. Иногда вѣшали его за пальцы такимъ образомъ, чтобы ноги его едва касались земли¹⁾. Пьяницъ выставляли также къ позорному столбу.

Къ такимъ мѣрамъ прибѣгалъ въ полку и принцъ. Жена его сама была свидѣтельницей, какъ по его приказанію былъ привязанъ къ дереву одинъ солдатъ за то, что не позволялъ остричъ себя подъ гребенку. Бѣдняга былъ привязанъ на солнцѣ въ страшную жару и все тѣмъ же варварскимъ способомъ, со штыкомъ во рту. Жестокость мужа возмутила ее и она самовольно приказала отвязать его. Солдатъ этотъ оказался нѣмцемъ и аптекаремъ, и изъ строевой службы былъ потомъ переведенъ въ полковую аптеку.

Надо полагать, что обращеніе съ солдатами было дѣйствительно не изъ самыхъ гуманныхъ, если оно возмутило даже принцессу, женщину далеко не сантиментальную и въ нѣкоторыхъ случаяхъ не отрицавшую пользы тѣлесныхъ наказаній. Такъ, она сама разсказываетъ, какъ велѣла разъ наказать плетью по головѣ четырнадцатилѣтняго мальчика, негритенка, за то, что тотъ ушелъ безъ позволенія изъ дому и цѣлый день неизвѣстно гдѣ пропадалъ. „Я знаю, что это ему полезно!“ прибавляетъ она спокойно.

Таковы были тогда понятія о неграхъ въ рядахъ людей, сражавшихся за ихъ свободу.

Было бы ошибочно думать, что война велась исключительно за освобожденіе негровъ. Принимался вызовъ южанъ; Сѣверъ вооружился главнымъ образомъ за цѣлость Союза и за собственные несрав-

¹⁾ Считаю долгомъ напомнить читателю, что все это дѣлалось въ нѣмецкомъ отрядѣ.

ненно болѣе близкіе ему интересы, чѣмъ судьба чернокожихъ. Вопросъ политическій, какъ это къ сожалѣнію слишкомъ часто бываетъ, стоялъ на первомъ планѣ, нравственный—на второмъ. И если бы южане не заявили такъ рѣшительно о своемъ желаніи отдѣлиться и не успѣли отправить въ Вашингтонъ посольство на правахъ иностранной державы, весьма сомнительно, чтобы великодушное сочувствіе къ неграмъ заставило Сѣверъ положить сотни тысячъ народу, истратить миллиарды и оторвать отъ промышленности и земледѣлія столько драгоценныхъ рукъ.

Вопросъ о неграхъ могъ рѣшиться путемъ дипломатическимъ, путемъ сдѣлокъ и взаимныхъ уступокъ, еслибъ за нимъ не стоялъ другой, болѣе грозный вопросъ объ экономической борьбѣ Сѣвера и Юга. Интересы промышленнаго Сѣвера, все дѣлавшаго у себя дома, начиная съ паровой машины и кончая булавкой, и земледѣльческаго Юга, ничего не производившаго кромѣ сырья, были слишкомъ противоположны, чтобы можно было легко примирить ихъ. Сѣверу было выгодно запретить свои гавани для европейскихъ товаровъ, Югъ, напротивъ, только и жилъ, что торговлей съ Англіей. Негры могли бы и подождать, но экономическіе вопросы не ждутъ. Передъ ними даже и дипломатія склоняетъ свое оружіе.

IX.

Мексика.—Первыя впечатлѣнія.—Грабежи на дорогахъ.—Семейная и общественная жизнь.—Невѣжество мексиканскихъ дамъ.—Базень.

Второй томъ своихъ воспоминаній принцесса посвящаетъ Мексикѣ.

Когда война въ Соединенныхъ Штатахъ кончилась, мужъ ея не пожелалъ остаться въ арміи. Военная служба въ мирное время была ему не по душѣ. Жажда походовъ и сраженій заставляла его искать себѣ другой арены.

Искать пришлось недолго: Мексика была подъ рукой. Тамъ началась всѣмъ извѣстная трагедія, прологъ которой былъ сыгранъ въ Парижѣ, а эпилогъ въ Кверетаро, со всѣми приличными случая перипетіями, съ измѣнами, подкупамъ, самопожертвованіями и смертью въ пятомъ актѣ. Личныя симпатіи принца въ Максимилиану, котораго онъ зналъ еще въ Австріи, заставили его перейти не въ лагерь либераловъ, какъ это сдѣлали многіе его товарищи по оружію, а на сторону несчастнаго императора, все еще обольщавшаго себя надеждой, что дѣло его будетъ выиграно.

Первое чувство принцессы, когда она ступила на Мексиканскій берегъ, было далеко не отрадное. Выжженная солнцемъ и лишенная всякой растительности плоскость и бѣлыя, похожія на могилы, зданія Вера-Круца произвели на нее подавляющее впечатлѣніе. Мексика представилась ей большимъ кладбищемъ. Даже самая атмосфера, сы-

рая, удушливая, ядовитая — напоминала ей катакомбы. Тропическое солнце, ударяя своими лучами въ болота Вера-Круца, разливало ядъ въ воздухъ; желтая лихорадка царила тутъ девять мѣсяцевъ въ году.

Принцесса была суевѣрна, вѣрила въ предчувствія и съ первыхъ же шаговъ ощутила смутное желаніе вернуться. Разказы о грабежахъ, которымъ подвергались на дорогѣ дилижансы, не могли разве-селить ее; только и слышно было, что здѣсь ограбили генерала, тамъ какую нибудь графиню и наконецъ жену самого жандармскаго начальника. Ограбить дилижансъ въ Мексикѣ нисколько не считалось предосудительнымъ. Тамъ занимались этимъ не только разбойники по профессіи, но и довольно зажиточные ранчеро, т. е. землевладѣльцы. Это было на столько въ порядкѣ вещей, что когда дилижансъ остано-вливали, кучерь не дѣлалъ ни малѣйшей попытки къ сопротивленію и все время оставался равнодушнымъ зрителемъ грабежа. Пассажи-ровъ самымъ вѣжливымъ образомъ просили выйти и раздѣться, не исключая и дамъ, и, отобравши отъ нихъ всѣ цѣнные вещи, и даже платье, если оно было порядочное, отпускали на всѣ четыре стороны.

Нападенія дѣлались впрочемъ не всегда съ цѣлю грабежа. При-мѣромъ можетъ служить слѣдующій случай. Одинъ мексиканскій графъ, обманутый въ своихъ надеждахъ послѣ долгихъ ухаживаній за барыш-ней, которая предпочла ему другаго и даже публично оскорбила его, отказавшись протанцовать съ нимъ на балу, — рѣшился отом-стить ей.

Барышня съ матерью и женихомъ должна была куда-то ѣхать. Всѣ трое взяли себѣ мѣсто въ дилижансѣ. Графъ навелъ справки, гдѣ и когда они поѣдутъ, собралъ своихъ друзей и устроилъ засаду на дорогѣ. Вся компанія была хорошо вооружена и для предосторожно-сти въ маскахъ. Какъ только дилижансъ поравнялся съ ними, всѣ по сигналу кинулись къ лошадямъ. Сидѣвшихъ въ экипажѣ пригласили выйти, мужчинъ привязали къ деревьямъ, а барышню попросили раз-дѣться и въ такомъ видѣ протанцовать съ графомъ. Послѣдствіемъ этого было то, что свадьба разстроилась.

Въ Мексикѣ принцесса познакомилась со многими семейными до-мами и нашла, что семейная жизнь тамъ очень развита, т. е. развита въ томъ смыслѣ, что мужъ съ женой вездѣ показываются вмѣстѣ и живутъ довольно дружно. Что же касается дѣтей, то воспитаніе ихъ оставляетъ желать очень многого. Мать обходится съ ребенкомъ, какъ съ куклой и думаетъ только о томъ, какъ бы покрасивѣе одѣть его. До 10 или 12 лѣтъ дѣти развиты не по лѣтамъ и все очень быстро схватываютъ, но потомъ останавливаются на одной точкѣ и дальше не идутъ.

Нравственныя понятія общества показались ей нѣсколько шаткими. Инаго впрочемъ и нельзя было ожидать: пятьдесятъ лѣтъ междоусоб-ныхъ войнъ могли развратить и не такихъ людей, какъ потомки Кор-теца и его разбойничьихъ шаекъ.

Основной чертой въ характерѣ мексиканца является лѣнь и безпорядочность. Оттого и въ жизни его все идетъ, какъ попало. Онъ даже и ѣсть не въ опредѣленные часы, а когда вздумается: то велитъ подать себѣ какого-нибудь кушанья, то выпьетъ чашку шоколата. Въ зажиточныхъ домахъ гости не переводятся съ утра до ночи. Никакой книги кромѣ молитвенника у хозяйки дома вы не найдете. Она едва-едва, и то съ большимъ трудомъ, можетъ написать письмо. Ни одного языка, кромѣ Испанскаго, она не знаетъ. Объ исторіи и географіи не имѣетъ и понятія. О Парижѣ и Лондонѣ слыхала, потому что выписываетъ оттуда платья и нѣкоторые предметы роскоши.

Что же касается исторіи, то кто могъ ее познакомить съ ней? Ея предки начали съ того, что истребили въ странѣ всѣ памятники письменности! Первый же католическій архіепископъ, ступившій на мексиканскую почву, приказалъ собрать всѣ историческіе документы страны и торжественно сжечь ихъ на площади, какъ мерзостные остатки язычества. Равнодушныя къ наукамъ, мексиканскія дамы не пренебрегаютъ однако искусствами. Онѣ очень любятъ музыку. Многія прекрасно играютъ на фортепіано.

Принцесса застала еще въ Мексикѣ французовъ и воспользовалась этимъ, чтобы сдѣлать нелестный отзывъ о Базенѣ.

Базенъ по ея мнѣнію сдѣлалъ все возможное, чтобы при одномъ имени француза у каждаго мексиканца поднималась жолчь. Французскіе офицеры держали себя дерзко и нахально: мужчинъ на улицѣ сталкивали съ троттуаровъ, женщины сами отъ нихъ бѣжали. Ихъ жадность и страсть къ грабежу превосходила всякое вѣроятіе. Казалось, что Франція выбросила сюда все, что только было у нея худшаго.

Самъ Базенъ держалъ себя такъ, какъ будто былъ императоромъ, а Максимилианъ его подданнымъ. Онъ зналъ хорошо, что любой префектъ Наполеона больше значить, чѣмъ какой нибудь австрійскій эрцгерцогъ, хотя бы и коронованный. Получивши инструкцію отъ своего державнаго повелителя, который перемѣнилъ игру и, перетасовавши карты, сдалъ ихъ снова, причемъ главнаго козыря, т. е. Мексиканской короны на рукахъ у него не оказалось, онъ уже не стѣснялся ничѣмъ, чтобы заставить Максимилиана отказаться отъ престола. Онъ вступилъ въ переговоры съ его врагами, выдавалъ имъ оружіе, сдавалъ цѣлые города.

Но самымъ чернымъ пятномъ лежитъ на немъ исторія его обогащенія. Представитель Франціи, маршалъ и полководецъ, стоявшій во главѣ пятидесяти-тысячной арміи, онъ не постыдился отереть въ городѣ лавку и модный магазинъ. Всѣ товары провозились мошенническимъ образомъ, не оплачивая пошлинъ на границѣ, да еще на казенный счетъ: парижскія платья и кружева шли подъ именемъ военныхъ снарядовъ.

Чтобы скрыть, какими путями найдено это богатство, Базень распустилъ слухъ, что взявъ огромное состояніе за женой, которая, по словамъ принцессы, была бѣдной дѣвушкой.

Х.

Оставленіе французскими войсками Мексики.—Императоръ Итурбиде.—Смѣлый планъ принцессы.—Кверетаро.—Осада Мексики.—Принцесса выступаетъ посредницей.—Ея храбрость.

Съ той минуты, какъ Максимилиану сдѣлалось извѣстно о рѣшеніи Наполеона вывести свои войска изъ Мексики, положеніе его стало тревожнымъ. Но когда до него дошло извѣстіе, что жена его, поѣхавшая въ Парижъ хлопотать о томъ, чтобы Наполеонъ не приводилъ въ исполненіе этого намѣренія, ничего не добилаясь и сошла съ ума,—онъ самъ потерялъ голову. Была минута, когда онъ готовъ былъ бросить все и поскакалъ въ Оризаву, чтобы немедленно ѣхать оттуда въ Европу. Но туда поскакали вслѣдъ за нимъ разные патеры и авантюристы, въ родѣ Фишера и Маркеца, убѣждать его въ томъ, что его санъ и самолюбіе не позволяютъ ему поступать такимъ образомъ. Своими совѣтами положиться на любовь къ нему подданныхъ и не удерживать ненавистныхъ французовъ—они рыли ему могилу. Слабый, нерѣшительный, потерявшій голову императоръ послушалъ ихъ.

5-го февраля наступилъ роковой день, когда французскія войска при нѣмомъ молчаніи народа стали выходить изъ города. Въ роскошномъ паланкинѣ, подъ сильнымъ конвоемъ индѣйцевъ, пронесли по улицамъ беременную супругу маршала.

Самъ Базень цѣлыя сутки простоялъ въ гавани, все еще ожидая, что императоръ одумается и поѣдетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но Мирамонъ и Маркецъ одержали верхъ: французская эскадра ушла и Максимилианъ остался одинъ среди своего народа. Теперь или никогда долженъ былъ рѣшиться вопросъ о томъ, былъ ли онъ дѣйствительно призванъ народомъ, или вся эта комедія народнаго избранія была разыграна исключительно въ интересахъ Тюльерійскаго дворца.

А между тѣмъ въ стѣнахъ города, который онъ избралъ своей резиденціей, заключалось уже грозное предостереженіе для него. Ему стоило только выйти на площадь, чтобы увидѣть такъ называемый *Hôtel Iturbide*, жилище бывшаго императора, судьба котораго имѣла такъ много общаго съ его собственной судьбой. Провозглашенный императоромъ въ 1822 г. генераль Итурбиде былъ коронованъ подъ именемъ Августина I, а въ слѣдующемъ же году бѣжалъ отъ своихъ подданныхъ въ Европу. Черезъ годъ онъ вернулся, рассчитывая на свою популярность, но былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Память о немъ до сихъ поръ живетъ въ народѣ и его именемъ названы многія зданія и улицы въ Мексикѣ.

Имя это должно было пробудить печальныя мысли въ Максимилианѣ. Другихъ мыслей впрочемъ и не могло быть у него. Онъ уже видимо искалъ, откуда придетъ къ нему помощь и готовъ былъ схватиться даже за такую видимо несбыточную надежду, какъ предположеніе принцессы агитировать въ его пользу въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, какъ извѣстно, очень косо смотрѣли на появленіе монархіи въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ. Привыкшая вездѣ съ успѣхомъ хлопотать за мужа, принцесса думала, что ей такъ же легко будетъ устроить судьбу Максимилиана. Стоило только поѣхать къ президенту и къ министрамъ, поговорить съ ними и убѣдить ихъ въ томъ, что Максимилианъ прекраснѣйшій человекъ и что для нихъ выгоднѣе, если въ Мексикѣ установится прочное правительство. Принцесса думала, что въ Соединенныхъ Штатахъ была партія, которая положительно сочувствовала Максимилиану и что даже самъ президентъ Джонсонъ былъ скорѣй за него, чѣмъ противъ него. Не смотря на свое близкое знакомство съ министрами и генералами, она была очень далека отъ того, чтобы понять истинную политику Соединенныхъ Штатовъ, подписавшихъ смертный приговоръ Максимилиану еще прежде, чѣмъ онъ былъ подписанъ республиканскимъ властямъ Мексики.

Какъ бы то ни было, но ея дипломатическое посольство не состоялось. Максимилианъ именно въ это время получилъ извѣстіе о болѣзни жены и, забывъ обо всемъ на свѣтѣ, уѣхалъ изъ города. Нѣкоторое время никто не зналъ о его планахъ, пока не стало извѣстно, что онъ самъ становится во главѣ арміи и идетъ на помощь Мирамону въ Кверетаро.

Принцесса съ понятнымъ безпокойствомъ слѣдила за всѣми извѣстіями изъ Кверетаро. Нѣкоторое время извѣстій совсѣмъ не было, пока не явился Маркецъ съ самыми радостными новостями: все шло прекрасно, положеніе императорской арміи было превосходное! Императоръ поручилъ ему идти на встрѣчу республиканскому генералу Порфирію Диасу и уничтожить его армію. Но только-что стали праздновать воображаемая побѣды, только-что пошли балы, иллюминаціи и фейерверки, какъ пришло извѣстіе о томъ, что Маркецъ разбитъ и войска либераловъ идутъ къ столицѣ. Иллюминаціи погасили и кинулись спасаться, кто куда могъ. Самъ Маркецъ прискакалъ какъ сумасшедшій и сталъ на скорую руку укрѣплять городъ. Черезъ три дня непріятель былъ уже подъ его стѣнами.

Такимъ образомъ имперіалисты сохранили за собой только три пункта: Мексико, Кверетаро и Вера-Круцъ; и тамъ, и тутъ они были заперты войсками республиканцевъ. Въ исходѣ дѣла почти уже не было сомнѣнія. Принцесса видѣла это ясно. Страхъ за мужа и за императора, къ которому она чувствовала совершенно рыцарскую преданность, пробудилъ въ ней отчаянную энергію. Ни одинъ планъ не казался ей слишкомъ смѣлымъ. Ей пришла въ голову мысль выступить посредникомъ между двумя лагерями. Пользуясь тѣмъ, что у

нея были друзья среди республиканцевъ,—она даже жила въ домѣ одного изъ нихъ,—и что столько-же, если не болѣе, было у нея друзей среди империалистовъ, она рѣшила попытать счастья и тамъ, и тутъ.

Прежде всего явилась она къ республиканскому полковнику Леону просить у него пропуска въ осажденный городъ, не скрывая, съ какой цѣлью она туда ѣдетъ. Она желала предложить свое посредничество и спросить империалистовъ, на какихъ условіяхъ они готовы сдать: сдадутъ ли они городъ, если республиканскій генералъ гарантируетъ свободу императору и всѣмъ его офицерамъ. Полковникъ хотя и замѣтилъ ей на это, что Кверетаро долго не продержится, что дни его сочтены и въ войскахъ открылся ужъ голодъ, но въ пропускѣ ей не отказал и даже самъ проводилъ ее до передовой цѣпи. У городскихъ воротъ ее узнали офицеры и самымъ любезнымъ образомъ встрѣтили: черезъ ровъ перекинули доски и помогли ей взойти на брустверь.

Эти прогулки однако не всегда такъ счастливо сходили ей съ рукъ. Одинъ разъ на окликъ часоваго: „Кто идетъ?“ она ошиблась словомъ и вмѣсто amigo (другъ) крикнула enemigo (недругъ)! Часовой разумѣется выстрѣлилъ, къ счастью для нея мимо. Чтобы поправить свою ошибку, она стала кричать отчаяннымъ голосомъ:

— Viva Maximiliano!

По голосу ее узналъ одинъ знакомый полковникъ и велѣлъ ее пропустить. Другой разъ дѣло чуть было не кончилось трагически. Разсчитывая на парламентарское знамя,—по-просту носовой платокъ, навязанный на хлысть,—она смѣло поскакала прямо на часовыхъ. На ея бѣду на часахъ стояли рекрута, только-что поступившіе на службу, совершенно незнакомые съ значеніемъ бѣлаго знамени. Они встрѣтили ее дружнымъ залпомъ. Пули просвистали надъ ея головой и одна даже задѣла ея волосы. Все это однако нисколько не охладило ее. Въ ея натурѣ было что-то дикое, подчасъ неукротимое. Жизнь, полная приключеній, была ей по душѣ. Скакать на бѣшеной лошади, проскользнуть черезъ сторожевую цѣпь, когда по войскамъ отданъ приказъ разстрѣливать всякаго, кто это сдѣлаетъ, затѣвать заговоры, спасать кого-нибудь, проводить дни и ночи на лошади, не переодѣваясь—значило для нея не только жить, но и вполнѣ наслаждаться жизнью. Если въ Вашингтонѣ она являлась подчасъ назойливою просительницею, то въ Мексикѣ всѣ ея поступки носятъ на себѣ печать совершенно безкорыстнаго служенія другому. Что было для нея императоръ? Въ это время она ни разу даже и не видала его, но она знала, что онъ несчастливъ, что онъ кругомъ обмануть—и этого для нея было довольно.

Ея преданность этому человѣку, для котораго она рисковала жизнью и продавала свои брилліанты, какъ-то сразу выдвигаетъ ее изъ той толпы свѣтскихъ интриганокъ, которыя интригуютъ только потому, что въ этомъ ихъ призваніе.

XI.

Республиканскіе генералы.—Принцессу принимаютъ за шпіона. — Аудіенція у Хуареса. — Первое свиданіе съ Максимиліаномъ. — Письмо Максимиліана къ Хуаресу.

Посредничество принцессы было принято не съ тѣмъ жаромъ, какого она ожидала. Въ Мексико очевидно отнеслись къ ней недовѣрчиво и хотя прямо ей этого не высказали, но никакихъ письменныхъ полномочій не дали, а предложили ей вести переговоры на свой страхъ. Ее и это не смутило. Она отправилась въ главную квартиру республиканскаго генерала Порфирія Діаса. Въ главной квартирѣ генерала ждали человѣкъ 50; она послала свою карточку и была принята первая. Все, о чемъ она просила, показалось ему до крайности подозрительнымъ. Она просила двухъ вещей: во-первыхъ, дозволенія проѣхать въ Кверетаро, чтобы тамъ лично переговорить съ императоромъ и затѣмъ семидневнаго перемирія. Все это онъ объяснилъ себѣ по своему: въ Кверетаро она ѣдетъ какъ шпіонъ, съ какимъ-нибудь тайнымъ порученіемъ изъ Мексико, а перемиріе нужно имъ для того, чтобы укрѣпить столицу.

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, говорить она, что генераль принялъ меня за шпіона, ибо его собственный шпіонъ, нѣкто ш-ше Безъ, жила у насъ въ Мексико, и всѣ знали, что она за особа.

Чтобы вѣжливымъ образомъ отдѣлаться отъ принцессы, генераль объявилъ ей, что онъ не уполномоченъ вступать въ переговоры, тѣмъ болѣе, что командуетъ войсками не одинъ. Въ его распоряженіи только та армія, которая обложила столицу и что касается этого города, то онъ требуетъ сдачи его безусловно, чтобы имѣть право повѣсить Маркеца и нѣкоторыхъ другихъ вполнѣ этого заслужившихъ. Онъ можетъ гарантировать свободный пропускъ только иностраннымъ войскамъ; ихъ онъ даже готовъ на свой счетъ довести до любой гавани, чтобы оттуда отправить въ Европу. Что же касается Кверетаро, то не въ его власти запретить или разрѣшить ей ѣхать туда: это дѣло генерала Эскобедо, который стоитъ тамъ съ своей арміей. Все, что онъ можетъ для нея сдѣлать — это дать ей письмо къ нему.

Съ этимъ отвѣтомъ принцесса поскакала опять въ Мексико, но тамъ нѣсколько дней позамѣшкалась, — а тѣмъ временемъ Діасъ отдалъ приказъ, которымъ всякаго, кто выйдетъ изъ города подъ предлогомъ переговоровъ, велѣно было разстрѣливать.

24-го апрѣля состоялся этотъ приказъ, а 25-го она вернулась изъ Мексико. Около ея дома ждала казенная карета и офицеръ съ приказаніемъ немедленно доставить принцессу въ главную квартиру.

Въ главной квартирѣ ей объявили, что ей велѣно въ тотъ-же день выѣхать изъ Мексико, оставляя впрочемъ на ея выборъ, въ какой гавани ей будетъ угодно сѣсть на корабль.

Она потребовала личнаго свиданія съ генераломъ. Тотъ отказался ее принять и еще разъ прислалъ ей сказать съ адъютантомъ, чтобы она ѣхала. На это она объявила, что добровольно не выѣдетъ, что они могутъ разстрѣлять ее, заковать въ цѣпи,—все, что имъ угодно, но выѣхать не заставятъ.

Такая рѣшимость всѣхъ озадачила. Въ военной практикѣ генерала такихъ случаевъ очевидно еще не было. Цѣлый день прошелъ, а никакихъ извѣстій изъ главной квартиры не было. Только на слѣдующее утро опять явилась казенная карета и офицеръ, и опять приказаніе выѣхать. Но принцесса была тверда и осталась.

Наконецъ вступились ея знакомые и дѣло кое-какъ уладили. Генералъ, видимо незнавшій, какъ отъ нея отдѣлаться, далъ ей разрѣшеніе ѣхать къ Эскобедо и вообще куда ей угодно, лишь бы подалее отъ него.

Эскобедо стоялъ съ своей арміей подъ Кверетаро и тутъ-то принцесса въ первый разъ увидала этотъ злополучный городъ, въ которомъ было въ эту минуту все для нея дорогое: ея мужъ и императоръ. Зналъ ли Эскобедо объ ея исторіи съ Діасомъ или нѣтъ, но и онъ постарался сбить ее поскорѣе съ ружъ и прямо отправилъ къ президенту Хуаресу, въ Сантъ-Луи-Потози.

Хуаресъ былъ человѣкъ средняго роста—съ смуглымъ лицомъ индіанца и съ большимъ шрамомъ на щекѣ, который нисколько впрочемъ не безобразилъ его. Черные пронизательные глаза говорили о томъ, что человѣкъ этотъ долго и глубоко обдумываетъ каждый свой шагъ. По англійски онъ не говорилъ и долженъ былъ объясняться черезъ переводчика. Онъ принялъ просительницу до крайности вѣжливо, посадилъ на диванъ, внимательно выслушалъ ее, а послѣ аудіенціи подалъ ей руку и самъ проводилъ до лѣстницы, гдѣ съ глубокимъ поклономъ простился съ ней. Въ Кверетаро онъ однако же пустилъ ее, такъ какъ по его словамъ не стоило ѣхать туда: не нынче—завтра городъ долженъ былъ сдать. И дѣйствительно, пушечная пальба и звонъ колоколовъ скоро возвѣстили о томъ, что Кверетаро палъ. На другое же утро всѣ знали, что городъ былъ проданъ непріятелю за три тысячъ унцъ полковникомъ Лопецемъ и что императоръ со всѣмъ своимъ штабомъ взятъ въ плѣнъ. Принцесса бросилась опять къ Хуаресу за разрѣшеніемъ ѣхать въ Кверетаро, но президентъ былъ у кого-то на обѣдѣ, ждать ей было не подъ силу, и она безъ разрѣшенія отправилась въ городъ.

Часу въ одиннадцатомъ, по грязной и вонючей лѣстницѣ, среди шума и гама поднялась она въ монастырь св. Терезы, гдѣ помѣстили императора и его штабъ.

Въ маленькой, грязной комнатѣ лежали на полу офицеры. На ея вопросъ, гдѣ мужъ, одинъ изъ нихъ очень вѣжливо отвѣчалъ ей, что принцъ у императора и почти въ ту же минуту онъ вошелъ самъ. Онъ былъ небритъ, грязенъ и такъ страшенъ на видъ, что она безъ чувствъ упала къ нему на руки. Убѣдившись однако въ томъ, что онъ живъ и невредимъ, она скоро оправилась, и съ этихъ поръ всѣ ея мысли были съ императоромъ.

Максимиліанъ былъ боленъ и лежалъ въ постели. Не смотря на это онъ пожелалъ ее видѣть.

Никогда не забуду, говорила она, этого перваго моего свиданія съ нимъ! Онъ лежалъ въ какой-то жалкой, пустой комнатѣ; видъ у него былъ больной и измученный. Онъ съ жадностью разспрашивалъ ее о томъ, что дѣлалось за стѣнами Кверетаро и пришелъ въ ужасное негодование, когда узналъ о диктаторскихъ замашкахъ Маркеца, который держалъ себя по-императорски и по своему усмотрѣнію раздавалъ ордена и чины.

Настоящаго понятія о своемъ положеніи онъ очевидно не имѣлъ. Иначе, говорить принцесса, онъ конечно раньше подумалъ бы о бѣгствѣ, которое впоследствии ни къ чему не повело, но въ это время могло бы спасти его.

Принцесса хлопотала о томъ, чтобы императора перевели на какую-нибудь частную квартиру, но республиканскія власти были рѣшительно противъ этого. Ему дали другое помѣщеніе, только не въ частномъ домѣ, а въ монастырѣ капуциновъ. Когда Максимиліанъ вошелъ туда и увидалъ комнату, которая ему предназначалась, онъ въ ужасѣ остановился на порогѣ.

— Не можетъ быть, чтобы это была моя комната! воскликнулъ онъ. Вѣдь это могильный склепъ!..

Это былъ дѣйствительно монастырскій склепъ, въ которомъ хоронили монаховъ.

Послали за справками къ ближайшему начальнику генералу Гонзалесу. Тотъ велѣлъ сказать, что именно эта комната ему и назначена и что пускай онъ тамъ переночуетъ хоть разъ: это напомнить ему о томъ, какой конецъ его ожидаетъ. Такимъ поступкомъ всѣ были возмущены. На другой же день дали знать объ этомъ Эскобедо, и тотъ велѣлъ перевести Максимиліана въ другое помѣщеніе.

Принцесса рѣшила, что надо дѣйствовать не теряя времени, и убѣдила императора въ томъ, чтобы онъ лично написалъ къ Хуаресу и просилъ его дать ему двѣ недѣли, чтобы вызвать изъ Мексики адвокатовъ, и взялась доставить это письмо въ собственныя руки президента.

Во второмъ часу ночи явилась она на квартиру къ Эскобедо, который на ея счастье еще не спалъ, просить, чтобы онъ отъ себя написалъ два слова президенту. Рѣшимость, съ какою она атаковала генераловъ, не стѣсняясь ни мѣстомъ, ни временемъ, видимо привела

ихъ къ убѣжденію, что отъ нея какъ отъ судьбы не уйдешь; отказы-
вать ей было бы бесполезно; можно было выслать ее изъ лагеря, но кто
поручился бы, что она на другой день не вернется. Поэтому они сочли
за лучшее исполнять всѣ ея просьбы и мстили ей только тѣмъ, что
при всякомъ удобномъ случаѣ старались сбить ее съ рукъ. Ей стоило
только заявить о своемъ желаніи выѣхать изъ лагеря, чтобы полу-
чить тотчасъ же массу рекомендательныхъ писемъ и не только пи-
семъ, но даже конвой и открытый листъ на получение почтовыхъ ло-
шадей. Такъ было и теперь! Не смотря на поздній часъ ночи, гене-
раль оказалъ ей всяческое содѣйствіе. Онъ отдалъ въ ея распоряже-
ніе единственный дилижансъ, ходившій между Кверетаро и Санъ-Луи,
чѣмъ и прекратилъ для публики по крайней мѣрѣ на 12 часовъ
сообщеніе между этими городами.

Прочитавъ письмо императора, Хуаресъ свазалъ, что по закону
судъ надъ нимъ долженъ быть конченъ въ три дня и что онъ въ
сожалѣнію не можетъ этого измѣнить. Принцесса черезъ переводчика
стала ему доказывать, что разстрѣлять человѣка, не давая ему даже
времени оправдаться, съ ихъ стороны будетъ варварствомъ; что нельзя
судить его за государственную измѣну, когда онъ самъ былъ обма-
нутъ и вѣрилъ тому, что народъ дѣйствительно призвалъ его, что
нѣсколько дней не могутъ составить для нихъ разницы и что нако-
нецъ они не должны забывать, что за ними слѣдить не только вся
Европа, но весь образованный міръ.

— Я прошу только объ одномъ, заключила она, чтобы вы отло-
жили свой отвѣтъ до вечера. Если въ 5 часовъ вы мнѣ повторите
то же, что и теперь, то я, какъ мнѣ это ни тяжело будетъ, ни слова
не говоря, уѣду.

Въ 5 часовъ она пришла за отвѣтомъ, и Хуаресъ черезъ переводчика
выслалъ ей бумагу, въ которой давалъ разрѣшеніе отложить на двѣ
недѣли судъ надъ Максимилианомъ.

Съ такимъ радостнымъ извѣстіемъ нельзя было ждать ни минуты.
Въ ту же ночь она поскакала назадъ. Ночь была темная и дождли-
вая. Дороги не видать, а дорога опасная; пришлось выйдти изъ эки-
пажа и идти пѣшкомъ. Сапоги промокли и камень рѣзалъ ноги че-
резъ тонкую подошву. Чтобы освѣтить дорогу, зажигали факелы, но
дождь лилъ какъ изъ ведра и гасилъ ихъ.

Принцесса вернулась въ Кверетаро въ ужасномъ видѣ. Немытая,
нечесанная, черная отъ загара, въ рваныхъ сапогахъ, съ израненными
ногами... Сцена ея внезапнаго появленія у Максимилиана была опи-
сана въ одной изъ современныхъ газетъ. Радостная вѣсть, принесен-
ная ею императору, была послѣднимъ лучемъ, блеснувшимъ ему въ
этой жизни.

XII.

Нерѣшительность Максимилиана. — Приѣздъ пословъ и адвокатовъ. — Баронъ Магнусъ. — Денежныя затрудненія. — Эпизодъ съ веселами. — Планы бѣгства. — Полковникъ Палаціосъ. — Переговоры съ нимъ.

Трагедія близилась къ развязкѣ.

Двѣ недѣли, которыя дали императору, чтобы собрать всѣ данныя для защиты, были слишкомъ небольшимъ срокомъ, но онъ и имъ не сѣмѣлъ воспользоваться. Сбитый съ толку совѣтами, которые ему давали со всѣхъ сторонъ, онъ вмѣсто защиты сталъ готовиться къ бѣгству, или вѣрнѣе, самъ не зная, на чемъ ему остановиться. Принцъ ему совѣтовалъ бѣжать, принцесса — защищаться.

Чтобы вывести его изъ этой нерѣшительности, она сама вызвалась сѣздить въ Мексико и привезти ему оттуда адвокатовъ. Но кромѣ адвокатовъ нужны были деньги, безъ этого никакіе планы бѣгства не могли быть приведены въ исполненіе. Всѣ денежныя дѣла императора были въ рукахъ прусскаго посла барона Магнуса, и принцесса брала на себя вмѣстѣ съ адвокатами привезти и барона. Словомъ, она являлась настоящимъ добрымъ гениемъ императора, который предоставилъ ей полную свободу дѣйствій. Ничего другаго онъ въ это время не въ состояніи былъ сдѣлать.

Все было готово къ ея отъѣзду, когда она встрѣтила неожиданное препятствіе въ планахъ мужа. Принцъ не оставлялъ мысли о бѣгствѣ: онъ даже назначилъ день для этого — 2 іюня, требовалъ, чтобы она до тѣхъ поръ отложила свой отъѣздъ; если его планъ удастся, поѣздка ея становилась ненужной. У мужа съ женой произошла бурная сцена въ присутствіи императора, кончившаяся однако тѣмъ, что принцесса уступила. Принцъ былъ кажется единственный человѣкъ, который могъ ее переупрямить. Но она была такъ увѣрена въ томъ, что всѣ его планы никуда не годятся и бѣгство не состоится, а время уйдетъ, что просила объ одномъ только, чтобы вмѣсто нея послали за адвокатами когонибудь другаго. Случилось, что въ это время ѣхалъ въ Мексико одинъ изъ знакомыхъ принца. Ему и поручили вызвать адвокатовъ.

2-го іюня пришла телеграмма, что адвокаты выѣхали и находятся уже на пути въ Кверетаро. Телеграмма пришла утромъ, а въ ночь рѣшено было бѣжать. Максимилианъ, которому мысль о бѣгствѣ всегда была противна, обрадовался случаю, чтобы отложить его до другаго раза. Принцъ былъ въ отчаяніи. Ему видимо надоѣло уже сидѣть тутъ какъ въ клѣткѣ; онъ только что задумалъ расправить крылья, какъ вдругъ ненавистная телеграмма все опять расстроила. Напрасно онъ умолялъ императора не терять ни минуты и не обольщать себя ложными надеждами. Максимилианъ на этотъ разъ выдержалъ характеръ.

Между тѣмъ всѣ эти неудавшіеся планы бѣгства, которые то составлялись, то отменялись, испортили дѣло. Одинъ изъ подкупленныхъ офицеровъ, которому имѣли неосторожность довѣрить двѣ тысячи долларовъ, съ этими деньгами неизвѣстно куда скрылся. Другой потребовалъ еще 500 долларовъ, въ противномъ случаѣ грозилъ донести.

Наконецъ пріѣхали адвокаты и вмѣстѣ съ ними чуть не цѣлый дипломатическій корпусъ: послы австрійскій, бельгійскій, прусскій и италіанскій... Прибытіе этихъ особъ, совершенно бесполезное для императора, было очень комично само по себѣ. Особенно смѣшенъ былъ своей траги-комической важностью прусскій посоль баронъ Магнусъ, соединявшій въ одной своей особѣ все величіе Бисмарка, Меттерниха, Талейрана и Ришелье. Тотчасъ же по пріѣздѣ онъ отправился къ Эскобедо и торжественно возвѣстилъ ему, что является къ нему въ качествѣ представителя Пруссіи, на что тотъ очень холодно отвѣтилъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до Пруссіи, которую его правительство не признаетъ; но что если барону угодно говорить съ нимъ, какъ частному лицу и личному другу Максимилиана, то онъ готовъ слушать его и даже доставить ему всѣ средства къ защитѣ подсудимаго.

Совершенно ослѣпленные важностью своего значенія, какъ представителей иностранныхъ державъ, послы никакъ не хотѣли вѣрить, чтобы императора могли разстрѣлять. Они забыли о томъ, что мексиканцы имѣли весьма смутныя понятія о величіи ихъ державъ, находившихся гдѣ-то тамъ за нѣсколько тысячъ верстъ, что всѣ эти Австріи, Пруссіи, Италіи и Бельгіи, вмѣстѣ взятая, гораздо меньше значили для нихъ, чѣмъ одно слово ихъ ближайшаго сосѣда, Соединенныхъ Штатовъ. А ближайшій сосѣдъ, какъ извѣстно, смотрѣлъ на дѣло Максимилиана нѣсколько иначе, чѣмъ эти великія, но далекія державы.

Когда барону сообщили о планахъ бѣгства, онъ объявилъ ихъ рѣшительнымъ вздоромъ. На всѣ доводы онъ отвѣчалъ двумя аргументами: 1) бѣгство не соотвѣтствуетъ царскому достоинству и 2) бѣжать всегда успѣется. О деньгахъ онъ не упоминалъ, какъ о предметѣ слишкомъ ничтожномъ. Вообще изъ его словъ можно было заключить, что въ случаѣ надобности въ деньгахъ недостатка не будетъ.

По городу разошлись слухи, что послы привезли съ собой чуть не миллионъ. Слухи эти дошли до Эскобедо и тотъ, зная хорошо слабость мексиканцевъ, принялъ мѣры, чтобы этотъ миллионъ ихъ не соблазнилъ и велѣлъ утроить число часовыхъ у тюрьмы. Кромѣ того отдалъ приказъ застрѣлить на мѣстѣ всякаго, кто вздумалъ бы бѣжать. До пріѣзда пословъ къ императору попасть было легко, но съ ихъ пріѣздомъ все измѣнилось: надо было каждый разъ просить особаго разрѣшенія.

Если баронъ Магнусъ больше напумѣлъ, чѣмъ надѣлалъ дѣла, то политика другихъ пословъ, австрійскаго и бельгійскаго, могла пока-

заться по меньшей мѣрѣ странной. „Въ интересахъ императора“ они ставнулись съ его врагами и отзывались о немъ какъ-то двусмысленно, а бельгійскій посоль даже прямо говорилъ, что республиканское правительство имѣетъ полное право разстрѣлять его. И такимъ-то людямъ довѣрялся Максимилианъ, полагаясь на ихъ обѣщанія, выслушивая ихъ совѣты. Вообще нужно замѣтить, что онъ въ рѣдкой степени обладалъ талантомъ окружать себя негодными людьми.

Къ словамъ принцессы онъ относился уже не съ прежнимъ довѣріемъ, а между тѣмъ она лучше чѣмъ кто нибудь знала, въ какомъ положеніи его дѣла. У нея вездѣ были знакомые и въ лагерѣ республиканцевъ ей говорили прямо, что Максимилиану только одно и остается—бѣжать! Пока была хоть малѣйшая надежда, она была противъ бѣгства, но теперь, когда другаго выхода не оставалось, она съ обичной своей энергіей схватила за эту мысль.

Прежде всего разумѣется представлялся вопросъ о томъ, кого подкупить. Ея правиломъ было начинать всегда съ высшихъ, а не съ низшихъ. Съ однимъ изъ высшихъ чиновъ дѣло у нихъ было уже улажено; оставался другой—смотритель тюрьмы полковникъ Палачіосъ. Деньги могли все сдѣлать, но именно ихъ-то у нея и не было. Она объяснила императору, что ей нужно сто тысячъ, что безъ этого нельзя рассчитывать на успѣхъ. Максимилианъ сказалъ, что это пустяки; что деньги послѣднее дѣло и баронъ достанетъ ихъ сколько угодно. Но барона въ городѣ не было, а время шло. Послали за другимъ барономъ, за австрійскимъ посломъ Лаго. Этотъ сначала былъ увѣренъ, что никакой опасности императору не грозитъ, но съ вѣкоторыхъ поръ сталъ думать, что эти каналы республиканцы способны разстрѣлять не только императора, но и его самого.

Денегъ онъ разумѣется не далъ. Только тутъ Максимилианъ понялъ, что дѣло это не такъ просто, какъ кажется и въ первый разъ пожалѣлъ, что потеряно столько дорогаго времени. Онъ рѣшилъ достать пока хоть 5 тысячъ золотомъ, чтобы роздать ихъ кому нужно. Но и этихъ денегъ достать не могъ, а выдалъ принцессѣ два векселя, каждый по сту тысячъ.

По поводу этихъ векселей она приводитъ интересный эпизодъ. Императоръ послалъ ихъ для бланковой надписи иностраннымъ посламъ. Но едва только вошли къ нимъ съ этимъ порученіемъ, какъ австрійскій посоль баронъ Лаго, потерявъ всякое чувство собственнаго достоинства, вскопчилъ, забѣгалъ по комнатѣ, ерошилъ себѣ волосы и кричалъ:

— Мы не можемъ дать своей подписи! Если мы это сдѣлаемъ, насъ всѣхъ повѣсятъ.

Другіе послы, хотя и не въ такихъ выраженіяхъ, но тоже отказались. Баронъ, не помня себя отъ страха, ибо его подпись на векселяхъ ужъ была, (императоръ заставилъ его подписаться при себѣ) — схватилъ ножницы и при всѣхъ отрѣзалъ ее.

Когда Максимилиану принесли назад изуродованный вексель и передали слова барона, что их всѣхъ повѣсятъ, если они подпишутся, онъ замѣтилъ съ негодованіемъ:

— Что за бѣда, еслибъ его и повѣсили! Свѣтъ потерялъ бы въ немъ немного.

Теперь предстоялъ самый важный шагъ, отъ котораго зависѣлъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятія: подкупить смотрителя тюрьмы полковника Палачіоса.

Съ нимъ еще принцесса ни разу не говорила и рѣшительно не знала, какъ онъ это приметъ. Она условилась съ однимъ изъ офицеровъ, что выйдетъ изъ тюрьмы около 8 часовъ и попроситъ полковника проводить ее до дому, гдѣ и задержать его часовъ до 10.

Послѣ обѣда она имѣла длинный разговоръ съ императоромъ, который рассказывалъ ей о своей семьѣ и о своихъ планахъ въ томъ случаѣ, если бы ему удалось вернуться въ Европу. Онъ много и съ любовью говорилъ ей о своей матери. Принцесса съ грустью слушала его; у нея было предчувствіе, что она видитъ его послѣдній разъ. Около 8 часовъ они простились. Онъ далъ ей свое кольцо съ тѣмъ, чтобы оно служило имъ условнымъ знакомъ. Если она вечеромъ пришлетъ его обратно, онъ будетъ знать, что все идетъ хорошо.

Съ тяжелымъ сердцемъ вышла она отъ него. Ей предстояла трудная задача: подкупить человѣка, въ рукахъ котораго была теперь судьба императора и подкупить его не деньгами, а ключомъ бумаги. Она знала, какъ недовѣрчиво смотреть мексиканецъ на всякій ключъ бумаги и какъ трудно убѣдить его въ томъ, что вексель тѣ же деньги.

Полковникъ Палачіосъ, индѣецъ по происхожденію, былъ человѣкъ безъ всякаго образованія, едва умѣвшій читать и писать. Онъ былъ храбрый солдатъ и умѣлъ заслужить довѣріе своего начальства. Но такъ какъ онъ былъ человѣкъ бѣдный и на плечахъ имѣлъ семью, жену и ребенка, котораго страстно любилъ, то принцесса не теряла надежды подкупить его.

Все шло хорошо. Онъ проводилъ ее до дому, она пригласила его войти. Тутъ она заговорила съ нимъ объ императорѣ, чтобы испытать его и узнать, есть ли надежда на успѣхъ. Онъ сказалъ, что былъ прежде сильно предубѣжденъ противъ него, но теперь, когда узналъ его поближе и увидалъ, съ какимъ достоинствомъ онъ переноситъ свое горе, не только симпатизируетъ, но даже любитъ его и удивляется ему.

Послѣ этого вступленія, продолжавшагося минутъ двадцать, она дрожащимъ голосомъ приступила къ дѣлу. Минута была рѣшительная! Вопросъ шелъ о жизни и смерти императора. Она сказала, что имѣетъ сообщить ему нѣчто такое, что крайне важно для нихъ обоихъ, но прежде проситъ его дать ей честное слово офицера и честнаго человѣка, что никогда никому онъ не заявитъ о томъ, что услы-

шить, даже и въ томъ случаѣ, еслибъ ея предложеніе не было имъ принято. Онъ поклался именемъ своей жены и ребенка, что все, что они будутъ говорить, останется между ними.

Тогда она сказала ему, что императоръ, какъ ей извѣстно, будетъ приговоренъ къ смерти и что его можетъ спасти только бѣгство; что все уже для этого готово, и онъ можетъ бѣжать въ эту же ночь, если только полковникъ согласится на 10 минутъ закрыть глаза. Она знаетъ, что онъ бѣдный человѣкъ, что у него есть семья и что будущность ея не обезпечена. Теперь представляется рѣдкій случай обезпечить себя на всю жизнь. У нея въ рукахъ вексель во сто тысячъ, которыя будутъ ему уплачены золотомъ австрійской императорской фамиліей. Кромѣ того она сейчасъ должна получить пять тысячъ наличными деньгами, которыя попроситъ его раздать солдатамъ. Услуга, которой они ждутъ отъ него, не есть измѣна отечеству, напротивъ, спасая императора, онъ оказываетъ услугу Мексикѣ: смерть Максимилиана вооружитъ противъ нихъ всю Европу; въ случаѣ же его бѣгства все успокоится и ни одна европейская держава не станетъ вѣшиваться въ ихъ дѣла. Много и долго она говорила ему. Онъ слушалъ внимательно и нѣсколько разъ мѣнялся въ лицѣ; видно было, что въ немъ происходитъ сильная внутренняя борьба.

Наконецъ заговорилъ и онъ. Положивъ руку на сердце, онъ повторилъ о своемъ участіи къ Максимилиану, согласился исполнѣ, что для блага его родины лучше, еслибъ онъ ушелъ отъ нихъ живъ и невредимъ, но просилъ ее принять въ соображеніе и то, что на такой важный шагъ онъ въ пять минутъ рѣшиться не можетъ.

Онъ взялъ у нея вексель и съ любопытствомъ разсматривалъ его. Она видѣла по его глазамъ, что онъ никакъ не можетъ понять, что-бы въ этомъ клочкѣ бумажки заключалось цѣлое состояніе. Кошелекъ съ золотомъ былъ бы несравненно убѣдительнѣе.

Послѣ долгаго и томительнаго молчанія онъ вернулъ ей вексель и сказалъ, что не можетъ принять его; впрочемъ обѣщавъ подумать и утромъ дать ей отвѣтъ. Принцесса показала ему кольцо, объяснила его значеніе и просила въ эту же ночь переслать его императору. Онъ взялъ его, надѣлъ себѣ на палецъ, но черезъ нѣсколько секундъ снялъ опять, извиняясь, что не можетъ его взять, что ему надо подумать... Вообще онъ какъ-то вдругъ спутался, заговорилъ о своей чести, о своей семьѣ.

— Я вижу, полковникъ, замѣтила она, что вы теперь разстроены. Подумайте!.. но помните, что вы дали мнѣ честное слово. Безъ васъ мы ничего не можемъ сдѣлать, а выдать меня было бы для васъ даже и бесполезно...

Около десяти часовъ полковникъ ушелъ. Она рѣшительно не знала, чего ей ждать: есть надежда или нѣтъ?

XIII.

Донось.—Объясненія принцессы съ Эскобедо и ея высмысла.—Послѣднее свиданіе съ Хуаресомъ.—Казнь императора.—Спекуляція трупомъ.—Два слова о характерѣ принцессы.—Заключеніе.

Подковникъ думалъ до 12 часовъ ночи. Потомъ онъ рѣшился, пошелъ къ Эскобедо и все ему отерпѣлъ.

Утромъ, когда принцесса проснулась, у ея дома стоялъ часовой. Ее потребовали въ главную квартиру. Въ приемной генерала всѣ смотрѣли на нее съ любопытствомъ, нѣкоторые съ участіемъ. Одинъ изъ офицеровъ подошелъ и шепнулъ ей:

— Все пропало!

Вышелъ наконецъ и самъ генералъ Эскобедо. Онъ былъ темнѣе ночи. Въжливо, но саркастически онъ замѣтилъ ей, что воздухъ въ Кверетаро не совсѣмъ здоровъ для нея; что у него есть къ ея услугамъ экипажъ и конвой и что ее доставятъ въ Санъ-Луи, гдѣ климатъ для нея будетъ гораздо полезнѣе. Она поблагодарила его за любезность и сказала, что ей и тутъ хорошо. Тогда, не владѣя собою, онъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ сталъ ей говорить о томъ, что она не понимаетъ простаго чувства приличія и благодарности и за все, что онъ для нея сдѣлалъ, отплатила тѣмъ, что стала подкупать его офицеровъ и надѣлала ему массу непріятностей.

— Все, что я сдѣлала, генералъ, замѣтила она, сдѣлали бы и вы на моемъ мѣстѣ.

— Мы не будемъ теперь входить въ эти тонкости, сударыня. Я желаю, чтобы вы сейчасъ же оставили Кверетаро.

— Но вы знаете, генералъ, что я теперь для васъ безопасна. Императоръ погибъ безвозвратно! Но съ нимъ мой мужъ, который тоже ждетъ своего приговора. Позвольте мнѣ остаться здѣсь. Заприте меня, поставьте часоваго къ моимъ дверямъ, но не гоните меня отсюда.

Эскобедо ничего и слышать не хотѣлъ. Онъ говорилъ, что послѣ всего, что она сдѣлала, ему остается ждать только одного, что она перерѣжетъ его офицеровъ. Она можетъ отправиться къ Хуаресу, если ей угодно, но здѣсь не останется; что впрочемъ она можетъ утѣшиться: иностранные послы точно такъ же получили приказаніе выѣхать.

— Увѣряю васъ, вступилась она,—что они даже и не знали о моихъ планахъ, да еслибъ и знали, то не имѣли бы храбрости помогать мнѣ.

— Я знаю это, замѣтилъ онъ съ презрѣніемъ.— Вотъ потому-то, что они такіе трусы, пускай и убираются! Двое ужъ впрочемъ убѣжали и даже вещей не успѣли съ собой захватить.

Распорядившись такимъ образомъ и выслая однихъ за трусость, другую за храбрость, генераль конечно не ожидалъ, что она въ тотъ же день сдѣлаетъ ему еще исторію.

Когда она вернулась домой, у крыльца стоялъ казенный экипажъ. Полагая, что ей дадутъ время переодѣться, она стала было подниматься по лѣстницѣ и уже отворила дверь, какъ вдругъ выросла передъ ней маленькая, но грозная фигурка капитана, который долженъ былъ ее конвоировать. Онъ захлопнулъ дверь и протянулъ руку, чтобы оттолкнуть ее. Это привело ее въ такое бѣшенство, что она моментально выхватила изъ-подъ платья револьверъ и, направивъ его въ грудь помертвѣвшему отъ страха капитану, крикнула:

— Только троньте меня пальцемъ я положу васъ на мѣстѣ!

И не выпуская револьвера, пошла наверхъ; капитанъ за ней. Чтобы отдѣлаться отъ него, она объявила, что одна не можетъ уложиться и чтобы онъ привелъ ей кого-нибудь. Бѣдный капитанъ былъ такъ озадаченъ, что ушелъ, ни слова не говоря, но черезъ полчаса вернулся съ конвоемъ. Онъ былъ въ главной квартирѣ, гдѣ ему дали гонгу и объявили, что если онъ сейчасъ же не отправитъ эту барыню, то его посадятъ подъ арестъ. Идти на нее въ одиночку онъ однако не рискнулъ и взялъ съ собой шесть человѣкъ конвойныхъ. Дорогой ему велѣно было завезти ее въ главную квартиру, но она выскочила изъ экипажа и объявила, что ни за какія деньги не пойдетъ туда, а если генералу нужно ее видѣть, то онъ можетъ самъ къ ней явиться.

Опять послали къ Эскобедо донести объ этомъ и спросить, какъ поступить.

На этотъ разъ генераль раскохотался и сказалъ, что пускай везутъ ее дальше, что онъ лучше готовъ выдержать натискъ цѣлаго неприятельскаго батальона, чѣмъ одной такой барыни.

Въ время принцесса была сильно возмущена противъ него, за то особенно, что онъ не далъ ей даже проститься съ мужемъ, но потомъ, когда гнѣвъ поутихъ, она должна была сознаться, что съ ней поступили еще слишкомъ милостиво. Эту снисходительность она объясняетъ себѣ тѣмъ, что въ Мексико на всякую попытку бѣгства смотрѣли вообще, какъ на вещь очень извинительную. Въ междоусобной войнѣ иначе и не могло быть: тамъ генералы то и дѣло брали другъ друга въ плѣнъ и еслибъ вздумали строго преслѣдовать бѣглецовъ, то создали бы опасные прецеденты для себя. Эскобедо самъ былъ разъ въ плѣну у Меджы и былъ приговоренъ къ разстрѣлянію, но Меджя не только помогъ ему бѣжать, а даже далъ денегъ на дорогу.

Хуаресъ, хотя и зналъ, почему была выслана принцесса, однако принялъ ее, какъ обыкновенно. Ей даже показалось, что онъ самъ былъ бы доволенъ, еслибы императору удалось бѣжать. Онъ объявилъ ей, что она будетъ жить въ Санъ-Луи подъ надзоромъ и успокоилъ ее насчетъ ея мужа, причемъ далъ ей слово, что если даже онъ и будетъ приговоренъ къ смерти, то приговоръ не будетъ приведенъ

въ исполненіе. Но относительно императора сказать, что его пѣсня спѣта: судъ приговорилъ его къ смерти и черезъ три дня его разстрѣляютъ. Во всякой дальнѣйшей отсрочкѣ онъ отказалъ наотрѣзъ, замѣтивъ, что его и такъ обвиняютъ въ томъ, что онъ умышленно старается продлить мученія императора, и называютъ его мстительнымъ, жестокимъ и кровожаднымъ индѣйцемъ.

Наступилъ послѣдній день жизни императора: на другое утро должна была совершиться казнь. Надежды принцессы почти совсѣмъ уже угасли, но печальный взглядъ Максимилиана, взглядъ до того симпатичный, что могъ тронуть на минуту даже черствое сердце смотрителя, и его блѣдное страдальческое лицо весь день не выходило у нея изъ головы. Она рѣшила сдѣлать еще одну послѣдню попытку и пошла вечеромъ къ Хуаресу.

Онъ самъ былъ блѣденъ и видимо страдалъ. Но на всѣ ея молебны отвѣчалъ, что помиловать его онъ не можетъ, а продлить его мученія, откладывая день казни, было бы жестоко. Это было его послѣднее слово. Принцесса поняла, что надежды нѣтъ, зарыдала, упала на колѣна и что-то говорила ему, но что — сама ужъ не помнила. Онъ хотѣлъ поднять ее, она схватилась за его колѣна и судорожно обнимала ихъ, повторяя, что не встанетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не обѣщаетъ помилованіе императору. Хуаресъ былъ видимо тронутъ, на глазахъ у него были слезы, но его голосъ, тихій и печальный, сохранялъ свою твердость.

— Мнѣ очень тяжело, сударыня, видѣть васъ на колѣняхъ. Но еслибъ всѣ короли и королевы Европы были тутъ на вашемъ мѣстѣ, то и тогда я не могъ бы пощадить его. Поймите же, что не я требую его смерти, а народъ и законы моей страны. Еслибъ я вздумалъ противиться, то его я этимъ не спасъ бы, а погубилъ бы себя.

Въ приемной собралось около двухсотъ дамъ, тоже явившихся просить за Максимилиана и за двухъ другихъ лицъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ: за Мирамона и Меджью. Онѣ были приняты и получили тотъ же отвѣтъ. Послѣ всѣхъ пришла жена Мирамона съ двумя маленькими дѣтьми. Принцесса не была свидѣтельницей этой сцены, но ей послѣ рассказывали, что это была сцена раздирающая душу, когда жена просила за мужа, а дѣти за отца. Хуаресъ ничего другаго не могъ ей сказать кромѣ того, что онъ самъ страдаетъ, что быть слѣпымъ орудіемъ судьбы страшно тяжело, и т. е. что говорить въ такихъ случаяхъ и что едва ли слышать тотъ, кому это говорится. Бѣдная женщина упала безъ чувствъ и ее на рукахъ вынесли изъ приемной.

На слѣдующій день послѣ обѣда пришла телеграмма о томъ, что казнь совершилась. Все было кончено...

Послѣднія минуты Максимилиана вдохнули въ него ту энергію, которой недоставало ему въ послѣдніе дни его жизни. Когда прочи-

тали ему приговоръ и дали позволеніе говорить, онъ громко и звучно сказалъ:

— Я умираю за правое дѣло: за независимость и свободу Мексики. Пусть моя кровь побѣдитъ навсегда несчастіе моего новаго отечества. Да здравствуетъ Мексика!..

Потомъ онъ знакомъ подозвалъ фельдфебеля, управлявшаго командой, которая должна была производить казнь, далъ ему горсть золота для раздачи солдатамъ и съ мольбой проговорилъ:

— Въ грудь! прицѣливайтесь въ сердце!.. прицѣливайтесь хорошенько!

Фельдфебель отошелъ на свое мѣсто и взглянулъ на Эскобедо, который лично присутствовалъ при совершеніи казни. Тотъ слегка вивнулъ головой. Стрѣлки выступили впередъ. Обнаженная шпага офицера поднялась, ружейные стволы наклонились, шпага поднялась снова. Выстрѣлы загремѣли, затрубили рога, забили дробь барабаны и надъ тремя трупами, валавшимися на землѣ, раздался дивій, торжествующій крикъ:

— Libertad y independencía!

Трупъ Максимилиана сдѣлался предметомъ спекуляціи со стороны врача, которому поручено было набальзамировать его. Онъ взялъ себѣ платье императора, бывшее на немъ въ день его казни, часть его волосъ, его бороды, и открылъ торговлю этими вещами. Онъ искалъ покупателя, который взялъ бы у него все оптомъ и просилъ за все 20 тысячъ кезо. Чтобы уличить его въ этой незаконной торговлѣ, принцесса попросила его составить инвентарь всѣмъ вещамъ и выставить имъ цѣну. Онъ предложилъ ей въ видѣ взятки нѣсколько волосъ изъ бороды императора и лоскутъ шелкового окровавленнаго шарфа; а мужу ея послалъ въ спирту кусочекъ императорскаго сердца и пулю, вынутую изъ его трупа.

На этотъ разъ онъ однако ошибся въ расчетѣ. Инвентарь былъ представленъ Хуаресу и доктора отдали подъ судъ за незаконное присвоеніе чужой собственности.

Трагедія кончилась. Главнаго лица не было въ живыхъ; остальные, какъ умѣли, донгивали свои роли.

Принцъ Сальмъ-Сальмъ былъ приговоренъ къ смерти, но Хуаресъ сдержалъ свое слово, и принцъ, иначе не называвшій его, какъ кроваваднымъ индѣйцемъ, былъ не только помилованъ, но и получилъ свободу, которою и воспользоваться, чтобы уѣхать въ Европу.

Послѣдній томъ записокъ принцессы не представляетъ особеннаго интереса: болѣе половины его посвящено ея личнымъ воспоминаніямъ, напр. ея отношеніямъ къ родитѣ и представленіямъ разнымъ коронованнымъ особамъ, а то, что относится къ Франко-Прусской войнѣ, не даетъ ничего такого, что не было бы уже извѣстно изъ разныхъ другихъ записокъ объ этой кампаніи. Скажемъ только, что въ эту

войну принцесса потеряла мужа, который былъ убитъ въ одномъ изъ первыхъ сраженій. Чтобы не сойти съ ума и хоть отчасти забыться, она искала спасенія въ трудѣ, и почти всю кампанію сдѣлала въ качествѣ сестры милосердія.

Каковы бы ни были недостатки принцессы, нельзя не сознаться, что она до конца остается одной изъ тѣхъ энергичныхъ натуръ, которыя нигдѣ не пропадутъ и во всякомъ положеніи сумѣютъ найтись. Все, что она дѣлаетъ, она дѣлаетъ съ энергіей; видъ препятствія раздражаетъ ее, все равно, будетъ ли это лошадь, которая задумала сбросить ее съ сѣдла, или генераль, который далъ себѣ слово выслать ее изъ лагеря. Ея преданность мужу и Максимилиану достаточно показывается, что гдѣ нужно было хлопотать за другаго, тамъ слово невозможно для нея не существовало. Когда не стало людей ей близкихъ, она пошла хлопотать за солдата, и изъ-за какойнибудь бутылки вина или лишней пары сапогъ готова была сваять за 20 верстѣ. Въ своей заботливости о раненыхъ она доходила до того, что могла даже украсть. Такъ она разъ украла съ кухни его величества прусскаго короля два ведра супу и самъ Вильгельмъ засталъ ее на дорогѣ съ поличнымъ. Какъ она ни пряталась, но должна была сознаться, что супъ взятъ изъ кухни его величества. Король, лично ее знавшій, только посмѣялся надъ этимъ. Никакія лишенія, никакой трудъ не пугалъ ее. Она съ одинакимъ усердіемъ вытирала губки, подавала ножи и хлороформировала солдата при ампутаціи и готовила ему обѣдъ въ лазаретной кухнѣ.

Въ бумагахъ покойнаго Максимилиана есть между прочими стихами его одно четверостишіе, которое невольно приходитъ на память, когда читаешь записки принцессы:

Klein ist, nur zu wollen
Was man eben Kann;
Was er will, zu können,
Macht den grossen Mann ¹⁾.

Странно встрѣтить эту похвалу характеру въ устахъ таковаго безхарактернаго человѣка, какимъ былъ Максимилианъ. Но нельзя не согласиться, что онъ былъ глубоко правъ и что это умѣнье хотѣть и все подчинять своей волѣ дѣлаетъ, если и не великихъ, то во всякомъ случаѣ энергичныхъ людей. И однимъ изъ нихъ была принцесса.

С. С.

¹⁾ Мало хотѣть возможнаго; великій человѣкъ тотъ, кто умѣетъ привести въ исполненіе все, что задумалъ.

ЗАПИСКИ ШНЕЙДЕРА ¹⁾

Послѣдніе томы записокъ.—Революція 18-го марта 1848 года.—Погребеніе Старой Пруссіи.—Тенденціозное умолчаніе автора о подробностяхъ революціи.—Искаженіе фактовъ.—Дни 18-го и 19-го марта.—Настроеніе народа.—Реакціонерыныя выходы Шнейдера.—Реакція въ ландверѣ.—Кошачьи серенады.—Сцены въ Гамбургскомъ театрѣ — Освистанный актеръ-авторъ навсегда покидаетъ сцену.—Походъ въ Шлезвигъ.—Какъ пишется исторія.—Чтець короля.—Характеристика Фридриха-Вильгельма IV.—Придворныя статьи.—Нибуръ и Гумбольдтъ.—Рашель въ Берлинѣ.—Поездка въ Варшаву.—Пѣвица-авантюристка.—Прусскій Мерзіусъ.—Французское четверостишіе.—Походъ 1866 года.—Шнейдеръ—чиновникъ и кавалеръ.—Анекдотъ о Тальмѣ и орденѣ.—Мнѣніе австрійскихъ крестьянъ о войнѣ съ Пруссіей.—Гичинъ.—Сраженіе при Кениггрецѣ.—Раненые на мельницѣ.—Миръ въ Никольсбургѣ.—Слухи о войнѣ съ Франціей.—Первыя сраженія 1870 года.—Сент - Авольдь.—Главная квартира въ Герни.—Военныя дѣйствія.—Характеристика Шнейдера и его записокъ.

II.

ПОСЛѢДНІЕ два тома „Записокъ Шнейдера“, вышедшіе уже вторымъ изданіемъ, для насъ еще менѣе интересны, чѣмъ первый томъ, изъ котораго мы привели болѣе замѣчательные эпизоды. Встрѣчаются подобныя эпизоды и въ двухъ лежащихъ передъ нами томахъ—и мы передадимъ извлеченіе изъ нихъ, замѣтивъ, что „Записки“ прежде всего страдаютъ непомерною растянутостью. Эта болтовня старика пронырливаго и низвопоклоннаго, хотя и не лишеннаго дарованія, но сисящагося во что бы то ни стало прослыть историческимъ дѣятелемъ,—по временамъ доходитъ до комизма. Это не мѣшаетъ ему однако мѣстами довольно ловко подмѣчать характеристическія черты своего времени и передавать въ бой-

¹⁾ См. № 1 „Историческаго Вѣстника“.

вомъ разсказѣ то, о чемъ онъ не считаетъ нужнымъ умолчать. Такія умалчиванія конечно неприятно встрѣчать въ книгѣ, претендующей на правдивость, но еще неприятнѣе—искаженная передача фактовъ, въ чемъ нерѣдко грѣшитъ авторъ. Мы постараемся однако въ нашемъ изложеніи представить факты эти въ ихъ настоящемъ значеніи и извлечемъ все, что болѣе интересно, изъ 830-ти страницъ убоистой печати.

Въ началѣ 1848 года, Шнейдеръ былъ режиссеромъ Королевскаго театра въ Берлинѣ. Дворъ Фридриха-Вильгельма IV и не помышлялъ о революціи, готовой вспыхнуть даже въ мирной и апатической Пруссіи. Придворные забавлялись разыгрываніемъ любительскихъ спектаклей съ благотворительною цѣлью. Генриетта Зонтагъ ишла во дворцѣ передъ избранною публикой не въ качествѣ оперной примадонны, а въ званіи графини Росси. Король замѣтилъ при представленіи драмы „Колумбъ“, что придворные стояли въ шляпахъ передъ испанскимъ королемъ, и отдалъ высочайшее повелѣніе, чтобы они являлись не иначе, какъ съ обнаженными головами въ присутствіи его величества. Режиссеръ не нашелся или не посмѣлъ замѣтить, что одна изъ привилегій испанскихъ грандовъ состояла именно въ томъ, чтобы не снимать шляпы передъ королемъ. Театры въ это время собирали уже очень немногочисленную публику. Съ 6-го марта начались на улицахъ народныя сходки, а 13 числа вся публика вышла изъ театра, услышавъ на улицѣ выстрѣлъ. Въ кофейняхъ и ресторанахъ съ жадностью читались газеты, приносившія извѣстія изъ Франціи; толковали громко о необходимости войти въ сношенія съ революціонерами. 17-го марта генераль-интендантъ Кюстверъ, завѣдывавшій театрами, получилъ приказаніе собрать все находившееся въ театральныхъ гардеробахъ оружіе и отвезти его въ казенные склады, а у пистолетовъ, необходимыхъ для представлений, сняты были курки, что конечно заставляло смѣяться актеровъ, особенно когда въ балетѣ „Павель и Виргинія“, данномъ въ этотъ вечеръ, запрещено было стрѣлять, хотя это было необходимо по ходу пьесы. На другое утро, въ то время, когда на сценѣ шла репетиція комедіи Коцебу, получены были извѣстія о сценахъ передъ королевскимъ дворцомъ, о прибытіи депутаціи отъ Рейнской провинціи, угрожавшей отрѣшиться отъ королевства, объ отставкѣ всѣхъ министровъ, о королевской прокламаціи, установлявшей свободу печати и общающей конституцію. „Все вокругъ радовалось и ликовало, одинъ я былъ глубоко огорченъ“, наивно прибавляетъ Шнейдеръ—и, несмотря на это, все-таки пошелъ на площадь ко дворцу, гдѣ раздавались восторженные крики громадной массы народа. Съ нимъ встрѣтился одинъ изъ его пріятелей, который, видя его недовольную мину, спросилъ, неужели онъ не радъ тому, что король согласился на всѣ „разумныя“ желанія народа.—„Нѣтъ“ отвѣчалъ Шнейдеръ.—„Въ такомъ случаѣ вы

конечно единственный человекъ въ Берлинѣ, который этому не радуется.— „Скоро наступитъ время, когда я буду не одинъ. Желаю, чтобы вы не раскаялись въ вашей радости. Старая Пруссія сегодня погребена“.

Съ такими чувствами встрѣтилъ этотъ актеръ-солдатъ революцію, въ которой онъ ничего не понималъ и о которой отзывался съ жолчью, замѣчая только ея дурныя стороны. Ни о причинахъ, ни о ходѣ событій въ возстаніе 18-го марта онъ не говоритъ ничего, а сообщаетъ только, какъ въ этотъ день около обѣда онъ узналъ о схваткѣ народа съ кавалеріей на дворцовой площади, а въ 5 часовъ услышалъ первый пушечный выстрѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ, при трескѣ ружейныхъ залповъ и громѣ пушекъ, одинъ изъ актеровъ принесъ ему извѣстіе, что по городу воздвигнуты баррикады, войска дерутся съ народомъ и театры закрыты. Извѣстіемъ, что выстрѣлы раздавались всю ночь, Шнейдеръ заключаетъ рассказъ объ этомъ памятномъ днѣ и прибавляетъ только, что на другое утро онъ узналъ о побѣдѣ народа и отступленіи войскъ изъ Берлина.

И это все, что свидѣтель революціи нашелъ сказать о ней. Онъ не упомянулъ ни слова о прежнихъ обѣщаніяхъ короля, никогда не исполнявшихся, о томъ что конституція была дана еще раньше 1848 г., но въ такой формѣ, что могла быть взята обратно во всякое время и не могла осуществиться, что доказывалъ докторъ Симонъ въ брошюрѣ „Принять или отказаться?“ совѣтуя народу отвергнуть этотъ подарокъ, въ которомъ не было даже намека на главныя основы всякой конституціи: свободу печати, гласный судъ и отвѣтственность министровъ. Первая изъ этихъ основъ была обѣщана вовсе не 18-го марта, какъ говоритъ Шнейдеръ, а 7-го, когда король, испуганный все увеличивавшимся народнымъ движеніемъ, рѣшился наконецъ на уступки. Требования Рейнской провинціи о введеніи представительной системы заявлены были также раньше 18-го марта. 13-го король запретилъ сходки въ Берлинѣ, дѣлавшіяся все шумнѣе. Его не послушали. Тогда прибѣгли къ военной силѣ, разогнавшей народъ, уже начавшій строить баррикаду. Король ободрился, обѣщавъ созвать ландтагъ, но прошелъ назначенный для того срокъ, и обѣщаніе не было исполнено; напротивъ, заговорили о необходимости предварительнаго конгресса для введенія новой конституціи. Это уже походило на насмѣшку. Уличные беспорядки сдѣлались чаще и сильнѣе. Тогда король призвалъ въ Берлинъ расположенныя вокругъ города войска и поставилъ пушки вокругъ своего дворца, говоря, что и онъ тоже хочетъ пользоваться свободой, какъ и его народъ. Когда 18-го марта огромная толпа отправилась ко дворцу узнать, приняты ли требованія Рейнской провинціи, отвѣта не давали такъ долго, что это еще болѣе раздражило народъ. Но когда вслѣдъ за объявленіемъ герольда о согласіи короля, онъ самъ вышелъ на балконъ, его встрѣтили громкими криками радости. Только нѣкоторые голоса потребовали смѣны всѣхъ министровъ.

Они растерялись и послали къ народу либерала Арнима вести переговоры. Только-что они начались, какъ изъ дворца по народу сдѣланы были два выстрѣла. Кто сдѣлалъ ихъ—это и до сихъ поръ неизвѣстно, но несмотря на это и на сильное возбужденіе толпы, она разошлась бы спойно, если бы вслѣдъ затѣмъ королевская гвардія, услыша эти выстрѣлы, не принялась въ свою очередь стрѣлать въ упоръ въ густыя народныя массы. Онѣ разбѣжались съ криками ярости и мщени за предательское нападеніе войскъ на безоружныхъ. Начались ужасныя сцены: вездѣ взламывали мостовую, строили баррикады, вооружались чѣмъ попаало, дрались съ отчаяніемъ, съ остерепеніемъ. Войска всю ночь стрѣляли въ своихъ согражданъ, близкихъ родныхъ; тѣ изъ-за баррикадъ подползали къ передовымъ рядамъ солдатъ, рѣзались съ ними лицомъ къ лицу, душили ихъ. Съ крышъ, изъ оконъ домовъ, женщины, даже дѣти, бросали въ солдатъ камни, мебель, что попадало подъ руку. Начальники войскъ, обѣщавшіе къ утру подавить возстаніе, поощряли ихъ къ убійству. Нѣсколько разъ казалось, что хорошо вооруженная, дисциплинированная сила одержитъ верхъ, но возставшіе не ослабѣвали и дрались всю ночь съ дикою энергіею, и сорокатысячная армія отступила передъ защитниками народныхъ правъ. На другое утро король обратился съ прокламаціей „къ возлюбленнымъ берлинцамъ“, увѣряя ихъ въ „своей отеческой любви“. Но словамъ уже не вѣрили: министры, поддерживавшіе абсолютизмъ, были смѣнены, войска удалены изъ Берлина, народъ получилъ право носить оружіе, всѣ политическіе преступники были выпущены на свободу. Страшныя картины возстанія завершились потрясающею сценою: трупы убитыхъ гражданъ были принесены ко дворцу въ гробахъ, усѣянныхъ цвѣтами. Народъ требовалъ короля; тотъ вышелъ съ королевой на балконъ, но его попросили сойти на площадь и онъ заплакалъ, увидя себя въ кругу гробовъ. „Снимите шляпу!“ раздался голосъ изъ толпы, и король снялъ ее. Цвѣты были сняты съ труповъ, покрытыхъ ужасными ранами. „Это ваша работа!“ раздался снова голосъ, и толпа повторила этотъ крикъ. Король едва устоялъ на ногахъ отъ волненія, королева упала въ обморокъ.

Ничего подобнаго этимъ историческимъ фактамъ не описываетъ Шнейдеръ, умолчавшій обо всѣхъ главныхъ событіяхъ революціи, умышленно перепутавшій и исказившій ихъ. Можно ли послѣ этого вѣрить тому, что онъ говоритъ о происшествіяхъ, не подрѣзанныхъ свидѣтельствомъ исторіи? Ему еще можно вѣрить, когда онъ говоритъ о случаяхъ своей жизни, да и тутъ онъ многое прикрашиваетъ и становится на ходули, желая придать себѣ большее значеніе. Когда же дѣло коснется до оцѣнки другихъ лицъ и событій, на него нельзя ни въ чемъ положиться. Хорошо еще, что онъ говоритъ больше всего о самомъ себѣ — и мы передадимъ вкратцѣ все, что съ нимъ случилось въ 1848 и слѣдующихъ годахъ.

На другой день революціи, въ театрѣ данъ былъ ревіемъ Мо-

царта, въ честь убитыхъ гражданъ и „Наванъ мудрецъ“, въ пользу раненыхъ и сиротъ. Шнейдеръ подсмѣивается надъ сборами по ресторанахъ „для раненыхъ борцовъ за свободу“ и надъ развѣвавшимися вездѣ черно-красно-желтыми знаменами. Съ афишъ исчезли названія королевскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ королевской капеллы, королевскаго хора и осталось только одно названіе Королевскаго театра. На послѣднемъ настоялъ Шнейдеръ, и ставитъ это себѣ въ особенную заслугу, приводя даже афишу въ томъ видѣ, какъ ее хотѣли напечатать и такъ, какъ она явилась. Въ комедіи Лессинга, по требованію народа, всѣ дѣйствующія лица должны были на свои костюмы принять національную кокарду. То же конечно было и при исполненіи режіема. Авторъ съ горечью замѣчаетъ, что въ день похоронъ „народныхъ бойцовъ“ всѣ актеры шли за погребальной процесіей, и вечеромъ театры были закрыты, а когда хоронили убитыхъ солдатъ, за гробами ихъ шелъ только онъ одинъ, и вечеромъ были обыкновенные спектакли. Еще съ большей горечью рассказываетъ онъ, какъ, не желая носить національную кокарду, онъ отвѣтилъ однажды на улицѣ отказомъ продавцу такихъ кокардъ и получилъ отъ него за это двѣ такія пощечины, что едва не оглохъ. „Дальше однако дѣло не пошло“, прибавляетъ онъ наивно и сознается только, что его немного помяла собравшаяся толпа и вытолкнула въ сосѣднюю улицу. Въ началѣ апрѣля онъ уѣхалъ впрочемъ на три недѣли въ Данцигъ, играть на тамошнемъ театрѣ и потому не видалъ того, что дѣлалось въ это время въ Берлинѣ.

Онъ не оставилъ однако, и по возвращеніи въ столицу, своихъ реакціонерныхъ выходовъ и однажды, при извѣстіи о побѣдѣ Прусской арміи въ Шлезвигѣ, задумалъ заявить объ этомъ со сцены въ самыхъ низкопоклонныхъ выраженіяхъ. Конечно, Кюстнеръ запретилъ ему впредь дѣлать подобныя манифестаціи и поэтому Шнейдеръ очень дурно отзывается о начальникѣ театральнаго управленія. Его впрочемъ не любила и публика, за то, что онъ составлялъ репертуаръ, не согласный съ современными требованіями. Но гораздо сильнѣе авторъ началъ противодѣйствовать настроенію минуты не какъ актеръ, а какъ солдатъ берлинскаго ландвера, принимавшаго участіе въ возстаніи 18 марта. На сходкахъ полковъ этого ландвера было положено обратиться къ правительству съ слѣдующими требованіями: предоставить ландверу выборъ своихъ офицеровъ, отмѣнить обращеніе къ солдатамъ со словами: „ты“ и „онъ“; заботиться о женахъ и дѣтяхъ призванныхъ на службу частей ландвера, также какъ о раненыхъ и больныхъ членахъ, наконецъ исполнять обязанности военной службы, только когда линейныя войска уходятъ въ походъ. Противъ такихъ „возмутительныхъ“ требованій Шнейдеръ возсталъ изо всѣхъ силъ и началъ подбирать соумышленниковъ, чтобы помѣшать осуществленію этихъ требованій. На сходкахъ и переговорахъ по этимъ пунктамъ онъ сталъ произносить такія рѣчи, что возбудилъ противъ себя всѣхъ

демократовъ. За то, по его увѣренію, весь ландверъ принялъ его сторону, но противники грозили отплатить ему и дали вечеромъ, подъ окнами его дома, копячую серенаду. Послѣ продолжавшагося съ четверть часа рева, свиста, мауванья огромной массы людей, колоотившихъ въ тазы и кастрюли, громкій голосъ произнесъ среди наставшей вдругъ тишины слѣдующій приговоръ:

„Скомороху, пѣвцу и танцору Шнейдеру вздумалось подговаривать ландверъ вернуть изгнаннаго народнымъ правосудіемъ принца Прусскаго и унижать достославные дни 18 и 19 марта. За это онъ подлежитъ народному мщенію и ему устраивается громовый „regeat“.

Затѣмъ опять началась невообразимый вой и трескъ и черезъ нѣсколько минутъ толпа отправилась къ дому министра Кампгаузена, котораго угостила точно такимъ же концертомъ. „Это было нѣчто новое въ то время, прибавляетъ Шнейдеръ, и я очень испугался“. Серенаду эту дали ему члены демократическаго клуба и союза рабочихъ и легко могли повторить ее въ театрѣ. Поэтому Шнейдеръ сказался больнымъ и не появлялся на сценѣ. Тогда и на слѣдующій вечеръ ему устроили такую же музыку. Товарищи его по ландверу сочли долгомъ вступить за сослуживца и явились на третій день подъ его окна, съ цѣлью помѣшать народной демонстраціи. Демократы не рѣшились вступить въ борьбу съ ландверомъ и воздержались на этотъ разъ отъ концерта, но дали его въ слѣдующій вечеръ. Столеновенія грозили разразиться съ новою силою, и Шнейдеръ съелъ благоразумнымъ уѣхать изъ города на дачу, потомъ отправиться въ Гамбургъ, гдѣ онъ собирался быть только въ концѣ лѣта и сыграть нѣсколько гастролей. Но и въ вольномъ городѣ ждали его еще большія неприятности, чѣмъ въ Берлинѣ. Въ первое же представленіе его встрѣтили въ театрѣ громкими свистами, и хотя полиція принудила свиставшихъ оставить залу, но шумъ въ партерѣ и галлерейхъ мѣшалъ спектаклю. Свистки продолжались и въ слѣдующій вечеръ. Стали говорить, что свободныхъ гамбургскихъ гражданъ бьютъ и выгоняютъ изъ театра изъ-за отъявленнаго реакціонера и прихвостня всякихъ властей. Неудовольствіе противъ Шнейдера росло съ каждымъ днемъ, и онъ убѣдился, что ему невозможно будетъ появиться на сценѣ ни въ Гамбургѣ, ни въ какомъ либо другомъ городѣ Германіи. Освистанный актеръ вздумалъ объясниться съ публикой и спросилъ, что значить и откуда происходитъ ея неудовольствіе?

— Ваше пострѣдное поведеніе въ Берлинѣ по отношенію къ народной свободѣ возмущаетъ здѣсь всѣхъ свободомыслящихъ людей,— отвѣчали ему изъ партера. Шнейдеръ просилъ точнѣе формулировать обвиненіе.

— Вы подговорили ландверъ призвать обратно принца Прусскаго и дѣйствовать вмѣстѣ съ нимъ противъ благородныхъ берлинскихъ демократовъ, нашихъ братьевъ, былъ отвѣтъ.

Шнейдеръ принялся толковать о своей благонамѣренности, о па-

триотизмъ о томъ, что „ландверъ не имѣлъ права призывать обратно въ Берлинъ его королевское высочество и что это сдѣлать его величество король потому, что министры просили объ этомъ его величество короля, а такъ какъ августѣйшій братъ“...

Но тутъ его прервали въ волнуемомъ партерѣ словами:

— Оставьте августѣйшихъ братьевъ и всякія титулованія. Мы не признаемъ ихъ въ Гамбургѣ.

Актеръ началъ объяснять, что онъ пруссакъ, и что вѣрному слугѣ короля нельзя иначе выражаться. Его опять прервали въ партерѣ.

— Вы поносили сражавшихся на баррикадахъ и осмѣлились позорить славные дни 18 и 19 марта.

Шнейдеръ отвѣчалъ, что это ложь, что онъ не бранилъ и не позорилъ никого, но что онъ думаетъ о нихъ — въ этомъ никто не имѣетъ права требовать у него отчета. „Нѣтъ никакого основанія свистать мнѣ въ Гамбургѣ, какъ актеру, за то, что я въ Берлинѣ исполнилъ свой долгъ, какъ солдатъ ландвера“. Затѣмъ онъ объявилъ, что онъ роялистъ и консерваторъ, хотя никто не спрашивалъ его объ этомъ, и что въ этотъ вечеръ онъ выходилъ въ послѣдній разъ на театральные подмостки. Онъ прибавилъ, что если кто пожелаетъ лично обратиться къ нему съ какими-нибудь требованіями, то можетъ найти его по данному адресу. Окончивъ свою рѣчь, онъ заявилъ, что для массы безпристрастной публики обязанъ кончить представленіе — и продолжалъ играть свою роль. Неудовлетворенныя его объясненіями вышли изъ залы и стали говорить толпѣ, собравшейся воеругъ театра, что Шнейдеръ оскорбилъ гражданъ Гамбурга. Тогда съ театрѣ, въ антрактѣ пьесы, ворвалась разъяренная масса, требуя наказанія дерзкаго. Ее едва могли успокоить увѣреніями, что Шнейдеръ, окончивъ свою роль, уже ушелъ изъ театра. Толпа вернулась на площадь, но не довѣряя директору театра, многіе заняли всѣ выходы зданія, чтобы въ случаѣ появленія ненавистнаго имъ актера раздѣлаться съ нимъ по своему. Въ это время режиссеръ провелъ его изъ уборной по машинному отдѣленію и декорационной залѣ въ небольшую каморку подъ листрою, гдѣ онъ и просидѣлъ до поздней ночи. Главная масса народа ушла съ площади, распѣвая марсельезу и сожгла ближайшую гауптвахту, а Шнейдеръ, перебравшись черезъ окно въ квартиру директора, могъ наконецъ незамѣченный вернуться къ себѣ на квартиру.

Видя, что опасность угрожаетъ ему всюду, онъ рѣшился отправиться въ Шлезвигъ, гдѣ тогда огромная нѣмецкая армія напала на малочисленныхъ датчанъ, подъ предлогомъ возвращенія Шлезвиг-Гольштинскаго герцогства подъ власть германскаго отечества. Понимая, что ему не быть больше актеромъ и не рассчитывая на то, чтобы остаться писателемъ или учителемъ, онъ въ то же время не хотѣлъ принять прямого участія въ войнѣ, въ качествѣ унтеръ-офицера ландвера или волонтера, а полагалъ примазаться къ какому-

нибудь начальнику отряда, для описыванія его подвиговъ и полученія за это всякой благодѣтели. Но и Шлезвигская кампанія представлена имъ также неудовлетворительно, неясно, отрывочно, какъ и Берлинская революція. Ни о ходѣ военныхъ дѣйствій, ни о ихъ результатахъ ничего не узнаешь изъ его записокъ; онъ расхваливаетъ въ нихъ только разныхъ генераловъ, въ родѣ Боина, Врангеля и др., удивляется, что нѣкоторые волонтеры осмѣливались дурно отзываться о Пруссіи, ея арміи и королѣ, а одна рота носила даже красныя банты съ надписью: „свобода, равенство, братство“. Очень наивно, между прочимъ, сознаніе самого автора, рассказавшаго въ своемъ журналѣ „Другъ солдатъ“, что храбрый генералъ Врангель разбивалъ вездѣ непріятеля съ крикомъ: „Drauf!“, какъ Блюхеръ съ своимъ: „Vorwärts!“, между тѣмъ, въ „Запискахъ“ Шнейдеръ сознается, что Врангель и не думалъ произносить этого восклицанія и въ то время, когда „Другъ солдатъ“ восхвалялъ его подвигъ, еще не участвовавши въ одномъ сраженіи. *Et voilà comme on écrit l'histoire!* можно было бы прибавить, еслибы въ одной только Пруссіи составлялись подобныя реляціи.

Шнейдеръ, слѣдя за Прусскою арміею, принималъ участіе въ одномъ сраженіи при Гадерслебенѣ — лежа во рву, поверхъ котораго летали пули и двѣ изъ нихъ, какъ онъ увѣраетъ, впились въ землю въ двухъ вершкахъ отъ него. Изъ Шлезвига привезъ онъ описаніе похода, читалъ его разнымъ генераламъ и принцамъ и былъ призванъ къ королю, хотѣвшему также послушать рассказы о походахъ своей арміи. Цѣлая глава посвящена описанію свиданій и бесѣдъ съ королемъ, большею частью совершенно ничтожныхъ, но которымъ авторъ придаетъ огромное значеніе. Характеристика Фридриха Вильгельма IV также очень блѣдна въ этихъ описаніяхъ, хотя отзывы о немъ полны самой низкопоклонной лести. „Король не любилъ театра и смотрѣлъ съ одинаковымъ вниманіемъ, но безъ малѣйшаго участія къ пьесѣ и „Ифигенію“ Гёте и глупѣйшіе фарсы. Нѣсколько большій интересъ возбуждали въ немъ такія рѣдкости (*Kuriositäten*), какъ „Коть въ сапогахъ“, „Синяя борода“, „Геоолія“ (это сопоставленіе пьесъ дѣлаетъ честь эстетическому вкусу Шнейдера) или фантастическія пьесы въ родѣ „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ (какъ будто драма Шекспира замѣчательна однимъ фантастическимъ элементомъ!) Между тѣмъ, познанія короля были, по увѣренію Шнейдера, изумительныя, энциклопедическія. Въ 1855 году, по случаю празднованія королемъ пятидесятилѣтняго юбилея своей военной службы, Шнейдеръ написалъ объ этомъ статью для своего журнала, которую цензуровалъ самъ король и возвратилъ автору „съ незначительными поправками“ и съ замѣчаніемъ, что его напрасно изобразили солдатомъ. Когда-же Шнейдеръ объявилъ, что составляетъ большую біографію короля, тотъ селъ ему съ серьезнымъ выраженіемъ:

— Не дѣлайте этого, Шнейдеръ. Вы слишкомъ расположены ко

мнѣ и не можете быть справедливы. Вамъ не повѣрять. Исторія никогда не проститъ мнѣ, что я перваго, осмѣливагося возстать противъ меня и протянувшаго руку къ моей коронѣ—не повергнулъ на землю и не поразилъ мечемъ, вѣрнымъ мнѣ Всемогущимъ.

— Исторія скажетъ, что вы поступили какъ человекъ.

— Правда, но она не признаетъ, что я дѣйствовалъ какъ король. Нѣтъ! оставьте другимъ невеселую обязанность быть справедливымъ. Общайте, что вы не будете писать обо мнѣ даже послѣ моей смерти. Я требую строгаго приговора, а вы слишкомъ мягки ко мнѣ.

Авторъ говоритъ, что онъ съ печалью въ сердцѣ покорился желанію короля. Вскорѣ затѣмъ при дворѣ зашла рѣчь о составленіи такъ-называемыхъ „придворныхъ статей“ для официального и другихъ журналовъ. Статьи эти составлялись обыкновенно дежурными флигель-адъютантами и разсылались во всѣ газеты, но писались очень холодно, какъ все официальное. Поэтому задумали сдѣлать ихъ болѣе интересными для публики, придать имъ болѣе жизни и поручить составленіе подобныхъ статей Шнейдеру, который понималъ, однако, что подобными статьями никто не останется доволенъ, а самъ онъ утратить свободу — имѣть собственное мнѣніе. Когда-же король предложилъ ему заняться составленіемъ подобныхъ статей, Шнейдеръ согласился съ условіемъ, чтобы король самъ всякій вечеръ просматривалъ такія статьи. Тотъ отвѣчалъ, что это можно дѣлать по временамъ, но взять на себя ежедневную обязанность въ этомъ случаѣ—все равно, что писать самому. Шнейдеръ настаивалъ, однако, на томъ, что только одинъ король можетъ быть судьей въ этомъ случаѣ—все сообщать публикѣ и о чемъ умолчать. „Сегодня, напримѣръ, послѣ обѣда, пояснилъ онъ, генераль Радовицъ пробылъ съ часъ въ рабочемъ кабинетѣ короля. Если завтра министръ Мантейфель прочтетъ въ газетахъ объ этой продолжительной бесѣдѣ, онъ будетъ сильно беспокоиться, а публика, считающая Радовица его преемникомъ, выведетъ изъ этого свои заключенія. Какъ же могу я узнать, угодно будетъ или нѣтъ сообщить объ этой аудіенціи?“

Король не отвѣчалъ ничего, и о „придворныхъ статьяхъ“ не было больше рѣчи.

Шнейдеръ съ гордостью замѣчаетъ, что во время своей десятилѣтней службы при королѣ въ званіи чтеца, онъ получилъ въ подарокъ всего одну лампу, но въ то же время удивляется, что въ праздникъ Пасхи не получилъ фарфороваго яйца, тогда какъ кабинетъ-совѣтнику Нибуру дано было два. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что состоялъ на службѣ, а Нибуръ былъ въ числѣ приглашаемыхъ гостей. О знаменитомъ историкѣ, объ Александрѣ Гумбольдтѣ, о Людвигѣ Тибѣ, съ которыми онъ встрѣчался на королевскихъ вечерахъ, Шнейдеръ не сообщаетъ ничего интереснаго и говоритъ только, что одинъ Нибуръ осмѣливался иногда противорѣчить всезнающему Гумбольдту и поправлять его промахи по исторіи замѣчаніемъ: „это не

такъ, ваше сіятельство“. Гумбольдта авторъ называетъ чловѣкомъ двуличнымъ за то, что послѣ его смерти, въ его запискахъ и письмахъ, найдены были весьма нелестныя сужденія о лицахъ, которыхъ онъ при жизни называлъ своими друзьями. Такъ въ письмѣ къ Тику, приводимомъ въ запискахъ, Гумбольдтъ подсмѣивается и надъ „жалкимъ паэосомъ и театрално-историческими фарсами патриотическаго и военнаго комедіанта Шнейдера“, чего тотъ конечно не можетъ простить автору „Космоса“ и, въ утѣшеніе себѣ, прибавляетъ только что и Тика Гумбольдтъ называлъ „старымъ дуракомъ“. Шнейдеръ старается увѣрить, что Гумбольдтъ не любилъ его за то, что король предпочиталъ чтеніе актера разсказамъ знаменитаго ученаго, и какъ доказательство его недалекновидности говорить, что Гумбольдтъ называлъ Луи Наполеона, которому удивлялась вся Европа: un imbécile, un rien, une incapacité consommée. Мнѣнія этого не раздѣлялъ и король, замѣтившій ученому: „въ этомъ вы не знаете толка, Гумбольдтъ!“

Шнейдеръ горячо защищаетъ Фридриха Вильгельма IV отъ всѣхъ возводимыхъ на него обвиненій. Такъ онъ говоритъ, что „король былъ чрезвычайно умѣренъ въ питъѣ и если при торжественныхъ случаяхъ и въ праздники казался въ легкомъ возбужденномъ состояніи, то скорѣе отъ рѣчей, чѣмъ отъ вина. Онъ имѣлъ привычку выпивать залпомъ стаканъ шампанскаго и потому казалось, что онъ пьетъ много и охотно“. Какъ королевскій чтець, Шнейдеръ видѣлъ его каждую субботу, вечеромъ, за чаемъ и за ужиномъ, и свидѣтельствуешь о его воздержности. Но гораздо болѣе распространяется онъ о своемъ умѣнии читать и о самыхъ мелочныхъ и вовсе неинтересныхъ подробностяхъ этихъ чтеній. Кто гдѣ сидѣлъ, гдѣ стояли свѣчи, въ которомъ часу чтенія начинались и оканчивались—все это могло быть интересно для автора, но не для публики. Изрѣдка только попадаются любопытныя замѣчанія въ родѣ сдѣланнаго женою генерала Рауха послѣ ужина: „не правда ли, г. Шнейдеръ, вы теперь уже не можете выйти на сцену послѣ того, какъ сидѣли за столомъ съ ихъ величествами?—„Хоть я и давно уже рѣшился оставить навсегда званіе актера, прибавляетъ онъ при этомъ случаѣ, но меня все-таки удивило, что именно эта причина не позволяетъ мнѣ играть на сценѣ“. Чтенія прекратились только съ болѣзнию короля, который сначала сталъ плохо понимать, что читаютъ, потомъ забывать слова, пока дошелъ до совершеннаго умственнаго расслабленія. Предметомъ чтенія выбирались преимущественно легкія произведенія, беллетрическаго и историческаго содержанія.

Пребыванію Рашели въ Берлинѣ въ 1850 и 1852 годахъ авторъ посвящаетъ отдѣльную главу, но не представляетъ въ ней оцѣнку таланта знаменитой артистки, и рассказываетъ только о ней малоинтересныя анекдоты, останавливаясь долѣе всего на обстоятельстве, какъ онъ убѣдилъ Рашель прочесть роль Федры въ саду передъ дворцомъ, хотя артистка и не соглашалась сначала играть на воздухѣ,

говоря, что она не принадлежит къ уличнымъ акробатамъ. Въ отдѣльной главѣ также, которою ованчивается вторая часть записокъ, описана поѣздка Шнейдера въ качествѣ курьера въ Варшаву, въ 1851 году. Ни въ описаніи самой поѣздки, ни въ картинахъ Варшавы нѣтъ ничего любопытнаго. На русской границѣ хотѣли было сдѣлать осмотръ его чемодану, въ которомъ онъ везъ бумаги прусскому королю. Въ Петрововѣ въ вагонѣ, гдѣ онъ сидѣлъ съ флигель-адъютантомъ княземъ Голицынымъ, помѣстилась одна полковница, ѣхавшая къ мужу и удивившая ихъ своимъ знаніемъ всѣхъ служебныхъ назначеній, перемѣтъ, пожалованій по арміи, всѣхъ мундировъ, кантовъ, воротниковъ, пуговицъ съ нумерами полковъ, даже количества фуража и раціоновъ. На одной станціи онъ слышалъ, какъ два офицера говорили по грузински и припомнилъ при этомъ опредѣленіе языковъ, сдѣланное еще Карломъ V: „языкъ Кастильскій—это языкъ боговъ, Итальянскій—влюбленныхъ, Французскій—придворныхъ, Нѣмецкій—лошадей, Англійскій—свиной“. Ниже всѣхъ этихъ языковъ—Грузинскій, и любопытно, какихъ животныхъ заставилъ бы говорить на немъ Карлъ V, еслибы зналъ его. Въ Варшавѣ, гдѣ тогда были назначены большіе маневры и парады, Шнейдеръ три раза читалъ передъ коронованными и высокопоставленными лицами свои произведенія: „Ночь въ караулѣ національной гвардіи“—плоскую сатиру на это войско—и еще болѣе плоскій фарсъ въ формѣ путевыхъ впечатлѣній. Императоръ Николай очень благосклонно принялъ бывшего актера и пригласилъ его въ театръ посмотреть балетъ, говоря: „я хочу видѣть, какое впечатлѣніе произведутъ на васъ мои танцовщицы“.

— Вѣроятно никакого, отвѣчалъ Шнейдеръ, такъ какъ я очень счастливъ со своей женою.

— Я знаю, сказалъ смѣясь императоръ, но потому-то и посмотрите балетъ. А тамъ какъ знать, что случится.

Балетъ все-таки не понравился бывшему актеру, хотя варшавскія танцорки исполняли краковякъ, а Марія Тальони—отдѣльное па. Вся эта глава читается съ трудомъ, болѣе всего оттого, что написана съ претензіями на юморъ, хотя натянутое остроуміе автора производитъ самое непріятное впечатлѣніе.

III.

Третья часть записокъ Шнейдера начинается исторіей одной пѣвицы Фанни Ольди. Исторія эта довольно обыкновенна и рассказывать ее со всѣми подробностями не стоило. Во время поѣздки прусскаго короля въ княжество Гогенцоллернъ и въ рейнскія провинціи, въ 1851 году, Шнейдеръ, сопровождавшій его, услышалъ въ Штольценфельсѣ зазвужую итальянскую цѣвицу, которая спѣла нѣсколько

арій и романсовъ подъ окнами замка, гдѣ остановился король; за это ей послали брошку. Она начала писать къ Шнейдеру, черезъ котораго получила подарокъ, французскія письма, въ которыхъ выдавала себя за артистическую натуру, влюбленную въ музыку, за единственную ученицу Доницетти, пренебрегающую восторгами публики и поющую только для себя и для избранныхъ, такъ какъ ея званіе и состояніе позволяютъ ей не искать средствъ къ существованію въ ея дарованіи. Въ слѣдующихъ письмахъ она много говорила объ интригахъ пѣвицъ и актрисъ, преслѣдовавшихъ ее въ Италіи и изъявляла желаніе пріѣхать въ Берлинъ, не для того, чтобы пѣть въ оперѣ— на сцену она никогда не согласится выдти, но чтобы пѣть передъ его величествомъ или въ концертахъ отдѣльныя аріи. На придворномъ концертѣ она спѣла передъ королемъ арію Ромео, но довольно плохо, жалуюсь на болѣзнь горла. Пѣвицу похвалили изъ учтивости, и она потребовала званія первой почетной пѣвицы ихъ величествъ короля и королевы прусскихъ. Затѣмъ послѣдовала просьба о присылкѣ двухъ тысячъ франковъ, въ которыхъ она временно нуждалась, не получая почему-то доходовъ съ своего имѣнія. Ей послали двадцать фридрихсдоровъ, съ извѣщеніемъ, что дворъ не имѣетъ болѣе нужды въ ея услугахъ. Не смотря на это, она нѣсколько разъ пыталась пробраться во дворецъ и попасть на глаза короля въ церкви и на прогулкахъ. Полиція, собравъ о ней свѣдѣнія, сообщила, что Фанни де-Брианъ, по сценическому имени Ольди, 40 лѣтъ, родилась въ Парижѣ, живетъ со своимъ акомпаньаторомъ Турнеромъ, 37-ми лѣтъ, платитъ за все аккуратно, тратитъ немного, гуляетъ въ Тиргартенѣ съ большою ньюфаундендскою собакою, которая въ Неаполѣ спасла ей однажды жизнь. Пѣвица считаетъ себя равною по таланту Каталани, Зонтагъ и Малибранъ, но обладаетъ въ сущности очень обыкновеннымъ голосомъ, много говоритъ пустаго о своихъ успѣхахъ, связяхъ, жалуется постоянно на враговъ, на преслѣдованіе артистовъ, толкуетъ о своей меланхоліи. Видя, что ей не удастся въ Берлинѣ пріобрѣсти благосклонность двора и вниманіе публики, она наконецъ уѣхала въ 1855 году, пославъ на гробницу королевы Луизы свою работу—вѣнокъ, вышитый по бархату съ лирою, звѣздою и подписью: „Цирицъ небесной для царицы на небѣ“. Въ то же время она написала нѣсколько писемъ на траурной бумагѣ, по случаю смерти своей собаки — „единственнаго друга, котораго убилъ берлинскій климатъ“.

Вторая глава содержитъ въ себѣ описаніе путешествія Шнейдера по Сѣверной Германіи и Рейнской провинціи и называется „Прусскій Мерзіусъ“. Придворный шутъ безъ церемоніи даетъ себѣ имя извѣстныхъ филологовъ и знаточковъ древностей, отца и сына Мерзіусовъ, жившихъ въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка, писавшихъ серьезные и ученые изслѣдованія, а не солдатскія произведенія, сценическіе фарсы или камер-лакейскія хвалебныя сочиненія. Во всѣхъ этихъ пу-

тѣвыхъ впечатлѣніяхъ, наполненныхъ самымъ приторнымъ остроумичаньемъ, соединеннымъ съ вѣрноподданическими восхваленіями, только и есть любопытнаго, что приводимое авторомъ французское четверостишіе той эпохи, когда Луи-Наполеонъ взомель на престоль и, въ то же время, массами ссылалъ въ Новую Каледонію, Каинну и другія не столь отдаленныя мѣста всѣхъ, кто только смѣлъ не признавать новоиспеченнаго императора, проложившаго себѣ путь на престоль по грудамъ труповъ парижанъ, застрѣленныхъ на бульварахъ. Приводимъ это четверостишіе въ подлинникѣ, такъ какъ заключенная въ немъ игра словъ непереводима:

Que de transports dans la province!
Que de transports dans les cités!
Jamais avènement de prince
Ne fit autant de transportés!

Къ болѣе интереснымъ мѣстамъ третьей части записокъ принадлежатъ двѣ послѣднія главы: „Походъ 1866 года“ и „Походъ 1870—71 года“, но и здѣсь интересъ разсказу придають самыя событія, хотя ходъ ихъ изложенъ также отрывочно и непослѣдовательно. Особенно несносны тутъ претензіи автора считать себя человѣкомъ государственнымъ, близкимъ къ историческимъ дѣятелямъ, глубокимъ политикомъ, опытнымъ стратегомъ. И въ прежнихъ частяхъ своихъ записокъ онъ съ важностью не разъ упоминаетъ о своемъ чинѣ гофрата, объ ордентѣ Краснаго Орла, пожалованнаго ему Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV и Святой Анны, присланной русскимъ императоромъ. Но въ концѣ записокъ это важничанье своимъ положеніемъ и орденами доходитъ до комическаго. Невольно скажешь, что король Фридрихъ-Вильгельмъ III быть чуть ли не болѣе правъ, не соглашаясь дать ему орденъ. Объ этомъ разсказываетъ самъ Шнейдеръ, еще въ первомъ томѣ своихъ записокъ, но мы приводимъ здѣсь этотъ эпизодъ, о которомъ не упоминали при разборѣ перваго тома. Военный министръ представилъ его къ ордену, но король отвѣтилъ просто: „Слишкомъ молодъ“. Потомъ, когда Шнейдеръ явился однажды при дворѣ, король подозвалъ его и сказалъ своимъ отрывистымъ тономъ, никогда не переходившимъ въ плавное, грамматически и логически правильное изложеніе.

— Вы прислали мнѣ ваше новое сочиненіе. Кое-что мнѣ очень понравилось, въ особенности—Тальма (besonders Talma). Совершенно вѣрно поняты обстоятельства. Не все дѣлается какъ хочется. Радъ, что вы понимаете это. Обстоятельства вѣрно оцѣнены. Особенно относительно Тальма.

Шнейдеръ долго не могъ понять, отчего король такъ особенно напиралъ на Тальму, пока не перечиталъ своей книги: Schauspieler-novellen, гдѣ былъ разсказанъ слѣдующій анекдотъ о Тальмѣ. Однажды Наполеонъ представилъ Тальму своимъ приближеннымъ слѣ-

дующими словами: „его драматическое величество императоръ французскаго театра“ и потомъ продолжалъ: „мы вѣдь здѣсь между своими. Ты играешь роли императоровъ на сценѣ, мы въ жизни и кто знаетъ, такъ ли мы увѣрены въ одобреніи публики какъ ты!“ Ободренный расположеніемъ Наполеона, Тальма, продолжая бесѣду, сказалъ ему: „если я дѣйствительно занимаю такое почетное положеніе, то не согласитесь ли, ваше величество пожаловать мнѣ орденъ Почетнаго Легіона?“ Наполеонъ вдругъ сдѣлался серьезень и, переменявъ тонъ, сказалъ, послѣ непродолжительнаго молчанія: „нѣтъ, прощайте, Тальма“. На этотъ - то анекдотъ намекалъ Фридрихъ-Вильгельмъ Шнейдеру словами: *besonders Talma*, и можно дѣйствительно пожалѣть, что новый король не слѣдовалъ въ этомъ отношеніи правиламъ своего предшественника.

Походъ въ Австрію Шнейдеръ предпринялъ за главною квартирою короля въ печальномъ настроеніи духа, мало надѣясь на счастливый исходъ кампаніи. Самъ король наканунѣ отъѣзда въ Богемію, къ арміи, уложилъ въ особый чемоданъ свои важнѣйшія бумаги, чтобы въ случаѣ необходимости, отправить ихъ въ безопасное мѣсто. О первыхъ побѣдахъ пруссаковъ надъ австрійцами отзывались не довѣрчиво, называя реляціи — выдумками. Торговое сословіе подавало прошенія о прекращеніи военныхъ дѣйствій, разоряющихъ благосостояніе государства; демократическія общества называли прямо эту войну—братоубійственною; Рейнскій ландверъ сопротивлялся зачисленію его на дѣйствительную службу; силы австрійцевъ на Майнѣ считали въ полтораста тысячъ. Вступивъ въ Силезію, опустошенную поборами и реквизиціями, авторъ увидѣлъ близко всѣ ужасы войны и сознался, что она возбуждаетъ самыя дурныя челоуѣческія страсти. Въ Сихровѣ начали попадаться на поляхъ, вмѣсто зеленѣющихъ посѣвовъ, трупы лошадей, испорченныя ружья, изорванныя шапки солдатъ. Группа австрійскихъ крестьянъ при видѣ королевскаго экипажа, проѣхавшаго подъ сильною охраною, спросила, кто сидѣлъ въ коляскѣ.—„Король и его братъ“, отвѣчалъ имъ Шнейдеръ.

— Здоровый старикъ! замѣтилъ крестьянинъ. Отчего бы ему самому не схватиться съ нашимъ Францомъ-Іосифомъ, вмѣсто того, чтобы губить столько ни въ чемъ неповиннаго народа?

— Экъ чего захотѣлъ! отвѣчалъ другой, нашъ бы тогда не устоялъ. Большому то съ маленькимъ сладить не трудно.

Даже въ этомъ отвѣтѣ, слишкомъ не патриотичномъ для австрійскаго крестьянина, чтобы быть правдоподобнымъ, авторъ не могъ не польстить своему королю.

При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ глубь Богеміи стали попадаться равенне и плѣнные австрійцы. Съ офицеровъ брали честное слово, что они не будутъ болѣе сражаться противъ Пруссіи въ эту войну и отпускали ихъ ѣхать куда угодно. Въ Гичинѣ король отвѣчалъ строго и рѣзко депутаціи гражданъ, но когда Шнейдеръ принесъ ему

описание этого приема, Вильгельм I велѣлъ для печати смягчить свои выраженія. Пруссаки, по сознанию самого автора, обращались грубо съ жителями занимаемыхъ ими городовъ, при первомъ возраженіи были прислугу и трактирщиковъ, по малѣйшему подозрѣнію брали подъ арестъ всякаго. Такъ ими былъ схваченъ и избитъ одинъ бѣднякъ за то, что будто бы отрѣзалъ хвосты у нѣсколькихъ кавалерійскихъ лошадей — хотя тотъ совершенно логично объяснял, что ему не было никакой надобности дѣлать этого, такъ какъ сосѣднія поля усѣяны лошадиными трупами.

Въ день рѣшительнаго сраженія при Кениггрецѣ или Садовой Шнейдеръ поѣхалъ за арміей до Горица, но оттуда долженъ былъ вернуться въ Гичинъ, потому что у него болѣла нога. Вечеромъ пришла въ городъ депеша Бисмарка объ одержанной пруссаками блистательной побѣдѣ. Шнейдеръ сообщилъ депешу плѣннымъ австрійскимъ офицерамъ, и тѣ принялись ругать главнокомандующаго Бенедекка, „свинское интенданство и продовольствіе арміи“, даже отзывались весьма непочтительно о Францѣ Іосифѣ. Потомъ онъ поѣхалъ опять въ Горицъ, на встрѣчу главной квартиры и встрѣчалъ раздражающія душу сцены по дорогѣ, усѣянной фурами, перевозившими раненыхъ. У мельницы, гдѣ онъ остановился, чтобы дать вздохнуть своей лошади, сцены эти были въ особенности невыносимы. Тамъ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, до того переполненный ранеными, что больше никого уже не принимали, и всѣ фуры, останавливавшіяся тутъ съ бѣдняками, надѣявшимися получить облегченіе, отправляли дальше, въ Гичинъ. На одной фурѣ лежалъ тяжело раненый молодой австрійскій офицеръ, и когда ему объявили, что на мельницѣ нѣтъ мѣста и надо ѣхать въ Гичинъ, офицеръ сталъ умолять, чтобы его бросили тутъ же на землю, такъ какъ онъ не въ силахъ больше переносить тряской ѣзды и мучительной боли. Когда же фурманъ, не смотря на его мольбы, двинулся дальше—онъ закричалъ такъ ужасно, что Шнейдеръ остановилъ лошадь и послалъ возницу на мельницу попросить, чтобы хоть взглянули на раненаго. Изъ дома вышелъ докторъ, забрызганный кровью, пощупалъ пульсъ несчастнаго, который не могъ сказать ни слова, потому что у него хлынула изъ горла кровь и крикнулъ фурману: „ступай въ Гичинъ“!.. Офицеръ лежалъ уже безъ чувствъ въ борьбѣ со смертью. „Дальше мнѣ пришлось видѣть сцены еще ужаснѣе“—прибавляетъ Шнейдеръ.

Сценъ этихъ онъ однакоже не описываетъ, а наполняетъ цѣлыя страницы рассказомъ о собственной персонѣ, о томъ, гдѣ онъ останавливался, какъ устраивался, чтобы писать статьи въ свой солдатскій журналъ, какъ его принимали то за полковника, то за генерала, величали превосходительствомъ и т. п. Даже на полѣ Кениггрецкаго сраженія, гдѣ онъ видѣлъ, какъ солдаты хоронили убитыхъ товарищей—только и говорили, что объ успѣхѣ—не прусскаго оружія, а солдатскаго журнала Шнейдера! Такія выходы хвастуна и придворнаго

скомороха уже не комичны, а просто гады. Онъ съ важностью увѣряетъ, что король принималъ его во всякое время, что возбуждало зависть придворныхъ, а между тѣмъ не приводитъ ни одной бесѣды съ королевѣю. Ни въ Брюннѣ, ни въ Прагѣ, ни въ Никольсбургѣ, гдѣ совершались историческія событія, онъ не говорилъ ни съ кѣмъ изъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на эти событія, не приводитъ ни одного не только новаго, но сколько нибудь интереснаго факта—и все толкуетъ о томъ, какъ ординарцы отводили ему лучшія помѣщенія въ главной квартирѣ, гдѣ онъ могъ бы удобно сочинять свои описанія подвиговъ арміи, въ которыхъ не принималъ ни малѣйшаго участія.

Такою же пустотою содержанія и неинтересною болтовнею о самомъ себѣ наполнена и послѣдняя глава записокъ, о походѣ 1870—71 годовъ, занимающая всего сотню страницъ. Авторъ увѣряетъ, что еще въ 1868 году, лица, знакомыя съ положеніемъ дѣлъ, писали изъ Парижа въ Берлинъ, что французы готовятся къ войнѣ съ Германіей. Онъ самъ отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ, узнавъ о конституціонныхъ и парламентскихъ нововведеніяхъ министерства Оливье: „Это значитъ, будетъ война“—хотя въ дѣйствительности отъ войны могла спасти Францію именно только парламентская система, которая не позволила бы Луи Наполеону распоряжаться страной, какъ своимъ помѣстьемъ. Шнейдеръ былъ въ Висбаденѣ, когда пронеслись первые слухи о войнѣ, о прибытіи въ Мюльгаузенъ батареи картечницъ, о приготовленіяхъ французовъ къ походу. Къ признакамъ войны авторъ относитъ и то обстоятельство, что лѣжившійся въ Висбаденѣ баронъ Модестъ Корфъ нигдѣ не могъ размѣнять русскихъ кредитныхъ билетовъ, и даже въ игорномъ домѣ ему не позволили сдѣлать ставку сторублевою бумажкою. Слѣдуя по своему обыкновенію на почтительномъ разстояніи за главною квартирою, Шнейдеръ посылалъ въ Берлинъ описаніе сраженій при Вейсенбургѣ, Вартѣ, Форбахѣ. Поле сраженія при Форбахѣ онъ видѣлъ черезъ нѣсколько дней послѣ битвы и не понимаетъ, какъ французы не защищались гораздо дольше въ своихъ превосходно устроенныхъ окопахъ. Тутъ же конечно не упускаетъ онъ случая прибавить, что офицеры проходившихъ полковъ привѣтствовали его, какъ „друга солдатъ“. „Такимъ образомъ и мнѣ кричали: ура!“ прибавляетъ онъ съ обычнымъ хвастовствомъ. Въ первомъ же французскомъ городкѣ Сент-Авольдѣ, занятомъ пруссаками, они начали грабить находившійся тамъ складъ военныхъ принадлежностей и даже подожгли городъ, но генералъ Тресковъ остановилъ грабежь, и пожаръ былъ скоро потушенъ. Шнейдеръ увѣряетъ, что его приглашали почти каждый день на обѣдъ и завтракъ къ принцу Карлу и что за столомъ говорилось много интереснаго, но не приводитъ ни одной бесѣды, а рассказываетъ пространно о томъ, какъ у его хозяина взяли два охотничьихъ ружья, вслѣдствіе предписанія мера жителямъ—выдать неприятелю все находившееся у жителей оружіе. Даже досадно становится, когда, вмѣсто ожидаемаго разказа

о политических и военных событиях, встрѣчаешь поминутно въ запискахъ пустѣйшія и ни для кого нелюбопытныя подробности. Такъ въ главной квартирѣ, въ мѣстечкѣ Герни, гдѣ король ждалъ важныхъ извѣстій о сраженіяхъ подъ Медомъ, Шнейдеръ нашелъ необходимымъ упомянуть только о томъ, что принадлежащее къ его квартирѣ lieu d'aisance было устроено черезъ улицу, въ саду, и было открыто со всѣхъ сторонъ для лицезрѣнія всѣхъ проходящихъ и живущихъ въ домѣ. Тамъ же случилось важное событіе: у него вышелъ весь запасъ спирта, и онъ долженъ былъ варить себѣ чай въ томъ же котелкѣ, гдѣ варилась говядина. И объ этомъ повѣствуется весьма серьезно и подробно въ то время, когда вокругъ совершались міровныя событія!

Послѣ сраженія при Марс-Латурѣ и Гравелотѣ, Шнейдеръ пишетъ, что узналъ „много важнаго и интереснаго“, и тотчасъ же сообщаетъ, что король пожаловалъ орденъ Желѣзнаго Креста перваго класса своему сыну и, что командиромъ Маасской арміи назначенъ не генералъ Штейнметцъ, а наслѣдный принцъ Саксонскій. Хорошо еще, что онъ прибавляетъ и причину немилости въ Штейнметцу: его ошибочныя распоряженія въ сраженіяхъ при Форбахѣ и Курсалѣ, помѣшавшія полному успѣху нѣмцевъ. Вѣроятно къ этимъ же важнымъ извѣстіямъ онъ причисляетъ и слѣдующее вслѣдъ за этимъ сообщеніе, что его домовая хозяйка пекла ему особенно вкусныя бисквиты. Французы удивлялись тому, что пруссаки, налагая контрибуцію на занимаемые ими города и села, всегда имѣли самыя вѣрныя свѣдѣнія о степени благосостоянія и имущественныхъ доходовъ жителей, тогда какъ всѣ кадастровыя, податныя и счетныя книги увозились въ безопасныя мѣста. Это объяснилъ Шнейдеру директоръ походной полиціи, основавшій свои расчеты не на этихъ, тщательно припрятанныхъ документахъ, а на состояніи страховыхъ обществъ, отчетовъ ссудной и сохранной казны, частныхъ промышленныхъ и благотворительныхъ обществъ, обыкновенно доступныхъ для обзора и всякихъ выводовъ.

О Седанѣ, провозглашеніи республики во Франціи и послѣдующихъ событіяхъ, измѣнившихъ положеніе всей Европы, Шнейдеръ говоритъ нѣсколько словъ, но за то описываетъ подробно, какъ онъ „получилъ приказаніе“ явиться на чай къ принцу Карлу, какіе генералы и графы сидѣли вмѣстѣ съ нимъ за столомъ и т. п. Въ Шалонѣ онъ описываетъ варварскія опустошенія, произведенныя нѣмецкими войсками въ Шалонскомъ лагерѣ, сожженные магазины, всю мебель нарочно переломанную, испачканную, зеркала перебитыя и пр. Переговоры въ замкѣ Ферьера, осада Парижа, Версальскій миръ—обо всемъ этомъ тоже два слова, но длинный рассказъ о томъ какъ у него была хороша квартира въ Версали, какъ онъ тамъ охранялъ бібліотеку, какъ ходилъ пить чай къ принцамъ и пр. Всего страннѣе, что такой вѣрноподанный и подобострастный придворный не говоритъ ни слова объ избраніи въ Версали своего короля—германскимъ императоромъ.

Томъ оканчивается предположеніемъ автора написать біографію Вильгельма I.

Вотъ все, что мы могли извлечь сколько нибудь любопытнаго изъ утомительно-скучныхъ и пустыхъ записокъ, которыя инныя газеты хотятъ выдать за образецъ мемуаровъ, полныхъ животрепещущаго интереса. Характеристика автора видна ясно изъ нашего сжатаго очерка, въ которомъ не опущено однако ни одной существенной черты записокъ. Читать ихъ въ подлинникѣ чрезвычайно тяжело, и намъ остается только пожелать, чтобы читатель не вынесъ того же чувства, ознакомившись съ нашимъ извлеченіемъ изъ непомерно растянутаго произведенія. Но сдѣлать ему надлежащую оцѣнку, поставить Шнейдера на его настоящее мѣсто въ ряду писателей, разоблачить его узкій патріотизмъ и широкое низкопоклонничество—мы считали необходимымъ. Знакомство читателей съ сочиненіями тенденціозными, пользующимися незаслуженною извѣстностью, иногда приноситъ болѣе пользы, чѣмъ изученіе образцовыхъ произведеній.

В. З.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Историческій очеркъ инженернаго управления въ Россіи, сост.
А. И. Савельевымъ. Спб. 1879 г.

ЧЕРКЪ этотъ заключаетъ въ себѣ обзоръ разнагор ода старинныхъ учреждений въ Россіи, въ вѣдѣніи которыхъ находились города (крѣпости) и ихъ строители — стѣнные мастера, горододѣльцы (впослѣдствіи инженеры) и друг. Авторъ старался представить въ своемъ очеркѣ возможно болѣе свѣдѣній о томъ: 1) какіе способы существовали у насъ въ старину для управления крѣпостями и оборонительными линіями; 2) какую организацію имѣли первоначально тогдашніи военныи управления до времени образованія военнаго министерства, и 3) на сколько эти учрежденія (напримѣръ, разряды, приказы, повѣты, канцеляріи, конторы, экспедиціи и проч.) соотвѣтствовали общей государственной дѣлѣ, для которой они были назначены.

Понятно, что для рѣшенія этихъ вопросовъ автору потребовалось нѣсколько лѣтъ усидчивой работы въ архивахъ, и справедливость требуетъ сказать, что собранныхъ имъ свѣдѣній на столько достаточно, что по нимъ можно прослѣдить исторію организаціи у насъ тѣхъ учреждений, которыя (какъ напримѣръ разряды и приказы) послужили основаніемъ дальнѣйшимъ, болѣе обширнымъ и самостоятельнымъ управленіямъ инженерами и ихъ работами. Въ очеркѣ представлены свидѣтельства какъ эти учрежденія, первоначально несложныя, просто и разумно составленныя, удовлетворяли требованіямъ правительства и были на столько полезны для государства, что оставались въ первоначальномъ своемъ видѣ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не мѣняя ни своихъ русскихъ названій, ни стариннаго устройства, и не теряя въ тоже время своей связи съ тогдашними земскими учрежденіями.

Совсѣмъ иной характеръ получаетъ управление крѣпостями и ихъ строителями въ эпоху всеобщихъ преобразованій въ нашемъ отечествѣ, въ началѣ прошлаго столѣтія. Дѣятельность Петра коснулась и инженернаго дѣла и въ числѣ другихъ нововведеній устроилось у насъ, хотя еще въ совокупности съ артиллерійскимъ вѣдомствомъ, управление инженерное (приказъ артиллеріи). Были учреждены инженеры, минеры, понтонеры и другіе техники, составлены для нихъ штаты, опредѣлены права и обязанности генералъ-фельдцейхмей-

стера, оберъ и генераль-директора и положено начало практическому и теоретическому образованію по инженерной специальности. Изъ приведенныхъ въ „Очеркъ“ документовъ (изъ которыхъ многіе являются въ печати въ первый разъ) можно видѣть тогдашнюю систему организаціи инженернаго управленія. Нѣкоторые изъ постановленій, указовъ и распоряженій Петровскаго времени не только удовлетворяли тогдашнимъ требованіямъ инженерной науки, но дошли и до насъ, не утративъ своего глубокаго смысла, и ждутъ своего примѣненія по вопросамъ войсковаго инженернаго дѣла.

Историческіе документы, составляющіе солидное прибавленіе къ „Очерку“, доказываютъ лучше всего, какъ не долго по смерти Петра сохранялись въ прежнемъ видѣ всѣ введенные имъ порядки по инженерной части, и если сохранились, то только благодаря трудамъ и дѣятельности еще оставшихся въ живыхъ его неутомимыхъ и дѣловыхъ сотрудниковъ, и въ особенности благодаря влиянію на дѣла государства знаменитаго Миниха. При всемъ его пристрастіи и потворствѣ иностранцамъ и при всѣхъ его обидахъ и несправедливостяхъ къ русскимъ дѣятелямъ, инженерная часть, благодаря его уму и знаніямъ, получила при немъ тѣ преобразованія и тѣ начала внутренней организаціи, которыя и до сихъ поръ не утратили своего пракческаго значенія. При немъ состоялось образованіе отдѣльнаго управленія инженерами (фортификаціонной или инженерной конторы), учрежденіе департаментовъ (или инженерныхъ округовъ), начальниковъ инженерныхъ командъ и мн. др. Все это имѣло полезное влияніе на правильность въ распредѣленіи всякаго рода работъ и на большую точность въ ихъ исполненіи.

Послѣ Миниха, въ періодъ времени отъ 1742—1756 г., постепенно утрачивалось значеніе начальника инженеровъ и въ дѣла, ввѣренныя его управленію, стали вмѣшиваться вѣдомства, не имѣвшія ничего общаго съ инженернымъ дѣломъ. Объ улучшеніи инженерныхъ школъ ни его не заботился. Инженеры оказались подчиненными городскому начальству, воеводамъ, губернаторамъ; даже представленія къ наградамъ, дѣлаемыя начальниками, уничтожались въ высшихъ инстанціяхъ, и лица, получавшіе чины, смѣшались съ ихъ новаго званія.

Съ назначеніемъ генераль-фельдцейхмстеромъ графа Шувалова, въ 1756 году, управленіе инженерною частью снова получаетъ самостоятельное устройство. Въ „Очеркъ“ указаны всѣ сдѣланныя графомъ Шуваловымъ преобразованія, приведены нигдѣ еще ненапечатанныя всѣ его инструкціи, его „регламентъ“, учрежденные имъ награды для поощренія за полезные труды, изобрѣтенія, и за успешныя занятія науками, и многое другое. При немъ иностранцы принимались на службу съ строгимъ выборомъ и не иначе, какъ съ удостовѣреніемъ о ихъ „состояніи и чести“, и наблюдалось, „чтобы служащіе обижены не были“. По смерти гр. Шувалова во внутренніе порядки инженернаго вѣдомства вкрадываются тѣ же недостатки, которые были до него; составленные имъ инструкціи, по отзыву „Канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи“, оказываются утерянными, и составляется новый штатъ для инженернаго корпуса. Это время представлено въ „Очеркъ“ съ тѣми подробностями, какія необходимы были для объясненія того, органически уже окрѣпшаго состава, въ какомъ находилось инженерное управленіе въ царствованіе Екатерины. Всѣ указы того времени свидѣтельствуютъ о заботливости правительства, направленной къ тому, чтобы дать инженерамъ образованіе, соотвѣтствовавшее ихъ служебнымъ потребностямъ и сберечь инженеровъ только для ихъ специальныхъ работъ; въ противномъ же случаѣ, говорится въ указѣ, „можетъ послѣдовать такое упущеніе, что иногда и знатнымъ коштомъ вдругъ исправить будетъ невозможно“.

Вся введенная такимъ образомъ система внутренняго устройства въ инженерномъ вѣдомствѣ, все, что составляло его организацію, приносящую свои плоды, все это было уничтожено или измѣнено со смертію Екатерины. Въ сжа-

томъ разказъ въ „Очеркѣ“ указаны всѣ эти измѣненія. Приложенныя при этомъ письма современниковъ лучше всего характеризуютъ эту эпоху порывистыхъ преобразованій, когда требованія военного порядка и дисциплины прилагались не только къ военному и гражданскому, но и къ духовному вѣдомству, и когда чтеніе военнаго артикула было введено даже въ семинаріяхъ.

Къ „Очерку“ приложено множество документовъ и писемъ разныхъ замѣчательныхъ дѣятелей прошлаго столѣтія; образчикъ того, какъ въ старину составлялись наши дѣловые бумаги (столбцы); fac simile порядной записи и рисунокъ понтона Павловскихъ временъ въ рабочей одеждѣ.

Изъ этого краткаго изложенія содержанія „Очерка“ видно, что онъ представляетъ много интереса и не для однихъ специалистовъ, и нельзя не пожалѣть, что этотъ почтенный трудъ свѣдущаго автора напечатанъ въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и, кажется, не предназначается для продажи.

B.

Наука и ученые люди въ русскомъ обществѣ (по поводу толковъ, возбужденныхъ г. Михайловскимъ и проф. Цитовичемъ).

П. Милославскаго. 2-ое изданіе. Казань. 1879 г.

При такомъ заглавіи брошюры едва ли кто возьмется за нее—одинъ безъ боязни, другой безъ расчета наткнуться въ ней на отраженіе тѣхъ полемическихъ красотъ, которыя такъ опротивляли однимъ, такъ разлакомили другихъ. Но почтенный авторъ далеко отъ того, чтобы пытаться представить нѣчто въ родѣ физиологіи полемическихъ отправленій въ ихъ безшабашной отечественной разнузданности. Онъ пишетъ именно только по поводу знаменитыхъ толковъ, и если критики „по поводу“ часто являются у насъ безплоднымъ словоизверженіемъ въ томъ или другомъ заранѣе излюбленномъ вкусѣ, то этого никакъ нельзя отнести на счетъ г. Милославскаго. Онъ спокойно и основательно разбираетъ сказавшееся въ упомянутыхъ толкахъ понятіе о наукѣ и объ ученыхъ извѣстной части нашей журналистики, той, которая, по его словамъ, „разжигаетъ въ читающей публикѣ страсть, безъ помощи учителя, въ 6 мѣсяцевъ научиться искусству безъ труда рѣшать жгучіе вопросы науки и жизни“ (стр. 24).

Но этотъ, только съ перваго взгляда спеціальныи грѣхъ извѣстныхъ литературныхъ кружковъ, на повѣрку оказывается болѣе или менѣе общимъ грѣхомъ всего нашего образованнаго общества. Авторъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что и вообще у насъ „наука не идетъ изъ головы, а только набирается въ голову, общество не движетъ ее впередъ, а только гонится за нею“ (стр. 21). Дѣло объясняется просто. „Русская наука и культура начались и до сихъ поръ идутъ впередъ толчками подъ вліяніемъ вѣнскихъ двигателей, причемъ русское развивавшееся передовое общество всегда оставалось мягкой, воспримчивой, даровитой, но неподвижной массой“. И авторъ далеко отъ того, чтобы относить это на счетъ такъ называемой Петербургской Россіи. Она, по его справедливому замѣчанію, являлась въ этомъ отношеніи только прямою наслѣдницею древней Руси. Какъ прежде общество наше оставалось „мягкой массой“, которая „легко поддавалась коллективному византійскому вліянію, такъ потомъ оно въ качествѣ той же воспримчивой массы осозательно поддалось усиленію одного могучаго преобразователя — Петра Великаго“ (стр. 4). Современное западничество не далеко ушло отъ стараго византійствованія. Именно въ той легкости, съ какою мы уподобляемся европейскому Западу, по мѣткому замѣчанію автора, у насъ и оказывается постоянно та „азіятская неподвижность и славянская неурядица, по которой ино-

странцы и до сихъ поръ движуть и заправляютъ русскими головами и капиталами“. „Русскіе на высотѣ своего современнаго развитія, продолжаетъ онъ, остаются славянами безъ славянской оригинальности и самостоятельности и живутъ европейцами безъ европейской жизненности и устойчивости“ (стр. 6). Намъ постоянно недостаетъ того существеннѣйшаго признака настоящей культуры, который заключается, по вѣрному замѣчанію г. Милославскаго, въ борьбѣ и трудѣ. Именно въ нихъ-то „и скрыты всѣ нервы и вся жизненность западной культуры, все ея превосходство и отличие отъ русской“ (стр. 43).

Ставъ на такую твердую почву, авторъ заключаетъ свой трудъ рядомъ вопросовъ, въ которыхъ, такъ сказать, заключены уже единственно возможные съ его точки зрѣнія отрицательные отвѣты. „Какой же смыслъ имѣютъ жалобы на русскихъ ученыхъ людей за ихъ невниманіе къ духовному голоду и жадѣ Русскаго общества? Въ чемъ виноваты русскіе ученые люди и въ частности представители „мундирной науки“? Неужели въ томъ, что они, дѣлая свое дѣло въ школахъ и въ скромныхъ ученыхъ кабинетахъ, не подумали, что журнальное образование полезнѣе школьнаго для процвѣтанія и развитія науки въ Русскомъ обществѣ“ (стр. 45).

Но почтенный авторъ не подумалъ о томъ, не вызывается ли его рядомъ вопросовъ рядъ другихъ, уже вовсе непредполагающихъ непременно отрицательнаго отвѣта. Русскіе ученые мужи не представляются ли и сами довольно далекими отъ самостоятельной борьбы и самостоятельнаго труда въ области исканія истины? Не часто ли даже у нихъ наука не „идетъ изъ головы“, а также какъ и у другихъ, только при помощи болѣе продолжительнаго процесса, „набирается въ голову“? Если набираемое въ ихъ голову не оказывается тѣми „последними словами науки“, которыя завтра же, можетъ быть, должны будутъ замѣниться другими, „последними“ же словами, то не еще ли хуже, когда набираемое въ ихъ голову оказывается „задами“ и конечно, опять чужими? Въ самомъ строѣ и жизненномъ пульсѣ нашей школы не оказывается ли подчасъ этихъ же самыхъ „чужихъ задовъ“? Не носятъ ли самое наше школьное дѣло отпечатка того же отсутствія самостоятельной умственной борьбы и самостоятельнаго умственнаго труда, безъ которыхъ ничто никогда не спорится? Не слишкомъ ли ужъ спокойно усѣлись наши ученые мужи въ своихъ кабинетныхъ креслахъ и не позабыли ли о томъ, что наука самая строгая и самая обоснованная не должна же непременно оставаться какими-то „элезинскими танцствами“? Израдно, вѣжется, намозолившему у насъ глаза верхоглядству „последнихъ словъ“ нельзя ли бы противопоставить что нибудь отличное отъ той узко понимаемой „науки ради науки“, которая часто граничитъ съ знаменитымъ Гоголевскимъ „чтеніемъ ради процесса чтенія“?

Ор. Миллеръ.

Мѣсяцесловъ святыхъ, всею русскою церковію или мѣстно чтимыхъ и указатель празднествъ въ честь иконъ Возжіей Матери и св. угодниковъ Возжіихъ въ нашемъ отечествѣ. Выпуски I и II. Тамбовъ. 1879 г.

Книга эта печатается въ приложеніи къ „Тамбовскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ“. Въ двухъ выпускахъ вышла только половина предполагаемаго изданія, за шесть мѣсяцевъ, съ сентября по февраль. Побужденіемъ составить мѣсяцесловъ русскихъ святыхъ для автора „было то, что не только православные—миране русскіе, но и само духовенство, не знаетъ своихъ отечественныхъ, родныхъ, святыхъ угодниковъ Божіихъ. Въ свѣдѣніяхъ, въ мѣсяце-

словахъ при богослужебныхъ книгахъ, — говоритъ авторъ, — болѣею частію помѣщаются имена святыхъ Греческой церкви и только въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтить имя отечественнаго святаго, а между тѣмъ святыхъ въ нашей Русской церкви такъ много, что память ихъ можетъ совершаться едва ли не каждый день въ теченіе всего года, — и многіе изъ отечественныхъ святыхъ такъ высоки по своей истинно-благочестивой христіанской жизни, такъ обширна и плодотворна была дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ при жизни, что не чтить ихъ память, не знать дни ихъ кончины для истинно русскаго человѣка, по меньшей мѣрѣ, стыдно... Составленіемъ этого календаря думалось привести въ извѣстность русскому духовенству возможно подробный указатель дней памяти Русскихъ святыхъ и чрезъ то способствовать и объединенію въ прославленіи мѣстныхъ святыхъ весь русскій православный народъ (?). Указаніемъ же празднествъ въ честь Божіей Матери желалось, по возможности, ограничить произволъ въ назначеніи дней празднованія той или другой иконы Пресв. Дѣвы". Значитъ, составитель мѣсяцеслова русскихъ святыхъ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду церковно-практическіе интересы, именно возстановленіе повсемѣстнаго въ Россіи чествованія всѣхъ, по возможности, отечественныхъ святыхъ. Но церковное чествованіе общепризнанныхъ и мѣстныхъ русскихъ святыхъ и иконъ не можетъ быть установлено частнымъ лицомъ и зависитъ отъ канонизаціи высшей церковной власти, какою прежде были соборы, митрополиты, патріархи, а нынѣ — Св. Синодъ; слѣдовательно, церков. о-практическія дѣла автора не всегда приложимы на практикѣ. Въ сферѣ этихъ дѣлъ, автору мѣсяцеслова русскихъ святыхъ слѣдовало бы опредѣлить, какіе святые и чудотворныя иконы, помѣщенные въ его мѣсяцесловѣ, канонизованы Русскою церковію и какіе не канонизованы; но и этотъ вопросъ не получилъ у него надлежащей постановки и рѣшенія. Какъ неопредѣленно и сбивчиво у него понятіе о церковныхъ празднествахъ, — это можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что между ними онъ помѣщаетъ и рождѣственскую елку для дѣтей, заимствованную изъ Германіи, и подъ 13-мъ числомъ ноября „привносить въ число русскихъ Златоустовъ“ покойнаго смоленскаго преосвященнаго Іоанна! — Но, какъ книга для популярнаго, назидательнаго чтенія, мѣсяцесловъ русскихъ святыхъ имѣетъ своего рода значеніе. Составитель воспользовался почти всѣми болѣе или менѣе важными изслѣдованіями по русской агиологіи, какъ напр. трудами Филарета Черниговскаго, А. Н. Муравьева, М. В. Толстова, архимандрита Сергія и др., но почему-то почти совсѣмъ игнорировалъ изслѣдованіе г. Ключевскаго, подъ заглавіемъ: „Житія русскихъ святыхъ, какъ историческій матеріалъ“. „Труды упомянутыхъ лицъ, — говоритъ составитель мѣсяцеслова, не доступны для большинства публики или по высокимъ цѣнамъ ихъ сочиненій, или потому, что они разсыяны въ разныхъ духовныхъ журналахъ. Предлагаемый мѣсяцесловъ съ краткимъ библиографическимъ очеркомъ и библиографическимъ указателемъ можетъ, для любителей отечественной церковной исторіи, замѣнить, хотя и не вполне, спеціальныя по агиологіи Русской церкви сочиненія, въ большинствѣ недоступныя сельскому духовенству“. Охотно вѣримъ автору, что въ его трудѣ много пробѣловъ и погрѣшностей, въ родѣ того, напримѣръ, что монографію „Св. Димитрій Ростовскій“ онъ ошибочно, или не совсѣмъ точно приписываетъ А. В. Горскому; но подобныя погрѣшности совершенно блѣднѣютъ передъ общими и коренными недостатками мѣсяцеслова, именно отсутствіемъ критико-библиографическаго метода, вслѣдствіе чего мѣсяцесловъ представляется компиляціей, расчитывающей болѣе на полную и обиліе фактовъ, чѣмъ на строгій выборъ и достоверность ихъ. Мѣсяцесловъ читается не безъ интереса и отчасти можетъ служить справочною книжкою по русской агиологіи, но пользоваться ею слѣдуетъ съ большою осторожностію.

Н. П.

**Семейство Шалонскихъ. Изъ семейной хроники. Евгеніи Туръ.
С.-Петербургъ, 1880 г.**

Въ предисловіи къ этой книжкѣ отставной поручикъ Григорій Шалонскій заявляетъ, что записки изъ семейной хроники принадлежать его родной теткѣ, Любови Григорьевнѣ, бывшей въ замужествѣ за полковникомъ Ѳ. Ѳ. Семиторскимъ, и найдены въ бумагахъ послѣ ея смерти. Между тѣмъ на заголовкѣ книги стоитъ имя извѣстной нашей писательницы Евгеніи Туръ, безъ всякаго объясненія—была ли она только, вмѣстѣ съ г. Г. Шалонскимъ, издательницей найденныхъ имъ записокъ, или можетъ быть редактировала ихъ, или наконецъ ея перу принадлежитъ та окончательная форма и литературная обработка, въ которой является теперь въ печати хроника Л. Г. Шалонской. Вопросъ этотъ безъ сомнѣнія придутъ на мысль многимъ изъ читателей и поставятъ ихъ въ недоумѣніе, можно ли принять дословно всѣ приведенные въ книгѣ факты, а тѣмъ болѣе мысли и чувства выведенныхъ въ ней лицъ.

Но обходя эти вопросы и обращаясь къ самому содержанію „Семейной Хроники“, мы съ удовольствіемъ должны сказать, что давно не встрѣчали въ нашей литературѣ книги, которая при довольно ограниченной сферѣ затронутыхъ въ ней общественныхъ интересовъ, представляла бы столько картинъ русскаго семейнаго быта, столько живо очерченныхъ личностей изъ помѣщичьяго круга въ началѣ нынѣшняго столѣтія и отличалась такою теплотою искренняго чувства и такою задушевною безыскусственностью разсказа.

Воспоминанія Л. Г. Шалонской начинаются съ ранняго дѣтства ея и затѣмъ относятся преимущественно въ ея молодости, въ роковыя для семейства 1812—1814 годы, когда составительница записокъ потеряла отца и брата, изъ которыхъ одинъ умеръ отъ нравственныхъ потрясеній, испытанныхъ имъ при нашествіи французовъ, а другой былъ убитъ въ какой-то ничтожной кавалерійской схваткѣ во Франціи.

Первая часть хроники, въ которой Любовь Григорьевна передаетъ самыя раннія свои впечатлѣнія и знакомитъ читателей съ своимъ отцомъ, матерью, бабушкой и другими членами семейства, напомнила намъ „Дѣтство и Отрочество“ графа Л. Толстаго. Съ такою же художественной правдой и въ такихъ же безыскусственныхъ картинахъ представляется въ запискахъ жизнь русскою помѣщичьей семьи, со всей обстановкою характернаго быта этого отжившаго *bon vieux temps*. Передъ нами проходитъ рядъ типическихъ личностей, начиная съ отца семейства до старой няни и прислуги. Всѣ эти лица давно переродились или со всѣмъ исчезли, и слѣдовательно они тѣмъ интереснѣе для насъ, чѣмъ болѣе мы ихъ узнаемъ изъ правдивыхъ разсказовъ ихъ современниковъ. А въ хроникѣ Шалонскихъ такіе типы воскресаютъ передъ нами во всей полнотѣ жизни. Вотъ отецъ разсказчицы, отставной бригадиръ, суровый и набожный домосѣдъ, который знаетъ наизусть всю церковную службу, по дѣльнымъ днямъ читаетъ Минеи но въ началѣ Отечественнаго войны поступаетъ въ ополченіе вмѣстѣ съ четырнадцати-лѣтнимъ сыномъ; вотъ жена его, воспитанная французскою гувернанткой, читающая на память цѣлыя монологи изъ трагедій Корнеля, Расина и Вольтера, занятая романами Жанъ-Жака Руссо и Августа Лафонтена, и въ то же время прекрасная жена и мать, всѣмъ существомъ своимъ преданная семейству; а вотъ и эта старая няня, вторая мать въ семьѣ, благословляющая образомъ уѣзжающаго въ походъ своего питомца и умирающая при извѣстїи о его неожиданной смерти. Какія все живыя и симпатичныя лица! И читая хроникѣ, вы чувствуете, что всѣ эти портреты написаны съ натуры, и если можетъ быть мѣстами любящая рука сгладила въ нихъ какіе нибудь недостатки, то все же нельзя отказать имъ въ вѣрности рисунка и живой правдивости красокъ.

Что касается второй половины хроники, которая относится преимущественно къ эпохѣ Отечественной войны и похода нашей побѣдоносной арміи въ Германію и Францію, то общественная сторона того времени затронута здѣсь слегка и какъ-бы мимоходомъ. Л. Г. Шалонская имѣла въ виду одни воспоминанія о своемъ семействѣ и не вдавалась въ политическія сужденія, а потому современные государственныя событія и вліянія ихъ на народъ отразились въ ея запискахъ на столько, сколько они касались жизни и судьбы людей ей близкихъ. Едва упоминаетъ она о Бородинскомъ боѣ, о занятіи французами Москвы и пожарѣ столицы, о бѣгствѣ непріятеля изъ Россіи и походѣ Русской арміи за-границу—и все это только въ тѣхъ случаяхъ, когда показываетъ, какое впечатлѣніе производили извѣстія объ этихъ событіяхъ на тѣхъ или другихъ членовъ ея семейства. Но за то все, что было пережито ея родными въ эпоху Отечественной войны, Л. Г. Шалонская передаетъ подробно, съ самымъ душевнымъ чувствомъ горячаго участія. Въ особенности художественны, по простотѣ изложенія и сердечной теплотѣ, тѣ страницы, на которыхъ она описываетъ отъѣздъ старшаго брата въ полкъ, неожиданную кончину отца и положеніе матери при извѣстии о смерти сына во Франціи. Записки оканчиваются интереснымъ разсказомъ о томъ, какъ Любовь Григорьевна вышла замужъ за полковника Семигорскаго, боеваго товарища ея покойнаго брата.

Семейная хроника Шалонскихъ, въ томъ видѣ, какъ она издана съ именемъ Евгенія Туръ, не похожа вовсе на тѣ историческія записки, которыя большею частію представляютъ только сырой матеріалъ. Это книга, вполне литературная по обработкѣ. И если по рукописи составительницы хроники и прошла другая опытная рука, то во всякомъ случаѣ она не стерла съ нея тѣхъ красокъ, которыя могли дать жизнь этимъ запискамъ. Мы не понимаемъ только, зачѣмъ приложены къ книжкѣ плохія и ничто не поясняющія картинки.

А. Милюковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Шведская кухарка императрицы Елисаветы Петровны.

ИМПЕРАТРИЦА Елисавета Петровна была вообще невоздержна на кушанье и хорошіе напитки; у ней являлись нерѣдко особенныя прихоти: такъ для нея изготовлялись по особеннымъ рецептамъ разныя ягодныя воды и напитки; особыми средствами съялись яблоки, грибы и огурцы. Въ 1754 году, кто-то разсказалъ ей о прелестяхъ шведской кухни, и она немедленно приказала кабинетъ-министру барону Ивану Антоновичу Черкасову выписать изъ Стокгольма самую лучшую шведскую кухарку. Баронъ Иванъ Антоновичъ сообщилъ эту высочайшую волю нашему посланнику въ Стокгольмъ, тогда еще не графу, Никитѣ Ивановичу Панину, слѣдующимъ письмомъ:

„М. г. мой Никита Ивановичъ!

„Сего марта въ 16 день ея императорское величество указала писать именнымъ императорскимъ величества указомъ къ вашему превосходительству, чтобъ для приготовленія про собственную ея императорскаго величества персону кушанья изволили нанять шведской націи кухарку исправную, только не объявляя никому, что она нужна для ея императорскаго величества, но объявить, что вы нанимаете оную кухарку для статсъ-дамы ея императорскаго величества ея сіятельства графини Мавры Егоровны (Шуваловой) и по наймѣ извольте съ нею заключить контрактъ на одинъ годъ, съ тѣмъ ежели она угодна будетъ, то она имѣетъ остаться въ службѣ и болѣе и въ томъ заключенъ будетъ съ нею вновь контрактъ, а буде не угодно будетъ, то по прежнему въ свое отечество возвратится, и будущю весною благоволите отправить въ Петербургъ на отходящихъ изъ Стокгольма судахъ, а съ контракту ея прислать въ кабинетъ ея императорскаго величества копію, по чему-бы можно было переписать къ вашему превосходительству на отправление деньги“.

„21 марта 1754 г..

Отвѣтъ Панина былъ неудовлетворителенъ:

„Я съ сожалѣніемъ нахожу, писалъ Панинъ, что все мое приложенныя старанія по сіе время втунѣ были; да и впредь не вижу скорой надежды. Я много здѣсь свободныхъ кухарокъ нашель, но изъ нихъ ни одну нанять не могу, потому что ни достаточнаго знанія въ ихъ ремеслѣ, ниже надежной рекомендаціи о добромъ состояніи не имѣютъ. Разсуждая, что желаніе имѣть кухарку болѣе въ томъ обращается, чтобы такіа домашняго простаго обихода съ хорошимъ вкусомъ блюда готовить, которыхъ обыкновенно повары не умѣютъ, я о принсканіи доброй давалъ комиссію и въ Готенбургъ,

гдѣ знатное купечество съ такимъ домоводствомъ изрядно живетъ. И какъ тамъ, такъ и здѣсь наибольшая трудность въ томъ состояла, что по здѣшнимъ полицейскимъ учрежденіямъ всякаго званія слуги, только дважды въ годъ, въ Пасху и Михайловъ день, свободу имѣють отходить отъ своихъ хозяевъ и для того должны за полтреть мѣсяца напередъ объявить о томъ намѣреніи, дабы заранее можно было другихъ прискать на ихъ мѣсто. Въ разсужденіи чего, между сихъ двухъ сроковъ, какъ по большей части всѣ лучшіе люди уже въ службахъ, такъ и изъ оставшихъ на волѣ съ добрыми качествами ежели не никогда, то весьма рѣдко находятяся: умалчивая о томъ, что каждый, а особливо женской пола, свой хлѣбъ въ отечествѣ предпочитаетъ, а чѣмъ добрыхъ кухарокъ здѣсь менѣе тѣмъ паче въѣтъ, въ великомъ почитаніи, дорого платятся и всегда въ состояніи навывгоднѣйшіе договоры себѣ получать“.

„Изъ Стокгольма іюня 24 1754 года.

Отвѣтъ Панина полученъ былъ 7 іюля, Черкасовъ доложилъ 9 іюля императрицѣ и 14 отвѣчалъ Панину, что императрицѣ угодно чтобъ онъ неотмѣнно отыскалъ и прислалъ-бы кухарку, давъ ей для провозанія изъ своихъ людей, отпавивъ на кораблѣ чрезъ Алантъ-Гажъ и Шкеры до Абова, а оттуда сухимъ путемъ въ Петербургъ.

18 сентября 1754 г. къ Черкасову явился камердинеръ Панина Оппень-Риттеръ съ кухаркою дѣвицею Анною Оре. Они пріѣхали изъ Стокгольма моремъ на русскомъ кораблѣ. Въ письмѣ, съ ними присланномъ, Н. И. Панинъ уведомлялъ барона Ивана Антоновича Черкасова, что онъ добылъ кухарку „съ великими затрудненіями“. — „Но могу удостовѣрить, писалъ Панинъ, что она лучшая кухарка во всемъ здѣшнемъ мѣстѣ и служила въ знатныхъ домахъ съ хорошимъ окладомъ и отличнымъ содержаніемъ. А препроводя такъ большую часть своего вѣка и оставя нынѣ службу въ домѣ графа де-Лагардія, хотѣла уже въ покоѣ собою жить“. О познаніяхъ этой довольно уже пожилой дѣвицы Оре Панинъ писалъ такъ: „Она особливо хорошо знаетъ готовить здѣшніе супы, капусту, пирожное и рыбы; также и нѣсколько соусовъ изрядно заправлять; всего-же, отъ 15 до 20 блюдъ снарядитъ можетъ, съ хорошимъ по шведскому обычаю на столѣ распоряженіемъ, только бы ей довольное къ тому время дано было. Дай Боже, чтобъ ея ремесло ея императорскаго величества всевысочайшей угодности удостоилось“.

По заключенному съ дѣвицею Анною Оре Панинымъ контракту ей дано 25 червонныхъ на проѣздъ; жалованья назначено со дня подписанія контракта въ годъ по 225 рублей, свѣчи, дрова и особливую комнату; „если ей, Аннѣ, неприятно будетъ получать ордеръ отъ поваровъ, то дозволяется ей свободно и безъ поварскаго содѣйствія готовить приназанія отъ госпожи ея кушанья“. Контрактъ былъ заключенъ отъ имени графини Мавры Егоровны Шуваловой, куда она и поступила, но черезъ нѣсколько дней императрица взяла ее къ себѣ и осталась ею очень довольна.

Въ концѣ октября 1754 г. камердинеръ Панина былъ отправленъ обратно въ Стокгольмъ, съ награженіемъ его отъ императрицы двумястами рублѣй.

Дѣвица Анна Оре, готовя для императрицы заказываемыя ею шведскія кушанья, прожила во дворцѣ три года, въ 1757 году по болѣзни отпросилась домой и была отправлена съ денежнымъ вознаграженіемъ на мѣсто своего жительства, въ Стокгольмъ.

Изъ бумагъ М. Д. Хмырова.

Предположеніе Мещовскаго дворянства о памятникѣ императору Александру I.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій императора Александра I, по восшествіи его на престолъ, было возстановленіе грамоты, дарованной прежними

государями Русскому дворянству. Въ высочайшемъ манифестѣ, изданномъ 2-го апрѣля 1801 года, было сказано: „Знаменитые подвиги, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, были отличаемы почестями и преимуществами. Такъ возникли всѣ дворянскіе роды. Всему свѣту извѣстно, какими славными подвигами въ войнѣ и мирѣ, на сушѣ и моряхъ, отличалось Россійское дворянство. Его заслуги были признаны монархами, нашими предками, а императрица Еватерина, побуждаемая свойственною ей мудростью, опредѣливъ во всей силѣ преимущества, дарованныя дворянству, торжественно утвердила ихъ грамотою 1785 года. Положивъ во всемъ слѣдовать по стезямъ ея и будучи сами убѣждены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства, мы признали первую обязанностью возстановить и утвердить ихъ за насъ и наслѣдниковъ нашихъ. Мы увѣрены, что благородное Россійское дворянство, шествуя по стопамъ своихъ предковъ и руководясь вѣрностью, усердіемъ и честью, всегда будетъ содѣйствовать нашему желанію, —возвести Россію на ту степень силы и благополучія, которая опредѣлена ей Всевышнимъ“.

Этотъ манифестъ подалъ Мещовскому дворянству мысль увѣковѣчить память императора Александра I сооруженіемъ ему памятника въ г. Мещовскѣ. Такое рѣшеніе Мещовскаго дворянства было доведено до свѣдѣнія государя калужскимъ гражданскимъ губернаторомъ Лопухиннымъ, который въ своемъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ доносилъ:

„Всемилоствѣннѣйшій вашего императорскаго величества манифестъ, состоявшійся во 2-й день апрѣля мѣсяца, воскресивъ права и преимущества Россійскаго дворянства на вѣчныя времена, украшаетъ вмѣстѣ съ оными дѣла и подвиги, понесенные предками родовъ ихъ. Благородное вѣрною мнѣ губерніи дворянство, съ благоговѣніемъ чувствуя такое высоко-монаршее вашего императорскаго величества милосердіе, не въ образъ знаменитыхъ памятниковъ, но во изъявленіе только неизяснимой своей благодарности и чистосердечнаго усердія, при выборѣ въ уѣздные и земскіе суды присутствующихъ восьми уѣздовъ, кромѣ девятаго Мѣшовскаго, поставило себѣ непремѣннымъ долгомъ и утвердило подписаніемъ добровольное опредѣленіе, дабы всякой помѣщикъ изъ собственныхъ своихъ доходовъ вносить одновременно назначаемыя имъ деньги, коиъ бы вообще не менѣе составило пятидесяти тысячъ рублей; а по наличномъ сборѣ сей суммы полагаетъ отдать ее въ Приказъ Общественнаго Пріорѣнія для раздачи однимъ Калужской губерніи помѣщикамъ изъ процентовъ, принимая залоги согласно банковому учрежденію; на пріобрѣтенныя-жъ интересы, сверхъ нынѣ воспитывающихся въ главной народной школѣ, увеличить пріемъ немущаго благороднаго юношества. Но уѣзда Мѣшовскаго дворянство, несогласясь со онымъ, предложило особой прожектъ, что желаетъ соорудить и воздвигнуть у себя въ городѣ единымъ своимъ иждивеніемъ посильный монументъ изъ мрамора, изображающій высочайшую вашего императорскаго величества особу!

„Господинъ губернскій предводитель отъ лица дворянства, сообщая мнѣ тогда же оба знака сей жертвы, просилъ меня повергнуть оныя на всеагустѣйшее вашего императорскаго величества благоволеніе.

„Я, споспѣшествуя по возложенной на меня обязанности исполненію сего намѣренія и дабы видѣть больше прочнымъ первое положеніе, въ подтвержденіи онаго предварительно относился и къ отсутствующимъ знатымъ ихъ сочленамъ; а до того не отважился представлять вашему императорскому величеству; получа же теперь согласныя отъ нихъ отзывы на взносъ пятидесяти-тысячной суммы, пріемлю смѣлость донести объ ономъ и всеподданнѣйше испрашивать всемилоствѣннѣйшаго вашего императорскаго величества ко утверженію сего соизволѣнія.

„Всемилоствѣннѣйшій государь! вашего императорскаго величества вѣрно-поданный гражданскій губернаторъ Лопухинъ.

„Сентября 9-го дня 1801 года.

„Калуга.

Императоръ Александръ отвѣчалъ Лопухину слѣдующимъ рескриптомъ:

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ калужскій гражданскій губернаторъ Лопухинъ. Усмотрѣвъ изъ донесенія вашего о расположеніи Калужскаго дворянства составить 50-ти-тысячный капиталъ для содержанія процентами онаго въ главномъ народномъ училищѣ соразмѣрнаго числа неимущаго благороднаго юношества, поручаю вамъ изъяснить собранію дворянства за подвигъ сей моею истинною признательностью и увѣрить его, что средство избранное имъ въ доказательство его усердія, столько же дѣлаетъ честь его просвѣщенію, какъ и благотворительнымъ его видамъ. Искренно сожалѣю, что не могу того же сказать о намѣреніи дворянства Мѣщовскаго уѣзда. Я привыкъ и считаю себя долгомъ на все взирать по отношенію къ общей пользѣ, и никакое личное приношеніе не можетъ быть мнѣ пріятно, есть ли оно съ чѣмъ великимъ и единственнымъ моимъ предположеніемъ не имѣетъ близкой связи. Есть ли бы и заслужилъ я памятникъ,—отъ сего однакоже я считаю себя далекимъ,—я конечно желалъ бы имѣть его въ чувствѣ людей облагодѣренныхъ, а не въ холодномъ мраморѣ, рѣдко говорящемъ сердцу. Будьте истолкователемъ сихъ моихъ правилъ Мѣщовскому дворянству и увѣрите его, что усердіе его мнѣ драгоцѣнно, но жертвы имъ приносимой я не пріемлю.

„Пребиваю вамъ благосклонный

„Александръ“.

„16-го сентября 1801 года“.

Сообщено В. Г. Есиповичемъ.

Графиня Орлова-Чесменская и Фотій.

Анекдотическая часть исторіи представляетъ иногда такія характеристическія черты, которыя даютъ болѣе ясное понятіе о лицахъ и положеніяхъ, нежели нѣныя пространныя изложенія и разсужденія. Поэтому нельзя не дорожить сохраненіемъ мелкихъ, но правдивыхъ анекдотовъ.

Въ нашей печати не мало было говорено объ отношеніяхъ графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской къ извѣстному архимандриту Фотію; но я думаю, что ничто не можетъ такъ наглядно и ярко выразить подобострастное и безусловное подчиненіе ея ему, какъ слѣдующій случай, разсказанный мнѣ лично покойнымъ Петромъ Федоровичемъ Желтухинымъ, извѣстнымъ въ свое время командиромъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, а впоследствии предсѣдателемъ соединенныхъ дивановъ Молдавіи и Валахіи.

Я былъ близко знакомъ съ П. Ф., съ которымъ особенно часто видѣлся у сестры его, Александры Федоровны Каховской, снѣтъ которой Федоръ, служившій въ полку у дяди, былъ моимъ сверстникомъ и пріятелемъ.

Однажды рѣчь зашла о графинѣ Орловой и о Фотіи, взаимныя отношенія которыхъ сильно занимали тогда Петербургское общество и вотъ что разсказалъ мнѣ Желтухинъ по этому поводу:

„Разъ какъ-то вечеромъ заѣхалъ я къ графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ и въ числѣ прочихъ лицъ, которыхъ засталъ у ней, находился разумѣется и непремѣнный Фотій. Главною темою разговора была ошибочность людскихъ сужденій и обманчивость вишнихъ признаковъ. Я позволилъ себѣ замѣтить что и ошибочность и обманчивость эти, также не безусловны, и что для внимательнаго и продолжительнаго наблюденія всегда найдутся признаки, показывающіе, что человѣкъ или не такъ дурень, или не такъ хорошъ, какъ о немъ вообще думаютъ, причемъ позволилъ себѣ для перваго случая привести такое уподобленіе, что внутренней свѣтъ пробьется наружу и сквозь малѣйшую скважину, а относительно втораго, привелъ извѣстную русскую пословицу, „что шила въ мѣшкѣ не утаишь“.

„Ну нѣтъ! возразилъ Фотій, бываютъ случаи, гдѣ и обманчивость наружныхъ дѣйствій и ошибочность сужденій безусловны.—Вотъ напр. всѣ вы, и ты

въ томъ числѣ (Фотій, позволялъ себѣ говорить всѣмъ: ты), считаете ее конечно праведницею (при этомъ указалъ пальцемъ на графиню), а я вамъ скажу, что она величайшая грѣшница. Анна! продолжалъ онъ, обращаясь къ графинѣ, принеси-ка тѣ всѣ красныя книги, въ которыхъ вписывается твоя исповѣдь. Графиня тотчасъ встала и принесла двѣ толстыя тетради или скорѣе книги, in quarto, переплетенныя въ красный сафьянъ. Фотій взялъ отъ нея книги и подавая мнѣ (продолжалъ Желтухинъ), сказалъ:—„Вотъ возьми-ка и прочитай внимательно, и ты тогда увидишь, что правъ я, а не ты“. Я чрезвычайно сконфузился и не зналъ, что мнѣ дѣлать, но встрѣтилъ какъ бы умоляющій взглядъ графини, чтобъ я взялъ непременно книги. Послѣ этого разумѣется я не могъ долго оставаться, потому что чувствовалъ себя въ крайне затруднительномъ положеніи, и потому, воспользовавшись перерывомъ разговора, всталъ и откланялся графинѣ, не зная, что мнѣ дѣлать съ книгами, и былъ очень радъ, когда она пошла меня провожать. Пройдя двѣ комнаты и войдя въ залу предъ прихожей, я воспользовался тѣмъ, что въ залѣ никого не было, и, подавая книги графинѣ, сказалъ ей:—„Надѣюсь графиня, что вы не считаете меня способнымъ улобзнуть во зло такой случай!“—„Что вы, что вы! отвѣчала она, не принимая книгъ и отступая отъ меня какъ бы въ ужасъ,—да развѣ можно смѣть и подумать не исполнить его приказанія! Нѣтъ! прочтите, и прочтите все внимательно; я сама удостовѣрюсь въ томъ и предложу вамъ вопросы изъ разныхъ мѣстъ“.

„Дѣлать было нечего, я взялъ книги; разумѣется, мнѣ некогда было читать ихъ сплошь, но, взглянувъ на выдержку то тамъ, то сямъ, я нашелъ вездѣ сущіе пустяки, возводимыя въ грѣхи всевозможными натяжками. Одно, что я нашелъ замѣчательнымъ, какъ разъясняющее непонимаемое многими участіе Орловой въ разныхъ свѣтскихъ церемоніяхъ,—это записанное ею въ одномъ мѣстѣ сокрушеніе ея, по поводу того, что ей пришла нечестная мысль, справедливо ли требованіе Фотія, чтобъ она не разрывала связей съ большимъ свѣтломъ и разсужденіе вслѣдъ затѣмъ, что вѣроятно необходимо для спасенія ея души, чтобъ она постоянно подвергалась испытанію, сохраняя свѣтскія связи и не оставляя міра, какъ бы ни желала того.—Разумѣется, заключилъ свой разсказъ Желтухинъ, я всячески старался не подвергнуться испытанію со стороны графини, дѣйствительно ли прочиталъ вполнѣ ея исповѣдь. Я никогда съ тѣхъ поръ не ѣздилъ къ ней одинъ, чтобъ не подвергнуться вопросамъ, и пріѣзжая, удостовѣрялся напередъ, нѣтъ ли у ней Фотія. Книги я ей отослалъ въ запечатанномъ пакетѣ“.

Упомянувъ въ рассказанномъ эпизодѣ о Фотіи, нельзя не замѣтить, что не смотря на то, что и о немъ не мало уже говорено было въ печати, далеко еще невыяснена эта загадочная личность, и потому не бесполезно будетъ сохранить всѣ тѣ показанія современниковъ, которые представляютъ достаточное ручательство въ достовѣрности.

Извѣстно, что самый горячій споръ относительно Фотія заключался въ томъ, дѣйствительно ли онъ былъ убѣжденный человѣкъ, хотя и фанатикъ, и дѣйствовалъ искренно, или былъ притворщикъ, умѣвшій ловко пользоваться обстоятельствами.

Въ поясненіе этого спора, вотъ что рассказывали въ свое время о приключеніи Фотія съ однимъ княземъ Циціановымъ, достаточно извѣстнымъ въ тогдашнемъ Петербургскомъ обществѣ своими гастрономическими познаніями, остроуміемъ, и находчивостію. Онъ, говорили, никогда и ничѣмъ не смущался. Сцена въ домѣ той же графини Орловой. Циціановъ пріѣзжаетъ и входитъ въ гостинную одновременно съ однимъ высокопоставленнымъ лицомъ. Они находятъ Фотія на диванѣ, на правой сторонѣ, опершагося локтемъ на ручку дивана; графиня сидитъ на креслахъ возлѣ Фотія. Высокій гость, подойдя къ графинѣ и, сказавъ привѣтствіе, хочетъ отойти, чтобъ дать мѣсто подходящему за нимъ Циціанову; но въ это время Фотій, обращаясь къ высокому посѣтителю, вдругъ закричалъ:—„А что-жъ ты не подходишь ко мнѣ къ благо-

словенію!“ Тотъ смутился и подошелъ къ Фотію; всѣ были изумлены такою дерзостію, а гостей было много. Когда же затѣмъ подошелъ къ графинѣ и Циціановъ, и, раскланявшись, сталъ отходить, не обращая съ умысломъ вниманія на Фотія, и не поклонясь даже ему, то Фотій, желая поддержать свой авторитетъ, вздумалъ озадачить и Циціанова, сказалъ и ему грубо: — „Ну а ты что-жь?“ Но Циціановъ, отойдя отъ графини и обойдя кресло на которомъ она сидѣла, подошелъ къ дивану и наклонясь къ Фотію, шепнулъ ему что-то на ухо. Само собою разумѣется, что вниманіе всѣхъ было обращено на происходившую сцену. Хотя никто не могъ слышать, что сказалъ Циціановъ, но всѣ замѣтили, что Фотій смѣшался, не говорилъ во весь вечеръ ни слова, и только изрѣдка поглядывалъ изъ-подлобья на Циціанова.

Разумѣется всѣхъ до крайности интересовало, что могъ сказать такого Циціановъ Фотію, чтобы заставить его смутиться. Близкимъ знакомымъ Циціановъ объяснилъ, что онъ просто сказалъ Фотію:— „А помнишь, какъ ты училъ кадетъ надувать экзаменаторовъ изъ Закона Божія?“ Навели справки и оказалось, что когда Фотій былъ законоучителемъ въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, то для того, чтобы экзаменъ предъ духовною комиссіей выходилъ блестящій, Фотій самъ училъ кадетъ, какъ выбирать тѣ вопросы, на которые они могутъ тверже отвѣчать, дѣлая на билетахъ условныя отмѣтки.

Сообщено Д. И. Завалишнымъ.

Анекдотъ объ императорѣ Александрѣ I.

Когда въ 1813 году король саксонскій былъ взятъ въ плѣнъ, то правителемъ королевства былъ назначенъ соединенными монархами князь Николай Григорьевичъ Рѣпинъ-Волконскій. Онъ вздумалъ учредить какой-то орденъ „Вѣрности“ съ разными степенями и первую степень, съ зеленою лентою черезъ плечо возложилъ на себя, а вторую далъ своему правителю канцеляріи, чѣмъ и окончилась раздача ордена, потому что государь узнавъ объ этомъ, съ неудовольствіемъ, запретилъ и раздавать орденъ и носить тѣмъ, которые его уже получили.

Когда же князь Николай Григорьевичъ, сдавъ управленіе Саксоніей возстановленному на престолѣ прежнему королю, возвратился въ Россію, то былъ назначенъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, причемъ государь въ шутку сказалъ:— „Послѣ того, какъ князь Николай Григорьевичъ управлялъ королевствомъ, я былъ въ затрудненіи, какое дать ему мѣсто въ Россіи и поэтому оставалось только одно: раздѣлить съ нимъ Россію; себѣ я оставилъ Великую Россію, а ему далъ Малую“.

Сообщено Д. И. Завалишнымъ.

Еъ біографіи М. Ю. Лермонтова.

Въ мартовской книжкѣ „Русской Старины“ за прошлый годъ напечатана статья Н. А. Висковатого подъ заглавіемъ „Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ въ іюнѣ 1841 года“, въ которой почтенный профессоръ передаетъ рассказъ помянутого П. И. Магденко о встрѣчѣхъ его съ поэтомъ и его двоюроднымъ братомъ Столыпнымъ въ Ставрополѣ и Георгіевскѣ, и совмѣстной побѣдѣ ихъ въ Пятигорскѣ.

Извѣстно, что М. Ю. Лермонтовъ въ этомъ году убитъ на дуэли въ Пятигорскѣ, и что въ публикѣ ходили различныя толки о его будто бы самовольной поѣздкѣ въ Пятигорскъ, вопреки разрѣшенію начальства. Г. Магденко своимъ рассказомъ старается подтвердить это предположеніе. По его словамъ поѣздка въ Пятигорскъ была рѣшена при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Солнце уже закатилось, говоритъ г. Магденко, когда я пріѣхалъ въ городъ или, вѣрнѣе, только крѣпость Георгіевскую. Смотритель сказалъ мнѣ, что ночью ѣхать дальше не совсѣмъ безопасно. Я рѣшился остаться ночевать и въ ожиданіи самовара пошелъ прогуляться. Вернувшись, я только что принялся пить чай, какъ въ комнату вошли Лермонтовъ и Столыпинъ. Они поздоровались со мною, какъ со старымъ знакомымъ, и приняли приглашеніе выпить чаю. Вошедшій смотритель, на приказаніе Лермонтова запретать лошадей, отвѣчалъ предостереженіемъ въ опасности ночного пути. Лермонтовъ отвѣтилъ, что онъ старый кавказецъ, бывалъ въ экспедиціяхъ и его не запугаешь. Рѣшеніе продолжать путь не измѣнилось и отъ смотрительскаго разсказа, что позавчера въ семи верстахъ отъ крѣпости зарѣзаны были черкесами проѣзжій унтеръ-офицеръ. Я съ своей стороны тоже сталъ уговаривать лучше подождать завтрашняго дня, утверждая что-то въ родѣ того, что лучше же приберечь храбрость на время какой либо экспедиціи, чѣмъ рисковать жизнью въ борьбѣ съ ночными разбойниками. Къ тому же разразился страшный дождь и онъ то кажется сильнѣе доводовъ нашихъ подѣйствовалъ на Лермонтова, который рѣшился таки заночевать. Принесли что у кого было съѣстнаго, явилось на столъ кахетинское вино и мы разговорились. Они распрашивали меня о дѣлѣ моей поѣздки, объяснили, что сами ѣдутъ въ отрядъ за Лабу, чтобы участвовать „въ экспедиціяхъ противъ горцевъ“. Я утверждалъ, что не понимаю ихъ влеченія къ трудностямъ боевой жизни и противопоставлялъ ей удовольствія, которыя ожидаю отъ кратковременнаго пребыванія въ Пятигорскѣ, въ хорошей квартирѣ, съ удобствами жизни и разными заѣмами, которыя имъ въ отрядѣ конечно доступны не будутъ. На другое утро Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣли уже за самоваромъ, обратился къ послѣднему, сказалъ: „Послушай, Столыпинъ, а вѣдъ теперь въ Пятигорскѣ хорошо, тамъ Верзилины (онъ называлъ еще нѣсколько именъ), поѣдемъ въ Пятигорскъ“. Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. „Почему? быстро спросилъ Лермонтовъ, тамъ комендантъ старый Ильяшевичъ, и являлся къ нему нечего, ничто намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ“. Съ этими словами Лермонтовъ вышелъ изъ комнаты. На дворѣ лилъ проливной дождь. Надо замѣтить, что Пятигорскъ отстоялъ отъ Георгіевска на разстояніи 40 верстъ, по тогдашнему—однимъ перегонъ. Изъ Георгіевска мнѣ приходилось ѣхать въ одну сторону, имъ—въ другую. Столыпинъ сидѣлъ задумавшись. „Ну что, спросилъ я его, рѣшается, капитанъ?“. „Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ, вѣдъ мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Воиъ, говорилъ онъ, указывая на столъ, наша подорожная, а тамъ инструкція—посмотрите“. Я поглядѣлъ на подорожную, которая жалела раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію совѣстился и признался очень о томъ сожалѣю. Дверь отворилась, быстро вошелъ Лермонтовъ, сѣлъ къ столу и, обратясь къ Столыпину, произнесъ повелительнымъ тономъ: „Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!“ Съ этими словами выпнулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: „Вотъ, послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ къверху орломъ—ѣдемъ въ отрядъ, если рѣшеткой—ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?“ Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ и къ нашимъ ногамъ упалъ рѣшеткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: „Въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! Позвать людей, намъ уже запягли!“

Къ этому разсказу г. Магденко, профессоръ Висковатый сдѣлалъ отъ себя слѣдующее примѣчаніе: „Возвратясь изъ отпуски, Лермонтовъ въ Ставрополѣ представлялся генералу Граббе, который, выѣхавъ въ от-

рядъ, по просьбѣ Лермонтова, дозволили ему оставаться нѣсколько времени въ Ставрополѣ, и затѣмъ уже догонять отрядъ за Лабой. Внезапное рѣшеніе Лермонтова посѣтить Пятигорскъ было самовольнымъ поступкомъ, на который Граббе очень сердился⁴.

На памяти Лермонтова лежитъ много несправедливыхъ и неосновательныхъ нареканій, выдуманныхъ и пущенныхъ въ пубliku его завистниками и врагами и до сихъ поръ еще не опровергнутыхъ. Поэтому считаемъ необходимымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній на рассказъ, хотя и сообщенный очевидно, но заключающій въ себѣ противорѣчія съ несомнѣнными, документальными фактами.

Лермонтовъ, какъ извѣстно, былъ выписанъ за дуэль изъ гвардіи въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, находившійся на Кавказѣ. Зимой 1840—1841 года, по ходатайству его родственниковъ, ему дозволено было воспользоваться отпускомъ въ Петербургъ, откуда онъ весной 1841 года и возвращался къ своему полку, входившему тогда въ составъ отряда, собраннаго для экспедиціи противу горцевъ за Лабой.

Штабъ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи находился въ то время въ Ставрополѣ. Командовавшій войсками этой линіи генералъ Граббе, къ которому по возвращеніи изъ отпуска явился Лермонтовъ, разрѣшилъ ему пробывать нѣкоторое время въ Ставрополѣ и затѣмъ ѣхать въ отрядъ за Лабу.

Черезъ нѣсколько дней генералъ Граббе выѣхалъ въ отрядъ, а Лермонтовъ оставался въ Ставрополѣ, гдѣ оставался также и войсковой штабъ Кавказской линіи и Черноморіи¹).

Начальникомъ штаба въ то время былъ флигель-адъютантъ, полковникъ Траскинъ, который и разрѣшилъ какъ Лермонтову, такъ и спутнику его Столыпину, остаться если нужно по болѣзни въ Пятигорскѣ, что удостоверяетъ слѣдующая официальная переписка, извлеченная нами изъ дѣла Пятигорскаго Комендантскаго Управленія 1841 г., за № 88, о Столыпинѣ и Лермонтовѣ.

Пятигорскій комендантъ, при рапортахъ отъ 24 мая 1841 г. за №№ 805 и 806, представилъ въ штабъ войскъ Кавказской линіи и Черноморіи два медицинскіе свидѣтельства, за №№ 360 и 361, о болѣзни Столыпина и Лермонтова и просилъ разрѣшенія имъ пользоваться кавказскими минеральными водами въ Пятигорскѣ.

Въ отвѣтъ на это, флигель-адъютантъ, полковникъ Траскинъ, отъ 8 іюня за № 11978, писалъ коменданту: „Не вида изъ представленныхъ вами при рапортахъ отъ 24 мая сего года за №№ 805 и 806, свидѣтельствъ за №№ 360 и 361, чтобы Нижегородскаго драгунскаго полка капитану Столыпину и Тенгинскаго пѣхотнаго поручику Лермонтову, прибывшимъ въ Пятигорскъ, необходимо нужно было пользоваться кавказскими минеральными водами и напротивъ, усматривая, что болѣзнь ихъ можетъ быть излечена и другими средствами, я покорно прошу ваше высокоблагородіе немедленно съ полученіемъ сего, отправить обонхъ ихъ по назначенію, или же въ Георгіевскій военный госпиталь, по уваженію, что Пятигорскій госпиталь и безъ того уже наполненъ больными офицерами, которымъ дѣйствительно необходимо употребленіе минеральныхъ водъ и которые пользуются этимъ правомъ по разрѣшенію, данному имъ отъ высшаго начальства. Всѣмъ же прибывшимъ изъ отряда офицерамъ, кромѣ раненыхъ, объявить, что командующій войсками къ 15 числу прибудетъ въ Червленную, и наблюдать, чтобы они къ тому времени выѣхали изъ Пятигорска, кромѣ маіора Пушкина, о которомъ послѣдуетъ особое распоряженіе“.

Комендантъ, получивъ подобный отвѣтъ, предписалъ Лермонтову и Столыпину отправиться или въ отрядъ, или въ Георгіевскій госпиталь и препроводилъ имъ подорожную. Но Лермонтовъ подалъ рапортъ отъ 18 іюня за № 132, слѣдующаго содержания:

„Ваше высокоблагородіе предписать мнѣ, за № 1000, изволили—отправиться

¹) Въ отрядѣ, при генералѣ Граббе находилось только походное дежурство.

въ мѣсту моего назначенія, или если болѣзнь моя того не позволитъ, въ Георгіевскѣ, чтобы быть зачисленному въ тамошній госпиталь.

„На это честь имѣю почтительнѣйше донести вашему высокоблагородію, что, получивъ отъ вашего высокоблагородія позволеніе остаться здѣсь до излеченія, и также получивъ отъ начальника штаба, флигель-адъютанта, господина полковника Траскина предписаніе, въ коемъ онъ также дозволилъ мнѣ остаться здѣсь, предписавъ о томъ донести полковому командиру, полковнику Хлюпину, и отрядному дежурству, и такъ какъ я уже началъ пользованіе минеральными водами и принялъ 23 сѣрныхъ ваннъ, то прервавъ курсъ, подвергаюсь совершенному разстройству здоровья и не только не излечусь отъ своей болѣзни, но могу получить новыя для удостовѣренія въ чемъ имѣю честь приложить свидѣтельство моего пользующаго медика.

„Осмѣливаюсь при томъ покорнѣйше просить ваше высокоблагородіе изсодатайствовать мнѣ у начальника штаба, флигель-адъютанта, господина полковника Траскина, позволеніе остаться здѣсь до совершеннаго излеченія и окочанія курса водъ“.

Таковаго же содержанія рапортъ, за № 51, подавъ и капитанъ Столыпинъ-Комендантъ, отъ 23 іюня за № 1118, сообщилъ объ этомъ полковнику Траскину, но отвѣта отъ него на это послѣднее донесеніе не послѣдовало (да и послѣдовать не могло, такъ какъ разрѣшивъ остаться, неловко было настаивать на выѣздѣ); поэтому Лермонтовъ и Столыпинъ остались въ Пятигорскѣ и продолжали свое леченіе.

Изъ вышеприведенныхъ документовъ видно, что обвиненіе Лермонтова въ совершеннѣи самовольнаго поступка совершенно неосновательно. Какъ офицеръ, онъ дѣйствовалъ вполне легально и съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для чиновъ военнаго вѣдомства правилъ. Онъ былъ извѣстенъ кавказцамъ какъ поэтъ и какъ офицеръ, выписанный изъ гвардіи за дуэль. Неприбытіе его къ отряду съ 22 мая по 15 іюля не могло бы остаться незамѣченнымъ не только для товарищей, но и для самого генерала Граббе. Полковникъ Траскинъ, давшій разрѣшеніе Лермонтову и Столыпину остаться въ Пятигорскѣ, не могъ не донести объ этомъ командиру войсками. Допуская даже, что этого и не было исполнено, нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что по предписанію полковника Траскина и Лермонтовъ, и Столыпинъ донесли о своей остановкѣ въ Пятигорскѣ походному дежурству, которое никакъ ужъ не могло не доложить объ этомъ генералу Граббе. Слѣдовательно, неудовольствіе его на Лермонтова, по поводу поѣздки послѣдняго въ Пятигорскъ для леченія, высказано было уже послѣ смерти поэта, нужно думать для того, чтобы отстранить отъ себя отвѣтственность за ея послѣдствія. Такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ сказанныя имъ слова нѣкоторые старожилы Пятигорска, знавшіе лично и поэта, и начальника.

Вотъ факты, которые свидѣлствуютъ противъ взведеннаго на поэта нареканія. Значеніе ихъ еще болѣе усилится, если мы припомнимъ, что воинская дисциплина въ царствованіе императора Николая I доведена была до педантизма и нѣкому, какъ бы высоко ни стоялъ человекъ, не сходило съ рукъ малѣйшее ея нарушеніе. Если бы Лермонтовъ уѣхалъ, какъ говоритъ г. Висковатовъ, въ Пятигорскѣ самовольно, вопреки прямому приказанію командующаго войсками, то онъ чрезъ нѣсколько дней послѣ появленія тамъ былъ бы преданъ суду и по меньшей мѣрѣ разжалованъ въ рядовые.

Въ заключеніе замѣтимъ, что встрѣчи г. Магденко съ Лермонтовымъ въ Ставрополѣ и Георгіевскѣ происходили, по его словамъ, лѣтомъ 1841 года между тѣмъ Лермонтовъ съ 22 мая по 15 іюля находился въ Пятигорскѣ и въ Ставрополѣ не выѣзжалъ.

Сообщено П. К. Мартыновымъ.

Къ характеристикѣ С. С. Ланскаго.

Министръ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланской былъ извѣстенъ въ свое время какъ человѣкъ лично входящій во все, а не полагавшійся во всемъ на подчиненныхъ, какъ дѣлывали другіе министры. Оттого то онъ и не предъявлялъ относительно своихъ чиновниковъ такихъ требованій, которыя были несоотвѣтственными условіямъ ихъ положенія. Онъ говаривалъ, что знающій свое дѣло крестьянинъ не станетъ отговариваться тѣмъ, что у него нѣтъ усовершенствованныхъ орудій и что поэтому не можетъ вспахать хорошо поле, а вспашетъ его хорошо и самодѣльною сохою, зная, что если усовершенствованныя орудія и лучше пожалуй для обработки земли, да взять ихъ ему не откуда, да если бы и могъ ихъ купить, то цѣна ихъ поглотитъ не только цѣнность всѣхъ его произведеній, но и стоимось его поля въ придачу. Все это онъ говаривалъ по поводу того, что многіе начальники привыкли оправдывать свою недѣятельность и неумѣлость тѣмъ, что нѣтъ-де людей, что подчиненные ихъ не имѣютъ всѣхъ нужныхъ условій, чтобы хорошо дѣлать дѣло. Свой взглядъ на это Ланской выразилъ въ одномъ анекдотѣ, который любилъ рассказывать. Было ли рассказываемое имъ происшествіе дѣйствительное, или вымышленное, навѣрное рѣшить нельзя, но оно хорошо характеризировало его понятія о дѣлѣ.

„Былъ у меня, говорилъ онъ, одинъ хорошій знакомый, отчасти даже и родственникъ, которому такъ посчастливилось по службѣ, что онъ, въ сравнительно еще молодыхъ лѣтахъ, былъ назначенъ губернаторомъ въ одну изъ внутреннихъ губерній, ничѣмъ неотличавшуюся отъ другихъ, и слѣдовательно представлявшую общія условія для всей Россіи. Былъ онъ человѣкъ честный, ретивый, противникъ зла, но составилъ себѣ какое то особенное понятіе объ обязанностяхъ губернаторскаго званія. Ему все представлялось, что главное назначеніе губернатора не марать рукъ въ черной работѣ администраціи, а какое то политическое, поддерживать авторитетъ администраціи, быть первенствующимъ лицомъ не по значенію только мѣста, а по нравственному вліанію на губернское общество, быть посредникомъ и согласителемъ какихъ то партій и т. п., а что административный механизмъ долженъ и безъ него идти самъ собою, лишь бы были на всѣхъ мѣстахъ люди способные, и вся забота губернатора относительно общаго хода дѣлъ должна состоять только въ выборѣ людей съ опредѣленными условіями. Отправясь на губернаторство и осмотрѣвъ губернію, онъ по тогдашнимъ правиламъ долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ съ отчетомъ объ обзрѣніи и представить министру свои замѣчанія и соображенія. И вотъ, когда онъ явился ко мнѣ и окончилъ церемониальное представленіе и официальные доклады, я просилъ его связать мнѣ откровенно его мнѣніе о положеніи губерніи. На такой мой вопросъ онъ разразился цѣлымъ потокомъ осужденій и упрековъ относительно всей администраціи губерніи и особенно нападаль на городскую и земскую полицію. „Съ такими людьми, заключилъ онъ, рѣшительно невозможно служить; съ ними ничего не сдѣлаешь“. „Такъ скажи же мнѣ пожалуйста, возразилъ я, какихъ же тебѣ людей надобно? ну хоть бы, напримѣръ, на должности квартальнаго или земскаго за сѣдателя (тогда становыхъ еще не было)“? Вотъ онъ и пошелъ расписывать всѣ качества, какія, по его мнѣнію, должны имѣть эти низшіе чиновники. Выслушавъ его терпѣливо, я сказалъ ему: „Послушай, любезный другъ! Найди мнѣ пожалуйста такого человѣка на должность квартальнаго или за сѣдателя и я сію же минуту поѣду съ докладомъ къ государю, чтобы назначить его на твое мѣсто!“

Сообщено Д. И. Завалишкинымъ.

С М Ъ С Ъ.

ОПИСАНИЕ рукописныхъ сборниковъ Публичной Библіотеки. Академикъ А. Ф. Бычковъ издать второй выпускъ своего „Описанія славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной Библіотеки“. Описание это представляетъ обширный, вполне ученый трудъ, исполненный съ отличающимися всѣ работы почтеннаго ученаго добросовѣстностью и знаніемъ дѣла. Полезное изданіе г. Бычкова уже оцѣнено специалистами, для которыхъ собственно оно и назначено, а потому, не вдаваясь въ подробности, мы замѣтимъ только, что второй выпускъ заключаетъ въ себѣ описаніе 24 рукописныхъ сборниковъ, исключительно изъ собрания покойнаго Погодина; во всѣхъ этихъ сборникахъ, разнообразныхъ по содержанию, лица, занимающіяся исторіей древнеРусской литературы, найдутъ весьма много новыхъ и любопытныхъ матеріаловъ.

Поѣздка въ Румелію архимандрита Антонина. Какимъ образомъ устроилась эта поѣздка, это далъ на нее средства, которыхъ употреблено конечно не мало, кому нужна была эта поѣздка и наконецъ причѣмъ тутъ Императорское Русское Археологическое Общество, издавшее эту поѣздку на свой счетъ—все это вопросы, которые невольно приходятъ на умъ, когда держишь въ рукахъ объемистый томъ трудовъ арх. Антонина. Положимъ, что изученіе греческихъ надписей вещь несомнѣнно полезная; но почему Археологическое Общество находитъ нужнымъ печатать дѣлый томъ въ 376 страницъ in folio какихъ то отрывочныхъ и далеко не серьезныхъ и не талантливыхъ замѣтокъ — это опять вопросъ для насъ неразрѣшимый. И вотъ почтенный археологъ, изумляющійся, какъ могъ какой-то Спуркионъ согласиться принять это имя, означающее—мерзкій, проводящій свободное отъ своихъ занятій время въ „разбираниіи великаго и стародавнѣйшаго манускрипта Божія, разстилавшагося двѣтущаго дуга“, проѣхавшій всю Румелію и не прибавившій ровно ничего новаго къ нашему знанію этой страны, списывающій какія-то надписи надъ могилою „сына базарнаго смотрителя“ и пропустившій безъ вниманія народную жизнь, соорудилъ свое объемистое сочиненіе, а Общество напечатало никому не нужную вещь. Архимандритъ Антоній даже не потрудился выправить въ своей рукописи слогъ и грамматическія ошибки. Авторъ съ презрѣніемъ относится къ „злой памяти нѣмецкимъ книжеамъ“, но если бы онъ ихъ почиталъ побольше, то, смѣемъ думать, не сталъ бы угнетать читающую публику своими произведеніями, не представляющими никакого интереса.

Григорій Николаевичъ Геннади, извѣстный библіографъ, умеръ 26-го февраля, отъ воспаления въ легкихъ, на 54 году отъ рожденія. Послѣ него осталась

очень хорошая библиотека и собрание русских гравюр. Геннади издал много исторических, биографических и библиографических сочинений, из которых укажем на главнѣйшія: „Записки графа Сегюра о царствованіи Екатерины II“ (1865 года); „Памятныя записки Храповицкаго, статсъ-секретаря Екатерины II“ (1862); „Сочиненія Пушкина“ (1859—60, шесть томовъ съ библиографическимъ указателемъ его сочиненій); „Любовь“, эротическія стихотворенія русскихъ поэтовъ (1860), изданныя подъ псевдонимомъ Григорія Книжника; „Жизнь Ваньки Каина“ (1859 г.), перепечатка изданія 1785 года, съ примѣчаніями; „Литература Русской библиографіи“ (1858 г.) — опись библиографическихъ книгъ и статей, изданныхъ въ Россіи; „Указатель библиотекъ въ Россіи (1864); „Русскія книжныя рѣдкости“ (1872). Почти во всѣхъ нашихъ журналахъ разсѣяно множество его статей и замѣтокъ, иногда очень важныхъ для исторіи литературы, таковы: „О псевдонимахъ русскихъ и французскихъ“ („Библиотека для чтенія“, 1857 года); „О началѣ книгопечатанія въ Петербургѣ“ („Библиографическія Записки“, 1858 года). „Иностранныя сочиненія о Суворовѣ“ („Военный Журналъ“, 1857 года); „Записки русскихъ людей“ („Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ“, 1861 года). Сверхъ того, имъ составлено множество указателей по разнымъ отдѣламъ литературы, биографіи многихъ писателей, какъ Давыдова, Лобанова-Ростовскаго, Воейкова, Татищева, Сумарокова, Чихачева и др.; свѣдѣнія о замѣчательныхъ людяхъ Малороссіи, о русскихъ поэтахъ. Съ 1858 года въ „Библиографическихъ Запискахъ“, а съ 1860 — въ „Русскомъ Архивѣ“ онъ постоянно помѣщалъ некрологи писателей и ученыхъ. Но самымъ капитальнымъ трудомъ Геннади слѣдуетъ признать „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ XVIII и XIX столѣтіи и списокъ русскихъ книгъ съ 1726 по 1825 годъ“. Первый томъ этого словаря (буквы А — Е) вышелъ въ 1876 г., второй (буквы Ж—М) только что отпечатанъ; матеріалы для третьяго и четвертаго вполне подобраны и приведены въ систему. Хотя библиографическія изданія Геннади и нельзя назвать безукоризненными, тѣмъ не менѣе Русская литература потеряла въ немъ весьма полезнаго и трудолюбиваго дѣятеля.

Александръ Логиновичъ Данзасъ. 14 февраля, послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, скончался еще одинъ изъ просвѣщенныхъ и честнѣйшихъ людей, — предсѣдатель Главнаго Военнаго Суда генералъ отъ инфантеріи Александръ Логиновичъ Данзасъ.

Онъ получилъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ отецъ его Логинъ Ивановичъ, былъ долгое время гофмейстеромъ ¹⁾. Прекрасныя душевныя качества юноши и не по лѣтамъ развитой умъ дали ему сразу превосходство надъ товарищами; съ виду суровый, но нѣжный, любящій въ душѣ, онъ уже въ корпусѣ имѣлъ кружокъ своихъ почитателей. Извѣстно, какъ низокъ былъ въ то время уровень преподававшихся наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Пылливый умъ молодаго Данзаса не могъ удовлетвориться подобными знаніями; очень рано онъ сталъ серьезно относиться къ жизни и задавалъ себя вопросы, на которые не находилъ отвѣтовъ. Неудовлетворенная любознательность направила его къ чтенію всего, что попадалось ему подъ руку; но такое чтеніе лишнее всякой системы и безъ предварительной подготовки только увеличивало его сомнѣнія и заставляло еще сильнѣе чувствовать необходимость систематическаго изученія наукъ. Поступленіе въ университетъ было для него невозможно, такъ какъ приготовленіе къ этому потребовало бы, со стороны его отца, издержекъ, на которыя онъ не имѣлъ средствъ, а служба въ гвардіи, куда молодой Данзасъ былъ зачисленъ по выпускѣ изъ корпуса, считалась въ то время самою завидною службою. Такимъ образомъ молодому

¹⁾ Въ то время, старшій полковникъ корпуса, завѣдывавшій воспитаніемъ пажей и матеріальною частью корпуса, носилъ званіе гофмейстера.

человѣку, жаждавшему познаній, судьба опредѣлила военное поприще, въ строю, съ тогдашними тяжелыми требованіями.

Въ 1830 году, А. Л. былъ выпущенъ изъ корпуса въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ выступилъ въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ. Походъ въ зимнее время, (гвардія выступила изъ Петербурга въ началѣ января) безъ средствъ, далъ ему почувствовать съ первыхъ шаговъ его служебнаго поприща всю тяжесть матеріальныхъ лишеній; но такова была уже въ то время сила его воли и такъ высоко самоуваженіе, что ни тогда, ни въ послѣдствіи, втеченіе всей своей жизни, онъ не прибѣгалъ къ чужой помощи. Польская война, въ продолженіе которой онъ раздѣлялъ наравнѣ съ нижними чинами всѣ лишенія и страданія боевой жизни, положила основаніе той любви его къ солдату, которую онъ сохранилъ до конца своихъ дней.

Онъ служилъ постоянно лучшимъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ и до такой степени зналъ тогдашніе сложные уставы, что его товарищи обращались къ нему какъ къ справочной книгѣ; а какъ ревностно заботился онъ о пользахъ вѣрнѣннхъ ему нижнихъ чиновъ, какъ оберегалъ онъ солдатскую копѣйку, свидѣтельствуетъ выработанная имъ такая ясная форма отчетности, вмѣсто существовавшей по довольствію роты провіантомъ, что послѣ этого не могъ быть растроченъ ни одинъ фунтъ ротной муки. Эта отчетность, впоследствии вошла въ „Инструкцію ротному командиру“, составленную въ Семеновскомъ полку. Онъ нарочно подвергалъ себя всѣмъ стѣсненіямъ и лишеніямъ, которыя выпадаютъ на долю нижнихъ чиновъ для того, чтобы испытать ихъ на самомъ себѣ, знать, что можно требовать отъ солдата.

Но отдаваясь ревностно служебнымъ обязанностямъ, Данзасъ вмѣстѣ съ тѣмъ упорно преслѣдовалъ завѣтную свою цѣль—самообразование.

Тотчасъ по возвращеніи полка изъ Польши, Данзасъ выработалъ себѣ, по указаніямъ нѣкоторыхъ профессоровъ, программу для систематическаго самообученія, и, строго ей придерживаясь, сталъ прилежно заниматься. Не имѣя никакихъ средствъ кромѣ скуднаго казеннаго жалованья, изъ котораго онъ еще удѣлялъ часть своей матери, пока она была жива, А. Л. принужденъ былъ стѣснять жизнь свою до крайности. Жажда знанія, заставляла выдвигать средства на покупку книгъ и дорого стоящихъ географическихъ и анатомическихъ атласовъ, доводила его личныя лишенія до предѣловъ возможнаго.—Было время, когда онъ отказывалъ себѣ въ достаточной пищѣ, тщательно скрывая свою нужду отъ товарищей. Покажется страннымъ, какъ могъ голодать гвардейскій офицеръ, когда ротный котель съ горячими щами могъ быть къ его услугамъ. Но именно званіе гвардейскаго офицера и не допускало этого простаго способа пользоваться горячею пищею. Такая необходимость могла бы сдѣлаться извѣстною, вызвать отъ однихъ осужденіе, отъ другихъ состраданіе, а этого болѣе всего страшились его благородная гордость, его независимый характеръ. Онъ скрывалъ свое положеніе и, несмотря на крайнюю бѣдность, ухитрялся отвѣчать, для чести полка, всѣмъ требованіямъ представительности гвардейскаго офицера.

Изучивъ основательно французскій и нѣмецкій языки, онъ имѣлъ возможность за недостаткомъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ русскихъ учебныхъ пособій, пользоваться иностранными. Продолжительный миръ послѣ польской войны какъ нельзя болѣе благоприятствовалъ исполненію предначертаннаго покойнымъ плана самообученія.

Во время служенія въ Семеновскомъ полку и затѣмъ въ Образцовомъ, гдѣ онъ командовалъ ротой, Данзасъ велъ жизнь отшельника. День свой онъ дѣлилъ между ротой и своимъ учебнымъ кабинетомъ, гдѣ, окруженный вѣстами, таблицами, книгами, которыя онъ называлъ своими друзьями, А. Л. обрѣталъ душевный миръ, умственное наслажденіе и забывалъ свои тяжелыя житейскія обстоятельства. Такъ прожилъ онъ шестнадцать лѣтъ (съ 1832 по

1848 г.). Время это можно назвать его тяжелой школой, въ которой приобрѣтенныя знанія и опытъ приготовили его къ занятію впоследствии высшихъ должностей. Въ теченіе этого времени онъ составилъ себѣ библиотечку, имѣвшую болѣе тысячи томовъ по исторіи, философіи и другимъ отраслямъ наукъ, на русскомъ и иностранныхъ языкахъ.

Въ 1848 г. по волѣ великаго князя Михаила Павловича Данзасъ былъ неожиданно назначенъ состоять въ распоряженіи начальника штаба дѣйствующей арміи князя Горчакова.

Вмѣсто отшельнической жизни — ему предстояла отнынѣ подвижная служебная дѣятельность.

Первымъ слѣдствіемъ такой перемѣны явилась необходимость разстаться съ книгами. Тогдашнія обстоятельства его, при неизвѣстности, возвратится ли онъ когда либо въ С.-Петербургъ, заставили его продать библиотечку. Со слезами на глазахъ расстался онъ съ своими друзьями-книгами, но дѣло самообученія уже принесло плоды, и онъ уѣхалъ въ Варшаву вполне подготовленнымъ и опытнымъ офицеромъ.

Служба въ дѣйствующей арміи, при князѣ Горчаковѣ (съ 1848 по 1850 г.) дала Данзасу возможность, во время Венгерской кампаніи, участвовать въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, въ которыхъ (въ особенности при устройствѣ, по порученію князя Горчакова, 13 и 14 іюля, переправы черезъ рѣку Тейсъ у Тисса-фуретъ) онъ выказалъ отличную храбрость и мужество.

Этотъ опытъ боевой службы предвѣщалъ въ немъ искуснаго и распорядительнаго военнаго начальника, но, къ сожаленію, въ Крымскую кампанію, (1853 по 1855 г.) на долю гренадерскаго корпуса, гдѣ — именно во 2-й дивизіи, А. Л. командовалъ Екатеринославскимъ полкомъ, выпали одни лишь безплодные передвиженія, изъ Новгородской губерніи въ Варшаву, оттуда въ Подольскую губернію и далѣе въ сѣверную часть Крыма, гдѣ люди гибли сотнями отъ изнуренія и тифа. — Екатеринославцы не забудутъ зоботъ и попеченій о нихъ Данзаса въ это тяжелое время.

По окончаніи Крымской войны, А. Л. командовалъ 5-й гвардейской резервной бригадой (1856 по 1857 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, сотрудникомъ сенатора Калгера въ составленіи новаго Военскаго Устава о Наказаніяхъ, который положенъ въ основаніе нынѣ дѣйствующихъ военно-уголовныхъ уставовъ.

Съ назначеніемъ Данзаса командующимъ Сыръ-Дарьинской линіей (1857 г.) потому начальникомъ штаба отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса (1859 г.), причѣмъ по смерти генераль-адъютанта Катенина и до прибытія генераль-адъютанта Безака, онъ командовалъ Оренбургскимъ корпусомъ и завѣдывалъ дѣлами по гражданскому управленію краемъ, затѣмъ генераль-провіантмейстеромъ (1861 г.), членомъ Генераль-Аудиторіата (1864 г.), членомъ Главнаго Военнаго Суда (1867 г.) и наконецъ предсѣдателемъ этого Суда (1877 г.) — предъ нимъ открылась широкая административная и судебная дѣятельность, требовавшая недюжинныхъ способностей, многостороннихъ знаній, просвѣщеннаго ума, государственнаго взгляда. Личность покойнаго вполне удовлетворяла этимъ требованіямъ на всѣхъ занимаемыхъ имъ важныхъ постахъ государственной службы. Нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ, лично зная А. Л. съ поручичьяго чина, всегда цѣнилъ его усердную службу. Великій князь Михаилъ Павловичъ, князь М. Д. Горчаковъ, генераль-адъютанты Катенинъ и Безакъ, постоянно отзывались о Данзасѣ съ самой отличной стороны, какъ о человѣкѣ съ просвѣщеннымъ взглядомъ, энергическомъ, неподкупно-честномъ, обладавшемъ многосторонней практической оытностью.

Наконецъ и нынѣшній военный министръ, графъ Д. А. Милютинъ, отдавалъ полную справедливость прекраснымъ качествамъ Данзаса, на что указываетъ назначеніе его предсѣдателемъ Главнаго Военнаго Суда.

Полную картину жизни и многосторонней служебной дѣятельности А. Л., въ теченіи которой онъ неизмѣнно имѣлъ въ виду лишь пользы горячлюбимаго имъ отечества, представлять его записки и разные письменные документъ, которые оставилъ покойный, и которые вѣроятно будутъ напечатаны, когда наступитъ для того удобное время. Но и теперь, отдавая должное покойному, слѣдуетъ сказать, что, оставаясь вѣрнѣе своей высоко-нравственной природѣ, А. Л. какъ въ частной жизни, такъ и въ службѣ, являлъ рѣдкое безкорыстіе и честность въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ.

Строгий прежде всего къ самому себѣ, онъ никогда не входилъ въ сдѣлки съ своею совѣстью, но, повинувъсь требованіямъ долга и правды, не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ и правиламъ для личной выгоды. Безъ связей и безъ протекцій, личнымъ достоинствомъ и тяжелымъ трудомъ, достигъ онъ поздонецъ жизни высокаго общественнаго положенія; но умеръ такимъ же бѣднымъ какимъ началъ жить.

Сосредоточенный въ самомъ себѣ, онъ трудно сближался съ людьми; недовѣрчивость въ его характерѣ была слѣдствіемъ пережитаго имъ въ молодости; но онъ былъ чувствителенъ къ малѣйшему знаку вниманія къ нему, и, разъ сдружившись съ человѣкомъ, оставался ему преданнымъ на всю жизнь. Тонкая наблюдательность и громадная память, хранившая все имъ прочитанное, дѣлали изъ него разумнаго совѣтника и весьма занимательнаго собесѣдника. Не смотря на физическія страданія въ послѣдніе годы своей жизни, онъ не отставалъ ни отъ вѣка, ни отъ общества, не переставалъ интересоваться и слѣдить за всѣми явленіями въ государственной и общественной жизни нашего отечества и, подвергая ихъ въ тишинѣ кабинета изслѣдованію своего пытливаго ума, дѣлалъ имъ вѣрную оцѣнку.

Живая дѣятельность его духа поддерживалась непрерывнымъ чтеніемъ лучшихъ произведеній писателей вышшаго времени. Съ любовію собиралъ имъ вторично библіотека, содержащая въ себѣ до трехъ тысячъ томовъ. преимущественно по исторіи XVIII и XIX столѣтій, завѣщана имъ лицу Цесаревича Николая ¹⁾.

Раскопки Шлимана. Въ дополненіе къ статьѣ Вирхова, „Развалины Трои“, напечатанной въ февральской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ считаемъ не лишнимъ привести здѣсь извлеченіе изъ письма извѣстнаго археолога Шлимана, которое онъ прислалъ изъ Аѣнъ, отъ 14 марта, въ редакцію газеты „Голось“:

„Недавно я вернулся изъ Малой Азіи, гдѣ совершенно закончилъ раскопки Трои, начатыя мною въ апрѣлѣ 1870 года. Десять лѣтъ боролся я съ громадными затрудненіями, между которыми главнѣйшимъ было накопленіе разнаго рода обломковъ на мѣстѣ древняго города. Надобно было разрывать почву на глубинѣ болѣе шестнадцати метровъ, зато я нашелъ на этомъ мѣстѣ остатки семи различныхъ городовъ, существовавшихъ здѣсь въ глубокой древности. Послѣднимъ изъ нихъ былъ историческій Иліонъ, основанный эоійцами, изгнанными изъ Греціи нашествіемъ дорійцевъ, въ XI-мъ вѣкѣ до нашей эры. Подъ городомъ, воспѣтымъ Гомеромъ, былъ другой городъ—лидійскій, представляющій величайшій интересъ для археологовъ въ томъ отношеніи, что всѣ найденные мною тамъ вазы и сосуды представляютъ поразительное сходство съ старинными этрусскими вазами. Такимъ образомъ, подтверждается преданіе, приводимое Геродотомъ, что родоначальникомъ этрусковъ были лидійцы. Ниже этого города открыты развалины третьяго, гдѣ найдено много статуй Минервы съ головою совы, отчего она и получила прозвище „glaucoris“. Далѣе, слѣдовалъ еще городъ, гдѣ открыто множество идоловъ. Но самымъ интереснымъ открытіемъ для науки были развалины

¹⁾ Некрологъ А. Л. Данзаса сообщенъ намъ однимъ изъ близкихъ его товарищей по Семеновскому полку.

города, истребленнаго сильнымъ пожаромъ, что доказывалъ каждый камень, каждый черепокъ, тамъ найденный, также какъ группы вооруженныхъ воиновъ, золотыя украшенія и тысячи другихъ предметовъ. Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ городъ Троя—царя Приама. Я открылъ основанія всей стѣны, окружавшей городъ, и всѣхъ главныхъ зданій. Всѣ эти мѣста очищены отъ развалинъ. Въ настоящую минуту я оканчиваю большое сочиненіе на Англійскомъ языкѣ объ этихъ раскопкахъ и разскажу всю исторію моихъ открытій. Къ книгѣ я прилагаю болѣе 200 рисунковъ, снятыхъ съ замѣчательнѣйшихъ изъ найденныхъ мною предметовъ. Моя коллекція троянскихъ вещей съ декабря 1877 года находится въ Кенсингтонскомъ музеѣ, въ Лондонѣ. Въ концѣ нынѣшняго года я надѣюсь перевести ее отсюда въ мою виллу, въ Афинахъ, которая почти уже окончена постройкою. Она вся изъ мрамора и желѣза, и потому безопасна отъ огня. Мнѣ дѣлаютъ предложенія изъ Америки, Англій, Франціи и Германіи о продажѣ моей коллекціи, но я не рѣшаюсь разстаться съ нею⁴.

Сказки вендовъ Векенштедта. Изученіе народной Русской и Славянской литературы, благодаря трудамъ разныхъ собирателей, завѣдомо и съ полнымъ самопожертвованіемъ избравшихъ для себя эту скромную и далеко невидную, но необходимую для науки дѣятельность, достигло уже въ настоящее время довольно высокой степени развитія. Явилась возможность, хотя отчасти, возстановить тотъ міеологическій канонъ, который составлялъ религію славянъ, и если до сихъ поръ въ этомъ канонѣ остаются еще пробѣлы и неразрѣшенныя загадки, то происходитъ это лишь оттого, что религіозныя воззрѣнія сосѣднихъ со славянами народностей оставались еще неизвѣстными; влияние этихъ сосѣднихъ воззрѣній было, да и должно было быть крайне значительно и въ особенности еще въ виду и понинѣ наблюдаемой среди славянъ индифферентности въ религіозномъ отношеніи, а между тѣмъ это влияние совершенно не изучено, вслѣдствіе малаго знакомства съ міеологіями этихъ сосѣднихъ народовъ. Въ особенности сильно сказалось это стороннее влияние на сѣверо-западныхъ славянахъ, которые, германизируясь, совершенно забыли свою старину и брали отъ пришельцевъ то, что они имъ давали взамѣнъ стародавнихъ ихъ міровоззрѣній. Такимъ образомъ культъ богини земледѣлія, извѣстной подъ разными названіями—Сивѣи, Поляны, Препольницы и друг. совершенно исчезъ и встрѣчается лишь намеками въ міеологіяхъ разныхъ славянскихъ народовъ. Малая извѣстность Польской народной литературы не даетъ возможности точно и ясно опредѣлять дѣятельность этой богини и описать ея культъ, а между тѣмъ мы видимъ, что культъ этотъ въ особенности сильно былъ развитъ между Вислою и Эльбою. Женское божество у насъ, русскихъ, является вообще подъ видомъ „Матери Сырой Земли“, производительницы, тогда какъ у славянъ западныхъ это божество обоготворяется именно какъ производительница зерна. Въ виду этого нельзя не привѣтствовать появленіе въ свѣтъ сборника сказокъ лужицкихъ сербовъ или вендовъ Векенштедта; до сихъ поръ произведенія народной литературы Лауница еще никѣмъ не были опубликованы, а между тѣмъ именно они то и могутъ разъяснить многое въ міеологіи западныхъ славянъ. Прежде всего замѣтимъ, что въ цѣлой серіи сказокъ фигурируетъ повидимому главное міеологическое существо лужичанъ, чтобы не сказать божество ихъ,—„Препольница“. Это и есть богиня земли, какъ производительница зерна, олицетвореніе этой производительной силы, богиня посѣва, хлѣба. Въ вендскихъ сказкахъ конечно богиня эта успѣла уже принять многія черты нѣмецкихъ фей, но тѣмъ не менѣе ея чисто-славянская древняя основа сквозитъ почти въ каждомъ ея дѣйствіи на пользу почитающихъ ее людей. Кромѣ „Препольницы“ изъ сборника Векенштедта знакомимся мы и съ другими міеологическими существами древне-вендской міеологіи, но облики ихъ стали не ясны подъ влияніемъ постепенной германизаціи. Среди сказокъ съ чисто-міеологическимъ содержаніемъ встрѣчаются у Векенштедта и полумисторическія, со-

единенныя съ мнѣнческимъ элементомъ; онѣ отнюдь не менѣе интересны, такъ какъ изъ нихъ знакомимся мы съ нѣкоторыми крайне важными бытовыми чертами древне-вендской народной жизни и съ этическими воззрѣніями этого народа. Сколько ни толкуешь о совершившемся будто бы фактѣ полной германизации лужицкихъ сербовъ, тѣмъ не менѣе въ этомъ же крайне интересномъ сборникѣ мы находимъ одну сказку, которая свидѣтельствуетъ о томъ, что лужичане хорошо помнятъ о своемъ не-германскомъ происхожденіи, вѣрять въ свое освобожденіе отъ германскаго ига и даже намекаютъ на то, что ждутъ спасенія изъ Чешской Праги. Всѣ эти сладкія надежды высказываются вендскимъ народомъ въ сказкѣ о „Вендскомъ царѣ“. Кто этотъ царь—неизвѣстно, также точно, какъ неизвѣстно и время, когда онъ жилъ. Знаемъ только то, что жилъ онъ очень давно, что доказывается самымъ способомъ постройки его жилища. Насколько намъ извѣстно, ни въ одной народной литературѣ не было до сихъ поръ найдено воспоминанія объ озерныхъ постройкахъ и вотъ именно объ нихъ-то и говоритъ вендская сказка. Царь вендскій жилъ посреди озера, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега, и жилище его, и тотъ помостъ, который велъ къ этому жилищу, были устроены на сваяхъ. Царь умираетъ кажуцееся смертью отъ какого-то песчанаго дождя, но на самомъ дѣлѣ онъ при этомъ не умеръ, а превратился въ бѣлую карпію и серпыла въ глубинѣ озера. Конецъ сказки чрезвычайно поэтиченъ и потому мы позволимъ себѣ привести его здѣсь. „Придетъ время, когда вся Германія умѣстится подъ грушевымъ деревомъ, тогда изсякнетъ правда на землѣ и придется идти искать ее въ Прагу; вмѣстѣ съ тѣмъ изсякнетъ и озеро, въ которомъ плавааетъ бѣлая карпія, и тогда рыба эта снова приметъ свой прежній, человѣчскій видъ, собранные имъ венды признаютъ въ немъ пропавшаго вендскаго царя, и онъ побѣдитъ нѣмцевъ“. Конечно время это далеко, а до той поры нѣмцы посушатъ озеро, дно его принесутъ въ жертву вендской же „Препольницѣ“, сдѣлавъ изъ нея пахатную землю, а вендовъ такъ огерманизируютъ при помощи шевлы, что она и думать забудутъ о вендскомъ царѣ.

Современная венгерская народная драма. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что драматическая производительность „Юной Венгрии“ представляетъ собою весьма мало угѣшительнаго, такъ какъ плоды этой производительности такъ или иначе могли бы пробраться въ разные критическіе европейскіе журналы, которые не чуждаются Мадьярскаго языка и имѣютъ для него особые спеціальныя рецензенты. Мы можемъ смѣло сказать, что новѣйшіе драматурги Венгрии не дали почти ничего достойнаго вниманія въ отношеніи къ трагедіи, драмѣ и комедіи и только въ однихъ народныхъ театральныхъ пьесахъ встрѣчаются произведенія, о которыхъ стоить сказать нѣсколько словъ, и притомъ тѣмъ болѣе, что для насъ, русскихъ, Мадьярская литература вообще составляетъ „terra incognita“. Послѣ смерти Сиглиети, давшаго для мадьярской сцены своего рода Лопе-де-Вега и написавшаго слишкомъ сто пьесъ различнаго характера, не появлялось ни одного талантливаго писателя, который могъ бы занять его мѣсто. Во всей Венгрии нѣтъ рѣшительно талантовъ, а потому и случается зачастую, что какой нибудь мало-мальски маравующій писатель попадаетъ въ геніи, превозносится до небесъ и въ особенности чувствуетъ, если еще ему вздумается вложить въ уста одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ фразу о томъ, что „Венгерскій народъ живетъ отъ Енисея до Лейты“. Среди цѣлой толпы такихъ пигмеевъ славится между прочимъ Григорій Чика, который впрочемъ дѣйствительно нѣсколько выдается изъ общей бездарности своихъ соотечественниковъ; нишеть онъ, слѣдуетъ отдать ему въ томъ справедливость, превосходнымъ народнымъ языкомъ и въ этомъ-то и заключается его заслуга, но за то ни вдохновенія, ни глубины замысла, ни анализа характеровъ нечего искать въ его произведеніяхъ, и всѣ дѣйствующія лица съ успѣхомъ могли бы быть замѣнены маріонетками, на которыхъ они и такъ весьма сильно смахиваютъ. Среди писателей комедій, правда, найдется нѣсколько человѣкъ, имена кото-

рых не будутъ забыты, но въ томъ то и дѣло, что лучшія въ этомъ отноше-
ніи силы покоятся давно въ гробу, а теперь остались лишь одни ничтожества
или же такіе таланты, которые вмѣсто того, чтобы идти впередъ, летать, на-
противъ того, въ обратную сторону и успѣли опомилтъ свое, если не знамени-
тое, то по крайней мѣрѣ недюжинное имя. Къ числу послѣднихъ относится
Степанъ Толди, который отличался когда-то въ твореніи салонныхъ пьесъ
французскаго пошиба, но въ послѣднее время сталъ любить сальность и пош-
лость и перешелъ къ тому жанру, который слишкомъ грубъ и неповоротливъ,
чтобы тягаться съ живыми, игривыми и ѣдкими чисто французскимъ водеви-
лемъ, и скорѣе всего походить на тѣ произведенія вѣнскихъ еврейчиковъ, ко-
торыми они угощаютъ неразборчивую и падекую на сальность публику неболь-
шихъ театровъ. Евгений Ракочи сдѣлался съ нѣкоторыхъ поръ директоромъ
народнаго театра и съ той поры „повѣсилъ свою лиру на гвоздь забвенія“;
теперь онъ переводитъ балаганные французскіе водевили и оказался въ состо-
яніи перевести на Мадьярскій языкъ цѣлую серію оперетокъ Offenbacha и Ле-
кова, что не можетъ конечно не доказывать, что директоръ въ немъ погло-
тилъ драматическаго писателя. Наконецъ Людвигъ Дѣчи сдѣлался дипломатомъ
и больше ничего не пишетъ для сцены. Грустно, что эти именно три писателя,
столько обѣщавшіе въ своихъ первоначальныхъ произведеніяхъ и давшіе столько
прекрасныхъ комедій Венгерской литературѣ, теперь замолчали.

Если мы оглянемся собственно на пьесы народныя, то и здѣсь не уви-
димъ особенно выдающихся талантовъ, быть можетъ потому, что мадьяры слиш-
комъ жгуче живутъ политическою жизнью и не имѣютъ достаточно времени
для удовольствія и иныхъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признаться, что
Эдуардъ Тотъ есть лучший представитель этого рода литературы и можно лишь
пожалѣть, что онъ слишкомъ рано сошелъ въ могилу. Эдуардъ Тотъ весьма
многимъ напоминаетъ Островскаго въ его бытовыхъ пьесахъ, и оба писателя
въ особенности схожи тѣмъ, что всегда правдивы и высокохудожественны въ
то же время. Тотъ отлично понималъ и изучилъ всѣ маленькіе недостатки и
добродѣтели Мадьярскаго народа, а потому каждая пьеса его и производить
впечатлѣніе живой дѣйствительности, страницы, вырванной изъ книги жизни,
борьбы, которую вы сами вчера видѣли на площади, или въ домѣ. Во всѣхъ пье-
сахъ его слышится его любовь къ народу, а потому и понятно, какъ цѣнятъ
его произведенія въ Венгріи; они дѣйствуютъ на народъ облагораживающимъ,
цивилизующимъ и удучшающимъ образомъ. Тотъ не останавливался никогда
передъ двусмысленностью, но благодаря своей талантливости, умѣлъ такимъ
образомъ обставить щекотливый вопросъ, что онъ не бросался никому въ глаза
своею циничностью. Онъ ввелъ на сцену цѣлую массу совершенно новыхъ, ни-
когда еще невиданныхъ на ней типовъ и тѣмъ открылъ для народной драмы со-
вершенно новые пути. Къ сожалѣнію, написавъ всего лишь три пьесы, даро-
витый авторъ умеръ. Онъ долгіе годы скитался въ качествѣ плохаго актера
по разнымъ городамъ Венгріи и чтобы не умереть съ голода, долженъ былъ
по заказу своего антрепренера писать плохія шутки и водевильчики. Ему было
тридцать лѣтъ, когда онъ выступилъ съ первымъ своимъ произведеніемъ:
„Афалу росша“, т. е. деревенскій плутъ. Онъ послалъ пьесу въ Пештъ на кон-
курсъ; пьеса получила премію, и съ той поры народъ Мадьярскій призналъ въ
Тотѣ своего народнаго писателя. Вслѣдъ за первую комедію Тотъ написалъ
своего „Отверженнаго“ и затѣмъ „Семью Веркельмана“. Въ „Плутъ“ авторъ
представилъ передъ зрителемъ судьбу несчастнаго малаго съ такою правдою
и съ такою художественностью, что пьеса выдержала до сихъ поръ около 1,000
представленій и составила Тоту безсмертное не въ одной лишь Венгріи имя.
Кромѣ необычайнаго таланта своего, Тотъ умѣлъ вставлять въ свои пьесы на-
родныя пѣсни, а иногда и самъ сочинялъ пѣсни, которыя въ свою очередь пере-
нены со сцены народомъ и сдѣлались вполне народными пѣснями.

Кіевское общество Нестора-лѣтописца. Въ собраніи членовъ этого Общества,

происходившемъ 17 февраля 1880 года, читанъ былъ рефератъ В. С. Иконникова „Объ успѣхахъ исторической науки въ Россіи за послѣднее 25-ти-лѣтіе“ и сдѣланы П. И. Аландскимъ и А. А. Котляревскимъ „Поминки“ по недавню умершемъ академикѣ Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ. Рефератъ г. Иконникова состоялъ изъ краткой характеристикѣ состоянія исторической науки въ Россіи въ прошлое и нынѣшнее царствованіе и изъ длиннаго перечня періодическихъ изданій, сборниковъ, ученыхъ учреждений, историческихъ обществъ и отдѣльныхъ труженниковъ по исторіи. Референтъ указалъ и ту степень, съ какою историческіе труды все болѣе и болѣе затрагивали предметы изъ новѣйшей исторіи и приближались къ настоящему времени. Рефератъ этотъ скоро появится на страницахъ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій“.

Затѣмъ П. И. Аландскій, одинъ изъ бывшихъ учениковъ И. И. Срезневскаго, сдѣлалъ краткую характеристику покойнаго, какъ профессора, на основаніи своихъ личныхъ впечатлѣній. И. И. Срезневскій былъ профессоромъ болѣе 30 лѣтъ. Въ пятилѣтіе студенчества референта, покойный преподавалъ на различныхъ курскихъ русскую палеографію, введеніе въ славяновѣдѣніе, славянскія древности и исторію Русскаго языка. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ науки онъ являлся совершенно цѣльнымъ, вѣрнымъ себѣ ученымъ характеромъ. Студенты смотрѣли на него какъ на человѣка, который не только владѣлъ сокровищемъ знаній, но и дѣлалъ изъ этихъ знаній хорошій выборъ. Что бы онъ ни предлагалъ своимъ слушателямъ, во всемъ у него замѣчались—ясность, точность, опредѣленность, тонкій анализъ и замѣчательное умѣнье владѣть русскимъ словомъ. Исходя изъ фактовъ науки, Измаилъ Ивановичъ знакомилъ слушателей и съ литературою предмета и представлялъ ее въ связи съ жизненными мотивами. Видно было, что онъ сообщалъ свѣдѣнія не потому только, что вычиталъ ихъ изъ книгъ, но и потому, что знакомъ былъ съ самими авторитетами науки и зналъ внутренніе мотивы, побудившіе ихъ къ такому или иному выбору предмета, дѣлъ изслѣдованія и проч. И самъ покойный уважалъ авторитеты науки, и внушалъ къ нимъ уваженіе и въ своихъ слушателяхъ. Крѣпко стоялъ онъ за авторитеты Я. Гримма, Боппа, Палацкаго, Шафарика, Востокова, Карамзина и др. и относился къ нимъ съ благоговѣніемъ. Но тамъ, гдѣ въ научныхъ выводахъ онъ не видѣлъ достаточныхъ основаній, — съ неутомимою строгостію разоблачалъ онъ научные софизмы и при этомъ обнаруживалъ глубокое знаніе и литературы предмета, и логики науки. Референту памяты его строгіе отзывы о Мнелосницѣ и Шлейхерѣ. Вращаясь въ области научныхъ фактовъ, И. И. Срезневскій былъ великимъ профессоромъ, — и результатомъ его чтеній являлось у слушателей ясное, отчетливое представленіе о содержаніи науки. Но если бы кто изъ слушателей пожелалъ узнать, какая логика науки, какъ онъ самъ понимаетъ задачу науки,—то получилъ бы отрицательный итогъ. Обыкновенно Измаилъ Ивановичъ сопоставлялъ два-три чужихъ мнѣнія и — не дѣлалъ изъ нихъ никакого положительнаго вывода, не прибавлялъ своего мнѣнія. Могло казаться, что это происходитъ отъ робости и бесилія мысли. Но кто зналъ Измаила Ивановича не по однимъ университетскимъ лекціямъ, тотъ убѣждался въ противномъ. Его скептическое отношеніе къ конечнымъ выводамъ было своего рода самоотверженіемъ: онъ не хотѣлъ дѣлать общихъ выводовъ, потому что считалъ ихъ преждевременными и находилъ нужнымъ предварительно собирать матеріалы для этихъ выводовъ и критически разбирать ихъ. Отмѣтимъ двѣ черты его профессорской дѣятельности. Впервыхъ и по кафедрѣ И. И. Срезневскій не былъ только профессоромъ, но задумевно относился къ вопросамъ науки. Онъ питалъ глубокую любовь къ Русскому народу, но не въ томъ смыслѣ, чтобы признавать все русское хорошимъ; нѣтъ, онъ сознавалъ и недостатки Русскаго народа, но вѣрилъ въ его будущую силу, въ его способность къ труду и требовалъ для этой способности широкой свободы. Впрочемъ, онъ не ка-

саясь вопросовъ политики и политической свободы. Его любовь къ Русскому народу выражалась въ чисто научной сферѣ и свазывалась бережливостію въ русскомъ словѣ, чистотою его и заботливостію о правописаніи. Если бы записаны были его лекціи, то онѣ представили бы замѣчательное явленіе, какъ русская наука можетъ свободно обходиться безъ иностранныхъ терминовъ и почерпать средства для своего выраженія исключительно изъ богатой сокровищницы отечественнаго языка. Другая черта его профессорской дѣятельности, что онъ не принадлежалъ къ числу профессоровъ-философовъ и исключительно вращался въ критической области, чѣмъ референтъ объясняетъ плодотворность его чтеній и возбужденіе энергій въ слушателяхъ. Вообще, профессорской и ученой дѣятельностію И. И. Срезневскій напоминаетъ намъ того сказочнаго богатыря русскаго, который прокладывалъ путь сквозъ непроходимые лѣса и дебри, предоставляя будущимъ поколѣніямъ расширять и уравнивать этотъ путь. Въ славянской наукѣ нѣтъ ни одного отдѣла, въ которомъ бы онъ не приготовилъ матеріаловъ для будущихъ работъ. Еще два слова: въ студенчество референта, И. И. Срезневскій былъ деканомъ факультета. И деканъ онъ былъ образцовый, безъ формальнаго отношенія къ дѣлу, когда нужно было пособить студенту. Для студентовъ онъ былъ въ полномъ смыслѣ заступникомъ. Въ теченіе пятилѣтія референтъ и его товарищи ни разу не подвергались экзамену по славяновѣдѣнію: Измаилъ Ивановичъ зналъ студентовъ по аудиторіи и не хотѣлъ подвергать ихъ мучительной тревогѣ экзаменовъ.

А. А. Котляревскій началъ свои „Поминки“ по Срезневскомъ личнымъ воспоминаніемъ о своемъ экзаменѣ передъ нимъ. Въслѣдствіе размовки съ преподавателемъ богословія и психологій въ Московскомъ университетѣ, референтъ получилъ здѣсь только званіе дѣйствительнаго студента и кандидатскій экзаменъ держалъ при С.-Петербургскомъ университетѣ. Такъ какъ референта уже знали тогда по нѣкоторымъ его печатнымъ трудамъ, то экзаменъ производился формально, за исключеніемъ экзамена по славянскимъ нарѣчіямъ. Срезневскій особенно рекомендовалъ референта своимъ товарищамъ по университету и, желая оправдать передъ ними свою рекомендацію, подвергъ его строгому экзамену въ теченіе 1½ часа. Начавшееся затѣмъ сближеніе съ покойнымъ дало референту возможность поближе узнать жизнь, характеръ и ученые труды И. И. Срезневскаго.

О первоначальномъ воспитаніи Измаила Ивановича референту ничего не извѣстно. Въ концѣ 20-хъ годовъ И. И. Срезневскій воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ. Этотъ полурусскій, полуиностранный въ то время университетъ славился профессорами съ широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ. Тамъ были профессорами Кронебергъ, впервые познакомившій Россію съ западно-европейскими романтиками и съ Шекспиромъ и издававшій въ Харьковѣ три журнала, и Даниловичъ — тоже съ энциклопедическими свѣдѣніями. Подъ вліяніемъ такихъ-то лицъ учился Срезневскій въ Харьковскомъ университетѣ. Особенно онъ часто вспоминалъ о профессорѣ Даниловичѣ. Даниловичъ владѣлъ умомъ точнымъ, скептическимъ, — и онъ-то вѣроятно передаѣ эти качества Срезневскому. Будучи еще студентомъ, И. И. Срезневскій занимался уже литературою и помѣщалъ статьи въ тогдашнихъ харьковскихъ журналахъ. Онъ собственно былъ на такъ называемомъ этно-политическомъ отдѣленіи университета; но, независимо отъ прямой своей спеціальности, занимался и этнографіей, — и плодомъ его занятій былъ сборникъ „Запорожская Старина“, 1833 — 1838 гг. Случайно онъ заинтересовался и славянствомъ. Встрѣтивъ однажды на улицѣ „дротарей“ (проволочниковъ), которыхъ обыкновенно называютъ венграми, Срезневскій пораженъ былъ ихъ страннымъ говоромъ, зазвалъ къ себѣ и записалъ отъ нихъ пѣсни. Это были словаки. Пѣсни имъ изданы были въ 1832 г., подъ заглавіемъ „Словацкія пѣсни“, почти одновременно съ изданіями Шафарника и Коляра. Кромѣ того, онъ интересовался и заграничнымъ славянствомъ и изучалъ Любушинъ судъ и Краледвор-

скую рукопись. Но особенное значение имѣлъ его сборникъ „Запорожская Старина“. Говорятъ, что въ этомъ сборникѣ много поддѣльныхъ пѣсенъ. Можеть быть это и правда, такъ какъ подобныя поддѣлки встрѣчались во всѣхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ, за исключеніемъ развѣ сборника Караджича. Срезневскій въ этихъ случаяхъ доврѣялъ тѣмъ лицамъ, которыя доставляли ему пѣсни. Но нѣкоторыя пѣсни записаны имъ самимъ и отличаются подлинностію.

Около 1832—1833 годовъ Срезневскій получилъ степень магистра политическихъ наукъ и сталъ преподавать въ университетѣ статистику и политическую экономію. Когда же учреждены были при университетахъ кафедры славянскихъ нарѣчій и положено было отправить молодыхъ людей за границу для изученія славянскихъ нарѣчій, — Срезневскій, при посредствѣ П. П. Гуляка-Артемовскаго, помѣнялся кафедрами съ Ростиславскимъ-Петровскимъ и вмѣсто него отправился въ 1839 г. въ славянскія земли. То было время одушевленія славянскою наукою и чаянія лучшей будущности для славянскаго міра. Срезневскій предался новому дѣлу со всею энергіей своей страстной натуры и старался изучить славянство во всѣхъ его отношеніяхъ. Изъ отчетовъ его о своемъ заграничномъ путешествіи видно, что не было того городка, библиотеки, собранія вещественныхъ памятниковъ, въ какомъ либо отношеніи интересныхъ для изученія славянства, на которыя бы онъ не обратилъ своего вниманія. Черезъ Краковъ онъ отправился въ Бреславль, посѣтилъ Прагу, Загребъ, Бѣйградъ, Черногорію, былъ у словинцевъ и въ Галиціи, — и все это онъ обопелъ болѣею частью пѣшкомъ, чтобы ближе ознакомиться съ бытомъ и языкомъ славянскихъ племенъ. Но, кромѣ отчетовъ, въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ помѣщались и классическія статьи и изслѣдованія И. И. Срезневскаго, присылаемыя имъ изъ-за границы. Онъ первый провелъ мысль о сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій, первый говорилъ о средствѣ звуковъ и о нарѣчіяхъ словинскихъ; онъ составилъ первое ученое описаніе Черногоріи на Чешскомъ языкѣ. Вообще, занятія его были самыя разнообразныя; но среди этого разнообразія особеннаго вниманія заслуживаютъ его работы по собиранію и изслѣдованію народныхъ повѣрій. Его труды по народной мнѣологіи были величайшимъ прогрессомъ для того времени. Правда, въ этой области Срезневскій является только послѣдователемъ Я. Гримма; но его величайшая заслуга состоитъ въ примѣненіи метода Гримма къ изученію славянской мнѣологіи. За границей онъ занимался и рукописями, но не имѣлъ еще того пристрастія къ нимъ, какое обнаружилось въ немъ впоследствии.

Срезневскій путешествовалъ по славянскимъ землямъ 4 года и возвратился въ Россію въ 1843 году. Замѣчательнъ составленный имъ планъ занятій славянскими нарѣчіями. Своею точностію и ясностію его программа предотвратила впоследствии бѣду отъ славянскихъ кафедръ въ нашихъ университетахъ въ 1848 году, во время политическаго броженія славянскихъ племенъ. Первое время по возвращеніи изъ-за границы Срезневскій занялъ былъ своею докторскою диссертациею — „Святѣлища и обряды языческаго богослуженія древнихъ славянъ“, которая имѣла потомъ два изданія. Но и въ это время онъ уже считался знаменитостію и привлекалъ въ свою аудиторію толпы слушателей. Кромѣ того, онъ руководилъ и практическими занятіями студентовъ, и подъ его руководствомъ составлена была однимъ изъ студентовъ книга „Извѣстія византійцевъ о нравѣ и бытѣ славянъ“.

Въ 1847 году Срезневскій пріѣхалъ въ С.-Петербургъ собственно для занятій рукописями. Въ это время умеръ преподаватель славянскихъ нарѣчій въ С.-Петербургскомъ университетѣ Прейссъ, такое же свѣтило славянской науки, какъ и Срезневскій, но рано угасшее. Срезневскому предложили занять его мѣсто, — и онъ охотно согласился на это, имѣя въ виду богатство научныхъ средствъ въ столицѣ. Здѣсь провелъ онъ лучшіе годы свои и заслу-

жилъ неувадаемую славу. Будучи славистомъ по специальности, Срезневскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человекомъ европейски-образованнымъ и потому интересовался всякаго рода памятниками старины и принималъ самое дѣятельное участіе въ ихъ разработкѣ. Въ 1852 году онъ дѣлается членомъ 2-го отдѣленія Академіи наукъ, образовавшагося въ 1848 г. изъ покойной „Россійской Академіи“, но совершенно почти заброшеннаго. Срезневскій поднялъ и оживилъ дѣятельность этого отдѣленія и съ 1852 года предпринялъ два изданія: „Извѣстія Академіи Наукъ“ и „Ученныя записки по второму отдѣленію Академіи Наукъ“. Здѣсь помещены цѣлыя рѣдъ его изслѣдованій и статей, имѣющихъ отношеніе къ славянству. Кромѣ того, онъ былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣла Географическаго Общества и вице-предсѣдателемъ Русскаго Археологическаго Общества. Но теперь, въ С.-Петербургѣ, онъ постепенно отходитъ отъ занятій славянствомъ и съ жадностію бросается на отечественныя рукописи, какъ русскій патриотъ, въ благородномъ смыслѣ слова. Здѣсь онъ болѣе всего интересовался Русскимъ языкомъ и оказалъ для его разработки весьма важныя услуги. Еще въ 50-хъ годахъ онъ говорилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ торжественную рѣчь, и предметомъ ея сдѣлалъ исторію Русскаго языка. Въ „Мысляхъ объ исторіи Русскаго языка“ онъ первый, кромѣ развѣ Каткова, началъ разработку исторіи Русскаго языка, которую онъ понималъ какъ исторію Русскаго народа. Срезневскій ограничился только формальными измѣненіями въ Русскомъ языкѣ и съ этой точки зрѣнія раздѣлилъ его исторію на два періода: древній по XIV вѣку и новый съ XV вѣка. Мысли эти основаны у него на анализѣ памятниковъ Русскаго языка, и при томъ въ связи его съ другими славянскими нарѣчіями, и по частямъ развивались въ другихъ его сочиненіяхъ. Срезневскому принадлежить также идея обработки древне-Русскаго языка. Онъ перебралъ всѣ памятники древне Русскаго языка и письма и на основаніи ихъ составилъ словарь, почти совсѣмъ приготовленный къ печати. Въ 1868 г. уже набранъ былъ первый листъ этого словаря. Въ 1875 году Срезневскій предлагалъ свою систему русскаго словаря на обсужденіе другимъ ученымъ. Теперь этотъ словарь, на карточкахъ, лежитъ совершенно готовымъ и для своего изданія требуетъ только опытнаго редактора. Это—его труды по Русскому языку. Не менѣе важны его заслуги и для Церковно-Славянскаго языка. Прежде всего замѣчательенъ принятый имъ способъ изданія церковно-славянскихъ памятниковъ. Тогда какъ Миклошичъ и другіе западные слависты, раскряывая въ рукописяхъ сокращенія по примѣру классическихъ латинскихъ сокращеній, нерѣдко выдавали свое собственное чтеніе за дѣйствительный текстъ, Срезневскій издавалъ памятники вполне достоверно, съ ихъ сокращеніями и даже ошибками, объясняя и поправляя ихъ только въ примѣчаніяхъ. Онъ издалъ всѣ глаголитскіе памятники и памятники такъ называемаго юсова письма. По поводу послѣднихъ онъ сдѣлалъ весьма важное замѣчаніе, которое должно составить эпоху въ славянской наукѣ. Вопросъ въ томъ, какому славянскому племени первоначально принадлежалъ нашъ Церковно-Славянскій языкъ? Послѣднее мнѣніе ученыхъ было таково, что это — древне-Болгарскій языкъ, такъ какъ остатки носовыхъ звуковъ Церковно-Славянскаго языка доселѣ удерживаются въ Болгаріи; отсюда вывели заключеніе, что славянская письменность первоначально явилась въ Болгаріи и оттуда распространилась по другимъ славянскимъ странамъ. Очевидно, это мнѣніе выведено не филологическимъ, а этнографическимъ путемъ. Срезневскій же требовалъ осторожности въ выводахъ, пока не будетъ обстоятельно изслѣдована средне-болгарская письменность. Къ этой средне-болгарской письменности онъ и не приступалъ, но въ другихъ церковно-славянскихъ памятникахъ не находилъ основанія для такого мнѣнія. Здѣсь онъ увидѣлъ, что издавна Церковно-Славянскій языкъ принялъ различныя племенные оттѣнки, переплетающіеся между собою самымъ пестрымъ образомъ, и отказался отъ всякихъ выводовъ. Онъ составилъ также повременный, хронологическій списокъ памятниковъ

языка и письма, съ означеніемъ точнаго года ихъ происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, крайнихъ хронологическихъ границъ, съ изложеніемъ самаго состава памятниковъ, при чемъ указалъ и на памятники исчезнувшіе, о коиъ упоминается въ лѣтописяхъ, актахъ и другихъ памятникахъ. Современные ученые говорятъ, что это — трудъ чисто механической. А между тѣмъ этотъ трудъ требовалъ массы работы, невидимой для сторонняго наблюдателя. Для примѣра укажемъ на его изложеніе „Русской Правды“ по списку 1280 года. Собственно въ ней заключаются три Правды — Ярослава, дѣтей его и Владимира Мономаха. И чтобы отдѣлить одну изъ нихъ отъ другой, для этого требуется масса труда; а между тѣмъ Срезневскій въ шести строкахъ только сдѣлалъ расчлененіе „Русской Правды“ на ея составныя части. Въ то же время Срезневскій занимался и палеографіей. Шестъ или семь лѣтъ тому назадъ онъ представилъ для соисканія преміи „Полную Русскую палеографію“, какъ руководство для опредѣленія рукописей по вѣкамъ; но эта палеографія въ дѣломъ видѣ доселѣ не издана. Палеографія въ свою очередь привела Срезневскаго къ изученію иконографіи и древняго христіанскаго искусства. Не мало попользовалось трудами Срезневскаго и Географическое Общество, для котораго онъ написалъ изслѣдованіе о сношеніяхъ Южной Руси съ Азіей и составилъ карту славянскихъ народностей.

Таковы труды И. И. Срезневскаго въ историко-филологической области. Не всѣ его труды имѣютъ одинаковую важность, такъ какъ между ними есть бѣглыя замѣтки по текущимъ вопросамъ науки; но изъ 340 его статей и сочиненій половина останется пригодною для науки на дѣлое столѣтіе. Это — большую частію матеріалы, такъ какъ Измаилъ Ивановичъ сознательно и самоотверженно отказывался отъ научныхъ обобщеній и конечныхъ выводовъ; но между его сочиненіями есть и классическія произведенія, запечатлѣнные творческою мыслью, какова напр., его докторская диссертация и „Мысли объ исторіи Русскаго языка“.

СПИСОКЪ ПЕРІОДИЧЕСКИХЪ ИЗДАНІЙ

(НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ)

ПОЯВИВШИХСЯ СЪ 1856 ПО 1880 ГОДЪ.

(МАТЕРІАЛЫ).

1856.

1. Живописная Русск. Библиотека.
2. Записки Виленской Археогр. Комиссии.
3. Записки Сибирскаго отдѣла Имп. Р. Географ. Общества.
4. Музык. и Театральн. Вѣстникъ.
5. Нижегород. Ярмар. Справ. Листокъ.
6. Русская Бесѣда.
7. Русская Библиографія.
8. Русскій Вѣстникъ.
9. Собраніе иностр. романовъ.
10. Сынъ Отечества.

1857.

1. Библиотека медіц. наукъ.
2. Енисейскія Губ. Вѣдомости.
3. Журналъ для акціонеровъ.
4. Журналъ для воспитанія.
5. Извѣстія Имп. Археол. Общества.
6. Иркутскія Губ. Вѣдомости.
7. Записки Комитета Лѣсоводства.
8. Кавказцы.
9. Молва.
10. Политико-Экономич. Указатель.
11. Посредникъ промышленности и торговли.
12. Русскій Педагог. Вѣстникъ.
13. Сборникъ сочиненій студентовъ Спб. университета.
14. Тобольскія Губ. Вѣдомости.
15. Томскія Губ. Вѣдомости.

1858.

1. Атены.
2. Библиографич. Записки.
3. Весельчакъ.

4. Военный Сборникъ.
5. Вѣстникъ Промышленности.
6. Домашняя Бесѣда.
7. Драматическій Сборникъ.
8. Духовная Бесѣда.
9. Дѣтскій Журналъ.
10. Живописный Сборникъ.
11. Журналъ землевладельцевъ.
12. Журналъ Охоты.
13. Золотое Руно.
14. Извѣстія Вост. отдѣленія Имп. Археол. Общества.
15. Иллюстрація.
16. Листокъ для всѣхъ.
17. Листокъ знакомыхъ.
18. Листокъ Керчь-Эникольскаго градоначальства.
19. Меркурій Модъ.
20. Моск. Медицинск. Газета.
21. Народное Чтеніе.
22. Общезанимат. Вѣстникъ.
23. Подсѣжникъ.
24. Портреты лицъ, отличившихся въ 1853—1856 г.
25. Промышленный Листокъ.
26. Рисовальщикъ.
27. Русская Газета.
28. Свѣтопись.
29. Сельское Благоустройство.
30. Семейный кругъ.
31. Солдатская Бесѣда.
32. Школа для юношества.
33. Школа рисованія.
34. Экономистъ.

1859.

1. Арлекинъ.
2. Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи.

3. Архитектурный Вѣстникъ.
4. Библиотека естеств. и математ. наукъ.
5. Гигиѣя.
6. Гудокъ.
7. Журналъ избранн. чтенія.
8. Журналъ Мин. Юстиціи.
9. Записки Комитета Акклиматизаціи растеній.
10. Извѣстія Комитета Акклиматизаціи.
11. Иллюстриров. Семейн. Листокъ.
12. Искра.
13. Калейдоскопъ.
14. Кіевскій Телеграфъ.
15. Кронштадтская Газета.
16. Ласточка.
17. Лѣтопись Р. литературы и древности.
18. Медицинскій Музей.
19. Медицинскія монографіи.
20. Московскій Вѣстникъ.
21. Московское Обзорѣніе.
22. Орель.
23. Остзейскій Вѣстникъ.
24. Парусъ.
25. Портретная Галерея.
26. Практич. сельск. хозяйнъ.
27. Прибавленія къ Харьк. Губ. Вѣдомостямъ.
28. Производитель и Промышленникъ.
29. Развлеченіе.
30. Разсвѣтъ, журн. для дѣвиць.
31. Русск. сельско-хоз. библиотека.
32. Русскій Библиогр. Листокъ.
33. " Дневникъ.
34. " Миръ.
35. Русское Слово.
36. Сборникъ свѣдѣній по гомеопатіи.
37. Сборникъ театр. піесъ.
38. Собесѣдникъ.
39. Химическій журналъ.
40. Часть досуга.
41. Шехеразада.
42. Южный Сборникъ.

1860.

1. Акціонеръ.
2. Акуръ.
3. Букетъ.
4. Вѣстникъ Имп. Р. общества Садоводства.
5. Душеполезное чтеніе.
6. Занятія Комитета. Грамотности.
7. Инженерный Журналъ.
8. Искусство.
9. Книжный Вѣстникъ.
10. Листокъ Р. Общества Пароходства и Торговли.
11. Общепонятная Медицина.
12. Оружейный Сборникъ.
13. Радуга.
14. Разсвѣтъ, журн. р. евреевъ.
15. Руководство для сельскихъ пастырей.

16. Садоводство и Огородничество.
17. Свѣточъ.
18. Современная Медицина.
19. Современность и Экономическій Листокъ.
20. Странникъ.
21. Труды Кіев. Дух. Академіи.
22. Филологическія записки.
23. Херсонскія Епарх. Вѣдомости.
24. Юридическій Вѣстникъ.
25. Юридическій Журналъ.
26. Ярославск. Епарх. Вѣдомости.

1863.

1. Библиотека избран. романовъ.
2. Биржевыя Вѣдомости.
3. Вокругъ Свѣта.
4. Время.
5. Вѣкъ.
6. Грамотѣй.
7. День, И. Авсакова.
8. Журналъ гомеопатическаго лѣченія.
9. Кіевскія Епарх. Вѣдомости.
10. Кронштадскій Вѣстникъ.
11. Лѣтопись Сельскаго Благоустройства.
12. Медицинскій Вѣстникъ.
13. Московскій Курьеръ.
14. Наше Время.
15. Основа.
16. Петербургскій Вѣстникъ.
17. Полицейскій листокъ Таганрогскаго Градоначальства.
18. Православное Обзорѣніе.
19. Природа и Землеводѣніе.
20. Русская Рѣчь.
21. Русская Хозяйка.
22. Сіонъ, органъ р. евреевъ.
23. Тамбовскія Епарх. Вѣдомости.
24. Университетскія Извѣстія (Кіевъ).
25. Учитель.
26. Циркуляръ Кіевскаго учебн. округа.
27. Черниговскій Листокъ.
28. Черниговскія Епарх. Извѣстія.
29. Ясная Поляна.

1863.

1. Архангельскій Городской Листокъ.
2. Волга.
3. Воронежскій Листокъ.
4. Вѣстникъ Юго-Зап. Россіи.
5. Духовный Вѣстникъ.
6. Духъ Христіанина.
7. Записки Имп. Акад. Наукъ.
8. Зритель.
9. Картинныя Галереи Европы.
10. Кіевскій Курьеръ.
11. Кяхтинскій Листокъ.
12. Лѣтопись занятій Археографической Комиссіи.
13. Мировой Посредникъ.

14. Модный Магазинъ.
15. Народная Бесѣда.
16. Подольскія Епарх. Вѣдомости.
17. Русскій Листокъ.
18. Современное Слово.
19. Сѣверная Почта.
20. Сѣверное Сіяніе.
21. Тульскія Епарх. Вѣдомости.
22. Филогическія Записки.
23. Христіанскія Древности и Археологія.
24. Циркуляры управленія Моск. учебн. округомъ.

1863.

1. Архивъ Судебной Медицины.
2. Блюститель Здравія и Хозяйства.
3. Военно-Медицинскій Журналъ.
4. Воскресный Досугъ.
5. Вѣстникъ Западной Россіи (бывшій В. Юго-Зап. Росс.).
6. Вѣстникъ мировыхъ учрежденій.
7. Вѣсть.
8. Вятскія Епарх. Вѣдомости.
9. Голосъ.
10. Журналъ Сельско-хозяйственныхъ построекъ.
11. Журналъ засѣданій Импер. Моск. Общ. Сельск. Хозяйства.
12. Забавы и Разсказы.
13. Заноза
14. Иркутскія Епарх. Вѣдом.
15. Листокъ для посѣтителей Кавказск. минер. водъ.
16. Листокъ прибавленій къ Зап. Общ. С. Хоз. Южн. Россіи.
17. Литовскія Епарх. Вѣдом.
18. Мірской Вѣстникъ.
19. Музыкальный Свѣтъ.
20. Народная Газета.
21. Очерки.
22. Полтавскія Епарх. Вѣдомости.
23. Русскій Архивъ.
24. Русскій Базаръ.
25. Русскій Ремесленникъ.
26. Русскія Вѣдомости.
27. Самообразование.
28. Саратовскій Справочный Листокъ.
29. Сельско-Хозяйств. Библіотека.
30. Семейные Вечера (для дѣтей).
31. Современный Листокъ.
32. Труды Курскаго Статист. Комитета.
33. Труды Русскаго Энтомологическаго Общества.
34. Фотографическая Иллюстрація.
35. Чтенія въ Моск. Обществѣ Любителей Дух. Просвѣщенія.
36. Якорь.

1864.

1. Антрактъ.
2. Артиллерійскій Журналъ.
3. Библиографич. Листокъ.
4. Варшавскій Дневникъ.

5. Вологодскія Епарх. Вѣдомости.
6. Вѣдомости Одесскаго город. обществ. управленія.
7. Грузинскій Духовный Вѣстникъ.
8. Духовный Дневникъ.
9. Дѣло и Отдыхъ.
10. Заграничный Вѣстникъ.
11. Засѣданія С-Петербур. Собранія сельскихъ хозяевъ.
12. Земледѣіе, Садоводство и Огородничество.
13. Извѣстія Спб. Городской Общей Думы.
14. Кіевлянинъ.
15. Натуралистъ.
16. Нижегородскія Епарх. Вѣдомости.
17. Педагогическій Сборникъ.
18. Петербургскій Листокъ.
19. Протоколы Засѣданій Кавказск. Мед. Общества.
20. Радуга.
21. Русская Сцена.
22. Русь.
23. Рыбинскій Листокъ.
24. Семейные Вечера (для юношества).
25. Сибирскій Вѣстникъ.
26. Смоленскія Епарх. Вѣдомости.
27. Торговый Сборникъ.
28. Фармацевтическій Листокъ.
29. Фотографъ.
30. Циркуляръ по Управленію Одеск. уч. округомъ.
31. Эпоха.

1865.

1. Архивъ Судебной Медицины и Общественной Гигіены.
2. Библіотека лучшихъ иностранныхъ романовъ.
3. Будильникъ.
4. Вечерняя Газета.
5. Владимірскія Епарх. Вѣдомости.
6. Вѣдомости Ростовской на Дону Город. Думы.
7. Донскія Войсковыя Вѣдом.
8. Восточное Поморье.
9. Вѣстникъ Учебныхъ Заведеній.
10. Забайкальскія Областныя Вѣдомости.
11. Записки Импер. Р. Географическаго Общества.
12. Извѣстія Имп. Р. Географическаго Общества.
13. Извѣстія и ученныя записки Казанск. Университета.
14. Ирбитскій ярмар. Листокъ.
15. Калужскія Епарх. Вѣдомости.
16. Книжникъ.
17. Листокъ объявленій Кронштадта, Петербурга и Ораніенбаума.
18. Медицинскія Новости.
19. Мірское Слово.
20. Московскія Университетск. Извѣстія.
21. Народная Лѣтопись.

22. Николаевскій Вѣстникъ.
23. Орловскія Епарх. Вѣдомости.
24. Портфель инженеръ технолога.
25. Промышленная Газета.
26. Рязанскія Епарх. Вѣдомости.
27. Саратовскія " "
28. Собраніе Новостей.
29. Техническій Сборникъ.
30. Фотографическое Обзорѣніе.
31. Указатель правительствен. распорядженій по Министерству Финансовъ.
32. Указатель путешествій по Россіи.
33. Циркуляры по управленію Казанск. учебн. округомъ.

1866.

1. Астраханскій Справочный Листокъ.
2. Воронежскія Епарх. Вѣдомости.
3. Всеобщая Газета.
4. Вѣстникъ Европы.
5. Донской Вѣстникъ.
6. Дѣтскій Садъ.
7. Женскій Вѣстникъ.
8. Записки для Чтенія.
9. Литературная Библіотека.
10. Медицинскій Сборникъ.
11. Моды и Новости.
12. Московская Газета.
13. Недѣля (Н. Мундта).
14. Пензенскія Епарх. Вѣдомости.
15. Судебный Вѣстникъ (и Судебный Журналъ).
16. Уфимскія Губ. Вѣдомости.

1867.

1. Варшавскія Губ. Вѣдомости.
2. Волынскія Епарх. Вѣдомости.
3. Всемирный Путешественникъ.
4. Всемирный Трудъ.
5. Вѣстникъ Росс. Общества покровит. животнымъ.
6. Гласный Судъ.
7. Досугъ и Дѣло.
8. Другъ Народъ.
9. Дѣло.
10. Записки Р. Техническаго Общества.
11. Извѣстія по казанской Епархіи.
12. Калишскія Губ. Вѣдомости.
13. Кѣлецкія " "
14. Кишиневскія Епарх. Вѣдом.
15. Книжныя Новости.
16. Коммерческій Листокъ (въ Саратовѣ).
17. Кубанскія Областныя Вѣдом.
18. Ломжинскія Губ. Вѣдомости.
19. Москва.
20. Музыка и Театръ.
21. Народный Голосъ.
22. Новый Русскій Базаръ.
23. Переводы отдѣльн. романовъ.
24. Пермскія Епарх. Вѣдомости.

25. Петербургская Газета.
26. Петровскія Губ. Вѣдомости.
27. Русскій.
28. Самарскія Епарх. Вѣдомости.
29. Самарскій Справочный Листокъ.
30. Сельско-хозяйственн. Сборникъ.
31. Сувалскія Губ. Вѣдомости.
32. Сѣдлецкія губ. Вѣдомости.
33. Харьковскія Епарх. Вѣдомости.
34. Уральскія Войсковыя Вѣдомости.
35. Художеств. Листокъ (при Недѣлѣ).
36. Циркуляры Кавказск. уч. округа.
37. Юридическій Вѣстникъ (Н. Кашчова).

1868.

1. Варшавская Полицейская Газета.
2. Вѣдомости Одесс. градоначальства.
3. Домашняя Библіотека.
4. Донъ.
5. Дѣятельность.
6. Журналъ Охоты и Коннозаводства.
7. Истина.
8. Минскія Епарх. Вѣдомости.
9. Модный Свѣтъ.
10. Недѣля (Генкеля).
11. Посредникъ (органъ р. евреевъ).
12. Росинки.
13. Русское сельское хозяйство.
14. Сборникъ земскихъ извѣстій Тамб. губерніи.
15. Сборникъ Херсон. земства.
16. Современныя Извѣстія.
17. Терскія Вѣдомости.
18. Труды Общества испытателей природы при Харьковск. Университетѣ.

1869.

1. Адресный листокъ пріѣзжихъ въ С.-Петербургъ.
2. Библиографъ.
3. Воронежскій Справ. Листокъ.
4. Воронежскій Телеграфъ.
5. Всемирная Иллюстрація.
6. Вѣдомости Таганрогскаго градоначальства.
7. Вѣстникъ Благотворительности.
8. День, органъ р. евреевъ.
9. Дешевая Библіотека для легкаго чтенія.
10. Домашнее хозяйство.
11. Домашній Врачъ.
12. Донскія Епарх. Вѣдомости.
13. Дѣтское Чтеніе.
14. Ежемѣсячный календаръ.
15. Живописный Сборникъ.
16. Журналъ Р. физико-химическ. Общ.
17. Журналъ для нормальной и патологической пистологии, фармакологія и клинической медицины.

18. Записки Имп. Новоросс. Университета.
19. Заря.
20. Казанскій Биржевой Листокъ.
21. Космосъ.
22. Крошка.
23. Липецкій Лѣтній Листокъ.
24. Люблинскія Губ. Вѣдом.
25. Московскія Епарх. Вѣдом.
26. Музыкальный Сезонъ.
27. Народная Школа.
28. Новое Время.
29. Новороссійскій Телеграфъ.
30. Новороссійскія Вѣдомости.
31. Паровозъ (въ Кіевѣ).
32. Правительственный Вѣстникъ.
33. Рижскій Вѣстникъ.
34. Таврическія Епарх. Вѣдом.
35. Художеств. Архитектурный Альбомъ.
36. Юридич. Вѣстникъ (Лешкова).

1870.

1. Азовскій Вѣстникъ.
2. Варшавскія Унив. Извѣстія.
3. Вѣстникъ Новостей.
4. Вѣстникъ русск. евреевъ (бывшій Посредникъ).
5. Вѣстникъ Общества Попеченія о раненныхъ и больн. воинахъ.
6. Городскія и иногородн. Афиши.
7. Екатериносл. Земскій Сборникъ.
8. Журналъ Моск. Общества Охоты.
9. Журналъ пароходства и русск. желѣзныхъ дорогъ.
10. Записки Кіевскаго Общества естествоиспытателей.
11. Земскій Сборникъ Черниговской Губерніи.
12. Знаніе.
13. Извѣстія Сибирскаго отд. Имп. Русск. Географич. Общества.
14. Книжно-журнальный Вѣстникъ
15. Кіевскій Вѣстникъ.
16. Листокъ всероссійской мануфактурной выставки.
17. Листокъ объявленій (въ Оренбургѣ).
18. Листокъ телеграфныхъ свѣдѣній.
19. Музыкальный Вѣстникъ.
20. Нива.
21. Нашъ Русскій Годъ.
22. Паровозъ, указатель желѣзныхъ дорогъ въ Россіи.
23. Переводы лучшихъ иностр. иллюстрированныхъ изданій (романовъ).
24. Рижская Полицейская Газета.
25. Русская Лѣтопись.
26. Русская Старина.
27. Русск. Потребит. Общества.
28. Сборникъ сочиненій по Судебной Медицинѣ.

29. Сельская Бесѣда (бывш. Досугъ и Дѣло).
30. Сельское хозяйство и скотоводство.
31. Стенографическій Листокъ.
32. Труды Спб. Общества естествоиспытателей.
33. Туркестанскія Вѣдомости.
34. Эпидемиологическій Листокъ.

1871.

1. Акмолинскія Областныя Вѣдомости.
2. Архивъ Ветеринарныхъ Наукъ.
3. Бесѣда.
4. Вѣдомости о справочныхъ цѣнахъ въ Москвѣ.
5. Журналъ гражданскаго и торговаго права.
6. Записки Кіевск. Отд. Русск. Техн. Общ. по свеклосахарной промышленности.
7. Кіевскій Листокъ Объявленій.
8. Курскія Епарх. Вѣдомости.
9. Лѣсной Журналъ.
10. Маларъ.
11. Математическ. Сборникъ.
12. Моск. Биржевая Газета.
13. Народная Ремесленная Газета.
14. Новости.
15. Русскій Миръ.
16. Сборникъ Бессарабскаго Земства.
17. Семипалатинскія Областныя Вѣдомости.
18. Семья и Школа, съ Семейнымъ Читаніемъ.
19. Современность, съ Семейн. Читаніемъ.
20. Труды Общества естествоиспытателей при Казанск. университетѣ.

1872.

1. Азіатскій Вѣстникъ.
2. Архитектурный Альбомъ
3. Биржа.
4. Владимірскій Земскій Сборникъ.
5. Воскресное Читаніе (возобновл.).
6. Временникъ Демидовскаго - Юридич. Лицея.
7. Вѣстникъ Промышленности.
8. Гражданинъ.
9. Екатеринославскія Епарх. Вѣдомости.
10. Зодчій.
11. Камско-Волжская Газета.
12. Курьеръ.
13. Листокъ Сельскаго хозяйства и естествознанія.
14. Музыкальный Листокъ.
15. Плоцкія Губ. Вѣдомости.
16. Радомскія Губ. Вѣдомости.
17. Путеводитель по Россійск. желѣзнымъ дорогамъ.
18. Сборникъ Пермскаго Земства.

19. Сіаніе.
20. Театральныя Афиши.
21. Указатель по дѣламъ печати.
22. Уфимскій Листокъ Объявленій.
23. Школьная жизнь.

1873.

1. Вѣстникъ желѣзныхъ дорогъ и пароходства.
2. Вѣстникъ Россійск. Общества покровительства животнымъ.
3. Гастрономъ и хозяйствъ.
4. Донская Газета.
5. Елисаветградскій Листокъ.
6. Живописное Обзорніе.
7. Журналъ гражданскаго и уголовнаго права (бывш. торговаго).
8. Записки Уральского Общества любителей естествознанія.
9. Иллюстрированная Недѣля и Иллюстрированный Вѣстникъ.
10. Магазины иностранной литературы.
11. Модныя Выкройки.
12. Московскій Врачебный Вѣстникъ.
13. Одесскій Листокъ Объявленій.
14. Орловскій Справочный Листокъ.
15. Орловскій Вѣстникъ.
16. Отдыхъ.
17. Педагогическій Листокъ Сиб. женскихъ гимназій.
18. Полезный Листокъ (въ Тифлисѣ).
19. Природа.
20. Сибирь.
21. Тифлиссскій Вѣстникъ.
22. Яхта.

1874.

1. Архангельскій Листокъ справокъ и объявленій.
2. Вѣстникъ Общества Древняго Русскаго искусства при Моск. Публичномъ Музеѣ.
3. Газета коннозаводчиковъ и любителей лошадей.
4. Грамотѣй.
5. Ежедневныя Прибавленія къ Самарскому Губ. Вѣдомостямъ.
6. Женскія руководія.
7. Журналъ Охоты.
8. Здоровье.
9. Извѣстія Кавказск. отд. Имп. Росс. Географич. Общества.
10. Кавказскія Епарх. Вѣдомости.
11. Крымскій Вѣстникъ садоводства и винодѣлія.
12. Листокъ домоводства.
13. Медицинское Обзорніе.
14. Миссіонеръ.
15. Московскій Листокъ.
16. Мужскіе моды.
17. Обзоръ.

18. Объявленія при афишахъ.
19. Оренбургскія Епарх. Вѣдомости.
20. Полоцкія Епарх. Вѣдомости.
21. Рыбинскій Биржевой Листокъ.
22. Сборникъ распоряженій по телеграфному вѣдомству.
23. Современный дѣтебникъ.
24. Финансовое Обзорніе.
25. Церковно-общественный Вѣстникъ.
26. Чтеніе для дѣтей.

1875.

1. Аврора, иллюстр. модный журналъ.
2. Астраханскія Епарх. Вѣдомости.
3. Библиотека для Чтенія.
4. Библиотека технич. производствъ.
5. Братское Слово.
6. Воскресныя Бесѣды.
7. Газета Гатчука.
8. Древняя и Новая Россія.
9. Журналъ для всѣхъ и Охотничьи записки.
10. Листокъ Педагогич. Музея.
11. Митавская Газета.
12. Моды и руководія.
13. Нижегородскій Биржевой Листокъ.
14. Новгородскія Епарх. Вѣдомости.
15. Природа и люди, Стѣнцова.
16. Пчела.
17. Русскій Печатникъ.
18. Русскій Рабочій.
19. Смоленскій Справочный Листокъ.
20. Спутникъ по Россіи.
21. Техническій Справочный Листокъ.
22. Церковный Вѣстникъ.

1876.

1. Бакинскія Извѣстія.
2. Врачебныя Вѣдомости.
3. Дневникъ писателя.
4. Донская Пчела.
5. Елисаветградскій Вѣстникъ.
6. Женское Образованіе.
7. Журналъ иностранныхъ переводныхъ романовъ.
8. Журналъ русскихъ и переводныхъ романовъ и путешествій.
9. Извѣстія Историко-филологич. ин-ститута въ Нѣжинѣ.
10. Казанск. Листокъ Объявленій.
11. Кругозоръ.
12. Листокъ журнала „Зодчій“.
13. Молва.
14. Московское Обзорніе.
15. Народный Листокъ.
16. Новое Время (Суворина).
17. Одесскій Воскресный Листокъ.
18. Оренбургскій Листокъ, съ Листкомъ Объявленій.
19. Особое прибавленіе къ Черниговскимъ Губ. Вѣдомостямъ.

20. Педагогическій Музей.
21. Русское Богатство.
22. Русское Обзоріе.
23. Симбирскія Епарх. Вѣдомости.
24. Собесѣдникъ.
25. Справочный Листокъ района Моршанско-Сызранской желѣзной дороги.
26. Стрелкоза.
27. Шахматный Листокъ.
28. Эскизы Архитектуры.

1877.

1. Библиографическій указатель р. и иностранныхъ книгъ.
2. Волга.
3. Воспитаніе и Обученіе (бывшій Дѣтскій Садъ).
4. Вѣстникъ Благотворительности.
5. Вѣстникъ Ярославскаго Земства.
6. Житомирскій Листокъ Объявленій.
7. Задушевное Слово.
8. Записки Импер. Харьковскаго Университета.
9. Извѣстія Московской Городск. Думы.
10. Листокъ объявленій для г. Ревеля.
11. Листокъ объявленій желѣзныхъ дорогъ III группы.
12. Мотивы русской архитект. (? 1873 ?).
13. Нашъ Вѣкъ (б. Биржа).
14. Педагогич. Лѣтопись.
15. Правда.
16. Русская Газета.
17. Русский Миръ (еженед.).
18. Саратовская Биржа.
19. Саратовскій Дневникъ.
20. Свѣтъ.
21. Симбирская Земская Газета.
22. Сѣверная Звѣзда.
23. Сѣверный Вѣстникъ.
24. Тверскія Епарх. Вѣдомости.
25. Телеграммы Международнаго Телеграфнаго агентства.
26. Филологич. Педагогическій Листокъ.
27. Хозяйственный Строитель.
28. Холмско-Варшавск. Епарх. Вѣстникъ.
29. Черниговская Газета.

1878.

1. Биржевой Указатель.
2. Вѣстникъ Народной Помощи.
3. Желѣзнодорожный Листокъ Объявленій.
4. Журналъ Министерства Путей Сообщенія.
5. Западная Почта.
6. Записки Западнаго Сибирск. отд. И. Р. Географ. Общества.
7. Записки Новороссійскаго Общества естествоиспытателей.
8. Извѣстія Общества Археологій, Исто-

- рип и Этнографіи при Имп. Казанск. Университетѣ.
9. Извѣстія Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академій.
10. Изумрудъ.
11. Историческая Библиотека.
12. Листокъ Объявленій Ростова на Дону.
13. Мирской Толеъ.
14. Нувеллистъ, музыкально-театральная газета.
15. Обзоръ графическихъ искусствъ.
16. Педагогическая Хроника.
17. Природа и Люди (б. Всемирный Путешественникъ).
18. Природа и Охота.
19. Протоколы засѣданій Имп. Виленскаго Медицинскаго Общества.
20. Протоколы засѣданій Имп. Харьковскаго Медицинскаго Общества.
21. Русская Правда.
22. Русский Морякъ.
23. Свѣтъ въ картинахъ.
24. Свѣтъ и Тѣни.
25. Сельская Бесѣда.
26. Скотоводство.
27. Славянский Миръ.
28. Слово.
29. Смоленскій Вѣстникъ.
30. Специальный журналъ для мужскаго и женскаго бѣлья.
31. Телеграфъ.
32. Технической Листокъ.
33. Утренняя Почта.
34. Харьковъ.

1879.

1. Библиотека Западн. полосы Россіи.
2. Биржевая Газета.
3. Волжскій Вѣстникъ.
4. Воскресное Чтеніе (вновь возобновл.).
5. Востокъ.
6. Вѣстникъ реальныхъ знаній.
7. Вѣстникъ Уфимскаго земства.
8. Гражданинъ (въ Спб.).
9. Ежедневное Новое Время.
10. Екатеринбургская Недѣля.
11. Журналъ романовъ и повѣстей (при Недѣль, Гайдебурова).
12. Иллюстрированный Миръ.
13. Критическое Обзоріе.
14. Крымскій Листокъ.
15. Курскій Листокъ Объявленій.
16. Лира.
17. Листокъ объявленій справочной конторы Оборональскаго.
18. Математическій Листокъ.
19. Молва (б. Биржевыя Вѣдомости).
20. Морская Газета.
21. Народная и Дѣтская Библиотека.
22. Нева, съ Семейнымъ Чтеніемъ.
23. Огонекъ.
24. Отголоски.

25. Памятники древней письменности. 26. Протоколы засѣданій Хирургическаго Общества въ Москвѣ. 27. Развѣтъ, органъ русск. евреевъ. 28. Родина. 29. Россійская Библиографія. 30. Русская Рѣчь. 31. Русскій Гражданинъ (въ Берлинѣ). 32. Русскій Еврей. 33. Русскій Курьеръ. 34. Русскій Филологическій Вѣстникъ. 35. Сверчокъ. 36. Суфлеръ. 37. Тверской Вѣстникъ. 38. Театральная Библиотека. 39. Уфимскія Епарх. Вѣдомости. 40. Фармацевтический Журналъ. 41. Шутъ.	1880. 1. Воздухоплаватель. 2. Воскресный Листокъ музык. 3. Врачъ. 4. Всеобщая Газета. 5. Донской Голосъ. 6. Ежегодникъ периодич. изданій. 7. Женскій Трудъ. 8. Игрушечка. 9. Историческій Вѣстникъ. 10. Книжныя Новости. 11. Кругозоръ. 12. Лучъ. 13. Московскія Церкови. Вѣдомости. 14. Мысль (б. Свѣтъ). 15. Русская Мысль. 16. Русскій Начальный Учитель. 17. Русское Богатство. 18. Собраніе картинъ. 19. Страна.

Кіевъ. 12 февраля.

Яр. П—въ.

отправилась вмѣстѣ съ королемъ и дѣтьми въ Théâtre Français, который помѣщался на концѣ улицы того-же имени, нынѣшней rue de l'Odeon.

Когда карета леди Эліоттъ приблизилась къ театру, она увидѣла королевскіе экипажи, вѣзжавшіе во дворъ. Это были старинныя парадныя кареты, украшенныя коронами, лиліями, съ лакеями въ ливреяхъ и парикахъ, пажами, форрейторами, запряженныя красивыми лошадьми. Еще не утратился наружный блескъ старой монархіи и великаго короля, но онъ уже не производилъ никакого впечатлѣнія на толпу. Театральный дворъ былъ наполненъ народомъ, но ни одна рука не шевельнулась, чтобы снять шляпу и поклониться королевской фамилии.

Королевскіе экипажи отѣхали и на ихъ мѣста стали подъѣзжать другіе. Леди Эліоттъ приказала своей каретѣ пріѣхать за ней къ одиннадцати часамъ.

Контрастъ между солнечнымъ свѣтомъ на улицѣ и тусклымъ ламповымъ освѣщеніемъ, распространявшимся со всѣхъ стѣнъ и во всѣхъ корридорахъ, произвелъ тяжелое впечатлѣніе на леди Эліоттъ, которое однако скоро разсѣялось, такъ какъ ее сильно занималъ вопросъ: какая пѣса будетъ дана въ этотъ вечеръ: Ирена или Эдишъ? Съ этою мыслью она стала подниматься по широкой лѣстницѣ, ведущей къ ломамъ, но тутъ на одной изъ колоннъ увидѣла слѣдующую афишу, напечатанную крупными буквами:

SEMIRAMIS

Tragédie en cinq actes et envers.

Par M-r de Voltaire.

Acteurs:

Semiramis, reine de Babylone. M-elle Sainval.

Arsace, ou Ninias, fils de Semiramis. . . M-r Talma.

* * *

Леди Эліоттъ не дочитала афиши. Она чувствовала, какъ кровь бросилась ей въ голову. Семирамида — убійца своего мужа!... Арзасъ!... Эти имена растревожили старыя раны и воспоминанія.

— Я вернусь домой, подумала она. Мнѣ казалось, что все забыто... а все также свѣжо въ сердцѣ, какъ будто это было вчера.

Но ей стало досадно на свое малодушіе, и она рѣшилась преодолѣть себя.

Собравшись съ мужествомъ, она увѣренною поступью поднялась на лѣстницу и заняла свое мѣсто въ ложѣ. Ни одинъ посторонній чело-вѣкъ не замѣтилъ бы тѣни волненія на ея лицѣ. Но она страдала невыносимо, и чтобы разсѣять себя, внимательно разглядывала театръ, ложи, публику, туалеты.

Théâtre Français считался тогда первымъ изъ всѣхъ парижскихъ театровъ. Зала его была очень велика и славилась своимъ великолѣпнымъ освѣщеніемъ и убранствомъ; вездѣ было серебро и голубой цвѣтъ и на всемъ лежалъ еще отпечатокъ аристократизма и монархизма, при которыхъ особенно процвѣтали парижскіе театры. Театральное искусство, какъ и всякое другое, преимущественно держится аристократіей и высшими достаточными слоями общества; блескъ двора, мундировъ, блестящихъ туалетовъ также необходимы ему, какъ свѣтъ большой люстры. Но съ наступленіемъ революціи въ рядахъ аристократовъ сдѣлались большіе пробѣлы. Когда національное собраніе лишило ихъ титуловъ, гербовъ, привилегій и даже части ихъ имущества, то высшее дворянство эмигрировало изъ Франціи и применило къ полчищамъ, которыя образовывались тогда въ Германіи для крестоваго похода противъ революціи. Только немногіе приверженцы короля и королевы остались съ ними, но они уже не выдѣлялись изъ толпы своими яркими роскошными костюмами. Они всѣ были въ темныхъ или черныхъ одеждахъ; такого же цвѣта были и платья дамъ, ихъ перчатки, вѣера, ленты въ напудренныхъ волосахъ, что придавало траурный оттѣнокъ униженной королевской власти и производило крайне тяжелое впечатлѣніе. Зрители же республиканскихъ убѣжденій по своей внѣшности представляли съ ними полный контрастъ, такъ что казалось, какъ будто видишь передъ собою два различныхъ міра. Республиканцы не носили пудры; туалетъ женщинъ напоминалъ древнюю римскую одежду; у нихъ были короткія тали, античные кушаки, гребни, пряжки и вуали римскихъ матронъ. На леди Эліоттъ былъ простой, но изысканный нарядъ. Одно, что бросалось въ глаза въ ея туалетѣ и составляло контрастъ съ красотой ея молодого лица — это былъ вдовій маленькій чепчикъ à la Marie Stuart, которымъ были на половину прикрыты ея роскошные волосы. Этотъ чепчикъ она надѣла утромъ, выѣзжая изъ Брайтона, и съ тѣхъ поръ никогда не являлась безъ него въ публикѣ.

Королевская ложа была у самой сцены и всего больше привлекла вниманіе леди Эліоттъ. Королева была вся въ черномъ. Правильныя, красивыя черты лица ея носили отпечатокъ сильныхъ, но мужественно вынесенныхъ страданій. Глаза смотрѣли спокойно, ни одна рѣсница не дрогнула, когда она, войдя въ ложу, бросила взглядъ на партеръ. Ее встрѣтили шиканьемъ. Она не сдвинулась. Ея большое овальное лицо, съ орлинымъ носомъ и рѣзко очерченной губой Австрійскаго дома ни на минуту не утратило своего надменнаго выраженія. Она только слегка зажмурила глаза и презрительно сжала губы, но когда она положила свою прекрасную, сильную руку на бархатъ балюстрады, то казалось, какъ будто она хотѣла ею раздавить весь народъ, еслибы это было въ ея власти! Но вотъ она сѣла и взяла маленькаго дофина на руки. Все лицо ея преобразилось; она уже не видѣла болѣе угрожающей толпы; забыла, что она униженная коро-

лева, оскорбленная женщина, и что ее окружают враги,—ею овладѣло одно чувство, что она держитъ на рукахъ дофина, своего любимого ребенка,—и слеза упала изъ ея блестящихъ глазъ. Ребенокъ восторженно посмотрѣлъ на мать, какъ будто спрашивая, о чемъ она плачетъ. Бѣдное дитя, она плачетъ о тебѣ и клянеть судьбу, зачѣмъ ты родился королевскимъ принцемъ во Франціи! Дофину было тогда шесть лѣтъ. У него было лицо Бурбоновъ, но не тупое, апатичное лицо отца, а полное жизни и энергіи, напоминавшее его предка Людовика XIV, родъ котораго долженъ былъ угаснуть съ нимъ. Его сестра, тринадцатилѣтняя *M-me Royale* была живою портретъ матери; у ней были тѣ-же голубые глаза, высокій лобъ, орлиный носъ и бѣлокурые вьющіеся волосы, которыми нѣкогда такъ восхищался герцогъ Шуазель, видѣвшій Марію Антуанетту въ дѣтствѣ, а позднѣе французскіе крестьяне, когда она переѣзжала съ триумфомъ границу Франціи, въ качествѣ невѣсты дофина. Рядомъ съ *M-me Royale* сидѣла дама съ серьезными миловидными чертами лица, въ которомъ было столько красоты и доброты, что она казалась какимъ-то неземнымъ существомъ. Это была *M-me Elisabeth*, сестра короля, вѣрная подруга королевы, раздѣлявшая всѣ ея страданія. За ней видѣлась г-жа Ламбалль, красавица изъ красавицъ, которую не могло обезобразить ни время, ни горе, ни сердечныя огорченія—бѣлая роза, которой суждено было погибнуть въ красномъ потокѣ собственной крови. Въ самой глубинѣ ложи сидѣлъ король Франціи. Онъ былъ въ тѣни, и потому лица его нельзя было разглядѣть, а только видѣлась его широкоплечая, толстая фигура.

Но вотъ позвонилъ колокольчикъ. Публика заняла свои мѣста и занавѣсъ поднялся.

Сцена изображала большой портикъ съ колоннами; вдали видѣлись террасы и дворецъ Семирамиды. Направо былъ храмъ маговъ, надѣво мавзолей, который царица воздвигла своему убитому мужу. Упоенная успѣхами, почестями, сознаниемъ своего величія, утопая въ наслажденіяхъ, она не чувствовала никакихъ угрызений совѣсти въ теченіе долгихъ лѣтъ, но теперь на закатѣ жизни сознание совершеннаго ея преступленія проснулось въ ней, не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью. Видѣнія преслѣдуютъ ее, подземные голоса изъ могильнаго свода кричатъ ей: „Семирамида — ты убійца“. Наконецъ ей снится сонъ. Она созываетъ своихъ маговъ и тѣ, объяснивъ значеніе сна, говорятъ ей, что только одинъ человекъ можетъ искупить ея грѣхъ и что этотъ человекъ молодой полководецъ Арзасъ, не задолго передъ тѣмъ усмирившій возстаніе въ одной изъ провинцій, подвластныхъ Семирамидѣ. „Арзасъ—мое спасеніе!“ говоритъ царица и отдаетъ приказаніе, чтобы молодой герой, избранный богами, вернулся къ ея двору.

Арзасъ, — роль котораго исполнялъ знаменитый актеръ Тальма, только что выступившій на сцену,—возвращается въ Вавилонъ въ сопровожденіи своего друга Митрана. Главный магъ Орозъ съ свитой

другихъ маговъ встрѣчаетъ Арзаса и таинственно, неясными намеками, сообщаетъ ему, что онъ не сынъ стараго мудреца, воспитавшаго его, что его отецъ погибъ отъ преступленія, и онъ, Арзасъ, по вогъ боговъ, долженъ отомстить за него. Арзасъ глубоко возмущенъ этимъ извѣстiemъ,—онъ хватается за мечъ, чтобы поразить убійцу отца...

Въ этотъ моментъ входитъ Семирамида; маги и Арзасъ удаляются.

Царица является передъ зрителями блѣдной, измученной женщиной; ее пресѣдуетъ прошлое; ей кажется, что она видитъ тѣнь Инна, своего умершаго мужа. M-elle Сенваль, одна изъ лучшихъ трагическихъ актрисъ, извѣстная еще въ царствованіе Людовика XV, играла роль Семирамиды. Игра ея производила потрясающее впечатлѣніе. Мученія совѣсти, раскаяніе преступной царицы, ея отчаяніе,—все это было выражено талантливой актрисой съ неподржаемымъ искусствомъ.

Отана, наперстница Семирамиды, старается успокоить ее. „Не ты приготовляла ядъ“—говоритъ она царицѣ—„не ты подала его твоему мужу: это сдѣлалъ Ассуръ; развѣ не живетъ онъ въ славѣ и покоѣ при твоемъ дворѣ? Если Ассуръ спокоенъ, то чего трепетать Семирамидѣ“?..

„Напрасно“ (возражаетъ Семирамида),

„Напрасно пытаешься ты умиротворить это бѣдное сердце:

„Чѣмъ священнѣе союзъ, тѣмъ больше преступленіе.

„Я была его женой, Отана“.

Леди Эліоттъ содрогнулась. Ей показалось, что актриса пристально смотритъ на нее и къ ней одной обращается съ этими словами, поднимая руки къ небу.

Наконецъ Отанѣ удается успокоить царицу и вызвать въ ней надежду извѣстiemъ о пріѣздѣ Арзаса. Семирамида видитъ молодого полководца, влюбляется въ него и приказываетъ устроить свадебное пиршество. Она хочетъ увѣнчать свое преступленіе новымъ преступленіемъ, такъ какъ Арзасъ ея родной сынъ и любитъ Азему.

Въ трогательной сценѣ между двумя влюбленными Арзасъ говоритъ Аземѣ:

„Небо наконецъ отомститъ царицѣ“...

Едва были произнесены эти слова, какъ въ партерѣ и въ верхнихъ ярусахъ послышались громкія рукоплесканія и крики одобренія; всѣ взоры были устремлены на королевскую ложу. Марія Антуанетта опустила глаза.

Шумъ былъ такъ великъ, что представленіе остановилось на нѣсколько минутъ. Когда все успокоилось, Азема возразила Арзасу:

„Пусть шумитъ народъ въ своемъ гнѣвѣ.

„Это продажное эхо продажнаго голоса“...

При этихъ строфахъ послышались аплодисменты роялистовъ. Другая часть публики, составлявшая большинство, принялась шикать и принудила ихъ къ молчанію.

Вслѣдъ за этимъ уже каждое слово актеровъ вызывало аплодисменты или шиканье той или другой партіи.

Наконецъ, когда на сценѣ произнесены были извѣстныя строфы трагедіи:

„Монархъ безъ государства — утраченный блескъ,
„Обруженный могуществомъ — но плѣнникъ!“

— Bravo, bravissimo!“ закричали разомъ сотни голосовъ со всѣхъ ярусовъ и въ партерѣ.

Марія Антуанетта все ниже и ниже наклоняла голову. Она хотѣла скрыть свои слезы — слезы безсильной ярости.

Многіе изъ тогдашнихъ актеровъ были роялисты и относились съ искреннимъ состраданіемъ къ несчастному королевскому семейству. Молодая актриса, исполнявшая роль Аземы, смѣло выступила на авансцену, низко поклонилась королевской ложѣ и произнесла съ глубокимъ чувствомъ слова поэта:

„Je viens avec transport embrasser vos genoux!“

Затѣмъ, обращаясь къ публикѣ, она продолжала:

«Не думаютъ ли ваши вожди увѣнчать свое кровавое дѣло,
„Повелѣвая вамъ оскорблять беззащитную женщину“?..

Этими словами молодая актриса думала пристыдить и успокоить толпу. Дѣйствительно, публика сразу умолкла, и послышалось нѣсколько робкихъ возгласовъ: „Да здравствуетъ королева!“

Но это продолжалось всего одну секунду, а затѣмъ поднялся страшный шумъ; нѣсколько якобинцевъ вскочили на сцену съ дивнымъ крикомъ: „Долой Семирамиду! Долой убійцу!“ и еслибы другіе актеры не скрыли во-время m-elle Рокуръ, исполнявшую роль Аземы, то ее вѣроятно растерзали бы на куски.

Ярость толпы уже не знала никакой удержки...

Королевская фамилія поспѣшно оставила театръ и, скрывшись потаеннымъ ходомъ, отправилась въ Тюльери.

Представленіе не могло продолжаться; народъ не интересовался больше Вольтеровской Семирамидой. Всѣ бросились къ выходу: роялисты, республиканцы, мужчины, женщины, дѣти. Слышались крики, брань, проклятія, мольбы, плачь дѣтей.

Леди Эліоттъ была такъ взволнована, что не чувствовала никакого страха и, выйдя изъ своей ложи, машинально послѣдовала за разъяренной бушующей толпой.

ГЛАВА XVII.

Леди Эліоттъ встрѣчаетъ свою соотечественницу.

Леди Эліоттъ вышла на театральнй дворъ. Но тутъ была такая же паника, давка, шумъ какъ на пожарѣ, — каждый думалъ только о томъ, какъ бы ему поскорѣе добраться до выхода, и черезъ это общая сумятица еще больше усиливалась. Слышались угрозы, брань, вскрикиванія женщинъ, грубый смѣхъ, неприличныя слова... Проснулись дикіе животныя инстинкты массы; присутствіе женщинъ еще больше возбуждало ихъ.

Леди Эліоттъ, на сколько возможно, держалась въ сторонѣ отъ толпы. Ея гордая осанка, спокойный, увѣренный взглядъ, пока ограждали ее отъ оскорбленій. Но вдругъ она услышала за собой хриплый, угрожающій голосъ.

— Что, попалась, аристократка! воскликнулъ человѣкъ въ красной шапкѣ съ большой трехцвѣтной ковардой. Верхнее платье висѣло у него на плечѣ; рукава грязной, пропитанной потомъ рубашки были засучены. Его обнаженная жилистая рука протянулась къ леди Эліоттъ съ видимымъ желаніемъ обнять ее.

— Вы ошибаетесь, мой другъ, я не аристократка, я сочувствую народу и искренно сожалею, что онъ забываетъ свое достоинство.

— Старая пѣсня! Эти разговоры ни къ чему не поведутъ! Sarcasme toppege! На что намъ свобода, если мы даже не смѣемъ поцѣловать аристократку!

Леди Эліоттъ остановилась. Свѣтъ фонаря освѣщаль ея лицо.

— Sapristi! до чего ты хороша! — воскликнулъ онъ, снова дѣлая попытку обнять ее. Но рука его сразу опустилась. Леди Эліоттъ взглянула на него своими темными глазами, и взглядъ этотъ приковалъ его на мѣстѣ, потому что народъ въ минуту ярости похожъ на дикаго звѣря, которому нужно смѣло смотрѣть въ глаза, чтобы укротить его.

Представитель народа стоялъ передъ нею, потупившись.

— Чего ты смотришь на меня, аристократка! — проговорилъ онъ въ смущеніи.

— Есть у тебя дочь? — спросила леди Эліоттъ.

Суровое лицо республиканца оживилось недобрымъ огнемъ.

— Не напоминай мнѣ объ этомъ! — крикнулъ онъ съ бѣшенствомъ — иначе клянусь небомъ я размозжу тебѣ голову! Да, у меня была дочь, — продолжалъ онъ болѣе кроткимъ голосомъ. Она была красива какъ картина, умна и добра, какъ ангелъ. Я гордился ею и берегъ какъ зѣницу ока. Но проклятый аристократъ соблазнилъ ее и она бросилась въ Сену... Я еще разъ увидѣлъ ее въ моргѣ... При этихъ сло-

вахъ крупная слеза скатилась по его грязной щекѣ и оставила на ней широкій слѣдъ.

Онъ утеръ глаза кулакомъ и, какъ-бы стыдясь своего волненія, продолжалъ съ злобной усмѣшкой:—Ну, да что толковать объ этомъ! Не мало поруганій вынесли отъ васъ наши женщины;—теперь ваша очередь!

— Значить, ты хочешь почтить память твоей дочери тѣмъ, что оскорбляешь другихъ женщинъ, которыя также слабы и беззащитны какъ была она, — спокойно отвѣтила леди Эліоттъ. — Если хочешь мстить, то иди къ мужчинамъ и требуй отъ нихъ отчета. Мужчина обезчестилъ твою дочь... Что тебѣ сдѣлали женщины?

Человѣкъ въ красной шапкѣ задумался на минуту.

— Ты права, аристократка. Вотъ тебѣ моя рука... Не бойся меня. Клянусь трехцвѣтной кокардой Французской націи, что я не трону тебя и буду твоимъ защитникомъ, пока не выведу изъ этой толпы и не буду увѣренъ, что ты въ безопасности. Ну что согласна?

— Я съ благодарностью принимаю твое предложеніе, — отвѣтила леди Эліоттъ, подавая руку своему неожиданному покровителю, который стоялъ передъ ней съ обнаженной головой, приложивъ два пальца правой руки къ національной кокардѣ, приколотой къ его красной шапкѣ, которую онъ держалъ въ рукахъ.

— Разступитесь!—крикнулъ онъ, расталкивая толпу своими сильными кулаками.—Что не узнаете развѣ якобинца Николая Трюшона! Эй вы! Дорогу!..

Толпа разступилась съ обѣихъ сторонъ и леди Эліоттъ, слѣдуя за своимъ бородатымъ покровителемъ, скоро очутилась на улицѣ.

— Какъ-бы я желала найти свою карету, — сказала она. — Не знаете-ли вы, мосье Трюшонъ, пробило-ли одиннадцать?

— Давнымъ-давно! — отвѣтилъ онъ,—представленіе продолжалось больше часу.

— Значить моя карета пріѣхала. Но гдѣ найти ее?

— Кареты аристократовъ спроважены подальше отъ театра, отвѣтилъ Трюшонъ. Одни стоятъ у Pont Neuf или Pont Royal, а остальные на другомъ берегу Сены. Какая у тебя карета, аристократка?

— Коричневая съ синими занавѣсками.

— Ну въ темнотѣ по этимъ примѣтамъ ничего не сыщешь. Sapristi! Какъ же тебя зовутъ?

— Леди Эліоттъ!

— Леди... леди... это кажется по англійски. Леди Эліоттъ! Ты развѣ англичанка?

— Да.

— А что хорошіе ли патріоты англичане? Можно ли считать ихъ друзьями народа, или они такіе же проклятые аристократы какъ наши.

— Тѣ, которые смотрятъ на вещи какъ слѣдуетъ, также искренно сочувствуютъ народу, какъ и я!

— Такъ ты въ самомъ дѣлѣ патриотка и любишь народъ! Ты не въ заговорѣ противъ насъ?

— Нѣтъ.

— Поклянись, что ты всегда будешь стоять за народъ и не станешь дѣйствовать за-одно съ его врагами? Если ты измѣнишь намъ, то я самъ расправлюсь съ тобой. Ну что, даешь слово?

— Вотъ тебѣ моя рука.

— Смотри, не вздумай измѣнить намъ! Николай Трюшонъ не позволитъ никому насмѣяться надъ собою.

— Надѣюсь, что и ты исполнишь обѣщаніе, которое ты далъ мнѣ сегодня?

— Bravo, патриотка! Такъ и быть: я отыщу твой экипажъ. Жди меня здѣсь на углу. Неходи только съ мѣста. Я скоро вернусь.

Онъ направился быстрыми шагами къ Сенѣ, и скоро скрылся изъ виду. Леди Эліоттъ осталась одна. Она находилась теперь на углу улицы rue des Marais, гдѣ этотъ узкій переулокъ примыкаетъ къ широкой rue de Saine между Pont Neuf и Pont Royal, которые были тогда единственными мостами, соединявшими оба берега Сены въ этой мѣстности.

Но едва леди Эліоттъ отошла отъ фонаря, у котораго оставилъ ее Трюшонъ, какъ со стороны театра послышались громкіе крики, смѣхъ, перебранка и раздражающее уши пѣніе.

„Ah ça ira, ça ira, ça ira

„Les aristocrates à la lanterne!..

Пѣніе это, похожее на карканье хищныхъ птицъ, раздавалось все громче и очевидно приближалось къ тому мѣсту, гдѣ стояла леди Эліоттъ. Это была толпа женщинъ, принадлежавшихъ къ самому низшему слою Парижскаго населенія: пуассардки, рыночныя торговки, тряпичницы, женщины метущія улицы и т. п. Вооруженныя метлами, вѣрочьями и кочергами, онѣ гнали передъ собою какую то нищую, одѣтую въ грязное тряпье. Лохмотья висѣли на ея исхудаломъ тѣлѣ какъ на вѣшалѣ, волосы длинными растрепанными прядями болтались вокругъ шеи. Одна нога была у ней босая, другая въ башмагѣ.

— Дрянъ! продажная тварь! приятельница аристократовъ. Посмотри на себя какая ты скверная... Ты теперь совѣмъ подъ стать аристократамъ!.. поддразнивали ее разсвирѣпѣвшія мегеры, подгоняя ее своими метлами и прищывая въ то же время:

„Que faut il au republicain?

„Du coeur, du fer, et puis du pain...

„Ah ça ira, ça ira, ça ira

„Les aristocrates à la lanterne!..

Леди Эліоттъ съ ужасомъ глядѣла на эту сцену, такъ какъ толпа остановилась въ эту минуту на углу rue des Magais, противъ того мѣста, гдѣ она ожидала возвращенія Трюшона. Несчастная преслѣдуемая женщина была въ такомъ изнеможеніи, что ноги отъказывались служить ей. Она стояла у фонаря и леди Эліоттъ сразу узнала въ ней ту нищую, которая такъ напугала маленькаго Шарля во время похороны Вольтера своими большими сѣрыми глазами.

— Что я вамъ сдѣлала, кричала она, за что вы меня преслѣдуете? Я также жалка и бѣдна какъ вы? Я въ такихъ же лохмотьяхъ! Нѣтъ, я въ тысячу разъ несчастнѣе васъ... Развѣ у которойнибудь изъ васъ украли ребенка. Не бейте меня! Сжальтесь надъ матерью, у которой аристократы отняли единственное дитя!

— Плодъ грѣха! вопили торговки. Ребенокъ какогонибудь аристократа... Что же ты молчишь. Видно отгадали!

— Маленькій герцогъ или графъ!

— La belle anglaise!

— Мы ужъ не прогуливаемся больше подъ арками Пале-Рояля!

— Куда дѣвались наши добрые друзья, съ которыми мы столько разъ пили шампанское въ ресторанѣ Méot, издѣваясь надъ голодомъ и слезами черни.

— Быть можетъ они уѣхали въ Кобленць.

— Или въ какое другое мѣсто!

— Поколотимъ-ва ее хорошенько эту англичанку... любовницу аристократовъ!..

Несчастная съ болѣзненнымъ стономъ упала на землю подъ ударами кулаковъ, палокъ, желѣзныхъ крючьевъ...

Леди Эліоттъ не въ состояніи была дольше оставаться безучастной зрительницей этой возмутительной сцены. Рискуя своей жизнью, она смѣло вошла въ толпу, которая была такъ озадачена появленіемъ знатной дамы, что невольно разступилась передъ нею. Никто изъ женщинъ не замѣтилъ ея приближенія, и она точно упала съ неба. Леди Эліоттъ воспользовалась этой минутой, чтобы подойти къ несчастной жертвѣ, которая лежала у фонаря, блѣдная какъ смерть, съ закрытыми глазами.

— Citoyennes—сказала она,—я не спрашиваю васъ, какое преступленіе совершило это бѣдное созданіе и за что вы наказываете ее. Но вы видите—все кончено. Вы не пожалѣли ее живую, то по крайней мѣрѣ пощадите ее мертвую.

Слова эти возбудили ярость женщинъ. Онѣ снова зашумѣли:

— Какое она имѣетъ права читать намъ проповѣди?

— Понятное дѣло! Аристократка явилась на помощь другой аристократкѣ!

— Убирайся прочь, а то мы и тебя повалимъ на мостовую рядомъ съ нею.

— Выслушайте меня...

— Не хотимъ мы ничего слышать... Убирайся!

— Чего церемониться съ аристократкой. Угостимъ-ка ее метлой, онѣ только этого и стоять.

— Всѣ онѣ продажныя, негодныя твари!

— Нужно извести все ихъ отродье!

Разъяренныя мегеры уже готовы были броситься на новую жертву и растерзать ее. Но къ счастью со стороны набережной послышался стукъ быстро приближавшагося экипажа.

— Господь сжалился надо мною,—подумала леди Эліоттъ и начала кричать изо всѣхъ силъ: Николай Трюшонъ!.. сюда... скорѣе...

— Она зоветъ якобинца Трюшона! съ удивленіемъ заговорили женщины, опуская свои поднятые кулаки.

— Николай Трюшонъ!—кричала леди Эліоттъ.

— Я здѣсь!—крикнулъ въ отвѣтъ мужской голосъ съ другой стороны улицы.—Кто зоветъ Николая Трюшона?—Я здѣсь, леди Эліоттъ!

При этихъ словахъ женщина, лежавшая на землѣ, которую всѣ считали мертвой, неожиданно открыла свои большіе сѣрые глаза.

— Я не ошиблась... Это она—проговорила она чуть слышнымъ голосомъ.

— Она жива!—воскликнула съ радостью леди Эліоттъ.—Николай Трюшонъ, ради Бога иди скорѣе!

Трюшонъ подошелъ къ толпѣ.

— Что это такое!—воскликнулъ онъ своимъ хриплымъ, грубымъ голосомъ, который былъ хорошо извѣстенъ уличной черни.—Не ожидалъ я встрѣтить старыхъ знакомыхъ! продолжалъ онъ, подавая руку нѣкоторымъ изъ женщинъ.—Что вы растащивались такъ поздно, мои кумушки, свободныя гражданки, рыночныя дворянки!

— Добрый вечеръ, братъ!—крикнула ему толпа въ отвѣтъ.

— И ты здѣсь — тетушка Камилла, и ты предсѣдательница рыбнаго ряда!.. а вотъ и висѣльница... и маленькая жирная жаба!.. Тебя ли я вижу, мой сладкій сахарный цвѣточекъ!.. И ты, мое соеврвище съ бомбоньеркой!.. Каково! и Анжелика Фойэ выползла сегодня, мой прелестный ангелъ, моя ненаглядная!..

— Да, да, мы всѣ здѣсь!—отвѣтила Анжелика, одна изъ самыхъ свирѣпыхъ и нахальныхъ уличныхъ мегеръ революціи.

— А что вы тутъ дѣлали?

— Мы захватили наконецъ эту проклятую англичанку.

— Ah, la belle anglaise! Sapristi... Добыча хоть куда. Надѣюсь, вы справились съ нею.

— Да, братъ Николай, мы думали, что уже совсѣмъ доконали ее; но она вотъ опять открыла глаза и сказала что-то на своемъ дурацкомъ Англійскомъ языкѣ, который мы не понимаемъ... Кажется она еще жива.

— Чего-же вы смотрите, сестрицы! Что церемониться съ аристократами, врагами народа! Дѣла еще много впереди. Ну, принимайтесь-ка! Ихъ нужно давить какъ червей.

Кровожадная толпа опять бросилась на свою жертву.

Леди Эліоттъ заступилась за нее.

— Николай Трюшонъ!.. сказала она умоляющимъ голосомъ.

— Ну, что?

— Отдай мнѣ эту женщину.

— Нѣтъ, ужъ извини, я не могу исполнить твоей просьбы. Когда она умретъ, то пожалуй возьми ее себѣ, а пока эта тварь жива, она принадлежитъ намъ.

— Ты видишь, въ какомъ она жалкомъ положеніи.

— Она далеко не такъ жалка, какъ тебѣ кажется. Если бы у ней было двадцать жизней вмѣсто одной, то я двадцать разъ сряду былъ бы готовъ убить ее. Согласны ли вы со мной „кумушки“?

— Да, да, да!—крикнула въ отвѣтъ толпа дикимъ хоромъ.

— Вы уже достаточно наказали ее, *citoyennes*, — сказала леди Эліоттъ, обращаясь съ мольбой къ разсвирѣпѣвшимъ женщинамъ.

— Мы еще вырвемъ у ней языкъ, которымъ она такъ часто поносила народъ!—отвѣтила Анжелика Фойѣ.

— А изъ ея красныхъ волосъ, которыми она прельщала аристократовъ, мы сдѣлаемъ себѣ подвязки... Теперь красный цвѣтъ въ модѣ,—сказала Камилла.

— Bravo, tutuшка, вотъ такъ удачная острота,—замѣтилъ со смѣхомъ Трюшонъ.—А откуда ты добудешь чулки?

— Я дамъ тебѣ на чулки, *citoyenne*. Тутъ хватить для всѣхъ-васъ, сказала леди Эліоттъ, вынимая изъ кармана горсть золотыхъ, которые, блеснувъ при свѣтѣ фонари, разсыпались по темной мостовой.

Толпа женщинъ бросилась на добычу, какъ стая воронъ, толкаясь и вырывая другъ у друга золото изъ рукъ.

— Не смѣйте брать этихъ денегъ! — крикнулъ имъ Трюшонъ грознымъ голосомъ.—Я отрублю руку той, которая посмѣетъ оставить у себя хотя одинъ золотой. Подбирайте скорѣе деньги и отдавайте ихъ сполна этой дамѣ. Вотъ ваши золотые, патриотка. Мы не продаемъ своихъ жертвъ.

— Николай Трюшонъ, — сказала леди Эліоттъ, положивъ свою изящную ручку на жесткій кулакъ якобинца.—Исполни мою просьбу во имя твоей несчастной дочери.

— Опять!—крикнулъ Трюшонъ, но тотчасъ-же смягчился и, обращаясь къ толпѣ женщинъ, сказалъ кроткимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Дѣлать нечего, *citoyennes*, она надежная патриотка!.. Отдайте эту подлую англичанку... Несите ее въ карету... Эй, кучеръ подавай!..

При этихъ словахъ несчастная, которая все время лежала неподвижно, пока шли толки о ея судьбѣ, неожиданно вскочила на ноги.

— Убейте меня... Забейте до смерти!—кричала она умоляющимъ испуганнымъ голосомъ, обращаясь къ своимъ мучительницамъ. Только не отдавайте меня этой женщинѣ.

— Она рехнулась! — сказали Трюшонъ. — Несите ее!

Толпа женщинъ тотчасъ-же схватила нищую, не смотря на ея отчаянное сопротивленіе, и потащила къ каретѣ.

— До свиданія, Николай Трюшонъ! — сказала леди Эліоттъ. Большое тебѣ спасибо за все. Можетъ быть мы еще увидимся съ тобой.

Она подала руку народному вождю и тотъ дружески пожалъ ее.

— До свиданія, патриотка. Помни свою клятву.

Карета быстро повалилась по rue de Saine, а затѣмъ по набережной къ Pont Royal.

Г Л А В А XVIII.

Леди Эліоттъ встрѣчаетъ молодыхъ супруговъ.

Карета выѣхала на другую сторону Сены.

— Теперь скажи мнѣ пожалуйста, гдѣ ты живешь? — спросила леди Эліоттъ, обращаясь къ своей спутницѣ, которая сидѣла молча, прижавшись къ углу кареты. — Мнѣ нѣтъ дѣла до твоего имени, но я должна знать, куда отвезти тебя?

Леди Эліоттъ, не получая никакого отвѣта на свои вопросы, была въ большомъ затрудненіи. При другихъ обстоятельствахъ она не задумалась-бы принять къ себѣ бѣдную женщину; но теперь мысль о Шарлѣ останавливала ее. Она хотѣла избавить мальчика отъ зрѣлища глубокаго человѣческаго униженія и страданій и неизбѣжныхъ сценъ, вслѣдствіе присутствія такого существа въ домѣ.

Она снова обратилась къ своей спутницѣ: — Скажи-же наконецъ, куда намъ ѣхать? Неужели у тебя нѣтъ пристанища въ этомъ огромномъ Парижѣ?

Боязливый, полуподавленный стонъ былъ единственнымъ отвѣтомъ на эти слова.

Чувство состраданія въ душѣ леди Эліоттъ взяло верхъ надъ всѣми другими чувствами.

— Бѣдняжка! — сказала она. Не могу-ли я чѣмъ-нибудь помочь тебѣ? При этомъ леди Эліоттъ слегка прикоснулась плеча нищей.

— Не трогай меня! — вскрикнула та, вскакивая съ мѣста, какъ будто ужаленная змѣей.

— Чего ты сердиться на меня. Развѣ я виновата передъ тобой?

— Ты еще спрашиваешь объ этомъ?

— Несчастная, ты хотѣла умереть... Я виновата въ томъ, что спасла тебя. Дай мнѣ руку. Можетъ мнѣ удастся помирить тебя съ собою и съ твоимъ существованіемъ...

— Прочь! я тебя ненавижу!

— Я думала оказать тебѣ благодарѣніе.

— Благодарѣніе! — воскликнула нищяя съ горькимъ смѣхомъ.— Ужъ не считаешь-ли ты благодарѣніемъ ту жизнь, которую мнѣ приходится выносить, мою крайнюю бѣдность, послѣднюю степень униженія, до которой я дошла... полную невозможность отомстить виновнику всѣхъ моихъ бѣдствій... Да всѣмъ этимъ я обязана тебѣ. Развѣ ты не леди Эліоттъ?

— Да, это мое имя. Но я не понимаю...

— Ты не понимаешь! воскликнула нищяя и опять захохотала неприятнымъ смѣхомъ, въ которомъ слышалось какое-то злорадство.— Леди Эліоттъ думала оказать мнѣ благодарѣніе! Она точно не знаетъ, что каждая рана моего сердца нанесена ею! Всѣ эти тряпки, лохмотья, мой позоръ... всѣмъ этимъ я обязана леди Эліоттъ!..

— Она должно быть съ ума сошла! подумала леди Эліоттъ.— Впрочемъ это вполне естественно... Это ужасное приключеніе, страхъ, вынесенные побои не могли пройти безслѣдно.

— Ты не узнаешь меня? спросила нищяя.

— Нѣтъ!

— Ты меня никогда не видала?

— Никогда.

— Какъ это забавно! продолжала нищяя, не переставая хохотать.— Леди Эліоттъ меня никогда не видала! Да это чистая комедія! Что можетъ быть лучше нашей встрѣчи! Судьба отлично распорядилась... Леди Эліоттъ развѣзжаетъ въ каретѣ съ лакеями, а я шагаю по улицамъ чуть-ли не босая... Однимъ словомъ, добродѣтель торжествуетъ, порокъ наказанъ: говорятъ, каждому воздается по заслугамъ... Леди Эліоттъ знатная, всѣми уважаемая дама, а я ночная птица, отверженная тварь, посмѣшище уличныхъ торговкокъ! Ея сынъ въ атласѣ, съ перомъ на шляпѣ, а мой сынъ... его украли у меня!

При этихъ словахъ несчастная женщина заплакала такими горькими искренними слезами, что у леди Эліоттъ разрывалось сердце.

— Какъ ты думаешь, гдѣ твой ребенокъ. Надѣнешься ли ты увидѣть его еще разъ?

— Развѣ я могла бы существовать безъ этой надежды. Шестнадцать тому назадъ ребенокъ исчезъ изъ моего дома; но съ тѣхъ поръ былъ ли хотя одинъ часъ, или одна минута, въ которую я не вспоминала бы о немъ. Какой онъ былъ хорошенькій! Черты лица его напоминали того, кто далъ ему жизнь, а мнѣ одни только мученія, которыя хуже смерти. Помню я ту страшную минуту, когда онъ исчезъ и я напрасно искала его въ его постелькѣ, въ дѣтской, по всему дому, и мнѣ чудилось, что онъ зоветъ меня, протягиваетъ ко мнѣ свои маленькія рученки... Но его нигдѣ не было. Я плакала, ломала руки, рвала на себѣ волосы, бросалась на колѣни, молилась; но судьба также немилосердна, какъ и люди. Она любитъ только счастливыхъ... Въ то время я имѣла друга, человѣка, который любилъ меня больше

всего на свѣтъ и привязался ко мнѣ еще въ то время, когда я была невинной дѣвушкой. Онъ видѣлъ мое поведеніе, мой стыдъ... изъ-за меня онъ оставилъ родину — измѣнилъ своему долгу. Этого преданнаго друга я прогнала отъ себя, обвинила въ похищеніи ребенка... Бѣдный! Я обошлась съ нимъ какъ съ собакой, которую гонитъ хозяинъ, и она все-таки возвращается къ нему... Наконецъ онъ оставилъ меня. Я очутилась совсѣмъ одна, бродила день и ночь по парижскимъ улицамъ, отыскивая моего ребенка. Сколько разъ ходила я въ моргъ, и когда я видѣла дѣтскій трупъ на мѣдной доскѣ, орошаемой водой, я мысленно молила Бога, чтобы это былъ мой ребенокъ. Тогда я пришла бы его въ послѣдній разъ къ сердцу и покончила бы съ собой. Но это желаніе не исполнилось. Наконецъ отчаяніе овладѣло мной. Я стала искать веселья, но то бы то ни стало, начала пить вино, издѣвалась надъ несчастными; встрѣчая бѣдную женщину, я отворачивалась отъ нея, называла лоскутницей. Веселое общество окружало меня, я была знакома съ князьями, графами, кровными аристократами; знатныя дамы покровительствовали мнѣ. Революція разразилась неожиданно — и все измѣнилось. Теперь единственное мое достояніе эти лохмотья и одинъ изорванный башмакъ для шатанья по улицамъ и подвальная яма въ rue de Chaconne, въ видѣ ночлега. Если ты дѣйствительно леди Эліоттъ, то скажи мнѣ, не замѣшался ли во всемъ этомъ герцогъ... Я готова принести присягу, что это его дѣло... Нѣтъ, все вздоръ!.. Не вѣрь ни одному моему слову... Все это ложь... Я нагала тебѣ.

Несчастливая опять захохотала своимъ неприятнымъ рѣзкимъ смѣхомъ.

Леди Эліоттъ воспользовалась этой минутой, чтобы закричать кучеру, чтобы онъ везъ въ „rue de Chaconne!“

— Знаю, это въ предмѣстьѣ С.-Антуанъ, — отвѣтилъ тотъ, поворачивая лошадей въ сторону бульваровъ.

Это была та самая дорога, по которой леди Эліоттъ ѣхала накануне, при сіяніи солнца, во время торжественнаго народнаго праздника. Теперь бульвары были пусты. Карета проѣхала мрачную площадь Бастиліи, гдѣ царила могильная тишина и повернула на rue de Chaconne. Въ тѣ времена это была сравнительно новая улица. Нѣкоторые дома были недостроены и покрыты лѣсами, представляя собою подобіе какихъ-то фантастическихъ развалинъ. Теперь никто не думалъ достраивать ихъ — у революціи едва хватало времени разрушать существующее. Другіе дома хотя были уже совсѣмъ отдѣланы, но стояли почти безъ постояльцевъ; и только кое-гдѣ мелькали рѣдкіе огоньки въ окнахъ среди темной окружающей массы. Мѣстами видѣлись пустыри, окруженные досчатыми заборами, — это были мѣста, купленные подъ дома и заброшенные. У одного такого мѣста возвышался шести-этажный домъ, похожій на башню, съ безчисленными окнами, антресолями, мансардами. Окна были узкія и длинныя,

безъ гардинъ, исключая впрочемъ двухъ оконъ въ rez de chaussée, гдѣ жилъ самъ хозяинъ дома, исполнявшій должность привратника.

Карета остановилась передъ этимъ домомъ, такъ какъ спутница леди Эліоттъ теперь совсѣмъ присмирѣла и охотно отвѣчала на всѣ вопросы. Силы оставили ее и она казалась совсѣмъ безпомощной.

Лакей сошелъ съ козелъ, чтобы разбудить привратника. Все было тихо на улицѣ и въ домѣ.

Наконецъ послѣ долгаго стука открылось одно изъ оконъ съ гардинами, и показалась голова въ ночномъ колпакѣ.

— Кто тамъ? спросилъ ночной колпакъ.

Лакей подошелъ къ дверцамъ кареты, чтобы узнать имя незнакомой женщины.

— Миссисъ Францисъ, отвѣтила она нервнѣйшимъ голосомъ.

— Миссисъ Францисъ! повторилъ за ней лакей.

— Хороша миссисъ! воскликнулъ въ сердцахъ ночной колпакъ. — Негодная тварь, ты опять возвращаешься домой чортъ знаетъ какъ поздно и мѣшаешь спать честнымъ людямъ. Развѣ не можешь забираться во-время въ свою нору. Убирайся прочь изъ моего дома. Вотъ я сейчасъ выброшу твой мѣшокъ за дверь!

Тогда изъ глубины комнаты послышался женскій голосъ, который былъ хорошо знакомъ леди Эліоттъ и котораго французская рѣчь сильно отзывалась англійскимъ акцентомъ.

— Сдѣлай одолженіе, другъ мой, говорилъ этотъ голосъ, позволь ей войти въ домъ хоть на эту ночь. Если она не исправится, то ты всегда можешь прогнать ее.

— Еще что выдумала!—отвѣтилъ ночной колпакъ. — Ты и безъ того надѣлала мнѣ не мало хлопотъ! Если ты будешь брать къ себѣ съ улицы всякую непотребную женщину изъ-за того только, что она англичанка, то скоро не хватить мѣста въ домѣ, хотя бы въ немъ было десять этажей вмѣсто шести; за квартиру она также не платитъ. Пусть она отправляется на всѣ четыре стороны, я больше ничего не хочу слышать объ этомъ.

Онъ хотѣлъ было запереть окно, но леди Эліоттъ остановила его.

— Сжальтесь надъ этой несчастной женщиной, сказала она, подходя къ окну, я вамъ заплачу за ея квартиру...

Леди Эліоттъ не успѣла кончить своей фразы, потому что ночной колпакъ, услышавъ ея голосъ, тотчасъ исчезъ и вмѣсто него черезъ секунду показалась голова въ парикѣ и взволнованное удивленное лицо.

Въ то же время изъ глубины комнаты быстро подвинулась къ окну какая-та круглая масса.

— Святой Андрей Шотландскій! воскликнула она. — Умри я на мѣстѣ, если это не голосъ моей милой, дорогой обожаемой леди, передъ которой я страшно виновата... Я поступила съ ней какъ самое неблагоприятное существо...

— Молчи, старуха, прервалъ ее человѣкъ въ парикѣ, который былъ не кто иной, какъ нашъ старый знакомый Друэ, мужъ Бекки.— Лучше придѣнься, смотри, на что ты похожа!

Свѣтъ этотъ былъ нелишний, потому что Бекки, услыхавъ голосъ леди Эліоттъ, соскочила съ постели въ одной ночной рубашкѣ.

Мосье Друэ отворилъ дверь, зажегъ свѣчу и принялъ своихъ позднихъ гостей въ комнатѣ, раздѣленной перегородкой, которая была и кухней, и приемной въ одно и тоже время.

Мнѣніе Бекки о леди Эліоттъ на столько перемѣнилось въ ея пользу со времени ихъ послѣдняго свиданія, что не смотря на присутствіе мосье Друэ, она бросилась къ ногамъ своей прежней госпожи.

— Негодная я тварь! воскликнула она со слезами.—Тысячу разъ я раскаявалась въ томъ, что огорчила васъ, моя дорогая леди. Бейте меня, топчите ногами, — но забудьте только все, что я наговорила вамъ въ то утро въ Брайтонѣ. Но во всемъ виноватъ Друэ. Онъ мнѣ набилъ голову мыслями о женитьбѣ, и я слалась.

— Развѣ ты несчастна, Бекки?

— Нѣтъ, я не могу этого сказать. Я счастлива. Но когда я подумаю о томъ, какъ я обидѣла васъ, моя милая леди... Мнѣ тогда весь свѣтъ не милъ...

— Ну, Бекки, ты раскаялась, я знаю, что ты не настолько зла, чтобы намѣренно огорчить меня. Не такъ ли?..

— Разумѣется... Вы были всегда такъ добры ко мнѣ... проговорила рыдая Бекки, покрывая поцѣлуями платье и руки леди Эліоттъ.

— Не плачь, Бекки. Помиримся. Но только ты должна исполнить то, что я попрошу у тебя.

— Я сдѣлаю все, что вы прикажете, моя милая леди.

— Вотъ, я поручаю тебѣ ее, сказала леди Эліоттъ, указывая на бѣдную женщину, которая сидѣла молча въ углу комнаты.—Если ты будешь заботиться о ней, то вполне загладишь свою вину. Помни только, что все, что ты сдѣлаешь для нея, будетъ сдѣлано для меня. Ну, что, согласна?..

— Да, да! воскликнула Бекки, видимо обрадованная.—Я буду обходиться съ ней, какъ съ родной сестрой.

— А вы, мосье Друэ, продолжала леди Эліоттъ,—вы дадите миссисъ Францисъ лучшую комнату въ вашемъ домѣ. Я буду платить за нее.

— Все будетъ исполнено, миледи, отвѣтилъ Друэ съ низкимъ поклономъ.

— Ну, теперь до свиданія, друзья мои; я побываю у васъ на дняхъ.

Съ этими словами леди Эліоттъ вышла изъ комнаты.

Бекки и ея супругъ проводили ее до кареты.

ГЛАВА XIX.

Николай Грюшонъ и его товарищъ.

За мирными демонстраціями Вольтеровскаго празднества слѣдовалъ цѣлый рядъ бурныхъ сценъ и важныхъ событій. Въ національномъ собраніи шли горячія пренія по поводу вопроса, что дѣлать съ королемъ послѣ его неудачной попытки къ бѣгству три недѣли тому назадъ.

Конституціонная партія, которая послѣ паденія феодализма играла главную роль въ революціонной Франціи и въ новомъ учредительномъ собраніи—едва ли не болѣе всѣхъ негодовала на бѣгство короля. Согласно ея плану государственнаго устройства, Франція не могла обойтись безъ короля, и революція должна была остановиться съ почтеніемъ у ступеней королевскаго престола.

Но революція никогда не останавливается тамъ, гдѣ ей приказываютъ. Это своего рода стихійная сила, и слѣпой случай управляетъ ею—тотъ же пожаръ, паденіе лавины, обрушившаяся крыша... Опытъ скоро показалъ, что событія, руководящія революціей, не подлежатъ никакимъ опредѣленнымъ законамъ и что отдѣльные люди не въ силахъ ни остановить, ни предвидѣть ихъ.

Однимъ изъ такихъ событій было бѣгство короля, которое представляетъ собою важный моментъ въ ходѣ Французской революціи, такъ какъ оно повергло въ прахъ всѣ предположенія учредительнаго собранія и послужило началомъ борьбы партій. До этого момента всѣ были согласны относительно того, что необходимо устранить существующія злоупотребленія, уничтожить привилегіи, возвратить гражданамъ отнятыя у нихъ права и предоставить ихъ той части націи, которая никогда не пользовалась ими и не считалась „людьми“, хотя врядъ ли кому приходило тогда въ голову, что эти „новые люди“ скоро потребуютъ себѣ еще новыхъ и болѣе существенныхъ правъ. Только благодаря этому единодушію введены были разные ограниченія въ законодательной и исполнительной власти, признана безусловная отвѣтственность министровъ и самовластіе во Франціи замѣнено конституціей.

Но послѣ неожиданнаго бѣгства короля тотчасъ же началось разногласіе въ учредительномъ собраніи. Одни стояли за короля, который долженъ былъ осуществить собою ихъ конституціонныя теоріи; другіе, признавая королевскую власть въ принципѣ, возставали только противъ Людовика XVI. Это послужило первымъ поводомъ къ борьбѣ партій, которая продолжалась во все время революціи и кончилась только съ нею. Побѣда какой нибудь партіи влекла за собой образование цѣлой массы новыхъ партій, которыя въ свою очередь опять

распадались на секціи. Знамя революціи переходило изъ рукъ въ руки; сегодня у ней были одни герои, завтра—другіе; она уже не отличала своихъ друзей отъ враговъ. Руководители ея исчезали одни за другими, являлись все новые и новые, пова не наступилъ терроръ, а за нимъ диктатура, господство солдатчины и во главѣ ея цезарь.

Но въ 1791 году никто не предвидѣлъ такого исхода революціи. Совершенно иного ожидали отъ нея тогдашніе приверженцы конституціи: генераль Лафайетъ, парижскій мэръ Балльи, ихъ приверженцы и большинство буржуазіи. Они первые предложили свои услуги революціи и считали себя въ правѣ предписывать ей свои законы. Но она пошла дальше, нежели они того хотѣли, и отвергла ихъ. Вслѣдъ затѣмъ 15 іюля 1791 года эти же сами люди, которые два году тому назадъ стояли во главѣ народа, вмѣстѣ съ нимъ брали Бастилію,—теперь открыто перешли на сторону контръ-революціи.

Утромъ того же дня въ національномъ собраніи шли сильныя дебаты о томъ, можетъ ли быть судимъ король или нѣтъ. Признать подсудимость короля было равносильно уничтоженію конституціи въ самомъ ея зародышѣ, и потому сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе было отвергнуто большинствомъ гблосовъ. Однако парижская чернь громко возстала противъ этого рѣшенія и требовала не только суда надъ королемъ, но и отреченія его отъ престола. Національное собраніе стояло на своемъ. Тогда народъ воспользовался годовщиной взятія Бастиліи и днемъ торжественныхъ похоронъ Вольтера, чтобы съ Марсова поля отправить два адреса національному собранію съ изложеніемъ своихъ требованій. Національное собраніе отклонило отъ себя принятіе обоихъ адресовъ и въ тотъ же день вопреки желанію народа издало декретъ о неприкосновенности особы короля. Вслѣдъ затѣмъ во избѣжаніе беспорядковъ велѣно было занять войсками Марсово поле.

Народъ заволновался. Клубы были тогда мѣстомъ, куда всего больше стремилась публика въ подобныя минуты общаго возбужденія: здѣсь непросвѣщенная масса вылила свое горе, радость, веселье и отчаяніе, а предводители различныхъ партій старались привлечь парижскую чернь на свою сторону, успокоивая или разжигая ея страсти. Такимъ образомъ клубы представляли собой какъ бы очагъ революціи, гдѣ народъ подготавлился къ борьбѣ и гдѣ всякое совершившееся событіе тотчасъ же находило отголосокъ. Но изъ всѣхъ клубовъ, якобинскій игралъ наибольшую роль и потому наплывъ толпы былъ здѣсь особенно великъ въ тотъ вечеръ, когда разнеслась вѣсть объ отказѣ національнаго собранія принять адреса и занятія Марсова поля войсками.

Едва наступили сумерки, какъ изъ всѣхъ улицъ потянулся народъ къ монастырю якобинцевъ. За толпой шла и леди Эліоттъ въ сопровожденіи мосье Друэ. Порученіе, данное ей умирающею подругою если не исключительно привело ее въ Парижъ, то сильно способствовало

этому. Она слышала, что братъ Натали совсѣмъ посвятилъ себя народному дѣлу и жилъ среди черни въ одномъ изъ парижскихъ предмѣстій. Не имѣя его точнаго адреса, она неизмѣнно посѣщала народные сборища и клубы, въ надеждѣ гдѣ нибудь встрѣтить его. Не смотря на свою молодость и красоту, леди Эліоттъ не боялась народной толпы, такъ какъ была увѣрена, что каждый долженъ видѣть по ея лицу, что она пришла за дѣломъ, а не изъ пустаго любопытства, или для какой либо другой цѣли. Она брала съ собой Друэ не въ видѣ защиты, а только потому, что никогда не видала Жильберта де-Бургиньона и боялась принять за него кого нибудь другаго.

Старикъ неохотно сопровождалъ ее къ якобинцамъ. Онъ очень обрадовался, узнавъ, что его молодой баринъ, котораго онъ считалъ умершимъ, остался живъ, но его печаль была еще сильнѣе, когда ему сообщили, что де-Бургиньонъ братается съ чернью. Сердце бѣднаго Друэ обливалось кровью при одной мысли, что онъ можетъ встрѣтить его среди якобинцевъ и только чувство долга и приличія могло заставить его уступить желанію леди Эліоттъ. Онъ былъ глубоко проникнутъ аристократическимъ чванствомъ, которое въ лакеяхъ аристократовъ проявляется въ болѣе усиленной степени, нежели у ихъ господъ. Друэ дѣлалъ видъ, что игнорируетъ революцію, хотя ненавидѣлъ ее отъ всей души, такъ какъ она казалась ему недостаточно изящной. Если бы революція была произведена знатными людьми, то можетъ быть она пришлась бы по вкусу Друэ; но въ ней участвовала одна чернь, и онъ смотрѣлъ на нее съ презрѣніемъ и называлъ не иначе, какъ „бунтъ“ или „мятежъ“. Онъ любилъ употреблять слово „отечество“ въ своихъ разговорахъ, но не пожертвовалъ бы для него даже своими серебряными пряжками на башмакахъ, которые онъ видимо старался выставить на показъ, несмотря на тусклое мерцаніе рѣдкихъ фонарей. На груди его красовалась толстая цѣпочка и огромная золотая печать съ ониксомъ, завѣщанная ему откущникомъ Бургиньономъ, на которой былъ вырѣзанъ гербъ покойнаго.

Идти къ якобинцамъ на языкѣ Друэ значило все равно что идти къ разбойникамъ и бандитамъ, и онъ прямо считалъ это униженіемъ своего достоинства; но его поддерживала мысль, что онъ сопровождаетъ даму, которую нельзя же оставить одну въ подобномъ обществѣ.

Прошло не мало времени, пока леди Эліоттъ и ея спутникъ, пройдя пѣшкомъ длинную улицу St.-Honoré, достигли rue Neuve. Между этой улицей и площадью Vendôme, гдѣ теперь находится рынокъ St.-Honoré, стоялъ въ тѣ времена старый якобинскій монастырь и церковь, которая служила мѣстомъ засѣданій для членовъ такъ называемаго якобинскаго клуба. За высокими монастырскими стѣнами виднѣлся тѣнистый садъ, среди котораго находился монастырь съ его заброшенными одиновыми кельями, изъ которыхъ революція изгнала прежнихъ мирныхъ обитателей. Но густыя деревья и въ ту ночь также торжественно шумѣли, какъ въ цвѣтущія времена монастыря,

и также мѣрно раздавался бой часовъ, нѣкогда призывавшій монаховъ къ молитвѣ. Монастырь и садъ представляли собою темную, величественную массу среди наступившихъ сумерокъ, и только окна церкви, выходящія на улицу, были освѣщены внутри для предстоящаго за-сѣданія. Церковь была новѣйшей постройки сравнительно съ монастыремъ и заложена Маріей Медичи въ 1613 году.

Передъ церковью собралась теперь огромная толпа праздныхъ и любопытныхъ зрителей; тутъ были женщины, дѣти—неизбѣжные участники всякихъ уличныхъ беспорядковъ, и всякій сбродъ парижскаго населенія. Все это шумѣло, кричало и лѣзло на ступени паперти, такъ что ихъ приходилось сдерживать силою. Члены якобинскаго клуба, большею частью прилично одѣтые и принадлежащіе къ высшему и среднему сословію, депутаты національнаго собранія подъ руку съ своими дамами медленно и съ трудомъ пробирались сквозь толпу. Они держали себя крайне осторожно, чтобы не наступить на ногу или не толкнуть котораго нибудь изъ патриотовъ, такъ какъ малѣйшая вспышка со стороны народа могла бы имѣть печальныя послѣдствія.

Друзъ охотно остался бы незамѣченнымъ, но его своеобразная фигура тотчасъ-же обратила на себя вниманіе толпы.

— Смотрите, какой толстый аристократъ, какая у него толстая золотая цѣпочка!—закричалъ это-то.

— Гдѣ? спрашивали другіе.

— Вотъ онъ!

Бѣдный Друэ очутился сразу среди черни, которую онъ такъ презиралъ. Его толкали со всѣхъ сторонъ и не успѣлъ онъ опомниться, какъ съ него сорвали цѣпочку. Если онъ рѣшился идти къ якобинцамъ, то единственно изъ снисхожденія къ, леди Элюоттъ. но онъ вовсе не желалъ пожертвовать изъ-за этого своей цѣпочкой и печатью.

— Проклятые воры, — воскликнулъ онъ, отдайте мнѣ цѣпочку! Негодяи!

— Онъ еще ругается!—закричало разомъ пятьдесятъ голосовъ, и на него поднялись кулаки.

Положеніе Друэ было довольно затруднительно. Онъ уже считалъ себя погибшимъ и закрылъ глаза; но количество враговъ спасло его: они толкали его взадъ и впередъ, пока онъ не очутился у ступеней церковной паперти. Тутъ неожиданно чья-то сильная рука выхватила его изъ толпы и онъ почувствовалъ почву.

Друзъ тотчасъ же опомнился, убѣдившись, что его спасъ одинъ изъ привратниковъ клуба. Это былъ человѣкъ геркулесовскаго сложенія, въ красной шапкѣ и съ рыжей бородой. Верхнее платье висѣло у него на плечѣ; рукава рубашки были засучены.

— Велите имъ отдать мою цѣпочку,—сказалъ ему Друэ.

— Ты еще пускаешься въ разговоры, собака-аристократъ.

— Къ несчастю я не аристократъ, а только лакей...

— Ты только лакей! воскликнулъ привратникъ. Ну мы дадимъ тебѣ дворянство. Ты будешь бариномъ... Что вы на это скажете, друзья мои?—добавилъ онъ обращаясь съ громкимъ смѣхомъ къ окружавшей толпѣ.

— Да, да,—послышалось со всѣхъ сторонъ,—мы сдѣлаемъ его дворяниномъ.

— Отвѣчай смѣло,—продолжалъ привратникъ, хлопнувъ Друэ по плечу,—чѣмъ ты хочешь быть: герцогомъ, графомъ, маркизомъ или барономъ?..

— Слушай братъ,—прервалъ его другой привратникъ, который своей безобразной наружностью напоминалъ пугало для птицъ,—ты не долженъ забывать, что всѣ эти титулы не одно и то-же, хотя они созданы для слугъ:—*illegitimus qui quiritis*,—говоритъ еще Марціалъ. Если бы онъ былъ конюхомъ, то сообразно съ этимъ его можно назвать шевалье отъ слова *caballus cheval*. Равнымъ образомъ, если онъ былъ привратникъ или сторожъ, то онъ въ правѣ получить титулъ маркиза *sive*...

— Муцій Сцевола!—прервалъ его другой привратникъ, ты очень краснорѣчивъ, но этотъ человекъ не понимаетъ латыни, я съ нимъ поговорю нашимъ языкомъ...

Силачъ поднялъ свой кулакъ надъ головой несчастнаго Друэ, къ полному удовольствію зрителей.

Жизнь Друэ опять висѣла на волоскѣ. На этотъ разъ его спасла леди Эліоттъ, которая, пробравшись сквозь толпу, встала между грознымъ якобинцемъ и его жертвой. Якобинецъ опустилъ кулакъ съ восклицаніемъ:—*Sacre tonnerre!* Какъ ты сюда попала, моя хорошенькая патриотка?

Леди Эліоттъ подала ему руку. Она также узнала его. Это былъ Николай Трюшонъ, извѣстный въ народѣ подъ кличкой „большаго“.

Трюшону было около сорока лѣтъ. Въ прежнія времена онъ усердно занимался своимъ ремесломъ каменщика и считался честнымъ и порядочнымъ малымъ, но несчастіе дочери произвело крутой переворотъ въ его жизни. Послѣ тщетныхъ попытокъ притянуть къ отвѣтственности соблазнителя дочери, онъ совершилъ цѣлый рядъ „незаконныхъ“ поступковъ и былъ сосланъ на галеры. По окончаніи положеннаго срока наказанія, его выпустили изъ заключенія, но онъ уже отвыкъ отъ работы, и, чувствуя сильное ожесточеніе противъ аристократовъ и правительства, отказавшаго ему въ правосудіи, онъ бросился очертя голову въ омутъ начинающейся революціи и скоро приобрѣлъ себѣ имя въ средѣ ея главныхъ дѣятелей.

Трюшонъ дружески пожалъ руку леди Эліоттъ и обошелся съ ней съ той вѣжливостю, которая присуща французу, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился. Однако нѣкоторое время онъ былъ въ нерѣшимости, искать ли цѣпочку Друэ и вообще впустить ли его въ

влубъ вмѣстѣ съ леди Эліоттъ, такъ какъ по мнѣнію Трюшона лажею аристократа всего было приличнѣе висѣть на фонарномъ столбѣ.

Друзъ воспользовался этой минутой, чтобы схватить за горло такъ называемаго Муція Сцевола, который казался ему далеко не такимъ грознымъ, какъ его товарищъ.

— Отдай мнѣ цѣпочку, приставай къ нему Друзъ.

— „Nec deus intersit!“—отвѣтилъ Сцевола, едва переводя дыханіе— развѣ я укралъ ее?

— Гдѣ цѣпочка? крикнулъ Трюшонъ.

— Здѣсь! отвѣтило разомъ нѣсколько дѣтскихъ голосовъ, и маленькіе воры, похитившіе цѣпочку, тотчасъ же подали свою добычу народному предводителю.

— Отличная цѣпочка, да еще съ какой печатью, замѣтилъ Трюшонъ, разглядывая ее при свѣтѣ фонаря.—Но камень все таки ни къ чорту не годится: на немъ вырѣзанъ гербъ—знакъ рабства... долой его... Ну, а цѣпочку мы промѣняемъ на серебро и прошьемъ.

Съ этими словами яkobинецъ оторвалъ печать отъ цѣпочки.

Друзъ былъ сильно опечаленъ. Онъ чувствовалъ, какъ будто бы въ этотъ моментъ у него вырвали сердце изъ гѣла. На печати былъ гербъ дома, которому онъ служилъ столько лѣтъ, и вдобавокъ старый де Бургиньонъ подарилъ ему ее на память.

Онъ опять приступилъ къ Сцеволѣ съ требованіемъ возратить ему цѣпочку. Но этотъ храбрый мужъ уже успѣлъ спрятаться за спину Трюшона.

— Не слушай его, Николай, ораторствовалъ Сцевола, чувствуя себя тееръ въ полной безопасности.—Знаешь ли, что говорить Ювеналъ? Probitas laudatur et alget.—Ты правъ, какъ всегда! Другими словами, мы посеребримъ золото и прошьемъ серебро.

— Ура! ура! закричала толпа, восхищенная рѣчью ученаго мужа. Оба привратника влуба яkobинцевъ: Трюшонъ и Муцій Сцевола были неразлучными и вѣрными друзьями. Широкая спина Трюшона въ минуты опасности всегда служила надежной защитой его слабому другу, величавшему себя Муціемъ Сцеволой. Но природа, щедро одаривъ Трюшона мускулами и костями, совершенно лишила его краснорѣчія, и когда нужно было подѣйствовать на толпу путемъ убѣжденія, вмѣсто него всегда выступалъ Сцевола, который не говорилъ ни одной фразы безъ ученаго слова или цитаты изъ римскихъ поэтовъ и прозаиковъ; конечно смыслъ его рѣчей былъ не всегда понятенъ его слушателямъ, но Трюшонъ гордился ученостью своего друга, такъ какъ латынь была въ большомъ ходу у республиканцевъ, и считалъ латинскія цитаты необходимыми во всѣхъ случаяхъ жизни. Когда онъ билъ какого нибудь аристократа, выламывалъ двери виннаго погреба, колотилъ окна или изрыгалъ передъ толпой проклятія противъ Кобленца и Австріи,—Муцій сыпалъ цѣлыми фразами изъ рѣчей Цицерона или анналь Тацита.

Муцій Сцевола былъ уже не первой молодости. До революціи онъ назывался Франсуа Реаль, и это имя было единственнымъ наслѣдствомъ, которое онъ получилъ отъ своихъ бѣдныхъ родителей. Окончивъ воспитаніе въ коллегіи Людовика Великаго съ званіемъ магистра, онъ послѣ того нѣсколько лѣтъ былъ гувернеромъ въ разныхъ дворянскихъ домахъ и наконецъ поступилъ къ одному капитану Фландрскаго полка. Но тутъ судьба окончательно измѣнила ему. Капитана убили въ Версалѣ, домъ сожгли, а воспитанникъ исчезъ куда-то во время пожара. Бѣдный педагогъ едва не задохся отъ дыма и вмѣсто того, чтобы бѣжать въ садъ, попалъ прямо на улицу въ разъяренную толпу, которая едва не убила его. Но къ счастью онъ попался на глаза Николая Трюшона, неизбѣжнаго участника всѣхъ уличныхъ сборищъ и волненій, который спасъ его, говоря, что „нужно сохранить жизнь такому скелету на посрамленіе аристократовъ, которые его такъ плохо кормили“. Франсуа Реаль волей-неволей долженъ былъ теперь поступить въ число революціонеровъ, такъ какъ уже не существовало болѣе дворянскихъ домовъ, куда бы его могли взять въ качествѣ воспитателя. Онъ немедленно нарядился въ фригійскій колпакъ и рѣшилъ переимѣнить свое прежнее полуаристократическое имя на настоящереспубликанское и назвалъ себя Муціемъ Сцеволой, потому что былъ калѣка отъ природы и хотя не пожертвовалъ рукой для отечества подобно древнему Муцію Сцеволѣ, но долженъ былъ также довольствоваться одной лѣвой рукой. Однако революція, оторвавшая его отъ ученой дѣятельности, не знала на что употребить его; онъ не могъ носить оружіе и владѣть топоромъ, не годился ни на какое практическое дѣло и вѣроятно умеръ бы съ голоду, если бы Трюшонъ вторично не спасъ ему жизнь, предложивъ раздѣлить съ нимъ все, что онъ имѣлъ, хотя вѣроятно самъ Трюшонъ затруднился бы сказать, въ чемъ состояло его имущество. Когда началась революція, онъ считалъ себя въ правѣ жить на чужой счетъ и уже существовалъ такимъ образомъ третій годъ, чувствовалъ себя какъ нельзя лучше, старался наверстать на другой день то, что ему не удалось наканунѣ, ѣлъ и пилъ когда попало, иногда сразу наѣдался дня на два впередъ. Присутствіе безпомощнаго товарища конечно не улучшило его положенія, такъ какъ онъ дѣйствительно дѣлился съ нимъ всѣмъ, что приобрѣталъ.

Цѣпочка Друэ была такой выгодной находкой для обоихъ друзей, что они совершенно забыли о возложенной на нихъ обязанности охранять двери якобинскаго клуба и не обращали ни малѣйшаго вниманія на то, что цѣлая толпа хлынула на церковную паперть. Тѣснота и шумъ на столько увеличались, что члены клуба, особливо тѣ, которые были съ дамами, не зная, какъ пробраться въ засѣданіе, начали бранить привратниковъ. Но это не произвело на нихъ никакого впечатлѣнія. Николая Трюшона трудно было запугать чѣмъ бы то ни было, а Муцій Сцевола никогда не трусилъ, когда стоялъ за спиною своего друга.

Леди Эліоттъ, утомленная долгимъ ожиданіемъ, потеряла наконецъ всякое терпѣніе и рѣшила отложить до другаго раза свое намѣреніе посѣтить клубъ якобинцевъ. Но тутъ неожиданно все стихло; замолкли грубыя шутки и смѣхъ, и толпа добровольно разступилась, чтобы дать дорогу худощавому человѣку лѣтъ тридцати, средняго роста. Онъ былъ въ напудренномъ парижѣ, низкой шляпѣ, свѣтлоголубомъ фракѣ съ мѣдными пуговицами, въ короткихъ замшевыхъ штанахъ, бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ съ серебряными пряжками. Этотъ простой нарядъ чрезвычайно шелъ къ его гордой и нѣсколько натянутой осанкѣ и былъ изященъ до педантизма, что рѣзко отличало его отъ грязной и оборванной толпы, которая робко и съ какимъ-то благоговѣніемъ привѣтствовала его. Не было ни криковъ, ни шума, ни бросанія шапокъ; только всѣ почтительно кланялись ему и говорили: „добрый вечеръ, гражданинъ“!

Онъ привѣтливо отвѣчалъ на поклоны, но не съ высокоумною снисходительностью аристократа, а съ тою задушевностью, которая всегда понятна народу и находитъ доступъ къ его сердцу. „Добрый вечеръ, дѣти мои“! отвѣтилъ онъ своимъ симпатичнымъ, но нѣсколько крикливымъ голосомъ.

Медленно и съ достоинствомъ дошелъ онъ до ступеней церкви, которыя тотчасъ же были очищены народомъ, между тѣмъ какъ оба привратника бросились къ главному входу, столкнувъ съ дороги леди Эліоттъ и Друэ.

— Посторонитесь! Прочь съ дороги! — кричалъ Трюшонъ.

Но тотъ, для котораго дѣлалась вся эта овація, замѣтилъ безцеремонное обращеніе якобинца съ леди Эліоттъ. Войдя на паперть, онъ вѣжливо поклонился ей и сказалъ:

— Эти маленькіе тираны едва-ли не хуже всѣхъ остальныхъ! Надѣюсь, что привратники якобинскаго клуба вели себя какъ слѣдуетъ относительно васъ?

Леди Эліоттъ могла теперь хорошо разглядѣть лицо своего неожиданнаго покровителя при свѣтѣ фонаря. Это не было лицо аристократа. Трудъ, заботы, тяжелыя думы, безсонныя ночи наложили на немъ свою неизгладимую печать. Видно было, что этотъ человѣкъ не зналъ ни въ чемъ пресыщенія и всегда терпѣлъ нужду. Лицо его за исключеніемъ высокаго, прекрасно очерченнаго лба было чисто плебейское, широкое, съ выдающимися скулами, темноглубыми глазами, плоскимъ носомъ, блѣдными сжатыми губами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ спокойныхъ и повидимому безстрастныхъ чертахъ выражалась такая энергія и непреклонная воля, что трудно было забыть ихъ. Леди Эліоттъ сразу почувствовала глубокое уваженіе и довѣріе къ этому человѣку.

Вопросъ его вызвалъ улыбку на ея лицѣ.

— Я не стану жаловаться на моего друга Николая Трюшона. Не правда-ли, Николай, мы друзья?

— Да, конечно!—отвѣтилъ въ смущеніи привратникъ, который до этого стоялъ съ опущенной головой и теперь нѣсколько приободрился въ надеждѣ, что леди Эліоттъ скроетъ также исторію съ цѣпочкой.

— Я пришла сюда,—продолжала леди Эліоттъ, обращаясь къ своему неожиданному покровителю, чтобы посѣтить клубъ якобинцевъ... Но встрѣтились неожиданныя препятствія и кажется...

— У меня отняли печать и цѣпочку! прервалъ ее Друэ изъ боязни упустить удобную минуту.

Трюшонъ задрожалъ отъ злости, что не можетъ заткнуть ему глотку.

Леди Эліоттъ тотчасъ же заступилась за своего друга якобинца.

— Молчи, Друэ, сказала она, отстраняя его рукой. Все дѣло въ томъ, что когда мы пробирались сквозь толпу, этотъ человекъ потерялъ свою цѣпочку, и Николай Трюшонъ какъ честный гражданинъ и вѣрный исполнитель своей должности, взялъ ее себѣ, такъ какъ онъ еще не вполне увѣренъ, кому принадлежитъ эта вещь.

— Но вотъ конецъ цѣпочки, сказалъ Друэ, вынимая свои часы изъ кармана. Не угодно ли сравнить...

— Мнѣ кажется, что тутъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, отвѣтилъ человекъ въ напудренномъ парикѣ.

Николай Трюшонъ, видя, что всѣ его надежды на обладаніе цѣпочкой и на выпивку разлетаются въ прахъ, рѣшилъ отомстить виновнику своего горя.

— Этотъ человекъ, сказалъ онъ, указывая на Друэ, измѣнникъ отечества и дурной гражданинъ...

— Чѣмъ ты можешь подтвердить свои слова?

Трюшонъ молчалъ. Единственной уликой противъ Друэ была печать съ гербомъ, но она находилась въ его рукахъ, и онъ не имѣлъ никакого желанія разстаться съ нею.

— Каждый считается хорошимъ гражданиномъ, пока нѣтъ противъ него никакихъ доказательствъ. Ты долженъ возратить цѣпочку этому человеку... А теперь, если вамъ угодно, добавилъ онъ, обращаясь къ леди Эліоттъ, я могу проводить васъ въ залу засѣданія.

Онъ подалъ ей руку. Друэ, получивъ отъ Трюшона свою цѣпочку и оторванную печать, послѣдовалъ за ними.

— Вотъ ужъ правосудіе! воскликнулъ Муцій Сцевола. Отъ насъ отнимаютъ цѣпочку и отдають ее лѣнтяю! Ювеналь правъ — *dat veniam corvis!*

Трюшонъ съ мрачнымъ видомъ сложилъ руки на груди. „Чортъ побереи эту свободу, пробормоталъ онъ: если будутъ обращать вниманіе на такія мелочи, то какой толкъ выйдетъ изъ всей этой революціи“.

ГЛАВА XX.

У ЯКОБИНЦЕВЪ.

Новый знакомый леди Элиоттъ провелъ ее по деревянной лѣстницѣ въ галерею, устроенную въ видѣ амфитеатра, и, усадивъ ее рядомъ съ Друзъ, присоединился къ остальнымъ членамъ клуба. .

Первые ряды галереи до самой балюстрады были заняты дамами изъ достаточныхъ классовъ общества. Ихъ туалетъ отличался изысканной простотой; всѣ онѣ были безъ пудры, съ большими трехцвѣтными кокардами на головѣ, въ серьгахъ и брошкахъ, изображавшихъ миниатюрныя бастиліи.

У противоположной стѣны, на другой сторонѣ церкви, была устроена другая такая же галерея, надъ которой виднѣлась крупная надпись золотыми буквами: „Vivre libre ou mourir“. Здѣсь помѣщались члены клуба. Это было цѣлое морѣ головъ; большинство сидѣло въ шляпахъ и у всѣхъ былъ членскій билетъ, висѣвшій въ петлицѣ, на ленточкѣ.

Изъ церкви было вынесено все, что напоминало ее. Остались только стѣны, сводъ, нѣсколько одинокихъ ангеловъ, почеркнѣвшихъ отъ копоти масляныхъ лампъ и черная мраморная пирамида, служившая прежде надгробнымъ памятникомъ, но которая была обращена теперь въ бюро одного изъ секретарей клуба. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея на платформѣ помѣщался президентъ у простаго стола, за которымъ виднѣлись бѣлые бюсты Руссо, Гельвеція и Мирабо, стоявшіе на алтарѣ, и пучекъ шикъ, драпированный краснымъ яacobинскимъ колпакомъ и соединенными знаменами Франціи, Америки и Англій. У леди Элиоттъ сильно забилось сердце, когда она увидѣла цвѣта родины и знакомое знамя, которое такъ часто развѣвалось передъ ея домомъ, въ Брайтонѣ, на голубой поверхности моря. Это знамя было прислано сюда изъ Англій партией виговъ. Сверху на стѣнѣ въ видѣ желѣзныхъ гирляндъ висѣли цѣпи, снятыя съ солдатъ полка Chateau-vieux, осужденныхъ на галеры. Мрачная готическая церковь, едва освѣщенная нѣсколькими лампами, производила подавляющее впечатлѣніе своими необъятными размѣрами; масса народа, ряды мѣстъ, столы, почти исчезали въ ней, и она казалась пустою. Въ наполнявшихъ ее сумеркахъ было что-то таинственное и сколько еще таинъ, ужасовъ, убійствъ, безотраднато отчаянія должны были скрывать ея стѣны въ недалекомъ будущемъ.

Колокольчикъ президента возвѣстилъ начало засѣданія.

На минуту все стихло; смолкъ и глухой ропотъ въ рядахъ яacobинцевъ.

Въ этотъ вечеръ долженъ былъ обсуждаться важный вопросъ, занимавшій всю тогдашнюю Францію — вопросъ объ участи короля. Депутаты, которыхъ голоса были заглушены большинствомъ въ законодательномъ собраніи, явились въ клубъ якобинцевъ, чтобы выразить свои мнѣнія. Одинъ изъ приверженцевъ герцога Орлеанскаго Лакло, бывшій офицеръ, писатель плохихъ романовъ, извѣстный своимъ развратнымъ поведеніемъ—выступилъ на трибуну.

Орлеанская партія, потерпѣвшая поражение въ день осады Версаля опять подняла голову послѣ неудавшагося бѣгства королевской семьи. Лакло требовалъ суда надъ королемъ; но всѣ знали, что, задавшись мыслью свергнуть съ престола Людовика XVI, онъ хотѣлъ возвести на него герцога Орлеанскаго.

Самъ герцогъ врядъ ли желалъ этого. Его даже нельзя было назвать предводителемъ партіи, такъ какъ она руководила имъ и въ большинствѣ случаевъ даже не спрашивала его согласія. Его приверженцы были честолюбивѣе, нежели онъ самъ, и пользовались его именемъ и богатствомъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Это были большею частью люди безъ всякихъ убѣжденій, которыхъ мнѣнія мѣнялись сообразно обстоятельствамъ и ходу революціи, что прямо объясняется личностью самого герцога Орлеанскаго, который не могъ привязать къ себѣ ни одного честнаго или сколько-нибудь порядочнаго человѣка.

Лакло предложилъ разослать адреса по всѣмъ департаментамъ, для подписи, не исключая женщинъ и дѣтей.

Послѣ него вошелъ на трибуну человѣкъ лѣтъ тридцати, съ напудренными волосами, въ башмакахъ съ пряжками и въ старомодной французской одеждѣ, представлявшей странный контрастъ съ красными шапками и трехцвѣтными кокардами республиканцевъ.

Леди Эліоттъ тотчасъ же узнала его. Это былъ тотъ самый человѣкъ, который ввелъ ее въ клубъ якобинцевъ, хотя на немъ были теперь синіе очки, нѣсколько измѣнявшія его фізіономію.

— Кто это? спросила леди Эліоттъ сидѣвшую возлѣ нея даму.

— Неужели вы не знаете его? отвѣтила парижанка съ удивленіемъ.—Вѣрно вы пріѣзжая. Кто же не знаетъ его! Это депутатъ изъ Араса, Максимилианъ Робеспьеръ.

Хотя въ это время Робеспьеръ еще не прославился своей кровожадностью, затемнившей высокія черты его характера въ глазахъ потомства, но и въ это время онъ былъ, если не самымъ вліятельнымъ, то во всякомъ случаѣ самымъ популярнымъ человѣкомъ революціи.

— Мы должны остеречься и не вводить терроръ въ департаменты, сказалъ онъ, и въ голосъ его въ первую минуту послышались рѣзкія, крикливыя ноты.—На что намъ подписи женщинъ и дѣтей? Ужъ не хотятъ ли ввести новый способъ голосованія? Не думаютъ ли пополнить этимъ недостающія голоса тѣхъ гражданъ, которые будутъ колебаться, или пожелаютъ остаться въ сторонѣ въ извѣстномъ дѣлѣ?

Въ этихъ словахъ заключался ясный намекъ на Пале-Рояль, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что Робеспьеръ—непримиримый противникъ герцога Орлеанскаго. Безпрестанныя попытки послѣдняго играть роль народнаго трибуна и приобрести популярность золотомъ и различными происками встрѣчали строгое порицаніе со стороны неподкупнаго республиканца. Робеспьеръ, какъ человѣкъ твердыхъ убѣжденій, ненавидѣлъ Орлеанскаго за его честолюбіе и пороки и считалъ его самымъ опаснымъ врагомъ народа. „Наше дѣло, продолжалъ ораторъ,—требуетъ чистыхъ рукъ и чистыхъ душъ. Достаточно патнали его въ теченіе столѣтій“...

Въ собраніи поднялся шумъ. Приверженцы герцога требовали удаленія Робеспьера съ трибуны.

Но Робеспьеръ остался на своемъ мѣстѣ. Лицо его оживилось; онъ снялъ очки и окинулъ взглядомъ толпу. — Не думаете ли вы, воскликнулъ онъ, что и я способенъ быть продажнымъ орудіемъ извѣстной вамъ партіи!.. Сегодня утромъ я говорилъ противъ Людовика XVI, сегодня вечеромъ я буду говорить противъ тѣхъ, которые мечтаютъ замѣнить его. Эти люди вреднѣе его самого. Какую пользу приобретемъ мы отъ перемены правленія, если мы дадимъ овладѣть собой порочнымъ людямъ; тиранство—ихъ неразлучный спутникъ...

Въ этотъ моментъ послышался глухой шумъ на улицѣ. Онъ дѣлался все сильнѣе и наконецъ разразился у самыхъ дверей яебинской церкви.

— Что это значитъ? Кто смѣетъ мѣшать засѣданію клуба? спросилъ президентъ, поднимаясь съ своего мѣста.

Вошелъ цензоръ.

— Передъ церковью толпа отъ трехъ до четырехъ тысячъ, доложилъ онъ. Они хотятъ присутствовать при засѣданіи, грозятъ выбить двери, если они не будутъ допущены.

Это извѣстіе произвело всеобщее смятеніе внутри церкви. Всѣ говорили разомъ: одни требовали, чтобы народъ былъ допущенъ,—другіе были противъ этого. Безпорядокъ усиливался съ каждой минутой, пока не заговорилъ Робеспьеръ, все еще стоявшій на трибунѣ.

— Я не могу понять, сказалъ онъ громкимъ голосомъ, который казался особенно рѣзкимъ среди неожиданно водворившейся тишины, почему запрещаютъ входъ этимъ гражданамъ. Эта зала засѣданія достаточно велика, чтобы вмѣстить всѣхъ патриотовъ, которые пожелаютъ войти сюда. Я подаю голосъ за то, чтобы они были допущены.

Большинство присутствующихъ подняло руки, въ знакъ согласія, и предложеніе Робеспьера было принято.

Тотчасъ же съ трескомъ раскрылись двери, и толпа хлынула разомъ подобно грозному потоку изъ прорванной плотины и неслась впередъ съ глухимъ ревомъ и шумомъ, пока не наполнила собою цер-

ковъ. Тутъ были мужчины съ засученными рукавами въ красныхъ яеобинскихъ шапкахъ, женщины въ лохмотьяхъ, полунагія дѣти, работники изъ предмѣстьевъ и праздный народъ съ улицы.

Робеспьеръ сошелъ съ трибуны; никто не рѣшался занять ее.

Президентъ опять поднялся съ мѣста и, обращаясь къ толпѣ, спросилъ, чего она желаетъ и чего требуетъ отъ членовъ клуба.

Ему отвѣтили разомъ нѣсколько сотенъ голосовъ.

— Мы такимъ способомъ не поймемъ другъ друга, сказалъ президентъ, когда шумъ нѣсколько затихъ. Если вы хотите сообщить намъ о цѣли своего появленія, то вы должны выбрать когонибудь изъ васъ, пусть онъ войдетъ на трибуну и говоритъ отъ вашего имени, а остальные должны молчать.

Опытъ множество голосовъ назвало разомъ имя человѣка, котораго они признавали достойнымъ изложить ихъ дѣло передъ собраніемъ.

Имя это невозможно было разслышать, но присутствующія дамы нашли очень интереснымъ молодаго человѣка, который въ это время входилъ на трибуну по требованію народа!

На немъ была грубая тиковая блуза и 'коричневый слегка завязанный галстухъ. Но по первымъ его движеніямъ можно было замѣтить, что это не простой работникъ, а человѣкъ другой среды и что не одинъ инстинктъ руководитъ имъ. Онъ былъ средняго роста и въ его коренастой, широкоплечей фигурѣ было что-то рѣшительное и сдержанное, что внушало къ нему невольное уваженіе. Онъ шелъ задумчиво съ поникшей головой; въ одной рукѣ держалъ свертокъ, въ другой—шапку; лица его не было видно отъ спустившихся на лицо волосъ; онъ какъ будто хотѣлъ избѣжать всѣхъ тѣхъ глазъ, которые были устремлены на него.

Но войдя на трибуну, онъ поднялъ голову, стряхнулъ съ лица свои длинные, черные волосы и смѣло взглянулъ на окружающую толпу.

Въ этотъ моментъ Друэ дотронулся до руки леди Эліоттъ, чтобы привлечь ея вниманіе.

— Вотъ тотъ, котораго мы ищемъ, шепнулъ онъ ей на ухо дрожащимъ голосомъ.

— Какъ! воскликнула леди Эліоттъ: этотъ человѣкъ на трибунѣ...

— Да, это онъ! отвѣтилъ Друэ, сердце котораго помимо его воли чувствовало глубокую симпатію къ послѣдней отрасли де Бургиньоновъ.

Леди Эліоттъ еще внимательнѣе взглянула на человѣка, который имѣлъ для нея двойной интересъ, какъ народный трибунъ и какъ братъ Натали С.-Мало. Онъ стоялъ противъ нея и почти на одной высотѣ съ ея мѣстомъ, такъ что она могла видѣть каждую черту его лица, уловить малѣйшій отблескъ его темныхъ, печальныхъ глазъ и каждое движеніе его выразительнаго рта. Хотя онъ казался не старше двадцати лѣтъ, но на его блѣдномъ и смугломъ лицѣ не было ни

тѣни улыбки или юношеской беззаботности; глубокое горе наложило на него свою неизгладимую печать.

Леди Элиоттъ не могла оторвать глазъ отъ этого прекраснаго грустнаго лица, и что-то странное зашевелилось въ ея душѣ. Она невольно прижала руку къ груди, какъ будто хотѣла остановить сильное биеіе своего сердца. „Нѣтъ“, подумала она, „для виновныхъ не существуетъ счастья“...

Слезы блеснули на ея рѣсницахъ, но она тотчасъ же пересилила свое волненіе.

Народный представитель началъ было свою рѣчь, но его прервали, такъ какъ члены клуба хотѣли знать, кто онъ и по какому праву вошелъ на трибуну.

— Хорошо, сказалъ онъ, я отвѣчу на ваши вопросы. Я сынъ богатаго дворянина и родился на югѣ Франціи. Меня звали прежде мосье Жильберъ де... Нѣтъ, къ чему упоминать объ этомъ. Я отрекаюсь отъ дворянства и горжусь тѣмъ, что я не что иное, какъ простой гражданинъ. Я ношу теперь ту фамилію, которую носила моя семья, пока вмѣстѣ съ богатствомъ не обрушилось на нее проклятіе гнилаго общества и пока дворянство не втянуло ее въ пороки аристократіи... Меня зовутъ Жильберъ Лагъ.

Онъ остановился на минуту. Тонъ и смыслъ его рѣчи сразу расположили собраніе въ его пользу. Послышались одобрительные возгласы.

— Не думайте, продолжалъ Жильберъ, что я пришелъ сюда съ цѣлью обличать кого бы то ни было, или по своему личному дѣлу. Бѣда не велика, если страдаютъ отдѣльныя личности; но я буду говорить отъ лица народа, для котораго уже не существуетъ правосудія во Франціи. Мое обвиненіе будетъ направлено не противъ одного человѣка, а противъ цѣлаго общества и всего соціального строя. Я обвиняю общество въ жестокости, безчеловѣчности, въ извращеніи всѣхъ естественныхъ чувствъ... Оно сгнило до основанія и должно быть истреблено въ корнѣ. Отецъ предаетъ сына, братъ брата и Французское государство помогаетъ преступленію, даетъ ему свою санкцію. Если вы сомнѣваетесь въ этомъ, то передъ вами отверженный сынъ, братъ преданный братомъ,—человѣкъ, котораго безъ вины лишили свободы и гражданскаго существованія! Вы спросите, какъ это могло случиться? Да развѣ можно спрашивать объ этомъ! Развѣ я знаю, почему меня въ дѣтствѣ оторвали отъ любимой сестры, отъ тѣнистаго сада, окружавшаго домъ моихъ родителей, отъ луговъ, гдѣ мы играли съ сестрой. Холодная стѣна католическаго монастыря окружали меня съ тѣхъ поръ, одинокая келья моихъ домогъ и должна была замѣнить собою цѣлый міръ. Пока я былъ ребенкомъ, мое сердце жило воспоминаніемъ о сестрѣ, лугахъ, тѣнистомъ садѣ... Но проходили годы. Меня хотѣли сдѣлать монахомъ и принудить къ постриженію. Хотя мое отвращеніе къ той жизни, на которую осу-

дили меня, росло съ каждымъ днемъ и становилось все опредѣленнѣе. Я стремился къ дѣятельности, къ жизни, я былъ слишкомъ молодъ и полонъ силъ, чтобы отречься отъ нея, и сдѣлалъ попытку вернуться въ домъ моихъ родителей, но я встрѣтилъ въ немъ чужія лица. Отецъ въ это время жилъ въ провинціи въ одномъ изъ своихъ отдаленныхъ помѣстій; онъ не захотѣлъ видѣть меня. Чужой челоувѣкъ, который жилъ въ его парижскомъ отелѣ, шевалье, я не назову его фамиліи, потому что во всемъ виноваты не отдѣльныя личности, а существующій порядокъ вещей, — этотъ шевалье былъ мужъ моей сестры и не допустилъ меня до свиданія съ нею... Еслибы я тогда могъ остаться съ сестрой... это было мое единственное желаніе... моя жизнь сложилась бы иначе...

Жильберъ остановился на минуту, такъ какъ голосъ его дрожалъ отъ волненія.

— Простите, продолжалъ онъ, овладѣвъ собою. — Вы видите, и народъ имѣетъ сердце, и революція можетъ плакать... Да, съ того момента, когда меня, девятнадцатилѣтняго юношу, разлучили съ сестрой, когда отецъ отрекся отъ меня и оттолкнулъ братья, котораго я любилъ бы изъ-за сестры — отчаяніе овладѣло мной, въ моемъ сердцѣ родилась ненависть... Я сталъ революціонеромъ до революціи... Меня опять заперли въ монастырь, и мнѣ предстоялъ выборъ между постриженіемъ и церковнымъ проклятіемъ. Я выбралъ послѣднее и, стоя передъ настоятелемъ и монахами, я началъ насмѣхаться надъ ними... пока они не велѣли связать меня какъ помѣшаннаго. Съ цѣпами на рукахъ и ногахъ меня бросили въ сырую, темную яму подъ землю, гдѣ крысы были моими единственными товарищами; я слышалъ шорохъ ихъ длинныхъ хвостовъ; они ползали по мнѣ, грызли своими острыми зубами... Въ это время я кажется дѣйствительно былъ не въ своемъ умѣ...

Разсказъ этотъ произвелъ потрясающее впечатлѣніе на присутствующихъ; никто не рѣшился прервать оратора.

— Знаете ли вы кармелитскій монастырь? продолжалъ Жильберъ, и глаза его загорѣлись огнемъ ненависти... огромное, мрачное зданіе на улицѣ de Beaugirard, съ длинными переходами, церковью, дворами, садами, пустыми землями, которыми онъ отдѣленъ отъ остальнаго міра и людей. Мы можете видѣть его когда угодно, ворота его открыты теперь... монахи изгнаны... Цѣла еще яма, въ которой я сидѣлъ въ сырости, въ темнотѣ — и крысы тамъ.. Сколько разъ дѣлалъ я тогда напрасныя попытки разорвать мои оковы, приходилъ въ ярость, доходилъ до обморока. Наконецъ мною овладѣла тоска, я смирился и сталъ жаловаться на свою судьбу послушнику, который приносилъ мнѣ черезъ каждые 24 часа кружку воды и кусокъ хлѣба. Онъ вѣроятно передалъ мои слова, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ явился монахъ и спросилъ меня, не хочу ли я вступить въ ихъ орденъ. Я отвѣтилъ отказомъ, и монахъ не возвращался ко мнѣ; я сталъ

изливать мое горе передъ камнями моей темницы: камни б милосерднѣе людей. Отъ нихъ я выучился молчать и терпѣть. (многое объяснили мнѣ... Я началъ мечтать о томъ переворотѣ, к рый теперь переживаетъ Франція.—Лицо Жильбера просвѣтлѣо воодушевилось.—Мысль объ освобожденіи стала посѣщать мои меч я видѣлъ божественный ликъ свободы, я говорилъ съ нею, сери мое заранѣе упивалось ею. Въ это время разъ ночью, или это бы днемъ—не знаю—день и ночь были одинаковы въ моей темницѣ я услышалъ звукъ ключей, и дверь отворилась. Это былъ почтенн патерь Амвросій: онъ не могъ больше выносить роль тюремннн пришелъ освободить меня, втайнѣ отъ монаховъ. Я обѣщалъ нико не говорить объ этомъ, но мой освободитель умеръ, и потому нѣт. никакой надобности долѣ скрывать это... Онъ возвратилъ мнѣ жизн я опять дышалъ на свободѣ... увидѣлъ небо и солнце... Не кони себя отъ счастья, я бросился на землю и цѣловалъ ее... но въ то дили люди, которыхъ я не видалъ цѣлые годы. Не видти и нѣтъ сестрѣ, думалъ я, и при одной этой мысли сердце мое трепетало отъ радости. Я увидѣлъ ее: она проѣхала мимо меня на улицѣ: протѣ разъ я видѣлъ ее на балконѣ. Наконечъ послѣ долгихъ колебаній я рѣшился войти въ домъ; но уже не засталъ сестры... Мужъ ея, не валье, выхлопоталъ *lettre de cachet* и меня засадили въ Бастилію...

— Въ Бастилію! воскликнуло разомъ нѣсколько сотенъ голосов; и леди Элиотъ вспомнила ту ночь въ Брайтонѣ, когда Бекки соо щила ей это известіе со словъ Друзя.

— Да, въ Бастилію, продолжалъ Жильберъ. — Тамъ мнѣ отвел темницу, такую же мрачную и сырую, какъ та, въ которой меня со держали монахи. Я опять очутился надинѣ съ мощи старинн то варищами камнями... прежнія мысли и ощущенія вернулись ко мнѣ, но я пришелъ къ инымъ выводамъ. Камни говорили мнѣ, что не аристократы и не отличныя личности виноваты въ томъ, что слу чилось со мною, что всему причиной общественное устройство, кото рое можетъ держаться мѣсяцы, годы, столѣтія,—но должно пасть; что я не единица, а представляю собою народъ, и только народъ можетъ спасти меня... Я успокоился и ждалъ. Время незаметно проходило для меня. То, что было мечтой, превратилось въ полную увѣрен ность... Камни были брзвы... Въ одинъ прекрасный день я услышалъ выстрѣлы, проходъ: тогда я вскакнулась... „Что это?“ спросилъ я у камней.—„Это то, чего ты ждалъ такъ долго!“ отвѣтили камни, раз летаясь въ разные стороны... Огнемъ покймался со всѣхъ сторонъ, а дымомъ отъ дыма! Неожиданно отворилась дверь моей темницы: съ меня сняли цѣпи, и я очутился среди ликующаго народа... Я былъ опять на свободѣ... Да здравствуетъ свобода...

Громкія крики вступая отдалась стѣнн и куполу якобинской церкви.

— Никогда не забуду я этотъ день, когда свобода явилась ко

1911
1912
1913
1914
1915
1916
1917
1918
1919
1920
1921
1922
1923
1924
1925
1926
1927
1928
1929
1930
1931
1932
1933
1934
1935
1936
1937
1938
1939
1940
1941
1942
1943
1944
1945
1946
1947
1948
1949
1950
1951
1952
1953
1954
1955
1956
1957
1958
1959
1960
1961
1962
1963
1964
1965
1966
1967
1968
1969
1970
1971
1972
1973
1974
1975
1976
1977
1978
1979
1980
1981
1982
1983
1984
1985
1986
1987
1988
1989
1990
1991
1992
1993
1994
1995
1996
1997
1998
1999
2000
2001
2002
2003
2004
2005
2006
2007
2008
2009
2010
2011
2012
2013
2014
2015
2016
2017
2018
2019
2020
2021
2022
2023
2024
2025
2026
2027
2028
2029
2030
2031
2032
2033
2034
2035
2036
2037
2038
2039
2040
2041
2042
2043
2044
2045
2046
2047
2048
2049
2050
2051
2052
2053
2054
2055
2056
2057
2058
2059
2060
2061
2062
2063
2064
2065
2066
2067
2068
2069
2070
2071
2072
2073
2074
2075
2076
2077
2078
2079
2080
2081
2082
2083
2084
2085
2086
2087
2088
2089
2090
2091
2092
2093
2094
2095
2096
2097
2098
2099
2100

изливать мое горе передъ камнями моей темницы; камни были милосердѣе людей. Отъ нихъ я выучился молчать и терпѣть. Они многое объяснили мнѣ... Я началъ мечтать о томъ переворотѣ, который теперь переживаетъ Франція.—Лицо Жильбера просвѣтлѣло и воодушевилось.—Мысль объ освобожденіи стала посѣщать мои мечты; я видѣлъ божественный ликъ свободы, я говорилъ съ нею, сердце мое заранѣе упивалось ею. Въ это время разъ ночью, или это было днемъ—не знаю—день и ночь были одинаковы въ моей темницѣ—я услышалъ звукъ ключей, и дверь открылась. Это былъ почтенный патеръ Амвросій: онъ не могъ больше выносить роль тюремщика и пришелъ освободить меня, втайнѣ отъ монаховъ. Я обѣщалъ никому не говорить объ этомъ, но мой освободитель умеръ, и потому нѣтъ никакой надобности долѣе скрывать это... Онъ возвратилъ мнѣ жизнь, я опять дышалъ на свободѣ... увидѣлъ небо и солнце... Не помня себя отъ счастья, я бросился на землю и цѣловалъ ее... по ней ходили люди, которыхъ я не видалъ цѣлые годы. Не идти ли мнѣ къ сестрѣ, думалъ я, и при одной этой мысли сердце мое трепетало отъ радости. Я увидѣлъ ее: она проѣхала мимо меня на улицѣ; другой разъ я видѣлъ ее на балконѣ. Наконецъ послѣ долгихъ колебаній я рѣшился войти въ домъ; но уже не засталъ сестры... Мужъ ея, шеваляе, выхлопоталъ *lettre de cachet* и меня засадили въ Бастилію...

— Въ Бастилію! воскликнуло разомъ нѣсколько сотенъ голосовъ; и леди Эліотъ вспомнила ту ночь въ Брайтонѣ, когда Беки сообщила ей это извѣстіе со словъ Друэ.

— Да, въ Бастилію, продолжалъ Жильберъ. — Тамъ мнѣ отвели темницу, такую же мрачную и сырую, какъ та, въ которой меня содержали монахи. Я опять очутился наединѣ съ моими старыми товарищами камнями... прежнія мысли и ощущенія вернулись ко мнѣ, но я пришелъ къ инымъ выводамъ. Камни говорили мнѣ, что не аристократы и не отдѣльныя личности виноваты въ томъ, что случилось со мною, что всему причиной общественное устройство, которое можетъ держаться мѣсяцы, годы, столѣтія,—но должно пасть; что я не единица, а представляю собою народъ, и только народъ можетъ спасти меня... Я успокоился и ждалъ. Время незамѣтно проходило для меня. То, что было мечтой, превратилось въ полную увѣренность... Камни были правы... Въ одинъ прекрасный день я услышалъ выстрѣлы, грохотъ; тюрьма пошатнулась... „Что это?“ спросилъ я у камней.—„Это то, чего ты ждалъ такъ долго!“ отвѣтили камни, разлетаясь въ разныя стороны... Огонь подымался со всѣхъ сторонъ, я задыхался отъ дыма! Неожиданно открылась дверь моей темницы; съ меня сняли цѣпи, и я очутился среди ликующаго народа... Я былъ опять на свободѣ... Да здравствуетъ свобода...

Громкій крикъ восторга огласилъ стѣны и куполъ яковинской церкви.

— Никогда не забуду я этотъ день, когда свобода явилась ко

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.

MAY 5 1971

DUE SEP 28 H

1843-696

LIBRARY DUE
FEB 7 1986
1843/63

[The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a list of names or entries, possibly a table of contents or an index, with several columns of text. The entries are too light to transcribe accurately.]